

Российская академия наук
Институт психологии

**ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА
КАК СУБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ,
ОБЩЕНИЯ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Ответственные редакторы

*В. В. Знаков,
А. Л. Журавлёв*

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2018

УДК 159.9

ББК 88

П 86

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

Редакционная коллегия:

*Ю. И. Александров, Ю. В. Быховец, Г. А. Виленская (отв. секретарь),
А. Е. Войскунский, М. В. Дан, Е. Н. Дымова, А. Л. Журавлев (отв. ред.),
А. Н. Занковский, В. В. Знаков (отв. ред.), Н. Н. Казымова, М. М. Кашанов,
В. А. Кольцова, Е. И. Лебедева, В. И. Моросанова, Т. А. Нестик,
Е. А. Никитина, Н. Д. Павлова, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова,
М. А. Холодная, А. Ю. Уланова, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич*

П 86 Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлёв. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. — 2216 с.

ISBN 978-5-9270-0381-5

УДК 159.9

ББК 88

В книге представлены статьи, тематика которых перекликается с ключевыми темами творческого наследия двух выдающихся российских психологов — А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова. Работы написавших их ученых отражают перспективные направления развития современной психологической науки. В разделах книги представлены основные традиции психологических исследований — когнитивная, герменевтическая, экзистенциальная. Проблематика статей включает практически весь спектр изучения психики субъекта — познавательные, коммуникативные, деятельностьные основания ее развития.

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект (18-013-20048) организации Всероссийской научной конференции «Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности», посвященной 85-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова (22–23 ноября 2018 г., Москва)

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2018

ISBN 978-5-9270-0381-5

*Посвящается 85-летию со дня рождения
Андрея Владимировича Брушлинского
и Олега Константиновича Тихомирова*

Содержание

Предисловие	23
-----------------------	----

Раздел I

А. В. БРУШЛИНСКИЙ, О. К. ТИХОМИРОВ И ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН

<i>Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.</i> Теоретико-экспериментальная психология и практика: новые горизонты.	30
<i>Знаков В. В.</i> Современная интерпретация идей А. В. Брушлинского: от холистического мышления к психологии человека как духовного преобразующего себя субъекта	42
<i>Корнилова Т. В.</i> Развитие идеи единства интеллекта и аффекта: от работ О. К. Тихомирова к современным исследованиям интеллектуально-личностного потенциала человека	53
<i>Васильев И. А.</i> Вклад О. К. Тихомирова в методологию психологической науки	61
<i>Беспалов Б. И.</i> Вклад О. К. Тихомирова в разработку понятийного аппарата культурно-деятельностной психологии	69
<i>Калашников В. В.</i> Гуманистические идеи Абрахама Маслоу в свете представлений А. В. Брушлинского о субъекте	77
<i>Крылов А. К.</i> Формализация «недизъюнктивности» мышления по А. В. Брушлинскому: системно-эволюционное описание	85

Раздел II

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

<i>Акопов Г. В.</i> Субъектно-деятельностно-процессуальная парадигма в психологии	94
<i>Белых С. Л.</i> Эвристичность психологии как фундаментальной основы исследований журналистики	103
<i>Вербицкий А. А.</i> Поступок как единица образовательной деятельности	111
<i>Гусельцева М. С.</i> Субъект как проблема современной психологии	119

<i>Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.</i> Уязвимость теоретических упрощений сложной психологической реальности (когниции и эмоции)	127
<i>Магомед-Эминов М. Ш.</i> Монодеятельностное и полидеятельностное определение личности	135
<i>Мазилев В. А.</i> Российская психология: глобализация и вызовы современности	144
<i>Мединцев В. А.</i> Методологические проблемы определения понятия «психологическое свойство».	153
<i>Панферов В. Н., Микляева А. В., Безгодова С. А., Васильева С. В.</i> Психология человека в субъект-субъектной парадигме социальной перцепции.	161
<i>Погожина И. Н.</i> Сопоставление содержания ключевых детерминационных моделей в психологии	169
<i>Прохоров А. О.</i> Ментальные основания регуляции психических состояний	177
<i>Якунин А. П.</i> Категория «индивидуальный субъект» и теория социального познания.	185
<i>Яньшин П. В.</i> Методологические основания психосемантики цвета: эстетико-феноменологический подход И. В. фон Гёте.	192

Раздел III

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Артемьева Т. И.</i> О становлении и характеристике русского народа в работах А. П. Шапова.	200
<i>Артемьева Т. И., Кольцова В. А.</i> Социально-психологические факторы становления и развития русского купечества.	214
<i>Кольцова В. А., Синякина Е. Г.</i> Духовные характеристики русского народа: факторы формирования и проявления в бытовой жизни	225
<i>Няголова М. Д.</i> Развитие идей А. В. Брушлинского в болгарской науке	238
<i>Холондович Е. Н.</i> Личность, субъект деятельности, субъект жизни	245

Раздел IV

РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, СУБЪЕКТОГЕНЕЗ, ПСИХОГЕРОНТОЛОГИЯ

<i>Бочавер А. А., Поливанова К. Н.</i> Освоение уличного пространства как показатель детской самостоятельности	254
<i>Белякова Е. Г.</i> Педагог как субъект профессионального пути	260
<i>Визгина А. В.</i> Внутренний диалог в экзистенциальном анализе и проблема субъектности.	267

<i>Виленская Г. А.</i> Контроль поведения у детей с ограниченными возможностями здоровья	274
<i>Головина Е. В.</i> Удовлетворенность жизнью людей старшего возраста . .	282
<i>Ежкова Н. С.</i> Развитие субъектности ребенка на этапе дошкольного детства.	288
<i>Карпинский К. В.</i> Субъектный подход к пониманию противоречий и кризисов в развитии личности	292
<i>Капцов А. В., Колесникова Е. И.</i> Факторы становления стадий субъектности студентов вуза.	301
<i>Куфтяк Е. В.</i> Влияние привязанности к матери на психологическое здоровье детей.	308
<i>Лебедева Е. И.</i> Роль вербального ментального возраста в развитии модели психического у типично развивающихся детей и детей с ОВЗ.	316
<i>Мелёхин А. И.</i> Индивидуальные траектории субъективного возраста и их взаимосвязи с качеством сна у людей пожилого возраста	324
<i>Мясникова О. В.</i> Проявление субъектности в текстах-переводах с иностранного языка	333
<i>Овчинникова Т. Н.</i> Диалектическое понимание развития субъективности	341
<i>Панов В. И.</i> Субъект и субъектность: от феномена к процессуальности.	349
<i>Романов К. М., Романов Д. К.</i> Субъектность как свойство образа другого человека	357
<i>Сергиенко Е. А.</i> Принцип субъектности и принцип развития	365
<i>Сорокина С. Е.</i> Аудиовизуальное воздействие как способ регуляции психоэмоционального состояния в третьем (пенсионном) возрасте	374
<i>Тихонцова Н. А., Иванова Г. А.</i> Влияние прокрастинации школьников на самоорганизацию и восприятие будущего.	380
<i>Уланова А. Ю.</i> Нарративный подход к изучению понимания психического мира другого человека	386
<i>Юров И. А.</i> Субъектность индивидуальности	393

Раздел V

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

<i>Алишев Б. С., Атагунов Р. И.</i> Восприятие мира как опасного или безопасного военными служащими	402
<i>Андреева Л. В., Авдоница Н. Н.</i> Копинг-стратегии и самоотношение работающих и не работающих пенсионеров Норильского промышленного района.	408

<i>Базалева Л. А., Бердникова Е. Н.</i> Современные подходы к исследованию эмоционального выгорания матерей	415
<i>Беляева Т. Б., Беляева П. И.</i> Особенности коммуникативной компетентности у молодых людей, склонных к формированию зависимости от интернет-общения	423
<i>Богомаз С. А., Атаманова И. В.</i> Анализ ценностей современной молодежи в контексте психологической системы деятельности . . .	431
<i>Борисова Н. В.</i> Человек как субъект права.	439
<i>Босенко Ю. М.</i> Детско-родительские отношения как ресурс самоактуализации подростков, занимающихся акробатикой и спортивной гимнастикой	446
<i>Бочавер А. А., Резниченко С. И.</i> Пересечение границы дома в контексте потребностей субъекта.	452
<i>Галкина Т. В., Артемцева Н. Г.</i> Взаимосвязь между отношением к психологическому здоровью и самооценкой личности	457
<i>Гижицкий В. В., Негрий В. А.</i> Исследование психологических особенностей студентов, предрасположенных к научной деятельности	467
<i>Деева Н. А.</i> Жизненная успешность как метаресурс и показатель субъектности в процессе саморегуляции личности	473
<i>Дементий Л. И.</i> Особенности самоконтроля и ответственности у лиц с разным уровнем удовлетворенности своим весом	481
<i>Журавлева Ю. А.</i> К проблеме исследования личности педагога, переживающего кризис в межличностных отношениях	489
<i>Конева Е. В.</i> Психологические корреляты экстремистских установок.	499
<i>Костромина С. Н., Гришина Н. В.</i> Процессуальный подход в психологии личности.	506
<i>Лебедев А. Н.</i> Рефлексивное мышление как фактор саморазвития личности	513
<i>Макаревская И. Г.</i> Влияние личностных особенностей испытуемых на восприятие ими процедуры тестирования.	520
<i>Мальцева А. А.</i> Личностные особенности родителей, воспитывающих детей-инвалидов	527
<i>Мерзляков Д. Е., Игнатова Е. С.</i> Понимание креолизованного текста в системе «автор-читатель» на примере текстов с графическими и реалистическими изображениями	534
<i>Мишкевич А. М., Щebetenko С. А.</i> Личностные характеристики как предиктор времени диалога и выбираемого расстояния для общения	539
<i>Мустафина Л. Ш.</i> Ценностные ориентации и представления о совести учащейся молодежи.	547

<i>Нартова-Бочавер С. К.</i> Психологическая суверенность, количество сиблингов и порядок рождения	555
<i>Новиков А. С.</i> Результаты применения структурированного опроса для изучения смыслов я в юношеском возрасте	561
<i>Павлова Е. М.</i> Когнитивные репрезентации риска медицинских работников	568
<i>Руднова Н. А., Корниенко Д. С., Игнатова Е. С.</i> Поведенческие и личностные предикторы отношения к здоровью	577
<i>Сергеева М. В.</i> Исследование факторов, оказывающих влияние на структурную организацию самоотношения при алкогольной зависимости	585
<i>Сергеева О. М., Хрисанфова Л. А., Бронфман Л. Б.</i> Анализ особенностей мотивационной сферы подростков, занимающихся спортом	592
<i>Силина О. В.</i> Развитие психологических границ в раннем, дошкольном и младшем школьном возрасте.	601
<i>Скворцова Л. Л.</i> Содержание имплицитных концепций личностной зрелости у белорусов	608
<i>Хазова С. А., Коршиков Б. Н.</i> Личностные детерминанты удовлетворенности жизнью молодых людей с ограниченными возможностями здоровья	617

Раздел VI
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И ГРУППОВОЙ СУБЪЕКТ
В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

<i>Борисова А. М.</i> Коллективность в праздничной культуре как показатель интеграционных процессов в обществе.	624
<i>Брагина Т. С., Кирпиков А. Р.</i> Понимание невербального поведения и успешность общения подростка	633
<i>Вавакина Т. С.</i> Отношения партнерства в разных сферах жизнедеятельности человека	640
<i>Гарбер И. Е.</i> Социальная сеть как модель университетской кафедры . .	648
<i>Горностаев С. В.</i> Сформированность коллективного субъекта как необходимое условие применения относительно группы оценочной категории «лояльность».	655
<i>Гостев А. А.</i> О связи духовно-нравственных и социально-политических представлений в современном российском менталитете	663
<i>Дробышева Т. В., Романовская М. А.</i> Детерминанты социально-психологических свойств личности в специфичных условиях семейной социализации	671

<i>Дроздова И. И., Шкурко Т. А., Сериков Г. В.</i> Родительское отношение как фактор обеспокоенности молодых людей своим внешним обликом	680
<i>Емельянова Т. П., Вопилова И. Е.</i> Социально-психологический механизм ментального освоения новых технологий.	687
<i>Емельянова Т. П., Нестик Т. А.</i> Проблема глобальных рисков в социально-психологических исследованиях.	696
<i>Есманская Н. Е., Чуева Е. И.</i> Развитие коммуникативных качеств студентов-психологов.	706
<i>Журавлев А. Л., Нестик Т. А.</i> Психологические аспекты прогнозирования социальных последствий технологического прогресса	711
<i>Корбут А. В.</i> К вопросу о соотношении понятий социального сравнения, самосознания и самооценки	719
<i>Кузнецова О. Е., Нестик Т. А., Петрова Е. О., Стеглянников В. Ю.</i> Тревога личности по поводу глобальных природных катастроф как социально-психологический феномен: эмпирическое исследование	725
<i>Куликов Л. В.</i> Групповой субъект в языковой картине мира.	734
<i>Лабунская В. А.</i> «Ценность внешнего облика» в иерархии ценностных ориентаций современной студенческой молодежи	742
<i>Ладзина Н. А., Назырова Л. С., Турарова Г. У.</i> Национально-психологические особенности образа делового партнера как субъекта взаимодействия	749
<i>Матвеева Л. В., Аникеева Т. Я., Мочалова Ю. В.</i> Особенности категориальной структуры восприятия стран Востока и Запада у представителей молодежи, проживающей в разных регионах страны	758
<i>Меньшикова Г. Я., Лунякова Е. Г.</i> Индивидуальные стратегии движений глаз в задаче опознания экспрессий композитных лиц.	767
<i>Нестик Т. А.</i> Перспективы использования больших данных в психологических исследованиях	776
<i>Нестик Т. А., Дробышева Т. В., Емельянова Т. П., Писаренко П. Ю.</i> Коллективная память и образ будущего: межпоколенные различия	783
<i>Никитина Е. А.</i> Оценка взрослыми женщинами своей привлекательности: роль взаимодействия с отцом в детстве	791
<i>Погонцева Д. В.</i> Особенности оценки привлекательности внешнего облика и проявления эйджизма у девушек	797
<i>Позняков В. П.</i> Значение категории психологических отношений для развития теории и методологии изучения человека.	803

<i>Позняков В. П., Панфилова Ю. М.</i> Личностные черты как фактор направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке	815
<i>Позняков В. П., Решетко С. А.</i> Семья как фактор психологического отношения к табакокурению	823
<i>Почебут Л. Г.</i> Концептуальная модель структуры общения.	830
<i>Родионова А. П.</i> Дети «группы риска» дошкольного возраста: сущность понятия, основные виды нарушений, необходимость индивидуального подхода	838
<i>Ролдугина В. Н., Нестик Т. А.</i> Образ будущего России у подростков с разными социально-психологическими характеристиками	846
<i>Севастьянова У. Ю., Шипова Н. С.</i> Психологическое благополучие в диаде партнеров с ОВЗ, состоящих в близких отношениях: постановка проблемы.	853
<i>Скрипкина Т. П.</i> Социокультурная модернизация образования и установки толерантности в российском обществе	861
<i>Солдатова Г. У., Нестик Т. А.</i> Социально-психологические предикторы глобальной идентификации	868
<i>Соснин В. А., Ковалева Ю. В.</i> Субъектность больших социальных групп в условиях глобализации: постановка проблемы на примере исследования сетевых сообществ	877
<i>Тимохин В. В., Шапорева А. А.</i> Этнофункциональная парадигма в психологии с позиций ресурсного подхода.	885
<i>Флоровский С. Ю.</i> Группа как субъект совместной трудовой деятельности: полиобъектная модель ценностно-ориентационной сплоченности	892
<i>Хачатурова М. Р.</i> Привязанность к дому и установки по отношению к семье	900
<i>Хашенко Н. Н.</i> Актуальное состояние экологического сознания личности в условиях крупного мегаполиса.	907
<i>Шкурко Т. А.</i> Динамика удовлетворенности жизнью и самооценок внешнего облика у женщин, занимающихся йогой	915

Раздел VII

МЫШЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ПОЗНАНИИ, ОБЩЕНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Апанович В. В., Тищенко А. Г., Арутюнова К. Р., Знаков В. В., Александров Ю. И.</i> Критерии различения аналитических и холистических задач	924
<i>Белякова А. А.</i> Адаптационные характеристики личности и психологический возраст старшеклассников в условиях современного образовательного процесса.	933

<i>Беспрозванная И. И., Барабанщиков В. А.</i> Особенности визуальной оценки индивидуально-психологических свойств личности по конфигурационным схемам лица	940
<i>Борзова Т. В.</i> Специфика процессов понимания в обучении студентов	946
<i>Васюкова Е. Е.</i> Роль вопросов в мышлении шахматиста	954
<i>Головина Г. М., Савченко Т. Н.</i> Различия в восприятии фотоизображений	962
<i>Дивеев Д. А.</i> Влияние внутренней структуры лица человека на оценку его индивидуально-психологических характеристик	969
<i>Жегалло А. В.</i> Эффект перцептивного притяжения при различении базовых эмоциональных экспрессий	976
<i>Карпов А. В.</i> Системные качества как операционные средства продуктивного мышления	984
<i>Карпов А. В., Карпов А. А.</i> Принцип операндно-операторной обратимости в структурной организации мышления	994
<i>Кашанов М. М.</i> Концептуальные основы профессионализации мышления субъекта	1004
<i>Коровкин С. Ю., Савинова А. Д.</i> Немгновенный инсайт: есть ли специфика в решении инсайтных задач	1012
<i>Краснов Е. В.</i> Связь интеллекта и личностных свойств с когнитивными репрезентациями риска у военных руководителей среднего звена	1019
<i>Лазарева Н. Ю., Владимиров И. Ю.</i> Влияние эффекта серии на решение мыслительных задач: возможные механизмы ограничений	1027
<i>Лупенко Е. А.</i> Точность межличностного восприятия в задачах социальной перцепции в ситуации опосредованного общения	1036
<i>Макаров И. Н., Владимиров И. Ю., Кузнецова А. А.</i> Различия в метакогнитивной оценке процесса и результатов решения инсайтных и алгоритмических задач	1043
<i>Маркина П. Н., Владимиров И. Ю., Мартюшова Н. А.</i> Роль центрального исполнителя рабочей памяти в решении инсайтных задач	1050
<i>Матюшкина А. А., Каменева А. Г.</i> Роль эмоционального интеллекта в решении проблемных задач художественного содержания (на литературном и музыкальном материале)	1056
<i>Осокина К. А.</i> Взаимосвязь когнитивного стиля (полезависимость–полenezависимость) и мыслительного процесса в условиях влияния стрессогенных факторов	1066

<i>Побокин П. А., Латушкина Ю. А.</i> Специфика влияния виртуальной реальности на мыслительную деятельность школьников при обучении их математике	1072
<i>Савельева Л. А., Кашанов М. М.</i> Когнитивная основа типов решения конфликтной ситуации и профессиональной коммуникативной компетентности у молодых врачей.	1078
<i>Селиванов В. В.</i> Современная структура мышления субъекта	1086
<i>Скакунова О. А., Кашанов М. М.</i> Роль творческого профессионального мышления начинающего врача в общении с пациентами.	1093
<i>Смирнова Я. К.</i> Роль базовых представлений о ментальном мире других людей в координации совместного внимания у дошкольников	1101
<i>Тищенко А. Г., Апанович В. В.</i> Семантико-синтаксические характеристики текста задачи как мера выделения аналитических и холистических классов задач	1112
<i>Хрисанфова Л. А., Сибирякова И. А., Сергеева О. М., Ярыгина Н. Ю.</i> Восприятие европейцами индивидуально-психологических характеристик человека другой расы по фотографии его лица с регистрацией глазодвигательной активности воспринимающих	1119
<i>Шпагонова Н. Г.</i> Динамика семантических и физических характеристик памяти	1127

Раздел VIII ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

<i>Безденежных Б. Н., Гулина, Е. М., Пальцев А. Б.</i> Изменение психофизиологических характеристик простого действия после встраивания его в последовательность действий категоризации	1136
<i>Греченко Т. Н., Харитонов А. Н., Жегалло А. В.</i> Электрофизиология социальной жизни микробов	1142
<i>Дерягина Л. Е., Анисеева Н. В., Архипова М. К., Полозова Т. Ю.</i> ЭЭГ-маркеры эффективности проведения тренинга у курсантов с дифференцированным уровнем воображения	1149
<i>Желанкин Р. В., Хватов И. А.</i> Учет зелеными жабами границ собственного тела при взаимодействии с объектами окружающей среды	1154
<i>Красильщикова Н. О., Ковалёв А. И., Меньшикова Г. Я., Клочков А. С.</i> Изучение статокINETической устойчивости в условиях виртуальной реальности	1162

<i>Скотникова И. Г., Желанкин Р. В.</i> Активность и индивидуальность рептилий в процессе принятия решения: субъектно-поведенческий подход	1169
<i>Хватов И. А., Соколов А. Ю.</i> Учет аргентинскими тегу естественных и увеличенных границ собственного тела в ходе решения пищедобывательной задачи	1181

Раздел IX СУБЪЕКТ ТРУДА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Алдашева А. А., Федосенко Е. В.</i> Личность и ценности социальных воспитателей в контексте субъект-субъектного взаимодействия	1192
<i>Баканов А. С., Гуцыкова С. В.</i> Минимизация рисков при коллективном принятии решений.	1200
<i>Басимов М. М.</i> Корреляционные заблуждения на примере конкретной причины (любовь к детям), нелинейно влияющей на другие профессиональные компетенции учителя	1207
<i>Богачева Н. В.</i> Представления о медицинских рисках в интеллектуально-личностном потенциале врача	1214
<i>Васильченко Н. А.</i> Особенности профессионального становления студентов-психологов.	1222
<i>Волочков А. А.</i> Активность как фактор развития индивидуальности студента	1230
<i>Горбачева А. С.</i> Факторы успешности ранней профессионализации субъекта музыкально-исполнительской деятельности	1239
<i>Гуцыкова С. В.</i> Психосоциальные факторы риска и безопасность пространства профессиональной деятельности	1246
<i>Дрынкина Т. И., Карпова Е. А.</i> Акмеологический взгляд на самореализацию личности в профессиональной деятельности.	1254
<i>Зотова Н. Г., Передельская С. А., Тихомиров М. Ю.</i> Ценностно-смысловые аспекты профессионального долголетия педагогов	1262
<i>Карпов А. А.</i> Интеллект как детерминанта организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности.	1269
<i>Клычникова К. А., Лебедева А. В., Рожок А. В., Синягин Ю. В., Чирковская Е. Г.</i> Методика биоран как элемент технологии индивидуального сопровождения личностно-профессионального развития управленческих кадров	1276

<i>Ковтун Ю. Ю.</i> Субъектные качества медицинских работников как предпосылки экологических взаимодействий со средой лечебного учреждения	1284
<i>Лобанова Т. Н.</i> Особенности трудовой мотивации современного работника как субъекта профессиональной деятельности	1290
<i>Лобанова Ю. И.</i> О типовых стилях вождения	1300
<i>Мироненко И. А., Роон М. В.</i> Представления студентов-дефектологов о будущей профессии	1309
<i>Плескачева Н. М.</i> Профессиональное самоопределение молодежи: сравнение отечественного и немецкого опыта	1317
<i>Поварёнков Ю. П.</i> Определение и классификация профессиональных и метапрофессиональных задач личности	1324
<i>Субботина Л. Ю., Бондаренко М. Б.</i> Креативность как профессионально-важная характеристика военных специалистов	1332
<i>Терещенко Н. Г.</i> Ценностные ориентации и установки в профессиональной деятельности руководителей	1339
<i>Токтоназарова Ч. М.</i> Эффективность деятельности и коммуникативные качества участковых уполномоченных полиции	1346
<i>Толочек В. А.</i> Профессионально важные качества и компетенции субъекта деятельности (к вопросу эволюции феномена)	1352
<i>Усачев А. А., Котлярова Л. Н.</i> Правовые основы психологического отбора претендентов при поступлении на службу в органы прокуратуры	1358
<i>Федяева И. Ю., Втюрина Т. А., Низовских Н. А.</i> Связь профессиональной мотивации с субъективным благополучием личности (на примере работников промышленного предприятия)	1365
<i>Шмелева Е. А., Кисляков П. А.</i> Инновационный потенциал педагога как субъекта труда	1373
<i>Юсупова С. Ф.</i> «Колесо баланса» и профилактика профессионального выгорания	1380

Раздел X

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА И ОДАРЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА

<i>Абдурахмонов Г. Н.</i> Формирование профессионально-личностной готовности будущих психологов к работе с детьми с признаками интеллектуальной одаренности	1388
<i>Бабаева Ю. Д.</i> Роль смысловой теории мышления в решении современных проблем психологии одаренности	1394

<i>Белоусова А. К., Тушинова Ю. А.</i> Особенности осознанных мотивов спортивно одаренных подростков, занимающихся различными видами спорта	1402
<i>Гильманов С. А.</i> Повседневное творчество: мотивы, процессы, продукты	1409
<i>Грязева-Добшинская В. Г., Дмитриева Ю. А., Коробова С. Ю.</i> Переживание стресса и ресурсы стрессоустойчивости в структуре интегральной индивидуальности	1417
<i>Грязева-Добшинская В. Г., Дмитриева Ю. А., Коробова С. Ю., Глухова В. А.</i> Восприятие неопределенных стимулов одаренными детьми в контексте информационного стресса	1424
<i>Даутов Д. Ф.</i> Показатели интеллектуальной и творческой активности в индивидуальной мыслительной деятельности	1431
<i>Дорфман Л. Я.</i> Субъективное пространство и его метафоры	1438
<i>Дорфман Л. Я., Гасимова В. А., Ковалева Г. В.</i> Эмпирические характеристики субъективного пространства	1446
<i>Еремина Л. И.</i> Социально-психологические условия развития групповой креативности	1455
<i>Князева Т. С., Шохман Т. В.</i> Экспресс-диагностика музыкального развития личности с помощью опросника Gold-MSI	1462
<i>Короженцева А. В.</i> Атрактивность педагога как фактор развития одаренности ребенка.	1469
<i>Кузьмина Е. И., Кузьмина З. В.</i> Диалектическое соотношение трудного и интересного в процессе решения проблемных задач	1476
<i>Мешкова Н. В., Мешков И. А.</i> Об апробации опросника «Поведенческие проявления антисоциальной креативности» (M. Runco et al.) на выборке студентов	1489
<i>Морозов А. В.</i> Феномен творческой одарённости в психологической науке	1495
<i>Мочалова Ю. А.</i> Особенности картины мира и образа «Я» у старших школьников с разным уровнем креативности.	1504
<i>Мусийчук М. В.</i> Субъект через призму креативного механизма юмора.	1510
<i>Сальников В. А., Ревенко Е. М.</i> Одаренность как системообразующий фактор спортивных достижений.	1518

РАЗДЕЛ XI СПОСОБНОСТИ И МЕНТАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ

<i>Арпентьева М. Р.</i> Проблемы исследования метакогниций	1526
--	------

<i>Берилова Е. И.</i> Личностные особенности как ресурсы профессиональной самореализации в спорте высших достижений	1533
<i>Волкова Н. Э., Холодная М. А.</i> Связь сенсорно-эмоциональных признаков в составе концептов с показателями интеллектуальной продуктивности	1539
<i>Калугин А. Ю.</i> Разноуровневые свойства индивидуальности как предикторы ценностной сферы личности	1547
<i>Кибальченко И. А.</i> Семья как фактор многоуровневой организации индивидуальных ментальных ресурсов обучающихся.	1556
<i>Кригер Е. Э.</i> Столкновение личности с самой собой как условие обретения ментальных ресурсов	1564
<i>Маленова А. Ю., Маленов А. А.</i> Ментальные ресурсы субъектов экзаменационной аттестации: возрастной аспект	1572
<i>Мехтиханова Н. Н.</i> О связи мудрости и некоторых личностных характеристик	1579
<i>Ожиганова Г. В.</i> Понятия ресурса, потенциала и духовных способностей	1586
<i>Осинина Т. Н.</i> Понимание учебного материала как фактор его успешной актуализации	1594
<i>Ребеко Т. А.</i> Полезависимость/полenezависимость у больных атопическим дерматитом и псориазом	1601
<i>Русалов В. М., Дудин С. И.</i> О взаимосвязи темперамента и общих способностей	1608
<i>Сиповская Я. И.</i> Влияние образовательной среды на сенсорные компоненты семантических способностей в старшем подростковом возрасте	1617
<i>Хохлов Н. А.</i> Исследование структуры интеллекта студентов с помощью теста Р. Амтхауэра	1624
<i>Якимович Н. В.</i> Новое представление о способности к летной деятельности и новый метод ее диагностики.	1632

Раздел XII ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Ананьева К. И., Харитонов А. Н., Шнитцер Д.</i> Кросс-культурные инварианты в архитектуре стыда.	1642
<i>Горькая Ж. В.</i> Суждение о времени как фактор организации образа жизни.	1650
<i>Гришина Н. В.</i> Онтологические проблемы: концепты описания	1658
<i>Гусейнов А. Ш., Шиповская В. В.</i> Эскапизм в аспекте проблемы диффузии идентичности	1664

<i>Кимберг А. Н.</i> Исследования идентичности: где темы для дискуссии?	1672
<i>Ковалева Н. В.</i> Субъектные ресурсы личности в инновационном образовательном пространстве	1680
<i>Кутузова А. Б., Мехтиханова Н. Н.</i> Опыт как детерминанта решения сложных жизненных проблем	1688
<i>Макаревская Ю. Э., Рябикина З. И., Горошко В. Г.</i> Личностные детерминанты синдрома отложенной жизни	1697
<i>Нагибина Н. Л., Титов А. В., Титова Ж. Г.</i> Развитие идей С. Л. Рубинштейна и А. В. Брушлинского в исследовании мировоззренческих установок человека	1707
<i>Петросьян С. Н., Рябикина З. И.</i> Характерология личности с учетом типов онтогенетических со-бытийных дихотомий: субъектно-бытийный подход	1715
<i>Тучина О. Р.</i> Национальная идентичность и исторический опыт личности с позиций субъектного подхода (на материале исследования армянской молодежи России и Армении)	1723
<i>Фахрутдинова Л. Р.</i> Переживание социальных впечатлений и человеческое бытие	1731
<i>Фетисова Е. А.</i> Онтогенез психики в трансцендентном опыте как метод познания бытия	1739
<i>Чуганская А. А., Миронова С. Н., Махмутова Е. Н.</i> Ценностные основания осмысленности жизни в зрелом возрасте	1749
<i>Шамионов Р. М.</i> Субъективное благополучие в контексте развития субъекта	1757
<i>Шиповская В. В., Фоменко Г. Ю.</i> Флуктуации субъектности в контексте преодолевающей активности личности	1764

Раздел XIII

ДИСКУРС И ЕГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЧЕЛОВЕКА

<i>Алексеев К. И.</i> Дискурсивное конструирование психической реальности	1774
<i>Алмаев Н. А.</i> Проблема автоматизации контент-анализа	1782
<i>Андреанов М. С.</i> Актуальность развития теории невербальной коммуникации и создания психопаралингвистики как отдельной отрасли психологической науки	1789
<i>Гребенщикова Т. А.</i> Интенциональное пространство дискурса интернет-форума	1796
<i>Зачесова И. А.</i> Повседневные дискурсивные практики городской среды мегаполиса	1803

<i>Кубрак Т. А.</i> Ценностные направленности российского кинодискурса и особенности их понимания зрителями	1812
<i>Медведева Д. С., Хотинец В. Ю.</i> Развитие речемыслительной деятельности младших школьников-билингвов средствами культурного дискурса.	1820
<i>Мировская С. С., Лучшева Л. М.</i> Взаимосвязь уровня коммуникативных способностей со стратегией выхода из конфликтных ситуаций (на примере сотрудников колонии)	1828
<i>Морозов В. П.</i> Психоакустические исследования разборчивости вокальной речи.	1837
<i>Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А., Воронин А. Н., Зачесова И. А., Кубрак Т. А.</i> Постсобытийный дискурс в Интернете	1845
<i>Самохвалова А. Г.</i> Коммуникативные трудности социальных сирот и способы их преодоления.	1852

Раздел XIV
ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА
В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ,
ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ СТРЕСС И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ

<i>Бузина А. А.</i> Посттравматический стресс и психопатологическая симптоматика как психологические последствия эмоционального оскорбления	1862
<i>Быховец Ю. В., Казымова Н. Н.</i> Террористическая угроза как травматический стрессор.	1870
<i>Горская Г. Б., Совмиз З. Р.</i> Личностные ресурсы преодоления долговременных психических нагрузок на разных этапах профессиональной карьеры (на примере спортивных команд)	1876
<i>Дымова Е. Н.</i> Картина психотравматических событий и уровень посттравматического стресса у мужчин и женщин	1885
<i>Кольцова Е. А.</i> Анализ травматических событий у матерей, чьи дети имеют диагноз эпилепсия	1892
<i>Купченко В. Е., Базарбаева М. К.</i> Представление о трудной жизненной ситуации, адаптивные стратегии и копинг подростков с различным суицидальным риском	1898
<i>Падун М. А., Зеянина А. Н.</i> Регуляция эмоций у лиц с различным уровнем нейротизма.	1906
<i>Парфёнова Т. В.</i> Отсроченные психологические последствия террористического акта для косвенных свидетелей: обзор эмпирических исследований.	1914

<i>Распопова А. С.</i> Особенности социально-психологической адаптации спортсменов подросткового и юношеского возраста в условиях стресса	1922
<i>Харламенкова Н. Е., Никитина Д. А.</i> Личностные особенности и базисные убеждения при разном уровне посттравматического стресса у пациентов с диагнозом «менингиома»	1929
<i>Хозе Е. Г., Вульф А. А.</i> Восприятие индивидуально-психологических характеристик личности по фотоизображению лица военнослужащих участников боевых действий	1937

Раздел XV РЕГУЛЯЦИЯ И САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

<i>Банщикова Т. Н.</i> Осознанная саморегуляция в системе психологических предикторов социокультурной адаптации иностранных обучающихся	1946
<i>Гордеева О. В.</i> Механизмы гедонической адаптации: саморегуляция и самостабилизация	1954
<i>Исакова А. Н., Лучишева Л. М.</i> Психологические особенности лиц периода зрелости находящихся в местах лишения свободы	1962
<i>Крылова М. А.</i> Взаимосвязь когнитивной оценки трудной жизненной ситуации со стратегиями совладания и механизмами психологической защиты у молодежи	1969
<i>Левицкая Т. Е., Цехмейструк Е. А.</i> Повышение навыков саморегуляции спортсменов методом игрового биоуправления	1975
<i>Морсанова В. И., Кондратюк Н. Г.</i> Выбор профессии и осознанная саморегуляция человека	1982
<i>Морсанова В. И., Фомина Т. Г.</i> Актуальные вопросы изучения осознанной саморегуляции как предиктора и медиатора взаимосвязи субъективного благополучия и академической успеваемости учащихся	1989
<i>Осницкий А. К.</i> Деятельность, сознание, саморегуляция	1996
<i>Польченко О. В.</i> Регуляторные и личностные предикторы аккультурационного стресса	2006
<i>Романов К. М., Пиняскина М. В.</i> Народные песни как инструменты эмоциональной саморегуляции субъекта	2014
<i>Синельникова Е. С., Егоров В. В.</i> Эмоциональный интеллект, агрессивность спортсменов и успешность спортивной деятельности	2023

<i>Соколовский М. Л.</i> Вклад осознанной саморегуляции в формирование аккультурационной установки иностранных студентов	2029
<i>Соломонов В. А., Фомина Е. А.</i> Типы студентов по регуляторно-личностным показателям адаптации к условиям обучения.	2038
<i>Трухан Е. А., Морозова Н. Н.</i> Взаимосвязь стратегий преодоления стрессовых ситуаций со стилевыми особенностями саморегуляции у пациентов с депрессией	2046
<i>Чернов А. В.</i> Влияние рефлексии на динамику познавательных состояний студентов	2054
<i>Шляпников В. Н.</i> Кросс-культурное исследование волевой самооценки личности	2061

Раздел XVI

ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОМ МИРЕ: КИБЕРПСИХОЛОГИЯ И ОТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ К НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

<i>Айсина Р. М.</i> Интернет как пространство киберсоциализации Поколения X	2070
<i>Александрова И. Ю.</i> Особенности восприятия сложного визуального паттерна в маркетинговых веб-коммуникациях	2078
<i>Бозаджиев В. Л.</i> Гаджет-аддикции в психологическом понимании.	2085
<i>Войскунский А. Е.</i> Психология и искусственный интеллект: новый этап старого взаимодействия	2094
<i>Войскунский А. Е., Солодов М. Ю.</i> Дополненное познание: гиперссылки и гипертексты	2102
<i>Гагарина М. А.</i> Психологические особенности лиц с различными инвестиционными предпочтениями.	2109
<i>Лидская Э. В., Мдивани М. О.</i> Субъект-средовые взаимодействия с ТВ и Интернетом.	2116
<i>Лосик Г. В., Дерюгин А. А.</i> Формирование способности к рефлексии в ролевых играх	2124
<i>Малахова С. И.</i> Проблема толерантности к неопределенности в условиях технического прогресса.	2131
<i>Маховская О. И.</i> Субъектный подход к негативным феноменам сетевого взаимодействия	2138
<i>Осипова И. С.</i> Особенности самораскрытия женской аудитории в Интернете.	2146
<i>Погонцева Д. В., Никитина Д. А.</i> Особенности самопрезентации внешнего облика в интернете молодыми людьми с разным уровнем физического перфекционизма	2153

<i>Ратникова С. Н., Сырейщикова Е. Н.</i> Возможности и ресурсы дистанционного консультирования для профилактики деструктивного поведения на примере онлайн-консультирования подростков в формате чата	2160
<i>Савина О. О., Смирнова О. М.</i> Отношение подростков к человекоподобным роботам.	2169
<i>Сергеев С. Ф.</i> К проблеме цифровой техномодификации личности	2177
<i>Солдатова Г. У., Львова Е. Н., Чигарькова С. В.</i> Стратегии обеспечения безопасности в социальных сетях	2187
<i>Солдатова Г. У., Ртищева М. А., Теславская О. И.</i> Особенности использования цифровых технологий дошкольниками и младшими школьниками.	2195
<i>Сунгурова Н. Л., Паньшина С. Е.</i> Овладение студентами-психологами качественными методами исследования представлений об Интернете и психологической безопасности в информационной среде.	2202
<i>Авторы</i>	2211

Предисловие

4 апреля 2018 г. исполнилось 85 лет со дня рождения двух выдающихся российских психологов — Андрея Владимировича Брушлинского и Олега Константиновича Тихомирова. Они родились в один день, учились на одном курсе в МГУ, а затем некоторое время работали в одном научном учреждении — в Институте психологии АН СССР. Трудно переоценить вклад этих незаурядных ученых в развитие отечественной психологии. Одна из главных причин, по которой их работы неоднократно перечитываются и цитируются современными исследователями, заключается в фокусе научного внимания А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова, всегда направленном на изучение фундаментальных проблем психологии человека — познающего, общающегося, действующего. Неудивительно, что к концу жизни ученых эти проблемы стали рассматриваться в интегративном контексте психологии субъекта. Высказанные тогда идеи не только не устарели, но и дают импульс многим современным направлениям развития психологической науки. Материалы конференции «Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности», представленные в данном издании, полностью это подтверждают. Авторы первого раздела сборника анализируют преимущественно актуальность и перспективы развития идей А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова. Обсуждаются вопросы формирования и проявления холистического мышления людей, анализируются системно-эволюционное описание недизъюнктивности мышления, самопреобразование субъекта, положение о единстве интеллекта и аффекта, осуществляется разработка понятийного аппарата культурно-деятельностной психологии.

Масштаб конференции задан широким кругом обсуждаемых ее участниками актуальных фундаментальных и прикладных психологических проблем. Тематика докладов не только перекликается с ключевыми темами творческого наследия двух выдающихся российских психологов, но и отражает перспективные направления развития со-

временной психологической науки. В докладах представлены основные традиции психологических исследований (когнитивная, герменевтическая, экзистенциальная), а в их содержании — практически весь спектр изучения психики субъекта — познавательные, коммуникативные, деятельностные основания ее развития.

В этом контексте естественно, что участники конференции уделяют большое внимание анализу историко-психологических и теоретико-методологических подходов к изучению психологии человека, формирующейся и проявляющейся в трех реальностях человеческого бытия — эмпирической, социокультурной, экзистенциальной, а также к психологическому анализу сходства и различия методов ее исследования. Человек изучается на разных психологических структурных уровнях организации и развития. Один из них — это уровень ментальных ресурсов и интеллекта. В сборнике представлены результаты исследований взаимосвязи структуры интеллекта и ментальных репрезентаций психических состояний, когнитивных стилей в структуре индивидуальности, роли эмоционального интеллекта во взаимодействии мышления и эмоций личности при решении моральных дилемм, связи показателей IQ и уровня индивидуальных и интеллектуальных ресурсов. Тесно связан с этой проблематикой уровень психологического анализа способностей и творчества. Психологи обсуждают механизмы семантических трансформаций на интуитивном этапе креативного мышления, роль понятийных способностей как фактора совладающего поведения, креативный потенциал разных категорий людей, в том числе групповую креативность, роль задатков, способностей и ресурсов в детерминации социальной успешности человека и другие проблемы. Еще один уровень — психология личности. Здесь важнейшей является проблема целостности личности и методов ее исследования. Представлены также доклады о процессуальном подходе в психологии личности, мотивации и психологических механизмах саморазвития личности, структуре личностного самоконтроля, смысложизненных кризисах, рефлексивном мышлении как факторе саморазвития личности и др. Взаимосвязанными с психологией личности являются исследования регулятивных аспектов поведения и саморегуляции. Соотношение деятельности, сознания, саморегуляции, механизмы гедонической адаптации, взаимосвязь когнитивной оценки трудной жизненной ситуации со стратегиями совладания и механизмами психологической защиты, кросс-культурные исследования волевой самооценки личности, регуляторные и личностные предикторы аккультурационного стресса, взаимосвязь стратегий преодоления стрессовых ситуаций со стилевыми особенностями саморегуляции у пациентов,

страдающих депрессией, — вот далеко не полный перечень проблем, предлагаемых для обсуждения участниками этого направления конференции. Уровнем исследования психологии человека, на котором психологам труднее всего представить полученные результаты в виде достоверного вербализованного знания, является изучение экзистенциальных проблем и психологии человеческого бытия. Несмотря на трудности, психологи успешно исследуют закономерности переживания социальных впечатлений, развития диффузии идентичности, синдром отложенной жизни, преодолевающую активность личности и другие значимые экзистенциальные проблемы.

В соответствии с названием конференции, которое задает направленность анализу проблем, обсуждаемых практически на всех секционных заседаниях, углубленное и расширенное толкование получило многое, что связано с психологией субъекта. Субъектогенез, принцип субъектности, субъективный возраст, стадии становления и развития субъектности человека — все эти категории обогащены новым содержанием, найдены перспективные направления дальнейшего исследования обозначаемых ими психологических феноменов. То же можно сказать об анализе соотношения индивидуального и группового субъекта в социальной психологии. В этой секции особенно отчетливо видно стремление ученых связать фундаментальные задачи психологической науки с актуальными проблемами не только социогуманитарного познания, но и современного общества. Обсуждаются вопросы функционирования социальных сетей, социально-психологических механизмов ментального освоения новых технологий, группового субъекта в языковой картине мира, перспективы использования больших данных в научных исследованиях и др. Эта линия анализа мира человека существенно дополняется докладами секции, посвященной анализу поведения человека в цифровом мире, киберпсихологии и отношению к новым технологиям. Предметом обсуждения стал широкий круг вопросов психологии и искусственного интеллекта: отношение людей к человекоподобным роботам, цифровой техномодификации личности, поведение в маркетинговых web-коммуникациях, субъектный подход к негативным феноменам сетевого взаимодействия, самораскрытие женской аудитории в интернете, самопрезентация внешнего облика в интернете молодыми людьми с разным уровнем физического перфекционизма. Проблема субъекта является ключевой, когда психологи обращаются к изучению человека как субъекта труда и профессиональной деятельности. В материалах конференции обсуждается инновационный потенциал педагога как субъекта труда, субъектные качества медицинских работников, личность и ценнос-

ти социальных воспитателей в контексте субъект-субъектного взаимодействия, факторы успешности ранней профессионализации субъекта музыкально-исполнительской деятельности, связь профессиональной мотивации с субъективным благополучием личности и множество других проблем.

Мир человека сегодня — это мир глобальных природных и социальных катастроф, информационных перегрузок, стрессов, которые не могут игнорировать психологи. В материалах конференции представлены результаты исследований посттравматического стресса, его симптоматики и путей преодоления. Авторы изучают характерные признаки повседневного и травматического стресса, анализируют посттравматический стресс как следствие попадания человека в трудную жизненную ситуацию, проявления психологической травмы и пути ее преодоления у бездомных, наркозависимых, безработных, людей, подвергшихся сексуальному насилию. Не обойдены вниманием и противоположные по положительной модальной оценке феномены: проблемы психологического здоровья человека, социально-психологического самочувствия, субъективного качества жизни, а также жизнеспособности человека в современном мире, влияния внешних и внутренних факторов на жизнеспособность мигрантов, жизнеспособности личности, субъекта деятельности и т. п.

Значительная часть докладов посвящена общепсихологическим проблемам, в частности, психологическому анализу мышления человека в познании, общении и деятельности. Описаны системные качества как операционные средства продуктивного мышления, выявлены критерии различения аналитических и холистических задач, проанализирована специфика процессов понимания в обучении студентов и роль вопросов в мышлении. Исследования вербального мышления невозможны без анализа дискурса и дискурсивных способностей. В материалах конференции приводятся научные представления о дискурсивном конструировании психической реальности, создании психопаралингвистики как отдельной отрасли психологической науки, повседневных дискурсивных практиках городской среды мегаполиса, развитии речемыслительной деятельности младших школьников-билингвов средствами культурного дискурса, постсобытийном дискурсе в интернете. Традиционный для ученых Института психологии РАН интерес к психофизиологическим закономерностям организации индивидуального и коллективного поведения проявляется в исследованиях нейрональных основ формирования поведения животных, раскрытии психофизиологических коррелятов сенсорной чувствительности, восприятия, внимания,

памяти, эмоциональных состояний, волевой регуляции, движений и сенсомоторной координации, мозгового обеспечения решения задач и т. д.

В целом материалы конференции свидетельствуют о новом этапе переосмысления фундаментальных категорий психологической науки – «субъект», «познание», «общение», «деятельность» и др. Именно эти понятия являются базовыми для большинства психологических исследований, они объединяют творческие усилия многих ученых.

В. В. Знаков

Раздел I

**А. В. БРУШЛИНСКИЙ,
О. К. ТИХОМИРОВ
И ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН**

Теоретико-экспериментальная психология и практика: новые горизонты

А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков** (Москва)*

** академик РАН, доктор психологических наук,
Институт психологии РАН;
e-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru*

*** чл.-корр. РАН, доктор психологических наук,
Институт психологии РАН; e-mail: dv.usakov@gmail.com*

В статье рассматриваются проблемы, встречающиеся на пути взаимодействия теоретико-экспериментальной психологии и некоторых областей психологической практики. Выделяются различные типы этого взаимодействия, а также перспективы доказательной психологической практики. Аргументируется то, что обозначаются возможности углубления этого взаимодействия путем построения целостных теоретических моделей человека и развития методов анализа больших данных.

Ключевые слова: психологическая практика, психотерапия, теория и эксперимент в психологии.

Авторы ранее несколько раз обращались к проблеме соотношения теоретико-экспериментальной психологии и практики (Журавлев, Ушаков, 2011). Между тем психология, находясь на пересечении важнейших процессов современной жизни, не стоит на месте, и в ней начинают вырисовываться новые перспективы, в том числе в плане соотношения фундаментальной науки и практика. Настоящая статья представляет собой попытку уловить контуры этих начинающих проступать перспектив.

Будущее в сфере науки – это во многом способы решения проблем и устранения противоречий, накопившихся в настоящем. В связи с этим в статье анализируется нынешнее состояние взаимодействия

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 17-78-30035.

теоретико-эмпирической психологии и практики и содержащиеся в этом взаимодействии проблемы и противоречия, а затем выявляются наметившиеся пути их разрешения на основе новых методологических тенденций.

Классическое понимание связи теории, эксперимента и практики в психологии выразил Б. Ф. Ломов (Ломов, 1984). Фундаментальная теория должна верифицироваться (или, по К. Попперу, фальсифицироваться) в эксперименте и снабжать проверенными знаниями практику, а практика, в свою очередь, способна, с одной стороны, проявить ценность теории, а с другой – поставить перед теорией такие вопросы, которые будут стимулировать ее развитие. В результате «взаимодействие... теории, эксперимента и практики есть необходимое условие развития всей системы психологических наук» (Ломов, 1984, с. 51).

Однако на постсоветском этапе, начавшемся в 1990-е годы, в концептуализации отношений фундаментальной психологии с практикой произошли серьезные изменения. Стали раздаваться голоса, свидетельствующие, что практическая психология (речь шла преимущественно о такой ее отрасли, как психотерапия) существует сама по себе, без опоры на экспериментальную науку (Василюк, 2003; Юревич, 2000). Было отмечено, что психологический процесс воздействия продолжает по-прежнему во многом оставаться искусством, «ускользая» от строго научных методов оценки (измерения) и проверки. Получается, что об одном и том же предмете, человеческой психике, существуют, по меньшей мере, два рода знания, один из которых экспериментально проверяем, но по каким-то причинам не отвечает потребностям психотерапевтической практики, а другой, наоборот, соответствует нуждам практикующих психотерапевтов и ими порождается, но плохо поддается экспериментальной проверке. Результатом идейного разделения оказывается социальное размежевание сообществ, систем образования, ориентиров, авторитетов и кругов общения.

Не стоит, конечно, абсолютизировать нарисованную таким образом картину. Действительно в психотерапии очень мало нового выросло из лабораторных экспериментов. Однако это утверждение нельзя переносить на все другие отрасли психологической практики. Тому есть множество примеров. Инженерная психология и эргономика как в 1960-е годы, так и сегодня черпают свои основания из лабораторных экспериментов по переработке информации человеком (Ломов, 1984). Психологические подходы к подбору персонала основываются на четко проведенных исследованиях, показывающих прогностическую валидность индивидуальных особенностей

личности (E. B. Hunt, S. L. Gottfredson). На экспериментальных данных по влиянию различных воздействий на убеждения людей строятся техники коммерческой и политической реклама. Подобного рода примеры можно множить практически до бесконечности.

Сегодня очевидно, что констатация разрыва между теорией и практикой – это констатация ущерба теории, и практики. В самом деле, последствия разрыва ощущаются в практической психологии, поскольку отсутствие опоры на эксперимент – существенный изъян для практики. Ведь стержень фундаментальной науки – система процедур проверки знания. Основанная на эксперименте теория является наиболее динамичной и энергично развивающейся. Такая теория приспособлена к тому, чтобы успешно прогрессировать в условиях разделения труда научного сообщества. При ней существуют эксплицитно установленные критерии, которые позволяют каждому члену сообщества предлагать свой способ развития моделей. Обратная связь, создаваемая экспериментом, приводит к опознанию области недостаточности теории и выявлению точек роста.

Итогом расщепления, например, в такой области, как психотерапия, является неясность вопроса о ее развитии на протяжении последних, скажем, 50 лет. Добились ли за это время психотерапевты лучших результатов? Введены ли более эффективные новые подходы? Стали ли эффективнее старые методы, подобные психоанализу? Ответить на эти вопросы точно затруднительно ввиду недостаточности научных данных для ответа. Очевидной проблемой психотерапевтического сообщества является неистребимость разделения на школы. А. Сосланд идет еще дальше в анализе особенностей психотерапевтического сообщества: «Создание новых методов, как ясно всем... зачастую никак не связано с действительными потребностями психотерапевтической практики, с интересами пациента (здесь и далее курсив авторов. – А. Ж., Д. У.)... Толчком к созданию новых методов в большинстве случаев не являются соображения, связанные с интересами пациента. *История психотерапии – это в первую очередь история желаний психотерапевтов создавать свои школы*» (Сосланд, 1999, с. 12–13).

Очевидно, что организованное таким образом сообщество не предназначено для эффективного совершенствования своих инструментов. В нем сложно объективировать отношения между членами сообщества, решать научные споры общепризнанным образом. Теряется способность отличать эффективное от неэффективного, аргументировать эффективность.

Существует ли какой-либо иной путь преодоления перечисленных проблем, кроме сближения практики с теоретико-эксперимен-

тальными исследованиями? Другого пути не видно, поскольку только этим способом можно ввести объективные критерии, обеспечивающие поступательное движение. Таким образом, сближение с теоретико-экспериментальной психологией, если оно возможно, выглядит очень желательным. Однако каким образом может идти это сближение?

Авторы выделили два типа взаимодействия теоретико-экспериментальной науки и практики, которые были обозначены как взаимодействия типа А и типа В (Журавлев, Ушаков, 2011). Взаимодействие типа А заключается в том, что модели явлений или процессов, проверенные в экспериментальных ситуациях, используются при проектировании и создании практически важных технологий или технических объектов. При этом экспериментальные ситуации, как правило, мало похожи на ситуации практического внедрения. Бросание камней с Пизанской башни, удар током в лапу Павловской собаки или разгон частиц в коллайдере — пример таких экспериментальных ситуаций, которые, вопреки У. Найссеру, отнюдь не обязаны быть «экологически валидными». Таким образом, при взаимодействии типа А модели естественных явлений, пройдя через процессы инженерного конструирования, приводят к созданию практически полезных устройств и технологий.

Взаимодействие типа В состоит в систематическом сборе и обработке сведений о результатах практического применения устройств или технологий. Эти сведения позволяют оценить эффективность искусственных разработок, однако, как правило, добавляют мало информации о протекании естественных процессов. Если ракета-носитель разваливается, не выведя спутник на орбиту, то под вопрос ставятся не законы Ньютона, а конструкция ракеты или ее отдельных узлов и, возможно, компетентность конструкторов.

Взаимодействие типа В составляет основу так называемой доказательной психологической практики.

Доказательная психологическая практика

Важные для психотерапевтической практики события произошли, когда психотерапевтические исследования попали в контекст доказательной медицины (evidence-based medicine), образовав доказательную психологическую практику. Под доказательной медициной понимается, согласно определению рабочей группы 1992 г., «подход к медицинской практике, при котором решения о применении профилактических, диагностических и лечебных мероприятий принимаются исходя из имеющихся доказательств их эффективности и безопасности, а такие доказательства подвергаются поиску, срав-

нению, обобщению и широкому распространению для использования в интересах больных» (Evidence-Based Medicine Working Group, 1992). Казалось бы, что кардинально нового в сравнении с традиционным подходом к медицинской практике? Разве доказательства эффективности и безопасности не являлись всегда решающим аргументом для применения того или иного лечения? Необходимо, однако, принять во внимание, что традиционно рекомендации по выбору метода лечения, вошедшие в учебники медицины, во многом основывались на мнении авторитетных специалистов в соответствующих областях, а не собранных в различных клиниках и статистически обоснованных доказательствах (Царенко, 2004). Доказательная медицина, таким образом, связана с перераспределением весов аргументации: уменьшается вес экспертного суждения и увеличивается — статистических доказательств, полученных в результате контролируемых экспериментов. Фактически происходит признание несовершенства экспертной оценки и ее частичное вытеснение более объективированными методами.

Новые медицинские подходы не прошли бесследно для психологии. Психологическая практика в ряде западных стран достаточно быстро оказалась затронута доказательным движением. В результате психотерапевтические исследования получили второе дыхание. Надежность свидетельств исследований в пользу того или иного вида психотерапии стала восприниматься как существенно превышающая надежность экспертных оценок авторитетных психотерапевтов. Тот факт, что внутри психотерапии существует непрекращающаяся борьба школ, еще больше склоняет чашу весов в пользу идеи объективации методов оценки эффективности.

Развитие доказательной практики получило организационные последствия. Так, Американская психологическая ассоциация создала по этой проблеме специальную комиссию, которая занялась выявлением видов терапии, эффективность которых может считаться доказанной научными исследованиями. При этом доказательность данных в пользу или против данного вида терапии была разделена на несколько уровней, на верхнем из которых находятся множественные подтверждения эффективности с помощью рандомизированных контрольных испытаний двойным слепым методом. В 1995 г. комиссия опубликовала список из 25 видов терапии, эффективность которых доказана. К 1998 г. список был расширен до 71 наименования. Многие финансирующие психотерапию организации на локальном, региональном и федеральном уровнях стали использовать этот список для ограничения финансирования только теми видами терапии, которые оказались в списке (Levant, 2005).

Американская психологическая ассоциация вновь обратилась к проблеме доказательной психологической практики, создав новую комиссию. В этом докладе, в частности, было дано определение: доказательная психологическая практика – соединение высококачественных научных исследований с клиническим экспертным опытом в контексте особенностей, культуры и предпочтений пациента (Evidence-based practice in psychology, 2006).

Доказательная практика в контексте перспектив психологии

Задумайтесь вопросом: какое место может и должна занять доказательная практика в будущей психологии? Можно ли ожидать, что выработанные сегодня доказательные процедуры завтра станут основным регулятором деятельности практических психологов?

Думается, что доказательная практика в психологии будет развиваться, но до известных пределов. Ее развитие необходимо, чтобы отсеивать недоказанное, не допуская тем самым пустых и даже вредных воздействий на людей и очищая воздух фундаментальной науки за счет отсеивания необоснованных теоретических спекуляций.

В то же время доказательная практика в психологии несет свои проблемы. Возьмем для сравнения медицину. В современной медицине лекарственные препараты проверяются вначале на животных и только затем приходит очередь их проверки на людях. Тем самым создается площадка для определенного «разбега», который позволяет предварительно проверить обоснованность идеи перед опробованием на человеке. Большинство психологических инструментов проверить на кроликах сложно, поэтому возникает вопрос, как вообще при доведении до предела доказательного подхода удастся внедрить новые идеи в психологическую практику? Более того, в современной медицине А-взаимодействие больше развито, чем в психологии. Принципы действия современных медицинских технологий изобретаются в рамках биологической науки, ее разветвлений и смежных дисциплин. Механизмы этих технологий испытываются в лабораторных исследованиях, «в пробирках». Только после того, как реальность механизма документирована, медики набираются дерзости и пытаются запустить его в живом организме, причем, как уже отмечалось, вначале не в человеческом. Таким образом, создается возможность запустить очистительные процессы доказательной практики, не засушив поток изобретений новых методов.

В психологии при значительно менее развитом, по сравнению с современной медициной, А-взаимодействии механизмы, установленные в экспериментальных лабораториях, крайне редко могут пе-

рекочевать, например, в сферу психотерапии. Идеи психотерапевтических технологий сегодня в большинстве случаев формируются по тем же принципам, что и во времена Фрейда: гипотезы механизмов, лежащие в их основе, рождаются у их авторов из наблюдений за психотерапевтическим процессом. Понятно, что требование использования только доказано эффективных методов в этом контексте нарушает ту вариативность деятельности психотерапевтов, которая приводит к креативности.

Другими словами, основа креативности, создания новых методов в медицине лежит в области фундаментальной науки. Эта креативность транслируется в практику через А-взаимодействия. Доказательный подход требует, чтобы лечащий врач был максимально точным транслятором установленных наукой закономерностей в практику, обладая при этом необходимой диагностической компетентностью, чтобы установить характер и особенности заболевания.

Психотерапевт сегодня располагает репертуаром средств помощи клиенту, эффективность которых доказана. Но А-взаимодействие пока не настолько развито, чтобы новые предварительно оцененные в плане их возможной эффективности технологии постоянно пополняли этот репертуар. Развитие инструментов психотерапии осуществляется, таким образом, увязано с собственной активностью практиков, вариациями, которые они вносят в свои действия. Требование доказательности практики грозит засушить эти вариации и затормозить развитие психотерапевтического инструментария.

Из сказанного следует, что А- и В-взаимодействия не являются независимыми. В частности, доказательная практика, вытекающая из систематического применения методологии В-взаимодействия, должна опираться на довольно высокий уровень развития А-взаимодействия.

В самом деле, не случайно, что идеология доказательной практики возникла в медицине относительно недавно и фактически параллельно с мощным потоком притекающих туда фундаментальных разработок. Ведь, например, секвенирование генома человека позволило открыть множество процессов, связанных с развитием различных заболеваний и возможностью их излечения, что вывело на новый уровень технологии лечения целого ряда заболеваний. Практикам достаточно быть реципиентами этих новых технологий и точно, минимизируя отклонения, реализовывать их.

Характерны в этом плане и современные гонения на гомеопатию. Они происходят по двум фронтам: с одной стороны, критикуются представления гомеопатов об объекте, например о структуре воды (А-взаимодействие); с другой – в многоцентровых слепых ис-

следованиях показывается, что гомеопатическая практика не дает улучшения по сравнению с уровнем плацебо (В-взаимодействие).

Все сказанное заставляет заключить, что при всех позитивных сторонах доказательной практики благотворность ее эффекта связана с возможностью резульативного А-взаимодействия, а значит, с развитием структуры фундаментальных исследований.

Перспективы психологии целостных моделей и больших данных

Выше отмечалось, что А-взаимодействие требует от фундаментальной науки моделей объектов того же уровня, что и те, с которыми имеет дело практическая технология. Между тем теоретико-экспериментальная психология создает модели локальных объектов, в то время как такие практики, как, например, психотерапия, требует работы с объектом целостным. Это противоречие является ключевым препятствием на пути развития А-взаимодействия для целого ряда областей практической психологии.

Наметившиеся в последнее время в психологии процессы несут надежду на возможность преодоления противоречия за счет прогресса в создании целостных моделей. Остановимся на двух сторонах этих процессов.

Одна сторона связана с развитием эволюционной методологии как средством синтеза локальных моделей.

Выявляемые психологами закономерности оказываются чрезвычайно многочисленными и «фасеточными». Они относятся к разным ситуациям и интерпретируются в не связанных между собой понятиях. Например, закономерность позиционной кривой памяти или минимальной группы лежат в разных плоскостях, отличающихся как порождающими их ситуациями, так и способами реагирования.

Психологи, конечно, признают, что все эти закономерности порождены деятельностью одного и того же существа, но те подструктуры психики, которые вводятся для объяснения позиционной кривой (кратковременная и долговременная память, процессы переноса из одной в другую и т. д.), не имеют ничего общего с теми, что используются для объяснения минимальной группы (социальная категоризация, отнесение себя к социальной категории, механизмы поддержания самооценки и т. д.).

Это обстоятельство само по себе было бы совершенно нормально, если бы психологам удалось создать синтезирующие модели, которые бы объединяли в целое различные локальные модели как описывающие подструктуры, по отношению к которым можно установить целостную структуру. Однако такого рода синтезирующие модели

в психологии сильно отстают от локальных, что решающим образом влияет на облик нашей науки в настоящее время. Мы не располагаем научными описаниями целого, в котором долговременная и кратковременная память соседствуют с механизмами поддержания самооценки. Психологи, прекрасно справляющиеся с локальными моделями, не структурируют целое человеческого субъекта, а набрасывают в него, как в мешок, различные, не связанные между собой гипотетические механизмы, призванные объяснить поведение в разных ситуациях.

Образовалось то, что Я. А. Пономарев назвал эмпирической многоаспектностью: «огромная масса эмпирических работ становится необобщаемой; эта масса представляет конгломерат знаний, который захлестывает науку, лишая ее способности к обобщению: наука оказывается не в состоянии осмыслить, использовать порождаемый ею конгломерат знаний во всем его потенциальном богатстве» (Пономарев, 1983, с. 41).

Однако господство локальных моделей возникло неслучайно. Работа с локальными моделями, привязанными к эксперименту, сообщает науке характер конвейера и формирует ощущение поступательного движения. Экспериментоцентрическая система понятий позволяет оформить научную деятельность в виде выдвижения и проверки различных предсказаний, вытекающих из моделей. Научная работа оказывается четко очерченной и благодарной: одни исследователи выдвигают модели и разрабатывают экспериментальные ситуации, где применение этих моделей дает адекватное предсказание, другие имеют возможность высказывать сомнение относительно этих моделей и подтверждать свои сомнения в иных экспериментальных ситуациях. Все научное сообщество, таким образом, оказывается взаимосвязанным, создается контроль и обратные связи; в оценке, насколько это возможно, максимизируется объективный фактор — наука приобретает характер хорошо организованного предприятия.

Стремление к синтезу локальных моделей весьма сильно в исследовательской практике. Главные события при этом происходят по принципу «снизу вверх»: в виде объединения локальных моделей в более крупные, способные объяснить большие группы данных (Ушаков, 2005).

Движение «снизу вверх» идет весьма трудно, поскольку продвигается как бы ощупью. В связи с этим в психологии всегда в большей или меньшей степени, иногда в исчезающее рудиментарной форме, существовало синтетическое движение «сверху вниз», от целостного образа человека к моделям отдельных его проявлений. Однако

проблема связана с тем, как обеспечить рациональное обоснование для целостного образа человека. Ведь именно рациональность обоснования делает теорию или понятие научными, а не художественными, идеологическими или просто шарлатанскими. Радикальный проект синтеза психологического знания заключается в смене способов его производства, а именно — подъеме рефлексивности на верхние этажи психологического знания и преобразовании их из метафорически-эвристических в теоретические. Именно это и обещает дать эволюционная методология.

Если первая рассмотренная нами сторона имеет методологический характер, то вторая основана на инструментальном прогрессе. Речь идет о бурно развивающихся работах по анализу больших данных.

Ценность анализа больших данных для психологии состоит, в первую очередь, в возможности обработки множества проявлений в значительных выборках людей, что позволяет находить эмпирическую верификацию для целостных моделей психики. Локальным моделям соответствует контроль за небольшим количеством переменных. Одно-двухфакторный эксперимент в этом смысле — классика психологии локальных моделей. Целостные модели предполагают анализ поведения в множестве аспектов.

Возьмем, например, психотерапевтический процесс как классический пример психологической практики, слабо связанной с теоретико-экспериментальной наукой. Фиксацией этого процесса является психотерапевтический транскрипт — запись разговоров психотерапевта и клиента. Подобного рода транскрипты, собранные по результатам уже нескольких десятков случаев, представляют собой большие данные, которые в оцифрованном виде могут стать предметом автоматического анализа, поскольку объем перерабатываемой информации превосходит возможности человека.

Весьма важным в этом контексте является автоматический анализ текстов естественных языков с целью выделения в потоке речи маркеров различных состояний говорящих. Совершенствование методов такого анализа во взаимодействии психологов и лингвистов постепенно позволяет все более точно отражать внутренние состояния собеседников. В не очень далекой перспективе к этому может добавиться анализ невербальных маркеров тех же внутренних состояний.

Анализ психотерапевтической продукции — лишь один из примеров. Работа с большими данными может сделать доступным анализ поведения человека во многих реальных ситуациях. Так, уже начались активные исследования поведения человека в интернет-пространстве. Важно, что относительно таких объектов исследования

наиболее эффективно тестироваться могут уже не локальные, а глобальные модели поведения человека. А это, в свою очередь, означает перестройку всей логики психологического исследования, фактически изменение критериев его рациональности.

Все эти перспективные инструментальные продвижения интересны не столько сами по себе, сколько тем, что они открывают перспективы верификации намного более сложных моделей, описывающих внутренние состояния людей и смену этих состояний. Фактически это означает возможность и даже необходимость того, что целостные модели станут более респектабельными, чем модели локальные в системе норм психологического исследования. Таким образом, развитие инструментов, связанных с анализом больших данных, может работать в одном направлении с новыми методологическими подходами для создания целостных моделей человека, которые помогут наладить продуктивное А-взаимодействие академической психологии с такими областями практики, как, например, психотерапия.

Литература

- Васильюк Ф. Е.* Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. № 3. С. 5–16.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Теория и практика: взгляды с разных сторон // Психологический журнал. 2012а. № 2. С. 127–132.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Теоретико-экспериментальная психология и практика: встречный курс // Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. И. Ляшенко, В. Е. Иноземцева, Д. В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. С. 9–71.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Пономарев Я. А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
- Сосланд А. И.* Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или Как создать свою школу в психотерапии. М.: Логос, 1999.
- Сосланд А. И.* Психотерапия в сети противоречий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 3. 2006. № 1. С. 46–67.
- Ушаков Д. В.* Системность в психологии интеллекта – теория, подход, методология // Идея системности в современной психоло-

гии / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 236–261.

Юревич А. В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. № 5. С. 35–47.

Evidence-based practice in psychology // *American Psychologist*. 2006. V. 61. № 4. P. 271–285.

Levant R. F. Evidence-based practice in psychology // *Monitor on Psychology*. 2005. № 36 (2).

Theoretical and experimental psychology and practice: new horizons

*A. L. Zhuravlev**, *D. V. Ushakov*** (*Moscow*)

* academician of RAS, Doctor of psychology,
Institute of Psychology, RAS

** member of.-corr. RAS, Doctor of psychology,
Institute of Psychology, RAS

The article deals with the problems encountered in the interaction of theoretical and experimental psychology and some areas of psychological practice. Different types of this interaction, as well as the prospects of evidence-based psychological practice are distinguished. It is argued that the possibility of deepening this interaction through the construction of holistic theoretical models of human and the development of methods of analysis of big data.

Keywords: psychological practice, psychotherapy, theory and experiment in psychology.

Современная интерпретация идей А. В. Брушлинского: от холистического мышления к психологии человека как духовного преобразующего себя субъекта

В. В. Знаков (Москва)

*доктор психологических наук, профессор,
ФГБУН «Институт психологии РАН»; e-mail: znakov50@yandex.ru*

В статье анализируются три проблемы, которые важны как для А. В. Брушлинского, так и для современных исследований в разных областях современного социогуманитарного познания. Первая проблема – аналитичность и холистичность мышления людей. Вторая – анализ изменения угла зрения ученых на соотношение статики и динамики современного мира. Третья проблема заключается в необходимости переосмыслить деятельностные основания формирования духовности и других психологических качеств активного, преобразующего себя субъекта. Делается вывод, что направленность на преобразования человеком себя проявляется во многих видах современных психологических исследований – самодетерминации, изучении изменений в осознании собственной идентичности и других. Общим социогуманитарным контекстом этих исследований послужили размышления М. Фуко и П. Адо, а конкретно-психологическим – публикации А. В. Брушлинского. Используя метафору М. Фуко, именно А. В. Брушлинского в этой области психологического знания следует называть «основателем дискурсивности».

Ключевые слова: холистичность мышления, деятельность духовность, самопреобразование человека.

Все мы знаем высказывание известного поэта и критика XIX века Аполлона Григорьева: «Пушкин – это наше все». Сегодня огромное число российских психологов, причем разных поколений, хотя и не буквально, а метафорически могут сказать то же об Андрее Владимировиче Брушлинском. Что значит «все» и не является ли оно яв-

ной гиперболой? Не такое уж это и преувеличение, если проанализировать диапазон проблем, которые были объектами и предметами исследований ученого. К ним относятся вопросы о наследственных предпосылках психического развития, соотношении биологического и социального в развитии личности; принцип детерминизма, соотношение внешних причин и внутренних условий в детерминации психики; проблема дискретности – недизъюнктивности и непрерывность организации психических процессов; проблема общественно-индивидуального в психике человека и культурно-историческая теория мышления; мышление как процесс и проблема деятельности; идущие от С.Л. Рубинштейна исходные положения субъектно-деятельностной теории и проблема субъекта в психологической науке; наконец, психология субъекта как целостная область психологического знания, психология созидания, ориентированная на анализ таких ценностей, как свобода, духовность, нравственность, гуманизм.

В докладе я рассмотрю только три проблемы, значимые для исследований А. В. Брушлинского и развивающиеся в разных областях современного социогуманитарного познания. Во-первых, это мировоззренческая проблема аналитичности – холистичности мышления. Во-вторых, изменение угла зрения на соотношение статики и динамики современного мира. В-третьих, необходимость переосмысления деятельностных оснований формирования духовности и других психологических качеств активного, преобразующего себя субъекта.

Холистичность мышления

Начиная со второй половины XX в. аналитический и холистический стили мышления людей находятся в фокусе внимания ученых, работающих в самых разных областях социогуманитарного познания. Их исследования охватывают широкий диапазон проблем – от онтогенеза индивидуального развития до кросскультурного сравнения мировоззрений жителей Восточной Азии, Западной Европы и Северной Америки. Современные научные представления об аналитичности/холистичности обобщены в теоретической модели, разработанной Р. Е. Нисбеттом с коллегами (Nisbett et al., 2001). Модель включает четыре основных признака аналитического и холистического типов мышления и понимания субъектом мира: фокус внимания, отношение к противоречиям, восприятие изменений и каузальная атрибуция. Как показывают некоторые психологические исследования, креативные субъекты явно предпочитают холистический стиль мышления и способ решения задач (Zhang, 2002). По моему мнению, это, безусловно, относится к А. В. Брушлинскому.

В основании холистического стиля мышления лежит признание уникального свойства мира быть в конечном счете неделимым и неразложимым на множества целым. На убеждении в неделимости, неделимонности, целостности мира человека строятся все его исследования. Как уточняет А. В. Смирнов, «целостность — ни в коем случае не целое, которое сложено из частей и распадается на части, о котором спорят, равно ли оно сумме своих частей или больше их. Целостность вообще не противопоставляется части. Целостность такова, что как будто замкнута на себя; но замкнута без того, чтобы иметь сдерживающие ее границы... Целостность раскрывает себя через обращенность к себе» (Смирнов, 2015, с. 173).

Убеждение в целостности многомерного мира человека играет роль одного из внутренних условий холистического мышления, потому что существует в психике познающего субъекта исходно, т. е. до категориального различения вещей. Психологам, особенно когнитивистам и специалистам по психологии понимания, это напоминает вневременные, внекультурные матрицы — интерпретационные схемы, фреймы, сценарии, ментальные репрезентации. Еще раз подчеркну, что целостность является внутренним условием холистического мышления, формирующимся в психике субъекта до осознания и понимания им того, что представляет собой целое. Из этого, в частности, следует, что целостность никогда не сводится к сумме ее частей: в социогуманитарном познании фрагментарность знания не означает невозможности построения человеком целостной картины мира.

Целостность психики субъекта, его системность, холистичность являются ключевыми моментами многих исследований А. В. Брушлинского. Не случайно, одна из его статей называется «Целостность субъекта — основание для системности всех его качеств» (Брушлинский, 2006, с. 510–523). Безусловно, холистична и вершина его творчества — психология субъекта. По его мнению, обоснованному во многих публикациях, именно категория субъекта наилучшим образом подходит для такого целостного изучения человека, которое способствует интеграции, объединению темперамента, черт личности, характера, активности и т. д. в интегративной индивидуальности человека. «Целостность, единство, интегральность субъекта есть основание для системности всех его, часто весьма противоречивых и трудно совместимых психических качеств» (там же, с. 525).

Несмотря на кажущуюся парадоксальность этого способа рассуждений, для объяснения психологической природы холистичности в современном научном познании чаще используется процессуальный подход к анализу психических явлений, чем структурный.

В частности, в российской науке процессуальный подход применительно к психологии личности, развивается в работах Н. В. Гришиной и С. Н. Костроминой (Костромина, Гришина, 2018). Как утверждает американский психолог П. Джордано, целостную личность лучше всего понимать как процесс, а не как структуру. Это неудивительно, потому что процессуально центрированный подход к личности описывает ее как открытую, динамичную, изменяющуюся систему. В структурно центрированном подходе, ориентированном на западную модель онтологии бытия (Giordano, 2015), психологи изучают относительно стабильные личностные черты или целостную структуру Я. В этом подходе наиболее значимыми для психологического исследования личности признаются сравнения между индивидом и группой. В процессуальном подходе, культурным и философским основанием которого является онтология становления, внимание психологов фокусируется на понимании процессов и вариаций внутри человека, а также на их временной трансформации. Аксиомой процессуально центрированного подхода является объединение людей и ситуаций. Индивидуальная личность не может быть адекватно понята вне контекста, отдельные люди и ситуации неразделимы и взаимно связаны друг с другом (Giordano, 2017). Очевидно, что основные принципы процессуального подхода соответствуют четырем признакам холистического мышления по Р. Е. Нисбетту. «Фокус внимания» отражает склонность человека анализировать явления и социальные ситуации с учетом фона, контекста, в который они погружены. «Каузальная атрибуция»: для холистического полюса мышления характерен интеракционизм, т. е. склонность человека искать причины тех или иных событий и явлений в окружающей среде. «Восприятие изменений» — это холистическая склонность воспринимать события или явления не как статичные и неизменные, а как нелинейные и циклические. Наконец, «толерантность к противоречиям»: стремление так синтезировать противоречия в единое непротиворечивое целое, чтобы две противоречивые точки зрения воспринимались как нечто единое и потенциально объединяемое (Nisbett et al., 2001).

Действия как основа мироздания

Такая на первый взгляд чересчур обобщенная формулировка в том или ином виде содержится в публикациях, относящихся к самым разным наукам. Современные социологи говорят о том, что социокультурная реальность представляет собой «не статическое состояние, а динамический процесс, она происходит, а не существует, она

состоит из событий, а не из объектов» (Штомпка, 1996, с. 266). Философ и арабист А. В. Смирнов видит логико-смысловую картину арабо-мусульманского мира как многообразие действий, по его мнению, мир состоит не из вещей-субстанций, а из вещей-процессов. Он объясняет это так: «Нам непривычно, быть может, называть вещью процесс. Но если мы понимаем под вещью нечто зафиксированное в качестве основания различения, нечто, способное стать носителем предикатов, то именно процесс должен быть назван здесь вещью. Процессуальность задает иную архитектуру сознания: оно устроено иначе, это верно; оно по-другому выстраивает полотно осмысленности» (Смирнов, 2015, с. 137). Философские рассуждения западных ученых о вещно-предметной онтологии бытия и динамической онтологии становления (Being and Becoming ontologies – Giordano, 2015) находят конкретное воплощение в различных направлениях психологической науки. П. Джордано применяет их для построения процессуально центрированной модели личности (Giordano, 2017). В экзистенциальной психологии со времен М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра известно, что «существование предшествует сущности». Д. А. Леонтьев, анализируя взгляды И. Пригожина, отмечает, что деятельность первична по отношению к психическим образованиям, а «актуальный, протекающий здесь и теперь процесс первичен по отношению к устойчивым структурам, которые являются скорее следствиями этого процесса» (Леонтьев, 2018, с. 11). В психологических исследованиях Я-концепции сегодня наблюдается смещение фокуса внимания ученых с определения Я как совокупности личностных качеств на динамические способы конструирования Я, в которых разные его интерпретации становятся конкретными методами формирования субъектности.

Для А. В. Брушлинского диалектическая изменчивость природного и социального миров (включающих в том числе и не изменяющиеся в течение какого-то времени объекты) была аксиомой. Неудивительно, что он рассматривал мышление как «отражение непрерывно меняющихся существенных условий жизни» (Брушлинский, 2006, с. 374).

Фактически сказанное выше означает, что в современной науке в известной формуле «Бытие определяет сознание» сегодня акцент целесообразно делать на первой ее части – бытии. Отсюда вытекают принципиальные следствия для психологии личности. В XX веке мы искали в ней устойчивые структуры и называли их свойствами – тревожность, ригидность, макиавеллизм и т. п. Теперь пришла пора задуматься над тем, как в сложном мире, по словам Л. И. Анцыферовой, «изменить себя, не изменяя себе». Иначе говоря, в изменчи-

вом мире психологи должны изучать динамику становления субъектной сущности человека, не утрачивая его внутреннего стержня, индивидуально-личностного своеобразия.

Деятельность—духовность—субъект

После А. Н. Леонтьева в отечественной психологии количество публикаций, в названии которых упоминается слово «деятельность», резко сократилось. Сегодня почти нет исследований, методологическим основанием которых действительно является теория деятельности, а методики учитывают ее единицы — мотивы, цели, действия, операции. Некоторую надежду на современное переосмысление оснований психологической теории деятельности дает масштабный цикл исследований А. В. Карпова. В нем «предпринята попытка охватить единым теоретико-методологическим подходом основные аспекты фундаментальной общепсихологической проблемы деятельности, в качестве которых выступает совокупность базовых гносеологических планов исследования — метасистемного, структурного, функционального, генетического и интегративного» (Карпов, 2015, с. 2).

Важность новых взглядов на проблемы деятельности в современном междисциплинарном научном контексте очевидна хотя бы потому, что без психологического анализа деятельности невозможно сколько-нибудь полно раскрыть содержание основных понятий психологии человека — «психика», «субъект» и др. Сегодня становится очевидным, что центральное место среди них занимает феномен духовности. Духовность — самое человеческое в человеке, отличающее его от остального живого. Духовность — стержень развития субъекта, формирования в человеке субъектных качеств. Хочу особо подчеркнуть, что для меня духовность не тождественна ни религиозности, ни нравственности — она в равной мере присуща всем людям, верующим и атеистам. В духовности, во-первых, интегрируются, объединяются интеллектуальные и нравственные устремления субъекта. Во-вторых, и, может быть, это главное в психологическом описании этого феномена, духовные устремления человека отражают его попытки выйти за пределы обыденной жизни и прикоснуться к иным, более глубоким и одновременно возвышенным уровням человеческого бытия. Духовные состояния противостоят материальной природе человека и мира: к вершинам духовного бытия субъект поднимается в редкие моменты интеллектуальных озарений и разрешения нравственно трудных этических конфликтов. Способы разрешения противоречий, конфликтов, являясь мерой проявления активности, самореализации, интегративности конкретных свойств личнос-

ти, определяют те индивидуально-неповторимые качества человека, в которых он выражает себя именно как субъект — деятельности, общения, созерцания, постижения и т. п. В такие моменты в его личностном знании, индивидуальном опыте саморазвития появляется нечто большее, чем «приземленный» образ, модель внешних событий: возникает их внутренний смысл — психологическая основа формирования духовной сущности того, что стало предметом интеллектуальной и нравственной рефлексии субъекта.

Духовность как психическое состояние включает в себя и направленность на самотрансформацию внутреннего мира субъекта, и трансценденцию, такой выход за пределы себя, который предполагает абстрагирование, временное отчуждение человека от своей телесной оболочки. Достижение такого состояния всегда предполагает сознательную, а иногда и бессознательную работу над собой или, иначе говоря, деятельность. Это хорошо понимал А. В. Брушлинский: в его избранных сочинениях категория «духовность» встречается более шестидесяти раз. На уровне определения суть обсуждаемого феномена точно подметил В. П. Зинченко: «Духовностью называют поиск, практическую деятельность, опыт, посредством которых субъект осуществляет в самом себе преобразования, необходимые для достижения истины, для самоопределения. Точнее, духовность — духовно-практическая (не утилитарная) деятельность по самосозиданию, самоопределению, духовному росту человека. Без нее невозможны ни самостоянье человека, ни величие его» (Зинченко, 2003, с. 86).

В современной научной литературе воплощение в одном феномене деятельностных, саморефлексивных и трансцендентных компонентов представлено в категории «духовно-практического знания». Общим социогуманитарным контекстом его разработки послужили размышления М. Фуко и П. Адо (Адо, 2005; Фуко, 2007), а конкретно-психологическим — публикации А. В. Брушлинского (Брушлинский, 2006). Основой научных взглядов названных ученых стали два принципиальных соображения:

- 1) для понимания мира, познания истины субъект не может оставаться таким, какой он есть: достигнув высшего уровня активности, целостности, автономности, человек должен еще преобразоваться, преодолеть самого себя;
- 2) познание неразрывно связано с деятельностью, а декларативное знание (знаю «что») с процедурным (знаю «как»).

Из этих оснований в психологии развивается не субъектный, а субъектно-деятельностный подход А. В. Брушлинского. В философии — идущее от античных мыслителей и творчески развитое М. Фуко

и П. Адо представление о том, что наша собственная жизнь является произведением, которое мы должны создать. Способами создания являются «практики себя» (Фуко, 2007) и «духовные упражнения» (Адо, 2005).

Именно в этом контексте, объединяя два ключевых понятия, «духовность» и «практика», следует говорить о духовно-практическом знании. Для раскрытия его содержания необходимо обратиться, прежде всего, к феномену «духовного знания» (Фуко, 2007). М. Фуко полагал, что без обращения взгляда субъекта вовнутрь, без постижения себя, без духовных усилий, направленных на собственное преобразование, возможно получение только познавательного (когнитивного) знания. Познанию внешнего мира теоретически противостоит духовное знание, которое является пониманием человека, его души, внутреннего мира. Главное, что нужно для его возникновения, — это изменение, перемещение взгляда: на мир и на себя. Смещение взгляда позволяет увидеть вещи иначе и одновременно оценить их. Кроме того, духовное знание построено на таком самонаблюдении и самопонимании, в котором субъект становится способным «уловить себя самого в своей реальности», увидеть себя, как он есть на самом деле. Духовное знание — атрибут не познания, а бытия человека в мире: «Субъект не только открывает для себя свою свободу, но и находит в ней форму существования, приносящую ему все счастье и совершенство, на которые он способен» (там же, с. 335).

Духовное знание отличается от познавательного, отражающего внешний мир, но ничего не меняющего в самом познающем субъекте. Категория «духовное знание» очень созвучна с рубинштейновским пониманием человека не только как субъекта познания и действия, но и как субъекта этического и эстетического отношения. Последнее формируется благодаря «онтологизации» человеческой жизни, человеческого способа существования. Познавательное знание абстрактно или конкретно отражает мир, а духовное и неразрывно связанное с ним духовно-практическое указывают, как можно познавать и действовать в ходе преобразования эмпирической, социокультурной и экзистенциальных реальностей. Кроме того, в таком знании образ мира виден сквозь призму человеческих потребностей и интересов. Духовно-практическое знание учит нас тому, как относиться к миру человека, другим людям и самому себе.

Действия, направленные на самоизменение, поиски, практику, опыт Фуко называет духовностью. Напомню, что А. В. Брушлинский тоже называл духовностью реализующиеся в человеческой жизни цели, устремления и смыслы (например, идею социальной справедливости). Он подчеркивал, что духовное — «это не *над*психическое,

а различные качества *психического* как важнейшего атрибута субъекта (Брушлинский, 2006, с. 601).

Таким образом, интеллектуальность, нравственность субъекта и его направленность на приобщение к необычным формам бытия проявляются в необходимых для этого практических действиях, техниках, упражнениях. Согласно П. Адо, духовные «упражнения являются творчеством не только мысли, но всей психики индивида; оно особенно раскрывает настоящий масштаб этих упражнений: благодаря им, индивид возвышается к жизни объективного Духа, т. е. снова помещает себя в перспективу Всего („увекочить себя, себя превосходя“)» (Адо, 2005, с. 22). Духовные упражнения необходимы для преобразования бытия и, соответственно, видения мира субъектом. «Следовательно, они обладают не только моральной, но также и экзистенциальной ценностью. Речь не идет о кодексе хорошего поведения, но об образе бытия в глубочайшем смысле термина. Название „духовные упражнения“ в общем-то оказалось наилучшим, потому что оно означает, что речь как раз идет об упражнениях, вовлекающих в себя весь ум» (там же, с. 67). Духовные упражнения П. Адо рассматривает как практики, направленные на формирование души и полное изменение бытия.

Именно духовно-практическое знание является наиболее подходящим для анализа тех изменений, которые характеризуют второй этап развития психологии субъекта. На первом, фактически содержательно-структурном познавательном этапе психологам было важно получить достоверное знание о субъекте. Этот этап развития обсуждаемого научного направления характеризовался направленностью исследователей на получение знаний о раскрытии человеком своего Я (способностей, мотивов, интересов) и присвоении форм субъектности, лежащих в основе определенной профессиональной практики. Как это и закономерно для становления любого нового научного направления, на содержательно-структурном этапе психологами активно обсуждались определения субъекта, разные точки зрения на его понимание, критерии субъектности человека и другие аспекты проблемы. На втором этапе, наступившем судя по публикациям в десятые годы нашего столетия, главными становятся те условия, в которых реализуется самотрансформация субъекта, и те приемы, например, духовные практики, с помощью которых она происходит.

Заключение

Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке ак-

тивного начала — к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. Человек конструирующий, т. е. заботящийся о себе живет в неопределенном и даже хаотичном мире, в котором невозможно категорично, а не размыто определить себя. Вместе с тем направленность на самопреобразования соответствует многим направлениям современных психологических исследований — самодетерминации, изучению изменений в осознании собственной идентичности и др. Сегодня нам важно осознавать, что именно А. В. Брушлинского в этой области психологического знания, используя метафору М. Фуко, можно назвать «основателем дискурсивности». Его заслуга не только в том, что он породил новые тексты по психологии субъекта (его критериях, структурных характеристиках и т. д.). Он создал нечто большее: возможности и правила рассуждений, указывающие на бесконечную вариативность дискурсов — допустимых направлений психологических исследований субъекта и правил образования научных текстов о нем.

Самотрансформация, самопреобразование субъекта характеризуют не только область психологического знания, но и работающих в ней ученых — как учеников А. В. Брушлинского, так и других. В частности, я, описывая признаки второго этапа развития психологии субъекта, изменяю не только это предметное поле, но и себя как субъекта научной деятельности. И это нормально: на этом пути нас ждет еще немало открытий и перспективных направлений исследований.

Литература

- Адо П.* Духовные упражнения и античная философия. М.—СПб.: Степной ветер—ИД «Коло», 2005.
- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Зинченко В. П.* Деятельность. Знание. Духовность // Высшее образование в России. 2003. № 5. С. 81—91.
- Карпов А. Б.* Психология деятельности. В 5 т. Т. I: Метасистемный подход. М.: РАО, 2015.
- Костромина С. Н., Гришина Н. В.* Процессуальный подход в психологии личности // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 506—512.
- Леонтьев Д. А.* Илья Пригожин и психология XXI века // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 3. С. 9—14.

- Смирнов А. В.* Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Фуко М.* Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеже де Франс в 1981–1982 уч. году. СПб.: Наука, 2007.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Giordano P. J.* Being or becoming: Toward an open-system, process-centric model of personality // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2015. V. 49. Iss. 4. P. 757–771.
- Giordano P. J.* Individual personality is best understood as process, not structure // Culture and Psychology. 2017. V. 23. Iss. 4. P. 502–518.
- Nisbett R. E., Peng K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition // Psychol. Rev. 2001. V. 108. № 2. P. 291–310.
- Zhang L. F.* Thinking styles: their relationships with modes of thinking and academic performance // Educat. Psychol. 2002. V. 22. № 3. P. 331–348.

**A modern interpretation of the ideas of A. V. Brushlinsky:
from holistic thinking to human psychology
as a spiritual human being who transforms himself**

V. V. Znakov (Moscow)

Doctor of psychology, Professor, Institute of psychology, RAS

The article analyzes three problems that are important both for A. V. Brushlinsky and for modern research in different areas of modern socio-humanitarian knowledge. The first problem is analytical and holistic thinking of people. The second – the analysis of change of a point of view of scientists on a ratio of a statics and dynamics of the modern world. The third problem consists in need to rethink the activity bases of formation of spirituality and other psychological qualities of the active, transforming itself subject. It is concluded that the focus on the transformation of man himself is manifested in many areas of modern psychological research – self-determination, the study of changes in the awareness of their own identity and others. The General sociohumanitarian context of these studies was the reflections of M. Foucault and P. Ado, and specifically-psychological – publications of A. V. Brushlinsky. Using the metaphor of M. Foucault, it was A. V. Brushlinsky in this area of psychological knowledge, should be called “the founder of discourse”.

Keywords: holistically thinking, spirituality, self-transformation of man.

Развитие идеи единства интеллекта и аффекта: от работ О. К. Тихомирова к современным исследованиям интеллектуально-личностного потенциала человека

Т. В. Корнилова (Москва)

доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: tvkornilova@mail.ru

В статье представлено развитие идеи единства интеллекта и аффекта в современных исследованиях, основы которого были заложены в работах О. К. Тихомирова, выдвинувшего положения о структурирующей функции мотива в регуляции мышления, об опережающем отражении как продуктивной функции эмоций, о динамической иерархизации процессов при принятии решений. Общей теоретической базой этих исследований выступили положения о единстве функционирования *интеллектуально-личностного потенциала* человека и роли отношения человека к неопределенности в динамике опосредствующих процессов, положенные в основу концепции *множественной и многоуровневой регуляции решений*.

Ключевые слова: единство интеллекта и аффекта, динамические регулятивные системы, принятие решений, самосознание, толерантность к неопределенности, мотивация, креативность, эмоциональный интеллект.

Идея *единства интеллекта и аффекта* в работах Л. С. Выготского (в частности, в книге «Мышление и речь») включила тезис о том, что мысль рождается не из другой мысли или слова, а из мотивирующей сферы сознания человека. Применительно к анализу становления мыслительной деятельности эта идея раскрывалась позже в исследованиях школы О. К. Тихомирова – ученика А. Р. Лурии и сотрудника А. Н. Леонтьева. *Мотивирующая сфера* стала пони-

* Исследование выполнено при поддержке грантом РФФИ № 17-06-00130а.

маться в психологии более широко, включив в себя разные уровни психологической регуляции — от иерархии глубинной мотивации до уровня самосознания личности, от регулятивной роли эмоций до эмоционального интеллекта, от личностных черт до индивидуально-стилевой регуляции решения проблем и принятия решений. Сегодня тема «сознание и эмоции» развивается во многих направлениях, в том числе в психофизиологии, уже безотносительно к смысловой теории мышления.

В нашей совместной книге (Корнилова, Тихомиров, 1990) предположение о едином функционировании интеллектуальной и личностной сфер было рассмотрено применительно к *принятию решений* человеком. В этом аспекте О. К. Тихомировым оно было конкретизировано как возможность выхода на ведущий уровень регуляции решений любого процесса, что дало основание нового подхода к классификации видов принятия решений. Они теперь могли называться *эмоциональными, волюнтаристскими, интеллектуальными* (или другими) именно в зависимости от состоявшейся (а не исходно заданной) регуляции; и представление о множественности процессов интеллектуального и личностного опосредствования решения включило также идею их функционально-уровневой и динамической соподчиненности в едином акте решения.

Исходя из концепции *единства функционирования интеллектуально-личностного потенциала* человека как варианта развития идеи единства интеллекта и аффекта применительно к выборам в условиях неопределенности, мы обосновали модель *множественной многоуровневой регуляции решений и действий* человека. В качестве *функциональных единиц*, структурирующих в единую систему разноуровневые (и в разной степени осознаваемые) процессы — при ведущей цели принятия решения как выбора из альтернатив в условиях неопределенности, — выступили гипотетические образования, названные нами *динамическими регулятивными системами — ДРС*. Они одновременно включают компоненты, условно относимые к шкалам измерений *интеллекта, свойств личности и новообразований* (как показателей *усилий*, приложенных субъектом для преодоления ситуации неопределенности) (Корнилова, 2016). ДРС — это динамические образования, не складывающиеся в жесткие контуры регуляции принятия решений; и они скорее выступают интерпретационными конструктами для понимания связей, устанавливаемых в эмпирических исследованиях с одновременными измерениями интеллекта, личностных свойств и качества стратегий (решений или выборов человека).

Отметим, что далеко не все личностные свойства включаются функционально в ДРС, а в первую очередь те, которые отражают от-

ношение человека к неопределенности. Соответственно направленность наших исследовательских усилий была связана с апробацией диагностических средств для измерения *толерантности и интолерантности к неопределенности* (опросник С. Баднера, Новый опросник толерантности – интолерантности к неопределенности – НТН и др.). При изучении связей переменных интеллектуально-личностного потенциала с тенденциями и особенностями предпочитаемых решений, или выборов, применялось множество экспериментальных процедур для выявления показателей стратегий принятия решений – от материала игровых моделей до вербальных задач (с представленностью в них профессиональных и житейских ситуаций, возможности проявления личностных и интеллектуальных оснований выборов). Рассмотрим некоторые из этих исследований, которые позволили нам говорить о ложности дихотомий рационального и иррационального выбора, интеллектуального и личностного, рефлексивного и интуитивного.

При изучении моральной регуляции выборов совместно с И. Г. Чигриновой нам удалось построить структурную модель, в которой были определены соотношения между латентными переменными Принятия и Непринятия неопределенности, Ценностных ориентаций на свое Я и Другого (представленных теперь не только измеренными переменными от до-конвенционального уровня «автономной морали» до собственно личностного – пост-конвенционального, но и связями с другими личностными свойствами, в частности макиавелизмом и готовностью к риску) и предпочтениями выборов в пользу принятия неопределенности или использования других людей для достижения своих целей (Корнилова, Чигринова, 2012). Нравственное самосознание личности выступило при этом не отдельным уровнем личностной регуляции, а интегрирующим в направленности выбора взаимосвязи переменных, охватывающих динамическое отношение к неопределенности и отношение к себе и другим людям.

М. А. Чумаковой (Чумакова, 2010) была продемонстрирована мотивационная опосредствованность решений (от житейских – на материале вербальных задач – до творческих, с использованием базовых знаний) и было, в частности, показано, что степень включенности глубинной мотивации (применялся опросник Личностных предпочтений А. Эдвардса) в регуляцию выборов связана с принадлежностью испытуемых к группам лиц с более высоким или низким интеллектом. Положение о *структурирующей функции мотива*, разработанное в рамках теории смысловой регуляции мышления (Тихомиров, Богданова, 1983), стало необходимым изменить в конкретизации развития когнитивных способностей человека, поскольку

было установлено, что они оказывают парциальное влияние на разных этапах регуляции процесса ПР: на этапе ориентировке в ситуации в процессе регуляции ведущую роль играют пространственные способности субъекта, а на этапе окончательного формулирования решения – вербальные (применялся тест Р. Амтхауера). В этих работах было показано, что представленность мотивационных компонентов в ДРС, формирующихся при решении конструктивной задачи, связано с уровнем субъективной неопределенности ситуации, а интеллектуальные и мотивационные процессы могут меняться по соподчинению в единой системе регуляции выбора.

На материале прерывания видеоклипов – с прогнозом продолжения сюжетов – была прослежена связь уровней мотивации (по опроснику А. Эдвардса) с индивидуально-стилевыми особенностями – рационально-аналитического и интуитивного стилей принятия решений (Степаносова, Корнилова, 2006). В последующем удалось выявить *динамические профили* предпочтений в индивидуально-стилевой регуляции решений (Chumakova, Kornilov, 2013) и особенности их мотивационной регуляции и саморегуляции у лиц разных профессий – военнослужащих, управленцев среднего звена, риелтеров, преподавателей, врачей.

При сравнении выборов «за себя» и советов в выборе другому (близкому) человеку показано, что медицинские работники – врачи и фельдшеры скорой помощи – допускают риск *для себя* при отказе от *риска для другого*, однако демонстрируют большую уверенность при выборах за другого человека (Каменев и др., 2018). Шкалы *глубинной мотивации* (по опроснику А. Эдвардса) в большей степени были связаны с предпочтением выборов (рисковать или нет), а шкалы *саморегуляции* (по опроснику В. И. Моросановой) – с уверенностью в выборе, которая в свою очередь была связана с готовность к риску (по опроснику Личностные факторы решений – ЛФР).

Исследования *готовности к риску* и субъективной *рациональности* проводились в ряде циклов наших работ, обобщенных в монографии (Корнилова, 2016). Готовность к риску в качестве измеряемой личностной переменной выступила составляющей *латентной* переменной Принятие неопределенности и риска, включенной в ряд структурных моделей, конкретизирующих обобщения эмпирически устанавливаемых связей между личностными переменными и принятием решений. Эти свойства оказывались важными для понимания кластеров, объединяющих их с мотивационными переменными для лиц разных профессий и разного образовательного уровня.

Нами были проведены исследования *когнитивных репрезентаций риска* для таких выборов, как военнослужащие, дайверы, врачи,

студенты медицинских и не медицинских специальностей. Их роль для построения более точных гипотез о регуляции принятия решений важна потому, что личностная готовность к риску не прямо проявляется в рискованных выборах или рискованном поведении, но представлена в разной степени на уровне самосознания личности, по-разному структурируется в функциональных связях с другими личностными и интеллектуальными переменными и тесно связана со спецификой ситуаций риска и складывающимся в профессии предпочтениями решений.

Циклы исследований представили развитие идеи единства интеллекта и аффекта в контекстах обращения к общим когнитивным способностям – интеллекту и креативности – и особенно в отношении связей толерантности к неопределенности с эмоциональным интеллектом. Здесь представим ряд работ.

В работе М. А. Новиковой проблема толерантности к неопределенности была рассмотрена в контекстах диалогичного погружения личности в конструирование образа Я и связей Интеллектуальной Я-концепции (как интегративной латентной переменной, включившей разные измерения самооценки интеллекта) с отношением к неопределенности. Была построена структурная модель, согласно которой взаимосвязи между Интеллектом (в множественных манифестациях этой латентной переменной измерениями по тестам и интеллектуальным достижениям, в частности, в учебной деятельности) и Принятием неопределенности и риска (как латентной переменной личностной сферы) опосредствованы интегративной Интеллектуальной Я-концепцией, т. е. уровнем личностного самосознания (Корнилова, Новикова, 2011). Это позволило по-новому взглянуть на взаимосвязи уровней личностной регуляции, а именно подчеркнуть роль не глубинной мотивации, а именно *самосознания* в становлении динамических регулятивных систем. как функциональных единиц интеллектуально-личностного потенциала человека.

В специальном исследовании изучались взаимосвязи *эмоционального интеллекта* (ЭИ) и отношения к неопределенности применительно к условиям возможного взятия подсказки (Корнилова, 2014). В компьютеризированной процедуре «поддержки принятия решения» испытуемый делал выборы «за себя» и «за других». Были установлены неоднозначные связи измеренных свойств человека и актуалгенеза принятия решений: чаще брали подсказку лица со значимо более высокими индексами *толерантности к неопределенности* и низкими – по *интолерантности к неопределенности* и *рефлексивности*. У них же были снижены показатели эмоционального интеллекта – *понимания эмоций*. Расширение информированности

за счет взятия подсказки означало в заданной ситуации приложение больших усилий по преодолению субъективной неопределенности и одновременно расширение поля учитываемых последствий. Эмоциональный интеллект оказался связанным с актуалгенезом решений противоречивым образом: при большей величине ЭИ (понимание эмоций другого человека) наблюдалась меньшая глубина взятия подсказок, и брали подсказки лица со снижением по этой шкале; при этом увеличение времени обдумывания значимо связано с повышением индексов *внутриличностного интеллекта* (восприятию эмоций и управление ими). Если последняя связь может трактоваться в контексте опережающей функции эмоций в регулировании решений, то сопутствие снижения ЭИ с расширением ориентиров решения — при взятии человеком подсказки — свидетельствует о необходимости новых гипотез о роли эмоций в принятии решений.

Дальнейшее раскрытие связей эффективности решений с ЭИ и отношением к неопределенности было продолжено в исследовании Е. М. Павловой. Она сравнила предикторы личностного выбора у студентов творческих профессий и лиц этих же профессий на стадии признанного обществом профессионализма. Это дало возможность проверить гипотезы о связях ЭИ и отношения к неопределенности с выраженностью *креативности*, определяемой по параметрам лабораторных моделей (в методиках Креативные рассказы и Креативные заголовки) и на уровне так называемой «большой К» (признанной социумом креативности). Сравнивались группы режиссеров, композиторов, писателей и студенты, специализирующиеся в этих профессиях. Применялась также методика вербальных задач, в которой задавались проблемные житейские ситуации, в которых при выборе альтернативы участник мог использовать или игнорировать эмоциональную информацию. Альтернативы отличались сочетанием таких характеристик как *использование — не использование эмоциональной информации* и *разрешение — не разрешение* ситуации неопределенности сделанным выбором. Было показано, что люди с более высоким уровнем показателей *эмоционального интеллекта* чаще предпочитают альтернативы, связанные со стремлением использовать эмоциональную информацию. *Толерантность к неопределенности* и *креативность* влияли на предпочтение выбора с *ориентировкой на эмоции другого человека* в вербально заданных ситуациях общения с «близким другом» и «знакомым» в выборке студентов творческих специализаций. У профессионалов (одновременно лиц старшей группы) эти личностные переменные стали ведущими в регуляции ориентировки на эмоциональный контекст при выборе в ситуации «понимания себя», а не межличностного взаимодействия. Установлено

также, что люди, лучше разбирающиеся в своих эмоциях, способны лучше действовать в неопределенных ситуациях, связанных с общением с другими, и понимать эмоции других, но вместе с тем имеют тенденцию стремиться к определенности в «мире идей», проявляя высокие показатели по шкале *интолерантности к неопределенности* (Павлова, Корнилова, 2012).

Представленное исследование показало, с одной стороны, возможность выделения «позитивной триады» *эмоциональный интеллект – креативность – толерантность к неопределенности* и, с другой стороны, связь интегрированности этих свойств с профессиональной принадлежностью. Причем у представителей творческих профессий наблюдалась меньшая интегрированность свойств указанной триады в ДРС (по сравнению с контрольной группой лиц – психологов), и, значит, можно предполагать их более парциальное влияние на выборы (в пользу предпочтения эмоциональной информации в неопределенных ситуациях).

В каждой из представленных работ оказывалось, что формулировка гипотез о соотношении взаимодействия личностных и когнитивных переменных с эффективностью принятия решений должна учитывать противоречивость предполагаемых влияний и различие путей включенности отдельных процессов в становление ДРС. Уже нельзя ставить вопросы о единстве интеллекта и аффекта так, как они звучали более полувека назад. Новые постановки проблем не просто конкретизируют представленные уже в работах О. К. Тихомирова закономерности, но позволяют развивать более сложное понимание динамики регуляции принятия решений как множественных путей их опосредствования активностью, включающей опору на функционирование целостного интеллектуально-личностного потенциала.

Литература

- Каменев И. И., Корнилова Т. В., Разваляева А. Ю. Связи риска при принятии решений с мотивацией и саморегуляцией (на выборке медицинских работников) // Вопросы психологии. 2018. № 1. С. 127–137.
- Корнилова Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016.
- Корнилова Т. В. Толерантность к неопределенности и эмоциональный интеллект при принятии решений в условиях подсказки // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 19–36.
- Корнилова Т. В., Новикова М. А. Самооценка в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 25–35.

- Корнилова Т. В., Тихомиров О. К.* Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М.: Изд-во МГУ, 1990.
- Корнилова Т. В., Чигринова И. А.* Стадии индивидуальной морали и принятие неопределенности в регуляции личностных выборов // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 69–87.
- Павлова Е. М., Корнилова Т. В.* Креативность и толерантность к неопределенности как предикторы актуализации эмоционального интеллекта в личностном выборе // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 39–49.
- Степаносова О. В., Корнилова Т. В.* Мотивация и интуиция в регуляции вербальных прогнозов при принятии решений // Психологический журнал. 2006. № 2. С. 60–68.
- Тихомиров О. К., Богданова Т. Г.* Исследование структурирующей функции мотива // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 6. С. 54–61.
- Чумакова М. А.* Интеллектуально-личностная регуляция в решении задач на конструирование // Вопросы психологии. 2010. № 4. С. 83–93.
- Chumakova M. A., Kornilov S. A.* Individual differences in attitudes towards uncertainty: evidence for multiple latent profiles // Psychology in Russia: State of the Art. 2013. V. 6. № 4. P. 94–108.

**Development of the idea of unity of intelligence and affect:
from O. K. Tikhomirov works to modern intellectual and personal
potential of a person research**

T. V. Kornilova (Moscow)

Doctor of psychological Sciences, Professor,
Lomonosov Moscow state University

This article develops the idea of intellect and affect unity in modern studies. The foundations of it were laid down in the works of O. K. Tikhomirov, who proposed the idea of the motive's structuring function in the regulation of thinking, the anticipating reflection as a productive function of emotions, the dynamic processes hierarchy in decision-making. The general theoretical basis of the study is the unity of one's intellectual and personal potential functioning and the concept of multiple and multi-level regulation of decisions that based on one's attitude towards uncertainty in the dynamics of the mediating processes.

Keywords: unity of intelligence and affect, dynamic regulatory systems, decision making, self-awareness, tolerance to uncertainty, motivation, creativity, emotional intelligence.

Вклад О. К. Тихомирова в методологию психологической науки

И. А. Васильев (Москва)

доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: w_igor@mail.ru

В статье творчество О. К. Тихомирова рассматривается с точки зрения вклада автора в методологию психологического исследования. В творчестве ученого выделяется переломный момент – формулирование тезиса о психике как «порождении новой реальности». С нашей точки зрения, речь здесь идет о смене парадигмы психологического исследования. К последствиям такого «парадигмального сдвига» относятся преодоление дуальности внешнего и внутреннего, признание существования переходных форм между духом и материей в форме существования многомерного мира человека. Эта субъективно-объективная реальность обладает свойствами сверхчувственности, системности, многомерности и удвоенности. Она подчиняется не каузальной, а системной детерминации. Сама же эта реальность существует в границах психологической системы, представляющей собой открытую систему, порождающую новообразования и опирающуюся на них в своем самодвижении.

Ключевые слова: методология психологии, тенденции развития психологической науки, порождение субъективно-объективной реальности, смысл, многомерный мир человека, системная детерминация, психологическая система.

Работа посвящена научному творчеству О. К. Тихомирова (Тихомиров, 1984). Годы идут, а мы, ученики Олега Константиновича, продолжаем возвращаться к его творчеству. Возникает вопрос – почему? Я думаю в том числе и потому, что мы не полностью осознали его вклад в психологическую науку, а особенно его вклад в методологию научного психологического исследования. Мы продолжаем

дело нашего Учителя, и потому для нас принципиально важно правильное понимание его идей. При этом мы сами меняемся и, следовательно, процесс осмысления его творчества продолжается.

Как известно, методология — это поиск пути научного исследования. Олег Константинович искал этот путь неустанно и непрестанно. При этом надо учитывать, что он был не одинок в этих поисках. Речь идет о целостной школе отечественной психологии — школе Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия — как особенно ярких ее представителей. Конечно, можно говорить и о самостоятельном этапе в развитии этой школы, связанном с именем и творчеством О. К. Тихомирова. Но понять творчество этого ученого можно только в контексте всей научной школы, имея в виду преемственность, присущую науке, и продленность научных идей во времени и пространстве.

Здесь, конечно, важно и то, как мы понимаем саму науку. Мы принимаем по этому вопросу ту точку зрения, согласно которой наука — это «человекоразмерная» (В. С. Степин) саморазвивающаяся открытая система. В науке присутствуют объективные тенденции ее развития, о которых Л. С. Выготский писал, что существует «система объективных тенденций... действующих за спиной отдельных исследователей и теоретиков с силой стальной пружины» (Выготский, 1982, с. 324). О. К. Тихомиров очень хорошо чувствовал эти тенденции и пытался в своем творчестве соответствовать им. Главное, что он, как и Л. С. Выготский, искал переходные формы между духом и материей.

В творчестве Олега Константиновича есть переломный момент — его также можно назвать ключевым, решающим, критическим. Точнее за этим «моментом» высвечивается процесс, приведший к формулированию тезиса: «Перед современным отечественным психологом, изучающим природу психического, лежат, по крайней мере, два пути. Один состоит в конкретизации представлений о психике как «отражении» реальности, второй — в разработке представлений о психике как порождении новой реальности. Я выбираю второй путь» (цит. по: Климов, 1992).

Если и здесь Олег Константинович правильно уловил тенденцию развития психологической науки, то этот тезис имеет далеко идущие последствия для психологии. Ведь речь идет о смене парадигмы — не субъективное отражение объективной реальности, а «порождение новой реальности». Возникает вопрос — какой именно «реальности»? Ясно, что речь идет не об «объективной реальности». На то она и объективна, что существует «вне», «до» и «без» человека. Это амодальный мир (по А. Н. Леонтьеву), он является «чужим» для человека, не освоен и не присвоен им, не очеловечен и только

потенциально может стать человеческим. Тогда, может быть, речь идет о «субъективной реальности»? Но тогда это тривиально и ничем не отличается, например, от воображения или фантазии. Да и можно ли всерьез говорить о «субъективной реальности» в онтологическом значении слова реальность?

Но если не «объективная реальность» и не «субъективная реальность» (а других видов реальности классическая психология не знает), то что же тогда? Олег Константинович побуждает нас к поиску переходных форм между духом и материей, внешним и внутренним, субъективным и объективным, психическим и физическим, т. е. к преодолению дуальности, господствовавшей в философии и психологии на протяжении столетий. Это и есть методологический прорыв — прорыв к признанию переходных форм между духом и материей, прорыв к третьей форме реальности, из которой «все и происходит», в том числе и сознание. Что же это за реальность, что за «неопознанный психологический объект»? В. Е. Клочко, прямой ученик и последователь О. К. Тихомирова, первым обратил серьезное внимание на тезис О. К. Тихомирова о «порождении реальности».

Следует сказать, что на эту «реальность» выходила целая плеяда выдающихся психологов и философов. К этой реальности относится «транссубъектное пространство человека» Д. Н. Узнадзе и попытка с помощью этого понятия теоретически преодолеть «постулат непосредственности, «смысловое поле» Л. С. Выготского, «жизненное пространство» К. Левина, «витальная онтология» С. Л. Рубинштейна, «психологическая ситуация» К. Ясперса, «многомерный мир человека» А. Н. Леонтьева. В этой же связи О. К. Тихомиров говорит о «порождении новой реальности». Эта реальность является одновременно и субъективной, и объективной, т. е. субъективно-объективной.

Рассматривая проблему смысла, А. Н. Леонтьев писал: «Смысл есть, следовательно, не категория самой действительности, взятой абстрактно, отвлеченно от субъекта, но и не категория чисто субъективная. Это есть субъективно-объективная категория» (Леонтьев, 1994, с. 208). Возникает вопрос — для обозначения какой онтологии, какой реальности предназначена категория «смысл»? Ясно, что не только для характеристики сознания, поскольку сознание по определению субъективно. С другой стороны, категория «смысл» не относится к «объективной реальности», постольку на то она и объективная, что не зависит от человеческой субъективности, а существует независимо от человека. Значит, можно предположить, что, по мысли А. Н. Леонтьева, за сознанием стоит некоторая третья реальность, исходно недоступная сознанию, но на основе которой сознание и производится.

В случае признания этой «индивидуальной реальности» возникает, прежде всего, задача ее описания. Средством познания этого особого рода реальности является теоретическое мышление определенного уровня организации. Третья реальность *сверхчувственна*, т. е. она не отражается органами чувств. По этой причине она и открывается мышлением, в основе которого лежит выработанное в науке теоретическое понятие о *порождающем эффекте* психологического взаимодействия. Именно о порождении субъективно-объективной реальности «третьего мира» и говорит О. К. Тихомиров.

Чем же еще характеризуется эта «третья реальность», т. е. какими свойствами, кроме сверхчувственности, она обладает? Следующим ее свойством (вторым) является то, что она является *системным* образованием, т. е. она порождается целостной системой и, соответственно, характеризует всю систему. Возникает вопрос — о какой системе идет речь? Вопрос о системе возникает на третьем уровне системного подхода в психологии (Васильев, 2018). Речь здесь идет о саморазвивающейся системе как предмете постнеклассической науки (В. С. Степин). Для психологии такой системой является целостный человек, понимаемый как «самоорганизующаяся система, т. е. система, порождающая психологические новообразования и опирающаяся на них в своем самодвижении» (Клочко, 2005, с. 101). Сама же идея о психологических новообразованиях, определяющих дальнейший ход мышления, принадлежит О. К. Тихомирову. Итак, порождаемую человеком реальность можно трактовать, используя теоретический конструкт — психологическая система. Эта «третья реальность» и составляет «часть» сверхсложной психологической системы.

Самым точным обозначением этой одновременно субъективной и объективной реальности было бы выражение «мир конкретно-человека». В отечественной психологии постепенно находит себе место и приживается понятие «многомерный мир человека», истоки которого, так же как и понятия «образ мира», находятся в трудах А. Н. Леонтьева. Правда, понятие «образ мира» разработано последователями А. Н. Леонтьева гораздо в большей степени, чем понятие многомерный мир человека. *Многомерность* как раз и является следующим (третьим) свойством, характеризующим субъективно-объективную реальность. Многомерный мир человека понимается как особое пространственно-временное (хронотопическое) образование, формирующееся в ходе жизни человека и усложняющееся по мере приобретения им новых мерностей — *предметности*, связанной со *значениями; реальности*, возникающей вместе с обогащением мира человека *смысловыми* измерениями и *действительности*, благодаря вхождению в мир человека *ценностных* измерений.

В рассматриваемой реальности снимается противоположность «бывшего внутреннего» и «бывшего внешнего», т. е. преодолевается их абсолютность. И то, и другое являются внутренними составляющими по отношению к психологической системе. Сама же психологическая система расширяется и усложняется за счет взаимодействия с «внешним» (исходно «чужим» для системы), делая его внутренним. Теоретически это и позволяет представить человека в качестве сверхсложной открытой самоорганизующейся психологической системы. Эта система порождает новообразования «совмещенной», т. е. субъективно-объективной природы, и опирается на них в своем дальнейшем самодвижении, саморазвитии, самоорганизации и самодетерминации. Эту реальность можно также охарактеризовать как «удвоенную», поскольку она является качественно новым образованием и не сводится ни к субъективному, ни к объективному. Удвоенность можно рассматривать как еще одно свойство, рассматриваемой реальности (четвертое). Через эту реальность человек и получает возможность воздействовать на самого себя, т. е. осуществлять самодетерминацию и реализовывать, таким образом, свои возможности. С нашей точки зрения здесь находит развитие тезис Л. С. Выготского о том, «что человек извне управляет собой».

Психологическое исследование в парадигме «порождения реальности», а не отражения реальности (О. К. Тихомиров) означает отказ от традиционного понимания психики как отражения объективной реальности. Человеческая психика в парадигме «порождения» понимается как такое образование, которое обеспечивает в психологической системе «дальнодействие» человека в его предметных и ценностно-смысловых полях, обеспечивает «продленность» человека в мир и возможность «оседания» субъективного на предметах и явлениях мира. С помощью психики осуществляется и удерживается переход субъективного, понимаемого в качестве текущих состояний человека, в предметный мир и обратное движение мира в сознание человека. Таким образом, психика выполняет роль системообразующего фактора в психологической системе. Такое понимание психики исходит из положения Л. С. Выготского о том, что психика «есть орган отбора, решето, процеживающее мир, и изменяющего так, чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль — не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущения), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т. е. субъективно искажать действительность в пользу организма» (Выготский, 1982, с. 347).

Психологическое исследование в парадигме «порождения реальности» предполагает также отказ от принципа каузального (причинного) детерминизма как исходного для психологии и до сих пор

единственного в ней. Такой отказ происходит в пользу системной детерминации. Дело в том, что причинная детерминация, возникающая в парадигме «отражения», изначально постулирует разделение всего сущего на две реальности: субъективную и объективную. Затем в психологии происходит закрепление «противостояния» этих противоположностей с помощью признания примата или доминирования одной реальности над другой. В этом проявляется «вечный» спор между идеалистической идеей произвола «духа» и материалистической идеей произвола «материи». Материя действует на человека и «навязывается» нашему уму. Этот произвол «материи» закрепляется в психологии посредством принципа детерминизма, постулирующего, что «внешние причины действуют через внутренние условия...»

Системная детерминация предполагает, что во взаимодействии субъекта с объектом порождается новая субъективно-объективная реальность — сверхчувственная, системная, многомерная и удвоенная. Для того чтобы исследовать эту форму реальности необходимо перейти к новой форме психологического мышления. В свое время психологам трудно было перейти от аристотелевского способа мышления, утверждающего, что все качества предмета принадлежат исключительно самому предмету, к галилеевскому способу мышления. Согласно последнему, существуют качества предметов, которые открываются только при взаимодействии противоположностей. В настоящее время психологам необходимо перейти на еще более высокий уровень мышления, чем галилеевский. В основе этого мышления лежит представление о «порождающем эффекте взаимодействия», т. е. о «порождении реальности» по О. К. Тихомирову. При таком способе мышления необходимо признать, что существуют такие качества предметов и явлений, которые порождаются системой и обеспечивают ей возможность самодетерминации. Эти качества становятся «параметрами порядка», обеспечивающими самоорганизацию психологической системы.

Итак, ключевой момент в творчестве О. К. Тихомирова заключается в переходе от принципа отражения объективной реальности к принципу порождения особой субъективно-объективной реальности, т. е. особой онтологии психологии. Эта реальность представляет собой системное новообразование, опосредствующее взаимодействие между человеком и миром «чистой объективности», т. е. амодальным миром по А. Н. Леонтьеву. Это взаимодействие и обеспечивает превращение амодального мира в человеческую «действительность».

О. К. Тихомиров в своей научной деятельности осуществляет выход за пределы той «гносеологической ловушки», в которой оказалась классическая психология, эмпирически определявшая свой предмет,

как психику, сознание. В классической психологии срабатывала «самоочевидность» разделения всего сущего на два вида реальности — субъективную и объективную реальности. Только с помощью теоретического мышления становится возможным понять, что наше «я», т. е. наша субъективность присутствует в мире, тем самым искажая мир (Л. С. Выготский). В мире мы видим только то, частью чего мы сами являемся, при этом мы видим это отдельно от себя — как «объективное», внеположное, «реально существующее», локализованное в пространстве и во времени, т. е. как «вещь в себе и для себя». Человек, таким образом, продлен в мир своей субъективностью.

Следует отметить, что в психологической науке существует явный дефицит теоретических понятий, используемых для описания той реальности, которая открывается при попытках с помощью теоретического мышления проникнуть в пространство, существующее между такими противоположностями как дух и материя, объект и субъект, внешнее и внутреннее, физическое и психическое. Тем самым по-прежнему утверждается постулат непосредственности. В этой связи интересными являются попытки ввести новую терминологию, предпринятые в лаборатории О. К. Тихомирова еще в 60-е годы прошлого века. К ним относятся такие выражения, как «субъективные измерения проблемной ситуации», «ценностно-смысловая структура проблемной ситуации», которые носят явно субъективно-объективную природу.

В рассматриваемом пространстве, т. е. в многомерном мире человека, противоположности сосуществуют в сложном, но вполне упорядоченном единстве, соответствуя друг другу. В силу этого многомерный мир человека оказывается частью самого человека, понятого как психологическая система. Многомерный мир человека является продолжением человека в мир, его «истинным телом» и «истинным бытием». Кроме многомерного мира к основным составляющим психологической системы относятся «образ мира» и «модус жизни» человека, как совокупность его деятельности. Сама многомерность возникает в результате интеграции в очеловеченном пространстве психологической системы объективных и субъективных измерений. Если ставить вопрос о становлении человеческого в человеке, то многомерный мир выступает как самое человеческое в человеке. Исходно именно становление многомерного мира человека и определяет становление образа мира и определенного модуса жизни человека. Когда же человек овладеет всей полнотой координат многомерного мира, т. е. станет суверенной личностью, тогда он получает возможность сам менять свой модус жизни и таким образом влиять на дальнейшее развитие своего мира и образа мира. В психоло-

гической системе существует базовое противоречие между образом мира и модусом жизни человека. В разрешении этого противоречия и проходит жизнь человека.

Литература

- Васильев И. А.* Проблема отражения и порождения смыслов в мышлении человека // Сибирский психологический журнал. 2018. № 67. С. 27–43.
- Выготский Л. С.* Собр. соч. М., 1982. Т. 1.
- Климов Е. А.* Об амбифлекторной природе психического // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 1992. № 1. С. 59.
- Клочко В. Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Томск: Томский государственный университет, 2005.
- Леонтьев А. Н.* Философия психологии. М., 1994.
- Тихомиров О. К.* Психология мышления. М., 1984.

Contribution of O. K. Tikhomirov to methodology of psychological science

I. A. Vasilev (Moscow)

Doctor of psychological Sciences, Professor,
Lomonosov Moscow State University

The creativity of O. K. Tikhomirov is discussed from point of view of contribution of author in methodology of psychological research. It is an important moment in activity of scientist – a formulation of thesis about psychic as “creation of new reality”. There is change of paradigm of psychological research from our point of view. The change of paradigm has consequences: it is overcoming of double-nature of external and internal and acceptance of existence of transitional forms between mind and material substance in form of multidimensional word of man. This subjective-objective reality can be described as supersensible, systematic nature, multidimensional and duplicated. This reality is operated by system determination, but not causal determination. This reality exists in borderline of psychological system. The psychological system is open system, that generates new formations and lean on them in following self determination.

Keywords: methodology of psychology, tendencies of development of psychological science, creativity of subjective-objective reality, sense, multidimensional world of man, system determination, psychological system.

Вклад О. К. Тихомирова в разработку понятийного аппарата культурно-деятельностной психологии

Б. И. Беспалов (Москва)

*кандидат психологических наук, факультет психологии МГУ
им. М. В. Ломоносова; e-mail: bespalovb@mail.ru*

Описаны различия между эмпирическими и теоретическими психологическими понятиями. Рассмотрен вклад О. К. Тихомирова в разработку теоретических понятий культурно-деятельностной психологии, таких как «творческая и рутинная деятельность», «цель», «шаблонная и нешаблонная ориентировка», «познавательная потребность», «интеллектуальная эмоция», «операциональный (неосознанный) смысл». Термин «культурно-деятельностная» психология рассматривается как условное название для психологической концепции, разрабатываемой на основе концепций Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, П. Я. Гальперина и их последователей.

Ключевые слова: культурно-деятельностная психология, эмпирические и теоретические понятия, творческая и рутинная деятельность, операциональный смысл, познавательная потребность, интеллектуальная эмоция.

О. К. Тихомиров внес значительный вклад в построение «культурно-деятельностной» психологии человека, под которой имеется в виду психологическая концепция, разрабатываемая на философской и методологической основе «культурно-исторической» концепции Л. С. Выготского, а также «деятельностных» концепций А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, П. Я. Гальперина и их соратников. В понятийный аппарат культурно-деятельностной психологии входят эмпирические и теоретические понятия об изучаемых предметах, таких как осмысленная деятельность и действия людей, их мотивы и цели, психические процессы и состояния, личностные смыслы, профес-

сионально важные качества и пр.*. Некоторые различия между этими видами понятий описал В. В. Давыдов (1972).

Эмпирические понятия разрабатываются методом «восхождения от конкретного к абстрактному». Они строятся в процессе наблюдения, самонаблюдения, анализа, описания, тестирования *конкретных* психических состояний, процессов, свойства и поведения людей с целью выяснения их смыслов и порождающих причин, объяснения их наблюдаемых особенностей, практического воздействия на них и проч. Такие понятия возникают на начальных этапах изучения предметов, выделяемых интуитивно и описываемых метафорически. В достаточно развитых эмпирических понятиях представлены проявляемые в конкретных условиях и зависящие от них обобщенные отличительные признаки предметов психологического изучения, по которым их можно сравнивать и классифицировать. Однако смысловые и логические отношения между эмпирическими понятиями описаны недостаточно четко и поэтому они не образуют хорошо осознанную и выраженную в языке понятийную систему. По О. К. Тихомирову, «эмпирические обобщения являются одной из основ интуитивного мышления... Существует класс задач, которые решаются человеком лишь на основе эмпирических обобщений и здесь они демонстрируют свое превосходство над теоретическими обобщениями» (Тихомиров, 1975, с. 21). К эмпирическим понятиям относятся, в частности, лексические («словарные») значения психологических терминов, которые учитываются при разработке теоретических понятий, «стоящих» за теми же терминами.

В *теоретических понятиях* отображаются не конкретные проявления изучаемых в психологии предметов, а их более *абстрактная сущность*. Сущность предметов психологического изучения непосредственно не наблюдается, но познается опосредствованно с помощью теоретических понятий, в которых представлены *существенные*, обобщенные и «сверхчувственные» (мыслимые) признаки этих предметов, определяющие их *типы* (виды), а не классы, как в случае эмпирических понятий. Теоретические понятия культурно-деятельностной психологии выражаются такими терминами, как субъект и объект, предмет и средство, мотив и цель, деятельность и действие, условия и способы их осуществления, орудия и знаки, психические процессы и результаты, значения и смыслы и др. Такие понятия

* Понятие отождествляется нами со смысловым значением выражающего его термина, который обозначает отображаемые в понятии предметы психологического изучения. Один и тот же термин (слово или словосочетание) может выражать как эмпирическое, так и теоретическое понятие о предмете.

разрабатываются, как правило, методом «восхождения от абстрактного к конкретному» на основе понятия «взаимодействие» человека или живых существ с миром (Рубинштейн, 2003; Леонтьев, 1959). Содержание теоретических понятий уточняется также при выяснении того, почему, для чего, как и при каких условиях *возникают, функционируют и развиваются* предметы, отображаемые в этих понятиях.

О. К. Тихомиров часто использовал метод «конкретизации» и «дифференциации» абстрактных теоретических понятий культурно-деятельностной психологии. В связи с этим он писал: «Психологическая характеристика мышления в нашей отечественной литературе уже давно связана с использованием таких понятий, как «процесс», «деятельность», «ориентировочная деятельность», каждое из которых в настоящее время нуждается в дальнейшей конкретизации и соотнесении с другими понятиями» (Тихомиров, 1975, с. 9–10). При реализации этого требования он ввел, в частности, новый «параметр: шаблонность или нешаблонность самой ориентировки», дополняющий параметр полноты ориентировочной основы действий: «И полная ориентировка, и неполная ориентировка могут становиться рутинными процессами или приобретать форму собственно творческого поиска» (там же, с. 10).

При конкретизации и дальнейшем развитии понятия «деятельность» О. К. Тихомиров установил ряд существенных различий между творческой и рутинной (не творческой) деятельностью, которые он рассматривал недизъюнктивно: «в реальной действительности любая деятельность человека всегда есть сплав и активных, творческих компонентов, и рутинных. Но пропорция может быть разная. Доминируют рутинные компоненты — мы называем деятельность рутинной. Доминирует поиск чего-то нового — называем такую деятельность творческой» (Тихомиров, 1992, с. 16).

На основании критического рассмотрения признаков творческой и не творческой деятельности, предложенных С. Л. Рубинштейном, Я. А. Пономаревым, Д. Б. Богоявленской и др., он в качестве критерия творческой деятельности (отличающего ее от рутинной) предложил рассматривать «степень выраженности психических *новообразований* (курсив мой. — Б. Б.), которые возникают в деятельности по ходу ее осуществления. Это — новые мотивы, оценки, установки, смыслы, цели, операции. Чем больше эта новизна самих структурных компонентов выражена, чем больше деятельность не носит заданного характера, тем в большей степени она носит творческий характер» (Тихомиров, 1992, с. 17). В связи с таким пониманием творческой деятельности возникает задача дальнейшей конкретизации понятия «деятельность» путем «дифференциации», или различения твор-

ческой деятельности и *развития* деятельности, которое также соотносится с возникновением в ней определенных «новообразований».

При описании отношений между *деятельностью и общением* он отметил, что их «противопоставление неверно... Первично общение включено в совместную деятельность, а дальше они могут „разойтись“, общение может стать самостоятельной деятельностью» (там же, с. 18). Организация уровней деятельности может быть перенесена на общение. Если у общения есть специфический мотив, например, потребность в самом общении, то оно будет одной из форм деятельности («например, телефонный разговор с родственниками, где важен сам процесс общения»). Если же в акте общения реализуется цель (осознанная необходимость получения ответа на вопрос и пр.), то он будет иметь форму действия. Общение может происходить также на уровне операций, автоматизмов («походя бросить слово „привет“ и т. п.»). «Оторвав общение от деятельности, очень трудно понять условия возникновения целей, мотивов. Речь идет не об абстрактных академических спорах, а о стратегии исследований сложных психологических проблем» (там же, с. 18).

Противопоставление или отождествление *деятельности и активности* также является не верным: «деятельность и активность по объему как понятия не полностью совпадают, но это не значит, что деятельность нельзя рассматривать как одно из проявлений активности, наиболее сложную, высшую» (там же, с. 21). По О. К. Тихомирову, «более правильно рассматривать саму деятельность как выражение активности субъекта». При этом активность субъекта может проявляться на разных уровнях: «на уровне операций... когда вы конструируете из имеющегося набора некие новые операции; на уровне целеобразования...когда вы не просто реализуете кем-то сформулированные цели, а сами формулируете новые цели... Еще более сложный уровень – актуализация, порождение новых потребностей, мотивов, установок, смыслов...» (там же, с. 20).

Рассматривая развитое мышление человека как его внутреннюю (по форме преобразуемых предметов) мыслительную деятельность, О. К. Тихомиров конкретизировал положение А. Н. Леонтьева об общности строения внешней и внутренней деятельности. Он писал: «Мышление человека исторически возникает как компонент предметно-практической деятельности. Лишь позднее, в результате общественного разделения труда, оно приобретает форму самостоятельной деятельности. Последнее обстоятельство позволяет распространить на мыслительную деятельность общее учение о деятельности человека, т. е. использовать такие понятия, как „действие“, „операция“, „потребность“, „мотив“, „цель“, „условие“, описывающие

общую структуру деятельности. С другой стороны, изучение своеобразия мыслительной деятельности позволяет обогащать и общие теоретические представления о строении и механизмах психической регуляции человеческой деятельности» (там же, с. 23).

Для описания связи между интеллектуальными (мыслительными) и эмоциональными аспектами процесса решения шахматных задач О. К. Тихомиров ввел понятие «интеллектуальные эмоции», которое было соотнесено с предложенным А. Н. Леонтьевым делением эмоциональных процессов на аффекты, собственно эмоции и чувства. Когда эти эмоциональные процессы включаются в решение познавательных задач и «сплетаются» с интеллектуальными, «то необходимо говорить об интеллектуальных аффектах, интеллектуальных эмоциях и интеллектуальных чувствах. Если же использовать более дробную классификацию эмоциональных явлений, то следует говорить об „интеллектуальном стрессе“, „интеллектуальной фрустрации“ и даже „интеллектуальной агрессии“» (Тихомиров, 1975, с. 17).

В концепциях С. Л. Рубинштейна и А. В. Брушлинского неразрывная связь между интеллектуальными, эмоциональными и волевыми аспектами целостного психического процесса описывается с помощью понятия «недизъюнктивность», нечетко-логическая модель которого предложена нами в работе (Беспалов, 2009). Поскольку в психическом процессе, направленном на решение мыслительной (шахматной и проч.) задачи, интеллектуальный компонент преобладает над эмоциональным, то его можно назвать «преимущественно интеллектуальным» (по Рубинштейну и Брушлинскому) или «интеллектуально эмоциональным» (по Тихомирову). Можно выделить также перцептивные и мнемические эмоции. Например, воспоминание о страшном предмете или его восприятие как страшного можно рассматривать как акты порождения соответствующих мнемических или перцептивных эмоций, предшествующих эмоциональному рассказу об этих предметах.

При рассмотрении познания как познавательной деятельности О. К. Тихомировым введено представление о *познавательных потребностях* человека, имеющих биологическую предысторию в виде «бескорыстного любопытства» животных, проявляющегося в их манипулятивной активности и проч. «Важной особенностью этой потребности является ее относительная автономность по отношению к потребностям, непосредственно обслуживающим поддержание жизнедеятельности особи и вида» (Тихомиров, 1975, с. 18). Проведено различие между «высшими» познавательными потребностями человека и его «естественными» познавательными потребностями.

Последние «аналогичны познавательным или ориентировочным потребностям животных, хотя качественно отличаются от них так же, как и другие естественные потребности. «Естественные» познавательные потребности, например, ребенка раннего возраста могут реализовываться в исследовательской деятельности, при решении задач на практический интеллект и др.» (там же, с. 18). Познавательные потребности разделяются также на сенсорные («сенсорный голод») и «собственно интеллектуальные» познавательные потребности. Последние, в свою очередь, делятся на «потребности в поиске знаний и потребности в производстве, выработке новых знаний», побуждающие творческую познавательную деятельность человека.

Наличие у человека познавательной или другой потребности является необходимым условием порождения целей соответствующих действий и деятельности. О. К. Тихомиров рассматривает три основных значения «термина «цель»: а) осознанный образ будущих результатов; б) предвосхищение будущих полезных для организма результатов; в) формальное описание конечных ситуаций, задаваемых любой системе» (Тихомиров, 1995, с. 68). В деятельностной концепции О. К. Тихомирова и А. Н. Леонтьева этот термин используется в первом значении, т. е. порождение и реализация целей соотносится с уровнем сознательной деятельности человека.

Неосознанные эмоциональные предвосхищения будущих результатов познавательных действий по решению шахматных задач, экспериментально изучавшихся в лаборатории О. К. Тихомирова, проявляются в таких фразах испытуемого, как «кажется, что-то нашел...», «посмотрим, что получится...» и проч. Эти фразы не являются формулировками целей последующих невербализуемых исследовательских актов («попыток и переобследований ситуации»), но выражают порождаемые в этих актах интеллектуальные эмоции и *операциональные смыслы* как самих актов, так и «элементов ситуации» — обследуемых при выборе хода шахматных фигур и полей.

Введенное в работах Тихомирова (Тихомиров, 1969; Тихомиров, Терехов, 1969) понятие «операциональный (невербализуемый) смысл» первоначально было эмпирическим, поскольку отражало и позволяло описывать и объяснять наблюдаемые в экспериментах с регистрацией движений руки и глаз процессы и результаты «проигрывания» возможных ходов слепыми и зрячими людьми при решении ими шахматных задач. Это понятие получило достаточно четкое *теоретическое* определение (Тихомиров, 1984). В этой работе также отмечено, что операциональные смыслы элементов шахматной задачи *отражают*, открывают для испытуемого некоторые функциональные отношения (возможные «взаимодействия») элементов, на-

пример, «поля d5 и f5 под ударом пешки», «пешка препятствует ходу ладьи» и пр., и одновременно *порождаются* в процессе мысленного выполнения возможных шахматных ходов на уровне неосознаваемых операций. Было показано также, что операциональный смысл не совпадает с «объективным ситуационным значением» объекта, «так как из поля объективных значений (функциональных отношений объекта. — Б. Б.) поисковыми актами выделяются лишь некоторые (и меняющиеся) характеристики объекта» (там же, с. 50). Невербализованный операциональный смысл объекта не есть его перцептивный образ, отражающий цвет, форму и положение объекта; это и не понятие, фиксирующее устойчивые, внеситуативные признаки объекта, способы его преобразования, абсолютную ценность; и не личностный смысл, остающийся постоянным при решении задачи, не обладающей для субъекта высокой значимостью; а также не цель, поскольку в ней фиксируются лишь те предвосхищаемые результаты действия, которые выражаются с помощью слова. Рассмотрев невербализованный операциональный смысл как «одну из единиц анализа бессознательного», О. К. Тихомиров (1981) внес также существенный вклад в деятельностную трактовку природы бессознательных процессов и неосознанных смысловых отношений человека к миру.

Литература

- Беспалов Б. И.* Нечетко-множественные модели недизъюнктивности и субъектности психических процессов. Субъектный подход в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 121–136. URL: <http://istina.msu.ru/profile/bespalovbi>.
- Давыдов В. В.* Виды обобщений в обучении (логико-психологические проблемы построения учебных предметов). М.: Педагогика, 1972.
- Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1959.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности человека. М.: Изд-во Моск. Гос. ун-та, 1969.
- Тихомиров О. К.* Теоретические проблемы исследования бессознательного // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 31–39.
- Тихомиров О. К.* Актуальные проблемы развития психологической теории мышления // Психологические исследования творческой деятельности. М.: Наука, 1975. С. 5–22.
- Тихомиров О. К.* Понятия и принципы общей психологии: учебное пособие для слушателей ФПК факультетов психологии. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1992.

Тихомиров О. К., Терехов В. А. Значение и смысл в процессе решения мыслительной задачи // Вопросы психологии. 1969. № 4. С. 66–84.

Тихомиров О. К. Понятия «цель» и «целеобразование» в психологии // Хрестоматия по педагогической психологии / Сост. А. И. Красило, А. П. Новгородцева. М.: Международная педагогическая академия, 1995.

The contribution of O. K. Tihomirov to the development of the conceptual apparatus for cultural-activity psychology

B. I. Beshpalov (Moscow)

Candidate of psychological Sciences, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

Differences between empirical and theoretical psychological concepts are described. The contribution of O. K. Tikhomirov to the development of theoretical concepts of cultural-activity psychology is discussed. Such concepts as “creative and routine activity”, “goal”, “template and non-standard orientation”, “cognitive need”, “intellectual emotion”, “operational (unconscious) sense” are considered. The term “cultural-activity” psychology is treated as a conditional name for the psychological concept developed on the basis of the theories of L. S. Vygotsky, A. N. Leontief, S. L. Rubinstein, P. Ya. Halperin and their followers.

Keywords: cultural-activity psychology, empirical and theoretical concepts, creative and routine activity, operational sense, cognitive need, intellectual emotion.

Гуманистические идеи Абрахама Маслоу в свете представлений о субъекте А. В. Брушлинского

В. В. Калашников (Смоленск)

*Смоленский филиал АНОО ВОЦ «Российский университет кооперации»;
e-mail: vladivas_poem@mail.ru*

В данной статье раскрывается потенциал сравнительного анализа теории самоактуализации личности А. Маслоу и представления о субъекте в трудах А. В. Брушлинского. Осуществляется анализ движущих сил развития самоактуализирующихся личностей (по А. Маслоу) и субъекта (по А. В. Брушлинскому), проводится анализ процесса творчества, главным образом роли мышления в творческом процессе, особое внимание уделяется выявлению общего и особенного в описании пиковых переживаний (А. Маслоу) и немгновенного инсайта (А. В. Брушлинский). Выделяется два основных критерия конгенитальности линий развития западной гуманистической и отечественной психологии в части понятий «самоактуализация личности» (по А. Маслоу) и «субъект» (в трактовке А. В. Брушлинского).

Ключевые слова: самоактуализация, А. Маслоу, А. В. Брушлинский, субъект, личность, пиковые переживания, немгновенный инсайт.

Обращение к проблемам гуманистической психологии в современном обществе получает все новую актуальность, обеспечивающуюся стремлением к формированию личности, способной к самоопределению как в профессиональном, так и личном плане, открытой к новому и имеющей потенциал к преобразованию социальной, экономической и т. п. действительности. Нравственная и духовная ступени развития человека открывают путь к подлинно гуманистическим ценностям, освоение которых становится возможным лишь на основе осмысленного (а не формального или интродуктного) их принятия и усвоения, что свидетельствует о субъектном отношении к ми-

ру и другим людям. Интерес к психологическим взглядам Абрахама Маслоу обнаруживается в связи с упоминанием В. В. Знакова о неосуществленных (вследствие трагической гибели) планах А. В. Брушлинского «написать развернутую статью с анализом творчества А. Маслоу» (Психология субъекта, 2003).

Самоактуализация личности и развитие субъекта

Идея самоактуализации личности выступает центральной в психологической системе А. Маслоу, представляется смыслом и целью человеческой жизни. «Говоря о самоактуализации, А. Маслоу имеет в виду стремление человека к самоосуществлению, к воплощению в действительность потенциально присущих ему возможностей» (Maslow, 1970). Однако он отмечает, что потребность в самоактуализации зависит от индивидуальных различий, тогда как первоначальное значение термина «самоактуализация», предложенного К. Гольдштейном, основу которого составляет «формирование определенного уровня напряжения, такого, который сделает возможной дальнейшую упорядоченную деятельность» (Goldstein, 1939), в большей степени отражает общую тенденцию организма. «Как правило, — отмечает А. Маслоу, — человек начинает ощущать потребность в самоактуализации только после того, как удовлетворит потребности нижележащих уровней» (Maslow, 1970). Не останавливаясь здесь на анализе широко известной иерархической структуры потребностей (а также ее пересмотре К. Альдерфером), целесообразно отметить, что А. Маслоу рассматривает самоактуализацию как высшую ступень развития мотивационно-потребностной сферы человека, как особое условие проявления потенциала личности. Подобная трактовка свободы развития индивида созвучна психологическому пониманию субъекта. «Субъект в специфическом смысле слова (как „Я“) — это субъект сознательной, произвольной деятельности, ядро его составляют осознанные побуждения — мотивы сознательных действий... „Я“ как субъект — это верхушечное образование, неотделимое от многоплановой совокупности тенденций, составляющих в целом психологический склад личности» (Рубинштейн, 1957). В этом отношении субъект (по С.Л. Рубинштейну) представляет собой самоактуализирующуюся личность (в терминах А. Маслоу).

Одним из перспективных путей разработки принципа субъекта стало представление А. В. Брушлинского о субъекте как более широком образовании по отношению к личности, где субъект понимается как человек (люди), находящиеся на высшем (для каждого из них) уровне активности, системности, автономности всех психических ка-

честв. «Человек как субъект — это высшая системная целостность всех его сложнейших и противоречивых качеств, в первую очередь психических процессов, состояний и свойств, его сознания и бессознательного, недизъюнктивное единство биологического и социального в его психике. Биологическое и социальное не противопоставляются одно другому и не разрываются (как у П. Жане, Л. С. Выготского), поскольку человек уже рождается человеком, «свернутой» личностью, потенциальным субъектом, раскрывающимся в течение жизни в этом качестве. Поэтому биологическое и социальное существуют как целое в ходе онтогенетического периода развития человека как личности, как индивидуальности, как субъекта» (Брушлинский, 1968). Такая целостность формируется в ходе исторического и индивидуального развития. Будучи изначально активным, человеческий индивид, однако, не рождается, а становится субъектом в процессе общения, деятельности и других видов своей активности (Брушлинский, 1991). Человек характеризуется совокупностью различных, часто — противоречивых качеств и «важнейшее из них — быть субъектом, т. е. творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути: инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, поведение, познание, созерцание и другие виды специфически человеческой активности — творческой, нравственной, свободной» (Брушлинский, 1994). Тем самым соотношение между субъектом и личностью определяется как источник активности (субъект) и условия ее осуществления (личность). Существенным основанием признания субъекта более широкой психологической категорией, чем личность является существование группового (коллективного) субъекта (А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев). Близким к понятию самоактуализации представляется акмеологический уровень развития личности, разработанный в отечественной психологии в рамках деятельностного подхода (К. А. Абульханова-Славская). «Впервые термин „акме“ предложил Н. А. Рыбников для обозначения особого раздела психологии — психологии зрелости, или взрослости, Б. Г. Ананьев в книге „Человек как предмет познания“ (1968) определил место акмеологии в системе наук о человеке и поставил ее в ряд: „педагогика—акмеология—геронтология“» (Пряжников, 2012). При этом целесообразно понимать, что акме не является статичным вершинным уровнем развития человека, оно заключается в незавершенности движения к совершенству, но не в значении перфекционизма, максимализма, а в потребности субъекта действовать в соответствии с познавательной, преобразовательной позицией по отношению к предметному и социальному миру, и через это — происходит преобразование самого себя.

Однако не сам по себе определенный период жизни человека однозначно указывает на акмеологический уровень его жизненного пути, а уровень осознания жизненных событий, формирующий опыт человека и его мировоззрение, складывающиеся в процессе жизни и деятельности человека. «При этом постоянные усилия в своей деятельности на предыдущих этапах приводят к удовлетворенности на последующих» (Абульханова, 1991).

Таким образом, гуманистические взгляды А. Маслоу (так называемого «бруклинского» периода его научного творчества) относительно психологической характеристики самоактуализирующейся личности близки к пониманию концепции субъекта, предложенной С.Л. Рубинштейном и оригинально разработанной А.В. Брушлинским.

Проблема творчества и продуктивности у А. Маслоу и А.В. Брушлинского

Проблема творчества в трудах А. Маслоу выступает особенно рельефно, когда личность испытывает пиковые переживания, выражающиеся в вершинных проявлениях аффективного переживания и имеющие положительную валентность. Человек, создавая произведение искусства или переживая экзотические ощущения, находится в определенных состояниях (например, вдохновения и проч.) и возникновение этих вершинных проявлений психического сопровождается расширением сознания, постижением истины и т.д. В отечественной психологии одним из первых обратился к творческой сущности человека С.Л. Рубинштейн, заложивший в труде «Принцип творческой самодеятельности» (в 1922 г.) (Рубинштейн, 1986) основы систематического изучения проблемы творческого процесса в деятельности и психологических закономерностей субъекта при взаимодействии с познаваемым объектом.

Конгениальность пиковых переживаний (А. Маслоу) и немгновенного инсайта (А.В. Брушлинский)

Одним из наиболее специфичных и ярких проявлений творческого процесса, который отмечал А. Маслоу, является пиковое переживание, при этом знание, полученное путем переживания пиковых озарений, может быть проверено и может быть ценно (Maslow, 1970). В этой связи интересна еще одна грань конгениальности представлений А. Маслоу и А.В. Брушлинского, выступающая в сопоставлении проблемы пиковых переживаний (по А. Маслоу) и проблемы

немгновенного инсайта (А. В. Брушлинский). В теории А. Маслоу не раскрывается механизм возникновения пиковых переживаний и тем более не анализируются условия деятельности, влияющие на детерминацию данных образований. В отечественной психологии мышления были выявлены эмоциональные реакции (вторичные эмоции), сопровождающие решение задач (О. К. Тихомиров). Существенным критерием мысленного прогнозирования искомого является открытый и подробно обоснованный А. В. Брушлинским немгновенный инсайт, который в отличие от келеровского инсайта, имеет не только продолжительность, но и специфические предпосылки в мышлении субъекта, формируемые по мере продвижения субъекта в анализе решаемой мыслительной задачи, проблемы. Таким образом, и пиковые переживания, и феномен немгновенного инсайта объединяет высший (для каждого из субъектов) уровень проявления своей творческой активности в деятельности (познавательной – практической или теоретической).

Близость и дискуссионность взглядов А. Маслоу и А. В. Брушлинского

Корневое сходство концепций самоактуализации личности (А. Маслоу) и философско-психологической категории деятельности и роли субъекта в ней (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинского и их учеников и последователей) выступает в признании свободы выбора жизненного пути личности, где самоопределение субъекта позволяет ему быть подлинным творцом собственной истории, утверждать своим бытием бытие другого (по С. Л. Рубинштейну) (Рубинштейн, 1957). Личность у А. Маслоу и субъект у представителей субъектно-деятельностного подхода определяется как цельный, психически (и психологически) здоровый, ценный человек, находящийся на высшем (персонифицированно для каждого субъекта) уровне активности, автономности (самостоятельности), интегративности всех его психических явлений. Значимое отличие трактовки субъекта (А. В. Брушлинский) от понимания самоактуализирующейся личности (по А. Маслоу) заключается в двух основных планах. Во-первых, понятие «субъект» является более широким по отношению к личности – за счет существования коллективного (группового) субъекта (А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев), тогда как не существует коллективной личности. Во-вторых, в описании А. Маслоу прослеживается редукция к индетерминизму в движущих силах самоактуализации и тем самым недооценка внешних и внутренних факторов развития личности. Замыкание в личности

как самоценной системе приводит А. Маслоу к нивелированию характера деятельности в детерминации мотивационно-потребностной сферы личности, когнитивного, смыслового, эмоционального и волевого аспектов, а также ценностных когниций, что в синтезе (совершающемся через анализ) образует склад личности.

Критерии реализации возможностей человека как личности и как субъекта

Первый критерий сводится к раскрытию движущих сил развития самоактуализирующейся личности (А. Маслоу) и субъекта (в терминах представителей субъектно-деятельностного подхода). Проблема наиболее полной реализации потенциальных возможностей человека у А. Маслоу и раскрытия закономерностей формирования внутренних условий развития личности во взаимодействии с окружением у С.Л. Рубинштейна находит принципиально различное решение. А. Маслоу видел механизм развития личности (ее самоактуализации) в метамотивации. Как отмечал А. Маслоу: «Самоактуализирующиеся личности (т. е. более зрелые, более человеческие), по определению, уже достигли достаточного удовлетворения своих базовых потребностей, и теперь ими движет мотивация более высокого порядка, которую мы будем называть „метамотивация“» (Maslow, 1971). С.Л. Рубинштейн понимал развитие личности как увеличение удельного веса внутренних условий, где личность выступает как совокупность внутренних условий, через которые только и действуют внешние причины, соответственно развитие выступает сложным процессом «...общественно исторической обусловленности психического применительно к реальному онтогенетическому становлению человека (П. П. Блонский, Л. С. Выготский, Г. С. Костюк, С.Л. Рубинштейн и др.)» (Селиванов, 1999). Таким образом, актуализация личностного потенциала (интеллектуального, творческого), безусловно, предполагает мотивацию в качестве одного из условий развития, но сам многоплановый процесс развития не сводится к мотивации, а предполагает внутренним условием именно взаимосвязь внешних и внутренних факторов, формирующихся в ходе взаимодействия субъекта с объектом (познания, действия).

Вторым критерием выступает категория активности человека, прежде всего, преобразовательной, направленной на создание нового. Активность самого человека выступает в качестве изначально присущего ему как представителю *homo sapiens* свойства существования. Если у А. Маслоу в основе активности лежит мотивация по отношению к биологическим (физиологическим) факторам и далее аксиоло-

гическим (и отчасти нравственным) ориентирам, то в отечественной традиции (идушей от С.Л. Рубинштейна), активность обусловливается действием, направленным на объект (восприятия, познания и т.д.). Мотивация (по А. Маслоу) соотносится не с какой-то частью индивидуума, а со всем индивидуумом как таковым (Maslow, 1999, с. 28), подобное понимание согласуется с мнением представителей субъектно-деятельностного подхода (К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, С.Л. Рубинштейн), где раскрываются процессуальные особенности перехода от неспецифической к специфически познавательной мотивации в мыслительном процессе (М.И. Воловикова). Из этого следует, что мотивация формируется в зависимости от уровня обобщения условий и требования решаемой субъектом задачи на каждой фазе мыслительного поиска искомого.

Субъект понимается как вершина самоактуализации, но самоактуализация здесь представляет собой именно процесс (с его недизъюнктивностью, неизоморфностью и т.п.), а не только свойство или состояние личности. Самоактуализирующимся субъект становится по мере формирования жизненного багажа переживания, осмысления событий, ситуаций, решения встающих перед ним проблем. Самоактуализация наряду с пониманием ее как процесса — всегда становящегося, никогда не завершеного, пока живет человек (независимо от условий его существования) выступает целью и вместе с тем условием бытия субъекта, его профессиональной и иной деятельности.

Литература

- Абульханова К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Брушлинский А. В.* Культурно-историческая теория мышления (философские проблемы психологии). М.: Высшая Школа, 1968.
- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. 1991. № 6. С. 6—10.
- Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Институт психологии РАН, 1994.
- Знаков В. В.* Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 2. С. 95—106.
- Калашников В. В.* Конгениальность идей гуманистической психологии А. Г. Маслоу и субъектно-деятельностного подхода С.Л. Рубинштейна и А. В. Брушлинского // История российской психологии в лицах: Дайджест-2017. № 6. С. 86—96.
- Пряжников Е. Ю.* Психология труда: теория и практика. М.: Юрайт, 2012.

Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003.

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101–107.

Селиванов В. В. Психология сознания. Смоленск: Изд-во СГУ, 1999.

Goldstein K. The organism. N. Y.: American Book Co., 1939.

Maslow A. H. Religions, values and peak-experiences. N. Y.: Viking, 1970.

Maslow A. H. The Farther Reaches of Human Nature. Harmondsworth: Penguin, 1971.

Maslow A. H. Motivation and Personality (2nd ed.) N. Y.: Harper & Row, 1970; СПб.: Евразия, 1999.

The humanistic ideas of Abraham Maslow in the field of A. V. Brushlinsky's ideas about a subject

V. V. Kalashnikov (Smolensk)

Smolensk branch ANOO VOTs “Russian University of Cooperation”

In this article the potential of the comparative analysis of the theory of self-updating of the identity of A. Maslow and idea of the subject in works A. V. Brushlinsky is realized. The analysis of driving forces of development of the self-staticized persons (according to A. Maslow) and the subject is carried out (according to A. V. Brushlinsky). On the basis of the principles of domestic psychology the analysis of process of creativity is carried out, mainly thinking roles in creative process, special attention is paid to identification of the general and special peak experiences (A. Maslow) and not instant insight in the description (A. V. Brushlinsky). Two main criteria of a kongenialnost of lines of development of the western humanistic and domestic psychology regarding concepts self-updating of the personality (according to A. Maslow) and the subject are distinguished (in A. V. Brushlinsky's interpretation).

Keywords: self-updating, A. Maslow, A. V. Brushlinsky, subject, personality, peak experiences, not instant insight.

Формализация «недизъюнктивности» мышления по А. В. Брушлинскому: системно-эволюционное описание

А. К. Крылов (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: neuru@mail.ru*

Рассмотрение результатов экспериментов А. В. Брушлинского с помощью системной психофизиологии позволяет описать возможный психофизиологический механизм феномена недизъюнктивности — временную дедифференциацию, происходящую в процессе мышления при смене одной гипотезы на другую. При таком понимании недизъюнктивность мышления является неотъемлемой характеристикой реализации системной структуры опыта. Проведена формализация термина «недизъюнктивность» с системных позиций и описанный механизм дедифференциации при поиске решения задачи реализован в модели.

Ключевые слова: мышление, недизъюнктивность, системный подход.

Нечеткость определения термина «недизъюнктивность» самим А. В. Брушлинским, на наш взгляд, связана с нечетким смыслом этого термина, призванным автором для отрицания возможности формально-логического подхода к анализу мышления (Брушлинский, 1996) и вместе с тем такая роль понятия «недизъюнктивность» отрицает и саму возможность дать строгое формально-логическое определение этого термина. Структура термина включает в себя отрицание «не», что показывает значение слова — отрицание дизъюнктивности (разбиения на части). В этом «недизъюнктивность» отличается от похожего по смыслу термина «континуальность», в котором нет отрицания. Представление о недизъюнктивности было позже расширено как самим автором (Брушлинский, 1996), так и другими авторами, которые

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00229), Институт психологии РАН.

рассматривают непрерывность («континуальность») на разных уровнях работы мозга как развитие идеи А. В. Брушлинского о «недизъюнктивности» (Александров, Сергиенко, 2003). Однако если смысл этого термина понимается слишком абстрактно, то приводит к дискуссиям о соотношении дискретного и непрерывного, выходящими за рамки психологии (Крылов, 2017). Для того чтобы сохранить обсуждение процесса мышления в рамках психологии, рассмотрим саму экспериментальную задачу и возможные психофизиологические механизмы, которые могут приводить к обнаруженному феномену мышления, названному «недизъюнктивность». Для уточнения значения термина и анализа возможных механизмов этого феномена мышления проанализируем первичное значение этого термина и рассмотрим конкретный эксперимент, в котором этот термин возникает и попробуем его уточнить (Крылов, 2017) исходя из системных позиций (Швырков, 1995; Alexandrov et al., 2000).

«Недизъюнктивность» процесса мышления определяется автором термина как «абсолютная непрерывность», «внутренняя взаимосвязь и преемственность между всеми стадиями, аспектами, компонентами процесса» (Брушлинский, 1996, с. 290), «различные стадии возникновения и развития прогнозируемого искомого непрерывно, недизъюнктивно переходят друг в друга» (там же, с. 288). Этот термин используется при описании процесса, поэтому именно в процессуальности и следует искать определение этого понятия. Недизъюнктивность используется для описания перехода между стадиями процесса мышления и указывает на то, что в смене стадий мышления есть определенная закономерность, которая и выражается А. В. Брушлинским термином «недизъюнктивность».

Рассмотрим наиболее яркий для А. В. Брушлинского пример проявления недизъюнктивности — когда испытуемый при решении задачи «Будет ли гореть свеча в космосе?» переходит от одной конкретной гипотезы «конвекция» к другой конкретной гипотезе «диффузия». Этот переход от одной гипотезы к другой испытуемый делает не напрямую, скачком переходя от рассуждения про конвекцию, к рассуждению про диффузию, а через промежуточную стадию — абстрактную гипотезу «движение»: конвекция->движение->диффузия — такие стадии мышления как процесса обнаруживает А. В. Брушлинский при анализе размышлений вслух испытуемыми над задачей (Брушлинский, 1979). Именно появление этой абстрактной промежуточной стадии в процессе мышления при переходе от одной гипотезы к другой и привело А. В. Брушлинского к постулированию недизъюнктивности мышления. Именно наличие этой промежуточной абстрактной, низкодифференцированной, ступени в смене

гипотез и отличает, с точки зрения А. В. Брушлинского, мышление человека от выбора из готовых дизъюнктивных альтернатив в искусственном интеллекте (Брушлинский, 1996).

С позиций системной психофизиологии можно полагать, что каждая стадия мышления актуализирует свой набор систем индивидуального опыта (Alexandrov et al., 2000; Александров, 2006). Наборы систем, актуализирующихся в связи с определенным понятием («конвекция»/«диффузия»/«движение»), можно условно объединить в соответствующие домены элементов опыта (Александров, 2006). Понятия «конвекция» и «диффузия» являются частными, более конкретными, формами более абстрактного родового для них понятия «движение» (так это трактует сам А. В. Брушлинский), значит, и домены опыта, описываемые понятиями «конвекция» и «диффузия», являются более дифференцированными (специфичными), чем менее дифференцированный (родовой) домен «движение».

В рассматриваемой А. В. Брушлинским физической задаче «Будет ли гореть свеча в невесомости?» процесс мышления испытуемого с точки зрения математической логики и искусственного интеллекта должен был бы идти как выбор из готовых альтернатив – либо «конвекция», либо «диффузия» как причины движения воздуха, т. е. как перебор взаимоисключающих («дизъюнктивных») гипотез. Однако его эксперименты показали, что процесс мышления при решении этой задачи не строится как перебор независимых вариантов решения (Брушлинский, 1979). Он обнаружил, что переход от одного варианта решения к другому (от гипотезы о «конвекции» к гипотезе о «диффузии») происходит не резко, но выявляется промежуточная стадия, в которой «для испытуемого не существует альтернативы между четко разделенными и равновероятными причинами движения воздуха – конвекции и диффузии. Они еще как бы сращены, синкретически объединены, и потому испытуемый пока очень плохо их дифференцирует и почти совсем не расчленяет. В частности, поэтому и создается ошибочное впечатление, что испытуемый незаметно для себя нарушает закон противоречия. Другой испытуемый в аналогичной ситуации прямо говорит о «конвекционной диффузии», отчетливо выражая этим еще недостаточную расчлененность разных причин движения воздуха» (Брушлинский, 1996, с. 249). Иногда в этом переходном процессе испытуемый рассматривает «расплывание» воздуха «как нечто «среднее» между конвекцией и диффузией» (там же, с. 245). «Для испытуемого вначале на передний план выступает и прогнозируется их общность (самый факт движения), и потому он еще недостаточно расчленяет функции конвекции и диффузии в этом глобальном, пока что мало дифференцированном движении воздуха»

(там же, с. 244). Таким образом, процесс мышления при решении этой задачи проходит через три стадии: актуализация домена опыта, связанного с высокодифференцированным понятием «конвекция», затем переходная стадия актуализации домена низкодифференцированного понятия «движения», затем стадия актуализация домена опыта, связанного с высокодифференцированным понятием «диффузия». Именно наличие промежуточной стадии актуализации домена опыта низкодифференцированного понятия и отличает мышление как процесс от «выбора из альтернатив» и, мы полагаем, именно такой переходный процесс описывается термином «недизъюнктивность» мышления. В случае «выбора из альтернатив» был бы дискретный (дизъюнктивный) или непрерывный (континуальный) переход от одной произвольной гипотезы к другой: конвекция → диффузия. Недизъюнктивность мышления выражается другим процессом: движение + конвекция → движение → движение + диффузия. Причем на последовательных стадиях мышления как процесса рассматриваются не любые альтернативные гипотезы, а только имеющие общее родовое понятие («движение» в данном примере является родовым для «конвекции» и «диффузии»). Можно сказать, что результаты работ А. В. Брушлинского показывают, что мышление как процесс и недизъюнктивность мышления связаны с системной структурой опыта и реализуют ее.

Обнаруженная А. В. Брушлинским «недизъюнктивность» процесса мышления в терминах системно-эволюционного подхода (Швырков, 1995; Alexandrov et al., 2000) означает, что процесс мышления разворачивается следующими стадиями: 1) происходит актуализация домена опыта высокодифференцированного понятия (например «конвекция») и его базового низкодифференцированного понятия («движение»); 2) происходит отвержение текущей конкретной гипотезы и деактуализация домена опыта высокодифференцированного понятия (например «конвекция»), но остается актуализированным домен опыта базового низкодифференцированного понятия («движение») — происходит временная дедифференциация; 3) на основе текущего актуализированного домена низкодифференцированного понятия («движение») дополнительно к нему актуализируется домен опыта другого высокодифференцированного понятия (например «диффузия») из этого родового низкодифференцированного понятия. Вторая стадия не связана с конкретной гипотезой, имеет как бы переходный характер и играет роль семантически связующего звена между конкретными гипотезами первой и третьей стадий. Именно в этом последовательном развитии актуализации доменов опыта, сохраняющих низкодифференцированную состав-

ляющую, по нашему мнению и состоит суть понятия «недизъюнктивность». Наличие этой второй стадии как раз и отличает мышление человека от математической логики, от «выбора из альтернатив» рассматриваемого как способ решения задач в искусственном интеллекте. И эта промежуточная, переходная стадия увязывающая мышление в единый процесс, отличный от «выбора из альтернатив», на чем так настаивал А. В. Брушлинский, и является следствием системной структуры опыта (Крылов, 2017), в которой в процессе индивидуального развития высококодифференцированные системы опыта наслаиваются на низкокодифференцированные (Alexandrov et al., 2000). Так, результаты работ А. В. Брушлинского позволяют полагать, что уровень дифференциации актуального опыта в процессе мышления (при поиске решения задачи) меняется в определенном порядке: высокая—низкая—высокая, причем низкокодифференцированный домен актуализирован на всех трех стадиях и является родовым (обобщением) по отношению к первой и третьей. Таким способом мы предлагаем психофизиологически раскрыть результаты экспериментов А. В. Брушлинского и термин «недизъюнктивность» процесса мышления как «временную дедифференциацию» (Крылов, 2017), являющуюся следствием системной структуры опыта. Временная дедифференциация при поиске решения в процессе мышления, реализуется фазой снижения дифференциации при переходе от одной гипотезы к другой и, полагаем, является частным случаем универсального механизма регрессии, т. е. обратимой системной дедифференциации, реализация которого характеризует также ситуации обучения, стресса, высоко эмоциональных и других состояний (Александров и др., 2017).

Предложенная выше формализация недизъюнктивности реализована нами в модели обучения. В этой модели формируется структура опыта из низко- и высококодифференцированных систем и поиск решения задачи происходит аналогично описанному выше.

Системность структуры индивидуального опыта с ее наложением высококодифференцированных элементов на низкокодифференцированные реализуется одновременной актуализацией элементов разных уровней (Швырков, 1995; Александров, 2006; Alexandrov et al., 2000). Как указано выше, при деактуализации высококодифференцированного элемента опыта сохраняется активность низкокодифференцированных элементов, что составляет механизм недизъюнктивности, поэтому в системном психическом процессе нет возможности полностью выключить одну гипотезу вместе со всеми ее основаниями, и на «пустом месте» выстроить новую: «Психика функциони-

рует абсолютно непрерывно (прежде всего, на уровне бессознательного) от рождения до смерти каждого индивида и, значит, ее нельзя включить или выключить как электрическую цепь и любую другую техническую систему. В таком смысле мышление как процесс является недизъюнктивным...» (Брушлинский, 2013, с. 11). Системность структуры индивидуального опыта означает, что психический процесс (в частности, мышление) не только «континуально» протекает от одного элемента к другому, но и, учитывая иерархию элементов, «недизъюнктивно». В отличие от «дизъюнктивности», когда переход от одного элемента к другому происходит скачком, «континуальность» предполагает непрерывность перехода, что означает плавное снижение одного фактора и одновременно с этим плавное повышение второго фактора. В отличие от «континуальности» (Александров, Сергиенко, 2003), когда один элемент плавно снижает активность, а второй плавно повышает, при «недизъюнктивности» есть промежуточная фаза, когда первый элемент уже не активен, а второй еще не активен — именно в этой фазе заметна активность низкодифференцированного элемента, являющегося общим для первого и второго высокодифференцированного, в чем и обнаруживает себя системная связность структуры опыта как наложения систем разного уровня дифференциации при развитии, закономерности актуализации в порядке развития и деактуализации в обратном порядке (Швырков, 1995; Александров, 2006; Alexandrov et al., 2000; Александров и др., 2017) — проявлением этих системных закономерностей в процессе мышления и является «недизъюнктивность». Поэтому понятие «недизъюнктивность» не имеет синонимов вне системного подхода, не сводится к понятиям «континуальность» и «непрерывность», которые существуют и вне системного подхода, и может сопоставляться лишь с диалектической логикой (Брушлинский, 1996, с. 155; Воловикова, 2003).

Литература

- Александров И. О. Формирование структуры индивидуального знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Александров Ю. И., Сергиенко Е. А. Психологическое и физиологическое: континуальность и/или дискретность // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 6. С. 98–106.
- Александров Ю. И., Сварник О. Е., Знаменская И. И., Колбенева М. Г., Арутюнова К. Р., Крылов А. К., Булава А. И. Регрессия как этап развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.

- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Брушлинский А. В., Тихомиров О. К.* О тенденциях развития современной психологии мышления // Национальный психологический журнал. 2013. Т. 10. №2. С. 10–16.
- Воловикова М. И.* По поводу парадокса недизъюнктивности психики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 6. С. 107–109.
- Крылов А. К.* Недизъюнктивность мышления по А. В. Брушлинскому как временная дедифференциация // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1575–1582.
- Швырков В. Б.* Введение в объективную психологию: Нейрональные основы психики / Под ред. Ю. И. Александрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Alexandrov Y. I., Grechenko T. N., Gavrillov V. V., Gorkin A. G., Shevchenko D. G., Grinchenko Y. V., Aleksandrov I. O., Maksimova N. E., Bezdenezhnykh B. N., Bodunov M. V.* Formation and realization of individual experience in humans and animals: a psychophysiological approach // Complex Brain Functions: Conceptual Advances in Russian Neuroscience. Amsterdam, 2000. P. 181–200.

Formalisation of the Brushlinskii term “nondisjunctiveness” of thinking: systemic-evolutionary description

A. K. Krylov (Moscow)

Candidate of psychological Sciences,
Institute of psychology Russian Academy of Sciences

The results of Brushlinskii experiments are analyzed from systemic psychophysiology view. It is proposed a possible mechanism of the nondisjunctiveness of thinking – temporal dedifferentiation happens during changing of hypothesis while thinking. It is shown that nondisjunctiveness of thinking happens as a result of systemic structure of individual experience.

Keywords: thinking, non-opportunism, systematic approach.

Раздел II

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Субъектно-деятельностно-процессуальная парадигма в психологии

Г. В. Акопов (Самара)

*доктор психологических наук, профессор, Самарский государственный
социально-педагогический университет; e-mail: akopovgv@gmail.com*

На примере комплексной концепции А. В. Брушлинского обсуждается переход от монопарадигмальных построений к комплексированию методологических подходов и проблем в современной психологии. Соотнесены особенности процессуального подхода в концепциях А. В. Брушлинского и А. И. Миракяна. Подтверждена значимость категории «созерцание» как в работах С. Л. Рубинштейна, так и в содержательных положениях А. В. Брушлинского; обозначена линия логико-методологического обоснования категории «созерцание» с позиций комплексирования субъектного, деятельностного, процессуального и трансцендентного подходов. Определена возможность новой этической оценки статуса участника психологических исследований в связи с отходом от монопарадигмальной методологии.

Ключевые слова: методология, принципы, исследовательские подходы, монизм, процесс и продукт, комплексирование, А. В. Брушлинский.

Длительное время как в зарубежной, так и в отечественной психологии методологические основания выстраивались главным образом с использованием какой-либо одной фундирующей категории либо главенствующего принципа, будь то ассоциация, гештальт, сознание или бессознательное поведение; бихевиоризм, гуманизм, экологизм, когнитивизм, конструктивизм и т. д.; рефлексизм, объективизм, принцип доминанты, культурно-исторический принцип, деятельность, отношение, установка, общение и др.

Можно предположить, что явная или неявная установка монизма, т. е. «всё из одного», иногда коннотируемая как «единство» или «целостность» исследуемых явлений, в контексте единой науки

«Психология» определяет логику выбора (полагания) универсальной клеточки, «первоэлемента», «кирпичика», определяющего архитектуру всего психологического знания.

Можно выделить несколько причин, почему *монопарадигмальные концепции* периодически порождали кризисные явления в психологии. Это, в частности, все более и более разрастающаяся категориальная система и увеличивающаяся эмпирическая фактология, определяющие те или иные теоретические построения, зачастую противоречащие одно другому; это также все более укрепляющиеся внутренние (межпарадигмальные) и внешние (междисциплинарные) связи, с одной стороны, и институционализированные автономии каждого парадигмального направления (психоаналитическое, поведенческое, когнитивное и др.) — с другой; это, наконец, периодический пересмотр и переопределение содержания психических явлений, соответствующих понятий и предмета психологической науки (Леонтьев, 1983; Брушлинский, 1996; Панферов, 2000; Миракян, 2004; Клочко, 2005; Слободчиков, 2014). Наряду с отмеченными выше интеграционными процессами, определяются новые направления дифференциации, такие как «Психология человека» (Панферов, 2000), «Наука психики» (Миракян, 2004), «Психологические системы» (Клочко, 2005), «Психология созерцания» (Акопов, 2014) и др. В этом контексте А. В. Брушлинский, анализируя известный тезис о том, что психика «порождается предметной деятельностью» (А. Н. Леонтьев), т. е. внешние, материальные действия субъекта «переносятся в идеальный план», усматривает серьезное противоречие, заключающееся в том, что изначально «допсихическая» и «непсихическая» деятельность порождает затем психическое, что означает разрыв в преемственности психического (Брушлинский, 1996, с. 163). Возражая абсолютизации этого тезиса, Брушлинский опирается на контртезис о том, что «любая деятельность и... даже элементарные практические действия... необходимо и всегда имеют в своем составе хотя бы простейшие психические явления, которыми эти действия и деятельность регулируются, афферентируются, вообще управляются» (там же). Брушлинский рассматривает в связи с этим факт интериоризации не как *возникновение*, а как «одну из ступеней последующего *развития* психики» (там же). В этой логике Брушлинский критикует *разрыв в теории деятельности* между внешним, практическим действием и внутренним (психическая деятельность). Разрыв, т. е. дизъюнкция, «нарушает *преемственность* в процессе возникновения психического». Согласно Брушлинскому, во внешней, практической деятельности уже участвуют определенные психические образования (там же, с. 164). В концепции Брушлин-

ского психическое как процесс «протекает сразу на различных уровнях взаимодействия внешнего и внутреннего» (Брушлинский, 1996, с. 165).

Мы усматриваем определенную переключку теоретических положений Брушлинского о психическом как процессе и его продуктах с трансцендентальной психологией по А. И. Миракяну, в которой автор противопоставляет традиционной психологической науке о «законченных процессах психического отражения», т. е. «уже отраженных данных», новую исследовательскую линию отчетливой дифференциации «продукта процесса» и «содержания или характера процесса психического отражения как возможности самоотражения самой природы» (Миракян, 2014, с. 27).

В отличие от Миракяна Брушлинский не противопоставляет процесс и его продукт, а включает в предмет исследований «взаимоотношения психологического как процесса с его продуктами», так как «теория психического как процесса вскрывает органическую взаимосвязь процесса с продуктами»; психический процесс и его продукт, согласно Брушлинскому, непосредственно и тесно взаимосвязаны, «неотделимы» (Брушлинский, 1996, с. 166). Важно отметить, что сама детерминация в концепции Брушлинского «выступает как процесс, т. е. как нечто шаг за шагом образующееся и лишь постепенно формирующееся, а не изначально и целиком готовое и predetermined заранее» (там же). Такое представление о психическом и его детерминации в теории Брушлинского вносит определенную ясность в самую сложную часть концепции Миракяна – в вопрос о содержательной стороне трансценденции как таковой. Действительно, как отмечает Брушлинский, «теория психического как процесса вскрывает органическую взаимосвязь процесса с продуктами, т. е. с теми образованиями, которые возникают на предыдущих стадиях процесса и становятся необходимыми внутренними условиями для возникновения последующих стадий», «только в процессе (а не до того, как он начался) создаются необходимые детерминанты его протекания» (Брушлинский, 1996, с. 167). В этом кратком, но очень емком положении проблема детерминации приобретает свое истинно психологическое содержание, существенно отличающееся от естественно-научных представлений о детерминации в доквантовой физической науке.

Уточняя характер детерминации в психологии, Брушлинский замечает, что главное «не соотнесение... *причин и условий* самих по себе, а именно сопоставление *внешнего и внутреннего*, неразрывно взаимосвязанных в любом процессе детерминации» (Брушлинский, 1996, с. 195).

На наш взгляд, утверждая недизъюнктивный (процессуальный) подход в психологии, Брушлинский не считает возможным определять исключительно деятельность или поведение, либо общение, созерцание и т. д. в качестве институционализированного предмета психологии, так как деятельность, в частности, хотя и является существенной формой взаимодействия субъекта с миром, но, наряду с вышеперечисленными формами, выступает одним из *уровней* взаимодействия, «развивающегося в ходе и на основе изначально практической деятельности субъекта» (Брушлинский, Поликарпов, 1999, с. 7). Предмет психологии, согласно Брушлинскому, «психическое как процесс в соотношении с его продуктами, но не эти продукты сами по себе вне связи с процессом» (Брушлинский, 1996, с. 172), и «психология не игнорирует эти продукты, а, наоборот, включает их в сферу своего исследования. Однако она изучает их только в соотношении с психическим процессом, т. е. только как результативное выражение такого процесса» (Брушлинский, 1996, с. 167).

Отметим, что упоминание созерцания наряду с деятельностью, поведением и общением не представляется нам случайным, так как именно такой состав различных форм психического как процесса и соответствующих продуктов упоминается неоднократно в работах Брушлинского. Деятельность, общение, поведение, созерцание, — заключает Брушлинский, это все «разные, но *абсолютно необходимые* (курсив наш. — Г. А.) формы существования и развития человека» (Брушлинский, Поликарпов, 1999, с. 16). Как известно, деятельность, общение и поведение давно и основательно вошли в систему категорий мировой и отечественной психологии, в то время как созерцание обоснованно включено в предмет психологических исследований относительно недавно (Акопов, 2014). Однако основания для оформления категориального статуса и релевантного изучения созерцания были заложены еще С. Л. Рубинштейном. Так, в логико-методологическом, гносеологическом и онтологическом планах представляются важными высказывания С. Л. Рубинштейна о созерцании (Рубинштейн, 2003). Созерцание выделяется С. Л. Рубинштейном наряду с действием (практическим) и познанием как важнейшая форма *активности* человека: «Созерцательность не должна быть понята как синоним пассивности, страдательности, бездейственности человека» (Рубинштейн, 2003, с. 359). Видимо, не случайно А. Н. Леонтьев определил в качестве «самой сложной проблемы» — «проблему явлений активности» (Леонтьев, 1983, с. 245).

Согласно С. Л. Рубинштейну: «Величие человека, его активность проявляются не только в деятельности, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись ко Вселенной, к миру, к бытию» (Ру-

бинштейн, 2003, с. 359). Наряду с «диалектикой познания как деятельности и как созерцания», С.Л. Рубинштейн подчеркивает также эстетическую, прагматическую функцию созерцания (Рубинштейн, 2003, с. 401, 402).

К. А. Абульханова-Славская и А. Н. Славская в комментариях к книге С.Л. Рубинштейна «Человек и мир» констатируют введение С.Л. Рубинштейном категории «созерцание», «приравненной по своему рангу к познанию и деятельности», причем, различая созерцание и деятельность, С.Л. Рубинштейн «трактует созерцание не феноменологически как непосредственность, пассивность, а как выражающее сущность самого субъекта ценностное отношение к бытию» (Абульханова, Славская, 1997, с. 422).

В связи с понятием созерцания нами используется метафора «остановки» внешней или внутренней деятельности как процессов целенаправленной, сознательной активности. Г. С. Померанц обозначает ее как «паузу» созерцания, «в черед дел», в «лихорадке деятельности» (Померанц, 2002). Пауза созерцания – это не абсолютная остановка, не оцепенение (Пергаменщик, 2009); она заполнена более или менее интенсивной, иногда «избыточной» *бессознательной* активностью, сохраняя статус процесса или состояния, возможно, переходящего в свойство личности-индивидуальности. В этой логике отметим, что адекватное теоретическое решение проблемы дискретности–непрерывности психических процессов было найдено А. В. Брушлинским, утверждавшим, что «непрерывность (континуальность) психического всегда формируется и реализуется одновременно на разных, но взаимосвязанных уровнях осознанного и неосознанного. Роль последнего здесь, естественно, весьма значительна» (Брушлинский, 1996, с. 314). Созерцание, являясь бессознательным процессом иного, нежели у З. Фрейда, качества, согласно нашей трактовке, осуществляет, главным образом, предфункцию коррекции, обновления, трансформации или порождения новых смыслов: от микро- до макроформ, в зависимости от жизненной ситуации личности и предшествовавших экзистенциальных решений.

В связи с этим важно также отметить, что непрерывность рассматривается А. В. Брушлинским не как синоним постепенности (плавности); «всегда оставаясь недизъюнктивным, или континуальным, психический развивающийся процесс осуществляется в двух формах: (1) как скачкообразное, качественное, внешнее внезапное... и (2) как постепенная, плавная эволюция, подготавливающая подобные скачки в развитии» (Брушлинский, 1996, с. 321). В этой и другой работе, посвященной проблеме бессознательного в трудах С.Л. Рубинштейна, Брушлинский весьма определенно утверждает, что «не-

прерывность осознанного и неосознанного представляет собой одно из фундаментальных свойств психического процесса» (Брушлинский, 1979). Взаимосвязь и взаимопереходы между осознанным и неосознанным, согласно А. В. Брушлинскому, «представляют собой один из важнейших механизмов преемственности всего психического» (Брушлинский, 1996, с. 316). Явление созерцания, на наш взгляд, представляет один из множества бессознательных механизмов. Своеобразие или уникальная особенность этого механизма заключается в его одновременной формальной (несодержательной) *доступности сознанию*.

В концепции Брушлинского созерцание, так же как и деятельность, общение, поведение, неотрывны от субъекта (Брушлинский, 1996, с. 5). *Принцип процессуальности* (континуальности, недизъюнктивности) в комплексе с субъектным и деятельностным принципами определяют концептуальный замысел Брушлинского, позволяющий преодолеть серьезные противоречия иных концептуальных построений (Брушлинский, 1996) и в *определенной консолидации* с ними выстроить логически стройное здание отечественной психологии. В этом плане концепция Брушлинского не отменяет деятельностный или другие отечественные подходы в методологии психологии; она существенно и органично дополняет их.

Анализируя объединение рассматриваемых подходов в контексте обоснования категории созерцания, следует также отметить нетранзитивность выделенных методологических позиций. Фундирующей характеристикой комплекса является субъектно-деятельностный подход, условием его «жизнеспособности» выступает недизъюнктивность (генетическая континуальность) по А. В. Брушлинскому, а результативность (порождаемый продукт) обеспечивается трансценденцией внешнего (высший, запредельный объект) или внутреннего (взаимопереходы: телесное — психическое, внимание — память, восприятие — мышление, интенция — аффект и др.) порядка. Становление такой комплексной целостности и, соответственно, системности в исследованиях созерцания представляет также новую задачу исследований.

Как ясно из вышеизложенного, комплексирование методологических подходов открывает возможности релевантного расширения категориального аппарата, обеспечивающего функции «стыковки» ранее изолированных или даже взаимоисключающих принципов психологии. В ином контексте, но ту же функцию выполняют привлекаемые в психологию общенаучные категории пространства, времени, энергии, информации (Л. В. Куликов). Дополнительный интегративный «выигрыш» в этом случае связан с вовлечением в проблемати-

ку современной психологии отринутых в ее историческом развитии или в недостаточной мере артикулированных в прошлом концепций. Это, в частности, энергетическая концепция психики, предложенная В. М. Бехтеревым (Акопов, 2005), или информационная концепция психики, отстаиваемая Д. И. Дубровским.

Интегративные тенденции в современной отечественной психологии определяются также качественным расширением ранее оформившихся методологических подходов. В этом плане весьма продуктивными показали себя системно-событийный подход к восприятию (В. А. Барабанщиков), метасистемный и метакогнитивный подходы к исследованиям деятельности и сознания (А. В. Карпов), энциклопедический подход к психологическим исследованиям общения (А. А. Бодалев и др.), оформление новых интегративных связей психогенетики, психофизиологии, дифференциальной и педагогической психологии (С. Б. Малых и др.).

К комплексированию методологических подходов в аспекте интегративных тенденций в психологии примыкает также комплексирование решаемых проблем. В качестве примеров успешных проектов в этом плане можно назвать концепцию психологии искусства в коммуникативной парадигме (В. Е. Семенов), психологическую разработку экономико-нравственных проблем (А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко), контаминацию проблем психологии понимания и экзистенциальных проблем (В. В. Знаков), исследовательскую синергию психологии состояний и психологии сознания (А. О. Прохоров) и др.

В наметившемся широком спектре различных форм (содержаний) комплексирования можно выделить крайние. К сильной (жесткой) форме комплексирования можно отнести впервые отчетливо проработанный проект естественно-научной и гуманитарной методологии применительно к психологии (В. М. Аллахвердов). Заметим, что новейший императив РФФИ (Российский фонд фундаментальных исследований) к конкурсным заявкам по психологии определяет этот тип комплексирования. Значительно более мягкий вариант комплексирования предложен в интегративной разработке концепции многомерного сознания (В. Ф. Петренко), представляющей пример консолидирующей методологии.

Для любой из форм комплексирования одной из ключевых проблем является отношение к человеку как источнику психологической информации (испытуемый, информант, участник и т. д.). Позитивным фактором в этом плане, несомненно, является издание нового объединенного по основным отраслям психологии объемного сборника материалов конференции по экспериментальной психологии

(ред. В. А. Барабанщиков, С. Б. Малых и др.), а также периодический журнал данного профиля. Вместе с тем в полной мере не поставлен вопрос о статусе испытуемого (объект—субъект) в психологических экспериментах естественнонаучной и/или гуманитарной ориентации.

В этом контексте методологически основательно проработанная и эмпирически проиллюстрированная теория А. В. Брушлинского, представляющая убедительный пример комплексирования субъектного, деятельностного и процессуального подходов в психологии, демонстрирует также удивительное, этически-внимательное и бережное отношение к человеку как в исследовательском замысле, так и в экспериментальной психологической работе.

Литература

- Абульханова К. А., Славская А. Н.* Послесловие // С. Л. Рубинштейн. Человек и мир. М., 1997.
- Акопов Г. В.* Энергетическая концепция В. М. Бехтерева и современные подходы к решению проблемы сознания // Бехтерев В. М. и современная психология. К 120-летию открытия первой психологической лаборатории: Материалы докладов на российской научно-практической конференции. Казань, Казанский государственный университет, 29–30 сентября 2005 г. Вып. 3. Т. 1. Казань: Центр инновационных технологий, 2005. С. 10–21.
- Акопов Г. В.* Созерцание в категориальной системе современной психологии: теоретические и прикладные аспекты / Под ред. В. Ф. Петренко. Самара: Изд-во ВЕК#21, 2014.
- Брушлинский А. В.* Проблема бессознательного в трудах С. Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1979. № 3. С. 115–122.
- Брушлинский А. В.* Субъект: Мышление, учение, воображение. М., 1996.
- Брушлинский А. В., Поликарпов В. А.* Мышление и общение (2-е дораб. изд.). Самара: Дом печати, 1999.
- Клочко В. Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблема становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск, 2005.
- Леонтьев А. Н.* Категория деятельности в современной психологии // Леонтьев А. Н. Избр. психол. произв. В 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 243–246.
- Миракян А. И.* Контуры трансцендентальной психологии. Кн. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Панфёров В. Н.* Психология человека. СПб., 2000.
- Пергаменищик Л. А.* Психическое оцепенение как разрыв непрерывности бытия // Журнал практического психолога. 2009. № 1 / Гл. ред. А. Г. Лидерс. М.: ООО «ИГ-СОЦИН», 2009. С. 156–165.

Померанц Г. С. Пауза созерцания // Дружба народов. 2002. № 2 // <http://magazines.russ.ru/druzhba/2002/2/pom.html> (дата обращения: 30.05.2013).

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание // Человек и мир. СПб., 2013.

Слободчиков В. И. Антропологический статус современного психологического знания // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия «Акмеология образования. Психология развития». 2014. Т. 3. Вып. 3 (11). С. 224–228.

Subject-activity-process paradigm in psychology

G. V. Akopov (Samara)

Doctor of psychology, Professor, Samara State University
of Social Sciences and Education

On example of the complex concept of A. V. Brushlinskii the transition from nonparadigmatic conceptions to the integration of methodological approaches and problems in contemporary psychology is discussed. Concepts of A. V. Brushlinskii and A. I. Mirakyan are compared. The importance of the category of “contemplation” both in the works of S. L. Rubinstein and in the substantive provisions of A. V. Brushlinsky is confirmed; the line of logical and methodological substantiation of the category of “contemplation” from the standpoint of the integration of subject, activity, process and transcendent approaches is marked. The possibility of a new ethical assessment of the participant’s status in psychological research in connection with a withdrawal from nonparadigmatic methodology.

Keywords: methodology, principles, research approaches, monism, process and product, aggregation, A. V. Brushlinsky.

Эвристичность психологии как фундаментальной основы исследований журналистики

С. Л. Белых (Москва)

*кандидат психологических наук,
НОЧУ ВО «Московский экономический институт»; e-mail: belih@bk.ru*

Журналистика, претендуя на статус науки, должна ориентироваться на доказательные методы, позволяющие получать объективные результаты. Не являясь мононаукой, журналистика обращается к методам различных научных направлений. Представляется, что одной из наиболее эвристичных в этом плане наук является психология, методы которой удачно соединяют достоинства гуманитарных и естественнонаучных направлений.

Ключевые слова: журналистика, психология, научные методы, объективные результаты, научное мышление.

Подробный анализ научных публикаций по журналистике (Рубрика ГРНТИ: Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации) показывает, что исследователи фактически игнорируют психологию, мечась в поисках объяснений, обоснований и аргументов от философии до антропологии, методы которых позволяют, собственно, лишь моделировать изучаемую ситуацию относительно правдоподобно, а доказательной основы не имеют. Из всего списка наук, используемых в журналистике, методы психологии максимально эвристичны и доказательны, именно они могут вывести журналистику на реально научный уровень. И тем не менее, даже когда речь заходит о коммуникациях, исследователи журналистики обращаются к социологии, культурологии, искусствоведению, к фундаментальной философии, но никак

* На основе доклада, сделанного на факультете журналистики МГУ на конференции «Журналистика в 2017 году: творчество, профессия, индустрия».

не к психологии. Количество цитирований психологических работ журналистами минимально (примерно 10% исследователей журналистики), большинство ссылок на устаревшие тексты. К примеру, в монографии М. М. Назарова (2014), имеющей значительную долю психологического содержания, из 103 русскоязычных источников лишь 2 – точно психологических, но 1996 и 2000 гг. издания, и это учебники, 14 источников условно-психологического содержания, но 7 из них датируются прошлым веком. В списке зарубежных источников 2 статьи по психологии, 1971 и 1974 гг. издания. Хотя надо признать, что многие более современные источники этого списка являются преимущественно психологическими, даже если в названии отсутствует слово «психология».

Один из самых интересных авторов, работающих на пересечении психологии, журналистики, философии и филологии – В. Ф. Олешко. Его работы чрезвычайно актуальны, а учебник очень востребован и постоянно переиздается (Олешко, 2017) однако в авторитетных изданиях ссылки на его работы довольно редки. Возможно, причина в том, что ссылаться на учебники не принято, а другие его публикации носят не столько научный, сколько публицистический характер.

Психологии как науке, актуальной для исследования журналистики, уделяется значительное внимание лишь в контексте методов изучения специфики профессиональной деятельности, что практически невозможно в иных, непсихологических, дискурсах, но необходимость подготовки студента к профессии, которая диктуется ФГОС, требует выполнения подобных работ. Описание актуальных личностных качеств и способностей (компетенций) журналиста занимает значительное место в научных исследованиях (см., к примеру, Колесниченко А. В. и др., 2017), но опять же защита диссертаций по этой тематике происходит в основном по психологическим специальностям (19.00.03 Психология труда, инженерная психология, эргономика или 19.00.07 Педагогическая психология), а содержание соответствующего раздела в учебниках по основам журналистики имеет крайне устаревший характер – в списках литературы скудные источники по психологии датируются в основном 80 годами прошлого века.

При этом в вузах попытки привлечь психологию к формированию профессионального мышления журналиста довольно убоги: на психологические дисциплины на факультете журналистики МГУ в бакалавриате отводится минимальное количество часов (72), в магистратуре психологии как таковой вообще нет, в то время как ООП разных магистратур по журналистике включают дублирующие друг

друга курсы по масс-медиа и массовым коммуникациям, в которых психология представлена однобоко и беззубо.

Такое ощущение, что исследователи журналистики носят какие-то специальные очки, сквозь которые психологию совершенно не видно. Можно было бы подумать, что нет интересных психологических работ, в которых исследовались бы феномены, актуальные для журналистики. Но это не так. В психологии существует огромное количество исследований, в которых рассматриваются процессы и явления, актуальные для журналистики, а то и напрямую сама журналистика (как профессиональная деятельность, как комплекс средств воздействия на аудиторию, как социальный институт, как объект менеджмента). В журналах по психологии, входящих в ядро РИНЦ (их 8), опубликовано немало результатов эмпирических исследований, предмет которых имеет отношение к журналистике. Это, конечно, преимущественно профессиональная деятельность и личность журналиста (психология труда), но также психологическая реакция реципиентов (психология эстетического восприятия, психология эмоций, психология влияния), психологический анализ вербальных текстов, опубликованных в СМИ (психолингвистика), а еще специфика организации и осуществления профессионального и дополнительного образования (это педагогика, но в ней в основном используются также психологические методы). В психологии, которая является сплавом гуманитарной и естественнонаучной методологии, происходит объективное изучение фактически всех субъектных аспектов предмета/объекта журналистики (субъекты журналистской деятельности, субъекты управления в системе институтов журналистики, субъекты восприятия продукции журналистики и др.).

И тем не менее со стороны исследователей журналистики можно констатировать беспрецедентное невнимание к психологическим методам. Анализ публикаций двух наиболее авторитетных (входящих в ядро РИНЦ) журналов, посвященных проблематике журналистики*, за последние несколько лет показывает, что из множества авторов цитирование психологов (ссылки, упоминания и включение в библиографию) встречается у единиц, хотя предмет рассмотрения (рука не поднимается написать «исследования») у многих авторов почти психологический.

Самое простое объяснение — традиции. Журналистика началась с изучения вербальных текстов, которые до сих пор занимают

* Вестник Томского государственного университета. Филология (Национальный исследовательский Томский государственный университет); Вопросы теории и практики журналистики (Байкальский государственный университет).

ведущее место в системе информационного обмена, или, как пишет Е. П. Прохоров, в системе задач по адекватному информационному обеспечению жизнедеятельности массовой аудитории и социальных институтов в соответствии с их информационными потребностями (Прохоров, 2011), т. е. с филологии и лингвистики. И хотя исследователи журналистики довольно быстро почувствовали потребность привлечения знаний из других наук для выявления и объяснения каких-то закономерностей, однако выбор предсказуемо падал на науки, близкие к филологии тематически, стилистически, методологически. Такими науками стали искусствоведение, социология, философия (включающая этику, мораль и культурологию), политология, история, антропология. То есть, с одной стороны, есть признание, что журналистика – это не мононаука (Бобров, 2014), с другой стороны, привлечение доказательных наук, т. е. наук, ориентированных на поиск объективных аргументов, опирающихся в том числе на естественнонаучную методологию, в силу специфики сложившегося мышления ведущих ученых в этой сфере и авторитетных преподавателей журналистики, крайне затруднительно. Самыми употребляемыми методами исследователей журналистики являются те, что позволяют разыскать в тексте признаки художественности и факторы эмоционально-мотивационного влияния на аудиторию, а значит, ключевой категорией, пусть даже в «снятом» виде, становится категория «эстетического». Эстетическое – это предмет философского анализа, он предполагает использование мировоззренческих методологических инструментов, которые применимы к широкому кругу социокультурных явлений, но не выводят на объективность фактов, а в современной журналистике объективность сейчас крайне необходима. Стремление выйти на хоть сколько-то объективные параметры вынудило исследователей журналистики обратиться к экономике. Многие авторы медиаэкономики решили рассматривать в качестве компонента (одного из множества объектов) журналистики (Демина, 2009).

Но думается, что именно психология может стать тем самым переходным мостиком от публицистики, в жанре которой по большей части сейчас делаются статьи в проблематике журналистики, к реальной науке, однако для использования методов современной психологии с ее сложнейшими эмпирическими исследованиями требуется совершенно другой тип научного мышления. Начать трансформацию можно с сопоставления каждого из множественных объектов «журналистик» (объектов научного внимания) (Вартанова, 2010; Прохоров, 2011) с психологическими научными направлениями, в рамках которых эти объекты могут быть исследованы, дополнив

список медиаэкономикой и, соответственно, «экономической психологией».

Но можно иначе подойти к анализу проблемы использования психологической методологии для изучения журналистики. При чтении научных публикаций по журналистике у серьезного психолога неизменно возникает вопрос: какой могла бы быть читаемая статья (или аналитическая работа), если бы автор не игнорировал психологические методы?

Для ответа на этот вопрос, т. е. для предварительного анализа возможного обращения к психологической тематике были взяты три публикации по журналистике — одна имеет интересную, завлекательную тему, растиражирована в интернете, но автор — молодой, еще без степени, а его статья откровенно слабая. Вторая — статья маститого автора с докторской степенью, написана, на первый взгляд, строго научно. Третья представляет из себя традиционную для журналистики работу по содержательному сравнительному анализу, авторы — также доктора наук.

Анализ (здесь кратко) статьи А. Г. Романова* (2013) показывает беспомощность автора в том, что можно считать «теоретическим анализом», он путается в объекте и предмете исследования, а последний фактически не анализируется в статье. Заявленные в самом начале задачи не решаются научными методами, решения просто «назначаются» декларацией субъективного мнения автора либо путем цитирования авторитетных авторов позапрошлого века (функции юмора в целом), мнение которых уже многократно оспорено. Многие утверждения А. Г. Романова совсем не имеют под собой доказательной базы. Любопытные находки и авторская классификация неполные и недостаточно обоснованные. Выводы практически не связаны со сформулированным в начале статьи предметом и ничем не доказаны. Но сопоставление «подвешенных» автором интересных, в сущности, идей с психологическими методами показывает, что можно было получить вполне объективные результаты, подтверждающие или опровергающие идеи автора.

Анализ (здесь кратко) статьи Ю. М. Ершова** позволяет увидеть массу достоинств, но скорее в качестве публицистической, а не научной работы. Ю. М. Ершов не совсем корректно обращается с предметом и дефинициями, делает наряду с обращением к объективному

* Аспирант кафедры журналистики Педагогического института им. В. Г. Белинского Пензенского государственного университета.

** Докт. филол. наук, зав. кафедрой телерадиожурналистики Томского государственного университета.

фактам массу бездоказательных деклараций и соскальзывает с намеченной логики. Название его статьи почти тавтологично (фейк не может существовать вне коммуникативных практик), а выводы, занимающие полторы страницы (из 12 страниц статьи), не следуют из того, что написано в самой статье, скорее, это креативные предложения, основанные на субъективном опыте автора.

Исследовательский метод в очень добротной статье Н. В. Жилковой* и В. В. Шевцова** традиционно похож на филологический анализ, только сравниваются не художественные тексты, а газетные. Анализ подробный и последовательный, с дополнительным уточнением обстоятельств (в том числе психологических) выпуска сравниваемых газет. В таком варианте научной статьи психологические методы не слишком актуальны, однако думается, что психологический анализ факторов, способствовавших или препятствовавших успеху газеты, можно было сделать более убедительным, подкрепив его ссылками на известные эмпирические работы по психологии.

Есть основания полагать, что такое положение дел характерно для большинства публикаций по журналистике.

Поскольку психология явно недооценивается исследователями журналистики, первые шаги на сближение, судя по всему, придется сделать психологам. Представляется, что это, во-первых, должна быть большая аналитическая работа по выявлению реальной проблематики в сфере журналистики, включающая изучение запросов на научные исследования (коммерческих предложений и результатов маркетинговых исследований), которые невозможно удовлетворить, применяя традиционные, принятые в журналистике методы, а также анализ проблемных ситуаций в системе массовых коммуникаций, не находящих решения опять же в традиционных рамках.

Во-вторых, это аналитика уже проведенных исследований в сфере журналистики, которым недостает доказательной базы, сопоставляющая прежде всего предмет этих исследований с психологическими методами, которые позволили бы получить более объективные результаты в исследовании этого предмета. Приведем пример такого сопоставления (подбора адекватных методов психологии) для «влияния» как предмета журналистского исследования.

* Докт. филол. наук, профессор кафедры теории и практики журналистики Томского государственного университета.

** Докт. истор. наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета.

Теоретические методы психологии

Моделирование ситуации влияния с предположительными факторами влияния. Обоснования возможного влияния:

- временная или/и пространственная близость (друг за другом, рядом) факторов, событий, ситуаций, полагаемых в отношениях влияния;
- известная из других источников реакция испытуемых (обычно реципиентов) на изучаемое событие;
- аналогичные ситуации влияния, исследованные эмпирически (собственные исследования или работы других ученых);
- общепсихологические закономерности, применимые для интерпретации изучаемой ситуации предполагаемого влияния.

Эмпирические методы психологии:

- формирующий эксперимент;
- массовый срез с высоким уровнем статистической значимости искомых связей;
- анкетирование: выявление психологической реакции испытуемого (реципиента, клиента, бизнес-партнера, политика и др.) с указанием на конкретные стимулы, вызвавшие реакцию;
- использование критериальных событий для интерпретации выявленных связей, для получения выводов;
- контент-анализ стимульных текстов и отзывов на них;
- лабораторный эксперимент – измерение непосредственной реакции представителей целевой аудитории на исследуемый стимул (изучаемое событие, напр., текст или видео).

Литература

- Бобров А. А.* Путь к профессионализму: Учеб. пособие для курса «Основы творческой деятельности журналиста». М.: Директ-Медиа, 2014.
- Вартанова Е. Л.* О современном понимании СМИ и журналистики // Медиаскоп. 2010. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/issues/262>.
- Демина И. Н.* Экономика и журналистика: точки соприкосновения // Вестник Московского университета. Сер. 10. «Журналистика». № 5. 2009. С. 68–79.
- Ершов Ю. М.* Феномен фейка в контексте коммуникационных практик // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 245–256.

- Жилякова Н. В., Шевцов В. В.* Адаптация типологических моделей столичной периодики в провинциальной печати (на примере «Сибирской брачной газеты», г. Томск, 1910 г.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 51. С. 221–236.
- Колесниченко А. В., Пронина Е. Е., Ильченко Д. С.* Эффективность критериев отбора будущих журналистов: опыт мастерской научной журналистики при факультете журналистики МГУ // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2017. Т. 2. № 3. С. 191–201.
- Назаров М. М.* Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. М.: Книжный дом «Либроком», 2014.
- Олешко В. Ф.* Психология журналистики: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017.
- Прохоров Е. П.* Введение в теорию журналистики: Учебник для студентов вузов. 8-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2011.
- Романов А. Г.* Комическое в современной российской прессе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 152–154.

The heuristicity of psychology as a fundamental basis of journalism research (journalism as an object of psychological research)

S. L. Belykh (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences,
NEPS HE “Moscow Economic Institute”

Journalism, claiming the status of science, should be guided by evidence-based methods that allow obtaining objective results. Not being monoscience, journalism appeals to the methods of various scientific directions. I think that one of the most heuristic sciences in this respect is psychology, the methods of which successfully combine the merits of humanitarian and natural science directions.

Keywords: journalism, psychology, scientific methods, objective results, scientific thinking.

Поступок как единица образовательной деятельности

А. А. Вербицкий (Москва)

*доктор педагогических наук, кандидат психологических наук,
академик РАО, Московский педагогический государственный университет;
e-mail: asson1@rambler.ru*

В статье с позиций психолого-педагогической теории контекстного образования рассматриваются проблемы единства обучения и воспитания. Приводятся положения закона об образовании в РФ, которые фактически закрепляют отрыв обучения от воспитания. Автор указывает на две причины этого феномена: а) отсутствие в современной России разделяемых всеми гражданами национальной идеи, социальных ценностей; б) технократическое понимание психологических закономерностей развития личности человека через образование. Показано, что в доминирующей пока объяснительно-иллюстративной системе обучения человек рассматривается как некое механическое устройство; в современном цифровом обучении – как устройство по переработке информации; в деятельностной теории усвоения социального опыта сама деятельность редуцирована до предметного действия, не несущего в себе возможности единства обучения и воспитания. Обосновывается положение, что единицей деятельности должен быть признан поступок, который несет в себе возможности обеспечения единства обучения и воспитания в едином потоке образовательной деятельности и тем самым повышение эффективности применения деятельностного подхода к усвоению социального опыта.

Ключевые слова: контекстное образование, обучение, воспитание, единица деятельности, действие, поступок.

Согласно закону «Об образовании в РФ», «образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения...»; воспитание – «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося...»;

обучение — «целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией...» (Закон «Об образовании...», статья 2). Как видим, последние два определения противоречат первому: обучение и воспитание не являются двумя сторонами одной «медали» — образования. Цитируемая статья закона закрепляет то положение, что *современное образование не представляет собой единства обучения и воспитания*.

Это противоречие обусловлено двумя объективными причинами: 1) отсутствием в современной России национальной идеи и системы общепринятых социальных ценностей, которые служили бы ориентирами воспитания в системе образования; 2) технократическим пониманием психологических закономерностей развития личности человека через образование. Кратко рассмотрим обе эти причины.

1. Современное российское общество находится в состоянии *социальной аномии* (понятие введено Э. Дюркгеймом), при которой имеет место расхождение между потребностями и интересами части его членов и возможностями их удовлетворения (Дюркгейм, 1995). Р. Мертон писал, что при достаточно резкой смене общественных идеалов и морали определенные социальные группы перестают чувствовать свою причастность к данному обществу, новые образцы поведения и нормы отвергаются членами этих групп, что особенно сильно действует в отношении молодежи (Мертон, 1966). Отсутствие научно обоснованной политики в сфере воспитания способствует росту социальной дезинтеграции, насилия, криминального и аддиктивного поведения, серьезных психологических проблем людей.
2. Начиная с конца XVI в. психология и педагогика стремились строить себя по образцу более теоретически развитых, терминологически строгих и дающих реальные практические результаты естественных наук, оперирующих в своих теоретических построениях строго определенными дискретными единицами или «клеточками». Для физика это атом, для химика — молекула, для биолога — клетка.

Подобно этому в традиционной объяснительно-иллюстративной теории обучения в качестве основной единицы, «клеточки» познания приняты *ассоциация* и *рефлекс*; в бихевиоральной модели программированного обучения — *«стимул–реакция»*; в цифровом обучении, — *бит информации*; и даже в деятельностной теории усвоения социального опыта — *предметное действие* (Вербицкий, 2017). Во всех этих единицах не содержится ни грана того, что можно назвать «че-

ловеческим измерением», из которого и появляется феномен воспитания – потребностей и мотивов, социальных ценностей, отношений, нравственности, духовности.

Я. А. Коменский, основоположник (XVII в.) объяснительно-иллюстративного обучения, до сих пор доминирующего во многих странах, включая Россию, писал: нужно желать, чтобы метод обучения «стал механическим, т. е. предписывающим все столь определенно, чтобы все, чему будут обучать, учиться и что будут делать, не могло не иметь успеха, как это бывает в хорошо сделанных часах, в телеге, корабле, мельнице и во всякой другой устроенной для движения машине» (Коменский, 1939, с. 175). Искусство обучения требует лишь искусного распределения времени, предмета и метода. Эта технократическая позиция напрочь исключает активное полагание самого обучающегося как субъекта познавательной деятельности в мире интеллектуальной, предметной, социальной и духовной культуры, свободу нравственного выбора. В этой парадигме учебный процесс организован в форме монолога учителя на уроке, преподавателя на лекции, индивидуальной самостоятельной работы и т. п., т. е. не в формах диалогического общения и межличностного взаимодействия обоих субъектов образовательного процесса – педагога и обучающихся, вне социальной ситуации развития. Принцип индивидуализации обучения, понятый как оставление каждого «обучаемого» наедине с учебником, учебным пособием или компьютерной обучающей программой, еще больше усугубляет отрыв обучения от воспитания.

Появившиеся компьютеры, средства мобильной связи, Интернет, социальные сети радикально изменили за последние двадцать лет окружающий мир, став важными средствами деятельности и общения людей. Психологической основой информационных обучающих технологий является когнитивная психология, изучающая процессы получения, переработки, хранения информации и ее использования в жизни человека.

Многочисленные исследования в рамках когнитивной психологии привели к появлению «компьютерной метафоры». Ее суть в том, что механизмы работы мозга человека и компьютера имеют одну и ту же природу. Существует даже идея «чипового обучения»: каждому «обучаемому» вживляется под кожу чип с записанными на нем обучающими программами, обеспечивающими его эффективное индивидуальное развитие. Таким образом, через три с лишним столетия после Я. А. Коменского на новом витке научного познания человек снова редуцирован до механического устройства! О каком воспитании здесь может идти речь?

Тотальная «цифровизация» всех сторон жизни общества, включая образование, создает реальную угрозу дальнейшего отрыва обучения от воспитания, передачу функции социализации молодого поколения «цифровым устройствам», «цифровой реальности», которые свободны от давления морально-нравственных норм конкретного общества.

Казалось бы, сказанное не относится к предметному действию, которое сторонники психологии деятельности считают, вслед за С. Л. Рубинштейном (Рубинштейн, 2012) и А. Н. Леонтьевым (Леонтьев, 1975), единицей деятельности, поскольку оно целенаправленно и является «культурным действием», так как выполняется по социально закрепленным нормам, принятым в обществе и на производстве.

Однако это соображение не спасает положение, поскольку в предметном действии не содержится «координата» морали и нравственности. А без этого технологически сколь угодно грамотно выполненное предметное действие может нанести вред природе, обществу, другому человеку и самому себе.

В развиваемой нами на протяжении многих лет психолого-педагогической теории контекстного образования единицей деятельности обучающегося, несущей в себе возможности как обучения, так и воспитания, выступает не предметное действие, а *поступок*. Поступок — это особое ценностное действие, направленное не только на технологически правильное его выполнение, но и на другого человека или других людей, предполагающее их морально- нравственную оценку, тот или иной отклик и в зависимости от этого — коррекцию совершенного поступка (Вербицкий, 2017).

Другими словами, по своей форме поступок — это тоже действие, но действие особого порядка — социально нормированное, предполагающее оценку другими людьми (обществом, государством) с позиции требований морали и нравственности и определенные санкции, если оценка отрицательна (Психологический лексикон, 2005). Поступок несет в себе качество как предметности, так и социальности, конституирует «социальную ситуацию развития», направленность субъектов образовательного процесса (педагогов и обучающихся) как на предметно-технологические компоненты ситуации, так и на морально-нравственные отношения включенных в эту ситуацию людей.

Исходя из сказанного, можно представить себе следующий психологический механизм воспитания. Прежде всего, исходя из приведенного определения поступка, необходимо ввести в какой-то мере парадоксальное теоретическое допущение, что уже с момента рождения ребенок совершает поступки. Не потому, что он знает или не знает моральные требования к своим действиям, а по той причине, что да-

же его произвольные движения оцениваются родителем на предмет соответствия принятым в данном обществе социальным и морально-нравственным нормам.

Если оценка отрицательна, т. е. ребенок делает что-то не в соответствии с принятыми в данном обществе нормами, родитель оценивает его как неверное и направляет в нужное социально нормированное русло, скажем, в процессе овладения ребенком правильным способом пользования ложкой, вилкой, любыми другими предметами. Но как только активность ребенка в этом направлении автоматизируется, оценка родителя уходит, поступок трансформируется в компетентное автоматизированное предметное действие.

Этот механизм работает и по отношению к взрослому: как только он совершает какое-либо действие, нарушающее принятые в данном обществе, профессиональном сообществе, в семье социальные нормы, в том числе технологические, так оно сразу оценивается как неправильное, т. е. приобретает качество поступка. Оценка может быть как положительной, так и отрицательной; соответственно, поступок будет квалифицирован как высокий, низкий, смелый, трусливый, нестандартный, творческий и т. п.

Понятие «воспитание» можно определить двояким образом: 1) в широком смысле это процесс социализации индивида, становления и развития его как личности и индивидуальности на протяжении всей жизни посредством собственной активности и под влиянием природной, социокультурной и образовательной среды; 2) обретение индивидом общественно признанных и одобряемых данным сообществом социальных ценностей, морально-нравственных норм, качеств личности и образцов поведения в специально созданных условиях, т. е. в процессах образования (Психологический лексикон, 2005).

В обоих этих случаях воспитание представляет собой интегральный результат активного взаимодействия двух смыслообразующих контекстов: внутренних, психических процессов и отраженных в психике внешних влияний, образовательной среды на человека. Результат взаимодействия этих двух смыслообразующих контекстов выражается в индивидуальности человека как уникальном сплаве интеллектуального, предметно-технологического, социального и духовного знания, переживания и опыта.

При этом нужно различать понятия «мораль» и «нравственность». Мораль – это то объективное, что закреплено в данном обществе в виде юридических законов, нормативных основ профессиональной и социокультурной деятельности, правил поведения в обществе, экологических требований, национальных и религиозных различий и др.

А нравственность – понятие субъективного порядка, отражающее меру приближения к реализации в своей жизнедеятельности этих объективно существующих норм, традиций, обычаев, модусов поведения. Можно быть прекрасно информированным о нормах морали и в то же время безнравственным, если им не следовать и даже «преступить закон».

Любой вид человеческой деятельности имеет морально-нравственную координату, которой нельзя обучить посредством передачи информации о ней, но можно воспитать, т. е. пережить чувством, опытом в процессе совершения человеком собственных поступков в совместной с другими людьми деятельности. В отличие от обучения, опирающегося, прежде всего, на логику и когнитивные процессы, в воспитании преобладают эмоциональный, ценностно-ориентационный и отношенческий компоненты активности человека, вырабатывающие в нем нравственные принципы, социальные ценности, установки, черты характера, систему отношений к природе, обществу, труду, другим людям и к самому себе.

Обучение имеет дело с информацией, искусственными знаковыми, символическими, модельными объектами и системами, овладение которыми обучающимся обеспечивает его интеллектуальное развитие, куда входят и знания о морально-нравственных основах бытия. Воспитание же не ограничивается знанием этих норм, а предполагает включение обучающегося в реальные, диалогические по своей сути межличностные отношения, социальные процессы и явления общечеловеческой и национальной культуры как естественные события окружающей человека действительности, способные вызывать социальные чувства и эмоциональные переживания.

Содержание воспитания «втягивается» в образовательный процесс не посредством передачи информации о том, что хорошо или плохо в жизни людей и общества, а через ситуации и формы диалогического общения и межличностного взаимодействия субъектов образования – обучающихся и обучающихся, т. е. предполагает, пользуясь положением Л. С. Выготского, социальные ситуации развития (Выготский, 1984), где эти субъекты не только осуществляют технологические грамотные предметные действия, но совершают поступки – социально нормированные действия, предполагающие оценку другими людьми (обществом, государством) с позиции требований морали и нравственности.

Общение и взаимодействие в этих ситуациях осуществляется в соответствии с двумя типами норм: норм технологически грамотных (компетентных) предметных действий и морально-нравственных норм, принятых в обществе, данном профессиональном сообществе, конкретной группе людей. Следование обучающимся обоим типам

норм и тем самым их «присвоение» обеспечивает единство процесса обучения и воспитания в одном потоке его учебно-познавательной активности, как это бывает, скажем, в деловой игре или любой другой форме контекстного образования.

Редукция целостной деятельности к предметному действию, попытки свести формирование развитой личности обучающегося к системе усвоенных им универсальных учебных действий (УУД), как это сейчас делается в школе, ограничивает, по сути, сводит на нет огромные развивающие возможности деятельностного подхода к образованию. Поэтому необходимо признание поступка в качестве полноценной единицы деятельности не только применительно к учебно-познавательной, но и к любой другой деятельности.

Литература

- Вербицкий А. А.* Теория и технологии контекстного образования. М.: МПГУ, 2017.
- Выготский Л. С.* Проблема возраста // Собр. соч. В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984.
- Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
- Закон «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями на 13 июля 2015 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/902389617>.
- Коменский Я. А.* Великая дидактика. М.: Учпедгиз, 1939.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Мертон Р. К.* Социальная структура и anomia // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966.
- Психологический лексикон: Энциклопедический словарь в 6 т. / Ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского. М.: Пер Сэ, 2005.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012.

Deed as a unit of educational activity

A. A. Verbitsky (Moscow)

Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Psychological Sciences,
Academician of RAO, Moscow State Pedagogical University

In the article, from the standpoint of the psycho-pedagogical theory of contextual education, the problems of the unity of teaching and upbringing are

examined. Provisions are made in the law on education in the Russian Federation, which actually fixes the separation of education from education. The author points out two reasons for this phenomenon: a) the absence in modern Russia of the national idea shared by all citizens, social values; b) a technocratic understanding of the psychological patterns of the development of a person's personality through education. It is shown that in a predominantly explanatory-illustrative educational system, a person is regarded as a kind of mechanical device; in modern digital training – as a device for processing information; in the activity theory of the assimilation of social experience, activity itself is reduced to an objective action that does not carry in itself the possibility of the unity of education and upbringing. The author substantiates the provision that the unit of activity must be recognized as an act that carries the possibility of ensuring the unity of education and upbringing in a single stream of educational activity and thereby increasing the effectiveness of the application of the activity approach to the assimilation of social experience.

Keywords: education, training, upbringing, unit of activity, action, deed.

Субъект как проблема современной психологии

М. С. Гусельцева (Москва)

*доктор психологических наук, доцент, Психологический институт РАО;
e-mail: mguseltseva@mail.ru*

Психология субъекта рассматривается в качестве сильной программы современной российской психологии. На протяжении XX в. категория «субъект» имела не только явное, но и латентное развитие в контексте отечественной интеллектуальной традиции. Ее скрытый потенциал востребован в наши дни, где «субъект» играет важную роль в категориальной сети современного знания. Категория «субъект» способствует конкретно-научной интеграции психологических подходов и трансдисциплинарной коммуникации психологии и социогуманитарных наук. Психология субъекта в принципиально новой методологической ситуации транзитивности, сложности и разнообразия современного мира выступает основой для изучения меняющейся субъективности человека, а также поиска новых методологических стратегий, охватывающих трансформации психического во множестве глобальных и локальных социокультурных контекстов современности.

Ключевые слова: методология, субъект, субъектность, субъективность, трансдисциплинарность.

Введение

Современная психология методологически осмысливает себя в качестве науки, включенной в локальные и глобальные контексты происходящих в мире трансформаций. Это означает, что, во-первых, предметом ее изучения являются не столько деятельность, психика, поведение или отдельные когнитивные процессы, сколько целостный человек: будь то изменяющаяся личность в изменяющемся мире; проблемы социализации и становления идентичности современ-

ных детей и подростков; актуальные вопросы геронтопсихологии в связи с увеличивающейся продолжительностью жизни; трансформации ценностей подрастающих поколений в происходящей смене культуры; изменения субъективности в историческом процессе и т. п. Во-вторых, психологическое знание развивается во взаимообмене и коммуникации с системой современных наук в качестве трансдисциплинарного. В свою очередь, это создает каскады методологических и инструментальных следствий. Явно или неявно психологическую науку преобразуют происходящие в смежных областях знания эпистемологические повороты, антиномии глобальных и локальных социокультурных трендов, тенденции общенаучной интеграции познания и дифференциации отдельных исследовательских областей.

В охарактеризованной выше познавательной ситуации особую роль играют новые методологические стратегии и обновление концептуального аппарата психологии: на передний план выходят и вынуждены быть переосмысленными в изменившемся контексте понятия «человек», «субъект», «личность», «индивидуальность», «идентичность»; в исследовательский инструментарий психологической науки добавляются новые методы и категории, например: «транзитивность», «эстетическая парадигма», «психологический хронотоп» (Марцинковская, 2016); возникают новые исследовательские направления — психология современности, повседневности, перемен и т. п. Категория субъекта в этой ситуации становится одной из стержневых опор, позволяющих обеспечить преемственность канонических подходов психологической науки в контекстах изменившейся современности.

Психология субъекта: явное знание и скрытый потенциал

Переосмысление и разработка категории субъекта значимы не только в связи с трансформирующейся современностью и освоением психологией опыта смежных наук, но и в связи с возвращением к российской интеллектуальной традиции, где представления о субъекте и субъективности имели латентное развитие в общей эволюции социогуманитарного знания. Так, в российской психологии, несмотря на тот факт, что на протяжении всего ее советского периода в фокусе внимания находилась преимущественно категория «деятельность», менее очевидное развитие получали также категории «личность», «индивидуальность», «культура», «человек», «субъект» и др. Если в 1960-е годы в контексте междисциплинарного подхода Б. Г. Ананьева помещение психологии в эпицентр человекознания позволило представить человека в качестве предмета психологии во всей его це-

лостности, многогранности и сложности, то в 1990-е годы психология субъекта А. В. Брушлинского возвращала к проблеме имманентной активности и творческой самодеятельности человека, продолжая в изменившейся социокультурной и познавательной ситуации исследовательскую линию С. Л. Рубинштейна (Брушлинский, 1994). В современной российской психологии разработке проблемы субъекта посвящается все больше работ (Знаков, 2016; Сергиенко, 2013; Субъект..., 2005; и др.). Категория субъекта выступает здесь в качестве интегрирующей, объединяя исследования отдельных аспектов психики внутри психологии, а также способствуя продуктивному синтезу знаний о человеке в психологии и социогуманитарных науках.

С опорой на концептуальную рамку культурно-аналитического подхода в эволюции российской психологии субъекта следует выделить: *латентный период*, подразумевающий развитие категории «субъект» как в поле общепсихологического знания, так и за пределами психологии; сюда же относится формирование представлений о субъекте жизни и деятельности в трудах классиков отечественной психологии; *канонический период*, на протяжении которого происходило становление психологии субъекта в качестве отдельного психологического направления; кульминацией данного периода явилась изложенная в публикациях 1990-х годов исследовательская программа А. В. Брушлинского; *интегративный период*, характеризующийся выходом проблемы субъекта за пределы отдельных психологических подходов и осмыслением взаимосвязи психологии субъекта с развитием человекознания; текущий же этап может быть охарактеризован как *трансдисциплинарный период*: здесь на передний план выходят вопросы трансформации субъективности в связи с глобальными изменениями современной культуры, транзитивностью общества и усложнением социокультурной реальности (Гусельцева, 2018).

Изменения социокультурной и познавательной ситуации современности, вызовы транзитивности, сложности и разнообразия создают как новые горизонты, так и методологические проблемы для развития психологии, побуждая ее, с одной стороны, присматриваться к достижениям социогуманитарных наук, а с другой — фокусировать внимание на трансформациях субъективности современного человека.

Так, например, обращение к работам О. В. Хархордина позволяет проследить латентные процессы индивидуализации и развития субъективности в контексте коллективистской советской культуры, где идеологическая доминанта коллективистского дискурса подавляла, однако не могла отменить развитие иных локальных движений. Парадоксальным образом Россия, считавшаяся предельно

коллективистской страной, породила огромное количество индивидуалистов. Согласно О. В. Хархордину, именно слишком общие термины (в данном случае — «коллективизм» и «индивидуализм») затрудняли анализ тонких изменений эмпирической реальности. При этом сама по себе идея индивидуализма обнаруживает в оптике современности разные грани: уважение к личности — идея неотъемлемого достоинства человека; самостоятельность и автономия — идея субъектности; приватность — представление о частной жизни и субъективности; саморазвитие и выбор идеала — идея индивидуализации (Хархордин, 2016). Продуктивной методологической стратегией в этом плане стал переход от общих рассуждений об индивидуализме к изучению повседневных практик индивидуализации, т. е. того, каким образом люди творили собственную субъективность и индивидуальность.

Другой показательной работой, расширяющей возможности современной психологии субъекта, является изучение процессов индивидуализации в исторической реальности модернизирующихся обществ. Фокусировка на «субъекте модерна» выявила разнообразие граней индивидуализации современного человека, а обнаружение такого нового качества, как «агентность» (agency), требовало разработки конструктивистской методологии, концептуализации «субъектности» (автономного самоопределения в социальном пространстве) и «субъективности» (творческой самореализации и конструирования индивидуальных стилей жизни) (Кимелев, Полякова, 2017). Наконец, то, как на развитие субъектности и субъективности современного человека влияет увеличение продолжительности жизни, обсуждается в содержательном докладе Е. М. Шульман (Шульман, 2018). Все три данные примера указывают на потенциал психологии субъекта именно в культурно-исторических контекстах трансформирующейся современности.

От «субъекта» к текущим трансформациям субъективности

В изменившейся социокультурной и познавательной ситуации категории *субъект*, *субъектность* и *субъективность* не только выходят на передние рубежи психологического познания, но и нуждаются в методологическом переосмыслении. Так, В. В. Знаков справедливо отмечает, что субъект выступает междисциплинарной категорией, связывающей психологию с социогуманитарными науками, где важным источником развития российской психологии субъекта становится поиск и постановка вопросов человекознания (Знаков, 2016), а также осмысление проблемы в качестве трансдисципли-

нарной и тем самым ее изменение в контексте эволюции собственно психологического знания. Наряду с тем, что в отдельных подходах представлены различные концептуализации субъекта, на протяжении эволюции психологического знания менялось и смысловое наполнение понятия: от безличного субъекта, который противопоставлялся объекту, отсылая к философской категории, до субъекта в качестве синонима человека, подчеркивающего его индивидуальность, автономность и субъективность (Гусельцева, 2018).

За понятием «субъект» в психологических подходах нередко скрываются разные исследовательские реальности. В этой связи до сих пор актуальным остается предложение В. А. Татенко развести представление о субъектности в качестве *сущностной характеристики человека* и конкретном *психологическом свойстве*, имеющем разные стадии выраженности, проявления возрастного развития, а также разброс индивидуальных особенностей (Татенко, 1996). Не менее важной является дифференциация субъектности и субъективности. Так, *субъектность* означает отнесенность к субъекту, нечто присущее субъекту, понимаемому как непреложное свойство человеческой сущности. *Субъективность* означает внесение в субъектность индивидуальности, уникальности, пристрастий и нюансов внутреннего мира человека. В такой трактовке субъектность остается неизменной на протяжении жизни (человек как рождается, так и умирает субъектом), тогда как субъективность изменяется и развивается в онто- и в персоногенезе. Если качество *субъектный* определяет принадлежность субъекту, то *субъективный* – подчеркивает его специфичность и особенности. Таким образом, субъектность означает *онтологическое свойство быть субъектом*, а субъективность – *психологическое свойство развивающегося и обладающего индивидуальностью человека*. Изучая субъектность, мы устанавливаем общие закономерности человеческого развития, исследуя же субъективность – раскрываем его персональное своеобразие.

В современном исследовательском контексте важно подчеркнуть, что субъект формируется в преодолении как индивидных (продуктивная деятельность вопреки физическим ограничениям), социальных (изживание конформизма, формирование самостоятельной жизненной позиции), так и индивидуальных (личные и творческие самопреодоления) обстоятельств. Разумеется, в реальной повседневной жизни мы не найдем отдельно взятых субъекта, личности, индивидуальности, индивида – это функционирующие ипостаси целостного человека, однако на разных онтогенетических этапах и в различных ситуациях те или иные модусы человеческого бытия становятся ведущими, а также между ними возникают определенные взаимо-

действия. Так, с позиции культурно-аналитического подхода соотношение структур, персонализированных психологическими понятиями «субъект», «личность», «индивид» и «индивидуальность», меняется и вступает в различные конфигурации на протяжении онтогенеза: с опорой на общепсихологические закономерности и инверсии развития можно предположить, что на ранних этапах онтогенеза преобладает активный субъект в композиции с индивидом; затем в процессе социализации ведущую роль играет субъект в композиции с личностью, в дальнейшем соотношение меняется при возрастании социализирующей роли личности; в период же психологической и личностной зрелости человека на передний план выходит тандем субъекта и индивидуальности, что находит выражение в значимости качеств свободолюбия, творческой продуктивности, личной ответственности и способности к самостоянию (Гусельцева, 2018).

Важное качество субъекта — его автономность, противостояние стихии коллективности. При этом не только в онтогенезе происходят возрастные изменения субъекта, но и разные люди и культуры отличаются степенями субъектности. Так, например, рождение нации в ходе человеческой истории психологически означает обретение народом субъектности. Субъект современности, — не просто рефлексирующий, но реализующий культурные практики свободы и ответственности, т. е. привычный к ним, автоматизировавший эту деятельность как часть повседневности, — открыт к неопределенности, не боится жить в полном трансформаций, непредсказуемости и культурного разнообразия мире. Субъект, подготовленный отвечать на эти вызовы как культивированием собственной психологической зрелости, так и владением повседневными практиками агентности (agency), является человеком, адекватным современности. Таким образом, трансформация субъектности и субъективности, появление исторического субъекта современности — тот ресурс, который помогает стране достойно вписаться в глобальный мир, в современную цивилизацию.

Заключение

Проблема субъекта в современной психологии фундирована трансформациями субъектности и субъективности в контексте глобальных и локальных социокультурных изменений. В этой связи изучение текущих трансформаций побуждает к поиску новых исследовательских стратегий, обновлению психологического словаря. Методологическая ситуация в современной российской психологии характеризуется недостаточной разработанностью терминологического

инструментария, поскольку такие ключевые понятия, как «субъект», «субъектность», «личность» в различных концептуализациях фиксируют разные эмпирические реальности. Выходом из создавшегося положения представляется трансдисциплинарный подход, позволяющий претворить вынужденную лабильность психологических категорий в контекстуально чувствительную сетевую организацию современного социогуманитарного знания.

Литература

- Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994.
- Гусельцева М. С.* Рождение психологии субъективности из духа человекознания // Вопросы психологии. 2018. № 1. С. 3–15.
- Знаков В. В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Кимелев Ю. А., Полякова Н. Л.* Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М.: ИИЦ «Праксис», 2017.
- Марцинковская Т. Д.* Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2016.
- Сергиенко Е. А.* Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 5–16.
- Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова и З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Татенко В. А.* Психология в субъектном измерении: монография. Киев: Видав. центр «Просвита», 1996.
- Хархордин О. В.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2016.
- Шульман Е. М.* Соучастие, уклонение, ответственность: гражданские стратегии в условиях гибридности и постправды // Выступление на семинаре Ассоциации школ политических исследований в Стокгольме, 27 апреля 2018 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HrS3QEM-vrW> (дата обращения: 08.05.2018).

Subject as the problem of modern psychology

M. S. Guseltseva (Moscow)

Doctor of Psychology, Associate Professor, Psychological Institute

The psychology of the subject is seen as a strong program of modern Russian psychology. Throughout the 20th century category “subject” had not only

an explicit, but latent development in the context of the Russian intellectual tradition. Its hidden potential is in demand today, where the “subject” plays an important role in the categorical network of modern knowledge. The category “subject” promotes both the specific scientific integration of psychological approaches and the transdisciplinary communication of psychology and social sciences. The psychology of the subject in a fundamentally new methodological situation of transitivity, complexity and diversity of the modern world is the basis for studying the changing subjectivity of a person, as well as searching for new methodological strategies that cover the transformation of the psychic in a multitude of global and local sociocultural contexts of the present day.

Keywords: methodology, subject, subjectness, subjectivity, transdisciplinarity.

Уязвимость теоретических упрощений сложной психологической реальности (когниции и эмоции)

Т. В. Корнилова, С. Д. Смирнов** (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: tvkornilova@mail.ru*

*** доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: sd.smirnov@mail.ru*

В статье обосновывается неприемлемость упрощения в современных теоретических подходах взаимосвязи когнитивной и эмоциональной сфер человека. В качестве первого примера обсуждается гипотеза А. Дамасио, положения которой включают редукционистское понимание регулятивной функции эмоций. Приводятся данные эмпирических исследований о вкладе интеллекта в становление когнитивных стратегий — на материале Игровой задачи Айова (IGT), применение которой и послужило основанием для выделения звена эмоциональных нарушений в качестве довода о регуляции стратегий у лиц разных нозологий. Следует признать, что если речь идет о здоровом человеке, то нельзя заранее предполагать первенство именно тех процессов регуляции стратегий, которые обсуждались для выборок больных лиц. Вторым примером стали исследования фрейминг-эффекта (ФЭ), обсуждаемого в когнитивной психологии в качестве следствия работы метафорической Системы 1. Эмпирические данные не позволяют согласиться с трактовкой ФЭ как чисто когнитивного феномена. Нами были установлены связи подверженности фреймингу с личностными особенностями врачей. Значимыми, в частности, оказались связи со свойствами, характеризующими личность профессионала в контексте отношения к риску и неопределенности.

Ключевые слова: когнитивные стратегии, эмоциональная регуляция, фрейминг, гипотеза соматических маркеров, Игровая задача Айова.

Исследования мышления О. К. Тихомировым и А. В. Брушлинским раскрывали новые закономерности и подвергали сомнению, казалось бы, устоявшиеся представления. В частности, ими была обоснована немгновенность *инсайта*; и современные теории, посвященные этому феномену, дают все новые трактовки его когнитивной регуляции, что конкретизирует процессуальное понимание инсайта, но рассматривается уже без обращения к фамилиям первопродходцев. Соотношение дискретного и континуального, осознаваемых и неосознаваемых процессов, включенность субъектных или личностных компонентов регуляции — эти и другие общепсихологические предпосылки выводили понимание мышления за рамки прежних представлений о «рациональности», «разумности» или описания только когнитивных структур. Первое, что представляется важным, — это включенность их работ в психологию познания, задаваемую иными методологическими предпосылками, чем узко понятая когнитивная психология. Второе — это готовность к пересмотру теоретических воззрений на основе тщательного анализа эмпирического материала при развитии поля гипотез в направлении такого объяснения устанавливаемых закономерностей, которые возвращали, атрибутировали их мыслящей личности.

В данной краткой статье намечены два примера того, как сегодня могут быть продолжены теоретико-эмпирические обоснования выходов за рамки объяснительных схем, упрощающих представления о регуляции познавательной активности человека. Такие примеры дают современные исследования, посвященные старой проблеме единства интеллекта и аффекта, переформулированные в психофизиологическом аспекте как проблема эмоциональной регуляции предвосхищений в гипотезе соматических маркеров А. Дамасио. Другой пример можно видеть в обосновании узости представлений о работе когнитивных Систем 1 и 2, в частности, на примере «классического» эффекта фрейминга.

Предвосхищения и когнитивные стратегии: их эмоциональная регуляция

В исследованиях предвосхищений в ситуациях неопределенности традиционно дань первенства отдавалась интуиции и вероятностному прогнозированию. Последнее могло рассматриваться как в контекстах работы так называемой когнитивной Системы 1 (Канеман, 2013), так и в более широком контексте рассмотрения интеллектуально-личностных различий в опережающей активности со стороны *образа мира*. В последние десятилетия было показано, что в ситуа-

циях неопределенности при принятии решений большей эффективностью характеризуются стратегии, сочетающие рациональный анализ и интуицию. Соответствующие конструкты могут быть операционализированы через предпочитаемые стилевые характеристики мышления (Epstein et al., 1996). В целом же в современных исследованиях принятия решений утвердилось представление о необходимом взаимодействии когнитивной и эмоциональной, рациональной и интуитивной подготовки выборов в условиях неопределенности (Корнилова, 2016).

Вместе с тем ведущей – «общепринятой» – в представлениях о психологической регуляции предвосхищений стала сегодня гипотеза «соматических маркеров» А. Дамасио, который сделал *метафорическое* предположение о чувственных основах обратной связи (в ситуации успеха и неуспеха); а на группах больных разных нозологий – с дефектами эмоциональной регуляции – были продемонстрированы разного рода нарушения вероятностных предвосхищений. Но психологи приняли гипотетический конструкт как психофизиологически обоснованный. И когнитивная регуляция решения прогностических задач (даже со стороны эмоционального интеллекта) осталась вне поля внимания.

Исследования предвосхищающей активности, вероятностного прогнозирования, роли интуиции и пред-знаний в принятии решений часто базируются на применении экспериментальных моделей, задающих контролируемые условия решения прогностических задач и позволяющих проверять конкретные гипотезы о включенности в успешность их решения тех или иных процессов. И именно на одном из вариантов актуализации процессов прогнозирования последовательностей стимулов была обоснована ставшая популярной концепция эмоциональной регуляции, прошедшая как бы по касательной к области теорий эмоций и «заземлившая» объяснение эмоциональных предвосхищений в нейрофизиологическом аспекте. Ею выступила концепция А. Дамасио о роли висцеральных ощущений как «соматических маркеров» (Damasio et al., 1996), обоснованная, в частности, на материале Игровой задачи Айова (Bechara et al., 2005).

Согласно этой концепции, в ответ на стимул, вызывающий эмоции, возникают телесные изменения (от небольших мышечных – в том числе сердца – до эндокринных), и посредством выделения определенных нейротрансмиттеров центральная нервная система контролирует передачу сигнала от тела к соматосенсорным областям. Объективно возникающие изменения ощущаются человеком как субъективная эмоция. При этом эмоциональная регуляция проявляется во влиянии на поведение и принятие решений посредст-

вом обратной связи от продуцируемых мозгом переживаний привлекательности или отвращения. Эти «маркеры» выступают в роли сигналов, когда в силу сложности или неопределенности ситуации и многообразия влияющих факторов субъект затрудняется в принятии сознательного решения.

Важно отметить несоответствие такого понимания сигнальной функции эмоций представлениям о значимости ситуаций для субъекта и о смысловой регуляции как задаваемых отнюдь не психофизиологическими уровнями. Для рассматриваемой концепции важно, что возникающие висцеральные ощущения выступают сигналами, направляющими субъекта на наиболее краткие пути решения. Сам Дамасио эту способность обозначал как интуицию, что также переводит представления об интуиции с уровней психологических процессов на уровень нейрофизиологических механизмов.

В методологическом плане гипотеза соматических маркеров выглядит редуccionистской, поскольку выводит регуляцию предвосхищений за рамки психологического объяснения и совсем уж упрощает проблему, выводя за рамки анализа когнитивную ориентировку человека в условиях неопределенности. Концепция *образа мира*, сформулированная А. Н. Леонтьевым и его учениками фокусирует иной, чем только обратная связь от чувственного индивидуального опыта, аспект прогнозирования: опережающую прогностическую активность субъекта, направляемую амодальными, а значит, не обязательно переживаемыми чувственно глубинными структурами (включающими, в частности, индивидуальную представленность значений). Психология принятия решений выделяет универсальные закономерности ориентировки человека в ситуации неопределенности и риска, предполагая в качестве диагностической проблемы анализ того, какие процессы выходят на ведущий уровень в *динамических регулятивных системах*, обеспечивающих становление прогнозов, оценок и выборов человека (Корнилова, 2016). Идея О. К. Тихомирова о том, что ведущим в процессе принятия решений может выступить любой процесс, не позволяет считать эмоциональные процессы всегда и везде основными в регуляции выбора. И именно исследования на модели IGT демонстрируют, что на выборках «нормы» интеллектуальную ориентировку никак нельзя вынести за рамки процессов, опосредствующих принятие решений.

Наши исследования (Корнилова и др., 2018; Смирнов и др., 2017) показали, что влияния со стороны эмоциональной обратной связи могут превалировать лишь на начальном этапе игры, когда еще не оформлены когнитивные ориентиры. Тогда — а именно в условиях максимальной неопределенности — ведущими предикторами регуляции

выборов становятся личностные свойства, в первую очередь *толерантности к неопределенности* и нестабильного личностного ядра *Темной триады* (Красавцева, Корнилова, 2016). На следующих этапах прогностической активности (от 2-го к 5-му этапам) неопределенность ситуации уменьшается и на первый план выходит интеллектуальная ориентировка в вероятностной среде. Эти результаты соответствуют предположениям о влиянии динамических изменений в отношении к неопределенности на разных этапах стратегий в IGT и ключевой роли когнитивных процессов по мере стабилизации стратегий субъекта.

Гипотеза А. Дамасио выглядит метафорической также в контексте отсутствия средств операционализации предполагаемых «соматических маркеров», что не позволяет сопоставлять предикторы интеллекта и предполагаемой эмоциональной регуляции.

Фрейминг-эффект как когнитивно и личностно обусловленный феномен

Вторым примером необходимости расширения или смены рамок «общепринятых» интерпретаций процессов принятия решений выступает фрейминг-эффект (ФЭ) – классический феномен когнитивной психологии, включающей метафорические предположения о Системах 1 и 2, как противопоставляющих досознательную (в том числе эмоциональную) переработку информации осознанной, дискурсивной, рациональной.

Авторы «проспективной теории» показали (А. Тверски и Д. Канеман), что в условиях, в которых применимость «нормативных» законов умозаключений неочевидна, люди склонны опираться на интуитивные эвристики, что часто приводит к ненормативным суждениям. В последнем своем бестселлере Д. Канеман уже вводит специальный параграф об «эмоциональном фрейминге» (Канеман, 2013), что означает признание недостаточности прежней объяснительной схемы фрейминг-эффекта.

ФЭ традиционно рассматривался в когнитивной психологии как результат влияния Системы 1 – действующей быстро, автоматизированно, учитывающей вероятностные характеристики наступления событий, стереотипы и другие досознательные когнитивные процессы, что позволяет быстро принимать решения, но делать при этом ошибки умозаключений. Однако эксперименты, направленные на установление эмоционального компонента ФЭ, стали показывать, что формулировка проблемы не влияет на принятие решения в условиях позитивного эмоционального контекста.

Эмпирические исследования стали основанием и для переосмысления самих Систем 1 и 2 – от чисто когнитивных к индивидуально-стилевым. Разработанная С. Эпстайном когнитивно-экспериментальная теория (CEST) интегрировала ряд аспектов теорий научения, когнитивизма, психоанализа и теории саморегуляции (как самоуправления). Сравнение рационально-аналитического и интуитивного стилей по С. Эпстайну и выделяемых в когнитивной психологии Систем 1 и 2 показывает схожесть их характеристик в личностной и когнитивной сферах. Различие заключается в помещении оснований работы систем и механизмов их становления в ту или иную сферу. Система 1 заменяет в CEST бессознательную дезадаптацию по Фрейду *бессознательной адаптацией*, в чем автор видит преимущество своего подхода, сочетающего психодинамический и позитивный аспекты.

Д. Канеман связывает динамические характеристики Системы 1 с восприятием, а ее содержание приближает к содержаниям Системы 2, т. е. Система 1 оперирует и образами, и понятиями, и близко связана с языком. По Эпстайну, Система 1 принципиально невербальна, основана на эмоциональном восприятии и кодирует информацию в образы.

Но не только на теоретическом уровне следует обсуждать правомерность трактовок предполагаемых когнитивных систем. Установленные закономерности также могут подлежать перепроверке. Мы это провели в исследованиях ФЭ на выборках врачей. А. Тверски в своем гарвардском исследовании показал значительную подверженность врачей фрейминг-эффекту. Однако последующие исследования в разных странах продемонстрировали большие разбросы в процентном соотношении лиц в выборках врачей, подверженных и не подверженных ФЭ (Zaat, Van Eijk, 1992). Кросс-культурные различия в подверженности ФЭ оказываются более высокими, чем можно было ожидать, полагаясь на «классический» эффект, описанный А. Тверски.

Далее мы смогли продемонстрировать различие в подверженности фреймингу врачей с различными личностными свойствами. При сравнении азербайджанских выборок было установлено, что врачи чаще проявляли ФЭ, чем преподаватели не медики (Корнилова, Керимова, 2018). Фреймингу в сравниваемых выборках врачей (в каждой по n=40) были подвержены 52% азербайджанских врачей и 36% российских врачей. Критерий профессиональной принадлежности был значимо связан с распределением личностных предпосылок принятия решений: *толерантности к неопределенности, готовности к риску, копингов, бдительность и избегание*. Принятие парадигмы

«от деятельности к личности» предполагает, что деятельность в условиях риска может приводить к складывающимся схемам психологической регуляции, отражающимся в системах репрезентаций своих личностных свойств. Сравнительный анализ личностных свойств и самооенок как верхнего уровня саморегуляции у лиц, выступающих новичками (студентами медицинского вуза) и профессионалами (врачами), позволил описать специфику отношения к риску у лиц, профессионально занятых врачебной деятельностью, и приемлемости для личности профессионала выбора того или иного варианта решения.

В целом приведенные данные свидетельствуют о возможности понимания ФЭ не в качестве когнитивного искажения, а в качестве личностно обусловленного различия при принятии решения.

Таким образом, два приведенных нами примера общепринятых теорий демонстрируют неправомочность однополюсных интерпретаций, будь то первенство эмоциональной или когнитивной регуляции вынесения суждений и принятия решений человеком. Более того, получаемые эмпирические данные свидетельствуют о необходимости переинтерпретаций – в пользу множественной психологической регуляции изучаемых закономерностей.

Литература

- Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2013.
- Корнилова Т. В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016.
- Корнилова Т. В., Керимова С. Г.* Особенности личностных предпосылок принятия решений (на материале фрейминг-эффекта) у врачей и преподавателей // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 1. С. 22–37.
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А., Корнилов С. А.* Интеллект и успешность прогнозирования при выполнении Айова-теста (IGT) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 1. С. 10–21.
- Красавцева Ю. В., Корнилова Т. В.* Свойства Темной триады в регуляции стратегий принятия решений (на материале игровой задачи Айова – IGT) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2016. № 2. С. 22–33.
- Смирнов С. Д., Чумакова М. А., Краснов Е. В., Корнилов С. А., Корнилова Т. В.* Когнитивная и личностная регуляция стратегий решения прогностической задачи (на материале Iowa Gambling Task) // Вестник Моск-го ун-та. Сер. 14. «Психология». 2017. № 3. С. 39–59.

- Bechara A., Damasio H., Damasio A. R., Tranel D.* The Iowa Gambling Task and the somatic marker hypothesis: some questions and answers // Trends in Cognitive Sciences. 2005. V. 9. № 4. P. 159–162.
- Damasio A. R., Everitt B. J., Bishop D.* The somatic marker hypothesis and the possible functions of the prefrontal cortex [and discussion] // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 1996. V. 351. № 1346. P. 1413–1420.
- Epstein S.* Cognitive-experiential self-theory of personality / T. Millon, M. J. Lerner (Eds) // Comprehensive Handbook of Psychology. V. 5: Personality and Social Psychology Hoboken. N. J.: Wiley & Sons, 2003. P. 159–184.
- Zaat J. O., Van Eijk J. T.* General practitioners' uncertainty, risk preference, and use of laboratory tests // Medical Care. 1992. V. 30. № 9. P. 846–854.

The weaknesses of theoretical simplification of the complex psychological reality (cognitions and emotions)

T. V. Kornilova, S. D. Smirnov** (Moscow)*

* Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University

** Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University

This article explains why the simplification of the relationship between a person's cognitive and emotional domains is unacceptable in the modern theoretical approaches. As a first example, A. Damasio's somatic marker hypothesis is discussed, the postulates of which include a reductionist understanding of the regulatory function of emotions. Empirical data, highlighting the role of intelligence in the development of cognitive strategies, is presented via the Iowa Gambling Task (IGT) that served as the basis for locating emotional disorders as an argument for the strategy regulation in individuals of various nosology. It should be recognized that for a healthy person, it is impossible to assume in advance the primary role of identical processes of strategy regulation to those discussed for participants with various impairments. A second example was the study of the framing effect, viewed in cognitive psychology as an outcome of the metaphorical System 1 functioning. Empirical evidence prevents us from agreeing with the interpretation of the FE as a purely cognitive phenomenon. We established links between susceptibility to the framing effect and personality traits in medical doctors. In particular, significant links were established with the traits that characterize the professional's personality in the context of their attitude to risk and uncertainty.

Keywords: cognitive strategies, emotional regulation, framing, somatic marker hypothesis, Iowa Gambling Task.

Монодеятельностное и полидеятельностное определение личности

М. Ш. Магомед-Эминов (Москва)

*доктор психологических наук, профессор, Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: m_sh_m@mail.ru*

Предлагаемая работа посвящена фундаментальной проблеме в рассмотрении личности — различию между определением ее в монодеятельности (на отдельной деятельности) и в полидеятельности (на многообразии деятельностей). Автор ставит вопрос о трансцендентных процессах связывания деятельностей и предлагает рассматривать завязывание деятельностей в узлы личности как продукт работы личности, преодолевая тем самым понимание личности как некоего качества, свойства либо носителя предикатов. Работа личности раскрывается как забота о себе (о собственной жизни, бытии) и забота о Другом (о жизни, бытии Другого), а личностный смысл дифференцируется на смысл-для-меня и смысл-для-Другого. Смысловые образования, в свою очередь, разделяются на позитивные и негативные, смыслы бытия и смыслы небытия. Понятие раздвоения, удвоения раскрывается как сущность психики, личности, субъекта, а человеческая индивидуальность — как Homo-Duplex.

Ключевые слова: работа личности, раздвоение психического, монодеятельностное определение, полидеятельностное определение, узлы личности, забота, смысловые образования.

В психологических теориях деятельности общественно-историческая сущность личности — конкретной человеческой индивидуальности, понимается деятельностно. Считается, что совокупность, или ансамбль, общественных отношений человека, определяющая его личность, реализуется в деятельности, в жизнедеятельности субъекта. Именно деятельность есть субстанция личности (Леонтьев, 1983; Асмолов, 2010; Иванников, 2006), которая формируется, проявля-

ется, развивается в деятельности, являясь в то же самое время субъектом деятельности, которую она же и осуществляет (Рубинштейн, 1998; Брушлинский, 1979; Абульханова-Славская, 1980). Между тем, независимо от того, понимается ли личность как субъект деятельности в смысле внутреннего момента деятельности, ее субъектного полюса, или как носитель деятельности — в определении личности как субъекта имеется фундаментальная проблема. Она создается теоретическим противоречием, или различием, которое существует между традиционным в психологии определением личности относительно категории деятельности, являющимся субстанциональным, монодеятельностным и предлагаемым нами полидеятельностным или мультидеятельностным определением личности.

В этом онтологическом подходе личность определяется на многообразии деятельностей как единиц жизни, реализуемых человеком в осуществлении многообразия, совокупности социокультурных отношений в мире. Здесь требуется предварительное уточнение. Монодеятельностное определение не означает, что субъект не рассматривается относительно многообразия, множества разнообразных деятельностей. Подобное субстанционально-категориальное понимание подводит различные деятельности под единую предметно обобщенную и обобщающую, отвлеченную категорию, в рамках которой снимаются различия между отдельными или особыми деятельностями и акцент падает на принцип тождества. Мы строим полидеятельностный подход на живой, жизненной онтологии, в рамках которой каждая деятельность как единица жизни — событие жизни конкретной человеческой индивидуальности, не может быть подведена под единую, единственную, обобщающую, отождествляющую категорию, сохраняя в многообразии деятельностей разделение, различие, несовпадение, что требует определенного рода синтетической работы, нетождественной с категорией обобщения. Подобная связь, синтетическая работа строится не просто на принципе различия, а на связывании образующих, удерживая различия. В одном случае мы имеем категориальное обобщение деятельностей; в другом случае — связывающую работу личности, создающую целостность, тотальность человеческой индивидуальности как живое единство многообразия.

Из сказанного мы можем сделать вывод, что при традиционном субстанционально-категориальном понимании деятельности фундаментальная проблема связывания многообразия деятельностей, отношений, проявлений, форм бытия конкретной человеческой индивидуальности (не совпадающей с категориальным обобщением) игнорируется или постулируется в субстанции субъекта. Однако то,

что подвергается забвению или лишь постулируется, необходимо превратить, говоря словами Л. С. Выготского, в проблему для объяснения (Выготский, 1986). Концептуализируя этот утраченный пласт бытия личности, субъекта, мы вводим онтологическое понятие работы личности, которое, прежде всего, и открывается как работа связывания — но связывания единиц жизни, способов бытия, существования, удерживая их различие, несовпадение — на что мы указывали выше. Идея полидеятельностного, мультидеятельностного определения личности, рассматривающая личность не в отдельно взятой деятельности, а в многообразии пересекающихся деятельностей, связывающихся в узлы личности (Леонтьев, 1983), узлы субъекта (Рубинштейн, 1998), была высказана в тех или иных терминах, постулирующих принцип связывания, и Л. С. Выготским, и А. Н. Леонтьевым, и С. Л. Рубинштейном. Однако она оставалась понятийно не оформленной, концептуально не разработанной из-за методологического запрета разделения работы и деятельности, что создавало идеологически недопустимое в то время умножение категорий. Поэтому феномен работы личности, реализующей процессы связывания тотальности человека в гетерогенной диалектике связывания активностей, деятельностей, отношений, удерживая их различия, подверглась теоретическому вытеснению. К тому же, работа в нашем понимании не является одним из видов активности или деятельности — она осуществляет активность, деятельность.

Для подтверждения сказанного отметим, что в концепции А. Н. Леонтьева существуют два психологических дискурса, определяющих личность (Магомед-Эминов, 1998). В одном из них личность определяется как внутренний момент деятельности, позиционируемый далее как полюс субъекта, или конкретного субъекта особой деятельности — деятельностное определение. Во втором (полидеятельностном, которое чаще всего игнорируется и которое мы подвергли специальному анализу) личность определяется на многообразии деятельностей, реализующих общественные отношения, которые и завязываются в узлы личности. Именно в этом теоретическом пункте наиболее остро обнаруживается необходимость введения понятия работы личности для объяснения процессов завязывания узлов личности, узлов высших психических функций, в ходе которых эти процессы и образования трансформируются, конституируются. Результатом предложенной нами концептуализации принципа связывания стало понимание самой личности как работы личности — работы над собой, практики себя, реализующейся в процессах жизнедеятельности, процессах бытия. Работа личности есть работа человека с собственной деятельностью, онто-

логически понимаемой как единица жизни. И эти единицы жизни (о чем мы неустанно повторяем) не могут быть обобщены в категории деятельности без утраты связующих их процессов. Вот почему категория субъекта вообще обходится без понятия внутренней работы. Специально отметим, что единицы анализа Л. С. Выготского предполагают единицы синтеза и синтетическую работу. Кроме того, именно в работе личности человек связывает и внутренние условия, и внутренние деятельности, и внешние деятельности, и активности, и пассивности.

При субстанционально-категориальном определении субъекта — субъект, личность конституируется предметно-предикатными объективациями. А при определении личности в живой, транзитной онтологии личность понимается событийно. Она рассматривается в горизонте конституирования тотальной человеческой индивидуальности, идентичности человека в многообразии деятельностей, активностей, отношений, способов жизни, способов бытия, которые связываются в собственной работе личности, создавая темпорально протяженную историю личности.

Теперь мы можем сделать следующий вывод: в монодеятельностном определении личность понимается как субъект деятельности, а в полидеятельностном определении — как связанная целостность многообразия, единство многообразия субъектов деятельностей, которые реализуют многообразие отношений человека в мире. Этот второй подход к пониманию личности, как мы отметили, обычно игнорируется, так как с ним сопряжена фундаментальная проблема связывания многообразия деятельностей в узлы личности, требующая введения понятия работы с собственной деятельностью, активностью, субъектностью.

Таким образом, конституирование личности на многообразии способов жизни, существования, бытия в целостную человеческую индивидуальность, идентичность личности является продуктом работы самой личности. Завязывание многообразия свойств, отношений в узлы личности происходит в работе личности над собой в своеобразной аутопоэтической работе личности. Следовательно, определение личности в многообразии связей, отношений, деятельностей позволяет нам преодолеть понимание личности как некоего качества, свойства, способности или как субстанции, носителя предикатов. В нашем определении, личность является работой личности, осуществляющей собственное единственное бытие во взаимодействии с Другими. Таким образом, отражательную, познавательную работу психики мы дополняем экзистенциальной работой — работой осуществления жизни, бытия. Специфика, способы этой работы

и определяют сущность личности, которая осуществляется для реализации различных форм, способов жизни, бытия, существования.

Понимание личности как работы личности требует осуществления в психологическом дискурсе кардинального различия между понятием работы и деятельности, что, в свою очередь, предполагает решение вопроса об имманентности или трансцендентности работы личности, деятельности. В свое время в психологической литературе велись активные дискуссии о том, что не всё «умещается» в деятельность — отношения, общение, сам субъект, жизнедеятельность и т. д. Действительно, личность имманентна деятельности как ее внутренний момент, как субъект деятельности. Представление о личности как о субъекте деятельности кажется убедительным, когда оно осмысливается в качестве последовательно разворачивающейся связи человека с миром, которая устанавливается в действовании, а не абстрактно, изолированно или в духовном плане. Однако в той же мере оно теряет свою убедительность, когда берется в качестве психологического основания «многомерной» личности, существующей в пространстве иерархий связей. На уровне личности многообразие деятельностей не может сходиться в виде пучка в одном субъекте, так же как не может сходиться ни многообразие связей, ни многообразие отношений, ни многообразие мотивов.

Личность также трансцендентна деятельности — она «выходит» из отдельно взятой деятельности в пространство многообразия деятельностей и их связей — в пространство взаимодействия многообразия способов жизни, способов бытия человека в мире. Трансцендентность личности деятельности открывается нам как трансценденция личности: личность возвышается над самой собой как субъектом деятельности, трансформируясь в многомерность тотальности конкретной человеческой индивидуальности — сингулярного человека.

Личность тогда не является абстрактным субъектом или объектом работы. Личность конкретна — она работает, решая задачи на жизнь, на бытие, осуществляя событие жизни, событие бытия (Магомед-Эминов, 1998). Деятельность предметна, а работа личности событийна. В ходе выполнения предметной деятельности, активности субъект, конкретный человек осуществляет собственную работу личности — творение события жизни, события бытия. В этом смысле поступок личности осуществляется в работе личности, в свершении события жизни, события бытия, в котором нечто утверждается в личности и нечто из личности устраняется.

В наиболее широком плане психическая работа опосредствует, обслуживает, определяет деятельность субъекта, направленную на предметный мир. Работу личности как работу человека над самим

собой можно, прежде всего, конечно, понимать как внутреннюю работу – работу Я над самим собой. И это внутренняя работа, нетождественная внутренней деятельности – она опосредствует внутреннюю деятельность с использованием культурных средств. Однако внутренняя работа будет носить формально-логический характер, а не характер живой онтологии до тех пор, пока мы не поймем работу личности, в том числе внутреннюю работу, темпорально. Действительно, работа личности над собой есть работа одного Я над Другим Я. Она происходит в соотношении одного Я и Другого Я, т. е. в соотношении Я и Другого. Это соотношение темпорально: в работе соотносится одно Я – бывшее, с иным, Другим – будущим, в актуальном, живом настоящем личности (актуальном Я). В своей сути работа личности, внутренняя работа личности интерперсональна, диалогична – в работу личности исходно вписан диалог между Я и Другим.

Далее, открывая работу личности как заботу о себе в смысле заботы о собственном бытии, о собственной жизни, нам нужно уточнить понятие заботы и в смысле М. Хайдеггера (Хайдеггер, 1997), и в смысле М. Фуко (Фуко, 2007) применительно к психологическому дискурсу. Забота личности дуальна, интерперсональна – она находится на пересечении заботы личности о Другом и заботы личности о себе. Две эти формы заботы мы назовем «автозабота» и «альтрозабота». Тогда и понятие поэзиса уточняется в двух планах – в плане автопоэтической работы и в плане альтропоэтической работы. По сути, автопоэтическая работа личности, или конституирование себя, осуществляется в соотношении автопоэзиса и альтропоэзиса. Таким образом, в работе личности личность конституируется с двух сторон – со стороны работы Я и со стороны работы Другого. И в этом ключе мы различаем, дифференцируем понятие личностного смысла, который обычно понимается как значение-для-меня. Мы определяем личностный смысл как взаимодействие двух смысловых образований – смысла-для-меня и смысла-для-Другого. Первый план мы называем автосмыслом, а второй – альтросмыслом.

Наконец, смысловые, ценностные образования необходимо уточнить с точки зрения соотношения позитивного–негативного, жизни–смерти, бытия–небытия. Для преодоления однополярного понимания смысла на основе эквивокального, дуального мы разделили фундаментальные смысловые образования – L-смыслы (Life-смыслы) и D-смыслы (Death-смыслы), соответственно – смыслы жизни и смыслы смерти, смыслы бытия и смыслы небытия. Во всех этих дифференциациях смысловых образованиях также необходимо учитывать, что смысловое образование является продуктом смысловой работы личности. Поэтому сведение смысловых фено-

менов только к смысловым образованиям, смысловой предметности, смысловым значениям упускает целый пласт смыслового бытия личности – смысловой работы, в которой и осуществляются смысловые образования личности. Рассмотрение личности на многообразии деятельностей и введение понятия связующей работы (удерживающей различия) позволили нам охарактеризовать личность как работу личности, что, в свою очередь, потребовало разделения работы и деятельности, которое является необходимым раздвоением для определения психического. Психическое является работой, опосредствующей деятельность субъекта – она опосредствует и внутреннюю, и внешнюю деятельность субъекта. Психическая работа имеет собственно психологический план – план высших психических функций, которые мы понимаем как психическую работу; и план метапсихический, т. е. план психической работы личности над собой и над Другим. Возвращаясь к монополярному определению в психологии личности как субъекта деятельности, отметим, что в сердцевину этого субъекта имплицирована внутренняя работа, которая обычно игнорируется в психологии. При этом внутренняя работа осуществляется и с деятельностью, и с активностью субъекта, и с жизнью, и с существованием, и с бытием человека. В собственной работе личность работает не только с собой, но и со своей деятельностью, активностью, существованием, жизнью, бытием.

Субъект бытия настолько является субъектом, насколько он работает с собственной субъектностью, собственным бытием, собственной жизнью в своем бытии в мире. Таким образом, удвоение становится сущностью психики, личности, субъекта. Личность как человеческая индивидуальность, говоря словами Л. С. Выготского, есть *Номо-Duplex* (Выготский, 1986). Но для того чтобы концептуально ухватить двойственность человека как внутренне расчлененной целостности, мы должны имплицировать в тотальность человека, личности, идентичности процессы работы самой личности, самого человека. Работы, в которой целостность человеческой индивидуальности различается, дифференцируется на Я и Другого, одновременно связывающихся в процессах взаимодействия, удерживаясь, сохраняясь от слияния и снятия различий. В этом смысле работа личности есть синергичная работа личности, в которой Я и Другой взаимодействуют, реализуя принцип «нераздельно и неслиянно». Вот эту диалектику, реализуемую работой личности, утверждая принцип «нераздельно и неслиянно», мы называем гетерогенной диалектикой, в которой и создается историческая, внутренне расчлененная темпоральная целостность личности. В этой гетерогенной диалектике работы личности личность, человеческая субъективность: 1) консти-

туируется в транзитной сфере между Я и Другим: личность определяется как транзитный субъект, личность, идентичность; 2) существует в континуальной трансформации во времени и пространстве взаимодействия, в которой личность как тотальность изменяется, становится иным, Другим, продолжая быть собой, восстанавливая себя и обретая себя вновь. Меткое высказывание С. Кьеркегора в работе «Повторение»: «...где ежеминутно ставишь свою жизнь на карту, ежеминутно теряешь ее и вновь обретаешь», – получает свое концептуальное основание и психологический механизм в работе личности над собой как Другим.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
- Асмолов А. Г.* Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл—ИЦ «Академия», 2010.
- Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.
- Выготский Л. С.* Конкретная психология человека. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 1986. № 1. С. 53–59.
- Иванников В. А.* Психологические механизмы волевой регуляции. М.—СПб.: Питер, 2006.
- Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения. В 2 т. М.: Педагогика, 1983.
- Магомед-Эминов М. Ш.* Трансформация личности. М.: ПАРФ, 1998.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1998.
- Фуко М.* Герменевтика субъекта. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 уч. году / Пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.

Mono-activity and poly-activity definition of personality

M. Sh. Magomed-Eminov (Moscow)

Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University

This paper is devoted to fundamental problem in review of personality – the difference between its definition in mono-activity (separate activity) and in poly-activity (variety of activities). The author raises question of transcendental processes of binding activities and proposes to consider tying of activities in knots of personality as product of the work of personality, overcoming the understanding of personality as certain quality, property, or carrier

of predicates. The work of personality is revealed as taking care of oneself (about one's own life, being) and taking care of Other (about life, being of Other); and the personal meaning is differentiated by meaning-for-me and meaning-for-Other. Meaning formations, in turn, are divided into positive and negative, meanings of being and meanings of non-being. Idea of bifurcation, doubling is revealed as essence of psyche, personality, subject, and human individuality – as Homo-Duplex.

Keywords: the work of personality, bifurcation of psyche, mono-activity definition, poly-activity definition, knots of personality, taking care, meaning formations.

Российская психология: глобализация и вызовы современности

В. А. Мазиллов (Ярославль)

доктор психологических наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет; e-mail: v.mazilov@yspu.org

В статье обсуждаются вопросы, связанные с проблемами глобализации, вызовами современности и ответах на вызовы российской психологии. Философия науки в XXI столетии фактически устранилась от обсуждения этих вопросов, психологи в подавляющем большинстве дистанцируются от их решения. Как следствие, происходит замещение идеала психологии неким универсальным представлением, напоминающим типовой «американский стандарт». Утверждается, что психология не должна утрачивать идеалов, прослеживаются условия, необходимые для становления психологии фундаментальной наукой. Отечественная психология должна сохранить свое неповторимое своеобразие, которое определяется, в частности, представлениями об идеалах науки. Специально подчеркнем, что речь не идет о каком-либо изоляционизме. Скорее, позицию отечественной психологии следует рассматривать не как изоляционизм, а как диалектическое проявление интеграции и дифференциации. Необходимо отметить в связи с этим, что непродуманное безоговорочное принятие западных стандартов публикаций Web of Science и Scopus может нанести вред развитию психологической науки в России.

Ключевые слова: психология, глобализация, глобальная психология, философия науки, идеал психологии, философия психологии.

Выдающимся отечественным психологам и методологам, к числу которых, несомненно, относились и А. В. Брушлинский (1933–2002), и О. К. Тихомиров (1933–2001), было свойственно размышлять

Выполнено в рамках Госзадания № 25.8407.2017/8.9.

о современном состоянии и перспективах психологической науки. В их работах можно обнаружить как конкретные указания на первоочередные, актуальные проблемы психологии, так и мысли о наиболее перспективных направлениях развития психологической науки. Отметим, что эти традиции продолжают и сегодня. В частности, во втором номере «Психологического журнала» за 2018 г. опубликована статья уважаемых авторов «Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы» (Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018), которая затрагивает интересы всех, кто причастен к психологической науке. В анализе вариантов ближайшего будущего психологической науки, в конструктивных предложениях и прогнозах различных исследователей, в том числе и относящихся к разным направлениям и школам, видится залог дальнейшего развития отечественной психологии, как бы ни оценивалось ее настоящее.

Глобализация и психология

В упомянутой выше статье анализируются проблемы, возникающие в психологии в связи с глобализацией. В частности, утверждается, что психология должна отвечать на вызовы современности. Проанализировав тенденции в мировой психологии, авторы приходят к выводу, что в современных условиях имеет место формирование глобальной психологии как многополюсного сетевого образования, причем не в качестве единого теоретического течения, а скорее, как дивергентного развития новых и переосмысленных старых психологических теорий в попытках дать объяснение современным эмпирическим реалиям, порождаемым современным миром (Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018). Авторами предлагается глобальную психологическую науку определить как этап в ее развитии, порожденный новой реальностью, для описания которой уже не годятся старые теории. При этом утверждается, что дискурс глобальной психологии направлен на становление научной дисциплины, способной адекватно ответить на вызовы времени, отразить психологию ныне живущего человека. Отмечается, что в зарубежной науке он в целом позитивно воспринимается в контексте становления новых школ, роста их разнообразия и освобождения от необходимости следовать устаревшим теориям (Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018).

Необходимо отметить, что в этой глубокой и интересной статье поднимаются и обсуждаются важнейшие вопросы, имеющие значение для определения вектора развития психологической науки в России. Остановимся на некоторых вопросах, связанных с глобальной психологией. Обратим внимание, что авторы статьи отмечают, что су-

шествуют две тенденции в понимании содержания, вкладываемого в понятие «глобальная психология» (global psychology).

«В литературе доминирует представление об этом феномене как психологии универсальной, всемирной (Universal Psychology). Дж. Берри, один из ярких и последовательных сторонников такого понимания глобальной психологии, пишет: „Наш универсалистский взгляд на перспективы развития дисциплины зиждется на утверждении, что основные психические процессы являются общими для всех представителей нашего вида, в то время как их развитие и формы проявления культурно специфичны. Соответственно, наша цель — глобальная психология, которая включает данные об обществах и культурах из всех частей света. Я утверждаю, что разнообразие человеческого поведения должно быть описано и проанализировано, как основа для выявления общечеловеческих закономерностей“...С этой точки зрения, с ходом глобализации предметная область психологии расширяется, включая в себя новые и новые культурные контексты. Глобальный мир видится как широкий набор отдельных культур, которые необходимо включить в рассмотрение и сравнение, чтобы в итоге выявить общечеловеческие качества» (Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018, с. 62).

Другой взгляд на суть глобальной психологии «остается менее распространенным. С этой точки зрения, глобальная психология, прежде всего, должна отразить принципиальную новизну процессов, происходящих в человеческом обществе в эпоху глобализации, а также коренные изменения, которые претерпевает социум и культура. Глобальная психология понимается в контексте этого дискурса как психология глобального мирового сообщества (Global Community Psychology)» (Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018, с. 62).

Обратим внимание на принципиально важный момент. Еще раз процитируем статью трех авторов: «Можно заключить, что в общем контексте глобальных изменений с неизбежностью происходит формирование глобальной психологической науки, отражаясь как в изменениях представлений о предмете (объекте) науки, так и в изменениях субъекта науки — мирового научного сообщества» (Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018, с. 62–63). Говоря о глобальной психологии, следует подчеркнуть, что меняются представления скорее не о предмете, а об объекте психологии. Авторы совершенно правильно пишут о диалектике дифференциации и интеграции. Необходимо помнить, что интеграция возможна на той или иной основе — для этого нужен предметный (операционный) стол, т. е. широкое понимание предмета. В любом случае неявно используется та или иная «общая психология» в смысле, который придавал этому понятию Л. С. Вы-

готский (Выготский, 1982). Стоит подчеркнуть, что при осуществлении любых интегративных действий в рамках глобальной психологии неявно подразумевается определенная модель — вполне сциентистская и позитивистская. Тот самый пресловутый американский стандарт. Как представляется, здесь очень важно помнить о том, что психология чрезвычайно далека от финальности. Юнг писал, что мы пока не можем понять сущность психологического фактора: «Мы еще очень далеки от того, чтобы даже приблизительно понять его сущность» (Jung, 1967, S. 418). И — в эпоху глобализма — стоит вспомнить о национальных традициях.

Российская психология в глобальном мире

Подчеркнем, во избежание недоразумений, что речь идет не о призывах к изоляционизму. Речь как раз о том, чтобы отечественная психология не утратила традиции, заданной российской философской психологией.

В русской философской психологии было разработано представление о том, что традиционная психология весьма далека от идеала. Об этом писали и С. Н. Трубецкой (1889) и С. Л. Франк (1917). Можно сказать, что в философской психологии был определен идеал психологии, к которому она должна стремиться. Недальновидно ограничиваться только тем, что есть в распоряжении сейчас. Иными словами, надо вначале понять, какой *должна быть* психология. Русским философским психологам было свойственно размышлять о задачах психологии. Приведем две цитаты из труда замечательного русского философа, опубликованного ровно сто лет назад. «Современная так называемая психология есть вообще не *психология*, а *физиология*. Она есть не учение о душе как сфере некоей внутренней реальности, которая — как бы ее ни понимать — непосредственно, в самом опытном своем содержании, отделяется от чувственно-предметного мира природы и противостоит ему, а именно учение о природе, о внешних, чувственно-предметных условиях и закономерностях сосуществования и смены душевных явлений. Прекрасное обозначение „*психология*“ — учение о душе — было просто незаконно похищено и использовано, как титул для совсем иной научной области; оно похищено так основательно, что, когда теперь размышляешь о природе души, о мире внутренней реальности человеческой жизни как таковой, то занимаешься делом, которому суждено оставаться безымянным или для которого надо придумать какое-нибудь новое обозначение. И даже если примириться с новейшим, искаженным смыслом этого слова, нужно признать, что, по крайней мере, три четверти так назы-

ваемой эмпирической психологии и еще большая часть так называемой „экспериментальной“ психологии есть не чистая психология, а либо психофизика и психофизиология, либо же — что точнее уяснится ниже — исследование явлений хотя и не физических, но вместе с тем и не психических» (Франк, 1995, с. 423).

И «одно лишь несомненно: *живой, целостный внутренний мир человека*, человеческая личность, то, что мы вне всяких теорий называем нашей „душой“, нашим „духовным миром“, в них совершенно отсутствует. Они заняты чем-то другим, а никак не им. Кто когда-либо лучше понял себя самого, свой характер, тревоги и страсти, мечты и страдания своей жизни из учебников современной психологии, из трудов психологических лабораторий? Кто научился из них понимать своих ближних, правильнее строить свои отношения к ним?» (Франк, 1995, с. 423).

Как понятно из второй приведенной цитаты, мы полагаем, что то, что презрела психофизиология — *живой, целостный внутренний мир человека*, на самом деле является подлинным предметом психологической науки в том высоком смысле слова, о котором С. Л. Франк писал в первом приведенном фрагменте. По нашему мнению, предметом научной психологии целесообразно считать внутренний мир человека (Мазиллов, 2016; Шадриков, Мазиллов, 2015).

Психология и философия

Вообще комплекс тех вопросов, которые обсуждались в этой статье, должен решаться той дисциплиной, которая именуется «философия науки». Это и определение статуса психологии, ее места среди других наук и т. д. К сожалению, эти вопросы философией науки не решаются, можно сказать, несколько огрубляя, что философия науки в XXI столетии устранилась. Философы науки предпочитают разрабатывать свои концепции на материале преимущественно естественных наук, что и естественно (прошу прощения за невольный каламбур), и понятно. Справедливости ради отметим, что лишь немногие философы науки уделяют внимание психологии (В. А. Лекторский, Э. Г. Юдин, В. М. Розин, Н. В. Ретюнских и др.), большинство же анализирует процессы, происходящие в науке, в целом.

Обратимся к некоторым принципиальным установкам философии науки.

1. Философия науки исходит из того, что за образец науки принимает концепции естественных наук. Естественнонаучное знание считается наиболее развитым, совершенным, и неявно эта модель принимается за общую. Подавляющее большинство исследова-

ний в философии науки выполнено на основе физики, астрономии, химии, биологии и т. д. (Подразделение на социогуманитарные, естественные, технические науки носит скорее «прикладной» характер, связанный с организацией обучения в аспирантуре.)

Констатируем, что философия науки исходит из приоритета естественных наук, которые и являют образец *науки в целом*.

2. Философия науки исходит из того, что естественные науки *сложны*. В качестве демонстрации обычно предлагается осмыслить известный феномен корпускулярно-волнового дуализма и принцип дополнительности Н. Бора. Никто не будет спорить — это сложно. Но, с другой стороны, полезно обратить внимание, что в случае психологии ситуация не только не проще, чем в физике, но во многом сложнее. Кажется, ясно, что в психологии дело обстоит более сложно, чем в естественных науках, можно не продолжать. Обратим внимание, что принципиально по-другому обстоит дело в психологии и с детерминацией: психические явления зависимы и от наследственных генетических программ, и от средовых воздействий, от социокультурных влияний, модифицируются с помощью определенных химических веществ и т. п. Иными словами: психическое значительно сложнее, имеет куда как большее *количество степеней свободы*. Объект и предмет психологии намного сложнее, чем в естественных науках. Поэтому в высшей степени странно, что эти обстоятельства философией науки, по сути, не учитываются.
3. Философия науки и развитие науки определяет весьма специфически. Двадцатый век прошел в полемике между сторонниками кумулятивной модели развития и ее противниками. Действительно, было показано, что в науке имеют место перерывы постепенности, скачки, научные революции. Отметим, что вопрос о кумулятивизме достаточно сложен. Представляется, что в пылу дискуссий позиции противоборствующих сторон оказались, чего и следовало ожидать, полемически заостренными. Наверное, ни в какой области знания нет абсолютного кумулятивизма, где бы новые данные лишь спокойно наслаивались и дополняли друг друга, равно как трудно себе представить науку, в которой наблюдаются исключительно революции и перманентные перерывы постепенности. Но мы должны хорошо представлять себе *характер* накопления данных в той или иной науке. Опять же отметим, что наличие научных революций в некоторых науках не означает того, что в других науках дело обстоит так же. Коротче говоря, ситуация классическая: неоправданные обобщения, которые делаются при отсутствии специальной проверки.

Между тем представляется, что определить *характер* накопления данных в той или иной науке не так уж сложно. Достаточно обратиться к истории соответствующей научной дисциплины. Элементарный анализ состояния последней, выявление того, чем она на самом деле, по сути, является: архивом, отражающим прошедшее научной дисциплины, либо действующим арсеналом, собранием методов, нацеленных на решение определенных задач. Как нам представляется, можно использовать универсальный тест. Тест состоит в том, что мы оцениваем историю той или иной науки, ее состояние, ее статус для того, чтобы оценить характер развития самой науки.

Становится понятно, что обилие подходов и теорий, объясняющих одно и то же явление, порождается сложностью, многоаспектностью и многоуровневостью, множественностью числа степеней свободы предмета исследования, а не частотой революций.

В психологии мы видим радикальные отличия от того, что обнаруживается в естественных науках. Там есть теории, относящиеся к прошлому: точно определено, что в таком-то подходе или концепции устарело, что учтено в последующих теориях, «снимающих» (в гегелевском смысле) предшествующие.

Хочется обратить внимание на то, что психология — это не единственная область человеческого знания, где наблюдается такая картина. В той же философии дело обстоит весьма сходным образом. Хорошо известно, что наиболее адекватное представление о философии дает история философии.

Между тем существует необходимость в разработке философии психологии как ветви психологического знания. Есть основания рассматривать философскую психологию как верхний уровень когнитивной методологии.

Заключение

В многократно цитированной статье трех авторов совершенно правильно утверждается, что на наших глазах складывается глобальная психология. «Глобальная психология формируется как многополюсное сетевое образование, включающее весьма различающиеся центры. Ведущей чертой глобализации становится возникновение многополюсной мировой системы и рост культурного разнообразия. Представляется, что глобальную науку можно определить как новый этап в развитии психологической науки, порожденный новой реальностью мира, для описания которой не совсем годятся старые теории. Глобальная наука складывается на наших глазах не как новое единое теоретическое течение, но, скорее, как состояние бифурка-

ции, как дивергентное развитие новых и переосмысляемых старых психологических теорий в попытках дать объяснение возникающим эмпирическим реалиям и фактам, порождаемым развитием современного мира (Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018, с. 66).

И последнее. Не стоит безоговорочно определять стиль взаимодействия в глобальном научном пространстве как «безоблачное» и «чистое» сотрудничество. Есть основания подозревать, что иногда возможно и соперничество. И в этом смысле, возможно, взвешенную и автономную позицию отечественной психологии следует рассматривать не как изоляционизм, а как проявление дифференциации на фоне интеграции. Необходимо отметить в связи с этим, что непродуманное безоговорочное принятие западных стандартов (например, для публикаций стандартов Web of Science и Scopus) может при определенных условиях нанести вред развитию психологической науки в России.

Литература

- Выготский Л. С.* Сочинения в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982.
- Журавлев А. Л., Мироненко И. А., Юревич А. В.* Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. № 2. С. 57–70.
- Мазилев В. А.* Психология: взгляд в будущее // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 97–102.
- Мазилев В. А.* Прогресс на фоне кризиса // Вопросы психологии. 2017. № 6. С. 107–116.
- Шадриков В. Д., Мазилев В. А.* Общая психология: Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015.
- Франк С. Л.* Душа человека: Опыт введения в философскую психологию // С. Л. Франк. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995. С. 417–632.
- Jung K. G.* Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung für die Psychologie // Ges. Werke. 1967. Bd. 8. S. 418–423.

Russian psychology: globalization and challenges of contemporaneity

V. A. Mazilov (Yaroslavl)

Doctor of Psychology, Professor, Yaroslavl State Pedagogical University

The article discusses issues related to the problems of globalization, the challenges of modernity and answers to the challenges of Russian psychology.

The philosophy of science in the 21st century virtually disappeared from the discussion of these issues, psychologists in the vast majority are distancing themselves from their solution. As a consequence, the ideal of psychology is replaced by a kind of universal representation that resembles a typical «American standard». It is argued that psychology should not lose its ideals, traces the conditions necessary for the emergence of psychology as a fundamental science. Domestic psychology must preserve its unique identity, which is determined, in particular, by ideas about the ideals of science. Specifically, we emphasize that we are not talking about any isolationism. Rather, the position of Russian psychology should be viewed not as isolationism, but as a dialectical manifestation of integration and differentiation. It should be noted in connection with this that the ill-considered unconditional acceptance of Western standards of publications Web of Science and Scopus can harm the development of psychological science in Russia.

Keywords: psychology, globalization, global psychology, philosophy of science, ideal of psychology, philosophy of psychology.

Методологические проблемы определения понятия «психологическое свойство»

В. А. Мединцев (Киев)

*кандидат психологических наук, Институт психологии им. Г. С. Костюка
НАПН Украины; e-mail: vladislav-medintsev@yandex.ru*

Понятие «психологическое свойство» является одним из важнейших в психологии, однако в его содержательных интерпретациях и словарных описаниях обнаруживается «терминологический круг», что представляется методологической проблемой, которую желательно решить. Одним из возможных вариантов решения может стать описание свойства как отношения, с опорой на идею А. Е. Уёмова об отношении как о частном случае свойства. В статье предложена трактовка психологического свойства как выраженного в показателях той или иной шкалы отношения предмета психологического исследования и других составляющих исследовательской структуры, состоящей из предмета исследования, исследователя, методологического и предметного инструментария.

Ключевые слова: свойство, атрибут, характеристика, фактор, отношение, исследовательская структура, взаимодействие.

Основным содержанием значительной части научных, в том числе психологических, исследований, как известно, является выявление и описание свойств предмета исследования. Существуют языковые различия в обозначении понятия «свойство», однако даже в пределах одной языковой традиции и научной дисциплины содержания, вкладываемое в это понятие, могут заметно различаться. Не менее существенно то, что и в философии, и в других научных дисциплинах определения «свойства» образуют «терминологический круг». Приведу примеры (курсив мой. — *В. М.*). «Категория „*свойство*“ — родовое понятие в системе *атрибутов* материи» (Лукьянов, 1982, с. 89). «*Атрибут* (от *лат.* *attribuo* — придаю, наделяю) — необходимое, су-

существенное *свойство* объекта» (Философия, 2004). Таким образом, свойство – это обобщенные атрибуты, а атрибуты – это существенные свойства. Есть и другая, весьма распространенная терминологическая конфигурация. «Свойство (*гр. idion; лат. proprium*) – то, что присуще какому-либо предмету и *характеризует* его само по себе <...>» (там же). «Свойство – *характеристика* объекта (категория его качества), определяющая его вид, тип, поведение и пр.» (Новоселов, 2010). В двух последних формулировках содержится отсылка к значению слова «характеристика», одним из типичных словарных определений которого является следующее: «*Характеристика* – <...> описание совокупности отличительных *свойств* кого-либо или чего-либо...» (Словарь иностранных, 2014). В этом случае «терминологический круг» такой: свойство – это характеристика, характеристика – это свойство.

В словарных статьях и текстах, в том числе психологических, понятие «свойство» определяют также словами «признак», «сторона», «особенности» и др. Не входя в детали, отмечу, что в англоязычной научной традиции ситуация с содержанием понятия «свойство» такая же. Например, в одной авторитетной актуальной философской энциклопедии находим: «Свойства (также называемые „атрибуты“, „качества“, „особенности“, „характеристики“, „типы“) это сущности, которые могут быть предикатами вещей или, иначе говоря, приписываются им» (перевод мой. – *В. М.*) (Properties, 2018). Здесь перечень синонимов может служить подтверждением неопределенности понятия.

Известно, что в философской логике используют более строгое определение свойства как одноместного предиката, в связи с чем логика одноместных предикатов (*силлогистика*) является по существу логикой свойства (Новоселов, 2010). При этом каждое свойство определяет множество объектов, обладающих этим свойством, а существенным дополнением к этой трактовке является понимание ограниченного характера выразительных средств любой формальной теории, использующей только язык свойств и не использующей языковых моделей для выражения *отношений* (там же). Отношения, о которых идет речь, могут быть выявлены, в частности, с опорой на содержательно близкую приведенной выше трактовке, согласно которой «*свойство есть философская категория для обозначения внутренне присущей объективной реальности способности обнаруживать те или иные стороны в процессах взаимосвязи и взаимодействия*» (Лукьянов, 1982, с. 77). Как видим, понятие «свойство» здесь связано с понятиями «отношение» и «взаимодействие».

В своей известной работе (Уёмов, 1963) А. Е. Уёмов выделяет две наиболее распространенные интерпретации понятия «свойство». В первой из них свойство считают границей данной вещи, с его исчезновением данная вещь превращается в другую. Такие свойства считают также *качествами* вещей – существенными их свойствами, т. е. качество является одним из свойств. Во второй интерпретации свойство не рассматривают как границу вещи, тогда имеют в виду множество свойств одной вещи («Их будем называть просто свойствами», – пишет автор – там же, с. 39). В научной литературе есть немало примеров того, как свойства приписываются самим свойствам, в этой связи А. Е. Уёмов ссылается на понятие «*свойства свойств*». Аналогично таким *свойствам второго порядка* возможны свойства и более высоких порядков, – в алгебре это находит выражение в производных высших порядков. *Отношение* (вещей), полагает А. Е. Уёмов, полностью удовлетворяет определению свойства и его можно считать частным случаем свойства. От остальных свойств его отличает то, что вещь, которую характеризует отношение, рассматривается в своем многообразии как система элементов, каждый из которых предполагает остальные («Это единство, рассматриваемое как множественность» (там же, с. 59)). *Отношение* как вещь можно характеризовать определенными свойствами. Как свойства отношения выражаются в языке существительными: борьба, дружба, равенство, неравенство и др. В психологии отношения также нередко выражаются существительными, например: привязанность, любовь, симпатия, антипатия, неприязнь, вражда и т. д.

Понятие «свойство» входит в состав известной триады изучаемых в психологии явлений наряду с процессами и состояниями, при этом нечеткость его содержания приводит к логически неясным формулировкам, – например, в одном и том же учебнике по психологии можно видеть разделы «Основные свойства и характеристики ощущений» и «Основные характеристики свойств внимания». Источником такой терминологической нечеткости служат, в том числе, словарные определения понятий «психологические свойства» и «психические свойства», в которых – в той или иной конфигурации – воспроизведена часть рассмотренного выше «терминологического круга». Также следует отметить, что в психологии, как и в других науках, в понятие «свойство» вкладывают дополнительное содержание, а именно – устойчивость его проявлений. К примеру, «психическое свойство» определено как: «Категория, указывающая на известную устойчивость известных психических проявлений, присущую индивиду, на их преобладание в его психической деятельности, закрепленность и повторяемость в структуре личности» (Блейхер, Крук, 1995, с. 263).

Есть ли выход из указанного «терминологического круга», и возможен ли переход к более четкому описанию свойства? Думаю, продуктивен поиск такого выхода в различных теоретико-методологических направлениях. Рассмотрим один из возможных вариантов, который состоит в том, чтобы воспользоваться приведенной выше трактовкой свойств как *способности проявлять себя в процессах взаимосвязи и взаимодействия*, а также содержательно близким утверждением А. Е. Уёмова о том, что *понятие «отношение вещей» можно считать частным случаем свойства*. Отношения вещей могут быть установлены в процессах их взаимодействия в рамках определенной *исследовательской структуры*. Если следовать устоявшимся в научном знании представлениям о том, что осуществление измерительных процедур вызывает изменения в измеряемом предмете, то в составе исследовательской структуры, в общем случае, следует учитывать исследователя, предмет исследования и используемый инструментарий (методологический и предметный). При проведении измерений происходят изменения в этой структуре, в общем случае — всех ее компонентов, в этих изменениях проявляются отношения последних. Если есть основания пренебречь изменениями других компонентов указанной структуры (т. е. их отношениями), то можно считать, что *изменения предмета исследования*, выраженные в единицах какой-либо шкалы измерений, и является его свойством, проявленным в данной измерительной процедуре. Применяя различные измерительные процедуры, можно обнаружить различные свойства предмета исследования, которые затем можно сравнивать, группировать, ранжировать. Однако следует учитывать, что, строго говоря, полученный результат имеет логический и методологический смысл только в рамках определенной исследовательской структуры и используемой в ней терминологии.

Как известно, измерение свойств предмета исследований в психологии производят путем применения стандартизированных и авторских психодиагностических методов. При этом термин «свойство» используют далеко не всегда. Например, в определении психодиагностики, которое приводит Л. Ф. Бурлачук, читаем: «Психодиагностика — это область психологической науки, разрабатывающая теорию, принципы и инструменты оценки и измерения индивидуально-психологических *особенностей* личности, а также переменных социального окружения, в котором осуществляется жизнедеятельность личности» (Бурлачук, 2008, с. 116). Здесь слово «особенности», надо полагать, использовано для замены понятия «свойства», и в указанной работе оно использовано многократно. Отмечу, что в этом же тексте автор ссылается на С. Л. Рубинштейна: «С. Л. Рубинштейн в свое

время очень точно указал на то, что психические *свойства* человека образуют две основные группы: характерологические *свойства* и способности. Первая группа *свойств* связана с побудительной (мотивационной) регуляцией поведения, а вторая обеспечивает организацию и исполнение» (курсив мой. — В. М.) (там же, с. 123). Как видим, С. Р. Рубинштейн использовал термин «свойство», он высказывался более четко. Отмечу также, что понимание психологических способностей как свойств является, по сути, конкретизацией философских трактовок свойств, в которых они определены как *способности обнаруживать те или иные свои стороны* (см. выше).

Стоит отметить еще ряд методологических моментов, связанных с понятием «свойство» в психологии. Среди терминов, используемых для обозначения свойств, можно видеть как универсальные (используемые в других научных практиках), так и специфические. Как правило, при указании на свойства предмета исследования используют оба вида, но в различных соотношениях. Например, понятие «внимание» во многих источниках определяют как самостоятельный психический процесс, основными свойствами которого являются устойчивость, концентрация, распределение, переключение, отвлекаемость и объем. Можно отметить, что термин «устойчивость» укоренен в физике и инженерных дисциплинах; «концентрация» — в химии; объем — в математике; «распределение» и «переключение» — в математике и инженерии. Соответственно, измерение этих свойств при исследованиях внимания, в той или иной мере, связано с методами внепсихологических практик. И только «отвлекаемость» можно считать сугубо психологическим термином.

В качестве другого примера рассмотрим субшкалы опросника «Способы совладающего поведения» (тест Лазаруса) (Крюкова, 2007). По этой стандартной методике проводят измерения *уровня напряженности* конфронтационного копинга в целом и по отдельным его стратегиям в соответствии с выделенными субшкалами: конфронтационный копинг, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство — избегание, планирование решения проблемы, положительная переоценка. Здесь перечисленными выше терминами обозначены компоненты свойства «уровня напряжения». Притом что термин «напряжение» используют в физических и инженерных науках, его содержание применительно к субшкалам представлено психологическими терминами. Исключения составляют «дистанцирование» и «планирование» — эти термины используют и в других научных практиках.

Говоря о понятии «свойство» в психологии, стоит также уделить внимание, по крайней мере, одному близкому ему по значению по-

нению. В ряде психологических теорий и методов психометрии используют термин и понятие «фактор» в двух основных его значениях: обобщенное обозначение того, что оказывает воздействие (например, факторы, детерминирующие ответы на вопросы теста); математические процедуры факторного анализа. Кроме того, в математике факторами называют также *множители в произведении* (чем больше множителей, тем больше факторов). При помощи *факторного анализа*, как известно, из массива данных измерения выделяют некоторые — их и считают факторами, — а факторный анализ является методом снижения размерности изучаемого многомерного явления. Поскольку каждый элемент массива данных является результатом измерений, т. е. одним из предикатов предмета исследования — одним из его свойств, то в результате факторного анализа исследователь получает «свойства свойств» (первую производную свойств, по А. Е. Уёмову). Подобным образом можно рассматривать факторы в иерархической теории интеллекта, включая нахождение «генерального фактора» (т. е. «свойства свойств» более высокого порядка). В этой связи следует обратить внимание на то, что среди теорий интеллекта есть такие, в которых факторный анализ используют не как средство разработки теоретически обоснованного описания интеллекта, понятие «фактор» тут имеет иное значение. К примеру, факторы, выделенные Дж. Гилфордом в его модели интеллекта, автор считает независимыми, т. е. он использует термин «фактор» для обозначения определенного набора, так сказать, специализаций в работе интеллекта (в этом есть определенное сходство с одним из значений факторов как множителей математического произведения, *вне зависимости от их величины*, см. выше). Таким образом, можно отметить существенные различия в использовании и трактовках понятия «фактор» в психологии. Полагаю, более четкое определение понятия «свойство» способствовало бы и более определенной трактовке понятия «фактор».

Ранее, представляя описание интегративно-личностного подхода, мы с Г. А. Баллом писали (с опорой на идеи А. Е. Уёмова), что различие между свойствами и качествами относительно, так как установить наличие у объекта некоторого свойства и измерить его можно только благодаря определенным отношениям между рассматриваемым и другими объектами (Балл, Мединцев, 2010). Идентифицируя *свойство* объекта, можно забыть о том, как оно было установлено, абстрагироваться от проявления этого свойства в отношениях между данным и другими объектами, однако, фиксируя *качество* объекта, следует учитывать, с опорой на какое отношение оно рассматривается. В таком методологическом контексте нами было

предложено определение личности как такого *качества человеческого индивида*, которое позволяет ему быть относительно автономным и индивидуально своеобразным субъектом культуры. Теперь, с учетом изложенного выше материала, общий методологический принцип указанного подхода может быть использован и в трактовке *психологического свойства*, а именно как *выраженного в показателях некоторой шкалы отношения предмета психологического исследования и других составляющих исследовательской структуры* (в состав исследовательской структуры входят предмет исследования, исследователь, методологический и предметный инструментарий).

Предложенную трактовку понятия «психологическое свойство», разумеется, следует рассматривать как один из возможных вариантов, который впоследствии может быть усовершенствован или отвергнут. Но в любом случае имеет смысл искать оптимальное решение очерченной проблемы.

Литература

- Балл Г. А., Мединцев В. А. Личность как модус культуры и как интегративное качество лица // Мир психологии. 2010. № 4. С. 167–178.
- Блейхер В. М., Крук И. В. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: НПО «Модэк», 1995.
- Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика: Учебник для вузов. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008.
- Крюкова Т. Л., Куфтяк Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. М., 2007. № 3. С. 93–112.
- Лукьянов И. Ф. Сущность категории «свойство». М.: Мысль, 1982.
- Словарь иностранных слов современного русского языка / Сост. Т. В. Егорова. М.: Аделант, 2014.
- Новосёлов М. М. Свойство // Новая философская энциклопедия. В 4 т. // Институт философии РАН; Национальный общественно-научный Фонд / Председатель научно-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010.
- Уёмов А. И. Вещи, свойства и отношения. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.
- Properties. Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/properties>.

Methodological problems in the definition of the concept of “psychological property”

V. A. Medintsev (Kiev)

Candidate of Psychological Sciences, G. S. Kostiuk Institute of Psychology at the NAPS of Ukraine

The concept of “psychological property” is one of the most important in psychology, however, its interpretations and vocabulary descriptions form “terminological circle”, which seems to be a methodological problem that is need to resolve. One of the possible solutions can be a description of the property as a relationship, based on the idea of A. E. Ujomov about the relationship as a particular case of the property. The article suggests the interpretation of the psychological property as the expressed in the indices of a certain scale of the relationship of the object and other components of the research structure. The structure consists of the object of research, the researcher, the methodological and subject tools.

Keywords: property, attribute, characteristic, factor, relation, research structure, interaction.

Психология человека в субъект-субъектной парадигме социальной перцепции

*В. Н. Панферов**, *А. В. Микляева***, *С. А. Безгодова****,
*С. В. Васильева***** (Санкт-Петербург)

** доктор психологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; e-mail: v-panferov@mail.ru*

*** доктор психологических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; e-mail: a.miklyaeva@gmail.com*

**** кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; e-mail: s.a.bezgodova@gmail.com*

***** кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; e-mail: vivatvsv@mail.ru*

В статье описана специфика социальной перцепции как процесса психологического познания партнеров социального взаимодействия. Показана актуальность идей С.Л. Рубинштейна о психологии человека как субъекта познания и взаимодействия с миром, значимость концепций С.Л. Рубинштейна и Б. Г. Ананьева о субъекте деятельности в преодолении психофизического параллелизма. Определяется значение экстериоризации/интериоризации в познании человека человеком. Раскрывается методологический потенциал субъект-субъектной парадигмы в психологических исследованиях. Субъект-субъектное взаимодействие партнеров превращает психическое отражение в психологическую деятельность, продуктами которой являются психологические портреты участников социального взаимодействия. В этой деятельности проявляется субъективная индетерминированность первых впечатлений и субъектная детерминированность определяемых психологических качеств партнеров.

Ключевые слова: социальная перцепция, социальное взаимодействие людей, психологическое познание, экстериоризация/интериоризация, субъект-субъектная парадигма, субъектная детерминированность, субъективная индетерминированность.

Психология человека — это психологическая реальность социального взаимодействия людей, которая включает в себе внутреннюю психическую организацию человека как внешне выраженную данность. Такое превращение внутреннего психического свойства во внешние формы существования происходит в процессе познания человека человеком. Исследования этого процесса раскрывают специфику субъект-субъектной парадигмы.

В этой парадигме человек является одновременно *объектом, предметом и субъектом* психологического познания, что требует новой методологии научного познания. Взаимопознание людей в социальном взаимодействии прокладывает путь от восприятия физического облика человека к его содержательной психологии, что приводит к синтезу психофизического отражения и психологической интерпретации личности. В социальной перцепции человек является в *объект-предметном* единстве. Эмпирическими интеграторами этого единства являются *формы проявления* внутреннего психологического содержания во внешнем облике, поведении и деятельности. В них представлена *целостность психологической реальности*, дифференцируемая в научно-исследовательской процедуре на объект и предмет познания. Познание человека человеком является процессом *экстериоризации/интериоризации* психологии человека в социальной практике. Совершается это познание по семиотической формуле общения, определяющей логику смыслообразования в соотношениях *знаков и значений*. Смысловые соотношения психологической формы и содержания всплывают как актуализация *ассоциативной апперцепции*, сформировавшейся во взаимодействии людей. Продуктами психологического познания в социальной перцепции являются психологические портреты партнеров, выраженные в текстах и рисунках (Панферов, 2015).

Таким образом, понятия «человек» и «субъект» в социальной перцепции приобретают методологический статус при дифференциальном синтезе психологии человека как психологической реальности. Если понятие «человек» является общим для всех понятий онтологической дифференциации психологии человека, то понятие «субъект» оказалось интегративным в ряду гносеологических понятий, выполняющих методологическую функцию при определении парадигмальных основ научного познания. Кроме того, понятие «субъект» находится в имплицитной связи с предметом психологической науки, которая через открытие феномена *субъективности* как специфического предмета познания получила экспериментальные основания для того, чтобы претендовать на статус самостоятельной науки.

Психология человека как интегральное онтологическое понятие дифференцируется на *психологию индивидов* по полу, возрасту, этносу; на *психологию личности* по социально-групповой принадлежности; на *психологию индивидуальности* по неповторимой субъективности. В процессе психологического познания человека человеком все эти понятия играют роль *признаков* вполне определенных психологических качеств личности. Они интериоризированы в сознании субъектов и извлекаются из их апперцепции по ассоциации психологического содержания с внешними формами проявления партнеров.

Психология человека в ряду гносеологических понятий (объект, предмет, субъект) дифференцируется в социальной перцепции по феноменологическим проявлениям на уровне целостных психических образований и отдельных психологических качеств личности как элементов этой целостности. Они интегрируются в психологических портретах партнеров, возникающих по логике *субъективных стереотипов* психологического познания человека.

Проблема человека, сформулированная С.Л. Рубинштейном в понятии «субъект», оказалась эвристичной для продвижения к тайнам происхождения сознания и пониманию связей психического с формами его существования (единства идеального и материального). Понятием «субъект» С.Л. Рубинштейн продвигает гносеологию психического отражения как познавательного процесса к пониманию его как *деятельности субъекта*. Эта деятельность протекает как *взаимодействие* человека с внешним миром. «На самом деле исходными членами основного гносеологического отношения являются не образ и вещь, а познающий, отражающий объективную реальность субъект и объективная реальность, с которой субъект взаимодействует» (Рубинштейн, 1959, с. 10). В этом взаимодействии человек не просто отражает материальные свойства мира, но и проявляет себя со стороны своих способностей, мотивов и отношений. С этим понятием С.Л. Рубинштейн пришел к формуле «внешнее через внутреннее». Именно это положение становится определяющим для всех последователей концептуального использования понятия «субъект». Оно получило дальнейшую разработку в трудах непосредственных учеников С.Л. Рубинштейна. Это понятие превратилось в категорию психологической науки, позволяющей осуществлять *дифференциальную интеграцию психологического знания* по отраслям психологической науки, на что указывал А. В. Брушлинский (Брушлинский, 1996, с. 14).

Понятие «субъект» неуклонно продвигает гносеологию психологической науки к преодолению психофизического параллелизма, где человек как *субъект*, детерминирующий отражение, выпал из научно-исследовательской процедуры. Однако это понятие

до сих пор не вполне конкретизировано в своем психологическом содержании, хотя такая попытка была предпринята Б. Г. Ананьевым в книге «Человек как предмет познания» (Ананьев, 1968). Рассматривая структуру субъекта деятельности, Б. Г. Ананьев обращает внимание на «нервно-психические потенциалы человека», обеспечивающие ему возможность совершать ту или иную деятельность. Этот потенциал представлен трудоспособностью, способностями, одаренностью, которые обеспечивают жизнеспособность человека (Ананьев, 1968, с. 318–326). Речь идет в основном о *способностях* человека к жизнеобеспечению. Но важнее мысль Б. Г. Ананьева о том, что субъект — это человек, *экстериорирующий* свои сущностные силы. Важность этой мысли в том, что она подводит нас к проблеме *объективации* телесно-психического потенциала человека и его *активности* во внешних формах поведения и деятельности. «Экстериоризация как переход внутренних действий и операций во внешние не есть лишь объективация и опредмечивание, но есть воплощение замыслов, реализация планов и программ построения новых объектов — в общем, *созидание*» (Ананьев, 1968, с. 322). Это прямое указание на человека — субъекта психической деятельности как *творца* предметного мира, осуществляющего историческую реализацию психического потенциала человека и человечества.

Созидательная функция человека в социальной перцепции реализует потенциал *субъектной детерминированности* и *субъективной индетерминированности* в процессе взаимопознания. «По самой своей природе психические явления включаются в причинную взаимосвязь бытия одновременно и как обусловленные, и как обуславливающие», писал С. Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 2012, с. 96). Субъектная детерминированность является следствием экстериоризации опыта социального взаимодействия и проявляется она *ассоциативно*, извлекая из этого опыта психологические характеристики партнеров по мотивам возможной совместной деятельности. Механизмом такой экстериоризации может быть подсознательная *рефлексия* опыта социального взаимодействия в ролях «Я-хочу», «Я-могу», «Я-должен», «Я-интимное», «Я-реальное». Посредством такой рефлексии субъекты взаимопознания извлекают *апперцептивный* материал в виде взаимных суждений о психологическом своеобразии партнеров. В то же время может происходить и осознанная манипуляция друг другом, чтобы склонить партнера к деятельности в индивидуальных или групповых интересах.

Интериоризация внешних воздействий партнеров друг на друга встречается с их *непроизвольной субъективностью*, которая проявляется как фактор индетерминированности взаимных впечатлений.

В этом случае аффективные компоненты психического процесса доминируют над когнитивными компонентами. Например, «красавчик – самовлюбленный эгоист», или «красавчик – миленький мальчишка». Какую из этих характеристик выдаст партнер, *субъективно индетерминировано*. «Психология вообще – главная цитадель индетерминизма» (Рубинштейн, 2012, с. 96).

Субъектная и субъективная обусловленность социальной перцепции трансформируют психическое отражение в *психологическую деятельность*. Эта деятельность обращена к внутреннему миру человека, представленному его *психологией* как реальностью, с которой необходимо считаться в совместной жизнедеятельности людей. Однако эта реальность представляет собой *идеальное содержание внутреннего мира человека*, недоступного для прямого наблюдения, на что тщетно претендует психофизиология и психофизика. Поэтому одна из задач субъектного подхода в социальной перцепции состоит в том, чтобы определиться с формами объективации внутреннего мира человека (его психологии) в реальных процессах психологического познания.

В этих процессах на смену объект-субъектной парадигмы психофизического эксперимента приходит новая для современной психологической науки субъект-субъектная парадигма социально-психологического познания (Бодалёв, 1965).

Особенность этой парадигмы состоит в том, что *объектом и предметом* познания является *человек*, а не предметный мир, изучаемый психофизикой. Но главная особенность восприятия человека человеком состоит в том, что на основании восприятия внешнего облика субъекты этого процесса высказываются о *психологических качествах* человека-объекта как потенциального партнера-субъекта социального взаимодействия. Так, в одном из экспериментов с тахистоскопом испытуемые как бы заглядывали за оболочку внешнего облика во внутренний мир партнера, стараясь определиться с его психологическими качествами (Панферов, 2015). В результате в этих высказываниях открывалась *психологическая структура личности* партнеров. По сути, эти высказывания являются *социально-психологической интерпретацией личности*. В логике психофизического эксперимента возник казус, выраженный в вопросе: на основании чего испытуемые судили о «невидимом» психологическом содержании человека? В пределах психофизической парадигмы ответить на этот вопрос затруднительно.

Ответ на этот вопрос скрывается в тайнах *семиотической формулы общения*, где внешний облик человека являет собой систему *знаков психологических значений личности* (Глотова, 1990). Знаковую

функцию во внешнем облике человека выполняют *элементы-признаки* строения тела (анатомо-морфологические признаки), мимика и пантомимика лица (*выразительные движения*), оформление внешности одеждой и косметикой. По всей видимости, все внешние проявления человека — это экстеризация *психологических значений* его внутреннего потенциала, определяемого в понятиях о личности. Эта знаково-объектная презентация психологии человека во внешнем облике наводит на тайну возникновения ассоциаций психологических значений с внешними проявлениями человека, по которым происходит идентификация человека через категоризацию его социальной принадлежности как индивида, личности и индивидуальности. Такая идентификация приводит к дифференциальному синтезу психологии человека по логике актуализации стереотипов суждений людей друг о друге, сложившихся в общественном сознании.

Особенностью субъект-субъектной парадигмы является эмпирическая реконструкция *объект-предметной целостности* психологической реальности, которая расчленена дуалистической логикой психофизического параллелизма. В социально-психологической интерпретации личности как психологическом продукте социальной перцепции представлено единство объектных и предметных определений человека в *знаково-смысловых* конструктах эвристического мышления субъектов общения, основанного на актуализации *социальной апперцепции*. Например, испытываемая говорит о воспринимаемом человеке: «Похожа на мою маму, добрая, ласковая женщина, но очень усталая — все берет на себя». Здесь анатомическое сходство и экспрессия усталого человека являются знаками дифференциальной психологии личности.

В гносеологическом конструкте психологических исследований человек, как правило, представлен в понятиях «объект» и «предмет» исследования, отделенных друг от друга дуалистической логикой психофизического параллелизма. В социальной перцепции они объединены в *психологических портретах* партнеров социального взаимодействия. Портреты возникают во внутреннем плане сознания субъектов социального взаимодействия как ориентиры для согласования совместной деятельности. Эти портреты объективируются в словесной и/или графической, скульптурной и живописной форме, в которых субъекты психологического познания воспроизводят психологические значения, близкие *субкультурным общностям* по принадлежности партнеров. Не случайно участники исследований определяются в протоколах по ряду *индивидуальных и личностных* характеристик.

В числе таких характеристик испытуемых обозначается их принадлежность к *полу, возрасту, этничности, профессии*. Эти определения используется как *знаки* соответствующей и вероятной психологии человека, носителем которой человек является по своей групповой принадлежности. В социальной перцепции такая социально-групповая идентификация партнеров происходит на основании восприятия их внешнего облика, содержащего *знаки* такой принадлежности. Следовательно, элементы/признаки физического облика человека — это *знаки сигналов* половой, возрастной, этнической, профессиональной и другой групповой психологии человека как субъекта социального взаимодействия.

В результате методологическая модель субъект-субъектной парадигмы в качестве интегрального объекта психологического познания имеет *диадный* конструкт, где во внимание должны приниматься как формы экстериоризации субъектной интенции, так и формы интериоризации партнерского воздействия субъектов друг на друга. Отдельной проблемой, требующей проработки, становится фиксирование психологических портретов, получаемых от испытуемых в *открытой форме* и последующего контент-анализа этих портретов.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1968.
- Бодалев А. А.* Восприятие человека человеком. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1965.
- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.—Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Глотова Г. А.* Человек и знак. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990.
- Панферов В. Н.* Интегральный синтез психологии человека в науке, в образовании, в социальном взаимодействии. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015.
- Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.

Psychology of the person in the subject-subject paradigm of the social perceptia

*V. N. Panferov**, *A. V. Miklyayeva***, *S. A. Bezgodova****,
*S. V. Vasilyeva*****
(*St Petersburg*)

* Doctor of Psychology, Professor,

Russian Herzen State Pedagogical University

** Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor,

Russian Herzen State Pedagogical University

*** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,

Russian Herzen State Pedagogical University

**** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,

Russian Herzen State Pedagogical University

The paper describes the social perception specificity as a process of psychological research of the partners in social interaction. It is shown the relevance of Rubinshtein's ideas about the human psychology as a subject of research and interaction with the reality. The importance of Rubinstein's and Ananiev's the person activity concepts are implemented as overcoming psychophysical parallelism. The value of exteriorization/internalization in the research of man by man is determined. The methodological potential of the subject-subject paradigm in psychological research is revealed. The subject-subject interaction of partners turns mental reflection into psychological activity, the products of which are psychological portraits of participants in social interaction. In this activity there is a subjective indeterminacy of the first impressions and subject determinism of the determined psychological features of partners.

Keywords: social perception, social interaction, psychological research, exteriorization/internalization, subject-subjective paradigm, subject determinism, subjective indeterminacy.

Сопоставление содержания ключевых детерминационных моделей в психологии

И. Н. Погожина (Москва)

*доктор психологических наук, факультет психологии,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
e-mail: pogozhina@mail.ru*

В статье представлен сопоставительный анализ содержания детерминационных моделей разных теоретических подходов, объясняющих процессы развития психики и поведения. При анализе учитывались следующие параметры: тип изучаемого в модели объекта и тип причинной детерминации. Показано, что детерминационные модели различаются между собой как минимум четырьмя группами характеристик, что обусловлено различиями в представлениях о «мере системности» исследуемого объекта: а) количеством видов выделяемых детерминант; б) количеством детерминант внутри каждого вида; в) описываемыми типами причинных цепей; г) описываемыми типами взаимосвязей между причинными цепями. Выделены сходные и различные черты в содержаниях моделей, обосновано положение о «вбирании» в себя более сложными системными моделями идей, получивших эмпирическое подтверждение в рамках более простых моделей.

Ключевые слова: формирование и развитие психических процессов, детерминационная модель, тип причинной детерминации, идеал научной рациональности, психологические теории.

Модернизация традиционных моделей детерминации формирования и развития познавательных структур связана, с одной стороны, с необходимостью осмысления традиционных научных представлений в контексте новых воззрений на психику как открытую саморазвивающуюся систему. С другой стороны, она диктуется растущей потребностью поиска наиболее эффективных путей построения ин-

новационных программ психического развития субъекта в условиях расширения цифрового пространства знаний, бурного развития IT технологий, стихийного формирования онлайн-рынка образовательных услуг.

Детерминационная модель представляет собой описание *целостной совокупности* факторов, определяющих поведение той или иной системы: внешних, внутренних, а также взаимосвязей между ними (Новая философская..., 2010). При построении и последующем анализе содержания детерминационных моделей и их объяснительной силы необходимо учитывать ряд характеристик: тип изучаемого в модели объекта; тип причинной детерминации.

Тип изучаемого объекта. Научные представления о природе процессов психического развития в общем и развития познавательных структур в частности определяются принятым на том или ином этапе развития науки идеалом рациональности. Особенностью современного этапа развития научного знания является смена типа научной рациональности с неклассического на постнеклассический. Оставляя за рамками данной статьи дискуссию о критериях различения типов научного знания (классического, неклассического, постнеклассического) (Гусельцева, 2015; Ключко, 2008; Степин, 2012; Швырев, 2007; и др.), отметим отсутствие среди авторов критериально-го единства такого различения. Отсюда — достаточно острые споры в отношении решения вопросов отнесения тех или иных детерминационных моделей, разработанных в рамках разных теоретических психологических подходов, к классическому, неклассическому или постнеклассическому, а следовательно, и вопроса их объяснительной силы, целесообразности и эффективности использования для решения проблем современного образования (Погожина, 2016). Мы придерживаемся системы критериев, предложенных Степиным, в основе которых — деятельностный подход к познанию: объект (точнее, характеристики системной организации объекта познания) — метод познавательной деятельности — субъект деятельности (особенности его ценностных структур и их рефлексия) (Степин, 2012). Поскольку процесс протекания любой деятельности управляется ее предметом (Леонтьев, 1983, с. 141–166), системообразующим элементом при анализе и сопоставлении теоретических моделей должны выступать характеристики *объекта* исследования, определяющего все остальные компоненты деятельности (познавательные действия, их рефлексия и др.) (Ключко, 2008).

С опорой на представления об изучаемом объекте можно выделить *три типа детерминационных моделей*, описывающих процессы формирования и развития познавательных структур: 1) моде-

ли, объясняющие процессы развития *отдельных объектов* (простые системы), — так называемые классические; 2) модели, описывающие развитие многоуровневых *саморегулирующихся* систем, — неклассические; 3) модели детерминационных взаимосвязей *саморазвивающихся* систем — постнеклассические.

Тип причинной детерминации. Причинная связь — это такая форма «...взаимосвязи и взаимообусловленности явлений... при которой одно явление (процесс), называемое причиной, при наличии определенных условий неизбежно порождает, вызывает к жизни другое явление (процесс), называемое следствием (или действием)» (Новая философская энциклопедия, 2010, т. 3, с. 355). В зависимости от способа взаимосвязи выделяют четыре типа причинной детерминации: а) одно-однозначную; б) одно-многозначную; в) много-однозначную; г) много-многозначную, различающиеся между собой количеством объектов (систем), вызывающих изменения в других объектах (системах) или подвергающихся изменениям под влиянием одного/многих объектов. Таким образом, поведение системы, с одной стороны, может описываться как моно- или полидетерминированное, а с другой, как однозначно (жестко) или многозначно (вероятностно) отвечающее на детерминационное воздействие. При этом используются следующие термины:

- внешняя/внутренняя детерминация — для различения ситуаций, в которых состояние системы изменяется под воздействием внешних по отношению к системе детерминант (т. е. речь идет о разных объектах) или самопроизвольно (объект воздействует на самого себя);
- зависимые/независимые причинные цепи (жесткая/вероятностная детерминация) — для описания ситуаций однозначного или вероятностного ответа системы на воздействие (причинение); основным условием возникновения независимых причинных цепей, т. е. цепей, место пересечения которых заранее не определено, выступает способность системы к самоизменению под влиянием внутренних причин.

Выполненный нами *сопоставительный анализ* содержания детерминационных моделей развития психики и поведения показывает, что они различаются между собой как минимум *четырьмя группами характеристик*, что обусловлено, в первую очередь, различиями в представлениях авторов о «мере системности» изучаемого объекта. К этим характеристикам относятся: 1) количество видов выделяемых детерминант (внешние, внутренние); 2) количество детерминант внутри каждого вида; 3) описываемые типы причинных цепей (за-

висимые, независимые); 4) описываемые типы взаимосвязей между причинными цепями (жесткие, динамические, статистические закономерности). Результаты анализа показали следующее:

1. В моделях, которые понимают психику или поведение как *простую* систему, в которой субъект дистанцирован от объекта (классические модели) (например, в ассоцианизме, классическом бихевиоризме), авторы описывают:
 - 1) только группу внешних, *по отношению к изучаемому объекту*, детерминант;
 - 2) количество и характеристики таких детерминант могут различаться у разных авторов (Гартли, Дж. С. Милль, Спенсер, Циген и др.; Бандура, Торндайк, Уотсон, Халл и др.). Детерминантами, как правило, выступают внешние объекты или явления, при этом детерминирующие объекты необязательно носят наблюдаемый характер (например, намерения, градиент цели, план, характеристики наблюдаемой модели), но всегда могут быть изучены объективно;
 - 3) зависимый от внешних причин тип причинной цепи (пассивный ответ на внешние воздействия, установление стимульно-реактивных связей);
 - 4) жесткие, однозначные причинно-следственные закономерности, линейные: при одинаковых условиях одни и те же детерминанты приводят к одним и тем же следствиям.
2. В моделях, рассматривающих психику как *самоорганизующуюся* систему, в которой объект и субъект находятся в ситуации *взаимодействия* (неклассические) (например, в гештальтпсихологии, психоаналитических подходах, теории Пиаже, культурно-историческом подходе Выготского и др.) выделяют:
 - 1) как внешние, так и внутренние виды детерминант;
 - 2) количество и характеристики детерминант внутри каждого вида у разных авторов неодинаково (Вергеймер, Коффка, Келер, Дункер, Левин и др.; Фрейд и др.; Пиаже; Выготский и др.). Чаще всего к внешним детерминантам относят внешние объекты, культурную среду, социальное окружение, общение и обучение, самостоятельное взаимодействие с объектами окружающей среды; к внутренним – прошлый опыт, различные группы психических процессов и особенности связи между ними, внутренние структуры, стремление к равновесию, созревание и развитие нервной системы. Отметим, что, строго говоря, мозговой субстрат (нервная система) вы-

ступает внешней детерминантой по отношению к психическому содержанию, но часто рассматривается большинством исследователей наравне с внутренними, что, на наш взгляд, не вполне корректно;

- 3) выделяют зависимые и независимые типы причинных цепей. При этом внешние детерминанты играют роль пускового механизма для разворачивания процессов внутренней детерминации (переструктурирование полей, уравнивание разных видов внутреннего психического содержания, уравнивание ассимиляционно-аккомодационных процессов, функционирование системы взаимосвязей психических функций и т. п.), поэтому
 - 4) подробно описывают только статистические закономерности (вероятностную детерминацию). Исключением является культурно-исторический подход Выготского, в котором выделены оба типа связей между причинными цепями и, наравне с вероятностной, описана жесткая детерминационная зависимость как порождение содержания внутреннего психического в общении и обучении (интериоризация). С этой точки зрения, модель Выготского можно рассматривать как занимающую промежуточное положение между неклассическими и постнеклассическими моделями, а некоторые авторы прямо относят ее к неклассической (Клочко, 2008).
3. В моделях, понимающих психику как сложную *саморазвивающуюся* систему, включающую себя самого субъекта и его деятельность (постнеклассические) (например, культурно-деятельностный подход) все четыре группы характеристик представлены максимально полно:
- 1) выделяют оба вида детерминант: внешние и внутренние;
 - 2) развитие описывается как внешне-внутренне полидетерминированное, количество детерминант у разных авторов, как и в предыдущих типах моделей, неодинаково (А. Н. Леонтьев, Рубинштейн и др.). К внешним причинам обычно относят деятельность как единство воздействия на субъекта объектно-социальной среды и его ответных внешних практических действий, так и социальное взаимодействие (обучение) либо только деятельность, трактуя ее при этом в широком смысле слова с включением в содержание деятельности социальной детерминации в общении и обучении (Ильясов, 2006). К внутренним – мозговые структуры, врожденные

- способности, приобретенный опыт, деятельность субъекта, органические задатки;
- 3) выделяются как зависимые, так и независимые типы причинных цепей, при этом в модели Рубинштейна зависимая цепь описывается так же, как в моделях 2-го типа, через действие внешней причины на внутреннее содержание, которое «запускает» дальнейшие процессы функционирования системы (Рубинштейн, 1997); в модели Леонтьева внешнее порождает содержание психики (Леонтьев, 1983). Описание действия внутренних причин также различаются (независимые цепи): у Рубинштейна действие причины зависит от свойств и состояния объекта, на который она влияет (носит психологический характер), этим определяется неодинаковое действие одних и тех же причин на разные объекты, нелинейность причинных связей и т. п.; у Леонтьева внутренние причины определяют не содержание, а форму психических процессов (влияют на формирование «функциональных органов»), имеют органический характер;
 - 4) описываются оба типа связи причинных цепей, механизмы разворачивания как жесткой, так и вероятностной детерминации.

Сопоставление моделей показывает, что их авторы выделяют и изучаются сходные внешние и внутренние факторы, влияющие на процессы развития психики и поведения. Построенные в рамках разных теоретических подходах модели продуктивно рассматривать не как антагонистические, а как уточняющие и дополняющие друг друга, включающие в более поздние построения, так или иначе, эмпирически доказанные положения своих предшественников (Погожина, 2015). Так, в современных моделях детерминации (постнеклассических) мы можем обнаружить в целостном единстве:

- описание процессов «разворачивания» функционирования психического содержания по законам внутренней связи как ответ на действие внешней причины (идеи ассоцианизма);
- описание изменения внешне наблюдаемых реакций субъекта (поведения) как результата действия внешней причины, которая может иметь в том числе, информационную природу, знание (идеи бихевиоризма);
- описание психики и деятельности как *динамически целостного объекта*, которые необходимо изучать не отдельно друг от друга, а в своем единстве (идеи гештальтпсихологии);

- описание, наравне с внешнедетерминационными связями, связями между элементами психического содержания и механизмов изменения таких связей при переходе системы с одного этапа развития на другой (идеи Пиаже);
- описание опосредования внешне/внутренней взаимосвязи культурно-объектной средой, положения о прижизненном формировании психического содержания в процессе общения и обучения (идеи Выготского);
- включение в модель положений о деятельностном опосредовании развития психики и порождении внутреннего психического содержания (внутренних структур) из социально заданного внешнего в процессе интериоризации (идеи Леонтьева);
- внешне/внутреннее взаимообусловливание при описании детерминирования процессов психического развития: внешние причины влияют на развитие психики как системы не прямо, а опосредованно, через действие на внутридетерминационные механизмы (идеи Рубинштейна).

Сопоставительный анализ показывает, что в содержании детерминационных моделей третьего типа (постнеклассических) наиболее полно учитываются современные представления о психике как открытой саморазвивающейся системе и наиболее полно выделяются и описываются все четыре группы характеристик причинной детерминации. При построении моделей более низкого уровня (развития систем познавательных, личностных структур, мотивации и т. п.) и разработке современных инновационных программ психического развития эффективно опираться именно на них.

Литература

- Гусельцева М. С.* Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2015.
- Ильясов И. И.* О проблемных точках деятельностного подхода: текстовые фрагменты из доклада // Материалы методологического семинара по проблемам деятельностного подхода в психологии. Семинар 2 (29 сентября 2006 г.). URL: http://www.psy.msu.ru/science/seminars/activity/materials/02_ilyasov.pdf.
- Клочко В. Е.* Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 165–178.
- Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. II. М.: Педагогика, 1983.

- Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 1–4. М.: Мысль, 2010.
- Погожина И. Н.* Детерминация развития познавательных структур: постнеклассическая теоретическая модель // Национальный психологический журнал. 2015. № 3 (19). С. 35–44.
- Погожина И. Н.* Модели взаимосвязи обучения и развития психики в культурно-историческом и деятельностном подходах // Психолого-педагогические исследования. 2016. Т. 8. № 3. С. 16–31.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Степин В. С.* Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 18–25.
- Швырев В. С.* О соотношении познавательной и проектно-конструктивной функций в классической и современной науке // Познание, понимание, конструирование / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2007. С. 30–47.

Comparison of key determination models in psychology

I. N. Pogozhina (Moscow)

Doctor of Psychology Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

The article presents a comparative analysis of the key theoretical determination models that explain the development of mental processes and behavior. The following parameters were taken into account in the analysis: the type of the object under study and the type of causal determination. It is shown that determination models differ among themselves by at least four groups of characteristics: a) the kinds of determinants; b) the number of determinants within each kind; c) types of causal chains; d) types of relationships between causal chains. Identified and described the similarity and difference in the content of determination models; it is shown that complex system models «absorb» ideas that have been empirically confirmed in simpler models.

Keywords: mental processes formation and development, determination model, type of causal determination, ideal of scientific rationality, psychological theories.

Ментальные основания регуляции психических состояний

А. О. Прохоров (Казань)

доктор психологических наук, профессор, Казанский федеральный университет; e-mail: alprokhor1011@gmail.com

В статье представлена концептуальная модель ментальной регуляции психических состояний. Рассматриваются закономерности взаимоотношений структур сознания (смысловых структур, значений, рефлексии, субъективного образа, ментального (субъективного) опыта, системы Я и др.) и психических состояний. Основанием модели является отечественная платформа сознания и результаты исследований, полученные ранее автором статьи. Показано, что смысловые структуры сознания, обеспечивая смысловое принятие жизни, влияют на психические состояния: состояния являются отражением этого процесса. «Окрашивание» смыслом значения приводит к своеобразному связыванию значения (объекта, предмета, ситуации и пр.) и психического состояния. В свою очередь, включенность рефлексивных уровней сознания позволяет субъекту переходить от операциональных к ментальным аспектам регуляции состояний. Результатом рефлексии и означивания является не только придание психическому состоянию конкретного значения, но и появление его субъективного (ментального) образа. Содержание образа представляет собой результат отражения накопленного опыта переживания данного состояния при различных обстоятельствах, ситуациях и событиях, в которых находился субъект.

Ключевые слова: психическое состояние, сознание, регуляция, смысл, значение, рефлексия, образ.

Изучение базисных характеристик состояний человека как психического явления предполагает знание его отношений с другими

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00057а.

фундаментальными категориями психики, что позволяет провести некие «границы», дифференцируя феноменологические, содержательные и функциональные отличия между ними, а также «пересечения» и «включения», переходы явлений друг в друга. В этом пространстве исследований наименее изученными являются отношения между состоянием и сознанием. Знание этих отношений может дать ответ на ряд методологических и теоретических вопросов о связи психических явлений, определить «вклад» сознания в регуляцию состояния и, в свою очередь, выявить обратные влияния состояний на ментальные характеристики.

В системно-функциональной концепции саморегуляции психических состояний, разрабатываемой нами (Прохоров, 2007), проявления функций состояний в психическом целом и жизнедеятельности субъекта, в том числе и «регулятивной функции субъекта» (Сергиенко, 2007), на наш взгляд, определяется ментальными механизмами: влиянием смысловых структур сознания (личностного смысла, ценностей, конструктов, смысловых установок и ориентаций и др.), мотивации, рефлексии, переживаний субъекта, категориальными структурами сознания, ментальными репрезентациями, входящими в структуру знаний, а также субъективным (ментальным) опытом человека, репродукция которого в проблемных ситуациях бытия проявляется в актуализации психического состояния определенного качества.

Ментальный (субъективный) опыт, согласно структурной концепции сознания В. П. Зинченко (1972), включает в себя мир идей, понятий, житейских и научных знаний (значения) и мир человеческих ценностей, переживания, эмоций и аффектов (смыслы). В опыт также входят фиксированные формы опыта (то, что человек усвоил в прошлом) и оперативные формы опыта (то, что происходит в ментальном опыте этого человека в настоящем), и потенциальные формы опыта (то, что появится в его ментальном опыте в качестве новообразований в ближайшем или отдаленном будущем). Поэтому феномен опыта является ключевым звеном «связи времен» внутри субъекта (Холодная, 2002).

Составной частью ментального (субъективного) опыта являются смысловые структуры сознания. Именно смысловые структуры приводят в соответствие бытие и субъекта, наполняют бытие смыслом, обеспечивая смысловое принятие жизни. Состояния являются отражением этого процесса и свидетельствуют о качестве «внутренней» жизни субъекта в соотношении с его бытием. Актуализация смысловых структур зависит от специфики ситуации как психологического образования. В ситуации «выделяется» не весь объектив-

ный мир, а лишь та его часть, которая удовлетворяет смысловую сферу субъекта. Отраженная психикой совокупность элементов ситуации (объектов, условий, обстоятельств и т. д.) становится значимой для субъекта, только приобретая для него определенный смысл: только после акта личностного смыслообразования сформировавшаяся актуальная психологическая ситуация начинает детерминировать активность субъекта и ее проявления. Взаимодействие ситуации и смысловых структур приводит к формированию корреляционных образований (констелляций) из отдельных «ведущих» смысловых структур сознания и значимых составляющих (объектов) ситуации. Корреляции влияют на переживания, психические функции, вегетативные реакции и другие характеристики субъекта, эти изменения актуализируются в виде психического состояния, которое, в свою очередь, объективируются через деятельность, общение и поведение субъекта, обеспечивая соответствие субъекта ситуации жизнедеятельности. Корреляции изменяют всего индивида, это изменение представлено в психическом состоянии. Таким образом, изменение смысла и/или изменение ситуации приводит к трансформации корреляционного образования и, соответственно, к изменению психического состояния: его преобразованию в другое состояние, адекватное новым условиям жизнедеятельности, тогда как сохранению, устойчивости психического состояния способствуют те корреляционные связи, которые, с одной стороны, соответствуют актуальной ситуации бытия, а с другой — смыслом жизнедеятельности субъекта.

Существенным моментом ментальной регуляции является воплощение смысла в значении. «Окрашивание» смыслом значения приводит к своеобразному связыванию значения (объекта, предмета, ситуации и пр.) и психического состояния. Те или иные значения приобретают «пристрастность», которая впоследствии выражается в состоянии субъекта. Причем можно полагать, что за определенными значениями (объектами, предметами, ситуациями и пр.) в ходе онтогенеза и накопления жизненного опыта закрепляются также определенные типичные психические состояния: соответствующая номенклатура, определенный знак, модальность, интенсивность, длительность и т. п., т. е. как бы всегда в определенных ситуациях и обстоятельствах, одинаковом или близком личностном смысле может быть обусловленное психическое состояние. Поэтому, видимо, не случайно изучение семантических пространств психических состояний показывает, что семантические пространства включают в себя «накопленные» следы переживаний, осуществленных ранее («прошедших») деятельностей, поведения, физиологических реакций

и др. Это следы «сцепления» семантических пространств с предметами, ситуациями и обстоятельствами жизнедеятельности субъекта.

Понимание собственных смыслов в ходе самоотражения переживаемых ситуаций связано с рефлексией. Благодаря рефлексии происходит осознание, оценка, сличение актуального состояния с искомым и, далее, в случае необходимости, субъект вносит коррекцию в используемые способы и приемы регуляции. С помощью рефлексии субъект способен спрогнозировать, «проиграть» возможные варианты и результаты регуляции состояний в различных обстоятельствах и ситуациях жизнедеятельности, изменить сложившиеся способы действий, проанализировать структуру собственных действий, не приводящих к успеху, найти окончательное решение и приступить к исполнительным действиям. Вовлеченность рефлексивных механизмов определяется целью регуляции – потребностью изменения психического состояния как несоответствующего ситуации, взаимодействию субъектов или деятельности. Отметим, что необходимость изменения психического состояния также осознается субъектом благодаря рефлексии. Рефлексия активизирует смысловые структуры сознания, детерминируя их включенность в регуляцию психических состояний.

Можно полагать, что в процессах регуляции состояний могут быть выделены уровни рефлексивной активности: на низком уровне отражаются и контролируются отдельные исполнительные действия по регуляции состояний, на более высоком уровне субъект отображает самого себя как «Я-систему (Я-образ, Я-концепцию)», производящую планирование и оценку своих действий. Последнее связано с актуализацией внутренних регуляторных схем и процессов (метакогнитивные стратегии), наработанных или выработанных в ходе онтогенеза (разные по эффективности регуляторные схемы определяют разную качественно-количественную о-граниченность активности субъекта (Шаров, 2000) в регуляции состояний). Включенность рефлексивных уровней позволяет субъекту переходить от операциональных к ментальным аспектам регуляции состояний и обратно: осуществляется самоконтроль состояний в текущей ситуации, актуализируются приемы регуляции, ретроспективно оцениваются и анализируются операциональные средства и стратегии регуляции состояний в прошлых ситуациях и деятельности, их эффективность при тех или иных обстоятельствах жизни, планируются и прогнозируются вероятные будущие состояния и средства их контроля.

Отметим также, что рефлексивные процессы субъекта и рефлексия, в целом, порождают новые смыслы и значения, новые отноше-

ния, создавая и определяя возникающие стратегии и планы, способы и приемы регуляции состояний. Основной психологический механизм рефлексии, обуславливающий трансформирующие и генеративные функции, повышающий меру субъектности регуляции — внутренний диалог (Д. А. Леонтьев). Он приводит к произвольному манипулированию идеальными содержаниями в умственном плане, основанными на переживании дистанции между своим сознанием и его интенциональным объектом, связанным с направленностью этого процесса на самого себя как на объект рефлексии. Такие действия (взгляд на себя со стороны) позволяют увидеть максимальное количество элементов (вариантов) регуляции состояний и выбрать оптимальное, адекватное ситуации. В этом контексте выделим также дифференциальный аспект рефлексивной регуляции состояний, связанный с разными фокусами направленности сознания: на внешний интенциональный объект, на самого себя, на себя и на объект. Эти действия предполагают самодистанцирование, способность посмотреть на себя со стороны и на посторонние объекты за пределами актуальной ситуации. Можно полагать, что встроенность и развернутость представленных выше механизмов в структуре рефлексивной регуляции состояний является основанием для ее эффективности в жизнедеятельности субъекта.

При своем означивании психическое состояние частично объективируется, становясь объектом рефлексии. Результатом рефлексии и означивания является не только придание психическому состоянию конкретного значения, но и появление его образа, который специфичен и отличается от образов объектов внешнего мира. Его особенности — это отсутствие предметности, большая выраженность аспекта переживания, отсутствие яркости, а сам образ маскируется в предметном мире, стремится раствориться в нем (Дикая, 1991). Этот образ становится полноценным объектом образа мира субъекта только при значительной рефлексивной работе и осознанности психического состояния. При этом образ психического состояния не только становится более ярким и осмысленным, он приобретает новые отношения и объектные качества, связывающие его с образами других объектов.

Субъективный образ психического состояния раскрывается в трех проекциях: прошлое (в представлении о состоянии), настоящее (образ актуального состояния, возникающий вследствие восприятия собственного состояния «здесь и сейчас») и будущее (образ будущего, например, желаемого состояния). Содержание образа представляет собой результат отражения накопленного опыта переживания данного состояния при различных обстоятельствах, ситуациях

и событиях, в которых находился субъект. Отраженные компоненты психического состояния закрепляются в сознании в определенном сочетании, формируя структуру. Последняя изоморфна реальному состоянию. Закрепляясь в структурах памяти, образ становится структурным элементом субъективного (ментального) опыта переживания состояний (Прохоров, 2016).

С одной стороны, образ является составляющей единицей субъективного опыта, с другой стороны, сам образ хранит в себе опыт, который служит информационной базой для человека. Образ некогда переживаемого состояния можно назвать представлением или образом памяти, функция которого заключается в связывании образа в текущем времени с прошлым и будущим. Относя образ состояния, переживаемого в прошлом, к представлениям, мы тем самым подчеркиваем наличие субъективного (ментального) опыта, хранящегося в структурах памяти. Специфика протекания состояния определяется содержанием опыта переживания данного состояния, т. е. в памяти «всплывает» некогда сформированный образ настоящего психического состояния. Можно полагать, что формирование образа актуального состояния проходит под влиянием уже имеющегося представления о данном состоянии, образа памяти, составляющего индивидуальный опыт, он (образ) в то же время сам становится представлением, закрепляясь в памяти, обогащая опыт. Переживание длительности («дления») и изменения психического состояния создает временной ряд образа, задачей которого является интеграция пространственных характеристик (параметров состояния) в единое образование — образ состояния. Опираясь на свою способность интегрировать временной континуум, субъект развертывает актуальный образ состояния в прошлом и в будущем, оперирует им в настоящем.

В этом контексте содержание субъективного (ментального) опыта представляет собой относительно устойчивую пространственно-временную структуру отображаемого состояния, осознаваемую как определенное качество. Фиксация в опыте структур пространства, интенсивности, качества и модальности психического состояния в виде образа опосредуется переживаниями и рефлексивными процессами субъекта.

Можно полагать, что центральной образующей целостной ментальной регуляторной системы, влияющей на актуализацию, интенсивность, длительность и др. характеристики познавательных состояний, является система Я субъекта, диспозиции которой определяют «пристрастность» и познавательную активность в жизнедеятельности человека.

Системообразующим фактором актуализации состояний является субъективно значимая цель (либо полезный результат), формирующаяся под влиянием функционального комплекса составляющих ментальных структур: мотивов деятельности и смысловых структур сознания, рефлексии, переживаний, категориальных структур, репрезентаций, субъективного (ментального) опыта и системы Я субъекта. Последняя обуславливает включенность ментальных структур в актуализацию познавательных состояний и их проявления.

Литература

- Дикая Л. Г., Семикин В. В.* Регулирующая роль образа функционального состояния в экспериментальных условиях деятельности // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 1. С. 55–65.
- Зинченко В. П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
- Прохоров А. О.* Образ психического состояния. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Прохоров А. О.* Функциональные структуры саморегуляции психических состояний // Субъект и личность в психологии саморегуляции: Сборник научных трудов / Под ред. В. И. Моросановой. М.–Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, СевКавГТУ, 2007. С. 370–386.
- Сергиенко Е. А.* Субъект развития, субъект деятельности, субъект жизни: регуляция поведения // Субъект и личность в психологии саморегуляции: Сборник научных трудов / Под ред. В. И. Моросановой. М.–Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, СевКавГТУ, 2007. С. 256–274.
- Холодная М. А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002.
- Шаров А. С.* Ограниченный человек: значимость, активность, рефлексия. Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 2000.

Mental bases of mental states regulation

A. O. Prokhorov (Kazan)

Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University

The article presents a conceptual model of mental states mental regulation. The consciousness structures relationships regularities (semantic structures, meanings, reflection, subjective image, mental (subjective) experience, the system of “I”, etc.) and mental states are considered. The model basis is the Russian consciousness platform and research results obtained earlier by the

article author. It is shown that semantic structures of consciousness, providing a meaningful acceptance of life, affect mental states: states are a reflection of this process. "Staining" by meaning sense leads to peculiar binding of meaning (object, subject, situation etc.) and mental state. In turn, the consciousness reflexive levels inclusion allows the subject to move from the operational to the mental aspects of states regulation. The reflection result and signification is not only the giving of a specific meaning to the mental state, but also the appearance of its subjective (mental) image. The content of the image is the result of accumulated experience reflecting experiencing this state under different circumstances, situations and events in which the person stay.

Keywords: mental state, consciousness, regulation, sense, meaning, reflection, image.

Категория «индивидуальный субъект» и теория социального познания

А. П. Якунин (Санкт-Петербург)

*кандидат психологических наук, ООО Центр делового сотрудничества
«Потенциал»; e-mail: a.yakunin-a.p.psi@yandex.ru*

В статье анализируются проблемы теории социального познания, связанные с вопросами категории «индивидуальный субъект». Обосновывается понимание социального познания не только как процесса интерпретации, но и как процесса объяснения. Показано, что объяснение есть процесс познания социального объекта на основе модели, что отличается от интерпретации как способа познания, при котором социальное познание осуществляется посредством социально-психологического стереотипа. Обосновывается положение, что различия между интерпретацией и объяснением как способами познания формируют разные качества индивида, а именно качества субъекта интерпретации и субъекта объяснения. Исследуется проблема созерцания, которая формирует качество индивида как субъекта созерцания. Рассматриваются особенности различия между качествами индивида как субъекта созерцания и его качествами как субъекта интерпретации и объяснения. Предлагаются операциональные определения индивида как субъекта объяснения, субъекта интерпретации и субъекта созерцания.

Ключевые слова: индивидуальный субъект, социальное познание, субъект интерпретации, субъект созерцания, субъект объяснения.

Развитие категории «индивидуальный субъект» неотъемлемо связано с исследовательскими задачами социальной психологии. Одной из существенных проблем социальной психологии является проблема социальности субъекта, на которую указывал в своей программе исследования принципа субъекта Андрей Владимирович Брушлинский (Брушлинский, 1991). По его мнению, активность субъекта

всегда является социальной по своей сущности. Рассматривать данную активность вне феномена социальности означает исследование «изолированного» субъекта, который находится вне контекста человеческого мира и бытия (Брушлинский, 1991). Социальная психология призвана поставить для себя исследовательскую задачу по установлению постоянства явления социальности индивидуального субъекта. С другой стороны, положения принципа субъекта должны способствовать развитию самой социальной психологии, поскольку имеется немало научно-исследовательских направлений социальной психологии, требующих детализации своих положений и принципов. Одним из таких направлений выступает теория социального познания, в рамках которой проблема индивидуального субъекта является актуальной. Тем не менее выдвинутые критерии индивидуального субъекта в рамках теории социального познания требуют дальнейшего развития и конкретизации, что должно повысить эффективность прогнозирования результатов субъект-субъектного познания. Надо сказать, что одной из существенных проблем теории социального познания является проблема изучения конкретного индивида исключительно как субъекта интерпретации (Андреева, 1999). Другие частные понятия субъектности индивида не включаются в понятие субъекта социального познания, что ограничивает раскрытие сущности данного типа познания. На мой взгляд, категория субъекта дает возможность расширить исследовательский поиск для нахождения других феноменов субъектности индивида в рамках социального познания. Целью данной статьи является установление других, помимо частного понятия «субъект интерпретации», частных понятий индивидуального субъекта для теории социального познания.

Исследования В. А. Барабанщикова и его сотрудников (Барабанщиков, 2012) показали, что процесс восприятия лица другого человека характеризуется субъектностными качествами личности человека. Ранее К. М. Романовым было установлено, что, независимо от влияния другого человека на познающего индивида в процессе межличностного познания, решающую роль в построении образа другого человека играет субъектная организация самого познающего индивида (Романов, 1993). Все эти исследования, как и другие, доказывают основные положения идей Г. М. Андреевой о субъектностной индивидуальной и групповой природе процесса социального познания (Андреева, 1999). Но опять укажем, что это понимание природы социального познания остается в рамках понятия «субъект интерпретации».

Для теории социального познания необходимо принять положения о категории познания, согласно которым познание осуществля-

ется двумя способами. Первый способ есть интерпретация, а вторым является объяснение (Ломов, 1984; Юревич, 2008). Отличительной особенностью объяснения по сравнению с интерпретацией выступает использование для познания модели объекта, а не социально-психологического стереотипа об этом объекте (Панферов, 2009). Данное существенное различие показывает, что познающий другого субъекта индивид реализует свое познание не посредством групповых стереотипов, обеспечивающих быстрое понимание причины поведения другого человека, а выстраивает свою индивидуальную модель объяснения такого поведения или использует известную модель-закон. Применение модели для объяснения поведения субъекта является сущностным различием объяснения как вида познания с процессом интерпретации. Объяснение и интерпретация диалектически взаимосвязаны между собой в процессе познания как вида деятельности. Это диалектическая взаимосвязь мешает различать оба вида познания. Тем не менее, познание есть одна из форм деятельности, состоящей из этих двух видов, что должно находить свое отражение при исследовании социального познания.

Почему представители теории социального познания, да и другие исследователи в социальной психологии, игнорируют объяснение как вид познания, является существенным вопросом. На наш взгляд, это игнорирование связано с важным вопросом истинности ответа испытуемых или респондентов при познании другого субъекта. Проблема истинности или неистинности, конечно, важная проблема для измерения когнитивных способностей индивида, но она заслоняет вопрос о том, что индивид объяснял поведение другого субъекта, а не интерпретировал его. Определение наличия данной модели у познающего субъекта становится насущной проблемой, так как без данной операции остается неизвестным сам способ познания, что снижает точность прогнозирования результата социального познания. Отсутствие истинности ответа создает иллюзию «наивного психолога», который использует готовые, выработанные группой интерпретационные решетки в виде социальных представлений (Емельянова, 2016). Возникает ощущение замкнутого круга информации. Исследование социального познания исключительно с позиции теории когнитивизма ведет к отсутствию знания о многогранности данного вида познания. О подобном явлении, т. е. психологической реальности с точки зрения одного подхода в научных исследованиях, предупреждали и Б. Ф. Ломов (1984), и А. В. Брушлинский (1991). Субъектность человека предполагает наличие различных комбинаций, которые не могут быть сразу определены (Якунин, 2016). В вопросе объяснения как одного из способов познания с пози-

ции теории социального познания складывается аналогичная картина. Возвращаясь к категории «индивидуальный субъект» — возникает возможность определения его частного понятия. В нашем случае это понятие «субъект объяснения».

Различия между процессами объяснения и интерпретации поднимают вопрос о дифференцировании действия индивида по способам реализации обоих видов познания. В свою очередь, это способствует формулированию понятия «субъект объяснения», которое сущностно отлично от понятия «субъект интерпретации». Субъекту интерпретации посвящено немало исследований в психологии, тогда как о субъекте объяснения работ существенно меньше (Славская, 2002; Юревич, 2008). Тем более это относится к области социально-психологических исследований. Определение понятия «субъект объяснения», раскрытие его сущности, способов функционирования и стадий развития становится одной из проблем социальной психологии. Само качество индивида как субъекта объяснения, очевидно, должно проявляться иначе, нежели качество этого индивида как субъекта интерпретации. Построение модели для объяснения — само по себе более трудоемкий процесс активности, чем использование «готового» социально-психологического стереотипа, что не может не сказываться на качествах индивида как субъекта объяснения. Можно предполагать, что и развитие качеств субъекта объяснения происходит более сложно, нежели качеств субъекта интерпретации. Все эти предположения должны стать предметом специальных исследований.

Для теории социального познания проблема субъекта объяснения связана, главным образом, с процессом моделирования индивидом объяснительной схемы. Данная схема не может не быть отличной по своей структуре от схем процесса интерпретации. Возникают вопросы о результатах и способах сохранения информации социального познания посредством объяснения, а именно: 1) существуют ли в данном способе познания предрассудки и предубеждения, так же как они наличествуют при интерпретации; 2) аналогичны ли процессы сохранения информации при интерпретации этим же процессам при объяснении? Все эти вопросы требуют своего решения.

Помимо этого применение категории «индивидуальный субъект» к теории социального познания ставит вопрос о различии между процессами познания и созерцания. На том, что требуется отличать эти явления психической активности человека, заострял внимание еще Б. Ф. Ломов (Ломов, 1984). Действительно, при исследовании результатов социального познания сложно отличить резуль-

таты интерпретации как вида познания от результатов созерцания. Особенно тесно эта сложность связана с исследованием форм объективации психологического потенциала в метафорической форме. Ведь нельзя с ходу сказать, что респондент, ответив на поставленный вопрос, познавал поведение другого субъекта посредством интерпретации, а не объективировал неосознанное впечатление. При интерпретации индивид пытается выявить причинно-следственные связи между доступными, явными признаками познаваемого субъекта и его поведением, тогда как при созерцании происходит нечто другое, а именно неосознаваемое означение субъекта или его поведения через один признак (Ломов, 1984).

Для теории социального познания, возможно, это различие не столь существенно, но для исследования субъект-субъектного взаимодействия это становится важной проблемой. В какой момент и в какой мере индивид объективирует явления созерцания, а не познания, может сказаться на последующих его действиях и положении в межлическом взаимодействии. В связи с этим возникает проблема субъекта созерцания, которая взаимосвязана с проблемами теории социального познания. Например, формирование социальных представлений может происходить не только за счет особенностей интерпретации и объяснения социального объекта членами группы, но и за счет привнесения знания тех членов группы, которые объективировали свои феномены созерцания схожих объектов или самого данного объекта. Возникает проблема различения группового знания о социальном объекте.

С точки зрения категории «индивидуальный субъект» возникает проблема частного понятия, а именно понятия «субъект созерцания», отображающего иное качество индивида, чем качества индивида как субъекта созерцания и субъекта объяснения. Ведущим звеном качества индивида как субъекта созерцания выступают процессы бессознательного, игнорирование которых для исследования индивидуального субъекта является неправомерным (Брушлинский, 1991). По критерию «бессознательное» созерцание в своем результате часто совпадает с интерпретацией, что вызывает у исследователя ошибочность в понимании того качества индивида, которое стоит за ответом этого индивида. По данному критерию качества субъекта созерцания и субъекта объяснения не совпадают, так как объяснение всегда является осознанным процессом познания социального объекта. Подобное разделение необходимо учитывать при исследовании социального познания.

Разделение качеств субъекта интерпретации, субъекта объяснения и субъекта созерцания позволяет в заключение дать опера-

циональные определения этим субъектным качествам индивида. Субъект объяснения – живой телесный индивид, всегда осознанно познающий на основе модели-объяснения объект и социальный мир в целом, меру своей включенности в данный мир, а также других представителей этого мира. Субъект интерпретации – это живой телесный индивид, который осознанно или неосознанно познает социальный мир, его окружение, меру своего включения в этот мир, а также мир других людей. Субъект созерцания – это живой телесный индивид, который исключительно бессознательно чувствует и воспринимает социальный мир, свое окружение, меру своего включения в этот мир, а также мир других людей.

Безусловно, представленные нами проблемы теории социального познания с позиции принципа субъекта и категории «индивидуальный субъект» требуют дальнейших исследовательских поисков.

Литература

- Андреева Г. М.* Социальное познание: проблемы и перспективы. М.– Воронеж: НПО «Модэк», 1999.
- Барabanщиков В. А.* Экспрессия лица и их восприятия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке (статья первая)// Психологический журнал. 1991. Т. 13. № 6. С. 3–11.
- Емельянова Т. П.* Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Панферов В. Н.* Психология человеческих отношений. Избранное. СПб.: АНО ИПП, 2009.
- Романов К. М.* Межличностное познание. Саранск: Мордовский университет, 1993.
- Славская А. Н.* Личность как субъект интерпретации. Дубна: Феникс+, 2002.
- Юревич А. В.* Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 97–106.
- Якунин А. П.* Проблема субъекта как отражающей системы // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2016. № 9 (66). С. 44–60.

The category “individual subject” and the theory of social cognition

A. P. Yakunin (Saint-Petersburg)

Candidate of Psychology, Limited liability company
Center for business cooperation “Potential”

The article analyzes the problems of the theory of social cognition related to the category of “individual subject”. The understanding of social cognition not only as a process of interpretation, but also as a process of explanation is substantiated. It is shown that the explanation is the process of cognition of a social object on the basis of the model, which differs from the interpretation as a way of cognition, in which social cognition is carried out by means of a socio-psychological stereotype. The article substantiates the position that the differences between interpretation and explanation as the ways of cognition form different qualities of the individual, namely the quality of the subject of interpretation and the subject of explanation. The problem of contemplation, which forms the quality of the individual as a subject of contemplation, is investigated. The features of the difference between the qualities of an individual as a subject of contemplation and his qualities as a subject of interpretation and explanation are considered. Offers an operational definition of the individual as a subject of explanation of the subject of interpretation and the subject of contemplation.

Key words: individual subject, social cognition, subject of interpretation, subject of contemplation, subject of explanation.

Методологические основания психосемантики цвета: эстетико-феноменологический подход И. В. фон Гёте

П. В. Яньшин (Самара)

доктор психологических наук, доцент, Самарская государственная
областная академия (Наяновой) (СГОАН); e-mail: yapetr@yandex.ru

Современная психология не имеет своего определения цвета, а использует определения, заимствованные у физиков и физиологов. В статье обосновывается гуманитарная парадигма природы цвета, опирающаяся на труд И.-В. Гёте «Учение о цвете». Психосемантика Цвета предполагает рассмотрение цвета как естественного семантического объекта, а процесса восприятия цвета — как сложно иерархизированного процесса *интерпретации* цветового образа. Доказываются методологические преимущества гётевской теории, которая в сочетании с семантической теорией восприятия может послужить теоретической базой для психосемантики цвета.

Ключевые слова: цвет, цветопсихология, психосемантика цвета, цветовой образ, Гёте.

Несмотря на то, что цвет является *объектом* изучения в ряде разделов психологии, его психологическая сущность фактически не стала *предметом* исследования ни в одной из них. Об этом свидетельствует отсутствие собственно *психологического* определения цвета. Сказанное означает, что Цвет, как это ни парадоксально, *не является психологическим понятием!* Это приводит к тому, что предметная область, очерчивающая феномены, связанные с собственно *восприятием* цвета: его воздействием на психическое состояние, его связь с естественными значениями, та роль, которую он играет в динамике человеческих потребностей и образе мира, роль цвета в дизайне, рекламе, живописи и медицине, не может быть продуктивно ассимилирована психологической теорией. Психологическое объяснение фактов, полученных в исследованиях по шкалированию цветов,

цветовому предпочтению, воздействию цвета на психическое состояние и т. д., требует не столько знания механизмов цветоразличения, сколько понимания психологических механизмов соотношенности оттенков цвета с психологическими реалиями, описываемыми такими понятиями, как «образ», «значение», «эмоция», «мотивация», «смысл». Принятое в физике, психофизиологии и психофизике сенсорных процессов определение цвета (см.: Измайлов и совт., 1989) плохо соотносится с перечисленными понятиями (см. методологический анализ: Яньшин, 2006, 2012).

Сегодня психофизиология способна дать почти исчерпывающий ответ на вопрос: каким образом мы различаем цвета? Давно назрела необходимость задуматься над вопросами: что такое Цвет и что Цвет нам сообщает о Мире.

Нетрудно заметить, что у психологов нет собственного ответа на поставленные вопросы. Эти ответы они заимствуют у физиков и физиологов, отрицающих наличие у цвета не только устойчивых значений, но и отказывающих цвету в объективном существовании. Но «только там, где, в частности, ощущения берутся в таком аспекте, как отражение качеств вещей, опосредованное деятельностью органов чувств, а не только как функция этих органов, мы переходим от физиологии органов чувств к собственно психологическому изучению ощущений (и восприятий). Только изучая, например, восприятие цвета *вещей*, можно дать действительно *психологическую*... трактовку ощущения цвета» (Рубинштейн, 1973, с. 93)... Существовать — это действовать и подвергаться воздействиям, взаимодействовать и быть действительным, т. е. *действенным*» (там же, с. 279). В совокупности с неопровержимыми фактами *воздействия цвета* на физиологическое и психическое состояние человека, приведенные тезисы С. Л. Рубинштейна побуждают нас отнести Цвет в разряд феноменов объективной действительности. Это значит, что «на другом полюсе» восприятия реальности стоит, по выражению С. Л. Рубинштейна, не «совокупность рецепторов», а конкретный воспринимающий субъект, *человек как целое*. Цвет «адресован» не только глазу, но — целостному субъекту. Так цвет может быть введен в предметную область *психологии*.

Согласно доминирующей точке зрения, *цвета содержатся в свете*, который окрашен не больше, чем радиоволны или рентгеновские лучи, но несет сведения, или информацию, способные вызвать ощущение цвета (Измайлов и др., 1989). Этот взгляд вполне справедливо обозначить как механистический, поскольку им постулируется *составная природа света, способного разлагаться на цветные лучи*. Прямым следствием этих *аксиоматических* утверждений является

убеждение, что цвет не существует в природе, а лишь только в ощущении и представлении.

Между тем существует теория Цвета, составляющая серьезную альтернативу общепринятой интерпретации феноменологии физики, физиологической оптики и психологии восприятия. Условимся в дальнейшем именовать этот подход «эстетико-феноменологическим», хотя этот термин не отражает полностью его сути. В новом времени этот подход ведет свое начало от естественнонаучных трудов И. В. Гёте (Гёте, 1920; Белый, 1917; Свасьян, 1983) и может быть прослежен в исследованиях по теории колорита (Кандинский, 1990; Itten, 1970) и в психодиагностике (Luscher, 1969). Согласно мнению В. О. Лихтенштадта, «уже при жизни Гёте, и опираясь, главным образом, на его труд, возникла новая отрасль знания: физиология зрения... Три физиолога — Шопенгауэр, Пуркинье и Иоганн Мюллер приняли его труд за исходную точку своих исследований... Причем Гельмгольц уклонился от точки зрения Гёте, Геринг же и его школа вернулись к ней» (Лихтенштадт, 1920, с. 43).

Труд Гёте, о котором идет речь, — это «Учение о цветах». Исходная установка его кардинально противоположна ньютоновской. *«Цвета — деяния света, деяния и страдательные состояния... Цвет и свет стоят, правда, в самом точном отношении друг к другу, однако мы должны представлять их себе как свойственные всей природе: через них природа целиком раскрывается чувству зрения... Цвет есть закономерная природа в отношении к чувству зрения»* (Гёте, 1920, с. 203—211).

Итак, первое: *Цвет присущ всей природе.*

Второе: *Цвет несводим к колебаниям электромагнитных волн:* «...цвет, хотя и подчиняется тем же законам <электричества и магнетизма>, поднимается, можно сказать, гораздо выше» (там же, с. 218)*. Нелишне подчеркнуть, что гениальная догадка Гёте о связи света с магнетизмом на десятилетие опередила теорию Максвелла.

В отличие от постулата Ньютона о сложной природе света, способного разлагаться на составляющие «цветные лучи», «свет Гёте есть единство: не множество „светочей“, и единство это духовно: таков постулат» (Белый, 1917, с. 51). Таким образом, третьим тезисом является *неразложимость света на составляющие.*

* См. также замечание А. Богданова на с. 44 того же издания: «Гёте стремился исследовать цвет в его физической объективной связи, но именно как цвет, а не что иное, без всяких „подстановок“ <имеются в виду электромагнитные колебания>, без замещения его символами, которые легко превращались физиками в его „сущность“». То же у А. Белого, цитирующего Р. Штейнера: «...теория красок Гёте вращается в области, не касающейся области определения у физиков» (Белый, 1917, с. 45).

Согласно мнению Гёте (и в этом оно не расходится с иными мнениями), *свет невидим*. Но не потому, что свет — это электромагнитное излучение. Просто у человека нет физического органа для восприятия света вне материальной среды. Зрением человек способен воспринять только цвета: *цвет есть единственная форма восприятия света человеческим глазом*.

Четвертый тезис — *качественность Цвета*. Цвет — это следствие взаимодействия Света и Тьмы (материи): «Свет и тьма — это не цвета, это две крайности, меж коих цвета существуют благодаря модификации того и другого» (Эккерманн, 1981, с. 190). Цвет — это результат диалектического синтеза, совершенно самостоятельная качественность. «Собственно цвет есть модифицированный свет, а тьма при этом играет активнейшую роль причины модификации» (там же). Цвет как третий член диалектической триады несет в себе «в снятом виде» качества остальных двух «образующих», не являясь ни тем, ни другим. Эмпирическим подтверждением этого тезиса, полученным уже после смерти Гете, является возможность определять химический состав вещества, изучая спектральный состав излучения (например, состав звездного вещества) в спектрометрии.

Пятым тезисом учения Гёте является *безусловная гносеологическая (теоретико-познавательная) ценность Цвета* как «закономерной природы». То есть здесь Цвет уже не просто объект познания сам по себе, а *средство* познания природы Света и самой Природы, предстающей перед нами «в свете, тьме и цвете» (Гёте, 1920, с. 210). *Цвет — не есть Свет, но повествует о нем; он не есть вещество, но несет в себе его «отпечаток»*. Таким образом, в рамках гётевского мировоззрения цвета, воспринимаемые глазом, столь же, если не более, объективны, как и электромагнитные колебания. Вместо механистического ньютоновского понимания взаимодействия как сложения и разложения элементов (цвета как элементы «света»), логическая теорема Гёте моделирует диалектический синтез, используя логические конструкции: «противоположности», «единство», «качество», «отрицание отрицания», «возникновения нового» и т. п., т. е. понятия, описывающие не статику, а *динамику, процесс*. Выходя за рамки классической философской парадигмы конца XVIII в., Гёте рассматривает рождение Цвета как *событие — эстетически и этически*. Следовательно, гётевский способ рассмотрения проблемы цвета можно было бы обозначить и как «эстетико-диалектический» или «эстетико-этический».

Важным следствием пятого тезиса является *символическая природа Цвета*. Теория Гёте позволяет выйти из сферы метафизики, физики и физиологии в область, непосредственно относящуюся к психоло-

гии. В силу самой своей природы цвет несет в себе нечто, не совпадающее полностью с тем, чем он является при поверхностном взгляде: некую *идею*, раскрывающуюся в нем и через него смотрящему. Важно здесь также то, что эта идея не вкладывается в воспринимаемый цвет человеком, а *является объективной данностью*. Это мысль нашла свое отражение в работе В. Кандинского «О духовном в искусстве (Живопись)» (1990) как два «главных последствия» восприятия цвета.

Постулируя познавательную ценность цвета для непосредственно воспринимающего его человека, Гёте придает воспринимаемому цвету *статус символа*, свойство *обладания естественным значением*. Одновременно цвета приобретают статус *семантических объектов*. А это определяет цвет уже не как ощущение, но как *образ*, сложный перцептивный феномен. «Чувственное же, поскольку оно проникнуто идеей, есть символ» (Свасьян, 1983). Эстетико-феноменологический подход Гёте к пониманию цвета не ограничивается сферой искусства, но может быть перенесен и на «нерукотворную» реальность. Собственно говоря, таковой являются сами цвета или Цвет как природный феномен. Повторим: цвет как символ не является результатом человеческого творчества: выявление символического содержания цвета — результат *сотворчества* человека и Природы. В этом сотворчестве человек выступает как познающий субъект и творящий художник. В «Учении о цветах» Гёте этот сложный психологический феномен носит название «чувственно-нравственного действия цвета»: «Воздействие цвета на чувство зрения, а через него на душевное настроение... всегда определено и значительно, при-мыкая непосредственно к области нравственного» (Гёте, 1920, с. 293). Это и послужило для Гёте основанием ставить цвет «гораздо выше» законов электричества и магнетизма.

Так сам собой находится ответ на вопрос, ставящий в тупик классическую физику и психофизиологию: на какую «информацию» реагирует глаз цветовым ощущением? Через Цвет с человеком говорит «закономерная природа». И, что немаловажно, не последнюю роль в этом процессе играют чувства, эмоциональный компонент процесса восприятия.

Итак, цвета обладают естественными значениями. И значения эти не ограничиваются рамками *теоретической* физической модели мира, где цветовой оттенок имеет «значение» определенной длины волны электромагнитного излучения. Это значение — смысл — сообщение адресовано целостному человеку, помимо его воли и непосредственно, минуя умозрительные предпосылки и рассудочные модели. Цвет онтологичен не только как субъективный феномен, а как часть доступного нашему чувственному восприятию сегмента

реальности, не зависящей от нашей воли. Как доказывают исследования в физиологии, психологии и медицине, цвета взаимодействуют не только со зрением, но и со всем организмом, целостным человеком, комплексно и закономерно изменяя его физиологическое и психологическое состояние (подробнее см. обзор: Яньшин, 2006).

Альтернативой механистической парадигме восприятия цвета должна стать гуманитарная. Она состоит в признании единства целостного субъекта, перцептивные процессы которого не изолируют, а *объединяют* «полюса» «человек—мир» друг с другом. *Закономерности функционирования цветового анализатора отражают объективные закономерности разноцветного мира.* В гуманитарной парадигме на смену механическим причинно-следственным связям *как средство объяснения приходят семантические взаимосвязи.* Это объясняет семантическую неоднородность цветов, их способность закономерно модифицировать психосоматический статус индивида и т. п.

Психосемантика Цвета предполагает рассмотрение цвета как *естественного семантического объекта (естественного знака)*, а процесса восприятия цвета — как сложно иерархизированного процесса *интерпретации* цветового образа. Это диктует задачу изучения *семантической структуры* цветового образа, построение его семантической модели, что предполагает существование *специфической категориальной системы и специфический тип значений, ее образующих* (Яньшин, 2006).

Отличительный признак естественных значений — их «вплетенность» в чувственную ткань психического образа, т. е. *непосредственная* данность субъекту. Важная особенность цветов как знаков — слитность плана выражения (формы) и плана содержания, или объема и содержания в одно «смысловое изваяние» (А. Ф. Лосев). Следовательно, *категориальные структуры, классифицирующие цвета, сами же и являются компонентом «означаемого» цветового образа. Весь спектр реакций на цвет — физиологических, эмоциональных, поведенческих, интеллектуальных и т. п. при условии их константности в специфических контекстах и представляет собой искомое содержание цветового значения.* Это определяет актуальность исследования устойчивых семантических проекций цвета *в различные категориальные контексты.*

Вместе с тем *понимание* психологического содержания конкретного цвета — не реактивный, а сложный активный процесс *переживания* (Кандинский, 1990). Выявление символического содержания цвета — результат *сотворчества* человека и Природы. В этом сотворчестве человек выступает как познающий субъект и творящий художник.

Литература

- Белый А.* Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. М., 1917.
- Гёте И. В.* Учение о цветах // В. О. Лихтенштадт. Гёте: Борьба за реалистическое мировоззрение. СПб.: Гос. изд-во, 1920.
- Измайлов Ч. А., Соколов Е. Н., Черноризов А. М.* Психофизиология цветового зрения. М., 1989.
- Кандинский В.* О духовном в искусстве (Живопись). Л., 1990.
- Лихтенштадт В. О.* Гёте: Борьба за реалистическое мировоззрение. СПб.: Гос. изд-во, 1920.
- Рубинштейн С. Л.* Проблем общей психологии. М., 1973.
- Свасьян К. А.* Философское мировоззрение Гёте. Ереван, 1983.
- Эккерман Й. П.* Разговоры с Гёте. М., 1981. С. 190.
- Яньшин П. В.* Психосемантика Цвета. СПб.: Речь 2006.
- Яньшин П. В.* Методологический анализ ньютоновского представления о сущности цвета и о несуществовании цвета в природе // Актуальные проблемы психологии: Сборник научных статей. Самара: СФ ГБОУ ВПО МГПУ, 2012. С. 104–115.
- Birren F.* Color psychology and color therapy: A factual study of the influence of color on human life. N. Y., cop. 1961.
- Itten J.* The elements of color. N. Y., 1970.
- Luscher M.* The Luscher Color Test. N. Y., 1969.

Methodological foundations of psychosemantics of color: aesthetic-phenomenological approach J.-W. von Goethe

P. V. Yanjshin (Samara)

Doctor of Psychology, Associate Professor, SSRAN – Samara State Regional Academy (Nayanova)

Modern psychology does not have its own definition of color, but uses definitions borrowed from physicists and physiologists. The article substantiates the humanitarian paradigm of the view on the nature of color, based on the work of J.-W. Goethe's "Doctrine of Color". Psycho-semantics of Color implies the consideration of color as a natural semantic object, and the process of perceiving color as a complex hierarchical process of interpreting the color image. The methodological advantages of the Goethean theory are proved, which, in combination with the semantic theory of perception, can serve as a theoretical basis for the psycho-semantics of color.

Keywords: color, color psychology, psycho-semantics of color, color image, Goethe.

Раздел III

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

О становлении и характеристике русского народа в работах А. П. Шапова

Т. И. Артемьева (Москва)

кандидат психологических наук, Институт психологии РАН

Анализируются взгляды известного русского историка, этнографа, экономиста и философа конца XIX—начала XX в., создателя оригинальной земско-областной теории А. Ф. Шапова. Раскрываются основные понятия и положения его концепции. Выявляются его взгляды относительно особенностей становления русского народа, своеобразия его образа жизни, ментальных характеристик. Рассмотрены представления автора о главных фазах исторического развития России и условиях интеллектуального развития русского народа.

Ключевые слова: русский народ, земско-областная теория, умственный склад народа, условия возникновения нации, факторы развития умственной жизни в России.

Андрей Владимирович Брушлинский, доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии наук, профессор, 85-летний юбилей которого отмечается в 2018 г., не только всегда проявлял большой интерес к вопросам истории психологии, но и реально помогал развивать это направление исследований.

Предметом исследования в данной статье являются взгляды А. П. Шапова, касающиеся понимания генезиса и психологии русского народа в контексте истории развития России.

Согласно характеристике отечественных историков, Афанасий Прокофьевич Шапов (1831—1876) был известным русским историком-демократом, непримиримым противником крепостного права, защитником простого русского народа.

Анализ работ А. П. Шапова показал, что в его исследованиях содержится ряд идей, актуальных для современной психологии, кото-

Госзадание лаборатории истории психологии, № 0159-2018-009.

рые должны быть выявлены, осознаны и введены в ее научный оборот.

А. П. Шапов родился в селе Анга Иркутской губернии. Первое духовное образование он получил в семинарии в Иркутске, по окончании которой в 1882 г., благодаря проявленным во время учебы в семинарии большим способностям, он был направлен в Духовную академию в Казани для получения высшего образования. Именно здесь проявился и сформировался его интерес к русской истории.

После окончания академии в 1856 г. Шапов был оставлен в ней для чтения лекций по русской истории, а затем в 1860 г. стал профессором Казанского университета.

В 1861 г. произошли серьезные изменения в судьбе ученого. После выступления на панихиде по расстрелянным крестьянам в Бездне Шапова арестовали и вызвали в Петербург для проведения следствия. Результатом следственных действий было решение о ссылке его в монастырь, которое не вступило в силу лишь благодаря протестам общественности.

В Петербурге Шапов знакомится с деятелями революционно-демократического движения – Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым и др., публикует свои статьи в журналах «Век», «Отечественные записки» и др. За это он вновь подвергается санкциям. На этот раз ему инкриминируется связь с «лондонскими пропагандистами» (А. И. Герценом и др.), и в 1864 г. он высылается на поселение в Сибирь (в Иркутск), где и остается до конца жизни.

Здесь начинаются систематические исследования Шаповым народной жизни и русской истории (прежде всего, истории Сибири). Главным предметом исследований Шапова был *народ*, который представлялся ему «в образе той широкой массы угнетенного крестьянства России, с которым его связывало происхождение, долгие годы жизни, глубокое сочувствие к его страданиям. Жизнь народной массы, ее история были от начала и до конца основным предметом его общественных интересов и исторических воззрений, основным содержанием всех его исторических работ» (Рубинштейн, 1941, с. 379). Но можно заметить, что в его понимании не только одно крестьянство составляло народ. Как пишут некоторые авторы, к крестьянам он относил так же, как и к представителям других низших сословий.

В лекции «Общий взгляд на историю великорусского народа» в Казанском университете Шапов четко сформулировал мысль о народе как *главной силе исторического прогресса*, откуда логически следовал его вывод о том, что изучение народной жизни в ее многовековом развитии должно быть важнейшей задачей исторической науки. «В настоящее время, кажется, уже утвердилось убеждение, что главный фактор в истории есть сам народ, дух народный, творящий исто-

рию, что сущность и содержание истории есть жизнь народная», — писал Шапов (Шапов, 1906а, с. 648).

Шапов утверждал, что народ имеет «естественное право думать и заботиться о своем благе, своих собственных делах, потребностях, интересах» и выражать свою волю в законах; «воля народная — закон»; «общественное право — это сам народ в юридическом уравнивании его разнородных частных прав, сил и элементов» (Шапов, 1926, с. 39, 49).

В отечественной исторической науке А. П. Шапов известен как автор «земско-областной теории» или, как еще ее называют, «историко-социологической концепции». Ее базовые понятия — «народ», «свобода», «территория», конкретизировавшиеся в более широкой совокупности понятий — «колонизация», «областность», «община», «вече», «земские соборы». Совокупность указанных понятий и их содержательное раскрытие было положено в основу и определило структуру его исторической концепции. По оценке Маджарова, «русская история виделась А. П. Шапову как изменяющаяся форма реализации этих ценностей» (Маджаров, 2001, с. 24).

В своей концепции Шапов ставит вопрос об особом социально-культурном и территориальном образовании — «*федерация областей*». Входящие в нее области строятся на своей естественно-исторической основе (география, климат, этнография), предопределяющей «духовно-нравственную» и «материально-бытовую» специфику «областного» строя.

Шапов прослеживает историю становления и развития «областей» как самобытных хозяйственных и культурных образований в рамках русского государства, в основе которой лежало два взаимосвязанных процесса — движение народа «вширь», или колонизация, расширение территории проживания, и движение «вглубь», состоящее в поступательном развитии и преобразовании образа жизни и хозяйственной деятельности народа: переходе от «охотничьего бродячего быта» к занятиям земледелием и формированию «мануфактурно-промышленных или торговых поселений». Следствием этого становилось обретение все большей независимости от условий природно-географической среды, переход на путь социального развития.

Однако исследование областей (земств) не ограничивается у Шапова лишь анализом специфики их хозяйственной жизни, но включает также рассмотрение создателей и творцов материальных и духовных благ — народа во всей полноте его жизненных сил и возможностей. В статье «Естествознание и народная экономия» Шапов писал: «Под земством и земским саморазвитием я разумел все сферы социального развития, всю массу народа со всеми ее эт-

нографическими видоизменениями, всю совокупность сил народных — умственных и физических, все интересы и потребности народные — умственные и экономические. Я защищал инициативу и самостоятельность сил народа в деле его социального саморазвития» (Шапов, 1906б, с. 158).

Соответственно, центральным, базовым принципом земско-областной теории, по А. П. Шапову, выступает свобода, понимаемая им как социальное саморазвитие, управление народа своей жизнью.

Не менее важное значение в определении области Шапов придает территории, выступающей, по его мнению, ее «географической основой».

Становление и развитие областей рассматривается им как основной стержень русской истории и формирования государства. В работе «Великорусские области и смутное время» (1606—1613) Шапов писал: «Русская история, в самой основе своей, есть, по преимуществу, история областей, разнообразных ассоциаций провинциальных масс народа — до централизации и после централизации... С этой точки зрения, даже вся русская история представляет не что иное, как историческое развитие и видоизменение разнообразных областных общин в двух последовательных преемственных формах» (Шапов, 1906а, с. 648—649). К ним относятся «первичная древняя — особенно — областная и вторая историческая форма — соединенно-областная». И далее: «Русская история, основанная на одной идее централизации, исключая идею областности, есть то же, что отрицание существенного, жизненного значения областных общин как разнообразных органов в составе и развитии целого политического организма всего народа» (там же, с. 652).

Говоря о самобытности русского народа, А. П. Шапов отмечает, что она заключается, главным образом, в саморазвитии народных начал, особенно в «интегративной форме областности». Он писал, что как исторический фактор областность — «коренное, непреходящее только внутренне-видоизменяющееся начало народного историко-географического самораспределения и местно-общинного саморазвития» (Шапов, 1906а, с. 650). Она обусловила специфику русской истории «изнутри», через свое происхождение. Эта общественная форма жизни противопоставляется Шаповым государственной централизации, к которой у него было негативное отношение. Но, как отмечают историки, это негативное отношение у него было скорее не к государству вообще, а к несправедливому государству, в котором нарушаются естественно-исторические и духовные принципы развития народа. Коренный принцип теории Шапова — принцип областности — ориентирует исследователей на изучение

особенностей и закономерностей развития того или иного региона, на раскрытие самобытности проживающего в нем народа. Он может быть применен в психологической науке, позволяя выявить специфику и неповторимость психологии народа именно в данном регионе в конкретный исторический период времени.

Исследуя вопрос о становлении русской нации, в работе «Этнографическая организация русского народонаселения», Шапов пишет: «В долговременной и жестокой борьбе за существование выдвинулись только две сильные расы: славяно-русская и монголо-татарская, или тюрко-татарская. И обе в этой борьбе стремились к физиологическому, национальному самосохранению, саморазвитию и самораспространению. Как славянское племя, окрепшее еще в семье индо-германской — в Азии и на Дунае, могущественно претворяло в свою плоть и кровь, в свои областные массы племена финские и отчасти тюрко-монгольские, так и сильное татарское племя, укрепившее, улучшившее свою породу во времена политического могущества, еще и прежде, в Азии, развило, посредством смешения с финскими и тюрко-монгольскими элементами, несколько новых племен... Славяно-русское племя в процессе физиологического видоизменения чуждых племен и в распространении своей народности, одержало, наконец, перевес, хотя и неполный, и над татарским племенем. Три главных, существенных *изменения* (*Abänderungen*) развились в этом племени и, благодаря им, славяно-русская раса, в результате, вышла торжествующею. Первое изменение — это физиологическое развитие славянских племен из отдельных родов путем естественного расположения и борьбы за существование, за родовую самобытность, и естественное расположение, *народждение* племенных *родов* или родовых групп в один, славянский *народ*, распространение народа путем колонизации, *по земле и по воде, по великой и обильной земле русской*, и образование *земства*» (Шапов, 1906ж, с. 371–372). Второе существенное изменение в славянской расе, по мнению Шапова, состояло в том, что она уже значительно смешалась с финскими племенами, колонизуя их земли, распространяя на них свои начала и воспринимая в себя элементы финского образа жизни. Появились смешанные общины. «В этих общинах... сливались в одно органическое целое и элементы славянской расы, и элементы финского племени с преобладанием славяно-русского влияния» (там же, с. 372). В результате, как пишет Шапов, изменился славянский тип. Исчезли уже и то единство, и та чистота, которые были характерны для дунайских и днепровских славян. Этот сложившийся тип заметно «оразнообразивался финским обличем». «В славяно-русском народе, или земстве, явилось чувство своего физиологического пре-

обладания. В смутное время, когда разные нации угрожали порабощением русской народности, великорусские люди энергично заговорили о своем *прирождении*, о своей народности» (там же).

Третье, как пишет Шапов, самое важное изменение в славяно-русском народе представляет «восприятие в народный организм новых, чуждых контингентов — кроме финских и монголо-татарских» (там же). Он имеет в виду культурное влияние византийских, или греко-восточных, и западноевропейских народов, «восприятие западного мозгового или интеллектуального влияния — науки, открытий, искусств и проч.» (там же). Будучи приверженцем, как теперь говорят, европейских ценностей, поклонником Петра и его реформ, Шапов пишет о благоприятном для развития славяно-русской народности общеевропейском интеллектуальном влиянии, результатом чего, по его мнению, стало появление «научно-мыслящего, просвещенного меньшинства», составившего «зародыш, зачаток нового будущего народного поколения, новой народной организации, которая должна наростать из народа...» (там же, с. 373).

Проследившая длительный, многовековой путь развития русского народа и процесс превращения русского народонаселения в нацию, или народ, Шапов, по-видимому, справедливо для своего времени, отмечает, что в целом национально-физиологический тип народа еще не сложился: в его этнографическом составе резко проступают разнообразные и разнородные черты, которые не организовались пока «в одно цельное, стройное» образование. То же относится и к общественной жизни — в народе еще не развилось «сознание своего национального единства и достоинства». Поскольку русская национальная организация еще не сложилась и сознание русского народа не развилось до национального сознания, «то в истории его всегда являлась на первом плане чисто-внешняя, географическая, поземельная или земская связь, а не внутренняя, народная, органическая. Русская история есть больше история земства или, по выражению актов, *земли и земского строения*, чем история социально организованной нации» (Шапов, 1906ж, с. 402).

При рассмотрении историогенеза русского народа Шапов большое внимание уделяет проблеме языка как важнейшей характеристике и фактору формирования менталитета русских, отмечает, что он видоизменялся и пополнялся в процессе и под влиянием слияний славян с другими племенами. В работе «Историко-этнографическая организация русского народонаселения» он пишет: «...с одной стороны, сами русские, смешиваясь с инородческими племенами и невольно осваываясь с их местными представлениями и обычаями, усвоили вместе с тем их слова, выражения и названия. С другой стороны,

инородцы, смешиваясь с русскими, русея и усвоив русский язык, невольно вносили в состав его много своих слов» (там же, с. 477). В итоге происходило обогащение славяно-русского языка: «в течение столетий, мало-помалу, образуются новые областные наречия, все далее и далее уклоняющиеся от древнеславянского языка, все более и более наполняющиеся новыми, разноплеменными лингвистическими контингентами. И национальность русская постоянно организуется, нарастает, тчется новыми этнологическими тканями, распадаясь на областные варианты, различия, и язык русский постоянно творится, видоизменяется, разнообразится, распадаясь на областные наречия и говоры» (там же, с. 480).

Безусловно, основным предметом исследования Щапова является русский народ, к рассмотрению которого он обращается во всех своих работах, анализируя условия его становления, образ жизни, психологические черты, характеризуя его не всегда комплиментарно, но всегда с любовью и искренним сочувствием к его нелегкой доле в условиях господства в России феодально-крепостнических отношений. П. И. Кабанов пишет: «Через все работы Щапова проходит одно неизменное стремление, настойчиво подтверждаемое стремление – найти историческую правду, которая раскрывала бы судьбы и роль трудового народа в прошлом (Кабанов, 1954, с. 60). Он подчеркивает: «Все содержание исторических работ Щапова, даже самая тематика их говорят об исключительном внимании исследователя к проблемам народной жизни в прошлом и связи их с общественно-политическими вопросами тогдашней современности. Он стремился многосторонне раскрыть жизнь русского народа в прошлом: его хозяйственные усилия, труд, быт, борьбу с социальным гнетом, культурные достижения» (там же, с. 72).

Щапов критикует русских историков, в работах которых народ как таковой отсутствовал, где не представлена его история, а была лишь история «царей, государственных деятелей, полководцев». И в этом плане он выступает предшественником аналогичных идей, получивших развитие уже в XX столетии в работах французских историков, представителей «психологизирующей истории» М. Блока, Л. Февра и др.

Щапов глубоко верит в могучие силы народа, в его умственные способности, которые должны проявиться, когда с него будут сняты оковы крепостного права, когда он сможет получить доступ к образованию, станет просвещенным. В работе «Умственные направления русского раскола» Щапов солидарен с теми представителями интеллектуального меньшинства в отношении будущего русского народа, кто считает, что масса, народ – «это свежая, непочатая поч-

ва для цветущего развития, вечный родник новых, свежих, самостоятельных сил национального прогресса, источник своеобразных коренных начал и основ самобытной, национальной гражданственности» (Щапов, 1906з, с. 580). Он дает высокую оценку русскому народу как «кормильцу России», главной производительной силе общества, трудом которого, по существу, обеспечивается материальная жизнь привилегированных сословий, подчеркивает его особую роль в созидании материальных основ общественной жизни России. Народ, по Щапову, таит в себе огромные потенциальные возможности, доказательством чему служили примеры, когда в невыносимых жизненных и социальных условиях в России все-таки появлялись «выдающиеся мыслители, корифеи науки, талантливые изобретатели». В работе «Исторические условия интеллектуального развития в России» он пишет, что русский народ «целые века занимался исключительно промыслом и разведыванием своей обширной земли. Эта неустанная и напряженная работа развила в нем энергию и ум. Несмотря на большую примесь многих невыгодных восточноазиатских умственных качеств в интеллектуальном складе русского народа, — вековая работа —...вырабатывала в нашем простом, рабочем народе весьма счастливый склад умственных способностей» (Щапов, 1906г, с. 558). Такая работа развила его энергию, практический и деловой ум как важнейшие качества русского человека. Далее он отмечает, что, несмотря на бедность и отсутствие научного образования, в том числе экономического, русский народ «сумел поставить себя в материальном положении, по крайней мере в XVII веке, нисколько не ниже, а даже выше многих европейских низших классов» (там же, с. 558–559).

В доказательство этой мысли он приводит высказывания Ю. Крыжанича, который дает сравнительную оценку материального положения русских с низшими классами в Европе, завершая ее собственным выводом: «И действительно, вековое практическое упражнение и преобладание в народе промысловых инстинктов развило в нем особенный практический ум, умение наживать, среди не совсем благоприятной физической и политической среды, даже при отсутствии рациональных экономических начал» (там же, с. 559).

Щапов ссылается также на оценку Олеарием умственных способностей русского народа: «Что касается до умственного развития русских и его направления, то они с удивительною сметливостью соединяют необыкновенную хитрость... Сметливость и хитрость русских особенно проявляется в торговле, в которой они очень хорошо понимают, как что повыгоднее купить и продать. Потому для ведения торговых дел требуется у них большого ума и благоразумия;

без этих способностей лучше не приниматься за них... Купцы и ремесленники наживают деньги для пропитания единственно своими работами. Ремесленники обыкновенно добывают себе пропитание и чарку водки трудами рук своих и вместе с тем кормят свои семейства. Все они вообще прилежны, верны и скоро перенимают все, что ни увидят у немецких ремесленников: в несколько лет они переняли от них много такого, чего раньше совсем не знали и не слышали» (цит. по: Шапов, 1906г, с. 560).

Указанная оценка дополняется мнением Манштейна, утверждавшего, что в простом русском народе больше разума и рассудка, нежели в европейских низших классах, и лестно отзывавшегося о природных дарованиях русского народа (там же). Особый интерес представляет портрет русского человека, данный западными путешественниками в работе «Историко-этнографическая организация русского народонаселения», который приводится А. П. Шаповым. Петрий писал: «Еще древние западные путешественники единолично отзывались о высокорослой, стройной, и крепкой конструкции русского народа... Русские все вообще люди рослые, сильные, дюжие...». У Олеария видим похожую характеристику: «У русских все мужчины вообще высокого роста, полны и крепкого сложения; цветом кожи сходны с прочими европейцами... Женщины русские вообще среднего роста, стройны, нежного телосложения, красивы... Русские — народ сильный и здоровый, способный легко переносить и холод, и жар»; Шапп также в оценке внешнего облика русских людей пришел к подобной характеристике: «Сибиряки рослы, плотны и статны... женщины красивы, белотелы, с приятной физиономией, с черными глазами» (цит. по: Шапов, 1906д, с. 414–415).

Мысль о способностях русского народа развивается Шаповым в работе «Общий взгляд на историю интеллектуального развития в России». «Умственное развитие русского народа до настоящего времени представляет две главные фазы, — пишет Шапов. — Первая фаза, или первый физико-этнологический период, характеризующийся вследствие смешения славяно-русского племени с разнообразными восточными племенами, представляет тысячелетнее физико-этнологическое развитие непосредственно-натурального, умственного склада русского народа, под непосредственным влиянием физических и этнологических условий. Этот этнический период зарождения из разнообразных племен одной нации есть, таким образом, вместе и этнический период зарождения и склада из разноплеменных умственных типов и мирозерцаний одного смешанного умственного типа и мирозерцания» (Шапов, 1906е, с. 481). В этот период умственная жизнь русского народа проявлялась в основном в посто-

янной борьбе с жестокими непосредственными природными силами, и потому могли развиваться преимущественно низшие познавательные способности. О развитии других способностей, например, «о высшей, теоретической мыслительности» говорить применительно к этому периоду не приходится. Этот первый период продолжался особенно долго и породил у народа состояние умственного застоя.

Второй период развития, по Шапову, выражает собой «научно-рациональный, европейский период умственного развития русского народа представляет зачаток или зародыш и постепенное развитие и нарастание нового европейского интеллектуального типа под возбуждательным влиянием гения Петра Великого и руководящего интеллектуального импульса передовых, западноевропейских наций» (там же, с. 481—482). В это время в массе народной зарождается «мыслящее меньшинство», в котором в течение нескольких поколений формируется «европейско-научно-рационально-развитая умственная отрасль или порода», зреет самобытная мысль и стремление к интеллектуальному саморазвитию на широкой и самой плодотворной почве «общечеловеческого мышления, разума и науки» (там же, с. 482).

Исходя из анализа взглядов А. П. Шапова, становится очевидным, что историю умственного развития русского народа он рассматривает в ее обусловленности тремя важнейшими факторами, к которым относит: во-первых, непосредственное действие физических и этнологических условий; во-вторых, «умственно-преобразовательный или обновительный и просветительный импульс гения, как эмбриологический зачаток новых умственных сил и качеств, как сила, производящая новые выгодные изменения и направления в умственной природе и истории народов, — и, наконец, умственно-руководительный импульс или интеллектуальное воздействие и влияние передовых народов» (там же). Западная мысль, по Шапову, уже шла вперед по пути прогресса, а в России до Петра Первого и даже до основания университетов «вовсе не было научного интеллектуального развития... господствовал один грубый, непосредственно натуральный чувственный эмпиризм, нисколько не основанный на мышлении, синтезе и сравнительном методе познания. И потому невозможны были никакие научные теории и общения» (там же, с. 491).

В работе «Исторические условия интеллектуального развития в России» Шапов отмечает, что климат и природа русской земли обусловили главным образом создание и умножение рабочего, промышленного народа, а не интеллектуального класса (Шапов, 1906г, с. 520). К этому он добавляет следующие условия, оказавшие влия-

ние на умственное развитие русского народа: вековое преобладание рабочей мускулярной силы над умственной; самоотчуждение народа от интеллектуальных потребностей и интересов во имя практических интересов и потребностей вследствие постоянного гнета бедности и борьбы за материальное существование; развитие крепостного права и раскола, которые еще дальше отодвинули народ от умственного развития и ослабили в нем это стремление; развитие в рабочем народе натурально-реалистического умонастроения; развитие умственной способности народа к сенсуальной восприимчивости, к легкому и быстрому схватыванию и усвоению наглядных образцов; подчинение сил народа непосредственным физическим условиям работы и др. (там же, с. 520—521).

В ограничении «сферы умственной деятельности, в стеснении юной русской мысли, и потом в крайней материальной необеспеченности умственного труда» Шапов видит первую причину медленного и слабого развития в России «высшего интеллектуального класса» (там же, с. 548). Простой, рабочий народ был устранен от европейского просвещения, не мог получить доступ к высшему образованию; «заваленный одной черной работой, да налогами и повинностями на потребности государственных реформ, замкнутый в темную и безвыходную сферу труда», народ не имел возможности участвовать в высшем интеллектуальном развитии», что, несомненно, лишало саму умственную жизнь России «притока новых, свежих и здоровых сил» (там же, с. 549). В работе «Общий взгляд на историю интеллектуального развития в России» другую причину умственного отставания русского народа он усматривает в «в восточно-этнологическом складе восточного умственного типа русского народа» (Шапов, 1906е, с. 494). «Вследствие первоначальной, более или менее продолжительной и упорной борьбы славяно-русского племени с восточными племенами финскими, татарскими и монгольскими, за национально-физиологическое господство и преобладание, — пишет Шапов, — в нем, прежде всего, развивались восточные воинственные способности и занятия, в ущерб интеллектуальным, и преобладали над умственной деятельностью» (там же, с. 494—495). Этот фактор также препятствовал интеллектуальному развитию России, ее «сближению и слиянию с передовыми, западноевропейскими нациями» (там же, с. 495). В связи с этим, по мнению Шапова, требуется новый импульс, толчок для того чтобы преодолеть, «пересоздать этот восточный умственный склад русского народа, установившийся, закосневший веками» (там же, с. 504).

В работе «Историко-этнографическая организация русского народонаселения» к числу психологических характеристик русского

народа Шапов относит якобы присущие ему нетерпимость и антагонизм по отношению к другим нациям: «В русском народе давно развилась и всегда грубо проявлялась восточная, племенная нетерпимость и антагонизм к чуждым национальностям, на что постоянно указывали писатели, начиная с Петрея, Олеария до Ермана и других. Не говорим уже о том, например, что у нас малоросс называл великоруса с каким-то зло-ироническим антагонизмом „москалем“, а этот последний его, в свою очередь, — „хохлому“; или сибиряк, русский же по происхождению, по вере, по всему, тоже с какою-то внутреннею неприязненностью называет русского переселенца „россейским“, а поселенца ссыльного „варнаком“. Мало того, что у нас жители одной губернии смотрят на жителей другой губернии, как на „чужестранцев“, и называют их „чужестранцами“, но еще обзывают одни других разными бранными или ироническими присловьями, которые для развитого и просвещенного национального чувства должны бы быть оскорбительны. Эта дикость русской национальности составляет не последнюю причину многих уродливостей в нашем общественном складе и развитии, например, недостатка у нас общественного мнения, невозможности общественной инициативы, странности народных симпатий и антипатий, понятий, обычаев и нравов, и проч. Славянофильство напрасно идеализирует единство и цельность русской народности, русского духа» (Шапов, 1906д, с. 402). Трудно согласиться с этим спорным утверждением Шапова, ибо вся история России как раз представляет собой уникальный пример мирного сосуществования в рамках огромного многонационального государства различных этнических групп, отсутствия притеснения в развитии их культур и религий. Известно, что русский народ всегда славился своей толерантностью в восприятии обычаев и традиций других народов и, принимая их «в свою семью», помогал им преодолевать различные трудности, способствовал их развитию.

Опираясь на различные источники, в том числе свидетельства «наблюдательных путешественников», оценки ученых, например Костомарова, Шапов выделяет также и такие присущие русским людям негативные черты, как «восточная лень», вялость, сонливость, неподвижность, «восточный умственный покой и застой», преобладание «восточного суеверного страха перед явлениями природы». Он решительно выступает против суеверий, которые были распространены в русском народе. В статье «Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия», он пишет, что «со времени великого открытия Коперника и реально-эмпирической философии Бэкона умственная жизнь человечества в сфере природы, или естественное человеческое самосознание, начинает озаряться совершенно новым,

разумно-сознательным, опытно-научным мирозерцанием. Вместо религии природы, суеверий супранатурализма и теологико-схоластической метафизики начинают просвечивать для человечества всеозаряющая и всеживотворящая, как солнце, истина природы, разум натурализма, рационализм опытного естествознания» (Шапов, 1906в, с. 88). На этом фоне особенно печальным представляется ему приверженность народных масс к обыденным, ненаучным взглядам и представлениям: «Деревенский мужик наш, а также и необразованный купец и мещанин, сколько умен, находчив, хитер ловко изворотлив в практике житейской, особенно в практике мирской, закрепленной вековым смыслом и опытом народным, — столько же, к прискорбью, близорук, невежественен и суеверен в мирозерцании, — в чем, впрочем, вовсе не он один виноват» (там же, с. 97).

Свое несогласие А. П. Шапов высказывает и с позицией славянофилов, идеализирующих, по его мнению, единство и цельность русской народности и русского духа. Как он считает, это не объективная оценка русского народа; ее еще надо заслужить.

В заключение уместно сослаться на оценку места Шапова в истории общественной мысли России, утвердившуюся в современном научном сообществе, согласно которой он рассматривается как «мыслитель, создавший оригинальную историко-социологическую концепцию, в основе которой лежала мысль о народе как главной силе общественного развития, о необходимости переустройства общественной жизни на основе федеративно-областной организации и земского «народосоветия». Историк-демократ, он не только указал на бедственное положение народных масс, но и страстно искал пути уничтожения социального неравенства и угнетения» (История философии в СССР, 1968, с. 215).

Литература

История философии в СССР. Т. 3. М., 1968.

Кабанов П. И. Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Шапова. М., 1954.

Маджаров А. С. Предисловие. Земско-областная теория А. П. Шапова // А. П. Шапов. Избранное. Иркутск, 2001.

Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941.

Русская философия. Энциклопедия. М., 2007.

Шапов А. П. Великорусские области и смутное время (1606–1613). Соч. Т. 1. СПб., 1906а. С. 648–709.

Шапов А. П. Естествознание и народная экономия. Соч. Т. 2. СПб., 1906б. С. 154–173.

- Щапов А. П.* Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия (православного и старообрядческого). Соч. Т. 1. СПб., 1906в. С. 47–172.
- Щапов А. П.* Исторические условия интеллектуального развития в России. Соч. Т. 2. СПб., 1906г. С. 505–620.
- Щапов А. П.* Историко-этнографическая организация русского народонаселения. Соч. Т. 2. СПб., 1906д. С. 398–480.
- Щапов А. П.* Общий взгляд на историю интеллектуального развития в России. Соч. Т. 2. СПб., 1906е. С. 481–504.
- Щапов А. П.* Этнографическая организация русского народонаселения. Соч. Т. 2. СПб., 1906ж. С. 365–397.
- Щапов А. П.* Умственные направления русского раскола. Соч. Т. 1. СПб., 1906з. С. 580–647.
- Щапов А. П.* Неизданные сочинения. Казань, 1926.

On formation and characteristic of russian people in works of A. P. Shchapov

T. I. Artemyeva (Moscow)

Candidate of Psychology, Institute of Psychology RAS

The propositions of the well-known Russian historian, ethnographer, economist and philosopher of the latest 19–early 20th centuries, the creator of original theory A. F. Shchapov are analyzed. The main concepts and provisions of his concept are revealed. His views on the peculiarities of Russian people, on specific character of its way of life, mental characteristics are also revealed. The author's views on the main phases of Russia's historical development and the conditions for the intellectual development of the Russian people are considered.

Keywords: Russian people, “zemstvo-regional” theory, people's mental warehouse, conditions for the emergence of nation, development of intellectual life in Russia.

Социально-психологические факторы становления и развития русского купечества

Т. И. Артемьева, В. А. Кольцова** (Москва)*

** кандидат психологических наук, Институт психологии РАН
** доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН;
e-mail: fotus@mail.ru*

Рассмотрены история и социально-психологические факторы становления и развития русского купечества, особенности его предпринимательской деятельности. Обоснована роль купцов как активного предприимчивого слоя общества, провозвестников зарождающихся в недрах феодализма капиталистических отношений. С опорой на исторические источники выделены психологические черты типичных представителей русского купечества.

Ключевые слова: русское купечество, социально-психологические факторы становления и развития русского купечества, предпринимательская деятельность, психологические черты типичных представителей русского купечества.

Постановка проблемы

Центральное место в трудах А. В. Брушлинского последнего периода его творческой деятельности занимала проблема субъекта. Развивая идеи С. Л. Рубинштейна, выдвинутый и разработанный им субъектно-деятельностный подход в психологии, он с системных позиций исследовал феномен субъекта как целостное образование, интегрирующее в себе все структурные уровни человека – биологический, психологический, социальный, духовный. От рассмотрения природы и сущности субъекта, его свойств и проявлений, А. В. Брушлинский далее перешел к обоснованию принципа субъек-

Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 18-013-01075 «История становления предпринимательства в России».

екта, расширив и углубив тем самым методологические основания современной психологии.

Представляет интерес идея А. В. Брушлинского о том, что субъектом может выступать не только человек, но и социальные общности разного уровня — группы, общество в целом.

В качестве основных свойств субъектности в работах К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинского выделяются активность, инициативность, ответственность, способность к творческому решению задач и разрешению возникающих противоречий.

Указанные положения использовались нами как исходные методологические основания в исследовании социально-психологических факторов генезиса и развития русского купечества как особого социального сословия, субъектов инновационного развития в условиях общественного строя России XVIII—начала XX в.

Становление и развитие купечества в России: историческая справка

Купечество представляло собой третье — после дворянства и духовенства — сословие в России в XVIII—начале XX в. Исходно его основной сферой деятельности выступала торговля. Так, русские уже в Древней Руси осуществляли торговлю как на территории своей страны, так и в сопредельных с Россией государствах. По Днепру, являющемуся «питательной артерией народного хозяйства», они связывались с другими странами, втягиваясь «в сложное торговое движение, которое шло тогда в юго-восточном углу Европы» (Ключевский, 1993, с. 87). Главными статьями русского вывоза являлись лесные богатства — пушнина, воск, мед лесных пчел.

Известны даже случаи посещения русскими купцами и далеко расположенных от России стран. Наиболее ярким примером является путешествие тверского купца и писателя XV века Афанасия Никитина «За три моря» — в далекую Индию.

Соответственно, в Древней Руси для обозначения купечества использовались два термина: «купец» — житель города, занимающийся торговлей, и «гость», представитель торгового слоя общества, осуществляющий торговые операции в других странах. Позже, в XIII в., было введено объединяющее эти определения понятие «торговец».

В XVI в. купцы вместе с ремесленниками составили сословие посадских людей. Пополнение рядов купечества происходило за счет включения в его состав выходцев из мещан (посадских людей) и «торгующих крестьян».

Постепенно происходило проникновение купечества в сферы промышленного и сельскохозяйственного производства. Возрастание роли купечества в хозяйственной жизни страны привело к его выделению в XVIII в. в отдельное сословие. Были учреждены три купеческие гильдии, принадлежность к каждой из которых определялась размером капитала купца. В 1775 г. произошло законодательное оформление привилегированного гильдейского купечества, включающего промышленников, крупных и средних купцов, представителей банковского и ростовщического капитала.

«Жалованная грамота городам» 1785 г. закрепила права и привилегии купечества: освобождение от телесных наказаний, податей, рекрутской повинности (для части купцов), возможность беспрепятственного передвижения по стране и осуществления зарубежных поездок, получение за успешную деятельность статуса Почетного гражданства.

В конце XIX в. гильдейское купечество испытывает все более сильную конкуренцию со стороны торгово-промысловых крестьян. Купеческое сословие в это время утрачивает свой замкнутый характер: в него вливаются представители других сословий, как низших — мещане, крестьяне, ремесленники, так и высших — дворяне, чиновники (Волков, 2018). В торговле участвовал и царский двор. Так, Московские государи в XVI—XVII вв. отдавали предпочтение среди ввозимых товаров золоту, серебру, драгоценным камням и сделанным из них украшениям, посуде, и вывозили различные товары, «не пренебрегая ничем, так что продавали мякину и солому». Михалон отмечал, что на царских пирах «подаются большие кубки, золотые и серебряные, называемые *соломенными*, т. е. сделанные на деньги, вырученные от продажи соломы» (цит. по: Ключевский, 1918, с. 165). Позже в Россию начали ввозиться произведения европейского и восточного художественного творчества, пополняющие коллекции живописи и прикладного искусства, хранящиеся в Эрмитаже и царских дворцах.

Следует отметить, что внешняя торговля являлась важным источником пополнения казны: кроме традиционных вывозимых из России товаров (лен, пенька, мед, воск, продукты сельского хозяйства и т. д.) государство получало большой доход от продажи пушнины и икры. «Казна и сама была главным купцом в Московском государстве; кроме продажи произведений, поступавших в нее государственным порядком, она совершала и другие выгодные обороты, скупая и перепродавая с большими барышами внутренние и привозные товары» (там же, с. 169).

За особые заслуги перед обществом (успешную предпринимательскую деятельность, благотворительность) наиболее именитые купцы удостоивались дворянских титулов.

В условиях феодальной России купечество составляло социальную группу активных предприимчивых, пассионарных людей, провозвестников зарождающихся в недрах феодализма капиталистических отношений. Вырастающие на русской почве, вышедшие из народных масс благодаря собственному труду, находчивости, инициативности, активности, стремлению к достижению поставленной цели и готовности для этого к риску, купцы, в отличие от дворянства, были заинтересованы не в консервации и сохранении существующего социально-экономического строя, а в прогрессивном, поступательном развитии страны. Купечество стало основой формирования промышленной, торговой и финансовой буржуазии.

В основной своей массе купцы связывали собственную успешность с процветанием России, укреплением ее экономического и культурного уровня, геополитического положения. Подтверждением этого является широкомасштабная благотворительная деятельность, реализуемая лучшими представителями купечества.

Социально-психологические условия становления и развития русского купечества

Каковы же социально-психологические условия становления и развития предпринимательской торгово-промышленной деятельности русского купечества?

Одним из первых к анализу положения купечества в России обратился известный историк, предприниматель и государственный деятель Василий Никитович Татищев (1686—1750), который дал в своих работах блистательный анализ разных сторон жизни русских людей, отразил их ментальные характеристики.

Татищев входил в «ученую дружину» Петра I и был признан его современниками одним из образованнейших людей своего времени. Круг его интересов был чрезвычайно широк — от археологии, сельского хозяйства, горного дела до философских вопросов познания. В образовании он видел важнейший фактор укрепления мощи России, утверждал, что ум — «источник всех деяний человеческих». Высоко оценивая профессиональное образование, Татищев при этом справедливо отмечал, что специальное образование должно базироваться на общем.

В российскую историю Татищев вошел и как видный государственный деятель. В 1734 г. Татищев был направлен на Урал «для раз-

множения заводов», затем последовало его назначение главным начальником заводов в Сибири и Перми. Перед ним поставлена задача создания заводов и налаживания их работы.

В годы правления Бирона Татищев подвергся опале: был отстранен от работы в связи с обвинением в финансовых нарушениях и взятках. После воцарения Елизаветы Петровны его знания и опыт вновь оказались востребованными. Ему была предложена работа в комиссии по Калмыкии и пост губернатора Астрахани.

В работах Татищева «Представление о купечестве и ремеслах», «Краткие экономические до деревни следующие записки» и др. обсуждаются вопросы развития государства, предлагаются меры по повышению экономического уровня страны, эффективности предпринимательской деятельности.

Большие надежды Татищев возлагал на русское купечество, определяя его как активный, деятельный слой общества, обеспечивающий экономическое процветание государства: «...все доходы государственные, какого б оные звания ни были, единственно от купечества происходят... сколько порядочное купечество областям богатств, силы и славы умножает» (Татищев, 1979, с. 392). В связи с этим отмечается, что в России «давно о пользе купечества русского прилежали»; цари ценили его и старались способствовать развитию торговли.

В целях обеспечения успешного развития торговли Татищев предлагает упорядочить ярмарочный торг, ввести кредиты для купечества, усовершенствовать таможенную службу, а также решительно искоренять обман, воровство, подлоги, взяточничество и казнокрадство.

Требуется улучшения и внешняя торговля, которая пришла в большой беспорядок из-за нерационального использования «пристаней морских» и других хозяйственных недоработок.

Серьезной проблемой, согласно Татищеву, является низкое качество продукции, приобретаемой купцами для реализации у ремесленников, что обусловлено стремлением производителей получить больше выгоды при меньших вложениях средств в производимый товар*: «...ремесленники, не видя никакого о себе учреждения, вместо надлежасчей от них пользы вредными являются, ибо все их рукоделия прилежат токмо как бы дешевле сделать и, тайно в работе своровав, купца обмануть и в убыток ввести, как то часто случается видеть, что под сапоги и башмаки меж подошв для показания жестокости береста, в шеры меж ремнями лоскутья мелкие и лыка зашивают, серебряники и золотари прибавкою меди и мышьяка портят,

* Здесь и далее орфография источника сохранена.

каретники и столяры из сырого леса делают и мездриным клеем клеят, железо кладут самое бездельное, так что, купя иногда корету или стол, до двора не доведши, принужден починить, а смотрения и за такое воровство наказания нет» (там же). Речь идет не об отдельных случаях обмана, а об устойчивой тенденции, укоренившейся в хозяйственной жизни страны. Как пишет Татищев, «и единым словом сказать, нет ни одного ремесла или рукоделия, которое у нас делается и в редах продается, чтоб какого коварства и обману не было, что не токмо стыд, но государственный убыток, что мы весчи каких со избытком дома иметь можем, принуждены с убытком и усчербом наших ремесленников из других государств купить» (там же, с. 397).

Для исправления негативных явлений в предпринимательской деятельности необходимо, по мнению Татищева, организовать надлежащий контроль над качеством продукции: «...в знатных купецких городех определить меклеров, однако жоных, кроме приморских, нигде не определено и законов им не предписано; чрез что многие плутовства и вредительные обманы видим, например, в Москве неможно вина цельного сыскать, которое они, перепортя, продают и многим незнающим тяжкие болезни наносят... Какое великое множество чаю привозят, но все гнилой и негодной, и едва можно чрез друга или из казны хорошого сыскать» (там же).

Читая эти строки сегодня, отчетливо осознаешь «переключку времен» — проблемы, которые препятствовали экономическому росту России во времена Татищева остаются столь же актуальными и сегодня, и так же по прошествии более двух с половиной веков тормозят ее развитие.

Недовольство русского купечества вызывало предоставление правительством льгот при осуществлении торговли в России иностранным торговым компаниям. Действуя с помощью льгот, полученных благодаря лоббированию их интересов, английские купцы «давили русских торговых людей; последние чувствовали свое бессилие пред богатыми и ловкими английскими купцами, которые действовали соединенными силами, систематически; русские торговые люди не могли стянуть с ними и ненавидели их за их привилегированное положение в России**» (Ключевский, 1918, с. 289).

Разорительными для купцов являются также существующие в стране откупы и подряды. «Ничим так наше купечество разоряется, как откупами и подрядами», — пишет Татищев.

* Тягаться, конкурировать.

** Торговые льготы для английских купцов на внутреннем рынке России были отменены в 1649 г.

При этом подчеркивается, что невыполнение фискальных обязательств зависит, как «от беспутства самих купцов», так и «от судей и приказных служителей». Говоря о «беспутстве купцов», Татишев выделяет следующие моменты: «1) первое, подряжаясь тайно других, чтоб от торгу отстали, купить; 2) второе, порук також дачами притягивают; 3) прежде, нежели подряд или откуп исправил, затевают из прибыли дома и церкви строить, судей и подъячих потчивая, пиры богатые строят, платья на себя и жен не по пристойности богатое делают, чтоб, видя их наружно богатых, более верили им, на что иногда с великим ростом по 20 и 30 на сто деньги занимают и тем себя и порук разоряют, чего магистраты не надзирают... который купец будет со шляхеством или приказными водиться, с ними пировать и веселиться, то уже, конечно, вскоре банкротом будет...» (Татишев, 1979, с. 398–399).

Таким образом, расшифровывая свое представление о «беспутстве купцов», Татишев отмечает такие негативные проявления купеческих нравов, как хитрость и обман в ведении бизнеса, непродуманные траты полученных доходов в ущерб выполнения налоговых обязательств, стремление к приобретению роскошных предметов обихода (одежды) для внешней демонстрации своего богатства (как говорили в русском народе, желание «пустить пыль в глаза»), склонность к кутежам, застолям, разгульному времяпровождению, подкуп судей и чиновничества.

Психологические характеристики русского купечества

Для купцов как выходцев из народных масс были характерны основные черты русского национального характера, одни из которых способствовали успешности их предпринимательской деятельности, другие — препятствовали ее осуществлению.

Так, купцов отличала такая черта, как сметка, присущая русскому народу в целом и проявляющаяся в деловой сфере в быстром и интуитивном нахождении правильного решения в тех или иных жизненных ситуациях. Характеризуя эту черту характера русского народа, действительный тайный советник, сенатор, писатель князь Николай Григорьевич Вяземский (1769—1846) писал: «Русская сметка слывет отличительной народной чертой, но она не является следствием сознательной логической работы ума, — готовое решение сразу является в мыслях русского, часто поразительно меткое, т. е., иными словами, в нем развита поразительно подсознательность» (Вяземский, 1909, с. 38).

Сметка проявляется и в гибкости мысли, умении находить «обходные пути», оптимальные способы разрешения возникающих

проблем. На это указывает известный русский историк, заслуженный профессор Московского университета, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук, председатель Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, тайный советник Василий Осипович Ключевский (1841–1911). «Природа и судьба, – пишет он, – вели великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее великорусского проселка? Точно змея проползла. А попробуйте пройти прямее: только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу» (Ключевский, 1993, с. 74).

В немалой степени способствовала купеческому бизнесу и такая черта русского народа, как «бывалость», выразительно описанная известным белорусским историком, политическим публицистом и издателем Михаилом Осиповичем Кояловичем (1828–1891): «Исторический хозяин большой земли, русский человек любит передвигаться, видеть многие свои страны, и этим путем вырабатывает в себе особого рода просвещение и житейскую мудрость, что так прекрасно обозначается русскими словами „бывалость“, „бывалый человек“» (Коялович, 1883, с. 77).

Он же выделяет такие черты русских, важные для организации продуктивных деловых отношений, как «спокойное самообладание и умение найтись», «гражданскую и религиозную гуманность». Последнее, как нам представляется, выступает основой толерантного отношения к другим людям, представителям разных этносов и культур. Коялович пишет: «Видя в своем отечестве многие, весьма различные этнографические группы, попадая часто в такое положение, что и сам на краю гибели получает неожиданную помощь от чужих людей, и подает ее по человечеству и другим совершенно неизвестным людям, русский человек вырабатывает в себе прекрасную особенность – гражданскую и религиозную гуманность, или, по-русски, – человечность» (там же).

Серьезное влияние на деятельность и психологию купечества оказывали глубокая религиозность как корневая черта русского менталитета и духовные идеалы российского общества, задаваемые христианской православной культурой, в которой богатство рассматривалось не как ценность и способ получения удовольствий, а, прежде всего, как возможность делать добро, служить людям (Кольцова, Федоркова, 2000, 2011; Федоркова, 2000). Согласно Н. А. Бердяеву, «русский буржуа, наживаясь и обогащаясь, всегда чувствует себя немного грешным» (Бердяев, 1990, с. 24). Этим определялась огромная благотворительная деятельность, осуществляемая лучшими пред-

ставителями купеческого сословия. О ее масштабах пишет известный русский купец, меценат В. Рябушинский, отмечая, что между именитыми родами шло соперничество в том, «кто больше для народа сделает» (цит. по: Гавлин, 1996).

Представляют интерес отзывы иностранцев о русских купцах. Ими отмечается существенное различие в нравах купцов разных русских городов. Так, по словам С. Ф. Герберштейна, новгородцы и псковитяне «отличались прежде обходительностью, торговые дела вели добросовестно, без хитрости и обмана; но со времени поселения между ними москвитян нравы в Пскове, как и в Новгороде, изменились к худшему» (цит. по: Ключевский, 1918, с. 243). Совершенно иная характеристика дается купцам других русских городов, прежде всего Москвы. «Они, — пишет Герберштейн, — ведут торговлю с величайшим лукавством и обманом. Покупая иностранные товары, они всегда понижают цену их наполовину, и этим поставляют иностранных купцов в затруднение и недоумение, а некоторых доводят до отчаяния; но кто, зная их обычаи и любовь к проволочке, не теряет присутствия духа и умеет выждать время, тот сбывает свой товар без убытка. Иностранцам они все продают дороже... Если при сделке неосторожно обмолвишься, обещаешь что-нибудь, они в точности припомнят это и настойчиво будут требовать исполнения обещания, а сами очень редко исполняют то, что обещают. Если они начнут клясться и божиться, — знай, что здесь скрывается обман, ибо они клянутся с целью обмануть.... Есть у них обычаи ставить себя посредниками между продавцом и покупателем и, взяв подарки особо и с той, и с другой стороны, обеим обещать свое верное содействие» (там же, с. 299—300).

По свидетельству А. Олеария, «московские купцы высоко ставили в купце ловкость и изворотливость, говоря, что это — дар Божий, без которого не следует и приниматься за торговлю. Один голландский купец, самым грубым образом обманувший многих из московских торговых людей, приобрел между ними такое уважение за свое искусство, что они, нисколько не обижаясь, просили его принять к себе в товарищи в надежде поучиться его искусству» (там же, с. 301).

Возникает вопрос о том, насколько объективными и непредвзятыми являются эти свидетельства: во-первых, их авторы пишут о своих конкурентах, с которыми велась жесткая борьба за рынки сбыта товаров; во-вторых, предъявляемые русским купцам обвинения касаются деяний, не выходящих за рамки естественных для сферы торговли отношений, ориентированных на получение прибыли, и уж явно менее тяжких, чем использование полученных путем подкупа должностных лиц преференций в осуществлении торгов-

ли в России иностранными купцами. Здесь речь идет уже о заведомо недобросовестной конкуренции.

Конечно, отечественное купечество нельзя рисовать одной краской, ибо оно несло в себе те глубокие противоречия национального характера, о которых писали многие исследователи русского народа. Так, согласно Николаю Онуфриевичу Лосскому, мыслителю, представителю *русской религиозной философии*, одному из основателей направления *интуитивизма в философии* (1870–1965), «страстность и могучую силу воли можно считать принадлежащими к числу основных свойств русского народа. Но в русском народе встречается и „обломовщина“, та ленность и пассивность, которая превосходно изображена в романе Гончарова „Обломов“. Русскому человеку свойственно стремление к абсолютно совершенному царству бытия и вместе с тем чрезмерная чуткость ко всяким недочетам своей и чужой деятельности. Отсюда часто возникает охлаждение к начатому делу и отвращение к продолжению его; замысел и общий набросок его часто бывает очень ценен, но неполнота его и потому неизбежные несовершенства отталкивают русского человека, и он ленится продолжать отделку мелочей» (Лосский, 1857, с. 89). В русском национальном характере совмещаются нацеленность на приобретение необходимых средств существования и «презрение к мещанству... именно презрение к буржуазной сосредоточенности на собственности, на земных благах, на том, чтобы „жить как все“, иметь хорошую обстановку, платье, квартиру» (там же).

Согласно В. О. Ключевскому, необыкновенная работоспособность русского человека уживается с неумением и нежеланием трудиться систематически.

Доброта и отзывчивость русских людей сочетаются с проявлениями жестокости; опора на собственные силы – с надеждой «на авось».

«Печально то, – пишет Н. О. Лосский, – что иногда весьма противоположные свойства, добрые и дурные, совмещаются в одном и том же русском человеке» (там же).

Литература

- Бердяев Н. А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990.
- Волков М. Я.* Купечество в России.
- Вяземский Н. В.* Восточные славяне. Русские. Сербы и болгары. СПб., 1909.
- Гавлин М.* Российские Медичи. Портреты предпринимателей. М., 1996.

- Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о московском государстве. Пг., 1918.
- Ключевский В. О.* Российская история: Полный курс лекций. Лекция VIII. М., 1993.
- Кольцова В. А., Федоркова И. Р.* Социально-психологический портрет московского купечества конца XIX—начала XX веков // Проблемы субъекта в психологической науке. М., 2000.
- Кольцова В. А., Федоркова И. Р.* Деятельность Московского купеческого общества как модель социально и духовно ориентированной предпринимательской культуры // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 2. М., 2011. С. 598—612.
- Коялович М. И.* История живучести русского народа и его культурные особенности. СПб., 1883.
- Лосский Н. О.* Характер русского народа. Париж, 1957.
- Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979.
- Татищев В. Н.* Научное наследство. Т. 14 «Записки, письма 1717—1750». М., 1990.
- Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. СПб., 2003.
- Федоркова И. Р.* Психолого-историческая реконструкция Московского купеческого общества как субъекта предпринимательской активности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.

Socio-psychological factors of formation and development of the russian merchants

*T. I. Artemeva**, *V. A. Koltsova*** (Moscow)

* Candidate of Psychology, Institute of Psychology RAS

** Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS

The article describes the history and socio-psychological factors of the formation and development of the Russian merchants, especially its entrepreneurial activity. The role of merchants as an active enterprising layer of society, harbingers of capitalist relations arising in the depths of feudalism is substantiated. The psychological features of typical representatives of the Russian merchants are highlighted on the basis of historical sources.

Keywords: Russian merchants, socio-psychological factors of formation and development of Russian merchants, entrepreneurial activity, psychological traits typical representatives of Russian merchants.

Духовные характеристики русского народа: факторы формирования и проявления в бытовой жизни

В. А. Кольцова, Е. Г. Синякина** (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН;
e-mail: fotus@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: k.sinyakina@mail.ru*

В статье рассматриваются духовные качества русского народа, сформировавшиеся в его многовековой истории и определяющие своеобразие его менталитета — готовность помочь, поддержать других, поделиться с ними своим насущным, доброта, милосердие. Выделены факторы формирования этих качеств, проанализированы формы их проявления в бытовой жизни народа.

Ключевые слова: духовные качества русского народа, готовность помочь, поддержать других, поделиться с ними своим насущным, доброта, милосердие, менталитет, факторы формирования и формы проявления духовных качеств русского народа.

В работах А. В. Брушлинского человек рассматривается как носитель, субъект не только биологических, психологических и социальных свойств, но и духовных. Под духовными он понимает высшие психологические образования — цели, ценности, устремления, смыслы, идеи. Из этого следует, что духовная подструктура, согласно А. В. Брушлинскому, — это не некое «надпсихическое образование»; она представлена различными качествами психического «как важнейшего атрибута субъекта». Человек, достигший высокого уровня интеллектуального развития, личностной зрелости, обретает, наряду со способностью глубокого понимания мира и человека, свойства духовности, нравственности, альтруизма.

* Госзадание лаборатории истории психологии № 0159-2018-009.

В этом плане идеи А. В. Брушлинского перекликаются с взглядами В. Франкла, определяющего духовное как ценности и смыслы жизни, И. А. Ильина, выделяющего такое духовное свойство личности, как патриотизм, т. е. готовность действовать и даже жертвовать собственной жизнью во имя высших целей, других людей, родины.

Целью нашего исследования является выделение и рассмотрение духовных качеств русского народа как коллективного творца отечественной культуры, субъекта исторического процесса.

К духовным качествам русского народа, сформировавшимся в его многовековой истории, мы относим присущие ему *готовность помочь, поддержать других, поделиться с ними своим насущным, доброту, милосердие*, входящие в ядро его менталитета и выступающие проявлением его человечности, гуманистических ориентаций, нравственной зрелости.

О стремлении к *душевной чуткости, сердечной теплоте и искренней любви* к людям как отличительных чертах русского народа писали многие русские философы. Согласно И. А. Ильину, «русско-славянская душа» отличается предрасположенностью к чувству, сочувствию и доброте.

Эта способность к сопереживанию, взаимовыручке и взаимопомощи в обыденной жизни и в сложных жизненных ситуациях не случайна. Она имеет глубокие корни, сформировалась и закрепилась в истории народа под влиянием ряда объективных факторов.

К их числу относятся, во-первых, особенности *природно-географических и климатических условий*, в которых происходило становление и развитие нашего народа, протекала его жизнедеятельность. Очень выразительно об этом пишет известный русский историк В. О. Ключевский, отмечая, что жизнь русского народа проходила в тяжелой борьбе с природой («с лесами и болотами своей страны»). Короткое теплое время, недостаток плодородных земель, летние засухи и суровые зимние морозы, незначительность береговой линии морей — все это создавало огромные трудности для народа и требовало для их преодоления огромной затраты сил (Ключевский, 1993). Естественно, что выживание и осуществление трудовой деятельности в этих условиях объективно предопределяли необходимость консолидации усилий людей, их взаимной помощи и поддержки.

Во-вторых, вся история России связана с *борьбой за защиту государства от иноземных вторжений*. Как пишет И. А. Ильин, «Россия была издревле организмом, вечно вынужденным к самообороне» (Ильин, 2006, с. 65). Тяжелые испытания, выпавшие на долю народа в период татаро-монгольского ига, ставшие следствием внутренней раздробленности русских земель, явились горьким и важным уро-

ком, убедившим, что враг может быть побежден только совместными усилиями, благодаря взаимной поддержке и помощи.

В-третьих, следует иметь в виду, что Россия вплоть до начала XX в. а являлась крестьянской страной, где крестьянство составляло около 90% населения страны, и именно здесь, в народной гуще, зарождались и укоренялись те черты, которые легли в основу российского менталитета.

Главным же способом жизни крестьянства на протяжении многих веков являлась *община*, выступавшая исторически необходимой формой существования крестьян, условием их жизни. Она не закабаляла человека, не принижала его, напротив, обеспечивала его реализацию как труженика и как личности в рамках существовавшего в дореволюционной России общественного строя (Поземельная община, 1898). Иных способов выживать, трудиться, развиваться при существовавших в то время низком уровне знаний и примитивных средствах труда не было. Только сообща, благодаря коллективным усилиям, взаимной поддержке и взаимопомощи, крестьяне могли вырастить урожай, обеспечить необходимые условия своего проживания. К. С. Аксаков пишет: «Община является той средой, в которой может получить свое осуществление идеал христианской любви. Это не контракт, не сделка, а проявление народного духа, союз людей, отказывающихся от своей личности и являющих общее согласие, как действие христианской любви. Она есть то высшее, то истинное начало, которому не предстоит уже найти нечто себе высшее, а предстоит только преуспевать, очищаться и возвышаться» (цит. по: Энциклопедический словарь, 1898, с. 213). Отсюда вытекают такие коренные черты русского народа, как *соборность*, *желание и потребность жить в «миру»*.

Взаимопомощь осуществлялась прежде всего при проведении земледельческих работ и проявлялась в выделении обедневшим крестьянам посевного материала, навоза для удобрения их наделов, обработке всем миром полос заболевших домохозяев, вдов и т. д. (Сборник материалов для изучения общины, 1880). В этом плане примечателен следующий пример. «В сообщении исследователя Блазновской общины Тверской губернии содержатся сведения о том, что ближайшие к деревне земли этой общины унавоживаются, так, что зажиточный двор кладет на свои полосы больше удобрения, нежели незажиточный. На вопрос исследователя, не удерживает ли от удобрения вероятие отдачи удобренной полосы на следующий год другому двору — следовал такой ответ: „Бог даст, соберу хороший урожай, а там пусть пользуется другой, который не сдюжает удобрить с моё“. Благодаря такому порядку, замечает исследователь, здесь ни-

кто не смотрит косо на то, что богатый на общем пастбище пасет много скота сравнительно с другими хозяевами, и вообще здесь *все очень бывают довольны* увеличением кем бы то ни было из хозяев числа голов скота» (Бауер, 1880, с. 244).

Общинность касалась всех сторон жизни русского крестьянина — не только совместных полевых работ, но и *оказания помощи сельчанам при возникновении у них сложных жизненных обстоятельств*. В случае пожара на огонь бросались всем миром; убогим, сиротам и вдовам помогали всем миром; подати платили всем миром; ходоков и солдат тоже снаряжали сообща. То есть социально-экономические условия существования русского народа объективно способствовали формированию его *коллективизма, взаимопомощи*.

Следует отметить, что помощь со стороны общины оказывалась не только в виде благотворительных действий, но и путем порицания и осуждения нерадивости, бесхозяйственности, лености, осуществления контроля над имущественным состоянием селян и стимулирования их трудовой активности. Так, «сельские общины принимали меры против окончательного разорения ослабевших домохозяев. Во многих из числа исследованных общин мир постоянно наблюдал за беднеющими крестьянами: чуть только начинала накапливаться недоимка за домохозяином, мир уже следил за тем, чтобы недоимщик не продавал скот, не отчуждал на сторону навоза, хозяйственных орудий, хлеба на корню и прочее» (Сборник материалов для изучения общины, 1880, с. 25). Исследование крестьян Старухинской общины показало, что они придают большое значение *«нравственному контролю* мира над своими членами; благодаря этому контролю каждый старается не отстать от других в работах, чтобы не считаться нерадивым хозяином. Связанные общими интересами, они хорошо *умеют ценить* хотя и бедного, но дельного хозяина, и *уважают его*» (Якушкина, 1880, с. 200). То есть каждый домохозяин, который пользовался долей общинной земли, находился «как бы *под опекой общества* в течение всей своей жизни, и это от того, — говорит исследователь ундорской общины, — что интересы общины тесно связаны с внутренней жизнью самих домохозяев» (Красовский, 1880, с. 375).

В-четвертых, огромное влияние на формирование менталитета русского народа в целом и рассматриваемых нами качеств оказал *духовный фактор — православие* с его заповедями любви («возлюби ближнего твоего как самого себя»), жертвенности «во имя други свои», доброты, соборности и т. д. Как писал Ф. М. Достоевский, все народные начала, вызывающие восхищение, выросли из православия. На это указывали и такие известные исследователи русского народа, как В. С. Соловьёв, Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин,

С. Л. Франк, П. А. Флоренский, Л. П. Карсавин, К. С. Аксаков, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин, И. С. Шмелёв и др.

И. В. Киреевский отмечает, что в единстве убеждений, верования – причина консолидации русского народа, осознания им себя как одного живого целого. Из православного мировосприятия вытекали и определялись им *не только духовные, но и нравственные, общежитийские, юридические представления и понятия* русского народа. Христианские начала лежат и прочно сохраняются также *в бытовой жизни народа и в общественном устройстве России* (Киреевский, 1852).

Согласно А. А. Коринфскому, «суеверное общение с природой, отовсюду обступающей быт народа-пахаря, создавшее своеобразные взгляды на жизнь и ее запросы, не могло не выработать и своих самобытных законов нравственности, вошедших с течением веков в плоть и кровь. Свет веры Христовой, озарив темно-туманные дебри народной Руси, внес в ее жизнь новые понятия о пороке и добродетели» (Коринфский, 1994, с. 495).

На этой благодатной почве формировались представления о добре и зле, нравственных добродетелях и пороках. Добро, согласно народным воззрениям, – дело богоугодное, а зло – служение дьяволу. Соответственно, «добродетель – лестница на небеса, а порок – лестница в „преисподние земли“» (там же, с. 496).

Народная мудрость дала четкие определения этим мировоззренческим конструктам:

1. «Добро делай – никого не бойся».
2. «Зло творить станешь – на каждом шагу по всем сторонам оглядывайся».
3. «Доброму человеку весь мир – свой дом; злему, порочному – и своя хата чужая».
4. «Добродетель – на Страшном Суде твой свидетель; порок – лихой вброд».
5. «Грехом заживешь – и деньги наживешь, да никуда, кроме ада, не придешь; добрыми делами жить – и с сумою ходить, да в раю быть».
6. «Добром жизнь украшается, что степь цветами; от греховной жизни цвет души вянет».
7. «Час в добродетели проведешь, все горе забудешь».
8. «Кто добро творит, тому Бог оплатит».
9. «Сей добро, посыпай добром, жни добро, одевай добром».
10. «Порок – лихая болезнь».
11. «Порочный человек – калека».
12. «Испортил душу – сгнил заживо».

13. «Кинь добро назад — очутится впереди».
14. «Лихо помнится, а добро вовек не забудется».
15. «При солнце и зимой светло, при добродетели и в холод тепло».
16. «Добрый человек проживет долгий век».
17. «У добра ноги сами на прямой путь ведут; грех окольными путями пробирается, о каждую кочку спотыкается».

По мнению русского народа, «с добродетелью не всегда по соседству удача живет, но в ней... ближайший путь к покою душевному, а покой — родной брат счастью» (там же).

Таким образом, добродетельное поведение — готовность помочь, поддержать человека, выразить ему свое сочувствие, разделить с ним горе и радость — глубоко вошло в жизнь и бытовую культуру русского народа, стало неотъемлемой частью его менталитета.

Подтверждением этого является тот факт, что на Руси больше всего любили человека *душевного, доброго, сердечного, совестливого*. В русской деревне при оценке человека, меры его достоинства приоритет отдавался не его зажиточности, а именно нравственным характеристикам. Человек *милосердный, оказывающий благотворительную помощь*, всегда пользовался особым *уважением* односельчан. На это указывали исследователи, изучавшие по заданию Этнографического отделения Русского географического общества жизнь народа и его психологические характеристики во всех российских губерниях. Так, информатор А. А. Фомин из села Пречистого Ростовского уезда Ярославской губернии писал: «Уважение... приобретается не зажиточностью, а помощью бедным крестьянам при каком-либо случившемся с ними несчастье, нужде. (цит. по: Громыко, 1991, с. 89–90). «Богатый, но скупой не пользуется уважением» (там же, с. 90).

В основе данной установки лежало бытовавшее в народе представление, что Божьим наказанием является не бедность, а богатство. Понимание счастья связывалось у простых людей «с нравственной чистотой и душевной гармонией, которым, по их мнению, не способствовало стремление к богатству. Гордились не богатством, а умом и смекалкой. Тех, кто гордился богатством, особенно не нажитым, а доставшимся по наследству, крестьянская среда недолюбливала» (Белов, 1989, с. 58).

«Душа-человек» — высшая архетипическая похвала у русских, — писал И. А. Ильин.

Интересные высказывания *о взаимосвязи добродетели и счастья* представлены в дневниковых записях-рассуждениях последней русской императрицы Александры Федоровны Романовой (Романова, 2008, с. 8–9; 2013, с. 9, 18).

«Быть великим — значит быть счастливым, — это одно из ошибочных мнений, которого придерживалась почти во все времена большая часть человечества. Быть добрым — значит быть счастливым, — вот тайна, доступная тем немногим мудрым и добродетельным, которые являются украшением не только сами себе, но и украшением ближних и Отечества»:

- «Потщиться сделать счастливыми своих ближних — это путь и к собственному счастью».
- «Пока жив, можешь употребить жизнь на помощь ближнему. Жизнь — прекрасное дело».
- «Мы всегда должны думать не о своих личных делах и удобствах, а о пользе ближним, которую можем принести».
- «Сколько возможностей сделать хорошее мы упускаем, даже не осознавая ценности того, что упустили!»
- «Кто перестает помогать другим, становится обузой и для себя».
- «Невзгоды — это то время, когда нужно поддержать ближнего».
- «Занимаясь благотворительностью, важно не потонуть в самоуважении».
- «Настоящая добродетель — без свидетелей поступать так, как обычно поступают перед глазами мира».

Можно привести множество конкретных примеров, базирующихся на документах и отзывах выдающихся исследователей русского народа и корреспондентов Русского географического общества, подтверждающих, что *ценности милосердия, взаимопомощи, взаимной поддержки* глубоко укоренились в его психологии.

Так, русских отличало трепетное отношение к людям обездоленным, нищим, гонимым, обиженным судьбой.

Исследователи отмечают особое «нищелюбие», присущее русскому народу. Пройти мимо человека, просящего милостыню, не накормить нищего, стоящего у порога твоего дома, считалось в народе недопустимым. «Крестьяне почитают почти за грех не подать во всякое время нищему, тем более что подача милостыни, по народному мнению, служит для очищения от грехов. Подают больше хлебом» (Фирсов, Киселёва, 1992, с. 13). Корреспонденты Русского географического общества из Вологодской губернии отмечают, что здешние крестьяне никогда не откажут нищему в хлебе и в ночлеге. О внимательности селян к нищим и странникам пишут также информаторы из Белозерского уезда Новгородской губернии.

Известен случай, что в 1896 г. среднестатистический русский крестьянин подал обездоленным 4 рубля милостыни, что в то вре-

мя равнялось цене 4 пудов хлеба (Энциклопедия обрядов и обычаев, 1996, с. 461).

Просить милостыню не считалось зазорным. К этому прибегали крестьяне в случае, если хлебные припасы в доме иссякали задолго до нового урожая, а также погорельцы, лишившиеся крова. Крестьяне сочувственно относились к ним, пускали их в свой дом, делились с ними едой, давали одежду, домашнюю утварь. Как пишет В. Белов, «даже самые скупые хозяева под давлением общественной морали были вынуждены соблюдать обычай гостеприимства» (Белов, 1989, с. 57). Деревни, в которых нищим не предоставляли ночлег, «пользовались худой славой, что нередко влияло даже на женитьбу и замужество» (там же).

Любовью, защитой и покровительством в народе пользовались калеки и убогие. «Слепых без поводырей переводили от деревни к деревне, устаивали на ночлег к собственным знакомым или родственникам. <...> Не подвезти на попутных хромого, безногого, горбатенького или слепого могли только самые жестокосердные безбожники, не боящиеся греха и бравирующие такой „смелостью“» (там же, с. 57–58). Если в деревне был свой блаженный, его одевали и кормили всем миром.

Нормой было предоставление крова путнику, оказавшемуся в ненастье или в ночное время в деревне. При этом «в большинстве случаев крестьяне отказываются от платы за постой, а если и берут, то весьма умеренную, чаще всего, сколько сам проезжий положит», проявляя тем самым, свое бескорыстие (Громыко, 1991, с. 88). Существовала добрая русская традиция: позвонить в колокола всем, в пути находящимся, заблудившимся, ищущим и не находящим дорогу на бескрайних русских просторах (Никифоров-Волгин, 2001, с. 402–403).

Помощь оказывалась даже вчерашним врагам, оказавшимся в русском плену. Во время Севастопольской кампании, писал Достоевский, раненых французов «уносили на перевязку прежде, чем своих русских», обосновывая это следующим образом: «Русского-то всякий подымет, а француз-то чужой, его наперед пожалеть надо». Достоевский заключает: «Разве тут не Христос, и разве не Христов дух в этих простодушных и великодушных, шутиливо сказанных словах» (Достоевский, 1995, с. 143).

Еще один показательный пример. «1877 год, Русско-турецкая война, сестра милосердия Ольга Яковлевна решает оставить летучий санитарный отряд и отправиться на передовую, в окопы, где она будет нужнее. Солдаты в окопах обрадовались сестре, как дети: „Сестричка с нами. Ах, душа Божья! Смотрите, ребята, смотрите, гос-

тья дорогая!“ <...> Мелькнуло ее белое платье и большой красный крест, и только солдаты ее и видели. Турки из своих окопов заметили что-то до такой степени удивительное там, на страшной полосе между их и русскими позициями, что высунулись наружу. Среди павших при атаке их товарищей, согнувшись, бродила белая женщина. Вот она остановилась над одним из лежащих, сняла с себя сумочку и, вынув оттуда какой-то сверток, опустилась на колени. „Она перевязывает нашего раненого! Это – русский доктор“, – мелькнула у турок догадка. И вдруг они подняли вверх свои ружья и, махая нашим, все разом, словно сговорившись, приветствовали ее криком: „Браво, ханум (женщина)! Честь и слава тебе“. За свой подвиг Ольга Яковлевна была представлена к Георгиевскому кресту, – но первую и самую высшую награду она получила там, над павшими турками на страшной полосе смерти, когда ее приветствовали враги» (Полушкина, 2011, с. 16–17).

В качестве подтверждения готовности русского человека к оказанию помощи, его милосердия Н. О. Лосский приводит свидетельство австрийского немца, находившегося в России в плену, об отношении к нему окружающих его людей: «Какой особый народ русский. Все рабочие, а особенно женщины, относились к нам как к несчастным, нуждающимся в помощи и покровительстве. Иногда женщины забирали нашу одежду, наше белье и возвращали все это выглаженным, выстиранным, починенным. Самое удивительное было в том, что сами русские жили в чудовишной нужде, которая должна была бы убивать в них желание помогать нам, их вчерашним врагам» (цит. по: Лосский, 1991, с. 296).

Для русского человека, по мнению Лосского, характерны *незлопаятность, отсутствие потребности в мщении, способность прощать нанесенные ему обиды, проявлять добрые чувства даже к тем людям, которые проявляют по отношению к нему неприязнь*: «Нередко русский человек... испытывает сильное чувство отталкивания и неприязни другого человека, однако при встрече с ним, в случае необходимости конкретного общения, сердце у него смягчается, и он как-то невольно начинает проявлять к нему свою *душевную мягкость*, даже иногда осуждая себя за это, если считает, что данное лицо не заслуживает доброго отношения к нему» (Лосский, 1991, с. 294).

И, конечно же, большое место в жизни сельчан занимала соседская *помощь тем, кто оказался в сложной жизненной ситуации*, либо нуждался в чем-то. Она регулировалась целой системой норм поведения, существовавших в русской общине, и мотивировалась осознанием, что каждый может столкнуться с жизненными трудностями, преодолеть которые в одиночку невозможно.

Взаимовыручку и помощь сельчане оказывали друг другу и в каждодневной бытовой жизни. В. Белов пишет: «В деревне до мелочей была отработана *взаимовыручка*. Брать займы деньги считалось не очень-то приличным, но все остальное люди охотно давали и брали в долг. Мужики заимствовали друг у друга кожи, веревки, деготь, скальё, зерно. Давали на время полевой инвентарь и лошадь с упряжью. Женщины то и дело занимали предметы утвари, молочные продукты. Когда своя корова еще не доит, было принято брать молоко в долг, а у близких родственников — в дар. Занимали даже самоварные угли или хлебную закваску, если вдруг дома не оказывалось. Выручали друг друга и в большом, и в малом» (Белов, 1989, с. 139).

Община заботилась о больных односельчанах, помогая им в работе по дому, обеспечивая их пропитание и присматривая за их детьми.

Непреложной обязанностью считалась помощь *вдовам и сиротам* в проведении земледельческих работ и в их бытовой жизни. «Так, например, бесприютный сирота, вплоть до совершеннолетия, получает от каждого домохозяина на несколько дней в году более или менее продолжительное, сообразно платежным силам двора, помещение в этом дворе, пищу и одежду...» (Сборник материалов для изучения общины. 1880, с. 27). Обидеть вдову, отказать ей в необходимой поддержке считалось делом безбожным. Иногда община принимала решение обрабатывать сообща участки *сирот и вдов, осуществлять за них* платежи и повинности. Из общественных закромов им бесплатно выдавали хлеб.

Во время Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. во многих общинах принимались решения сельского схода о помощи *семьям ратников*.

Помощь общины отдельной семье оказывалась *во время значительных семейных событий* — похорон, свадьбы, если семья в этом нуждалась.

Отзывчивость, соседская и родственная взаимопомощь наиболее явственно и ярко проявлялись на так называемых *помочах*. Этот обычай заключался в приглашении родственников и соседей для помощи в срочных работах, с которыми семья не успевала или не могла по тем или причинам справиться самостоятельно. Это был в полном смысле ударный, коллективный труд, продолжающийся от раннего утра до ночи и заканчивающийся общей трапезой. «Красота этого обычая совсем лишена внешней нарядности и броской, например, свадебной, декоративности; она вся какая-то нравственная, духовно-внутренняя, — пишет В. Белов. Пословица „Дружно не грузно, а врозь, хоть брось“ отражает экономическое, хозяйственное значение обычая». Кроме помощи в решении хозяйственной проблемы, «обычай предоставлял превосходную возможность показать трудо-

вое и профессиональное мастерство, блеснуть собственной силой, красотой и необычностью инструментов, проявить скрытое втуне остроумие, познакомиться ближе, наконец, просто побыть на людях. Работа на таких помочах никому не была в тягость, зато польза хозяевам оказывалась несравнимой» (Белов, 1989, с. 295). Каждый земледелец решал вопрос об участии в помочах для себя и своей семьи самостоятельно, но, как правило, отказа в них почти не бывало. Согласно русским обычаям и религиозным предписаниям, работа в воскресные дни и во время церковных праздников оценивалась как *греховное дело и не практиковалась в крестьянском быту*. Помочам же делалось исключение. Более того, отказ участвовать в соседской помощи в воскресенье или в праздничный день рассматривался в качестве греха и осуждался общественным мнением.

В советский период (конечно, речь идет не о 1920-х — 1930-х годах, а о стабильном, сложившемся обществе) в общественном сознании утверждаются соответствующие духу русского менталитета ценности коллективизма, патриотизма, жертвенности во имя высших целей, государственности, сотрудничества, взаимопомощи.

В годы Великой Отечественной войны проявился массовый героизм защитников Родины, подлинное единение и усиление самоидентификации народа. В этот период проявились и получили развитие лучшие духовные качества советских людей.

Высшие нравственные ценности активно поддерживались и развивались через систему образования и идеологию детских и молодежных общественных организаций. Вспомним «Моральный кодекс строителя коммунизма», где они зафиксированы как важные моральные нормы.

Сохранились ли они у нашего народа сегодня? Да, безусловно, хотя, как показало наше исследование, в большей мере у представителей старших возрастов, чем у молодежи, у жителей малых провинциальных городов и селян, чем у представителей мегаполиса, у людей семейных, имеющих детей, нежели у холостых, незамужних.

Литература

Бауер П. В. Блазновская община (Тверской губ.) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. I. СПб., 1880. С. 238—256.

Белов В. Лад. Очерки о народной эстетике. М., 1989.

Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1877, 1880 август, 1881 годы // Ф. М. Достоевский. Собр. соч. В 15 т. Т. 14. СПб., 1995.

- Ильин И. А.* Россия есть живой организм // И. А. Ильин. О России. М., 2006.
- Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (Письмо к графу Е. Е. Комаровскому) // Московский сборник. М., 1852. Т. 1. С. 1–68.
- Ключевский В. О.* Русская история: Полный курс лекций М., 1993.
- Коринфский А. А.* Народная Русь. М., 1994.
- Красовский В. Э.* Ундоровская община (Симбирской губ.) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. I. СПб., 1880. С. 332–388.
- Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа. М., 1991.
- Лосский Н. О.* Характер русского народа. М., 2005.
- Никифоров-Волгин В. А.* Дорожный посох // Заутреня святителей. М., 2001. С. 399–469.
- Романова А. Ф.*, государыня императрица. Слова добрые. Дневниковые записи 1908–1915 годов. М., 2008.
- Поземельная община // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1898. Т. 42. С. 186–225.
- Полушкина Е.* Сестра // Зернышки. Добрые истории. Вып. 1. Рязань, 2011. С. 16–17.
- Сборник материалов для изучения общины. СПб., 1880.
- Фирсов Б. М., Киселёва И. Г.* Структуры повседневной жизни русских крестьян конца XIX века (опыт этносоциологического изучения) // Социологические исследования. М., 1992. № 4. С. 3–14.
- Энциклопедический словарь. СПб., 1898.
- Энциклопедия обрядов и обычаев. СПб., 1996.
- Якушкина Е. М.* Старухинская община (Тульской губ.) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. I. СПб., 1880. С. 193–203.

Spiritual characteristics of the russian people: factors of formation and manifestation in everyday life

*V. A. Koltsova**, *E. G. Sinyakina*** (Moscow)

* Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS

** Candidate of Psychological Sciences, Research Fellow,
Institute of Psychology RAS

The article consider the spiritual qualities of the Russian people, formed in its centuries – old history and defining the originality of his mentality – readiness to help, support others, share with them their vital, kindness, mercy.

Factors of formation of these qualities are dedicated, forms of their manifestation in everyday life of the people are analyzed.

Keywords: spiritual qualities of the Russian people, readiness to help, support others, share with them their vital, kindness, mercy, mentality, factors of formation and forms of manifestation of spiritual qualities of the Russian people.

Развитие идей А. В. Брушлинского в болгарской науке

М. Д. Няголова (Велико Тырново, Болгария)

*кандидат психологических наук, доцент истории психологии,
Велкотырновский университет
им. Святых Кирилла и Мефодия; e-mail: mniagolova@yahoo.fr*

Проанализированы ссылки и цитирования А. В. Брушлинского в публикациях болгарских ученых разных специальностей: философов, социологов, психологов. Выявлено значение его публикаций в Болгарии для общей интерпретации и понимания его научных идей. Показано их применение и развитие в разработках болгарских ученых, посвященных изучению мышления, творчества, интуиции и психологии субъекта.

Ключевые слова: А. В. Брушлинский, болгарская психология, философия и социология, творчество, мышление как процесс, воображение, личность, психология субъекта.

А. В. Брушлинский был ученым-эрудитом, обладающим международной известностью. На протяжении многих лет он представлял российскую науку на европейских форумах по психологии и публиковался в известных научных журналах. Его книги «Культурно-историческая теория мышления» и «Психология мышления и кибернетика» переведены на немецкий и японский языки. В 2013 г. на болгарском языке вышел перевод его последнего труда «Психология субъекта». Это и послужило поводом проследить динамику применения и развития его творческих идей в болгарской науке, учитывая тот факт, что при жизни он активно выступал за поддержку прочного сотрудничества между психологами России и Болгарии.

В 70-х годах его теоретические разработки почти сразу после их выхода в свет нашли свое отражение в публикациях болгарских авторов. Самыми цитируемыми его работами оказались статья «Воображение и познание», опубликованная в 11-м номере журнала «Во-

просы психологии» за 1967 г., и монография «Психология мышления и кибернетика» (1970). Чаще всего его цитировали кандидаты и доктора наук, но среди них были и член-корреспондент БАН, а также студенты и ассистенты без степени.

В 1971 г. в статье, посвященной дискуссиям о научном творчестве, чл.-корр. БАН Азаря Поликаров исследует отношение воображения к творческому процессу. Он рассматривает выводы о сути воображения ученых разных западных стран и выражает мнение, что среди ученых восточноевропейских стран самые существенные результаты по теоретическому исследованию воображения приводит А. В. Брушлинский в своей статье «Воображение и познание» (1967). Поддерживает его выводы, относящиеся к формулировке, что «не надо противопоставлять воображение другим формам мышления» (Поликаров, 1969).

В своей статье «Мышление и кибернетика» Неделчо Латев анализирует взгляды советских психологов на мышление. Он указывает на существование двух направлений: «первое, которое рассматривает мышление как систему интериоризированных операций и анализирует механизм этой интериоризации, и второе, согласно которому мышление состоит из единства двух процесса — анализа и синтеза» (Латев, 144). Самым известным представителем указанного второго направления он считает А. В. Брушлинского, подчеркивая связь его концепции с теорией С.Л. Рубинштейна о мышлении и указывая, что взгляды обоих ученых составляют целостную систему, в которой выявлены психологические и философские аспекты изучения мышления.

Анализируя взгляды А. В. Брушлинского на мышление как процесс, изложенные в монографии «Мышление и кибернетика» (1970), болгарский ученый соглашается с А. В. Брушлинским, что процесс мышления всегда творческий и этим он отличается от информационного процесса электронно-вычислительных приборов. Он поддерживает его вывод о том, что мыслит человек, а не машина (Латев, с. 143—146).

В своей работе «Вера, убеждение и социальная активность» (1974) Николай Николов обсуждает вопросы, связанные с дискуссией об отношении категорий воображения и мышления. В заключении он указывает, что самую правильную позицию отстаивает в своих работах А. В. Брушлинский, строящий свою концепцию на основе теоретико-методологических идей С.Л. Рубинштейна (Николов, 1974, с. 63—68). Автор ссылается в основном на его работу «Воображение и познание» (1967) и на преемственность его концепции с теорией С.Л. Рубинштейна, рассматривая не только отношение воображения

к творческому мышлению, но и психологический характер эмоций и чувств.

Н. А. Николов указывает, что в советской психологии теория Рубинштейна и Брушлинского является уникальной благодаря постановке вопроса о некогнитивном характере эмоций и чувств, об их отношении к переживаниям и к реализации отношений человека к миру. На основе онтологического (онтического) понимания эмоций и чувств, присущему Рубинштейну и Брушлинскому, он развивает свою идею об определении эмоционально-чувственных проявлений человеческой психики в качестве «метаотношений», т. е. «как эмоциональное отношение человека к его практическому познавательному отношению к воздействиям внешней и внутренней действительности» (Николов, 1974, с. 67).

Ведущий болгарский социолог Нико Яхиел считает, что А. В. Брушлинский является не только одним из ведущих разработчиков психологии творческого мышления, но и ученым с большим вкладом в исследования психологии научного творчества. В своих монографиях «Социология и наука» (1975) и «Социология науки» (1979) он высоко оценивает его подход к изучению научного мышления и принципов кибернетики (Яхиел, 1975, с. 344–345).

Большое место отведено психологии творческого процесса и в книге болгарского философа Петка Ганчева «Философия и социальная деятельность». В ней он рассматривает вопрос о формировании творческих способностей в духовной и практической деятельности, основываясь на понимании А. В. Брушлинским роли прогнозирования в творческом процессе. Автор приводит цитаты из статьи А. В. Брушлинского «К психологии творческого процесса», опубликованной в сборнике «Человек, творчество, наука» (1967).

Философы Михаил Бычваров, Дмитрий Цацов и Венцеслав Кулов рассматривают идеи российского ученого об отношении категорий дизъюнктивного и недизъюнктивного процессов мышления (1989), а педагог Марин Люлюшев изучает возможности психологической интерпретации А. В. Брушлинским подходов проблемного и развивающего обучения (1973).

Обозрение вышеуказанных публикаций позволяет заметить, что в болгарской науке методологические идеи А. В. Брушлинского изначально нашли своих интерпретаторов среди философов, социологов и науковедов. Психологи же оценили значимость его творчества позднее. Они начинают интересоваться его работами лишь после его участия в XV Всемирном конгрессе философии, который состоялся в г. Варне с 17 по 22 сентября 1973 г. На нем он выступил

на секции «Философские аспекты психологии» с докладом «О природе психического» (Брушлинский, 1973).

Публикация тезисов доклада привлекла внимание болгарского психологического сообщества. Многие его представители выступили в дискуссиях о методологических основаниях понимания психического как процесса. В сообщениях о проведении конгресса отмечена новизна точки зрения А. В. Брушлинского и указано общеметодологическое значение его доклада для развития теоретической психологии (Василев, 1973, с. 176).

Несмотря на это, однако, в болгарском журнале «Психология» за время с 1974 по 1991 г. обнаружены только две ссылки на работы А. В. Брушлинского. Обе они относятся к изучению психологических аспектов интуиции и интуитивного мышления.

В статье студентки Софийского университета (ныне профессора и доктора психологических наук) Ирины Зиновьевой (Зиновьева, 1983) процитирована статья А. В. Брушлинского «Воображение и творчество (трудности в трактовке воображения)», опубликованная в сборнике «Научное творчество» (М.: Наука, 1969, под ред. С. Р. Микулинского и М. Г. Ярошевского). Автор рассматривает мнение ученого о роли сознательного и несознательного в проявлениях интуиции. Она приводит цитату из статьи А. В. Брушлинского о том, что «нельзя не учитывать и организующего влияния актуальной направленности сознания на прошлый опыт» в подтверждение того, что сознание выполняет существенную роль в интуитивном процессе познания (Зиновьева, 1983, с. 187).

Несколько лет спустя на страницах журнала появляется очередная статья о проблемах интуиции. Ее автор — Александра Пенова, наряду с интерпретацией теорий разных ученых Восточной и Западной Европы, — уделяет значительное место и теоретическим установкам А. В. Брушлинского. Ссылаясь на его статью «Мышление как процесс и проблема деятельности» («Вопросы психологии», 1982, № 2, с. 28—40), она относит его точку зрения к «вероятностному подходу» изучения интуиции. В связи с этим она проводит сопоставление взглядов А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова о возможности моделирования психических явлений, а конкретнее — о применении математического аппарата теории вероятности к изучению психического. В результате анализа выявлены принципиальные различия научных точек зрения обоих психологов мышления: О. К. Тихомиров поддерживает идею о вероятностном объяснении процесса решения задач, а А. В. Брушлинский считает, что математические подходы неприменимы к моделированию психического по причине их недизъюнктивности (Пенова, 1987, с. 14—16).

Новый этап развития идей А. В. Брушлинского связан с исследованиями болгарского ученика С. Л. Рубинштейна Дмитрия Василева теоретического моделирования мышления как процесса. Он поддерживает принципы исследования процессуального аспекта мышления, но предлагает вместо логических терминов включить в его структуру собственно психологические понятия: внимание, воображение и память. Таким образом, функции данных проявлений психики не рассматриваются самостоятельно, а только в контексте общей реализации мыслительного процесса. Основываясь на выводах А. В. Брушлинского о том, что процесс мышления, с логической точки зрения, включает в себя анализ и синтез, Д. Василев стремится представить структуру данного процесса в аспекте, более близком к психологии. Таким образом, он делает шаг в сторону обособления логического и психологического подходов изучения мышления как процесса (Vasilev, 1986).

Если в 70–80-х годах интерес болгарских исследователей был направлен на применение научных идей А. В. Брушлинского в сфере изучения мышления, интуиции и творческого процесса, то в 90-х годах они обращают внимание на принципы его разработки проблемы субъекта. Дискуссии и обсуждения вызывает его книга «Проблемы психологии субъекта» (1994) после публикации отзыва о ней в «Болгарском журнале психологии» («Българско списание по психология», 1995, к. 4, с. 71–73). Сформулированные А. В. Брушлинским принципы психологии субъекта рассматриваются как призыв к более углубленному изучению индивидуальных психических особенностей человека, которое основывается на принципах гуманизма психологической науки.

В начале XXI в. болгарские психологи продолжают интересоваться психологией субъекта А. В. Брушлинского. Профессор Наталия Александрова разрабатывает свою психологическую теорию субъекта, основываясь на теоретических положениях С. Л. Рубинштейна, К. А. Абулхановой-Славской и А. В. Брушлинского. Она разделяет позицию последнего об активной сущности субъекта, о его целостности и развивающейся функциональности, цитирует его ранние работы, посвященные психологии субъекта: «Проблема субъекта в психологической науке» (1990, 1991, 1992) и «Проблемы психологии субъекта» (1994). Исходя из его понимания субъекта, она проводит целый ряд исследований в сфере геронтопсихологии и экономической психологии (Александрова, 2008, 2014).

Проведенный анализ позволяет заключить, что самый активный период цитирования работ А. В. Брушлинского относится к 70-м годам XX в., хотя психологи меньше цитируют его, по сравнению

со специалистами других областей гуманитарных наук. Во многом это объясняется тем фактом, что болгарская психология социалистического периода ограничивается прикладной проблематикой. Историко-психологические и теоретико-методологические разработки почти отсутствуют. Ограниченным характером отличаются и исследования в сфере общей психологии. Психология мышления не развивается в общепсихологическом плане, и поэтому мышление изучается, скорее всего, как деятельность. Наверное, именно поэтому не обнаружена ни одна ссылка на работы А. В. Брушлинского в сборнике «Психологические проблемы мышления», изданном в 1979 г. под ред. чл.-корр. БАН Генча Пирьова.

По словам И. С. Якиманской, «для большинства современников А. В. Брушлинский – прежде всего крупный организатор науки». Несмотря на то, что в болгарских журналах не было опубликовано ни одной его программной статьи за то время, когда он занимал пост директора Института психологии РАН, болгарские ученые видели в нем крупного специалиста в области психологии мышления и творчества. За последние годы значительно выросла и популярность его теории психологии субъекта, в связи с возможностью ознакомления с его трудами на болгарском языке.

В современной истории болгарской психологии имя А. В. Брушлинского остается неотъемлемой частью российско-болгарской психологической школы С. Л. Рубинштейна. Можно с уверенностью утверждать, что нынешние и последующие поколения болгарских психологов продолжают учиться на его трудах.

Литература

- Александрова Н.* Личностната субектност в психологията. Научни трудове. Международно висше бизнес училище, Ботевград. Т. 6 (2014). С. 181–196.
- Александрова Н.* Специфика на субектността през късните етапи на онтогенеза. URL: <https://bjop.files.wordpress.com/2008/10/natalia-aleksandrova-doklad1.pdf>.
- Брушлински А.* Психология на субекта. Велико Търново: ПИК, 2013.
- Брушлинский А. В.* О природе психического. Исследовательская группа № 6: «Философские аспекты психологии» // Резюме докладов XV Всемирного конгресса по философии. Варна, 1973. № 890.
- Василев П.* XV световен конгрес по философия и участието на марксистките психолози // Психология. 1973. Бр. 3. С. 175–178.
- Ганчев П.* Философия и социална дейност. София: Наука и изкуство, 1982.

- Зинovieва И.* Върху някои проблеми на интуицията в марксистката психология // Психология. 1983. К. 3. Година XI. С. 184–190.
- Латев Н.* Мислене и кибернетика. Научни трудове (сер. «Философия, социология, научен комунизъм, социална психология»). № 61, София: Академия за обществени науки и социално управление при ЦК на БКП, 1973. С. 91–2002.
- Николов Н. А.* Вярa, убеждение и социална активност. София: Партиздат, 1974.
- Пенова А.* Някои съвременни тенденции в психологическите изследвания на интуицията // Психология. 1987. К. 3. С. 12–17.
- Поликаров А.* Контрoверсии по научното творчество. Списание на българската академия на науките. Год. XVII, кн. 2. София: Изд-во на Българската академия на науките, 1971. С. 3–30.
- Vasilev D.* Thinking as a personality manner of cognition // Third European Conference of Personality. Gdansk, September 23–26, 1986. P. 1–7.

The development of the ideas of A. V. Bruschlinsky in Bulgarian science

Nyagolova M. (Veliko Turnovo, Bulgaria)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of History of Psychology, University of Veliko Turnovo St Cyrill and St Methodius

References and A. V. Brushlinsky's citing in publications of the Bulgarian scholars from the different specialties are tracked: philosophers, sociologists, psychologists. The value of his publications in Bulgaria for the general interpretation and understanding of his scientific ideas is revealed. Their application and development in works of the Bulgarian scientists, devoted to studying of thinking, creativity, intuition and psychology of the subject, is shown.

Keywords: A. V. Bruschlinsky, bulgarian psychology, philosophy and sociology, creativity, thinking as a process, imagination, personality, psychology of the subject.

Личность, субъект деятельности, субъект жизни

Е. Н. Холондович (Москва)

*кандидат психологических наук,
Институт психологии РАН; e-mail: holelena@bk.ru*

В статье рассматривается личность гения через призму субъектно-деятельностного подхода. Критерии субъектности анализируются с точки зрения жизнедеятельности гения. Обосновывается применимость понятий субъект, субъект деятельности и субъект жизни к гениям. Также соотносятся понятия субъект, личность и индивидуальность. Делается вывод о том, что именно в гениях в полной мере проявились все свойства личности, субъекта деятельности и субъекта жизни. Гениальные личности постоянно развиваются, самосовершенствуются и стремятся к идеалу, что приводит их к пониманию необходимости духовного поиска, результатом которого становятся великие достижения в сфере их деятельности.

Ключевые слова: гении, духовный поиск, личность, субъект, субъект деятельности, субъект жизни, критерии субъектности, индивидуальность.

«В творчестве созидается и сам творец. Есть только один путь — если есть путь — для создания большой личности: большая работа над большим творением. Личность тем значительнее, чем больше ее сфера деятельности, тот мир, в котором она живет...» (Рубинштейн, цит по: Брушлинский, 2006, с. 465). Именно на этот созидающий, формирующий аспект деятельности указывал А. В. Брушлинский, анализируя работы С. Л. Рубинштейна и обосновывая субъектно-деятельностный подход и психологию субъекта. Эта цитата как никакая другая подходит для определения гения. Так как именно гении в процессе своей деятельности, в ее продуктах сформировались, творили, самосовершенствовались и вышли на уровень субъекта.

Если обратиться к критериям субъектности, то можно увидеть, что они отражают суть, глубину, психологические особенности жизненного пути и творчества гениев (Абульханова, 2012). Одним из важнейших критериев субъектности является *наличие в жизни человека противоречий и умение их преодолевать*. Именно через их преодоление, по мнению Абульхановой, и происходит развитие человека как субъекта. Борьба с противоречиями как на уровне творчества, так и на уровне своей целостной жизнедеятельности, всего своего жизненного пути, сопровождает гениев. Это обусловлено как внешними причинами, так и внутренними особенностями их личности. Сложность взаимодействия с миром из-за особенностей воспитания, неоднозначного психического состояния, системы идей и представлений, как, например, в случае с Ф. М. Достоевским, Н. В. Гоголем, приводит гения в состояние внутриличностных кризисов, а порой к кризису жизни, преодоление которых становится источником творческого подъема и новых свершений (Холондович, 2017). Умение справляться со своим психическим нездоровьем, способность сублимировать его в творчестве дает возможность гениям достичь уровня психологического здоровья, который позволяет оставаться нормальными членами общества и трудиться на его благо.

Второй критерий субъектности напрямую связан с первым – это *умение использовать свои психические, личностные, профессиональные, жизненные возможности в качестве средств для осуществления своей жизни* и преодоления возникающих в ее процессе противоречий. Когнитивные, личностные и профессиональные ресурсы были источниками творческих достижений выдающихся личностей. И таким ресурсом был, прежде всего, сам процесс творчества. Так, Ф. М. Достоевский, находясь в Петропавловской крепости и ожидая сурового приговора по делу Петрашевского, даже почувствовал улучшение своего психического состояния, так как имел возможность продолжать свои литературные занятия и видел в создавшейся ситуации источник величайших наблюдений за человеческой природой. В этот период им написано самое светлое произведение – «Маленький герой».

Следующим ресурсом для гениев является способность к рефлексии, роль которой в самосовершенствовании и самовоспитании гения неопределима. О рефлексии Достоевский писал как о неотъемлемой части его мышления. Это отмечали и близко знавшие его люди. Дневники писателя содержат анализ его собственных переживаний и самочувствия, его поступков, размышлений о смысле жизни, о событиях окружающей действительности, взаимоотношениях с окружающими людьми.

Серьезным ресурсом для преодоления кризисных периодов в жизни и творчестве для гениев послужила вера в собственный талант и собственное предназначение.

И, конечно же, индивидуальные особенности их личности. Так, Н. В. Гоголь и А. П. Чехов обладали необыкновенным чувством юмора. Гоголь использовал двигательную активность как способ борьбы с физическим нездоровьем и творческим застоем. Для Достоевского долгое время это был несколько парадоксальный способ — игра в рулетку, при помощи которой он воссоздавал ощущение кризиса жизни (проигрывать все что можно и нельзя) и с новой силой и энергией принимался за работу. Это продолжалось в течение десяти лет, пока он не нашел другой ресурс: вера и жизнь ради горячо любимых детей.

Третий критерий, который выделен С. Л. Рубинштейном, — это рефлексивность, понимаемая им как серьезное, ответственное отношение к жизни. Безусловно, гении были очень сложными людьми в межличностных отношениях. Их внутренний мир был глубок и непросто, но, погружаясь в свое творчество, они выходили на значимые вопросы как для отдельного человека, так и для общества в целом. Постановка этих вопросов, по мнению А. П. Чехова, и является главной задачей художника. «Художник наблюдает, выбирает, догадывается, komponует — уж одни эти действия предполагают в своем начале вопрос; если с самого начала не задал себе вопроса, то не о чем догадываться и нечего выбирать...» (Чехов, 1976, т. 3, с. 45). При этом они раскрывали все новые и новые горизонты своей личности. Анализируя свое творчество, А. П. Чехов писал: «...те сюжеты, которые сидят в голове, досадливо ревнуют к уже написанному; обидно, что чепуха уже сделана, а хорошее валяется в складе, как книжный хлам... все, что теперь пишется, не нравится мне и нагоняет скуку, все же, что сидит у меня в голове, интересует меня, трогает и волнует — и из этого я вывожу, что все делают не то, что нужно, а я один только знаю секрет, как надо делать» (там же, с. 47). В этом отрывке из письма писателя приоткрывается сложность творческих исканий художника, противоречивость в восприятии своих произведений. С одной стороны, очень строгая и жесткая критика, чувство ответственности перед собой и читателями. С другой — вера в собственные возможности и талант. Приходя к пониманию необходимости самосовершенствования и самовоспитания, гении видели необходимость преодоления себя не только как творца, но и как личности. В деятельности они проявляли свое дарование, но через деятельность они и совершенствовались как личность. «Единство деятельности, объединяющей многообразные действия и поступки, состоит в единстве ее исходных мотивов и конечных целей, которые явля-

ются мотивами и целями личности» (Брушлинский, 2006, с. 479). Тем самым они достигали высот не только как субъекты деятельности, но и как личности, и стремились достичь вершин духовного развития, проходя постепенно различные его стадии. От постижения эстетических и этических ценностей культуры, через особые состояния сознания, связанные с переживаниями творческого процесса, они приходили к пониманию философско-психологического уровня духовности, через стремление познать истину, порой достигая религиозного его уровня (Гоголь, Достоевский). Данные уровни были выделены в работах современных психологов (Знаков, Ожиганова, и др.) и проанализированы мной с точки зрения значимости духовности в жизни гениальной личности, и одним из важнейших критериев гениальности была выделена высокая духовность личности гения (Холондович, 2017).

Четвертый критерий, введенный К. А. Абульхановой, — *реальность самореализации в жизни общества*. Этот вопрос довольно противоречив, так как не все гении были признаны своими современниками, но их вклад в дальнейшее развитие культуры всего человечества нельзя переоценить. Глубоко усвоив особенности мировой и отечественной культуры, гении выходили на новый уровень и, как писал А. В. Брушлинский, «преодолевали ее ограниченность» (Брушлинский, 2006, с. 505), тем самым выводя ее на более высокий пласт понимания бытия человека. И еще необходимо отметить следующее. Гении являются своего рода нравственной элитой, задающей нравственные и моральные ориентиры для общества. Художник и мыслитель В. Кандинский выделял духовность как основополагающую черту в развитии человеческой культуры в целом. В его представлении духовная жизнь — это остроконечный треугольник, разделенный на секции (в его секции включены и наука, и искусство, и техника). Его основание — то, что доступно пониманию широкого круга людей, его же вершина — это место гениев, то, что определяет будущее (Кандинский, 2017).

Проведенный анализ показывает, что гениальные личности отвечают всем критериям субъектности. «Важнейшее из всех качеств человека — быть субъектом, т. е. творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути», — пишет А. В. Брушлинский (Брушлинский, 2006, с. 524). Это качество присуще гению как никому другому. Именно рассмотрение гения в процессе его жизненного пути, в процессе индивидуальной истории и истории своей страны дает возможность составить целостную картину его жизнедеятельности, оценить все этапы его формирования и развития, рассмотреть, как в процессе творчества развивается его личность, достигая все бо-

лее глубоких и разнообразных проявлений, приходя к пониманию самовоспитания и самосовершенствования и постепенно осознавая необходимость духовного развития, тем самым усложняя и наращивая свой творческий потенциал, достигая в нем вершин гениальности.

Но насколько в гениях соотносятся понятия «субъект» и «личность»? Нам наиболее близко понимание личности Б. Г. Ананьевым, который полагал, что именно личность выступает ядром человека, природного и общественного существа одновременно. Поэтому в нем пересекаются свойства личности, индивида и субъекта (Ананьев, 1968).

В свою очередь, Л. И. Анциферова в своих работах подчеркивала, что субъект характеризуется через различные формы внутренней и внешней активности, но ценностно-смысловые ориентации составляют важнейшие свойства личности. Так, понятие духовности является прерогативой именно личности.

Е. А. Сергиенко указывает на то, что человек — целостное существо, и его целостность обусловлена таким взаимодействием личности и субъекта, при которой он сохраняет свою уникальность, позволяющую ему осуществить свой жизненный путь в соответствие с теми жизненными смыслами, которые делают его жизнь подлинной. Личность задает направленность движения, а субъект обеспечивает его конкретную реализацию через организацию выбора цели и ресурсов индивидуальности человека. То есть носителем содержания ценностно-смысловой сферы является личность, а субъект — исполнитель тех задач, которые ставит перед ним личность, в деятельности (Сергиенко, 2012, 2013). Именно подлинности своей жизни и достигают гении на вершине своего творчества, добываясь высочайшей результативности в своей творческой деятельности.

Но гении достигают еще одного уровня развития человека — индивидуальности, который выступает как уникальный интегрирующий компонент всех свойств человека, связующей индивида, личность, субъекта деятельности в единую систему. И огромную роль здесь играет высокий уровень духовного развития.

Таким образом, гениальность представляется нам как высшая форма функционирования человека, его интеллектуального и духовного развития, открывающего возможность осмысления трансцендентных путей существования человека. При этом *духовность гениальной личности* выступает как нравственная основа личности, мировоззрение, система ценностей, духовный опыт, которые в совокупности со способностями обеспечивают ее деятельность на уровне, превышающем нормативные показатели, и позволяют достичь вершин творчества.

В этой связи хотелось бы привести данное К. А. Абульхановой определение духовности субъекта. «Субъект по определению является существом духовным, стремящимся к самосовершенствованию, достижению определенных идеалов. Однако субъект не потому субъект, что он уже есть совершенство, а потому, что он через разрешение противоречий постоянно стремится к совершенству, и в этом состоит его человеческая специфика и постоянно возобновляющаяся жизненная задача» (Абульханова, 1997, с. 58). Такое понимание духовности субъекта, где субъект существо постоянно развивающееся, самосовершенствующееся и стремящееся к идеалу, представляется нам очень значимым для понимания духовных исканий гениев. Может показаться, что гении существа совершенные. Отнюдь нет. Гениям были свойственны серьезные сомнения, противоречия, внутренние конфликты, поиски все новых средств для выражения своего таланта, преодоления физического нездоровья и сложности взаимоотношений с окружающим миром. В каждом из них был заключен свой «подпольный человек», со своими вопросами, протестами и противоречиями. С помощью творчества они старались преодолеть бушевавшие в них страсти. Перед собой они ставили мучительные вопросы о смысле жизни и неизбежности смерти, о божественной и животной природе человека, различии добра и зла, вере, значении свободы и красоты в жизни человека, ответственности каждого за вину другого. Таким образом, именно в гениях в полной мере проявились все свойства личности, субъекта деятельности и субъекта жизни. Весь их жизненный путь, воплощенный в их творчестве, в продуктах их деятельности (художественных произведениях, научных открытиях, письмах, дневниках, воспоминаниях значимых других и т. п.) показывает и те трудности, которые они преодолевали, и те вершины, которые они достигли. И гениев, несомненно, можно характеризовать как личность, субъекта деятельности, субъекта жизни в самых значительных своих проявлениях.

Литература

Абульханова К. А. Субъект и субъектность: проблема определения качеств. Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. 1. Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 55–62.

Абульханова К. А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъект // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 56–74.

- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968.
- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Кандинский В. В.* О духовном в искусстве. М.: Э, 2017.
- Кольцова В. А., Холондович Е. Н.* Воплощение духовности в личности и творчестве Ф. М. Достоевского. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2013.
- Сергиенко Е. А.* Системно-субъектный подход: субъект развития, субъект деятельности, субъект жизни. Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. 1. Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 105–110.
- Сергиенко Е. А.* Соотношение функций субъекта и личности в период взрослости. Психологические исследования проблем современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Чехов А. П.* Письма. Полное собр. соч. и писем. В 30 т. Т. 3. М.: Наука, 1976.
- Холондович Е. Н.* Духовные основы гениальности. Вестник ПСТГУ. Педагогика. Психология. Сер. IV: 47. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2017. С. 127–138.

Personality, subject of activity, subject of life

E. N. Kholondovich (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology of RAS

The article deals with the personality of genius through the prism of subject-activity approach. The criteria of subjectivity are analyzed from the point of view of the life of a genius. The applicability of the concepts of the subject, the subject of activity and the subject of the life of geniuses substantiates. The concepts of subject, personality and individuality are also correlated. It is concluded that it is in the geniuses that all the properties of the individual, the subject of activity and the subject of life are fully manifested. Genius personalities are constantly developing, self-improving and striving for the ideal, that they come to understand the need for spiritual search, the result of which are great achievements in the field of their activities.

Keywords: geniuses, spiritual search, personality, subject, subject of activity, subject of life, criteria of subjectivity, individuality.

Раздел IV

РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, СУБЪЕКТОГЕНЕЗ, ПСИХОГЕРОНТОЛОГИЯ

Освоение уличного пространства как показатель детской самостоятельности

А. А. Бочавер, К. Н. Поливанова** (Москва)*

** кандидат психологических наук, Центр исследований современного детства, Институт образования, НИУ «Высшая школа экономики»;
e-mail: a-bochaver@yandex.ru*

*** доктор психологических наук, профессор, Центр исследований современного детства, Институт образования, НИУ «Высшая школа экономики»; e-mail: kpolivanova@mail.ru*

Проблематизируется тема освоения детьми уличного пространства как показателя взросления. Характеризуются межпоколенные различия в содержании уличного досуга и сопутствующие характеристики детско-родительских отношений — контроль, доверие, информирование, тревога и т. п. Учитывая поддерживаемый в современном российском обществе высокий уровень технологизированного контроля за детьми в том, что касается их перемещений и деятельности (посредством мобильных телефонов, GPS-трекеров, видеокамер, электронных дневников, программ родительского контроля на компьютерах и телефонах и др.), можно предполагать, что развитие самостоятельности у детей сейчас должно приобретать другие формы и, возможно, иметь другой темп по сравнению с их родителями и пра-родителями. Обсуждаются новизна и перспективность исследований в данной области.

Ключевые слова: уличный досуг, уличная среда, подростки, перемещения, самостоятельность, освоение пространства, взросление.

Современные дети растут в противоречивых условиях с точки зрения развития их самостоятельности и отношения общества к взрослению. С одной стороны, формально взрослые (родители, педагоги и др.) ценят в детях их инициативу, наличие собственных интересов, готовность брать на себя ответственность. С другой, тревога за детей

чрезвычайно высока, мир воспринимается родителями как гораздо более опасный, по сравнению с их собственным детством, в связи с чем они стараются отдалять моменты перехода на следующий уровень самостоятельности (независимости от родителей и одновременно уязвимости), такие как самостоятельная дорога до школы и обратно, самостоятельное посещение магазина и совершение покупок, неструктурированное времяпрепровождение на детских площадках без взрослых и т. п. Это происходит на фоне доминирования дискурса о ценности молодости и о том, что старение — это страшно, который реализуется в продвижении разнообразных товаров и услуг, направленных на омоложение, геймификации изначально неигровых сфер жизни (т. е. в какой-то мере уподоблении потребителей детям) и др. Образ взрослого перестает быть таким привлекательным, каким он был раньше, например в советское время. Ребенок хотел становиться взрослым, у него появлялось «чувство взрослости», сопряженное с амбициями по поводу своей самостоятельности и требованиями отношения к нему как к взрослому, на которое дальше надстраивалась действительная взрослость, отражающаяся в поступках и рассуждениях (Эльконин, Драгунова, 1967). Сегодня дети воспринимают взрослых и себя иначе; самостоятельность им часто не кажется притягательной, а взрослые воспринимаются как менее свободные, более напряженные и зависимые люди, по сравнению с детьми (Поливанова, Бочавер, Нисская, 2017).

Отношение детей к уличной среде меняется от поколения к поколению. Современные российские дети и подростки, по сравнению со своими родителями и прародителями, осваивают уличное пространство хронологически позже, иначе его используют (меньше движения, больше общения), воспринимают окружающий мир, скорее, как опасный и требующий бдительности, а не как побуждающий к познанию. Характеризуя тенденцию, можно говорить о том, что на смену интересу к гаражам пришел интерес к кафе (Бочавер, Корзун, Поливанова, 2017).

В этом ракурсе возникает вопрос детско-родительских отношений, в частности тема родительского контроля за перемещениями и содержанием деятельности ребенка.

В рамках опроса взрослых (121 участник, 91 женщина и 30 мужчин, 1936–1994 гг. рождения) с использованием специально разработанной анкеты «Пространства детства» (детали исследования опубликованы в статье Бочавер, Корзун, Поливанова, 2017) был получен ряд интересных результатов, не вошедших в указанную статью.

Так, что касается знания родителей о том, где и чем занимаются их дети, взрослые респонденты сообщают следующее: у 60 опрошен-

ных из 121 родители были информированы о том, где и чем заняты дети, у 40 – родители не знали об этом, доверяя детям и их здравому смыслу, и у 17 респондентов родители целенаправленно бывали обмануты. Родительский контроль в отношении местоположения детей был не очень распространен: мобильных телефонов не было, и основными регуляторами служили доверие к детям и упование на их здравый смысл. Родителям было достаточно знать, где дети (что не всегда соответствовало реальности), а во многих семьях было вообще не принято контролировать занятия ребенка в то время, пока родители на работе. В то же время функционировали определенные правила, выполнение которых ожидалось от детей. Наиболее распространенными ограничениями выступали место прогулок («где можно гулять» либо «где нельзя гулять») и время, к которому следовало возвращаться домой. Для маленьких детей в городе пространство гуляния чаще ограничивалось двором и зоной видимости, для детей постарше ставились запреты на посещение определенных мест, а также ограничения по времени и по выполненным задачам. С одной стороны, территориальные ограничения определялись возрастом ребенка (до какого-то момента многим детям разрешалось гулять только в пределах двора, видимости из окон), с другой – были запрещены для посещения конкретные локации (50 человек из 121 говорят об этом), определенные опасностью самих мест, а не возрастом ребенка. Половина респондентов сообщает о временных ограничениях – требовании вернуться до темноты, до 21 часа, до 22 часов и т. п. Кроме того, иногда упоминаются запреты и ограничения на круг общения ребенка (нежелательная компания), на занятия, а также обсуждаются условия, при которых прогулка возможна (выполнение ребенком тех или иных учебных или бытовых задач). 24 человека говорят о том, что родители не ставили им ограничений на уличное времяпрепровождение.

Родители, как правило, не знали, где мы находимся, так как время игр приходилось на время, когда родители были на работе, т. е. до 19 часов мы были предоставлены сами себе.

Ограничения были лет до 15 по времени: приходит до 21–22 часов. Еще порой ограничения заключались в разрешении прогулки после выполнения какой-нибудь работы («подметешь двор, потом можешь гулять», «выполешь палисадник...»), «переберешь картошку...»).

Кроме того, 16 человек рассказали о тех или иных опасных эпизодах, связанных с самостоятельными перемещениями в их детском и подростковом возрасте, из них 6 историй – о том, как дети заблудились, 2 – как на них кто-то напал, и 8 – как они сами предприняли нечто небезопасное.

Опрос подростков (130 участников, 94 девушки и 36 юношей, 1997–2005 гг. рождения) с использованием анкеты «Свободное время», разработанной на основе ответов взрослых респондентов, включал в себя просьбу оценить в баллах сходство процитированных эпизодов из взрослых рассказов с личным опытом респондентов-подростков. Наиболее низкий балл получил отрывок *«После 19 часов, как правило, собирались на территории детского сада рядом с нашим домом или школой. Здесь прельщала возможность уединения, риск – не попасться на глаза, тусовка друзей...»* (средний балл – 1,42, стандартное отклонение – 0,73). Наиболее похожим на их собственный опыт был признан текст: *«Гулять всегда предпочитаю один или в компании очень близких друзей (2–3 человека)»* (средний балл – 3,66, стандартное отклонение – 1,22). Наиболее многочисленные отклики по наличию схожего опыта вызвали истории про запрещенное посещение стройки и проверки на смелость, а также про прогулки недалеко от дома и катание на роликах, а наименьшее – истории посещения заброшенного здания, игры с выброшенными на свалку предметами и околонулиганские выходки, они же собрали наибольшее количество эмоционально окрашенных комментариев. Это может объясняться, с одной стороны, социальной желательностью респондентов, поскольку они описывают свою актуальную, а не прошлую, реальность, с другой – большей «законопослушностью» развлечений современных детей и подростков. Типичная реакция на историю о посещении заброшенной сторожки: *«Нет, ничего похожего. В заброшенные дома не лажу и ночью всегда дома»*. Такой паттерн реагирования на подростковые истории прошлых поколений может объясняться по-разному. Он может быть связан с другим переживанием взросления – как не предполагающим рискованных экспериментов и попыток уйти от контроля взрослых; он может быть просто маскировкой и социально желательной формой реагирования, помогающей скрыть личный опыт и удержать границы личного пространства; он может объясняться тем, что респонденты-подростки имеют более маленький психологический возраст, по сравнению с реконструированными по воспоминаниям подростками предыдущих поколений, и др. Учитывая, что в современном российском обществе поддерживается очень высокий уровень технологизированного контроля за детьми в том, что касается их перемещений и деятельности (посредством мобильных телефонов, GPS-трекеров, видеокамер, электронных дневников, программ родительского контроля на компьютерах и телефонах и др.), можно предполагать, что одним из аспектов взросления детей является их обучение тому, чтобы обходить всевозможные технические приспособления, используемые

их родителями для контроля. В этом случае, возможно, респонденты могут не испытывать желания сообщать о подобных опытах исследователям, пусть даже анонимно. Однако возможно, что меняется темп взросления, и предподростковый и младший подростковый периоды пролонгируются, отдаляя наступление самостоятельности.

Отдельным вопросом является пространство, в котором для современных детей и подростков становится возможно тренировать самостоятельность. Вероятно, частично эту площадку занимает Интернет, как новая, вызывающая жгучий интерес детей, «модная» среда, которая во многом закрыта для их родителей и которая открывает детям многие возможности, так же как и заставляет встречаться с рисками. Представляется, что исследования самостоятельности современных детей — их поисковой активности, реализации интересов, независимых перемещений, бытовых обязанностей, ответственности в разных сферах жизни — являются чрезвычайно важными с точки зрения как вклада в развитие возрастной психологии, так и развития системы психолого-педагогической поддержки детей и семей в современном обществе.

Литература

- Бочавер А. А., Корзун А. Н., Поливанова К. Н.* Уличный досуг детей и подростков // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 14. № 3. С. 470–490.
- Поливанова К. Н., Бочавер А. А., Нисская А. К.* Взросление пятиклассников: 1960-е vs 2010-е // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 185–205.
- Эльконин Д. Б., Драгунова Т. В.* (ред.). Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков. М.: Просвещение, 1967.

The expoloration of the street space as an indicator of children’s self-reliance

A. A. Bochaver, K. N. Polivanova** (Moscow)*

* Candidate of Psychological Sciences, Centre for the Study of Modern Childhood, Institute of Education, National Research University “Higher School of Economics”

** Doctor of Psychological Sciences, Professor, Center for Contemporary Childhood Studies, Institute of Education, National Research University “Higher School of Economics”

The theme of children’s development of street space as an indicator of growing up is problematized. The intergenerational differences in the content of

street entertainment and related characteristics of parent-child relationships-control, trust, information, anxiety, etc. are characterized. Taking into account the high level of technological control over children in the modern Russian society with regard to their movements and activities (by means of mobile phones, GPS-trackers, video cameras, electronic diaries, parental control programs on computers and phones etc.), it can be assumed that the development of independence in children should now take other forms and may have a different rate compared to their parents and grandparents. The novelty and prospects of research in this area are discussed.

Keywords: outdoor leisure, outdoor environment, teenagers, movement, independence, space exploration, growing up.

Педагог как субъект профессионального пути

Е. Г. Белякова (Тюмень)

*доктор педагогических наук, Тюменский государственный университет;
e-mail: b-evgenia@yandex.ru*

Анализируются особенности современной социокультурной ситуации, характеризующейся непрерывным изменением рынка труда и профессий и, как следствие, постоянным обновлением требований к компетенциям специалистов. В этих условиях возникает потребность в активизации обучающихся в роли субъекта профессионального саморазвития, способного к самостоятельной постановке и реализации задач, связанных с профессионально-личностным ростом. Опережающее саморазвитие в профессии становится возможным благодаря способности личности осмысленно относиться к своему профессиональному будущему, выступать субъектом профессионального пути. Анализируется механизм проектирования профессионального будущего, сущностью которого является смысловое определение предстоящей деятельности, ее восприятие как лично и социально ценной для реализации собственного потенциала и достижения значимых целей. Выявляется состояние реализованности данного механизма применительно к вузовской подготовке педагогов. Обосновывается благоприятность условий в современной образовательной практике для активизации становления студентов педагогических направлений в роли субъектов профессионального пути.

Ключевые слова: опережающее профессиональное саморазвитие, профессиональный путь, проектирование профессионального будущего, смыслообразование.

Современное общество отличается высокой динамичностью развития, а его состояние достаточно полно характеризует триада «неопреде-

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 18-013-00106.

ленность—разнообразию—сложность» (А. Г. Асмолов). Применительно к проблемам профессионализации личности складывается ситуация непрерывного изменения рынка труда и профессий, что приводит к постоянному обновлению требований к компетенциям специалистов. В этих условиях возрастает роль субъекта профессионального самоопределения и саморазвития. Современный специалист должен быть готов к продуктивному позиционированию, диверсификации в профессиональной среде, непрерывному образованию на разных этапах своей профессиональной карьеры. В любой сфере труда сегодня жизненно значима готовность личности к осмысленному опережающему саморазвитию с учетом тенденций социокультурной ситуации. Особую актуальность проблема профессионального саморазвития приобретает в период вузовской подготовки будущих специалистов, когда закладываются ценностные ориентиры и перспективные цели профессиональной деятельности, выступающие основой последующего освоения ее операциональных компонентов.

Анализ современной научной литературы позволяет выделить две модели взаимодействия личности и профессии. Профессионально-ориентированная модель ориентирована на требование соответствия человека профессии, что предполагает создание профессионально-квалификационной модели и подготовку/отбор специалистов, ей соответствующих. В данном случае ведущими факторами, оказывающими на становление профессионала, полагаются объективные требования профессии. Личностно-ориентированная модель строится на идее внутреннего потенциала личности как основы выбора способа самореализации в профессиональной сфере. Соответственно выделяются две модели профессионального становления — как адаптивного поведения (подстройка к требованиям профессии) и профессионального развития (осмысленная внутренне детерминированная самореализация в контексте профессиональной деятельности) (Митина, 1998). В современном социуме личностно-ориентированная модель является весьма актуальной, поскольку акцентирует идею субъектной детерминации профессионального становления личности.

В традиции субъектно-деятельностного подхода (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова-Славская и др.) понятие субъектности указывает на способность личности выступать инициатором и организатором собственной активности в процессе жизнедеятельности. Субъектные свойства, характеризующие интенциональность личности и ее способность к саморегуляции деятельности, обеспечивают следующие звенья целостного механизма: актуализация потребности; принятие решения о цели (выбор);

построение образа среды, в которой будет осуществляться деятельность; создание собственного образа «Я» как внутреннего условия активности; формирование программы исполнительских действий для достижения цели; создание системы эталонов, критериев для оценки успешности достижения поставленной цели; регуляция действий; обратная связь о результатах активности; контроль, оценка, прогноз, при необходимости коррекция действий (Алексеева, 2004). В этом случае личность выступает субъектом проектирования собственной активности, определяющим ее направленность, содержательные и процессуально-динамические характеристики.

Высшей формой развития субъекта труда является субъект профессионального пути, который интегрирует в себе генетически более ранние формы субъектности, актуализирует их в конкретной ситуации, инициирует их формирование и функционирование (Поваренков, 2008). Благодаря субъектным свойствам личности становятся возможными осмысленное проектирование и реализация профессионального пути, а важнейшим результатом является формирование профессиональной идентичности – самоидентичности в профессии, ощущение своего призвания к ней, возможностей для продуктивной самореализации и саморазвития. Проектирование профессионального будущего представляет собой особый смысловой механизм, позволяющий личности включиться в опережающее профессиональное саморазвитие. Процесс построения проекта профессионального будущего как необходимая составляющая профессионального самоопределения включает акт целеполагания, формирование профессионального образа, экстраполяцию в будущее своих представлений, планирование способов и этапов реализации проекта (Шляпина, 2006). В условиях обучения возникает особая задача корректировки первоначальных «мифологических», сформированных под воздействием социальных стереотипов и установок, представлений о будущей профессии, происходит уточнение и содержательное наполнение профессионального образа (Исмагилова, 2006). Проектирование профессионального будущего как особая форма интеллектуальной деятельности человека направлено на осуществление целеполагания, осознание личностных ресурсов для достижения целей обозримого профессионального будущего, нахождение путей восполнения необходимых ресурсов, конструирование образа ожидаемого результата профессиональной перспективы в соответствии с обозначенными временными континуумами (Кочнева, 2013). Конструирование профессионального будущего связано с деятельностью прогнозирования, предметом которого выступают проектирование и реализация профессионального становления человека

с учетом объективных требований социокультурной ситуации (Зерер, Сыманюк, 2014). Сформированность проекта профессионального будущего выступает важным показателем динамики профессионального самоопределения, а применительно к практике вузовской подготовки специалистов – необходимым условием последующего успешного включения студента в профессиональный контекст.

Ключевым моментом механизма проектирования профессионального будущего является смысловое определение предстоящей деятельности, ее восприятие как лично и социально ценной для реализации собственного потенциала и достижения значимых целей, определение базовых смыслов профессии, в русле которых осуществляется дальнейшее целеполагание и проектирование способов саморазвития, выстраивается индивидуальный маршрут их реализации. Субъективная картина профессионального пути, включающая взаимосвязанные образы прошлого, настоящего и будущего, носит интегративный характер, создавая предпосылки для переживания самоидентичности личности и избранной профессии, что является вкладом в становление профессиональной идентичности. Осмысленный опыт выступает основой для постановки актуальных задач и определения предстоящей активности. Проектирование профессионального будущего может осуществляться применительно к ближайшим учебно-профессиональным или профессиональным задачам, либо реализуется в среднесрочной перспективе, или же охватывает всю обозримую на данный момент жизнь человека. Создавая дальние, наиболее продолжительные планы профессионального будущего, человек одновременно определяет свою жизненную стратегию, в которой интегрированы результаты профессионального и личностного самоопределения. «Проект профессионального жизненного пути» является осознанным мысленным образом персонального профессионального будущего, сформированным на базе личностных ценностей и содержании профессиональной Я-концепции (Шляпина, 2006).

Применительно к педагогической профессии, в русле исследований Н. В. Кузьминой, А. К. Марковой, И. А. Зимней сложилась традиция описания субъектных характеристик педагога в терминах компетентного подхода, отражающих степень готовности личности к осуществлению профессиональной деятельности, что в большей степени соответствует профессионально-ориентированной модели взаимодействия личности и профессии. Н. В. Кузьмина включает в структуру субъектных факторов учителя тип направленности, уровень способностей и компетентность, в которую входят специально-педагогическая, методическая, социально-психологическая,

дифференциально-психологическая и аутопсихологическая компетентности. В работах А. К. Марковой структура субъектных свойств педагога раскрывается через два основных блока характеристик – объективных (профессиональные, психологические, педагогические знания и умения) и субъективных (профессиональные, психологические позиции, установки, личностные особенности). И. А. Зимняя включает в состав субъектных свойств педагога психофизиологические (индивидуальные) свойства субъекта как предпосылки осуществления им его субъектной роли, выступающие в качестве задатков; способности; личностные свойства, включая направленность; профессионально-педагогические и предметные знания и умения как профессиональную компетентность в узком смысле. В современных исследованиях профессиональное становление личности педагога связывается уже не только с приращением знаний, умений и навыков, но и с формированием профессионально важных личностных качеств, таких как эрудиция, целеполагание, практическое и диагностическое мышление, интуиция, наблюдательность, предвидение и рефлексия, которые выполняют важную роль в построении будущей деятельности (Корытова, Никифорова, 2015). Субъектность как высший уровень профессионального развития личности педагога проявляется в готовности и способности превращать свою профессиональную деятельность в предмет рефлексивного познания, совершенствования и преобразования. В этом процессе необходимыми являются: способность саморегуляции, самоорганизации деятельности; разнообразные практико-ориентированные умения, способы действий; моделирование, планирование содержания, методов, форм работы педагога и деятельности учащихся, форм продуктивного педагогического взаимодействия; реализация намеченных программ; контроль процесса и оценка результатов своих действий; разнонаправленная рефлексия собственной деятельности и деятельности учащихся.

В значительно меньшей степени исследованы аспекты профессионального становления педагога, связанные с вопросами субъектной детерминации профессионального пути. Профессиональное становление педагога во многом зависит от культуры профессионально-личностного самоопределения, которое обеспечивает способность осуществлять выбор в быстро изменяющихся условиях профессионального бытия. Системообразующей характеристикой субъектности педагога в силу специфики данной профессии является ценностное отношение к ученику, профессиональная мотивация, которая основывается на гуманистических ценностях и определяет отношение к ученику как к уникальной неповторимой личности, со своим внутренним миром и жизнью, наполненной смыслом. К смысловым

основаниям профессионального самоопределения педагога относятся: понимание учителем своей миссии как посреднической; понимание и принятие уникальности и ценности ученика; сложная, позитивная, открытая, гибкая «Я-концепция» педагога, обеспечивающая готовность к изменениям; внутренний локус контроля (принятие внутренней ответственности) в педагогической деятельности; ориентация на открытое и конструктивное взаимодействие с учащимися (Волкова, 1998). Эти характеристики педагога являются смыслонаправляющими при проектировании профессионального пути, представляя собой интериоризованные гуманитарные смыслы педагогической деятельности.

Потенциал механизма проектирования профессионального будущего может быть эффективно использован для условий вузовской подготовки, когда обучающийся включен преимущественно в учебный контекст, что создает определенные трудности для профессионального самоопределения. В психолого-педагогических исследованиях, современных нормативных документах и образовательной практике оформляется направленность на индивидуализацию отечественного образования через организацию обучения в форме индивидуальных образовательных траекторий, что предполагает проектирование обучающимися своего профессионального пути и способов его реализации. Развивается опыт организации осмысленной практико-направленной деятельности студентов педагогических направлений. В образовательной практике используются новые виды сопровождения профессионального развития педагога на разных этапах его становления, включая вузовское обучение. Складываются новые модели педагогического образования, которые требуют разработки и реализации системного сопровождения профессионального самоопределения педагога на его профессиональном пути. Акцент на индивидуализации образования означает, что сопровождение должно реализовывать условия для становления педагога в роли субъекта профессионального самоопределения и саморазвития.

Литература

- Алексеева Л. В.* Психология субъекта и субъекта преступления. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004.
- Волкова Е. Н.* Субъектность педагога: теория и практика: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1998.
- Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э.* Теоретико-прикладные основания прогнозирования профессионального будущего человека // *Фундаментальные исследования.* 2014. № 9. С. 1863—1869.

- Исмагилова И. В.* Формирование смысло-ценностных основ профессионального самоопределения студентов ССУЗа: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тюмень, 2006.
- Корытова Г. С., Никифорова Н. А.* Профессиональное становление личности педагога: проблемное поле и концептуальные модели // Вестник ТГПУ. 2015. № 1 (153). С. 9–15.
- Кочнева Е. М.* Концептуальные основы подготовки студентов к проектированию будущей профессиональной деятельности. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2013.
- Митина Л. М.* Психология профессионального развития учителя. М.: Флинта, 1998.
- Поваренков Ю. П.* Психологическая структура субъекта профессионального пути // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. Т. 1. № 2. С. 9–16.
- Шляпина С. Ф.* Формирование профессионального самоопределения студентов вуза // Вестник ТюмГУ. 2006. № 7. С. 198–202.

Pedagogue as a subject of professional way

E. G. Belyakova (Tyumen)

Doctor of Pedagogical Sciences, Tyumen State University

The features of the modern socio-cultural situation characterized by a continuous change in the labor market and professions are analyzed, and as a result – the constant updating of the requirements for the competencies of specialists. In these conditions, there is a need for activization of students in the role of a subject of professional self-development, capable of independently setting and implementing tasks related to professional-personal growth. Advancing self-development in the profession becomes possible due to the ability of the individual to consciously treat his professional future, to act as a subject of a professional path. The mechanism for designing a professional future is analyzed, the essence of which is the semantic definition of the forthcoming activity, its perception as personal and socially valuable for realizing its own potential and achieving significant goals. The state of realization of this mechanism is applied with reference to the university training of teachers. The advantage of conditions in modern educational practice is substantiated for the activation of the formation of students in pedagogical directions in the role of subjects of the professional way.

Keywords: advanced professional self-development, professional way, design of professional future, sense formation.

Внутренний диалог в экзистенциальном анализе и проблема субъектности

А. В. Визгина (Москва)

*кандидат психологических наук, факультет психологии,
МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: annavizgina@yandex.ru*

В данной статье предлагается взгляд на внутренний диалог (ВД) в его экзистенциально-аналитическом понимании как на инструмент формирования и поддержания субъектности человека. Обосновывается связь понятия субъектности с такими понятиями экзистенциального анализа (ЭА), как «жизнь с внутренним согласием», «экзистенциальная исполненность», аутентичность, волевой акт. С точки зрения ЭА, человек тогда становится способным свободно и осознанно выстраивать свою жизнь, принимать решения и отвечать за них, т. е. обретает качества субъекта, когда начинает жить и действовать в согласовании с собой, своими ценностями и убеждениями, своей сущностью. Такое согласование осуществляется в специально выстроенном, формируемом в процессе психотерапии внутреннем диалоге, представляющем собой последовательность шагов, которые подводят человека к занятию позиции и принятию решения. В статье рассматриваются также механизмы формирования экзистенциального ВД, его функции, а также отличительные особенности, по сравнению с другими типами внутренней диалогичности.

Ключевые слова: внутренний диалог, экзистенциальный анализ, субъект, субъектность, внутреннее согласие, Я, Person.

Субъектность — это одна из основополагающих антропологических характеристик человека, которая раскрывается через такие понятия, как активность, свобода, ответственность, самоопределение. Быть субъектом — это принимать решения, занимать позицию, совершать выбор и тем самым активно и осознанно влиять на свою жизнь и самого себя. С.Л. Рубинштейн одним из первых ввел в пси-

хологию понятие субъект жизни как сущностного качества личности, становление которого происходит в течение всей жизни и является существеннейшей характеристикой зрелой личности (Рубинштейн, 2002). А. В. Брушлинский развил и углубил эти идеи, разработав ряд критериев субъектности, которые он рассматривал, прежде всего, в динамическом плане, предполагающем, что человек не рождается субъектом, а становится им в процессе деятельности, общения и других видов активности (Брушлинский, 2002). В. В. Знаков, опираясь на идеи А. В. Брушлинского и С. Л. Рубинштейна, в качестве важных критериев субъектности выдвигает следующие качества человека: способность свободно и осознанно принимать решения на основании нравственных убеждений и нести за них ответственность, развитость навыков самопознания, самопонимания, способность соотносится с бытием (Знаков, 2005). При этом рефлексия, направленная на себя, рассматривается как «ключ к превращению человека в субъекта» (там же, с. 23). Еще одним важным критерием субъекта, по мнению автора, является способность к саморазвитию человека, к влиянию на собственную деятельность и жизнь в целом.

Эти идеи во многом перекликаются с идеями экзистенциального анализа (ЭА) как психотерапевтического направления, развиваемого учеником В. Франкла, Альфридом Лэнгле. Являясь ветвью экзистенциальной психологии, ЭА, тем не менее, не оставляет человека в одиночестве перед данностями бытия, с чем был не согласен А. В. Брушлинский, полемизируя с экзистенциальными психологами, а, напротив, ставит диалог человека с миром и с самим собой во главу угла своей антропологической концепции. Именно в таком диалоге, с точки зрения А. Лэнгле, и формируется человек как субъект (Лэнгле, 2009а). Хотя в экзистенциальном анализе понятия «субъект» и «субъектность» не используются, однако по существу речь идет о формировании именно этого качества личности как условия достижения экзистенциальной исполненности. Основная цель ЭА как психотерапевтического направления — «помощь личности в том, чтобы она открыла в себе способность свободно (в духовном и эмоциональном смысле) и полно проживать свою жизнь, смогла выйти на аутентичные установки и актуализировать личную ответственность по отношению к собственной судьбе и миру» (Лэнгле, 2001, с. 5). Речь идет о способности жить и действовать не произвольно, а с внутренним согласием, т. е. в согласовании с собой, со своими ценностями и убеждениями, со своей сущностью. Именно через это человек становится субъектом, способным свободно и осознанно выстраивать свою жизнь, совершать поступки и отвечать за них, стоять за себя перед лицом трудностей. Свобода личности находит свое

высшее воплощение в волевом акте, понимание которого в ЭА обладает своей спецификой. Это не преодоление себя ради тех или иных целей, а действие, исходя из своего истинного «хочу» (wollen), опирающееся на четыре главных условия экзистенции, соответствующие четырем фундаментальным мотивациям (Лэнгле, 2013). Для реализации так понимаемого волевого акта, человек должен прийти к внутреннему согласию по следующим 4 вопросам: может ли он совершить этот акт, исходя из своих возможностей и внешних условий; нравится ли ему это, учитывая собственные чувства и желания; будет ли это правильно, с точки зрения его совести; будет ли это иметь смысл в контексте его деятельности и жизни в целом. ЭА ставит своей целью помощь человеку в ответах на эти вопросы, через которые происходит согласование с собой и приближение к истинному «Я хочу». «Поэтому, — как пишет А. Лэнгле, — можно утверждать, что ЭА как психотерапия является «психотерапией воли» (там же, с. 29). В результате такого согласования происходит интеграция личности человека, обретение им свойств субъектности, когда каждое его действие, каждый шаг в жизни является не случайным или вынужденным, а идущим изнутри, отражающим его сущность, его Person. А. Лэнгле отмечает, что «чем меньше воля конгруэнтна Person, тем менее свободным чувствует себя человек; чем менее он свободен, тем менее ответственным он является, тем в меньшей степени он способен давать ответ, как внешнему миру, так и самому себе» (там же, с. 33). Отсутствие внутреннего согласования может привести в конечном итоге к дезинтеграции личности, отчуждению от самого себя, к тому, что в ЭА называется психическим расстройством, когда человек снова и снова делает то, чего он не хочет, и не делает того, что он хочет. Таким образом, свобода состоит в том, чтобы действительно хотеть того, что делаешь — чтобы делать это с внутренним согласием.

Как же на практике реализуется это согласование? Одним из основных механизмов такого согласования в ЭА является внутренний диалог (ВД), через который человек обнаруживает и сохраняет связь с самим собой. Принцип двойной открытости (или двойного диалогического обмена), выдвигаемый А. Лэнгле, заключается в том, что для становления человека, открытия себя в своей сущности, человеку необходим не только диалог с Другим, но и диалог с самим собой (Лэнгле, 2001). По сути, ЭА, как психотерапия, строится на том, чтобы научить человека внутреннему диалогу с самим собой, причем не любому, а специально выстроенному, исходя из понимания структуры экзистенции, и направленному на установление контакта с собой, усиление доступа к своим ценностям, чувствам, своей сущности (Person). Такое понимание ВД делает упор не на конфликт

и противостояние позиций, как это традиционно понимается в современной психологии и психотерапии, а на самопонимание и выработку собственной позиции, с опорой на свои переживания и соотнесение со своими ценностями, картиной Я, и наконец, со своей сущностью. Практика ведения такого специально выстроенного ВД приводит к выработке целостной позиции человека, способствуя уменьшению его неаутентичности и внутренней рассогласованности.

В ЭА существуют специальные техники, направленные на формирование привычки к ВД и превращение его в повседневную практику. Например, в рамках тренинга самодистанцирования клиенту сначала предлагается комментировать свои действия в актуальном режиме; затем говорить с Другим о себе, рассказывать о своих планах, проблемах; за этим следует более углубленная форма работы, включающая размышления над причинами сложившейся ситуации, рассмотрение ее с разных точек зрения, в том числе, глазами других людей, взвешивание альтернативных возможностей и т. п. (в том числе, письменном виде). Эти предварительные шаги облегчают переход к собственно внутреннему диалогу, или беседе с самим собой – когда клиент становится способен не только говорить о себе, но и обращаться к себе, входить во взаимообмен с собой, слышать возникающую в нем обратную связь.

Основным механизмом формирования ВД в ходе ЭА терапии является механизм интериоризации. Клиенту предлагаются вопросы, которые он впоследствии может задавать себе во внутреннем диалоге, а также модели самостоятельной работы с собой, направленные на решение конкретных проблем (работа с неуверенностью, шаги по прощению другого или себя, метод укрепления воли и т. п.). Клиент не только учится сам задавать себе вопросы, которые ранее задавал ему терапевт, но спонтанно усваивает уважительное, принимающее, заинтересованное отношение к нему терапевта, признающего его безусловную ценность и уникальность, и начинает соответствующим образом относиться к самому себе. Это способствует открытию доступа к своим чувствам, а также к ранее непринятым аспектам Я, создавая тем самым основу для развития способности к внутреннему диалогу.

Метод персонального экзистенциально анализа (ПЭА) среди прочих методов ЭА является наиболее универсальной моделью, наилучшим образом воплощающей в себе последовательные шаги по установлению контакта с самим собой, точнее с Person, сущностным ядром человека, являющимся, «самой глубокой основой Я» (Лэнгле, 2009б, с. 64). А. Лэнгле пишет: «Быть Person означает быть способным проживать свое Я из глубины, и тем самым быть Я в полном смыс-

ле... Person — это то, что говорит во мне» (там же, с. 64–65). Важнейшей характеристикой Person является способность к диалогу. Метод ПЭА был разработан А. Лэнгле для того, чтобы подвести человека к принятию решения и занятию позиции через осуществление диалога с Person в качестве внутреннего визави. Этот метод представляет собой последовательность шагов, которые проходит клиент с помощью терапевта: 1) описание проблемы через выход на дистанцию по отношению к ситуации и самому себе; 2) обращение к субъективному впечатлению и чувствам, возникающим спонтанно в связи с ситуацией, и попытка ухватить их феноменологическое содержание; 3) понимание смысловых взаимосвязей в их целостности, вынесение суждения, занятие позиции и принятие решения с опорой на голос совести (воплощающей Person); 4) нахождение конкретного пути реализации решения.

В результате интериоризации этих шагов клиент уже самостоятельно может выходить на контакт с собой и разворачивать конструктивный ВД, теперь и вне терапевтических рамок в своей повседневной жизни. У него формируются способности к самодистанцированию и восприятию себя, к установлению связи с собственными чувствами и принятию их всерьез, а также — к занятию позиции по отношению к самому себе, в согласовании с идущим из глубины внутренним чутьем. Человек научается задавать себе вопросы и чутко прислушиваться к ответам, у него появляется позиция серьезности в открытом исследовании собственного интуитивно чувствуемого.

Практика ведения внутренних диалогов такого рода приводит к личностной интеграции, укреплению «Я», повышению самооценки. Эти процессы развития «Я» происходят на протяжении всей жизни, и каждый раз человек заново находит себя. Такие внутренние диалоги мы называем «экзистенциальными», чтобы отличить их от других форм ВД, в том числе и тех, которые протекают спонтанно и отражают внутренние конфликты человека. В них сталкиваются разные голоса, отражающие разные ипостаси личности — желания, социальные (родительские) ожидания, представления о должном. Часто жесткая самокритика в таких диалогах, доходящая до самобичевания, вступает в противостояние с защитными тенденциями. Однако, как показывают самоотчеты участников групп экзистенциально-аналитического самопознания (ведущим которых является автор статьи), регулярное ведение описанных выше экзистенциальных ВД способствует уменьшению жесткости противостояния в таких спонтанных диалогах. Дело в том, что происходит упорядочивание, иерархизация и интеграция этих голосов в общую систему «Я», основанную на самопринятии и самооценности. Голоса учи-

тываются, принимаются во внимание, как важные аспекты бытия личностью, но при этом, соотносясь с сущностным началом, голосом Person (совести), занимая каждый свое место в этой системе. Как показало недавно проведенное Е. Уколовой эмпирическое исследование, голос совести (воплощающий Person), имеет свои особенности. Это доброжелательное отношение к Я, вопросительный или предлагающий стиль обращения, тихое и мягкое звучание, а также чувство внутреннего согласия и освобождения, которым сопровождается его звучание (Лэнгле, Уколова, Шумский, 2014). Появляется этот голос обычно не сразу, он как бы задерживается, давая высказаться другим голосам, наполненным эмоциями, ожиданиями, оценками. Таким образом, здесь еще раз, теперь эмпирическим путем, продемонстрировано различие между типами ВД и показана интегрирующая роль главного экзистенциального ВД — диалога со своей совестью, соединяющего позиции сознательного «Я» с глубокой духовной сущностью.

ВД, таким образом, является инструментом, позволяющим человеку вновь и вновь, в рамках имеющихся обстоятельств, заново встречать и реструктурировать себя, приводя свои суждения, решения, поступки в соответствие со своими чувствами, ценностями, совестью, смыслами. Благодаря такой внутренней работе становится возможным постоянное поддержание и воспроизводство субъектных качеств человека на должном уровне, позволяющих свободно и осознанно выстраивать свою деятельность, принимать персональные решения, совершать поступки и отвечать за них, стоять за себя перед лицом трудностей.

Литература

- Брушлинский А. В.* О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 9–33.
- Знаков В. В.* Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова и З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 9–45.
- Лэнгле А.* Экзистенциальный анализ — найти согласие с жизнью // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 1. С. 5–23.
- Лэнгле А.* Экзистенция индивидуальности. Персональный экзистенциальный анализ // Психология индивидуальности. Новые модели и концепции. / Под ред. Е. Б. Старовойтенко, В. Д. Шадрикова. М.: МПСИ, 2009а. С. 356–382.

- Лэнгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности // Сборник статей: Пер. с нем. М.: Генезис, 2009б.
- Лэнгле А. Экзистенциально-аналитическое понимание воли // Экзистенциальный анализ. Бюллетень. 2013. № 5. С. 27–76.
- Лэнгле А., Уколова Е. М., Шумский В. Б. Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика, исследования. М.: Логос, 2014.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Сер. «Мастера психологии». СПб.: Питер, 2002.

The inner dialogue in existential analysis and the problem of subjectness

A. V. Vizgina (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Faculty of Psychology,
Lomonosov Moscow State University

This article offers an approach to the inner dialogue (ID) from existential-analytic perspective, as an instrument for the formation and maintenance of subjectness. The link between the notion of subjectness with such notions of existential analysis (EA) as “life with an internal agreement”, “an existential fulfillment”, authenticity, volitional act is substantiated. From the point of view of EA, one becomes able to freely and consciously construct his life, make decisions and be responsible for them, i. e. acquires qualities of subject, when he/she starts to live and act in harmony with oneself, one’s values, beliefs and deep essence. Such harmonization is carried out in specially constructed inner dialog, that is generated in the process of psychotherapy. This kind of ID represents a sequence of steps, bringing the person to take a firm position and make a decision. The article also considers the mechanisms of formation of existential ID, its functions, as well as distinctive features compared to other types of internal dialogicality.

Keywords: inner dialogue, existential analysis, subject, subjectness, internal agreement, self, Person.

Контроль поведения у детей с ограниченными возможностями здоровья*

Г. А. Виленская (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: vga2001@mail.ru*

В статье описываются результаты исследования контроля поведения (регулятивной функции субъекта) у детей-дошкольников с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). В исследовании принимали участие 78 детей с ОВЗ (преимущественно общее недоразвитие речи, задержка психического развития) 4–7 лет. Их показатели контроля поведения сравниваются с показателями типично развивающихся детей 4–6 лет. Показано, что при уравнивании детей по вербальному ментальному возрасту различий в саморегуляции между детьми с ОВЗ и типично развивающимися практически не наблюдается, за исключением контроля действий в 4 года. Показатель контроля действий оказывается значимым параметром, который предсказывается наличием или отсутствием ОВЗ на всей выборке при применении линейной регрессии. При сравнении крайних групп детей внутри групп детей с ОВЗ и с типичным развитием, обнаружено, что у детей с типичным развитием уровень контроля поведения линейно связан с хронологическим возрастом, у детей с ОВЗ – с вербальным ментальным возрастом.

Ключевые слова: контроль поведения, дошкольники, задержка психического развития, саморегуляция, эмоциональный контроль, когнитивный контроль, контроль действий.

Многими психологами и педагогами отмечается важность развития саморегуляции в дошкольном возрасте как предпосылки успешной

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-29-02155-офи_м «Субъективные факторы психологического здоровья в современном обществе».

адаптации и успешного школьного обучения. Саморегуляция у детей дошкольного, преддошкольного и младшего школьного возраста изучалась, как правило, именно с точки зрения готовности детей к включению в учебную деятельность (и чаще всего в рамках теории деятельности). При этом за рамками рассмотрения оказывались, например, такие ее аспекты, как эмоциональная регуляция, что снижает эффективность исследований и сужает наше понимание развития и специфики саморегуляции в детском возрасте. Наиболее часто в фокусе исследований оказывалось развитие внимания и волевой регуляции, понимаемой как умение преодолевать трудности при достижении цели, при этом цель, как правило, была внешней и соотносилась с учебной деятельностью.

К старшему дошкольному возрасту внимание становится более устойчивым, произвольным, возрастает его объем. Усиливается регулирующая и планирующая роль речи. В области волевой регуляции исследователями отмечается возрастание способности ребенка принимать установленные правила, находить и исправлять собственные ошибки, выполнять работу по образцу, сверяясь с ним. Развиваются умение планирования деятельности и ее контроля, способность к волевому усилию. Улучшается контроль импульсивности. Возрастает послушание, дети чаще выбирают проблемно-ориентированные копинг-стратегии. Улучшается эмоциональная саморегуляция, способы ее становятся более разнообразны (Cook, Cook, 2009; Kochanska et al., 2001). Способности ставить цели в собственных интересах постепенно сменяются способностью целеполагания в интересах окружающих. У детей формируются способность к целеполаганию, борьба и соподчинение мотивов, планирование, самоконтроль в деятельности и поведении. Складывается произвольность в сфере движений, действий, познавательных процессов и общения с взрослыми (Смирнова, 1998).

В то же время анализ литературы показал, что значительно меньше существует исследований развития саморегуляции у детей с ограниченными возможностями здоровья, в частности, задержкой развития. Саморегуляция дошкольников с нарушениями развития изучалась, например, в работах У. В. Ульенковой и ее учеников, где отмечается, что дети с ЗПР (задержкой психического развития) самоконтроль и саморегуляция имеют характерные нарушения: отсутствие интереса к заданиям, несформированность мыслительного акта, стремление стереотипно применять ранее усвоенные навыки и умения без учета условий задачи, несамокритичность (Ульенкова, 1994). Отмечается, что затруднения у таких детей встречаются и на этапе планирования действий, и на этапе выполнения задания,

что связано с импульсивностью. У них часто наблюдается недостаточная целенаправленность, неумение использовать образец, трудности с распределением внимания.

В. В. Кисова отмечает значительную вариабельность старших дошкольников с ЗПР в способности принимать заданную цель, планировать ход выполнения задания и осуществлять самоконтроль, при этом уровень сформированности саморегуляции у них варьируется от среднего до почти полной несформированности. Особенно у детей с ЗПР страдает аффективно-мотивационный и волевой компоненты саморегуляции. Также она отмечает отсутствие у детей с ЗПР таких регуляторно-личностных свойств как гибкость и инициативность (Кисова, 2013).

Мы рассматриваем саморегуляцию в рамках системно-субъектного подхода (Сергиенко, 2011), развивающие идеи субъектно-деятельностного подхода, разрабатываемого А. В. Брушлинским. В понимании А. В. Брушлинского субъект — это наиболее широкое понятие человека, охватывающее его в неразрывном развивающемся единстве всех его природных, социальных, индивидуальных и т. д. качеств (Брушлинский, 2003). С точки зрения системно-субъектного подхода, регулятивная функция субъекта реализуется через контроль поведения.

Контроль поведения — это психологический уровень регуляции поведения, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей. Он представляет собой единую систему, включающую три подсистемы регуляции (когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль), которые интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции (Сергиенко и др., 2010). Такой подход позволяет нам охватить разные стороны процесса саморегуляции у детей, проанализировать различные его аспекты в их единстве и взаимообусловленности, изучить и оценить развитие процессов регуляции не только в связи с учебной деятельностью, но и в более широком контексте.

Выборка и методы

Были исследованы дети с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) с различными диагнозами (задержка психического развития, общее недоразвитие речи, аутизм, умственная отсталость).

Всего в исследовании приняли участие 78 чел. (60 мальчиков, 18 девочек), из них в возрасте 4 года — 15 чел. (Me = 4 г. 8 мес.), 5 лет — 15 чел. (Me = 5 лет 4 мес.), 6 лет — 30 чел. (Me = 6 лет 7,5 мес.), 7 лет — 18 чел. (Me = 7 лет 3 мес.).

Для сравнения мы использовали данные, полученные на выборке типично развивающихся детей (119 детей, в возрасте 3 лет – 42 чел. (Me = 3 г. 7 мес., 16 мальчиков), в возрасте 4 лет – 44 чел. (Me = 4 г. 6 мес., 20 мальчиков), 5 лет – 32 чел. (Me = 5 лет 5 мес., 12 мальчиков) (Виленская, Лебедева, 2017).

Контроль поведения исследовался при помощи комплекса методик.

Когнитивный контроль оценивался с использованием методики «День–Ночь» (детский вариант теста Струпа).

Контроль действий оценивался при помощи ряда проб из моторной шкалы теста Бейли (BSID-2) и шкалы Озерецкого (Практикум по психологии развития, 2001); для детей 5–7-летнего возраста к моторным пробам были добавлены задания из батареи нейропсихологического обследования А. Р. Лурия.

Для оценки эмоционального контроля применялись тест тревожности Теммл–Дорки–Амена (Практикум по психологии развития, 2001).

Оценка ментального вербального и невербального возраста детей (ВМВ и НВМВ соответственно) проводилась с помощью «Теста интеллекта Векслера для дошкольного и младшего школьного возраста» (WPPSI – Wechsler Preschool and Primary Scale of Intelligence). Для оценки ментального вербального возраста были использованы данные по субтесту «Словарный», а для невербального – субтеста «Кубики Кооса», как наиболее показательные в своей серии.

Результаты и обсуждение

Тревожность среди детей с ОВЗ во всех возрастных группах средняя (35–43%), уровень выполнения моторных проб незначительно растет с возрастом (дети выполняют от 60 до 77% заданий; в 7 лет наблюдается значимое улучшение по сравнению с возрастом 4 года $U=26,00$, $p=0,04$), то же происходит и с контролем импульсивности (задача «День–Ночь», значимые различия между выполнением в 4 и 7 лет ($U=31,00$, $p=0,05$)), результаты по тесту «Нарисуй человека» снижаются с возрастом (но статистически незначимо – 100–89 баллов). Подобная неравномерность может быть связана с неоднородностью группы детей с ОВЗ, в частности, среди 4-летних детей преобладают дети с нарушениями речи (общее недоразвитие речи (ОНР) II и III степени), но в основном без ЗПР, а среди 6–7-летних – дети с ЗПР, пограничной умственной отсталостью.

Мы сравнили крайние группы детей, с высокими и низкими значениями по шкалам контроля поведения, в группах детей с ти-

пичным развитием и с ОВЗ. Оказалось, что у детей с типичным развитием крайние группы практически по всем шкалам значимо различаются по возрасту, т. е. изменения в уровне контроля поведения в норме связаны с возрастными изменениями. Так, например, дети с высокой тревожностью старше ($U=207,50$, $p=0,009$) и имеют более высокий ВМВ ($U=199,00$, $p=0,006$). Дети с высоким уровнем контроля действий (моторные пробы) имеют более высокий как ВМВ, так и НВМВ ($U=501,00$, $p=0,03$ и $U=503,00$, $p=0,04$ соответственно), реже ошибаются в задаче «День–Ночь» ($U=706,50$, $p=0,05$). Дети, редко ошибающиеся в задаче «День–Ночь» (не более 1 раза), в отличие от детей, ошибающихся 12 и более раз из 18 предъявлений), старше ($U=250,50$, $p=0,000$) имеют более высокий ВМВ и НВМВ ($U=276,50$, $p=0,000$ и $U=239,50$, $p=0,000$ соответственно).

Дошкольный возраст является временем бурного развития всех аспектов регуляции (и когнитивной, и эмоциональной и поведенческой/волевой) и показатели во всех этих сферах ожидаемо и согласованно улучшаются по мере взросления детей. Некоторое исключение составляет эмоциональный контроль, однако анализ распределения его оценок относительно возраста показывает, что если в более младших возрастах наблюдается широкий разброс показателей тревожности (от 0 до 100%), то к старшему возрасту он группируется в районе средних значений (35–60%), что соответствует среднему/повышенному уровню тревожности. Некоторое повышение тревожности может быть связано с повышенным вниманием детей к различным аспектам взаимодействия с взрослыми и, в первую очередь, со сверстниками, что обусловлено возрастными задачами развития и, следовательно, может рассматриваться как до некоторой степени нормативное.

У детей с ОВЗ, напротив, возраст практически не играет роли в отнесении детей к группе с высоким или низким уровнем развития контроля поведения. Наилучшим образом детей этой группы с высоким и низким уровнем контроля поведения различают такие параметры, как ВМВ и НВМВ. Так, дети с более высокой тревожностью имеют более высокий ВМВ, как и типично развивающиеся ($U=13,50$, $p=0,02$). Дети, лучше выполняющие моторные пробы (имеющие лучший контроль действий), имеют более высокий НВМВ ($U=19,00$, $p=0,03$) и реже ошибаются в задаче «День–Ночь» ($U=20,00$, $p=0,03$). Дети, реже ошибающиеся в задаче «День–Ночь» также имеют более высокий ВМВ и НВМВ ($U=54,50$, $p=0,000$ и $U=97,00$, $p=0,021$ соответственно), и больший хронологический возраст ($U=79,50$, $p=0,005$), т. е. у них все же происходит с возрастом улучшение контроля импульсивности.

Интересно, что в обеих группах детей контроль действий и когнитивный контроль обеспечиваются как вербальным, так и невербальным интеллектом, а эмоциональный контроль (уровень тревожности) – только вербальным.

Поскольку исследования показывают важность речевого развития для саморегуляции (напр.: Yang, Gray, 2017), также и в нашей работе мы обнаружили значимость ВМВ для контроля поведения детей с ОВЗ, мы уравнили группы детей по вербальному ментальному возрасту.

Оказалось, что детей с ВМВ 2 года и 6 лет слишком мало для сравнения (2 года – 7 детей с ОВЗ, 1 типично развивающийся ребенок; 6 лет – 9 детей с ОВЗ и 1 типично развивающийся), поэтому далее сравнивались дети с ВМВ = 3 года (детей с ОВЗ – 6 чел. (Mxp=61 мес.), типично развивающихся – 23 чел. (Mxp = 43 мес.)), дети с ВМВ = 4 года (детей с ОВЗ – 30 чел. (Mxp=73,5 мес.), типично развивающихся – 77 чел. (Mxp = 53 мес.)) и дети с ВМВ = 5 лет (детей с ОВЗ – 19 чел. (Mxp = 81 мес.), типично развивающихся – 17 чел. (Mxp=62 мес.)).

Сравнивались группы типично развивающихся детей и детей с ОВЗ, ВМВ которых был равен 3, 4 и 5 годам. Как можно заметить, дети с ОВЗ в этих возрастах значимо старше типично развивающихся детей по хронологическому возрасту. Во всех возрастных группах у них значимо выше НВМВ (он меньше отличается от хронологического у этих детей) (в 3 года $U=4,50$, $p=0,000$, в 4 года $U=531,50$, $p=0,000$, в 5 лет $U=76,50$, $p=0,005$).

Дети с ОВЗ с вербальным ментальным возрастом 3 года делают меньше ошибок в задаче «День–Ночь», чем типично развивающиеся дети ($U=29,50$, $p=0,038$) (т. е. успешность выполнения этой задачи обусловлено не только уровнем вербального интеллекта ребенка, но и, возможно, НВМВ, более тесно связанному с хронологическим возрастом ребенка).

Дети с ОВЗ с вербальным ментальным возрастом 4 года имеют значимо худший контроль действий ($U=553,50$, $p=0,000$), чем типично развивающиеся дети. Интересно, что значимые различия по контролю действий между типично развивающимися детьми и детьми с ОВЗ в 4 года наблюдаются также, если сравнивать детей по хронологическому возрасту ($U=83,00$, $p=0,000$), и даже если уравнивать их по невербальному ментальному возрасту ($U=17,50$, $p=0,000$). То есть контроль действий в 4 года оказывается важным показателем, независимо от уровня вербального и невербального интеллекта различающим детей с ОВЗ и типичным развитием.

Более того, при попытке построить линейное регрессионное уравнение оказалось, что только показатель контроля действий значимо

предсказывается отнесением ребенка к группе типично развивающихся детей или детей с ОВЗ на всей выборке. Еще одним значимым параметром для предсказания уровня контроля действий оказался вербальный ментальный возраст. Регрессионное уравнение для контроля действий (выполнение моторных проб) имеет следующий вид:

$$Y = 59,6 - 0,24 * \text{Здоровье} + 0,3 * \text{ВМВ} (R=0,39, F=8,68, df=3,143).$$

Таким образом, для успешного развития контроля поведения у детей с ОВЗ необходим определенный уровень развития и невербального, и, в первую очередь, вербального интеллекта. Контроль действий в наибольшей мере, по сравнению с другими компонентами контроля поведения, отражает наличие или отсутствие ограниченных возможностей здоровья (задержки развития) у детей.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. М.: Алетейя, 2003.
- Виленская Г. А., Лебедева Е. И.* Роль речи в развитии модели психического и контроля поведения у дошкольников // Всероссийская с международным участием конференция по когнитивной науке: «Когнитивные исследования на современном этапе»: Сборник материалов. 1–3 ноября 2017 г.
- Кисова В. В.* Теоретические и экспериментальные исследования саморегуляции в учебно-познавательной деятельности у детей с нормальным и задержанным темпом развития // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 2.
- Сергиенко Е. А.* Системно-субъектный подход: обоснование и перспективы // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В.* Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Смирнова Е. О.* Развитие воли и произвольности в раннем и дошкольном возрастах. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1998.
- Ульenkova У. В.* Дети с задержкой психического развития. Н. Новгород, 1994.
- Kochanska G., Murray K. T., Harlan E. T.* Effortful control in early childhood: Continuity and change, antecedents, and implications for social development // *Developmental Psychology*. 2000. V. 36 (2). P. 220–232.
- Cook J., Cook G.* Child Development: Principles and Perspectives (2nd Edition). Boston: Allyn & Bacon, 2009.

Yang H. C., Gray S. Executive Function in Preschoolers with Primary Language Impairment // Journal of Speech Language Hear Research. 2017. V. 60 (2). P. 379–392.

Behavioral control in preschool children with developmental delays

G. A. Vilenskaya (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology RAS

The article describes the results of a study of behavioral control (the subject's regulatory function) in preschool children with disabilities. 78 children with disabilities 4–7 years of age (general language impairment, mental retardation) took part in the study. Their behavioral control indices are compared with those of typically developing children 4–6 years of age. It is shown that when children are equalized by verbal mental age, there is practically no difference in self-regulation between children with disabilities and typically developing, with the exception of controlling actions in 4 years. The control indicator is a significant parameter that is predicted by the presence or absence of disabilities in the entire sample when applying linear regression. When comparing extreme groups of children within groups of children with disabilities and with typical development, it was found that in children with typical development, the level of behavioral control is linearly related to chronological age, in children with disabilities – to verbal mental age.

Keywords: behavioral control, preschool children, mental development delay, self-regulation, emotional control, cognitive control, control of action.

Удовлетворенность жизнью людей старшего возраста

Е. В. Головина (Москва)

кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;

e-mail: lena-liana@mail.ru

В работе анализировались взаимосвязи между субъективным качеством жизни (СКЖ), уверенностью в себе, эмоциональным интеллектом, а также различия между возрастными группами в выраженности показателей СКЖ. Получены различия во взаимосвязях между характеристиками в группах. Оказалось, что в среднем возрасте люди лучше контролирует себя и управляют своими эмоциями. В пожилом возрасте — чем выше запросы человека, тем меньше он контролирует внешние проявления своих эмоций: идеалы остаются высокими, а умение контролировать свои экспрессии становится хуже. Сравнительный анализ позволил сделать вывод, что с возрастом снижается уверенность в завтрашнем дне, менее доступны развлечения и занятия спортом, не устраивает экология, но в то же время, оценка и значимость своей работы выше, чем у группы более молодого возраста. Возможно, что за счет этого не обнаружены возрастные различия в общей удовлетворенностью жизнью и субъективном качестве жизни.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью, возрастные различия, уверенность в себе, субъективное качество жизни, эмоциональный интеллект.

Проблема исследования сводится к изучению личностных особенностей людей разного возраста, взаимосвязанных с субъективным качеством жизни (СКЖ), которое проявляется в различных сферах (семья, здоровье, духовное развитие и др.), а также общей удовлетворенностью жизнью. Анализ работ показал, что в качестве веду-

* Работа выполнена по Госзаданию ФАНО РФ №0159-2018-0010.

щих личностных детерминант субъективного качества жизни были выделены мотивация достижений, волевой самоконтроль и тревожность, а в качестве социально-психологических – социальная активность, принятие себя, коммуникативность (Савченко, Головина, 2007; Фёдорова, Комова, 2015). Д. Г. Давыдов в «Современных подходах к исследованию качества жизни» пишет, что концепция оптимизма М. Шейрера, Э. Мартина, М. Селигмана и С. Петерсона определяет оптимизм как жизненную установку благоприятную для хорошего физического и психологического самочувствия. Оптимизм положительно влияет на здоровье не только потому, что дает ощущение благополучия, но и потому, что влияет на поведение (Давыдов, 2012). Современные авторы С. Джеферс и Д. Уэйн рассматривает страхи в связи с той зоной комфорта, которую мы не готовы преодолеть, чтобы стать более уверенными (Джеферс, 2013; Уэйн, 2012). Многие составляющие, входящие в феномен ЭИ, в том числе удовлетворенность жизнью, являются неотъемлемой частью рассматриваемого нами научного конструкта. В предыдущих исследованиях автора была обнаружена взаимосвязь между уверенностью в себе и эмоциональным интеллектом, а также различия между возрастными группами по этим характеристикам (Головина, 2014). Данная работа является продолжением этих исследований и развитием концепций К. А. Абульхановой, Т. Н. Березиной (2001) и Л. И. Анциферовой (2001) преодоления разрыва между изучением психологического и физического, социокультурного, исторического времени; личность соотносит свое субъективное время со временем самореализации в деятельности жизненном пути. Была выдвинута гипотеза: существуют взаимосвязи между СКЖ, уверенностью в себе, эмоциональным интеллектом и различия между возрастными группами в выраженности СКЖ. Объект: люди среднего и пожилого возраста. Предмет: взаимосвязи СКЖ с уверенностью в себе и ЭИ, а также различия в уровне СКЖ групп.

В исследовании участвовали 49 чел. (москвичи), из которых 27 чел. в возрасте от 27 до 45 лет, и 22 пожилых чел. от 58 до 75 лет.

Методики исследования: Опросник Эмоционального интеллекта Д. В. Люсина (ЭМИН), включающий шкалы: понимание чужих эмоций, управление чужими эмоциями, понимание своих эмоций, управление своими эмоциями, контроль экспрессии; Опросник уверенности в себе В. Г. Ромека, измеряющий уверенность в себе и социальную смелость; Методика, измеряющая субъективное качество жизни (СКЖ) Савченко, Головиной.

Статистическая обработка результатов исследования проводилась с помощью следующих непараметрических методов (в про-

грамме Statistica 8): выявление значимых различий в разных группах испытуемых с использованием непараметрического критерия Манна–Уитни; выявление линейных связей между переменными путем корреляционного анализа.

Результаты исследования

На общей выборке были выявлены взаимосвязи:

1. *СКЖ с уверенностью в себе и ЭМИН.* Общий показатель СКЖ значимо взаимосвязан ($p < 0,05$) с уверенностью в себе и ЭМИН, наиболее ($p < 0,01$) сильная связь СКЖ с ВП и ВУ. Уверенность в себе положительно коррелирует с такими шкалами субъективного качества жизни, как уверенность в завтрашнем дне, духовные ценности, личная свобода. Социальная смелость положительно коррелирует с уверенностью в завтрашнем дне, здоровьем, экологией, спортом, развлечениями, полноценным отдыхом, духовными ценностями, самоуважением и уважением окружающих, общей удовлетворенностью жизнью, личной свободой.
2. *СКЖ с ЭМИН.* Понимание чужих эмоций положительно коррелирует с уверенностью в завтрашнем дне, развлечениями, достойным кругом общения, семьей, полноценным отдыхом, материальным положением (достатком), духовными ценностями, самоуважением и уважением окружающих. Управление чужими эмоциями положительно коррелирует со здоровьем, уверенностью в завтрашнем дне, экологией, развлечениями, достойным кругом общения, полноценным отдыхом, материальным положением (достатком), духовными ценностями, общей удовлетворенностью жизнью. Отрицательно с идеальным материальным положением и общей удовлетворенностью жизнью. Понимание своих эмоций положительно коррелирует со здоровьем, уверенностью в завтрашнем дне, развлечениями, своим жильем, достойным кругом общения, семьей, полноценным отдыхом, материальным положением (достатком), духовными ценностями, самоуважением и уважением окружающих, личной свободой, общей удовлетворенностью жизнью. Управление своими эмоциями положительно взаимосвязано со спортом. Контроль экспрессии отрицательно взаимосвязан с общей удовлетворенностью жизнью. Таким образом, оказывается, что общая удовлетворенность жизнью взаимосвязана со всеми шкалами ЭМИН.
3. *Анализ взаимосвязей уверенности и СКЖ в средней и старшей возрастных группах.* Обнаружены различия во взаимосвязях уве-

ренности в себе и своих достижений в жизни. Для лиц среднего возраста социальная смелость и инициатива в контактах связаны с высшим образованием, развлечениями, кругом общения, духовными ценностями, самоуважением, общей удовлетворенностью жизнью. Для лиц старшего возраста уверенность в себе оказалась взаимосвязана с реальной ценностью высшего образования. То есть образование дает уверенность в себе на всю жизнь.

4. *Анализ взаимосвязей СКЖ и эмоционального интеллекта в средней и старшей возрастных группах.* Понимание и управление своими эмоциями у лиц среднего возраста положительно взаимосвязаны с реальной оценкой таких ценностей как высшее образование, круг общения, духовные ценности самоуважение, личная свобода. Понимание чужих эмоций — с высшим образованием, духовными ценностями и самоуважением. Упожилых людей больше взаимосвязей с пониманием чужих эмоций и сами эти связи другие — развлечения, круг общения, жилье, отдых, материальное положение. С управлением своих эмоций — только личная свобода. Анализ взаимосвязей идеальных ценностей со шкалами ЭИ у лиц среднего возраста выявил положительные связи таких ценностей как образование, экология, питание, отдых, самоуважение, личная свобода с управлением своими эмоциями и контролем экспрессии. А уверенность в завтрашнем дне, любовь, работа и круг общения — с контролем экспрессии. То есть чем больше человек хочет в среднем возрасте, тем он больше себя контролирует и лучше управляет своими желаниями. Анализ взаимосвязей идеальных ценностей со шкалами ЭИ у пожилых людей выявил отрицательные связи только со шкалой «контроль экспрессий» таких ценностей как уверенность в завтрашнем дне, экология, материальный достаток, самоуважение и уважение окружающих, положительная связь — с личной свободой. Вероятно, в старости, чем больше человек хочет, тем меньше он контролирует внешние проявления своих эмоций. Идеалы остаются высокими, а умение контролировать свои экспрессии становится хуже. *Различия в уровне параметров субъективного качества жизни.* С помощью непараметрического критерия Манна–Уитни обнаружены значимые различия между группами среднего и старшего возраста по шкалам: здоровье, уверенность в завтрашнем дне, экология, спорт (реальная и идеальная оценки). Приводим различия в показателях СКЖ, по которым представители старшего возраста показывают значения выше. Это — профессия, работа. Эти показатели старшей группы ниже.

Выводы и заключение

Обнаружены сходства и различия во взаимосвязях уверенности в себе и параметров СКЖ. Для лиц среднего возраста социальная смелость и инициатива в контактах связаны с высшим образованием, развлечениями, кругом общения, духовными ценностями, самоуважением, общей удовлетворенностью жизнью. Для лиц старшего возраста уверенность в себе оказалась взаимосвязана с реальной ценностью высшего образования. То есть образование дает уверенность в себе на всю жизнь. Также получены различия во взаимосвязях между устремлениями и контролем и управлением своими эмоциями. Чем больше человек хочет в среднем возрасте, тем он больше себя контролирует и лучше управляет своими желаниями. В пожилом возрасте — чем больше человек хочет, тем меньше он контролирует внешние проявления своих эмоций, идеалы остаются высокими, а умение контролировать свои экспрессии становится хуже. Сравнительный анализ позволил сделать вывод, что с возрастом снижается уверенность в завтрашнем дне, менее доступны развлечения и занятия спортом, не устраивает экология, но в то же время, оценка и значимость своей работы выше, чем у группы более молодого возраста. Возможно, что за счет этого не обнаружены возрастные различия в общей удовлетворенностью жизнью и субъективном качестве жизни.

Литература

- Абульханова К. А., Березина Т. Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.
- Анциферова Л. И.* Психология старости: особенности развития личности в период поздней взрослости // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 3. С. 45–59.
- Василевская Е. Ю., Молчанова О. Н.* Возможные Я: обзор зарубежных исследований // Психология. Журнал ВШЭ. 2016. Т. 13. № 4. С. 801–815.
- Головина Е. В.* Взаимосвязи уверенности в себе с эмоциональностью и агрессивностью // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 85–92.
- Головина Е. В.* Уверенность в себе и эмоциональный интеллект // Психология способностей. Современное состояние и перспективы исследований / Под ред. А. Л. Журавлева, С. С. Беловой и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 67–69.
- Давыдов Д. Г.* Современные подходы к исследованию качества жизни // Социальные науки и современное общество. 2012. № 2 (16). С. 54–67.

Савченко Т. Н., Головина Г. М. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Сьюзен Д. Бойся, но действуй. М.: Альпина Паблишер, 2013.

Уэйн Д. Как поверить в себя: Попурри. Минск, 2012.

Фёдорова В. А., Комова Е. Д. Уверенность в общении и самоотношение как факторы удовлетворенности личности отношениями с другими // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 2. С. 22–34.

Satisfaction of life by elderly people

E. V. Golovina (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology, RAS

In the paper, the interrelations between the subjective quality of life (SQL), self-confidence, emotional intelligence, as well as the differences between age groups in the expression of the indicators SQL were analyzed. Differences in interrelations between characteristics in groups are received. It turned out that in middle age, people better control themselves and control their emotions. In old age – the higher the person's requests, the less he controls the external manifestations of his emotions: ideals remain high, and the ability to control their expression becomes worse. A comparative analysis made it possible to conclude that with age, confidence in the future decreases, entertainment and sports are less available, ecology does not suit, but at the same time, the evaluation and significance of their work is higher than that of a younger group. It is possible that due to this, no age differences in overall satisfaction with life and the subjective quality of life were found.

Keywords: satisfaction with life, age differences, self-confidence, subjective quality of life, emotional intelligence.

Развитие субъектности ребенка на этапе дошкольного детства

Н. С. Ежкова (Тула)

доктор педагогических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого; e-mail: egkovanc@mail.ru

В статье представлен содержательный анализ проблемы развития субъектности ребенка дошкольного возраста, выделяются направления, в которых рассматривалась данная проблема, делается акцент на жизненном опыте как основы развития субъектности ребенка.

Ключевые слова: субъектность, дошкольники, жизненный опыт.

Развитие субъектности ребенка в дошкольном возрасте относится к числу важных, практикозначимых проблем. Субъектность – сложное, системное качество ребенка, обладающего разнообразными, индивидуализированными формами проявления активности и социальных отношений. Субъектность проявляется в процессе познания ребенком окружающего мира, общения, деятельности, отражает его возможности по достижению развивающих целей и решению конкретных образовательных задач. Становление субъектности представляет собой процесс и результат становления, проявления всего того, что связано с Я ребенка: его самоорганизацией, самоутверждением, самореализацией в разных видах деятельности.

Становление субъектности в педагогическом процессе дошкольных организаций обеспечивает взаимодействие двух развернутых по времени процессов: внутренне обусловленного развития или саморазвития, в котором порождаются и актуализируются потребности, мотивы, интересы и внешнего, связанного с созданием социокультурной среды, общением, взаимодействием, и способствующие развертыванию внутренних потенциалов личности дошкольника. Движущими силами становления субъектности является порождение и разрешение противоречий между требованиями взрослого

(педагога, родителей) и интеллектуальными, физическими и другими возможностями ребенка; между стремлением быть признанным и оценкой его деятельности со стороны сверстников и взрослых. Основным условием разрешения этих противоречий выступает активная социально-личностная позиция ребенка, потребность быть понятым и признанным.

Можно выделить три этапа становления ребенка в качестве субъекта образовательного процесса и собственной жизнедеятельности: первый этап относится к раннему детству (до 3 лет). Ребенок начинает управлять своим телом, манипулировать с предметами, постигать их функциональное назначение; Второй этап относится к младшему дошкольному возрасту (3–4 года) и связан с позитивной социализацией, осознанием себя в качестве члена дошкольной группы, семьи. Ребенок проявляет социальную активность в разных видах деятельности, и, прежде всего, в игре. Ярко проявляется обостренное стремление к проявлению самостоятельности. Третий этап относится к старшему дошкольному возрасту (5–7 лет). У детей развито самосознание, они начинают вариативно проявлять свою индивидуальность в оценивании поступков, способов поведения, могут предвосхищать последствия своих действий и т. д. У детей складывается субъектный опыт, свое личностное отношение к миру.

Поддержка и целенаправленное развитие субъектности ребенка в образовательном процессе дошкольных организаций предполагает проектирование и реализацию педагогической работы в данном направлении. Образовательный процесс является средством, условием, фактором субъективного преобразования детей в едином пространстве взаимодействия «взрослые–дети», «ребенок–дети». Воспитание и обучение – это не только процессы, обеспечивающие усвоение или присвоение социального опыта, но и преобразование собственного опыта детей, его разноплановое использование и рефлекссию. Данное положение научно обосновывалось в следующих направлениях:

- творческой самореализации личности (А. В. Антонова, Н. А. Ветлугина, О. В. Дыбина, Т. С. Комарова и др.);
- диалектики ясных и гипотетических знаний в обучении (Н. Н. Поддьяков);
- обучения одаренных детей (О. М. Дьяченко, А. И. Савенков);
- формировании основ общей, музыкальной культуры личности ребенка, развития культуры досуговой деятельности дошкольников и младших школьников (А. Ф. Воловик, М. Б. Зацепина, О. П. Радынова и др.);

- изучении характера познавательной активности детей в форме вопросов (Н. Б. Шумакова и др.).

Основой для проявления субъектности дошкольника в разных видах деятельности выступает его опыт. В дошкольной педагогике различают опосредованный опыт детей и личный опыт. Содержание первого образуют приобретенные детьми знания, умения, способы поведения, целенаправленно переданные педагогом. Содержание личного опыта, который еще называется жизненным опытом, образует все, что имеет для ребенка жизненно важное значение, принято им на эмоционально-пристрастном уровне. Основываясь на исследованиях психологов и педагогов о структуре и источниках жизненного опыта, выделим единицы спонтанно складывающегося опыта, к которому целесообразно обращаться и актуализировать в педагогической работе с детьми. Жизненный опыт детей складывается из представлений, возникших в ходе восприятия явлений окружающей действительности, освоенных видов деятельности и способов поведения, сложившихся отношений с социальным и природным миром, носящих для ребенка ценностный смысл. В дошкольном возрасте жизненный опыт носит образное содержание, его основу составляют ранее пережитые события, явления, факты, интериоризированные в субъективно окрашенные образы. Эти идеи сущности образного характера жизненного опыта и механизмы его возникновения в дошкольном возрасте широко раскрывались в исследованиях педагогов и психологов.

В образовательном процессе дошкольных организаций важно согласовывать содержание обучения и воспитания с жизненным опытом детей. Если такого согласования не происходит, то процесс накопления жизненного опыта становится формальным, а образовательный процесс лишается субъект-субъектного взаимодействия, ориентации на поддержку неповторимого Я ребенка. Принимая и поддерживая самобытный рисунок эмоциональных реакций ребенка, своеобразные оттенки его переживаний, сопровождающие общение, способы действий, педагоги создают тем самым благоприятные возможности для выражения индивидуальности и одновременно субъектной позиции. Обращение к жизненному опыту детей в образовательном процессе ДОО может осуществляться посредством его актуализации и рефлексии.

Становление жизненного опыта во многом зависит от активности самого ребенка, от позиции, которую занимает растущая личность по отношению к различным сторонам миропознания, другим людям, самому себе. Содержание педагогической работы будет носить

ценностный смысл, если способствует расширению возможностей личностной самореализации в деятельности, содействует обогащению чувственного миропознания, проявлению эмоционального отношения к окружающей действительности иными словами поддерживает и развивает субъектность дошкольников в образовательном процессе дошкольных организаций.

Литература

Белкин А. С. Основы возрастной педагогики: Учеб. пособие для студентов высших пед. учеб. заведений. М.: ИЦ «Академия», 2000.

Ежкова Н. С. Индивидуальность ребенка в образовательном процессе дошкольных организаций // Дошкольное воспитание. 2017. № 6. С. 86–89.

Ежкова Н. С. Дошкольная педагогика. М.: Юрайт, 2017. С. 51–57.

Development of subjectivity of a child at the stage of early childhood

N. S. Ezhkova (Tula)

Doctor of Pedagogical Sciences,
Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University

The article presents a substantial analysis of the problem of development of the child's subjectivity of preschool age, highlights the areas in which this problem was considered, the emphasis is placed on life experience as the basis for the development of the child's subjectivity.

Keywords: subjectivity, preschoolers, life experience.

Субъектный подход к пониманию противоречий и кризисов в развитии личности

К. В. Карпинский (Гродно, Белоруссия)

*доктор психологических наук, Гродненский государственный университет
им. Я. Купалы; e-mail: karpkosta@tut.by*

С методологических позиций субъектного подхода рассматривается проблема противоречий и кризисов личностного развития человека. Обосновывается положение о том, что зрелый субъект овладевает противоречиями как движущими силами собственного развития, что обеспечивает ему возможность саморазвития (самодетерминации развития). Овладение противоречиями выражается в формировании специальных субъектных способностей: во-первых, конструктивно и своевременно разрешать стихийно возникающие противоречия, не позволяя им достигать критической фазы и массы; во-вторых, намеренно и произвольно порождать (инициировать, аккумулировать, стучать и т. д.) посильные противоречия с тем, чтобы воздействовать на процесс индивидуального развития. С этой точки зрения, непосредственной причиной возникновения кризисов развития являются не противоречия как таковые, а, во-первых, наличие своевременно и конструктивно непреодоленных или в принципе непреодолимых противоречий; во-вторых, отсутствие, исчерпание преодолимых, посильных противоречий. В логике субъектного подхода психологический кризис раскрывается как состояние развития личности, обусловленное ее бессубъектностью (десубъектизацией) — неовладением или неоптимальным управлением противоречиями собственного развития.

Ключевые слова: личность, субъект, противоречие, кризис, субъектный подход.

Общепризнанно, что противоречия выступают *движущей силой* психического развития, в том числе и развития личности, однако многие

существующие концепции недоучитывают активную роль человека в порождении и разрешении противоречий собственного психического развития. Этот недостаток преодолевается в субъектном подходе, где человек рассматривается как агент не только собственной деятельности, но и собственного развития, который овладевает его детерминантами и управляет его движущими силами. В мировой психологии достаточно много концепций, номинирующих человека на позицию субъекта развития – по выражению Р. Лернера – «продуцента своего развития». Между тем диалектика субъектности и противоречий выведена в статус специальной теоретико-методологической проблемы только в российской психологии и предметно обсуждается в психологической концепции субъекта К. А. Абульхановой, в субъектно-бытийном подходе к личности З. И. Рябикиной, а также в концепции личности как субъекта жизненных отношений Е. Б. Старовойтенко.

В первую очередь, следует отметить, что *противоречия имманентны субъекту*, т. е. являются постоянными и неизбежными спутниками его существования, развития и функционирования. Все дело в том, что *универсальным источником противоречий, которые движут многоуровневым и разнокачественным развитием человека, служит процесс его активного взаимодействия с миром*. Своей преобразующей активностью субъект продуцирует противоречия, которые превращаются в движущие силы развития и приводят к изменению самого субъекта. С этой точки зрения, субъект фигурирует как *генератор противоречий, источник самодвижения и самодетерминации развития*. Однако субъект составляет лишь один полюс системы, порождающей противоречия, тогда как на другом полюсе ему противостоит объективная действительность. Она обладает собственными закономерностями устройства и движения, в силу которых всегда «сопротивляется» и «противодействует» преобразующей активности субъекта. В любых попытках преобразовать объективную действительность под свою субъективную необходимость (интенцию) субъект сталкивается с препятствующими силами, свойствами и законами, или, словами К. А. Абульхановой, с «сопротивлением действительности этим преобразованиям в силу ее специфической бытийности, закономерностей и детерминирующих тенденций» (Абульханова, 2014, с. 6).

Отсюда вытекает и общее понятие противоречия как явления, возникающего между полюсами субъект-объектных отношений, как результата столкновения и поляризации субъекта с объектом. В самом широком значении противоречие – это напряжение, возникающее во взаимодействии субъекта с объектом вследствие рас-

согласования, несовпадения между субъективной интенцией и объективной действительностью. Противоречия неотъемлемы от бытия субъекта, всегда заявляющего претензию и реализующего интенцию на преобразование объекта согласно собственной субъективной логике, но зачастую вопреки объективным законам объекта. Эту мысль лучше всего сформулировал В. Франкл: быть субъектом — значит «быть противопоставленным миру, объективность и реальность которого нисколько не умаляется субъективностью того „бытия“, которое находится в мире» (Франкл, 1990, с. 285).

Таким образом, в методологическом ракурсе субъектного подхода *противоречие — это явление субъект-объектного взаимодействия, сущность которого заключается в несовпадении между субъективной необходимостью и объективной способностью и (или) возможностью ее практической реализации*. В описанную структуру противоречия от себя субъект привносит субъективную необходимость и объективную способность ее реализации, а объект в силу своей природы определяет объективную возможность ее реализации. Следовательно, *противоречие порождается тем, что субъект сталкивается с неспособностью или невозможностью продуктивно реализовать свою субъективную необходимость*.

Сказанное раскрывает взаимосвязь субъектности и противоречий в онтологической плоскости — в разрезе субъект-объектных отношений человека с миром. Освещение данной проблемы на психологическом уровне требует выяснения того, как противоречия отражаются в индивидуальном сознании и разрешаются в индивидуальной деятельности, соотносясь с личностью в качестве субъекта их осознания, переживания и преодоления. В упоминавшихся выше психологических подходах, авторами которых являются К. А. Абульханова, З. И. Рябикина и Е. Б. Старовойтенко, *генеральным критерием субъектности признается способность личности к разрешению противоречий, возникающих в процессе ее индивидуального развития*. Наиболее последовательно это положение эксплицируется и аргументируется в работах К. А. Абульхановой, которая выдвигает «как основной критерий субъекта наличие противоречий и его способность их решать» (Абульханова, 2007, с. 36).

По мнению З. И. Рябикиной, субъектность или, наоборот, бессубъектность проявляется в позиции, которую личность занимает по отношению к объективно существующим противоречиям. Эта позиция оценивается по таким параметрам как осознание, осмысление, переживание и произвольное преодоление противоречий. Уровень субъектности тем выше, чем больше развита способность личности к «снятию» противоречий на основе саморегуляции. «По мере взрос-

ления субъекта увеличиваются объем и уровень сложности возникающих и разрешаемых противоречий, нарастают возможности его саморегуляции в ситуации противоречия... Развитие субъектности связано с накоплением опыта анализа и разрешения противоречий, а также опыта создания развивающих личность противоречий, разрешение которых обеспечивает экспансию личности при сохранении ее целостности» (Рябикина, 2008, с. 83–84).

К сказанному концептуально близка позиция Е. Б. Старовойтенко, согласно которой личность как субъект раскрывается через отношение к противоречиям своего развития. Не самим противоречием и присущими ему объективными характеристиками, а именно способом его субъектно-личностного восприятия, переживания и преодоления обусловлено психическое здоровье – нездоровье личности и прогресс-регресс ее развития. В этой связи вводится различие «незрелого» («деструктивного», «отчужденного») и «зрелого» («конструктивного», «субъектного») отношения личности к противоречиям. Как пишет сам автор, «признаками зрелого отношения к противоречиям являются: осознание личностью своих противоречий, рефлексивное выделение оппозиций, мыслительное оперирование оппозициями, установление различных соотношений между оппозициями, нахождение оптимального соотношения, разрешение противоречия в соответствии с ценностями, способность к жизненному действию, направленному на разрешение противоречий, способность создавать значимые жизненные ситуации, где в преодолении противоречий личность превосходит себя» (Старовойтенко, 2010, с. 234).

Таким образом, применительно к проблеме противоречий *субъектность может быть определена как способность личности к осознанному овладению противоречиями и их произвольному использованию в качестве детерминант (движущих сил) собственного развития.* «В руках» овладевшего им субъекта противоречие становится средством саморазвития. Намечая перспективы разработки данной проблемы, следует подчеркнуть, что функция субъекта не сводится только к преодолению, купированию, нейтрализации стихийно назревших и спонтанно сложившихся противоречий. На наш взгляд, эта общая способность расчленяется на такие специальные способности, как, во-первых, *способность конструктивно и своевременно разрешать стихийно возникающие противоречия, не позволяя им достигать критической фазы;* во-вторых, *способность намеренно и произвольно породить (инициировать, аккумулировать, сгущать и т. д.) посылные противоречия с тем, чтобы детерминировать (стимулировать, ускорять, оптимизировать и т. п.) процесс собственного развития* (Карпинский, 2003, 2017).

Объяснительные преимущества субъектного подхода заключаются в том, что он позволяет подняться над множеством разнотипных противоречий человеческого развития за счет изучения *общей способности личности к их созданию и разрешению*. Еще важнее, что этот подход дает ключ к новой теоретической интерпретации самого процесса личностного развития человека и открывает выход к новому пониманию частных явлений развития, в том числе психологических кризисов. С позиций субъектного подхода *развитие личности осмысливается как функция от ее субъектности, а точнее — как следствие ее способности/неспособности совладать с разрушительными, деструктивными противоречиями и породить развивающие, созидательные противоречия*. Такому пониманию весьма созвучна дефиниция Д. А. Леонтьева: «Развитие — не столько некая врожденная программа, сколько способ живого существа справляться с трудностями и решать проблемы в самом широком смысле слова» (Леонтьев, 2013, с. 70).

Субъектный подход должен распространяться и на понимание психологического кризиса как значимого феномена развития. Основополагающей идеей субъектного подхода служит положение о том, что связь противоречий с кризисами психического развития на самом деле не носит линейного и однозначного характера. В каждый момент развития завязывается и разрешается множество противоречий, но только некоторые из них становятся кризисогенными, дающими толчок психологическим кризисам личности. С позиций субъектного подхода *кризисогенность зависит не от наличия—отсутствия противоречий как таковых, а от объективных особенностей этих противоречий и в еще большей степени — от способов и форм их разрешения, выбранных развивающейся личностью или ее социальным окружением, если эта личность еще недостаточно зрела в качестве индивидуального субъекта*. Отрицая роковую зависимость кризисов от противоречий, данное положение «отвоевывает» для личности некоторую свободу от кризисов, достигаемую благодаря ее способности выступать субъектом порождения и разрешения противоречий собственного развития.

Однако помимо относительной свободы от кризисов, личность как субъект создания и разрешения противоречий, наделяется относительной ответственностью за те кризисы, которые с ней произошли. Включенность субъекта в детерминацию противоречий психического развития означает, что его собственные просчеты и ошибки в планировании и осуществлении своего поведения, деятельности и целостной жизнедеятельности становятся реальными причинами и факторами, способствующими возникновению кризисов. Сквозь

призму субъектного подхода *непосредственной причиной возникновения кризисов являются не противоречия как таковые, а, во-первых, наличие своевременно и конструктивно непреодоленных или в принципе непреодолимых противоречий; во-вторых, отсутствие, исчерпание преодолимых, посильных противоречий.* Соответственно, протекание психического развития личности – кризисное либо бескризисное – детерминируется двояко: как со стороны объективных свойств, присущих собственно противоречиям, так и со стороны личности, которая в качестве субъекта предпринимает адекватные либо неадекватные, достаточные либо недостаточные, своевременные либо несвоевременные меры по разрешению одних и порождению других противоречий. *Общую основу всех психологических кризисов составляет резкое (доросшее до критического уровня) рассогласование между внутренней необходимостью (субъективной интенцией) личности и объективными возможностями или способностями ее продуктивной реализации.* Если связывать причину таких кризисов с субъектом, то можно сказать, что они детерминированы *несвоевременным и неконструктивным разрешением преодолимых противоречий, а также столкновением с непреодолимыми противоречиями.*

Однако помимо способности разрешать противоречия, полноценный субъект обладает способностью их создавать, а, следовательно, психологические кризисы могут быть вызваны недоразвитием и/или недоиспользованием не только первой, но и второй из указанных способностей. С неспособностью личности порождать новые противоречия, которые бы стимулировали динамику и продуктивность ее индивидуального развития, связана другая непосредственная причина психологических кризисов. Выделение данной причины базируется на слегка непривычном понимании *психологического кризиса в качестве своего рода тупика, застоя, стагнации, «мертвой зоны» личностного развития.* Кризис подобен остановке в движении, обусловленной исчерпанием противоречий как импульсов, стимулов для дальнейшего развития. Данную позицию в отношении механизмов кризисогенеза, несмотря на ее глубокую диалектичность, высказывают пока немногие исследователи (Карпинский, 2015, 2017).

Таким образом, раскрытие непосредственных причин возникновения психологических кризисов в то же время демаскирует *решающую роль субъекта с его способностью разрешения и создания противоречий в механизме кризисогенеза.* Во избежание и предотвращение кризисов как негативных явлений развития субъект должен решать две задачи, нацеленные на устранение непосредственных причин кризиса: *во-первых, своевременно и конструктивно преодолевать существующие противоречия, не позволяя им достигать критической*

массы и разрушительной фазы; во-вторых, вовремя создавать развивающиеся противоречия, стимулирующие и оптимизирующие развитие.

В развитии личности кризис наступает как явление, сигнализирующее о непреодоленности, непреодолимости противоречий либо исчерпанности, истощенности противоречий. Следовательно, с позиций субъектного подхода психологический кризис обоснованно рассматривать как *состояние более или менее выраженной и устойчивой бессубъектности (десубъектизации) личности.* Самим фактом наступления кризис обнаруживает *частичное снижение или полную утрату личностной способности своевременно и конструктивно разрешать существующие противоречия, а также генерировать новые противоречия, поддерживающие прогрессивный динамичный характер психического развития.* Кризис — это всегда выбор между регрессивным и прогрессивным дальнейшим развитием личности, и этот выбор определяется субъектной или бессубъектной позицией, которую личность изберет в отношении наличествующих и отсутствующих противоречий своего развития. Разумеется, способность субъекта создавать и разрешать противоречия не безгранична: порой в своем развитии и бытии он сталкивается с противоречиями, которые носят абсолютно непреодолимый, форс-мажорный, роковой характер, а потому чреваты неминуемыми кризисами. Такие кризисы наглядно демонстрируют границы субъектности и также вписываются в общее понимание *кризиса как проявления бессубъектности или ограниченной субъектности личности.*

Субъектная детерминация кризисов психического развития осуществляется только опосредованно через деятельность личности, а точнее — через ее функционально неоптимальную или даже дисфункциональную регуляцию, создающую предпосылки для сбоев и нарушений в деятельности. В условиях неоптимальной регуляции или дизрегуляции деятельности продуктивная реализация смысловой необходимости личности оказывается существенно затрудненной или совершенно невозможной, что и составляет суть возникающих при этом противоречий и кризисов развития. Не будучи способной оптимально организовать свою деятельность на основе саморегуляции, личность сталкивается с невозможностью реализовать в этой деятельности свою смысловую необходимость, а кризис выступает психологической «платой» за это созданное и неразрешенное противоречие. В такой логике — логике субъектного подхода — выполнены пока лишь немногие исследования психологических кризисов личности. Их объединяющим признаком является то, что в качестве ключевых кризисогенных факторов изучаются функционально неоптимальные механизмы и структуры саморегуляции деятель-

ности и целостной жизнедеятельности личности, например, неоптимальная жизненная стратегия (Абульханова, 2007), неоптимальная жизненная программа (Ахмеров, 2015) и неоптимальный смысл жизни (Карпинский, 2016).

Литература

- Абульханова К. А.* Идеальность и реальность субъекта // Субъект и личность в психологии саморегуляции / Под ред. В. И. Моросановой. М.: Изд-во «Психологический институт РАО», 2007. С. 31–45.
- Ахмеров Р. А.* Особенности субъективной картины жизненного пути человека в периоды подведения итогов разных этапов жизненного пути // Психология зрелости и старения. 2015. № 2. С. 5–23.
- Карпинский К. В.* Неоптимальный смысл: психологические тупики жизненного пути личности. Гродно: ГрГУ, 2016.
- Карпинский К. В.* Человек как субъект жизни. Гродно: ГрГУ, 2002.
- Карпинский К. В.* Смыслжизненный кризис в развитии личности: Анализ концепций отечественной и зарубежной психологии. Гродно: ГрГУ, 2015.
- Карпинский К. В.* Смыслжизненный кризис личности: феноменология, механизмы, закономерности: Дис. ... докт. психол. наук. М.: Изд-во «Психологический институт РАО», 2017.
- Леонтьев Д. А.* Личностное измерение человеческого развития // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 67–80.
- Рябикина З. И.* Субъектно-бытийный подход к изучению развивающих личность противоречий // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 78–87.
- Старовойтенко Е. Б.* Роль противоречий в жизни личности // Мир психологии. 2010. № 2. С. 230–241.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Subject approach to contradictions and crises in the personality development

K. V. Karpinski (Grodno, Belarus)

Doctor of Psychology, Yanka Kupala Grodno State University

From the methodological positions of the subject approach the problem of contradictions and crises in the personality development is considered. The author substantiates the proposition that a mature subject masters contradictions as the driving forces of his own development, which provides him with the opportunity of self-development (self-determination of development).

Mastery of contradictions is expressed in the formation of special subjective abilities: first, to resolve constructively and in a timely manner spontaneously arising contradictions, not allowing them to reach the critical phase and mass; secondly, deliberately and arbitrarily to give birth (initiate, accumulate, thicken, etc.) feasible contradictions in order to influence the process of individual development. From this point of view, the immediate cause of development crises is not contradictions as such, but, first, the presence in a timely and constructively unresolved or in principle insurmountable contradictions; secondly, the absence, the exhaustion of surmountable, feasible contradictions. In the logic of the subject approach, the psychological crisis is revealed as a state of personality development, conditioned by its lack of subjectivity (desubjectization) – non-compliance or suboptimal management of the contradictions of one's own development.

Keywords: personality, subject, contradiction, crisis, subject approach.

Факторы становления стадий субъектности студентов вуза

*А. В. Капцов**, *Е. И. Колесникова*** (Самара)

** доктор психологических наук, Самарская гуманитарная академия;
e-mail: avkaptsov@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, Самарский государственный
технический университет; e-mail: kolesnikovaei@yandex.ru*

В статье показана актуальность разработки моделей становления субъектности в учебном заведении. Рассмотрен пример модели становления субъектности стадийного характера, разработанный с позиций экпсихологического подхода. Модель характеризуется восходящим становлением таких стадий, как «наблюдатель», «подмастерье», «ученик», «мастер», «эксперт», «творец», различающихся по особенностям процессов интериоризации — экстериоризации и степени собственной преобразующей активности. Ситуация становления стадий субъектности анализируется с точки зрения внешнего запроса (образовательные стандарты и требования вуза) и ориентиров саморазвития самого студента. Рассматриваются возможные затруднения в развитии субъектности студента вуза, связанные с его образом профессии, будущего, а также с социальными процессами современного общества

Ключевые слова: запрос, модель, развитие, стадии субъектности, факторы, экпсихологический подход.

Проблема построения психологической модели субъектных качеств обучающегося актуальна для всех ступеней образования в России. Для общего и специального образования — это определение качеств, необходимых по ФГОС ООО учащемуся для того, чтобы быть субъектом предметных и универсальных учебных действий. Для высшего образования — это субъектные качества студента, проявляющиеся

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-06-00871.

в сформированных по ФГОС ВО общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенциях.

Специфика модели определяет особенности психолого-педагогических средств для развития субъектности учащегося. С позиции экопсихологического подхода В. И. Пановым разработана модель, включающая такие стадии, как «наблюдатель», «подмастерье», «ученик», «мастер», «эксперт», «творец» (Панов, 2016). Стадии отличаются по особенностям процессов интериоризации – экстериоризации и степени собственной преобразующей активности. Восходящее становление перечисленных стадий говорит о развитии определенных субъектных качеств и переходе от предметных умений к метапредметным в школьном образовании, в вузе – о более высоком уровне овладения компетенциями, заданными образовательным стандартом. При этом, придерживаясь точки зрения А. В. Брушлинского, стадии являются взаимопроникающими и недизъюнктивными. Как пишет А. В. Брушлинский, согласно континуально-генетическому подходу к процессу мышления, «стадии, этапы и макроэтапы непрерывно формирующегося живого психического процесса, которые не отделены друг от друга подобно блокам функционирующей машины, но по своим объективным признакам выделяются как онтологически разные, но недизъюнктивно взаимосвязанные этапы развивающегося мыслительного процесса» (Брушлинский, 2003, с. 136).

Для диагностики становления стадий субъектности студента в вузе была разработана методика, психометрические исследования которой показали приемлемые результаты по надежности (проверка с использованием коэффициента альфа-Кронбаха) и валидности (конструктивная валидность путем корреляции с методиками рефлексивности и саморегуляции) (Панов, Капцов, Колесникова, 2017).

Пилотажные исследования (Капцов, Колесникова, 2017) выборки студентов различных курсов показали, что стадии становления субъектности первокурсников не отличаются от старшекурсников. Более чем у половины испытуемых сформированы шкалы «мастер» (82% испытуемых), «творец» (74%) и «наблюдатель» (73%) и по компоненту «планирование» (78%). По шкалам «подмастерье», «эксперт» и компоненту «контроль» сформированность отмечается у 62–63% испытуемых, менее всего сформированность диагностирована по шкале «ученик» (60%), т. е. субъекта планирования и произвольного выполнения с опорой на внешний контроль. Отметим, что субъектность на стадии считалась сформированной, если количество ответов «затрудняюсь ответить» было менее 25% от общего количества ответов по шкале, в противном случае испытуемый причислялся к категории «несформированной субъектности». У 71% испытуемых сфор-

мировано более чем три из шести стадий становления субъектности, из них 22% испытуемых считают, что у них сформированы все стадии становления субъектности. Однако у 17% сформировано менее, чем половина из шести стадий, т. е., видимо, у них могут наблюдаться определенные проблемы со становлением личностных компетенций в образовательном процессе. Несформированность более чем половины компонентов саморегуляции отмечается у 29% испытуемых. Также мы установили связь сформированности некоторых стадий субъектности с личностными особенностями студента, а именно, с его личностными чертами и ценностями, а также с особенностями его саморегуляции, и с этим нужно считаться при проектировании психолого-педагогических воздействий, развивающих компетенции (Капцов, Колесникова, 2017).

Ситуации, предлагаемые для диагностики стадий становления субъектности, типичны для учебной деятельности в вузе (по результатам опросов и бесед со студентами). Они включают оценку поведения при подготовке к выступлению на семинаре или студенческой конференции, разработки проекта (курсовой работы), при решении сложной учебной ситуации, в условиях сдачи зачета или экзамена, при выполнении домашнего задания и рекомендаций преподавателя в целом, а также взаимодействия с одногруппниками.

Заметим, что требования ФГОС ВО в общем и преподавателей по отдельным дисциплинам (тренеров-психологов) в частности при осуществлении психолого-педагогических воздействий по развитию субъектных качеств студентов в вузе являются внешним запросом. Студент, поступая в вуз, добровольно принимает условия обучения и воспитания, принятые в нем. Студент не выбирает технологии обучения, а лишь содержание образования (дисциплины по выбору) по требованиям образовательного стандарта. Поэтому в условиях технологий развивающего обучения и воспитания могут возникнуть факторы, осложняющие формирование требуемых компетенций.

Так, в (Колесникова, 2008) нами было выявлено, что и первокурсники (75%), и старшекурсники (68%) считают актуальным свое профессиональное саморазвитие, но, по их словам, часто «не знают, с чего начать», превращаясь в культурного и интеллектуального потребителя образовательных услуг. Без специально организованного психолого-педагогического сопровождения учебного процесса (методического и практического), отсутствующего в большинстве высших учебных заведений, мы сталкиваемся с недостаточным, а иногда и с несогласованным развитием компетенций студента психологического характера.

Актуализируя и стимулируя внутренний запрос, запрос самого студента, его ориентиры при развитии стадий субъектности, мы следуем определению субъекта, данному А. В. Брушлинским. Как он пишет, «в системе бесконечно многообразных и противоречивых качеств, важнейшее — быть субъектом, т. е. творцом своей истории, вершителем собственного жизненного пути, дела делателем» (Брушлинский, 2003, с. 49). Тогда субъектность студента проявляется в самостоятельном преобразовании исходных способностей и личностных свойств в социально и профессионально значимые качества. Самооценка при этом является своеобразной точкой отсчета, средством активизации самоконтроля и саморегуляции (Колесникова, 2011, с. 63).

Такой точкой отсчета может быть образ профессии, желаемого будущего. И не исключено, что этот образ включает проявление субъектных качеств, характерных в большей степени для отдельной стадии становления субъектности. Например, стадия «наблюдателя» в работе блогера, дегустатора, криминалиста, следователя, супервайзера, психолога, за жизнедеятельностью растительного и животного мира и пр. Или стадия «эксперта» в работе литературных критиков, оценщиков, риэлторов, осуществлении надзора. Или стадия «творца» в профессиях, связанных с искусством, наукой, инновациями. Нами уже констатирована взаимосвязь большинства стадий становления субъектности с процессом формирования компетенций, причем больше в подавляющем большинстве профильных для получаемой специальности дисциплин, чем гуманитарных (Капцов, Колесникова, 2017).

На образ профессионального будущего могут повлиять и процессы, характерные для современного общества. К примеру, дауншифтинг как добровольный отказ от собственных достижений, выбор упрощенной жизни могут сопровождаться затрудненным становлением стадии «мастер» от стадий «подмастерье» и «ученик». Преподаватели вуза сталкиваются с подобным явлением, например, предлагая студенту прийти в другой раз и пересдать на повышенную оценку, а студент отказывается, говоря, что «мне и тройки хватит». Развиваемое и поощряемое средствами массовой информации стремление к удовольствию также не способствует саморазвитию, которое связано зачастую с преодолением себя. Классики психоанализа поиск удовольствия в жизни относят к принципу гомеостаза, т. е. тенденции поддерживать как можно более низкий уровень напряжения или восстанавливать его (Франкл, 2012, с. 18). Соответственно, может подумать студент или работник, а зачем мне дальше совершенствоваться в разнообразии, достаточно и освоенных исполни-

тельских приемов. Иначе говоря, возникают трудности при переходе от стадии «мастера» и «эксперта» к «творцу».

Об этом пишет Е. П. Ермолаева, замечая, что происходит «преобладание обслуживающих профессий над производящими, сдвиг иерархии ценностных ориентаций от созидającego труда к отдыху и развлечениям» (Ермолаева, 2015, с. 15). Она отмечает маргинализацию личности современного профессионала и приводит пример «офисного планктона» как профессии, в которой «для успеха и не требуется сугубая компетентность, а достаточно лишь несколько простых алгоритмов поведения» (там же).

Таким образом, в число факторов, оценивающих динамику становления стадий субъектности, в том числе и в результате специально организованных психолого-педагогических воздействий (например, тренинга), обязательно должны быть включены:

А) оценка стадий становления субъектности на входе – выходе (начало – окончание обучения в вузе, или до и после развивающих воздействий). Для этого возможно использование существующей методики (Панов, Капцов, Колесникова, 2017), вопросной формы или разработка других форм психодиагностики, например, в виде кейсов (выбор предпочтительного поведения в обозначенной ситуации) или проективных форм (рисуночная самооценка становления отдельных стадий);

Б) самооценка мотивационной составляющей учебной деятельности – студент как субъект мотивации (имеющий потребность). Как подчеркивает В. И. Панов, речь идет о «естественной потребности индивида в проявлении психической активности в той или иной форме», без которой последующие стадии становления субъектности становятся излишними (Панов, 2016, с. 221). Например, «Я хожу в университет, чтобы составить представление о будущей профессии («наблюдатель»), меня научат образцам поведения будущей профессии («подмастерье»), самостоятельно научусь тому, что мне интересно в профессии («мастер») или включаюсь в разные виды учебной деятельности (спорт, стэм, студенческая наука и пр.);

В) роли той или иной стадии становления субъектности в успешности учебной деятельности. Отметим, что требования преподавателей могут быть различны и студент может получить хорошую оценку, приспособившись к индивидуальному стилю педагога, в некоторых случаях лишь наблюдая и не проявляя «лишней активности». Иногда за проявление собственных методов и способов решения («творец») студент получит отличную оценку, в некоторых случаях – то же проявление субъектности (собственное мнение) не будет поощряться преподавателем. Стили взаимодействия субъектов об-

разовательного процесса, находящихся на разных стадиях становления субъектности, еще остаются перспективным направлением наших исследований;

Г) самооценка желаемого уровня развития стадий становления субъектности (или уровня развития отдельной стадии) в ближайшем будущем (или по отдельной дисциплине, или в результате тренинга) и в перспективе (например, после окончания бакалавриата).

Последние три фактора во взаимосвязи определяют развитие стадий субъектности, создавая направление (готовность) и скорость перехода от стадии к стадии. Мы допускаем, что возможны варианты, когда эффект психолого-педагогических воздействий по становлению стадий субъектности у отдельных студентов может оказаться нулевым или даже отрицательным по причине особенностей их целеполагания, уровня притязаний и готовности (нулевой мотивационный уровень).

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетей, 2003.
- Ермолаева Е. П.* Взаимосвязь идентичности, востребованности и маргинализма профессионала в современном обществе // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 7 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 11–22.
- Капцов А. В., Колесникова Е. И.* Освоение предметных компетенций студентами с различной выраженностью стадий становления субъектности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Психология». 2017. № 2 (22).
- Капцов А. В., Колесникова Е. И.* Проявление несформированности стадий становления субъектности в личностных особенностях студентов // Личностное и профессиональное развитие детей, молодежи, взрослых: проблемы и решения: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции / Под ред. Л. М. Митиной. М., 2017. С. 175–179.
- Колесникова Е. И.* Самооценка в структуре социально-психологической компетентности студента вуза // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Психология». 2011. № 2 (10). С. 58–76.
- Колесникова Е. И.* Саморазвитие студента: реальность и перспективы // Актуальные проблемы развития высшего и среднего образования на современном этапе: Материалы V Самарской Всероссийской научно-практической конференции ученых и педагогов-практи-

ков (24–25 марта 2008 г.). Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2008. С. 44–46.

Панов В. И. Методика оценки стадий субъектности участников образовательного процесса / В. И. Панов, А. В. Капцов, Е. И. Колесникова // Эффективность личности, группы и организации: проблемы, достижения и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Кредо, 2017. С. 294–296.

Панов В. И. Этапы овладения профессиональными действиями: экopsихологическая модель становления субъектности // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2016. № 4. С. 16–25.

Франкл В. Психотерапия на практике. Психотерапия и экзистенциализм. Пермь: Биг-Пресс, 2012.

Factors of formation of the stages of subjectivity of students

A. V. Kaptsov, E. I. Kolesnikova** (Samara)*

* Doctor of Psychology, Samara Humanity Academia

** Candidate of Psychological Sciences, Samara State Technical University

The article shows the relevance of the development of models of formation of subjectivity in an educational institution. An example of the model of formation of subjectivity of the stadium character, developed from the standpoint of ecopsychological approach. The model is characterized by the ascending formation of such stages as “Observer”, “Apprentice”, “Student”, “Master”, “Expert”, “Creator”, differing in features of the processes of interiorization–exteriorization and the degree of their own transforming activity. The situation of the formation of subjectivity stages is analyzed from the point of view of the external request (educational standards and requirements of the University) and self-development guidelines of the student. The possible difficulties in the development of subjectivity of a student of the University associated with his way of profession, the future, as well as the social processes of modern society.

Keywords: request, model, development, stages of subjectivity, factors, ecopsychological approach.

Влияние привязанности к матери на психологическое здоровье детей

Е. В. Куфтыак (Кострома)

*доктор психологических наук, Костромской государственной университет;
e-mail: elena.kuftyak@inbox.ru*

Цель настоящей работы – изучение психологических механизмов влияния характера привязанности к матери на психическое здоровье ребенка. Исследование охватило 97 детей дошкольного возраста. На основании оценки типа привязанности нами были выделены две группы: дети с надежной привязанностью (n=61) и дети с ненадежной привязанностью (n=36). У детей с ненадежным типом привязанности отмечаются высокий уровень тревожности, эмоциональные симптомы и проблемы с поведением. У надежно привязанных детей доминирует просоциальное поведение. Было выведено уравнение множественной регрессии, которое прогнозировало тревожность, гиперактивность и проблемы со сверстниками по показателям привязанности.

Ключевые слова: привязанность к матери, психологическое здоровье, дошкольники.

В рамках классической трактовки привязанности в зарубежной психологии и отечественного подхода изучения взаимодействия взрослого и ребенка привязанность определяется как индивидуально направленная устойчивая эмоциональная установка, в основе которой лежит опыт аффективно насыщенных отношений ребенка с близким взрослым (чаще с матерью) (Бурменская, 2009). Так, основная функция привязанности заключается не в удовлетворении физиологических потребностей, а в обеспечении чувства безопасности. Именно поэтому наличие привязанности является необходимым условием

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-01101.

развития познания и личности ребенка, кроме того предопределяет его психическое здоровье. Дж. Боулби и другие теоретики привязанности уверенно доказали, что ранние отношения с взрослым, осуществляющим уход, имеют решающее значение по причине того, что они представляют собой прототипы дальнейших отношений (Bowlby, 1982). По мнению исследователей, стиль привязанности оказывает пожизненное влияние на личную и общественную жизнь, профессиональные отношения, регуляцию стресса, познавательное развитие и даже физическое и психологическое здоровье (Бурменская, 2009; Куфтяк, 2014). Установлено, что дети младенческого возраста с дезорганизованным типом привязанности впоследствии попадают в группу повышенного риска по проблемам экстернализации, синдрому посттравматического стресса (ПТСР), а также диссоциации (Tuzun, Sayar, 2006). Выявлено, что избегающий паттерн привязанности сопряжен с проявлением симптомов экстернализации у подростков, в то время как паттерн амбивалентной привязанности связан с подростковой депрессией (Bloom, 1995). Экспериментальные исследования Л. Браун с коллегами показали, что у подростков из неклинической группы в 73% случаев обнаруживалась безопасная привязанность, а в клинической группе только 13% проявили безопасную привязанность. По данным исследователей, подростки, проявляющие отчужденный паттерн привязанности, с большей вероятностью были склонны к антисоциальному расстройству личности, поведенческому расстройству и злоупотреблению алкоголем и наркотиками (Brown, Wright, 2003).

Настоящее исследование представляет собой попытку изучения привязанности на развитие нарушений психологического здоровья на российской выборке детей.

Цель данного исследования — оценить вклад привязанности к матери в состояние психического здоровья дошкольников. Общая гипотеза исследования состояла в том, что тип привязанности к матери влияет на изменение экстернатальных и интернатальных проблем ребенка дошкольного возраста.

Исследование проводили в 2016–2017 гг. с участием детей старшего дошкольного возраста, посещающих дошкольные образовательные учреждения г. Костромы. Выборка составила 97 дошкольников 6–7 лет (средний возраст $6,6 \pm 0,6$).

Методики исследования

Оценка привязанности ребенка к матери проводилась с использованием «Опросника оценки типов привязанности к матери» (Пупыре-

ва, Бурменская, 2007). Методика позволяет определить тип привязанности (надежный, ненадежный), а также выявить особенности проявления привязанности в отношениях с матерью: эмоциональная близость с матерью; взаимодействие с матерью в социальном контексте; восприятие матери как источника помощи и поддержки; принятие матерью и др.

Для экспертной оценки состояния психологического здоровья применялись следующие методики.

«Методика диагностики тревожности, включающая наблюдение» (методика Р. Сирса), направленная на определения уровня тревожности у дошкольников (Хухлаева, 2011).

«Лист оценивания психологического здоровья ребенка педагогом» О. В. Хухлаевой, направленный на оценку состояния показателей психологического здоровья (Хухлаева, 2011). В методике О. В. Хухлаевой нами были выделены три показателя психологического здоровья (модификация Е. В. Куфтяк): личностный компонент, эмоциональный компонент и социальный компонент, что позволило включить в исследование разные содержательные характеристики здоровья.

- a. Опросник «SDQ» направлен на изучение распространенных интернальных и экстернальных проблем детей от 3 до 17 лет (Goodman et al., 2005). Опросник имеет пять шкал: эмоциональные симптомы, проблемы с поведением, гиперактивность/невнимательность, проблемы со сверстниками и просоциальное поведение. Шкалы эмоциональных симптомов и проблем со сверстниками образуют итоговую шкалу интернализации, а шкалы проблем с поведением и гиперактивности/невнимательности – итоговую шкалу экстернализации.
- b. С помощью регрессионного анализа осуществлено исследование влияния показателей привязанности на психическое здоровье детей.

Результаты исследования

На первом этапе исследования нами была проведена оценка типа привязанности детей к своим матерям. В результате применения опросника были выделены две группы детей с качественно разными типами привязанности к матери.

62,9% детей характеризовались надежным типом привязанности: дети имели близкий эмоциональный контакт со своими матерями, вступали с ними во взаимодействие, ощущали их готовность понять и оказать помощь. Эти дети доверяют своим мамам, они не бо-

ятся рассказывать им свои секреты, будучи уверенными в их чутком и доброжелательном отношении. В целом, дети с надежной привязанностью характеризуются базовым доверием к матери, они уверены в ее поддержке и принятии, не боятся в трудных и неприятных ситуациях обратиться к ней за помощью.

Во вторую группу вошли дети с ненадежной привязанностью, что составило 37,1% от общей выборки. Установлено, что эти дети не испытывают потребности обращаться за помощью к своим матерям при столкновении с неприятностями и трудностями, предпочитая справляться с ними самостоятельно. Ненадежно привязанные дети редко делятся с мамами секретами и трудностями. Полученные результаты подтверждают известные данные об особенностях детей с ненадежной привязанностью (Куфтяк, 2015; Bowlby, 1982).

Так, эти дети не обнаруживают признаков стремления к эмоциональной близости к матери, в отношении матери чувствуют ее неуверенность, непринятие и поддержку. Отметим, что дети как с надежной, так и ненадежной привязанностью испытывают потребность в присутствии своих матерей. Вероятно, дети на данном возрастном этапе еще физически и эмоционально нуждаются в матери, в ее присутствии и внимании, поэтому дошкольники из нашей выборки демонстрируют эту потребность независимо от типа привязанности к матери.

Далее на основе экспертных оценок специалистов дошкольных учреждений (воспитателей, психолога) был проведен анализ уровня психологического здоровья дошкольников с разным типом привязанности к матери.

Были получены достоверные различия показателей психического здоровья в разных группах детей. Дети с ненадежной привязанностью имеют более высокий уровень тревожности ($p=0,001$), высокий уровень проявлений эмоциональных симптомов.

Различия в группах с надежной и ненадежной привязанностью обнаружены в проблемах со сверстниками ($p=0,003$) и поведении ($p=0,008$), экстернальных проблемах ($p=0,03$). Данные указывают на высокий уровень экстернальных проблем или деструктивных отклонений в поведении у детей с ненадежной привязанностью к матери, что соответствует более низким итогам развития и приспособления и прогрессивно снижает прогноз в отношении будущего (Гудман, Скотт, 2008).

Надежный тип привязанности, в сравнении с ненадежным, характеризуется по оценкам экспертов относительно высокой адаптированностью, социально-одобряемым поведением ($p=0,03$) и относительно низкой общей выраженностью поведенческих нарушений.

В ходе исследования также были выявлены корреляционные взаимосвязи психического здоровья и его характеристик и показателей привязанности к матери в разных группах детей.

Нарастание тревожности у дошкольников независимо от типа привязанности определялось эмоциональной связью с матерью ($p \leq 0,001$), а интернальность и экстернальность проблем ненадежно привязанных детей связана с эмоциональной чуткостью матери ($p \leq 0,001$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что дети независимо от типа привязанности менее тревожны при проявлении матерью эмоциональной чуткости к ребенку, к его состоянию, настроению и потребностям. Сформированный ребенком надежный тип привязанности связан с высоким уровнем просоциального поведения ($p \leq 0,01$). Установлено, что дети с надежным типом привязанности способны и сами оказывать помощь и сопереживать другому человеку и обращаться к матери за помощью и поддержкой.

В группе детей с надежной привязанностью установлена обратная корреляционная связь показателей «эмоциональная близость с матерью» и «гиперактивность» ($p \leq 0,05$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что доверительные, открытые и близкие отношения с матерью уменьшают симптомы импульсивного поведения у ребенка.

На следующем этапе нашего эмпирического исследования было определено регрессионное влияние с целью выявления того, какие показатели привязанности ребенка к матери наиболее предсказательны в отношении показателей психологического здоровья дошкольников.

Первоначально обратимся к рассмотрению регрессионного влияния изучаемых показателей в группе детей с надежным типом привязанности к матери.

Так нами было выявлено, что эмоциональная близость дошкольников с матерью и совместная с ней деятельность оказывают совокупное влияние на тревожность ребенка ($R=0,54$, $R^2=0,29$ при $p=0,023$, $F=11,803$). Так, эмоциональная близость оказывает отрицательное влияние на тревожность дошкольника ($\beta=-0,420$ при $p=0,000$), а совместная деятельность оказывает положительное влияние на показатель тревожности ($\beta=0,263$ при $p=0,023$). Наши данные показали, что эмоциональная близость с матерью оказывает влияние на просоциальные навыки ребенка ($R=0,31$, $R^2=0,09$ при $p=0,015$, $F=6,215$), которое носит положительный характер ($\beta=0,309$ при $p=0,015$).

Регрессионный анализ показал, что эмоциональная близость с матерью и потребность в ее присутствии оказывают совокупное

влияние на проявление гиперактивности у ребенка, при чем эмоциональная близость оказывает отрицательное влияние ($\beta=-0,346$ при $p=0,004$), а потребность в присутствии матери – положительное ($\beta=0,280$ при $p=0,02$).

Далее в группе детей с ненадежным типом привязанности было выявлено регрессионное влияние привязанности к матери на показатели психологического здоровья дошкольников. Установлено, что эмоциональная близость с матерью оказывает влияние на тревожность ненадежно привязанных детей ($R=0,88$, $R^2=0,77$ при $p=0,000$, $F=116,277$). Эмоциональная близость с матерью детей с ненадежным типом привязанности оказывает отрицательное влияние на тревожность дошкольников ($\beta=-0,880$ при $p=0,000$).

Выявлено, что такие показатели к матери как «эмоциональная чуткость матери» и «восприятие матери как источника помощи и поддержки» оказывают совокупное влияние на показатель психологического здоровья детей с ненадежным типом привязанности ($R=0,67$, $R^2=0,45$ при $p=0,000$, $F=13,4$).

Проявление эмоциональных симптомов у дошкольников зависит от эмоциональной чуткости матери ($\beta=-0,539$ при $p=0,000$), а также от восприятия близкого взрослого как надежного источника помощи и поддержки ($\beta=-0,296$ при $p=0,033$). Установлено, что проявление гиперактивности у старших дошкольников с ненадежным типом привязанности зависит от эмоциональной чуткости матери, причем данное влияние носит отрицательный характер ($\beta=-0,713$).

На основе полученных данных можно сделать следующие выводы.

1. Подтверждено, что привязанность ребенка к матери действительно выполняет роль одного из генетических оснований, разные формы (типы) которого задают особый круг индивидуально-типологических характеристик.
2. Привязанность дошкольников к матери характеризуется своеобразием. Соотношение дошкольников с надежной и ненадежной привязанностью в выборке составляло 62,9 и 37,1%. Дети с ненадежным типом привязанности испытывают недостаток близких отношений с матерью, считают матерей недостаточно чуткими и внимательными.
3. У детей с ненадежным типом привязанности отмечаются высокий уровень тревожности, эмоциональные симптомы и проблемы с поведением. У надежно привязанных детей доминирует просоциальное поведение.
4. Качество привязанности к матери оказывает влияние на психологическое здоровье детей старшего дошкольного возраста.

Таким образом, анализ данных исследования показал, что качество привязанности к матери оказывает влияние на психологическое здоровье детей старшего дошкольного возраста. Выявленные компенсаторные механизмы, с помощью которых привязанность выступает фактором защиты от неблагополучия и развития ребенка, нуждаются в дальнейшем анализе и последующих исследованиях.

Литература

- Бурменская Г. В.* Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2009. № 4. С. 17–31.
- Гудман Р., Скотт С.* Детская психиатрия. М.: Триада-Х, 2008.
- Куфтяк Е. В.* Привязанность ребенка к матери и отношения привязанности близких взрослых // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2015. № 1 (86). С. 78–83.
- Куфтяк Е. В.* Семейно-поколенческое исследование: теория и практика. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Сер. «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2014. № 1 (20). С. 64–68.
- Пупырева Е. В.* Эмоциональная привязанность к матери как фактор становления автономии личности в младшем школьном возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Bloom K. C.* The development of attachment behaviors in pregnant adolescents // Nursing Research 1995. V. 44. P. 284–289.
- Bowlby J.* Attachment and Loss. V. 1. Attachment. N. Y., 1982.
- Brown L. S., Wright J.* The relationship between attachment strategies and psychopathology in adolescence // Psychology and psychotherapy. 2003. V. 76 (4). P. 351–367.
- Tuzun O., Sayar K.* Attachment Theory and Psychopathology // The Journal of Psychiatry and Neurological Sciences. 2006. V. 19. P. 24–39.

Influence of attachment to mother on mental health of children

E. V. Kuftyak (Kostroma)

Doctor of Psychology, Kostroma State University

The goal of this work is to study the psychological mechanisms of the influence of the character of attachment to the mother on the mental health of the child. The study covered 97 preschool children (M age = 6; 49 boys, 48 girls). Basing on the evaluation of attachment type, we identified two groups: child-

ren with reliable attachment (n=61) and with unreliable attachment (n=36). The children with an unreliable attachment type have a high level of anxiety, emotional symptoms, and behavioral problems. Reliably attached children have the dominated prosocial behavior. It was derived the multiple regression equation, which predicted anxiety, hyperactivity and problems with peers due to attachment indicators.

Keywords: attachment to mother, mental health, preschoolers.

Роль вербального ментального возраста в развитии модели психического у типично развивающихся детей и детей с ОВЗ

Е. И. Лебедева (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: evlebedeva@yandex.ru*

В статье описываются результаты сравнительного исследования развития модели психического у детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и типичным развитием. В исследовании принимали участие 57 детей с ОВЗ (задержка интеллектуального развития) и 110 детей с типичным развитием 3–7 лет. Показана достоверная взаимосвязь вербального и невербального ментального возраста и показателей модели психического в обеих группах сравнения. При уравнивании вербального ментального возраста показатели развития модели психического у детей с ОВЗ выше, чем у детей с типичным развитием. Вероятно, вербальный ментальный возраст является необходимым, но недостаточным условием для развития модели психического, в том числе и для детей с задержкой интеллектуального развития.

Ключевые слова: модель психического, задержка интеллектуального развития, ограниченные возможности здоровья, вербальный ментальный возраст, дошкольный возраст.

Модель психического, как способность приписывать другим людям различные психические состояния (отличающиеся от наших собственных) и рассматривать эти состояния как причину поведения (Сергиенко и др., 2009), развивается и усложняется в течение всей жизни, однако наиболее бурное формирование этой способности приходится на дошкольный возраст.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-29-02155 офи_м «Субъективные факторы психологического здоровья в современном обществе».

Еще совсем недавно дефицит модели психического считался уникальной особенностью детей с расстройствами аутистического спектра (Baron-Cohen, 2000). В настоящий момент дефицитность в развитии этой способности исследуется у детей с нарушениями сенсорного восприятия (слуха, зрения), интеллекта и другими нарушениями развития (Baron-Cohen, Tager-Flusberg, Lombardo, 2013).

По данным литературы, одним из факторов, определяющих успешное решение задач на модель психического, является вербальный ментальный возраст. Во многих исследованиях, включая исследования, выполненные с участием детей с расстройством аутистического спектра и детей с задержкой интеллектуального развития неизвестной этиологии, была выявлена взаимосвязь между ментальным вербальным возрастом и развитием модели психического (Baron-Cohen, 2000; Blijd-Hoogewys et al., 2008; Happé, Fletcher-Watson, 2005; Yirmiya et al., 1998).

Типично развивающимся детям, по результатам множества исследований, для успешного решения задач на понимание неверных мнений (как ключевого аспекта модели психического) необходимо достижение вербального ментального возраста, равного 4 годам. В то время как дети с расстройством аутистического спектра достигают той же успешности решения задач на неверные мнения тогда, когда их вербальный ментальный возраст будет равен 9,2 годам (Happé, Fletcher-Watson, 2005). Однако остается открытым вопрос, действительно ли дети с нарушениями интеллекта достигают того же уровня модели психического, что и типично развивающиеся дети, когда их вербальный ментальный возраст становится равным 4 годам.

В ранних исследованиях дефицитности модели психического было показано, что дети с синдромом Дауна (как однородная нозологическая группа с нарушением интеллектуального развития) не отличались от детей с типичным развитием в понимании неверных мнений, если их вербальный ментальный возраст равнялся 4 годам. В более поздних исследованиях, с участием детей с нарушением интеллектуального развития неизвестной этиологии обнаруживали достоверные различия в вербальном ментальном возрасте у детей успешных и неуспешных в понимании неверных мнений (Baurain, Nader-Grosbois, 2003). Результаты нашего сравнительного исследования развития модели психического показали, что дети со сниженным интеллектом понимали неверные мнения и обман хуже, чем дети с типичным развитием и дети с расстройствами аутистического спектра со средним уровнем интеллекта (Лебедева, Сергиенко, 2010).

Цель нашей работы – сравнить развитие модели психического у детей со сниженным вербальным ментальным возрастом (задержкой интеллектуального развития неизвестной этиологии) и детей с типичным развитием, чей ментальный вербальный возраст соответствует хронологическому.

Мы предполагаем, что успешность решения задач на понимание неверных мнений связана с уровнем ментального вербального возраста как у детей с задержкой интеллектуального развития неясной этиологии, так и у типично развивающихся детей.

Мы также предполагаем, что при уравнивании детей с типичным развитием и задержкой интеллектуального развития по вербальному ментальному возрасту, их успешность решения задач на понимание неверных мнений не будет отличаться внутри одного возраста между этими группами детей.

Участники исследования и методики

Группа детей с задержкой интеллектуального развития неясной этиологии была отобрана из выборки детей с ограниченными возможностями здоровья (задержка психического развития, общее недоразвитие речи, умственная отсталость) двух детских садов г. Москвы. Критерий отбора – снижение ментального вербального возраста больше, чем на 6 месяцев относительно хронологического. Всего в исследовании приняли участие 57 чел. (47 мальчиков), из них в возрасте 4 года – 10 детей (Me = 4 г. 8 мес.), 5 лет – 11 детей (Me = 5 лет 5 мес.), 6 лет – 28 детей (Me = 6 лет 7 мес.), 7 лет – 9 чел. (Me = 7 лет 1 мес.).

Группа детей с типичным развитием – 110 детей, в возрасте 3 лет – 36 детей (Me = 3 г. 7 мес., 16 мальчиков), в возрасте 4 лет – 44 ребенка (Me = 4 г. 6 мес., 20 мальчиков), 5 лет – 30 детей (Me = 5 лет 5 мес., 13 мальчиков) (Виленская, Лебедева, 2017).

Методики были поделены на два блока: оценивающие развитие предикторов модели психического (понимание визуальной перспективы 1-го и 2-го уровня, понимание желаний другого по направлению взора и понимание источника знаний) и развитие собственно модели психического (понимание неверных мнений собственных и других людей, а также понимание неверных мнений в сказках).

Оценка ментального вербального и невербального возраста детей проводилась с помощью «Теста интеллекта Векслера для дошкольного и младшего школьного возраста» (WPPSI – Wechsler Preschool and Primary Scale of Intelligence). Для оценки ментального вербаль-

ного возраста были использованы данные по субтесту «Словарный», а для невербального – субтеста «Кубики Кооса», как наиболее показательные в своей серии.

Результаты и обсуждение

Анализ успешности решения задач на понимание ментального мира детьми с ограниченными возможностями здоровья (задержкой интеллектуального развития неясной этиологии) показал положительную возрастную динамику по группе в целом, однако, достоверные различия были выявлены только между контрастными возрастными группами – 4 и 7 годами ($U=17,5$, $p=0,014$). Анализ возрастной динамики развития модели психического в группе типично развивающихся детей показал различия в успешности решения отдельных задач у детей 3–6 лет (подробнее Виленская, Лебедева, 2017).

Корреляционный внутригрупповой анализ показал взаимосвязь между обобщенными показателями предикторов модели психического (понимание визуальной перспективы, желаний, источника знаний), собственно модели психического (пониманием неверных мнений собственных и других людей, в классических задачах и в сказках) и вербальным ($r=0,311$, $p=0,018$ – предикторы; $r=0,465$, $p=0,000$ – модель психического) и невербальным ментальным возрастом ($r=0,524$, $p=0,000$ – предикторы; $r=0,346$, $p=0,008$ – модель психического) в группе детей с задержкой интеллектуального развития. Характерно, что связи между показателями модели психического (предикторы и понимание неверных мнений) и хронологическим возрастом не было обнаружено. Эти данные согласуются с результатами, полученными в других исследованиях:

Корреляционный анализ, проведенный в группе детей с типичным развитием, также показал взаимосвязь между показателями развития модели психического и вербальным ($r=0,392$, $p=0,000$ – предикторы; $r=0,418$, $p=0,000$ – модель психического) и невербальным ($r=0,424$, $p=0,000$ – предикторы; $r=0,528$, $p=0,000$ – модель психического) ментальным возрастами. Однако, в отличие от группы детей с задержкой интеллектуального развития, также была выявлена взаимосвязь с хронологическим возрастом: чем старше дети, тем успешнее они решают задачи на понимание ментального мира.

В соответствии с нашей гипотезой об отсутствии различий в успешности решения задач на понимание неверных мнений при условии уравнивании детей по вербальному ментальному возрасту, мы сравнили результаты детей с типичным развитием и с за-

держкой интеллектуального развития. При этом у детей с типичным развитием вербальный ментальный возраст не был меньше хронологического больше, чем на 6 месяцев.

Сравнивались группы детей с вербальным ментальным возрастом 3 года – дети с задержкой интеллектуального развития 6 человек (Ме хр. возраст = 58,5 мес.) и 12 детей с типичным развитием (Ме хр. возраст = 42,5 мес.), дети с ВМВ 4 года – дети с задержкой интеллектуального развития 30 чел. (Ме хр. возраст = 73,5 мес.) и 33 ребенка с типичным развитием (Ме хр. возраст = 53 мес.), дети с ВМВ 5 лет – 11 детей с задержкой интеллектуального развития (Ме хр. возраст = 81 мес.) и 15 детей с типичным развитием (Ме хр. возраст = 60 мес.).

Как можно заметить, дети с задержкой интеллектуального развития были сравнительно старше детей с типичным развитием. Также были обнаружены различия в невербальном ментальном возрасте (в 3 года $U=4,50$, $p=0,001$, в 4 года $U=177,50$, $p=0,000$, в 5 лет $U=20$, $p=0,001$) – у детей с задержкой интеллектуального развития он в меньшей степени отличался от хронологического, чем вербальный.

Вопреки нашим предположениям, обнаружились значимые различия в обобщенных показателях предикторов развития модели психического и собственно модели психического (понимания неверных мнений и обмана) между группами типично развивающихся детей и детей с задержкой интеллектуального развития, чей вербальный ментальный возраст соответствовал трем годам ($U=15$, $p=0,008$ – предикторы, $U=16$, $p=0,01$). У детей с задержкой интеллектуального развития выше показатели и развития предикторов и модели психического в целом. Если смотреть различия отдельно по задачам, то различия оказываются значимыми только в трех случаях: дети с задержкой интеллектуального развития лучше, чем дети с типичным развитием, понимают неверные мнения и обман в сказках ($\varphi=2,522$, $p\leq 0,01$ и $\varphi=2,319$, $p\leq 0,01$, соответственно) и лучше понимают, что источником знаний человека может быть в том числе увиденное им ($\varphi=1,784$, $p\leq 0,05$).

Эти различия можно объяснить, с одной стороны, различиями в хронологическом возрасте, с другой – различиями в уровне невербального ментального возраста. Но, поскольку участников исследования, особенно в группе детей с задержкой интеллектуального развития, было немного, мы считаем этот результат предварительным.

Между детьми с задержкой интеллектуального развития и без нее, чей вербальный ментальный возраст был равен 4 годам, не было выявлено различий как по обобщенному показателю предиктора модели психического, так и по показателю успешности решения задач

на понимание неверных мнений. Анализ различий по отдельным задачам показал, что дети с задержкой интеллектуального развития лучше понимают обман и его последствия в сказках, чем дети с типичным развитием с вербальным ментальным возрастом, равным 4 годам ($\varphi=1,961$, $p\leq 0,05$). То есть опять же, кроме ментального вербального возраста для понимания обмана, вероятно, имеет значение невербальный ментальный возраст и хронологический возраст.

Межгрупповой анализ обобщенных показателей развития модели психического у детей с вербальным ментальным возрастом, равным 5 годам, показал достоверные различия только в успешности понимания неверных мнений: у детей с задержкой интеллектуального развития этот показатель достоверно выше ($U=34$, $p=0,01$). Анализ успешности решения отдельных задач опять показывает, что дети с ОВЗ лучше, чем дети с типичным развитием, понимали собственные неверные мнения и неверные мнения других людей, а также обман в сказках ($\varphi=1,902$, $p\leq 0,05$; $2,245$, $p\leq 0,05$ и $\varphi=2,046$, $p\leq 0,05$, соответственно).

Таким образом, уровень развития модели психического у детей с задержкой интеллектуального развития не снижен, по сравнению с типично развивающимися детьми того же вербального ментального возраста, а в некоторых аспектах даже превосходит. Похожие результаты были получены в других исследованиях (Campbell, 1997; Vaurain, Nader-Grosbois, 2003). Диан Кэмпбелл в своем сравнительном исследовании модели психического обнаружила, что дети с интеллектуальными нарушениями справлялись с задачами на понимание неверных мнений хуже, чем дети с типичным развитием того же хронологического возраста, но не отличались от детей того же ментального возраста (хронологический возраст группы типично развивающихся детей был меньше) (Campbell, 1997).

Внутригрупповой анализ успешности решения задач на понимание ментального мира показал, что в группе детей с ОВЗ различия достоверны между 4 и 5 годами вербального ментального возраста ($U=140,5$, $p=0,002$ – предикторы, $U=198$, $p=0,049$ – понимание неверных мнений и обмана), в то время как в группе детей с типичным развитием – между 3 и 4 годами ($U=60,5$, $p=0,004$ – понимание неверных мнений и обмана). Если посмотреть отдельные задачи, то у детей с типичным развитием значительно возрастает процент детей, которые начинают понимать ошибочность собственных ложных убеждений и ложных убеждений других людей (собственные – с 27,8 до 72,7%, $\varphi=3,177$, $p\leq 0,01$; других людей – с 22,2 до 48,8%). Действительно, результаты большинства исследований указывают на то, что именно в 4 года более половины детей с типичным развитием на-

чинают понимать, что наши внутренние ментальные состояния могут отличаться от ментальных состояний других людей (Сергиенко и др., 2009; Baron-Cohen, 2000).

Обобщая результаты нашего исследования, мы можем заключить, что вербальный ментальный возраст является необходимым, но недостаточным условием для развития модели психического, в том числе и для детей с задержкой интеллектуального развития. По всей видимости, для успешного развития модели психического необходим также и опыт взаимодействия, что косвенно подтверждается тем фактом, что при уравнивании вербального ментального возраста более успешными оказывались дети, чей хронологический возраст был старше, несмотря на ограниченные возможности здоровья (задержку развития), а также невербальный ментальный возраст.

Литература

- Виленская Г. А., Лебедева Е. И.* Роль речи в развитии модели психического у дошкольников // *Материалы Всероссийской конференции «Когнитивные исследования на современном этапе» (КИСЭ-2017)*. Казань, 2017.
- Лебедева Е. И., Сергиенко Е. А.* Модель психического и интеллектуальное развитие // *Психологические исследования интеллекта и творчества: Материалы научной конференции, посвященной памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина*. ИП РАН, 7–8 октября 2010 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 226–235.
- Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А.* Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Baron-Cohen S.* Theory of mind and autism: A fifteen year review // *Understanding other minds: Perspectives from developmental cognitive neuroscience*, 2000. V. 2. P. 3–20.
- Blijd-Hoogewys E. M. A., Van Geert P. L. C., Serra M., Minderaa R. B.* Measuring theory of mind in children. Psychometric properties of the ToM storybooks // *Journal of autism and Developmental Disorders*. 2008. V. 38. № 10. P. 1907–1930.
- Baron-Cohen S., Tager-Flusberg H., Lombardo M.* (Eds). *Understanding other minds: Perspectives from developmental social neuroscience*. Oxford University Press, 2013.
- Baurain C., Nader-Grosbois N.* Theory of mind, socio-emotional problem-solving, socio-emotional regulation in children with intellectual disability and in typically developing children // *Journal of autism and developmental disorders*. 2013. V. 43. № 5. P. 1080–1097.

Campbell D. Theory of Mind Deficits in Children with Intellectual Disabilities: A Test of Specificity and Uniqueness Hypotheses. Edith Cowan University, 1997.

Happé F., Fletcher-Watson S. Autism: An introduction to psychological theory. Psychology Press, 2005.

The role of the verbal mental age in development of theory of mind of typical developed children and children with disabilities

E. I. Lebedeva (Moscow)

Candidate of Psychology, Institute of Psychology RAS

The article describes the results of a comparative study of the development of theory of mind in children with disabilities and typical development. 57 children with delayed intellectual development and 110 children with a typical development of 3–7 years took part in the study. A reliable relationship between the verbal and non-verbal mental age and indicators of theory of mind in both comparison groups is shown. When the verbal mental age is equal, indices of theory of mind in children with delayed intellectual development are higher than in children with typical development. Probably, verbal mental age is a necessary, but insufficient condition for the development of theory of mind, including for children with intellectual development delay.

Keywords: theory of mind, intellectual development delay, verbal mental age, preschool age.

Индивидуальные траектории субъективного возраста и их взаимосвязи с качеством сна у людей пожилого возраста

А. И. Мелёхин (Москва)

Клинический психолог, Российский геронтологический научно-клинический центр; e-mail: clinmelehin@yandex.ru

Хроническая бессонница в пожилом возрасте связана со спектром психических расстройств, когнитивными нарушениями, нейроэндокринными, сердечно-сосудистыми заболеваниями, широким использованием медицинских услуг и высокими рисками смертности. Обычно для того, чтобы оценить изменения в качестве сна у пожилого пациента, используется оценка хронологического возраста. В связи с этой целью исследования было проведено анализ индивидуальных вариантов оценки субъективного возраста и их взаимосвязей с оценками удовлетворенности качеством сна в пожилом и старческом возрасте. В отличие от хронологического субъективный возраст позволяет детальнее описывать динамику изменений в удовлетворенности качеством сна в позднем возрасте. Пожилые люди, которые оценивают свой субъективный возраст моложе, отмечают недолгое время засыпания, долгую продолжительность сна, редкие ночные пробуждения, временами присутствуют сновидения, качество сна и пробуждения оценивают как хорошее. При оценке субъективного возраста идентично и старше хронологического возраста наблюдается долгое и очень долгое время засыпания, короткая продолжительность сна с частными ночными пробуждениями, множественными тревожными сновидениями. Качество сна и пробуждения оценивается как плохое. Чаще прибегают к приему лекарств для улучшения качества сна. Показано, что оценка субъективного возраста и удовлетворенность качеством сна опосредована полиморбидным статусом и наличием изменений в эмоциональном состоянии.

Ключевые слова: хронологический возраст, субъективный возраст, качество сна, хроническая бессонница, пожилой возраст, старческий возраст.

Введение

Субъективный возраст является *биопсихосоциальным маркером благоприятного течения старения*, фиксирует и прогнозирует физическое и психологическое функционирование человека (Мелёхин, 2016; Мелёхин, Сергиенко, 2015; Stephan et al., 2015; Stephan, Sutin, 2017; Stephan et al., 2016). Самыми распространенными у людей пожилого возраста являются жалобы на изменения в качестве сна. Хроническая бессонница в пожилом возрасте связана со спектром психических расстройств, когнитивными нарушениями, нейроэндокринными, сердечно-сосудистыми заболеваниями, широким использованием медицинских услуг и высокими рисками смертности (Stephan, Sutin, 2017). Обычно для того, чтобы индексировать и оценить изменения в качестве сна у пожилого пациента используется оценка *хронологического возраста*. На основе этого возникает вопрос о выявлении индивидуальных вариантов оценки субъективного возраста, которые позволили бы более детально изучить взаимодействие возрастной идентичности с оценками удовлетворенности качеством сна.

Цель исследования: провести анализ индивидуальных вариантов оценки субъективного возраста и их взаимосвязи с оценками удовлетворенности качеством сна в пожилом и старческом возрасте.

Гипотеза исследования: в пожилом и старческом возрасте существует неоднородность оценок субъективного возраста, которая играет роль психологической регуляции в реализации собственной жизнедеятельности, где важное значение имеет удовлетворенность качеством сна как компонент психологических ресурсов.

Методика

Участники исследования: было обследовано 300 пациентов, наблюдающихся в Консультативно-диагностическом центре № 2, Городской поликлинике № 186 и № 41 г. Москвы. Респонденты были разделены на следующие возрастные группы: 1) 55–60 лет – 100 чел. (16 мужчин и 84 женщины, Med=56,6, Min=55, Max=60); 2) 61–74 лет – 100 чел. (13 мужчин и 87 женщин, Med=65,1, Min=61, Max=74) и 3) 75–90 лет – 100 чел. (12 мужчин и 88 женщин, Med=76,8, Min=75, Max=88). Среди респондентов трех возрастных групп преобладали женщины, что подтверждает факт *феминизации стареющего населения*. Образовательный уровень респондентов трех возрастных групп был достаточно высок. Другая демографическая особенность выборки данного исследования связана с наличием *феномена серебряной сепарации*, т. е. треть людей пожилого и старческого возраста были разведены. У большинства респондентов имелись дети.

Критерии исключения

1. Наличие хронических расстройств в стадии обострения, интоксикаций, выраженных сердечно-сосудистых заболеваний, которые могут влиять на социокогнитивные функции (органная недостаточность, болезни легких, аутоиммунные заболевания, острые бактериальные, вирусные инфекции, системные дисметаболические состояния; витаминная недостаточность).
2. Серьезные нарушения слуха (пресбиакузис) и зрения (высокие аномалии рефракции, глаукома, диабетическая ретинопатия, дальтонизм).
3. Нейродегенеративные заболевания и неврологические заболевания (опухоли, сосудистые поражения, нейроинфекции, эпилепсия, черепно-мозговые травмы).
4. Наличие аффективного спектра расстройств; психотической симптоматики, гипоманиакальных и маниакальных симптомов.
5. Наличие негативизма со стороны пожилого человека; признаки формального отношения к обследованию, отказ человека позднего возраста, его родственников и/или доверенных лиц от участия в исследовании.

Методики исследования были разделены на следующие диагностические блоки:

1. *Оценка гериатрического статуса:* гериатрическая шкала кумулятивности расстройств (CIRS-G, M. D. Miller), гериатрическая шкала самооценки депрессии версия с 30 пунктами (GDS-30, J. A. Yesavage), Калифорнийская шкала оценки чувства одиночества (R-UCLA-LS, D. Russell).
2. *Оценка субъективного возраста:* шкала оценки когнитивного возраста Б. Барака (four-item cognitive age scale; cognitive age-decade scale, B. Barak). Шкала позволяет оценить субъективный возраст и его субкомпоненты: биологический, физический, возрастно-телесная идентификация («На сколько лет вы *выглядите?*»), эмоциональный («Вы *чувствуете* себя на сколько лет?»), социальный («Ваше поведение соответствует человеку какого возраста?») и интеллектуальный («Ваши *интересы* соответствуют какому возрасту?»).
3. *Оценка качества сна:*
 - *Анкета балльной оценки субъективных характеристик ночного сна, предложенная А. М. Вейном и Я. И. Левиным.* Включает в себя следующие характеристики, оцениваемые по 5-балльной шкале: время засыпания, продолжительность сна, коли-

чество ночных пробуждений, качество сна, количество сновидений, качество утреннего пробуждения. Оценка 22 балла и более указывает на отсутствие нарушений сна. От 19–21 балла пограничные симптомы, менее 19 баллов – признаки нарушений сна.

- *Шкала концептуализации сна Г. Мэдоуса* позволяет определить степень сопротивления и специфику совладания человека с хронической бессонницей. Шкала состоит из блоков: понимание, принятие, открытость, контроль и качество жизни. В каждом блоке по 3 вопроса, которые оцениваются по 4-балльной шкале: «никогда не случалось» (0), «иногда случалось» (1), «часто случается» (2), «постоянно случается» (3). Чем больше сопротивление, тем больше сумма набранных баллов.

Статистическая обработка результатов проводилась с помощью программ IBM SPSS v. 23 for OS X и MS Office Excel 2016, следующих методов обработки данных: дескриптивный анализ, U-критерия Манна–Уитни для выявления значимых различий; коэффициент ранговой корреляции R Спирмена (связь считалась достоверной при $p < 0,05$ и $p < 0,01$); множественный регрессионный анализ; логистическая регрессия.

Результаты исследования

Гериатрический статус и качество сна. У респондентов выявлена легкая степень полиморбидности, при которой в возрасте 55–60 лет наблюдаются – 2, 61–74 лет – 3, а 75–90 лет – 4 хронических, медикаментозно стабилизируемых заболеваний. По сравнению с пожилым возрастом (55–60 и 61–74 лет), в группе старческого возраста (75–90 лет) наблюдается большая выраженность симптомов субсиндромальной депрессии и переживаний чувства одиночества. У респондентов трех возрастных групп наблюдается неудовлетворенность характеристиками собственного сна, а также непонимание причин нарушений во сне. У респондентов 75–90 лет, по сравнению с 55–60 и 61–74 лет, наблюдались большие изменения в *понимании* причин развития и поддержания бессонницы. Респонденты отмечали, что постоянно борются за хорошее качество сна и пробуют новые способы, чтобы улучшить свой сон, но ничего не помогает на долгое время. Это сопровождается изменениями в *открытости* к пониманию факторов нарушения сна. Этим респондентам свойственно нарушать гигиену сна. Стараются чрезмерно *контролировать* режим засыпа-

ния. Эти изменения со стороны качества сна влияют на их *удовлетворенность качеством жизни*. Наблюдается убежденность, что они не смогут жить полноценной жизнью, пока бессонница не пройдет. У большинства респондентов наблюдались расстройства инициации и поддержания сна. Респонденты 75–90 и 61–74 лет чаще, чем лица 55–60 лет, просыпаются в первые часы сна, им свойственно чрезмерное напряжение, они склонны преувеличивать длительность периода засыпания и преуменьшать продолжительность сна. Отмечают долгое (20–60 мин) и очень долгое (1,5–3 часа) время засыпания; наличие частых (2–4 раза) ночных пробуждений с ощущением тревоги, с дальнейшими трудностями засыпания. У этих людей присутствуют множественные яркие и цветные сновидения. Эмоциональный тон этих сновидений тревожный, что говорит о проекции собственной уязвимости, поврежденной самодостаточности людей пожилого и старческого возраста.

В сновидениях респондентов трех групп преобладала тема *активности, ориентации на достижение, самостоятельность*. У респондентов 61–74 и 75–90 лет наблюдаются сновидения, содержащие *события прошлого*, озабоченность прошлым. Например, «беременность и роды», «измена мужа», «работа», «хвосты на учебе», «детство, юность, время работы в Афганистане», «молодость и юность», «годы молодости... поездки на автомобиле», «мое прошлое... мелькают события из него». В пожилом возрасте (55–60 и 61–74 года) распространен сюжет *замкнутости* (ловушки). Например, в лифте, в метро, в квартире или доме, «лежу на подоконнике, боюсь пошевелиться и упасть». Также тема *преследования*: «бегу от кого-то», «бегу от какого-то человека, и меня убивают». Тема *потери*, которая сопровождается чувством вины и желанием исправить произошедшее, распространена у респондентов 61–74 и 75–90 лет. Например, «вижу смерть супруга», «развод с мужем и его отдаление», «смерть мамы/папы». Тема *«дом мечты»* наблюдается в сновидениях респондентов 61–74 лет, когда им снится дом или квартира, в которой они жили в детстве или молодости. Также в этой группе респондентов распространена тема, когда их *убивают во сне*, а также снятся *животные* (пауки, змеи, кошки).

Субъективный возраст. Существуют значимые различия в средних значениях оценки субъективного возраста между респондентами 55–60 и 61–74 лет, 55–60 и 75–90 лет, 61–74 и 75–90 лет. У респондентов пожилого и старческого возраста преобладало расхождение между хронологическим и субъективным возрастом, что говорит о наличии феномена *отрицания возраста* (age denial), *преобладании стратегии переписывать возраст* (age rewriting strategies) (Guiot, 2001). Преобла-

дающей формой отрицания возраста является наличие нестареющего-Я (ageless self), *положительной когнитивной иллюзии возраста* (positive illusion) (Shinan-Altman, Werner, 2018). По-другому этот феномен называют *консервация возраста* (Курышева, 2014) или *смещение к молодости* (youthful bias) (Guiot, 2001). В группе 55–60 лет оценивали свой субъективный возраст на 6 лет, 61–74 года – на 10 лет, а 75–90 лет – на 14 лет моложе своего хронологического возраста.

Наблюдается минимальная разница между *хронологическим* и *субъективным биологическим возрастом*, в отличие от эмоционального возраста. У респондентов 55–60 лет (хронологический возраст – 56,3 года) эта разница равна *10 годам*, у 61–74 года (хронологический возраст – 65,1 года) – *7,9 года*, что подтверждает данные о том, что привлекательность внешнего вида, изображение тела, которое отражается в зеркале, является фактором *возрастной идентификации* и *индикатором биологического старения*. Наличие расхождения от 5 до 9 лет у респондентов 61–74 года говорит о наличии *положительного самовосприятия старения* у респондентов трех возрастных групп. У респондентов 75–90 лет минимальная разница, наоборот, отмечается между хронологическим и эмоциональным возрастом. Эта разница равна *15 лет*, что говорит о роли самочувствия как фактора возрастной идентификации. Наличие расхождения *10–15 лет* у респондентов *55–60 и 75–90 лет* указывает на наличие о сверхрегрессивных тенденций, невротического отрицания собственного старения (Курышева, 2014). Некоторые респонденты 55–60 лет оценивают себя *старше* на *10 лет*, 61–74 и 75–90 лет на *15–16 лет* своего хронологического возраста. Отметим, что наличие переоценки субъективного возраста можно рассматривать как *индикатор неблагоприятного разрешения кризиса стагнации* или как симптом «хрупкой» пограничной личностной организации.

Субъективный возраст и качество сна. Наблюдаются различия в степени удовлетворенности качеством сна у респондентов трех возрастных групп, оценивающих свой субъективный возраст идентично, моложе и старше хронологического возраста. Обращает на себя внимание большое количество корреляций всех компонентов субъективного возраста с показателями удовлетворенности качеством сна. В подгруппах респондентов 55–60 лет *при идентичной оценке* субъективного и эмоционального возраста (чувствую), наблюдаются связи с негативными изменениями в удовлетворенности качеством сна, наличием пре- и интрасомнических нарушений. Оценка своего субъективного возраста и биологического, эмоционального, социального возраста *моложе* хронологического возраста сопряжена с большей удовлетворенностью качеством сна. Если пожилой чело-

век оценивает свой субъективный возраст, внешность, самочувствие, деятельность *моложе* хронологического, тем лучше у него физические и психологические ресурсы, приверженность гигиене сна, которые приводят к большей удовлетворенности качеством сна.

В подгруппе респондентов 61–74 года, оценивающих свой субъективный возраст ближе к хронологическому, занижающих, завышающих его, наблюдаются различия в удовлетворенности качеством сна. Оценка внутренних возрастов (биологического и эмоционального) идентично, *моложе* и *старше* хронологического возраста также сопряжены с изменениями в качестве сна. При оценке субъективного возраста *старше* хронологического возраста наблюдается долгое и очень долгое время засыпания, короткая продолжительность сна с частными ночными пробуждениями (2–3 за ночь), множественными тревожными сновидениями. Качество сна и пробуждения оценивается как плохое. Эти респонденты чаще прибегают к приему лекарств для улучшения качества сна.

В подгруппе респондентов 75–90 лет, оценивающих свой субъективный возраст ближе к хронологическому, занижающих, завышающих его, наблюдаются различия в качестве сна.

Оценка внутренних возрастов (биологического, эмоционального и социального) *моложе* и *старше* хронологического возраста также сопряжены с изменениями в удовлетворенности качеством сна. Отметим, что в подгруппах респондентов, оценивающих субъективный возраст идентично или *старше*, социальный и интеллектуальный возраст не коррелируют с оценкой субъективных характеристик сна.

В пожилом и старческом возрасте полиморбидный статус, наличие симптомом депрессии и переживаний чувства одиночества, изменений в качестве сна выступают факторами, влияющими на индивидуальную возрастную идентичность. Логистическая регрессия показала, что связь между оценкой субъективного возраста и удовлетворенностью качеством сна опосредована полиморбидным статусом и наличием изменений в эмоциональном состоянии. Наличие симптомов депрессии и полиморбидный статус являются ковариантами с наибольшим воздействием на ассоциацию между субъективным возрастом и качеством сна. Таким образом, настоящее исследование показало, что субъективный возраст выступает более сильным предиктором трудностей сна, чем хронологический возраст. Результаты нашего исследования согласуются с данными Я. Стефана (Stephan, Sutin, 2017), который показал, что качество сна является потенциальным механизмом, связывающим субъективный возраст с целым рядом параметров состояния здоровья.

Практическая значимость исследования

1. В социальном плане часто хронологический возраст является единственной категорией, используемой в обществе для присвоения должностей и обязанностей в рамках той или иной социальной структуры. Наши выводы предполагают, что субъективный возраст играет также важную роль, которую следует учитывать для эффективного распределения должностей и обязанностей в позднем возрасте.
2. Индивидуальные варианты субъективного возраста рассматриваются как биопсихосоциальные маркеры течения старения, их оценка может помочь идентифицировать пожилых людей с более высоким риском истощения физических, психологических ресурсов, развития острой и хронической бессонницы.
3. При наличии у пожилого человека оценки субъективного возраста «идентично» хронологическому возрасту или «старше» его, ему следует оказать комплексную гериатрическую помощь с применением *медикаментозных* и *немедикаментозных* (когнитивно-поведенческая психотерапия, терапия усиления осознанности, метакогнитивная терапия, терапия временной перспективы) подходов для минимизации факторов, вызывающих болезненные ощущения, апатию, тревогу и нарушения сна.

Литература

- Курешева О. В.* Взаимосвязь отношения к собственному возрасту и стратегий совладания со старостью у пожилых людей // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 11. «Естественные науки». 2014. № 1. Т. 7. С. 47–54.
- Мелёхин А. И.* Оценка субъективного возраста в комплексном гериатрическом обследовании // Клиническая геронтология. 2016. № 9–10. URL: <https://kg.newdiamed.ru/issue/id15900/id16632> (дата обращения: 01.04.2018).
- Мелёхин А. И., Сергиенко Е. А.* Субъективный возраст как предиктор жизнедеятельности в поздних возрастах // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 3. С. 6–14.
- Guiot D.* Antecedents of subjective age biases among senior women // Psychol. Mark. 2001. V. 18. P. 1049–1071.
- Shinan-Altman S., Werner P.* Subjective Age and Its Correlates Among Middle-Aged and Older Adults // International Journal of Aging and Human Development. 2018. V. 1

- Stephan Y., Sutin A. R., Terracciano A.* Younger subjective age is associated with lower C-reactive protein among older adults // *Brain, Behavior and Immunity*. 2015. V. 43. P. 33–36.
- Stephan Y., Sutin A. R., Bayard S., Terracciano A.* Subjective age and sleep in middle-aged and older adults // *Psychological Health*. 2017. V. 32. № 9. P. 1140–1151.
- Stephan Y., Sutin A. R., Terracciano A.* Feeling older and risk of hospitalization: Evidence from three longitudinal cohorts // *Health Psychology*. 2016. V. 35. P. 634–637.

Individual trajectory of subjective age and their relationship with quality of sleep in elderly

A. I. Melehin (Moscow)

Russian gerontological research and clinical center

Chronic insomnia in old age is associated with a range of mental disorders, cognitive disorders, neuroendocrine, cardiovascular diseases, extensive use of medical services and high mortality risks. Usually, in order to assess changes in the quality of sleep in an elderly patient, an assessment of the chronological age is used. In this regard, the aim of the study was to analyze the individual variants of subjective age assessment and their relationships with satisfaction with sleep quality in elderly and senile age. In contrast to the chronological subjective age allows to describe in more detail the dynamics of changes in satisfaction with the quality of sleep at a later age. Elderly people who estimate their subjective age younger note short sleep time, long sleep duration, rare night awakenings, sometimes there are dreams, the quality of sleep and awakening is estimated as good. Under assessing subjective age identical and older chronological age there is a long and very a long time falling asleep, a short expectancy sleep with private night awakenings, multiple disturbing dreams. The quality of sleep and awakening is rated as poor. More often resort to taking drugs to improve sleep quality. It is shown that the assessment of subjective age and satisfaction with sleep quality is mediated by polymorbid status and the presence of changes in the emotional state.

Keywords: chronological age, subjective age, quality of sleep, chronic insomnia, elderly age, senile age.

Проявление субъектности в текстах-переводах с иностранного языка

О. В. Мясникова (Барнаул)

*кандидат педагогических наук, доцент, Алтайский государственный
университет; e-mail: otelnikova2000@mail.ru*

Статья рассказывает о некоторых результатах исследования проявлений субъектности в процессе обучения иностранному языку. Проведенное исследование выполнено в рамках феноменологического подхода и построено на материале анализа текстов-переводов. Данный метод весьма релевантен для обнаружения проявлений субъектности как психологического феномена. Автор статьи предлагает оригинальный подход к изучению субъектности и выделяет так называемые драмы перевода как личные барьеры понимания содержания и смысла текста, умения его интерпретировать. Перевод текста с позиции личного проявления себя – это всегда борьба, борьба между выражением своего (субъективного, личностного) и авторского смыслов. Подобные драмы являются определенными измерениями исследуемого нами феномена как некое измерение личного участия.

Ключевые слова: субъектность, текст-перевод, уникальность, активность, драма, феноменологический метод.

Человек сегодня – это, в первую очередь, субъект, который способен быть и осознавать себя источником движения, умеющим самостоятельно делать свой собственный выбор в различных вопросах. Однако нередко можно столкнуться, в частности, в процессе обучения с ситуацией «отбивания», которая предполагает заданные педагогом границы и запрограммированные ответы студентов. Обучающиеся следуют указаниям педагога и выполняют, часто не задумываясь, все предписания, не размышляя о последствиях и не осмысливая их. В данной ситуации субъектность, предполагающая свободу выбора, осмысленность деяний и ответственность за содеянное, оста-

ется в стороне. В то же время личность внутренне всегда стремится к самовыражению. Без самовыражения личность лишена возможности реализовать стремление занять собственное место в жизни, обнаружить и осознать свою значимость, ценность. Открытие данной противоречивой ситуации позволило нам провести исследование, целью которого стало выявление особенностей проявления субъектности в процессе обучения иностранному языку. Наряду с другими аспектами, которые рассматривались в данной исследовательской работе, для обнаружения и раскрытия такого сложного феномена, как субъектность, был применен феноменологический анализ текстов-переводов, который позволил ответить нам на следующие вопросы.

1. Способен ли респондент проявлять свой смысл в тексте-переводе?
2. Насколько респондент может отойти от авторского смысла в собственном тексте-переводе?

Ответы на эти вопросы помогли нам определить, насколько ясно студенты первых курсов понимают свой собственный внутренний мир, чтобы выразить его для Других и тем самым дать возможность себе и Другим обнаружить себя, свою субъектность.

В данном случае мы выдвигаем идею о том, что, выражаясь в деятельности, субъект пишет текст для прочтения, тем самым меняя мир в себе и вокруг себя. При этом в основу этого положения закладываем субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна, который выделял активность, самосовершенствование, самостоятельность в качестве преобразующих влияний как на себя, так и на мир, в качестве основных «стимуляторов личностного роста» субъекта. Субъектность выступает здесь как определенное измерение включенности субъекта в деятельность. Вслед за С.Л. Рубинштейном другие авторы активно развивали идеи созидательной активности субъекта в развитии личности. А.В. Брушлинский расширил представления о содержании активности как фактора детерминации психики, указал на целостность и системность в характере исследования динамического, структурного, регулятивного планов анализа психологии субъекта. К.А. Абульханова-Славская обосновала положение о том, что субъект есть новое преобразованное качество личности, раскрывающее себя в разрешении проблемы соотношения «моего и чужого», индивидуального и социального. Именно через активность субъект проявляет свое отношение, собственное осмысление своей уникальности.

Именно уникальность, оригинальность, смелость в суждениях и размышлениях выдвигаются нами как направляющий вектор,

помогающий нам обнаружить и раскрыть данный сложный и многокомпонентный феномен как субъектность. Автор статьи придерживается точки зрения, что субъект через истолкования знаков в тексте интерпретирует то, что он находит и полагает в себе. Интерпретация рассматривается как работа мышления, состоящая в расшифровке смысла, в раскрытии уровней значения. И в этом случае анализ переводов с позиции выражения в них собственных смыслов может представлять собой некий инструмент для выявления и «прочтения» субъектности того или иного отдельного субъекта, группы, коллектива и выдвижение неких тенденций развития данного феномена. В данном случае перевод как собственное творение читателя-автора (по Рубинштейну — «созидательная активность») можно интерпретировать как истинное проявление субъектности.

Как уже отмечалось, в исследовании были использованы различные методы для изучения субъектности: тестирование, эксперимент, анализ. В данной статье акцент будет сделан на феноменологическом анализе текстов-переводов с иностранного языка как наиболее субъективный метод исследования. Данный метод предполагает максимальную включенность исследователя в процесс понимания и принятия респондентов. В этой связи выборка составила 32 чел.: 22 девушки и 10 юношей. В нее вошли студенты первых и вторых курсов естественнонаучного профиля в возрасте 16–18 лет Алтайского государственного университета. При отборе важно было наличие у респондента базовых знаний по иностранному языку (в частности, по немецкому) для дальнейшего перевода текста и его понимания и интерпретации. Уже на этапе планирования исследования в выборку намеренно отбирались студенты, которые могли дать более содержательные и развернутые для исследования тексты.

Работая с текстом на иностранном языке, основное внимание мы уделяли способности личности выйти за пределы авторского концепта и попытаться сформулировать свой собственный смысл. В данном случае мы руководствовались положением о субъектных и несубъектных способах жизни, подробно описанных в работе А. В. Брушлинского. Автор выделяет три проблемы, в которых отчетливо обнаруживается общее и различное в данных способах. Нас интересует третья проблема, заключающаяся в раскрытии «механизма принятия решений (выбор из альтернатив), обычно рассматриваемого как универсальный для животных, компьютеров, людей и даже для функционирования нейронов. Опять-таки уникальность субъекта состоит здесь в том, что во многих случаях психологичес-

кий механизм его мышления как процесса (принятия решения) осуществляется не путем такого выбора из альтернатив, а другим, более сложным, творческим образом. Так мы снова возвращаемся — уже в другом аспекте — к мышлению людей в соотношении с творчеством. На мой взгляд, как уже говорилось, любое мышление есть искание, открытие, создание субъектом существенно для него нового». В этом случае можно предположить, что чем выше степень удаленности собственного смысла и авторского, тем более отчетливо проявляется субъектность читателя. Другими словами, тем более способ жизнедеятельности человека субъектен, чем он смелее в выражении своего смысла. Для реализации данного предположения на практике нами был подобран специальный текст, который подразумевал чтение с подстановками. В методической литературе данный прием называется «Lückentext» (текст с пропусками). Читателю необходимо было сделать выбор из альтернатив или предложить свой вариант. Для дальнейшей математической обработки данных мы перевели все результаты в 4-балльную систему по следующим критериям.

При переводе текста респондент подставлял слово по смыслу, который он считал правильным с позиции своего понимания. В скобках были даны варианты подстановки со свободным выбором, поэтому респонденту была дана полная свобода в интерпретации и осмыслении. Из предложенных вариантов только один отвечал общепринятым значениям. Его мы расценивали как запрограммированный вариант ответа и оценили его в 1 балл.

Выбор второго предложенного варианта отходил от нормы общепринятых смыслов и значений, но при этом он являлся заданным «правильным» вариантом. В данном случае перевод оценивался в 2 балла, как выходящий за рамки общепринятого концепта, но направляющийся заданным вариантом выбора.

Следующий тип перевода предполагал вписывание своих собственных вариантов в пропуски, и он был оценен в 3 балла. И наконец, четвертый тип, в котором респондент отходил от авторского концепта в силу различных причин не только в подстановках слов, но и в переводе полностью, и получался свой новый текст. С точки зрения переводоведения, последняя интерпретация не рассматривается как перевод текста, но с позиции исследуемого нами феномена последний вариант мы оценивали наиболее высоко (4 балла), так как в нем читатель-переводчик-автор наиболее ярко и смело высвечивает свой мир, а начальный авторский текст служил только отправной точкой для проявления своей субъектности. С нашей точки зрения, именно последний вариант показывает наиболее яркое про-

явление субъектности в такой деятельности, как понимание и интерпретация текстов. В данном случае происходит творение нового. Творчество, с точки зрения автора, можно отнести к наивысшей стадии развития и проявления субъектности человека.

Таким образом, мы выделяем 4 градации оценивания переводов с позиции проявления такого важного качества субъектности, как уникальность:

1. Следование общепринятым значениям — 1 балл.
2. Выбор заданного варианта, отклоняющегося от общепринятого значения, — 2 балла.
3. Выбор собственного значения и смысла — 3 балла.
4. Написание и развитие собственного смысла — 4 балла.

При переводе можно было пользоваться всем, кроме помощи другого человека. По времени ограничений не было.

При работе с иностранным языком мы имеем дело с таким понятием, как общение: письменное и устное. Коммуникация во многом зависит от способности человека понимать и принимать свою и чужую культуру, т. е. умения обнаруживать и принимать чужую субъектность и проявлять свою. Это всегда драматический процесс. Мы воспользовались работой Е. В. Сидоренко «Тренинг коммуникативной компетентности», где речь шла о драмах общения, представляющих в данном контексте универсальную единицу общения, и попытались перенести это на процесс перевода с целью выявления барьеров.

В ходе анализа текстов-переводов нами было выделено 4 драмы в работе с текстом на иностранном языке, которые соответствовали четырем вариантам интерпретации текстов. Драма — это трудная задача, это «вызов», с которым нужно справиться, но справиться не всегда легко. По аналогии с драмами общения мы выделили драмы перевода, представляющие собой определенные личные барьеры понимания содержания, смысла текста и умения его интерпретировать. Перевод текста с позиции личного проявления себя — это всегда борьба, борьба между выражением своего смысла и авторского. С позиции самовыражения любой текст, рожденный как отклик на другой текст, есть попытка заявить о себе, своего рода переживание чужого смысла и пропускание его через себя. Подобные драмы являются определенными измерениями исследуемого нами феномена, как некое измерение личного участия.

Первая драма перевода заключается в следующем: «Перевожу, но не отхожу от общепринятых понятий». Респонденты старались выбрать значение, которое общепринято в обществе, но не всегда

совпадает с собственным. Они оставляли право осмысления за автором. Такие переводы мы схематично оценили в 1 балл по нашей 4-балльной системе оценок переводов.

Вторая драма перевода состоит в том, что «Перевожу, но не могу подобрать собственное значение». Это переводы в 2 балла, по нашей схеме. Студенты хотели выразить свой смысл, но, в силу разных причин, не подбирали слова, а пользовались уже существующим вариантом. При переводе они не старались следовать общепринятым правилам, а руководствовались собственным видением.

Третья драма перевода подчеркивает: «Перевожу, но не согласен с заданными вариантами», это переводы, оцененные нами в 3 балла. Студенты подбирают свои собственные слова, они отходят не только от значений, но и вводят собственные смысловые оттенки.

Четвертая драма перевода заключается в том, что «Перевожу, но не принимаю авторский текст», — 4 балла. Это чаще всего работа творческих людей, которые пишут свои встречные тексты в ответ на иностранный текст, или это может быть другой вариант — ошибка на каком-то этапе перевода. Читатель в данном случае развивает свою смысловую линию, и они пишут свои осмысленные работы. Поэтому четвертая драма наиболее интересна для исследования, но довольно редка в ответах респондентов.

Таким образом, данный анализ текстов позволил нам определить некоторые качества субъектности, которые могут проявиться в процессе перевода с иностранного языка: конфронтация с авторским замыслом как проявление смелости в суждениях; полное принятие авторского замысла как нежелание проявлять инициативу; полное совпадение знаков при переводе как проявление апатии к подобной деятельности.

При анализе переводов в рамках данной фазы исследования было установлено, что первая драма наблюдалась в 66% ответов. Респонденты предпочли следовать общепринятым значениям, и в переводах часто встречались логические нарушения, т. е. «переводчик» не задумывался о смысле, главной задачей было перенести знаки с иностранного языка на русский язык. Скорее всего, студенты переводили тексты, но не всегда старались понимать смысл содержания. 28% респондентов-авторов воспользовались вторым значением и старались найти смысловые соединения в тексте самостоятельно. Эти работы были отнесены ко второй драме, т. е. «переводчик» старался переводить осмысленно, но не выходил за рамки предложенных вариантов. И всего 6% респондентов представили более осмысленный вариант текста-перевода. Студенты старались выразить свое понимание собственными словами-значениями. В данных работах про-

слеживалась осмысленная нить размышлений. Это драмы третьего рода. К сожалению, не было ни одной работы, представляющей четвертую драму и раскрывающей нам собственное понимание текста. Это может указывать на то, что большинство студентов не готово к конфронтации с автором в силу различных причин.

В результате проведенной фазы исследования было отмечено, что в данной выборке преобладает внешняя осторожность в действиях, раскрывающаяся в текстах-переводах. Респонденты не старались выразить смысл своими словами или написать собственный текст. В переводах часто встречались абсурдные мысли, которые респонденты не могли объяснить. Подобная работа с текстом на иностранном языке с последующим анализом, с нашей точки зрения, может рассматриваться как эффективный инструментарий для выявления особенностей проявления субъектности, в частности, такого важного показателя, как уникальность субъекта.

Лица с высокими баллами по шкале не боятся отойти от текста-оригинала и написать свой встречный текст. Такие люди смелы в высказывании своих идей, инициативны и творчески настроены.

Лица с низкими баллами, напротив, склонны к банальному переводу текста без интерпретаций, даже если перевод получается довольно абсурдным с точки зрения понимания. Они не задумываются о тексте, который «сотворяют», так как полностью полагаются на тот набор слов, который был предложен автором. Как правило, такие люди исполнительны и не всегда задумываются о конечном результате своей деятельности.

Можно выделить четыре группы читателей-переводчиков:

- читатель, который следует только нормам значений;
- читатель, который пробует новые варианты осмысления;
- читатель, который предлагает свои варианты осмысления;
- читатель, который пишет свои смыслы.

В данной типологии первая группа читателей наиболее приближена к несубъектной позиции, т.е. проявление субъектности наиболее низкое.

В нашем исследовании мы рассматриваем процесс обучения как некую уникальную специально-организованную экспериментальную среду для выражения субъектности. Предложенная нами работа с текстом на иностранном языке, заключающаяся в переводе с подстановками и последующим феноменологическим анализом текстов-переводов, может быть обоснована в качестве дополнительного способа изучения субъектности посредством текста на иностранном языке.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994.
- Рубинштейн С. Л.* Принцип творческой самодеятельности: Ученые записки Высшей школы г. Одессы. 1922. Т. 2. С. 148–154 // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101–107.
- Сидоренко Е. В.* Тренинг коммуникативной компетентности в деловом взаимодействии. СПб.: Речь, 2008.

The manifestation of subjectivity in texts-translations from a foreign language

O. V. Miasnikova (Barnaul)

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Altai State University

The article discusses some results of the research of subjectivity manifestations in the course of foreign language training. The conducted research is executed the scope of the phenomenological approach and is based on the material of the texts translations analysis. This method is quite relevant for the detection of the manifestations of subjectivity as a psychological phenomenon. The author of the article offers the original approach to studying subjectivity and selects so-called dramas of the translation as personal barriers of the contents and text meaning understanding, ability to interpret it. The text translation from a position of personal manifestation is always a fight, the fight between the expression of the (subjective, personal) author's meanings. Similar dramas are certain measurements of the phenomenon investigated as a certain measurement of personal participation.

Keywords: subjectivity, text translation, uniqueness, activity, drama, phenomenological method.

Диалектическое понимание развития субъективности

Т. Н. Овчинникова (Москва)

кандидат психологических наук, Московский социальный гуманитарный институт; e-mail: tatjana.nik.ov@mail.ru

Настоящая работа посвящена размышлениям над философско-психологическими проблемами регуляции отношений человека с окружающим его миром на основании анализа наблюдаемых в жизни фактов в сопоставлении с их интерпретацией в российской психологии. Рассмотрение и анализ предлагаемых фактов ведется в контексте *диалектического* подхода к изучению психики (Э. В. Ильенков, А. С. Арсеньев, В. С. Библер, Ф. Т. Михайлов), где человек представлен как *живая, саморазвивающаяся система*. Анализ особенностей поведения, а также развития способностей преобразования субъектом сложившейся ситуации путем ее *переосмысления* позволяет рассмотреть различия и особенности взаимодействия *развивающегося* субъекта с окружающей его средой в процессе реализации им своей активности. Предпринимаемая в работе попытка осмысления и анализа опыта эмоциональной *саморегуляции* осуществляется с позиций *целостного диалектического* подхода к изучению психики человека.

Ключевые слова: диалектика, диалог, объективная и субъективная реальность, причина, цель.

Человек — это *целостный*, постоянно *развивающийся* субъект, развитие которого происходит только при *постоянном взаимодействии* его с окружающим миром (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Э. В. Ильенков и др.). Особенности понимания этого *взаимодействия* и тот смысл, который, вкладывается автором в понятие *взаимодействия*, определяют основу подхода к развитию субъекта. (Аналог этой мысли можно найти в понятии *аксиомы*, когда, задав ее изначально, после многочисленных преобразований за ее пределы выйти не удастся: важна исходная позиция. Так, например, два измерения

в планиметрии никак не преобразуются в трехмерное пространственно-стереометрии.)

А теперь обратимся к концепциям известных российских психологов, где проблема *взаимодействия* человека с миром ставилась как основополагающая и впоследствии стала решаться как *диалектическая* (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, В. В. Давыдов, Д. Б. Эльконин, а также А. С. Арсеньев, В. С. Библер и др.). В этом смысле несомненный интерес представляет понятие *социальной ситуации развития* (Л. С. Выготский), а также дальнейшие попытки различного толкования и преобразования, которые можно наблюдать до сих пор.

Социальная ситуация развития определяется Л. С. Выготским как специфическая для каждого возрастного периода система отношений субъекта и социальной действительности, отраженная в его *переживаниях* и реализуемая им в *совместной деятельности* с другими людьми. Понятие *социальной ситуации развития* было введено Л. С. Выготским как единица анализа динамики развития ребенка, т. е. совокупности законов, которыми определяются возникновение и изменения личности ребенка на каждом возрастном этапе. Здесь, как утверждает автор, «самым существенным является *отказ от абсолютных показателей среды*; ребенок есть часть социальной ситуации, *отношение ребенка к среде и среды к ребенку дается через переживание и деятельность самого ребенка*; *силы среды приобретают направляющее значение благодаря переживанию ребенка*» (Выготский, 1982, с. 383, курсив наш. — Т. О.).

Подтверждением сказанного может являться также мысль Л. С. Выготского о том, что, при изучении развития ребенка, психология недостаточно изучает *внутреннее отношение* ребенка к окружающим людям, не рассматривает его как *активного участника социальной ситуации*. По мнению Л. С. Выготского, положение о том, что надо *изучать личность ребенка и среду в их единстве признается только на словах* (Выготский, 1982). В этом, как и в других рассуждениях Л. С. Выготского, выражена одна из основных идей *диалектического* подхода к развитию человека, позволяющая рассматривать психику в ее *целостности*. Суть этой идеи сводится к тому, что изучение развития *целостной* психики субъекта возможно *только* при рассмотрении ее *в единстве с окружающим его миром*, в процессе *взаимодействия* с ним.

Позднее в философских исследованиях, направленных на изучение наследия Л. С. Выготского (Э. В. Ильенков, А. С. Арсеньев, В. С. Библер, Ф. Т. Михайлов), выявилось, что реализуемый в его концепции подход соответствует требованиям *диалектики*, принятым

в философских традициях, где одним из основных положений является принцип рассмотрения *развивающегося* субъекта в *единстве* его *взаимодействий* с окружающим миром. Утверждение это находит свое проявление во взаимоотношениях субъекта с окружающей средой, показателем которых является логика развития этих отношений: логика *целесолагания* с логикой *причинно-следственных* отношений.

Основываясь на положении С.Л. Рубинштейна о том, что «для человека, как личности, фундаментальное значение имеет сознание, не только, как знание, но и как отношение» (Рубинштейн, 1973), мы рассмотрим процесс изменения подобных отношений: например, *переосмысление* их человеком. При этом состояния души являются наиболее подвижными: это и *содержание*, и *процесс* (Библер, 1993), *субъективное* и *объективное* одновременно. То есть *постоянно* осуществляется *обновление рациональной и чувственной тканей сознания* в соответствии с меняющимся окружающим человека миром. Именно так мыслит субъект, стремящийся не просто *механически* действовать по правилам, но пытающийся *прожить, прочувствовать* увиденное, отследив также собственные изменения, с целью *понять себя, свой мир*. Совершив какое-либо значительное действие, поступок и ощутив в себе изменения, человек мысленно как бы *возвращается к самому себе, проживает* и осмысливает происшедшие в нем изменения. В результате подобных процедур *переосмысления*, способствующих развитию *саморегуляции*, человек оказывается способным регулировать не только собственные действия, но и свое эмоциональное состояние, свой настрой: преодолевать трудные ситуации, открывая в себе новые силы и возможности.

Дальнейшее существенное изменение понимания *взаимодействия* субъекта с окружающей средой произошло в связи с привнесением в психологию и методической проработкой понятия *предметной деятельности* (А. Н. Леонтьев). Введенное понятие *предметной деятельности*, трансформированное в качестве понятия *ведущей деятельности* (Леонтьев, 2004), использовалось при решении проблем развития ребенка, а также в периодизации развития психики детей (Д. Б. Эльконин). Созданный А. Н. Леонтьевым *деятельностный* подход к изучению психики человека позволил с удивительной точностью характеризовать осуществляемые субъектом действия, возможности достижения *цели*, реализацию *мотивов* и пр., структурируя их в единое целое. Однако в контексте этой концепции *действующий* субъект оказывается как бы в *страдательном* залоге, поскольку, согласно А. Н. Леонтьеву, именно *деятельностью* и ее характером определяется развитие личности. (Это равноценно фразе «*бытие определяет сознание*» с акцентом на первом слове.)

Понятие *ведущей деятельности*, получившее столь широкое распространение в психологии в разных теориях развития, трансформированное из понятия *предметной деятельности*, использовано Д. Б. Элькониним как *связующее звено* действующего субъекта с окружающим миром. «Психическое развитие детей, – по словам Д. Б. Эльконина, – происходит в форме *усвоения*. Все то, что появляется у детей в ходе их психического развития, в «идеальной» форме дано им в социальной действительности как источник развития и может стать их достоянием только через *усвоение*» (Эльконин, 1989, с. 212.). Здесь мы видим попытку Д. Б. Эльконина, как бы «перекинув мост» между ребенком и социальной средой, т. е. его попытку, увязав *действие и противодействие – акцию и реакцию* – в единое целое, наделить психику *развивающегося* ребенка свойством *пассивности*, которое характеризует понятие *ведущей деятельности*. Однако понятию *ведущей деятельности*, имеющей «авторитарные» черты *предметной деятельности*, приписаны *социальные* условия развития детей, которые диктуются принятыми в обществе периодами их развития. А это, прежде всего, означает, что действия эти стимулируются *внешними социальными причинами*, где особый акцент ставится на их *усвоение*, а не на порождаемые субъектом мотивы, *цель*.

Периодизация детского развития Д. Б. Эльконина выстроена также с опорой именно на социальные условия развития ребенка, куда введены дополнительно уже описанные Л. С. Выготским еще 2 кризиса: *кризис 3 лет*, когда происходит выделение двух сфер сознания, и *кризис подросткового возраста*, когда у детей возникает потребность осмысления всех тех навыков, которые они усвоили. Понятие *ведущей деятельности*, используемое как объяснительный принцип поведения детей, оказывается продиктованным именно особенностями социальной практики: *ранний возраст, дошкольное детство, обучение в школе*, делящееся на младший школьный возраст и подростковое детство. Какова среда – такова и *ведущая* деятельность.

Поскольку периодизация детского развития у Д. Б. Эльконина, ставшая общепринятой, выстроена с опорой именно на *социальные условия развития* ребенка, то подмена *социальной ситуации развития* (Л. С. Выготский) *внешними условиями* их развития выглядит как *акробатический этюд* переворачивания с ног на голову. А это способствует подмене *взаимодействия внешнего* (социального) и *внутреннего* (субъективного) факторов лишь *социально заданной обусловленностью*, превращенной *во внутреннюю мотивирующую силу*. В итоге вместо *взаимодействия* двух указанных логик: логики *причинно-следственных* отношений и логики *целесолагания*, – способствующего постоянному *порождению нового* в их борьбе, так называемое «развитие»

идет по логике *причинно-следственных* отношений, способствующих лишь усвоению материала и возникновению *навыков*.

В результате субъект, утратив свою *диалектическую* сущность, заложенную Л. С. Выготским в столь емком понятии *социальной ситуации развития*, утрачивает также *диалогическую* способность общения с самим собой (М. М. Бахтин, В. С. Библер, Л. С. Выготский). А это превращает человека в *функционально* действующего субъекта, неспособного к *самовыражению, самоопределению и самореализации* в этом мире (Овчинникова, 2011, 2013, 2016), оставляя ему возможность усвоения и заимствования уже имеющегося опыта.

Следующий шаг в проработке проблемы *взаимодействия* субъекта с окружающей средой был сделан В. В. Давыдовым, который начинал практическую работу школы *развивающего обучения* совместно с Д. Б. Элькониным. В. В. Давыдову удалось пойти гораздо дальше, реализуя в обучении метод *самодетерминации*, позволяющий ребенку *активно* встраиваться в осуществляемую им деятельность, самостоятельно *порождая* умения, знания и навыки и формируя отношение к *самому себе* в процессе осуществления деятельности. При анализе своих исследований В. В. Давыдов уделял большое внимание понятию *идеального*, опираясь на работы Э. В. Ильенкова, который, по словам В. В. Давыдова, показал, что «понятие идеального внутренне присуще тому материализму, который последовательно опирается на диалектику» (Давыдов, 1986, с. 480). Его подход к проблемам обучения заключается в *диалектическом* понимании процесса развития детей при освоении ими различий в отношении к познаваемому: он видел его в *преодолении противоречий* в процессе усвоения знаний. Этот новый для практической психологии *диалектический* подход к обучению как бы пробивается сквозь общепринятую теорию деятельности. (Не следует забывать, что в то время господствовала марксистская идеология, когда фраза «бытие определяет сознание» произносилась с ударением только на первый слог.) Возникает своего рода *борьба между «внешним» и внутренним, или, иначе, логикой причинно-следственных отношений и логикой целенаправленности* (см.: Овчинникова, 2011, 2013).

В исследованиях В. В. Давыдова мы можем наблюдать внедрение в практику обучения *диалектического* подхода, постепенно как бы раздвигающего «рамки» изначально принятой концепции А. Н. Леонтьева, которая имела особые достоинства, позволяющие прекрасно структурировать, анализировать и описывать характер и особенности выполняемой субъектом деятельности. (Подтверждение этой мысли можно найти в высказываниях В. В. Давыдова, который в ответ на вопрос, в контексте какого подхода выполнено его исследование,

отвечал, что оно выполнено в контексте *деятельностного* подхода.) Именно такая «социально заданная обусловленность, превращенная во внутреннюю мотивирующую силу» в процессе *развивающего* обучения, позволяет В. В. Давыдову в своей концепции реализовать на практике тот характер *взаимодействия* учащихся со школьной средой, который очень близок понятию *социальной ситуации развития* Л. С. Выготского. Здесь особую роль играет развитие *субъективной* сферы учащихся, приводящее к постепенному становлению у них собственных *целей* в процессе *самовыражения* и решения ими самостоятельно поставленных задач.

А теперь немного уточним понимание В. В. Давыдовым особенностей *взаимодействия* ребенка с *внешним* миром. Согласно положениям концепции *развивающего* обучения, «движущие силы развития заключены в том противоречии, которое содержится в процессе усвоения ребенком *общественно-мотивационной* и *предметно-операционной* сторон действия» (Давыдов, 1986, с. 461, курсив наш. — Т. О.). Таким образом, понимание *взаимодействия* субъекта с окружающим миром имеет несколько иной оттенок, нежели в концепции Д. Б. Эльконина. В контексте *развивающего* обучения это взаимодействие заключается как бы в *противоборстве* двух различных сфер — *смысловой* и *предметно-операционной*.

Отметим также, что В. В. Давыдов поддерживал мысль Д. Б. Эльконина о *человеческой* и *вещной* направленности в активности детей. Он, например, отмечает, что «Д. Б. Эльконин специально выделял в человеческом действии две его стороны, *усвоение* которых проходит по *разным закономерностям* и даже в различные возрастные периоды» (Давыдов, 1986, с. 461, курсив наш. — Т. О.). Здесь очень важна мысль В. В. Давыдова о том, что действия детей, направленные на освоение *человеческих* и *вещных* отношений, имеют *разные закономерности*. Таким образом, В. В. Давыдов и Д. Б. Эльконин первыми обратили внимание на различия в развитии *вещных* и *человеческих* отношений на разных возрастных этапах развития детей.

Однако дальнейшего развития эта очень важная мысль в психологии до сих пор не получила, если не считать философские исследования лаборатории Э. В. Ильенкова (А. С. Арсеньев, В. С. Библер, Ф. Т. Михайлов и др.), организованные В. В. Давыдовым в ПИРАО с целью более глубокого изучения вопросов взаимодействия человека с окружающей средой в наследии Л. С. Выготского, которые, несмотря на их актуальность и значимость, остаются до сих пор в стороне.

Мы хотим предложить один из возможных вариантов понимания *взаимодействия* человека с окружающим миром, опираясь на неко-

торые положения концепции Л. С. Выготского, а также на философские основы *диалектического* подхода к изучению развития психики субъекта, получившие начало своей практической реализации в концепции Д. Б. Элькониа и В. В. Давыдова. Прежде всего, следует обратить внимание на известный факт *диалектической* философии, что логика развития *вещного* мира кардинально отличается от логики человеческих отношений, которым соответствуют логика *механических* и логика *органических* систем (Овчинникова, 2016). На наш взгляд, именно это положение лежит в основе высказанной Д. Б. Элькониным и Давыдовым мысли о различиях в ориентации детей на *вещные и человеческие* отношения в периодически меняющихся эпохах их развития.

Поскольку человек *целостен в своем постоянном развитии* и развитие это происходит при постоянном взаимодействии с окружающим его миром (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Э. В. Ильенков и др.), необходимо *изначально* заложить в понятие *взаимодействия диалектическую* основу его развития (Л. С. Выготский). Суть ее состоит в использовании понятия *социальной ситуации развития*, в отличие от *ведущей деятельности*, характеризующей социальные условия *в процессе развития*, как это обычно происходит в современной психологии. Поэтому необходимо рассматривать *взаимодействие* субъекта с окружающей средой в *единстве их субъект-субъектных и субъект-объектных* отношений, что является аналогом *двойственности* того мира, в котором живет человек (см.: Овчинникова, 2011, 2013).

Двойственная природа такого *взаимодействия* отражена в формуле «бытие определяет сознание». Однако следует учитывать, что указанная формула может быть прочитана и в обратном направлении: поэтому очень важно, на каком слове сделать акцент: от этого смысл сказанного меняется на противоположный. В жизни же этот двуединый процесс существует в тесной взаимосвязи в форме некоторой пульсации отношений, *порождая и изменяя* субъективную реальность. Все зависит от того, какая — *субъективно-личностная* или *операционально-техническая*, а иногда даже и *функциональная* — сторона в жизнедеятельности человека является доминирующей (Овчинникова, 2011, 2013). Предлагаемый подход при рассмотрении жизнедеятельности человека в контексте логики *органических* систем позволит выйти на новые рубежи психологической науки, что мы и пытаемся сделать в своих работах (Овчинникова, 2011, 2013, 2016 и др.)

Литература

Библер В. С. Самостоянье человека. Кемерово: Алеф, 1993.

- Выготский Л. С.* Кризис семи лет // Собр. соч. В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1982. С. 376–386.
- Давыдов В. В.* Теория развивающего обучения. М.: Педагогика, 1986.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл–Академия, 2004.
- Овчинникова Т. Н.* Саморегуляция и психосоматика // Психотерапия. 2011. № 7. С. 70–75.
- Овчинникова Т. Н.* Развивающийся человек в меняющемся мире // Психотерапия. 2013. № 4. С. 63–70.
- Овчинникова Т. Н.* Диалектическое взаимодействие человека с миром как основа гуманитарного знания // Культурно-историческая психология: от научной революции к преобразованию социальных практик: Материалы XVII Международных чтений памяти Л. С. Выготского 14–19 ноября 2016 г. С. 42–45.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
- Эльконин Д. Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.

Dialectical understanding of a development of a subjectivity

T. N. Ovchinnikova (Moscow)

Candidate of Psychology, Moscow Social Humanitarian Institute

This work is devoted to reflections on the philosophical and psychological problems of the regulation of human relations with the world around him on the basis of the analysis of the observed facts in life in comparison with their interpretation in Russian psychology. Consideration and analysis of the proposed facts is carried out in the context of the dialectical approach to the study of psychology (E. V. Il'enkov, A. Arseniev, V. S. Bibler etc.), where man is presented as a living self-developing system. The analysis of behavior peculiarities, as well as the development of abilities of transformation by the subject of the current situation by its rethinking, allows to consider differences and peculiarities of interaction of the developing subject with his environment in the process of his activity realization. The work undertaken in the attempt to understand and analyze the experience of emotional self-regulation is carried out from the standpoint of a holistic, dialectical approach to the study of the human psyche.

Keywords: dialectics, dialogue, objective and subjective reality, cause, purpose.

Субъект и субъектность: от феномена к процессуальности

В. И. Панов (Москва)

*чл.-корр. РАО, доктор психологических наук,
Психологический институт РАО; e-mail: ecovip@mail.ru*

В статье представлены три аспекта изучения субъекта и субъектности: 1) как феномена, через данность субъектных качеств личности; 2) онтогенетический подход к развитию субъекта; 3) экопсихологическая (онтологическая) модель становления субъектности. В первом случае исходным основанием для экспликации субъекта в качестве предмета психологического исследования используется понятие личности человека. Во втором случае в качестве такового используется онтогенетические этапы психического развития человека. В третьем случае становление субъектности представлено в виде семи стадий последовательного обретения индивидом способности быть субъектом: от субъекта потребности до субъекта использования освоенного действия в качестве субъективного средства развития и самовыражения.

Ключевые слова: субъект, субъектность, личность, онтогенетические этапы развития, экопсихологическая (онтологическая) модель, становление субъектности.

Субъект как психологический феномен

Согласно литературным данным, принято различать философское понимание и психологическое понимание субъекта. Особое внимание методологическим аспектам понятия субъекта уделяется в работе К. А. Абульхановой (Абульханова, 1999), направленной на разъяснение и развитие психологического смысла категории субъекта в понимании ее учителя С. Л. Рубинштейна (2012). Она обращает внимание читателя на двоякий смысл понятия субъекта: как понятия,

Работа выполняется при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00871а-ОГН.

характеризующего некий этический идеал (вершину совершенства), и как понятия, характеризующего стремление конкретной личности к совершенству, к саморазвитию через преодоление противоречий. При этом субъекта отличает наличие таких качеств, как ответственность, способность к рефлексии, к самоорганизации и, что важно, разная мера активности (Абульханова, 1999). Как видим, согласно такому подходу, феномен субъекта (субъектности) выступает как бы вторичным по отношению к понятию личности человека.

Вольно или невольно, рефлексивно или нерефлексивно приоритет человека и/или его личности по отношению к субъекту является методологической предпосылкой большинства эмпирических исследований субъекта, предметом которых выступают личностные качества, характеризующие субъектность личности в разных видах психической активности: когнитивной, учебной, коммуникативной, трудовой и т. д. Вследствие чего психологические исследования субъекта и субъектности характеризуются крайним разнообразием теоретических моделей и эмпирических данных, а сам феномен субъекта характеризуется вариативностью эмпирических данных о нем (см., например: Субъект действия..., 2001; и др.).

При этом субъект и субъектные качества чаще всего позиционируются исследователями как *данность* личностных качеств, необходимых для успешного выполнения действий (деятельности) определенного вида, т. е. способности быть субъектом этих действий. И в этом смысле непосредственно субъектные качества опосредуются и даже подменяются модальным и предметным содержанием указанных действий.

Онтогенетическая модель становления субъектности

Психологический смысл понятия субъекта далее был развит в работах еще одного известного ученика С. Л. Рубинштейна — А. В. Брушлинского, который, по словам В. В. Знакова, «стремился раскрыть онтогенетические корни формирования субъекта в процессе проявления им разных видов активности — познания, действия, созерцания, индивидуального развития (как особого качества способа подлинно человеческого существования)» (Знаков, 2003). В отличие от К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинский рассматривает понятие субъекта более широким, чем понятие личности: «Субъект — это всеохватывающее, наиболее широкое понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т. д. Личность, — напротив, менее широкое и недостаточно

целостное определение человеческого индивида» (Брушлинский, 2001, с. 17).

Опираясь на исследования Е. А. Сергиенко, А. В. Брушлинский (там же) привлекает онтогенетический подход к развитию. Из этого можно сделать вывод, что А. В. Брушлинский явно или неявно пытался преодолеть психологическую отягощенность понятия «субъект» видом психической активности или ее предметным содержанием. И для этого он стал рассматривать «субъекта» в онтогенетическом аспекте — как поэтапное развитие психологических качеств, характерных для полноценного «субъекта» в развитой форме: способность к сознательным действиям с внешними предметами и самим собой как объектом рефлексии, включая ответственность за совершаемые поступки.

Но здесь следует обратить внимание на два обстоятельства. Первое, что А. В. Брушлинский смещает акцент экспликации субъекта в качестве предмета эмпирического исследования с его данности как феномена на его процессуальность, на становление субъекта. И второе, это то, что в качестве исходной предпосылки для определения онтогенетических этапов превращения индивида в субъекта А. В. Брушлинский постулирует те психологические качества и способности индивида, которые характерны для субъекта в *развитой* (ставшей) форме его существования. Другими словами, А. В. Брушлинский в качестве предпосылки берет данность психологических качеств субъекта (как продукта психического развития индивида), а затем ретроспективно проецирует их на онтогенез психического развития индивида. Это позволяет ему ретроспективно выделить психические новообразования разной модальности, характеризующие переход от одного возрастного этапа развития человека к другому, и использовать их в качестве критериев развития человека как целостного субъекта.

Нетрудно заметить, что исходной предпосылкой такого подхода к субъекту является онтогенетический аспект *развития человека как субъекта*, а не конкретные его действия. Благодаря чему вышеуказанные онтогенетические этапы субъектности оказываются инвариантными по отношению к конкретному содержанию разнообразных действий, но в то же время обусловленными содержанием психических новообразований разной модальности, в данном случае: восприятия, мышления, рефлексии.

Исходя из этого, возникает вопрос: возможно ли и на каких исходных основаниях разработать такую модель становления субъектности, которая имела бы инвариантный (универсальный) характер для психической активности разного вида, разных модальностей

тей и для разных возрастных этапов психического развития человека.

Для этого вновь обратимся к работе К. А. Абульхановой-Славской (2001), где показано, что субъект суть способ системной организации, который психологически развертывается в пространстве, образованном полюсом деструктивного (пессимального) способа организации и полюсом идеального (оптимального) способа организации.

Аналогичную позицию мы находим в трактовке активности В. Д. Небылицыным (Небылицын, 1976, с. 251): «Степени активности распределяются от вялости, инертности и пассивного созерцательства на одном полюсе до высших степеней энергии, мощной стремительности действий и постоянного подъема».

Таким образом, способность быть субъектом представляет собой не только данность определенных субъектных качеств, но и определенную процессуальность от реактивности до максимальной активности во взаимодействиях с окружающей средой.

Экопсихологическая (онтологическая) модель становления субъектности

Выделенные вышеуказанными авторами особенности психологического понимания субъекта позволяют перейти к обоснованию экопсихологической (онтологической) модели становления субъектности на основе экопсихологического подхода к развитию психики. Отличительной особенностью этого подхода является то, что психика рассматривается не как функция человека, а онтологически — как особая форма бытия, обретающая актуальную форму своего существования в виде психических процессов и феноменов посредством взаимодействия между компонентами отношения «индивид—среда (внешняя, внутренняя)». В контексте этого подхода субъектность предстает как проявление психической активности в виде способности индивида быть субъектом конкретного действия (двигательного, учебного, профессионального и т. д.) в континууме «спонтанная психическая активность — активность в виде произвольного действия» (Панов, 2014).

Исходя из этих предпосылок, а также принципа единства интериоризации — экстериоризации, была разработана *экопсихологическая (онтологическая) модель становления субъектности*, которая имеет инвариантный характер, так как построена на основаниях, не зависящих от предметного и модального содержания субъектности как феномена и предмета исследования. Согласно этой модели, становление субъектности должно пройти семь этапов, реали-

зующих переход субъектности из возможности (активность в форме потребности) в действительность своего существования в виде способности индивида быть субъектом произвольного действия (там же).

В качестве примера представим эти этапы применительно к становлению субъектности обучающихся как развития способности стать:

1 этап – субъектом мотивации, т. е. субъектом потребности, которая опредмечена в действии-образце, демонстрируемом преподавателем и предлагаемом им для овладения;

2 этап – субъектом перцептивного действия (восприятия), т. е. способности к максимально точному восприятию действия-образца, демонстрируемого преподавателем, и интериоризации этого действия-образца в виде перцептивной модели – *позиция наблюдателя* (рассматриваю, но пока еще не выполняю);

3 этап – субъектом подражательного воспроизведения действия-образца вслед за преподавателем. На этом этапе перцептивная модель действия-образца, сформировавшаяся и интериоризованная на предшествующем этапе, субъективируется, превращается в субъективное средство подражательного выполнения действия-образца – *позиция подмастерья* (он повторяет действие-образец, возможно, даже не понимая его смысла);

4 этап – субъектом произвольного выполнения действия-образца при внешнем контроле со стороны другого человека, когда индивид уже умеет самостоятельно и осознанно выполнять действие-образец, но регуляторную составляющую действия-образца (функцию контроля и коррекции правильности его выполнения) осуществляет извне преподаватель. На этом этапе происходит экстериоризация исполнительской части действия-образца, сформировавшейся на двух предшествующих этапах, с одновременной интериоризацией и субъективацией регуляторной составляющей выполнения движения-образца. В этом смысле субъектность индивида на этом этапе ее становления предстает как способность быть со-субъектом совместно-распределенного действия между ним и преподавателем – *позиция ученика*, когда он уже умеет выполнять действие-образец, но еще не умеет самостоятельно оценить правильность своего выполнения;

5 этап – субъектом самостоятельного выполнения действия-образца, когда его выполнение происходит посредством интериоризированных и субъективированных на предшествующих этапах перцептивной модели действия-образца и способности к произвольной регуляции правильности его выполнения. Поэтому качество

выполнения действия-образца на этом этапе зависит от уровня сформированности субъектности выполнения и произвольной регуляции на предшествующих этапах — *позиция мастера* («чемпиона в своем деле»);

6 этап — субъектом экстерииоризации регуляторной составляющей освоенного действия-образца, когда обучающийся испытывает потребность и уже способен давать оценку того, правильно ли выполняют это действие-образец другие индивиды. На этом этапе происходит экстерииоризация функции контроля за правильностью выполнения действия-образца — *позиция преподавателя* (тренера, эксперта). На этом заканчиваются репродуктивные стадии становления субъектности. Нужно сказать, что 5-й и 6-й этапы идут не последовательно друг за другом, а параллельно, одновременно;

7 этап — субъектом развития, когда освоенное действие превращается из объекта усвоения в субъективное средство овладения другими, новыми действиями, в том числе для творческого самовыражения — *позиция творца* самого себя и окружающего мира.

Понятно, что в реальной ситуации выделенные этапы развития субъектности, конечно же, накладываются друг на друга и формирование одних из них, возможно, опережает развитие других. Но эта модель позволяет наглядно представить, что развитие каждого последующего этапа (уровня) субъектности опосредуется качеством развития предшествующего их этапов. Также важно отметить, что в основе данной модели лежит понимание действия как ортогонального единства инструментальной (исполнительской) и регуляторной составляющих, каждый из которых является одновременно условием и результатом развития другого.

Из этого также следует, что позиция преподавателя в ситуациях, направленных на развитие субъектности обучающихся, тоже должна меняться в соответствии с требованиями каждого этапа становления их субъектности. Так, на первом этапе педагогу необходимо замотивировать учащегося, на втором этапе от педагога требуется умение изложить учебный материал (действие-образец) — субъект-объектный тип взаимодействия; на втором и третьем этапах — умение заметить и помочь исправить ошибки ученика при воспроизведении им учебного материала — субъект-порождающий тип взаимодействия; на четвертом этапе роль педагога сводится просто к наблюдению и оценке — субъект-объектный тип взаимодействия; а на пятом этапе — обсудить с учеником те замечания, которые он сделал другим ученикам — субъект-совместный тип взаимодействия. Отсюда

понятно, что педагог должен по-разному выстраивать свои коммуникативные взаимодействия с учениками в зависимости от этапа становления их субъектности.

Таким образом, развитие субъектности в процессе обучения обязательно должно включать в себя передачу учащимся не только исполнительной, но и регуляторной составляющих действия-образца.

Вместо заключения

Эмпирическая проверка экопсихологической (онтологической) модели становления субъектности была проведена на примерах развития субъектности в старшем дошкольном, школьном и студенческом возрастах, а также у педагогов (Москва, Владимир, Чита) (Становление субъектности..., 2018). При этом было показано, что данная модель может быть использована в качестве теоретического конструкта при изучении и развитии субъектности независимо от модальности, вида и содержания деятельности и на разных возрастных этапах. В этом смысле она имеет инвариантный (топологический, скажем бы математики) характер.

Литература

- Абульханова К. А.* Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «Модэк», 1999.
- Абульханова-Славская К. А.* Проблема определения субъекта в психологии // Субъект действия, взаимодействия, познания. Психологические, философские, социокультурные аспекты. М.: МСПИ; Воронеж: НПО «Модэк», 2001. С. 36–53.
- Брушлинский А. В.* О критериях субъекта и его деятельности // Психология субъекта профессиональной деятельности. М.—Ярославль: ДИА-пресс, 2001. С. 5–23.
- Знаков В. В.* Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 2. С. 95–106.
- Лекторский В. А.* Субъект. Объект. Познание. М.: Наука, 1980.
- Небылицын В. Д.* Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М.: Наука, 1976.
- Панов В. И.* Экпсихология: парадигмальный поиск. М.: ПИ РАО; СПб.: Нестор-История, 2014.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012.

Становление субъектности учащегося и педагога: экопсихологическая модель / Под ред. В. И. Панова. М.: ПИ РАО; СПб.: Нестор-История, 2018.

Субъект действия, взаимодействия, познания. Психологические, философские, социокультурные аспекты. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 2001.

Subject and agency: from phenomenon to processuality

V. I. Panov (Moscow)

Doctor of Psychology, Psychological Institute
of Russian Academy of Education

The article presents three aspects of the study of the subject and agency: 1) as a phenomenon, through the given of the subject's personal qualities; 2) ontogenetic approach to the development of the subject; 3) ecopsychological (ontological) model of becoming agency. In the first case, the concept of the personality is used as the starting point for the explication of a subject as a object of psychological research. In the second case, as the starting point for the explication development of the subject are used ontogenetic stages of a person's mental development. In the third case, the emergence of subjectivity is represented in the form of seven stages of successive acquisition by the individual of the ability to be a subject: from the subject of the need to using the assimilated action as a subjective means of development and self-development.

Keywords: subject, agency, personality, ontogenetic stages of development, ecopsychological (ontological) model, becoming agency.

Субъектность как свойство образа другого человека

*К. М. Романов**, *Д. К. Романов*** (Саранск)

** доктор психологических наук, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва; e-mail: famylypost@mail.ru*

*** Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва; e-mail: famylypost@mail.ru*

Статья посвящена проблеме межличностного понимания. Работая в русле субъектного подхода, авторы предлагают оригинальную методику анализа речевых характеристик другого человека, позволяющую выявить роль и место субъекта в построении образов и понятий о людях. Выделяются способы репрезентации субъекта в речевых описаниях других людей. Субъектность рассматривается как неотъемлемое свойство образа другого человека. Субъектная схема анализа является очень продуктивной для разработки и решения многих проблем психологии, в том числе и проблемы межличностного понимания. Для того чтобы установить субъектную составляющую в межличностном понимании, мы провели экспериментальное исследование, участниками которого были ученики 3 класса в количестве 100 человек. После завершения процедуры исследования, результаты обрабатывались с помощью контент-анализа.

Ключевые слова: межличностное понимание, субъектный подход, речевые характеристики другого человека, репрезентация субъекта, субъектность.

Проблема межличностного понимания относится к числу актуальных в психологии на протяжении нескольких десятилетий. Ее разработка связана с такими именами, как Г. М. Андреева, А. А. Бодалев, Г. В. Дьяконов, В. В. Знаков, В. Н. Куницына, В. А. Лабунская и др. (Андреева, 2000; Бодалев, 1982; Знаков, 2007; Романов, Даукша, 2016; Рябикина, 2008). Это объясняется логикой развития теоретической психологии и вместе с тем запросами общественной практи-

ки. При всей изученности данной проблемы плохо осмысленными остаются ее теоретические и методологические аспекты. Поэтому большой интерес здесь представляет активно разрабатываемый в последние годы субъектный подход в психологии (А. В. Брушлинский, В. В. Знаков, З. И. Рябикина и др.) (Бодалев, Васина, 2005; Рябикина, 2008). Он претендует на решение или переосмысление многих фундаментальных проблем психологии. Основным предметом исследования здесь являются не отдельные психические процессы, состояния и свойства, а человек как активный субъект бытия, носитель и хозяин имеющихся у него психических процессов состояний и свойств. Они существуют не сами по себе, не отдельно от него, а как неотъемлемые атрибуты субъекта и инструменты его бытия.

Субъектная схема анализа является очень продуктивной для разработки и решения многих проблем психологии, в том числе и проблемы межличностного понимания. Подавляющее большинство исследований в этой области были выполнены в логике другой теоретической модели, которую можно определить как пассивно-созерцательную. В контексте данного подхода межличностное познание рассматривается как процесс наблюдения и интерпретации внешнего облика и поведения другого человека — объекта познания (Бодалев, Васина, 2005). В западной психологии наиболее близки к данной схеме когнитивные и каузальные модели межличностного познания (V. Argyle, K. Davis, M. Cook, J. Cooper, F. Heider, E. Jones и др.). Эта схема анализа неоднократно подвергалась критике со стороны многих отечественных исследователей (Г. М. Андреева, А. А. Бодалев, К. М. Романов). Среди ее недостатков следует выделить тот факт, что субъект и «объект» познания рассматриваются здесь в отрыве от связывающей их жизненной ситуации, т. е. непонятно, почему один человек демонстрирует себя другому и зачем другой познает его. Как справедливо отмечает А. А. Бодалев, люди познают друг друга «не ради праздного любопытства», а для решения стоящих перед ними жизненных задач (Бодалев, 1982).

В противовес данной схеме анализа межличностного понимания была предложена другая теоретическая модель, которая соответствует субъектному подходу. В рамках этой модели межличностное понимание представляется как неотъемлемый атрибут и условие общения субъекта с другими людьми. Содержание и характер возникающих у него образов и понятий о других людях соответствуют содержанию и характеру решаемых им задач. Субъект сам порождает образы других людей и сам пользуется ими для решения тех жизненных задач, которые заставляют его вступать в общение с ними (другими людьми). Образ другого человека выступает для него как некий

субъективный инструмент решения соответствующих задач. Чем совершеннее он, тем выше эффективность общения. Важно подчеркнуть, что образ другого человека не просто «принадлежит» субъекту, но и строго соответствует ему как индивидуальности: его темпераменту, характеру, интересам и другим личностным образованиям. Это означает, что им не смогли бы воспользоваться другие люди.

Для того чтобы установить субъектную составляющую в межличностном понимании, мы провели экспериментальное исследование, участниками которого были ученики 3 класса в количестве 100 чел. Детям предлагалось написать небольшое сочинение на тему «Моя мама». После завершения процедуры исследования результаты обрабатывались с помощью контент-анализа. Единицей анализа было смысловое суждение. Например: «Мама помогает мне во всем», «Она добрая», «Мама провожает меня в школу» и т. п. Основная задача нашего исследования – выявить факт участия субъекта в процессе и результате межличностного познания. Мы предположили, что если образ другого человека (в нашем случае мамы) является продуктом познавательной активности субъекта, то это должно быть в какой-то форме представлено в его речевых описаниях. Анализ показал, что они действительно содержат соответствующие суждения, которые были названы субъектными. Например, «Мама провожает *меня* в школу», «Когда у *меня* не получается задача по математике, мама приходит мне на помощь», «Иногда я помогаю ей делать салат» и т. п. Такие суждения говорят о том, что, характеризуя другого человека, субъект одновременно характеризует и самого себя. Он (субъект) выступает при этом как исходная координата, относительно которой выстраивается весь образ.

Анализ показал, что любая речевая характеристика человека в той или иной форме содержит субъектность. Можно сказать, что элементы субъектности содержатся в каждом суждении. В соответствии с этим суждения были распределены по группам. Для решения данной задачи мы воспользовались классификацией К. М. Романова (Романов, Даукша, 2016). В зависимости от формы представленности субъекта в речевых описаниях другого человека он выделил семь видов суждений, которые были распределены на условной шкале. На одном полюсе этой шкалы находились суждения, в которых субъект межличностного понимания был представлен в прямой и открытой форме, например: «Я помогаю маме накрывать на стол», «Если я получаю пятерку, мама меня хвалит». На другом ее полюсе размещались суждения с имплицитной субъектностью, например: «Она добрая», «Она работает продавцом». Все остальные виды суждений распределялись между этими полюсами. Одновременно с этим

была выдвинута гипотеза, что выделенные виды суждений имеют разный генетический статус. Суждения с открытой субъектностью являются самыми ранними по происхождению. Суждения с имплицитной субъектностью представлены психологическими понятиями как наиболее развитыми и совершенными средствами межличностного понимания. В результате анализа речевых описаний дошкольниками своей мамы нами были выделены все виды смысловых суждений. Рассмотрим их более детально.

1. Суждения, в которых другой человек (мама) представлен непосредственно через субъекта познания: его практические действия, жесты, мимика, мысли, сомнения, эмоции, оценки и др. Например: «Я помогаю маме», «Мама провожает меня в школу», «Моя мама – красивая» и т. п. Представленный в этих суждениях способ репрезентации другого человека называется субъектным. В данной группе суждений субъект познания репрезентирует себя непосредственно.
2. Суждения, в которых другой человек представлен через общность «Мы», которая включает в себя двух субъектов: познающего и познаваемого. Например: «Мы с мамой ходим в магазин», «Мы часто разговариваем по телефону», «Мы дарим друг другу подарки» и др. В данном варианте субъект познания как бы растворен в общности «Мы», но он участвует в познавательном процессе через свои реальные межличностные воздействия.
3. Суждения, в которых другой человек представлен через третье лицо – его действия по отношению к познаваемому человеку (маме). Например: «Один раз мама работала за свою подругу», «Моя сестра один раз поздно вечером ушла и у нее (мамы) разболелась голова», «Учительница сказала маме, что я хорошо отвечала на уроке». В данном случае субъект познания (ребенок) выступает уже как внешний наблюдатель, но он мог бы быть (или уже был или будет когда-то) на месте третьего лица. Это значит, что в таких суждениях также в скрытой (имплицитной) форме содержится практический опыт общения субъекта с познаваемым лицом.
4. Суждения, в которых другой человек представлен через социальную группу. Например: «В семье ее любят», «На работе подруги помогают ей», «Во дворе дети любят ее» и др. Субъект выступает здесь как внешний наблюдатель, созерцающий другого человека в контексте группы. Надо сказать, что данный человек может быть (был или мог бы быть) членом этой социальной группы.
5. Суждения, в которых другой человек представлен через предельно широкую группу, включающую в себя всех людей вооб-

- ще. Например: «Все дружат с ней», «Она извиняется перед всеми», «Она дружит со всеми» и др. В данных суждениях субъект представлен очень опосредованно, поскольку он является частью всего человечества.
6. Суждения, в которых другой человек представлен через социальную роль или обобщенную жизненную ситуацию. Например, «Она работает в школе», «Каждый день она ходит на работу», «По вечерам делает прогулки» и др. Жизненные ситуации и социальные роли так или иначе имеют социальное происхождение. Субъект в подобных суждениях представлен постольку, поскольку он социальное существо.
 7. Суждения, в которых другой человек представлен вне всякого субъектного контекста и вне ситуации. Например: «Ласковая», «Добрая», «Хорошая» и др. В данном случае субъект представлен в предельно скрытой форме. Он здесь только подразумевается, т. е. выступает как возможное лицо, в отношении которого или при соучастии которого могут актуализироваться те или иные психологические свойства другого человека.

Как видим, выделенные категории отличаются друг от друга уровнем представленности субъекта. В первой категории субъектность представлена максимально открыто и непосредственно, в следующих вариантах — во все более скрытой и опосредствованной форме. В последнем случае — максимально скрыто. Вместе с тем суждения всех групп содержательно едины.

На основе анализа сочинений школьников было выделено 1471 суждение. Рассмотрим количественное распределение суждений по группам: 1-я группа — 748 (51,03%) суждений, 2-я группа — 83 (5,49%) суждения, 3-я группа — 31 (2,03%) суждение, 4-я группа — 8 (0,48%) суждений, 5-я группа — 17 (1,02%) суждений, 6-я группа — 53 (3,61%) суждения, 7-я группа — 531 (36,34%) суждение.

Результаты анализа показывают, что группа суждений с абсолютно открытой субъектностью в данном возрасте является ведущей. Это выглядит очень странным на первый взгляд, поскольку от детей требовали описания мамы, а не их самих. Получается, что они не могут характеризовать другого человека иначе, как через самого себя. Они представляют конкретное поведение другого человека в контексте собственного конкретного поведения. Данный способ репрезентации очень эгоцентричен, он предназначен только субъекту познания, им очень трудно было бы пользоваться другим людям. В данном случае образ мамы может быть понят лишь в контексте конкретных поведенческих актов субъекта, которые и несут здесь главную когнитивную нагрузку. За суждениями этой группы стоит

генетически ранняя форма познания другого человека – познание межличностным (межсубъектным) воздействием. При отсутствии других, более совершенных когнитивных систем ребенок ориентируется в других людях исключительно практически. Акты реального общения (обращения, капризы, просьбы, обиды, затруднения в чем-либо и другие жизненные отправления) выступают для него одновременно и в качестве исходных когнитивных единиц и конструктивных элементов образа другого человека. Иначе говоря, он представляет других людей не в понятиях и не в чувственных образах, а в способах обращения с ними.

Характерной особенностью суждений этой группы является то, что они в более или менее чистом виде отражают опыт личного общения субъекта с познаваемым человеком. В большинстве случаев он привязан к личностно значимым для субъекта конкретным жизненным ситуациям. Для младших школьников данный опыт связан с учебной деятельностью, игрой, досугом. Уровень его общенности не выходит за рамки личного опыта. Например, если младший школьник указывает, что его мама помогает ему делать уроки, то из этого не следует, что она то же самое делает (или могла бы делать) и в отношении других детей. Важно также подчеркнуть, что этот опыт предназначен только для субъекта, для решения именно его жизненных задач. Он предписывает субъекту, что ему следует делать и как вести себя с другим человеком в той или иной конкретной жизненной ситуации. В данном случае ребенок вполне закономерно может ждать от своей мамы помощи в решении какой-либо учебной задачи или обратиться к ней с соответствующей просьбой. Однако этим опытом вряд ли мог бы воспользоваться кто-то другой. Поскольку отражаемый в суждениях этой группы конкретный опыт личного общения субъекта с познаваемым человеком привязан к конкретным жизненным ситуациям, он обладает максимальными прагматическими возможностями.

Результаты нашего исследования позволяют сделать следующие выводы:

- Образ другого человека представлен разными по форме и генетическому статусу смысловыми суждениями. В зависимости от формы представленности в них субъекта и уровня обобщенности их можно разделить на семь групп. Ведущее место среди них (более половины) занимают суждения с непосредственной представленностью субъекта.
- Факт широкой представленности субъектных суждений в речевых характеристиках другого человека нельзя назвать случайным.

Он говорит о том, что субъект является активным участником процесса понимания. Он сам конструирует образ другого человека как субъективный инструмент своего общения с познаваемым лицом и совместной с ним жизни. При этом он выступает как своеобразная точка отсчета, относительно которой выстраивается образ познаваемого лица.

- Образ другого человека конструируется субъектом в логике тех жизненных задач, которые ему приходится решать при посредстве и при помощи другого человека. Образ другого человека отражает жизненные интересы человека, в нашем случае ребенка младшего школьного возраста.

Литература

- Андреева Г. М.* Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Аспект-Пресс, 2000.
- Бодалев А. А.* Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Знаков В. В.* Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Познание человека человеком (возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты) / Под ред. А. А. Бодалева, Н. В. Васиной. СПб.: Речь, 2005.
- Романов Д. К., Даукиша Л. М.* Психологические особенности восприятия и понимание преподавателей студентами университета // Интеграция образования 2016. № 2. С. 228–237.
- Рябкина З. И.* Теоретические перспективы интерпретации личности с позиций психологии субъекта А. В. Брушлинского // Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А. В. Брушлинского, 15–16 октября 2008 г. М.: 2008. С. 50–54.

Subjectivity as a property of the image of another person

K. M. Romanov, D. K. Romanov** (Saransk)*

* Doctor of Psychology, Associate Professor,
Ogarjov Mordovia State University

** Senior Laboratory Assistant, Ogarjov Mordovia State University

This article is devoted to the problem of an interpersonal understanding. Working in riverbed subjective approach, author offers the original methods of the analysis of the speech features of the other person, allowing re-

veal the role and place of the subject in building image and notion about people. Stand out the ways representation of the subject in speech description of the other people. Subjectiveness is considered as integral characteristic of the belief about the other person. The subject scheme of the analysis is very productive for the development and solution of many problems of psychology, including the problem of interpersonal understanding. In order to establish the subject component in the interpersonal understanding, we conducted an experimental study, the participants of which were 3rd grade students in the number of 100 people. After completion of the research, the results were processed using the content-analysis

Keywords: interpersonal understanding, subjective approach, speech characteristics of another person, representation of the subject, subjectivity.

Принцип субъектности и принцип развития

Е. А. Сергиенко (Москва)

*доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: elenas13@mail.ru*

В работе обосновано становление принципа субъектности как методологического объяснительного принципа. Показано принципиальное расширение принципа развития принципом субъектности. Раскрыты тесные взаимосвязи принципа субъектности с другими принципами: системности, неопределенности, антиципации, непрерывности, которые составляют единую систему принципа развития. Эволюция развития понятия субъекта к принципу субъектности знаменует переход к современной методологии психологии. Реализация понятия субъекта в принципе субъектности позволяет перейти от анализа отдельных характеристик, его индивидуальных способностей, особенностей его деятельности, часто слабо связанных между собой, к изучению целостного субъекта собственной деятельности, жизни, развития, саморазвития, творца собственного бытия. Приведены аргументы важности изучения субъектогенеза и экспериментального исследования субъекта на разных уровнях его развития.

Ключевые слова: субъект, методологический принцип, развитие, системно-субъектный подход, онтогенез.

Наследие А. В. Брушлинского с течением времени становится все более значительным и значимым для психологии. Психология субъекта, разработка которой стала концентрацией его научных достижений, приобретает все большее распространение в разных направлениях психологической науки. Понятие субъекта и субъектности продолжает интенсивно развиваться. Уточняются его содержание, критерии, представления о структуре и уровнях развития в онтогенезе

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-06-00069.

человека, границы и связи с другими понятиями, дифференцировка и понимание категорий субъекта и личности, формируются различные подходы к его изучению (субъектно-аналитический, системно-субъектный и субъектно-бытийный подходы, психология человеческого бытия и др.). Развитие понятия субъекта привело к становлению принципа субъектности в психологии. Принцип (от *лат.* *principium* – начало, основа) – основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения. Принцип в самом общем виде есть центральное понятие, основание системы, представляющее обобщение и распространение какого-либо положения на все явления той области, из которой данный принцип абстрагирован. В современной литературе, наряду с общим толкованием принципа, используется термин «объяснительные принципы психологии». Принципы объяснения – это основополагающие положения, предпосылки или концепции, применение которых позволяет содержательно описывать предполагаемые свойства и характеристики объекта исследования и на основании общенаучного метода строить процедуры для получения эмпирического материала, его обобщения и интерпретации. Т. В. Корнилова и С. Д. Смирнов определяют методологические принципы как наиболее общие построения психологических объяснений (Корнилова, Смирнов, 2011). Как справедливо указывают авторы, на современном постнеклассическом этапе развития психологии признание полипарадигмальности тесно связано с разработкой положения об открытости системы методологических принципов. В их работе подробно рассматривается принцип активности, системности, развития и неопределенности в современном методологическом контексте. Цель данной работы – показать обогащение принципа развития, важнейшего для психологии развития, а в общем, для психологической науки, поскольку психология развития – это не столько самостоятельная отрасль психологии, сколько способ изучения психических явлений в их развитии как важнейший и необходимый подход к пониманию природы психического.

Принцип развития

Оставаясь стержневым и основным принципом в психологии и не только, принцип развития «нанализывает», стягивает другие методологические принципы, создавая общее «ожерелье» методологии психологии. Мультипарадигмальность, междисциплинарность и трандисциплинарность современной науки диктуют переход к обобщающим моделям развития и поиску ее категориального строя, отра-

жающих взаимовлияние, взаимодействие, взаимоперенос не только внутри разных областей психологии, но и с другими науками (биологией, социологией, философией, историей, лингвистикой и т. д.) (см.: Принцип развития..., 2016).

Перспективными направлениями дальнейшей разработки принципа развития как общеметодологического для психологии представляются следующие: переход от матричного категориального строя психологии к сетевому принципу, разработка интегративных понятий и подходов, установление межпарадигмальных связей, дальнейшая реализация принципа развития в разных областях психологии через структурно-функциональные, динамические, процессуальные подходы.

В настоящее время можно утверждать, что, во-первых, в том или ином виде принципы развития и системности стали общими, тесно взаимосвязанными психологическими принципами. Ранее было показано взаимопроникновение и взаимовлияние принципа развития и системности (Принцип развития..., 1978), то на современном этапе данные идеи уже реализованы во многих подходах: системном, системно-деятельностном, историко-культурном, культурно-аналитическом, субъектно-деятельностном, субъектно-аналитическом, системно-субъектном, историко-эволюционном и др. Во-вторых, произошло существенное расширение и обогащение принципа развития другими принципами: дифференциации—интеграции, непрерывности, гетерогенности и гетерохронности, контекстуальности, антиципации, субъектности, неопределенности, составляющими единое пространство современной методологии (Сергиенко, 2012; Журавлев, Сергиенко, 2017). Большое значение для психологии развития, на наш взгляд, имеют принципы непрерывности (континуальности), антиципации развития и субъектности. Принцип непрерывности (континуальности) психического развития означает взаимосвязанность всех этапов развития человека, их эволюционную подготовленность, связь фило- и онтогенеза, саморазвитие системной организации психики, генетико-средовые координаты психических изменений. Принцип антиципации связан с принципом непрерывности психического развития и предполагает необходимую подготовленность последующих стадий развития предыдущими. Более того, протекание психических процессов как на микро-, так и на макроуровнях всегда включают предвидение, антиципацию, предвосхищение (Сергиенко, 2012). Принцип субъектности тесно сопряжен с принципом неопределенности, который прекрасно обоснован теоретически и эмпирически в работах Т. В. Корниловой и С. Д. Смирнова и их учеников (Корнилова, Смирнов, 2011).

Они обосновывают переход к принципу неопределенности в психологии с необходимостью включения человека как «непрозрачного» Наблюдателя в единый континуум сознания и бытия, который задает неопределенность процесса и результата взаимодействия с миром. Здесь принцип субъектности, авторства собственного развития, неопределенности и уникальности путей развития психики становится ключевым для нового понимания принципа детерминизма. Кроме того, разработка психологии субъекта, заданное А. В. Брушлинским дискурсивное поле, является той системой координат, по отношению к которой определяется теоретическая и эмпирическая валидность новых направлений исследований.

На современном этапе разработки принципа развития в психологии понятие детерминизма эволюционировало в понятие *мультидетерминизма*, где центр сместился с универсальных детерминант развития на уникальные индивидуальные траектории, раскрывая конкретные варианты и возможности взаимодействия множества внешних и внутренних сил, порождающих самоорганизацию развивающего субъекта. Предпринимается анализ констелляций различных внешних и внутренних факторов развития той или иной способности, психической организации и реорганизации, приобретая характер многомерных и многофакторных моделей развития.

Еще одной перспективной линией в разработке принципа развития на современном этапе становится переход к интегративным понятиям и обобщающим метатеориям психического развития. Эта тенденция выражена в нескольких направлениях. Первое из них — поиск интегративных психологических понятий, вбирающих в себя или объединяющих в единый узел другие категории и понятия. Показателем поиска интегративности понятий служит их расширение, с одной стороны, общепсихологическим содержанием: «психология выбора», «психология субъекта» «психология жизнестойкости», «психология безопасности» и др., а с другой — обращением к мультидисциплинарной и межпарадигмальной методологии их анализа. В современной психологической науке возникают новые подходы: историко-генетический, историко-эволюционный, культурно-аналитический, системно-деятельностный, системно-субъектный, субъектно-аналитический и др. Такое разнообразие подходов отражает, на наш взгляд, стремление ко все большему обобщению, универсальным концепциям, интегративной психологии, что обусловлено все более тесным ее *межпарадигмальным взаимодействием*. Все эти тенденции свидетельствуют о становлении принципа субъектности в методологии психологии.

Принцип субъектности

Теоретическим основанием принципа субъектности является разработка психологии субъекта и его экспериментальная верификация.

Хотелось бы кратко перечислить, что было сделано за последние годы в психологии развития субъекта.

А. В. Брушлинский реализовывал субъектно-деятельностный подход. Автором было обосновано объединение системного и субъектно-деятельностного подходов, что способствует расширению мерности (многомерности) изучения психологии целостного человека (Сергиенко, 2011). Последовательное применение континуально-генетического принципа привело к постановке и разработке важнейшего вопроса о критериях становления субъекта. Именно применение континуально-генетического принципа в системно-субъектном подходе позволило связать разные представления о рождении субъекта в непрерывный континуум его становления: от протоуровней в начале жизни до вершинных акмеологических зрелого человека. *Критерий субъекта может быть только уровневый.* С позиций системно-субъектного подхода критерии субъекта, выделенные другими авторами (Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова, А. Г. Асмолов, А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, В. А. Петровский и др.) не являются противоречивыми, а относятся к разным уровням организации субъекта.

Нами обоснована гипотеза о соотношении субъекта и личности, в которой две ипостаси человеческой индивидуальности: субъект и личность – представляют неразрывное единство и развиваются начиная с самых первых этапов онтогенеза. Уровни субъектно-личностного развития рассматриваются как увеличивающиеся и усложняющиеся структуры, существующие всегда, на любом этапе онтогенеза человека. Уровни этой организации обладают своей спецификой как в функциональном, так и структурном отношениях. При этом развитие подчиняется континуально-генетическому принципу непрерывности и преемственности развития, интеграции – дифференциации (Сергиенко, 2012).

Дальнейшая разработка представлений об уровнях становления субъектности связана с выделением функций субъекта, которое было предложено нами в поисках дифференциации образованной личности и субъекта. Эти функции должны обладать статусом системности и субъектности одновременно. Выделены когнитивные, регулятивные и коммуникативные функции субъекта и личности. При этом на разных уровнях психического развития человека эти функции реализуются в соответствии с уровнем развития личнос-

ти и субъекта (Павлова, Сергиенко, 2015). Реципрокность функционального взаимодействия субъекта и личности не только открывает возможность анализа развития психологической зрелости человека как гармоничного соответствия организации этих интегративных подсистем человеческой индивидуальности, но и позволяет связать воедино представление о содержательных основах внутреннего пространства человека и особенностях выборов, действий и поступков во внешнем социальном пространстве.

На основе исследований автора, его коллег и учеников были выделены и проанализированы уровни развития субъектности человека на ранних стадиях онтогенеза (Сергиенко, 2018). Смысл подробного анализа развития субъектности состоит в том, что обоснование принципа субъектности в психологии развития потребовало аргументации его применимости к разным феноменам и процессам психического развития. Второй важный смысл нашего рассмотрения состоял в демонстрации необходимости изучения и учета развития человека как субъекта, чья избирательность, выбор внешних воздействий и взаимодействий указывают на его индивидуальность с самого начала жизни. Третий смысл рассмотрения субъектогенеза — это демонстрация тесного переплетения принципа субъектности, непрерывности и антиципации в анализе феноменов развития человека. Такое же тесное переплетение принципа субъектности обнаруживается с принципами неопределенности «авторства психической активности», принципом системности, который продемонстрирован через анализ субъекта как системы всех способностей, свойств, активностей, где субъект является системообразующим фактором. Тесную взаимосвязь принципов субъектности и антиципации можно обнаружить в последовательности и предвосхищающем характере уровней субъектного развития, в возможности антиципации внешних воздействий и взаимодействий в зависимости от уровня субъектного развития (Сергиенко, 2017).

В рамках разрабатываемого системно-субъектного подхода выдвинуты субгипотезы о модели психического как ментальном механизме понимания социальных воздействий и взаимодействий и контроле поведения как субъектной регуляции (Принцип развития..., 2016).

Разработка соотношения субъекта и личности потребовала обращения к конструкту субъективного возраста, в котором пересекаются ценностно-смысловые координаты личностного времени, возрастной идентичности и возможности самореализации, активности субъекта, направляемой и регулируемой этими личностными направляющими. Субъективный возраст человека фактически описывает динамику возрастной идентичности. Он становится тем стержне-

вым представлением, относительно которого человек воспринимает себя на жизненном пространстве, позиционирует себя в социальном пространстве, испытывает удовлетворенность собственной жизнью (Сергиенко, 2017).

При всей интенсивности и сложности целостного анализа субъектности человека нами были проведены многочисленные экспериментальные исследования разных аспектов и функций развития субъекта от младенчества до пожилого и старческого возраста (см. обобщающий анализ Сергиенко, 2011, 2017).

Экспериментальные работы покрывают широкое поле задач и ситуаций, принципиально важных для проверки гипотетических предположений системно-субъектного подхода и субъектно-аналитического подходов (Знаков, 2016). Хотелось бы подчеркнуть, что обращение к внутреннему миру, опосредующему бытие, поведение человека, ярко выступающих в наших работах, проявляется принципиальная методологическая новизна, характерная для нового этапа развития науки, развития познания. Внутренний мир принадлежит субъекту, осуществляющему выбор, наделяющий ценностями и смыслами мир вещей и людей. Именно обращение к категории субъекта, развитие которого прослеживается от рождения до старости, становится ключевой приметой современной психологической науки, реализацией принципа развития, продолжением идей А. В. Брушлинского.

Интенсивные исследования понятия субъекта в рамках разных подходов позволили показать его потенциал и универсальность в психологии. Понятие субъекта является интегративным, тогда как термины «актор» и «агент» в большей степени несут смысловую нагрузку как субъекты деятельности, что становится только частью более универсального представления о субъекте как авторе собственного развития (саморазвития), самодетерминации и творца своего бытия, целостности его индивидуальности. Категория субъекта играет и будет играть все большую роль в психологии, не умаляя, а развивая и дополняя категорию личности, стягивая не только многие психологические понятия, но и подходы через анализ субъективного опыта, его своеобразия, индивидуальных способностей, особенностей деятельности, сознательного и неосознаваемого, своеобразия понимания себя и мира, построение собственных ментальных моделей, субъективных переживаний и экзистенциальных решений. Обосновывая уровневый характер критериев субъекта, авторы фактически объединяют возможности анализа внутреннего мира человека через анализ развития его субъектности как максимально индивидуализированного и самодетерминированного, целостного отношения

к миру, творцу собственного развития, своеобразно представленных на разных уровнях развития субъекта от протоуровней к высшей самореализации собственной индивидуальности.

Принцип субъектности в психологии играет важнейшую роль в современной психологии и психологии развития, в частности.

Реализация понятия субъекта в принципе субъектности позволяет перейти от анализа отдельных характеристик, его индивидуальных способностей, особенностей его деятельности, часто слабо связанных между собой, к изучению целостного субъекта собственной деятельности, жизни, развития, саморазвития, творца собственного бытия.

Принцип субъектности – это еще и перенос фокуса рассмотрения психологии человека извне – внутрь, это оптика его внутреннего мира, уникальности и самодостаточности.

Литература

Брушлинский А. В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.

Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А. Принцип развития в психологии: разработка и перспективы // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 29–40.

Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Корнилова Т. В., Смирнов С. Д. Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2011.

Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспективы // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.

Сергиенко Е. А. Принципы психологии развития: современный взгляд // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 24. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 30.04.2018).

Сергиенко Е. А. Реализация принципа развития в исследованиях психологии субъекта // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 3–18.

Павлова Н. С., Сергиенко Е. А. Субъектная и личностная регуляция поведения как проявление индивидуальности человека // Психологический журнал. 2016. Т. 36. № 2. С. 43–56.

Принцип развития в психологии / Отв. ред. Л. И. Анцыферова. М.: Наука, 1978. С. 3–20.

Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Principle of subjectivity and principle of development

E. A. Sergienko

Doctor of psychology, Institute of Psychology, RAS

The establishment of the principle of subjectness as a methodological explanatory principle is justified in the work. The principal expansion of the principle of development by the principle of subjectness is shown. Close interrelationships of the principle of subjectness with other principles are revealed: systematic, uncertainty, anticipation, continuity, which form a unified system of the principle of development. The evolution of the development of the concept of the subject to the principle of subjectivity marks the transition to the modern methodology of psychology. The realization of the concept of the subject in the principle of subjectivity makes it possible to move from the analysis of individual characteristics, his individual abilities, the characteristics of his activity, which are not often related to the study of the integral subject of one's own activity, life, development, self-development, the creator of one's own being. The arguments of the importance of studying subjectogenesis and experimental research of a subject at different levels of its development are presented.

Keywords: subject, methodological principle, development, system-subject approach, ontogeny.

Аудиовизуальное воздействие как способ регуляции психоэмоционального состояния в третьем (пенсионном) возрасте

С. Е. Сорокина (Казань)

Казанский федеральный университет; e-mail: s.sorokina@inbox.ru

Аудиовизуальное (музыкальное и цветковое) воздействие понимается как способ психологической коррекции, направленной на релаксацию и регуляцию психоэмоционального состояния человека. Исследование аудиовизуального способа воздействия на психоэмоциональное состояние в третьем возрасте проводилось в группах пенсионеров города Казани. Диагностический инструментарий включал методики изучения характера самооценки и определения актуального эмоционального состояния испытуемых. Установлено, что аудиовизуальное воздействие достоверно ($p \leq 0,001$) вызывает положительную динамику среднегрупповых показателей актуального эмоционального состояния у обследованных людей третьего возраста (пенсионеров): уменьшение склонности к сниженному настроению, психоэмоционального напряжения (тревожности, депрессии), повышение степени социального доверия.

Ключевые слова: пенсионный возраст, образное мышление, синестезия, музыкальное и цветковое воздействие.

При выборе способа психологической регуляции психоэмоционального состояния людей третьего возраста (пенсионеров) целесообразно учитывать возрастную специфику испытуемых и использовать возможности аудиовизуального (музыкального и цветкового) воздействия. Для достижения максимальной релевантности и эффективности такого воздействия необходима стимуляция образного мышления. О. К. Тихомиров отмечал очень важную особенность образного мышления – установление непривычных, «невероятных» сочетаний предметов и их свойств (Тихомиров, 2008). В этой связи

предлагаем обратить внимание на явление синестезии и так называемые синестетические способности, наличествующие в той или иной степени у любого человека (Галеев, 2000). Автор статьи имеет опыт разработки и применения «синестетических» упражнений, цель которых состоит в дополнительном развитии цветового и музыкального восприятия испытуемых третьего возраста (пенсионеров).

Со времен античных ученых и врачей известно, что из всех видов искусств музыка оказывает на человека наиболее сильное влияние, и сегодня она стала мощным средством воздействия на здоровье, психику и социальное поведение человека (Морозов, 1997). Современное состояние проблемы музыкального воздействия характеризуется несколькими направлениями исследований, которые развиваются с различной степенью активности. Основное направление современных исследований – музыкальная терапия. Сегодня можно выделить ряд школ по изучению музыкального воздействия на организм человека, в том числе и российскую школу.

О влиянии цвета на человека известно также очень давно. В психологии изучается воздействие цвета на физиологические и эмоциональные состояния, исследуются психодиагностические возможности цветовых тестов. Особо следует отметить ряд авторов теорий, специально посвященных исследованию цвета: теорию взаимосвязи цвета и психики Б. А. Базыма, эстетическую теорию Й. Гёте, теорию хроматизма Н. В. Серова, психосемантику цвета П. В. Яньшина.

Сегодня музыкальное и цветовое воздействие понимается как способ медицинской (не медикаментозной) и психологической коррекции, направленной на релаксацию и регуляцию психоэмоционального состояния человека, на развитие умственных и мнемонических способностей, на мобилизацию творческого потенциала. Музыкальное и цветовое воздействие обладает возможностями влияния на физиологическую, эмоциональную и психическую сферы человека, в том числе на область его самосознания. Его функции заключаются как в самостоятельном психокоррекционном действии, так и в дополнительном сопровождении других психотерапевтических приемов с целью повышения их эффективности.

В ходе научных поисков выявлялась взаимосвязь музыки, цвета и особенностей психоэмоциональной сферы человека. В результате этих изысканий в психологической практике разработаны методики коррекции с применением аудио-, визуальных и компьютерных технологий.

Теоретико-методологическая основа нашего исследования обеспечивается позициями В. М. Бехтерева о пролонгированном влиянии

внешних впечатлений (в частности, света и музыки) на различные стороны нервно-психической деятельности человека; о существенном влиянии упражнений по развитию музыкальности слуха на высоту порога раздражения слухового органа; С. Л. Рубинштейна о восприятии цвета целостным организмом; М. Люшера об объективности и универсальности восприятия цветов, и субъективности цветовых предпочтений; В. Яньшина о возможности цветового воздействия на область самосознания человека; В. И. Петрушина о том, что музыкальное воздействие может выступать одним из способов изменения эмоционального настроения человека.

Для определения актуального эмоционального состояния пенсионеров проведена диагностика по следующим методикам.

- 1) «Самооценка» (С. А. Будасси, модификация Н. М. Пейсахова). По четырем блокам исследуется уровень самооценки, каждый блок отражает один из уровней активности личности, как субъекта.
- 2) «Шкала сниженного настроения» (В. В. Бойко). Применение методики сниженного настроения дает возможность определить наличие в психологическом профиле испытуемых тенденции к снижению настроению, дистимии или их отсутствие.
- 3) Для исследования уровней тревожности и депрессии предлагается опросник «ТиД» (Ю. Л. Ханин).
- 4) «Шкала социальной поддержки» (Д. Зимет в адаптации В. М. Ялтонского, Н. А. Сироты).

Использование методики социальной поддержки позволяет определить уровень ожидания поддержки и одобрения со стороны социального окружения: семьи, друзей и значимых других.

Оперативная основа исследования состоит из четырех этапов.

1. Первый этап диагностический, на котором осуществляется определение исходного уровня личностной самооценки и изучение характеристик актуального эмоционального состояния испытуемых (настроения, тревожности, депрессии, социальной поддержки).
2. Второй этап активизирующий, на котором реализуется комплекс психологических упражнений по развитию музыкального и цветового восприятия.
3. Третий этап преобразовательный, на котором происходит работа с применением аудиовизуального воздействия.
4. На четвертом этапе осуществляется результирующая психодиагностика пенсионеров.

Применения специальных упражнений для развития синестетического потенциала испытуемых осуществляется на втором этапе исследования. Рассмотрим эту часть работы подробнее.

В тренинговый кейс включены упражнения на развитие музыкального восприятия, цветового восприятия, а также на развитие синестетических способностей. В цветовом кейсе были предложены упражнения на определение состояния дел в личной, профессиональной и межличностной сферах через цветовой выбор, на выявление цветовых ассоциаций. Содержание музыкального кейса составили: музыкальный иллюстративный материал для определения звуковых ассоциаций, разножанровые классические произведения отечественных и зарубежных композиторов в разных вариантах исполнения (например, оркестровом и фортепианном). Темы «Упражнения на развитие цветовосприятия» и «Упражнения на развитие музыковосприятия» с разным содержательным наполнением повторяются на протяжении всего цикла тренинга, кроме заключительного занятия. Синестетический кейс предлагался после музыкальных и цветовых упражнений. Работа основана на методике «Рисование музыки» (Ванечкина, Трофимова, 2000), которая представляет собой рисование музыкальных впечатлений живописно-образительными средствами. Ценность данного упражнения в том, что использование визуальных аналогий значительно обогащает звуковое восприятие. Также в этот кейс включен комплекс упражнений «Символика», который выполняется под спокойную медитативную музыку. В этом упражнении предоставляется возможность задуматься, сформулировать свои взгляды и убеждения, описать свой жизненный путь и в лаконичной форме представить свои главные жизненные позиции. Такая процедура желательна для людей пенсионного возраста, так как способствует формированию принятия своего жизненного пути.

Предполагается обсуждение проделанных упражнений и связанных с ними ощущений испытуемых. Эта часть является важной составляющей тренинга. Обсуждение предполагает обратную связь с испытуемыми. Такой «обмен мнениями» может проводиться как в конце занятия, так и после каждого упражнения. Предметом обсуждения служат: разбор полученного при выполнении упражнений опыта, энергетика использованных во время занятия цветов, проделанных упражнений и связанных с ними ощущений испытуемых, особенности исполнения прослушанных музыкальных произведений и звучания музыкальных инструментов, использованных на занятиях; особенности межличностных отношений, анализ в группе символических атрибутов, созданных испытуемыми.

Результаты исследования

На первом, первично-диагностическом, этапе исследования проведено изучение характера самооценки испытуемых и характеристик актуального эмоционального состояния испытуемых: настроения, тревожности, депрессии, социальной поддержки.

Наблюдаются: низкий уровень притязаний в поведении, высокая тревожность, низкое ожидание социальной поддержки (особенно от друзей), низкая самооценка в сферах общения, поведения, деятельности и чувств, тенденция к сниженному настроению и дистимия. Кроме того, обнаружены опосредованные взаимосвязи показателей самооценки с показателями уровня притязаний в общении, деятельности и чувствах, депрессии, уровня социальной поддержки семьи и значимых других. Следовательно, показатели психологического благополучия человека третьего (пенсионного) возраста коррелируют с показателями уровня личностной самооценки.

После проведения процедуры аудиовизуального воздействия достоверно изменились в сторону улучшения показатели: личностной самооценки (уровень значимости – $p \leq 0,001$), притязаний в общении (уровень значимости – $p \leq 0,05$), тревожности и депрессии (уровень значимости – $p \leq 0,001$), трех аспектов социальной поддержки (уровень значимости – $p \leq 0,05$). На уровне тенденции изменился показатель уровня самооценки в сфере чувств. У испытуемых выявлено снижение показателей тревоги, депрессии и повышение показателей социальной поддержки и настроения.

В результате теоретического анализа способов психологического воздействия в рамках социально-психологического тренинга была выявлена необходимость разработки специальной процедуры как наиболее доступного, приемлемого и целесообразного для групп третьего возраста способа коррекции – аудиовизуального воздействия. Такая процедура была разработана, апробирована и внедрена в группах пенсионеров. Данные, полученные в ходе результирующей диагностики испытуемых, на четвертом этапе исследования, были статистически обработаны и проанализированы. Сравнительный анализ характеристик испытуемых третьего возраста (пенсионеров) до и после эксперимента проведен по достоверным значениям средней арифметической и t-критерия Стьюдента. Установлено, что аудиовизуальное воздействие достоверно ($p \leq 0,001$) вызывает положительную динамику среднегрупповых показателей актуального эмоционального состояния у обследованных людей третьего возраста (пенсионеров): уменьшение склонности к сниженному настроению, психоэмоционального напряжения (тревожности, депрессии), повышение степени социального доверия.

Таким образом, музыкальное и цветовое воздействие может быть применено как способ медицинской (не медикаментозной) и психологической коррекции психоэмоционального состояния человека третьего (пенсионного) возраста, и развития его синестетического потенциала.

Литература

Ванечкина И. Л., Трофимова И. А. Дети рисуют музыку. Казань: ФЭн, 2000.

Галеев Б. М. Синестезия – не аномалия, а проявление невербального мышления // Языки науки – языки искусства. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 139–143.

Морозов В. П. К проблеме эмоционально-психологического воздействия музыки на человека // Вестник РГНФ. 1997. № 3. С. 234–243.

Тихомиров О. К. Психология мышления. М.: Академия, 2008.

Audiovisual effects as a method of regulation of psychoemotional states in the third (retirement) age

S. E. Sorokina (Kazan)

Kazan Federal University

Audiovisual (musical and color) influence is understood as a way of psychological correction aimed at relaxation and regulation of a person's psycho-emotional state. The study of the audiovisual method of influence on the psycho-emotional state at the third age was conducted in groups of pensioners of the city of Kazan. Diagnostic tools included methods of studying the nature of self-evaluation and determining the actual emotional state of the subjects. It is established that audiovisual influence reliably ($p \leq 0.001$) causes positive dynamics of the average group indicators of the current emotional state in the examined people of the third age (pensioners): decrease in propensity to the reduced mood, psycho-emotional tension (anxiety, depression), increase the level of social trust.

Keywords: retirement age, creative thinking, synesthesia, musical and color influence.

Влияние прокрастинации школьников на самоорганизацию и восприятие будущего

Н. А. Тихонцова, Г. А. Иванова** (Норильск)*

** Заполярный филиал Ленинградского государственного университета
им. А. С. Пушкина; e-mail: tfgu-uch@yandex.ru*

*** Заполярный филиал Ленинградского государственного университета
им. А. С. Пушкина; e-mail: t.lgu@yandex.ru*

В статье приведены результаты исследования самоорганизации и восприятия будущего старшими школьниками. Выдвигается предположение о том, что существует взаимосвязь между проявлениями прокрастинации, самоорганизации и характером восприятия подростками своего будущего. Чем выше уровень прокрастинации, тем ниже уровень самоорганизации деятельности и показатели выраженности ориентации на будущее. Выявлено, что чем сложнее подросткам дается планирование собственной деятельности и планомерное следование разработанному плану, чем менее им свойственно к чему-либо целенаправленно стремиться и прилагать усилия для достижения поставленных целей, чем легче они переключаются на новые виды деятельности и отношения, тем более склонны они к постоянному откладыванию важных или неприятных дел. У самостоятельных подростков, лучше сформирована потребность в осознанном планировании и программировании своего поведения, и в большей степени эти подростки ориентированы на будущее, и тем в меньшей степени они склонны к откладыванию дел «на потом».

Ключевые слова: самоорганизация деятельности, восприятие будущего, образ будущего, личность школьника, прокрастинация.

Современные реалии выдвигают высокие требования к молодежи, которая должна быть подготовлена к новым общественным, рыночным отношениям: обладать самостоятельностью, предприимчивостью, умением быстро принимать решения из множества альтерна-

тив, быть подготовленными к встречам с трудностями в условиях конкурентной деятельности, здоровыми физически и психически (Соловьева, Андреева, 2015). Поэтому встает необходимость определения своего места, определения, перспективы в жизни молодого человека, активизируются процессы самосознания, возрастает мера ответственности за страну и за свою судьбу, создаются благоприятные условия для развития субъектных качеств личности, в том числе – способности к самоорганизации (Андреева, Егоров, 2016). Кроме того, особо значимыми являются проблемы ориентации школьника в окружающем его мире объективных ценностей, общества в себе самом, в своих возможностях. Ориентация в событиях прошлого и настоящего, в построении образа будущего и своей жизненной перспективы.

Актуальность обращения к образу будущего как ценностно-смысловому и эмоциональному психическому образованию, связанному с индивидуальными и психологическими особенностями личности, определяется непосредственными запросами различных сфер общественной практики: образ будущего содержит жизненные смыслы и ценности, включает конкретные решения о выборе профессии, о личной жизни (Андреева, 2013). Содержание образа будущего в структуре личности показывает наличие либо отсутствие деформации в «Я-концепции» и имеет, таким образом, психодиагностический потенциал.

Представления о будущем отражают потенциальные возможности личности, и сформированность этих представлений в подростковом возрасте многими исследователями рассматривается как один из показателей успешной социализации старшеклассников.

К вопросу об актуальности процессов самоорганизации обучающихся ученые так же возвращались многократно и рассматривали в разных аспектах: как элементы культуры познавательной деятельности школьников (Г. Г. Граник, И. Я. Лернер и др.), через системное описание научной организации труда школьников (Ю. К. Бабанский, С. Я. Батышев и др.), как компоненты учебной деятельности (П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, И. Л. Лернер, Д. Б. Эльконин и др.), как часть универсальных умений и ключевой учебно-познавательной компетенции обучающихся (В. А. Демин, Э. Ф. Зеер и др.).

Проблема зависимости самоорганизации и восприятия будущего школьниками от прокрастинации освещена недостаточно полно. На сегодняшний день существуют и теории, и методики измерения уровня прокрастинации и, самое главное, техники снижения ее уровня. Вместе с тем если в западной психологии этот феномен изучается давно, то отечественная психология в лице Н. Шуховой,

Я. И. Варвичевой (2010) и немногих других лишь недавно начала заниматься этой проблемой, что свидетельствует о несомненной актуальности темы исследования.

Целью исследования является выявление зависимости самоорганизации и восприятия будущего школьниками от уровня их прокрастинации. *Объект* – самоорганизация деятельности, образ будущего и прокрастинация как психологические феномены. *Предмет* – зависимость самоорганизации и восприятия будущего школьниками от прокрастинации.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между проявлениями прокрастинации, самоорганизации и характером восприятия подростками своего будущего, чем выше уровень прокрастинации, тем ниже уровень самоорганизации деятельности и показатели выраженности ориентации на будущее. Для подтверждения или опровержения гипотезы проведено исследование, в котором приняли участие 130 испытуемых – учащихся старших классов средней школы.

В качестве методов выступили теоретический анализ психологической литературы по проблеме исследования, эксперимент. Психодиагностические методики: тест-опросник самоорганизации деятельности (ОСД) Е. Ю. Мандриковой, опросник Ф. Зимбардо по временной перспективе (ZTPI) в адаптации А. Сырцовой, методика «Шкала общей прокрастинации С. Н. Lay». Методы статистической обработки данных.

В группе испытуемых наиболее высокие баллы зафиксированы по шкалам самоорганизация, фиксация и ориентация на будущее, наиболее низкие – по шкале целеустремленность. У наибольшего количества подростков данной группы средний уровень сформированности навыков тактического планирования и стратегического целеполагания. При этом низкий уровень самоорганизации деятельности зафиксирован у достаточного большого процента подростков: почти у трети от их общего числа.

Выявлена определенная временная ориентация, характерная для данной группы подростков – фиксация на позитивном прошлом и будущем. У большинства подростков данной группы средний и низкий уровни ориентации на будущее. Подростков с высокими показателями ориентации на будущее менее трети от общего числа испытуемых.

У подростков данной группы обнаружены средние значения по Шкале прокрастинации. Однако у более 50% подростков зафиксированы высокие и очень высокие показатели уровня прокрастинации.

Корреляционный анализ результатов исследования по всем методикам выявил следующие корреляционные связи: сильные отри-

цательные связи между уровнем прокрастинации и уровнем развития таких навыков тактического планирования и стратегического целеполагания, особенностей структурирования самоорганизации деятельности, как планомерность ($r=-0,775$ при $p<0,01$), целеустремленность ($r=-0,759$ при $p<0,01$), настойчивость ($r=-0,728$ при $p<0,01$), фиксация ($r=-0,783$ при $p<0,01$) и самоорганизация ($r=-0,821$ при $p<0,01$); слабые отрицательные связи между уровнем прокрастинации и ориентацией на настоящее ($r=-0,673$ при $p<0,05$) и восприятием будущего ($r=-0,423$ при $p<0,05$).

Чем сложнее подросткам дается планирование собственной деятельности и планомерное следование разработанному плану, чем менее им свойственно к чему-либо целенаправленно стремиться и прилагать усилия для достижения поставленных целей, чем легче они переключаются на новые виды деятельности и отношения, тем более склонны они к постоянному откладыванию важных или неприятных дел.

Кроме того, чем более самостоятельны подростки, чем лучше сформирована у них потребность в осознанном планировании и программировании своего поведения, тем в большей степени они ориентированы на будущее и тем в меньшей степени они склонны к откладыванию дел «на потом».

Выдвижение и достижение цели у этих старшеклассников происходит в значительной степени осознанно. При высокой мотивации достижения они способны формировать такой стиль саморегуляции, который позволяет компенсировать влияние личностных, характерологических особенностей, препятствующих достижению цели. Чем выше общий уровень осознанной регуляции, тем легче человек овладевает новыми видами активности, увереннее чувствует себя в незнакомых ситуациях, тем стабильнее его успехи в привычных видах деятельности.

И напротив, чем хуже сформирована у подростков потребность в осознанном планировании и программировании своего поведения, тем более они зависимы от ситуации и мнения окружающих людей. У таких подростков снижена возможность компенсации неблагоприятных для достижения поставленной цели личностных особенностей, по сравнению с подростками с высоким уровнем регуляции. Соответственно, успешность овладения новыми видами деятельности в большей степени зависит от соответствия стилевых особенностей регуляции и требований осваиваемого вида активности.

Кроме того, чем более склонны подростки к прокрастинации, тем в меньшей степени они ориентированы на будущее, не склонны продумывать и контролировать аспекты возникшей трудной ситуации, сохранять оптимизм и веру в собственные силы с ней справиться.

Корреляционный анализ результатов исследования по всем методикам выявил сильные отрицательные связи между уровнем прокрастинации и уровнем развития таких навыков тактического планирования и стратегического целеполагания, особенностей структурирования самоорганизации деятельности, как планомерность, целеустремленность, настойчивость, фиксация и самоорганизация, а также слабые отрицательные связи между уровнем прокрастинации и ориентацией на настоящее и восприятием будущего.

Обобщая полученные результаты, можно отметить, что существует взаимосвязь между проявлениями прокрастинации, самоорганизации и характером восприятия подростками своего будущего, а именно: чем выше уровень прокрастинации, тем ниже уровень самоорганизации деятельности и показатели выраженности ориентации на будущее.

Литература

- Андреева Л. В.* Восприятие будущего современными подростками // Возрастная и педагогическая психология: механизмы и условия психического развития и формирования: Монография // Л. В. Андреева, Н. Г. Брюхова, Е. В. Кочетовская и др. Новосибирск: ЦРНС, 2013.
- Андреева Л. В., Егоров М. И.* Специфика подготовки профессиональных кадров // Век качества. 2016. № 4. С. 152–164.
- Варвичева Я. И.* Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 121–131.
- Соловьева И. П., Андреева Л. В.* Психология развития и возрастная психология: Учебно-метод. пособие. Барнаул: Си-Пресс, 2015.

Influence of procrastination schoolchildrens to self-organization and the perception of the future

N. A. Tihoncova, G. A. Ivanova* (Norilsk)*

* The Polar branch of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin

The article presents the results of a study of self-organization and perception of future senior students. Conjectured that there is a relationship between the manifestations of procrastination, self-organization and the nature of the perception adolescents 'future. The higher the level of procrastination, the lower the level of self-organization and activity indicators of severity of orientation for the future. It was revealed that the more teenagers are given plan-

ning activities and the systematic adherence to the developed plan, the less they tend to to anything purposefully seek and strive to achieve their goals than easier they switch to new activities and relationships, the more prone they are to continuously postpone important or unpleasant Affairs. At independent teenagers, better formed the need for informed planning and programming his behavior, and increasingly these teenagers are focused on the future and the less they tend to displace affairs “for later”.

Keywords: self-organization activities, perceptions of the future, a vision of the future, the identity of the student, procrastination.

Нарративный подход к изучению понимания психического мира другого человека

А. Ю. Уланова (Москва)

*кандидат психологических наук, научный сотрудник,
Институт психологии РАН; e-mail: rachugina@gmail.com*

В статье представлен подход к исследованию понимания психического мира другого человека через анализ нарративов. Данный метод становится все более востребованным в изучении вопросов когнитивного и социального познания, так как позволяет подойти к анализу субъективного опыта отдельного человека. Представлены экспериментальные процедуры и результаты нескольких исследований, выполненных в русле подхода «модель психического», использующих нарративный принцип сбора и анализа данных. Показано, что применение нарратива как метода исследования позволяет получить данные о понимании различных аспектов психического мира у различных возрастных групп.

Ключевые слова: понимание психического мира, модель психического, нарративный подход, нарратив.

Актуальным современным подходом к изучению понимания психического мира человека является подход «модели психического» (англоязычный термин – Theory of mind). Имея онтологический статус, модель психического понимается как система концептуализации знаний о собственном психическом и психическом других людей, позволяющая объяснять и предсказывать их поведение (Сергиенко и др., 2009). Данный подход позволяет подойти к изучению и анализу субъективного опыта, пониманию мира человеком в его индивидуальных и универсальных составляющих (Сергиенко, 2017).

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-528.2017.6.

Исходя из специфики исследуемых параметров, за более чем тридцатилетнюю историю развития данной области исследований был сформирован свой методический аппарат, позволяющий оценивать понимание различных аспектов психического мира – ложных убеждений, эмоций, намерений, желаний и т. д. Одним из методов, позволяющих подойти к анализу внутренней концептуализации, является нарратив. В психологии нарративная парадигма является макроаналитическим методом познания психического (Брушлинский, 2003). В качестве основного средства познания и общения нарратив представляет собой не только важный коммуникативный инструмент, но и важный механизм для понимания чувств и отношений. Как отмечает В. В. Знаков, нарративный принцип исследования дает возможность делать выводы не только об отражении субъектом воспринимаемых фрагментов объективной деятельности, но и о порождении им новых реальностей (Знаков, 2005).

Эти представления были реализованы на практике в эмпирических работах, посвященных изучению понимания психического мира. При конструировании экспериментальной процедуры, исследователи прибегают к нарративному анализу понимания ментальных состояний и их причин в дополнение к классическим тестам. Для иллюстрации данной темы приведем в пример методические приемы и результаты некоторых исследований, выполненных в разные годы в лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Института психологии РАН, под руководством доктора психол. наук, профессора Е. А. Сергиенко. Данные исследования обращаются в том числе к нарративной методологии и выполнены в русле подхода «модели психического», при этом они направлены на изучение ее различных аспектов у разных возрастных групп.

В исследовании Н. И. Колесниковой изучались вострастно-половые различия понимания обмана взрослыми с использованием нарративов (Колесникова, 2011). Обман считается одним из ключевых феноменов и маркером развития модели психического. Когнитивным механизмом, обеспечивающим способность к обману, считается понимание рассогласования модели ситуации у разных людей и на основании этого – попытка изменения представления другого в выгодную для себя сторону. Анализ понимания обмана участниками разного возраста (три группы: 17–22 года, 25–30 лет и 35–45 лет) проводился с использованием нарративов, специально сконструированных для возрастных групп и отражающих ведущие жизненные задачи. Так, например, для возраста 17–22 года для анализа предлагались следующие ситуации: «близкий другой», «общение с ро-

дителями», «общение с друзьями», «общение с одноклассниками», «общение с преподавателями». Каждый из нарративов создавался по определенному принципу и включал описание действующих лиц и сюжета, эволюционирующего во времени: в нем указывались важные аспекты взаимодействия людей, предшествующих главному событию и проблема, возникшая перед героем рассказа. Каждый нарратив обрывался на том, что герой оказывался в ситуации выбора: скрыть неприятный для него факт или рассказать правду. Степень понимания обмана двух видов (высказанный и по умолчанию) определялась по тому, в скольких из предложенных ситуаций испытуемый признавал наличие обмана.

При сопоставлении результатов с уровнем развития модели психического была показана динамика снижения показателей понимания обмана с возрастом. В возрасте 35–45 лет обман по умолчанию во всех ситуациях перестает восприниматься как обман, а в случае высказанного обмана — снижается количество таких ситуаций и участников их признающих. Отношение к высказанному обману с возрастом становится более неоднозначным: большой процент участников не признают его наличие во многих ситуациях. Таким образом, с возрастом наблюдается изменение отношения к обману: от абсолютного и однозначного к более тонкому, сложному и дифференцированному. Различия в понимании обмана мужчинами и женщинами характерны для периода зрелости, тогда как в юношеском возрасте отсутствуют.

В исследовании Н. Н. Талановой была предпринята попытка оценки понимания социальных взаимодействий на материале нарративов, а также его сопоставление с развитием модели психического и пониманием телевизионной рекламы у детей 3–6 лет. Как отмечает автор, нарративы, так же как и задачи для изучения модели психического, тестируют способности детей к пониманию социальных взаимодействий, что требует понимания ментальных состояний агентов (намерения, эмоции, желания, последствия поведения героев рассказов и рекламных сюжетов) (Таланова, 2011). Исходя из этих соображений, стандартные задачи на развитие модели психического были дополнены нарративными заданиями, направленными на анализ представлений о понимании детьми ментальных состояний и их причин в процессе социальных взаимодействий. Разработанные нарративы отражали типичные социальные взаимодействия детей: ситуация взаимодействия ребенка с ребенком, ситуация взаимодействия ребенка с родителем, ситуация взаимодействия ребенка с взрослым (чужим) и предполагали вопросы, затрагивающие три основные темы: распознавание ситуативно-обусловленных эмо-

ций, понимание причин действия другого, понимание морально-нравственных аспектов поведения. Иными словами, рассказы были связаны с отдельными компонентами понимания ментального мира других людей, что позволило оценить уровень сформированности модели психического с помощью нарративного понимания социальных взаимодействий.

При анализе распознавания эмоций с помощью нарративов было показано, что наиболее полные и верные ответы дети начинают давать в возрасте 5–6 лет (57–75% детей). В 3 года для детей характерно простое деление эмоций на положительные и отрицательные, в нашем случае дети смогли верно определить эмоции героев, при этом дети в возрасте 3–4 лет в основном называли физическое состояние и не могли объяснить причину эмоций. (В целом ответы детей делились на описания физического состояния либо название эмоций.) При оценке понимания и объяснения причин действия Другого посредством нарратива дети затруднялись с ответом, даже дети 5–6 лет не могли дать полный ответ, отражающий способность прогнозирования действия другого и понимание ментальных состояний. Наиболее полно и правильно дети ответили на вопросы, связанные с пониманием морально-нравственных аспектов поведения (что не наблюдалось при оценке аналогичных параметров при просмотре рекламных роликов). Дальнейший анализ показал, что понимание нарративов тесно связано с пониманием рекламы и задачами на модель психического, однако данная связь несколько изменяется и ослабевает с возрастом.

В работе А. Ю. Улановой нарративный подход был использован с целью изучения коммуникативной успешности детей в контексте подхода «модель психического». В данном случае нарративы были использованы не только для оценки понимания ментальных состояний детьми, но и как стимульный материал для конструирования собственных нарративов детьми, которые они делали в направлении коммуникативного партнера на основе услышанного рассказа (Уланова, Сергиенко, 2015). Рассказы были составлены с учетом необходимости оценки событий, имеющих ментальную и физическую причину, а также юмористического события. Сюжет всех историй был унифицирован и в случае ментального события содержал описание действий двух персонажей, один из которых совершал действие втайне от другого (например, забирал предмет, прятался), после чего первый сталкивался с неожиданным для него последствием (пропажей, исчезновением). Вопросы на понимание рассказа и сам нарратив ребенка позволили на разных уровнях оценить понимание описываемых событий.

Было показано, что способность к передаче событий имеет возрастную динамику. В 4 года участники хуже понимают причинно-следственную связь событий и передают более короткие и менее информативные сообщения, реже выделяют причинность для описания события. Шестилетние участники дают более развернутые описания, восстанавливают целостную структуру истории, восполняя пропущенные эпизоды, в большинстве случаев объясняют причину произошедших событий, что делает сообщение понятным слушателю. При этом успешность описания событий о ментальной, физической причинности и юмористической истории различаются. Успешность пересказа выше в случае события о физической причинности, однако при описании ментального события чаще выделяется причинность для объяснения действий и эмоциональных реакций персонажа. При передаче юмористического события обнаружен эффект сглаживания возрастных различий, при этом получены данные, свидетельствующие об изолированном развитии когнитивного и аффективного компонентов понимания юмора в четыре года, в отличие от шести лет, где их связь была сильно выражена. В целом показано, что успешность участников коммуникации взаимосвязана и опирается на уровень развития модели психического как своей, так и партнера.

В продолжение данной работы были также получены данные, свидетельствующие о качественном отличии нарративов в описании эмоций и других ментальных состояний между детьми 4–6 лет (Уланова, Королева, 2018). Было показано, что уже в младшей возрастной группе дети способны к описанию историй не только на фактическом уровне, но и с указанием внутренних состояний персонажей. Среди речевых конструкций, описывающих внутренний ментальный план героя, встречаются указания на намерения, знания и эмоции персонажа. При этом к шести годам дети демонстрируют качественно другой уровень, включая описание ментальных состояний героев в цепочки причинно-следственных отношений, демонстрируя тем самым способность к прогнозированию поведения и событий. В группе шестилетних детей обнаружена связь между употреблением названия эмоции при пересказе с общим показателем модели психического, что позволяет предположить необходимость лучшего понимания психических состояний у себя, персонажа и слушателя истории для конструирования более полноценного нарратива.

На примере описанных исследований можно увидеть, что нарративный метод может быть использован с разных позиций. В одном случае нарратив понимается как автономно существующий текст, в который могут быть заложены специфические для предмета иссле-

дования идеи и события, что позволяет оценить их понимание, интерпретацию и вычлениить смыслы, закладываемые человеком при работе с текстом. В другом случае рассматривается не только нарратив, но и сам процесс наррации, его коммуникативная функция. В этом случае значение приобретает, помимо структурных и смысловых аспектов, направленность нарратора на понимание слушателем, содержательные элементы, используемые для адаптации информации для партнера. Стоит также отметить существование отдельного направления исследований в зарубежной психологии, описывающего взаимосвязь модели психического и нарративной способности (Britton, Pellegrini, 2014). Результаты, получаемые в данной области, также говорят в пользу возможности использования описаний как инструмента для оценки понимания психических состояний. В совокупности представленные данные свидетельствуют о продуктивности и большой перспективности нарративного подхода в вопросе оценки внутреннего мира человека.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта СПб.: Алетейя, 2003.
- Знаков В. В.* Психология понимания. Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Колесникова Н. И.* Исследование понимания обмана как феномена модели психического у взрослых с использованием нарративов // Психологические исследования. 2011. Т. 6. № 20. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 31.05.2018).
- Сергиенко Е. А.* Модель психического как интегративное понятие в современной психологии // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 31.05.2018).
- Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А.* Модель психического как основа понимания себя и другого в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Таланова Н. Н.* Понимание дошкольниками телевизионной рекламы и социальных взаимодействий // Психологические исследования. 2011. Т. 4. № 18. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 31.05.2018).
- Уланова А. Ю., Королева Н. А.* Описание эмоций и других ментальных состояний детьми дошкольного возраста // Психологические исследования. Труды молодых ученых / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. Вып. 9.

- Уланова А. Ю., Сергиенко Е. А.* Развитие представлений о ментальном и физическом в пересказах детей дошкольного возраста // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: <http://www.science-education.ru/121-17834> (дата обращения: 31.05.2018).
- Britton B. K., Pellegrini A. D.* (Eds). Narrative thought and narrative language. Cog. Studies Group of the Inst. for Behavioral Research at UGA. Psychology Press, 2014.

Narrative approach to the study understanding mental world of another person

A. Y. Ulanova (Moscow)

Candidate of Psychology, Institute of Psychology RAS

The article presents an approach to the study of understanding another person's mental world through the analysis of narratives. This method becomes popular in the study of questions of cognitive and social cognition, because it allows to analyze the subjective experience of an individual person. Experimental procedures and results of several studies performed in "theory of mind" approach, using the narrative principle of data analysis, are presented. It is shown that narrative method of research allows to obtain data of various aspects of the mental world in different age groups.

Keywords: understanding of the mental world, theory of mind, narrative approach, narrative.

Субъектность индивидуальности

И. А. Юров (Москва)

*кандидат психологических наук,
Московский инновационный университет; e-mail: sov36@mail.ru*

В статье отмечается, что активность человека проявляется на индивидуальном, психологическом и социальном уровнях, но субъектность характерна индивидуальности, которая есть биопсихосоциальное образование, характеризуемое целостностью, неделимостью, своеобразием качеств каждого отдельного человека, эффективностью деятельности. Индивидуальные и личностные характеристики более объективны и константны, субъектность индивидуальности более функциональная, динамическая, вступающая в контакты с окружающим миром.

Ключевые слова: индивид, субъект, личность, индивидуальность, субъектность.

Научный историогенез категории «субъект» был осуществлен в немецкой классической философии, в которой субъект активен и пристрастен по отношению к объекту, стремится к объекту с целью достижения «не-я», необходимого для «я» (Гегель, Кант).

Философско-психологическая категория «субъект» разрабатывалась С. Л. Рубинштейном, придававшим ей онтологический смысл, понимая субъект как активное начало, организатора собственного бытия, сознательного человека. Он считал, что сущность субъекта тесно связана с деятельностью, но он всегда был против «деятельностного редукционизма», т. е. против сведения всей активности человека лишь к деятельности.

С. Л. Рубинштейн пишет о «личности, «субъекте», «человеке» как синонимах: «Личность, субъект это не чистое сознание. Это реальный конкретный, исторический, живой индивид, включенный в реальные отношения к реальному миру» (Рубинштейн, 1989).

К. А. Абульханова, развивая идеи С. Л. Рубинштейна, считает, что субъектом может называться лишь индивид, способный сознательно строить свою жизнедеятельность. Однако Абульханова признает, что «в психологии правомерно гегелевское понятие «меры» развития, становления субъекта» (Абульханова, 2012).

В разработке категории «субъект» А. В. Брушлинский продолжает традицию, заложенную в трудах С. Л. Рубинштейна. Субъект — тот, кто не только обнаруживается, но и определяется в творческой самодеятельности. Содержание понятия «субъект» в работах автора выходит за рамки личности: «В самом полном и широком смысле слова субъект — это все человечество в целом, представляющее собой противоречивое системное единство субъектов разного масштаба: государств, наций, этносов, общественных классов и групп, индивидов, взаимодействующих друг с другом» (Брушлинский, 2006). Таким образом, в подходе Брушлинского реализуется представление об уровнях субъекта.

Брушлинский предлагает критерии субъекта: 1) выделение себя из окружающей действительности, противопоставление себя ей как объекту действия, познания, созерцания и т. д.; 2) формирование, создание, конструирование понятий; 3) взаимосвязь с другими людьми как субъектами; 4) целостность, единство, интегральность деятельности субъекта и всех видов его активности.

Брушлинский особенно подчеркивает категорию активности как главную характеристику субъекта, выдвигая тезис о том, что человек как субъект представляет собой системную целостность психических процессов, состояний и свойств. Он подчеркивает, что «субъект — это человек, люди на высшем (индивидуализированно для каждого из них) уровне активности, целостности, системности, автономности и т. д.» (Брушлинский, 2006).

Брушлинский, не ограничивая анализ активности деятельностью, подчеркивает что важнейшее качество человека — «быть субъектом, т. е. творцом своей истории: инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность... и другие виды специфически человеческой активности» (Брушлинский, 2006).

Брушлинский отмечал, что «субъект — это не психика человека, а человек, обладающий психикой. Субъект — качественно определенный способ самоорганизации...» (Брушлинский, 1999). Он подчеркивает, что субъектом не рождаются, а становятся. «Каждая личность (в том числе ребенка) есть субъект, но последний не сводится к личности» (Брушлинский, 1999). С одной стороны, Брушлинский признает непрерывность развития человека как субъекта деятельности, а с другой — постулирует субъектность как высший уровень активности, целостности, автономности.

Субъект, по Брушлинскому, – это «наиболее широкое, всеохватное понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т. д. Личность, напротив, менее широкое и недостаточно целостное определение человеческого индивида» (Брушлинский, 2006). Не отрицал Брушлинский и наличие исходных биологических факторов в становление субъекта: «подлинно внутреннее в онтогенезе начинается с задатков, и именно они составляют исходные, самые первые внутренние условия, в процессе взаимодействия которых с самыми первыми внешними причинами и начинается возникновение человеческой психики» (Брушлинский, 2006). Таким образом, раскрывая понятия субъекта и субъектности, Брушлинский использует и соотносит с этими понятиями и биологические, и личностные, и общественные, и индивидуальные факторы в развитии человека. В своих работах он ссылается не только на С. Л. Рубинштейна, но и на Б. Г. Ананьева (комплексный подход), А. Н. Леонтьева (социальный подход), Б. Ф. Ломова (системный подход) и др., которые рассматривали вопросы интеграции компонентов, входящих в понятие «человек». Наиболее ярким представителем такой интеграции является понятие «индивидуальность».

В литературе описаны несколько подходов к пониманию сущности индивидуальности, Их авторами являются А. Г. Асмолов, В. С. Мерлин, В. П. Тугаринов, В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев, Т. Ф. Базылевич, В. М. Русалов, Б. А. Никитюк, В. В. Белоус, Г. Айзенк и Р. Кеттелл.

В интеграционной (комплексной) теории индивидуальности, в многообразных биосоциальных проявлениях Б. Г. Ананьев видел основной путь реализации идей комплексной антропологии и предлагал всесторонне рассматривать индивидуальность в плоскости междисциплинарных исследований.

Ананьев отмечал, что общим эффектом слияния, интеграции всех свойств человека как индивида, личности и субъекта деятельности является индивидуальность с ее целостной организацией этих свойств и их саморегуляцией. По его мнению, полный набор характеристик человека – необходимое условие понимания его индивидуальности. В конечном счете, в качестве индивидуальности «единичный человек... может быть понят лишь как единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивида» (Ананьев, 1968). Согласно Ананьеву, к индивидуальности следует подходить как к «интеграции всех свойств человека как индивида, личности и субъекта деятельности... Для того чтобы подойти к проблеме индивидуальности с точки зрения целого (на молярном

уровне), нужно представить человека не только как открытую систему, но и как систему «закрытую», замкнутую вследствие внутренней взаимосвязанности ее свойств (индивида, субъекта, личности)» (Ананьев, 1968).

Индивидуальность — интегральная целостная макрохарактеристика, включающая в себя и характеристики индивида, и личности, и субъекта деятельности, обладающая саморегуляцией. Человек «индивид, личность, субъект» рассматривается как некоторое целостное образование, включающее в себя множество характеристик и элементов, объединенных определенными связями. Индивидуальность можно представить как особое сформировавшееся качество конкретного человека, взятого в единстве его природных и социальных свойств, сознания и деятельности. Соотношение понятий «индивид», «личность» «субъект», «индивидуальность» не рядоположенное, а иерархическое и соподчиненное, именно в вертикальности определяется глубина человеческих качеств. Индивидуальность есть иерархическое биопсихосоциальное образование, характеризующееся целостностью, неделимостью, своеобразием качеств каждого отдельного человека, эффективностью деятельности (Ананьев, 1968).

Индивидуальными (биологическим) свойствами являются характеристики пола, возраста, особенности морфологической конституции, реактивности организма, нейродинамика, свойства активированности. И на этом уровне возможен высокий уровень активности, выделение себя из окружающей действительности. Так, Божович определяет растущего человека как инициатора собственной активности, которая — основа развития личности в качестве субъекта. Первичные формы субъектного отношения к миру Божович обнаруживает уже у младенцев на 3—5-й неделе жизни. Окружающая действительность начинает делать из новорожденного субъекта (Божович, 1968). Е. А. Сергиенко, проанализировав свои и зарубежные данные, считает, что базовая концепция физического и социального мира свидетельствует об активности, интегративности, социальности человека как субъекта, что позволяет предположить — истоки субъектности следует искать на самых ранних этапах развития человека. Синкретизм понятий субъектности и активности позволяет Н. И. Чуприковой считать, что индивид, являющийся носителем и источником активности, т. е. субъектом, предстает как сложная открытая система, находящаяся во взаимодействии с внешним миром. Более того, описывая процесс эволюционного развития психики, она говорит о взаимодействии с миром в процессе собственной активности уже не только человека, но и живого существа (Чуприкова, 2007). Полу-

чается, что у этих авторов уже новорожденный является субъектом. По Брушлинскому, субъект – это высший уровень в развитии человека и любой человек не рождается, а становится субъектом в процессе своей деятельности и других видов активности. По нашему мнению, у новорожденного проявляется активность на индивидуальном (биологическом) низшем уровне (и такая активность может быть достаточно эффективной), но он еще не является субъектом.

На втором иерархическом психоуровне индивидуальности функционируют механизмы регуляции и саморегуляции: процессы, перцепция, аффекты, эмоционально-мотивационная и потребностно-мотивационная сферы (эмоциональный стресс и тревожность–фрустрированность, особенности мотивации), психомоторика. Все эти особенности могут характеризоваться высокой или низкой степенью активности.

На третьем уровне индивидуальности в процессе социализации формируются характеристики личности: психодинамика, Я-концепция, черты личности, уровень притязаний, интеллект, социально-психологические статусы. Личностный принцип гласит: субъект – это всегда личность, но к личности несводим. Проявлением активности личности является выделение Я из среды (Физическое Я, Эмоциональное Я, Я-интерперсональное, Я-интеллектуальное, Я-социальное). Таким образом, на всех иерархических уровнях индивидуальности проявляется активность, а субъектность как интегральное качество присуще только индивидуальности.

К субъектным проявлениям (свойствам) личности К. А. Абульханова относит: активность, ответственность, креативность, рефлексивность, целеполагание, саморегуляцию, самоконтроль, временную организацию деятельности, внутреннюю свободу, достоинство, личностные смыслы, ценности, самоопределение, самооценку, самоидентификацию и многое др. (Абульханова, 2012). Все эти качества в большей степени относятся к индивидуальности.

Эти позиции подтверждаются работами С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева, А. В. Брушлинского, Е. А. Сергиенко. Так, Рубинштейн писал, что «свойства личности никак не сводятся к ее индивидуальным особенностям» (Рубинштейн, 1989), давая тем самым понять, что между свойствами личности и свойствами индивида связь субординационная, подчиняющаяся законам соотношения высшего и низшего. Б. Г. Ананьев в комплексном изучении человека определяет следующие иерархические уровни: индивид–личность–индивидуальность. Зависимости же между этими человеческими образованиями, по мнению автора, подчиняются законам соотношения низшего и высшего.

По мнению Брушлинского, человек как субъект психической деятельности — это изначально и до конца своей жизни сплав биологического и социального. «На любом этапе развития психики человека, — пишет автор, — природное и социальное нераздельны, едины: в ней нет ничего, что было бы только природным (а не социальным) или только социальным (но не природным). Это относится и к высшим уровням духовного развития личности» (Брушлинский, 1999).

Е. А. Сергиенко считает, что субъект на высших своих уровнях развития предельно индивидуализирован, но высший уровень подразумевает существование и неразрывную преемственность всех предшествующих уровней развития человека как особенного, отличающегося субъекта. Все эти аспекты составляют линии, по которым происходит развитие понимания ребенком субъективной концепции мира и себя, как активного субъекта деятельности.

Сергиенко противоположные критерии субъекта делит на акмеологический и эволюционный. Первый — акмеологический, в котором постулируется, что субъект — вершина развития личности. Второй — эволюционный, при котором полагается постепенное развитие человека как субъекта. По нашему мнению, индивидуальность начинается с постепенного эволюционного развития, в результате которого она становится вершиной развития человека, а субъектность является функциональной (деятельностной) характеристикой этой индивидуальности.

Индивидуальность есть биопсихосоциальное образование, характеризующее целостностью, неделимостью, своеобразием качеств каждого отдельного человека, эффективностью деятельности. В каких-то видах деятельности могут доминировать определенные подструктуры индивидуальности, но это не значит, что характеристики других подструктур индивидуальности могут отсутствовать. Просто выраженность зависит от особенностей деятельности индивидуальности.

Соотношение понятий «индивид—личность—индивидуальность» представляет собой внутреннюю структуру, систему «закрытую и замкнутую», в какой-то степени достаточно жестко взаимосвязанную, в то время как субъектная активность представляет собой функциональную характеристику индивидуальности и представляет собой открытую систему, систему взаимосвязи с природой, обществом, социумом. Если индивидные и личностные характеристики более объективны и константны, то субъектная подструктура индивидуальности более функциональная, динамическая, вступающая в контакты с окружающим миром.

Индивидуальность, с точки зрения теории систем (Тога, Шуфорд, 1969), обладает свойствами как жесткой, так и дискретной структур, и ей свойственна иерархическая организация. Жесткие структуры имеют устойчивые связи компонентов, изменение одного из них влечет за собой изменение в остальных частях системы. Они обеспечивают большую организованность системы, они экономичнее, но, однако, трудно изменяются и легко дезорганизуются при выпадении даже одного звена в системе. Дискретные структуры менее устойчивы, в них отдельные компоненты связаны между собой менее жестко. Они обеспечивают компонентам системы большее число степеней свободы, что позволяет осуществлять всевозможную комбинаторику и приспособление. Высокоорганизованные системы обладают свойствами жесткой, но более выраженной дискретной структурой именно за счет свойств субъекта (субъектности). Становление целостности индивидуальности связано с установлением оптимального соотношения между ее компонентами и связями между ними.

В стрессовой ситуации проявляются главные тенденции жизнедеятельности человека: интеграция всех свойств человека как индивида, личности и субъекта деятельности. Индивидуальность не может не быть интегральной, так как описать все многообразие характеристик, относящихся к индивидуальным, личностным и субъектным особенностям индивидуальности практически невозможно, необходимо, в зависимости от вида деятельности, установить определенный континуум как по уровневым, так и по структурным характеристикам человека. Называть индивидуальность интегральной нет необходимости. Индивидуальность имманентно интегральна, а понятие «индивидуальность личности» вообще является тавтологичным.

Итак, субъект не является доминирующей характеристикой человека, не поглощает другие характеристики, влияющие на его развитие, а входит как равноправный наряду с другими (индивидуальными, личностными, социальными) компонентами, способствующими достижению необходимых результатов.

Литература

- Абульханова К. А.* Субъект и субъектность: проблема определения качеств // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 49–62.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
- Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968.

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта и его деятельность // Современная психология: Справочное руководство. М., 1999. С. 330–346.
- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. 3-е изд. М., 1989.
- Сергиенко Е. А.* Развитие идей А. В. Брушлинского: соотношение категорий субъекта и личности // Человек, субъект, личность в современной психологии. Т. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 41–44.
- Чуприкова Н. И.* Методология и история психологии // Методы и методология психологической науки. 2007. № 1. С. 51–60.

Subjectivity of individuality

I. A. Yurov (Moscow)

Candidate of psychology, Moscow Innovation University

The article notes that human activity manifests itself on the individual, psycho, personal and social levels, but subjectivity is characterized by individuality, which is a biopsychosocial entity characterized by integrity, indivisibility, the uniqueness of the qualities of each individual and the effectiveness of the activity. Individual and personal characteristics are more objective and constant, the subjectivity of individuality is more functional, dynamic, and comes into contact with the surrounding world.

Keywords: individual, subject, personality, individuality, subjectivity.

Раздел V

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Восприятие мира военнослужащими как опасного или безопасного

Б. С. Алишев (Казань), Р. И. Атагунов** (Новосибирск)*

** доктор психологических наук, профессор,
Казанский федеральный университет; e-mail: bulat.alishev@gmail.com
** Войсковая часть 29286; e-mail: po4amaila@inbox.ru*

В статье рассматриваются некоторые особенности восприятия российскими военнослужащими (проходящими службу по призыву и контракту, а также офицерами) окружающей реальности, образующей часть их образа мира. Показано, что для всех трех групп военнослужащих характерно представление о мире, в котором они живут, как о более безопасном, нежели опасном. Чем более безопасным они воспринимают мир, тем более они также убеждены в том, что мир основывается на сотрудничестве и взаимопомощи, а не на конкуренции. Представление о безопасности или опасности окружающего мира тесно связано с другими представлениями и убеждениями военнослужащих, в том числе с их представлениями о справедливости и благосклонности мира, с позитивным образом «я» и с жизненным оптимизмом. Результаты исследования свидетельствуют также о том, что различия в этих представлениях между служащими по призыву, по контракту и офицерами невелики.

Ключевые слова: образ мира, представления, восприятие мира как опасного или безопасного, восприятие мира как справедливого, диспозиционный оптимизм, военнослужащие.

Изучение особенностей образа мира и менталитета различных групп военнослужащих важно с разных точек зрения. Несмотря на то, что армия в целом подчинена политическому руководству страны, она выполняет важнейшие задачи по обеспечению безопасности страны. Люди, служащие в ней, — от высших командиров до солдат, — должны реагировать на возникающие угрозы. Поэтому очень важно

то, как они воспринимают окружающую реальность: видят ли они в ней серьезные угрозы и опасности, либо, напротив, она им кажется безопасной и дружелюбной. Важно также, насколько такие особенности их образа мира соответствуют реальному положению дел.

Понятие «образ мира» давно используется в психологической науке. В отечественной психологии оно впервые было использовано А. Н. Леонтьевым в статье «Психология образа». В ней он писал, что «в психологии проблема восприятия должна ставиться как *проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности*» (Леонтьев, 1979, с. 254). Эта многомерность, по его мнению, обусловлена тем, что образ мира не является чисто перцептивным феноменом. Он всегда существует в определенном «смысловом поле», а потому включает в себя, кроме образа в прямом смысле слова, «систему значений», т. е. объекты воспринимаются субъектом не только как таковые, в своей предметности, но и в их значении (там же, с. 253–254).

Развивая эти идеи, С. Д. Смирнов провел различие между «миром образов» — отдельных чувственных впечатлений, существующих в сознании человека, — и целостным «образом мира» (Смирнов, 1981), в котором он живет и действует. Ему же принадлежит наиболее известное определение, в соответствии с которым образ мира есть «целостная, многоуровневая система представлений человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности» (Смирнов, 1998). Следовательно, образ мира любого человека складывается из множества представлений, каждое из которых создает «картинку» какой-то маленькой части реальности (другого человека, предмета, социального объекта и т. д.) и содержит в себе некое субъективное значение. Что касается самих представлений, то в данной статье они понимаются как «ментальные образования различной степени сложности, целостности и точности... выполняющие функцию структурирования и объяснения действительности» (Алишев, 2014, с. 151).

Далее множество таких картинок образуют все более и более общие представления о целых классах объектов и их сочетаний, отношений между ними, об общностях людей и т. д. Таких уровней, видимо, может быть много, и точное их количество установить невозможно. Итак, образ мира можно представить в виде своеобразной многоуровневой пирамиды, в основании которой расположено большое количество элементов двух типов: представления-образы и представления-значения, привязанные к отдельным объектам, субъектам, их свойствам и отношениям между ними. Чем выше уровень пирамиды, тем меньше на нем элементов и первого, и второго типа, но они приобретают все более обобщенный характер.

В этой пирамиде особый интерес, с нашей точки зрения, вызывает взаимосвязь образов-представлений и образов-значений. Очевидно, что они относительно независимы друг от друга, т. е. каждому образу не соответствует одно-единственное, только ему присущее значение. Например, то, что А. Н. Леонтьевым было названо «системой значений», безусловно, включает в себя ценностные приоритеты личности, но у людей с разными ценностями могут формироваться одинаковые образы и наоборот. Поэтому в данном исследовании мы планируем рассмотреть один из аспектов указанной взаимосвязи. Во-первых, нас интересуют представления людей, занятых в весьма специфической сфере профессиональной деятельности (военнослужащие), об окружающем мире как опасном, содержащем в себе угрозу благополучию личности и референтных для нее социальных групп, или, наоборот, безопасном, дружественном. Во-вторых, мы собираемся проанализировать связь такого рода представлений с некоторыми другими убеждениями и верованиями.

В исследовании использовался ряд диагностических методик. Основной из них была выполненная О. А. Гулевич, О. А. Аникеенок и И. К. Безменовой (Гулевич, 2014) адаптация методик Дж. Даккита, позволяющая выявить, во-первых, убеждение личности об опасности или, напротив, безопасности окружающего мира, во-вторых, ее убеждение в том, что окружающий мир основан на конкуренции или, напротив, на сотрудничестве и кооперации людей. Возможные значения индивидуальных индексов по обоим шкалам методики колеблются в интервале между 12 (вера в безопасность и сотрудничество) и 60 (убежденность в опасности и конкурентности мира).

Дополнительно в исследовании использовались опросник веры в справедливый мир К. Далберт, русскоязычная версия которой принадлежит С. К. Нартовой-Бочавер, М. Б. Подлипняк и А. Ю. Хохловой (Нартова-Бочавер, 2013), тест жизненных ориентаций (шкала диспозиционного оптимизма) М. Шейера, Ч. Карвера и М. Бриджеса, переведенный на русский язык и адаптированный Т. О. Гордеевой, О. А. Сычевым и Е. Н. Осиным (Гордеева, 2010), и опросник базовых убеждений Р. Янов-Бульман в переводе и адаптации на русский язык М. А. Падун и А. В. Котельниковой (Падун, 2007). Первая из этих методик включает в себя две подшкалы: 1) вера в справедливость мира в целом, 2) вера в его справедливость «для меня». Возможный размах индивидуальных индексов в первом случае находится в интервале от 6 до 36, во втором – от 7 до 42. Шкала диспозиционного оптимизма имеет размах от 12 до 40 баллов, где более высокие значения соответствуют более выраженному оптимизму. Наконец, опросник Р. Янов-Бульман в использованной версии состоит из 5 шкал: шкала веры в благосклон-

ность мира (размах индексов от 9 до 45), вера в справедливость мира (6–30), вера в свой позитивный образ (7–35), вера в свою способность контролировать происходящее (7–35) и вера в удачу (8–40).

Выборку исследования составили 381 военнослужащий, среди которых было 140 призывников, 147 контрактников и 94 офицера (от лейтенантов до подполковников), проходящих службу в различных частях. Все опрошенные были мужчинами, при этом средний возраст первой группы равнялся 20,6 года, второй – 28,2 года, а третьей – 33,6 года. Все они были уроженцами разных регионов страны, но среди них значительно преобладали лица русской национальности (более 85%).

Проведенное исследование показало, что российские военнослужащие воспринимают окружающий мир в большей степени как безопасный, нежели опасный: средний индекс по выборке (33,4), а также по всем группам военнослужащих находится ниже теоретической средней, которая при данном размахе шкалы равна 36. Еще более низким является показатель веры в то, что мир основывается на конкуренции. Соответствующий индекс равен 26,9, что значительно ниже теоретической средней. Такой результат по данной шкале легко объясним, если учитывать, какое значение в воинском деле имеют тесное сотрудничество, взаимопомощь и взаимовыручка людей. Также необходимо отметить, что для всех групп военнослужащих характерны повышенные показатели по обоим субшкалам опросника К. Далберт, т. е. солдаты и офицеры в целом воспринимают мир как справедливо устроенный. Выше теоретических средних находятся показатели по всем шкалам теста базовых убеждений и по шкале диспозиционного оптимизма.

Отличия между тремя группами военнослужащих по всем измененным параметрам невелики. Интересно, что более схожими являются показатели у призывников и офицеров, а значительно отличаются от других групп контрактники, которые, например, больше, чем призывники и офицеры, верят в справедливое устройство мира, а также больше, чем призывники, верят в благосклонность мира и имеют более позитивный образ самих себя (в свою очередь, это может свидетельствовать об их большей уверенности в себе).

Далее в исследовании нами были выделены три группы военнослужащих с низкими (нижняя квартиль), средними и высокими (верхняя квартиль) показателями по шкале веры в опасный мир. В итоге в первую группу попали военнослужащие с индексом ниже 29, в третью – выше 38, остальные оказались в среднем интервале. Для всех выделенных групп были вычислены средние индексы по измерявшимся в исследовании переменным, а затем вычислялась статистическая достоверность различий между группами.

Проведенная таким образом группировка испытуемых продемонстрировала наличие очевидных различий в представлениях об окружающем мире у военнослужащих, воспринимающих его как опасный или, наоборот, безопасный. В первую очередь, необходимо обратить внимание на то, что вера в безопасность мира сопровождается верой в то, что он основан на сотрудничестве и взаимопомощи людей, более высоким уровнем веры в его справедливое устройство и в его благожелательность. Также важно то, что военнослужащие, воспринимающие мир как относительно безопасный, имеют более высокий уровень диспозиционного оптимизма и более позитивный образ «я». Во всех указанных случаях были обнаружены статистически достоверные по *t*-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$ различия между военнослужащими, воспринимающими окружающий мир как более безопасный и более опасный.

Эти результаты подтверждаются также данными корреляционного анализа (использовался линейный коэффициент корреляции Пирсона), которые свидетельствуют о следующем. Вера в опасность мира положительно и статистически значимо коррелирует с верой в то, что он основан на конкуренции ($r=0,201$) и отрицательно коррелирует со всеми остальными измерявшимися параметрами при том, что все они положительно коррелируют между собой с весьма высокими для выборки в 381 человек значениями коэффициента линейной корреляции (значение *r* колеблется в интервале от 0,277 до 0,577 при критическом значении, равном всего лишь 0,125 для $p \leq 0,01$).

Таким образом, исследование показало, что в целом для российских военнослужащих характерно представление о мире, в котором они живут, как о более безопасном, нежели опасном. Это представление сочетается с убежденностью в том, что он в большей степени основывается на сотрудничестве и взаимопомощи, а не на конкуренции и противоборстве. Представление о безопасности или опасности окружающего мира, по-видимому, является частью более общего представления о нем, поскольку оно тесно связано с другими представлениями и убеждениями личности, в том числе с ее представлениями о справедливости и благосклонности мира, с позитивным образом я и жизненным оптимизмом.

Литература

Алишев Б. С. Понятие *представление* в современной психологии // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2014. Т. 156. Кн. 6. С. 141–154.

- Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н.* Разработка русскоязычной версии теста диспозиционного оптимизма (ЛОТ) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 36–64.
- Гулевич О. А., Аникеенок О. А., Безменова И. К.* Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 2. С. 68–89.
- Леонтьев А. Н.* Образ мира // А. Н. Леонтьев. Избранные психологические произведения. В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С. 251–261.
- Нартова-Бочавер С. К., Подлипняк М. Б., Хохлова А. Ю.* Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых // Клиническая и специальная психология. 2013. № 3. С. 1–14.
- Падун М. А., Котельникова А. В.* Методика исследования базисных убеждений личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Смирнов С. Д.* Мир образов и образ мира // Вестник МГУ. Сер. 14. «Психология». 1981. № 2. С. 15–29.
- Смирнов С. Д.* Образ мира // Краткий психологический словарь / Ред.-сост. Л. А. Карпенко; Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 227.

The perception of the world as dangerous or safe by militaries

B. S. Alishev (Kazan), R. I. Atagunov** (Novosibirsk)*

* Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University

** Military unit 29286

The article examines some features of perception by Russian militaries (serving under the conscription and contract, as well as officers) of the surrounding reality, forming part of their image of the world. It is shown that all three groups of servicemen have the image of the world in which they live as more safe than dangerous. The more secure they perceive the world, they are also the more convinced that the world is based on cooperation and mutual assistance, rather than on competition. The idea of secure or dangerous world is closely linked with the other ideas and beliefs of the servicemen such as the idea of just world. The representation about the security or the danger of the surrounding world is closely related to other ideas and beliefs of servicemen, including their notions of justice and benevolent world, the positive image of “I” and optimism. The results of the study also indicate that the differences in these representations between militaries serving under the conscription and contract, and officers are not large.

Keywords: image of the world, representations, perception of the world as dangerous or safe, perception of the world as a just, dispositional optimism, militaries.

Копинг-стратегии и самоотношение работающих и неработающих пенсионеров норильского промышленного района

Л. В. Андреева (Норильск), Н. Н. Авдонина**
(Санкт-Петербург)*

** кандидат психологических наук, доцент, Заполярный филиал
Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина;
e-mail: lav2818@yandex.ru*

*** аспирант, Санкт-Петербургский университет
управления и экономики; e-mail: avdoninann@nk.nornik.ru*

В статье приведены результаты исследования такого структурного компонента самосознания, как самоотношение работающих и неработающих пенсионеров, и его связь со стратегиями поведения. Гипотеза исследования структуры личностного самоотношения у работающих и неработающих пенсионеров будет отличаться. Результаты эмпирического исследования показали, что у работающих пенсионеров более развита способность предвидеть последствия от общения в определенной ситуации, предсказать позитивность или негативность отношения, предвосхищать дальнейшие поступки и действия людей. Включенность в трудовую (профессиональную) деятельность пенсионеров влияет на ожидания отношения к себе, т. е. работающие и неработающие пенсионеры по-разному предвидят и воспринимают отношение к себе. В исследовании также обнаружено влияние включенности в трудовую (профессиональную) деятельность работающих пенсионеров на принятие ответственности, т. е. признание одной из категорий пенсионеров своей роли в проблеме с сопутствующей программой ее решения.

Ключевые слова: работающие пенсионеры, неработающие пенсионеры, сознание, самосознание, самоотношение, личность, «Я-концепция», стратегии совладающего поведения.

В настоящее время проблема социально-психологической адаптации работающих и неработающих представителей поздней взрослости является одной из самых актуальных не только для психологической науки, но и для общества в целом. Это обусловлено тем, что психологический комфорт и устойчивость большой группы представителей поздней взрослости, которая увеличивается в последние десятилетия, служат важными показателями общественного устройства и фактором социальной стабильности

Разработанность проблемы социально-психологической адаптации пожилых людей, окончивших трудовую деятельность, и управление этим процессом в России находится пока в начальной стадии.

Социально-психологическая адаптация пожилых людей выражается в приспособленности личности к процессу старения и степени позитивности восприятия ситуации старения. К социально-психологической адаптации также можно отнести и адаптацию к восприятию новой роли и социальную идентичность. Процесс социально-психологической адаптации во многом связан с кризисом возраста поздней взрослости, или предпенсионным кризисом. Данный кризис в современной психологии принято соотносить с возрастным промежутком 55–65 лет. Таким образом, в качестве основной детерминанты подчеркивается такой социальный фактор, как прекращение регулярной трудовой деятельности. А. А. Реан с коллективом авторов в своей работе выделяют два вида процесса старения: адаптивный и неадаптивный (Психология человека от рождения до смерти, 2002).

Действительно, выход на пенсию сопровождается обычно рядом сопутствующих фактов: изменением образа жизни, потерей социальной роли, сужением круга общения, ухудшением материального положения. В связи с этим данный период оказывается весьма трудным для пожилых людей, вызывая негативные переживания и эмоции. Тем не менее, длительность и выраженность этих переживаний зависят в большей степени от личности индивида и характера протекания социально-психологической адаптации пенсионера к новому статусу. Психологическая адаптация определяется как процесс оптимального взаимодействия личности и окружающей среды в ходе осуществления свойственной человеку деятельности (Ларионова, 2003). Человек удовлетворяет актуальные потребности и реализовывает связанные с ними значимые цели, обеспечивая в то же время соответствие психической деятельности человека и его поведения требованиям окружающей среды (Александрова, 1974).

В нашем исследовании были изучены копинг-стратегии и самоотношение работающих и неработающих пенсионеров. Целью

исследования являлось изучение психосоциальных особенностей работающих и неработающих представителей поздней взрослости Норильского промышленного района. Объектом — психосоциальные особенности представителей поздней взрослости. Предметом — выраженность взаимообусловленности копинг-стратегий и самоотношения в группе работающих и неработающих представителей поздней взрослости. Гипотеза исследования: структура личностного самоотношения у работающих и неработающих пенсионеров будет отличаться.

В качестве методов выступили теоретический анализ психологической литературы по проблеме исследования, эксперимент. Психодиагностические методики: опросник «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус), опросник Плутчика—Келлермана—Конте «Индекс жизненного стиля», тест-опросник самоотношения (Столин—Пантелеев).

Эмпирическое исследование было проведено в г. Норильске. В качестве испытуемых выступили работающие и неработающие пенсионеры, в общем количестве 143 чел.

В группе работающих пенсионеров было 95 чел., среди которых 75 женщин и 15 мужчин. Вторую группу составили неработающие пенсионеры в количестве 48 чел., среди которых было 30 женщин и 18 мужчин.

Характеризуя выборку, можно сказать, что работающие пенсионеры продолжают работать уже в течение многих лет: 29% работают на пенсии более десяти лет, в то время как неработающие пенсионеры, в большинстве своем, после выхода на пенсию по возрасту оставили свою трудовую деятельность. Работающие пенсионеры четко осознают, что еще будут работать, чтобы построить жилье (себе, детям, внукам) либо просто любят работать в Норильске (70%). 50% неработающих пенсионеров и 7% работающих затруднились ответить, будут ли работать еще. Работающие пенсионеры ощущают себя гораздо моложе своего паспортного возраста: 76% работающих пенсионеров против 42% неработающих пенсионеров; они чувствуют прилив жизненных сил и энергии.

При рассмотрении взаимосвязи личностных показателей «Я-образа» (шкалы по опроснику самоотношения) со стратегиями поведения (шкалы по опроснику «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус)), в группе работающих пенсионеров выявились следующие положительные значимые корреляции: поиск социальной поддержки связан с принятием ответственности ($r=0,57$ при $p\leq 0,01$), планированием решения проблемы ($r=0,51$ при $p\leq 0,004$), положительной переоценкой ($r=0,47$ при $p\leq 0,008$), конфронтацией ($r=0,60$

при $p \leq 0,0001$), самоинтересом ($r=0,64$ при $p \leq 0,0001$), ожидаемым отношением от других ($r=0,52$ при $p \leq 0,003$).

Такая стратегия поведения как поиск социальной поддержки у работающих пенсионеров взаимосвязана с принятием ответственности, планированием решения проблемы, положительной переоценкой, конфронтацией, самоинтересом, ожидаемым отношением от других.

Прилагаемые усилия в поиске информационной, действенной и эмоциональной поддержки во многом зависят от таких факторов, как: признание своей роли в проблеме с сопутствующей программой ее решения; усилия по созданию положительного значения с фокусированием внимания на росте собственной личности; от произвольных проблемно-фокусированных усилий по изменению ситуации, включающих аналитический подход к проблеме; даже в какой-то мере агрессивных усилий по изменению ситуации, предполагающих определенную степень враждебности и готовности к риску; в чутком восприятии самого себя, уверенности в своей интересности для других; тонкого чувства полюса общения и отношения к ним.

В группе неработающих пенсионеров мы обнаружили также положительную корреляцию активной поведенческой стратегии поиска социальной поддержки с положительной переоценкой ($r=0,55$ при $p \leq 0,04$), самоинтересом ($r=0,71$ при $p \leq 0,004$) и самопринятием ($r=0,61$ при $p \leq 0,02$).

Чем чаще (для эффективного разрешения проблемы) неработающие пенсионеры обращаются за помощью и поддержкой к окружающим их людям, тем большую значимость собственной личности они ощущают, подобную взаимосвязь мы обнаружили и у работающих пенсионеров.

Так же как и в группе работающих пенсионеров, фактор поиска социальной поддержки связан с фактором самоинтерес, т. е. чем чаще пожилые люди обращаются за помощью к значимым людям, семье или друзьям, тем устойчивее у них уверенность в своей интересности для других.

Однако необходимо отметить, что в группе неработающих пенсионеров мы обнаружили взаимосвязь фактора «Поиск социальной защиты» со шкалой «Самопринятие», чего не было обнаружено в группе работающих, т. е. чем большее обращаются за помощью, тем большее одобрение и доверие у самих себя они вызывают.

В проведенном нами исследовании психосоциальных особенностей лиц зрелого возраста (пенсионеров) показано, что личностные свойства (самоотношение, стратегии поведения, защитные механизмы) имеют социальную обусловленность (реализация профессиональной деятельности).

Таким образом, ключевым звеном в структуре личности пенсионеров оказался поиск социальной поддержки. Для пенсионеров, реализующих себя в профессиональной деятельности, поиск социальной поддержки взаимосвязан, кроме положительной переоценки и самоинтереса, еще и с такими личностными характеристиками, как принятие ответственности, планирование и ожидаемое отношение от других.

В свою очередь, такая стратегия поведения, как планирование, включающая аналитический подход к проблеме, взаимосвязана с копинг-стратегией разрешения проблемы ($r=0,75$, при $p \leq 0,000$) и такими защитными механизмами, как: рационализация ($r=0,42$, при $p \leq 0,02$) и компенсация ($r=0,45$, при $p \leq 0,01$).

У работающих пенсионеров более развита способность предвидеть последствия от общения в определенной ситуации, предсказать позитивность или негативность отношения, предвосхищать дальнейшие поступки и действия людей.

Предположение о том, что неработающим пенсионерам характерно поведение, выраженное в упорном нежелании признать факт существования травмирующих факторов, а также игнорирование их или восприятие реальности соответственно своим представлениям, а именно: неработающие пенсионеры мысленно стремятся и прилагают поведенческие усилия, направленные к бегству или избеганию проблемы. В то время как работающие пенсионеры способны реально оценить ситуацию и их сознательное поведение направлено на активное изменение, преобразование ситуации, поддающейся контролю, или на приспособление к ней, если ситуация не поддается контролю. Это свидетельствует о том, что работающие пенсионеры предпринимают значительные усилия для роста собственной личности, что включает также и религиозное измерение. В некоторых случаях человек может самостоятельно справиться с возникшими трудностями, в других ему требуется поддержка окружающих, в-третьих, он просто может избежать столкновения с проблемной ситуацией, заранее подумав о ее негативных последствиях. Сеем предположить, что невроз, сопутствующий гиперкомпенсации, свидетельствует о постановке неработающими пенсионерами сверхъестественных целей.

При этом характерно состояние, когда мнимое ощущение собственного величия приводит в минуты прозрения к полной апатии. Также важно отметить, что гиперкомпенсация оказывает не только негативное, но и положительное воздействие на человека: определенная компенсация, дающая не просто чувство избавления от характерного для человека комплекса, но и оказывающая решающее

действие, позволяющая достичь результата, занять более гармоничную позицию.

Полученные результаты факторного анализа можно интерпретировать следующим образом: включенность в трудовую (профессиональную) деятельность пенсионеров влияет на ожидания отношения к себе, т. е. работающие и неработающие пенсионеры по-разному предвидят и воспринимают отношения к себе. В исследовании также обнаружено влияние включенности в трудовую (профессиональную) деятельность работающих пенсионеров на принятие ответственности, т. е. признание одной из категорий пенсионеров своей роли в проблеме с сопутствующей программой ее решения.

В проведенном исследовании психосоциальных особенностей лиц зрелого возраста (пенсионеров) показано, что личностные свойства (самоотношение, стратегии поведения, защитные механизмы) имеют социальную обусловленность (реализация профессиональной деятельности).

В современной России большинство населения считает экономическую и политическую ситуацию настолько нестабильной, что опасается планировать свою жизнь на длительную перспективу. Отсутствие перспективных жизненных планов свидетельствует о массовом психологическом неблагополучии людей.

Литература

- Александрова М. Д.* Проблемы социальной и психологической геронтологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974.
- Волынская Л. Б.* Социокультурная и личностная адаптация человека на различных стадиях жизненного цикла: Учеб. пособие. М.: Флинта—НОУ ВПО «МПСи», 2012.
- Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А. А. Реан. СПб.: Питер-пост, 2002.
- Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А. А. Реана. СПб.: Прайм—Еврознак, 2004.
- Ларионова С. А.* Социально-психологическая адаптация личности: теоретическая модель и диагностика. М., 2003.

Coping strategies and self-attitude working and not working elderly persons Norilsk industrial area

*L. V. Andreeva** (Norilsk), *N. N. Avdonina*** (St Petersburg)

* Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Polar branch of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin

** Graduate Student, St Petersburg University of Management
and Economics

The results of a study of this structural component of consciousness as self-attitude working and not working elderly persons and his relationship with those behaviors. Hypothesis research structure personal self-relations working and not working elderly persons will be different. The results of empirical studies have shown that working elderly persons have more developed ability to anticipate consequences of communication in a certain situation, predict the positivity or negativity of attitude, anticipating further deeds and people's actions.

Keywords: working elderly persons, non-working elderly persons, consciousness, self-consciousness, self-attitude, personality, "I-concept", coping strategies.

Современные подходы к исследованию эмоционального выгорания матерей

Л. А. Базалева, Е. Н. Бердникова** (Сочи)*

** кандидат психологических наук, Сочинский государственный университет;
e-mail: lbazaleva@mail.ru*

*** магистрант, Сочинский государственный университет;
e-mail: leesiemens@yandex.ru*

Многочисленные стресс-факторы, постоянно присутствующие в повседневной жизни женщины, воспитывающей детей, оказывают серьезное воздействие на ее психику и личность, приводя к нарушению детско-родительского взаимодействия при выполнении родителями деятельности по заботе о детях, их воспитанию и развитию. В последнее десятилетие некоторые исследователи выделяют психологические негативные переживания и дезадаптивное поведение матери в так называемый синдром эмоционального выгорания матерей, который характеризуется эмоциональным истощением, отстраненностью и неудовлетворением своей родительской ролью. Статья посвящена описанию феномена материнского эмоционального выгорания и факторов, влияющих на его развитие. Приводятся результаты проведенного нами исследования.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, материнское выгорание, хронический стресс, материнство, детско-родительские отношения.

Проблема психологического здоровья матерей является одной из наиболее актуальных проблем современной психологии. Реалии современности диктуют новую модель материнства и новые условия, в которых происходит воспитание детей. Это высокий темп жизни, нехватка времени, изолированный быт без помощников, социальная оценка, зачастую экономические проблемы, необходимость работать, сложность возникающих педагогических ситуаций.

Воздействие многочисленных стрессогенных факторов материнства, а также влияние внешних условий, как социальных, так и внутрисемейных, в сочетании с определенными личностными факторами, вызывает накопление у женщины усталости и изнеможения, что ведет к ее истощению и, как следствие, к особым деформациям психики, которые могут быть охарактеризованы как синдром эмоционального выгорания.

Эмоциональным выгоранием принято называть состояние эмоционально-психического и физического истощения, возникающее в результате хронического стресса, связанного с профессиональной деятельностью. Традиционно в научной психологической литературе этот термин используется по отношению к людям, занятым в социальной сфере, чья работа тесно связана с частыми и интенсивными контактами с людьми.

Случаи выгорания впервые были описаны и проанализированы американским психотерапевтом Х. Дж. Фрейденбергом в 1974 г., которому также принадлежит авторство термина «выгорание» (*англ.* burnout). В 1976 г. К. Маслач начала изучение синдрома выгорания, которое сложилось в концепцию, которая до сих пор превалирует в мировой науке. К. Маслач рассматривает выгорание как психологический синдром, который включает в себе три ключевых симптома: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений (Maslach et al., 2001).

Нельзя не заметить, что выполнение материнских функций, сопровождающееся серьезными эмоциональными и физическими нагрузками, стрессами, связанными с постоянным контактом с ребенком, высокой степенью ответственности, тревогой за его благополучие и постоянным ненормированным трудом, сопоставимо с трудовой деятельностью специалистов «помогающих» профессий.

Исходя из этого, появилась необходимость и возможность исследования феномена эмоционального выгорания применительно к матерям, рассматривая его как «динамический симптомокомплекс состояния физического и эмоционального истощения, который в каждый отдельный момент своего развития может быть диагностирован как напряжение, резистенция или истощение эмоций» (Базалева, 2010; Базалева, Смирнова, 2016).

Проблема в настоящий момент остается малоизученной. В отличие от тысяч научных трудов, посвященных профессиональному эмоциональному выгоранию, количество публикаций по проблемам эмоционального выгорания в родительской сфере сводится к исследованиям Л. А. Базалевой (2009) и И. Н. Ефимовой (2013), разработавших авторские диагностические методики, а также работам

групп специалистов, занимающихся вопросами оказания психологической помощи родителям тяжелобольных детей (Ю. В. Попов, К. В. Кмить (2012), Е. В. Фисун, В. Г. Поляков и С. В. Климова (2013)).

В зарубежной науке попытки изучения феномена родительского выгорания начались в конце прошлого тысячелетия (Pelsma, 1989), которые продолжились в XXI веке применительно к родителям детей, страдающих от тяжелых заболеваний (Norberg, 2007, 2014; Lindström, Aman, 2011). В 2017 г. проблема привлекла внимание широкой общественности, когда вышли в свет исследования бельгийских ученых I. Roskam, М.-Е. Raes, М. Mikolajczak (Roskam, 2017).

Следуя за концепциями профессионального выгорания, исследователи описывают две модели родительского выгорания:

- факторную, рассматривающую синдром выгорания через его основные компоненты: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию родительских достижений (И. Н. Ефимова, I. Roskam, М.-Е. Raes, М. Mikolajczak);
- процессуальную, определяющую выгорание как динамический процесс, развивающийся во времени и имеющий определенные фазы: напряжения, резистенции и истощения (Л. А. Базалева).

И. Н. Ефимова считает, что родительское выгорание происходит из-за усталости, эмоциональной и физической перегруженности. Большую роль играют повышенная ответственность за выполняемые материнские функции и интенсивное переживание вины за свои родительские неудачи, а также следующие личностные особенности матери: низкая познавательная активность, низкая мотивация к самоактуализации, невысокий уровень альтруизма и проч. (Ефимова, 2013, 2014).

Л. А. Базалева в своих исследованиях подробно описывает личностные факторы эмоционального выгорания, разделяя их на внешние (объективные) и внутренние (субъективные).

К внешним факторам следует относить содержательные нагрузки женщины по уходу за своим ребенком (включая воспитание, обучение, развитие) и социально-психологические условия ее материнской деятельности, среди которых:

- хроническая напряженная психоэмоциональная деятельность;
- дестабилизирующая организация деятельности (нечеткое планирование материнского труда, противоречия, с которым связана деятельность);
- повышенная ответственность за исполняемые функции и операции (режим постоянного внешнего и внутреннего контроля);

- психологические трудности ребенка (дети с аномалиями характера, нервной системы и с задержками психического развития, педагогически запущенные дети) (Базалева, 2010).

К внутренним (личностным) факторам эмоционального «выгорания» Л. А. Базалева относит черты личности матери, определяющие ее отношение к функциям материнства как к деятельности (например, излишняя самокритика, повышенная эмоциональная лабильность) и характер отношения к ребенку как своеобразному «предмету» труда женщины как матери и в то же время – субъекту их взаимоотношений (эмоциональная дистанция с ребенком, его отвержение, высокий уровень тревожности, низкий уровень удовлетворенности матери отношениями с ребенком и пр.) (Базалева, Смирнова, 2016).

Разрабатывая в своих исследованиях процессуальную модель синдрома эмоционального выгорания матерей, Л. А. Базалева опирается на концепцию В. В. Бойко, который считает, что эмоциональное выгорание – это динамический процесс, и возникает он поэтапно, в полном соответствии с механизмом развития стресса (Базалева, 2010).

Она отмечает, что в динамике развития эмоционального выгорания прослеживаются все три фазы стресса:

- 1) нервное (тревожное) напряжение, которое создают хроническая психоэмоциональная атмосфера, дестабилизирующая обстановка, повышенная ответственность, трудность контингента; эта фаза служит предвестником и «запускающим» механизмом в формировании эмоционального выгорания. Стадия включает в себя симптомы «осознания проблем взаимодействия с ребенком», «неудовлетворенности собой», «загнанности в клетку», «тревоги»;
- 2) резистенция, т. е. сопротивление, начинается с момента появления тревожного напряжения. Женщина осознанно или бессознательно стремится к психологическому комфорту, старается снизить давление внешних обстоятельств с помощью имеющихся в ее распоряжении средств. Для этой фазы характерны симптомы «избирательного эмоционального реагирования», «эмоционально-нравственной дезориентации», «расширения сферы экономики эмоций», «редукции материнского взаимодействия»;
- 3) истощение, которое сопровождается оскудением психических ресурсов, снижением эмоционального тонуса, наступающим вследствие того, что проявленное сопротивление оказалось неэффективным и ослаблением нервной системы. Этой стадии присущи симптомы «эмоционального дефицита», «эмоциональной

отстраненности», «личностной отстраненности», «психосоматических нарушений» (Базалева, 2010; Базалева, Смирнова, 2016).

Каждая из фаз эмоционального «выгорания» характеризуется определенным комплексом сопутствующих личностных черт: фазу «напряжения» сопровождают депрессивность, напряженность, тревожность матери; фазу «сопротивления» — избегание впечатлений и непонимание; фазу «истощения» — отсутствие настойчивости матери.

Универсальной чертой личности матери, сопутствующей всем фазам эмоционального «выгорания», является равнодушие. Общему уровню эмоционального выгорания сопутствуют следующие черты: избегание впечатлений, равнодушие, излишняя самокритика, консерватизм, эмоциональная лабильность, отсутствие настойчивости и артистичности (Базалева, 2010; Базалева, Смирнова, 2016).

И. Н. Ефимова, основываясь на трехкомпонентной модели выгорания С. Maslach, выделяет соответствующие специфические характеристики симптомов родительского выгорания:

- эмоциональное истощение проявляется в эмоциональном перенапряжении, утрате интереса к собственным детям и к окружающему в целом, в чувстве опустошенности или эмоциональном перенасыщении, истощенности собственных эмоциональных ресурсов. Дети, их проблемы, потребности, переживания перестают волновать родителей, которые больше не могут заботиться о детях и общаться с ними с полной самоотдачей;
- деперсонализация—дегуманизация (обесценивание) — представляет собой постепенно усиливающееся бездушное, циничное отношение к детям, к их чувствам и эмоциям. Контакты у родителя с детьми становятся обезличенными и формальными: возникает снижение эмпатии, потеря отзывчивости, соучастия; забота о детях сводится к обеспечению необходимого минимума;
- редукция родительских достижений — снижение чувства компетентности в выполнении своей родительской роли, недовольство собой, негативное самовосприятие выполнения своих родительских обязанностей. У родителей часто возникает чувство вины и собственной несостоятельности, понижается самооценка, по-является безразличие к детям (Ефимова, 2013, 2014).

Чтобы подробнее изучить данную проблему, нами было проведено исследование, целью которого стало изучение изменений эмоциональной сферы в результате хронического стресса у матерей.

В работе использовались две существующие отечественные методики:

1. Методика диагностики эмоционального выгорания для матерей Л. А. Базалевой.
2. Методика диагностики родительского выгорания И. Н. Ефимовой.

Опросники представляют собой отражение двух наиболее популярных моделей выгорания: факторную, рассматривающую синдром выгорания через его основные компоненты, и процессуальную, рассматривающую выгорание как динамический процесс, развивающийся во времени и имеющий определенные фазы. Для большей объективности исследования была подсчитана конвергентная валидность двух тестов путем сравнения результатов, полученных по двум методикам. Исследование корреляции между двумя методиками показало значимую среднюю корреляцию между большей частью показателей, что свидетельствует о близости двух методик.

Объектом изучения явились 42 женщины, воспитывающие детей раннего и дошкольного возраста от 24 до 46 лет, с различным семейным положением и занятостью, воспитывающих от 1 до 4 детей в возрасте от 0,5 до 14 лет.

Выборка была разделена на 2 группы по возрасту детей. В первую группу мы включили матерей, воспитывающих детей дошкольного возраста от 3 до 7 лет, во вторую — детей раннего возраста от 1 года до 3 лет.

В целом, по результатам можно проследить негативную динамику выгорания: в обеих группах количество женщин со складывающимися или сложившимися симптомами возрастает от фазы к фазе, причем в группе матерей дошкольников показатели выше (исключение составляют отдельные симптомы — осознания проблем с ребенком и редукции материнского взаимодействия). У матерей детей от 1 до 3 лет средний балл, приближенный к критическому значению, показал только один симптом — симптом тревоги, проявляющийся на первой фазе напряжения.

Обратил на себя внимание тот факт, что наиболее высокий процент матерей в обеих группах страдает от нарушений в эмоциональной сфере (симптомы эмоциональной отстраненности и избирательного эмоционального реагирования), тревоги и неудовлетворенности собой.

Отсутствие выгоревших матерей, а также меньшее количество со складывающимся фазами резистенции и истощения в группе матерей детей раннего возраста позволило предположить, что, по мере взросления ребенка, влияние психотравмирующих факторов возрастает, а значит, выгорание переходит в более высокую фазу. Со време-

нем более выраженная у обеих групп фаза напряжения перерастет в сопротивление, а складывающиеся симптомы — в сложившиеся.

Уровень сформированности симптомов эмоционального дефицита, избирательного эмоционального реагирования и тревоги приближен к максимальному значению в обеих группах. Это дало основания полагать, что «запускающим» механизмом на первоначальном этапе служит тревожность. Женщина начинает ограничивать эмоции в контактах с ребенком, выборочно откликаясь на его потребности и состояния. Такая «экономия» приводит к формированию эмоциональной защиты: снижается эмпатия, выражаются в основном отрицательные эмоции.

Корреляционный анализ данных, полученных по двум методикам, выявил прямые положительные взаимосвязи между отдельными симптомами, уровнями сформированности отдельных фаз и общим уровнем выгорания и социодемографическими показателями (количеством детей, возрастом матери, стажем материнства), тогда как статистически выраженных взаимосвязей с данными о семейном положении и занятости матерей не было обнаружено.

Исследования подтвердили значимые различия между показателями как общего уровня выгорания, так и его отдельных симптомов (неудовлетворенности собой, тревоги, эмоционального дефицита и эмоционального реагирования). Отсюда следует вывод, что «маркером» начала формирования синдрома эмоционального выгорания служат изменения в эмоциональной сфере, складывающиеся вследствие неудовлетворенности собой и своей материнской роли и возрастающей тревоги за ребенка.

Полученные результаты дали возможность проследить процесс динамики материнского выгорания на его начальной стадии и подтвердили поэтапное формирование фаз от напряжения к истощению.

Перспективным, на наш взгляд, было бы дальнейшее более глубокое исследование изучения феномена эмоционального выгорания в родительской сфере, что позволило бы разработать ряд необходимых мер по предотвращению, раннему выявлению и коррекции уже сформировавшегося выгорания у матерей. Это позволит предупредить или в значительной мере снизить риск личностной деформации матери и ребенка, а также улучшить микроклимат в семье.

Литература

Базалева Л. А. Личностные факторы эмоционального «выгорания» матерей в отношениях с детьми: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. С. 26.

- Базалева Л. А., Смирнова А. А.* Специфика отношений в системе мать—ребенок // Человек. Искусство. Вселенная. 2016. № 1. С. 231–240.
- Бойко В. В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Филинь, 1996.
- Ефимова И. Н.* Возможности исследования родительского «выгорания» // Вестник МГОУ. Сер. «Психологические науки». 2013. № 4. С. 31–40.
- Ефимова И. Н.* Роль системного профиля мотивации в развитии родительского выгорания // Системная психология и социология. 2014. № 1 (9). С. 39–48.
- Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. P.* Job burnout // Annual Rev. Psychol. 2001. V. 52. P. 397–422.
- Roskam I., Raes M.-E., Mikolajczak M.* Exhausted Parents: Development and Preliminary Validation of the Parental Burnout Inventory // Front. Psychol. 09 February 2017.

Modern approaches to the study emotional burnout of mothers

L. A. Bazaleva, E. N. Berdnikova ** (Sochi)*

* candidate of psychology, Sochi State University

** undergraduate, Sochi State University

Numerous stress factors constantly present in the daily life of women raising children, ensuring a serious impact on her psyche and personality, leading to a violation of child-parent interaction in the performance of parents in the activities of caring for children, their upbringing and development. In the last decade, some researchers have isolated psychological negative experiences and maternal disadaptive behavior in the so-called emotional burnout syndrome of mothers, characterized by emotional exhaustion, detachment and dissatisfaction with their parental role. The article is devoted to the description of the phenomenon of maternal emotional burnout and factors not influencing its development. The results of our study are presented.

Keywords: emotional burnout, maternal burnout, chronic stress, motherhood, child-parent relations.

Особенности коммуникативной компетентности у молодых людей, склонных к формированию зависимости от интернет-общения

Т. Б. Беляева, П. И. Беляева** (Великий Новгород)*

** кандидат психологических наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; e-mail: tatjana_belyaeva@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; e-mail: taeyang85@gmail.com*

Проблема исследования заключается в изучении влияния опосредованного общения молодых людей через сеть Интернет на процесс налаживания контактов с окружающими в реальном мире. Большинство испытуемых, независимо от наличия или отсутствия склонности к формированию зависимости от интернет-общения, обнаружили высокий уровень коммуникативной компетентности и коммуникабельности, однако имеются различия в коммуникативном поведении. Молодые люди со склонностью к формированию зависимости от интернет-общения обладают большей гибкостью в различных коммуникативных ситуациях, в отличие от молодых людей, не имеющих такой склонности. Люди, не имеющие склонности к формированию зависимости от виртуального общения, в целом ведут себя более сдержанно и пассивно в различных ситуациях контакта с другими людьми. Молодые люди со склонностью к зависимости от интернет-общения чаще используют виртуальную среду для общения, в связи с этим они не выражают готовности к контакту с виртуальными друзьями в реальности.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, интернет-общение, интернет-зависимость, аддиктивное поведение, типы реагирования в ситуации беседы.

В современном мире происходит интенсивный процесс информатизации общества. Умение пользоваться современными информа-

ционными технологиями является одним из требований, предъявляемых современному человеку как в профессиональном, так и в межличностном общении. В связи с этим актуальным является вопрос коммуникативной компетентности у современных молодых людей, активных пользователей сети Интернет, так как компетентность в общении является необходимым условием становления человека как полноправного члена общества, обеспечивающим эффективное деловое, профессиональное, межличностное взаимодействие.

Проблема

Раннее приобщение детей к пользованию компьютером, распространенность компьютерных игр, использование компьютера в качестве средства обучения, возможность работы в сети Интернет в рамках образовательного процесса и не только, развитие дистанционного образования – все эти факторы оказывают определенное влияние на психику и личностные особенности человека. Коммуникативное взаимодействие людей все чаще становится опосредованным. В настоящее время в сети Интернет происходит интенсивное экспериментирование с анонимностью, от предельного самораскрытия с элементами эксгибиционизма до обмана, манипулирования и попыток фактически управлять мнением о себе (Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития, 2009). Общение в сети не требует использования невербальных сигналов, собственные эмоции собеседники могут скрыть, либо проявляют их с помощью «смайлов». Возникает вопрос, может ли вследствие привыкания молодых людей к такому специфическому виду общения затрудниться процесс налаживания контактов с окружающими в реальном мире? Ведь определенные свойства, присущие Интернету, делают его аддиктивным агентом (Мандель, 2014). Легкость налаживания контактов у некоторых пользователей приводит к развитию навязчивой потребности проводить все больше свободного времени в сети, некоторые пользователи начинают отдавать предпочтение именно такому способу коммуникации, что может привести к сужению круга общения в реальной жизни, а также к появлению трудностей в непосредственной коммуникации. Зависимость от интернет-общения, которую можно наблюдать у большого количества пользователей, на сегодняшний день является серьезной проблемой, так как она в настоящее время относится к одному из видов аддиктивного поведения.

Интернет-аддикция почти единогласно признается негативным направлением трансформации личности (Интернет-зависи-

мость: психологическая природа и динамика развития, 2009). Во многих психологических словарях интернет-зависимость определяют как психическое расстройство, навязчивое желание подключиться к Интернету и болезненная неспособность вовремя отключиться от Интернета (Войскунский, 2008).

Поскольку зависимость от интернет-общения является одним из видов интернет-зависимости, ей присущи симптомы, выделенные А. Е. Войскунским, среди которых можно отметить неспособность и активное нежелание отвлечься от общения в Интернете, а уж тем более прекратить общение; досаду и раздражение, возникающие при вынужденных отвлечениях; готовность лгать друзьям и членам семьи, преуменьшая длительность и частоту общения в Интернете; способность и склонность забывать при общении в Интернете о домашних делах, учебе или служебных обязанностях, важных личных и деловых встречах, пренебрегая занятиями или карьерой; нежелание принимать критику подобного образа жизни со стороны близких и др. (Войскунский, 2008). Р. Ф. Теперик подчеркивает, что нарушения общения при интернет-зависимости проявляются в виде нарушения эмоционального компонента общения, снижения способности улавливать эмоциональное состояние партнера и снижения способности распознавать невербальные аспекты коммуникации (Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития, 2009).

Основными пользователями Интернета в России в настоящее время, по данным социологических опросов, являются молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет. Данная возрастная группа более всего предрасположена к формированию зависимости от интернет-общения, что объясняется тем, что большую часть этой категории составляют студенты, являющиеся активными пользователями всемирной паутины в силу своих потребностей в общении, а также связанных с учебным процессом.

Как отмечают Ю. Д. Бабаева и А. Е. Войскунский, сама по себе возможность общения с помощью интернет-коммуникации – момент позитивный. Однако при этом закрепляются редуцированные способы формирования образа коммуникативного партнера. Негативные явления, формируемые интернет-коммуникацией, могут распространяться и на традиционные формы общения (Бабаева, Войскунский, 1998).

Эмпирическое исследование

В нашем исследовании приняли участие: молодые люди (юноши и девушки) в возрасте 20–30 лет, всего 56 чел.

В исследовании использовались следующие методики: тест коммуникативных умений Л. Михельсона, тест В. Ф. Ряховского, определяющий уровень общительности, шкала интернет-зависимости Чена (шкала CIAS), анкета. Сравнительный анализ особенностей коммуникативной сферы участников исследования осуществлялся на основе U-критерия Манна–Уитни. Различия считались достоверными на уровне значимости не ниже $p=0,05$.

Были получены следующие результаты. По шкале интернет-зависимости Чена из 56 испытуемых 43,8% опрошенных не имеют склонности к возникновению зависимости от интернет-общения; эти испытуемые составили контрольную группу исследования. 56,2% опрошенных имеют склонность к формированию зависимости от интернет-общения, они были отнесены к экспериментальной группе. Результаты, полученные путем анкетирования, подтвердили выводы о том, что в целом молодые люди, имеющие склонность к формированию зависимости от интернет-общения, чаще прибегают к общению, опосредованному сетью Интернет, посещают социальные сети, чем контрольная группа. Некоторые представители экспериментальной группы отмечают определенное влияние общения в сети Интернет на их коммуникации с окружающими, указывая, что стали меньше общаться с друзьями, либо что виртуальное общение заменяет им взаимодействие в реальности. Также имеются различия в желании контактировать с интернет-знакомыми в реальной жизни: среди представителей контрольной группы более выражено стремление налаживать контакты вне виртуального пространства. Можно также отметить, что испытуемые экспериментальной группы обладают большей гибкостью в интернет-общении (склонны подстраиваться под собеседника, используют несколько «никнов», могут менять стиль общения). Можно предположить, что различия между группами определяются разницей потребности в коммуникативных контактах. Чем больше выражена потребность в общении, тем больше способов человек приемлет для осуществления своих намерений (непосредственный контакт, общение посредством сети Интернет и пр.), а также тем больше он склонен проявлять гибкость в общении. В то же время индивид, не имеющий высокой потребности в общении, может быть более требовательным и принципиальным в отношении к различным способам коммуникации, отдавать предпочтение непосредственному контакту с людьми.

По результатам нашего исследования основная масса респондентов как в контрольной, так и в экспериментальной группе имеет выраженный компетентный стиль общения. Уровень коммуникативности в целом среди представителей контрольной и экспери-

ментальной групп не имеет значимых различий. Большинство полученных эмпирических значений по U-критерию Манна–Уитни находятся в зоне незначимости, за исключением некоторых аспектов коммуникативной компетентности. Значимые различия были обнаружены по типам реагирования в ситуациях беседы ($U_{\text{эмп.}}=61$ при $p=0,05$).

78% испытуемых со склонностью к зависимости от интернет-общения имеют ярко выраженный компетентный стиль общения. Это говорит о наличии развитых навыков ведения беседы с другими людьми, легкости ориентации в различных коммуникативных ситуациях. Среди респондентов контрольной группы у 64% преобладает зависимый тип реагирования, у 29% преобладают показатели по компетентному типу. Это свидетельствует о невысокой активности в ситуациях ведения разговора, либо о стремлении занимать позицию «подчинения». Полученные результаты, возможно, связаны с тем, что представители экспериментальной группы имеют более разносторонний опыт в общении: коммуникации могут протекать как непосредственно, при личном контакте, так и опосредованно — с использованием сети Интернет. Кроме того, испытуемые со склонностью к формированию зависимости от интернет-общения также могут обладать более развитыми навыками невербального коммуникационного воздействия на собеседника в связи с частой необходимостью выражать эмоции посредством письменной речи и определять эмоциональное состояние собеседника, смысл определенных фраз без участия невербального компонента общения. Иными словами, частое использование Интернета для общения накладывает свой отпечаток на восприятие письменной речи: пользователь учится распознавать подтекст в адресованном ему послании, определять эмоциональную окрашенность той или иной фразы, более тонко чувствует настроение собеседника.

Также обнаружены значимые различия в типах реагирования на справедливую критику ($U_{\text{эмп.}}=64$ при $p=0,05$). У 56% представителей экспериментальной группы преобладает смешанный компетентно-зависимый тип, 43% испытуемых контрольной группы имеют выраженный смешанный тип реагирования (зависимо-агрессивный). Это означает, что в ситуации, когда окружающие высказывают справедливые замечания, испытуемые из контрольной группы склонны реагировать либо агрессивно, либо пассивно — избегать разговора, игнорировать обращенные к ним слова или соглашаться с каждой фразой критикующего. В свою очередь, представители экспериментальной группы в подобных ситуациях склонны реагировать более адекватно, не проявляя агрессии. Мы полагаем, что данные раз-

личия могут быть вызваны особенностями виртуального взаимодействия людей: нередко в процессе интернет-общения возникают конфликтные ситуации, приводящие к открытым столкновениям позиций партнеров, а поскольку общение в глобальной сети характеризуется некоторой анонимностью, люди могут вести себя более раскрепощенно, и, как следствие, позволять себе нетактично выражаться в адрес оппонента, пренебрегать вежливостью. Это приводит к снижению восприимчивости к разного рода критике у лиц, которые проводят большое количество времени, общаясь на форумах, в социальных сетях и т. д., где они зачастую сталкиваются с неодобрением со стороны других пользователей.

Имеются различия между группами испытуемых в реагировании на попытку со стороны окружающих вступить в контакт ($U_{\text{эмп.}}=62$ при $p=0,05$). При этом у молодых людей экспериментальной группы имеются высокие показатели по компетентному (39%) и компетентно-зависимому типам реагирования (39%), что свидетельствует о более высоком уровне компетентности и большей активности в налаживании контактов с окружающими. В свою очередь среди респондентов контрольной группы более выражен зависимый тип реагирования (71%). Это означает, что в ситуациях знакомства, зазывания разговора испытуемые данной группы ведут себя пассивно. Данную особенность можно объяснить легкостью налаживания социальных связей в сети Интернет, что отражается на отношении к новым знакомствам. Поскольку для начала общения в сети с новым человеком не требуется какой-либо особой инициативности (в отличие от ситуации реального знакомства, осложненной поиском повода, важностью внешних характеристик индивида, а также спецификой места, в котором люди знакомятся), формируется особое отношение к установлению новых контактов, которое характеризуется большей готовностью к общению, непринужденностью.

Выводы

В результате проведенного количественного и качественного анализа можно сделать следующие выводы:

- подавляющее большинство испытуемых, независимо от наличия или отсутствия склонности к формированию зависимости от интернет-общения, обладают высоким уровнем коммуникативной компетентности и коммуникабельности, однако имеются различия в отдельных аспектах коммуникативного поведения;
- молодые люди со склонностью к формированию зависимости от интернет-общения обладают большей гибкостью в различ-

- ных коммуникативных ситуациях, в отличие от молодых людей, не имеющих такой склонности;
- люди, не имеющие склонности к формированию зависимости от виртуального общения, в целом ведут себя более сдержанно и пассивно в различных ситуациях контакта с другими людьми;
 - молодые люди со склонностью к зависимости от интернет-общения чаще используют виртуальную среду для общения, в связи с этим они не выражают готовности к контакту с виртуальными друзьями в реальности.

Таким образом, несмотря на то, что некоторые исследователи часто оценивают влияние интернет-технологий на психику человека как негативное, существует и позитивная точка зрения: «применение информационных технологий представляет собой новый, качественно особый уровень опосредствования мыслительной, коммуникативной, исполнительской и творческой деятельности человека и ведет к коренной перестройке операционально-технической, мотивационно-личностной, аффективной и других сторон деятельности» (Арестова с соавт., 2000, С. 134). В нашем исследовании выявлены некоторые особенности коммуникативной компетентности, которые выражаются в различном реагировании на определенные коммуникативные ситуации. В целом полученные нами данные подтвердили мысль А. Е. Войскунского, что в процессе виртуальной коммуникации коммуникативная компетентность и ориентировка расширяются по сравнению с ситуацией применения традиционных форм опосредствованного общения (Арестова с соавт., 1996).

Литература

- Арестова О. Н., Бабанин Л. Н., Войскунский А. Е. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестник МГУ. Сер. 14. 1996. Вып.4. С. 25–31.
- Арестова О. Н., Бабанин Л. Н., Войскунский А. Е. Мотивация пользователей Интернета. Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А. Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000.
- Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е. Психологические последствия информатизации // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 1. С. 89–100.
- Войскунский А. Е. Метафоры Интернета // Вопросы философии. № 11. 2008. С. 4–16.
- Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / Сост. и ред. А. Е. Войскунский. М.: Акрополь, 2009.
- Кох М. Н., Сурженко Л. В. Актуальность проблемы интернет-зависимости в информационном обществе // Россия и Европа: связь

культуры и экономики: Материалы XVII Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Н. В. Уварина. 2017. С. 187–190.

Мандель Б. Р. Аддиктология (ФГОС ВПО): Учеб. пособие. М.: Директ-Медиа, 2014.

Communicative competence peculiarities of young people disposed to the formation of internet communication dependence

*T. B. Belyaeva**, *P. I. Belyaeva*** (*Veliky Novgorod*)

* Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Novgorod State University after Yaroslav the Wise

** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Novgorod State University after Yaroslav the Wise

The problem of the research is to study the influence of indirect communication of young people through the Internet on the process of establishing contacts with others in real world. Regardless of the presence or absence of a tendency to form dependence on the Internet communication most subjects have found a high level of communicative competence and sociability but, however, there are some differences in their communicative behaviour. The young people with a tendency to form an addiction to the Internet communication have greater flexibility in various communication situations in comparison with the young people who do not have such a tendency. In general people who don't have a tendency to form dependence on virtual communication in various situations of contact with other people behave more cautiously and passively. The young people with a tendency to depend on the Internet communication often use a virtual environment for communication, in this regard they don't express readiness to contact with virtual friends in reality.

Keywords: communicative competence, Internet communication, Internet dependence, addictive behaviour, types of response in a conversation situation.

Анализ ценностей современной молодежи в контексте психологической системы деятельности

С. А. Богомаз, И. В. Атаманова** (Томск)*

** доктор психологических наук, Томский государственный университет; e-mail: bogomazsa@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, Томский государственный университет; e-mail: iatamanova@yandex.ru*

Статья обращается к проблеме комплексного исследования ценностных ориентаций и параметров психологической системы деятельности современной российской молодежи во взаимосвязи с культурными измерениями. Обсуждаются результаты проведенного исследования взаимосвязи ценностных ориентаций современной молодежи (на индивидуальном уровне), параметров их психологической системы деятельности и культурных измерений (культурные ценности) в контексте личностно-профессионального становления. Факторный и регрессионный анализ показал, что самодетерминация выступает в качестве ведущего критерия этого процесса, а наиболее значимыми показателями являются личностное свойство удовлетворенности жизнью и ценности открытости изменениям (индивидуальный уровень) и избегания неопределенности (уровень культуры), а также метаценность «Работа». Ведущим параметром психологической системы деятельности оказалась рефлексия, которая связала индивидуальные ценности самоопределения и открытости изменениям.

Ключевые слова: базисные ценности, культурные ценности, психологическая система деятельности, целеустремленность, рефлексия, удовлетворенность жизнью, самодетерминация.

Исследование проведено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-013-00781 «Ценностные ориентации и психологическая система деятельности молодежи в меняющемся мире: кросс-культурный анализ».

Введение

Современные исследователи и практики в области экономики и социологии призывают рассматривать перспективы дальнейшего развития страны с учетом существующей социокультурной среды, за которой стоит глубинный набор ценностей и установок, детерминирующих жизнедеятельность человека (Ивашковский, 2014). Проблема развития высококачественного человеческого капитала требует привлечения ценностной составляющей (Аузан, 2015), что актуализирует задачу исследования культурно обусловленной специфики личностно-профессионального становления современной молодежи. Нашим исследовательским коллективом уже поставлена и успешно решается проблема взаимодействия детерминант городской среды с целями и ценностями проживающей в ней вузовской молодежи (Атаманова и др., 2013, 2018; Богомаз, 2008). Новый проект нацелен на комплексное исследование ценностных ориентаций и параметров психологической системы деятельности современной молодежи во взаимосвязи с культурными измерениями. Мы полагаем, что теория измерения культур Г. Хофстеде и теория модернизации ценностей Р. Инглхарта позволяют включить в психологическое исследование фактор принадлежности к той или иной культуре и выявить, какую роль он играет во взаимодействии ценностных ориентаций на личностном уровне и параметров психологической системы деятельности человека в контексте его жизнеосуществления.

Целью данной статьи является представление результатов факторного и регрессионного анализа, направленного на понимание специфики взаимодействия ценностных ориентаций на личностном уровне и ведущих параметров психологической системы деятельности современной молодежи во взаимосвязи с культурными измерениями (как фактором, детерминирующим ценности и поведенческие установки человека) в контексте личностно-профессионального становления.

Методика исследования

Выборка исследования включала студентов университетов, обучающихся по различным направлениям подготовки, и молодых специалистов, работающих в вузе (средний возраст — $21,6 \pm 3,01$; $n=250$).

Методическую базу исследования составили опросниковые методы, которые позволяют оценить следующие группы параметров:

- *культурные факторы социально-экономического развития: Методика исследования ценностей (Г. Хофстеде) — «Дистанция власти»*

(PDI), «Индивидуализм/коллективизм» (IDV), «Маскулинность/фемининность» (MAS), «Избегание неопределенности» (UAI), «Долгосрочная/краткосрочная ориентация» (LTO) и «Свободное удовлетворение потребностей/сдержанность» (IVR); Модифицированный опросник ценностей (Р. Инглхарт; в модификации Р. К. Хабибулина) – «Традиционные–секулярно-рациональные ценности» (T/S-RV) и «Ценности выживания–ценности самовыражения»;

- *ценности на индивидуальном уровне*: Портретный ценностный опросник (Ш. Шварц) – суммарные показатели «Открытость изменениям», «Самоутверждение», «Сохранение» и «Самоопределение»; Методика «Субъективная оценка значимости базисных ценностей (СОЗБЦ)» (С. А. Богомаз) – четыре индекса метаценностей: «Семья и Любовь», «Работа», «Индивидуализм» и «Смысл»;
- *параметры психологической системы деятельности*: Опросник самоорганизации деятельности (Е. Ю. Мандрикова) – шкалы «Целеустремленность» и «Планирование»; Методика дифференциальной диагностики рефлексивности (Д. А. Леонтьев) – шкала «Системная рефлексия»; Шкала удовлетворенности жизнью (Э. Динер; в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина) – «Удовлетворенность жизнью»; Потребности в связанности с другими людьми, компетентности и автономии (К. М. Sheldon and J. С. Hilpert, в апробации Д. А. Леонтьева) – «Индекс самодетерминации».

Более детальное описание указанных методик можно найти в следующих работах (Атаманова и др., 2018; Богомаз, 2008; Осин и др., 2015; Хабибулин, 2015; Шварц и др., 2012; Hofstede, Minkov, 2013).

Собранные данные обрабатывались статистически (Statistica 6.0). Использовались описательная статистика, корреляционный анализ, факторный анализ с Varimax вращением главных компонент и регрессионный анализ.

Результаты исследования

Проведенный статистический анализ позволил вычислить описательные статистики 21 исследуемого показателя. Однако в данной статье приводятся результаты только корреляционного, факторного и регрессионного анализа.

Представим краткую характеристику проведенного факторного анализа. 249 наблюдений; метод главных компонент с ротацией факторов «Varimax»; число переменных – 21; факторная структура

определялась по критерию «каменистая осыпь»; количество факторов – 7, объясняющих 63,1% дисперсии исходной корреляционной матрицы. В качестве критерия значимости показателя была использована факторная нагрузка более 0,40.

В самом значимом факторе соединились метаценности (Семья и Любовь (0,711), здесь и далее в скобках указана факторная нагрузка; Индивидуализм (0,812); Работа (0,754); Смысл (0,788)) и индивидуальная ценность «Самоутверждение» (0,570), отражающая стремление человека к удовлетворению собственных интересов и достижениям.

Во второй фактор вошли ценности «Долгосрочная/краткосрочная ориентация» (0,642) и «Традиционные—секулярно-рациональные ценности» (0,818), а также индивидуальная ценность «Сохранение» (0,705). Скорее всего, этот фактор связан с феноменом «традиционные ценности» и прагматизмом.

Третий фактор включает в себя ценность «Свободное удовлетворение потребностей/сдержанность» (0,700) и личностное свойство «Удовлетворенность жизнью» (0,563), Индекс самодетерминации (0,588) и с отрицательным знаком – ценность «Избегание неопределенности» (–0,412). Интерпретация этого фактора требует дальнейшего осмысления.

Четвертый фактор связал индивидуальную ценность «Самоопределение» (0,793) и личностное свойство «Рефлексия» (0,752), а также индивидуальные ценности «Открытость изменениям» (0,454) и «Сохранение» (0,451). Можно предположить, что рефлексия выступает неким связующим звеном между указанными ценностями, отражающими, с одной стороны, готовность человека к изменениям и преобразованиям, а с другой стороны, его стремление сохранить устойчивость в меняющемся мире.

Пятый фактор объединил «Ценности выживания—ценности самовыражения» (0,823) и индивидуальную ценность «Самоутверждение» (0,561), отражая прагматическое стремление человека к удовлетворению собственных интересов.

Шестой фактор составляют личностные свойства «Целеустремленность» (0,711) и «Планирование» (0,729), выступающие в качестве элементов основных блоков психологической системы деятельности.

Седьмой фактор характеризуется тем, что на одном факторном полюсе располагается ценность «Маскулинность/фемининность» (0,701), а на другом – «Индивидуализм/коллективизм» (–0,760), что отвечает сути данных конструкторов (Hofstede, Minkov, 2013).

Результаты факторного анализа позволили выявить структуру, в которую вошли показатели ценностей на уровне культуры (например, маскулинность и индивидуализм), сочетались индивидуальные

ценности и личностные свойства (например, самоопределение, открытость изменениям и рефлексия), а также самостоятельные личностные свойства (целеустремленность и планирование).

Далее было произведено сокращение количества переменных и факторный анализ был проведен еще раз: 249 наблюдений; применялся метод главных компонент с «Varimax» вращением; число переменных – 13; количество факторов – 4, объясняющие 63,5% дисперсии исходной корреляционной матрицы; факторная нагрузка более 0,40. Были получены следующие факторы.

Фактор 1: в его структуре сохранились ведущие метаценности Семья и Любовь, Индивидуализм, Работа, Смысл (факторные нагрузки – 0,655; 0,798; 0,791; 0,757, соответственно) и индивидуальная ценность «Самоутверждение» (0,710).

Фактор 2 объединил личностные свойства «Целеустремленность», «Планирование» и «Удовлетворенность жизнью» (0,723; 0,712; 0,645, соответственно), представляющие собой элементы основных блоков психологической системы деятельности, и «Индекс самодетерминации» (0,615).

Фактор 3 связал индивидуальные ценности «Открытость изменениям» и «Самоопределение», а также личностное свойство «Рефлексия» (0,353; 0,778; 0,750, соответственно). Скорее всего, эти показатели дают объяснение феномену самоопределения, где личностное свойство рефлексии выступает в качестве основы.

Фактор 4 соединил индивидуальные ценности «Сохранение» (0,803) и с отрицательным знаком «Открытость изменениям» (–0,488), метаценность «Семья и Любовь» (0,458) и личностное свойство «Удовлетворенность жизнью», что свидетельствует о связи удовлетворенности жизнью с приверженностью традиционным ценностям на примере данной выборки.

Полученная факторная структура демонстрирует специфику взаимосвязи между ценностями современной молодежи на индивидуальном уровне и их личностными свойствами, выступающими в качестве параметров психологической системы деятельности.

Корреляционный анализ также показал отдельные взаимосвязи между ценностями и параметрами психологической системы деятельности (n=249). Например, индивидуальная ценность «Открытость изменениям» связана с такими личностными свойствами, как «Целеустремленность» ($r=0,303$; $p=0,0001$) и «Рефлексия» ($r=0,295$; $p=0,0001$). «Рефлексия» также коррелирует с индивидуальной ценностью «Самоопределение» ($r=0,373$; $p=0,0001$), а «Традиционные ценности» обнаруживают взаимосвязь с показателем «Удовлетворенность жизнью» ($r=0,393$; $p=0,0001$).

Другими словами, личностное свойство «рефлексия» представляется существенным для понимания феномена самоопределения в контексте личностно-профессионального становления современной молодежи, поскольку позволяет человеку успешно балансировать между личными и общественными интересами, будучи готовым при этом к восприятию новых и преобразующих идей. Отметим также, что в среде современной российской молодежи присутствует и приверженность традиционным ценностям, следование которым способствует большей степени удовлетворенности жизнью.

По результатам исследования личностные свойства и ценности интегрировались в общий феномен самодетерминации, выступающий в качестве ведущего фактора личностно-профессионального становления современной молодежи. В целях создания более целостной картины предикторов самодетерминации был проведен прямой пошаговый регрессионный анализ данных с включением в качестве зависимой переменной интегрального показателя самодетерминации («Индекс самодетерминации»). Число наблюдений — 250 респондентов.

Для анализа была выбрана статистическая модель, объясняющая 47,3% дисперсии зависимой переменной (объяснительная мощность $R^2=0,223$; скорректировано $R^2=0,198$; стандартная ошибка оценки: 0,335). Признавая слабость данной регрессионной модели, тем не менее, отметим, что она потенциально свидетельствует о прогностическом влиянии на значимость индекса самодетерминации личностных свойств «Удовлетворенность жизнью» ($\beta=0,233$), индивидуальной ценности «Открытость изменениям» ($\beta=0,206$), метаценности «Работа» ($\beta=0,192$). Негативное влияние на самодетерминацию молодежи оказывает ценность на уровне культуры «Избегание неопределенности» ($\beta=-0,120$).

Заключение

Проведенный комплексный анализ позволил соединить в единую структуру ценности современной молодежи и их личностные свойства, выступающие в качестве параметров психологической системы деятельности в контексте личностно-профессионального становления по критерию самодетерминации. Было выявлено, что ведущими факторами являются базисные метаценности («Любовь и Семья», «Индивидуализм», «Работа» и «Смысл»). Значимыми параметрами психологической системы деятельности оказываются целеустремленность, планирование и удовлетворенность жизнью. Обнаружено, что рефлексия, являющаяся параметром психологической системы

деятельности, связывает индивидуальные ценности «Открытость изменениям» и «Самоопределение». В контексте самодетерминации, выступающей в качестве ведущего критерия личностно-профессионального становления современной молодежи, значимыми являются личностное свойство «Удовлетворенность жизнью» и ценности «Открытость изменениям» и «Избегание неопределенности», а также метаценность «Работа».

Литература

- Атаманова И. В., Козлова Н. В., Богомаз С. А., Залевский В. Г., Неяскина Ю. Ю.* Специфика личностно-средового взаимодействия на примере студенческой молодежи трех российских городов // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 90–105.
- Атаманова И. В., Стариченко О. Н., Богомаз С. А.* Психологические особенности магистрантов и аспирантов, обучающихся в вузах с ориентацией на классическое и инженерное образование // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 128–135.
- Аузан А. А.* О возможности перехода к экономической стратегии, основанной на специфике человеческого капитала в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 243–248.
- Богомаз С. А.* Инновационный потенциал личности и его оценка // Социальный мир человека. Сер. «Lingua Socialis». Сборник статей / Под ред. Н. И. Леонова. 2014. С. 275–279.
- Богомаз С. А.* Различия в структуре ценностей, смыслов и личностных особенностей представителей трех городов Сибири // Ценностные основания политической науки и психология ценностей. Сер. «Интеграция академической и университетской психологии». Сборник статей / Под ред. В. В. Знакова, Г. В. Залевского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 262–297.
- Ивашковский С.* Культура, экономическое поведение и развитие // Экономическая политика. 2014. № 4. С. 177–194.
- Осин Е. Н., Сучков Д. Д., Гордеева Т. О., Иванова Т. Ю.* Удовлетворение базовых психологических потребностей как источник трудовой мотивации и субъективного благополучия у российских сотрудников // Психология. Журнал ВШЭ. 2015. Т. 12. № 4. С. 103–121.
- Хабибулин Р. К.* Характеристики авторитета Российской государственной власти в сознании граждан: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2015.

Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 1. С. 43–70.

Hofstede G., Minkov M. Values survey module 2013 // Manual. Geert Hofstede BV, 2013. URL: <http://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2016/07/Manual-VSM-2013.pdf>.

Analysis of the modern youth values in the context of their psychological system of activity

*S. A. Bogomaz**, *I. V. Atamanova*** (Tomsk)

* Doctor of Psychology, Tomsk State University

** Candidate of Psychology, Tomsk State University

The article addresses the problem of a comprehensive study of modern Russian youth value orientations and parameters of their psychological system of activity, taking into account cultural dimensions. The article discusses results of the study on the relationship between modern youth's value orientations (at the individual level), parameters of their psychological system of activity and cultural dimensions (cultural values) in the context of their personal and professional development. Factor and regression analysis showed that self-determination acts as a leading criterion of this process, and the most significant indicators are the personal quality of life satisfaction and the values of openness to change (the individual level) and uncertainty avoidance (the level of culture), as well as the basic meta value of "Work". The leading parameter of the psychological system of activity was reflection, which linked the individual values of self-transcendence and openness to change.

Keywords: basic values, cultural values, psychological system of activity, purposefulness, reflection, life satisfaction, self-determination.

Человек как субъект права

Н. В. Борисова (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: borisova07@bk.ru*

В статье рассматривается подход С. Л. Рубинштейна к пониманию человека как субъекта прав через онтологию человеческого бытия. Утверждается, что полнота человеческой жизни в отношении к полноте бытия определяется через следование нравственному закону, который в силу объективности своего содержания имеет форму общеобязательного положения и занимает центральное место в процессе становления этического субъекта. Состояние современного «общества потребления», которое характеризуется дефицитом смыслов, утратой способности переживать бытие как Единство, глобальные преобразования с ключевым словом «цифровая» (революция, эпоха, экономика, личность и т. п.) наносят серьезный удар по целостности личности, ее праву реализовать жизнь в соответствии с онтологическими фундаментальными принципами существования человека в мире.

Ключевые слова: С. Л. Рубинштейн, онтология человеческого бытия, закон, этика, нравственность, правовое деяние, самоопределение, свобода.

Введение

Одной из актуальных тенденций развития психологической науки начала XXI столетия является *гуманистическая*, которая охватывает комплекс психологических проблем, направленных на обеспечение психологического благополучия жизнедеятельности человека в постоянно усложняющихся условиях современного мира (Кольцова, Журавлев, 2017). Так как глобальные преобразования с ключевым словом «цифровая» (революция, эпоха, экономика, личность и т. п.) наносят серьезный удар по ценностям и идеалам, имеющим объек-

тивную значимость для нравственного становления личности, необходимо не только оказывать ей помощь в адаптации к изменяющимся характеристикам современной реальности, но и способствовать сохранению *целостности* личности (Борисова, 2017).

Особый потенциал в этом плане имеет философско-психологическая концепция личности С. Л. Рубинштейна, которого интересовал не «исторически конкретный человек с признаками особенного, отвечающего конкретному обществу», а человек, обладающий «признаками всеобщности как в плане сознания, познания, так и действия», формирующими основу онтологии человека, фундаментальных принципов его существования (Рубинштейн, 2012, с. 63). Предложенный ученым путь постижения «человеческого в человеке» дает возможность не только отстоять сущностное в человеке, но и очертить границы, вторжение за которые нарушает целостность личности.

Закон

Процесс становления личности как субъекта прав и обязанностей Рубинштейн анализирует через *онтологию человеческого бытия* с ее фундаментальным положением: человек является частью Вселенной, смысл его жизни заключается в *познании бытия* и реализации его *незыблемых законов*. Человеческое бытие — не частность, допускающая лишь антропологическое и психологическое исследование, оно вписано в философский план общих, категориальных черт бытия. Представление о субъекте познания как чисто индивидуальном, только единичном существе для ученого — фикция. «Человек как абсолют, как „вещь в себе“, как нечто обособленное и замкнутое в себе — это не человек, не человеческое существо и, более того, это вообще не существо, это нечто несуществующее — ничто» (Рубинштейн, 2012, с. 5).

В работе, посвященной осмыслению философской системы Германа Когена, Рубинштейн отмечает, что в праве человек фигурирует не как физический организм, «врастающий всеми своими тканями в природу и определяемый в своих проявлениях ее воздействиями» (Рубинштейн, 2012, с. 166). Также в праве он фигурирует не как психологический субъект, движимый аффектами и эмоциями или же в сфере социально-экономической руководящийся своими интересами. В первую очередь как юридическое лицо человек является *субъектом прав и обязанностей*. В своих деяниях он определяется — *нормами и законами*.

Через призму онтологии *закон* понимается как явление не внешней, формализованной государством и выражающей волю суверен-

на (положительное право), но *внутренней* регламентации поведения. Рубинштейн вводит понятие — «*нравственное законодательство*». Полнота человеческой жизни в отношении к полноте бытия определяется через *этику*. Основная *онтологическая задача субъекта* полностью *соответствует* основной *этической задаче*. Базовое положение, которое отстаивает ученый: *этическое является законом, так как имеет в силу объективности своего содержания форму общеобязательного положения*.

Центральная проблема этики — человек. «Всем своим идейным содержанием, всей системой понятий и принципов, которые этика разворачивает, она отвечает на один вопрос, на сократовский вопрос: что такое человек?» (Рубинштейн, 2012, с. 166). Этика вскрывает то идейное содержание, которое конституирует человека. *В понятии юридического лица и правового деяния этика дает наиболее точную, объективно содержательную формулировку проблемы, которую для нее представляет человек в его нравственных поступках*.

Правовое деяние

Решение вопроса о том, что есть бытие связано с решением вопроса, что значит быть. Познание как открытие бытия — не только деятельность сознания, а в силу участия в нем практики — *способ существования человека по отношению к бытию*. Необходимо различать *объективное, трансцендентное бытие* и *субъективно познавательное, имманентное* — бытие не в чистом, а в осложненном привходящими обстоятельствами виде.

Основное свойство бытия, сущего в мире, в котором есть человек, заключается в том, чтобы являться человеку в чувственной данности, быть данным в ощущении. Чувственная данность, первое в сущем, что открывается познанию, выступает как поверхностный, внешний план глубинных слоев сущего. «Непосредственная чувственность бытия — это факт, данность существования с едва лишь наметившейся качественной определенностью, с еще не раскрытой сущностью» (Рубинштейн, 2012, с. 28). Далее включается опосредованное познание процессом мышления, но мышлением познание принципиально не исчерпывает сущего.

Проблема бытия и его познания связана с проблемой человека как *субъекта действия*. Отношение субъекта к «объективной реальности» — это не идеальное познавательное отношение, но и не практическое действие. Человек всегда находится в сфере сущего, непрерывно совершается «общение» взаимопроникновение и сопротивление посредством действий и регуляции этих действий

сознанием. «Существовать — это страдать и действовать, воздействовать и подвергаться воздействиям, участвовать в бесконечном процессе взаимодействия как процессе самоопределения» (Рубинштейн, 2012, с. 27).

Действие, которое своим содержанием имеет *этическое содержание* общеобязательной значимости, т. е. определяется *нравственным законом*, Рубинштейн называет *деянием*. «Закон делает деяние деянием, не личность и не Я» (Рубинштейн, 2012, с. 169). Ошибкой является понимание субъекта как виновника и творца своих деяний, а деяний как проявлений или манифестаций субъекта. При таком подходе этическое содержание деяний, которое есть само этическое содержание нравственных законов, не входит в состав и построение содержания нравственного субъекта. Концепция нравственности оказывается *бессодержательно-формалистичной*, а субъект, который является источником своих деяний и для которого деяния только манифестации уже готовой сущности, лишен этического содержания. И потому он не *этический субъект*, а лишь некоторое *психологическое образование*.

Лишь в этических деяниях этический субъект определяется и осуществляется. И если принцип *автономии* в первую очередь определяет *отношение субъекта и закона*, то *отношение субъекта и деяния* Рубинштейн определяет через принцип *самоопределения*. Каждое деяние есть новое начало, новый источник, порождающий этический субъект. Поэтому *нравственное совершенство* есть задача, которую субъект в каждом деянии должен разрешить вновь. «Эта бесконечная задача, как само время, означает бесконечный процесс, который может быть субъективно прерван, но не может быть объективно закончен» (Рубинштейн, 2012, с. 172).

Через объективность этического содержания и принцип автономии Рубинштейн раскрывает проблему *свободы*. «Я как этический субъект определяюсь в своих действиях законом, и, определяясь законом, Я свободен, потому что закон этот выражает то, что во мне я сам» (Рубинштейн, 2012, с. 167). Этим свобода отличается от *субъективного произвола*. В автономии свобода утверждается и ограждается от *опасности антиномизма*, который, для того чтобы сохранить «свободу» субъекта, отвергает закон как нечто связывающее его. Таким образом преодолевается восприятие свободы как свободы от чего-нибудь, которая в такой негативной формулировке понимается, прежде всего, как *свобода от закона*.

Этическое деяние человека предполагает другого человека как другой этический субъект. Оно существует только в отношении к человеку как личности, в отношении к вещи есть лишь действие — физичес-

кий или психический акт, но не деяние. Реализация нравственного субъекта отождествляется Рубинштейном с *единством человечества*, которое он возводит в основной принцип этики.

Становление этического субъекта и общество потребления

Задачей общества для Рубинштейна является создание необходимых *предпосылок нравственной жизни* – таких условий, которые будут способствовать формированию человека «большого плана» с полноценным отношением к бытию, другому человеку, природе, жизни и смерти.

Современный же мир, предлагая идеалы гламурной и успешной жизни, формирует «*общество потребления*», в котором интеллектуальное, духовно-нравственное развитие человека не является приоритетным, а система ценностей и установок основана на потреблении материальных благ.

Об этической индифферентности сформировавшегося в XX в. *массового общества* сделал выводы еще в 30-х годах XX в. Ортега-и-Гассет: «Не стоит облагораживать нынешний кризис, видя в нем борьбу двух моралей или цивилизаций, обреченной и новорожденной <...> Массовый человек попросту лишен морали <...> Но слово „попросту“, пожалуй, не годится. Все гораздо сложнее. Попросту взять и избавиться от морали невозможно. То, что грамматически обозначено как чистое отсутствие – безнравственность, – не существует в природе. Если вы не расположены подчиниться нравственным устоям, будьте любезны подчиниться иной необходимости и <...> жить наперекор им, а это уже не безнравственность, но противонравственность. Не просто отрицание, но антимораль» (Ортега-и-Гассет, 2017, с. 217).

Основополагающим понятием современности, заявляет отечественный композитор, писатель В. И. Мартынов, является имидж. «Имидж – это и есть абсолютная поверхность <...> не имеющая никакого внутреннего содержания <...> смысла, ибо имидж и смысл есть взаимоисключающие понятия <...> Мы живем в мире имиджмейкеров, где уже нет места ни поэтам, ни художникам, ни композиторам, стремящимся передать внутренний смысл и создающих произведения, наполненные великим содержанием. Великое является реальностью человека переживающего, в то время как для человека манипулирующего все это превращается просто в фикцию» (Мартынов, 2017, с. 277).

Дефицит смыслов – диагноз современной цивилизации, потерявшей целостное чувство жизни, способность *переживать* бы-

тие как Единство. Без этой способности культура, наука, правовая жизнь бесплодны. Поглощение человека предметным миром, возможно, никогда прежде не имело такого тотального характера. Для «человека манипулирующего» или «человека потребляющего» познание бытия ограничивается чувственным, внешним, поверхностным восприятием предметов и явлений. Манипуляциям подвергается не только то, что окружает человека, но и он сам. Проекты с внедрением технических, бионических, генно-инженерных разработок, виртуальной и дополненной реальности, искусственного интеллекта ставят под сомнение не только право обретения субъектом подлинного бытия, но и сохранения своего биологического статуса.

Заключение

Наиболее точную, объективно содержательную формулировку проблемы, которую представляет человек в его нравственных поступках, дает этика в понятии юридического лица и правового деяния. Как юридическое лицо человек является *субъектом прав и обязанностей*. В своих деяниях он определяется — *нормами и законами*. Полнота человеческой жизни в отношении к полноте бытия определяется через следование *нравственному закону*, который в силу объективности своего содержания имеет форму общеобязательного положения и обеспечивает внутреннюю регламентацию поведения. Отношение субъекта и закона определяется через принцип *автономии*, утверждающего *свободу* и ограждающего от антиномизма, который для того, чтобы сохранить «свободу» субъекта, отвергает закон как нечто связывающее его. Этим свобода отличается от субъективного произвола. Действие, которое своим содержанием имеет этическое содержание общеобязательной значимости, т. е. определяется нравственным законом, является *деянием*. Отношение субъекта и деяния определяется через принцип *самоопределения*.

Основной задачей общества является создание предпосылок нравственной жизни — таких условий, которые будут способствовать формированию этического субъекта с полноценным отношением к бытию, другому человеку, природе, жизни и смерти. Современное «общество потребления», для которого познание бытия ограничивается чувственным, внешним, поверхностным восприятием предметов и явлений, характеризуется дефицитом смыслов, потерей целостного чувства жизни, способности переживать бытие как Единство. В подобных условиях правовая жизнь субъекта подвергается серьезной опасности.

Литература

- Борисова Н. В.* Проблема целостности личности в отечественной психологии // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 652–659.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Современные тенденции развития отечественной психологической науки // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 25–34.
- Мартынов В. И.* Зона opus posth, или Рождение новой реальности. М.: Классика-XXI, 2017.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСТ, 2017.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.

Person as subject of the right

N. V. Borisova (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology of RAS

In article S. L. Rubinstein's approach to understanding of the person as subject of the rights through ontology of human life is considered. It is claimed that the completeness of human life in the attitude towards completeness of life is defined by following to the moral law which owing to objectivity of the contents has the form of obligatory situation and takes the central place in the course of formation of the ethical subject. Condition of modern "consumer society" which is characterized by deficiency of meanings global transformations with a keyword "digital" (revolution, an era, economy, the personality etc.) strike with loss of ability to endure life as Unity, serious blow to integrity of the personality, her right to realize life according to the ontologic fundamental principles of existence of the person in the world.

Keywords: S. L. Rubinstein, ontology of human life, law, ethics, morality, legal act, self-determination, freedom.

Детско-родительские отношения как ресурс самоактуализации подростков, занимающихся акробатикой и спортивной гимнастикой

Ю. М. Босенко (Краснодар)

*кандидат психологических наук, Кубанский государственный университет
физической культуры спорта и туризма; e-mail: lavina32@mail.ru*

Отношение родителей к спортсменам подросткового возраста является одним из важнейших факторов в формировании и развитии его индивидуально-личностных особенностей и поведения в целом. В исследовании установлено, что отношения матери и отца с исследуемыми спортсменами можно охарактеризовать как принимающие и эмпатичные, в меру контролирующие и автономные, с низким уровнем конфликтности, однако отцы более жестко контролируют спортсменов, а от спортсменов ожидают уже самостоятельности и стремления отвечать за свои поступки. Выявлена высокая самоактуализация в сферах: отношения к познанию, концепции человека, межличностной чувствительности, при недостаточной самоактуализации в сферах чувств и ценностей, а также по базовым показателям самоактуализации: компетентности во времени и поддержке. В результате корреляционного анализа показателей детско-родительских отношений и стремления к самоактуализации спортсменов нами установлено достаточно большое количество положительных и отрицательных взаимосвязей, отражающих особенности отношений с отцом и матерью, которые способствуют самоактуализации, а иногда являются теми факторами, которые снижают этот процесс.

Ключевые слова: самоактуализация, детско-родительские отношения, подростковый возраст, акробатика, спортивная гимнастика.

Важным базисным элементом самореализации личности в спортивной деятельности выступает стремление к самосовершенствованию своих личностных особенностей и самоактуализация (Уляева, 2014;

Шостак, Распопова, 2017). Важным результатом самоактуализации человека для общества является приобретение и повышение им специфической способности, позволяющей эффективно решать типичные проблемы и задачи, возникающие в реальных ситуациях повседневной жизни и общественной деятельности, т. е. уровня компетентности. Наличие уровня компетентности дает возможность молодому человеку моделировать и оценивать последствия своих действий, позволяет развивать опору на самоподкрепление, осуществить переход к внутренним стандартам для оценки себя самого, жизненных планов, проблемных ситуаций, при этом снизив значимость внешней оценки, тем более, когда реализация жизненного плана проходит в условиях жесткой конкуренции и неопределенности, значение компетентности возрастает (Харитоновна, Рябенко, 2014).

Естественно, что личность развивается в социуме и за счет него. Современная социальная ситуация развития обогащена экономическими дивергенциями, социальным расслоением, деформацией ценностных ориентиров. Все это создает противоречивые условия для становления личности, с одной стороны, может стать стимулом для самореализации, самоактуализации личности, а с другой может стать причиной беспомощности, дезориентации, безответственности, деградации личности (Босенко, Распопова, 2017). Среди факторов, влияющих на становление личности, наиболее значимым являются семья и семейное воспитание. Именно в семье могут быть созданы психолого-педагогические условия, способствующие становлению самоактуализирующейся личности (Витин, 2002; Дубовицкая, 2004), поэтому для формирующегося человека чрезвычайно важно внимание окружающих к его личности, их равнодушное отношение к достижениям и удачам, поскольку слишком велика концентрация старшего подростка на своих проблемах. Именно поддержка родителей и друзей, понимание и одобрение с их стороны очень необходимы молодому человеку, поскольку эмоциональная зависимость от взрослых еще очень велика. Несмотря на теоретическую изученность феномена самоактуализации личности, остаются неразрешенными некоторые вопросы, среди которых – вопрос о формировании детско-родительских отношений, способствующих самоактуализации старших подростков, занимающихся спортом.

В исследовании участвовали подростки, занимающиеся акробатикой и спортивной гимнастикой в количестве 65 чел., которые были продиагностированы по методике «Детско-родительские отношения глазами подростка – ДРОП», авторы – О. А. Карабанова, П. В. Трояновская, и с помощью самоактуализационного теста, адаптированного Л. Гозманом.

Проведенное исследование параметров самоактуализации показало, что достаточно интенсивно у исследуемых спортсменов проявляется самоактуализация в следующих сферах: познавательные потребности и креативность, представление о природе человека, контактность, самопринятие и самоуважение. Это свидетельствует о направленности личности спортсменов в сторону познания, стремлении получить хорошие знания, которые так необходимы им для построения своего будущего, способности ребят к быстрому установлению прочных контактов с людьми и их готовность к общению.

В целом диагностируется более высокая самоактуализация в сферах отношения к познанию, концепции человека, межличностной чувствительности.

В группе подростков-спортсменов в основном все показатели самоактуализации находятся в пределах нормы. Высокие показатели нами установлены по шкалам «спонтанность», «самопринятие», «понятие о природе человека», «контактность», «познавательные потребности». Высокие значения по этим шкалам свидетельствуют о зрелой личностной позиции спортсменов.

В группе спортсменок преимущественно значения по шкалам находятся в пределах нормы. Нами установлены высокие показатели по шкалам «сензитивность к себе», «представления о природе человека», «контактность» и «креативность». Процесс самоактуализации в активной фазе, спортсменки уже готовы занять взрослую жизненную позицию.

Проведенное исследование особенностей детско-родительских отношения показало, что спортсмены подросткового возраста в целом характеризуют свои отношения с отцом и матерью как отношения с высоким уровнем сотрудничества и контроля со стороны матери, и одновременно, высокой степенью контроля, требовательности и авторитетности со стороны отца.

Нами установлена самая высокая оценка у спортсменов-подростков матери по шкале «контроль». Наименьшие оценки матери нами установлены по шкалам «принятие решений», «конфликтность», «автономность», «требовательность». Поведение матери в восприятии спортсменов-подростков можно охарактеризовать так: особых конфликтов у подростков с матерью не возникает, она не очень поощряет их самостоятельность, не сильно требует от ребенка выполнения поручений и не навязывает ему своего мнения.

Отношения спортсменов мужского пола с отцами складываются достаточно сложно, по сравнению с матерями. Отцы воспринимаются спортсменами как излишне директивные и склонные к авторитарно-командному стилю общения. Наименьшие оценки были выявлены по шкале «эмпатия». Отец достоверно активнее прояв-

ляет внимание к спортсменам мужского пола и ждет от них самостоятельности, предполагая, что они уже мужчины и могут отвечать за свои поступки.

Мать с меньшим пониманием относится к спортсменкам, однако более жестко контролирует их и навязывает свою волю. Эмоциональная близость, как способность к эмпатии, эмоциональному взаимопониманию и сопереживанию, выступает как условие и следствие развития продуктивного делового сотрудничества в детско-родительских отношениях. В отношении спортсменок, отцы более жестко их контролируют, видимо оберегая их, чтобы с ними не случилось чего-либо, и позволяют им быть самостоятельными в принятии решений. В целом можно охарактеризовать отношения матери и отца с исследуемым спортсменом как принимающие и эмпатичные, в меру контролируемые и автономные, с низким уровнем конфликтности.

Установлено, что положительное эмоциональное отношение родителей к своим детям увеличивает степень гибкости спортсменов подросткового возраста в реализации своих ценностей в поведении.

Особенности общения тоже способствуют усилению способности ценить свои достоинства. Усиленный контроль снижает стремление к приобретению знаний об окружающем мире, способствует тому, что подросток старается скрыть свою агрессию, подавить ее в себе, не принимать себя таким, какой есть и быть недовольным своими чертами характера, слабостью воли.

В группе спортсменок характер установленных взаимосвязей позволил отметить, что эмоциональная близость, забота о них усиливают самопринятие, сензитивность к себе, тем самым обеспечивая лучшее взаимопонимание. Совместная с взрослеющим подростком различная деятельность способствует раскрытию творческих способностей.

Однако выявленные нами отрицательные взаимосвязи с требовательностью и авторитарностью матери дают возможность предположить, что именно ссоры с мамой мешают раскрытию творческого потенциала и дают ощущение отсутствия свободы в своем естественном выборе у спортсменок.

Качество эмоциональной связи у мальчиков с отцом позволяет им ставить перед собой реальные цели, уважать себя за собственные достижения, стремиться к новым знаниям. Также поощрение отцом самостоятельности дает возможность спортсмену мужского пола принимать себя таким, какой он есть, а требовательность отца стимулирует стремление к приобретению знаний об окружающем мире. Система поощрений и наказаний, применяемая отцом к спортсмену, тоже приводит к снижению самоуважения, вероятно, в тех случаях, когда наказаний больше, чем поощрений, или они противоречивые.

Демонстрация отцом любви и внимания к дочери способствует правильному формированию жизненных целей, устремленных в будущее, но связанных с настоящим, что характерно для самоактуализирующейся личности.

Требовательное отношение отца к дочери также помогает им видеть жизнь целостной и развивать свой творческий потенциал. Жесткий контроль со стороны отца затрудняет постановку целей и снижает творческий потенциал, а отсутствие совместного взаимодействия в семье приводит к разочарованию в людях в целом.

Таким образом, в результате корреляционного анализа показателей мы выявили, что развитию самоактуализации спортсменов способствуют высокие значения по следующим шкалам методики описывающих взаимоотношений с матерью: «сотрудничество», «принятия решения», «автономность», а препятствуют развитию самоактуализации «эмпатия» «контроль». Для спортсменов активизировать процесс самоактуализации со стороны отца могут такие параметры их взаимоотношений как «эмоциональная дистанция», «автономность», а такие параметры как «требовательность» и «поощрение наказание» действуют разнонаправленно.

Развитию самоактуализации у спортсменов-подростков способствуют высокие параметры по следующим шкалам методики изучения детско-родительских отношений описывающие связь с матерью: «эмоциональная дистанция», «сотрудничество», а препятствуют высокие показатели по шкале «требовательность» и «авторитарность». Со стороны отца параметрами детско-родительских отношений являются шкалы «принятие», «автономность», «требовательность», а препятствует параметр «контроль».

В результате исследования указывают на неоднозначное влияние особенности отношений с отцом и матерью, которые могут как активизировать самоактуализацию юных спортсменов, так и снижать скорость развития данного процесса. Поскольку самоактуализация представляет собой процесс постепенно накапливаемых достижений, способствующих психологическому росту человека, переход из состояния возможностей в состояние действительности и самоактуализации в дальнейшем, то роль детско-родительских отношений здесь очевидна.

Литература

Босенко Ю. М., Распопова А. С. Личностные регуляторы эмоциональной сферы спортсменов юношеского возраста // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2017. № 2. С. 94.

- Витин И. А.* Теория самоактуализации // Психологический институт РАО: Материалы симпозиума. М., 2002. № 1.
- Дубовицкая Т. Д.* Самоактуализация личности в контекстном обучении. М.: Альфа, 2004.
- Уляева Л. Г., Уляева Г. Г., Раднагуруев Б. Б.* Самореализация личности спортсмена как субъекта двигательной активности. М., 2014.
- Харитонова И. В., Рябенко Л. С.* Особенности взаимосвязи самоактуализации с мотивационными установками и самоотношением в юношеском возрасте // Материалы научной и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. 2014. № 1. С. 74–75.
- Шостак И. С., Распопова А. С.* Особенности развития личностных ресурсов самоактуализации юных спортсменов, занимающихся акробатикой и спортивной гимнастикой // Рудиковские чтения: Материалы XIII Международной научно-практической конференции психологов физической культуры и спорта. 2017. С. 421–425.

Child-parental relations as a resource of the self-actualization of adolescents engaged by acrobatics and sports

Y. M. Bosenko (Krasnodar)

Candidate of Psychology, Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism

The attitude of parents to the athletes of adolescence is one of the most important factors in the formation and development of its individual and personal characteristics and behavior in General. The study found that the relationship of mother and father with the studied athletes can be described as receiving and empathic, moderately controlling and Autonomous, with a low level of conflict, but the fathers are more tightly controlled athletes, and athletes are expected to have independence and the desire to be responsible for their actions. High self-actualization in the spheres of: attitudes to knowledge, human concept, interpersonal sensitivity, with insufficient self-actualization in the spheres of feelings and values, as well as the basic indicators of self-actualization: competence in time and support. As a result of the correlation analysis of indicators of child-parent relationships and the desire for self-actualization of athletes, we have established a sufficiently large number of positive and negative relationships that reflect the characteristics of the relationship with the father and mother, which contribute to self-actualization, and sometimes are those factors that reduce this process.

Keywords: self-actualization, child-parent relations, adolescence, acrobatics, gymnastics.

Пересечение границы дома в контексте потребностей субъекта

*А. А. Бочавер**, *С. И. Резниченко*** (Москва)

** кандидат психологических наук, Институт образования,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
e-mail: a-bochaver@yandex.ru*

*** кандидат психологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет; e-mail: reznichenko.sofya@yandex.ru*

В статье на материале опроса 245 респондентов анализируются субъективные факторы притяжения и избегания, которые побуждают обитателей покидать домашнее пространство и перемещаться в другие среды в рамках своей повседневной жизни. С опорой на символические и обыденные значения пересечения границы «дом — не дом» идентифицированы основные внутренние и внешние причины рутинных выходов из дома у современных молодых людей, показана связь этими причинами и удовлетворенностью в домашней среде базовых и высших потребностей человека. Показана полимодальность взаимоотношений человека со своим домом: дом видится средой, в которой можно удовлетворить базовые потребности, и если это происходит, то основными причинами выхода из дома служат аттракторы, сулящие удовлетворение высших потребностей. Если базовые потребности в домашней среде фрустрированы, человек ищет альтернативных пространств для их удовлетворения. Обосновывается положение о том, что дом не является универсальным ресурсом для удовлетворения потребностей и нуждается в дополнении другими средами.

Ключевые слова: домашняя среда, дом, психология дома, потребности.

Уникальность домашней среды обусловлена тем, что она может вызывать привязанность, наполняться смыслами, связанными с семей-

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-02163.

ным и историческим контекстом, она мультифункциональна — это отличает дом от других сред, в которых находится человек (Резниченко, 2014, 2016). Как правило, выход за пределы дома является рутинным актом, необходимым для нормального социального функционирования, но граница «дом—не дом» имеет не только бытовое, но и символическое значение: освоение этой границы происходит с возрастом и является признаком взросления. В народных сказках тема границы между домом и внешним миром обсуждается очень часто.

В традиционном жилище отдельные элементы строения определяют образ мироздания, например, трехчастное деление постройки на жилое помещение, чердак и подвал имеет сакральный смысл, так как повторяет общее для многих традиционных цивилизаций представление о космической триаде мироздания (небо, земля и подземный мир) (Быстрова, 2015). Стены дома служат границей между пространством культуры и стихиями и хаосом, они обозначают выделение безопасного микрокосмоса внутри макрокосмоса (Филиппова, 2001); отдельное символическое значение несут окна, двери, внутренние стены дома. Хозяин дома контролирует границу «дом—не дом» физически и символически, поддерживая в исправном виде двери и окна, пуская «своих» и не пуская «чужих».

Дом служит универсальной структурой человеческого существования, организующей все основополагающие аспекты бытия человека, входя в противопоставления «свое—чужое», «близкое—далекое» и др. (Потураева, 2010), осуществляя спектр функций от обеспечения безопасности до индикации социально-экономического статуса (Нартова-Бочавер и др., 2016) и позволяя удовлетворять различные потребности (Бочавер, 2015). Для женщин дом является в первую очередь местом выполнения рутинных практик, тогда как для мужчин это «ресурсный центр» для восстановления сил (Нартова-Бочавер и др., 2015).

Обсуждая психологическое значение переезда, Ф. Освальд и коллеги предлагают опираться на модель взаимодействия личности и среды, различая «базовые средовые потребности», направленные на поддержание автономии с точки зрения необходимой ежедневной деятельности и реализации повседневных задач, и «потребности высшего порядка», отражающие поддержание таких аспектов жизни, как близость, приватность, комфорт, развитие и любимые занятия (Oswald, 2002), и рассматривая четыре типа мотивации: «ориентированную на индивида» (например, сохранение независимости, поддержание здоровья), «ориентированную на физическую среду» (например, красота места), «ориентированную на социальную среду» (например, близость к родственникам) и «другие аспекты» (на-

пример, требования арендодателя). Мы используем данную модель в анализе данных.

В исследовании участвовали 245 респондентов (45 мужчин = 18,4%), $R_{\text{возраст}} = 17-38$ лет, $Me_{\text{возраст}} = 19,0$; $M_{\text{возраст}} = 22,2$ года, $SD_{\text{возраст}} = 6,2$ года, студентов гуманитарных специальностей московских вузов. Они отвечали на вопросы о том, какие причины могут побудить их выйти из дома, разделяя их на внешние (локализованные вне дома) и внутренние (локализованные внутри дома). Объем полученных текстов составил более 41 тыс. знаков. Данные были обработаны методом контент-анализа. Кодировка проводилась двумя экспертами вслед за Ф. Освалдом (2002) по двум основаниям – типу потребностей, содержащихся в ответе (базовые, высшего порядка или оба варианта) и ориентации ответов (на себя, среду, социум, другое).

Был проведен квантитативный частотный анализ лексем в ответах респондентов. Среди внешних причин чаще всего называются привлекательные объекты, аттракторы (встречи с друзьями, учеба, покупки и т. п.), а среди внутренних – преобладают стимулы, провоцирующие избегание (уйти от шума, от ссоры и т. п.); это более однообразные, преимущественно позитивные ответы. Лексика и смысловое содержание описаний внутренних причин выхода из дома богаче и носили более проблемосодержащий характер (критерий углового преобразования $\varphi = 9,379$ при $p \leq 0,001$). Частотный анализ показал, что среди внешних причин выхода из дома значимо преобладают ($\chi^2 = 74,39$; $p = 0,000$) те, которые способствуют удовлетворению потребностей высшего порядка – побуждают респондентов к общению, развитию и другим привлекательным формам деятельности. Среди внутренних причин преобладают ($\chi^2 = 21,67$; $p = 0,000$) те, которые характеризуют фрустрацию базовых потребностей, главным образом, в психологической безопасности.

Анализ того, различаются ли внутренние и внешние мотивы выхода из дома по ориентации ответов на индивида, на среду, на социум или на другое, показал, что внутренние причины выхода из дома значимо связаны с ориентацией на социум ($\chi^2 = 35,11$; $p = 0,000$), в меньшей мере – на индивида. Внешние причины выхода из дома различаются по ориентации лишь на уровне тенденции и также чаще сопряжены с ориентацией на социум.

В отношении внешних причин выхода из дома женщины чаще ($\chi^2 = 6,15,45$; $p = 0,046$) фокусируются на неудовлетворенных базовых потребностях, а мужчины чаще женщин упоминают потребности высшего порядка. Что касается доминирующего типа потребностей среди внутренних причин выхода из дома, то здесь мужчины и женщины с одинаковой частотой упоминали фрустрированные базовые

потребности как причину для покидания дома. По ориентации ответов у мужчин и женщин были выявлены различия лишь в отношении внутренних причин выхода из дома: мужчины чаще сообщали о том, что их мотивируют выйти из дома различные мотивы, ориентированные на индивида, в то время как женщины аргументировали причины выхода из дома преимущественно средовыми и социальными причинами ($\chi^2=8,943$; $p=0,030$). Перечисляя внешние причины выхода из дома, женщины чаще сообщают о неудовлетворенных базовых потребностях, а мужчины – о потребностях высшего порядка по сравнению с женщинами; во-вторых, обсуждая внутренние причины выхода из дома, мужчины отмечали, что они чаще стремятся уйти из дома, если в домашней среде не учитываются их желания и намерения, равно как депривируется потребность в саморазвитии и творчестве, т. е. потребности, ориентированные на индивида, в то время как женщины аргументировали причины выхода из дома преимущественно средовыми и социальными причинами: дискомфортом, однообразием и мрачностью домашней обстановки, либо напряженными отношениями с домочадцами.

Таким образом, мы можем говорить о том, что человек может стремиться выходить из дома как для удовлетворения потребностей высшего порядка, так и из-за переживаемой фрустрации базовых потребностей. Дом видится средой, в которой можно удовлетворить преимущественно базовые потребности. Если это происходит, то основными причинами выхода из дома служат аттракторы, усиливающие удовлетворение высших потребностей. Дом не универсален в качестве ресурса, для поддержания баланса человеку помимо дома требуется дополнение в виде других сред.

Литература

- Бочавер А. А.* Представления о доме как элемент персонального опыта // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 5–15.
- Быстрова Я. В.* Символика строения дома: социокультурный смысл // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17. Вып. 4. 2015. С. 102–111.
- Нартова-Бочавер С. К., Бочавер А. А., Дмитриева Н. С., Резниченко С. И.* Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2016.
- Нартова-Бочавер С. К., Дмитриева Н. С., Резниченко С. И., Кузнецова В. Б., Брагинец Е. И.* Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 71–83.

- Потураева Е. А.* Метафорические обозначения концепта «дом» в русской языковой картине мира // *Язык и культура*. 2010. № 1. С. 58–73.
- Резниченко С. И.* Валеологический потенциал привязанности к дому у взрослых людей // *Клиническая и специальная психология*. 2016. № 3. С. 1–23.
- Резниченко С. И.* Привязанность к месту и чувство места: модели и феномены // *Социальная психология и общество*. 2014. № 3. С. 15–27.
- Резниченко С. И., Нартова-Бочавер С. К., Кузнецова В. Б.* Метод оценки привязанности к дому // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. № 3. С. 498–518.
- Филиппова Е. В.* Дом как фрагмент фольклорной картины мира (на материале английских и русских народных баллад): Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.
- Oswald F., Schilling O., Wahl H.-W., Gäng K.* Trouble in paradise? Reasons to relocate and objective environmental changes among well-off older adults // *Journal of Environmental Psychology*. 2002. № 22. P. 273–288.

Crossing the border of home in the context of the subject's needs

A. A. Bochaver, S. I. Reznichenko** (Moscow)*

* candidate of psychology, National Research University
Higher School of Economics

** candidate of psychology, Moscow State University
of Psychology and Education

The article, based on a survey of 245 respondents, analyzes subjective factors of attraction and avoidance, which encourage residents to leave their home space and move to other environments in their daily lives. Based on the symbolic and everyday values of crossing the border “home—not home” the main internal and external causes of routine exits from the home among modern young people are identified. The polymodality of the relationship between a person and his / her home is shown: the house is seen as an environment in which it is possible to meet the basic needs, and if this happens, the main reasons for leaving the house are attractors that promise satisfaction of higher needs. If the basic needs in a home environment are frustrated, the person is looking for alternative spaces to meet them. The article substantiates the provision that the house is not a universal resource to meet the needs and needs to be supplemented by other environments.

Keywords: home environment, home, psychology of home, needs.

Взаимосвязь между отношением к психологическому здоровью и самооценкой личности

Т. В. Галкина, Н. Г. Артемцева** (Москва)*

** кандидат психологических наук, доцент, Институт психологии РАН;
e-mail: galkina@list.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, Институт психологии РАН;
e-mail: artyomtseva@gmail.com*

Показана актуальность проведения исследований, направленных на изучение проблемы психологического здоровья и отношения к нему. Самооценка, как важнейший регулятор поведения субъекта, связана со здоровьем в целом, и с психологическим здоровьем личности в частности. Рассмотрены определения психологического здоровья и самооценки. Определенные особенности самооценки могут выступать в качестве потенциальной угрозы психологическому здоровью. Высказано предположение, что разработка проблем, связанных с возможными угрозами психологическому здоровью субъекта, вызвала бы у А. В. Брушлинского, 85-летие которого отмечается в этом году, особый интерес. Задачей проведенного исследования было выявление взаимосвязи между отношением к психологическому здоровью и особенностями самооценки личности. Представлены результаты корреляционного исследования, позволяющие констатировать, что отношение к психологическому здоровью в целом положительно взаимосвязано с такими параметрами самооценки субъекта, как ум и уверенность в себе. Эти параметры также являются и компонентами психологического здоровья в соответствии с представлениями наших современников.

Ключевые слова: субъект, отношение, психологическое здоровье, личность, самооценка, уровень притязаний, представления.

Работа выполнена в соответствии с Государственными заданиями ФАНО № 0159-2018-0002 и № 0159-2018-0010.

Актуальность проведения специальных научных исследований, связанных с различными аспектами здоровья человека, не вызывает сомнения. Об этом свидетельствует как социальный запрос, так и возникшая в ответ на него специальная отрасль психологической науки – «Психология здоровья». В докладах Всемирной организации здоровья (ВОЗ) неоднократно подчеркивалось, что наиболее опасные риски для здоровья современных людей обусловлены факторами, связанными с особенностями их поведения (чрезмерное употребление табака и алкоголя, наркомания, переедание, гиподинамия, сильные эмоциональные и, как следствие, поведенческие реакции на стрессовые ситуации и т. д.). Достаточно очевидно, что определенные поведенческие паттерны влияют не только на физическое здоровье человека, но и на его психическое, и психологическое здоровье. Самооценка, основной функцией которой является саморегуляция поведения субъекта, безусловно, связана со здоровьем в целом, и с психологическим здоровьем личности в частности. В нашей работе мы поставили задачу исследовать *взаимосвязь между отношением людей к своему психологическому здоровью и их самооценкой*. Теоретический анализ существующих публикаций позволяет констатировать, что *в данном аспекте* проблемы психологического здоровья и самосознания личности не были исследованы. Нерешенными остаются и вопросы о критериях и нормах психологического здоровья, возможных угрозах. Ранее нами было проведено исследование, направленное на изучение созависимости как возможной угрозы психологическому здоровью субъекта (Артемцева, Галкина, 2014 и др.). Нам представляется, что определенные особенности самооценки как регулятора поведения личности, также могут выступать в качестве потенциальной угрозы психологическому здоровью (Галкина, 2011 и др.).

В этом году научная общественность отмечает 85-летие со дня рождения А. В. Брушлинского (1933–2002) – выдающегося российского психолога, блестящего организатора науки, второго директора Института психологии РАН (1989–2002 гг.), сумевшего объединить вокруг себя ученых, придерживающихся самых разных, иногда диаметрально противоположных взглядов, сохраняя при этом в Институте атмосферу толерантности, научной заинтересованности и доброжелательности. Полагаем, что это удавалось Андрею Владимировичу благодаря присущей ему настоящей российской интеллигентности, неисчерпаемой страсти к науке, полемическому складу ума и открытости к новым идеям, к которым он относился с неизменным интересом.

Возьмем на себя смелость утверждать, что разработка проблем, связанных с возможными угрозами психологическому здоровью субъек-

екта, вызвала бы у Брушлинского особый интерес. Основанием так полагать стало знание его творческой биографии, системы ценностей, которой он руководствовался в жизни и как человек, и как ученый, а также наше личное знакомство с этим высоконравственным человеком и «рыцарем науки» (по меткому замечанию В. А. Кольцовой). Все это вместе позволяет говорить о гуманистической ориентации его личности, которой не могла быть безразлична тема психологического здоровья, напрямую связанная с духовно-нравственным аспектом развития субъекта. Эволюция научных взглядов Брушлинского свидетельствует о том, что с каждым годом для него все более значимыми становились закономерности формирования вершинных проявлений психологии субъекта – духовности, нравственности, свободы, гуманизма, ответственности (Брушлинский, 1996 и др.; Знаков, 2013; и др.). Его интерес к этим проблемам как перспективным направлениям психологических исследований не случаен. Связан он, в частности, с высокой духовностью и нравственностью самого Андрея Владимировича. Духовность, нравственность, с одной стороны, являются некими предельными, высшими уровнями в развитии человека как личности и субъекта своей жизнедеятельности, а с другой – важнейшими составляющими его психологического здоровья. Можно сказать, что духовно-нравственный аспект является системообразующим фактором психологического здоровья (Галкина, Артемцева, 2016; и др.). Разработка же проблемы психологического здоровья личности как субъекта бытия с акцентом на ее духовно-нравственных детерминантах – логическое продолжение и развитие психологии субъекта А. В. Брушлинского. Интерес ученого к проблемам нравственности, духовности был также связан и с тем, что он являлся верным и последовательным учеником С. Л. Рубинштейна, который был первым в отечественной психологии, кто предельно остро и четко обосновал роль нравственного закона в жизни человека и общества (Воловикова, Галкина, 2014).

Понятие «*психологическое здоровье*» значительно шире более традиционного и часто употребляемого понятия «*психическое здоровье*». *Психическое здоровье* в целом понимается как совокупность отдельных психических функций, которые обеспечивают жизнеспособность и адаптивность людей. *Психологическое же здоровье* включает в себя еще и представления о ресурсах личности и потенциале развития человеческого духа. Психологическое здоровье часто рассматривается, как динамическая совокупность психических свойств, обеспечивающих гармонию между различными сторонами личности человека, а также между человеком и обществом. Психологическое здоровье дает возможность человеку полноценно функционировать в про-

цессе жизнедеятельности. Не станет откровением, что определенные свойства и особенности самооценки личности также теснейшим образом связаны с ее успешным развитием и функционированием.

Во многих исследованиях показано, что психологическое здоровье тесно связано с духовно-нравственной составляющей (Б. С. Братусь, М. И. Воловикова, И. В. Дубровина, А. Л. Журавлев, Г. С. Никифоров, В. И. Слободчиков, А. В. Шувалов, А. В. Юревич и др.). Термин *психологическое здоровье* (в отличие от «психического здоровья») имеет отношение ко всей личности в целом и находится в тесной связи с высшими проявлениями человеческого духа (Воловикова, Галкина, 2014; Галкина, Артемцева, 2016; Дубровина, 2009; и др.). Исследования проблемы психологического здоровья, особенно отношения к нему субъекта во взаимосвязи с его самооценкой, безусловно, относятся к прогрессивному действенно-преобразующему типу знания, опирающемуся на основные принципы системного подхода и принцип взаимодействия.

Проблема *самооценки* является традиционной темой психологических исследований. Но от этого она не становится менее актуальной, и ее разработка продолжается по мере развития психологической науки и переходу ее на действенно-преобразующий тип знания (в соответствии с терминологией Я. А. Пономарева*). Самооценка относится к центральным образованиям личности, ее ядру. Она в значительной мере определяет социальную адаптацию личности, являясь регулятором поведения и деятельности. Формирование адекватной и гибкой самооценки — актуальная психолого-педагогическая задача, особенно в наше тревожное и нестабильное время (Галкина, 2011). Значительную роль в формировании самооценки играют оценки окружающих субъекта людей. Самооценка — это ценность, которая приписывается субъектом себе, отдельным своим качествам или достижениям. В качестве основного критерия оценивания выступает система личностных смыслов субъекта, т. е. то, что личности кажется значимым. Главные функции самооценки — регуляторная, на основе которой происходит решение задач личностного выбора, и защитная, обеспечивающая относительную стабильность, устойчивость и независимость личности (Галкина, 1985 и др.).

Самооценка, т. е. оценка личностью себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей, безусловно, относится к базисным образованиям личности. Именно она во многом определяет взаимоотношения с окружающими, критичность, требовательность к себе, отношение к успехам и неудачам. Человек, живя и действуя в окру-

* Подробнее о типах научного знания см.: Журавлев, Галкина, 2015; и др.

жающем мире, постоянно сравнивает себя с другими людьми, свои собственные дела и успехи с делами и успехами других людей, свои качества, способности с качествами, способностями других людей. Иными словами, мы с детства учимся оценивать сами себя и продолжаем это делать всю жизнь. То, насколько успешным и позитивным является наше сравнение себя с другими, в определенной степени связано не только с самооценкой, но и с уровнем притязаний личности (Галкина, 1985, 2011).

Изучая представление о психологическом здоровье личности, семьи, нации и отношение к отдельным его компонентам, мы обнаружили, что наши испытуемые давали эмоционально окрашенные характеристики своего отношения к этому явлению. Среди этих характеристик присутствовали также такие свойства личности, как уверенность в себе, демонстративность, стремление к самоактуализации и самовыражению, высокая самооценка.

С целью проверить *гипотезу*, что *существует взаимосвязь между отношением к психологическому здоровью и самооценкой субъекта*, было проведено эмпирическое исследование.

В качестве *респондентов* выступили 60 чел. в возрасте от 20 до 35 лет (мужчины и женщины).

Процедура и методики исследования

Для исследования использовались две методики: авторский опросник ШОПЗ — «Шкала отношения к психологическому здоровью» (Артемцева, Галкина, 2016) и методика диагностики самооценки и уровня притязаний Т. В. Дембо и С. Я. Рубинштейн (Рубинштейн, 1999).

Опросник ШОПЗ позволяет выявить личностные представления о психологическом здоровье и различия в отношении к его компонентам. По форме проведения опросник ШОПЗ является индивидуальным и не требует какого-либо оборудования. Участие в исследовании было добровольным. Респондентам, желающим принять участие в исследовании, предлагался бланк опросника, сообщалось о цели проведения исследования, давалась гарантия о неразглашении результатов. Затем респондентам предлагалась инструкция, в соответствии с которой надо было заполнить анкетные данные и оценить по 6-балльной шкале, насколько приведенные в опроснике высказывания подходят ему. После проведения исследования респондентам давалась обратная связь.

Представляем здесь текст опросника «Шкала отношения к психологическому здоровью» (ШОПЗ), опубликованный нами ранее (Артемцева, Галкина, 2016).

Бланк опросника «Шкала отношения к психологическому здоровью» (ШОПЗ)

ФИО _____
Возраст _____ Пол _____
Образование _____

Инструкция

Оцените, пожалуйста, *по 6-балльной шкале*, насколько к вам относятся эти утверждения: 1 – вообще не относится; 2 – не относится; 3 – скорее не относится; 4 – скорее относится; 5 – относится; 6 – всегда относится:

1. Психологическое здоровье связано с успешной адаптацией человека в современном мире.
2. Каждый человек должен стремиться к гармонии души и тела.
3. Состояние благополучия укрепляет психологическое здоровье.
4. Когда человек несет за себя ответственность, у него все получается.
5. Чтобы чувствовать себя психологически здоровым, необходимо позитивное мышление, в широком смысле.
6. Для психологического здоровья важно уметь легко справляться с возникающими проблемами.
7. Психологически здоровый человек умеет устанавливать межличностные отношения.
8. Оптимизм способствует сохранению психологического здоровья.
9. Эмоциональная уравновешенность – неотъемлемая часть психологического здоровья.
10. Радость – это естественное состояние психологически здорового человека.
11. Душевное спокойствие помогает развиваться и самосовершенствоваться.
12. Адекватная самооценка способствует достижению психологического здоровья.
13. Уверенность в себе – важная составляющая психологического здоровья.
14. Психологическое здоровье включает в себя и физическое, и душевное, и духовное.

Чем выше набранная сумма баллов в опроснике ШОПЗ, тем более значимо отношение субъекта к психологическому здоровью.

Как известно, методика Дембо—Рубинштейн позволяет определить самооценку личности и уровень ее притязаний. Первоначально стимульный материал методики представлял собой четыре вертикальные линии, последовательно расчерченные на горизонтальном листе бумаги и обозначающие собой четыре шкалы: здоровья, ума, характера и счастья. В настоящее время эта методика используется значительно шире. Существуют различные модификации (А. М. Прихожан, П. В. Яньшина). В данном исследовании мы использовали первоначальный вариант шкал, но вслед за А. М. Прихожан изменили шкалу «счастье» на «уверенность в себе». Таким образом, стимульный материал методики в нашем исследовании представляет собой бланк, на котором изображены четыре вертикальные линии (высота каждой — 100 мм, что соответствует 100 баллам, с указанием верхней и нижней точек, которые отмечены заметными штрихами, и середины шкалы, отмеченной едва заметной точкой; в инструкции испытуемому предлагается на каждой шкале черточкой отметить свою самооценку оцениваемого параметра, а крестиком — уровень, на который он претендует), обозначающие собой четыре шкалы: *здоровье, ум, характер и уверенность в себе*. Именно эти четыре параметра согласуются с представлениями о психологическом здоровье у наших современников (Галкина, Артемцева, 2016).

Результаты исследования и их обсуждение

По результатам методики на самооценку выявлено, что наши респонденты продемонстрировали средний, высокий и очень высокий уровень самооценки, так как результаты находятся в диапазоне от 55 до 90 баллов. Следовательно, можно сказать, что нашим испытуемым присуща адекватная самооценка по всем рассматриваемым параметрам. Такие же выводы можно сделать, говоря и об уровне притязаний: диапазон от 80 до 95 свидетельствует об оптимальном представлении о своих возможностях респондентами, что является важным фактором личностного развития и отношения к своему психологическому здоровью. В результате корреляционного анализа была выявлена статистически значимая взаимосвязь отношения к психологическому здоровью с общей самооценкой ($r=0,31$ при $p<0,05$) и с уровнем притязаний ($r=0,27$ при $p<0,05$). Это говорит о том, что более выраженное стремление достичь психологического здоровья связано с высокой самооценкой и высоким уровнем притязаний. А люди с низкой самооценкой, видимо, не придают значения необходимости совершенствования своего психологического здоровья, а возможно, даже и не задумываются вовсе о здоро-

вые и его компонентах. Поскольку мы рассматривали каждую шкалу методики на самооценку как отдельный параметр, являющийся также одним из представлений о психологическом здоровье (Галкина, Артемцева, 2016), то мы посмотрели также, как связана общая оценка по методике ШОПЗ с оценками каждой шкалы методики на самооценку. Оказалось, что отношение к психологическому здоровью статистически значимо взаимосвязано только с *самооценкой* ума ($r=0,32$ при $p<0,05$) и уверенности в себе ($r=0,32$ при $p<0,05$) и с *уровнем притязаний* в отношении ума ($r=0,29$ при $p<0,05$) и здоровья ($r=0,27$ при $p<0,05$). Видимо, чем более умным и уверенным в себе человек себя считает, тем более значимо его отношение к психологическому здоровью и его компонентам. Взаимосвязь отношения к психологическому здоровью с притязаниями субъекта касательно собственного здоровья согласуется с данными наших эмпирических исследований: почти все респонденты, рассуждая о содержании понятия «психологическое здоровье» в первую пятерку представлений включали такой компонент, как собственно «здоровье».

Таким образом, с помощью опросника ШОПЗ и методики Дембо–Рубинштейн было изучено отношение к психологическому здоровью и его компонентам у субъектов с определенными особенностями самооценки.

Полученные результаты позволяют прийти к выводу о том, что отношение к психологическому здоровью в целом положительно взаимосвязано с такими параметрами самооценки субъекта, как ум и уверенность в себе, что вполне логично, так как именно эти параметры являются компонентами психологического здоровья в соответствии с представлениями наших современников.

Литература

- Артемцева Н. Г., Галкина Т. В. Созависимость как возможная угроза психологическому здоровью субъекта // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 213–220.
- Артемцева Н. Г., Галкина Т. В. Отношение к психологическому здоровью личности: проблема измерения // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 121–126.
- Брушлинский А. В. Субъект: Мышление, учение, воображение. М.–Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Воловикова М. И., Галкина Т. В. Психологическое здоровье личности и нравственные проблемы общества (вместо предисловия) // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные

- проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 5–15.
- Галкина Т. В.* Особенности оценки и самооценки в ситуации прогнозирования достигаемых результатов // Вопросы психологии. 1985. № 6. С. 131–138.
- Галкина Т. В.* Самооценка как процесс решения задач: системный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Галкина Т. В., Артемцева Н. Г.* Личностные представления о компонентах психологического здоровья у наших современников // Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 182–194.
- Дубровина И. В.* Психическое и психологическое здоровье в контексте психологической культуры личности // Вестник практической психологии образования. 2009. № 3. С. 17–21.
- Журавлев А. Л., Галкина Т. В.* Роль теории Я. А. Пономарева в развитии гуманитарных наук (к 95-летию со дня рождения ученого) // Наука. Культура. Общество. 2015. № 3. С. 5–19.
- Знаков В. В.* Аналитичность и холистичность во взглядах А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 135–146.
- Рубинштейн С. Я.* Экспериментальные методики патопсихологии. М.: Эксмо, 1999.

Interrelation between the attitude to psychological health and self-esteem of the personality

*T. V. Galkina**, *N. G. Artemtseva*** (Moscow)

* Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

The urgency of carrying out the researches directed on studying the problem of psychological health and attitude to it is shown. Self-esteem, as an important regulator of the subject's behavior, is related to health in general and to the personality's psychological health in particular. Definitions of psychological health and self-esteem are considered. Certain features of self-esteem can act as a potential threat to psychological health. It is suggested that the development of the problems related to possible threats to the subject's psychological health, would cause particular interest of A. V. Brushlinsky, whose 85th anniversary is celebrated this year. Identification of interrelation between the attitude towards psychological health and some features of personality's

self-esteem was an aim of our empirical research. The results of a correlation research allowing to note that the attitude towards psychological health in general is positively interconnected with such parameters of subject's self-esteem as mind and self-confidence. These parameters are also components of psychological health according to representations of our contemporaries.

Keywords: subject, attitude, psychological health, personality, self-esteem, level of claims, representations.

Исследование психологических особенностей студентов, предрасположенных к научной деятельности

В. В. Гижницкий, В. А. Негрий** (Москва)*

** кандидат психологических наук, Первый московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова; e-mail: viktor.gizhitsky@yandex.ru*

*** ведущий психолог, СПАО «Ингосстрах», отдел карьерного развития Управления «Корпоративный университет» Департамента по работе с персоналом; e-mail: v.negrii@gmail.com*

В ходе настоящего исследования были получены данные о психологических особенностях студентов, предрасположенных к научной деятельности. Были сравнены показатели депрессии, тревоги и мотивационной сферы студентов, склонных к научной деятельности, и студентов, не склонных к этому.

Ключевые слова: студенты, мотивация, депрессия, тревога, научная деятельность.

В настоящее время, в период активно развивающихся технологий и, как следствие, изменения образа науки и ученого в сознании людей, представляется актуальным изучение различных психологических аспектов учащихся, чья деятельность связана с наукой. В настоящее время растет интерес молодежи к науке, и в то же время для них открываются новые возможности в различных организациях и предприятиях, готовых разрушить старые стереотипы «бедной и бесперспективной» науки. В связи с этим видится актуальным изучение психологических особенностей студентов, предрасположенных к научной работе, а также дальнейшая их поддержка.

Цели и методы исследования

Основной целью исследования стало выявление студентов, предрасположенных к научной деятельности, и сравнение их с другими

студентами по ряду психологических характеристик (по показателям депрессии, тревоги и мотивационной сферы).

В исследовании приняло участие 73 студента физического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, все они прошли батарею следующих методик:

1. Опросники на выявление уровня беспокойства (тревоги): The Penn State Worry Questionnaire (PSWQ) и GAD-7.
2. Опросники на депрессию: опросник Зунга и PHQ-9.
3. Опросник учебной мотивации Т. О. Гордеевой.
4. Шкала внутренних и внешних жизненных целей (Т. Кассер, Р. Райан).
5. Незаконченные предложения.

Достижение цели по выявлению психологических особенностей студентов, склонных к научной деятельности, включало три этапа.

1. На основании результатов, полученных по шкале внутренних и внешних целей (Т. Кассер, Р. Райан), необходимо было выявить кумулятивный показатель целей, связанных с научной деятельностью. Для решения данной задачи был произведен расчет среднего по шкалам важности научной деятельности (для студента), вероятности достижения в ней успеха и субъективной оценки студента своих достижений в науке.
2. С помощью методов описательной статистики (квартили) были выявлены студенты с высокими по кумулятивному баллу целей научной деятельности. Эту группу студентов мы обозначили как студентов, предпочитающих научную деятельность (ПНД).
3. В рамках третьего этапа проводилось сравнение двух групп студентов по психологическим характеристикам с помощью t-критерия.

Результаты исследования

Сравнение по показателям на беспокойство: студенты с высокими показателями по кумулятивному баллу испытывают меньшую тревогу, чем остальные студенты (опросник The Penn State Worry Questionnaire – значимые результаты, GAD-7 – на уровне тенденции). Студенты, предпочитающие научную деятельность, меньше, чем остальные студенты, склонны испытывать и переживать чувство беспокойства и тревоги.

Сравнение по показателям на депрессию: студенты с высокими показателями по кумулятивному баллу испытывают меньше депрессивных переживаний, чем остальные студенты (PHQ-9 – значимые

результаты). По опроснику Зунга, наоборот, значимых различий нет. Интересно отметить, что при качественном анализе данных, полученных по опроснику Зунга, самые высокие показатели имели те же студенты, что и с высокими показателями опросника РНҚ-9. Можно предположить, что студенты, предпочитающие научную деятельность, меньше, чем остальные студенты, склонны к депрессивным переживаниям.

Сравнение по показателям на мотивацию: студенты с высокими показателями по кумулятивному баллу имеют более высокие показатели по внутренним мотивам и идентифицированной регуляции, а также значительно ниже по экстернальной регуляции и амотивации (значимые результаты).

Ряд отечественных и зарубежных исследований показывает, что внутренние мотивы являются оптимальными учебными мотивами, выступающими предикторами высоких академических достижений, настойчивости, психологического благополучия (Гордеева, 2013; Чирков, 1991; Deci, Ryan, 1985, 2000, 2008; Vallerand, 1997; и др.). В связи с этим и исходя из полученных данных, можно заключить, что студенты, предпочитающие научную деятельность, имеют более высокие показатели по внутренним мотивам, в отличие от остальных студентов, а следовательно, могут быть более успешны в академических достижениях, настойчивы и в целом психологически благополучны. Но, несмотря на продуктивность внутренних мотивов для процесса учения, построение учебного процесса исключительно на данных мотивах невозможно.

Студенты, предпочитающие научную деятельность, в отличие от остальных студентов, чаще проявляют идентифицированную регуляцию. Идентифицированная регуляция проявляется в том, что индивид принимает цели деятельности и осознает их значимость. В данном случае выполнение деятельности студентами происходит не для достижения внешних по отношению к ней целей (как при экстернальной регуляции) и не из-за требований общества (как при интроецированной регуляции), а по причине ощущения субъектом ее высокой значимости. Студент с идентифицированной регуляцией учится в вузе потому, что знания и умения представляют для него высокую ценность. При этом учебный процесс может не приносить удовольствия, поскольку для учащегося важен именно результат (знания, умения).

Студенты, предпочитающие научную деятельность, меньше, чем остальные студенты, проявляют экстернальную регуляцию. При экстернальной регуляции внешние стимулы (оценки, награды и наказания за успеваемость) направляют и придают смысл вы-

полнению учебных заданий и посещению университета. Вместе с тем учащиеся не чувствуют себя автономными субъектами деятельности, так как их деятельность контролируется стимулами, заданными другими людьми. При экстернальной регуляции процесс деятельности не приносит удовольствия, сама деятельность не вызывает интереса, а осуществляется в связи с ожиданием внешних поощрений или, наоборот, санкций.

Студентам, предпочитающим научную деятельность, также несвойственна, в отличие от остальных студентов, возможность переживания отсутствия любой мотивации — амотивация. У данной группы студентов показатели значительно ниже.

Сравнение по шкале внутренних и внешних жизненных целей (Т. Кассер, Р. Райан): студенты, предпочитающие научную деятельность, имеют значимо более высокие результаты по следующим шкалам: помощь людям, личностный рост, физическое здоровье, социальное признание. В целом у этих студентов показатели выше по всем пунктам. Таким образом, можно заключить, что студенты, предпочитающие научную деятельность, в большей степени, чем остальные студенты, стремятся помогать другим людям, заинтересованы в собственном развитии и личностном росте, стремятся заботиться о собственном здоровье и хотели бы получить признание в обществе.

Выводы

Студенты, предпочитающие научную деятельность, и остальные студенты различаются по психологическим характеристикам.

1. Студенты, предпочитающие научную деятельность, меньше, чем остальные студенты, склонны испытывать и переживать чувство беспокойства и тревоги.
2. Студенты, предпочитающие научную деятельность, меньше, чем остальные студенты, склонны к депрессивным переживаниям.
3. Студенты, предпочитающие научную деятельность, имеют более высокие показатели по внутренним мотивам и идентифицированной регуляции, а также более низкие по экстернальной регуляции и амотивации.
4. Студенты, предпочитающие научную деятельность, имеют значимо более высокие результаты по таким шкалам, как помощь людям, личностный рост, физическое здоровье, социальное признание.

Заключение

Исходя из полученных выводов, можно заключить, что студенты, предпочитающие научную деятельность, по сравнению с остальными студентами, в целом более психологически благополучны. У них менее выражены показатели таких негативных переживаний, как беспокойство, тревога и депрессия. Мотивационная сфера у таких студентов представлена внутренними мотивами и идентифицированной регуляцией, в то время как у остальных присутствует в большей степени – экстернатальная регуляция и амотивация. Жизненные цели студентов, предпочитающих научную деятельность, связаны с помощью другим людям, личностным ростом, заботой о собственном здоровье и социальным признанием.

Мы надеемся, что изучение индивидуальных особенностей, способствующих успешной научной деятельности, не только позволит работодателям найти свои талантливые умы, но и приведет к созданию благоприятных условий и стимулирующих программ по развитию научного интереса и склонности к науке у современной молодежи.

Литература

- Гижицкий В. В.* Внутренние и внешние мотивы учебной деятельности как факторы академической успешности старшеклассников: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2016.
- Гижицкий В. В., Гордеева Т. О.* Мотивация самоуважения и уважения другими как факторы академических достижений и настойчивости в учебной деятельности // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 57–68.
- Гижицкий В. В., Гордеева Т. О.* Стратегии учебного поведения как медиаторы влияния мотивов на академические достижения // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. Т. 2. № 65. С. 253–259.
- Гордеева Т. О.* Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, механизмы, условия развития: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2013.
- Deci E. L., Ryan R. M.* Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health // Canadian Psychology. 2008b. V. 49. P. 182–185.

Study of psychological characteristics of students predisposed to scientific activity

*V. V. Gizhitskii**, *V. A. Negrii*** (Moscow)

* Candidate of Psychology, First Moscow State Medical University named after I. M. Sechenov

** Ingosstrakh, Department of Career Development of Management “Corporate University” of the Department of Human Resources

As a result of this study we received data on psychological characteristics of the students which are predisposed to scientific activity. We compared indicators of depression, anxiety and motivational sphere of the students which are inclined to the scientific activity, and those which are not inclined to scientific activity.

Keywords: students, motivation, depression, anxiety, scientific activity.

Жизненная успешность как метаресурс и показатель субъектности в процессе саморегуляции личности

Н. А. Деева (Краснодар)

*кандидат психологических наук, доцент, Краснодарский университет
МВД России; e-mail: natalya_deeva@bk.ru*

В статье ставится проблема понимания жизненной успешности в системе саморегуляции личности. Раскрывается сущность жизненной успешности как показателя высокосубъектного уровня саморегуляции. Представлено описание механизмов жизненной успешности во взаимосвязи «цель—ценность—бытие». Приведены результаты эмпирического исследования механизмов жизненной успешности и личностных качеств, наиболее присущих успешному человеку, на выборке юношеского возраста. В результате исследования выявлено три ведущих механизма жизненной успешности: рефлексивно-технологический, рефлексивно-аксиологический, рефлексивно-онтологический. При исследовании личностных качеств выделено три фактора, которые выражают субъектные позиции личности: «прагматическая нацеленность на результат», «направленность на процесс с учетом социального взаимодействия», «адаптация к ситуации».

Ключевые слова: жизненная успешность, саморегуляция, метаресурс, субъектность.

Условия современного, динамично изменяющегося мира ставят перед личностью сложные задачи, связанные с саморегуляцией. Личность, как самоорганизующаяся открытая система, вынуждена обращаться к поиску внутренних возможностей (психологических ресурсов) для осуществления взаимосвязи с миром, в процессе которой происходит не только адаптация, в узком смысле, но собственно развитие и реализация потенциала. В этом случае можно говорить о саморегуляции наиболее высокого уровня субъектности, когда человек «выступает центром реорганизации бытия» (Абульханова, Славская,

2003). Данный уровень саморегуляции нуждается в своего рода «метаресурсах». В связи с этим особенно остро встает проблема системной организации и функционирования психологических ресурсных возможностей человека, определения метасистемных характеристик, которые задают векторы функционирования всей системы регуляции в целом. Например, В. Н. Марков обозначает это как метаресурс, обеспечивающий эффективность системы «психического управления поведением и развитием личности», «который показывает, в какой мере личности удалось освоить управление своими внутренними и внешними ресурсами для целей максимальной самореализации» (Марков, 2010).

Отметим, что при исследовании проблем саморегуляции авторы выходят на ресурсный потенциал ее компонентов, механизмов и процессов, а также на проблему понимания высшей способности саморегуляции. Исследователи выделяют существенные характеристики системы саморегуляции: осознанность, субъектность, целенаправленность, наличие системы выборов (Конопкин, 1995; Моросанова, 2010; Шаров, 2000). Система саморегуляции приводит в определенное состояние всю психику человека, «помогает» занять субъектную позицию, которая выражается в постановке и достижении разнообразных целей с учетом складывающейся ситуации во взаимосвязи человека и мира. Развитая система саморегуляции содержит в себе те интегративные метаресурсы, которые помогают раскрывать человеку собственный потенциал, актуализировать свои возможности, достигать поставленных целей и сохранять баланс целостности и открытости миру (Абульханова, Ключко, Моросанова, 2011). Сформированность субъектной позиции является важнейшим критерием эффективности функционирования системы саморегуляции и проявляется в успешности. Успешность является неотъемлемым структурно-функциональным звеном процесса саморегуляции (Моросанова, 2001) и содержательным показателем субъектности, обладая при этом огромнейшим ресурсным потенциалом. Ученые указывают, что проблема успеха «приобретает новую, более глубокую проблематизацию, связанную с операционализацией конкретных видов успешности и их критериев» (Тульчинский, 2016).

Несмотря на то, что концепт жизненной успешности является недостаточно определенным в современной психологической науке, проблемы, связанные с ее проявлениями и функционированием, прямо или косвенно освещались на всем протяжении исторического развития и становления теоретической и практической психологии. В последнее десятилетие появились работы, посвященные непосредственно изучению отдельных аспектов жизненной успеш-

ности, таких как: определение сущностных характеристик, концепта и предметной области жизненной успешности (Гафарова, 2015; Головчанова, 2010; Ключников, 2003); социальные и личные представления об успехе, успешности и успешной личности (Курицкая, 2012; Розенберг, 2001); выявление и обоснование факторов (Логвинова, 2016) и наиболее значимых детерминант успешности (Головчанова, 2010; Ключников, 2003; Щербакова, 2006). Таким образом, в современной отечественной психологии очерчивается проблема наиболее целостного и глубокого понимания жизненной успешности как интегративного образования, встроеного в систему саморегуляции.

В процессе анализа подходов и точек зрения на проблематику жизненной успешности выделились три взаимодополняющих линии, в рамках которых раскрывается ее понимание: социально-философская, научно-психологическая и практико-прагматическая (Деева, 2017). Результаты анализа позволяют говорить о том, что жизненная успешность отображает и определяет основные ценностные ориентиры и стратегии жизни как общества, так и человека и является точкой отсчета для самоопределения и субъективного выбора «жизненных координат» посредством содержательной и процессуальной сторон саморегуляции. С позиций принятых в обществе стереотипов, а также личного представления об успехе и успешности, человек находит точку отсчета в пространстве своих ценностно-смысловых образований для выстраивания координат собственной жизненной успешности (самоопределяется, находит свое предназначение, место в жизни, осознает свои притязания и т. п.). Определяет свои жизненные ориентиры, значимость и качественное наполнение личного успеха. Все это оформление происходит благодаря рефлексивным способностям в процессе постоянного обращения к себе и к миру, очерчивания и выделения значимости ценностей и смыслов. Результаты такой внутренней работы проявляются во всех видах осознанной активности личности (конативной, аффективной, когнитивной). В свою очередь, результаты активности сигнализируют личности о том, насколько эффективно функционируют данные компоненты, и подвигают к дальнейшим поискам смысла, сопоставлению целей и результатов, выбора способов активности как вариантов достижения поставленных целей. Таким образом, в процессе саморегуляции жизненная успешность проявляется как механизм, качество и состояние.

Функционирование механизмов жизненной успешности происходит посредством рефлексивного оформления пространства ценностно-смысловой сферы: «цель—ценность—бытие». Соответственно определяются три взаимосвязанных механизма, которые можно

обозначить как рефлексивно-технологический, рефлексивно-аксиологический и рефлексивно-онтологический.

Рефлексивно-технологический механизм раскрывается в наиболее оптимальном достижении цели, выраженной в конкретном результате деятельности, при этом цель и результат должны быть измеримыми, эффективными, положительными, подлинными, гибко корректируемыми и стратегичными. Именно рефлексивно-технологический механизм обеспечивает разворачивание процессуальной стороны саморегуляции, ее программ, стратегий, стилей, реализующихся в активности.

Суть рефлексивно-аксиологического механизма заключается в конструировании личностью своего взаимодействия с социальной реальностью на основании ценностей как социальных и внутриличностных образований при осуществлении значимой социально оцениваемой целенаправленной активности. Подлинное понимание значимости цели деятельности и самой выполняемой деятельности невозможно без сформированного рефлексивно-аксиологического механизма.

Рефлексивно-онтологический механизм заключается в переработке и переживании жизненного опыта на основе наиболее универсальных жизненных принципов (правил, точек опоры), которые даны в человеческом бытии. Четкое определение и понимание основных принципов жизни определяет стратегию успешности, которая разворачивается в соотношении работы над собой (включая, в первую очередь, работу над своим внутренним миром) и преодоления внешних трудностей. Опора на данные принципы, следование им обеспечивают успешное существование в социальном, профессиональном и личностном планах.

Функционирование вышеперечисленных механизмов находится во взаимосвязи с совокупностью определенных качеств личности, связанных с ее направленностью, рефлексией, эмоционально-волевой регуляцией, социально-психологическим взаимодействием. Данные качества, с одной стороны, способствуют формированию механизмов жизненной успешности и реализации их ресурсных возможностей, а с другой — сами формируются в процессе активного функционирования данных механизмов.

Наиболее продуктивное функционирование механизмов жизненной успешности оказывает активизирующее влияние на личность и способствует возникновению позитивных состояний в процессе достижения цели, а также при оценке полученных результатов. Подобные состояния можно характеризовать как удовлетворенность, получение удовольствия от процесса и результата, готовность к деятельности, мотивация достижения успеха и т. п.

Такое понимание жизненной успешности легло в основу эмпирического исследования и разработки авторской исследовательской методики «Жизненная успешность». В качестве примера приведем результаты, полученные на выборке юношеского возраста (студенты и курсанты, 19–21 год).

При обработке данных было выявлено, что механизмы жизненной успешности (рефлексивно-технологический, рефлексивно-аксиологический, рефлексивно-онтологический) сформированы неравномерно относительно друг друга, значимость различий подтверждается критерием Фридмана ($\chi^2=7,280$, при асимптотическом значении 0,026). При сравнении рангов наиболее выраженными оказались переменные рефлексивно-технологического (средний ранг – 2,2) и рефлексивно-онтологического (средний ранг – 2,24) механизма, тогда как средний ранг рефлексивно-аксиологического механизма составил 1,56. Так, наиболее сформированным является рефлексивно-технологический механизм при среднем показателе 6,09 балла из 8 возможных, при этом наибольшие частоты встречаемости показателей наблюдаются в районе 6,4–6,9 балла. Рефлексивно-онтологический механизм занимает второе место (средний балл 5,9), при этом наибольшие частоты встречаемости показателей наблюдаются в районе 5,2–5,6 баллов. Рефлексивно-аксиологический механизм выражен в меньшей степени, по сравнению с остальными (средний балл – 5,4), при этом наибольшие частоты встречаемости показателей наблюдаются в районе 4,7–4,9 балла. Соответственно, можно сделать первоначальное предположение о том, что в данной выборке у респондентов существуют трудности в реализации собственных ценностей в социокультурном пространстве. Это может проявляться в недостаточном осознании значимости своей деятельности для себя и для общества. Слабость данного механизма может сказываться на функционировании технологических и онтологических аспектов жизненной успешности, как бы разрывая их; цели могут ставиться с опорой на «ложные» онтологические принципы, которые преподносятся как таковые окружением и не являются в полной мере осмысленными и подлинными для субъекта. Это подтверждается отсутствием значимых корреляций (критерий Пирсона) между показателями рефлексивно-технологического и рефлексивно-онтологического механизмов. В данном случае рефлексивно-аксиологический механизм жизненной успешности является именно тем ресурсным потенциалом, при актуализации и оформлении которого, при создании для себя точки опоры человек может наиболее успешно ориентироваться и реализовываться в «мире неопределенности».

В результате анализа научных данных и контент-анализа эссе, которое проводилось в процессе исследования, нами был сформирован перечень качеств, обуславливающих жизненную успешность и включающий 22 наименования. В рамках методики респондентам предлагалось проранжировать данные качества по степени значимости, в зависимости от вклада в жизненную успешность. При обработке данных выявлено, что качества сформированы неравномерно относительно друг друга, значимость различий подтверждается критерием Фридмана ($\chi^2=118,103$, при асимптотическом значении 0,001). При сравнении рангов наиболее выраженными оказались переменные «целеустремленность» (средний ранг – 15,39) и «потребность в саморазвитии» (14,57), «увлеченность деятельностью» (14,2), «мотивация достижения успеха» (13,96), «жизнестойкость» (13,6). Наименее выраженными явились такие качества, как «принципиальность» (8,2), «социальный интерес» (8,96), «гибкость поведения» (9,29), «умение работать в команде» (9,9).

В результате факторизации качеств с использованием метода главных компонент было извлечено три фактора с собственными значениями больше единицы, которые содержательно выражают субъектные позиции по отношению к жизненной успешности. Эти факторы подверглись вращению по методу Варимакс и объясняют 57% совокупной (общей) дисперсии. Фактор 1 (дисперсия – 19,94%) включает в себя такие переменные с наиболее высокими нагрузками, как «мотивация достижения успеха», «умение ставить цели», «целеустремленность», также в данный фактор вошли такие переменные, как «потребность в саморазвитии», «умение видеть происходящее со стороны», «способность прогнозировать ход событий», «гибкость мышления», «сила воли». Соответственно, совокупность данных качеств выражается в целостной интегративной характеристике личности, которую можно охарактеризовать как «прагматическую нацеленность на результат», которая будет приводить к изменению ситуации. В данном случае именно стремление достичь, результативность будут являться для личности средствами и показателями ее жизненной успешности. Фактор 2 (дисперсия – 17,78%) включает в себя такие переменные с наиболее высокими нагрузками, как «социальный интерес», «инициативность», «умение работать в команде», «лидерские качества», также в данный фактор вошли такие переменные, как «склонность к риску», «увлеченность деятельностью», «настойчивость», «развитое воображение». Соответственно, совокупность данных качеств выражается в целостной интегративной характеристике личности, которую можно охарактеризовать как «направленность на процесс с учетом социального взаимодействия». В данном

случае социальная направленность, эффективное взаимодействие и ориентация на процесс будут являться для личности средствами и показателями ее жизненной успешности. Фактор 3 (дисперсия – 17,32%) включает в себя такие переменные с наиболее высокими нагрузками, как «дисциплинированность», «оптимистичность», также в данный фактор вошли такие переменные, как «реалистичность», «гибкость поведения», «жизнестойкость», «принципиальность». Соответственно, совокупность данных качеств выражается в целостной интегративной характеристике личности, которую можно охарактеризовать как «адаптацию к ситуации». В данном случае умение подстроиться под ситуацию с опорой на собственные принципы, выстоять будет являться для личности средствами и показателями ее жизненной успешности.

Таким образом, в системе саморегуляции жизненная успешность является интегративным метаресурсом, суть которого заключается в рефлексивном соотношении жизненных целей с результатами субъектной активности в пространстве ценностно-смыслового поля с учетом социокультурных условий. Результаты теоретического и эмпирического исследования структурно-функциональной организации жизненной успешности личности и ее ресурсного потенциала могут послужить основанием для лучшего понимания и представления системы психологических ресурсов и их функционирования. Перспективность исследования связана с выделением универсальных механизмов, типов жизненной успешности, и определения их роли в жизни личности.

Литература

- Абульханова К. А., Славская А. Н.* Предисловие // С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. С. 6–33.
- Деева Н. А.* Жизненная успешность: механизм, свойство, состояние. Контексты понимания // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 11. С. 22–46.
- Конопкин О. А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12
- Марков В. Н.* Ресурсный подход к психологической диагностике: основные принципы // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». 2010. № 4. С. 5–10.
- Моросанова В. И.* Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2010. № 1. С. 36–46.

Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М.: Наука, 2001.

Тульчинский Г. Л. Успех этики успеха // Возвращение этики успеха? Вестник прикладной этики. Вып. 48 / Под ред. В. И. Бакштаповского, О. А. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. С. 27–35.

Шаров А. С. О-граниченный человек: значимость, активность, рефлексия: Монография. Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 2000.

Life successfulness as a metaresurs and subjectivity significative in the process of self-regulation of the person

N. A. Deeva (Krasnodar)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article poses the problem of understanding life successfulness in the system of self-regulation of the individual. The author understands the life successfulness as showing a highly subjective level of self-regulation. A description of the mechanisms of life successfulness in the relationship “goal–value–being” is presented. An empirical study revealed of the mechanisms of life successfulness and personal qualities most typical of a successful person on a sample of adolescence. As a result of the research, three leading mechanisms of life successfulness were revealed: reflexive-technological, reflexive-axiological. In the study of personal qualities, three factors are identified that express the subject’s personal positions: “pragmatic focus on results”, “focus on the process taking into account social interaction”, “adaptation to the situation”.

Keywords: life successfulness, self-regulation, metaresurs, subjectivity.

Особенности самоконтроля и ответственности у лиц с разным уровнем удовлетворенности своим весом

Л. И. Дементий (Омск)

*доктор психологических наук, профессор, Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского; e-mail: lyudmiladementiy@mail.ru*

Среди факторов, определяющих проблемы с лишним весом, выделяются социально-психологические и личностные факторы. В соответствии с нашими предположениями, наиболее весомый вклад в регуляцию пищевого поведения вносят такие устойчивые личностные черты, как ответственность и самоконтроль личности. В исследовании тестировалась гипотеза о наличии значимых различий по уровню выраженности данных личностных черт у лиц, имеющих и не имеющих проблем с регуляцией пищевого поведения. Доказано, что лица с высоким уровнем ответственности, интернальным локусом контроля и высоким уровнем волевого субъективного контроля в целом более удовлетворены собственным весом, не имеют неконтролируемых пищевых привычек и не испытывают проблем с контролем собственного веса.

Ключевые слова: ответственность, самоконтроль, локус контроля, регуляция поведения, пищевое поведение.

По данным исследований в большинстве экономически развитых стран мира прослеживается отчетливая тенденция к увеличению числа людей с нарушением пищевого поведения, сопровождающегося все чаще тяжелыми сомато-эндокринными расстройствами и вызывающим стойкую психосоциальную дезадаптацию (Коркина с соавт., 2008; Крылов, 1995).

Такому положению дел способствуют сложные современные условия. Это и возрастание темпа жизни и связанное с этим распространение «фастфуда», и рост благосостояния, проявляющийся в культе потребления в сочетании с доступностью и богатым выбором про-

дуктов питания, и повсеместная реклама пищи и напитков. Изменилось и качество еды (усилители вкуса, ароматизаторы), а также внешний вид предлагаемой пищи, оформление упаковок и др. Такие масштабные социокультурные изменения приводят к возникновению у значительного количества населения целого ряда психологических проблем и, в частности проблем с пищевым поведением. Одной из самых распространенных из них является проблема лишнего веса.

В странах с высоким уровнем экономического развития, включая Россию, как минимум 30% населения имеют избыточную массу тела (Гинзбург с соавт., 1999). С избыточным весом связано многократное повышение частоты развития целого ряда заболеваний. Примерно в 98% всех случаев причиной избыточной массы тела является переедание. Оставшиеся 2% случаев – это эндокринные заболевания, сопровождающиеся приемом гормональных препаратов, и в этом случае необходимо лечить основной недуг. Привычка – это сложившийся тип поведения. Другими словами, переедание обычно является результатом нарушения пищевого поведения.

Немаловажную роль в развитии нарушений пищевого поведения играют особенности личности: высокая подверженность стрессам, склонность к тревожным реакциям, неуверенность в себе и ряд других.

В современных медицинских исследованиях также прослеживается интерес к изучению связи пищевого поведения с эмоционально-личностными особенностями. В частности, в ряде медицинских исследований эмоционально-личностные нарушения (тревожно-депрессивные, вегетативные расстройства, изменения сна) выявлены у 95% больных ожирением. Выявлена положительная взаимосвязь между уровнем тревоги, депрессии и эмоциогенным пищевым поведением. Только у 5% пациентов не было выявлено никаких эмоционально-личностных расстройств. Врачами-диетологами высказываются настойчивые предположения, что нарушения пищевого поведения, в особенности по эмоциогенному типу, и тревожно-депрессивные расстройства являются важнейшими факторами снижения качества жизни.

Таким образом, изменения в эмоционально-мотивационной сфере могут формировать нарушения пищевого поведения, что достаточно часто приводит к изменениям массы тела с одной стороны, а с другой, значительное изменение массы тела уже само по себе является дополнительным стрессогенным фактором и усиливает уже имеющиеся эмоционально-мотивационные расстройства и порождает новые. Получается, что растущее в современном обществе пищевое потребление помогает человеку почувствовать себя в большей

безопасности, отвлекает от тревог, но не излечивает их и, в результате, скорее сковывает человека, нежели освобождает.

Осуществление нормального пищевого поведения в современных социокультурных условиях сопряжено с целым рядом трудностей и требует от человека дополнительных адаптационных ресурсов.

Одним из таких ресурсов является саморегуляция. Исследователями подчеркивается значимость способности к саморегуляции как ресурса адаптации человека к жизненному миру и ресурса самореализации в нем. Способность к осознанной саморегуляции поведения является одним из компонентов психологической культуры, в целом. Осознанная саморегуляция поведения заключается в способности человека ставить цели, анализировать условия их достижения, планировать действия по их достижению, контролировать и оценивать результаты собственных действий (Конопкин, Морсанова, 2003; Осницкий, 2007).

Система осознанной саморегуляции служит для субъекта средством организации психических ресурсов для выдвижения и достижения целей. Процесс саморегуляции, таким образом, способствует выработке гармоничного поведения, на основе которого развивается способность управлять собой в соответствии с поставленной целью, направлять свое поведение на решение тех или иных жизненных задач.

Проблема, на которую мы обратили внимание в своем исследовании, состоит в изучении личностных аспектов саморегуляции испытуемых с разной степенью удовлетворенности собственным весом. Мы полагаем, что ответственность личности и ее самоконтроль являются важнейшими факторами, регулирующими поведение человека в обозначенном выше контексте, а именно в контексте пищевого поведения. Многочисленные попытки диетологов и специалистов другого профиля, пытающихся решать проблемы избыточного веса зачастую оказываются бесплодными в силу того, что далеко не всегда учитываются личностные особенности, которые в значительной степени определяют формирование и поддержку конструктивных привычек пищевого поведения.

В нашем исследовании тестировалась гипотеза о том, что уровень ответственности, локуса контроля и самоконтроля выше у лиц, удовлетворенных своим весом, не имеющих неконтролируемых пищевых привычек и не испытывающих трудности с его регуляцией. С целью проверки данной гипотезы мы сформулировали основную исследовательскую задачу: выявить и сравнить показатели ответственности, локуса контроля, волевого субъективного контроля у испытуемых с различной степенью удовлетворенности собственным весом.

В исследовании изначально приняло участие 76 респондентов, из которых с помощью глубинного интервью были сформированы две группы: первая группа (далее группа 1) – это группа лиц, которые не удовлетворены своим весом, имеют неконтролируемые пищевые привычки. Во вторую группу (далее группа 2) вошли респонденты, которые удовлетворены своим весом, отрицают неконтролируемые пищевые привычки и не испытывают проблем с контролем своего веса. В итоге выборку составил группа численностью 60 чел. (23 мужчины и 37 женщин), жителей г. Омска, средний возраст – 41,5 года.

В исследовании были использованы методика «Ответственное поведение» Л. И. Дементий (Дементий, 2005), позволяющая оценить не только общий уровень ответственности, но и выраженность ее структуры; методика «Исследование локализации контроля личности» Е. Г. Ксенофонтовой (Ксенофонтова, 1999); методика «Волевой субъективный контроль» Е. В. Эйдмана и А. Г. Зверкова (Зверков, Эйдман, 2007).

Результаты исследования

Сравнение средних значений в уровне и структуре ответственности и локуса контроля дает возможность сделать выводы о том, в какой степени они выражены, и сравнить две выборки респондентов. На уровне тенденции, в результате сравнения средних показателей по шкалам, можно говорить о том, что у испытуемых в группе 2 наблюдается более высокий уровень ответственного поведения в целом и в проявлении компонентов структуры ответственного поведения, в частности. Речь идет о большинстве параметров ответственного поведения (об исключениях скажем ниже).

Для выявления статистически значимых различий компонентов ответственного поведения и локуса контроля, мы провели сравнение полученных данных при помощи метода Манна–Уитни (U) для двух независимых выборок

Согласно полученным статистическим данным, испытуемые с разной степенью удовлетворенности своим весом имеют значимые различия в структуре ответственного поведения по шкалам: «отношение к трудностям» ($U=260,500$ при $p\leq 0,05$), «предвидение результатов деятельности» ($U=270,000$ при $p\leq 0,05$), «осуществление или отказ от выполнения своих намерений» ($U=278,000$ при $p\leq 0,05$), «отношение к новым обязанностям» ($U=194,000$ при $p\leq 0,001$), «отношение к обещаниям» ($U=285,500$ при $p\leq 0,05$), «эмоциональное отношение к ответственным делам» ($U= 258,500$ при $p\leq 0,05$).

Мы считаем закономерным тот факт, что испытуемые группы 1, выразившие недовольство своим весом и отметившие у себя неконтролируемые пищевые привычки, показали более низкие результаты по отмеченным выше шкалам. Очевидно, что пищевое поведение для них сопряжено с определенными трудностями, что нашло свое отражение в более низких результатах по шкале «отношение к трудностям». Любое осознанное поведение человека, в том числе и пищевое, предполагает предвидение результатов своих действий. Результаты, полученные испытуемыми группы 1 по данной шкале, позволяют предположить, что им труднее, чем испытуемым группы 2, удастся прогнозировать последствия своего пищевого поведения. Аналогичная картина наблюдается и в отношении способности наших респондентов в группе 1 осуществлять свои намерения, что может самым непосредственным образом проявляться в ситуациях, связанных с пищевым поведением и требующих проявления последовательности и настойчивости. Поскольку показатели по описанным значимо выше в группе 2, следовательно, можно говорить о том, что испытуемые этой группы характеризуются большей ответственностью в целом.

Статистическая обработка данных показала, что значимые различия между двумя группами испытуемых наблюдаются также и по шкале «локус контроля (Ио)» ($U = 138,500$ при $p \leq 0,001$). Данный результат представляется нам вполне закономерным, поскольку испытуемые группы 2, продемонстрировавшие повышенную интернальность, довольны своим весом и отрицают у себя наличие неконтролируемых пищевых привычек. Они, вероятнее всего, считают возможным самостоятельно регулировать свои «отношения с пищей». Мы можем предположить, что сама способность контролировать свое пищевое поведение накладывает отпечаток на понимание вопроса об ответственности за это поведение, как и за свой собственный вес. Демонстрация повышенной интернальности может свидетельствовать о том, что испытуемые группы 2, в отличие от испытуемых группы 1, не склонны перекладывать ответственность на других, осознают свою собственную роль в пищевом поведении.

Согласно полученным статистическим данным, испытуемые с разной степенью удовлетворенности своим весом имеют значимые различия по всем шкалам методики «волевой субъективный контроль»: «общий индекс волевого самоконтроля» ($U = 155,500$ при $p < 0,001$), «настойчивость» ($U = 153,500$ при $p < 0,001$), «самообладание» ($U = 166,000$ при $p < 0,001$).

Более высокие баллы по шкале «общий индекс волевого самоконтроля» были получены испытуемыми группы 2. Такой результат

обычно характерен для лиц эмоционально зрелых, активных, независимых, самостоятельных. Их отличает спокойствие, уверенность в себе, ответственность, устойчивость намерений, реалистичность взглядов, развитое чувство внутреннего долга. Как правило, они способны планомерно реализовывать свои намерения, контролировать свои поступки.

Испытуемые в группе 1 получили по шкале «общий индекс волевого самоконтроля» более низкие значения и в сравнении со средними по выборке, и в сравнении с результатами испытуемых группы 2. Это характеризует их как людей чувствительных, эмоционально неустойчивых, ранимых, неуверенных в себе. Им, скорее всего, свойственна импульсивность и связанная с ней неустойчивость намерений. В пищевом поведении это может проявляться как периодически возникающие попытки использования различных способов нормализации веса (диеты, прием лекарств, физкультура и др.).

В этом отношении показательны также данные, полученные испытуемыми группы 1 по шкале «настойчивость». Шкала «настойчивость» характеризует силу намерений человека, т. е. его стремление к завершению начатого дела. В контексте нашего исследования это может быть решение человека прекратить поздний прием пищи или сделать регулярными пешие прогулки перед сном и т. п. Более высокие баллы обычно набирают люди, способные придерживаться поставленной цели, несмотря на помехи. Они проявляют деятельное, активное отношение к выполнению намеченного. При этом преграды на пути к цели скорее оказывают на них мобилизующее действие. Люди с выраженной настойчивостью не отвлекаются на альтернативы и соблазны, держа в фокусе внимания начатое дело, цель. Испытуемые в группе 1 демонстрируют более низкие показатели по этой шкале, что может приводить их к непоследовательности в пищевом поведении, в частности. Они могут испытывать значительные трудности не только собственно в правильном для них выборе целей в этой сфере, но и в выборе эффективных способов их достижения, что существенно снижает достижение этих целей вообще. Например, им, в случае возникшей необходимости, может оказаться труднее осуществить выбор между такими способами приведения веса к удовлетворяющей их цифре, как умеренность в еде в сочетании с движением, с одной стороны, и использование быстродействующих и часто небезопасных для организма способов, с другой.

Высокий балл по шкале «самообладание» набирают люди эмоционально устойчивые, хорошо владеющие собой в различных ситуациях. При встрече с трудностями они проявляют выдержку и само-

обладание. Такой трудностью в контексте пищевого поведения может выступить любая внезапная необходимость посещения разного рода мероприятий, сопровождающихся приемом пищи. Еще чаще такой трудностью для большинства из нас является вынужденная невозможность принять пищу в течение рабочего дня, что зачастую приводит к неконтрольному поглощению пищи в вечернее время. И именно более развитое самообладание уменьшает риск потери самоконтроля в такой сложной ситуации, хотя и не решает ее.

Испытуемыми группы 1 получены более низкие баллы по шкале «самообладание», что отражает, прежде всего, степень их способности владеть своими эмоциями. Это означает, что малейшие трудности или неудачи могут настолько выбивать их из колеи, что фактически приводят к невозможности эффективного продолжения деятельности. Например, негативные эмоции от субъективной неудовлетворенности собственным весом могут накладывать серьезный отпечаток на деятельность человека в важных для него сферах, а также на межличностные отношения.

Испытуемые группы 2 также продемонстрировали более высокие показатели ответственности, интернальности и волевого субъективного контроля, что позволяет их характеризовать как более самостоятельных, настойчивых, целеустремленных, в большей степени способных контролировать свое поведение. Можно предположить, что именно эти личностные качества позволяют нашим респондентам из группы 2 не иметь в наличии неконтролируемые пищевые привычки и высказывать удовлетворенность собственным весом.

Наши предположения о регулирующей роли самоконтроля и ответственности в контексте пищевого поведения были подтверждены. Мы расцениваем исследования, направленные на поиски личностных оснований нарушений поведения, как весьма перспективные. Учитывая тот факт, что пищевое поведение детерминировано множественными факторами, понимание личностных механизмов, определяющих возникновение проблем, позволит специалистам разрабатывать комплексные программы коррекции веса, не ограничиваясь диетами или коррекцией установок в питании.

Литература

- Гинзбург М. М., Козупица Г. С., Крюков Н. Н.* Ожирение и метаболический синдром. Влияние на состояние здоровья. Профилактика и лечение. Самара, 1999.
- Дементий Л. И.* Ответственность как ресурс личности. М.: Информ-знание, 2005.

- Зверков А. Г., Эйдман Е. В.* Исследование волевой саморегуляции. Психологические методики изучения личности: Практикум. М.: Ось-89, 2007. С. 100–106.
- Конопкин О. А., Степанский В. И.* Саморегуляция деятельности в условиях временной неопределенности используемых сигналов // Вопросы психологии. 1972. № 4. С. 100.
- Коркина М. В., Дивилько М. А., Марилов В. В.* Нервная анорексия. М., 2008.
- Крылов В. И.* Пограничные психические заболевания с нарушениями пищевого поведения. СПб., 1995.
- Ксенофонтова Е. Г.* Исследование локализации контроля личности-новая версия методики «Уровень субъективного контроля» // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 2. С. 103–114.
- Моросанова В. И.* Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 5–17.
- Осницкий А. К.* Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5–19.

Features of self-control and responsibility of persons with different level of satisfaction with its weight

L. I. Dementiy (Omsk)

Doctor of Psychology, Professor, Omsk State University

There are some social-psychological and personal factors among factors that determine the problems with excessive weight, According to our assumptions, the most significant contribution to the regulation of eating behavior is made by such persistent personality traits as responsibility and self-control of the individual. We tested the hypothesis of significant differences in the level of expression of these personality traits in people who have and do not have problems with the regulation of eating behavior. It has been proved that persons with high level of responsibility, as well as an internal control locus and a high level of volitional subjective control are generally more satisfied with their own weight, and do not have uncontrolled eating habits as well as they do not experience problems with controlling their own weight.

Keywords: responsibility, self-control, locus of control, regulation of behavior, food behavior.

К проблеме исследования личности педагога, переживающего кризис в межличностных отношениях

Ю. А. Журавлева (Курган)

*аспирант, Курганский государственный университет;
e-mail: zhurava.psi@mail.ru*

В статье кратко изложены наиболее значимые результаты проведенного эмпирического исследования переживания педагогом кризиса в отношениях с субъектами педагогического процесса, основанного на системном подходе к пониманию личности. Описаны возможности использования представленного психодиагностического комплекса, позволяющего выявлять степень переживания кризиса, «кризисный профиль» педагога, личностные характеристики, способствующие конструктивному или деструктивному переживанию кризиса в отношениях, характеристики дисгармонии межличностных отношений субъектов педагогического процесса. Показано, что комплексное исследование особенностей интегральной индивидуальности личности позволяет выявить личностные и социально-психологические детерминанты переживания педагогом кризиса в отношениях, развитие которых является основой профилактики и преодоления дисгармонии в межличностных отношениях педагога с другими субъектами педагогического процесса.

Ключевые слова: системный подход в психологии, переживание кризиса, «кризисный профиль», интегральная индивидуальность личности, гармония – дисгармония межличностных отношений, социально-психологическая дистанция.

Проблема исследования особенностей личности не теряет своей актуальности. Независимо от цели психологического исследования и отрасли психологической науки, в которой оно реализуется, первостепенное значение имеют индивидуально-психологические особенности конкретного человека. Например, в рамках инженерной

психологии мы исследуем психологические характеристики субъекта труда, необходимые ему для эффективного выполнения профессиональной деятельности, в медицинской психологии оцениваем психическое состояние и изучаем личностные особенности больных применительно к задачам психогигиенических и медико-психологических исследований, в рамках педагогической психологии исследуем проблему повышения эффективности педагогического процесса с учетом индивидуальных особенностей его субъектов и т. д. При этом важны не только адекватность подобранного психодиагностического инструментария (его соответствие цели и задачам исследования), надежность и валидность методик, но и методологическая основа исследования, определяющая подход к пониманию личности исследуемого субъекта.

Ряд авторов рассматривают личность как набор различных психологических структур: направленности, характера, способностей и т. д., каждая из которых, в свою очередь, включает в себя целую систему качеств, свойств и характеристик. Такое понимание феномена личности характерно для представителей структурного подхода в психологии. В соответствии с системным подходом, личность определяется как совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которые образуют определенную целостность — индивидуальность человека. Концепция системного подхода нашла отражение в развитии многих школ и направлений отечественной психологии, однако, как отмечает А. В. Смирнов, интеграции психофизиологического и психологического подходов в изучении индивидуальности человека так и не произошло (Смирнов, 2015). Решением возникшего противоречия, основанным на системном подходе, стала концепция «интегральной индивидуальности» В. С. Мерлина (Мерлин, 1986).

Согласно В. С. Мерлину, интегральную индивидуальность образуют система индивидуальных свойств организма, система индивидуальных психических свойств и система социально-психологических индивидуальных особенностей. В своих исследованиях С. В. Духновский предлагает использовать «расширенное» представление об интегральной индивидуальности за счет включения в нее системы индивидуальных глубинно-психологических свойств субъекта, опираясь при этом на работы Л. Сонди и А. В. Смирнова. В ходе проведенных С. В. Духновским исследований было установлено, что в переживании кризиса (острого, резкого перелома в жизни) «участвуют» перечисленные выше системы интегральной индивидуальности личности. От них зависит, будет ли переживание кризиса носить конструктивный или деструктивный характер (Духновский, 2015).

Представление об интегральной индивидуальности составило теоретическую основу проводимого нами исследования проблемы переживания кризиса в межличностных отношениях субъектами педагогического процесса (Журавлева, 2018). Мы предположили, что переживание педагогом кризиса в межличностных отношениях с субъектами педагогического процесса будет во многом определяться особенностями интегральной индивидуальности его личности. В частности, личностными особенностями, образованными системами свойств организма и индивидуальных психических свойств, и социально-психологическими особенностями, раскрывающими отношение к себе и окружающим людям, определяющими индивидуальный стиль общения. Сочетание особенностей интегральной индивидуальности личности педагога формирует «кризисный профиль» его личности, определяющий глубину переживаний кризиса, их продолжительность и степень влияния на благоприятность прогноза дальнейшего развития личности с позиции ее соматического и социально-психологического здоровья (благоприятный, неблагоприятный, неопределенный) (Духновский, 2015).

Для изучения особенностей интегральной индивидуальности педагогов, определяющих характер и глубину переживания ими кризиса в межличностных отношениях с субъектами педагогического процесса, было проведено эмпирическое исследование. В исследовании приняли участие 541 педагог образовательных учреждений, реализующих программы дошкольного (n=195), общеобразовательного (n=216) и среднего профессионального (n=130) образования г. Кургана и Курганской области.

В исследовании применялся комплекс психодиагностических методик: «Переживание психологического кризиса личностью», «Субъективная оценка межличностных отношений» и «Определение социально-психологической дистанции» С. В. Духновского (Духновский, 2010); «Опросник свойств темперамента» и «Доминирующее состояние» Л. В. Куликова (Куликов, 2004); «Шкала субъективного благополучия» Г. Перуэ-Баду в адаптации М. В. Соколовой (Соколова, 1996); модифицированный Л. Н. Собчик вариант интерперсональной диагностики Т. Лири «Диагностика межличностных отношений» (Собчик, 2003).

Анализ «кризисного профиля» личности субъектов педагогического процесса позволил на основе данных полученных по методики «ППК» (соотношение шкал «Ситуационное реагирование» и «Психологическая устойчивость») разделить обследованных на две подгруппы:

1. Педагоги, не переживающие кризис в межличностных отношениях ($n=296$, что составило 54,7% от всех обследованных).
2. Педагоги, переживающие кризис в межличностных отношениях ($n=245$, что составило 45,3% от общего числа обследованных).

Полученные результаты эмпирического исследования доказали, что педагоги, переживающие и не переживающие кризис в отношениях, имеют значимые различия в сочетании личностных характеристик, определяющих «кризисный профиль» их личности (Журавлева, 2018).

В частности, на достоверно значимом уровне ($p=0,001$) выявлены различия в выраженности показателей индекса ситуационного реагирования (показатель «Ситуационное реагирование» по методике «ППК»), свидетельствующего о наличии переживания кризиса и его глубине. Выявлены значимые различия ($p=0,001$) показателей уровня психологической устойчивости (показатель «Психологическая устойчивость» по методике «ППК»), позволяющей личности противостоять жизненным трудностям, преодолевать их, сохраняя при этом эмоциональное равновесие и гармоничные отношения с окружающими людьми. Доказано, что наличие достаточного уровня психологической устойчивости в сочетании со сниженным уровнем ситуационного реагирования способствует конструктивному переживанию кризиса в отношениях. Сниженный уровень психологической устойчивости личности, сопровождающейся склонностью к выраженному реагированию на внешние и внутренние факторы, определяет деструктивный характер переживаний кризиса в отношениях (Журавлева, 2018).

Соотношение показателей «Индекса ситуационного реагирования» и «Психологической устойчивости» позволяет не только определить «кризисные профили» личности, но и строить на их основе прогноз ее дальнейшего развития: благоприятный, неопределенный или неблагоприятный. При этом благоприятность прогноза рассматривается с позиции соматического и социально-психологического здоровья личности педагога.

Так, по результатам исследования было выявлено, что 115 педагогов (21,3% от общего числа обследованных) имеют благоприятный прогноз; 63 педагога (11,6% от общего числа обследованных) – неблагоприятный прогноз; 67 педагогов (12,4% от общего числа обследованных) – неопределенный прогноз развития личности.

Для группы педагогов, не переживающих кризис в отношениях, характерны «кризисные профили»: «Психологическое здоровье» ($n=199$ чел., что составило 36,8% от общего числа обследованных)

и «Адаптация с благоприятным прогнозом» ($n=97$ чел., что составило 17,9% от общего числа обследованных) (Журавлева, 2018).

Переживание кризиса затрагивает все стороны личности, в том числе и социально-психологическую составляющую, проявляясь во всех системах отношений. Согласно представлениям С. В. Духновского, в рамках социально-психологической системы интегральной индивидуальности индикатором переживания кризиса будет изменение характера межличностных отношений по степени их гармоничности – дисгармоничности и социально-психологической дистанции между субъектами педагогического процесса.

Так, результаты, полученные по методике «Субъективная оценка межличностных отношений» «СОМО», показали, что педагоги с различным «кризисным профилем» личности имеют различия в межличностных отношениях по степени их гармоничности–дисгармоничности. Выявлено, что у 44,9% педагогов (от общего числа переживающих кризис в отношениях) переживание кризиса сопровождается дисгармонией межличностных отношений с субъектами педагогического процесса (Журавлева, 2018), в частности проявлением таких ее характеристик, как напряженность и отчужденность в отношениях (различия достоверны на уровне значимости выше $p=0,01$).

Также были выявлены общие и отличительные особенности переживания кризиса в различных системах отношений: «педагог–педагог», «педагог–администрация образовательного учреждения», «педагог–воспитанник/обучающийся», «педагог–родители воспитанника/обучающегося» (Журавлева, 2018). Полученные результаты по методике «СОМО» показали, что отношения педагогов, переживающих кризис, отличаются слабо выраженной конфликтностью и отсутствием проявлений агрессии, при этом носят преимущественно поверхностный, формальный характер во всех системах отношений. Кроме того, переживание кризиса в отношениях сопровождается нарастанием отчужденности. Установлено, что данный показатель наиболее выражен в системе отношений педагога с администрацией образовательного учреждения ($p=0,001$).

Переживание кризиса сопровождается изменением социально-психологической дистанции между субъектами педагогического процесса, это подтвердили результаты, полученные по методике «Определение социально-психологической дистанции» «СПД». В частности, происходит увеличение коммуникативной дистанции (показатель по шкале «Коммуникативная дистанция» «Com-d» по методике «СПД»). У педагогов, переживающих кризис в отношениях, отмечается увеличение эмотивной дистанции с администрацией об-

разовательного учреждения, коллегами и родителями воспитанников/учеников. Во взаимоотношениях с детьми, напротив, педагоги сохраняют стремление к взаимопониманию, чувство эмоциональной близости и дружелюбие (показатель «Эмотивная дистанция» — «Емо-d» по методике «СПД») (Журавлева, 2018).

Анализ полученных данных позволил сделать вывод о том, что переживание кризиса в отношениях педагога с руководством сопровождается не только нарастанием отчужденности, увеличением коммуникативной и эмотивной дистанций, но и увеличением поведенческой и деятельностной дистанции. Следовательно, наиболее подверженными влиянию деструктивного переживания кризиса являются отношения педагога с администрацией образовательного учреждения. Таким образом, мы можем говорить о том, что проявлением деструктивного переживания педагогом кризиса в отношениях является дисгармония межличностных отношений с субъектами педагогического процесса, обусловленная изменением социально-психологической дистанции между ними. Конструктивное переживание педагогом кризиса, напротив, будет сопровождаться гармонией межличностных отношений взаимодействующих субъектов.

Как было показано ранее, переживание кризиса, его глубина и характер зависят от «кризисного профиля», отражающего особенности интегральной индивидуальности личности педагога. В связи с этим мы предположили, что развитие личностных и социально-психологических особенностей в интегральной индивидуальности личности педагога будет способствовать профилактике деструктивного переживания кризиса в межличностных отношениях субъектов педагогического процесса. В связи с этим следующим этапом эмпирического исследования стало выявление и описание личностных и социально-психологических детерминант конструктивного и деструктивного переживания педагогом кризиса в отношениях с другими субъектами педагогического процесса.

Для изучения свойств организма и системы индивидуальных психических свойств личности, свойственных педагогам, переживающим и не переживающим кризис в отношениях, нами были использованы: методика «Переживание психологического кризиса личностью», методика «Опросник свойств темперамента», методика «Доминирующее состояние» и методика «Шкала субъективного благополучия». Использование данных методик позволило изучить индивидуальные свойства личности и ценности педагога, особенности его психического состояния и субъективного переживания благополучия, а также их взаимосвязь с «кризисным профилем» личнос-

ти, определяющим особенности межличностных отношений педагога с другими субъектами педагогического процесса.

Полученные результаты позволили выделить следующие личностные детерминанты конструктивного переживания педагогом кризиса в отношениях, определяющие гармоничность его межличностных отношений с субъектами педагогического процесса:

- высокую энергичность, активность, готовность познавать, действовать и менять существующую ситуацию, добиваться поставленных целей, длительное время сохранять высокую работоспособность;
- преобладание положительного эмоционального фона, склонность оптимистически оценивать свои перспективы;
- уверенность в себе и своих силах, раскованность, внутреннее ощущение собранности, запаса сил и энергии, готовности действовать и преодолевать возникающие препятствия;
- сниженную аффективную восприимчивость, низкую чувствительность к внутренним и внешним эмоциональным воздействиям;
- высокую стрессоустойчивость, низкий уровень тревожности;
- хороший самоконтроль за своим поведением и внешними проявлениями эмоций, взвешенность поступков;
- легкую приспособляемость к изменяющимся условиям жизнедеятельности, способность гибко корректировать свое поведение в соответствии с требованиями ситуации;
- положительную самооценку своих личностных качеств, способность принимать себя таким, какой есть;
- наличие чувства удовлетворенности собой и своей жизнью;
- способность принимать самостоятельные важные решения и не бояться нести за них ответственность.

Противоположный полюс отмеченных качеств превращает их в «отдаляющие» партнера личностные особенности, способствующие увеличению дистанции между субъектами педагогического процесса, придавая их отношениям дисгармоничный характер.

Для изучения социально-психологических особенностей личности педагогов использовалась методика «Переживание психологического кризиса личностью» и модифицированный Л. Н. Собчик вариант интерперсональной диагностики Т. Лири «Диагностика межличностных отношений». На основе полученных данных к детерминантам конструктивного переживания кризиса в отношениях были отнесены следующие социально-психологические особенности педагогов:

- уверенность в себе, склонность к проявлению активности в установлении новых социальных контактов (показатели шкалы «Властный—лидирующий» методики «ДМО»);
- независимость от мнения большинства, способность отстаивать собственную точку зрения, естественность и открытость в межличностном общении (показатели шкалы «Независимый—доминирующий» методики «ДМО»);
- реалистичность взглядов и суждений, здравый скептицизм, социальная проницательность, позволяющая строить свое поведение в соответствии с эмоциональным состоянием партнера и контекстом ситуации общения (показатели шкалы «Недоверчивый—скептический» методики «ДМО»);
- открытость, активность и уверенность в себе в межличностном общении, способность постоять за себя, не позволяя ущемлять свои права (показатели шкалы «Покорный—застенчивый» методики «ДМО»);
- потребность в признании со стороны окружающих людей, чувствительность к одобрению и неодобрению с их стороны (показатели шкалы «Зависимый—послушный» методики «ДМО»).

Мы можем предположить, что данные личностные особенности педагогов являются «приближающими» партнера и будут способствовать поддержанию гармоничных отношений между субъектами педагогического процесса. Об этом свидетельствуют не только выявленные на достоверно значимом уровне различия показателей по шкалам методики «ДМО» в группах педагогов, переживающих и не переживающих кризис в отношениях ($p=0,01$), но и результаты корреляционного анализа (с использованием коэффициента корреляции Пирсона) показателей шкал методики «ППК» с показателями по шкалам методики «ДМО», доказывающие их взаимосвязь на достоверно значимом уровне ($p=0,05$).

Таким образом, диагностика особенностей интегральной индивидуальности, основанная на системном подходе к пониманию личности педагога, позволяет выявлять степень переживания кризиса, «кризисный профиль» педагога, личностные характеристики, способствующие конструктивному или деструктивному переживанию кризиса в отношениях, характеристики дисгармонии межличностных отношений субъектов педагогического процесса. Что, в свою очередь, дает возможность выбора и реализации специалистам-психологам соответствующего вида психологической помощи субъектам педагогического процесса, форм и методов работы, направленных на предупреждение и преодоление деструктивного переживания кризиса в отношениях.

Считаем, что результаты исследования могут быть использованы при разработке модели профилактики деструктивного переживания кризиса в межличностных отношениях, построенной на диагностической основе и включающей развитие особенностей интегральной индивидуальности субъектов педагогического процесса. Данная модель может применяться в рамках психологического сопровождения субъектов педагогического процесса в образовательных учреждениях различных типов: детских дошкольных учреждениях, средних общеобразовательных школах, среднепрофессиональных образовательных учреждениях и высших учебных заведениях.

Литература

- Духновский С. В.* Психодиагностическая методика «Переживание кризиса личностью»: руководство по применению. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016.
- Духновский С. В.* Психология отношений личности: Монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014.
- Духновский С. В.* Диагностика межличностных отношений. Психологический практикум. СПб.: Речь, 2010.
- Духновский С. В.* Кризис и его переживание личностью: результаты эмпирического исследования // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер. «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». Кострома. 2015. № 2. Т. 21. С. 30–35.
- Журавлева Ю. А.* Особенности межличностных отношений субъектов педагогического процесса с различными «кризисными профилями» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 117–125.
- Журавлева Ю. А.* Психологическое сопровождение субъектов педагогического процесса, переживающих кризис в отношениях. Современная реальность в социально-психологическом контексте: Сборник научных материалов / Под науч. ред О. А. Белобрыкиной, М. И. Кошеновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. С. 114–122.
- Куликов Л. В.* Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики: Учеб. пособие. СПб.: Питер, 2004.
- Мерлин В. С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
- Смирнов А. В.* Базовые психологические компоненты аддиктивного поведения в структуре интегральной индивидуальности: Дис. ... докт. психол. наук. Екатеринбург, 2015.

Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб.: Речь, 2003.

To the problem of the research of the identity of the teacher enduring crisis in the interpersonal relations

J. A. Zhuravleva (Kurgan)

Postgraduate, Kurgan State University

In article the most significant results of the conducted empirical research of experience by the teacher of crisis in the relations with subjects of the pedagogical process based on systemic approach to a comprehension of the person are briefly stated. Possibilities of use of the presented psychodiagnostic complex allowing to tap extent of experience of crisis, “a crisis profile” of the teacher, personal characteristics promoting constructive or destructive experience of crisis in the relations, characteristics of disharmony of the interpersonal relations of subjects of pedagogical process are described. It is shown that the complex research of features of integrated identity of the person allows to tap personal and social and psychological determinants of experience by the teacher of crisis in the relations which development is a basis of prophylaxis and overcoming disharmony in the interpersonal relations of the teacher with other subjects of pedagogical process.

Keywords: system approach in psychology, crisis experience, “a crisis profile”, integrated identity of the personality, harmony—disharmony of the interpersonal relations, a social and psychological distance.

Психологические корреляты экстремистских установок

Е. В. Конева (Ярославль)

доктор психологических наук, доцент, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; e-mail: ev-kon@yandex.ru

Среди различных видов экстремистского поведения самым изучаемым является этнонациональный экстремизм. Он же наиболее распространен в молодежной среде. Данному виду экстремистского поведения и посвящена статья. Существуют объективные теоретические и методологические препятствия для исследования психологических аспектов экстремистской деятельности: недостаточная определенность понятия, недифференцированность экстремистских и агрессивных действий, несформированность самоидентификации субъектов экстремистских действий. Используется несколько методологических подходов в изучении этой проблемы: выявление личностных черт, которые, по мнению авторов, составляют основу экстремистского сознания и последующее изучение полярных групп; диагностика интолерантности; психологическая диагностика лиц, причисляющих себя к экстремистам; психологическая диагностика лиц, которые осуждены за экстремизм.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистское поведение, мотивация, интолерантность, профилактика экстремизма.

Понятие экстремизма сравнительно недавно вошло в политический обиход и является предметом дискуссий. Одна из их причин этого — значительное количество однокоренных терминов, которые нечетко определены и, соответственно, не позволяют установить когерентные им феномены в других областях науки, в частности в психологии. Так, Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ называется «О противодействии экстремистской деятельности» (Федеральный закон, 2015), между тем не только в быту, но и в научной литературе широко используются термины «экстремист», «экстремистское

сознание» (Красиков, 2006), «экстремистское поведение» и т. д. Подобная проблема применительно к феномену терроризма отмечена Д. В. Ольшанским (Ольшанский, 2002); этим автором также составлен своеобразный глоссарий понятий, имеющих отношение к данной социополитической сфере. Аналогичной работы в отношении экстремизма не произведено.

При этом не вызывает сомнения, что экстремизм в общем виде — это приверженность в мировоззрении и в поведении к крайним формам осознания проблемных областей общественной жизни и недопустимым способам разрешения проблемности. Кроме того, необходимо иметь в виду содержательно разные виды экстремистского сознания и действий, несмотря на очевидную, хотя и частичную, общность их социополитической и психологической подоплеки. А именно несколькими чертами, по-видимому, отличаются установки и действия сторонников политического, религиозного, этнонационального, экологического экстремизма, экстремизма в области искусства и сексуальной ориентации. В данной статье мы ограничимся анализом психологических аспектов национального (или этнонационального, или националистического) экстремизма. Характерно, что в некоторых литературных источниках авторы, употребляя понятия «экстремисты», «экстремистское поведение», по сути, подразумевают именно данную область, не заявляя об этом специально. Не случайно Т. А. Корнилов (Корнилов, 2011) отмечает, что в контексте исследований экстремизма часто используются такие понятия, как «ксенофобия», «нацизм», «расизм», «антисемитизм», «нетерпимость» «дискриминация», «исламофобия», «разжигание национальной или религиозной вражды».

Терминологическая неопределенность — не единственная проблема психологии экстремизма. Сложным является вопрос о методологии исследования соответствующих психологических феноменов. Возможны (и применяются) несколько методологических подходов. Первый из них основан на использовании психодиагностических методик, выявляющих личностные черты, которые, по мнению авторов, могут лежать в основе экстремистского сознания или поведения. На основе результатов выбранной методики формируются полярные группы, в которых изучаются личностные особенности, гипотетически различающиеся у людей, в разной степени склонных к экстремистскому поведению. Второй базируется на гипотезе, что антагонистом экстремистской психологии выступает толерантность и уровень ее выраженности одновременно характеризует психологические корреляты экстремизма. Третий подход предполагает предварительную самоидентификацию испытуемых как экстремис-

тов или неэкстремистов и последующую диагностику различных особенностей личности представителей обеих групп. Наконец, четвертый вариант предполагает работу исследователя с группой лиц, которые осуждены за экстремизм или привлечены к административной ответственности в связи с аналогичными деяниями.

При использовании любого из отмеченных подходов необходимо прояснить еще один теоретико-методологический аспект проблемы: существуют ли какие-либо собственно экстремистские психологические проявления, отличающиеся от агрессивного поведения? Представляется обоснованной точка зрения В. И. Красикова (Красиков, 2006), согласно которой экстремистские действия, в отличие от простого эксцесса, агрессивной выходки, отличаются концептуальностью, т. е. сопровождаются некоторым идеологическим обоснованием. По мнению В. И. Красикова, помимо концепции, экстремизм от обычной агрессии отличает также групповой характер действий; влияние группы принципиально для разворачивания экстремистской направленности. Это, однако, представляется нам менее важным условием экстремистского поведения, по сравнению с концептуальной основой. С другой стороны, убедительна точка зрения А. Я. Анцупова и А. И. Шипилова (Анцупов, Шипилов, 2007): психологической предпосылкой экстремистского поведения является агрессивность.

Концептуальная база в экстремистской направленности этнонационального характера отличается от таковой в других видах экстремизма. В национальном экстремизме идеологическая основа обычно не предшествует собственно экстремистскому поведению, а следует за ним. Другими словами, она нужна субъектам экстремистского поведения, главным образом, не для планирования и мотивирования своих действий, а для последующего объяснения их и выполняет таким образом в какой-то степени функцию психологической защиты по типу рационализации.

Это обстоятельство, во-первых, объясняется «молодежным» характером этнонационального экстремизма: молодым людям нередко свойственны импульсивные агрессивные действия, которые лишь затем так или иначе объясняются ими; националистическая идеология выступает в качестве одного из «удобных» объяснений. Во-вторых, высказанное положение подчеркивает приоритет в экстремистском поведении агрессивности перед концептуальностью.

Возвращаясь к методологическим основам изучения психологии экстремистских действий, отметим, что четыре описанных подхода не обеспечивают сколько-нибудь высокой надежности получаемых результатов. При этом актуальность такой диагностики не вызы-

вает сомнения, как и несомненная необходимость прогнозирования и профилактики соответствующих поведенческих феноменов.

Примером первого подхода может служить использование для диагностики склонности к экстремистскому поведению методики «Шкала авторитаризма правого толка» Б. Альтмейера в адаптации Н. А. Дьяконовой (Куличкина, 2017). Предполагается, что личностные особенности, которые диагностирует данная методика: авторитарное подчинение, авторитарная агрессия, конвенционализм, — составляют базовую часть психического склада экстремиста. Однако методики, примененные впоследствии к полярным группам, которые были выделены на основе «Шкалы...», показали в основном незначительные различия. Другими словами, условные «экстремисты» и «неэкстремисты» мало отличаются друг от друга, что скорее говорит, на наш взгляд, о невысокой диагностичности «Шкалы...», если применять ее для целей дифференциации испытуемых по признаку выраженности экстремистских взглядов.

В качестве примера применения второго подхода можно привести исследование, проведенное нами совместно с В. Оганесяном и направленное на выявление у одной и той же выборки отношения к терроризму и выраженности этноконфессиональной толерантности. Испытуемыми были молодые люди в возрасте от 18 до 23 лет, в количестве 70 чел. Группа состояла из лиц, учащихся в высших учебных заведениях и не учащихся ни в высших, ни в средних профессиональных учреждениях. В группе «учащиеся» — 19 мужчин, 16 женщин, в группе «неучащиеся» — 20 мужчин, 15 женщин.

Обнаружено, что между группами «учащиеся» и «неучащиеся» имеются различия в отношении к экстремизму и в степени интолерантности. Группа «неучащиеся» дала более интолерантные ответы, кроме того, она более лояльно относится к проявлениям экстремизма ($p < 0,001$ по критерию Манна–Уитни). Имеются также половые различия как внутри выборки в целом, так и внутри отдельных подгрупп. В группе и в подгруппах, по сравнению с женским полом, испытуемые мужского пола значительно более интолерантны в своих высказываниях ($p < 0,001$ по критерию Манна–Уитни). Кроме того, младшая группа испытуемых (18–19 лет) более интолерантна, чем 20–22-летние респонденты ($p < 0,001$ по критерию Манна–Уитни).

В исследовании, проведенном нами совместно с М. М. Темиргалиевой (Конева, Темиргалиева, 2011), была поставлена цель изучить некоторые мотивы лиц, причисляющих себя к экстремистам. Применялся, таким образом, третий из описанных нами выше подходов, в котором испытуемым с использованием сети Интернет предлагалось идентифицировать себя с лицами, придерживающимися экс-

тренистских установок и готовы совершить (или совершающими) экстремистские акты. Набор возможных мотивов был заимствован нами из практики клиники аддитивного поведения (Завьялов, 1986), при этом мы основывались на предположении, что существует некоторая форма объекта зависимости у людей, склонных к экстремистскому поведению, — это получение удовольствия и нахождение в эйфории вследствие совершения экстремистских действий, а также разрядка негативных эмоций и самостимулирование. У группы людей, склонных к экстремистскому поведению, значимо ($p < 0,001$ по критерию Манна–Уитни) более выражены мотивы завязывания знакомств, псевдокультуральный (стремление человека приспособить свой личный опыт к ценностям социальной микросреды, в которой он функционирует), гедонистический, гиперактивационный и аддитивный мотивы; более выражены группы социально-психологических и личностных мотивов; в целом выше общая напряженность мотивационной сферы. Наибольшая опасность данного подхода — вполне вероятное различное понимание респондентами слов «экстремист» и «экстремизм». Однако тот факт, что группы идентифицировавших себя испытуемых обнаружили значимые различия в существенных для поведения характеристиках, дает основания рассматривать его как возможный для применения.

Четвертый из обозначенных нами методологических подходов по понятным причинам используется редко (напр.: Щеглов, 2014). Однако получаемые результаты обладают высоким потенциалом объяснения мотивационных аспектов личности экстремистов. В частности, обнаруженная повышенная демонстративность и «игровая» направленность действий еще раз подчеркивают, что идеологическая основа экстремистского поведения служит, скорее, целям психологической защиты, нежели является его истинной причиной. При этом нельзя не учитывать, что люди, находящиеся под следствием, а также выступающие в статусе осужденных, могут либо меняться личностно под влиянием обстоятельств, либо намеренно или непроизвольно исказить информацию, предоставляемую исследователям.

Таким образом, при всей актуальности изучения психологических аспектов экстремистской деятельности существуют объективные теоретические и методологические препятствия: недостаточная определенность понятия, недифференцированность экстремистских и агрессивных действий, несформированность самоидентификации субъектов действий, которые, с точки зрения законодательства, трактуются как экстремистские. При этом и практически целесообразно, и теоретически обоснованно подходить к проблеме экстремизма с позиций его профилактики. В этом контексте

представляется продуктивным положение, что существует психологическая предрасположенность к недостаточной переносимости ухудшающихся условий жизни, которая может выступать в качестве основы агрессивного, в том числе и экстремистского, поведения (Экстремизм в среде..., 2003). Разработка или адаптация психодиагностических методик, позволяющих выявлять соответствующие личностные качества, могла бы стать одним из направлений исследования проблемы.

Литература

- Анциупов А. Я., Шипилов А. И.* Конфликтология: Учеб. пособие для вузов. СПб.: Питер, 2007.
- Конева Е. В., Темургалиева М. М.* Психологические детерминанты экстремистского поведения // Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований. Ярославль: ЯГПУ, 2011. С. 227–229.
- Завьялов В. Ю.* Мотивация потребления алкоголя у больных алкоголизмом и у здоровых // Психологический журнал. 1986. № 5. С. 102–111.
- Корнилов Т. А.* Международные аспекты противодействия экстремизму: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2011.
- Красиков В. И.* Экстрим: междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. М.: Водолей Паблицерз, 2006.
- Куличкина Е. В.* Психологические аспекты экстремизма: Дис. магистра психологии. Ярославль, 2017.
- Ольшанский Д. В.* Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002.
- Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 №N 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015). URL: <http://fzrf.su> (дата обращения: 25.05.2018).
- Щеглов А. А.* Проблема исследования социально-психологических особенностей лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления по идеологическим мотивам // Психологическая наука и образование. 2014. № 1. С. 249–260. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21593412> psyedu.ru. 2014. № 1 (дата обращения: 31.05.2018).
- Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и проблемы профилактики / Под ред. А. А. Козлова. СПб.: Химиздат, 2003.

Psychological correlates of extremist settings

E. V. Koneva (Yaroslavl)

Doctor of Psychology, Associate Professor,
Demidov Yaroslavl State University

Among various types of extremist behavior, the ethnonational extremism is the one most studied. It is also the one most common among young people. The study examines this kind of extremist behavior. There are objective theoretical and methodological obstacles to studying the psychological aspects of extremist behaviour: the ambiguity of the concept, lack of clear differentiation of extremist and aggressive actions, as well as lack of clear self-identification of the subjects of extremist actions. Several methodological approaches are used to study the phenomenon: identification of personality traits, which, in the authors' opinion, form the basis of extremist personality, and subsequent study of polar groups; diagnostics of intolerance; psychological diagnosis of persons identifying themselves as extremists; psychological diagnosis of persons convicted of extremism.

Keywords: extremism, extremist behavior, motivation, intolerance, extremism prevention.

Процессуальный подход в психологии личности

*С. Н. Костромина**, *Н. В. Гришина*** (Санкт-Петербург)

** доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: lanank68@gmail.com*

*** доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: grinat07@gmail.com*

В рамках идей субъектного подхода личность рассматривается как стержневая структура субъекта, задающая общее направление саморазвития и самоорганизации, личность является носителем содержания внутреннего мира человека. Предлагаемое в рамках субъектного подхода различение функций субъекта и личности позволяет утверждать, что тезис «изменяющийся человек в изменяющемся мире» подразумевает именно личность, обладающую потенциалом, обуславливающим ее способность меняться в контексте тех трансформаций, которые происходят в окружающем ее мире. Динамичный подход к пониманию личности в свое время стал альтернативой структурно-функциональному, однако изучение изменчивости личности фактически оказалось редуцировано до анализа вариативности отдельных переменных. Процессуальный подход исходит из принципа изменчивости личности, но не сводит его исключительно к вариативности. Он подчеркивает незавершенность действия, открытость системы, принципиальную возможность трансформации личности в процессе жизненного пути. Основным предметом изучения в процессуальном подходе выступает феноменология изменений.

Ключевые слова: субъект, личность, изменяющаяся личность, динамичный подход, процессуальный подход.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-013-00703/18 «Потенциал самоизменений как фактор существования человека в изменяющемся мире».

Последние десятилетия в отечественной науке отмечены интенсивным развитием идей субъектного подхода в психологии. Благодаря работам А. В. Брушлинского, его учеников и последователей, психология субъекта превратилась в одну из развитых областей современной отечественной психологии. Эвристический потенциал базовых принципов психологии субъекта позволил развить ряд перспективных направлений в исследовании субъекта и субъектности в различных областях психологической науки (Знаков, 2016).

Успешная реализация теоретических и эмпирических исследований в области психологии субъекта явным образом контрастирует с фактическим отсутствием заметных продвижений в области психологии личности, являющейся более традиционной и имеющей более давние традиции развития. Общеизвестность неудовлетворительности традиционных подходов не приводит к прорывам в области психологии личности, нуждающейся, прежде всего, в методологии описания «изменяющейся личности».

Вопрос о соотношении понятий «субъект» и «личность» не раз становился темой обсуждения в психологии. Как известно, С. Л. Рубинштейн считал, что субъект выступает как «стержневое качество личности».

Развитие идей субъектного подхода на теоретическом и эмпирическом уровне стало основанием для появления иной трактовки соотношения обсуждаемых понятий. Мы разделяем позицию Е. А. Сергиенко, предлагающей следующее решение: «Личность (персона) — это стержневая структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвития. Метафорически данное соотношение можно представить в виде командного и исполнительного звеньев. Личность задает направление движения, а субъект — его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Тогда носителем содержания внутреннего мира будет выступать личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах — субъект» (Сергиенко, 2016, с. 106). Обозначая функции субъекта и личности, Сергиенко отмечает тесное переплетение, неразрывность этих двух сторон человеческой организации.

Если принять предложенную Сергиенко метафору относительно «командной» роли личности и «исполнительной» функции субъекта, тогда поиск описания «изменяющегося человека в изменяющемся мире» должен идти именно на уровне личности. Категории субъекта и личности дифференцируются Сергиенко на основании присущих им специфических функций. Субъектность описывается с помощью *понимания* как когнитивной функции, *совокупности*

взаимодействий как коммуникативной функции и *контроля поведения* как регулятивной функции.

По аналогии с описанием субъектных функций специфика функций личности описывается Сергиенко следующим образом: «Когнитивная – осмысление (порождение смыслов, личностных смыслов, ценностей, смысложизненных ориентаций, ценностей); переживание как регулятивная функция, которая указывает на отношение к событию или ситуации, приводя к возможным изменениям в Я-концепции; и коммуникативная функция – направленность на определенные значимые стороны реальности» (там же, с. 107). Предложенные формулировки имплицитно и эксплицитно содержат указания на возможные изменения.

Исходя из этого, тезис «изменяющийся человек в изменяющемся мире» функционально подразумевает именно личность. Именно личность обладает потенциалом, обуславливающим ее способность меняться в контексте тех трансформаций, которые происходят в окружающем ее мире. Как открытая саморазвивающаяся система личность, включенная в более общую систему – социум, способна к переструктурированию своих подсистем, их развитию и редукции. Как сложная иерархическая система личность способна к управлению подсистемами разного уровня в зависимости от внутреннего состояния и внешних требований, переходя в своей регуляции с одного уровня на другой, «меняя управляющие параметры» и «функциональные нагрузки». Как динамичная система личность проявляет изменчивость во времени, демонстрируя свою способность быть чувствительной к ситуации, контексту и целесообразной относительно своих и сторонних текущих или будущих потребностей и желаний.

Динамичный характер личности представлен в различных теоретических концепциях и может быть проиллюстрирован данными эмпирических исследований в различных направлениях психологии личности. Uher и ее коллеги (Uher et al., 2013), в частности, приводят следующие примеры вариативности личностных характеристик фиксируемых при проведении разного рода исследований: а) изменчивость личностных параметров в зависимости от социального контекста; б) ситуативные различия в индивидуальных профилях личности; в) «заметность» индивидуальных вариаций при моделировании поведения в эксперименте; г) слабая реплицируемость результатов при изучении личности в целом. На самом деле, продолжает Uher, исследователи должны учитывать, что в «измерениях динамических и флуктуирующих явлений высокая временная надежность и внутренняя согласованность, как это требуется для стандартизованных

«психометрических» шкал, не могут быть найдены; скорее, высокая надежность и согласованность могут фактически свидетельствовать о недействительности измерения» (Uher et al., 2013, с. 431).

Приведенные иллюстрации, как и другие многочисленные теоретические и эмпирические работы, позволяют утверждать, что изучение «динамичной личности» является важнейшей перспективой развития исследований в области психологии личности. Об этом же свидетельствует и активный рост числа исследований, связанных с изучением различных аспектов динамичных процессов личности. В частности, на последней Европейской конференции по личности (18th European Conference on Personality) в 2016 г. этой проблематике было посвящено значительное число докладов; при этом заметной тенденцией стало увеличение доли качественных и лонгитюдных исследований.

Еще одним трендом современной психологии личности является растущее внимание к исследованию «самопроцессов» личности — самовосприятия, самопонимания, саморегуляции, самоконтроля, самосовершенствования, самопознания, самооценивания и др. В общей сложности — теме динамичных процессов личности, ее изменений и «самопроцессов» — была посвящена почти четверть всех докладов конференции. Именно изучение механизмов самодетерминации, механизмов, позволяющих человеку стать источником своего развития и изменений, автором своей жизни, подчеркивает тенденцию рассмотрения личности как динамической интегративной структуры, которая меняется в контексте и в течение жизни.

Следует отметить, что динамичный взгляд на личность имеет безусловные традиции в отечественной психологии. Центральной идеей понимания онтологии бытия и человека в мире в работах С.Л. Рубинштейна является понимание природы человека через совокупность его отношений к миру. Субстанциональному рассмотрению личности он предложил ее изучение в процессе жизненного пути (Абульханова, Воловикова, 2007).

В современной отечественной психологии Д.А. Леонтьев (2011) предлагает ключевую идею новой методологии — с акцентом на возможности и самодетерминации в противовес принципам необходимости и детерминированности, являющимися основополагающими идеями традиционной психологии. А.Г. Асмолов (2015) подчеркивает, что неопределенность, сложность и разнообразие реальности, в которой живет современный человек, в сущности, и стали теми вызовами, которые делают необходимым пересмотр традиционных представлений в области психологии личности с ее ориентацией на изучение устойчивых черт личности и стабильных паттернов

поведения. Динамизм изменений в современном мире задает аналогичные требования к исследовательской парадигме изучения личности в контексте происходящих изменений.

Динамичный подход к пониманию личности в свое время стал альтернативой структурно-функциональному, рассматривающему личность как систему глобальных деконтекстуализированных, диспозиционных переменных (Ashton, Lee, 2007), обеспечивающих ее стабильность/устойчивость. «Динамичная личность» подразумевает изменчивость индивидуальных характеристик. Тем самым индивидуальные модели изменчивости в действии выступают ключевыми маркерами основной структуры личности. Они становятся основой «описательной таксономией» (John, Srivastava, 1999, с. 103), где описываемая сущность — внутри и межличностная изменчивость. Но являются ли эти маркеры проявлениями изменяющейся личности?

В научной литературе довольно часто категории «изменение», «развитие» и «изменчивость» используются как синонимичные. В этой связи Е. А. Сергиенко отмечает, что «сравнение более общих и развернутых определений, представленных в философской литературе и в приведенных психологических учебниках и словарях, показывает, что психологическим определениям недостает четкого разграничения между понятиями „развитие“ и „изменение“» (Сергиенко, 2016, с. 86—87). Очевидно, любое развитие непременно предполагает изменения (структурные или функциональные), развитие является особой формой изменений, но эти понятия не являются полностью тождественными: понятие «изменение» по сравнению с понятием развития имеет более широкий объем, и не всякое изменение означает развитие. Основная сущностная характеристика изменений — это альтернатива стабильности. Развитие задает вектор изменения. Понятие изменений не отражает направленность перемен. Оно характеризует реальную феноменологию и процессы, в которые вовлечен индивид, их подвижность, текучесть.

Аналогичным образом различаются понятия изменений и изменчивости. Понятие изменчивости подразумевает нестабильность, вариативность некой характеристики или функции, наличие флуктуаций в системе. В связи с этим изучение изменчивости личности фактически редуцируется до анализа вариативности признака на уровне ситуативных изменений или групповых (возрастных, гендерных, профессиональных) сравнений. В этом смысле и развитие, и изменчивость подчеркивают динамичность личности, но не отражают ее процессуальность.

Л. Хьелл и Д. Зиглер в своем аналитическом обзоре вводят параметр «изменяемость—неизменность» в систему базовых положе-

ний, на которых основываются теоретические подходы к пониманию личности в психологии. Разные позиции авторов отражают их ответ на вопрос, «до каких пределов индивидуум способен фундаментально меняться на протяжении жизни» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 45). С.Л. Рубинштейн писал о жизни как о «пребывании в изменении», при этом пребывание означает «процесс *сохранения тождества внутри изменения*» (Рубинштейн, 2003, с. 304). Процессуальный характер изменений подчеркивается не вариативностью или флуктуацией, а переходом к чему-то принципиально иному (изменению структуры, состояния, функции). Изменения личности подразумевают не только процессы развития, но и возникновения, становления, роста, превращения/трансформации и т. д.

Процессуальный подход исходит из принципа изменчивости личности, но не сводит его исключительно к вариативности. Он подчеркивает незавершенность действия, открытость системы, ее «текучесть», принципиальную возможность трансформации личности в процессе жизненного пути. Основным предметом изучения в процессуальном подходе выступает феноменология изменений.

Как уже отмечалось, параметр изменяемости/неизменности в явном или имплицитном виде присутствует в различных теоретических подходах к описанию личности, но он не рассматривается как центральный, а сама феноменология изменения — как основной предмет исследования. Для описания феноменологии изменения необходимо уточнение понятийного аппарата, в частности таких понятий, как изменчивость, потенциал изменения, самоизменение. Проводимые нами исследования подтверждают перспективность изучения потенциала изменений человека и роли процессуального подхода как перспективного направления в исследовании психологии личности.

Литература

- Абульханова К. А., Воловикова М. И. Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 5. С. 5–15.
- Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40.
- Знаков В. В. Современное развитие психологии субъекта: субъектно-аналитический подход // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 52–83.
- Леонтьев Д. А. Новые ориентиры в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.

- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Сергиенко Е. А.* Современные идеи развития в психологии // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 84–115.
- Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб.: Питер, 1997.
- Ashton M. C., Lee K.* The HEXACO model of personality structure and the importance of the H Factor // *Social and Personality Psychology Compass*. 2007. № 2. P. 1952–1962.
- John O. P., Srivastava S.* The big-five factor taxonomy: History, measurement, and theoretical perspectives / L. A. Pervin, O. P. John (Eds) // *Handbook of personality: Theory and research*. 2nd ed. N. Y.: Guilford Press, 1999. P. 102–138.
- Uher J., Addessi E., Visalberghi E.* Contextualised behavioural measurements of personality differences obtained in behavioural tests and social observations in adult capuchin monkeys (*Cebus apella*) // *Journal of Research in Personality*. 2013. № 47. P. 427–444.

Processual approach in psychology of the person

*S. N. Kostromina**, *N. V. Grishina*** (*St Petersburg*)

* Doctor of Psychology, Professor, St Petersburg State University

** Doctor of Psychology, Associate Professor, St Petersburg State University

Within the framework of ideas of subject approach a personality is considered as the core structure of subject. It provides a general direction of self-development and self-organisation, a person is a keeper of content of human being's inner world. The distinction between subject's and personality's functions being suggested in the framework of subjective approach allows us to insist that a thesis «a changing person in a changing world» implies precisely a personality possessing a potential that determines its ability to change in the context of ongoing transformations in the world. In the fullness of time a dynamic approach to understanding a personality became an alternative to a structural-functional one, but a study of personality's variability actually was reduced to an analysis of variability/changeability of individual variables. A processual approach proceeds from the principle of personality variability, but does not reduce it solely to variability. It emphasizes an incompleteness of action, an openness of system, a fundamental possibility of personality's transforming in the process of life's journey. The main subject of the study in the processual approach is a phenomenology of changes.

Keywords: subject, personality, changing personality, dynamic approach, procedural approach.

Рефлексивное мышление как фактор саморазвития личности

А. Н. Лебедев (Москва)

*доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: lebedev-lubimov@yandex.ru*

В статье рассматриваются проблемы изучения феномена саморазвития личности. Один из подходов к его изучению представлен в психологии теорией самодетерминации психологов Э. Деси и Р. Райана. Второй подход основан на синергетике, разработанной немецким методологом и теоретиком Г. Хакеном. Здесь личность рассматривается как открытая система, способная к самоорганизации. В отечественной психологии проблема саморазвития личности была поставлена С.Л. Рубинштейном в первой половине XX в. В его работах, а также в работах его учеников и последователей, например А.В. Брушлинского, Я.А. Пономарева, Д.В. Ушакова и др., много внимания уделялось рефлексивному мышлению. Роль рефлексивного мышления в психологии саморазвития личности сегодня становится все более очевидной. Во многом это происходит благодаря системному подходу и осознанию того, что личность следует изучать как «открытую систему». Поскольку предметом рефлексивного мышления часто оказываются случайные явления, которые нельзя предсказать заранее, то его необходимо рассматривать как логико-стохастический процесс, а направленность саморазвития личности как явление, имеющее не жестко детерминированную, а вероятностную природу.

Ключевые слова: личность, саморазвитие личности, теория самодетерминации, синергетика, рефлексивное мышление, метасознание, детерминизм, неопределенность.

Исследование проводится в рамках НИР лаборатории психологии личности ИП РАН: «Личность в современной России: психологические характеристики, социальные проявления, факторы формирования» (ФАНО № 0159-2016-0006) по индивидуальной теме: «Психологические механизмы самодетерминации и саморазвития личности».

При изучении проблемы развития личности чаще всего рассматривают биологические и социальные факторы, что позволяет некоторым исследователям говорить, что человек — «биосоциальное» существо. Во второй половине XX в. в психологии популярность приобрела идея саморазвития личности. Во многом это было связано с популярностью системного подхода и идеей синергетики, в соответствии с которыми личность рассматривалась как открытая система, способная к самоорганизации на основе неких «внутрисистемных» механизмов (Хакен, 2003).

Исследования жизненного пути многих выдающихся людей психобиографическим методом, также и в рамках психогенетического подхода нередко приводили к парадоксальным результатам, когда личные достижения многих ярких людей невозможно было объяснить ни генетическими факторами, ни очевидным влиянием социального окружения. В частности, близкие родственники многих талантливых ученых, писателей, музыкантов, художников, политических деятелей, изобретателей, физиков, математиков, спортсменов и др. были абсолютно заурядными, а зачастую малообразованными людьми. Наиболее ярким примером здесь является М. В. Ломоносов. В XX в. стало популярным и почетным «звание» так называемой «self-made» личности.

Под саморазвитием личности в этом случае следует понимать процесс, в результате которого личность демонстрирует существенные (отличающиеся от средних) или выдающиеся достижения. В этом случае не должно быть оснований утверждать, что человек обладает какими-либо незаурядными врожденными способностями или находился в условиях соответствующего социального влияния.

В наиболее конкретной форме концепция саморазвития получила отражение в теории самодетерминации личности Э. Деси и Р. Райана (Deci, Ryan, 2002, 2008). Теорию самодетерминации Э. Деси и Р. Райана традиционно относят к позитивной психологии. В рамках теории развивается положение о том, что основные потребности саморазвивающейся личности — это потребность в автономии, компетентности и связи с другими людьми. После удовлетворения этих базовых потребностей повышается уровень субъективного благополучия, что создает условия для саморазвития.

Под автономией авторы теории понимают ситуацию, когда самооценка человека совпадает с его личными интересами, что обеспечивается отсутствием контроля со стороны социального окружения. Потребность в компетентности реализуется в результате совместной деятельности, если она эффективна. Что происходит лишь в том случае, когда социальное окружение ставит перед чело-

веком посильные задачи и оценивает их положительно. Потребность в единении с окружающими реализуется при позитивном отношении группы к человеку.

Э. Деси и Р. Райан также подчеркивают необходимость некоей «внутренней мотивации», понимая ее как «врожденное свойство», основанное на стремлении к достижению своих интересов и совершенствовании способностей. Авторы также отмечают значение влияния на «внутреннюю мотивацию» внешних факторов (награды, позитивные внешние оценки и стили межличностного взаимодействия). Очевидно, что наличие в теории факторов внутренней и внешней мотивации ставит под сомнение то, что авторы действительно говорят о саморазвитии, а не о развитии в процессе реализации биологического потенциала и заметного социального влияния. Тем не менее, теория самодетерминации была подкреплена большим числом результатов многочисленных эмпирических исследований, проведенных как в странах Запада, так и Востока, а также в США и России.

По мере развития теории самодетерминации становилось все более очевидным, что она предлагает тот же фактор врожденной потребности, реализующейся в благоприятных социальных условиях. Поэтому остается неясным, действительно ли существует некое «абсолютное саморазвитие», которое можно объяснить, не прибегая к понятиям биологии и социальной психологии. Также теория самодетерминации не дает нового понимания того, почему именно у одних людей «врожденная» тенденция к саморазвитию как потребность и способность проявляется ярко, у других она почти не проявляется, а третьи демонстрируют медленную или стремительную деградацию.

Многие авторы подчеркивают то, что проблему саморазвития нельзя рассматривать односторонне — человек может меняться как в позитивную, так и негативную сторону. Отмечалось также, что в основе развитие и деградации личности, возможно, лежит один и тот же пока еще недостаточно исследованный механизм. Однако в теории Э. Деси и Р. Райана деградации личности почти не уделяется внимания.

Следует отметить, что идеи саморазвития не являются новыми для отечественной психологии, хотя в советское время длительное время они по ряду причин не были популярными. Так, например, еще в первой половине XX в. С.Л. Рубинштейн в качестве одной из основных исследовательских задач считал изучение творческой самодетельности, или творческого саморазвития. В его работах, а также в работах его учеников и последователей, например А. В. Брушлинского, Я. А. Пономарева, Д. В. Ушакова и др., также много внимания уделялось изучению роли рефлексивного мышления в само-

развитии личности. По мнению С. Л. Рубинштейна, способность к рефлексии — это «умение человека осознавать границы своего «Я». Без этого качества, полагал С. Л. Рубинштейн, невозможно развитие полноценной, зрелой личности. Рефлексивный акт — это умение человека «остановить поток собственных мыслительных процессов и переключиться с автоматического мышления на осознание своего психического и духовного внутреннего мира» (Рубинштейн, 1958).

По мнению В. В. Давыдова, в развитой форме мышление функционирует именно как рефлексивный способ действия. В ходе преобразования окружающей действительности оно подвергает критическому рассмотрению основания и закономерности каких-либо изменений. Оно также систематически пересматривает схемы преобразований сообразно изменяющимся обстоятельствам. Таким образом, именно это, по мнению, В. В. Давыдова, является механизмом развития личности. Очевидно, что непосредственно из «биологически заданных» способностей и непосредственного социального влияния такое развитие вывести невозможно. Биологическое и социальное влияют на развитие личности, преломляясь через ее рефлексивное мышление.

Таким образом, в отечественной психологии есть основания рассматривать процесс саморазвития в связи с явлением рефлексивного мышления. С точки зрения методологии, это означает переход к представлениям о том, что свойства психики, к которым относят личность, должны рассматриваться системно, т. е. с учетом роли психических процессов и состояний. Традиционные теории личности часто замыкаются на личности как явления, пытаясь изучать ее по сути дела как некую «закрытую систему».

Сегодня в когнитивной психологии рефлексивное мышление связывают с понятием метасознания, т. е. с возможностью человека не только мыслить, но и осознавать сам факт и процесс мышления. Идеи рефлексивного мышления высказывало еще Д. Дьюи и У. Джемс. Термин *метасознание* был введен Д. Флейвеллом в 1976 г. Автор дал определение понятию как совокупности знаний человека об основных особенностях познавательной сферы и способах ее контроля. А. Браун определила метапознание как знание о своем собственном знании. Отсюда следует, что обладая таким качеством личность способна не только критически относиться к социальному влиянию, но и к себе. То есть, имея развитое рефлексивное мышление, человек может волевым путем развивать себя и формировать в себе необходимые ему качества. Вполне очевидно, что не всякий человек обладает развитым рефлексивным мышлением, а значит, далеко не всякий человек способен к эффективному саморазвитию.

Однако уже не вполне очевидна направленность саморазвития личности. И остается неясным, что именно определяет эту направленность и чем она детерминирована.

Традиционно в психологии, как и в других науках, исследования проводятся в соответствии с методологией каузального детерминизма. И это является признанной научной нормой. То есть исследователь чаще всего выстраивает однозначную систему причин и следствий (описывает механизм). В современной науке, например биологии, физике, экономике, социологии и др., все чаще говорят о возможности и даже необходимости перехода от принципа каузального детерминизма к принципу детерминизма стохастического. Это означает, что во многих случаях жесткие каузальные схемы неприемлемы там, где случайные явления играют определяющую роль и не могут игнорироваться.

Так, например, говоря о рефлексивном мышлении, многие исследователи подчеркивают, что рефлексия — это форма интеллектуальной активности, которая направлена, прежде всего, на неоднозначные условия задачи или принятия решений в ситуации неопределенности (Канеман, 2013; Хакен, 2003). Если в условиях логической задачи отдельные ее этапы выводятся один из другого, то рефлексивное мышление не исключает случайности.

Поэтому анализ собственных действий или поступков человека — рефлексия — предполагает, что многие из них не могут быть предсказаны заранее. Эта ситуация становится крайне актуальной, например, при необходимости выбора из субъективно равнозначных (неразличимых) альтернатив или альтернатив, различающихся не существенными для правильного решения признаками. То есть выбор альтернативы из двух и более относительно равнозначных однозначно не определен и в известном смысле является вероятностным и даже случайным. Феномен относительно случайного выбора позволяет задать вопрос о том, что является материалом для рефлексии и, следовательно, источником непредсказуемой новизны в формировании личностной направленности. Данный подход предполагает анализ ситуаций равнозначного выбора, когда ценность и последствия поступка неясны субъекту и он не может однозначно предсказать результат своего выбора.

Рефлексивное мышление, основанное на пробах и ошибках, оказывается крайне важным при осуществлении некоей поисковой активности субъекта, которая неизбежно реализуется в ситуации, когда отсутствуют какие-либо внешние или внутренние стимулы. Такая активность проявляется в том случае, когда у субъекта нет возможности использовать прошлый опыт, когда опыт оказы-

вается бесполезным или даже вредным. Очень часто это происходит в том случае, когда человек сталкивается с необходимостью выбора одной альтернативы из достаточно большого числа субъективно равнозначных. Таких субъективно равнозначных альтернатив на протяжении жизни возникает неограниченное количество, и к выбору приходится прибегать многократно. Поэтому рефлексивное мышление, определяющее саморазвитие личности, должно рассматриваться не только как логический, но и как логико-стохастический процесс (Лебедев, 2016).

Литература

- Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2013.
- Лебедев А. Н.* Логико-стохастические задачи в нейромаркетинге // Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document281.pdf> (дата обращения: 11.10.2017).
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Рубинштейн С. Л.* О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Хакен Г.* Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. Ижевск: ИКИ, 2003.
- Deci E., Ryan R.* Handbook of self-determination research. Rochester: University of Rochester Press, 2002.
- Deci E. L., Ryan R. M.* Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health // Canadian Psychology. 2008. Т. 49. С. 182–185.

Reflective thinking as a factor of personality self-development

A. N. Lebedev (Moscow)

Doctor of Psychology, Institute of Psychology of RAS

The article deals with the problem of studying the phenomenon of self-development of personality. One of the approaches to its study is represented in psychology by the theory of self-determination developed by E. Deci and R. Ryan. The second approach is based on the principles of synergetics developed by G. Haken. Here the personality is considered as an open system capable of self-organization. In Russian psychology, the problem of self-development of personality was regarded by S. L. Rubinstein in the first half of the twentieth century. In his works, as well as in the works of his disciples

and followers, for example, A. V. Brushlinsky, I. A. Ponomarev, D. V. Ushakov and others, much attention was paid to reflexive thinking. The role of reflexive thinking in the psychology of self-development of the personality is becoming increasingly obvious. This is largely due to a system approach and the realization that the personality should be studied as an “open system”. Since the subject of reflexive thinking is often random phenomena that can not be predicted in advance, it must be considered as a logical-stochastic process, and the direction of self-development of the personality as a phenomenon that has not rigidly determined, but the probabilistic nature.

Keywords: personality, self-development, self-determination theory, synergetics, reflective thinking, metaconscious, determinism, uncertainty.

Влияние личностных особенностей испытуемых на восприятие ими процедуры тестирования

И. Г. Макаревская (Сочи)

*кандидат психологических наук, доцент,
Сочинский государственный университет; e-mail: yuliya-sochi@mail.ru*

Методологические вопросы относительно того, что мы измеряем в ситуации психологического исследования, какие факторы определяют результативность психологического измерения, не новы для психологической науки и практики. Тем не менее научный и практический интерес представляет изучение и анализ результативности процесса измерения и восприятия ситуации тестирования как с позиции характеристик ситуации психологического измерения, так и с позиции испытуемого и его личности. В нашем исследовании анализируется влияние личностных особенностей испытуемого на восприятие им процедуры тестирования. Показано, что темпераментальные и личностные особенности испытуемых оказывают влияние на ситуативную тревожность испытуемых, их самочувствие, активность и настроение в процессе тестирования. В ходе исследования выявлено, что личностные особенности испытуемых опосредуют восприятие ими процедуры тестирования.

Ключевые слова: психологическое измерение, восприятие ситуации тестирования, специальные способности, личностные особенности.

Проблема измерения в психологии весьма актуальна, но она требует во много раз больших усилий для своего решения, чем в других науках. Связано это с тем, что в психологии далеко не всегда можно найти для всех алгебраических процедур такие экспериментальные операции, «которые, будучи произведены на двух вещах, привели бы к такому эмпирическому результату, который можно было бы предвидеть на основании соответствующей арифметической опера-

ции, произведенной на двух числах, предписываемых этим вещам» (Пиаже, 1966, с. 157).

На объективность получаемых тестовых данных в психологическом исследовании могут оказывать влияние систематические и случайные факторы, порождая, соответственно, систематические и случайные ошибки измерения. К факторам, вызывающим случайные ошибки измерения, можно отнести: эргономические факторы, состояние и настроение тестируемого. К факторам, вызывающим систематические ошибки измерения, можно отнести влияние, которое оказывает на результаты тестирования личность испытуемого и восприятие им процедуры тестирования.

Основная «проблема психологических измерений заключается не в построении соответствующих математических моделей, а в изучении психологических основ деятельности человека при оценивании стимулов» (Худяков, 2010, с. 179). В эту деятельность включается вся психика человека, поэтому из измерения элементарных ощущений как субъективной величины стимула сегодня проблема психологических измерений выросла в проблему моделирования структуры субъективного мира человека (Артемьева, 1990).

В процессе психологического измерения существующие у испытуемого субъективные представления о самом себе и о ситуации измерения, ее потенциальной объективности и прогностичности позволяют индивиду строить субъективную модель вероятностной структуры предстоящей ситуации тестирования, осуществлять на основе этой модели субъективный прогноз и строить свою деятельность в соответствии с этим прогнозом, что может существенно опосредовать результативность измерения.

Соответственно, научный и практический интерес представляет изучение и анализ восприятия ситуации тестирования как с учетом характеристик ситуации психологического измерения, так и базируясь на личностных особенностях испытуемого, принимающего участие в исследовании.

В исследовании, осуществленном нами ранее, анализировались такие вопросы, как адекватность персонального прогноза успеха в различных ситуациях тестирования с учетом специфики эмоционального реагирования испытуемых на тесты достижений (ситуативной тревожности); специфические составляющие персонального прогноза при тестировании достижений в «ситуации клиента» и «ситуации экспертизы».

Главная проблема, которую мы ставим перед собой в данном исследовании, состоит в определении личностных особенностей, которые влияют на восприятие испытуемыми ситуации тестирования.

В исследовании были использованы следующие методики: пяти-факторный личностный опросник Маккрэ–Косты («Big Five») в адаптации В. Е Орла, А. А. Рукавишникова и И. Г. Сенина; опросник структуры темперамента» ОСТ В. М. Русалова; опросник самооотношения (ОСО) В. В. Столина и С. Р. Пантелеева; опросник «Самочувствие. Активность. Настроение» (САН) В. А. Доскин, Н. А. Лаврентьевой, В. Б. Шарай, М. П. Мирошников; методика диагностики личностной тревожности Ч. Д. Спилберга, Ю. Л. Ханина; тестовая батарея общих и специальных способностей (ТБОСП); авторская анкета, направленная на изучение специфики восприятия испытуемыми ситуации психологического тестирования.

В исследовании приняли участие 60 чел. в возрасте от 16 до 23 лет – 30 студентов Сочинского государственного университета и 30 школьников, обучающихся в старших классах школ г. Сочи.

Исследовательская работа проходила в несколько этапов. На первом этапе исследования мы изучали такие личностные особенности испытуемых, как: черты личности, самооотношение, темпераментальные особенности.

На втором этапе исследования мы оценивали уровень развития специальных способностей испытуемых, для диагностики была выбрана батарея общих профессиональных способностей (ТБОПС). В ходе этого этапа исследования, до и после теста способностей у испытуемых измерялись: уровень ситуативной тревожности (шкала самооценки уровня тревожности Ч. Д. Спилберга, Ю. Л. Ханина), их самочувствие и настроение (шкала самооценки самочувствия, активности, настроения – САН) и восприятие ими ситуации тестирования. Часть вопросов используемой анкеты была построена по принципу семантического дифференциала. Для обработки данных по этим вопросам и анализа специфики восприятия процедуры тестирования специальных способностей испытуемыми с различными личностными способностями, мы воспользовались методом выделения семантических универсалий, разработанным Е. Ю. Артемьевой.

На основании проведенного анализа были получены следующие результаты: для испытуемых с высоким уровнем предметной эргичности семантическими универсалиями при описании диагностической процедуры являются антонимичные пары «объективный–субъективный» (0,624), «монотонный–разнообразный» (3,1), «легкомысленный–серьезный» (2,76). Таким образом, испытуемые с высоким уровнем предметной эргичности воспринимают процедуру тестирования специальных способностей как объективную, разнообразную, серьезную.

Для испытуемых со средним уровнем предметной эргичности семантическими универсалиями при описании диагностической процедуры являются: «монотонный—разнообразный» (2,75), «простой—сложный» (2,78), «легкомысленный—серьезный» (2,79). Таким образом, испытуемые со средне нормативным уровнем *предметной* эргичности воспринимают процедуру тестирования специальных способностей как разнообразную, сложную, серьезную.

То есть можно предположить, что предметная эргичность оказывает влияние на репрезентацию в сознании испытуемых таких дихотомий относительно процедуры тестирования, как: «разнообразная» и «серьезная».

Для испытуемых со средним уровнем социальной пластичности семантическими универсалиями при описании диагностической процедуры являются: «значимый—пустой» (2,8), «монотонный—разнообразный» (2,78). Так, испытуемые со средненормативным уровнем социальной пластичности воспринимают процедуру тестирования специальных способностей как пустую, но при этом разнообразную.

Для испытуемых со средним уровнем привязанности — обособленности семантическими универсалиями при описании диагностической процедуры являются «монотонный—разнообразный» (2,77), «простой—сложный» (2,79), «легкомысленный—серьезный» (2,77). Таким образом, они воспринимают процедуру тестирования специальных способностей как разнообразную, сложную, серьезную.

Для испытуемых с низким уровнем импульсивности семантическими универсалиями при описании диагностической процедуры являются: «значимый—пустой» (2,93), «монотонный—разнообразный» (2,9), «простой—сложный» (2,76), «легкомысленный—серьезный» (2,78). Таким образом, испытуемые с низким уровнем импульсивности воспринимают процедуру тестирования специальных способностей как пустую, разнообразную, сложную, серьезную.

Эмоционально устойчивые испытуемые воспринимают процедуру тестирования специальных способностей как пустую, разнообразную, сложную, серьезную, бодрую («значимый—пустой» (2,82), «монотонный—разнообразный» (2,88), «простой—сложный» (2,89), «легкомысленный—серьезный» (2,94), «вялый—бодрый» (2,96)).

Испытуемые с низким уровнем глобального самоотношения воспринимают процедуру тестирования специальных способностей как субъективную, хорошую, искусственную, быструю, утомительную, пустую, серьезную. Данный набор достаточно неоднозначен, в качестве универсалий были выявлены фактически противоречащие друг другу характеристики. Возможно, что испытуемые с низким

уровнем самоотношения оказались неспособными к критической, аналитической оценке процедуры тестирования, сосредоточившись не на оценке процедуры тестирования, а на оценке своих результатов, полученных в ходе тестирования.

Испытуемые с низким уровнем самоуважения воспринимают процедуру тестирования специальных способностей как быструю, утомительную, сложную, серьезную и бодрую.

Для испытуемых с низким уровнем аутосимпатии семантическими универсалиями при описании диагностической процедуры являются «медленный–быстрый» (2,75), «интересный–утомительный» (2,77), «значимый–пустой» (2,84), «монотонный–разнообразный» (2,94), «простой–сложный» (3,02). Таким образом, испытуемые с низким уровнем аутосимпатии воспринимают процедуру тестирования специальных способностей как быструю, утомительную, пустую, разнообразную, сложную.

Испытуемые с низким уровнем самоинтереса воспринимают процедуру тестирования специальных способностей как хорошую, искусственную, быструю, утомительную, пустую, разнообразную, сложную, серьезную.

По результатам статистической обработки с использованием однофакторного дисперсионного анализа ANOVA было выявлено значимое влияние ожидаемого отношения от других на показатель уровня тревожности в процессе тестирования (при $F=3,805$; $p=0,001$).

Выявлена тенденция влияния на показатель ситуативной тревожности в процессе тестирования социальной эргичности (при $F=1,928$; $p=0,059$), самоконтроля–импульсивности (при $F=1,858$; $p=0,053$), самоинтереса (при $F=1,964$; $p=0,088$).

По результатам статистической обработки также было выявлено значимое влияние предметной эргичности на самочувствие испытуемого (при $F=2,377$; $p=0,02$).

Обнаружено влияние самоконтроля – импульсивности на настроение испытуемого в ситуации тестирования (при $F=1,89$; $p=0,04$).

Обнаружено влияние эмоциональной устойчивости на настроение испытуемого в ситуации тестирования (при $F=2,71$; $p=0,006$).

Обнаружено влияние глобального самоотношения на активность испытуемого в ситуации тестирования (при $F=2,58$; $p=0,007$).

Обнаружено влияние ожидаемого отношения от других на самочувствие испытуемого (при $F=2,86$; $p=0,009$).

Обнаружено влияние самоинтереса на активность испытуемого в ситуации тестирования (при $F=2,78$; $p=0,02$) и на его настроение в ходе исследования (при $F=2,23$; $p=0,05$).

Полученные результаты позволяют предположить, что ситуация тестирования специальных способностей по-разному репрезентируется в сознании испытуемых в зависимости от их личностных черт и темпераментальных особенностей, оказывая, таким образом, опосредованное влияние на объективность получаемых в ходе тестирования данных. Полученные данные исследования мы склонны рассматривать как пилотажные и считаем, что заявленная проблема нуждается в дальнейшем теоретическом и практическом осмыслении.

Литература

Артемьева Е. Ю. Психология и математические модели субъективного мира // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 1990. № 3. С. 4–15.

Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм. Вып. I–II // Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса, Ж. Пиаже. М.: Прогресс, 1966. С. 157–194.

Худяков А. И. Обобщенный образ и проблема психологических измерений // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 179–183.

The Adequacy Of Personal Success Prediction In Psychological Achievement Testing / U. E. Makarevskaya, I. G. Makarevskaya, Z. I. Ryabikina // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS, e-ISSN: 2357–1330, 2017. Published by the Future Academy. P. 227–234.

Impact of personal features of the testing procedures testing on the perception of them

I. G. Makarevskaya (Sochi)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Sochi State University

Methodological questions about what we measure in the situation of psychological research, what factors determine the effectiveness of the psychological dimension are not new for psychological science and practice. Nevertheless, the scientific and practical interest is the study and analysis of the effectiveness of the measurement process and the perception of the testing situation as a position of the characteristics of the situation of the psychological dimension, and from the position of the subject and his personality. In

our study, the influence of the personality characteristics of the subject on the perception of the testing procedure is analyzed. It is shown that the temperamental and personal characteristics of the subjects affect the situational anxiety of the subjects, their well-being, activity and mood in the testing process. In the course of the study, it was revealed that the personality characteristics of the subjects mediate their perception of the testing procedure.

Keywords: psychological measurement, perception of the testing situation, special abilities, personal characteristics.

Личностные особенности родителей, воспитывающих детей-инвалидов

А. А. Мальцева (Анапа)

*аспирантка, Кубанский государственный университет, Медицинский центр
«Кортексмед»; e-mail: alinamaltseva1991@mail.ru*

В статье рассматриваются личностные особенности родителей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии и в связи с этим находящихся в трудной жизненной ситуации и условиях постоянного стресса. Названные причины обуславливают формирование определенных личностных черт, которые могут как помогать совладать со сложившейся ситуацией, мобилизовать ресурсы, так и, напротив, провоцировать деструктивные формы поведения. Исследование показало, что родителям, воспитывающим детей с неврологическими расстройствами (по сравнению с родителями, воспитывающими здоровых детей), свойственно использование такого механизма психологической защиты, как *реактивные образования*, а также выявило высокие показатели по шкалам депрессии и личностной тревоги.

Ключевые слова: личностные особенности, механизмы психологической защиты, депрессия, личностная тревога, совладающее поведение.

Родители детей с неврологическими расстройствами (задержка психоречевого развития) находятся в условиях хронического стресса и зачастую оказываются стигматизированными в обществе. Они недостаточно осведомлены о том, в какие учреждения обращаться за помощью, отрицают у ребенка наличие когнитивного дефицита или применяют враждебное поведение, которое является защитной реакцией (Заборина, 2006). Изучение личностных особенностей родителей, воспитывающих детей-инвалидов, относится к недостаточно изученной проблеме, так как в большинстве случаев, при наличии у ребенка инвалидности, основное внимание исследователи уделяют самому ребенку с позиций медицинского подхода. Но ситуация вос-

питания ребенка с инвалидностью оказывает влияние на качество жизни всей семьи. Взаимоотношения родителей с ребенком отягощены состоянием хронического стресса. Зачастую родители трудно вступают в контакт с помогающими специалистами. Вследствие чего мы считаем, что данную проблему необходимо рассматривать с позиции комплексного подхода, в котором важное значение имеет психологический аспект (Шебанец, 2006).

Интенсивность постоянных эмоциональных переживаний, личностная и ситуативная тревожность, которая касается будущего ребенка с инвалидностью, приводят к формированию у родителей аномальных личностных черт, изменению качества их жизни и ценностной переориентации. Осуществленное исследование направлено на изучение личностных особенностей родителей, воспитывающих детей-инвалидов.

Необходимость изучения личностных особенностей родителей, воспитывающих детей-инвалидов, подтверждается зарубежными и отечественными исследованиями в психологии (Заборина, 2006; Санубаева, 2004; и др.). В научной литературе обосновывается актуальность данной проблемы. Большинство исследователей сходятся во мнении, что пребывание в ситуации хронического стресса сказывается на формировании личностного склада и паттернов поведения, которые отвечают за мобилизацию ресурсов и совладание со стрессом. В качестве факторов изменения личностных особенностей рассматриваются различные аспекты: социальный статус, целостность семьи, трудовая деятельность, материальное благополучие и др. Системный подход в психологии позволяет интегрировать объективные и субъективные факторы при изучении личностных особенностей родителей, воспитывающих детей-инвалидов. Изучение личности с позиции субъектно-бытийного подхода помогает проследить динамику формирования личностного склада, который включает механизмы психологической защиты, ценностную ориентацию, совладающее поведение, личностную и ситуативную тревожность.

Целью исследования является изучение личностных особенностей родителей, воспитывающих детей-инвалидов.

Организация и методы исследования

Исследование проводилось на базе медицинского центра «Кортексмед» и частного детского сада «Солнышко» г. Анапа. В исследовании приняли участие 60 родителей (от 33 до 35 лет, возраст детей составил 2–5 лет), из которых было сформировано 2 группы: родители, воспитывающие детей-инвалидов (с диагнозом детский цереб-

ральный паралич, задержка психоречевого развития, аутизм и расстройствами аутистического спектра), и родители, воспитывающие здоровых детей.

Для сбора данных были использованы следующие методы: клинико-психологические методы: беседа, наблюдение; группа психодиагностические методик: методика «Индекс Жизненного Стиля» (Р. Плутчик, Х. Келлерман, Х. Р. Конте); «Сокращенный многофакторный опросник для исследования личности» (адаптированный в русскоязычном варианте В. П. Зайцевым и В. Н. Козюлей); «Личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлора» (адаптированная Т. А. Немчиновым). В качестве основных математических процедур были использованы методы описательной статистики, методы сравнительной статистики – непараметрический U-критерий Манна–Уитни для двух несвязанных выборок. Расчеты проводились с помощью статистического пакета Statistica 8.0. для Windows.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим результаты методики «Сокращенный многофакторный опросник для исследования личности», направленной на изучение эмоционально-личностных особенностей респондентов. При оценке показателей по шкале «Депрессия» (D) в сравнении двух несвязанных выборок с помощью U-критерия Манна–Уитни обнаружены статистически достоверные различия ($p\text{-level} = 0,030709$). У родителей, воспитывающих детей-инвалидов, средние значения по шкале «Депрессия» (D) превышают нормальные показатели (выше 70 баллов).

По результатам опросника «Личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлора», направленного на изучение уровня личностной тревоги, при оценке уровня личностной тревоги в сравнении двух выборок, с помощью U-критерия Манна–Уитни обнаружены статистически достоверные различия ($p\text{-level} = 0,030757$), свидетельствующие о том, что у родителей, воспитывающих детей-инвалидов, уровень личностной тревоги выше, чем у родителей, воспитывающих здоровых детей. У родителей, воспитывающих детей-инвалидов, средние значения превышают в норму и входят в диапазон от 25 до 40 баллов, что говорит о наличии у них высокого уровня личностной тревоги.

Рассмотрим результаты методики «Индекс Жизненного Стиля», направленной на изучение механизмов психологических защит. При оценке показателей использования МПЗ в сравнении двух выборок, с помощью U-критерия Манна–Уитни обнаружены различия на уровне статической тенденции ($p\text{-level} = 0,056013$), свидетельствующие о преобладании в использовании родителями воспитыва-

ющих детей-инвалидов, такого механизма психологической защиты, как *реактивные образования*.

Клинико-психологические методы: беседа и наблюдение – свидетельствуют о том, что большинство родителей, воспитывающих ребенка с неврологической патологией и сопутствующими эмоционально-волевыми нарушениями, испытывают страх за свою жизнь и жизнь ребенка, чувство беспомощности, предъявляют жалобы на хроническую усталость, обострение тревожности и раздражительности. Фрагмент интервью: Мария, 32 года, разведена, не работает. Дочке 11 лет, диагноз – атипичный аутизм с умственной отсталостью. У ребенка экспрессивная речь отсутствует, понимание обращенной речи развито частично, на бытовом уровне, навыки самообслуживания не сформированы. При предъявлении матери вопроса о том, посещают ли они у себя в городе какие-либо социальные учреждения или обращались ли до настоящего времени за помощью в другие реабилитационные центры, она начала плакать и кричать: *«Нам никто не помог, никто не подсказал, куда можно обратиться, мы боимся выходить во двор, все показывают на моего ребенка пальцем. Я так устала, мечтаю о том, чтобы у меня обострилось какое-то заболевание и меня забрали на машине скорой помощи в больницу, чтобы я хоть там отдохнула. Не могу ее оставить одну и сходить в магазин, научите ее говорить»*. При этом мать девочки категорически отказывалась принимать от медицинского персонала какие-либо практические рекомендации по взаимодействию с ребенком и враждебно относилась к советам других родителей с опытом воспитания подобных детей. При исследовании эмоционально-личностных особенностей с помощью методики «Сокращенный многофакторный опросник для исследования личности» (СМОЛ), при построении профиля личности наблюдаются высокие показатели по шкалам «Психоастения (Pt)» – 73 балла и «Депрессия (D)» – 85 баллов. По методике «Индекс Жизненного стиля» отмечается преобладание таких механизмов психологической защиты, как *реактивные образования* (56%), *интеллектуализация* (44%). При исследовании личностной тревоги с помощью шкалы Дж. Тейлора получены значения, превышающие норму 27 баллов, что свидетельствует о преобладании среднего уровня личностной тревоги (с тенденцией к высокому). Результаты интервью подтверждают, что под воздействием длительного стресса личностные ресурсы, запасы сил и энергии истощаются, что сочетается с дезадаптивными формами поведения: отрицанием, избеганием, гневом, поиском виноватых или самообвинением. Пролонгированные отрицательные эмоциональные переживания сочетаются с изменением социального статуса, супружеских вза-

имоотношений, отказа или смены профессиональной деятельности и качества жизни. Таким образом, перечисленные факторы оказывают влияние не только на эмоциональный и поведенческий компонент, но и на формирование личностных изменений.

По результатам анализа полученных в ходе исследования эмпирических данных, можно сделать следующие выводы.

1. Родителям, воспитывающим детей-инвалидов, свойственны высокие показатели по шкале депрессии (такие оценки имеют тревожные, робкие и застенчивые люди, склонные впадать в отчаяние). При построении профиля личности замечено, что родители, воспитывающие детей с отклонениями в развитии, испытывают подавленное настроение, чувство вины, тоскливости и беспокойства. Наряду с этими переживаниями многие родители проявляют безучастность к происходящему и пессимизм к будущим перспективам.
2. У родителей, воспитывающих детей инвалидов, при сравнении с родителями, воспитывающими здоровых детей, обнаружен высокий уровень личностной тревоги. Рождение и воспитание ребенка с низким реабилитационным потенциалом относится к числу трудных жизненных ситуаций, которые оказывают сильнейшее воздействие на родителей, вследствие чего возникающие при этом переживания затрагивают все аспекты их жизни. Изменения происходят в эмоциональной, личностной, ценностно-смысловой сферах.
3. При высоких показателях по шкалам депрессии и личностной тревоги у родителей, воспитывающих детей-инвалидов, формируются механизмы психологической защиты. Выявлено преобладание механизма *реактивные образования*, т. е. неприятные для личности мысли и переживания преобразуются в противоположные.

Оптимизация диагностики эмоционально-личностных расстройств родителей, воспитывающих детей-инвалидов, позволит осуществлять обоснованный подход к оказанию им психологической поддержки, проведению психокоррекционных мероприятий, которые позволят снизить эмоциональное напряжение, повысят информированность родителей о ребенке, о проблемах его развития и воспитания.

Литература

Дикая Л. Г. Регулирующая роль образа функционального состояния в экстремальных условиях деятельности // Психологический журнал. 1991. Т. 1. № 1. С. 55–65.

- Заборина Л. Г.* Особенности смысловой структуры мировоззрения родителей детей-инвалидов // Вестник Бурятского университета. 2006. № 10. С. 250–256.
- Куприянова И. Е., Дашиева Б. А., Карауш И. С.* Актуальные вопросы и перспективы психолого-педагогического и медико-социального сопровождения процессов обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 10. С. 107–110.
- Левченко И. Ю., Ткачева В. В.* Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии. М.: Просвещение, 2008.
- Рябикина З. И.* Личность. Личностное развитие. Профессиональный рост. Краснодар, 1995.
- Ряжева М. В.* Феномен истощения ресурсов личности в ситуации пролонгированного стресса (на примере родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья). Кострома, 2012.
- Сабунаева М. Л.* О методах исследования особенностей переживания психологического кризиса в зрелом возрасте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004.
- Шебанец Е. Ю.* Организация психологической поддержки семьям, имеющим ребенка с отклонениями в развитии // Проблема субъекта и особенности субъектной личности // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2. С. 91–96.
- Яфарова С. Ш.* Современные принципы организации медико-социальной и психологической помощи детям-инвалидам // Казанский медицинский журнал. 2008. Т. 3. С. 233–237.
- Burke P., Kingsley J.* Brothers and Sisters of Children with Disabilities. 2004. P. 195.

Particular peculiarities of parents who bring up disabled children

A. A. Maltseva (Anapa)

Postgraduate student, Kuban State University, The Medical Center
“Cortexmed”

This article examines the personal characteristics of parents who bring up invalid children. Parents of children with disabilities who are in a difficult life situation and under conditions of constant stress form certain personality traits that help them cope with the situation, mobilize resources or use destructive forms of behavior. We put forward the hypothesis that in the pro-

cess of educating disabled children in conjunction with such factors as the composition of the family, employment, education, psychological support, awareness of the child's illness, the personal characteristics of the parents are different. The results showed that the parents, who brought up children with neurological disorders, were compared to those with healthy children, found the use of such a mechanism of psychological protection, such as reactive formations, as well as those identified as high scores on the scale of depression and personal anxiety.

Keywords: personal features, mechanisms of psychological defense, depression, personal anxiety, coping behavior.

Понимание креолизованного текста в системе «автор—читатель» на примере текстов с графическими и реалистическими изображениями

Д. Е. Мерзляков, Е. С. Игнатова** (Пермь)*

** психолог центра профориентации, Пермский государственный национальный исследовательский университет; e-mail: dmitrey@outlook.com*

*** кандидат психологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет; e-mail: 131013@mail.ru*

В статье раскрывается вопрос влияния изображений на понимание креолизованного текста. В статье дается теоретические и экспериментальное обоснование позиции изображений в коммуникации «автор—читатель», где изображения выступают предикторами понимания креолизованного текста.

Ключевые слова: креолизованный текст, восприятие, понимание.

Актуальность исследования воздействия визуальных образов на понимание информационных сообщений в интернет-СМИ в рамках психолингвистики обусловлена тем, что изображения могут оказывать влияние на восприятие и понимание вербальной составляющей креолизованного (поликодового) текста. Под креолизованным текстом мы будем понимать текст, чья фактура состоит из двух составляющих – вербальной и невербальной. В интернет-журналистике уже многие годы является актуальным использование визуальной составляющей и вербального текста. В этом случае тело текста представляет собой сложнейший для изучения объект, который имеет поликодовую структуру, но при этом он наделен целостностью и связностью.

В процессе восприятия поликодового текста происходит двойное декодирование заложенной информации. В первую очередь, происходит извлечение концепта изображения, так как восприятие зрительного образа происходит быстрее контакта с вербальной информации-

ей, поскольку восприятие и фиксация в памяти визуальных образов требует для «поглощения» меньше времени, чем текстовое сообщение (Кухта, 2004). Когда вербальный текст подвергается многоуровневой обработке. В. В. Красных выделяет несколько этапов восприятия и сопряженного с ним процесса – понимания: поверхностное (непосредственное восприятие текста, где декодированный текст выстраивается в субъективный образ), глубинное (понимание каждого смыслового высказывания текста) и смысловое понимание (понимание главной идеи текста) (Сергеева, Уварова, 2014).

На первом этапе происходит перевод письменного текста в звучащую речь. О связи механизмов восприятия письменного и «звучащего» текста говорил в своих работах Л. В. Щерба: произносимый язык имеет непосредственные смысловые ассоциации, тогда как письменный текст опосредуется графическими знаками, посредством которых он воспроизводится. Поэтому для восприятия текста необходим перевод его в звучащую форму (Чугаева, 2008).

В результате восприятия текста у читателя формируется образ текста, который является результатом осмысления каждого высказывания. Н. К. Уканакова описывает следующие когнитивные операции, которые сопровождают процесс формирования образа текста и базируются на когнитивных способностях личности:

Сохранение смыслового содержания текста, когда смысловые блоки текста не претерпевают никакого изменения.

Качественное моделирование, под которым подразумевается качественное изменение содержания текста, когда смысловые блоки объединяются по ближайшему семантическому значению (процесс генерализации).

Количественное моделирование – процесс компрессии текста.

Трансфигурация (полная трансформация иерархии смыслов текста, которую мы в нашем исследовании обозначаем как «когнитивное искажение») (Уканакова, 2016)

В соответствии с теорией текста И. Новикова процесс понимания сопровождается свертыванием информации (Цупикова, 2012). Конечным материальным выражением этого процесса становится главная тема конкретного текста, включающая в качестве ядра главный предмет описания. В структуре темы главный предмет описывается языковыми единицами, которые присутствуют в тексте или привлекаются из субъективного опыта читателя (Пешкова, 2017).

Таким образом, восприятие линейного текста имеет сложную трехуровневую структуру. Также восприятие визуальных образов не зависит от языковых способностей читателя. Поэтому изображение может воздействовать через зрительные образы на читателя и ак-

центрировать внимание как на вербальных объектах повествования, так и на второстепенных (Коростова, 2016). В последней ситуации читатель для определения смысла может не обращаться непосредственно к тексту, а использовать свой субъективный опыт, полученный при знакомстве с изображением, и выстраивать образ согласно плану, заложенному изображением. Поэтому мы можем говорить об инвариантности понимания смысла текста. Такие индивидуальные реакции характеризуются наличием оценочных суждений, эмоциональных переживаний, личного мнения.

В нашем эксперименте мы рассматривали влияние графических и реалистичных изображений на понимание – непонимание автора. В качестве текста была подобрана статья, опубликованная на новостном портале The New York Times. Оба изображения соответствовали главной идее текста, что «человек наносит вред морским обитателям». Реалистическое изображение присутствовало в статье, графическое было подобрано с учетом экспертной оценки. В качестве критерия понимания текста использовалось сравнение результатов выделения смысла респондентов с экспертной оценкой (в число экспертов вошли два магистра филологии и один магистр психологии). Также для изучения стратегий к определению смысла текста был выбран подход А. И. Новикова, в котором понимание рассматривается как реакция на вербальный стимул.

Всего в исследовании понимания креолизованного текста приняли участие 52 студента философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета в возрасте от 19 до 22 лет. Вся выборка была разделена на две равные группы: группа 1 (Г1) работала с графическим изображением, группа 2 (Г2) – с реалистическим. Респонденты знакомились с текстом статьи, после чего каждому давалось написать пересказ текста и продолжение предложения «Я думаю, что главный смысл текста...».

Были получены следующие результаты.

При анализе образов было выявлено, что текстовая компрессия наблюдается абсолютно у всех респондентов в обеих группах. Когнитивное искажение чаще встречается в Г1 – в 7 случаях из 26, когда в Г2 лишь в одном случае ($p=0,02688$, $p<0,05$). Полученные результаты говорят о том, что при знакомстве с графическим изображением происходят смысловые замены при переходе на внутреннюю речь. Возможно, что при знакомстве с графическими изображениями процесс смысловорчества выражен более активно, нежели при реалистических изображениях, что ведет к укреплению позиции выделения индивидуальных смыслов и его развертывание за счет использова-

ния языковых форм оригинального текста; происходит трансформация иерархии смыслов.

Процесс генерализации сильнее выражен в Г2–13 случаях, когда в Г1 – в 10 случаях ($p=0,42053$, $p>0,05$). Как было обозначено ранее, процесс понимания сопровождается свертыванием информации. В данном случае реалистическое изображение активизирует процесс генерализации информации на основе предмета, который выделил для себя респондент при знакомстве с картинкой. Происходит качественное изменение образа текста, когда смысловые блоки объединяются по ближайшему семантическому значению.

Текстовый образ в обеих группах претерпевает изменения. Другой вопрос, как эти изменения влияют на понимание смысла текста. Так, в Г2 частота встречаемости верно выделенного ответа выше ($p=0,06020$, $p>0,05$), чем в Г1 – в 17 случаях из 26, когда в Г1 – лишь в 10 случаях. Возможно, что реалистичные изображения воспринимаются как более простые и с большей критичностью – сформированные смыслы изображений на уровне восприятия текста не оказывают сильного влияния на формирование образа текста. Когда смыслы графических изображений оказывают более сильное влияние и вносят искажение в выделение главной идеи текста.

Согласно подходу А. И. Новикова к описанию понимания как субъективной реакции, текст с графическим образом чаще вызывает содержательные реакции, в которых вербальное содержание смысла оперирует к тексту. Данная реакция встречается у 14 респондентов. Но при этом выделенные смыслы противоречат главной идее автора. В этом случае можно говорить о том, что для наполнения субъективного смысла, сформированного при восприятии креолизовного текста, используются смысловые единицы вербального текста.

Обратная ситуация у респондентов, которые знакомились с текстом с реалистическим изображением, – чаще проявляются релятивные реакции (в 20 случаях), которые апеллируют к оценочному суждению о смысле текста. Можно предположить, что реалистичные изображения вызывают определенные ассоциации и образы, которые накладываются на образ текста, и позволяют судить о смысле текста с позиции интертекстуальности, когда смысл текста ретранслируется посредством имеющихся образов других текстов на основе ассоциативных связей.

На основе полученных результатов мы можем судить о роли изображений в понимании – в этом процессе изображения выступают как предикторы к пониманию вербальной информации, что подтверждает теоретические основания, согласно которым изображения участвуют в акцентировании внимания на вербальных объектах

в тексте. Для более адекватного понимания самыми подходящими изображениями являются реалистичные, которые позволяют при определении смысла текста привлекать для оценивания внутреннюю феноменологию читателя, вызывают большую критичность в оценивании информации. Когда графические изображения порождают новые смыслы, которые могут противоречить основному содержанию текста – способствовать изменению образа и смысла текста.

Литература

- Коростова С. Н.* Эмоциональные ситуации в художественном тексте: способы выражения эмотивно-оценочных смыслов // Неофилология. 2016. № 3 (7). С. 70–78.
- Кухта М. С.* Модели восприятия информации в вербальных и визуальных текстах // Вестник ТГПУ. 2004. № 3. С. 116–119.
- Пешкова Н. П.* Понимание и порождение: алгоритмы продуцирования вторичного текста // Научный журнал «Доклады Башкирского университета». 2017. Т. 2. № 4. С. 665–669.
- Сергеева Ю. М., Уварова Е. А.* Поликодовый Текст: особенности построения восприятия // Наука и школа. 2014. № 4. С. 128–134.
- Уканакова Н. В.* Когнитивная операция сохранения в процессе формирования читательской проекции текста // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 51–63.
- Чугаева Т. Н.* Экспериментальное изучение восприятия звучащей иноязычной речи // Вестник ЧелГУ. 2008. № 20. С. 155–166.
- Цупикова Е. В.* Восприятие текста и прогнозирование речи в работе по развитию речи и мышления студентов // ОНВ. 2012. № 3 (109). С. 222–224.

Understanding creolized text in the system “author–reader” on the example of texts with graphic and realistic images

D. E. Merzlyakov, E. S. Ignatova** (Perm)*

* Perm State National Research University

** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Perm State National Research University

The article reveals the question of the influence of images on the understanding of the creolized text. The article provides theoretical and experimental substantiation of the position of images in “author–reader” communication, where the images are the predictors of understanding the creolized text.

Keywords: creolized text, perception of the text, understanding of the text.

Личностные характеристики как предиктор времени диалога и выбираемого расстояния для общения

*А. М. Мишкевич**, *С. А. Шебетенко*** (Пермь)

** старший преподаватель, Пермский государственный
национальный исследовательский университет;
e-mail: arinamishkevich@ya.ru*

*** доктор психологических наук, доцент,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;
e-mail: sergei.shchebetenko@me.com*

В статье рассматривается вклад личностных характеристик в предсказание времени диалога и расстояния для общения. В ходе исследования у 394 участников брали интервью; тем самым они попадали в ситуацию социального взаимодействия. Предполагалось, что время и расстояние будут связаны с экстраверсией и установкой на экстраверсию. Однако было установлено, что время диалога на 11% объяснялось полом участников, открытостью опыту и тем, каким по счету шел испытуемый на интервью (последовательностью). Предпочитаемое расстояние для общения на 25% объяснялось возрастом испытуемого, соответствием пола испытуемого и интервьюера и размером помещения. Хотя черта добросовестности и установка на нее попарно коррелировали с расстоянием, в терминах множественной регрессионного анализа черты личности и установки на черты значимого вклада в этот показатель не внесли.

Ключевые слова: Большая Пятёрка, поведение, установки на черты, черты личности, поведенческие индикаторы черт.

Описывая человека, обладающего определенными чертами, мы, в конечном счете, имеем в виду его поведение. В то же время, как это

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-313-00034.

ни парадоксально, в науке нет четкого понимания, какое именно поведение стоит за той или иной чертой (Chapman, Goldberg, 2017), а, изучая черты, мы изучаем не само поведение, а представление человека о нем, используя самоотчетные тесты.

Вообще вопросы взаимосвязи черт личности и поведения в реальной ситуации, а также поведенческого проявления каждой черты имеют особую теоретическую значимость. Дело в том, что если черты не предсказывают реальные поступки, то возникает сомнение в утилитарной целесообразности изучения черт личности (Fleeson, Gallagher, 2009). При этом наряду с чертами возможны и другие личностные характеристики, обладающие индивидуальной вариативностью. Так, например, в плане расширения предсказательной способности черт хорошо зарекомендовал себя конструкт социальных установок на черты (Shchebetenko, 2014). В ряде исследований установки на черты вносили уникальный вклад, помимо черт, в объяснение поведения человека, а в ряде случаев поведение полностью объяснялось различиями в установках; влияние же черт при этом становилось статистически несущественным (Shchebetenko, 2016; Щебетенко, Тютикова, 2015).

Несмотря на актуальность изучения поведенческих признаков черт личности, исследований на эту тему не так много. Это связано со сложностями методологического и технического порядка (см., напр.: Fleeson, Gallagher, 2009). Сложность изучения поведенческих индикаторов черт обусловлена еще и выбором конкретных индикаторов, которые будут фиксироваться. Зачастую исследователи берут так называемые «косвенные признаки» (например: смертность, субъективное благополучие, преступность, выбор профессии и т. д.; Ozer, Benet-Martinez, 2006) либо достаточно конкретные поведенческие акты (например: частота кивков, взглядов, речи и т. д.; Berry, Hansen, 2000). Наиболее сильные корреляции этих поведенческих актов были обнаружены с экстраверсией, доброжелательностью и добросовестностью и более слабые – с нейротизмом и открытостью. Мы в своем исследовании обратились к экстраверсии как одной из самых хорошо наблюдаемых со стороны (Vazire, Mehl, 2008) и в этом смысле проявляемых в поведении (Berry, Hansen, 2000) черт.

Экстраверсию традиционно связывают с социальным взаимодействием. Например, в исследовании В. Б. Свана и Р. Дж. Эли (Swan, Ely, 1984) экстраверсия фиксировалась через расстояние, предпочитаемое для общения (на какое расстояние от экспериментатора испытуемый ставит стул), а в исследовании с использованием «электронно-активируемого самописца звуков» (electronically activated

recorder)* было установлено, что экстраверсия связана со временем, потраченным на разговоры (Mehl et al., 2006).

Насколько результаты подобных исследований будут воспроизводиться в российской культуре? Можно ли увеличить прогностическую валидность черт за счет установок на черты?

Мы организовали исследование, в котором участники попадали в ситуацию социального взаимодействия — у них брали интервью. Мы предполагали, что личностные характеристики внесут вклад в поведение участников. В частности, предположительно, время диалога, а также физическое расстояние, которое участники предпочтут для общения, будут связаны со степенью выраженности у них экстраверсии и установки на экстраверсию. Предположительно, более экстравертированные и лучше относящиеся к экстраверсии люди будут дольше общаться с интервьюером. Кроме этого, вслед за В. Б. Сваном и Р. Дж. Эли мы предположили, что более экстравертированные участники будут ближе садиться к интервьюеру.

Метод

Методики и процедура

Исследование проходило в рамках учебного процесса, во время учебного занятия, на добровольной основе. На первом этапе участники заполняли вопросники. Для диагностики выраженности черт личности использовалась русскоязычная версия (Shchebetenko, 2014) опросника Big Five Inventory (BFI — John et al., 2008); для диагностики установок на черты использовалась версия BFI для измерения установок на черты (ABFI — Shchebetenko, 2014).

После заполнения тестов испытуемым предлагалось поучаствовать еще в одном исследовании. Им сообщалось, что студенты-психологи исследуют образ вуза и участников просят ответить на несколько вопросов в формате интервью. Участники по одному выходили в соседнюю аудиторию, где находился интервьюер и стояла видеокамера. Очередность участников в интервью в своей группе фиксировалась как дополнительная переменная. Поскольку группы были неодинаковыми по своему размеру, эта переменная измерялась в порядковой шкале.

Интервьюер предлагал испытуемому взять стул, сесть напротив. Затем он представлялся, еще раз озвучивал цель исследова-

* Небольшое записывающее устройство, которое включается несколько раз в день на несколько минут.

ния, а потом задавал вопросы. Всего задавалось 11 открытых и закрытых вопросов (например: «Почему вы выбрали именно этот вуз? Что привлекло?», «Вы видели новую эмблему? Она вам нравится?», «Как думаете, чего не хватает в образе нашего вуза, что сделало бы его образ более привлекательным для абитуриентов?», «Пользуетесь ли вы вузовским интернет-доступом?» и т. д.). Интервьюерами выступили три человека – два молодых человека и девушка, примерно одного возраста с испытуемыми. При этом девушка провела 187 интервью (47,7%), первый молодой человек провел 186 интервью (47,2%), второй молодой человек провел 20 интервью (5,1%). Кроме самоотчетных черт личности и установок на черты фиксировались время диалога и расстояние, которое испытуемый выбирал для диалога. Поскольку исследование проводилось в нескольких помещениях, также фиксировалась площадь помещения. Поскольку показатель времени диалога имел существенную асимметрию распределения, было осуществлено его логарифмическое преобразование по формуле $y = \lg_{10}(x)$, где x – «сырое» значение параметра.

Участники

В исследовании приняли участие 400 студентов пермских вузов социально-гуманитарных, естественных и технических специальностей. В дальнейшем по различным техническим причинам результаты семи участников были исключены из анализа; таким образом, выборку составили 393 студента в возрасте от 17 до 24 лет ($M=19,00$, $SD=1,10$), в том числе – 139 (35,2%) юношей.

Несмотря на инструкцию брать стул, часть испытуемых его не двигали и не поворачивали, а садились на том расстоянии, где он находился изначально. Расстояние, выбираемое этими испытуемыми, не учитывалось. В нескольких случаях интервьюер не убирал стул после предыдущего испытуемого и следующий садился на него, не передвигая. Результаты этих испытуемых также исключались из анализа. После исключения этих случаев выборку составили 329 чел. в возрасте от 17 до 24 лет ($M=19,04$, $SD=1,13$), в том числе – 121 (36,7%) юноша.

Результаты

Корреляционный анализ показал, что время диалога было связано с полом ($r=-0,199$; $p=0,001$), так что мужчины разговаривали с интервьюером дольше, чем женщины. Время диалога также коррелировало с возрастом ($r=0,117$; $p=0,021$) и последовательностью

($r=-0,237$; $p < 0,001$). Наконец, оно коррелировало с чертами нейротизма ($r=-0,124$; $p=0,014$) и открытости опыту ($r=0,127$; $p=0,011$), так что интервью более эмоционально стабильных и открытых новому опыту участников длилось дольше.

Расстояние в диалоге коррелировало с возрастом ($r=0,225$; $p < 0,001$) и полом интервьюера ($r=-0,159$; $p=0,004$), так что юноши и более молодые участники садились к интервьюерам ближе, чем девушки. Расстояние также коррелировало с чертой добросовестности ($r=0,123$; $p=0,026$) и установкой на добросовестность ($r=0,113$; $p=0,041$). Наконец, расстояние коррелировало с совпадением пола интервьюера и испытуемого ($r=0,167$; $p=0,002$), так что расстояние было меньше с интервьюером своего пола.

Для определения того, производили ли личностные характеристики независимый от других предикторов вклад в варьирование времени и расстояния, мы провели множественный регрессионный анализ модели. Изначально в обе регрессионные модели (времени и расстояния) нами были включены все переменные, обнаружившие значимые корреляции с зависимой переменной, а также, исходя из гипотетических положений, экстраверсия и установка на экстраверсию. Применялся шаговый метод отбора переменных (комбинация пошаговых методов включения и исключения).

Итоговая регрессионная модель, в которой зависимой переменной являлось время ($R^2=0,111$, $F(3, 393)=16,262$, $p < 0,001$, $N=393$), включала следующие значимые предикторы: пол ($\beta=-0,20$, $p < 0,001$, $VIF=1,04$), последовательность ($\beta=-0,20$, $p < 0,001$, $VIF=1,01$), открытость опыту ($\beta=0,17$, $p < 0,001$, $VIF=1,04$). Таким образом, наиболее длительный диалог с интервьюером вели юноши с высокой открытостью опыту, шедшие на интервью одними из первых в своих группах. Таким образом, связь нейротизма и времени проведения оказалась статистически несущественной при контроле указанных предикторов. Эта модель объяснила 11% дисперсии времени диалога.

После анализа допущений к проведению множественной регрессии из модели с зависимой переменной «расстояние» были удалены 3 наблюдения с экстремальными значениями. Итоговая модель ($R^2=0,246$, $F(3, 323)=35,083$, $p < 0,001$, $N=326$) включила в качестве значимых предикторов возраст ($\beta=0,23$, $p < 0,001$, $VIF=1,01$), совпадение пола интервьюера и испытуемого ($\beta=0,17$, $p=0,001$, $VIF=1,01$) и максимальное возможное расстояние в данном помещении ($\beta=0,41$, $p < 0,001$, $VIF=1,00$). Таким образом, при контроле размера помещения дальше от интервьюера садились участники сравнительно старшего возраста, при том условии, что интервьюер был противоположного пола. Связи черты добросовестности и установки на добросовестность

оказались статистически несущественными при контроле этих предикторов. Данная модель объяснила порядка 25% общей дисперсии расстояния, выбираемого для диалога.

Заключение

Таким образом, по результатам данного исследования время диалога на 11% объяснялось совокупным и уникальным влиянием пола, открытости опыту и тем, каким по счету в своей группе участник шел на интервью. Влияние переменных возраста и нейротизма на время диалога оказалось незначимым, хотя они и коррелировали с данной переменной. Это означает, что возраст и нейротизм не оказывали заметного влияния на время интервью, которое было бы независимым от их связи, например, с открытостью опыту или полом участника.

Вопреки нашим гипотезам, ни экстраверсия, ни установка на экстраверсию не коррелировали со временем диалога. Напротив, из черт личности уникальный вклад во время интервью внесла открытость опыту. Возможно, это связано с экспериментальной схемой: диалог с интервьюером был, скорее, новым любопытным опытом (участие в психологическом исследовании, интервью). Кроме этого, сами вопросы, по всей видимости, провоцировали рассуждения, работу воображения, интеллектуальное любопытство (что является частью открытости), а не проявление общительности либо асертивности и т. д. (аспекты экстраверсии).

Расстояние, которое испытуемые выбирали для диалога, на 25% объяснялось возрастом испытуемого, совпадением пола интервьюера и испытуемого и размером помещения. Влияние добросовестности и установки на добросовестность оказалось незначимым. Это опять-таки означает, что характеристики добросовестности не оказывали заметного влияния на расстояние, которое было бы независимым от их связей, например, с полом участника или его возрастом.

Таким образом, в целом можно заключить, что время интервью и физическое расстояние в интервью мало зависит от личностных характеристик участника исследования. Некоторое исключение составляет открытость опыту, которая может подталкивать участников на большую временную (но не пространственную) вовлеченность в коммуникацию с интервьюером.

Литература

Щебетенко С. А., Тютикова Е. А. Картина хороша, потому что хороша: открытость опыту, опосредующая роль установок на черты

- личности в индивидуальных различиях отношения к живописи // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 4. С. 122–141.
- Chapman B. P., Goldberg L. R.* Act-frequency signatures of the Big Five // *Personality and Individual Differences*. 2017. Т. 116. С. 201–205.
- Fleeson W., Gallagher P.* The implications of Big Five standing for the distribution of trait manifestation in behavior: Fifteen experience-sampling studies and a meta-analysis // *Journal of personality and social psychology*. 2009. Т. 97. № 6. С. 1097–1114.
- John O. P.* Paradigm shift to the integrative big five trait taxonomy / O. P. John, L. P. Naumann, C. J. Soto // *Handbook of personality: Theory and research*. 2008. Т. 3. С. 114–158.
- Mehl M. R., Gosling S. D., Pennebaker J. W.* Personality in its natural habitat: Manifestations and implicit folk theories of personality in daily life // *Journal of personality and social psychology*. 2006. Т. 90. № 5. С. 862–877.
- Ozer D. J., Benet-Martinez V.* Personality and the prediction of consequential outcomes // *Annu. Rev. Psychol.* 2006. Т. 57. С. 401–421.
- Shchebetenko S.* Reflexive characteristic adaptations within the five-factor theory: Between basic tendencies and external outcomes // *Personality and Individual Differences*. 2016. Т. 101. С. 35–41.
- Shchebetenko S.* «The best man in the world»: Attitudes toward personality traits // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2014. Т. 11. № 3. С. 129–148.
- Swann W. B., Ely R. J.* A battle of wills: self-verification versus behavioral confirmation // *Journal of personality and social psychology*. 1984. Т. 46. № 6. С. 1287–1302.
- Vazire S., Mehl M. R.* Knowing me, knowing you: the accuracy and unique predictive validity of self-ratings and other-ratings of daily behavior // *Journal of personality and social psychology*. 2008. Т. 95. № 5. С. 1202–1216.

Personality characteristics as predictors of the duration and spacial distance in an interview

A. M. Mishkevich, S. A. Shchebetenko** (Perm)*

* Perm State University

** Doctor of Psychology, Associate Professor, Perm State University

The paper addresses the contribution of personality characteristics to the duration of an interview and spacial distance between an interviewer and an interviewee. 400 undergraduates were asked to participate in an interview. As personality characteristics, the interviewees' traits and attitudes toward traits were measured. Although we assumed that the duration and distance

would be associated with trait extraversion and attitude toward extraversion, the study revealed that 11% of the variance in duration was explained by of the participants' sex, their openness to experience and a sequence of an interviewee among her or his peers. Moreover, 25% of the variance in special distance between an interviewer and an interviewee was explained by the interviewees' age, same/different sex of the interviewer and the interviewees, and the size of the room. Traits and attitudes toward traits had thus little impact on the temporal duration and spacial distance in a communication.

Keywords: communication, behavior, attitudes toward traits, personality traits, behavioral indicators of traits.

Ценностные ориентации и представления о совести учащейся молодежи

Л. Ш. Мустафина (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: leila.mus@gmail.com*

Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи представлений молодежи о совести с их ценностными ориентациями. Выборка – старшеклассники общеобразовательных школ и студенты вузов Москвы и Казани. Гипотеза исследования: содержание социальных представлений молодежи о совести будет различаться в зависимости от предпочитаемого типа терминальных и инструментальных ценностей. Результаты показали, что респонденты, выбирающие конкретные ценности, статистически чаще разделяют цинично-прагматичное отношение к совести, чем респонденты, у которых в структуре ценностей в той или иной мере присутствуют абстрактные ценности. Структура инструментальных ценностей также соотносится с представлениями о совести. Так, наиболее циничное отношение к совести демонстрируют респонденты с ведущими ценностями дела; самые позитивные представления о совести проявляются у респондентов с ведущими ценностями общения. Таким образом, результаты показывают хорошую работу адаптационной функции представлений о совести у молодежи, стремящейся к личному социальному успеху в современной ситуации общественного устройства.

Ключевые слова: совесть, ценностные ориентации, социальные представления, отношение к совести, терминальные ценности, инструментальные ценности, молодежь.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-013-00913.

Введение

Мировой кризис усиливает в обществе морально-нравственные проблемы, которые взаимосвязаны с вопросами нравственной регуляции поведения, и, в частности, с феноменом совести. В первую очередь, подвергаются риску молодые люди, которые наиболее чувствительны к переменам в общественном устройстве и чья система ценностей еще недостаточно стабильна (Журавлева, 2013; Юревич, 2016; и др.). В психологии изучение совести сопряжено с объективными трудностями. Определить «совесть» существующими в науке методами представляется крайне сложным, так как высока вероятность социальной желательности ответов респондентов и работы защитных механизмов психики. Теория социальных представлений в такой ситуации является, видимо, самым продуктивным решением (Емельянова, 2016; Abgie, 1993; Verges, 1992). Представления о нравственных феноменах как базисные убеждения, наряду с ценностными ориентациями, включены в картину мира каждого индивида, в его мировосприятие. В несходных социальных условиях формируются различные интересы, установки, ценности, а один и тот же феномен может приобретать разное значение в зависимости от типа общества или социальной среды (Журавлева, 2013).

Еще в начале 90-х годов XX в. Т. А. Флоренская в своей книге описывает опыт практической психологической работы с подростками. Автор отмечает, что молодые люди очень редко обращаются с вопросами духовного и мировоззренческого характера. Подростки озабочены вопросами взаимоотношений со сверстниками, родителями, вопросами профессиональной ориентации и т. п. В разговоре по любой из этих тем раскрывается особая значимость для молодых людей нравственных и мировоззренческих проблем, которые в повседневной жизни современного подростка не являются «модными» и отступают на второстепенный план. Наиболее показательны в этом отношении обращения суицидального характера, где собеседники жалуются на пустоту и бессмысленность жизни, замечают, что «так жить нельзя...». В процессе психотерапевтической работы с нравственной сферой подросток находит опору и основание для преодоления жизненных невзгод и разочарований, для переосмысления своего жизненного сценария (Флоренская, 1991, с. 84).

Нужно отметить, что к настоящему времени (относительно начала 1990-х годов) ситуация насчет нравственного воспитания подрастающего поколения мало изменилась. По телевидению и в Интернете транслируются передачи, фильмы, разнообразные ток-шоу, пропагандирующие несвойственные российскому менталитету цен-

ности индивидуализма, славы, материального обогащения. И подростки с незрелой, еще хрупкой системой ценностей впитывают эти образы поведения, взгляды на жизнь, и, как следствие, меняется мироощущение молодежи, ценностные ориентации, отношение к нравственным категориям и к их значимости в жизнедеятельности, изменяются поведение и деятельность подростков. О современной неблагоприятной ситуации в нравственной сфере населения, и прежде всего молодежи, пишут многие исследователи. Исходя из этого, интересно проследить, каким образом взаимосвязаны ценностные ориентации и представления о совести у молодежи в наших современных реалиях.

Социальное представление – это аналог здравого смысла, оно вырабатывается индивидом и группой в ходе социального опыта для ориентации в окружающем мире. Прямая связь между представлениями и поступками была доказана в лабораторных экспериментах французских исследователей Ж.-К. Абрика, Ж. Кодола, К. Фламана и др. Вместе эти эксперименты внесли большой вклад в освещение процессов, связывающих индивидуальное и коллективное, действия и представления.

В последнее время исследователи нередко изучают взаимосвязь социальных представлений с психологическими характеристиками респондентов. Так, была показана связь социально-психологических характеристик личности и представлений о друге и враге (Альперович, 2010), была выявлена взаимосвязь социальных представлений о совести с уровнем выраженности морально-нравственных качеств молодежи (Мустафина, 2009), с психологической травматизацией пожилых людей (Мустафина, 2015), выявлены представления о совести молодых людей с разным уровнем осмысленности жизни (Самойлова, Матвеева, 2017). Подобные исследования показывают и доказывают существование взаимозависимости социальных представлений и социально-психологических характеристик респондентов, в первую очередь связанных с мировоззренческими установками, отношением к миру. В данном случае можно предположить наличие некоторой сопряженности ценностных ориентаций молодежи с их представлениями о совести.

Цель исследования: выявить взаимосвязь представлений о совести с ценностными ориентациями у молодежи.

Гипотеза: Содержание представлений молодежи о совести будет различаться исходя из предпочитаемого типа терминальных и инструментальных ценностей.

Выборка: старшеклассники школ общеобразовательного профиля и студенты высших учебных заведений Москвы и Казани в воз-

расте от 15 до 25 лет. Всего 205 респондентов (60% – девушки, 40% – юноши; 47% – школьники, 53% – студенты; 45% – жители Москвы, 55% – жители Казани).

Методики

Социальные представления о совести изучались с помощью авторской анкеты, которая состоит из 39 суждений о совести. Эти суждения можно разделить по типу установки: позитивные утверждения и негативные (отражающие цинично-прагматичное отношение к совести, отрицающие ее наличие или значение). Позитивные утверждения можно условно разделить на суждения о природе совести, о ее влиянии на жизнедеятельность человека и общества, на утверждения, отождествляющие понятия «совесть» и «стыд», высказывания о независимости совести от внешних оценок и суждения, наиболее полно и глубоко отражающие содержание феномена совести. Молодежи предлагалось оценить по шкале Ликерта, до какой степени предложенные в анкете утверждения совпадают с их представлениями о совести.

Ценностные ориентации изучались с помощью адаптированного варианта методики М. Рокича «Ценностные ориентации»*. Ведущие терминальные ценности (ценности-цели) традиционно разделяются на абстрактные (жизненная мудрость, красота природы и искусства, любовь, познание, развитие, свобода, счастье других, творчество, уверенность в себе) и конкретные (активная деятельная жизнь, здоровье, интересная работа, материально обеспеченная жизнь, наличие хороших и верных друзей, общественное признание, продуктивная жизнь, счастливая семейная жизнь, удовольствия). Инструментальные ценности (ценности-средства) были разделены на ценности общения (честность, воспитанность, жизнерадостность, терпимость, чуткость, непримиримость к недостаткам), ценности самоутверждения (независимость, самоконтроль, ответственность, высокие запросы, широта взглядов, смелость в отстаивании своего мнения) и ценности дела (эффективность в делах, образованность, аккуратность, исполнительность, твердая воля, эффективность в делах). При обработке данных в расчет брались первые 6 позиций по терминальным ценностям и первые 6 позиций – по инструментальным. Если большая часть из этих ценностей принадлежала к определенному типу,

* Для целей исследования мы классифицировали ведущие терминальные и инструментальные ценности каждого респондента в соответствии с модификацией обработки методики на сайте <http://www.hr-portal.ru/node/27229> (дата последнего обращения: 03.10.2017).

то принималось, что у респондента ведущими являются ценности именно этого типа. Если оказывалось, что у респондента одинаковое количество ведущих ценностей, принадлежащих разным типам, тогда принималось, что у респондента – диффузный (смешанный) вариант ведущих ценностей.

Результаты

Используя критерий Краскела–Уоллиса, мы проанализировали значимые различия в представлениях о совести исходя из выбора терминальных и инструментальных ценностей.

Исходя из выбора респондентами типа терминальных ценностей, обнаружались значимые различия по одному утверждению анкеты: «Совесть – одно из чувств, которое человеку приходится демонстрировать другим для поддержания общественных связей» ($p=0,001$), которое отражает цинично-прагматичное отношение к совести. Так, в большей степени согласны с этим утверждением молодые люди, выбирающие конкретные ценности (интересная работа, материально обеспеченная жизнь, развлечения и т. п.). Респонденты, отдающие предпочтение абстрактным ценностям (жизненная мудрость, свобода, счастье других и т. п.), менее всех согласны с этим утверждением. Респонденты с диффузным вариантом ведущих ценностей занимают промежуточное положение в оценке этого утверждения. Данный результат, с нашей точки зрения, хорошо иллюстрирует взаимозависимость нравственных убеждений и направленности личности, которая, в свою очередь, связана с мировосприятием и соответствующим выстраиванием собственной жизни.

Тот же анализ был проведен в отношении избранных респондентами инструментальных ценностей. Инструментальные ценности были разделены на 3 группы: ценности самоутверждения, ценности общения, ценности дела, если четких предпочтений у респондента не выявлялось, то такие предпочтения считались диффузными. Значимые различия в представлениях о совести, исходя из структуры инструментальных ценностей, обнаружались по семи утверждениям анкеты.

Респонденты, предпочитающие ценности дела (эффективность в делах, образованность, аккуратность, исполнительность, твердая воля, эффективность в делах), чаще считают, что «совесть не нужна» ($p=0,013$), «человек с совестью – слабый и боязливый» ($p=0,043$), и реже остальных соглашаются с мнением, что «совесть предполагает ограничение собственных потребностей, своего эгоизма» ($p=0,031$), что она – это «внутренний голос человека, который подсказывает,

как правильно поступать» ($p=0,018$) и что «совесть помогает все делать лучше» ($p=0,043$).

Противоположная картина результатов наблюдается у молодых людей, отдающих предпочтение ценностям общения (честность, воспитанность, жизнерадостность, терпимость, чуткость, непримиримость к недостаткам). Эта группа респондентов считает, что «совесть – это внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступать» ($p=0,018$), «совесть есть у всех людей, только не все ее слушают» ($p=0,013$), «совесть помогает все делать лучше» ($p=0,001$), «человек с совестью – сильный и внутренне свободный» ($p=0,043$), «совесть предполагает ограничение собственных потребностей, своего эгоизма» ($p=0,031$).

Респонденты, выбирающие ведущими для себя ценности самоутверждения (независимость, самоконтроль, ответственность, высокие запросы, широта взглядов, смелость в отстаивании своего мнения), в меньшей степени, чем остальные респонденты, разделяют мнения, что «совесть – это внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступать» ($p=0,018$), «совесть есть у всех людей, только не все ее слушают» ($p=0,013$), «человек с совестью – сильный и внутренне свободный» ($p=0,043$).

Результаты исследования показывают, что система ценностных ориентаций молодежи определяет ее представления о нравственности, и эти представления соотносятся с реальностью современной социальной обстановки в стране. На фоне общего падения нравственности молодые люди, стремящиеся к самоутверждению и социальному успеху, выбирают наиболее быстрый и простой путь достижения своих целей, который предполагает нивелирование значимости морально-нравственных качеств личности. Молодежь, которая ориентирована на выстраивание крепких межличностных отношений, напротив, считает совесть важным внутренним ресурсом человека, который помогает в жизни.

Заключение

Таким образом, содержание представлений о совести взаимосвязано с выбором респондентами той или иной группы ценностей. Респонденты, выбирающие конкретные ценности, статистически чаще разделяют цинично-прагматичное отношение к совести, чем респонденты, у которых в структуре ценностей в той или иной мере присутствуют абстрактные ценности (жизненная мудрость, творчество, счастье других и т. п.). Структура инструментальных ценностей также соотносится с представлениями о совести. Так, наи-

более циничное отношение к совести демонстрируют респонденты с ведущими ценностями дела; не столь категоричное отношение, но отрицающее внутреннюю обусловленность совести и ее независимость от внешних оценок выявляется у молодых людей с ценностями самоутверждения; самые позитивные представления о совести проявляются у респондентов с ведущими ценностями общения. Если соотнести полученные результаты с общественными реалиями в современной России (Юревич, 2016; и др.), то вырисовывается закономерная, логичная картина, которая показывает хорошую работу адаптационной функции представлений о совести у молодежи, стремящейся к личному социальному успеху в современной ситуации общественного устройства.

Литература

- Альперович В. Д.* Трансформации социально-психологических характеристик представлений взрослых о враге и друге: Автореф... дис. канд. психол. наук. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2010.
- Емельянова Т. П.* Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлева Н. А.* Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Мустафина Л. Ш.* Уровень психологической травматизации у пожилых людей: изменение структуры представлений о совести // Вестник Костромского государственного университета. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2015. Т. 21. № 4. С. 60–64.
- Мустафина Л. Ш.* Исследование социальных представлений о совести у российской молодежи (на примере учащейся молодежи) // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2009. № 22. С. 74–76.
- Самойлова И. Г., Матвеева В. С.* Представления о совести молодых людей с разным уровнем осмысленности жизни // Вестник Костромского государственного университета. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2017. Т. 23. № 1. С. 44–47.
- Флоренская Т. А.* Диалог в практической психологии. М.: Институт психологии АН СССР, 1991.
- Юревич А. В.* Психологическое состояние современного российского общества как отражение его жизнеспособности // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. М., 2016. С. 159–175.

Abric J. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // *Papers on social representation*. 1993. V. 2. P. 75–78.

Verges P. L'Évocation de l'argent: Une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // *Bulletin de Psychologie*. 1992. V. XLV. P. 203–209.

The valuable orientations and representations about conscience of the student youth

L. Sh. Mustafina (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology of RAS

The results of an empirical study of the interrelation of representations of young people about conscience to their value orientations are presented. The sample of the research consisted of upperclassmen and university students from two cities – Moscow and Kazan. It was supposed that the content and the attitude of the social representations of young people about conscience will differ depending on the preferred type of terminal and instrumental values. The results showed that the attitude and the content of the representations about conscience was interrelated with the choice of values by the respondents. Respondents who choose specific values statistically more often share a cynically pragmatic attitude to conscience than respondents who choose abstract values. The structure of instrumental values also was correlated with the representations of conscience. Thus, respondents with the most important values of the work were demonstrate the most cynical attitude towards conscience; the most positive representations about conscience were manifested in respondents with the leading values of communication. Thus, the results show a good work of the adaptive function of the representations about conscience among young people, which strive for personal social success in the current situation of the social order.

Keywords: conscience, value orientations, social representations, attitude to conscience, terminal values, instrumental values, youth.

Психологическая суверенность, количество сиблингов и порядок рождения

С. К. Нартова-Бочавер (Москва)

доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-mail: s-nartova@yandex.ru

Поскольку психологическая суверенность как черта личности формируется на протяжении детства человека, есть основания полагать, что основной средовой источник ее развития — это семья, в том числе отношения с братьями и сестрами. Рассматривается связь психологической суверенности с показателями внутрисемейного взаимодействия — количеством сиблингов и порядком рождения. В исследовании приняло участие 187 респондентов: 131 девушка и 56 юношей, студенты различных факультетов НИУ «Высшая школа экономики», был использован опросник «СПП-2010». Обнаружено, что количество сиблингов не имеет значения для выраженности суверенности в юношеском возрасте, в то время как порядок рождения важен; более того, эта связь опосредована полом. В женской группе суверенность выше в зависимости от порядка рождения: у младших дочерей она максимальна. У юношей наблюдается обратная зависимость: наиболее суверенны первенцы; в дальнейшем уровень суверенности уменьшается. Результаты обсуждаются с точки зрения гендерных стереотипов и системной теории семьи.

Ключевые слова: психологическая суверенность, сиблинг, порядок рождения.

Психологическая суверенность — это способность человека защитить границы своего эмпирического «Я», это баланс между своими потребностями и потребностями других людей (Нартова-Бочавер, 2013, 2017). Будучи адаптивной чертой, суверенность защищает

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-06-00239.

не только своего обладателя, но также способствует разделу влияния, т. е. позволяет принимать других людей во внимание и устанавливать между ними равноправное взаимодействие. Как черта личности суверенность складывается на протяжении всего детства, когда ребенок экспериментирует в приемах и способах защиты своего «Я» (Силина, Нартова-Бочавер, 2014), и потому особо значимым фактором оказывается семейная система.

И если суверенность как итог очередного шага сепарации от родителей уже изучалась раньше, роль братьев и сестер в этом процессе не исследовалась вообще. Между тем адаптация ребенка во многом определяется именно его относительным положением в семье, статусом единственного, старшего или младшего ребенка. Поэтому опыты детства рядом с сестрой или братом могут служить ключом к пониманию многих особенностей человека, связанных с его отношением к любого рода ресурсам — материальным, информационным или эмоциональным (Ричардсон, 1994). К настоящему времени фактор порядка рождения (birth order, «статус сиблинга») рассматривается как определяющий по отношению к разным параметрам появления способностей, качеств личности и жизнестойкости в целом.

Согласно теории Саллоуэя, индивидуальные различия в зависимости от статуса сиблинга связаны с тем, что родители вкладывают больше эмоциональных и материальных ресурсов в воспитание первых детей, бессознательно рассчитывая на то, что именно от них будут получать в старости поддержку (Hertwig et al., 2002). Кроме того, в начале своего родительства они, как правило, не знают о том, сколько еще детей у них будет. Однако ресурсы не бесконечны; на других детей в полной мере их может уже не хватать, так же, впрочем, как и родительской тревожности, требовательности и моральности.

В то же время другие данные предоставляют противоречивую картину влияния порядка рождения на жизнестойкость и адаптированность детей. Так, в Швеции обнаружено, что среди старших детей в семье отмечается меньшая смертность и, как следствие, большая продолжительность жизни, по сравнению с позже родившимися, среди которых особенно уязвимы девочки (Modin, 2002). Однако аналогичное исследование в Калифорнии подобной зависимости не показало (O'Leary, 1996).

Исследования связи статуса сиблинга с особенностями взаимодействия показали, что позже родившиеся дети более свободны и счастливы в романтических отношениях (Michalski, Shackelford, 2002), а также что в семьях из двух детей старшие менее склонны к взаимодействию; родившиеся спустя большой промежуток времени после предыдущего ребенка меньше боятся отвержения со сторо-

ны других людей; те, кто подчиняется другим членам семьи, обычно более тревожны, что чаще наблюдается у младших детей (Howarth, 1982). И совсем особую нишу в семье занимают «затерявшиеся» посередке: средние дети меньше чувствуют узы родства, не так близки к матери, как старшие и младшие, и никак не выделяют родителей как потенциальных помощников в разных трудных ситуациях (Salmon, Daly, 1988).

Целью нашего исследования было изучить связь между психологической суверенностью, количеством сиблингов в семье и порядком рождения. Поскольку теоретические данные о влиянии статуса сиблинга на адаптацию человека противоречивы, а исследований суверенности в данном контексте вообще не проводилось, данное исследование имеет эксплораторный характер.

Таким образом, гипотезами нашего исследования стали предположения о том, что психологическая суверенность связана: а) с количеством детей в семье, б) с порядком рождения и в) эти связи модерированы полом респондентов.

Методология исследования

Выборка. В исследовании приняло участие 187 респондентов – 131 девушка и 56 юношей в возрасте от 17 до 19 лет ($M_{\text{возраст}}=17,8$, $S_{\text{возраст}}=3,8$), студенты различных факультетов НИУ «Высшая школа экономики», 124 из них – первые дети, 48 – вторые, 10 – третьи и 5 – четвертые.

Методика. Был использован опросник «Суверенность психологического пространства – 2010» (СПП-2010) (Нартова-Бочавер, 2017). Опросник включает 67 утверждений, каждое из которых содержит ситуацию угрозы суверенности и эмоциональный ответ респондента на нее, и 6 субшкал, отвечающих сферам установления суверенности: суверенность физического тела (СФТ), территории (СТ), личных вещей (СВ), временных привычек (СП), социальных контактов (СС) и ценностей (СЦ).

Результаты исследования и их обсуждение

Для статистической обработки полученных результатов мы использовали программу Statistica 8. Для проверки гипотез исследования использовался мультифакторный дисперсионный анализ.

Прежде всего, было показано, что зависимости суверенности от пола и количества детей в семье нет; лишь суверенность временных привычек положительно связана с порядком рождения: у младших детей в семье она выше ($r_s=0,16$, $p=0,03$).

Однако обнаружены интересные эффекты взаимодействия факторов пола и порядка рождения ребенка (статуса сиблинга) на выраженность суверенности ($F(3,178)=3,95, p=0,009$), что позволяет идентифицировать крайне интересные феномены: так, в мужской группе уровень общей суверенности становится ниже в зависимости от порядка рождения (т. е. меньше у младших детей), в то время как в женской группе, напротив, становится выше. Суверенность тела также имеет интересную динамику, с провалом на значении 3 в мужской группе: наиболее депривированы мальчики, родившиеся третьими в семье; по-видимому, это происходит оттого, что они подвергаются внедрениям со стороны родителей или буллингу со стороны всех старших детей, в соответствии с данными Salmon и Daly (1988). В то же время четвертые имеют самые высокие показатели суверенности тела ($F(3,179)=2,766, p=0,043$). Вероятно, это связано с особым статусом самого младшего ребенка: потребность в отработке конфликтных навыков уже удовлетворена к тому моменту, когда появляется четвертый ребенок в семье, и потому не только родители, но и старшие дети готовы больше считаться с ним и, возможно, даже баловать.

Суверенность территории выше в женской группе по мере увеличения статуса сиблинга и ниже – в мужской ($F(3,179)=2,87, p=0,038$).

Суверенность временных привычек поступательно возрастает у девушек по мере увеличения их статуса сиблинга (тем больше старших братьев и сестер у девочки, тем свободнее она распоряжается своим временем, чаще может планировать свои действия и реже испытывает ограничения, связанные с прерыванием своей деятельности). У юношей, напротив, свобода режимных привычек уменьшается по мере приближения к статусу младшего ребенка: ($F(3,179)=3,00, p=0,032$).

Интересны и эффекты статуса сиблинга на суверенность социальных контактов: если от первого к третьему ребенку в мужской группе суверенность контактов снижается, а в женской группе, напротив, повышается, то в группе четвертых детей эти различия резко усиливаются: четвертые девочки наиболее свободны в общении, а четвертые мальчики – наименее свободны ($F(3,179)=4,25, p=0,006$).

По суверенности личных вещей и ценностей различий не обнаружено.

Таким образом, показано, что, хотя количество братьев и сестер не связано с выраженностью психологической суверенности, порядок рождения для нее существенен: для девочки наиболее благоприятен статус младшего ребенка, а для мальчика – старшего. Возможно, эти эффекты связаны с разным отношением к приватности и психо-

логическим границам вообще у мальчиков и девочек. Чем «дальше» девочка от родителей, тем более она свободна; чем «дальше» мальчик, тем более беззащитен.

Таким образом, наше исследование позволяет сделать вывод о том, что статус сиблинга значимо связан с выраженностью психологической суверенности как черты личности в юношеском возрасте. Проведенное нами исследование имело несколько *ограничений*. Во-первых, группы не были равно наполненными: респондентов, которые имели много братьев и сестер, было намного меньше, чем единственных детей. Во-вторых, группы не были рандомизированы по полу. Наконец, мы изучали только юношеский возраст и только студентов.

Тем не менее, результаты исследования могут быть полезны для задач детско-родительского и семейного консультирования, а также для составления программ личностного роста.

Литература

- Нартова-Бочавер С. К.* Психология суверенности: десять лет спустя. М.: Смысл, 2017.
- Нартова-Бочавер С. К.* Современное состояние психологии суверенности как учения о личностных границах // У истоков развития / Под ред. Л. Ф. Обуховой, И. А. Котляр (Корепановой) М.: МГППУ, 2013. С. 56–67.
- Ричардсон Р.* Силы семейных уз. СПб.: Акцидент, 1994.
- Силина О. В., Нартова-Бочавер С. К.* Динамика психологических границ на протяжении детства // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 3. С. 13–28.
- Howarth E.* Birth order and personality: Some empirical findings and a biobehavioral theory // Personality and Individual Differences. 1982. V. 3. Is. 2. P. 205–210.
- Michalski R. L., Shackelford T. K.* Birth order and sexual strategy // Personality and Individual Differences. 2002. V. 33. P. 661–667.
- Modin B.* Birth order and mortality: a life-long follow-up of 14,200 boys and girls born in early 20th century Sweden // Social Science & Medicine. 2002. V. 54. P. 1051–1064.
- O’Leary S. R.* et al. Is birth order associated with adult mortality? // Annals of Epidemiology. 1996. V. 6. Is. 1. P. 34–40.
- Ralph H., Nerissa D. J., Sulloway F. J.* Parental Investment: How an Equity Motive Can Produce Inequality // Psychological Bulletin. 2002. V. 128. Is. 5. P. 728–745.
- Salmon C. A., Daly M.* Birth Order and Familial Sentiment: Middleborns are Different // Evolution and Human Behavior. 1998. V. 19. Is. 5. P. 299–312.

Psychological sovereignty, number of siblings and birth order

S. K. Nartova-Bochaver (Moscow)

Doctor of Psychology, Professor, National Research University
“Higher School of Economics”

Since psychological sovereignty as a trait of personality is formed throughout a person's childhood, there is a reason to believe that the main environmental source of its development is the family, including relations with brothers and sisters. The connection of psychological sovereignty with indicators of the intra-family interaction – the number of siblings and the order of birth – is investigated. The study involved 187 respondents: 131 girls and 56 boys, students of various faculties of the Higher School of Economics; the questionnaire “SPP-2010” was used. It is found that the number of siblings does not matter for the sovereignty in adolescence, while the order of birth is important; moreover, this relationship is mediated by sex. In female group the sovereignty has been increasing depending on the birth order: in the youngest daughter it is the highest. Young men have an inverse relationship: the first-born are the most sovereign; later, the sovereignty level has been decreasing. The results are discussed in terms of gender stereotypes and systemic family theory.

Keywords: psychological sovereignty, sibling, order of birth.

Результаты применения структурированного опроса для изучения смыслов «Я» в юношеском возрасте

А. С. Новиков (Великий Новгород)

*студент, Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого; email: antnovik777@gmail.com*

В статье предлагается новая методика изучения когнитивного аспекта смыслов «Я». Методика представляет собой специальным образом организованный опрос. Описаны первые результаты применения методики на выборке юношеского возраста. Выделены следующие виды ответов: номинальный, объяснительный, положительный, отрицательный, противоречивый, неопределенный, недифференцированный. В распределении ответов обнаружены две тенденции. Первая: при выделении смыслов «Я» опрошенные еще не способны их четко осознать и вербализовать. Вторая: формулируя смыслы «Я», опрошенные предпочитают объяснительные и позитивные интерпретации, выделяя или свои нейтральные черты или черты, которые помогают им и поддерживают их позитивную самооценку.

Ключевые слова: самосознание, смысл «Я», когнитивный аспект, юношеский возраст, универсальные компетенции, структурированный опрос.

Подготовка профессионалов в России проходит в условиях многолетнего периода реформирования системы высшего образования.

Одним из самых заметных изменений, произошедших в системе высшего образования, стало внедрение компетентностного подхода. Данный подход отражает стремление сместить акцент обучения с оценки наличия знаний, на оценку того, как человек действует на основе полученных знаний, как он их применяет.

Одновременно с этим был введен раздел универсальных компетенций. Данные компетенции являются значимыми для профессионалов разных специальностей и описывают значимые для них харак-

теристики кругозора, культуры мышления, самосознания, волевой, мотивационной сфер и т. д.

Можно говорить об актуализации в обществе установки не только на обучение, но и на воспитание специалиста, когда он не только приобретает общие и специальные знания и учит применять их на практике, но и вырабатывает определенные личностные качества и универсальные умения. Эти качества и умения должны помочь ему адаптироваться в рабочем коллективе, осознать свой правовой статус, противостоять устареванию знаний, работать в смежных областях.

Анализ стандартов профессионального образования третьего поколения и анализ проектов ФГОС ВО (3++), доступных на Портале Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования*, показывает, что к универсальным компетенциям были отнесены умения, связанные с развитием самосознания студентов. Они были выделены в отдельную категорию «самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровьесбережение)», в которой была сформулирована компетенция УК-6:

- способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни (для бакалавриата и специалитета);
- способен определять и реализовывать приоритеты собственной деятельности и способы ее совершенствования на основе самооценки (для магистратуры).

Данная компетенция указывается в программах подготовки как технических, так и гуманитарных специалистов, что подчеркивает ее универсальный характер. В то же время на данный момент нет законченной модели изучения и развития данных компетенции, психологических явлений, лежащих в ее основе.

Анализ данной компетенции с позиций психологической науки показывает, что одним из важных ее компонентов выступает умение человека соотносить знания о себе с требованиями профессии, образом профессионала, своими целями и жизненными планами, т. е. произвести «осмысление» себя.

Процесс надления себя смыслом разработан в психологической науке на теоретическом уровне (Слободчиков, Цукерман, 1996; Столин, 1983; Эриксон, 2006). В. В. Столиным в научный оборот введен термин «смыслы „Я“», который был определен как отношение к мотиву или цели релевантных их достижению качеств субъекта, которое оформляется в самосознании в значениях (когнитивный

* <http://fgosvo.ru>.

аспект) и эмоциональных переживаниях (эмоциональный аспект) (Столин, 1983, с. 95).

В то же время данная тема в психологической науке не проработана на практическом уровне – не сформулированы методологические и методические подходы, нет комплексного инструментария для ее изучения. Не накоплен материал о структуре и характеристиках такого образования как смыслы «Я», нет эмпирических данных о его особенностях и значении в юношеском возрасте, развитии личности студента.

Целью нашего исследования стала разработка методологических основ и методического инструментария для изучения данного психологического образования.

Была предложена исследовательская методика, направленная на изучение когнитивного компонента смыслов «Я». В ходе работы с данной методикой испытуемые юношеского возраста сопоставляли представления о чертах своего характера со своими мотивами, ценностями и сферами деятельности.

Методика представляет собой специальным образом организованный письменный опрос. Он проводится в несколько этапов, в ходе которых опрашиваемые ранжируют свои ценности, формулируют ведущие мотивы и сферы деятельности, проводят шкалирование черт своего характера и отвечают на открытые вопросы. Ход работы фиксируется на специальном бланке. Данная методика, с одной стороны, имеет сходство с процедурой заполнения анкеты или опросника, с другой – заметно от них отличается. Для методической классификации методики был выбран термин «структурированный опрос».

Работа с методикой проходит по следующему алгоритму.

Каждый испытуемый, согласно инструкции, формирует индивидуальный список ведущих ценностей, мотивов и сфер деятельности.

Затем испытуемый описывает черты своего характера путем шкалирования по показателям, выделенным на основе модели «Большая пятерка» (Первин, Джон, 2001, с. 288–291):

- экстраверсия–интроверсия;
- привязанность–обособленность;
- самоконтроль–импульсивность;
- эмоциональная устойчивость–эмоциональная неустойчивость;
- экспрессивность–практичность.

После оценки себя по этим пяти показателям испытуемый имеет возможность расширить список характерных для него черт (в ходе работы большинство испытуемых этого не делали).

Затем испытуемому дается задание описать связи между выделенными им ценностями, мотивами и сферами жизни и чертами его характера. Допускался отрицательный ответ, когда испытуемый признавал, что не может установить связь.

С помощью данной методики были опрошено 119 студентов первого курса различных специальностей.

Анализ ответов позволяет сделать следующие предварительные обобщения.

Наиболее часто выбираемыми ценностями для студентов стали: здоровье, любовь, счастливая семейная жизнь. Их выбрали около половины опрошенных.

В большинстве случаев испытуемые констатировали наличие связей своих ценностей и мотивов с чертами своего характера. В случае с ценностями не смогли указать на связь 19% опрошенных, указали на связь для каждой выбранной ценности 45% опрошенных.

Студенты чаще всего связывают черты Большой пятерки со следующими ценностями.

Экстраверсия—интроверсия: активная деятельная жизнь (11 связей), счастливая семейная жизнь (8 связей), наличие хороших и верных друзей (8 связей).

Привязанность—обособленность: любовь (26 связей), счастливая семейная жизнь (19 связей), наличие хороших и верных друзей (10 связей).

Самоконтроль—импульсивность: здоровье (6 связей), материально обеспеченная жизнь (5 связей), развитие (5 связей).

Эмоциональная устойчивость—неустойчивость: здоровье (13 связей), счастливая семейная жизнь (5 связей), уверенность в себе (5 связей).

Экспрессивность—практичность: материально обеспеченная жизнь (8 связей), творчество (7 связей), здоровье (5 связей), развитие (5 связей).

Также были рассмотрены черты, дополнительно указанные опрошенными: честность, любознательность, доброта, стремление к совершенству (перфекционизм), память на обиды (злопамятный человек). Поскольку дополнительные черты добавлялись в единичных случаях, они характеризуются одной—двумя связями с ценностями.

Честность: интересная работа, активная деятельная жизнь.

Любознательность: здоровье, интересная работа.

Доброта: развитие.

Память на обиды: творчество.

Стремление к совершенству (перфекционизм): любовь, счастливая семейная жизнь.

Описания связи черт характера и ценностей варьировались от простого указания до подробного объяснения. В ходе анализа ответов были выделены следующие виды связей:

- 1) номинальная: испытуемый указывает на наличие связи, но не дает ясных объяснений о ее характере. Примеры: «В какой-то мере связано с привязанностью», «Это связано с интроверсией»;
- 2) объяснительная: наличие черты характера объясняет значимость ценности, мотива, сферы деятельности. Например, высокий уровень экстраверсии приводит к росту значимости для человека ценности обретения друзей, мотива уважения окружающих людей и сферы общения: «Связь с преобладанием экстраверсии, так как у экстравертов большой круг друзей и знакомых, им постоянно необходимо общение»;
- 3) позитивная: с точки зрения испытуемого, черта помогает в реализации мотива, воплощении ценности, успеху в сфере деятельности. Пример: «При эмоциональной устойчивости человек, веря в себя и свои силы, можем достичь того, чтобы его узнавали в общественных местах», «Экстраверсия, благодаря своей неоднобразной деятельности, помогает человеку найти себя»;
- 4) негативная: черта мешает в реализации мотива, воплощении ценности, успеху в сфере деятельности. Примеры: «Интроверсия как преграда. Эмоциональная неустойчивость как придаток», «У меня вспыльчивый характер, следовательно, мне иногда тяжело найти общий язык с близкими»;
- 5) неопределенная: опрашиваемый признает, что видит связь, но не может четко сформулировать, в чем она заключается. Например, связь интроверсии и достижения успеха объясняется так: «Эгоисты всегда всего хотят, интроверт те не эгоисты», «Экспрессивность здесь превышает все остальные черты характера».

В единичных ответах были отмечены связи, получившие наименование «недифференцированной» и «противоречивой». В первом случае опрашиваемый связывает ценность, мотив, сферу деятельности со всеми чертами своей личности. Пример подобного ответа: «Я считаю, что данная ценность связана со всеми особенностями характера в семейной жизни, нужна постоянная работа над собой».

В случае противоречивой связи опрашиваемый отмечает, что черта в чем-то мешает, а в чем-то помогает или по-разному проявляется в зависимости от ситуации: «Думаю, что связана учебная деятельность с самоконтролем—импульсивностью. Я ответственна в этом

плане, хоть и не всегда. Могут либо очень (слишком) ответственно подойти к делу, либо, наоборот, совершенно проигнорировать дело».

Указанные виды связей распределены в ответах студентов следующим образом.

В случаях, когда опрашиваемые дают объяснение, доминирует указание на положительную и объяснительную связь (238 и 151 упоминание соответственно). Остальные связи в объяснениях упоминаются реже в несколько раз: отрицательная – 11, неопределенная – 27, противоречивая – 7, интегральная – 3 упоминания.

Экстраверсия–интроверсия: положительная (47 упоминаний), объяснительная (46 упоминаний), отрицательная (6 упоминаний), неопределенная (7 упоминаний).

Привязанность–обособленность: объяснительная (61), положительная (31), противоречивая (2), неопределенная (7).

Самоконтроль–импульсивность: положительная (73), объяснительная (8), отрицательная (1), противоречивая (2), неопределенная (3).

Эмоциональная устойчивость–неустойчивость: положительная (38), объяснительная (6), отрицательная (4), противоречивая (2), неопределенная (5).

Экспрессивность–практичность: положительная (49), объяснительная (30), противоречивая (1), неопределенная (5).

На данный момент обработка данных не завершена, но уже можно сформулировать ряд выводов.

- 1) Ответы, свидетельствующие о том, что студент хотя бы номинально выделяет смыслы «Я» при анализе черт своего характера, дает примерно половина опрошенных.
- 2) В этих ответах выделяются три доминирующие группы:
 - номинальные: дается указание на связь черты характера с ценностями, мотивами, сферами деятельности, но характер связи не раскрывается;
 - объяснительные: черта описывается как причина повышенной значимости ценности, мотива, сферы деятельности;
 - положительные: черта описывается как средство достижения ценности, мотива, успеха в сфере деятельности.
- 3) Значительно реже встречаются отрицательные, неопределенные и противоречивые ответы.
- 4) В ответах выделяется две тенденции. Первая – при задании на выделение смыслов Я опрошенные еще не способны их четко осознать и вербализировать. Вторая – опрошенные формулируют смыслы Я выделяя либо нейтральные черты, либо те, что им по-

могают и поддерживают позитивную самооценку. Черты, которые им мешают или являются противоречивыми, выделяются студентами значительно реже.

Более интенсивно подвергается осмыслению черта «привязанность—обособленность». Она в первую очередь связывается со сферой общения, личной и семейной жизни.

Другие черты осмысляются менее интенсивно, но более широко, связываются с разными аспектами человеческой жизни.

Экстраверсия—интроверсия: активная жизнь и сфера общения.

Самоконтроль—импульсивность: здоровье, развитие личности, материальное благополучие.

Эмоциональная устойчивость—неустойчивость: здоровье, развитие личности, семейная жизнь.

Экспрессивность—практичность: материальное благополучие, здоровье, творчество и развитие личности.

Литература

Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. М.: Аспект-Пресс, 2001.

Слободчиков В. И., Цукерман Г. А. Интегральная периодизация общего психического развития // Вопросы психологии. 1996. №4. С. 38–50.

Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта—МПСИ—Прогресс, 2006.

Results of application of written questionnaire for researching “I” meanings of the youth

A. S. Novikov (Veliky Novgorod)

Novgorod State University

The aim of the article is to offer new technique for researching cognitive aspect of “I” meaning by written questionnaire method. Technique has been applied for youth research, first results are presented. Answers were classified in the following way: nominal, explanatory, positive, negative, contradictory, uncertain, undifferentiated. Two tendencies were discovered in “I” meaning describing. First – the interviewed don’t realize their “I” meanings clear and cannot clearly describe them. Second – the interviewed prefer “I” meanings with positive or explanatory interpretation.

Keywords: self-consciousness, cognitive aspect, “I” meaning, competence approach, written questionnaire.

Когнитивные репрезентации риска медицинских работников

Е. М. Павлова (Москва)

*кандидат психологических наук, МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: pavlova.lisa@gmail.com*

Формирующиеся в процессе жизни человека когнитивные репрезентации риска связаны не только с принятием решений в разных ситуациях, но и с личностными свойствами принятия неопределенности и риска, при этом важно их изучение для представителей профессий, решения которых влияют на жизнь других людей, в частности медицинских работников. В работе проведено исследование личностного профиля практикующего врача в сопоставлении с контрольной группой риелторов (n=77). Показано, что врачи характеризуются пониженной готовностью к риску, а самооценка рискованности у них интегрирована в единый интеллектуально-личностный потенциал; при этом толерантность к неопределенности у них связана с готовностью к риску, а интолерантность — со сверхбдительностью. Разработана методика оценки когнитивных репрезентаций риска (КРР), и с ее помощью показана специфичность этих репрезентаций для профессии врача.

Ключевые слова: когнитивные репрезентации, толерантность к неопределенности, готовность к риску, самооценка, Большая пятерка.

Личностные особенности, фасилицирующие принятие неопределенности и восприятие риска (в форме его когнитивных репрезентаций), формируются в процессе профессиональной деятельности, в личном опыте и включаются в регуляцию принятия решений. В рамках концепции единого интеллектуально-личностного потенциала человека (Корнилова с соавт., 2010) предполагается множественная многоуровневая регуляция решений и действий в актах преодоле-

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00130а.

ния условий неопределенности, что требует изучения *когнитивных репрезентаций риска* не только в связи со стратегиями принятия решений, но и с личностными особенностями человека.

Профессия врача характеризуется высокой неопределенностью при принятии решений, что выдвигает особые требования к свойствам, опосредующим принятие риска и неопределенности (Камнев с соавт., 2018). Согласно литературе, медицинские работники не всегда принимают решения с опорой на свою рациональность (Donner-Banzhoff et al., 2017; Perneger, Agoritsas, 2011). Исследовательской проблемой является, каким образом личностные особенности врачей могут быть связаны с восприятием ими риска, оценкой ими своей рискованности и взаимосвязями этих переменных с особенностями принятия решений в конкретных (профессиональных) ситуациях.

В литературе известны исследования связи готовности к риску с другими свойствами интеллектуально-личностного потенциала человека (например, Корнилова с соавт., 2010), однако наблюдается недостаток исследований этих связей в профессиях, риск в которых связан с опасностью в отношении других людей, в частности угроз их жизни и здоровью, с которыми сталкиваются практикующие медицинские работники. В других профессиях возможны другие риски в отношении других людей: в частности, профессия риелтора подразумевает финансовые риски. Принятие неопределенности показано как предпосылка продуктивного принятия риска риелторами (Кулагина, Корнилова, 2005), однако нет исследований когнитивных репрезентаций риска у представителей этой профессии.

Самооценки, находящиеся на уровне самосознания личности, и когнитивные репрезентации, лежащие на более глубоких уровнях, могут быть связаны через звено личностных переменных. *Целью* исследования стало выявление связей когнитивных репрезентаций риска и личностными свойствами принятия неопределенности и риска у лиц, чья профессиональная деятельность накладывает на них повышенные требования к принятию решения, так как ошибка может повлечь за собой угрозу здоровью и жизни других людей.

Методика

Схема исследования включила сопоставление двух профессиональных групп.

В нем приняли участие 77 чел., 58 женщин и 19 мужчин в возрасте от 21 до 73 лет ($M=43,9$, $\sigma=13,3$), в том числе 38 практикующих врачей и 39 профессиональных риелторов.

Группа врачей, называемая далее условно *экспериментальной*, включила 21 офтальмолога и 17 сердечно-сосудистых хирурга, из них 25 женщин и 13 мужчин в возрасте от 24 до 73 лет ($M=42,7$, $\sigma=14,1$). Группа сертифицированных риелторов (условно, *контрольная группа*) состояла из 33 женщин и 6 мужчин в возрасте от 21 до 71 года ($M=45,1$, $\sigma=12,2$), все с разным образованием, однако сдавшие экзамены на право вести риелторскую деятельность.

Риелторы были выбраны в качестве *контрольной* группы, так как их профессия характеризуется принципиально другими рисками, связанными не с жизнью других людей, а с их материальным положением.

Для диагностики личностных свойств *принятия риска и неопределенности* нами использовались следующие методики:

- *Толерантность и интолерантность к неопределенности* диагностировались с помощью Опросника С. Баднера (Корнилова, Чумакова, 2014). Здесь толерантность к неопределенности понимается как личностное свойство, отражающее готовность принимать новизну, а интолерантность к неопределенности – как стремление к ясности (выступившее на российских выборах независимой шкалой).
- Шкалы личностной *готовности к риску и рациональности* диагностировались с помощью опросника «Личностные факторы принятия решения» – ЛФР (Корнилова с соавт., 2010), который позволяет оценивать не только готовность принимать решения при неполноте ориентиров, но и направленность на полную осведомленность в ситуации выбора.
- Оценка используемых человеком *копингов* как характеристик стилевой регуляции преодоления неопределенности при принятии решений использовался Мельбурнский опросник принятия решений – МОПР (Корнилова, 2013), диагностирующий шкалы *бдительности* (готовность к принятию решений в любой момент), *избегания, прокрастинации* (откладывания принятия решений) и *сверхбдительности* (неоправданному «метанию» между альтернативами).
- Для диагностики свойств *Большой пятерки* использовался также апробированный на русскоязычных выборках Краткий опросник Большой пятерки (КОБП), или ТІРІ (Корнилова, Чумакова, 2016), включающий шкалы *экстраверсии, согласия, добросовестности, эмоциональной стабильности* и *открытости опыту*.
- *Самооценка рискованности* диагностировалась по процедуре Фернхема, при которой испытуемому предъявляется кривая нор-

мального распределения и предлагается оценить свой уровень рискованности в баллах (Корнилова, Новикова, 2011).

Наконец, для оценки *когнитивных репрезентаций рисков* использовался разработанный нами опросник ККР, в котором испытуемому предлагается список из ситуаций, которые могут возникнуть в их практике, каждую из которых ему предлагается оценить в процентном выражении по следующим основаниям: насколько рискованна эта ситуация, насколько прогнозируем этот риск, какова вероятность возникновения этого риска вообще и в вашей практике, насколько интенсивно будет переживание в этой ситуации, и насколько вероятен положительный и отрицательный исходы в этой ситуации. Список видов риска был создан двумя экспертами-психологами с опорой на полуструктурированные интервью, проведенные с представителями медицинских и не медицинских профессий.

Результаты

1. С использованием t-критерия Стьюдента для независимых выборок и критерия равенства дисперсий Ливиня нами были установлены значимые различия в выраженности личностных переменных для представителей экспериментальной и контрольной групп. Практикующие врачи, в сравнении с риелторами, характеризуются меньшей выраженностью *готовности к риску* ($p=0,002$) и *согласием* как шкалой Краткого опросника Большой пятерки ($p=0,027$).

Связь между изучаемыми переменными устанавливались с помощью «роу»-коэффициента Спирмена (в скобках указаны коэффициенты корреляции, одной звездочкой обозначены корреляции на уровне $<0,05$, двумя – на уровне $<0,01$). У медиков выявлена положительная связь *толерантности к неопределенности* и *готовности к риску* ($0,373^{**}$), а в контрольной группе риелторов личностные факторы принятия решений оказались не связанными со свойствами толерантность и интолерантность к неопределенности.

2. *Самооценка рискованности* значимо связана с показателем *готовности к риску* – по опроснику ЛФР – как у врачей ($0,428^{**}$), так и у риелторов ($0,393^*$), но при этом на выборке риелторов установлена ее отрицательная связь с *рациональностью* ($-0,405^*$), а на выборке врачей – с *избеганием* ($-0,548^{**}$). Этот непродуктивный копинг у врачей, в свою очередь, отрицательно связан с личностной *готовностью к риску*, а на выборке риелторов такая связь

- не обнаруживается. Для обеих выборок установлена связь *толерантности к неопределенности* с *экстраверсией* (0,289* для медиков и 0,653** для риелторов).
3. Риелторы характеризовались связью *рациональности* с *добросовестностью* как свойством Большой пятерки (0,450**). Такая связь показана и на выборке врачей (0,382**), однако в целом паттерн связей личностных факторов принятия решений с Большой пятеркой на этой выборке разнообразнее. Здесь *готовность к риску* положительно связана с *экстраверсией* (0,303*) и отрицательно – с *согласием* (–0,336*); а *эмоциональная стабильность* коррелирует с *рациональностью* (0,435**).
 4. У риелторов *бдительность* – продуктивный копинг, согласно МОПР, – связана с *толерантностью к неопределенности* (0,432*), а также с *рациональностью* (0,416*), *добросовестностью* (0,381*) и *открытостью новому опыту* (0,575**). У врачей наблюдаются только последние три связи (0,435**, 0,359* и 0,284*, соответственно), но не выявлена связь *бдительности* с *толерантностью к неопределенности*. Копинг *избегания* у врачей положительно связан с *согласием* (0,290*), а у риелторов – отрицательно с *экстраверсией* (–0,420*). Наконец, *сверхбдительность* у медиков положительно связана с *интолерантностью к неопределенности* (0,361*). Интересно, что только у врачей повышение *рациональности* сопровождается также ростом *эмоциональной стабильности*; у риелторов *рациональность* коррелирует со снижением *самооценки рискованности*.
 5. Нами установлены различия в оценке рискованных ситуаций по методике ККР между исследуемыми группами. Врачи и риелторы по-разному оценивают ситуацию, связанную со «зря потраченным временем» по основаниям *рискованность этой ситуации* ($p=0,035$), *прогнозируемость* риска ($p=0,021$) и *вероятность* наступления риска в своей практике ($p=0,053$); при этом у медиков эти показатели ниже. Далее, оценки ситуации «выход из строя оборудования» у медиков выше ($p=0,021$; $p<0,001$ и $p=0,004$ соответственно). Различия обнаружены и для ситуации «психологических перегрузок», которые оцениваются врачами как *более вероятные* в целом ($p=0,043$) и как связанные с *негативным исходом* ($p=0,027$). Кроме этого, большая вероятность наступления события в целом врачами оценивается для ситуаций «получения взыскания» ($p=0,028$) и «ухудшения отношений с начальством» ($p=0,022$). Негативный исход кажется врачам более вероятным в ситуации «ошибки при выполнении процедуры» ($p=0,014$).

Медики рассматривают как более рискованную ситуацию «судебного преследования» ($p=0,012$), а риелторы прогнозируют, что они будут больше переживать, если им придется «меньше видеться с близкими» ($p=0,033$).

Обсуждение результатов

Таким образом, нами установлено, что врачи меньше *готовы к риску* и меньше способны прийти к *согласию*, чем представители контрольной группы риелторов, профессиональная деятельность которых способствует выраженности личностной готовности к риску и готовности к компромиссам.

Личностные характеристики, отличающие врачей, более интегрированы между собой, что отличает целостность функционирования их интеллектуально-личностного потенциала. В контрольной группе *готовность к риску* связана только с *самооценкой рискованности*, т. е. эта самооценка риелторов достаточно адекватна, тогда как у врачей она связана как с *толерантностью к неопределенности* (т. е. они понимают рискованность как способность действовать в ситуациях с недостатком ориентиров), так и с *избеганием, экстраверсией*, а также связана с понижением способности прийти к согласию. Наконец, наблюдается и общая с риелторами связь *готовности к риску* с его *самооценкой*, т. е. люди, оценивающие себя рискованными, более к этому риску готовы. *Согласие*, повышенное у риелторов в сравнении с медиками, оказывается у первых не связанным с другими переменными, а у врачей ее повышение связано с тенденцией не *избегать* принятия решений в стрессовых ситуациях.

Общими для обеих выборок оказываются связи другого показателя личностного свойства, проявляемого при принятии решений, — *рациональности* — с изучаемыми переменными; при этом лица, считающие себя более рациональными, также готовы к принятию решения в любой момент (*бдительность*) и более сознательны (шкала *добросовестность*). Люди, готовые действовать в неопределенных ситуациях (т. е. *толерантные к неопределенности*) в обеих группах оказывают более *экстравертивными*, но в контрольной группе они также более *бдительны*, т. е. постоянно готовы делать выбор.

Наконец, испытуемые, более приверженные продуктивному копингу *бдительности*, готовые принимать решения, характеризуются большей сознательностью и открытостью новому опыту, но только у медиков тенденция метаться между альтернативами (*сверхбдительность*) сопутствует стремлению к ясности (*интолерантность*).

На основании разработанной методики ККР установлено, что представители разных профессий по-разному оценивают разные риски, возникающие в их практике. Риелторам кажется более рискованным, прогнозируемым и вероятным риск «потерянного времени». Это может быть связано с особенностями их профессии, где усилия не всегда приводят к результату. При этом по этим же основаниям медиками выше оценивается риск «выхода из строя оборудования», что связано с тем, что в их практике им приходится работать со сложной дорогостоящей профессиональной техникой, о сохранности которой им приходится заботиться.

Врачами ситуации «получения взыскания», «ухудшения отношений с начальством» и «психологических перегрузок» оцениваются как более рискованные, что особенно интересно в контексте их меньшей личностной *готовности к риску*. Это связано не только с тем, что медики работают в условиях строгой иерархии и зависимости от вышестоящих лиц и организаций, но и с тем, что их работа характеризуется большей вероятностью профессионального выгорания.

Таким образом, нами показаны связи между разноуровневыми психологическими свойствами – когнитивными репрезентациями риска, самооценкой рискованности и личностными чертами, в том числе входящими в латентную переменную Принятия неопределенности и риска. Согласно полученным результатам, медики (в сравнении с контрольной группой) характеризуются большой интегрированностью *самооценки риска* с другими переменными интеллектуально-личностного потенциала человека. Использование разработанной нами методики Когнитивных репрезентаций риска (КРР) позволяет заложить основу для исследования оценки рискованности различных ситуаций для более комплексного понимания принципов функционирования принятия неопределенности и риска в интеллектуально-личностном потенциале человека. Именно комплексное исследование является ключом к раскрытию механизмов, лежащих в основе функционирования динамических регулятивных систем и пониманию принципов принятия решений.

Выводы

1. Врачи характеризуются пониженной *готовностью риску*, но при этом свойства, отражающие принятие ими неопределенности и риска и *самооценка рискованности*, оказываются интегрированными в едином интеллектуально-личностном потенциале.

2. В личностном профиле врача *толерантность к неопределенности* оказывается тесно связанной с *готовностью к риску*, а *интолерантность* сопутствует непродуктивному копингу *сверхбдительности*.
3. *Когнитивные репрезентации риска* и оценка рискованности, прогнозируемости и вероятности событий (оцениваемые с помощью разработанной нами методики КРР) специфичны для различных профессий.

Литература

- Каменев И. И., Корнилова Т. В., Разваляева А. Ю. Связи риска при принятии решений с мотивацией и саморегуляцией (на выборке медицинских работников) // Вопросы психологии. 2018. № 1. С. 127–137.
- Корнилова Т. В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 31. С. 4.
- Корнилова Т. В., Новикова М. А. Самооценка интеллекта в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 25–35. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.07.2018).
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Апробация краткого опросника Большой пятерки (ТІРІ, КОБП) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. С. 5.
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 58–66.
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А., Корнилов С. А., Новикова М. А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.
- Кулагина Е. И., Корнилова Т. В. Мотивация, рациональность и готовность к риску в личностном профиле риэлторов // Вопросы психологии. 2005. № 2. С. 105–117.
- Donner-Banzhoff N., Seidel J., Sikeler A. M., Bösner S., Vogelmeier M., Westram A. The phenomenology of the diagnostic process: A primary-care based survey // Medical Decision Making. 2017. V. 37. № 1. P. 27–34.
- Perneger T. V., Agoritsas T. Doctors and patients' susceptibility to framing bias: a randomized trial // Journal of General Internal Medicine. 2011. № 26. P. 1411–1417.

Cognitive representations of risks of medical workers

E. M. Pavlova (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Lomonosov Moscow State University

The cognitive representations of risk are formed in the course of a person's life, and are associated not only with decision making in different situations, but also with the personal qualities of Uncertainty and risk acceptance. It is important to investigate them for professionals whose decisions affect the lives of others, in particular, medical workers. This article is dedicated to research of the practicing physician personal profile, we compare them with the control group of realtors (n=77). It is shown that doctors are characterized by a reduced risk-readiness, and their risk self-assessment is integrated into a single intellectual-personal potential; at the same time their tolerance to uncertainty is associated with a willingness to take risks, and intolerance – with super-vigilance. A test for assessing cognitive representations of risk has been developed, and we show the specificity of these representations for medical workers.

Keywords: cognitive representations, tolerance for uncertainty, willingness to take risks, self-esteem, Big Five.

Поведенческие и личностные предикторы отношения к здоровью

*Н. А. Руднова**, *Д. С. Корниенко***, *Е. С. Игнатова**** (Пермь)

** Пермский государственный национальный исследовательский университет;
e-mail: chernysheva-n.a@yandex.ru*

*** доктор психологических наук, Пермский государственный национальный
исследовательский университет; e-mail: corney@yandex.ru*

**** кандидат психологических наук, Пермский государственный
национальный исследовательский университет; e-mail: 131013@mail.ru*

Второй эпидемиологический переход и увеличение доли «болезней цивилизаций» привели к изменению особенностей отношения к здоровью. Наиболее значимыми становятся факторы, связанные с поведением. При этом возникает противоречие между знанием о «полезном» и действительно реализуемом поведении. Предполагается, что когнитивная модель здоровьесберегающего поведения в таком случае существует форме «отложенной реализации». Задачей настоящего исследования стало изучение взаимосвязи прокрастинации и поведенческого компонента отношения к здоровью. Выборка составила 137 чел. в возрасте от 19 до 65 лет ($M=32,9$; $SD=8,73$), 32% – мужчины. Полученные результаты позволяют предполагать, что основными предикторами поведенческого компонента отношения к здоровью являются высокий уровень оценки здоровья как терминальной ценности, наличие внешних факторов риска заболевания, признание роли субъективных факторов поведения и прокрастинация. Последняя находит свое отражение в периодическом переносе запланированных мероприятий по сохранению физического благополучия.

Ключевые слова: здоровье, отношение к здоровью, поведенческий компонент отношения к здоровью, прокрастинация, уровень субъективного контроля.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 18-313-00157.

Второй эпидемиологический переход и увеличение доли «болезней цивилизаций» привели к значительным изменениям в формировании отношения наших современников к состоянию своего здоровья (Касаткин, 2010). Переход к информационному обществу, доступность бытовых благ, повышение механизации и автоматизации труда, особенности профессиональной деятельности, выбор круга общения — все эти факторы становятся на первые места по значимости влияния на здоровье человека и все сильнее изменяют перечень наиболее распространенных заболеваний (Агаджанян с соавт., 2003).

Стиль жизни, самостоятельно формируемый человеком, становится первопричиной его физического благополучия. Подобные данные, выявленные еще более 20 лет назад, не теряют своей актуальности: здоровье на 40–50% зависит от поведения человека (Мартютина, Ермолаев, 1997).

В связи с подобными изменениями в системе факторов, влияющих на здоровье человека, постепенно происходит переориентация медицины: отходя от медицины «болезней и симптомов», все больше современная оздоровительная парадигма характеризуется переключением с лечения на профилактику, развитие пропаганды здорового образа жизни и повышение личной ответственности человека за свое состояние — одним словом, формированию осознанного, ценностного отношения к здоровью.

Встает вопрос об определении термина «отношение к здоровью». В рамках настоящего исследования под отношением к здоровью будет подразумеваться система индивидуальных, избирательных связей личности с различными явлениями окружающей действительности, способствующих или угрожающих здоровью, а также определяющих оценку человеком своего физического и психического состояния.

В структуре отношения к здоровью выделяют когнитивный и эмоциональный компоненты, описывающие знания человека о своем здоровье и чувства, связанные с ним, поведенческий и ценностно-мотивационный (Березовская, 2011). Поведенческий компонент включает в себя особенности поведения, связанного со здоровым образом жизни и поведение в ситуации недомогания. Ценностно-мотивационный, в свою очередь, отражает терминальную и инструментальную ценность здоровья и характеризует мотивацию к здоровому или не здоровому стилю жизни, позволяя выявить основные причины недостаточной заботы о здоровье.

Вместе с повышением уровня индивидуальной ответственности за здоровье, некоторые авторы отмечают несоответствие между наличием знаний о здоровом образе жизни и реальным поведением (Белинская, 2005; Гордеева, 2011; Кабаева, 2002).

Подобные теоретические замечания подкрепляются статистикой заболеваний. Среди десяти ведущих причин смертности в мире названы заболевания сердечно-сосудистой системы, рак, ВИЧ/СПИД и разнообразные формы зависимостей (алкогольная, наркотическая и т. д.) – заболеваний, причина которых заключается в нездоровом поведении, отсутствии профилактики или несвоевременном посещении врачей (Касаткин, 2010).

Все это говорит о том, что осознание значимости крепкого здоровья для полноценной жизнедеятельности, наличие знаний о технологиях и способах профилактики не являются весомой причиной осуществления необходимых действий, что ставит вопрос об источниках подобной ситуации, механизмах ее формирования и возможных способах преодоления (Кабаева, 2002).

Согласно ряду отечественных исследований, уровень субъективного контроля взаимосвязан с отношением к здоровью, а именно: люди, которым свойственно приписывать себе основной контроль за жизненными событиями, как правило, несут ответственность за свое состояние и реализуют действия, направленные на оздоровление (Боллигер, 2015).

Ответом на противоречие между знанием о «полезном» поведении и действительно реализуемом может стать откладывание «на потом» реализации на практике системы усвоенных знаний о необходимости профилактики и техниках здоровье сбережения (Виндекер, 2014).

Исследования откладывания, промедления при выполнении дел активно изучаются в настоящее время – подобный феномен носит название прокрастинации и определен как устойчивая личностная диспозиция, проявляющаяся в различных сферах жизни человека и выражающаяся в осознанном откладывании выполнения своевременных действий на более поздний срок, что приводит к ухудшению качества работы и негативным переживаниям.

Исследование прокрастинации в сфере здоровья может стать ответом на вопрос об откладывании действий по поддержанию своего здоровья или несвоевременном обращении к специалисту при проявлении симптомов заболеваний.

В рамках настоящего исследования была поставлена задача выявить взаимосвязи между компонентами отношения к здоровью и прокрастинацией, а также определить вероятные предикторы нездорового поведения и несвоевременного обращения к врачам.

Данное исследование проводилось в форме интернет-тестирования при помощи сайта <https://onlinetestpad.com>, благодаря которому респонденты получали обратную связь по результатам опро-

са сразу по завершении тестирования. Кроме того, анонимность участников являлась дополнительным критерием достоверности данных.

Выборка настоящего исследования составила 137 чел. в возрасте от 19 до 65 лет ($M=32,9$; $SD=8,73$), 32% – мужчины, 47% респондентов имеют стаж работы более 10 лет.

Для диагностики отношения к здоровью был использован одноименный опросник «Отношение к здоровью», автор Р.А. Березовская (2011). Методика состоит из 10 вопросов, каждый из которых включает в себя от 5 до 10 пунктов, которые респондент должен оценить по шкале от 1 – «совершенно неважно/никогда» – до 7 – «безусловно важно/всегда».

Организация методики позволяет при анализе ответов каждый вопрос рассматривать отдельно – в таком случае интерпретируются все утверждения, входящие в него. В рамках настоящего исследования будут проанализированы вопросы, выявляющие терминальную и инструментальную ценность здоровья; демонстрирующие выраженность объективных (нехватка времени, необходимость материальных затрат и т. п.) и субъективных (нехватка силы воли, нежелание себя ограничивать и т. п.) причин недостаточной заботы о здоровье; диагностирующих мнение человека относительно роли внешних и внутренних факторов, влияющих на здоровье; определяющих эмоциональный компонент отношения к здоровью, направленный на выявление эмоциональных переживаний, связанных с переживанием недомогания (ухудшение самочувствия); определяющих поведенческий компонент отношения к здоровью, который включает в себя склонность респондента вести здоровый образ жизни и его особенности поведения в случае ухудшения его физического самочувствия.

Общий уровень прокрастинации был диагностирован при помощи «Шкалы общей прокрастинации К. Х. Лэй», адаптированной О. С. Виндекер, М. В. Оганиной (Виндекер, 2014). Опросник состоит из 20 утверждений, выявляющих выраженность склонности откладывать дела «на потом». Участникам исследования предлагается оценить свое согласие с каждым из 20 по шкале Лайкерта от 1 – «не согласен» – до 5 – «согласен».

Кроме того, был использован опросник «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера в адаптации Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной, А. М. Эткинда, направленный на выявление готовности человека брать на себя ответственность за то, что происходит с ним и вокруг него (Бажин, 1984). Методика состоит из 44 пунктов, которые оцениваются респондентами по 6-балльной шкале. В насто-

ящем исследовании анализировались данные, полученные по Шкале интернальности в области достижений, Шкале интернальности в области неудач и Шкале интернальности в отношении здоровья и болезни.

С целью выявления взаимосвязей между компонентами отношения к здоровью, прокрастинацией и локусом контроля был проведен корреляционный анализ. В результате, показатель особенностей поведения человека в случае ухудшения его физического самочувствия оказался связан с терминальной ценностью здоровья ($r=0,295$, $p<0,05$), показателем выраженности мнения о значимости для физического состояния объективных факторов ($r=0,265$, $p<0,05$), уровне негативных переживаний в случае болезни ($r=0,267$, $p<0,05$) и склонности вести здоровый образ жизни ($r=0,338$, $p<0,05$).

Склонность вести здоровый образ жизни, по данным исследования, связана с прокрастинацией ($r=-0,344$, $p<0,05$), интернальностью в области достижений ($r=-0,177$, $p<0,05$), терминальной ($r=0,458$, $p<0,05$) и инструментальной ценностью здоровья ($r=0,195$, $p<0,05$), выраженностью субъективных ($r=-0,309$, $p<0,05$) и объективных ($r=-0,389$, $p<0,05$) причин недостаточной заботы о здоровье, ролью внутренних факторов, влияющих на здоровье ($r=0,171$, $p<0,05$).

Показатель прокрастинации оказался связан с выраженностью субъективных причин недостаточной заботы о здоровье ($r=0,256$, $p<0,05$) и интернальностью в области достижений ($r=-0,214$, $p<0,05$).

Для уточнения картины взаимосвязей между переменными отношения к здоровью, уровне субъективного контроля и прокрастинацией был проведен иерархический регрессионный анализ, при котором в качестве предикторов поэтапно добавлялись прокрастинация, показатели субъективного контроля в области достижений, неудач и здоровья, а также когнитивные, ценностные и эмоциональные компоненты отношения к здоровью. Показатель особенности поведения человека в случае ухудшения его физического самочувствия и критерий склонности вести здоровый образ жизни рассматривались как зависимые переменные.

Совокупность всех выявленных предикторов объясняет 45% дисперсии параметра «склонность вести здоровый образ жизни» и 17% дисперсии показателя «поведение в случае ухудшения физического самочувствия».

При этом для «склонности вести здоровый образ жизни» значимыми предикторами оказались пол ($b=0,197$, $p<0,001$), выраженность терминальной ценности здоровья ($b=0,399$, $p<0,001$), прокрастинация ($b=-0,314$, $p<0,001$), выраженность объективных причин недо-

статочной заботы о здоровье ($b=-0,241$, $p<0,001$) и параметр значимости для здоровья внутренних факторов ($b=-0,168$, $p<0,001$).

Наибольший вклад в показатель особенности поведения в случае ухудшения физического самочувствия принадлежит выраженности терминальной ценности здоровья ($b=0,184$, $p<0,001$), выраженности объективных причин недостаточной заботы о здоровье ($b=-0,241$, $p<0,001$) и уровню негативных эмоций при ухудшении здоровья ($b=0,186$, $p<0,05$).

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы: женщины больше, чем мужчины, склонны вести здоровый образ жизни, при этом поведенческий компонент отношения к здоровью в качестве предиктора имеет высокий уровень признания здоровья терминальной, базовой ценностью – осознание значимости физического благополучия стимулирует как ведение здорового образа жизни, так и ориентацию на получение профессиональной или непрофессиональной помощи в случае недомогания. Подобные результаты подтверждаются данными исследования Е. А. Рахимовой, в котором она выявила высокую значимость здоровья как терминальной ценности у людей, для которых здоровый образ жизни приобрел характер автоматизма и совершается без особых усилий (Рахимова, 2012).

При этом внешние характеристики окружающей среды – внешние факторы риска, такие как экологическая обстановка или специфика профессиональной деятельности, будут влиять на активность человека при ухудшении здоровья. Можно предположить, что в случае, если угроза здоровью не зависит от поведения самого человека, больше вероятности, что он обратится к специалистам. Эта вероятность усилится в том случае, если ухудшение физического состояния будет сопровождаться негативными эмоциональными переживаниями – страхом, раздражением, стыдом. Если же человек признает высокую значимость внутренних факторов, влияющих на его физическое состояние (вредные привычки, особенности питания), он, скорее всего, будет прилагать усилия по повышению культуры самосохранительного поведения и вести здоровый образ жизни. Наличие же объективных причин, таких как отсутствие соответствующих условий или необходимость больших материальных затрат, может значительно препятствовать реализации оздоровительной программы – человек, скорее всего, оставит попытки оздоровления. Склонность откладывать дела на более поздний срок также не способствует регулярным действиям по поддержанию здоровья. Уровень субъективного контроля не вошел в число предикторов поведенческого компонента отношения к здоровью, это может говорить о том, что признание ответственности за происходящие жизненные

события не влияет на ведение здорового образа жизни или поведение в случае ухудшения самочувствия.

Таким образом, наше исследование показывает, что общая прокрастинация в сфере здоровья, по результатам данного исследования, находит свое отражение в периодическом переносе запланированных мероприятий по сохранению физического благополучия, что частично подтверждает озвученное выше предположение Р.А. Березовской о существовании когнитивной модели здоровьесберегающего поведения форме «отложенной реализации» (Березовская, 2011).

Литература

- Агаджанян Н. А., Чижов А. Я., Ким Т. А.* Болезни цивилизации // Экология человека. 2003. № 4. С. 8–11.
- Бажин Е. В.* и др. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 3. С. 152–162.
- Белинская Т. В.* Психологические составляющие развития ценностного отношения к здоровью у студентов педагогического вуза: Дис. ... канд. психол. наук. Калуга, 2005.
- Березовская Р. А.* Исследование отношения к здоровью: современное состояние проблемы в отечественной психологии // Вестник СПбГУ. 2011. Сер. 12. Вып. 1. С. 221–226.
- Боллигер Л. В.* Отношение к собственному здоровью медицинских работников // Вестник ИрГТУ. 2015. № 10 (105). С. 280–284.
- Виндекер О. С.* Формальный и содержательный анализ шкалы общей прокрастинации С. Н. Lay (на примере студенческой выборки) / О. С. Виндекер, М. В. Останина // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии. Научно-практический журнал. 2014. № 1 (30). С. 116–126.
- Кабаева В. М.* Формирование осознанного отношения к собственному здоровью у подростков: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.
- Касаткин В. Н.* Актуальные проблемы психологии здоровья // Психологическая наука и образование. 2010. № 5. http://psyjournals.ru/files/33842/psyedu_ru_2010_5_Kasatkin_Bochaver.pdf (дата обращения: 10.07.2018).
- Марютина Т. М., Ермолаев О. Ю.* Введение в психофизиологию. М.: Моск. психолого-социальный институт–Флинта, 1997.
- Рахимова Е. А.* Отношение к здоровью учащейся молодежи // Ученые записки университета Лесгафта. 2012. № 9 (91). С. 134–139.

Behavioral and personal predictors of attitude to health

*N. A. Rudnova**, *D. S. Kornienko***, *E. S. Ignatova**** (Perm)

* Perm state research University

** Doctor of Psychology, Perm state research University

*** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Perm state research University

The second epidemiological transition and the increase in the share of “diseases of civilizations” led to a change in the characteristics of attitudes toward health. The most significant are the factors associated with behavior. This leads to a contradiction between knowledge about “useful” and really realizable behavior. It is assumed that the cognitive model of health-saving behavior in this case exists in the form of a “deferred realization”. The purpose of this study was to study the relationship between procrastination and the behavioral component of the relationship to health. The sample comprised 137 people aged 19 to 65 ($M=32,9$, $SD=8,73$), 32% were men. These results suggest that the main predictors of behavioral component of attitude to health is a high level of health evaluation as a terminal value, the presence of external risk factors for the disease, recognition of the role of subjective factors of behavior and procrastination. The latter is reflected in the periodic transfer of planned activities to maintain physical well-being.

Keywords: health, attitude to health, behavioral component of attitude towards health, procrastination, level of subjective control.

Исследование факторов, оказывающих влияние на структурную организацию самооотношения при алкогольной зависимости

М. В. Сергеева (Курск)

*Курский государственный медицинский университет;
e-mail: marischcka.sergeeva2011@yandex.ru*

В статье рассмотрены содержательная и структурная стороны самооотношения. Представлена структура самооотношения, состоящая из трех компонентов: когнитивного, эмоционального и конативно-го. Выявлены особенности содержательной стороны самооотношения при алкогольной зависимости, которыми являются повышение самообвинения, снижение самопринятия, саморуководства, ожидания положительного отношения других на конативном уровне, снижение самоуважения на эмоциональном уровне и глобальной самооценки на когнитивном уровне. Обнаружены факторы, обуславливающие самооотношение при алкогольной зависимости: «отношение к жизни», «отношение к деятельности», «отношение к себе», «отношение к другим» и «эмоциональные переживания», под воздействием которых нарушается структура самооотношения и переходит от субъектно-субъектного к субъект-объектному модусу отношений, что проявляется в упрощенности, ригидности и неустойчивости когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов самооотношения.

Ключевые слова: самооотношение, алкогольная зависимость, субъектно-субъектные отношения, субъектно-объектные отношения, факторы, обуславливающие самооотношение.

Наиболее специфической характеристикой личности является система отношений человека к окружающему миру и самому себе. Отношения являются одной из форм отражения человеком окружающей его действительности. Их формирование в структуре личности происходит в результате отражения им на сознательном уровне сущ-

ности тех социальных объективно существующих отношений общества в условиях микро и макро бытия (Мясищевым, 1995). По мнению Н. И. Сарджвеладзе, личность – системообразование, не только имеющее определенный статус в системе социальных отношений и установочное отношение к социальному окружению, но и особым образом относящееся к самому себе и характеризующееся особым образованием – подструктурой самоотношения (Сарджвеладзе, 1989). Самоотношение принято рассматривать как специфическую активность субъекта в адрес своего «Я», состоящую в определенных внутренних действиях, характеризующихся как эмоциональной спецификой, так и предметным содержанием (Столин, 1983).

Структура самоотношения состоит из трех компонентов: когнитивного, эмоционального, конативного – и имеет свою организацию, представленную двумя модусами отношений субъект-субъектным и субъект-объектным (Сарджвеладзе, 1974). Деформация самоотношения происходит под воздействием психологических факторов, которые разнообразно влияют на его структуру, содержание, механизмы и являются разноуровневыми. В нашей работе мы рассматриваем такие факторы, как: социальная установка, осмысленность жизни, семейная тревога, алекситимия. Исследование факторов самоотношения рассматривается с позиции нормы и патологии, критериями деформации/сохранности структуры самоотношения являются устойчивость/неустойчивость, лабильность/ригидность, сложность/упрощенность.

Для их исследования был использован следующий методический инструментарий: «Тест-опросник самоотношения личности» (С. Р. Пантелеев, В. В. Столин), методика «Анализ семейной тревоги» (Э. Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис), методика «Шкала алекситимии» (G. J. Taylor), «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О. Ф. Потёмкиной, опросник «Шкала семейной адаптации и сплоченности» Д. Х. Олсона, а также применялись архивный метод и метод клинической беседы. Обработка результатов эмпирического исследования осуществлялась с помощью методов математической статистики: анализа общих тенденций, описательной статистики с использованием непараметрических критериев Манна–Уитни; корреляционного анализа – коэффициента корреляции Спирмена; факторного анализа – методом отбора главных компонент с применением ортогонального вращения по методу варимакса с нормализацией Кайзера. Для обработки результатов использовались компьютерные программы SPSS 19.0 и Statistica 8.0.

Организационной базой исследования стала ОБУЗ «Областная наркологическая больница» г. Курска. В процессе исследования принимало участие 63 чел. с алкогольной зависимостью и 63 чел. здоровых (условно) в возрасте от 25–55 лет. Испытуемые с алкогольной зависимостью были включены в эмпирическое исследование по следующим критериям: 1) стаж заболевания алкогольной зависимостью – 5–15 лет; 2) семейное положение испытуемых: состоящие в браке, не состоящие в браке, разведены; 3) образовательный уровень испытуемых: среднее, среднее специальное; 4) трудовая занятость испытуемых: работающие, неработающие.

Результаты

В процессе изучения самоотношения личности было выявлено, что показатели группы испытуемых с алкогольной зависимостью статистически значимо ниже показателей группы здоровых испытуемых по шкалам: «интегральное самоотношение» ($U_{\text{эмп.}}=1108,5$ при $p \leq 0,05$), «самоуважение» ($U_{\text{эмп.}}=1005$ при $p \leq 0,05$), «аутосимпатия» ($U_{\text{эмп.}}=1088,5$ при $p \leq 0,05$), «ожидание положительного отношения других» ($U_{\text{эмп.}}=1457$ при $p \leq 0,05$), «самоуверенность» ($U_{\text{эмп.}}=1419$ при $p \leq 0,05$), «самопринятие» ($U_{\text{эмп.}}=1504$ при $p \leq 0,05$), «саморуководство» ($U_{\text{эмп.}}=1200,5$ при $p \leq 0,05$), «самоинтерес» ($U_{\text{эмп.}}=1331$ при $p \leq 0,05$), «самопонимание» ($U_{\text{эмп.}}=1512$ при $p \leq 0,05$) в то время как показатели по шкале «самообвинение» ($U_{\text{эмп.}}=618,5$ при $p \leq 0,05$) в первой группе значительно выше, чем в группе здоровых.

Отношение к собственной личности в группе испытуемых с алкогольной зависимостью, характеризуется неуважением к себе ($7,12 \pm 3,04$), что связано с неуверенностью в своих возможностях ($4,2 \pm 1,44$), с сомнением в своих способностях преодолевать трудности и препятствия, достигать намеченные цели, с недоверием к своим решениям, с избеганием контактов с людьми и глубоким погружением в собственные проблемы ($7,9 \pm 2,07$), а также с преобладанием внутренней напряженности, отсутствием самостоятельности. Происходит ослабление механизмов саморегуляции, волевой контроль становится недостаточным для преодоления внешних и внутренних препятствий на пути к достижению цели ($3,39 \pm 1,22$). Такие люди не могут контролировать собственную жизнь и быть самопоследовательными, становятся подвластны внешним обстоятельствам и событиям. Наблюдается негативный фон восприятия себя, видение в себе по преимуществу недостатков ($4,61 \pm 1,7$), готовности к самообвинению ($6,39 \pm 1,54$), что сопровождается развитием внутреннего напряжения, ощущением невозможности удовлетворения основных

потребностей. Им свойственно сомнение в ценности собственной личности ($6,92 \pm 2,22$), непонимание ($2,45 \pm 1,67$), отсутствие интереса к собственным мыслям и чувствам ($4,5 \pm 1,3$), неготовность общаться с собой «на равных», выражающаяся в неуверенности в своей интересности для других, в убежденности негативного отношения других к его личности ($7,9 \pm 2,07$).

Люди, не имеющие зависимости, характеризуются как испытывающие уверенность в своей интересности для других и готовность общаться с собой «на равных» ($9,12 \pm 2,62$), они довольны собой своими начинаниями и достижениями, ощущают свою компетентность и способность решать многие жизненные вопросы ($5,12 \pm 1,51$). Препятствия на пути к достижению цели воспринимаются ими как преодолимые. Такие люди чувствуют, что их любят другие, ценят за личностные и духовные качества, за совершаемые поступки и действия, за приверженность групповым нормам и правилам ($5,84 \pm 1,58$). Они ощущают в себе общительность, эмоциональную открытость для взаимодействия с окружающими, легкость установления деловых и личных контактов. Выраженность чувства симпатии к себе ($9,12 \pm 2,62$), согласия со своими внутренними побуждениями, принятия себя таким, какой есть, несмотря на недостатки и слабости ($5,39 \pm 1,3$). Неудачи, конфликтные ситуации не дают основания для того, чтобы считать себя плохим человеком. Им свойственно ощущение удовлетворенности собой, склонность к пониманию собственной личности, своих мыслей, идей, желаний, потребности, что дает личности возможность проживать свою жизнь более полно ($3,28 \pm 1,97$). Наблюдается контроль над эмоциональными реакциями и переживаниями по поводу себя, тенденция к отрицанию собственной вины в конфликтных ситуациях ($4,95 \pm 6,38$). Основным источником развития собственной личности, регулятором достижений и успехов, способным прогнозировать свои действия и последствия возникающих контактов с окружающими считают себя ($4,34 \pm 1,17$).

При анализе средних значений социальной установки было отмечено, что показатели группы с алкогольной зависимостью статистически значимо выше показателей группы здоровых по таким шкалам, как: «ориентация на процесс» ($U_{\text{эмп.}} = 1206$), «ориентация на результат» ($U_{\text{эмп.}} = 1293$), «ориентация на эгоизм» ($U_{\text{эмп.}} = 1529,5$), «ориентация на труд» ($U_{\text{эмп.}} = 740,5$), «ориентация на свободу» ($U_{\text{эмп.}} = 1198,5$), «ориентация на власть» ($U_{\text{эмп.}} = 1154$), «ориентация на деньги» ($U_{\text{эмп.}} = 1041$), при $p \leq 0,05$.

Группе людей, не имеющих зависимости, свойственна доля «разумного эгоизма и альтруизма», они не готовы посвящать себя работе, а, скорее, склонны к нормальному соотношению работы и отды-

ха в своей жизнедеятельности. Власть, свобода и деньги не являются для них ведущими жизненными ценностями.

У людей с алкогольной зависимостью ведущей ценностью является свобода, влияние на других, на общество. При выполнении определенной деятельности, они фокусируются на самой работе, а не на результатах, которых необходимо достичь. В сознании человека результат сам по себе неважен. Наблюдается стремление к увеличению своего благосостояния, а труд приносит им больше радости и удовольствия, чем иные занятия. Преобладающим является интерес к собственной личности, характеризующийся сосредоточением внимания на своих желаниях, влечениях, на собственном мире в целом.

При анализе средних значений смысложизненных ориентаций было отмечено, что показатели в группе здоровых (условно) выше показателей группы с алкогольной зависимостью по шкалам: «осмысленность жизни» ($U_{\text{эмп.}}=1013,5$), «цели в жизни» ($U_{\text{эмп.}}=1014$), «процесс жизни» ($U_{\text{эмп.}}=1115,5$), «результативность жизни» ($U_{\text{эмп.}}=1362$), «локус контроля – Я» ($U_{\text{эмп.}}=1131$), «локус контроль жизни» ($U_{\text{эмп.}}=1069$).

В группе с алкогольной зависимостью отмечают признаки неудовлетворенности своей жизнью в настоящем, неудовлетворенности прожитой частью жизни, неверие в свои силы и возможность контролировать события собственной жизни, убежденность в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода иллюзорна, и бессмысленно что-либо планировать.

При анализе средних значений семейной тревоги было выявлено, что показатели группы испытуемых с алкогольной зависимостью статистически значимо выше показателей группы здоровых испытуемых по таким параметрам, как: «вина» ($U_{\text{эмп.}}=808,5$), «тревога» ($U_{\text{эмп.}}=1027,5$), «напряжение» ($U_{\text{эмп.}}=908$), при $p \leq 0,05$. При алкогольной зависимости наблюдается повышенный уровень семейной тревоги, в основе которой лежит неадекватное ощущение индивидом ответственности за все отрицательное, что происходит в семье, что ситуация в семье не зависит от собственных усилий, ощущение, что выполнение семейных обязанностей представляет собой непосильную задачу для индивида.

Исследование семейной сплоченности и адаптации показало, что в группе с алкогольной зависимостью семейная система есть у 18,9%, в то время как у 81% наблюдается ее отсутствие. Наблюдается низкий уровень сплоченности членов семьи отношениями отчуждения, что свойственно для разобщенной системы. Система имеет неустойчивое или ограниченное руководство – хаотическая система.

При анализе средних значений было выявлено, что в группе с алкогольной зависимостью показатели по шкале алекситимии выше ($73,75 \pm 10,07$) показателей групп здоровых (условно) ($66,37 \pm 12,70$). Что говорит о том, что испытуемые первой группы входят в группу риска по алекситимии.

Также выявлена значимая корреляция между факторами и компонентами самооотношения. При отсутствии зависимости самопринятие личности вызвано удовлетворенностью собственной жизнью, наличием в жизни целей на будущее, убеждением в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их. Интерес к собственной личности, уверенность в своей интересности для других, убежденность в положительном отношении других являются важными составляющими в создании благоприятной внутрисемейной атмосферы. При состоянии алкогольной зависимости наблюдается высокий уровень самообвинения в результате отсутствия интереса к выполняемой деятельности. Снижение глобальной самооценки обусловлено стремлением к повышению благосостояния.

По результатам факторного анализа было выявлено, что факторами, оказывающими влияние на самооотношение при алкогольной зависимости, являются: «отношение к жизни», представленное осмысленностью жизни; «отношение к деятельности», проявляющееся результативностью и стремлением к власти; «отношение к себе», в состав которого входит алекситимия; «отношение к другим», представленное жизненными ориентациями, направленными на удовлетворение потребностей окружающих людей или личных интересов; а также «эмоциональные переживания» личности, включающие в себя вину, тревогу и психоэмоциональное напряжение.

Под воздействием факторов структура самооотношения претерпевает изменения и переходит от субъектно-субъектного к субъект-объектному модусу отношений, что проявляется в упрощенности компонентов самооотношения, их ригидности и неустойчивости к различным внешним и внутренним условиям.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что содержательная сторона самооотношения при алкогольной зависимости имеет свои особенности и характеризуется повышением самообвинения, снижением самопринятия, саморуководства, ожидания положительного отношения других на конативном уровне, снижением самоуважения на эмоциональном уровне и глобальной самооценки на когнитивном уровне. Основными факторами, обуславливающими самооотношение при состоянии алкогольной зависимости, являются: «отношение

к жизни», «отношение к деятельности», «отношение к себе», «отношение к другим», «субъектная позиция», «эмоциональные переживания», под воздействием которых структура самоотношения изменяется и переходит от субъектно-субъектного к субъект-объектному модусу отношений модусу отношений, что проявляется в упрощенности, ригидности и неустойчивости когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов самоотношения.

Литература

- Леонтьев Д. А.* Тест смысложизненных ориентаций. М.: Смысл, 2000.
- Лисина М. И.* Проблемы онтогенеза общения. М.: Педагогика, 1986.
- Мясищев В. Н.* Психология отношений: избранные психологические труды. М.—Воронеж, 1995.
- Сарджвеладзе Н. И.* Структура самоотношения личности и социальные потребности // Проблемы формирования социальных потребностей. Тбилиси: Мецниереба, 1974.
- Сарджвеладзе Н. И.* Личность и ее взаимодействие с социальной средой. Тбилиси: Мецниереба, 1989.
- Столин В. В.* Самосознание личности. М: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

Investigation of the factors influencing the structural organization of self-relationship in alcohol dependence

M. V. Sergeeva (Kursk)

Kursk State Medical University

The content and structural aspects of the self-relationship are considered in the article. The structure of the self-attitude consisting of three components is presented: cognitive, emotional and conative. The specifics of the substantive side of self-relation in alcohol dependence are revealed, which include increasing self-blame, reducing self-acceptance, self-guidance, expectations of others' positive attitudes at the conative level, reducing self-esteem at the emotional level and global self-esteem at the cognitive level. The factors that determine self-relation in alcohol dependence are found: "attitudes toward life", "attitudes toward activities", "attitudes toward oneself", "attitudes toward others", "subjective attitudes" and "emotional experiences", which affect the structure of self-attitude and passes from the subject-subject to the subject-object mode of the relationship, which is manifested in the simplicity, rigidity and instability of the cognitive, emotional and behavioral components of the self-attitude.

Keywords: self-attitude, alcohol dependence, subject-subject relationship, subject-object relationship, factors conducive to self-relationship.

Анализ особенностей мотивационной сферы подростков, занимающихся спортом

*О. М. Сергеева**, *Л. А. Хрисанфова***, *Л. Б. Бронфман****
(*Нижний Новгород*)

** кандидат психологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; e-mail: sergeeva_oxana@bk.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; e-mail: l.hri@mail.ru*

**** Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; e-mail: lina.bronfman@yandex.ru*

В статье описывается структура мотивации спортивной деятельности подростков, активно занимающихся спортом, и выявление отличий их мотивационной сферы от мотивационной сферы подростков, не занимающихся спортом. В качестве основной методики исследования была взята психосемантическая методика цветowych метафор И.Л. Соломина. Ведущими мотивами занятия спортом у подростков оказались мотив достижения успеха, мотив самосовершенствования и преодоления и мотив получения удовольствия от деятельности. Социальные мотивы, мотив материального вознаграждения, мотив профессиональной карьеры и мотив самоактуализации имеют среднюю частоту встречаемости. Реже всего встречаются мотивы должествования и конкуренции. Различия в мотивационной сфере подростков, активно занимающихся и не занимающихся спортом, в основном напрямую связаны с увлеченностью первых спортивной деятельностью.

Ключевые слова: мотивация спортивной деятельности, мотивационная сфера, мотив, спортсмены, подростки.

Исследование профинансировано грантом РФФИ № 18-013-00828 «Индивидуально-психологические предикторы обнаружения эмоциональных объектов в микроинтервалах времени» (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского).

Введение

В современных социально-экономических условиях значительно возрастает роль активности, самостоятельности и инициативности человека во всех сферах его жизни. В психологическом плане формирование и развитие этих личностных качеств всегда было связано с изучением мотивации, поскольку от характера, содержания и уровня мотивации напрямую зависит успешность выполнения любой человеческой деятельности. Не случайно проблема мотивации всегда была и остается одной из самых значимых и актуальных в психологической науке. Результаты ее изучения нашли отражение в работах многих зарубежных и отечественных психологов (Ф. Ю. Тейлор, Э. Мэйо, Э. Фрейд, Г. Мюррей, Э. Эриксон, А. Адлер, Г. Олпорт, К. Роджерс, А. Маслоу, Д. МакГрегор, С. Мад-ди, Дж. Аткинсон, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, В. Г. Асеев, Л. И. Божович, А. К. Маркова, Д. И. Фельдштейн, И. А. Джидарьян, В. И. Ковалев, В. Г. Леонтьев, М. Т. Магомедов-Эминов и др.).

Приоритетным направлением в развитии личности на сегодняшний день является концепция формирования здорового образа жизни, так как только здоровая физически и психически личность способна эффективно существовать в современном мире. Невозможно формирование активной психологически здоровой личности без соответствующей структуры мотивационной сферы. В этой связи особенно значимым становится изучение мотивационной сферы и личностных характеристик людей, занимающихся спортом: как профессиональным, так и любительским. Известно, что занятия спортом не только повышают физическое здоровье человека, но и способствуют формированию многих личностных качеств, необходимых для успешной профессиональной, социальной и личной жизни.

Одним из важнейших возрастных периодов в становлении мотивационной сферы является подростковый возраст, так как в это время происходят коренные преобразования в строении мотивационно-личностной сферы подростка. Она приобретает иерархический характер, мотивы становятся не непосредственно действующими, а возникающими на основе сознательно принятого решения, многие интересы принимают характер стойкого увлечения (Фельдштейн, 2002).

Таким образом, целью исследования является описание мотивационной сферы подростков, активно занимающихся спортом, и выявление ее отличий от мотивационной сферы подростков, не занимающихся спортом.

Организация исследования

Выборку исследования составили 40 подростков, занимающихся различными видами спорта (рукопашный бой, греко-римская борьба, настольный теннис, прыжки на батуте), и 55 школьников, не занимающихся спортом. Возраст респондентов – 13–15 лет.

В качестве основной методики исследования была взята методика цветowych метафор И. Л. Соломина (Соломин, 2006). Методика представляет собой экспресс вариант психосемантической диагностики мотивации и отношений к различным занятиям, людям и событиям, основанный на обозначении ряда понятий с помощью стандартного набора цветowych стимулов. Она позволяет измерять как осознанные, так и неосознаваемые отношения, определять побуждения к конкретным видам деятельности. Ее достоинствами является возможность диагностики имплицитной (скрытой) мотивации и возможность варьирования списка понятий методики под разные цели.

Метод цветowych метафор основан на двух принципах.

Во-первых, если человек обозначает какое-либо понятие самым привлекательным цветом, то это может свидетельствовать о привлекательности этого понятия, позитивном к нему отношении. И наоборот, к понятиям, обозначенным наиболее неприятным цветом, человек и относится, скорее всего, негативно.

Во-вторых, обозначение различных понятий одним цветом является косвенным показателем их субъективного сходства, т. е. если два или несколько понятий человек обозначает одним цветом, то, видимо, в этих понятиях есть для человека что-то общее и он относится к ним приблизительно одинаково.

При обработке методики выделялись:

- базовые потребности – содержание наиболее устойчивых и связанных с индивидуальными особенностями личности стремлений, интересов и увлечений (понятия, обозначенные самым привлекательным цветом и тем же цветом, что и понятия «Мое увлечение» и «Интересное занятие»);
- представление о «Я реальном» и «Я идеальном» (понятия, обозначенные соответственно теми же цветами, что и понятия «Какой я на самом деле» и «Каким я хочу быть»);
- мотивы занятия спортом (понятия, обозначенные тем же цветом, что и понятие «Мое занятие спортом»).

Список остальных оцениваемых понятий составлялся на основе предложенных И. Л. Соломиным и исходя из предположений о возможной мотивации к спортивной деятельности у спортсменов. В него вошли

следующие понятия: успех, неудача, общение, спорт, болезнь, моя учеба, свобода, знания, мой отец, моя мать, люди, любовь, моя работа, конфликты, угроза, природа, труд, соревнования, выполнение долга, доверие, конкуренция, приз искусство, мой друг, семья, признание окружающими, спортсмен, перемены, мой дом, наставник, превосходство, судья, неприятности, школа, сомнение, рост и развитие, мои обязанности, творчество, победитель, моя профессия, воля, моя карьера, участие, достижение целей, самоотдача, власть, мой тренер, материальное благополучие. В соответствии с особенностями методики список оцениваемых понятий был дополнен различными эмоциональными состояниями (радость, удовольствие, страх, раздражение) и временными категориями (мое прошлое, мое настоящее и мое будущее).

Статистическая обработка данных проводилась в программном пакете SPSS Statistics 17.0, использовались U критерий Манна–Уитни и χ^2 Пирсона.

Результаты исследования

Рассмотрим мотивы занятия спортом, выявленные у подростков-спортсменов в нашем исследовании. На первом месте оказалась мотивация достижений – этот мотив выделился у 60% респондентов. С успехом и победой свое занятие спортом связывают 45%. И напротив, неудача среди мотивов занятия спортом в данной выборке не представлена вообще, а такие негативные эмоции и понятия, как страх, печаль, раздражение, неприятности, связаны с занятием спортом только у 5% респондентов. Таким образом, можно утверждать, что в спортивной деятельности подростков ключевым мотивом является достижение успеха, мотивация избегания неудач в данном виде деятельности практически отсутствует.

На втором месте в спортивной мотивации подростков находится мотив саморазвития и преодоления. Почти у половины респондентов в число мотивов занятия спортом попали понятия «Рост и развитие» (42,5%), «Самоотдача» (41%), «Воля» (42,5%). Полученные результаты расходятся с данными, полученными Е. С. Максимовой (Максимова, 2010), которая утверждает, что у юниоров мотив самосовершенствования является наименее значимым. Однако ряд других авторов (Ильина, 1998; Суханов, 2001) подтверждают высокую выраженность у подростков мотива самосовершенствования при занятиях спортом. На основе нашего исследования мы можем утверждать, что, в первую очередь, речь идет о психофизическом самосовершенствовании, поскольку понятия, связанные с обучением

и получением знаний, среди мотивов занятия спортом встречается реже: «Знания» – 25%, «Образование» – 25%, «Моя учеба» – 15%.

Следующим по частоте встречаемости в мотивации спортивной деятельности является мотив получения удовольствия. С данным мотивом мы связали такие понятия, как «Удовольствие» (встречается у 40% респондентов), «Интересное занятие» (37,5%), «Мое увлечение» (42,5%), «Радость» (35%). Данную группу мотивов в качестве ведущих для спортивной деятельности выделяют и другие авторы.

По результатам исследования можно утверждать, что очень часто мотивация занятий спортом связана с семьей подростка. Понятие «Семья» среди данной группы мотивов встречается у 45% респондентов, причем чаще ключевое значение имеет мать (37,5%), чем отец (22,5%). Возможно, это связано с большей ролью матери, чем отца, в воспитательном процессе вообще в рамках нашей культуры. Также среди мотивов занятия спортом часто встречается понятие «Мой дом» (у 37,5% респондентов). На наш взгляд, в данном контексте понятия «Мой дом» и «Семья» имеют синонимичное значение.

Другими значимыми фигурами, связанными со спортивной мотивацией, являются друг и тренер (наставник). Они встречаются в ответах 30% респондентов. Интересно, что из понятий, относящихся к социальным категориям, чаще других среди мотивов спортивной деятельности встречается понятие «Доверие» (32,5%). Гораздо реже встречаются понятия «Общение» (15%) и «Любовь» (20%).

Среднюю частоту встречаемости среди мотивов спортивной деятельности в исследуемой выборке имели мотивы материального вознаграждения, профессиональной карьеры и самоактуализации. В качестве мотива материального вознаграждения мы трактовали выбор таких понятий, как «Материальное благополучие» (34,5%) и «Приз» (37,5%). С мотивом профессиональной карьеры связаны понятия «Моя карьера» (32,5%), «Моя профессия» (32,5%) и «Моя работа» (20%). Сложнее оказалось объяснить достаточно большое количество выборов среди мотивов занятия спортом таких понятий, как «Свобода» (32,5%), «Искусство» (30%) и «Творчество» (30%), учитывая, что спортсменов, занимающихся «творческими» видами спорта (спортивные танцы, художественная гимнастика и т. д.), в нашей выборке не было. Опираясь на предшествующие исследования с использованием методики цветowych метафор (Сергеева, 2006), мы определили эту группу понятий как мотив самоактуализации.

Наименее представленными мотивами спортивной деятельности в исследуемой выборке оказались мотивы должествования и конкуренции. Мотивацию должествования отражает выбор таких по-

нятий, как «Выполнение долга» (27,5%), «Мои обязанности» (17,5%), «Труд» (20%). Мотивация конкуренции, на наш взгляд, связана с понятиями «Конкуренция» (17,5%), «Власть» (27,6%), «Превосходство» (35%), «Признание окружающими» (5%).

Результаты исследования также позволяют говорить о наличии самоидентификации подростков, занимающихся спортом, со спортивной деятельностью. В мотивах занятия спортом представлены такие понятия, как «Каким я хочу быть» (42,5%), «Какой я на самом деле» (20%), «Мое будущее» (32,5%) и «Мое настоящее» (20%). В этой связи интересно сопоставить образ Я-идеального (каким я хочу быть) у спортсменов и неспортсменов.

Сравнение образов Я-идеального у спортсменов и неспортсменов проводилось с помощью критерия χ^2 Пирсона. Достоверные различия ($p < 0,05$) были выявлены по частоте встречаемости следующих понятий: «Спорт» (32,5% — у спортсменов, 11% — у неспортсменов), «Моя учеба» (также 32,5 и 11%), «Приз» (соответственно, 50 и 31%), «Признание окружающими» (12,5% — у спортсменов, 33% у неспортсменов). Более частая встречаемость понятий «Спорт» и «Приз» в образе Я-идеального у спортсменов легко объясняется их большей ориентированностью на спорт. А вот большая связь образа идеального Я с учебой и меньшая — с признанием окружающими у спортсменов, по сравнению с неспортсменами, несколько неожиданна. Возможно, при прохождении методики учебу спортсмены воспринимали в том числе как тренировочный процесс, поэтому идентификация с ней встречается чаще, чем у неспортсменов. Меньшая же связь признания окружающими с образом идеального Я у спортсменов, возможно, объясняется их большей направленностью на объективные признаки достижений, например призы.

Проведем сравнение у спортсменов и неспортсменов содержания базовых потребностей (наиболее устойчивых и связанных с индивидуальными особенностями личности стремлений, интересов и увлечений).

При сравнении частоты встречаемости различных понятий среди базовых потребностей у спортсменов и неспортсменов с помощью критерия χ^2 Пирсона был выявлен ряд различий ($p < 0,05$). У спортсменов чаще, чем у неспортсменов, среди понятий, входящих в базовые потребности встречаются понятия «Спорт» (47,5 и 27%, соответственно), «Мой друг» (65 и 43%), «Спортсмен» (57 и 33%), «Победитель» (70 и 49%). Более частая встречаемость понятий «Спорт», «Спортсмен» и «Победитель» закономерна и отражает значимость спортивной сферы в жизни спортсменов. А вот более часто встречаемая ценность дружбы у спортсменов вызывает интерес.

Достоверные различия ($p < 0,05$) были выявлены и по 3 негативным понятиям, которые с различной частотой вошли в состав базовых потребностей спортсменов и неспортсменов: «Болезнь» (соответственно, 5 и 18%), «Страх» (7,5 и 20%) и «Неприятности» (0 и 11%). Встречаемость данных понятий среди базовых потребностей небольшая, но все же говорит о более частой фрустрированности базовых потребностей у подростков, не занимающихся спортом, по сравнению со спортсменами.

По всем остальным компонентам состав базовых потребностей у подростков, занимающихся и не занимающихся спортом, сходный. Среди наиболее часто встречающихся понятий среди базовых потребностей у спортсменов и школьников совпадают следующие: «Каким я хочу быть» (72% — у спортсменов, 56,5% — у школьников-неспортсменов), «Достижение целей» (соответственно, 67,5 и 56,5%), «Успех» (67,5 и 52,5%). Данные категории отражают особенности возрастного периода — повышенная ориентация на жизненный успех, на высокие цели характерна для подросткового возраста (Зайцева, 2016).

Среди наименее часто встречающихся понятий в базовых потребностях и у спортсменов, и у школьников закономерно выделяются негативно окрашенные понятия «Раздражение» (отсутствует в обеих группах), «Конфликты» (5 и 11%), «Неудача» (5 и 11%), «Сомнения» (5 и 5,5%), «Печаль» (7,5 и 5,5%), «Угроза» (2,5 и 3,5%). Это говорит об относительном эмоциональном благополучии подростков из обеих выборок.

Таким образом, можно утверждать, что в целом состав базовых потребностей у подростков, занимающихся и не занимающихся спортом, сходный. Различия в их составе в большинстве случаев объясняется большей увлеченностью спортсменов спортивной деятельностью.

Выводы

Обобщая результаты исследования, можно сделать следующие выводы.

Ведущими мотивами занятия спортом у подростков являются мотив достижения успеха, мотив самосовершенствования и преодоления и мотив получения удовольствия от деятельности. Социальные мотивы, мотив материального вознаграждения, мотив профессиональной карьеры и мотив самоактуализации имеют у спортсменов-подростков среднюю частоту встречаемости. Реже всего встречаются мотивы должествования и конкуренции.

В целом состав базовых потребностей у подростков, занимающихся и не занимающихся спортом, сходный. Различия в мотива-

ционной сфере подростков, активно занимающихся и не занимающихся спортом, в основном напрямую связаны с увлеченностью первых спортивной деятельностью.

Литература

- Зайцева А. П.* Особенности мотивационной сферы подростков // Молодой ученый. 2016. № 18. С. 182–184. URL: <https://moluch.ru/archive/122/33787>.
- Ильина Н. Л.* Динамика мотивации на протяжении спортивной карьеры: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998.
- Максимова Е. С.* Динамика мотивов занятий спортом в тренировочном и соревновательном периодах. 2010. URL: <http://www.psydiplom.ru/index.php>.
- Сергеева О. М.* Диагностика имплицитной и эксплицитной учебной мотивации студентов: оценка выраженности потребностей различных уровней по А. Маслоу // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2006. № 1. С. 86–94.
- Соломин И. Л.* Современные методы психологической экспресс-диагностики и профессионального консультирования. СПб.: Речь, 2006.
- Суханов А. Д.* Динамика мотивации борцов вольного стиля. URL: <http://lib.sportedu.ru/press/tpfk/2001N9/P41-44.htm>.
- Фельдштейн Д. И.* Возрастная и педагогическая психология. Избранные психологические труды. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2002.

Analysis of motivational sphere properties of teenagers going in for sports

*O. M. Sergeeva**, *L. A. Khrisanfova***, *L. B. Bronfman****
(Nizhni Novgorod)

* Candidate of Psychological Sciences, N. I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, N. I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

*** N. I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

In this article we describe the structure of motivation for sportive activities of teenagers that are actively go in for sport as well as the differences of their motivational sphere from teenagers that do not do sport. As a basic method

of the research the psycho-semantic method of color metaphors by I. L. Solomin was taken. The leading motives to do sports for teenagers appeared to be the motive of success achievement, motive of self-improvement and overcoming, and the motive of getting pleasure from activity. Social motives, material reward motive, professional career motive and self-actualization motive all have medium frequency of occurrence. Less frequently occur the motives of obedience and competition. The differences in motivational sphere of teenagers that actively do and that don't do sports are mainly connected with enthusiasm of the former regarding the sports activities.

Keywords: motivation of sportive activity, motivational sphere, motive, sportsmen, teenagers.

Развитие психологических границ в раннем, дошкольном и младшем школьном возрасте

О. В. Силина (Москва)

*магистр психологии, Психологический центр «Сказка Детства»;
e-mail: omela333@yandex.ru*

Актуальность темы продиктована тем, что в литературе широко описываются уже «нарушенные» границы, однако информация о нормативном развитии границ у детей 2–10 лет имеется в ограниченном количестве. Цель — описание развитие феномена границ Я, ориентируясь на выделенные ранее характеристики (активность, регуляция, контроль, способы защиты). Первоначально воспринимая границы как барьер, защищающий от воздействий извне, ребенок (в 9–10 лет) начинает понимать границы Я и как средство взаимодействия между людьми. Определены различия в проявлении психологических границ в ситуациях общения с близкими и незнакомыми людьми: более близкая дистанция и использование деструктивных способов защиты (с близкими) в дошкольном возрасте, интенсивно контролируемые, регулируемые границы и более конструктивные способы контроля и защиты в ситуации взаимодействия с незнакомыми людьми. В младшем школьном возрасте ситуация меняется на противоположную: воспринимая незнакомое человека как единичный контакт, ребенок использует более агрессивные, разрушительные способы защиты границ Я.

Ключевые слова: психологические границы, возрастная динамика границ Я, активность, регуляция, контроль, способы защиты границ Я.

А. В. Брушлинский в своих работах подчеркивал значимость целостности субъекта, что означает, прежде всего, единство, интегративность его деятельности и всех видов его активности (Брушлин-

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-06-00239.

ский, 2003, с. 21). Субъектно-средовой подход развивает мысль о том, что личность человека – это еще и результат взаимодействия со средой, используя для описания взаимодействия личности и среды понятие «психологическая граница» (Нартова-Бочавер, 2005). Выделив такие характеристики границ Я, как активность, регуляция, контроль, чувствование и понимание (Силина, 2018), мы попытались через метафору «дом» как максимально отражающую взаимодействие личности и среды (Юнг, 2005) проследить этапы развития границ Я (с 2010 по 2017 г.). Респондентами выступали 14 детей (7 мальчиков и 7 девочек), имеющих схожую семейную ситуацию, психологически благополучных с точки зрения как родителей, так и воспитателей/педагогов, что позволяет обрисовать контуры нормативного развития границ Я у детей от 2 до 10 лет.

Описание сущности границ Я проходило по следующим критериям: местоположение, выбранные материалы, а также сам процесс выбора материалов и создания жилища в спокойной, неконфликтной обстановке. Показатель «местоположение» дома начинает приобретать значение только к 7–8 годам. К 8–9 годам дети стремятся занимать центральное положение, которое к 10 годам сменяется предпочтением позиции «с краю» ($Q=7$ при $p=0,03$), что может косвенно свидетельствовать о переходе от солиптического мироощущения к децентрации (Веденева, 2008). При учете выбора места для дома не менее важным оказывается критерий хорошего соседства (друзья или же неконфликтные дети), который возрастает к 7 годам, а затем постепенно идет на спад ($Q=6,2$ при $p=0,045$). Кроме того, на выбор места для постройки дома влияло мнение окружающих (как детей, так и взрослых), однако возраст 6–7 лет и 8–9 лет оказался наиболее устойчивым к внешним воздействиям: дети предпочитали самостоятельно принимать решения ($Q=7,1$ при $p=0,028$).

От 2 до 7 лет приоритетными являются большие материалы (подушки, напольный конструктор), визуально создающие ощущение защищенности ($Q=14,29$ при $p=0,006$). В школьном возрасте ситуация меняется: проникая в суть вещей, ребенок выбирает уже тяжелые материалы (камни, предметы мебели) для строительства ($Q=8,9$ при $p=0,012$) дома, что продолжается до 9–10 лет, когда появляется понимание границы как символа, что побуждает ребенка отдавать предпочтение легким, символическим материалам (ленты, пуговицы и пр.) ($Q=8,9$ при $p=0,012$) (Петровский, 2008).

Анализ процесса строительства показал, что происходит переход от нецеленаправленного к целенаправленному процессу строительства ($\chi^2=31,66$ при $p<0,0001$); увеличение случаев копирования ($\chi^2=12,08$ при $p=0,017$) в дошкольном возрасте и снижение копирова-

ния в младшем школьном возрасте ($\chi^2=11,6$ при $p=0,003$); возрастание самостоятельности в процессе строительства ($\chi^2=20,92$ при $p<0,0001$); отсутствие замысла сменяется его наличием ($\chi^2=43,91$ при $p<0,0001$); внесение корректив в процесс постройки дома становится более частым ($\chi^2=13,55$ при $p=0,009$). В раннем детстве другой ребенок воспринимается как продолжение (или отражение) самого себя, на него переносятся личные качества и потребности, но с возрастом происходит «отдаление» (Рубинчик, 2015), выделение другого ребенка из поля.

Мы попросили наблюдателей отметить, каким образом изменяется пространство по мере взросления ребенка: приобретается структурированность пространства ($\chi^2=43,91$ при $p<0,0001$) с особенным пиком в 8–9 лет, снижение открытости пространства как для знакомых людей ($\chi^2=39,47$ при $p<0,0001$), так и для незнакомых ($\chi^2=46,1$ при $p<0,0001$), появление личного пространства ($\chi^2=47,67$ при $p<0,0001$), декоративных, художественных элементов дома ($\chi^2=32,3$ при $p<0,0001$), которые постепенно исчезают к 9–10 годам, что перекликается с ранее проведенными исследованиями (Плюснин, 1990; Нартова-Бочавер, 2005; Осорина, 2017).

Следующая характеристика границ Я – это контроль психологических границ, наблюдаемый в конфликтных ситуациях. Интересно, что для детей раннего и дошкольного возраста размер внешнего пространства не играет существенной роли, однако в младшем школьном возрасте происходит уменьшение размера территории ($Q=15$ при $p=0,001$). Также снижаются случаи использования физических барьеров и возрастание (с 4 лет) вербальных реакций на нарушение границ ($Q=6,2$ при $p=0,045$). Существуют значимые различия между реакциями на знакомого и незнакомого человека как источника деструктивных действий: возрастание негативного реагирования на осуждение рисунка ($\chi^2=13,84$ при $p=0,008$ и $\chi^2=34,3$ при $p<0,0001$ в ситуации со знакомыми и незнакомыми людьми соответственно), усиление позитивного реагирования на нарушение привычного образа жизни ($\chi^2=28,54$ при $p<0,0001$ в случае близкого человека и $\chi^2=25,19$ при $p<0,0001$ в случае незнакомого человека). Контроль границ Я, касающийся телесной сферы, имеет также собственную логику развития: неприкосновенность телесности в дошкольном возрасте для близких людей ($\chi^2=30,17$ при $p<0,0001$) в младшем школьном возрасте не только сохраняется ($\chi^2=23,3$ при $p<0,001$), но переносится и на незнакомых ($\chi^2=7,2$ при $p=0,027$). Нарушение границ близкими в раннем и дошкольном возрасте ($\chi^2=13,89$ при $p=0,008$) вызывает положительные эмоции, но затем ситуация меняется на диаметрально противоположную, негативную реакцию ($\chi^2=9,3$ при $p=0,009$ и $\chi^2=6,2$ при $p=0,045$ для близких людей и незнакомых, соответственно).

Кроме этого в отношении близких людей время реакции на деструктивные действия уменьшается ($\chi^2=14,33$ при $p=0,006$), в том время как время реакции на деструктивные действия незнакомых людей, наоборот, увеличиваются и наблюдается снижение случаев, когда ребенок может остановить сразу разрушительные ($\chi^2=22,94$ при $p<0,0001$) воздействия сразу ($\chi^2=22,94$ при $p<0,0001$). Школьники (к 10 годам) чаще проявляют отсроченную реакцию на деструктивные действия ($\chi^2=14$ при $p=0,001$), а также наблюдается повышение случаев, когда ребенок сразу же останавливает деструктивные действия ($\chi^2=22,4$ при $p<0,001$), повышение случаев, когда дети прогоняют неугодных гостей ($\chi^2=22,2$ при $p<0,001$). Отметим, что дошкольники, при невозможности контролировать собственные границы от близких, предпочитают покинуть собственный дом ($\chi^2=20,13$ при $p<0,0001$). Младшие школьники же стремятся остановить деструктивные воздействия близких и прогнать нарушителей любыми доступными способами ($\chi^2=22,2$ при $p<0,001$).

Регуляция границ Я предполагает изменение пространственной составляющей, говорит о том, сколько воздействий может выдержать ребенок. Мы выделили две категории: количество приглашенных гостей и характер приема гостей хозяином (знакомых и незнакомых). Анализ количества гостей показывает, что происходит переход от уединенности ($Q=27,82$ при $p<0,0001$) к небольшому количеству приглашенных детей и взрослых (3–4 чел.) ($Q=12,23$ при $p=0,016$). Однако в возрасте от 4 до 6 лет у многих детей наблюдается тенденция приглашать как можно больше гостей ($Q=22,67$ при $p<0,0001$). Регуляция границ Я слабо различается в ситуациях взаимодействия с незнакомыми и знакомыми людьми: наблюдается переход от неуверенного к уверенному приему гостей ($\chi^2=44,59$ при $p<0,0001$ и $\chi^2=13,21$ при $p=0,01$, соответственно), учащение случаев, когда ребенок диктует свои правила ($\chi^2=39,51$ при $p<0,0001$ и $\chi^2=28,92$ при $p<0,0001$, соответственно), возрастание инициативности ($\chi^2=45,72$ при $p<0,0001$ и $\chi^2=22,47$ при $p<0,0001$), учащение случаев, когда деятельность хозяина и гостей носит положительный оттенок ($\chi^2=23,73$ при $p<0,0001$ и $\chi^2=39,31$ при $p<0,0001$), возрастание случаев совместной деятельности ($\chi^2=37,27$ при $p<0,0001$ и $\chi^2=42$ при $p<0,0001$).

Способы защиты границ Я – отражение тех приемов, которыми пользуется ребенок, чтобы отстоять свою позицию: физические (выталкивание), эмоциональные (возмущение), рациональные (объяснение) и проч. Защита границ Я как со знакомыми, так и с незнакомыми людьми может включать схожие методы: частое обращение к друзьям ($\chi^2=35,07$ при $p<0,0001$ и $\chi^2=45,51$ при $p<0,0001$ соответственно), что сохраняется вплоть до конца младшего школьного воз-

раста. Кроме этого, в дошкольном детстве отмечается использование социальных норм ($\chi^2=37,58$ при $p<0,0001$ и $\chi^2=41,09$ при $p<0,0001$, соответственно), гендерных различий ($\chi^2=23,14$ при $p<0,0001$ и $\chi^2=17,31$ при $p=0,002$, соответственно) и личностных способов защиты ($\chi^2=36,16$ при $p<0,0001$ и $\chi^2=15,85$ при $p=0,003$, соответственно), кроме этого, повышается конструктивность в защите границ Я ($\chi^2=34,13$ при $p<0,0001$ и $\chi^2=35,66$ при $p<0,0001$, соответственно). В младшем школьном возрасте происходит повышение эмоциональных способов защиты дома ($\chi^2=18,2$ при $p<0,001$ и $\chi^2=15,8$ при $p<0,001$ в ситуации с близким и незнакомым человеком, соответственно), увеличение случаев обращения к друзьям ($\chi^2=16,2$ при $p<0,001$ и $\chi^2=6,7$ при $p=0,035$ в ситуации с близким и незнакомым человеком, соответственно).

Очень интересно, что дошкольники реже используют физические способы защиты от незнакомых людей ($\chi^2=18,95$ при $p=0,001$). Со знакомыми людьми, напротив, дети предпочитают использовать физические способы защиты ($\chi^2=17,45$ при $p=0,002$), чаще реагируют агрессивно ($\chi^2=22,65$ при $p<0,0001$) и активно ($\chi^2=10,186$ при $p=0,038$). Однако частота обращений за помощью ко взрослому снижается ($\chi^2=12,58$ при $p=0,013$).

В младшем школьном возрасте отмечаются следующие тенденции при защите границ от близкого человека: более редкое использование физических способов защиты дома от знакомых в 8–9 лет ($\chi^2=10,7$ при $p=0,005$), социальных норм ($\chi^2=20,7$ при $p<0,001$) и гендерных отличий ($\chi^2=9,4$ при $p=0,009$), снижение самостоятельной защиты дома в 8–9 лет и более частое обращение за помощью ко взрослому ($\chi^2=17,2$ при $p<0,001$), чаще реагирует лично ($\chi^2=26,2$ при $p<0,001$) и конструктивно в 8–9 лет ($\chi^2=10,9$ при $p=0,004$). Возраст 8–9 лет оказывается очень значимым для младших школьников. Анализ способов защиты дома от незнакомых показал, что дети 8–9 лет чаще используют физические способы защиты дома ($\chi^2=22$ при $p<0,001$), чаще реагируют агрессивно ($\chi^2=20,2$ при $p<0,001$), характер защиты дома чаще носит активный ($\chi^2=20,8$ при $p<0,001$) и деструктивный ($\chi^2=23,6$ при $p<0,001$) характер. Таким образом, если в дошкольном возрасте деструктивные, агрессивные, физические способы защиты были направлены на близких как максимально безопасные объекты, то в младшем школьном возрасте возрастает ценность близких отношений, а незнакомый человек предоставляет большую свободу действий (Митина, 2010).

Следующая характеристика границ Я – это активность, которую мы оценивали как количественный показатель взаимодействия ребенка со средой в безопасных ситуациях. Такое поведение часто выглядит немотивированным, отсутствуют видимые причины для того

или иного поступка. Прецеденты, когда дети пытаются найти оптимальное местоположение, захватывая чужую территорию с возрастом повышается ($Q=10$ при $p=0,04$).

Внешнее выражение границ Я видоизменяется на протяжении от 2 до 10 лет от физического барьера до символического обозначения, от ощущения себя в центре жизни до расположения на периферии пространства. Контроль границ Я различается в ситуации взаимодействия с близкими и незнакомыми людьми, характеризуясь более стремительной, активной реакцией на деструктивные действия в ситуации взаимодействия с незнакомыми. Наиболее конфликтные темы (телесность и вещи) предполагают сильное противодействие как по отношению к знакомым, так и к незнакомым людям, коллизии же вокруг нарушения привычного образа жизни вызывают положительные эмоции, которые способствуют расширению личного пространства. Регуляция границ Я слабо различается в ситуациях взаимодействия как с близкими, так и с незнакомыми людьми, увеличивается степень уверенности пользования правилами и нормами в сложных ситуациях, использование внешней помощи (друзьям и взрослым) для решения затруднений. Способы защиты границ Я в дошкольном возрасте довольно разнообразны по отношению к близким людям и к незнакомым в младшем школьном возрасте. Таким образом, развитие личности ребенка с точки зрения теории психологических границ предстает как сменяющиеся тенденции освоения внешнего пространства и поддержание достаточной степени комфорта на личной территории.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Веденева Г. И.* Способность к децентрации как компонент духовно-нравственной культуры школьников // Наука и школа. 2012. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposobnost-k-detsentratsii-kak-komponent-duhovno-nravstvennoy-kultury-shkolnikov> (дата обращения: 03.05.2018).
- Митина Г. В.* Феноменология личностного развития младшего школьника как основа психолого-педагогического сопровождения // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-lichnostnogo-razvitiya-mladshego-shkolnika-kak-osnova-psihologo-pedagogicheskogo-soprovozhdeniya> (дата обращения: 03.05.2018).

- Нартова-Бочавер С. К.* Психологическое пространство личности. М.: Прометей, 2005.
- Осорина М. В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 2017.
- Петровский В. А.* «Мотив границы»: знаковая природа влечения // Мир психологии. 2008. № 3. С. 10–26.
- Плюснин Ю. М.* Пространственное поведение человека: методы проективных исследований. Новосибирск: Институт философии и права Сибирского отделения РАН, 1990.
- Рубинчик Ю. С.* Коллективные взаимоотношения детей дошкольного возраста // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 250–252.
- Силина О. В.* Формирование психологических границ у детей 2–7 лет // Современное дошкольное образование. 2018. № 1. С. 19–29.
- Юнг К. Г.* О становлении личности // Юнг Карл Густав. Психика: структура и динамика. М.: АСТ, 2005.

Development of psychological borders in early, preschool and young school age

O. V. Silina (Moscow)

Master of Psychology, Psychological center “The Fairy Tale of Childhood”

The urgency of the topic is dictated by the fact that already “disturbed” borders are widely described in the literature, but information on the normative development of borders in children of 2–10 years is available in a limited number. The purpose of the study is to describe the development of the phenomenon of the boundaries of the “I”, focusing on the previously identified characteristics (activity, regulation, control, methods of protection). Initially perceiving the boundaries as a barrier that protects from outside influences, a child (at 9–10 years old) begins to understand the boundaries of the self and as a means of interaction between people. Differences in the manifestation of psychological boundaries in situations of communication with close and unfamiliar people are determined: closer distance and use of destructive methods of protection (with relatives) in preschool age, intensively controlled, regulated borders and more constructive ways of monitoring and protection in a situation of interaction with strangers. At the younger school age, the situation changes to the opposite: perceiving a stranger as a single contact, the child uses more aggressive, destructive ways to protect the boundaries of “I”.

Keywords: psychological boundaries, age dynamics of the boundaries of the “I”, activity, regulation, control of the boundaries of the Self, ways to protect the boundaries of “I”.

Содержание имплицитных концепций личностной зрелости у белорусов

Л. Л. Скворцова (Гродно, Белоруссия)

*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы;
e-mail: starling2009@gmail.com*

В статье представлены результаты эмпирического исследования имплицитных концепций личностной зрелости, проведенного на белорусской выборке. Дана содержательная характеристика образов зрелой и незрелой личности, сложившихся в обыденном сознании белорусов. Установлено, что в качестве общих содержательных критериев представлений выступают характеристики личности, отражающие способность к самодетерминации: автономия, ответственность, способность к саморегуляции и саморазвитию, характеристики, связанные с идентичностью и самореализацией личности в социуме, а также духовно-нравственные характеристики. Выявлены содержательные различия представлений о зрелой и незрелой личности, связанные с разным удельным весом данных характеристик в ядре и периферической зоне представлений, что свидетельствует о несимметричности критериев оценки зрелой и незрелой личности в обыденном сознании.

Ключевые слова: имплицитные концепции, личностная зрелость, личностная незрелость, обыденное сознание.

В фокусе внимания современной психологии личности все чаще оказываются процессы и явления, позволяющие раскрыть закономерности субъективного отражения отношений человека с миром, которые оказывают предопределяющее влияние на личностное развитие и самоопределение в динамичном изменяющемся социуме. В связи с этим в последние годы растет количество исследований имплицитных концепций личности и отдельных ее проявлений, что дает ключ доступа к пониманию внутренних механизмов личности

человека. Эмпирически разработаны понятия имплицитных теорий личности и интеллекта, имплицитных концепций профессионализма, творчества и духовности (Иванченко, Казарян, Кошелева, 2012), имплицитных концепций смысла жизни и осмысленной жизни (Осин, Кузнецова, Малютина, 2014).

Имплицитные концепции в большинстве подходов рассматриваются как индивидуальные проявления социально обусловленных представлений о действительности. Формируясь под воздействием сложившегося в конкретном социуме понимания мира и человека в мире, они оказывают значимое влияние на протекание и результативность деятельности, влияют на формирование нравственных эталонов, идеалов, через призму которых индивид оценивает себя и других.

Личностная зрелость в психологических исследованиях представляет собой довольно сложный феномен, предполагающий неоднородную трактовку и понимание: зрелость рассматривается как стадия развития, как общая тенденция развития, как результат достижения дефинитивной стадии развития и как развитие разных модулей психической организации (Сергиенко, 2007). Выбор обыденного сознания личности в качестве объекта исследования дает возможность расширить научные представления о критериях личностной зрелости. И в этом контексте актуальным представляется исследование имплицитных концепций личностной зрелости, позволяющее установить, каким содержанием наполнено понятие «личностная зрелость» в обыденном сознании, каков эталон зрелой личности, сложившийся в современных условиях, а также на основе каких представлений судят о личностной зрелости или незрелости.

Имплицитные концепции личностной зрелости можно определить как совокупность неявных представлений о содержательных критериях, структуре и функциях личностной зрелости, на основе которых индивид формирует и описывает образ зрелой личности, интерпретирует собственное и чужое поведение, а также использует в качестве эталона личностной зрелости для саморазвития и оценки (самооценки) уровня личностной зрелости (незрелости). Как было уже указано выше, формирование имплицитных концепций личностной зрелости обусловлено социальными, историческими и идеологическими условиями, поэтому содержание имплицитных концепций у представителей разных культур может различаться. На российской выборке особенности обыденных представлений о психологической зрелости были изучены Ф. Б. Брантовой. В содержании представлений были выявлены характеристики, отражающие высокий уровень автономии и самостоятельности человека,

самоконтроля и ответственности, рациональности и объективности, активности, целенаправленности, умения взаимодействовать с другими людьми и устанавливать с ними сложные и полноценные отношения (Брантова, 2011).

Что касается исследования имплицитных концепций личностной зрелости на белорусской выборке, то они проводятся впервые. В данной статье произведен анализ содержания обыденных представлений о личностной зрелости /незрелости, выявленных в результате эмпирического исследования имплицитных концепций личностной зрелости на белорусской выборке. Исследование проходило в 2014–2018 гг. и включало в себя несколько этапов (2 подготовительных и 1 основной). Всего в исследовании приняли участие 861 респондент – в основном студенты Гродненского государственного университета и сотрудники различных предприятий г. Гродно и области, в возрасте от 18 до 50 лет, все – граждане Белоруссии.

На первом подготовительном этапе исследования была разработана авторская анкета, направленная на выявление представлений о личностной зрелости. Также респондентам предлагалось в свободной форме описать человека, которого можно охарактеризовать, как личностно зрелого, описать признаки, отличающие личностно незрелого человека. Так были выявлены характеристики, которыми опрашиваемые наделяют зрелую и незрелую личность. По результатам первого этапа исследования было установлено содержательное сходство эксплицитных и имплицитных концепций личностной зрелости.

На втором подготовительном этапе на основе выявленных в результате теоретического анализа эксплицитных концепций личностной зрелости, наиболее частых характеристик зрелой личности по результатам свободных описаний и ассоциаций, а также словаря тезауруса лексики личностных черт в русском языке (Шмелев, Похилько, 1985) был разработан первичный вариант специализированного личностного дифференциала для исследования обыденных представлений о личностной зрелости. После апробации в результате второго этапа был сконструирован рабочий вариант личностного семантического дифференциала, содержащий 63 личностные характеристики.

На третьем этапе исследования рабочий вариант личностного дифференциала предъявлялся испытуемым дважды с различными инструкциями (представить личностно зрелого и личностно незрелого человека). Процедура измерения была классической – шкалирование понятий по семизначным шкалам ЛД. В третьем этапе исследования приняли участие 322 испытуемых в возрасте от 17

до 50 лет. Женщины среди испытуемых составили 63% опрошенных, мужчины – 37%.

Содержательные характеристики имплицитных концепций личностной зрелости получены следующим образом: для всех шкал личностного семантического дифференциала по выборке были рассчитаны средние значения и среднеквадратические отклонения, а также показатель размера эффекта, который в нашем случае означает силу выраженности характеристики как значимой. Для анализа содержательных характеристик личностной зрелости были выбраны только те критериальные шкалы семантического дифференциала, в которых распределение оценок участников исследования резко сдвинуто от нормального. Что, в свою очередь, означает, что данные характеристики не случайны, а акцентированы и заострены в обыденных представлениях о личностной зрелости (незрелости). В отличие от данных, описывающих содержание представлений о личностной зрелости, данные представлений о личностной незрелости менее однородны, что отразилось на размере эффекта. Наиболее значимыми для анализа представлений о личностной зрелости оказалась 51 шкала, с высокими размерами эффектов (в диапазоне от 1 до 2,5), а для представлений о личностной незрелости были выбраны критериальные шкалы семантического дифференциала, в которых размер эффекта лежит в диапазоне от среднего (0,5) до высокого (1,1) – всего 42 характеристики.

Далее все оценки по критериальным шкалам были проранжированы по величине эффекта, выделены ядерные и периферические элементы содержания обыденных представлений о личностной зрелости (незрелости). В качестве критерия, отделяющего ядерную зону от периферии, была выбрана величина размера эффекта, равная сумме среднего значения и среднеквадратического отклонения размера эффекта в ряду данных.

В результате анализа было выявлено, что ядро представлений о личностной зрелости составляют 15 личностных характеристик, включивших в себя ключевые механизмы самодетерминации (ответственный, самодостаточный, здравомыслящий), личностные свойства, являющиеся базисом для саморегуляции поведения (организованный, целеустремленный, сознательный, добросовестный, продуктивный), а также характеристики, свидетельствующие о том, что личность выступает субъектом саморазвития, – любознательный, интересующийся). Интеллектуальный потенциал представлен такими характеристиками, как компетентный, образованный. Нравственная сфера личности представлена характеристиками: порядочный, справедливый. Также в ядре представлений о зрелой лич-

ности оказалась характеристика, связанная с социальной проявленностью личности — успешный.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что в обыденных представлениях зрелая личность — это, в первую очередь, самодетерминируемая личность, способная к активному управлению собой, собственному развитию и собственной деятельности, обладающая высоким интеллектуальным потенциалом и нравственными качествами, позволяющими ей достигать социальной успешности. Целесообразно далее отметить, что ядро представлений о зрелой личности составляют такие характеристики и качества, которые позволяют говорить о близости имплицитных концепций личностной зрелости к понятию субъектности, развиваемому в отечественной психологии в последние годы. Где субъектность рассматривается как важнейшая функция личности, способность объединять все свои психические качества и личностные свойства в единый функциональный комплекс, овладеть своими психическими процессами, поведением, деятельностью и жизнью, способность соотносить себя с внешними и внутренними условиями жизни, как свобода создавать бытие, отражающее собственные смыслы и ценности жизни (Карпинский, 2011).

Что касается периферии обыденных представлений о личностной зрелости, то здесь содержатся характеристики, связанные с идентичностью (подлинный, самоценный, целостный, свободный) и вовлеченностью во взаимодействие с собственной жизнью (увлеченный, страстный, довольный), проявлением инициативы в деятельности и стремлением самостоятельно добиться определенных результатов в жизни (честолюбивый, ведущий, независимый, волевой, деятельный, предприимчивый). Также периферические характеристики отражают проявление инициативы к личностному росту (совершенствующийся, разносторонний), коммуникативных качеств (общительный, дружелюбный), а также эмоциональную зрелость (закаленный, сдержанный, оптимистичный). Наиболее «весомую» часть периферии составляют духовно-нравственные качества личности: тактичный, заботливый, отзывчивый, нравственный, искренний, чуткий, толерантный, духовный, щедрый, гуманный, прощающий, открытый, сговорчивый.

В ядре обыденных представлений о незрелой личности содержатся 16 характеристик. И, как и в случае со зрелой личностью, в обыденном сознании ядерная структура представлений о незрелой личности также связана со способностью к самодетерминации, но проявлен отрицательный ее полюс. Незрелая личность в глазах участников исследования выглядит как зависимая, в том числе и ма-

териально, ведомая, не самодостаточная, уязвимая. Характеризуется недостатком активности (ленивый), эмоциональной и поведенческой регуляции (безответственный, безалаберный, импульсивный, капризный, несдержанный, нетерпимый), не обладает достаточным интеллектуальным потенциалом для решения жизненных задач (легкомысленный, неопытный). Также незрелой личности приписывается отсутствие целостности, что проявляется в сложностях в ситуации выбора (мятущийся, сомневающийся).

Что касается периферии представлений, то их составили 25 характеристик, в числе которых свойства, описывающие дефицитарность осознанной саморегуляции незрелой личности (бесцельный, безынициативный, несознательный, непродуктивный, безвольный, халатный, расточительный, потребляющий), стремления к саморазвитию (ограниченный, некомпетентный, необразованный, неуспешный), а также рефлексивных качеств (самодовольный, предвзятый). Нравственные характеристики незрелой личности сдвинуты к «отрицательным» полюсам, но проявлены не в крайних вариантах. Незрелая личность воспринимается как скорее безнравственная, чем нравственная, скорее лицемерная, чем искренняя, скорее жадная, чем щедрая, скорее бесчестная, чем порядочная, скорее несправедливая, чем справедливая. Ей в некоторой степени свойственна эгоистичность, злопамятность, эгоцентричность.

Существенным отличием ядерных структур представлений о личностной зрелости и незрелости является то, что характеристики, свидетельствующие о способности к саморазвитию, а также характеристики, связанные с продуктивной саморегуляцией деятельности, такие как инициативность, целеустремленность, сознательность, продуктивность, добросовестность, в представлениях о зрелой личности оказываются в ядре представлений, а о незрелой — на периферии. В ядре представлений о незрелой личности содержатся, в первую очередь, характеристики, связанные с недостатком способности к эмоциональной регуляции (импульсивный, капризный, несдержанный).

Рассматривая духовно-нравственные характеристики личности, вошедшие в структуру представлений о личностной зрелости/ незрелости можно сделать вывод о важных содержательных акцентах, представляющих полярные аспекты проявления духовности в представлениях о зрелой и незрелой личности. Так, в представлениях незрелая личность центрирована, в первую очередь, на себе и собственной выгоде (эгоистичный, бесчестный, несправедливый, жадный, эгоцентричный, злопамятный, лицемерный), в то же время в представлениях о зрелой личности хорошо прослеживается

ся способность к конструктивному просоциальному взаимодействию (чуткий, отзывчивый, заботливый, прощающий, щедрый, гуманный, искренний).

Сравнивая содержание представлений о зрелой и незрелой личности, необходимо отметить, что, в отличие от описаний зрелой личности, среди характеристик, значимых для незрелой личности, появились характеристики, имеющие отношение к материальной стороне жизни: материально зависимый, расточительный, потребляющий, капризный.

Данные результаты согласуются с теоретической позицией современных исследователей. Так, Е. Е. Сапогова в числе наиболее характерных для современной ситуации признаков личностной незрелости (невзросления) называет отчетливое сведение духовного, ментального аспекта личности к телесному и материальному. Незрелую личность, по ее мнению, также характеризует тенденция к избеганию принятия на себя ответственности за течение и психологическое содержание собственной жизни, «диффузия идентичности», проявляющаяся в отсутствии полноценной рефлексии собственных идентификаций, несобранности целостного Я, отсутствии осознания необходимости себя в бытии (Сапогова, 2013).

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод, что в качестве общих критериев в содержании имплицитных концепций личностной зрелости можно выделить: автономию—зависимость; ответственность—безответственность, стремление к саморазвитию—стагнацию, способность к осознанной саморегуляции—дефицитарность осознанной саморегуляции, развитый интеллектуальный потенциал—его недостаток, ощущение подлинности и целостности—отсутствие целостности, высокий уровень духовности и нравственности—недостаточный уровень развития духовно-нравственных характеристик. Другими словами, образ зрелой личности в обыденном сознании белорусов рассматривается через призму наличия и проявления субъектных и духовно-нравственных характеристик личности, что позволяет сделать вывод о схожести содержательных критериев личностной зрелости в научных и имплицитных концепциях.

Тем не менее, содержательные критерии для оценки личностной зрелости и незрелости имеют разный удельный вес и не являются симметричными. Что подтверждает выводы предыдущего этапа исследования о том, что критерии оценки личности, как зрелой или не зрелой, в обыденном сознании различны (Скворцова, 2016).

Представляется интересной дальнейшая работа в направлении изучения содержательных различий в представлениях о личностной зрелости /незрелости в различных возрастных группах и в связи

с различными показателями устойчивых личностных характеристик, а также выделение типов обыденных представлений о личностной зрелости/незрелости.

Литература

- Брантова Ф. С.* Представления о психологической зрелости в сознании людей разного возраста: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2011.
- Иванченко Г. В., Казарян М. Ю., Кошелева Н. В.* Творчество, профессионализм, духовность: имплицитные концепции. М.: Смысл, 2012.
- Карпинский К. В.* Бездуховный смысл жизни как источник кризиса в развитии личности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8. № 1. С. 27–58.
- Осин Е. Н., Кузнецова С. С., Малютина А. В.* Имплицитные концепции смысла жизни и осмысленной жизни // Психология смысла жизни: методологические, теоретические и прикладные проблемы / Под ред. В. Э. Чудновского, К. В. Карпинского. Гродно: ГрГУ, 2014. С. 118–138.
- Психология субъекта и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010.
- Сапогова Е. Е.* Экзистенциальная психология взрослости. М.: Смысл, 2013.
- Сергиенко Е. А.* Зрелость: молярный или модулярный подход? // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 13–28.
- Скворцова Л. Л.* Сравнительный анализ имплицитных концепций личностной зрелости // Зборнік навук. прац Акадэміі паслядыпломнай адукацыі. Вып. 14 / Под ред. А. П. Монастырного. Мн.: АПО, 2016. С. 380–394.
- Шмелев А. Г., Похилько В. И., Козловская-Тельнова А. Ю.* Практикум по экспериментальной психосемантике. Тезаурус личностных черт. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.

Content of belarusians personal maturity implicit concepts

L. L. Skvortsova (Grodno)

Yanka Kupala Grodno state University

The article presents the results of an empirical study of implicit concepts of personal maturity conducted on the Belorussian sample. It is given meaning-

ful characteristics of the images of a mature and immature person formed in the ordinary consciousness of Belorussians. It is established that the general criteria of representations are such personality traits that reflect the ability to self-determination (autonomy, responsibility, the ability to self-control and self-development), the characteristics associated with the individuals' identity and self-realization, as well as the spiritual and moral characteristics. Substantial differences in the conception of a mature and immature personality are revealed. They are related to the different specific weight of these characteristics in the nucleus and peripheral zone of this idea which indicates the evaluating criteria asymmetry of a mature and immature person in the ordinary consciousness.

Keywords: personal maturity, personal immaturity implicit concept, ordinary consciousness.

Личностные детерминанты удовлетворенности жизнью молодых людей с ограниченными возможностями здоровья

С. А. Хазова, Б. Н. Коршиков** (Кострома)*

** доктор психологических наук, доцент, Костромской государственной
университет; e-mail: hazova_svetlana@mail.ru*

*** Костромской государственной университет*

В статье отражены результаты исследования удовлетворенности жизнью студентов с ограниченными возможностями здоровья по сравнению с их условно здоровыми сверстниками. Показано, что, несмотря на оценку обстоятельств жизни как менее благоприятных, студенты с ОВЗ считают свою жизнь благополучной и не склонны что-либо изменять. На основании регрессионного анализа делается вывод о различной детерминации удовлетворенности жизнью при типичных и атипичных условиях развития. Так, в первом случае важнейшими предикторами выступают смысложизненные ориентации, в частности восприятие и оценка собственной способности к контролю жизни; в то время как во втором — жизнеспособность личности и такие ее составляющие, как духовность, настойчивость в достижении целей, способность совладать с трудностями и качество семейных связей.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью, жизнеспособность, смысложизненные ориентации, молодые люди с ограниченными возможностями здоровья.

Актуальность исследования удовлетворенности жизнью и ее детерминант у людей с ограниченными возможностями здоровья определяется явной недостаточностью теоретических и эмпирических данных в этой проблемной области, остающейся «белым пятном» в специальной психологии, что не позволяет ни предсказать «варианты жизни» (В. Н. Дружинин) при наличии нарушений разви-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00812-ОГН.

тия и ограничений по здоровью, ни построить адекватную систему сопровождения и помощи данной социальной группе. Поэтому фокус нашего внимания сосредоточен на поиске ответа на вопрос о том, благодаря чему часть людей с ограниченными возможностями является в полном смысле слова субъектом собственной жизни, имеет высокую удовлетворенность жизнью и ее высокое качество, а другая не имеет даже повседневной компетентности, не удовлетворена жизнью и характеризуется низким субъективным благополучием.

Анализ основных концепций удовлетворенности жизнью обнаружил неоднозначность подходов к содержанию данного понятия в современной науке, а также недостаток научного обоснования критериев ее оценки. Так, с точки зрения определения, удовлетворенность жизнью чаще всего сопоставляют с такими понятиями, как «благополучие» (wellbeing), «субъективное благополучие» (subjective wellbeing), «качество жизни» (quality of life), «субъективное качество жизни» (subjective quality of life), но при этом акцентируется когнитивный, оценочный аспект, связанный с оценкой соответствия жизненных обстоятельств ожиданиям человека (Diener et al., 2006; Шамионов, 2008). Авторами отмечается и значительный вклад удовлетворенности жизнью в личное счастье (Юревич с соавт., 2007). С точки зрения детерминант, преобладающая часть исследований удовлетворенности жизнью сосредоточена на изучении ее источников, объективных (социально-экономическое, семейное положение, состояние здоровья, возраст, качество социальных связей и т. д.) и субъективных (последовательность в достижении жизненных целей и интерес к жизни, внутренний локус контроля, субъектная позиция, навыки совладающего поведения, оптимизм, самоэффективность и т. д.). При этом анализ эмпирических данных свидетельствует о большем влиянии на общую удовлетворенность жизнью субъективных факторов по сравнению с объективными (Адеева, Тихонова, 2017). Что касается людей с ограниченными возможностями здоровья, то немногочисленные зарубежные и отечественные исследования позволяют утверждать, что сами затрудненные условия развития, связанные с инвалидностью, не являются основными детерминантами психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и ее качества (Александрова, Леонтьев, 2016; Хазова, Шипова, 2017).

Поэтому целью нашего исследования является изучение личностных детерминант удовлетворенности жизнью у молодых людей (студентов) с ограниченными возможностями здоровья по сравнению с их условно здоровыми сверстниками.

Методический комплекс исследования составили:

- 1) Шкала удовлетворенности жизнью / SWLS (Satisfaction with Life Scale) Э. Динера и др. в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина (2008);
- 2) Тест смысложизненных ориентации (СЖО) Д. А. Леонтьева (1992);
- 3) Тест «Жизнеспособность взрослого человека» А. В. Махнача (2014).

Эмпирическая база исследования: ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». Выборку составили 40 респондентов. 20 студентов с ограниченными возможностями здоровья (7 мужчин и 13 женщин, средний возраст испытуемых – 21 год), имеющих подтвержденный МСЭ статус, и 20 студентов с типичным развитием (6 мужчин и 14 женщин, средний возраст – 21,5).

Первоначально нами сопоставлялись данные, касающиеся уровня удовлетворенности жизнью. Несмотря на отсутствие значимых различий по общему показателю удовлетворенности, можно говорить о том, что студенты с ограниченными возможностями здоровья несколько выше оценивают соответствие реальной жизни идеалу, наличие необходимых условий («Пока у меня есть все, что нужно для жизни»), отмечают, что ничего не хотели бы изменить, даже если бы была такая возможность, но при этом не считают, что обстоятельства их жизни складываются благополучно. На наш взгляд, наличие ограниченных возможностей здоровья вызывает определенные когнитивные искажения в восприятии своей жизни и ее уровня, что не раз отмечалось и в других исследованиях (Адеева, Тихонова, 2017). Важно отметить, что среди условно здоровых сверстников более выражено субъективное восприятие жизненных обстоятельств как складывающихся благополучно.

В качестве личностных детерминант мы рассматриваем смысложизненные ориентации и жизнеспособность как способность человека управлять собственными ресурсами, включающую в себя духовность, самоэффективность, локус контроля, настойчивость, способность совладать с трудностями и качество семейных взаимосвязей (Махнач, Лактионова, 2007). Что касается жизнеспособности, то значимые различия ($p \leq 0,02$) обнаружены только по шкалам *Духовность* ($M_1=49,5$, Std. Dev₁=9,7; $M_2=42,0$, Std. Dev₂=10) и *Совладание и адаптация* ($M_1=62,2$, Std. Dev₁=4,6; $M_2=55,3$, Std. Dev₂=9,2), которые выражены выше у студентов с ограниченными возможностями здоровья. Эти различия могут быть объяснены тем, что в ситуации затрудненных условий развития человеку приходится постоянно справляться с внешними вызовами, предпринимать усилия

для адаптации и находить для этого дополнительные ресурсы, в том числе и в обращении к вере.

Изучение смысложизненных ориентаций позволяет сделать вывод о единственном отличии между двумя группами студентов ($p \leq 0,000$), которое касается наличия и определенности целей в жизни ($M_1 = 19,6$, $Std. Dev_1 = 3,45$; $M_2 = 25,5$, $Std. Dev_2 = 7,5$). Этот факт воспроизводится и в других исследованиях (Хазова, Шипова, 2017) и подтверждает отсутствие ясных целей и невысокую осмысленность жизни у значительной части молодых людей с ОВЗ.

Регрессионный анализ дал очень интересные результаты. Так, в группе условно здоровых студентов удовлетворенность жизнью детерминируется всей совокупностью показателей жизнеспособности и осмысленности жизни ($F(12,27) = 26,875$, $p < 0,000$), при этом наибольший вклад с отрицательным знаком делает восприятие себя как хозяина жизни – Локус контроля Я ($r = -0,56$, $p \leq 0,015$), т. е. удовлетворенность жизни тем выше, чем ниже человек оценивает собственную силу, свободу выбора и способность жить в соответствии с целями и смыслами. Вероятно, для молодых людей удовлетворенность жизни выше в условиях определенности, предсказуемости и невысокой личной ответственности.

При построении регрессионной модели для группы студентов с ОВЗ смысложизненные ориентации были исключены из уравнения в связи с их низкой толерантностью в регрессионном уравнении. Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что смысловая сфера личности лиц с ОВЗ в значительной степени обособлена от удовлетворенности жизнью. В то же время жизнеспособность как способность человека управлять собственными ресурсами в трудной жизненной ситуации (ситуации инвалидности) оказалась важным предиктором удовлетворенности жизнью ($F(6,33) = 12,326$, $p < 0,000$). Наибольший положительный вклад в уровень удовлетворенности жизнью вносят семейные взаимосвязи и взаимопомощь ($r = 0,83$, $p \leq 0,002$) и способность совладать с трудностями ($r = 0,38$, $p \leq 0,009$), поскольку и то, и другое может выполнять важнейшие ресурсные функции: семейные связи обеспечивают эмоциональную поддержку, навыки совладания дают уверенность в том, что личность может успешно совладать с неблагоприятным и неблагоприятными условиями.

Религиозность и вера ($r = -0,95$, $p \leq 0,000$) и настойчивость ($r = -0,44$, $p \leq 0,000$) снижают удовлетворенность жизнью. Действительно, если понимать настойчивость как упорство, определяющее самодисциплину человека и его желание продолжить борьбу за восстановление баланса после воздействия неблагоприятных событий

жизни, то при высокой настойчивости возрастает уровень неудовлетворенности жизнью, что может являться мотивационным фактором для желания восстановить или исправить потенциально негативные условия жизнедеятельности.

Данные регрессионного анализа подтверждают предположение о наличии специфики в организации системы личностных детерминант у лиц с ОВЗ. Эти данные, на наш взгляд, являются подтверждением идей Л. С. Выготского о двойственности влияния дефекта на развитие субъекта (Выготский, 1983). С одной стороны, дефект является недостатком и действует непосредственно как таковой, создавая изъяны, препятствия, затруднения в жизнедеятельности человека. С другой стороны, именно из-за того, что дефект создает препятствия и затруднения в развитии и нарушает нормальное равновесие, он служит стимулом к развитию окольных путей приспособления, обходных, замещающих или надстраиваемых функций, которые стремятся компенсировать недостаток и привести всю систему нарушенного равновесия в новый порядок. Этим и обуславливается то, что невозможность быть «как все», перестраивает ресурсы. Отсутствие значимых влияний и связей со смысложизненными ориентациями, является следствием защиты от принятых в обществе жизненных стандартов и эталонов и фокусировкой на тех качествах, которые отвечают непосредственно за жизнеспособность личности.

Таким образом, наше исследование позволяет говорить о ресурсной функции жизнеспособности в ситуации затрудненного развития, но не подтверждает, против ожидания, детерминацию со стороны смысловой сферы личности.

Литература

- Адеева Т. Н., Тихонова И. В.* Исследование жизненных траекторий лиц с ограниченными возможностями здоровья: методологический дискурс и типология // Вестник КГУ. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2017. № 3. 23. С. 210–216.
- Александрова Л. А., Леонтьев Д. А.* Ограниченные возможности здоровья как источник позитивного развития // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 676–690.
- Выготский Л. С.* Дефект и компенсация // Собр. соч. В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1983.
- Махнач А. В., Лактионова А. И.* Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: со-

- временные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Хазова С. А., Шипова Н. С.* Качество жизни взрослых инвалидов с детства // Вестник КГУ. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2017. № 3. С. 96–100.
- Шамионов Р. М.* Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы: монография. Саратов: Научная книга, 2008.
- Юревич А. В., Ушаков Д. В., Цапенко И. П.* Количественная оценка макropsychологического состояния современного российского общества // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 4. С. 23–34.
- Diener E., Lucas R., Scollon C. N.* Beyond the hedonic treadmill: Revising the adaptation theory of well-being // American Psychologist. 2006. V. 61. P. 305–314.

Personal determinants of life satisfaction of young people with disabilities

S. A. Khazova*, B. N. Korshikov** (Kostroma)

* Doctor of Psychology, Associate Professor, Kostroma State University

** Kostroma State University

The article reflects the results of the study of life satisfaction of students with disabilities compared to their healthy peers. It is shown that students with OVZ consider their lives to be safe and do not tend to change anything. The conclusion is made about different determination of life satisfaction under typical and atypical conditions of development. Thus, life orientations: perception and evaluation of one's own ability to control life, are the most important predictors in a typical development. The vitality of the individual and its components such as spirituality, perseverance in achieving goals, the ability to cope with difficulties and the quality of family ties determine the satisfaction of life for students with disabilities.

Keywords: life satisfaction, vitality, life orientations, young people with disabilities.

Раздел VI

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И ГРУППОВОЙ СУБЪЕКТ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Коллективность в праздничной культуре как показатель интеграционных процессов в обществе

А. М. Борисова (Москва)

Институт психологии РАН; e-mail: anamibo@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о коллективности как показателе интеграции группы в период праздников. Согласно теоретическому анализу, праздники как социально и культурно обусловленные феномены по своему происхождению носят коллективный характер. Задача данного исследования состояла в том, чтобы выяснить, что собой представляет картина праздника у современного человека и содержатся ли в ней признаки коллективной направленности, отражающие стремление к единению с другими. По результатам эмпирического исследования с помощью контент-анализа были выявлены компоненты, составляющие картину праздника у респондентов, и подтверждено, что данные компоненты содержат черты коллективности. Показано, что коллективные проявления во время празднования способствуют общей групповой интеграции и подкрепляют чувство идентичности каждого члена группы, которое является основой для восприятия настоящего единства.

Ключевые слова: психология праздника, культурные ценности, коллективность, групповая интеграция, картина праздника, личность.

Праздники являются необходимой частью человеческой жизнедеятельности, поскольку обеспечивают смену трудового ритма на особый период, свободный от каждодневных дел и забот. Специфичность этого времени определяется тем, что в праздник «весь мир представлен сквозь призму человеческих ценностей и смыслов, когда экзистенция, социальное бытие и природа схвачены сознанием как целостность» (Гужова, 2006, с. 93). Целостность восприятия

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00859.

в праздничный период позволяет человеку полнее испытать свою сопричастность с другими, почувствовать себя неотделимой частью большого целого — той социальной группы, к которой он принадлежит. С самого рождения человек находится в определенной социальной среде, в которой он регулярно координирует свои действия с действиями других. Формирование его психики и всего субъективного опыта происходит под влиянием сложившегося в определенный момент культурно-исторического контекста. Праздники, являясь «единицей» этого контекста, оказываются таким периодом, когда члены группы имеют возможность, собравшись вместе, получить образцы некоторого коллективного опыта, в котором каждый, проявляя себя, одновременно получает обратную связь и поддержку от других себе подобных.

В нынешней ситуации социальной разобщенности, социального расслоения и отсутствия четкой идеологической стратегии актуальность исследования совместной активности людей очевидна, поскольку дает понимание, что именно в общественной жизни может служить, своего рода, «подкреплением» для столь необходимого человеку ощущения «я—мы». Обращение к такому культурному феномену, как праздник, позволяет, с нашей точки зрения, увидеть определенные интеграционные процессы в обществе (о последних см.: Китова и др., 2017; Макропсихология..., 2009; и др.).

Уходя корнями в глубь веков, праздник представляет собой значимое событие для той или иной общности людей, которые в определенное время и определенными действиями «воссоздают», по словам М. Элиаде, «первую реальность», «время начала» (Элиаде, 2013) в настоящем. Воспроизведение в настоящем одних и тех же мифических событий осуществляется не одним отдельным человеком, а группой, которая имеет своей целью, собравшись вместе, совершить определенные ритуальные действия по поводу важного для группы события. Основываясь на этом факте, можно заключить, что праздник изначально носит коллективный характер. По мнению К. Жигульского, «праздники коллективны не только в том смысле, что в них участвует множество собравшихся личностей; они — достояние группы, и именно группа себя в них выражает» (Жигульский, 1985, с. 37). Самые первые праздники выполняли две важнейших функции: с их помощью люди «договаривались» с окружающим миром, восстанавливали порядок мироздания, что давало им уверенность в их благополучном существовании в дальнейшем; на время празднования все члены группы объединялись, и в этом состояла вторая — интегрирующая — роль праздника.

С течением времени праздник упрочивает свои позиции в качестве социального регулятора. Когда время становится предметом осознания человеческого коллектива, праздник постепенно становится «формой культуры» (Бахтин, 1990), результатом локализации общения как во времени, так и в пространстве. С появлением календаря праздничный цикл составляют значимые для конкретной группы даты и события, связанные с ее историческим и культурным прошлым и удовлетворяющие потребности в подтверждении и уважении ее ценностей и связанные с ее общим благом. Таким образом, праздник и на более поздних этапах своего развития остается социальным явлением, отражающим, прежде всего, групповое общение и взаимодействие, которые имеют коллективный характер.

Цель нашего психологического исследования состояла в том, чтобы выяснить, что собой представляет картина праздника современного человека, и присутствуют ли в ней признаки коллективной направленности, отражающие его стремление к соучастию, к объединению с другими. Мы предположили, что на время празднования в обществе (как большой социальной группе) проявляются некоторые черты коллективности, и что эти коллективные проявления способствуют интеграции членов группы. Для проверки гипотезы были поставлены следующие *задачи*: 1) с помощью теоретического анализа выделить черты, характерные для коллективных проявлений; 2) сравнить полученные характеристики с данными эмпирической части исследования.

Чтобы раскрыть суть *коллективности* как таковой, обратимся к работам отечественных исследователей данного вопроса. В. М. Бехтерев под коллективом понимал социальное объединение, которое «в своей основе всегда имеет связующее нечто, как, например, общее настроение, общее наблюдение, общее сосредоточение, общее осуждение, общее решение... и общность или единство цели и действий» (Бехтерев, 1921, с. 41). В ситуации праздника таким *связующим нечто* является общая идея, имеющаяся в его содержании, т. е. тот смысл, который и определил его появление. Эта общая идея должна быть понятна всем, поскольку она побуждает членов сообщества собраться вместе и совершить определенные действия по актуализации этой идеи и подтверждению ее социальной значимости на текущий момент. Именно «общее участие членов группы в совместной групповой деятельности, — писала Г. М. Андреева, — обуславливает формирование психологической общности между людьми», и тогда группа «становится социально-психологическим феноменом» (Андреева, 1980, с. 182). *Совместная деятельность* (подробнее об этом фе-

номене см.: Журавлев, 2005; и др.) заключается в общих действиях, совершаемых членами группы, которые, взаимодействуя друг с другом, выступают неким единым целым. Данная цельность обуславливается теми отношениями и формами группового поведения, которые приняты в конкретном обществе и которые определяют характер группового взаимодействия. Возникающая во время совместной деятельности психологическая общность проявляется в общем настроении, атмосфере, которая сопровождает действия членов группы. Характеризуя коллектив «как некоторое множество взаимосвязанных людей», А. И. Донцов считал, что он «может выступать совокупным субъектом целостных психологических феноменов <...> Целостных, т. е. порождаемых всей системой коллективной активности людей» (Донцов, 1984, с. 86). Мы полагаем, что одним из целостных психологических феноменов является *феномен коллективных чувств*, который, по мнению Т. П. Емельяновой, представляет составную часть психической жизни больших социальных групп, «тесно связанной с ценностями, идеалами, групповыми потребностями, социальными представлениями и менталитетом в целом» (Емельянова, 2016, с. 6).

На основании теоретического анализа были выделены следующие черты, раскрывающие суть коллективных проявлений во время праздника: 1) наличие связующей (общей для всех) идеи; 2) осуществление совместной групповой деятельности; 3) проявление феномена коллективных чувств.

Выборку нашего исследования составили 169 взрослых респондентов (старше 19 лет), жителей России, средний возраст – 38 лет; мужчины – 25%, женщины – 75%. Респондентам предлагалось ответить на вопросы анкеты открытого типа, разработанной М. И. Воловиковой. Анкета состояла из следующих пунктов: назвать ассоциации со словом «праздник», завершить неоконченное предложение «Для меня праздник – это...», а также просьбу описать особенно запомнившийся праздник и пояснить, чем именно он запомнился.

В результате обработки ответов, полученных с помощью метода неоконченных предложений, при использовании контент-анализа, были выделены следующие смысловые слова-единицы: *родные* (83%), *близкие* (79%), *друзья* (72%), *встреча* (68%), *стол/застолье* (67%), *радость* (67%), *веселье* (65%), *хорошее настроение* (63%), *общение* (62%), *отдых* (61%), *много* (60%), *вся/все* (58%). Из полученных слов можно заключить, что праздник для респондентов представляется как *встреча с их ближайшим окружением в хорошем настроении за общим столом с целью пообщаться и отдохнуть, испытывая при этом радость и веселье.*

Черты коллективности, на наш взгляд, проявились в обязательной *встрече с близкими и друзьями*, что отражает потребность респондентов отмечать праздник в окружении других людей. Само событие побуждает людей встретиться, собраться, — соответствует «связующему нечто». *Застолье* содержательно отвечает той же идее единения, обозначая общее место сбора. Слова *много* и *все* говорят о наличии большого количества окружающих: «много народу», «много друзей, коллег»; «вся семья», «все вместе», «все в сборе». Общее участие соответствует «совместной групповой деятельности», направленной на *общение* и *отдых*. Психологическая общность проявилась в *хорошем настроении*. Стремление быть среди людей, иметь возможность разделить с ними свое состояние, эмоции и чувства, которые сопровождают нас в праздник, и является проявлением «феномена коллективных чувств», когда, с одной стороны, находясь среди других, человек заряжается атмосферой, исходящей от окружающих, а с другой — переживая внутри себя определенные эмоции, он видит отклик на них в других. Подобный двусторонний «обмен» способствует возникновению чувства единения со всеми, так необходимого во время праздника.

Ситуация, когда все общество выступает единым целым, возможна лишь в том случае, если провозглашаемые идеи и традиционные нормы принимаются и одобряются большинством. В противном случае, происходит либо обновление содержательного компонента праздника, либо его полное забвение, либо его замена другим праздником, отвечающим новым значимым идеалам. В случае искусственного насаждения, когда большая часть общества не разделяет или не понимает значения нового праздника, принятие его и само празднование оказываются проблематичными.

Известно, что в переломные моменты в социально-экономической и культурной жизни общества праздник служит инструментом для утверждения новых взглядов и образцов организации коллективной жизни. Праздничный календарь нашей страны не раз служил подтверждением таких изменений (Воловикова, Борисова, 2015). Последнее нововведение современного праздничного цикла связано с тем, что в 2005 г. был отменен день годовщины Октябрьской революции (7 ноября) и учрежден День народного единства, отмечаемый 4 ноября.

Второй этап нашего эмпирического исследования заключался в разработке анкеты, которая размещалась на сайте ИП РАН каждый год, начиная с 2007 г. в осенний период. Анкета построена по тем же принципам, что и анкета первого этапа исследования и включает следующие вопросы: продолжить предложение «Для меня празд-

ник 4 ноября — это...»; назвать первые три слова, которые приходят в связи со словами «праздник 4 ноября»; ответить, был ли праздник 4 ноября, который особенно запомнился, и если да, то чем; написать, что означает старый (теперь) праздник 7 ноября.

Выборку составили 293 респондента (мужчин — 27%, женщин — 73%), средний возраст — 36 лет, из разных регионов России. Анализируя ответы, полученные в неоконченном предложении («Для меня праздник 4 ноября — это...»), мы имели возможность сравнить данные первого и второго этапов — насколько картина обычного праздника будет соответствовать сложившимся представлениям о новом — Дне народного единства.

Из полученной массы ответов подавляющее большинство заканчивало данное предложение словом *выходной* (93%); затем упоминались: *непонятно что* (60%), *обычный день* (58%), *не праздник* (56%), *придуманый (навязанный) праздник* (53%), *вместо 7 ноября* (51%), *день народного единства* (49%), *день освобождения Москвы* (44%), *новое/нововведение* (43%). По ответам респондентов, видно, что пока 4 ноября остается просто выходным и праздником многими не воспринимается, что частично оправдано тем, что это относительно новый праздник. Динамика изменения в восприятии этой даты небольшая и выражается в том, что теперь практически все знают название этого праздника, а также оказалось заметным снижение негативного к нему отношения, которое теперь сменилось недоумением и попыткой понять его смысл. Надежных признаков коллективных проявлений в ответах респондентов обнаружено не было.

Для сравнения приведем результаты ответов, касающихся бывшего государственного праздника, отмечавшегося в нашей стране 7 ноября. На вопрос — «Что для вас означает старый (теперь) праздник 7 ноября?» — большинство ответило: *(теперь уже/сейчас) ничего* (62%); далее в порядке убывания — *демонстрация/парад* (58%), *революция/годовщина революции* (49%), *праздник* (38%), *детство/детский* (36%), *единство/сплоченность* (35%), *воспоминания* (33%), *история/историческая дата* (32%), *народ/народный* (31%), *прошлое* (29%), *память/памятная дата* (26%). Черты коллективности проявились в следующих словах: *демонстрация/парад* — форма коллективного участия в празднике («совместная групповая деятельность»); *революция/годовщина революции* — отражает суть, назначение праздника («связующая идея»); *праздник, единство/сплоченность, история, народ, память* — отчасти являются проявлением феномена коллективных чувств. Включение таких слов, как *детство/детский, воспоминания, прошлое*, свидетельствует, что этот праздник некоторыми респондентами отмечался в детстве и остался в их воспоминаниях.

Поскольку годовщина революции – это сугубо идеологический государственный праздник, то недостающую теплоту и душевность этого события люди восполняли домашним застольем, что обусловило его отчасти и семейный характер. Подтверждением этому служат такие слова в полученных ответах: *родители (родственники), семья/ семейный, радость, подъем, стол* – они не набрали большой частоты у респондентов, что вполне закономерно ввиду отмены данного праздника. Хотя сам факт их проявления показал, что картина праздника очень схожа с той, которую мы получили на первом этапе нашего исследования. Очевидно, ее можно назвать привычной для отвечающих – той, которая соответствует их пониманию и ожиданию. Получилось, что день 7 ноября соединил в себе общественно-государственную и семейную составляющие, что и позволило ему стать настоящим праздничным днем, а не просто выходным.

Выводы

- для праздничного периода характерно общее стремление членов социума к объединению с другими (близкими, коллегами, обществом);
- выделенные теоретическим путем черты коллективности в праздновании при сопоставлении с эмпирическими данными в целом подтвердились, что свидетельствует о наличии интеграционных процессов в праздничной деятельности;
- согласно полученным результатам, основное содержание праздника составляет общение с родными и близкими (семейная составляющая) – компонент, который был выявлен на обоих этапах нашего исследования; очевидно, без него праздничный день не станет действительным праздником.

Заключение

Любой праздник имеет социально и культурно обусловленный характер и несет в себе черты коллективности.

Коллективные действия и коллективные переживания во время празднования способствуют общей групповой интеграции и подкрепляют чувство идентичности каждого члена группы, которое является основой для восприятия настоящего единства.

В ситуации государственного праздника ценности коллективной жизни актуализируются одновременно на двух уровнях – личном и общественном и либо подтверждаются, либо обновляются.

Литература

- Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
- Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Петроград: Изд. товарищество «Колос», 1921.
- Воловикова М. И., Борисова А. М. Социально-психологические последствия изменений праздничного календаря // Наука. Культура. Общество. 2015. № 4. С. 63–75.
- Гужова И. В. Целостная модель праздника как феномена культуры // Вестник ТГПУ. 2006. Вып. 7 (58). С. 92–95.
- Донцов А. И. Психология коллектива (методологические проблемы исследования). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Емельянова Т. П. Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 3–22.
- Жигульский К. Праздник и культура. М.: Прогресс, 1985.
- Журавлев А. Л. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Китова Д. А., Нестик Т. А., Журавлев А. Л., Соснин В. А., Юревич А. В. Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013.

Collectivity in festive culture as an indicator of integration processes in society

A. M. Borisova (Moscow)

Institute of Psychology of RAS

The article raises the question of collectivity as an indicator of group integration during holidays. According to theoretical analysis holidays as a socio-cultural phenomenon have collective nature by its origin. The study was aimed at the attempt to find out the picture of celebration of an individual and whether this picture includes any signs of collective orientation, reflecting the desire to unite with others. The results of empirical studies were

processed by content analysis which was helpful to identify the components that make up the picture of the holiday. It was confirmed that these components contain signs of collectivity. It is concluded that collective manifestations during celebration are of great importance as they assist to the group integration and reinforcing the sense of identity of each member.

Keywords: psychology of a holiday, cultural values, collectivity, group integration, the picture of celebration, personality.

Понимание невербального поведения и успешность общения подростка

*Т. С. Брагина**, *А. Р. Кирпиков*** (Ижевск)

** магистр, МАОУ «СОШ № 46»; e-mail: tanya-bragina.18@mail.ru*

*** доцент, кандидат психологических наук, Удмуртский государственный университет; e-mail: kirpi@udm.ru*

Невербальное поведение является невидимой стороной межличностного взаимодействия. В обыденной жизни люди часто не придают значения жестам, мимике, позе окружающих. В данной статье показаны возможности развития невербального поведения подростков 13–14 лет, посредством специально разработанной программы занятий. Данная программа направлена на развитие понимания подростком собственного эмоционального состояния, а также эмоционального состояния других людей, их чувств. Участники программы учились анализировать жесты, позу человека в соответствии с ситуацией, проводили наблюдение за окружающими людьми. По результатам реализации данной программы подростки стали более компетентными в понимании невербального поведения, а также научились предвосхищать поведение других людей, стали лучше понимать эмоции и невербальные проявления окружающих.

Ключевые слова: невербальное поведение, подростковый возраст, межличностное взаимодействие, обучение адекватному восприятию своих чувств и невербального поведения собеседника.

Проблема понимания невербального поведения другого человека является весьма актуальной в социальной психологии. В укладе жизни современного человека все большее значение получают ИТ-технологии: видеочат, facetime, сообщения, что, в конечном итоге, не позволяет нам увидеть полноту всей жизни человека. Зачастую богатейший спектр эмоций и чувств человека заменяется набором типичных «смайлов» в социальных сетях и мессенджерах. Понима-

ние многообразия эмоционального состояния других людей сводится к выражению простейших эмоций собеседника. Все это ведет к ухудшению понимания эмоционального мира не только других людей, но, в первую очередь, самого человека. В связи с этим взаимодействие с другими людьми, нахождение подлинного контакта с ними и самим собой не становится адекватным богатству оттенков и нюансов эмоций и чувств, переживаемых человеком.

В подростковом возрасте интимно-личностное общение со сверстниками является ведущей деятельностью ребенка. В процессе межличностного взаимодействия люди используют невербальные способы общения с другими, но они не всегда ими распознаются, и это приводит к негативным последствиям. Опираясь только на услышанную информацию нельзя быть абсолютно уверенным в понимании того, что тебе говорят, так как иногда человек, скрывая правду, лжет и понять это возможно с опорой на невербальные проявления. В то же время у каждой национальности, у представителей каждого народа есть свои невербальные особенности общения, и если мы не будем их знать, то можно попасть в весьма шекотливую ситуацию.

Подростковый возраст является одним из интереснейших периодов жизни человека. В этом возрасте происходит изменение ведущей деятельности ребенка, подростку становится крайне интересно общение с другими людьми, в особенности со своими ровесниками. Общение со сверстниками определяется в этот период жизни как интимно-личностное. В это время жизни происходят существенные изменения во взаимоотношениях не только со сверстниками, но и вообще с окружающими. Данный период является благоприятным для развития различных возможностей общения, выбора разнообразных стратегий взаимодействия. При этом понимание невербального поведения других людей для подростков является важным условием их успешного социального взаимодействия с другими людьми.

В нашем исследовании под понятием взаимодействие мы подразумеваем определение, предложенное Г. М. Андреевой. Г. М. Андреева определяет взаимодействие как обмен информацией и организацию совместных действий, позволяющих партнерам реализовать некоторую общую для них деятельность (Андреева, 2007).

Общение со сверстниками имеет качественные отличия от общения с взрослыми, поэтому подростку приходится адаптироваться к новой ситуации и находить новые варианты межличностного взаимодействия.

Межличностное общение является основой любых успешных отношений, как личных, так и профессиональных. Важно понимать,

что наше невербальное поведение — это наши эмоции, жесты, визуальный контакт, поза и тон голоса — говорит нам больше, чем просто слова. Способность понимать и использовать во взаимодействии невербальное общение или язык телодвижений является мощным инструментом, способным помочь подлинному общению с другими людьми.

Западные ученые разработали несколько определений «невербального поведения». По мнению Ларри А. Самовар, «невербальное поведение включает в себя компоненты, возникающие из двух источников: использования невербального поведения с окружающими и наличия потенциальных сообщений для его источника или получателя» (Wang, 2009).

Одна из классификаций невербального поведения была разработана Рюшем и Кисом (Wang, 2009) в соответствии с фундаментальными компонентами невербального поведения. Классификация включала в себя *язык жестов* (жесты, определяющие значение слов, численные и пунктуационные признаки). Данный признак включает в себя не только каждый сигнал жестов, но и всю их совокупность, рассматривая систему языка жестов. *Язык действий* включает разнообразные движения, которые могут иметь различные сообщения и значения. Например, ходить и пить имеют две функции: первая — удовлетворить себя, вторая — отправить определенное сообщение партнеру. *Объектный язык* включает в себя различные предметы, которые создаются людьми, такие как орудия труда, механизмы, творческие работы, строительные конструкции, одежда и др.

М. Кнэпп предложил иную классификацию. Посредством изучения проявлений невербального поведения человека он выделил 7 категорий: телодвижения, кинестетическое поведение, физические характеристики, особенности прикосновений, паралингвистика, проксемика, памятники культуры и факторы окружающей среды (Wang, 2009).

Поведение человека в любой ситуации межличностного взаимодействия может быть классифицировано в трех категориях: вербальная, вокальная и невербальная. Эти три типа поведения могут быть различны друг от друга по их способу выражения, по методу их восприятия, естественному ходу развития и их коммуникативной ценности.

Вербальное поведение может быть определено как содержание утверждений, которые проговаривает человек. Вокальное поведение, тембр, высота звука и его интенсивность в речи человека — все это является моторной функцией гортани. Невербальное пове-

дение, определяющееся как движения тела человека, состоящие из двигательных выражений и возникающие в различных частях тела.

Невербальное поведение воспринимается человеком преимущественно через органы чувств. Человек изучает себя, окружающих людей и коммуницирует преимущественно через невербальное и вокальное поведение, начиная с ранних этапов своей жизни. Позднее появляется вербальное поведение, и это демонстрирует тенденцию к становлению форм общения, которые приобретают с течением времени все большее значение (Ekman, 1957).

Невербальное поведение может удовлетворять различным функциям. Выражение лица может играть важную роль в аффективном опыте, например, через мимическую обратную связь, предложенную Томкинсом (Томкинс, Маккартер, 1964). Такие коммуникативные эффекты включают в себя два совершенно разных механизма. Во-первых, многие признаки невербального поведения в некоторой степени находятся под контролем индивида и могут использоваться сознательно. Например, хотя улыбка может быть адекватным сопровождением положительного состояния, она может быть использована специально в некоторых ситуациях. Социальные нормы, или правила выражения чувств, предписывают, что хотя бы один человек показывает эмоции в определенных социальных ситуациях. Краут (1979) определил, что внимание со стороны других людей весьма усиливает улыбку в ситуациях, когда можно ожидать позитивного внутреннего состояния. Во-вторых, невербальное поведение, определяющееся некомуникативными функциями, может обеспечивать информацией о некомуникативных функциях, которым они служат. Например, если Баттерворд прав относительно причин отведения человеком глаз в сторону, — излишнее количество взглядов отвращения может привести слушателей к заключению, что говорящий испытывает сложности в формулировке сообщения. И наоборот, отсутствие отвращения в определенной комбинации с речью, являющейся слишком быстрой, может привести наблюдателя к заключению, что манера говорить не является спонтанной (Zanna, 1992).

Среди подростков нами было проведено анкетирование, направленное на выявление степени осведомленности и заинтересованности их в изучении невербального поведения других людей. Кроме того, с помощью диагностических методик уровень понимания невербального поведения у подростков был определен нами как ниже среднего, а у некоторых — как низкий. Таким образом, мы предположили, что разработка и реализация специально разработанной

программы занятий, направленной на развитие невербального поведения, будет способствовать адекватному пониманию, оцениванию, а также применению навыков невербального поведения в повседневной жизни.

Данная программа опирается на активные методы обучения. Так, например, в процессе занятий практиковалось ведение дневника наблюдений, самонаблюдение, использование фото- и видеофрагментов для анализа и закрепления теоретических знаний. Наши занятия с подростками включают в себя теоретическое и практическое обучение умениям и навыкам анализа невербального поведения. В теории разбираются особенности, специфика жестов, поз, расположения, а на практике (фото, видео) подростки учатся улавливать невербальные признаки и обращать на них внимание, заполняя дневник наблюдений. Своевременное закрепление на практике является преимуществом выбранных методов обучения. Так, например, ведение дневника наблюдений позволяет ему быть более внимательным к поведению окружающих людей и, опираясь на это, применить полученные знания на практике.

Данная программа реализовывалась в течение семи месяцев. Программа состоит из 18 занятий, а также включает в себя первичную диагностику в начале и повторную диагностику по завершении занятий. Участниками данной программы являются учащиеся 7 класса, в количестве 15 чел. Диагностика проводилась с помощью теста «Социальный интеллект», разработанного Дж. Гилфордом. Методика включает четыре субтеста, из них три составлены на невербальном стимульном материале и один – на вербальном. Для выявления понимания невербального поведения нами были взяты субтест № 1, № 2, № 4.

Разработанная нами программа занятий была направлена в том числе на повышение уровня социального интеллекта подростков. Мы хотели:

- научить подростков понимать свои чувства, чувства других людей и адекватно выражать их;
- развить рефлексивность и эмпатию подростков;
- научить распознавать эмоции как свои, так и других людей;
- ознакомить подростков с языком жестов, мимики, поз.

Для обработки данных мы применили количественный метод, а именно F-критерий Фишера. По полученным нами данным нами обнаружены статистически значимые различия в субтесте № 1. Субтест измеряет фактор познания результатов поведения, т. е. способность предвидеть последствия поведения персонажей в определенной си-

туации, предсказать то, что произойдет в дальнейшем. Таким образом, можно отметить, что данная развивающая программа направлена на развитие прогнозирования поведения, что, в свою очередь, поможет подросткам осуществлять процесс взаимодействия более эффективно, учитывая ситуацию и прогнозируя дальнейшие действия окружающих. По результатам статистической обработки данных при уровне значимости 0,05 (2,45) и 0,01 (3,71) F-критерия Фишера в субтесте № 1 равен 5,87, в субтесте № 2 – 1,55, в субтесте № 3 – 1,31. Следует отметить, данное значение ближе к уровню значимости 0,01. Подобный результат можно объяснить тем, что большинство упражнений в разработанной нами программе были предназначены именно для понимания дальнейших действий собеседника. То есть упражнения, целью которых является определение состояния собеседника, сопряжены с вопросом: каким более приемлемым образом в данной ситуации мы можем установить контакт с человеком, если мы адекватно понимаем его состояние и намерения (конечно же, ориентируясь, в первую очередь, на его невербальные проявления)? Во время рефлексии по завершении упражнений нами обращалось особое внимание на то, какие возможные действия может совершить наш собеседник.

В субтестах № 2 и № 4 статистически значимых различий нами не обнаружено. Субтест № 2 измеряет фактор познания классов поведения, а именно способность к логическому обобщению, выделению общих существенных признаков в различных невербальных реакциях человека. Значение F-критерия Фишера по субтесту № 2 равно 1,55. Субтест № 4 измеряет фактор познания систем поведения, т. е. способность понимать логику развития ситуаций взаимодействия, значение поведения людей в этих ситуациях. Значение F-критерия Фишера по субтесту № 4 равно 1,31. Правильность выполнения заданий этого субтеста зависит от корректности интерпретации экспрессии каждого персонажа в отдельности и способности предсказывать, что именно приведет к этому результату.

Таким образом, развитие понимания невербального поведения является важной составляющей в жизни любого человека. Порой движение нашего тела, его реагирование на ситуацию может дать больше информации, чем многие слова собеседника. Владение информацией такого рода способствует установлению и поддержанию контакта, возможностью построения разговора более продуктивно, при этом сохраняя благоприятные отношения с партнером. Имея представление об определении невербального поведения того или иного человека, подросток развивает в себе способность быть более гибким и мобильным в различных ситуациях общения.

Литература

Андреева Г. М. Социальная психология М.: Аспект-Пресс, 2007.

Ekman P. A methodological discussion of nonverbal behavior // Journal of Psychology. 1957. № 43. P. 141–149.

Wang H. Y. Nonverbal Communication and the Effect on Interpersonal Communication // Asian Social Science. 2009. V. 5. P. 155–159.

Zanna M. Advances in experimental social psychology. San Diego, CA: Academic Press, 1992. P. 389–450.

Understanding nonverbal behaviour and success of adolescence communication

*T. S. Bragina**, *A. R. Kirpikov*** (Izhevsk)

* Master, school № 46

** Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences,
Udmurt State University

Nonverbal behavior is invisible side of interplay for many people. They don't attach importance to gestures, facial expressions and posture of surroundings. In this article a possibility of the development nonverbal behavior of teenagers from 13 to 14 years old by a specific educational program is presented. The program is focused on the development of understanding of emotional state and feelings by teenager to other people and to himself. Participants had been studying to analyze the gestures and posture of identity congruently with situation, had been making observations for surroundings. As a result of realization of this program, teenagers began more informed in nonverbal behavior's field. Also they learnt to anticipate the behavior of other people and became to understand emotions and nonverbal signs of surroundings better.

Keywords: nonverbal behavior, adolescence, interpersonal training, social perception personal feelings and nonverbal behavior.

Отношения партнерства в разных сферах жизнедеятельности человека

Т. С. Вавакина (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: tvavakina@mail.ru*

В статье обсуждается возможность установления отношений партнерства в разных сферах жизнедеятельности человека. Анализируется отличие партнерства от других видов взаимодействия, специфика партнерских отношений. Представлены результаты эмпирического исследования, посвященного рассмотрению возможности установления между людьми отношений партнерства в различных ситуациях взаимодействия и анализу партнерских отношений между людьми в деловой сфере и в личных отношениях. Рассматриваются наиболее важные характеристики партнерских отношений: доверие, уважение личности партнера, ответственность, принятие своих обязанностей, признание прав партнера, свобода выбора, справедливость, отсутствие манипуляций, сходство целей, открытость, искренность, соблюдение нравственных норм, взаимность, равенство, самостоятельность и др.

Ключевые слова: взаимодействие, социальное взаимодействие, партнерство, деловое партнерство, отношения партнерства, партнерские отношения.

За последние 30 лет российское общество претерпело немалые трансформации в сфере экономики и политического устройства. Эти процессы теснейшим образом связаны с социальными метаморфозами в жизни россиян. Это привело к существенным изменениям взаимоотношений между субъектами как экономического, так и более широко – социального взаимодействия.

Отметим, что еще в первые годы исследований социально-экономических изменений на примере предпринимателей малого и сред-

него бизнеса были выявлена интересная типология: «первый тип субъектности нацелен, прежде всего, на собственные возможности, мотивацию самореализации и т. д.; второй (партнерский) – на успех вместе с ближайшим окружением; третий – на государственную поддержку» (Брушлинский, 2003, с. 34). По сути, приведенная типология прослеживается не только в деловой среде предпринимателей, но и в любой сфере жизнедеятельности человека. Одни люди предпочитают рассчитывать преимущественно на себя, другие – возлагают надежды на успех во взаимодействии с другими людьми, третьи – полагают, что проблемы решатся с помощью извне.

Наше внимание привлек тип второй – *партнерский*, нацеленный на успех вместе с другими людьми. На протяжении последних 10 лет нами изучалось деловое партнерство предпринимателей. Были получены результаты, демонстрирующие специфику данного вида взаимодействия, подробно проанализирована нормативная составляющая взаимоотношений между людьми в таком взаимодействии, описаны другие социально-психологические феномены, сопутствующие деловому партнерству. Рассмотрены предпосылки эффективности делового партнерства (Вавакина, Позняков, 2014а, б; Вавакина, Журавлев, Позняков, 2016; Журавлев, Позняков, Вавакина, 2017; Позняков, Вавакина, 2016). Партнерство является важным фактором стабилизации отношений между субъектами экономической деятельности. Рассматривая деловое партнерство, мы определяли его как социальное взаимодействие экономически равноправных и самостоятельных субъектов, имеющих относительную свободу и различные альтернативы в принятии решений, основанное на объединении усилий деловых партнеров, направленных на реализацию их деловых интересов, на достижение каждым из участников его целей.

Еще несколько лет назад «партнерство» наиболее часто ассоциировалось с взаимодействием на высоком уровне, на международной арене. В сфере политики и дипломатии, как правило, речь идет о действенных приемах общения и взаимодействия с другими сторонами переговорного процесса, способах достижения необходимых соглашений, организации взаимодействия. Однако реалии нашей жизни таковы, что партнерство прочно укоренилось и в сфере экономических отношений. Подтверждением тому – деловое партнерство предпринимателей малого и среднего бизнеса. Кроме того, наши исследования показали, что практически каждый человек утвердительно отвечает на вопрос, есть ли у него партнеры, т. е. в той или иной мере он включен в отношения партнерства в своей повседневной жизни.

Можно говорить о том, что в настоящее время партнерство вышло не только за рамки высокой политики, но и за рамки экономической деятельности предпринимателей. Социологами сейчас выделяются: некоммерческое партнерство, хозяйственное партнерство, государственно-частное партнерство, социальное партнерство, деловое партнерство. В отличие от социологов, психологи мало внимания уделяют изучению данного феномена. Социально-психологические работы, посвященные изучению партнерства единичны.

В наших исследованиях мы поставили задачу выйти за пределы делового партнерства предпринимателей, выявить, помимо бизнеса, и другие сферы жизнедеятельности, характеризующиеся установлением партнерских взаимоотношений. Целью исследования было проанализировать наиболее важные аспекты взаимодействия для установления полноценных хороших партнерских отношений между людьми, выявить взаимосвязи этих характеристик с показателями успешности и удовлетворенности отношениями партнерства.

В исследовании приняли участие респонденты московского региона (41% мужчин, 59% женщин) всех возрастных категорий от 20 до старше 50 лет, средний возраст респондентов находится в диапазоне 36–45 лет. Согласно вопросу о семейном положении, 68% опрошенных сообщили, что они женаты/замужем, 32% ответили на этот вопрос отрицательно. Респонденты представляли совершенно разные сферы профессиональной деятельности.

Мы просили респондентов ответить на ряд вопросов о взаимодействии партнеров и отношений между ними. Для оценки был предложен опросник, состоящий из 5 блоков вопросов. Вопросы, во-первых, выявляли те ситуации взаимодействия, в которых, по мнению респондента, между людьми складываются партнерские взаимоотношения (из предложенного перечня ситуаций); во-вторых, позволяли определить, насколько предложенные для оценки характеристики важны для полноценных хороших партнерских отношений; в-третьих, демонстрировали показатели успешности и удовлетворенности реальными отношениями партнерства, без конкретизации ситуаций взаимодействия. Для оценки эффективности партнерских взаимоотношений использовались различные формулировки показателей успешности и удовлетворенности, включая эмоциональную составляющую, и более частные вопросы, касающиеся отношений партнерства соответственно в деловой сфере и в личной жизни.

Остановимся на некоторых результатах исследования. Мы расположили все ситуации по оценкам респондентов – в соответствии с тем, сколько было получено утвердительных ответов на вопрос: складываются ли между людьми партнерские взаимоотношения (от-

ношения партнерства) в заданных ситуациях. Был применен факторный анализ. Приняв в рассмотрение только те ситуации, на которые было получено более 75% положительных ответов, обозначим те сферы жизнедеятельности человека, в которых возможно партнерство, установление отношений партнерства.

- *Предпринимательство (бизнес)*: деловые люди – предприниматели, объединяющие усилия (или ресурсы) для достижения результата в бизнесе (91,80% ответили «да»).
- *Сфера интимно-личностных отношений*: супруги, в том случае, если мнение каждого важно и учитывается (85,25%) и люди, находящиеся в незарегистрированном браке, если мнение каждого важно и учитывается (85,25%).
- *Сфера экстремальных и спортивных достижений*: космонавты, работающие на международной космической станции на орбите (85,25%); спортсмены – участники лыжной экспедиции к Северному полюсу (80,33%); спортсмены одной игровой команды (77,05%).
- *Люди, объединяющие усилия для достижения какого-либо конкретного значимого результата*: люди, объединяющие усилия для достижения какого-либо социально значимого результата (83,61%); люди, не работающие вместе, но объединяющие усилия для достижения какого-либо результата (вне бизнеса) (78,69%); люди, работающие вместе и объединяющие свои усилия для достижения результата деятельности (например, ремонт автомобиля, проведение хирургической операции, исполнение оркестром музыкального произведения и т. п.) (75,41%).

Таким образом, можно выделить, по крайней мере, четыре сферы жизнедеятельности, которые требуют своего рассмотрения с точки зрения партнерства как социального взаимодействия, специфики отношений партнерства в различных сферах жизнедеятельности, выявления базовых характеристик партнерских отношений.

Определенный интерес представляют и те ситуации, которые, по ответам респондентов, не предполагают наличия отношений партнерства. Впрочем, нет правил без исключений. Полученный результат, видимо, стоит интерпретировать следующим образом: как правило, отношения партнерства данным ситуациям несвойственны, но они могут складываться при определенных условиях.

Так, *добрые знакомые* (37,70%) не предполагают какой-либо серьезной совместности, однако отношения партнерства, видимо, все-таки могут формироваться при условии, что есть сходство ценностей в жизни (семья, работа, собственность, власть, доброта и др.), общ-

ность жизненных или профессиональных интересов, сходство прошлого жизненного опыта.

- *Спортсмены команды, даже если существуют разногласия и жесткая конкуренция* (44,26%). В данном случае, судя по проявившимся отрицательным взаимосвязям, партнерским отношениям, столь необходимым в командных соревнованиях, могут препятствовать: сходство потребностей (материальных, в общении, в самореализации и др.), близкий социальный статус и сходство ожиданий от жизни в будущем (в личном плане, в профессиональном и т. п.). Судя по всему, это и есть те аспекты жизни, которые могут провоцировать конкуренцию в команде.
- *Руководитель и его сотрудники* (34,43%). Знакомая ситуация иерархически организованного взаимодействия, принципиально противоречащая отношениям партнерства, предполагающего горизонтальные, а не вертикальные связи, паритетность участников.

Партнерские отношения в разных сферах жизнедеятельности, судя по всему, содержательно имеют свою специфику. Так, отношения партнерства в деловой сфере соотносятся с различными аспектами ответственности и доверия во взаимодействии. Это ответственность, принятие своих обязанностей, признание прав партнера, а также доверие, открытость, искренность. Полученный результат согласуется с данными, полученными нами ранее (Позняков, Вавакина, 2015) и в исследованиях наших коллег В. П. Познякова Е. А. и Груздевой (Позняков, Груздева, 2013), В. А. Штроо и М. Е. Балакшина (Штроо, Балакшин, 2012). Насколько часто складываются партнерские взаимоотношения в личной жизни связано с уважением личности партнера. Отношения партнерства в личной жизни носят менее инструментальный, более личностно-ориентированный характер, что вполне объяснимо.

Примечательно, что люди, часто включенные в отношения партнерства, у которых часто складываются партнерские взаимоотношения и в деловой сфере, и в личной жизни, значимо выше оценивают характеристики, отмечаемые респондентами как наиболее важные^{*}: доверие (4,13), уважение личности партнера (4,10), ответственность (4,07), принятие своих обязанностей (4,07), признание прав партнера (3,92), свободу выбора (3,70), справедливость (3,54), отсутствие манипуляций (3,54), сходство целей (3,44), открытость, искренность

* В скобках указаны средние значения по шкале от 1 до 5: «неважно—скорее важно—важно—очень важно—крайне важно».

(3,44), соблюдение нравственных норм (3,44), взаимность (3,41), равенство (3,39), полное взаимопонимание (3,28), самостоятельность (3,16) и др.

Таким образом, партнерские взаимоотношения чаще складываются у тех людей, которые выше оценивают значимость для отношений партнерства наиболее важных характеристик партнерских отношений. Это свидетельствует о том, что склонность выстраивать взаимоотношения между людьми именно как отношения партнерства связана с глубоким пониманием сути партнерских отношений, основанных, прежде всего, на доверии, ответственности и уважении личности партнера.

Подводя итоги, попробуем отчасти прояснить, почему правомерно рассмотрение партнерства как самостоятельного феномена, в чем его специфика, чем оно принципиально отличается от других видов взаимодействия.

Во-первых, партнерство — это антитеза управленческому взаимодействию. В силу свершившихся в стране социальных перемен и демократизации российского общества, наряду с иерархически организованным взаимодействием, все большее значение приобретает взаимодействие паритетное, равноправное, «горизонтальное».

Во-вторых, партнерство редко возникает по мало зависящим от самого человека причинам. Выбор партнера, как правило, не предопределен, а либо самостоятельно иницируется, либо каким-либо образом оценивается и принимается человеком. Это принципиально отличает партнерство от других видов взаимодействия. Именно поэтому одной из наиболее важных характеристик отношений партнерства является *свобода выбора*.

Как правило, мы не выбираем себе начальников или коллег по работе. Даже такой союз, как патриархальный брак, изначально может быть несамостоятельным выбором, основываться не на чувствах людей, не на уважении личности другого человека, а на социокультурных традициях, решении родителей, интересах семьи, приобретении или преумножении экономических возможностей, установлении необходимых социальных связей. В свою очередь, выбор партнера — человека, которому можно доверять и принимать ответственность перед ним, — процесс совсем непростой.

Индивид как субъект «всегда неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем автономен, независим, относительно обособлен» (Брушлинский, 2003, с. 32). В партнерстве человек не просто может проявить себя в заданных условиях совместной деятельности,

но и должен активно формировать контекст совместности. Это касается выбора определенного партнера, определения формата общения, формирования общности норм и ценностей взаимодействия, конкретизации вклада каждого из партнеров в успех взаимодействия (при этом один может делать всю основную работу, а второй его вдохновлять и мотивировать).

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. проф. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Вавакина Т. С., Позняков В. П.* Психологические факторы эффективности делового партнерства // Прикладная юридическая психология. 2014а. № 2. С. 113–124.
- Вавакина Т. С., Позняков В. П.* Отношение предпринимателей к принципам и нормам социального взаимодействия и оценка эффективности делового партнерства // Знание. Понимание. Умение. 2014б. № 2. С. 158–168.
- Вавакина Т. С., Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Прагматичность и нравственность как базовые принципы взаимодействия в деловом партнерстве // Наука. Культура. Общество. 2016. № 1. С. 189–203.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Ориентация на принципы и нормы социального взаимодействия как фактор психологического отношения к деловому партнерству // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 5–15.
- Позняков В. П.* Развитие теории отношений в современной отечественной социальной психологии // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 30–35.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Психология делового партнерства: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Доверие и ответственность как ключевые психологические факторы эффективности делового партнерства // Образование и саморазвитие. 2015. № 3. С. 109–116.
- Позняков В. П., Груздева Е. А.* Социально-психологические факторы ответственного отношения предпринимателей к другим участникам делового взаимодействия // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 226–234.
- Штроо В. А., Балакшин М. Е.* Экспериментальное изучение роли доверия в развитии партнерских отношений в бизнесе // Организационная психология. 2012. Т. 2. № 2. С. 2–21. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 30.03.2018).

The partnership relations in different spheres of activity of the person

T. S. Vavakina (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology of RAS

In article the possibility of establishment of the relations of partnership in different spheres of activity of the person is discussed. The difference of partnership from other types of interaction, specifics of partnership is analyzed. Results of the empirical research devoted to consideration of a possibility of establishment between people of the relations of partnership in various situations of interaction and to the analysis of partnership between people in the business sphere and in the personal relations are presented. The most important characteristics of partnership are considered: the trust, respect of the identity of the partner, responsibility, acceptance of the duties, recognition of the rights of the partner, freedom of choice, justice, lack of manipulations, openness, sincerity, respect of ethical standards, reciprocity, equality, independence etc.

Keywords: interaction, social interaction, partnership, business partnership, partnership relations.

Социальная сеть как модель университетской кафедры

И. Е. Гарбер (Саратов)

доктор психологических наук, доцент, Саратовский государственный университет; e-mail: ilya.garber@gmail.com

Представлены схема изучения университетской кафедры в рамках теории социальных сетей; концептуально-понятийный аппарат, принципы и методы, адекватные изучению отношений внутри кафедры, стратегий поведения преподавателей и кафедральных процессов. Рассмотрены три иерархически упорядоченных уровня свойств: присущие всем социальным сетям, организационным социальным сетям и кафедральным социальным сетям и три группы свойств: ассоциируемые с передаваемым содержанием (обмен эмоциями, влиянием или властью, информацией, товарами или услугами); природа связей (интенсивность, взаимность, ясность ожиданий, мультиплексность) и структурные характеристики (внешней сети, внутренней сети в целом и кластеров внутри нее, а также людей, занимающих особое место в сети). Показано, что исследование университетской кафедры целесообразно проводить в рамках теории социальных сетей, позволяющей оценить влияние личностных и институциональных факторов на сетевые выборы преподавателей, их ограничения, стратегии участников, структуры личностных сетей и ресурсов, распределяемых согласно модели Ибарра. В качестве одного из механизмов установления межличностных отношений указана гомофилия (ассортативность).

Ключевые слова: социальная психология высшего образования, университетская кафедра, социальная сеть, гомофилия, ассортативность, модель Ибарра.

Введение

В социальной психологии высшего образования университетская кафедра является мало изученным объектом. Ее представляет как ин-

дивидуальный субъект заведующий кафедрой, а остальные преподаватели, как правило, описываются обобщенно в терминах групповой сплоченности и социально-психологического климата.

Групповое поведение и внутренний мир преподавателей кафедры, этапы и динамика развития кафедры, влияние специфики кафедры (выпускающая или нет, естественнонаучная, гуманитарная, инженерная, медицинская, юридическая или творческая) на отношения преподавателей внутри нее, кафедральные нормы и ценности, на наш взгляд, заслуживают не меньшего внимания, чем стиль руководства и личностные характеристики заведующего кафедрой.

Цель данной работы заключается в представлении сетевой модели университетской кафедры, ключевых понятий теории социальных сетей, ее принципов и методов, адекватных изучению специфических отношений внутри кафедры, стратегий поведения преподавателей и кафедральных процессов.

В рамках сетевого подхода вместо людей с их зачастую неосознаваемыми мотивами, желаниями, интересами, переживаниями, убеждениями и человеческими взаимоотношениями рассматриваются позиции, роли (заведующий кафедрой или доцент, мужчина или женщина, начинающий или опытный преподаватель, ученый) и связи между ними, образуемые в соответствии с набором формальных и неформальных правил. Такое упрощение сложной реальности позволяет, при удачном выборе модели, сделать выпуклыми и заметными, зафиксировать и изучить факты, социально-психологические закономерности кафедральной жизни, которые, в противном случае, могли ускользнуть от внимания исследователей и преподавателей университетской кафедры.

Применение теории социальных сетей к изучению университетской кафедры

Под социальной сетью (*social network*) в данной работе согласимся понимать конечное множество действующих лиц (актеров) и межличностные отношения, связывающие их друг с другом. В общем случае актерами могут выступать не только люди, но и группы людей, организации или даже целые сообщества, соответственно, их может связывать более широкий спектр социальных отношений. Далее предполагается, что выделенные межличностные отношения являются существенными и, взятые в совокупности, позволяют интерпретировать и прогнозировать социальное поведение актеров.

Примером наиболее известной и широко применяемой в образовании сетевой модели служит *социометрия Я. Морено*. Ее язык (сим-

патия — выбор, антипатия — отвержение и безразличие — отсутствие выбора или отвержения в ходе социометрической процедуры), однако, беден, а неопределенность мотивов выбора и отвержения создает на практике трудно преодолимые препятствия при интерпретации полученных ответов в случае преподавателей университетской кафедры.

Несомненное достоинство социометрии, присущее и другим сетевым моделям, заключается в возможности получения количественных оценок, характеризующих как отдельных акторов, диадические связи между ними, так и группу в целом, как при ручном обчете, так и при использовании специализированных программ. В сочетании со сбором информации онлайн это делает анализ социальных сетей высокотехнологичной процедурой.

Основные свойства социальных сетей можно условно разделить на три иерархически упорядоченных уровня (присущие всем социальным сетям, организационным социальным сетям и кафедральным социальным сетям) и три группы:

- А) *передаваемое содержание (transactional content)*: чем обмениваются связанные друг с другом социальные объекты. В организациях принято выделять четыре типа обменов: *обмен эмоциями* (симпатия, дружба), *обмен влиянием или властью*, *обмен информацией*, *обмен товарами или услугами*. Для каждого типа обмена может быть рассмотрена социальная сеть. Полученные сети могут иметь, а могут не иметь общие структуры, и место, занимаемое человеком в них, может изменяться. Например, сеть обмена информацией может быть децентрализованной и связной (все обмениваются информацией друг с другом), а сеть влияния может быть централизованной и контролируемой формальным руководителем (Tichy, Tushman, Fombrun, 1979);
- В) *природа связей (nature of the links)*, сила и качественная природа отношений между социальными объектами. В организациях принято выделять:
- *интенсивность*, силу отношений, определяемую степенью выполнения людьми своих обязательств или готовностью отказать от личных интересов ради выполнения своих обязательств, или количеством контактов за единицу времени;
 - *взаимность*, степень общности восприятия, симметричности отношений в данной содержательной области;
 - *ясность ожиданий*, степень согласия относительно предполагаемого поведения во взаимных отношениях;
 - *мультиплексность (multiplexity)*, количество социальных соединений, связывающих двух акторов;

С) *структурные характеристики (structural characteristics)*, общий паттерн взаимоотношений между акторами сети. Они могут быть разделены на четыре уровня:

- *внешняя сеть*, ее влияние на взаимоотношения акторов внутренней сети;
- *внутренняя сеть в целом*, ее влияние на связи акторов друг с другом;
- *кластеры внутри сети* (формальные рабочие группы, временные коалиции, клики). Коалиции создаются акторами для решения определенной задачи. Клики – более длительные неформальные ассоциации акторов, предназначенные для решения более широкого спектра задач (учебных, научных, карьерных);
- *люди, занимающие особое место в сети*, например, *контактные лица, связные (liason)* для соединения структурной единицы организации с другими подразделениями организации, а также внешним миром (*gatekeeper*).

Примерами структурных характеристик являются: *размер* – количество акторов, участвующих в сети; *плотность (связность)* – доля актуальных связей относительно числа возможных связей; *классификация* – число кластеров в сети; *открытость* – доля внешних связей сети относительно числа возможных внешних связей; *стабильность* – степень изменения паттерна сети во времени; *достижимость* – среднее число связей между акторами в сети; *централизация* – степень соответствия межличностных отношений формальной иерархии; *связной* – актор, не являющийся членом кластера, но соединяющий два или более кластеров; *мост* – актор, являющийся членом нескольких кластеров в сети.

Социальные сети университетской кафедры возникают для удовлетворения потребностей преподавателей в принадлежности к престижной референтной группе, в повышении оценки и самооценки, в самоактуализации, в сопричастности, в профессиональном и/или карьерном росте или для обмена перечисленными выше эмоциями, влиянием или властью, информацией или услугами.

Кафедральные сети могут предоставлять преподавателю как инструментальную, карьерную поддержку (профессиональный совет, карьерные возможности, сотрудничество в исследованиях и публикациях, дополнительные каналы передачи информации и получения финансирования), так и экспрессивную, эмоциональную поддержку (доверие, дружбу, поддержку, ободрение), а могут стать ограничениями или даже барьерами, закрывающими доступ к ним, а в экстре-

мальных случаях – причиной увольнения из университета или отказа от лично значимых видов деятельности.

М. Финкельштейн (Finkelstein, 1982) с помощью факторного анализа подтвердил существование пяти функций взаимодействия университетских преподавателей:

- 1) *преподавание* (разработка курсов, техника преподавания, разрешение педагогических проблем, распределение учебной нагрузки);
- 2) *исследования* (сотрудничество, соавторство, критика идей и текстов, консультирование);
- 3) *институциональные связи* (информирование по университетским, факультетским и кафедральным политикам, помощь во вхождении в кафедральные, факультетские и университетские комиссии);
- 4) *профессиональные связи* (определение источников финансирования, доступ к публикациям, помощь в занятии должности, контактах с профессиональной элитой);
- 5) *общая поддержка* (интеллектуальная поддержка и дружба, поощрение и одобрение, карьерные консультации, выслушивание).

Большинство из них являются инструментальными, и только последняя обращает внимание на эмоциональные связи. Рост документооборота в последние годы, вероятно, заставит выделить как отдельную от преподавания функцию методического обеспечения учебного процесса.

Выше отмечалась трудность определения мотивов выбора и отвержения в классической социометрической процедуре. В теории социальных сетей в качестве одного из механизмов установления межличностных отношений указана гомофилия (ассортативность). Название конструкта «*гомофилия*» (homophily) происходит от древнегреческого *homou*, «вместе» и греческого *philia*, «дружба». Он обозначает тенденцию участников социальных сетей взаимодействовать и разделять мнение и поведение с себе подобными (иногда в качестве синонима используется термин «*ассортативность*»).

Многочисленными исследованиями установлено, что *сходство порождает в социальных сетях связь* (McPherson, Smith-Lovin, Cook, 2001). На университетской кафедре гомофилия ассоциируется как с профессиональными (сходство образования, профессиональных интересов), так и с личностными характеристиками (гендер, этническое или географическое происхождение, возраст, семейный статус, религия).

Как показала в своей диссертации М. Пайфер (Pifer, 2010), для изучения университетской кафедры можно воспользоваться *моделью*

личной социальной сети Г. Ибарра (Ibarra, 1993), предназначенной для изучения личных сетевых структур участников, формируемых в зависимости от индивидуальных и институциональных факторов.

Входными переменными модели служат организационные (организационный контекст, динамика взаимодействия акторов) и индивидуальные (факторы карьеры, стили взаимодействия и ориентации) факторы.

Промежуточными переменными модели, опосредующими внутренние процессы, являются структурные ограничения на выборы в сети и искомые сетевые выгоды, совместно способствующие развитию индивидуальных сетевых стратегий (функциональной дифференциации, максимизации инструментальных и эмоциональных выгод) и формированию структуры личной сети.

В итоге формируется сеть выгод/ресурсов. Как показало исследование М. Пайфер, модель Ибарра позволяет адекватно описать реалии университетской кафедры. Однако в силу ее умозрительности и априорности она нуждается в верификации методами моделирования структурных уравнений.

Заключение

Процессы глобализации и внедрения в образование цифровых технологий заставляют университеты пересматривать сложившиеся в течение веков отношения с обществом и государством, отказываться от некоторых привычных академических свобод и становиться все более похожими на современные государственные учреждения и частные транснациональные компании. В поисках оптимальных решений, будем надеяться, кафедра, как наименьший коллектив профессионалов, объединенных педагогическими и научно-исследовательскими целями, возглавляемый заведующим кафедрой, как мобильная единица финансирования, сохранит свое значение в системе высшего образования будущего.

Изучение университетской кафедры социально-психологическими, в частности сетевыми методами, имеет важные практические следствия. Естественным образом формируемый доступ к ресурсам кафедры распределен неравномерно, что ведет к дискриминации, зачастую необоснованному предпочтению одних преподавателей перед другими. Взаимное доверие критично для получения допуска к сетевым ресурсам, и его рост, увеличение социального капитала университетской кафедры является перспективной точкой приложения сил практических психологов.

Литература

- Finkelstein M. J.* Faculty collegueship patterns and research productivity // Paper presented at annual meeting of the American Educational Research Association. N. Y., 1982.
- Ibarra H.* Personal networks of women and minorities in management: A conceptual framework // *Academy of Management Review*. 1993. V. 18. № 1. P. 56–87.
- McPherson J. M., Smith-Lovin L., Cook J. M.* Birds of a feather: Homophily in social networks // *Annual Review of Sociology*. 2001. V. 27. P. 415–444.
- Pifer M. J.* “Such a Dirty Word”: Networks and Networking in Academic Departments. A Dissertation in Higher Education. Pennsylvania State University, University Park, PA, 2010.
- Tichy N. M., Tushman M. L., Fombrun C.* Social Network Analysis for Organizations // *The Academy of Management Review*. 1979. V. 4. № 4. P. 507–519.

Social network as the model of university department

I. E. Garber (Saratov)

Doctor of Psychology, Associate Professor, Saratov State University

The scheme of studying the university department within the framework of the theory of social networks is presented; conceptual apparatus, principles and methods adequate to the study of relations within the department, strategies of faculty behavior and departmental processes. Three hierarchically ordered levels of properties are considered: inherent to all social networks, organizational social networks, and departmental social networks and three groups of properties: associated with the transactional content (exchange of affect, influence or power, information, goods or services); the nature of links (intensity, reciprocity, clarity of expectations, multiplexity) and structural characteristics (external network, internal network as a whole and clusters within it, as well as people occupying a special position in the network). It is shown that it is expedient to conduct a research of the university department within the framework of the theory of social networks, which makes it possible to assess the influence of personal and institutional factors on the network choices of faculty, their limitations, participants' strategies, the structures of personal networks and resources distributed according to the Ibarra model. Homophily (assortativity) is indicated as one of the mechanisms for establishing interpersonal relationships.

Keywords: social psychology of higher education, university department, social network, homophily, assortativity, Ibarra's model.

Сформированность коллективного субъекта как необходимое условие применения относительно группы оценочной категории «лояльность»

С. В. Горностаев (Рязань)

*кандидат психологических наук, доцент, Академия ФСИН России;
e-mail: stanislavrz@yandex.ru*

В статье отмечается неопределенность содержания термина «лояльность», поднимается проблема нерелевантности его применения в научных исследованиях. Ставится задача определения групп, применение к которым термина «лояльность» являлось бы научно обоснованным. Лояльность рассматривается как мера психоповеденческого соотношения человека с группой принадлежности. Аргументируется, что в психоповеденческом плане с личностью может соотноситься только группа, обладающая целостностью и единством, имеющая в основе группирования разделяемый всеми ее членами достаточно стабильный психоповеденческий паттерн. В результате сопоставления мотивационного, идентификационного, эмоционального и поведенческого компонентов лояльности, выделяемых в зарубежных теориях лояльности, с критериями выделения в отечественной психологии «коллективных субъектов», делается вывод, что данный конструкт подходит для описания надлежащих объектов лояльности.

Ключевые слова: личность, группа, личностно-групповая интеграция, лояльность, коллективный субъект, групповой субъект.

Несмотря на широкое применение термина «лояльность» в современных исследованиях и значительный теоретический потенциал категории «лояльность» для решения широкого круга научно-практических проблем, в настоящее время как на общенаучном уровне, так и на уровне отдельных отраслей исследований не устоялось представление даже о сущности данного феномена. Значимой научно-

практической проблемой остается нерелевантное применение в научных исследованиях термина «лояльность».

Наряду с неопределенностью самой сущности феномена, одним из аспектов этой проблемы выступает отсутствие устоявшегося понимания круга объектов, в отношении которых применение термина «лояльность» является научно обоснованным.

В отличие от ряда сопряженных индивидуально-психологических феноменов, таких как верность, преданность и др., *лояльность* — это феномен социально-психологического плана, не существующий вне социальных групп. Закономерно возникает вопрос о критериях групп, в которых мог бы возникать феномен лояльности.

Обобщая существующие подходы, можно констатировать, что вопрос лояльности — это вопрос личностно-группового соответствия. Как отмечал еще Т. Гоббс, категории «правильного» и «неправильного» возникают лишь при возникновении общих договоров и законов и не имеют смысла вне их. Поэтому представляется логичным, что категория лояльности может применяться не к каждой группе, а лишь к группам, в которых устоялись некий порядок, регулирующие жизнь их членов нормы и законы, соответствие которым и выступает критерием лояльности. При оценке лояльности, представители различных отраслей знаний пытаются учитывать групповые нормы различного характера. Например, в рамках административно-правового подхода, распространенного в юриспруденции и менеджменте, как критерий «лояльности» чаще рассматривается соответствие поведения и личности членов формальных групп формальным же нормам, предписываемым членам группы ее учредителями или лидерами. С более распространенных в психологии феноменологических позиций, рассматриваются не правовые нормы, даже если таковые и присутствуют в жизни группы, а система разделяемых членами группы руководящих психоповеденческих норм, естественно сложившаяся в группе в процессе ее существования.

Представления о характере, структуре и особенностях этих норм долгое время эволюционировали в психологии и смежных науках. В рамках первой научной концепции лояльности Дж. Ройс предположил считать *предметом лояльности* мотивационные основания группирования, делающие группу ценной для ее членов. Он писал, что, человек, испытывая эмоции к другим членам группы, при этом «может быть лоялен только той нити, которая связывает людей в некую общность, и может быть лоялен к людям, только через то общее, что их связывает» (Ройс, 1914, р. 20). Эту «нить» Дж. Ройс называл «cause», подразумевая под этим термином задающую вектор

активности группы, ключевую для ее существования и разделяемую ее членами *мотивацию*, которой руководствуются лояльные члены группы в своих мнениях, отношениях, поведении, и при этом выражающую «естественную волю» каждого лояльного члена группы.

Выделенный таким образом предмет лояльности одновременно указал и на ее объект – группу, являющуюся создателем и носителем этого объединяющего мотивационного основания активности.

Дж. Ройс не только разделил в своей концепции предмет и объект лояльности, но и показал их единство. Теоретическим следствием принятия этой позиции является ограничение круга потенциальных объектов лояльности лишь группами, связанными общим «мотивационным основанием» деятельности их членов. Наряду с термином «мотивационное основание» (*cause*), для обозначения *системообразующей* мотивации в группах лояльности авторами применялись и другие термины, такие как: «мотивационное основание группы в целом» (Дж. Флетчер); «социально значимое мотивационное основание» (Э. Таннер), «групповой порядок» (Т. Парсонс, И. Босормени-Надь, Дж. Спарк); «культура» (А. Чуи, Б. Меркадо); «субкультура» (Л. Уинн), «паттерн» (Ю. Уэверли, Т. Флетчер, И. Босормени-Надь, Дж. Спарк, Т. Парсонс). У многих исследователей лояльности указанные и другие аналогичные термины имели расширительную трактовку и включали компоненты, традиционно неотносимые к мотивационной сфере, но тесно связанные с ней и также способные характеризовать личность в группе и одновременно группу в целом. Чаще всего ученые отмечали в качестве таких компонентов социальную самоидентификацию, а также групповые эмоции и образцы поведения, которые в совокупности с мотивационной составляющей вполне могут трактоваться как *групповое сознание* или *групповая психика*, на что отдельные исследователи проблем лояльности указывали еще в начале XX в. Так, Э. Сингер, рассматривая в качестве предмета лояльности содержание группового сознания (*group mind*), указывает: «...любое определение лояльности, которое имеет значение для меня, должно предполагать то, существование или значение чего многие отрицают, того, что я называю сознанием группы или групповым сознанием» (Singer, 1916, с. 457). Х. Маурер, считая критерием лояльности общность предметно-целевых и операциональных регулятивов членов группы, системы групповых отношений, связанных с ключевыми ценностями, и базирующихся на этой основе институционализированных социальных процессов, при этом указывал, что и поведение сформированных на этой основе социальных организмов «должно рассматриваться как целостное (*unit-whole*) в их реакциях на ситуацию» (Maurer, 1928, с. 568).

Данные положения указывают на близость характеристик групп, которые могут рассматриваться как объекты лояльности, с характеристиками групп, относимых к категории «коллективных» (групповых, совокупных) субъектов. В частности, анализируя критерии коллективного субъекта, предложенные А. Л. Журавлевым – взаимосвязанность и взаимозависимость членов группы, совместная активность и групповая саморефлексивность (Журавлев, 2009), можно наблюдать их сходство с предложенными исследователями критериями лояльности.

Так, понимание объектов лояльности как социальных систем (Т. Парсонс, Л. Уинн, И. Босормени-Надь, Дж. Спарк и др.), с учетом признания взаимосвязанности и взаимовлияния элементов отличительными характеристиками системы, неизбежно приводит к выводу о том, что группы лояльности не могут существовать иначе, чем в состоянии взаимосвязанности и взаимозависимости их членов.

Взаимосвязь и взаимозависимость лояльных членов группы при этом, исходя из положений ряда исследований лояльности (Дж. Ройс, А. Роджерс, Т. Парсонс, И. Босормени-Надь, Дж. Спарк, Р. Кулан и др.), реализуются посредством взаимодействия с членами группы, совместного и индивидуального осуществления значимых для группы действий. Н. В. Серкова прямо указала, что связи человека с группами лояльности носят деятельностный характер (Серкова, 2004).

Что касается рефлексивного компонента, его важность для формирования высших уровней лояльности отмечал еще А. Роджерс, полагая, что «идеал служения появляется, уже когда человек осмысливает свою активность» (Rogers, 1918, с. 21). Предметом групповой рефлексии в исследованиях лояльности выступает не только общая активность и ее мотивационные детерминанты, но и сам факт группирования, групповая идентичность. В работах таких исследователей, как Э. Таннер, Б. Андерсон, Ч. Мерриам, А. Хиршман, А. Олденквист, Дж. Флетчер, Дж. Клейниг, убедительно показана значимость этого компонента как критерия лояльности. Хотя, как показали И. Босормени-Надь и Дж. Спарк на примере лояльности детей семейным системам, рефлексивный компонент в плане осознания групповой идентичности, и в особенности в плане осознания групповых норм и правил, не всегда может быть достаточно развит.

Положение о системной целостности приведенных выше сторон лояльности имеет особую важность, отличая лояльность от сопряженных и смежных понятий, которые, как правило, более просты в плане количества их компонентов (например, «вовлеченность» предполагает оценку личностно-группового соотношения на уров-

не эмоций и поведения, идентификация – на уровне самоопределения, «приверженность» – на уровне ценностей и поведения). Лояльность же предполагает не просто личностно-групповое соответствие во всех отмеченных аспектах, но и их сходную системную взаимодетерминацию, общие системные качества у всех лояльных членов группы. Таким образом, взаимосвязанностью критериев оценки концепция лояльности также сходна с концепцией коллективного субъекта, так как его критерии, указанные выше должны быть «одновременно, но в разной степени характерны для группы как субъекта» (Журавлев, 2009, с. 76).

Другие выделенные исследователями *признаки* коллективного субъекта также корреспондируют с положениями о сущности феномена лояльности и характере ее объектов. Например, выделенный такой Н. С. Козловой признак коллективного субъекта, как наличие социального контроля (Козлова, 2015), отмечался как признак групп лояльности (Singer, 1916), а мотивация сохранения и развития группы, приписываемая коллективному субъекту, подвергалась подробному анализу в работе И. Босормени-Надя и Дж. Спарк (Boszormenyi-Nagy, Spark, 1973). Не обесценивая и функции лояльности, в том числе и индивидуализацию членов группы, авторы все же выделили в качестве ведущей функции лояльности *самосохранение* социальной системы.

В вопросах отражения феномена лояльности на индивидуально-психологическом уровне, его индивидуально-психическую репрезентацию (Горностаев, Жильников, 2017) можно сопоставить с конструктом «виртуальный коллективный субъект» – образованием, с которым Н. С. Козлова связывает психологические механизмы координации личности с коллективным субъектом (Козлова, 2015).

Описанные сходства «групп лояльности» и «коллективного субъекта» указывают на их содержательную близость. Сам термин «коллективный субъект» удачен также в том отношении, что объединяет в себе объект и субъект лояльности.

Надлежащий объект лояльности можно также сопоставить и с разработанным в отечественной психологии понятием «коллектив» (Л. И. Уманский, А. Г. Коавлев, К. К. Платонов, А. С. Чернышев, А. В. Петровский, В. В. Шпалинский и др.). Однако социально-психологическая теория коллективов создана на базе, в первую очередь, изучения малых контактных групп, в то время как исследования лояльности затрагивают также большие группы и сообщества, даже не объединенные какими-либо ситуационными или социально-демографическими критериями, выступающими первичными в процессе группирования. Современные средства массовой ком-

муникации расширяют возможности группирования и создания групп-объектов лояльности сетевого или сотового типов, в которых другие члены группы являются информационно и коммуникативно доступными, однако большое количество контактов осуществляется опосредованно. В связи с этим социально-психологическая теория коллективов в отношении этих групп, нуждается как минимум в адаптации. В то же время Т. П. Емельяновой и А. Л. Журавлевым показана возможность применения концепции коллективного субъекта к анализу больших социальных групп (Емельянова, Журавлев, 2009), а Н. С. Козловой – к изучению интернет-сообществ (Козлова, 2015). Кроме того, одним из ограничений для полноценного применения концепта «коллектив» в теории лояльности является использование в качестве меры сформированности коллектива соотносительности норм группы с нормами социетального общества. Однако такое соотношение может быть установлено лишь в достаточно однородных обществах. По этим причинам концепция коллективного субъекта, сохраняя в себе всю глубину и проработанность социально-психологической теории коллектива, представляется для использования в исследованиях лояльности более универсальной и адаптированной к современным социально-информационным условиям.

Таким образом, можно заключить, что условием научно обоснованного применения в исследованиях личностно-группового соотношения категории «лояльность» является обладание исследуемой группой признаками «коллективного субъекта». Соответственно перспективным решением в развитии теории лояльности, ранее разрабатывавшейся преимущественно зарубежными учеными, представляется исследование лояльности в русле ее понимания как психоповеденческой причастности личности к группе, выступающей коллективным субъектом. Использование в теории лояльности концепта «коллективный субъект», требующего дальнейшего уточнения (см., напр.: Журавлев, 1999), не решает всех актуальных вопросов теории лояльности, но, на наш взгляд, способствует более четкому ограничению круга релевантных проблеме лояльности исследований и делает западные теории лояльности более понятными для отечественных специалистов.

Литература

Горностаев С. В., Жильников Т. А. Эмпирическая структура индивидуальной репрезентации лояльности // Прикладная юридическая психология. 2017. № 3. С. 33–40.

- Емельянова Т. П., Журавлев А. Л.* Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.
- Журавлев А. Л.* Понимание «коллективного субъекта»: основные подходы в психологии // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе: к 110-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 68–70.
- Журавлев А. Л.* Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
- Козлова Н. С.* Коллективный субъект как среда проявления жизнедеятельности личности // Вестник Костромского государственного университета. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2015. Т. 21. № 2. С. 56–58.
- Серкова Н. В.* Социально-психологические особенности лояльности и факторы, определяющие ее формирование // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер. «Педагогика». 2004. № 5 (42). С. 131–134.
- Boszormenyi-Nagy I., Spark G.* Invisible loyalties: reciprocity in intergenerational family therapy. Hagerstown: Harper & Row, 1973.
- Maurer H. H.* The political attitudes of the Lutheran parish in America: a study in religious sectionalism // American journal of sociology. 1928. № 33 (4). P. 568–585.
- Rogers A. K.* The Philosophy of Loyalty // The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1918. V. 15. № 1. P. 9–22.
- Royce J.* The Philosophy of Loyalty. Norwood: Norwood Press—J. S. Cushing Co—Berwick & Smith Co., 1914.
- Singer E. A.* Love and loyalty // The Philosophical Review. 1916. № 25 (3). P. 456–465.

Collective subject as a necessary condition for the use of evaluative category “loyalty”

S. V. Gornostaev (Ryazan)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Academy of FPS of Russia

The article notes the uncertainty of the content of the term “loyalty”, raises the problem of the irrelevance of its application in scientific research. The task is to determine the groups to which the term “loyalty” would be scientifically justified. Loyalty is seen as a measure of a person’s psycho-behavioral relationship with a group of belonging. It is argued that in psycho-be-

havioral aspect personality can be related only to the group having integrity, unity, and shared by all group members quite stable psycho-behavioral pattern which is the basis of the grouping. As a result of comparison of motivational, identification, emotional and behavioral components of loyalty, allocated in foreign loyalty theories with the criteria of “collective subjects” in the Russian psychology, it is concluded that construct “collective subject” is suitable for the description of appropriate objects of loyalty.

Keywords: personality, group, personality–group integration, loyalty, collective subject, group subject.

О связи духовно-нравственных и социально-политических представлений в современном российском менталитете

А.А. Гостев (Москва)

*доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: aagos06@rambler.ru*

Изучались социальные представления о духовно-нравственной сфере в менталитете российских граждан. Данные представления соотносились с некоторыми представлениями социально-политического содержания. Рассматривалось соотношение традиционных духовно-нравственных и религиозных характеристик российской ментальности с их современными инновационными аналогами. Показана инвариантность и трансформация российской ментальности. Обозначились особенности рассматриваемых социальных представлений по следующим выборкам респондентов – представители православной и «секулярно-державной» ментальности, носители прозападных установок (атеистически-светских и христианско-инославных), «ностальгирующая постсоветская выборка». Данные типы ментальности задают специфику представлений о духовности, нравственности, религиозности людей, определяют особенности восприятия социальных явлений в современном мире.

Ключевые слова: менталитет, социальные представления, сознание, личность, духовность, нравственность, социально-политические установки.

Изучение проблемы менталитета актуально, теоретически и практически значимо для дальнейшего раскрытия возможностей *субъектного подхода* на уровне группового сознания (Брушлинский, 2006). *Менталитет* любой социальной общности является призмой для формирования его носителями системы представлений о проис-

Работа выполнена по Государственному заданию ФАНО РФ № 0159-2016-000 (регистрационный номер АААА-А17-117022250151-3).

ходящем в мире, выступает мощным социальным регулятором поведения людей (Гостев, 2015, 2016; Историогенез..., 2015, 2016; Кольцова, Журавлев, 2018). Система «сознание/неосознаваемое» социальной общности, проявления ее коллективной воли, доминирующие социальные чувства, духовно-нравственное состояние формируют групповой субъект, задают у его представителей особенности социального познания. Особую значимость имеет понимание людьми духовной сущности и нравственного статуса происходящего в мире (Гостев, 2017). В исследованиях же российского менталитета анализ его духовно-нравственной составляющей недостаточен. В связи с многоконфессиональностью и полиэтничностью российского общества подчеркнем актуальность изучения обусловленности *религиозной верой* социальных установок и ценностных ориентаций, группового сознания поведения людей. Отметим, что *религиозность* в качестве базовой характеристики русского национального характера традиционно признавалась (см.: Гостев, Борисова, 2012; Историогенез..., 2015, 2016). Православное мироощущение, например, являлось неотъемлемым компонентом традиционной российской ментальности, выступало в качестве важного фактора исторической памяти, социального восприятия, помогало переживать испытания. Для русского народа характерно было стремление к «высшему идеальному бытию» (об этом писали Н. О. Лосский, И. А. Ильин, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев и др.; подробнее см.: Гостев, Борисова, 2012).

Следует, однако, учитывать «духовные мутации» традиционных вероучений под влиянием, например, постмодернистских идей и социально-политических процессов в современном обществе (Гостев, 2017). Подмены приводят к деградации религиозных традиций, формальному их сохранению, использованию религиозных семулякров для «благословения» потребностей «низшего я».

Отметим и политизацию традиционных религий. Например, тема социальной *справедливости* является яркой иллюстрацией связи духовно-нравственного и политического аспектов менталитета (см. также проблемы социальных конфликтов..., 2018, с. 136–144). Понятие справедливости являлось важным в различных религиозно-философских традициях. Стремление к справедливости, как идеалу «высшей правды», реализации правды, любви, милосердия — один из главных мотивов в отечественном менталитете. Поэтому социальная несправедливость порождает идею нелегитимности государственной власти в глазах народа.

Известна связь отечественной духовно-нравственной традиции с *патриотизмом* — любовью к Родине, глубинной сопричастностью с ее историей и традициями, готовностью защищать Отечество (Жу-

равлев, Юревич, 2016; Лутовинов, Гостев, Шувалов, 2015). Актуальность темы духовно-нравственных основ патриотизма современных россиян обусловлена, в частности, идеями о необходимости разрыва воспроизводства традиционных для России нравственных ценностей.

Особого внимания заслуживает изучение сохранности традиционных нравственных черт национального характера – доброты, сострадания, терпения, ответственности, трудолюбия и т. д.

Отталкиваясь от высказанных вводных слов, нами были начаты пилотные исследования тематики, заявленной в названии данной статьи.

Исследование I

Изучалось отношение современных россиян к духовно-нравственным ценностям, нормам, характеристикам личности*. Отметим некоторые результаты.

Патриотизм. Показана выраженность патриотических чувств у россиян. У жителей села и провинциальных городов они оказались сильнее (жизнь в этих местах, очевидно, лучше сохраняет традиционные элементы менталитета). Интересно, что фактор национальности оказался незначимым. Желание уехать из России высказали треть респондентов, в большей степени молодые люди и жители крупных городов. В то же время отмечена тенденция трепетного отношения россиян к родной земле, более выраженного у старшего поколения.

Религиозность. Половина респондентов (взрослые, семейные люди, жители провинциальных городов) признавали религиозность отличительной чертой россиян. Можно говорить о влиянии секуляризации российского общества.

Представления о нравственных качествах. Доминирует, например, признание доброты отличительной чертой россиян (преимущественно, взрослыми респондентами**). В частности, лишь с небольшим перевесом (за счет взрослых и семейных респондентов) стало ведущим представление о том, что «россиянин долго зла не помнит». Эти данные несколько противоречат традиционной характеристике национальной психологии – «непамятозлобю». Сожаление вызывает и признание отсутствия сострадательности в обществе.

* Созданная в лаборатории истории психологии и исторической психологии анкета включала вопросы, направленные на выявление этих показателей (Историогенез..., 2015, 2016).

** Это понятно, поскольку молодежь выросла и работает в условиях нарастающего индивидуализма в обществе, в атмосфере борьбы за «место под солнцем».

Представления о добросовестности и ответственности современных россиян также свидетельствуют о разрушении этих традиционных характеристик национальной психологии.

Представления о семейных ценностях проявились в том, что 2/3 респондентов негативно относятся к однополой любви. Это соответствует традиционным нравственным установкам русского менталитета, базирующегося на православных ценностях.

Подтверждено сохранение чувства *справедливости*. В то же время обнаружены представления о том, что в России авторитетны успешные люди. Традиционно же в русской культуре условием авторитетности человека являлись его духовно-нравственные характеристики. Сторонников идеи о том, что в современной России симпатии россиян на стороне «правых», а не «сильных» было лишь незначительно больше. Это говорит о значительном разрушении традиционной ценности справедливости и о появляющемся доминировании культа силы.

Открытость для восприятия иных культур. Современные россияне (в большей степени молодежь) обладают этим духовно-нравственным качеством. Это соответствует традиционной для российского менталитета идее «всечеловечества», однако следует учитывать и открытость всему аморальному и псевдодуховному, атаковавшему людей с конца 1980-х годов.

Исследование показало, что на соотношение традиционных и инновационных элементов в данных представлениях влияли возраст, пол, семейное положение, национальная принадлежность, финансовое состояние. Фактор семейного положения оказался самым значимым.

Представления о нравственных ценностях в значительной мере сохраняют свою традиционность, выражают, в частности, инвариант православной традиции. В то же время показанное влияние постсоветского «перестроечного сознания» говорит о деформации традиционного российского менталитета.

Исследование 2

Для конкретизации обозначившихся закономерностей изучались представления носителей различной ментальности о проявлениях духовно-нравственной сферы современного человека*. Обозначились некоторые тенденции по выборкам респондентов.

* Использовалась нестандартизированная интервью-беседа, данные которой дополнялись анализом материалов СМИиК, блогосферы, интернет-форумов.

Традиционная православная ментальность, отвергающая экуменические и модернистские тренды в современном православии. Для ее представителей характерно понимание отрицательного влияния западных ценностей на российское общество. Отмечалось, что на Руси Запад традиционно виделся «отпавшим от Истины». Подчеркивалось, что навязывание «политкорректности», «толерантности» разрушает сакральную роль традиции в обществе. Западная цивилизация привела к «многоликой похотливости низшего я», выдаваемой за выражение «свободы» человека. Человек, в итоге, не видит суррогатного материнства, педофилии, абсолютизацию прав представителей нетрадиционной сексуальности, «ювенального террора», отторжения западным сознанием христианских ценностей.

Отмечалось, что православие задает ориентиры для оценки социально-политических и иных процессов в мире. Православная ментальность формирует представления о духовности, нравственности, религиозности людей, и через эту «призму» определяет особенности восприятия социальных явлений в современном мире. Без этих ориентиров многие становятся «слепы» к духовно-психологическим последствиям формирующегося нового мироустройства, в частности, к последствиям «сетевого общества» и «киборгизации» человека. Неприемлемыми, соответственно, оказались: а) социал-дарвинизм и стратификация планетарного социума; б) идеи о сокращении населения планеты; в) контроль за личностью на основе новых информационных технологий. Характерным было мнение о том, что однопольярный глобализм-проект имеет религиозную оккультную основу (идеи наступления постхристианской эпохи). Признавалось, что в результате действия в стране различных сект и христианского инославия утрачены многие положительные черты национального характера (например, сострадательность).

Для представителей «*секулярно-державного*» менталитета нравственные нормы являются этнокультурообусловленными правилами. Поэтому респондентами неадекватно воспринимается состояние духовно-нравственной сферы человечества, в частности, не понималась духовно-нравственная и психологическая сущность идей неочеловечества и трансгуманизма.

Прозападная выборка (атеистически-светская и христианско-инославная). Православие не воспринимается ее представителями особой ценностью*. «Общечеловеческие ценности» Запада – выше

* Отметим, что «западники» прошлых веков, отрицая духовные ценности «исторической России», сознавали мощь страны, знали о признании этого факта на Западе.

любых национальных. Соответственно, их влияние на российское общество положительное*. Отметим, что у инославных христиан мораль представляет собой уже в значительной степени культуро-обусловленные ценности. Духовно-нравственный регресс человечества в значительной мере не признается обеими подгруппами. Поэтому, по их мнению, не следует драматизировать потребительскую психологию современного человека, сексуальные извращения и т. д.

Интересно, что стратификация планетарного социума воспринималась отрицательной (недемократичной) тенденцией. В то же время идея «золотого миллиарда» принималась закономерным следствием перенаселения планеты. Неприятия принципов социал-дарвинизма, тотального контроля за личностью показано не было.

Представители *«ностальгирующей постсоветской выборки»* растворились в секулярно-державном и прозападном менталитете. Так, в глобализации видятся плюсы «мира без границ», но не понимаются опасности инокультурных экспансий. Не понимаются и опасности информационно-психологических войн современности и виртуализации человеческого бытия.

В будущих исследованиях планируется эмпирическое изучение специфики социального восприятия в данных выборках. В частности, особое внимание мы планируем уделить искаженному проявлению в них идеи «всечеловечества» — одному из базовых архетипов отечественной культуры.

Литература

Брушлинский А. В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Гостев А. А. Влияние православно-христианской традиции на российский менталитет как проблема исторической психологии // *Историогенез и современное состояние российского менталитета*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 25—47.

Гостев А. А. Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Гостев А. А. Отношение современных россиян к некоторым аспектам социальной и политической жизни страны // *Историогенез и современное состояние российского менталитета*. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 206—218.

* Толерантность и политкорректность имеют для них высокую социальную значимость, несмотря на все большее неприятие современным западным сознанием традиционных христианских ценностей.

- Гостев А. А.* Психология и метафизика образной сферы человека. М.: Генезис, 2008.
- Гостев А. А., Борисова Н. В.* Психологические идеи в творческом наследии И. А. Ильина: на путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 88–98.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* История и современное состояние российского менталитета // Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 183–199.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитоновна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Лутовинов В. И., Гостев А. А., Шувалов А. В.* Духовно-религиозная концепция патриотизма Ивана Александровича Ильина и вызовы современности // Берегиня-777-Сова, 2015. № 2 (25). С. 368–385.
- Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

On the connection of spiritual—moral and social-political representations in contemporary russian mentality

A. A. Gostev (Moscow)

Doctor of Psychology, Institute of Psychology of RAS

Social representations about spiritual and moral spheres in the mentality of Russian people were studied. These representations were correlated with some socio-political content. The relations of traditional spiritual, moral and religious characteristics of Russian mentality with their modern innovative analogs were considered. Invariance and significant transformation of Russian mentality have been shown. Specifics of the social representations were selected based on the following samples of respondents: representatives of Orthodox Christian and “secular-sovereign” mentality, holders of pro-Western attitudes (atheistic-secular and Christian non-orthodox),

“nostalgic post-Soviet sample”. These types of mentality create some specific concepts of spirituality, morality, religiosity of people, determine social perception in the modern world.

Keywords: mentality, social representations, individual and group consciousness, personality, spirituality, morality, national psychology, globalization.

Детерминанты социально-психологических свойств личности в специфичных условиях семейной социализации

*Т. В. Дробышева**, *М. А. Романовская*** (Москва)

** кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;*

e-mail: tdrobysheva@mail.ru

*** Институт психологии РАН;*

e-mail: m.a.romanovskaya@yandex.ru

В публикации изложены результаты регрессионного анализа социально-психологических свойств личности детей, которые они проявляют во взаимодействии со сверстниками. В исследовании принимали участие дети, воспитывавшиеся в раннем возрасте в семьях с наемным работником (няней), их мамы и няни. Выраженность социально-психологических свойств (направленности, активности, самостоятельности, эмпатичности) рассматривается как эффект специфичных условий семейной социализации. Предметом исследования выступила взаимосвязь социально-психологических свойств дошкольников, с одной стороны, и социально-психологических характеристик мам, профессиональных стратегий нянь, личностных характеристик детей, с другой стороны. Обнаружено, что выраженность исследованных свойств детей обусловлена «комбинированной» причиной.

Ключевые слова: социально-психологические свойства, семейная социализация, наемный работник (няня), психологическая готовность мам к переносу своих функций на няню, «нянечные дети».

Актуальность изучения социально-психологических свойств личности детей дошкольного возраста определяется не только *научной* проблемой работы, т. е. поиском системы детерминант, обуславливающей их формирование в специфичных (с участием наем-

Работа выполнена по Госзаданию ФАНО № 0159-2018-0003.

ного работника – няни) условиях ранней социализации в семье, но и *социальной* проблемой, латентно присутствующей в российском обществе (подробнее см.: Принципы развития..., 2016; Сергиенко, Журавлев, 2017; и др.). По нашему мнению, психологическая готовность мамы к переносу своих функций на няню в зависимости от профессиональных установок самой няни может сопровождаться формированием «материнской привязанности» с чужим взрослым.

В настоящей работе изучаются «отсроченные» социально-психологические эффекты социализации, т. е. когда сформированные на одной стадии социализации качества и свойства личности становятся факторами (детерминантами) ее психики и поведения на следующей стадии социального развития. Заметим, что такое понимание социализации личности было подробно изложено в концепции системной детерминации психики и поведения (Ломов, 2006; и др.). Схожие идеи ранее высказывались Б. Г. Ананьевым (см.: Методология комплексного человекознания..., 2008; и др.), рассматривались в субъектно-деятельностном подходе С. Л. Рубинштейна (см. Психология человека..., 2009; и др.), развиваемого его учениками А. В. Брушлинским, К. А. Абульхановой и др. (подробнее см.: Личность и бытие..., 2008; Субъектный подход..., 2009; и др.) Важным для построения нашей работы стали и положения системно-субъектного подхода, в рамках которого «субъект на каждом этапе своего развития выступает как носитель системности, раскрывающейся во взаимодействии с миром» (Сергиенко, 2008, с. 56).

Не углубляясь в анализ существующих подходов к пониманию социально-психологических свойств личности, заметим, что с нашей точки зрения они могут быть рассмотрены как *устойчивые психические явления, которые характеризуют личность как субъекта социальных отношений*. Эти свойства формируются и проявляются во взаимоотношениях с окружающими людьми в процессе общения, познания, деятельности.

Целью исследования стало выявление связей между социально-психологическими свойствами личности в группе детей из семей с наемным работником, с одной стороны, и совокупностью социально-психологических характеристик их мам, стратегий взаимодействия нянь, личностных характеристик детей, с другой стороны. *Гипотеза исследования* включала предположение, что специфика проявления социально-психологических свойств личности в группе детей из семей с наемным работником (няней), обусловлена комбинированной причиной. С одной стороны, в качестве основной причины (предиктора) формирования социально-психологичес-

ких свойств детей из семей с наемным работником (няней) рассматривается психологическая готовность мам данных детей к переносу своих функций на наемного работника. С другой стороны, тип профессионального взаимодействия няни с ребенком может усиливать или нивелировать действие основной причины. Сформированные к старшему дошкольному возрасту уровни: ситуативной тревожности, притязаний, самооценки детей также могут выступать в качестве внутриличностных детерминант исследуемых свойств детей, проявляемых ими в процессе взаимодействия с другими (сверстниками в первую очередь). В выборку исследования включили 41 семью, в которой с рождения и до трех лет ребенок воспитывался при участии няни. В работе принимали участие только те семьи, в которых няня была занята полный рабочий день (не менее 8 часов) и полную рабочую неделю (не менее 5–6 дней). Непосредственно в исследовании принимали участие мамы, няни и дети старшего дошкольного возраста. Все семьи полные. Однако отцы не участвовали в исследовании, поскольку няни в семье заменяли по функционалу только мам своих воспитанников. Функции отца в данной работе не анализировались.

Программа исследования включала три блока методов и методик: для детей, мам и нянь. Для выявления социально-психологических свойств детей (направленности, активности, самостоятельности, эмпатичности) применяли: социометрическое исследование; наблюдение; методику «игра в мозаику», включающую стандартизированное наблюдение за совместной деятельностью детей (авторы Е. О. Смирнова, В. М. Холмогорова); методики «Лесенка» (автор В. Г. Щур), «Незаконченные истории» (авторы Е. О. Смирнова, В. М. Холмогорова), «Эмоциональные лица» (авторы Н. Я. Семаго), «Тест тревожности» (авторы В. Амен, Р. Тэмпл, М. Дорки); методику Рене Жилия. С целью изучения предпочитаемых стратегий профессионального взаимодействия нянь применяли: авторский вариант методики «незаконченных предложений» и авторскую анкету. Анализ психологической готовности мам опирался на данные, полученные с помощью: авторской анкеты, ориентированной на выявление представлений мамы о процессе воспитания ребенка; мини-сочинения «Мой ребенок», методики изучения детско-родительских отношений «АСВ» (авторы Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис). Дополнительно применяли: методику ценностных ориентаций Е. Б. Фанталовой, тест Т. Элерса «Мотивация достижений».

Все полученные данные обрабатывались с помощью регрессионного анализа. В связи с ограничением объема публикации, в работе будет представлена только часть результатов.

Результаты исследования

Предваряя результаты регрессионного анализа, заметим, что на первом этапе исследования выявляли различия в выраженности социально-психологических свойств детей, проявляемых ими во взаимодействии с другими. С этой целью был проведен сравнительный анализ социально-психологических свойств у детей из семей с наемным работником (няней) и из семей без няни (Дробышева, Романовская, 2016). Семьи всех детей были полные, с уровнем материального дохода – средний, выше среднего. На втором этапе исследования провели корреляционный анализ социально-психологических свойств детей из семей с наемным работником, которые отличали их от сверстников, воспитывающихся в раннем возрасте без нянь, и социально-психологических характеристик их мам, предпочитаемых стратегий нянь, а также личностных характеристик самих детей (а именно – тревожности, самооценки, уровня притязаний). В качестве дополнительных переменных рассматривали социометрический статус детей в группе сверстников и наличие в семье сиблингов (брата или сестры). На третьем этапе работы провели регрессионный анализ тех переменных, которые обнаружили взаимосвязь в корреляционном анализе.

В регрессионную модель в качестве *зависимых переменных* включили следующие изучаемые свойства детей: *активность/пассивность* (показатель: эмоциональная вовлеченность во взаимодействие со сверстником), *эмпатичность* (показатели: сопереживание/равнодушие по отношению к сверстнику; проявление чувствительности к сверстнику; формы помогающего поведения (провокационная, прагматическая, безусловная)), *самостоятельность/зависимость* (показатель: привлечение внимания взрослого во взаимодействии с другими). В качестве *независимых переменных* выступили: показатели психологической готовности матери к передаче своих функций по уходу за ребенком няне, стратегии профессионального взаимодействия няни, которые рассматривались в работе как «внешние факторы» и личностные, социодемографические характеристики самих детей, определяемые как «внутренние» факторы изучаемых свойств. В последнем случае исходили из понимания того, что данные личностные характеристики (уровни тревожности, самооценки и притязаний), а также социометрический статус детей в группе сверстников сформированы к 5 годам в тех же условиях семьи, но уже сами обуславливают проявление социально-психологических свойств детей в ситуациях их взаимодействия со сверстниками.

Итак, результаты исследования выявили следующее. Из всех показателей *активности/пассивности*, проявляемой детьми во взаимо-

действии со сверстниками, только «эмоциональная вовлеченность» детей в совместную деятельность с партнерами по игре обнаружила множественную связь с исследованными характеристиками мам, нянь и самих детей. Регрессионный анализ показал ($KMD=0,889$; $KMD_2=0,792$, $F=20,78$; $p<0,001$), что 79% распределения переменной «эмоциональная вовлеченность детей в совместную деятельность со сверстниками» объясняется влиянием совокупности характеристик нянь и мам. В регрессионную модель вошли следующие переменные: предпочтения нянями таких стратегий взаимодействия как «переключение внимания ребенка» и активного вмешательства в конфликтных ситуациях взаимодействия воспитанника со сверстниками, «осознания своего статуса» в ситуациях взаимодействия с мамами воспитанников. В модель также вошла такая переменная как социометрический статус ребенка в группе сверстников.

Интерпретируя полученный результат, можно сделать вывод: чем менее эмоционально включен дошкольник во взаимодействие со сверстниками, тем выше осознание няней своего статуса. Это проявляется, с одной стороны, в ее активном вмешательстве в ситуации конфликтного взаимодействия воспитанника с другими детьми на детской площадке (вместо переключения внимания ребенка), в ее игнорировании некоторых функциональных обязанностей, которые ей навязывает мама. Как показали наши предыдущие исследования, существует область рассогласования взглядов мамы и няни на функциональные обязанности няни (Дробышева, Романовская, 2012). К примеру, мамы хотят, чтобы няни занимались только уходом за ребенком раннего возраста, играли с ним, выводили на прогулку, но не вмешивались в процесс его воспитания. Однако выполнение функциональных обязанностей предполагает и воспитательные действия наемного работника по формированию культурно-гигиенических навыков, правил поведения ребенка в обществе. При этом завышенные оценки социальных качеств ребенка, в представлениях мамы воспитанника, в данном случае выступают неким ориентиром для няни: если мама считает ребенка «успешным» в общении с окружающими, то ребенок не должен испытывать эмоциональный дискомфорт в конфликтных ситуациях взаимодействия со сверстниками. То есть представления мамы в данном случае выступают предиктором профессиональных действий няни. Следствием этого является низкий уровень эмоциональной включенности ребенка в совместную деятельность со сверстниками в детском саду. В отсутствие няни, которая являлась посредником в его отношениях с другими детьми на детской площадке в более раннем возрасте, ребенку сложно разрешать возникающие противоречия с детьми. По всей видимос-

ти, данная ситуация определяет низкий социометрический статус этих детей в группе сверстников. Чаще всего они относятся к категории «низкостатусных», «изолированных», но не «отверженных».

Регрессионный анализ влияния совокупности исследуемых характеристик мамы и няни, а также личностных качеств самого ребенка на показатели его *эмпатичности* выявил следующее. Такая переменная как «*сопереживание/равнодушие по отношению к сверстнику*» обусловлена совокупностью независимых переменных (КМД=0,800; КМД2=0,64; F=29,370; p<0,001): со стороны мамы – «проекция на ребенка собственных нежелательных качеств»; со стороны няни – предпочтение стратегий отстраненности от ситуаций, когда следует учить ребенка сопереживанию другим людям; со стороны ребенка – проявление тревожности в ситуациях взаимодействия с другими детьми, показатели его социометрического статуса. Интерпретируя данную модель, заметим, что чем ниже у ребенка способность к проявлению сопереживания по отношению к сверстнику, тем ниже его социальный статус в группе и выше уровень тревожности в ситуациях взаимодействия с другими детьми. Причина этого кроется в стратегии воспитания мамы, которая делает перенос своих «нежелаемых качеств» на ребенка. Няни же, считают, что формирование способности к эмпатии у ребенка – прерогатива родителей. Как следствие, в группе детей, принимавших участие в исследовании, выявлены низкие показатели сопереживания сверстнику в процессе взаимодействия с ним.

Еще один показатель эмпатичности детей – проявление «*чувствительности к сверстнику*» определялся совокупностью (КМД=0,707; КМД2=0,499; F=8,727; p<0,001) следующих переменных: со стороны мамы – «проекция на ребенка собственных нежелательных качеств», «недостаток запретов в семье», позитивная оценка мамой себя как мамы; со стороны ребенка – тревожность в ситуациях повседневной деятельности. Интерпретируя полученные связи, заметим, чем менее выражено у ребенка проявление чувствительности к сверстнику в процессе совместной деятельности, тем больше мама склонна к переносу собственных нежелательных качеств на ребенка, тем меньше запретов в семье, причем все это связано с позитивной оценкой мамы себя («Я как мама»), и тем выше тревожность ребенка в бытовых ситуациях, связанных с самообслуживанием.

Третий показатель сформированности у ребенка способности к *эмпатии* на поведенческом уровне представлен *формами помогающего поведения* (провокационная, прагматическая, безусловная). В регрессионную модель (КМД=0,739; КМД2=0,547; F=14,474; p<0,001) были включены следующие переменные: проекция на ребенка мамой собственных «нежелательных качеств», предпочитаемая няней

стратегия активного вмешательства во взаимодействие воспитанника со сверстниками и социометрический статус ребенка. То есть поведение детей, реализуемое ими в процессе совместной деятельности со сверстниками и выраженное в форме провокационной или прагматической помощи, связано с использованием мамой стиля воспитания по типу «перенос на ребенка собственных нежелательных качеств» и усилено стратегией активного вмешательства няни в отношения воспитанника со сверстниками. Следствием такого поведения детей является их низкий социометрический статус в группе.

Таким образом, основным предиктором низкой выраженности у детей *эмпатии* (причем как на уровне переживания, так и поведения) является воспитательная стратегия мамы, направленная на перенос своих нежелательных качеств на ребенка. Стратегия вмешательства нянь в отношения воспитанника со сверстниками, ее перенос ответственности за формирование у ребенка способности к эмпатии на родителей, усиливает тенденцию воздействия матери на эмпатичность детей. Тревожность самих детей, проявляемая ими в ситуациях взаимодействия со сверстниками или ситуациях, связанных с самообслуживанием, дополнительно усиливает эффект. В результате дети, не умеющие сопереживать и помогать другим в процессе совместной деятельности, становятся низкостатусными по данным социометрического исследования.

Среди показателей *самостоятельности/зависимости* ребенка, проявляемых при взаимодействии с другими (сверстниками, значимыми чужими взрослыми), в качестве зависимой переменной выступило «привлечение внимания взрослого в игровом взаимодействии со сверстниками» (КМД=0,711; КМД2=0,51; $F=12,299$; $p<0,001$). В результате в качестве независимых переменных в модель вошли следующие характеристики: социометрический статус ребенка, тревожность ребенка в ситуации игрового взаимодействия с младшими детьми; высокий уровень мотивации достижения мам. Причем чем меньше ребенок привлекает внимание взрослого как посредника во взаимодействии с другими детьми, тем выше его социометрический статус в группе и наоборот. Чем выше у мамы уровень мотивации достижения, тем больше ребенок привлекает внимание взрослого, тем больше проявляет тревожность в игровом взаимодействии с младшими детьми.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, заметим, что проведенное исследование подтвердило нашу гипотезу о «комбинированном» влиянии мамы и няни на выраженность социально-психологических свойств

детей, принимавших участие в исследовании. Причем в качестве основных предикторов выступают как нарушения стиля воспитания мамой, ее неуверенность в собственных воспитательных действиях, так и ее неадекватные оценки личностных качеств ребенка, а также собственная высокая мотивация достижения и т. п. Усиливающий эффект влияния мамы обнаружили стратегии профессионального поведения нянь. Их желание стать посредником в отношениях воспитанника с другими детьми, перенос ответственности за формирование способности к эмпатии у детей на их родителей и т. п. в большей степени снижают проявление активности ребенка в совместной деятельности со сверстниками, в частности степень его вовлеченности во взаимодействие с другими детьми, его самостоятельности или эмпатии. Неадекватность восприятия эмоций сверстника в игре, неумение сопереживать ему, ориентация на провокационную или прагматическую формы помогающего поведения в процессе совместной деятельности, в большей степени зависят от выше упомянутых характеристик мамы. Среди внутриличностных детерминант выделилась ситуативная тревожность детей, которая также усиливает влияния мамы и няни на низкую выраженность исследуемых свойств.

В завершение можно сказать, что выявленный эффект выраженности социально-психологических свойств детей, воспитывавшихся в раннем возрасте с нянями, является важной причиной их низкого социометрического статуса в группе сверстников. В целом проведенное исследование показало, что выявленные нами условия ранней социализации в семье с наемным работником (няней) осложняют процесс становления личности как субъекта на ранних стадиях онтогенеза.

Литература

- Дробышева Т. В., Романовская М. А.* Особенности социально-психологических свойств личности в зависимости от условий ранней социализации в семье // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2016. № 3. С. 83–97.
- Дробышева Т. В., Романовская М. А.* Системная детерминация эффектов ранней социализации: образ няни в представлениях мамы воспитанника // Развитие психологии в системе человекознания. Т. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 354–357.
- Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Ломов Б. Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

- Методология комплексного человекознания и современная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психология человека в современном мире. Т. 4. Субъектный подход в психологии: история и современное состояние. Личность профессионала в обществе современных технологий. Нейрофизиологические основы психики: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Сергиенко Е. А.* Развитие идей психологии субъекта А. В. Брушлинского: системно-субъектный подход // Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 54–58.
- Сергиенко Е. А., Журавлев А. Л.* Принцип развития в психологии: разработка и перспективы // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 29–40.
- Субъектный подход в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Determinants of socio-psychological properties of the person in specific conditions of family socialization

*T. V. Drobysheva**, *M. A. Romanovskaya*** (Moscow)

* Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology of RAS

** Institute of Psychology of RAS

This publication presents the results of the regression analysis of the socio-psychological properties of the personality of children, which they exhibit in the interaction with their peers. The study involved children raised at an early age in families with an employee (nanny), their mother and nanny. The expression of social and psychological properties (focus on interaction, activity, independence, empathy) is considered as an effect of specific conditions of family socialization. The subject of the study was the relationship of socio-psychological properties of preschool children, on the one hand, and socio-psychological characteristics of mothers, professional strategies of nannies, personal characteristics of children, on the other hand. It was found that the severity of the studied properties of children is due to the “combined” cause.

Keywords: socio-psychological characteristics, family socialization, an employed worker (nanny), psychological readiness mom to the transfer of its functions to the nurse, “nanny’s children” – children looked after by nannies.

Родительское отношение как фактор обеспокоенности молодых людей своим внешним обликом

И. И. Дроздова, Т. А. Шкурко**, Г. В. Сериков*** (Ростов-на-Дону)*

** кандидат психологических наук, доцент, Академия психологии
и педагогики «Южный федеральный университет»; e-mail: ir_iv2004@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, Академия психологии
и педагогики «Южный федеральный университет»; e-mail: shkurko@sfnedu.ru*

**** кандидат психологических наук, Академия психологии и педагогики
«Южный федеральный университет»; e-mail: serikovg@mail.ru*

В статье рассматривается проблема влияния взаимоотношений в семье на обеспокоенность внешним обликом у молодых людей. Представлен обзор исследований, показывающих, что к факторам восприятия, оценки, самооценки внешнего облика, прежде всего, следует отнести влияние семьи. Авторы приводят результаты исследования взаимосвязей между степенью обеспокоенности старшеклассников внешним обликом и типом родительского отношения. Получены данные о том, что высокая степень обеспокоенности старшеклассников внешним обликом обратно пропорционально взаимосвязана с принятием ребенка родителями. Сделан вывод, что под влиянием отношений межличностной значимости, которыми являются внутрисемейные взаимоотношения, происходит формирование самооценок внешнего облика, формируются предпосылки обеспокоенности внешним обликом у молодых людей.

Ключевые слова: обеспокоенность внешним обликом, тип родительского отношения, эмоциональная близость, степень принятия, требовательность родителей.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01260 «Социальная психология внешнего облика: функции, значимость, удовлетворенность, обеспокоенность, интерпретации в межличностном и внутригрупповом взаимодействии в молодежной среде».

Проблема обеспокоенности своим внешним обликом становится все более актуальной для разных возрастных групп, в особенности для молодежи. Обеспокоенность человека своим внешним обликом является видом социальной тревожности, возникает в связи с предположением о негативном впечатлении внешнего облика на других людей, об их негативной оценке. Степень обеспокоенности является индивидуальной и зависит от ряда факторов. Исследования в этой области привели к идее создания «многофакторной социально-психологической модели изучения отношения к внешнему облику» (Лабунская, Дроздова, 2017). Обеспокоенность внешним обликом у молодых людей традиционно связывают с агрессивным воздействием СМИ, рекламы, которые навязывают недостижимые для большинства людей эталоны красоты (Арина, Мартынов, 2009; Палуди, 2003). Значимость внешнего облика в жизни современного человека, его ценность порождают негативные переживания, тревогу.

К социально-психологическим факторам восприятия, оценки, самооценки внешнего облика, прежде всего, следует отнести влияние семьи. Традиционно в социальной психологии семья рассматривается как институт социализации, где родители выступают в качестве референтного источника в выборе ценностей детьми, оказывающего влияние на самовосприятие ребенка. Чаще всего такого рода исследования связаны с проявлением нарушений пищевого поведения, или так называемых дисморфофобий – избыточной, навязчивой озабоченностью незначительными дефектами или особенностями своего тела. Е. Г. Фильштинская и коллеги (Фильштинская, Аборина, Беленова, 2015), исследуя факторы риска развития анорексии у девушек, анализировали детско-родительские отношения. Результаты показали, что у большинства девушек с анорексией отсутствуют доверительные отношения с родителями.

В. А. Цуркин, Т. Н. Разуваева (Цуркин, Разуваева, 2013) исследовали образ физического «Я» у юношей и девушек с разными типами эмоциональной привязанности к матери, каждый из которых, по его мнению, обеспечивает формирование положительного или отрицательного образа физического «Я». Была обнаружена взаимосвязь между образом физического «Я» девушек и типом их привязанности к матери. Автором сделан вывод о том, что «снижение надежности» привязанности к матери снижает позитивную оценку своей внешности. Для девушек с «надежным» типом привязанности оказались характерными положительные оценки своей внешности, высокая степень когнитивной дифференцированности образа физического «Я». Для девушек с «озабоченным» типом привязанности характерно удовлетворительное отношение к своему внешнему об-

лику, тип субъективного восприятия тела соответствует телосложению, уровень когнитивной дифференцированности выше среднего. Границы образа тела у испытуемых, отнесенных к этой подгруппе, неоднородны, характеризуются как высоким, так и низким уровнем сформированности, защищенности и «автономности». Для девушек с дистанцированным типом эмоциональной привязанности к матери характерно отрицательное отношение к собственной внешности, искаженный образ физического «Я», средний уровень когнитивной дифференцированности, несоответствие образа физического «Я» реальному конституциональному типу, в оценке собственной внешности преобладает отвержение. Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что привязанность к матери является первичным фактором, в условиях которого формируется отношение к своему телу, определяющее особенности физического Я во взрослости.

Говоря о влиянии семьи как малой группы на оценку и самооценку внешнего облика человека недостаточно рассматривать только привязанность к матери. П. М. Тарханова, А. Б. Холмогорова делают вывод о том, что «неудовлетворенность своим телом» и «нездоровое пищевое поведение девочек-подростков» взаимосвязано с личностными и поведенческими особенностями их матерей. Они объясняют это тем, что родители «служат ролевыми моделями» для своих детей. В случае когда дочери «чувствуют» достаточно интенсивную озабоченность собственной внешностью у своих матерей и являются свидетелями того, как матери постоянно ограничивают себя в еде, жалуются на свой внешний вид, т.е. проявляют обеспокоенность по поводу своей внешности, риск возникновения у детей неудовлетворенности своим внешним обликом возрастает. Те же авторы, ссылаясь на исследование R. H. Striegel-Moore, A. Kearney-Cooke, отмечают, что причины неудовлетворенности собственной внешностью могут быть связаны с детским опытом взаимодействия с родителями, акцентирующими внимание своих детей на будто бы имеющихся дефектах их внешности и стимулирующими в них стремление бороться с этими недостатками. В итоге авторы делают вывод о том, что поведение родителей оказывает очень большое влияние на то, как ребенок воспринимает свое тело, играет даже более важную роль, чем средства массовой информации (Тарханова, Холмогорова, 2011).

Указывая на роль семейных факторов в формировании самооценки внешнего облика, в качестве важного фактора, влияющего на неудовлетворенность и обеспокоенность своим внешним обликом для молодых людей, авторы рассматривают особенности детско-родительских отношений. О. Б. Крушельницкая, И. В. Харинова (Крушельницкая, Харинова, 2006), исследовавшие взаимосвязь

стиля родительского отношения и различных аспектов отношений межличностной значимости подростка с его ближайшим окружением, делают вывод о необходимости оптимизации системы отношений межличностной значимости подростка с его ближайшим окружением, поскольку привязанность к матери, будучи феноменом, неизменным на всем протяжении жизни, формирует базовое отношение к себе. Е. Е. Энгельгардт (Энгельгардт, 2008) выявила устойчивые связи между стилем родительских установок и характером формирования самооценки подростков. Установлено, что влияние опосредовано возрастом ребенка и полом родителей. Можно предположить, что наибольшее значение имеет характер взаимоотношений с родителями. Известно, что для формирования Я-концепции ребенка важны такие параметры родительского отношения, как уровень контроля, степень эмоциональной близости, степень принятия.

Высказываются предположения о том, что, как правило, родители транслируют то, что им нравится, как выглядят их дети в раннем возрасте, но, по мере взросления детей, степень неудовлетворенности ими, в том числе их внешним обликом, возрастает. В исследовании Е. В. Капитановой (Капитанова, 2015) было выявлено, что оценки родителями внешнего облика своих детей могут изменяться в представлениях детей в зависимости от периода оценивания их внешнего облика (детство, отрочество, юность). Было установлено, что в представлениях юношей и девушек об оценках родителями их внешнего облика в различные периоды жизни наиболее высокие показатели оценок соответствуют детскому возрасту, наиболее низкие подростковому возрасту. Юноши и девушки считают, что родители оценивают их внешний облик в настоящее время выше, чем в подростковом возрасте, но ниже, чем в детстве. Полученные данные позволяют сделать вывод о влиянии на самооценку не просто оценок внешнего облика родителями, а о влиянии сложившихся и отрефлексированных представлений о том, как оценивался внешний облик ими на протяжении различных периодов жизни. То есть оказывать влияние на самооценку внешнего облика, на появление обеспокоенности внешним обликом у молодых людей будут субъективные представления об оценках их внешнего облика родителями.

Несмотря на устойчивый интерес к проблеме влияния семьи на самооценку внешнего облика у молодых людей, неизученным остается то, как взаимоотношения в семье влияют на появление обеспокоенности внешним обликом, каковы механизмы формирования представлений об оценках внешнего облика во взаимоотношениях внутри семьи и как они влияют на обеспокоенность молодых людей внешним обликом.

Нами было проведено исследование, в котором приняли участие старшекласники (учащиеся 10-х классов). Для определения степени обеспокоенности внешним обликом использовали шкалу «Обеспокоенность» из анкеты «Отношение к своему внешнему облику» (Лабунская, Капитанова, 2017); типы родительского (материнского) отношения в семьях старшекласников определяли с помощью методики И. И. Марковской «Взаимодействие родитель—ребенок» (Марковская, 2005). Были соотнесены полученные показатели степени обеспокоенности старшекласников своим внешним обликом и типы родительского (материнского) отношения к ним в семье. Использовали коэффициент ранговой корреляции r Спирмена. В нашем исследовании корреляция является достоверной при уровне значимости $p=0,01$, если коэффициент корреляции больше $r=0,30$; при уровне значимости $p=0,05$, $r=0,22$. Проверка показала наличие значимых взаимосвязей степени обеспокоенности старшекласников своим внешним обликом и типами родительского (материнского) отношения к ним. Во-первых, высокая степень обеспокоенности старшекласников внешним обликом взаимосвязана с высокой требовательностью со стороны родителей (положительная корреляция $r=0,25$, $p=0,05$). Во-вторых, высокая степень обеспокоенности подростков внешним обликом взаимосвязана с высокой строгостью родителя (положительная корреляция $r=0,22$, $p=0,05$). В-третьих, высокая степень обеспокоенности старшекласников внешним обликом обратно пропорционально взаимосвязана с эмоциональной близостью ребенка к родителю (отрицательная корреляция $r=-0,24$, $p=0,05$). В-четвертых, высокая степень обеспокоенности старшекласников внешним обликом обратно пропорционально взаимосвязана с принятием ребенка родителями (отрицательная корреляция $r=-0,32$, $p=0,01$).

Заключение

Результаты исследования показывают что, во-первых, чем более требователен родитель, чем больше родители ожидают от ребенка, тем выше степень обеспокоенности ребенка своим внешним обликом. Во-вторых, чем суровее и строже меры, применяемые к детям, чем жестче правила, устанавливаемые во взаимоотношениях между родителями и детьми и высока степень принуждения детей к чему-либо, тем выше степень обеспокоенности старшекласников своим внешним обликом. В-третьих, если тип родительского отношения таков, что подросток близок с родителями, проявляет желание делиться самым сокровенным и важным с родителями, то у него

в меньшей степени проявляется обеспокоенность тем, как он выглядит, что по поводу его внешности думают другие.

Известно, что поведение родителей может восприниматься детьми как принимающее или отвергающее. Принятие ребенка как личности является важным условием благоприятного развития ребенка, его самооценки, в том числе оно помогает человеку правильно оценить свой внешний облик, избежать высокой степени проявления обеспокоенности своим внешним обликом.

Таким образом, под влиянием отношений межличностной значимости, которыми являются внутрисемейные взаимоотношения, происходит формирование самооенок внешнего облика, формируются предпосылки обеспокоенности внешним обликом у молодых людей.

Литература

- Арина Г. А., Мартынов С. Е.* Средства массовой информации как фактор возникновения озабоченности собственной внешностью в юношеском возрасте // *Культурно-историческая психология*. 2009. № 4. С. 105–114.
- Капитанова Е. В.* Представления о родительской оценке в различные периоды жизни как фактор самооценки внешнего облика юношей и девушек // *Известия Южного федерального университета. Педагогические науки*. 2015. № 10. С. 108–114.
- Крушельницкая О. Б., Харинова И. В.* Особенности отношений межличностной значимости подростка с его ближайшим окружением // *Социально-психологические проблемы образования. Вопросы теории и практики: Сборник научных трудов. Вып. 4 / Под ред. М. Ю. Кондратьева. Ч. II. М.: МГППУ, 2006. С. 25–32.*
- Лабунская В. А., Дроздова И. И.* Теоретико-эмпирический анализ влияния социально-психологических факторов на оценки, самооценки молодыми людьми внешнего облика // *Российский психологический журнал*. 2017. Т. 14. № 2. С. 202–226.
- Палуди М.* Психология женщины. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
- Тарханова П. М., Холмогорова А. Б.* Социальные и психологические факторы физического перфекционизма и неудовлетворенности своим телом // *Психологическая наука и образование*. 2011. № 5. С. 52–60.
- Фильштинская Е. Г., Аборина М. В., Беленова М. Т.* Факторы риска развития анорексии у девушек // *Universum: психология и образование*. 2015. № 9–10 (19). URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24190271&>.
- Цуркин В. А., Разуваева Т. Н.* Особенности физического Я у лиц с разными типами привязанности к матери // *Научные ведомости*

- Белгородского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2013. Т. 20. № 27 (170). С. 308–313.
- Энгельгардт Е. Е.* Социальная ситуация развития и самооценка девочек разного возраста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2008. Вып. 3. С. 55–61.

Parenting as a factor of young people's concern for their appearance

*I. I. Drozdova**, *T. A. Shkurko***, *G. V. Serikov**** (*Rostov-on-Don*)

* Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Academy of psychology and pedagogy of the Federal State Unitary Enterprise “Southern Federal University”

** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Academy of psychology and pedagogy of the Federal State Unitary Enterprise “Southern Federal University”

*** Candidate of Psychological Sciences, Academy of psychology and pedagogy of the Federal State Unitary Enterprise “Southern Federal University”

The article deals with the problem of the influence of relationships in the family on the concern with the appearance of young people. The review of studies showing that the influence of the family is primarily related to the factors of perception, evaluation, and self-image of the external appearance is presented. The authors cite the results of a study of the relationship between the degree of concern of high school students with the appearance and type of parental relationship. Data have been received that a high degree of concern for high school students with an external appearance is inversely related to the adoption of the child by the parents. It is concluded that under the influence of interpersonal relationships, which are. Data have been received that a high degree of concern for high school students with an external appearance is inversely related to the adoption of the child by the parents. It is concluded that under the influence of interpersonal relationships, which are intrafamily relationships, the formation of self-assessments of the external appearance is taking place, the prerequisites for concern with appearance in young people are formed.

Keywords: concern with appearance, type of parental relationship, emotional intimacy, degree of acceptance, exactingness of parents.

Социально-психологический механизм ментального освоения новых технологий

Т. П. Емельянова, И. Е. Вopilова** (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН;*

e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

*** Институт образования НИУ ВШЭ;*

e-mail: irina.vopilova@gmail.com

Конструирование социальных представлений (СП) о новых медицинских технологиях происходит под действием ряда ментальных механизмов, в частности закрепления (анкеровки) СП в системе уже имеющихся в арсенале здравого смысла базовых категорий (тематах). В задачи исследования входило определение ядра СП об ЭКО и суррогатном материнстве с последующим выявлением темат, на которых базируются сконструированные СП. Для проведения исследования был разработан опросник, включающий свободные ассоциации к понятиям «Экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО)» и «Суррогатное материнство», а также блок социально-демографических вопросов. Всего в исследовании приняли участие 177 чел. (85% женщин, средний возраст – 33 года; 15% мужчин, средний возраст – 36,8 года). Результаты исследования ассоциаций позволяют утверждать, что одним из механизмов конструирования нового СП об ЭКО и суррогатном материнстве является закрепление СП на таких базовых категориях (тематах), как свой/чужой, естественное–природное/неестественное–искусственное, счастье–радость/несчастье–беда. Механизм закрепления также непосредственно затрагивает и проблематизирует такие категории, как ребенок, мать, семья, родство.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, социальные представления, ЭКО, суррогатное материнство, тематы, антиномии здравого смысла.

Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), бурно развивающиеся в последние десятилетия, представляют собой феномены, которые вызывают оживленные дискуссии в обществе, ставят ряд этических, психологических, юридических и экономических проблем, вынуждают социальные группы вырабатывать особый язык описания для понимания нового явления. Так, при помощи социологических и психологических методов исследуются практики взаимоотношений между донорами и реципиентами половых клеток (Русанова, 2013), суррогатными матерями и принимающими семьями (Исупова, 2014), клинико-психологические особенности женщин и мужчин, страдающих от бесплодия. Экономисты свидетельствуют о возникновении новых рынков услуг и специфического репродуктивного туризма, юристы изучают практики легализации новых типов отношений и урегулирования семейных коллизий. Несомненно, тематика ВРТ находит отражение и в психологических исследованиях. Однако наш предварительный анализ показал, что большинство психологических статей посвящено клиническим исследованиям психологического состояния женщин и пар, применяющих различные репродуктивные технологии, их личностным особенностям, в то время как *социально-психологические* аспекты распространения и применения ВРТ оказываются недостаточно изученными.

Появление и быстрое распространение новых репродуктивных технологий, решая важнейшую проблему бесплодия, в то же время ставит перед обществом ряд новых моральных и этических вопросов, касающихся сути человеческой природы, допустимости применения тех или иных методов в различных ситуациях. Можно ли проводить эксперименты над человеческими эмбрионами? Как меняется процесс деторождения с применением ЭКО? Оправдан ли генетический скрининг и манипуляции с геномом? Как относиться к суррогатному материнству и кем являются друг для друга люди, вступившие в столь непростые отношения? Можно ли продолжать эксперименты по применению искусственной матки, предполагающей развитие эмбриона вне тела женщины, учитывая, что такая технология может спасти не одну жизнь, но побочные эффекты ее применения пока не изучены? Эти и многие другие вопросы нуждаются в социально-психологическом изучении, в исследовании особенностей репрезентации различными группами новых явлений и технологий (подробнее см.: Нестик, Журавлев, 2018).

Поднятая С. Московиси проблема трансформации научных концепций в обыденном сознании и превращения их в здравый смысл является чрезвычайно актуальной в наши дни. В эпоху новых технологий, с одной стороны, и возрастающего влияния СМИ на сознание

населения, с другой, важно понять *механизмы конструирования* тех феноменов обыденного сознания, которые порождаются возникновением технологических инноваций. Ведь именно они – *социальные представления* (СП) о науке и технологиях, а не сами технологии и наука – определяют менталитет и, в конечном счете, поведение людей (подробнее о формировании менталитета см.: Кольцова, Журавлев, 2016; и др.). Содержание социальных представлений о ВРТ, в особенности об экстракорпоральном оплодотворении (ЭКО) и суррогатном материнстве являются актуальной проблемой, требующей социально-психологического изучения. Кроме того, ЭКО и суррогатное материнство являются «выпуклыми» социальными объектами, характеризующимися новизной, этической и эмоциональной неоднозначностью, что стимулирует появление СП в общественном сознании.

В качестве методологической базы нашего исследования была выбрана теория социальных представлений С. Московичи, поскольку ее понятийный аппарат позволяет анализировать особенности дискурса, категорий, которые используются людьми для описания и понимания новых социальных объектов и явлений, а также позволяет изучать распространение научного знания в непрофессиональной среде. *Конструирование* СП о новых, малопонятных явлениях, в том числе, медицинских технологиях происходит, по мысли Московичи, благодаря ряду ментальных механизмов, в частности закреплению (анкеровке) новых понятий в системе уже имеющихся в арсенале здравого смысла категорий. Речь идет о социальных конструкциях, которые относятся к смыслам, производимым индивидами, сообществами и их институтами в повседневности (Moloney et al., 2016, p. 221). В этом теоретическом контексте понятие «тематы» (*thêmata*) позиционируется как то, что является основанием знания здравого смысла (Moscovici, Vignaux, 1994). Понятие темат было введено Московиси для объяснения этого конструкта он приводит аналогию арки, опоры, которая придает форму и структуру социальному пониманию смысла нового явления. Это своего рода *предпонятия*, глубоко закреплённые в коллективной памяти (там же) и являющиеся предшественниками возникающих СП. Последователями Московичи тематы описывались как латентные векторы общественной мысли (Smith, Joffe, 2012, p. 16). M. W. Bauer и G. Gaskell говорят о «социальном расщеплении, возникающем во времени или в пространстве, когда пути разных групп пересекаются» (Bauer, Gaskell, 1999). Некоторые антиномии могут стать тематами в момент общественных катаклизмов, т. е. когда общество сталкивается с новшеством или угрожающим явлением, в форме идеи, практики или события (Markova, 2003).

Актуализированные в полемике антиномии порождают общественные споры и диалоги, которые являются частью процесса коллективного коупинга (там же). Например, в 1967 г. западный мир столкнулся с первой пересадкой сердца Кристианом Барнардом. Общественные дебаты сводились к антиномии жизнь/смерть, я/другой (Moloney, Walker, 2000), порождая репрезентационное поле через борьбу ментальных оппозиций.

Но, что также важно, более чем любое другое понятие, в теории СП темы позволяют обеспечить проявление и социокультурной интеграции социальной мысли (Markova, 2003). Как предпонятия, укорененные в коллективной памяти, темы позволяют установить связь между древними и новыми способами понимания и осмысления социальных явлений. Таким образом они высвечивают влияние прошлого одновременно на процесс обновления и на сохранение традиции в ментальности. Обнаружение тем могло бы объяснить процессы наложения, чередования или множественности СП (Moloney et al., 2016).

Несмотря на то, что понятие тем было введено в начале 1990-х годов, существует относительно мало исследований, анализирующих роль тем в порождении СП. Вероятно, это обусловлено методологическими трудностями относительно возможности распознавания тем. Как непосредственное содержание темы не появляются в словесном выражении (там же). К настоящему времени понятие темат используется для изучения способов понимания на социальном уровне различного круга вопросов, например, глобального потепления (Smith, Joffe, 2012), СПИДа как чумы гомосексуалистов (Markova, 2003), донорства органов, донорства крови (Moloney et al., 2005) и др.

В *задачи* нашего исследования входило определение ядра социальных представлений об ЭКО и суррогатном материнстве с последующим выявлением темат, на которых базируются сконструированные СП. Для проведения исследования был разработан *опросник*, включающий свободные ассоциации к понятиям «Экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО)» и «Суррогатное материнство», а также блок социально-демографических вопросов.

Опрос проводился в электронной форме. Респондентам предлагалось дать от 1 до 7 ассоциаций к исследуемым понятиям. Для дальнейшей обработки полученных ассоциаций применялась методика П. Вержеса (Vergès, 1994), позволяющая описать структуру социального представления, выделить ядро представления и его периферию. В рамках данной методики полученные ассоциации предлагалось анализировать, основываясь на двух показателях — частоте появления ассоциации в ответах респондентов и ранге ее появления, при-

чем основному анализу подлежали только понятия, преодолевшие определенный частотный порог (в нашем исследовании мы учитывали понятия, указанные не менее чем 5% респондентов). Пересечение медианы частоты и среднего ранга понятия образуют четыре области. Понятия, характеризующиеся высокой частотой и низким рангом, образуют ядро социального представления (Vergès, 1994). Всего в исследовании приняли участие 177 чел. (85% женщин, средний возраст – 33 года; 15% мужчин, средний возраст – 36,8 года). Преимущественно (85% выборки) респонденты проживают в городах с населением более 1 млн человек, 93% респондентов имеют высшее образование, 7% – незаконченное высшее либо среднее профессиональное.

Из всего полученного массива ассоциаций (883 ассоциации для понятия «ЭКО» и 746 ассоциаций для понятия «Суррогатное материнство») путем объединения близких синонимов и разных словоформ одного и того же слова были составлены словари понятий, которые затем были обработаны согласно методики П. Вержеса. Ассоциации об ЭКО и суррогатном материнстве, преодолевшие 5-процентный порог, охватывают 54,1% и 57,1%, соответственно, от всех названных респондентами ассоциаций.

Ядро социального представления об ЭКО включает такие понятия, как ребенок/дети, бесплодие, пробирка, искусственное/неестественное, возможность/шанс, близнецы. Первая периферия состоит из следующих понятий: деньги/дорого, проблемы/сложности, медицина, врач, счастье/радость, беременность, яйцеклетка, помощь, оплодотворение. Ядро социального представления о суррогатном материнстве (СМ) включает понятия искусственное/неестественное, чужое/не свое, заработок/деньги/корысть, помощь, бесплодие, женщина, страх, отчаяние. Близкая к ядру часть периферии состоит из ассоциаций деньги/дорого, возможность/шанс, ребенок/дети, законодательство, проблемы/сложности, эксплуатация, работа/услуга, отказ/сложно отдать, вынашивание, беременность, инкубатор/оболочка, мать.

Как было показано в цитированных нами исследованиях СП, формирование обыденного знания о новых технологиях происходит отнюдь не в информационном вакууме, а скорее встраивается в уже существующую систему понятий и категорий, определяющих важные стороны жизни. Среди понятий, входящих в состав представлений об ЭКО и СМ, можно выделить категории, представляющие собой базовые, родовые понятия. Такие категории – темы, в терминах теории социальных представлений, – систематизируют мышление, во многом задают контекст восприятия информации

о новых объектах и явлениях, определяют широкое смысловое поле, которое дополняют, в частности, репрезентации новых репродуктивных технологий.

Общими в представлениях об ЭКО и суррогатном материнстве являются категории искусственности и неестественности, которые включают в себя также ассоциации «протиестественно», «против природы» и другие синонимы. Данная категория, с одной стороны, говорит о том, что переживание неестественности является важным элементом представления, но с другой, сама по себе она не дает информации о том, почему противопоставление естественности и неестественности становится столь значимым для респондентов. Результаты дополнительно проведенных нами интервью позволяют предположить наличие конкурирующих и даже разнонаправленных дискурсов, центрированных на категории неестественности. С одной стороны, речь идет о дарвинистском дискурсе, в ходе которого респонденты рассуждают о том, что вторжение в естественный процесс может привести к сбоям в природных механизмах, передаче «слабых» генов, которые затем существенно ослабят человечество в целом. С другой стороны, категория неестественности в нарративах респондентов связывается с нарушением интимности, с технологизацией таинства зачатия, что в целом является частью сакрального дискурса. Данная категория остается сквозной для большинства интервью и в целом апеллирует к базовому, прототипическому понятию о естественном и искусственном, природном и рукотворном, созданном самим человеком в противовес созданному природой, богом или эволюцией.

Важной категорией представления о суррогатном материнстве является категория чужое/не свое, в которую были объединены такие ассоциации, как «чужая», «чужой человек», «чужая мать», «вынашивать чужого ребенка», «чужое тело», «чужая матка». Противопоставление свой/чужой описано многими этнографами и антропологами как одно из определяющих понятий для любой культуры. Можно предположить, что такие ассоциации говорят о проблематизации родственных отношений в обществе, осмыслении новых форм семьи, осмыслении участия «дополнительных» людей в рождении ребенка и попытках заново определить границы семьи, понять, кто свой, а кто — чужой.

Отличает данные представления различная эмоциональная окраска: если в представлении об ЭКО, помимо негативно нагруженных ассоциаций, присутствуют ассоциации радость, счастье, надежда, то в представлении о суррогатном материнстве скорее наблюдаются негативно окрашенные ассоциации — страх, отчаяние

и безысходность, которые входят в ядро представления. Полярные эмоции так же, как и другие полярные категории задают координаты для культурного, смыслового поля, в которое встраиваются репрезентации тех или иных объектов, явлений. В целом представление о суррогатном материнстве можно считать более противоречивым и эмоционально «заряженным»: отношения между суррогатной матерью и клиентами представляются весьма напряженными (категория «отказ» объединяет в себе ассоциации «сложно отдать», «психологически трудно отказаться от ребенка» и сочетается с категориями обмана и риска того, что суррогатная мать не отдаст ребенка). Представление включает одновременно категории помощи и заработка/наживы, договора/работы/услуг и в то же время эксплуатации.

Изучение обыденного дискурса того языка, которым различные социальные группы описывают новые явления, дает возможность реконструировать отношения, в которые вступают сообщества и отдельные люди, прибегая к новым биомедицинским технологиям. Выявленные категории высвечивают острые и порой злободневные проблемы (например, законодательные коллизии, формирование новых рынков медицинских услуг, защита прав родителей, детей, доноров). Наше исследование ассоциаций к разным видам ВРТ дает основание говорить о том, что одним из механизмов конструирования нового социального представления об ЭКО и суррогатном материнстве является закрепление СП на таких базовых категориях (тематах), как свой/чужой, естественное—природное/неестественное—искусственное, счастье—радость/несчастье—беда. Механизм закрепления непосредственно затрагивает (и, возможно, проблематизирует, ставит под вопрос привычное понимание) такие категории, как ребенок, мать, семья, родство, а также содержит много отсылок к телесности и гендеру. Изучение процесса и характеристик закрепления социального представления о ВРТ в категориях, укорененных в коллективной памяти, задающих координаты для восприятия мира в целом, взаимосвязи нового социального представления с традиционно существующими в культуре категориями — тематами — открывает пути для дальнейших исследований.

Литература

Исупова О. Г. Роды как ценность в интернет-дискурсе субфертильных женщин о донорстве яйцеклеток и суррогатном материнстве // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 3. С. 381–397.

- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Российский менталитет как предмет психологического исследования: существенные характеристики и факторы формирования // *Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 7–37.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Психологические факторы негативно-го отношения россиян к новым технологиям // *Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 36–48.
- Русанова Н. Е.* Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы // *Журнал исследований социальной политики.* 2013. Т. 11. № 1. С. 69–86.
- Bauer M. W., Gaskell G.* Towards a paradigm for research on social representations // *Journal for the Theory of Social Behaviour.* 1999. № 29 (2). P. 163–186.
- Markova I.* Dialogicality and social representations: The dynamics of mind. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Moloney G., Walker I.* Messiahs, Pariahs and Donors: The Development of Social Representations of Organ Transplants // *Journal for the Theory of Social Behaviour.* 2000. № 30 (2). P. 203–227.
- Moloney G., Hall R., Walker I.* Social representations and themata: The construction and functioning of social knowledge about donation and transplantation // *British Journal of Social Psychology.* 2005. № 44 (3). P. 415–441.
- Moloney G., Jedrzyjczyk Ch., Hall R.* Thèmes et représentations sociales // *Les représentations sociales: Théories, méthodes et applications / Sous la direction de Grégory Lo Monaco, Sylvain Delouvé et Patrick Rateau.* Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur, 2016. P. 219–225.
- Moscovici S., Vignaux G.* Le concept de thèmes // *Structures et transformations des représentations sociales / C. Guimelli (Ed.).* Neuchâtel: Delachaux et Niestlé, 1994. P. 25–72.
- Smith N., Joffe H.* How the public engages with global warming: A social representations approach // *Public Understanding of Science.* 2012. № 22 (1). P. 16–32.
- Vergès P.* Noyau central. Saillance et propriétés structurales // *Textes sur les Représentations Sociales.* 1994. № 3. P. 3–12.

Social-psychological mechanism of mental familiarization of new technologies

*T. P. Emelyanova**, *I. E. Vopilova*** (Moscow)

* Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology of RAS

** Institute of Education, National Research University

“Higher School of Economics”

The construction of social representations (SR) about new medical technologies takes place under the influence of a number of mental mechanisms, in particular the anchoring of joint ventures in the system of basic categories already available in the arsenal of common sense (themata). The research tasks included the determination of the core of SR on IVF and surrogate motherhood with the subsequent detection of the themata on which the constructed SR are based. For the study, a questionnaire was developed, including free associations for the concepts of “In Vitro Fertilization (IVF)” and “Surrogate Motherhood”, as well as a block of socio-demographic issues. 177 people participated in the study (85% of women, the average age of 33, 15% of men, the average age of 36,8 years). The results of the study of associations suggest that one of the mechanisms for constructing a new SR on IVF and surrogate motherhood is the consolidation of SR in such basic categories as own/alien, natural/artificial, happiness/misfortune. The mechanism of fixing also directly affects and problematizes such categories as the child, the mother, the family, the consanguinity.

Keywords: assistive reproductive technologies, social representations, in vitro fertilization, surrogate motherhood, themata, common sense antinomies.

Проблема глобальных рисков в социально-психологических исследованиях

*Т. П. Емельянова**, *Т. А. Нестик*** (Москва)

** доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН;
e-mail: t_emelyanova@inbox.ru*

*** доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: nestik@gmail.com*

В статье предлагается определение и структура отношения личности и группы к глобальным рискам. Выделяются ценностно-мотивационные, когнитивные, аффективно-оценочные и предповеденческие его компоненты. Анализируются направления исследований глобальных рисков в социальных науках и психологии: социология рисков, теория геополитических рисков и психология ядерного сдерживания, психология терроризма, социология устойчивого развития и жизнеспособности социальных групп, психология экологических рисков и природосберегающего поведения, социология отношения к новым технологиям. Проведенный анализ зарубежных и отечественных исследований показывает, что малоизученным остается отношение личности и социальных групп к «большим вызовам», которые прочно вошли в политическую риторику, но по-разному интерпретируются в общественном сознании. В мировой науке в настоящее время отмечается дефицит социально-психологических исследований отношения к рискам и различным способам их преодоления.

Ключевые слова: глобальные риски, катастрофы, коллективный образ будущего, когнитивные искажения, социальные представления, экологическое сознание, доверие, глобальная идентичность.

Под *глобальными рисками* понимаются вероятные события или условия, которые могут нанести серьезный урон одновременно несколь-

Исследование выполняется по гранту РНФ № 18-18-00439 «Психология человека в условиях глобальных рисков».

ким странам или отраслям мировой экономики. Наиболее важными трендами, которые будут влиять на мировое развитие в ближайшие 10 лет, признаны увеличение разрыва между богатыми и бедными, изменение климата, растущая поляризация в международных отношениях, растущая зависимость от цифровых технологий и старение населения. При этом в пятерке наиболее вероятных рисков, по мнению экспертов, оказались экстремальные погодные явления, массовая вынужденная миграция населения, крупные природные катастрофы, крупномасштабные террористические атаки, а также кража данных в Интернете (The Global Risks Report, 2017). Эксперты Института будущего человечества при Оксфордском университете в качестве наиболее вероятных в настоящий момент рисков называют угрозы ядерной войны и глобальной эпидемии. В исследованиях, посвященных глобальным рискам, одним из ключевых барьеров на пути к своевременному выявлению и предотвращению таких рисков признается их психологическая специфика: недооценка людьми вероятности таких рисков и отнесение времени их наступления в отдаленное будущее.

Человечество достигло такого уровня технического развития, когда вероятность его выживания напрямую зависит от отношения к глобальным рискам, т. е. характерных для членов определенной социальной группы особенностей антиципации, переживания и осмысления, во-первых, самих глобальных угроз, а также, во-вторых, совместной деятельности представителей своей и чужих групп, направленной на их выявление, создание, использование или предотвращение.

К *ценностно-мотивационным компонентам* отношения личности и группы к глобальным рискам можно отнести субъективную значимость глобальных рисков для настоящего и будущего личности и группы, ценность человеческой жизни, продолжения человеческого рода и благосостояния будущих поколений. Сюда же относится оценка моральной допустимости различных способов использования, провокации или предотвращения глобальных кризисов.

К *его когнитивным компонентам* относится содержание представлений о глобальных угрозах, их источниках и последствиях; оценка вероятности рисков и возможности выживания; оценка способности отдельных людей, социальных групп и человечества в целом прогнозировать риски и влиять на развитие будущих событий; оценка отдаленности рисков во времени, долгосрочности их воздействия и последствий; представления о своем и чужом вероятном поведении в условиях катастрофы; представления о способах предотвраще-

ния рисков, их последствиях; представления о социальных группах, с действиями которых связана реализация риска или его преодоление.

В числе *аффективно-оценочных* компонентов следует выделить уровень тревоги в связи с определенными рисками, выраженность позитивной или негативной оценки ближайшего, среднесрочного и отдаленного будущего человечества, общий уровень оптимизма в отношении будущего — своего и своей социальной группы.

К *конативным компонентам* отношения личности и группы к глобальным рискам относятся готовность участвовать в тех или иных совместных действиях по прогнозированию, предотвращению, использованию или провоцированию глобальных угроз; готовность к тем или иным действиям во время и после катастрофы.

Среди *содержательных* характеристик отношения личности и группы к глобальным рискам можно выделить индивидуальные и групповые представления о рисках, их причинах и последствиях, вероятности и отдаленности во времени, возможных и допустимых способах их предотвращения, а также представления о социальных группах, вовлеченных в формирование глобальных рисков и управление ими. Отношение личности и группы к глобальным рискам может быть генерализованным или, напротив, парциальным, когда представления об одних угрозах достаточно отчетливы, а представления о других не сформировались.

Среди *формально-динамических* характеристик отношения к глобальным рискам следует выделить значимость их для личности и социальной группы, структуру, внутреннюю согласованность и когнитивную сложность представлений о глобальных рисках, устойчивость этих представлений во времени, скорость их конструирования и трансляции в обществе, степень распространенности и однородности отношения к глобальным рискам среди различных социальных групп.

В психологических исследованиях, посвященных психологии восприятия людьми глобальных рисков, выявлены когнитивные искажения, затрудняющие адекватную оценку рисков: дисконтирование будущего, осмысление таких рисков в абстрактных категориях, нечувствительность к масштабу возможных жертв и блокирование эмпатии, сверхоптимизм и неготовность личности включать эти возможные события в свои жизненные сценарии и планы и др. (Нестик, Журавлев, 2018). Вместе с тем данные исследования были сосредоточены на отдельных типах глобальных рисков (глобальное потепление, природные бедствия, ядерная угроза), ограничивались индивидуальным уровнем анализа и когнитивными процессами. Социально-

психологические механизмы формирования отношения личности и группы к глобальным рискам остаются мало изученными.

Можно выделить несколько *направлений исследования отношения человека* к глобальным рискам: социология рисков, теория геополитических рисков и психология ядерного сдерживания, психология терроризма, социология устойчивого развития и жизнеспособности социальных групп, психология экологических рисков и природосберегающего поведения, социология отношения к новым технологиям.

Ключевой проблематикой исследований в области социологии глобальных рисков является феномен глобализации и формирования общества рисков (Э. Гидденс, Н. Луманн, У. Бек). Современные риски глобализуются: даже повседневные решения отдельных людей оказываются связанными с глобальными последствиями, риск оказывается неотъемлемой характеристикой любого социального действия. В обществе риска солидарность формируется на почве страхов. Переживание глобальных угроз и осознание схожести реакции на эти угрозы у жителей других государств ускоряет формирование воображаемых глобальных сообществ. Полемика вокруг того, что считать риском и с какой вероятностью, опирается не только на личные и групповые интересы, но и на социокультурные механизмы, конструирующие массовые страхи.

В исследованиях *информационных рисков*, связанных с распространением ложной информации и формированием социальной базы для популистских, упрощенных подходов к решению глобальных проблем, наиболее актуальным направлениям исследований является выявление социально-психологических механизмов формирования «эхо-камер» в социальных сетях и пользовательских сообществах, когда цифровые технологии исключают возможность получения пользователями информации, расходящейся с их собственным мнением, а идеи распространяются в закрытой среде «френдов», адреса которой соглашаются друг с другом и слушают сами себя (Михеев, Нестик, 2017).

Восприятие террористической угрозы населением тесно связано с комплексными теоретико-эмпирическими исследованиями представлений и психологических особенностей переживания людьми террористической угрозы и влиянием этих событий на мысли, чувства и поведение людей (Н. В. Тарабрина, В. В. Знаков, В. А. Соснин, Ю. В. Быховец и др.). В целом исследования указывают на необходимость более детального изучения последствий воздействия терактов на макропсихологические характеристики общества (см.: Макропсихология..., 2009; и др.). Особого внимания требует проблема влияния переживания террористической угрозы на отношение

к другим глобальным рискам и способам их предотвращения, на глобальную, гражданскую и этническую идентичность, на политические ориентации и поведение избирателей (подробнее см. также: Ковалева, Журавлев, 2017; Психологические исследования..., 2018; и др.).

В социологических, политологических и психологических исследованиях, посвященных ядерной угрозе и геополитической стабильности, рассматриваются преимущественно когнитивные аспекты сдерживания, психологические последствия ядерной угрозы, психология поведения людей, выживших после ядерного удара, восприятие ядерной угрозы (Журавлев и др., 2016). После спада популярности ядерной темы у психологов в 1990-е годы, связанного с прекращением холодной войны, число соответствующих публикаций снова стало расти в 2000-е годы. Эти работы находятся под влиянием теории идентичности и социального конструкционизма и подчеркивают роль социокультурных и социокогнитивных процессов, влияющих на эффективность ядерного сдерживания. В отечественной социальной психологии проблематика ядерной угрозы ранее затрагивалась лишь косвенно, преимущественно в связи с восприятием населением угрозы радиоактивного заражения (А.Л. Журавлев, Н. Н. Хашенко, Т. Б. Мельницкая, В. Э. Прох, В. А. Сумарокова и др.), и стала активно разрабатываться лишь в последние годы (Журавлев и др., 2016). Анализ состояния психологических исследований, посвященных проблематике ядерной угрозы, показывает, что основные усилия до сих пор были направлены на изучение социокогнитивных механизмов принятия политических решений в области стратегической безопасности, тогда как социально-психологические закономерности отношения к ядерной угрозе в обществе, в том числе механизмы ее осмысления и переживания в социальных медиа и межличностном дискурсе, механизмы оценки допустимости применения ядерного оружия в массовом сознании, остаются мало изученными.

В социологических и психологических исследованиях, посвященных устойчивому развитию, отношение человека к глобальным рискам изучается преимущественно сквозь призму понятия жизнеспособности. В рамках теории устойчивого развития жизнеспособность группы изучается как способность локальных сообществ отвечать на глобальные угрозы, такие как изменение климата и истощение природных ресурсов (Нестик, 2016а). Жизнеспособность рассматривается как способность системы абсорбировать раздражители и так преобразовывать себя в ответ на изменения, чтобы сохранить те же структуру, идентичность и контуры обратной связи. Подчеркивается, что важным условием жизнестойкости является

формирование позитивного коллективного образа будущего после кризиса. К этой традиции примыкают исследования жизнеспособности городов, понимаемой как способность городского сообщества отвечать на угрозы своему существованию.

Важнейшая проблема, которая поднимается в связи с глобальными угрозами через изучение социальных представлений, — это проблема охраны природы и предотвращения экологических катастроф (Емельянова, 2016). В 1990-е годы исследователей интересовали разные аспекты экологического сознания населения (см., напр.: Хашенко, Журавлев, 1996; и др.). Социальными психологами было выявлено, что различные экологические представления могут вызывать межгрупповые конфликты. Проводились лонгитюдные исследования представлений о национальных экологических проблемах, например, в Италии. Изучались коллизии, связанные с ожесточенными конфликтами между работниками природоохранных зон и местным населением в Греции, конфликты, возникающие из-за расхождений между новым природоохранным законодательством и традиционными представлениями населения в Португалии. Исследования, посвященные информированию о глобальном потеплении, свидетельствуют о том, что запугивание менее эффективно, чем увязывание проактивных действий с повседневным опытом и возможностями улучшить свою жизнь (Нестик, Журавлев, 2018).

Отношение к глобальным рискам и способам их предотвращения тесно связано с глобальной идентичностью, т. е. готовностью личности отождествлять себя с человечеством и его судьбой. Несмотря на значимость феномена глобальной идентичности для понимания процессов глобализации, его эмпирическое изучение в социальной психологии пока представлено относительно небольшим числом работ (Нестик, 2016б). Исследования показывают, что глобальное мировоззрение не исключает локализма и патриотизма. Космополитическая ориентация как принятие культурных различий более распространена в глобализованных странах, тогда как космополитическая идентичность как переживание своей принадлежности к человеческому роду более характерна для экономически менее развитых регионов (Нестик, 2017). С позиции теории самокатегоризации, актуализация альтернативных идентичностей (неэтнических или неполитических) — гражданских, профессиональных, глобальных и т. п. — не только позволяет снизить межгрупповую напряженность, но и облегчает постановку суперординантных целей, связанных с предотвращением глобальных рисков. Выявлена связь глобальной идентичности с рядом личностных характеристик (низкий авторитаризм правого толка, низкий этноцентризм, низкая ори-

ентация на доминирование в межличностных отношениях, открытость к новому, кросс-культурная компетентность и др.). Вместе с тем до сих пор не решен вопрос о том, как формирование глобальной идентичности связано с другими характеристиками социальной идентичности личности, с особенностями социализации, коллективной памятью и представлениями о будущем.

Эскалация глобальных рисков и их преодоление тесно связаны с закономерностями формирования коллективного образа будущего. В зарубежной социальной психологии выявлена связь представлений о будущем с групповой идентичностью. Тревога в отношении будущего, т. е. страхи, вызванные ожиданием негативных событий в собственном отдаленном будущем, связана с пессимистическими прогнозами относительно способности своей социальной группы влиять на складывающуюся ситуацию. Показано, что восприятие будущих рисков в значительной степени определяется степенью напряженности межгрупповых отношений и значимыми группами сравнения: представляя будущее, мы конструируем отличия своей группы от других. В отечественной социологии и социальной психологии выявлена связь образа будущего с уровнем ксенофобии и напряженностью межгрупповых отношений (Нестик, 2014). Коллективные страхи по поводу будущего тесно связаны с проблемами, актуальными для крупных социальных групп, и широко обсуждаемыми в СМИ. В больших группах образ будущего конструируется не вокруг коллективных целей, а вокруг позитивных и негативных ожиданий, т. е. вероятных событий, на которые невозможно повлиять лично. В целом, анализ современного состояния исследований конструирования представлений о коллективном будущем показывает, что наименее изученными областями являются социально-психологические механизмы формирования позитивного образа среднесрочного и отдаленного будущего, способности членов группы противостоять коллективным страхам, поддерживать рефлексивность в отношении коллективных угроз и принимать их как вызовы, т. е. как возможности повлиять на коллективное будущее.

Технологические глобальные риски связываются исследователями, как правило, с трудно предсказуемыми последствиями развития искусственного интеллекта, Интернета и использования персональных данных, нанотехнологий, геной инженерии, нейротехнологий и проектов в области геоинжиниринга (The Global Risks Report, 2017). Исследования отношения к цифровым технологиям, нанотехнологиям и ГМО (Нестик и др., 2017) свидетельствуют о том, что оно в значительной степени определяется институциональным и меж-

групповым доверием. При этом технооптимизм может быть также компенсацией недоверия к социальным институтам. Результаты зарубежных и отечественных исследований дают возможность охарактеризовать отношение различных категорий населения к новым технологиям в данный момент, но не отвечают на вопрос о социально-психологических типах и механизмах отношения личности и группы к технологическим рискам.

Как показывает проведенный нами анализ зарубежных и отечественных исследований, малоизученным остается отношение личности и социальных групп к «большим вызовам», которые прочно вошли в политическую риторику, но по-разному интерпретируются в общественном сознании. В мировой науке в настоящее время отмечается дефицит социально-психологических исследований отношения к рискам и различным способам их преодоления.

Сегодня глобальные природные и антропогенные риски все больше сказываются на социальном поведении. Связанные с глобальными рисками коллективные страхи используются в избирательных кампаниях и информационных войнах. Однако социально-психологические механизмы формирования отношения личности и группы к глобальным рискам до сих пор остаются непроясненными. На наш взгляд, дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на выявление условий, при которых объективные глобальные угрозы становятся субъективно значимыми рисками для личности и социальной группы, а также факторов формирования субъектной позиции по отношению к глобальным рискам, готовности личности и группы принять их в качестве вызовов, т. е. рассматривать их в качестве возможностей для своего развития.

Литература

- Емельянова Т. П.* Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Ковалева Ю. В., Журавлев А. Л.* Современные глобальные вызовы и задачи глобальной психологии // Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное / Под науч. ред. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. С. 8–14.

- Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Михеев Е. А., Нестик Т. А.* Дезинформация в социальных сетях: состояние и перспективы психологических исследований // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 2021–2030.
- Нестик Т. А.* Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Нестик Т. А.* Жизнеспособность группы как социально-психологический феномен // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2016. Т. 1. № 2. С. 29–61. URL: <http://soc-econom-psychology.ru>.
- Нестик Т. А.* Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2017. Т. 2. № 4. С. 145–185. URL: <http://soc-econom-psychology.ru>.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // *Психологический журнал*. 2018. Т. 39. № 1. С. 127–138.
- Нестик Т. А., Патраков Э. В., Самекин А. С.* Психология отношения человека к новым технологиям: состояние и перспективы исследований // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 2041–2050.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Хашенко В. А., Журавлев А. Л.* Динамика экологического сознания населения России в связи с глобальными изменениями природной среды: программа социально-психологического исследования // *Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996. С. 209–214.
- The Global Risks Report 2017, 12th Edition. World Economic Forum, 2017. URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-2017>.

Problem of global risks in socio-psychological studies

*T. P. Emelyanova**, *T. A. Nestik*** (Moscow)

* Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology of RAS

** Doctor of Psychology, Institute of Psychology of RAS

In the paper a definition and structural components of personal and group attitudes toward global risks are proposed. The motivational, cognitive, affective, and behavioral components are defined. The directions of research that address socio-psychological aspects of global risks are described: sociology of risks; theory of geopolitical risks and psychology of nuclear deterrence and strategic safety, psychology of terrorism, sociology of sustainable development and group resilience; psychology of ecological risks and pro-environmental behavior; sociology of new technologies adoption. The analysis of studies in the field of global risk psychology reveals that while the global risks are used extensively in political debates the socio-psychological mechanisms of attitudes toward grand challenges remain underexplored.

Keywords: global risks, catastrophes, collective image of future, cognitive biases, social representations, ecological consciousness, social trust, global identity.

Развитие коммуникативных качеств студентов-психологов

Н. Е. Есманская, Е. И. Чуева** (Воронеж)*

** кандидат психологических наук, доцент,
Воронежский государственный университет; e-mail: pslg36@mail.ru*

*** Воронежский государственный университет*

Статья посвящена развитию коммуникативных качеств студентов-психологов в процессе обучения в вузе. Рассмотрены проблемы психологии общения с позиции отечественных психологов. Выявлено, что развитие личности и коммуникативных компетенций будущих психологов важно для их профессиональной реализации. Автором предложена программа эмпирического исследования коммуникативной сферы студентов-психологов. Базой исследования стал Воронежский государственный университет; использовано 3 методики, направленные на изучение коммуникативных качеств личности.

Ключевые слова: общение, коммуникативный процесс, коммуникативные качества, коммуникативная компетентность, эмпатия.

У каждого человека имеется определенный уровень развития коммуникативных качеств личности, который характеризует возможности человека в общении и выражается в наличии систем коммуникативных свойств личности, находящихся в определенных соотношениях друг с другом. Эти системы формируются в процессе развития человека, а на их формирование оказывают влияние как социальные, так и психологические факторы.

Одним из характерных свойств человека как общественного существа является потребность в общении и взаимодействии с другими людьми. Общение – сложный, многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями в совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека (Леонтьев, 2004).

Специфика общения определяется тем, что в его процессе субъективный мир одного человека раскрывается для другого. В общении человек самоопределяется, обнаруживая свои индивидуальные особенности. По форме осуществляемых воздействий можно судить о коммуникативных умениях и чертах характера человека, по специфике организации речевого сообщения – об общей культуре и грамотности. Таким образом, в самом общем виде общение выступает как форма жизнедеятельности, средство передачи форм культуры и общественного опыта.

Проблема общения в психологии интенсивно разрабатывалась в 20–30-х годах XX в. основоположником разработки проблемы общения в отечественной социальной психологии является В. М. Бехтерев. Общение выступает в качестве механизма объединения людей в группы и условия социализации личности. Замечено, чем разнообразнее и богаче общение человека с окружающими его людьми, тем успешнее осуществляется развитие личности.

В 60-е годы В. Н. Мясищев рассматривал общение как «целостный процесс взаимодействия конкретных личностей, определенным образом относящихся друг к другу и воздействующих друг на друга». В связи с этим он говорил о единстве взаимодействия между людьми и взаимоотношений между ними, обусловленных накапливаемыми в ходе взаимодействия впечатлениями и переживаниями (Мясищев, 2011).

Большой вклад в развитие проблемы общения внес основоположник отечественной культурно-исторической психологии – Л. С. Выготский. Понимание механизмов преобразования общения в сознании личности открывается при исследовании Л. С. Выготским проблем мышления и речи, т. е. трансформации общения как аспекта культуры.

Проблеме общения значительное внимание уделял Б. Г. Ананьев. Он рассматривал общение как специфический вид деятельности и главной его характеристикой считал то, что через него человек строит свои отношения с другими людьми. Он писал, что межличностное взаимодействие всегда определяется системой общественных отношений, в которую оно включено, но поскольку оно также постоянно выступает как межиндивидуальная связь и индивидуальная форма деятельности, в структуре и динамике общения невозможно отделить личное от общественного, провести резкую грань между ними (Ананьев, 2001).

Советский психолог А. А. Бодалев определил общение как взаимодействие людей, при котором они познают друг друга, вступают в те или иные взаимоотношения. Межличностное общение рас-

считается как необходимое условие бытия людей, без которого невозможно полноценное формирование не только отдельных психических функций, процессов и свойств человека, но и личности в целом. Общение может быть самостоятельным видом деятельности, но чаще всего оно оказывается вплетенным в ту или иную деятельность и тогда оно модифицируется согласно условиям этой деятельности (Бодалев, 1979).

А. А. Бодалев говорил о том, что на общение влияют характеристики общности, где протекает общение, и главная для данной общности – это деятельность. Общности, к которым принадлежит человек, формируют эталоны общения, задают образцы поведения, к которым личность приучается следовать при взаимодействии с другими людьми.

Е. П. Ильин определяет общение как частный вид коммуникации, специфичный для высокоразвитых живых существ, в том числе для человека. Под коммуникацией понимается связь, взаимодействие двух систем, в ходе которого от одной системы к другой передается сигнал, несущий информацию. Коммуникация присуща и техническим системам, и взаимодействию человека с машиной, и взаимодействию людей.

Период активного формирования социально и личностно значимых черт происходит именно в юношеском возрасте, границы которого составляют по разным данным от 14 до 25 лет. Именно этот период приходится на выбор человеком своего профессионального пути.

Спецификой возраста является быстрое развитие специальных способностей, нередко напрямую связанных с выбираемой профессиональной областью.

Понимание того, что в процессе коммуникации студентов-психологов осуществляется обмен не только информацией, но и эмоциональными состояниями, обуславливает необходимость изучения эмоциональных механизмов в формировании коммуникативной сферы формирующейся личности.

Важным компонентом коммуникативной сферы студентов-психологов является сформированность у них коммуникативной компетентности. Такие исследователи как Ю. М. Жуков, Л. А. Петровская, П. В. Растяжников определили ее как социальный потенциал личности, с помощью которого она выстраивает круг своего общения. Она характеризуется совокупностью таких компонентов как желание вступать в контакт с окружающими, умение оценивать ситуацию общения, способность организовывать адекватные коммуникативные акты, проявление эмпатии и рефлексивного поведения. А. Б. Добрович рассматривал коммуникативную компетентность как способность

людей устанавливать эффективные контакты. Ученый трактовал ее с позиций сознания, мышления. Коммуникативная сфера студента-психолога развивается в процессе диалога (Добрович, 1987). Поэтому чрезвычайно важно изучать особенности межличностных отношений студентов-психологов, их коммуникативные способности.

Коммуникативная компетентность личности студента психологического факультета предполагает высокий уровень развития рефлексии. Студент-психолог учится понимать, как его оценивают партнеры по общению, при этом важны умения устанавливать связь с собеседником, оценивать его позицию и правильно реагировать на него. Не менее важным является и развитие эмпатические способности, во многом определяющие, сможет ли студент-психолог развить себя на профессиональном поприще (Лабунская, 2001).

Наше исследование направлено на изучение динамики коммуникативных качеств студентов-психологов. В качестве рабочего в исследовании выступают следующие определения.

Коммуникативные качества — это устойчивые характеристики особенностей поведения человека в сфере общения, значимые для его социального окружения.

В качестве гипотезы нашего исследования выступает предположение о том, что существует динамика коммуникативных качеств студентов-психологов в процессе их обучения в вузе, а именно:

- высокий уровень эмпатических способностей у студентов 3–4 курсов;
- высокий уровень коммуникативных склонностей у студентов-психологов 3–4 курсов, в то время как для студентов-психологов 1–3 курса характерны средний или ниже среднего уровни коммуникативных склонностей.

Базой эмпирического исследования являлся ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». Объектом исследования выступали девушки и юноши 19–22 лет. Общий объем выборки составил 100 чел.

В исследовании использовались следующие методики: методика для определения уровня коммуникативной компетентности и качества сформированности основных коммуникативных умений Л. Михельсона (перевод и адаптация Ю. З. Гильбуха), методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко, методика диагностики коммуникативных и организаторских склонностей (КОС-2).

В качестве перспектив исследования коммуникативных качеств студентов-психологов можно обозначить следующие направления:

конкретизация компонентного состава коммуникативных качеств; рассмотрение коммуникативных качеств студентов-психологов в контексте ее динамики.

Мы предполагаем, что полученные при этом новые научные данные внесут существенный вклад в рассмотрение проблем общения и позволят сделать социально-психологическую работу со студентами более успешной и структурированной.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
- Бодалев А. А.* Общение и формирование личности // Социальная психология личности / Отв. ред. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1979. С. 25–34.
- Добрович А. Б.* Воспитателю о психологии и психогигиене общения. М.: Просвещение, 1987.
- Лабунская В. А., Менджеруцкая Ю. А., Бреус Е. Д.* Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция. М.: Академия, 2001.
- Леонтьев А. А.* Психология общения. М.: Смысл, 2004.

Development of communicative qualities of students-psychologists

N. E. Esmanskaya, E. I. Chueva** (Voronezh)*

* Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Voronezh State University

** Voronezh State University

The article is devoted to the peculiarities of communicative qualities of students-psychologists and their development in the process of studying at the University. We devoted the problems of psychology of communication from the position of domestic psychologists. It was revealed that the development of the personality and their communicative competences of future psychologists is important for their professional implementation. The author proposes a program of empirical research of the communicative sphere of students-psychologists. The base of the research was the Voronezh State University; 3 methods of studying the communicative qualities of the individual were used.

Keywords: communication, communicative process, communicative qualities, communicative competence, empathy.

Психологические аспекты прогнозирования социальных последствий технологического прогресса

А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик** (Москва)*

** академик РАН, доктор психологических наук, профессор,
Институт психологии РАН;
e-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru*

*** доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: nestik@gmail.com*

В статье обосновывается необходимость разработки методологии социально-психологического прогнозирования влияния новых технологий на отношения между людьми, групповую динамику и макропсихологические характеристики общества. Предложены концептуальные основания и принципы, которые могут быть использованы для прогнозирования влияния новых технологий на социально-психологические процессы. Ставятся задачи уточнения степени подверженности историческим изменениям различных социально-психологических феноменов, определения на основе больших данных связи динамики социально-психологических характеристик личности с изменениями в макропсихологических характеристиках общества; изучения динамики различных компонентов коллективного образа будущего, которые могут лежать в основе самореализующихся или самоотменяющихся пророчеств среди социальных групп с разным отношением к технологическим изменениям; выявления и предотвращения мотивационно-когнитивных искажений при индивидуальном и коллективном предвидении будущего.

Ключевые слова: форсайт, социальная психология, новые технологии, уровни социально-психологического анализа, коллективный образ будущего, самореализующиеся пророчества, когнитивные искажения.

Задача среднесрочного и долгосрочного прогнозирования развития страны не является новой для социальных наук, однако становится все более актуальной в связи с переходом к новому технологическому укладу. Формирование цифровой экономики происходит сегодня в ситуации «шока будущего», когда общество не успевает договариваться о правилах использования новых технологий. Увеличивающийся техно-гуманитарный дисбаланс, а также разрыв между технологическим оптимизмом и социальным пессимизмом требуют все более пристального внимания не только к растущим технологическим возможностям и рискам, но и к последствиям технологий для отношений между людьми. Несмотря на все большую «одержимость будущим» технократических элит и части российской молодежи, до сих пор инновационно-технологический форсайт и публичные дискуссии о будущем были сконцентрированы в основном на развитии технологий и новых рынках, тогда как изменениям в психологии и социальном поведении уделялось значительно меньше внимания. Как за рубежом, так и в России до сих пор отсутствует *методология анализа* возможного влияния новых технологий на отношения между людьми, групповую динамику и макропсихологические характеристики общества (Журавлев, Нестик, 2016; Нестик, 2017). В отличие от решения других традиционных задач научно-технологического прогнозирования, ключевую роль в разработке такой методологии может играть именно психологическая наука.

Безусловно, социально-психологическое прогнозирование динамики социальных процессов не может не опираться на достижения целого ряда других научных направлений: методологию инновационно-технологического форсайта; социологию образа жизни, социологию повседневности; социологию и антропологию будущего; социологию взаимодействия технологий и общества; позитивную психологию, изучающую феномены жизнестойкости, надежды, смысла, счастья; психологию коллективного образа будущего, социальную психологию науки; психологию отношения человека к новым технологиям. Важную роль в методологии социально-психологического прогнозирования будут играть принципы динамического подхода к исследованию личности (Л. И. Анцыферова, Н. Е. Харламенкова и др.), а также традиция исследований индивидуальной и коллективной субъектности (А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, Е. А. Сергиенко и др.), коллективного творчества (Я. А. Пономарев, Д. В. Ушаков и др.), групповой жизнеспособности (А. В. Махнач, Т. А. Нестик и др.).

Очевидно, что подход психологов к прогнозированию социальной динамики должен учитывать все уровни социально-психологи-

ческого анализа: личностный, межличностный, внутригрупповой, межгрупповой, организационный и макропсихологический (социетальный). При этом становится очевидным, что негативные последствия технологических или экономических изменений на индивидуальном уровне могут быть компенсированы позитивными последствиями на том же самом уровне или на уровне групповом. Так, например, в ходе анализа социально-психологических последствий распространения Интернета и цифровых технологий на личностном уровне можно выделить, с одной стороны, снижение способности к запоминанию, так называемый «эффект Google», т. е. иллюзию собственной компетентности за счет доступа к знаниям в сети, затруднения в чтении длинных текстов, синдром дефицита внимания и гиперактивности, а с другой – улучшение способности личности распределять внимание, развитие пространственного мышления и детализированности при обработке визуальной информации (Солдатова и др., 2017). Кроме того, сокращение способности к запоминанию на индивидуальном уровне компенсируется развитием транзакционной памяти на уровне межличностном и групповом, когда опыт решения сложных задач распределен между узкоспециализированными участниками сетевого сообщества. Все более важными становятся метакогнитивные компетенции: знание того, кто знает; умение обеспечить взаимодополнительность своих и чужих компетенций. Сокращение времени на принятие решения, а также многократно возросшая когнитивная нагрузка компенсируются возросшей доступностью экспертов друг для друга, появившейся возможностью мгновенно обратиться за советом к большому числу участников сети. Как на индивидуальном, так и на групповом уровне воздействие новых технологий нужно рассматривать не с точки зрения каких-то отдельно взятых характеристик и процессов (памяти, внимания, сплоченности, доверия и т. д.), а с точки зрения взаимодействия различных функциональных систем, динамически формируемых для преадаптации к возрастающей сложности и неопределенности условий совместной жизнедеятельности.

Учет всех уровней социально-психологического анализа позволяет указать на границы управляемости социальных изменений, которая часто переоценивается технократическими элитами российского общества. Например, такой подход обнаруживает ограничения методов управления, казавшихся эффективными на уровне малой группы и даже крупной организации, при переносе их на уровень межгрупповых отношений и уровень макропсихологических процессов. Более того, один и тот же, казалось бы, психологический феномен имеет разные функции на разных уровнях анализа. На-

пример, феномен регрессии, как правило, негативно оцениваемый при изучении массового сознания, на индивидуальном уровне может быть не только способом совладания (Журавлев, Харламенкова, 2018), но и механизмом развития (Александров и др., 2017).

При прогнозировании социально-психологических последствий технологического развития важно учитывать тот факт, что разные типы новых технологий обладают разными психологическими характеристиками (Журавлев, Нестик, 2016), отношение к ним имеет разные социально-психологические предикторы. Так, например, проведенные нами эмпирические исследования показывают, что предиктором готовности использовать нейроинтерфейсы и дополненную реальность является ориентация на престиж новых технологий, личный успех и получение удовольствия. На готовность использовать технологии «умного» города – такие как каршеринг, 3D-принтеры, телемедицина, «умные» дома – влияют, прежде всего, самоидентификация с авторами технологий и готовность идти вопреки нормам, принятым в своей группе. На готовность пользоваться новыми возможностями медицинской диагностики сильнее всего влияет оценка легкости доступа к соответствующим услугам. А готовность воспользоваться генной инженерией определяется, прежде всего, ориентацией на справедливость: у каждого должно быть право на лучшую жизнь (Нестик, 2018а). В отличие от социологических подходов к прогнозированию последствий тех или иных технологических изменений, социально-психологический подход должен принимать во внимание не только общий уровень технооптимизма тех или иных социальных групп, но и социально-психологические *типы отношения личности* к конкретным технологиям.

Один из принципов, на которых может строиться долгосрочное прогнозирование в социальной психологии, состоит в выявлении изменчивого и стабильного, шире – культурно инвариантного, в закономерностях индивидуального и коллективного поведения. Как известно, низкая воспроизводимость результатов психологических исследований (по разным оценкам, от 30 до 50%) объясняется не только методологическими и методическими недостатками, но и динамикой социальных процессов. Социальная психология исторична, она конструирует закономерности человеческого поведения, опираясь на образ мира, сложившийся в определенных культурно-исторических условиях. В этой связи социально-психологический подход к долгосрочному прогнозированию развития общества может отталкиваться от воспроизводимых экспериментальных данных, закономерностей, эмпирически подтвержденных в разные эпохи новейшей истории (таких как эффект конформности С. Милгрэма и др.). Оче-

видно, что здесь психологи вновь сталкиваются с давно сформулированной задачей — уточнить степень подверженности историческим изменениям различных психологических феноменов. На уровне онтогенеза личности эту задачу можно считать в общих чертах решенной. Однако на уровне межличностных, групповых и межгрупповых отношений она оказывается значительно сложнее. Социально-психологические закономерности, многократно подтвержденные в истории психологической науки, могут оставаться неизменными по своей сути, но иначе проявляться в условиях новых технологий. Например, развитие социальных сетей существенно усилило эффект влияния меньшинства, эмоционального заражения, сдвига к риску и поляризации в гомогенных социальных группах и т. п. (Михеев, Нестик, 2017).

Методология анализа социально-психологических последствий тех или иных социальных или технологических изменений предполагает экспериментальную проверку выдвигаемых гипотез. Большие возможности в этой связи открывает анализ больших данных (Нестик, 2017). Анализ «цифровых следов» открывает путь к решению задачи, трудно реализуемой через самоотчеты респондентов — определению связи динамики социально-психологических характеристик личности с изменениями в макропсихологических характеристиках общества. Другое направление — изучение социальных изменений методом естественного эксперимента. Чрезвычайно важными объектами социально-психологического исследования при этом становятся социальное предпринимательство и проекты реформирования малых городов, переходящих от промышленного к постиндустриальному развитию.

При социально-психологическом прогнозировании влияния технологических, экономических, политических, институциональных и экологических изменений на повседневную жизнь общества необходимо учитывать социально-психологические характеристики социальных групп с разным отношением к изменениям: 1) «визионеров», т. е. представителей политических, научных и культурных элит, которые существенно влияют на коллективное воображение о будущем; 2) «передовых» социальных групп, которые непосредственно включены в создание социальных и технологических инноваций (команды технологических стартапов, социальные предприниматели и т. п.); 3) «консервативных» групп российского общества, в силу идеологических взглядов и объективного положения в системе экономических отношений, не заинтересованных в изменениях. Важное значение имеет не только разработка социально-психологических портретов представителей подобных групп, но и анализ ди-

намики их социальных представлений и коллективных переживаний (Емельянова, 2016) и, прежде всего, представлений о будущем, которые могут лежать в основе самореализующихся или самоотменяющихся пророчеств.

При формировании прогноза развития российского общества психологи не могут не учитывать то, как коллективный образ будущего влияет на социальное поведение в настоящем. Важным направлением исследований должно стать уточнение психологических функций и анализ динамики различных компонентов коллективного образа будущего в условиях неопределенности. В содержании коллективного образа будущего можно выделить пять *основных феноменов*: во-первых, это коллективные цели и планы, объединяющие и координирующие усилия группы в ходе совместной деятельности; во-вторых, групповые ожидания, т. е. представления о значимых событиях ближайшего будущего, которые члены группы не могут контролировать, но стремятся учесть в своих планах; в-третьих, коллективные надежды, т. е. представления членов группы о вероятном положительном для них исходе уже наблюдаемых или ожидаемых событий ближайшего и среднесрочного будущего; в-четвертых, коллективные страхи, т. е. разделяемые членами группы представления об угрозах для индивидуального и коллективного благополучия или даже для самого существования группы и организации; в-пятых, групповые мечты, т. е. представления о желательных для группы изменениях в обществе, которые не предполагают немедленной и полной реализации в действительности; наконец, в-шестых, коллективные идеалы, т. е. представления о принципиально недостижимой, но желательной для группы ситуации. Учет динамики данных компонентов образа будущего, а также динамики социально-психологических типов отношения к коллективному будущему позволит существенно уточнить психологический прогноз развития российского общества.

Социально-психологический подход к прогнозированию динамики социальных процессов в России не может не учитывать эмпирически подтвержденных кросс-культурных различий. Здесь психологи могут оказать существенную помощь представителям других экспертных сообществ, нередко строящим прогнозы с опорой на модели развития других стран. Культурные особенности, помноженные на многоукладность российской экономики, могут сказываться не только на темпах инновационного развития, но и на последствиях принятия и исполнения тех или иных законов, федеральных и региональных правительственных решений. Разработка методологии социально-психологического прогнозирования открывает путь к научно-обоснованной экспертизе готовящихся законодатель-

ных актов и федеральных стратегий развития. Кроме того, внимание к кросс-культурным различиям при научном прогнозировании может стать отличительной особенностью собственно российской психологии, ценной для глобальной науки.

Еще одна важнейшая собственно психологическая задача прогнозирования – не только научно-технологического развития России, но и социально-психологической динамики российского общества – состоит в выявлении и предотвращении мотивационно-когнитивных искажений при индивидуальном и коллективном предвидении будущего. Проведенные нами исследования среди российских экспертов по научно-технологическому прогнозированию, а также среди участников форсайтов (Нестик, 2016; Нестик, 2018б) свидетельствуют о том, что эта проблема является очень острой в экспертных сообществах и нуждается в научно обоснованных решениях. И здесь отечественная психология, имеющая богатые традиции в изучении механизмов антиципации (исследования Н. А. Бернштейна, П. К. Анохина, Б. Ф. Ломова и Е. Н. Суркова, А. В. Брушлинского, К. А. Абульхановой-Славской, И. М. Фейгенберга, Т. Ф. Базылевич, Л. А. Регуш, Е. А. Сергиенко, А. Н. Лебедева и др.), может внести вклад, чрезвычайно востребованный участниками прогнозирования развития страны.

Литература

- Александров Ю. И., Сварник О. Е., Знаменская И. И., Колбенева М. Г., Арутюнова К. Р., Крылов А. К., Булава А. И.* Регрессия как этап развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Емельянова Т. П.* Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 5–14.
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Динамический подход к исследованию психики человека // Институт человека. Идея и реальность / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Лепант, 2018. С. 280–290.
- Михеев Е. А., Нестик Т. А.* Дезинформация в социальных сетях: состояние и перспективы психологических исследований // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 2021–2030.

- Нестик Т. А.* Корпоративный форсайт и его психологические ловушки // Бизнес-психология в международной перспективе / Отв. ред. С. Бентон, Н. Л. Иванова, В. А. Штроо. М.: Логос, 2016. С. 320–342.
- Нестик Т. А.* Развитие цифровых технологий и будущее психологии // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2017. № 3. С. 6–15.
- Нестик Т. А.* Социально-психологические аспекты отношения человека к новым технологиям // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 8. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018а. С. 50–73.
- Нестик Т. А.* Коллективные страхи и проспективная рефлексия в условиях неопределенности // Человек в условиях неопределенности: Сборник научных трудов. В 2 т. / Под ред. Е. В. Бакшутовой, О. В. Юсуповой, Е. Ю. Двойниковой. Т. 2. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2018б. С. 55–62.
- Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.

Psychological aspects of forecasting social impact of technological development

A. L. Zhuravlev, T. A. Nestik** (Moscow)*

* Academician of RAS, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Institute of Psychology of RAS

** Doctor of Psychology, Institute of Psychology of RAS

A sociopsychological approach toward prognosis of social and psychological consequences of new technologies adoption is proposed. Its theoretical and methodological foundations are described. A special attention is paid to identifying technological impact at different levels of sociopsychological analysis (interpersonal, interpersonal, group, intergroup, organizational, societal). The perspectives of further research are proposed: specifying degree of stability of different sociopsychological phenomena during social changes and at different historical epochs, using Big Data to identify how sociopsychological personal characteristics are affected by changes at the macropsychological level; monitoring the dynamics of different components of collective image of future that could trigger self-fulfilling prophecies in social groups with different attitudes toward technological developments; identifying and overcoming cognitive biases during technological foresight.

Keywords: foresight, social psychology, new technologies, levels of sociopsychological analysis, collective image of future, self-fulfilling prophecies, cognitive biases.

К вопросу о соотношении понятий социального сравнения, самосознания и самооценки

А. В. Корбут (Москва)

*Военный университет Министерства обороны РФ;
e-mail: korbut.anna@rambler.ru*

В статье анализируется соотношение между понятиями социального сравнения, самосознания и самооценки. Подчеркивается важность для самопознания процессов сравнения с другими людьми, сравнения себя в настоящем с собой в прошлом, сравнения себя с гипотетическим или идеальным образом. Формирование «образа Я» также происходит под воздействием оценочного сравнения собственных мотивов, целей и результатов собственных поступков с другими людьми, а также с нормами поведения, принятыми в обществе. В процессе формирования самооценки человек осуществляет по отношению к данному социальному контексту два взаимодополняющих процесса: рефлексию и сравнение. Показано, что социальное сравнение играет важную роль в процессе осмысления человеком себя самого и мира, который его окружает, является универсальной составляющей структуры личности.

Ключевые слова: личность, социальное сравнение, самосознание, самооценка, образ Я, концепция Я.

Социальное сравнение — это процесс сопоставления человеком себя с другими людьми (Festinger, 1954). Такого рода сопоставление может быть обращено как к целостными характеристикам личности, так и к отдельным ее составляющим, среди которых способности, учебная и профессиональная деятельность, внешность и др. Отвечая на вопрос о том, почему людям необходимо сравнивать себя с другими, Фестингер говорил, прежде всего, о стремлении человека к формированию адекватного представления о себе, что, соответственно, ставит вопрос о том, как соотносится понятие социальное

сравнение с такими понятиями как самосознание, образ-Я и самооценка.

Под *самосознанием* понимается совокупность психических процессов, посредством которых человек осознает себя как субъект деятельности, в результате которой представления о самом себе складываются в мысленный «образ-Я». основополагающим принципом для понимания природы самосознания личности является принцип его социальной обусловленности. В отечественной психологии в самосознании выделяются два аспекта: когнитивный (система знаний личности о себе) и эмоциональный (обобщенное устойчивое отношение личности к себе). В. С. Мерлин выделяет четыре компонента в структуре самосознания, которые стоит рассматривать также как фазы его развития: сознание тождественности (идентичности), сознание «Я» как активного начала, т. е. субъекта деятельности, осознание собственных психических качеств, а также социально-нравственная самооценка (Мерлин, 2009). Понимаемое таким образом самосознание предполагает совершение субъектом процесса сравнения себя с другими людьми. Согласно Е. А. Сорокоумовой, самопознание представляет собой процесс получения человеком знаний о себе путем выделения и идентификации себя среди других людей на основе сравнения себя с ними и с самим собой в прошлом, настоящем и будущем (Сорокоумова, 2012). По мнению И. И. Чесноковой, познание себя через сравнение с другими людьми является первым уровнем самопознания. На втором уровне соотнесение знаний о себе происходит в процессе аутокоммуникации, т. е. в рамках «Я и Я». Человек оперирует «уже готовыми знаниями о себе, в какой-то степени уже сформированными, полученными в разное время, в разных ситуациях» (Чеснокова, 1977). Фактически, речь идет о важности для процессов самопознания не только сравнения себя с другими людьми, но и сравнении человеком себя в настоящем с тем, каков он был в прошлом, т. е. о важности так называемого сравнения во времени, к которому можно еще добавить сравнение человеком существующих у него в данный момент особенностей с гипотетическими особенностями, которые могли бы, но не присутствуют у него, а также о сравнении с тем идеальным образом, к которому он стремится (см. обзор исследований сравнения себя во времени в: Самойленко, 2012).

Одной из составляющих процессов, характеризующих самосознание, является «образ Я», который часто рассматривается как набор характеристик, при помощи которых человек имеет возможность описать себя как индивидуальность, обладающую основными психологическими свойствами: личностными особенностями, способностями, характером, привычками, склонностями. Формирова-

ние «образа Я» происходит под воздействием оценочного сравнения собственных мотивов, целей и результатов собственных поступков с другими людьми, а также с нормами поведения, принятыми в обществе. При этом большую роль играет именно выделение тех характеристик, которые отличают субъекта от референтов сравнения. Так, например, показано, что шестиклассники, описывая себя, чаще отмечали такие свои черты, которые отличались от часто встречающихся (например, говорили про свои рыжие волосы) (McGuire, Padawer-Singer, 1976). Показано также, что представление о собственном уровне жизни и удовлетворенность им зависят больше от позиции по сравнению с другими людьми, чем от объективных обстоятельств (Diener, 1984).

Если говорить о Я-концепции, то предложено несколько ее моделей: 1) одномерная модель (например, номотетическая), согласно которой концепция-Я — это набор нескольких рядоположенных атрибутов; 2) иерархическая модель, согласно которой существует иерархия нескольких относительно стабильных общих концепций-Я, разделенных на ситуативные и более подверженные изменениям концепции-Я, упорядоченные в иерархию; 3) таксономическая модель, в которой предполагается существование и общей концепции-Я, и частных характеристик представления о себе, являющихся независимыми и полуавтономными; 4) компенсаторная модель, предусматривающая существование общей Я-концепции, а также отдельных ее аспектов, которые в ряде случаев находятся во взаимнообратном отношении (меньшая степень выраженности одного из аспектов сопряжена с большей выраженности другого аспекта) (Вурне, 1984).

В качестве эмоционального компонента Я-концепции, связанного с отношением к себе или к отдельным своим качествам, рассматривается самооценка. С такой точки зрения, самооценка определяется как степень отражения у человека самоуважения, чувства самоценности и положительного отношения к тому, что входит в сферу Я. Я-концепция и самооценка основаны на восприятии самого себя, однако, Я-концепция включает в себя не эмоциональное оценивание, а самооценка напрямую связана с личными чувствами или отношением к себе. Самооценка рассматривается в качестве центрального звена сферы самосознания личности, как сложный процесс опосредованного самопознания, представляющий собой прямое выражение оценки других лиц, которые участвуют в развитии личности (Чеснокова, 1977). И. И. Чеснокова настаивает на связи когнитивного и эмоционального компонентов самооценки, предлагая рассматривать ее в качестве обобщенных результатов познания человеком себя и эмоционально-ценностного отношения в себе.

Если говорить о связи самооценки и социального сравнения, то можно обратиться к одной из концепций социального сравнения (Tesser, 1999), согласно которой в процессе формирования самооценки человек осуществляет по отношению к данному социальному контексту два взаимодополняющих процесса: рефлексию и сравнение. Эти процессы имеют, в свою очередь, две компонентные переменные, касающиеся особенностей некоторого человека, с которым субъект соотносит себя: успешность деятельности этого человека и его психологическую близость к субъекту. При высокой степени психологической близости субъекта со сравниваемым человеком и высоко успешной деятельности последнего потенциально возможны как повышение самооценки первого путем рефлексии, так и снижение самооценки в результате процесса социального сравнения. Релевантность деятельности близкого человека и определяет то, какой из двух процессов — рефлексию или сравнение — будет осуществлять субъект (Tesser, 1999).

Стоит учитывать также, что социальное сравнение может привести к желаемому человеком результату лишь при правильном выборе объекта сравнения. Показано, что для этого человек не прибегает к долговому подбору наиболее подходящих стандартов, чаще ориентируясь на людей из ближайшего окружения или представителей своей социальной группы. Если способности некоторого социального референта слишком отличаются от способностей субъекта, то последнему оказывается сложно оценить свои способности по сравнению с референтом, и такое сравнение не отражается на самооценке субъекта, в то время, как колебания в ограниченном диапазоне расхождений оказывают влияние на нее. Именно поэтому социальные референты, которые разительно отличаются от субъекта по способностям или другим качествам, не используются в качестве объекта для самооценки посредством социального сравнения. Одним из важных факторов являются так называемые стандарты или образцы сравнения, которые люди толкуют самостоятельно, исходя из собственных представлений и задач, которые они решают путем сравнения. Показано также, что люди, обладающие *высокой самооценкой* более склонны к осуществлению «нисходящего» сравнения и менее негативно реагируют на «латеральное» и «восходящее» сравнение. Люди с низкой самооценкой и нестабильной концепцией Я чаще осуществляют «восходящее» сравнение (см. обзор исследований в Самойленко, 2012).

Можно говорить о том, что социальное сравнение является одновременно и важным источником информации о себе и других людях, и источником угрозы самоуважению и субъективному благопо-

лучию. В таком контексте социальное сравнение в большей степени ориентировано на информационную составляющую, так как посредством нее человек получает ценную информацию, требуемую для саморазвития, самосовершенствования, повышения и укрепления собственного статуса. При этом социальное сравнение может быть крайне болезненным, так как объектом сравнения являются люди, обладающие более высокими способностями или имеющие большие достижения.

Таким образом, социальное сравнение играет важную роль в процессе осмысления человеком себя самого и мира, который его окружает, является универсальной составляющей структуры личности. Однако, как показывают исследования, имеется широкий спектр индивидуальных различий в осуществлении такого сравнения. Эти особенности выражаются в частоте сравнения себя с другими людьми или себя с самим собой в разные периоды жизни, в частоте сравнения себя с теми, кто лучше или слабее их по тому или иному личностно значимому показателю. Социальное сравнение можно назвать одной из важных составляющих личности человека, воздействующих на мнение людей о себе, их чувства, мотивацию и поведение. Исходя из того, что социальное сравнение является неотъемлемой частью личностной структуры и составляющей повседневной жизни человека, многие исследователи используют соответствующие теории для объяснения явлений в прикладных контекстах. Социальные последствия сравнения, таким образом, имеют отношение ко всем базовым сферам психологического функционирования человека.

Литература

- Мерлин В. С.* Психология индивидуальности. М.: НПО «Модэк»–МПСИ, 2009.
- Самойленко Е. С.* Процесс сравнения в системах познания, общения и личности: Дис. ... докт. психол. наук. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Сорокоумова Е. А.* Психология самопознания научная основа развития субъектов обучения: Коллективная монография / Е. А. Сорокоумова, И. В. Усольцева и др. М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2012.
- Чеснокова И. И.* Проблема самосознания в психологии. М., 1977.
- Byrne В. М.* The general/academic self-concept nomological network: A review of construct validation research // Review of Educational Research. 1984. V. 54. P. 427–456.
- Diener E.* Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. V. 95. P. 542–575.

- Festinger L.* A theory of social comparison processes // Human relations. 1954. V. 7. P. 117–140.
- McGuire W.J., Padawer-Singer A.* Trait salience in the spontaneous self-concept // Journal of personality and social psychology. 1976. № 33 (6). P. 743–754.
- Tesser A.* Toward a self-evaluation maintenance model of social behavior // The Self in Social Psychology. R. F. Baumeister, Edwards Brother, ML. 1999. P. 446–460.

To the question of the relationship of the concepts of social comparison, self-consciousness and self-assessment

A. V. Korbut (Moscow)

Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation

The article analyzes the relationship between the concepts of social comparison, self-awareness and self-esteem. It emphasizes the importance for self-cognition of the processes of comparison with other people, comparing oneself with the present with oneself in the past, comparing oneself with a hypothetical or ideal way. The formation of the “image of the self” also occurs under the influence of an evaluation comparison of one’s own motives, goals and results of one’s own actions with other people, as well as with the norms of behavior accepted in society. In the process of forming self-esteem, a person carries out, in relation to a given social context, two complementary processes: reflection and comparison. It is shown that social comparison plays an important role in the process of the person’s comprehension of himself and the world that surrounds him, is a universal component of the personality structure.

Keywords: personality, social comparison, identity, self-concept, self-esteem, self-image.

Тревога личности по поводу глобальных природных катастроф как социально-психологический феномен: эмпирическое исследование

*О. Е. Кузнецова** (Архангельск), *Т. А. Нестик***,
*Е. О. Петрова**** (Москва), *В. Ю. Стеклянников***** (Норильск)

** кандидат психологических наук, доцент,
Институт педагогики и психологии САФУ*

*** доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: nestik@gmail.com*

**** студентка, МГУ им. М. В. Ломоносова*

***** кандидат педагогических наук, проректор,
Норильский государственный индустриальный институт;
e-mail: v.steklyannikov@yandex.ru*

На основе двух эмпирических исследований (N=241, N=541) рассматриваются социально-психологические предикторы отношения личности к природным катастрофам и глобальному изменению климата (глобальная идентичность, связь с природой, экологическая ответственность, религиозность, ориентация на соблюдение традиций и религиозных норм, вера в предопределенность судьбы). Выделены особенности тревоги по поводу природных катастроф и участвовавших экстремальных погодных явлений. Разработан авторский опросник «Отношение к глобальным рискам», приведены результаты его апробации (N=924). Опросник позволяет измерить аффективные, когнитивные и поведенческие компоненты отношения личности к глобальным рискам. На основании проведенных исследований делается вывод о том, что при информировании о природных катастрофах необходимо поддерживать доверие к социальным институтам, возможность влиять на будущее и ценность заботы о других людях.

Исследование выполняется по гранту РФФИ № 18-18-00439 «Психология человека в условиях глобальных рисков».

Ключевые слова: глобальные риски, катастрофы, природные катастрофы, экологическое сознание, социальное доверие, глобальная идентичность.

Экстремальные погодные явления и крупные природные катастрофы, по мнению экспертов Всемирного экономического форума, входят в пятерку самых вероятных глобальных рисков (Global Risks Report, 2017). Между тем данные риски практически не вызывают озабоченности среди россиян. По данным ФОМ за 2015–2018 гг., число россиян, озабоченных изменением климата, снизилось с 15 до 11%, а стихийными бедствиями – с 20 до 13%. Наибольшую тревогу вызывают антропогенные, а не природные глобальные риски: угрозы ядерной войны, химического и радиационного заражения воды, воздуха, продуктов и засорения планеты отходами (Тревоги и опасения, 2018). Проведенные нами среди студентов исследования в 2012–2017 гг. показывают, что внимание молодежи все более сосредоточено на социальных, а не природных угрозах. Недооценка глобальных природных рисков, в том числе климатических, связана с их неосвязаемостью, психологической удаленностью во времени и пространстве (Нестик, Журавлев, 2018). Между тем низкая значимость природных рисков в массовом сознании может быть одной из причин неготовности региональных и федеральных органов власти к экстремальным погодным явлениям и природным катастрофам. Данный фактор рассматривается также в других исследовательских программах (см., напр.: Журавлев, Хашенко, 1996; и др.).

Для изучения социально-психологических характеристик личности, связанных с тревогой по поводу природных катастроф, мы провели эмпирическое исследование среди студентов вузов г. Москвы (N=241, 30% – мужчины, 70% – женщины; средний возраст – 21 год). Были использованы как адаптированные методики, так и специально разработанные для данного исследования. В частности, использовалась шкала озабоченности глобальными рисками ($\alpha=0,926$), основанная на перечне глобальных рисков (Global Risks Report, 2017). Использовалась также шкала глобальной социальной идентификации (GSI) Дж. Риза, Стенфордский опросник временной перспективы Ф. Зимбардо, «Социальные аксиомы» (SAS) М. Бонда и К. Леонга, методика «Базовые убеждения личности» (WAS) Р. Янов-Бульман. Проведенный нами линейный регрессионный анализ методом обратных шагов (N=241, F=4,49; $p<0,001$; $R^2=0,250$) показал, что субъективная значимость угрозы экстремальных климатических явлений и природных катастроф прямо зависит от парадоксального сочетания

ния характеристик личности: с одной стороны, веры в зависимость от судьбы ($\beta=0,240$), в случайность происходящих в мире событий ($\beta=0,232$) и их неконтролируемость ($\beta=0,197$), а с другой стороны, от веры в справедливость мира ($\beta=0,243$), вознаграждение за усилия ($\beta=0,217$) и обратно зависит от убеждения в том, что противоречивость человеческого поведения и его зависимость от ситуации естественны ($\beta=-0,238$). Субъективная значимость угрозы глобального изменения климата определяется сочетанием ($N=241$, $F=7,41$; $p<0,001$; $R^2=0,311$) глобальной идентичности ($\beta=0,380$), ориентации на будущее ($\beta=0,206$), ориентации на фаталистическое настоящее ($\beta=0,363$), и негативно связана с позитивной оценкой своего прошлого ($\beta=-0,318$). На тревогу по поводу изменения климата влияет фактор пола, т. е. она более характерна для женщин, чем для мужчин ($\beta=0,162$). Таким образом, тревога в отношении природных катастроф связана с фатализмом в отношении будущего, а в случае тревоги перед глобальным изменением климата фатализм сопровождается готовностью идентифицировать себя с человечеством. Иными словами, природные катастрофы воспринимаются как predetermined свыше и неконтролируемые людьми изменения, нарушающие естественный и справедливый порядок жизни. Весомая роль фатализма в отношении к природным катастрофам ставит вопрос о том, какими еще могут быть установки в отношении глобальных рисков, и от каких личностных характеристик они могут зависеть.

Для измерения представлений личности о глобальных угрозах и способах их предотвращения нами был разработан опросник «Отношение к глобальным рискам», состоящий из 61 пункта. При его разработке мы исходили из теоретической структуры установочных образований, в которую входят ценностно-мотивационные, аффективные, когнитивные и поведенческие компоненты. При разработке опросника использовались некоторые пункты из методики «Отношение к ядерной угрозе» М. Ньюкомба. Апробация опросника проводилась на выборке взрослых россиян $N=924$ (32% – мужчины, 68% – женщины; возраст испытуемых составлял от 17 до 57 лет, средний возраст – 24,06 года). Конфирматорный факторный анализ с использованием структурного моделирования в программе Amos v. 20 подтвердил выделенную нами структуру отношения к глобальным рискам ($\chi^2=2741,804$; $df=946$; $CMIN/DF=2,898$; $p<0,001$; $CFI=0,909$; $GFI=0,884$; $RMSEA=0,045$; $Hi\ 90=0,047$; $P_{close}=1,000$). Все коэффициенты ковариации и регрессии статистически значимо отличаются от нуля. Мы подтвердили факторную валидность методики и показали, что выделенные факторы являются индикаторами общей шкалы. Итоговая версия опросника состоит из 9 субшкал.

Аффективный компонент представлен шкалой «Тревога в отношении глобальных рисков» (α Кронбаха=0,722; $M=3,08$; $SD=0,951$; 4 пункта, например: «Я чувствую страх, когда задумываюсь о будущем наших детей и внуков»; «Я никогда не волновался по поводу глобальных рисков, таких как ядерная война, глобальные эпидемии, изменение климата и т. п.»).

Когнитивные компоненты представлены шестью шкалами, отражающими представление о вероятности глобальных катастроф и ориентацию на те или иные способы совладания с ними. Первая шкала отражает веру в прогнозируемость и возможность предотвращения глобальных рисков, она получила название «Убеждение в необходимости сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков» (α Кронбаха=0,733; $M=3,52$; $SD=0,744$; 6 пунктов, например: «Чтобы выжить, человечеству придется сплотиться и научиться договариваться перед лицом общей опасности»; «Чтобы предотвратить глобальные катастрофы, необходимо искать компромиссные решения и добиваться баланса сил»). Вторая шкала получила название «Фаталистическое игнорирование», т. е. сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой (α Кронбаха=0,722; $M=2,82$; $SD=0,786$; 6 пунктов, например: «Учитывая возможность глобальной катастрофы, нужно сосредоточиться на настоящем и успеть получить от жизни удовольствие»; «Мы ничего не можем сделать, чтобы предотвратить глобальную катастрофу, поэтому нет смысла о ней задумываться»). Третья шкала получила название «Религиозный авторитаризм», т. е. возвращение к традиционным религиозным ценностям и контроль за гражданами (α Кронбаха = 0,622; $M=2,28$; $SD=0,829$; 4 пункта, например: «Чтобы разрешить глобальные противоречия и угрозы, нам нужно вернуться к традиционным религиозным учениям и ценностям»; «Чтобы снизить риск глобальных катастроф, государства должны лучше контролировать действия своих граждан, даже если это потребует отказа от некоторых свобод»). Четвертая шкала когнитивного компонента получила название «Допустимость выживания одних за счет других» и отражает ориентацию на радикальные способы предотвращения глобальных угроз (α Кронбаха = 0,699; $M=2,14$; $SD=0,740$; 6 пунктов, например: «Перед лицом глобальной угрозы можно пожертвовать интересами жителей одной из стран ради всего человечества»; «Нет ничего предосудительного в том, чтобы использовать страх людей перед глобальными угрозами в предвыборной кампании»). Пятая шкала когнитивного компонента названа «Оптимизм в отношении глобального будущего» и отражает убеждение в неэффективности алармизма по поводу глобальных угроз (α Кронбаха =

0,646; $M=3,26$; $SD=0,710$; 6 пунктов, например: «Я не доверяю прогнозам грядущих катастроф, которые публикуются в СМИ»; «Лучший способ предотвратить многие катастрофы – поддерживать оптимизм и ставить амбициозные цели»). Наконец, шестая шкала когнитивного компонента «Апокалиптизм» отражает ожидание близкого конца существования человечества (α Кронбаха = 0,617; $M=1,85$; $SD=0,794$; 3 пункта, например: «С вероятностью более 50% человечество исчезнет с лица Земли в ближайшие 10 лет»).

Ценностно-мотивационный компонент отношения к глобальным рискам был выделен на этапе эксплораторного факторного анализа как фактор «Ценность выживания человечества», однако в результате конфирматорного факторного анализа эта шкала была исключена из опросника и в дальнейшем может быть использована как самостоятельная методика (α Кронбаха = 0,651; $M=3,23$; $SD=0,869$; 5 пунктов, например: «Выживание человечества – высшая ценность, ради которой можно пожертвовать всем остальным»; «Думаю, человечество не заслуживает того, чтобы его спасали»).

Поведенческий компонент представлен двумя шкалами, которые были объединены в общую «Шкалу готовности к действиям по защите от глобальных рисков», вошедшую в модель как латентная переменная второго уровня. Первая шкала получила название «Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков» (α Кронбаха = 0,950; $M=2,43$; $SD=1,451$; 6 пунктов, например: «Я готов своими действиями поддерживать общественные инициативы, направленные на предотвращение глобальных катастроф»; «Я готов жертвовать деньги на сохранение природы, если уверен в том, что они будут использованы по назначению»). Вторая шкала поведенческого компонента получила название «Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких» (α Кронбаха = 0,930; $M=2,13$; $SD=1,315$; 6 пунктов, например: «Я стараюсь предугадать последствия некоторых глобальных рисков и быть готовым действовать наилучшим образом после их наступления»; «Я предпринимаю меры, чтобы природная или техногенная катастрофа не застала врасплох меня и членов моей семьи»).

Чтобы уточнить социально-психологические характеристики, влияющие на отношение личности к природным катастрофам, мы провели эмпирическое исследование, участниками которого стали 547 студентов вузов четырех городов: Москвы ($N=114$; 39% – мужчины; 61% – женщины; средний возраст – 26 лет), Симферополя ($N=206$; 22% – мужчины; 78% – женщины; средний возраст – 22 года), Норильска ($N=126$; 40% – мужчины; 60% – женщины; средний возраст – 19,7 года) и Архангельска ($N=101$; 25% – мужчины; 75% –

женщины; средний возраст – 21 год). В инструментарий исследования вошла авторская методика «Отношение к глобальным рискам», шкала глобальной социальной идентификации (GSI) Дж. Риза, «Социальные аксиомы» (SAS) М. Бонда и К. Леонга, краткий пятифакторный опросник черт личности GPI-R Д. Гослинга, «Шкала связи с природой» Ф. Мейера и К. Франца в адаптации К. А. Чистопольской, субтест «Экологическая ответственность» и шкала «Экологическая осведомленность» из Опросника экологического сознания В. И. Панова, скрининговая версия Теста жизнестойкости С. Мадди в адаптации Е. Н. Осина; шкала социального доверия из опросника World Values Survey, «Шкала темного будущего» З. Залесского, а также Опросник моральных оснований (MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О. А. Сычева. В целом, разработанная программа исследования удовлетворяет принятым требованиям (см., например: Психология, 2000; и др.).

Была выдвинута гипотеза о том, что на субъективную значимость угрозы экстремальных климатических явлений и природных катастроф влияют консервативные установки, тогда как на значимость социальных рисков влияет оценка уровня доверия в обществе. В целом гипотеза подтвердилась. Линейный регрессионный анализ показал, что предикторами озабоченности угрозой экстремальных климатических явлений и природных катастроф ($R=0,769$; $R^2=0,592$; $F=162,81$, $p<0,001$) являются связь с природой ($\beta=0,420$), экологическая ответственность ($\beta=0,124$), а также религиозность ($\beta=0,173$), ориентация на соблюдение традиций и религиозных норм ($\beta=0,073$) и вера в предопределенность судьбы ($\beta=0,132$). Предикторами озабоченности угрозой международных конфликтов и терактов являются ($R=0,702$; $R^2=0,493$; $F=182,45$, $p<0,001$) социальный цинизм, т. е. убеждение в несправедливом устройстве общества ($\beta=0,553$), а также ориентация на заботу о людях при оценке нравственности поступков ($\beta=0,194$) и глобальная идентичность ($\beta=0,102$). Предикторами озабоченности техногенными угрозами, такими как риск выведения из строя электронных систем и непредвиденные последствия развития новых технологий ($R=0,795$; $R^2=0,632$; $F=241,78$, $p<0,001$) также оказался социальный цинизм ($\beta=0,246$), вера в вознаграждение усилий ($\beta=0,244$), убеждение в способности человека самому определять свою судьбу ($\beta=0,151$), а также ориентация на гармонию в отношениях между людьми ($\beta=0,229$). Таким образом, чем сильнее вера в предопределенность судьбы и традиционные ценности, тем выше озабоченность природными рисками; наоборот, чем выше вера в способность влиять на судьбу и вознаграждение усилий, тем больше озабоченность антропогенными рисками. Среди компо-

нентов отношения к глобальным рискам предикторами озабоченности ростом числа природных катастроф и экстремальных погодных явлений ($R=0,471$; $R^2=0,222$; $F=32,0$, $p<0,001$) оказалась общая тревога в отношении глобальных рисков ($\beta=0,332$), апокалиптическое ожидание близкого конца человечества ($\beta=0,135$) и убеждение в необходимости возврата к традиционным моральным и религиозным ценностям и жесткому контролю со стороны государства ($\beta=0,177$, самое высокое значение этого фактора в сравнении с его вкладом в озабоченность другими типами рисков); озабоченность природными рисками отрицательно связана с оптимизмом в отношении будущего человечества ($\beta=-0,151$) и допустимостью радикальных решений ради спасения человечества ($\beta=-0,081$). Можно предположить, что глобальные риски воспринимаются как своего рода «наказание свыше», следствие разрыва связи человека с природой. При этом, в отличие от других типов рисков, тревога по поводу природных катастроф не обнаруживает статистически значимой связи с убеждением в том, что глобальные риски поддаются прогнозированию, и что предотвращение их негативных последствий требует сотрудничества между людьми. Как оказалось, те же факторы, которые подстегивают озабоченность природными рисками, снижают готовность личности к участию в предотвращении рисков. Как показал линейный регрессионный анализ ($R=0,453$; $R^2=0,205$; $F=14,36$, $p<0,001$), готовность участвовать в коллективных действиях по предотвращению глобальных угроз тем выше, чем ниже социальный цинизм ($\beta=-0,203$), вера в зависимость от судьбы ($\beta=-0,177$) и в сложность общества ($\beta=-0,182$); она прямо зависит от жизнестойкости ($\beta=0,156$), ощущения человеком своей связи с природой ($\beta=0,294$), ориентации на заботу о людях ($\beta=0,143$) и справедливость ($\beta=0,182$). Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков выше у женщин ($\beta=0,079$), у тех, кто озабочен ухудшением экологической ситуацией в городах и вымиранием животных ($\beta=0,138$), а также у тех, кого беспокоят вынужденная миграция населения и отношения с мигрантами ($\beta=0,116$).

На основании проведенных исследований можно сделать *вывод* о специфике отношения личности к природным катастрофам: в отличие от антропогенных угроз, климатические изменения и природные катастрофы воспринимаются как неизбежные и непрогнозируемые, не поддающиеся влиянию человека. Озабоченность такими рисками прямо связана с фатализмом и верой в предопределенность судьбы, а также с убеждением в том, что для спасения человечества необходимо возвращение к традиционным ценностям и жесткому контролю государства за поведением граждан. При этом оказалось,

что тревога по поводу глобальных рисков и готовность участвовать в их прогнозировании и предупреждении – разные психологические феномены, имеющие разную детерминацию.

Полученные нами данные указывают на то, что нагнетание тревоги в СМИ публикациями о приближающихся природных катастрофах может приводить к обратному эффекту: такие публикации могут укреплять фаталистические установки и нетерпимость к другим, снижая готовность людей к действиям в условиях природной катастрофы. При информировании населения о природных катастрофах не следует противопоставлять человека природе, важно поддерживать доверие к социальным институтам и предлагать четкую программу действий, которая поддерживает самоуважение, ориентацию на заботу о других людях и веру в способность влиять на свою судьбу.

Литература

- Журавлев А. Л., Хащенко В. А.* Динамика экологического сознания населения России в связи с глобальными изменениями природной среды: программа социально-психологического исследования // Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996. С. 209–214.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 127–138.
- Психология: Учебник для технических вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2000.
- Тревоги и опасения. Какие опасения испытывают люди относительно ситуации в стране, в мире, в повседневной жизни. ФОМ. 25 апреля 2018 г. URL: <http://fom.ru/nastroeniya/14011> (дата доступа: 05.05.2018).
- The Global Risks Report 2017. 12th ed. World Economic Forum, 2017. URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-2017/>.

Global natural catastrophes related anxiety as a sociopsychological phenomenon: an empirical study

*O. E. Kouznetsova** (Archangelsk), *E. A. Petrova***, *T. A. Nestik****
(Moscow), *V. Y. Steklannikov***** (Norilsk)

* Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

** Student, Lomonosov Moscow State University

*** Doctor of Psychology, Institute of Psychology of RAS

**** Candidate of Pedagogics, Provost, Norilsk State Industrial Institute

Results of two empirical studies (N=241, N=541) are presented that shed light on the sociopsychological predictors of attitudes toward natural catastrophes and global climate change (global identity, connectedness to nature, ecological responsibility, religiosity, respect for tradition and spiritual purity, fate dependence). The questionnaire "Attitudes toward global risks" is worked out. Its factor structure validity was successfully confirmed (N=924) by SEM. Based on empirical research it is concluded that publications in mass media about natural disasters instead of alarming should support social trust, helping behavior and ability to influence the future.

Keywords: global risks, natural catastrophes, ecological consciousness, social trust, global identity.

Групповой субъект в языковой картине мира

Л. В. Куликов (Санкт-Петербург)

*доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский
государственный университет; e-mail: leon-piter@mail.ru*

С использованием методов корпусной лингвистики проведено исследование представлений о групповом субъекте в обыденной языковой картине мира, сопоставление сочетаемости слов, именующих группового субъекта, с понятиями, обозначающими различные формы внутренней и внешней активности индивидуального и группового субъекта. Выяснено, что наибольшую частотность имеют сочетания лексем антропических феноменов с лексемами таких групповых субъектов, как народ, общество, группа, коллектив. Лексемы группового субъекта с наибольшей частотностью образуют словосочетания со следующими лексемами антропических феноменов: мнение (28,75%), интерес (11,30%), воля (9,99%), сознание (9,20%), отношение к чему-либо (8,06%). Объединяющим признаком для этих пяти наиболее частотных феноменов выступает их интенциональность. Изучение частотных характеристик лексики позволяет выяснять весьма существенные характеристики рефлексии группового субъекта.

Ключевые слова: групповой субъект, языковая картина мира, корпусная лингвистика, оценка значимости, обыденное сознание.

Оценивая в целом состояние проблемы коллективного субъекта, А. Л. Журавлев замечает, что «остается проблемным важный вопрос о специфике субъектных качеств групп разного размера (численности), например: малых и больших социальных, которые, безусловно, имеют как сходные, так и различные субъектные свойства» (Журавлев, 2009, с. 79). Многие ученые подчеркивают, что к атрибутивным

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-01194.

качествам субъекта необходимо относить не только его активность (инициативность, произвольность...), но и целостность, интегративность. По мнению А. В. Брушлинского, «целостность субъекта означает прежде всего единство, интегральность его деятельности и вообще всех видов его активности» (Брушлинский, 2002, с. 29). Это свойство подчеркивается А. Л. Журавлевым: «...понятие и феномен „коллективный субъект“ исходно характеризуется качеством интегративности» (Журавлев, 2002, с. 52). Целостность группового субъекта, в отличие от индивидуального, обеспечивается коммуникацией между членами группы, координацией и субординацией внутри группового субъекта. Все это возможно, если данные процессы опираются на определенный базис, в качестве которого выступает языковая картина мира, как групповой феномен, и определенная мера общности картин мира у индивидов, принадлежащих группе. Нет необходимости пояснять, что при всем разнообразии средств и форм коммуникации язык и речь представляют собой ее основной инструмент, даже в ситуациях общения и взаимодействия людей в больших социальных группах (см., напр.: Макропсихология..., 2009; Психологическое исследование глобальных..., 2018; и др.).

Объектом данного исследования была взята языковая картина группового субъекта. Цель исследования состояла в выявлении основных характеристик представлений о групповом субъекте в обыденной языковой картине мира. В перечень задач исследования вошли: 1) сравнительный анализ частотности лексических единиц русского языка, именующих групповые субъекты; 2) выделение наиболее частотных слов обыденной лексики, обозначающих различные формы внешней и внутренней активности индивидуального и группового субъекта; 3) выяснение сочетаемости слов, обозначающих группового субъекта, с понятиями, обозначающими различные формы внутренней и внешней активности индивидуального и группового субъекта.

Методы и методика

В исследовании использовались методы и методики корпусной лингвистики. Национальный корпус русского языка (Национальный корпус...) – доступный для поиска электронный онлайн-корпус русских текстов (Корпус). В Корпус входят как письменные тексты (художественные, мемуары, публицистика, научная, религиозная литература, повседневная печатная продукция), так и записи устных текстов (публичной речи и частных бесед).

Процедура сбора данных

Первый этап – формирование перечня лексем антропических феноменов. Для формирования этого перечня была использована электронная версия издания частотного словаря современного русского языка (Ляшевская, Шаров, 2009). Были сформирован перечень существительных, которые часто используются для описания внутренних и внешних форм активности человека. В него были включены слова, которые образуют словосочетания, описывающие формы активности как индивидуального, так и группового субъекта. Далее использовался Национальный корпус – доступный для поиска электронный онлайн-корпус русских текстов. Объем всего корпуса (по состоянию на май 2018 г.) – 115645 документов, 23803881 предложение, 283431966 слов. Для проверки сочетаемости лексем сформированного списка форм активности с лексемами индивидуальных субъектов был использован следующий список: индивид, индивидуум, субъект, личность, персона, человек. Для лексемы *человек* вводилось ограничение – только единственное число, поскольку в ином случае в результат запроса входили фразы со словом *люди*. Был получен следующий список 27 лексем (в скобках указано число вхождений): душа (1111), деятельность (926), отношение (753), состояние (571), сознание (513), воля (411), поведение (404), потребность (340), характер (331), чувство (318), ум (241), дух (205), мысль (189), интерес (173), разум (163), понимание (139), активность (124), восприятие (103), память (101), желание (98), мышление (93), ощущение (91), мнение (68), общение (67), настроение/настрой (65), переживание (62), волнение (15). Эти слова можно было бы отнести к той части лексики русского языка, которая занимает заметное место одновременно как в обыденной, так и в научной лексике. Немалая их часть не может быть рассмотрена как исключительно психологические понятия, поскольку многие имеют *междисциплинарное* употребление и содержательное наполнение. Кроме того, не все из них можно отнести к категории активности, к разным формам активности. Исходя из этих соображений, автор счел возможным считать, что в данном перечне (он, разумеется, может быть расширен) названы *антропические феномены*. Вряд ли возникнет сомнение в том, что они свойственны человеку, связаны с миром людей, поэтому определение *антропические* вполне может быть использовано.

Второй этап – выделение наиболее частотных лексем антропических феноменов. Вначале была определена частотность лексем группового субъекта, сочетаемых с лексемами антропических феноменов. В первую десятку попали (в скобках указано число вхожде-

ний): народ (3785), общество (2448), группа (658), коллектив (315), нация (310), толпа (259), сообщество (118), община (76), народность (70), этнос (19). По критерию целостности, о принципиальном значении которого для определения субъекта писали разные специалисты (Брушлинский, 2002; Донцов, 1979; Журавлев, 2002), такие общности, как нация, народность, этнос, не могут быть приравнены к таким субъектам, как народ, общество, группа или коллектив. Толпа представляет собой специфический вид субъекта с неустойчивой общностью и субъектностью. Признак общности, по нашему мнению, не следует приравнивать к признаку целостности. Лексема «сообщество» не имеет большой частоты, кроме того, почти в половине случаев речь идет не о каком-либо сообществе, имеющем достаточно отчетливые границы, а о мировом/международном сообществе. В части вхождений данным словом обозначается не человеческое сообщество, а какое-то иное, например, бактериальное. По этим причинам предмет изучения был сужен, для дальнейшего сбора данных были оставлены четыре лексемы: народ, общество, группа, коллектив. Подсчет количества словосочетаний названных четырех лексем групповых субъектов с лексемами антропических феноменов показал, что словосочетания семи лексем — активность, ощущение, восприятие, мышление, разум, переживание, волнение — имеют очень малую частоту, они были исключены из списка.

Третий этап — определение частотности словосочетаний лексем, обозначающих группового субъекта, и лексем антропических феноменов в обыденной речи. Для определения частотности был сформирован пользовательский подкорпус Корпуса объемом 100606 документов, 9620945 предложений, 128877026 слов. Из всего объема Корпуса была исключена учебно-научная литература. Это было сделано для того, чтобы в поисковых запросах отделить обыденную лексику от научной лексики. Был сформирован список из 14 лексем антропических феноменов: сознание, память, интерес, воля, мнение, деятельность, отношение, душа, характер, настроение/настрой, потребность, дух, чувство, состояние (перечислены в порядке убывания частотности).

Результаты

В пользовательском подкорпусе (в нем исключена учебно-научная литература) обнаружено 11951 словосочетание четырех наименований группового субъекта с лексемами антропических феноменов, их частотность в процентах следующая: общество — 57,73%, народ — 35,05%, группа — 3,85%, коллектив — 3,37%. Были вычислены про-

центы встречаемости словосочетания лексем группового субъекта с каждой из 14 лексем антропических феноменов. Перечислим наиболее частотные (имеющие более 5% вхождений в текстах) словосочетания: лексема *общество* и мнение (46,91%), деятельность (9,76%), сознание (9,68%), отношение (9,22%), интерес (9,19%); лексема *народ* и воля (26,64%), интерес (12,65%), дух (10,81%), душа (8,88%), сознание (8,36%), характер (7,16%), отношение (5,54%); лексема *группа* и интерес (30,22%), деятельность (27,00%), отношение (13,70%), мнение (7,39%); лексема *коллектив* и сознание (18,61%), память (13,15%), интерес (11,91%), воля (11,17%), мнение (10,42%), деятельность (8,19%), отношение (7,94%); душа (6,70%).

Обсуждение результатов

В языковой картине мира каждый (из сравниваемых) групповой субъект открывается с разных сторон, внимание авторов текстов направлено на различные виды активности групповых субъектов и присущие им свойства. Если предметом обсуждения выступает *общество*, то на переднем плане оказывается его мнение, отношение, интересы. Объединяющим признаком этих *психосоциальных феноменов* можно считать позицию общества по тому или иному значимому вопросу. Суммарно на эти феномены приходится более двух третей частотности всего перечня феноменов. *Народ*, в русском языке, предстает как субъект, обладающий волей, духом, душой, сознанием и своим характером. Видно, что из обсуждаемых четырех надындивидуальных субъектов народ имеет наибольшую степень сходства с индивидуальным субъектом в плане многомерности их природы: индивидуальный и надындивидуальный субъекты имеют интересы, устанавливают отношения с другими субъектами, обладают волей, характером, сознанием, духом и душой. *Группу*, в отличие от других субъектов, характеризует ее деятельность, частотность словосочетаний соответствующих лексем (деятельность группы или групповая деятельность) 27,00%, у других субъектов менее 10%. *Коллектив* в описаниях, в сравнении с другими субъектами, предстает как носитель сознания и памяти. У коллектива нет какого-либо ярко выраженного по своей частотности психосоциального феномена, данный субъект отличается широким спектром этих феноменов с приблизительно равной частотностью и некоторым ее превышением сознания и памяти.

Если рассматривать выявленные частотности как доминанты самоописаний носителей русского языка в той части языковой картины мира, в которой содержатся представления о групповых субъек-

тах, то можно отметить выраженные различия в фокусе внимания к отдельным антропическим феноменам. Чаще (для четырех групповых субъектов) в высказываниях описывается мнение/мнения субъекта (28,75%), его интерес/интересы (11,30%), воля (9,99%), сознание (9,20%), отношение к чему-либо (8,06%). Отметим, что объединяющим признаком для этих пяти наиболее частотных феноменов выступает их *интенциональность*. Эти феномены характеризуются различной степенью динамичности, но в этом можно заметить определенный психологический смысл: в *интересах* заключена наиболее устойчивая направленность обсуждаемого субъекта, *отношение* более изменчиво, поскольку нередко может быть реактивным (например, в ответ на те или иные действия, поступки...), *мнение* еще в большей степени зависит от особенностей текущей ситуации и часто выражает отношение к тому или иному частному аспекту жизни. Групповое сознание (нет оснований объединять его с менталитетом) представляет собой психосоциальный феномен, обеспечивающий целостность субъекта, координацию усилий отдельных членов группы и субординацию в группе. В нем представлены доминирующие интересы, потребности, мнения, наиболее значимые отношения (и как связи, и как оценки). Воля группового субъекта выступает тем началом, которое позволяет концентрировать силы и достичь удовлетворения интересов и потребностей.

Значительные различия в частотности словосочетаний лексем общество, народ, группа, коллектив частично объясняются тем, что в большинстве случаев при использовании различных словоформ лексем *народ* и *общество* не требуется уточнения о каком обществе, каком народе идет речь — автор обсуждает то общество, тот народ, к которому себя относит. Уточнение требуется в тех случаях, когда имеется в виду какое-либо другое общество или другой народ. Стоит учесть, что притяжательное местоимение *наш* часто сочетается с лексемами *группа* и *коллектив*. Наиболее вероятно, что лексемы народ и общество не имеют достаточно полных эквивалентов в русском языке. У лексем группа и коллектив языковой статус иной, вместо слов группа и коллектив вполне могут быть использованы слова, называющие конкретную группу или коллектив, о которых идет речь.

Изучение частотных характеристик лексики позволяет выяснять весьма существенные характеристики рефлексии группового субъекта. Вероятно, слово *группа* не имеет столь же большой частотности употребления как слова *народ* или *общество*, потому что в обыденной речи понятийная категория, конструкт высокого уровня обобщенности мало востребованы. В одних коммуникативных ситуаци-

ях это слово необходимо («вторая группа детского сада», «четвертая группа второго курса», «группа альпинистов...»), оно употребляется с другими словами, находящимися с этим словом в комплетивных синтаксических отношениях, а в других случаях используются наименования конкретных групп без использования лексемы *группа* (отдел, бригада, взвод, лаборатория, кафедра, команда, экипаж...). Частотность употребления слов не может рассматриваться единственной характеристикой языковой картины мира. Во всей полноте сущность того или иного феномена коллективного сознания она не отражает. Но, тем не менее, в статистических характеристиках языка отражена значимость того или иного психосоциального явления и смысловые доминанты коллективного сознания.

Литература

- Брушлинский А. В.* О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 9–33.
- Донцов А. И.* К проблеме целостности субъекта коллективной деятельности // Вопросы психологии. 1979. № 3. С. 25–34.
- Журавлев А. Л.* Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
- Журавлев А. Л.* Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 51–81.
- Макропсихология современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
- Национальный корпус русского языка. URL: <http://dict.ruslang.ru> (дата обращения: 05.05.2018).
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Group subject in the language picture of the world

L. V. Kulikov (St Petersburg)

Doctor of Psychology, Professor, St Petersburg State University

With the use of the methods of corpus linguistics, a study of the notions of a group subject in the everyday language picture of the world, a comparison of the compatibility of words referring to the group subject, with concepts denoting various forms of internal and external activity of the individual and group subject. It was found out that combinations of lexemes of anthropic phenomena with lexemes of such group subjects as people (folk), society, group, collective have the greatest frequency. The lexemes of the group subject with the highest frequency form the word combinations with the following lexemes of anthropic phenomena: opinion (28,75%), interest (11,30%), will (9,99%), consciousness (9,20%), attitude to something (8,06%). The unifying feature for these five most frequent phenomena is their intentionality. The study of the frequency characteristics of vocabulary makes it possible to elucidate the very essential characteristics of the reflection of the group subject.

Keywords: group subject, language picture of the world, corpus linguistics, evaluation of significance, everyday consciousness.

«Ценность внешнего облика» в иерархии ценностных ориентаций современной студенческой молодежи

В. А. Лабунская (Ростов-на-Дону)

*доктор психологических наук, профессор,
Южный федеральный университет; e-mail: vlab@aanet.ru*

В статье утверждается, что с позиций субъектного подхода ядром, разрабатываемой нами «многофакторной эмпирической модели изучения отношения к внешнему облику», должен стать такой феномен, как «ценность внешнего облика» (ЦВО) и ценностные ориентации, связанные с внешним обликом. Цель выполненного исследования — это поиск места «ЦВО» в иерархии ценностных ориентаций молодых людей; определение взаимосвязей «ЦВО» с другими ценностями. В исследовании применялся вариант методики С. С. Бубновой, в которую была добавлена ценностная ориентация — «ЦВО». Результаты исследования указывают на то, что выраженность «ЦВО» значимо выше, чем ценности: «общение», «здоровье», «высокий социальный статус и управление людьми», «высокое материальное благосостояние» «социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе». «ЦВО» занимает в иерархии ценностных ориентаций срединное положение вместе с ценностью «любви». Взаимосвязи между рассматриваемыми ценностными ориентациями дают основание предполагать, что функциональная значимость ВО для молодых людей проявляется в управлении людьми, в получении более высокого социального статуса, признания, уважения, в оптимизации сферы общения.

Ключевые слова: ценность, ценностные ориентации, внешний облик, субъектный подход, эмпирическая модель.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01260.

Введение

В процессе исследования проблемы восприятия, оценки и самооценки, интерпретации внешнего облика, отношений, самоотношений и переживаний человека, связанных с его внешним обликом, нами был сделан ряд теоретических выводов (Лабунская, Капитанова, 2016; Лабунская, Дроздова, 2017). В их числе вывод о том, что все перечисленные феномены, связанные с внешним обликом, необходимо изучать, применяя «многофакторную эмпирическую модель». Обобщая выводы работ, в которых используются такие понятия, как «ценность внешнего облика», «инвестиционная сила внешнего облика», «сензитивность и ориентация на внешний облик», ряд других понятий (Суэми, Фернхем, 2009; Chang, Jarry, Kong, 2014; Trekels, Eggermont, 2017; Webb, Zimmer-Gembeck, 2016), было обращено внимание на то, что явления, обозначенные данными терминами, подвержены, с одной стороны, влиянию социокультурных факторов, а с другой стороны, воздействию индивидуально-личностных. Присоединяясь к этим выводам, мы полагаем, что в рамках субъектного подхода, ядром «многофакторной эмпирической модели изучения отношения к внешнему облику» должен стать такой феномен, как «ценность внешнего облика», и ценностные ориентации, связанные с внешним обликом. В рамках субъектно-деятельностного подхода является принципиальным положение о том, что «ценности как предмет психологического исследования являются тем, что определяет субъективную значимость для человека принципов, норм, идей, природы, объектов окружающей среды» (Знаков, 2016, с. 137). Субъект, включенный в отношения с Миром, преобразующий себя и Мир, как правило, руководствуется «своими ценностными предпочтениями» и одновременно осуществляемые им преобразования открывают, по меткому выражению В. В. Знакова, «другой взгляд на мир, в котором значимы иные, чем ранее, ценности, которые оказывают, в свою очередь, воздействие на человека» (там же, с. 139).

Внешний облик, как ценность, так же как и другие ценности, можно рассматривать, вслед за Д. А. Леонтьевым, (Леонтьев, 1996) в трех измерениях, направленных на различные группы явлений, в том числе как общественный идеал внешнего облика, как «воплощение этих идеалов» в поведении людей, как сильнейшая мотивация, актуализирующая действия, направленные на преобразование внешнего облика, на формирование перфекционистского отношения к нему. Несмотря на очевидность статуса внешнего облика как ценности, до настоящего времени отсутствуют систематические исследования «ценности внешнего облика», ее взаимосвязей

с другими ценностными ориентациями, с гендерно-стратификационными, социально-психологическими факторами, определяющими многочисленные интегральные, сложные явления, сопровождающие жизнь человека и заявляющие о себе в различных сферах его бытия (например, удовлетворенность жизнью, оценка субъективного благополучия, счастья или субъективного одиночества и т. д.). Кроме этого, «многофакторная модель изучения отношения к внешнему облику» предполагает применение ее с учетом сфер бытия, в целом, сфер жизнедеятельности человека, а также предполагает определение влияния «ценности внешнего облика», в сочетании с различными факторами, на сферу образования, трудовой занятости и карьерного роста людей, на сферу семейно-брачных, романтических отношений, на групповую динамику и т. д. Особенно важным становится применение данной модели в процессе проведения исследований молодежной среды, для которой увеличивается значимость ценности внешнего облика, но данный вопрос остается малоизученным.

На основе разрабатываемой нами «многофакторной эмпирической модели изучения отношения к внешнему облику» было выполнено ряд работ, поскольку учесть в одном исследовании всю совокупность факторов не представляется возможным. В данной статье приводятся результаты исследования, позволяющего сделать выводы о взаимосвязи «ценности внешнего облика» с другими ценностями, рассматривается место «ценности внешнего облика» в иерархии ценностных ориентаций современной студенческой молодежи.

Метод и результаты исследования

С целью выполнения данного исследования была модифицирована методика С. С. Бубновой «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» (Бубнова, 1999). Как известно, с помощью данной методики диагностируется 11 видов ценностных ориентаций. По аналогии с каждым видом ценностных ориентаций, представленных в методике С. С. Бубновой, были составлены утверждения-вопросы, которые отражают различные стороны проявления ценности внешнего облика: Улучшать свой внешний облик, ухаживать, корректировать, создавать — это важная часть жизни человека? В жизни чрезвычайно важно иметь привлекательный, красивый внешний облик? Внешний облик может быть главным в вашей жизни? Чувствовать себя подавленной (подавленным) из-за оценок вашего внешнего облика другими людьми — это о вас?

Хотели бы вы, чтобы окружающие высоко оценивали ваш внешний облик, восхищались им? На ваше отношение к другому человеку влияет то, как он выглядит, какой у него внешний облик?. Совокупность этих утверждений-вопросов была отнесена к 12 виду ценностных ориентаций – «ценность внешнего облика». Подсчет ответов в форме «да–нет», которые мог дать каждый участник исследования, указывает на выраженность определенных ценностных ориентаций, в том числе и на выраженность «ценности внешнего облика».

В выполненном исследовании приняли участие 100 молодых людей в возрасте от 18 до 21 года.

Применив критерий парных выборок – t , мы установили различия между выраженностью ценностной ориентации – «ценность внешнего облика» и другими видами ценностных ориентаций, представленных в методике С. С. Бубновой. Исходя из полученных данных, был сделан следующий вывод: выраженность «ценности внешнего облика» значительно выше, чем ценность «общения» ($t=2,843$ при $p=0,008$), чем ценность «здоровье» ($t=2,560$ при $p=0,016$), чем выраженность ценности «высокий социальный статус и управление людьми» ($t=2,112$ при $p=0,043$), чем выраженность ценности «высокое материальное благосостояние» ($t=2,102$ при $p=0,044$), чем такая ценность, как «социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе» ($t=2,003$ при $p=0,055$). Одновременно были получены данные, указывающие на то, что в молодежной среде «ценность внешнего облика» ниже, чем выраженность ценностной ориентации на «приятное времяпрепровождение, отдых» ($t=-5,777$ при $p=0,000$), признание и уважение людей и влияние на окружающих ($t=-4,616$, $p=0,000$), чем ценностная ориентация на оказание «помощи и проявления милосердия к другим людям» ($t=-2,571$ при $p=0,016$), чем ценностная ориентация на «познание нового в мире, природе, человеке» ($t=-2,358$ при $p=0,025$), чем ценностная ориентация на «поиск и наслаждение прекрасным» ($t=-1,886$ при $p=0,069$).

Обращает на себя внимание тот факт, что выраженность «ценности внешнего облика» соответствует выраженности ценности «любви» ($t=-0,812$ при $p=0,444$).

Таким образом, на основе полученных данных и описательных статистик можно определить место «ценности внешнего облика» в иерархии ценностных ориентаций, представленных в методике С. С. Бубновой. Она приводится ниже (первый ранг соответствует самому высокому уровню выражения ценностных ориентаций, а последний (10) соответствует наиболее низкому выражению ценностной ориентации).

Иерархия ценностных ориентаций

1. Приятное времяпрепровождение, отдых.
2. Признание и уважение людей и влияние на окружающих.
3. Познание нового в мире, природе, человеке.
4. Помощь и милосердие к другим людям
5. Поиск и наслаждение прекрасным.
6. Любовь. Привлекательный внешний облик.
7. Высокий социальный статус и управление людьми.
8. Высокое материальное благосостояние; социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе.
9. Общение.
10. Здоровье.

Ранги выраженности ценностных ориентаций в группе участников исследования указывают на то, что в молодежной среде «ценность внешнего облика» занимает в иерархии ценностных ориентаций срединное положение вместе с ценностью «любви». Эти данные можно трактовать как увеличение значимости ценности внешнего облика для российской молодежи, рассматривать их как подтверждение некоторых выводов западных исследований об увеличении «инвестиционной силы» внешнего облика в современном мире.

Корреляционный анализ взаимосвязей между выраженностью «ценности внешнего облика» и выраженностью других ценностных ориентаций показал, что у участников исследования прослеживаются значимые взаимосвязи: между выраженностью «ценности внешнего облика» и выраженностью ценностной ориентации на «высокий социальный статус и управление людьми» ($r=0,513$, $p=0,004$), выраженностью ценностной ориентации на «признание и уважение людьми и на влияние на окружающих» ($r=0,438$, $p=0,015$), выраженностью ценности «общения» ($r=0,341$, $p=0,065$). Эти данные указывают, на наш взгляд, на то, что современные молодые люди выделяют функциональную значимость внешнего облика. Они полагают, что внешний облик может способствовать управлению людьми и получению более высокого социального статуса, что с помощью внешнего облика можно получить признание и уважение людей, оптимизировать сферу общения.

Заключение

Выполненное нами исследование указывает на то, что современная студенческая молодежь рассматривает внешний облик как ценность

и в этом ключе приписывает ему функцию регуляции отношений с другими людьми. Перспективы рассмотрения внешнего облика как ценности видятся в определении значимости этой ценности в различных сферах бытия молодых людей и ее влияния на преобразовательную активность.

Литература

- Бубнова С. С.* Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 5. С. 38–44.
- Знаков В. В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 136–146.
- Лабунская В. А., Капитанова Е. В.* Самооценка и оценка внешнего облика членов студенческой группы как предикторы отношений межличностной значимости // Международный научный журнал «Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 72–87.
- Лабунская В. А., Капитанова Е. В.* Обеспокоенность и удовлетворенность студентов своим внешним обликом как предикторы самооценок его компонентов и характеристик // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 1. С. 167–183.
- Лабунская В. А., Дроздова И. И.* Теоретико-эмпирический анализ влияния социокультурных и социально-психологических факторов на оценки и самооценки молодых людей внешнего облика // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 2. С. 202–226.
- Леонтьев Д. А.* Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 13–25.
- Суэми В., Фернхем А.* Психология красоты и привлекательности. СПб.: Питер, 2009.
- Chang F. M., Jarry J. L., Kong M. A.* Appearance investment mediates the association between fear of negative evaluation and dietary restraint // Body Image. 2014. V. 11. P. 72–76.
- Webb H. J., Zimmer-Gembeck M. J.* A Longitudinal Study of Appearance-based Rejection Sensitivity and the Peer Appearance Culture // Journal of Applied Developmental Psychology. 2016. V. 43. P. 91–100.
- Trekels J., Eggermont S.* Beauty is Good: The Appearance Culture, the Internalization of Appearance Ideals and Dysfunctional Appearance Beliefs Among Tweens // Human Communication Research. 2017. V. 43. Is. 2. P. 173–192.

“The value of appearance” in the hierarchy of value orientations of modern student’s youth

V. A. Labunskaya (Rostov-on-Don)

Doctor of Psychology, Professor, Southern Federal University

In article it is claimed that from positions of subject approach such phenomenon as the “appearance value” (AV) and valuable orientations connected with appearance has to become a kernel, the “multifactor empirical model of studying of attitudes towards to appearance” developed by us. The purpose of the executed research is a search of the place of “AV” in hierarchy of valuable orientations of young people; determination of interrelations of “AV” with other values. In a research the option of a technique of S. S. Bubnova to which valuable orientation – “AV” has been added was applied. Results of a research indicate what expressiveness of “AV» is significant above, than values: “communication”, “health», “the high social status and management of people», “high material well-being”, “social activity for achievement of positive changes in society”. “AV” holds in hierarchy of valuable orientations middle position together with the value of “love”. Interrelations between the considered valuable orientations give the grounds to assume that the functional importance of appearance for young people is shown in management of people, in obtaining higher social status, recognition, respect, in optimization of the sphere of communication.

Keywords: value, valuable orientations, appearance, subject approach, empirical model.

Национально-психологические особенности образа делового партнера как субъекта взаимодействия

*Н. А. Ладзина** (Семей, Казахстан), *Л. С. Назырова***,
*Г. У. Турарова**** (Усть-Каменогорск, Казахстан)

** доктор психологических наук, профессор, Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет; e-mail: ladzina_natalya@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, ассоциированный профессор, Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова; e-mail: larisa.nazyrova@mail.ru*

**** магистр, старший преподаватель, Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова; e-mail: gulnaz_uka@mail.ru*

Рассматриваются методологические аспекты субъект-субъектного делового взаимодействия в полиэтнической среде. Обоснованы возможные типы образа делового партнера и предложена их структурная характеристика. Получены новые данные относительно феноменов делового взаимодействия, их дифференциации и этноспецифики. Показаны диагностические возможности ряда методик и алгоритм их применения в работе с предпринимателями.

Ключевые слова: межличностное взаимодействие, образ партнера, оценочная модель партнера по взаимодействию.

В рыночных отношениях в деловой сфере стали возникать совершенно новые виды взаимоотношений между субъектами, которые невозможно свести к трудовым или управленческим. В последние годы получила развитие такая форма взаимодействия, как деловое партнерство – социальное взаимодействие самостоятельных равноправных экономических субъектов, имеющих относительную экономическую свободу и альтернативу в принятии решения. *Межличностное взаимодействие* – это случайные или преднамеренные, частные или публичные, длительные или кратковременные, вер-

бальные или невербальные контакты и связи двух и более человек, вызывающие взаимные изменения их поведения, деятельности, отношений и установок (Крысько, 2001). Отношения в рамках «субъект—объект» и «субъект—субъект» не являются идентичными. Так, общим для одной и другой связи выступает, например, активность (или выраженность) отношения, модальность (положительная, отрицательная, нейтральная), широта, устойчивость и т. д. Вместе с тем существенным различием отношений в рамках субъект-объектной и субъект-субъектной связи являются однонаправленность и взаимность отношений.

Субъект-субъектные отношения характеризуются как постоянной взаимностью, так и изменчивостью, что обуславливается активностью не только одной из сторон, как это имеет место при субъект-объектных отношениях, где устойчивость больше зависит от субъекта, чем от объекта. Таким образом, психологические отношения обнаруживаются как в рамках субъект-объектных, так и субъект-субъектных отношений. Межличностные отношения всегда представляют субъект-субъектные связи. В этом смысле психологические отношения выступают родовым понятием по отношению к видовому — «межличностным отношениям».

Межличностные отношения — это субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, в которых проявляется система их межличностных установок, ориентаций, ожиданий, определяемых содержанием совместной деятельности (Андреева, Янаушек, 1987).

Данное определение в свою очередь позволяет выстроить логику исследования межличностного взаимодействия через систему установок, в том числе этнических и профессиональных, через посредство ролевых ожиданий партнеров по взаимодействию, а также через характер и форму совместной деятельности. В проводимом исследовании ее целесообразнее формулируется так: каков механизм формирования образа желаемого партнера в организационном взаимодействии, как влияет национальная принадлежность на формирование этого образа, можно ли выделить типы идеального партнера.

Для достижения задач проводимого этнопсихологического исследования была выдвинута рабочая гипотеза, предполагающая сближение образов «Я-идеальное» и «желаемый деловой партнер», поскольку испытуемый, осознавая недостаток деловых качеств, пытается развивать их у себя либо стремится к партнерству, компенсирующему его. Выборка составила 56 чел. Стаж предпринимательской деятельности у 45% испытуемых исчисляется от 3 до 5 лет; у 55% — свыше 5 лет.

Выбранная для данного исследования батарея методик (тест Т. Лири, опросник типов личности Майерс—Бриггс, методика из-

учения УСК) позволяет выявить представление о себе, об идеальном партнере, о типе взаимоотношений, объективно возникающих между ними, а также об устойчивых тенденциях поведения испытуемых, тесно связанных с их индивидуальными и национальными чертами характера (Крегер, Тьюссон, 2005; Собчик, 2005). Методики были переведены на казахский язык, апробированы, проверены на валидность и репрезентативность.

В результате корреляционного анализа экспериментальных данных было выявлено три основных типа предпочитаемого делового партнера*. Эти типы отражают поляризацию трех исследуемых образов («Я-реальное», «Я-идеальное», предпочитаемый партнер). Рассмотрим краткую структурную характеристику каждого типа.

Первый тип образа предпочитаемого партнера, составляющий 20% выборки, можно охарактеризовать большой сближенностью образов «Я-реальное» и «идеального партнера», в то время как образ «Я-идеальное» в большей или меньшей степени отличается выраженностью личностных качеств. Испытуемый видит в партнере похожую на себя личность, обладающую теми же недостатками или достоинствами, что и он сам. Это похожий, а значит, и более простой для восприятия и понимания объект познания. Одновременно образ «Я-идеальное» представляется как общественно одобряемый эталонный образ предпринимателя, преуспевающего бизнесмена, наделенного всеми социально-желательными и профессионально необходимыми качествами. Такой тип можно условно назвать *«самоориентировочным»*.

Второй тип назван нами *«эталонным»*. Для данного типа характерно сближение образов идеального партнера и «Я-идеального» и относительным обособлением «Я-реального». В этом случае образ идеального партнера наделяется предпочитаемыми, имеющими ценность для себя, личностными чертами, т. е. партнер воображается как эталон, на который нужно равняться, сотрудничество с которым давало бы стимул для личного и профессионального саморазвития. Этот тип составляет 65% выборки.

Третий тип включает 15% испытуемых и отличается от двух предыдущих отрицательной корреляцией образа предпочитаемого партнера и «Я-реального» при амбивалентном отношении к образу «Я-идеальное». В этом случае идеальный партнер выбирается по комплиментарному принципу, т. е. предпочтение отдается человеку с относительно противоположными чертами характера. Поэтому такой

* В данном исследовании типология основывается на субъективных факторах построения образа идеального партнера, поскольку объективные факторы заданы самой ситуацией исследования (инструкцией).

тип был нами назван «*дополняющим*». При этом тенденция к саморазвитию (образ «Я-идеальное») отличается в зависимости от самопринятия личности. Высокая неудовлетворенность собой проявляется в данном случае в сходстве образов предпочитаемого партнера и «Я-идеального». При достаточном уровне самопринятия идеальный партнер воспринимается как средство для достижения целей и интересов в предпринимательской деятельности (он обладает необходимыми качествами для совместной деятельности, но при этом не влияет на личностное развитие).

На основании предложенной типологии можно сделать предположение о существовании определенного типа *оценочной модели*, в которой отражаются представления субъекта о межличностных отношениях в деловом взаимодействии и влияние этой модели на профессиональную самореализацию. Эта модель строится на основании не только самопринятия и рефлексии личностных качеств, но и на ценностно-ориентационной и мотивационной сферах личности. В этой оценочной модели деловых отношений образ идеального партнера несет в себе информацию:

- 1) о коммуникативном состоянии испытуемого (готовности воспринимать информацию);
- 2) направленности этого состояния (воспринимать деловую информацию с целью оптимизации совместной деятельности или обмен межличностной информацией с целью установления доверительных отношений);
- 3) об ожиданиях индивида от реального партнера (ожидаемая роль партнера в межличностных отношениях).

На основании анализа результатов по оценке «Я-реальное», «Идеальный партнер», «Я-идеальное» (тест Т. Лири), нами была выявлена общая тенденция предпочтения индивида в соотношении активных (авторитарный, эгоистический, агрессивный, подозрительный) и реактивных (подчиняемый, зависимый, дружелюбный, альтруистический) типов отношений к окружающим. Казахстан относится к государствам с полиэтнической средой, где преобладают две титульные нации: казахи и русские. Поэтому при анализе результатов нас интересовало влияние национальной специфики на выбор партнера по деловому взаимодействию и дифференциация типов партнеров по этническому признаку (Ладзина, 2002).

Установлено, что индивиды с преобладающим активным типом в 58% предпочитают взаимодействовать с таким же активным типом, в то время как индивиды с преобладающими реактивными качествами в 88% случаев стремятся к взаимодействию с анало-

гичным типом. Следовательно, из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, люди с реактивным типом чувствуют себя более комфортно в партнерстве с похожими на себя людьми. Во-вторых, люди с активным типом склонны выбирать себе партнеров, на которых можно было бы направлять свою активность. Выделение предпочитаемых отношений дало возможность дать структурную и *содержательную характеристику* каждого типа.

Самоориентировочный тип в деловом взаимодействии. Для представителей этого типа характерна высокая ответственность в области профессиональной деятельности. Такую же ответственность они ожидают и от своего партнера, воспринимая его как подобного себе, этот тип людей выбирает сотрудничество в партнерских отношениях, предполагающее учет интересов обеих сторон и достижение цели с минимальными потерями. Их принцип можно сформулировать следующим образом: необходимо реально смотреть на вещи — идеальных людей не бывает, нужно выбирать из того, что имеется. Из активных качеств ими более всего ценятся энергичность и уверенность, среди реактивных — дружелюбие, склонность к сотрудничеству. Они не стремятся установить глубокие дружеские отношения с партнером, испытывать к нему эмоциональную привязанность, потому что это достаточно похожие друг на друга люди. Отношения сохраняются до тех пор, пока есть чему научиться у партнера. Развитие отношений и саморазвитие своей личности ориентируют на общественно принятые образцы. В этот кластер вошли всего 8% казахской выборки и 42% русской выборки.

Объективно, отношения между социотипом испытуемого (сенсорно-этический интроверт) и социотипом предпочитаемого партнера (этико-интуитивный интроверт) характеризуются как отношения «передатчик—приемник». В «профиле партнера» такой предприниматель отводит партнеру роль «приемника», заключающуюся в выполнении потребности «передатчика» как социального заказа, при этом «передатчик» обладает авторитетом и пользуется уважением у партнера, его опытность подчиняет «приемника». Такие отношения способствуют передачи опыта, мобилизуют на общее дело и генерируют новые идеи. По данным теста Томаса, доминирующими стратегиями поведения являются сотрудничество и соперничество с тенденцией к доминированию и подчинению партнера. При этом ответственность в межличностных отношениях и профессиональной деятельности частично перекладывается на партнера.

В *эталонном типе*, составляющем большинство выборки, можно выделить два подтипа:

- 1) первый подтип характеризуется слабой связью с образом «Я-реальное» и высокой с образом «Я-идеальное»;
- 2) второй подтип не коррелирует с образом «Я-реальное», но отличается высокой связью с «Я-идеальным».

Эти подтипы отражают степень удовлетворенности собой: при высокой неудовлетворенности – большое различие образов: «Я-реальное» и «Я-идеальное» и наоборот. Образ идеального партнера выступает мерой разобщенности этих двух образов.

Анализ кластера данных эталонного типа дает основание заключить, что для его представителей характерна склонность к интернальности, как общей, так и в сфере деятельности. Направленность ответственности на себя может отражаться в оценочной модели как стремление к саморазвитию с помощью самовоспитания или бессознательного подражания партнеру, воплощающему в себе эталонные качества. Более низкий средний балл локуса контроля по шкале рабочей интернальности, по сравнению с самоориентировочным типом, дает основание предполагать о склонности представителей этого типа перекладывать частично ответственность в совместной деятельности на внешние обстоятельства и партнера, как более совершенную личность.

Представители этого типа склонны выбирать себе в партнеры людей, принадлежащих типу логико-сенсорных интровертов. А поскольку образы идеального партнера и «Я-идеального» у них схожи, то можно говорить о направленности саморазвития и формирования у себя качеств, характерных идеальному партнеру. О. Крегер и Дж. М. Тьюсон характеризуют тип логико-сенсорных интровертов как врожденных организаторов жизни – «самый надежный и ответственный тип, лучше всего подходящий для роли менеджера, которым движет ответственность, продуктивность и практический результат».

Отношения, объективно устанавливающиеся на основе информационного обмена между испытуемыми и предпочитаемыми партнерами, довольно противоречивы. Необходимо отметить наличие таких отношений, как «приятельские», «родственные», «зеркальные», характеризующиеся высокой межличностной привязанностью и эмоциональной значимостью. Тенденция компромиссного поведения в конфликтной ситуации свидетельствует об уступчивости партнеру, в котором видят авторитетную личность. Избегание напряженности, также имеющее место быть у представителей этого типа, позволяет сохранять отношения ради самих отношений, так как партнер является значимой личностью. Состав этого кластера включил 22% казахской выборки и 65% русской.

Испытуемый более всего ценит в отношениях дружелюбие и альтруизм, это подтверждает социотип этико-сенсорного экстраверта, названный как «друзья всех и каждого». Этот социотип характеризует повышенная снисходительность и любезность, общительность и коммуникабельность. Высокие зоны конфликтности по 1 и 4 шкале свидетельствуют о стремлении избавиться от таких качеств, как авторитарность и критичность. Предпочтение отдается дружеским отношениям, нежели деловым. Неслучайно, отношения между социотипами испытуемого и предпочитаемого партнера характеризуются как приятельские. Для таких отношений свойственна легкость установления контакта, миролюбивость, но невозможно сотрудничество в силу столкновения активности одного (испытуемого) с самостоятельностью другого (предпочитаемого партнера). Поэтому стратегия компромисса и избегания конфликта характеризует личность, ценящую превыше всего сами отношения, которые способствуют взаимодействию с индивидом, способствующему саморазвитию.

Дополняющий тип характеризуется лабильностью поведения, высокой приспособляемостью к индивидуально-личностным особенностям партнера и условиям ситуации. Этот кластер состоит на 70% из казахов. Низкий уровень интернальности свидетельствует о склонности переноса ответственности на партнера. Это же подтверждает соционический тип отношений, характеризующийся как «контролер – безбилетник», где роль контролирующего принадлежит партнеру. Причем эта роль отводится ему бессознательно. Партнер обладает теми качествами, которые не свойственны испытуемому, но необходимы для совместной деятельности и достижения цели. В партнере предпочитают такие качества, как упорство, настойчивость, авторитетность, дружелюбие и альтруизм. Однако большее предпочтение отдается реактивным качествам, что свидетельствует об эгоистической тенденции в отношениях. Этот тип людей предпочитает партнера с социотипом сенсорно-логического экстраверта, отличающегося высокой предприимчивостью и нонконформизмом, быстротой вникания в ситуацию. Между ними не устанавливается близких отношений, они взаимодействуют для достижения общей цели, далее ценность партнера утрачивается.

Таким образом, рассмотренные выше три оценочные модели деловых отношений отражают доминирующие потребности личности:

- 1) компенсирующая доминанта соответствует выделенному дополняющему типу (стремление приобрести, усвоить, использовать в своих целях то, что недостает индивиду);

- 2) проецирующая доминанта аналогична самоориентировочному типу (стремление к себе подобным, самоутверждение общностью качества с партнером);
- 3) доминанта на сотворчество соотносительно с эталонным типом (воздействие на других и саморазвитие согласно идеалу, критерии которого созданы самим индивидом, стремление к взаимодействию с более совершенным партнером).

Получены значимые корреляции ($r=0,81$) между этнической выборкой и желаемой национальности предпочитаемого партнера. 62% казахской выборки отметили, что предпочитаемый партнер должен быть казахской национальности; в русской выборке этот процент составил 84%. Это говорит о большей степени недоверия со стороны предпринимателей и менеджеров русской национальности по отношению к партнерам казахской национальности и большей доброжелательности последних по отношению к деловым партнерам русской национальности. Кроме того, данный факт можно рассматривать как отражение более негативного стереотипа русских по отношению к казахам.

Литература

- Крегер О., Тьюссон Дж.* Типы людей и бизнес. М.: Персей; 2-е изд., 2005.
- Крысько В. Г.* Социальная психология: учебник для вузов. М.: Владос-Пресс, 2001.
- Ладзина Н. А.* Влияние национальной психологии на взаимодействие и поведение людей в организации. Барнаул: Диалог-Сибирь, 2001.
- Андреева Г. М., Янаушек Я.* Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г. М. Андреевой, Я. Янаушека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
- Собчик Л. Н.* Теория и практика психодиагностики. М.: Речь, 2005.

National-psychological peculiarities of the image of the business partner as a subject of interaction

*N. A. Ladzina** (Semey, Kazakhstan), *L. S. Nazyrova***,
*G. U. Turarova**** (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

* Doctor of Psychology, Professor,

Kazakh Humanitarian Juridical Innovative University

** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,

S. Amanzholov East Kazakhstan State University

*** Master, Senior Lecturer,

S. Amanzholov East Kazakhstan State University

Methodological aspects of subject-subject business interaction in a multi-ethnic environment are considered. The possible types of the image of the business partner are substantiated and their structural characteristics are proposed. New data on the phenomena of business interaction, their differentiation and ethnospecific are obtained. The diagnostic capabilities of a number of techniques and algorithm of their application in work with entrepreneurs are shown.

Keywords: interpersonal interaction, image of the partner, evaluation model of the partner on interaction.

Особенности категориальной структуры восприятия стран Востока и Запада у представителей молодежи, проживающей в разных регионах страны

*Л. В. Матвеева**, *Т. Я. Аникеева***, *Ю. В. Мочалова****,
*А. Г. Макалатия**** (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: matweewa-com@yandex.ru*

*** кандидат психологических наук, МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: anikeeva-07@mail.ru*

**** кандидат психологических наук, МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: vassom@mail.ru*

***** старший научный сотрудник кафедры методологии психологии
факультета психологи МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: axis_mail@list.ru*

В работе обсуждается проблема восприятия молодежью России образа родной страны, а также стран, принадлежащих к восточной и западной цивилизациям. Приведены результаты исследования категориальной структуры восприятия образов стран – современной России, будущей России, Японии, Китая, США и Объединенной Европы – молодыми респондентами четырех регионов России методом психосемантического шкалирования. Категориальная структура у респондентов различных регионов имеет сложную, но сходную структуру. Первым значимым фактором является благосостояние, могущество и сила страны, которые достигаются посредством трудолюбия и организованности. На второе и третье места в исследованных группах выходят категории «родная—чужая», которые соединяются с нравственно-этическими категориями. «Цивилизационный» фактор по значимости в разных группах занимает позиции от второго до седьмого. В трех группах категория восточной цивилизации сопровождается позитивными характеристиками, а западной – негативными. Выдвигается предположение о готовности российской молодежи быть полноправным субъектом в историческом процессе.

* Работа выполнена при поддержке Гранта РФФИ № 18-013-01156.

Ключевые слова: образ страны, картина мира, восточная и западная цивилизации, категориальная структура.

Согласно концепции цивилизационного развития В. С. Степина (Степин, 2017), в XXI веке актуализировались противоречия в развитии человечества, что выразилось в появлении экологического и антропологического кризисов, возникновении феноменов неопределенности путей и перспектив развития, проблем с идентичностью человека, а также в апокалиптических ожиданиях (подробнее см.: Новое в науках..., 2015; Проблемы социальных конфликтов..., 2018; Психологические исследования..., 2018; и др.). А. В. Брушлинский в своих работах указывал на уникальную роль человека как субъекта истории. Человек как «субъект» социален по своей природе, и его деятельность реализуется в обществе в общении и взаимодействии с другими людьми. Человек вместе с тем автономен, независим, относительно обособлен. Не только общество влияет на человека, но и человек как член общества — на него. Здесь не односторонняя, а именно двусторонняя зависимость. В этом проявляется «абсолютная ценность человека как личности с безусловными правами на свободу, саморазвитие и т. д.» (Брушлинский, 2006, с. 507).

В связи с вышесказанным важным является изучение представлений о России у современной российской молодежи, которая является одним из основных стратегических субъектов — носителей формирующегося в обществе актуального образа будущего. Исследование посвящено изучению категориальной структуры представлений о России в других странах, принадлежащих к восточной и западной цивилизациям, в субъективной картине мира современной российской молодежи как основы идентичности субъекта в изменяющемся мире.

Образ страны является системообразующим элементом субъективной картины мира человека и общества. Содержание этого образа, наряду с представлениями о смысле жизни, безопасности, успехе и счастье, является основой для граждан страны в их стремлении проявлять волю и активную деятельность, творческую инициативу в преодолении проблемы неопределенности, основанием для возникновения чувств принадлежности к своей стране, любви к Родине, национальной гордости. Чувство ответственности, чести и долга по отношению к общественным идеалам и культурным традициям возникает в личности под влиянием процесса осмысления образа собственной страны и проявляется в его конкретном содержании (см. также: Макропсихология..., 2009; Россия в глобализирующемся мире..., 2007; и др.).

Методика

В работе проводился сравнительный анализ категориальной структуры восприятия различных стран молодежью Перми, Новосибирска, Москвы и Ханты-Мансийска. В исследовании приняло участие 269 чел., юношей и девушек в возрасте от 18 до 30 лет. Применялся психосемантический метод, а именно: по специально созданной психосемантической шкале, содержащей 48 бинарных оппозиций, респонденты оценивали образы следующих объектов-стран: «современная Россия», «будущая Россия», «Китай», «Япония», «Объединенная Европа», «США». Оценки обрабатывались посредством факторного анализа, с последующим «Varimax» – вращением факторов.

Результаты

В группе респондентов «Молодежь г. Перми» выделено 7 факторов, объясняющих в сумме 60% общей дисперсии данных.

Первый фактор (16,3%) описывает страну с точки зрения ее авторитетности и уважения к ней в мире, которое основывается, по мнению респондентов, на ее могущественности, прогрессивности, силе и независимости, а также образованности и богатстве. В целом, это представление о стране-лидере. Противоположный полюс фактора характеризует, соответственно, отсталую, слабую и зависимую страну – аутсайдера.

Второй фактор (11,5%) характеризует фактически позитивные усилия граждан страны, направленные на ее развитие, что соотносится с характеристиками «чистая», «преумножающая», «трудолюбивая», «ответственная», а также с качествами стабильности, надежности и безопасности. Сюда же входит характеристика власти, «уважающей закон» и действующей в интересах страны. На противоположном полюсе антропоморфные характеристики, связанные с расточительностью, ленью, безответственностью, что можно отнести к жителям страны, которая является «неустойчивой», «ненадежной» и «опасной». Власть в такой стране «коррупцированная».

Третий фактор (11,1%) – это тот же фактор субъективной дистанции, описывающий представление о стране как родной («своя») или же «чужой». Здесь «своя» («родная») страна – «щедрая», «милосердная», «открытая», «справедливая», «добрая» и «терпеливая» (нравственно-этические характеристики). «Чужая» страна – скупая, жестокая, предвзятая и злая.

В четвертый фактор (6,9%) вошли характеристики духовности, религиозности и нравственности страны, которые можно отнести

к ее жителям, что подкрепляется такой антропоморфной характеристикой, как «целомудренная». Все эти качества делают страну «монолитной». Интересен тот факт, что в этот же фактор с меньшим весом вошли также шкалы — характеристики «самобытная», «патриотичная» и «возрождающаяся».

Пятый фактор (6,1%) затрагивает важность для респондентов при восприятии образа страны такого параметра, как приоритет собственных ценностей при постановке целей и задач развития страны (в противоположность ориентации на чужие ценности). Интересно, что это связывается в представлениях респондентов с такими качествами, как «хитрость», «принципиальность», «сложность», «воинственность», а также «опасность», «патриотичность» и «расчетливость», в противоположность простодушию, конформизму, безопасности и космополитичности. Можно предположить, что это отражение в восприятии респондентов сложности конкурентных и противоречивых отношений между странами на международной арене.

Шестой фактор (4,1%) содержит ведущую характеристику «теплая — холодная», что может относиться как к восприятию климатических особенностей в образе страны, так и к генерализованному представлению об отношениях между ее жителями.

Седьмой фактор (4,0%) — «цивилизационный», где восточная цивилизация является «тоталитарной», «патриотичной», «вечной» и «коррупцированной», а западная — «демократичной», «космополитичной», «временной», а также руководимой «властью, уважающей закон».

В группе респондентов «*Молодежь г. Новосибирска*» выделено 7 факторов, объясняющих в сумме 58,6% дисперсии данных.

В первом факторе (19,4%) в представлении респондентов соединяются качества богатства страны, ее прогрессивности, обустроенности и стабильности с качествами ее силы и могущества, а также ее признания на мировой арене (через уважение и авторитетность). Положительный полюс фактора отражает представления респондентов о стране-лидере.

Второй фактор (11,4%) — «цивилизационный», наполненный по содержанию, причем приоритет имеют коннотации, отражающие духовные и нравственные ценности страны («целомудренная», «нравственная», «общинная», «духовная»). Положительный полюс представляет восточная цивилизация. Интересен тот факт, что качества «справедливая» и «ответственная», вошедшие в данный фактор, характеризуют, наряду с внутренним своеобразием, также поведение страны в международных отношениях.

Третий фактор (9,6%) – это фактор субъективной дистанции, описывающий представление о стране как родной («своя») или «чужой». Здесь «своя» страна, прежде всего, «щедрая» и «открытая» (характеристика отношений к людям и/или между людьми), а также «просторная», «прекрасная», «яркая» (эстетические качества) и «вечная» (позитивная оценка временной перспективы). «Чужая» страна – «скупая», «уродливая», «тусклая» и «временная».

Четвертый фактор (6,7%) характеризует способность страны отстаивать собственные интересы на международной арене, что связано с ее воинственностью, принципиальностью, опасностью, сложностью (возможно, технической) и хитростью.

Пятый фактор (4,5%) описывает политический строй в стране, где положительный полюс представлен демократическим строем и сочетается с характеристиками, отражающими самоощущение ее жителей – «веселая» и «добрая». Отрицательный полюс для респондентов – это тоталитарный строй, связанный с качествами «грустная» и «злая».

Шестой фактор (3,7%) отражает представления о внутренней сплоченности страны.

Седьмой фактор (3,3%) характеризует отношение страны к другим государствам.

В группе респондентов «*Студенты г. Москвы*» выделено 7 факторов, объясняющих в сумме 48% дисперсии данных.

Первый фактор (10,7%) отражает представления респондентов о стабильной, обустроенной, богатой (и преумножающей свои богатства) и прогрессивной стране, процветающей вследствие трудолюбия ее жителей, имеющей поддерживающую закон власть, а также о стране, уважаемой в мире.

Второй фактор (9,4%) – это фактор субъективной дистанции, описывающий представление о стране как родной («своя») или же «чужой». При этом «своя» страна воспринимается как «простодушная» (не «хитрая»), а также «милосердная», «щедрая» и «справедливая» (характеристики, отражающие отношения между людьми). «Чужая» же – это «хитрая», «жестокая», «скупая» и «предвзятая» страна.

Третий фактор (7,6%) – «цивилизационный», где восточная цивилизация представляется «самобытной», «нравственной» и «целомудренной», а западная – «похожей на других», «безнравственной» и «развратной».

Четвертый фактор (7,1%) – описание страны со стороны ее силы, могущества и авторитетности, что связывается в представлении

респондентов с характеристикой «сложная» (технически, управленчески, социально, административно и т. д.)

Пятый фактор (5,7%) связан с представлениями респондентов о возможностях возрождения страны, что сочетается с ее «религиозностью» и делает ее «прекрасной», а также «теплой».

Шестой фактор (4,1%) характеризует способность страны и ее жителей быть неунывающими – основная характеристика положительного полюса фактора «веселая».

Седьмой фактор (3,4%) отражает степень принципиальности страны при отстаивании своих приоритетов, что сочетается со способностью ориентироваться на собственные (духовные) ценности.

В группе респондентов «*Молодежь г. Ханты-Мансийска*» выделено 7 факторов, объясняющих в сумме 43,4% дисперсии данных.

Первый фактор (9,5%) описывает представление о стране с точки зрения ее благосостояния, прогресса и стабильности.

Второй фактор (9,4%) – это фактор субъективной дистанции, описывающий представление о стране как родной («своя») или же «чужой». При этом «своя» страна воспринимается как «просторная» и «открытая», а «чужая» как «тесная» и «замкнутая», что характеризует географические особенности страны и представление респондентов о жизненном пространстве.

Третий фактор (8,2%) описывает представления респондентов о власти в стране, связывая данный параметр с характеристиками образованности, ответственности и признания страны на мировой арене через уважение к ней.

Четвертый фактор (8,1%) характеризует силу и опасность страны для других, что связано также с ее сложностью (в данном контексте технической), могуществом и воинственностью.

Пятый фактор – «цивилизационный» (7%). В нем на полюсе восточной цивилизации – характеристики «монолитная», «духовная» и «самобытная», а на полюсе западной цивилизации – «разобщенная», «материальная» и «похожая на других». Здесь по смыслу коннотаций положительным полюсом является полюс «восточной цивилизации».

Шестой фактор (5,7%) – душевной открытости, доброты и щедрости. В данном контексте характеристика «теплая» может быть отнесена к описанию именно взаимоотношений между людьми, а не климатической зоны.

Седьмой фактор (5%) – независимости страны, связанной в представлении респондентов с ее ориентацией на собственные (духовные) ценности.

Обсуждение результатов

Сравнивая полученные в различных группах респондентов данные, можно отметить, что во всех четырех случаях на первом месте в категориальной структуре восприятия образа страны расположены факторы, отражающие ее богатство, стабильность и прогрессивность (в случае молодежи Перми это первый и второй факторы).

Фактор субъективной дистанции («родная»—«чужая») занимает второе место в двух случаях (респонденты Ханты-Мансийска и Москвы) и также в двух случаях — третье место (респонденты Новосибирска и Перми), причем в случаях Новосибирска, Москвы и Перми общим является присутствие в данном факторе положительных характеристик, описывающих отношения между людьми («открытая», «щедрая», «милосердная»), что и делает ее «родной» в восприятии респондентов. Тогда как для респондентов Ханты-Мансийска «родная» страна — это страна, в первую очередь, «просторная».

«Цивилизационный» фактор занимает в категориальной структуре второе (респонденты Новосибирска), третье (студенты Москвы), пятое (респонденты Ханты-Мансийска) и седьмое место (респонденты Перми), причем на положительном полюсе фактора в трех случаях расположена восточная цивилизация, характеризующаяся ориентацией на духовные и нравственные ценности. (Исключение составляет фактор, выявленный у молодежи Перми, где он амбивалентен по содержанию.)

На четвертом месте в трех случаях (исключение составляют данные, полученные в Перми) расположен фактор, отражающий силу и могущество страны, причем в случае категориальной структуры восприятия респондентов Новосибирска и Ханты-Мансийска это связано с ее опасностью и воинственностью. Данный факт может быть проинтерпретирован как результат наличия угрозы возникновения осложнений в международных отношениях, вплоть до возможности военных конфликтов. Интересно, что в данный фактор во всех трех случаях вошла и такая характеристика страны, как «сложная» (в противовес «простой»), отражающая ее технические, управленческие, социальные, административные и иные возможности. В группе молодежи Перми сходный по содержанию фактор расположен на пятом месте в категориальной структуре восприятия образа страны и связан с приоритетом собственных ценностей при постановке целей и задач в развитии страны в противоположность ориентации на чужие ценности.

Дополнительные факторы различаются в четырех группах, что является отражением своеобразия представлений об образе страны у респондентов выбранных регионов.

Выводы

Категориальная структура восприятия образа России у представителей российской молодежи в разных регионах страны имеет сложную, но сходную структуру. Первым значимым фактором является благосостояние, могущество и сила страны, которые достигаются посредством трудолюбия и организованности.

На второе и третье места в исследованных группах выходят категории «родная—чужая». Важен тот факт, что с данной шкалой в одном факторе соединяются такие шкалы, как «нравственная», «целомудренная», «открытая», т. е. нравственно-этические категории. Необходимо отметить, что образ страны в восприятии молодежи приобретает черты антропоморфности, т. е. молодые люди относят-ся к стране как к одушевленному субъекту.

«Цивилизационный» фактор по значимости в разных группах занимает позиции от второго у студентов Москвы до седьмого у студентов Перми. В трех группах респондентов категория восточной цивилизации сопровождается позитивными характеристиками, а западной — негативными.

У молодежи выявлена четкая гражданская идентичность, что, на наш взгляд, может говорить о готовности российской молодежи быть полноправным субъектом исторического процесса.

Литература

- Брушлинский А. В.* Исходные основания психологии субъекта и его деятельности // А. В. Брушлинский. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.

Степин В. С. 21 век – радикальная трансформация типа цивилизационного развития // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: 17 Международные Лихачевские научные чтения. 18–20 мая 2017 г. СПб.: СПбГУП, 2017.

Categorical structure of russian youth' perception of Russia and countries of the eastern and western civilizations

*L. V. Matveeva**, *T. Y. Anikeeva***, *Y. V. Mochalova**** (Moscow)

* Doctor of Psychology, Moscow State University named after M. V. Lomonosov

** Candidate of Psychological Sciences, Moscow State University named after M. V. Lomonosov

*** Candidate of Psychological Sciences, Moscow State University named after M. V. Lomonosov

The paper discusses the problem of young people's perception of the Russia's native country image, as well as countries belonging to Eastern and Western civilizations. Researchers investigated categorical structure of perception of images of following countries: "modern Russia", "Russia in future", "Japan", "China», the "United States" and "European Union" by young respondents of the four regions of Russia by psychosemantic scaling. The categorical structure of the respondents from different regions has a complex but similar structure. The first significant factor is the welfare, power and strength of the country. The category "native—alien" takes the second or third place which is combined with moral and ethical categories. "Civilizational" factor in importance takes positions from the second to the seventh in different groups. In three respondents groups the category of "Eastern civilization" is accompanied by positive descriptors, and the "Western" – negative. The interpretation tells about the readiness of Russian youth to be a serious subject in the historical process.

Keywords: image of the country, subjective picture of the world, Eastern and Western civilizations, categorical structure.

Индивидуальные стратегии движений глаз в задаче опознания экспрессий композитных лиц

Г. Я. Меньшикова, Е. Г. Лунякова** (Москва)*

** доктор психологических наук, МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: gmenshikova@gmail.com*

*** кандидат психологических наук, МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: eglun@mail.ru*

Целью исследования являлось изучение индивидуальных особенностей движений глаз в задаче опознания экспрессии композитных лиц. Предполагалось, что при решении задачи опознания экспрессии таких сложных противоречивых стимулов, как композитные лица, будут проявляться индивидуальные стратегии движения глаз, обозначенные нами как холистические и аналитические. В качестве стимулов использовались 30 изображений лиц, выражающих базовые и композитные экспрессии. Движения глаз регистрировались при помощи установки iViewX Hi Speed 1250. Результаты показали, что на основе сравнения длительности фиксации в зоне носа и переносицы с длительностью фиксации на всех других зонах лица можно выделить 3 группы испытуемых (аналитического, холистического и промежуточного типа). Для каждой группы был проведен анализ распределения длительностей 1-й, 2-й и 3-й фиксации по диагностическим зонам. Показано, что характер распределения оставался стабильным для каждой группы и для каждой из трех фиксации. Были выявлены гендерные особенности стратегий движений глаз, показавшие, что аналитическая стратегия более часто использовалась женщинами, тогда как холистическая — мужчинами.

Ключевые слова: восприятие экспрессий, композитные экспрессии, холистические и аналитические стратегии движений глаз.

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (грант № 18-013-01087) с использованием оборудования, приобретенного за счет средств Программы развития Московского университета.

Введение

Восприятие лица — сложный процесс, в котором можно выделить аналитические (основанные на анализе отдельных черт как самостоятельных репрезентаций) и холистические (основанные на восприятии лица как целого) компоненты. Работу аналитических механизмов иллюстрируют эксперименты, в которых испытуемые демонстрировали способность узнавать и анализировать сходство лиц по отдельным чертам. В то же время узнавание отдельных черт происходит легче, если они включены в контекст целого лица, что подтверждает гипотезу о холистической обработке перцептивной информации (Tanaka, Farah, 1993).

Известны несколько методических приемов, позволяющих изолированно исследовать вклад тех или иных механизмов в восприятие лица. Низкочастотная фильтрация изображения нарушает работу аналитических механизмов. Холистические процессы могут быть блокированы или затруднены при помощи частичной окклюзии лица, сдвига или перестановки его частей друг относительно друга, переверота изображения лица по вертикали (инверсии). Существует также предположение, что аналитические и холистические процессы связаны с разными стратегиями движений глаз, однако представления о том, в каких именно стратегиях проявляется тот или иной перцептивный механизм, остаются неоднозначными.

Ряд авторов считает характерными для холистической стратегии длительные фиксации в центральной зоне лица с периодическим осматриванием его внешних областей. Напротив, равномерное распределение непродолжительных фиксаций и переводы взгляда между зонами глаз, рта и носа свидетельствуют об аналитической стратегии либо о проявлении конфигуративных механизмов лицевой перцепции (оценки расположения частей лица относительно друг друга). Одним из примеров такого понимания стратегий движений глаз является исследование К. Блайса с коллегами (Blais et al., 2008). Паттерны распределения фиксаций на разных зонах лица анализировались в задачах запоминания, узнавания и категоризации лиц по расе у китайских и европейских студентов. Авторы обнаружили различия между способами рассматривания лиц представителями разных расовых групп. Китайские студенты значительно дольше фиксировали области носа и рта, тогда как европейцы рассматривали глаза и переносицу. Авторы предположили, что представители разных культур преимущественно используют разные стратегии обработки зрительной информации о лице: европейцы предпочитают аналитические стратегии, тогда как представители восточной культуры — холистические.

Т. Чак с коллегами (Chuk et al., 2017) для разделения холистической и аналитической стратегий предложили метод анализа движений глаз, основанный на скрытой марковской модели. Они считают, что аналитический паттерн состоит в распределении фиксаций между глазами и носом, в то время как холистический демонстрирует преимущественные фиксации в области носа. Авторы изучали паттерны движений глаз испытуемых во время запоминания и во время распознавания лиц. Оказалось, что около 40% испытуемых используют разные паттерны движений глаз при запоминании и узнавании. Во время запоминания преимущественно используется холистическая стратегия движений глаз, во время распознавания – аналитическая.

Возможно, разные стратегии используются на разных этапах перцептивного процесса. Так, считается, что наиболее информативными являются первые две фиксации на лице, поскольку их достаточно для опознания. Эти фиксации локализованы в центре лица (зоны носа и переносицы), что отражает доминирование холистических процессов на этом этапе. Последующая фиксация осуществляется в предпочтительной зоне лица (например, на улыбке или на расширенных глазах), если перед наблюдателем стоит задача категоризации лицевой экспрессии.

Исследования Кальдара с коллегами (Caldara et al., 2010) показали, что при сильно суженном до 2 и 5 угл. градусов поле зрения, не позволяющем воспринимать одновременно более одной черты лица, различия в паттернах движения глаз между испытуемыми нивелировались: фиксации распределялись между зонами глаз и рта, что соответствует аналитической стратегии. Фиксации на центре носа появлялись, только если поле зрения составляло 8 угл. градусов.

Иную интерпретацию характерных для разных типов анализа информации движений глаз предлагают Г. Шварцер с соавторами (Schwarzer et al., 2005). Авторы независимо оценивали паттерны движений глаз и стратегии, использованные испытуемыми при решении задач категоризации лица (детское или взрослое). Стимулы-лица были получены из двух крайних прототипов (различавшихся овалом лица, формой глаз, носа и рта) путем замещения на каждом прототипическом лице только одной из черт на усредненную между «детским» и «взрослым» вариантом. Считалось, что испытуемый использует аналитическую стратегию, если большая часть его категоризаций основывалась на анализе одной и той же черты лица, и холистическую, если категоризация происходила преимущественно по трем неизменным чертам. Анализ движений глаз выявил значи-

мую связь между паттерном фиксации и стратегией испытуемых. Так, для холистиков характерно примерно равное распределение времени и числа фиксации преимущественно между носом и глазами. Испытуемые, основывавшие свои суждения на анализе конкретной черты (глаз, носа или рта), фиксировали преимущественно эту черту. Испытуемые, ориентировавшиеся на овал лица, демонстрировали стратегию, схожую с группой холистиков.

Похожее понимание связи моторики глаза и механизмов считывания и обработки зрительной информации изложено в работе Д. Бомбари с коллегами (Bombari et al., 2009). Авторы предложили методику, позволяющую дифференцировать стратегии движений глаз, соответствующие аналитическим, холистическим и отдельно конфигуративным механизмам обработки информации. Испытуемые должны были определить, один и тот же человек или два разных изображены на двух последовательно предъявлявшихся фотографиях. При этом первое изображение было либо интактным, либо изменено так, чтобы провоцировать определенный перцептивный механизм: размытым (что приводило к доминированию конфигуративных процессов) либо мозаичным (что приводило к доминированию аналитических механизмов). Второе в последовательности изображение было интактным, и движения глаз испытуемых регистрировались именно при его предъявлении. Результаты показали, что после предъявления размытого изображения испытуемые осуществляют большее число саккад между отдельными частями лица, что свидетельствует о конфигуративных процессах. После мозаичного лица с изолированными чертами — дольше рассматривается каждая отдельная черта, что свидетельствует об аналитической стратегии. Холистической же стратегии, которая появляется после предъявления интактного стимула, соответствует наличие более длительной центральной фиксации.

В то же время небезосновательна и полностью альтернативная гипотеза о том, что аналитические и холистические механизмы не отражаются в характерных паттернах движений глаз. Так, Хендерсон с соавторами (Henderson et al., 2001) показали, что паттерны фиксации при рассмотрении инвертированного лица и правильно ориентированного лица практически не различаются.

Задачей нашего исследования являлось изучение индивидуальных особенностей движений глаз при опознании экспрессии по изображениям композитных лиц. Предполагалось, что при опознании экспрессии таких сложных противоречивых стимулов будут проявляться индивидуальные стратегии движения глаз, отражающие особенности считывания информации о лицевой экспрессии. Выделе-

ние этих стратегий предполагалось провести на основе динамики распределения длительности первых трех фиксаций в диагностических зонах интереса (нос, переносица, глаза, рот). Наша гипотеза состояла в том, что аналитическая стратегия будет характеризоваться большим числом коротких фиксаций по диагностическим чертам лица, а для холистической стратегии будут наблюдаться более длительные фиксации и их локализация в центральной зоне лица. Также на основании предыдущих исследований (Luniakova et al., 2017) мы предположили, что индивидуальные стратегии будут гендерно специфичными: аналитическая стратегия будет более часто использоваться женщинами, тогда как холистическая – мужчинами.

Метод

Испытуемые. В исследовании приняли участие 35 чел. (17 М, 18 Ж, средний возраст – 22 ± 3 года) с нормальным или скорректированным зрением.

Стимуляция. Изображения композитных экспрессий были сформированы на основе двух лиц из набора POFA П. Экмана и У. Фризена. Использовались по семь фотографий женского (SW3) и мужского (PE2) лиц, которые включали фото лиц с нейтральным выражением, а также с базовыми экспрессиями: Радость, Гнев, Отвращение, Страх, Удивление и Печаль. Композитные лица были составлены из верхних и нижних половин, отражающих разные базовые экспрессии (Menshikova, 2010; Young et al., 1987). Использовались комбинации экспрессии Радость в верхней части лица + 5 других базовых экспрессий в нижней части того же лица, и наоборот, экспрессии Радость в нижней части + 5 других экспрессий – в верхней части. Та же технология использовалась для создания композитных лиц, в которых в верхней либо нижней частях лица присутствовала экспрессия Гнев. В результате было создано 30 изображений композитных мужских и женских лиц.

Оборудование. Исследование проводилось в исследовательском научном центре «Движение глаз» факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Стимуляция предъявлялась на LCD-мониторе с диагональю 23 дюйма и разрешением 1920x1080 пикселей, находящемся на расстоянии 75 см от наблюдателя. Движения глаз испытуемых регистрировались с помощью системы iViewX Hi Speed 1250 (частота 500 Гц, разрешение $< 0,01^\circ$), закупленной по Программе развития МГУ.

Процедура. Каждое изображение предъявлялось единожды. Задачей испытуемого было выбрать, какая экспрессия отображена

на предъявленном лице. Выбор осуществлялся из набора семи базовых экспрессий. Длительность экспозиции составляла 3000 мс, после чего на дисплее на 2000 мс появлялось окно с перечислением базовых экспрессий (нейтральная экспрессия, грусть, отвращение, радость, страх, гнев, удивление), одну из которых нужно было отметить. Интерстимульный интервал составлял 500 мс. Экспериментальная сессия в среднем длилась 10–15 минут.

Обработка данных. Для качественного и количественного анализа данных движений глаз использовалась программа ВеGaze 3.4.46, позволяющая рассчитать длительность и количество фиксации в диагностических зонах интереса.

Результаты

- Проведен качественный анализ временных последовательностей фиксации и саккад, обозначаемых в научной литературе как сканпасы (scanpaths). Было выделено 2 фактора «Длительность фиксации» и «Локализация фиксации», на основании которых вся выборка была разделена на три группы. К первой группе (22% всей выборки), которую мы обозначили как группу холистического типа, были отнесены испытуемые, у которых первые три фиксации были распределены в зонах носа и переносицы более чем в 75% общего времени рассматривания. К другой группе (48% всей выборки), обозначенной группой аналитического типа, были отнесены участники, у которых фиксации были распределены по всем основным зонам интереса (нос, переносица, рот, глаза). При этом время нахождения в зонах носа и переносицы снизилось до 50% общего времени рассматривания. Остальные участники были обозначены как группа промежуточного типа (30% всей выборки).
- Раздельно для участников каждой из трех групп проведен количественный анализ, согласно которому рассчитывалась усредненная по группе длительность 1-й, 2-й и 3-й фиксации в диагностических зонах интереса (левый глаз, правый глаз, переносица, нос и рот). Для каждой группы построены гистограммы, представляющие собой распределение длительности фиксации на диагностических чертах лица для 1-й, 2-й и 3-й фиксации. Эти распределения имели характерный интраиндивидуальный рисунок, который оставался стабильным для каждой группы и для каждой из трех фиксации. Для первой группы отношение длительности фиксации в зоне носа и переносицы к длительности фиксации на всех других зонах оставалось высоким

по величине (15,7; 8,4 и 2,6 соответственно для 1-й, 2-й и 3-й фиксации), причем наибольшее значение этого отношения наблюдалось для 1-й фиксации и убывало к 3-й фиксации. Парный t-тест Стьюдента обнаружил значимое различие в величине отношения длительностей между 1-й и 2-й фиксациями ($t=1,64$, $df=14$, $p=0,01$), 1-й и 3-й ($t=2,06$, $df=14$, $p=0,024$), а также 2-й и 3-й ($t=1,93$, $df=14$, $p=0,032$). Для второй группы картина менялась: величина отношения длительности фиксаций в зоне носа и переносицы к длительности фиксаций на всех других зонах значимо уменьшалась, что было связано с преобладанием длительных фиксаций в зонах глаз и губ. Так, для 1-й фиксации величина отношения была равна 1,07, для 2-й – 0,56 и для 3-й – 0,34. Различия величин отношений были значимы при сравнении 1-й и 2-й фиксаций ($t=1,55$, $df=17$, $p=0,013$), 1-й и 3-й ($t=1,76$, $df=17$, $p=0,011$), а также 2-й и 3-й ($t=1,43$, $df=17$, $p=0,034$). Для третьей группы распределение длительности фиксаций по зонам интереса представляло собой промежуточный вариант между распределениями, характерными для первой и второй групп.

- Анализ распределения усредненных по группам длительностей первых трех фиксаций в диагностических зонах лица был проведен отдельно для женской и мужской выборок. Были выявлены следующие гендерные особенности указанных распределений: для женской выборки распределение длительностей по первым трем фиксациям было аналогично распределениям, полученной для группы аналитического типа, тогда как для мужской выборки характерный рисунок распределений был аналогичен результатам группы холистического типа.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

- 1) На основе анализа движений глаз в задаче опознания экспрессий композитных лиц выявлены индивидуальные стратегии движения глаз, обозначенные нами как аналитическая, холистическая и промежуточная стратегии.
- 2) Разработан качественный критерий выделения аналитических, холистических и промежуточных стратегий движения глаз, основанный на анализе двух факторов «Длительность фиксации» и «Локализация фиксации», предполагающий оценку отношения длительности фиксаций в области носа и переносицы к длительности фиксаций на всех других областях лица.
- 3) Разработан количественный критерий выделения стратегий движения глаз, основанный на анализе распределения длительности

ностей 1-й, 2-й и 3-й фиксации по диагностическим зонам лица. Показано, что характер распределения стабилен для каждой группы и для каждой из трех фиксаций.

- 4) Были выявлены гендерные особенности стратегий движений глаз: аналитическая стратегия более часто использовалась женщинами, тогда как холистическая – мужчинами.

Литература

- Blais C., Jack R. E., Scheepers C., Fiset D., Caldara R.* Culture shapes how we look at faces // *PLoS One*. 2008. V. 3 (8). P. e3022.
- Bombardi D., Mast F. W., Lobmaier J. S.* Featural, configural, and holistic face-processing strategies evoke different scan patterns // *Perception*. 2009. V. 38. P. 1508–1521. doi:10.1068/p6117.
- Caldara R., Zhou X., Miellet S.* Putting culture under the spotlight reveals universal information use for face recognition // *PLoS ONE*. 2010. V. 5 (3). P. 1932–6203.
- Chuk T., Chan A. B., Hsiao J. H.* Is having similar eye movement patterns during face learning and recognition beneficial for recognition performance? Evidence from hidden Markov modeling // *Vision Research*. 2017. V. 141. P. 204–216.
- Henderson J. M., Falk R., Minut S., Dyer F. C., Mahadevan S.* Gaze control for face learning and recognition in humans and machines / T. Shipley, P. Kellman (Eds.) // *From fragments to objects: Segmentation processes in vision*. N. Y.: Elsevier, 2001. P. 463–481.
- Luniakova E., Malysheva N., Ganizada J.* Gender differences in eye movement patterns during facial expression recognition // *Journal of eye movement research*. V. 10 (6). P. 227.
- Menshikova G. Ya.* Facial Expression Recognition with the Use of Chimeric Face Technique // *Psychology in Russia. State of the Art. Scientific Yearbook* / Ed. by Yu. P. Zinchenko, V. F. Petrenko. M.: Lomonosov Moscow State University–Russian Psychological Society, 2010. P. 278–286.
- Schwarzer G., Huber S., Dummler Th.* Gaze behavior in analytical and holistic face processing // *Memory & Cognition*. 2005. V. 33 (2). P. 344–354.
- Tanaka J. W., Farah M. J.* Parts and wholes in face recognition // *Q. J. Exp. Psychol. Hum. Exp. Psychol.*, 1993. V. 46a. P. 225–245.
- Young A. W., Hellawell D., Hay D. C.* Configurational information in face perception // *Perception*. 1987. № 16 (6). P. 747–759.

Individual eye movement strategies during identification of composite facial expressions

*G. Ya. Menshikova**, *E. G. Luniakova*** (Moscow)

* Doctor of Psychology, Lomonosov Moscow State University

** Candidate of Psychological Sciences,
Lomonosov Moscow State University

The aim of the study was to investigate individual eye movements during the recognition of composite facial expressions. It was assumed that when recognizing the expression of such complex contradictory stimuli as composite faces, individual eye movement strategies, designated by us as holistic and analytical, will appear. As stimuli, 30 photo of faces reflecting basic and composite expressions were used. The participant's task was to identify the expression. During the performance, eye movements were registered using the iViewX Hi Speed 1250. The results showed that three groups (analytic, holistic and intermediate type) can be distinguished on the basis of a comparison of fixation durations on the nose with fixation durations on the all other face areas. For each group and for each facial area, an analysis of the duration of the 1st, 2nd, and 3rd fixations was made. It was shown that the distribution pattern remained stable for each group and for each fixation. Gender features of eye movements strategies were revealed, which showed that analytical strategy was more often used by female participants, while holistic one was used by male participants.

Keywords: facial expression perception, composite expressions, holistic and analytical eye movement strategies.

Перспективы использования больших данных в психологических исследованиях

Т. А. Нестик (Москва)

*доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: nestik@gmail.com*

В статье анализируются тенденции развития психологических исследований с использованием больших данных: вторичный анализ данных; краудсорсинговые проекты и сопоставление «цифровых следов» пользователей социальных сетей с их ответами на стандартизированные методики; исследования психологических феноменов с использованием «цифровых следов» и алгоритмов машинного обучения без проведения опросов; естественные эксперименты и сбор данных с помощью носимых электронных устройств. Рассматриваются изменения в психологической науке, связанные с использованием BigData. Намечены перспективные направления исследований динамики социально-психологических феноменов на личностном, межличностном, групповом и макропсихологическом уровнях с использованием автоматизированного анализа естественного языка и изображений.

Ключевые слова: большие данные, цифровые следы личности, групповая динамика, макропсихологические показатели, коллективные эмоции, социальные представления.

Формирование «интернета всего», накопление «цифровых следов» индивидуальной и совместной жизнедеятельности в сети людей и «умных вещей» сегодня ставит перед социальными науками задачу переописания всей социальной действительности на основе данных о реальном поведении людей (Нестик, 2017). Не только в социальных науках, но и в гуманитарном знании — истории, археологии, культурной антропологии, лингвистике, теории литературы и ис-

* Работа выполнена по Госзаданию ФАНО № 0159-2018-0003.

кусствоведении — анализ больших данных позволяет обнаруживать закономерности, ранее недоступные «глазу» исследователя.

Ключевые отличия больших данных от традиционных «малых данных» в психологии и социальных науках сводятся к тому, что они огромны по объему и, как правило, не могут быть обработаны на персональном компьютере; они меняются в режиме реального времени и часто требуют изменения алгоритмов обработки; они разнообразны по составу, включают государственную статистику, тексты и метаданные, одним словом, требуют агрегирования совершенно разных по структуре массивов информации, что затрудняет использование универсального алгоритма их добычи и анализа.

Вместе с распространением технологий Big Data и «интернета всего» меняются скорость, масштабы и методы сбора данных в психологических исследованиях (Kosinski et al., 2016). Радикально меняется относительная доступность для изучения четырех типов данных, выделенных Р. Кеттелом: L-данных (объективных фактов о жизни и поведении) и T-данных (результаты тестов) становится гораздо больше, чем Q-данных (опросников, основанных на самоотчетах респондентов) и O-данных (оценок человека другими знающими его людьми). Семантический анализ SMS, интернет-запросов и постов в сетях, а также обработка «цифровых следов», которые человек оставляет в реальном мире, соприкасаясь с сетью электронных устройств, не говоря уже о показаниях сенсора движения в смартфоне и триангуляции его положения по системам GPS, — все это уже сегодня позволяет более точно оценивать некоторые психологические характеристики человека, чем с помощью стандартизированных психологических опросников (Lambiotte, Kosinski, 2014). В мире интернета вещей и больших данных вся жизнь человека станет цифровой, доступной для наблюдений и диагностики — со всеми вытекающими отсюда позитивными и негативными последствиями.

По дизайну исследования работы психологов с использованием больших данных можно разделить на четыре основных группы. Во-первых, исследования, опирающиеся на вторичный анализ уже собранных и структурированных данных (Experience Project, Speech Home Project; Human Connectome Project и др.; заметим, что все больше психологических журналов требуют размещения в открытом доступе баз с сырыми данными). Во-вторых, краудсорсинговые проекты, позволяющие собрать очень большие выборки участников исследования (Crump et al., 2013), а также сопоставить «цифровые следы» пользователей социальных сетей с их ответами на стандартизированные опросники (Ледовая и др., 2017). В-третьих, это исследования психологических феноменов с использованием «цифровых следов»

и алгоритмов машинного обучения, позволяющих анализировать неструктурированные текстовые и визуальные данные без проведения опросов (напр.: Al-Mosaiwi, Johnstone, 2018). В-четвертых, исследования, в которых сбор данных организован как естественный эксперимент (Salganik, 2018) или, например, с помощью повседневного использования очков расширенной реальности, смартфонов и планшетов.

Наибольшую известность получили исследования поведения пользователей сетевых сообществ и социальных сетей, а также психологическое профилирование личности по цифровым следам на основе модели «Большой пятерки», быстро взятое на вооружение в политических, маркетинговых и корпоративных проектах (Войскунский, 2017). Проведенный в 2017 г. метаанализ исследований, посвященных связи цифровых следов с «Большой пятеркой», показывает, что их предсказательная сила колеблется от 0,29 для доброжелательности до 0,40 для экстраверсии, т. е. не уступает стандартизированным опросникам (Azucar et al., 2017). Разработаны алгоритмы, позволяющие судить об уровне интеллекта, удовлетворенности жизнью, склонности к самораскрытию и самомониторингу, ценностных ориентациях личности и характеристиках временной перспективы.

В настоящее время оценку индивидуальных психологических характеристик по цифровым следам можно считать решенной научной задачей, что не отменяет необходимости уточнения соответствующих моделей для русскоязычного кластера Интернета. На наш взгляд, фундаментальный прорыв необходим и может быть достигнут в другой области – при *прогнозировании динамики* межличностных и групповых психологических и макropsихологических феноменов на основе цифровых следов реального поведения.

Во-первых, накапливающиеся на протяжении жизни человека цифровые следы становятся важным источником информации о динамике социально-психологических характеристик личности. На личностном уровне социально-психологического анализа лингвистические маркеры постов в социальной сети, тематика групп, на которые подписан пользователь, а также граф его контактов могут указать на изменения в характеристиках социальной идентичности, ценностных ориентациях, а также изменения социальных ролей в сетевых сообществах. В перспективе анализ цифровых следов открывает путь к решению задачи, трудно реализуемой через самоотчеты респондентов (об этом см.: Социально-психологическая динамика..., 1998; и др.) – определению связи динамики социально-психологических характеристик личности с изменениями в макropsихологических характеристиках общества. Такого рода работы

уже появились: например, исследование, проведенное среди 380 тыс. жителей Англии и Уэльса, показало, что в тех регионах страны, которые во время индустриальной революции пережили подъем и затем спад угольной промышленности, до сих пор сохраняются более низкие показатели удовлетворенности жизнью, более высокие показатели эмоциональной нестабильности, тревоги и депрессии (Obschonka et al., 2017).

Во-вторых, относительно мало разработанной, но все более актуальной становится проблема прогнозирования динамики межличностных процессов по цифровым следам. Внимание академических исследователей до сих пор было сосредоточено в основном на изучении личностных характеристик интернет-пользователей. Между тем на межличностном уровне и уровне малых групп семантический анализ текстов сообщений, мониторинг структуры социальной сети и интенсивности обмена сообщениями в мессенджерах делает возможным оценку и прогнозирование стадий развития межличностных отношений.

В-третьих, анализ цифровых следов, накопленных проектными командами и организациями в ходе совместной деятельности, открывает путь к изучению групповой динамики и влияния групповых социально-психологических феноменов на результаты совместной деятельности. Первые шаги в этом направлении уже делают разработчики корпоративного программного обеспечения (Bersin, 2017). Сопоставление цифровых следов в корпоративных мессенджерах и социальных сетях с результативностью проектных команд, экспертными оценками руководителей и данными опросов сотрудников позволяет разработать алгоритм, на основе которого можно будет не только оценивать социально-психологический климат в коллективе, но и прогнозировать успешность проектных команд. Анализ текстов может пролить свет на целый ряд групповых процессов, находящихся в фокусе внимания современной психологии малых групп и организационной психологии. Как формируется и меняется психологический контракт в малых группах и организациях? Как изменяется транзакционная память команды при частичном изменении состава участников? Каковы стадии формирования групповой идентичности, внутригруппового доверия, разделяемых членами группы ментальных моделей и ситуационной осведомленности? Какова последовательность стадий принятия организационных изменений в разных корпоративных культурах? Каковы факторы эффективности лидерского поведения в виртуальных, распределенных командах, участники которых работают удаленно? Совмещение опросов, анализа дискурса и кейс-стади с анализом больших данных позво-

ляет прояснить закономерности групповой рефлексии и ее влияние на эффективность совместной деятельности (подробнее см.: Нестик, Журавлев, 2011; и др.).

В-четвертых, большие данные дают возможность для изучения групповых процессов, разворачивающихся одновременно в сетевом пространстве и пространстве реальном. Анализ меток геолокации в сообщениях пользователей социальных сетей открывает новые возможности для исследователей в сфере социальной психологии города, психологии криминального поведения, а также изучения межэтнической напряженности и агрессии. Становится возможным изучение динамики межгрупповых отношений с учетом региональных особенностей и микрконтекста социальной ситуации. Геометки сообщений, триангуляция звонков и точек подключения к сети носимых гаджетов, датчики движения в смартфонах — все это со временем расширит возможности не только для изучения массовых феноменов — в том числе социальных движений, изменения поведения толпы под влиянием одновременно и реальных, и виртуальных сообщений разного психологического содержания, — но и для анализа воздействия различных условий проживания в городе на психологическое благополучие горожан, различные психологические типы отношения жителей к новым транспортным, телемедицинским и архитектурным технологиям «умного города».

В-пятых, чрезвычайно перспективны цифровые исследования динамики психологических процессов в больших социальных группах, в том числе изучение изменений макропсихологических характеристик отдельных регионов и общества в целом. Сопоставление данных психолингвистического анализа текстов интернет-пользователей, административной статистики и результатов репрезентативных социологических опросов за большие периоды времени позволяет разработать объяснительные и прогнозные *модели* динамики макропсихологического состояния отдельных регионов, а также давать прогноз влияния макропсихологических показателей на социально-экономическую и политическую ситуацию. Сочетание анализа цифровых следов, анализа дискурса и социально-психологических онлайн-опросов расширяет возможности для изучения сложных психологических *феноменов массового сознания*: коллективных переживаний, в том числе мировоззренческих чувств, социальных представлений, коллективной памяти, коллективного образа будущего.

Большой интерес представляют в этой связи новые возможности для анализа *визуальных* сообщений. Сочетание автоматизированного распознавания изображений и экспертных оценок позволяет исследовать динамику социальных представлений и сложных кол-

лективных эмоциональных переживаний, оценивать различия в визуальной репрезентации сложных явлений представителями разных социальных групп, жителями разных регионов. Методологические основания такого анализа для этого уже разработаны в рамках визуальной социологии и социальной психологии изображений.

Дальнейшее развитие интернета вещей и лавинообразное вторжение алгоритмов в повседневную жизнь горожан не только дает в руки психологов новые методы исследований, но и делает невозможным изучение традиционных социально-психологических феноменов без учета того влияния, которое оказывает на них цифровая среда.

Литература

- Войскунский А. Е.* Направления исследований опосредствованной интернетом деятельности // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2017. № 1. С. 51–66.
- Ледовая Я. А., Тихонов Р. В., Боголюбова О. Н.* Социальные сети как новая среда для междисциплинарных исследований поведения человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16. «Психология. Педагогика». 2017. Т. 7 (3). С. 193–210.
- Нестик Т. А.* Развитие цифровых технологий и будущее психологии // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2017. № 3. С. 6–15.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Основные подходы к исследованию групповой рефлексии в социальной и организационной психологии // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее: Материалы международной научно-практической конференции. Саратов, 2011. С. 17–19.
- Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Al-Mosaiwi M., Johnstone T.* In an Absolute State: Elevated Use of Absolutist Words Is a Marker Specific to Anxiety, Depression and Suicidal Ideation // Clinical Psychological Science. January 5, 2018. URL: <https://doi.org/10.1177/2167702617747074> (дата обращения: 01.03.2017).
- Azucar D., Marengo D., Settanni M.* Predicting the Big 5 personality traits from digital footprints on social media: A meta-analysis // Personality and Individual Differences. 2018. V. 124. P. 150–159.
- Bersin J.* HR Technology Disruptions for 2018. Productivity, Design, and Intelligence Reign. 2017 Deloitte Development LLC, 2017. URL: <http://marketing.bersin.com/rs/976-LMP-699/images/HRTechDisruptions2018-Report-100517.pdf> (дата обращения: 01.03.2017).

- Crump M.J. C., McDonnell J. V., Gureckis T. M.* Evaluating Amazon's Mechanical Turk as a Tool for Experimental Behavioral Research // PLoS ONE. 2013. № 8 (3). P. e57410.
- Kosinski M., Wang Y., Lakkaraju H., Leskovec J.* Mining Big Data to Extract Patterns and Predict Real-Life Outcomes // Big Data in Psychology. Special issue of Psychological Methods. 2016. V. 21. № 4. P. 493–506.
- Lambiotte R., Kosinski M.* Tracking the Digital Footprints of Personality // Proceedings of the Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE). 2014. V. 102. № 12. P. 1934–1939.
- Obschonka M., Stuetzer M., Rentfrow P. J., Shaw-Taylor L., Satchell M., Silbereisen R. K., Potter J., Gosling S. D.* In the Shadow of Coal: How Large-Scale Industries Contributed to Present-Day Regional Differences in Personality and Well-Being // Journal of Personality and Social Psychology. Published online November 20, 2017.
- Salganik M. J.* Bit by Bit: Social Research in the Digital Age. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2018.

Perspectives of using dig data analysis in psychological studies

T. A. Nestik (Moscow)

Doctor of Psychology, Institute of Psychology of RAS

The consequences of Big Data revolution for psychology and social sciences are analyzed. The four types of psychological research based on the Big Data analysis are described: secondary data analysis; crowd sourcing projects and matching of personal digital footprints of social network users with data of psychometric questionnaires; research of psychological phenomena based on network analysis, natural language processing and machine learning without surveys; natural experiments and data gathering by portable gadgets. The perspective directions for further research of dynamics in socio-psychological phenomena at the personal, interpersonal, group and macro-psychological levels with applying computer linguistic and visual data analysis are proposed.

Keywords: Big Data, digital footprints, social networks, group dynamics, macro-psychological indicators, collective emotions, social representations.

Коллективная память и образ будущего: межпоколенные различия

*Т. А. Нестик**, *Т. В. Дробышева***, *Т. П. Емельянова****,
*П. Ю. Писаренко**** (Москва)*

** доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: nestik@gmail.com*

*** кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: tdrobysheva@mail.ru*

**** доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН;
e-mail: t_emelyanova@inbox.ru*

***** Институт психологии РАН*

В статье предложены социально-психологические механизмы, лежащие в основе влияния коллективной памяти на коллективный образ будущего: защита позитивной идентичности, позитивные коллективные переживания в связи с чувством прошлого, коллективный копинг при коллективной травме, самосбывающиеся и самоотменяющиеся пророчества, коллективный защитный пессимизм. Коллективная память и коллективный образ будущего предложено рассматривать как психологические ресурсы жизнеспособности поколения. Описаны результаты серии пилотажных исследований коллективной памяти и образов коллективного будущего у разных поколений россиян (N=332; N=251; N=10). На основании исследования особенностей коллективной памяти, групповой идентификации и представлений о будущем у поколений «шестидесятников» (N=50), «X» (N=50), «Y» (N=74) и «Z» (N=77) выдвинута гипотеза о разных поколенческих стратегиях совладания с неопределенностью коллективного будущего.

Ключевые слова: коллективная память, коллективный образ будущего, жизнеспособность, групповая идентификация, поколение, коллективный копинг, коллективные эмоции, социальные представления.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00854-ОГН «Коллективная память как ресурс конструирования образа будущего у представителей разных поколений россиян».

Проблема связи коллективной памяти и коллективного образа будущего затрагивалась в исследованиях, связанных с разными отраслями гуманитарного знания и социальных наук: философией, историей, социологией, культурной антропологией, экономической теорией. В европейской философской традиции связь коллективного прошлого и будущего рассматривается как оправдание истории, взаимодействие свободы воли и предопределения, диалог с Другим. Таким образом, и коллективное прошлое, и коллективное будущее рассматриваются как незавершенные, открытые, проектируемые. Связь коллективной памяти с образом будущего в культурной антропологии рассматривается как поддерживаемое языком, ценностями, ритуалами и структурой общества возвращение к истокам, межпоколенческая коммуникация, воспроизведение традиций и границ между «мы» и «они» (М. Элиаде, Э. Эванс-Притчард, М. Мид, А. Джелл, К. Гиртц, М. Дуглас и др.). В исследованиях коллективной памяти конструирование прошлого и традиций рассматривается как решение политических и социальных задач, политика памяти, опирающаяся на групповые цели и представления о будущем (М. Хальбвакс, Э. Хобсбаум, Дж. Оллик, М. Полляк, А. Руссо, М. Лавабр, Д. Паез, Б. Риме и др.). В исторической науке прошлое по отношению к будущему играет роль источника образцов, легитимации, предсказания, историзации, идентификации и обеспечения преемственности, а также тематизации Другого – через сравнение, поиск альтернативных реальностей или бегство от будущего (Г. Люббе, И. Рюзен, Л. П. Репина, А. В. Полетаев, И. М. Савельева и др.). В социологии будущего коллективная память рассматривается как один из источников социальных ожиданий, воздействующих на настоящее, запускающих и легитимирующих технологические и социальные изменения (У. Белл, Дж. Мау, Б. Адам и др.). В современной экономической теории проблема взаимосвязи коллективной памяти и образа будущего рассматривается преимущественно в русле концепции «институциональной ловушки» развития, «эффекта колеи», так называемой «pathdependence» (П. Дэвид, Б. Артур, В. М. Полтерович, Р. М. Нуреев, В. В. Радаев и др.). Вместе с тем в социологии постмодерна отмечается переход к турбулентному, ускользающему, текучему обществу, в котором конструирование представлений о будущем происходит в условиях сокращения временной перспективы и невозможности опереться на «память о будущем», накопленную в традиционных социальных институтах (Э. Гидденс, З. Бауман, Дж. Урри, И. Валлерстайн и др.).

На основе теоретического анализа можно выделить ряд *социально-психологических механизмов*, связывающих коллективную память

с коллективным образом будущего. К таким механизмам можно отнести защиту позитивной групповой идентичности, позитивные коллективные переживания в связи с чувствованием прошлого, механизмы совладания с коллективной (культурной) травмой, самосбывающиеся и самоотменяющиеся пророчества, коллективный защитный пессимизм.

Коллективная память и коллективный образ будущего являются компонентами групповой временной перспективы, т. е. *отношения группы* к своему прошлому, настоящему и будущему. Как показали проведенные нами ранее исследования, социальные группы со сбалансированным типом групповой временной перспективы (позитивным отношением к коллективному прошлому, настоящему и будущему) отличаются наиболее высоким уровнем социальной интеграции и результативности, более высокой коллективной жизнеспособностью (Нестик, 2016b). Нами была обнаружена связь сбалансированной групповой временной перспективы с уверенностью членов группы в ее способности влиять на свое будущее, позитивной групповой идентичностью, просоциальными установками и доверием к социальным институтам (см. также: Доверие и недоверие..., 2013; и др.). Наши данные указывают на то, что при запуске и реализации социальных изменений необходимо поддерживать позитивную оценку коллективного прошлого, а не обесценивать его (Нестик, 2014а, б). Иными словами, реконструирование коллективного прошлого в условиях неопределенности обеспечивает жизнеспособность группы, если изменения значимости и оценки отдельных исторических событий не затрагивают общей позитивной оценки своего прошлого как части образа Мы. Одним из механизмов конструирования сбалансированной групповой временной перспективы является групповая рефлексия (Журавлев, Нестик, 2011; Нестик, 2018).

С целью уточнения психологических функций образов ближайшего, среднесрочного и долгосрочного будущего Т. А. Нестиком было проведено анкетирование представителей поколения «У» (студенты вузов, N=332; 31% – мужчины, 69% – женщины). Для измерения *отношения к будущему России* использовался семантический дифференциал «Временные аттитюды» Ж. Нюттена в модификации Т. А. Нестика. Оценка предсказуемости будущего, которое наступит через 1, 5 и 20 лет оценивается тем выше, чем меньше выраженность фаталистических установок, чем выше ориентация на будущее, протяженность временной перспективы, а также позитивная оценка ближайшего будущего. Позитивные оценки ближайшего, среднесрочного и долгосрочного будущего оказались прямо связаны. Противоречивая связь обнаружена между позитивной оценкой будущего и оцен-

кой способности влиять на него: чем меньше возможность влиять на ближайшее будущее, тем выше позитивная оценка будущего, которое наступит через 5 лет ($R=0,838$; $R^2=0,702$; $F=51,457$ при $p\leq 0,001$; $b=-0,107$), а также будущего, которое наступит через 20 лет ($R=0,842$; $R^2=0,708$; $F=25,344$ при $p\leq 0,001$; $b=-0,123$). Полученные нами данные указывают на то, что разные горизонты будущего выполняют разные *психологические функции*. Коллективный образ ближайшего будущего выполняет, прежде всего, функции регуляции совместной жизнедеятельности, прогнозирования и целеполагания. Он связан с осуществлением личных целей, планированием россиянами своей жизни, горизонт которого составляет в среднем от 1 до 3 лет. Ближайшее будущее в наибольшей степени зависит от текущей экономической и политической ситуации в стране, его оценка определяет предсказуемость среднесрочного и долгосрочного будущего. Образы среднесрочного (через 5 лет) и долгосрочного (через 20 лет) будущего выполняют, прежде всего, защитную функцию, поддерживая позитивную групповую идентичность. При этом негативная оценка среднесрочного будущего компенсируется позитивной оценкой долгосрочного – и наоборот.

Как показал анализ социологических и психологических подходов к *дифференциации поколений*, проведенный Т. В. Дробышевой (Дробышева, 2017), большинство специалистов основываются не на демографическом объединении людей одного возраста, а на выделении «значимого поколения», поведенческие образцы, символы и ценности которого формируются «значимыми группами». Общность каждого поколения основывается на коллективной памяти, коллективном переживании значимых событий, менталитете и т. п. Психологические ресурсы каждого поколения, наряду с другими явлениями, включают в себя отношение к коллективному прошлому и коллективному будущему, являются основой его жизнеспособности.

Для выявления различий коллективной памяти и образа будущего у разных поколений россиян авторами данной статьи было проведено пилотажное исследование с использованием качественных методов, участниками которых стали от 50 до 70 представителей каждого из четырех поколений ($N=251$). Целью исследования было выявление связи коллективной памяти и коллективного образа будущего у четырех поколенческих групп. Изучались (согласно периодизации Ю. А. Левады) поколение «шестидесятников» (годы рождения 1944–1968; $N=50$; 48% – мужчины, 52% – женщины), поколение X (годы рождения 1969–1984; $N=50$; 51% – мужчины, 49% – женщины), поколение Y (годы рождения 1985–1999; $N=74$; 42% – мужчины, 58% – женщины, возраст – от 20 до 28 лет) и поколение Z (годы рождения

2000–2003; N=77; 41% – мужчины, 59% – женщины; возраст – 15–17 лет). Был проведен сравнительный анализ коллективной памяти представителей поколений «шестидесятников» и X в связи с их социально-психологическими особенностями (Емельянова, Дробышева, 2017). Использовались следующие методики: шкальный опросник «Исторические периоды прошлого, значимые для настоящего», шкалы оценки социальной идентичности, методики «Связь времен», «Ценностные ориентации», авторские разработки «Значимость поколений», «Характеристики поколений». Согласно результатам исследования, представители поколения «шестидесятников» и поколения X сходны по базовым ЦО – здоровье и счастливая семейная жизнь. В остальном ценностная структура групп различалась: у «шестидесятников» – высокая значимость материальных ценностей, ценностей любви, интересной работы и познания. У поколения X обнаружен прагматичный и индивидуалистичный характер ценностной структуры (см. также: Дробышева, Журавлев, 2010; и др.).

Как оказалось, представители поколения «шестидесятников» и поколения X наиболее вероятным считают *негативный сценарий* будущего России, в соответствии с которым происходит ограничение свобод, когда «затягивание поясов» в условиях ограниченных ресурсов сопровождается ужесточением контроля государства над гражданами, несменяемостью власти и ростом коррупции. В отличие от них, представители поколения Y рассматривают как более вероятные *позитивные сценарии*: это или сценарий «эффективной вертикали» (когда благодаря эффективной и сильной вертикали власти происходит успешное развитие производства и несырьевых, инновационных отраслей, повышается уровень образования и здравоохранения, растет патриотизм в обществе), или сценарий «гражданские инициативы» (когда социальные проблемы успешно решаются благодаря росту активности граждан и желания менять окружающую действительность, доверия людей друг к другу, солидарности и самоорганизации в российском обществе).

По сравнению с группами X, Y и Z, «шестидесятники» проявили более высокий уровень идентичности со своим поколением. Поколение «шестидесятников» чаще, чем поколения X, Y и Z, разделяет мнение о существовании причинно-следственных связей между различными эпохами в истории России. Предпочтения поколениями «шестидесятников», «игреков» и «зет» преобразований времен Петра I, Екатерининской эпохи, времени Александра II свидетельствуют об их интересе к переломным, открывающим новые цивилизационные перспективы этапам отечественной истории, в отличие от группы X, у представителей которых, по сравнению с другими

поколениями, меньше выражен интерес к историческому прошлому. Отвечая на вопрос о том, на какую эпоху прошлого должно быть похоже будущее России, большинство респондентов всех поколений склоняются в пользу «дореволюционной России». Можно отметить, что в целом по выборке ни один из периодов российской истории XX века не является образцом для коллективного будущего.

По сравнению с поколениями X и Z, старшее поколение и поколение Y в 2 раза чаще соглашаются с тем, что «Будущее нашей страны предопределено ее прошлым». При этом представители поколения «шестидесятников» чаще признают будущее России непредсказуемым (40%), чем поколения X (21%), Y (31,1%) и Z (27,3%). Чем выше идентичность со своим поколением, тем более уверены респонденты в устойчивости менталитета российского народа, чем выше идентичность с поколением дедушек и бабушек, тем менее они в этом уверены. Если в группе «шестидесятников» уверенность в том, что «Будущее России непредсказуемо», была связана с высокими показателями идентичности с россиянами ($r=0,373$ при $p<0,01$), то в группе X убежденность в этом была связана с низкими значениями идентификации с поколением дедушек и бабушек ($r=-0,222$ при $p<0,05$), в группе Y она прямо связана с принадлежностью к человечеству ($r=0,255$ при $p<0,05$), а в группе Z вообще не обнаружила статистически значимых связей с поколенческой, гражданской и глобальной идентификацией. С позиций ресурсного подхода выдвинута гипотеза о разных поколенческих *стратегиях совладания* с неопределенностью коллективного будущего: старшее поколение принимает неопределенность будущего через гражданскую идентификацию и позитивную оценку прошлого, а поколение X — через признание разрыва между своим и предшествующими поколениями, позитивную оценку будущего, поколение Y — через глобальную идентификацию, а поколение Z — через образовательное и профессиональное самоопределение, не связанное с гражданской или поколенческой идентификацией.

В рамках изучения поколенческих психологических ресурсов личности Т. П. Емельяновой было проведено исследование коллективных воспоминаний о войне и послевоенных годах представителей поколения «детей войны» (анализ интернет-ресурсов, нарративные интервью, N=10). На этом материале были проанализированы темы, затрагиваемые в воспоминаниях представителей поколения «детей войны» (Емельянова, 2017). Как оказалось, в этих воспоминаниях превалирует героико-патриотическая тема. С помощью метода нарративного интервью были собраны и проанализированы воспоминания представителей этого поколения о первых послевоенных годах.

Обнаружено, что в них преобладают темы бедности и голода, а также темы помощи семье, товарищества, взаимопомощи и поддержки.

На основе проведенных исследований можно сделать *вывод* о том, что позитивное отношение к коллективному прошлому и оптимизм в отношении будущего являются важными ресурсами жизнеспособности поколения.

Литература

Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.

Дробышева Т. В. Социально-психологический анализ подходов к дифференциации поколений: психологические ресурсы // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1927–1933.

Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Ценностные ориентации формирующейся личности в разные исторические периоды развития российского общества // *Психологический журнал*. 2010. Т. 31. № 5. С. 5–16.

Емельянова Т. П., Дробышева Т. В. Характеристики коллективной памяти в контексте социально-психологических особенностей двух поколений // *Горизонты гуманитарного знания*. 2017. № 5. С. 71–85.

Емельянова Т. П. Память детства: особенности воспоминаний поколения «детей войны» // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1943–1950.

Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Знания, групповая рефлексия и корпоративная память как объект социальной и организационной психологии // *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики*. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 577–597.

Нестик Т. А. Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // *Вопросы психологии*. 2014а. № 1. С. 3–13.

Нестик Т. А. Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014б.

Нестик Т. А. Коллективные страхи и проспективная рефлексия в условиях неопределенности // *Человек в условиях неопределенности: Сборник научных трудов*. В 2 т. / Под ред. Е. В. Бакшутовой, О. В. Юсуповой, Е. Ю. Двойниковой. Т. 2. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2018. С. 55–62.

Collective memory and image of future: intergenerational differences

*T. A. Nestik**, *T. V. Drobysheva***, *T. P. Emelyanova****,
*P. Y. Pisarenko**** (Moscow)*

* Doctor of Psychology, Institute of Psychology of RAS

** Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology of RAS

*** Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology of RAS

**** Institute Psychology of RAS

Socio-psychological mechanisms of interaction between collective memory and collective future vision are proposed (defence of positive group identity, positive collective emotions during celebrating of the past, collective coping with cultural trauma, self-fulfilling and self-defeating prophecies, collective defensive pessimism). Collective memory and collective image of the future are considered as psychological resources for resilience of generation. A series of pilot studies is conducted (N=332; N=251; N=10). The psychological functions of images of near, mid-term and long-term future are studied among the adults of the «Y» generation (N=332; 31% – males, 69% – females). Collective memory and collective image of the future are studied among participants of four generations: the Sixtiers (born in 1944–1968; N=50), X (born in 1969–1984; N=50), Y (born in 1985–1999; N=74), and Z (born in 2000–2003; N=77). The hypothesis is proposed about different generational strategies of coping with uncertainty that is based on generational, national, global and educational/professional identification. It is concluded that the representation about collective past and future play an important role in supporting the resilience of generation.

Keywords: collective memory, collective image of future, group resilience, generation, group identity, collective coping, collective emotions, social representations.

Оценка взрослыми женщинами своей привлекательности: роль взаимодействия с отцом в детстве

Е. А. Никитина (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: d.a.nikitina@yandex.ru*

В работе сделана попытка выявления факторов, связанных с оценкой женщинами своей привлекательности и удовлетворенности своей внешностью. Продемонстрирована существенная роль представлений взрослых женщин об отношении к ним отца, о его значимости в разные возрастные периоды, а также о его оценке внешности дочери. Показано, что для всех возрастов реальная привлекательность лиц, оцененная незнакомыми наблюдателями, не является значимым фактором для формирования самооценки внешности. Женщины, считающие, что их отцы демонстрировали высокую степень принятия своих дочерей, обнаружили значимо меньшее расхождение между реальной и идеальной привлекательностью и обаянием.

Ключевые слова: привлекательность, самооценка, роль отца, представления о родительском отношении, удовлетворенность внешностью.

Роль семьи и родителей в психическом развитии ребенка не подлежит сомнению. Традиционно акцент делался на изучении системы мать—ребенок, но в последнее время с изменением содержания родительских ролей в семье появляется все больше исследований, посвященных взаимодействию ребенка именно с отцом. Показано, что степень отцовского участия в играх положительно коррелирует с детским ощущением безопасности в отношениях (Monteiro et al., 2009), а проблемы в отношениях с отцом являются значимым предиктором чувства одиночества у подростков (Le Roux, 2009). Отец участвует в формировании самооценки и гендерной идентичности. Дети мужчин, активно участвующих в процессе воспитания, демонстрируют более высокие уровни коммуникативной и когнитив-

ной компетентности (Cabrera et al., 2007), большие успехи в карьере и психологическое благополучие в целом.

Участие отца в воспитании оказалось крайне важным для заинтересованности в учебе и школьной успешности (Cooper, 2009), а также профессиональной самореализации девушек. Зависимые от матери дочери, которые при этом стремились к сепарации, были более эффективны в выборе и построении карьеры, если получали при этом эмоциональную поддержку отца. Они более осознанно выбирали профессии, соответствующие их способностям (O'Brien, 1996). Проведенное на выборке молодых женщин исследование Т. В. Андреевой и С. О. Муромцевой продемонстрировало значимую связь между отношением отца и такими личностными чертами дочери как «сдержанность/экспрессивность», «робость/смелость» и «высокий/низкий самоконтроль». Авторами обнаружены также «значимые взаимосвязи между отношением отца к дочери (в виде суммарного показателя его позитивного образа в разные возрастные периоды) и такими структурными компонентами самоотношения, как аутосимпатия, самоуверенность, самопринятие, а также между отношением отца к дочери и ее самооценкой» (Андреева, Муромцева, 2011, с. 191).

Подобные данные не только обсуждаются в научной печати, но и широко транслируются средствами массовой информации. На популярных психологических сайтах регулярно встречаются заголовки типа «Влияние отца – ключ к положительной самооценке дочери», «Позитивные отношения с отцом действительно влияют на всю жизнь девушки» или «Исследования подтверждают, что в основном отцы отвечают за самооценку дочерей в возрасте до 12 лет». В ответ на это современные отцы все активнее участвуют в воспитании детей, признают необходимость открытого выражения эмоций в семейном окружении (Maridaki-Kassotaki et al., 2017). По данным исследований использования времени, например The Multinational Time Use Study, за последние 50 лет в ряде европейских стран, а также в США и Канаде время, проводимое отцами с детьми, выросло не менее чем в 4 раза (Dotti Sani, Treas, 2016).

Следует отметить, однако, что большинство работ в этой области ставит своей задачей изучение влияния отца на разнообразные аспекты развития дочери в младших возрастах. Это ограничение не позволяет проследить динамику вклада отцовского воспитания в детстве женщины на протяжении ее дальнейшей жизни.

Мы ставили перед собой задачу выявления связи между оценкой взрослыми женщинами своей внешней привлекательности и их представлениями о взаимодействии с отцом в детстве и юности.

В работе тестировались следующие гипотезы.

- 1) Оценка женщинами своей привлекательности (как элемента общей самооценки) связана с представлениями о позитивном общении с отцом в детстве, в частности с представлениями о высокой степени принятия им дочери.
- 2) Связь между самооценкой внешности и представлениями о том, как привлекательность дочери оценивал отец, с возрастом будет уменьшаться.
- 3) Связь между самооценкой внешности и реальной привлекательностью (определяемой по оценкам, выставленным «экспертами» — группой людей, незнакомых с объектами оценивания) с возрастом будет увеличиваться.
- 4) Роль отца в детстве, а также связь самооценки привлекательности с представлениями о мнении отца у женщин, находящихся в браке и имеющих детей, и у незамужних женщин будут различаться.

В исследовании приняли участие: 51 чел., все женщины, выросшие в полных семьях, в возрасте от 17 до 57 лет (средний возраст — 35,2 года, медиана — 34 года). 39% имеют детей, 10 чел. (19,6%) имеют 1 ребенка, у 9 женщин (17,6%) — 2 ребенка, у одной (2%) — 3 ребенка, замужем — 35%, пользуются социальными сетями и размещают в них свои фотографии — 96%. Все испытуемые получают первое или второе высшее образование по специальности «психология».

Респондентам предлагалось: 1) указать по 5-балльной шкале уровень значимости родителей в их жизни в различные возрастные промежутки; 2) указать, считают ли они, что отец высоко оценивал их внешнюю привлекательность; 3) оценить свою реальную и желаемую привлекательность (отдельно лица и фигуры) и обаяние; 4) ответить на вопросы Методики диагностики родительского отношения Варги—Столина так, как, по их мнению, ответил бы их отец. К вопросам оригинальной методики были добавлены еще 3 пункта, связанные с внешностью.

Также группа независимых экспертов оценивала привлекательность лиц респондентов по их фотографиям, представленным в социальных сетях.

Проведенное исследование показало, что в представлениях испытуемых отец играет важную роль во всех возрастных периодах их детства и юности. Однако для респондентов 17–24 лет оценки отцовской роли более однозначны, средние значения встречаются крайне редко. В представлениях большинства девушек отец всегда был крайне важной фигурой, и его роль с возрастом только росла. Так,

максимальные оценки (5 баллов по 5-балльной шкале) значимости отца в возрасте от 0 до 4 лет дают 15,5% молодых женщин, в возрасте от 4 до 8 и от 8 до 14 лет – 30,8%, в возрасте от 14 до 19 лет – 38%, в возрасте старше 19 лет – 45,5%. Две девушки оценивали значение отца как минимальное во всех возрастных интервалах. Женщины более старшего возраста менее категоричны в оценках, дают больше средних ответов, по их воспоминаниям пик отцовского влияния приходится на дошкольное детство: 48% женщин старше 24 лет выставляют максимальные баллы значимости отца именно в возрасте от 4 до 8 лет.

Анализ связи отцовского отношения и оценки женщинами своей внешности, а также степени неудовлетворенности ею значимых корреляций даже на уровне тенденции не выявил. Таким образом, первую гипотезу мы вынуждены отвергнуть. Возможно, это связано с особенностями нашей выборки респондентов – подавляющее большинство ответов по всем шкалам методики Варги–Столина указывают на положительное отношение отца к дочери.

Участницы исследования, считающие, что отец высоко оценивал их привлекательность, сами также считают себя более красивыми (коэффициент корреляции r Спирмена = 0,546 при $p < 0,0001$), они демонстрируют меньшую неудовлетворенность своей внешностью, определяемую как разницу между реальной и идеальной привлекательностью лица (r Спирмена = $-0,474$ при $p < 0,001$). Эта связь сохраняется и при разделении респондентов на группы по возрасту. При этом корреляции самооценки привлекательности с экспертным мнением о внешности женщин не обнаружено ни в целом по выборке, ни в старшей, ни в младшей возрастных группах ($p > 0,1$).

Связь между выраженностью отдельных стилей отцовского воспитания и оценкой своей внешности также не выявлена. Однако для женщин, отцы которых демонстрировали высокие баллы по шкале Принятие, расхождение между реальной и идеальной привлекательностью и обаянием было значимо меньшим ($p < 0,05$ и $p < 0,01$, соответственно).

Для испытуемых старшего возраста все аспекты внешней привлекательности значимо коррелируют друг с другом ($p < 0,01$), при этом чем выше самооценка внешности, тем меньше неудовлетворенность ею. У девушек моложе 24 лет таких связей даже на уровне тенденций значимо меньше, что, по-видимому, может говорить о менее целостном образе своего Я-физического. В то же время у респондентов этой возрастной группы неудовлетворенность одной из характеристик своей внешности проявляется независимо от других, оставляя возможность компенсации.

Анализ ответов женщин, находящихся в браке и имеющих детей, и незамужних женщин с помощью критерия Манна–Уитни не выявил достоверных различий в их представлениях об отношении к ним отца ни по одной из шкал (Принятие/Отвержение, Кооперация, Симбиоз, Контроль и Отношение к неудачам ребенка). Не отличаются и представления о роли отца в детстве и подростковом возрасте. Однако незамужние женщины выше оценивают значение отца в период старше 19 лет ($p < 0,02$), в основном это различие обеспечивается ответами более молодых респондентов, преимущественно проживающих в родительских семьях.

Таким образом, полученные нами данные подтверждают, что связь между самооценкой своей красоты и представлениями о том, как оценивал их внешность отец, сохраняется у женщин на протяжении всего периода взрослости. При этом реальная привлекательность лиц, оцененная незнакомыми людьми по фотографиям, не влияет на самооценку взрослых женщин.

Литература

- Андреева Т. В., Муромцева С. О.* Воспитательная роль отца и становление личности дочери // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2011. Вып. 1. С. 188–196.
- Al-Yagon M.* Fathers' Emotional Resources and Children's Socioemotional and Behavioral Adjustment Among Children with Learning Disabilities // *Journal of Child and Family Studies*. 2011. V. 20. P. 569–584.
- O'Brien K. M.* The influence of psychological separation and parental attachment on the career development of adolescent women // *Journal of Vocational Behavior*. 1996. V. 48. Is. 3. P. 257–274.
- Cabrera N. J., Shannon J. D., Tamis-LeMonda C.* Fathers' influence on their children's cognitive and emotional development: From toddlers to pre-K // *Applied Development Science*. 2007. V. 11. № 4. P. 208–213.
- Cooper S. M.* Associations Between Father–Daughter Relationship Quality and the Academic Engagement of African American Adolescent Girls: Self-Esteem as a Mediator? // *Journal of Black Psychology*. 2009. V. 35. Is. 4. P. 495–516.
- Dotti Sani G. M., Treas J.* Educational Gradients in Parents' Child-Care Time Across Countries, 1965–2012 // *Journal of Marriage and Family*. 2016. V. 78. Is. 4. P. 1083–1096.
- Keel P. K., Heatherton T. F., Harnden J. L., Hornig C. D.* Mothers, Fathers, and Daughters: Dieting and disordered eating // *Eating Disorders*. 1997. V. 5. Is. 3. P. 81–93.

Le Roux A. The Relationship Between Adolescents' Attitudes Toward Their Fathers and Loneliness: A Cross-Cultural Study // *Journal of Child and Family Studies*. 2009. V. 18. P. 219–226.

Maridaki-Kassotaki K., Antonopoulou K., Olivari M. G., Tagliabue S., Confalonieri E. Examining fatherhood in Greece and Italy // *Journal of Family Studies*. 2017. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13229400.2017.1284148>.

Self-evaluation of attractiveness by adult women: the role of interaction with father during childhood

E. A. Nikitina (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology, RAS

We made an attempt to identify the factors associated with women's self-evaluation of attractiveness and satisfaction with their appearance. The essential role of the representations of adult women about the attitude of the father to them, his importance in different age periods, and also about his evaluation of the daughter's appearance was demonstrated. It is shown that for all ages the real attractiveness of individuals, estimated by unfamiliar observers, is not a significant factor for the formation of self-esteem of appearance. Women who believe that their fathers showed a high degree of acceptance of their daughters found a significantly smaller discrepancy between real and ideal attraction and charm.

Keywords: attractiveness, self-esteem, father's role, parental attitudes, satisfaction with appearance.

Особенности оценки привлекательности внешнего облика и проявления эйджизма у девушек*

Д. В. Погонцева (Ростов-на-Дону)

*кандидат психологических наук, Южный федеральный университет;
e-mail: dpogontseva@gmail.com*

В работе рассматриваются вопросы эйджизма, а также оценивания внешнего облика как привлекательного, а женщин на фотографиях как успешных или неуспешных в профессиональной и личной жизни. Представлены эмпирические данные, которые указывают на то, что возраст объекта оценивания не влияет на приписывание тех или иных характеристик (которые указывают на эйджизм), однако существуют тенденции к такому влиянию. Делается вывод о необходимости в дальнейших исследованиях расширить выборку, добавив контрольную группу «взрослых женщин». Также важно провести исследование относительно мужчин, как объектов, так и субъектов исследования, — изучить влияние данной триады на восприятие мужчинами внешнего облика других мужчин и женщин, а также исследовать взаимосвязь восприятия внешнего облика и наличие и выраженность эйджизма у мужчин.

Ключевые слова: эйджизм, красота, внешний облик, привлекательность, девушки, молодежь.

В современной социальной психологии отмечается рост числа исследований, посвященных внешнему облику в целом, внешней привлекательности и непривлекательности как факторам, оказывающим влияние на поведение и взаимодействие людей. Вопрос о дискри-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01260 «Социальная психология внешнего облика: функции, значимость, удовлетворенность, обеспокоенность, интерпретации в межличностном и внутригрупповом взаимодействии в молодежной среде».

минации по внешнему облику начал активно изучался за рубежом в XX в., сейчас данная область исследования набирает свою популярность и в России. У истоков этого направления стояли такие ученые, как А. А. Бодалев, В. Н. Панферов, В. А. Лабунская и др. В. А. Лабунской, А. А. Бзезян и Д. В. Погонцевой (2017) подчеркивается, что дискриминацию на основе внешнего облика необходимо изучать в совокупности с другими видами дискриминации, такими как дискриминация по гендерному признаку, этническая дискриминация, дискриминация по возрасту (эйджизм) и т. д.

В зарубежной психологии возрастные стереотипы активно изучаются с 1960-х годов (Р. Батлер). На первых порах эйджизм рассматривался как совокупность негативных стереотипов старости и старения, дискриминационных практик в адрес пожилых людей в межличностном взаимодействии, а также на уровне функционирования различных общественных институтов. Изучение данного феномена было продолжено такими исследователями, как А. Тракслер, С. Cuddy, S. T. Fiske, Н. Tajfel, J. Turner, А. Н. Eagly, W. Wood, А. В. Diekman. Наибольшее количество исследований посвящено дискриминационному отношению к старости и старикам – геронтологический эйджизм (Y. Chen, В. Е. King, А. Дж. Тракслер, Л. В. Колпина, Т. В. Городова, К. А. Балабанова, Г. А. Ковалева, Т. В. Смирнова, О. В. Краснова, А. В. Ильин, Т. И. Школина, В. В. Лемиш и др.).

Тем не менее, несмотря на такое широкое предметное поле исследований феномена внешней привлекательности, на сегодняшний день роль оценки привлекательности в проявлении эйджизма остается недостаточно изученной.

По мнению В. А. Лабунской и И. И. Дроздовой, одной из главных проблем в социальной психологии внешнего облика является проблема значимости и ценности внешнего облика в современном обществе, а также проблема факторов, обуславливающих сензитивность к внешнему облику, его оценку и самооценку.

Ряд исследователей (Г. А. Арина, С. Е. Мартынов, Л. Ю. Бухлина, В. А. Лабунская, И. Г. Малкина-Пых) полагают, что значимость и эмоциональная оценка внешнего облика способны актуализировать переживания относительно своего внешнего облика, а также что оценки внешнего облика способны привести к росту тревоги, депрессии, формированию «страха перед оценкой внешнего облика» в том случае, когда ему придается особо значимая сила. В. А. Лабунская и И. И. Дроздова в своей работе отмечают, что «социокультурное пространство, включающее образы, ассоциации, эталоны внешнего облика, выступает в качестве фактора, приводящего к далеко идущим последствиям: непринятию, отвержению молодежью людей с не-

стандартным внешним обликом; деструктивным гендерным, межличностным, деловым взаимоотношениям; дискриминации людей на основе их внешнего облика». Внешний облик, по мнению В. А. Лабунской, необходимо рассматривать как многогранное образование, которое состоит из ряда компонентов. Компоненты, в свою очередь, под влиянием естественных и искусственных факторов, различаются степенью изменчивости: 1) «устойчивый компонент внешнего облика (индивидуально-конституциональные характеристики человека: вес, рост, параметры тела и т. д.); 2) среднеустойчивый (оформление внешности: прическа, косметика, украшения, одежда); 3) динамический компонент (экспрессивное, невербальное поведение, сопряженное с состояниями и отношениями личности), взаимодействие между которыми образует пространственно-временную целостность (внешность), выступающую в роли средства идентификации человека, формирования представления о нем и отношения к нему».

В своей работе В. А. Лабунская указывает: «В мире визуальной культуры «позицию Другого», «чужого взгляда», влияющего на формирование внешнего облика, выполняют различные средства массовой информации. Они формируют типы внешнего облика, можно сказать, «видимого человека», а вместе с ними задают параметры образа жизни, соответствующие отношения, состояния, представления...» (Лабунская, 2009). При этом в работе Т. А. Прокофьевой и Е. И. Колесниковой допускается возможность существования зависимости восприятия внешней привлекательности от различных по уровню ценностей человека, так как, по мнению авторов, внешняя привлекательность – характеристика субъективная для каждого человека (Прокофьева, Колесникова, 2006).

Так, в результате исследования аттрактивности внешнего облика женщины-предпринимателя, В. А. Лабунская приходит к следующему выводу: «Влияние степени привлекательности внешнего облика женщин-предпринимателей, представляющих средний и малый бизнес, на выраженность стремления других предпринимателей сотрудничать с ними опосредовано взаимодействием гендерного фактора и принадлежностью участников исследования к группе предпринимателей и не предпринимателей» (Лабунская, 2008). Изучая оценку привлекательности внешнего облика женщин-предпринимателей, К. Г. Нестерова-Маликова пишет о том, что внешний облик у мужчин и женщин участвует в формировании образа делового человека. Результаты ее исследования говорят о том, что представления о внешнем облике являются фактором, обуславливающим положительные оценки внешности женщины-предпринимателя (Нестерова-Маликова, 2005).

В западной социальной психологии установлено, что дискриминации может подвергаться любая возрастная группа. Исследования относительно социального неравенства показывают, что часто, наряду с пожилыми людьми, разнообразные варианты дискриминации испытывают и люди молодого возраста. Изучению двойным стандартам эйджизма при оценке внешней красоты посвящена работа U. Teuscher и Ch. Teuscher. Они выяснили, что женщины пожилого возраста чаще оценивались как более привлекательные, чем пожилые мужчины, вне зависимости от возраста субъекта оценки (Teuscher, Teuscher, 2008). Ряд авторов отмечают, что феномен эйджизма значительно распространен в представлениях о внешнем облике другого человека, обусловленном СМИ, пропагандирующих стереотип «здоровый, молодой, красивый».

Таким образом, мы поставили целью нашего исследования изучить особенности оценки привлекательности внешнего облика и проявления эйджизма у молодых девушек, с позиции восприятия женщин разных возрастных групп, и оценивали их по таким критериям, как: насколько девушка на фото красивая, счастливая, успешная в профессии и успешная в личной жизни. Эмпирическим объектом исследования выступили 30 девушек в возрасте от 18 до 25 лет.

Для рассмотрения роли возраста субъекта оценивания в оценке возраста и социально-психологических характеристик объекта оценивания. В ходе нашего исследования мы выявили, что в целом не существует связи между возрастом и большинством оценок, однако мы выявили, что возраст респондентов повлиял на оценку возраста объекта оценивания (фото 1), нами была выявлена обратная корреляционная связь ($r = -0,312$ при $p < 0,05$), т. е. чем выше возраст респондентов, тем более юный возраст они приписывали объекту оценивания. Это может быть обусловлено тем, что на первой фотографии представлена юная девушка с хорошей кожей, легким макияжем и аккуратной прической. Средний возраст, который ей приписывали респонденты $M = 20$, и средняя погрешность составила менее 2 лет (на фото 1 девушке 18 лет).

Мы также выявили, что возраст респондентов повлиял на оценку красоты объекта оценивания (фото 15), нами была выявлена обратная корреляционная связь ($r = -0,272$ при $p < 0,05$), т. е. чем выше возраст респондентов, тем менее красивой они считали объект оценивания. В данном случае такой результат может быть обусловлен тем, что одной из причин появления эйджизма является страх старости, в связи с этим, возможно, образ, представленный на фотографии, не является для респондентов привлекательным с точки

зрения предполагаемого образа себя в будущем (на фото 15 женщины на возраст 60 лет).

Таким образом, полученные данные позволяют говорить о том, что молодые девушки в возрасте 18 до 25 лет одинаково оценивают женщин любых возрастов, однако по таким характеристикам, как «счастье» и «профессиональный успех», имеют значения, близкие к значимым, и указывают на тенденцию. Мы предполагаем, что, если расширить возраст респондентов, эти данные могут проявить корреляционные связи.

Было выявлено, что при демонстрации фотографий, на которых субъектам оценивания от 18 до 60 лет, девушкам младшего возраста чаще приписывают больший возраст, а женщинам старше 40, наоборот, меньший. Это может быть вызвано, с одной стороны, внутренним готовностью респондентов усреднить воспринимаемые стимулы, с другой стороны, анализируя фотографии и современные СМИ и рекламу, мы видим, что оценка возраста все больше затруднена, как современными средствами омоложения для старшего поколения, так и использование макияжа молодыми девушками, который внешне «взрослит». Однако полученные нами данные лишь косвенно указывают на имеющейся тенденции к проявлению эйджизма, это можно объяснить как небольшой выборкой, так и отсутствием контрольной группы, в качестве которой могли бы выступить женщины значимо старшего возраста.

Исходя из всего вышесказанного, триада «молодая—красивая—успешная» является устойчивым компонентом восприятия женщин. Данное направление считаем весьма перспективным в связи с тем, что в настоящее время усиливается актуальность вопроса о внешней привлекательности и триады «молодость—красота—успех». В дальнейших исследованиях необходимо усилить эмпирическую базу и расширить выборку. Также важно провести исследование относительно мужчин, как объектов, так и субъектов исследования, — изучить влияние данной триады на восприятие мужчинами внешнего облика других мужчин и женщин, а также исследовать взаимосвязь восприятия внешнего облика и наличие и выраженность эйджизма у мужчин.

Литература

Безьян А. А., Лабунская В. А., Погонцева Д. В. Особенности применения фото-визуальных технологий в исследовании отношения к дискриминационному поведению в ситуациях этнического взаимодействия // *Studia Humanitatis*. 2017. № 3.

- Лабунская В. А.* Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009.
- Лабунская В. А.* Теоретико-эмпирический анализ феномена attractiveness внешнего облика женщины-предпринимателя и готовности других предпринимателей к сотрудничеству с ней // Человечество. Сообщество. Управление. 2008. № 4. С. 30–40.
- Лабунская В. А., Дроздова И. И.* Теоретико-эмпирический анализ влияния социально-психологических факторов на оценки, самооценки молодыми людьми внешнего облика // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 2. С. 202–226.
- Нестерова-Маликова К. Г.* Оценка привлекательности внешнего облика женщин-предпринимателей // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. С. 48–50.
- Прокофьева Т. А., Колесникова Е. И.* Восприятие в системе межличностных отношений студентов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Психология. 2008. № 1 (3). С. 43–49.
- Chang F. M., Jarry J. L., Kong M. A.* Appearance investment mediates the association between fear of negative evaluation and dietary restraint // Body Image. 2014. V. 11. P. 72–76.
- Teuscher U., Teuscher Ch.* Reconsidering the double standard of aging: Effects of gender and sexual orientation on facial attractiveness ratings // Personality and Individual Differences. 2007. V. 42. № 4. P. 631–639.

Features of estimation of the attraction of the external appearance and the appearance of ageism in girls

D. V. Pogontseva (Rostov-on-Don)

Candidate of Psychological Sciences, Southern Federal University

The paper examines issues of ageism, as well as evaluating the appearance as attractive, and women in photographs as successful or not successful in professional and personal life. Empirical data are presented that indicate that the age of the assessment object does not affect the attribution of certain characteristics (which indicate ageism), but there are tendencies to this effect. It is concluded that it is necessary to expand the sample in further studies by adding a control group of “adult women”. It is also important to conduct research on men, both objects and subjects of the study – to study the influence of this triad on men’s perception of the external appearance of other men and women, and to explore the relationship between the appearance and the presence and severity of ageism in men.

Keywords: ageism, beauty, appearance, attractiveness, girls, youth.

Значение категории психологических отношений для развития теории и методологии изучения человека

В. П. Позняков (Москва)

*доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: pozn_v@mail.ru*

Статья посвящена оценке вклада В. Н. Мясищева в разработку теории и методологии исследования психологических отношений человека. Рассматриваются представления Мясищева о психологическом отношении как общеметодологическом принципе психологической науки и как об одном из классов психических явлений. Отмечается, что уже в первой научной работе Мясищев сформулировал основные идеи психологии отношений как новой научной психологии – идею целостности психики и личности как ее носителя, идею психической связи личности с явлениями окружающего мира как сущности психологических отношений, идею активной избирательной направленности как важнейшего свойства психологических отношений, идею объективных социальных связей и жизненного опыта, как главных факторов, детерминант формирования и развития отношений. Делается вывод о том, что на сегодняшний день отсутствует общепринятая и завершенная теория психологических отношений. Перспективы дальнейших исследований психологических отношений человека в социальной психологии связываются автором статьи с конкретизацией их структуры, функций и видов.

Ключевые слова: социальная психология, теоретические и методологические проблемы, психологические отношения.

* Публикация подготовлена при поддержке ФАНО, Государственное задание ФАНО РФ 0159-2018-0001.

Введение

Выдающийся российский психолог В. Н. Мясищев является учеником и продолжателем развития теоретических представлений и эмпирических исследований, начатых его учителями — В. М. Бехтеревым и А. Ф. Лазурским. Мясищев формулирует проблему *психологии отношений* как одну из основных теоретических и методологических проблем психологической науки, делает отношения предметом специального теоретического анализа и эмпирических исследований, дает им одно из первых развернутых определений. «Психологические отношения человека в развитом виде представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. Эта система вытекает из всей истории развития человека, она выражает его личный опыт и внутренне определяет его действия, его переживания» (Мясищев, 1957, с. 143).

Соотнося свое понимание психологии отношений с современными ему представлениями о психологической науке, В. Н. Мясищев прямо заявляет: «Психологией отношений мы называем тот раздел психологии, который изучает отношения и взаимоотношения человека». При этом автор делает принципиально важное для понимания своих теоретических взглядов высказывание: «Нужно сказать о некоторых недоразумениях, возникающих, как оказалось, в связи с этими вопросами. Основная ошибка, которая здесь обнаруживается, заключается в том, что смешивают психическое отношение как один из общих и основных принципов психологии и психическое отношение как одну из частей или разделов, особый круг или класс психических фактов. Нет сомнения в том, что изучение человека, его психики во взаимоотношении с окружающей действительностью является одним из основных принципов изучения всех живых существ» (Мясищев, 1965, с. 274—275). Таким образом, автор формулирует идею отношения как методологический принцип научного изучения психических явлений. «Говоря же о психологии отношений как о разделе психологической науки и классе психических фактов, мы должны поставить вопрос об основных классах психических понятий» (там же). И далее автор делает попытку построения такой классификации, разделяя процессуальный и потенциальный планы изучения психических явлений и выделяя в качестве основных классов или групп психические процессы, психические состояния и психические образования, к числу которых он и относит психические отношения. «Постепенно в нашей литературе, — отмечает далее Мясищев, — категория психического отношения получает все

большее признание, но внимание к этому вопросу все еще недостаточно» (Мясищев, 1965, с. 276). В. Н. Мясищев считал целесообразным выделение специального раздела психологии, в котором должны изучаться цели, стремления, тенденции, интересы, оценки, идеалы, потребности, убеждения. Характеризуя личность, он говорит о ее направленности как о доминирующих отношениях, т. е. о большей или меньшей активности, реактивности, эффективности в отношении к тем или иным объектам. Первым в отечественной психологии В. Н. Мясищев поставил вопрос о связи психологических отношений с основными группами психических явлений: процессов, состояний и свойств личности. Этот вопрос имеет принципиальное значение для развития психологического научного знания. Для психологических отношений характерно сочетание стабильности, устойчивости (по сравнению с психическими процессами и состояниями) и одновременно пластичности, изменчивости (по сравнению с психологическими свойствами). Автор статьи неоднократно заявлял, вслед за Мясищевым, правомерность постановки вопроса о том, что психологические отношения выступают специальным, самостоятельным классом психических явлений (Позняков, 2012; и др.).

Теоретические представления В. Н. Мясищева о психологических отношениях складывались и развивались на протяжении нескольких десятилетий и имеют различные смыслы. В разных своих работах В. Н. Мясищев характеризует психологическое отношение как связь субъекта и объекта, как позицию субъекта во взаимодействии со средой, как предмет психологии в соответствии с определением психического как системы отношений, как одну из фундаментальных категорий психологии, определяющую отношения как особый класс психических явлений (отношение как психическое образование), наряду с психическими процессами, состояниями и свойствами личности, наконец, как специальный раздел психологии, связанный с изучением целей, потребностей, интересов, идеалов, оценок и т. п. личности. Развивая взгляды своих предшественников на отношение как субъектно-объектную связь, В. Н. Мясищев специально подчеркивал активный, избирательный, сознательный характер этой связи и целостность личности как субъекта этой связи. Личность им рассматривается как система отношений; понятие отношения используется и при определении других психологических понятий. В структуре психологических отношений В. Н. Мясищев выделяет следующие компоненты: потребностная или конативная (как тенденция тяготения к объекту, овладения им); эмоциональная (например, привязанность, антипатия и т. п.); познавательная (интересы, оценки и убеждения).

Начальный этап разработки В. Н. Мясищевым теоретических и методологических проблем психологии отношений человека

Характерно, что уже в своей первой научной работе, выполненной еще в студенческие годы (Мясищев, 1914а), В. Н. Мясищев делает блестящую попытку реализовать программу психологического изучения отношений личности, разработанную А. Ф. Лазурским и С. Л. Франком (Лазурский, Франк, 1912). В 1912 г. В. Н. Мясищев поступил на юридический факультет Психоневрологического института, откуда перевелся на следующий год на медицинский. В 1914 г. в журнале «Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии» он опубликовал свою первую научную статью «Научно-характерологический анализ литературных типов». В этом журнале, созданном в 1903 г. В. М. Бехтеревым, публиковались статьи выдающихся российских ученых: социолога П. Сорокина, экономиста Н. И. Кондратьева, самого В. М. Бехтерева и др. Поэтому первая научная публикация молодого ученого была одновременно и фактом признания несомненных его способностей к научной работе. Как это нередко бывает в истории науки, уже в этом раннем произведении, написанном совсем молодым ученым (В. Н. Мясищеву исполнился тогда 21 год), отчетливо проявились и его будущие научные интересы, и принадлежность к научной школе, определившей его исходные теоретические позиции, которые он развивал на протяжении всей дальнейшей научной работы.

Следует более детально рассмотреть представления раннего Мясищева с позиции их вклада в методологию психологического познания. Для понимания теоретических представлений В. Н. Мясищева, оформленных в его последующих, гораздо более поздних работах (в основном опубликованных в 1950-е и 1960-е годы), особый интерес представляет вступительная часть статьи, в которой автор кратко формулирует исходные теоретические представления и обосновывает предлагаемый метод научного исследования. «Всякий психический процесс относится к известному объективному содержанию, обладает свойством „направленности“, как говорит, кажется Гуссерль. Первоначально отношение существует только к содержаниям единичных восприятий, по мере того, однако, как они слагаются в представления, перерабатываются в отвлеченные понятия о внешнем мире, среде не только в смысле физическом, но и в смысле того духовного мира социальных связей, религиозных и нравственных воззрений, общих идей, который является плодом совместного существования человеческих групп, общения и взаимодействия представителей человеческого рода, плодом передающегося из поколения

в поколение „коллективного опыта“, — по мере того, как расширяется кругозор личности, она определяет свое отношение ко всем этим категориям бытия» (Мясищев, 1914а, с. 51).

Уже в этом кратком выказывании в концентрированной форме представлены некоторые важные положения концепции психологических отношений человека: выделение процессуальной и содержательной сторон отношений, их направленность на объекты и явления внешнего мира, причем не только материального, но и духовного (мира идей), не только биологического, но и социального (мира социальных связей), их обусловленность явлениями совместного общения и взаимодействия людей и социальных групп, их динамический характер, проявляющийся в развитии содержательной стороны отношений, их избирательный и активный характер. С точки зрения методологии научного психологического знания, принципиально важным является положение о том, что источниками этого знания могут являться не только данные экспериментального исследования личностей или наблюдения за ними, но и данные наблюдения и самонаблюдения, анализа и самоанализа, представленные в литературных произведениях талантливых писателей и мыслителей.

В качестве научно-методической основы своего исследования автор рассматривает теоретические представления своего учителя А. Ф. Лазурского о двух различных группах проявления психического: эндопсихических и экзопсихических, представленные в его фундаментальном труде «Очерк науки о характерах» (Лазурский, 1906). Важно, что, представляя программу своего исследования, В. Н. Мясищев прямо заявляет, что речь идет именно о двух точках зрения при исследовании характера: «одной, изучающей психические процессы безотносительно, „an und fur sich“, другой — определяющей отношение человека к окружающему миру. В зависимости от этого разделения должны быть составлены две программы исследования — одна, руководящая безотносительность рассмотрения психики, составленная соответственно существующему подразделению психических процессов и установленным индивидуальной психологией свойствам характера или наклонностям; другая, изучающая мир отношений субъекта, выражающийся в его интересах, понятиях и поступках, и разработанная в зависимости от различных сторон физического, психического и социального бытия» (Мясищев, 1914а, с. 51–52). Не менее актуальным в свете развиваемых в последние годы идей *комплексного подхода* к изучению психики человека представляется следующее высказывание Мясищева: «Личность всегда является результатом взаимодействия двух рядов причин: с одной стороны, индивидуальных, проистекающих из прирожденных

свойств психической организации, склонностей, с другой стороны, обстановки, главным образом, в смысле взаимоотношений с людьми, окружавшей человека и оказывавшей на него большее или меньшее влияние. Направление личности, выражаясь математически, есть равнодействующая двух сил, фактора био-психического — прирожденных способностей, и фактора психо-социального, — общественной среды и ее продуктов» (там же, с. 52).

В заключительной части статьи Мясищев вновь обращается к методологическим основаниям своего исследования, рассматривая соотношение внешних и внутренних факторов развития личности: «Нужно не смешивать двух точек зрения при исследовании характера, с усмотрением двух рядов причин внутреннего и внешнего (см. выше), направляющих так или иначе развитие человека и, хотя внутренняя сторона в смысле прирожденных склонностей, ближе соответствует области безотносительного рассмотрения, а внешняя сторона, в смысле продукта воздействия внешних условий, области отношений, но полного совпадения здесь нет. Мироотношение человека определяется воздействиями среды, но также связано и с безотносительными свойствами его психических процессов» (Мясищев, 1914б, с. 52). Можно только поражаться глубине и актуальности научных представлений молодого автора.

Современное состояние исследований психологических отношений

Начиная с работ В. Н. Мясищева, понятие психологических отношений «как системы временных связей человека как личности — субъекта со всей действительностью или с ее отдельными сторонами» (Мясищев, 1960, с. 150) становится одной из базовых категорий отечественной психологической науки. Категорию психологических отношений активно использовали и развивали в своих работах ведущие российские психологи. По мнению С. Л. Рубинштейна, в процессе жизнедеятельности человек реализует и утверждает себя: как субъект — в своем отношении к объектам, им порожденным, и как личность — в своем отношении к другим людям, на которых он в своей деятельности воздействует, с которыми он через нее вступает в контакт: «Реально мы всегда имеем два взаимосвязанных отношения — человек и бытие, человек и другой человек (другие люди). Эти два отношения взаимосвязаны и взаимообусловлены» (Рубинштейн, 1973, с. 256). К. К. Платонов рассматривал отношение как неотъемлемое свойство, атрибут сознания. Автор справедливо указывал, что имеющиеся «определения отношений как психических явлений не да-

ют возможности четко ограничить их от сознания в целом». Однако, утверждая, что «отношение это только один из трех основных компонентов сознания, но не все сознание в целом», Платонов вместе с тем допускал, что отношение может выступать в единстве с переживанием («отношение как переживание») или в единстве с познанием («отношение как знание») (Платонов, 1972, с. 95).

Обращение к более общей *категории сознание* позволяет более точно раскрыть смысл психологических отношений человека. Понятие психологических отношений раскрывает в наибольшей степени такую существенную сторону сознания как эмоционально окрашенная оценка социальных явлений, выступающих объектами сознания. Если когнитивная, познавательная сторона сознания фиксируется такими понятиями, как знания, представления, образы, значения и т.д., то понятие психологических отношений фиксирует другую, не менее важную сторону индивидуального и группового сознания, связанную с оценкой объектов и явлений окружающего мира. И личность, выступающая индивидуальным субъектом онтологически единого и целостного сознания, усваивает, воспроизводит и создает новые не только знания, но и отношения, оценки. Общность, разделенность этих индивидуальных знаний и оценок, возможность обмена ими, передачи от одного человека другому, является необходимым условием существования человеческого общества, совместной социальной жизни людей и человеческих общностей. В основе психологических отношений личности, носителем и субъектом которых выступает отдельный индивид, всегда лежат общественные, социальные отношения, субъектами которых являются социальные общности, группы.

Современное состояние исследований психологических отношений (за хронологические границы мы берем постсоветский период развития российской психологической науки, и, более строго, исследования и публикации, выполненные в 21-м веке), характеризуется, прежде всего, *дифференциацией исследований* в этой области (подробнее см.: Позняков, 2016; и др.). Эта дифференциация связана, во-первых, с расширением круга объектов психологических отношений, выступающих предметом эмпирических исследований. В качестве новых направлений здесь можно назвать исследования отношения личности и группы к времени (Нестик, 2011), отношения к природе (Журавлев, 1996; Ясвин, 2000), отношение к деньгам (Семенов, 2012; Фенько, 2004; и др.), отношение к собственности (Журавлев, 2004; Карнышев, 2004; Китов, 2004), отношение к рекламе (Воробьева, Купрейченко, 2012; Лебедев, 2005), отношение к инновациям (Дробышева, Митькина, 2015), отношение к семье (Демина, 2004),

отношение к табакокурению (Хромова, 2011), отношение к соблюдению нравственных норм (Купрейченко, 2001), отношение к партнерству и конкуренции (Вавакина, 2011; Титова, 2007) и др. Второе направление дифференциации исследований связано с конкретизацией субъектов психологических отношений. В качестве таковых выделяются субъекты экономической деятельности и, в частности, предприниматели (Журавлев, Позняков, 1995; Позняков, 2000, 2001; и др.), субъекты образовательного процесса и, в частности, учащиеся (Зобков, 1993; Духновский, 2013; и др.) и т. д. Третье направление дифференциации исследований в области психологических отношений связано с конкретизацией самих психологических отношений человека, выделением новых его видов. В качестве самостоятельных научных направлений формируются психология межэтнических отношений (Гуриева, 2010), психология гендерных отношений (Клецина, 2005) и др. Авторы вводят такие понятия, как «субъективные отношения», «субъективно-личностные отношения», «ценностно-смысловые отношения», «отношения межличностной значимости», «нравственно-психологические отношения» и т. п.

Представляется, что введение данных понятий в систему представлений о психологических отношениях человека свидетельствует о сложности и многоаспектности этого феномена. Применительно к анализу *взаимоотношений* людей (или социально-психологических отношений в нашем понимании) дифференциация связана с выделением различных видов социальных связей между людьми, выступающих объектом социально-психологических исследований. Здесь, наряду с такими видами отношений, традиционно выступающими объектами эмпирических исследований, как трудовые, управленческие, организационные, межэтнические, детско-родительские и т. п. отношения, выделяются относительно новые виды отношений: межпоколенные отношения в семье (Сапоровская, 2013), родительское отношение (Ковалева, 2011) и др. Выделение новых видов отношений может проводиться сразу по двум основаниям, например, творческое отношение к учебе (Зобков, Пронина, 2008), нравственно-психологическое отношение к деньгам (Горбачева, Купрейченко, 2006; Журавлев, Купрейченко, 2009) и др. Этот процесс свидетельствует не только о дифференциации представлений о видах психологических отношений, но и о *тенденции интеграции* социально-психологической науки с другими отраслями социальных и гуманитарных наук. Действительно, какую бы сферу общественной жизни мы ни рассматривали, она характеризуется особенностями социального взаимодействия и социальных связей (отношений) между их субъектами. Эти отношения могут становить-

ся объектом социально-психологических исследований, поскольку в содержании этих отношений неизбежно присутствует существенная доля субъективного, личностного, эмоционально-окрашенного. Представляется в этой связи целесообразным формирование нового *комплексного научного направления* в социальной психологии, которое можно обозначить как «психология социальных отношений».

Наконец, в качестве устойчивой тенденции развития социально-психологических исследований в последние годы, следует указать на расширение круга социально-психологических феноменов, при определении и анализе которых исследователи обращаются к категории психологических отношений. Не имея возможности в рамках данной публикации проводить детальный анализ, ограничимся лишь перечислением некоторых из них: доверие (Купрейченко, 2008; Табхарова, 2008), зависть (Бескова, 2011), психологическая дистанция между личностью и представителями различных социальных категорий (Журавлев, Купрейченко, 2001), ответственность (Муздыбаев, 2010; Никуло, 2013), субъективное экономическое благополучие (Хашченко, 2012), социально-психологический капитал личности (Татарко, 2014), социально-психологическое пространство личности (Журавлев, Купрейченко, 2012; Соина, Журавлев, 2013), экологическое сознание (Хашченко, 2012), экономическое самоопределение (Журавлев, Купрейченко, 2007) и т. д. Отметим то, что одни из перечисленных нами феноменов, например доверие, прямо определяются в терминах психологических отношений. Другие, например экологическое сознание личности, субъективное экономическое благополучие, включают психологические отношения в качестве структурных элементов. Наконец, выделяются феномены, например зависть, содержание которых раскрывается через своеобразную комбинацию психологических отношений субъекта к предмету отношения, другому субъекту и самому себе.

Заключение

Научная биография самого Мясищева сложилась так, что дальнейшие его исследования на протяжении многих лет были связаны в основном с попытками построения объективной психологии, сначала с теоретических позиций его непосредственного учителя и научного руководителя — В. М. Бехтерева, т. е. в рамках рефлексологии, а затем — психофизиологии и неврологии. Лишь в поздних своих публикациях он вновь обращается к разработке фундаментальных идей психологии отношений как новой научной психологии. Это идея целостности психики и личности как ее носителя, идея психической связи личности с явлениями окружающего мира как сущности

психологических отношений и ведущей роли отношений к другим людям, как главной составляющей этих отношений, идея активной избирательной направленности как важнейшего свойства психологических отношений, идея объективных социальных связей и жизненного опыта, как главных факторов, детерминант формирования и развития отношений. Однако все эти основные теоретические идеи были сформулированы и представлены уже в раннем произведении талантливого ученого. В научно-методическом плане несомненной заслугой анализируемой работы является положение о возможности использования научного анализа произведений художественной литературы и литературных героев как научного метода психологического исследования.

Историко-психологический анализ показывает, что «отношение» является одной из предельно обобщенных, универсальных категорий. Высокий уровень обобщенности позволяет широко использовать понятие «отношение» в разных областях знания и применительно к разным объектам и явлениям окружающей нас действительности. В психологии идея отношения приобретает особое значение, поскольку многими авторами начинает использоваться для описания самого предмета психологии и сущности психического. К сожалению, в настоящее время категория психологических отношений еще не нашла достойного места в системе базовых категорий. В статье, посвященной обсуждению роли категории «отношение» в системе основных понятий современной психологии, В. А. Мазиллов, один из ведущих отечественных специалистов в области теории и методологии психологической науки, критикует взгляды методологов, которые пытаются преуменьшить роль категории «отношение» или лишить ее статуса методологической. Автор убедительно доказывает, что категория «отношение» несомненно и по праву имеет статус базисной категории в системе психологических понятий (Мазиллов, 2016). В то же время анализ современных представлений о психологическом отношении приводит нас к пониманию того, что на сегодняшний день нельзя говорить о том, что существует стройная и завершенная теория психологических отношений. Перспективы дальнейших исследований психологических отношений человека в социальной психологии связываются нами с конкретизацией и уточнением их структуры, функций и видов.

Литература

Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л. Психологическая дистанция между личностью и представителями различных социальных ка-

- тегорий // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Социум; Изд-во «Институт психологии РАН», 2001. С. 36–59.
- Лазурский А. Ф.* Очерк науки о характерах. СПб., 1906.
- Лазурский А. Ф., Франк С. Л.* Программа исследования личности в ее отношениях к среде // Русская школа. 1912. Кн. 1–2.
- Мазилев В. А.* Отношение как категория методологии психологии // Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы. Владимир, 2016. С. 31–37.
- Мясищев В. Н.* Научно-характерологический анализ литературных типов // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. Т. XI. Вып. 3. 1914а. С. 45–66; Т. XI. Вып. 4–5. 1914б. С. 43–54.
- Мясищев В. Н.* Проблема отношений человека и ее место в психологии // Вопросы психологии. 1957. № 5. С. 142–155.
- Мясищев В. Н.* Личность и неврозы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.
- Мясищев В. Н.* Социальная психология и психология отношений // Проблемы общественной психологии / Под ред. В. Н. Колбановского и Б. Ф. Поршнева. М.: Мысль, 1965. С. 273–285.
- Платонов К. К.* О системе психологии. М.: Мысль, 1972.
- Позняков В. П.* Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 5–15.
- Позняков В. П.* Психологические отношения человека. История развития и современное состояние исследований // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 3. С. 24–47.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
- Соина И. А., Журавлев А. Л.* Тип отношения личности к окружающим и особенности формируемого ею социально-психологического пространства // Высшее образование для XXI века: Доклады и материалы. М.: Изд-во МосГУ, 2013. С. 41–50.

On the contribution of v. N. Myasishchev in the development of the theory and methodology of psychological research of human relationships

V. P. Poznyakov (Moscow)

Doctor of Psychology, Institute of Psychology of RAS

The article is devoted to the assessment of V. N. Myasishchev's contribution in the development of the theory and methodology of human psychological relations. Examines representations of Myasishchev about the psychology

of relationships and its connections with social psychology. Notes, that already in the first scientific work Myasishchev formulated the basic ideas of psychology of relations as a new scientific psychology – the idea of the integrity of the psyche and personality as its carrier, subject, the idea of mental connection with the phenomena of the world as the essence of psychological relations, and the leading role of relationships to other people, as the main component of these relations, the idea of active electoral orientation as the most important property of psychological relations, the idea of objective social relations and life experience, as the main factors, the determinants of the formation and development of relations. In terms of scientific and methodological merit of the analyzed work is the provision on the use of scientific analysis of works of fiction and literary characters as a scientific method of psychological research. It is concluded that today there is no generally accepted and completed theory of psychological relations. The prospects of further researches of psychological relations of the person in social psychology are connected by the author of article with specification of their structure, functions and types.

Keywords: social psychology, theoretical and methodological problems, psychological relationships.

Личностные черты как фактор направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке

В. П. Позняков, Ю. М. Панфилова** (Москва)*

** доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: pozni_v@mail.ru*

*** аспирантка, Институт психологии РАН;
e-mail: panfilova-julia@mail.ru*

В статье обосновывается актуальность исследования отношений незарегистрированного брака, отношения к взаимодействию с партнером в незарегистрированном браке, а также актуальность исследования факторов направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке. Рассматривается важность исследования направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке с точки зрения вклада в понимание семейных ценностей представителей брачного возраста. Приводятся предложения по развитию положений ресурсно-ценностного подхода. Сформулированы предположения о направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке как о показателе перспективности отношений. Приведены исследования личностных черт как детерминант принимаемых решений личностью, исследования взаимосвязи лидерства с личностными чертами и другие. Выделена пятифакторная модель личности как наиболее целесообразная для измерения личностных черт во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке.

Ключевые слова: незарегистрированный брак, партнер, психологические отношения, ресурсно-ценностный подход, направленность во взаимодействии, личностные черты.

* Публикация подготовлена при поддержке ФАНО, Государственное задание ФАНО РФ 0159-2018-0001.

Незарегистрированный брак как альтернативная форма брака приобретает все большее распространение в нашей стране. В России в 2002 г. 9,8% брачных союзов не были зарегистрированы в органах ЗАГС (3,3 млн пар). А в 2010 г. уже 13% супружеских пар (4,4 млн) состояли в незарегистрированном браке (Саралиева и др., 2015).

В настоящее время не существует законодательного регулирования отношений незарегистрированного брака. Лица, выбирающие незарегистрированный брак как форму отношений, имеют возможность выйти из отношений без каких-либо последствий или обременения юридической ответственностью. В редких случаях партнеры заключают договоры о проживании в незарегистрированном браке, однако условия данных договоров подчиняются гражданскому законодательству. Большинство пар не оформляют подобные или иные соглашения, связанные с совместным проживанием, делением имущества или с рождением детей. При решении вопросов детско-родительских отношений после разрыва отношений незарегистрированного брака легкий выход из отношений мужчины-партнера делает уязвимыми женщин, состоящих в незарегистрированных браках. В случае ухода отца ребенка из незарегистрированного союза, мать ребенка не может претендовать на выплату алиментов от бывшего партнера по незарегистрированному браку и отца ребенка. В то же время для признания отцовства в незарегистрированном браке отцу ребенка необходимо подать соответствующее заявление при регистрации рождения ребенка в органах ЗАГС. Для того чтобы отец мог признать ребенка через некоторое время после рождения, установить отцовство возможно только через суд. Таким образом, незарегистрированный брак в настоящий момент является формой социальных отношений, которая в юридическом смысле не признается как брак, однако существует как социально-психологический феномен.

Незарегистрированный брак как форма отношений может быть привлекателен для пар, которые хотят проверить отношения до регистрации отношений в ЗАГСе, а также для пар, которые принципиально не намерены регистрировать свой союз. Однако возможностью сожительства без регистрации брака могут пользоваться партнеры, не определившиеся с целью отношений или считающие незарегистрированный брак удобной формой отношений, которая не накладывает обязательств. В то же время выбор отношений незарегистрированного брака без регистрации союза и стремление избежать ответственности за создание семьи могут негативно отразиться на семейных ценностях, а также могут нести в себе риски рекреативности и депопуляции. Незарегистрированный брак пред-

ставляет собой малоизученную область исследования, требующую научного анализа в связи с динамикой роста количества такого рода союзов в современном обществе.

В связи с этим представляется важным изучение незарегистрированного брака как социально-психологического явления, исследование отношения к партнеру и к взаимодействию с партнером в незарегистрированном браке. Мы полагаем, что в исследовании отношения партнера к взаимодействию в незарегистрированном браке, возможно опираться на наработки, сделанные в рамках исследования психологии делового взаимодействия (Позняков, Вавакина, 2009, 2010; Позняков, Груздева, 2013; и др.). В рамках исследования психологии делового партнерства, В. П. Позняков и Т. С. Вавакина предлагают использование *ресурсно-ценностного подхода* к анализу социального взаимодействия и психологических отношений субъектов совместной жизнедеятельности. В соответствии с данным подходом, значимыми характеристиками взаимодействия партнеров является содержание ценностей и норм, определяющих позицию, ориентацию того или иного участника взаимодействия, которая придает этому взаимодействию конкретный и определенный смысл. Выделены экономико-ресурсная, социально-ресурсная и субъектно-ценностная ориентации во взаимодействии с партнером. При этом авторами подчеркивается конструктивность использования ресурсно-ценностного подхода для анализа психологических отношений и социального взаимодействия в самых разных сферах совместной жизнедеятельности (Позняков, Вавакина, 2014, 2016). Мы полагаем, что ресурсно-ценностный подход может быть использован для анализа отношения к партнеру в такой мало изученной альтернативной форме брака, как незарегистрированный брак.

В нашем исследовании для избегания созвучности с термином «ценностные ориентации» мы используем термин «направленность во взаимодействии» как альтернативный синоним термина «ориентация во взаимодействии». Направленность во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке может формироваться на основе ценностей, норм, разделяемых партнером, а также его личностных особенностей. Направленность во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке может включать компоненты, в зависимости от выраженности которых формируется та или иная структура направленности во взаимодействии с партнером. Мы выделяем экономико-ресурсный, социально-ресурсный, субъектно-ценностный, а также предикативно-ценностный компоненты направленности. Экономико-ресурсный компонент направленности связан с экономически-значимой стороной отношений, где

партнер нацелен на получение финансовой или другой материальной выгоды от взаимодействия с партнером. Социально-ресурсный компонент направленности выражает стремление партнера повысить свой социальный статус, приобщиться к более высоким слоям общества через отношения с партнером. Субъектно-ценностная направленность заключается в восприятии партнера как субъекта, обладающего собственными интересами, стремлениями, потребностями, а цели взаимодействия не содержат стремления получить какую-либо выгоду или использовать взаимодействие с партнером для повышения социального статуса. При этом субъектно-ценностный компонент направленности характеризуется чуткостью к нуждам партнера, доброжелательностью и приверженностью общечеловеческим ценностям во взаимодействии с партнером. Понятие предикативно-ценностного компонента направленности ранее не предусматривалось положениями ресурсно-ценностного подхода, предложенного В. П. Позняковым и Т. С. Вавакиной. Оно вводится нами для характеристики целей партнера во взаимодействии, связанных с удовлетворением гедонистических, насущных, зачастую неосознаваемых эмоциональных потребностей во взаимодействии с партнером. С. Л. Рубинштейн отмечает, что бытие и материя могут быть рассмотрены как субъект и как предикат. «Бытие как сущее надо брать в качестве субъекта, а не предиката. Материю же, наоборот, надо перевести из статуса субъекта в статус предиката» (Рубинштейн, 2013). Другими словами, предикативно-ценностная направленность предполагает фокус партнера на самом себе и своих эгоцентрических потребностях, которые носят гедонистический характер, и которые связаны с получением эмоционального и гедонистического удовольствия от отношений в незарегистрированном браке. Данная направленность может быть особенно актуальна для эмоциональной сферы взаимодействия партнеров.

В зависимости от выраженности каждого из компонентов направленности можно говорить о типах направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке. Предположительно, существует взаимосвязь направленности во взаимодействии с партнером с различными социально-психологическими характеристиками партнеров. В частности, направленность во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке может быть связана с перспективностью отношений. Для выявления связи направленности во взаимодействии с партнером и перспективности отношений предполагается провести корреляции типов направленности во взаимодействии с партнером и такими показателями перспективности отношений, как удовлетворенность отношениями с парт-

нером, нацеленностью на заключение брака. При выявлении позитивных корреляций можно будет говорить о существовании типов направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке, способствующих перспективности отношений незарегистрированного брака.

Важно выявить факторы, формирующие направленность во взаимодействии с партнером. Одним из возможных факторов направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке могут выступать личностные черты партнера. Ряд исследований показывает, что обладатели различных личностных черт придерживаются разных предпочтений в выборе тех или иных стратегий поведения в разных сферах жизни. Личностные свойства исследовались как детерминанты принимаемых личностью решений (Кузнецова, 2004), исследовались взаимосвязи лидерства с личностными особенностями, выделяемыми в соответствии с пятифакторной моделью личностных черт. Отмечается, что психологические характеристики личности, в частности ее устойчивые черты, отражаются на том, какие именно принимаются ею решения. В другом исследовании выделены факторы, способствующие развитию лидерских качеств личности. Выявлено, что фактор «добросовестности» наиболее сильно связан с двумя чертами: надежностью и стремлением к достижениям, а фактор «открытость новому опыту» демонстрируют взаимосвязь с интеллектом (Радюк и др., 2016). Указанные исследователи отмечают, что пятифакторная модель личности с 1990-х годов по настоящее время является ведущей парадигмой в исследованиях личности. А с 2000-х годов, пятифакторную модель личности стали считать ведущим основанием для проведения настоящих и даже будущих исследований личности.

Показатели «Большой пятерки» принимались во внимание при исследовании сопротивляемости стрессу, самоэффективности и жизнестойкости как фактора психологического обеспечения конкурентоспособности спортсменов (Кадырова, 2014). Кроме того, выявлено, что в зависимости от тех или иных личностных черт в США различается выбор психотерапевтического сопровождения при подготовке к заключению брака (Duncan et al., 2014). Значимость личностных черт в принятии решений и выборе стратегий поведения в различных сферах деятельности и взаимодействия дает основания предположить о личностных чертах как об одном из факторов направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке.

Существует достаточно большое количество моделей личностных черт и способов их диагностики. Пятифакторная модель личностных

черт (так называемая «Большая пятерка») приобрела широкое распространение в психологических исследованиях и зарекомендовала себя как одна из наиболее надежных моделей. В связи с этим представляется целесообразным использование данной модели личностных черт для выявления их как фактора направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке.

При сопоставлении компонентов направленности, свойственных партнерам в незарегистрированном браке, и черт пятифакторной модели личности можно предположить, что существует корреляция между выраженностью экономико-ресурсного компонента направленности и личностной чертой добросовестности (прямое значение), выраженностью социально-ресурсного компонента направленности и личностными чертами нейротизма (прямое значение) и открытости опыту (обратное значение). Также можно предположить связь между выраженностью субъектно-ценностного компонента направленности и открытостью опыту (прямое значение), дружелюбием (прямое значение), нейротизмом (обратное значение). Предикативно-ценностный компонент направленности может быть связан с дружелюбием (обратное значение) и добросовестностью (обратное значение). Личностная черта экстраверсии (обратное и прямое значение) может быть общей чертой личности, характерной для всех компонентов направленности. Другим фактором направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке могут выступать ценностные ориентации партнеров. По мнению ряда исследователей, ценностные ориентации играют важную роль в формировании жизненных приоритетов, образцов поведения, формируют собственную иерархию жизненных целей, а также представления о нормах поведения (Журавлев, Журавлева, 2004; и др.). Таким образом, мы полагаем, что личностные черты и ценностные ориентации личности могут рассматриваться как факторы направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке. Однако данное предположение требует более детального анализа и проверки в рамках эмпирических исследований.

Исследование направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке с позиций ресурсно-ценностного подхода позволит лучше понять механизмы формирования отношения к взаимодействию с партнером в данной сфере совместной жизнедеятельности, определить инструменты оценки перспективности отношений незарегистрированного брака, уточнить и конкретизировать представления о состоянии семейных ценностей представителей брачного возраста, а также может помочь оценить риски рекреативности и депопуляции у молодежи.

Литература

- Журавлева Н. А., Журавлев А. Л.* Новые тенденции в ценностных ориентациях личности в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Психология и педагогика». 2004. № 2. С. 20–39.
- Кадырова Е. Р.* Сопротивляемость стрессу, самооффективность и жизнестойкость у каратистов стиля киокусинкай различной квалификации как фактор психологического обеспечения конкурентоспособности спортсменов // Материалы XIII Международной научно-практической конференции психологов физической культуры и спорта «Рудиковские чтения» (11–12 мая 2017 г.). 2017. С. 180–186.
- Кузнецова Ю. Н.* Ценностные детерминанты содержания принимаемых личностью решений: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2007.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Деловое партнерство как одна из форм деловой активности предпринимателей // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 36–43.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Взаимосвязь психологических отношений предпринимателей к деловому партнерству и их ценностных ориентаций // Социальная психология труда: Теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. Т. 2. С. 397–420.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Деловое партнерство как вид социального взаимодействия: ресурсно-ценностный подход // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2014. № 2 (69). С. 3–11.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Психология делового партнерства: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Позняков В. П., Груздева Е. А.* Социально-психологические факторы ответственного отношения предпринимателей к другим участникам делового взаимодействия // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 226–234.
- Радюк О. М., Басинская И. В., Нехвядович И. Г.* Теория лидерских качеств и пятифакторная модель личности // Современные евразийские исследования: Научный журнал. Вып. 4. Саратов, 2016. С. 110–114.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Саралиева З. Х., Блонин В. А., Егорова Н. Ю.* Жизненные миры современной российской семьи: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015.

Duncan S. F., Larson J. F., McAllister S. Characteristics of Individuals Associated with Involvement in Different Types of Marriage Preparation Interventions // *Family relations*. V. 63. Is. 5. 2014. P. 680–692.

Personal traits as a factor of direction in interaction with the partner in non-registered marriage

*V. P. Poznyakov**, *Y. M. Panfilova*** (*Moscow*)

* Doctor of Psychology, Institute of Psychology of RAS

** Postgraduate Student, Institute of Psychology of RAS

The article includes research actuality of non-registered marriage relations, position towards interaction with the partner, as well as research actuality of factors of direction in interaction with the partner in non-registered marriage. Research importance of direction in interaction research from the point of view of family values input of marital age is considered. Suggestions about resource-oriented approach development are enlisted. Assumptions about the role of direction in interaction with the partner in non-registered marriage as an indicator of relations prospective are formulated. Personal traits research as determinants of decision making, connection of leadership and personal traits are presented. 5-factor personal traits model (Big 5) is selected as the most relevant for partners' personal traits in interaction in non-registered marriage.

Keywords: non-registered marriage, partner, position, resource-value approach, direction in interaction, personal traits.

Семья как фактор психологического отношения к табакокурению

В. П. Позняков, С. А. Решетко** (Москва)*

** доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: pozn_v@mail.ru*

*** аспирант, Институт психологии РАН; e-mail: fanat_rossi@mail.ru*

В статье представлены результаты эмпирического исследования социально-психологических факторов отношения к табакокурению. На основании анализа социально-психологических исследований проблемы табакокурения теоретически в качестве факторов психологического отношения к табакокурению были выделены: родительская семья и друзья. В результате статистической обработки данных, полученных в эмпирическом исследовании, родительская семья выступила фактором психологического отношения к табакокурению. Для исследования психологических характеристик родительской семьи была использована методика «Шкала семейного окружения». Родительская семья выступает ведущим фактором психологического отношения к курению. Семьи никогда не куривших респондентов характеризуются высокой внутренней сплоченностью, а мнение родителей для данной категории людей является более значимым, чем мнение сверстников.

Ключевые слова: табакокурение, социальная психология, семья, фактор, психологическое отношение.

В настоящее время в связи с активной реализацией мер по сохранению здоровья граждан становится актуальным вопрос профилактики табакокурения. Несмотря на активные профилактические меры, курение остается распространенной причиной заболеваний среди взрослого населения, юношей и девушек. Увеличение распространения курения среди населения Всемирная Организация Здравоохранения называет «табачной эпидемией». Рассмотрение проблемы

табакокурения происходит на нескольких уровнях: макросоциальном (политика государства в отношении курения, влияние рекламы и СМИ), микросоциальном (особенности семейного воспитания и внутрисемейного взаимодействия, отношения со сверстниками, влияние социальных норм образовательной среды) и личностном (индивидуально-личностные особенности человека) (Позняков, Хромова, 2010; Позняков, Решетко, 2015).

Результаты исследований указывают на то, что курение родителей оказывает серьезное влияние на поведение детей в отношении курения (Mayhew, 2000). В ряде исследований семейный фактор был определен как ведущий при инициации или отказе от курения. Исследования о влиянии семейного фактора на приобщение к курению можно условно разделить на две группы: исследования на генетическом уровне и изучение характеристик внутрисемейного взаимодействия. Было показано, что такие характеристики родительской семьи, как высокий уровень родительского контроля, активное участие родителей в жизни детей, их неодобрение курения играют важную роль при формировании у ребенка установки на отвержение курения (Lochbuehler, 2012). Отдельной группой факторов, которая может привести к началу курения ребенка, являются дисгармоничные семьи. Вне зависимости от типа дисгармоничной семьи всем им свойственны определенные признаки: конфликтность в отношении способов воспитания ребенка, неадекватный уровень эмоционального принятия ребенка, высокий уровень противоречивости требований в отношении ребенка. На основании этих характеристик выделяют следующие типы дисгармоничных семей: гиперпротекция, гипопротекция, противоречивое воспитание (Варга, 2001).

В семьях с гиперпротекцией наблюдается чрезмерная родительская забота. В таких семьях ребенка могут возводить в статус «кумир семьи», все его потребности удовлетворяются, а запреты и санкции отсутствуют. В семьях с гипопротекцией ситуация обратная. В данных семьях наблюдается недостаточная забота и внимание по отношению к ребенку вплоть до полного эмоционального отвержения. Семьи с противоречивым воспитанием характеризуются реализацией разными членами семьи разных типов воспитания. Противоречивость в данных семьях означает взаимоисключаемость стратегий воспитания, реализуемых разными членами семьи в отношении ребенка. В ряде случаев несовместимость требований приводит к конфликтности внутри семьи. Причинами такого типа воспитания могут быть неуверенность родителей в правильности выбора способа воспитания ребенка или кризис внутри семьи.

Дисгармоничные типы воспитания могут приводить к формированию искаженной личности ребенка (Ганишина, 2004). Один и тот же дисгармоничный тип семейного воспитания может приводить к разным вариантам реагирования ребенка. Например, при авторитарном стиле ребенок может выбрать защитный вариант поведения, которое будет проявляться в агрессии и негативизме. Другим вариантом будет форма реагирования, которая выражается в зависимости и покорности, что может приводить к аддиктивному поведению, выражающееся в приеме алкоголя, наркотиков или курении. Способ реагирования ребенка на стиль семейного воспитания зависит от его индивидуальных особенностей.

Отдельный интерес представляют исследования, направленные на изучение влияния курения близкого человека (друга) на начало курения (Alexander, 2001). В ряде исследований наблюдается высокая корреляция между вероятностью начала курения подростка и наличием в его окружении курящих друзей. В исследовании, в котором приняли участие 4263 учащихся, было отмечено, что вероятность начала курения возрастает в 2,73 раза при наличии одного курящего друга и в 9,46 раз при наличии двух и более курящих друзей (Mayhew, Flay, Mott, 2000).

В нашей работе для исследования характеристик родительской семьи и друзей как факторов психологического отношения к табакокурению были использованы такие методики, как: Авторская анкета «Исследование психологического отношения к табакокурению», «Шкала семейного окружения» (Р. Х. Мус, адаптация С. Ю. Куприянова). Методика «Шкала семейного окружения» позволяет оценить отношения внутри семьи по следующим показателям:

- 1) Показатели отношений между членами семьи: сплоченность, экспрессивность, конфликт.
- 2) Показатели личностного роста: независимость, ориентация на достижения, интеллектуально-культурная ориентация, ориентация на активный отдых, морально-нравственные аспекты (отношение в семье к этическим и нравственным ценностям).
- 3) Показатели управления семейной системой: организация (значимость порядка и организованности внутри семьи), контроль (ригидность правил внутри семьи, степень иерархичности).

Объем выборки основного исследования, выполненного в период с 2015 по 2017 г. – 303 чел., из них курящие – 100 чел., никогда не курившие – 102 чел., бросившие курить – 101 чел. Выборка пилотажного исследования (2015 г.) – 40 чел. Отнесение респондентов к данным группам (категориям) проводилось на основе самокатего-

ризации по результатам опроса. К группе курящих были отнесены респонденты, имеющие стаж курения 6 мес. и более, к группе бросивших курить – респонденты, имеющие на момент опроса успешный опыт отказа от курения 6 мес. и более, к группе некурящих (никогда не курившие) – респонденты, не имеющие опыта регулярного курения.

Для ответа на вопрос, выступают ли родительская семья и друзья факторами психологического отношения к табакокурению, был применен множественный регрессионный анализ. Согласно полученным результатам, фактором психологического отношения к курению оказалось влияние родителей. В то же время курение лучшего друга и влияние сверстников не проявилось в исследовании в качестве статистических факторов психологического отношения к курению. Данный факт может быть обусловлен возрастными особенностями респондентов. Наиболее значимое и сильное влияние друзей отмечается в период подросткового возраста. В то время как средний возраст наших респондентов – 21 год. На данном возрастном этапе респонденты в большей степени ориентируются на собственное мнение, чем на вкусы, привычки и поведение сверстников.

Мнение родителей относительно курения как фактор формирования психологического отношения к табакокурению отмечалось респондентами как на уровне тенденции при ответах на вопросы авторской анкеты, так и на статистическом уровне. Некурящие респонденты склонны более высоко оценивать мнение родителей и прислушиваться к их позиции. В то время как курящие и бросившие курить не так высоко оценивают влияние родителей, а в ряде случаев идут наперекор их мнению.

Учитывая, что статистически значимым фактором психологического отношения к табакокурению выступил показатель сплоченности внутри родительской семьи, вполне обоснованно, что некурящие респонденты, оценивающие свою семью как сплоченную, более ориентированы учитывать мнение родителей. Поскольку значимыми оказались такие показатели, как оценка влияния родителей, и такие характеристики родительской семьи, как сплоченность и интеллектуально-культурная ориентация, можно предположить, что в семьях, которые характеризуются высокой внутренней сплоченностью, проводят совместно свободное время, посещая культурные мероприятия, у ребенка возникает ощущение психологического комфорта внутри семьи и убежденность, что к мнению родителей необходимо прислушиваться. Таким образом, благоприятная социально-психологическая атмосфера внутри семьи является предиктором негативного психологического отношения к табакокурению.

В исследованиях последних лет (Pietromonaco, Collins 2017) все чаще рассматривается взаимосвязь тесных и дружеских взаимоотношений в семье и уровня здоровья членов семьи. Особое внимание уделяется влиянию сплоченности внутри семьи на здоровье детей дошкольного возраста и пожилых членов семьи. Позитивный пример тесных и доверительных отношений внутри семьи формирует стрессоустойчивость детей. Учитывая результаты проведенных ранее исследований, мы полагаем, что в юношеском возрасте фактор семьи не теряет своей важности.

Некурящие респонденты более высоко оценивали уровень сплоченности внутри родительской семьи, в то время как курящие и бросившие курить оценивают свою семью как менее сплоченную. На важную роль семьи в формировании отношений к окружающей действительности указывал В. Н. Мясичев (Мясичев, 1957). Он подчеркивал, что первые шаги своего развития у ребенка происходят чаще в родительской семье, и уже позже ребенок может расширять свой круг общественных связей. Учитывая взгляд В. Н. Мясичева на формирование отношений, вполне логичными представляются полученные данные, согласно которым отношения внутри родительской семьи выступают важным фактором формирования психологических отношений детей к табакокурению. Влияние этого фактора проявляет себя и в период взросления, т. е. в юношеском возрасте, в то время как друзья и сверстники не оказывают в этом возрасте столь сильного влияния на формирование психологического отношения к курению.

Кроме оценки сплоченности важным фактором также выступила интеллектуально-культурная ориентация внутри родительской семьи. В таких семьях родственники предпочитают совместно проводить время, занимаясь на досуге любимым делом, посещая театры, выставки и т. д. Данная ориентация внутри семьи проявилась и в ответах в авторской анкете на вопрос о способе свободного времяпрепровождения. Некурящие респонденты, следуя привитому им в семье паттерну поведения, предпочитают читать и посещать культурные мероприятия. В то время как курящие и бросившие курить респонденты предпочитают гулять на свежем воздухе и проводить время с друзьями.

Стоит отметить, что респонденты сами оценивали характеристики своей семьи, и их ответы — это субъективная оценка и видение семейной системы. На основании этого кажутся интересными результаты респондентов курящих и бросивших курить. Родительскую семью представители данных групп оценивают как менее сплоченную и менее склонную проводить время вместе. Полученные данные

дают основания полагать, что в менее сплоченных и менее благополучных семьях дети легче поддаются влиянию вредных привычек и подчас сознательно идут на конфронтацию с родителями в отношении вредных привычек.

Выводы

Родительская семья выступает важным фактором психологического отношения к курению. Семьи никогда не куривших респондентов характеризуются высокой внутренней сплоченностью, а мнение родителей для данной категории людей является более значимым, чем мнение сверстников. Однако не стоит забывать и индивидуальные особенности самого ребенка (Брушлинский, 1991), которые в совокупности с особенностями внутрисемейного взаимодействия могут создавать условия для приобщения к аддиктивному поведению, в частности к табакокурению, или отказу от него.

Литература

- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. 1991. № 6. С. 6–10.
- Варга А. Я.* Системная семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2001.
- Ганишина И. С.* Психологическое влияние неблагополучной семьи на девиантное поведение несовершеннолетних: дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2004.
- Мясищев В. Н.* Проблема отношений человека и ее место в психологии // Вопросы психологии. 1957. № 5. 1957. С. 142–156.
- Позняков В. П., Решетко С. А.* Анализ социально-психологических исследований по проблеме табакокурения // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 236–243.
- Позняков В. П., Хромова В. Л.* Социально-психологическое исследование отношения к табакокурению. М.: Московский гуманитарный ун-т—Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 180.
- Alexander C. et al.* Peers, Schools and Adolescent Cigarette Smoking // J. of Adolescent Health. 2001. V. 29. P. 22–30.
- Lochbuehler K. et al.* Parental smoking and children's attention to smoking cues // J. of Psychopharmacology. 2012. V. 26. № 7. P. 1010–1016.
- Mayhew K. P.* Stages in the development of adolescent smoking // Drug and Alcohol Dependence. 2000. V. 59. P. 61–81.
- Pietromonaco P. R., Collins N. L.* Interpersonal mechanisms linking close relationships to health // American Psychologist. 2017. V. 72. № 6. P. 531–542.

Family as a factor of psychological attitude to tobacco smoking

*V. P. Poznyakov**, *S. A. Reshetko*** (Moscow)

* Doctor of Psychology, Institute of Psychology of RAS

** Postgraduate Student, Institute of Psychology of RAS

The article presents the results of an empirical study of the factors of the psychological attitude to tobacco smoking. Based on the analysis of socio-psychological studies of the problem of smoking, theoretically, the following factors were singled out as the factors of the psychological attitude to tobacco smoking: the parent family and friends. As a result of statistical processing of data obtained in an empirical study, the parent family acted as a factor in the psychological attitude to tobacco smoking. To study the psychological characteristics of the parental family, the methodology "Scale of family environment" was used. Parent family is the leading factor in the psychological attitude to smoking. Families who never smoked the respondents are characterized by high internal cohesion, and the opinion of parents for this category of people is more significant than peer opinion.

Keywords: tobacco smoking, social psychology, family, factor, psychological attitude.

Концептуальная модель структуры общения

Л. Г. Почебут (Санкт-Петербург)

доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: ludmila.pochebut@gmail.com

Цель статьи – создание концептуальной модели структуры и механизмов общения. Модель включает: 1) шестикомпонентную структуру общения; 2) проявления общения в сферах сознания и бессознательного; 3) механизмы реализации общения; 4) формирование личности в процессе социализации и индивидуализации. Основная идея заключается в расширении трехкомпонентной структуры общения (коммуникация, перцепция, интеракция) тремя дополнительными компонентами: а) информирование как получение информации без обратной связи; б) трансакция как обмен чувствами в процессе общения; в) персоноакция как обмен личностным содержанием. Согласно разработанной модели, шестикомпонентная структура общения проявляется в сферах общественного, индивидуального сознания и подсознания. Компоненты общения реализуются посредством социально-психологических механизмов. Механизмами трансакции являются интуиция и эмпатия. Интеракция, информирование, коммуникация и перцепция основаны на механизмах рефлексии и аттракции. К механизмам персоноакции относятся атрибуция, идентификация и персонификация. Процесс персоноакции основан на двух способах формирования личности: социализации и индивидуализации.

Ключевые слова: компоненты общения: коммуникация, перцепция, интеракция, трансакция, персоноакция.

Интерес к проблеме общения в отечественной психологии связан с вопросом происхождения сознания человека. В зарождении созна-

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-013-00532/18.

ния решающую роль играют социальные факторы. Согласно С. Л. Рубинштейну, развитие сознания человека детерминировано общественно-трудовой деятельностью (Рубинштейн, 1989). Б. Г. Ананьев понятие «общение» считал основной категорией психологии. Общение играет значимую роль в развитии личности, формировании субъекта деятельности, становлении индивидуальности. Основные виды деятельности, по его мнению, — это труд, общение и познание. В процессе общения происходит познание окружающего мира, познание человека человеком и познание самого себя (Ананьев, 2001).

Общение является центральной проблемой социальной психологии. Е. С. Кузьмин считал общение предметом социально-психологической науки и сформулировал принцип формирования сознания в единстве процесса деятельности и общения (Кузьмин, 1967; Почебут, Журавлев, 2017).

Мы определяем общение как целенаправленный и взаимный обмен между людьми информацией, чувствами и эмоциональными состояниями, действиями, личностным содержанием.

Структура общения рассматривалась психологами как сложная, трехкомпонентная система (Андреева, 1988; Парыгин, 1999). Эта система включала интерактивный, коммуникативный и перцептивный компоненты. По мнению Г. М. Андреевой, коммуникативная сторона общения состоит в обмене информацией о представлениях, идеях, установках партнеров. Интерактивная сторона характеризуется организацией, планированием, регуляцией и реализацией совместной деятельности. Перцептивная сторона — это процесс восприятия и взаимопонимания партнерами друг друга.

Мы предлагаем более сложную концептуальную модель структуры и механизмов общения.

Концептуальная модель структуры общения

I. Структура общения состоит из шести компонентов.

Мы считаем, что необходимо расширить вышеописанный перечень, включив в него еще три компонента, крайне важных с позиций современной социальной психологии: информационный, трансакционный и персоноакционный. Таким образом, структура общения будет состоять из шести компонентов:

- коммуникация — обмен между людьми информацией и получение обратной связи;
- информирование — передача одним партнером по общению информации другому без получения обратной связи;

- социальная перцепция – когнитивный процесс, направленный на восприятие и понимание партнерами друг друга;
- трансакция – имплицитный процесс передачи одним партнером по общению другому своих эмоций, чувств, психических состояний, получение обратной связи;
- интеракция – взаимодействие между партнерами по общению;
- персоноакция – обмен личностным содержанием между партнерами, принятие ими личностных свойств, ценностей, целей, опыта и жизненных принципов.

По нашему мнению, структура общения – это не треугольник (коммуникация, перцепция и интеракция), а куб, каждая сторона которого составляет определенный компонент общения (информирование, коммуникация, перцепция, интеракция, трансакция, персоноакция). Такая шестикомпонентная структура дает более объемное, многогранное представление о процессе общения. Расширение представлений об общении необходимо в связи с тем, что в современном постинформационном обществе процесс общения усложняется, приобретает новые формы и содержание, например общение в Интернете (подробнее см.: Психологические исследования глобальных процессов..., 2018; и др.).

Разработанная нами шестикомпонентная структура общения соответствует основным процессам познания и деятельности. Когнитивные процессы познания представлены информационным, коммуникативным и перцептивным компонентами общения. Особенности поведения и трудовой деятельности партнеров выражены в интерактивном компоненте. Сфера бессознательного и аффективная сторона психики связана с трансакционным компонентом.

Вершиной процесса общения является персоноакция как способность передать и воспринять личностные особенности партнера по общению. В отечественной психологии этот компонент общения практически не рассматривался. Персоноакция концентрирует все остальные компоненты общения. В процессе информирования и коммуникации происходит передача установок, целей и ценностей, а в процессе социальной перцепции осуществляется принятие и интериоризация партнерами личностного содержания другого. Трансакционный компонент необходим для передачи эмоционального отношения личности к обсуждаемому явлению. Значение интерактивного компонента заключается в том, что общение включается в реальную деятельность людей, обеспечивает ее эффективность. Таким образом, персоноакция является центральным, объединяющим звеном шестикомпонентной структуры общения.

II. Компоненты общения расположены в сферах сознания.

Персонакция сосредоточена в сфере общественного сознания, поскольку личность является продуктом общества и различных социальных институтов (семьи, школы, трудовых коллективов и организаций).

К сфере индивидуального сознания относятся информирование, коммуникация, социальная перцепция и коммуникация.

Трансакция, как передача эмоциональных состояний и переживаний, в большей степени опирается на сферу бессознательного. Люди способны интуитивно чувствовать состояния другого человека.

III. Каждый компонент структуры общения реализуется посредством различных психологических механизмов.

- Механизмами общения на транзакционном уровне являются эмпатия и интуиция.

Эмпатия – это способность понимать чувства и эмоции другого человека, вникать в них и переживать как свои собственные (Свенцицкий, 2008). Эмпатия является видом внерационального познания внутреннего мира других людей, это аффективное понимание партнера по общению (Клецина, 2017).

Интуиция рассматривается как непосредственное познание без каких-либо доказательств, на которых опиралось бы данное знание (Свенцицкий, 2008). В целом, трансакция основана на сенситивных способностях человека.

- Механизмы общения на интерактивном, информационном, коммуникативном и перцептивном уровнях действуют на основе рациональности, осмысленности слов и действий партнеров. Механизмами общения на уровне осознанности являются рефлексия и аттракция.

Рефлексия – это осознание человеком того, как он воспринимается партнером по общению, понимает ли его другой человек (Андреева, 1988). По мнению И. С. Клециной, рефлексия представляет собой механизм самопознания в процессе интеракции. В основе рефлексии заложена способность человека представить себе то, как его воспринимает партнер по общению (Клецина, 2017).

Аттракция как механизм социальной перцепции, в результате которого оценивается привлекательность партнеров, их привязанность друг к другу. Аттракция возникает в результате специфического эмоционального отношения и рождения спектра чувств (от симпатии до неприязни), проявляется в виде особого отношения к другому человеку (Клецина, 2017).

- Механизмами общения на персоноактивном уровне являются атрибуция, идентификация и персоноакция.

Атрибуция – это способы объяснения своего поведения и поведения других людей. Эти способы объяснения возникают в процессе реализации персоноакции. Люди, оценивая свою личность и воспринимая личность партнера, объясняют поведение посредством диспозиционных или ситуативных факторов.

Идентификация означает перенос личностных или социальных свойств другого человека на самого себя, отождествление себя с ним. Идентификация в процессе общения конкретизирует механизмы социальной перцепции и значительно облегчает коммуникацию и интеракцию. Она необходима в ситуациях создания сплоченной группы, благоприятного социального климата. Однако идентификация может служить барьером эффективного общения, поскольку является причиной возникновения социально-психологического эффекта «группомыслия». Механизм идентификации действует на персоноактивном уровне. Человек сравнивает и отождествляет свою личность с личностью другого человека.

Персонификация – это перенесение своих личностных свойств на партнера по общению, приписывание ему таких же целей, установок, ценностей. Она проявляется в том случае, когда партнер по общению рассматривает другого как продолжение самого себя. Персонификация является противоположным идентификации персоноактивным механизмом. Она может облегчать общение, когда человек видит в партнере «родственную душу», а может и усложнять, если он ошибается в оценке его качеств или совершает ошибки атрибуции: фундаментальную, мотивационную, предельную (Почебут, 2017). При общении люди часто ищут сходство с партнером, поэтому либо приписывают себе его качества (идентификация), либо наделяют его своими качествами (персонификация). Поиск сходства, общих точек зрения, согласование позиций в конечном итоге приводит к эффективному общению.

- IV. Формирование личности в общении с другими людьми и в совместной деятельности осуществляется в ходе двух взаимосвязанных социально-психологических процессов: социализации и индивидуализации.

Социализация представляет собой сложную систему процессов общения личности с окружающими людьми. Социализация рассматривается как процесс формирования личности в ходе

усвоения основных духовных ценностей, выработанных людьми на протяжении истории человечества, определение своей роли и места в обществе. Понятие социализации можно рассматривать с двух сторон. С одной стороны, это процесс развития личности, а с другой стороны, осуществление этого процесса возможно только посредством персонификации, т. е. передачи человеком последующему поколению своего опыта и знаний, своего личностного отношения к происходящим в обществе и мире событиям.

На протяжении этапов социализации человек усваивает и интериоризирует различные знания, умения, навыки. Он становится полноправным трудоспособным членом общества, работая в различных организациях. Социализация осуществляется посредством влияния окружающих людей на личность. Зрелая личность, в свою очередь, способна оказывать воздействие на других людей. Поэтому социализация – не единственный процесс становления и общения личности. Ее односторонность преодолевается с помощью процесса индивидуализации.

Индивидуализация – это процесс становления личности в процессе общения с другими людьми с целью создания новых продуктов труда, новой информации и самостоятельного развития собственной личности. Индивидуализация осуществляется двумя путями: 1) селекция получаемой информации; 2) производство новой информации, новых духовных ценностей, значимых для общества. Индивидуализация возможна только при свободном выборе друзей, книг, профессии, места работы и жительства. Социализация же происходит, в основном, посредством принуждения (обязательное среднее образование, обязательное соблюдение законов и пр.). Социализация – это долг личности, индивидуализация – ее право.

Социализация и индивидуализация представляют собой два способа становления личности. Социализированная личность проявляется как типичные качества, мотивы, интересы, которые общество навязывает человеку, формируя его в ходе общения по своему образу и подобию. Индивидуализированная личность возникает как уникальное, творческое начало в человеке. Это способность отбирать, оценивать и создавать новую информацию, новые продукты труда, предлагать новые идеи. Общество развивается по закону: интенсивность его развития зависит от индивидуализированных личностей. Застой в обществе возникает тогда, когда социализированные личности не достигают уровня индивидуализации. Только индивидуализированные личности способны предложить инновации и вывести общест-

во на новый и более высокий уровень развития. Социализированная личность (без стремления к индивидуализации) способна повторить созданное предками, автоматически внедрить это в практику, но не дать обществу импульс развития. Поэтому персоноакция, как вершина процесса общения, направлена на созидание личности, с учетом опыта и знаний других людей. Безусловно, в действительности раздвоения личности на социализированную и индивидуализированную не существует. Каждый человек и социализируется, и индивидуализируется одновременно, осваивая практический опыт других людей, он творчески его перерабатывает и создает новое.

V. Процесс общения может быть описан по следующим параметрам:

- непосредственное межличностное—опосредованное техническим средствами;
- кратковременное—периодическое—постоянное общение;
- случайное—ситуативное—целенаправленное общение;
- согласованное по времени и месту—несогласованное общение;
- непрофессиональное—профессиональное общение;
- регламентированное культурными нормами — регламентированное специальными организационными нормами.

В целом, процесс общения способствует тому, что у людей формируются установки готовности к совместной деятельности и согласованному решению поставленной задачи (см. также: Журавлев, 2005; и др.). Готовность означает осознанность целей и задач деятельности, способов и приемов труда, владение средствами и технологиями деятельности. Общение сопровождает деятельность, способствуя или препятствуя повысить ее эффективность. Только в процессе общения возникает коммуникативная компетентность.

Рассмотрение шестикомпонентной структуры и соответствующих механизмов общения позволяет нам более глубоко и всесторонне проанализировать формирование личности и сознания.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
- Андреева Г. М.* Социальная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Клецина И. С.* Социальная психология. М.: Юрайт, 2017.

- Кузьмин Е. С. Основы социальной психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967.
- Парыгин Б. Д. Социальная психология. СПб.: ГУПР, 1999.
- Почебут Л. Г. Социальная психология. СПб.: Питер, 2017.
- Почебут Л. Г., Журавлев А. Л. Развитие социальной психологии в трудах Е. С. Кузьмина (к 95-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 81–91.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Педагогика, 1989.
- Свенцицкий А. Л. Краткий психологический словарь. М.: Проспект, 2008.

A conceptual model of the structures of communication

L. G. Pochebut (St Petersburg)

Doctor of Psychology, Professor, St Petersburg State University

The purpose of the article is the creation of a conceptual model of the structure and mechanisms of communication. The model includes: 1) six components of structure communication; 2) manifestation of communication in the fields of consciousness and unconsciousness; 3) implementation mechanisms; 4) personality in the process of socialization and individualization. The main idea is to increase three components of structures of communication (communication, perception, interaction) three additional components: a) information, as obtaining information without feedback; b) transaction, as exchange feelings in the process of communication; c) personaction, as exchange of personal content. According to the developed model six components of structure of communication is evident in the areas of public, individual consciousness and unconsciousness. Components of communication are implemented through social-psychological mechanisms. Transaction mechanisms are intuition and empathy. Communication, information, communication and perception based on mechanisms for reflection and attractions. Personaction include attribution, identification and personalization. Personaction process based on two ways of formation of personality: socialization and individualization.

Keywords: components of communication: communication, perception, interaction, transaction, personaction.

Дети «группы риска» дошкольного возраста: сущность понятия, основные виды нарушений, необходимость индивидуального подхода

А. П. Родионова (Москва)

*ГБУ ЦИТ СДС «Прогресс»;
e-mail: seminka@rambler.ru*

В статье анализируется понятие «дети группы риска», рассматривается вопрос сущности данной категории. Особое внимание уделяется детям «группы риска» дошкольного возраста, рассматриваются два вида нарушений в поведении и развитии детей данной категории: отклонения в поведении (агрессивность, вспыльчивость, пассивность, гиперактивность) и отставание в психическом развитии (педагогическая запущенность, легкие формы задержки психического развития, умственная отсталость). На основе анализа образовательных стандартов и научной литературы выявлена необходимость индивидуального подхода к детям «группы риска» в процессе обучения и воспитания в дошкольный период. В качестве одного из подходов к реализации индивидуальной работы с детьми данной категории рассматривается проектирование индивидуального образовательного маршрута. В статье утверждается необходимость оказания ранней коррекционной помощи детям данной категории со стороны специалистов разных областей с обязательной опорой на зону ближайшего развития для успешного преодоления трудностей развития и интеграции детей в общество.

Ключевые слова: дети группы риска, дошкольный возраст, виды нарушений, индивидуальный подход, индивидуальный образовательный маршрут.

В последнее время категория детей «группы риска» является предметом исследования различных отраслей научного знания, в связи с чем носит междисциплинарный характер изучения, который

обуславливается многосторонностью и сложностью этого феномена.

Детей, которые требуют особого внимания и сопровождения со стороны педагогов, врачей, психологов и других специалистов, объединяют в одну категорию, но при этом именуют по-разному: трудные, проблемные, дети с отклоняющимся (девиантным) поведением, дети группы риска и др.

На сегодняшний день понятие «дети группы риска» стало одной из важных проблем психологических, педагогических и социологических исследований. Так, вопросами социальной адаптации детей к различным условиям социальной среды занимались Л. И. Божович, Л. С. Выготский, М. А. Галигузова, И. А. Липский, В. М. Маховой, А. Б. Холмогорова и др. Теории социально-педагогической поддержки исследовали В. Г. Бочарова, З. Г. Зайцева, Л. Я. Олиференко, И. Н. Трубавина, А. Ш. Шахманова и др. Особенности психического и социального развития детей «группы риска» стали предметом изучения С. А. Беличевой, И. Ф. Дементьевой, И. Епифановой, Т. А. Крыловой, Р. В. Овчаровой. И хотя понятие «дети группы риска» может считаться сегодня общепринятым, однако существуют различные его трактовки, поэтому требуется уточнение и конкретизация как самого термина, так и характеристик входящих в эту группу детей.

Прежде всего, следует рассмотреть связь между понятиями «риск» и «дети».

Согласно статье 54 Семейного кодекса РФ, ребенком является «лицо, не достигшее 18 лет». Гражданский кодекс РФ определяет 2 возрастных периода детей: с рождения до 14 лет дети считаются малолетними, с 14 до 18 лет – несовершеннолетними.

Риск в широком смысле слова – это возможная опасность. Но на опасность по отношению к кому указывает данное слово при использовании термина «дети группы риска»?

С одной стороны, подразумевается риск, который представляют дети данной категории для социума. В советский период словосочетание «группа риска» стало применяться в контексте рассмотрения общественных интересов и служило обозначением категории лиц или семей, поведение которых могло в той или иной степени угрожать отдельным гражданам и обществу в целом, так как отклонялось от общепринятых норм и правил.

С другой стороны, педагогами и психологами при использовании данной терминологии чаще всего подразумевается риск, которому постоянно подвергаются сами дети: риск для жизни и здоровья, опасность потери благоприятных условий для полноценного воспитания и всестороннего развития и т. д.

В научной литературе формируется и уточняется понятие «дети группы риска», которое рассматривается как:

- 1) категория детей, которая в силу определенных обстоятельств своей жизни более других категорий подвержена негативным внешним воздействиям со стороны общества и его криминальных элементов, ставших причиной дезадаптации несовершеннолетних (Олиференко, 2002);
- 2) категория детей, чье социальное положение по той или иной причине не имеет стабильности. Эти дети, как правило, лишены нормальных условий для развития, что приводит к разного рода негативным последствиям психологического и социального характера (Байбородова, Смирнова, 2004);
- 3) категория детей, которая в силу определенных обстоятельств оказывается социально незащищенной и более других подвержена влиянию негативных факторов со стороны общества (Быкасова, 2014);
- 4) дети, которые находятся в критической ситуации под воздействием некоторых нежелательных факторов (Терлецкая, 2014).

Анализ научных публикаций последних лет позволил понять, что в психологии, педагогике, социальной педагогике к категории детей «группы риска» в самом общем смысле относят тех, кто испытывает трудности в обучении, психическом развитии, социальной адаптации, взаимоотношениях с взрослыми и сверстниками, социализации в целом (Олиференко, 2002).

Особо важным и ответственным этапом в развитии и воспитании ребенка выделяется дошкольный период, так как он является возрастом первоначального становления личности ребенка. По мнению исследователей, через общение с взрослыми и сверстниками, благодаря различным формам познания и посредством включения в различные виды деятельности (бытовые, производственные, игровые) в дошкольном возрасте интенсивно формируется психика ребенка, происходят качественные изменения как в психофизиологическом развитии, так и в личностном.

К детям «группы риска» в дошкольный период развития относят детей с нарушениями речи, моторики, соматически ослабленных детей, с отклонениями в поведении, с нарушениями функции активного внимания, памяти, а также детей с нарушениями общения и задержками психического развития.

В поведении и развитии детей дошкольного возраста можно условно выделить нарушения 2 видов: отклонения в поведении (агрессивность, вспыльчивость, пассивность, гиперактивность) и отставание

в психическом развитии и различные формы детской нервности (невропатия, неврозы, страхи). При этом критерием отклонения служит норма, соответствующая возрастным особенностям и половой принадлежности ребенка.

Формами отставания в психическом развитии являются педагогическая запущенность, легкие формы задержки психического развития, а также общее недоразвитие мозговых структур, ведущее к различным формам умственной отсталости. Педагогическая запущенность обуславливается условиями жизни и воспитания ребенка. Но при правильном и своевременном подходе к использованию интенсивных развивающих занятий дети легко догоняют своих сверстников. Легкие формы задержки психического развития (органическая недостаточность центральной нервной системы, недоразвитие мозговых структур) также обратимы при своевременной и адекватной коррекции. Первые две формы задержки психического развития являются наиболее легкими и преодолимыми, в то время как обучаемость при умственной отсталости (нарушениях познавательной деятельности) значительно затруднена.

Очевидно, что своевременно начатая коррекционная и развивающая работа с детьми, имеющими нарушения темпа психического развития, оказывается весьма плодотворной, причем наилучшие результаты в обучении достигаются при ранних сроках коррекции. Ошибкой со стороны родителей будет не придавать значения особенностям развития и поведения ребенка, что может привести к дальнейшей его неспособности освоить необходимые поведенческие и образовательные навыки.

Формами нарушений в поведении выступают:

1. Агрессивность (физическая и вербальная), причинами которой являются страх, вызванный нарушенными социальными отношениями между взрослым и ребенком (чем сильнее агрессия, тем сильнее страх перед ней), пережитая обида, душевная травма. Основное направление обучения для преодоления агрессии — продемонстрировать, что есть другие формы выражения силы, привлечения внимания, выражения обиды, и доказать, что они гораздо более приятны по ответной реакции окружающих. Также одним из наиболее действенных способов коррекции агрессии служат коллективные игры, которые способствуют выработке терпения и взаимовыручки.
2. Вспыльчивость, причиной которой выступает стремление выразить чувства отчаяния и беспомощности. Способами коррекции в этом случае являются предупреждение такого поведения или поддержание спокойного эмоционального тона.

3. Пассивность, в основе которой лежит подавленность, застенчивость, страх перед новыми людьми. Для коррекции следует помочь ребенку выразить свои эмоции и чувства в игре, доверительном разговоре, а также помочь ему обрести уверенность в себе и научиться самому налаживать контакт с новыми людьми (избегая риска болезненной привязанности). Стоит помнить, что на коррекцию такой формы поведения может уйти длительное время, и от педагогов, и от родителей потребуется терпение и целенаправленность.
4. Гиперактивность, т. е. двигательная расторможенность и отвлекаемость внимания, импульсивность и непредсказуемость в поступках. В основе гипердинамического синдрома могут лежать микроорганические поражения головного мозга, возникшие в результате осложнений беременности и родов, истощающие соматические заболевания раннего возраста (тяжелый диатез, диспепсия), физические и психические травмы. Для коррекции данного нарушения в поведении требуется терпеливость, настойчивость и последовательность. Следует провести четкую границу между целенаправленной активностью и бесцельной подвижностью, не сдерживать физическую активность такого ребенка (это противопоказано состоянию его нервной системы), а подчинять его действия цели и приучать достигать ее.

Наличие таких проблем в поведении и развитии детей «группы риска» дошкольного возраста говорит о том, что они нуждаются в своевременной, профессионально организованной помощи квалифицированных специалистов дошкольной образовательной организации: психолога, педагога, дефектолога, логопеда, социального педагога, воспитателей.

Изучение нормативных документов, раскрывающих содержание дошкольного образования, показало, что проблема воспитания и обучения детей группы риска нашла отражение в программах нового поколения. Так, в разделе «Коррекционная работа» программы «От рождения до школы» авторы обозначают «группу риска» как категорию детей с минимальными и парциальными нарушениями психического развития, занимающую промежуточное положение между «нормальным» и «нарушенным» развитием (От рождения до школы, 2011). По утверждению авторов, такие дети нуждаются в своевременной коррекционной помощи для предотвращения последующего усложнения данных проблем.

Введение Федерального государственного образовательного стандарта свидетельствует о совершенствовании существующей систе-

мы дошкольного образования, где одной из первостепенных задач организации воспитательного и образовательного процесса выступает индивидуальный подход к ребенку. Приоритетность индивидуального подхода подчеркивается в ФГОС ДО, утвержденном приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 октября 2013 г. № 1155. В дошкольном воспитании поддержка и развитие индивидуальности ребенка признается одним из основополагающих принципов, за счет которого реализуется всестороннее и полноценное развитие личности дошкольника, раскрываются его отличительные черты характера и уникальные способности.

Необходимость индивидуального подхода к детям данной категории в процессе обучения и воспитания признается всеми, но его практическое осуществление по-прежнему вызывает трудности. В связи с этим совершенствование дошкольного образования должно быть направлено на поиск новых, современных методик и технологий в педагогической деятельности, которые в процессе воспитания и развития детей могли бы обеспечить индивидуальный подход к каждому ребенку, имеющему определенные сложности и проблемы.

Одним из подходов к реализации индивидуальной работы с детьми является разработка индивидуального образовательного маршрута. Индивидуальный образовательный маршрут можно рассматривать как персональный путь компенсации трудностей в обучении, а затем и реализации личностного потенциала ребенка: физического, интеллектуального, эмоционально-волевого, деятельностного, нравственно-духовного (Волосовец, Кутепова, 2010).

В результате анализа изученной литературы можно сказать, что индивидуальный образовательный маршрут состоит из 4–5 этапов, когда на основе наблюдения за ребенком и диагностического обследования определяются «проблемные» и «успешные» сферы интеллектуального, эмоционального, личностного развития и выстраивается маршрут с ориентированием на зону ближайшего развития ребенка (взаимодействие с родителями и педагогами), подбираются индивидуальные задания, корректируются задачи и методы работы с ребенком.

Неслучайным в построении коррекционной работы с детьми «группы риска» является опора на идею Л. С. Выготского о зоне ближайшего развития. Как известно, дети достигают гораздо больших успехов при внешней помощи и поддержке, чем при самостоятельной работе, как бы преодолевая пределы возрастного развития. К тому же не стоит забывать, что главными «воспитателями» для ребенка остаются его родители. Родители способны поддержать коррекционную деятельность педагогов, направленную на развитие личности

ребенка, защиту их интересов. В то же время большинство родителей не являются дипломированными воспитателями и не обладают специальными знаниями в области воспитательной и педагогической работы с детьми. Поэтому деятельность специалистов дошкольного образования должна быть направлена не только на коррекционное и развивающее взаимодействие с детьми, но и на привлечение к этому взаимодействию родителей (или законных опекунов), дать родителям знания о развитии способностей у ребенка-дошкольника, приобщить к правильному развитию ребенка в домашних условиях.

Принимая во внимание все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что особую актуальность в наше время приобретает вопрос воспитательной и образовательной работы с детьми «группы риска» на ранних этапах их психофизического и личностного развития. Очень важно выявлять истинные причины нарушений в поведении ребенка, чтобы затем корректно применять превентивные меры и верно определять соответствующие пути коррекционной работы с ним.

Индивидуальный подход к детям «группы риска» должен реализовывать наиболее полное выявление персональных маршрутов развития детских способностей, укрепление собственной активности ребенка и его интеграции в общество. В столь важный период физического развития и становления личности, дошкольники с проблемами или нарушениями в развитии требуют особо пристального внимания и изучения их индивидуальных отличительных черт, а также создания курсов коррекционного обучения и воспитания.

Литература

- Байбородова Л. В., Смирнова К. Ю.* Социально-педагогическое сопровождение детей группы риска в условиях специального учреждения // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 3 (40). С. 9–14.
- Быкасова С. А.* Особенности работы школьных социально-педагогических служб с детьми «группы риска» // Наука и мир. 2014. № 3 (7). Т. 3. С. 43–44.
- Волосовец Т. В., Кутепова Н. Е.* Ребенок в инклюзивном дошкольном учреждении: Метод. пособие / Под ред. Т. В. Волосовец, Н. Е. Кутеповой. М.: РУДН, 2010.
- Олиференко Л. Я.* Социально-педагогическая поддержка детей группы риска: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений // Л. Я. Олиференко, Т. И. Шульга, И. Ф. Дементьева. М.: ИЦ «Академия», 2002.

От рождения до школы. Примерная основная общеобразовательная программа дошкольного образования / Под ред. Н. Е. Вераксы, Т. С. Комаровой, М. А. Васильевой. 3-е изд., испр. и доп. М.: Мозаика-Синтез, 2014.

Терлецкая О. В. Особенности эмоциональной сферы детей «группы риска» как результат социальной ситуации их развития // Осовские педагогические чтения «Образование в современном мире: новое время – новые решения». 2014. № 1. С. 272–277.

Цыпкина И. М. Выявление проблем детей «группы риска» дошкольного возраста как основа построения индивидуального образовательного маршрута // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 11 (ноябрь). URL: <http://e-koncept.ru/2016/16252.htm>.

Children of “risk group” of preschool age: essence of the concept, main types of violations, the necessity of individual approach

A. P. Rodionova (Moscow)

GBU CIT STS “Progress”

In the article the concept “children of risk group” is analyzed, the question of essence of this category is considered. Particular attention is paid to children of “risk group” of preschool age, two types of violations in the behavior and development of children of this category are considered: behavioral deviations (aggression, short temper, passivity, hyperactivity) and mental retardation (pedagogical neglect, easy forms of a delay of mental development, mental retardation). Based on the analysis of educational standards and scientific literature, the necessity of individual approach to children of “risk group” in the process of education and upbringing during the preschool period is revealed. As one of the approaches to the implementation of individual work with children of this category, the design of an individual educational route is considered. The article argues for the need to provide early correctional assistance to children of this category by specialists from different regions with the obligatory support of the zone of proximal development in order to successfully overcome the developmental difficulties and integrating children into society.

Keywords: children of risk group, pre-school age, types of violations, individual approach, individual educational route.

Образ будущего России у подростков с разными социально-психологическими характеристиками

В. Н. Ролдугина, Т. А. Нестик** (Москва)*

** соискатель, Институт психологии РАН*

*** доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: nestik@gmail.com*

В статье рассматривается образ будущего у подростков с разными социально-психологическими характеристиками, дается оценка влиянию на данный процесс таких социально-психологических характеристик, как социальная идентичность, уровень доверия, ценностные ориентации; отмечается взаимосвязь отношения к прошлому и настоящему с формированием образа будущего; описаны итоги эмпирического исследования взаимосвязи образа будущего России у подростков с их социально-психологическими характеристиками.

Ключевые слова: подростки, образ будущего России, социально-психологические характеристики, ценностные ориентации, идентичность.

Образ будущего страны в представлениях подростков и молодежи является не только отражением сложившейся социально-экономической и политической ситуации в российском обществе, но и выступает в роли самореализующегося пророчества. Представления о будущем у представителей молодежи влияют на поведение в настоящем и, если их разделяет большинство, делают более или менее вероятными разные варианты развития общества.

Неопределенность будущего в транзитивном, текущем обществе становятся вызовом для подрастающего поколения, создавая потребность в нестандартных, новаторских подходах для решения раз-

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00854-ОГН «Коллективная память как ресурс конструирования образа будущего у представителей разных поколений россиян».

нообразных задач. Оптимизм в отношении коллективного будущего вносит весомый вклад в жизнеспособность поколения и его готовность к ответу на *глобальные риски* (Нестик, 2016; Нестик, Журавлев, 2018; Психологические исследования глобальных процессов, 2018; Социально-психологическая оценка рисков..., 2017). То, в какой степени поколение окажется способным к их решению, зависит от множества факторов, в частности от способности представителей разных поколений договариваться между собой о долгосрочном образе желаемого будущего.

Для прояснения личностных социально-психологических характеристик, влияющих на конструирование подростками образа будущего своего поколения и своей страны, необходимо уточнить взаимосвязь между восприятием образа будущего подростков, их ценностными приоритетами, тем, в какой мере они считают себя способными влиять на будущее, а также с тем, в какой степени готовы принимать ответственность за настоящее и будущее страны. Как показывают проведенные ранее исследования, важными факторами формирования представлений о коллективном будущем являются социально-психологические характеристики личности. В частности, фактором формирования образа коллективного будущего являются просоциальные, интегративные установки: доброжелательность, толерантность, позитивное отношение к миру, убеждение в его неслучайности и осмысленности событий позволяют людям задумываться об отдаленном коллективном будущем и оптимистически его оценивать (Нестик, 2014). У представителей других поколений была выявлена связь содержания коллективной памяти с ценностными ориентациями (Емельянова, Дробышева, 2017). Можно предполагать, что ценностные ориентации, социальная идентичность и уровень доверия к людям относятся к социально-психологическим характеристикам личности подростка, влияющим на его отношение к будущему России.

Ценностные ориентации являются одной из важнейших составляющих структуры личности и формируются в процессе усвоения опыта социальных отношений, проявляются в убеждениях, принципах, идеалах, интересах, жизненной позиции личности и образуют сложную многоуровневую иерархическую структуру (подробнее см.: Дробышева, Журавлев, 2007; Журавлева, Журавлев, 2003; и др.). Активный процесс усвоения личностью общественных ценностей происходит в подростковом возрасте. Изучая проблему взаимосвязи ценностных ориентаций и временной перспективы личности на примере делинквентных подростков, Ж. С. Мамедова выявила взаимосвязь наличия отдаленной временной перспективы, преимущественной

ориентации личности на будущее, положительного эмоциональное отношения к будущему и прошлому со сформированностью иерархии ценностных ориентаций (Мамедова, 2007).

Образ будущего страны в представлениях ее жителей зависит от характеристик социальной идентичности, прежде всего — от готовности граждан отождествлять себя с будущим своей страны. Гражданская идентичность — это осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе (Асмолов, 2007). Гражданская идентичность может иметь разную валентность, быть связанной с разными переживаниями — от гордости до стыда. Коллективный образ будущего в значительной степени определяется уровнем социального доверия, степенью напряженности межгрупповых отношений и значимыми группами сравнения: представляя будущее, мы конструируем отличия своей группы от других. Образ будущего тесно связан с уровнем ксенофобии. Рост социальной напряженности в молодежной среде сопровождается снижением долгосрочной ориентации, негативной оценкой будущего, выраженной ориентацией на прошлое. Об этом убедительно свидетельствуют эмпирические исследования отношения к времени у жителей стран постсоветского пространства в 1990-е годы. Кризис социального доверия и всплеск ксенофобии среди молодежи в России 1990—2000-х годов характеризовался преувеличенно позитивной оценкой прошлого и глубоко пессимистическими, негативно-фаталистическими ожиданиями относительно будущего (Нестик, 2014).

Доверие и недоверие являются фундаментальными установками, которые определяют дальнейшее развитие всех других видов отношений личности к миру, себе и другим (И. В. Антоненко, В. П. Зинченко, А. Б. Купрейченко, Р. Левицки, Д. Мак-Алистер, Т. П. Скрипкина и др.). Существует ряд особенностей, присущих формированию социального доверия в подростковом возрасте: процесс обособления понятия доверия к себе, связанный с активным становлением самосознания в этом возрасте; острая потребность в дружбе, доверии к другу; своеобразие рефлексии подростком отношений доверия со значимыми взрослыми. Кроме того, в подростковый период начинают складываться отношения доверия/недоверия (подробнее см.: Доверие и недоверие в условиях..., 2013; и др.) к государственным институтам. Данные отношения выражаются в оценке подростком возможности доверять или не доверять различным государственным структурам, выражать свое согласие или протест в отношении их деятельности. К наиболее значимым государственным структурам, с которыми подросток имеет непосредственное отношение, можно отнести сферы образования, здравоохранения, правового ре-

гулирования. Следует отметить, что на формирование мнения подростков по данным вопросам оказывают влияние социальные медиа, в том числе целенаправленные информационные кампании в социальных сетях.

С целью выявления взаимосвязи социально-психологических характеристик подростков с характеристиками их представлений о будущем России, нами был проведен опрос среди учеников 10–11 классов московских школ ($N=102$; 42% – юноши, 54% – девушки; от 15 до 17 лет, средний возраст – 16,1). В число гипотез исследования мы включили предположения о том, что оценка будущего России взаимосвязана с оценками прошлого и настоящего страны, а кроме того, связана с ценностными ориентациями личности; на выраженность позитивной или негативной оценки будущего России влияет идентификация личности с россиянами, человечеством, предшествующими и последующими поколениями, а также осознание собственной ответственности за происходящие события и способности на них влиять.

В программу исследования вошли несколько методик. Для выявления оценки, значимости и прогнозируемости ближайшего, среднесрочного и долгосрочного будущего России использовался семантический дифференциал «Временные аттитюды» Ж. Нюттена в модификации Т. А. Нестика. Для измерения социальной идентичности использовались 5-балльные шкалы глобальной идентичности ($\alpha=0,877$; «Я считаю себя гражданином мира»; «Я чувствую себя тесно связанным с другими людьми, живущими на планете») и гражданской идентичности ($\alpha=0,877$; «Я горжусь тем, что являюсь гражданином России»; «Моя судьба тесно связана с будущим России»), а также методика для измерения валентности гражданской идентичности Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко, в которой респондентам предлагается отметить чувства, вызванные принадлежностью к россиянам. Для измерения социальной ответственности использовалась 5-балльная шкала радиуса влияния из опросника Евробарометра (Вахштайн и др., 2017; 4 пункта, например: «Я чувствую себя ответственным за то, что происходит в России»). Для измерения социального доверия использовались шкалы генерализованного доверия, внутригруппового и межгруппового доверия из опросника World Values Survey (Срепаз et al., 2014). Для измерения ценностных ориентаций использовалась методика Е. Б. Фанталовой «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» в модификации Т. В. Дробышевой.

Проведенный нами линейный регрессионный анализ методом обратных шагов ($R=0,580$; $R^2=0,336$; $F=7,5$; $p<0,001$) показал, что пре-

дикторами позитивной оценки будущего России у московских подростков являются идентификация с россиянами ($\beta=0,280$), идентификация с человечеством ($\beta=0,193$), чувство ответственности за то, что происходит в мире ($\beta=0,270$), а также ориентации на ценность активной, деятельной жизни ($\beta=0,218$). Связь этих факторов указывает на то, что оценка будущего России зависит от уровня социализации подростков, а также их уверенности в возможности влиять на свое и коллективное будущее.

При этом на оценку будущего России негативно влияют идентификация с поколением родителей ($\beta=-0,194$) и значимость уверенности в себе, отсутствия сомнений ($\beta=0,246$). Возможно, это объясняется неудовлетворенностью отношениями с представителями старших поколений, а также категоричностью и максимализмом, характерными для подросткового возраста.

Корреляционный анализ отношения подростков к прошлому, настоящему и будущему России показал положительную взаимосвязь негативной оценки настоящего России с негативной оценкой прошлого ($r=0,229$ при $p=0,02$) и будущего России ($r=0,492$ при $p<0,001$). Отрицательная взаимосвязь была выявлена между позитивной оценкой настоящего ($r=-0,492$ при $p<0,001$) и будущего России ($r=-0,345$ при $p<0,001$), а также между оценкой своей способности влиять на настоящее России ($r=-0,327$ при $p<0,001$), ее будущее ($r=-0,445$ при $p<0,001$), и ответственностью за то, что происходит в России ($r=-0,216$ при $p=0,032$).

Данные результаты, на наш взгляд, свидетельствуют о неудовлетворенности подростков, участвовавших в опросе, направлением исторического развития страны, об отсутствии позитивных ожиданий как от настоящего, так и от будущего страны. Отказ принимать на себя ответственность за то, что происходит в стране, сопряжен с осознанием неспособности повлиять на ход событий настоящего и будущего в России. Подобный подростковый пессимизм может быть вызван также высоким уровнем индивидуальной тревожности в подростковом возрасте, низкой самооценкой, недостаточным уровнем социализации в сочетании с завышенным уровнем ожиданий от значимых Других.

Проведенное исследование подтвердило нашу гипотезу о том, что оценка прошлого, настоящего и будущего России связана с ценностными ориентациями личности. Подтверждается также правомерность предположения о взаимосвязи выраженности позитивной или негативной оценки будущего России с идентификацией личности с россиянами, человечеством, предшествующими и последующими поколениями, а также уровнем принятия ответственности.

Литература

- Асмолов А. Г. Как будем жить дальше? Социальные эффекты образовательной политики // Лидеры образования. 2007. № 6. С. 4–10.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Динамика ценностных ориентаций личности младших школьников в условиях экономического образования в школе и семье // Психологические исследования личности и ее ценностного мира в современном российском обществе. Казань, 2007. С. 185–204.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
- Емельянова Т. П., Дробышева Т. В. Характеристики коллективной памяти в контексте социально-психологических особенностей двух поколений // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 5. С. 71–85.
- Журавлева Н. А., Журавлев А. Л. Динамика ценностных ориентаций личности в условиях экономических преобразований // Время как фактор изменений личности. Минск: Изд-во ЕГУ, 2003. С. 66–81.
- Мамедова Ж. С. Взаимосвязь ценностных ориентаций и временной перспективы личности: на примере делинквентных подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Нестик Т. А. Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Нестик Т. А. Жизнеспособность группы как социально-психологический феномен // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 2. С. 29–61. URL: <http://soc-econom-psychology.ru>.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 127–138.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное / Под науч. рук. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.

Future of the russia in representations of Russian teenagers

*V. N. Roldugina**, *T. A. Nestik*** (*Moscow*)

* Applicant, Institute of Psychology of RAS

** Doctor of Psychology, Institute of Psychology of RAS

The article deals with the image of the future in adolescents with different socio-psychological characteristics, assesses the impact on the process of such socio-psychological characteristics, social identity, level of trust, value orientations, notes the relationship between the relationship to the past and the present with the formation of the image of the future, describes the results of empirical research on the relationship of the image of the future of Russia in adolescents with their socio-psychological characteristics.

Keywords: teenagers, image of the future of Russia, social and psychological characteristics, value orientations, identity.

Психологическое благополучие в диаде партнеров с ОВЗ, состоящих в близких отношениях: постановка проблемы

У. Ю. Севастьянова, Н. С. Шипова** (Кострома)*

** кандидат психологических наук, Костромской государственный
университет; e-mail: ulyanakostroma@mail.ru*

*** кандидат психологических наук,
Костромской государственный университет*

В данной статье обозначена перспектива комплексного анализа системы совладающих усилий и психологического благополучия в диаде партнеров, состоящих в близких отношениях. Приведены основные характеристики планируемого исследования, обоснование его актуальности. Также представлены данные первого этапа исследования, а именно изучения проблемы психологического благополучия диад партнеров с типичным развитием, состоящих в близких отношениях. Данный показатель, а также копинг-стратегии партнеров показаны в связи с этапом жизненного цикла семейной системы. Выявлено качественное своеобразие корреляционных связей индивидуального и диадического совладания на разных этапах жизненного цикла семьи. Доказано, что наиболее активен поддерживающий диадический копинг в семьях с детьми дошкольного возраста и семьях подростков.

Ключевые слова: психологическое благополучие, совладающее поведение, диада, близкие отношения.

Постановка проблемы

Важность и субъективная значимость близких отношений определяется их влиянием на эмоциональное благополучие и психологический комфорт личности. В то же время сложность межличностного

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-313-00243.

взаимодействия создает множество предпосылок для возникновения трудных ситуаций и стрессов в отношениях, что может вести к снижению уровня психологического благополучия субъекта и диады в целом. В этой связи нами предпринята попытка рассмотреть исследования психологического благополучия диады. Мы предполагаем, что психологическое благополучие диады подразумевает близость партнеров, доверительное общение и тесное взаимодействие.

Близкие отношения рассматриваются нами как субъективно переживаемые, объективно проявляющиеся (А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов) длительные, избирательные, устойчивые, позитивно окрашенные (В. Н. Куницына) связи между людьми, основанные на приязни (Д. Майерс), потребности взаимодействия, симпатии (А. А. Бодалев) (Смирнова, 2013). Они характеризуются неформальностью, значимостью, интимностью, эмоциональной глубиной, положительными чувствами к партнеру, ожиданием взаимности. Данный вид отношений отличается наличием сознательной готовности партнеров к их построению (А. А. Бодалев), мотивации к их сохранению и продолжению, ощущением партнерами своей ответственности за них (А. Фернхейм, П. Хейвен). Отношения удовлетворяют потребность субъекта в привязанности, поддержке, любви, отличаются сохранением эмоциональной насыщенности даже при отсутствии взаимодействия (А. А. Бодалев).

Специфика отношений в диаде была и остается объектом исследования разных областей знания: философии, психологии, социологии, демографии и др. Такое внимание к сфере близких отношений обусловлено тем значением, которое оно имеет: брачно-семейные и близкие отношения традиционно изучаются как одна из наиболее значимых сфер в функционировании социума. Особую актуальность исследования близких отношений и психологического благополучия субъектов в них приобретают в условиях современного общества, характеризующегося высокой динамичностью происходящих в нем изменений.

На данный момент подробно разработаны и являются методологической базой нашего исследования положения о семье как открытой самоорганизующейся системе (Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, Е. В. Куфтяк, С. А. Хазова, О. Б. Подобина и др.), разрабатываемые в рамках системной семейной терапии, психологические концепции семьи, семейных систем и отношений (в отечественной психологии – Н. Аккерман, А. Я. Варга, Т. М. Мишина, С. Н. Пезешкиан, В. Сатир, А. В. Черников, Э. Г. Эйдемиллер; в зарубежной психологии – Э. Бершид, П. Реган, Г. Келли, С. Л. Мюррей, В. Сатир и др.),

удовлетворенности браком (Ю. Е. Алешина, Т. В. Андреева, Л. Я. Гозман, С. И. Голод, С. В. Ковалев, В. И. Косачева, В. А. Сысенко, А. Ю. Тавит, Дж. Левинджер, А. В. Шавлова и др.).

Целью исследования является комплексный анализ системы со-владающих усилий и психологического благополучия в диаде партнеров, состоящих в близких отношениях.

Для исследования психологического благополучия диады нами будут рассмотрены основные критерии: субъективное благополучие каждого из партнеров, психологический климат в диаде, уровень удовлетворенности партнеров отношениями, стратегии индивидуального и диадического копинга, с помощью применения которых индивидуальный и групповой субъект исследования преодолевает возникающие трудные жизненные ситуации и стрессы, ресурсы совладания. Нами психологическое благополучие в паре рассматривается в комплексе с диадическим копингом, поскольку теоретическое исследование показало тесную связь указанных феноменов и их возможную взаимообусловленность.

Методы исследования

Применяемые методы: Опросник способов совладания OCC (Folkman, Lazarus, 1988, адаптация Крюковой и др., 2004); опросник супружеского копинга (Bowman, 1990, адаптация Куфтяк, 2011); Шкала адаптации и сплоченности (FACES-3) (Д. Х. Олсон, Дж. Портнер и И. Лави; адаптация в 1986 г. М. Перре (Эйдемиллер, Добряков, Никольская, 2003)). В работе применялись математические методы исследования. Математическая обработка статистических данных проводилась при помощи программы Statistica 6.1.

Эмпирическая база

На первом этапе нами было проведено пилотажное исследование, предполагающее анализ психологического благополучия диад на разных этапах жизненного цикла семьи. Основой разделения на группы испытуемых является смена жизненных циклов семьи (Куфтяк, 2010). Выборку составили 4 группы: формирующаяся семья без детей (30 пар, средний возраст – 23 года), молодая семья с ребенком до 3 лет (30 пар, средний возраст – 27 лет), семья ребенка-дошкольника (30 пар, средний возраст – 32 года), семья подростка (30 пар, средний возраст – 38 лет). Мы предполагали, что обнаружится связь психологического благополучия семьи и этапа ее жизненного цикла.

Результаты исследования и их обсуждение

Приведем некоторые результаты исследования. Сравнение групп по уровню семейной сплоченности значимых различий не показало, все исследуемые пары имеют высокий уровень эмоциональной связи. Однако показатели семейной адаптации различаются в исследуемых группах. Молодые семьи без детей демонстрируют наиболее низкий уровень семейной адаптации ($F(3,236) = 242,8; p < 0,0000; M = 22,7; SD = 1,7$), по сравнению с другими группами. Семейная структура в данный период становится более ригидной в своей организации, не способной приспособливаться, изменяться при воздействии на нее стрессоров. У семей дошкольников адаптация возрастает ($M = 29,0; SD = 1,8$). На наш взгляд, это свидетельствует о четко определенных семейных позициях и принятии решений в результате совместного обсуждения.

Далее мы рассмотрели данные структурно-функциональной организации семьи на разных жизненных циклах. Сбалансированные семьи преобладают у групп семей дошкольников и семей подростков, несбалансированные – у семей с ребенком раннего возраста. Это объясняется тем, что семьи, воспитывающие детей до 3 лет, проходят одну из самых важных стадий развития семьи, которая обусловлена фактом появления первого ребенка. Рождение ребенка является кризисным моментом в жизни диады, требующим перестройки всей семейной системы и сложившегося диадного взаимодействия.

Следующим аспектом нашего научного интереса являлись данные об индивидуальном и парном совладании, характерном для диад партнеров.

Уклоняющийся стиль присущ молодым семьям, что связано с нежеланием менять свой привычный образ жизни, с неспособностью к ответственности ($M = 31,8; SD = 5,9$). Стиль позитивного обращения к партнеру менее всего используется этими семьями. Они предпочитают использовать конфликтный стиль ($M = 38,0; SD = 5,8$).

Семьи ребенка-дошкольника и семьи подростка чаще выбирают позитивный стиль обращения к партнеру ($M = 42,8; SD = 6,0; M = 44,2; SD = 5,5$). Диады с большим стажем супружества будут уделять больше внимания партнеру, пытаться решить проблему диалогом. Также данный стиль выбирают и формирующаяся семья, тем самым несколько идеализируя свои отношения в браке ($M = 44,0; SD = 6,5$).

Далее представлены результаты корреляционного анализа между показателями ситуативно-специфических стратегий совладающего поведения в трудных ситуациях и стратегиями супругов при разрешении конфликтных ситуаций в семье. В ходе анализа данных

у группы формирующейся семьи установлена положительная связь между стратегией принятия ответственности и самообвинением ($p < 0,008$, $r = 0,57$). Молодые люди отмечают, что, признавая свою роль в проблеме, пытаясь ее решить, они всегда будут решать ее диалогом с партнером, уделяя ему больше внимания. Также в данной группе нами обнаружено, что существует связь между стратегией «бегство–избегание» и конфронтативным копингом ($r = 0,48$, при $p < 0,03$; $r = 0,46$, при $p < 0,03$); положительная связь стратегий дистанцирования и избегания ($r = 0,56$, при $p < 0,009$). Стремление избежать решения проблемы связано с тем, что супруги, сталкиваясь с трудной жизненной ситуацией, стараются проводить больше времени за иными, не относящимися напрямую к актуальной трудности занятиями.

У группы семей с ребенком раннего возраста выявлена отрицательная связь между стратегией принятия ответственности и самообвинением ($r = -0,47$ при $p < 0,03$), самоконтролем и позитивной переоценкой ($r = -0,56$ при $p < 0,008$). Это явление связано с отсутствием желания менять свой привычный образ жизни, неспособностью к ответственности у партнеров (чаще у мужчин).

У группы семей с ребенком-дошкольником существует отрицательная связь стратегии самоконтроля и уклоняющегося стиля копинг-поведения в супружестве ($r = -0,5$ при $p < 0,03$). Супруги, сталкиваясь с проблемной ситуацией, прилагают усилия по созданию положительного значения, фокусируются на росте собственной личности. Также мы обнаружили положительную связь стратегии принятия ответственности и позитивного стиля ($r = 0,52$ при $p < 0,02$). Можно сказать, что индивидуальное стремление принимать на себя ответственность за сложившуюся трудность связано со стилем совладающего поведения в супружестве.

У семей с подростками обнаружили связь стратегии планирования решения проблемы и позитивного обращения к партнеру ($r = 0,52$ при $p < 0,02$; $r = 0,31$ при $p < 0,01$). Таким образом, для пар с более длительным опытом отношений характерно активное совладание с трудностью как в индивидуальном, так и в групповом плане.

Таким образом, мы видим качественное своеобразие корреляционных связей индивидуального и диадического совладания на разных этапах жизненного цикла семьи.

Выводы

Отношения между партнерами, состоящими в близких отношениях, очень динамичны. Психологическое благополучие связано с жизнен-

ным циклом семьи. В своем исследовании мы выявили, что наиболее активен поддерживающий диадический копинг в семьях с детьми дошкольного возраста и семьях подростков.

Заключение

В данной статье представлены результаты первого этапа проведения исследования. В основном на данный момент собраны и обработаны данные о диадах партнеров с типичным развитием. На следующем этапе исследования планируется осветить вопросы психологического благополучия диады партнеров, имеющих ограниченные возможности здоровья. Мы полагаем это важным для современного общества, поскольку наблюдается расхождение между актуальностью заявленной тематики и степенью ее научной проработанности. В настоящее время изменение отношения к лицам с ОВЗ диктуется на государственном уровне, однако реальные изменения в жизни «особых» людей большей частью остаются в перспективе. Лица, имеющие нарушения в состоянии здоровья, находятся в условиях, кардинально отличающихся от жизни людей с типичным развитием. Им сложнее передвигаться по городу, вступать в социальные взаимодействия, трудоустроиться и, конечно же, найти себе пару для романтических и близких отношений. Мы предполагаем проанализировать влияние ограниченных возможностей здоровья на разные аспекты психологического благополучия диады: на субъективное благополучие партнеров, на их удовлетворенность отношениями, на предпочитаемые стратегии диадического копинга, а также на психологический климат внутри пары.

Данная научная проблема базируется на актуальной и бесспорной необходимости изучения и систематизации знаний по проблематике психологического благополучия (в частности, лиц с ОВЗ). Данная научная проблема является междисциплинарной и лежит в области изучения социальной, специальной, семейной психологии, психологии совладающего поведения.

Таким образом, актуальность научной проблемы обусловлена наличием ярко выраженного научного интереса к исследуемым феноменам, социальным запросом общества на изучение проблем, связанных с качеством жизни, субъективным благополучием и психологическим комфортом, и в то же время недостаточной проработанностью данной тематики. Особо отмечается недостаток научных данных по проблемам пар, в которых хотя бы один из партнеров имеет ограниченные возможности здоровья, как целостного образования, хотя получение достоверных научных данных по этой проблемати-

ке является актуальным и необходимым для оказания консультативной и коррекционной помощи.

Также научное значение работы состоит в изучении психологического благополучия комплексного субъекта – диады партнеров, осложненного наличием ограниченных возможностей здоровья у одного или обоих участников отношений. Полученные результаты помогут более целостно взглянуть на проблему психологического благополучия и перейти от анализа индивидуального субъекта с ограниченными возможностями здоровья к анализу группового. Таким образом, особая значимость работы состоит в выявлении специфики диадического копинга и психологического благополучия диады партнеров с ОВЗ, т. е. получении принципиально новых данных о сфере близких отношений данной группы субъектов.

Практическое применение результатов исследования возможно в рамках психологического консультирования и психологической коррекции. Акцент в работе будет сделан на выявлении ресурсов, способствующих успешному совладанию, сохранению психоэмоционального благополучия субъекта и диады в целом, что сделает возможным создание программ психологической помощи и сопровождения лиц с ОВЗ. Результаты исследования будут интересны для психологической и консультационной работы. Также полученные теоретические и эмпирические данные могут быть использованы при разработке учебных курсов и практикумов по психологии личности, социальной психологии, семейной психологии, специальной психологии и психологии совладающего поведения.

В свете представленной проблематики является целесообразным дальнейшая разработка теоретических вопросов и проведение эмпирических исследований, связанных с феноменом психологического благополучия диад с ОВЗ.

Литература

- Крюкова Т. Л., Сапоровская М. В., Куфтяк Е. В.* Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними. СПб.: Речь, 2005.
- Куфтяк Е. В.* Психология семейного совладания: монография. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010.
- Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 1996.
- Смирнова Н. С.* Динамические аспекты близких (романтических) отношений и совладающего поведения партнеров / Н. С. Смирнова, О. А. Екимчик, Т. П. Григорова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Сер. «Психология. Педагогика. Социальная работа. Юве-

нология. Социокинетика». Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. Т. 19. № 3. С. 144–155.

Фернхем А., Хейвен П. Личность и социальное поведение. СПб.: Питер, 2001.

Psychological well-being in the diad of partners with disabilities in the close relationships: the problem statement

U. Yu. Sevastyanova, N. S. Shipova (Kostroma)

* Candidate of Psychological Sciences, Kostroma State University

** Candidate of Psychological Sciences, Kostroma State University

This article outlines the perspective of a comprehensive analysis of the system of coping efforts and psychological well-being in the dyad of partners in close relationships. The main characteristics of the planned research, justification of its relevance are given. Also authors presented data from the first stage of the study: the study of the problem of the psychological well-being of dyads partner in the close relationships. Well-being and coping strategies of partners are shown in connection with the stage of the life cycle of the family system. The qualitative originality of the correlation between individual and dyadic coping at different stages of the family life cycle is revealed. It is proved that supporting dyadic coping in families with children of preschool age and families of teenagers is most active.

Keywords: psychological well-being, coping behavior, dyad, close relationships.

Социокультурная модернизация образования и установки толерантности в российском обществе

Т. П. Скрипкина (Москва)

*доктор психологических наук, профессор РГГУ, ФИРО;
e-mail: skripkinaurao@mail.ru*

В статье изложены основные положения и подходы к социокультурной модернизации общества через модернизацию образования. Описаны результаты проводимого в течение ряда лет мониторинга, посвященного изучению установок социального и межличностного доверия, толерантности и ксенофобии в разных возрастно-социальных группах российского общества. Показано, что самые высокие показатели индексов толерантности и доверия, а также низкие показатели ксенофобии свойственны лицам разного возраста с высшим образованием, а наиболее низкие показатели доверия, толерантности и высокие показатели ксенофобии показали лица всех возрастов со средним образованием и старшие школьники.

Ключевые слова: модернизация общества, модернизация образования, толерантность, доверие, ксенофобия.

В последние годы стратегии социокультурной модернизации образования как института социализации, выполняющего ключевую роль в целенаправленном формировании ценностных ориентаций, норм, установок и стереотипов поведения населения России выступает в качестве долгосрочного проекта социально-экономического развития страны, в том числе федеральной программы развития образования. Модернизация концептуализирована как онтологически и гносеологически сложный процесс, охватывающий разные слои реальности.

Анализ методологических предпосылок социокультурной модернизации системы образования и общества, показал, что в сис-

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 16018-10434.

теме образования (в том числе и российского) в настоящее время в разной мере представлены несколько трендов модернизации образования: организационно-экономическая модернизация. Иногда также называемая технократической (Асмолов и др., 1997; Цирульников, 2007), социокультурная модернизация (Асмолов, 2008, 2015а; Цирульников, 2012) и представленная в последние годы зарубежными учеными (в период с 2013 г.) так называемая ремейковая модернизация образования (Крейк, 2007; Сэдживик, 2014).

За всеми этими трендами просматривается установка, в соответствии с которой образование принимается как потенциальный источник тех или иных изменений общественной жизни. Таким образом, образовательная политика выступает важнейшим агентом модернизации общества. Для подтверждения данного тезиса сошлемся на материалы доклада, подготовленного специальной комиссией ЮНЕСКО еще в 1996 г., который назывался «Образование: сокровище» (Образование..., 1996). В докладе, в частности, говорится, что «безудержный экономический рост не может рассматриваться как единственный путь, позволяющий примирить материальный прогресс и равенство, уважение прав человека и природные ресурсы, которые мы должны передать в надлежащем состоянии будущим поколениям... напряженность возникает и приводит к взрыву как в отношениях между народами, так и между этническими группами, либо в связи с недовольством, вызванным экономическим и социальным неравенством» (там же, с. 2).

Важно, что в докладе также обозначено четыре основных принципа образования: научиться жить вместе, научиться приобретать знания, научиться работать и научиться жить, что означает «не оставлять не востребованным ни один из талантов, которые, как сокровища, спрятаны в каждом человеке» (там же, с. 8). По мнению авторов доклада, образование имеет две цели: обеспечение качества и равенства образования.

Таким образом, особая социальная ответственность ложится на образование, посредством которого конструируется определенная картина мира у подрастающего поколения. Наиболее явно эта ценностная установка передается эпитафией: «Изменим образование, чтобы изменить мир». Чаще всего подобной установке неосознанно приписывается позитивный смысл, вера в образование как социальный инструмент конструирования будущего.

Методологической основой социокультурного варианта модернизации выступают историко-эволюционный и культурно-аналитический подходы. С обозначенных методологических позиций система образования рассматривается в качестве потенциального источни-

ка социальных изменений и возможной трансформации общества. При этом конструкт «социокультурная модернизация» введен в контекст междисциплинарных подходов к социальным изменениям. Позитивная социализация подрастающих поколений трактуется как социокультурное средство преодоления кризисов, сопутствующих трансформации общества при вступлении в современность.

Под позитивной социализацией современных детей и подростков понимаются психологические качества и установки, позволяющие продуктивно жить и действовать в транзитивном и разнообразном мире. Позитивная социализация предполагает поддерживающую социокультурную и доброжелательную семейную среду, а также опору на традиции культуры и гуманистические практики.

Истоки взглядов на образование как потенциальный ресурс развития общества наряду с другими институтами социализации (семья, СМИ, религия) восходят к идеям научной школы культурно-деятельностной психологии Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурия, а также к такому близкому по духу этой школе постмодернистскому направлению методологии, как социальный конструкционизм (Бергер, Лукман, 1995; Джерджен, 2003).

Данная работа позволяет подойти к осмыслению того, при каких условиях образование может выступить как потенциальный ресурс изменений идентичности, менталитета и образов жизни различных социальных групп, особенно в сложных социально-экономических ситуациях развития в разных регионах страны.

В течение ряда лет нами проводился мониторинг изучения уровня социальной напряженности, социального доверия, толерантности и ксенофобии в 17 больших русских городах, расположенных в разных регионах страны и столицах Северо-Кавказских республик.

Всего в опросе приняли участие люди различных возрастных и социальных групп. Все респонденты в количестве 1968 чел., принявшие участие в опросе, были разделены на группы по возрастному и образовательному цензу. Мониторинг проводился при помощи опросника, разработанного Г. У. Солдатовой.

Опросник позволял просчитать обобщенные индексы доверия (шкала «социальное доверие» и шкала «межличностное доверие») индексы толерантности (шкала «этническая толерантность», шкала «социальная толерантность», шкала «толерантность как черта личности») и индексы ксенофобии (шкала «ксенофобия по отношению к стигматизированным чужим», шкала «ксенофобия по отношению к незнакомым») в разных возрастных и социальных группах российского общества.

Вся выборка была поделена на следующие социально-возрастные группы: старшекласники, студенты, респонденты до 40 лет с высшим образованием, респонденты после 40 лет без высшего образования, респонденты после 40 лет с высшим образованием и респонденты после 40 лет без высшего образования.

Анализ результатов по индексам показал следующие основные результаты.

Первый показатель — *доверие*. Как показали результаты, хуже всего обобщенное доверие выражено у студентов и школьников, а также у лиц после 40-летнего возраста со средним образованием, а затем у лиц до 40 лет также со средним образованием. Лица с высшим образованием, как молодые, так и те, кому за 40 лет, склонны в большей мере проявлять доверие. При этом из взрослых слоев населения самый высокий уровень обобщенного доверия у лиц с высшим образованием после 40 лет.

Примечательно, что самый низкий уровень межличностного доверия наблюдается у школьников. Затем идут лица со средним образованием, причем показатели обеих возрастных выборок примерно совпадают. А самый высокий уровень межличностного доверия обнаруживается у лиц с высшим образованием старше 40-летнего возраста, который на статистически значимом уровне выше, чем у всех остальных групп населения.

Толерантность. Результаты показали, что самый низкий уровень общей толерантности проявился у лиц со средним образованием старше 40-летнего возраста и у школьников. Затем идут лица со средним образованием до 40 лет.

Самый высокий уровень общей толерантности у лиц с высшим образованием после 40-летнего возраста. Отметим, что для обеих выборок населения с высшим образованием характерен высокий уровень общей толерантности. Достаточно высокий уровень общей толерантности демонстрируют и студенты.

Уровень этнической толерантности также совпадает с уровнем образования населения. Самый высокий уровень этнической толерантности (на статистически значимом уровне выше, чем у всех остальных групп населения) обнаруживается у взрослого населения после 40 лет, имеющего высшее образование, затем по уровню выраженности этнической толерантности идут лица с высшим образованием до 40-летнего возраста. Значительно более низкий уровень этнической толерантности обнаруживается у лиц со средним образованием, независимо от возраста.

В молодежной выборке этническая толерантность у студентов значимо выше, чем у школьников. При этом у студентов этническая

толерантность выше, чем у обеих групп лиц со средним образованием. Самое примечательное заключается в том, что самый низкий уровень этнической толерантности населения наблюдается у российских школьников. Причем, судя по размаху, данные, демонстрируемые школьниками, достаточно однородны во всех регионах страны, принявших участие в опросе.

Самый низкий уровень социальной толерантности обнаруживается у самой уязвленной, чувствующей себя неуверенно группы населения – у лиц после 40 лет со средним образованием. При этом уровень социальной толерантности этой группы населения значительно ниже, чем у остальных, принявших участие в опросе. Низкий уровень социальной толерантности проявляют также лица со средним образованием в возрасте до 40 лет. Низкий уровень социальной толерантности обнаруживается также у школьников, хотя он все же несколько выше, чем у обеих возрастных групп со средним образованием. Самый высокий уровень социальной толерантности обнаруживается у студентов, а также у лиц, имеющих высшее образование.

Как известно, толерантность является социальным качеством личности, которое формируется на протяжении жизни и зависит от уровня образования и культуры. Толерантность как черта характера более всего свойственна лицам любого возраста с высшим образованием.

Самая низкая выраженность толерантности как черты характера у взрослой выборки обнаруживается у лиц со средним образованием после 40-летнего возраста. Самый низкий уровень выраженности толерантности как черты характера имеет место у школьников.

Ксенофобные установки более всего выражены у населения после 40-летнего возраста со средним образованием. Таким образом, поскольку эта категория населения чувствует себя самой ущемленной, неуверенной в завтрашнем дне, она, как следствие, является самой озлобленной.

На втором месте по уровню выраженности ксенофобии во взрослой выборке находятся также лица со средним образованием, но до 40 лет. Примерно на том же уровне развития ксенофобных установок, что и группа до 40 лет со средним образованием, находятся школьники. Другими словами, это означает, что у школьников уровень развития ксенофобных установок является достаточно высоким. А уже у студентов он выражен значительно ниже (на статистически значимом уровне). Среди взрослой выборки населения менее всего ксенофобные установки выражены у взрослого населения с высшим образованием.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать некоторые обобщения. Во-первых, самой уязвимой и неуверенной частью общества являются лица всех возрастов, не имеющие высшего образования. Таким образом, напрашивается вывод о том, что именно образование является важнейшим гарантом, позволяющим обществу иметь высокий уровень социального и межличностного доверия и толерантности. Самой толерантной частью общества при этом остаются люди с высшим образованием старше 40–50 лет, получившие образование еще при социализме. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что Российская Федерация имеет уникальный опыт строительства межнациональных и межэтнических отношений, который необходимо изучать и обобщать.

Как показал анализ результатов, старшие школьники, выросшие в иных социокультурных условиях, имеют высокий уровень ксенофобии и низкий уровень социального и межличностного доверия, а также низкий уровень толерантности, особенно по этническому и межконфессиональному признаку, о чем, собственно, и свидетельствует распространившийся в последнее время в образовательной практике буллинг, связанный с необъяснимой жесткостью и агрессией. Последнее обобщение вызывает особую тревогу, которая связана с тем, что уже выросло поколение молодежи, имеющей высокий уровень ксенофобии по национальному и межконфессиональному признакам, а также низкий уровень толерантности по всем показателям. И последнее, у данной молодежной группы, несмотря на все привычные возрастные особенности, связанные с тем, что старший школьный возраст — это возраст особой межличностной близости и интимности, низко развито межличностное доверие.

Совершенно очевидно, что преодолеть описанные негативные явления не получится быстро, однако, как показывает мировой опыт, преодолеть их можно лишь посредством конструирования позитивной социализации, позволяющей «вырастить в душе» каждого подрастающего человека позитивные установки на любого другого, каким бы он ни был.

Литература

- Асмолов А. Г.* Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение, 2012.
- Асмолов А. Г.* Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построения гражданского общества // Вопросы образования. 2008. № 1. С. 65–86.

- Асмолов А. Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 1. URL: <http://psystudy.ru>.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
- Джерджен К. Дж.* Социальный конструкционизм: знание и практика. Мн.: БГУ, 2003.
- Крейк Дж.* Краткая история униформы (Форма напказ: от традиционализма к вызову). М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Образование: сокрытое сокровище (Learning: The Treasure Within). URL: <http://www.ifap.ru/library/book201.pdf>.
- Сэдэвик М.* Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Солдатова Г. У., Филлиева Е. В.* Толерантность, социальное доверие и ксенофобия: определяющие факторы и группы риска // Тетради Международного университета в Москве. 2006. № 6. С. 154–176.

Socio-cultural modernization of education and tolerance in the russian society

T. P. Skripkina (Moscow)

Doctor of Psychology, Professor, RSHU, FIRO

The article describes the main provisions and approaches to the socio-cultural modernization of society through the modernization of education. The article describes the results of monitoring conducted over a number of years devoted to the study of attitudes of social and interpersonal trust, tolerance and xenophobia in different age and social groups of the Russian society. It is shown that the highest indices of tolerance and trust, as well as the lowest indices of xenophobia, are characteristic of persons of different age with higher education, and the lowest indices of trust, tolerance and high indices of xenophobia were shown by persons of all ages with secondary education and senior pupils.

Keywords: modernization of society, modernization of education, tolerance, trust, xenophobia.

Социально-психологические предикторы глобальной идентификации

Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик** (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО,
МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: soldatova.galina@gmail.com*

*** доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: nestik@gmail.com*

Приводятся результаты эмпирических исследований глобальной, гражданской и этнической идентификации, проведенных среди россиян (N=454; N=547; N=142). Детерминантами глобальной идентичности личности являются гражданская и религиозная идентификация, озабоченность глобальными рисками, уровень внутригруппового и аутгруппового доверия, позитивное отношение к своему прошлому, убеждение личности в способности влиять на свое будущее, связь с природой. Показано, что этническая и глобальная идентичности не противоречат друг другу. Предикторами глобальной идентичности является высокая выраженность позитивной (нормальной) этнической идентичности, низкая выраженность этноиндифферентности и этноэгоизма. Предложены основания для выделения типов глобальной идентичности. Намечены перспективные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: глобальная идентичность, этническая идентичность, гражданская идентичность, глобальные риски, социальное доверие, позитивные убеждения в отношении мира, связь с природой.

В условиях неопределенности осознание происходящих в мире технологических, экономических, социально-политических и экологических изменений (подробнее см.: Новое в науках о человеке, 2015; Психологические исследования глобальных процессов..., 2018; и др.)

Исследование выполняется по гранту РНФ № 18-18-00439 «Психология человека в условиях глобальных рисков».

требует сегодня от личности способности к отождествлению себя не только со своей семьей, профессиональным сообществом, этническими группами, регионом и страной, но и с общностью более высокого порядка — человечеством в целом. В эпоху растущих глобальных финансовых, экологических и ядерных рисков способность человека к идентификации одновременно со своей родиной и человечеством в целом становится своего рода императивом, от которого зависит выживание человеческого рода (Журавлев и др., 2016; Нестик, Журавлев, 2018). Несмотря на значимость феномена глобальной идентичности для понимания процессов глобализации и глокализации (Федотова, 2012), его эмпирическое изучение в социальной психологии пока представлено относительно небольшим числом работ.

Как показал опрос, проведенный в декабре 2015—апреле 2016 г. агентством GlobeScan по заказу ВВС США, число жителей земного шара, считающих себя гражданами мира, растет (Grimley, 2016). Исследование, в ходе которого было опрошено 20 тыс. чел. в 18 странах, впервые показало перевес глобальной идентификации (51% опрошенных) над национальной (43%). Рост числа «граждан мира» происходит в основном за счет развивающихся стран: так, в Нигерии 73% респондентов согласились с утверждением «Я считаю себя больше гражданином мира, чем гражданином своей страны» (на 13% больше, чем в 2015 г.), в Китае — 71% (прирост на 14%), в Перу — 70% (прирост на 27%), а в Индии — 67% (прирост на 13%). Наоборот, число «граждан мира» в развитых странах сокращается. В Канаде гражданами мира себя считают 54% опрошенных, в Великобритании — 47%, в США — 43%, а в Германии — лишь 30%. В России число «граждан мира» составило 24%. Данные по 14 странам, в которых такой опрос проводится регулярно с 2001 по 2016 г., показывают, что рост глобальной идентификации в развивающихся странах и ее снижение в развитых — устойчивые тенденции последних 6 лет. По-видимому, это может быть связано с двумя основными факторами. В развивающихся странах глобальная идентификация может опираться на растущую включенность в мировую экономику, доступ к информационным ресурсам и мобильность населения. В индустриально развитых странах рост националистических настроений и ослабление глобальной идентификации могут объясняться увеличением потока мигрантов из стран третьего мира и обострением внутренних экономических проблем.

С социально-психологической точки зрения, важно учитывать расхождения между когнитивной и эмоциональной составляющими глобальной идентичности. Наше представление о себе как части человечества и эмоциональная значимость этого факта — далеко не од-

но и то же (Reese et al., 2015). Участникам опроса Globe Scan задавали вопрос о том, какое основание их самоидентификации для них наиболее важно: национальное гражданство, мировое гражданство, локальное сообщество, религия, расовая или культурная принадлежность. Оказалось, что принадлежность к человечеству наиболее значимым основанием для самоидентификации считают лишь 17% всей выборки (Global citizenship..., 2016). Наиболее высоким этот показатель был в Испании (54%), Франции и Австралии (по 31%); наиболее низким он оказался в Индии (6%), России (4%) и Пакистане (2%). Можно предположить, что эмоциональная компонента глобальной идентичности будет существенно меняться по мере того, как жители земного шара будут все больше и больше чувствовать последствия глобальных климатических изменений. Эти изменения будут носить разнонаправленный характер в зависимости от того, какие функции при совладании с глобальными угрозами будут выполнять другие основания социальной идентификации – этническая, религиозная и гражданская.

К настоящему времени предложено несколько *методик* для измерения глобальной идентичности (Нестик, 2017; Buchan et al., 2011; Der-Karabetian, Ruiz, 1997; Hackett et al., 2015; McFarland, Hornsby, 2015; Reese et al., 2014; Reysen, Katzarska-Miller, 2013). Выявлена связь глобальной идентичности с рядом личностных характеристик (низкий авторитаризм правого толка, низкий этноцентризм, высокая кросс-культурная компетентность, низкая ориентация на доминирование в межличностных отношениях, высокая открытость к новому, доброжелательность, невротизм и др.). Вместе с тем до сих пор не решен вопрос о том, как формирование глобальной идентичности связано с другими социально-психологическими характеристиками, другими компонентами социальной идентичности личности, особенностями социализации, коллективной памятью и представлениями о будущем.

Среди ключевых механизмов формирования глобальной идентичности можно выделить конструирование коллективной памяти и коллективного образа будущего (в том числе под влиянием глобальных медиа), формирование кросс-культурной компетентности и участие в деятельности глобальных интернет-сообществ, групповую рефлексию, а также механизмы защиты позитивной идентичности. С целью изучения *социально-психологических детерминант* глобальной идентификации были проведены три эмпирических исследования.

Участниками первого исследования стали студенты психологических факультетов московских вузов (N=454; 73,6% – женщины,

26,4% – мужчины; средний возраст – 23,1 года). Программа исследования включала «Стенфордский опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо (ZTPI), «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна, опросник «Социальные аксиомы» Д. Бонда и К. Леонга (SAS), Шкалу базового доверия Л. Хаффа и Л. Келли, методику «Базовые представления личности» Р. Янов-Бульман (WAS). Для измерения озабоченности глобальными рисками использовалась шкала, основанная на перечне 29 глобальных рисков из ежегодного «Отчета о глобальных рисках» Всемирного экономического форума, тревогу в отношении которых предлагалось измерить по 5-балльной шкале Лайкерта (N=678; $\alpha=0,926$, M=3,27; SD=0,707). Анкета предлагалась респондентам в сокращенной и полной версиях, поэтому по некоторым шкалам число опрошенных варьировало от 177 до 454.

Для измерения силы идентификации с человечеством нами была использована методика «Идентификация с человечеством» (IWAN) С. Макфарленда (N=358; α Кронбаха 0,884; M =2,75; SD=0,784), «Глобальная идентичность» (GI) А. Дер-Караетяна и И. Руиз (N=325; α Кронбаха 0,773; M=3,05; SD=0,999) и «Глобальная социальная идентификация» (GSI) Дж. Риза (N=203; α Кронбаха 0,900; M=2,5; SD=0,969).

Линейный регрессионный анализ методом обратных шагов позволил выделить предикторы глобальной идентичности, измеренной по шкалам IWAN ($R=0,539$; $R^2=0,290$; $F=13,97$ при $p\leq 0,001$), GSI ($R=0,539$; $R^2=0,290$; $F=13,97$ при $p\leq 0,001$) GI ($R=0,405$; $R^2=0,164$; $F=8,43$ при $p\leq 0,001$). Глобальная идентичность прямо связана с позитивными базовыми убеждениями личности (убеждение в доброте людей, в неслучайности происходящего в мире), озабоченностью глобальными рисками, религиозностью, убеждением в способности определять свою судьбу, а также ориентацией на гедонистическое настоящее, предполагающей общение с друзьями. Также была выявлена отрицательная связь глобальной идентичности с позитивным прошлым. Полученные нами данные указывают на то, что переживание человеком своей принадлежности к человечеству тесно связано с базовым доверием к людям, оценкой осмысленности своей жизни.

Для измерения характеристик социальной идентичности, которые могут влиять на готовность отождествлять себя с человечеством, нами была использована методика «Структура идентичности» Н. Дадрих: респондентам предлагалось оценить, насколько часто в своей обычной жизни они чувствуют общность своих интересов и взглядов с различными категориями людей. Регрессионный анализ методом обратных шагов ($R=0,699$; $R^2=0,489$; $F=25,42$ при $p\leq 0,001$) показал,

что готовность отождествлять себя с человечеством определяется в первую очередь гражданской, культурной (россияне, европейцы), а также религиозной идентичностью. Этническая идентификация, наоборот, ослабляет глобальную идентичность. При этом глобальная идентичность, а также отождествление себя с друзьями, являются предикторами убеждения в благосклонности мира ($R=0,432$; $R^2=0,186$; $F=6,46$ при $p \leq 0,001$; $b=0,200$ и $b=0,207$), тогда как убеждение в собственной ценности и способности контролировать события определяется отождествлением себя с семьей, коллегами, европейцами, а также негативно связано с этнической идентичностью ($R=0,495$; $R^2=0,245$; $F=6,77$ при $p \leq 0,001$; соответственно, $\beta=0,358$, $\beta=0,208$, $\beta=0,219$, а также $\beta=-0,213$).

Участниками второго исследования стали 547 студентов вузов четырех городов: Москвы ($N=114$; 39% – мужчины; 61% – женщины; средний возраст – 26 лет), Симферополя ($N=206$; 22% – мужчины; 78% – женщины; средний возраст – 22 года), Норильска ($N=126$; 40% – мужчины; 60% – женщины; средний возраст – 19,7 года) и Архангельска ($N=101$; 25% – мужчины; 75% – женщины; средний возраст – 21 год). В инструментарий исследования вошел авторский опросник «Отношение к глобальным рискам», позволяющий измерить ценностно-мотивационные, аффективные, когнитивные и поведенческие компоненты отношения к глобальным угрозам. Среди инструментов исследования использовались «Шкала связи с природой» Ф. Мейера и К. Франца в адаптации К. А. Чистопольской, шкала социального доверия из опросника World Values Survey, а также краткий пятифакторный опросник черт личности TIPI-R Дж. Гослинга. Подтвердилась выдвинутая нами гипотеза о связи глобальной идентичности и отождествления себя человеком с природным миром планеты. Результаты линейного регрессионного анализа ($R=0,610$; $R^2=0,372$; $F=47,22$ при $p < 0,001$) показывают, что предикторами глобальной идентичности являются чувство связи с природой ($\beta=0,250$), тревогой по поводу будущего ($\beta=0,111$), идентификация с Россией ($\beta=0,102$), экстраверсия ($\beta=0,190$), ингрупповое ($\beta=0,206$) и аутгрупповое доверие ($\beta=0,212$). Обнаружена обратная связь между глобальной идентификацией и тревогой по поводу возможных негативных последствий развития новых технологий ($\beta=-0,135$). Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что, в зависимости от характера глобальных угроз, их осознание может приводить как к усилению, так и к ослаблению значимости принадлежности к человечеству.

В третьем исследовании ($N=142$, мужчины – 25%, женщины – 75%, средний возраст – 22,2; от 17 до 31 года), использовались шкала

«Идентификация с человечеством» (IWAH) и методика «Типы глобальной идентичности» Г. У. Солдатовой (Солдатова, 1998). Результаты линейного регрессионного анализа ($R=0,410$; $R^2=0,168$; $F=6,065$, при $p=0,001$) показали, что глобальная идентичность прямо связана с выраженностью позитивной этнической идентичности ($\beta=0,257$), а также негативно связана с этноэгоизмом ($\beta=-0,210$) и этнической индифферентностью ($\beta=-0,202$).

Таким образом, глобальная идентификация связана с позитивными установками личности в отношении окружающего мира, является одним из механизмов конструктивного совладания с изменениями и неопределенностью. Глобальная идентификация не противоречит патриотизму: переживание личностью своей принадлежности к россиянам и гордость за свою страну являются предикторами готовности отождествлять себя с человечеством.

В заключение хотелось бы отметить четыре *перспективных направления* социально-психологических исследований глобальной идентификации, которые становятся все более актуальными в связи с обострением глобальных рисков.

Во-первых, необходимы дальнейшие исследования для выявления компонентов глобальной идентичности и разработки ее типологии. Необходимо уточнение аффективного, когнитивного и поведенческого компонентов глобальной идентичности. Среди аффективных компонентов особого внимания заслуживает чувство сострадания личности в отношении других людей, живущих в других странах.

Можно предположить, что существуют разные типы глобальной идентичности, которые могут иметь разные источники формирования, быть по-разному связанными с чувствами в отношении своей Родины, выполнять разные психологические функции. Основанием для отождествления себя с человечеством могут служить профессиональные, религиозные и политические ценности. Например, можно выделить интеллектуальный тип, характерный для части научного сообщества, идентифицирующих себя не только с россиянами, но и с человечеством в целом — через принадлежность к глобальной науке. Можно говорить о существовании религиозного типа глобальной идентичности, основанного на представлениях о судьбе человечества в мировых религиях. Примерами политического типа могут служить глобальные сетевые сообщества, отстаивающие права человека, а также «зеленые» движения, защищающие природу Земли. Кроме того, основанием для типологии глобальной идентичности может быть ее связь с отношением личности к Родине и к своей этнической группе. С этой точки зрения, можно выделить «потребительский» тип (идентификация с человечеством сопровождается

обесцениванием принадлежности к гражданам определенного государства и национальности), «патриотический» тип (забота о планете и будущих поколениях людей опирается на чувство гордости за свою страну, высокую оценку ее вклада в историю человечества), «националистический» тип (отождествление себя с человечеством при убеждении в избранности, уникальности или даже лидирующей роли своего народа в будущем человеческого рода). Наконец, возможным критерием для выделения типов глобальной идентичности могут быть характеристики ее когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов. С когнитивной позиции, можно выделить ретроспективную глобальную идентичность, опирающуюся на представления об эволюционно-генетической общности людей на планете, или проспективную идентичность, опирающуюся на представления об общности будущего человечества — от оптимистических картин космической экспансии до апокалиптических образов гибели человеческого рода. С аффективной позиции, можно выделить позитивную глобальную идентичность, амбивалентную и негативную, — в последнем случае принадлежность к человечеству может вызывать стыд и даже отвращение (вспомним об экологических террористах, готовых уничтожить человечество ради будущего Земли). С позиции поведения, можно выделить такие крайние варианты, как «латентная» глобальная идентификация (признание общечеловеческих ценностей в межличностном взаимодействии) и «алармистская» (участие в антивоенных демонстрациях и митингах от имени человечества).

Наконец, открытым остается вопрос о том, можно ли формировать глобальную идентификацию целенаправленно? На наш взгляд, путь к развитию глобальной идентичности лежит не через размытие гражданской идентичности, а, напротив, через ее укрепление. Мир вступил в очередной период обострения международных отношений, ослабления ООН и борьбы геополитических блоков стран. В отдаленной перспективе «маятник» снова качнется в сторону глобальной интеграции, возможно, вынужденной, а не добровольной. Но если человечество не уничтожит себя в ближайшие десятилетия, международное сотрудничество в области предотвращения глобальных рисков будет зависеть не только от позиции национальных элит, но и от поддержки этих усилий большинством избирателей. Эта поддержка может опираться на разные типы патриотизма: для одних это вызывающий гордость россицентрический мировой проект, для других — забота о будущем своей малой Родины, которое зависит от международных договоренностей. Парадокс сложившейся общественно-политической ситуации состо-

ит в том, что чувствительность к глобальным проблемам прямо зависит от преобразующего, деятельного гражданского патриотизма, готовности взять на себя ответственность за будущее своей страны и тем самым — будущее своих потомков.

Очевидно, что для развития глобальной идентификации через патриотизм практические усилия должны быть направлены на поддержку долгосрочной временной перспективы, углубление знаний об эволюции жизни на Земле, отечественной и мировой истории, глобальных угрозах для человечества, осознание того, какие из этих угроз (и как именно) сказываются на «малой Родине». Но основное внимание должно быть уделено развитию способности сопереживать другим людям — не только «ближним», но и «дальним», — а также поддержке уверенности россиян в своей способности влиять на коллективное будущее.

Литература

- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Нестик Т. А.* Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 4. С. 145–185.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 127–138.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
- Федотова Н. Н.* Формируется ли глобальная идентичность: методологические размышления // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 8–14.
- Buchan N. R., Brewer M. B., Grimalda G., Wilson R. K., Fatas E., Foddy M.* Global social identity and global cooperation // Psychological Science. 2011. V. 22. P. 821–828.
- Der-Karabetian A., Ruiz Y.* Affective bicultural and global-human identity scales for Mexican-American adolescents // Psychological Reports. 1997. V. 80. P. 1027–1039.

- Grimley N.* Identity 2016: 'Global citizenship' rising, poll suggests // BBC World. 28 April 2016. URL: <http://www.bbc.com/news/world-36139904> (дата обращения: 20.09.2017).
- McFarland S., Hornsby W.* An Analysis of Five Measures of Global Human Citizenship // European Journal of Social Psychology. 2015. V. 45. P. 806–817.
- Reese G., Proch J., Finn C.* Identification with all humanity: The role of self-investment and self-definition // European Journal of Social Psychology. 2015. V. 45. P. 426–440.
- Reysen S., Katzarska-Miller I.* A model of global citizenship: Antecedents and outcomes // International Journal of Psychology. 2013. V. 48. P. 858–870.

Sociopsychological predictors of global identification

*G. U. Soldatova**, *T. A. Nestik*** (Moscow)

* Doctor of Psychology, Professor, Corresponding Member of the RAO, Lomonosov Moscow State University

** Doctor of Psychology, Institute of Psychology of RAS

The results of empirical studies of global identity among Russian adults (N=454; N=547; N=142) are presented. Among the predictors of the person's global identity are positive (normal) ethnic identification, civil and religious identification, concern about global risks, ingroup and outgroup trust, positive assumptions about the world, positive attitudes toward personal past, belief about possibility to determine personal future, extraversion, connectedness to nature. The global identity is negatively related with ethnoegoism, ethnic indifference, and concern about unpredicted negative consequences of new technologies development. The criteria for identifying several global identity types are discussed. The directions of further research are proposed.

Keywords: global identity, civil identity, ethnic identity, patriotism, global risks, social trust, extraversion, positive world assumptions, connectedness to nature.

Субъектность больших социальных групп в условиях глобализации: постановка проблемы на примере исследования сетевых сообществ

В. А. Соснин, Ю. В. Ковалева** (Москва)*

** кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: sosnintrus@rambler.ru*

*** кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: julkov@inbox.ru*

Рассматриваются проблемы глобализации как одной из ведущих тенденций мирового развития, которая обеспечивается разработкой новых технологий — основой возникновения современного цифрового общества. Социальные взаимодействия в таком обществе переносятся в виртуальное пространство и приобретают сетевой характер. Предполагается, что сетевые сообщества представляют собой социальные группы, в том числе большие, обладающие специфической формой субъектности, которая выражается в особенностях коммуникационной активности их членов. Обосновывается фундаментальная и прикладная значимость изучения субъектности сетевых сообществ как больших социальных групп.

Ключевые слова: глобализация, Интернет, цифровое общество, сетевые сообщества, субъект, субъектность, коллективный субъект, большие социальные группы, коммуникация.

Анализ социально-психологических аспектов процессов глобализации и проблемы субъектности больших социальных групп позволяет обозначить актуальность *глобальной психологии* как нового направления психологической науки, акцентирующей свое внимание на психологических причинах, механизмах функционирования и развития, а также последствиях глобальных явлений современности.

Работа выполнена в соответствии с Госзаданием ФАНО РФ № 0159-2018-0005.

менного мира (Социально психологическая оценка рисков..., 2017). Развитие этого направления согласуется с идеей А. В. Брушлинского, что «фактически субъектом может быть общность любого масштаба, включая все человечество» (цит. по: Журавлев, 2002, с. 52).

Рассматривая *глобализацию* как ведущую тенденцию современного мирового развития, некоторые специалисты отмечают в ней преимущественно позитивные стороны. Так, отмечается, что в настоящий период происходит возникновение *единой мировой цивилизации*, зарождение которой начиналось в технологических границах западного мира, но сегодня она существенно обогащается духовно, благодаря общему вкладу всех исторических субъектов. Другие исследователи более осторожны в своих оценках или даже негативно оценивают глобализационные процессы. Их опасения связаны с предполагаемой возможностью превращения *культурного многообразия* современной цивилизации в унифицированную «серую казарму „макдональдсов“, дешевых сникерсов, джинсов, компьютерных игр и оболванивающих телевизионных сериалов» (Арсентьева, 2008). Об опасности такой унификации предупреждал еще Н. Я. Данилевский, который остерегал человечество от утверждения на Земле одного культурно-исторического типа, поскольку господство одной цивилизации, одной культуры может лишить человеческий род разнообразия, которое является необходимым условием совершенствования и развития цивилизации (Данилевский, 1991).

Есть и третья точка зрения на развитие *глобальных процессов*, которая сопряжена с традиционной историко-эволюционной оценкой происходящего и носит относительно нейтральный характер. В качестве примера можно привести позицию В. А. Рюмина, рассматривающего *глобализацию как исторический процесс*, который начался в конце XV—начале XVI в. и связан с эпохой Великих географических открытий. Этот процесс продолжился и в XVIII в., как порождение промышленной революции и проявление единого мирового пространства, созданного рынком и обменом. А конец XX в., когда информационно-коммуникационные технологии начали преодолевать и размывать территориальные границы, сокращая расстояния между странами, ознаменован очередным, третьим этапом развития *глобальных процессов* (Рюмин, 2003).

Один из сторонников эволюционной оценки глобализации В. И. Кузнецов отмечает, что глобализационные процессы с периода Великих географических открытий прошли не один этап и доказали свою прорывную сущность, и нужно совершенно спокойно относиться к тому, что глобализация не является линейным процессом, а ее эволюционирование происходит волнообразно (Кузнецов, 1998).

Объективно возможны разные, в том числе и взаимоисключающие варианты толкования и оценки глобализации как по ее целям и задачам, так и по конкретным путям и средствам их достижения. Специалисты едины лишь в одном – в оценке глобализации не только как сформировавшейся реальности, но и как *динамично формирующейся* открытой и многоуровневой системы (Арсентьева, 2008). Научная разработка феномена глобализации имеет небольшую историю. Поэтому пока объективно трудно ожидать немедленной разработки завершенной, целостной и системной научной картины данного явления (см.: Россия в глобализирующемся мире..., 2007; и др.).

Глобализационные процессы, благодаря интернет-технологиям, обретают мощные *психологические источники развития*, а участником глобальных процессов становится практически каждый пользователь глобальной сети. Такое понимание проблемы становится одним из важных оснований для психологических исследований глобальных процессов. При цивилизационном переходе, обеспеченном возникновением новых технологий, в так называемом цифровом обществе возникают новые формы взаимодействия, которые переносятся в виртуальное пространство и приобретают сетевой характер (Бреслер, 2014). Несмотря на то, что сетевое взаимодействие не связано с коммуникацией только в Интернете, именно он становится основной площадкой, на которой происходит его реализация. Сетевые сообщества возникают и как отражение групповых контактов, существующих в реальности, и как только виртуальные.

Активность сетевых сообществ, их различные формы и специфика отражают меняющуюся *социальную структуру* современного российского общества. Актуальность изучения этих процессов определяется необходимостью понимания их социально-психологических основ в связи со способностью влиять на общество в целом. Примером этого могут служить и позитивные флешмобы, в том числе виртуальные, с целью привлечения внимания к общественному явлению с помощью так называемых хештегов, и «цветные революции», подготовка к которым активно велась в Интернете.

С психологической точки зрения, каждый пользователь Интернета может рассматриваться условной *структурно-функциональной единицей* глобальных процессов. Включаясь в глобальную сеть, каждый участник виртуального взаимодействия воспринимает, обрабатывает, хранит, воспроизводит и передает информацию, опосредованную его мировоззрением, ценностными ориентациями, потребностями, интересами, отношениями и т. п. При этом любой

пользователь глобального пространства имеет не только определенную психическую конституцию, но и конкретные диспозиции, которыми руководствуется при участии в сетевом взаимодействии. Несмотря на всю психологическую многомерность и сложное строение, участие в глобальных процессах отражает обычно одну или несколько ведущих диспозиций личности (намерений, желаний, потребностей или интересов).

Поскольку все пользователи имеют возможность распространять в сети свою информационную продукцию, общаться с другими или создавать совместные информационные проекты, то эти люди и их действия в глобальной сети формируют структурную и содержательную сущность Интернета. То есть Интернет, как глобальная система, определяется *действиями* людей/человека и особенностями их/его *взаимодействия* с другими людьми. Словом, Интернет выступает своего рода «зеркалом» психологической сущности как отдельного человека, так и связей и отношений между людьми, образуя *глобальное* социально-психологическое *пространство*.

С позиции социальной психологии, наиболее важно изучение закономерностей *виртуального взаимодействия* людей и выявление психологических особенностей самих этих групп (сообществ). На сегодняшний день выявлен целый ряд закономерностей, свойственных поведению человека в группе (социальная фасилитация, социальная ингибция, групповое давление, конформность, эмоциональное заражение, групповая поляризация и т.д.). В связи с этим возникает закономерный вопрос: какие психологические особенности социального поведения человека могут сохраняться в виртуальной социальной среде? Социально-психологический анализ таких явлений может быть организован на разных *уровнях* с привлечением таких научных направлений, как социальная психология личности, психология общения, психология группы и психология общества (макропсихология и психология глобальных явлений) (подробнее см.: Макропсихология..., 2009; Психологические исследования глобальных процессов..., 2018).

Одним из релевантных данной проблематике является *субъектный подход*, развитию которого в том числе посвятил свою научную деятельность А. В. Брушлинский. Были также разработаны теоретические положения о *коллективном субъекте* и различных состояниях *субъектности* группы (Журавлев, 2002). Группа людей, проявляющая себя через различные формы *совместного* поведения, деятельности, отношений, общения, может считаться коллективным субъектом. Однако *уровень* субъектности может быть разным — от потенциальной (элементарные формы взаимосвязанности) до реальной

(совместной деятельности и жизнедеятельности) и далее до саморефлексирующей субъектности.

Признаками коллективного субъекта, по А. Л. Журавлеву, являются: взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе (характерно для потенциальной субъектности или предсубъектности); способность проявлять различные формы совместной активности (собственно субъектность); способность группы к саморефлексии и формирование чувства *мы* (особый случай рефлексирующей субъектности). Все эти признаки в разной мере могут присутствовать в конкретном коллективном субъекте (группе, сообществе и т. п.).

Можно предположить, что *сетевые сообщества* представляют собой социальные группы, в том числе большие, обладающие как специфической формой субъектности в реальном времени, так и потенциальной субъектностью, которая выражается в коммуникационной активности членов сообщества. Таким образом, изучение сетевых сообществ имеет как очевидную прикладную (влияние на общественные процессы), так и фундаментальную значимость, поскольку изучение больших социальных групп, выделение их новых видов и типов, а также новых критериев субъектности и их форм является отдельной научной проблемой (Журавлев, Емельянова, 2009).

Необходимо при этом отметить ряд сложностей, поскольку, в отличие от *больших организованных* (организация) и *стихийных групп* (толпа), исследования *больших устойчивых групп* (предприниматели, поколения, конфессии и др.) теоретически не проработаны. Очевидно, что сетевые сообщества являются еще более неопределенным объектом исследования, который можно было бы назвать *большой неустойчивой социальной группой*.

Несмотря на свою неустойчивость, такие группы обладают свойством *контактности*, хотя и специфической, что позволяет их отнести к *контактным* группам. В реальном формате такие группы организуются для решения временных и конкретных задач (фестиваль, тренинг, конференция) — обмена информацией, проведения досуга, развлечений и других, которые вполне соотносимы с задачами сетевого сообщества и которые могут быть расширены за счет других психологических задач — психотерапевтической (снятие социальной напряженности), подтверждения индивидуальной и групповой идентификации (поиск «своих»: «я — патриот», «патриоты существуют, и я с ними»), проработки возможных поведенческих сценариев решения актуальных проблем.

Таким образом, мы предполагаем, что сетевые сообщества могут быть отнесены к *большим неустойчивым контактными социальными группам (БНКСТ)*. Предварительной *теоретической гипотезой* психо-

логического исследования сетевых сообществ можно считать предположение, что такие БНКСГ формируются в сетевом взаимодействии при определенных условиях, например, при наличии актуального, социально значимого повода – новости, события, социального явления, получившего по тем или иным причинам в определенный момент времени общественный резонанс (СМИ) с целью решения ряда задач.

Исследование субъектности больших социальных групп может опираться на результаты наших предыдущих исследований, в которых был проведен анализ субъектности больших социальных групп в условиях информационного воздействия на объекты коллективной памяти (память о ВОВ). Было показано, что в социуме одновременно актуализируются как процессы, подрывающие субъектность общества (рост агрессии и уровня конфликтности), так и позитивный ресурс противостояния информационному воздействию, проявляющийся в различных формах групповой активности (обращение к символике, народным традициям – примером этому являются акции «Бессмертный полк» и символическое ношение георгиевской ленточки). Также описана субъектность мусульманского сообщества как большой социальной группы, и показано, что при дефиците индивидуальной субъектности это сообщество отличает особый тип коллективной субъектности. Ее черты – целостность при высоком уровне психологического напряжения, мышление, основанное на отрицании чужих ценностей, трудности при достижении собственных целей; такой неадекватный метод воздействия на окружающий мир, как террор, является логичной стратегией самореализации и псевдоэффективным способом достижения собственного благополучия через нанесение ущерба другим (Ковалева, Соснин, 2017; Соснин, Ковалева, 2017).

Литература

- Арсентьева И. И.* Глобализация и перспективы мирового развития // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 81. С. 8.
- Бреслер М. Г.* Социальные сети и сетевые сообщества информационного общества. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
- Журавлев А. Л.* Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: Пер Сэ, 2002. С. 51–81.
- Журавлев А. Л., Емельянова Т. П.* Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.

- Ковалева Ю. В., Соснин В. А.* Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 119–142. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document317.pdf> (дата обращения: 06.04.2017).
- Кузнецов В. И.* Что такое глобализация? // *Мировая экономика и международные отношения*. 1998. № 2. С. 16.
- Макропсихология современного российского общества* / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты* / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Рюмин В. А.* Глобализация и цивилизационные перспективы человечества // *Глобализация в социально-философском измерении: Сборник материалов конференции*. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 64–69.
- Соснин В. А., Ковалева Ю. В.* Распространение радикального ислама как глобальная угроза современности: геополитические тенденции и социально-психологические аспекты проблемы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 2. С. 116–151. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document350.pdf> (дата обращения: 04.08.2017).
- Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное* / Под науч. ред. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.

Subjectivity of big social group under globalization: the problem statement using the online communities studies example

*V. A. Sosnin**, *Y. V. Kovaleva*** (Moscow)

* Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology of RAS

** Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology of RAS

Globalization problems as leading tendency of world development which provided with the development of new technologies – a basis of the emergence of modern digital society considered. New forms of interaction in such society are transferred to virtual space and gain network character. Supposed

that network communities represent social groups, including big, possessing a specific form of subjectivity which expressed in communication activity of associates. The fundamental and applied importance of studying of network communities proved.

Keywords: globalization, Internet, digital society, network communities, Subject, Subjectivity, collective Subject, big social group, communication.

Этнофункциональная парадигма в психологии с позиций ресурсного подхода

В. В. Тимохин, А. А. Шапорева** (Москва)*

** кандидат психологических наук, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство); e-mail: bbt74@bk.ru*

*** кандидат психологических наук, e-mail: a.a.shaporeva@mail.ru*

В современном глобальном обществе остро стоит проблема адаптации человека к окружающей природной и культурной среде. Статья посвящена описанию в ресурсном и позитивном ключе основных постулатов этнофункционального теоретико-методологического подхода к адаптации человека, при полном сохранении теоретико-методологической основы данного подхода. Наличие целостного позитивного отношения к какому-либо этническому признаку, т. е. элементу любой этносреды (а по сути, любому внешнему или внутреннему по отношению к человеку элементу), является однозначным ресурсом и позволяет повысить свою адаптированность к меняющейся среде. Этнофункциональный же подход, выявляя этническую функцию отношений, оценивает доступность данного ресурса в географическом и культурном плане. Наличие же целостного негативного отношения к любому элементу любой этносреды ограничивает ресурсный репертуар человека и, в идеале, должно быть пересмотрено. Также в целях овладения новыми ресурсами целесообразным представляется повышение целостности отношений. В конце статьи предложены пути решения некоторых актуальных практических задач психологии.

Ключевые слова: адаптация к среде, этносреда, система отношений, этнические признаки, этническая функция, этнофункциональный парадигма, ресурсный подход.

Поликультурное, открытое и глобальное общество, в котором мы живем, предоставляет современному человеку множество возмож-

ностей, недоступных еще несколько десятилетий назад. Как и всякое относительно новое и глобальное явление, такая ситуация несет в себе как колоссальные возможности для роста и улучшения качества жизни, так и риски дезадаптации, неспособность адекватно приспособиться к новым условиям, отказаться от традиционных способов адаптации, которые могли бы помочь в новой ситуации, не обретя взамен новых.

Одним из направлений в психологии, целью которых является изучение адаптации человека к изменяющимся условиям среды, является этнофункциональный теоретико-методологический подход.

Своей задачей при подготовке данной статьи мы поставили описать в ресурсном и позитивном ключе основные постулаты этнофункционального подхода при полном сохранении его теоретико-методологической основы.

Суммируя концепции В. А. Бодрова, С. К. Калашниковой, К. Муздыбаева и других исследователей (по: Татарко, 2014), под ресурсом мы будем понимать такое сочетание внешних и внутренних условий, которое повышает потенциальные возможности человека по адаптации к условиям среды, в которой он находится. То есть ресурс — это не только наличие возможности к средовой адаптации, но и готовность такой возможностью воспользоваться. Ресурсный же подход, в нашем понимании, — это парадигма, направленная на поиск возможностей успешного решения задач, стоящих перед человеком, в том числе и потенциальных. Что отличает такой подход от проблемного, направленного на поиск препятствий в решении актуальной задачи с целью нахождения путей их преодоления.

В этнофункциональном теоретико-методологическом подходе, автором которого является А. В. Сухарев (Сухарев, 2008), среда понимается широко, как *этносреда*, и описывается с помощью трех групп этнических признаков: климато-географической, антропо-биологической и социокультурной (Бромлей, 1983). Такой подход к описанию среды, на наш взгляд, обладает рядом преимуществ (Тимохин, 2017).

Во-первых, описание среды через этнические признаки уже содержит в себе элементы адаптации к этой среде, поскольку этничность во всей совокупности ее признаков представляется нам системой активной адаптации некоторой общности людей к условиям природной среды, с сопутствующим созданием среды культурной, включающей в себя, соответственно, такие механизмы адаптации к себе самой, как бытовая культура, мировоззрение, воспитание и т. п.

Во-вторых, каждая конкретная этносреда может быть объективно описана во всей своей целостности с использованием данных

таких наук, как этнография, география, культурология, история, биология, филология, лингвистика и др, что чаще всего позволяет обойтись без дополнительных эмпирических исследований при описании некоторой «эталонной» этносреды, адаптацию к которой мы исследуем в данный момент.

В-третьих, каждая этносреда может быть легко поименована по этнониму народа, ее создавшего, что избавляет от необходимости длительных описаний. Так, например, большую часть средней полосы России мы можем обозначить как «русская этносреда», имея в виду, что основная часть климато-географических, антропо-биологических и социокультурных признаков, связанных с адаптацией к ней, принадлежат к этносу, носящему этноним «русский».

Взаимодействие человека с какой-либо этносредой рассматривается как система его отношений к этническим признакам (элементам этой этносреды). Такая система отношений носит название *этноид*, поскольку в каждом конкретном случае отличается от идеальной этничности. В основе такого подхода лежит теория отношений В. Н. Мясищева (Мясищев, 2004). Отношение к каждому из элементов этносреды рассматривается в совокупности его когнитивной, аффективной и поведенческой сторон и, соответственно, принимается в качестве целостного и непротиворечивого при одновременной позитивной или негативной направленности всех перечисленных компонентов. При этом в качестве ресурса в данной работе мы рассматриваем именно целостное позитивное отношение к какому-либо элементу этносреды (я считаю это хорошим, делаю это и испытываю при этом положительные эмоции).

Концепция этноида и этносреды позволяет объединить в системном взаимодействии внутрисубъектные и внесубъектные ресурсы (в данном случае мы расширяем термины В. А. Толочка (Толочек, 2016) с социальной среды на всю среду в целом), поскольку одновременно учитывает как позитивное отношение человека к определенному элементу этносреды (внутрисубъектный ресурс), так и доступность этого элемента в этносреде проживания человека (внесубъектный ресурс).

Для оценки адаптирующего потенциала отношений, т. е. возможности их использования как ресурса в конкретной эталонной этносреде, в этнофункциональном подходе отношениям присваивается этническая функция, этноинтегрирующая, если они объединяют человека с какой-либо этносредой, и этнодифференцирующая, если разъединяют. Поскольку чаще всего логика исследования предполагает в качестве эталонной этносреду проживания человека, по сути, этническая функция отношения является мерой доступ-

ности ресурса, когда целостное позитивное отношение к какому-либо этническому признаку и возможности этносреды предоставить условия для реализации этого отношения совпадают. Так же и негативное отношение к какому-либо элементу этносреды проживания человека обедняет его ресурсный репертуар, что должно быть каким-то образом скомпенсировано.

Так, для рядового жителя средней полосы России, стремление уехать зимой в жаркие страны и желание пойти на каток, возможно, и рядоположены с точки зрения их ресурсности, но однозначно различаются ежедневной доступностью. Если для человека ресурсными являются оба варианта, это его, несомненно, обогащает, но отказ от географически доступного ресурса в пользу ресурса удаленного, на наш взгляд, снижает адаптивные возможности человека.

Ресурсный подход к адаптации человека к этносреде проживания важен еще и потому, что такая адаптация происходит постоянно, поскольку, как и всякая саморазвивающаяся открытая динамическая система, она постоянно изменяется, усложняется, интегрируя в себя из других этносред новые элементы, ранее ей неприсущие (в качестве примера можно привести картофель, появившийся в европейских этносредах относительно недавно, но уже ставший их неотъемлемым элементом), или генерируя новые элементы внутри себя (например, естественное развитие языка). Усложнение же этносреды происходит за счет того, что она сохраняет элементы, в настоящий момент, возможно, и неактуальные или изменившие значение (например, использование лошадей, народный костюм, устройство традиционного жилища). Это определяет необходимость с осторожностью оценивать этническую функцию того или иного отношения, его ресурсность. Заставляет нас учитывать дополнительные параметры, порой неочевидные. Так, например, для сельского жителя средней полосы России, питающегося в основном плодами своей земли и живущего вдали от крупных магазинов, такие продукты питания, как бананы или суши, могут быть труднодоступными, в то время как для жителя, например, Москвы (а городское население в нашей стране преобладает) эти продукты легко доступны и, по сути, являются частью этносреды, т.е. потенциально ресурсны. Собственно, уже существует такой термин, как «русские суши» (это суши с майонезом).

Кроме того, вопрос целостности отношений стоит с точки зрения того, что элементом этносреды могут быть сами отношения, модные или немодные в данный момент (употребление определенных продуктов питания, предпочтение определенных видов от-

дыха и т. д.). Если отношение человека определяется лишь модой, это может приводить к отсутствию целостности отношения, когда, допустим, когнитивный компонент не совпадает с аффективным или поведенческим. Такое отношение не является ресурсом и может быть пересмотрено на основании анализа своих реальных предпочтений.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что наличие целостного позитивного отношения к какому-либо этническому признаку, т. е. элементу любой этносреды (а по сути, любому внешнему или внутреннему по отношению к человеку элементу), является однозначным ресурсом и позволяет повысить свою адаптированность к меняющейся среде. Этнофункциональный же подход, выявляя этническую функцию отношений, оценивает доступность данного ресурса в географическом и культурном плане. Наличие же целостного негативного отношения к любому элементу любой этносреды ограничивает ресурсный репертуар человека и, в идеале, должно быть пересмотрено. Также в целях овладения новыми ресурсами целесообразным представляется повышение целостности отношений.

Таким образом, взгляд на этнофункциональный теоретико-методологический подход с позиций подхода ресурсного открывает новые важные и интересные направления в исследованиях, переводит, по сути, этнофункциональный подход из области этнопсихологии в область культурно-историческую. А также помогает увидеть пути решения некоторых сложных практических задач.

Поскольку, как было сказано выше, адаптация человека к этносреде проживания происходит постоянно в силу развития среды, в нормальных условиях этот процесс практически не заметен. Исключения составляют ситуации резких изменений в этносреде (климатических или культурных, например), естественное психическое развитие ребенка и миграции.

В первом случае необходимость быстро адаптироваться к новым условиям может быть осуществлена за счет ресурсов отношений к другим, не изменившимся элементам. Это требует повышения количества ресурсов, привязанных к этносреде проживания, что реализуется нами в процессе этнофункциональной психотерапии. Другим вариантом решения этой задачи является повышение ресурсов, привязанных к другой этносреде, что может позволить быстро сменить этносреду проживания и быстро адаптироваться в новых условиях.

В процессе естественного психического развития ребенка его воспитание, т. е. процесс передачи культуры, в свете сказанного вы-

ше, должен происходить за счет создания ресурсов, заключающихся в большом количестве позитивных целостных отношений, преимущественно к родной природе, культуре, истории своей страны и т. п. (Шапорева, 2006). При этом необходима минимизация целостных негативных отношений к элементам любой этносреды, ибо это снижает потенциальный ресурсный репертуар ребенка. Такой подход, в частности, решает проблему слабо определенного понятия «патриотизм», широко вводимого сейчас в практику работы педагогических учреждений.

В случае психологической работы с мигрантами, представляется целесообразным, при сохранении позитивных отношений к этносреде рождения, формировать позитивные отношения к элементам новой для человека этносреды проживания, а также при минимизации негативных отношений.

Литература

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

Мясищев В. Н. Психология отношений. М.: Академия педагогических и социальных наук, 2004.

Сухарев А. В. Этнофункциональный аспект воспитания и психотерапии: Учеб. пособие. Сер. «Библиотека психолога». М.: Российская акад. образования—Московский психолого-социальный институт, 2008.

Татарко А. Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Тимохин В. В. Адаптация человека к природной и культурной среде — этнофункциональный подход // Перспективы психологической науки и практики: Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. С. 754–758.

Толочек В. А. Внутрипрофессиональная дифференциация субъектов и актуализация ресурсов среды // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. «Акмеология образования. Психология развития». 2016. Т. 5. Вып. 2 (18). С. 115–122.

Шапорева А. А. Роль этнической функции содержания воспитательных и психокоррекционных воздействий в психической адаптации детей и подростков // Журнал прикладной психологии. 2006. № 6 (3). С. 123–135.

Ethno functional paradigm in psychology from the positions of the resource approach

V. V. Timokhin, A. A. Shaporeva (Moscow)

* Candidate of Psychological Sciences, Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art)

** Candidate of Psychological Sciences

In today's global society, the problem of human adaptation to the natural and cultural environment is acute. The article is devoted to description in the resource and positive key of the main postulates of the ethno-functional theoretical and methodological approach to human adaptation, while maintaining the theoretical and methodological basis of this approach. The presence of a holistic positive attitude to any ethnic feature, that is, to the element of any ethno-environment (and, in fact, to any external or internal element in relation to a person), is an unambiguous resource and allows increasing its adaptation to a changing environment. Ethnofunctional approach, revealing the ethnic function of relations, assesses the availability of this resource geographically and culturally. The presence of a holistic negative attitude to any element of any ethno-environment limits the resource repertoire of a person and, ideally, should be reviewed. Also, in order to master new resources, it seems expedient to increase the integrity of relations. At the end of the article, we propose ways of solving some actual practical problems of psychology.

Keywords: adaptation to the environment, ethno-environment, the system of relations, ethnic features, ethnic function, ethno-functional paradigm, resource approach.

Группа как субъект совместной трудовой деятельности: полиобъектная модель ценностно-ориентационной сплоченности

С. Ю. Флоровский (Краснодар)

кандидат психологических наук, доцент, Кубанский государственный университет; e-mail: florowsky@mail.ru

Представлены теоретическое обоснование и результаты эмпирической валидизации полиобъектной модели ценностно-ориентационной сплоченности группы как субъекта совместной трудовой деятельности. Под ценностно-ориентационной сплоченностью понимается подсистема групповой сплоченности, основывающаяся на сближении ценностных ориентаций членов группы в восприятии и понимании ими объектов, событий и ситуаций, значимых для функционирования и развития группы как целостного субъекта активности (со-активности). Предлагается модель диагностики данного вида сплоченности, включающая в себя четыре объекта ценностно-опосредованного оценивания: 1) личностно-привлекательную модель трудовой деятельности; 2) предпочитаемого партнера по внутригрупповому общению (коллегу по работе); 3) идеального руководителя; 4) прожективный образ идеальной организации.

Ключевые слова: группа, совместная трудовая деятельность, субъект, ценностно-ориентационная сплоченность, полиобъектная модель.

Постановка проблемы

В своих размышлениях о психологических коррелятах общественных преобразований в современной России А. В. Брушлинский подчеркивал, что важнейшим условием актуализации позитивного сценария социальных изменений является развитие субъектности всех участников трансформационного процесса, – в том числе, различных социальных групп и общностей (Брушлинский, 2003). В акту-

альной социоэкономической и социокультурной ситуации развитие *групповой субъектности* (см.: Журавлев, 2005; и др.) в организационном контексте оказывается чрезвычайно сложным и драматичным процессом, связанным с преодолением влияния на группу большого количества разнообразных факторов антисубъектной направленности (сохранение и укрепление в большинстве организаций архаичной властно-ориентированной модели управления, навязывание работникам примитивной исполнительской идентичности, разобщающее группу манипулирование и т. д.).

Одной из приоритетных субъектных характеристик группы является ее *сплоченность*, представляющая собой, по меткой характеристике Л. Фестингера, «равнодействующую всех сил, действующих на членов группы с тем, чтобы они остались в ней» (Festinger et al., 1963, p. 34). Важнейшее место среди «сил группового сцепления», обеспечивающих формирование, поддержание и развитие групповой сплоченности, занимает сходство ценностных ориентаций участников группы. Наличие такого сходства создает единое смысловое поле групповой жизнедеятельности, формирует у участников группы чувство «разделяемой реальности», актуализирует синергетические механизмы группового функционирования и развития. Кроме того, степень близости ценностных ориентаций участников обоснованно рассматривается в качестве индикатора уровня социально-психологического развития группы.

В отечественной социальной психологии ценностно-ориентационные механизмы групповой сплоченности наиболее активно изучались в 1970–1980-х годах. При этом доминировал подход, связанный с идеями стратометрической концепции А. В. Петровского, в которой делался акцент на деятельностном опосредовании групповых явлений и процессов (Петровский, 1983). Было выделено большое количество феноменов, связанных с *ценностной детерминацией* групповой сплоченности: ценностно-ориентационное единство, предметно-ценностное единство, ценностно обусловленная групповая эмоциональная идентификация, эмоционально-ценностное единство и др.

Для обозначения всей совокупности этих феноменов представляется корректным использовать понятие «ценностно-ориентационная сплоченность группы». В онтологическом смысле этому конструкту соответствует подсистема групповой сплоченности, основывающаяся на сближении ценностных ориентаций членов группы в восприятии и понимании ими объектов, событий и ситуаций социальной действительности, значимых для функционирования и развития группы как целостного субъекта активности (со-активности).

Самым популярным методическим приемом *диагностики* ценностно-ориентационной сплоченности выступала процедура выявления степени сходства участников группы в оценивании какого-либо объекта, значимого с точки зрения осуществляемой ими совместной деятельности (коллеги по работе, руководителя, ученика и т. п.). При этом как сторонниками стратометрической концепции, так и психологами, придерживающимися иных методологических ориентаций, была осознана проблема релевантности объекта, предлагаемого членам группы для оценки. Исследователи часто сталкивались с ситуацией, когда уровень ценностно-ориентационной сплоченности группы (а следовательно, и приписываемый ей уровень развития) сильно варьировал (нередко от очень низкого до очень высокого), в зависимости от того, какой объект предлагался ее участникам для оценки.

Полиобъектная модель ценностно-ориентационной сплоченности группы: теоретическое обоснование

Ряд авторов (Донцов, 1984; и др.) видели выход в предварительном содержательном анализе осуществляемой группой совместной деятельности, выделении на этой основе ведущей сферы групповой активности, связанный с которой объект и становился «эмпирическим материалом» для оценки ценностно-ориентационной сплоченности. Однако этот принцип «плавающего верификатора» ценностно-ориентационной сплоченности вступал в противоречие с реалиями группового функционирования и развития, которые, по определению, носят полиаспектный и многовекторный характер, что особенно заметно в группах, являющихся субъектами совместной трудовой деятельности (подробнее см.: Журавлев, 2005; Социально-психологические проблемы..., 1987; и др.).

Поэтому вполне естественно, что техника «плавающего объекта оценивания» подвергалась наибольшей критике со стороны психологов, работающих в прикладных областях социальной психологии (Новиков, Забродин, 1991; Промышленная социальная..., 1982; Служба социального развития предприятия..., 1989; и др.). При этом отмечалась принципиальная недостаточность «монообъектной» диагностики ценностно-ориентационной сплоченности. Указывалось, что изучение такого сложного феномена, как ценностно-ориентационная сплоченность группы, требует более тщательной операционализации. Прежде всего, в аспекте подбора объектов оценивания и их количества. Подчеркивалось, что число таких объектов должно соответствовать критериям необходимости и достаточности.

ти, а с точки зрения содержания этот объектный набор должен быть унифицированным, что позволяло бы получать сопоставимые данные, по крайней мере, на группах, осуществляющих сходную деятельность (учебную, спортивную, трудовую).

В отношении групп, осуществляющих совместную трудовую деятельность, актуальность рассматриваемой проблемы существенно возрастает в настоящее время. В первую очередь, это связано с изменением социокультурного и организационно-экономического контекста жизнедеятельности большинства групповых субъектов совместной трудовой деятельности. Происходящие в последние три десятилетия масштабные социальные изменения, «наложившиеся» на общий «постиндустриальный» ценностный тренд, привели к росту отчужденности значительной части работников от содержания выполняемых ими трудовых обязанностей, доминированию прагматического отношения к труду над духовно-ценностным (Макропсихология современного..., 2009). Вместе с тем потребности динамичного организационного развития требуют актуализации ценностного потенциала отдельных работников и рабочих групп, что постоянно отмечается зарубежными и отечественными специалистами в области организационной психологии.

Немалую роль играет и постоянно увеличивающееся разнообразие организационных форм и контекстов, в которых осуществляется трудовая деятельность совместно работающих людей. Создаются реальные предпосылки для изучения нового аспекта ценностно-ориентационной сплоченности группы, а именно – раскрытия закономерностей и механизмов контекстного влияния на ценностную регуляцию групповой жизнедеятельности со стороны *организационной культуры*.

Проведенный нами анализ ведущих концептуальных моделей организационной культуры (Камерон, Куинн, 2001; Handy, 1993; Schein, 2004; и др.) позволяет говорить о присутствии практически в каждой из них представлений о четырех взаимосвязанных сферах активности группы как организационной субъединицы.

Первая сфера связана с реализуемым группой рабочим процессом, выполняемой ею трудовой деятельностью. Второй является сфера внутригруппового общения, представленная системой «горизонтальных» отношений с коллегами по работе. Третья сфера сопряжена с взаимодействием группы с руководством организации, которое персонифицировано для сотрудников структурных подразделений в лице их непосредственного руководителя. Четвертая сфера, которая может быть обозначена как «организационное поведение», представляет собой широкий спектр паттернов индивиду-

ального и группового поведения, обусловленных особенностями организационной среды функционирования группы (такими как тип организационной структуры, характеристики реализуемой технологии, климат и культура организации).

Таким образом, для групп, выступающих в качестве субъектов совместной трудовой деятельности, «операциональный набор» для изучения ценностно-ориентационной сплоченности может и должен включать в себя следующие *четыре объекта* ценностно-опосредованного оценивания: 1) личностно-привлекательную модель трудовой деятельности; 2) предпочитаемого партнера по внутригрупповому общению (коллегу по работе); 3) идеального (предпочитаемого) руководителя; 4) прожективный образ идеальной организации.

Эмпирическая валидизация модели

Использование «*полиобъектной*» модели диагностики ценностно-ориентационной сплоченности позволяет получать дифференцированную и разностороннюю оценку ценностного потенциала группы, отражающую ее психологическое своеобразие и уникальность.

Примером могут служить зафиксированные в наших исследованиях различия структурно-уровневых характеристик ценностно-ориентационной сплоченности групп, функционирующих в адхократическом и клановом организационно-культурных контекстах (Камерон, Куинн, 2001). В качестве первых выступали инженерные подразделения компаний, работающих в области промышленной вентиляции, кондиционирования и отопления (122 сотрудника восьми отделов трех компаний), в качестве вторых — медсестринские коллективы отделений многопрофильных клинических больниц (117 медицинских сестер семи отделений двух клиник).

Наиболее явные различия ценностно-ориентационной сплоченности сопоставляемых групп обнаруживаются в таких сферах, как «трудовая деятельность» и «внутригрупповое общение». В адхократической культуре максимальная согласованность ценностных представлений работников отмечается в сфере трудовой деятельности, в клановой культуре — в сфере повседневного межличностного взаимодействия.

При этом выявляются чрезвычайно показательные культурально-контекстные вариации степени согласованности ценностных представлений работников о различных аспектах их совместной работы и межличностного общения.

В частности, согласованность ценностных представлений инженеров о внутренней и внешней сторонах трудовой деятельнос-

ти оказывается приблизительно сходной и относительно высокой. Можно констатировать, что для членов адхократических групп одинаково значимы как содержание выполняемой работы, так и ее условия. Ценностно-ориентационная сплоченность сестринских коллективов является, в первую очередь, функцией согласованности ценностных представлений об условиях работы, но не о ее содержании. Таким образом, для членов клановых групп важно, чтобы рабочая среда была достаточно комфортной, отношения эмоционально приятными, заработная плата приемлемой, а сама работа не сильно мешала личной жизни. Что же касается таких характеристик работы, как ее содержательность, интересность, возможности роста, творческого самовыражения и т. п., то их личностная значимость варьируется в очень широких пределах от одного работника к другому.

Особенности взаимодействия четко дифференцируются по степени согласованности ценностных проекций и ожиданий участников групп в каждой из подвыборок. В отношении одних сторон взаимодействия ценностные представления оказываются мало согласованными, «размытыми»; другие же стороны «горизонтального» общения, напротив, оказываются объектами «ценностной фокусировки». При этом в профессиональных сообществах с разной субкультурой объекты «ценностной фокусировки» значимо различаются.

В инженерных подразделениях наибольшая ценностная согласованность отмечается в оценке качеств коллег, касающихся их *отношения к выполняемым обязанностям и отношения к труду*. Существенно менее согласованы ценностные представления, связанные с *отношением к другим людям*. В оценке *социальной направленности, морально-этических качеств и эмоциональной привлекательности* проявляется максимальная рассогласованность ценностных ориентаций. В медсестринских коллективах наиболее согласованы ценностные представления, ориентированные на такие качества партнера по внутригрупповому общению, как *эмоциональная привлекательность и отношение к другим людям*. Минимальной согласованностью отличаются ценностные ориентации, проецирующиеся на *морально-этические качества, социальную направленность и отношение к труду*. Промежуточное положение занимает *отношение* партнера к *возложенным на него обязанностям*.

Иначе говоря, в адхократических группах наиболее приемлемый партнер по повседневному взаимодействию — это человек, увлеченный своим делом, профессионально компетентный, склонный сохранять дистанцию в межличностном общении (поверхностно дружественный, «не грузящий собой»). В группах с клановой субкультурой

большинство респондентов сходятся во мнении о предпочитаемом коллеге как человеке симпатичном, эмоционально открытом, располагающем к себе, контактном, доброжелательном и неконфликтном.

Заключение

Использование полиобъектной модели диагностики ценностно-ориентационной сплоченности позволяет получать дифференцированную и разностороннюю оценку ценностного потенциала группы, отражающую ее психологическое своеобразие и уникальность. Предлагаемый подход к диагностике ценностно-ориентационной сплоченности представляется продуктивным в работе с группами, имеющими формально близкий уровень социально-психологического развития, в том числе и невысокий, когда механизмы ценностного единения не являются главными силами, «удерживающими вместе» участников группы. Тем не менее, даже в этом случае оказывается возможным более точно идентифицировать природу ценностных потенциалов группы и ценностных оснований события ее участников.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Донцов А. И.* Психология коллектива: Методологические проблемы исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Камерон К., Куинн Р.* Диагностика и изменение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001.
- Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Новиков В. В., Забродин Ю. М.* Психологическое управление производственной организацией. 2-е изд. М.: Ассоциация практических психологов, 1991.
- Петровский А. В.* Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 1983.
- Промышленная социальная психология / Под ред. Е. С. Кузьмина, А. Л. Свенцицкого. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
- Служба социального развития предприятия: Практическое пособие. М.: Наука, 1989.

Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1989.

Festinger L., Schachter S., Back K. Social Pressures in Informal Groups: A Study of Human Factors in Housing. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press, 1963.

Handy Ch. Understanding Organizations: How Understanding the Ways Organizations Actually Work Can Be Used to Manage Them Better. 4th ed. N. Y.: Oxford University Press, 1993.

Schein E. H. Organizational Culture and Leadership. 3rd ed. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 2004.

**Group as subject of joint work activities:
poly-objective model of valuable-orientation cohesion**

S. Yu. Florovski (Krasnodar)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Kuban State University

In the article are presented theoretical justification and results of an empirical validation of poly-objective model of valuable-orientation cohesion of group as subject of joint work activities. The valuable and orientation cohesion is understood as the subsystem of group cohesion which is based on rapprochement of valuable orientations of group's members in perception and understanding them the objects, events and situations significant for functioning and development of group as the complete subject of activity (with-activities). The model of diagnostics of this type of cohesion is offered. It includes four subjects to the valuable mediated estimation: 1) personal-attractive model of work; 2) the preferred partner in in-group communication (fellow worker); 3) ideal (preferred) head; 4) projective image of the ideal organization.

Keywords: group, joint work activities, subject, valuable-orientation cohesion, poly-objective model.

Привязанность к дому и установки по отношению к семье

М. Р. Хачатурова (Москва)

кандидат психологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-mail: mhachaturova@hse.ru

В статье обсуждается связь между установками по отношению к семье и привязанностью к дому. Мы предполагали, что привязанность к дому связана с позитивными установками по отношению к семье. В исследовании приняли участие 393 респондента: 295 девушек и 98 юношей, студенты различных факультетов НИУ «Высшая школа экономики». Были использованы опросники «Привязанность к дому» и «Установки по отношению к семье». Результаты регрессионного анализа показывают, что предиктором привязанности к дому являются две установки – «Семейная поддержка» и «Подчинение себя семье». Полученные результаты могут быть использованы в психологическом консультировании для создания индивидуальных профилей предпочтений домашней среды. Они могут помочь в детско-родительском и семейном консультировании с целью улучшения отношений и выявления несоответствия между домом как важнейшим пространством жизни человека и его потребностями, ожиданиями и установками по отношению к членам своей семьи.

Ключевые слова: привязанность к дому, установки по отношению к семье.

Взаимодействие между семьей как некоторым интегральным показателем и домашней средой продолжает оставаться актуальным направлением исследований. Со временем жизненные обстоятельства, такие как смерть, рождение, брак, безработица или выход на пенсию, меняют физическую среду и жизнь семьи. Все эти события, отражающие этап семейного жизненного цикла, сопровождаются измене-

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 14-18-02163.

ниями в доме как в физической среде и, в свою очередь, изменяют смысл восприятия дома его обитателями.

В западных индивидуалистических культурах человеку очень важно отделиться от родителей и вести свое собственное домашнее хозяйство. Этот шаг считается одним из самых важных шагов в жизни голландских студентов, настоящим обрядом перехода во взрослую жизнь и обретением внутренней независимости (Ciegaad, 2010). Более того, это точка невозврата: даже после окончания колледжа студент не возвращается снова в родительский дом, чтобы жить со своими родителями.

В исследовании, посвященном адаптации усыновленных подростков к приемным семьям, было обнаружено, что показатели функциональности и релевантности домашней среды, а также степень привязанности к семье были выше у родителей, чем у детей. Было также показано, что сходство образов дома у приемных детей и родителей вносит вклад в переживание привязанности к семье, но не к дому (Нартова-Бочавер, Резниченко, Ковалева, 2017). Таким образом, дом определяет семейную атмосферу, а она, в свою очередь, определяет, насколько жители чувствуют свой дом как часть собственного мира (Nartova-Vochaver, Kuznetcova, 2018).

Во многих исследованиях дом понимается как установление связи с определенными людьми, с местом, с прошлым и будущим, что помогает человеку чувствовать себя членом определенного сообщества. Он чувствует себя частью семьи или группы и частью культуры. Таким образом, в установлении связи задействуется и пространственный, и временной аспекты (Смолова, 2015).

Сильная привязанность к месту обычно связана с большой удовлетворенностью собственным домом и переживанием стабильности в будущем. Она также сопровождается более детальным знанием истории и географии места своего жительства и большими временными и ресурсными затратами по его улучшению (Shumaker, Taylor, 1983).

Целью нашего исследования было изучить связь между установками по отношению к семье и привязанностью к дому. Привязанность к дому связана со смыслами и ценностями личности, социокультурными процессами. Следовательно, привязанность к дому влияет на психологическое здоровье и благополучие личности.

В наших предыдущих исследованиях было показано, что чем выше релевантность и функциональность домашней среды, тем выше привязанность человека к своему дому и тем больше он рассматривает домашнюю среду как дружественную (Khachaturova, Nartova-Vochaver, 2017).

Мы предполагаем, что человек, который живет в дружелюбной домашней среде и проводит много времени дома, сильнее привязан к своей семье и имеет более позитивные установки по отношению к семье. И наоборот, человек с позитивными домашними установками чаще участвует в домашних мероприятиях и, как результат, имеет более позитивный образ своего дома. Таким образом, гипотезой нашего исследования стало предположение о том, что привязанность к дому связана с позитивными установками по отношению к семье.

Методология исследования

Для проверки выдвинутой гипотезы мы провели эмпирическое исследование с использованием двух опросников.

Выборка. В исследовании приняло участие 393 респондента: 295 девушек и 98 юношей, студенты различных факультетов НИУ «Высшая школа экономики», в возрасте от 16 до 25 лет (средний возраст – 19,2, стандартное отклонение – 7,8).

Методики. Нами были использованы опросники «Привязанность к дому» и «Установки по отношению к семье».

Опросник «Привязанность к дому» состоит из 14 утверждений и имеет одну шкалу, отражающую общий уровень привязанности к дому и эмоциональную близость между человеком и домом (Нартова-Бочавер и др., 2016). Коэффициент надежности альфа Кронбаха в нашем исследовании составил 0,89, в оригинальном исследовании он был равен 0,93.

Мы выбрали опросник «Установки по отношению к семье» для того, чтобы выявить установки респондентов по отношению к членам своей семьи (Lugo Steidel, Contreras, 2003).

Они понимаются как культурная ценность, которая включает в себя сильную идентификацию человека с семьей, привязанность к членам своей семьи, а также сильное чувство лояльности, взаимности и солидарности среди членов семьи (Cauce, Domenech-Rodriguez, 2002).

Существует английская и испанская версии данного опросника, но до настоящего момента он не был адаптирован для российской выборки. Мы выбрали английскую версию опросника. Три независимых эксперта-психолога перевели английскую версию опросника на русский язык. Один из экспертов имеет сертификат переводчика с английского на русский язык. Все варианты перевода вопросов методики были обсуждены, после чего были выбраны и отредактированы наиболее подходящие варианты. После этого было проведено два коротких пилотажных исследования на небольшой выборке

из 30 и 35 студентов для того, чтобы получить отзывы от респондентов и проверить распределение вопросов по шкалам опросника. Инструкции и формулировки вопросов были немного изменены после каждого этапа исследования.

Опросник «Установки по отношению к семье» состоит из 18 вопросов и включает в себя четыре шкалы – «Семейная поддержка», «Семейная взаимосвязь», «Семейная честь» и «Подчинение себя семье». Ответы на вопросы данных шкал оценивались по 10-балльной шкале Лайкерта. Психометрический анализ опросника показал, что внутренняя согласованность общей шкалы была высокой. Анализ каждой подшкалы показал адекватные уровни внутренней согласованности. Коэффициент надежности альфа Кронбаха по всем шкалам в нашем исследовании колеблется от 0,71 до 0,84, в оригинальном исследовании – от 0,83 до 0,88. Каждая шкала опросника является одномерной, т. е. она измеряет только один конструкт. Таким образом, психометрический анализ показал, что опросник «Установки по отношению к семье» может использоваться без дополнительных модификаций. Однако адаптация этого опросника для российской выборки будет продолжена в наших будущих исследованиях.

Результаты исследования и их обсуждение

Для статистической обработки полученных результатов мы использовали программу «SPSS», версия 21.0. Для проверки выдвинутой гипотезы исследования мы использовали регрессионный анализ.

Среди шкал опросника «Установок по отношению к семье» предиктором привязанности к дому явились две шкалы: «Семейная поддержка» ($B=0,099$, $SE\ B=0,041$, $t=2,429$, $R^2=0,17$) и «Подчинение себя семье» ($B=0,088$, $SE\ B=0,031$, $t=2,839$, $R^2=0,17$). Таким образом, гипотеза нашего исследования была частично подтверждена.

Как уже было упомянуто выше, «Установки по отношению к семье» определяются как многомерный конструкт, состоящий из четырех взаимозависимых компонентов. Первая шкала – это «Семейная поддержка» или вера в семейную взаимность и взаимоподдержку в случае необходимости. Это убеждение, что люди должны обеспечивать и ожидать какой-либо поддержки со стороны членов своей семьи в трудные времена и в повседневной жизни. Вторая шкала – это «Семейная взаимосвязь», обозначающая убеждение, что человек должен быть в сильной эмоциональной и физической связи и отношениях со своей семьей, даже если у него есть собственная независимая личная жизнь. Это убеждение подчеркивается решениями человека жить рядом с членами его семьи, чтобы быть вовлеченным

в их образ жизни, проводить время вместе. Третий компонент отражает веру в «Семейную честь». Он подразумевает, что человек несет ответственность за поддержание и защиту семейной фамилии и чести. Это также обязанность защищать любые нападки на единство семьи. Четвертый компонент — это «Подчинение себя семье» или убеждение, что семья является первичной перед индивидуумом. Это означает, что человек готов принести в жертву свои собственные потребности и желания, если они мешают семье, потому что семья является для него самой важной. Человек убежден, что он должен быть покорным, соблюдать семейные правила и соответствовать модели семейной жизни (Lugo Steidel, Contreras, 2003).

Полученные нами результаты означают, что молодые люди, которые ощущают поддержку своей семьи, испытывают меньше внутренних стрессов. Этот результат соотносится с нашими предыдущими результатами (Нартова-Бочавер и др., 2016).

Привязанность к дому — это позитивная эмоциональная связь между человеком и домашней средой, ассоциация, которая создает чувство комфорта и безопасности. В этом случае отрыв от дома в течение длительного времени, например учеба в другом городе, может вызвать сильное чувство ностальгии и печали (Bell et al., 2001). Сильная привязанность к дому, как правило, связана с удовлетворением человека своим домом и ощущением стабильности в будущем (Shumaker, Taylor, 1983).

Некоторые исследователи считают, что истинная привязанность к дому связана с физическими характеристиками домашнего пространства: мебелью, семейными реликвиями и другими объектами. Еще одним важным фактором для формирования привязанности к дому является возраст. Пожилые люди чаще всего привязаны к своим домам, в отличие от молодых людей (Norris-Baker, Scheidt, 1990).

Таким образом, наше исследование позволяет сделать вывод о том, что предиктором привязанности к дому являются «Семейная поддержка» и «Подчинение себя семье».

Проведенное нами исследование имело несколько *ограничений*. Во-первых, мы использовали опросник «Установки по отношению к семье» для изучения отношения респондентов к семье. Этот опросник является новым и еще не полностью адаптирован для российской выборки. Хотя результаты нашего психометрического анализа, упомянутые выше, очень обнадеживают, необходима дальнейшая адаптация опросника. Во-вторых, выборка нашего исследования состояла в основном из женщин. В-третьих, чтобы детализировать понимание взаимосвязи между параметрами домашней среды и установками по отношению к семье, важно изучить этот вопрос не только

в отношении молодежи, но и в отношении других возрастных групп – детей, подростков, взрослых и пожилых людей.

Результаты исследования могут быть полезны при формировании индивидуальных профилей предпочтений домашней среды. Они могут использоваться в детско-родительском и семейном консультировании и для выявления несоответствия между домом как особой жизненной средой и потребностями, ожиданиями и отношением к членам семьи. Кроме того, наши результаты могут стать основой для программ тренингов личностного роста.

Литература

- Нартова-Бочавер С. К., Бочавер А. А., Дмитриева Н. С., Резниченко С. И.* Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2016.
- Нартова-Бочавер С. К., Резниченко С. И., Ковалева А. И.* Роль образа дома в адаптации подростков к замещающей семье // Клиническая и специальная психология. 2017. Т. 6. № 4. С. 75–89.
- Смолова Л. В.* Психология взаимодействия с окружающей средой (экологическая психология): Монография. М.: Флинта, 2015.
- Bell P., Greene T. C., Fisher J. D., Baum A.* Environmental psychology. FL: Harcourt College Publishers, 2001.
- Cauce A. M., Domenech-Rodriguez M.* Latino families: Myths and realities / J. M. Contreras, K. A. Kerns, A. Neal-Barnett (Eds) // Latino children and families in the United States: Current research and future directions. N. Y.: Praeger, 2002. P. 3–25.
- Cieraad I.* Homes from Home: Memories and Projections // Home Cultures. 2010. № 7. V. 1. P. 85–102.
- Khachaturova M. R., Nartova-Bochaver S. K.* The home environment as a resource of coping behaviour in youth // Psychology. Journal of Higher School of Economics. 2017. № 14. V. 3. P. 555–566.
- Lugo Steidel A. G., Contreras J. M.* A New Familism Scale for Use with Latino Populations // Hispanic Journal of Behavioral Sciences. 2003. № 25. V. 3. P. 312–330.
- Nartova-Bochaver S. K., Kuznetsova V. B.* Friendly home and inhabitants' morality: mutual relationships // Frontiers in Psychology. 2018. № 8. P. 23–48.
- Norris-Baker C., Scheidt R. J.* Place attachment among older residents of a "ghost town": A transactional approach // Coming age / Ed. by R. Selby, K. Antony, J. Choi, B. Orland. Oklahoma, 1990.
- Shumaker S., Taylor R.* Toward a clarification of people-place relationships: A model of attachment to place // Environmental Psychology: Directions and perspectives / Eds N. Feimer, E. Geller. N. Y., 1983.

Home attachment and family attitudes

M. R. Khachaturova (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, National Research University
“Higher School of Economics”

In the current paper the interrelation between the home attachment and family attitudes is investigated. We assumed that the home attachment is related with positive family attitudes. The sample consisted of 393 participants (295 females and 98 males), students of different faculties of the Higher School of Economics. We used the Home Attachment Questionnaire and the Attitudinal Familism Scale. The results of the regression analysis show that such attitudes of «Attitudinal Familism Scale» as “Familial Support” and “Subjugation of Self for Family” predict Home Attachment. The study’s results can be helpful in design of the home environment, in forming individual profiles of the home environment preferences, and for intensification resource function of home as a factor of family atmosphere’ improvement.

Keywords: home attachment, family attitudes.

Актуальное состояние экологического сознания личности в условиях крупного мегаполиса

Н. Н. Хащенко (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: nadin-khash@yandex.ru*

Представлены результаты эмпирического исследования структуры актуального экологического сознания личности, которое рассматривается как совокупность ведущих элементов экологического сознания, определяющих жизнедеятельность личности в различных условиях проживания. При опросе жителей разных районов г. Москвы и Подмосковья, по специально разработанной программе была эмпирически установлена структура актуального экологического сознания. Она включает семь факторов: «Благоприятность экологической ситуации для проживания», «Экологическая ответственность», «Информированность и интерес к экологическим проблемам», «Связь с природой», «Значимость экологических проблем», «Экологический стресс» и «Ответственность за здоровье» и может характеризовать отношение жителей региона к экологическим условиям проживания.

Ключевые слова: актуальное экологическое сознание, экологическая ситуация, экологические проблемы, условия проживания.

Проблемы психологии экологического сознания активно развиваются в настоящее время в экологической психологии. Один из ведущих ученых и организаторов экологической психологии в нашей стране В. И. Панов, обобщая исследования в этой области, отмечает, что *психология экологического сознания* направлена на изучение индивидуального, группового экологического сознания и мировоззрения: выделение различных его типов, развитие в социо- и онтогенезе,

Исследование выполнено по Госзаданию ФАНО № 0159-2018-0003 «Психология коллективного субъекта в изменяющихся условиях совместной жизнедеятельности».

разработку психологических методов формирования, диагностики, коррекции и тренинга и др. Предметом психологии экологического сознания является экологическое сознание человека как высшая форма его психики, тип которого (антропоцентрический, экоцентрический) определяет особенности взаимодействия в системе «Человек—среда». Как отдельное направление психологии экологического сознания, вносящее свой вклад в развитие проблемы, по мнению Панова, выступают исследования экологического сознания как социально-психологического феномена и, в частности, актуального экологического сознания (Панов, 2004).

Понятие «актуальное экологическое сознание личности» было использовано нами в исследовании социально-психологических факторов жизнедеятельности личности на экологически неблагоприятных (радиоактивно загрязненных) территориях. Предполагалось, что актуализация элементов экологического сознания происходит при наличии объективных либо ожидаемых признаков изменения экологической ситуации и их совокупность становится ведущей и определяющей жизнедеятельность личности в условиях постоянного проживания на радиоактивно загрязненных территориях (Хашенко, 2002). Но последующие исследования позволили нам сделать вывод о том, что актуальное экологическое сознание, как совокупность элементов экологического сознания, которые становятся ведущими для личности и атрибутами ее как субъекта жизнедеятельности и которые включают наиболее значимые компоненты целостного отношения человека к экологической ситуации в районе проживания, необходимо изучать и в «обычных» условиях жизнедеятельности (Хашенко и др., 2015). Актуальное экологическое сознание опосредствует и трансформирует *систему отношений человека* к себе и другим людям, их поступкам и деятельности (Журавлев, Хашенко, 1996). При этом оно само испытывает воздействие со стороны многочисленных факторов, прежде всего относящихся к категории условий проживания (см., напр.: Гусева, Журавлев, 2002; Журавлев, Хашенко, 2000; и др.).

Таким образом, согласно теоретическим представлениям, лежащим в основе исследования, отношение личности к экологическим условиям жизни характеризует ее актуальное экологическое сознание.

Сбор эмпирических данных осуществлялся *методом* персонального формализованного интервью в технике «лицом к лицу» с помощью специально разработанной программы.

Объектом исследования стали жители разных районов г. Москвы и ближнего Подмосковья (г. Реутов, Балашиха, Люберцы, Жуковский, Егорьевск и др.). Выборку составили 118 чел.: 54% женщин

и 46% мужчин, средний возраст – 33,5 года, разного уровня образования, семейного положения и сферы профессиональной занятости, а также условий и длительности проживания в конкретном районе.

Эмпирические основания исследования. Основными характеристиками и показателями, которые анализировались с целью определения структуры актуального экологического сознания личности, выступили следующие.

1. *Динамика личностной оценки «благоприятности–неблагоприятности» экологической ситуации в районе проживания:* оценка экологической обстановки в районе проживания в настоящее время; ретроспективная оценка экологической обстановки в регионе проживания; оценка перспектив изменения экологических условий проживания в регионе; оценка направленности (вектора) изменения экологической ситуации в регионе; оценка личного эмоционального состояния в связи с экологической обстановкой; переживание чувства безнадежности в связи с экологическими условиями жизни.
2. *Значимость для личности экологических проблем, связанных с загрязнением природной среды:* частота обсуждения экологических вопросов с членами семьи (родственниками), друзьями, соседями, коллегами по работе; степень принятия личной ответственности и оценка ответственности других субъектов (государственных и общественных) за состояние экологической ситуации в районе проживания.
3. *Отношение личности к себе как субъекту экологического поведения:* оценка уровня собственной активности по разрешению экологических проблем, в том числе предпочитаемые действия под влиянием информации об экологической обстановке.
4. *Психологическая готовность личности к смене места жительства:* оценка степени личной привязанности к месту проживания; оценка предполагаемого изменения физического самочувствия при переезде на другое место жительства; отношение личности к переезду на другое место жительства; оценка готовности сменить место жительства ради обеспечения и сохранения своего здоровья.
5. *Информированность личности о состоянии экологической ситуации в районе проживания:* оценка степени информированности об экологической ситуации в районе проживания, в области, в стране и мире; оценка степени промышленного загрязнения в районе проживания, в области; признаки-ориентиры в оценке промышленного загрязнения в районе проживания.

6. *Ценностное отношение личности к природе*: оценка частоты отдыха на природе самого человека, членов семьи, окружающих; оценка степени желания бывать на природе.
7. *Беспокойство личности за собственное здоровье в связи с экологическими условиями проживания*: общая оценка экологической ситуации в районе проживания с точки зрения ее «опасности—безопасности» для здоровья; оценка степени беспокойства за свое здоровье и здоровье членов семьи в связи с экологической обстановкой в районе; степень влияния состояния здоровья членов семьи на отношение личности к экологическим проблемам; оценка готовности сменить место жительства ради обеспечения и сохранения своего здоровья; оценка состояния здоровья и изменения самочувствия в трех временных срезах: в прошлом, настоящем и будущем; принятие конкретных мер, направленных на профилактику и укрепление здоровья; оценка частоты обращения за медицинской помощью.
8. *Оценка психологической напряженности личности из-за состояния здоровья членов семьи и близких в связи с экологическими условиями проживания*: оценка состояния здоровья членов семьи (супруга, детей) в настоящее время; степень влияния состояния здоровья членов семьи на отношение личности к экологическим проблемам; оценка степени «опасности—безопасности» экологической ситуации в районе проживания для здоровья членов семьи; оценка степени тревоги, беспокойства за здоровье членов семьи, в связи с экологической обстановкой в районе проживания.

Результаты исследования

В результате исследования была установлена *эмпирическая* (факторная) *структура актуального экологического сознания*, описывающая систему ведущих компонентов отношения личности к экологическим условиям проживания. Данная структура выделена с помощью процедуры факторного анализа. Названия факторов были определены в результате обобщения групп переменных, и, таким образом, структуру составили следующие факторы:

1-й фактор — «*Благоприятность экологической ситуации для проживания*» (факторный вес — 4,44) определяют следующие переменные, вошедшие в него со значимыми значениями: оценка экологической обстановки в районе проживания в настоящее время (0,655); ретроспективная оценка экологической обстановки в регионе проживания (0,794); оценка перспектив изменения эколо-

- гических условий проживания в регионе (0,691); оценка уровня собственной активности по разрешению экологических проблем (0,550); оценка степени промышленного загрязнения в районе проживания (−0,676) и области (−0,674); оценка личного эмоционального состояния в связи с экологической обстановкой (0,513); общая оценка экологической ситуации в районе проживания с точки зрения ее «опасности—безопасности» для здоровья (−0,531); оценка изменения самочувствия в связи с экологией (0,482).
- 2-й фактор — *«Экологическая ответственность»* составили переменные, отражающие оценку степени принятия ответственности различных субъектов: президента страны (0,695), правительства (0,831), законодательной власти (0,831), местной власти (0,817), органов охраны природы (0,727), экологических движений (0,579), политических партий (0,680), руководства предприятий (0,596) — за состояние экологической ситуации в районе проживания. Данный фактор имеет самую высокую факторную нагрузку в структуре — 4,65.
- 3-й фактор — *«Информированность и интерес к экологическим проблемам»* (факторный вес 3,98) определили показатели оценки степени информированности об экологической ситуации в районе проживания (0,864), в области (0,736), в стране и мире (0,969), а также отношение личности к переезду на другое место жительства (0,770).
- 4-й фактор — *«Связь с природой»* составили оценки частоты отдыха на природе самого человека (0,820), членов семьи (0,848), окружающих (0,831), а также оценка степени желания бывать на природе (0,642).
- 5-й фактор — *«Значимость экологических проблем»* связан с такими показателями, как частота обсуждения экологических вопросов с членами семьи, родственниками (0,813), друзьями (0,767), соседями (0,684), коллегами по работе (0,745).
- 6-й фактор — *«Экологический стресс»* (вес фактора 3,29), в данный фактор вошли показатели: оценка влияния существующей экологической ситуации на проживание в регионе (степени личной привязанности к месту проживания) (−0,577); оценка предполагаемого изменения физического самочувствия при переезде на другое место жительства (−0,752); оценка готовности сменить место жительства ради обеспечения и сохранения своего здоровья и здоровья семьи (0,641); оценка степени беспокойства за свое здоровье и здоровье членов семьи в связи с экологической обстановкой в районе проживания (0,554); степень влияния

состояния здоровья членов семьи на отношение личности к экологическим проблемам (0,511); оценка экологической ситуации в районе проживания с точки зрения ее «опасности—безопасности» для здоровья (0,505); переживание чувства безнадежности в связи с экологическими условиями жизни (−0,466); оценка уровня собственной активности по разрешению экологических проблем, в том числе, предпочитаемые действия под влиянием информации об экологической обстановке (0,461).

7-й фактор — «*Ответственность за здоровье*» определяется оценками состояния здоровья (0,499) и его изменения в связи с экологической ситуацией в районе проживания (0,453); оценками характера изменения здоровья в ближайшем будущем (0,477); частотой обращения за медицинской помощью (−0,648), а также принятием на себя ответственности за состояние окружающей природной среды (0,595).

Таким образом, в результате исследования была выявлена эмпирическая структура актуального экологического сознания личности, которая включает в себя семь факторов: «Благоприятность экологической ситуации для проживания», «Экологическая ответственность», «Информированность и интерес к экологическим проблемам», «Связь с природой», «Значимость экологических проблем», «Экологический стресс» и «Ответственность за здоровье».

Актуальное экологическое сознание опрошенных *характеризуется в целом* позитивной направленностью временных оценок экологической ситуации в районе проживания. Но вместе с тем негативно оценивается степень промышленного загрязнения в районе проживания и области. Повышенный интерес к экологическим проблемам и обеспокоенность экологической ситуацией сопровождается эмоциональными переживаниями. Несмотря на положительную оценку своего здоровья и оценки относительной «безопасности» для здоровья экологической ситуации в регионе проживания, проявляется обеспокоенность тем, что экологическая обстановка опасна для здоровья и может нанести вред.

Экологическая ответственность в большей мере возлагается на правительство страны, органы законодательной и местной власти. Также значительная мера ответственности за состояние экологической ситуации в районе проживания отводится органам охраны природы и политическим партиям. Определенную ответственность за состояние окружающей среды, по мнению опрошенных, несут экологические движения и руководство предприятий. Но при этом личная ответственность за состояние окружающей природной сре-

ды в большей мере связана с отношением к здоровью, а не с экологической ответственностью как общественной нормой.

Значимость информированности и интерес к экологическим проблемам в мире, районе проживания, области и стране сочетается с определенной «привязанностью» к месту проживания и нежеланием «покидать родные места».

Большое желание и потребность бывать на природе реализуются в достаточно частых «выходах на природу» для отдыха, прогулках в лесу и парке самого человека, его семьи, знакомых людей.

Значимость экологических проблем для личности определяется их частыми обсуждениями, в первую очередь с близкими — членами семьи и родственниками, а также со своим социальным окружением — друзьями, коллегами и соседями, т. е. люди чаще всего говорят о том, что их волнует.

Проявляется беспокойство за свое здоровье и здоровье членов семьи и психологическая готовность к смене места жительства из-за неблагоприятности экологических условий жизни и их влияния на здоровье. Но также повышение степени привязанности к региону проживания; предположения, что при переезде на другое место жительства физическое самочувствие лучше не станет; надежда на позитивные изменения экологических условий и определенная активная позиция, направленная на различные действия по улучшению экологических условий своей жизни.

В целом, позитивные оценки своего здоровья, прогноз его стабильности, даже несмотря на изменение экологических условий жизни, как следствие — нечастые обращения за медицинской помощью, соотносятся с принятием на себя ответственности за состояние окружающей природной среды.

Литература

Гусева А. Ю., Журавлев А. Л. Программа социально-психологического исследования экологического сознания личности // Современная психология: состояние и перспективы исследования: Юбилейная научная конференция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 231–250.

Журавлев А. Л., Хащенко В. А. Динамика экологического сознания населения России в связи с глобальными изменениями природной среды: программа социально-психологического исследования // Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996. С. 209–214.

- Журавлев А. Л., Хащенко Н. Н.* Исследование социально-психологических факторов адаптации личности к экологически неблагоприятной среде жизнедеятельности // 2-я Российская конференция по экологической психологии. М., 2000. С. 64–65.
- Панов В. И.* Экологическая психология: Опыт построения методологии. М.: Наука, 2004.
- Хащенко Н. Н., Баранова А. В., Панова Е. М.* Динамика субъективного экологического благополучия человека в условиях проживания на экологически неблагоприятных территориях // Альманах мировой науки. 2015. № 2–3 (2). С. 117–122.
- Хащенко Н. Н.* Социально-психологические факторы жизнедеятельности личности в условиях постоянного проживания на радиоактивно загрязненных территориях // Современная психология: Состояние и перспективы исследований: Ч. 2. Общая и социальная психология, психология личности и психофизиология, экономическая, организационная и политическая психология: Материалы Юбилейной научной конференции ИП РАН. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 249–259.

The current state of ecological consciousness of personality in a large city

N. N. Khashchenko (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology of RAS

The results of empirical research aimed at determining the structure of the actual ecological consciousness of the individual, which is considered as a set of leading elements of ecological consciousness that determine the life activity of the individual in different living conditions. During the survey of residents of different districts of Moscow and Moscow region, according to a specially developed program, an empirical structure of the current environmental consciousness was established. It includes seven factors: “Environmental Friendliness for living”, “Environmental responsibility”, “Awareness and interest in environmental problems”, “Connection with nature”, “The Importance of environmental problems”, “Environmental stress” and “Responsibility for health” and can characterize the attitude of the inhabitants of the region to environmental conditions.

Keywords: actual ecological consciousness, ecological situation, ecological problems, living conditions.

Динамика удовлетворенности жизнью и самооенок внешнего облика у женщин, занимающихся йогой

Т. А. Шкурко (Ростов-на-Дону)

кандидат психологических наук, доцент, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета; e-mail: shkurko@sfedu.ru

В работе рассматривается проблема разработки практико-ориентированных оснований для создания программ снижения влияния лужизма в связи с неудовлетворенностью и обеспокоенностью человека своим внешним обликом (Лабунская, Капитанова, 2016). В статье приведены результаты исследования динамики удовлетворенности жизнью и самооенок внешнего облика у женщин, занимающихся йогой. Для изучения динамики в работе была использована экспериментальная процедура с замерами изучаемых личностных параметров «до» и «после» влияния независимой переменной – курса занятий йогой. Методики исследования: 1) индекс жизненной удовлетворенности в адаптации Н. В. Паниной (Панина, 1993); 2) методика «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» В. А. Лабунской (Лабунская, 2009); 3) анкета «Социально-психологическая эффективность занятий йогой» (Т. А. Шкурко, М. Н. Лосева). Обнаружена «положительная» динамика следующих показателей: 1) индекса жизненной удовлетворенности; 2) интереса к жизни; 3) общего фона настроения; 4) самооенок своего телосложения; 5) оенок своего выразительности поведения; 6) степени принятия своего отраженного внешнего облика; 7) соответствия внешнего облика гендеру и гендерным ролям; 8) возрастной привлекательности внешне-

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01260 «Социальная психология внешнего облика: функции, значимость, удовлетворенность, обеспокоенность, интерпретации в межличностном и внутригрупповом взаимодействии в молодежной среде».

го облика. Полученные результаты позволяют рассматривать йогу как один из инструментов работы с неудовлетворенностью и обеспокоенностью своим внешним обликом.

Ключевые слова: внешний облик, удовлетворенность жизнью, оценка внешнего облика, йога, динамика, лукизм.

Внешний облик человека в эпоху визуальной культуры является отправной точкой многих социально-психологических явлений: социального познания, общения, установления и развития отношений и др. В работах В. А. Лабунской (Лабунская, Капитанова, 2016; Лабунская, Дроздова, 2017) говорится о таком феномене, как «социальное давление» внешнего облика на различные сферы бытия человека. Это явление связано с высокой субъективной значимостью внешнего облика, которая представлена в системе оценок и самооценок внешнего облика, в степени удовлетворенности и обеспокоенности внешним обликом. В связи с этим перед профессиональным сообществом встает задача разработки различных программ снижения «социального давления» внешнего облика. В настоящий момент отечественными исследователями изучены психопрофилактические возможности программ на основе различных направлений йоги, доказано их влияние на познавательные процессы (Бакулина, Цветков, Павлова, 2014), на уровень тревожности, агрессивности и самооценки (Богун, Конашенкова, 2015), на формирование уверенности в себе (Никитина, 2014), на психологическое здоровье (Рагозин, Адылбаева, 2015). Опираясь на понятие внешнего облика и представления о преобразовании внешнего облика В. А. Лабунской (Лабунская, 2009; Лабунская, Дроздова, 2017), мы рассматриваем йогу как одну из важнейших практик преобразования человеком своего внешнего облика и отношения к нему.

Целью работы явилось изучение динамики удовлетворенности жизнью и самооценок внешнего облика у женщин, занимающихся йогой. Предметом исследования выступили удовлетворенность жизнью в различных сферах и оценка внешнего облика у женщин, занимающихся йогой. Гипотезы исследования: 1) в процессе занятий йогой удовлетворенность жизнью и оценка внешнего облика женщин могут изменяться; 2) параметры самооценки внешнего облика и удовлетворенность жизнью у женщин, занимающихся йогой, могут быть взаимосвязаны.

Для доказательства данных гипотез в исследовании были поставлены следующие эмпирические задачи: 1) изучить динамику параметров самооценки внешнего облика и удовлетворенности жизнью

у женщин в процессе занятий йогой; 2) проанализировать взаимосвязи параметров самооценки внешнего облика и удовлетворенности жизнью у женщин, занимающихся йогой.

В качестве методов исследования выступили:

1. Индекс жизненной удовлетворенности в адаптации Н. В. Паниной (Панина, 1993). Использована для диагностики общего индекса жизненной удовлетворенности, а также следующих ее параметров: 1) интерес к жизни; 2) последовательность в достижении целей; 3) согласованность между поставленными и достигнутыми целями; 4) положительная оценка себя и собственных поступков; 5) общий фон настроения.
2. Методика «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» В. А. Лабунской (Лабунская, 2009). Использована для диагностики оценки личностью различных компонентов своего внешнего облика (лица, телосложения, выразительного поведения и т. д.), интегральных оценок внешнего облика (оценка привлекательности внешнего облика для партнера противоположного пола, оценка сексуальности, интегральная оценка внешнего облика), а также параметра удовлетворенности своим внешним обликом.
3. Анкета «Социально-психологическая эффективность занятий йогой» (Т. А. Шкурко, М. Н. Лосева). Анкета, помимо демографической информации, содержала вопросы, выясняющие: 1) мотивы занятий йогой; 2) удовлетворенность жизнью (вопрос «Довольны ли вы тем, как складывается ваша жизнь?»); 3) соматические, психологические и социально-психологические эффекты от занятий йогой (вопросы: «Какие изменения в своей жизни вы связываете с занятиями йогой», «Какие изменения в своем теле вы связываете с занятиями йогой», «Какие изменения в своем самочувствии вы связываете с занятиями йогой», «Какие изменения в своих отношениях с окружающими вы связываете с занятиями йогой», «В нескольких словах выразите основной эффект для вас от занятий йогой»).

Исследование было осуществлено на базе психологического центра «Эврика» (Ростов-на-Дону) во время реализации программы занятий йогой «Йога и жизнь» профессиональным психологом, преподавателем йоги М. Н. Лосевой. Выборку исследования составили 25 женщин в возрасте от 23 до 70 лет, посещающие занятия йогой. Программа «Йога и жизнь» рассчитана на занятия не менее 2 раз в неделю. Каждое занятие длится 1,5 часа. В структуру каждого заня-

тия входят: 1) вводная часть – подготовительные, настраивающие на изменения состояния, ритма жизни дыхательные и расслабляющие действия; 2) основная часть – серия определенной последовательности поз (асан), которые выполняются в сочетании с определенным дыханием, остановками и плавными переходами поз из одной в другую; 3) заключительная часть – отдых в расслабленной позе лежа в течение 10–20 мин. Во время выполнения упражнений участникам предлагалось особенно внимательно осознать свое состояние и усилить (или, наоборот, ослабить) выполнение некоторых поз. Специфика каждого занятия программы разрабатывалась на основе изменений эмоционального состояния, которые демонстрировали участники.

Под динамикой параметров самооценки внешнего облика и удовлетворенности жизнью мы понимали изменение во времени их основных параметров под влиянием занятий йогой (Шкурко, 2009). Данный подход к динамике определил выбор способа фиксации динамики. Так, в работе в качестве способа фиксации применялся лонгитудно-дискретный метод, а именно: фиксация изучаемых параметров через определенные промежутки времени. Замеры были произведены 2 раза с интервалом в полгода, т. е. фактически «до» и «после» реализации программы «Йога и жизнь».

Для выявления динамики параметров самооценки внешнего облика и удовлетворенности жизнью у женщин в процессе занятий йогой применялся непараметрический ранговый Z-критерий Вилкоксона. В результате обработки полученных данных были обнаружены статистически значимые различия между изучаемыми переменными до и после проведения программы «Йога и жизнь».

Рассмотрим сначала показатели удовлетворенности жизнью. Значимые различия были выявлены относительно следующих показателей: 1) индекс жизненной удовлетворенности после занятий йогой у женщин значительно повысился ($Z = -3,657$ при $p < 0,001$); 2) интерес к жизни после занятий йогой респонденты оценивали значительно выше ($Z = -2,640$ при $p < 0,01$); 3) общий фон настроения также стал значимо позитивнее ($Z = -3,384$ при $p < 0,01$).

Также обнаружена динамика самооценок внешнего облика у женщин, занимающихся йогой. Эта динамика имела «позитивный» профиль, а именно – увеличение выраженности изучаемых показателей с первого по второй замер. Во-первых, нами обнаружена «позитивная поступательная» динамика оценки личностью различных компонентов своего внешнего облика, а именно: 1) оценок своего телосложения ($Z = -3,527$ при $p < 0,001$); 2) оценок своей выразительности поведения ($Z = -3,765$ при $p < 0,001$). Во-вторых, обнаружена динамика

интегральных оценок своего внешнего облика: 1) степени принятия своего отраженного внешнего облика ($Z=-3,128$ при $p<0,01$); 2) соответствия внешнего облика гендеру ($Z=-3,545$ при $p<0,001$) и гендерным ролям ($Z=-3,238$ при $p<0,01$); 3) возрастной привлекательности внешнего облика ($Z=-3,020$ при $p<0,01$).

Для анализа взаимосвязей параметров самооценки внешнего облика и удовлетворенности жизнью женщин, занимающихся йогой, был применен корреляционный анализ Спирмена. Корреляционному анализу подверглись как результаты первого замера (полученные до курса занятий йогой), так и второго (полученные после занятий йогой). На первом этапе исследования обнаружены следующие взаимосвязи: между индексом жизненной удовлетворенности и такими параметрами самооценки внешнего облика, как отношение к своему телосложению ($r=0,434$ при $p<0,05$); соответствие внешнего облика гендерным ролям ($r=0,408$ при $p<0,05$); оценка сексуальности внешнего облика ($r=0,408$ при $p<0,05$). На втором этапе исследования обнаружены следующие взаимосвязи: между индексом жизненной удовлетворенности и степенью принятия своего отраженного внешнего облика ($r=0,453$ при $p<0,05$); между общим фоном настроения и оценками возрастной привлекательности внешнего облика ($r=0,562$ при $p<0,01$), оценками оформления своего внешнего облика ($r=0,463$ при $p<0,05$), показателями соответствия внешнего облика возрасту ($r=0,464$ при $p<0,05$), оценками привлекательностью внешнего облика для партнера противоположного пола ($r=0,430$ при $p<0,05$).

Таким образом, нами обнаружена сложная система взаимосвязи между самооценками внешнего облика и удовлетворенностью жизнью женщин, занимающихся йогой, а также «положительная» динамика параметров самооценки внешнего облика и удовлетворенности жизнью у женщин, занимающихся йогой, что позволяет рассматривать йогу как один из инструментов работы с неудовлетворенностью и беспокойностью своим внешним обликом.

Литература

- Бакулина А. Ю., Цветков А. В., Павлова Е. В.* Особенности познавательных процессов женщин, практикующих йогу // *European Social Science Journal*. 2014. № 8–3 (47). С. 271–277.
- Богун О., Конашенкова О. М.* Исследование влияния занятий йогой на психические характеристики личности студентов первого курса факультета психологии // *Сборники конференций НИЦ «Социосфера»*. 2015. № 14. С. 46–48.

- Лабунская В. А.* Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009.
- Лабунская В. А., Капитанова Е. В.* Обеспокоенность и удовлетворенность студентов своим внешним обликом как предикторы самооценок его компонентов и характеристик // *Российский психологический журнал*. 2016. Т. 13. № 1. С. 167–183.
- Лабунская В. А., Дроздова И. И.* Теоретико-эмпирический анализ влияния социально-психологических факторов на оценки, самооценки молодыми людьми внешнего облика // *Российский психологический журнал*. 2017. Т. 14. № 2. С. 202–226.
- Никитина О. П.* Влияние духовных практик на формирование уверенности в себе // *Педагогическое образование в России*. 2014. № 5. С. 131–134.
- Панина Н. В.* Индекс жизненной удовлетворенности // *Lifeline и другие новые методы психологии жизненного пути* / Под ред. А. А. Кроника. М.: Прогресс, 1993. С. 107–114.
- Рагозин Б. В., Адылбаева А. С.* К вопросу о влиянии физической нагрузки оздоровительной направленности (йоги Патанджали) на психологическое здоровье человека (обзор литературы) // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. 2015. № 4 (88). С. 9–15.
- Шкурко Т. А.* Гетерохронность динамики различных видов отношений личности в процессе социально-психологического тренинга // *Российский психологический журнал*. 2009. Т. 6. № 5. С. 23–31.

Dynamics of life satisfaction and self-evaluations of their physical appearance in engaged in yoga women

Т. А. Shkurko (Rostov-on-Don)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Southern Federal University

This paper considers the problem of practice-oriented foundations for development of the programs aimed to reduce the impact of lookism in connection with the dissatisfaction and concern of a person with his or her physical appearance (Labunskaya, Kapitanova, 2016). The results of the life satisfaction and self-esteem of appearance dynamics in women engaged in yoga study are presented. To study these dynamics we used an experimental procedure of the personal parameters measurements “before” and “after” the influence of an independent variable – the course of yoga. Research methods: 1) “Index of life satisfaction in the adaptation” of N. V. Panina (Panina, 1993); 2) method of “Self assessment and meaningful interpretation of per-

son appearance and its compliance to gender and age constructs” V. A. Labunskaya (Labunskaya, 2009); 3) Questionnaire “Socio-psychological efficiency of yoga practice” (T. A. Shkurko, M. N. Loseva). “Positive” dynamics of the following indicators were revealed: 1) life satisfaction index; 2) interest in life; 3) the general mood background; 4) self-evaluations of physique; 5) estimates of expressive behavior; 6) the degree of “reflected appearance” acceptance 7) gender and gender roles compliance with the appearance; 8) age attractiveness of appearance. The results allow us to consider yoga as one of the tools to work with person’s physical appearance dissatisfaction and concern.

Keywords: appearance, life satisfaction, evaluation of the physical appearance, yoga, dynamics, lookism.

Раздел VII

МЫШЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ПОЗНАНИИ, ОБЩЕНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Критерии различения аналитических и холистических задач

*В. В. Апанович**, *А. Г. Тищенко***, *К. Р. Арутюнова****, *В. В. Знаков*****,
*Ю. И. Александров***** (Москва)*

** аспирант Институт психологии РАН; e-mail: apanovitschvv@yandex.ru*

*** студент, Государственный академический университет гуманитарных наук, Институт психологии РАН; e-mail: wolf1276@yandex.ru*

**** кандидат психологических наук, ассоциированный сотрудник,
Институт психологии РАН*

***** доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН;
e-mail: znakov50@yandex.ru*

****** чл.-корр. РАО, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; e-mail: yuraalexandrov@yandex.ru*

Были описаны два критерия, характеризующие аналитические и холистические задачи: критерий пошаговости решения и критерий возможности дробления задачи на отдельные элементы. Опираясь на эти критерии, мы отобрали по три типа аналитических и холистических задач. Было показано, что блоки аналитических и холистических задач обладают высокой степенью внутренней согласованности (α Кронбаха равна 0,642 и 0,703, соответственно). Также было показано, что обобщенные показатели решения задач значимо коррелируют с аналитичностью—холистичностью решавших их субъектов, определенной по шкале аналитичности—холистичности. Сделан вывод о том, что существуют задачи, успешность решения которых связана с аналитичностью—холистичностью мышления.

Ключевые слова: аналитичность, холистичность, решение задач, психометрика.

Одним из актуальных направлений в современной психологии является исследование аналитичности—холистичности. Данный конструкт

Исследование поддержано РНФ, проект № 14-28-00229.

понимается по-разному: как тип ментальности, тип мировоззрения, присущий западным и не западным культурам соответственно. В литературе имеются данные о том, что, помимо межкультурных различий, имеются и внутрикультурные различия. Помимо этого, было показано, что задачи разного характера, связанные с восприятием простых фигур, с разной степенью успешности, решаются субъектами, принадлежащими к аналитическим и холистическим культурам (Nisbett et al., 2001; и мн. др.).

В связи с этим нами было предположено, что существуют типы задач, для успешного решения которых необходимо мышление с преобладанием либо аналитического, либо холистического компонентов (Апанович и др., 2017). В литературе встречаются задачи, которые описываются как аналитические или холистические, однако нет общепринятых критериев различения, применимых к разным типам задач.

Мы выделяем *два критерия различения*, которые с содержательной стороны могут дифференцировать аналитические и холистические задачи. В качестве первого критерия выступает наличие в процессе решения строгой нециклической последовательности действий, обязательной для достижения результата (т. е. критерий линейности, пошаговости решения). То есть оценивается возможность выделения отдельных шагов, этапов в решении задачи, на каждом из которых решается часть задачи. При этом этапы не являются содержательно идентичными и завершение каждого из них необходимо для перехода к следующему. В противном линейности случае имеет место simultaneity в решении. Пошаговость решения предполагает принципиальную возможность работать не со всем контекстом задачи целиком, а с какими-то отдельными ее элементами (фрагментами). Другие элементы могут на том или ином шаге игнорироваться, и это не препятствует успешному решению. Сфокусированность на отдельной части условия описывается как фокус внимания и является одной из ключевых характеристик аналитичности—холистичности (Nisbett et al., 2001; и мн. др.).

Вторым критерием выступает количество одновременно анализируемых элементов и альтернатив, которыми необходимо одновременно оперировать в процессе решения задачи. К одному классу могут быть отнесены задачи, в которых необходимо оперировать относительно небольшим количеством элементов, а к другому — задачи, в которых выделение количества элементов и альтернатив либо затруднительно, либо слишком велико. Для такого класса задач описано, что решение происходит не по принципу анализа дисъюнктивных альтернатив, а при работе с целостным контекстом зада-

чи (Брушлинский, 2006), что также соотносится с таким компонентом аналитичности—холистичности, как фокус внимания (Nisbett et al., 2001).

Описание задач

На основании указанных критериев в первый класс задач (аналитических) мы включили две классические логические задачи: «На соответствие» и «Рыцари и Лжецы» (Смаллиан, 1981) — и методику «Выделение существенных признаков».

Решение логических задач предполагает пошаговое решение и возможность оперирование категориями «истинность» и «ложность». При этом для логических задач пошаговость решения более выражена (практически отсутствует необходимость «целостного» восприятия картины), а также истинность и ложность могут атрибутироваться не только конечному ответу (правильный или неправильный), но и отдельным суждениям, составляющим решение задачи.

1. Тип «На соответствие»: необходимо установить, какой из указанных признаков соответствует тому или иному объекту на основе имеющейся информации. Пример задачи:

На столе лежат в ряд фигуры: треугольник, ромб, круг и квадрат. Цвета этих фигур — зеленый, черный, синий, красный. Фигура красного цвета лежит между зеленой и синей, справа от черной фигуры лежит ромб, круг лежит правее треугольника и ромба, причем треугольник лежит не с краю, и, наконец, фигура синего цвета не лежит рядом с фигурой черного цвета.

Испытуемому необходимо, отбрасывая ложные варианты, приводящие к противоречиям, достраивать картину соответствия, соотнося истинность и ложность условий.

2. Тип «Рыцари и лжецы» представляет собой задачи, описывающие высказывания людей, которые определяются как «Рыцари» или «Лжецы». Рыцари всегда говорят только правду, лжецы — всегда лгут. Основной принцип заключается в определении, кем являются персонажи через соотнесение истинности и ложности высказываний. Пример задачи:

Имеются два островитянина: А и В. А говорит: «По крайней мере один из нас лжец». Кто такой А (рыцарь или лжец) и кто такой В?

Решение таких задач предполагает решение «от противного» и нахождение противоречия, нетерпимость к которому также является важной чертой аналитического мышления (Nisbett et al., 2001).

Эти два вида задач решаются схожим способом, предполагающим последовательный переход от одних условий к другим (пошаговость). На каждом из шагов анализируются разные элементы задачи (распределенность фокуса внимания). При этом на каждом из шагов действует принцип силлогизма — из двух утверждений синтезируется новое умозаключение, которое в дальнейшем начинает выступать в качестве посылки для новых умозаключений. Таким образом, на каждом из этапов происходит работа только с двумя элементами задачи.

Стоит отметить, что принцип силлогизма предполагает использование формальной аристотелевской логики, где приписывание статуса истинности и ложности строго дизъюнктивно. Подобное строгое разграничение на истинные и ложные высказывания характерно для аналитического мышления (Nisbett et al., 2001). Предполагается, что субъекты с аналитическим мышлением более чувствительны к атрибуции утверждениям статусов истинности или ложности, исключая противоречия, что может выражаться в более успешном решении задач, основанных на принципе избегания формальных противоречий в высказываниях. Субъекты с холистическим мышлением менее чувствительны к противоречиям, склонны синтезировать противоречивые суждения в единое непротиворечивое целое.

3. Методика «Выделение существенных признаков» (Маленов, Маленова, 2005), предполагает выделение двух наиболее существенных признаков предмета или явления, абстрагируясь от несущественных или ситуативных. Пример задачи:

Слово: Война.

Предлагаемые признаки: аэроплан, пушки, сражение, ружья, солдаты.

Путь решения соотносится с одной из базовых характеристик аналитического мышления: понимание объектов или явлений как константных (неопределяемых через ситуативные проявления) во времени и наделенных диспозиционными свойствами. Учет же ситуативных факторов характеризует холистическое мышление (Nisbett et al., 2001). Поэтому есть основания полагать, что субъекты с аналитическим мышлением могут решать данную задачу успешнее. Предполагается, что участник исследования способен по очереди оценивать каждое слово, игнорируя остальную часть стимульного материала. Таким образом, решение задачи можно считать пошаговым, с возможностью делить задачу на отдельные элементы.

Во второй класс задач (холистических) попали те задачи, для решения которых необходим учет целостного контекста (т. е. невозможность дробить задачу на отдельные элементы) и те, ответ в которых зачастую невозможно описывать в терминах «истинность» или «ложность», т. е. описываемые через нарративный и тезаурусный способ понимания мира (Знаков, 2016).

1. Моральные дилеммы (Arutyunova et al., 2013) предполагают ситуацию, в которой испытуемому предлагается оценить допустимость совершаемых персонажем действий в ситуации выбора одного из вариантов, при котором погибают либо пять человек, либо один. Испытуемому нужно было оценить поступок персонажа по 7-балльной шкале Лайкерта, на полюсах которой располагались категории «Запрещено» и «Разрешено», а ниже в свободной форме описать свою аргументацию относительно принятого решения. Задачи построены таким образом, что активное действие (например, повернуть рычаг стрелки поезда) приводит к гибели одного человека и спасению пятерых, а бездействие — к гибели пятерых при отсутствии угрозы для одного другого человека.

Представленность в дилеммах социальных ситуаций исключает присутствие категорий «истинность» и «ложность». Вместо этого ключевое значение играет категория смысла и постижения. При этом постижение постулируется как схватывание принципиально целостного контекста, как понимание без объяснения, т. е. происходящее на холистическом, интуитивном уровне, что обеспечивает «свернутость» во времени (Знаков, 2016). Это является основанием утверждать, что решение моральных дилемм предполагает холистичность мышления.

Поскольку любой обоснованный и подробно обсужденный ответ (связанный с тезаурусным способом понимания мира) не может описываться в терминах «истинности» или «ложности», решением в моральной дилемме выступает не столько ответ, сколько способ, которым к этому ответу пришел субъект (Брушлинский, 2006).

2. Задачи на нахождение ассоциаций (Кашапов, 2009). Испытуемому предлагается называть ассоциации на предъявляемые слова с ограничением в 20 секунд на слово. Ассоциативное мышление рассматривается как одна из ключевых характеристик тезаурусного способа понимания мира, и оно свойственно пониманию — постижению по теории многомерного мира человека (Знаков, 2016). Для такого мышления характерна ассоциативность с упорядоченным по скрытым критериям знаниям, ценностным осмыс-

лением знания, эмоциональная включенность, а также целостный, одновременный характер понимания.

3. Анаграммы описываются как задачи синтетического характера (Коровкин, 2016; и др.). Синтетическая задача – это задача, в которой новое знание формируется на основе целостного восприятия. Предполагается, что подобная синтетическая (и холистическая) стратегия продуктивнее, нежели решение анаграмм методом перебора, так как количество вариантов, которые могут складываться из искомым букв методом перебора по комбинаторным формулам, могут достигать огромных значений (к примеру – для слов из 8 букв количество альтернатив равно 40320). Решение таких задач перебором контрпродуктивно и поэтому требует работы со всем набором элементов, неделимость на отдельные этапы, одновременное схватывание условий, что обеспечивает целостное холистическое схватывание.

Была проведена *апробация задач*, в ходе которой проверялись их психометрические характеристики: надежность – согласованность и валидность. Участниками исследования стали 36 субъектов (18 женщин и 18 мужчин; средний возраст – 20,8 года, медиана – 20 лет). Вначале им предлагалось заполнить шкалу аналитичности – холистичности в нашей адаптации (Апанович и др., 2017). Затем участники исследования решали шесть наборов задач в следующем порядке.

1. *Задачи про рыцарей и лжецов*. Набор включает в себя 4 задачи. Регистрировалось количество правильно решенных задач и время решения. Обобщающим показателем для этой задачи использовался показатель эффективности: отношение количества правильно решенных задач к единице времени.
2. *Анаграммы*. Набор включает в себя 6 анаграмм, выровненных по количеству букв и частоте встречаемости загаданных слов. В качестве основной переменной использовалось время ответа (при учете того, что испытуемый в принципе смог справиться с анаграммой).
3. *Моральные дилеммы*. Набор включал 4 моральные дилеммы. Регистрировалось время принятия решения.
4. *Задачи на соответствие*. Набор включал в себя 2 задачи. Регистрировалось количество правильно решенных задач и время решения. Обобщающим показателем для этой задачи использовался показатель эффективности: отношение количества правильно решенных задач к единице времени.
5. *Задачи на нахождение ассоциаций*. Испытуемым предлагалось 8 слов для подбора к ним ассоциаций. Регистрировались оригина-

нальность ассоциаций (относительная частота данной ассоциации из всех данных ассоциаций на это слово) и семантическая гибкость (количество значений слов, на которые были даны ассоциации).

6. *Выделение существенных признаков.* Регистрировалось количество правильно решенных задач (время ответа не анализировалось, так как разброс значений по этой переменной крайне невысок).

На предварительном этапе (Тищенко и др., 2017) внутри каждого блока были отобраны только те задачи, характеристики которых являлись согласованными и выровнены по психометрической трудности.

В результате апробации вначале нами была проверена внутренняя согласованность (отдельно для аналитических, отдельно для холистических задач). В обоих случаях в анализ нами включались все указанные выше переменные. В случае дихотомических пунктов (правильность ответа) в анализ включалась интегративная шкала по данному виду задач (сколько всего задач данного вида было решено). В результате α Кронбаха для аналитических задач составила 0,642 (для 9 переменных), а для холистических (для 26 переменных) – 0,703. Время ответа инвертировалось, чтобы полюс больших значений для всех шкал соответствовал более успешному показателю решения. Итоговые показатели говорят о довольно высокой согласованности задач. В целом, на этом этапе можно говорить о том, что описанные нами теоретически два класса задач можно рассматривать как однородные наборы.

Следующим этапом была проверка валидности двух классов задач относительно конструкта аналитичности – холистичности. Была проанализирована взаимосвязь между интегративным показателем аналитических задач и шкалой АНС и между интегративным показателем холистических задач и шкалой АНС. Интегративный показатель рассчитывался как сумма Z-координат (Z-координаты использовались для того, чтобы можно было суммировать значения, измеренные в разных единицах), взятых с учетом их знака.

Разница между показателями успешности решения холистических и аналитических задач (т. е. итоговый балл успешности, в котором показатели аналитических задач брались с отрицательными значениями) значимо коррелирует при $r=0,496$, $p=0,016$ (использовался коэффициент корреляции Спирмена). Таким образом, можно говорить о том, что чем выше холистичность субъекта, тем лучше он решает холистические задачи и тем хуже – аналитические.

Заключение

Впервые были обоснованы (теоретически и эмпирически) и описаны критерии различения аналитических и холистических задач. На основе критериев были сформированы два блока задач, которые можно использовать при проведении психологических экспериментов. Было показано, что блоки задач являются согласованными и валидными по отношению к аналитичности–холистичности решающих их субъектов.

Литература

- Апанович В. В., Знаков В. В., Александров Ю. И.* Апробация шкалы аналитичности–холистичности на российской выборке // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 80–96.
- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Знаков В. В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Кашапов М. М.* Стадии творческого мышления профессионала. Ярославль: Ремдер, 2009.
- Коровкин С. Ю., Савинова А. Д.* Анализ и синтез как механизмы инсайтного решения // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 32–43.
- Психологический практикум «Мышление и речь»: Учебно-метод. пособие / Сост. А. А. Маленов, А. Ю. Маленова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005.
- Смаллиан Р. М.* Как же называется эта книга? М.: Мир, 1981.
- Тищенко А. Г., Апанович В. В., Арутюнова К. Р.* Конструирование блоков аналитических и холистических задач и эмпирическая проверка их валидности // Психология – наука будущего / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Arutyunova K. R., Alexandrov Yu. I., Znakov V. V., Hauser M. D.* Moral Judgments in Russian Culture: Universality and Cultural Specificity // Journ. of Cognition and Culture. 2013. V. 13. P. 255–285.
- Nisbett R. E., Peng K., Choi I., Norenzayan. A.* Culture and systems of thought: Holistic vs analytic cognition // Psychological Review. 2001. V. 108. P. 291–310.

Criteria of division of analytic and holistic tasks

*V. V. Apanovich**, *A. G. Tischenko***, *K. R. Arutyunova****,
*V. V. Znakov*****, *Yu. I. Alexandrov******

* Postgraduate Student, Institute of Psychology of RAS,
State Academic University of Humanities

** State Academic University of Humanities

*** Candidate of Psychological Sciences, Associate Employee,
Institute of Psychology of RAS

**** Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology of RAS

***** Corresponding Member of RAO, Doctor of Psychology, Professor,
Institute of Psychology of RAS, State Academic University of Humanities

Two criteria of analytic and holistic tasks were described: a criterion of step-wise solution and criterion for the possibility dividing the task into separate elements. Three types of analytic tasks and three types of holistic tasks were selected based on these criteria. It was shown that analytic and holistic tasks have a high level of internal consistency (Cronbach's α is 0,642 and 0,703, respectively). It was shown that generalized scale of the solution significantly correlates with the analytic-holistic scale. A conclusion was made that there are tasks for which the success of the solution correlates with analytic–holistic thinking.

Keywords: analytic thinking, holistic thinking, problem solving, psychometrics.

Адаптационные характеристики личности и психологический возраст старшеклассников в условиях современного образовательного процесса

А. А. Белякова (Ярославль)

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова; e-mail: komkova_anastasi@mail.ru*

В статье приведено исследование психологического возраста учеников старших классов и студентов вузов. Проведено сравнение полученных данных, описаны основные факторы, которые оказывают влияние на формирование психологического возраста студента и школьника: плотность информационного потока, социально-ролевые ожидания. Также проведен анализ социальных и информационных факторов, которые становятся значимыми и актуальными для формирования психологического возраста современного школьника и студента: изменение требований рынка, образовательных моделей, информационной среды. В результате подтвердилась основная гипотеза исследования: адаптация к новым условиям обучения способствует существенному завышению психологического возраста, а также средней абсолютной разности между субъективной оценкой и реальным возрастом, что является сигналом о снижении эмоционального и психологического благополучия личности. Данное явление обусловлено снижением адаптационных качеств личности под воздействием стрессов.

Ключевые слова: психологический возраст, паспортный возраст, социально-возрастные ожидания, адаптационные характеристики, информационный поток.

Современное общество в целом, а также рынок труда в частности предъявляют личности все более высокие требования. Так, условиям современности не отвечает экстенсивный путь развития образования – путь, при котором повышение уровня образованнос-

ти предполагает обретение большого объема знаний, но не умений, увеличение продолжительности обучения и количества изучаемых предметов. На данный момент более важными качествами образованной личности являются такие характеристики, как умение работать с информацией, способность к саморазвитию и самообразованию, также особенно ценной становится способность к мотивации собственной деятельности.

Так, исследователь Н. В. Мищенко в своей работе отмечает, что в связи с переходом в информационное общество меняется не только само понятие образованной личности, но и подход к образовательному процессу (Мищенко, 2011). Современный старшеклассник должен обладать не только соответствующим набором знаний, но и большим количеством разнообразных умений и навыков. Увеличение образовательной нагрузки становится дополнительным стрессовым фактором в жизни старшеклассников. При этом необходимость освоения огромных объемов информации не уходит на второй план и не теряет своей важности в обучении современного школьника. Новые требования только дополняют, но не смещают старые. Отдельно стоит отметить тот факт, что плотность информационного потока в старших классах увеличивается: количество изучаемых предметов остается прежним, по сравнению с другими годами школьного обучения, или также увеличивается, а сложность изучаемых тем непременно повышается.

Информационная среда играет отдельную, особо важную роль в жизни современного подростка. Интеграция в медиапространство, как правило, происходит очень рано, еще в младшем юношеском возрасте. Об этом говорят результаты опроса, проведенного нами среди студентов ЯрГУ. Так, 44% опрошенных нами студентов начали активно пользоваться социальными сетями в 10–11 лет, а 42% – в возрасте 13 лет. Контент современных СМИ и других медиаплатформ является эмоциогенным фактором, влияющим на стрессоустойчивость и благополучие личности, это объясняется агрессивностью современных медиа, а также увеличением плотности информационных потоков. В. И. Медведев отмечает взаимосвязь эмоциональной устойчивости и информационных факторов: личность создает механизмы защиты от ненужной и избыточной информации, от информационного шума (Медведев, 1982).

Таким образом, изменение требований к образованной личности в современности, а также переизбыток информации становятся значимыми факторами влияния на эмоциональное состояние современного старшеклассника и на его стрессоустойчивость.

Кроме перечисленных факторов влияния на психологическое состояние подростка, характерных для современного информаци-

онного общества и его требований, остаются не менее важные факторы, которые сопровождают жизнь старшеклассника традиционно. Усвоение новых ролей, форм и способов взаимодействия в изменяющемся мире под воздействием постоянно нарастающих стрессов; необходимость в адаптации к новым условиям образовательной деятельности – эти явления сопровождают школьника-старшеклассника всегда. При этом именно последние годы обучения в школе являются важными по степени насыщенности событиями. Эти данные подтверждаются множеством исследователей: А. Г. Маклаков и А. А. Сидорова в своих работах отмечают особую важность подростковых лет жизни, а также выделяют множество особенностей, характерных именно для периода ранней юности (Маклаков, Сидорова, 2014).

Именно в подростковом возрасте, во время обучения в старших классах, школьник наиболее активно развивается в сфере интимно-личностного общения. Также социальная сфера становится более актуальной для подростка: в старших классах перед личностью встает вопрос о профессиональном самоопределении, о выборе жизненного пути. Сочетание большого количества эмоциогенных факторов способствует снижению стрессоустойчивости, а также характеристик адаптивности. Данные факторы напрямую связаны с психологическим комфортом и благополучием личности, они воздействуют на способность личности к творческой и учебной деятельности.

Так как в современной системе образования обучающийся является субъектом, а не объектом учебной деятельности, у школьника возникает потребность в осознании мотивов своей деятельности, способности выстраивать собственные жизненные планы, ставить и корректировать соответствующие цели. Возрастание ответственности за собственные успехи и неудачи в рамках образовательного процесса также влияет на эмоциональное и психологическое состояние школьника. Все вышеперечисленные факторы являются значимыми в процессе взросления старшеклассника, в процессе формирования его личностных качеств.

Показателем психологической зрелости и благополучия личности является психологический возраст. Так, несоответствие психологического и календарного возрастов может свидетельствовать об искаженной жизненной перспективе, излишнем пессимизме или же неоправданном оптимизме. Кроме того, психологический возраст отражает событийную рефлекссию личности, а время обучения в старших классах можно считать особенно насыщенным событиями.

Целью данной работы является изучение психологического возраста школьников при переходе из 10 в 11 класс, а затем – в универ-

ситет в условиях возрастающих стрессов, анализ факторов, влияющих на снижение стрессоустойчивости школьников, а также их адаптивности.

Для выполнения поставленной цели нами была выбрана соответствующая методика. Метод оценивания пятилетних интервалов (Е. И. Головаха, А. А. Кроник) применялся нами для выявления психологического возраста. В тестировании приняло 72 школьника и 66 студентов.

Тестирование по методу оценивания пятилетних интервалов показало, что абсолютное большинство школьников склонно завышать свой возраст. Так, 19 из 35 (54%) десятиклассников имеют завышенный психологический возраст, по сравнению с паспортным. У учеников выпускных классов наблюдается та же тенденция: 23 из 37 одиннадцатиклассников ощущают себя старше, чем они есть, — это 62%. Также, как мы можем наблюдать, у выпускников несоответствие психологического и паспортного возрастов выражается массово, но при этом не столь ярко. Так, если в десятых классах средняя абсолютная разность между субъективной оценкой и реальным возрастом составила 5,5 года, то в выпускном классе этот показатель снижается до 4,3 года.

Также стоит отметить, что подобные эксперименты со взрослым населением показывают иные результаты. Так, согласно исследованию, проведенному среди лиц в возрасте от 21 до 44 лет, большинство опрошенных (55%) считали себя более молодыми, чем это было в действительности; только у 21% опрошенных оценки возраста оказались завышенными, т. е. они чувствовали себя старше. Средняя абсолютная разность между субъективной оценкой и реальным возрастом составила 4,2 года (Головаха, Кроник, 1984). Этот показатель соответствует данным, которые мы получили в ходе исследования выпускников школы. Таким образом, ученики одиннадцатых классов склонны завышать свой психологический возраст, но при этом отклонения от паспортного возраста не являются критичными, это соответствует данным взрослых.

Между десятиклассниками и выпускниками школы существует существенная разница в ощущении собственного психологического возраста, также отличается психологический возраст старшеклассников и студентов.

40 из 66 студентов также склонны завышать свой психологический возраст, это 61% опрошенных, этот показатель весьма близок к результатам одиннадцатиклассников. Но при этом средняя абсолютная разность между субъективной оценкой и реальным возрастом составила 4,7 года. Этот показатель весьма высок, по сравнению

с результатами опроса как десятиклассников, так и выпускников школ. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что при переходе из школы в университет учащиеся продолжают массово завышать свой психологический возраст, но проявления этого явления становятся более яркими, разница между паспортным и психологическим возрастом — более ощутимой. Так, у 22 опрошенных студентов разница между возрастами составила 5 и более лет, это треть участников тестирования.

Резкое изменение психологического возраста при переходе из школы в университет логичнее всего объяснить сменой обстановки, социального статуса, возрастно-ролевых ожиданий, а также различиями в плотности и структуре информационного потока. Особенно значимым социальным фактором, влияющим на психологический возраст, может выступить существующая в обществе система возрастно-ролевых ожиданий, предъявляемых к достижению личностью определенного статуса, соответствующего тому или иному возрасту (Панина, 1982). Если личность опережает социальные ожидания в области достижений, то она будет ощущать себя старше истинного возраста. Социально-возрастная роль студента уже отличается сложностью поставленных задач: общество ожидает от студента активности в научной работе, самореализации в профессиональном плане. Несоответствие предъявляемых социальных ожиданий и реального положения в обществе в период обучения на первых курсах создает дополнительный стресс для студента и активизирует адаптационные характеристики, потребность в выполнении большого количества разнородных задач, так же как и потребность в реализации различных запросов общества также заставляет студента ощущать себя старше истинного возраста.

Кроме того, информационное поле студента существенно отличается от информационного поля школьника. При переходе в вуз существенно усложняется программа изучаемых предметов, меняются требования к обучающемуся, также меняется манера взаимодействия с преподавателями. Существенно увеличивается количество изучаемых источников информации, при этом сама информация становится более специфической и сложной для восприятия. Таким образом, информационное поле студента можно считать более насыщенным.

Именно при переходе из 11 класса в вуз необходимость адаптироваться к новым условиям становится особенно актуальной. В целом, социально-психологическая адаптация является средством защиты личности, благодаря которому снижается психологическое напряжение личности при взаимодействии с людьми и обществом. В процессе адаптации личность стремится достичь баланса между

внешними и внутренними условиями жизни и деятельности. Как показывает тестирование школьников и студентов, переход из школы в университет явно отражается на психологическом возрасте, а значит, и на эмоциональном и психологическом состоянии личности. Данные показатели тесно взаимосвязаны со способностью личности адаптироваться к постоянно меняющимся условиям жизни. И как мы можем наблюдать, адаптация к новым условиям обучения и творческой реализации сопровождается стрессом и, как следствие, снижением адаптационных характеристик, завышением психологического возраста и снижением уровня благополучия личности.

Так, результаты исследования десятиклассников показывают не столь выраженное и массовое несоответствие психологического и паспортного возрастов. Кроме того, работы других исследователей показывают, что уровень социально-психологической адаптации десятиклассников можно определить как средний. Исследование 53 школьников показало, что у 70% школьников средний уровень адаптивности, у 20% — высокий и только у 10% — низкий (Малышев, 2012). При этом и психологический возраст десятиклассников в среднем ближе к паспортному, средняя абсолютная разность между субъективной оценкой и реальным возрастом не так существенна. Но с переходом в 11 класс, а затем в вуз происходят существенные изменения и психологического возраста, и средней абсолютной разностью между субъективной оценкой и реальным возрастом. Логично предположить, что и уровень адаптивности подвергается изменению. Снижение уровня адаптивности является сигналом о неготовности школьника к вступлению в вузовскую среду, а явное завышение психологического возраста — о снижении уровня благополучия личности и ее событийной рефлексии.

Литература

- Головаха Е. И., Кроник А. А.* Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984.
- Маклаков А. Г., Сидорова А. А.* Особенности психического развития старших школьников // Вестник Ленинградского университета им. А. С. Пушкина. 2014. С. 33–44.
- Малышев И. В.* Особенности стрессоустойчивости и адаптационных характеристик личности учащихся старших классов // Вестник Саратовского университета. 2012. С. 34–37.
- Медведев В. И.* Устойчивость физиологических и психофизиологических функций человека при действии экстремальных факторов. Л.: Наука, 1982.

Мищенко Н. В. Модель процесса развития самообразовательной компетентности учащихся старших классов общеобразовательной школы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2011. С. 142–145.

Панина Н. В. Социальный статус и стиль жизни личности // Стиль жизни личности. Киев: Наукова думка, 1982. С. 286–306.

Adaptation characteristics of the personality and psychological age of high school student in the conditions of the modern educational process

A. A. Belyakova (Yaroslavl)

P. G. Demidov Yaroslavl State University

The article presents a research of the psychological age of high school students and university students. The received data are compared, the main factors that influence on the formation of the psychological age of the student and schoolchild are described: the massiveness of the information flow, social-role expectations. Also, social and information factors that become significant and relevant for the formation of the psychological age of a modern student and schoolchild: changing in market requirements, educational models, information environment are analyzed. As a result, the main hypothesis of the study was confirmed: adaptation to new conditions of education contributes to a significant overstating of the psychological age, as well as the average absolute difference between subjective assessment and real age, which is a signal of a decrease in the emotional and psychological well-being of the individual. This phenomenon is due to a decrease in the adaptive qualities of the individual under the influence of stress.

Keywords: psychological age, passport age, socio-age expectations, adaptation characteristics, information flow.

Особенности визуальной оценки индивидуально-психологических свойств личности по конфигурационным схемам лица

И. И. Беспрованная, В. А. Барабанщиков** (Москва)*

** Институт экспериментальной психологии МГППУ;
e-mail: i.besprozvannaya@gmail.com*

*** Доктор психологических наук, профессор, Институт экспериментальной психологии МГППУ; e-mail: barabanschikova@mgppu.ru*

Исследуется связь представлений о личности человека по схематическим изображениям лиц, передающим экспрессивные состояния радости и грусти. Показано, что варьирование расстояния между глазами, длиной носа, высотой рта и лба вызывает не только впечатления радости либо грусти, но и меняет представление об индивидуально-психологических особенностях виртуальной личности. Изменения конфигурации схематического лица отражается в динамике компонентов имплицитной структуры личности – Оценке, Силе, Активности.

Ключевые слова: конфигурационные схемы лица, восприятие экспрессий, визуальная оценка индивидуально-психологических особенностей, виртуальная личность.

Исследования отечественных и зарубежных авторов показывают, что в роли источника информации о воспринимаемой личности чаще всего выступают не отдельные элементы лица, а их структура или конфигурация (Барабанщиков, 2009; Tanaka, Farah, 1993; Tanaka, Sengco, 1997). Это касается не только реальных людей и их изображений, но и схем лица, образованных из абстрактных элементов.

Эгон Брунвик на материале схематических лиц, составленных из двух черточек и трех эллипсов, показал, что, меняя их относительное расположение и длину черточек, можно вызвать впечатление

Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 18-18-00350 «Восприятие в структуре невербальной коммуникации».

различных эмоциональных состояний и свойств личности. 189 графических изображений лица оценивались испытуемыми с помощью семи полярных шкал (молодой—старый, хороший — плохой, радостный—печальный, приятный—неприятный, прекрасный—безобразный, смысленый—несмысленый, энергичный—лишенный сил), что позволило обнаружить устойчивые взаимосвязи между: а) кажущимся эмоциональным состоянием и возрастом; б) характером, позитивным отношением и привлекательностью; в) интеллектом и энергичностью виртуальной личности. Согласно автору, наиболее радикальные впечатления возникают при изменении положения линии рта и, следовательно, величины подбородка: чем выше расположен рот, тем радостнее и моложе выглядит лицо, но ниже кажущийся интеллект. Сходный эффект создают широко расставленные глаза и короткий нос. Очень длинный нос во всех случаях вызывает отрицательное отношение к воспринимаемому лицу, а высокий лоб — положительное. Таким образом, конфигурационные связи лица непосредственно включены в порождение впечатлений и об экспрессиях, и об индивидуально-психологических особенностях их носителя (Brunswik, 1956). Данный результат подтверждается более поздними исследованиями, в которых в качестве испытуемых привлекались представители европейской, африканской и китайской культур (Gordon, Zukas, Chan, 1982).

В работе В.А. Барабанщикова и Е.Г. Хозе (2015), посвященной верификации результатов экспериментов Э. Брунsvика, на материале фотопортретов было показано, что разнонаправленные изменения четырех параметров конфигурации лица — расположения линий рта и глаз, длины носа и расстояния между зрачками, действительно вызывают устойчивые впечатления радости либо грусти. В их основе лежит реципрокное перераспределение интенсивности индуцированных экспрессий радости и грусти, так или иначе включаемые в изображение спокойного лица. Согласно полученным данным схематические лица, подобные тем, которые исследовал Брунsvик, имплицитно содержат набор, или констелляцию базовых экспрессий, которые по-разному проявляются в зависимости от размера абстрактных элементов лица, их расположения, отношения к целому. В отличие от реальных натурщиков схематические лица принадлежат абстрактному (виртуальному) субъекту, свойства которого требуют специальных исследований.

В настоящей работе мы уделили внимание зависимости индивидуально-психологических характеристик виртуальной личности от типа конфигурации схематических лиц. В качестве стимульного материала использовались схемы, соответствующие нейтраль-

ному, радостному и грустному состоянию виртуального носителя (по Брунsvику).

В исследовании приняли участие 49 чел.: 32 женщины и 17 мужчин, средний возраст – $23,9 \pm 7,5$ года.

Время экспозиции схематических лиц не ограничивалось. На каждого испытуемого приходилось 126 предъявлений.

Данные, полученные в экспериментальной серии, проходили предварительную обработку, сортировку и объединение в массив в среде Python 2.7.6. Статистическая обработка проводилась с использованием пакета статистических программ SPSS 21.0. Независимой переменной при анализе данных выступил тип схемы (3 градации – схема нейтрального лица, ее конфигурационные трансформации по типу грусти и по типу радости). В качестве зависимых переменных – оценки индивидуально-психологических свойств абстрактного натурщика по шкалам методики Личностный дифференциал (ЛД).

Статистическая значимость эффектов фиксировалась на уровне $p < 0,05$. Поскольку распределение данных отличалось от нормального (Колмогоров–Смирнов, $Z > 5$ при $p < 0,001$) в работе использовались непараметрические критерии: χ^2 Фридмана и Т-критерий Вилкоксона.

Согласно полученным данным, значимые различия оценок индивидуально-психологических черт по схемам лица, отражающих нейтральное, грустное и радостное состояния, по всем испытуемым обнаружены для 18 шкал (86% всех оценок) – 6 шкал по каждому из факторов ЛД: по фактору Активность (А) – шкалы 6, 9, 12, 15, 18, 21; Сила (С) – шкалы 2, 5, 8, 14, 17, 20; Оценка (О) – шкалы 1, 4, 10, 13, 16, 19. В зависимости от типа схем большинство оценок меняет модальность оцениваемых свойств.

Наиболее высокие балльные оценки получило лицо, выражающее радость. Оно воспринимается как обаятельное ($p < 0,001$), сильное ($p < 0,001$), безответственное ($p < 0,001$), упрямое ($p < 0,001$), замкнутое ($p < 0,001$), независимое ($p < 0,001$), деятельное ($p < 0,001$), черствое ($p = 0,006$), энергичное ($p = 0,023$), справедливое ($p < 0,001$), расслабленное ($p < 0,001$), спокойное ($p = 0,005$), дружелюбное ($p < 0,001$), неуверенное ($p < 0,001$), общительное ($p < 0,001$), неискреннее ($p < 0,001$), самостоятельное ($p < 0,001$) и невозмутимое ($p < 0,001$).

Схема нейтрального лица и схема грусти по большинству шкал воспринимаются иначе. Как правило, другими оказываются не только балльные значения оценок, но и их модальность: Сила меняется на Слабость ($p < 0,001$), Безответственность сменяется Добросовестностью ($p < 0,001$), Уступчивость переходит в Упрямство ($p < 0,001$), Зависимость меняется на Независимость ($p < 0,001$), Пассивность

превращается в Деятельность ($p < 0,001$), Расслабленность переходит в Напряженность ($p < 0,001$), Нелюдимость изменяется на Общительность ($p < 0,001$), а Несамостоятельность – на Самостоятельность ($p < 0,001$).

Для анализа данных, с точки зрения имплицитной структуры виртуальной личности, результаты оценок схем по значимо различающимся шкалам были переведены в интегративные показатели медианных значений Оценки, Силы и Активности. Оказалось, что схеме лица с конфигурационными изменениями по типу радости, соответствует наиболее высокий интегративный бал, отличающийся от оценок схем нейтрального лица и конфигурационных трансформаций по типу грусти ($T=17,231$ при $p < 0,001$, $T=8,989$ при $p=0,003$, соответственно).

Попарный анализ, выполненный с помощью T Вилкоксона, показал, что по фактору O оценки нейтральной схемы лица многократно выше оценок схем с измененной экспрессивной конфигурацией. По сравнению со схемами грусти и радости ($T=-5,198$ при $p < 0,001$, $T=-4,266$ при $p < 0,001$, соответственно) нейтральная схема предполагает, что виртуальный натурщик наделяется адекватным отношением к себе, удовлетворенностью собственным поведением и уровнем достижений. Значимых различий между оценками по фактору O для схем с конфигурационными изменениями по типу радости и грусти не обнаружено.

Попарное сравнение по фактору C позволило установить значимые различия между оценками схем с трансформациями по типу радости и схемами нейтрального и грустного лиц ($T=-8,201$ при $p < 0,001$, $T=-7,785$ при $p < 0,001$, соответственно). Если «радостное лицо» воспринимается как сильное, решительное, уверенное в себе, способное держаться принятой линии поведения, то нейтральное и «грустное лицо» наделяются противоположными характеристиками.

По фактору A значимые различия обнаружены для оценок нейтральной схемы лица и схемы «грусти», а также «радостных» и «нейтральных» схем ($T=-4,090$ при $p < 0,001$, $T=-2,913$ при $p=0,004$, соответственно). Носитель «нормального» лица, по сравнению с конфигурационными изменениями, по типу грусти характеризуется как необщительный, более замкнутый, неэнергичный и малодетельный. Если при экспозиции нормальной и «грустной» схем модальность индивидуально-психологических черт сохраняется, то при экспозиции «радостной» схемы инвертируется: виртуальный натурщик воспринимается экстравертированным, активным и импульсивным.

Проведенное исследование позволяет дать содержательную характеристику абстрактного (виртуального) натурщика, обнару-

живаемую при восприятии конфигурационных схем лица разного типа.

1. Существует расширенный (до 86%) диапазон значимых различий в восприятии индивидуально-психологических черт абстрактного натурщика. С изменением конфигурации схематического лица образ виртуальной личности меняется.
2. Доминирующее значение принадлежит схеме лица, вызывающего впечатление радости. Оно имеет наибольшие балльные оценки, стремящиеся к положительному полюсу. Минимальные интегративные значения оценок индивидуально-психологических особенностей (около 0 баллов) соответствуют нейтральной схеме лица.
3. Направления трансформации схематического лица по-разному влияют на компоненты имплицитной структуры личности абстрактного натурщика. Совокупный фактор Оценки преобладает при экспозиции нейтральной схемы. По фактору Сила оценки «радости», с одной стороны, а «грусти» и нейтрального лица – с другой, диаметрально противоположны: в первом случае преобладают позитивные впечатления, во втором – негативные. По фактору Активность восприятие нейтрального лица значимо отлично от оценок трансформированного лица как по типу грусти, так и по типу радости, играя роль переходного звена.

Таким образом, абстрактный натурщик изначально обладает определенными качествами реальной личности, которые устойчиво проявляются при различных типах конфигурации схематического лица. Этот факт не может не учитываться при изучении восприятия реальных лиц и их изображений.

Литература

- Барабанщиков В. А.* Восприятие выражений лица. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Барабанщиков В. А., Хозе Е. Г.* Восприятие экспрессий лица, обусловленных его конфигурацией // Лицо человека в науке, искусстве и практике / Под ред. К. И. Ананьевой, В. А. Барабанщикова, А. А. Демидова. М.: Когито-Центр, 2015. С. 159–182.
- Brunswik E.* Perception and the representative design of psychological experiments. Berkeley: University of California Press, 1956.
- Gordon I. E., Zukas M., Chan J.* Responses to schematic faces: a cross-cultural study // Perception and Motor Skills. 1982. V. 54. P. 201–202.

Tanaka J. W., Farah M. J. Parts and wholes in face recognition // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1993. V. 46. P. 225–245.

Tanaka J. W., Sengco J. Features and their configuration in face recognition // Memory and Cognition. 1997. V. 25. P. 583–592.

Features of visual evaluation of individual-psychological properties of personality under configuration schemes of the face

*I. I. Besprozvannaya**, *V. A. Barabanshikov*** (Moscow)

* Institute of Experimental Psychology, MSPPU

** Doctor of Psychology, Professor, Institute of Experimental Psychology, MSPPU

The connection between the notions of a person's personality according to the schematic representations of persons transmitting expressive states of joy and sadness is studied. It is shown that the variation of the distance between the eyes, the length of the nose, the height of the mouth and forehead causes not only impressions of joy or sadness, but also changes the idea of the individual psychological traits of the virtual personality. Changes in the configuration of the schematic face are reflected in the dynamics of the components of the implicit structure of the personality – Evaluation, Strength, Activity.

Keywords: face configuration patterns, perception of expression, visual assessment of individual psychological characteristics, virtual person.

Специфика процессов понимания в обучении студентов

Т. В. Борзова (Хабаровск)

доктор психологических наук, доцент, Тихоокеанский государственный университет; e-mail: borzova_tatiana@mail.ru

В статье рассматриваются основополагающие направления в изучении психологии понимания текста в учебном процессе. Анализируются особенности, специфика, перспективы становления понимания в обучении на основе умений осуществлять терминологизацию и детерминологизацию текста, метафоризацию и деметафоризацию, концептуализацию и деконцептуализацию, онтологизацию и деонтологизацию.

Ключевые слова: психология понимания текста, обучение, терминологизация и детерминологизация текста, метафоризация и деметафоризация, концептуализация и деконцептуализация, онтологизация и деонтологизация.

Концептуальным положением теоретических основ психологии понимания в обучении является тот факт, что трем реальностям бытия человека в социуме – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной – соответствуют три типа понимания проблем, способов, явлений и событий окружающего мира: *понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение* (Знаков, 2013). Данные типы понимания образуют континуум продвижения студента в процессуальном поле понимания.

Методологические поиски гуманитарной науки, среди которых стремится найти себе место современная психология, с неизбежностью обуславливают изменения в типе образования, сложившемся за последнее время. Перед каждым человеком во все времена стоял выбор между укреплением своей самобытности, ее утратой и определением меры самобытия. Адекватные ответы современным вызовам вполне может дать психология обучения пониманию, ориентирую-

щая свой поиск на новые методологические позиции, позволяющие изучать не только психические качества человека, но и исследовать субъект во взаимодействии с любым знаковым комплексом, обладающим смыслом и способным создавать новые смыслы. Данное направление психологии очерчивает горизонты понимания как пространства, позволяющего наполнить знания смыслом, ценностным содержанием, значением. Понять — значит творчески, «герменевтически» осмыслить новое знание, поместить его в контекст культурно-исторической эпохи, в рамки сложившегося типа субъективности и рациональности.

Современное состояние психологии понимания является неразработанной областью науки, в которой происходит смещение акцента внешней, чувственно-эмпирической стороны бытия человека во внутренний, содержательный, герменевтически ориентированный, экзистенциальный план. Психология понимания в современных условиях призвана быть на пересечении двух типов познания — творчества всеобщей формой личного содержания и творчества личным содержанием всеобщей формы (А. В. Павлов), вести экзистенциальный диалог как процесс, в котором каждый, заявляя о себе перед лицом Других, отстаивает свою самобытность, признавая и учитывая права Других на такую же самобытность. Допустимая дистанция в таком экзистенциальном диалоге должна способствовать сохранению взаимоотношений между людьми.

Цель статьи — проанализировать возможности становления речевых новообразований ранней юности, среди которых могут быть выделены следующие умения осуществлять терминологизацию и детерминологизацию текста, метафоризацию и деметафоризацию, концептуализацию и деконцептуализацию, онтологизацию и деонтологизацию.

Для эффективной деятельности, направленной на развитие понимания в обучении студентов вуза, реализуется возможность становления речевых новообразований ранней юности, среди которых могут быть выделены следующие умения: комплексно и осознанно проводить *терминологизацию и детерминологизацию текста*, подлежащего пониманию. Как правило, умение осуществлять *терминологизацию (перевод общеупотребительных слов и явлений в разряд терминов)* и *детерминологизацию (перевод терминов в разряд эмпирических фактов, явлений и событий, сопровождающийся утратой связи с научным понятием)* текста достаточно продуктивно развивается на основе установления соотношений учебных задач с *эмпирическим типом* реальности, где с необходимостью осуществляется *понимание-знание*.

В ходе процесса обучения студентов пониманию нами учитывалась концепция внутреннего развития научных понятий Л. С. Выготского, который указывал, на то, что «понятие представляет собой не простую совокупность ассоциативных связей, усваиваемую с помощью памяти, не автоматический умственный навык, а сложный и подлинный акт мышления, которым нельзя овладеть с помощью простого заучивания, но который непременно требует, чтобы мысль ребенка поднялась в своем внутреннем развитии на высшую ступень, для того чтобы понятие могло возникнуть в сознании» (Выготский, 2008, с. 272).

Логика формирования понятия в процессе обучения студентов вуза представляется нам следующим образом: *теоретический анализ и обобщение научных данных изучаемого явления способствуют* а) выявлению существенных признаков явления или процесса; б) выделению критериев, позволяющих судить о полноценном состоявшемся явлении. Данный этап работы позволяет наполнить понятие изучаемого психического явления или события конкретным содержанием. И хотя достаточно полного описания изучаемого явления достичь не удастся, понятие рождается как итог специально организованной деятельности. Предварительное определение понятия необходимо уже на данном этапе работы, так как «кто не имеет в качестве исходного определенное понятие, тому даже не дан объект» (Л. Фейербах).

Для *социокультурной реальности* бытия человека в мире характерен нарративный способ понимания мира, основанием для понимания являются мнения и смыслы, типом понимания является *понимание-интерпретация* (В. В. Знаков). Особая роль в продуцировании нарративного текста отводится умениям осуществлять *метафоризацию и демегафоризацию*.

В контексте социокультурной реальности бытия человека понимание есть превращение предмета в личное смысловое содержание субъекта.

«Обращение к метафоре как бы снимает иллюзию понятности, показывает недостаточность, порой банальность определений, возвращает к тайне смысла, вызывает желание прикоснуться к ней, сделать ее более осязаемой. Метафоры и смыслообразы помогают оживить существующие концепты или понятия смысла. Путь к живому понятию, представляющему собой своего рода интеллигентную материю, лежит через живую метафору. В конце концов, метафора облегчает понимание, а без последнего невозможно добывание пригодного для чего-либо знания» (Зинченко, 2006, с. 102).

«Чтобы понять нечто, нужно выйти за его пределы. Буквальное значение метафоры в переводе с греческого – тележка. Тележка пе-

ревозит груз из пункта А в пункт Б... В случае метафоры (объекты А и Б находятся в разных семантических пространствах. Груз, который „перевозит“ метафора, есть смысл. Нечто А наделяется и обогащается смыслом некоего другого Б. Значит, метафора есть средство обмена, расширения, углубления, смысла. При этом перенос смысла не нарушает целостности крайних членов, связываемых метафорой» (там же, с. 103). «Поэтому метафоричность – неотъемлемое и неистребимое свойство любого речевого мышления, в том числе научного, а не только поэтического» (там же, с. 112).

В исследованиях современных ученых подчеркивается, что метафора связана с феноменом «видеть как». При этом объяснение метафоры представляет собой перечисление значений, в рамках которых образ видится как смысл. Возникает интуитивное отношение, удерживающее вместе смысл и образ. Увидеть значение метафоры – значит осуществить действие, потому что понять – это значит сделать нечто.

Достаточно оригинально, с нашей точки зрения, явления терминологизации/детерминологизации, метафоризации/деметафоризации объединены в разработанную А. Ф. Закировой на основе философских и общенаучных подходов процедуру герменевтической интерпретации педагогического знания (Закирова, 2001, с. 202): «В основе процедуры интерпретации как объясняющего понимания заложена идея соединения: учебно-познавательной деятельности и самопознания, рационального подхода к учебному материалу и его постижения средствами образного мышления и интуиции, опора на понятийный аппарат науки и образно-ассоциативные средства искусства и повседневности (там же, с. 203).

Коммуникативно-формирующие аспекты интерпретации – это интегративное образование, включающее в себя систему строгих научных парадигм, в которые входит интерпретируемое знание, оформленное с помощью однозначных терминов, и система авторских текстов-нарративов как открытых структур, построенных с помощью аллегорических языковых средств, расширяющих научный контекст до контекста жизни интерпретатора. Данный аспект интерпретации – это самое подвижное ее звено, непосредственно связанное с прикладной методической стороной организации обучения. В этой связи в качестве эффективного средства «освобождения мысли» интерпретатора-истолкователя могут выступать метафоры, обеспечивающие многовариантное прочтение педагогического текста. «Привлечение метафор в качестве стимуляторов („провокаторов“) выдвижения версий герменевтической интерпретации знания помогает обнаружить содержащиеся в нем скрытые предпосылки („неяв-

ное знание“) на основе объединения когнитивных и аффективных моментов интерпретации... Чисто интеллектуальное усвоение тех или иных научных положений приводит лишь к приобретению индивидом определенной суммы знаний; чтобы наука глубоко вошла в систему жизнедеятельности человека, она должна опосредоваться всей системой детерминации человеческой деятельности, которая включает в себя, помимо интеллектуальной, еще и эмоциональную сферу, ценностные установки, нормы нравственности, коллективный и индивидуальный жизненный опыт» (там же, с. 209).

Еще одно умение осуществлять *концептуализацию и деконцептуализацию* текста, как правило, успешно развивается на основе установления соотношений учебных задач с *социокультурным типом* реальности, где с необходимостью осуществляется *понимание-интерпретация*. Метафоризация (как уже актуализируемый процесс в границах социокультурной реальности бытия человека) определяется при этом как углубление, расширение смыслового объема слова на основе возникновения переносных значений и усиления его экспрессивных качеств и характеристик. Деметафоризация предстает при этом как обратный процесс. Концептуализация – процесс выведения смыслов текста из эмпирической реальности в реальность социокультурную на основе формирования утверждений субъективно обусловленного характера. Концептуализация в понимании есть процедура введения онтологических представлений в накопленный массив эмпирических данных и установление первичной теоретической организации материала, которая обеспечивает схему связи значимых для человека явлений и событий окружающего мира. Деконцептуализация в понимании представляет собой обратный процесс концептуализации текста. Деконцептуализация способствует детализации отдельных компонентов той или иной научной системы, типологии, концепции, теории. Как показывает опыт проводимого нами исследования, данные процессы представляют серьезные трудности для студентов, требуют к себе самого пристального внимания, формирования и развития в условиях специально организованной деятельности.

Кроме того, для социокультурной реальности бытия человека в мире характерен нарративный способ понимания мира. Необходимо рассмотреть специфику нарративного способа понимания мира в обучении.

Если попытаться обобщить все многообразие подходов к «нарративному повороту» в социально-гуманитарных науках, в философии, можно обратить внимание на основные черты, которые в значительной мере объединяют все эти подходы. Повествование рассматрива-

ется как развертывание культурной и социально-научной перспективы бытия человека, и ученые исходят из тезиса о том, что рассказ представляет собой культурную и социальную практику, которая выходит за пределы литературы.

Согласно В. В. Знакову, «нарративное понимание событий человеческого бытия основано на какой-либо одной принятой субъектом версии происходящего. Оно целенаправленно, непротиворечиво, правдоподобно, диалогически направленно» (Знаков, 2010, с. 115). Но каковы правила игры, позволяющие жизни обрести единство в тексте, трансформировать внешние события во внутренний опыт личности в процессе обучения, выйти на глубинные, чрезвычайно трудно рефлекслируемые смысловые образования в тексте?

Особое предназначение нарративного текста в образовательном процессе состоит в том, что создание нарративных текстов в обучении представляет собой напряженный, длительный во времени, важнейший акт духовной жизни личности. Этот факт определяется уникальными, неповторимыми проявлениями, невоспроизводимыми в другом нарративном тексте, особенностями жизненного пути человека. Создание нарративных текстов в обучении с самого своего возникновения является собственно психологическим методом.

При этом в нарративном тексте «экзистенциальный опыт — это не просто совокупность переживаний, но *их особая целостность, продукт обработки, расшифровки, распутывания* (курсив мой. — Т. Б.), которые каждый раз приводят к новому рубежу личностной зрелости и связанному с ней принятию сложностей судьбы» (Касавина, 2013, с. 403).

Перспективы проводимого нами научно-исследовательского курса на развитие понимания в обучении студентов вуза могут быть реализованы не только в развитии умений комплексно и осознанно проводить *терминологизацию и детерминологизацию, метафоризацию и деметафоризацию, концептуализацию и деконцептуализацию* текста, но и формируемую на этой основе *онтологизацию и деонтологизацию* способов бытия человека в современном социуме в границах *экзистенциального типа реальности*.

Важнейшая миссия педагога при этом — не препятствовать личности накапливать экзистенциальные культуры, наращивать культурные ресурсы понимания себя и своего места в жизни, а создавать максимально комфортные условия, при которых «человек в собирании бусинок своей истории приходит к тому, что начинает видеть настоящее издалека, со стороны прошлого, а прошлое со стороны настоящего, протягивать нить, нанизывать на нее отдельные ситу-

ации, выстраивать тем самым свое будущее, всю свою жизнь и судьбу» (Борзова, 2015).

В процессе онтологизации фиксируется синтез, определенное целостное единство любых и всяких способов, связанных с пониманием. Процесс онтологизации включает в себя, по меньшей мере, два уровня: имманентный (внутренний) уровень и трансцендентный (внешний) уровень. Имманентный (внутренний) уровень представляет собой совокупность различного рода приемов и способов понимания, непосредственно обусловленных спецификой предмета гуманитарного знания, реализующегося в личностных особенностях понимающего субъекта (общих, особенных, единичных и даже уникальных. Трансцендентный (внешний) уровень включает в себя методы и средства: философские, общенаучные (эмпирические, теоретические, общелогические), венаучные и др.

Таким образом, онтологизация – процесс, осуществляющий становление и развитие фундаментальных признаков бытия, наиболее общих сущностей и принципов категорий сущего. Онтологизация текста в процессе понимания в обучении студентов вуза есть определенный способ доказательства, при помощи которого необходимость существования чего-либо выводится из мысли о нем. Онтологизация в процессе понимания в обучении – это поиск относительных и абсолютно достоверных элементов познания. В рамках субъектного подхода онтологизация и деонтологизация способов бытия человека в современном социуме рассматривается в перспективе становления «человека сведущего» (*homo intelligens*), а не как сиюминутно адекватного внешним обстоятельствам социального индивида. Являются ли процессы онтологизации и деонтологизации способов бытия человека в социуме предельной формой понимания в обучении? Данный вопрос остается открытым и требует специально организованного исследования.

Литература

- Борзова Т. В. Нарративное понимание субъектом себя и окружающей действительности в процессе обучения // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. № 1. С. 72–78.
- Выготский Л. С. Мышление и речь: Сборник // Предисл., сост. Е. Красная. М.: АСТ, 2008.
- Закирова А. Ф. Теоретико-методологические основы и практика педагогической герменевтики: Дис. ... докт. пед. наук. Тюмень, 2001.
- Зинченко В. П. Живые метафоры смысла // Вопросы психологии. 2006. № 5. С. 100–113.

- Знаков В. В.* Тезаурусное и нарративное понимание событий как проблема психологии человеческого бытия // *Методология и история психологии*. 2010. Т. 5. № 3. С. 105–119.
- Знаков В. В.* Понимание, постижение и созерцание // *Созерцание как современная научно-теоретическая и прикладная проблема: Материалы всероссийской конференции / Под ред. Г. В. Аكوпова, Е. В. Бакшутовой*. Самара, 2013. С. 43–60.
- Касавина Н. А.* «Собирание» экзистенциального опыта // *Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского / Отв. ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко*. М., 2013. Т. 1. С. 403–405.

Specifics of the processes of the understanding in the teaching of the students

T. V. Borzova (Khabarovsk)

Doctor of Psychology, Professor, Associate Professor,
Pacific National University

The basic directions in the study of the psychology of understanding of the text in the learning process are considered in the article. There are analyzed features, specifics, development prospects of understanding in the learning process on the basis of skills to carry out the terminologization and the determinologization of the text, the metaphorization and the demetaphorization, conceptualization and the deconceptualization, ontologization and the deontologization.

Keywords: psychology of understanding of the text, the learning process, the terminologization and the determinologization of the text, the metaphorization and the demetaphorization, conceptualization and the deconceptualization, ontologization and the deontologization.

Роль вопросов в мышлении шахматиста

Е. Е. Васюкова (Москва)

*кандидат психологических наук, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова; e-mail: katevass@yandex.ru*

В статье анализируется роль вопросов в мышлении субъекта и творчестве шахматиста. Выявляются виды, содержание и функции вопросов. Показано, что вопросы вплетены в саму ткань мышления мастеров и гроссмейстеров, обнаруживают себя при изучении мышления и творчества экспертов и могут быть исследованы методами изучения мышления как косвенно, так и напрямую — путем спрашивания о вопросах и шкалирования степени их выраженности. Выделяются открытые что-, как-, какой-, почему-вопросы и закрытые вопросы, ответы на которые не содержат новой информации, особый класс революционизирующих вопросов. Вопросы играют разного рода регулирующие функции в мышлении (ускорения нахождения идей, рефлексии, планирования, поиска, объяснения, понимания, контроля).

Ключевые слова: мышление шахматиста, вопрос в структуре мышления, виды, содержание и функции вопросов.

В ряде исследований мышления отмечалась его диалогическая природа (Бахтин, 1986; Васюкова, 1986; Зызлова, 2017; Тихомиров, 1967), выделялась структура диалога, включающая и вопрос (Кучинский, 1982). В уровневой теории мышления подчеркивалась продуктивная функция рефлексии, представленной в том числе и вопросами (Зарецкий, Семенов, 1980).

О. К. Тихомиров именно на шахматной модели изучал мышление как порождение, развитие и взаимодействие операциональных смыслов разных видов и уровней (вербализованных и невербализованных) (Тихомиров, 1967). Он определял шахматную игру как процессы выбора практического действия в конкретной ситуации на основе изучения этой ситуации. Регистрируя глазодвижитель-

ную активность, он показал, что у мастера, в отличие от шахматиста 3-го разряда, более сокращенная поисковая деятельность как результат эффективности механизмов прогнозирования и переноса результатов исследовательской деятельности из одной ситуации в другую, деятельность строится по типу возникновения в ней поисковых потребностей, больше удельный вес формирования предвосхищений, по сравнению с процессами поиска средств их достижения. Третьеразрядник значительно более интенсивно обследует свои фигуры по сравнению с фигурами соперника.

В нашем диссертационном исследовании (Васюкова, 1986) выявлена диалогичность мышления шахматистов с высоким, третьим уровнем развития их устойчивой познавательной потребности. Они рассматривают сильнейшие ходы за соперника, обнаруживают ложные следы, кажущиеся пути к решению, опровергаемые единственным точным способом, порождают идеи, которые разнообразны и оригинальны.

В исследовании С. Зызловой (Зызлова, 2017) с применением экспертных оценок позиций и регистрацией глазодвигательной активности во время выбора лучшего хода шахматистами разной квалификации показано, что внимание более квалифицированных шахматистов связано с областью стратегических целей партнеров.

М. М. Бахтин считал, что всякая мысль диалогична, обращена к другому (Бахтин, 1986). Г. М. Кучинский разделял диалог на внешний и внутренний (с самим собой) и выделял структуру диалога (вопрос—ответ, сообщение—оценка, побуждение к действию—исполнению), завершенные и незавершенные циклы диалога (Кучинский, 1982).

Согласно концептуальной схеме дискурсивного мышления (Зарецкий, Семенов, 1980), мыслительный процесс протекает на различных уровнях (*операциональном, предметном, рефлексивном и личностном*). Рефлексивный уровень представлен вопросами, установками, фиксациями, оценками, предположениями и утверждениями. Перед инсайтом происходит интенсификация рефлексивного уровня, что указывает на продуктивную функцию рефлексии в мышлении.

Роль вопроса в мышлении специально анализировала Н. Б. Шумакова (Шумакова, 1984). Автор подчеркивает, что в постановке вопросов выражается познавательная активность и инициативность, целеполагание и познавательный интерес. Вопрос — исходное звено познавательного процесса, первый признак начинающейся работы мысли и зарождающегося понимания. Без вопросов невозможно усвоение нового знания, обмен мыслями между людьми. Значение изучения функционирования вопросов в развитом мышлении, ста-

новления функций вопросов в онтогенезе – в изучении механизмов рефлексивной регуляции, закономерностей речевого мышления ребенка. Изучалась роль вопроса на основных этапах решения задачи (формулирование задачи, поиск и проверка решения) и в решении задач разного типа (образные, практические, вербальные), динамика вопросов в процессе мыслительного поиска, индивидуальные особенности познавательной активности субъекта в форме вопросов в проблемных ситуациях.

Обнаружено: 1) два корня вопроса – в общении и в мышлении – определяют его специфику – обращенность к другому человеку и поисковую направленность; 2) вопрос имеет специфическую функцию на разных этапах поиска решения задачи: *функцию постановки, формулирования задачи* на этапе порождения проблемы и формулирования мыслительной задачи, *поисково-исследовательскую* – на этапе поиска решения и *оценочно-результативную* – на этапе проверки решения; 3) вопрос либо предшествует гипотезе, либо сам выступает как гипотеза, либо следует за ней; 4) роль вопросов при решении мыслительных задач и их характер (функциональное, содержательное и типовое своеобразие) зависят не только от типа мыслительной задачи (образная, практическая, вербальная), но и от особенностей самой задачи (неопределенность, уровень сложности), а также особенностей мыслительного процесса (достигаемого в ходе решения уровня обобщенности знания, трудности для субъекта и т. д.); 5) Вопрос характеризует индивидуальную типологию мышления – тип познавательной активности субъекта: проблемный и описательно-практический; 6) наиболее сензитивным является период от 6–7 до 8–9 лет и от 11–12 до 14–15 лет для разных показателей вопросов; 7) *важнейшей линией развития вопросов в онтогенезе является формирование поисковой функции вопроса, становление вопроса как средства самостоятельного мышления*; 8) *в процессе развития вопросов меняется сам тип вопросов – от вопросов, обращенных к другому человеку, к рефлексивным вопросам, обращенным к себе*.

Для развития речевого мышления ребенка и исследовательской активности в форме вопросов автор рекомендует стимулировать вопросы у детей, а также обучать детей задавать вопросы.

Роль вопросов в шахматном творчестве хотя и не была предметом специального исследования, но отмечалась в ряде работ (М. Ю. Левидов, А. Авни, Н. В. Крогиус).

О «революционирующих вопросах» в истории шахматной игры говорится в монографии М. Ю. Левидова «Стейниц, Ласкер», изданной в 1936 г. Важнейший из такого рода вопросов («Что есть ошибка в шахматной партии?») был задан Стейницем. Ответ Стейница –

неумение или нежелание произвести оценку положения на доске, неумение составить план игры, который находился бы в соответствии с положением. Но что есть оценка положения? Это учет, точное взвешивание самых маленьких «преимуществ» и самых ничтожных «слабостей». План игры состоит, следовательно, в усилении своих преимуществ и соответственном усилении слабостей противника. Выводы Стейница (насыщенные революционным в истории шахмат значением) – право на атаку нужно заработать, оно получается в результате накопления ряда маленьких преимуществ в положении (в результате позиционного перевеса). Коль скоро эти преимущества накоплены, должно атаковать под угрозой потери этих преимуществ.

Предметом исследования А. Авни стал мыслительный процесс гроссмейстера (Авни, 2016). При помощи коротких, предметно нацеленных интервью он попытался проникнуть в сознание шахматистов, которым удалось создать что-то новое и значительное. А. Авни выделил аспекты мышления, отличающие гроссмейстеров от шахматистов средней силы (экспертов). Гроссмейстеры всегда задают вопрос «Что?» и только затем вопрос «Как?». Они выносят оценки, основываясь на субъективных критериях. Гроссмейстеры задаются вопросами: «По вкусу ли мне возникающая позиция?», «Есть ли у меня сейчас настроение обороняться?», «Какой ход наименее удобен для оппонента?».

Шахматисты сообщают о внутреннем диалоге во время партии (там же, с. 64), о связи между верой и поиском (там же, с. 68). Отмечается роль вопроса в ускорении нахождения идеи (Если бы я был логиком, то задал бы себе вопрос «Какое поле наиболее перспективно для слона?» и мог бы найти данную идею быстрее). Анализируя структуру мышления шахматиста, тренер А. Михалевский говорит о его первом шаге – понимании позиции («Шахматист должен понять из чего состоит позиция. Нужно уметь распознавать каждый элемент позиции, такой как открытая линия, проходная пешка, слабые поля и т. д., и оценивать его»). Это «список ориентиров для шахматиста, которые он должен искать» (там же, с. 69). Он отмечает *планирующую функцию вопросов*. «Понимание позиции – первый шаг. Мышление вращается вокруг трех ключевых задач: 1) Чего хочет соперник? 2) Как мне следует располагать фигуры? 3) Какие фигуры следует разменять?» Базируясь на ответах на вопросы, можно разработать план игры (там же, с. 69).

Шахматисты могут задавать себе вопросы о причинах: «почему мне нравится та или иная позиция?», «почему я делаю тот или иной ход?».

Мысленный вопрос преследует несколько целей: 1) наталкивает нас на верные решения; 2) полезен для доказательства интуитив-

ных суждений (там же, с. 88–89). Шахматисты различаются по степени осознания своих ходов.

С точки зрения Смирина вопросы типа «Какие ходы были бы неприятны для соперника?» или «Стоит ли в партии с ним осложнять игру?» имеют значение (там же, с. 139).

В системе принятия решения у гроссмейстеров (постановка задачи, определение проблемы, методы решения), стремление получить достаточно хорошую позицию преобладает над поиском «лучшего хода» (там же, с. 158). Когда проблема сформулирована и определены ее причины возникают вопросы: «Что нужно сделать, чтоб проблема была решена? Каковы последствия взятия...?». Происходит переключение внимания с одного вопроса на другой – «Что я должен сделать?», «Что может сделать соперник?». Список ориентиров – ладья на предпоследнем ряду, централизованный конь, двойной удар, проходная пешка, промежуточный ход и т.д. Анализируя методы решения, А. Авни выделяет мышление вперед и назад. Мышление вперед основано на логике, в качестве главного инструмента использует расчет. Мышление назад начинается с конечного пункта, с решения. Рабочий инструмент здесь – интуиция. Выделяется процесс, ведущий к получению особенных идей. Гроссмейстер спрашивает себя: «Происходит ли на доске что-то особенное?» При положительном ответе – процесс поиска новой информации. Затем следует обзор различных идей и планов игры. Большинство из того, что делает гроссмейстер во время партии – скорее распознавание. Если гроссмейстер не доволен результатами, начинается поиск новых идей. Все время задаются вопросы. Если гроссмейстер видит особенные возможности, вместо расчета конкретных вариантов гроссмейстер может в любой момент задать себе мысленные вопросы, такие как: «Что я думаю об этой идее?», «Верю ли я в нее?», «Заслуживает ли она внимания?», «Стоят ли усилия того, практична ли идея?».

По мнению Н. В. Крогиуса, мышление шахматиста в значительной степени образно. Шахматный образ – это целостное сочетание в сознании наглядной картины позиции на доске и ее оценки. В мышлении шахматиста при выборе хода в своеобразном переплетении представлены образы будущего, прошлого и настоящего. Их Н. В. Крогиус называет соответственно опережающими, остаточными и инертными. Влияние образов очень специфично и неравномерно. В борьбе с негативным влиянием образов Н. В. Крогиус подчеркивает роль вопросов. При возникновении остаточных образов мышление статично, понижается переключаемость внимания. Шахматист, у которого возникают остаточные образы, обязан

приложить усилия, чтобы проделать специальный анализ изменений позиции, произошедших после очередного хода противника. На тренировках при анализе партий шахматистам I разряда и КМС предлагалось последовательно ответить на вопросы: Какова цель последнего хода, сделанного в рассматриваемой позиции? Чем угрожает данный ход? Какие новые возможности открывает перед стороной, чья очередь хода?

Итак, показана важность вопросов в мышлении шахматистов, но не исследованы специально содержание вопросов, не дана их классификация, не выделены функции, не разработаны методы исследования. Мы предположили, что на начальной стадии исследования целесообразна Беседа с постановкой прямых вопросов шахматистам о содержании и роли вопросов во время партии и подготовки к ней. Затем возможно шкалирование степени выраженности этих вопросов.

Предварительные беседы с мастерами и гроссмейстерами показали, что примерно 2/3 из них задают вопросы во время партии, некоторые специально подчеркивают роль вербализации (оценки позиции и самооценки — уверенность/сомнение в ходе). Пример вопросов: «Какой лучший ход?», «Какой лучший план?» (ВЖ); «Что хочет соперник?». «Какова оценка позиции?» (ЕД); «Что делать?» (мг ЕВ); «Чего я хочу?» (АШ). Отмечается установка: «Найди лучший ход. Найди точный ход» (мг ЕВ). Некоторые отмечают, что уже не задают вопросы, вопросы уходят в область подсознания, процесс автоматизируется (м МА и мг ТГ). При этом м МА отмечает полезность контроля хода с помощью замаха руки, которая ход не делает, за этим стоит вопрос «Не зеваю ли я этим ходом?».

ТГ отмечает необходимость учить детей задавать себе вопросы во время игры: «Создал ли ход соперника угрозу?». После выбора своего хода (желательно активного) с учетом угрозы соперника следует спросить себя: «Как соперник сыграет в ответ на выбранный мной ход?».

Анализ текстов двух шахматных лекций («Позиционное чутье», «О дебюте») позволил выявить вопросы: при переходе в миттельшпиль главный вопрос — «У кого лучше?»; второй вопрос — «Где главная слабость?»).

Итак, выделяется особый тип вопросов — революционизирующий вопрос. В ходе пилотажного исследования выявлены что-, кто-, как-, какой-, где- и почему-вопросы. Показана важность вербализации во время партии оценки позиции и самооценки (уверенность/сомнение в ходе), уход вопроса из области сознания, наблюдаемый у трети испытуемых. Сообщалось о двигательном контроле хода (за-

мах рукой без совершения хода, сидение на руках и смотрение глазами начинающего – не зеваю ли я этим ходом), о необходимости обучать вопросам («Что хочет соперник?», «Есть ли угрозы в ходе соперника?», «Какие фигуры менять?», «Какая фигура стоит плохо?»). Вопросы выполняют различного рода познавательные и регулирующие функции – поисковую, эвристическую, направления, понимания, планирования, рефлексивную и контрольную.

Литература

- Авни А.* Мышление гроссмейстера. М.: Russian Chess House / Русский шахматный дом, 2016.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 195–198.
- Васюкова Е. Е.* Уровни развития познавательной потребности и их проявление в мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1985.
- Зарецкий В., Семенов И.* Методика определения стиля мышления руководителя. М., 1980.
- Зызлова С.* Курсовая работа 5 курса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2017.
- Крогиус Н. В.* Шахматы: игра и жизнь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2011.
- Кучинский Г. М.* Диалог в процессе совместного решения мыслительных задач // Проблема общения в психологии. М.: Наука, 1982. С. 92–120.
- Левидов М. Ю.* Стейниц, Ласкер. М.: Russian Chess house, 2008.
- Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности человека (опыт теоретического и экспериментального исследования): Дис. ... докт. пед. наук (по психологии). М., 1967.
- Шумакова Н. Б.* Вопрос в структуре познавательной активности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1984.

The role of question in chess-player's thinking

E. E. Vasyukova (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Lomonosov Moscow State University

In the article the role of questions in subject's thinking and chess-player's creativeness is analysed. Varieties, content and functions of questions are revealed. It is shown, that questions are included in the tissue of master and grandmaster's thinking, they are found during the study of expert's thinking and creativeness indirectment by methods of thinking's research and directment by asking about the questions and scaling their expression's level.

There are “open” what-, how-, which-, why-questions and “closed” questions, special revolutionary questions. Questions play different kind of regulation functions in thinking (accelerating search for ideas, reflection, planning, search, explaining, understanding, control).

Keywords: chess-player’s thinking, question in structure of thinking, varieties, content and functions of questions.

Различия в восприятии фотоизображений

*Г. М. Головина**, *Т. Н. Савченко*** (Москва)

** кандидат психологических наук, доцент, Институт психологии РАН;
e-mail: gala-galarina@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, Институт психологии РАН;
e-mail: t.n.savchenko@mail.ru*

В статье приводятся результаты адаптации International Affective Picture System (IAPS) на российской выборке. Выявлено различие между русскими и американцами в силе эмоциональных оценок статических, сентиментальных и эротических фотографий. Произведен подбор эмоционально окрашенных фотоизображений для предъявления российским выборкам (москвичам и работающим вахтовым способом). Сила отрицательных эмоций оказалась выше силы положительных эмоций, как и в других аналогичных исследованиях. В каждой выборке выделены две группы людей с различным сочетанием уровней мотивации избегания опасности и мотивации достижения удовольствия. На выборке москвичей обнаружены значимые различия между мужчинами и женщинами в уровне мотивации: у женщин мотивация избегания выше, а достижения удовольствия ниже, чем у мужчин. Однако даже при анализе базовых аффективных шкал в разных культурах могут обнаруживаться серьезные различия, что и было показано в наших исследованиях. Культурно-специфичные различия проявляются не только между представителями разных стран, но и разных регионов России.

Ключевые слова: гедонистическая валентность, эраузал, доминантность, структура категорий, эмоционально окрашенные фотоизображения, кросс-культурные исследования эмоций.

В области психологии эмоций широкую популярность получили разрабатываемые в Центре исследования эмоций и внимания Уни-

Работа выполнена по Госзаданию ФАНО РФ № 0159-20180010.

верситета Флориды базы данных стимульного материала. Международная система эмоционально окрашенных фотоизображений IAPS (International Affective Picture System) – самая известная из них в силу того, что наибольшее количество экспериментальных исследований задействует именно зрительную модальность. Так, оценки по двум шкалам – гедонистической валентности и эраузала (силы возбуждения) – дают возможность построить двухмерное аффективное пространство, на котором могут быть представлены все оттенки эмоций (Васанов, Марченко, Севостьянова, 2013; Марченко, Васанов, 2014). Третьей значимой шкалой, часто используемой в рамках данного подхода, является шкала доминантности (мера того, насколько человек может контролировать предложенную ему ситуацию, чувствуя себя доминирующим в ней).

Каждое фотоизображение в базе данных обладает нормативными оценками по шкалам гедонистической валентности (valence), силы (arousal) и доминантности (dominance), полученных на американской выборке. Учитывая тесную связь между эмоциями и культурой, можно ожидать, что нормативы в других странах могут отличаться. Поэтому для базы данных IAPS, кроме американских норм, стали появляться также нормы и в других странах. В исследованиях обнаруживается высокий уровень корреляции между показателями аффективных шкал, полученными в разных странах. Кроме того, наблюдается стабильность формы аффективного пространства, независимо от исследуемой культуры. Однако можно обнаружить и требующие внимания экспериментаторов различия между странами.

Прежде всего, необходимо было подтвердить выбранные американскими учеными шкалы валентности, силы и доминантности. Решение американских ученых об оценивании именно по указанным выше 3 шкалам было принято на основании теории и анализа данных. Вундт первым предложил, позже Осгуд и соавторы обнаружили, что основная роль при оценивании объектов принадлежит гедонистической валентности, т. е. отношению к объекту как приятному или неприятному. Для определения факторов, определяющих отношение к изображениям на фото, респонденты оценивали фотографии по шкалам валентности, силы и доминантности, а также по шкалам семантического дифференциала (Bradley, Lang, 2007). Факторный анализ оценок по биполярным шкалам семантического дифференциала при просмотре фотоизображений IAPS реконструировал два фактора: приятности и силы эмоций, которые имели высокую корреляцию с оценками гедонистической валентности (valence) и силы (arousal). Проведенное предварительное исследование в Российской

Федерации показало, что оценки для многих фотоизображений отличаются от американских нормативов, что, в свою очередь, послужило отправным пунктом создания российских норм IAPS (Bakanov, Golovina, Savchenko, 2013).

Учитывая тесную связь между эмоциями и культурой, можно ожидать, что они могут различаться в разных странах. Таким образом, в базах данных IAPS, кроме американских стандартов, стали появляться нормы в других странах. В таких исследованиях выявлен высокий уровень корреляции между аффективными шкалами, полученными в разных странах. Кроме того, наблюдается стабильность формы аффективного пространства, независимо от того, в какой стране проводилось исследование. Однако можно обнаружить различия между странами, которые требуют объяснений. Предварительное исследование в Российской Федерации показало, что оценки валентности, силы и доминантности для многих фотоизображений отличаются от американских стандартов (Васанов, Марченко, Машанло, 2011; Golovina, Savchenko, 2013).

Экспериментальное исследование для адаптации базы IAPS. Получены результаты первичной апробации показателей стандартных, эмоционально окрашенных фотоизображений IAPS на русскоязычной выборке. На первом этапе определены наиболее значимые и естественные для российской выборки фотоизображения IAPS. Проведенный сравнительный анализ полученных оценок фотоизображений IAPS по шкалам валентности и силы эмоций для российской выборки с оценками соответствующих показателей, полученных на американской выборке, выявил значимые различия. Показано, что сила эмоций российской выборки в среднем ниже, чем американской и испанской. На русскоязычной выборке получены стандартные показатели по шкалам валентность, сила, доминантность для ряда изображения IAPS. Эротика, спорт, достопримечательности оцениваются русскими более эмоционально, а каждодневные события и фотографии животных менее эмоционально (Savchenko, Golovina, Bakanov, 2014).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о культурной специфичности показателей валентности и силы для ряда фотоизображений IAPS, что свидетельствует о необходимости создания отдельных норм для русской выборки. А также о необходимости создания российской базы эмоционально окрашенных фотоизображений (ЭОФ) на основе подобранных фотоизображений (с соответствующими параметрами валентности, силы, доминантности), учитывающих культурные особенности российской выборки. Экспертами были найдены фотоизображения, которые могут вызвать положи-

тельные (семья, деликатесы, детеныши животных) и отрицательные (бездомные, катастрофы, беспорядки) эмоции. Также были подобраны фотоизображения эмоционально нейтральных объектов (интерьер, кухонные принадлежности). На многих фотографиях изображены аффективно значимые события и объекты, отражающие современную реальность в Российской Федерации.

При отборе фотографий из базы для их замены на другие мы использовали 3 критерия: 1) максимальные различия между средними значениями оценок выборок по доминантности и валентности; 2) принадлежность средних значений силы и валентности эмоций разным категориям; 3) новые фото подбирались более приятные/неприятные, а также, вызывающие более сильные/слабые эмоции.

Подобрано 88 новых эмоционально окрашенных фотографий, часть из которых изображает аффективно значимые для современной российской среды ситуации и объекты. На втором этапе проводился опрос респондентов. В эксперименте приняло участие 107 чел. (выборка состояла из москвичей и работающих вахтовым методом на Крайнем севере), которые оценивали эмоции, возникающие при просмотре фотоизображений различных объектов и жизненных ситуаций по шкалам валентности и силы. В набор попадали фотоизображения, вызывающие сильный или умеренный аффект (в соответствии с нормативными оценками), а также нейтральные фотоизображения (Lang et al., 2008). Для вынесения оценок по шкалам валентности силы и доминантности были использованы 9-балльные шкалы, состоящие из человечков, схематически выражающих разные характеристики испытываемых эмоций (SAM). В исследовании использовалась инструкция, разработанная авторами IAPS, которая была переведена на русский язык. От участников исследования требовалось оценить испытываемые при просмотре фотоизображений собственные эмоции. Так, для оценки валентности необходимо было оценить, насколько участник исследования испытал радость или огорчение, при оценке силы необходимо было решить, насколько он возбужден или встревожен, а при оценке доминантности, насколько он чувствует себя способным контролировать данную ситуацию. Это упрощенные характеристики шкал. В оригинале инструкции, которую получали участники исследования, описание каждого полюса шкалы сопровождалось большим количеством эмоциональных эпитетов. Каждое фотоизображение предъявлялось на 6 секунд, после чего необходимо было вынести суждения относительно этого фотоизображения по шкале валентности, силы и доминантности. Перед основной серией шли три тренировочные

пробы, которые знакомили участников исследования с возможным содержанием набора фотоизображений.

Для анализа данных использовались программы Statistica и SPSS. Для сравнения нормативных данных использовался дисперсионный анализ ANOVA. Собраны нормативные показатели валентности и силы и доминантности эмоций для этих фотоизображений. Полученные показатели являются надежными и могут быть использованы в качестве нормативов для отобранных фотоизображений на российской выборке.

Производился подбор эмоционально окрашенных фотоизображений для предъявления двум выборкам: москвичам и работающим на Крайнем севере России.

Сила отрицательных эмоций в обобщенной выборке оказалась выше силы положительных эмоций, как и в других аналогичных исследованиях. В каждой выборке выделены две группы людей с различным сочетанием уровней мотивации избегания опасности и мотивации достижения удовольствия. На выборке москвичей обнаружены значимые различия между мужчинами и женщинами в уровне мотивации: у женщин мотивация избегания выше, а достижения удовольствия ниже, чем у мужчин. Обнаружены также различия между уровнем избегания опасности между москвичами и работающими вахтовым методом на Крайнем Севере: у москвичей он выше. Реконструированы факторы восприятия фотоизображений: степень закрытости системы деятельности людей (система, в которой живут и работают «вахтовики» является закрытой), мотивационная направленность и пол.

Таким образом, было показано, что сила эмоций в российской выборке в среднем ниже, чем в американской. Кроме того, существуют и другие примеры, когда оценки силы эмоций оказываются значимо ниже американских нормативов. Так, данные полученные в Германии и Швеции (Bradley, Lang, 2007) указывают на то, что сила эмоций в этих странах намного ниже, чем у американцев.

Однако это данные не для всех баз данных IAPS целиком, поэтому остается вероятность того, что для фотоизображений, отображающих другие жизненные ситуации, результаты могут быть иными. Многочисленные факты указывают на существование базовых — универсальных характеристик эмоций, но даже при анализе базовых аффективных шкал в разных культурах могут обнаруживаться серьезные различия, что и было показано в наших исследованиях. Культурно-специфичные различия проявляются не только между представителями разных стран, но и разных регионов такой большой страны, как Россия.

Литература

- Васанов А. Ю., Марченко О. П., Машанло А. С.* Проверка стандартных показателей эмоционально окрашенных фотоизображений IAPS на русской выборке // Экспериментальная психология. 2011. № 3. С. 126–132.
- Васанов А. Ю., Марченко О. П., Севостьянова М. С.* Подбор культурноспецифичных эмоционально окрашенных фотоизображений для экспериментальных исследований // Экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 4. С. 105–114.
- Марченко О. П., Васанов А. Ю.* Адаптация и дополнение международной базы данных эмоционально окрашенных фотоизображений IAPS на российской выборке // Шестая международная конференция по когнитивной науке. 2014. С. 413–415.
- Golovina G., Savchenko T.* The approach to measurement of dynamic characteristics of the person // The XIVth International Conference “Cognitive Modeling in Linguistics”. Cambridge Scholars Publishing, 2013.
- Bakanov A., Golovina G., Savchenko T.* About one approach to knowledge extraction in process of man-computer interaction // The XIVth International Conference “Cognitive Modeling in Linguistics”. Cambridge Scholars Publishing, 2013.
- Bradley M., Lang P.* The International Affective Digitized Sounds (2nd ed.; IADS-2): Affective Ratings of Sounds and Instruction Manual Gainesville, FL: The Center for Research in Psychophysiology, University of Florida, 2007.
- Savchenko T., Golovina G., Bakanov A.* Affective Picture System development // Conference EMPG. University of Tübingen, 2014.

Differences in perception of photo images

*G. M. Golovina**, *T. N. Savchenko*** (Moscow)

* Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Institute of Psychology of RAS

** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Institute of Psychology of RAS

The article presents the results of adaptation of the International Affective Picture System (IAPS) in the Russian sample. The difference between Russians and Americans is revealed in the power of emotional evaluations of static, sentimental and erotic photographs. Emotionally colored photographic images were selected for presentation to Russian samples (muscovites and working shifts). The strength of negative emotions was higher than the strength of positive emotions, as in other similar studies. The following

factors were reconstructed: closed system, motivational orientation, sex, age. In each sample, two groups of people are distinguished with different combinations of levels of motivation for avoiding danger and motivating the attainment of pleasure. A sample of Muscovites found significant differences between men and women in the level of motivation: in women, the motivation for avoidance is higher, and the attainment of pleasure is lower than for men. However, even in the analysis of the basic affective scales in different cultures, serious differences can be found, which was shown in our studies. Cultural-specific differences are manifested not only between representatives of different countries, but also from different regions of Russia.

Keywords: hedonic valence, arousal, dominance, categories structure, emotive imagery, cross-cultural studies of emotion.

Влияние внутренней структуры лица человека на оценку его индивидуально-психологических характеристик

Д. А. Дивеев (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт экспериментальной психологии
МГППУ; e-mail: diveev2@gmail.com*

В ряде отечественных и зарубежных работ показано, что изменение структуры лица может оказывать влияние на оценку эмоциональных состояний человека. Происходит ли при подобных трансформациях структуры лица изменение оценок личностных характеристик человека? Данная статья посвящена изучению указанного вопроса. В исследовании приняло участие 100 чел. в возрасте от 18 до 50 лет. С помощью компьютерной программы из природного лица без изменений создано 4 типа новой структуры лица: расстояние между глаз больше и меньше и расположение рта – выше и ниже. Исследование показало, что структура лица может оказывать влияние на оценку индивидуально-психологических характеристик человека, но не на все. Большая часть характеристик оценивается одинаковым образом независимо от структуры лица человека. Изменяются следующие характеристики: спокойный, сильный, энергичный, вялый, самостоятельный, прямолинейный, добросовестный, справедливый, уверенный, чувственный и способный к самоконтролю.

Ключевые слова: структура лица, индивидуально-психологические характеристики, оценка, восприятие, межличностное познание.

Большую роль при восприятии человека играет его лицо, через него выражается личность. С незапамятных времен лицо человека воспринималось как отражение его души. Лицо может рассказать о ду-

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-01109а «Закономерности формирования первого впечатления в различных условиях восприятия».

ховном мире, интеллекте, настроении человека. По лицу человека мы можем получить информацию о его поле, возрасте, расовой принадлежности, а иногда и социальном статусе. По выражению лица мы пытаемся определить характер человека, его эмоциональные состояния, составить полное представление о нем. В своих суждениях о человеке мы опираемся не только на свой жизненный опыт, убеждения, установки, мотивы, но и на «движение» выражения лица и, возможно, на его структуру.

Выдвинутые еще философами Древнего Востока и Древней Греции утверждения о зависимости характера человека от признаков его внешности в настоящее время не получили убедительного научного обоснования ни в антропологических, ни в анатомических, ни в психологических, ни в философских исследованиях. Хотя в течение всех исторических периодов эта проблема оставалась актуальной и притягивала массу исследователей, им не удалось создать ни методологической, ни теоретической базы науки о лице — физиогномики.

В функциональном и в топологическом отношении лицо неоднородно. По вертикали выделяются три самостоятельные зоны, по горизонтали две. Следует отметить, что изменения поверхности лица в каждой из зон могут совершаться независимо от состояния других, несмотря на то, что структурный «центр тяжести» лица анфас приходится на нос, его функциональный центр локализуется в области глаз. Активную роль в регуляции общения играет и нижняя часть лица, откуда исходят команды, просьбы или крик, где зарождаются реакции на действия партнеров и распространяется внутреннее напряжение.

Известно, что трансформации выражения лица как внешние, так и внутренние оказывают влияние на оценку эмоциональных состояний человека. Американский ученый Эгон Брунsvик на материале схематических лиц показал, что изменяя их внутреннюю структуру можно менять оценку эмоциональных состояний и даже свойств личности (Brunswick, Reiter, 1937). Согласно Э. Брунsvику, наиболее радикальные впечатления экспрессий возникают при изменении положения линии рта и, следовательно, величины подбородка: чем выше расположен рот, тем радостнее и моложе выглядит лицо, но ниже кажущийся интеллект. Сходный эффект дают широко расставленные глаза и короткий нос. Очень длинный нос во всех случаях вызывает отрицательное отношение к лицу, а высокий лоб — положительное (Brunswick, 1956). Аналогичные исследования были проведены на материале натуральных, природных лиц человека, где также были отмечены схожие впечатления (Хозе, 2013). Подобные исследования

проводили зарубежные коллеги, которые показали, что тенденции, выявленные Э. Брунсвиком, похоже, сохраняются: так, при коротких расстояниях между глазами и ртом натурщики воспринимались злыми, а при более длинных — печальными (Neth, Martinez, 2009).

Меняет ли изменение конфигурации лица оценку индивидуально-психологических особенностей личности? Здесь также накопилось достаточное количество исследований, бурный рост которых начинается с 1980-х годов. В зависимости от вертикального изменения положения глаз, носа, рта на лице (что влечет за собой изменение размера лба и подбородка), меняется оценка возраста человека. Если сместить внутреннюю структуру лица вниз, создать так называемый паттерн «детского лица», человек воспринимается менее опасным, но в то же время и более наивным, сентиментальным, добрым, конформным, слабым (Alley, 1983). Женщин с таким типом лица оценивают более нежными, красивыми, чувственными (McArthur, Apatow, 1983—1984). Мужские лица с угловатыми чертами воспринимаются менее теплыми, менее честными, но более зрелыми, по сравнению с лицами более округлой формы (Berry, McArthur, 1985). Подобные результаты были получены и в нашей работе (Дивеев, 2009). По форме профиля черепа и лица достаточно точно определяется возраст человека, причем детские профили воспринимаются более зависимыми и доступными, более добрыми и гибкими, но менее сексуальными, чем зрелые профили (McArthur, 1982).

В недавно проведенном исследовании В. А. Барабанщикова с учениками показано, что конфигурационные изменения структуры лица по типу радости актуализируют такие черты у натурщиков, как разговорчивый и энергичный. Конфигурационные изменения лица по типу грусти другие — непривлекательный, молчаливый, замкнутый, нелюдимый (Барабанщиков, Беспрозванная, Ананьева, 2016).

Целью данной работы являлось исследование влияния внутренней структуры лица человека на оценку его индивидуально-психологических характеристик.

Гипотезой исследования явилось предположение о том, что оценка индивидуально-психологических характеристик личности будет отличаться с изменением структуры лица.

Стимульный материал. Для проведения исследования был подготовлен специальный стимульный материал — фотографии лиц четырех натурщиков (двух мужчин и двух женщин) анфас в спокойном состоянии, фотографии были сделаны на смартфон Samsung Galaxy S7 edge с разрешением камеры 12 Мп. Фотографирование осуществлялось с расстояния в 1 метр. Полученные фотоизображения подверглись трансформациям по двум конфигурационным признакам

лица: 1) увеличивалось и уменьшалось расстояние между глазами; 2) увеличивалась и уменьшалась высота расположения линии рта, данная трансформация осуществлялась при помощи программы Ambrosoft FantaMorph 5.4.8. Далее, в программе Adobe Photoshop СС, получившиеся фото, были помещены на белый фон.

Из 20 фотоизображений сформировали 5 групп по 4 в каждой, в зависимости от трансформации: 1 группа – «натуральные фото»; 2 группа – «расстояние между глазами уменьшено»; 3 группа – «расстояние между глазами увеличено»; 4 группа – «линия рта расположена высоко»; 5 группа – «линия рта расположена низко».

Выборка. В исследовании приняло участие 100 чел. в возрасте от 18 до 50 лет, имеющих высшее или неоконченное высшее образование, по 20 чел. на каждую группу трансформаций.

Методики исследования. В исследовании использовались экспресс-методика шкального типа 16-факторный личностный опросник Р. Б. Кеттелла, дополненный шкалой «Доверие–Недоверие» и методика «Личностный дифференциал».

Дизайн и процедура исследования. Было сформировано 5 независимых экспериментальных групп. Каждой группе испытуемых демонстрировали только один тип трансформации лица. Фотоизображения натурщиков демонстрировались последовательно. Испытуемым необходимо было после каждой демонстрации фотоизображения одного натурщика оценивать его индивидуально-психологические характеристики.

Обработка данных. Для обработки эмпирических данных применялись непараметрические методы математической статистики, реализованные в программе статистического пакета SPSS Statistics 23, в частности, Н-критерий Краскела–Уоллиса и U-критерий Манна–Уитни. Анализ данных производился на уровне значимости при $p < 0,05$.

Результаты

При изменении структуры лица в области глаз и рта (увеличивалось и уменьшалось расстояние между глазами; увеличивалась и уменьшалась высота расположения линии рта), действительно, оценка индивидуально-психологических характеристик может меняться. Следует отметить, что меняется оценка не всех характеристик, а только некоторых. Гипотеза о том, что оценка индивидуально-психологических характеристик личности будет отличаться с изменением структуры лица, справедлива для определенных индивидуально-психологических характеристик.

Так, для индивидуально-психологической характеристики «Реализм—Чувственность» изменения расстояния между глазами, как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения, приводят к тому, что натурщики воспринимаются как более чувственные, при этом натурщики с натуральными лицами и лицами с трансформациями в области рта воспринимаются как обладающие большим реализмом.

«Прямолинейность—Проницательность». Натурщики, у которых опущена линия рта и уменьшено расстояние между глазами оцениваются более прямолинейными, в то время как натурщики с натуральными лицами и лицами с поднятой линией рта выше естественного положения воспринимаются как более проницательные.

«Спокойствие—Тревожность». Натурщики с натуральными лицами и лицами с изменениями в области рта и уменьшенным расстоянием между глаз воспринимаются испытываемыми более спокойными, а при увеличении расстояния между глаз натурщики воспринимаются более тревожными.

«Самоконтроль». Натурщики с измененным расстоянием между глаз в обе стороны и поднятой линией рта оценивались как обладающие более высоким уровнем самоконтроля, в отличие от натурщиков с натуральными лицами, которые воспринимались испытываемыми как с более низким самоконтролем.

«Сильный—Слабый». Натурщики с натуральным типом лица и лица с уменьшенной высотой линии рта и увеличенным расстоянием между глаз оцениваются как более слабые в сравнении с другими.

«Вялый—Энергичный». Натурщики с уменьшенным расстоянием между глаз, воспринимаются более энергичными.

«Самостоятельность—Несамостоятельность». Натурщики с поднятой линией рта и измененным расстоянием между глаз оценивались более самостоятельными, чем натурщики с натуральным выражением лица.

Интересно также отметить, что натурщики с натуральным типом лица оцениваются более безответственными, но при этом уверенными и более справедливыми, тогда как натурщики, у которых есть трансформация и в области глаз, и в области рта в ту и другую сторону, оцениваются более добросовестными, но неуверенными.

Таким образом, исследование показало, что структура лица может оказывать влияние на оценку индивидуально-психологических характеристик человека, но не на все. Большая часть характеристик оценивается одинаковым образом независимо от структуры лица человека. Для дальнейшей разработки данной проблемы следует искать влияние психологических особенностей наблюдателя и изучать этот вопрос с применением системного инструментария. Интересно от-

метить результаты исследования Е. Г. Хозе, который указывает, что, похоже, существует иерархическая структура детерминации индуцированных экспрессий лица: на уровне конфигурационных признаков и на уровне конфигурационного паттерна как целого. Выделенные уровни тесно взаимосвязаны и взаимоопределяют друг друга (Хозе, 2013). Вероятнее всего, такая же структура существует при восприятии индивидуально-психологических характеристик человека по его лицу, это тоже является предметом будущих исследований.

Литература

- Барабанщиков В. А., Беспрозванная И. И., Ананьева К. И.* Динамика оценок индивидуально-психологических свойств человека в зависимости от изменений конфигурационной структуры его лица // Лицо человека в пространстве общения. М.: Московский институт психоанализа—Когито-Центр, 2016. С. 192–204.
- Дивеев Д. А.* Роль формы лица в восприятии индивидуально-психологических характеристик человека: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.
- Хозе Е. Г.* Восприятие индуцированных экспрессий лица: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2013.
- Alley T. R.* Infantile head shape as an elicitor of adult protection. *Merrill-Palmer Quarterly*. V. 29. 1983. P. 411–427.
- Brunswik E.* Perception and the representative design of psychological experiments. Berkeley: University of California Press, 1956.
- Brunswik E., Reiter L.* Eindruckscharaktere schematisierter Gesichter // *Zeitschrift für Psychologie*. 1938. Bd. 142. P. 67–134.
- McArthur L. Z., Apatow K.* Impression of baby-faced adults // *Social Cognition*. 1983/1984. P. 315–342.
- Neth D., Martinez A. M.* Emotion perception in emotionless face images suggests a norm-based representation // *Journal of Vision*. 2009. V. 9. № 1. P. 1–11.

The evaluation of personal traits by internal structure of the face

D. A. Diveev (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Institute Experimental Psychology of MSPPU

In a number of domestic and foreign scientific works it is shown that the change in the structure of the face can have an impact on the assessment of the emotional states of a person. Is there a change in the assessment of per-

sonal characteristics in such transformations of the face structure? This article is devoted to the study of this issue. The study involved 100 people aged 18 to 50 years. With the help of a computer program of natural, face unchanged, created 4 types of new face structure: the distance between the eyes is greater and smaller and the location of the mouth – above and below. The study showed that the structure of a person can have an impact on the assessment of individual psychological characteristics of a person, but not at all. Most of the characteristics are evaluated in the same way regardless of the structure of the person's face. The following characteristics change: calm, strong, energetic, sluggish, independent, straightforward, conscientious, fair, confident, sensual and capable of self-control.

Keywords: face structure, individual psychological characteristics, assessment, perception, interpersonal cognition.

Эффект перцептивного притяжения при различении базовых эмоциональных экспрессий

А. В. Жегалло (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: zhegs@mail.ru*

Изображения базовых эмоциональных экспрессий обладают эффектом перцептивного притяжения, т. е. при выборе в ответе одного из вариантов изображения эмоциональной экспрессии чаще выбирается тот, который более похож на изображение базовой эмоциональной экспрессии. В проведенном эксперименте непосредственно выполнено сравнение силы перцептивного притяжения различных базовых эмоциональных экспрессий. При интерпретации различий в «силе притяжения» как расстояний в перцептивном пространстве, реконструируется двухмерное пространство, измерения которого связаны с конфигуративными особенностями изображений. Спокойный либо напряженный рот «сильнее» гримасы отвращения. Широко раскрытые глаза «сильнее», по сравнению с суженными, прищуренными. В экологически валидных условиях экспозиции нейтральное лицо занимает центральную позицию в реконструированном пространстве. При тахистоскопической экспозиции изолированного изображения лица предсказывается наличие дополнительного перцептивного измерения: «нейтральное лицо — эмоциональные экспрессии».

Ключевые слова: эмоциональные экспрессии, модель категориальной подстройки, относительная сила эмоциональных экспрессий, перцептивное притяжение.

Эффект перцептивного притяжения (Kuhl, 1991) обнаружен нами при анализе результатов решения дискриминационной АВХ-задачи на материале переходных рядов между базовыми эмоциональными

Работа выполнена в рамках госзадания № 0159-2018-0010 «Многомерность познавательных процессов в общении».

ми экспрессиями (Барабанщиков, Жегалло, Королькова, 2016) и переходных рядов между индуцированными экспрессиями (Жегалло, Хозе, 2015). В соответствии с моделью категориальной подстройки (Huttenlocher et al., 2000), участники исследований закономерно чаще ошибочно выбирают в качестве ответа изображение, более похожее на перцептивный прототип категории. Таким образом, оценивая объем области притяжения (число пар в переходном ряде для которых наблюдается эффект) и величину асимметрии ошибочных ответов для каждой пары, можно оценить относительную силу притяжения перцептивных прототипов базовых (Ekman, 1999) эмоциональных экспрессий. При этом подобная косвенная оценка взаимной относительной силы всех базовых эмоциональных экспрессий оказывается относительно объемной задачей. Подобная оценка может быть выполнена на материале ранее проведенного исследования, включавшего в качестве стимульного материала полный набор переходных рядов между базовыми эмоциональными экспрессиями (Куракова, Жегалло, 2012). Следует особо подчеркнуть косвенный характер получаемой таким образом оценки, связанный с тем, что задача дискриминации дается для похожих переходных экспрессий, но не для сильно различающихся между собой базовых эмоциональных экспрессий.

Возможно ли в эксперименте непосредственно оценить относительную силу базовых эмоциональных экспрессий? Предположим, что мы экспонируем изображение базовой сильно выраженной эмоциональной экспрессии в условиях, когда ее опознание крайне затруднено. Далее наблюдатель должен дать ответ, выбирая из двух изображений: ранее экспонировавшегося тестового и альтернативного (изображения другой базовой экспрессии). Анализируя асимметрию ошибочных ответов, можно сделать вывод о соотношении силы перцептивного притяжения тестовой и альтернативной эмоциональных экспрессий. Основное методическое затруднение состоит в том, что базовые эмоциональные экспрессии весьма эффективно опознаются даже при относительно коротких временах экспозиции. Предельный случай здесь составляет экспозиция базовых эмоциональных экспрессий во время саккады (Барабанщиков, Жердев, 2014). Даже в столь сложных условиях предъявления средняя точность последующего опознания, выполняемого путем выбора между тест-объектом и альтернативным изображением составила 0,65, что значительно выше простого угадывания. Интересующий нас эффект асимметрии ошибочных ответов в данном исследовании, по-видимому, наблюдается. Например, частота верного опознания экспрессии радости в случае использования в качестве

альтернативного изображения экспрессии страха составляет 0,64, а частота верного опознания экспрессии страха в случае использования в качестве альтернативного изображения экспрессии радости — 0,50. Однако, в силу относительно небольшого объема выборки, сделать вывод о статистической значимости данных различий не представляется возможным.

Ввиду высокой технической сложности рассмотренного исследования, было бы желательно подобрать более простую экспериментальную парадигму, обеспечивающую в то же время относительно низкую эффективность опознания базовых эмоциональных экспрессий и экологическую валидность получаемых результатов. В качестве компромиссного варианта в данном исследовании использовалась маскировка эмоциональной экспрессии нейтральным лицом того же натурщика. Установлено, что при малом времени экспозиции целевого изображения (50 мс) такая методика обеспечивает достаточно тяжелые условия опознания: средняя точность составляет 0,64 при выборе из полного списка названий эмоциональных экспрессий (Барабанщиков, Королькова, Лободинская, 2015). Последовательность изображений различных состояний одного и того же лица в таком случае вызывает впечатление непрерывного изменения экспрессии. Для создания эффекта движения в тех пробах, где в качестве целевого изображения предъявлялось нейтральное лицо, оно смещалось на 5 пикселей вверх.

В качестве стимульного материала во вновь проводимом исследовании были использованы фотоизображения эмоциональных экспрессий из базы ВЕПЭЛ (Барабанщиков, Жегалло, Королькова, 2016; Куракова, 2012). Изображения предъявлялись по центру экрана в условиях прямой и обратной маскировки нейтральным лицом того же натурщика. Ответ давался выбором одного из двух возможных вариантов изображения. Если ранее экспонировавшееся целевое изображение соответствовало левой картинке, следовало нажать на цифровой клавиатуре кнопку «1», если правой — кнопку «2». Каждая пара изображений экспонировалась в 4 вариантах (А—АВ, А—ВА, В—АВ, В—ВА). Число различных пар составляло $6 \times 7 / 2 = 21$. Таким образом, однократному предъявлению всего объема стимульного материала соответствовало $21 \times 4 = 84$ экспериментальные ситуации (ЭС). При фиксированном времени экспозиции целевого изображения данный блок повторялся дважды, что составляло $84 \times 2 = 168$ ЭС. Время экспозиции варьировалось и составляло 40 мс, 20 мс, 10 мс. Таким образом, общий объем эксперимента для каждого участника составлял $168 \times 3 = 504$ ЭС. Среднее время выполнения задания — 45 мин. Размеры изображений составляли 227х315 пикселей. Изображения

предъявлялись на мониторе ViewSonic 90Gf, разрешение – 1280x1024, частота кадровой развертки – 85 Гц. Расстояние до экрана – 60 см. Эксперимент реализован с помощью ПО PxlLab.

В исследовании принимали участие студенты московских вузов (первое и второе высшее образование); 5 мужчин, 23 женщины; возраст – от 17 до 56 лет, медианное значение – 26 лет. Средняя точность решения задачи – 0,85. Точность решения по сериям: 0,84 – 40 мс, 0,87 – 20 мс, 0,83 – 10 мс. Различия статистически значимые ($\chi^2(2)=21,5$, $p<0,001$). Ввиду относительно небольших численных различий в эффективности решения задачи между сериями дальнейший анализ был выполнен по объединенной выборке для всех времен экспозиции. Поиск пар изображений, опознаваемых с разной точностью в зависимости от использования их в качестве тест-объекта и альтернативного изображения выявил наличие 5 пар. Далее по тексту значение в круглых скобках соответствует частоте правильного опознания при использовании данного изображения как тест-объекта. Справочное значение в квадратных скобках – частота верного опознания при предъявлении тест-объекта во время саккады (Барбаншиков, Жердев, 2014). Значения критерия χ^2 Пирсона и р-уровни значимости показывают значимость различий в эффективности опознания тест-объекта при маскировке нейтральным лицом.

Страх (0,63) [0,50] – Радость (0,72) [0,64]; $\chi^2(1)=6,1$, $p=0,014$
Гнев (0,65) [0,35] – Отвращение (0,74) [0,52]; $\chi^2(1)=6,3$, $p=0,012$
Отвращение (0,84) [0,61] – Печаль (0,74) [0,48]; $\chi^2(1)=9,1$, $p=0,003$
Радость (0,89) [0,83] – Удивление (0,81) [0,68]; $\chi^2(1)=7,9$, $p=0,005$
Спокойствие (0,91) [0,32] – Удивление (0,85) [0,62]; $\chi^2(1)=5,2$, $p=0,022$

Сопоставление результатов показывает, что во вновь проведенном эксперименте для 4 выявленных пар выявленные закономерности асимметрии совпадают с тенденциями, наблюдаемыми при предъявлении изображений во время саккады. Исключение представляет собой пара изображений (Спокойствие, Удивление). Для данной пары при предъявлении во время саккады наблюдается обратная тенденция: экстремально низкая частота верного опознания спокойного лица в качестве тест-объекта. Следует отметить, что при предъявлении во время саккады данный результат воспроизводится для всех пар изображений, в которых спокойное лицо выступает как тест-объект. Таким образом, можно утверждать, что во вновь проведенном эксперименте воспроизводятся закономерности, относящие к соотношению между эмоциональными экспрессиями, но не к соотношению между эмоциональными экспрессиями и нейтральным лицом.

Объяснение полученного результата следует искать в особенностях проведения эксперимента. При предъявлении во время саккады специальная маскировка тест-объекта не выполняется, предъявление выполняется на нейтральном сером фоне, так что условия экспозиции различных тест-объектов были полностью уравнены. При тахистоскопическом предъявлении с маскировкой нейтральным лицом спокойное выражение лица натурщика оказывается в выделенном положении. С целью частичной компенсации данного эффекта при предъявлении целевое изображение нейтрального лица экспонировалось смещенным относительно маски, однако данный прием, по-видимому, не в полной мере нейтрализует особое место нейтрального лица в эксперименте. Полное уравнивание нейтрального выражения лица и эмоциональных экспрессий при тахистоскопическом предъявлении могло бы быть достигнуто путем маскировки шумовым или геометрическим паттерном. В таком случае потребовалось бы обоснование выбора конкретного варианта маскировки. Также подобная маскировка снижает экологическую валидность эксперимента, причем тем сильнее, чем более эффективно ее действие. Проведенный пилотный эксперимент показал, в частности, что черно-белый шахматный паттерн весьма эффективен в качестве маски, но в то же время создает значительный дискомфорт для наблюдателя.

Таким образом, при исследованиях соотношения восприятия базовых сильно выраженных эмоциональных экспрессий и нейтрального лица исследователь либо вынужден поступиться экологической валидностью, но благодаря этому создать условия, в которых достигаются равноправные отношения между изображениями, либо обеспечить экологическую валидность (эмоциональные экспрессии возникают на фоне нейтрального лица). Возможное компромиссное решение здесь состоит в переходе к исследованиям восприятия слабо выраженных эмоциональных экспрессий и изучению соотношения между особенностями восприятия сильно и слабо выраженных эмоциональных экспрессий. Необходимым условием проведения такого рода исследований является наличие валидизированного стимульного материала, включающего выражения слабо выраженных эмоциональных экспрессий.

Возвращаясь к результатам проведенного эксперимента, отметим, что наличие асимметрии точности опознания для пар тест-объект — альтернативное позволяет поставить в соответствие каждой паре условное «расстояние», соответствующее предпочтению 1-го изображения по отношению ко 2-му. Тем самым открывается возможность реконструкции воспринимаемого пространства эмоциональ-

ных экспрессий с помощью операции многомерного шкалирования. По результатам реконструкции первые два измерения реконструированного пространства можно интерпретировать как соответствующие изменениям в нижней части лица (рот, нос) и в верхней (глаза) соответственно. Спокойный либо напряженный рот в экспрессиях гнева и печали обладает большим «перцептивным притяжением», по сравнению с гримасой отвращения. Широко раскрытые глаза в экспрессиях страха и удивления «сильнее», по сравнению с суженными прищуренными глазами в экспрессии радости. Спокойное лицо занимает центральное положение в реконструированном перцептивном пространстве.

Результаты проведенного эксперимента показывают возможность непосредственного сопоставления величины перцептивного притяжения базовых эмоциональных экспрессий. Наблюдаемые различия в величине эффекта связаны с конфигурационными характеристиками изображений. Естественное экстенсивное направление дальнейших исследований – проверка полученного эффекта на других вариантах стимульного материала, в том числе – изображениях эмоциональных экспрессий контролируемой степени выраженности.

Принципиальный вопрос, на который проведенное исследование не дает полного ответа, – место нейтрального лица в восприятии эмоциональных экспрессий. В экологически валидных условиях восприятия спокойное лицо является естественным фоном, на котором проявляются эмоциональные экспрессии. Эффект восприятия в обобщенной форме «лица как такового» (Хрисанфова, 2004) достигается путем применения специальных технических приемов, что нарушает экологическую валидность ситуации. Дальнейшие исследования должны устранить разрыв между результатами, относящимися к восприятию «изолированного» и динамически изменяющегося выражения лица. На уровне реконструируемого перцептивного пространства особая роль спокойного лица, «лица как такового» может выразиться в существовании на определенном этапе перцептивного процесса временного дополнительного измерения «спокойное лицо–эмоциональные экспрессии» одновременно с измерениями, связанными с конфигуративными характеристиками воспринимаемого выражения лица.

Литература

Барабанщиков В. А., Жегалло А. В., Королькова О. А. Перцептивная категоризация выражений лица. М.: Когито-Центр, 2016.

- Барabanщиков В. А., Жердев И. Ю.* Восприятие сложных социально значимых объектов во время быстрых движений глаз наблюдателя // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 2. С. 5–25.
- Барabanщиков В. А., Королькова О. А., Лободинская Е. А.* Восприятие эмоциональных экспрессий лица при его маскировке и кажущемся движении // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 1. С. 7–27.
- Жегалло А. В., Хозе Е. Г.* Индуцированные эмоциональные экспрессии: реконструкция перцептивных категорий // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 4. С. 30–44. URL: doi:10.17759/exrpsy.2015080403.
- Куракова О. А.* Создание новой базы фотоизображений естественных переходов между базовыми эмоциональными экспрессиями лица // Лицо человека как средство общения: Междисциплинарный подход / Отв. ред. В. А. Барabanщиков, А. А. Демидов, Д. А. Дивеев. М.: Когито-Центр, 2012.
- Хрисанфова Л. А.* Динамика восприятия экспрессий лица: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
- Ekman P.* Basic Emotions // Handbook of Cognition and Emotion / Eds. T. Dalgleish, M. Power. Sussex, U. K.: John Wiley & Sons Ltd, 1999. P. 45–60.
- Huttenlocher J., Hedges L. V., Vevea J. L.* Why do categories affect stimulus judgment? // Journal of Experimental Psychology: General. 2000. V. 129. № 2. P. 220–241.
- Kuhl P. K.* Human adults and human infants show a ‘perceptual magnet effect’ for the prototypes of speech categories, monkeys do not // Perception & Psychophysics. 1991. V. 50. P. 93–107.

Perceptual magnet effect for basic emotional expressions

A. V. Zhegallo (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology of RAS

Perceptual magnet effect occurs for basic emotional expressions. Generally, when choosing one of the variants of the image of emotional expression in the answer, the one that is more similar to the image of the basic emotional expression is often chosen. In the conducted experiment, the force of perceptual attraction of various basic emotional expressions is directly compared. In interpreting the differences in the “attraction force” as distances in the perceptual space, a 2-dimensional space is reconstructed. The dimensions of space are related to the configurational features of the images. Calm or tense mouth “stronger” than disgust grimaces. Widely opened eyes

are “stronger” than narrowed. In ecologically valid conditions of exposition, a neutral person occupies a central position in the reconstructed space. In tachistoscopic exposure of an isolated face image an additional perceptual dimension “neutral face—emotional expression” predicted.

Keywords: emotional expressions; category adjustment model; perceptual magnet effect; relative strength of emotional expressions.

Системные качества как операционные средства продуктивного мышления

А. В. Карпов (Ярославль)

*доктор психологических наук, профессор, Ярославский госуниверситет
им. П. Г. Демидова; e-mail: anvikar56@yandex.ru*

Сформулирован и обоснован новый вариант объяснения одного из ключевых вопросов психологии мышления – вопроса о средствах и механизмах порождения принципиально нового содержания. Данный вариант базируется на центральном понятии системной методологии – на понятии системного качества, а также тех его характеристиках, которые позволяют этим качествам реализовывать генеративно-порождающие функции. С данных позиций рассмотрены конкретные интегративные средства, лежащие в основе порождения нового содержания. Предложена новая трактовка средств, обеспечивающих один из основных атрибутов сознания – свойство трансцендентности.

Ключевые слова: мышление, системные качества, операционные средства, трансцендентность, интеграция, инсайт.

Центральное и во многом определяющее место в научном творчестве выдающихся отечественных психологов А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова занимали исследования процесса мышления. При этом, несмотря на существенные различия в подходах к разработке проблематики мышления, этих ученых объединяло стремление к изучению не каких-либо, хотя, конечно, и важных, но все же частных аспектов данного процесса, а его именно важнейших, *определяющих* сторон и механизмов, феноменов и закономерностей (Брушлинский, 1979; Тихомиров, 1969). Одним из них, как известно, являются исследования, направленные на раскрытие важнейшего свойства, точнее

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 16-18-10030.

даже атрибута мышления. Это способность к порождению принципиально *нового знания*; к «выходу за наличное», к преодолению «границ данного» и продуцированию того, чего *еще нет*, но что может и должно быть. Эта способность является предметом исследования в ряде направлений и выступает, в частности, центральной для психологии творчества, составляя ее центральную проблему — проблему раскрытия закономерностей и механизмов *инсайтных* процессов.

В плане ее исследования к настоящему времени накоплен чрезвычайно большой материал различного плана, как теоретико-методологического, так и эмпирико-экспериментального, а также и глубоко феноменологического и фактологического характера. Вместе с тем, несмотря на это, «тайна порождения нового» так и остается тайной: механизмы такого порождения остаются все еще во многом неясными и не объясненными. Констатируя это и ни в коем случае не претендуя на сколько-нибудь полное решение данной проблемы, попытаемся тем не менее сформулировать некоторые положения, способствующие этому. При этом мы отчетливо осознаем и тот факт, что представленный ниже вариант не носит общего характера, а затрагивает лишь один, хотя, на наш взгляд, и достаточно существенный аспект этой очень широкой и сложной проблемы. Он, следовательно, должен рассматриваться не как альтернативный по отношению к существующим подходам, а как дополняющий их.

В своей основе данный вариант базируется на методологии системного подхода, равно как и на том концептуальном строе и категориальном аппарате, который разработан в нем. При этом мы, разумеется, вполне отдаем себе отчет, что обращаемся к такой методологии, отношение к которой в настоящее время является достаточно сложным и неоднозначным. В самом деле, нередко высказывается мнение о том, что данный подход уже «исчерпал в себя и ушел в прошлое». В действительности, это, конечно, не так, поскольку исчерпал себя не сам этот подход, а упрощенные и «уплощенные» представления о нем, а также его не вполне корректные версии. Так, в частности, по нашему мнению, далеко не в полной мере остается раскрытым и реализованным в исследовательской практике центральное понятие данного подхода — понятие *системного качества*. Вместе с тем есть основания полагать, что его эвристический потенциал может содействовать разработке сформулированного выше, повторяем, основного вопроса психологии мышления. В этом плане приходится, правда, констатировать, что, несмотря на широкое употребление данного понятия, оно во многом остается пока неясным и даже отчасти «загадочным» и сложным как для понимания, так и для изучения. Более того, оно имеет и ряд не вполне согласо-

ющихся друг с другом трактовок. Вместе с тем если все же выделять то главное и общее, что характерно практически для всех его трактовок, то это, разумеется, его определяющее свойство, отраженное в наиболее известном определении данного понятия. Системные качества — это такие свойства целостности, которые присущи ей самой, но которые отсутствуют у любой из ее частей и у их простой суммы (т. е. аддитивного множества).

Другими словами, это такие свойства, которые уже *есть* у целостности, но которых еще *нет* у того, из чего она сама и состоит. Это то *новое*, что возникает на уровне целостности и которое обуславливает его качественную определенность (и специфичность) по отношению к аддитивной совокупности ее компонентов. Иными словами, содержание системных качеств является *принципиально новым*, качественно глубоко специфичным по отношению к сумме содержаний тех «составляющих», на основе которых оно и порождается — частей системы. Оно столь же принципиально *нередуцируемо* к содержанию и к качественной определенности этих «составляющих». В свою очередь, сами эти «составляющие», подвергаясь действию специфически системных средств и механизмов — интеграции (а не агрегации) в рамках этой целостности, порождают *принципиально новые* качественные характеристики. Имеет место «выход за наличное», за пределы простой суммы качественной определенности их содержаний.

Таким образом, трудно не видеть того очевидного, но не становящегося от этого менее значимым (а скорее, наоборот) факта, состоящего в том, что системные качества, точнее механизм их порождения, — это и есть решающее и определяющее средство порождения качественно новых особенностей, качественно нового содержания. В известной степени, это определяющее средство генеративно-порождающей направленности, через которое и *посредством которого* происходят качественные трансформации как таковые. Именно за счет этого в пределах *одного* качества порождается другое, *новое* качество. Система, ни в коем случае не нарушая объективных рамок своей «субстанциональной ограниченности» и конечности (предельности), так сказать «оставаясь сама собой», тем не менее, в известном смысле, все же «выходит за свои пределы», поскольку порождает то, чего в принципе нет у ее частей, но что присуще им.

Все это хорошо известные положения методологии системности в целом и тех ее аспектов, которые связаны с трактовкой ее базового понятия — системного качества. Благодаря своему очень общему характеру и, соответственно, достаточно очевидному эвристическому потенциалу, они многократно и убедительно доказали свою кон-

структивность в целом ряде областей научного знания, в том числе и психологического. По нашему мнению, именно они должны быть привлечены и для исследования ключевого вопроса психологии мышления — вопроса о закономерностях и механизмах порождения *нового знания*. Действительно, трудно не видеть того очевидного обстоятельства, что сам «феномен системных качеств», сама их суть и главное функциональное предназначение *удивительно сходны* с теми процессами, которые лежат в основе порождения нового знания. Оно потому и является новым, что не сводится к аддитивной совокупности тех исходных посылок — частных и уже известных знаний, которые составляют содержание той или иной проблемы, подлежащей решению за счет нахождения нового знания («ответа»). Новое знание — это всегда синтез, интеграция каких-либо исходных компонентов (частных знаний — посылок, условий). Тем самым новое знание выступает прямым аналогом (причем, по-видимому, не просто аналогом, но и одной из экспликаций) *целостности* как таковой, а исходные посылки — как проявления тех «частей», из которых она и складывается. Новое знание раскрывается как эффект синтеза, как целостность и, следовательно, как образование интегративного типа с присущими ему чертами и атрибутами, прежде всего, с новыми качествами, *системными* по своему генезу и природе.

Таким образом, можно видеть, что имеет место принципиально тот же процесс и действуют принципиально те же механизмы, которые присущи системным качествам и лежащим в их основе интегративным средствам как таковым. Это, как мы уже отмечали, процессы и механизмы генеративного типа, приводящие к порождению принципиально нового *содержания*, реализуемые, однако, уже не по отношению к тем или иным *материальным* сущностям, а по отношению к организации идеальных сущностей, знаний. Они позволяют достичь в принципе *того же самого* — породить новое, но уже не содержание, а *знание*. При этом складывается устойчивое ощущение и даже уверенность в том, что на уровне психики, как суперорганизованной системы, воспроизводится тот же самый механизм, который представлен на всех иных уровнях организации систем — механизм формирования системных качеств, позволяющий, в свою очередь, генерировать принципиально новое содержание. В известном смысле, можно считать, что психика «эксплуатирует» в своей организации и функционировании тот механизм и те его потенциальные возможности, которые имеют очень общий, точнее *общесистемный* характер. В максимально обобщенном плане можно сказать и так: сквозь «призму» данной закономерности проявляется единст-

во базовых закономерностей собственно *организационного* плана, присущих как материальным объектам, так и собственно психическим процессам и феноменам образования и структурам. Будучи радикально различными и даже противоположными по своей субстанциональной природе, они, тем не менее, очень сходны и даже подобны по принципам своей организации. Более того, в этом плане можно высказать следующее предположение. Организация психики потому и сформировалась именно в том виде, в каком это произошло (т. е. на основе учета ей принципов системной организации), что именно эти же принципы лежат в основе того, к чему она и должна обеспечить адаптацию. Она тем самым формируется и функционирует как равномошная и потому адекватная требованиям объективной реальности — «среды ее адаптации»; как достаточная по своим организационным возможностям для эффективного взаимодействия с ней.

Итак, можно заключить, что механизм формирования системных качеств — это и есть одно из очень общих по смыслу, но конкретных по содержанию средств порождения *принципиально нового*, в том числе и нового знания. Констатируя это, нельзя, конечно, не отметить, что предпосылки для данного заключения и даже близкие к нему положения уже были сформулированы в психологических исследованиях. И уже само это подтверждает их небезосновательность и достаточно общий характер. Мы имеем в виду, разумеется, исследования мышления, выполненные в русле гештальтпсихологии (Вертгаймер, 1987).

Далее, необходимо, конечно, учитывать, что предложенный выше вариант решения анализируемого здесь вопроса не только в определенной мере содействует такому решению, но и ставит новые, еще более сложные вопросы. Точнее, он сам требует своего дальнейшего раскрытия. И, безусловно, главным среди них является вопрос о том, почему же, собственно говоря, именно механизм генерации системных качества способен породить принципиально новое содержание, новое знание. Каков, так сказать, «механизм этого механизма»? Следует учитывать также, что в наиболее общем плане, хотя, по нашему мнению, и в недостаточно глубоком виде данный вопрос имеет свое традиционно принятое решение. Согласно ему, генерация нового объясняется тем, что оно трактуется как следствие действия собственно *интегративных* механизмов, которые, в отличие от агрегативных суммативных, как раз и обеспечивают эффекты собственно генеративного, продуктивного плана. На еще более глубоком уровне детализации эти же эффекты и механизмы связываются с механизмами *синергетического* типа, сама суть которых, как известно, в том и со-

стоит, что они выступают конкретными средствами «выхода за пределы» простой совокупности тех или иных «составляющих». Они дают такой эффект, который выходит за пределы «простой суммы» интегрируемых компонентов, за пределы суммы их функциональных потенциалов. Однако и в этом случае исходный вопрос не решается полностью, а переносится в еще более глубокую плоскость и формулируется следующим образом. Почему, собственно говоря, именно эффекты синергии обеспечивают «выход за наличное»? Как достигает интегративная «прибавка»? Почему и как возникает новое содержание? Не нарушаются ли при этом известные и фундаментальные по своей сути «законы сохранения»?

На наш взгляд, в этом плане могут быть сформулированы следующие положения, способствующие прояснению сформулированных вопросов (подчеркиваем, только способствующие, но еще недостаточные сами по себе для их решения). В этих целях уместно обратиться к классическим исследованиям, выполненным в гештальтпсихологии, и, в частности, к известному феномену, лежащему в основе динамической организации процесса мышления, установленному в ней (Вертгаймер, 1987). На одном и том же множестве компонентов — на, так сказать, одной и той же «компонентной основе» знаний — возможно, как известно, очень большое количество различных форм их структурной организации — как «хорошей», так и «плохой». Причем сама эта организация (структура) определяется целью — искомым решением, способом ее достижения; она, как известно, переводит эти компоненты в режим *взаимосодействия* в плане их направленности на достижение искомого решения. «Плохая», т. е. неадекватная цели — искомому решению структура не приводит к нему, а «хорошая» позволяет обеспечить его. Она и образует собой тот «гештальт», который является основой решения как такового. Сам же процесс мышления разворачивается как смена различных способов структурирования исходных компонентов — частных знаний, как процесс их перманентного пере-структурирования. Он, соответственно, предстает как раскрытие в этих — меняющихся структурах компонентов знаний их *разных* сторон, разных содержательных характеристиках. И он продолжается до тех пор, пока их собственное — эксплицируемое таким образом содержание не станет достаточным для решения, не приведет к такому объему и качеству знаний, которые будут достаточными для решения.

Вместе с тем нельзя упускать из виду то важнейшее обстоятельство, согласно которому перевод компонентов в режим *взаимосодействия* означает, что каждый из них начинает проявлять себя не во всех

потенциально присущих ему потенциях и аспектах, а лишь в некоторых, а чаще в каком-либо *одном* из них. Имеет место известный феномен редукции потенциальных возможностей компонентов целого, обозначаемый также и как явление «системной ограниченности» (Карпов, 2011).

Действительно, хорошо организованная и эффективная система, в основе которой лежит аналогичная, т. е. развитая ее структура, характеризуется тем, что в ее рамках достигается высокая степень *гармонизированности* самих компонентов. Их «нестыковки», противоречия, а нередко — и противоположность между ними устраняются. Они «снимаются» в рамках «хорошей организации», составляющей суть системной формы организации как таковой (или, как минимум, существенно уменьшаются). Причем здесь приходится констатировать характерное двуединство возникающих феноменов (точнее, механизмов). С одной стороны, хорошая, эффективная организация, гармонизирующая компоненты, объективно необходима для достижения цели системы. Она вообще является атрибутивно необходимым средством обеспечения этого. С другой стороны, *она же* и именно в силу *этого же*, во многом лишает компоненты системы потенциально присущих им содержательных характеристик; они переводятся в виртуальную форму. Они *утрачивают* многие «степени свободы» — многие потенциально присущие им стороны, возможности и проявления; становятся «заточенными» под конкретную цель. В результате и возникает очень широко представленный феномен «системной ограниченности».

В итоге всего этого имеет место то, что можно было бы обозначить как «закон сохранения организации»: обеспечение нового, синергетического по своей сути эффекта (в частности, получение нового знания) осуществляет *за счет* «симметричного» ему эффекта, состоящего в переводе подавляющего большинства «степеней свободы» компонентов системы в виртуальную форму, в их функциональной блокаде. Следовательно, при этом сама система утрачивает многие потенции, многие возможности. Поэтому истинной «платой за новое» — за новый результат, в том числе и за новое знание является очень существенное, так сказать, «недоиспользование» общего потенциала системы, в том числе и ее информационного содержания. Порождение какого-либо одного, нового варианта возможно только за счет *не порождения* целого ряда (нередко многих) других вариантов, причем не исключено, и более совершенных, чем актуально складывающийся.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что рассмотренный выше механизм системных качеств как базового средства генерации прин-

ципиально нового знания представлен, конечно, не только по отношению к мышлению. Он, по нашему мнению, выступает частным случаем еще более общей закономерности, лежащей в основе функциональной организации психики. Ее функционирование организовано таким образом, что оно выступает основой и достаточным условием «выхода за пределы наличного» для порождения нового содержания, а также (и это является наиболее принципиальным и выигрышным с адаптивной точки зрения) для его использования на последующих этапах функционирования. В этом плане ее функционирование — это всегда и преодоление наличного; функционирование — это всегда формирование и развитие нового. Впрочем, проявления и частные экспликации этой фундаментальной закономерности хорошо известны и широко представлены, а наиболее явной из них является атрибутивно присущее сознанию свойство *трансцендентности*. Оно как раз и состоит в том, что сознание в каждый последующий момент *другое*, нежели в предыдущий. Сознание всегда приводит к выходу за свои границы, к осознанию как к новому знанию, а затем к его «погружению» в уже имеющиеся знания и, следовательно, к новому осознанию и т. д. Оно постоянно и «выходит за свои собственные границы», перманентно генерируя системные качества. Причем, еще точнее было бы сказать, что именно генерация системных качеств как раз и лежит в основе этого «выхода», в основе свойства трансцендентности сознания.

Наряду с этим следует, конечно, помнить и о том, что сами системные качества характеризуются принципиальной гетерогенностью — наличием ряда их основных типов. Так, выше мы сконцентрировали внимание хотя и на определяющем, но все же одном из их типов — на *интегральных* системных качествах. Вместе с тем существует и еще один также очень важный тип — это *дифференциальные* системные качества. Их суть состоит в том, что новое качественное содержание генерируется не вследствие механизмов интегративного типа, а вследствие иных и в чем-то даже противоположных механизмов. Та или иная сущность (объект, явление, процесс, структура и пр.) может включаться на правах «части» в состав какой-либо более общей целостности (системы) для реализации в ней ее определенных частных функций. Они обретают тем самым свое так называемое «конкретное» или «внутрисистемное» бытие; в силу этого они транспонируют на себя те качественные характеристики, которые присущи всей системе, переносят на себя ее качественные особенности, ее качества, системные по своей сути. Тем самым они сами становятся носителями этих системных качеств. В результате этого у них и, соответственно, у всей системы и порождаются принци-

ально новые свойства, генерируется новое содержание. Оно, однако, имеет не интегративный по своему типу генез, а генез принципиально дифференциального плана. Он сопряжен с функциональной специализацией системы, с дифференциацией ее функций и их распределением по ее «составляющим». В более простом варианте этот же механизм, как известно, связан с известным принципом «включения в контекст»: та или иная «часть», например, то или иное частное знание может обретать и, как правило, обретает принципиально новые грани, по существу, становится *новым* знанием при условии его включения в тот или иной контекст, в ту или иную более общую целостность. При этом очень показательно (и доказательно), что аналогии и даже своего рода «прототипы» и этих дифференциальных системных качеств как операционных средство порождения принципиально нового содержания также можно встретить в классических работах по психологии мышления. Мы имеем в виду, разумеется, известное положение С.Л. Рубинштейна о так называемом «основном нерве» мышления, операции «анализа через синтез» (Рубинштейн, 1973).

В связи с этим можно высказать предположение, согласно которому и все иные типы системных качеств, а не только те, которые были рассмотрены выше, также выступают в функции общих по смыслу и сфере действия, но совершенно конкретных по содержанию операционных средств порождения принципиально нового. В пользу этого свидетельствуют, в частности, и уже выполненные исследования еще одного важного их типа — временных, *темпоральных* системных качеств. За счет этого рассмотренный в данной работе механизм обретает свое *множественное* воплощение и эксплицируется как, действительно, достаточно общий и действенный. Кроме того, он показывает, *как конкретно* и *почему* именно в организации психики реализованы принципы системной организации, так сказать, «зачем она нужна» и как она в действительности «работает». Ее смысл состоит в обретении психикой принципиальной возможности существенно расширять за счет нее свой функциональный потенциал; причем эта возможность достигается именно за счет использования ей своих же собственных средств, за счет именно организационных механизмов. Психика в целом и мышление как ее «составляющая» в частности обладают уникальной способностью не только к порождению системных качеств, но и к их использованию в функции средств организации своего же функционирования. Собственно говоря, именно это и лежит в основе их важнейших свойств: трансцендентности, генеративности и продуктивности.

Литература

- Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование М.: Мысль, 1979.
Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М.: Прогресс, 1987.
Карпов А. В. Психология сознания. М.: РАО, 2011.
Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.

System qualities as operating means of productive thinking

A. V. Karpov (Yaroslavl)

Doctor of Psychology, Professor, Demidov Yaroslavl State University

The article formulates and substantiates a new version of the explanation of one of the key issues of psychology of thinking. It is a question of means and mechanisms of producing fundamentally new content. This version is based on the central concept of system methodology. This is the concept of system quality, as well as those of its characteristics that allow these qualities to implement generative-generating functions. From these positions the specific integrative means underlying the generation of new content are considered. The paper also proposes a new interpretation of the means that provide one of the main attributes of consciousness which is the property of transcendence.

Keywords: thinking, systemic qualities, operating means, transcendence, integration, insight.

Принцип операндно-операторной обратимости в структурной организации мышления

*А. В. Карпов**, *А. А. Карпов*** (Ярославль)

** доктор психологических наук, профессор, Ярославский госуниверситет
им. П. Г. Демидова; e-mail: anvikar56@yandex.ru*

*** кандидат психологических наук, Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова; e-mail: karpov.sander2016@yandex.ru*

Представлены материалы, раскрывающие содержание одного из принципов организации когнитивных процессов, обозначенного как принцип операндно-операторной обратимости. Его сущность состоит в том, что основные когнитивные процессы могут выступать не только в своей исходной функции — в качестве собственно процессуальных образований, т. е. в функции активных операторов, но и во «вторичной» функции — в качестве относительно пассивных операндов. Показано, что за счет данного принципа создаются важные предпосылки для формирования свойств психики — самосензитивности и самопрезентированности. С позиций сформулированных представлений предложено решение вопроса о соотношении процессов мышления и метамышления.

Ключевые слова: когнитивные процессы, «первичные» процессы, метакогнитивные процессы, метакогнитивизм, оператор, операнд, обратимость, мышление, метамышление.

Как известно, наиболее общий и остродискуссионный вопрос современного метакогнитивизма состоит в том, правомерна ли дифференциация, наряду с «просто» мышлением, еще какого-либо «дополнительного мышления», обозначаемого понятием метамышления (как одного из основных метакогнитивных процессов). Аналогичные вопросы формулируются и в отношении иных, «вторичных»

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 16-18-10030.

процессов и их демаркации от «первичных» процессов, например в отношении метапамяти. При его решении, на наш взгляд, необходимо руководствоваться следующим основным положением теоретического плана.

Действительно, ключевыми для решения этого вопроса должны быть аргументы не умозрительного спекулятивно-феноменологического плана, а иного характера, связанного с более глубинными уровнями организации этих процессов, на которых локализуется система их операционных *средств* и *механизмов*. Другими словами, если у метамышления, действительно, существуют какие-либо специфические для него и отсутствующие у «просто» мышления *операционные* средства и механизмы, то это и должно рассматриваться в качестве решающего аргумента в пользу наличия и его самого. Если же подобные средства и механизмы не существуют, то излишне говорить и о самом метамышлении как о качественно специфическом процессе. Следовательно, необходимо попытаться выяснить, каковы базовые *механизмы* метамышления, которые обуславливают, в конечном итоге, и его качественную определенность, и его качественную специфичность.

Предпринимая попытку их решения, отметим, прежде всего, что метакогнитивные процессы представляют собой, по существу, новую и во многом специфическую психическую реальность. Общим, т. е. родовым их признаком является то, что все они направлены на организацию, регуляцию и координацию других — «первичных» когнитивных процессов. Тем самым они специфичны по своему, так сказать, «предмету — им выступает не объективная, а субъективная, точнее — субъектная реальность, а еще точнее — процессы и структуры ее репрезентации. Метакогнитивные процессы одновременно «выходят» за рамки традиционных когнитивных процессов, поскольку они могут быть направлены на реализацию базовых *регулятивных* функций как по отношению к собственно познанию, так и по отношению к организации деятельности в целом. «Возвышаясь» над иерархией когнитивных процессов, они одновременно опосредствуют связь между когнитивными и регулятивными процессами деятельности и поведения. Метакогнитивные процессы двуедины по своей психологической природе: являясь когнитивными по механизмам, они регулятивны по направленности, т. е. по функциональному предназначению.

Наконец, метакогнитивные процессы — это такие процессуальные средства, овладевая которыми, субъект в значительной степени и становится таковым, обретает «самость», субъектность не только по отношению к внешнему миру, но и к миру внутреннему — к сво-

ей собственной психике, к ее содержанию. Последнее связано с тем, что по своей природе и функциональному предназначению метакогнитивные процессы направлены на регуляцию, координацию и организацию этого содержания, на произвольный — осознаваемый контроль за ними. Эти процессы, являясь именно познавательными — *когнитивными* по своему статусу, направленности и механизмам, одновременно очень специфичны по своему предмету. Им являются также психические процессы, причем — опять-таки познавательные, когнитивные. В результате складывается ситуация, при которой процессы, обозначаемые понятием метакогнитивных, атрибутивно двойственны по своей психологической природе, а также по своему статусу. Они одновременно являются и *когнитивными* (по механизмам, содержанию, закономерностям, «носителю») и *регулятивными* (по тем функциям, которые являются для них главными). Происходит своего рода «удвоение качественной определенности», когда один и тот же процесс является одновременно и когнитивным и регулятивным. Имеет место фундаментальное по своей значимости явление *процессуальной обратимости*, которое должно быть подвергнуто специальному анализу и конкретизации (см. далее).

Наряду с этим необходимо, на наш взгляд, обратить особое внимание и на еще одну важную особенность метакогнитивных процессов. Так, общеизвестным и общепринятым в нем является положение, согласно которому при определении метакогнитивных процессов, равно как и при их исследовании, акцент делается на их именно *процессуальной* стороне (что, конечно, вполне естественно и даже необходимо). Метакогнитивные процессы — это, прежде всего, именно *процессы*. Вместе с тем их истинное содержание выходит за пределы только такого понимания, а сами они являются существенно более сложными. Дело в том, что в них, фактически, каждый из основных «первичных» процессов *удваивает* свой исходный статус. Он становится не только процессом как таковым, но и тем, на *что* он сам же и направляется, в отношении чего реализует свой процессуальный потенциал. Как указывал в свое время С.Л. Рубинштейн: «Любой процесс — это не только то, *чем* познается, но и то, *что* познается» (Рубинштейн, 1973). Аналогичная мысль сформулирована и Л.М. Веккером, который подчеркивал, что любой психический процесс может быть представлен не только как активный *оператор*, но и как относительно пассивный *операнд* (Веккер, 2000).

Тем самым кардинально меняется и существенно усложняется общее понимание метакогнитивных процессов как основного объекта изучения в метакогнитивизме. Выше мы уже отмечали, что при этом происходит любопытная трансформация самих этих

«объектов», на которую обычно обращается незаслуженно малое внимание. Как правило, акцент делается только на том, что психические процессы могут выступать и начинают реально выступать как «операторы» по отношению к самим себе, что и зафиксировано в понятии метакогнитивных процессов. Однако, не менее, а быть может, — и более важно то, что, как мы уже отмечали выше, становясь операторами по отношению к самим себе, «первичные» процессы (в основном, конечно, когнитивные) качественно меняют свой исходный и естественный статус. Они становятся уже не операторами (как тем, *чем* познается), а операндами (как тем, *что* познается, репрезентруется). Понимание природы и смысла синтеза этих двух модусов в *одних и тех же* когнитивных процессах является, по-видимому, одним из путей к разгадке природы сознания.

В связи с этим подчеркнем еще раз то обстоятельство, которое также уже обсуждалось выше и состоит в следующем. Действительное значение метакогнитивизма заключается не только в том, что в нем был выявлен качественно новый класс процессов (метакогнитивные), хотя и это, безусловно, крайне значимо, а в том, что *благодаря* им, сами «первичные» процессы стали доступными исследованию (по крайней мере, в принципе) в совершенно ином качестве — не как операторы, а как операнды. Реальная сложность психического в целом, а особенно психических процессов, такова, что они принципиально двуедины по своей природе. Они выступают и как операторы, и как «операнд»; и как «отражающее», и как «отражаемое»; и как «порождающее» и как «порождаемое». Причем эти модусы являются принципиально *динамическим*, что означает возможность перманентной и субъективно достаточно легко реализуемой их смены. Именно это лежит в основе уже описанного выше *механизма операндно-операторной обратимости (ООО)* указанных модусов (Карпов, 2011; Карпов, Карпов, 2016).

Действительно, сама суть метакогнитивных процессов заключается в том, что они направлены не на внешнюю среду, а на среду, так сказать, «внутреннюю», т. е., прежде всего, на сами «первичные» процессы («память о памяти» — метапамять, «мышления о мышлении» — метамышление и др.). Реализуя свой модус как операторов по отношению не к внешней среде, а к среде «внутренней» (т. е. по отношению к *самим себе*, к когнитивным процессам), они не только обретают тот модус, который обычно фиксируется и изучается в метакогнитивизме — «вторичных» процессов. Они сами начинают выступать в качественно иной форме, в качественно ином модусе — как *операнды*. Поскольку они, выступая как операнды, начинают репрезентироваться *в них же самих*, они и начинают осознаваться,

становятся репрезентированными в сознании как таковые. Именно поэтому — подчеркиваем еще раз — более глубокий смысл основных результатов метакогнитивизма заключается не в том, что в нем выявлен и описан особый класс психических процессов — «вторичные» процессы, а в том, что именно благодаря им достигается взаимнообратимость двух базовых модусов психических процессов и, следовательно, сами они репрезентируются в сознании как его основные содержательные компоненты (Карпов, 2011).

Именно метакогнитивные процессы (и метапроцессы в целом) как раз и являются основными операционными средствами такой обратимости. Психические процессы не могут менять свой исходный статус (как операторов) вне и помимо возникновения метапроцессов. Это положение можно сформулировать и по-другому: метапроцессы в целом и метакогнитивные процессы в особенности — это и есть средства трансформации психических процессов из одного статуса (операторов) в другой (операндов). На наш взгляд, все это является одним из главных механизмов феномена саморепрезентированности психики самой по себе, что во многом эквивалентно феномену сознания в целом. В свою очередь, сама обратимость является (по определению) *динамическим* явлением, точнее механизмом. Выступая в этом исходном статусе (как «операторы»), но по отношению к самим же себе, они трансформируют «первичные» процессы в иной статус — в статус «операндов». Поэтому-то и сами «первичные» процессы, обретая статус «операндов», благодаря становлению и функционированию метапроцессов, репрезентируются (точнее, саморепрезентируются) как чувственная ткань самого сознания, как нечто непосредственно данное и субъективно неоспоримое.

Таким образом, синхронизированность этих двух функций (и, соответственно, модусов) когнитивных процессов, а также их чередование означает, что всем когнитивным процессам присуще не только единство указанных модусов, но и их *взаимнообратимость*. Именно она и обеспечивает, в конечном счете, тот фундаментальный факт (точнее, механизм), согласно которому через когнитивные процессы оказывается возможным доступ к содержанию психического, к содержанию, а частично — и к процессуальным средствам сознания.

Вместе с тем особо следует подчеркнуть и то, что когнитивные процессы, обретая статус «вторичных», могут быть направлены не только на «самих себя» (это — так сказать *внутриклассовая* обратимость когнитивных процессов, т. е. обратимость внутри класса когнитивных процессов). Дело в том, что они могут быть направлены и на психические процессы *иных классов*. Так, скажем, можно не только помнить об эмоциях, но и переживать запомненное;

не только вспоминать о мотивах, но и мотивировать себя на воспоминание: не только представлять величину волевого усилия, но и произвольно заставлять себя представить что-либо. Это уже не внутриклассовая, а *межклассовая* обратимость. И именно благодаря ей, не только когнитивные процессы, но и процессы *всех* иных классов (эмоциональные, волевые, мотивационные) также оказываются репрезентированными в сознании как его «составляющие». Формулируя данный тезис, мы в то же время считаем необходимым со всей определенностью подчеркнуть следующее. Охарактеризованная выше взаимообратимость двух базовых модусов когнитивных процессов (как операторов и как операндов) — это лишь «шаг» и определенное приближение к раскрытию фундаментального механизма самопрезентированности психики само себе, феноменологически представленного в форме сознания, но, конечно, не полное раскрытие этого — быть может, наиболее сложного и загадочного феномена психического (Карпов, 2011).

Итак, можно видеть, что, именно благодаря «двуединой» природе когнитивных процессов (их представленности и как объективной, и как субъективной реальности, а также их статуса и как операторов, и как операндов одновременно), они раскрываются не только существенно более полно, но и обретают качественно новое свойство — становятся реальными компонентами сознания. Они выступают уже не только тем, что реально протекает в психике и не только тем, «чем познается», но и тем, *что* познается — репрезентируются на уровне сознания, т. е. осознается. Очень важно при этом, что все указанные модусы психических процессов не рядоположены друг другу, а именно *взаимобратимы*, представлены в единстве. Более того, как показано выше, эти модусы могут перманентно менять друг друга, чем и обеспечивается так знакомое каждому феноменологическое свойств динамичности сознания — атрибут, который зафиксирован, например, в известном термине «потока сознания». Кроме того, с позиций изложенных представлений раскрывается еще *большая* сложность организации системы когнитивных процессов. Все они, порождая своей собственной организацией «вторичные» процессы и трансформируя поэтому самих же себя в операнды, тем самым, фактически, приводят к возникновению новой и обладающей глубочайшей качественной спецификой реальности. Она, однако, также доступна репрезентации, поскольку сами «вторичные» процессы как раз и обеспечивают ее, а тем самым конституируют эту — *субъективную реальность*.

С позиций развитых выше представлений становится очевидным, что, несмотря на существенные различия в содержании и сте-

пени сложности, все метакогнитивные процессы обладают *принципиальной общностью* их психологической природы. Она заключается в том, что они глубоко специфичны и сходны по их направленности, по «предмету», на который они сориентированы. Этим «предметом» выступает не объективная — «внешняя среда», а *они же сами*, т. е. субъективная реальность. Это, как было показано выше, оказывается возможным благодаря тому, что психические процессы в целом и когнитивные процессы, в особенности обладают свойством обратимости и могут выступать и в качестве операторов, и в качестве операндов попеременно (и одновременно). И именно поэтому они могут реализовывать функции не только «отражения», но и «самоотражения», обеспечивать функцию самопрезентированности психики самой себе.

В данной связи необходимо подчеркнуть также, что принципиально сходным образом организованы не только «вторичные» *процессуальные* образования, но и многие иные — также базовые «составляющие» психики. Так, очень показательны в данной связи, что этой же закономерности подчиняются, как установлено в разрабатываемом нами *структурно-феноменологическом* подходе к разработке проблематики метакогнитивизма, и базовые метакогнитивные *феномены* (Карпов, 2016). Общий смысл происходящих при этом трансформаций состоит в том, что эти феномены также могут удваивать свой исходный статус. Исходно они представлены именно как явления, как то, что объективно порождается в деятельности и поведении в качестве их операционно-регулятивных средств. При этом они представлены, разумеется, в статусе активных *операторов*. Однако они же могут распознаваться и фиксироваться субъектом, а затем становиться предметом специальных корректировочных и вообще трансформационных воздействий на них с его стороны. Это происходит, в частности, тогда, когда субъект ставит цель минимизировать или блокировать их негативное влияние на результативные проявления своей деятельности и поведения (или же максимизировать позитивное влияние). В этом случае они и трансформируются в статус относительно пассивных *операндов*. Иными словами, имеет место принципиально тот же механизм, который охарактеризован выше по отношению к собственно процессуальным образованиям (операндно-операторная обратимость) и который эксплицирует тем самым свой, действительно достаточно общий характер.

В этой связи подчеркнем еще раз: истинное значение метакогнитивизма заключается не только в том, что в нем был выявлен качественно новый класс процессов (метакогнитивные), хотя и это, безусловно, крайне значимо. Дело еще и в том, что *благодаря* им сами

«первичные» процессы стали доступными исследованию (по крайней мере, в принципе) в совершенно ином качестве — не как операторы, а как операнды. Реальная сложность психического в целом, а особенно психических процессов такова, что они принципиально двуедины по своей природе. Они выступают и как операторы, и как операнды; и как «отражающее», и как «отражаемое»; и как «порождающее», и как «порождаемое». Причем эти модусы являются принципиально *динамическим*, что означает возможность перманентной и субъективно достаточно легко реализуемой их смены. Именно это лежит в основе уже описанного выше *механизма операндно-операторной обратимости* указанных модусов. Вместе с тем совершенно понятно и то, что лишь благодаря этому становится возможной реализация психикой и собственно регулятивных функций — причем не только по отношению к «внешней» деятельности, но и по отношению к самой себе.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующее итоговое заключение. В основе метамышления, действительно, лежит такой механизм, который и обуславливает решающим образом все стороны его качественной определенности; это механизм операндно-операторной обратимости. В то же время он является не только определяющим для самого этого процесса, но и общим по отношению ко всем иным процессам, входящим в класс метакогнитивных процессов. Тем самым он же обуславливает наличие своего рода «демаркационной линии» между «просто» мышлением и метамышлением как одним из метакогнитивных процессов. В силу этого и само метамышление эксплицируется не только как качественно *определенный* процесс (поскольку у него обнаруживается базовый и определяющий все его стороны механизм), но и как процесс качественно *специфический* (поскольку этот механизм присущ только ему, но отсутствует у «просто» мышления). Подчеркнем также, что, как это и прогнозировалось априорно, если дифференциация мышления и метамышления, действительно, правомерна, то аргументы в пользу (или против) нее должны лежать не в феноменологической плоскости, а на уровне механизмов и базовых операционных средств этих процессов, т. е. на уровне сущности. Это и обнаруживается посредством установления механизма операндно-операторной обратимости.

Мышление, порождая в процессе своего функционирования качественно новую форму и, соответственно, качественно специфический уровень своей организации — «вторичный» (метакогнитивный) процесс метамышления, по определению выходит тем самым за свои собственные пределы. Имеет место «классический» для сис-

темной методологии выход на новый *уровень*, в данном случае метасистемный (он обозначается иногда понятием «метасистемного перехода»). Однако истинная уникальность организации мышления в том и состоит, что оно оказывается в состоянии делать этот новый уровень частью своего функционирования: это происходит за счет своеобразного «встраивания» метасистемного уровня в его собственную организацию и функционирование. Таким образом, и «просто» мышление оказывается «шире», чем метамышление; но одновременно с этим и само метамышление включает «просто» в себя мышление, выступ по отношению к нему более общим образованием. В связи с этим можно видеть также, что в такого рода достаточно специфических и значительно более сложных, нежели это принято считать традиционно, отношениях проявляются известные закономерности и парадоксы, выявленные и проинтерпретированные в теории множеств. Наиболее известным среди них является положение, согласно которому множество может выступать подмножеством самого себя, не утрачивая при этом своего исходного статуса. В основе всего этого лежит охарактеризованный выше принцип операндно-операторной обратимости; именно он обуславливает, по нашему мнению, качественную специфичность всех метакогнитивных процессов и феноменов и их нередуцируемость к традиционно дифференцируемым «первичным» когнитивным процессам.

Литература

- Веккер Л. М.* Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М.: Смысл, 2000.
- Карпов А. В.* Психология сознания. Метасистемный подход. М.: РАО, 2011.
- Карпов А. А.* Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности. Ярославль: ЯрГУ, 2016.
- Карпов А. А., Карпов А. В.* Введение в метакогнитивную психологию. М.: РАО, 2016.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.

The principle of operand-operator reversibility in the structural organization of thinking

*A. V. Karpov**, *A. A. Karpov*** (*Yaroslavl*)

* Doctor of Psychology, Professor, Demidov Yaroslavl State University

** Candidate of Psychological Sciences, Demidov Yaroslavl State University

The article presents the materials that reveal the content of one of the principles of cognitive processes organization, designated as the principle of operand-operator reversibility. Its essence lies in the fact that the main cognitive processes can act not only in its original function (as the actual process formations, that is, in the function of active operators), but also in the “secondary” function (as relatively passive operands). Due to this principle, important prerequisites for the formation of the properties of self-sensibility and self-presentation of the psyche are created. From the standpoint of the formulated ideas in the work proposed a solution to the problem of the relationship between the processes of thinking and metathinking.

Keywords: cognitive processes, “primary” processes, metacognitive processes, metacognitivism, operator, operand, reversibility, thinking, metathinking.

Концептуальные основы профессионализации мышления субъекта

М. М. Кашапов (Ярославль)

доктор психологических наук, профессор, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; e-mail: smk007@bk.ru

В статье предложено рассмотрение профессионального мышления субъекта в качестве высшего уровня мышления. Специфика профессионализации мышления показана на довузовском, вузовском и послевузовском уровне. Посредством развертывания мыслительных функций осуществляется механизм интеграции различных видов мышления в структуре профессионального мышления. Интегральная совокупность разнообразных механизмов мыслительной деятельности субъекта характеризуется иерархичностью процессов и результатов мышления, обобщенностью цели профессиональной деятельности, а также отсроченным характером принятых и реализованных профессиональных решений. Особенно важным является умение субъекта сформулировать сверхзадачу с учетом позитивной дальней и ближней перспективы. Оптимальное профессиональное разрешение возникших затруднений имеет не общий и универсальный характер, а проявляется в открытости и гибкости осмысления (нахождения новых смыслов) субъектом. Предметную основу профессионального мышления составляет иерархическая структура умственных действий, которая проявляется в функционировании соответствующих ей мыслительных операций.

Ключевые слова: мышление, профессионализация, субъект, профессиональное мышление, осмысленность решения.

Проблему профессионального мышления (ПМ) целесообразно рассматривать на основе теории мышления, а также в контексте адек-

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-06-00196а-ОГН.

ватного методологического подхода. А. В. Брушлинский считает, что, несмотря на общепринятое, классическое разделение мыслительной деятельности на продуктивную и репродуктивную, имеет место и позиция, согласно которой, любое мышление – творческое в той или иной степени. Любая творческая профессиональная деятельность не терпит запрограммированности, стереотипов, ограничений в выборе средств и методов при решении поставленных задач, слепого копирования чужого опыта (Брушлинский, 1996). Он выделил следующие полюса субъекта: культурный и деятельностный. Мышление проявляется, развивается, самосовершенствуется в деятельности. Профессионализация мышления характеризуется процессом становления мышления субъекта, которое актуализуется и реализуется в его бытии и жизненных отношениях. Человек, с точки зрения гуманистических психологов, подчеркивает Н. В. Гришина, – это активный, свободный субъект, способный выстраивать свою жизнь, направленный на реализацию своего потенциала и своих возможностей. Сама жизнь представляет собой процесс реализации тенденции к максимальному выражению заложенного в человеке потенциала, процесс самоактуализации (Гришина, 2015, с. 9).

Особую роль в эффективной реализации ПМ играет духовность субъекта. Поэтому понимание ПМ целесообразно осуществлять через призму экзистенциального подхода. Экзистенциальная реальность человеческого бытия основана, утверждает В. В. Знаков, на таком единстве познания и переживания, в результате которого порождается опыт, имеющий смысл для субъекта. В опыте и через опыт человек понимает всё, что связывает его с людьми и событиями (Знаков, 2016, с. 45–46). Понимание человеком экзистенциальных событий и ситуаций основано на их интерпретации (Знаков, 2016, с. 46–47). Применительно к социальному миру в основании новой парадигмы лежит революционная мысль о том, что мир человека состоит не из объектов, а из событий (Знаков, 2016, с. 48).

Анализ события является одной из предметных областей субъектно-деятельностного подхода, в котором предметно-преобразующая активность личности рассматривается через призму взаимодействия субъекта с социумом (К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, Г. А. Виленская, Л. А. Головей, Н. В. Гришина, В. В. Знаков, Ю. В. Ковалева, Л. Н. Ожегова, С. Л. Рубинштейн, З. И. Рябикина, В. В. Селиванов, Е. А. Сергиенко и др.). В контексте данного подхода выделены существенные признаки субъекта. К основным его характеристикам относятся: 1) самоактуализационные (целостность, активность, саморазвитие и самореализация, творческий и преобразовательный характер деятельности, самостоятельность и ответствен-

ность); 2) рефлексивные (осознанность, способность к саморегуляции и самодетерминации, рефлексивное сознание) и 3) ценностно-смысловые (развитая смысловая сфера, определяющаяся смысложизненными ориентациями как ее компонентами, и индивидуальными потребностями и личностными ценностями в качестве двух ее универсальных смыслообразующих структур) (Л. И. Анцыферова, В. В. Знаков, К. В. Карпинский).

Идеи, разработанные Е. А. Сергиенко, направлены на развитие системно-субъектного подхода. Новая парадигма является продуктом творческого синтеза, объединения субъектно-деятельностного и системного подходов и одним из вариантов субъектного подхода в психологии. Поэтому категория «субъект» имеет системообразующий статус, а объединение системного и субъектно-деятельностного подходов способствует расширению научного диапазона в изучении личности (Сергиенко, 2010).

В соответствии с данным подходом, центром концептуальной схемы анализа психического развития является человек как субъект деятельности, общения, отношения и переживания. На каждом этапе своего развития субъект выступает носителем системных психических явлений (процессов, состояний и свойств), раскрывающихся в его взаимодействии с миром. Субъектность постепенно становится системообразующим фактором формирования сложной многоуровневой психической организации человека. Критерии субъекта при этом становятся разноуровневыми. Поэтому выделенные многими исследователями различные критерии субъекта не являются ни противоречивыми, ни, тем более, взаимоисключающими, а относятся к разным уровням организации субъекта. В результате исследований, выполненных Е. А. Сергиенко и под ее научным руководством, выделено несколько уровней в процессе непрерывного становления субъектности человека: от протоуровней в раннем онтогенезе до уровней агента, наивного субъекта, субъекта деятельности, субъекта жизни (Сергиенко, Виленская, Ковалева, 2010). Когнитивный компонент, прежде всего мышление, следует рассматривать как условие социализации и профессионализации субъекта.

Тем не менее, В. В. Селиванов утверждает, что современные теории интеллекта выталкивают мышление. А начинать надо, по его мнению, с мышления, если речь идет о когнитивном ресурсе. Развивая идею субъектности, он выделяет в качестве механизмов формирования ресурсов обобщение познавательных процессов. Понимание, по его мнению, является переходом на разные уровни познания (Селиванов, 2011). Именно система умственных ресурсов выступает

в качестве метарегулятора событийности мышления как процесса, а интеллект проявляется как свойство.

В работах О. К. Тихомирова разработаны понятия о динамических регулятивных системах, об интеллектуально личностном потенциале человека, а также развивается модель множественной и многоуровневой регуляции выбора. «Экспериментально-психологическое исследование деятельности мышления показало, что: 1) она состоит не только из процессов, подчиненных сознательной цели, но и из процессов, подчиненных невербализованному предвосхищению будущих результатов, и процессов формирования этих предвосхищений, которые нельзя, естественно, сводить к операциям; 2) в составе деятельности (т. е. в том, из чего она состоит) процессы этого второго рода могут занимать больше места, чем собственно целенаправленные действия. Совокупность сформулированных выше положений образует содержание смысловой теории мышления» (Тихомиров, 1984. с. 86). В рамках данной теории обосновано, что контекстные смыслы мышления, соединенные с личностью, обеспечивают совершенствование творческой деятельности. Все новообразования, возникающие в мышлении профессионала, включаются в его деятельность.

Исходя из идей Е. А. Сергиенко и О. К. Тихомирова о том, что мышление есть неперемное условие развития личности, нами были проанализированы основные подходы к исследованию ПМ. Гносеологический заключается в рассмотрении ПМ с точки зрения его формирования. Структурный подход тяготеет к пониманию ПМ через призму составляющих его элементов. Функциональный подход основан на выделении функциональных систем, обеспечивающих трудовую деятельность. В. Д. Шадриков выделяет 6 подсистем. Когнитивный подход заключается в тенденции выделения и осмысления ментальных образований, являющихся результатом освоения субъектом выполняемой им профессиональной деятельности и оказывающих влияние не только на функционирование субъекта внутри данной деятельности, но и на личность профессионала.

Разработанная нами экспериментальная методика создавала объективные предпосылки для реализации надситуативного уровня обнаружения проблемности (Кашапов, 2001). Большинство профессионалов испытывало затруднения, когда им приходится оценить, в какой мере им удастся выходить на надситуативный уровень разрешения проблемности. В целях изучения форм субъективного представления конкретной ситуации разработан формализованный язык описания диагностических, регулятивных и прогностических действий субъекта. Применение такого языка позволило выделить

уровни осмысления ситуации, основным содержанием которых является специфика установленных противоречий. Нахождение нового позитивного смысла повышает значимость познавательно-преобразовательной деятельности субъекта. Поэтому именно смысл является единицей анализа субъектности. Человек проходит через смысловую неопределенность, чтобы найти новые смысловые связи и отношения. Открытая субъектная позиция позволяет выстраивать познавательные стратегии в условиях неопределенности. Характеристика уровня проблемности заключается в том, что он определяет содержание и направленность процесса решения конкретной ситуации. ПМ является видом мышления, обеспечивающим поиск причин возникновения затруднений и оптимального способа их устранения. Следовательно, профессионализацию мышления можно рассматривать как процесс освоения интеллектуальных компетенций и компетентностей.

Проведенное нами исследование профессионализации мышления показало, что уже на этапе школьного профильного обучения проявляются различия в мышлении учащихся. Формирование компонентов будущего ПМ, на наш взгляд, должно иметь целенаправленный систематический характер и осуществляться через включение профессионально ориентированных творческих задач и упражнений в содержание основных и элективных профильных курсов. Психологические характеристики творческого мышления учащихся различных профильных классов имеют разноуровневое и полиструктурное содержание. Творческое вербальное мышление учащихся профильных классов, в сравнении с общеобразовательными, отличается большей гибкостью, высокой мобильностью оперирования словарным запасом, большей скоростью мыслительных процессов. Высокие показатели семантической гибкости в сочетании с низкими показателями оригинальности свидетельствуют о преобладании гибкости и четкости в структуре творческого мышления учащихся математических классов. Сочетание высоких показателей семантической гибкости и низких значений ассоциативной гибкости при отсутствии различий в беглости, выявленное в психолого-биологических классах, прямо противоположно характеристике творческого мышления учащихся филологического профиля, выражающейся в единстве низкой семантической и высокой ассоциативной гибкости. Особенностью педагогического профиля является согласованность вербальных и невербальных компонентов в структуре творческого мышления.

На этапе вузовского исследования получены следующие результаты.

1. Существуют значимые различия между уровнем ПМ у студентов-психологов. Студенты 3 и 4 курса обладают большей надситуативностью в разрешении проблемных ситуаций, чем студенты 1 и 2 курсов.
2. Существуют значимые различия в уровне проблемности у студентов-психологов в начале и в конце учебного года: у студентов 3 и 4 курсов в конце учебного года уровень надситуативной проблемности увеличился.
3. Существует взаимосвязь между уровнем ПМ студента-психолога и уровнем самоактуализации: у студентов-психологов с надситуативным мышления уровень самоактуализации намного выше, чем у студентов-психологов с ситуативным мышления. Надситуативность характеризуется выходом за границы предустановленного, в отличие от приспособительности как ограниченности действий рамками заданного

Существуют особенности развития ПМ у специалистов в зависимости от стажа, возраста, уровня квалификационной категории. В частности, для начинающих специалистов характерен достоверно более высокий уровень вербального творческого мышления. Одной из особенностей ПМ учителя является непосредственная включенность в педагогическую деятельность (практическая ориентация). Это означает, что своими результатами оно определяет деятельность и вместе с тем постоянно корректируется и формируется ею, благодаря чему возникают новообразования в структуре мыслительной деятельности. В результате решения возникшей проблемы появляются определенные интеллектуальные новообразования в виде открываемых знаний о способах разрешения проблемной ситуации. Преобразующая функция ПМ характеризуется привнесением изменений в познаваемые явления и в средства познания этих явлений.

В разработанной нами образовательной программе «Креатив» представлены алгоритмы самосовершенствование субъектом своего ПМ (Кашапов, 2017). Мысленное преобразование условий профессиональной проблемной ситуации, не решаемой известными субъекту способами, направлено на поиск и обнаружение причинно-следственных отношений, обуславливающих возникновение проблемности. Благодаря актуализации надситуативного типа мышления, происходит преобразование профессиональной деятельности, приводящее к совершенствованию себя как субъекта. Продуктом ПМ является снятие проблемности и разрешение конкретной ситуации, которое несет за собой некий обобщенный способ дейст-

вия или прием, который может применяться в подобных ситуациях. Именно в умении устанавливать надситуативную проблемность выражается конструктивность и конкретность ПМ.

Литература

- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Гришина Н. В.* Введение в экзистенциальную психологию: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2015.
- Знаков В. В.* Психология человеческого бытия – одно из направлений развития психологии субъекта // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 69–77.
- Знаков В. В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Кашапов М. М.* Теоретические основы исследования и формирования педагогического мышления // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 1. С. 121–131.
- Кашапов М. М.* Психология творческого мышления: Учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2017.
- Селиванов В. В.* Психологические экспериментальные схемы изучения мышления и интеллекта // Современная экспериментальная психология. В 2 т. / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. Т. 1. С. 299–321.
- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В.* Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Сергиенко Е. А.* Субъективный и хронологический возраст человека // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 08.05.2018).
- Тихомиров О. К.* Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Conceptual foundations of professionalization of subjective thinking

M. M. Kashapov (Yaroslavl)

Doctor of Psychology, Professor, P. G. Demidov Yaroslavl State University

The article suggests consideration of the professional thinking of the subject as a higher level of thinking. Specificity of professionalization of thinking is shown at the pre-university, university and postgraduate levels. Through the development of mental functions, a mechanism is implemented to inte-

grate different types of thinking in the structure of professional thinking. The integral set of various mechanisms of the subject's mental activity is characterized by the hierarchy of processes and results of thinking, the generalization of the goal of professional activity, and also the deferred nature of the adopted and implemented professional decisions. Particularly important is the ability of the subject to formulate a super task, taking into account the positive long-range and near-term prospects. The optimal professional resolution of the difficulties encountered is not universal and universal, but manifests itself in the openness and flexibility of comprehension (finding new meanings) by the subject. The subjective basis of professional thinking is the hierarchical structure of mental actions, which manifests itself in the functioning of its corresponding mental operations.

Keywords: thinking, professionalization, subject, professional thinking, meaningfulness of the decision.

Немгновенный инсайт: есть ли специфика в решении инсайтных задач

С. Ю. Коровкин, А. Д. Савинова** (Ярославль)*

** кандидат психологических наук, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; e-mail: korovkin_su@list.ru*

*** аспирантка, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; e-mail: anuta1334@yandex.ru*

В работе обсуждается серия исследований решения инсайтных задач, выполненная с использованием парадигмы двойной задачи. Полученные результаты анализируются в контексте идеи отечественной психологии мышления о немгновенности инсайта. Данные, полученные в ходе исследований, говорят как в поддержку немгновенности инсайтного решения и о наличии подготовительных процессов решения в виде постепенного нарастания загрузки рабочей памяти в конце решения, так и в поддержку специфичности решения инсайтных задач, поскольку инсайтные задачи требуют существенно меньших ресурсов рабочей памяти.

Ключевые слова: инсайт, мышление, рабочая память, решение задач, динамика решения; немгновенный инсайт.

Важнейшим наследием работ А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова в экспериментальной психологии мышления является постулат о немгновенности инсайта. В работах А. В. Брушлинского были приведены иллюстрации того, как происходит семантическая разработка задачи, приводящая к последовательному решению после переструктурирования репрезентации (Брушлинский, 1979). Исследования, проведенные в группе О. К. Тихомирова (Виноградов, 1972), демонстрируют наличие эмоциональной реакции, которую авторы связывают с догадкой, за несколько секунд до озвучивания решения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-013-01056-а.

Таким образом, в трудах отечественных психологов был поставлен под сомнение распространенный тезис о том, что инсайт — это внезапное нахождение полного решения, которое в целостном виде оказывается в сознании решателя.

В современной экспериментальной психологии мышления идея немгновенности инсайта получает все больше подтверждений. Так, например, убедительным результатом являются данные, полученные Дж. Эллис на материале анаграмм о том, что за несколько секунд до нахождения решения испытуемые начинают игнорировать нерелевантные элементы (Ellis, Glaholt, Reingold, 2011). В целом, эти данные получают подтверждение при попытках воспроизвести данную находку (Лазарева, 2014; Лаптева, 2016). Другие исследования демонстрируют, что даже при отсутствии инсайта испытуемые обладают частичным знанием решения, например способны отличить решаемые и нерешаемые задания в тесте отдаленных ассоциаций (Bowers, Regehr, Balthazard, Parker, 1990). Также при увеличении времени предъявления анаграмм повышается способность испытуемых оценивать решаемость анаграммы (Novick, Sherman, 2003), что говорит о необходимости последовательных аналитических процессов в решении задач.

Инсайт обычно описывается как внезапное осознание полного и правильного решения после периода тупика или инкубации (долгий период невозвращения к решению задачи). Инсайтное решение традиционно сравнивается с аналитическим, которое, в свою очередь, характеризуется последовательностью процессов и четким пониманием того, какие действия или операции необходимо выполнять в тот или иной момент времени. Вопрос о наличии последовательных процессов в инсайтном решении играет ключевую роль в споре о специфичности инсайта. С одной стороны, специфический подход настаивает на наличии резких изменений репрезентации, которые позволяют преодолеть тупик в решении (Ohlsson, 2011). С другой стороны, сторонники неспецифического подхода используют данные о наличии последовательных процессов в качестве аргумента в поддержку идеи об отсутствии специфических инсайтных процессов (Weisberg, 2015). Таким образом, работы классиков отечественной психологии мышления ставят перед нами вопрос о том, что в инсайте собственно инсайтного, если инсайт нельзя рассматривать как внезапное обнаружение полного решения.

Наиболее влиятельной теорией, описывающей различные когнитивные процессы в ходе решения задач, является теория задачного пространства. С ее точки зрения, всякое поведение — и в том числе решение задачи — основывается на определенной системе пра-

вил. Система правил задается исходным состоянием проблемы, целевым состоянием, имеющимися операторами и ограничениями. Оператор — это некие правила преобразования, которыми можно воспользоваться для изменения текущего состояния. Каждая задача имеет ряд возможных последовательностей применения операторов или ветвей возможных решений, что образует ее проблемное пространство. Задачи решаются либо простым перебором возможных вариантов решения (что весьма неэкономично во времени), либо перебором вариантов решения с использованием их сокращения (путем применения эвристик). Таким образом, данная теория говорит о том, что процесс решения — это последовательный аналитический процесс применения наиболее подходящего оператора. Но инсайт с его «внезапным осознанием полного и правильного решения» плохо вписывается в теорию задачного пространства и является ее аномалией. В связи с этим складывается специфический подход, предполагающий, что инсайтное решение содержит в себе особые компоненты процесса решения.

Борьба двух подходов в последнее время разворачивается на поле исследований рабочей памяти. С одной стороны, есть данные о том, что больший объем рабочей памяти связан как с решением инсайтных, так и решением неинсайтных задач. Эти результаты вписываются в рамки неспецифического подхода, так как поддерживают идею о том, что рабочая память и управляющие функции, связанные с ней, одинаково проявляют себя в решении разного рода задач. С другой стороны, есть и обратные данные, сообщающие о вреде рабочей памяти и управляющих функций в решении инсайтных задач. В случае отключения контроля за решением или при сокращении объема рабочей памяти данные задачи решались лучше. Подобные данные в большей степени соответствуют специфическому подходу, так как описывают особые взаимодействия инсайта и других когнитивных процессов (см. обзор в: Chuderski, 2014).

Метод

В связи с тем что подходы, описывающие роль рабочей памяти в решении задач, используют в основном дифференциально-психологическую аргументацию (в виде корреляции между заданиями на рабочую память и решением задач), мы предприняли попытку изучить данный вопрос, используя экспериментальный метод, в частности парадигму двойного задания.

Метод двойного задания был предложен Д. Канеманом для изучения процессов внимания, мы же адаптировали его для иссле-

дования мышления. В наших экспериментах мы использовали две задачи:

- основная задача (мыслительная задача, в качестве которой чаще всего выступали инсайтные и аналитические (неинсайтные) задачи);
- дополнительное задание или задание-зонд (простое задание, позволяющее отслеживать динамику скрытого мыслительного процесса).

Основная идея заключается в том, что при выполнении двух заданий одновременно между ними происходит борьба за единый когнитивный ресурс, которым в данном случае является рабочая память. Ресурс между заданиями распределяется исходя из их субъективной важности для решателя (в данном случае наиболее значимым заданием выступает решение мыслительной задачи). При этом если одно из заданий требует для своего осуществления больше ресурса, то второе задание неизбежно выполняется хуже, что проявляется в увеличении количества ошибок, сбоев или, как в данном случае, в увеличении времени реакции на задание-зонд. Таким образом, исходя из данных о выполнении задания-зонда, мы можем судить о том, какова динамика решения мыслительной задачи, а также каковы взаимодействия между различными этапами решения задачи и их требованиями к рабочей памяти.

В данной статье мы обсуждаем результаты цикла работ, объединенных общей идеей о сравнении решения инсайтных и неинсайтных задач по динамике их выполнения. Во всех экспериментах нами использовалась одна экспериментальная методика, но с различными заданиями-зондами. Испытуемые должны были решать задачу и одновременно выполнять задание-зонд. Ответ на зондовое задание необходимо было давать на клавиатуре (путем нажатия стрелки влево или вправо). Испытуемого просили стараться выполнять зонд как можно быстрее и точнее, а также мыслить вслух и рассказывать экспериментатору о возможных вариантах решения мыслительной задачи. Мыслительная задача всегда располагалась вверху экрана и оставалась видимой на всем протяжении решения. Задание-зонд было представлено в центре экрана. Мыслительная задача завершалась, как только испытуемый сообщал правильный ответ.

В качестве заданий-зондов нами использовался различный материал. Чаще всего это были задания выбора из ряда альтернатив (выбор осуществлялся между альтернативами, отличающимися по форме, цвету, сложности, конфликтности и т. п.). В качестве задач мы использовали инсайтные и неинсайтные задачи (преимущественно вербальные).

Результаты

На основе цикла работ мы можем сделать общие выводы о повторяющихся характеристиках динамики, которые не зависят от того, какое именно зондовое задание нами было использовано:

- 1) загрузка рабочей памяти в условиях решения мыслительных задач ($M=1,58$) значительно выше, чем при выполнении зонда без задачи ($M=0,74$) ($F(1,114)=191,38$, $p<0,001$, $\eta_p^2=0,627$). Данное положение говорит в пользу того, что инсайтные задачи требуют для своего выполнения обработку в рабочей памяти;
- 2) загрузка рабочей памяти при решении инсайтных задач ($M=1,38$) значительно ниже, чем при решении аналитических ($M=1,9$) задач ($F(1,97)=113,64$, $p<0,001$, $\eta_p^2=0,542$). Судя по всему, инсайтные задачи менее требовательны к ресурсам рабочей памяти, чем аналитические задачи.

Наша методика позволяет нам исследовать динамику загрузки рабочей памяти при решении задач. В связи с этим мы решили разделить все время решения на равные по времени этапы, а затем посчитали среднее время реакции в каждом из выделенных этапов решения. Мы поделили решение задач на 3 и на 10 этапов решения, получив в обоих случаях одинаковые результаты;

- 3) загрузка рабочей памяти на первых этапах решения не отличается в решении инсайтных и аналитических задач ($t(27)=0,28$, $p=0,785$). Вероятно, это связано с тем, что начало решения – это всегда чтение задачи и понимание ее условий, которое не зависит от того, какая именно задача решается;
- 4) при решении аналитических задач загрузка рабочей памяти постепенно возрастает с первых к последним этапам решения. При решении инсайтных задач роста загрузка рабочей памяти идет менее последовательно и начинает возрастать не с самого начала решения, а ближе к его окончанию, непосредственно перед вербализацией ответа. Этот результат может быть связан с особыми инсайтными процессами или проверкой решения. Тем не менее мы можем сказать, что ресурсы рабочей памяти выделяются для решения инсайтных задач на несколько секунд раньше формирования окончательного решения. Таким образом, рабочая память играет важную роль на последнем этапе инсайтного решения.

Выводы

На основе имеющихся результатов мы можем сделать ряд важных выводов. Во-первых, мы наблюдаем возрастание загрузки рабо-

чей памяти до озвучивания решения испытуемым, что согласуется с идеей о немгновенности инсайта. Во-вторых, этот рост загрузки рабочей памяти перед решением может говорить о вероятном наличии аналитических процессов в инсайтном решении (что, однако, не исключает возможности конкуренции специфических инсайтных процессов за ресурс рабочей памяти). В-третьих, наши результаты позволяют дать положительный ответ на вопрос о специфичности решения инсайтных задач, поскольку их решение в целом значительно менее требовательно к ресурсам рабочей памяти, что говорит о значительно меньшей роли аналитических процессов в решении. В то же время остается ряд вопросов, которые требуют дальнейших исследований: с чем может быть связан рост требований к рабочей памяти в конце решения; связан ли этот рост с подключением процессов вербализации решения? связан ли этот рост с проверкой идеи; связан ли этот рост с необходимостью перехода решения из бессознательного на осознаваемый уровень?

Литература

- Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.
- Виноградов Ю. Е.* Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1972.
- Лазарева Н. Ю.* Возникновение эффекта фиксированности как следствие сохранения ранее эффективной схемы решения в рабочей памяти // Естественно-научный подход в современной психологии / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 520–527.
- Лантева Е. М.* Движения глаз как индикатор знания ответа при решении анаграмм // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 3. С. 41–53.
- Chuderski A.* How well can storage capacity, executive control, and fluid reasoning explain insight problem solving // *Intelligence*. 2014. V. 46. № 1. P. 258–270.
- Bowers K. S., Regehr G., Balthazard C., Parker K.* Intuition in the context of discovery // *Cognitive Psychology*. 1990. V. 22. № 1. P. 72–110.
- Ellis J. J., Glaholt M. G., Reingold E. M.* Eye movements reveal solution knowledge prior to insight // *Consciousness and Cognition*. Elsevier Inc. 2011. V. 20. № 3. P. 768–776.
- Novick L. R., Sherman S. J.* On the nature of insight solutions: evidence from skill differences in anagram solution // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2003. V. 56. № 2. P. 351–382.

Ohlsson S. Deep Learning. How the mind overrides experience. Cambridge, U. K.: Cambridge University Press, 2011.

Weisberg R. W. Toward an integrated theory of insight in problem solving // *Thinking & Reasoning*. 2015. V. 21. № 1. P. 5–39.

The non-instantaneous insight: is insight problem solving specific

*S. Yu. Korovkin**, *A. D. Savinova*** (*Yaroslavl*)

* Candidate of Psychological Sciences,
P. G. Demidov Yaroslavl State University

** P. G. Demidov Yaroslavl State University

The paper discusses a number of experiments of insight problem solving, which was carried out using a dual task paradigm. The obtained results are analyzed in terms of the non-instantaneous insight idea. The data supports the non-instantaneous insight theory and shows that analytical processes are involved in preparation of solution. Working memory load during insight problem solving revealed a gradual increase prior to solution. However, some arguments in support of the specific approach were revealed, since insight problems are less demanding on working memory.

Keywords: insight, thinking, working memory, problem solving, solution dynamics; non-instantaneous insight.

Связь интеллекта и личностных свойств с когнитивными репрезентациями риска у военных руководителей среднего звена

Е. В. Краснов (Москва)

*соискатель, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова; e-mail: evkrasnov@gmail.com*

В статье на выборке военных руководителей среднего звена (N=120) приводятся данные о связях интеллекта и личностных свойств с когнитивными репрезентациями риска, рассматриваемые с позиций модели Т. В. Корниловой о мультипликативной и многоуровневой регуляции принятия решений в условиях неопределенности, развивающей подход О. К. Тихомирова к пониманию единства интеллекта и аффекта. В исследовании использовалась разработанная методическая процедура для выявления специфики когнитивных репрезентаций риска для жизни и здоровья. Получены данные о том, что военные с более высокими показателями по эмоциональному интеллекту, как и лица с высокой личностной готовностью к риску демонстрируют снижение оценок риска, т. е. проявляют неоправданный оптимизм. Установленные связи позволяют во многом уточнить особенности личностного профиля военных руководителей – современных офицеров.

Ключевые слова: когнитивные репрезентации риска, эмоциональный интеллект, готовность к риску, интеллект, военные руководители.

Проблема управления рисками составляет значительную часть исследований в психологии риска и принятия решений. Восприятие риска связывают с процессами когнитивного оценивания риска (D. Kahneman, A. Tversky, G. Gigerenzer, B. Starr, P. Slovic, S. Lichtenstein, B. Fischhoff, M. Finucane) или субъективными репрезентациями факторов риска при принятии решений (Ю. Козелецкий, Т. В. Корнилова).

Риск присутствует во многих видах профессиональной деятельности, однако не все факторы риска связываются с характеристикой экстремальности. Б. Ф. Тепловым в книге «Ум полководца» были выделены особенности практического мышления – необратимость и ограниченность решений временными рамками. В военной психологии особое внимание уделяется изучению поведения человека в экстремальных условиях, влиянию стресса, вызванного боевой обстановкой, прогнозированию специфики воздействия факторов боя, поиску детерминант рискованного поведения.

Деятельность военного предполагает принятие риска как основы существования, как необходимости для целей защиты личности и государства. Риски военных руководителей при выполнении служебных задач в боевых условиях могут квалифицироваться как риски в экстремальных ситуациях, требующих ответственного принятия решений, затрагивающих жизни других людей.

Обсуждение возможных выходов из трудных ситуаций военными проводилось Р. Стернбергом с соавторами в книге «Практический интеллект» (Стернберг и др., 2002). Общей характеристикой эффективности оказывалась способность видеть многоплановость задач и принимать личную ответственность за возможные решения, не перекладывая их, в частности, на верхний уровень руководства.

Находясь в боевой ситуации, военнослужащий действует в условиях высокой объективной неопределенности, источниками которой выступают множество различных факторов, определяющих его боевую активность. К таким факторам относятся: отношение к войскам народа, сплоченность воинского подразделения, четкое и авторитетное руководство боевыми действиями, природно-географические факторы, интенсивность боевых действий, особенности применяемого оружия, объем и соотношение потерь сторон, соответствие боевой техники и оружия задачам боевой деятельности, а также психофизиологические и психологические факторы (Караяни, Сыромятников, 2006).

При рассмотрении риска в качестве психологической категории он выступает не только как объективная опасность для человека. Объективные данные о риске и социальные представления преломляются в субъективные представления – *когнитивные репрезентации*. Эти *новообразования* формируются и преобразуются в индивидуальном опыте и проявляются в процессе принятия решений в условиях неопределенности (Корнилова, 2016).

Причем может стираться грань между объективной угрозой и субъективной оценкой опасности. Авторы статьи «Понятие угрозы: объективная и субъективная опасность» приводят данные о субъек-

ективности восприятия и оценки потенциальных угроз (на примере террористической угрозы) и проблеме соотношения реальной и субъективно переживаемой опасности (Быховец, Тарабрина, 2013). Для возникновения негативных переживаний необязательно наличие реальной угрозы.

В нашей работе мы исходили из принципов динамического подхода и мультипликативной модели регуляции выбора (Корнилова, 2016), рассматривая когнитивные репрезентации риска как актуализированные в сознании умственные образы рискованных ситуаций, событий и их последствий, отношений к риску и т. п., на которые опирается субъект в процессе принятия решений и которые изменяются в актуалгенезе индивидуального выбора.

Согласно психометрическому подходу П. Словика, Б. Фишхофа и С. Лихтенштайн, воспринимаемый риск может быть измерен и спрогнозирован методами, реализуемыми в рамках психометрической парадигмы (Канеман и др., 2005).

Комплексное изучение восприятия и принятия риска не может осуществляться вне связей с такими личностными переменными, как толерантность и интолерантность к неопределенности, готовность к риску, рациональность и др., а также без учета динамического характера устанавливающихся в актуалгенезе связей между когнитивными и личностными компонентами (Корнилова, 2016).

Д. Канеманом, П. Словиком и А. Тверски в работе «Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения» (Канеман и др., 2005) в контексте рассмотрения предубеждений в суждениях при восприятии риска приведены оценки рисков различных заболеваний и несчастных случаев, но нет описания оценки рисков у военнослужащих.

Анализ научных источников показал, что инструментарий, позволяющий определять особенности восприятия военнослужащими рисков для жизни и здоровья, с учетом специфики деятельности, отсутствует, что обусловило необходимость его разработки.

Целью работы явилось исследование взаимосвязей между интеллектом, личностными свойствами и когнитивными репрезентациями риска для жизни и здоровья у военных руководителей с позицией развиваемой в отечественной психологии модели принятия решений в условиях неопределенности.

Участники исследования

В исследовании приняли участие 120 военных руководителей среднего звена в возрасте от 24 до 44 лет ($M=34,00$; $SD=4,05$; все мужчины

с высшим образованием). Тестирование проходило в рамках психологического обеспечения управления персоналом, индивидуально или в малых группах (до 3 человек).

Для реализации вышеуказанной задачи нами была разработана методика для выявления специфики *когнитивных репрезентаций риска* (КРР) у военных руководителей. Оценивались осведомленность военных руководителей о рисках и особенности восприятия ими специфических рисков для жизни и здоровья.

Сама процедура включала в себя три этапа. На первом этапе испытуемые самостоятельно перечисляли риски (максимум десять), которые они лично связывали с профессией военнослужащего.

На втором этапе испытуемые на другом бланке, включающем десять нежелательных событий (рисков) для жизни и здоровья, связанных с профессиональной деятельностью, оценивали вероятность их наступления в отношении себя, а также степень уверенности в собственном прогнозе. Показатель «уверенность в собственных ответах» определялся как среднее арифметическое оценок уверенности в собственных ответах при оценке специфических военных рисков. Уверенность при оценке рисков может рассматриваться в качестве отраженного в сознании индивида результата интеллектуально-личностного усилия по принятию риска и снижению субъективной неопределенности.

На третьем этапе офицеры оценивали вероятность наступления тех же событий (рисков) с позиции «новичков» и «опытных» военнослужащих.

Перечень рисков был составлен на основе экспертной оценки. Экспертами выступили трое военных руководителя среднего звена, имеющие опыт военной службы более 20 лет. Каждый из них составил список рисков, и далее путем обсуждения было отобрано десять ситуаций, которые впоследствии были включены в анкету (воздействие поражающих факторов взрыва, встреча с противником, выход из строя оборудования, ДТП с участием военной техники, поражение огнестрельным оружием, психологические перегрузки, радиационное облучение, сложные погодные условия, химическое заражение).

Для описания выраженности *неоправданного оптимизма* была введена вычисленная на основе имеющихся данных дополнительная переменная «средний уровень оптимизма».

Переменная рассчитывалась следующим образом.

- 1) Для каждого из десяти рисков вычислялась разность между оценками вероятности конкретного события «для себя» и вероятности

того же самого события, прогнозируемой испытуемым, как ответ представителя группы новичков или опытных (Δn). Для вычислений использовалась вероятность «для другого» из соответствующей референтной группы, т. е. оценки «для себя» новичков сопоставлялись с их прогнозами ответов новичков, ответы опытных с их предположениями об ответах других опытных. Военные руководители, имеющие старшие офицерские звания, были отнесены в группу «опытных», а младшие офицерские звания – в группу «новичков».

- 2) Если $\Delta n < 0$, то наблюдению присваивалась число «1», так как испытуемый оценивал вероятность данного события для себя как меньшую, по сравнению с другими.

Если $\Delta n > 0$, то наблюдению присваивалась число «-1», так как испытуемый оценивал вероятность данного события для себя как большую, по сравнению с другими.

Если $\Delta n = 0$, то наблюдению присваивалась цифра «0», так как оценки вероятности «для себя» и «для других» не различались.

- 3) Далее вычислялось среднее по всем событиям для каждого человека. Таким образом, переменная «средний уровень оптимизма» выражена в шкале от -1 до +1, где «-1» означает, что все события испытуемый считал для себя более вероятными, чем для других, т. е. давал пессимистичный прогноз; «+1» означает, что в оценках всех событий был продемонстрирован оптимизм.

Психодиагностические методики

1. Опросник эмоционального интеллекта ЭМИн (Люсин, 2009).
2. Краткий отборочный тест – КОТ (Бужин, 1992).
3. Опросник Личностные факторы принятия решений – ЛФР-21 (Корнилова и др., 2010).
4. Новый опросник толерантности к неопределенности – НТН (Корнилова, 2010).
5. Краткий опросник Большой пятерки – КОБП, или ТПР (Корнилова, Чумакова, 2016).

Обработка данных

Использовался корреляционный и регрессионный анализ, методы описательной статистики и непараметрические критерии для сравнения независимых выборок, реализованные средствами пакета SPSS Statistics 20.

Результаты и их обсуждение

По результатам корреляционного анализа (ρ Спирмена) показателей связей КРР с интеллектом и личностными свойствами установлено, что военные руководители с более высоким интеллектом выше оценивают такие виды риска, как *психологические перегрузки* и *сложные погодные условия*, т. е. не военные источники угроз, а условия, связанные с выполнением деятельности по предназначению.

Лица с более высокими показателями по *готовности к личностному риску* (ЛФР-21) имеют более низкие показатели по оценкам КРР, т. е. проявляют *оптимизм* — недооценивают риски (по отношению к двум из десяти видов опасностей и суммарному показателю).

Военные с более высокими показателями по *ЭИ* демонстрируют снижение оценок риска, т. е. проявляют *неоправданный оптимизм*, как и лица с высокой личностной *готовностью к риску*.

Толерантность к неопределенности положительно связана лишь с одним источником риска — *погодными условиями* (позитивно принимаемыми лицами с высокой ТН). Этот же источник риска выше оценивают лица с повышенными показателями по *экстраверсии*. *Межличностная интолерантность к неопределенности* (по НТН) положительно связана с оценками рисков *радиационного* и *химического заражения* (т. е. эти риски видятся более вероятными лицами с высокой интолерантностью в межличностных отношениях). Снижение *эмоциональной стабильности* связано с увеличением оценок риска сразу по пяти из 10 его видов. *Возраст* отрицательно связан с риском *поражения огнестрельным оружием*.

Для выявления вклада измеренных психологических свойств в восприятие риска применялся регрессионный анализ с пошаговым отбором. Зависимыми переменными выступили показатели когнитивных репрезентаций риска.

По результатам анализа установлено, что с увеличением *готовности к риску* (ЛФР-21) уменьшается риск *встречи с противником* ($R^2=0,051$, $F=6,381$, $V=-0,203$, $p<0,05$). *Рациональность* (ЛФР-21), в свою очередь, препятствует повышению оценок риска *химического заражения* ($R^2=0,086$, $F=11,056$, $V=-0,278$, $p<0,01$). Снижение *контроля экспрессии* (ЭМИн) способствует повышению риска *выхода из строя оборудования* ($R^2=0,043$, $F=5,222$, $V=-0,207$, $p<0,05$). Снижение значений *возраста* и *эмоциональной стабильности* (ТИР) способствует повышению риска *поражение огнестрельным оружием* ($R^2=0,086$, $F=5,533$, $V_1=-0,136$, $V_2=-0,427$, $p<0,05$). Снижение *эмоциональной стабильности* (ТИР) и повышение *интеллекта* способствует возрастанию оценок риска *психологических перегрузок* ($R^2=0,111$, $F=7,335$, $V_1=-0,420$,

$V_2=0,366$, $p<0,01$). Повышение значений *интеллекта* способствует росту оценок риска возникновения *сложных погодных условий* связано ($R^2=0,113$, $F=14,983$, $V=0,206$, $p<0,01$). В свою очередь, *эмоциональная стабильность* (ГПИ) способствует снижению значений *суммарного показателя восприятия риска* ($R^2=0,168$, $F=11,510$, $V=-2,342$, $p<0,01$). Значимый вклад в уверенность в оценке риска вносят показатели *управления эмоциями* (ЭМИн) и *интолерантности к неопределенности* (НТН) ($R^2=0,168$, $F=11,510$, $V_1=0,021$, $V_2=0,031$, $p<0,05$).

Сравнение средних значений по уровню оптимизма между «новичками» и «опытными» (критерий U Манна–Уитни) показало, что первых характеризует более *высокий неоправданный оптимизм* относительно вероятности наступления рискованных событий в сравнении с более опытными военнослужащими.

Выводы

Впервые положения мультипликативной концепции функционально-уровневой регуляции принятия решений применены для анализа взаимосвязей свойств интеллектуально-личностного потенциала с когнитивными репрезентациями риска у военных руководителей среднего звена.

Установленные связи позволяют во многом уточнить особенности личностного профиля военных руководителей – современных офицеров.

По мере накопления эмпирических данных, результаты могут быть положены в основу создания диагностического инструментария оценивания КРР, а также программ профилактики рискованного поведения в военной среде.

Литература

- Бузин В. Н. Краткий отборочный тест. М.: Смысл, 1992.
- Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В. Понятие угрозы: объективная и субъективная опасность // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 4. С. 139–144.
- Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. Харьков: Институт прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005.
- Караяни А. Г., Сыромятников И. В. Прикладная военная психология. СПб.: Питер, 2006.
- Корнилова Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016.

- Корнилова Т. В.* Новый опросник толерантности–интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 74–86.
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А.* Апробация краткого опросника Большой пятерки (ГПИ, КОБП) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.12.2016).
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А., Корнилов С. А., Новикова М. А.* Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.
- Люсин Д. В.* Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 264–278.
- Стернберг Р. Дж., Форсайт Дж. Б., Хедланд Дж., Григоренко Е. Л.* Практический интеллект. СПб.: Питер, 2002.

The connection of IQ and personality with cognitive risk representation for military leaders

E. V. Krasnov (Moscow)

Applicant, Lomonosov Moscow State University

In the article in case of military leaders (N=120) we give the data of IQ and personality connections with cognitive risk representation considered from the point of model by T. V. Kornilova about multiplicative and multi-level regulation for decision making in the condition of uncertainty, developing O. K. Tikhomirov's approach to understanding of IQ and affect unity. In our research, we used developed methodical literature for clarifications of cognitive risk representations specification for life and health. We have received the data that military leaders with a higher EQ as well as people with high-risk readiness show decreasing risk estimation – so they are rather optimistic. The set connections allow us to clarify personal specific profile of military leaders – modern army officers.

Keywords: cognitive representations of risk, emotional intelligence, risk readiness, intelligence, military leaders.

Влияние эффекта серии на решение мыслительных задач: возможные механизмы ограничений*

Н. Ю. Лазарева, И. Ю. Владимиров** (Ярославль)*

** аспирантка, Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова; e-mail: lazareva_natasha93@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова; e-mail: kein17@mail.ru*

Целью нашего исследования является изучение механизмов формирования эффекта серии. Мы предполагаем, что ключевыми механизмами в формировании эффекта являются процессы, происходящие в подсистемах рабочей памяти, а также управляющие функции. Для формирования эффекта мы использовали модифицированные задачи Лачинсов и специально разработанные вербальные задачи на поиск слова. Для воздействия на формирование эффекта серии мы использовали метод вторичной задачи, загружая тем самым подсистемы рабочей памяти и управляющие функции. Согласно полученным результатам, можно сделать вывод о том, что работа в разных подсистемах рабочей памяти, а точнее, постоянное переключение между ними оказывает разрушающее воздействие на формирование эффекта серии. Таким образом, управляющие функции являются ключевым механизмом для формирования эффекта, а также важны для последующего разрушения выученного алгоритма действий.

Ключевые слова: эффект серии, решение задач, рабочая память, управляющий контроль.

Мир – это информационно-богатая среда, и люди обладают лишь ограниченными возможностями обработки информации. Человек способен упростить структуру и организовывать информацию в попытке уменьшить количество необходимой обработки, чтобы эффективно функционировать в окружающем мире.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00672.

При решении проблем мы часто склонны обращаться к решениям, которые работали в прошлом. С одной стороны, опыт, который формируется при решении различного рода задач, является основой научения, а также позволяет нам быстро дать ответ и экономить энергетический ресурс.

С другой стороны, в ряде случаев усвоенный выученный алгоритм действий может стать причиной ошибок и препятствовать нахождению новых путей решения проблем. Ж. Лефевре и П. Диксон (LeFevre, Dixon, 1986) доказали, что подавляющее большинство людей предпочтут следовать примеру, независимо от его точности, нежели чем инструкции, если они дают противоречивую информацию. Многие авторы в своих исследованиях показали, что примеры могут ограничивать генерацию творческих решений задач. Испытуемым, которым были даны примеры ответа на творческую задачу, при создании оригинальных идей показали значительную тенденцию в своих ответах воспроизводить элементы примера. М. Кассотия и его коллеги (Cassottia, Camardab, Poirela, 2016) также подтвердили негативное влияние примеров на генерацию творческих решений у взрослых. По всей видимости, это связано с тем, что пример актуализирует определенную схему решения, которая до некоторой степени блокирует способность генерировать оригинальные идеи.

Описан достаточно большой класс различных эмпирических данных и эффектов ограничения зоны поиска решения (Секей, 1965; Узнадзе, 2000; Duncker, 1945; Luchins, Luchins, 1950), однако до сих пор проблема остается актуальной в связи с тем, что механизмы подобных эффектов до сих пор не разгаданы, а люди не способны избежать влияния фиксированности на их мыслительную деятельность.

Впервые изучением влияния предыдущего знания на решение актуальной задачи стали заниматься супруги Лачинс (Luchins, Luchins, 1950). Еще Лачинсы провели несколько экспериментов с модифицированными задачами, чтобы выявить факторы влияющие на эффект серии. Один из вариантов модификации заключался в том, чтобы ограничить количество жидкости, которой хватало бы только на решение всех задач, по мнению авторов, данная модификация призвала к экономичности, однако на эффект установки данная модификация никакого значимого эффекта не оказывала. Другой вариант модификации задач заключался в том, что вводился четвертый сосуд, не требующийся для решения, вследствие этого задача становилась довольно сложной, что увеличивало количество неудач и усложняло выработку фиксированной схемы решения. Еще один вариант моди-

фикаций задач Лачинсов, которые впоследствии повторяли еще ряд авторов, заключался в том, что испытуемым необходимо было работать с реальными сосудами. Данные авторов работающих с данным видом модификации задач Лачинсов несколько противоречивы. Сами Лачинсы и установили, что конкретность задач не снимает феномена установки, далее М. Тресселт и Д. Лидс (Tresselt, Leeds, 1953) подтвердили данные о том, что нет никакой существенной разницы в возникновении эффекта установки в задачах со словесной формулировкой и с работой с настоящими кувшинами. Однако Ф. Валли-Туранджиа и коллеги (Vallée-Tourangeau, Euden, Hearn, 2011), напротив, отмечают, что работа в интерактивных условиях, с настоящими сосудами существенно снижает влияние эффекта установки и повышает способность испытуемых применять эффективные оптимальные способы решения критических задач.

Попытки воздействия на эффект установки с помощью различных модификаций с условиями задачи дают довольно противоречивую картину, поэтому, опираясь на них, довольно трудно делать строгие и однозначные выводы о механизмах возникновения эффектов ограничения зоны поиска решения.

Несмотря на то, что сам эффект был описан более полувека назад, до сих пор не раскрыты механизмы данного феномена, на наш взгляд, их раскрытие представляет собой значимую фундаментальную проблему психологии мышления и важную практическую задачу, связанную с оптимизацией профессиональной деятельности.

А. В. Брушлинский (Брушлинский, 1970) отмечал, что прошлый опыт мышления существует не как нечто неизменное, а как процесс динамический и постоянно меняющийся, именно поэтому, изучая механизмы прошлого опыта, конструируя рабочую память (РП) кажется нам наиболее точно описывающим возникновение эффекта серии. Мы предполагаем, что РП играет значительную роль и в возникновении эффекта серии. Согласно А. Бэддели (Baddeley, 2010), РП имеет блоковую специфику, а конкуренция за ресурс в данных блоках может возникнуть, если необходимо решать задачи, переработка которых главным образом происходит в одном блоке РП.

Сложность изучения механизмов формирования и разрушения эффекта серии и связанных с ним эффектов во многом обусловлена подбором метода, подходящего под цели и задачи исследования. Дело в том, что формирование фиксированной схемы решения является скрытым как от решателя, так и от экспериментатора процессом. На наш взгляд, оптимальным способом для изучения формирования эффекта серии является метод, замедляющий процесс

формирования фиксированной установки. Наиболее перспективной нам кажется методика воздействия на формирования фиксированной схемы решения путем введения дополнительной задачи, через которую становится возможным отслеживать степень загрузки управляющих функций в рабочей памяти.

Для воздействия на формирование эффекта серии в своей работе мы будем использовать вторичную, параллельную задачу. Вторичная задача будет загружать либо тот же блок РП, который загружает основная задача — специфическая загрузка, либо другой — неспецифическая загрузка. Также мы планируем варьировать сложность загрузки РП, соответственно варьировать сложность параллельной задачи. Это необходимо, чтобы выявить влияние управляющих функций на формирование эффекта серии.

Метод

Гипотезы

Основная гипотеза: на формирование эффекта серии влияет интенсивность загрузки РП, а также тип параллельной загрузки РП.

Частные гипотезы:

- 1) эффект серии не будет формироваться при параллельной загрузке специфического для основной задачи блока РП;
- 2) эффект серии будет формироваться при параллельной загрузке неспецифического для основной задачи блока РП;
- 3) эффект серии не будет формироваться при сильной интенсивности загрузки РП;
- 4) эффект серии будет формироваться при слабой интенсивности загрузки РП.

Выборка

42 чел. в возрасте от 18 до 35 лет ($M=22,2$; $Med=22$; $\sigma=3,5$), 7 мужчин и 35 женщин.

Аппаратное обеспечение

Дизайн исследования создан с помощью программы PsychoPy2 v. 1.81.02, исследование проводилось на переносном персональном компьютере (ASUS X550ZE-XX173T), обработка результатов исследования проводилась с помощью программы Statistica 10.0.

Стимульный материал

В качестве задач моделирующих эффект серии использовались видоизмененные арифметические задачи с переливаниями Лачинсов. Специфика данной серии заключалась в том, что первые 8 задач решались по единственно верному определенному принципу ($B-C+2A$), 9 критическая задача решалась другим единственно верным способом ($A-B$). Таким образом, первые 8 задач вырабатывали фиксированную схему решения, а критическая задача являлась индикатором того выработалась ли установочная схема или нет. Инструкция к серии арифметических задач звучала следующим образом: «Даны три сосуда заданной емкости, с их помощью, путем переливаний из одного в другой, нужно отмерить заданное количество воды». Задачи были представлены на экране монитора, сами кувшины были нарицательны, емкость каждого кувшина была обозначена.

Также в качестве задач, моделирующих эффект серии, использовались специально разработанные нами вербальные задачи. Перед испытуемым была представлена строчка из 8 букв, необходимо было среди них найти слово из 4 букв в единственном числе, именительном падеже (кто? что?), нарицательное; слово необходимо было искать слева направо, буквы местами менять не нужно, просто исключать лишние буквы-дистракторы. Буквы-дистракторы не допускали образования каких-либо альтернативных слов, соответствующих условиям задачи. Последовательность из 8 букв во всех задачах была следующая: согласная—согласная—гласная—гласная—согласная—согласная—гласная—гласная (пример: МРИЫДБОА). Специфика серии с вербальными задачами заключалась в том, что схема решения для всех 8 установочных задач была одна и та же: слово всегда находилось в строчке со второй буквы через букву. В критической 9 вербальной задаче слово было написано целиком, но нужно было начать искать с 5-й буквы (пример: МКЮАСТАЯ). Таким образом, первые 8 задач вырабатывали фиксированную схему решения, а критическая задача являлась индикатором того, выработалась ли установочная схема или нет. Инструкция к серии арифметических задач звучала следующим образом: «Ваша задача — найти слово, существующие в русском языке (4 буквы, существительное, ед. числа, им. падежа, нарицательное). Слово ищется слева направо, буквы переставлять не нужно».

В качестве параллельных задач были разработаны и усовершенствованы специализированные батареи задач, которые, по-нашему предположению, способны мешать формированию эффекта серии путем загрузки специфических блоков РП и управляющих функций.

Вторичные задачи различались по типу (материал-специфичность):

- 1) для арифметических задач специфичной параллельной загрузкой являлись задания с числами, а неспецифичной задания с буквами и фигурами;
- 2) для вербальных задач типичной параллельной загрузкой являлись задания с буквами, а нетипичной задания с цифрами и фигурами.

Вторичные задачи также различались по сложности:

- 1) сложные;
- 2) простые.

Таким образом, мы получили 6 возможных вариантов параллельных, вторичных задач. Также было 7-е контрольное условие, в котором испытуемые решали задачи, формирующие фиксированность без воздействия параллельной, вторичной задачи.

Процедура исследования

Эксперимент состоял из двух серий.

1. Формирование эффекта серии на материале арифметических задач.
2. Формирование эффекта серии на материале вербальных задач.

Схема исследования в двух сериях была идентична. Каждому испытуемому необходимо было решить 8 установочных задач, после решения 8 установочных задач испытуемому нужно было решить 9-ю критическую задачу, которая решалась более простым способом.

Как во время решения установочных, так и во время решения критической задачи испытуемые должны были выполнять параллельную задачу, которая появлялась внизу экрана.

Перед каждой серией осуществлялась тренировочная серия на решение основной и параллельных задач.

Результаты

Статистическая обработка проводилась с помощью однофакторного дисперсионного анализа.

Формирование эффекта серии на различном экспериментальном материале

Стоит отметить, что установочные задачи, как в серии с арифметическим, так и в серии с вербальным материалом, создают «эффект серии». Критическая 9-я задача решается значительно больше по времени, чем последняя 8-я установочная задача, в серии вербальных задач $F(1,10)=17,02$, $p=0,002$, $\eta^2=0,6$, в серии арифметических задач $F(1,10)=7,8$, $p=0,02$, $\eta^2=0,4$.

Таким образом, оба типа серий задач эффективны для изучения эффектов серии. Однако, по всей видимости, фиксированная схема решения на разном стимульном материале формируется по-разному.

Анализ сложности параллельной загрузки

Прежде чем говорить о сложности загрузки рабочей памяти, следует представить результаты предварительного исследования вторичных, параллельных задач, с помощью которых мы воздействовали на степень загрузки подсистем рабочей памяти и управляющие функции. Стоит отметить, что три типа простой параллельной загрузки (задания с фигурами, числами, буквами) решаются примерно одинаковое количество времени, значимых различий во времени между ними нет. Что касается сложных типов параллельной, вторичной задачи, то время решения сложных буквенных заданий значительно выше времени решения простых буквенных заданий $F(1,22)=65,4$, $p=0,0$, $\eta^2=0,7$; время решения сложных числовых заданий значительно выше времени решения простых числовых заданий $F(1,22)=54,5$, $p=0,0$, $\eta^2=0,7$; время решения сложных заданий с фигурами значительно выше времени решения простых заданий с фигурами $F(1,22)=47,8$, $p=0,0$, $\eta^2=0,7$. Данные говорят нам о том, что созданные вторичные, параллельные задачи адекватны выдвинутым гипотезам о степени и сложности загрузки рабочей памяти и управляющих функций.

Эффект серии на материале арифметических задач

К разрушению эффекта серии (исчезновению значимых различий между последней установочной и критической задачами) приводит параллельная работа со сложными неспецифическими для арифметических задач параллельными заданиями с буквами $F(1,10)=0,5$, $p=0,5$, $\eta^2=0,05$; с простыми неспецифическими для арифметических задач параллельными заданиями с геометрическими фигурами $F(1,10)=1,9$, $p=0,2$, $\eta^2=0,16$.

Эффект серии на материале вербальных задач

К разрушению эффекта серии (исчезновению значимых различий между последней установочной и критической задачами) приводит параллельная работа с неспецифическими для вербальных задач сложными заданиями с числами $F(1,10)=0,7$, $p=0,4$, $\eta^2=0,06$; с неспецифическими для вербальных задач сложными заданиями с геометрическими фигурами $F(1,10)=1,06$, $p=0,3$, $\eta^2=0,01$.

Выводы

Работа в разных блоках рабочей памяти, а точнее, постоянное переключение с работы одного блока на другой оказывает разрушающее воздействие на эффект серии больше, чем конкуренция за ресурс в одном блоке РП. Одновременная загрузка нескольких блоков РП, по всей видимости, в большей мере нагружает блок управляющего контроля, который и играет главную роль в формировании фиксированного алгоритма решения задачи.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология мышления и кибернетика. М.: Мысль, 1970.
- Секей Л.* Знание и мышление. М.: Прогресс, 1965.
- Узнадзе Д. Н.* Установка у человека. Проблема объективации // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2000. С. 87–91.
- Baddeley A.* Working memory // *Current biology*. 2010. V. 20. № 4. P. 136–140.
- Cassottia M. A., Camardab N., Poirela O., Houdéa M.* Agogué Fixation effect in creative ideas generation: Opposite impacts of example in children and adults // *Thinking Skills and Creativity*. 2016. V. 19. P. 146–152.
- Duncker K.* On problem solving // *Psychological Monographs*. 1945. V. 58. № 5. P. 1–113.
- LeFevre J. A., Dixon P.* Do written instructions need examples? // *Cognition and Instruction*, 1986. V. 3. № 1. P. 1–30.
- Luchins A. S., Luchins E. H.* New experimental attempts at preventing mechanization in problem solving // *The Journal of General Psychology*. 1950. V. 42. № 2. P. 279–297.
- Tresselt M. E., Leeds D. S.* The effect of concretizing the mental set experiment // *The Journal of General Psychology*. 1953. V. 48. № 1. P. 51–55.

Vallée-Tourangeau F., Euden G., Hearn V. Einstellung defused: Interactivity and mental set // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2011. V. 64. № 10. P. 1889–1895.

**The mental set influences the problems solving:
mechanisms of *restrictions***

*N. Lazareva**, *I. Vladimirov*** (Yaroslavl)

* P. G. Demidov Yaroslavl State University

** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
P. G. Demidov Yaroslavl State University

The problem of the mental set mechanisms is analyzed in current paper. We assume that the main mechanisms of the mental set formation are the processes occurring in the working memory subsystems and executive functions. For the mental set formation of subjects, we used modified set of water-jar problems and set of special-purpose verbal task. For the mental set destruction, we used the method of additional loading of working memory subsystems and executive functions. The additional loading was carried out using a dual-secondary task. According to the results of the research we concluded that work in different blocks of the working memory has a destructive impact on the mental set. Thus, executive functions are important in both the structure of the formation and overcome of the mental set.

Keywords: mental set, problem solving, set, working memory, executive functions.

Точность межличностного восприятия в задачах социальной перцепции в ситуации опосредованного общения

Е. А. Лупенко (Москва)

*кандидат психологических наук, Центр экспериментальной психологии
МГППУ; e-mail: elena-lupenko@yandex.ru*

Проведено исследование адекватности оценки индивидуально-психологических характеристик наблюдателя, находящегося в ситуации опосредованного общения, на примере восприятия и свободного описания художественного портрета. Получены результаты, которые позволяют предположить, что подобный процесс межличностного восприятия с точки зрения оценки индивидуально-психологических характеристик наблюдателя ничем не отличается от реального процесса непосредственного общения.

Ключевые слова: социальная перцепция, когнитивно-коммуникативный подход, опосредованное общение, портретное изображение человека, индивидуально-психологические характеристики.

Во многих областях практики важным умением является адекватное и объективное восприятие и понимание другого человека, что по традиции относится к такой области психологии, как социальная перцепция, и является одной из центральных проблем межличностного общения. При этом хотя тема точности межличностного восприятия является достаточно традиционной для социальной психологии, социально-психологические исследования перцепции сконцентрированы преимущественно на ошибках в оценке людей (эффекты «ореола», «первичности», «новизны», роль атрибуции, проекции и стереотипизации). Меньшее внимание уделяется тому, насколько адекватно

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-01101 «Оценка эмоциональных состояний и индивидуально-психологических особенностей личности в процессе общения».

воспринимаются интеллектуальные, эмоционально-волевые, коммуникативные и другие особенности человека по выражению его лица (Барабанщиков, 2017), а также какие именно параметры коммуникативной ситуации, характеристики воспринимаемого человека и самого наблюдателя значимо опосредуют точность их восприятия.

Обращение к изучению «средовых» факторов коммуникации, интерес к языковым особенностям коммуникантов и специфике складывающегося дискурса, анализ возможностей построения образа партнера по взаимодействию на основе исключительно его невербальных проявлений являются интересными точками приложения исследовательских усилий и приводят к возникновению ряда новых теоретических моделей и стратегий исследования точности межличностного восприятия (Белинская, Бронин, 2015).

Довольно часто нам приходится иметь дело с восприятием личности человека, представленного на фотографии, портрете, скульптурном изображении, а также на видеозаписи его поведения. Подобная ситуация опосредованного общения имеет свою специфику, однако, являясь по сути актом невербальной коммуникации, как свидетельствуют исследования В.А. Барабанщикова и его коллег, она принципиально сходна с точки зрения оценки индивидуально-психологических особенностей с ситуацией непосредственного общения (Барабанщиков, Носуленко, 2004).

Известно, что портретное изображение человека, благодаря своей специфике (особая способность портрета выделять те черты человеческой личности, которым приписывается смысловая доминанта), по качеству и глубине передачи является намного более сложной и многоуровневой работой, гораздо лучше передающей личность, чем фотоизображение (Лупенко, 2014). Портрет представляет собой не только воспроизведение внешних особенностей индивида, но и выявление особенного и уникального – личности со своим внутренним миром. Исследование портретного изображения как особой сферы знаний о человеке раскрывает понимание индивидуальности, не сводящееся лишь к телесности (Неверова, 2008).

Мы предположили, что процесс восприятия и свободного описания художественного портрета, попытка проникновения в личность изображенного персонажа актуализирует и эксплицирует ряд важных с точки зрения коммуникативного процесса индивидуально-психологических характеристик самого наблюдателя, решающего эту задачу. Наиболее полную информацию о специфике выражения лица и поведения человека дает анализ его динамики в реальном времени. Поэтому второй наблюдатель, анализирующий процесс взаимодействия (викарного общения) первого наблюдателя с лич-

ностью, изображенной на портрете, получает непосредственную информацию об особенностях личности первого наблюдателя. Оценка степени адекватности полученной информации об индивидуально-психологических характеристиках наблюдателя в процессе викарного общения и явилась основной задачей выполненного исследования.

В своей работе мы опирались на положения когнитивно-коммуникативного подхода к исследованию перцептивных процессов (Барабанщиков, 2002; Барабанщиков, Носуленко, 2004; Ломов, 1975), согласно которому проблема адекватного восприятия индивидуально-психологических свойств личности и, в частности, в условиях опосредованного общения должна рассматриваться в связи с анализом перцептивного события в целом (Барабанщиков, 2002; Барабанщиков, Болдырев, 2007), т. е. включать как объективные (действительные свойства личности коммуниканта), так и субъективные (коммуникативный опыт, Я-концепция) составляющие. Поэтому при восприятии личности другого человека важно учитывать индивидуально-психологические характеристики самого наблюдателя, накладывающие отпечаток на процесс межличностного восприятия и являющиеся предпосылками адекватного понимания партнера по общению (воспринимаемой личности).

Методы и процедура исследования

Процедура и методы исследования состояли в следующем.

- 1) Тестирование первого наблюдателя с помощью методики «Личностный дифференциал».
- 2) Свободное описание первым наблюдателем индивидуально-психологических характеристик персонажей, изображенных на художественных портретах, и его вербальный самоотчет о том, на что он опирался при описании. Портретные изображения личностей России рубежа XIX–XX вв. (всего 13 портретов) последовательно предъявлялись на экране компьютерного дисплея на неограниченное время в режиме презентации.
- 3) Видеорегистрация поведения первого наблюдателя (видеокамера Panasonic Full HD, частота съемки — 50 Гц).
- 4) Тестирование второго наблюдателя с помощью методики «Личностный дифференциал».
- 5) Просмотр видеозаписи вторым наблюдателем (с речевым сопровождением и без речевого сопровождения, при этом оценивались разные наблюдатели, описывающие портреты).

- б) Анализ видеозаписи и вынесение суждений об индивидуально-психологических характеристиках первого наблюдателя.
- 7) Оценка вторым наблюдателем индивидуально-психологических характеристик первого наблюдателя с помощью методики «Личностный дифференциал».
- 8) Анализ адекватности полученных суждений о личности первого наблюдателя с помощью методики сравнения семантических профилей (Барабанщиков, 2009).

Таким образом, с помощью методики «Личностный дифференциал» фиксировалось самовосприятие оцениваемых (первый наблюдатель), самовосприятие оценщиков (второй наблюдатель) и впечатление оценщиков об оцениваемых.

Было получено в сумме 495 свободных описаний портретных изображений, которые зафиксированы на видео.

Участники исследования: студенты московских вузов и взрослые, всего 58 чел., мужчины и женщины (28,3% мужчин и 71,7% женщин) в возрасте от 18 до 49 лет, средний возраст – 26,5 года.

Результаты исследования

Видеорегистрация поведения наблюдателей, описывающих портретные изображения, позволила зафиксировать широкий спектр их поведенческих реакций и выражения лица, достаточно информативных, чтобы составить впечатление об их личности вторым наблюдателем. Практически не возникало трудностей при определении индивидуально-психологических характеристик лиц, находящихся в описываемой коммуникативной ситуации, несмотря на то, что это было викарное (опосредованное) общение. Зафиксированный с помощью видеосъемки спектр невербальных поведенческих реакций, сопровождающих свободное описание портрета, свидетельствует, во-первых, о живом процессе межличностного общения первого наблюдателя с человеком, изображенным на портрете, а во-вторых, о том, что по видеозаписи этого процесса второй наблюдатель достаточно адекватно смог оценить индивидуально-психологические характеристики первого наблюдателя, описывающего портретные изображения. Об этом свидетельствуют полученные результаты.

Был проведен анализ согласованности данных по методике Личностный дифференциал (ЛД), полученных при самооценке первого наблюдателя, и данных по той же методике, полученных при оценке первого наблюдателя вторым в двух различных ситуациях: а) просмотр видеозаписи с речевым сопровождением и б) просмотр ви-

деозаписи без речевого сопровождения. Мерой согласованности полученных оценок (а тем самым мерой точности межличностного восприятия) выступил коэффициент корреляции между впечатлением оцениваемого о себе и впечатлением оценщика об оцениваемом.

При сравнении оценочного профиля наблюдателя 2 и самооценочного профиля наблюдателя 1 по методике ЛД в ситуации с речевым сопровождением получены результаты, свидетельствующие о значительном сходстве данных. Об этом свидетельствуют данные корреляционного анализа. Высокие коэффициенты корреляции получены при анализе всех оценочных и самооценочных семантических профилей по всем испытуемым (пример: наблюдатель Л. Е. А. $r=0,84$; $p<0,05$; наблюдатель Т. О. В. $r=0,76$; $p<0,05$).

Таким образом, наблюдается значительное сходство полученных оценочных профилей наблюдателя, описывающего личность, изображенную на портрете, и самооценочного профиля этого наблюдателя. Это говорит об адекватности полученных суждений о личности наблюдателя, находящегося в ситуации опосредованного взаимодействия с персонажем, изображенном на портрете.

В ситуации просмотра видеозаписи и оценки наблюдателя 1 по методике ЛД без речевого сопровождения (исключительно по невербальным проявлениям) получены данные, свидетельствующие о меньшей степени точности оценки индивидуально-психологических характеристик. Значения коэффициентов корреляции по Спирмену между оценочными и самооценочными профилями в данном случае оказались для всех наблюдателей несколько более низкими, однако, за исключением одного случая, лежащими в пределах уровня значимости (пример: наблюдатель Л. Е. А. $r=0,80$, $p<0,05$; наблюдатель Т. О. В. $r=0,68$, $p<0,05$).

Несмотря на это, ряд испытуемых в самоотчетах отмечает, что оценивать личность наблюдателей, описывающих портреты, без речевого сопровождения им было легче, так как все внимание было сосредоточено на невербальных проявлениях, являющихся более информативными, и речь при этом не создавала помех. По-видимому, для этих испытуемых речь явилась лишь сопровождающим, дополняющим невербальные проявления, а в некоторых случаях даже опровергающим их параметром, а не основным фактором анализа.

При анализе результатов свободного описания в случае отсутствия речевого сопровождения зафиксировано в среднем меньшее количество используемых при описании индивидуально-психологических характеристик, чем при его наличии, что все же говорит о существенной роли речи в формировании впечатления о личности оцениваемого человека.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволили прийти к следующим выводам.

- 1) Сходство семантических профилей и согласованность оценок между самооценкой первого наблюдателя и оценкой первого наблюдателя вторым, полученными по методике ЛД, свидетельствует об адекватности восприятия личности наблюдателя, находящегося в ситуации викарного (опосредованного) общения, и позволяет предположить, что подобное межличностное взаимодействие с точки зрения оценки индивидуально-психологических характеристик наблюдателя ничем не отличается от реального процесса непосредственного общения.
- 2) В ситуации оценки личности наблюдателя исключительно по невербальным проявлениям (без речевого сопровождения) адекватность восприятия его индивидуально-психологических характеристик оказывается несколько более низкой. При свободном описании при этом используется меньшее количество характеристик. Наличие речевого сопровождения, таким образом, приводит к увеличению точности межличностного восприятия.
- 3) Процесс восприятия и описания портретного изображения человека, как опосредованная форма общения, позволяет получить полноценную информацию об индивидуально-психологических характеристиках наблюдателя и открывает обширное поле для психологического исследования и анализа.

Литература

- Барабанщиков В. А.* Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.
- Барабанщиков В. А.* Восприятие выражений лица. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Барабанщиков В. А.* Коммуникативный подход в исследованиях восприятия // Когнитивные механизмы невербальной коммуникации / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Когито-Центр, 2017. С. 14–47.
- Барабанщиков В. А., Болдырев А. О.* Восприятие выражения лица в условиях викарного общения // Общение и познание. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 15–43.
- Барабанщиков В. А., Носуленко В. Н.* Системность. Восприятие. Общение. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Белинская Е. П., Бронин И. Д.* Точность межличностного восприятия в условиях опосредованного знакомства в социальных сетях // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 91–108.

- Ломов Б. Ф.* Психические процессы и общение // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 151–165.
- Лупенко Е. А.* Портретное изображение человека как предмет психологического исследования: проблемы и исследовательские подходы // Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. М.: Когито-Центр, 2014. С. 269–283.
- Неверова И. А.* Художественный портрет как форма постижения человека в истории культуры. Автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2008.

Accuracy of interpersonal perception in social perception process in the situation of mediated communication

E. A. Lupenko (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Center for Experimental Psychology
Moscow City University for Psychology and Education

A study on adequacy of personal traits assessment was carried out. There were two groups of observers: the observers of the first one had to give free description of art portraits (i. e. they were in the situation of mediated communication), the observers of the other one had to assess the personal traits of the first group observers. Obtained results allow to suppose, that such a process of interpersonal perception, in respect to personal traits assessment, does not differ from actual process of direct communication.

Keywords: social perception, cognitive-communicative approach, mediated communication, portrait of a person, personal traits.

Различия в метакогнитивной оценке процесса и результатов решения инсайтных и алгоритмических задач

И. Н. Макаров, И. Ю. Владимиров**, А. А. Кузнецова***
(Ярославль)*

** Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова;
e-mail: reogemaster@gmail.com*

*** кандидат психологических наук, доцент, Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова; e-mail: kein17@mail.ru*

**** Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова;
e-mail: reoge@mail.ru*

В работе проверяется различие метакогнитивных чувств в процессе решения инсайтных и алгоритмизированных задач и по отношению к результату решения. Проверяется возможность с помощью опросника на эмоциональное отношение выявить динамику решения инсайтных задач.

Ключевые слова: инсайт, инсайтная задача, метакогнитивные чувства.

Много внимания в психологии мышления уделяется выявлению механизмов, стоящих за решением сложных творческих задач (Брушлинский, 1996). В лабораторных условиях используются более простые, по сравнению с возникающими в профессиональной деятельности, задачи, называемые малыми творческими или инсайтными. Существуют различия между инсайтными и алгоритмическими решениями. В данной работе внимание будет уделено отличиям в метакогнитивных чувствах во время и после решения.

В процессе поиска решения для задачи решателю доступны для осознания метакогнитивные чувства. Ориентируясь на них, он может понять, движется ли он к решению или от него. Однако ме-

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00954-ОГН-А.

такоегнитивные чувства в разных классах задач различны. Согласно Меткалф и Вие (Metcalf, Wiebe, 1987), использовавших оценку «чувства теплоты» или близости к решению, для алгоритмизированных задач характерна возможность человека проследить и отчитать о пути к решению, что выражается через постепенное увлечение теплоты, соответствующее приближению испытуемых к ответу. Тогда как в инсайтных задачах решение находилось внезапно, а сама динамика случайно изменялась и не отражала реального положения решателя в задачном пространстве.

В дополнение к этому (Metcalf, Wiebe, 1986) 76% правильных инсайтных решений имели динамику: плато → неожиданное нахождение решения, тогда как неверные решения – постепенное увеличение чувства теплоты. Таким образом обозначается взаимосвязь между правильностью решения и чувством внезапности.

В целом ага-реакция и другие характеристики эмоциональных переживаний инсайта долгое время считались объективными особенностями инсайтных задач. Однако в недавних исследованиях данный взгляд ставится под сомнение (Danek, Wiley, 2017). Было показано, что существует «ложный инсайт»: есть ага-реакция, ощущение правильности ответа, однако сам ответ неверный. Для проведения исследования Данек и Уайли создали методику опроса, содержащую вопросы про такие характеристики, как: удовольствие (pleasure), неожиданность (suddenness), уверенность (certainty), облегчение (relief), удивление (surprise). Они обнаружили, что и для ложного, и для истинного инсайтов характерны 3 общих характеристики: удовольствие, уверенность и неожиданность. Однако различия между этими характеристиками для разных инсайтов имеют качественные и количественные различия: правильные ответы ведут к более неожиданному и сильному ага-переживанию (выше удовольствие, неожиданность и уверенность) и связаны с облегчением, тогда как неправильные имеют связь с сюрпризом.

Стоит указать, что во всех вышеприведенных исследованиях решателям не давалась в процессе обратная связь о правильности их решений. А из этого следует, что их отношение к своим ответам зависело только от их внутренней оценки.

Так как было эмпирически показано различие в оценке ложного и истинного инсайтов, то возможно, что в эксперименте Меткалф и Вие был неудачно подобран параметр, по которому испытуемым приходилось оценивать свое продвижение в задачном пространстве. Возможно, если использовать оценки, опирающиеся на эмоции, а не на более когнитивную оценку близости к решению, то можно будет обнаружить динамику.

Гипотезы исследования

1. Эмоциональная оценка отражает динамику процесса решения инсайтных задач.
1. Есть различия в оценке результатов решения между инсайтными и алгоритмическими задачами.

Процедура

Для проверки этих гипотез нами был разработан следующий эксперимент: испытуемым предлагалось решить две задачи да–нет, каждую минуту они должны были отвечать на вопросы об их субъективной оценке процесса решения. Вопросы проверяли две базовые субъективные характеристики – уверенность и то, насколько нравится задача (Четвериков, Одайник, 2014); положительную или отрицательную оценку решения и ряд специфически инсайтных отличительных особенностей, например чувство нахождения в тупике.

Для эксперимента использовались задачи «да–нет» и два длинных арифметических примера. Испытуемый решал две из трех задач (выбирались случайно) «да–нет» и два примера. Испытуемый во время эксперимента мог задавать экспериментатору вопросы, на которые экспериментатор мог ответить только «да» или «нет». Если же информация, которую хотел узнать испытуемый, не имела никакого отношения к задаче, то ответ от экспериментатора был: «Не имеет значения для задачи». Работа с испытуемыми велась индивидуально, в процессе решения экспериментатор не давал подсказок испытуемым.

В процессе решения задач «да–нет», с интервалом между опросами в одну минуту, испытуемому давался список вопросов, по которому можно оценить метакогнитивные чувства испытуемого во время решения (приведен ниже). В конце решения каждой задачи (и «да – нет», и арифметического примера) испытуемому давался другой список вопросов, призванный оценить способ, которым решил испытуемый: инсайтно или алгоритмически (также приведен ниже).

В данном эксперименте приняли участие 14 чел. (10 женщин, 4 мужчины) в возрасте от 17 до 22 лет.

Использованные задачи

1. Джон Смит работает школьным инспектором в штате Калифорния. Однажды он посетил урок географии в одной из общеобразовательных школ. Когда бы он ни задал классу вопрос, в ответ

тянули руки все ученики. Несмотря на то, что для ответа учитель выбирал разных учеников, ответ всегда был правильным. Как это получилось?

1. Четверо любителей поиграть сели однажды вечером и играли всю ночь, до рассвета. Закончив играть, каждый подсчитал, сколько денег у него в кошельке. Оказалось, что за ночь у каждого стало на 100 рублей больше, никто не проиграл! Как это может быть?
2. Саша был очень зол, на что Макс посоветовал ему залезть в мусорку. После этого Саша успокоился.

Перечень утверждений, которые предлагались на протяжении всего решения с перерывом в минуту: 1. Уверен, что смогу решить эту задачу; 2. Мне нравится эта задача; 3. Я чувствую напряжение, мне трудно; 4. Мне кажется, что я правильно понимаю условия; 5. Мне кажется, что я сейчас в тупике; 6. Мне кажется, что я близок к решению; 7. Мне кажется, что я продвигаюсь в верном направлении; 8. Эта задача меня тревожит, раздражает, расстраивает; 9. Эта задача меня увлекает, заинтересовывает, бодрит.

Перечень утверждений, которые предлагались по завершении решения: 1. Когда я понял решение задачи, я испытал «озарение», «„ага“-переживание»; 2. Я пришел к разгадке шаг за шагом, строя предположения и логически проверяя их; 3. В тот момент, когда я нашел решение, я почувствовал удовольствие; 4. Найдя решение, я почувствовал удивление; 5. Я нашел это решение внезапно, неожиданно для себя самого; 6. Я почувствовал облегчение, найдя это решение; 7. Я уверен, что найденное мной решение верно; 8. Поняв решение, я готов решить и другие задачи, которые предложит экспериментатор.

Результаты

Для анализа различий между отношением к результатам решения задач да—нет и арифметических примеров использовался t-критерий Стьюдента для зависимых выборок. Сравнивались средние между ответами на одинаковые вопросы для задач да—нет и арифметического примера. Значимыми оказались различия для 5 вопросов.

Для вопроса 2 «Я пришел к разгадке шаг за шагом, строя предположения и логически проверяя их» между алгоритмическими задачами ($M=2,0714$, $SD=0,91687$) и задачами да—нет ($M=3$, $SD=0,065044$); $t(13)=-2,772$, $p=0,016$; Cohen's $d=0,639$.

Для вопроса 3 «В тот момент, когда я нашел решение, я почувствовал удовольствие...» между алгоритмическими задачами ($M=1,5714$, $SD=0,85163$) и задачами да–нет ($M=2,75$, $SD=0,7532$); $t(13)=-6,6$, $p<0,001$; Cohen's $d=1,678$.

Для вопроса 5 «Я нашел это решение внезапно, неожиданно для себя самого» между алгоритмическими задачами ($M=1,4286$, $SD=0,51355$) и задачами да–нет ($M=2,8571$, $SD=0,7949$); $t(13)=-7,915$, $p<0,001$. Cohen's $d=2,894$.

Для вопроса 6 «Я почувствовал облегчение, найдя это решение» между алгоритмическими задачами ($M=2,4286$, $SD=0,75593$) и задачами да–нет ($M=3,1071$, $SD=0,78883$); $t(13)=-3,51$, $p=0,004$; Cohen's $d=0,959$.

Для вопроса 7 «Я уверен, что найденное мной решение верно» между алгоритмическими задачами ($M=3,5$, $SD=0,51887$) и задачами да–нет ($M=2,8571$, $SD=0,8419$); $t(13)=2,783$, $p=0,016$; Cohen's $d=-1,021$.

Для оценки динамики процесса решения использовалась MANOVA. Был получен статистически значимый результат Hotelling's Trace = 0,437, $F(27,296)=1,596$, $p=0,034$, $\eta^2=0,127$.

Перед post hoc анализом была оценена гомогенность дисперсии. Согласно Tukey HSD, дисперсия гомогенна ($p>0,5$).

Далее были произведены post hoc анализы (Tukey HSD). Значимые различия были найдены между 1 и 3 этапом в вопросе 3 и между 1 и 4 этапом в вопросе 4.

Обсуждение

Гипотеза о том, что эмоциональная оценка отражает динамику процесса решения инсайтных задач подтвердилась для двух характеристик: напряжения и чувства ясного понимания условий задачи. В совокупности с тем, что в задачах да–нет, согласно результатам использования t-критерия, испытуемые испытывают большее облегчение удовольствие при завершении решения задач да–нет, чем при решении арифметического примера, это может иметь объяснение, заключающееся в том, что арифметические примеры были намного проще задачи да–нет. Возможно, если уравнивать по сложности задачи данного типа, различия не будет. Если же дело не в относительно большей сложности задач да–нет, то подобные чувства могут объясняться увлечением загрузки рабочей памяти ближе к концу решения, когда уже было задано множество вопросов и приходится их удерживать в памяти. Интересно, что чувство ясного понимания условий задачи сопряжено с высокими баллами в ответах на вопрос «Я на-

шел это решение внезапно, неожиданно для себя самого», возможно, неожиданным и внезапным ответ и оказывается потому, что резкое изменение репрезентации задачи сильно контрастирует именно с ощущением, что все условия задачи понятны.

Гипотеза о том, что есть различия в оценке результатов решения между инсайтными и алгоритмическими задачами, подтвердилась. Решения задач да—нет воспринимаются как приносящие больше удовольствия, более неожиданные, приносящие облегчение. При этом уверенность в том, что решение верное ниже, чем при решении арифметических примеров. Возможно, дело это связано со спецификой задач да—нет: можно придумать несколько решений для задачи, и поэтому сложнее быть уверенным, что найденное решение верное. Неожиданным является то, что решение задач да—нет воспринимается как более пошаговое, чем решение арифметических примеров. Скорее всего, причина заключается в том, что процедура эксперимента провоцирует такую оценку: испытуемые постоянно задают вопросы и продвигаются по задачному пространству. При этом они могут проследить этот путь.

Выводы

- 1) С помощью эмоционального опросника можно обнаружить динамику решения задач да—нет.
- 2) Есть различия в оценке результатов решения арифметических примеров и задач да—нет.

Литература

- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.—Воронеж: Академия педагогических и социальных наук, 1996.
- Четвериков А. А., Одайник А. С.* Модели субъективной оценки эффективности решения когнитивных задач. Ч. II. Теории косвенной оценки // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. № 1. С. 117—125.
- Danek A. H., Wiley J.* What about false insights? Deconstructing the “Aha!”-Experience along its multiple dimensions for correct and incorrect solutions separately // *Frontiers in psychology*. 2017. V. 7. P. 2077.
- Metcalfe J.* Premonitions of insight predict impending error // *J. Exp. Psychol. Learn. Mem. Cogn.* 1986. V. 12. P. 623—634.
- Metcalfe J., Wiebe D.* Intuition in insight and noninsight problem solving // *Memory & cognition*. 1987. V. 15. № 3. P. 238—246.

Differences in the metacognitive evaluation of the process and the results of solving insight and algorithmic problems

I. N. Makarov, I. Yu. Vladimirov**, A. A. Kuznetsova* (Yaroslavl)*

* P. G. Demidov Yaroslavl State University

** Candidate of Psychological Sciences,

P. G. Demidov Yaroslavl State University

In the paper the difference in metacognitive feelings is checked in the process of solving insight and algorithmic problems and with respect to the result of the solution. The possibility is checked with the help of the questionnaire on the emotional attitude to reveal the dynamics of solving insight problems.

Keywords: insight, insight problem, metacognition.

Роль центрального исполнителя рабочей памяти в решении инсайтных задач

П. Н. Маркина, И. Ю. Владимиров**, Н. А. Мартюшова***
(Ярославль)*

** Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова;
e-mail: alxetar@gmail.com*

*** кандидат психологических наук, доцент, Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова; e-mail: kein17@mail.ru*

**** Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова;
e-mail: alxetar@gmail.com*

В работе показана фасилитирующая роль ослабления функций центрального исполнителя рабочей памяти на этапе тупика. Ослабление функций центрального исполнителя осуществлялось методом предъявления дополнительной задачи во время решения основной. Исследование проводилось на материале инсайтных задач со спичками.

Ключевые слова: инсайт, инсайтная задача, тупик, рабочая память, центральный исполнитель.

Инсайт — это ключевой момент в ходе решения, связанного со скачкообразным переструктурированием проблемного поля, которое приводит к нахождению ответа и часто сопровождается яркими переживаниями (Спиридонов, 2012). Этот феномен имеет долгую историю изучения, тем не менее нет единого представления о его внутренних механизмах и сопровождающих его процессах. Инсайтное решение отличается от неинсайтного по многочисленным параметрам: например, по субъективной внезапности нахождения решения, по невозможности оценки продвижения к ответу, по тому, что для такого решения часто требуется нарушить имплицитные ограничения задачи (Topolinski, 2010). Но эти немаловажные аспекты не позволяют понять внутренние механизмы работы над инсайтной задачей. Одна

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-313-00123.

из особенностей механизма работы с инсайтными задачами — специфическая загрузка рабочей памяти (РП). Бэддели считает основной функцией РП хранение актуальной информации в контексте осуществляемого анализа и информационное обслуживание мыслительного процесса (Бэддели, 2011). Применительно к решению задач РП отвечает за хранение условий задачи, программирование последовательности действий, хранение промежуточных ответов. В рабочей памяти Бэддели выделяет центральный исполнитель (ЦИ), функция которого заключается в контроле за ходом решения задачи, сличении текущего состояния с целевым и выборе верного ответа. Инсайтные задачи отличаются тем, что они «уводят» решателя от верного ответа, направляют ход решения в неверное русло. Следовательно, можно предположить, что безошибочно функционирующий ЦИ может мешать решению инсайтных задач, так как в определенный момент при решении инсайтных задач нужно отойти от выбранной схемы решения, целостность которой поддерживается ЦИ.

Так, Лаврик с коллегами пришли к выводу о том, что РП меньше задействована во время решения аналитических задач, по сравнению с инсайтными (Lavric et al., 2000). В их исследовании на основании данных электроэнцефалографии было установлено, что во время решения аналитических задач функции контроля задействованы в большей степени, по сравнению с решением инсайтных задач. Результаты Гилхули и Мерфи также рассматриваются как поддерживающие представления о том, что РП участвует в аналитическом решении, но не в решении инсайтных задач. В своем крупномасштабном исследовании индивидуальных различий они получили значимые корреляции между эффективностью решения матриц Равена и решением инсайтных и аналитических задач, а также значимые корреляции данных прямых измерений РП с решением двух классов задач (Gilhooly et al., 2005).

Чейн и Вайсберг предполагают, что связь между РП и решением задач зависит от конкретных задач, и считают некорректным экстраполяцию выводов, полученных на конкретных задачах, на решение аналитических или инсайтных задач в целом, потому что в целом оказывается, что существует прямая корреляция между решением любых задач и объемом РП. И задаются вопросом о том, в какой части инсайтного решения РП вносит свой вклад: в процессе начального поиска, до и или после переструктурирования (Chen, 2010).

Основываясь на этих данных, мы полагаем, что РП и центральный исполнитель, в частности, изменяют свою роль в процессе решения инсайтных задач: на стадии чтения и вербализации ответа

однозначно необходима РП, предположительно она нужна на «конструктивных» стадиях решения: в процессе изначального поиска, до и после переструктурирования условия.

Кроме вышеперечисленных этапов, одним из важнейших для понимания инсайтного решения является тупик. Переход от изначального представления задачи (репрезентации) к новому представляет сложность для решателя. Многие исследователи выделяют это осознание конфликта между условиями задачи и намеченным ответом на нее как отдельный этап решения, называя тупиком. В концепции Ольссона инсайт состоит только из тупика и возможного нахождения ответа (Ohlsson, 1992). Мы предполагаем, что на этапе тупика центральный исполнитель усложняет решение, усиливая фиксацию решателя на неверной репрезентации и не давая перейти к новой. Поэтому целью нашего эксперимента было ослабление функций ЦИ в тупике.

Таким образом, мы пришли к следующей *гипотезе*: ослабление функций ЦИ в момент тупика улучшает решение инсайтных задач.

Метод

Мы предположили, что ЦИ можно ослабить, дав ему избыточное количество информации для обработки и тем самым перегрузив его. Предсказать тупик до его возникновения в ходе работы с задачей невозможно, тупик, представленный в самоотчетах испытуемых, обязательно совпадает по времени в тупиком, связанным с трудностью преодоления ограничений в инсайтных задачах. Поэтому мы прерывали решение инсайтных задач в 10, 20, 40 или 80 секунд после его начала (время прерывания решения экспериментально смешано) и постфактум анализировали их: если прерывание в какой-то момент времени сокращало время решения задач, мы считали, что в этот момент в решении конкретной задачи наступает тупик. Время прерывания выбрано так, чтобы было возможно проследить влияние перегрузки ЦИ на протяжении всего времени решения; больше прерываний сосредоточено в начале решения, так как мы предположили, что в выбранных задачах тупик наступает ближе к началу решения.

В качестве *материала* мы использовали инсайтные задачи со спичками из работы Оллингера и коллег:

1. VIII = VI + IV.
2. VI = VI + I.
3. IX = VI – III.
4. VI = VI + VI.
5. VI = VI + V (Öllinger et al., 2008).

Для решения этих задач нужно переместить одну палочку так, чтобы равенство стало верным. Сложность и инсайтность задач, по данным авторов, возрастает, так как в данном перечне постепенно увеличивается сложность относительно «декомпозиции чанка» — мысленного разбиения целостного элемента на составляющие и «ослабления ограничений» — нарушения самоналоженных ограничений на задачу, провоцируемых ее условием (за исключением последней задачи, которая максимально сложна в «ослаблении ограничений», но проста в отношении «декомпозиции чанка»).

Выборка составила 27 чел., двое из которых были отсеяны, так как они знали решение или не справились с некоторыми задачами.

Дизайн

Работа с испытуемыми велась индивидуально, в процессе решения экспериментатор не давал подсказок испытуемым. Каждый испытуемый последовательно решал пять инсайтных задач, четыре из которых прерывались в различное время, решение одной не прерывалось; непрерывное решение рассматривалось в качестве контрольного условия. Прерывание воплощалось следующим образом: в 10, 20, 40 или 80 секунд рядом с задачей появлялся вопрос «Сколько четных чисел в задаче?» или «Сколько нечетных чисел в задаче?», на который испытуемый немедленно должен был дать ответ (выбор вопроса осуществлялся псевдослучайно). После решения дополнительной задачи испытуемый продолжал решать основную задачу.

Эксперимент был реализован с помощью программы PsychoPy.

Результаты

После исключения из выбросов по отдельным случаям решения задач, мы применили двухфакторный дисперсионный анализ (ANOVA), где независимыми факторами были вид задачи и время прерывания, зависимым — время решения основной задачи. Результаты оказались статистически незначимыми: $F(16,71)=0,84$, $p=0,642$, $\eta_p^2=0,159$. Тем не менее, больше нас интересовало не совместное влияние вида задачи и времени прерывания, а наличие для каждой задачи такого периода, в котором дополнительная загрузка ЦИ будет приводить к более успешному решению (по нашему предположению, этот период является тупиком). Поэтому основной анализ был следующим: мы рассчитали среднее время решения каждой задачи во всех условиях (без прерывания и с прерыванием в 10, 20, 40 и 80 секунд), непрерывное решение приняли за контрольное (baseline), далее

среди прерванных решений мы выделили условие, в котором задача решалась за максимальное и минимальное время. Потом мы рассчитали соотношение минимального и максимального времени решения относительно контрольного времени, после этого данные были обработаны с помощью дисперсионного анализа. Результаты такого анализа оказались значимыми: $F(2,46)=5,04$, $p=0,01$, $\eta_p^2=0,18$.

Обсуждение

Используемые нами инсайтные задачи продемонстрировали единый паттерн изменения времени решения в зависимости от прерывания в тупике и вне тупика. Мы предполагаем, что в момент тупика функционирование центрального исполнителя осложняет решение рассматриваемого класса задач, так как контроль усугубляет фиксацию решателей на неверном представлении задачи и ходах решения, не ведущих к правильному ответу. Предположительно, ЦИ не может контролировать выполнение двух задач одновременно (основную – по уравниванию выражения и дополнительную – по подсчету количества четных или нечетных чисел). Ослабление работы ЦИ дает решателю возможность включить в решение элементы задачи, иррелевантные первичной репрезентации, т. е. ранее «помеченные» как не приводящие к верному ответу. Прерывание решения до наступления тупика может приводить к тому, что решатель не будет иметь возможности рассмотреть все представления задачи, недостаточно изучит материал задачи. После преодоления тупика центральный исполнитель помогает воплотить функциональное решение в ответ на вопрос задачи. Если помешать его работе в этот момент, решатель будет испытывать трудности с формулировкой верного ответа или будет рисковать забыть найденное решение.

Кроме того, результаты данного исследования косвенно позволяют подтвердить постулат о том, что в инсайтных задачах присутствует стадия тупика.

Возможно, изменение времени решения в зависимости от времени прерывания дополнительной задачей можно трактовать иначе, но только стадия тупика позволяет предположить, что дистракция в ней может оказать фасилитирующий эффект.

Вывод

Ослабление функций ЦИ в момент тупика улучшает решение инсайтных задач.

Литература

- Бэддели А.* Работает ли все еще рабочая память? // Когнитивная психология: история и современность: Хрестоматия / Под ред. М. Фаликман, В. Спиридонова. М., 2011. С. 312–321.
- Спиридонов В. Ф.* Реален ли инсайт? // Теоретические и прикладные проблемы психологии мышления: Материалы Третьей конференции молодых ученых памяти К. Дункера. 2012. С. 42.
- Chein J. M.* et al. Working memory and insight in the nine-dot problem // *Memory & Cognition*. 2010. Т. 38. № 7. С. 883–892.
- Gilhooly K. J., Murphy P.* Differentiating insight from non-insight problems // *Thinking & Reasoning*. 2005. Т. 11. № 3. С. 279–302.
- Lavric A., Forstmeier S., Rippon G.* Differences in working memory involvement in analytical and creative tasks: An ERP study // *Neuro Report*. 2000. Т. 11. № 8. С. 1613–1618.
- Ohlsson S.* Information-processing explanations of insight and related phenomena // *Advances in the psychology of thinking*. 1992. Т. 1. С. 1–44.
- Öllinger M., Jones G., Knoblich G.* Investigating the effect of mental set on insight problem solving // *Experimental psychology*. 2008. Т. 55. № 4. С. 269.
- Topolinski S., Reber R.* Gaining insight into the “Aha”-experience // *Current Directions in Psychological Science*. 2010. Т. 19. № 6. С. 402–405.

The role of the central executive of working memory in the insight problem solving

*P. N. Markina**, *I. Y. Vladimirov***, *N. A. Martushova** (Yaroslavl)

* P. G. Demidov Yaroslavl State University

** Candidate of Psychological Sciences,
P. G. Demidov Yaroslavl State University

The work demonstrates the facilitating role of the depletion of the functions of the central executive of working memory on the sage of the impasse. The depletion of the functions of the central executive implemented by the method of presenting an additional task during the solving of the main one. Research on the material of insight problems with matchsticks.

Keywords: insight, insight problem, impasse, working memory, central executive.

Роль эмоционального интеллекта в решении проблемных задач художественного содержания (на литературном и музыкальном материале)

А. А. Матюшкина, А. Г. Каменева** (Москва)*

** кандидат психологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: aam_tsu@mail.ru*

*** студентка, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: annakamg@yandex.ru*

В работе представлено эмпирическое исследование успешности решения проблемных задач художественного содержания — литературных и музыкальных. В качестве общих для такого рода задач особенностей относятся неочевидность содержания (в том числе эмоционального), замаскированность условий. Трудность и успешность решения проблемных задач художественного содержания связывается с необходимостью для их понимания значительной глубины анализа, по сравнению с другими. При этом эмоциональный интеллект в соответствии со структурой проблемной ситуации рассматривается как предпосылка успешного решения. Результаты свидетельствуют о неоднозначной роли эмоционального интеллекта как предпосылки успешности решения проблемных задач художественного содержания. Его роль позитивна для решения музыкальных проблемных задач, однако в решении литературных проблемных задач выраженность его определенных параметров, связанных с управлением и выражением эмоций, может затруднять решение.

Ключевые слова: проблемная задача, эмоциональный интеллект, понимание, успешность решения.

Проблема факторов и предпосылок, влияющих на успешность решения проблемных ситуаций, является актуальной для психологии мышления, так как отвечает на вопрос о том, что же определяет конечный результат продуктивного мышления. Это чрезвычайно

значимо как для разработки теоретических вопросов психологии творчества, так и практических вопросов обучения. При этом понимание мышления в отечественной психологии как особой формы субъект-объектного взаимодействия предполагает выделение двух групп факторов, определяющих особенности процесса и результата мышления: со стороны объекта (задачи) и со стороны субъекта. Так, по мнению О. К. Тихомирова, «особенности структуры задачи влияют на деятельность по ее решению» (Тихомиров, 1984, с. 20), определяя ее субъективную трудность или легкость. Со стороны субъекта, с его точки зрения, возможность решения определяется актом «принятия задачи», содержанием которого выступает «связывание задачи с некоторой... мотивационной структурой» (Тихомиров, 1984, с. 28). Тем самым вопросы о мотивационной, целевой, операциональной, т. е. эмоционально-смысловой регуляции мышления, рассматриваются в контексте тех субъектных характеристик, которые важны для достижения решения. А. В. Брушлинский также подчеркивал, что «даже при изучении процессуального аспекта мышления (соотношение анализа, синтеза и обобщения различных уровней) психолог не абстрагируется от собственно мотивационных, вообще личностных характеристик познавательной деятельности» (Брушлинский, 1979, с. 77). Известная психологическая структура проблемной ситуации, предложенная А. М. Матюшкиным по отношению к решению проблемной задачи, — познавательная потребность, открытие неизвестного знания, «интеллектуальные возможности человека, включающие его творческие способности и прошлый опыт» (Матюшкин, 2017, с. 180), — в широком смысле, объединяет предпосылки, со стороны субъекта обеспечивающие успешность решения большинства мыслительных задач: мотивация, интеллект, творческие способности, знания, опыт. Однако какова их роль при переходе к решению наиболее трудных проблемных задач с неочевидным содержанием, «не выделенным» с точки зрения целей «существенным отношением», «замаскированными» условиями (Тихомиров, 1984, с. 20) остается вопросом.

К задачам такого типа можно отнести задачи понимания смысла художественного произведения. А. Р. Лурия (1974) отмечал, что понимание смысла художественного текста характеризуется наибольшей трудностью, по сравнению с повествовательными и научными, так как требует большей глубины анализа, понимания скрытого смысла, эмоционального содержания. К такому же типу задач относится понимание смысла музыкальных произведений. По мнению Б. М. Теплова (1947), содержанием музыкального художественного произведения выступают чувства, эмоции, настроения; явления

действительности; конкретные сюжеты («программная музыка»). В. И. Петрушин (2017) полагал, что процесс «постижения», понимания смысла музыкального произведения включает следующие компоненты: выявление главного настроения; определение средств музыкальной выразительности; рассмотрение особенностей развития художественного образа; выявление главной идеи произведения; понимание позиции автора; нахождение собственного личностного смысла. Литературный и музыкальный материал отличаются как художественными средствами (например, в музыке — это мелодия, гармония, ритм, тональность), так и формой репрезентации условий, но объединены необходимостью понимания эмоционального содержания произведения. Тогда можно предположить, что со стороны субъекта общей предпосылкой в структуре проблемной ситуации, обеспечивающей возможность понимания и нахождения решения проблемных задач художественного содержания, выступает эмоциональный интеллект — способность к пониманию собственных и чужих эмоций и управлению ими (Люсин, 2006). В связи с заявленной гипотезой нами проведено исследование, целью которого выступило исследование эмоционального интеллекта как предпосылки успешного решения проблемных задач художественного содержания.

Процедура исследования

В исследовании приняли участие 24 испытуемых — студенты высших учебных заведений: филологи, психологи, музыканты, которым было предложено принять участие в «исследовании особенностей понимания литературных и музыкальных художественных произведений». Заметим, что таким образом в исследование были приняты «только те испытуемые, которые в силу соответствующих мотивов заинтересованы в таком участии» (Брушлинский, 1979, с. 77), т. е. у них с высокой степенью вероятности в процессе решения возникла проблемная ситуация.

Исследование включало два этапа — диагностический и экспериментальный. Первый представлял выполнение интеллектуальных диагностических методик, целью которых было выявление уровня развития интеллектуальных способностей и интеллектуальных особенностей, выступающих предпосылкой решения проблемных ситуаций. Использовались следующие методики: «Толкование смысла пословиц»; тест «Прогрессивные матрицы Равена» (Равен, 2014); методика «Сложные аналогии» (Альманах..., 1995); тест «Эмоциональный интеллект» (Люсин, 2006).

Второй этап – экспериментальный состоял в решении восьми проблемных задач художественного содержания (четыре литературные проблемные задачи, четыре – музыкальные). Проблемная задача представляла задание гештальтного типа, в котором, опираясь на понимание смысла литературного или музыкального отрывка, необходимо было понять смысл произведения в целом, письменно в компьютере в удаленном доступе ответив на ряд вопросов. Для исследования были выбраны с помощью экспертов (преподавателей литературы и музыкальной литературы, филологов и теоретиков музыки) такие отрывки, которые не только позволяли понять на их основе смысл произведения в целом, но также содержали подсказки для их понимания, заложенные автором произведения. К таким подсказкам в литературных проблемных заданиях выступили ключевые для понимания смысла фразы в тексте и жанровая подсказка; в музыкальных проблемных заданиях – наличие кульминации и жанровая подсказка. Эталонный выбор ключевых фраз и ответов был разработан экспертами. Успешность решения проблемной задачи оценивалась приближенностью к эталонному ответу, выражаемому уровнями успешности решения: от 1-го, свидетельствующего о непонимании смысла отрывка и произведения в целом (1 балл), к 4-му, свидетельствующему о полном понимании (4 балла). Уровни отражают глубину понимания смысла, за которым стоит глубина анализа (уровень обобщения), как задаваемая самими объектом, так и определяемая возможностями субъекта со стороны доступной для него глубины анализа. Так, в исследовании А. А. Матюшкиной (2015) решения литературных и выполненных на материале художественных кинофильмов проблемных задач было показано, что со стороны объекта глубина анализа в том числе определяется жанром произведения. Наибольшей глубины требует драматический жанр. Именно поэтому проблемные задачи в нашем исследовании различались жанром произведения: в литературных проблемных задачах – драма, комедия; в музыкальных проблемных задачах – комедия, лирика, эпос, драма.

В первом блоке задач испытуемым предлагалось понять смысл художественного литературного произведения (рассказа) по отрывку текста. Для этого использовалась методика «Понимание смысла художественного отрывка текста» (ПСОХТ) (Матюшкина, 2015), содержащая отрывки из рассказов А. П. Чехова: «Толстый и тонкий» – комедийного жанра, «Крыжовник» – драматического жанра, «Пересолил» – комедийно-иронического жанра, «Злоумышленник» – комического жанра. После прочтения каждого отрывка испытуемый отвечал на следующие вопросы: 1. Опишите своими сло-

вами кратко, как вы поняли смысл прочитанного отрывка. 2. Постарайтесь объяснить название рассказа, опираясь на смысл отрывка. 3. Выделите в отрывке ключевые для понимания смысла и названия всего рассказа фразы, объясните ваш выбор. 4. Оцените ваш интерес к отрывку от 1 до 5, где 5 – максимальный интерес. 5. Определите, к какому жанру относится отрывок: комедия, мелодрама, драма. 6. Был ли у вас сходный с содержанием рассказа опыт переживаний в жизни? Опишите его.

Во втором блоке задач испытуемым предлагалось понять смысл музыкального фрагмента и на его основе смысл произведения в целом, дважды прослушав отрывок. Длительность каждого из четырех предъявленных музыкальных отрывков составляла от трех до четырех минут. Опираясь на идеи В. И. Петрушина о специфике понимания музыкального произведения, в исследовании были предложены следующие вопросы, направленные на понимание смысла: 1. Определите главное настроение музыкального фрагмента. 2. Какие чувства, настроение передаются в предлагаемой музыке? 3. Вызвала ли музыка у вас эмоциональный отклик, сопереживание? 4. Какой образ, сюжет возникает в вашем сознании? 5. Придумайте название данному отрывку. Затем испытуемому предлагалось повторно прослушать тот же отрывок и ответить на следующие вопросы. 6. Выделите кульминацию. Вам необходимо зафиксировать время начала и окончания кульминационной фразы. 7. Оцените ваш интерес к отрывку от 1 до 5, где 5 – максимальный интерес. 8. Определите, к какому жанру относится отрывок: комедия, драма, лирика, эпос. 9. Переживали ли вы подобные эмоции и чувства, переданные в музыкальном отрывке?

Для данного исследования были выбраны следующие отрывки из произведений П. И. Чайковского: «Концерт-фантазия для фортепиано с оркестром», начало первой части эпического жанра; фрагмент лирического музыкального произведения «Снегурочка»; драматический фрагмент произведения «Скрипичный квартет № 3», начало первой части; из произведений В. А. Моцарта – увертюра из оперы «Свадьба Фигаро», характеризующаяся теоретиками музыки как близкая по жанру к комедии. Произведения различались друг от друга по характеру: лад, темп, развитие мелодии. Успешность решения музыкальных проблемных задач оценивалось по аналогии с оценкой результатов задания методики «ПСОХТ»: уровень 1 – отсутствие образа и непонимание главного настроения (1 балл); уровень 2 – наличие образа, сюжет не развернут. Главное настроение определено в соответствии с экспертным описанием. Название не связано с настроением (2 балла); уровень 3 – наличие сюжета, правильное опре-

деление главного настроения. Название отрывка либо не связано с настроением, либо очень общее, которое не дает представления о самом отрывке (3 балла); уровень 4 – развернутый сюжет, название связано с главным настроением, правильное определение главного настроения отрывка.

Результаты и их обсуждение

Для оценки роли эмоционального интеллекта в решении проблемных задач художественного содержания необходимо предварительно проанализировать успешность их решения. Для сопоставления результатов решения литературных и музыкальных проблемных задач был посчитан средний балл успешности решения; также при равном среднем значении учитывалось общее количество испытуемых в каждой задаче, которые успешно (на самом высоком уровне, 4 балла) и неуспешно решили данную задачу (на самом низком уровне, 1 балл), так как данный показатель отражает субъективный уровень трудности решения. Наиболее трудным для решения и понимания выступила проблемная литературная задача, содержащая отрывок из рассказа «Пересолил» комедийно-иронического жанра (2,5 балла); затем по трудности и успешности следовало решение задачи «Крыжовник» драматического жанра; далее – «Злоумышленник» комического жанра. Наиболее легким для понимания и успешным в решении выступила проблемная задача на основе отрывка рассказа «Толстый и тонкий» комедийного жанра (3,2 балла); среди испытуемых не было тех, кто совершенно не понял отрывок (1 балл), на 4 уровне (4 балла) отрывок поняли 9 испытуемых.

В решении проблемных музыкальных задач наиболее трудным для понимания выступил отрывок из произведения П. И. Чайковского «Скрипичный квартет № 3» драматического жанра (средний балл успешности – 2,4); 8 испытуемых не поняли отрывок и, по сути, не смогли решить задачу (1 балл), при этом на 4 уровне (4 балла) отрывок поняли только 5 испытуемых. Наиболее легкой для понимания и успешной в решении оказалась задача – отрывок из произведения «Концерт-фантазия для фортепиано с оркестром» П. И. Чайковского эпического жанра (3,2 балла); среди испытуемых не было тех, кто совершенно не понял отрывок (1 балл), на 4 уровне (4 балла) отрывок поняли 9 испытуемых. Успешность решения проблемных задач лирического («Мелодрама из Снегурочки» П. И. Чайковского) и комического жанров (В. А. Моцарта, увертюра из оперы «Свадьба Фигаро») оказалась примерно одинаковой. При сравнении успешности решения литературных и музыкальных проблемных задач

средний балл оказался одинаков (2,9 балла), но при этом в решении последних меньше разброс средних значений, по сравнению с литературными проблемными задачами, что косвенно свидетельствует о большей легкости понимания и успешности решения.

Результаты выполнения интеллектуальных методик свидетельствуют о том, что все испытуемые соответствуют среднестатистическим возрастным нормативам. Проведенный нами корреляционный анализ по критериям Спирмена и Пирсона выявил одни и те же корреляционные тенденции. Приведем статистически значимые результаты коэффициента линейной корреляции Пирсона: при $n=24$ критическое значение двусторонней значимости $p \leq 0,05$ (если полученное значение ниже либо равно критическому, связь между признаками статистически значима). Показано, что высокий уровень эмоционального интеллекта является предпосылкой для успешного понимания задач музыкального содержания. Об этом свидетельствует наличие положительной корреляционной связи между успешностью понимания задач музыкального содержания и показателем общего уровня эмоционального интеллекта ($r=0,43$, $p=0,04$). Понимание эмоций также важно для успешного понимания задач музыкального содержания: обнаружены значимые корреляции успешности решения проблемных музыкальных задач и таких показателей, как понимание своих эмоций ($r=0,6$, $p=0,02$) и понимание эмоций (и своих, и чужих) ($r=0,54$, $p=0,06$).

В отношении анализа связи показателей эмоционального интеллекта и успешности решения литературных проблемных задач интересны следующие отрицательные корреляции: между показателем контроля экспрессии (способность контролировать внешние проявления своих эмоций) и успешностью: чем успешнее респондент решает задачу, тем ниже у него способность к контролю внешних проявлений своих эмоций; между показателем управления эмоциями (способность управлять своими и чужими эмоциями) и успешностью. Вероятно, это связано с тем, что слишком высокий уровень контроля может приводить к подавлению эмоций и тем самым препятствовать глубокому уровню понимания литературной задачи. Так, в работах научной школы О. К. Тихомирова было показано, что в решении трудных задач стадии нахождения принципа предшествует интеллектуальная эмоция. Это эмоциональное предвосхищение получило название эмоционального решения, поскольку у испытуемого появляется субъективное переживание того, что принцип решения найден, хотя идея еще не осмыслена и словесно не оформлена. На стадии конкретизации принципа решения также возникают интеллектуальные эмоции при обнаружении объективно верных дейст-

вий (Тихомиров, Ключко, 1984). Можно предположить, что контроль и подавление эмоций (на уровне управления и экспрессии) препятствуют глубокому уровню понимания смысла и успешности решения литературных проблемных задач.

В данном исследовании дополнительно к тесту эмоционального интеллекта фиксировалась способность испытуемых в ходе решения соотносить опыт своих эмоциональных переживаний с проблемной задачей. Испытуемые отмечали в каждой проблемной задаче, был ли у них сходный с ней опыт переживаний (да) или не было (нет). Каждый из 24 испытуемых решал по 8 задач, всего 192: 96 на литературном материале, 96 на музыкальном. Оказалось, что в задачах литературного содержания испытуемые отмечали, скорее, отсутствие сходного опыта переживаний (в 73 случаях из 96), чем его наличие (23 оставшихся). В задачах музыкального содержания, наоборот, испытуемые отмечали наличие сходного опыта переживаний (в 74 случаях из 96), чем его отсутствие (в 22 оставшихся). Вероятно, в силу более очевидного эмоционального содержания музыки испытуемым легче найти аналогию со своим личным опытом переживаний. Например, В. И. Петрушин соотносит используемые средства музыкальной выразительности с содержанием музыки. Так, минорное звучание и медленный темп передают эмоции печали, мажор и быстрый темп передают эмоции радости. Возможно, проблемные задачи музыкального содержания требуют меньшей глубины анализа для понимания, чем литературные, так как эмоциональное содержание более легко «вычерпывается», по сравнению с литературным, благодаря четко заданным художественным выразительным средствам. При этом как в решении литературных, так и музыкальных проблемных задач те, кто отметил наличие соответствующего эмоционального опыта переживаний, более успешно решили задачу, по сравнению с теми, кто не отметил такового.

Выводы

Исследование показало, что предпосылкой для успешного понимания задач музыкального содержания со стороны эмоционального интеллекта выступает понимание собственных и чужих эмоций. При этом влияние эмоционального интеллекта на успешность решения проблемных задач литературного содержания оказалось неоднозначным. Выраженность таких параметров эмоционального интеллекта, как контроль экспрессии и управление собственными и чужими эмоциями, затрудняет понимание и успешность решения литературных проблемных задач. Сходный с содержанием

художественного отрывка опыт эмоциональных переживаний выступает предпосылкой успешного решения задач музыкального содержания. Такой опыт в меньшей степени отмечается респондентами в задачах литературного содержания, но при этом также оказывает влияние на успешность решения.

Литература

Альманах психологических тестов / Сост. Р. Р. и С. А. Римские. М.: КСП, 1995.

Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.

Лурия А. Р. Речь и мышление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.

Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.

Матюшкина А. А. Уровни решения проблемного задания как отражение глубины мышления // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2015. № 3. С. 93–107.

Матюшкин А. М. Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А. А. Матюшкиной. М.: ИД «Международные отношения», 2017.

Петрушин В. И. Психология и педагогика художественного творчества. М.: Юрайт, 2017.

Равен Дж. Стандартные прогрессивные матрицы Равена (компьютерный вариант). М.: Когито-Центр, 2014.

Теплов Б. М. Психология музыкальных способностей. М.—Л.: АПН РСФСР, 1947.

Тихомиров О. К. Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

The role of emotional intellect in solving problems of artistic content (on literary and musical material)

*A. A. Matyushkina**, *A. G. Kameneva*** (Moscow)

* Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University

** Lomonosov Moscow State University

The article presents an empirical study of the success of solving problems of artistic content: literary and musical. The features of this type of problem situation are the non-obviousness of the content (for ex. emotional), the disguise of the conditions. The difficulty and success of solving problems of ar-

tistic content is associated with the necessity for it understanding more depth of analysis in comparison with others. In this case, emotional intellect in accordance with the structure of problem situation is considered as a prerequisite for a successful solution. The results attest to the ambiguous role of emotional intellect as a prerequisite for the successful solving problems of artistic content. This role is positive for the solution of musical problem situations, however, in the solution of literary problem situations high level of such parameters of emotional intellect as the regulation and expression of emotions can make the solution more difficult for subject.

Keywords: problem situation, emotional intellect, understanding, success of the solution.

**Взаимосвязь когнитивного стиля
(полезависимость—полenezависимость)
и мыслительного процесса в условиях влияния
стрессогенных факторов**

К. А. Осокина (Смоленск)

*аспирант, Смоленский государственный университет;
e-mail: kristinaaleksandrovna2017@yandex.ru*

В статье представлена взаимосвязь когнитивного стиля (полезависимость—полenezависимость) и мыслительного процесса в условиях влияния стрессогенных факторов. Специфика мыслительного процесса изучается в качестве существенного фактора, влияющего на адаптивность стилевых характеристик личности. Было показано, что адаптивности когнитивного стиля личности при воздействии стрессогенных условий способствует высокий уровень развития процессуальных характеристик мышления – направленный анализ через синтез. Деадаптивности когнитивного стиля при воздействии стрессогенных факторов способствует низкий уровень мышления как процесса – ненаправленный анализ через синтез.

Ключевые слова: когнитивный стиль, полезависимость, полenezависимость, мыслительный процесс.

В последние десятилетия в психологической науке усилился интерес к проблеме изучения личности, находящейся в ситуации эмоционального дискомфорта, стресса, тревоги и т. д., так как эмоционально-негативные факторы могут являться пусковым механизмом, способствующим формированию у личности различного рода психосоматических расстройств и зависимостей (алкогольная, компьютерная и т. д.). В современных исследованиях данной проблематики не уделяется внимания специфике влияния процессуального уровня мышления на когнитивный стиль (полезависимость—полenezависимость) личности во время воздействия отрицательных эмоцио-

нальных переживаний. С. Л. Рубинштейн подчеркивает, что одним из основных механизмов процессуальных характеристик мышления является анализ через синтез, заключающийся в выявлении субъектом свойств познаваемого объекта (анализ) посредством включения объекта в систему связей с другими объектами (синтез) (Рубинштейн, 1958). А. В. Брушлинский утверждал, что в процессе все более глубокого анализа мыслительной деятельности у человека формируются психические новообразования более адекватного эмоционального отношения к тому, что он делает, и т. д. (Брушлинский, Поликарпов, 1999). Существуют многочисленные экспериментальные данные о связи когнитивного стиля (полезависимость—поленезависимость) с результативными выражениями мышления, памяти, креативности и т. д. В свою очередь, М. А. Холодная полезависимость—поленезависимость относит к интеллектуальным способностям, и утверждает, что когнитивные стили и интеллектуальные способности — это разные по своим проявлениям, но единые по своим глубинным психологическим основаниям формы интеллектуальной зрелости субъекта (Холодная, 2004). В ходе экспериментальных исследований В. В. Селиванова отмечалась взаимосвязь когнитивного стиля с процессуальными характеристиками мышления, а также изучалась мобильность когнитивного стиля (полезависимость—поленезависимость), вследствие развития процессуального уровня мышления и приобретения испытуемыми опыта решения творческих мыслительных задач. Также установлено, что единым механизмом мышления как процесса и полезависимости—поленезависимости выступает анализ через синтез. В результате чего полезависимость—независимость автором рассматривается как мера сочленения личностных и познавательных параметров в качестве сквозной характеристики, проявляющейся в равной мере на всех уровнях отражения действительности (Селиванов, 2016). Вследствие этого целью нашего исследования стало изучение особенностей влияния процессуального уровня мышления на когнитивный стиль (полезависимость—поленезависимость) личности под воздействием отрицательных эмоциональных переживаний.

Для осуществления данного этапа применялись следующие методики:

- для диагностики когнитивного стиля (полезависимость—поленезависимость): EFT тест «Включенные фигуры» Н. А. Witkin'a;
- для диагностики особенностей мыслительных процессов использовалась логическая задача, разработанная Л. Н. Алексеевой, Г. Г. Копыловым, В. Г. Марачем.

Математический статистический анализ включает в себя использование статистического пакета Statistica с применением коэффициента корреляции Т-критерия Стьюдента; факторного дисперсионного анализа ANOVA, а также микросемантического анализа текста.

Исследование представляет собой индивидуальное обследование по данным методикам, которое осуществлялось в несколько этапов. На начальном этапе каждому испытуемому предлагалось выполнить первую часть EFT (тест «Включенные фигуры») и решить логическую задачу Л. Н. Алексеевой, Г. Г. Копылова, В. Г. Марача. В эксперименте экспериментатором предлагались подсказки в форме задачи – вопроса: они использовались лишь тогда, когда испытуемый незначительно продвигался в анализе задачи, т. е. когда у него складывались необходимые внутренние условия. В инструкции испытуемым формулировались следующие требования: решить логическую задачу, рассуждая вслух; выделить основные компоненты задачи; отвечать на вопросы экспериментатора. В эксперименте нами был применен диктофон для оценки особенностей протеканий мыслительного процесса испытуемых в ходе решения логической задачи. Затем осуществлялся микросемантический анализ текста полученных звуковых файлов, которые были переведены в текстовый редактор и оценивались с помощью разработанного нами протокола оценки особенностей мыслительных процессов.

На следующем этапе мы попытались вызвать у испытуемых отрицательные эмоциональные переживания. У студентов вузов формировались отрицательные переживания, путем акцента на их учебный процесс (ситуация экзаменационного стресса). В свою очередь, у обследованных, которые не являлись студентами вузов, отрицательные эмоциональные переживания вызывались путем обсуждения личной актуальной, эмоционально дискомфортной для испытуемого ситуации на данный момент, а затем была предложена вторая часть теста EFT «Включенные фигуры» Н. А. Witkin'a.

Экспериментальное исследование проводилось на базе Смоленского государственного университета (СмолГУ); Смоленского гуманитарного университета (СГУ); Смоленской государственной сельскохозяйственной академии (СГСХА); Смоленского государственного медицинского университета (СГМУ), Шаталовского детского дома (СОГБОУ), а также Смоленского частного охранного предприятия ООО ЧОП «Гепард». В исследовании принимали участие 109 испытуемых-добровольцев мужского и женского пола, в возрасте от 18 до 55 лет.

В ходе экспериментального исследования выявлено 40% обследованных с мыслительным процессом, направленным анализом

через синтез (из них 5% полнезависимых, 12% со средним уровнем когнитивного стиля, 23% полезависимых); 42% обследованных с ненаправленным анализом через синтез (из них 5% полнезависимых, 3% со средним уровнем когнитивного стиля, 34% полезависимых); смешанный мыслительный процесс присущ 18% испытуемым (из них 4% полнезависимых, 2% со средним уровнем когнитивного стиля, 12% полезависимых).

Далее среди обследованных на всей выборке было выделено 14% испытуемых, которые правильно решили логическую задачу; 34%, которые не предложили какого-либо ответа на логическую задачу, и 52% испытуемых, которые предложили неправильный ответ задачи.

По особенностям операциональной схемы мышления выявлено 29% обследованных с высоким уровнем операциональной схемы мышления; 38% с низким уровнем операциональной схемой; 33% со средним уровнем операциональной схемы мышления.

Затем нами был осуществлен качественный сравнительный анализ процессуального уровня мышления у лиц с разными особенностями когнитивного стиля (полезависимость—полнезависимость), так как метод статистического корреляционного анализа «слепнет», перестает быть пригодным для обнаружения интересующих нас связей.

В результате проведенного исследования с помощью микросемантического анализа текста была выявлена специфика взаимосвязи когнитивного стиля (полезависимость — полнезависимость) и процессуальных характеристик мышления. В итоге у полнезависимых выявлены неоднозначные особенности процессуального компонента мышления, но наблюдается тенденция превалирования мыслительного процесса, направленного анализа через синтез, который характеризуется активным включением познаваемого объекта во все новые связи и отношения с другими объектами решаемой задачи и способствует формированию новых обобщений. Кроме того, выявлена высокая операциональная схема мышления и более эффективный уровень анализа соотношения условий и требований задачи. В некоторых случаях обнаружено появление мгновенного инсайта, который характеризуется достаточно хорошей логической обоснованностью найденного решения задачи, в правильности которого обследованный уверен.

В свою очередь, у полезависимых выявлены неоднозначные особенности процессуального компонента мышления, но наблюдается тенденция превалирования мыслительного процесса ненаправленного анализа через синтез, который характеризуется низкой степенью развития процессуального компонента мышления, слабой способ-

ностью формирования новых обобщений, а также выявления новых качеств и свойств решаемой задачи. В некоторых случаях обнаружено появление немгновенного (неосознанного) инсайта в конце решения задачи, который характеризуется внезапным появлением правильного ответа решения предложенной проблемы, без наличия логической доказательной базы, в правильности которого обследованный сомневается.

Далее, в ходе экспериментального исследования выявлено с помощью факторного дисперсионного анализа влияние особенностей мыслительного процесса на когнитивный стиль личности (полезависимость—полenezависимость) под воздействием эмоционально тревожных переживаний.

Нестабильность (мобильность) показателей когнитивного стиля (полезависимость—полenezависимость) под воздействием эмоционально тревожных переживаний, определяется мыслительным процессом направленным анализ через синтез (t-критерий Стьюдента составил 0,03 при $p < 0,00$). Как известно, данные особенности мыслительного процесса способствуют активному включению познаваемого объекта во все новые связи и отношения с другими объектами решаемой задачи, а также выявлению его новых качеств и свойств. Данный мыслительный процесс играет важную роль в формировании новых обобщений и способствует более глубокому развитию процессуального компонента мышления, что, в свою очередь, способствует адаптивности когнитивного стиля в ситуации эмоционального напряжения.

Константность (фиксированность) показателей когнитивного стиля под воздействием эмоционально тревожных переживаний, способствует мыслительный процесс, не направленный анализ через синтез (t-критерий Стьюдента составил 0,4 при $p < 0,05$). В ходе экспериментального исследования было установлено, что при данном мыслительном процессе не происходило включение познаваемого объекта во все новые связи и отношения с другими объектами. В результате совершалось простое разложение целостности решаемой задачи на составные части, что не приводило к формированию новых обобщений и способствовало низкому уровню развития процессуального компонента мышления, это, в свою очередь, способствует дезадаптивности когнитивного стиля в ситуации эмоционального напряжения.

На наш взгляд, для коррекции дезадаптивного когнитивного стиля необходима психокоррекционная работа, направленная на развитие процессуальных характеристик мышления с целью формирования у личности способности переходить от одного стиля познания

и действия к другому, т. е. формирование мобильного когнитивного стиля. Данное направление психокоррекционной работы может быть использовано для работы с людьми в различных профессиональных сферах (педагоги, врачи, спортсмены и т. д.) с целью развития адаптивного потенциала личности.

Литература

- Брушлинский А. В., Поликарпов В. А.* Мышление и общение. Самара: Дом печати, 1999.
- Рубинштейн С. Л.* О мышлении и путях его исследования. М.: АН СССР, 1958.
- Селиванов В. В.* Мышление в личностном развитии субъекта: Монография. Смоленск: Универсум, 2003.
- Холодная М. А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004.

The relationship of cognitive style (field dependence—field independence) and thinking process under the conditions of the influence of the stressogenic factors

К. А. Osokina (Smolensk)

Postgraduate Student, Smolensk State University

The article presents the relationship of cognitive style (field dependence—field independence) and the thinking process under the influence of stress factors. The specificity of the thinking process are studied as important factors influencing the adaptability of the style characteristics of the individual. It was shown that the adaptability of the cognitive style of the person under the influence of stressful conditions contributes to the high level of development of procedural characteristics of thinking — directed analysis through synthesis. The low level of thinking as a process — undirected analysis through synthesis — contributes to the disadaptation of cognitive style under the influence of stressful factors.

Keywords: cognitive style, field dependence, field independence, mental process.

Специфика влияния виртуальной реальности на мыслительную деятельность школьников при обучении их математике*

П. А. Побокин, Ю. А. Латушкина** (Смоленск)*

** кандидат психологических наук, Смоленский государственный университет; e-mail: p.pobokin@yandex.ru*

*** кандидат педагогических наук, Смоленский государственный медицинский университет; e-mail: fotchenkova.yulya@yandex.ru*

В работе представлены результаты исследований по влиянию виртуальной реальности на процессуальные и операционные компоненты мышления школьников. Показано, что образный компонент виртуальной реальности, прежде всего, сказывается на когнитивном плане мышления. Обучающие программы в ВР непосредственно воздействуют на функциональные личностные черты. Показано, что дидактические программы в виртуальной реальности существенно повышают уровень специфически познавательной мотивации. Отмечается, что как структура виртуальной реальности, так и мышление носит системный характер. Анализируются компоненты виртуальной реальности (трехмерные образы объекта, анимация и эффект присутствия). Выделены перспективы использования виртуальных технологий при обучении математики. Отмечается, что виртуальная реальность выступает как новый метод обучения.

Ключевые слова: виртуальные технологии, мотивация, процессуальные и операционные компоненты мышления, математика.

В данный момент современное общество ставит перед школой задачу выработки программы адаптации школьников к жизни в со-

Работа выполнена в рамках проекта № 17-06-00663 РФФИ «Взаимодействие личности и виртуальной реальности: развитие психического, экологичность, темпераментальная и личностная детерминация» (2017–2019).

временном информационном обществе. Социальный заказ системе образования связан с развитием у школьников таких личностных качеств, которые были бы адекватны быстрым переменам, происходящим в обществе. Современное общество требует мыслящих людей, умеющих правильно говорить, писать, анализировать. К сожалению, практически большинство школьников не могут применить свои знания в простейшей ситуации. Наибольшие сложности у них вызывает математика.

Для решения трудных математических задач необходимо обладать хорошо сформированным абстрактным мышлением. Под мышлением в своих исследованиях мы понимаем «сложный системный процесс, благодаря которому субъект анализирует (синтезирует, обобщает и т. д.) данные (образы), полученные „низшими“ познавательными процессами (ощущением, восприятием и др.)...». Мышление, в соответствии с этим представлением, включает в себя следующие основные содержательные компоненты:

- 1) мыслительные *процессы* (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование);
- 2) мыслительные *действия, операции* (например, математические операции: сложение – вычитание и др.);
- 3) *формы мышления* (понятие, суждение, умозаключение);
- 4) систему *знаний и понятий*, взаимосвязанных между собой и используемых субъектом при решении задач;
- 5) *смыслы* познаваемого объекта или соотношений условий и требований задачи в зависимости от индивидуального опыта мыслителя, его индивидуальных особенностей и характера складывающейся ситуации при решении задачи;
- 6) обобщенные *эмоциональные компоненты* мышления, в частности предвосхищающие эмоции;
- 7) *обобщенные личностные характеристики*, актуализирующиеся в ходе мышления (познавательная и неспецифическая мотивация, свойства, составляющие сознания, способности);
- 8) *обобщенные субъектные свойства* (метакогнитивные компоненты, способ и стиль регуляции мыслительной активности и т. д.).

В своих психологических трудах С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский выделяют два основных уровня функционирования мышления – «мышление как процесс» и «мышление как деятельность». Содержанием первого уровня является операционный состав мыслительной деятельности, с помощью которого личность осуществляет решение задачи. Мышление как процесс характеризует непрерывное взаимодействие субъекта с объектом.

В процессе преподавания математики необходимо использовать такой метод обучения, в котором сам процесс получения различных математических умений признается более важным, чем совокупность приобретенных знаний. Приоритет должен быть отдан развивающей функции математического образования. При этом цель обучения будет в развитии средствами математики мышления, логики, языка, а не в том, чтобы каждый школьник усвоил схему решения той или иной задачи. Поэтому, на наш взгляд, в педагогический образовательный процесс необходимо внедрение виртуальных технологий (VR). Сущность виртуальной реальности сводится к трем основным характеристикам: создание трехмерных изображений объектов с помощью программирования, максимально приближенных к реальным, моделей реальных предметов; использование навигации (возможность передвижения субъекта в виртуальном пространстве, посмотреть на объект с различных сторон); сетевая обработка данных, осуществляемая в режиме реального времени (действия субъекта, например: его движения, изменение наклона головы меняют изображение предмета и др.). VR-технологии представляют собой виртуальное пространство, погружающее учеников в мир изучения сложных математических тем, помогая сконцентрироваться на самых трудных моментах. Направление, связанное с созданием виртуальной реальности, является новым направлением в технологии взаимодействия человека и компьютера. К важным моментам, которые определяют результат взаимодействия человека и компьютера в этой системе, относится разработка высокоинформативных средств представления наблюдателю визуальной информации о виртуальном пространстве. Мера погружения испытуемого в виртуальную реальность существенно зависит от уровня устройства интерфейса виртуальных средств. Применение технологий виртуальной реальности в обучении позволяет: дать школьникам непосредственный, практический опыт; уменьшить влияние отвлекающих факторов, препятствующих восприятию информации; объяснить сложные для понимания предметы. Многие ученые поддерживают применение VR-технологий для обучения как способствующих пониманию и запоминанию материала. Любые умения и навыки освоить легче, если тренироваться в интерактивной, трехмерной среде. В виртуальной реальности мы выделяем три основных компонента, которые оказывают влияние на познавательную деятельность: трехмерные образы объекта, анимация и эффект присутствия. Эффект присутствия во многом определяется трехмерностью моделей объектов, которая обеспечивает широкую анимацию. При работе в шлеме VR у испытуемого общее поле восприятия задано программой,

он не видит дополнительных предметов, как при работе с обычным монитором и погружен в сюжет. Рассматривая перспективы использования виртуальных технологий при обучении математике, можно прогнозировать их применение в следующих областях: в ходе изучения курса стереометрии; при решении конструктивно-графических и других практических задач, для решения которых необходимо развитие умения создавать мысленную пространственную конструкцию некоторых объектов по их графическому представлению; в процессе подготовки специалистов при изучении графических методов моделирования в курсах компьютерной графики.

В рамках программы реализации проекта № 17-06-00663 РФФИ «Взаимодействие личности и виртуальной реальности: развитие психического, экологичность, темпераментальная и личностная детерминация» под руководством профессора В. В. Селиванова (программист – В. П. Титов, автор сценариев – П. А. Побоккин) на кафедре общей психологии Смоленского государственного университета были созданы две обучающие виртуальные математические программы*.

В виртуальной модели объект создается на основе его физических свойств и представлен в виде математических формул, т. е. ему задаются свойства реального объекта. В рамках реализации данного подхода образы виртуальной реальности, вероятно, занимают промежуточное положение среди других видов в традиционной классификации образов. Так как они функционируют при непосредственном воздействии ситуации на органы чувств, то их можно отнести, прежде всего, к образам восприятия, перцептам, в то же время данные образы близки к эйдетическим (потому что крайне отчетливы, дифференцированы), они имеют и собственную специфику (яркость, высокая отчетливость дальнего и переднего планов, включенность в ситуацию и др.). Связь виртуальных образов и мышления реализовывалась через синтез системного и субъектного подходов, с позиций системно-субъектного подхода. Суть исследования состояла в том, чтобы проследить влияние обучающей виртуальной программы на мыслительный поиск учащихся. Всем школьникам была предложена математическая задача. Непосредственно перед решением математической задачи у учеников были измерены мотивация и уровни обобщения понятий. Выявление мотивации школьников происходило при помощи специально разработанного индивидуального авторского опросника. Затем ученикам необходимо было поработать с VR-программой и снова решить математическую задачу, схожую с первой. До применения виртуальной обучающей программы «Теорема о 3 перпендикулярах» у школьников преобладала неспецифи-

* См. сайт <http://www.psychologyit.com>.

чески познавательная мотивация (52% школьников), специфически познавательная мотивация – у 48% школьников. Диагностика обобщения понятий определялась с помощью методики «Исключение лишнего». До программы у школьников преобладал низкий уровень обобщения понятий (50%). Дальнейший этап исследования заключался в непосредственном решении школьниками математической задачи, требующей серьезной мыслительной активности. Все испытуемые имели необходимые знания для решения данной задачи. Все мысли учеников, полученные в ходе решения задачи, были записаны на диктофон. Следующим шагом нашего эксперимента был перевод в протоколы диктофонных записей. Полученные протоколы были проанализированы нами при помощи метода А. В. Брушлинского. В нашем исследовании процессуальными характеристиками выступили принятие или непринятие вербальных подсказок школьниками, фазы анализа через синтез. В качестве мыслительных действий выступали математические операции (сложения, вычитания и др.), а формами мышления – математические понятия (перпендикуляр, наклонная, проекция наклонной и др.), математические суждения. Микросемантический анализ мышления испытуемых при решении задачи до работы с программой показал, что до программы процесс анализа через синтез у большинства учеников городской школы носил ненаправленный характер (54%). Смешанный и направленный анализы через синтез составляли соответственно 26 и 20%. После работы с программой у школьников городской школы были выявлены направленный анализ через синтез (44%) и смешанный анализ через синтез (22%), приводящий к правильным результатам с малым количеством подсказок. Также существенно снизился ненаправленный анализ через синтез (34%). После использования данной виртуальной программы повторно были измерены мотивация и обобщения понятий. Специфически познавательная мотивация стала доминировать у 76% школьников, а неспецифически познавательная мотивация – у 24% учеников. По уровням обобщения понятий были получены следующие результаты: низкий уровень – 36%, средний – 40%, высокий – 24%.

Таким образом, фиксировалось резкое увеличение коллатералей мышления, у учеников возникали новые мысли о связях условий и требований заданий. В целом наблюдалась активизация мыслительной деятельности школьников при изучении данной темы. По результатам нашего исследования, можно сделать вывод о том, что включение в образовательный процесс обучающихся виртуальных программ позволит достичь положительного результата в обучении школьников.

The specificity of the influence of virtual reality on the thinking activities of schoolchildren at the training of their mathematics

P. A. Pobokin, Yu. A. Latushkina** (Smolensk)*

* Candidate of Psychological Sciences, Smolensk State University

** Candidate of Pedagogics, Smolensk State Medical University

The paper presents the results of research on the impact of virtual reality on the procedural and operational components of thinking of students. It is shown that the figurative component of virtual reality, first of all, affects cognitive thinking. Training in VR has a direct impact on the functional personality traits. It is shown that didactic programs in virtual reality significantly increase the level of specific cognitive motivation. It is noted that both the structure of virtual reality and thinking are systemic. The components of virtual reality (three-dimensional images of the object, animation and the effect of presence) are analyzed. The prospects of using virtual technologies in teaching mathematics are highlighted. It is noted that virtual reality acts as a new method of learning.

Keywords: virtual technologies, motivation, procedural and operational components of thinking, mathematics.

Когнитивная основа типов решения конфликтной ситуации и профессиональной коммуникативной компетентности у молодых врачей

Л. А. Савельева, М. М. Кашанов** (Ярославль)*

** магистрант, Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова; e-mail: lsavelyeva@rambler.ru*

*** доктор психологических наук, профессор, Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова; e-mail: smk007@bk.ru*

В статье обосновано, что в качестве когнитивной основы понимания психологических механизмов и закономерностей мыслительной деятельности начинающих врачей целесообразно рассматривать специфические приемы функционирования восприятия, осмысления (нахождения новых смыслов) и переработки информации. Обосновано, что данные познавательные процессы выступают, с одной стороны, ресурсами личности и защищают ее от чрезмерного профессионального страха, повышенного фона тревожности в условиях освоения лечебной деятельности, а с другой, являются ресурсами профессионала и способствуют оперативной выработке оптимальных способов разрешения проблем, в том числе и конфликтного содержания. Показана роль профессиональной коммуникативной компетентности врача и типов разрешения конфликтной ситуации в деятельности ординаторов 1-го года обучения.

Ключевые слова: типы реагирования на конфликт, коммуникативная компетентность, деонтологическая ситуация, ресурс, система «врач—больной».

Характеристики творческого профессионального мышления определяют меру умственной работоспособности и цену интеллектуального напряжения, степени их полезности и вредности для профессиональной деятельности. (Иванов, 1984, с. 187). Качество творческого

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00196а).

мышления профессионала характеризуется соотношением конструктивности и деструктивности, а также выходом за привычные схемы поведения и деятельности. Стремление ученых выйти за пределы субъект-объектных взаимодействий проявляется, по мнению Н. В. Гришиной, в частности, в том, что главным для онтопсихологии, по их мнению, должен быть концепт жизненного пространства, а общим методологическим основанием онтопсихологических исследований – ситуационный подход (Гришина, 2010, с. 288).

Пониманию когнитивной основы деятельности профессионала в существенной мере способствуют положения субъектно-деятельностного подхода. Так, в проведенных Е. А. Сергиенко экспериментах убедительно доказано, что предпосылки субъекта появляются в младенчестве, а многие из них имеют генетические основания. На основе анализа современных данных и собственных исследований Е. А. Сергиенко показана роль якорных и проксимальных составляющих в оценке субъективного возраста. Субъективный возраст приобретает первостепенное значение, по сравнению с хронологическим возрастом, как ключевая переменная изучения психологии человека (Сергиенко, 2013). Следовательно, зрелость мышления субъекта и его когнитивный ресурс определяются, прежде всего, уровнем его субъективного возраста.

О. К. Тихомировым предложена теория творческой деятельности человека, исследованы специфические механизмы управления поиском решения и формы отражения проблемной ситуации, разработано представление о двух стадиях в развитии высших психических функций. (Тихомиров, 1984). Развитие смысловой теории мышления О. К. Тихомирова представлено в исследованиях Т. В. Корниловой (Корнилова, 2016). Ею продуктивно разрабатываются понятия о динамических регулятивных системах, об интеллектуально личностном потенциале человека, а также развивается модель множественной и многоуровневой регуляции выбора (Корнилова, 2016).

Учет положений указанных теорий, имеющих непосредственное отношение к пониманию содержания, природы коммуникативной деятельности, а также рассмотрение когнитивных схем (Б. М. Величковский, Ж. Ришар, Ю. К. Стрелков, У. Найссер) и когнитивных моделей (Т. А. Ребеко, Е. А. Сергиенко, А. Коллинз, Дж. Рихард) оказывает существенное влияние на интерпретацию конечных результатов исследования коммуникативной компетентности врачей, что показано в современных работах (Филатова, Коршунов, 2015; Филатова, 2016). Тем не менее, в исследовании когнитивной основы конфликтного взаимодействия остается много нерешенных вопросов (Кашапов, 2009, 2012).

Объект исследования – межличностные конфликты.

Предмет исследования – типы разрешения конфликтных ситуаций в зависимости от показателей профессиональной коммуникативной компетентности молодого врача.

Цель работы: исследовать взаимосвязь профессиональной коммуникативной компетентности с ведущими типами реагирования в условиях конфликта у ординаторов первого года обучения.

Задачи исследования

1. Выявить преобладающий способ разрешения конфликтных ситуаций для каждого испытуемого по сумме баллов каждого способа («Агрессия», «Уход», «Решение»).
2. Оценить распространенность и интенсивность различных доминирующих типов реагирования у ординаторов первого года обучения.
3. Определить общий доминирующий тип реагирования для всей выборки по средним значениям основных способов разрешения конфликтной ситуации («Агрессия», «Уход», «Разрешение»).
4. Оценить структуру профессиональной коммуникативной компетентности врача в исследуемой выборке.
5. Оценить распространенность профессиональной коммуникативной компетентности врача в исследуемой выборке.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли добровольное участие 20 ординаторов хирургического профиля, обучающихся на базе ГБУЗ ЯО «Областная клиническая больница». Анкетирование проводилось по опроснику «Диагностика ведущего типа реагирования», разработанному М. М. Кашаповым и Т. Г. Киселевой и по методике «Профессиональная коммуникативная компетентность врача», разработанной Н. В. Яковлевой и Л. П. Урванцевым. Статистическая обработка полученных данных проводилась с использованием программы Statistica 10.0. Осуществляли проверку нормальности распределения количественных признаков. Критическое значение уровня статистической значимости принимали равным 5%.

Результаты и их обсуждение

В 100% случаев было отмечено выраженное преобладание показателей по характеристике «Решение», что свидетельствует о наиболее

конструктивном способе разрешения конфликта у врачей-ординаторов, проходящих обучение на базе многопрофильного медицинского учреждения. Причем в 25% случаев выявлен высокий показатель, в 40% – показатель выше среднего и в 35% случаев – средний показатель интенсивности данной характеристики. При анализе интенсивности показателей других характеристик методики («Агрессия» и «Уход») отмечались некоторые отличия в сторону преобладания показателей средней интенсивности (по 50% в каждой), уменьшением частоты встречаемости показателей высокой и увеличением показателей низкой интенсивности. На начальном этапе обучения в ординатуре молодые врачи, еще не отягощенные синдромом эмоционального выгорания, готовы проявить все свои знания, умения и навыки в практической деятельности, продуктивно решая часто возникающие конфликтные ситуации. Но с учетом отсутствия опыта практической врачебной деятельности используют в качестве психологических защит и «Уход» и «Агрессию», тем не менее отдавая предпочтение «Уходу» перед «Агрессией».

Далее нами определена частота распространенности выявленных доминирующих типов реагирования в изучаемой выборке. Обнаружено, что в 50% случаев преобладает «P>Y>A» тип реагирования, когда решение предполагает соглашательский вариант. Такой тип реагирования, по-видимому, обусловлен ограничением свободы выбора ординатором стратегии своего поведения в силу зависимости своего положения (положение обучающегося) от мнения куратора (врача-преподавателя, несущего ответственность за ординатора).

В 35% случаев выявлен «P>A>Y» тип реагирования – решение ситуации, когда человек ориентируется на рациональное разрешение возникающих проблем и способен взять на себя ответственность. При этом он может как сам, так и с помощью других лиц разрешить проблемную ситуацию. Следует отметить, что такой человек стремится отстаивать свое мнение, учитывая аргументы оппонента. На наш взгляд, такой тип реагирования является наиболее продуктивным, чтобы в идеальном варианте по окончании процесса обучения в ординатуре стать доминирующим, что позволит молодому врачу уверенно начать самостоятельную трудовую врачебную деятельность в качестве полноценного специалиста.

Также в изучаемой выборке оказались еще три типа реагирования: «P=Y>A», «P=A>Y» и «P>Y=A» – по одной анкете или по 5% случаев на каждый тип. При этом первые два типа «P=Y>A» и «P=A>Y» интерпретируются данной методикой как отсутствие доминирующего типа реагирования, а третий тип «P>Y=A» данной методикой не рас-

считается вовсе, но на наш взгляд может быть отнесен к «P>Y>A» типу реагирования, что в сумме составит 55% частоты встречаемости. Тип реагирования «P=Y>A» подразумевает, что человек характеризуется доброжелательным отношением к людям, редко проявляет агрессию. Он способен идти на уступки, предпочитает компромиссные решения. Тип «P=A>Y» рассматривает человека, способного взять на себя ответственность. При этом он может как сам, так и с помощью других лиц разрешить проблемную ситуацию. Такой человек нередко пытается влиять на окружающих, побуждая их к действиям. По нашему мнению, выявленные типы реагирования можно отнести к динамическим характеристикам, что открывает возможность конструктивного влияния на их развитие со стороны кураторов, отвечающих за работу с ординаторами.

При анализе средних значений ($M \pm SD$) основных способов разрешения конфликтной ситуации выявлено, что наиболее высокий средний балл наблюдается по характеристике «Решение» ($30,85 \pm 4,095$ – показатель выше среднего), который значительно преобладает над средними баллами средней интенсивности показателей по «Уходу» и «Агрессии» ($15,65 \pm 6,683$ и $15,3 \pm 6,618$, соответственно). Таким образом, общим доминирующим типом реагирования для всей выборки в целом является «P>Y>A», когда решение предполагает соглашательский вариант. Согласно интерпретации данного доминирующего типа, такая реакция снижает творческую активность субъекта, сужает его рост и самореализацию. Однако при исключении психологических уходов (при проявлении инициативы) в проблемной ситуации возможно продуктивное ее решение.

Далее проведена обработка теста «Профессиональная коммуникативная компетентность врача» (ПККВ) по каждой анкете (в баллах и стенах) с определением средних значений ($M \pm SD$) на той же выборке испытуемых. При анализе средних значений ПККВ в баллах выявлено, что преобладает блок КУ, отражающий уровень владения коммуникативными техниками ($45 \pm 5,0367$), что указывает на «техническую успешность» общения личности. Самый низкий показатель в баллах у блока ПИ ($37,95 \pm 6,817$), что отражает степень включенности коммуникативной составляющей в профессиональную деятельность врача. Блоки КИ и ПУ, показывающие практически равные средние значения ($43,8 \pm 5,2375$ и $43,8 \pm 6,5982$), демонстрируют одинаковый уровень общих коммуникативных ценностей и «техническую сущность» профессионального общения (уровень развития коммуникативных умений и навыков на основании самооценки). При этом по средним значениям все 4 блока имеют средне выраженную степень сформированности ПККВ.

При анализе степени сформированности блоков теста ПК-КВ обнаружено выраженное преобладание средневыраженной степени сформированности по трем блокам теста: КИ у 20 чел. (100%), ПИ у 18 чел. (90%) и ПУ у 17 чел. (85%). Также выявлено преобладание невыраженной степени сформированности блока КУ у 14 чел. (70%) над средней степенью сформированности – у 6 чел. (30%). Что касается сильно выраженной степени сформированности, то данный параметр не выявлен ни у одного из блоков ПККВ.

Выводы

1. Выявлено, что преобладающим способом разрешения конфликтной ситуации для ординаторов первого года обучения в 100% случаев является «Решение».
2. Обнаружено, что в 55% случаев у ординаторов первого года обучения преобладает «P>Y>A» тип реагирования, в 35% случаев – «P>A>Y» тип реагирования и в 10% случаев доминирующий тип реагирования не наблюдался.
3. Доказано значимое превышение средних показателей способа разрешения конфликтной ситуации «Решение» над «Уходом» и «Агрессией» ($p < 0,05$) в доминирующем типе реагирования «P>Y>A» для исследуемой выборки в целом.
4. По средним значениям ПККВ в баллах преобладает блок КУ ($45 \pm 5,0367$) – «техническая успешность» общения личности. Самый низкий показатель в баллах у блока ПИ ($37,95 \pm 6,817$) – степень включенности коммуникативной составляющей в профессиональную деятельность врача. Блоки КИ и ПУ, показывающие практически равные средние значения ($43,8 \pm 5,2375$ и $43,8 \pm 6,5982$), отражают одинаковый уровень общих коммуникативных ценностей и «техническую сущность» профессионального общения (уровень развития коммуникативных умений и навыков на основании самооценки). По средним значениям все 4 блока имеют средневыраженную степень сформированности ПККВ.
5. Отмечено выраженное преобладание средневыраженной степени сформированности по трем блокам теста: КИ у 20 чел. (100%), ПИ у 18 чел. (90%) и ПУ у 17 чел. (85%). Обнаружено преобладание невыраженной степени сформированности блока КУ у 14 чел. (70%) над средней степенью сформированности – у 6 чел. (30%). Не выявлено сильно выраженной степени сформированности ни у одного из блоков ПККВ.

Литература

- Иванов С.* Записки врача // Дела семейные. М., 1984.
- Гришина Н. В.* Онтопсихология и психология человеческого бытия // Психология субъекта и психология человеческого бытия: Монография / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. С. 273–291.
- Кашапов М. М.* Специфика творческого мышления субъекта // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 599–611.
- Кашапов М. М.* Специфика метакогнитивного подхода к пониманию конфликтной компетентности // Метакогнитивные основы конфликтной компетентности / Под науч. ред. М. М. Кашапова. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 13–104.
- Кашапов М. М., Савельева Л. А.* Синдром эмоционального выгорания у ординаторов первого года обучения // Коллекция гуманитарных исследований: Электронный научный журнал. The Collection of Humanitarian Research. Electronic journal, 2017. № 6. Т. 9. С. 104–115. URL: <http://www.j-chr.com>.
- Корнилова Т. В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016.
- Сергиенко Е. А.* Субъективный и хронологический возраст человека // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 13.05.2018).
- Тихомиров О. К.* Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Филатова Ю. С., Коршунов Н. И.* Влияние когнитивных особенностей врача-ревматолога на конфликтность в диаде «врач–больной» // Медицинская психология в России: Электронный научный журнал. 2015. № 6. Т. 35. URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 12.01.2018).
- Филатова Ю. С.* Становление профессиональных коммуникативных навыков врача терапевта в период обучения в интернатуре // XII Международная научно-практическая конференция «Психология личностно-профессионального развития: современные вызовы и риски» / Под ред. Л. М. Митиной. М.: Перо, 2016. С. 345–348.

Cognitive basis of the types of the solution of the conflict situation and professional communicative competence in young doctors

*L. A. Savelyeva**, *M. M. Kashapov*** (Yaroslavl) _

* Undergraduate, P. G. Demidov Yaroslavl State University

** Doctor of Psychology, Professor, P. G. Demidov Yaroslavl State University

The article substantiates that as a cognitive basis for understanding psychological mechanisms and patterns of mental activity of beginning physicians, it is advisable to consider specific techniques for the functioning of perception, comprehension (finding new meanings), and processing information. It is justified that these cognitive processes act on the one hand with the resources of the individual and protect it from excessive professional fear, an increased background of anxiety in the conditions of mastering therapeutic activity, and on the other are professional resources and contribute to the rapid development of optimal methods for resolving problems, including conflict content. The role of the professional communicative competence of the doctor and the types of resolution of the conflict situation in the activity of residents of the first year of study is shown.

Keywords: types of response to conflict, communicative competence, deontological situation, resource, system “doctor–patient”.

Современная структура мышления субъекта

В. В. Селиванов (Смоленск)

доктор психологических наук, профессор, Смоленский государственный университет; e-mail: vvsel@list.ru

В работе рассматривается проблема выделения содержательных, психологических компонентов мышления субъекта. А. В. Брушлинским была начата работа по дифференциации мыслительной активности на мышление как деятельность и мышление как процесс. В мышлении целесообразно выделять, наряду с формальными (уровень форм) и операциональными (уровень операций), процессуальные компоненты. Решение задач в виртуальной реальности подтверждает наличие процессуальных характеристик в мышлении. Рассмотрение мыслительных процессов и оперативных смыслов в структуре мышления позволяет преодолеть сенсуализм, изучить субъектные параметры мыслительной активности.

Ключевые слова: мышление, виртуальная реальность, операции, формы мышления.

Одной из важных методологических проблем современной психологии является поиск и раскрытие содержательных компонентов всякого психологического явления. Открытие каждого нового компонента в явлении приводит к дополнительному обоснованию его онтологического существования, к более дифференцированному пониманию его функционирования, к детализации его связей с мозговой деятельностью, с людьми, с самим человеком. Каждый новый компонент, открытый в психологическом явлении, — это новая сторона во взаимодействии психических явлений между собой, в целостном бытии субъекта, в его переживаниях, познании и действии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00663 «Взаимодействие личности и виртуальной реальности...».

Проблема психологического содержания мышления встает особенно остро в настоящее время. Это определяется тем, что достаточно распространенной остается сенсуалистическое рассмотрение мышления, его редукция к более «простым» познавательным процессам. Парадоксально отчасти, но в психологии восприятия перцептивный процесс не только не сводится к более простому – сенсорному, но, напротив, анализируется, подобно мыслительному, в нем найдены система перцептивных обобщений (со времен Г. Гельмгольца), перцептивных прогнозов, гипотез, планов и т. д. (В. А. Барабанщиков). Данные две тенденции предопределяют значимость решения проблемы содержательных компонентов мыслительной активности субъекта.

Классически сенсуалистическая позиция (сводящая к чувственности все содержание мышления) представлена в ассоциативной психологии и философии. Основатели ассоцианизма полагали, что более сложные познавательные процессы представляют собой объединение элементарных чувственных представлений. Это объединение осуществляется по ассоциативным связям или законам. До сих пор в некоторых экспериментальных исследованиях мышления фиксируется только последовательность представлений испытуемого о познаваемом объекте. В ответ на определенный стимул (например, слово) субъекта просят назвать другое слово, с которым у него ассоциируется сказанное, данные представления по существу и рассматриваются в качестве мыслительного поиска. К сожалению, упрощенные сенсуалистические экспериментальные схемы и интерпретации мышления свойственны и многим разработкам в области когнитивной психологии. Эти эксперименты проходят с использованием современного оборудования, но не раскрывают специфичности мыслительной переработки данных, отражая лишь сенсорно-перцептивный, мнемический, чувственный уровни оперирования с материалом. Например, активация «возбуждения» по семантической сети может рассматриваться в качестве основы решения теоретических задач, а следовательно, и в качестве содержания понятийного мышления (М. А. Холодная). Активация семантической сети действительно осуществляется, когда субъект решает задачу, очевидно, влияет на ход мыслительного поиска. Тем не менее, мышление – это, прежде всего, процессы анализа, синтеза, обобщения, абстрагирования условий, требований задачи, других познавательных объектов. В ходе этих мыслительных процессов субъект изменяет сенсорно-перцептивные объекты (образы), выделяет в них существенные свойства, отражая последние в понятийной форме. Это наиболее последовательно было продемонстрировано как теорети-

чески, так и экспериментально С.Л. Рубинштейном, К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинским.

Однако сенсуалистическая позиция не может рассматриваться сегодня в качестве только отрицательной характеристики методологического анализа мышления. Одной из форм экспериментальной реализации сенсуализма выступает поиск и разработка наиболее общих закономерностей психического, которые проявляются на всех уровнях психического отражения (от сенсорно-перцептивного до абстрактно-логического). В этом смысле, значимость подобных научных изысканий не вызывает сомнений. Сенсуалистическая позиция, вероятно, выступает важным завоеванием истории психологии, она перспективна и методологически корректна, если существует понимание ограничений ее действия. Примером таких позитивных методологических и методических разработок является изучение операции сравнения Е.С. Самойленко, которое не является сенсуалистическим. В ходе многочисленных экспериментов с использованием современных программных средств были выделены генерализованные характеристики операции сравнения, среди которых – использование ее человеком в качестве средства категоризации, классификации и выделения специфического содержания объектов.

Вероятно, представители Вюрцбургской школы психологии мышления первыми начали систематическое экспериментальное изучение мыслительной деятельности. О. Кюльпе и др. был введен новый термин – «проблема» или задача. С этого времени мышление – это процесс решения задач, проблем. С тех пор задача, которую решали испытуемые, оказывается столь значимой в психологии мышления. История направлений экспериментального изучения мышления в зависимости от типов используемых задач прослежена Д.В. Ушаковым (Ушаков, 1999). Новое операциональное понимание мышления приводит и к новой экспериментальной схеме его исследования. Психологи Вюрцбургской школы для исследования мышления предлагали испытуемым решать задачи. Для того чтобы фиксировать мыслительную активность, наиболее тренированные испытуемые сообщали экспериментатору о том, что происходит в их сознании, когда осуществляется решение, т.е. респондент проговаривал каждый шаг собственного мышления (мыслил вслух). Операциональное понимание мышления как решения проблем позволяет радикально модифицировать метод интроспекции и сформировать новую схему экспериментального исследования мышления, которой мы пользуемся и сегодня. Она заключается в фиксации мышления испытуемого только тогда, когда он решает задачи, проблемы (а не просто

представляет что-либо, вспоминает, созерцает). Способ фиксации — не самоотчет о его собственных состояниях во время мыслительного поиска и др. (интроспекция), а проговаривание процесса решения, т. е. экспериментатор фиксирует характер оперирования субъекта с познаваемым объектом.

Так, постепенно в содержании мышления были представлены операции, умственные действия с объектом. Наиболее рельефно этот компонент был отражен в теории операционального состава мышления и интеллекта Ж. Пиаже, в понимании мышления А. Н. Леонтьевым.

Качественно новый этап в развитии структуры когнитивного плана мышления внесен С. Л. Рубинштейном и Андреем Владимировичем Брушлинским. Этот этап связан с экспериментальным и теоретическим обоснованием формирующихся мыслительных процессов (как непрерывного взаимодействия субъекта с познаваемым объектом) в качестве исходного состояния мыслительной активности субъекта, из которого продуцируются многие другие его структуры (операции, формы). А. В. Брушлинский раскрыл непрерывную, целостную природу мыслительного процесса, которая отразилась в понятии «недизъюнктивный». Недизъюнктивность мышления означает то, что процесс не состоит из отчетливо изолированных друг от друга элементов, это некоторая целостная система, подчиненная общей направленности человека на решение задачи. Недизъюнктивность мышления означает совместное функционирование противоположностей в мыслительной активности, «стирание» их взаимоисключаемости. Например, для А. В. Брушлинского нет ничего в мышлении, что было бы только биологическим, нет ничего, что было бы только социальным, каждая часть синтезирует в себе сочетание как биологического, так и социального (Брушлинский, 1977). Недизъюнктивность мышления есть оборотная сторона непрерывности мыслительного процесса, который, функционируя постоянно, в том числе и на сознательном, и на бессознательном уровне, приводит к постепенному появлению новых знаний, понятий, мотивов, способностей, обобщений объективной и социальной реальности (Брушлинский, 2006).

В наших исследованиях продемонстрировано, что процесс мышления является личностным и субъектным: в нем функционируют и формируются как личностные, так и субъектные свойства (Селиванов, 2003).

В мышлении существуют следующие компоненты: 1) мыслительные *процессы* (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, анализ через синтез); 2) мыслительные *действия, операции* (например, мате-

матические операции: сложение – вычитание и др.); 3) *формы мышления* (понятие, суждение, умозаключение); 4) *система знаний и понятий*, взаимосвязанных между собой и используемых субъектом при решении задач; 5) *смыслы* познаваемого объекта или соотношений условий и требований задачи, в зависимости от индивидуального опыта мыслителя, его индивидуальных особенностей и характера складывающейся ситуации при решении задачи; 6) *обобщенные эмоциональные компоненты* мышления, в частности предвосхищающие эмоции; 7) *обобщенные личностные характеристики*, актуализирующиеся в ходе мышления (познавательная и неспецифическая мотивация, свойства, составляющие сознания, способности); 8) *обобщенные субъектные свойства* (метакогнитивные компоненты, способ и стиль регуляции мыслительной активности и т. д.).

В содержательных компонентах мышления (интеллекта) целесообразно выделять два взаимосвязанных плана – когнитивный и смысловой. Психологическое содержание когнитивного плана мышления включает: 1) формы мышления; 2) умственные действия (операции); 3) мыслительные процессы. Смысловой план мышления строится аналогично когнитивному: 1) «резистентные смыслы» (аналог уровня форм); 2) личностные и операциональные смыслы (аналог уровня познавательных действий); 3) оперативные смыслы (аналог уровня процессов).

Включение мышления в контекст виртуальной реальности (характеризующейся трехмерными изображениями объектов, высокой анимацией, интерактивностью, а также «эффектом присутствия»), подтверждает приведенную сложную структурную организацию мыслительной активности субъекта. В нескольких сериях экспериментов изучалось влияние виртуальной реальности (ВР) на протекание мыслительных процессов и креативности личности.

Необходимо отметить, что специально созданная дидактическая ВР оказывает более интенсивное влияние на процессы мышления через формирование их направленности и соответствующих теме обобщений. Под нашим руководством был создан ряд обучающих программ в настоящей виртуальной среде по биологии и геометрии для учащихся старших классов средних общеобразовательных школ. Микросемантический анализ мышления испытуемых при выполнении усложненных заданий до и после работы с ВР-программой по биологии показал, что до программы процесс мышления находился на низшем уровне – ненаправленного анализа, а после работы с программой переходил на смешанный (43%) либо направленный (57%) уровень. Схожие данные были получены П. А. Побокным и с использованием ВР-программ по геометрии (Побокин,

2015). Активация именно процессуального плана мыслительной активности в ВР-дидактической среде объясняется, прежде всего, тем, что мыслительные процессы непосредственно отражают состояние и особенности познаваемого объекта и всей внешней и внутренней ситуации, складывающейся на текущий момент времени. Стимулирование «сопутствующих» мышлению как процессу познавательных функций и психофизиологических процессов (виртуальной средой) приводит и к активации процессуального плана мышления. Итак, в виртуальной реальности, прежде всего, стимулируются процессуальные компоненты мышления, которые изменяют интеллектуальные операции, формы мышления, мотивацию и некоторые другие личностные и субъектные характеристики (Селиванов, 2016).

А. В. Брушлинский одним из первых начал рассматривать развернутое психологическое содержание мышления субъекта, реализуя к данной онтологической реальности деятельностный и процессуальный подходы. Мышление при этом выступает как деятельность и как процесс. Деятельностный и процессуальный планы мыслительной активности включают системы различных смыслов, обеспечивающих решение задачи (Тихомиров, 1969), выступая основой понимания явлений и событий (Знаков, 2016). Сегодня в психологии мы имеем дифференцированную структуру мышления, не все компоненты которой участвуют в решении любой задачи. Однако решение любой задачи связано с использованием субъектом мыслительных процессов. Познаваемые объекты, сгенерированные в ВР, позволяют человеку постоянно взаимодействовать с ними через мыслительные процессы, которые в этом взаимодействии и развиваются. Процессы мышления и соответствующие им оперативные смыслы существенно дополняют как представления о мышлении, так и его онтологию, меняют категориальную сеть описания данного процесса, что, согласно современному конструктивизму (Петренко, 2010), в конечном итоге приводит к изменению поведения субъекта и социальной реальности (необходимым конструирующим компонентом которой является мышление).

Литература

- Барабанщиков В. А.* Психология восприятия: организация и развитие перцептивного процесса. М.: Когито-Центр—Высшая школа психологии, 2006.
- Брушлинский А. В.* О природных предпосылках психического развития человека. М.: Знание, 1977.

- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Знаков В. В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Петренко В. Ф.* Парадигма конструктивизма в гуманитарных науках // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. С. 5–12.
- Побокин П. А.* Влияние средств виртуальной реальности на развитие мышления и знаний школьников по математике в ходе обучения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2015.
- Селиванов В. В.* Мышление в личностном развитии субъекта. Смоленск: Универсум, 2003.
- Селиванов В. В.* Человек и виртуальный мир // Субъект и виртуальная реальность: психическое развитие, обучение / Под ред. В. В. Селиванова. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2016. С. 62–143.
- Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности. М., 1969.
- Ушаков Д. В.* Мышление и интеллект // Современная психология / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Инфра-М, 1999. С. 241–266.

The modern structure of thinking of the subject

V. V. Selivanov (Smolensk)

Doctor of Psychology, Professor, Smolensk State University

The paper deals with the problem of identifying the content, psychological components of the subject's thinking. A. V. Brushlinskii work was initiated by the differentiation of the mental activity of thinking as an activity and thinking as an process. In thinking, it is advisable to distinguish along with formal (level of forms) and operational (level of operations) process components. Solving problems in virtual reality confirms the presence of process characteristics in thinking. Consideration of thought processes and operational meanings in the structure of thinking allows to overcome sensualism, to study the subject parameters of mental activity.

Keywords: thinking, virtual reality, operations, forms of thinking.

Роль творческого профессионального мышления начинающего врача в общении с пациентами

О. А. Скакунова, М. М. Кашанов** (Ярославль)*

** магистрант, Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова; e-mail: ol.skakunova@yandex.ru*

*** доктор психологических наук, профессор, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; e-mail: smk007@bk.ru*

В статье обосновано, что творческое мышление характеризуется качественным своеобразием когнитивных процессов, проявляющихся в лечебной деятельности начинающих врачей. Однако эти проявления не имеют системного характера. Выявлено, что врачи не так часто прибегают к творчеству в профессии, как им хотелось бы. Наименее развиты такие креативные качества, как творческое отношение к профессии, любознательность, интуиция, поскольку деятельность молодых врачей обусловлена существующими жесткими медицинскими стандартами и сосредоточенностью специалистов на освоении профессионального опыта. Установлен наибольший разрыв между «Я-реальный» и «Я-идеальный» по линии творческого отношения к профессии. Стремление к творчеству в профессии расценивается врачами как путь к дальнейшей собственной профессионализации. Врачи с опытом работы до 3 лет, имеющие высокий уровень креативности, отличаются высоким уровнем развития творческого мышления.

Ключевые слова: начинающий врач, творческое мышление, креативность, общение, деятельность.

Творческое мышление в профессиональной деятельности врача способствует содержательной и дифференциальной диагностике различных заболеваний, обоснованию клинического диагноза, эффективно-му лечению и своевременной профилактике заболеваний. Овладение

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-06-00196а-ОГН.

творческим процессом служит главным критерием зрелой личности. В психологической науке не существует однозначного мнения не только о психологической природе творческого мышления, отсутствует общепризнанное определение понятия «творческое мышление». Одни психологи (Брушлинский, 1968, 1996; Шадриков, 2014, 2016) считают, что любое мышление является творческим, поскольку связано с поиском и нахождением нового. Другие ученые утверждают, что творческое мышление можно рассматривать как процесс образования новых систем связей, свойств личности, ее интеллектуальных способностей, характеризующихся динамичностью и системностью (Пономарев, 1960; Тихомиров, 1984).

Деление на продуктивные и непродуктивные способы решения трудной ситуации отдаляет эффект творческого мышления профессионала и влияет на дефицитность ресурсов творческого мышления врача, которая характеризуется неспособностью распределиться свободой творчества. Следует отметить, что профессиональное мышление трудно уловить и отслеживать в практической деятельности. При этом осложняется оценка принципиальной новизны вырабатываемого и реализуемого профессионального решения (Кашапов, 2001, 2003, 2012). Кроме того, существует мнение, что в системе здравоохранения творческое мышление не востребовано, так как профессиональная деятельность врача жестко регламентирована функциональными обязанностями и алгоритмами. Поэтому мышление описывается в терминах внешней ситуации, а должно описываться в терминах внутренней ситуации. Позитивный подход к пониманию клинического мышления заключается в том, что любое препятствие — точка опоры для дальнейшего профессионального роста. Неготовность нести ответственность за инновационные изменения приводит к ограничению собственной активности. Благодаря бифуркационному состоянию, которое переживает большинство начинающих врачей, появляется благоприятная возможность для совершенствования собственного мышления, прежде всего, творческого.

Цель работы

Исследовать креативный компонент профессионального мышления врачей со стажем работы до трех лет.

Задачи исследования

1. Определить уровень креативности молодого врача как компонента профессионального мышления.

2. Выявить значимость основных показателей креативности в профессиональной деятельности врача.
3. Установить взаимосвязь уровня креативности врача с основными показателями креативности.

Материалы и методы

Выборка представлена 25 врачами разных специальностей, имеющими стаж работы по специальности до 3 лет, без квалификационной категории. Исследование проводилось на базе разных клиник г. Ярославля. В исследовании применялись методики О. А. Шляпниковой, М. М. Кашапова «Опросник способностей творческой личности» и Н. Ф. Вишняковой «Тест „Креативность“». Статистическая обработка полученных данных проводилась с использованием программы Statistica 10.0.

Результаты исследования и их обсуждение

С помощью методики «Опросник способностей творческой личности» установлен уровень способностей творческой личности врача: 40% (10 чел.) испытуемых имеет очень высокий уровень творческих способностей, 16% (4 чел.) — высокий, 36% (9 чел.) — средний, 8% (2 чел.) — очень низкий, низкий уровень креативности не зафиксирован в данной выборке. Среднее значение уровня креативности — $30,84 \pm 7,77$ (с учетом стандартного отклонения от среднего значения), что соответствует высокому уровню. Следовательно, врачи данной выборки обладают высокими творческими способностями, проявляющимися в мышлении, чувствах, общении, деятельности. Установленный факт целесообразно объяснить тем, что креативность может проявляться при дефиците знаний, в процессе включения информации в новые структуры и связи, при поиске недостающей информации, оригинальных решений и их проверке. Следовательно, для роста в профессиональном плане, овладения новыми и совершенствования имеющих профессиональных знаний, умений, навыков врачи успешно реализуют свои креативные качества.

С помощью методики «Тест „Креативность“» Н. Ф. Вишняковой мы определили уровень творческих склонностей личности, сопоставляя показатели креативности образа «Я-реальный» и представление об образе «Я-идеальный». Сравнение этих двух образов креативности позволило выявить творческий потенциал личности и креативный ресурс.

При анализе реальной степени выраженности креативных качеств у молодых врачей, отмечаем, что наиболее выражены эмоциональность и эмпатия, оригинальность. Эмоциональность, эмпатия являются одними из профессиональных качеств врача, которые позволяют эффективно взаимодействовать со всеми участниками лечебного процесса. Оригинальность помогает врачу адекватно воспринимать пациентов, найти к каждому из них особый подход, находить нестандартное решение в сложившейся ситуации. Наименее развиты такие креативные качества, как: творческое отношение к профессии, любознательность, интуиция. Вероятно, это обусловлено существующими жесткими медицинскими стандартами и сосредоточенностью молодых врачей на наработке профессионального опыта.

Анализируя идеальную степень выраженности креативных качеств врачей, мы пришли к выводу, что наиболее высокие значения имеют: творческое мышление, воображение, чувство юмора. По мнению врачей, именно этими качествами необходимо обладать для успешной и эффективной организации своей профессиональной деятельности. Развитое творческое мышление врача, на основе знаний и имеющего опыта, позволяет грамотно, оригинально решать вопросы диагностики, лечения и прогноза заболевания у конкретного больного. Воображение необходимо при обучении врача, для формирования клинического мышления, для лучшего понимания душевного состояния пациента. Чувство юмора в профессии врача снимает напряжение, межличностные и личностные конфликты, препятствует развитию негативных эмоций, мыслей, предупреждает от поспешных действий. Наименьшее значение, по сравнению с другими, имеют такие креативные качества, как: эмоциональность и эмпатия, интуиция. Молодые специалисты в идеале стремятся быть сдержанными в проявлении эмоций и не руководствоваться интуицией в своей работе.

На основании средних значений показателей креативности построен усредненный профиль креативности. Анализ полученного усредненного профиля творческого потенциала позволяет отметить, что врачи видят возможности для развития своих креативных качеств. Наибольший разрыв между «Я-реальный» и «Я-идеальный» наблюдается по линии творческого отношения к профессии, что свидетельствует о том, что врачи не так часто прибегают к творчеству в профессии, как хотели бы. Можно предположить, что стремление к творчеству в профессии расценивается как путь к дальнейшей профессионализации специалиста. При этом врачи желают быть менее эмоциональными.

Для выявления статистической достоверности различий между показателями креативности образов «Я-реальный» и «Я-идеальный» использовался Т-критерий Вилкоксона. Максимальные различия выявлены по творческому отношению к профессии, воображению, любознательности между реальным и идеальным образами ($p < 0,001$). Следовательно, в идеале врачи желают более творчески относиться к профессии, чаще применять воображение, быть более любознательными, по сравнению с реальным представлением о себе. Вероятно, творческое отношение к профессии расценивается врачами как один из показателей профессионализма (несмотря на то, что его наличие не является обязательным при присвоении квалификационной категории). Такое отношение к профессии возможно при наличии определенного багажа знаний, умений и навыков. Для совершенствования этих компетенций молодой специалист должен быть любознательным и обладать развитым воображением.

При корреляционном анализе уровня способностей творческой личности и показателей креативности образа «Я-реальный» обнаружена сильная положительная корреляционная связь между уровнем способностей творческой личности и творческим мышлением ($0,71$, $p < 0,001$), оригинальностью ($0,69$, $p < 0,001$). Это означает, что чем выше уровень креативности, тем выше творческое мышление и оригинальность врача при реальном оценивании себя. Такой результат дает основание предполагать, что врачи с опытом работы до 3 лет, имеющие высокий уровень креативности, отличаются высоким уровнем развития творческого мышления и оригинальностью.

В ходе проведенного корреляционного анализа уровня способностей творческой личности и показателей креативности образа «Я-идеальный» обнаружена сильная положительная корреляционная связь между уровнем способностей творческой личности и оригинальностью ($0,68$, $p < 0,001$), тогда как с творческим мышлением она значительно слабее ($0,46$, $p < 0,05$). В идеальном представлении при высоком уровне креативности также наблюдается высокая оригинальность и творческое мышление, но оригинальность превалирует. Следовательно, можно предположить, что для повышения уровня креативности врачей необходимо особое внимание уделять развитию таких креативных качеств, как творческое мышление и оригинальность.

Таким образом, врачебная креативность проявляется в способности видеть, ставить и оригинально решать медицинские проблемы, в умении управлять лечебным процессом, оперативно и адекватно ориентироваться в создавшейся экстремальной деонтологической ситуации, прогнозировать эффективность лечебного результата с уче-

том его отсроченности. Креативно мыслящий врач стремится опережать те события, которые могут навредить.

Данный вид креативности реально связан с преобразованием врачебной ситуации и характеризуется способностью молодого врача к гибким, широким и разнообразным профессиональным действиям. Креативность является характеристикой всей системы личности врача, которая многогранно проявляется в лечебной деятельности, особенно в ситуациях решения моральных дилемм. Врачу нередко приходится работать в описках полемического довода с двумя противоположными положениями, исключаящими друг друга и не допускающими возможности третьего. Поэтому основой творческого потенциала является именно врачебный гуманизм. Для реализации этого потенциала необходима рефлексивная позиция, суть которой состоит в гуманизации системы сотворчества врача и пациента. Для критически мыслящих и творчески действующих врачей характерны следующие отличительные особенности.

1. Хороший врач не жалуется на пациентов, потому что создает для них определенное смысловое поле, обеспечивающее продуктивное взаимопонимание. Именно отсутствие понимания или непродуктивное понимание часто является основной причиной возникновения деструктивных межличностных конфликтов.
2. Врач с более адекватной и активной познавательной деятельностью лучше общается с другими людьми. Искаженное восприятие, осмысление и понимание клинической ситуации обуславливает возникновение страха и беспокойства у пациентов. Эффективно работающий врач хорошо знает основные слагаемые профессионального успеха: понять состояние пациента, выбрать правильные лечебные действия и обеспечить необходимую психологическую поддержку больному.
3. Творческое самосовершенствование врача и раскрытие им собственных когнитивных ресурсов обеспечивается рефлексией процесса и результата своего труда, а также определением перспектив профессионального роста и выбором стратегических направлений собственной профессионализации.
4. В экстремальной ситуации врач действует по особым законам. К фундаментальным элементам творчества относятся конфликт и его конструктивное преодоление. Творческое мышление профессионала служит основной детерминантой реализуемого им оптимального способа разрешения конфликта.

5. Критерий одаренного врача – эффективность профессиональной деятельности, неразрывно связанной с мышлением как продуктивным психическим процессом. Открытие неизвестного, происходящего благодаря данному познавательному процессу, порождает возникновение личностных и профессиональных новообразований.
6. Умения применять превентивные меры по предотвращению дисфункциональных конфликтов, а также оптимально разрешать деонтологическую проблемную ситуацию являются частью общей профессиональной культуры в деятельности врача.
7. Пытливость и пронизательность ума врача позволяют ему в каждом пациенте найти реперные точки, позволяющие «зацепиться» и начать отсчет в целях успешного лечебного процесса. Такие ресурсные точки являются духовной опорой пациента в процессе его выздоровления и дальнейшей ремиссии. Отношения пациента с лечащим врачом не заканчиваются его выпиской из стационара, а переходят в другие резонансные состояния по типу спирали. Человек даже после полного выздоровления вспоминает и руководствуется наставлениями врача.
8. Когнитивный ресурс в лечебной деятельности начинающего врача тогда характеризуется увеличением, когда высокий уровень креативности связан с высоким уровнем творческого мышления.

Литература

- Брушлинский А. В.* Культурно-историческая теория мышления. М.: Высшая школа, 1968.
- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Кашапов М. М.* Теоретические основы исследования и формирования педагогического мышления // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 1. С. 121–131.
- Кашапов М. М.* Психолого-педагогический тренинг творческого мышления // Психология профессионального педагогического мышления: Монография / Под ред. М. М. Кашапова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. С. 331–397.
- Кашапов М. М.* Специфика метакогнитивного подхода к пониманию конфликтной компетентности // Метакогнитивные основы конфликтной компетентности / Под ред. М. М. Кашапова.. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 13–104.
- Пономарев Я. А.* Психология творческого мышления. М., 1960.

Сергиенко Е. А. Субъективный и хронологический возраст человека // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 08.05.2018).

Тихомиров О. К. Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Шадриков В. Д. Мысль и познание. М.: Логос, 2014.

Шадриков В. Д. Эволюция мысли. Как человек научился мыслить: Монография. М.: Университетская книга, 2016.

The role of the creative professional thinking of a beginning physician in communication with patients

O. A. Skakunova, M. M. Kashapov** (Yaroslavl)*

* Undergraduate, P. G. Demidov Yaroslavl State University

** Doctor of Psychology, Professor, P. G. Demidov Yaroslavl State University

The article substantiates that creative thinking is characterized by the qualitative originality of cognitive processes manifested in the medical activity of beginning physicians. However, these manifestations are not systemic in nature. It is revealed that doctors do not so often resort to creativity in the profession, as they would like. The least developed are such creative qualities as creative attitude to the profession, curiosity, intuition, because the activity of young doctors is conditioned by the existing strict medical standards and the concentration of specialists in mastering professional experience. The greatest gap between “I-real” and “I-ideal” is established along the line of creative attitude to the profession. The desire for creativity in the profession is regarded by doctors as a way to further their own professionalization. Doctors with experience of up to 3 years, who have a high level of creativity, are distinguished by a high level of development of creative thinking.

Keywords: beginning physicians, creative thinking, creativity, communication, activity.

Роль базовых представлений о ментальном мире других людей в координации совместного внимания у дошкольников

Я. К. Смирнова (Барнаул)

*кандидат психологических наук, Алтайский государственный университет;
e-mail: yana.smirnova@mail.ru*

В статье рассматриваются функции совместного внимания в отношении онтогенетического развития произвольности и социальной координации групповой деятельности дошкольников. Показано, что совместное внимание отображает способность к учету представлений о намерениях других людей, учету совместных знаний в соответствии с совместными интенциями. То есть ребенок должен внутренне представлять, сравнивать и различать эпизоды совместной информации. Исследовано проявление совместного внимания со стороны самих детей без участия взрослых. Реагирование и инициирование совместного внимания рассмотрено не только в диадах взрослых–ребенок, но и более крупных группах дошкольников. В исследовании приняли участие дети дошкольного возраста, которые были организованы в ходе эксперимента в подгруппы для совместного решения проблемных ситуаций. Доказано, что в структуре регуляции совместной деятельности разные формы проявления совместного внимания обеспечивает афферентный синтез условий деятельности, способствует анализу внутренних и внешних условий совместной деятельности, выработки программы совместной деятельности.

Ключевые слова: внимание, совместное внимание, социальное познание, ориентировка, ориентировочная основа действий, дошкольный возраст, совместная деятельность.

Статья публикуется в рамках гранта президента МК-3052.2018.6 «Становление механизмов произвольной регуляции ориентировочной части совместной деятельности на ранних этапах онтогенеза».

Совместное внимание – способность человека координировать внимание с социальным партнером, что имеет основополагающее значение для наших способностей к обучению, языку и сложной социальной компетентности на протяжении всей жизни.

Совместное внимание начинается очень рано в жизни ребенка, и первые случаи совместного внимания, как правило, возникают между ребенком и его родителем. Это моменты, когда ребенок и взрослый одновременно смещают свое внимание и взгляд на глаза от объекта к человеку. Эти примеры могут включать указание на желаемую игрушку/объект/пищу/бутылку. Ребенок может проявлять совместное внимание, отвечая или иницируя. Примером ответа было бы, если родитель и ребенок играют вместе, а родитель говорит: «Посмотрите на щенка!». Ребенок отвечает, следуя взглядам родителей и указывая, и смотрит на щенка. Этот общий момент не только позволяет людям общаться, но и способствует развитию социальных навыков (Hanson, 2017).

Совместное внимание рассматривается как важнейший механизм координации совместных действий. В частности, в смысле такого более узкого определения – это способность привлекать совместное внимание другого человека (Maue, 2017).

Совместное внимание можно охарактеризовать как докоммуникативный навык (*pre-communication skill*), который отображает, как социальное взаимодействие может формировать социальное познание (Jaegher, Paolo, Gallagher, 2010). В ходе социального познания люди очень заинтересованы в том, чтобы другие люди направляли их внимание (Baron-Cohen, 1995). Такая ориентация внимания может дать наблюдателю указание на психическое состояние человека, их внимание и их цели (Baron-Cohen, 1995; Frischen, Tipper, 2006; Ristic, 2005; Shimojo, 2003; Tipper, 2003).

Совместное внимание изначально понимается как процесс отслеживания взором направления взора собеседника (*gaze following*) (Emery, 2000; Frischen, 2007; Langton, 2000), который обеспечивается автоматизированными процессами отслеживания направления взгляда (Friesen, Kingstone, 1998; Friesen, 2005; Frischen, 2007), являющимися «частью примитивного ориентировочного рефлекса» (Emery, 2000; Shepherd, 2010). В то же время ориентация головы и глаз другого индивида является недостаточным источником информации об объекте его внимания (Tomasello, 2011).

Совместное внимание – это семейство социальных способностей («социальные прагматические способности»), которые помогают людям регулировать, реагировать и участвовать в социальных взаимодействиях с другими (Stephen, Sheinkopf, 2005).

В связи с этим на современном этапе совместное внимание (joint attention) рассматривается как социально-когнитивное явление (Maue, 2017), отображающее факты в процессе социального познания происходит совместная обработка информации о собственном внимании и внимании других участников совместной деятельности. Совместное внимание – это способность человека обращать внимание на те же объекты или события, на которые обращает внимание другой человек, что имеет важнейшее значение для процессов коммуникации (Ахутина, Засыпкина, Романова, 2013).

Данные социально-когнитивные процессы были описаны многими способами, включая, но не ограничиваясь, следующими: (а) способность делиться перспективой или точкой с другим человеком; (б) мысленное представление чужих намерений, убеждений или эмоций для того, чтобы сделать причинные выводы об их поведении и (в) восприятие социальных сигналов, исходящих от глаз, лиц, позы тела и голоса для интерпретации значения поведения или речи других (Adolphs, 1999; Scaife, Buner, 1975; Tomasello, 2005; Wimmer, Perner, 1983).

При этом наиболее ведущими навыками для развития совместного внимания являются (Woods, Wetherby, 2008):

- ориентация и участие в социальном партнерстве;
- перемещение взгляда между людьми и объектами;
- обмен эмоциональными состояниями с другим человеком;
- возможность привлечь внимание другого человека к объектам или событиям с целью совместного использования опыта.

Совместное внимание связано с социальной координацией привлечения внимания другого человека к более эффективному принятию ориентировочной и общей информации (Mundy, 2016).

Отличительными чертами совместного внимания в процессе коммуникации являются:

- Внимание – когда два или более человека обращают внимание на одно и то же.
- Эмоции – когда два или более человека разделяют эмоциональное состояние друг друга.
- Намерения – когда два или более человека пытаются сделать то же самое и они знают, что они делают это вместе.

Проявления совместного внимания являются социальными в том смысле, что человек при помощи данного механизма начинает ориентироваться в том, что кто-то еще присутствует и доступен для социального взаимодействия (Schultz, 1932).

А. Fiebich и S. Gallagher предлагают инструментальную функцию совместного внимания и утверждают, что преднамеренное совместное внимание является основой совместных действий. То есть подчеркивается функциональная роль преднамеренного инициирования совместного внимания для успешного сотрудничества в комплексе совместные действия.

Индивидуальные различия в совместном внимании связаны с интенсивностью социальных симптомов, реагирующим на совместное внимание включает в себя три формы изначально невербальной и затем вербальной коммуникации (Mundy, Jarrold, 2010; Ibanez, Grantz, Messinger, 2015).

- 1) Инициирование совместного внимания (Initiating Joint Attention (IJA)) – это способ, которым человек сообщает партнеру по коммуникации о своем интересе к объекту или событию, например устанавливая зрительный контакт и указывая на игрушку с целью ее показать.
- 2) Инициирование поведенческих реакций (Initiating Behavioral Requests (IBR)) – это способ, которым человек обращается за помощью к партнеру, устанавливая зрительный контакт, чтобы попросить, например, игрушку, тянется в сторону игрушки, указывает на нее и т. д.
- 3) Реагирование на совместное внимание (Responding to Joint Attention (RJA)) – это способ реагировать и следовать поведению партнера, например, когда эксперт указывает на что-то и взгляд ребенка следует за взглядом эксперта, чтобы узнать, на что он смотрит.

Совместное внимание обеспечивает скоординированные модели поведения в зависимости от общего намерения, которое есть у участников совместных действий. Совместные действия всегда связаны с совместными намерениями (Carpenter, 2009), и отчасти это то, что отличает деятельность группы людей от других животных (Tomasello, 2005). Поэтому на современном этапе изучения феномена совместного внимания многие авторы подчеркивают необходимость учета роли совместного внимания в совместных действиях (Knoblich, Sebanz, 2008; Sebanz, 2006; Tomasello, 2005).

Так, Дж. Кэмпбелл считает, что совместное внимание будет способствовать рациональному сотрудничеству. De Jaegher (2010) считает, что взаимодействие будет эффективным, если осуществляется совместное регулирование и взаимное влияние людей друг на дру-

га, что и составляет самоподдерживающуюся организацию в область реляционной динамики.

Понятие совместного намерения включает в себя «общее знание», направленное на достижение одной и той же цели, что является важнейшим требованием совместных действий (Sebanz, 2006; Tomasello, 2005). В данном случае диада или группа людей не только имеет одну и ту же цель, но и знает, что у нее есть одна и та же цель, что и делает ее общей (объединенной) целью. Но то, что у каждого из них есть личное намерение стремиться к определенной цели и что они взаимно знают, что они оба стремятся к одной и той же цели, недостаточно для того, чтобы фиксировать намерения, связанные с совместными действиями.

Совместное внимание отображает способность к учету совместных знаний в соответствии с совместными интенциями и знаниями. То есть ребенок должен внутренне представлять, сравнивать и различают эпизоды совместной информации.

Фокусы внимания не просто разделяются между отдельными людьми, но активно строятся через их взаимодействие и расширяются с течением времени, встраиваясь в структуры задач (Bruner, 1995).

М. Томаселло писал о том, что понимание интенций других и построение совместных намерений представляют базовую структуру социальных действий и коммуникации и что она оказывается уже практически полностью сформированной до того, как начинается освоение речи. Владение базовой структурой позволяет ее участникам создавать с другими людьми совместные смысловые пространства или совместные знания (*shared conceptual spaces*). Они помогают избежать возможной многозначности, ограничивая набор потенциальных объектов-референтов и набор потенциальных мотивов, стоящих за социальным намерением. Совместное внимание и совместные знания создают контекст, который позволяет детям соотнести слово и значение (Ахутина, Засыпкина, Романова, 2013).

Дети с ограниченным совместным вниманием могут испытывать трудности с приобретением широкого спектра навыков развития, включая обучение взаимодействию с другими людьми и способность подружиться, как разговаривать, понимать слова и как обрабатывать и использовать входящую информацию.

Таким образом, целью нашего исследования стало отображение роли развития базовых представлений о ментальном мире других людей у дошкольников в координации совместного внимания в процессе групповой деятельности.

Методы и процедуры

Эмпирическая выборка

В исследовании приняли участи 216 детей раннего возраста 4–5 лет ($n=65$) и 5–7 лет ($n=157$). Исследование проводилось индивидуально и в организованных микрогруппах по 5–7 чел.

Методы и методики эмпирического исследования

1. Стандартизированные психодиагностические методики для фиксации данных: методика проблемных ситуаций «одень куклу», «мозаика»; «сделаем вместе» (И. Б. Дерманова); методика, направленная на исследование подверженности влиянию сверстников (Т. П. Авдулова, О. В. Кузнецова); методика «кодировка» (модификация метода Пьерона–Рузера).

Классические методики, оценивающие *понимание намерений и желаний* детьми, были использованы нами для анализа развития базовых представлений о ментальном мире других людей.

- Задача на исследование возможности использования направления взора как показателя желания «Что хочет Чарли?» (Baron-Cohen, Cross, 1992).
 - Задача на понимание принципа «видеть значит знать»: «Какая девочка знает, что лежит в коробке?» (Baron-Cohen, 1989).
 - «Тест на ошибочное мнение» «Салли–Энн» (Wimmer, Perner).
 - Задача на понимание намерений с опорой на внешние признаки (Meltzoff, Wellman, Lagattut).
2. В ходе исследования были созданы экспериментальные условия решения проблемных ситуаций, в которых дети были поставлены перед необходимостью решения социальной проблемы (поделиться или не поделиться со сверстником, оценить его действия, разрешить конфликт и пр.). Подобные ситуации не являются простыми формами совместной деятельности, это игры и действия рядом, в которых дети начиная с 3–4 лет могут проявлять интерес к сверстнику, оценивать его действия, оказывать поддержку и помощь. Более того, данные ситуации провоцировали процесс совместного внимания.

Как отдельные параметры инициирования совместного внимания и реагирования на совместное внимания фиксировались:

- *степень эмоциональной вовлеченности ребенка в действия сверстника.* Интерес к сверстнику, обостренная чувствитель-

ность к тому, что он делает, может свидетельствовать о внутренней причастности к нему;

- *характер участия в действиях сверстникам*, т. е. окраска эмоциональной вовлеченности в действия сверстника: положительная (одобрение и поддержка), отрицательная (насмешки, ругань) или демонстративная (сравнение особой);
- *характер и степень выраженности сопереживания сверстнику*, которые ярко проявляются в эмоциональной реакции ребенка на успех и неудачу другого, порицание и похвалу взрослым действиями сверстника;
- *характер и степень проявления просоциальных форм поведения в ситуации, когда ребенок стоит перед выбором действовать «в пользу другого» или «в свою пользу».*

3. Методы математико-статистической обработки: регрессионный анализ. Обработка проводилась при помощи статистического пакета SPSS 23.0.

Результаты

В ходе исследования были сопоставлены показатели индивидуальной диагностики дошкольников и показатели их участия в решении групповых проблемных ситуаций.

Произведена проверка предположения о том, что сформированность модели психического у ребенка как основы становления понимания себя и другого позволит спрогнозировать его поведение в групповом взаимодействии.

Так, при помощи регрессионного анализа выявлено, что чем выше способность ребенка выделять ментальные состояния у себя и других, понимать обман, намерения, желания, эмоции других людей в ряде представленных диагностических задач, тем лучше ребенок понимает, принимает и удерживает инструкцию «сделайте вместе с другими» в групповой деятельности ($R^2=0,170$, $p=0,005$, $\beta=0,412$).

Это связано с тем, что сформированность модели психического улучшает реагирование на привлечение совместного внимания за счет способности предвосхищать физические эффекты собственных действий, способности предвидеть эффекты действий других, понимания причины действий других. Данное влияние объясняется связью способности понимать, что другие дети имеют мысли, могут репрезентировать вещи, а также что другие дети имеют цели и задачи, которые направляют их действия к реальному использованию этого знания для организации групповой деятельности.

Также было проверено влияние способности использовать зрительный контакт как источник информации о ментальных состояниях другого человека на взаимодействие в совместной деятельности с другими детьми.

Так, правильность определения направления взгляда и использование зрительного контакта как источник информации влияет на то, что во взаимодействии со сверстниками ребенок:

- 1) чаще ориентируется на выполнение аналогичного задания сверстником, например, сверяет свой рисунок с рисунком сверстника, подглядывает за ходом выполнения задания сверстником, вверяет свой результат с результатом сверстника ($R^2=0,107$, $p=0,042$, $\beta=0,327$);
- 2) чаще подает реплики по поводу выполнения задания сверстником ($R^2=0,178$, $p=0,004$, $\beta=0,422$).

Данный факт показывает, что если ребенок понимает, что информация о себе и своей деятельности качественно отлична от информации о другом человеке, вовлеченном в ту же деятельность, то его можно ориентировать на сверстника как способ контроля и сверки результата деятельности.

В обратном случае, ошибки в распознавании взгляда дошкольник:

- работает индивидуально ($R^2=0,205$, $p=0,005$, $\beta=-0,452$) и реже вступает в контакт в процессе совместной деятельности ($R^2=0,138$, $p=0,012$, $\beta=-0,372$). Преобладают индивидуальные, а не совместные операции ($R^2=0,119$, $p=0,034$, $\beta=-0,364$);
- не следит за работой партнера ($R^2=0,128$, $p=0,016$, $\beta=-0,358$);
- ниже заинтересованность в предложенной деятельности ($R^2=0,090$, $p=0,045$, $\beta=-0,061$) и ниже интерес к процессу совместной деятельности ($R^2=0,128$, $p=0,016$, $\beta=-0,358$);
- реже достигает результата ($R^2=0,125$, $p=0,017$, $\beta=-0,354$).

Все эти проблемы указывают на дефицит мотивации к общим психическим состояниям, общим эмоциям, общему опыту. Данная группа детей плохо понимает и использует декларативное указание. Редко показывают объект другим и отвечают на указание других, плохо сотрудничает в играх со сверстниками.

Выводы

Способность координировать внимание с социальным партнером в дошкольном возрасте зависит от сформированности модели психического.

Показано, что интенция, интерес к совместной деятельности дошкольников тесно связан с моделью психического.

Совместное внимание служит самоорганизующейся роли в обработке социальной информации в ранних, неструктурированных ситуациях социального общения.

Можно выделить такие особенности проявления совместного внимания в групповой деятельности дошкольников:

- инициативность – отражает желание ребенка привлечь к себе внимание сверстника, побудить к совместной деятельности, выражению отношения к себе и своим действиям, разделить радость и огорчение;
- чувствительность к воздействиям сверстника – отражает желание и готовность ребенка воспринять его действия и откликнуться на предложения. Чувствительность проявляется в ответных действиях ребенка на обращения сверстника, в чередовании инициативных и ответных действий, в согласованности собственных действий с действиями другого, в умении замечать пожелания и настроения сверстника и подстраиваться под него;
- преобладающий эмоциональный фон – проявляется в эмоциональной окраске взаимодействия ребенка со сверстниками: позитивной, нейтрально-деловой и негативной.

Таким образом, совместное внимание будет способствовать рациональному сотрудничеству за счет создания особой формы социального взаимодействия, посредством которого дошкольники координируют свои действия в пространстве и времени.

Заключение

Совместное внимание необходимо для сохранения скоординированных моделей поведения на пути достижения цели.

Совместное внимание играет функциональную роль в ориентировочно-исследовательской части совместной деятельности и способствует эффективному исследованию условий реализации совместной деятельности, окончательному выделению предмета деятельности.

Посредством совместного внимания выделяется состав признаков, на которые следует ориентироваться в процессе совместной деятельности.

Участие в совместных моделях поведения (определяется в разной степени по правилам или закономерностям) для достижения цели помогает дошкольникам через механизм совместного внимания формировать контроль поведения.

Посредством совместного внимания дошкольники получают информацию об общей осведомленности об условиях деятельности, используют механизм совместного внимания.

С помощью модели психического мы способны сделать вывод о ментальных состояниях (мнениях, желаниях, интенциях, представлениях, эмоциях и т. п.), которые являются причиной скоординированных действий.

Литература

- Ахутина Т. В., Засыпкина К. В., Романова А. А.* Предпосылки и ранние этапы развития речи: новые данные // Вопросы психолингвистики. 2013. Т. 17. № 1. С. 20–43.
- Зотов М. В., Андрианова Н. Е., Войт А. П.* «Нисходящее» и «восходящее» совместное внимание в невербальной коммуникации // Российский журнал когнитивной науки. 2015. Т. 2. № 1. С. 6–23.
- Baron-Cohen S.* Mind Blindness. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
- De Jaegher H., Di Paolo E., Gallagher S.* Can social interaction constitute social cognition? // Trends Cogn Sci. 2010. V. 14. № 10. P. 441–447.
- Frischen A., Bayliss A. P., Tipper S. P.* Gaze cueing of attention: visual attention, social cognition and individual differences // Psychol. Bull. 2007. V. 133. P. 694–724.
- Frith C. D.* The social brain? // Philos. Trans. R. Soc. Lond. B. Biol. Sci. 2007. V. 362. № 1480. P. 671–678.
- Mundy P., Card J., Fox N.* EEG correlates of the development of infant joint attention skills // Developmental Psychobiology. 2000. V. 36. P. 325–338.
- Schultz J., Pilz K. S.* Natural facial motion enhances cortical responses to faces // Exp. Brain Res. 2009. V. 194. P. 465–475.
- Tipper S. P., Howard L. A., Paul M. A.* Reaching affects saccade trajectories // Experimental Brain Research. 2001. V. 136. P. 241–249.
- Tomasello M., Carpenter M., Call J., Behne T., Moll H.* Understanding and sharing of intentions: The origins of cultural cognition // Behavioral and Brain Sciences. 2005. V. 28. P. 675–735.

The role of the main representations of the mental world of other people in the coordination of joint attention on the preoblats

Ya. K. Smirnova (Barnaul)

Candidate of Psychological Sciences, Altai State University

The article discusses the functions of joint attention in relation to ontogenetic development of arbitrariness and social coordination of group activity

of preschool children. It is shown that joint attention reflects the ability to take into account the concepts of the intentions of other people, the recording of joint knowledge in accordance with joint intentions. That is, the child must internally represent, compare and distinguish episodes of joint information. The manifestation of joint attention on the part of children themselves without the participation of adults was studied. The answer and initiation of joint attention are considered not only in children-diads, but also in a wider group of preschool children. The study involved children of preschool age who were organized during the experiment in subgroups to jointly solve problematic situations. It is proved that in the structure of regulation of joint activity various forms of manifestation of joint attention ensure an afferent synthesis of the conditions of activity, facilitate the analysis of internal and external conditions of joint activity, the development of a program of bona fide activities.

Keywords: attention, joint attention, social cognition, orientation, orientational basis of actions, preschool age, joint activity.

Семантико-синтаксические характеристики текста задачи как мера выделения аналитических и холистических классов задач*

*А. Г. Тищенко**, *В. В. Апанович*** (Москва)

** студент, Государственный академический университет гуманитарных наук, Институт психологии РАН; e-mail: wolf1276@yandex.ru*

*** аспирант, Институт психологии РАН; e-mail: apanovi@schv@yandex.ru*

В настоящей работе обосновывается и проверяется предположение о существовании инвариантов в структуре текста для групп аналитических и холистических задач, что может обеспечивать их специфичность, накладывая специальные требования к процессу решения, а также вводить ограничения на существование промежуточных групп. Была проведена процедура сопоставления формальных характеристик текста с показателями энтропии и эмпирического распределения частот букв текста задачи с теоретическим распределением. На основе полученных результатов делается вывод о четком выделении двух классов задач, обладающих принципиально разными семантико-синтаксическими характеристиками, но имеющих потенциальную возможность быть трансформированными один в другой.

Ключевые слова: классы задач, формальные характеристики текста, решение задач.

Для изучения особенностей принятия решений субъектами с разным типом ментальности необходимо конструирование специальных задач, позволяющих давать оценку наблюдаемым различиям (Апанович и др., 2016). Выделение оснований для классификации задач возможно при обращении к их атрибутам. Отсюда можно производить разделение задач на группы, соответствующие аналитическому и хо-

* Исследование поддержано РНФ, проект № 14-28-00229.

листическому типу (Тищенко, Апанович, 2018). Также введение этих атрибутов позволяет описывать задачу как объект — знаковую модель проблемной ситуации (Фридман, 2001) и говорить о ее структуре. Исходя из этого, в нашем понимании задача может быть представлена только в виде текста, а конкретно — в виде словесной формулировки, которая, в свою очередь, может быть зафиксирована в текстовой форме (Гальперин, 2007). Тогда текстовая задача (в независимости от предметной области) является не каким-то специфическим видом задач, а зафиксированным в печатном виде высказыванием, разная степень формальности которого приводит к изменению характеристик текста. В связи с этой особенностью стоит указать, что существующее специальное направление, относящееся к текстовым задачам (word problem), представленное в области формальных систем (Hinsley et al., 1977; Sipser, 2006), реализуется как проблема степени формальности задач. Строго говоря, задача представлена не на математическом, а на естественном языке.

Одним из примеров значения степени формализации является проблема текстовых задач в математике и в теории обучения математике, известных как математические текстовые задачи (algebraic word problem). Также стоит отметить, что данная проблема и сходная с ней из общей математики проблема разрешимости не относятся к нам напрямую, однако в рамках проводимой работы могут быть даны некоторые разъяснения.

Нами было показано, что для субъекта при решении задачи существенным оказывается показатель энтропии текста, вносящий значимый вклад в затраты времени и в общую эффективность (Тищенко, Апанович, 2018). Эти результаты позволяют на основе формальных характеристик текста косвенно описывать процесс решения задачи, его специфику. Высокие показатели энтропии приводят к бо льшему времени решения и к снижению эффективности. А поскольку аналитические задачи характеризуются более высокими показателями энтропии, чем холистические, был сделан вывод о необходимости актуализации большего количества альтернатив при решении аналитических задач. По формальным характеристикам текста задачи можно говорить о выделении групп задач, принципиально различных по своей семантической структуре, так как энтропия текста значимо связана с частотностью букв (Shanon, 1951) и может позволять косвенно описывать синтаксическую структуру, на основе которой мы можем говорить о семантике (Падучева, 1974). Исходя из полученных результатов об особенностях решения задач с разными показателями энтропии, формулируется предположение о принципиально разных семантико-синтаксических характеристиках для аналити-

ческих и холистических задач, которые также являются дескрипторами принадлежности задачи к той или иной группе.

Так, *целью* настоящей работы является проверка существования в семантической структуре текста задач устойчивых конструкторов (инвариантов) и возможности выделять аналитические и холистические задачи на основе семантико-синтаксических характеристик.

Мы предполагаем, что существует специфическая семантико-синтаксическая конфигурация текста и она инвариантна у аналитических и холистических задач. В частности, конфигурация холистических задач предполагает существование одного дискретного объекта или контекста, взаимодействие с которым определяет жесткая экспликация инструкции. Она обеспечивает ограничение степени свободы, что может выражаться в низких показателях энтропии. В группе аналитических задач конфигурация предполагает существование множества объектов с отношениями между ними, степени свободы не ограничены эксплицированной инструкцией, и это может выражаться в высоких показателях энтропии. Из этого следует, что инструкция к аналитическим задачам не будет вносить существенный вклад в семантическую структуру и усложнять ее. А для холистических задач именно с тем, какая инструкция дается субъекту, будет связана процедура решения.

Под инструкцией нами понимаются эксплицитные условия, представляющие собой правила обращения к компонентам задачи, накладывающим определенные ограничения на множество доступных операций при решении и реализующим семантическую структуру на основе синтаксиса. Иными словами, они представляют собой описание объекта, его видимые параметры и характеристики.

Для достижения цели исследования первоочередную важность представляет анализ семантики самой задачи. В традиции, сложившейся в семантическом синтаксисе (Падучева, 1974), мы интерпретируем синтаксическую структуру как основание для изучения семантики путем изучения синонимии. В нашем исследовании этот подход применяется для оценки синонимичности задачи и ее инструкции. Осуществить это предлагается через анализ частотности букв и ее связи с энтропией, соответствием эмпирических распределений частот теоретическому у трех видов текстов: задачи, инструкции, их объединения.

Для определения и проверки возможных изменений семантики задач в случае изменения текста, а именно добавления к исходной задаче инструкции, предлагается проведение процедуры, состоящей из следующих шагов:

1. Количественное описание текстов с перечислением всех основных их составляющих.
2. Расчет частотности букв в текстах и сопоставление полученного распределения с теоретическим.
3. Определение наличия изменений в распределении частот в ситуации изменения текста задачи и сравнение этих изменений (в случае их наличия) для групп аналитических и холистических задач.

Методика

Анализ проводился на апробированном нами ранее (Тищенко и др., 2017) наборе задач. Процедура включала в себя вычисление формальных характеристик и их дальнейшее сопоставление.

1. Для количественного описания текста, в первую очередь, собирались основные численные показатели, представленные количеством букв, слов, знаков препинания, а также длиной строки, описываемой показателем колмогоровской сложности, равной количеству элементов. Значения определялись для трех групп: задачи, инструкции, их объединения. Затем проверялась связь полученных значений с показателями энтропии по коэффициенту корреляции Спирмена.
2. Далее составлялась матрица частотности букв для соответствующих групп текстов (задач, инструкций, их объединений). В качестве теоретического распределения использовалась база частот национального корпуса русского языка (НКРЯ). Процедура проводилась в два этапа. На первом вычислялись коэффициенты корреляции между теоретическими частотами и эмпирическими. Полученные значения распределялись на шесть групп, а именно: по три группы (задачи, инструкции, их объединения) для аналитических и холистических задач. На втором этапе значения коэффициентов корреляции усреднялись.
3. Поскольку взаимосвязь между эмпирическими и теоретическими распределениями частот очень сильно опосредуется объемом текста, проводилась регрессионная процедура, в которой рассчитывались регрессионные остатки найденных на предыдущем этапе показателей, являющихся независимыми от переменной «длина строки». Получившиеся показатели сравнивались между группами аналитических и холистических задач по критерию Манна–Уитни. Также проверялась корреляция между регрессионными остатками и показателями энтропии текста задачи.

Результаты и их обсуждение

1. Результаты сопоставления показателей энтропии с количественными показателями текста можно разбить на несколько групп.
 - а) Показатели длины строки задачи и длины строки инструкции не обладают значимой связью ($r=-0,138$, $p=0,360$), так же как и показатели длины строки инструкции с энтропией задачи ($r=-0,211$, $p=0,160$) и показатели длины строки задачи с энтропией инструкции ($r=-0,144$, $p=0,339$), что может говорить о некоторой универсальности инструкций для соответствующих им групп задач.
 - б) Показатели длины строки для объединенных задач и инструкций значимо связаны с общим показателем энтропии ($r=0,506$, $p<0,001$). А также показатели длины строки задачи значимо связаны с энтропией задачи ($r=0,876$, $p<0,001$). Из этих результатов мы можем делать вывод о большем объеме текста в группе аналитических задач.
 - в) Словарно-пунктуационный состав текста задачи значимо связан с показателями энтропии задачи ($r=0,89$, $p<0,001$). Эта связь может говорить о большем количестве объектов в группе аналитических задач.
2. Результаты первичного сопоставления эмпирических распределений частотности букв с теоретическим распределением можно разделить на три основные группы.
 - а) Была обнаружена гомогенность инструкций, что выражено в значимом соответствии их частотного распределения ($r=0,9$, $p<0,001$) теоретическому распределению. Это говорит о семантико-синтаксической близости инструкций, о том, что они с возможной сходностью описывают объекты и задают правила взаимодействия с ними.
 - б) У аналитических задач соответствие теоретическому распределению изначально выше ($r=0,73$, $p<0,001$) и незначительно увеличивается при добавлении инструкции. Данный результат позволяет делать вывод о незначительном вкладе эксплицитной инструкции в аналитические задачи.
 - в) У холистических задач соответствие теоретическому распределению минимально ($r=0,44$, $p<0,001$) и значимо увеличивается при добавлении инструкции. Подобное увеличение оценивается как значимый вклад инструкции в холистические задачи.

3. При анализе регрессионных остатков, независимых от переменной «длина строки» по критерию Манна–Уитни были получены значимые различия ($U=30$, $p<0,001$) для двух групп (аналитической и холистической). Этот результат позволяет говорить о сохранении разницы в распределении частот у аналитических и холистических задач, при этом сохраняется значимая прямая связь ($r=0,5$, $p<0,001$) между показателями энтропии и показателями частотности, после расчета регрессионных остатков. Это может свидетельствовать в пользу наличия некоторой инвариантной конструкции в семантической структуре текста задачи.

Заключение

Полученные результаты позволяют говорить, что существует класс задач (аналитических), в которых присутствует множество объектов, множество возможных связей и альтернатив, взаимоисключающих друг друга через противоречия и не элиминируемых эксплицитными условиями. И класс задач (холистических), в которых существует один объединенный объект, представленный некоторым контекстом, с заранее элиминированными альтернативами, сведенными к одному условию, и этим объектом выступает сама задача. В обоих случаях обращение к объекту определяется инструкцией, что может обеспечивать изменение процедуры решения. Это дает основания для выведения некоторых положений: 1) непересекающиеся классы эквивалентности (типы) не могут быть выделены для задач; 2) задачи, относящиеся к аналитическим, потенциально могут быть трансформированы в холистические и наоборот; 3) также существует потенциальная возможность применения сходных способов решения к обоим классам.

Литература

- Апанович В. В., Безденежных Б. Н., Знаков В. В., Самс М., Яаскелайнен И., Александров Ю. И.* Различия мозгового обеспечения индивидуального, кооперативного и конкурентного поведения у субъектов с аналитическим и холистическим когнитивными стилями // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 2.
- Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. / М.: Наука, 1974.
- Тищенко А. Г., Апанович В. В., Арутюнова К. Р.* Конструирование блоков аналитических и холистических задач и эмпирическая проверка их валидности // VII Международная конференция молодых

- ученых «Психология – наука будущего» / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Тищенко А. Г., Апанович В. В.* Энтропия текста и формальные показатели решения как критерий выделения аналитических и холистических групп задач // Восьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 17–21 октября 2018 г.
- Фридман Л. М.* Основы проблемологии. М.: URSS, 2001.
- Гальперин И. П.* Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотип. М.: Ком-Книга, 2007.
- Hinsley D. A., Hayes J. R., Simon H. A.* From words to equations meaning and representation in algebra word problems / P.A. Carpenter, M.A. Just (Eds) // Cognitive processes in comprehension. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1977.
- Shannon C. E.* Prediction and Entropy of Printed English // Bell System Technical Journal. V. 30. 1951. P. 50–64.
- Sipser M.* Introduction to the theory of computation. 2nd ed. // Thompson Course Technology. 2006.

Semantic-syntactic characteristics of text of a task as measure of selection analytic and holistic class of tasks

*A. G. Tishchenko**, *V. V. Apanovitch*** (Moscow)

* State Academic University of Humanitarian Sciences,
Institute of Psychology of RAS

** Postgraduate Student, Institute of Psychology of RAS

We have substantiated and verified the assumption of the existence of invariants in the structure of the text for groups of analytical and holistic tasks, which can ensure their specificity and impose special requirements on the decision process, and impose restrictions on the existence of intermediate groups. The procedure of comparison of the formal characteristics of the text with the entropy parameters and the empirical distribution of the letter frequencies of the text of the problem with the theoretical distribution was carried out. On the basis of the obtained results, the conclusion is made about the clear identification of two classes of problems that have fundamentally different semantic and syntactic characteristics, but have the potential to be transformed into one another.

Keywords: class of tasks, the formal characteristics of text, solve problems.

Восприятие европейцами индивидуально-психологических характеристик человека другой расы по фотографии его лица с регистрацией глазодвигательной активности воспринимающих

*Л. А. Хрисанфова**, *И. А. Сибирякова***, *О. М. Сергеева****,
*Н. Ю. Ярыгина***** (Нижегород)

** кандидат психологических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; e-mail: l.hri@mail.ru*

*** Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; e-mail: sibiryakova. irina@fsn.unn.ru*

**** кандидат психологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; e-mail: sergeeva_oxana@bk.ru*

***** Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; e-mail: natyarigina@gmail.com*

Изучались особенности движения глаз у наблюдателей-европеоидов в процессе рассматривания лиц людей монголоидной расы. Перед испытуемыми европеоидами ставились различные постановочные задачи: оценить активность, напряженность, добродушие и привлекательность монголоида по фотографии его лица. Стимульным материалом послужили фотографии лиц реальных представителей монголоидной расы в возрасте от 20 до 30 лет. В качестве испытуемых-оценщиков выступили 16 представителей европеоидной расы в возрасте от 18 до 22 лет. В исследовании преследовались цели выявить специфику восприятия лица человека другой расы, обнаружить особенности тактики рассматривания лица человека в условиях различных постановочных задач. Было установлено, что: а) в процессе восприятия лиц монголоидов наблюдается расширенная схема рассматривания лица: лицо в целом—правый глаз—левый глаз—нос—рот;

Исследование профинансировано грантом РФФИ № 18-013-00828 «Индивидуально-психологические предикторы обнаружения эмоциональных объектов в микроинтервалах времени» (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского).

б) при оценке активности человека по фотографии его лица наибольшая длительность фиксации взгляда наблюдалась в зоне правого глаза, при оценке напряженности — в зоне носа и правого глаза; в) при оценке добродушия и привлекательности дольше всего рассматривается все лицо целиком.

Ключевые слова: восприятие лица, монголоидная раса, ай-трекинг, активность, напряженность, привлекательность, измерения лица.

В центр исследования положена идея соответствия характеристик целостного перцептивного образа воспринимаемого человека и особенностей строения его лица.

Структура лица определяется влиянием как биологических, так и социальных факторов, действующих опосредованно через биологические структуры организма и, соответственно, через формирование индивидуально-психологических качеств. Результаты проведенных ранее нами эмпирических исследований с использованием фотографий мужских лиц европеоидной расы свидетельствуют о том, что существуют лицевые признаки, коррелирующие с базовыми индивидуально-психологическими характеристиками человека. К таким признакам относятся пропорциональность лица по вертикали и билатеральная симметрия лица, обнаруживающие взаимосвязь с активностью, напряженностью, социальностью как индивидуально-психологическими качествами (Хрисанова, 2011). При восприятии лица незнакомого человека происходит неосознаваемая ориентация воспринимающего на перечисленные выше пропорции лица и при оценке личности с ними связываются вполне определенные характеристики человека. Опираясь на литературные данные и на собственные исследования, авторы настоящей публикации выдвинули предположение, что некоторые лицевые признаки (например, пропорциональность лица по вертикали и билатеральная симметрия лица) являются универсальными индикаторами внешнего проявления базовых психологических качеств для всех типов лиц. В процессе восприятия наблюдатель «считывает» необходимую информацию с лица человека, как правило на ней не фиксируясь сознательно. Как следствие, можно предположить, что влияние таких признаков на формирование перцептивного образа Другого будет прослеживаться вне зависимости от того, какое конкретно лицо рассматривается наблюдателем.

Реализация задачи обнаружения вклада различных лицевых особенностей в формирование перцептивного образа воспринима-

емого человека является в методическом плане достаточно трудной. В определенной степени метод окулографии (запись и анализ окуломоторной активности [взора] воспринимающих людей) позволяет изучить влияние внешнего контекста на процесс восприятия и, следовательно, формирования образа. Известно, что взор человека является функциональным органом восприятия, или, иными словами, системой активного зрительного восприятия. Исследование взора человека позволяет получить самую разнообразную информацию о человеке (Белопольский, 2008). Кроме того, фиксация взгляда на определенных точках объекта будет меняться в зависимости от поставленных перед испытуемым задач (Ярбус, 1965; и др.). Такие записи движений глаз позволяют выделить значимые элементы объекта при решении конкретной задачи, которую в данный момент решает наблюдатель.

Принимая во внимание изложенные факты и поставленные в описываемом исследовании задачи, мы провели исследование восприятия лиц представителей монголоидной расы людьми европеоидной расы, в зависимости от поставленных перед наблюдателями-европейцами различных задач, выполняемое с одновременной регистрацией их глазодвигательной активности.

Цель исследования: изучение особенностей глазодвигательной реакции испытуемых-европеоидов при рассматривании фотографии лица человека монголоидной расы в условиях различных решаемых ими задач.

Объект исследования: восприятие лиц представителей монголоидной расы.

Предмет исследования: особенности глазодвигательной реакции испытуемых-европейцев, проявляющиеся в исследуемых показателях взора (характеристики первого взора, величина последующих фиксаций).

Гипотеза 1: в процессе движения глаз наблюдателя при восприятии лица человека монголоидной расы будет реализовываться общая, «универсальная» схема рассматривания лица по треугольнику, вершины которого располагаются в зонах глаз и носа/рта.

Гипотеза 2: характеристики взора, зафиксированного в различных зонах рассматриваемого лица, будут отличаться в случае различий в поставленной задаче оценивания.

Стимульный материал исследования

Стимульным материалом исследования выступил набор из 47 черно-белых фотографических изображений в анфас лиц 15 мужчин

и 32 женщин, являющихся представителями монголоидной расовой группы. Все фотоизображения приведены к общему стандарту: 1380×1050 pixel (при разрешении экрана 1680×1050 pixel).

Характеристика выборки испытуемых

В исследовании приняло участие 16 студентов-европеоидов (12 юношей и 4 девушки) Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (ННГУ им. Н. И. Лобачевского) в возрасте от 18 до 22 лет (средний возраст – 20 лет).

Описание процедуры исследования

В исследовании использовались установка видеорегистрации движений глаз SMI Hi-Speed 1250 и ее штатное программное обеспечение iVew-X 3.0 и Experiment Centre 3.0. Исследование проводилось по следующему алгоритму: 1) процесс калибровки и ознакомление с инструкцией (один раз в начале исследования); 2) предварительное сообщение испытуемому на экране компьютера о том, какое качество предстоит оценить («активность», «напряженность», «добродушие» или «привлекательность»); 3) предъявление фиксационной точки (время экспозиции – 1 с) в центре экрана; 4) предъявление фотографического изображения лица (время экспозиции – 2 с); 5) оценка качества путем выбора соответствующего балла по представленной на экране монитора пятибалльной шкале (при помощи «мышки»). Далее процедура повторялась с пункта (2). Всего было записано 47 проб для каждого испытуемого (752 экспериментальные ситуации).

Испытуемые руководствовались следующим пониманием оцениваемых индивидуально-психологических характеристик (качеств) человека.

Под «активностью» человека понималось интегральное качество личности, проявляющееся как инициативное и деятельностное отношение к жизни, деятельности, людям и их проблемам, как стремление и способность человека преобразовывать окружающую среду, отношения с другими людьми и себя лично.

«Напряженность» человека в контексте данного исследования определялось как чувство натяжения, напряжения, общее ощущение нарушения равновесия и готовности изменить поведение при встрече с каким-либо угрожающим ситуативным фактором, при этом обязательно присутствует возрастание и сила переживаемых эмоций и реакций.

«Привлекательность» человека рассматривалась как обладание приятным внешним видом, вызывающим симпатию, располагающим к себе, а «добродушие» – как беззлобность, не агрессивность.

Обработка и анализ данных

Анализ данных об окуломоторной активности испытуемых осуществлялся с помощью штатного программного обеспечения ВеGaze 3.0.

Для каждого фотоизображения лица была выполнена разметка зон интереса (Area of Interest – AOI): свободное пространство, правый глаз, левый глаз, нос, переносица, рот.

В качестве характеристик глазодвигательной активности были использованы следующие:

- 1) очередность рассматривания зон лица при первом взоре;
- 2) длительность фиксаций и саккад (в среднем по выборке) по зонам лица в зависимости от поставленной задачи оценивания;

1) Очередность рассматривания зон лица при первом взоре.

Данные о направленности взора оценивались по параметру «Sequence» (Order of gaze hits into the AOIs based on Entry time [Duration before], lowest entry time = first in sequence).

В результате анализа полученных данных было обнаружено, что испытуемые-мужчины и испытуемые-женщины в первый момент времени рассматривают целиком все лицо. Затем устанавливается следующая очередность рассматриваемых зон: правый глаз, нос/левый глаз, рот. На фоне общей стратегии очередности рассматривания зон лица наблюдаются некоторые различия: испытуемые-мужчины чаще фиксируют первый взор в зоне рта и носа на женских фотографиях, а испытуемые женщины – в зоне рта на мужских фотографиях.

2) Длительность фиксаций и саккад (в среднем по выборке) по зонам лица, в зависимости от поставленной задачи оценивания.

Длительность всех фиксаций и саккад в среднем по выборке для каждой зоны лица (зоны интереса) определялась по процентной доле (%) показателя Net Dwell Time Average программы Ве Gaze. При этом учитывалась задача, которая стояла перед испытуемыми-оценщиками: оценка выраженности характеристик (качеств), а именно – активности, напряженности, добродушия или привлекательности.

Полученные данные свидетельствуют, что испытуемые-европейцы, рассматривая лицо человека монголоидной расы, предпочитают рассматривать все лицо целиком в течение всего времени его

экспозиции. Но, тем не менее, обнаружена разница в продолжительности всех фиксаций и саккад на разных зонах лица, наблюдаемая при различных установках на оценку того или иного качества у человека на фотографии. Так, при оценке активности человека по изображению лица на фотографии наибольшая длительность фиксации отмечается в зоне правого глаза (24,1% от длительности всех фиксаций и саккад в среднем по выборке, достоверность различий с другими зонами лица: t -критерий = $-4,114$, при уровне значимости $0,001$). При оценке напряженности максимум длительности фиксаций и саккад смещается в зону носа (22,8% от длительности всех фиксаций и саккад в среднем по выборке, достоверность различий с другими зонами лица: t -критерий равен $-2,873$, при уровне значимости $0,009$), но зона правого глаза остается при этом актуальной для испытуемых (20,2%).

При оценке добродушия (значение t -критерия = $5,948$, при уровне значимости $p=0,000$) и привлекательности ($t=8,097$ при $p=0,000$) дольше всего рассматривается все лицо целиком, каких-либо предпочтений по фиксации на зонах глаз, носа и рта не обнаружено.

Выводы

1. Испытуемые-европейцы рассматривают лица монголоидной расы по расширенной схеме (лицо в целом—правый глаз—левый глаз—нос—рот), в отличие от типичной схемы, представленной треугольником, вершины которого расположены в зоне глаз и носа (или рта).
2. При оценке активности монголоида по его фотографии наибольшая длительность фиксаций наблюдалась в зоне правого глаза. При оценке характеристики «напряженность» максимум длительности фиксаций и саккад смещается в зону носа, но зона правого глаза остается при этом актуальной для испытуемых-оценщиков.
3. При оценке качеств «добродушие» и «привлекательность» дольше всего по времени рассматривается все лицо в целом. Предпочтений по фиксации на зонах глаз, носа и рта не обнаружено.
4. Относящиеся к представителям европейской расы оценщики-мужчины-европейцы чаще фиксируют первый взор в зоне рта и носа на представленных на фотографиях женских лицах монголоидного типа, а оценщики-женщины-европеоиды — на зоне рта фотографий лиц мужчин-монголоидов.

Заключение

Главным итогом проведенного исследования можно считать подтверждение наличия общей схемы рассматривания лица. Типичная схема рассматривания лица определяется универсальной структурой лица человека и достаточностью объема информации, заложенной в эту структуру. Однако наличие особенностей строения лица у людей другой расы определяет расширение схемы рассматривания лиц — увеличивается число рассматриваемых зон, что является логичным, поскольку рассматривание незнакомого объекта предполагает получение как можно больше информации о нем. При различных постановочных задачах, направленных на оценивание различных индивидуально-психологических характеристик у представленного на фотографии человека, наблюдается различие длительности фиксации взгляда наблюдателя по отдельным зонам лица. Эти результаты подтверждают выдвинутую гипотезу, согласно которой в процессе восприятия лица другого человека наблюдатель, оценивая определенные базовые индивидуально-психологические особенности человека, имплицитно опирается на особенности конкретных параметров лица человека.

Литература

- Белопольский В. И.* Функциональная структура и динамика взора человека: Автореф. ... докт. психол. наук. М., 2008.
- Хрисанфова Л. А.* Структурные особенности мужского и женского лица во взаимосвязи с индивидуально-психологическими особенностями человека // Современная экспериментальная психология / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011 Т. 2. С. 461–473.
- Ярбус А. Л.* Роль движений глаз в процессе зрения. М.: Наука, 1965.

Perception of individual psychological characteristics of a person of Mongoloid race from photographic image of his face by Europeans with the use of sensomotoric instruments

*L. A. Khrisanfova**, *I. A. Sibiryakova***, *O. M. Sergeeva****,
*N. J. Yarygina*****

* Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
N. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

** N. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

*** Candidate of Psychological Sciences, N. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

**** N. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

The aspects explored are psychological characteristics attributed to each face by subjects of the experiment. These characteristics include activity, tenseness and sociability. Photographic images of individuals of Mongoloid race aged between 20 and 30 were used as the stimulus material. To achieve a thorough understanding of the main factors that influence perception of human face, we registered ocular motor activity of all the subjects during the experiment. Individuals of Caucasian race assessed individual-psychological characteristics of Mongoloids from photographs of their faces. The Caucasian Group consisted of 16 students in age from 18 to 22 years. The aim of this research is to identify the singularities of perception of faces of another race, to identify the impact of tasks on staging tactics examining face. It was discovered that: a) While observing Mongoloid faces subjects of the experiment were more likely to gaze around the displayed faces with their eye movements track wandering over a wider area that forms a circle: face as a whole—right eye—left eye—nose—mouth; b) in assessing activity of a person from a photograph of their face the greatest duration of gaze fixation was observed in the right eye area, when assessing tenseness – in the area of the nose and right eye; c) while assessing good nature and attractiveness people concentrate on the observed face as a whole, not fixating their gaze of other areas for long; d) the greater the Garson's index is, the more eye fixations tend to be found in the left-eye area; the smaller it is, the more fixations are found in the right-eye area; e) the number of facial zones considered depends on an observer.

Keywords: perception of face, eyetracker, eye movements, activity, tenseness, sociability.

Динамика семантических и физических характеристик памяти

Н. Г. Шпагонова (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: shpagonova@mail.ru*

Представлены результаты экспериментального исследования динамики семантических и физических характеристик эталона памяти: воспроизведения длительности эталона (устойчивость и точность) и структуры семантического описания в процессе его хранения в долговременной памяти. Выявлена связь физических и семантических характеристик эталона от 20 мин. до 70 дней хранения. Выявлена динамика семантических характеристик эталона долговременной памяти, которая проявилась в стабильности набора семантических признаков (12) и в монотонном характере изменения величин этих признаков в процессе хранения эталона в долговременной памяти. Наилучшим образом семантические признаки описания мнемического образа различаются в первую неделю хранения от 20 мин до 7 дней, с последующим монотонным изменением. Мнемический образ не меняет свою структуру описаний, это описание ведется в едином семантическом коде.

Ключевые слова: эталон, воспроизведение длительности, семантическое описание, долговременная память, семантический дифференциал.

Динамические характеристики эталона памяти для стимулов разных модальностей исследовались достаточно подробно в работах отечественных и зарубежных авторов (Данилова, Моллон, 2007; Корж, 2009; Шпагонова, 2009; Magnussen, Dyrnes, 1994; Lages, Treisman, 1998). Показано, что с течением времени хранения эталона в памяти забывания не происходит, а, наоборот, увеличивается точность опозна-

Исследование выполнялось в соответствии с госзаданием № 0159-2018-0010.

ния, различения. Наблюдатели могут хранить в памяти значительное количество эталонов и производить сравнение предъявленного физического стимула с эталоном, хранящимся в памяти, с высокой точностью. Установленные факты динамики характеристик эталона в процессе хранения не зависели от модальности и особенностей стимулов (громкость, цвет, длительность, длины линий), а также от методов исследования: узнавания, воспроизведения, психофизических методов. Полученные в лабораторных условиях закономерности динамики психофизических характеристик кратковременной и долговременной памяти, которые проявляются в нестабильности величины субъективного эталона и одновременно в устойчивости таких характеристик, как точность различения и дифференциальные пороги, подтверждаются в естественных условиях, с включением экологического фактора – гравитоинерционных воздействий (Шпагонова, 2009). В экспериментальном исследовании, посвященном динамике физических и семантических характеристик эталона памяти, рассматривались два аспекта, связанных с запоминанием и сохранением сенсорно-перцептивной информации: динамика характеристик воспроизведения длительности эталона (устойчивость и точность) и динамика структуры семантического описания в процессе его хранения в долговременной памяти (Шпагонова, Садов, Петрович, 2014, 2016). Результаты исследования показали наличие нелинейного тренда при воспроизведении длительности эталона в процессе отдельного эксперимента, что не является процессом научения, поскольку динамика длительности нажатий в процессе эксперимента не менялась во всех сериях. Выявлена недооценка длительности эталона в среднем по группе и у большей части испытуемых во всех экспериментальных сериях (от 20 мин. до 28 дней). Наибольшие изменения величины эталона происходили в самом начале хранения от 20 мин. до 7 дней. С увеличением длительности хранения эталона в долговременной памяти происходило уменьшение величины стандартного отклонения в среднем по группе, достигая минимального значения на 7 сутки хранения. С увеличением длительности хранения в долговременной памяти эталон оценивался как менее приятный, звонкий, знакомый, известный, живой, более длинный, утомительный, законченный.

Цель исследования: выявить динамику семантических и физических характеристик эталона в процессе его хранения в долговременной памяти. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

1. Выявить связь физических и семантических характеристик эталона в процессе его хранения в долговременной памяти.

2. Определить качественную и количественную структуру семантического описания эталона (мнемического образа), выявить динамику семантического описания в процессе его хранения в долговременной памяти.

Процедура и методы исследования. В качестве эталона был выбран звуковой фрагмент — пение птиц в лесу (2449 мс). Этот фрагмент оценивался как наиболее приятный, естественный, известный, сильный, по сравнению с другими фрагментами: мяуканье кошки, лай собаки, крик кукушки, звук падающей капли, удар топора по дереву, крик моржа, бой часов, которые использовались при исследовании связи семантического описания естественных звуковых фрагментов с показателями эффективности воспроизведения длительности (Садов, Шпагонова, 2008). Известно, что эмоциональное отношение к эталону оказывает влияние на его запоминание (Корж, 2009).

В исследовании использовались следующие методы: семантический дифференциал (СД) для описания звукового фрагмента, сконструированный ранее для описания естественных, реверсивных и тональных звуковых фрагментов (Садов, Шпагонова, 2008), метод воспроизведения длительности. Исследование проводилось индивидуально и состояло из десяти серий. В первой серии испытуемому предъявлялся эталон, который он мог прослушать несколько раз, чтобы запомнить его длительность. Затем испытуемый оценивал характеристики звукового фрагмента по пунктам СД, состоящего из 49 пар прилагательных. Каждая пара прилагательных описывает признак, выраженность которого определяется по 7-балльной шкале (от -3 до $+3$). Через 20 мин после запоминания эталона испытуемый воспроизводил длительность запомненного эталона нажатием на клавишу. Вторая серия проводилась через 7 дней после первой. Задача испытуемого состояла в том, чтобы вспомнить длительность эталона, заполнить бланк СД, воспроизвести длительность звука нажатием на клавишу. Следующие серии были аналогичны второй серии и проведены через 14, 21, 28, 37, 42, 49, 63, 70 дней после первой серии. Во всех сериях были вычислены средние значения воспроизведения длительности эталона, признаков СД и их стандартные отклонения. Эти показатели характеризуют устойчивость и точность воспроизведения длительности эталона и его описание.

Первая задача исследования заключалась в выявлении связи физических характеристик эталона: воспроизведение длительности и стандартного отклонения (вариабельность процесса воспроизведения длительности) эталона с семантическим описанием для каждой из 10 серий.

Результаты динамики физических и семантических характеристик эталона в процессе его хранения в долговременной памяти от 20 мин. до 70 дней аналогичны полученным ранее результатам от 20 мин. до 28 дней хранения (Шпагонова, Садов, Петрович, 2014). Показано, что наибольшие изменения величины эталона происходили в самом начале хранения от 20 мин. до 7 дней. С увеличением длительности хранения эталона в долговременной памяти происходило уменьшение величины стандартного отклонения, увеличивалась точность воспроизведения. С увеличением длительности хранения в долговременной памяти эталон оценивался как менее приятный, звонкий, знакомый, известный, живой, более длинный, утомительный, законченный.

Результаты корреляционного анализа показали, что через 20 мин. после запоминания эталона, длительность воспроизведения связана с тонкостью звучания. Чем тоньше кажется звук, тем больше его воспроизводимая длительность. (Может быть, это связано с физикой звука, резонансные звуки существуют дольше, чем шумовые.) Вариабельность процесса увеличивается, если звук оценивается испытуемыми как более встречаемый, широкий и живой.

Через неделю после запоминания (7 дней) воспроизводимая длительность больше для звука, который запомнился как торжествующий (менее унылый). Вариабельность процесса воспроизведения увеличивается, если звук оценивается как нестандартный, незаконченный, привлекающий, легкий.

Через 2 недели после запоминания (14 дней) вариабельность процесса воспроизведения увеличивается, если звук оценивается как отталкивающий, утомительный, раздражающий, нежелаемый, тяжелый.

Через 3 недели (21 день) воспроизводимая длительность уменьшается с увеличением мелодичности звука. Вариабельность увеличивается для нестандартных и незаметных звуков.

Через 4 недели хранения (28 дней) длительность воспроизведения эталона уменьшается, если звук воспринимается как плавный, тупой, нелокализованный и увеличивается при оценке «торжествующий». Вариабельность увеличивается для малых по площади и уменьшается для нелокализованных и размытых звуков.

Через 5 недель после запоминания (35 дней) длительность воспроизведения больше для звонких и меньше для нелокализованных звуков. Вариабельность уменьшается для нелокализованных и тупых звуков.

Через 6 недель после запоминания (42 дня) длительность воспроизведения больше для малообъемных и обрывистых звуков. Связи признаков описания и вариабельности не обнаружено.

Через 7 недель (49 дней) – связи признаков описания и воспроизводимой длительности не обнаружено. Вариабельность уменьшается для малообъемных и увеличивается для тусклых и мажорных звуков.

Через 9 недель (63 дня) после запоминания эталона связи признаков описания и воспроизводимой длительности не обнаружено. Вариабельность уменьшается для обычных и нелокализованных звуков и увеличивается, если звук оценивается как нестандартный.

Через 10 недель (70 дней) длительность больше для четких звуков, а для размытых, мелодичных, мягких, тупых и заметных – меньше. Вариабельность больше для коротких звуков.

Следует отметить, что вариабельность воспроизведения длительности эталона связана с большим количеством семантических признаков, чем длительность воспроизведения. Длительность воспроизведения эталона увеличивается, если звук оценивается как более тонкий, звонкий, обрывистый, четкий, малообъемный и торжествующий. И уменьшается, если звук оценивается как мелодичный, плавный, тупой, нелокализованный, размытый, мягкий, заметный. Вариабельность воспроизведения длительности эталона увеличивается при оценивании звука как встречаемый, широкий, живой, нестандартный, незаконченный, отталкивающий, утомительный, тяжелый, короткий. И уменьшается у звука, оцениваемого как нелокализованный, размытый, тупой, малообъемный. Длительность воспроизведения и вариабельность эталона связана с большим количеством физических признаков описания, чем эмоциональных.

Вторая задача исследования заключалась в определении качественной и количественной структуры семантического описания (эталона) мнемического образа, динамики семантического описания в процессе его хранения в долговременной памяти.

Обработка результатов по второй задаче осуществлялась с помощью дискриминантного анализа, который позволил выявить набор переменных (модель) для различения на классы (этапы хранения эталона). Модель – это набор семантических признаков описания мнемического образа, по которым можно различить длительность хранения эталона (через 20 мин, 7, 14, 21, 28 дней). В модели обнаружено большое количество семантических признаков, которые являются несущественными для различения этапов хранения. Это такие признаки мнемического образа, которые не изменяются в процессе хранения в долговременной памяти. Был определен набор семантических признаков, который является существенным для разделения этапов хранения. Это набор признаков описания, который подвержен динамике и изменениям в процессе хранения мнемического образа. Показано, что дискриминантная способность канонической

функции достоверна на высоком уровне ($p < 0,0018$). Максимальной дискриминантностью обладает модель, содержащая 12 семантических признаков. Стандартизованные канонические коэффициенты позволяют оценить вклад переменных (семантических признаков) в каноническую функцию. По значениям этих коэффициентов можно определить семантические признаки, которые максимально подвержены динамике и имеют различия в процессе хранения от 20 мин до 28 дней. Вклад в каноническую функцию вносят следующие семантические признаки: известный—неизвестный, стандартный—нестандартный, длинный—короткий, утомительный—неутомительный, встречаемый—невстречаемый, размытый—четкий, высокий—низкий, пугающий—расслабляющий, комфортный—некомфортный, яркий—тусклый, слабый—сильный, узкий—широкий. Эталон в процессе хранения в долговременной памяти оценивается, как менее известный, четкий, встречаемый, расслабляющий, яркий, комфортный. И более стандартный, утомительный, длинный, сильный, высокий. По средним значениям канонической дискриминантной функции можно оценить ее роль в различении этапов хранения (серий). Чем меньше значение этой функции, тем выше вероятность того, что описание относится к более длительному хранению образа. Значения дискриминантной функции монотонно связаны с длительностью хранения эталона (напоминает кривую забывания). Наилучшим образом различаются семантические признаки описания мнемического образа в первую неделю хранения от 20 мин до 7 дней. Далее оценка семантических признаков эталона монотонно изменяется. Эталон становится более стандартным, утомительным, длинным, сильным, высоким. И менее известным, четким, встречаемым, расслабляющим, ярким, комфортным. Уменьшается интенсивность описания признаков, приближаясь к середине шкалы семантического дифференциала.

Наличие только одной канонической функции и монотонный характер ее поведения дает основание полагать, что мнемический образ не меняет свою структуру описаний в течение 28 дней хранения и это описание ведется в едином семантическом коде. Дополнительная экспериментальная проверка показала, что мнемический образ сохраняет свою структуру описания до 63 дней.

Таким образом, в нашем исследовании выявлена связь между физическими и семантическими характеристиками эталона в процессе его хранения в долговременной памяти. Выявлена динамика семантических характеристик эталона долговременной памяти, которая проявилась в стабильности набора семантических признаков (12) и в монотонном характере изменения величин этих признаков

в процессе хранения эталона в долговременной памяти. Метод СД позволил использовать семантические показатели для описания динамики эталона, выявить особенности семантического пространства в процессе хранения эталона в долговременной памяти.

Литература

- Данилова М. В., Моллон Д. Д.* Психофизический метод для измерения порогов различения – сравнение двух одновременно предъявляемых стимулов // *Психофизика сегодня* / Под ред. В. Н. Носуленко, И. Г. Скотниковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 26–36.
- Корж Н. Н.* Личностные черты невербальной памяти (психофизический контекст) // *Междисциплинарные исследования памяти* / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Н. Корж. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 157–178.
- Садов В. А., Шпагонова Н. Г.* Роль семантики в воспроизведении длительностей звуковых фрагментов // *Экспериментальная психология*. 2008. № 1. С. 34–43.
- Шпагонова Н. Г.* Психофизические характеристики памяти в лабораторных и естественных условиях // *Междисциплинарные исследования памяти* / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Н. Корж. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 179–198.
- Шпагонова Н. Г., Садов В. А., Петрович Д. Л.* Динамические аспекты хранения физической и семантической информации // *Естественно-научный подход в современной психологии*. 20–21 ноября 2014 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 475–480.
- Шпагонова Н. Г., Садов В. А., Петрович Д. Л.* Сохранение физической и семантической информации в долговременной памяти // *Международная научная конференция памяти Е. Н. и Ч. А. Измайлова «Человек–нейрон–модель»: Сборник материалов*. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2016. С. 216–221.
- Lades M., Treisman M.* Spatial frequency discrimination: visual long-term memory or criterion setting? // *Vision Research*. 1998. № 38. Т. 4. P. 557–572.
- Magnussen S., Dyrnes S.* High-fidelity perceptual long-term memory // *Psychological Science*. 1994. № 5. P. 99–102.

Dynamics of semantic and physical characteristics of memory

N. G. Shpagonova (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology of RAS

Experimental research results of characteristics of memory standard stimulus are presented: duration reproducing of the standard stimulus (stability and accuracy) and structure of the semantic description of the standard stimulus during its storage in long-term memory. Correlation of physical and semantic characteristics of a standard stimulus from 20 minutes to 70 days of storage is revealed. Dynamics of semantic characteristics of a standard stimulus of long-term memory is revealed. This dynamics was shown in stability of set of semantic signs (12) and in the monotonous nature of change of signs values during standard stimulus storage in long-term memory. Best semantic signs of the description of a mnemonic image differ in the first week of storage from 20 minutes to 7 days, with the subsequent monotonous change. The mnemonic image doesn't change the structure of descriptions; this description is kept in a uniform semantic code.

Keywords: standard stimulus, reproduction of duration, semantic description, long-term memory, semantic differential.

Раздел VIII

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Изменение психофизиологических характеристик простого действия после встраивания его в последовательность действий категоризации

*Б. Н. Безденежных**, *Е. М. Гулина***, *А. Б. Пальцев****
(Москва)

** доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН;
email: bezbornik@mail.ru*

*** Институт психологии РАН*

**** Государственный академический университет гуманитарных наук*

Изучалось взаимодействие функциональных систем, обеспечивающих последовательные действия категоризации предъявляемых в случайном порядке на экране монитора изображений животных или предметов. С этой целью в последовательность действий категоризации, а именно всегда после определенной категоризации, встраивали простой зрительный сигнал (световую полосу), служивший в предшествующей серии сигналом для простого действия, и в ответ на который испытуемый нажимал ту же кнопку, как и в простом действии. В результате характеристики первоначально простого действия (время действия и связанный с ним электрический потенциал мозга) стали похожими на характеристики действий категоризации. После повторного проведения серий с простым действием восстановление его исходных характеристик происходило в течение нескольких реализаций. Предполагается, что системы, обеспечивающие простое действие включаются в набор активных систем (домен), обеспечивающих категоризацию, причем реализация каждого действия категоризации начинается с вычленения из домена нужного для этого действия набора систем. Домен остается активным некоторое время после завершения поведения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00472 и ФАНО РФ № 0159-2018-000.

Ключевые слова: функциональная система, последовательные действия, категоризация, домен функциональных систем поведения, время действия, ССП.

Любое поведение состоит из последовательных дискретных структурированных предметных действий. Проблема последовательных действий в поведении интересует исследователей уже около века (Lashley, 1961). За это время экспериментальным путем был выявлен целый ряд закономерностей, из которых наиболее значимыми являются следующие: 1) в последовательных действиях подготовка к последующему действию завершается перед окончанием предшествующего действия (Lashley, 1961; Ricker et al., 1999; и мн. др.); 2) на характеристики текущего действия (время его реализации и связанный с ними электрический потенциал мозга, ССП) влияет контекст всего поведения (Безденежных, 2004; Gentner, 1982; Shaffer, 1982; Verleger, 1991); 3) при многократном циклическом выполнении поведения происходит его совершенствование, что проявляется в исчезновении ошибочных действий, сокращении и стабилизации времени выполнения действий (Безденежных, Пашина, 1987); 4) некоторые последовательные действия группируются (Рокотова и др., 1971); 5) при совершении ошибочного действия восстанавливаются первоначальные характеристики всех действий поведения (Безденежных, Пашина, 1987).

Для объяснения этих данных мы исходили из гипотезы В. Б. Швыркова, основанной на теории функциональных систем П. К. Анохина, согласно которой каждое действие обеспечивается активностью набора взаимодействующих функциональных систем (Швырков, 1995). Это взаимодействие обеспечивается за счет синаптических контактов нейронов, принадлежащих данным системам (Безденежных, 2004). На основании описанных выше закономерностей мы выдвигаем предположение о том, что функциональные системы, обеспечивающие все последовательные действия поведения, связаны между собой с помощью синаптических контактов. Формируется домен из функциональных систем поведения, и для реализации отдельного действия из этого домена выбирается набор определенных систем.

Задача данной работы — доказать, что действия в поведении формируются из функциональных систем, вычлененных из набора (домена) систем всего поведения.

С этой целью нами предложена процедура встраивания простого действия в последовательность действий в задаче категоризации с последующим извлечением этого действия из задачи катего-

ризации. Будут сравниваться характеристики простого действия до, во время и после встраивания его в задачу категоризации. Предполагается, что системы простого действия сформируют связи с системами действий категоризации, т. е. встроятся в домен функциональных систем для выполнения задачи категоризации.

Методика

В экспериментах участвовали 50 добровольцев — 20 мужского и 30 женского пола в возрасте от 18 до 22 лет. Они сидели перед экраном монитора в удобной для них позе и обеими руками держали пульт. Задача участников эксперимента заключалась в том, чтобы при появлении на экране монитора в течение 50 мс определенной фигуры — животных или предметов — как можно быстрее нажать соответствующую (правую или левую) кнопку на пульте. Выбор кнопки для каждого испытуемого выбирался случайно. Эксперимент состоял из нескольких серий. Между сериями испытуемые отдыхали в течение 2–3 минут, беседуя с экспериментатором на свободную тему.

В 1-й серии — простое действие — на экране монитора через каждые 1,5 секунды 30 раз появлялась светлая вертикальная полоска, в ответ на которую испытуемые быстро нажимали кнопку «А».

Во 2-й серии — задача категоризации — через каждые 1,5 секунды в течение 50 мс на экран монитора предъявляли изображение животного или технического средства. Испытуемые в ответ на предъявление изображения животного (предмета) быстро нажимали клавишу «А», а на предъявление изображения предмета (животного) они быстро нажимали клавишу «Б». Изображения предъявлялись в случайном порядке по 30 раз каждое.

В следующих 3–5-х сериях в случайную последовательность изображений для категоризации встраивали вертикальную полосу после изображения, в ответ на предъявление которого испытуемый нажимал кнопку «А». В ответ на предъявление полосы испытуемые, как и в 1-й серии, быстро нажимали клавишу «А». Для данного ответа предшествующее действие выступало в качестве прайма.

В 6–7-й сериях повторялась 1-я серия — простое действие. При анализе результатов сравнивали характеристики простого действия в 1-й серии с его показателями при встраивании в задачу выбора (серии 3–5) и этим же с простым действием после «выведения» его из задачи выбора (серии 6–7).

Результаты и обсуждение

В первой серии испытуемые выполняли задачу простого действия. Среднее время выполнения простого действия по выборке составляло 140 ± 30 мс. Действия сопровождались электрическими потенциалами мозга (ССП), где наиболее выраженным был позитивный компонент со средним латентным периодом пика $123,42$ мс (P2). Ранее мы уже отмечали, что в ситуации, когда выбора перед испытуемым не стоит, активен всегда определенный набор систем, и активация этого набора сопровождается ССП, в котором наиболее выраженным по амплитуде был компонент P200 (Безденежных, 2004).

В следующей серии среднее по выборке время категоризации изображений организмов и технических средств составляло 298 ± 53 мс. Наиболее выраженным по амплитуде компонентом ССП был P300 с латентным периодом пика 284 ± 61 мс. Увеличение времени категоризации, по сравнению с таковым в простом действии, а также появление P300 в ССП, объясняется увеличением количества активных нейронных систем, обеспечивающих два разных действия категоризации (Безденежных, 2004).

При встраивании простого действия в выполнение задачи категоризации достоверно увеличилось время категоризации (345 ± 57 мс); время «простого действия» также достоверно увеличилось, по сравнению с 1-й серией (270 ± 45 мс), и в связанном с этим действием потенциале появился компонент P300. Несмотря на то, что перед «простым действием» предьявлялся прайм в виде категоризации, заканчивающейся нажатием кнопки «А», это действие имело все свойства, характерные для действия категоризации. Отсюда можно сделать вывод, что системы, обеспечивающие «простое действие», объединились с системами, обеспечивающими категоризацию. Сформировался единый домен систем, обеспечивающих сложную последовательность действий.

Среднее время «выведенного» из задачи категоризации простого действия снижалось от реализации к реализации, амплитуда пика P300 также уменьшалась, и восстанавливался позитивный компонент P100. По-видимому, это связано с тем, что «вычленение» простого действия из сформированного домена осуществляется постепенно, причем полное «вычленение» происходит не одномоментно. Следует отметить, что восстановление регистрируемых показателей простого действия носило индивидуальный характер.

На основании результатов можно предположить, что при выполнении последовательных действий формируется домен, представленный набором систем, обеспечивающих все действия по-

ведения. Реализация каждого отдельного действия начинается с вычленения нужного, но не конкретного набора систем из этого домена. Совершенствование выполнения поведения в процессе тренировки связано с вычленением только тех определенных систем, которые обеспечивают конкретное действие. По-видимому, в тех случаях, когда во время тренировки выполнения поведения совершается ошибочное действие, то вновь для реализации каждого действия из домена вычленяется больший набор систем, чем нужно, с тем чтобы выбрать оптимальный набор систем. Домен функциональных систем может сохраняться некоторое время после выполнения поведения, что проявляется в сохранении измененных задач категорий характеристик простого действия, выведенного из этой задачи.

Литература

- Безденежных Б. Н.* Динамика взаимодействия функциональных систем в структуре деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Безденежных Б. Н., Пашина А. Х.* Структура ЭЭГ активности при печатании предложения на пишущей машинке // ЭЭГ и нейрональная активность в психофизиологических исследованиях. М.: Наука, 1987. С. 185–197.
- Рокотова Н. А., Бережная Е. К., Богина И. Д., Горбунова И. М., Роговенко Е. С.* Моторные задачи и исполнительная деятельность. Л.: Наука, 1971.
- Швырков В. Б.* Введение в объективную психологию: Нейрональные основы психики: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Gentner D. R.* Evidence against a central control model of timing in typing // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 1982. V. 8. № 6. P. 793–810.
- Lashley K. S.* The problem of serial order in behavior // Psycholinguistics. A book of readings / Ed. A. Saporta. N. Y., 1961. P. 180–198.
- Ricker K. L., Elliot D., Lyons J., Gauldie D., Chua F., Byblow W.* The utilization of visual information in the control of rapid sequential aiming movements // Acta Psychologica. 1999. V. 103. P. 103–123.
- Shaffer L. H.* Timing in the motor programming of typing // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1978. V. 30. № 2. P. 333–345.
- Verleger R.* Sequential effects on response times in reading and naming colored color words // Acta Psychologica. 1991. V. 77. P. 167–189.

Change of psychophysiological characteristics of simple action after incorporation it in the sequence of the actions of categorization

*B. N. Bezdenezhnykh**, *E. M. Gulina***, *A. B. Palteev**** (Moscow)

* Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology of RAS

** Institute of Psychology of RAS

*** State Academic University of Humanitarian Sciences

The interaction of functional systems providing sequential actions of the categorization of the images of an animal or objects presented in a random order of on the screen, was studied. To this aim, in the sequence of categorization actions, namely, always after a certain categorization, a simple visual signal (light strip), which in the previous series served as a signal for a simple action, was incorporated in. As a result, the characteristics of the initially simple action (the time of action and the electrical potential of the brain associated with it – ERP) became similar to the characteristics of categorization actions. After re-running the series with a simple action, the restoration of its original characteristics took place during several realization of this action. It is assumed that the systems providing a simple action are included in the set of active systems (domain) providing categorization behavior, and the realization of each categorization action begins with the isolation of the set of systems required for this action from the domain. The domain remains active for some time after completion of the behavior.

Keywords: functional system, sequential actions, categorization, domain of functional systems of behavior, time of action, ERP.

Электрофизиология социальной жизни микробов

*Т. Н. Греченко**, *А. Н. Харитонов***, *А. В. Жегалло**** (Москва)

** доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: grecht@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: ankhome47@list.ru*

**** кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: zhegs@mail.ru*

Социальная жизнь требует кооперации — объединения общих усилий для решения важной для общества задачи и конкуренции между членами сообщества, стремящимися получить наибольшее вознаграждение за участие в общих действиях. Найти объективные показатели для определения эффективности действий членов сообщества является важной задачей для психофизиологов, независимо от того, на каких объектах выполняются исследования. В данной работе представлены опыты на микроорганизмах, создающих социальные структуры. Методом регистрации полевых потенциалов показаны отличия электрических характеристик на разных этапах формирования социальных объединений.

Ключевые слова: электрическая активность, осцилляции, социальная жизнь, микроорганизмы, кооперация, конкуренция.

Социальная жизнь — это деятельность субъектов, направленная на сохранение и развитие условий существования. Исследования показывают, что общественный образ жизни характерен и для микроорганизмов, а взаимоотношения между членами сообщества предполагают сложные взаимодействия между ними как необходимые свойства социума в виде кооперации и конкуренции (Ben-Jacob et al., 1998). В биологических сообществах эти взаимодействия критичны для их дальнейшего развития (Hardin, 1968). Кооперативные свя-

Работа поддержана ФАНО РФ № 0159-2018-0002, № 0159-20180004.

зи между клетками широко распространены в природе и обнаружены в разнообразных системах от микробных популяций до мультиклеточных организмов (Fries, 2015). Кооперативное поведение часто увеличивает общую выгоду популяции благодаря таким процессам, как разделение труда и производство общего блага. В то же время индивидуумы в сообществе конкурируют друг с другом за ограниченные ресурсы – например, за питание. Для развития и сохранения кооперации внутри клеточного сообщества необходимо, чтобы преимущества от совместных действий превосходили затраты, вызванные конкуренцией (Eldar, 2011). Как конфликт между противоборствующими социальными поведениями – кооперацией и конкуренцией – разрешается на уровне социума для повышения общей выгоды можно узнать, используя методы объективных показателей на бактериальных сообществах. Изучение механизмов, инициирующих постановку задачи, и роль электрических явлений как одного из формирующих факторов в социальном процессе поиска коллективного решения, выгодного для социума, в наших экспериментах выполнено на миксомицетах – социальных амебах *Lycogala epidendrum* и дрожжевых клетках *Saccharomyces cerevisiae*.

Мы выбрали для экспериментов миксомицетов, потому что они проходят весьма яркие стадии в организации социума. Социальные амебы по химическому сигналу, подаваемому при достижении слишком высокой плотности этих существ и, соответственно, нехватки питания, начинают образовывать плодовое тело. Осуществляя этот процесс, организмы передвигаются к некоему общему месту, занимая центральные или периферические позиции в этом своеобразном клубке. Строя плодовое тело, плазмодий ликогалы древесинной *Lycogala epidendrum* передвигается и в час проползает около 6 мм. Молодой плазмодий удаляется от света и стремится к более влажным местам субстрата. Создание такого сообщества необходимо, так как его структура позволяет выжить части микроорганизмов, сохраняя носителей определенных свойств, присущих данному роду, – ведь многие индивиды, преимущественно находящиеся во внешнем периферическом слое, погибнут. Противоречие местоположения заключается в том, что клетки, оказавшиеся на периферии, не только защищают внутренние клетки от различных внешних нападений, но и заставляют их голодать из-за ограничений питательных веществ. Мы предположили, что разные стадии социальной жизни миксомицетов характеризуются определенным типом электрической активности (что следовало из экспериментальных данных о создании биопленки цианобактериями) (Греченко и др., 2012). Для сравнения проводились опыты на дрожжевых клетках *Saccharomyces*

cerevisiae, которые могут формировать колонии, но в условиях короткого эксперимента не успевают создать какие-либо социальные структуры.

Методика

Электрофизиологические опыты выполнены на плодовом теле миксомицетов *Mухomycetes*, а именно *Lycogala epidendrum*, и дрожжевых клетках *Saccharomyces cerevisiae*. В части опытов использовалась регистрация одновременно двумя электродами, помещенными в разные области плодового тела или разные скопления клеток дрожжей. Взятые из природной среды, миксомицеты исследовались в лабораторных условиях при комнатной температуре воздуха (23–25 °С). Регистрация электрической активности производилась стеклянными электродами, заполненными 1 М КСl. Фрагменты записи электрической активности оцифровывались и подвергались спектральному анализу в среде статистической обработки R 3.0 (R Development Core Team, 2011). Спектральный анализ выполнялся для исходной записи путем построения периодограммы с использованием быстрого преобразования Фурье. 95% доверительные интервалы мощности спектра вычислялись на основе аппроксимации χ^2 распределением. Наличие электрической связи между парой локусов при их одновременной регистрации выявлялась при помощи кросскорреляционного анализа. Для выявления структурных особенностей осцилляторной активности проводился автокорреляционный анализ. Длительность оцифрованных участков — 3 с. Обработано 75 записей *Saccharomyces cerevisiae*, 50 *Lycogala epidendrum*.

Результаты

Определяя уровень потребности миксомицетов в создании социальной структуры того или иного типа (плазмодия или плодового тела), можно ориентироваться не только по форме микробного сообщества — диффузная «клякса» или «шарики», но и по цвету микроорганизмов. На стадии плазмодия *Lycogala epidendrum* окраска розоватая, но, по мере создания плодового тела, она изменяется от оранжеватой до коричневой. Применение регистрации полевых потенциалов показало, что существует ряд отличий этих этапов формирования социума по электрофизиологическим показателям. Каждое состояние социума *Lycogala epidendrum* характеризуется доминирующей частотой, достоверно отличающейся от других, присутствующих в частотном спектре. Электрическая активность плазмодия имеет часто-

ту 28–30 Гц. В частотном спектре именно эти частоты значительно превышают критерий достоверности, а все другие, как более высокие, так и более низкие, его не достигают. Аналогичные частоты осцилляторной активности характерны и для ранней стадии создания плодового тела, когда уже произошло (или происходит) формообразование в виде полусферических скоплений микроорганизмов – 28–30 Гц. Особенностью, по сравнению со стадией плазмодия, является большая представленность колебаний в высокочастотной части спектра (после 30 Гц). Тем не менее ни одна из частот этого диапазона не достигает уровня достоверности. Наконец, зрелое плодовое тело характеризуется частотами 10–12 Гц. Из 23 фрагментов именно эти частоты доминируют в 23 случаях. При регистрации одновременно двумя электродами от плодового тела миксомицетов они располагались или рядом по диаметру плодового тела, или же примерно на одной линии при расположении одного в поверхностном слое клеток, а другого во внутренних слоях. Анализ электрической активности показал, что в 20 из 22 рассмотренных случаев активации осцилляций наблюдаются синхронно в обоих отведениях. Применение анализа Фурье показало, что на частотных спектрах максимумы локализованы примерно на одних и тех же местах, а автокорреляционная функция выявляет весьма сходную временную структуру осцилляторных веретен. Кроме того, были проанализированы фрагменты записей, на которых отсутствует высокоамплитудная активация. Оказалось, что фактически нет отличий в спектральных характеристиках между участками с высокоамплитудной и фоновой (низкоамплитудной) активностью (отличия есть по оси ординат – по спектральной плотности). Это означает постоянство функционального состояния, характерного для зрелого плодового тела. Эти данные поддерживаются также наблюдениями о синхронизированном метаболизме индивидуумов, создающих определенные локусы плодового тела (Liu et al., 2015). Вопрос возникает относительно происхождения всплесков веретен, отличающихся амплитудой от фоновых осцилляций. Предполагается, что происходит увеличение количества синхронно осциллирующих микроорганизмов по принципу биологического резонанса. Наиболее интересные результаты получены при построении графика кросскорреляции активностей, регистрируемых в разных локусах плодового тела. Согласованность осцилляторных процессов, сходство их структурных и временных параметров характерны для всех парных регистраций от плодового тела *Mухомуцетес*. Особенно стабильной эта характеристика становится на стадии зрелого плодового тела, когда проблема места индивида в структуре социума уже решена и наступает пора стабильного существова-

ния и совместного решения жизненно важной задачи. По-видимому, такая особенность координированных внутри- и внеклеточных событий этой организации отражает общность поведенческой стратегии, направленной на выживание популяции.

Аналогичные опыты выполнены и на дрожжевых клетках *Saccharomyces cerevisiae*. Локализация доминирующих частот на графиках спектральных частотных характеристик располагалась в области 22–30 Гц (50 фрагментов), 2–15 Гц (25 фрагментов). Неизвестно, с чем связано то или иное доминирование частоты, так как дрожжевые клетки могли находиться близко и далеко друг от друга, а кросскорреляционные графики, которые можно было построить при одновременной регистрации активности двух дрожжевых клеток, показывали случайные синхронизированные осцилляции (6 из проанализированных 35). При этом клетки могли находиться как в одном и том же скоплении, так и в разных, находящихся на расстоянии от 1 до 5 см.

Обсуждение

Опыты, выполненные на миксомицетах и дрожжевых клетках, показали, что синхронизированные электрические осцилляции могут быть объективными показателями, характеризующими активность микробной социальной структуры. Главный результат опытов продемонстрировал, что для выполнения социально значимой задачи необходим высокий уровень синхронизированной активности, иницируемой отдельными индивидами. На разных этапах подвижность амёб различна. Осцилляторная активность выше на первых двух стадиях формирования плодового тела, потому что они требуют движений, так как нужно достичь определенной позиции. Спектральный анализ показал, что наиболее часто встречающаяся частота — это 28–32 Гц. Когда достигается стабильное положение членов сообщества в созданной структуре, значительная двигательная активность становится ненужной, что, по-видимому, отражается и в снижении частоты осцилляторной электрической активности — она падает до 10–12 Гц. В решении внутреннего конфликта социума между кооперацией для защиты своего рода и конкуренцией между индивидами за выживание существенна не только синхронизация электрических осцилляторных процессов, но и метаболическая созависимость между периферическими и центральными слоями сообщества (Liu et al., 2015). Данные о необходимости синхронизации активностей разного рода при выполнении заданий, требующих совместных действий, получены на различных экспериментальных объектах — они типичны не только для микроорганизмов, которые решают проблемы, объе-

динив усилия тысяч индивидов, но и для многоклеточных существ. Результаты охватывают объективные показатели в виде регистрации электрически выраженных событий головного мозга человека и животных, движений глаз и словесного отчета испытуемых при решении когнитивных задач (Ананьева и др., 2016; Гаврилов, 2017; Зотов, Андрианова, 2017). Результаты экспериментов на людях показывают, что при взаимодействии участников во время решения задачи для достижения общей цели осцилляторная активность определенных областей мозга синхронизируется и ее вспышки ассоциируются с действиями партнеров (Funane et al., 2011). Во время социального общения оба участника постоянно активны, подстраивая свои собственные усилия к изменениям действий партнера (Dumas et al., 2010). Эта общая активность по поводу достижения цели проходит на фоне синхронизированных процессов определенных областей мозга каждого из участников. Предполагается, что синхронизация электрических процессов является одним из возможных механизмов координации работы функционирующих клеточных ансамблей (Canolty et al., 2010).

Литература

- Ананьева К. И., Басюл И. А., Харитонов А. Н.* Диалоги в эксперименте: опыт многоканальной регистрации и анализа // *Материалы VII-й Международной конференции по когнитивной науке.* Светлогорск: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 670–672.
- Гаврилов В. В.* Кооперация и ультразвуковая коммуникация у крыс // *Когнитивные исследования / Отв. ред. Д. В. Ушаков, А. А. Медынцева.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 81–92.
- Греченко Т. Н., Сумина Е. Л., Сумин Д. Л., Харитонов А. Н.* Синхронизация электрических процессов и организация поведения проکاریот // *Материалы V-й Международной конференции по когнитивной науке.* Светлогорск: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. Т. 1. С. 327.
- Зотов М. В., Андрианова Н. Е.* Процессы координации в восприятии коммуникативного взаимодействия // *Когнитивные исследования / Отв. ред. Д. В. Ушаков, А. А. Медынцева.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 50–67.
- Ben-Jacob E., Cohen I., Gutnick D.* Cooperative organization of bacterial colonies: from genotype to morphotype // *Annu. Rev. Microbiol.* 1998. V. 52. P. 779–806.
- Canolty R. T., Ganguly K., Kennerley St. W., Cadieu Ch. F., Koepsell K., Wallis J. D., Carmena J. M.* Oscillatory phase coupling coordinates anatom-

- ically dispersed functional cell assemblies // Proc. Natl Acad. Sci. USA. 2010. V. 107. № 40. P. 17356–17361.
- Carmenaa J. M.* Oscillatory phase coupling coordinates anatomically dispersed functional cell assemblies // PNAS. 2010. V. 107. P. 17356–17361.
- Dumas G., Nadel J., Soussignan R., Martinerie J., Garnerio L.* Inter-Brain Synchronization during Social Interaction // PLoS ONE. 2010. V. 5. № 8. 12166.
- Eldar A.* Social conflict drives the evolutionary divergence of quorum sensing // PNAS. 2011. V. 108. № 33. P. 13635–13640.
- Fries P.* Rhythms for cognition: communication through coherence // Neuron. 2015. V. 88. P. 220–235.
- Funane T., Kiguchi M., Atsumori H., Sato H., Kubota K., Koizumi H.* Synchronous activity of two people's prefrontal cortices during a cooperative task measured by simultaneous near-infrared spectroscopy // J. Biomed. Opt. 2011. V. 16. № 7. P. 077011.
- Hardin G.* The tragedy of the commons // Science. 1968. V. 162. № 3859. P. 1243–1248.
- Liu J., Prindle A., Humphries J., Gabalda-Sagarra M., Munehiro A., Lee D. D., Ly San, Garcia-Ojalvo J., Sue G. M.* Metabolic co-dependence gives rise to collective oscillations within biofilms // Nature. 2015. V. 30. № 523. P. 550–554.

Electrophysiology of microbial social life

*T. N. Grechenko**, *A. N. Kharitonov***, *A. V. Zhhegallo**** (Moscow)

* Doctor of Psychology, Institute of Psychology of RAS

** Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology of RAS

*** Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology of RAS

Social life requires cooperation – the union of common efforts to solve an important task for society, and competition among members of the community, seeking to get the most reward for participating in common actions. Finding objective indicators to determine the effectiveness of community members' activities is an important task for psychophysicologists, regardless of which objects are being researched. This paper presents experiments on microorganisms that create social structures. The method of registration of field potentials shows the differences in electrical characteristics at different stages of the formation of social associations.

Keywords: electrical activity, oscillations, social life, microorganisms, cooperation, competition.

ЭЭГ-маркеры эффективности проведения тренинга у курсантов с дифференцированным уровнем воображения

*Л. Е. Дерягина**, *Н. В. Аникеева***, *М. К. Архипова****,
*Т. Ю. Полозова***** (Москва)

** доктор медицинских наук, профессор, Московский университет
МВД России им. В. Я. Кикотя; e-mail: lderyagina@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, Московский университет
МВД России им. В. Я. Кикотя; e-mail: n.anikeeva0606@yandex.ru*

**** курсант, Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя;
e-mail: marinaarchipova@mail.ru*

***** кандидат психологических наук, старший преподаватель Московского
университета МВД России им. В. Я. Кикотя; e-mail: psn_06@mail.ru*

В статье использовался тренинг с применением дыхательных упражнений и проведением техники «Пустыня» в качестве стимульного материала для изучения биоэлектрической активности мозга курсантов, разделенных на 3 группы по уровню развитости воображения. Регистрация электроэнцефалограммы (ЭЭГ) проводилась в состоянии покоя и в динамике проведения тренинга. Для оценки полученных изменений сравнивали мощность основных ритмов ЭЭГ в фоновом режиме и в процессе тренинга. Повышение мощности альфа-ритма, особенно в правой затылочной и контрлатеральных префронтальных зонах коры больших полушарий, у обследуемых с более высоким уровнем воображения, показывает, что готовность мозга к проведению проективной методики может быть увеличена путем предварительного тренинга альфа-ритма.

Ключевые слова: электроэнцефалограмма, тренинг, курсанты, альфа-ритм, воображение.

Профессиональная и личностная адаптация в меняющихся условиях развития высшего образования требует применения новых педагогических подходов или модернизации имеющихся. Компетентностный

принцип обучения предполагает практическое применение знаний курсантами в период освоения профессии психолога, что возможно при использовании на занятиях различных приемов, в том числе с элементами различных тренингов.

Термин «тренинг» (от *англ.* train, training) имеет ряд значений – воспитание, обучение, подготовка, тренировка. Групповой психологический тренинг выходит за эти рамки и используется, в самом широком смысле, в целях диагностики, развития и коррекции психических процессов и состояний человека. Тренинг, как метод активной групповой работы, широко используется в качестве инструмента развития профессионально значимых качеств личности (Аникеева, 2016). В рамках проводимого нами исследования групповой психологический тренинг подразумевается как метод преднамеренных изменений человека, направленных на его личностное и профессиональное развитие через приобретение, анализ и переоценку им собственного жизненного опыта в процессе группового взаимодействия. Повышение эффективности результатов деятельности проводится с использованием тренингов электрической активности мозга (Пронин, 2004; Киселев, 2015).

Сотрудникам силовых структур необходим высокий уровень развития психических познавательных процессов, в том числе воображения, так как оно является важной составляющей их профессиональной деятельности (Родыгина, 2011). Соответственно, изучение фоновой и индуцированной тренингом электрической активности мозга в процессе проведения тренинга может способствовать дальнейшей разработке практических рекомендаций по развитию вышеназванного психического процесса.

Целью нашего исследования было выявление ЭЭГ-маркеров в процессе проведения тренинга у курсантов с разным уровнем развития воображения.

Материалы и методы

В исследовании принимали участие 12 курсантов девушек в возрасте 18–20 лет. Все обследуемые подписали информированное согласие на проведение исследования, на момент обследования были здоровы и выражали заинтересованность в участии. Предварительно испытуемые были разделены по уровню развития воображения (Полякова, 2013) на 3 группы: со средним (4 чел.), с высоким (4 чел.) и очень высоким уровнем развития (4 чел.).

В исследовании использовался тренинг с применением дыхательных упражнений и проведением техники «Пустыня» (Лейнер, 1997;

Малкина-Пых, 2005). Указанная техника по своей сути является проективной методикой, которая предполагает представление в воображении участников ряда называемых ведущим образом и их последующей интерпретацией. Техника состоит из 6 этапов (представление образа пустыни, представление куба в пустыне, представление лестницы в пустыне, представление цветов в пустыне, представление лошади в пустыне, представление бури в пустыне), длительность проведения которых в совокупности занимает около 20 мин. По окончании проводится обсуждение представляемых участниками образов и сопровождаемых их эмоций и чувств, дается обратная связь. В целом указанная техника помогает участникам лучше понять уникальность своей личности и ее специфические черты.

Регистрация ЭЭГ осуществлялась на электроэнцефалографе фирмы Медиком МТД «Энцефалан-ЭЭГР-19/26» непрерывно в течение всего исследования от 19 отведений монополярно (униполярно) (Fp1, Fp2, F7, F3, Fz, F4, F8, T3, C3, Cz, C4, T4, T5, P3, Pz, P4, T6, O1, O2). Частота дискретизации сигнала составляла 250 Гц по каналу.

Перед началом проведения тренинга у испытуемых проводилась регистрация фоновой ЭЭГ продолжительностью 30 с. Длительность регистрации составила 3 мин. для каждой из проб. Статистическая обработка данных проводилась при помощи программы Statistica 10. Нормальность распределения проверяли по тесту Шапиро–Уилка для малых выборок. Поскольку распределение практически всех показателей было далеко от нормального, для сравнения групп использовались методы непараметрической статистики (тест Краскела–Уоллиса для рангов совместно с методом множественных сравнений рангов и медианный тест). Для описаний показателей в группах в качестве характеристик положения и рассеяния использовались медиана и квартили.

Результаты

Во время тренинга испытуемые находились в расслабленном состоянии, играла успокаивающая музыка, проговаривался текст тренинга, при котором участники должны были представить пустыню, куб, лестницу и т. д. Результаты ЭЭГ по проведению описанного тренинга изменились по сравнению с фоном. В среднем по группе наблюдалось значительное повышение мощности альфа-ритма (на 57%), незначительно повышалась мощность бета1-ритма (на 10%) и практически не зарегистрировано изменений в диапазонах тета и бета2. Повышение мощности альфа-ритма указывает на погружение ис-

пытуемых в ситуацию тренинга и представление образа, соответствующего инструкции. Максимальное повышение мощности альфа-ритма наблюдалось в правой затылочной и контрлатеральных префронтальных областях. Это указывает на активацию процессов переработки информации в зрительной (представление образа) и ассоциативной (процессы мышления) зонах мозга в состоянии расслабленного покоя.

Менее значимое повышение мощности ритма бета₁ наблюдалось в правой височной и контрлатеральных фронтальных областях мозга. Активация этих зон мозга свидетельствует о протекании когнитивных процессов, фокусировании внимания на инструкциях тренинга на фоне глубокого расслабления.

Анализ параметров ЭЭГ у испытуемых в зависимости от уровня воображения показал более значимое повышение мощности альфа- и бета-1 ритмов в группе с «очень высоким» уровнем.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование продемонстрировало реакцию биоэлектрической активности коры больших полушарий на проведение тренинга. Реализованная в тренинге методика основана на эмоционально обусловленном переживании заданных образов, используемых в психотерапии, а также на методе активного воображения. Повышение мощности альфа-ритма, особенно в правой затылочной и контрлатеральных префронтальных зонах коры больших полушарий, у обследуемых с более высоким уровнем воображения показывает, что готовность мозга к проведению проективной методики может быть увеличена путем предварительного тренинга альфа-ритма.

Литература

- Аникеева Н. В.* Развитие волевой регуляции и волевых качеств сотрудников органов внутренних дел средствами психологического тренинга // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 4 (67). С. 31–34.
- Киселев А. Д.* Экспериментальное исследование функционального состояния центральной нервной системы спортсменов-биатлонистов при проведении альфа-тренинга // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2015. № 6 (124). С. 96–103.
- Лейнер Х.* Символдрама. Кататимно-имагинативная психотерапия детей и подростков. М., 1997.

- Малкина-Пых И. Г.* Психосоматика: Справочник практического психолога. М.: Эксмо, 2005.
- Пронин С. В.* Мотивационные модели в оценке готовности к лечению больных опишной наркоманией при проведении ЭЭГ-альфа-те-та-тренингов // Бюллетень Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. 2004. Т. 24. № 3. С. 145–147.
- Полякова О. Б.* Общий психологический практикум: сборник диагностических процедур. Ч. II. Высшие познавательные процессы. М.: НОУ ВПО «Московский психолого-социальный университет», 2013.
- Родыгина Ю. К., Дерягина Л. Е.* Состояние психических процессов у сотрудников профессиональных групп, занятых экстремальным трудом // Вестник психотерапии. 2011. № 39. С. 79–84.

EEG markers of the effectiveness of the training at cadets with differentiated level of imagination

*L. E. Deryagina**, *N. V. Anikeeva***, *M. T. Arkhipova****,
*T. Yu. Polozova***** (Moscow)

* Doctor of Medicine, Professor, The Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot

** Candidate of Psychological Sciences, The Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot

*** Military Student, The Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot

**** Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, The Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot

This article used the training with the use of breathing exercises and holding technique «Desert» as stimulus material for the study of bioelectrical brain activity of the cadets, divided into 3 groups according to the level of development of imagination. Registration of electroencephalogram (EEG) was performed at rest and in the dynamics of the training. To assess the changes compared the power of the main EEG rhythms in the background and in the process of training. Increase the power of the alpha rhythm, especially in the right occipital and contralateral prefrontal areas of the cerebral cortex, subjects with a higher level of imagination, shows that the readiness of the brain to conduct projective techniques can be increased by pre-training of the alpha rhythm.

Keywords: electroencephalogram, training, cadets, alpha rhythm, imagination.

Учет зелеными жабами границ собственного тела при взаимодействии с объектами окружающей среды

Р. В. Желанкин, И. А. Хватов** (Москва)*

** Московский институт психоанализа; e-mail: ittkrot@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, заведующий центром биопсихологических исследований, Московский институт психоанализа, Московский государственный психолого-педагогический университет; e-mail: ittkrot1@gmail.com*

Целью настоящей работы являлось изучение способности зеленой жабы формировать навыки с опорой на тактильные ощущения, возникающие в процессе взаимодействия тела животного и внешних объектов. В ходе эксперимента варьировались размеры отверстий экспериментальной установки, через которые проникало животное, а также границы тел животных. Было установлено, что жабы способны научиться учитывать естественные границы собственного тела при взаимодействии с внешними объектами. При изменении границ тела жаб таким образом, что данные изменения препятствовали осуществлению животным ранее выученного поведения проникновения в определенные типы отверстий, данные животные не научались учитывать то, что отверстия, ранее проницаемые для естественных границ их тел, стали непроницаемыми после увеличения данных границ. Мы объясняем это тем, что жабы способны строить схему своего тела (при его естественных границах), но не способны модифицировать ее при увеличении границ их тел.

Ключевые слова: научение, схема тела, земноводные, жабы, самоотражение.

Схема тела — это совокупность двигательных навыков и способностей, позволяющих осуществлять различные движения, а также представ-

Исследование поддержано грантом Президента Российской Федерации № МК-2766.2017.6.

ление о физических характеристиках собственного тела (Gallagher, Cole, 1995; Head, 1911). Схема тела предполагает соотношение субъектом характеристик собственного тела с характеристиками окружающих объектов и необходима ему для пространственной ориентации и планирования движений (там же), т. е. для «принятия себя в расчет» (Столин, 1983). В отличие от образа тела, схема тела является неосознаваемым феноменом (Gallagher, Cole, 1995).

Между тем в научной литературе отсутствуют публикации, описывающие исследования феномена схемы тела и ее изменений у большинства видов позвоночных.

Целью настоящей работы являлось изучение способности зеленой жабы *Bufo viridis* учитывать границы собственного тела при взаимодействии с объектами внешней среды в ходе решения задачи на поиск обходного пути.

Гипотезы исследования

1. Жабы способны научиться учитывать естественные границы собственного тела при взаимодействии с внешними объектами.
2. При изменении границ тела жаб таким образом, что данные изменения будут препятствовать осуществлению животным ранее выученного поведения, данные животные модифицируют схему своего тела, что будет выражаться в том, что они сформируют новый навык с учетом объективных изменений границ их тела.

Экспериментальная установка представляла собой стеклянный ящик квадратной формы со стороной 700 мм и стенками высотой 500 мм, разделенный перегородкой на два отсека. В перегородке имелось три отверстия на равном расстоянии друг от друга. Диаметр отверстий мог варьироваться. Отсек № 1 являлся пусковой камерой, над ним располагалась лампа (UVB20025 ВТ), боковые стенки отсека были окрашены в белый цвет. Уровень освещенности в отсеке № 1 составлял 300 люкс. Отсек № 2 являлся камерой влажности, на полу располагался влажный субстрат. Уровень освещенности в отсеке № 2 составлял 10 люкс.

В начале экспериментальной пробы жаба помещалась в центр отсека № 1. Она направлялась в отсек № 2 через одно из отверстий, покидая ярко освещенное помещение (отсек 1), чтобы попасть в затемненную влажную область экспериментальной установки (отсек 2).

Независимыми переменными в экспериментах являлись:

- 1) диаметр отверстий в экспериментальной установке;
- 2) границы тела животного.

Зависимыми переменными в экспериментах являлись:

- время решения экспериментальной задачи в каждой пробе (от момента помещения жабы в отсек 1, до ее проникновения в отсек 2);
- количество попыток проникновения в различные типы отверстий (успешных и неуспешных).

В эксперименте использовалось 3 типа круглых отверстий в перегородке между отсеками:

- 1) малое отверстие диаметром 15 мм (далее – S) – в такое отверстие жаба не могла проникнуть целиком;
- 2) среднее отверстие диаметром 40 мм (далее – M) – в такое отверстие могла проникнуть жаба с естественными границами;
- 3) большое отверстие диаметром 70 мм (далее – L) – в такое отверстие могла проникнуть жаба с увеличенными границами тела.

Границы тела жаб увеличивались с помощью одевания на них специальных попонок с цилиндрическими объектами высотой 15 мм и диаметром 40 мм.

В эксперименте принимали участие две группы испытуемых:

- контрольная группа (6 взрослых особей), с помощью которой изучалось влияние изменения характеристик внешней среды на поведение животного при неизменности характеристик его тела – варьировались только характеристики внешней среды;
- экспериментальная группа (6 взрослых особей), с помощью которой изучалось влияние изменения границ тела животного на его поведение – варьировались характеристики внешней среды и характеристики тела животных.

Эксперимент состоял из 4 серий для каждой группы. Каждая серия состояла из 30 проб. Критерии формирования навыка: сокращение времени решения задачи и снижение количества неуспешных попыток проникновения в отверстия.

Описание экспериментальных серий контрольной группы.

- 1) Серия 1. Схема расположения отверстий: № 1 – M; № 2 – S; № 3 – S. Задачей серии являлось формирование у животного навыка проникновения во второй отсек через отверстие M.
- 2) Серия 2. Схема расположения отверстий менялась (№ 1 – S; № 2 – S; № 3 – M) таким образом, что отверстие M располагалось в другой части экспериментальной установки. Животное должно было перестроить ранее сформированный навык.

- 3) Серия 3. Схема расположения отверстий снова менялась (№ 1 – S; № 2 – M; № 3 – S). Остальные параметры были аналогичны предыдущей серии.
- 4) Серия 4. Диаметр и схема расположения отверстий в каждой пробе были случайными при условии, что хотя бы одно отверстие имело диаметр M, а одно – S. Данная серия позволяла установить, насколько гибко жабы способны соотносить границы своего тела с характеристиками объектов внешней среды.

Описание экспериментальных серий экспериментальной группы.

- 1) Серия 1. Серия была аналогична серии 1 контрольной группы.
- 2) Серия 2. Схема расположения отверстий менялась (№ 1 – M; № 2 – M; № 3 – L). Границы тела животных увеличивались. Животное более не могло проникнуть в отсек 2 через отверстие M и должно было перестроить навик.
- 3) Серия 3. Границы тела животного оставались увеличенными, а схема расположения отверстий менялась (№ 1 – M; № 2 – L; № 3 – M). Животным было необходимо реорганизовать навик.
- 4) Серия 4. Границы тела животного были увеличены, а схема расположения отверстий менялась (№ 1 – L; № 2 – M; № 3 – M). Животным было необходимо реорганизовать навик.

Результаты контрольной группы

Серия 1. От 1-й к 30-й пробе наблюдалось снижение времени решения экспериментальной задачи (тест Вилкоксона $T=0$; $Z=2,20$; $n=6$; $p<0,05$). Среднее время решения экспериментальной задачи на 1-й пробе составило 174 с ($SD=42,1$), на 30-й – 31 с ($SD=12$). В первых пяти пробах количество успешных попыток проникновения в отверстия составило 30, неуспешных попыток проникновения – 149; в последних пяти пробах: успешных – 30, неуспешных – 2 (распределения достоверно отличаются друг от друга $\chi^2=79,07$; $df=1$; $p<0,01$).

Серия 2. От 1-й к 30-й пробе наблюдалось снижение времени решения экспериментальной задачи (тест Вилкоксона $T=0$; $Z=2,20$; $n=6$; $p<0,05$). Среднее время решения экспериментальной задачи на 1-й пробе составило 87 с ($SD=11,0$), на 30-й – 32 с ($SD=9,8$). При этом на первой пробе 2-й серии испытуемые тратили меньше времени на решение задачи, нежели на первой пробе 1-й серии (тест Вилкоксона $T=0$; $Z=2,20$; $n=6$; $p<0,05$). В первых пяти пробах количество успешных попыток проникновения в отверстия составило 30, неуспешных попыток проникновения – 4;

- в последних пяти пробах: успешных – 30, неуспешных – 4 (распределения не имеют достоверных отличий друг от друга $\chi^2=0$; $df=1$; $p>0,05$). При этом в серии 2 на первых 5 пробах количество неуспешных попыток проникновения достоверно ниже, нежели на первых 5 пробах серии 1 ($\chi^2=72,14$; $df=1$; $p<0,01$).
- Серия 3. От 1-й к 30-й пробе наблюдалось снижение времени решения экспериментальной задачи (тест Вилкоксона $T=0$; $Z=2,20$; $n=6$; $p<0,05$). Среднее время решения экспериментальной задачи на 1-й пробе составило 80 с ($SD=13,7$), на 30-й – 31 с ($SD=11,4$). В первых пяти пробах количество успешных попыток проникновения в отверстия составило 30, неуспешных попыток проникновения – 2; в последних пяти пробах: успешных – 30, неуспешных – 1 (распределения не имеют достоверных отличий друг от друга $\chi^2=0,32$; $df=1$; $p>0,05$).
- Серия 4. В данной серии из 180 успешных попыток проникновения в отверстие М, 47 были совершены после одной неуспешной попытки проникновения в отверстие S, 133 были совершены сразу. Данное распределение достоверно отличается от равномерного (90 на 90) $\chi^2=21,79$; $df=1$; $p<0,01$.

Результаты экспериментальной группы

- Серия 1. От 1-й к 30-й пробе наблюдалось снижение времени решения экспериментальной задачи (тест Вилкоксона $T=0$; $Z=2,20$; $n=6$; $p<0,05$). Среднее время решения экспериментальной задачи на 1-й пробе составило 165 с ($SD=18,2$), на 30-й – 32 с ($SD=11$). В первых пяти пробах количество успешных попыток проникновения в отверстия составило 30, неуспешных попыток проникновения – 162; в последних пяти пробах: успешных – 30, неуспешных – 2 (распределения достоверно отличаются друг от друга $\chi^2=85,37$; $df=1$; $p<0,01$).
- Серия 2. От 1-й к 30-й пробе наблюдалось снижение времени решения экспериментальной задачи (тест Вилкоксона $T=0$; $Z=2,20$; $n=6$; $p<0,05$). Среднее время решения экспериментальной задачи на 1-й пробе составило 391 с ($SD=74,5$), на 30-й – 33 с ($SD=8,8$). При этом на первой пробе 2-й серии испытуемые тратили больше времени на решение задачи, нежели на первой пробе 1-й серии (тест Вилкоксона $T=0$; $Z=2,20$; $n=6$; $p<0,05$). В первых пяти пробах количество успешных попыток проникновения в отверстия составило 30, неуспешных попыток проникновения – 256; в последних пяти пробах: успешных – 30, неуспешных – 2 (распределения достоверно отличаются друг от друга $\chi^2=130,33$; $df=1$; $p<0,01$).

Серия 3. От 1-й к 30-й пробе наблюдалось снижение времени решения экспериментальной задачи (тест Вилкоксона $T=0$; $Z=2,20$; $n=6$; $p<0,05$). Среднее время решения экспериментальной задачи на 1-й пробе составило 286 с ($SD=58,1$), на 30-й – 31 с ($SD=10,1$). В первых пяти пробах количество успешных попыток проникновения в отверстие составило 30, неуспешных попыток проникновения – 274; в последних пяти пробах: успешных – 30, неуспешных – 4 (распределения достоверно отличаются друг от друга $\chi^2=128,63$; $df=1$; $p<0,01$). При этом в серии 3 на первых 5 пробах количество неуспешных попыток проникновения не имеет достоверных отличий в сравнении с количеством неуспешных попыток проникновения на первых 5 пробами серии 1 ($\chi^2=0,06$; $df=1$; $p>0,05$).

Серия 4. От 1-й к 30-й пробе наблюдалось снижение времени решения экспериментальной задачи (тест Вилкоксона $T=0$; $Z=2,20$; $n=6$; $p<0,05$). Среднее время решения экспериментальной задачи на 1-й пробе составило 325 с ($SD=93,6$), на 30-й – 31 с ($SD=11,4$). В первых пяти пробах количество успешных попыток проникновения в отверстие составило 30, неуспешных попыток проникновения – 245; в последних пяти пробах: успешных – 30, неуспешных – 2 (распределения достоверно отличаются друг от друга $\chi^2=125,10$; $df=1$; $p<0,01$). При этом в серии 3 на первых 5 пробах количество неуспешных попыток проникновения не имеет достоверных отличий в сравнении с количеством неуспешных попыток проникновения на первых 5 пробами серии 1 ($\chi^2=0,03$; $df=1$; $p>0,05$).

Обсуждение результатов

Полученные результаты свидетельствуют, что у жаб обеих групп успешно складывался навык решения экспериментальной задачи. Причем в каждой серии навык формировался заново как при изменении границ тела, так и при изменении схемы расположения отверстий, о чем свидетельствует факт того, что в начале каждой серии у животных возрастало время решения экспериментальной задачи.

Жабы контрольной группы научились учитывать естественные границы собственного тела при взаимодействии с объектами внешней среды к концу серии № 1. Об этом свидетельствуют результаты серий № 2, 3 и 4. Это означает, что жабы не только выучили схему расположения отверстий в лабиринте, но и то, что отверстие типа S непроницаемо для их головы.

Испытуемые экспериментальной группы не смогли научиться учитывать увеличенные границы собственного тела, так как на пер-

вых пробах серий № 3 и № 4 количество неуспешных попыток проникновения в отверстия типа М возрастало до такого же значения, которое было зафиксировано в первых 5 пробах серии № 2.

Полученные данные объясняются тем, что для решения поставленной задачи испытуемым требовалось учитывать только изменения объектов окружающей среды (1 переменную). Испытуемым экспериментальной группы для решения их задачи в сериях 2–4, необходимо было учитывать как изменения внешних объектов, так и изменения характеристик собственного тела (2 переменные).

Эксперименты по изучению учета границ собственного тела ранее проводились на сцинках (Хватов и др., 2016а) и крысах (Хватов и др., 2016б). Установлено, что крысы усвоили эмпирическую закономерность соотношения границ их тела с размерами отверстий в экспериментальной установке при варьировании границами тела и расположением отверстий. У сцинков данный феномен обнаружен не был: при рандомизации двух вышеуказанных переменных сцинки в большинстве случаев предпочитали совершать попытки проникновения только в большие отверстия (в которые проникало их тело с увеличенными границами).

Данные, полученные в нашем эксперименте на жабах, не позволяют утверждать, что эти земноводные усваивают эмпирическую закономерность соотношения естественных границ своего тела и размеров отверстий. Однако, так как таких попыток было достоверно меньше, нежели проникновений в отсек 2 с первой попытки через отверстие М, мы можем полагать, что жабы все же осуществляли перенос ранее приобретенного навыка (в первых 3 сериях) в новые ситуации. Это согласуется с предположением некоторых авторов, что именно у земноводных впервые формируются поведенческие модели пространственной ориентации и пространственных навыков, характерные для теплокровных позвоночных (Daneri et al., 2011).

Выводы

1. Гипотеза № 1 была подтверждена: жабы способны научиться учитывать естественные границы собственного тела при взаимодействии с внешними объектами.
2. Гипотеза № 2 не была подтверждена: жабы не научаются учитывать то, что отверстия, ранее проницаемые для естественных границ их тел, стали непроницаемыми после расширения данных границ.

Литература

- Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Хватов И. А., Соколов А. Ю., Харитонов А. Н. Учет границ собственного тела сцинками *Tiliqua gigas* // Экспериментальная психология. 2016а. Т. 9. № 3. С. 54–71.
- Хватов И. А., Соколов А. Ю., Харитонов А. Н., Куличенкова К. Н. Схема собственного тела у грызунов (на примере крыс *Rattus norvegicus*) // Экспериментальная психология. 2016б. Т. 9. № 1. С. 112–130.
- Daneri M. F., Casanave E., Muzio R. N. Control of spatial orientation in terrestrial toads (*Rhinella arenarum*) // Journal of Comp. Psychol. 2011. V. 125 (3). P. 296–307. URL: doi: 10.1037/a0024242.
- Gallagher S., Cole J. Body Schema and Body Image in a Deafferented Subject // Journal of Mind and Behavior. 1995. V. 16. P. 369–390.
- Head H., Holmes G. Sensory disturbances from cerebral lesions // Brain. 1911. V. 34. № 2–3. P. 102.

European green toads take into account own body limits during interaction with the environmental objects

*R. V. Gelankin**, *I. A. Khvatov*** (Moscow)

* Moscow Institute of Psychoanalysis

** Candidate of Psychological Sciences, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow State University of Psychology & Education

The goal of this work was to study the ability of the green toad to form skills based on tactile sensations arising in the process of interaction of the animal's body and external objects. During the experiment we varied the proportions of the holes in the experimental setup, through which the animal penetrated, and the limits of the animal bodies. It was found that toads can learn to take into account the natural limits of their own body when interacting with external objects. When the limits of the toad body were changed so that these changes prevent the animals from penetration into certain types of holes, these animals did not learn to take into account the fact that the holes previously permeable to the natural limits of their bodies became impenetrable after increasing these limits. We state that these data indicate that toads are capable of constructing a of their body schema (with its natural limits), but are not able to modify it with increasing limits of their bodies.

Keywords: learning, body schema, amphibious, toads, self-reflection.

Изучение статокINETической устойчивости в условиях виртуальной реальности

*Н. О. Красильщикова**, *А. И. Ковалев***, *Г. Я. Меньшикова****,
*А. С. Клочков**** (Москва)*

** студентка, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова; e-mail: krasilshikova.natasha@gmail.com*

*** кандидат психологических наук, Московский
государственный университет*

им. М. В. Ломоносова; e-mail: artem.kovalev.msu@mail.ru

**** доктор психологических наук, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова; e-mail: gmenshikova@gmail.com*

***** кандидат медицинских наук, Научный центр неврологии;
e-mail: segera2004@mail.ru*

Использование систем виртуальной реальности сопряжено с возникновением ряда дискомфортных ощущений, таких как тошнота, головокружение, а также нарушение статокINETической устойчивости. Для оценки выраженности подобных эффектов и разработки процедур их предсказания и нивелирования требуется разработка методик, основанных на объективных количественных параметрах. В данном исследовании был предложен метод оценки статокINETической устойчивости в условиях виртуальной реальности с использованием параметров движений глаз (характеристики оптокинетического нистагма) и данных о положении центра тяжести тела наблюдателя. Стимуляция предъявлялась с помощью шлема виртуальной реальности. Были обнаружены значимые различия в количестве циклов оптокинетического нистагма между группами испытуемых, различающихся субъективной выраженностью дискомфортных симптомов. Также были обнаружены различия в амплитудах отклонений центра тяжести. Предполагается, что увеличенное количество циклов нистагма уменьшает рассогласование между зрительной, вестибулярной и проприоцептивной информацией, что, в свою очередь, повы-

Исследования проведено при поддержке гранта РФФИ № 17-36-01101.

шает статокINETическую устойчивость при использовании устройств виртуальной реальности.

Ключевые слова: виртуальная реальность, движения глаз, оптокинетический нистагм, статокINETическая устойчивость, сенсорный конфликт.

В настоящее время технологии виртуальной реальности (VR) получают все более широкое распространение в различных сферах жизни человека. Однако использование VR устройств сопряжено с возникновением ряда побочных эффектов, одним из которых является возникновение нарушений статокINETической устойчивости и появление сопутствующих дискомфортных ощущений (тошнота, головокружение и др.) (Kennedy, Stanney, 1996; Keshavarz et al., 2014). Под статокINETической устойчивостью понимается способность сохранять на оптимальном уровне пространственную ориентировку, равновесие тела в статике и динамике, координацию произвольных движений и в конечном итоге высокий уровень профессиональной работоспособности в условиях активного и пассивного перемещения тела в пространстве (Буйнов, 2002). В процессе взаимодействия с VR наблюдатель чаще всего воспринимает движущуюся зрительную стимуляцию, оставаясь неподвижным. В результате возникает сенсорный конфликт между зрительным сигналом, несущем информацию о глобальном движении зрительного поля, и вестибулярной информацией о статичном положении тела. Данный конфликт является причиной нарушений статокINETической устойчивости и требует использования компенсаторных механизмов, в том числе глазодвигательных (Ковалев и др., 2015). В связи с этим в настоящее время актуальной является задача разработки способов оценки статокINETической устойчивости и механизмов ее нарушений в условиях взаимодействия с VR.

Целью настоящего исследования стало изучение статокINETической устойчивости человека, погруженного в VR, с применением анализа движений глаз и постуральных изменений.

Предполагалось, что особенности движений глаз, в частности особенности оптокинетического нистагма (прослеживающих движений глаз в сторону движения зрительной стимуляции и скачкообразного возвращения к центру зрительного поля), и параметры постуральной устойчивости наблюдателя в условиях виртуальной среды отражают состояние статокINETической устойчивости к данным воздействиям. Это будет проявляться в частоте циклов оптокинетического нистагма и амплитуде отклонений центра тяжести туловища.

Испытуемые

В эксперименте принимали участие 12 чел. (7 мужчин и 5 женщин, средний возраст – 35 лет). Все испытуемые имели нормальное или скорректированное до нормального зрение, а также не имели органических заболеваний вестибулярного аппарата и травм головного мозга.

Стимуляция

В качестве стимуляции была использована специально разработанная виртуальная среда, которая представляла собой оптокинетический барабан – вращающийся цилиндр, внутренняя поверхность которого покрыта чередующимися вертикальными полосами черного и белого цвета. Цилиндр вращался со скоростями 30, 45 и 60 угловых градусов в секунду в правую или левую сторону относительно испытуемого. Испытуемый находился в центре цилиндра.

Аппаратура и программное обеспечение

Предъявление виртуальной среды осуществлялось с помощью шлема виртуальной реальности HTC Vive. Технические характеристики шлема следующие: частота обновления – 90 Гц, разрешение дисплея – 2160×1200, угол обзора – 110°. Регулировка межзрачкового и фокусного расстояний производилась индивидуально.

Запись электроокулограммы проводилась с помощью энцефалографа-регистратора АБП-10 производства «Медиком МТД» в программе «Реакор». Использовались два одноразовых электрода, которые фиксировались на уголке глаза и под ним. Сопротивление меньше 10 кОм.

Регистрация смещения центра тяжести производилась с помощью датчика движения Microsoft Kinect Sensor 2. Частота обновления 30 Гц. Использовалась виртуальная баланс-платформа фирмы Hablect. Программное обеспечение – модуль виртуальной стабилоплатформы H. VrS.

Для регистрации субъективной степени выраженности дискомфортных симптомов был применен опросник «Симуляторные расстройства» (Kennedy et al., 1993).

Обработка данных, осуществлялась с помощью программы RStudio 1.1.447. Язык программирования – R version 3.5.0.

Процедура

Эксперимент состоял из 12 серий предъявления виртуальной среды. В 6 сериях различалась скорость вращения цилиндра (30, 45 и 60

угловых градусов в секунду – 1, 2 и 3 условие соответственно) и направление вращения (по часовой стрелке и против часовой стрелки). Каждая из 6 серий повторялась дважды.

В каждой серии виртуальный цилиндр предьявлялся в течение одной минуты, после чего испытуемый заполнял опросник «Симуляторные расстройтва», позволяющий оценить степень воздействия виртуальной среды. Данное время было выбрано не случайно и является наиболее оптимальным с точки зрения соотношения «количество получаемых данных»/«вызванное чувство дискомфорта». Инструкция заключалась в свободном рассматривании предьявляемой стимуляции. Порядок предьявления серий с различными по характеристикам виртуальными средами – случайный.

В процессе предьявления виртуального цилиндра регистрировались движения глаз и изменения положения центра тяжести испытуемого.

Обработка данных

По каждому испытуемому для каждой серии был рассчитан общий балл опросника «Симуляторные расстройтва». Также был произведен подсчет количества циклов оптокинетического нистагма на записи электроокулограммы на отрезке времени.

Данные изменения центра тяжести (ЦТ) представляли собой координаты центра массы испытуемого в горизонтальной плоскости.

Результаты и обсуждение

Анализ воздействия виртуальных сред проводился в несколько этапов. На первом этапе были проанализированы субъективные оценки влияния среды по данным опросника «Симуляторные расстройтва». Был рассчитан суммарный общий балл для каждого испытуемого, что позволило всю выборку разделить на две группы по 6 чел. в каждой. К первой группе были отнесены испытуемые, имеющие низкие баллы по опроснику. Данная группа была обозначена как «Устойчивые к воздействию», т. е. данная группа людей была мало подвержена влиянию вращающейся стимуляции. Во вторую группу были отнесены испытуемые с высокими баллами по опроснику. Данную группу можно обозначить как «Неустойчивые к воздействию». Участники этой группы высоко оценивали степень выраженности негативных симптомов от наблюдения вращающейся виртуальной среды.

Также были проанализированы данные движения глаз во время предьявления вращающегося цилиндра. Была обнаружена зна-

чимая отрицательная корреляция ($r=-0,34$, $p=0,004$) между общим баллом опросника «Симуляторные расстройства» и количеством циклов нистагма. Это означает, что сильное воздействие виртуальной среды на статокINETическую устойчивость (более высокие баллы по опроснику) сопровождалось более низкими показателями количества циклов нистагма.

На втором этапе был проведен анализ движений глаз отдельно по двум выделенным группам испытуемых. При сравнении количества циклов нистагма у двух групп были найдены значимые различия (по критерию Манна–Уитни, $p<0,001$). Предполагается, что «устойчивые» испытуемые лучше применяют механизмы, компенсирующие условия виртуальной среды. Часто возникающие циклы оптоКINETического нистагма позволяли испытуемым лучше определять положение и ориентацию тела в пространстве за счет постоянной нормировки сетчаточного изображения. То есть устойчивая форма реализации нистагма обеспечивала уменьшение рассогласования между зрительной, вестибулярной и проприоцептивной информацией, что, в свою очередь, проявлялось в уменьшении дискомфорта от воздействия виртуальных сред.

На третьем этапе были проанализированы данные амплитуд отклонения ЦТ тела наблюдателя во время предъявления вращающегося цилиндра. Были рассчитаны усредненные отдельно по двум группам амплитуды отклонений ЦТ в горизонтальной плоскости для двух скоростей 30 и 60 угл. град./с. Были обнаружены значимые различия в средних амплитудах отклонений ($p=0,0018$) между направлениями отклонений. Амплитуда отклонений колебаний наблюдателей в плоскости «влево–вправо» оказалась значительно меньше, чем в плоскости «вперед–назад». При этом различия между группами «устойчивых» и «неустойчивых» испытуемых по данному параметру обнаружены не были, что во многом может быть связано с большой индивидуальной вариативностью этого показателя. Обнаруженные различия в амплитудах колебаний могут быть связаны с тем, что использование компенсаторного механизма оптоКINETического нистагма позволяет лучше стабилизировать положение тела в плоскости «влево–вправо» и не влияет на сохранение устойчивости в плоскости «вперед–назад». То есть оптоКINETический нистагм обеспечивает только часть постуральной устойчивости, в то время как для сохранения положения и ориентации тела в пространстве применяются отклонения тела в продольном направлении.

Таким образом, был предложен комплексный подход к оценке статокINETической устойчивости в условиях виртуальной реальности, основывающийся на регистрации таких психофизиологических

показателей, как движения глаз и изменения положения центра тяжести. Было обнаружено, что более устойчивая форма реализации оптокинетического нистагма позволяет более эффективно определять положение и ориентацию тела в пространстве, что проявляется как в субъективно низком уровне дискомфортных ощущений, так и в параметрах отклонения центров тяжести тел испытуемых. Данные об особенностях изменения статокINETической устойчивости, полученные данным методом, могут помочь раскрыть механизмы функционирования вестибулярной функции, а также могут быть использованы для оценки безопасности применения созданных ВР систем.

Литература

- Буйнов Л. Г.* СтатокINETическая устойчивость и подходы к ее фармакологической коррекции // *Обзоры по клинической фармакологии и лекарственной терапии.* 2002. Т. 1. № 2.
- Ковалев А. И., Меньшикова Г. Я.* Векция в виртуальных средах: психологические и психофизиологические механизмы формирования // *Национальный психологический журнал.* 2015. № 4 (20). С. 91–104.
- Kennedy R. S. et al.* Simulator sickness questionnaire: An enhanced method for quantifying simulator sickness // *The international journal of aviation psychology.* 1993. Т. 3. № 3. С. 203–220.
- Kennedy R. S., Stanney K. M.* Postural instability induced by virtual reality exposure: Development of a certification protocol // *International Journal of Human & Computer Interaction.* 1996. Т. 8. № 1. С. 25–47.
- Keshavarz B., Berti S.* Integration of sensory information precedes the sensation of vection: A combined behavioral and event-related brain potential (ERP) study // *Behavioural Brain Research* 2014. V. 259 (1). P. 131–136.

The study of statokinetic stability in virtual reality

*N. Krasilshchikova**, *A. Kovalev***, *G. Menshikova****, *A. Klochkov*****
(Moscow)

* Student, Lomonosov Moscow State University

** Candidate of Psychological Sciences,
Lomonosov Moscow State University

*** Doctor of Psychology, Lomonosov Moscow State University

**** Candidate of Medical Sciences, Research Center of Neurology

The using of virtual reality systems is associated with the emergence of a number of uncomfortable symptoms, such as nausea, dizziness, and a violation of statokinetic stability. The development of techniques based on objective

quantitative parameters is required for assessment of the severity of such effects and for the development of procedures for their prediction and leveling. In this study, a method for statokinetic stability estimation in virtual reality using the parameters of eye movements (characteristics of the optokinetic nystagmus) and data on the position of the center of gravity of the observer's body was proposed. Stimulation was presented with the helmet of virtual reality. Significant differences in the number of optokinetic nystagmus cycles between groups of subjects differing in subjective severity of uncomfortable symptoms were found. Differences in the amplitude of the deviations of the center of gravity were also found. It is assumed that an increased number of nystagmus cycles reduces the discrepancy between visual, vestibular and proprioceptive information, which in turn increases statokinetic stability when using virtual reality devices.

Keywords: virtual reality, eye movements, optokinetic nystagmus, statokinetic stability, sensory conflict.

Активность и индивидуальность рептилий в процессе принятия решения: субъектно-поведенческий подход

И. Г. Скотникова, Р. В. Желанкин** (Москва)*

** доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: iris236@yandex.ru*

*** Центр биопсихологических исследований
Московского института психоанализа; e-mail: ittkrot@mail.ru*

В русле классической эволюционно-генетической традиции в понимании субъектности развивается субъектно-поведенческий подход к изучению психики животных в продолжение субъектно-деятельностного подхода в психологии. Изучался выбор альтернатив поведения обыкновенными ужами в задаче цветоразличения. Совместная регистрация основных параметров принятия решения (правильности/ошибочности, скорости и поведенческих реакций на стадии предрешения) позволила проследить его процессуальное осуществление. В обычных условиях движения ужей при ошибочном выборе цвета были быстрее движений при верном выборе, а в затрудненных условиях медленнее. Большее число поворотов головы ужа в выбранную сторону, чем в отклоненную, указывает на подготовку выбора в фазе предрешения. Большее число поворотов при верном выборе, чем при ошибочном, указывает на более тщательную проверку себя животными перед верным выбором, что замедляет его, но обеспечивает правильность. Выявлены 4 индивидуальных типа реагирования ужей в ходе выбора решения. Эти факты согласуются с данными, полученными у людей, что подтверждает сведения об общности ряда механизмов ПР у человека и животных.

Ключевые слова: активный субъект, поведение рептилий, выбор альтернатив, принятие решения, рефлексивность–импульсивность, индивидуальные стратегии, цветоразличение.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00148а.

Имя Андрея Владимировича Брушлинского навечно связано с реализацией субъектно-деятельностного подхода в психологии (Брушлинский, 2003). Теперь это новая область нашей науки, породившая и другие ее области. Андрей Владимирович напряженно работал над проблемой субъекта, но не успел разрешить противоречие между выделением им онтогенетических уровней субъектности и определением этого качества как высшей формы развития человека.

В понимании субъектности в отечественной психологии можно выделить две крупные традиции. Эволюционно-генетическая традиция сформировалась в немецкой классической философии. Гегелевская концепция субъекта исходно легла в основу философско-психологических представлений А. Н. Леонтьева (в школе которого она преимущественно развивалась в силу направленного изучения онто- и филогенетического развития психики) и С.Л. Рубинштейна — в применении к любому, а не только человеческому уровню развития бытия, качественному своеобразию способа его организации и развития (см. Абульханова, 1973; цит. по: Скотникова, 2008а). Но позже эти представления оказались удалены из поля работ школы Рубинштейна (где категория субъекта разрабатывалась наиболее систематически) в силу специфики изучения мышления взрослого человека, концентрации на максимально субъектной позиции в деятельности, позволяющей человеку оптимально ее организовывать, опираясь на свои способности, саморегуляцию и ответственность. В результате субъект стал трактоваться как высший уровень развития человека, сформировалась антропоцентрическая традиция в понимании субъектности. Впоследствии К.А. Абульханова (2002, цит. по: Скотникова, 2008а, б) возвращается к классическому пониманию субъектности.

Представляется полезным актуализировать ключевые идеи этой глубокой философской традиции. *Субъект в собственном смысле слова появляется, согласно Гегелю, с возникновением животной формы жизни, характеризующейся наличием субъективности (самости) — данной в форме ощущения нахождения себя в себе самом как отграниченного от среды, способности индивида переживать в специфической форме: психическом отражении — внешние и внутренние воздействия и изменения своего физиологического состояния. Субъектность развивается в ходе эволюции, проходя ряд ступеней. В качестве меры субъектности выступает степень собственной активности индивида. Именно эта идея позволила найти выход из дилеммы двух пониманий субъектности через ее определение в дискуссиях как самоуправляемой активности, существующей на разных уровнях, что экспериментально показано в инициированных А. В. Брушлинским трудах ИП*

РАН в разных предметных областях (возрастной психологии, психофизике, психологии труда и социальной психологии; см.: Скотникова, 2008а, б).

В наших работах применительно к человеку развивается субъектно-деятельностный подход в психофизике. В данном случае подобный подход имеет продолжение в исследовании поведения животных и может быть назван субъектно-поведенческим: это изучение собственной активности и индивидуальности животных как внутреннего механизма принятия решения.

Исследования принятия решения и его индивидуальных особенностей у человека и животных

Принятие решения (ПР) — ключевое звено любой деятельности человека и поведения животных. Чаще всего ПР понимается в литературе как выбор одной из конкурирующих альтернатив (Анохин, 1978; Лурия, 1969; Соколов, 2003; Тверски-Канеман, 2005; цит. по: Скотникова, 2008б). Подготовка к такому выбору (которая может быть длительной в ходе сложной деятельности человека) рассматривается как предрешение, включающее 3 стадии, за которыми следует окончательное ПР (Козелецкий, 1979). В научных школах А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова сформулировано представление о том, что не всегда принятие решений (в частности, интеллектуальных и моральных) — это выбор из альтернатив (Брушлинский, Темнова, 2006; Знаков, 2005; Корнилова, 2003; цит. по: Скотникова, 2008б). Однако такой выбор происходит на конечном этапе ПР после мыслительного поиска вариантов решения. Не случайно Т. В. Корнилова (2003, цит. по: Корнилова, 2016) не избежала представления о выборе как типичном завершении ПР, а позднее четко указала на это (Корнилова, 2016).

ПР постоянно изучается за рубежом, а в отечественной психологии это происходило чаще всего в 70–80-е годы XX в. (когда состоялся, в частности, советско-американский симпозиум «Нормативные и дескриптивные модели принятия решений») и возрождается в 2000-е годы на факультетах психологии МГУ и ЯрГУ, в Институте психологии РАН, Высшей школе экономики.

Основные параметры ПР — это его правильность/ошибочность, время и колебания субъекта (уверенность/сомнения) в его процессе. При легком сенсорном различении с инструкцией на скорость ответов ошибочные ответы даются быстрее верных, а при трудном различении с инструкцией на их правильность — наоборот (правило Р. Свенссона, 1972, цит. по: Скотникова, 2008б). Индивидуальные

особенности ПР проявляются в рефлексивном-импульсивном когнитивном стиле, который обычно диагностируется тестом Кагана по зрительному сравнению сходных фигур. Выделяются 4 типа поведения по показателям среднего времени первого ответа и общей суммы ошибок. Рефлексивный: время велико, а ошибок мало; импульсивный: время мало, а ошибок много; быстрый—точный: и время мало, и ошибок мало; медленный—неточный: и время, и число ошибок велико.

Перечисленные характеристики ПР человеком были установлены и нами при зрительном различении порогового типа (Скотникова, 2008б).

В приведенных материалах речь идет о ПР человеком. Вместе с тем в теории функциональной системы, где наиболее проработаны представления о структуре отдельного акта деятельности человека и поведения животных, обоснована идея общности в обоих случаях такой структуры, в которой ПР занимает центральное место. Именно поэтому в Институте психологии АН СССР под руководством академика П. К. Анохина в течение ряда лет работал семинар, где обсуждались процессы ПР на разных уровнях организации психического: от нейронного до социально-психологического, на материале исследований как человека, так и животных. Следуя этим традициям, мы используем понятие «принятие решения» для описания выбора животными альтернатив поведения, тем более что экспериментально установлено соответствие между психологическими закономерностями ПР человеком и данными нейронаук о ПР животными (Smith, Ratcliff, 2004).

Исследования процессов выбора животными альтернатив поведения и его индивидуальных особенностей отражены в обзорах авторов, по которым даются ссылки ниже (Желанкин, Скотникова, 2017, 2018). Время ожидания награды крысами при выборе запахов использовалось как индикатор их уверенности в своих готовящихся решениях (Lak et al., 2014). Обезьяны отказывались от выбора направления движения в зашумленном дисплее, если не были уверены в правильности выбора (Fetsch et al., 2014). Импульсивность изучается как одна из базовых биологически обусловленных характеристик индивидуальности и у людей, и у животных. Когнитивная импульсивность у крыс сопровождалась пониженными характеристиками памяти, реверсивного обучения и переключения (как и у людей), а поведенческая импульсивность наоборот (Зайченко и др., 2016). Однако в последнем случае успешные крысы могли быть быстрыми—точными, а не импульсивными, но авторы не анализировали индивидуальные данные на выявление 4 типов стратегий поведения.

Упомянутые работы проводились на млекопитающих. У рептилий же (ящериц, черепах и крокодилов) индивидуальные различия поведения обнаружены на материале экстраполяции (Очинская, 1971, 1988, 1990; Стешенко, 1969). Характер поведения животного соответствует типу его высшей нервной деятельности, наиболее проявляющемуся в социальных взаимодействиях, в том числе у рептилий, у которых выделены половозрастные и социальные индивидуально-типологические группы, а по характеру использования пространства ювенильные особи разделены на «бродяг» и «кочевников» (Целлариус и др., 2008). Змеи и синеязыкие сцинки учитывают границы своего тела при выборе отверстия в ширме для достижения приманки. Сцинки модифицируют схему тела и переносят опыт в новые ситуации (Хватов и др., 2015).

Экспериментальное исследование

Мы впервые изучали: а) одновременно все 3 названные выше параметра ПР совместно с анализом 4 указанных типов стратегий поведения, б) у рептилий.

Цель

Пилотажное исследование основных параметров ПР (правильности/ошибочности; времени; поведенческих реакций по ориентировке и сбору зрительной информации, колебаниям в выборе) и индивидуальных стратегий реагирования при выборе альтернатив поведения рептилиями.

Методика

Исследовался выбор пути в Т-образном лабиринте обыкновенными ужами (*Natrix natrix*) в задаче цветоразличения, которое слабо изучено у рептилий. Лабиринт состоял из: стартовой камеры (СК); малого коридора (МК) и большого коридора (БК), на концах которого были две цветные кабинки: красная (КК) и зеленая (ЗК), для которых были уравниены условия по освещенности, температуре, тактильным характеристикам, зрительному окружению и исключено влияние запаха (Желанкин, Скотникова, 2017).

Предварительно у ужей выработывалось научение выбирать кабинку по цвету: ЗК, а не КК, что в ЗК подкреплялось теплом пола, либо запахом корма, либо кормом. Выбор ЗК не мог быть вызван реакцией на ее тепло, так как ужи не имеют дистантных терморецеп-

торов (а имеют лишь контактные) и потому не могут ощущать тепло на расстоянии 30 см от выхода из МК в БК до входа в кабинку. С каждым из 6 ужей проведены 14 опытов с обычными условиями и 9 с затрудненными, что обеспечивалось одним из 3 способов: 1) повышением освещенности в БК до 65 лк (близкой к 70 лк на входе в кабинку), 2) амбивалентностью подкрепления: в ЗК был запах слизи лягушки на салфетке, а в КК пустая салфетка; либо в ЗК было кормление мясом лягушки, а в КК пустой кронштейн для мяса, 3) утомлением ужей (2-м или 3-м опытом подряд, следовавшим сразу после 1-го без обычного перерыва), 4) вращением пола в СК.

В каждом опыте путем видеосъемки регистрировались следующие характеристики.

- 1) Результат верного выбора (ЗК) либо ошибочного (КК).
- 2) 8 значений времени движения (ВД): от входа в БК до ЗК ($ВД_{БК\text{вер}}$) либо до КК ($ВД_{БК\text{ош}}$). и общее время движения от СК до ЗК ($ВД_{ОБШ\text{вер}}$) либо до КК ($ВД_{ОБШ\text{ош}}$). В 14 опытах с обычными условиями эти показатели даны с индексами 1, в 9 опытах с затрудненными условиями – с индексами 2. По данным и обычных, и затрудненных опытов для группы из 6 ужей вычислялись средние значения ВД: в обычных условиях – $ВД_{БК\text{вер}1}$, $ВД_{БК\text{ош}1}$, $ВД_{ОБШ\text{вер}1}$, $ВД_{ОБШ\text{ош}1}$, в затрудненных условиях – $ВД_{БК\text{вер}2}$, $ВД_{БК\text{ош}2}$, $ВД_{ОБШ\text{вер}2}$, $ВД_{ОБШ\text{ош}2}$. Подсчитывались 8 значений числа поворотов головы и/или тела ужа при верном выборе в верную и в ошибочную сторону и так же при ошибочном выборе: в обычных условиях число поворотов при верном выборе (ЗК) в сторону ЗК ($n_{1\text{пов}\text{вер}}$) и в сторону КК ($n_{1\text{пов}\text{ош}}$) и при ошибочном выборе (КК) – в сторону КК ($n_{2\text{пов}\text{ош}}$) и в сторону ЗК ($n_{2\text{пов}\text{вер}}$), т. е. 4 значения числа поворотов в обычных условиях и аналогичные 4 значения в затрудненных условиях. Значимость различий этих показателей оценивалась по Т-тесту Вилкоксона, U-тесту Манна–Уитни и тесту ξ^2 Фишера, а значений $ВД_{ОБШ\text{вер}}$, $ВД_{ОБШ\text{ош}}$, $ВД_{БК\text{вер}}$, $ВД_{БК\text{ош}}$. – по Т-тесту Вилкоксона.

Результаты и их обсуждение

1. Для проверки правила Свенссона сравнивались данные опытов в обычных и затрудненных условиях.
 - а) В 14 опытах с обычными условиями движения в ошибочную сторону (к КК) были в среднем более чем вдвое быстрее движений в верную сторону (к ЗК): $ВД_{БК\text{ош}1} = 22,5 < ВД_{БК\text{вер}1} = 46,2$, $p < 0,01$; $ВД_{ОБШ\text{ош}2} = 43,7 < ВД_{ОБШ\text{вер}2} = 102,7$, $p < 0,01$.

- б) В 9 опытах с затрудненными условиями движения в ошибочную сторону (к КК) были медленнее движений в верную сторону (к ЗК). В БК при $p < 0,05$: $ВД_{БК\text{ош}3} = 33,5 > ВД_{БК\text{вер}3} = 27,0$, а в общем по лабиринту в тенденции: $ВД_{ОБШ\text{ош}4} = 60,8 > ВД_{ОБШ\text{вер}4} = 45,7$, т. е. подтвердилось правило Свенссона для времени ответа, установленное по данным, полученным на людях.
2. Повороты головы и/или тела ужей в МК и БК в сторону ЗК (верного выбора) и в сторону КК (ошибочного выбора) отражать их ориентировку, сбор зрительной информации, а также колебания в фазе предрешения перед окончательным ПР (по терминологии Козелецкого, 1979) о выборе кабинки.

- а) В обычных условиях число поворотов к выбранной кабинке было больше, чем к отклоненной, как при верном выборе ($n_{1\text{пов вер}} = 5,4 > n_{1\text{пов ош}} = 3,9$, $p < 0,01$), так и при ошибочном ($n_{2\text{пов ош}} = 3,9 > n_{2\text{пов вер}} = 2,6$, $p < 0,01$). То же соотношение обнаружено и в затрудненных условиях как при верном выборе ($n_{3\text{пов вер}} = 6,7 > n_{3\text{пов ош}} = 4,3$, $p < 0,01$), так и при ошибочном ($n_{4\text{пов ош}} = 3,8 > n_{4\text{пов вер}} = 2,7$, $p < 0,01$). Это указывает на подготовку выбора на фазе предрешения.

В целом путь в лабиринте выбирался ужами после неоднократного сравнения обеих альтернатив (2,39–3,83 поворотов к ЗК и к КК в каждом опыте). Эти повороты, видимо, выполняли функцию получения информации, «свидетельств» в пользу сравниваемых альтернатив решения. У каждого ужа число поворотов головы было больше в сторону выбранного пути в лабиринте, чем в сторону отклоненного пути как при верных, так и при ошибочных выборах ($p < 0,05$). Суммарное для всех шести ужей число поворотов в выбранную сторону составило 277, а в отклоненную — 186, т. е. путь, который будет выбран, ужи проверяли чаще отклоненного пути, как бы пробуя и пробуя свой выбор.

- б) В обычных условиях число поворотов было больше при верном выборе (ЗК), чем при ошибочном (КК) — к выбранной кабинке в тенденции: $n_{1\text{пов вер}} = 5,4 > n_{2\text{пов ош}} = 3,9$, а к отклоненной при $p < 0,05$: $n_{1\text{пов ош}} = 3,9 > n_{2\text{пов вер}} = 2,6$. В затрудненных условиях, наоборот, это наблюдалось при $p < 0,05$ для числа поворотов к выбранной кабинке: $n_{3\text{пов вер}} = 6,7 > n_{4\text{пов ош}} = 3,8$, а к отклоненной в тенденции: $n_{3\text{пов ош}} = 4,3 > n_{4\text{пов вер}} = 2,7$.
- в) В обычных условиях среди поворотов к выбранной кабинке их было больше к верной кабинке (ЗК), чем к ошибочной (КК), в тенденции: $n_{1\text{пов вер}} = 5,4 > n_{2\text{пов ош}} = 3,9$; $T = 32$, $n = 14$, а сре-

ди поворотов к отклоненной кабинке – наоборот, их было больше к ошибочной кабинке (КК), чем к верной (ЗК), при $p < 0,05$: $n_{1\text{пов ош}} = 3,9 > n_{2\text{пов вер}} = 2,6$, $T = 23$, $n = 14$. В затрудненных условиях то же самое наблюдалось при $p < 0,05$ для числа поворотов к выбранной кабинке: $n_{3\text{пов вер}} = 6,7 > n_{4\text{пов ош}} = 3,8$, $T = 7$, $n = 9$ и в тенденции для числа поворотов к отклоненной кабинке: $n_{3\text{пов ош}} = 4,3 > n_{4\text{пов вер}} = 2,7$; $T = 10,5$, $n = 9$, т. е. среди выбранных кабинок ужи чаще смотрят на верную (ЗК), что логично, т. к. ее и надо выбирать. А среди отклоненных кабинок – наоборот, ужи чаще смотрят на ошибочную (КК), что тоже логично, так как ее и надо отклонять.

Во всем массиве опытов за счет суммарного по обычным и затрудненным условиям количества измерений (23) число поворотов было больше при верном выборе, чем при ошибочном, как к выбранной кабинке ($n_{1\text{пов вер}} = 5,9 > n_{2\text{пов ош}} = 3,9$, $p < 0,05$), так и к отклоненной ($n_{1\text{пов ош}} = 4,0 > n_{2\text{пов вер}} = 2,7$, $p < 0,05$), по тесту Вилкоксона, и по тесту χ^2 Фишера: $n_{1\text{пов вер}} = 5,9 > n_{2\text{пов ош}} = 3,9$, $p < 0,05$ и $n_{1\text{пов ош}} = 4,0 > n_{2\text{пов вер}} = 2,7$, $p < 0,05$.

Во всем массиве опытов эти факты подтвердились достоверно за счет суммарного по обычным и затрудненным условиям количества измерений (23).

Видимо, перед верным выбором ужи чаще проверяют себя такие повороты отражают проверку себя ужам на фазе предрешения, именно это замедляет его в обычных условиях ($ВД_{\text{БК ош}} = 22,5 < ВД_{\text{БК вер}} = 46,2$; $ВД_{\text{ОБШ ош}} = 43,7 < ВД_{\text{ОБШ вер}} = 102,7$), но обеспечивает его правильность. При этом движения при верных выборах совершаются медленнее, чем при ошибочных почти в полтора раза: $ВД_{\text{БК ош}} = 26,8 < ВД_{\text{БК вер}} = 38,7$ в 1,44 раза, что, возможно характеризует более внимательное поведение. При ошибочном же выборе таких проверочных движений меньше, поэтому выбор совершается поспешнее и потому часто неправильно. Во всем массиве опытов при верном выборе среднее число поворотов в верную сторону (к ЗК) более чем вдвое больше, чем при ошибочном ($5,9 > 2,7$), а среднее число поворотов в ошибочную сторону (к КК) почти одинаково (4,0 и 3,9).

В затрудненных условиях среднее число поворотов в обе стороны при верном выборе (ЗК: $n_{1\text{пов вер}} = 6,7$; $n_{1\text{пов ош}} = 4,3$) стало несколько больше среднего числа поворотов в целом по всем опытам (5,9 и 3,94,0), тогда как среднее число поворотов в обе стороны при ошибочном выборе (КК: $n_{2\text{пов вер}} = 3,8$; $n_{2\text{пов ош}} = 2,7$) почти не изменилось (по всем опытам 4,03,9 и 2,7). Все это вновь указыва-

ет на тщательную проверку ужами себя перед верным выбором, особенно при затруднении решения. Это перекликается с многократными проверками себя рефлексивными лицами при выборе фигуры, идентичной эталону, в тесте Кагана, что ведет к медленным, но чаще верным решениям, тогда как у импульсивных проверок меньше, и потому их решения быстрые, но часто ошибочные (Messer, 1976, цит. по: Скотникова, 2008б).

Факт выбора ужами того пути в лабиринте, в сторону которого они чаще поворачивали голову, согласуется с моделями ПР людьми, согласно которым выбирается та альтернатива решения, в пользу которой накапливается больше информационных свидетельств (Шендяпин, Скотникова 2015, см. там же обзор моделей). В данном случае при более частых поворотах головы ужа в сторону одного из путей в лабиринте (правого или левого), видимо, больше накапливалось зрительной информации, т. е. свидетельств об этом пути, и потому именно он и выбирался. Подсчет числа поворотов головы животных в стороны той и другой альтернатив решения — это наш методический прием для косвенной количественной оценки объема свидетельств в пользу каждой альтернативы. Нам известна лишь одна работа, где эмпирически оценивался объем свидетельств: по числу вспышек, загоравшихся на каждом из двух экранов, один из которых выбирали испытуемые (тот, где вспышек загоралось больше; Vickers, Pietsch, 2000). Данные о том, что верных выборов больше тогда, когда больше поворотов головы ужа, согласуется с моделями ПР также в том, что при большем объеме свидетельств выше правильность решений.

3. Представленные обще групповые данные не указывают, проявляются ли выделенные нами 2 типа реагирования ужей у одних и тех же особей в разных опытах или это индивидуальные особенности разных особей. Поэтому проведен 2-й этап анализа данных, направленный на выяснение, есть ли индивидуальные различия между ужами в использовании разных типов стратегий, подобные 4 типам реагирования людей по параметру рефлексивности—импульсивности.

Проведена классификация ужей по этим 4 категориям относительно медиан процента ошибочных выборов и времени нахождения в БК (предположительно, это время приема и переработки информации и ПР). Также учитывалось общее число поворотов головы, приходящееся на 1 опыт, и сравнивалось число поворотов к ЗК и к КК для оценки объема свидетельств (входной информации) в пользу этих альтернатив.

У ужей 1 и 5 и процент ошибок (39 и 42) меньше медианы (43), и время выбора (24,6 и 25,8) меньше медианы (32,2) (*условно быстрые—точные*). У ужа 3 процент ошибок (37) меньше медианы, а время выбора (38,1) больше медианы (*условно рефлективный*). У него же было максимальное число поворотов головы, приходящееся на 1 опыт (3,83), что перекликается с большим числом операций по анализу информации, свойственным рефлективным людям. У ужа 2 процент ошибок (44) почти равен медиане (43), время выбора (36,5) больше медианы и по общему числу движений в опыте (3,24) он находится на втором месте (*условно рефлективный*) после ужа 3 — явно рефлективного (у которого их 3,83). У ужа 4 и процент ошибок (56) больше медианы, и время выбора (42,4) больше медианы (*условно медленный—неточный*). У ужа 6 процент ошибок больше медианы и равен 50% (т. е. его выборы выглядят как случайные), а время выбора (27,9) меньше медианы (*условно импульсивный*).

Заключение

Совместная регистрация и анализ основных параметров ПР (правильности—ошибочности, времени и поведенческих реакций на стадии предрешения) позволило проследить его процессуальное осуществление при выборе ужами пути в лабиринте и обнаружить феномены, подобные тем, что известны для ПР людьми при выборе из альтернатив.

1. В обычных условиях движения ужей при ошибочном выборе цвета быстрее движений при верном выборе, а в трудных условиях — медленнее, что согласуется с правилом Свенссона, установленным у людей.
2. Большее число поворотов головы ужей в выбранную сторону, чем в отклоненную, указывает на подготовку выбора на фазе предрешения. Большее число поворотов, чем при ошибочном, указывает на их более тщательную проверку себя перед верным выбором, что замедляет этот выбор, но обеспечивает его правильность.
3. Выявлены 4 индивидуальных типа реагирования ужей в ходе выбора решения (на основании времени прохождения лабиринта, числа ошибочных и верных выборов и числа поворотов головы при этих выборах), подобных рефлективному, импульсивному, быстрому—точному и медленному—неточному стилям поведения людей в когнитивных задачах. Видимо, рефлективность—

импульсивность — одна из базовых характеристик индивидуальности и у людей, и у животных.

Подтверждаются концептуальные представления теории функциональных систем и эмпирические сведения о сходстве ряда механизмов ПР у человека и животных, а также продуктивность субъектно-поведенческого подхода к изучению психики животных.

Литература

- Анохин П. К.* Философский смысл проблемы естественного и искусственного интеллекта // Синергетика и психология. М., 2004. С. 301–319.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
- Желанкин Р. В., Скотникова И. Г.* Индивидуальные различия принятия решения обыкновенными ужами при выборе альтернатив поведения // II Всероссийская научная конференция «Эволюционная и сравнительная психология в России». М., 2017. С. 161–171.
- Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.
- Корнилова Т. В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в ситуациях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016.
- Скотникова И. Г.* Категория «субъект» и уровни субъектности // Личность и бытие: субъектный подход». К 75-летию со дня рождения А. В. Брушлинского М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008а. С. 76–80.
- Скотникова И. Г.* Проблемы субъектной психофизики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008б.
- Скотникова И. Г., Желанкин Р. В.* Стратегии принятия решения в задачах выбора рептилиями из альтернатив (и возможные параллели с человеком) // VIII Международная конференция по когнитивной науке. Светлогорск, 2018 (в печати).
- Хватов И. А., Соколов А. Ю., Харитонов А. Н.* Схема собственного тела у змей *Lampropeltis triangulum campbelli* // Экспериментальная психология. 2015а. Т. 8. № 2. С. 119–138.
- Шендяпин В. М., Скотникова И. Г.* Моделирование принятия решения и уверенности в сенсорных задачах. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Smith P., Ratcliff R.* Psychology and neurobiology of simple decisions // Trends in neuroscience. 2004. V. 27. P. 161–168.
- Vickers D., Pietsch A.* Decision making and memory: predicting accuracy, response time and confidence on individual trials // Fechner Day '2000:

Proceedings of the 16th Annual Meeting of the International Society for Psychophysics / Ed. by C. Bonnet. Strasbourg: France, 2000. P. 115–120.

**Reptiles' activity and individual peculiarities
in decision making process: subject–behavior oriented approach**

*I. G. Skotnikova**, *R. V. Zhelankin*** (Moscow)

* Doctor of Psychology, Institute of Psychology RAS

** Center for biopsychological research of Moscow psychoanalysis institute

Subject–Behavior Oriented Approach is developed regarding animals' mind study (which continues Subject–Activity Oriented Approach in psychology) in the frame of classic evolutionary – genetics tradition in “Subject” notion understanding. Behavior alternatives choice was studied in grass snakes which discriminated between colors. Joint registration of main decision making parameters (accuracy, speed and behavior reactions during a pre decision) allowed to follow it's process. In ordinal conditions snakes' movements were faster during incorrect choices than during correct ones while in difficult conditions vice versa. A number of snake's head turns to a chosen side of T-maze was greater than to a declined one. In points to a choice preparing in a pre decision stage. A number of turns in cases of correct choices was greater than in cases of incorrect ones. In points that the animals check themselves carefully before the correct choice. Therefore this choice becomes slower but correct. Results presented agree with some data obtained in humans. It confirms evidences pointed to similarity of some decision making mechanisms in humans and animals.

Keywords: active subject, reptiles' behavior, choice of alternatives, decision making, reflection–impulsivity, individual strategies, colors discrimination.

Учет аргентинскими тегу естественных и увеличенных границ собственного тела в ходе решения пищедобывательной задачи

И. А. Хватов, А. Ю. Соколов** (Москва)*

** кандидат психологических наук, Московский институт психоанализа, Московский государственный психолого-педагогический университет; e-mail: ittkrot1@gmail.com*

*** кандидат биологических наук, Московский институт психоанализа; e-mail: khvatovia@mgppu.ru*

Целью настоящей работы являлось изучение способности аргентинских тегу учитывать естественные и увеличенные границы собственного тела при взаимодействии с объектами окружающей среды в ходе решения пищедобывательной задачи. В процессе эксперимента варьировались размеры отверстий экспериментальной установки, через которые проникало животное, а также границы тел животных. Было установлено, что тегу способны научиться учитывать естественные границы собственного тела при взаимодействии с внешними объектами. При изменении границ тела тегу таким образом, что данные изменения препятствовали осуществлению животным ранее выученного поведения проникновения в определенные типы отверстий, данные животные научались учитывать то, что отверстия, ранее проницаемые для естественных границ их тел, стали непроницаемыми после увеличения данных границ. Мы объясняем это тем, что тегу способны строить схему своего тела (при его естественных границах), а также модифицировать ее при увеличении границ их тел.

Ключевые слова: научение, схема тела, рептилии, тегу, самоотражение.

Рептилии и амфибии хотя систематически и отстоят далеко от человека, обнаруживают множество особенностей, характерных для птиц и млекопитающих, включая сложную коммуникацию, решение проб-

Исследование поддержано грантом РФФИ № 17-06-00832-ОГН.

лем при ориентации в лабиринте, заботу о потомстве, социальность и даже игру (Burghardt, 2013). Некоторые авторы полагают, что именно у земноводных впервые формируются поведенческие модели пространственной ориентации и формирования пространственных навыков характерные для теплокровных позвоночных – к примеру, грызунов (Daneri et al., 2011). Таким образом, изучение когнитивных процессов у рептилий является перспективным направлением исследований для обеспечения более глубокого понимания хода эволюции психики.

Цель настоящего исследования заключалась в изучении способности аргентинского тегу учитывать как естественные, так и увеличенные границы собственного тела при взаимодействии с объектами внешней среды в ходе решения пищедобывательной задачи.

Гипотезы исследования

- 1) Тегу способны научиться учитывать естественные границы собственного тела при решении пищедобывательной задачи.
- 2) При изменении границ тела тегу таким образом, что данные изменения будут препятствовать осуществлению животным ранее выученного поведения, данные животные модифицируют схему своего тела, что будет выражаться в том, что они сформируют новый навык с учетом объективных изменений границ их тела.

Испытуемые животные. В эксперименте принимали участие 4 взрослых самца аргентинского тегу (*Tupinambis merianae*) в возрасте от 2 до 3 лет.

Оборудование. Экспериментальная установка была организована в прямоугольном вертикальном террариуме. (Высота террариума составляла 900 мм, боковые стороны составляли 1400 мм). Внутри, в центре террариума, располагался проблемный ящик квадратной формы (размер ящика: 300×300×500 мм). В каждой из боковых стенок ящика располагалось по одному отверстию на высоте 30 мм над уровнем пола.

Условия в экспериментальном террариуме. В качестве субстрата использовалась смесь: 1/3 – дробленая кора пихты; 1/3 – кокосовое волокно, 1/3 – кокосовая крошка. Субстрат и стенки террариума увлажнялись каждые 2 дня (после проведения экспериментальных проб). Также в террариуме располагалась поилка с водой.

Под террариумом располагался термокабель, занимавший половину площади дна террариума. Террариум освещался ультрафиолетовой лампой и термолампой. Уровень освещения под лампой –

300 люкс. Цикл содержания день/ночь: 12/12 часов. Температура на обогреве: 37°C днем и 24°C ночью. Фоновая температура: 25°C днем и 20°C ночью.

Кормление животного осуществлялось только внутри экспериментальной установки таким образом, что для достижения корма животному необходимо было проникать головой в одно из отверстий.

Независимыми переменными в экспериментах являлись:

- 1) границы объектов внешней среды – диаметр отверстий в экспериментальной установке;
- 2) границы тела животного.

Зависимыми переменными в экспериментах являлись:

- 1) время решения экспериментальной задачи в каждой пробе (от момента помещения корма внутрь проблемного ящика до момента достижения его тегу через одно из отверстий);
- 2) количество успешных и неуспешных попыток проникновения в различные типы отверстий.

Диаметр отверстий мог варьироваться 3 способами:

- малое отверстие (далее – S) диаметром 40 мм, в такое отверстие проходил только кончик морды тегу;
- среднее отверстие (далее – M) диаметром 100 мм, в такое отверстие проникала голова тегу при ее естественных размерах, но не при увеличенных границах тела;
- большое отверстие (далее – L) диаметром 160 мм, в такое отверстие проникала голова тегу и при естественных и при увеличенных границах.

Процедура увеличения границ тела тегу. В область лобного щитка на голове тегу с помощью цианоакрилата крепилось 2 винта из нержавеющей стали шляпками вниз. В результате данной операции части винтов с резьбой выступали над поверхностью головы на высоту 3 мм. К данным винтам в дальнейшем крепился объект в форме прямо треугольной призмы с размерами катетов 65 мм и шириной 35 мм. Призма крепилась одним катетом к голове тегу, в результате чего другой катет располагался перпендикулярно голове, препятствуя проникновению в отверстия M. Винты устанавливались тегу из экспериментальной группы перед началом всего эксперимента. Объект крепился за 5 мин до начала проб, в ходе которых границы тела животного должны были быть увеличены, и снимался спустя 5 мин после ее окончания.

Процедура эксперимента

В эксперименте принимали участие две группы испытуемых:

- 1) Контрольная группа (2 особи), с помощью которой изучалось влияние изменения характеристик внешней среды на поведение животного при неизменности характеристик его тела – варьировались только характеристики внешней среды;
- 2) Экспериментальная группа (2 особи), с помощью которой изучалось влияние изменения границ тела животного на его поведение – варьировались характеристики внешней среды и характеристики тела животных.

Перед началом эксперимента каждый тегу в течение 5 дней содержался в экспериментальном террариуме для адаптации к экспериментальным условиям. В начале каждой пробы внутри экспериментальной установки помещалась приманка – корм. В качестве корма использовался труп мыши. Время пробы не ограничивалось; проба считалась завершенной, когда тегу достигал приманки, проникнув в одно из отверстий. Пробы проводились в светлое время суток с интервалом в 48 ч. По окончании пробы корм изымался из экспериментальной установки.

Эксперимент состоит из 3 серий для контрольной группы и 4 серий для экспериментальной. Каждая серия состояла из 20 проб. Критерий формирования навыка: снижение количества неуспешных попыток достижения приманки через отверстия.

Описание экспериментальных серий контрольной группы

- Серия 1. Схема расположения отверстий № 1 – М; № 2 – S; № 3 – S; № 4 – S. Задачей первой экспериментальной серии являлось формирование у животного навыка наиболее быстрого проникновения во второй отсек.
- Серия 2. Схема расположения отверстий менялась (№ 1 – S; № 2 – S; № 3 – L; № 4 – S) таким образом, что отверстие М располагалось в другой части экспериментальной установки. Животное должно было перестроить ранее сформированный навык.
- Серия 3. Схема расположения отверстий снова менялась (№ 1 – S; № 2 – S; № 3 – S; № 4 – М). Остальные параметры были аналогичны предыдущей серии.

Описание экспериментальных серий экспериментальной группы

- Серия 1. Первая экспериментальная серия была аналогична серии 1 контрольной группы.

- Серия 2. Схема расположения отверстий менялась (№ 1 – М; № 2 – S; № 3 – L; № 4 – S.). Границы тела животных увеличивались. Животное более не могло проникнуть в отсек 2 через отверстие М и должно было перестроить навик.
- Серия 3. Границы тела животного оставались увеличенными, а схема расположения отверстий менялась (№ 1 – М; № 2 – S; № 3 – М; № 4 – L). Животным было необходимо реорганизовать навик.
- Серия 4. Границы тела животного были увеличены, а схема расположения отверстий менялась (№ 1 – М; № 2 – L; № 3 – М; № 4 – М). Животным было необходимо реорганизовать навик.

Результаты контрольной группы

- Серия 1. В первых пяти пробах количество успешных попыток проникновения в отверстия составило 10, неуспешных попыток проникновения – 43; в последних пяти пробах: успешных – 10, неуспешных – 0 (распределения достоверно отличаются друг от друга $\chi^2_{\text{Yates}}=21,95$; $df=1$; $p<0,01$).
- Серия 2. В первых пяти пробах количество успешных попыток проникновения в отверстия составило 10, неуспешных попыток проникновения – 12; в последних пяти пробах: успешных – 10, неуспешных – 1 (распределения достоверно отличаются друг от друга $\chi^2_{\text{Yates}}=4,58$; $df=1$; $p<0,05$). При этом в серии 2 на первых 5 пробах количество неуспешных попыток проникновения достоверно ниже, нежели на первых 5 пробах серии 1 ($\chi^2=5,62$; $df=1$; $p<0,05$).
- Серия 3. В первых пяти пробах количество успешных попыток проникновения в отверстия составило 10, неуспешных попыток проникновения – 1; в последних пяти пробах: успешных – 10, неуспешных – 0 (распределения не имеют достоверных отличий друг от друга $\chi^2_{\text{Yates}}=0,002$; $df=1$; $p>0,05$).

Результаты экспериментальной группы

- Серия 1. В первых пяти пробах количество успешных попыток проникновения в отверстия составило 10, неуспешных попыток проникновения – 48; в последних пяти пробах: успешных – 10, неуспешных – 0 (распределения достоверно отличаются друг от друга $\chi^2_{\text{Yates}}=24,29$; $df=1$; $p<0,01$).
- Серия 2. В первых пяти пробах количество успешных попыток проникновения в отверстия составило 10, неуспешных попыток

- проникновения в отверстия М – 73; в последних пяти пробах: успешных – 10, неуспешных в отверстия М – 1 (распределения достоверно отличаются друг от друга $\chi^2_{\text{Yates}}=31,51$; $df=1$; $p<0,01$).
- Серия 3. В первых пяти пробах количество успешных попыток проникновения в отверстия составило 10, неуспешных попыток проникновения в отверстия М – 19; в последних пяти пробах: успешных – 10, неуспешных в отверстия М – 1 (распределения достоверно отличаются друг от друга $\chi^2_{\text{Yates}}=8,02$; $df=1$; $p<0,01$). При этом в серии 3 на первых 5 пробах количество неуспешных попыток проникновения достоверно ниже, нежели на первых 5 пробах серии 2 ($\chi^2=7,37$; $df=1$; $p<0,01$).
 - Серия 4. В первых пяти пробах количество успешных попыток проникновения в отверстия составило 10, неуспешных попыток проникновения в отверстия М – 2; в последних пяти пробах: успешных – 10, неуспешных в отверстия М – 0 (распределения не имеют достоверных отличий друг от друга $\chi^2_{\text{Yates}}=0,371$; $df=1$; $p>0,05$).

Обсуждение результатов

В серии 1 у тегу обеих групп формировался навык достижения приманки кратчайшим путем, о чем свидетельствует снижение количества неуспешных попыток проникновения.

Кроме того, мы имеем основание утверждать, что тегу научились учитывать естественные границы собственного тела при взаимодействии с объектами внешней среды к концу серии № 1. Об этом свидетельствует тот факт, что в серии № 2 тегу контрольной группы совершали меньше неуспешных попыток достижения приманки, нежели в серии № 1, а в серии № 3 – меньше, чем в серии № 2. Это означает, что в ходе серии № 1 ящерицы не только выучили схему расположения отверстий в лабиринте, но и то, что отверстие типа S непроницаемо для их головы. В серии № 2, когда схема расположения отверстий изменилась, они перенесли данный опыт в новую ситуацию, в которой ранее проницаемое отверстие стало слишком малым.

У испытуемых контрольной выборки данный навык сложился (достиг устойчивого состояния) уже к серии № 3, так как количество попыток проникновения было низким уже в начале серии и к ее концу не снижалось.

У испытуемых же экспериментальной группы увеличение границ тела вызвало, как мы полагаем, большие трудности в дальнейшем решении задачи. Это выразалось в том, что они в сравнении с испытуемыми контрольной группы совершали больше неуспеш-

ных попыток достижения приманки в серии № 2. Однако в сериях № 3 и 4 количество неуспешных попыток проникновения в отверстия М снижалось. Мы объясняем это тем, что к 4-й серии у ящериц экспериментальной выборки завершилась модификация схемы тела путем включения в нее инородного объекта. Животные научились учитывать увеличенные границы собственного тела.

В ранних исследованиях, проводившихся на тараканах *Periplaneta americana* (Хватов, 2011), в ходе которых у животных экспериментальной группы также увеличивали границы тела, а для контрольной группы изменялась схема отверстий в экспериментальной установке, были получены существенно иные результаты. Во-первых, членистоногие как при изменении границ тела, так и при изменении размера отверстий демонстрировали одинаковое поведение (по соотношению успешных и неуспешных попыток проникновения в отверстия). Во-вторых, членистоногие не переносили ранее приобретенный опыт (как при естественных, так и при измененных границах их тела) из одной серии в другую – в каждой следующей серии навык формировался у них «с нуля»: животные совершали такое же количество неуспешных попыток проникновения в отверстия слишком маленькие для границ их тела, как и в предыдущей серии.

Аналогичные эксперименты проводились на крысах сцинках и змеях. На крысах (Хватов и др., 2016б), сцинках (Хватов и др., 2016а) и лучистых полозах (Хватов и др., 2017) были получены результаты, сходные с теми, что мы наблюдали в рамках настоящего исследования: эти пресмыкающиеся продемонстрировали способность научиться учитывать как естественные, так и увеличенные границы тел. Королевские змеи продемонстрировали способность учитывать только естественные, но не увеличенные границы своих тел (Хватов и др., 2017).

Выводы

1. Гипотеза № 1 была подтверждена: тегу способны научиться учитывать естественные границы собственного тела при решении пищедобывательной задачи.
2. Гипотеза № 2 была подтверждена: при изменении границ тела тегу таким образом, что данные изменения будут препятствовать осуществлению животным ранее выученного поведения, данные животные модифицируют схему своего тела, что будет выражаться в том, что они сформируют новый навык с учетом объективных изменений границ их тела.

Литература

- Хватов И. А. Специфика самоотражения у вида *Periplaneta americana* // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 1. С. 28–40.
- Хватов И. А., Соколов А. Ю., Харитонов А. Н. Сравнительный анализ восприятия физических характеристик собственного тела у змей *Lampropeltis triangulum campbelli* и *Elaphe radiata* // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 3. С. 126–136.
- Хватов И. А., Соколов А. Ю., Харитонов А. Н. Учет границ собственного тела сцинками *Tiliqua gigas* // Экспериментальная психология. 2016а. Т. 9. № 3. С. 54–71.
- Хватов И. А., Соколов А. Ю., Харитонов А. Н., Куличенкова К. Н. Схема собственного тела у грызунов (на примере крыс *Rattus norvegicus*) // Экспериментальная психология. 2016б. Т. 9. № 1. С. 112–130.
- Burghardt G. M. Environmental enrichment and cognitive complexity in reptiles and amphibians: Concepts, review, and implications for captive populations // Applied Animal Behaviour Science. 2013. V. 147 (3–4). P. 286–298.
- Daneri M. F., Casanave E., Muzio R. N. Control of spatial orientation in terrestrial toads (*Rhinella arenarum*) // Journal of Comp. Psychol. 2011. V. 125 (3). P. 296–307.

Tupinambis lizards take into account natural and increased own body limits during solving the food-reaching problem

*I. A. Khvatov**, *A. Yu. Sokolov*** (Moscow)

* Candidate of Psychological Sciences, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow State University of Psychology & Education

** Candidate of Medical Sciences, Moscow Institute of Psychoanalysis

The goal of this work was to study the ability of Tupinambis lizards take into account the natural and increased limits of their own bodies during the process of interaction of the animal's body and external objects in the course of solving the food-reaching problem. During the experiment we varied the proportions of the holes in the experimental setup, through which the animal penetrated, and the limits of the animal bodies. It was found that Tupinambis lizards can learn to take into account the natural limits of their own body when interacting with external objects. When the limits of the lizard body were changed so that these changes prevent the animals from penetration into certain types of holes, these animals learned to take into account the fact that the holes previously permeable to the natural limits of their bodies be-

came impenetrable after increasing these limits. We state that these data indicate that Tupinambis lizards are capable of constructing their body schema (with its natural limits), and they are able to modify it with increasing limits of their bodies.

Keywords: learning, body schema, reptiles, *Tupinambis*, self-reflection.

Раздел IX

СУБЪЕКТ ТРУДА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Личность и ценности социальных воспитателей в контексте субъект-субъектного взаимодействия

А. А. Алдашева (Москва), Е. В. Федосенко** (Санкт-Петербург)*

** доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: aigultata@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, Балтийский гуманитарный институт; e-mail: efedosenko@yandex.ru*

В статье рассматриваются результаты исследований иерархической структуры ценностных ориентаций и личностных характеристик воспитанников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и их социальных воспитателей. Было сделано гипотетическое предположение о схожести ценностных ориентаций и некоторых личностных характеристик социальных воспитателей и их воспитанников, а также наличии групп с полярной (значительными различиями) иерархией ценностей и личностными характеристиками, которое подтвердилось результатами исследованиями. Установлено два основных типа групп воспитанников и их воспитателей: 1) «максимальное сходство»; 2) «максимальное различие». Выявлено, что наиболее значимы во всех типах групп для воспитателей и их воспитанников ценности альтруистической направленности («милосердие и помощь людям», «любовь»), а также социальная ценность — признание в обществе. Сама иерархическая структура в группе первого типа идентична у социальных воспитателей и их воспитанников, а во второй — противоположна.

Ключевые слова: ценностные ориентации, дети-сироты, субъектность, субъект-субъектное взаимодействие, социальные воспитатели, личностные характеристики.

Введение

Проблема сиротства — одна из самых серьезных проблем любого общества. Сегодня она вызывает беспокойство исследователей все-

го мира, основной исследовательский вопрос: как учителя, воспитатели могут поддержать детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации в достижении ответственной взрослой жизни? При определении концепта «взрослая жизнь», в первую очередь, необходимо более подробно рассматривать роль систем культурных ценностей. Предполагается, что культура — это широкая абстракция, которая включает в себя формы знания общества, системы убеждений, языки, религию и ценности; они становятся настоящими в руководстве детьми к взрослой жизни. Особое влияние в данном контексте играет учреждение для детей-сирот и образовательное учреждение, которые являются основными институтами социализации, вынужденными заменить семейный микросоциум для уязвимых детей. Целью данной статьи явилось рассмотрение ценностных ориентаций и личностных характеристик воспитанников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и их социальных воспитателей. Было выдвинуто гипотетическое предположение о схожести ценностных ориентаций и некоторых личностных характеристик социальных воспитателей и их воспитанников, а также наличии групп с полярной (значительными различиями) иерархией ценностей и личностными характеристиками.

Теории и исследования ценностей

Основы теории ценностей широко представлены в социальной философии, социологии, в трудах М. Вебера, В. Виндельбанда, Н. А. Бердяева, Н. Гартмана, И. Канта, Г. Риккерта, В. С. Соловьева, П. А. Сорокина, В. Франкла, М. Шеллера, А. Шопенгауэра, А. А. Гусейнова, В. Е. Давидовича, И. И. Докучаева, О. Г. Дробницкого, Д. Зильбермана, М. С. Кагана, М. К. Мамардашвили, А. И. Пригожина, В. П. Тугаринова и др. В обществе в качестве основного инструмента регуляции поведения индивидов выступают социальные нормы (Ж. Батай, И. В. Бестужев-Лада, Е. М. Пеньков, Е. В. Попова, Ю. Хабермас и др.).

Обзор теорий и исследований, связанных с ценностями, показывает, что существуют относительные разногласия по поводу дефиниций понятия «ценностные ориентации». Наиболее отличительной чертой ценностей считается то, что они являются оценочными и указывают на желательное или предпочтительное положение дел (Hofstede, 1980; Kohn, Schooler, 1983; Kluckhohn, 1954; Rokeach, 1973; Williams, 1979; Schwartz, Bilsky, 1987; Schwartz, 1994). Hofstede различает ценности как желаемые и желательные: истинные и мнимые, декларируемые (Hofstede, 1980). Многие ученые также отмечают общий характер ценностей. Ценности являются наиболее абстрактным

типом социального познания, используемым для хранения и руководства общими реакциями на классы стимулов (Kahle, 1996). Роквич (1973) пишет о ценностях как непроходящих верованиях; Хоффстеде (1980) называет их широкими тенденциями. По словам Шварца и Бильского (1987), ценности выходят за рамки конкретных ситуаций. Шварц (1994) приходит к выводу, что ценности являются желательными трансситуационными целями.

В отечественной психологии ценностные ориентации трактуются через понятия отношения, отражения, установки (А. Г. Здравомыслов, Д. Н. Узнадзе, В. В. Сусленко, В. А. Ядов и др.). Советскими психологами ценности рассматриваются через призму самой личности, включенной в общественные отношения, которые и определяют ценностные ориентиры отдельной личности. Как отмечает В. П. Тугаринов, «отдельный человек может пользоваться лишь теми ценностями, которые имеются в его обществе. Поэтому ценности жизни отдельного человека в основе своей суть ценности окружающей его общественной жизни» (Тугаринов, 1960). Направленность личности на те или иные ценности, по Б. Г. Ананьеву, составляет ее ценностные ориентации (Ананьев, 2010). В практических исследованиях особенно широко были исследованы ценностные ориентации, связанные с трудовой деятельностью людей в советском обществе.

В современной психологии существует большое количество практических исследований ценностных ориентаций и ценностно-смысловой сферы личности, в том числе в сфере социальной политики (Алдашева, Зеленова, 2017; и др.).

Генезис ценностей и формирование субъектности

Ценностные приоритеты являются как индивидуальными, так и общими. Ценности действуют на уровне отдельных лиц, учреждений и целых обществ (Hofstede, 1980; Schwartz, 1993). Например, Хехтер (1993) объясняет, что институциональные структуры, такие как семьи, имеют встроенные ценности. Онтогенез ценностей — это и есть воспитание человека в социуме, его социализация. *Формирование ценностей есть формирование субъектности*, оно происходит как длительное накопление опыта, уникальность этого опыта и есть основа ценностных ориентаций. «*Онтогенез и филогенез ценностей почти совпадает*» (Докучаев, 2003, с. 134).

Важность личности учителя, воспитателя уже давно представляет интерес для исследователей образования (напр.: Тайлер, 1960; Барр, 1961). Личность влияет на поведение учителя различными способами: вовлеченность и отношения с учащимися, педагогические под-

ходы и выбранный опыт обучения (Magrau, 1972); последовательную связь между чертами характера учителя и предпочтительным учебным стилем (Kagan, Grandgenett, 1987). Установлена взаимосвязь социально-психологических характеристик педагогов-воспитателей учреждений для детей-сирот и их воспитанников, например, у воспитателей с низким уровнем психологического здоровья и профессиональной удовлетворенности при средне-высоком уровне научно-методической компетентности воспитанники также обладают низким уровнем психологического здоровья, профессиональной направленности при стабильном уровне познавательной компетентности. У педагогов-воспитателей с высоким уровнем профессиональной удовлетворенности, научно-методической компетентности и со средне-высоким уровнем психологического здоровья, наоборот, выявилась тенденция к повышению психологического здоровья, профессиональной направленности и познавательной компетентности воспитанников (Федосенко, 2012).

По результатам проведенных нами исследований ценностных ориентаций (Опросник ценностных ориентаций С. С. Бубновой), личностных характеристик (Пятифакторный личностный опросник Маккрэ–Коста «Большая пятерка») у социальных воспитателей ($n=120$) и воспитанников ($n=386$; 13–16 лет) учреждений для детей-сирот и детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации Санкт-Петербурга (2011–2018 гг.), были выявлены два наиболее ярких типа групп воспитанников и их воспитателей, которые обеспечивают им продуктивное социальное взаимодействие.

Первый тип взаимодействия – «максимальное сходство»: воспитанники обладают схожими личностными характеристиками и иерархической системой ценностных ориентаций со своими социальными воспитателями.

Второй тип – «максимальное различие»: социальным воспитателям и воспитанникам свойственны полярные личностные характеристики, значительные различия в иерархической структуре ценностей. При этом установлено, что вершина структуры ценностей идентична в обеих группах: духовные ценности – «милосердие и помощь людям», «любовь», а также социальная ценность – признание в обществе.

Милосердие, помощь людям у социальных воспитателей может рассматриваться и как профессиональная значимая ориентация, у воспитанников – и как последствия собственного психотравмирующего жизненного опыта. Высокая ценность социального признания у воспитанников, возможно, вызвана неадекватной самооценкой, во многих случаях положением «изгоя в обществе» (насмешек

в школе, непринятие сверстников из благополучных семей и т. п.). Для социальных воспитателей – профессиональными особенностями – ожидание, значимость признания и уважения как в микросоциуме самого учреждения, среди воспитанников, руководства, своей семьи, так и на макроуровне – общества, страны за свой тяжелый труд, самоотдачу.

В группе второго типа в структуру наиболее значимых ценностей у социальных воспитателей входят: здоровье, эстетические, познавательные ценности и общение. У воспитанников – это материальные ценности: высокое материальное положение, приятное времяпрепровождение, удовольствия.

Личность и ценностные ориентации

Некоторые западные исследователи указывают, что несколько механизмов могут связывать ценности и черты характера (Rossas и др., 2002): врожденный темперамент может приводить к возникновению параллельных черт и ценностей; люди стремятся вести себя в соответствии со своими ценностными ориентациями (Rokeach, 1973), и, следовательно, ценности могут влиять на характеристики; черты могут влиять на значения, когда люди оправдывают свои действия личностными особенностями. Доллингер, Леонг и Улични (1996) использовали методику Рокича для изучения связи черт и ценностей личности «большой пятерки». *Их результаты подразумевают, что люди ценят качества, которыми они уже обладают.*

В результате наших исследований подтвердилась гипотеза о схожести личностных черт социальных воспитателей и их воспитанников. Только по факторам «доброжелательность» и «добросовестность» («Большая пятерка») выявлены значимые различия ($p \leq 0,05$). Социальные воспитатели более доброжелательны и открыты, добросовестны и ответственны, обладают сильной волевой регуляцией, однако и воспитанники, и воспитатели – экстраверты, энергичны, чувствительны к стрессу, причем у воспитателей эмоциональная неустойчивость выражена ярче, чем у воспитанников ($p \leq 0,05$). Подобные личностные черты, на наш взгляд, могут объясняться влиянием половыми, гендерными особенностями (в группах данного типа воспитанники в большинстве женского пола, воспитатели во всех группах – женщины) и другими социально-биологическими факторами.

В группе второго типа выявлены достоверно значимые различия ($p \leq 0,01$) воспитанников и социальных воспитателей (в группах в большинстве своем – мальчики, воспитатели – женщины). Толь-

ко по первому и четвертому факторам значимых различий выявлено не было. У воспитанников и воспитателей выражены средние значения по фактору «экстраверсии—интроверсии», можно предположить, что воспитанники в большинстве своем — амбиверты, а воспитатели находятся на грани значений, определяющих интроверсию. Эмоциональная стабильность свойственна и воспитателям, и их воспитанникам, это говорит о тенденции к спокойствию, уравновешенности и расслабленности, а также к их способности противостоять стрессовым ситуациям (Costa, McCrae, 2006). Исследования в этой области связывают эффективность учителя с эмоциональной стабильностью (Gage, 1965). Кроме того, эмоциональная стабильность и навыки учителей влияют на поведение учеников, привязанность к школе и успеваемость (Baker, 1999; Durlak и др., 2011; Hawkins и др., 1999; Wentzel, 2002).

По остальным трем факторам — доброжелательность, добросовестность и открытость — выявлены значимые различия ($p \leq 0,01$). Воспитанники более доброжелательны, доверчивы и мягкосердечны ($p \leq 0,01$), креативны и открыты ($p \leq 0,05$), в отличие от воспитателей, которым свойственна жесткость, подозрительность и сдержанность, а также консервативность. Однако воспитатели обладают высоким уровнем *добросовестности* (заботливы, организованы, старательны), в отличие от низкого уровня своих воспитанников.

В последнее время важность измерения добросовестности лиц социономических профессий вызывает растущий исследовательский интерес. Педагоги, которые демонстрируют более высокий уровень добросовестности, с большей вероятностью достигают продуктивных результатов в образовательной среде (Nguyen и др., 2005). Уровень добросовестности влияет на важные качества учителей, например, учителя с более высоким уровнем добросовестности оценивают свои ученические группы как эффективные и добросовестные, в отличие от учителей с низким уровнем добросовестности (Чэн, Замарро, 2016). Добросовестность значительно предсказывает более эффективное обучение, продуктивность деятельности и постоянство, влияет на проблему «текучести» кадров в образовательных учреждениях (Bastian и др., 2015). Воспитанники же редко проявляют волевые качества, стараясь не усложнять свою жизнь, стремятся к «легкой жизни», недостаточно развиты навыки планирования, могут быть склонны к совершению асоциальных поступков.

Таким образом, была предпринята попытка рассмотреть некоторые теории и исследования ценностных ориентаций и их связи с чертами личности. В результате исследований ценностных ориентаций

и личностных характеристик социальных воспитателей и их воспитанников были выявлены две наиболее часто встречающихся группы: со схожими социально-психологическими характеристиками и, наоборот, различными. Исследование имеет крайне важное значение для социализации и развития детей-сирот, вхождения их во взрослую жизнь, так как подтверждает значимость личности воспитателя как транслятора ценностей, формирования личности. Исследование требует дальнейшего продолжения и интерпретации результатов, а также организации серьезного профессионального отбора социальных воспитателей, разработки модели профессиональных характеристик, которые необходимы социальному воспитателю в профессиональной деятельности.

Литература

- Алдашева А. А., Зеленова М. Е., Понамарева Е. А., Рунец О. В.* Ценностно-смысловые ориентации у социальных воспитателей // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2010.
- Докучаев И. И.* Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб.: Наука, 2009.
- Тугаринов В. П.* Личность и общество. М.: Мысль, 1960.
- Федосенко Е. В.* Профессиональная самореализация специалистов образования как важнейшее условие самореализации детей-сирот // *Педагогическое образование в государствах-участниках СНГ: современные проблемы, концепции, теории и практика*. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции / Под ред. И. И. Соколовой и др. СПб., 2012.
- Marika W de Witt.* Africa's orphan crisis – is it the teacher's concern? // *Journal of Child and Adolescent Mental Health*. 2007. № 19 (1). P. 75–82.
- Rokeach M.* Understanding Human Values: Individual and Societal. N. Y.: Free Press, 1979.
- Milfont T. L., Gouveia V. V.* Time perspective and values: an exploratory study of their relations to environmental attitudes // *Journal of Environmental Psychology*. 2006. № 26. P. 72–82.

The identity and values of social educators in the context of subject-subject interaction

A. A. Aldasheva (Moscow), E. V. Fedosenko** (St Petersburg)*

* Doctor of Psychology, Institute of Psychology of RAS

** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Baltic Humanitarian Institute

In article results of researches of hierarchical structure of valuable orientations and personal characteristics of pupils of institutions for orphan children and children without parental support, and their social tutors are considered. The hypothetical assumption of similarity of valuable orientations and some personal characteristics of social tutors and their pupils and also presence of groups with polar (significant differences) hierarchy of values and personal characteristics which was confirmed by results researches has been made. Two main types of groups of pupils and their tutors are established: 1) “the maximum similarity”; 2) “the maximum distinction”. It is revealed that are most significant in all types of groups for tutors and their pupils of the value of altruistic orientation (“mercy and the help to people”, “love”) and also social value-recognition in society. The hierarchical structure in group of the first type is identical at social tutors and their pupils, and in the second – is opposite.

Keywords: value orientations, orphans, subjectivity, subject-subject interaction, social educators, personal characteristics.

Минимизация рисков при коллективном принятии решений

*А. С. Баканов**, *С. В. Гуцыкова*** (Москва)

** кандидат технических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: arsb3151@gmail.com*

*** кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: filinyury1@yandex.ru*

Эффективность принятия коллективных решений является важным направлением для изучения. Коллективные решения принято считать более объективными, так как коллективу специалистов управленческой деятельности свойственен учет многих критериев, разностороннее рассмотрение проблемы, рациональность. Однако в ряде случаев именно при коллективном принятии решений необходимо учитывать и оценивать ряд специфических рисков. В настоящей статье описывается экспериментальное исследование по моделированию профессиональной деятельности по принятию коллективных решений посредством информационных систем. В процессе экспериментального исследования было выполнено: разработка программного модуля, позволяющего моделировать профессиональную деятельность коллектива специалистов управленческой деятельности, работающих с некоторой информационной системой, выделение критериев успешности и эффективности профессиональной деятельности.

Ключевые слова: коллективное принятие решений, ментальная репрезентация, минимизация рисков, управленческое взаимодействие.

Деятельность специалистов управленческой деятельности характеризуется высокой степенью сложности. В процессе выполнения своих должностных обязанностей им приходится выполнять совокупность функций, которые могут рассматриваться в качестве функционального содержания деятельности. Существует значительное количество исследований, посвященных вопросам о содержании, структуре и функциях управленческой деятельности. В управленческой дея-

тельности широко используются информационные и компьютерные системы. На современном уровне развития информационных и компьютерных систем, а также телекоммуникационных технологий особую актуальность представляют вопросы коллективного взаимодействия специалистов управленческой деятельности с информационными системами в целях решения управленческих задач. Принятие решений является основой управленческой деятельности и может относиться и ко всей управленческой деятельности в целом, и к отдельным действиям или даже его компонентам. Процесс принятия решения включает выявление проблемной ситуации, сбор и анализ информации необходимой для разрешения проблемной ситуации, мысленное выдвижение гипотез (вариантов решения), оценку гипотез, выбор того варианта решения, который наилучшим образом обеспечивает достижение результата.

Участие многих специалистов управленческой деятельности в работе над одним проектом, неизбежно приводит к возникновению противоречий в процессе решения задачи, что в свою очередь снижает эффективность работы всего коллектива в целом. В процессе принятия коллективного решения необходимо учитывать мнение каждого человека, а поскольку мнения разных людей могут быть диаметрально противоположны (и при этом хорошо обоснованы), то необходимость минимизации рисков, необходимость учета мнения каждого эксперта, важность получения согласованного, взвешенного решения – все это обуславливает актуальность исследований посвященных данной проблеме.

Возможности человека по приему и переработке информации с позиций когнитивной психологии описываются с помощью различных функциональных моделей структуры памяти пользователя, механизмов процесса мышления и других познавательных процессов. Математические подходы и методы анализа группового принятия решений представлены в работах А. Б. Петровского (Петровский, 2009). С позиции теории нечетких множеств и мультимножеств возможно рассматривать процесс принятия решений в случае несовпадающих и противоречивых исходных данных. Принятие решений в организациях и роль лидера в группе рассматривается в работах А. Н. Занковского (Занковский, 2011). В работах Д. Канемана и А. Тверски показан учет человеческого фактора и его влияние на процесс принятия решений. В работах В. И. Моросановой и Т. А. Индиной проведен психологический анализ принятия решений с позиции теории саморегуляции. В работах В. П. Зинченко, О. К. Тихомирова предложен принцип восприятия мира с учетом субъективной неопределенности. Многоуровневая модель психологической регу-

ляции выбора в условиях неопределенности была описана в работах Т. В. Корниловой.

Эффективность и целесообразность принятия коллективных решений является важным направлением для изучения. Коллективные решения принято считать более объективными, так как коллективу специалистов управленческой деятельности свойственен учет многих критериев, разностороннее рассмотрение проблемы, рациональность (Рябов, 2011). Однако в ряде случаев именно при коллективном принятии решений необходимо учитывать и оценивать ряд специфических рисков. Суммарный риск при принятии коллективных решений задается состоянием методологического, технического, кадрового и организационно-правового компонентов, значимость которых зависит от типа принимаемого решения. Так, классификация рисков специалистов управленческой деятельности, связанная с принятием решений, включает в себя: по признаку объективности — объективные и субъективные риски, по признаку возможности обнаружения — глубинные и поверхностные, по признаку способа достижения результата — финансовые, организационные и предметные, по признаку наличия правовой защиты — правовые и неправовые. Первые два критерия дают возможность квалифицировать объективные глубинные и поверхностные риски, а также субъективные глубинные и поверхностные риски. Существует немало свидетельств, что специалисты управленческой деятельности обладают внутренней устойчивостью к нежелательной информации и страдают от когнитивных ограничений. Поэтому они используют упрощенные эвристики при принятии решений, которые позволяют им справиться с огромным количеством информации за счет использования более простых операций. Однако использование упрощенных эвристик приводит к систематическим ошибкам в интерпретации степени риска и отражается на последующем выборе, основанном на соответствующих ожиданиях. Адекватную обработку информации и процессы принятия решений способны нарушать и усложненные условия деятельности, если в обычной обстановке и стандартных ситуациях деятельности доминирующий побудительный мотив повышает работоспособность, то в экстремальной ситуации он сужает восприятие и искажает оценку истинной угрозы. Ошибки восприятия и эвристики, приводящие к искажениям в обработке информации, достаточно полно описаны в литературе. Так, еще Д. Канеман и А. Тверски идентифицировали репрезентативные эвристики, при помощи которых люди стремятся использовать базовую информацию при вынесении суждений, что приводит к искажениям в восприятии и оценках вероятности тех или иных

событий. Специалисты управленческой деятельности имеют четкие и стабильные предпочтения, проявляющиеся в их восприятии и отражающиеся на оценке вероятности событий (Журавлев, 2004). Расхождение между объективным риском и субъективным представлением о нем усугубляется тем, что специалисты управленческой деятельности неправильно интерпретируют информацию, которая противоречит первоначально сформулированным ими гипотезам. Согласно традициям социального конструктивизма, специалисты управленческой деятельности комбинируют достаточно ограниченную, доступную им информацию с информацией из разных социальных источников для того, чтобы вынести суждение и охарактеризовать неопределенные или двусмысленные ситуации в рабочей среде или окружении. Несмотря на то, что за многолетние исследования собрано довольно много данных о влиянии характера и стиля обработки информации на эффективность принятия коллективных решений, в целом сведения о влиянии познавательных и психофизиологических процессов на показатели эффективности ограничены и разрознены. В качестве причин, связанных с неправильной обработкой информации, называются низкая мотивация, слабый моральный дух, поиск наиболее коротких и быстрых путей достижения результата, недооценка рисков, самоуверенность в своих силах. Большинство психологических факторов, служащих первопричиной неправильной обработки информации и вызываемых ею негативных следствий, правомерно исследуется вкуче с социальным контекстом. Большой пласт работ, освещающих неправильную обработку информации, выполнен в рамках исследования искажений ментальных представлений. Необходимо отметить, что существует достаточное количество определений термина ментальные представления, ментальная репрезентация, мы же будем использовать следующее определение: ментальная репрезентация – субъективный образ объективной реальности, отражение внутреннего и внешнего мира в сознании человека (Брушлинский, Сергиенко, 1998). Искажения в ментальных представлениях или концептуальных моделях традиционно относят к ошибкам, способным приводить к неверным решениям. Это порождает очевидный интерес исследователей к адекватности и функциональности ментальных репрезентаций применительно к формированию практических навыков и отвечающих за них действий в связи с прогнозированием возможных рисков и ошибок. О значимости субъективных ментальных репрезентаций объективно существующей картины мира, окружающих людей и ситуаций неоднократно говорилось в русле разных направлений, связанных с особенностями восприятия. Структура психических об-

разов, формируемых человеком, лежит в основе регуляции его поведения, обуславливая готовность к деятельности, эмоциональное отношение к ней, оценку потенциальных возможностей проявления собственной активности. Принято считать, что чем большими возможностями отражения объективной реальности обладает человек, тем в большей степени наличествующая у него субъективная картина способна предоставлять ему возможности для выполнения деятельности. Но далеко не все факты искажений в ментальных репрезентациях подтверждают эту идею в связи с тем, что часть таких искажений может носить выраженный адаптивный характер лучшего приспособления к деятельности.

В настоящей статье описывается экспериментальное исследование по моделированию профессиональной деятельности по принятию коллективных решений посредством информационных систем. В процессе экспериментального исследования было выполнено: разработка программного модуля, позволяющего моделировать профессиональную деятельность коллектива специалистов управленческой деятельности, работающих с некоторой информационной системой (Баканов, Зеленова, Алдашева, 2016), выделение критериев успешности и эффективности профессиональной деятельности. Экспериментальное исследование проводилось на установке, позволяющей отслеживать траекторию взора испытуемого (с целью выявления успешности принятия решений), также проводилось психологическое тестирование респондентов, направленное на выявление когнитивно-стилевых особенностей участников эксперимента (Сиваш, Зеленова, Баканов, 2017). Эксперимент состоял из двух этапов. В ходе первого этапа исследования испытуемые читали специально подготовленные тексты объемом 250–300 слов, и после прочтения отвечали на вопросы двух типов. К вопросам первого типа относились вопросы по структуре текста и выявлению количества возможных альтернатив. Вопросы второго типа предполагали количественную оценку выявленных альтернатив. Для оценки успешности принятия решений в процессе профессиональной деятельности использовались следующие количественные критерии: 1. Коэффициент правильности ответа – количество правильных ответов к общему количеству вопросов; 2. Время ответа на вопросы в ms; 3. Время чтения предъявленного текста (документа) в ms. На втором этапе исследования проводилось психологическое тестирование участников с целью диагностики когнитивно-стилевых особенностей, поскольку в исследованиях В. А. Бодрова, Л. Г. Дикой, М. А. Котика, О. А. Конопкина, М. А. Холодной, В. А. Толочка и др. показано, что индивидуально-стилевые характеристики, способы принятия решений,

структура самосознания и уровень профессиональной мотивации оказывают регулирующее влияние на все аспекты поведения человека, в том числе играют важную роль в успешности выполнения производственных заданий. В то время как конкретный человек обладает индивидуальным стилем деятельности – «как психологической системой... способствующей актуализации и полноценному использованию субъектом разных условий внутренней и внешней среды как ресурсов, выбора из них тех, использование которых соответствует индивидуальности человека...» (Толочек, 2015), а также конкретными когнитивными стилями, т. е. «характерными для данной личности устойчивыми познавательными предпочтениями, проявляющимися в преимущественном использовании определенных способов переработки информации» (Холодная, 2004).

Выявленная в процессе экспериментального исследования структура имела вид ориентированного или направленного графа, узлы которого соответствовали словам/словосочетаниям, а направленные дуги или ребра соответствовали связям. Количество уровней иерархии в структуре и количество дуг, сходящихся к одному узлу, характеризовали структуру ментальной репрезентации испытуемого, сформировавшуюся после прочтения документа. На основе анализа полученных результатов была предложена гипотеза о взаимосвязи между выявленной структурой и риском ошибочного решения. Согласно предложенной гипотезе, чем меньше времени испытуемый затрачивал на представление и визуализацию структуры документа и чем более оптимальной была выявленная структура документа, тем выше вероятность правильного ответа и ниже риск получить ошибочный ответ. В ходе проведения исследований было замечено, что с увеличением количества пройденных тестов на выявление структуры текста, испытуемые показывали более лучшие результаты, т. е. испытуемые обучались в процессе проведения эксперимента. Причем, по мере обучения, не только увеличивался процент правильных ответов и уменьшалось время, затрачиваемое испытуемым на решение задачи, но и выявленная структура текста приобретала от теста к тесту более «лаконичный» или оптимальный вид, т. е. уменьшалось количество узлов и уровней иерархии в структуре.

Литература

Баканов А. С., Зеленова М. Е., Алдашева А. А. Использование модуля поддержки принятия решений в системе документационного обеспечения управления // «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». 2016. № 3 (51). С. 52–60.

- Брушлинский А. В., Сергиенко Е. А.* Ментальная репрезентация как системная модель в когнитивной психологии // Ментальная репрезентация: динамика и структура. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Журавлев А. Л.* Психология управленческого взаимодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Занковский А. Н.* Психология лидерства: от поведенческой модели к культурно-ценностной парадигме. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Петровский А. Б.* Теория принятия решений. М.: ИЦ «Академия», 2009.
- Рябов В. Б.* Гуманитарная технология организационного проектирования и развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Сиваш О. Н., Зеленова М. Е., Баканов А. С.* Моделирование информационного взаимодействия в системах человек–компьютер // Вестник Костромского государственного университета. Кострома. 2017. № 3. С. 90–95.
- Толочек В. А.* Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Холодная М. А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004.

Minimizing risks in collective decision-making

*A. S. Bakanov**, *S. V. Gusikova*** (Moscow)

* Candidate of Technical Sciences, Institute of Psychology of RAS

** Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology of RAS

The effectiveness of making collective decisions is an important direction for study. Collective decisions are usually considered more objective, because the team of specialists in management activities is characterized by the inclusion of many criteria, a comprehensive consideration of the problem, rationality. However, in a number of cases, it is with collective decision-making that a number of specific risks must be taken into account and evaluated. This article describes an experimental study on the modeling of professional activities to make collective decisions through information systems. In the process of experimental research, the following was accomplished: the development of a software module that allows modeling the professional activity of a team of specialists in management activities working with some information system, identifying criteria for the success and effectiveness of professional activity.

Keywords: collective decision-making, mental representation, risk minimization, management interaction.

Корреляционные заблуждения на примере конкретной причины (любовь к детям), нелинейно влияющей на другие профессиональные компетенции учителя*

М. М. Басимов (Москва)

доктор психологических наук, Российский государственный социальный университет; e-mail: basimov_@mail.ru

В статье проведен анализ количеств линейных корреляций между профессиональными компетенциями учителя для различных интервалов коэффициента корреляции. Рассмотрены объединенные содержательно, интересные в статистическом плане нелинейные зависимости, демонстрирующие грубейшие ошибки традиционного использования корреляционного анализа. Во всех зависимостях причина (независимый параметр) — это «Любовь к детям». Интересно, что любовь к детям при анализе связей выявлена только как независимый параметр или как причина, т. е. от нее зависят другие параметры. Сама же она слабо зависит от других параметров, связи преимущественно односторонние.

Ключевые слова: любовь к детям, профессиональные компетенции, нелинейность, зависимость, коэффициент силы связи, коэффициент корреляции.

Исследование любых психических явлений будет искусственно крайне упрощено и сужено внешними рамками, если исследователь, изучая многомерное психологическое явление, будет оставаться только в рамках линейных представлений (Крылов, 2000).

Европейское (и не только) психологическое сообщество придерживается хорошо укоренившегося в последние 20–25 лет явно ненаучного подхода, когда очень слабые (0,2–0,3) и слабые корреляции

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а.

выдаются за «значимые» и описываются как достаточно сильные связи, достойные описания и интерпретации на страницах печатных изданий.

Изучение нелинейных связей по авторскому методу (Басимов, 2010; Basimov, 2009) апробировалось в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: психология дошкольников и подростков, политическая психология, этнопсихология, психология профессий, психология доверия, психология стресса, психология родительства, психология обучения, измерение ценностных отношений личности «Я—другие», изучение семейного воспитания как фактора формирования смысловой сферы ребенка, динамики мотивационно-смысловых образований личности студента и т. д.

Рассмотрим проблему слабых, «значимых» корреляций на примере исследования профессиональных компетенций учителя с использованием экспертной анкеты. В экспертной анкете (Сазонов, 1994) предлагалось 129 параметров оценивающих качества, умения и навыки необходимые в профессиональной деятельности учителя. Интервал оценок позволил решить задачу только для триад независимой переменной, но и этого оказалось достаточно для демонстрации преобладания нелинейных зависимостей среди достаточно сильных связей.

Вначале рассмотрим количество линейных связей между 129 изучаемыми параметрами. Количество опрошенных в рамках исследования составило 162 чел., поэтому по гипотезе о равенстве нулю коэффициента корреляции критическое значение меньше 0,16 (для $N=150$, при вероятности ошибки $p=0,05$, критическое значение равно 0,16). Поэтому, интерпретируя результаты в рамках общепринятого подхода, можно отметить следующие количества «значимых» корреляций для различных интервалов коэффициента корреляции. Вначале проведем анализ количеств корреляций для разных интервалов «значимой», но либо очень слабой корреляции (от 0,16 до 0,3 по модулю), либо слабой корреляции (от 0,3 до 0,5 по модулю).

Корреляций из интервалов (с положительными и отрицательными значениями) по модулю от 0,16 до 0,3 выявлено 2707 (очень много), из интервалов по модулю от 0,3 до 0,4 выявлено 501 (много), из интервалов по модулю от 0,4 до 0,5 выявлено 95.

Такое количество связей не только достаточно, а крайне чрезмерно для анализа и интерпретации данных исследования. Но это достаточно редкий случай, который можно объяснить спецификой данных. Обычно таких очень слабых (по модулю от 0,16 (или от 0,2 до 0,3) или слабых (по модулю от 0,3 до 0,5) значений, выбранных

на основе гипотезы о равенстве нулю коэффициента корреляции, значительно меньше. Но и в этом случае корреляций по модулю, больших 0,4, сравнительно немного (всего $125=95+30$).

А вот интерпретируемых обычно как средние, иногда как сильные (по модулю от 0,5 до 0,7) для достаточной по объему выборки (100 и больше) нашлось только 30. При этом их можно разделить на два интервала (по абсолютным значениям): 17 связей из интервалов коэффициента корреляции по модулю от 0,5 до 0,6 и 13 связей для значений коэффициента корреляции из интервалов по модулю от 0,6 до 0,7.

При этом интереса они не представляют, так как связывают в основном родственные оценки (иногда выраженные синонимами), что можно рассматривать, прежде всего, как критерий надежности при проведении экспертизы, но не как результаты для интерпретации результатов. Приведем для примера 3 из 30 таких зависимостей (в скобках указан коэффициент линейной корреляции).

1. Зависимость параметров «Самолюбие» и «Гордость» ($R=0,55$).
2. Зависимость параметров «Эмпатия» и «Сочувствие» ($R=0,52$).
3. Зависимость параметров «Тактичность» и «Корректность» ($R=0,59$).

В то же время таких же по силе, с коэффициентом силы связи (нормированным на аналог единичной корреляции — зависимость параметра от самого себя) большим 0,5 выявлено 193, что вполне достаточно для содержательной интерпретации причинно-следственных связей (в том числе и очень сильных) между параметрами профессиональных компетенций в рамках экспертной анкеты.

В настоящей статье рассмотрены не только две интересные в статистическом плане зависимости, демонстрирующие грубейшие ошибки («значимая» корреляция удовлетворяет психолога для интерпретации связи как линейной, но реально связь сильная и далеко не линейная), но и объединенные содержательно (всего таких зависимостей 5). Во всех зависимостях причина, независимый параметр — это «Любовь к детям». Интересно, что любовь к детям при анализе связей выявлена только как независимый параметр или как причина, т. е. от нее зависят другие параметры. Сама же она слабо зависит от других параметров, связи преимущественно односторонние. Рассмотрим в качестве примеров две зависимости, корреляции для которых могут рассматриваться как «значимые».

Зависимость параметра «Сочувствие» (Y) от параметра «Любовь к детям» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X :

Триады по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для триад
X-3	+20765
X-2	-20858
X-1	+88

Коэффициент силы связи: 0,63 (0,09); Коэффициент корреляции: 0,19.

Первоначальная динамика параметра «Любовь к детям» способствует значительному уменьшению параметра «Сочувствие» (с +88 до -20858 по сравнительной весомости), после чего наблюдается его резкий подъем до значений (+20765), которые также значительно превосходят первоначальные.

Морально-личностное качество «Любовь к детям» является причиной общего резкого скачка личностно-педагогического качества «Сочувствие», но первоначально мы наблюдаем противоположную тенденцию (нестационарный процесс) и явный минимум зависимого параметра для среднего уровня независимого параметра.

Коэффициент силы связи $SV=0,63$. Обратная зависимость, как это обычно бывает для зависимостей, далеких от линейных, слабая (коэффициент силы связи = 0,09).

Коэффициент линейной корреляции также небольшой по абсолютной величине ($R=0,19$), но он попадает под определение «значимой» корреляции (в рассматриваемом случае – это значения по модулю от 0,16) и большинство психологов определяло бы данную зависимость как равномерно возрастающую: равным изменениям одного параметра соответствовало бы равное изменение другого параметра. Причем направление связи (что назначить причиной, а что следствием) определялось бы только по воле исследователя, и статистически не подтверждалось.

Зависимость параметра «Карьеризм» (Y) от параметра «Любовь к детям» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

Триады по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для триад
X-3	-18810
X-2	+17104
X-1	+201

Коэффициент силы связи: 0,53 (0,14); Коэффициент корреляции: - 0,17.

Первоначальная динамика параметра «Любовь к детям» вначале способствует росту параметра «Карьеризм» (с +201 до +17104 по сравнительной весомости), после чего наблюдается очень сильное его уменьшение (с +17104 до -18810), до значений значительно меньших, чем первоначальные.

Динамика любви к детям вначале пробуждает карьеризм у учителя, после чего наблюдается еще более резкий его спад. Любовь к детям первоначально является причиной проявления карьеризма, но высокие показатели способствуют уже противоположной тенденции и даже общей отрицательной динамике показателя «Карьеризм» в рамках профессиональных компетенций.

Коэффициент силы связи $SV=0,53$. Обратная зависимость, как это обычно бывает для зависимостей, далеких от линейных, слабая (коэффициент силы связи = 0,14).

Коэффициент линейной корреляции также небольшой ($R=-0,17$) по абсолютной величине, но в отличие от первого примера корреляция отрицательная. Коэффициент корреляции также попадает под определение «значимой» корреляции (в рассматриваемом случае – это значения по модулю от 0,16) и большинство психологов определяло бы данную зависимость как равномерно убывающую.

Мы рассмотрели две зависимости, в которых «Любовь к детям» выступает в качестве причины. И обе нелинейные зависимости (1 с несимметричным минимумом и 1 с несимметричным максимумом) психологи, которые ориентируются только на линейные корреляции и для которых в рассматриваемом случае корреляции, по модулю большие 0,16, являются «значимыми», допускают интерпретации в терминологии линейных зависимостей (пропорционально убывающих или возрастающих), когда с увеличением причины «Любовь к детям», зависимая переменная пропорционально также увеличивается или уменьшается. Рассмотренные примеры наглядно показывают проблему слабых (даже очень слабых) корреляций (как положительных, так и отрицательных), которые часто из-за отсутствия других сильных связей часто выдают под видом «значимых» корреляций, как связи, достойные обсуждения и интерпретации в рамках линейных представлений.

И если первая ошибка (осознаваемая или нет) просто выдает желаемое за действительное, которого просто нет – нет связи ни линейной, ни простейшей нелинейной. То вторая ошибка (примеры 1–2) может рассматриваться как грубая, так как связь «выявляется», но она и на самом деле есть и достаточно сильная, но другая по своей природе – простейшая нелинейная (чаще с максимумом или ми-

нимумом), а значит, чтобы ее выявить и интерпретировать, нужны другие статистические методы и другая (синергетическая) методология, соответствующие сложной природе психологических явлений и процессов. А линейные модели дают ложное представление в отношении изучаемого предмета исследования и опускают «научную» психологию до положения лженауки, результаты которой невозможно использовать практическому психологу, который должен иметь по результату своей работы с клиентом положительный результат.

Если же перейти к анализу простейших нелинейных связей, многие проблемы несоответствия результатов научного исследования и практического опыта постепенно находили бы свое разрешение. Иначе можно только игнорировать количественные исследования и как альтернативу рассматривать интуитивное решение исследовательских задач, не подтверждаемое экспериментальными результатами.

Литература

- Басимов М. М.* Математические методы в психологических исследованиях. Курган: Курганский гос. ун-т, 2010.
- Крылов В. Ю.* Методологические и теоретические проблемы математической психологии. М.: Янус-К, 2000.
- Сазонов И. А.* Концептуальные основы формирования модели многоуровневой подготовки учителя. Челябинск—Курган: Изд-ва Челябинского и Курганского гос. пед. ин-тов, 1994.
- Basimov M. M.* Mathematical methods in psychological research. Kurgan: Kurgan State University, 2009.
- The 11th Conference of the European Sociological Association. Torino, 28–31 August 2013. Torino: Abstract Book, 2013.
- The 11th European Congress of Psychology ECP09. Oslo, Norway. 7–10 July, 2009 // Abstracts. Oslo: Poster Sessions, 2009.
- The 12th Conference of the European Sociological Association. Prague, 25–28 August, 2015. Prague: Abstract Book, 2015.
- The 12th European Congress of Psychology. Istanbul 2011. 04–08 July. Istanbul: Abstracts, Poster Sessions, 2011.
- The 14th European Congress of Psychology. Milan, Italy 7–10 July 2015. Milan: AbstractBook, Posters, 2015.
- XXX International Congress of Psychology // International Journal of Psychology. Special Is. 2012. V. 47. S. 1.

Errors of correlation method on the example of a specific cause parameter (love for children), her non-linear influence on others professional competencies of the teacher

M. M. Basimov (Moscow)

Doctor of Psychology, Russian State Social University

The article analyzes linear correlations for professional competencies of the teacher. Their number is determined for different intervals of the correlation coefficient. We consider combined in content, statistically interesting, non-linear dependencies. They demonstrate the gross errors of the traditional use of correlation analysis. In all dependencies, the reason (independent parameter) is “Love for children”. It is interesting that the love for children in the analysis of statistical dependencies is revealed only as a cause (independent parameter). Other parameters depend on this parameter. It itself is weakly dependent on other parameters. Statistical dependencies are predominantly one-sided.

Keywords: love on the children, professional competencies, non-linearity, dependence, factor of the connection strength, coefficient of correlation.

Представления о медицинских рисках в интеллектуально-личностном потенциале врача

Н. В. Богачева (Москва)

*кандидат психологических наук, Первый МГМУ им. И. М. Сеченова
(Сеченовский университет); e-mail: bogacheva.nataly@gmail.com*

Приводятся первичные результаты новой методики «Шкала медицинских рисков» (ШМР), направленной на оценку рисков и способов их редукции в деятельности врача. Врачами (N=38) выполнены методики ШМР, ИТР, МОПР, КОБП (ТІРІ), опросник Баднера, направленные на оценку стабильных и динамических аспектов принятия решений. Проверялись гипотезы о связях личностных переменных с оценкой рисков и выбором стратегии редукции риска в профессионально значимых ситуационных задачах. В качестве оцениваемых показателей методики ШМР предлагается рассматривать среднюю оценку рискованности. Продемонстрированы различия врачей, дающих низкие и высокие оценки рискованности в ШМР: вторые более добросовестны, демонстрируют продуктивные стратегии совладания, но также менее толерантны к неопределенности. Также предполагается, что откладывание принятия решений у врачей играет роль продуктивной стратегии редукции риска, что может быть специфично для этой профессии.

Ключевые слова: риски в медицине, имплицитные теории риска, толерантность к неопределенности, принятие решений, «Большая пятерка», интуиция.

В деятельности врача риск выступает одновременно в нескольких аспектах — риск из-за неполноты информации о последствиях принятого решения нередко сочетается с риском — опасностью причинить вред пациенту. При этом наряду с личностными особенностями

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06- 001.

врача, его когнитивной спецификой и ситуационными факторами, важным аспектом принятия профессиональных решений является профессиональный опыт специалиста, кристаллизирующийся в форме имплицитных знаний и представлений об источниках и факторах риска, рискованных ситуациях, способах действий и их последствиях.

Отдельные аспекты принятия профессиональных решений врачами уже становились предметом исследований, как, например, подверженность врачей когнитивным искажениям («фреймингу»), в том числе при постановке диагноза (Канеман и др., 2005; Gigerenzer et al., 2007). Примером целостного подхода, способного интегрировать в единое целое имеющиеся данные в этой области, может служить концепция единого интеллектуально-личностного потенциала человека, продолжающая традиции школы О. К. Тихомирова (Корнилова и др., 2010). Задачи, которые ставятся в рамках данной исследовательской школы, предполагают изучение взаимодействия когнитивных и личностных, ситуационных и диспозиционных аспектов субъективных представлений человека о риске и его принятии (или неприятии) в условиях реализации различных видов деятельности.

Цели исследования

- 1) В рамках построения методики «Шкала медицинских рисков» (ШМР) выделить содержательно нагруженные измеряемые показатели.
- 2) Определить связи показателей имплицитных представлений о риске в ШМР с устойчивыми и динамическими характеристиками личности врача.
- 3) Сравнить группы испытуемых с разным уровнем восприятия рискованности профессиональных задач по выраженности у них личностных свойств, связанных с регуляцией принятия решений.

Участники исследования: практикующие врачи разных специальностей, 38 чел. (25 женщин и 13 мужчин) в возрасте 24–73 года ($M=42,7$; $SD=14,1$), со стажем практики 1–50 лет ($M=18,7$; $SD=13,5$).

Методики

- 1) «Шкала медицинских рисков» (ШМР) для оценки медицинских рисков и выявления способов их редукации в деятельности врача. Методика включает 10 вербальных задач, описывающих рискованные ситуации из медицинской практики (Богачева, Пав-

- лова, 2017). Испытуемым предлагается оценить рискованность каждой ситуации по 5-балльной шкале и выбрать наилучший вариант действий из 5 альтернатив, представляющих способы редукации риска: поиск информации или совета (продуктивный способ); действие по существующему стандарту; откладывание решения; передача решения другому (непродуктивные способы) и действие с опорой на интуицию (интуитивный способ).
- 2) Опросник *«Имплицитные теории риска»* (ИТР) (Ординова, 2013): направленный на выявление и оценку устойчивых индивидуальных представлений о риске и рискованных ситуациях, включающих их комплексную когнитивно-личностную оценку. Опросник включает 7 шкал: 1) Риск как невозможность прогноза/расчета; 2) Осознанный риск как сознательное нарушение принятых норм, готовность действовать без оглядки на опасность; 3) Риск как испытание и проверка себя; 4) Риск как недостаточность рациональности и контроля; 5) Риск ради приумножения ценностей; 6) Риск как потеря/приобретение чего-либо; 7) Гедонистический риск для поиска ярких впечатлений и позитивных эмоций.
 - 3) *Мельбурнский опросник индивидуальных особенностей принятия решений* (МОПР) в адаптации Т. В. Корниловой (2013) для выявления динамических аспектов принятия решения: Бдительности (продуктивный стиль), Избегания, Прокрастинации, Сверхбдительности (непродуктивные стили совладания с неопределенностью).
 - 4) *Краткий опросник Большой пятерки* (КОБП) в адаптации Т. В. Корниловой и М. А. Чумаковой (2016), измеряющий устойчивые черты личности: Экстраверсию, Согласие, Добросовестность, Эмоциональную стабильность, Открытость новому опыту.
 - 5) *Опросник С. Баднера* в адаптации Т. В. Корниловой и М. А. Чумаковой (2014) для оценки Толерантности и Интолерантности к неопределенности.

Проверялись *гипотезы* о связях личностных переменных с оценкой рисков и выбором стратегии редукации риска в практико-ориентированных ситуационных задачах, сформулированных на основе профессионального опыта врачей.

Результаты

Методика ШМР

В качестве показателя, отражающего представления врача о рискованности профессиональной деятельности, выступила средняя

оценка рискованности по 10 задачам. Согласно критерию Колмогорова—Смирнова, в нашей выборке этот показатель распределен нормально ($p=0,952$). Согласно t -критерию Стьюдента, различия в оценках рискованности у мужчин и женщин незначимы ($t=1,532$; $p=0,134$).

Сравнение контрастных групп

Разделение на контрастные группы по общей оценке рискованности выполнено по медианному критерию. В группу «*высокий воспринимаемый риск*» вошли 18 врачей со средним баллом рискованности $M=3,2$; $SD=0,32$. В группу «*низкий воспринимаемый риск*» – 17 врачей, средний балл рискованности – $M=2,3$; $SD=0,34$. Группы значимо не различаются по возрасту и стажу. Значимые различия между группами выявлены по следующим шкалам:

- 1) *ИТР*: испытуемые, склонные давать высокие оценки рискованность ситуаций, характеризуются более низкими баллами Гедонистического риска, чем врачи из группы «*низкий воспринимаемый риск*» ($t=-2,348$; $p=0,025$).
- 2) *МОПР*: испытуемые с «*высоким воспринимаемым риском*» получили более низкие показатели Прокрастинации, по сравнению с испытуемыми с низкими оценками рискованности ($t=-3,019$; $p=0,005$).
- 3) *КОБП (ТІРІ)*: испытуемые с высокими оценками рискованности характеризуются значимо более высокими показателями Добросовестности ($t=4,559$; $p=0,000$) и Открытости новому опыту ($t=2,163$; $p=0,038$) по сравнению с испытуемыми с низкими оценками рисков.
- 4) *Опросник Баднера*: врачи, оценившие профессиональные ситуации более рискованными, значимо менее толерантны к неопределенности по сравнению с группой врачей с низкими оценками рискованности профессиональных ситуаций ($t=2,051$; $p=0,048$).

Связи показателей ШМР со шкалами психодиагностических опросников

Показатель оценки рискованности в ШМР значимо отрицательно коррелирует со шкалой Прокрастинации ($\rho=-0,383$; $p=0,019$) и значимо положительно – со шкалами Добросовестности ($\rho=0,607$; $p=0,000$) и Открытости новому опыту ($\rho=0,326$; $p=0,049$).

Для уточнения характера связей между оценкой рискованности и параметрами личностной регуляции принятия решений, рассмот-

рим частные оценки рискованности, взятые по отдельным способам редукации риска, рассчитанные как средний балл рискованности для ситуаций, где испытуемый выбрал определенный способ редукации риска. По инструкции, оценка риска предшествует выбору стратегии, поэтому предполагается, что выбор способа редукации риска осуществляется в том числе и на основании оценки рискованности конкретной ситуации.

Оценки рискованности ситуации для стратегии «поиск информации» значимо отрицательно коррелируют со шкалой Прокрастинации ($\rho = -0,358$; $p = 0,029$), и положительно – со шкалой Добросовестности ($\rho = 0,367$; $p = 0,025$). Более добросовестные и менее склонные к прокрастинации врачи склонны выбирать стратегию «поиск информации» в ситуациях, оцениваемых ими как высокорискованные.

Оценки рискованности для стратегии редукации риска «откладывание принятия решения» значимо положительно коррелирует со шкалой Бдительности ($\rho = 0,477$; $p = 0,003$), шкалами Добросовестности ($\rho = 0,509$; $p = 0,001$) и Открытости новому опыту ($\rho = 0,417$, $p = 0,01$). Более добросовестные, открытые новому опыту и бдительные врачи склонны откладывать принятие решение в ситуациях, оцениваемых как высокорискованные.

Первоначально стратегия редукации риска «откладывание принятия решения» была отнесена нами к непродуктивным способам, однако ее связь с Бдительностью, продуктивной когнитивной стратегией совладания с риском (Корнилова, 2013), а также Добросовестностью и Открытостью новому опыту может указывать на специфику восприятия этой стратегии врачами. Также не выявлены корреляций «откладывания принятия решений» в рискованных ситуациях со шкалой Прокрастинации, описывающей непродуктивное откладывание решения или действия. Таким образом, можно предположить, что стратегия «откладывание принятия решения» на выборке врачей содержательно сближается с продуктивной стратегией «поиск информации», а не с непродуктивными стратегиями. Это подтверждается значимой положительной корреляцией выбора «поиска информации» и «откладывания решения» в рискованных ситуациях ($\rho = 0,508$; $p = 0,001$).

Оценки рискованности ситуации для стратегии редукации риска «передача принятия решения другому» также значимо положительно коррелирует со шкалой Добросовестности ($\rho = 0,464$; $p = 0,009$). Таким образом, более добросовестные врачи склонны решать рискованные для них профессиональные задачи через стратегии «поиск информации», «откладывания принятия решения» и «передачу принятия решения другому».

Оценки рискованности ситуации для стратегии «интуиция» значимо отрицательно связаны с ИТР Риск как потеря/приобретение ($\rho=-0,405$; $p=0,021$) и положительно – со шкалой Согласия КОБП ($\rho=0,363$; $p=0,041$). Интуитивное принятие решения в рискованных ситуациях, таким образом, отличается по своим связям от других стратегий редукации риска. Врачи, полагающиеся на интуицию в высокорискованных ситуациях менее склонны воспринимать риск как угрозу потерять что-то ценное и более социабельны.

Оценки рискованности ситуации для стратегии «действовать по стандарту» отдельно не рассматривались, поскольку выбор этой стратегии встречается лишь в 53% протоколов.

Суммарные оценки рискованности при выборе всех непродуктивных стратегий редукации риска («откладывание решения», «передача решения», «действие по стандарту») значимо положительно коррелирует со шкалой Добросовестности ($\rho=0,576$; $p=0,000$).

Обсуждение результатов

Сравнение групп врачей с низкими и высокими оценками рискованности *профессиональных* ситуаций, выявило различия между ними. Врачи, склонные оценивать профессиональные ситуаций как высокорискованные, демонстрирует в целом более продуктивные для профессиональной деятельности характеристики: высокие добросовестность и открытость новому опыту, низкую прокрастинацию. Добросовестность отражает показатели волевого контроля за выполнением своих действий, ответственность; открытость новому опыту характеризует готовность респондента принимать новое, неизведанное. В контексте склонности высоко оценивать профессиональные риски, высокая добросовестность представляется оправданной и может характеризовать серьезное, ответственное отношение врачей этой подгруппы к своим профессиональным обязанностям и решениям. Открытость новому опыту также может подразумевать высокую чувствительность к внешним стимулам у этих испытуемых. Также, это может указывать на тревожность врачей этой группы в отношении своей профессиональной деятельности и рисков, на что указывает низкие толерантность к неопределенности и ИТР «Гедонистический риск». В одном из исследований «Гедонистический риск» уже выступил как переменная, отличающая студентов-медиков и врачей-профессионалов (студенты имеют более высокие показатели по этой шкале); снижение этого показателя может характеризовать некоторый этап профессионального становления врача (Богачева и др., 2017).

Высокая добросовестность врачей связана с предпочтением как продуктивных, так и непродуктивных стратегий редукации риска, а обращение к интуитивным стратегиям положительно связано с личностной чертой *Согласие* и через нее, возможно, с эмоциональным интеллектом (Корнилова, 2013) и отрицательно – с ИТР «Риск как потеря/ приобретение». Предпочтение врачами интуитивных стратегий поведения в высокорискованных ситуациях, предположительно, регулируется иными аспектами интеллектуально-личностного потенциала, нежели выбор других стратегий редукации риска, и относительно независимо от них. Примечательна значимая положительная корреляция откладывание решения в рискованных ситуациях с бдительностью. Бдительность – это продуктивная когнитивной стратегией совладания (Корнилова, 2013), хотя изначально откладывание решения было отнесено нами к непродуктивным способам редукации риска (по аналогии с прокрастинацией). Необходимо уточнить эту связь на других выборках, так как полученные для врачей результаты могут отражать специфическое представление об этой стратегии (так, откладывание решения в медицине может подразумевать дальнейшее наблюдение за динамикой заболевания, т.е. сбор новой информации).

Выводы

- 1) В рамках первичной апробации методики «Шкалирование медицинских рисков» (ШМР) представляется целесообразным рассматривать среднюю оценку рискованности ситуаций, а также качественный выбор одного из способов редукации риска в качестве оцениваемых показателей.
- 2) Можно описать следующий личностный профиль врачей, дающих более высокие оценки профессиональных рисков: они более добросовестны и демонстрируют продуктивные стратегии совладания, однако также менее толерантны к неопределенности.

Литература

- Богачева Н. В., Корнилова Т. В., Красавцева Ю. В.* Связи самооценок, имплицитных теорий риска и личностной готовности к риску у медицинских работников // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2017. № 4. С. 6–19.
- Богачева Н. В., Павлова Е. М.* Когнитивные репрезентации риска у медицинских работников // Материалы съезда Российского психологического общества. Казань, 2017. С. 233–235.

- Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности. Харьков: Гуманитарный центр, 2005.
- Корнилова Т. В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 31. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.05.2018).
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Апробация краткого опросника Большой пятерки (TIPI, КОБТ) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.05.2018).
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 58–66.
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А., Корнилов С. А., Новикова М. А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.
- Ординова Е. М. Изучение имплицитных теорий как составляющих когнитивного риска // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 74–85.
- Gigerenzer G., Gaissamaier W., Kurz-Milcke E., Schwartz L. M., Woloshin S. Helping doctors and patients make sense of health statistics // Psychological science in the public interest. 2007. V. 8. № 2. P. 53–96.

Medical risks representations in the cognitive and personal potential of the doctor

N. V. Bogacheva (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, I. M. Sechenov First MSMU
(Sechenov University)

New inventory “The Scale of Medical Risks” (SMR) aims to assess the riskiness and risk reduction strategies in medical practice. Doctors (N=38) completed the battery of psychological test, assessing stable and dynamic aspects of decision making, which included SMR, ITR, MDMQ, TIPI, Budner’s Scale. Hypotheses about the relationships of personal variables with the risk assessment and the choice of the strategy of risk reduction in professionally significant situational tasks were tested (SMR). It is proposed to consider the average risk assessment as the estimated indicators of the SMR inventory. Differences between doctors who gave low- and high-risk assessments in SMR were demonstrated: the latter are more conscientious, show productive coping strategies, but also are less tolerant of ambiguity. It is also assumed that the postponement of decision-making in doctors plays the role of a productive risk reduction strategy, which may be specific for this profession.

Keywords: risks in medical practice, implicit theories of risk, ambiguity tolerance, decision-making, Big Five, intuition.

Особенности профессионального становления студентов-психологов

Н. А. Васильченко (Краснодар)

кандидат психологических наук, доцент, Кубанский государственный университет; e-mail: vasilch_nat@mail.ru

Реформа системы образования предполагает расширение возможностей в подготовке профессионалов, ориентирует всех субъектов образовательной системы на повышение собственной активности, реализуемой в профессиональной деятельности. Особый интерес вызывает создание такой образовательной среды вуза, которая позволила бы не только привлечь заинтересованных абитуриентов, но и максимально способствовать на всех этапах обучения профессиональному становлению психологов. В статье приведены результаты обследования студентов-психологов КубГУ, которые раскрывают особенности самооценки студентов разных лет обучения, определяют специфику профессиональной идентичности бакалавров. Приведены рекомендации, способствующие более эффективному профессиональному становлению студентов-психологов.

Ключевые слова: профессиональное становление, профессиональная идентичность, психологи, ПВК, реформы.

Современный период развития нашей страны достаточно динамичен, он характеризуется различными изменениями, которые отражаются на психологическом состоянии людей. На протяжении последних лет реформы затронули многие сферы жизни не только отдельных групп населения, но и все общество в целом. Обнаруживается тенденция к росту количества людей, которые чувствуют себя незащищенными, как в социальном, так и в психологическом плане. Именно они остро нуждаются в профессиональной психологической помощи, квалифицированной поддержке психолога.

В контексте нашего размышления интерес представляют реформы, проводимые в системе образования, и в частности, высшего образования. Более тринадцати лет в российском образовательном пространстве реализуются принципы Болонской декларации. За это время выстроена двухуровневая система подготовки кадров, разработаны необходимые государственные образовательные стандарты. Кубанский государственный университет был среди первых вузов страны, которые начали обучение студентов-психологов по новой системе. В течение этого периода стала очевидной необходимость глубокого осмысления и эмпирического исследования процессов, происходящих в становлении профессионала. Современная образовательная система ориентирована на формирование и развитие человека, который мобилен в практической профессиональной деятельности, легко адаптируется к различным изменениям. Однако, как показывает практика, для реализации этой задачи необходимо изучить особенности процесса профессионализации студентов-психологов в новых условиях обучения. Следовательно, необходимо подробно описать характерные проявления профессионального становления студентов на разных этапах обучения в вузе, как важном этапе развития субъектов деятельности, определить факторы, способствующие эффективной подготовке специалистов «помогающих профессий», а также обнаружить возможные риски в профессиональном становлении.

В отечественной психологии накоплен огромный теоретический и эмпирический материал, раскрывающийся в различных подходах к изучению профессионального развития специалистов. Отметим лишь некоторых ученых, чьи работы посвящены данной теме: Е. А. Климов, В. А. Бодров, А. А. Деркач, Э. Ф. Зеер, К. К. Платонов, А. К. Маркова, Л. М. Митина и др. (Климов, 1968; Бодров, 2004; Деркач, 2013; Маркова, 1996). Изучению особенностей субъектов деятельности на различных этапах профессионализации посвящены работы К. А. Абульхановой-Славской, В. А. Бодрова, А. В. Брушлинского, В. П. Зинченко, Е. А. Климова и др. (Брушлинский, 2003; Климов, 1968; Бодров, 2004). Специфике протекания профессионализации у студентов-психологов посвящены работы Г. М. Белокрыловой, Е. В. Прокопьевой, Т. П. Варфоломеевой, Т. А. Казанцевой и др.

Анализируя и обобщая теоретический материал по проблеме профессионального развития специалиста, становления профессионала как субъекта труда, необходимо подчеркнуть, что всеми авторами отмечается активность личности как необходимое качество в построении собственной трудовой деятельности. Активность человека проявляется в постановке целей, систем действий, учете внеш-

них и внутренних средств развития, выработке индивидуального стиля деятельности. О соответствии человека профессиональной деятельности свидетельствуют: ее успешность, удовлетворенность человеком выполняемой деятельностью и преобладанием положительных функциональных состояний в процессе работы. Возможно ли в создавшихся условиях развития высшей школы максимально способствовать профессиональному развитию психологов? Оправданы ли основные положения реформы о желании создать условия для достаточно быстрого профессионального развития подрастающего поколения, его ранней ориентации на конкретные профессиональные сферы?

Профессиональное становление предполагает постоянное построение новых, обновляемых смыслов активности личности в трудовой деятельности. Появления и изменения в системе смыслов субъекта труда отражают сущность процесса самоопределения, в том числе и профессионального. Становление профессионала проходит несколько этапов. Определение своей профессии, выбор собственного профессионального пути зависит от своевременно проведенной работы по профориентации. Однако сложным остается вопрос о профориентационной работе со школьниками, ранней диагностике необходимых для психолога способностей, планомерной разработке индивидуальной стратегии профессионального развития ребенка. В связи с этим возникает необходимость обозначить сложившееся положение в профессиональном становлении специалиста, определить возможные пути решения данной ситуации, обозначить перспективные линии развития, позволяющие сформировать профессионала, в нашем случае профессионально надежного психолога.

Принято считать, что начальным этапом в становлении профессионала выступает профессиональный отбор, который позволяет выделить среди абитуриентов тех, кто обладает необходимыми задатками, специальными способностями, личностными особенностями. В процессе обучения должно происходить и происходит развитие профессионально надежного специалиста, в частности психолога. Более детальный анализ профессионального развития человека позволяет вновь включить в процесс рассмотрения профориентацию молодого поколения, в частности работу с теми подростками, которые хотят выстраивать карьеру психолога.

Важной характеристикой успешного психолога выступает профессиональная надежность, которая закладывается в период обучения в университете, развивается на протяжении профессиональной деятельности. Под профессиональной надежностью мы понимаем системное свойство личности, обеспечивающее заданное качество

деятельности в любой ситуации взаимодействия, и обусловленное совокупностью взаимосогласованных характеристик ее, клиента и среды. Непосредственные факторы, определяющие профессиональную надежность психолога, включают характеристики личности психолога, характеристики клиента, характеристики внешней среды. В процессе развития психологов существует необходимость работать над свойствами и особенностями личности специалиста и характеристиками внешней среды. К характеристикам специалиста относят: потребностно-мотивационную сферу; работоспособность; профессиональную готовность; профессионально важные качества (ПВК). Другими словами, профессиональная надежность психолога опирается на профессиональную пригодность и потребностно-мотивационную сферу человека.

Следовательно, при разработке профориентационной программы для подростков необходимо учитывать пять важных компонентов пригодности человека к работе психолога:

- 1) гражданские качества (идейный, моральный облик человека как члена общества);
- 2) отношение к труду, профессии, интересы, склонности к данной области деятельности;
- 2) дееспособность;
- 3) единичные, частные специальные способности;
- 4) навыки, выучка, знания, опыт (Климов, 2003).

На первых этапах данной программы возможна разработка краткосрочных встреч с подростками, позволяющими выделить тех ребят, которые имеют пригодность к психологической деятельности. В число диагностических процедур необходимо включить как стандартизированные методики, так и проективные задания. Обозначим особенности личности подростков, которые должны быть изучены, а затем соотнесем их с диагностическим инструментарием.

В качестве обязательных характеристик должны быть изучены психическая устойчивость подростка, коммуникативные особенности, отсутствие склонности к асоциальным проявлениям, определены склонности, интересы, выявлена общая активность, проанализирована мотивационная сфера человека.

Учитывая возрастные особенности подростков, а также ограниченное количество времени, которое может быть отведено для профориентационных встреч, уместно применить информативные методики, позволяющие не только опросить большое количество респондентов, но и получить объективную характеристику профессиональной пригодности. К числу наиболее применимых инструмен-

тов можно отнести методику А. С. Будасси «Самооценка личности», методику «Акцентуации характера» А. С. Прутченкова, опросник ДДО Е. А. Климова, тест «Дерево» К. Коха, сочинение (Кох, 2010).

В период обучения в вузе (стадия профессиональной подготовки) необходимо исследовать изменения, происходящие в развитии личности будущих специалистов-психологов: изменения самосознания, самооценки, направленности личности, информированности, профессиональной идентичности. При освоении систем основных ценностных представлений, характеризующих профессиональную общность психологов, специальные знания, умения и навыки, необходимых для успешной профессиональной деятельности, развиваются ПВК, формируется профессиональная пригодность. Именно в ней формируется профессиональная идентичность. Следовательно, профессиональная идентичность – это аспект личностной и социальной идентичности, который развивается у человека в результате его трудовой деятельности.

Профессиональная идентичность обладает структурой, в которой обычно выделяют: профессиональные нормы и ценности, выполняемые роли, профессиональный язык.

Профессиональная идентичность реализуется и разворачивается в профессионализации, на разных этапах которой существует возможность раскрытия индивидуальности человека как субъекта труда.

Становление профессиональной идентичности психологов имеет специфику, которая связана с особенностями подготовки профессионалов в области «помогающих профессий», где особенно значимую роль играет развитие самой личности студента в период обучения в вузе.

Представим результаты, полученные в ходе проводимого исследования, направленного на изучение особенностей профессионального становления психологов. В работе приняли участие студенты-психологи КубГУ 1-го и 4-го курсов обучения. Всего было опрошено 40 чел. В исследовании использовались следующие методики: «Диагностика самооценки» А. С. Будасси, методика профессиональной идентичности (МИПИ), разработанная Л. Б. Шнейдер. Математическая обработка полученных результатов проводилась с применением групповых данных по их значениям, обобщались первичные данные, было определено процентное соотношение изучаемых компонентов. Опишем полученные данные исследования студентов-психологов.

Первокурсники характеризуются средней адекватной самооценкой, т. е. объективно знают о своих достоинствах и недостатках и прекрасно адаптируются к новым условиям. Низкой неадекватной са-

мооценкой обладают 3% человек. Они робко предъявляют свои цели, если вообще это делают, у них отсутствует веры в собственные силы, успех. У 15% первокурсников наблюдается высокая самооценка, которая свидетельствует об их умении ставить высокие цели и стремиться к их достижению. Они коммуникабельны, открыты, активны.

Первокурсники характеризуются ригидностью мышления, трудностями в решении абстрактных задач, развитым воображением, они имеют высокий творческий потенциал, при этом склонны к экспериментированию, открыты к новым, неустоявшимся точкам зрения, т.е. студенты ищущие, интеллектуально заинтересованные в собственном развитии, хотя достаточно сосредоточены на внутренних потребностях. Студенты эмоционально устойчивые, выдержанные, склонны к осознанному соблюдению и поддержанию норм и правил поведения, ответственности, обладают развитой способностью к эмпатии, сопереживанию, достаточно уверены в себе, с развитым самоконтролем, при этом с достаточной мотивацией к реализации задуманного.

Четвертый курс бакалавриата является сложным, переходным для студентов, только 45% из них имеют адекватную среднюю и завышенную самооценку. Остальные же испытывают затруднения разного рода в реализации своих замыслов и достижении поставленных целей. Можно предположить, что такое самописание выступает реакцией на несформировавшийся у студентов к этому моменту обучения образ себя как профессионала, перспектив своего профессионального развития. Среди коммуникативных особенностей этой группы студентов можно выделить общительность, самоуверенность, рассудительность, деликатность и подозрительность по отношению к другим, эмоциональную выдержанность, независимость.

Таким образом, полученные данные продемонстрировали имеющиеся затруднения психологов в становлении профессиональной идентичности в период процесса обучения.

Весь период обучения с 1 по 4 курс статус «мораторий» максимально представлен у студентов. Можно предположить, что в этот период студенты, обучающиеся в вузе, переживают кризис идентичности, но достаточно активно пытаются его преодолеть. Также большая группа студентов обладает статусом диффузной идентичности, который проявляется в отсутствии каких-либо целей, ценностей, собственных убеждений, а также отсутствии желание их формировать.

Студенты 4-го курса находятся в статусе кризиса идентичности, некоторые пытаются его активно преодолеть, найти собственные цели, определить ценности.

Количество студентов, имеющих статус достигнутой идентичности, с 1-го по 4-ый курс уменьшается, что демонстрирует готовность небольшого числа студентов к выполнению профессиональных функций психолога, а также свидетельствует о сформированных к ним ПВК, которые необходимы для успешной профессиональной деятельности.

Таким образом, становится очевидным необходимость оптимизации целого комплекса мероприятий, ориентированных, с одной стороны, на абитуриентов и, с другой стороны – на студентов-психологов. Реализация профориентационной программы для подростков позволит повысить интерес к профессии психолога, определить профессионально пригодных будущих абитуриентов факультета управления и психологии КубГУ. Программа сопровождения профессионального становления студентов-психологов позволит обеспечить подготовку профессионально надежных и успешных психологов, которые легко найдут себе применение в различных отраслях экономики.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Гандер Д. В.* Профессиональная психопедагогика. М.: Воентехиниздат, 2007.
- Гуревич К. М.* Дифференциальная психология и психодиагностика. Избранные труды. СПб.: Питер, 2008.
- Деркач А. А.* Психолого-акмеологические основания и средства оптимизации личностно-профессионального развития конкурентоспособного специалиста // Акмеология. 2013. № 1. С. 11–16. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/98353424>.
- Климов Е. А.* Введение в психологию труда: Учебник для вузов. М.: Культура и спорт, 1998.
- Климов Е. А.* Пути в профессионализм: Учеб. пособие. М.: Московский психолого-социальный институт—Флинта, 2003.
- Кох К.* Тест «Дерево». М.: Эксмо, 2010.
- Маркова А. К.* Психология профессионализма. М.: Знание, 1996.
- Поваренков Ю. П.* Психологическое содержание профессионального становления человека. М.: УРАО, 2002.
- Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход / Под ред. В. А. Бодрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.

Peculiarities of professional formation psychology students

N. Vasilchenko (Krasnodar)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Kuban state University

The reform of the education system involves the expansion of opportunities in the training of professionals, orients all subjects of the educational system to increase their own activity, implemented in professional activities. Of particular interest is the creation of such an educational environment of the University, which would not only attract interested students, but also to promote at all stages of training professional development of psychologists. The article presents the results of a survey of students-psychologists of the Kuban state University, which reveal the features of self-assessment of students of different years of study, determine the specifics of professional identity of bachelors. The recommendations are given to promote more effective professional development of students-psychologists.

Keywords: professional development, professional identity, psychologists, professionally important qualities, reforms.

Активность как фактор развития индивидуальности студента

А. А. Волочков (Пермь)

доктор психологических наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; e-mail: volochkov57@mail.ru

В статье приведено понятие учебная активность, ее структурная модель, поставлена проблема взаимосвязи учебной активности и разноразличных свойств индивидуальности, а также эффектов фактора «Уровень учебной активности» на дисперсию этих свойств. Эмпирическое исследование индивидуальности 625 студентов вузов г. Перми показывает, что учебная активность связана с разноразличными свойствами индивидуальности студента, его психофизиологическими и формально-динамическими характеристиками, свойствами личности и социально-коммуникативными проявлениями, в том числе с характеристиками психологического здоровья. Обнаружен значимый многомерный эффект фактора «Уровень учебной активности» на дисперсию разноразличных характеристик индивидуальности студентов. Эффект данного фактора при сравнении с другими (пол, особенности образовательной среды и другие) является наиболее сильным и значимым по отношению к свойствам индивидуальности. При этом более высокий уровень учебной активности связан с иным профилем (возможно, типом) интегральной индивидуальности, дающим очевидные преимущества студенту в плане выраженности ряда свойств индивидуальности, а также его психологического здоровья.

Ключевые слова: активность, учебная активность, интегральная индивидуальность, факторы развития психики.

Проблема

Учебная активность: понятие и структурная модель

Социальный запрос на исследования активности субъекта, а в терминологии Пермской научной школы – исследований активности ин-

дивидуальности школьника и студента чрезвычайно высок. Вместе с тем по-прежнему недостаточно как фундаментальных, так и прикладных исследований в этой предметной области. Образовательная практика остро нуждается в компактных теоретических моделях структуры учебной активности, валидном и надежном инструментарии ее диагностики. Если работы, в которых исследуется влияние учебной активности на индивидуальность школьника, достаточно известны, то аналогичные исследования, выполненные на студенческих выборках, пока единичны.

В наших исследованиях учебная активность рассматривается как разновидность целостной активности субъекта конкретной сферы бытия, а соответствующее понятие определяется следующими положениями (Волочков, 2007).

- 1) В наиболее общем плане учебная активность – качественно-количественная мера взаимодействия субъекта учения со средой обучения, соответствующими нормами, традициями, требованиями, которые являются существенной частью мира индивидуальности.
- 2) Речь идет не столько о пассивной включенности кем-либо (учителем, родителями) ученика в процесс усвоения знаний, сколько о том внутреннем по источникам детерминации шаге, который учащийся или студент сам делает навстречу обучающей среде, сфере учебных взаимодействий. Это не столько мера включенности в учебную деятельность «извне», сколько мера зависимости учебной деятельности от самого ее субъекта.
- 3) Под «обучающей средой» понимается тот фрагмент мира индивидуальности, который непосредственно связан с обучением – школа и ее тип, вуз, профиль, направление, технология обучения и т. п.
- 4) Учебная активность характеризует, прежде всего, динамическую сторону учебных взаимодействий в целом и учебной деятельности в частности, являясь совокупностью обусловленных субъектом моментов ее движения.
- 5) Учебная активность – результат интеграции, синтеза различных видов и проявлений активности, наиболее существенных для учебных взаимодействий – интеллектуальной, познавательной, волевой и т. д.
- 6) Внешние проявления и структура учебной активности имеют свои возрастные особенности – как у школьников, так и у студентов.

Учебная активность здесь выступает мерой субъектности в соответствующей сфере взаимодействий – мерой того шага в учебной деятельности и ее развитии, который делает сам ученик или студент как субъект активности.

Проблема и гипотезы исследования

Проблема

Основной проблемой данного исследования является проблема взаимосвязи учебной активности и разноуровневых свойств индивидуальности, а также влияния (эффектов) учебной активности на дисперсию этих свойств. Интегральная индивидуальность (ИИ) в теории В. С. Мерлина – саморегулирующаяся и самоорганизующаяся система, характеризующая целостность индивидуальных свойств человека. Важнейшей методологической посылкой в изучении активности применительно к индивидуальности человека является положение В. С. Мерлина о том, что *вся ИИ* является субъектом активности: «...все практические проблемы оптимизации деятельности человека в обучении, труде, спорте, организации коллектива наиболее успешно разрешаются тогда, когда в качестве субъекта активности рассматривается вся ИИ, а не отдельные ее уровни» (Мерлин, 1986). Вместе с тем *эффекты активности* (в том числе и учебной) на ИИ остаются мало изученными.

Кроме того, изучалось *соотношение различных факторов* в их влиянии (эффектах) на индивидуальность студента в целом. Среди них:

- пол студента (генетически заданная независимая переменная);
- вуз и профиль образования (особенности образовательной среды);
- учебная активность студента (как разновидность активности субъекта конкретной сферы жизни).

Нас интересовало, какие из этих факторов дают наиболее значимый общий эффект на развитие индивидуальности студента.

Метод

Участники

В 2013–2015 гг. собран эмпирический материал на выборке 625 студентов дневной формы обучения различных вузов г. Перми. После проверки на многомерные выбросы по Махаланобису данные 98 участников исключены из последующего анализа.

Инструментарий

В диагностике активности студента использовались две методики: модифицированный «Вопросник учебной активности студента» ВУАСТ (Волочков, 2013) и «Диагностика активности студента» (Попов, Волочков, 2015).

Опросник «ДАС» (диагностика активности студента) разработан А. А. Волочковым и А. Ю. Поповым. Опросник диагностирует выраженность активности студента в пяти основных сферах жизнедеятельности по А. В. Брушлинскому (1994): активность в сфере общения, созерцания, познания, рефлексии, активность в сфере предметной деятельности (активность в учебной деятельности). В ходе анализа нами использовались эти 5 суммарных шкал опросника.

Вопросник учебной активности студента (ВУАСТ) разработан А. А. Волочковым (2007, 2013) и позволяет получить оценку учебной активности по семи первичным шкалам: Учебная мотивация, Обучаемость, Контроль реализации активности, Контроль при неудаче, Исполнительская и Творческая динамика, Результат УА. На этой основе вычисляются 4 агрегированные шкалы: Потенциал, Контроль, Динамика реализации и суммарный индекс УА.

Психометрическая проверка вопросника показала его хорошую пригодность как для научных исследований, так и для практики (Волочков, 2007).

Диагностика свойств нейродинамики и темперамента осуществлялась Личностным опросником Грея—Уилсона, краткая версия (ЛОГУК) в адаптации Г. Г. Князева и Опросником формально-динамических характеристик поведения FCB-TI Яна Стреляу, российская адаптация О. Митиной, Б. Завадского, Ю. Бабаева, Т. Менчук (Стреляу, 2005).

Свойства личности диагностировались с помощью Пятифакторного опросника личности (вариант «Большой пятерки») в адаптации А. Б. Хромова (2000), Пермского вопросника Я (Дорфман, 2000), теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) Д. Крамбо и Л. Махоника в адаптации Д. А. Леонтьева (2000), Шкалы чувства связности А. Антоновского (Осин, 2007) и Шкалы общего здоровья Д. Гольдберга (Goldberg, 1978, 1979).

Для диагностики тенденций поведения в группе использовалась методика «Q-сортировка тенденций поведения в группе» Х. Залена и Д. Штока (Спиридонов, 2008).

Всего в исследовательской программе использовано 9 методик, позволяющих измерить свыше 50 показателей разноуровневых свойств ИИ (нейродинамика, темперамент, свойства личности, социальные отношения), а также ее активности в различных сферах жизнедеятельности.

Дизайн

В ходе проверки гипотезы о связи учебной активности и разноуровневых свойств ИИ использовался корреляционный дизайн и соответствующий ему эксплораторный факторный анализ.

Для оценки влияния ряда независимых переменных на дисперсию разноуровневых свойств ИИ использовался ex-post-facto дизайн, множественный дисперсионный и ковариационный анализ с оценкой основных эффектов (MANOVA и MANCOVA). Для уточнения и демонстрации характера статистически достоверных различий и эффектов использовался t-критерий Стьюдента.

Статистический анализ выполнялся в программах IBM SPSS Statistics Professional и StatSoft Statistica 10.

Результаты

Связь учебной активности со свойствами индивидуальности студента

Гипотеза о связи структурных компонентов учебной активности с разноуровневыми свойствами ИИ проверялась с использованием эксплораторного факторного анализа по методу максимального правдоподобия, с последующим косоугольным вращением *direct oblimin*. Всего по методу каменистой осыпи выделено 4 наиболее значимых фактора, в совокупности объясняющих около 50% дисперсии переменных. В трех из них представлены структурные компоненты учебной активности, что убедительно подтверждает соответствующую гипотезу. Приведем названия факторов, кратко характеризующие их содержание:

- 1) *фактор эмоциональной стабильности, лежащей в основе психологического здоровья студента;*
- 2) *фактор учебной активности студента;*
- 3) *фактор витальности, интереса к жизни и взаимодействиям в жизненном пространстве; фактор контроля поведения.*

Уже на этапе получения первичных факторов связь учебной активности с разноуровневыми свойствами ИИ проявилась в составе трех из четырех значимых факторов. Получены убедительные эмпирические свидетельства в поддержку гипотезы о тесной интеграции учебной активности с разноуровневыми свойствами ИИ (ИИ) студента. Такая связь обнаружена со всеми затронутыми в исследовании уровнями и подуровнями ИИ.

Влияние пола, особенностей образовательной среды и учебной активности на дисперсию показателей разноуровневых свойств индивидуальности студентов

Для проверки гипотез о влиянии (эффекте) фактора «Уровень учебной активности» на дисперсию разноуровневых свойств ИИ, а также для сопоставления значимости этого эффекта с эффектами других факторов применялся множественный дисперсионный анализ (MANOVA), позволяющий оценить общий многомерный эффект каждого из пяти факторов на индивидуальность студента. Уже затем в целях детализации картины использовалась серия однофакторных дисперсионных анализов (ANOVA). Такой подход позволяет значительно снизить риск ошибки первого рода («ложного срабатывания»), т. е. риска отрицания основной гипотезы, когда на деле она верна.

При этом в MANOVA использовался следующий факторный план:

Независимые переменные (факторы)

1 – Пол студента; 2 – вуз (ПГГПУ и ПГНИУ); 3 – Профиль образования (гуманитарный, математический); 4 – Степень обучения (первокурсники–третий курс–пятикурсники); 5 – Уровень учебной активности студента (активные, нормативные, пассивные).

Зависимые переменные

Разноуровневые свойства ИИ представлены 23 переменными, характеризующими разноуровневые свойства ИИ.

В числе статистик MANOVA в соответствии с поставленной проблемой особое внимание уделялось коэффициенту η – стандартизованному «эта-коэффициенту», в котором учтены поправки на численность выборки, переменных и т. д. Его также называют «абсолютной величиной эффекта». Эти величины сопоставимы в различных исследованиях, выполненных в разных условиях и на разных выборках, что позволяет использовать их в метаанализе.

Многомерные эффекты факторов «Профиль образования» и «вуз» на 23 показателей разноуровневых свойств ИИ оказались статистически незначимыми. Таким образом, факторы, которые в нашем исследовании отражают «Особенности образовательной среды», показали относительно слабое влияние на индивидуальность студента.

Наиболее значимым по отношению к индивидуальности студентов оказался многомерный эффект фактора «Уровень учебной ак-

тивности»: Pillai's Trace $F=4,075$, $p<0,000$, $\eta=0,548$. Данный эффект объясняет наибольшую долю (30,0%) дисперсии 23-х переменных, характеризующих ИИ студентов.

В целом гипотезы о возможности значимого эффекта учебной активности на ИИ студента находят эмпирическую поддержку. Данный фактор оказывается наиболее влиятельным среди других по отношению к свойствам ИИ. Однако этот статистически достоверный вывод лишен детализации. На каких уровнях и подуровнях эффект сильнее? Имеются ли значимые различия в средних значениях трех групп, различающихся по уровню учебной активности? Имеют ли преимущества активные студенты перед пассивными или «нормативными»?

Анализ стандартизованных профилей средних значений разноразличных индивидуальных свойств студентов с различной учебной активностью показал значительные различия по всем уровням ИИ. Наиболее сильно профили расходятся по параметрам психологического здоровья — осмысленности жизни, чувству связности и эмоциональным нарушениям здоровья, а также по близким к ним шкалам большой пятерки (нейротизм, контроль, игривость). Возможно, все эти показатели образуют единый паттерн характеристик психологического здоровья студента, связанный с его учебной активностью.

По большинству параметров нейродинамического, формально-динамического и личностного уровней ИИ активные, «нормативные» и пассивные студенты значительно различаются. Разный уровень учебной активности в нашем исследовании соответствует разному типу ИИ. *Возможно, следует говорить об индивидуальности активного и пассивного студента.* Результаты свидетельствуют о значительном влиянии учебной активности на индивидуальность студента. Не следует, конечно, упускать из виду и обратные влияния (систем активации и торможения поведения, формально-динамических характеристик) на учебную активность. Соответствующие связи и эффекты могут быть обнаружены. Однако в целом картина достаточно очевидна.

Выводы

- 1) Учебная активность тесно связана со свойствами ИИ студента, его психофизиологическими и формально-динамическими характеристиками, свойствами личности и социально-коммуникативными проявлениями.
- 2) Учебная активность связана с характеристиками психологического здоровья студентов — чувством связности (по А. Антоновски),

общим психологическим здоровьем (по Д. Голдберг), осмысленностью жизни (по Д. Крамбо и Л. Махолику), развитым контролем поведения и эмоциональной стабильностью. Возможно, учебная активность является ресурсом психологического здоровья студента.

- 3) Обнаружен значимый многомерный эффект фактора «Уровень учебной активности» на дисперсию разноуровневых характеристик индивидуальности студентов. Данный фактор по величине и статистической достоверности эффекта доминирует среди других факторов по отношению к свойствам ИИ.
- 4) Полученные результаты полностью соответствуют трехфакторной парадигме развития психики, в которой учитывается взаимодействие трех факторов – генетического (в нашем исследовании ему соответствует переменная «Пол участников»), средового («вуз» и «Профиль обучения») и активности самого студента как субъекта образовательных взаимодействий («Уровень учебной активности» и отчасти «Степень обучения»).
- 5) Более высокий уровень учебной активности связан с иным профилем (возможно, типом) ИИ студента. При этом более высокий уровень активности дает очевидные преимущества студенту в плане выраженности ряда свойств индивидуальности, а также его психологического здоровья.

Литература

- Активность, ценностная направленность и психологическое здоровье студенчества: Монография / Под ред. А. А. Волочкова. Пермь: ПГГПУ, 2015.
- Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994.
- Волочков А. А.* Активность индивидуальности как фактор развития: на пути к трехфакторной парадигме // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 1. «Психологические и педагогические науки». Вып. 1. 2013. С. 46–60.
- Волочков А. А.* Активность субъекта бытия: Интегративный подход. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2007.
- Волочков А. А.* Активность субъекта как фактор психического развития (гипотезы, модели, факты) // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 3. С. 22–31.
- Мерлин В. С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.

Попов А. Ю., Волочков А. А. Структура и психологическая диагностика активности студента. Пермь: ПГГПУ, 2015.

Activeness as a factor of development of individuality of students

A. A. Volochkov (Perm)

Perm State Humanities and Pedagogical University

In this paper we discuss the concept of academic activeness and its structural model. We describe the research problems: finding interrelations between academic activeness and various levels of individuality traits, and identifying the effect of academic activeness on the variance of these traits. Empirical research in a sample of 625 university students in Perm showed that academic activeness is linked to various levels of individuality traits, such as characteristics of the nervous system, temperament, personality, and social traits. Academic activeness is also linked to characteristics of psychological health. There is a statistically significant multivariate effect of the level of academic activeness on students' individuality traits. In comparison with the effect of other factors (such as gender or educational program) is the strongest. A higher level of academic activeness is associated with a specific profile (maybe even a specific type) of integral individuality that gives a student obvious advantages in terms of manifestation of a number of desirable personality traits as well as psychological health.

Keywords: activeness, academic activeness, integral individuality, factors of psychological development.

Факторы успешности ранней профессионализации субъекта музыкально-исполнительской деятельности

А. С. Горбачева (Майкон)

*Адыгейский государственный университет;
e-mail: as_gorbacheva@mail.ru*

В статье рассмотрена проблема ранней профессионализации в музыкальном образовании, приведены результаты исследования особенностей проявления ответственности, компонентов социально-психологической адаптации, локуса контроля, социально-психологических связей, мотивации получения подростками музыкального образования. Определен основной критерий ранней профессионализации в музыкальном образовании – исполнительская активность, т. е. опыт публичных выступлений. Сформулированы факторы успешности ранней профессионализации подростка-музыканта: направленность мотивации на содержание и результат обучения; поддержание социальным окружением (прежде всего, родными и учителями) субъектной позиции обучающегося; отсутствие давления; принятие себя и других; интернальность в музыкально-учебной деятельности; позитивные переживания и положительные эмоции от результатов своей исполнительской деятельности; низкий уровень тревожности.

Ключевые слова: ранняя профессионализация, субъектность, подростки-музыканты, социально-психологическая адаптация, локус контроля, ответственность, социально-психологические связи.

В быстро меняющихся условиях современной социальной среды особое значение приобретает формирование субъектности как основы успешности личности. Как отмечает Н. В. Ковалева, «подростковый возраст является важнейшим периодом, определяющим содержание и направленность субъектной активности личности в формировании ее субъектных качеств» (Ковалева, 2016). Соответственно, в этот

период необходимо создать условия для максимальной реализации обучающимися личностных ресурсов формирования субъектности.

В жизненном пространстве современного подростка развитие субъектности осуществляется в учреждениях не только общего, но и дополнительного образования, в которых создаются особые условия для разносторонней самореализации личности и ранней профессионализации.

Под ранней профессионализацией мы понимаем включение личности в профессиональное развитие в детском возрасте, т. е. во временные сроки, не являющиеся типичными для профессионального развития (Горская, 2008). В инструментальном и вокальном музыкально-исполнительском искусстве это является важным условием достижения личностью высоких результатов.

Под успешностью ранней профессионализации подразумевается способность достигать высоких результатов в музыкально-исполнительской деятельности с наименьшими психологическими затратами и с сохранением психологического благополучия.

О. В. Грибкова, раскрывая содержание процесса подготовки музыканта, пишет о постепенном продвижении к необходимому уровню мастерства, где каждый последующий уровень подразумевает не только постоянное совершенствование, но и увеличение интенсивности подготовки. «Эта постепенность и, одновременно, неослабевающий накал в достижении профессионального уровня детерминирован необходимостью постоянного совершенствования. Если этого совершенствования нет, то начинается регресс, остановить который гораздо труднее, чем предотвратить» (Грибкова, 2010).

В связи с этим закономерным является вопрос: всегда ли посещение музыкальной школы свидетельствует об осуществлении процесса ранней профессионализации? По нашему мнению, критерием ранней профессионализации в музыкальном образовании является исполнительская активность, или опыт публичных выступлений, поскольку он является показателем серьезного и осознанного отношения к обучению и готовности продемонстрировать свои профессиональные качества.

Для определения факторов успешности ранней профессионализации субъектов музыкально-исполнительской деятельности было проведено эмпирическое исследование с использованием опросников В. П. Прядеина «Ответственность», К. Роджерса и Р. Даймонда «Социально-психологическая адаптация», Ю. В. Щербатых «Локус контроля», методик Н. В. Кузьминой «Анализ социально-психологических связей», А. Кондаша «Шкала социально-ситуационной тревоги» и опросников, позволяющих определить опыт концерт-

ной и конкурсной музыкально-исполнительской деятельности, мотивацию обучения в музыкальной школе, наличие страхов. Корреляционные связи между результатами диагностики рассчитывались по коэффициенту корреляции производного значения Пирсона с помощью программы Microsoft Excel.

Эмпирической базой исследования выступили 126 учащихся, получающих музыкальное образование в детских школах искусств № 1 (n=26) и № 6 (n=28) г. Майкопа, ДШИ п. Тульского Майкопского района (n=24), Гиагинской ДШИ (n=10), Новокубанской ДМШ (n=20) и ДМШ им. И. Е. Каптана г. Белореченска (n=12) в возрасте от 11 до 16 лет (98 девочек, 28 мальчиков).

1. Исследование показало, что публичная музыкально-исполнительская деятельность (участие в конкурсах и концертах) повышает психоэмоциональную и интеллектуальную выносливость, улучшает настроение, формирует направленность не на себя, а на творческий коллектив и на результат выступления, что, в свою очередь, дает высокую результативность. Эти выводы основаны на корреляционных связях количественных показателей опыта конкурсной и концертной деятельности с динамической эргичностью ($r=0,50$), стенической эмоциональностью ($r=0,55$), социоцентрической мотивацией ($r=0,59$), предметной результативностью ($r=0,58$), связях динамической эргичности с предметной ($r=0,74$) и субъектной результативностью ($r=0,66$).

Особенно благоприятным для психологического благополучия обучающихся является участие в коллективной музыкально-исполнительской деятельности (хор, оркестр, ансамбль), которое повышает психологическую адаптивность, ответственность, творческую выносливость подростков благодаря направленности на общее дело и распределению ответственности между всеми участниками творческого коллектива. Ориентация на успех коллектива и ответственное отношение к общему делу способствуют формированию субъектности личности. Это подтверждается связями социоцентрической мотивации с предметной ($r=0,78$) и субъектной результативностью ($r=0,55$), динамической эргичностью ($r=0,70$), стеничностью ($r=0,84$), интернальностью ($r=0,82$), принятием других ($r=0,58$).

2. Полноценная ранняя профессионализация возможна только при условии внутренней мотивации подростка на получение музыкального образования и направленности мотивации на содержание и результат обучения. Так, мотивационная направленность обучения в ДМШ на учебный процесс связана

с предметной результативностью ($r=0,41$), регуляторной интернальностью ($r=0,43$), стенической эмоциональностью ($r=0,47$), социоцентрической мотивацией ($r=0,50$). Это значит, что подростки, самостоятельно выбравшие музыкальное образование из интереса к содержанию учебного процесса, способны достигать высоких результатов в обучении, склонны к внутреннему контролю, т. е. принимают на себя ответственность за события, происходящие в их жизни, получают удовольствие от участия в ответственных мероприятиях, больше ориентированы на достижение общей цели, чем на реализацию индивидуальных потребностей.

Направленность мотивации на результат музыкально-образовательной деятельности связана с динамической эргичностью ($r=0,46$), предметной результативностью ($r=0,47$) и стенической эмоциональностью ($r=0,52$), т. е. при подобной мотивации участие в ответственных мероприятиях вызывает прилив сил, улучшение физической и интеллектуальной активности, эмоциональный подъем и достижение высоких результатов в рамках получения музыкального образования.

Мотивация собственного благополучия, напротив, имеет низкие показатели как по среднестатистическим баллам, так и по корреляционным связям. Соответственно, если в основе получения музыкального образования лежат мотивы внешние или не связанные с процессом и результатом этой деятельности, то возникают затруднения на пути ранней профессионализации.

3. Одним из условий успешности юного музыканта является поддержка близких. Диагностика социально-психологических связей показывает, что уверенность в помощи и поддержке близких повышает адаптивность личности ($r=0,50$), способствует раскрытию творческого потенциала подростка-музыканта (связь с субъектной результативностью $r=0,51$), повышает мотивацию к обучению в музыкальной школе ($r=0,44$). Прямая зависимость субъектной результативности от отношений с братьями, сестрами ($r=0,57$), и другими родственниками ($r=0,57$) означает, что поддержка близких способствует достижению высоких результатов в музыкально-исполнительской деятельности.
4. Одним из показателей субъектности как условия успешности личности является самопринятие. Так, интернальность в области достижений напрямую связана с принятием себя ($r=0,44$). Самонеприятие, напротив, оказывает деструктивное влияние на формирование субъектности и успешность ранней профессионализации. Непринятие себя связано с внешним контролем

($r=0,75$), эмоциональным дискомфортом ($r=0,67$), неприятием других ($r=0,65$), ведомостью ($r=0,60$). То есть негативное отношение подростков-музыкантов к себе обусловлено неспособностью к самоконтролю, самоорганизации. А неготовность отвечать за свои поступки и действия снижает самооценку. Все это сопровождается негативными эмоциями, недоверием к окружающим либо, напротив, легковерием и ведомостью. В свою очередь, принятие других, которое выражается в конструктивных отношениях с окружающими, связано с социоцентрической мотивацией ($r=0,58$) и стеничностью ($r=0,59$). Соответственно, дружеское взаимопонимание и взаимоуважение между участниками творческих коллективов и направленность на качественное совместное исполнение сопровождается приятными эмоциями. С другой стороны, социоцентричность и положительный эмоциональный фон способствуют установлению конструктивных взаимоотношений с участниками и руководителем музыкального коллектива.

5. При участии в концертах и конкурсах наиболее успешны и психологически благополучны те учащиеся, на которых не оказывается давление и которые рассчитывают, прежде всего, на свои способности и возможности, что подтверждает связь регуляторной интернальности с динамической эргичностью ($r=0,61$) и стенической эмоциональностью ($r=0,79$). Внешний же контроль снижает все эти показатели, о чем свидетельствует связь регуляторной экстернальности с динамической аэргичностью ($r=0,63$) и астенической эмоциональностью ($r=0,50$). Подростки, рассчитывающие, прежде всего, на свои силы, не ждущие помощи от других и не испытывающие давления со стороны учителей или родителей, достигают более высоких результатов как в исполнении произведений, так и в творческом саморазвитии (связь интернальности с предметной ($r=0,73$) и субъектной результативностью ($r=0,52$)).
6. Следующим условием успешности ранней профессионализации является низкий уровень тревожности. Тревожность препятствует развитию такого компонента субъектности, как интернальность ($r=-0,42$), т. е. препятствует принятию подростком-музыкантом ответственности за свое творческое развитие. Кроме того, тревожность способствует дезадаптивности, которая напрямую связана со всеми видами тревожности – школьной ($r=0,64$), самооценочной ($r=0,53$), межличностной ($r=0,53$), общей ($r=0,59$). Связь динамической аэргичности с астенической эмоциональностью ($r=0,59$) подтверждает, что негативные эмоции (страх, предкон-

цертное волнение) угнетают и подавляют всяческую активность юных музыкантов.

Таким образом, к факторам успешности ранней профессионализации субъекта музыкально-исполнительской деятельности можно обоснованно отнести следующие:

- 1) добровольное участие в концертах, музыкально-исполнительских конкурсах, теоретических олимпиадах, сопровождаемое позитивными переживаниями и положительными эмоциями от результатов своей исполнительской деятельности;
- 2) направленность мотивации на содержание и результат обучения;
- 3) поддержание социальным окружением (прежде всего, родными и учителями) субъектной позиции обучающегося через всестороннюю поддержку при отсутствии давления;
- 4) принятие себя и других;
- 5) интернальность в музыкально-учебной деятельности;
- 6) низкий уровень тревожности.

Литература

- Горская Г. Б.* Психологические эффекты ранней профессионализации личности // *Человек. Сообщество. Управление.* 2008. № 3. С. 106–113.
- Грибкова О. В.* Развитие профессиональных качеств будущих педагогов-музыкантов в исторической ретроспективе // *Педагогика искусства.* 2010. № 1.
- Ковалева Н. В., Деткова И. В., Леонтьева А. В.* Формирование субъектной идентичности подростков в процессе тренинга «Компас внутри меня» // *Казанский педагогический журнал.* 2016. № 2–1 (115). С. 179–183.

Success factors in the early professionalisation of the subject of the musical performing activity

A. S. Gorbacheva (Maikop)

Adyghe State University

The author discusses the problem of early professionalization in music education and presents the results of the study of the features of the manifestation of responsibility, components of socio-psychological adaptation, locus of control, socio-psychological relations and motivation of adolescents

to get receiving music education. The publication outlines the main criterion of early professionalization in music education – performance activity or experience in public performances. Factors of success in early professionalization of the teenager musician are as follows: the orientation of motivation on the content and result of training; support of a subject position of the student by social environment (first of all, family and teachers); lack of pressure; acceptance of himself and others; internality in musical educational activity; positive experiences and positive emotions from the results of their performance; low level of anxiety.

Keywords: early professionalization, subjectness, adolescent musicians, socio-psychological adaptation, locus of control, responsibility, socio-psychological relations.

Психосоциальные факторы риска и безопасность пространства профессиональной деятельности

С. В. Гуцыкова (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: filinyury1@yandex.ru*

В статье рассматриваются проблемы безопасности профессиональной деятельности и основных психосоциальных рисков, которые являются фактором риска и угроз в современных условиях. Множественные трактовки безопасности адресуют к разным концепциям ее понимания, позволяя выделить два ведущих направления ее анализа. Одно из них может быть обозначено как нормативно ориентированное, второе – как личностно ориентированное или экзистенциально ориентированное. В статье приводится анализ основных психосоциальных рисков, которые наиболее распространены и служат ведущими в транскрипции безопасности пространства профессиональной деятельности.

Ключевые слова: безопасность, психосоциальные риски профессиональной деятельности, расширенная рабочая среда, направления изучения безопасности, безопасная рабочая среда.

Безопасность имплицитно пронизывает все сферы жизни современного общества, идет ли речь о функционировании технически сложных и стратегически важных объектов жизнеобеспечения, геополитической и национальной безопасности, особенностях профессиональной деятельности в сложных и экстремальных условиях или социально-экономических гарантиях различных слоев населения и малых социальных групп, личности, ее жизненном пространстве, пути и самоосуществлении.

Работа выполнена по Государственному заданию ФАНО РФ № 0159-2018-0001.

Удовлетворение базовой потребности в безопасности как условие жизнедеятельности априорно по праву рождения должно быть дано каждому живому существу, а способы достичь и реализовать это непреложное право составляют проблемное поле исследований безопасности в инженерно-технических, экономических, экологических, юридических, управленческих, социологических, психологических и других науках. Опираясь на свой научный аппарат и методологию, дисциплины, обращающиеся к проблеме безопасности, раскрывают свой особенный, специфический ракурс ее видения, и предлагают свои стратегии предотвращения угроз и рисков безопасности.

Отметим, что современное состояние представлений о безопасности четко воспроизводит этап перехода от многообразия сведений, фактов, предположений, моделей и объяснительных схем к построению единой теории психологической безопасности. Хотя приходится констатировать, что единая концепция и теория, которая доказала бы свою состоятельность и не была привязана к каким-то отдельным изолированным аспектам безопасности, на настоящий момент времени отсутствует.

Само понятие безопасности является междисциплинарным и отличается множественностью трактовок в зависимости от того, какой ракурс безопасности они затрагивают. Обобщенное прочтение психологической безопасности определяет ее как «состояние защищенности (человека и среды), а также способность отражать неблагоприятные внешние и внутренние воздействия» (Баева и др., 2007). Или свободу от психологических и социальных рисков, ущерба, вреда (Dollard, Bakker, 2010).

Психологическая безопасность применительно к сфере профессиональной деятельности определяется и как воспринимаемая свобода в выражении истинного Я, такая свобода, при которой человек чувствует себя уверенным и защищенным в выражении собственных идей и убеждений, не опасаясь негативных последствий для самооценки, собственного имиджа или перспектив карьерного роста (Singh, Winkel, Selvarajan, 2013).

Анализ отечественных и зарубежных исследований, посвященных безопасности в сфере профессиональной деятельности, позволяет условно выделить два сложившихся направления ее изучения. Одно из них, исторически более раннее, сфокусировано на проблемах здоровой организации трудового процесса, отвечающей оптимальному соответствию человека и рабочей среды, и адресовано анализу безопасности профессиональной деятельности. Данное направление можно назвать нормативным или нормативно ориентированным. Возникшее достаточно рано в психологии труда, инже-

нерной психологии и эргономике, оно характеризуется выраженной практической направленностью. В рамках данного подхода основные направления изучения безопасности представлены:

- влиянием специфики и характера деятельности на показатели безопасности (включая опасные, экстремальные, чрезвычайные ситуации, профессиональный стресс);
- сложностями адаптации к технологическим новшествам;
- причинами и последствиями небезопасного поведения (ошибочные действия, несчастные случаи, аварии);
- риском и готовностью действовать в условиях риска;
- профессиональной пригодностью и надежностью.

Большая часть представлений о том, какая рабочая среда соответствует безопасному функционированию в ней человека, в рамках данного направления изначально была сфокусирована на объективных предпосылках безопасности, а показатели и критерии, используемые для ее анализа, были по большей части максимально объективированы по своему содержанию. Для ранних работ этого направления характерно невольное, но искусственно суженное понимание рабочей среды. Оно отражало уклон в сторону анализа влияния на безопасность факторов (предметной) физической среды (эргономика, дизайн рабочего места, физические, химические источники риска и угроз).

Впоследствии основные источники риска и угроз, негативно сказывающиеся на безопасности, стали связываться с возрастающим использованием техники и задачами управления ей, сложностью обработки информации, необходимостью принятия оперативных решений в экстремальных условиях. Это стало характерным для анализа таких разновидностей профессиональной деятельности, как авиация, транспорт, военные профессии, операторский труд. Но свои опасности и риски присущи не только этим профессиям. Опасности и риски присутствуют во многих видах профессиональной деятельности, и все чаще обретают статус психосоциальных рисков, которые включаются в расширенное понимание рабочей среды.

Они охватывают риски, сопряженные со сферой взаимоотношений и взаимодействия людей, влияния психологических процессов, связанных с репутацией, имиджем, доверием, уровнем культуры и пр. Таким образом, на более поздних этапах развития данного направления появляется выраженный интерес к социальному контексту деятельности, гарантиям и защищенности работников, а также к субъективной репрезентации условий деятельности.

Очевидным становится то, что одни и те же параметры предметной рабочей среды по-разному влияют на безопасность в зависимос-

ти от различных социально-психологических условий выполнения деятельности. Одновременно, одни и те же условия рабочей среды по-разному проявляют себя в зависимости от субъективной интерпретации их людьми. Эти факты послужили основанием для пристального внимания к индивидуальным и личностным особенностям работников, психофизиологическим и психологическим факторам, определяющим оценку риска, к механизмам и стратегиям преодолевающего поведения, детерминантам стресс-реактивности (Бодров, 2012; и др.).

Другое направление исследований, ориентированных проблемам безопасности, сконцентрировано на проблемах психологической безопасности личности (субъекта труда). Это направление можно условно обозначить как личностно ориентированное и экзистенциально ориентированное направление. Основное внимание в его рамках посвящено: чувству безопасности и возможности удовлетворения базовых потребностей, безопасности межличностного взаимодействия, процессам социальной (в частности, профессиональной) адаптации, личностной и профессиональной самореализации, индивидуальным предикторам психологической устойчивости.

Опираясь на более или менее интегральные по характеру трактовки психологической безопасности как внутреннего состояния субъективной защищенности личности или субъекта труда, данное направление уделяет первоочередное внимание социально-психологическому контексту, в котором осуществляется профессиональная деятельность. Существенный вклад в данное направление анализа безопасности привнесены психологией личности, социальной и педагогической психологией, терапевтическими парадигмами и концепциями.

Значительное внимание в рамках данного направления уделяется идентичности как критерию психологической безопасности личности, которая в профессиональной сфере выполняет не только функцию внутреннего самоопределения, но и соответствия профессиональным требованиям и социальным запросам (Ермолаева, 2008). Чем легче личность обретает идентичность с профессиональным сообществом или социумом, тем более позитивны условия для сохранения и поддержания психологической безопасности. В рабочей среде, которая характеризуется низким уровнем психологической безопасности, сотрудники избегают открыто выражать собственную точку зрения, проявляют низкую заинтересованность и вовлеченность, неохотно принимают участие в решении профессиональных задач, которые требуют обращения к дополнительным ресурсам (например, информационным).

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что в рамках нормативно ориентированного направления безопасность в основном трактуется как качество рабочей среды, тогда как в личностно ориентированном или экзистенциально ориентированном направлении она преимущественно понимается как состояние или чувство субъективной защищенности личности (субъекта труда). Существующий дуализм прочтения и трактовки безопасности приводит к тому, что в большинстве представленных на настоящий момент времени исследований вообще игнорируется, о каком аспекте безопасности идет речь.

Существует ли некая перспектива примирения указанных выше направлений анализа безопасности, есть ли точки их пересечения и соприкосновения? С нашей точки зрения, объединяет оба направления анализа безопасности обращение к социально-психологическому контексту деятельности, которое является неизменной составной частью рабочей среды. Применительно к анализу профессиональной деятельности оно видится в социально-психологическом пространстве профессиональной деятельности и безопасности этого пространства как оценочной категории, совмещающей основные, ключевые компоненты, характеризующие безопасность труда и психологическую безопасность личности. Социально-психологический контекст деятельности — то звено, которое замыкает на себе и безопасность труда, и психологическую безопасность личности и субъекта труда. Оно адресует к расширенному пониманию рабочей среды.

Что представляет собой расширенное понимание рабочей среды? По мере развития научных представлений, понимание рабочей среды становится все более объемным, выходя за пределы физической рабочей среды, экологических условий деятельности, производственных и ряда непроизводственных факторов, определяющих специфику и требования деятельности (Clougherty, Souza, Kullen, 2010). Отметим, что обращение к расширенному пониманию рабочей среды, в первую очередь, отвечает акценту на социально-психологическом аспекте профессиональной деятельности.

В современных исследованиях предметная и психосоциальная среда нередко разводятся и противопоставляются друг другу, но та и другая, безусловно, связываются с факторами, влияющими на безопасность и потенциальными рисками. Согласно данным Американского Национального института охраны труда и здоровья (NIOSH, 2008), на безопасность и благополучие работников влияют три группы факторов, образующих:

- 1) внешний контекст, включающий экономические, политические, правовые, технологические, социальные и демографические факторы;
- 2) организационный контекст, который затрагивает управление, контроль, методы производства и политики в области человеческих ресурсов;
- 3) рабочий контекст или непосредственный дизайн рабочего места.

Влияние факторов, входящих в данные группы, на безопасность, здоровье и благополучие может быть как прямым, так и косвенным или опосредованным. Основная часть психосоциальных рисков, как отмечается исследователями, возникает в связи с изменениями характера многих видов профессиональной деятельности. К числу основных причин, провоцирующих их, относят: изменения характера многих видов профессиональной деятельности, усложнения работы и повышенные требования к профессиональным навыкам и когнитивным способностям работников, вариативность профессиональных задач и необходимость высокой готовности к изменениям, рост требований к качеству продукта труда и др.

Одну из групп параметров, традиционно рассматриваемых в качестве психосоциальных рисков, составляют социально-экономические характеристики работы. Между социально-экономическими характеристиками работы и производственным травматизмом существует тесная связь, а важными факторами влияния на здоровье и результативность деятельности выступают, наряду с объективными условиями труда, уровнем профессионализма и компетентности работников низкие доходы, проживание в определенной местности и пр.

Другая группа включает риски, связанные с гарантиями профессиональной занятости и основными из них выступают форма занятости и тип трудового контракта, страх потери работы и опыт безработицы. Они оказывают влияние на безопасное выполнение работы (Clougherty, Souza, Kullen, 2010). Работники, занятые на постоянной основе, демонстрируют более низкую статистику происшествий, травм и несчастных случаев, чем временные работники. В качестве причин этого называются худшие условия труда временных работников, более низкий уровень мотивации и меньшая нацеленность на выполнение нормативных требований безопасности.

Отметим, что в литературных источниках приходится сталкиваться с противоречивыми сведениями относительно влияния типа контракта на уровень происшествий и несчастных случаев на производстве. Так, Hernanz, Toharia (2006) проанализировали влияние

типа контракта на уровень несчастных случаев на производстве, и пришли к такому выводу. Различия между вероятностью несчастных случаев на производстве для временных и постоянных работников достоверно неразличимы, если организация прикладывает весомые усилия для контроля над безопасностью (Hernanz, Toharia, 2006).

Важная роль в череде психосоциальных рисков отводится социальному статусу профессии и профессиональному статусу работника или его положению в профессиональной иерархии. Недавние исследования в этой области адресованы раскрытию влияния низкокачественной работы на последствия для безопасности и здоровья. Лица, занятые на более престижной и хорошо вознаграждаемой работе, испытывают меньше отсроченных негативных последствий профессиональной занятости, чем те, чья работа является менее престижной и хуже оплачиваемой. Однако доказательства такой причинно-следственной связи, равно как и изучение механизмов, стоящих за ней, выглядят на настоящий момент времени фрагментарно.

Как видим, проблема психосоциальных рисков в привязке к безопасности пространства профессиональной деятельности является крайне актуальной, но на данный момент времени мало проработанной. Она требует как разработки сбалансированной концепции, так и эмпирически выверенных результатов, которые были бы способны доказать правомерность той или иной концепции.

Литература

- Бодров В. А.* Психологические проблемы безопасности профессиональной деятельности // Проблемы психологической безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. В. Тарабриной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 257–277.
- Ермолаева Е. П.* Психология социальной реализации профессионала. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Психология безопасности как теоретическая основа гуманитарных технологий в социальном взаимодействии / Под ред. И. А. Бaeвой. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.
- Bennett J. B., Cook R. F., Pelletier K. R.* Toward an integrated framework for comprehensive organizational wellness: Concepts, practices and research in workplace health promotion / J. C. Quick, L. E. Tetrick (Eds) // Handbook of occupational health psychology. Washington: APA, 2003. P. 69–95.
- Clougherty J. E., Souza K., Kullen M. R.* Work and its role in shaping the social gradient in health // Annals of the New York Academy of Sciences. 2010. V. 1186. P. 102–124.

- Dollard M. F., Bakker A. B.* Psychological safety climate as a precursor to conducive work environments, psychological health problems and employee engagement // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2010. V. 83 (3). P. 579–599.
- Hernanz V., Toharia L.* Do temporary contracts increase work accidents? A microeconomic comparison between Italy and Spain // *Labour*. 2006. V. 20 (3). P. 475–504.
- Singh B., Winkel D. E., Selvarajan T. T.* Managing diversity at work: Does psychological safety hold the key to racial differences in employee performance? // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2013. V. 86 (2). P. 242–263.

Psychosocial risk factors and security of professional activity space

S. V. Gutsikova (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology RAS

The article deals with the problems of safety of professional activity and basic psychosocial risks, which are a factor of risk and threats in modern conditions. Multiple security interpretations address different concepts of its understanding, allowing you to identify the two leading areas of its analysis. One of them can be designated as normative-oriented, the second – as a person-oriented or existentially-oriented. The article provides an analysis of the main psychosocial risks that are most common and serve as the leading ones in the transcription of the safety of the space of professional activity.

Keywords: safety, psychosocial risks of professional activity, extended working environment, areas of safety studies, safe working environment.

Акмеологический взгляд на самореализацию личности в профессиональной деятельности

Т. И. Дрынкина, Е. А. Карпова** (Санкт-Петербург)*

** кандидат психологических наук, Академия русского балета
им. А. Я. Вагановой; e-mail: drynkina@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, Академия русского балета
им. А. Я. Вагановой; e-mail: dr.karpova@mail.ru*

Статья посвящена анализу профессиональной самореализации личности. Рассмотрены концепции К. А. Абульхановой-Славской, Б. Г. Ананьева, А. В. Брушлинского, Л. Г. Дикой, Л. А. Коростылевой и др. Сделан сравнительный анализ различных концептуальных точек зрения на рассматриваемую проблему. Особое внимание уделено параметрам социального развития человека. Представлен акмеологический взгляд на проблему. Рассмотрены возможности самореализации личности в профессиональной деятельности. Конкретизирован взгляд на развитие человека не только в профессиональном смысле, но и в социальном и психологическом аспектах. Подчеркнута важность создания условий для самореализации в профессиональной деятельности. Сделан вывод о том, что каждое воспринимаемое и осознаваемое событие в жизни человека является, предпосылкой для изменения жизненных планов и механизмов их осуществления.

Ключевые слова: личность, самореализация, личностные ресурсы, профессиональная деятельность, стратегия.

Интерес к проблеме самореализации личности в современной психологической науке связан, прежде всего, с переосмыслением теоретического наследия и ранее накопленного опыта в области понимания структуры личности и всех ее проявлений в окружающем мире. Проблема самореализации личности также тесно связана с вопросом о заложенных в человеке ресурсах, которые могут быть исполь-

зованы для оптимального решения различных социально-экономических задач общества.

В самом общем виде самореализация представляет собой процесс реализации себя в жизни и в повседневной деятельности, поиск и утверждение своего индивидуального пути в этом мире, своих ценностей и смысла своей жизни.

На протяжении многих столетий интерес к этому феномену то возникал, то угасал, но с новой силой возник в связи с развитием в середине XX века экзистенциально-гуманистической философской антропологии и психологии (А. Маслоу, К. Роджерс, С. Рубинштейн, В. Франкл, Э. Фромм и другие). В этих подходах человек рассматривается как высшая ценность и целостность. Особое внимание в пространстве гуманистической психологии уделяется потребности человека в развитии и саморазвитии.

В свое время С. Л. Рубинштейн отмечал, что человек реализует свою сущность в порождаемых им объектах и через них осознает способ своего существования. (Рубинштейн, 1997). В дальнейшем Б. Г. Ананьев высказал идею о том, что «для социального прогнозирования самореализации человека необходимы научные знания о резервах и ресурсах самого человеческого развития, об истинных потенциалах этого развития» (Ананьев, 2001). У Б. Г. Ананьева личность выступает как «объект общественного развития». При этом общим принципом развития личности в процессе деятельности, общения и познания становится принцип иерархии.

Конструируя историческое, биографическое понимание времени жизни человека, Б. Г. Ананьеву удалось выявить точки развития личности, характеризующие:

- старт личности;
- кульминационный момент наивысших достижений в избранной деятельности;
- финиш.

Показав зависимость кульминации от момента старта, а старта – от истории воспитания личности Б. Г. Ананьев связывает эти факторы преимущественно с человеком как субъектом избранной деятельности, а не жизненного пути в целом. Он считает, что «определить основные моменты становления, стабилизации и финиша личности можно лишь путем сопоставления сдвигов по различным параметрам социального развития человека». К числу таких параметров можно отнести:

- экономическое положение;

- статус;
- совмещение, консолидация или разобшение социальных функций,
- среда развития;
- коммуникации;
- конфликтные ситуации;
- решение жизненных проблем;
- осуществление или неосуществления жизненного плана;
- успех или неуспех (Ананьев, 2001).

В настоящее время существует достаточно широкий диапазон позиций в отношении размышлений о проблемах самореализации личности. При этом следует особо отметить, что современная психологическая наука в точках бифуркации рассматривает человека как «открытую систему», которая обменивается энергией и информацией с окружающей средой, обладает определенным внутренним содержанием, а так же множеством внутренних состояний и ресурсов. Накапливая новый опыт, человек изменяет себя и, следовательно, эти изменения оказывают влияние на окружающий мир, частью которого он является (Дрынкина, Карпова, 2006).

По мнению А. В. Брушлинского, каждый человек в силу своей уникальности, неповторимости, незаменимости участвует в развитии культуры и всего общества. Это проявляется, в частности, в том, что мышление любого индивида является хотя бы в минимальной степени творческим, продуктивным, самостоятельным, т. е. оно соотносительно с данным конкретным субъектом (Брушлинский, 1994).

Именно в таком контексте Л. А. Коростылева предлагает интерпретировать данный феномен. По ее мнению «самореализация» — это осуществление возможностей развития «Я» посредством собственных усилий, сотворчества, содеятельности с другими людьми (ближним и дальним окружением), социумом и миром в целом» (Коростылева, 2005).

Несколько иная точка зрения, но не менее интересная высказана Е. Е. Вахромовым. Согласно его воззрениям, самореализация — это «сознательно осуществляемая субъектом теоретическая деятельность по анализу своей жизненной ситуации, выявлению наличных проблем и ресурсов для их решения, постановке перед собой целей и выбору стратегий их достижения, анализу накопленного опыта практической деятельности по реализации своих жизненных планов, и их коррекции» (Вахромов, 2001).

Автор предлагает отдельно рассмотреть и тесно связанное с самореализацией понятие «самоактуализация». Итак, самоактуали-

зация – это сознательно осуществляемая субъектом практическая деятельность, направленная на решение проблем своей жизненной ситуации. Следствием самоактуализации является самоизменение (путем развития способностей, обретения индивидуальных и социальных компетентностей), а также изменения в жизненной ситуации. При этом жизненный путь человека он предлагает рассматривать как историю, основными фактами которой являются акты его самоактуализации.

Предлагая рассматривать жизнь человека как траекторию движения системы во времени, Е. Е. Вахромов считает, что это процесс приобретения им качественно новых, «эмерджентных» свойств, роста самосознания и разнообразных форм активности (Вахромов, 2001).

В то же время К. А. Абульханова-Славская считает, что самореализация возможна лишь тогда, когда самопознание своих способностей уже окончено, когда полностью сформирован «образ Я» и имеется личностная готовность обеспечить всю совокупность внешних условий самореализации (Абульханова-Славская, 1991).

Самореализация – это, прежде всего, результат. Уровень достижения самореализации у разных людей будет различным. Это обусловлено, прежде всего, определенным личностным потенциалом и различными жизненными обстоятельствами. Величина индивидуального потенциала, как правило, коррелирует с общественным признанием. Степень самореализации может лучше всех оценить сам человек в своих субъективных ощущениях. В том случае если стремление к самореализации, активизируется ведущими мотивами, то такая диспозиция проявляется не только в субъективных ощущениях, но и в формировании некоторых свойств личности.

Современная интерпретация понятия «акме» предлагает рассматривать человека как активную развивающуюся, функционирующую личность, которая интегрируется в другие системы жизнедеятельности человека. В каждой из этих систем (ситуаций) личность функционирует по нормам и правилам, существующим внутри каждой системы. Если это профессиональная система – то с акмеологической точки зрения нас будет интересовать личность профессионала в конкретной области: экономике, культуре, медицине, образовании, менеджменте и т. п. В этом случае расширяется и одновременно конкретизируется взгляд на развитие человека не только в профессиональном смысле, но и прослеживается его совершенствование в социальном, психологическом, духовном аспектах. В конечном итоге эти результаты способствует определению детерминант и возможностей гармонизации различных характеристик личности.

Важное место в жизнедеятельности человека занимает, моделирование профессиональной деятельности в целом. Модель профессиональной самореализации может быть представлена следующими этапами: идеальный образ желаемого профессионального будущего, профессиональное самоопределение, выбор вида или направления деятельности, становление в избранной профессии, профессиональный рост и наращивание профессиональных компетентностей. Основное внимание концентрируется на достижениях в определенной социально значимой профессиональной деятельности. Сегодня этот успех подкрепляется внешними экспертными оценками.

Как известно, профессиональная самореализация выступает не только средством удовлетворения экономических потребностей человека. Успех в профессии способствует реализации потребностей более высокого уровня, достижения «акме». Выбирая будущую профессию, человек, как правило, соизмеряет с ее особенностями своих собственных интересов и потенциалов. Изучение возможностей и условий самореализации в профессиональной деятельности необходимо, для того, чтобы инициировать процесс более полного раскрытия личностного потенциала, актуализации собственного «Я» (Киенко, Морозова, 2011).

Как утверждают Л. Г. Дикая и С. А. Наличаева, профессиональная среда представляет возможности самоактуализации личности в деятельности (возможности саморазвития, развития другого и творческого преобразования среды). Важными условиями самоактуализации в профессиональной деятельности являются:

- внутренние условия: ценности, смыслы, установки, отношение к профессии, призвание и т. д.;
- внешние: организационные особенности, наставничество, отношения в коллективе, поддержка и т. д.

С одной стороны, эти условия детерминируют интерес и позитивное отношение к работе как к призванию, способствуют успешной профессионализации, выступают фактором совладания с различными неблагоприятными факторами.

С другой стороны, эти же факторы могут стать причинами и предиктами развития дезадаптационных состояний, потере интереса к работе, развитию синдрома эмоционального выгорания в профессиональной деятельности (Дикая, Наличаева, 2012).

На разных этапах жизненного пути профессиональная самореализация имеет свою специфику, свои характерные особенности. Такие особенности определяются личностными свойствами человека, его притязаниями, ожиданиями, жизненными сценариями и страте-

гиями. Важную роль в психологическом становлении человека играют и решения в ситуациях неопределенности и риска (Карпова, 2007).

В процессе жизнедеятельности человек аккумулирует индивидуальный опыт, осуществляя при этом структурирование своего жизненного мира. В контексте жизненного пути субъект ставит перед собой определенные жизненные цели, «проблематизируя» окружающий его мир. Возникающая проблематизация в значительной степени обусловлена актуализацией субъективного опыта, его структурой и содержанием. Привлекая свой опыт, человек не только выделяет цели, задачи, проблемные зоны, но и определяет аргументированный вектор активности для их разрешения.

Жизненный опыт является своеобразной системой открытого доступа. Постоянно аккумулируя новые знания и способы поведения, наше сознание преобразует их в фреймы для использования в реальных жизненных ситуациях.

Процесс самореализации личности не возможен без взаимодействия с другими людьми. Действуя в различных жизненных ситуациях, решая целый комплекс проблем человек, неизбежно вступает в социально-культурное взаимодействие. Взаимодействие полярно, человек либо достигает успеха в решении поставленных задач или терпит неудачу. Вопрос продуктивного умения решать проблемные ситуации во взаимодействии с другими остается на сегодняшний день одной из актуальных проблем психологии.

Взаимодействия разного уровня сложности позволяет каждому человеку изменять свою индивидуальную картину мира. Изменения, как правило, конструируются на основе анализа и обсуждения полученных положительных и отрицательных результатов принятия жизненно важных решений. Индивидуальная картина мира, таким образом, является продуктом мышления человека, осмысливающего свой жизненный путь. Динамика картины мира обусловлена насыщенностью событий создающих жизненный путь человека. Каждое воспринимаемое и осознаваемое событие в жизни является, таким образом, предпосылкой для изменения индивидуальной картины мира и, следовательно, жизненных планов и механизмов их осуществления.

Несмотря на то, что объективно существующий мир представляет собой нестабильное жизненное пространство, в котором существует множество проблем, человек все же обладает достаточной степенью свободы выбора и возможностью использования множества путей для их решения.

Таким образом, ставя перед собой задачу исследования человека, необходимо привлечь весь комплекс знаний о человеке и обществе.

Это позволит заниматься разработкой практических моделей самореализации личности, гармонизации взаимоотношений между человеком и другими людьми, общественными институтами, обществом в целом для того, чтобы не ставить человека в сложные ситуации неопределенности и риска.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
- Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994.
- Вахромов Е. Е.* Психологические концепции развития человека: теория самоактуализации. Учеб. пособие. М.: Международная педагогическая академия, 2001.
- Дикая Л. Г., Наличаева С. А.* Самоактуализационный личностный потенциал и профессиональное выгорание педагогов. Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2012. № 2 (34). С. 62–71.
- Дрынкина Т. И., Карпова Е. А.* Психологические проблемы самореализации личности в управленческой деятельности. Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2006. № 4. С. 71–72.
- Карпова Е. А.* Социально-психологические особенности профессиональной самореализации руководителей социально-культурной сферы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль: Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2007.
- Киенко Е. В., Морозова И. С.* Профессиональные аспекты самореализации личности. Философия образования. 2011. Т. 35. № 2. С. 247–253.
- Коростылева Л. А.* Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб.: Речь, 2005.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.

Acmeological view at the self-realization of the person in professional activity

T. I. Drynkin, E. A. Karpova* (St Petersburg)*

* Candidate of Psychological Sciences, Vaganova Ballet Academy

The article is devoted to the analysis of professional self-realization of a person. The article considers the concepts of K. A. Abulkhanova-Slavskaya, B. G. Ananyev, A. V. Brushlinsky, L. G. Dikaya, L. A. Korostyleva and others. The article contains a comparative analysis of different conceptual points of

view on the problem under consideration. Particular attention is paid to the parameters of a person's social development. An acmeological view of the problem is presented. The possibilities of personal self-realization in professional activity are considered. The view on the development of man in the social and psychological aspects is concretized. The importance of creating conditions for self-actualization in professional activity was underscored. It is concluded that every perceived and realized event in a person's life is a prerequisite for changing life plans and mechanisms for their implementation.

Keywords: personality, self-realization, personal resources, professional activity, strategy.

Ценностно-смысловые аспекты профессионального долголетия педагогов*

*Н. Г. Зотова**, *С. А. Передельская***, *М. Ю. Тихомиров**** (Волгоград)

** кандидат психологических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; e-mail: natzotova@yandex.ru*

*** кандидат психологических наук, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; e-mail: peredelskaya@gmail.com*

**** Волгоградский государственный социально-педагогический университет; e-mail: tcmich@mail.ru*

В работе представлены первичные результаты пилотажного исследования по изучению ценностно-смысловых основ профессионального долголетия педагогов. С учетом тенденции повышения среднего возраста педагогического состава образовательных организаций всех уровней образования данная работа представляется актуальной. Авторы исходят из предположения о том, что среди факторов, стимулирующих профессиональное долголетие в педагогической деятельности, важное значение имеют ценностно-смысловые феномены регуляции как на уровне личности (ценности, смыслы, целевые ориентиры), так и на уровне организационной культуры. На текущем этапе исследования обнаружены ряд взаимосвязей, которые могут быть индикаторами для дальнейшего поиска. В частности, важными факторами профессионального долголетия могут быть: 1) ориентация на повышение уровня образования, 2) поиск и освоение новых профессиональных областей; 3) особый тип организационной культуры образовательной организации.

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера, профессиональное долголетие, педагог, педагогическая деятельность.

Исследование ценностно-смысловых механизмов профессионального долголетия еще не было отдельным предметом при изучении

Исследование проводится при поддержке РФФИ, грант № 18-013-00712А.

проблем педагогической деятельности. В основном, уделялось внимание негативным и практически неизбежным профессиональным трудностям — эмоциональному выгоранию, профессиональным деформациям, эмоциональному неблагополучию и др. — педагогов, имеющих большой стаж педагогической деятельности. При этом условия, обеспечивающие высокую продолжительность качественного выполнения педагогами своих трудовых функций, не были исследованы подробно. Основной акцент подобных изысканий делался на помощь молодым педагогам в их адаптации к профессии. Однако в настоящее время актуальны вопросы обеспечения профессиональной продуктивности в старшей возрастной группе. Это подтверждается статистическими данными — большинство педсостава составляют педагоги пенсионного и предпенсионного возраста.

В современной отечественной психологии резко возрос интерес к таким психологическим структурам, как сознание (Г. В. Акопов, В. М. Аллахвердов, В. П. Зинченко и др.), личность (в самых различных трактовках, мы более солидарны с пониманием личности в рамках концепции А. Н. Леонтьева и его последователей).

Результатом «работы» личности и сознания неизбежно становится процесс возникновения и развития смысловых структур, позволяющих человеку быть истинно свободным, самодетерминированным субъектом своей жизни. Рассмотрение личности в таком контексте принципиально меняет анализ процессов саморегуляции личности самой себя и, соответственно — деятельности, которую она реализует.

В контексте анализа проблемы развития человека как субъекта трудовой деятельности этот подход представляется наиболее продуктивным в плане организации условий, способствующих профессиональному долголетию. В частности, речь идет о профессии педагога. Данная проблема решалась с разных позиций — например, с позиции функционального подхода — измерения, изучения, тренировки психических функций, особых состояний, психологических свойств личности, способностей педагога; акмеологический подход постулировал анализ естественных возможностей и ограничений человека, находящегося на разных этапах расцвета и достижения «акме» — высших точек развития, прежде всего — профессионального (А. А. Деркач и др.).

В настоящее время в психологическую проблематику профессионального развития прочно вошли такие категории, как понимание (В. В. Знаков), психические состояния (А. О. Прохоров), личностное и социальное самоопределение (М. Р. Гинзбург, А. Б. Купрейченко), жизненные планы (К. А. Абульханова, Е. И. Головаха, А. А. Кроник, К. В. Карпинский, Н. А. Логинова и др.). В современной науке преобладающими можно считать модели сверхнормативной активнос-

ти (В. И. Аснин), побочного, преобразующего деятельность продукта (Я. А. Пономарев), интеллектуальной инициативы (Д. Б. Богоявленская), целеобразования (О. К. Тихомиров), личностного выбора (Д. А. Леонтьев) и многие другие.

В целом, как подчеркивается многими исследователями процессов регуляции субъектом своей жизни, мало разработанной является проблема феноменологии, форм, механизмов процессов смысловой регуляции и организации человеком своей жизнедеятельности. Теоретические схемы регуляции, преобладающие в науке, не могут раскрыть закономерностей процессов, ориентированных на нечеткие размытые целевые состояния и критерии, которые доопределяются и изменяются в ходе жизни. Особенно это касается проблем творческого долголетия в педагогической профессии, ценностно-смысловой регуляции жизнедеятельности педагога как субъекта своего жизненного пути на заключительных этапах профессионализации.

Таким образом, цель нашего исследования – выявление и описание факторов, механизмов, условий, которые помогают или стимулируют педагогов к продолжению профессиональной деятельности в пожилом возрасте.

Стоит отметить, что длительная профессиональная карьера в профессии неизбежно приводит педагога к столкновению с целым рядом негативных моментов, профессиональных вредностей и издержек. Сюда можно отнести:

- 1) высокий уровень ответственности за жизнь и здоровье детей и подростков;
- 2) низкий уровень оплаты труда по сравнению с другими отраслями народного хозяйства (среди опрошенных нами в 2018 г. педагогов ДООУ никто не оценил свое материальное положение как «отличное», 30% респондентов оценили свое материальное положение как «хорошее», 40% – как «среднее», 30% – как «ниже среднего»);
- 3) постоянное психологическое давление на педагога как со стороны родителей, так и со стороны администрации;
- 4) неизбежно возникающие конфликтные ситуации;
- 5) эмоциональное истощение и эмоциональное выгорание. Например, Б. А. Ясько определила в своем исследовании, что у 97% современных учителей наблюдается эмоциональное истощение, 75% – деперсонализация, а у 13% учителей городских школ – эмоциональное выгорание (Ясько, 2009). В проведенном нами исследовании мы обнаружили, правда, несколько иную картину в отношении данного пункта и считаем необходимым обратить на это внимание. Действительно, эмоциональное выгорание

мы обнаружили у менее 10% испытуемых, однако большинство педагогов ДОУ обнаруживают средний уровень эмоционального выгорания (по шкале МВІ в адаптации Н. Е. Водопьяновой) (Фетискин и др., 2002). У всех педагогов предпенсионного и пенсионного возраста выявляются высокие показатели по шкале «Редукция личных достижений», в то время как у начинающих педагогов и педагогов до 40 лет обнаруживается достаточно большой разброс по данному показателю — есть лица с высокими и низкими баллами. Таким образом, можно предположить, что одним из ценностно-смысловых факторов (или механизмов), который обязательно должен «работать» у педагогов с большим стажем — постоянный поиск новых возможностей, постановка новых целей в профессии, поиск положительной обратной связи относительно собственных профессиональных компетенций.

Указанное выше положение может подтверждать другая взаимосвязь: между уровнем образования и активностью жизненной позиции (по методике Е. Ю. Коржовой «Опросник жизненных ориентаций» (Коржова, 2006)) у педагогов ДОУ: педагоги со средним специальным образованием обнаруживают низкий уровень внутренней активности, склонность пассивно реагировать на жизненные обстоятельства по сравнению с педагогами, получившими высшее образование и прошедшими дополнительную постдипломную подготовку.

С другой стороны, стимулирование постоянного профессионального совершенствования — функция организации, реализация которой зависит от качества организационной культуры. Вероятно, здесь также стоит искать ресурсы для продления профессиональной жизни педагога.

Организационная культура образовательных учреждений в настоящее время изучается с разных аспектов. Например, отмечается, что в школе могут существовать различные субкультуры: учительская, ученическая, родительская, руководства и вспомогательного персонала. О. Е. Кузнецова, ссылаясь на исследование Д. Харгривз, указывает, что можно выделить четыре типа учительской субкультуры:

- 1) индивидуализм — классная комната рассматривается как «замок», доминируют автономия и изолированность, любая поддержка избегается;
- 2) сотрудничество — учителя спонтанно и произвольно объединяются для совместной работы без внешнего контроля. Характерны комфортная деятельность (делиться идеями и материалами) и постоянно наблюдение друг за другом;
- 3) коллегиальность — рабочие взаимоотношения строятся на основе сотрудничества с фиксированным временем и местом встреч;

- 4) балканизация – учителя не изолированы, но и не работают как единая школа. Создаются отдельные группы, методические объединения (Кузнецова, 2017).

Имеются исследования, в которых организационная культура образовательного учреждения рассматривается как основа развития профессиональной активности педагога (Ильевич, 2017) или как фактор профессионального развития педагогического персонала (Семейкина, Эдресс, 2016).

Развитие персонала, обучение рассматривается одним из ведущих зарубежных специалистов в области организационной культуры Э. Шейном как главное конкурентное преимущество будущего. В быстро изменяющемся мире организации также должны быстро изменяться в соответствии с условиями своего существования, а это возможно только через обучение сотрудников (Schein, 1995).

Таким образом, постоянное повышение квалификации, основанное на переобучении сотрудников, освоение ими новых рабочих операций может стимулировать пролонгацию профессиональной карьеры педагогов. С другой стороны, это обучение должно быть воспринято самими педагогами не как очередная «обязаловка» с нулевым результатом в практическом плане, а как реальная возможность повысить свой профессиональный уровень, приобрести новые профессиональные компетенции.

В описанном выше пилотажном исследовании мы столкнулись с еще одним фактом, который может подтвердить сказанное выше. Большинство сотрудников ДОУ продемонстрировали высокую степень удовлетворенности трудом, при этом абсолютное большинство анкет принадлежали специалистам со средним специальным образованием. Меньшая часть высказала неудовлетворенность сложившимися условиями труда, при этом в это число попал руководитель ДОУ, а большинство в данной группе составили педагоги с высшим и последипломным образованием. В данном случае, на наш взгляд, речь идет о вполне сформировавшейся оппозиции – активного меньшинства, ориентированного на профессиональное творчество, преодоление естественных профессиональных трудностей, и пассивного большинства, ориентированного на сохранение «статус-кво», избежание конфликтов, сопротивление инновациям.

Итак, первичный анализ проблемы профессионального долголетия педагогов приводит нас к обязательному рассмотрению в качестве важного индикатора собственно *активность* личности по порождению новых смыслов профессиональной деятельности в условиях постоянных изменений. По-видимому, это не единственный механизм, который актуализируется на заключительных этапах профес-

сионализации. Изучение подобных механизмов является предметом наших будущих исследований.

Литература

- Ильевич Т. П.* Организационная культура образовательного учреждения как основа профессиональной активности педагога // Профессионал года 2017: Сборник статей V Международного научно-практического конкурса / Под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. С. 165–170.
- Коржова Е. Ю.* Психология жизненных ориентаций человека. СПб.: Изд-во РХГА, 2006.
- Кузнецова О. Е.* Анализ зарубежных исследований организационной культуры школы // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 3. С. 28–35.
- Семейкина Т. А., Эдресс С.* Фасилитативное управление профессиональным развитием педагогического персонала школы // Научный альманах. 2016. № 9–1 (23). С. 327–330.
- Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002.
- Ясько Б. А.* Организационная психология образования: от теоретических концепций к методологии и методам исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3. «Педагогика и психология». 2013. № 1. С. 80–89.
- Edgar H.* Schein Organizational and Managerial Culture as a Facilitator or Inhibitor of Organizational Transformation // Paper presented to the Inaugural Assembly of Chief Executive and Employers in Singapore, June 29, 1995. URL: <https://dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/2581/SWP-383133296477.pdf?sequence=1>.

Meaning and valuable aspects of professional longevity of teachers

*N. G. Zotova**, *S. A. Peredelskaya***, *M. Yu. Tikhomirov**** (Volgograd)

* Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University

** Candidate of Psychological Sciences,
Volgograd State Socio-Pedagogical University

*** Volgograd State Socio-Pedagogical University

In work primary results of a flight research on studying of valuable and semantic bases of professional longevity of teachers are presented. Taking into account a tendency of increase in average age of teaching staff of the educa-

tional organizations of all education levels this work is represented relevant. Authors make an assumption that among the factors stimulating professional longevity in pedagogical activity valuable and semantic phenomena of regulation as at the level of the personality (values, meanings, targets), and at the level of organizational culture are important. At the current stage of the study, a number of relationships have been identified that can be indicators for further research. In particular, the important factors of professional longevity can be: 1) orientation towards raising the level of education, 2) searching for and mastering new professional fields; 3) a special type of organizational culture of the educational organization.

Keywords: value-semantic sphere, professional longevity, teacher, pedagogical activity.

Интеллект как детерминанта организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности

А. А. Карпов (Ярославль)

*кандидат психологических наук, Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова; e-mail: karpov.sander2016@yandex.ru*

Представлены материалы, относящиеся к рассмотрению психологических особенностей интеллекта как общей способности в контексте ее закономерной взаимосвязи с основными параметрами метакогнитивной сферы личности. Сформулированы представления об интеллекте как важном факторе структурной организации основных параметров метакогнитивной сферы личности в условиях реализации деятельности управленческого типа. Описаны основные характеристики интеллектуальных способностей как одного из важнейших факторов метакогнитивной регуляции управленческой деятельности.

Ключевые слова: интеллект, общие способности, метакогнитивная сфера личности, параметры метакогнитивной сферы, управленческая деятельность, взаимосвязь, метакогнитивная регуляция, структурная организация.

Постановка проблемы исследования

Как известно, одним из наиболее широко представленных и актуальных в психологии направлений является исследование проблемы общих способностей в целом и интеллекта как одной из них в особенности. К настоящему времени сложился целый ряд различных подходов к ее разработке, авторских моделей и т. д.; однако, несмот-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук, проект № МК-2796.2017.6.

ря на их разнообразие, в любом из них интеллект выделяется именно как общая способность (Дружинин, 1999). Помимо этого, проблема общих способностей в целом и интеллекта как одной из них характеризуется очевидной разноплановостью своего содержания: они исследуются и в плане их содержания, и в плане их возможных механизмов, и в плане соотношения с другими категориями способностей.

Вместе с тем в ряде наших предыдущих работ (Карпов, 2017; Карпов, Карпов, 2015) были сформулированы положения, согласно которым необходимо выделять крупную, комплексную отрасль под названием *метакогнитивная психология*, которая объединяла бы весь объем накопленного к настоящему моменту теоретического материала в рассматриваемой области и являлась бы отдельной отраслью психологического знания в целом. Одновременно с этим центральным в этом новом разделе психологического знания понятием, закономерным образом является «*метакогнитивная сфера личности*». Она, по существу, интегрирует в себе все основные особенности метакогнитивной подсистемы психики, предоставляет возможность для их описания и изучения во взаимосвязи друг с другом, в целостном системном виде и включает в себя метакогнитивные процессы, качества, стратегические характеристики, умения, навыки и др.

Важно отметить, что в психологии нередко складывается ситуация, когда два больших направления существуют и развиваются как бы параллельно и автономно друг от друга. Это с полным правом относится и к проблеме интеллекта, с одной стороны, и основам метакогнитивной психологии — с другой. Исследования, интегрировавшие бы научно-исследовательские материалы обоих направлений, представлены в явно недостаточной степени; особенно это относится к экспериментальным исследованиям.

Следует также особо подчеркнуть, что современные исследования, осуществляемые в рамках метакогнитивной психологии, носят подчеркнуто общий, *внедеятельностный* характер. В связи с этим имеются все основания полагать, что метакогнитивная сфера личности может иметь специфичные черты в условиях осуществления различных видов профессиональной деятельности, в том числе в наиболее сложных и многоаспектных из них, например в менеджменте. Подобного рода исследования, как мы полагаем, в значительной мере могут способствовать решению одной из фундаментальных проблем метакогнитивной психологии — проблемы *экологической валидности его эмпирического базиса*, присутствующей в настоящее время.

Таким образом, общая цель исследования заключалась в определении возможной взаимосвязи между степенью развития интел-

лекта (как отдельного вида общих способностей) и основными параметрами метакогнитивной сферы личности в контексте реализации деятельности управленческого типа.

Методическое обеспечение исследования

В ходе исследования были использованы следующие психодиагностические методики.

- 1) *Тест умственных способностей (ТУС)*. Одним из наиболее популярных и широко известных тестов, разработанных в русле мультифакторной теории интеллекта, является, как известно, тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра.
- 2) *Методика диагностики рефлексивности (методика А. В. Карпова, В. В. Пономаревой)*. Данная методика исследует такое свойство как рефлексивность, которое, по мнению авторов, может быть представлено у человека по степени выраженности на трех уровнях (высокоразвитая, средняя и низкоразвитая рефлексивность).
- 3) *Методика уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта*, позволяющий оценить уровень выраженности и направленность рефлексии субъекта.
- 4) *Шкала самооценки метакогнитивного поведения Ла Коста*, направленная на оценку используемых ими мыслительных стратегий.
- 5) *Опросник метакогнитивной включенности в деятельность (Metacognitive Awareness Inventory)*, представляющий собой один из наиболее эффективных инструментов диагностики уровня выраженности основных параметров метакогнитивной сферы личности из всех представленных к настоящему моменту.
- 6) *Опросник Д. Эверсон*. В рамках методики изучаются четыре крупных блока, включающих метакогнитивные качества личности (метакогнитивная включенность деятельность, использование стратегий, планирование действий, самопроверка).
- 7) *Опросник по обучению и обучающим стратегиям «Learning and Study Strategies Inventory (LASSI)»*, являющийся, современным популярным средством диагностики метакогнитивных стратегий.

Помимо этого был применен комплексный метод структурно-психологического анализа, содержательно включающий в себя следующее процедуры:

- коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ);
- метод вычисления данных интеркорреляций;

– метод определения индексов структурной организации.

Полученные результаты и их обсуждение

Все полученные в ходе проведенного исследования результаты были разделены на два больших блока. Первый блок – результаты всех испытуемых по методике тест умственных способностей Р. Амтхауэра (ТУС). Второй блок – данные всех испытуемых по каждой из шести методик на диагностику основных параметров метакогнитивной сферы личности. В соответствии с результатами, полученными по тесту умственных способностей (ТУС), все испытуемые были разделены на четыре группы. В группу I вошли испытуемые с наиболее низким уровнем интеллекта, в группу II – с интеллектом ниже среднего, в группу III – преимущественно с уровнем интеллекта выше среднего и, наконец, в группу IV – с высоким.

После этого были определены суммарные значения по всем показателям методик, направленных на диагностику компонентов метакогнитивной сферы, отдельно для каждой из четырех групп испытуемых-руководителей. Таким образом, был реализован аналитический этап исследования, предполагающий подсчет итоговых баллов по используемым методикам, выделение конкретных групп испытуемых. В итоге можно сделать вывод о том, что, по мере увеличения уровня интеллектуальных способностей, имеет место повышение уровня развития метакогнитивных свойств и иных параметров метакогнитивной сферы личности. Следовательно, можно констатировать наличие закономерной связи между исследованными переменными, носящей характер *прямой зависимости* между ними.

Следующим этапом исследования явилось определение матриц интеркорреляций параметров метакогнитивной сферы, диагностируемых шкалами использованных методик. Это означает, что на основании уже полученных после проведения методик результатов был реализован уже не *аналитический*, как в предыдущем случае, а *структурный* уровень исследования взаимосвязи интеллекта и основных параметров метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. В связи с этим важно отметить, что реализация структурного уровня исследования в большинстве случаев принципиально необходима, поскольку способствует получению более точных и углубленных результатов. Зачастую результаты структурного этапа оказываются иными, чем на аналитическом, вскрываются новые закономерности и интерпретационные возможности. В нашем исследовании каждая из матриц вычислялась отдельно для че-

тырех групп испытуемых, образованных согласно критерию уровня интеллектуальных способностей. В результате для каждой из четырех групп была определена матрица интеркорреляций метакогнитивных качеств и других компонентов метакогнитивной сферы. На основе этого были построены структурограммы для каждой группы испытуемых-руководителей, отражающие общую структурную метакогнитивной сферы, а также наличие между ее компонентами значимых взаимосвязей, выполнен подсчет индексов когерентности, дивергентности и организованности их структур (ИКС, ИДС и ИОС).

По результатам реализации метода структурно-психологического анализа выяснилось, что испытуемые с низким уровнем интеллекта достаточно сильно нуждаются в развитии у себя метакогнитивных характеристик, но, по-видимому, не имеют для этого необходимых интеллектуальных способностей. Здесь необходимо вновь обратиться к данным аналитического этапа исследования, из которого следует, что чем выше интеллект, тем выше уровень развития метакогнитивных свойств и других параметров метакогнитивной сферы. Испытуемые-руководители II-й и III-й групп (преимущественно со средним уровнем интеллекта) обладают развитыми метакогнитивными качествами и другими параметрами метакогнитивной сферы личности, поскольку имеют достаточный для их развития показатель IQ. И наконец, наиболее интересным результатом представляется показатель для IV-й группы. Менеджеры с высоким уровнем интеллектуальных способностей обладают, соответственно, и высокой степенью развития основных компонентов метакогнитивной сферы личности, но, как мы предположили, дальнейшее их развитие для таких людей просто не является необходимым, ввиду наличия у них высоких умственных способностей. Вследствие этого, может быть констатирован факт наличия зависимости между уровнем развития психометрического интеллекта и значениями индексов структурной организации параметров метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. Данная зависимость является *криволинейной* и имеет в целом, характер *U-образный* вид. Следует отметить, что уровень развития интеллектуальных способностей является одним из основных факторов, оказывающих влияние на результативные параметры большого спектра видов деятельности. Однако не для всех из них соблюдается прямо пропорциональная зависимость между уровнем интеллекта и эффективностью деятельности. В значительной степени этот тезис относится к сложным видам деятельности, в частности к деятельности управленческого типа. Согласно данным некоторых исследований (Ghiselli, 1963),

наибольшей успешной деятельностью характеризуются руководители, имеющие не низкий и не очень высокий интеллект, а некоторую оптимальную степень его выраженности. Полученная в нашем исследовании зависимость значений индексов структурной организации основных параметров метакогнитивной сферы личности от уровня выраженности интеллекта выглядит примерно так же, как и общий вид зависимости эффективности управленческой деятельности от уровня развития интеллекта. На наш взгляд, подобная закономерность, в первую очередь, характерна в условиях реализации сложных видов профессиональной деятельности, относящихся, в первую очередь, к классу субъект-субъектных видов деятельности, и полученный в нашем исследовании результат может быть распространен на их материале. Одновременно с этим, на наш взгляд, интеллект, как одна из общих способностей личности, может выступать в качестве одного из факторов метакогнитивной регуляции комплексных и многоаспектных видов профессиональной деятельности, в том числе деятельности управленческого типа.

Литература

- Дружинин В. Н.* Психология общих способностей. СПб.: Питер Ком, 1999.
- Карпов А. А.* Основные тенденции развития современной метакогнитивной психологии: Учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ–Филигрань, 2017.
- Карпов А. А.* Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности. Ярославль: ЯрГУ, 2016.
- Карпов А. А., Карпов А. В.* Введение в метакогнитивную психологию. М.: Изд-во МПСУ, 2015.
- Ghiselli E. E.* Intelligence and managerial success // Psychol. Report. 1963. V. 121.

Intelligence as a determinant of the organization of metacognitive sphere of personality in management activity

A. A. Karpov (Yaroslavl)

Candidate of Psychological Sciences, Yaroslavl State University

The article presents materials related to the consideration of psychological characteristics of intelligence as a general ability in the context of its natural relationship with the main parameters of the metacognitive sphere of person-

ality. The ideas about intelligence as an important factor of the structural organization of the basic parameters of the metacognitive sphere of personality in the conditions of realization of management activity are formulated. The main characteristics of intelligence as one of the most important factors of metacognitive regulation of management activity are described.

Keywords: intelligence, general abilities, metacognitive sphere of personality, the parameters of the metacognitive sphere, management activity, relationship, metacognitive regulation, structural organization.

Методика БИОРАН как элемент технологии индивидуального сопровождения личностно-профессионального развития управленческих кадров

*К. А. Клычникова**, *А. В. Лебедева***, *А. В. Рожок****,
*Ю. В. Синягин*****, *Е. Г. Чирковская****** (Москва)

** Высшая школа корпоративного управления РАНХиГС;
e-mail: klychnikova-ka@ranepa.ru*

*** Высшая школа корпоративного управления РАНХиГС;
e-mail: avlebedeva@mail.ru*

**** кандидат психологических наук, Высшая школа корпоративного
управления РАНХиГС; e-mail: rozhok-av@ranepa.ru*

***** доктор психологических наук, профессор,
Высшая школа корпоративного управления РАНХиГС;
e-mail: sinyagin-yv@ranepa.ru*

****** кандидат психологических наук, Высшая школа корпоративного
управления РАНХиГС; e-mail: tchirkovskaya@mail.ru*

В статье описываются элементы технологии индивидуального сопровождения личностно-профессионального развития управленческих кадров в процессе специально организованного консультирования. Индивидуальное сопровождение личностно-профессионального развития и карьерного роста рассматривается в статье с позиции комплексного ресурсного анализа личности в контексте личностно ориентированного подхода в управлении. Методика БИОРАН – биографический ресурсный анализ может выступать полезным и эффективным инструментом в работе коучей, консультантов по личностно-профессиональному и карьерному развитию, сотрудников HR-служб в процессе построения индивидуальных планов профессионального развития субъектов профессиональной управленческой деятельности.

Ключевые слова: личностно-профессиональное развитие, комплексный ресурсный анализ, индивидуальное сопровождение, карьерное развитие, биографический ресурсный анализ, управленческие кадры, руководители высшего звена.

Современные исследователи отмечают, что в настоящее время существенно изменилось отношение к карьере как с позиций сотрудников, так и с позиций организаций и появилось новое понятие – «управление карьерной». Так, А. И. Турчинов, А. Я. Кибанов под управлением карьерой понимают комплекс мероприятий, проводимых кадровой службой организации по планированию, организации, мотивации и контролю служебного роста работника, исходя из его целей, потребностей, возможностей, способностей и склонностей, а также исходя из целей, потребностей, возможностей и социально-экономических условий организации. Практический опыт и результаты эмпирических исследований показывают, что наиболее эффективными в данном вопросе являются индивидуальные методы работы, и чем выше должность руководителя в управленческой иерархии, тем они предпочтительнее.

К методам индивидуальной работы по сопровождению личностно-профессионального развития и оптимизации карьерных планов как индивидуальных жизненных стратегий, можно отнести следующие: построение карьерограммы, карта карьеры М. Армстронга, разработка личного жизненного плана руководителя А. Я. Кибанова, карьерное планирование В. Сандерса и С. Д. Резника и Г. Г. Зайцева, карьерный коучинг, консультирование, совместная рефлексия путей достижения своих личностно-профессиональных планов, обсуждение результатов личностно-профессиональной диагностики в формате «обратной связи», работа с планом индивидуального развития, самоанализ, диагностика своих способностей и другие формы.

Эффективность использования данных методов повышается, если они применяются комплексно, если есть сформулированный «запрос» от руководителя, т. е. руководитель демонстрирует высокий уровень внутренней мотивации к развитию, готовность и стремление к обучению и изменениям, высокий уровень рефлексивности.

В рамках парадигмы личностно ориентированного подхода в управлении (Синягин, 2016), личностно-профессиональное развитие, оптимизация карьерных планов руководителей рассматривается не с дефицитарных, а с ресурсных позиций. В связи с этим, актуальным становится поиск механизмов, путей, разработка методов, приемов и средств, позволяющих не только выявлять и оценивать собственные личностно-профессиональные ресурсы, но и актуализировать способность субъекта профессиональной управленческой деятельности наращивать, развивать, восстанавливать и перераспределять их, исходя из контекста собственных индивидуальных жизненных стратегий и управленческих ситуаций.

Индивидуальное сопровождение личностно-профессионального развития руководителей высшего звена системы государственного управления чаще всего связано с вопросами оптимизации их карьерных планов и индивидуальных жизненных стратегий, и предполагает процесс профессионального взаимодействия, ориентированный на опережающее создание, удержание и развитие ресурсов личности, развитие ее уникальности, а также способности использовать свои ресурсы в процессе управленческой и иной деятельности. Процесс индивидуального сопровождения карьерного развития является элементом комплексной системы работы с руководителями высшего звена государственного управления, составляет часть процесса комплексного ресурсного анализа личности руководителя и легко сочетается с другими элементами системы, такими, как личностно-профессиональная диагностика управленческого потенциала руководителя и образовательные программы, направленные на личностно-профессиональное развитие. В процессе индивидуального сопровождения основное внимание уделяется актуализации уже существующих личностно-профессиональных ресурсов участника программы, развитию недостающих ресурсов, а также развитию способности использовать собственные ресурсы в управленческой и иной деятельности. Результатом индивидуального сопровождения является увеличение количества актуальных ресурсов индивида и умение творчески использовать собственные ресурсы в различных профессиональных контекстах, развитие ресурсного мышления.

Работа по индивидуальному сопровождению проводится в виде структурированных рефлексивных бесед (цикла бесед), в ходе которых осуществляется сопровождаемый консультантом субъективно значимый анализ собственных личностно-профессиональных ресурсов в контексте конкретных ситуаций профессиональной деятельности руководителя. В качестве методов работы используются специально разработанный структурированный анализ ресурсов личности в сочетании с приемами психологического консультирования и коучинга.

В качестве одного из элементов индивидуального сопровождения личностно-профессионального развития руководителей используется методика БИОРАН – биографический ресурсный анализ (Ю. В. Синягин, А. В. Рожок, А. В. Лебедева), которая была модифицирована и адаптирована для технологии индивидуального сопровождения личностно-профессионального и карьерного развития государственных служащих научным коллективом факультета оценки и развития управленческих кадров ВШГУ РАНХиГС при Президенте РФ под руководством профессора Ю. В. Синягина (в рам-

ках Государственного задания 2017 г.) и внедрена в практику работы с управленческим персоналом системы государственного управления (2016–2018 гг.). Методика БИОРАН основана на психобиографическом подходе к изучению личности (Н. А. Рыбников, Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская, Ш. Бюлер, А. Адлер, Г. Томэ, Г. Олпорт, А. Маслоу, П. Ржичан и другие.) – психологическом анализе автобиографии и акме-событийном подходе (Н. В. Кузьмина, А. А. Деркач, Ю. В. Синягин), (Синягин, 2010).

Методика БИОРАН осуществляется в форме структурированной рефлексивной беседы и предполагает 9 обязательных шагов: 1. Установление контакта; 2. Установление правил взаимодействия; 3. Создание проекции жизненного пути; 4. Ориентация в проделанной работе; 5. Выбор области последующего обсуждения; 6. Работа с областью «прошлого»; 7. Работа с областью «будущего»; 8. Работа с влияющими событиями; 9. Завершение сессии.

С помощью заполнения специального бланка и определенного рода вопросов консультант просит участника создать «проекцию своего жизненного пути» и сопровождает работу следующей инструкцией:

«Отметьте на данной линии точку, обозначающую текущий момент на линии времени. На отрезке, отражающем прошлое время: вспомните и назовите события (количество не ограничено), которые отражают ваши успехи в прошлом, и отметьте их на линии времени стрелками, размер которых обозначает значимость этого события для вас. Вспомните и назовите ситуации (количество не ограничено), в которых вы могли бы поступить значительно более результативно и более эффективно использовать свой потенциал и отметьте их на линии времени стрелками, размер которых обозначает значимость этого события для вас (вариант вопроса: „Какое событие в прошлом вы ожидали, но оно не произошло?“). Вспомните и назовите события (количество не ограничено), которые, с вашей точки зрения, оказали существенное влияние на ваше профессиональное развитие и отметьте их на линии времени стрелками, размер которых обозначает значимость этого события для вас.

На отрезке, отражающем будущее время: отметьте, пожалуйста, на линии времени краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу. Назовите события (количество не ограничено), которые, с вашей точки зрения, окажут существенное влияние на ваше профессиональное развитие, и отметьте их на линии времени стрелками, размер которых обозначает значимость этого события для вас, а также укажите вероятность их наступления в процентном соотношении. Посмотрите на дальнейшее профессиональное развитие с позиции оптимиста: назовите события в ближайшей (1 год), сред-

ней (5 лет) и дальней (15 лет) перспективе, которые могут стать результатом вашего профессионального и карьерного развития, и отметьте их на линии времени стрелками, размер которых обозначает значимость этого события для вас, а также укажите вероятность их наступления.

Посмотрите на дальнейшее профессиональное развитие с максимально осторожной и консервативной позиции: назовите события в ближайшей (1 год), средней (5 лет) и дальней (15 лет) перспективе, которые могут стать результатом вашего профессионального и карьерного развития, и отметьте их на линии времени стрелками, размер которых обозначает значимость этого события для вас, а также укажите вероятность их наступления».

В результате данной работы участник программы индивидуального сопровождения получает проекцию своего жизненного пути — график, на котором отражены его успехи в прошлом, оптимистический и пессимистический прогноз профессионального развития, а также указаны события, влиявшие на его профессиональный путь в прошлом, а также те, которые, возможно, будут влиять в будущем.

На этапе «ориентация в проделанной работе» с участником проводится краткая беседа о том, что он испытывал в процессе моделирования своего «жизненного пути», насколько он готов к следующему шагу и пр. ориентация. На этом этапе нет задачи проводить глубокий анализ какого-либо элемента проекции. Задача состоит в том, чтобы помочь участнику адаптироваться к новому взгляду на свой профессиональный путь, взглянуть на свой профессиональный путь в целом, в случае необходимости, отреагировать эмоции, возникшие в ходе проделанной работы.

Следует отметить, что время, необходимое для полноценного обсуждения всего полученного материала, может достигать до 3 часов, поэтому такая работа может включать в себя несколько полноценных сессий. А для работы в одной сессии необходимо сузить рамки обсуждения и предложить участнику программы выбрать одну из областей и уже ее обсудить достаточно подробно.

Мы выделяем в созданной проекции жизненного пути 3 области, анализ которых имеет самостоятельную ценность:

- область прошлого: признание собственных успехов, выявление эффективной стратегии достижения целей, определение ресурсов, которые способствовали достижению этих успехов и способов использования этих ресурсов. Обсуждение ситуаций, в которых потенциал был реализован неэффективно: выявление стратегий поведения в таких ситуациях; качеств, которые про-

явились в них; исследование способов использования таких качеств как ресурса; выявление ресурсов, которые необходимо нарастить. Часто обсуждение этой области бывает очень поддерживающим для индивида и становится хорошей опорой для движения вперед;

- область будущего: в случае необходимости, прояснение оптимистичного и пессимистичного сценариев; факторы, влияющие на вероятность реализации каждого из сценариев; что участник программы может сделать, чтобы управлять этой вероятностью; на какие ресурсы может опереться, какие ресурсы необходимо нарастить. Также важным аспектом данной работы для нас представляется соединение сценариев будущего с реализацией стратегической жизненной идеи;
- влияющие события: какова стратегия развития участника программы, а также стратегия совладания с негативными влияющими событиями. Есть ли желание изменить стратегию совладания. Что можно сделать, чтобы управлять вероятностью наступления влияющих событий в будущем, на какие ресурсы может опереться участник программы, какие ресурсы необходимо нарастить.

Исследование каждой из этих областей может иметь самостоятельную ценность для участника программы и имеет свою модель исследования каждой этой области. К сожалению, объем статьи не позволяет описать полностью проведение каждого этапа и будет представлен в отдельной работе.

После прохождения программы индивидуального сопровождения личностно-профессионального развития с использованием методики БИОРАН (в исследовании приняли участие около 70 руководителей государственного управления) 44% участников отметили, что у них сформировалось видение долгосрочной перспективы, произошло построение, планирование будущего; 54% смогли лучше понять и конкретизировать свои цели; 75% отметили в качестве результата возможность осознать свои личностно-профессиональные ресурсы, собственные качества, сильные стороны. Выявили качества собственной личности, которые раньше не осознавали как ресурсы и возможности; 62% участников индивидуального сопровождения указали, что в результате работы у них сформировался план действий, были спланированы шаги по достижению цели; 25% участников указали, что работа по индивидуальному сопровождению помогла им лучше проанализировать текущую ситуацию; 35% участников стали лучше понимать себя после прохождения сессии индивидуального сопровождения; 13% участников в процессе сессии смогли расста-

вить приоритеты; 37% участников указали, что в результате сессии у них повысилась уверенность в себе, вера в свои силы; 35% участников указали на важность переосмысления собственной карьеры и профессионального и жизненного пути; 33% участников указали на важность самоисследования и работы над собой, самоанализа; 42% участников индивидуального сопровождения отдельно выделили взаимодействие с консультантом в качестве важного самостоятельного ресурса; 90% участников индивидуального сопровождения указали на удобство применяемой методики; 98% участников индивидуального сопровождения считают полезным прохождение сессий индивидуального сопровождения развития личностно-профессиональных ресурсов.

Вышесказанное делает методику БИОРАН удобным инструментом для работы коучей, карьерных консультантов, консультантов по индивидуальному сопровождению развития личностно-профессиональных ресурсов, сотрудников HR-служб.

Литература

- Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю.* Психология жизненных ситуаций: Учеб. пособие. М.: Российское педагогическое агентство, 1998.
- Жданович А. А.* Карьерные ориентации в структуре Я-концепции студентов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
- Киселева Е. В.* Планирование и развитие карьеры: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. Вологда: Легия, 2010.
- Ржичан П.* Возможности биодромальной диагностики личности // Психодиагностика в соц. странах: Психодиагностический бюллетень. 1983. Т. 1. Вып. 8.
- Синягин Ю. В.* Личностно-ориентированный подход в управлении: тренд, выдвинутый временем // Образование личности. 2016. № 4. С. 61–65.
- Синягин Ю. В., Переверзина О. Ю., Яковлева Ю. А., Полякова А. В.* Основные подходы к исследованию жизненных стратегий личности // Акмеология. 2010. № 1.

BIORAN methodology as an element of technology of individual support of personal-professional development of the top managers

*K. A. Klychnikova**, *A. V. Lebedeva**, *A. V. Rozhok***, *Y. V. Sinyagin****,
*E. G. Tchirkovskaya***** (Moscow)

* Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

** Candidate of Psychological Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

*** Doctor of Psychology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

**** Candidate of Psychological Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

The article describes the elements of the technology of individual support of personal and professional development for management personnel during the specially organized counseling. Individual support of personal and professional development and career growth are considered in the article through the comprehensive resource analysis of the personality in the context of the person-oriented approach in management. Methodology BIORAN is a biographical resource analysis which can be a useful and effective tool in the work of coaches, consultants on personal, professional and career development, HR staff in the process of building individual plans for professional development of subjects of professional management.

Keywords: personal and professional development, comprehensive resource analysis, individual support, career development, biographical resource-based analysis, management personnel pool, top managers.

Субъектные качества медицинских работников как предпосылки экологических взаимодействий со средой лечебного учреждения

Ю. Ю. Ковтун (Белгород)

*кандидат психологических наук, ФГАОУ ВПО,
Белгородский государственный национальный исследовательский
университет; e-mail: kovtun_31@mail.ru*

Настоящее исследование выполнено в русле экопсихологического подхода к развитию психики (Панов, 2014) и посвящено изучению предпосылок и условий взаимодействия медицинских работников со средой лечебного учреждения, в котором ключевая роль принадлежит субъектным качествам личности. Результаты исследования демонстрируют значимые различия в выраженности компонентов экологического сознания и субъектных качеств между группами медицинских работников. Описана факторная структура включенности субъектных характеристик медицинских работников в структуру компонентов экологического сознания в группах медицинских работников. Делается вывод о том, что субъектные качества личности, включенные в структуру экологического сознания, выступают условием типа субъект-средового взаимодействия медицинского работника со средой лечебного учреждения.

Ключевые слова: субъектные качества, экологическое сознание, среда лечебного учреждения.

Актуальность и значимость данной проблемы определяется социальной востребованностью в современном обществе самостоятельности, независимости, произвольности, стремления к развитию, способности к разрешению противоречий как качеств личности профессионала.

Путем поиска ответа на вопрос об условиях взаимодействий медицинских работников со средой лечебного учреждения выступает

анализ экологического сознания медицинских работников, как части сознания, которая определяет субъектную/объектную позицию медработника по отношению к среде лечебного учреждения как объекту или субъекту взаимодействия с ней и ее субъектами. Исходным положением выступает представление о том, что медицинские работники и пациенты, как субъекты среды лечебного учреждения, включены в систему субъект-средовых взаимодействий, тип которых определяется способностью медицинских работников занимать субъектную или объектную позицию по отношению к среде лечебного учреждения, т. е. от их личностны [и профессиональных] качеств. Типология субъект-средовых взаимодействий описана В. И. Пановым (2014) и включает в себя следующие варианты: объект-субъектный, субъект-объектный, субъект-субъектные (субъект-обособленный, субъект-совместный, субъект-порождающий) типы.

Дизайн исследования включал выявление особенностей экологического сознания как показателя субъектной/объектной позиции медицинского работника во взаимодействиях со средой лечебного учреждения и выраженности субъектных качеств в исследуемых выборках и определение факторной структуры связи субъектных качеств и экологического сознания.

Исследуемые показатели операционализировались с помощью шкал опросника экологического сознания (В. И. Панов, М. О. Мдивани, Ш. Р. Хисабеев, Э. В. Лидская); шкалы психологического благополучия (К. Рифф); теста-опросника самоотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантеев); методики «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» (Е. Б. Фанталова).

Эмпирическая база исследования включала группы врачей, медицинских сестер городской клинической больницы № 1 г. Белгорода, студентов медицинского института, медицинского колледжа, факультета психологии Белгородского государственного университета.

Для обозначения качеств, определяющих субъектную позицию медицинского работника, были проанализированы различные концепции, реализующие принцип субъектности (К. А. Абульханова, А. К. Осницкий, В. А. Петровский, Е. А. Сергиенко и др.). В каждой концепции предлагается свой набор таких качеств: активность, автономия, произвольная регуляция, стремление к развитию, способность рефлексии, наличие значимых отношений, наличие противоречий и др. С другой стороны, в нормативных документах, регламентирующих деятельность медицинских работников (Международные стандарты ВФМО, 2003, Кодекс профессиональной этики работников системы здравоохранения НА, 2016 и др.), также имеется список профессионально важных качеств медицинских работников: неза-

висимость, стремление к росту и развитию, самостоятельность и др. На пересечении этих перечней оказались такие качества, как: произвольная регуляция, автономия, способность к разрешению противоречий, стремление к развитию, которые и рассматривались в качестве предпосылок формирования экологических взаимодействий в среде лечебного учреждения.

Результаты анализа особенностей экологического сознания медицинских работников, сформировавшегося стихийно во взаимодействии со средой лечебного учреждения и определяющего субъектную или объектную позицию медработника во взаимодействии со средой, продемонстрировали следующее. Врачи ориентированы на поиск и устранение факторов, нарушающих нормальное, уравновешенное с условиями внешней среды, функционирование организма. Владение специальными профессиональными технологиями позволяет врачам оказывать воздействие на окружающую среду (на болезнь как фактор среды, на пациента как субъекта среды), поэтому в ситуации выбора они ориентированы на техногенную среду ($U=1220,0$; $p<0,01$). Врачи, по сравнению со студентами медицинского факультета, в конфликтной ситуации выбора чаще ориентируются на техногенную среду ($U=548,0$; $p<0,05$), концентрируясь на сомато-технической стороне болезни. Для врачей более свойственно переживание единения с природой на телесном уровне ($U=558,0$; $p<0,05$). У врачей высокий уровень экологической ответственности на персональном уровне ($U=462,0$; $p<0,01$).

Возможность самостоятельно принимать решения, проявлять инициативу, нести ответственность за свою деятельность и осознавать ее значимость, характерные для врачей обусловлены системой взаимодействий в среде лечебного учреждения, что способствует развитию субъектной позиции профессионала. Об этом свидетельствуют выявленные различия между врачами и медицинскими сестрами: врачи более автономны ($U=1431,0$; $p<0,01$), компетентны в управлении окружением ($U=1260,0$; $p<0,01$), имеют больше доверительных отношений с окружающими ($U=1431,0$; $p<0,01$), стремятся к личностному росту ($U=1113,0$; $p<0,01$), имеют намерения на дальнейшую жизнь ($U=1213,0$; $p<0,01$), позитивно относятся к себе и принимают себя ($U=1561,0$; $p<0,01$). По сравнению со студентами медицинского института у врачей также более высокие показатели автономии ($U=397,0$; $p<0,01$), личностного роста ($U=186,0$; $p<0,01$), наличия целей в жизни ($U=219,0$; $p<0,01$), управления средой ($U=153,0$; $p<0,01$).

В повторном исследовании *через 3 года были выявлены* изменения экологического сознания медицинских работников в среде лечебного учреждения.

В группах врачей ($Z=-2,201$; $p<0,05$) и медицинских сестер ($Z=-2,078$; $p<0,05$) за 3 года выросли показатели ощущения положительного воздействия человека на природу, а также переживания единения с природой; при этом у врачей – на уровне телесных ощущений ($Z=-2,232$; $p<0,05$), а у медицинских сестер – на уровне эстетических ощущений ($Z=-1,983$; $p<0,05$).

Для изучения механизма включенности субъектных характеристик медицинских работников структуру параметров экологического взаимодействия со средой был проведен факторный анализ.

В группе врачей были выделены следующие факторы.

В 1 фактор – «Личностное развитие в единстве со средой» (дисперсия 20,81 %) вошли такие переменные, как: «Единение с природой» (0,751), «Единение с природой – эстетические ощущения» (0,736), «Единение с природой – Телесные ощущения» (0,684), «Позитивные отношения с окружающими» (0,811), «Управление средой» (0,616), «Личностный рост» (0,812), «Цели в жизни» (0,748), «Самопринятие» (0,623), «Человек как открытая система» (0,859), «Самоинтерес» (0,497).

2 фактор – «Экологическая ответственность» (дисперсия 16,35%). Наибольшую факторную нагрузку имеют показатели: «Экологическая ответственность» (0,970), «Близкая среда обитания» (0,875), «Региональный уровень» (0,851), «Государственный уровень» (0,650), «Международный уровень» (0,676), «Лимит на роскошь» (0,640), «Положительное воздействие человека на природу» (0,417), «Единение с природой – Активность» (0,481).

В 3 факторе – «Снижение автономии и самоуважения в угрожающей среде» (дисперсия 12,43%) наибольшую факторную нагрузку имеют показатели: «Отрицательное воздействие природы на человека» (0,677), «Отрицательное воздействие человека на природу» (0,488), «Автономия» (–0,784), «Самоуважение» (–0,523).

В 4 факторе – «Отношение к человеку как к высшей ценности» (дисперсия – 10,57%) наибольшую факторную нагрузку имеют компоненты: «Предпочтение природной среды» (–0,565), «Предпочтение социальной среды» (0,497), «Глобальное самоотношение» (0,720), «Аутосимпатия» (0,722), «Ожидание положительного отношения других» (0,811), «Внутренний конфликт» (0,633).

Результаты факторного анализа показали, что наибольшее количество взаимосвязей между характеристиками субъектности и компонентами экологического сознания выявлено в группе врачей. Они объединены в целостную систему, изменение отдельных компонентов которой влечет за собой изменение других составляющих. Меньшее

количество взаимосвязей выявлено в группе медицинских сестер. Данная конфигурация экологического сознания делает отношение к среде малоустойчивым конструктом, который может изменяться под воздействием различных внешних обстоятельств. То есть изменение среды влечет за собой изменение отношения к ней и характера взаимодействия с ней, вне зависимости от внутренних переменных. Наименьшая включенность субъектных характеристик личности в структуру экологического сознания в группе студентов медколледжа, что может быть связано с возрастными особенностями респондентов.

Полученные результаты позволяют сделать заключение о том, что тип взаимодействия в системе «медработник—среда лечебного учреждения» определяется: 1) способностью медицинских работников занимать активную (субъектную) или пассивно-реактивную (объектную) позицию по отношению к среде лечебного учреждения, т. е. их субъектными качествами; 2) особенностями экологического сознания, поскольку оно определяет субъектную/объектную позицию медработника по отношению к среде лечебного учреждения как объекту или как субъекту взаимодействия с ней. Поэтому субъектные качества личности в структуре экологического сознания выступают условием типа субъект-средового взаимодействия. Экологичными взаимодействия являются в том случае, если они способствуют сохранению физического и психологического здоровья пациентов как субъектов природной и социальной среды.

Литература

- Абульханова К. А.* Методологический принцип субъекта: исследование жизненного пути личности // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 2. С. 5–18.
- Ковтун Ю. Ю.* Субъектные качества личности в структуре экологического сознания медицинских работников: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Психологический институт РАО, 2017.
- Кодекс профессиональной этики работников системы здравоохранения Российской Федерации. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/19/stranitsa-840>.
- Международные стандарты Всемирной федерации медицинского образования (ВФМО) по улучшению качества (базовое медицинское образование). Дания: Университет Копенгагена, 2003.
- Осницкий А. К.* Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5–19.

Панов В. И. Экопсихология: Парадигмальный поиск. М.—СПб.: Нестор-История, 2014.

Сергиенко Е. А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

**Subjective qualities of health workers
as prerequisites of eco-friendly interactions
with the environment of medical institution**

J. J. Kovtun (Belgorod)

Candidate of Psychological Sciences,
FSAE HPE Belgorod State National Research University

The real research is executed in line with ecopsychological approach to development of mentality (Panov, 2014) and devoted to studying of prerequisites and conditions of interaction of health workers with the environment of medical institution. The key role in this process belongs to subjective qualities of the personality. Results of a research show significant differences in expressiveness of components of ecological consciousness and subjective qualities between groups of health workers. The structure of interrelation of subjective qualities of health workers and components of ecological consciousness is described. The conclusion that the subjective qualities of the personality included in structure of ecological consciousness are a type condition of interaction of the health worker with the environment of medical institution is drawn.

Keywords: subjective qualities, ecological consciousness, environment of medical institution.

Особенности трудовой мотивации современного работника как субъекта профессиональной деятельности

Т. Н. Лобанова (Москва)

кандидат психологических наук, доцент, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики»; e-mail: lobanova.tatiana@gmail.com

Современный рынок труда характеризуется высокой динамичностью. В течение трудовой карьеры у человека XXI века как субъекта профессиональной деятельности появилось большое разнообразие сфер и направлений, в которых он может проявить себя. Это влечет ряд проблем для организаций: текучесть кадров, расходы на поиск и найм новых сотрудников, их адаптацию и развитие. Чтобы избежать лишних затрат, повысить производительность и эффективность персонала, менеджмент организации продумывает, как правильно мотивировать персонал. Этому могут способствовать приведенные исследования мотивации работников нового поколения. В статье предложены два методологических подхода к изучению мотивационных особенностей – проективный и опросный. В результате исследований выборки 95 чел. работников от 23 до 33 лет выделены наиболее существенные факторы мотивации: интерес к работе, понимание результатов, уверенность в завтрашнем дне, доброжелательность рабочей атмосферы, соответствующее вознаграждение. Выделены различия в мотивации по гендерному признаку и опыту работы.

Ключевые слова: мотивация, работники нового поколения, трудовые предпочтения, интересы в работе, проективный метод.

Актуальность

Характеризуя современного работника, как субъекта профессиональной деятельности, мы не можем не учитывать ту стремительно меняющуюся цифровую среду, в которой он живет и работает. Речь идет не только о высокотехнологичных продуктах и решениях, ко-

торые повышают производительность труда, но и о формировании трудового поведения по законам цифрового бизнеса. Работники постепенно привыкают жить в состоянии постоянных изменений, хаоса, которое хорошо описывается моделью VUCA: volatility (нестабильность), uncertainty (неопределенность), complexity (сложность) и ambiguity (неоднозначность). В ближайшие пять лет цифровая трансформация работников продолжится, что ставит перед психологами новые задачи. Уже сейчас приходится управлять сотрудниками, работающими удаленно, а по прогнозам J'son & Partners Consulting, к 2020 г. около 20% рабочих мест в России будут виртуальными. Отметим еще два серьезных изменения, которые касаются субъектов труда. Первое – автоматизация рабочих процессов серьезно ужесточает требования к людям, принимающим решения. Второе изменение касается личности работника XXI века. Если предыдущие поколения привыкли работать в среде, которая диктует им правила и задает мотивационные стимулы, то новые поколения требуют другого отношения. Работая с ними, организации, наоборот, вынуждены будут подстраивать свои системы управления и инструментарий под молодежь, применяя «менеджмент свободой». По мнению HR-консультантов (Колосницына, Финкельштейн, 2016), это означает создание для каждого субъекта труда той среды, в которой он сможет реализовать себя. В итоге правила, по которым человек должен жить в организации, в том числе системы мотивации и стимулирования, будет диктовать не среда, а специфика его личности.

Прежние постулаты и неотъемлемые атрибуты хорошей работы, отражаемые в высоком доходе и карьерном росте, утрачивают свою способность влиять на работу людей. На смену им приходят новые, как, например, возможность смены рода занятий в рамках организации, перспективы самореализации и развития, дистанционность работы, ненормированный рабочий график и пр. Мы видим, что новое поколение обладает совершенно другими ценностями, по сравнению с поколениями-предшественниками (Howe, Strauss, Matson, 2000). Поэтому сама экономическая реальность ставит перед психологией труда и организационной психологией задачи изучения важных для поколения «миллениалов» потребностей, мотивов, интересов, анализа их внутреннего отношения к происходящим в организациях процессам (Kanfer, 1990).

Цели, задачи и методы исследования

Целью исследования явилось выявление особенностей трудовой мотивации «нового» поколения работников. В качестве объекта вы-

ступали молодые работники, а предметом исследования – их мотивационные характеристики и особенности. Гипотезой явилось предположение о наличии качественно иных мотивационных особенностей современных работников, о «сдвиге» их мотивации в сторону внутренних факторов – интереса к работе и ее целесообразности.

Таким образом, ставились 2 задачи:

- определить, какие факторы современные субъекты труда считают мотивирующими и демотивирующими на рабочем месте;
- выявить существенные различия в трудовой мотивации работающей и неработающей молодежи.

Опыт исследований мотивации показывает методологическую ограниченность по изучению и оценке мотивационного потенциала работников (Лобанова, 2015). Поскольку чаще всего мы имеем дело с опросниками или анкетами, то результаты часто строятся на основании социально желательных или декларативных ответов респондентов. Кроме того, сами вопросы или утверждения подчас имеют многозначность толкования и восприятия в разных средах.

В этой связи в исследовании были использованы два различных методологических подхода – проективный и опросный. Первый – качественный метод интерпретации трудовых ситуаций был описан в работах американских и финских исследователей (Амабиле, Крамер, 2011; Kultalahti, Viitala, 2014). Второй – был основан на разработанном современном опроснике (анкете). И в том и в другом случае ответы собирались через социальные сети (Facebook), что позволяло избежать напряжения, вызванного взаимодействием с исследователями, как, например, в интервью.

Результаты исследования по проективному методу

Проективный метод позволяет собирать мнения работников относительно проведенного трудового дня либо относительно каких-либо виртуальных рабочих ситуаций. При таком подходе респонденту не имеет смысла подстраивать свой ответ под ожидаемый, что делает данный метод более объективным. При сборе мнений о прошедшем трудовом дне работникам предлагалось написать в свободной форме несколько строк о том, как прошел день, что удалось, что не получилось, какие эмоции у них преобладали в конце дня. В случае использования другой разновидности проективного метода – эмпатии историй (method of empathy-based stories, MEBS) респондентов просили отреагировать на две ситуации, описывающие конец рабочего дня – положительную и отрицательную. Представленные короткие

ситуации описывали одного и того же работника, который приходит домой с работы. Но если в первой ситуации говорилось, что работник чувствует себя полным энергии и с нетерпением ждет следующего трудового дня, то во второй ситуации описывается усталый работник, не имеющий никакого желания идти работать, ожидающий выходных. В конце ситуаций респондентам задавался один и тот же вопрос: как вы думаете, почему первый сотрудник чувствует такую сильную мотивацию и такой энтузиазм? Почему второй сотрудник так относится к своей работе, и почему он не испытывает никакого энтузиазма? При реагировании на обе истории респонденты не должны были раскрывать себя лично, но могли обобщить проблему, описывая чувства, поведение и действия воображаемого человека, проецируя ситуации на свою организацию.

MEBS оказался удобным предварительным способом наметить область мотивационных исследований, создать соответствующее поле факторов и характеристик мотивации, хотя в реальности респонденты больше интерпретировали ситуации, чем говорили о своих собственных мотивах.

Для изучения мотивационных аспектов, оказывающих влияние на представителей молодого поколения, в рассматриваемом исследовании участвовало 26 респондентов от 23 до 33 лет, работающих на постоянной основе, среди которых было 10 мужчин и 16 женщин.

Реагируя на предложенные ситуации, респонденты не писали о мотивах продвижения по службе, о формальных ролях или символах статуса, в то же время они постоянно упоминали о различных и интересных задачах. В представленных ответах было 80% объяснений, где герой отрицательной ситуации был демотивирован только потому, что он слишком долго работал на одной работе, и ему стало скучно, неинтересно. По сравнению с этим, редко (в 12% отчетов) писалось о деньгах, при этом говорилось о несправедливо низкой зарплате по отношению к трудозатратам. Респонденты отмечали, как один из самых мотивирующих факторов возможность постоянно учиться и развиваться с помощью новых задач и проблем.

Как и в исследовании финских коллег (Kultalahti, Viitala, 2014), в нашем случае половина сообщений, предложенных в отношении ситуации с хорошей мотивации на работе, были связаны с приятными коллегами и рабочим коллективом. Вместо того чтобы говорить о компании в целом, респонденты обращали внимание именно на ближайшее окружение. Кроме того, представители «поколения Y» изображали в рассказах руководителей как очень важный источник мотивации или демотивации. Объясняя пример с негативной мотивацией, часть респондентов писали в отчетах о том, что руководи-

тель не дает обратной связи, не заботится, не замечает и тем самым подрывает мотивацию и энтузиазм. Таким образом, под повествованием просматривалось сильное желание респондентов, чтобы их ценили на работе как личности.

В 60% отчетов подчеркивалось, что они готовы уволиться, если работа будет противоречить или мешать их личной жизни, включающей хобби, фитнес, спорт, путешествия, семью и друзей. Это подтверждает, что баланс между работой и личной жизнью должен серьезно учитываться при создании предпосылок для трудовой мотивации. Также исследование показало, что современные работники ожидают некоторых действий, которые идут вразрез с традиционной практикой кадрового менеджмента и трудового законодательства, а именно что акцент в условиях трудовой деятельности будет смещаться в сторону увеличения гибкости в должностных обязанностях, в содержании труда, режиме и месте работы.

В качестве одного из выводов по данному исследованию было сделано заключение, что именно интерес к содержанию работы являлся основным мотивирующим фактором для данной выборки респондентов. Этот вывод находит подтверждение и в работах зарубежных авторов (Rounds, Su, 2014).

Понятию «трудовой интерес» было уделено особое внимание в последних работах автора (Лобанова, 2018). Говоря о трудовых интересах работника, была предложена их структурная классификация, включающая экономические, профессиональные, карьерные, узкогрупповые, корпоративные, территориальные и общегражданские интересы. Поскольку каждый тип трудового интереса может быть источником мотивации, то целью второго исследования, представленного в данной статье, стало прояснение выраженности трудовых предпочтений и мотивационных характеристик современных работников.

Результаты исследования по опросному методу

На основе структуры трудовых интересов, представляющих ценностную, эмоционально окрашенную позицию личности работника по отношению к своему труду (Лобанова, 2015), были составлены вопросы, направленные на выяснение отношения респондентов к тем или иным особенностям труда. Само анкетирование проводилось через гугл-форму на базе Интернета. В части исследования принимали участие студенты Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

В анкете, включающей 23 утверждения, использовалась синтаксическая конструкция «Мне важно, что...». Респондентам было

предложено определить, какие факторы (исходя из опыта работы или из индивидуальных ценностей при его отсутствии) являются для них существенными на рабочем месте, а на какие не обращается особого внимания, и выбрать при ответе цифру от 1 до 5. Единица означала, что они абсолютно не нуждаются в чем-то, цифра 5, наоборот, абсолютную необходимость предложенного фактора.

Выборка составила 95 респондентов, 65% из которых были женщины, 35% – мужчины. Количество респондентов с опытом работы составило 80%, 20% опрошенных не имели данного опыта, т. е. не работали. В данную выборку также вошли молодые работники, которые участвовали в первом, проективном исследовании.

По результатам анкетирования были проработаны числовые данные, найдены средние значения по каждому аттитудному фактору, проведены сравнения, проанализирована информация об общих тенденциях трудовой мотивации и сделаны соответствующие выводы.

Были выделены первые пять наиболее существенных характеристик, отражающих мотивационные особенности современных работников:

- 1) Мне важно, что дело, которым я занимаюсь, мне нравится, и от этого зависит мой энтузиазм (ср. балл – 4,76);
- 2) Мне важно понимать, какие результаты от меня ожидаются в рамках моих обязанностей (ср. балл – 4,62);
- 3) Работая в компании, я хотел бы испытывать уверенность в завтрашнем дне (4, 56);
- 4) Я ценю доброжелательную атмосферу в коллективе (подразделении) (4,48);
- 5) Мне важно, что мое вознаграждение соответствует уровню моего профессионализма и результатам моей работы (4,41).

Таким образом, самыми приоритетными условиями в работе оказались привлекательность деятельности и понимание результатов в рамках своих рабочих обязанностей, что вполне соответствует профессиональным, карьерным и узкогрупповым интересам и коррелирует с результатами предыдущего исследования. В то же время самыми низкоприоритетными требованиями оказались работа с людьми своего круга или давними знакомыми (средняя оценка – 3,61 балла), близость работы к дому (3,74), гордость за результаты своего труда (3,83 балла) и возможность самостоятельного планирования деятельности и рабочего времени (3,92 балла). Если первые три условия, соответствующие низким территориальным и корпоративным интересам молодых сотрудников, были ожидаемы, то четвертое условие часто упоминалось в предыдущем исследовании как приоритет

в работе сотрудника поколения Y. Объяснение этому факту может лежать в плоскости привычного консервативного подхода к работе либо особенностей выборки (молодые работники, занимающие относительно невысокие должности) и требует уточнения.

При анализе данных по гендерному признаку, было выявлено 5 областей, в которых мнения женщин у мужчин отличались больше всего. Самое большое различие касалось отношения к получаемым в процессе труда продуктам, услугам, технологиям. Разница средней оценки по данному вопросу среди мужчин и женщин составляла почти целый балл (0,93). Для женщин гордость за производимый продукт, услуги или технологии имела большее значение, чем для мужчин. Ожидаемым оказалось расхождение по фактору «близость работы к дому» (0,56 балла). Женщины оценили важность данного условия выше мужчин, что может быть связано с необходимостью выполнения домашней работы и уходом за детьми. Также интересным был тот факт, что женщины более высоко оценили «увлекательность» работы (разница оценок 0,64 балла). В среднем мужская оценка всех трудовых факторов, указанных в анкете, была ниже женской, что дает основание полагать о более нейтральном отношении к рабочим условиям у мужчин. Однако стоит отметить, что эта разница не была существенной (0,19 балла), и может объясняться погрешностью проведения исследования.

Как уже отмечалось, в выборке были представлены как работающие респонденты, так и не имеющие опыта работы (студенты). По результатам оказалось, что все значимые отклонения (на уровне $> 0,35$ балла) трудовых факторов выше у работающих респондентов. Так, люди, которые успели поработать в компании, больше осознают важность высокого дохода (разница оценок 0,81 балла), своих карьерных перспектив (0,76 балла), возможностей продвижения (0,64 балла) и необходимости разнообразных и интересных задач (0,56). Таким образом, у молодых работников с приобретением трудового опыта добавляются карьерные требования, а также требования, касающиеся индивидуальной работы (интересные задачи, возможность проявлять инициативу и открытость руководства к новым идеям). То есть с момента как человек впервые пришел на работу, у него меняется отношение к некоторым аспектам труда, в частности, к выполняемым задачам, к самореализации и перспективам. Это связано с тем, что на практике работа оказывается сложнее, чем предполагалось, работнику необходимо прилагать больше усилий, следовательно, он ожидает и более высокого вознаграждения за приложенные усилия, что соответствует теории мотивации В. Врума. С другой стороны, известно, что существует прямо пропорциональная зави-

симось между получаемым доходом и желаемыми тратами: при трудоустройстве молодой человек получает заработную плату, начинают расти его материальные потребности, а это приводит к желанию повышения. Что касается важности интересных задач, проявления творчества и самореализации, то можно предположить, что сталкиваясь на рабочем месте с рутинной монотонной деятельностью, игнорированием инициатив со стороны руководства, ценность подобных мотивирующих факторов возрастает в глазах сотрудника.

Заключение

Изменчивая внешняя среда заставляет современных работников как субъектов труда постоянно менять свои подходы к делу. Рутинные процессы уходят в прошлое, уступая место digital-операциям. Технологии развиваются очень быстро, влияя на бизнес, который предъявляет повышенные требования не к системам, а к людям.

Рассмотрев два исследования в области изучения особенностей мотивации и отношения к работе среди сотрудников поколения «миллениума», мы можем констатировать, что представителям этого поколения действительно важно, что они занимаются любимым делом, находятся в дружественной корпоративной среде и способны проявлять инициативу. Важность взаимодействия с непосредственным руководством также высоко ценится представителями нового поколения.

Мотивированные молодые работники представляют большой потенциал для организаций: они стремятся развиваться, они готовы к многозадачности, они гибки, они хотят обратной связи и поддержки со стороны своих руководителей, они понимают важность баланса между работой и жизнью как решающего фактора для благополучия на работе.

Вследствие того, что в ближайшие годы «миллениалы» полноценно станут основной частью трудоспособного населения, необходимо изменять устоявшиеся системы управления мотивацией, обращая особое внимание на создание мотивационной среды, рабочей атмосферы, в которой каждая личность почувствует интерес к выполняемой работе, ее важность и свою значимость, где люди будут ощущать себя уютно и комфортно. Существование подобной среды возможно только при учете и воплощении всех важных для сотрудников мотивационных факторов, основанных на их внутренних ценностях. В качестве внешних мотивационных факторов на сегодняшний день могут выступать привычные вещи: удобство расположения рабочего места, знакомая социальная среда, высокая заработная плата,

быстрый карьерный рост и др., но эти факторы становятся все менее значимыми в глазах сегодняшнего субъекта труда. Даже с учетом того, что трудовая мотивация сотрудников может отличаться в зависимости от сферы деятельности, занимаемой должности, гендерного признака и т. д., как зарубежные, так и наши исследования показывают, что, когда сотрудникам интересно работать, они используют свой креатив, энтузиазм, понимание рабочего процесса, тем самым повышая свою продуктивность и внося определенный вклад в развитие компании (Appelbaum, Bailey, Berg et al., 2000).

Литература

- Колосницына М., Финкельштейн Г.* HR в цифровую эпоху // The Human Resources Times Magazine корпоративный журнал «ЭКОПСИ Консалтинг». 2016. № 30. С. 5–9.
- Лобанова Т. Н.* Взаимосвязь трудовых интересов и организационного поведения работников // Психологический журнал. 2015. № 2. Т. 36. С. 87–98.
- Лобанова Т. Н.* Трудовые интересы. Психологические аспекты. М.: Юстиция, 2018.
- Appelbaum E., Bailey T., Berg P.* et al. Manufacturing Advantage Why High Performance Systems Pay Off. N. Y.: Cornell University Press, Ithaca, 2000.
- Howe N., Strauss W., Matson R. J.* Millennials rising: the next great generation. Vintage Books, 2000.
- Kanfer R.* Motivation theory and industrial and organizational psychology // Handbook of industrial and organizational psychology / M. D. Dunnette, L. M. Hough (Eds). Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1990. P. 75–170.
- Kultalahti S., Viitala R. L.* Sufficient challenges and a weekend ahead – Generation Y describing motivation at work // Journal of Organizational Change Management. 2014. V. 27. Iss. 4. P. 569–582.
- Rounds J., Su R.* The Nature and Power of Interests // Current Directions in Psychological Science. 2014. V. 23. Iss. 2. P. 98–103. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0963721414522812> (дата обращения: 15.05.2018).

Peculiarities of labor motivation of the modern employee as a subject of professional activity

T. N. Lobanova (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
National Research Institute “Higher School of Economics”

The modern labor market is characterized by high dynamism. During the career of a man of the 21st century, as a subject of professional activity, a wide variety of spheres and directions appeared in which he can manifest himself. This entails a number of problems for organizations: employee turnover, the costs of finding and hiring new employees, their adaptation and development. To avoid unnecessary costs, increase the productivity and effectiveness of staff, management of the organization thinks about how to properly motivate staff. This can be facilitated by the above studies of the motivation of workers of a new generation. The article proposes two methodological approaches to the study of motivational characteristics – projective and survey. As a result of the research of the sample of 95 employees from 23 to 33 years old, the most significant factors of motivation were identified: interest in the work, understanding of the results, confidence in the future, goodwill of the working atmosphere, appropriate remuneration. Differences in motivation based on gender and work experience are highlighted.

Keywords: motivation, new generation workers, labor preferences, interests in work, projective method.

О типовых стилях вождения

Ю. И. Лобанова (Санкт-Петербург)

*доцент, Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет; e-mail: gretta25@list.ru*

В статье проводится краткий анализ подходов к изучению стилей советско-российских и западных ученых на примере стиля вождения. Представлены результаты эмпирического исследования типовых стилей вождения мужчин-женщин, профессиональных водителей и автолюбителей, водителей безопасного и небезопасного возраста. Даны качественные характеристики типовых стилей с позиций соблюдения их носителями ПДД, отбора задач (в соответствии или вне соответствия с уровнем развития ПВК и подготовленности), склонности к стратегии сотрудничества или конкуренции в нерегламентируемых дорожных-транспортных ситуациях. Стиль профессионалов характеризуется как избыточный, женский – как компенсирующий. Мужской любительский (безопасный возраст) – промежуточный. Мужской (небезопасный возраст) – частично компенсированный, с постановкой задач на пределе возможностей, с преобладающими стратегиями соперничества, конкуренции.

Ключевые слова: стиль вождения, типовые стили, мужчины – женщины, профессиональные водители и водители-любители, избыточный – компенсирующий – компенсированный – некомпенсированный стиль деятельности, отбор задач, регламентируемые – нерегламентируемые ситуации взаимодействия, сотрудничество – конкуренция.

Стили – феномен, который изучался и изучается как в западной, так и в советско-российской психологии, при этом в фокусе внимания оказывается разное содержание, а изучение имеет разные научные традиции (Толочек, 2013).

Так, на Западе больше внимания уделяется когнитивным стилям как личностным предпочтениям в способах обработки информации,

стилям поведения (или стиля жизни) как проявлениям целостной личности, как выбору жизненных целей, приоритетной жизненной стратегии для адаптации (Толочек, 2013, 2015).

В отечественной психологии стили изучались в русле задач дифференциальной психологии, психологии труда, педагогической психологии, психологии управления и психологии спорта (индивидуальные, стили деятельности, стили профессиональной деятельности, стили руководства) (Толочек, 2013). В исследованиях 1950–2000-х годов акцент делался на индивидуально-типических способах и приемах осуществления деятельности, способствующих достижению ее эффективности за счет компенсации недостаточно развитых профессионально важных качеств или опоры на хорошо развитые (Толочек, 2013). В последние годы упор делается на анализ стилей деятельности с позиций экологической психологии и ресурсного подхода (Толочек, 2015).

На примере водительской деятельности проиллюстрируем общие черты и различия между стилем деятельности (формирующимся у водителя как у человека-оператора, управляющего транспортным средством в условиях дорожного движения, исходя из концептуальных представлений советско-российских исследователей) и стилем вождения (как стилем дорожного поведения), изучаемым западными авторами (Лобанова, 2016).

Западные авторы относят к стилю вождения привычки дорожного поведения, выбор скоростного режима, особенности маневрирования, типичные эмоции, ведущие ценности (Miller, 2010; Taubman-Ben-Ari, 2012).

Советско-российские считают стилем деятельности система способов и средств осуществления деятельности: способы получения и обработки информации, особенности управляющих воздействий на рычаги управления (стиль управления) (Лобанова, 2016).

В качестве факторов, определяющих формирование стиля, западные авторы изучают: пол, возраст, личностные особенности водителя, мотивацию, стиль вождения родителей, экстраверсию—интроверсию, застенчивость. В качестве ситуативных факторов также могут выступить: цель поездки, количество пассажиров в автомобиле, родственные—дружеские отношения с пассажирами, музыка и ее характеристики (музыкальный стиль, громкость), собственно психофизиологическое состояние водителя и его способность к саморегуляции поведения (Лобанова, 2016; Miller, 2010; Taubman-Ben-Ari, 2012).

Советско-российские факторами, предопределяющими формирование стиля деятельности, традиционно считают: типологические свойства нервной системы (сила—слабость нервной системы, инерт-

ность—подвижность нервных процессов), уровень развития профессионально важных качеств (Ильин, 1988; Климов, 1959; Толочек, 2013).

Однако и те, и другие исследователи отмечают связь стиля с уровнем безопасности деятельности (поведения) водителя, уровнем его аварийности (Лобанова, 2016).

Очевидно, что российские и западные исследователи расходятся в определении факторов, предопределяющих стиль вождения. Однако в отношении решения проблемы надежности вождения (и соответственно — обеспечения безопасности дорожного движения) — самым важным является изучение связей между особенностями стиля (как деятельности и как дорожного поведения) и уровнем аварийности водителя. Концептуальные разногласия отходят на второй план.

В данной работе остановимся на сравнении характеристик стилей вождения, присущим водителям из групп с разными социальными характеристиками, определяя их в рамках данной работы как типовые стили деятельности. Соотнесение типовых стилей и надежности станет следующим этапом исследования.

Возвращаясь к традициям исследования стилей и интерпретации получаемых в них результатов, следует отметить, что основоположники изучения стилей, формирующихся в трудовой деятельности, называли систему способов и средств, с помощью которых работник достигает необходимого уровня эффективности — индивидуальным стилем деятельности. Позже в исследованиях других авторов (Толочек, 2015) выяснилось, что в рамках большинства изучаемых профессиональных деятельностей чаще всего можно выделить несколько стилей (2—5), которые имеют типовые особенности, т. е. имеют общие черты, присущие достаточно большим группам лиц. Эти стили и были названы типовыми стилями деятельности.

Однако отнесение водителя в определенную типологическую категорию представляется не вполне совершенным не столько с теоретической, сколько с практической точки зрения. Определение стиля вождения водителя само по себе имеет относительную ценность, тогда как измерение и соотнесение отдельных характеристик стиля с факторами, предопределяющими их формирование, одновременно указывает на проблемные аспекты индивидуального стиля водителя и направления для ведения работы по его совершенствованию. Поэтому представляется целесообразным в практических целях использовать структурный подход и представлять стиль вождения через описание ряда характеристик.

Избрав структурный подход к диагностике, измерению и описанию стиля вождения, следует определиться, какие именно характеристики будут измеряться.

В диссертационном исследовании Е. В. Козлова (Козлов, 2012) водительская деятельность рассматривается как совокупность нескольких видов деятельности. Е. В. Козлов предлагает определять вождение как «многокомпонентную деятельность водителя транспортного средства (АТС), направленную на обеспечение движения АТС с учетом его технических возможностей, соблюдение правил дорожного движения и интересов других его участников, а также на обеспечение правильного местоположения АТС на дороге и заданного маршрута движения» (Козлов, 2012). При этом он выделяет шесть видов деятельности водителя: управление АТС, соблюдение ПДД, обеспечение заданного местоположения АТС, ориентировка на местности, организация взаимодействия с другими участниками дорожного движения, противодействие аварийным ситуациям.

Отталкиваясь от работы Е. В. Козлова (Козлов, 2012), можно говорить о том, что водитель в процессе вождения занят обработкой информации, носящей весьма разнообразный характер. Выделив информационные блоки, имеющие конкретное наполнение, можно предположить, что:

- 1) процесс работы с информацией внутри каждого блока (прежде всего, в плане соотношения этапов) может различаться (или не различаться — проблема заключается в том, что на данный момент еще недостаточно исследований влияния стилей деятельности, формирующихся в одних областях, на формирование в других) (Толочек, 2013, 2015);
- 2) соотношение отдельных подвидов деятельности у разных водителей может различаться (в конкретный момент времени — в зависимости от условий деятельности, особенностей дорожных ситуаций, и в целом — в зависимости от того, каким образом водитель отбирает задачи деятельности, склонен ли упрощать их и прорабатывать до начала непосредственного включения в деятельность);
- 3) вероятно, существует возможность (за счет специальной организации деятельности, отбора или изменения задач деятельности) менять удельный вес того или иного подвида водительской деятельности, высвобождать и перенаправлять ресурсы (временные, энергетические — от одного подвида деятельности к другому — иначе говоря, за счет специально организации деятельности прийти к достижению определенного уровня эффективности в ней даже в тех случаях, когда к отдельным подвидам деятельности человек как субъект деятельности не полностью соответствует по уровню развития ПВК и (возможно) в тех случаях, когда снижен уровень подготовки к одному из подвидов деятельности.

Методика

При конструировании методики – опросника, направленного на оценку отдельных стилевых характеристик, в качестве основы изначально рассматривалась схема стиля деятельности, предложенная В. А. Толочком (Толочек, 2015): субъективно удобные условия деятельности – способы и средства осуществления деятельности (в случае с водительской деятельностью – действия и взаимодействия) – организация деятельности (отбор задач деятельности).

Однако исследование предполагалось проводить с помощью опросного метода. В силу особенностей данного метода, предполагающего необходимость осознания самим испытуемым изучаемых элементов, основное внимание было решено обратить на изучение сознательно предпринимаемых (на основе осознаваемых или сравнительно легко поддающихся осознанию решений) действий и взаимодействий с другими участниками ДД (в силу того, что вождение – коллективная деятельность и, больше того, само дорожное движение рассматривается как система общественных отношений), а также на особенности отбора задач, которые могут возникать в процессе осуществления водительской деятельности.

Опросник построен на следующих основаниях:

1. Водительская деятельность предполагает решение определенных задач при ее осуществлении.
2. Водительская деятельность предполагает осуществление действий, вызванных влиянием на водителя факторами дорожной среды в соотношении их с ПДД, иначе говоря, воздействиями объекта на субъект (среда–водитель) и субъекта на объект (водитель–транспортное средство).
3. Водительская деятельность предполагает взаимодействие с другими участниками дорожного движения в рамках дорожно-транспортных ситуаций, возникающих за счет пересечения задач, решаемых участниками ДД в одном пространственно-временном континууме (взаимодействие субъекта с субъектом в дорожной среде). Взаимодействие частично регулируется правилами дорожного движения: можно выделить строго регламентируемые, частично и практически нерегламентируемые.

Авторский опросник «Стиль вождения (СВ)» (Лобанова, 2016), который направлен на диагностику таких характеристик стиля вождения, как: безопасность–риск (оценивает склонность водителя к соблюдению ПДД при осуществлении действий и взаимодействий), планирование–импульсивность (склонность к отбору задач деятельнос-

ти, реализуемая через запоминание маршрутов, схем организации ДД, элементов дорожной среды, в том числе с целью уменьшения количества маневров в процессе вождения), отношение к средствам безопасности (склонность к использованию имеющихся в распоряжении пассивных и активных средств безопасности), культура вождения (особенности взаимодействия водителя с другими участниками ДД в ситуациях, не регламентированных ПДД); уверенность при парковке (склонность с легкостью осуществлять парковку в стесненных условиях – при ограниченном количестве места, т. е. не отбирать задачи для данного подвида деятельности).

Характеристика выборки

Всего опрошено 325 чел. Из них: мужчин – 263, женщин – 62. Профессиональных водителей – 64, водителей-любителей – 261. Мужчин небезопасного возраста – 101, мужчин безопасного возраста – 98.

Для проведения статистического сравнения данных использовалась программа SPSS 22, сравнение независимых выборок с помощью t-критерия (анализировались только значимые различия – на уровне не ниже 0,01). При сравнении типовых стилей водителей из разных социальных групп выявляются следующие различия по 4 характеристикам:

- максимальную ориентацию на соблюдение правил дорожного движения (ПДД) демонстрируют женщины-любители и мужчины – профессиональные водители;
- по планированию наиболее высокие результаты демонстрируют профессиональные водители (грузовые перевозки).

По культуре вождения (склонности к сотрудничеству при взаимодействии в дорожных ситуациях, не регламентированных ПДД) наиболее близки оказались мужчины – профессиональные водители и женщины, при этом они демонстрируют более высокий уровень культуры, по сравнению с другими участниками ДД.

Наиболее высокий уровень уверенности при парковке (склонность ставить и решать сложные задачи при осуществлении маневров парковки – в ограниченном пространстве) демонстрируют молодые водители-мужчины (небезопасного возраста), на втором месте – мужчины-любители, затем следуют водители-профессионалы. Наименее уверенно в таких условиях себя чувствуют женщины.

Следует отметить, что выборки профессиональных водителей (работающих в сфере грузовых перевозок) и любителей-женщин различаются по целому ряду социально-биографических показателей,

а именно: по полу, возрасту, особенностям подготовки (количеству часов), образованию, социальному статусу, отношению к транспортной сфере.

В результате исследования зафиксированы следующие типовые стили:

- профессиональный (мужской) – избыточный: основанный на соблюдении ПДД, грамотном отборе задач деятельности (в соответствии с уровнем развития ПВК, подготовленностью и извне поставленными целями деятельности). Предполагает предпочтение стратегий сотрудничества и взаимопомощи при взаимодействии в дорожно-транспортных ситуациях;
- любительский (женский) – компенсирующий: основан на соблюдении ПДД, отборе задач (упрощением и отсевом) в соответствии с уровнем развития ПВК и (или) уровнем подготовленности к вождению, стратегиях сотрудничества и уступок при взаимодействии в нерегламентированных дорожных ситуациях;
- любительский (мужской, безопасный возраст) – компенсированный (частично или полностью): основан на частичном пренебрежении к ПДД, отсутствием преднамеренного отбора задач деятельности, сочетании стратегий сотрудничества и конкуренции при взаимодействии;
- любительский (мужской, небезопасный возраст) – некомпенсированный и частично компенсированный (за счет уровня развития ПВК): основан на пренебрежении к ПДД, быстрой ситуативной ориентации на дороге, склонности ставить и решать задачи на пределе имеющихся возможностей и уровня подготовки.

Заключение

Проведение исследования позволило выявить типовые стили вождения (характерные для определенных социальных групп). Следующая задача – сопоставление типовых стилей с показателями надежности деятельности (которую планируется оценивать с помощью экспертных оценок на основе сбора информации о стаже вождения и динамике аварийности в течение всей водительской биографии).

В ряде исследований советско-российских авторов (и западных) неоднократно приводились данные о негативной связи мужского пола и молодого возраста с аварийностью. Однако важно не просто анализировать статистику, но и давать практические рекомендации по коррекции стиля конкретного водителя, давать прогноз в отношении его изменений и влияния на аварийность данного водителя в будущем.

Важным фактором в данном отношении является решение вопроса о динамике стилевых характеристик в зависимости от разных факторов, включая наличие ДТП в опыте (в особенности совершенных по вине водителя), а также условий, способствующих и препятствующих положительной динамике стилевых изменений.

Литература

- Ильин Е. П.* Стиль деятельности: Новые подходы и аспекты // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 85–93.
- Климов Е. А.* О роли подвижности нервных процессов в формировании индивидуального стиля трудовой деятельности ткачих-многостаночниц // Тезисы докладов на I съезде Общества психологов СССР. Вып. 1. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959.
- Козлов Е. В.* Психофизиологическое обоснование необходимости совершенствования системы подготовки водителей: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2012.
- Лобанова Ю. И.* Вождение – как деятельность, поведение и стилевая характеристика // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Научный журнал. Т. 5. № 4. СПб.: Психология, 2014.
- Лобанова Ю. И.* Опросник «Стиль вождения» // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2016. № 4–1. С. 26–41.
- Лобанова Ю. И.* Психология безопасного автовождения. СПб.: СПб-ГАСУ, 2016.
- Толочек В. А.* Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Толочек В. А.* Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Miller G.* Driving styles among young novice drivers – The contribution of parental driving styles and personal characteristics // Accident Analysis & Prevention. 2010. V. 42. P. 558–570.
- Taubman-Ben-Ari O.* Driving styles and their associations with personality and motivation // Accident Analysis & Prevention. 2012. V. 45. P. 416–422.

About typical driving styles

Yu. I. Lobanova (St Petersburg)

Associate Professor, Saint-Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering

The article presents a brief analysis of approaches to the study of styles of Soviet-Russian and Western scientists on the example of driving style. The results

of empirical research of typical driving styles of men—women, professional drivers and motorists, drivers of safe and unsafe age are presented. The qualitative characteristics of standard styles from the standpoint of compliance with traffic rules, selection of tasks (in accordance with or outside of compliance with the level of development of PVC and preparedness), propensity to a strategy of cooperation or competition in unregulated road-transport situations. The style of professionals is characterized as excessive, female – as compensating. Male Amateur (safe age) – intermediate. Male (not age) is partially compensated with the formulation of the task to the limit, with predominant strategies of rivalry, of competition.

Keywords: driving style, typical styles, male—female, professional drivers and drivers – Amateurs, excessive – compensating – compensated – uncompensated style of activity, selection of tasks, regulated – nonregulated situations of interaction, cooperation – competition.

Представления студентов-дефектологов о будущей профессии

*И. А. Мироненко**, *М. В. Роон*** (Санкт-Петербург)

** доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: mironenko.irina1@gmail.com*

*** Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: mariya.roon@mail.ru*

В жизни современного человека решающее значение приобретает возможность и необходимость совершать свободный выбор, что предполагает самоопределение человека, его стремление к реализации собственных целей и смыслов существования. Для психологической науки жизненная ситуация — это, прежде всего, контекст существования человека как субъекта жизни, пространство его возможностей, пространство «творения» им своего жизненного мира. Одним из главных, сложных и ответственных выборов в жизни человека является выбор своего профессионального будущего. Осуществляя профессиональный выбор, студент исходит из определенных представлений о своей будущей трудовой деятельности, образ профессии выступает как антиципируемая цель профессиональной подготовки. В процессе обучения происходит уточнение и детализация этих представлений, от которых зависит успешность становления профессионала. В статье представлены результаты проведенного эмпирического исследования, посвященного изучению представлений о своей будущей профессии студентов-дефектологов.

Ключевые слова: студенты-дефектологи, представления о будущей профессии, профессиональное самоопределение.

Введение

Как показал А. В. Брушлинский, основываясь на принципе субъектности С. Л. Рубинштейна, мыслительная деятельность человека,

регулирующая его поведение и определяющая поступки, осуществляется не столько как поиск средств для достижения поставленных целей, сколько как определение целей и их корректировка в процессе деятельности (Брушлинский, 2003). Личность как субъект жизни не только активно преобразует окружающую среду, но и осуществляет построение, преобразование и созидание собственной сущности в процессе взаимодействия с миром.

Одним из главных компонентов личностного самоопределения является выбор профессионального будущего (Личность профессионала..., 2013). Зачастую этот выбор оказывается одним из сложнейших и ответственных решений в жизни человека. Осуществляя профессиональный выбор, студент исходит из определенных представлений о своей будущей трудовой деятельности, образ профессии выступает как антиципируемая цель профессиональной подготовки. В процессе обучения происходит уточнение и детализация этих представлений, «корректировка целей» (Брушлинский, 2003), от которой зависит успешность становления профессионала, профессиональное самоопределение – поиск и нахождение личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности, а также – нахождение смысла в самом самоопределении (Пряжников, Пряжникова, 2001).

Студенчество, как период профессионального развития субъекта, с одной стороны, несомненно, несет в себе общее содержание, отражает закономерности, общие для всех профессий, с другой – должно рассматриваться как часть обретения профессии в ее специфичности. Сегодня внимание ученых все чаще привлекают представители так называемых «помогающих» профессии, в частности, такие профессии, как педагог и психолог. Однако на фоне большого числа исследований, посвященных профессиям психолога и педагога в психологической литературе, на сегодняшний день отмечается ограниченное количество работ, посвященных психологическим аспектам профессиональной деятельности специалистов дефектологического профиля. В то же время психологическая специфичность этой деятельности и необходимость разработки ее психологического обеспечения являются очевидными.

Эмпирическое исследование

Целью нашего исследования стало изучение представлений о своей будущей профессии студентов-дефектологов.

Исследование было проведено на базе факультета дефектологии и социальной работы ЛГУ им. А. С. Пушкина. Выборка составила 74

чел., из них 30 студентов 1 курса обучения, 27 студентов 2 курса и 17 студентов 4 курса.

Для изучения представлений студентов-дефектологов о выбранной профессии была использована методика «Личностный семантический дифференциал» («ЛСД») и авторская анкета. С помощью методики «ЛСД» студентам было предложено оценить себя в настоящем, то, какие они есть сейчас, себя в идеале, то, какими бы они хотели быть, и дефектолога-профессионала.

Результаты исследования показывают, что для студентов всех курсов обучения образ «дефектолога-профессионала» по всем трем факторам ЛСД близок к образу идеального «Я», что мы полагаем важным свидетельством конструктивного профессионального самоопределения наших испытуемых.

Образ «Я» в настоящем по фактору «Оценки», который свидетельствует об уровне самоуважения, у студентов-дефектологов показатели на среднем уровне (студенты 1 курса обучения – 14,5; 2 курса – 12; 4 курса – 11,8). Фактор «Сила» в самооценке свидетельствует о развитии волевых сторон личности, как они осознаются самим испытуемым. Для студентов всех курсов характерен низкий показатель этого фактора (студенты 1 курса – 6,9; 2 курса – 3,7; 4 курса – 6,5). «Низкие значения» свидетельствуют о недостаточном самоконтроле, неспособности держаться принятой линии поведения, зависимости от внешних обстоятельств и оценок. Фактор «Активность» можно рассматривать как свидетельство экстравертированности личности. У студентов 1 курса данный фактор выражен на среднем уровне их оценки себя как активных и общительных (8,4). У студентов 2 и 4 курса фактор «Активности» выражен на низком уровне значения (2 курс – 4,5; 4 курс – 5,5). Студенты 2 и 4 курса ориентированы в самооценке на интровертированность, определенную пассивность, спокойные эмоциональные реакции.

При оценки себя «идеальных», то, какими бы студенты хотели видеть себя, отмечается увеличение в показателях. По фактору «Оценки» студенты всех курсов обучения демонстрируют высокие показатели (студенты 1 курса – 17; 2 курса – 16,8; 4 курса – 16,2), которые говорят о том, что студенты стремятся, желают принимать себя как личность, осознавать себя носителем позитивных, социально желательных характеристик. Фактор «Сила» с низких значений возрастает до средних показателей (студенты 1 курса – 11,5; 2 курса – 10,6; 4 курса – 10,6), что говорит о желании и стремлении студентов к уверенности в себе, независимости, склонности рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях. Фактор «Активность» также увеличивается с низких показателей до средних (1 курс – 7,7;

2 курс – 8; 4 курс – 7). Стремление студентов становится активными и общительными.

Оценивая образ дефектолога-профессионала, студенты-дефектологи приближают образ дефектолога и представления о себе идеальных. По фактору «Оценки» у студентов всех курсов обучения отмечается высокий уровень показателей: у студентов 1 курса обучения – 19,23; 2 курса – 18,11; 4 курса – 18,47. Полученный результат свидетельствует о том, что для студентов-дефектологов образ дефектолога-профессионала оказывается привлекательным и внушает уважение. По фактору «Сила», который характеризует значимость выбранной профессии, для студентов всех курсов обучения характерен средний уровень выраженности данного показателя: студенты 1 курса – 11,3; 2 курса – 10,26; 4 курса – 10,35. По фактору «Активность» студенты также демонстрируют средний уровень показателей: студенты 1 курса – 9,03; 2 курс – 9,04; 4 курс – 8,06. Полученные данные говорят о том, что студенты-дефектологи воспринимают дефектолога-профессионала как активного, общительного и эмоционального человека.

С помощью анкеты мы стремились выяснить мотивацию выбора профессии, особенности трудностей с которыми столкнулись студенты, выбирая профессию, а также их дальнейшие планы относительно карьеры. Вопросы анкеты также позволили выяснить представления студентов о том, что побуждает людей выбирать профессию дефектологического профиля, с какими трудностями сталкиваются профессионалы в своей работе. В анкете были закрытые и открытые вопросы. Отвечая на закрытые вопросы, студенты могли выбирать из нескольких вариантов ответа или добавлять свой вариант.

Отвечая на вопрос о том, что «побудило студентов выбрать профессию дефектолога», большинство студентов всех курсов обучения выбирают ответ «личный интерес» (1 курс – 90%, 2 курс – 81%, 4 курс – 67%). На втором месте по популярности у студентов всех курсов ответ «хочу помогать другим людям» (1 курс – 50%, 2 курс – 44%, 4 курс – 29%). Однако у студентов 4 курса есть варианты ответов, которые студенты предложили самостоятельно: «так сложились обстоятельства» (1 ответ), «случайно» (2 ответа), что можно объяснить описанным в литературе «кризисом» профессионального самоопределения на предпоследнем курсе. Таким образом, можно сказать о том, что студенты чаще всего выбирают свою профессию самостоятельно и исходят из побуждения того, что хотят помогать другим людям, что подтверждает гипотезу о преобладании альтруистических ценностей у людей, избирающих работу дефектолога.

При ответе на вопрос «Были ли у вас трудности в выборе профессии?» большинство студентов всех курсов ответили, что у них «были небольшие сомнения» (1 курс – 53%, 2 курс – 70%, 4 курс – 71%), при этом ответ «Нет, давно знал(а), кем хочу быть» у студентов 1 курса большинство ответов – 23%, у студентов 2 курса – 11%, а вот студенты 4 курса данный ответ не выбирали. Количество ответов «Совсем не знали, на какую специальность поступать», среди студентов разных курсов примерно одинаково (1 курс – 13%, 2 курс – 18%, 4 курс – 18%).

При вопросе «Планируете ли вы после окончания обучения работать по профессии?» практически все студенты 1 курса, за исключением одного, отвечают «да» – 97%, студенты 2 курса, как и студенты 1 курса, 97% отвечают – «да». Ситуация меняется у студентов 4 курса: 53% готовы работать по профессии после окончания обучения, а 47% сомневаются в этом («возможно», «не определилась», «не знаю», «планирую получить еще одно образование»). Данная ситуация справедлива, так как исследователями (Брагина, 1976) отмечено, что профессиональные намерения меняют свой характер в зависимости от курса обучения. Для младших курсов характерен высокий уровень профессиональных намерений, то к старшим курсам происходит расхождение между представлениями о профессии в момент ее выбора в школе и в процессе освоения.

Стоит также сказать о том, что, отвечая на вопрос о том, «в какой сфере дефектологии в будущем вы хотели бы работать», студенты 1 курса отвечают о том, что они хотели бы работать в сфере логопедии – 97%, также присутствует в ответах сфера сурдопедагогика – 13%. Для студентов 2 и 4 курса характерно увеличение представлений о сферах своей деятельности. Так, у студентов 2 курса появляются такие сферы дефектологии, как сурдопсихология, психология, сурдопедагогика, тифлопедагогика, иппотерапия, сферы дошкольного и школьного специально образования. У студентов 4 курса в зависимости еще от специфики профессии («Специальная психолога») варианты сфер разнообразны: это сферы олигофренопедагогики и олигофренопсихологии, специальное образование, сурдопсихология и тифлопсихология, психология лиц с нарушениями эмоционально-волевой сферы, «психолог-диагност», психотерапия, психология.

Отвечая на вопрос «Какие причины, на ваш взгляд, чаще всего побуждают людей выбирать профессию дефектолога?», большинство студентов вне зависимости от курса отвечают, что «дефектолог занимается важным для общества делом» (1 курс – 73%, 2 курс – 59%, 4 курс – 71%), «возможность помогать другим» (1 курс – 50%, 2 курс – 70%), тем самым подчеркивая социальную значимость выбранной

ими профессии, а также «возможность помочь близкому человеку» (1 курс – 47%, 2 курс – 52%, 4 курс – 47%). Главными причинами студенты 1 и 2 курса считают, что «дефектолог хорошо зарабатывает» (1 курс – 43%, 2 курс – 56%, 4 курс – 18%), «это престижная профессия» (1 курс – 40%, 2 курс – 41%, 4 курс – 12%), «возможность помогать другим» (1 курс – 50%, 2 курс – 70%, 4 курс – 18%). Студенты 2 и 4 курсов главными причинами считают то, что профессия дефектолога помогает развивать себя как личность (1 курс – 33%, 2 курс – 52%, 4 курс – 53%). Интересно отметить личные ответы студентов при ответе на вопрос о причинах. Так, студент 1 курса пишет о том, что «дефектология – это прикладная область профессии и твоим знаниям найдется применение, не придется „отложить диплом на полку“». Студент 2 курса пишет о том, что профессия дефектолога «позволяет совмещать приятное – общение с детьми, с полезным – помощь им». Студенты 4 курса говорят о том, что одной из причин является «получение хоть какого-то высшего образования», «интерес к детям с нарушениями и наличие кого-то в семье, кто работает по этой специальности».

Говоря о недостатках и ограничениях профессии дефектолога, студенты, независимо от курса обучения, выбирают вариант «нужно очень долго учиться, чтобы стать хорошим специалистом» (1 курс – 50%, 2 курс – 33%, 4 курс – 35%). Студенты 2 курса выбирают наиболее часто вариант ответа «от дефектолога все чего-то ждут» (37%). Студенты 4 курса отмечают такие недостатки и ограничения, как «трудно найти работу», «много денег не заработаешь» (29%), что можно объяснить тем, что студенты-выпускники стоят на пороге самостоятельной жизни и их начинают заботить вопросы финансового обеспечения себя и своей семьи. Отметим самостоятельные ответы студентов на поставленный вопрос об ограничениях и недостатках профессии. Так, студенты 1 курса пишут о том, что «нужно консультировать родителей», «психологически сложная работа (разные дети, с разными заболеваниями)», «родители никогда не желают признавать очевидного, а шишки нам», «может быть сложно морально», «трудно в эмоциональном плане», «иногда бывает трудно найти подход к ребенку или к его родителям», «морально тяжелый труд», «морально тяжелая работа». Студенты 2 курса много пишут о том, что трудно работать с родителями: «работа с родителями», «взаимодействие с родителями», «кропотливая работа с родителями», «очень сложно работать с родителями» и «профессиональное выгорание». Студенты 4 курса указывают на такие трудности профессии, как «родители», «дефектолог не всесилен», «специфика профессии может многих оттолкнуть», «много ответственности и из-за этого много стрессов, тяжело

найти работу из-за недостатка знакомых в этой сфере». Таким образом, на наш взгляд, стоит принять во внимание те недостатки профессии, о которых пишут сами студенты. Постараться построить образовательный процесс так, чтобы вопросам по работе с семьей было уделено большее внимание, так как очевидно, что это одно из важных направлений в работе дефектолога.

Выводы и заключение

Итак, говоря об особенностях представлений студентов-дефектологов, о будущей профессии, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, образ специалиста для студентов-дефектологов оказывается привлекательным и значимым, близок к «идеальному Я». По мнению студентов, специалист-дефектолог должен быть активным, общительным и эмоциональным человеком. Во-вторых, характер представлений о будущей профессии у студентов в зависимости от курса претерпевает некоторые изменения. Так, если для студентов младших курсов намерения работать по специальности встречаются практически единогласно (97%), то для студентов 4 курса характерны сомнения относительно своей будущей профессиональной деятельности (53% – «да», 47% – «сомневаются»), что можно объяснить описанным в литературе «кризисом» профессионального самоопределения на предпоследнем курсе. В процессе обучения у студентов происходит увеличение информации о сферах своей будущей профессиональной деятельности и об ограничениях и трудностях профессии, однако в целом образ профессии сохраняет привлекательность и выполняет функцию антиципируемой цели в профессиональном самоопределении.

Литература

- Бичерова Е. Н., Фещенко Е. М.* Динамика представлений о будущей профессии студентов института управления в процессе обучения // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2015. № 5. С. 55–59.
- Брагина В. Д.* Представления о профессии и самооценке профессионально значимых качеств у учащейся молодежи // *Вопросы психологии*. 1976. № 2. С. 146–151.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Личность профессионала в современном мире / Под ред. Л. Г. Дикой, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю.* Психология труда и человеческого достоинства. М.: ИЦ «Академия», 2001.

Representations of students-defectologists about the future profession

I. A. Mironenko, M. V. Roon** (St Petersburg)*

* Doctor of Psychology, St Petersburg State University

** St Petersburg State University

In contemporary life, the possibility and necessity to make free choice becomes crucial, which presupposes a person's self-determination, his desire to realize his own goals and the meanings of existence. For the psychological science, the life situation is, first of all, the context of the existence of man as a subject of life, the space of his possibilities, the space of "creation" of his own life world. One of the main, complex and responsible choices in a person's life is the choice of professional occupation. Realizing his professional choice, the student grounds on certain ideas about his future professional activity, the image of the profession acts as an anticipated goal of vocational training. In the process of learning, clarification and detailing of these representations occurs, on which the success of becoming a professional depends. The article presents the results of an empirical study devoted to the study of ideas about their future profession of defectology students.

Keywords: students-defectologists, ideas about the future profession, professional self-determination.

Профессиональное самоопределение молодежи: сравнение отечественного и немецкого опыта

Н. М. Плескачева (Минск, Белоруссия)

*кандидат психологических наук, доцент, ГУО «Институт бизнеса» БГУ;
e-mail: plesk30@iut.by*

В работе представлен как теоретический анализ проблемы профессионального самоопределения, так и результаты экспериментальных исследований мотивов, влияющих на выбор профессии, трудности, с которыми сталкиваются школьники при осуществлении этого выбора и анализ зарубежной практики подготовки учащихся к самостоятельному выбору будущей профессии.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, субъект профессиональной деятельности, профессиональный выбор, профессиональное становление, профессиональный путь, профессиональное сознание, профессиональная самореализация.

Проблема профессионального самоопределения молодежи, которая завтра выйдет на рынок труда и будет производительной силой общества, является чрезвычайно актуальной и требует постоянного изучения как международного научно-педагогического опыта в этой области, так и тщательной разработки отечественными исследователями. Профессиональное самоопределение личности – сложный и длительный процесс, охватывающий значительный период жизни. Подготовка учащихся к обоснованному выбору профессии, удовлетворяющему, с одной стороны, личные интересы и социальные представления, с другой – экономические потребности государства, является одной из главных задач современной школы. В связи с модернизацией отечественной системы образования, активным использованием профильного обучения, важными представляются анализ мотивов, влияющих на выбор профессии, трудности, с которыми сталкиваются школьники при осуществлении этого выбора

и анализ зарубежной практики подготовки учащихся к самостоятельному выбору будущей профессии, чему и посвящена данная работа.

Проблема становления профессионала – это, в первую очередь, проблема личностного и социального развития будущего специалиста как субъекта социального действия.

Разработка категории субъекта в отечественной психологии связана с именами Б. Г. Ананьева, Д. Н. Узнадзе, С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского и др. По мнению А. В. Брушлинского, «субъект – это всеохватывающее, наиболее широкое понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т. д.» (Брушлинский, 2003). Таким образом, проблему профессионального становления личности необходимо рассматривать в контексте становления субъекта профессиональной деятельности. Эту же позицию поддерживает и ведущий специалист в области психологии труда Е. А. Климов, который отмечает, что профессиональный выбор определяется следующими факторами: позиция старших, семья; позиция сверстников; позиция школьного педагогического коллектива (учителя, классные руководители и т. д.); личные профессиональные и жизненные планы; способности и их проявления; притязание на общественное признание; информированность о той или иной профессиональной деятельности; склонности (Климов, 2004).

По мнению И. С. Кона, факторы, влияющие на выбор профессии, можно объединить в две группы: субъективные и объективные. К субъективным относят интересы, способности, особенности темперамента и характера. К объективным – уровень подготовки (успеваемости), состояние здоровья и информированность о мире профессий. К объективным факторам тесно примыкают социальные характеристики, например такие, как образовательный уровень родителей, социальное окружение и др. (Кон, 1980). Таким образом, отечественные исследователи едины в построении методологии исследований профессионального становления. Однако наблюдается тенденция в рассмотрении профессионального становления как статичного явления, характерного для того или иного возрастного периода.

Е. А. Климов же, анализируя понятие «профессиональное самоопределение», подчеркивает, что это не однократный акт принятия решения, а постоянно чередующиеся выборы. Наиболее актуальным выбор профессии становится в отрочестве и ранней юности, но и в последующие годы возникает проблема ревизии и коррекции профессиональной жизни человека (Климов, 2004).

Профессиональное становление представляет собой достаточно сложный, длительный, весьма подвижный, многоплановый и подчас противоречивый процесс, в котором отчетливо выделяются четыре стадии. Первая стадия профессионального становления личности связана с зарождением и формированием профессиональных намерений под влиянием общего развития личности и первоначальной ориентировки в различных сферах трудовой деятельности, в мире труда и мире профессий. Вторая стадия – это период профессионального обучения и воспитания, т. е. целенаправленной подготовки по избранной профессиональной деятельности и овладения всеми тонкостями профессионального мастерства. Третья стадия – активное вхождение в профессиональную среду, отражающее переход учащегося к новому типу деятельности – к профессиональному труду в разных его формах в условиях реального производства, выполнение служебных обязанностей. Четвертая стадия предполагает полную или частичную реализацию профессиональных устремлений и возможностей личности в самостоятельном труде (Пряжников, 2005).

Социально-экономические изменения, происходящие в нашей стране, усиливают интерес к проблеме формирования профессионального сознания, которое проходит ряд этапов: профессиональное самоопределение, которое базируется на профессиональной направленности, профессиональном выборе, профпригодности; профессиональное становление и профессиональная самореализация. Для процесса формирования профессионального самоопределения важное значение имеет знание профессиональной направленности учащихся. Профнаправленность – интегративное качество личности, которое определяет отношение человека к профессии.

Рассмотрим составляющие профессиональной направленности. Ведущей среди них является система ценностных ориентаций, связанных с профессиональными намерениями человека, к которым относятся: социальная значимость и престиж профессии, содержание профессионального труда, возможности совершенствования и самоутверждения.

Следующий компонент профнаправленности – профессиональные интересы, выражающиеся в эмоциональной привлекательности. Под профессиональными интересами понимается динамический комплекс психических свойств и состояний, проявляющихся в избирательной эмоциональной, познавательной и волевой активности, направленной на предполагаемую профессию. Ведущим компонентом направленности являются мотивы. Выбор профессии является полимотивированным. Основой выбора профессии является глу-

бокая, устойчивая потребность личности в профессиональной деятельности. Мотивы могут иметь разную направленность, усиливая или, наоборот ослабляя друг друга. Они изменяются и обогащаются в процессе развития ведущей деятельности.

Следующим компонентом профнаправленности является отношение личности к профессии. В процессе профессионального становления личности складывается динамическая система отношений не только к профессионально значимым видам деятельности, условиям и способам их выполнения, но также к членам профессиональных групп, коллективов. Отношения выражаются в удовлетворенности выбранной профессией, перспективами профессионального роста, карьеры (Фролова, 2009).

К сожалению, у нас в стране процесс принятия решения о выборе профессии становится актуальным в выпускных классах общеобразовательной школы, когда решается вопрос определения своего профессионального пути. Проведенный нами опрос первокурсников Института бизнеса БГУ специальности «бизнес-администрирование» выявил ряд трудностей, с которыми столкнулись респонденты при выборе своего профессионального пути. Это существующие в обществе стереотипы о престижности и непрестижности той или иной профессии, расхождения между оплачиваемостью работы и собственными интересами, отсутствие представлений о требованиях к представителям той или иной профессиональной группы, незнание собственной личности и др. Хронологически период выбора профессии совпадает с юношеским возрастом, для которого характерно принятие решений, определяющих дальнейшую жизнь. Это связано с тем, что потребность в самоопределении является центральным моментом социальной ситуации развития старшеклассников. Можно заметить, что профессиональные интересы и способности проявляются намного раньше, чем в юношеском возрасте. Поэтому роль родителей в формировании профессионального самоопределения должна усилиться. Например, в Нижней Саксонии (Германия) профессиональные интересы и направленность ребенка диагностируются уже к окончанию начальной школы, где уже создаются условия для ознакомления с различными профессиями и возможности для углубленного знакомства с наиболее привлекательными. Переход в ту или иную среднюю школу или гимназию сопровождается уже определенной линией профессионального становления. Для этого учащимся создаются необходимые условия для ознакомления с особенностями и условиями той или иной профессиональной деятельности. Родители получают так называемый справочник или компас, где собрана наиболее актуальная ин-

формация о возможностях знакомства с той или иной профессией. Там же предлагаются опросники для родителей, которые позволяют посмотреть на своего ребенка с личностных позиций, с учетом его увлечений, способностей и соотнести их с требованиями той или иной профессии.

Интересное исследование по сравнению мотивов выбора специальности, будущей профессии и места работы русскими и немецкими студентами было проведено Ю. Д. Гавроновой. Исследование показало, что наиболее значимый мотив при выборе специальности у немецких студентов интринсивный, внутренний («личный интерес»), у русских – экстринсивный, внешний («виды на приобретение специальности»). Мотивы «шансы карьеры» и «авторитет в обществе» для русских играют более существенную роль. Различия мотивации в учебной деятельности также обусловлены различиями образовательных систем. Вариативность подготовки специалистов обусловлена по отечественным стандартам введением ряда специальных дисциплин, а для Германии характерно введение выборочных (элективных) курсов. В Германии, в отличие от России, главным принципом высшего образования является академическая свобода: в вузах свободное посещение занятий, студенты сами организуют свое время. Более того, вузы предлагают несколько видов комбинаций учебных предметов по каждой академической дисциплине. Таким образом, у студентов есть возможность выбора, и на основе этого они составляют индивидуальный план, что, несомненно, способствует повышению такого интринсивного мотива, как интерес. В России студентам тоже предлагают курсы по выбору, но для программы российских вузов характерна жесткая регламентация. Эти тенденции подтверждает и исследование, проведенное в Институте бизнеса БГУ, для проведения которого за основу была взята «Мотивация обучения в вузе» (Ильин, 2002). Респонденты – студенты 1 и 3 курсов специальности «бизнес-администрирование». В данной методике имеются три шкалы: «приобретение знаний» (стремление к получению новой информации, любознательность); «овладение профессией» (стремление овладеть профессиональными знаниями, навыками и сформировать профессионально важные качества); «получение диплома» (стремление приобрести диплом при формальном усвоении знаний, стремление к поиску обходных путей при сдаче экзаменов и зачетов). На первом курсе мотивы обучения только начинают формироваться. Студенты неясно представляют свою жизнь после окончания вуза. Многие из них поступают в университет, потому что так принято в нашем обществе. Однако учебный процесс постепенно оказывает свое влияние на студентов и их самоопределение. Исследование

показало, что у обоих курсов лидируют мотивы «овладение профессией» и «приобретение знаний», что является показателем правильно сформированных мотивов. Если посмотреть, как меняется соотношение мотивов, то можно заметить возрастание влияния мотива «овладение профессией» к 3 курсу и снижение мотивации «получение диплома». Это говорит о том, что мотивы обучения третьекурсников более четко осознаются и показывают влияние становления личности как субъекта профессиональной деятельности. Таким образом, можно говорить не только о профессиональной ориентации с точки зрения «Кем быть?», но очень важно посмотреть на личность с позиции «Каким стать?».

Таким образом, важную роль в процессе профессионального самоопределения играет как школа (уже на начальных этапах), так и семья, при этом необходимо не потерять самое важное – самого субъекта профессиональной деятельности.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
- Гавронова Ю. Д.* Сравнительный анализ мотивов выбора специальности, будущей профессии и места работы русскими и немецкими студентами // Ученые записки. 2010. Т. 3. Сер. «Психология. Педагогика». № 1 (9). С. 43–51.
- Климов Е. А.* Психология профессионального самоопределения. М., 2004.
- Кон И. С.* Психология старшеклассника. М., 1980.
- Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002.
- Пряжников Н. С.* Профорientация. М., 2005.
- Фролова С. В.* Психологические особенности профессионального самоопределения старшеклассников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Московский психолого-социальный институт, 2009.

Professional identity of youth: comparison of russian and german experience

N. M. Pleskachova (Minsk)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
GUO “Institute of Business” BSU

The author presents a theoretical analysis of the problem of professional identity as well as the results of experimental studies of the motives that affect ca-

reer choice, the difficulties faced by students implementing this choice and the analysis of foreign practices in preparing students for the independent choice of their future professions.

Keywords: professional identity, subject of professional activity, professional choice, professional formation, career path, professional consciousness, professional self-realization.

Определение и классификация профессиональных и метапрофессиональных задач личности

Ю. П. Поварёнков (Ярославль)

*доктор психологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского; e-mail: y.povarenkov@yspu.org*

В статье обсуждаются проблемы содержания, функций и видов профессиональных задач личности. Дано развернутое определение понятий «задача» и «профессиональная задача». Раскрыто методологическое значение концепции общественной задачи К. А. Абульхановой-Славской. Выделено и описано два типа профессиональных задач: задачи профессиональной деятельности и задачи профессионального становления, которые названы метапрофессиональными. Проанализированы иерархические отношения между ними. Выделены и определены виды метапрофессиональных задач: задачи трудового и профессионального пути, задачи профессионально-личностного и статусного развития личности. Дана характеристика индивидуальных и нормативных профессиональных задач, раскрыта специфика их взаимодействия в ходе профессионализации.

Ключевые слова: профессиональное становление личности, профессиональные задачи, задачи профессиональной деятельности, метапрофессиональные задачи, индивидуальные и нормативные профессиональные задачи.

В исследованиях А. В. Брушлинского понятие задачи анализируется, прежде всего, как компонент мыслительного процесса. Однако в поздних работах А. В. Брушлинского (Брушлинский, 1994) и его коллег К. А. Абульхановой-Славской и Л. И. Анцыферовой данное понятие получает более широкую интерпретацию. В настоящей статье речь пойдет о задачах, которые решает профессионал.

«Задачный» подход к пониманию профессионализации, который был обозначен еще в трудах Д. Сьюпера (Supér, 1957), обладает высокими объяснительными возможностями и наиболее точно учитывает специфическую реальность процесса профессионализации. С позиций данного подхода профессиональное становление рассматривается как процесс постановки, последовательного и параллельного решения личностью системы профессиональных задач (Поваренков, 1989).

Вместе с тем последовательная реализация данного подхода затруднена недостаточной разработанностью самого понятия «задача», которое в сознании психологов чаще всего связывается либо с узкой областью психологии мышления, либо с характеристикой действия как компонента деятельности (Абульханова-Славская, 1980). Однако уже в ранних работах С.Л. Рубинштейна и его последователей намечены перспективы более широкой интерпретации данного понятия (Рубинштейн, 1946).

Кроме того, в психологии профессионального становления отсутствует определенность в понимании того, что же такое «профессиональная задача» и какие задачи решает профессионал.

В психологии понятие задачи трактуется двояко: во-первых, как компонент или этап процесса мышления, во-вторых, как компонент психологической структуры деятельности, жизнедеятельности и иных форм активности человека.

В первом случае задача рассматривается как вид проблемной ситуации, в которой четко определены условия, исходные данные, необходимые и достаточные для ее решения. «Задача берет начало в проблемной ситуации, которая приобретает задачный вид, когда субъект выделяет в ней предметные компоненты (условия), преобразование которых по определенной процедуре (способе, алгоритму) дает новое соотношение, составляющее искомое задачи, ее решение. Превращение проблемной ситуации в задачу является актом продуктивного мышления» (Краткий психологический словарь, 1998).

С точки зрения структуры деятельности, задача рассматривается как «цель деятельности, данная в определенных условиях и требующая для своего достижения использования адекватных этим условиям средств. Поиск, мобилизация и применение этих средств (способов, действий, операций) составляют процесс решения задачи» (Ломов, 1984). Отсюда следует, что решение задачи разворачивается в форме деятельности человека.

Близкие по смыслу определения задачи даются и в других психологических словарях, в том числе и в Психологическом словаре, вы-

пушенном под редакцией В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др.

Рассмотренные выше определения позволяет нам конкретизировать понятие задачи, опираясь на психологическое содержание таких понятий как цель, проблема, ситуация и проблемная ситуация.

В словаре Вебстера цель рассматривается как «указание направления, по которому надо следовать; то, что нужно осуществить, чего нужно достичь; результат, на получение которого сосредоточены усилия и честолюбие» (Селье, 1979). В работах В. Д. Шадрикова цель деятельности определяется как то, «что должен получить человек в итоге деятельности (определенный продукт, его перемещение в указанный пункт и в определенное время, приведение в рабочее состояние орудий труда... и т. д.)» (Шадриков, 2007). Б. Ф. Ломов определяет цель как опережающее отражение будущего результата деятельности (Ломов, 1984).

Представление о результате, фиксируемом в различной форме, является ведущим и определяющим компонентом задачи. Однако цель в рамках задачи формулируется не абстрактно, а с учетом объективных, внешних требований и учитываемых субъективных возможностей и притязаний человека, т. е. с учетом реальной ситуации. Таким образом, когда мы рассматриваем цель в рамках конкретной задачи, то мы имеем в виду, что она так или иначе согласуется с объективными и субъективными факторами ситуации, с объективными и субъективными условиями деятельности.

Наиболее существенное отличие проблемы от задачи, как это следует из проведенного выше анализа, заключается в степени качественной и количественной определенности для человека содержания цели и компонентов ситуации. Проблемность ситуации (проблемная ситуация) и проблемность задачи нарастает по мере увеличения неопределенности содержания цели, содержания представлений человека об объективных и субъективных факторах ее достижения. Поэтому задача — это результат конкретизации проблемы на уровне цели, на уровне представлений об объективных и субъективных условиях ее реализации, на уровне учета их взаимосоответствия.

Необходимо отметить, что методологическое значение понятия задачи заключается в том, что ее содержание, как отмечает К. А. Абульханова-Славская, позволяет развеять одно из самых глубоких заблуждений о том, что цель является изначально данным или заданным психологическим образованием, с которого, собственно, и начинается деятельность. Структура задачи дает нам возможность понять следующее: во-первых, цель — это не начало деятельности, а ее эпицентр; во-вторых, содержание цели не имманентно задано лич-

ностью, а определяется в том числе ее отношением к объективным и субъективным условиям реализации цели (Абульханова-Славская, 1980). При таком подходе система объективных и субъективных факторов рассматривается, прежде всего, в качестве оснований для выработки адекватной цели (постановки адекватной задачи), а не только лишь как техническое условие ее реализации.

Таким образом, задачу можно определить как представление о том, что должен или что хочет получить человек в результате деятельности, которое формируется субъектом на основе учета влияния системы объективных (социальные, экологические требования и возможности) и субъективных (индивидуальные возможности и требования человека) факторов, на эффективность ее выполнения, на успешность достижения ее цели.

Важно различать индивидуальные и нормативные или социальные задачи. Нормативные задачи задаются человеку извне различными институтами социализации, они рассчитаны на абстрактного субъекта и усредненные условия деятельности (Поваренков, 1989). Индивидуальные задачи формулируются человеком самостоятельно, либо автономно, либо на основе нормативных задач, но с учетом его индивидуальных представлений о системе объективных и субъективных факторов ситуации.

Существенный вклад в развитие психологической теории задачи сделан К. А. Абульхановой-Славской. В ее работах дана социально-философская и психологическая характеристика задачи, сформулировано понятие общественной задачи, обосновывается ее роль в организации и регуляции различных форм активности и деятельности личности.

Анализ литературных источников и результатов наших собственных исследований (Поваренков, 1989; Hall, Mirvis, 1995; Super, 1957) убеждают нас в том, что существует два типа профессиональных задач: задачи профессиональной деятельности и задачи профессионального становления. Первую группу задач мы будем называть профессиональными, а вторую, опираясь на исследования Мервиса и Холла, метапрофессиональными (Hall, Mirvis, 1995).

Профессиональные задачи

Как следует из названия, эти задачи ставятся и решаются в рамках конкретной профессиональной деятельности.

Содержание нормативных задач профессиональной деятельности определяются ее социальными и индивидуальными функциями. Выделяются 2 основные группы функций: создание социально зна-

чимой продукции (потребительских стоимостей) и удовлетворение потребностей субъекта труда. Непрямой, косвенной функцией профессиональной деятельности выступает развитие профессионализма субъекта труда, т. е. развитие и формирование ПВК, необходимых для ее эффективного выполнения.

В соответствии с двумя прямыми и одной косвенной функцией выделяются три вида задач профессиональной деятельности, которые решает субъект труда: создание потребительских стоимостей, удовлетворение собственных потребностей субъекта труда, развитие профессионализма. Однако только первый вид задач обозначается терминами, соответствующими названию конкретной профессиональной деятельности или профессии (экономические, юридические, психологические, педагогические и т. д. задачи).

Метапрофессиональные задачи

Главная особенность этого типа задач заключается в том, что они нацелены на формирование, а также развитие личности и деятельности самого профессионала. Ведущим компонентом задачи профессионального становления является представление о целях субъекта труда, которые должен достичь в ходе профессионализации, с учетом предъявляемых ему социально-профессиональных требований, соотношенных с собственными возможностями и притязаниями.

В соответствии с уровнями анализа профессионализации выделяются 2 базовые группы метапрофессиональных задач — это задачи трудового и профессионального пути. Первая группа задач связана с развитием субъекта труда, а вторая — с формированием субъектом конкретной профессиональной деятельности. Специфические задачи трудового пути — самоопределение, самореализация, самоактуализация субъекта труда, принятие и отвержение профессионализации как формы развития, формирование готовности к труду и т. д.

Специфические задачи профессионального пути — выбор профессии, освоение профессии, профессиональная адаптация, преодоление профессиональных кризисов и т. д.

Подводя итоги обсуждения заявленной проблемы, обозначим основные выводы, которые вытекают из приведенного анализа.

1. Задача, в качестве психологического понятия, может быть определена как представление о том, что должен или хочет получить человек в результате деятельности, которая формируется субъектом на основе учета влияния системы объективных (социальные, экологические требования и возможности) и субъективных

- (индивидуальные возможности и требования человека) факторов на эффективность ее выполнения. Психологическая структура задачи указывает на следующее: во-первых, цель — это не начало деятельности, а ее эпицентр; во-вторых, содержание цели не имманентно задано, а определяется личностью на основе анализа и оценки объективных и субъективных условий ее реализации.
2. Проведенный анализ позволяет выделить два основных типа задач, решаемых профессионалом: задачи профессиональной деятельности (профессиональные задачи) и задачи профессионального становления личности (метапрофессиональные задачи). Первый вид задач ориентирован на создание социально значимой продукции (потребительских стоимостей), а второй — на воспроизводство и развитие самого субъекта труда. Задачи профессиональной деятельности обозначаются терминами, которые соответствуют названию профессии. В соответствии с этим принципом выделяют политические, экономические, юридические, педагогические и другие задачи. Метапрофессиональные задачи делятся на задачи профессионального и трудового пути, задачи статусного и профессионально-личностного развития.
 3. Метапрофессиональные и профессиональные задачи соотносятся между собой как процесс и результат. Это означает, что решение задач профессионального становления является основой и предпосылкой для решения задач профессиональной деятельности. Говоря иначе, решение первой группы задач обеспечивает готовность человека к выполнению второй группы задач, т. е. формирует или должна формировать готовность человека к эффективному выполнению профессиональной деятельности. Однако успешность решения метапрофессиональных задач не гарантирует высокую производительность и качество деятельности профессиональной, так как эффективность решения обоих видов профессиональных задач зависит от разных профессионально значимых качеств человека.
 4. Следует различать нормативные и индивидуальные профессиональные и метапрофессиональные задачи. Нормативные задачи задаются человеку извне представителями различных институтов профессиональной социализации, они рассчитаны на абстрактного субъекта и усредненные условия деятельности. Индивидуальные задачи формулируются человеком самостоятельно, но при этом он может опираться на содержание предлагаемых нормативных профессиональных задач либо действовать автономно и независимо от них. Но в любом случае постановка ин-

дивидуальных задач осуществляется человеком с учетом собственных индивидуальных представлений о системе объективных и субъективных факторов ситуации.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
- Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, акад. В. П. Зинченко. М.: Прайм-Еврознак, 2003.
- Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994.
- Краткий психологический словарь / Под ред. Л. А. Карпенко, А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Поваренков Ю. П.* Психологический анализ процесса профессионализации (понятие цель профессионализации) // *Способности и деятельность*. Ярославль, 1989. С. 67–84.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М.: ГУПИ, 1946.
- Селье Г.* Стресс без дистресса. М.: Наука, 1979.
- Шадриков В. Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Логос, 2007.
- Super D. E.* Vocation development. N. Y., 1957.
- Hall D. T., Mirvis P. H.* The new career contract developing the whole person at midlife and beyond // *Journal of Vocational Behavior*. 1995. V. 35. P. 64–75.

Definition and classification of professional and metaprofessional personal problems

Yu. P. Povarenkov (Yaroslavl)

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

The article discusses the problems of the content, functions and types of professional tasks of the individual. A detailed definition of the concepts “task” and “professional task” is given. The methodological significance of the concept of K. A. Abulhanova-Slavskaya is revealed. Two types of professional tasks are singled out and described: the tasks of professional activity and the tasks of professional development, which are called metaprofessional. The hierarchical relations between them are analyzed. The types of metaprofessional tasks are identified and defined: the tasks of the labor and

professional path, the tasks of the professional, personal and status development of the individual. The characteristic of individual and normative professional tasks is given, the specificity of their interaction in the course of professionalization is revealed.

Keywords: professional formation of personality, professional goals and tasks of professional activity, metaprofessional task, personal and professional regulatory tasks.

Креативность как профессионально важная характеристика военных специалистов

Л. Ю. Субботина (Ярославль), М. Б. Бондаренко** (Москва)*

** доктор психологических наук, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; e-mail: sublara@mail.ru*

*** Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил РФ» им. М. В. Фрунзе; e-mail: maksim_bond@mail.ru*

В данном исследовании мы обратились к сложной и актуальной теме взаимосвязи профессиональных качеств и креативности у военных. Актуальность этой темы связана с тем, что научно-технический прогресс требует от военных умения эффективно справляться с поставленными задачами в изменяющейся среде. В связи с модернизирующейся техникой и вооружением, возрастает требование к уровню развития профессиональных компетенций, которыми военный должен владеть на высоком уровне, усиливается потребность в умении грамотно анализировать изменяющуюся ситуацию, строить прогнозы и предвидеть действия противника. Для этого ему необходимо креативное мышление. Однако система военного образования предполагает формирование алгоритмизированных моделей поведения на основе Приказа и Устава. В данном исследовании осуществлена попытка выяснить профессиональную ценность креативности.

Ключевые слова: курсант, креативность, профессиональные характеристики, конформность, бдительность.

Система военного образования должна готовить квалифицированные кадры, которые будут соответствовать всем новейшим требованиям. Для этого необходимо выделить факторы, которые могут влиять на развитие профессионально важных качеств военных. Процесс образования заключается в строгой передаче знаний, где практически отсутствует возможность для развития креативности. Следова-

тельно, образовательные приемы и методы, которые используются в военных вузах и авторитарный стиль преподавания создают некоторые препятствия для проявления курсантами своего творчества и индивидуальности.

Однако квалифицированный военнослужащий должен быть не только образован, но и уметь использовать нетрадиционные методы решения задач. Для этого у военных должно быть развито творческое мышление. Развитие творческого мышления у курсанта способствует повышению его профессионализма (Ефремова, 2008).

Целью данного исследования явилось определение профессионального статуса креативности у военнослужащих. Научная новизна исследования заключается в том, что взаимосвязь профессиональных личностных свойств и креативности у военнослужащих ранее не рассматривалась в науке. Теоретический анализ исследований, проведенных другими авторами, позволил выявить ряд характеристик профессиональных военных, которые входят в профиль профессионально важных (Grissom, 2006; Jordan, 1973). К ним относятся бдительность, сверхбдительность, конформность, стрессустойчивость. Мы предположили, что наличие значимых связей креативности и скорости мышления с данными качествами дает основание считать их профессионально важными.

Были использованы следующие методики: Мельбурнский опросник принятия решений; методика исследования быстроты мышления; методика диагностики состояния стресса А. О. Прохорова; методика диагностики конформности; методика диагностики креативности (авторская, нормированная и валидизированная) и методика УТП. Выборку составили курсанты военных вузов Ярославской области в количестве 100 чел. Проведен корреляционный (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) и факторный анализы диагностируемых показателей.

Значимые корреляционные отношения были зафиксированы между креативностью и бдительностью ($0,622, p < 0,05$), сверхбдительностью ($-0,244, p < 0,05$), стрессустойчивостью ($0,409, p < 0,05$), конформностью ($-0,380, p < 0,05$). Это свидетельствует о том, что креативность является профессионально важной характеристикой военнослужащих. Наличие положительных связей креативности с бдительностью и стрессустойчивостью свидетельствует о возможности нестандартного поведения. Креативность позволяет увидеть альтернативные варианты, новые способы применения привычных предметов, что приводит к снижению уровня неопределенности, который вызывает стрессовое состояние. Таким образом, развитие креативности позволяет снизить уровень стресса, который негатив-

но влияет на принятие рационального решения в условиях экстремальной (боевой) ситуации. Бдительность — это то качество, которое повышает чувствительность к тонкости возникшей ситуации. Благодаря ей, военнослужащий лучше понимает, применять ли креативный подход или действовать по Уставу.

Отрицательные отношения креативности зафиксированы со сверхбдительностью и конформностью. Низкий уровень конформности позволяет при принятии решений рассматривать возможные альтернативы, а не использовать шаблонное поведение. Сверхбдительность характерна для ситуации высокого стресса (0,316, $p < 0,05$). Сильный стресс снижает скорость мыслительных процессов. Происходит расфокусировка внимания, при которой избавление от стресса становится первоочередной задачей. Военный перестает уделять внимание решению возникшей проблемы, отвлекаясь на источник стресса. Высокий уровень стресса приводит к стремлению принять общее решение, чтобы снизить уровень персональной ответственности. Это может быть выражено в высокой конформности и сверхбдительности.

Наши результаты подтвердили, что бдительность значимо отрицательно коррелирует со сверхбдительностью ($-0,243$, $p < 0,05$), что соответствует результатам, полученным при разработке Мельбурнского опросника принятия решений (Корнилова, 2013). Следовательно, полученные нами результаты вполне валидны.

Посредством факторного анализа были выделены два фактора, связанных с креативностью. Мы назвали их «творческий военнослужащий» (Expl. Var 3,199) и «избегающий ответственности» (Expl. Var 1,040). Для первого фактора характерно сочетание креативности, бдительности и высокой стрессоустойчивости, основу второго фактора составляет избегание, т. е. нежелание самостоятельного принятия решения и перекладывание ответственности. Оба этих фактора могут сочетаться в личности военнослужащего, провоцируя различные модели поведения в профессиональных ситуациях. Данные факторы представляют собой динамичную систему, имеют процессуальную форму развития. В итоге формируется узкопрофессиональная система готовности к деятельности в различных условиях службы, ядром которой выступают креативность и конформность.

Профессия военного имеет очень противоречивую специфику. С одной стороны, военнослужащий должен беспрекословно подчиняться приказам и действовать по шаблону в стандартных ситуациях. А с другой стороны, в ситуациях стресса и ограниченного времени, профессия военного требует инновационных подходов. Первый фактор отражает самостоятельное поведение в экстремальной ситу-

ации, с принятием на себя высокой степени ответственности за ее решение, оперативность и креативный характер избираемых поведенческих тактик. Второй фактор связан с авторитарным стилем высшего командного руководства, который не предполагает самостоятельного принятия решений. В зависимости от доминирования того или другого фактора курсант реализует разные модели поведения: креативную или конформную. Исходя из этих результатов, мы можем предположить, что личностная креативность курсанта является фактором для совладания со стрессом и повышением уровня стрессоустойчивости. Оказавшись в сложной ситуации, в которой невозможно применить привычные методы, человек с низким уровнем креативности испытывает затруднение, которое вызывает стресс. Стереотипное мышление мешает ему увидеть другие пути решения проблемы, и в результате он чувствует себя в тупике.

Похожие результаты были получены в исследовании И. В. Малышева в 2013 г. (Малышев, 2013). В нашем исследовании бдительность положительно коррелирует с креативностью. Это говорит о том, что развитие креативности не только снижает стресс, но и оказывает положительное влияние на бдительность, что позволяет выстроить модель поведения, подходящую под конкретную экстремальную ситуацию. Высокий уровень креативности расширяет возможности курсанта, позволяя применять творческое мышление на всех этапах принятия решения. Также была получена обратная взаимосвязь между уровнем конформности и креативностью. Респонденты, показавшие высокий уровень креативности оказались менее конформны. Такие курсанты скорее проявляют внешнюю конформность, которая выражается в поведенческих изменениях при сохранении своей позиции и мнения.

Парадоксальность профессии военного отражается в психологической двузначности многих профессионально важных характеристик. В частности, исследуемые нами креативность и конформность могут выступать как профессионально значимые качества, так и антипрофессионально важные качества, в зависимости от требований конкретной ситуации. Вместе с тем оба качества встроены в единую профессиональную систему деятельности и обуславливают поведение военнослужащего. Одним из механизмов взаимодействия данных качеств является двухфакторная модель, эмпирически выявленная нами на исследуемой выборке курсантов военного вуза.

Обобщая научную военную литературу и проведенное нами эмпирическое исследование, мы сделали вывод, что профессия «военнослужащий» характеризуется высокой степенью ответственности, хорошей физической подготовкой, сильными волевыми качествами.

Люди в военной форме отличаются организованностью, честностью и принципиальностью, наблюдательностью и решительностью. Они должны быть требовательны не только к себе, но и к своим коллегам. Военнослужащие обладают способностью анализировать имеющиеся факты и прогнозировать дальнейший ход событий. Для этого они должны обладать определенной степенью внутренней свободы, креативным мышлением и умением принимать на себя ответственность, особенно в экстремальных и особо опасных ситуациях.

Вместе с тем специфическая военная профессия связана с высоким уровнем контроля, безусловным подчинением, авторитарностью иерархического управления. Данные поведенческие модели выступают необходимым условием эффективности деятельности военных подразделений и конкретных военнослужащих.

Наше исследование показало, что в процессе военной подготовки курсанты оказываются в условиях внутреннего конфликта. С одной стороны требование абсолютного подчинения, фиксированных поведенческих моделей, соответствующих Приказу и Уставу. С другой – оперативное и адаптивное реагирование на нестандартные ситуации с высокой долей самостоятельности в принятии решений. Это создает психологическую коллизию как для обучаемого курсанта, так и для командиров, передающих ему свой опыт.

Психологическим вариантом решения этой коллизии может служить выявленная нами двухфакторная модель, детерминирующая поведение курсанта. В зависимости от требований ситуации может доминировать тот или другой фактор, обеспечивая максимальную адаптивность субъекта к военным и режимным профессиональным условиям.

Основными итогами нашего исследования являются следующие выводы.

1. Креативность у профессиональных военных встроена в структуру личности и образует единую систему с профессионально необходимыми свойствами.
2. Конформность выступает устойчивой профессиональной характеристикой военнослужащих и отрицательно связана с творческим потенциалом и креативностью.
3. Сочетание этих характеристик обуславливает формирование двух профессионально важных факторов: «творческий военнослужащий» и «избегающий ответственности военнослужащий», которые лежат в основе поведения курсантов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в совершенствовании

нии профессиональной подготовки будущих офицеров. Специфика учебной деятельности заключается в формировании учебных моделей поведения, навыков и значимых характеристик личности, механически перенесенных в профессиональную сферу. Профессионализация содержит в своей основе сформированную систему ПВК, обеспечивающих эффективную адаптацию к самостоятельной деятельности. Задачей профессионализации будет формирование не только дисциплины и четкого выполнения приказа, но и развития творческого мышления курсантов, формирование креативного поведения с четкой дифференциацией ситуаций, в которых это необходимо. Развитие творческого мышления у курсанта способствует повышению его профессионализма. Благодаря креативности военный лучше адаптируется к происходящим в обществе социальным изменениям, развиваясь при этом сам.

Литература

- Военная педагогика: Учебник для вузов / Под ред. О. Ю. Ефремова. СПб.: Питер, 2008.
- Корнилова Т. В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 31. URL: http://www.cognitivepsy.ru/pubs/2013_MDMQ_Kornilova.pdf.
- Мальшев В. А. Взаимосвязь творческого потенциала и копинг-стрессовых стратегий личности у студентов вуза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2013. Т. 13. № 3–1. С. 56–61.
- Grisson A. The future of military innovation studies // Journal of Strategic Studies. 2006. № 29 (5). P. 905–934.
- Jordan A. A. The Military Man in Academia // Annals of the American Academy of Political and Social Sciences. 1973. № 406. P. 130.

Creativity as a professionally important characteristic of military specialists

L. Yu. Subbotina (Yaroslavl), M. B. Bondarenko** (Moscow)*

* Doctor of Psychology, Yaroslavl state University. P. G. Demidova

** Military Training and Research Center of the Army “Combined Arms Academy of the Armed Forces of the Russian Federation”

In this study we turned to the complex and relevant topic of the relationship of professional qualities and creativity in the military. The relevance of this

topic is due to the fact that scientific and technological progress requires the military ability to effectively cope with the tasks in a changing environment. In connection with the modernizing equipment and weapons, the requirement for the level of development of professional competencies, which the military must possess at a high level, the need for the ability to competently analyze the changing situation, make forecasts and anticipate the actions of the enemy. To do this, he needs creative thinking. However, the system of military education involves the formation of algorithmized behavior models based on the Order and the Charter. This study attempts to find out the professional value of creativity.

Keywords: cadet, creativity, professional characteristics, conformity, vigilance.

Ценностные ориентации и установки в профессиональной деятельности руководителей

Н. Г. Терещенко (Казань)

кандидат психологических наук, доцент, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова; e-mail: ngter@yandex.ru

В статье представлены результаты эмпирического изучения ценностных ориентаций руководителей организаций различных форм собственности. Актуальными терминальными ценностями и установками при решении управленческих задач явились ценности взаимоотношений, установка на инструментальное отношение к правовым нормам, ориентация на эффективное управленческое взаимодействие, на административные методы и оперативность. По результатам исследования управленческой концепции обнаружено снижение установки на анализ в управлении; в структуре жизненных ценностей личности руководителей – снижение ценности творчества, развития себя, образования. Установлены связи показателей эффективности управленческой деятельности с ценностями взаимоотношений, индивидуальности, установками на макроэкономический, инновационный анализ, на анализ социальных процессов и на социально-психологические методы.

Ключевые слова: ценности, терминальные ценности, ценностные ориентации, ценностные установки, управленческая деятельность, факторы эффективности управленческой деятельности.

Продуктивное решение круга вопросов, связанных с углубляющимися трудностями разных сфер жизни, базируется на высоком профессионализме и профессиональной компетентности субъектов управления, в формировании которой существенна не только роль образования и науки, но и культуры.

Научная разработанность вопроса профессионализма и профессиональной компетентности руководителей представлена разнотипными исследованиями, отражающими поиск детерминант

управленческой деятельности. Но внимание чаще заостряется на образовании, акцентируется на технологиях обучения, меньше на воспитании, как привитии культуры и общечеловеческих ценностей, «человековедческой» компетентности. Особое значение принадлежит профессиональной позиции управленца, так как это тот уровень структуры субъекта, который влияет на все остальные. Ее определяют устойчивые ценностные установки и ориентации, которые выступают отражением культуры общества и требований управленческой деятельности. Сложившиеся ценностные ориентации – это та система координат, которая задает «модель должного» в поступках, отвечающая социальным требованиям. Как указывает А. А. Климов «комплекс желаемых внутренних установок и шаблонов поведения, который требуется от современного человека, наиболее ярко отражает ценности, преобладающие в данный момент в обществе» (Климов, 2011).

В эмпирических исследованиях показаны особенности ценностных ориентаций современных руководителей в зависимости от уровня в управленческой иерархии, формы собственности предприятия, некоторых личностных характеристик, типа личности, организационной культуры, управленческого взаимодействия (Бубнова, 1997; Журавлева, 2006; Дырин, 2003; Кабаченко, 2002; Петрова, 2011; Флоровский, 2003).

Ценностные приоритеты реализуются в основных целях поведения, поэтому очевидная взаимосвязь профессиональной деятельности и ценностей отражается в профессиональной позиции руководителя, в выборе им технологий решения профессиональных задач и ответственности за них. В профессиональной позиции сфокусированы интересы менеджера и организации, а в сочетании с отношением к нравственным нормам высвечиваются и общественные интересы. Проведение анализа ценностно-смысловых особенностей деятельности руководителя – это реализация идеи о том, что ценности оказывают влияние на выбор способов и технологий работы, определяют стиль управленческой деятельности, постановку целей при реализации управленческих функций, составляют основу обеспечения ценностного единства персонала, выступая мощным регулятором профессионального и организационного поведения (Кобелева, 1998; Захарова, 2006). Исследование ценностных ориентаций руководителей является одним из разделов более общего изучения субъектных детерминант управленческой деятельности как психологических факторов ее эффективности.

Высокая практическая значимость и недостаточная разработанность проблемы определили цель эмпирического исследования: из-

учить ценностные ориентации и ценностные установки руководителей предприятий, выявить и охарактеризовать связи ценностей с эффективностью управленческой деятельности.

В исследовании участвовали 180 чел. возрасте 20–60 лет, основную выборку составили 60 мужчин и женщин, руководителей различных уровней управленческой иерархии. Для оценки ценностных ориентаций руководителей использовались методики: опросник на определение ценностных ориентаций руководителя (автор – Т. С. Кабаченко), опросник терминальных ценностей (разработанный И. Г. Сениным). Методика Т. С. Кабаченко учитывает три уровня структуры индивидуальной управленческой концепции руководителя – представлений руководителей о наиболее ценных управленческих умениях, таких как: установка на анализ, на задачи и средства. Она позволяет получить структуру приоритетов и ценностей, соответствующих управленческой концепции деятельности руководителя. Опросник терминальных ценностей позволяет определить основные жизненные ценности и сферы их реализации. Для оценки эффективности деятельности применялась разработанная нами методика «Экспертная оценка профессиональной успешности руководителей», в которой оценивается реализация руководителем управленческих функций по девяти показателям. Для выявления связи между показателями применялся статистический метод обработки эмпирических результатов – корреляционный анализ (r_s Спирмена).

Полученные результаты позволяют выполнить следующие обобщения. Приоритетными ориентациями руководителей при реализации управленческих функций являются установки на общие характеристики решения задач (представленные инструментальным отношением к правовым нормам (ранг 1), ориентацией на эффективное управленческое взаимодействие (ранг3)) и установки на средства достижения цели (представленные такими способами как административные методы (ранг 2) и оперативность (ранг 4)). Высокие показатели по шкале «Инструментальное отношение к правовым нормам» (при первичном подсчете – 9,7 балла, т. е. более 7 баллов) свидетельствуют об установке на нестрогое выполнение установленных правил и норм («цель оправдывает средства», «все средства хороши»). Кроме этого, показатели по шкале «Правовые нормы» (6,9 балла, ранг 5), входящие в блок средств, указывают на социальную желательность поведения и невысокие аналитические способности (типична позиция «все так делают») (Кабаченко, 2003). Способом-средством рассмотренной характеристики выступает установка на оперативность выполнения поставленных задач. Высокие показатели по шкале «Административные методы» (7,9 балла) указывают

на доминирование строгой власти руководителя, который определяет подчиненность, приверженность регламенту, распорядительность (издает постановления, приказы, распоряжения), адресность и обязательность выполнения. Субъективно ценной является установка на авторитаризм, возможно, как инструмент сохранить дисциплину и обеспечить актуальные для руководителей ценности-цели: эффективное управленческое взаимодействие (7,4 балла) – коммуникацию с целью руководства.

В профиле руководителей предприятий за пределы диапазона 7 стенов выходит показатель «Активные социальные контакты» (7,4), что указывает на высокую значимость для группы руководителей человеческих взаимоотношений. В работах указывается, что сотрудники с ценностями отношений являются адаптивными для любых типов организационной культуры (Захарова, 2006). Ранжирование показателей дает основание дополнительно выделить материальное положение (6,7) как значимую терминальную ценность. Такой результат отражает отношение к материальному достатку как к основному условию благополучия, основанию для значимости и самооценки. Профиль эгоистически престижных ценностей (материальное положение, собственный престиж, достижения) находится в диапазоне средних значений (от 4 до 7 стенов). В жизненных сферах руководителей высоких показателей не представлено. Ранжирование показателей жизненных сфер дает основание выделить профессиональную и семейную сферы как сферу реализации доминирующей ценности – социальные контакты, а также эгоистически престижных. Управленческая должность в этом случае выступает как работа с наибольшей «стоимостью» и, следовательно, «ценностью» в обществе.

Средние позиции рейтинга представлений руководителя о наиболее ценных умениях занимают установки уровня анализа (на анализ социальных процессов (ранг 7), инновационный анализ (ранг 8), макроэкономический анализ (ранг 9)) и уровня средств – установка на социально-психологические методы (ранг 6). Относительно низкокритичными выступают такие ценностные установки, как: установка на политический анализ (ранг 11,5) – на стратегическом уровне; установка на креативность (ранг 10) – на уровне задач; установка на неформальные методы (ранг 11,5) – на уровне средств решения управленческих задач. Низкими значениями (ниже 4 стенов) представлен профиль нравственно-деловых ценностей (креативность (3,3), духовное удовлетворение (2,7), развитие себя (3,8), обучение и образование (3,6)).

Выполненный корреляционный анализ позволил получить результаты, подтверждающие предположение о наличии гипотетичес-

кой связи ценностных ориентаций с эффективностью профессиональной деятельности. Были выявлены достоверные корреляции общего показателя эффективности управленческой деятельности с такими шкалами методики, как: «Установка на управленческое взаимодействие» ($r = 0,42$, $p < 0,01$), «Установка на анализ социальных процессов» ($r = 0,68$, $p < 0,01$), «Установка на макроэкономический анализ» ($r = 0,30$, $p < 0,05$), «Установка на социально-психологические методы» ($r = 0,57$, $p < 0,01$), и «Креативность» ($r = 0,26$, $p < 0,05$). Такие результаты специфичны требованиям деятельности.

Установлена положительная корреляционная связь общего показателя эффективности деятельности с терминальной ценностью «Активные социальные контакты» ($r = 0,59$, $p < 0,01$), что соответствует требованиям деятельности, так как для решения управленческих задач имеет значение эффективное коммуникативное поведение: инициация и поддержание общения, оказание влияния и проведение своей воли. Установлена положительная корреляционная связь общего показателя эффективности деятельности с жизненной сферой «Семейной жизни». Получены две отрицательные связи с терминальными ценностями «Материальное положение» ($r = -0,32$, $p < 0,05$) и «Достижения» ($r = -0,30$, $p < 0,05$), что отражает социальное значение управленческой деятельности – служение людям.

В прикладной психологии для выявления детерминант изучаемого процесса используется метод корреляционной связи уровня развития индивидуальных качеств с внешним критерием, который позволяет учитывать один или несколько результативных параметров изучаемого процесса. Если установлена значимая положительная корреляционная связь между ними, то исследуемая характеристика рассматривается как детерминанта – причина эффективности процесса и результативных характеристик. Поэтому применение дифференцированной оценки эффективности управленческой деятельности позволит дополнительно выявить корреляции с ценностными ориентациями, которых, очевидно, должно быть установлено больше. Выполненный корреляционный анализ позволил установить статистически достоверные связи компонентов эффективности (реализацией управленческих функций) с установками на анализ, на задачи и жизненные сферы дополнительно к уже выявленным. Отрицательные связи были получены для следующих функций и ценностных ориентаций: функции планирования и функции организации с жизненной сферой увлечений ($r = -0,30$, $p < 0,05$); для функции мотивирования, функции контроля, функции организации и функции принятия решения с установкой на оперативность ($r = -0,25$, $r = -0,26$, $r = -0,27$, $r = -0,28$, $p < 0,05$). Поло-

жительные связи установлены для функции мотивирования с установкой на инновационный анализ и креативность ($r=0,26$, $p<0,05$); коммуникативной функции с установкой на политический анализ и креативность ($r=0,25$, $p<0,05$; $r=-0,33$, $p<0,01$); функции контроля с установкой на креативность ($r=0,26$, $p<0,05$); психотерапевтической функции с установкой на креативность ($r=0,27$, $p<0,05$). Такие результаты специфичны требованиям деятельности.

Таким образом, в исследовании выявлены актуальные терминальные ценности и установки при решении управленческих задач: ценности взаимоотношений, инструментальное отношение к правовым нормам, ориентация на эффективное управленческое взаимодействие, административные методы и оперативность. По результатам исследования управленческой концепции обнаружено снижение установки на анализ в управлении; в структуре жизненных ценностей личности руководителей – снижение ценности творчества, развития себя, образования.

Установлены связи ценностей с показателем эффективности управленческой деятельности. Ими явились активные социальные контакты, сохранение собственной индивидуальности, а также установки на политический, макроэкономический, инновационный анализ, на анализ социальных процессов, креативность и на социально-психологические методы. Такие результаты подтверждают, что существует симптомокомплекс личностных качеств руководителя, содействующий реализации управленческих функций, к которому относятся ценностные ориентации и установки руководителя в профессиональной деятельности.

Литература

- Бубнова С. С.* Принципы и методы исследования ценностных ориентаций личности как системы с нелинейной структурой // Психологическое обозрение. 1997. № 1 (4). С. 12–14.
- Дырин С. П.* Ценностно-мотивационные характеристики работников современных российских предприятий // Актуальные проблемы психологии на современном этапе общественного развития. Казань. 2003. С. 122–138.
- Журавлева Н. А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во РАН, 2006.
- Захарова Л. Н.* Диагностика ценностных ориентаций и прогнозирование профессиональной перспективности менеджера // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России. Кисловодск–Ставрополь–М.: СевКавГТУ, 2006. С. 134–136.

- Кабаченко Т. С.* Методика «Ценностные регуляторы организационного поведения персонала» // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. Ч. 2. С. 280–299.
- Кабаченко Т. С.* Психология управления. М.: Педагогическое общество России, 2003.
- Климов А. А.* Проблема ценностей в компетентностном подходе // Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии: традиции и перспективы. Ярославль: ЯрГУ, 2011. С. 606–608.
- Кобелева О. В.* Психолого-акмеологические факторы формирования жизненных ценностей руководителя: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
- Петрова Н. И.* Ценностно-смысловая сфера личности руководителей государственной службы и предпринимателей // Психологический журнал. 2011. № 1. С. 34–44.
- Флоровский С. Ю.* Ценностно-ориентационная регуляция совместной управленческой деятельности руководителей: динамика в условиях переходного периода // Управление системой социальных ценностей личности и общества в мире изменений (краткосрочные и долговременные горизонты). М.—Кострома: КГУ, 2003. Т. 2. С. 208–212.

The values and attitude of management activity

N. G. Tereshchenko (Kazan)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

The article describes the empirical study results of value system of leaders of organizations of different ownership forms. Actual leaders' terminal values are the values of relationships, the value system of legal rules, the focus on effective management interaction and the efficiency. The author makes a point that such values as creativity, self-development, education are decreasing. The correlations between the performance measurements of management activity and the values of relationships, the orientation on the macroeconomic analysis, the innovative analysis, the analysis of social processes and the use of socio-psychological methods are established.

Keywords: values, terminal values, value orientation, value attitude, managerial activity, efficiency factors of management activity.

Эффективность деятельности и коммуникативные качества участковых-уполномоченных полиции

Ч. М. Токтоназарова (Норильск)

*кандидат юридических наук, доцент, Заполярный филиал
Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина;
e-mail: chinara076@mail.ru*

В статье приведены результаты исследования коммуникативных качеств участковых-уполномоченных полиции. Выдвигается предположение о том, что эффективность деятельности участковых — уполномоченных полиции во многом предопределяется выраженностью определенных коммуникативных свойств личности. Выявлено, что участковые-уполномоченные полиции, испытывающие трудности в общении, малообщительные, замкнутые, неразговорчивые, предпочитают одиночество, испытывают определенные трудности в ситуациях, требующих эффективного выполнения профессиональных обязанностей. Умеренное доминирование по шкалам «дружелюбие» и «альтруизм» сотрудников, эффективно выполняющих деятельность, показывает, что они склонны к сотрудничеству, кооперации. Полученные данные можно учитывать на этапе профессионального отбора на должность участковых-уполномоченных полиции. В практике отбора претендентов на службу в эти подразделения и прогноза профессиональной успешности важно оценивать последовательность и уровень выраженности коммуникативных, морально-нравственных качеств и качеств, обеспечивающих психологическую устойчивость.

Ключевые слова: коммуникативные качества, участковые-уполномоченные полиции, общительность, дружелюбие, альтруизм.

Знание психологических особенностей общения и применение коммуникативных методов воздействия на собеседника крайне необходимы специалистам системы профессий «человек—человек».

К их числу следует отнести сотрудников правоохранительных органов, которые сталкиваются с рядом социально-психологических проблем, порождаемых современной экономической ситуацией, необходимостью межличностных контактов, усложнением их форм, увеличением числа экстремальных моментов в общении (Андреева, Егоров, 2015). Среди служб и подразделений ОВД следует выделить участковых-уполномоченных полиции, правоохранительная деятельность которых связана с осуществлением профилактических мер, предупреждающих преступное поведение и имеющих в своей основе ненасильственные методы влияния на правосознание граждан. Последнее чрезвычайно повышает требования к социально психологическому потенциалу личности сотрудника полиции, обязывает уделять внимание формированию коммуникативной компетентности. Ее сущность во многом определяется смыслом профессиональных задач, большинство которых нацелены на коррекцию сознания и поведения гражданина в правовой сфере.

Анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что исследование коммуникативных коммуникативной компетентности является одной из традиционных и важнейших проблем психологической науки. Исследованию данных качеств были посвящены работы многих отечественных психологов: А. А. Бодалева, Ю. Н. Емельянова, А. А. Кидрон, В. Н. Кунициной, Л. А. Петровской, А. Л. Журавлева, Г. А. Туманова, Л. С. Уманского.

В юридической психологии проблемами коммуникации сотрудников милиции, а в дальнейшем и полиции, занимались такие психологи, как И. Б. Пономарев, А. И. Папкин, В. А. Носков, А. М. Столяренко, А. А. Агеева, М. В. Шилин и др. Проведенный Л. В. Андреевой профессиографический анализ правоохранительной деятельности прокурорско-следственных работников позволил сформулировать пять основных составляющих (подструктур) профессиональной пригодности, в число которых включены и коммуникативные способности (способность устанавливать эмоциональные контакты с различными участниками общения, способность понимать внутренний мир собеседника, способность к сотрудничеству, адекватная самооценка, чувство юмора и т. д.), (Андреева, Егоров, 2016).

Участковый-уполномоченный полиции является представителем профессии, в ходе которой возникает объективная необходимость использования возможности общения для решения профилактических задач. С. Е. Кораблев отмечает, что «предупредительный и обслуживающий характер деятельности милиции усиливает значимость коммуникативной компетентности сотрудника как способности к эффективному использованию общения в достижении профес-

сиональной цели» (Кораблев, 2008). Для данной категории сотрудников общение и его различные характеристики являются: средой, условиями его деятельности, целью и результатами его работы, исходным материалом, предметом его труда, средством, инструментом профессиональных действий, процессом повседневной деятельности и поведения. Участковый-уполномоченный полиции должен уметь устанавливать и организовывать взаимодействие с гражданами, а для этого ему необходимо понять, что за человек перед ним, каково его положение, индивидуально-психологические особенности, состояние, в котором он находится, предвидеть возможность возникновения конфликтной ситуации, уметь оказывать психологическое воздействие на граждан. Воздействующий эффект может быть достигнут при психологически грамотном управлении ситуациями профессионального общения, в частности ходом коммуникативного контакта с определенными категориями граждан. Для того чтобы эффективно реализовать в своей деятельности элементы воздействующей коммуникации, участковый-уполномоченный полиции особенно нуждается в психологическом знании, совершенствовании своих коммуникативных качеств.

В то же время на современном этапе исследование коммуникативных качеств участковых-уполномоченных полиции позволит целенаправленно работать над формированием соответствующих знаний, умений, навыков, что должно способствовать повышению результативности служебной деятельности.

Целью исследования является выявление особенностей коммуникативных качеств участковых-уполномоченных полиции и эффективности их служебной деятельности. Объектом – коммуникативные качества участковых-уполномоченных полиции. Предметом – зависимость коммуникативных качеств от эффективности служебной деятельности участковых-уполномоченных полиции. Выдвинуто предположение о том, что служебная деятельность участковых-уполномоченных полиции будет более эффективна, если в структуре профессиональных качеств, обнаружится наличие высокого уровня развития такого профессионально значимого качества, как коммуникативная компетентность.

В работе были использованы теоретические и эмпирические методы исследования, такие как анализ документов и научной литературы о деятельности участковых-уполномоченных полиции, беседы, тестирование (опросник В. Ф. Ряховского «Оценка уровня общительности», опросник Т. Лири «Диагностика межличностных отношений», метод парного сравнения), теоретическое обобщение результатов исследований, методы математической статистики:

U-критерий Манна–Уитни, ранговый коэффициент корреляции Спирмена.

В процессе констатирующего эксперимента было установлено, что участковые-уполномоченные полиции, имеющие трудности в общении, малообщительные, замкнутые, неразговорчивые, предпочитающие одиночество, испытывают определенные трудности в ситуациях, требующих эффективного выполнения профессиональных обязанностей. В основном эти трудности связаны с организацией социальных форм поведения; иногда они являются результатом функциональной незрелости в межличностных отношениях или его недостаточного развития уровня коммуникативной компетентности, вышеуказанные аспекты являются факторами, оказывающими влияние на эффективность деятельности участковых-уполномоченных полиции.

Результаты сравнения групп сотрудников, эффективно и неэффективно выполняющих служебную деятельность, показали, что значимые различия между этими группами наблюдаются по таким измеряемым параметрам, как уровень общительности, дружелюбие и альтруистичность. Особенностью поведения участковых-уполномоченных, эффективно выполняющих служебную деятельность, являются настойчивость и упорство в достижении цели, энергичность, активность. Умеренное доминирование по шкалам «дружелюбие» и «альтруизм» сотрудников, эффективно выполняющих деятельность, показывает, что они склонны к сотрудничеству, кооперации, гибкие и компромиссные при решении проблем в конфликтных ситуациях, сознательно конформные, следуют правилам и принципам «хорошего тона» в отношениях с людьми, общительны, инициативны в достижении целей. Высокий уровень развития коммуникативных способностей у этих сотрудников характеризует их как ответственных по отношению к людям, умеющих подбодрить и успокоить окружающих.

При анализе результатов теста на определение уровня общительности отмечено, что практически все сотрудники из группы эффективных являются любопытными, разговорчивыми, любят высказываться по разным вопросам, охотно знакомятся с новыми людьми, охотно слушают интересного собеседника, терпеливы в общении, отстаивают свою точку зрения без вспыльчивости, но являются авторитетными лидерами, требующими к себе уважения.

Полученные данные по однофакторному дисперсионному анализу показывают, что фактор эффективности профессиональной деятельности влияет на уровень общительности и степень альтруистичности для остальных переменных влияния отсутствуют.

Для проверки выдвинутого предположения полученные данные подверглись корреляционному анализу: эффективность профессиональной деятельности сравнивалась с показателями общительности и типами межличностных отношений. В результате выявились следующие значимые отрицательные корреляции между эффективностью и дружелюбием ($r=0,52$, $p=0,01$), и эффективностью и альтруизмом ($r=0,56$, $p=0,0000$) и с общительностью ($r=0,80$, $p=0,01$). Таким образом, эффективность служебной деятельности тесно и значимо связана с общительностью, т. е. чем эффективнее оценивается деятельность сотрудников, тем выше показатель уровня общительности. Весьма важным представляется объяснение корреляционной взаимосвязи между эффективностью деятельности и такими типами межличностных отношений, как дружелюбие и альтруизм. В обоих случаях мы наблюдаем положительное среднее абсолютное значение корреляционной связи при высоком уровне статистической значимости. Полученные данные убедительно свидетельствуют о том, что чем более выражены альтруистические качества и дружелюбие, тем эффективнее служебная деятельность участковых уполномоченных полиции.

Проведенное корреляционное исследование показало, что эффективность служебной деятельности отрицательно, тесно и значимо связана с общительностью, т. е. чем эффективнее оценивается деятельность сотрудников, тем ниже показатель в баллах по уровню общительности и тем выше уровень общительности. Весьма важным представляется объяснение корреляционной взаимосвязи между эффективностью деятельности и такими типами межличностных отношений, как дружелюбие и альтруизм. В обоих случаях мы наблюдаем отрицательное, среднее абсолютное значение корреляционной связи при высоком уровне статистической значимости. Полученные данные убедительно свидетельствуют о том, что чем умереннее выражены альтруистические качества и дружелюбие, тем эффективнее служебная деятельность участковых-уполномоченных полиции.

У сотрудников, эффективно выполняющих служебную деятельность категории участковых-уполномоченных полиции, достаточно высокий уровень развития коммуникативных качеств, чего нельзя сказать о сотрудниках, неэффективно выполняющих свои профессиональные обязанности.

Полученные данные можно учитывать на этапе профессионального отбора на должность участковых-уполномоченных полиции. В практике отбора претендентов на службу в эти подразделения и прогноза профессиональной успешности важно оценивать последовательность и уровень выраженности коммуникативных, морально-нравственных качеств и качеств, обеспечивающих психологическую устойчивость.

При аттестации сотрудников-участковых уполномоченных полиции в качестве критерия их профессиональной эффективности необходимо рассматривать степень развития коммуникативных качеств. Степень зрелости данных качеств может рассматриваться как средство для анализа возникающих проблем уже работающих сотрудников.

Литература

- Андреева Л. В., Егоров М. И.* Методологические основы проблемы развития профессионального самосознания юриста // Век качеств. 2015. № 3. С. 114–125. URL: <http://www.agequal.ru/pdf/2015/315009.pdf>.
- Андреева Л. В., Егоров М. И.* Специфика подготовки профессиональных кадров // Век качеств. 2016. № 4. С. 152–164. URL: <http://www.agequal.ru/pdf/2016/416010.pdf>.
- Кораблев С. Е.* Специфика речевого воздействия в профессиональной коммуникации сотрудника правоохранительной деятельности на примере участковых уполномоченных милиции // Вестник Воронежского института МВД России. 2008. № 2. С. 67–71.

Features of the communicative qualities of the precinct police officers

Ch. M. Toktonozarova (Norilsk)

Candidate of Jurisprudence, Associate Professor,
Polar Leningrad State University named after A. S. Pushkin

The article presents the results of a study of the communicative qualities of the precinct police officers. Conjectured that the effectiveness of the precinct police officers largely predetermined by the severity of certain communicative personality traits. It was revealed that precinct police officers having difficulties in communicating, unsociable, enclosed, taciturn, preferring solitude, are experiencing some difficulty in situations requiring effective implementation professional duties. Moderate dominance scales of friendliness and altruism staff efficiently performing activities shows that they are prone to cooperation, collaboration. The data obtained can be considered at the stage of professional selection for the post of Divisional Officers of police. In practice, the selection of candidates to serve in these units and forecast of professional success, it is important to measure the consistency and level of severity of communicative, moral-ethical qualities and qualities that provide psychological sustainability.

Keywords: communication quality, precinct police officers, sociability, friendship, altruism.

Профессионально важные качества и компетенции субъекта деятельности (к вопросу эволюции феномена)

В. А. Толочек (Москва)

*доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: tolochekva@mail.ru*

Обсуждаются феномены «профессионально важные качества» и «компетенции» в процессах профессионального становления субъекта. Анализируется проблема спонтанного разрастания тезауруса психологии труда (возрастания числа не согласованных между собой понятий и др.). Предлагаются пути упорядочивания систем понятий (задатки, способности, способности (общие), специальные способности, профессиональные способности, профессионально важные качества, компетенции...) – принцип транзитивности ($A < B < C < D < E < \dots$): Задатки < Способности (общие) < Специальные способности < Профессиональные способности < Профессионально важные качества < Компетенции < Дополняющие командные качества < Дополняющие диадные качества < ...

Ключевые слова: задатки, способности, специальные способности, профессиональные способности, профессионально важные качества, компетенции, дополняющие командные качества, дополняющие диадные качества.

Введение

Развитие науки сопряжено с постоянным появлением новых научных понятий, призванных отражать новые фрагменты реальности,

Исследование выполнено в рамках Государственного задания ФАНО, тема № 0159-2018-0001 «Психологические проблемы профессионального менталитета в условиях организационных и технологических инноваций».

включаемой в изменяющийся предмет дисциплины. Новые научные понятия, однако, не только расширяют наше понимание фрагментов действительности, уточняют ранее сделанные определения, но и оспаривают их, развивая наши представления о действительности. Нередко новые научные понятия появляются «спонтанно» в процессах поиска, вследствие самой необходимости фиксировать новые научные факты. Такое естественное и спонтанное развитие тезауруса науки время от времени также должно становиться отдельным предметом исследования – подвергаться критическому анализу, методологической оценке, прогнозированию дальнейших тенденций развития.

Первый наш опыт методологической рефлексии этих процессов был представлен ранее (Толочек, 2015б); настоящую работу можно считать его продолжением. Ввиду многообразия научных традиций и задач исследования, понимание специалистами отдельных феноменов и психологических механизмов их проявлений сильно различается. Поэтому подобный анализ дисциплинарного тезауруса не может быть исчерпывающе полным и законченным. Но периодически повторяющийся опыт такой рефлексии должен становиться обязательным условием, сопровождающим эволюцию дисциплины, отражающим ее исторические вехи, расширяющим возможности дисциплины своевременно и полноценно отзываться на требования социального запроса.

Профессиональная успешности и профессиональная эволюция человека как субъекта деятельности

До середины 1970-х годов ученые чаще использовали понятие «*профессионально значимые качества (ПЗК)*» (ПЗК – такие качества и при таком уровне их развития, которые предопределяют успешность человека как профессионала). Динамика профессионального становления субъекта рассматривалась в краткосрочной временной перспективе, чаще – в отношении представителей массовых профессий. Позже утвердилось более «либеральное» понимание феномена, обозначаемое понятием *профессионально важных качества (ПВК)*. ПВК – особенности субъекта, которые играют важную роль в его успешности как профессионала, их развитие может варьироваться в широких пределах, возможна компенсация одних ПВК другими, периодически могут происходить перестройки их структур, отдельные качества могут интегрироваться в целостные и завершенные системы (Журавлева, 2015; Поваренков, 2013; Толочек, 2015а, б; Фукин, 2003; Шадриков, 2007).

Первоначально к ПВК относили отдельные качества, влияющие на успешность решения отдельных профессиональных задач, затем – комплекс качеств (особенности анатомии и морфологии, физиологии и психофизиологии, специальные знания, умения и навыки, черты характера, ценностные ориентации и др.). В последней четверти XX столетия ученые признают, что ПВК представляют собой интегральные психофизиологические и психологические образования, которые формируются в процессе профессиональной деятельности как специальные способности по механизму функциональных систем (Волкова, 2014; Поваренков, 2013; Фукни, 2003; Шадриков, 2007). Содержательная интерпретация феномена способности, по В. Д. Шадрикову, адекватна только в «трех взаимосвязанных измерениях» – как способности индивида, способности субъекта деятельности и способности личности (Шадриков, 2007).

В зарубежной психологии с середины 1950-х годов возрастную эволюцию работника часто рассматривали как сопряженную с изменениями его профессионального статуса, карьеры, самооценок и самоотношений. С начала 1990-х годов эта тема активно разрабатывается и отечественными специалистами.

На рубеже 1980–1990-х годов специалисты выражали понимание развития человека как профессионала уже не столько как развитие его отдельных качеств (ПВК и т. п.), сколько как становление его личностных новообразований (Поваренков, 2013; Синягин, 2004; Спенсер, Спенсер, 2005; Фукин, 2003; Шадриков, 2007).

С 1980-х годов в научном обиходе утвердилось понятие «компетенции» как совокупность профессионально и поведенчески важных особенностей человека как профессионала и как личности. В отличие от близкого по содержанию понятия «ПВК», в содержании «компетенции» акцентируются связи собственно профессиональных качеств и личностных, адекватность уровня их развития и структуры актуальным и типичным требованиям деятельности, групповым нормам и субкультуре организации (Спенсер, Спенсер, 2005; др.).

Опыт методологической рефлексии

Множество складывающихся в процессе профессионального становления субъекта функциональных структур оправдано рассматривать как взаимосвязанные, подчиненные принципу *транзитивности* (например: $A > B > C > D > \dots Z$), а именно – транзитивность в мере усложнения объектов – *специализации* функциональных систем и степени их *интеграции с условиями среды (окружения)* субъекта. Согласно традициям отечественной психологии, выделим цепочки

феноменов, находящихся во взаимосвязи и объясняющих эффективность деятельности и успешность субъекта в разных «контекстах» среды: *Задатки* < *Способности* < *Специальные способности* < *Профессиональные способности* < *Профессионально важные качества* < *Компетенции* < ...

Напомним, что, согласно традициям отечественной психологии, «задатки» есть анатомо-морфологические и физиологические особенности, выступающие предпосылками формирования способностей; способности формируются в деятельности; под ПВК подразумевается: 1) сформированные стабильные частные функциональные системы; 2) системы, обеспечивающие успешность профессиональной деятельности в широком диапазоне стандартных задач; 3) довольно универсальные системы (само понятие «профессионально важные» отражает не столько их специализированность, сколько их роль как своего рода «базы» для возможной специализации при работе на каждом рабочем месте); 4) актуальный уровень развития этих качеств (Теплов, 1961; Фукни, 2003; Шадриков, 2007; и др.). (Развернутая аргументация характеристик феномена на каждой из выделенных нами стадий его эволюции и причины перехода в новую стадию нами представлялась ранее (Толочек, 2015б); задачи данной публикации в другом — выделить и «завершить» описание всего ряда возможных преобразования феномена, включая даже те стадии, которые еще не включались в описываемый ряд эволюции).

В феномене «компетенции», введенном в научный тезаурус зарубежными учеными, отражаются не только свойства феномена «ПВК» (широко описанного в отечественной психологии), но также: 1) множественные формы интеграции качеств субъекта с качествами других людей; 2) качества субъекта, которые своеобразно «преломляются» в уникальной деятельности при определенном образом организованном его поведении («организационным поведением»); 3) эти качества могут проявляются не только «здесь и теперь», но главное — в ориентации на будущее («там и тогда»), в решении будущих задач (задач рабочей группы, подразделения, компании в целом), но в данных, четко определенных социальных и социально-психологических «контекстах». Следовательно, под «компетенциями», их отличающими от более стабильных и универсальных ПВК, подразумевают такие «тонкие настройки» формирующейся функциональной системы субъекта, такой уровень согласованности качеств человека как субъекта с динамичными требованиями текущих и будущих задач, такой уровень согласованности качеств человека как личности, который непременно будет способствовать эффективности деятельности совместной группы людей, также подбираемых в ра-

бочие группы по спектру и уровню развития их качеств как субъекта и как личности. Таким образом, «компетенции» — это не только и не столько качества отдельно взятого «универсального» работника, но комплексы качеств, предположительно уже предварительно согласованные с качествами других работников, активно взаимодействующих между собой.

Заключение

Два критерия — *мера специализации* функциональных систем человека и *теснота связи субъекта и условий среды* — отражают два взаимно предполагающих друг друга аспекта эволюции психологических феноменов, способствующих эффективности профессиональной деятельности и социальной успешности человека. Можно выделить один ряд феноменов, представленных психологическими системами с последовательно возрастающей мерой специализации и интеграции с условиями среды. Такие психологические системы являются частным случаем функциональных систем (ФС), т.е. уже ставших, определившихся согласно их *цели функционирования*. Примером такой эволюции выступают: *Задатки* < *Способности* < *Специальные способности* < *Профессиональные способности* < *Профессионально важные качества (ПВК)* < *Компетенции* < *Дополняющие командные качества (ДКК)* < *Дополняющие диадные качества» (ДДК).*

Мы полагаем, что «компетенции» — не последняя стадия в эволюции феномена. К вышеназванным добавим «*дополняющие командные качества*» (ДКК) и «*дополняющие диадные качества*» (ДДК). ДКК можно рассматривать как такую стадию специализации ФС работника, которая позволяет ему успешно интегрироваться в особом классе социальных групп (рабочих групп) — в «командах» (креативных, управленческих, проектных и пр.); ДДК — как интегральные качества, позволяющие работнику успешно (психофизиологически комфортно и функционально продуктивно) интегрироваться в другом особом классе социальных групп — в профессиональных микрогруппах «диадах». Примерами диад могут выступать профессионально-деятельностные и социально-психологических связи «тренер—спортсмен», «учитель—ученик», «врач—пациент», «консультант—клиент» и т. п.

Литература

Волкова Е. В. Роль дифференционно-интеграционного подхода в разработке теории специальных способностей // Дифференционно-интеграционная теория развития. Кн. 2 / Сост. и ред. Н. И. Чупри-

- кова, Е. В. Волкова. М.: Языки славянской культуры; Знак, 2014. С. 61–85.
- Поваренков Ю. П.* Психология профессионального становления личности. Саратов: Изд-во СГПУ, 2013.
- Синягин Ю. В.* Личностно-профессиональный опросник РАГС и его модификация. М.: РАГС, 2004.
- Спенсер Л. М., Спенсер С. М.* Компетенции на работе. М.: Нипро, 2005.
- Теплов Б. М.* Проблемы индивидуальных различий. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
- Толочек В. А.* Личностное и профессиональное развитие субъекта: способности, профессионально важные качества и компетентность, ресурсы и потенциал // Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии / Под ред. Л. Г. Дикой, А. Л. Журавлева, А. Н. Занковского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015б. С. 107–116.
- Толочек В. А.* Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015а.
- Толочек В. А., Журавлева Н. И.* Динамика актуализации ресурсов субъекта на протяжении профессиональной карьеры // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 87–103.
- Фукин А. И.* Психология конвейерного труда. М.: Пер Сэ, 2003.
- Шадриков В. Д.* Ментальное развитие человека. М.: Аспект-Пресс, 2007.

Professionally important qualities and competencies of the subject of activity (on the evolution of the phenomenon)

V. A. Tolochek (Moscow)

Doctor of Psychology, Institute of Psychology RAS

The phenomena of “professionally important qualities” and “competence” are discussed in the processes of professional becoming a subject. The problem of spontaneous growth of the thesaurus of labor psychology (increasing the number of incompatible concepts etc.) is analyzed. The ways of ordering the systems of concepts (makings, abilities, abilities (general), special abilities, professional abilities, professionally important qualities, competences...) – the principle of transitivity ($A < B < C < D < E < \dots$): Assignments $<$ Abilities (general) $<$ Special abilities $<$ Professional abilities $<$ Vocationally important qualities $<$ Competences $<$ Supplementary command qualities $<$ Complementary dyadic qualities...

Keywords: makings, abilities, special abilities, professional abilities, professionally important qualities, competences, supplementing team qualities, complementing dyadic qualities.

Правовые основы психологического отбора претендентов при поступлении на службу в органы прокуратуры

А. А. Усачев, Л. Н. Котлярова** (Москва)*

** кандидат юридических наук, доцент,
Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина; e-mail: a.usachev-rpa@yandex.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции; e-mail: lnkot-konf@yandex.ru*

Авторами проанализированы законодательство и ведомственные правовые акты органов прокуратуры, регламентирующие процедуру психологического отбора претендентов при приеме на службу в органы прокуратуры РФ. Подчеркивается, что оценка пригодности работника к службе в органах и организациях прокуратуры осуществляется по медицинскому, образовательному и психологическому критериям. На основе анализа нормативно-правовых актов, методических рекомендаций по организации работы по приему на службу в органы прокуратуры, научных концепций и подходов сформулированы предложения, направленные на повышение эффективности психологического отбора претендентов и оценки их личностных компетенций. Показано, что одним из путей повышения готовности выпускников вузов к деятельности в органах прокуратуры является создание благоприятных условий для формирования и совершенствования личностного потенциала на ранних этапах профессионализации, в период получения высшего юридического образования по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе.

Ключевые слова: сотрудники правоохранительных органов, органы прокуратуры, прием на службу, психологический отбор, личностный потенциал.

Прокуроры осуществляют правоприменительную и управленческую деятельность в целях защиты основ конституционного строя,

обеспечения верховенства закона, защиты жизни и здоровья, прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства, противодействия преступлениям и иным правонарушениям, обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Принимая во внимание существующие в настоящее время проблемы формирования и развития гражданского общества, деформацию морально-этических ценностей и криминализацию социально-экономических отношений, появление новых видов преступлений и иных правонарушений, уровень профессиональных и моральных качеств прокурорских работников должен соответствовать требованиям, обусловленным как необходимостью работы в условиях высоких нервно-психологических перегрузок, так и изменениями в характере преступности, состоянии законности, социальных и экономических отношениях, политической обстановке в стране. Кадровый корпус органов прокуратуры должен быть укомплектован интеллектуально развитыми, морально зрелыми и эмоционально устойчивыми специалистами, по своим психологическим характеристикам способными успешно решать сложные и ответственные задачи в динамичных и экстремальных условиях, в том числе связанных с необходимостью обеспечения защищенности личности, общества и государства от терроризма и экстремизма, иного деструктивного и дезорганизирующего воздействия.

В соответствии с российским законодательством, прием на службу в органы прокуратуры проводится на основе отбора, включающего в себя медицинское обследование и всестороннюю оценку профессиональных компетенций и личностных качеств претендентов. Прокурорами могут быть граждане Российской Федерации, получившие высшее юридическое образование по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе и обладающие необходимыми профессиональными и моральными качествами, способные по состоянию здоровья исполнять возлагаемые на них служебные обязанности. При этом лицо не может быть принято на службу в органы и организации прокуратуры и находится на указанной службе, если оно, в частности, имеет заболевание, препятствующее поступлению на службу в органы и организации прокуратуры и исполнению служебных обязанностей прокурорского работника (ч. 1 и 2 ст. 40.1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»).

Оценка пригодности работника к службе в органах и организациях прокуратуры осуществляется по медицинскому, образовательному и психологическому критериям (п. 5.2 Концепции воспи-

тательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации: утверждена приказом Генерального прокурора РФ от 17.03.2010 № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации»).

Медицинский критерий предполагает изучение общего состояния физического и психического здоровья прокурорского работника.

Образовательный критерий включает наличие юридических знаний, высокого уровня образованности и эрудиции, общей культуры, необходимых прокурорскому работнику для успешного выполнения служебных обязанностей.

Согласно методическим рекомендациям по организации работы по приему на службу в органы прокуратуры г. Москвы, психологический критерий предполагает выявление соответствия личности прокурорского работника требованиям, предъявляемым к содержанию, особенностям профессиональной деятельности, а также к условиям, в которых она протекает.

Научно обоснованная процедура отбора кадров состоит из ряда этапов (Маклаков, 2008; Романов, Кроз, 1998; Ситковская, 2011):

- 1) определение набора требований, которые предъявляются деятельностью к сотрудникам правоохранительных органов и оформляются в виде профессиограммы для каждой должности;
- 2) определение набора профессионально важных качеств (закрепляются в психограмме), позволяющих сотруднику правоохранительных органов соответствовать требованиям будущей должности;
- 3) определение с помощью различных методов, в какой степени конкретный претендент обладает необходимыми профессионально важными качествами, способен ли справиться с требованиями будущей деятельности;
- 4) составление программы развития и совершенствования профессионально важных личностных качеств.

На основе закономерностей и особенностей профессиональной деятельности для различных должностей разработаны соответствующие профессиограммы, включающие в себя личностные качества, которые должны быть сформированы и развиты у кандидатов, претендующих на соответствующие должности (Глибовец, 2015; Кроз, 2009).

Перечень моральных качеств и психологических свойств личности закреплен, в частности, в приказах Генерального прокурора РФ от 02.11.2011 № 378 «Об утверждении Квалификационной характеристики должности (квалификационных требований к должности)

помощника прокурора города, района и приравненного к ним прокурора» и от 12.08.2010 № 316 «Об организации профессиональной переподготовки прокурорских работников, включенных в резерв кадров для выдвижения на должности прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров».

Профессиональная пригодность кандидата с точки зрения психологической составляющей определяется по результатам психологического обследования, проводимого в соответствии с Положением о порядке организации и проведения профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы прокуратуры Российской Федерации и обучение в государственные образовательные организации (утверждено приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 15.09.2014 № 493 «О профессиональном психологическом отборе кандидатов на службу в органы прокуратуры Российской Федерации и обучение в государственные образовательные организации»). При поступлении на учебу в Университет прокуратуры РФ, институты прокуратуры в составе государственных образовательных организаций высшего образования (например, Институт прокуратуры МГЮА) и на целевые места в иные государственные образовательные организации высшего образования, с которыми Генеральной прокуратурой РФ заключены соответствующие соглашения (договоры), при поступлении впервые на службу в органы прокуратуры в обязательном порядке проводится психологический отбор (пункт 5.3 Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации; пункт 2.1 Приказа Генерального прокурора РФ от 20.02.2013 № 80 «Об основных направлениях работы с кадрами в органах и учреждениях прокуратуры Российской Федерации»).

Пункт 1 Приказа Генерального прокурора РФ от 20.02.2013 № 80 «Об основных направлениях работы с кадрами в органах и учреждениях прокуратуры Российской Федерации» предписывает первому заместителю, заместителям Генерального прокурора РФ, начальникам главных управлений, управлений и отделов (на правах управлений) Генеральной прокуратуры РФ, прокурорам субъектов РФ и приравненным к ним прокурорам специализированных прокуратур, ректору Академии Генеральной прокуратуры РФ (ныне — Университета прокуратуры РФ) особое внимание уделять подбору и расстановке кадров, формированию у подчиненных работников необходимых профессиональных и моральных качеств, профилактике коррупционных и иных правонарушений.

Кадровый резерв для выдвижения на руководящие должности в органах прокуратуры Российской Федерации формируется из про-

курорских работников, обладающих необходимыми профессиональными, деловыми, личностными и морально-этическими качествами, положительно зарекомендовавшими себя на занимаемых должностях, и является основным источником для замещения руководящих должностей в органах прокуратуры (п. 1.2 Положения о кадровом резерве для выдвижения на руководящие должности в органах прокуратуры Российской Федерации, утвержденного приказом Генерального прокурора РФ от 11.07.2013 № 286 «Об утверждении Положения о кадровом резерве для выдвижения на руководящие должности в органах прокуратуры Российской Федерации»).

Обобщив правовые требования к работникам органов прокуратуры, представилось возможным сделать вывод о том, что они должны обладать: глубокими профессиональными знаниями и развитым правовым сознанием, хорошим здоровьем, развитыми положительными морально-нравственными качествами, социальной зрелостью, творческими способностями, мотивацией к совершенствованию своего профессионализма. С целью укомплектования кадров органов прокуратуры интеллектуально развитыми, морально зрелыми и эмоционально устойчивыми сотрудниками, по своим психологическим характеристикам способными успешно решать сложные и ответственные задачи в любых условиях деятельности, готовыми преодолевать правовые конфликты и тяготы правоохранительной службы, проводится кадровый отбор. При проведении психологического обследования оценивается наличие следующих четырех основных блоков профессионально важных свойств и личностных качеств кандидата:

- 1) морально-нравственные качества и мотивационные характеристики работника (развитое правосознание, доминирование социально значимых мотивов при осуществлении профессиональной деятельности, стремление к достижению успеха в работе, к завоеванию авторитета и уважения среди коллег и др., честность, принципиальность, гражданское мужество, чувство долга, ответственность, обязательность, добросовестность, исполнительность, дисциплинированность, аккуратность);
- 2) развитые познавательные способности (оперативность, самостоятельность, гибкость, критичность и прогностичность мышления, способность к абстрагированию, развитое воображение, наблюдательность, проницательность, интуиция, способность воспринимать новую информацию и др.);
- 3) эмоционально-волевую устойчивость (высокую работоспособность, выносливость в ситуациях длительных и интенсивных фи-

- зических и психических перегрузок, способность сохранять целенаправленность и продуктивность деятельности в этих условиях, устойчивость к воздействию стресс-факторов, самообладание);
- 4) развитые коммуникативные способности (способность устанавливать и поддерживать психологический контакт с различными участниками общения, преодолевать психологические и коммуникативные барьеры, умение слушать партнера, способность правильно интерпретировать поведение собеседника, различать правдивые и ложные показания, хорошее владение устной и письменной речью, вежливость, тактичность, уважительное отношение к людям, умение в конфликтных ситуациях избирать и проводить правильную линию поведения).

Студенты, обучающиеся в юридических университетах по уголовно-правовой и прокурорско-следственной специализациям, претендуют на трудоустройство в органы прокуратуры и Следственного комитета Российской Федерации, органы внутренних дел и федеральной службы безопасности, таможенные и другие правоохранительные органы. При поступлении на службу все они будут проходить оценку профессионально-личностных компетенций в соответствии с нормами российского законодательства. Создание условий для развития и совершенствования личностного потенциала студентов в процессе их профессионализации является актуальной задачей для университетов, реализующих подготовку обучающихся в области юриспруденции.

Литература

- Глибовец В. В.* Основные направления психологического обеспечения деятельности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации // Актуальные проблемы использования психологических знаний в прокурорской и правоохранительной деятельности. Сборник материалов круглого стола (23 октября 2014 г., г. Москва) / Под ред. О. Д. Ситковской. М.: Ген. Прокуратура РФ; Академия Ген. Прокуратуры РФ, 2015. С. 18–26.
- Кроз М. В.* Психология прокурорской деятельности: Пособие для прокуроров. М., 2009.
- Маклаков А. Г.* Профессиональный психологический отбор персонала. Теория и практика. СПб.: Питер, 2008.
- Методические рекомендации по организации работы по приему на службу в органы прокуратуры г. Москвы. URL: <http://www.mosproc.ru> (дата обращения: 15.05.2018).

Романов В. В., Кроз М. В. Руководство по профессиональному психологическому отбору кандидатов на службу в органы прокуратуры Российской Федерации: Метод. пособие. М., 1994.

Ситковская О. Д. Психологические аспекты деятельности органов прокуратуры и труда прокурорских работников // Юридическая психология / Под ред. докт. психол. наук О. Д. Ситковской. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 409–452.

Legal basics of the psychological selection of the applicants when recruiting them for the bodies of the prosecution service

A. A. Usachev, L. N. Kotlyarova** (Moscow)*

* Candidate of Jurisprudence, Associate Professor,
Kutafin Moscow State Law University

** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
All-Russian State University of Justice

The authors have analysed the legislation and departmental legal acts of the bodies of the prosecution service, related to the procedure of the psychological assessment when recruiting applicants in the bodies of the prosecution service of the Russian Federation. It is emphasized that the suitability of an applicant for the service in the bodies and organizations of the prosecution service is performed according to the medical, educational and psychological criteria. Basing on the analysis of the normative legal acts, methodological recommendations on the recruiting for the service in the public prosecution bodies, scientific conceptions and approaches, the proposals aimed at rising the effectiveness of the psychological selection of the applicants and of the assessment of their personal competencies have been formulated. It has been shown that one of the ways of rising the level of readiness of the graduates of the universities for their working activity in the bodies of the prosecution service includes creating favourable conditions for forming and improving personality potential on the early stages of the professionalization in the process of getting higher juridical education according the educational program having a state accreditation.

Keywords: law-enforcement officers, bodies of the prosecution service, recruitment, psychological selection, personality potential.

Связь профессиональной мотивации с субъективным благополучием личности (на примере работников промышленного предприятия)

*И. Ю. Федяева**, *Т. А. Втюрина***, *Н. А. Низовских**** (Киров)

** Филиал АО ОХК УРАЛХИМ; e-mail: fedyaevaiu@gmail.com*

*** Вятский государственный университет;
e-mail: vtanja@gmail.com*

**** доктор психологических наук, Вятский государственный университет;
e-mail: nina.nizovskikh@gmail.com*

Актуальность изучения связи профессиональной мотивации с субъективным благополучием личности определяется социальным запросом. Работодатели сталкиваются с тем, что финансовые затраты, направленные на создание благоприятных условий труда, часто не оправдывают ожиданий по повышению мотивированности работников и улучшению их субъективного благополучия. В статье представлены результаты изучения связи внешней и внутренней профессиональной мотивации с субъективным благополучием работников промышленного предприятия (N=656). Были применены методики: опросник профессиональной мотивации (Осин с соавт., 2017) и шкала субъективного благополучия (Соколова, 1996). Выявлено, что все типы мотивации, кроме интроецированной регуляции, имеют высокозначимые связи с показателями субъективного благополучия. Получило подтверждение положение о том, что чем более выражена внутренняя мотивация, а также интегрированная и идентифицированная внешняя мотивация, тем в большей степени работник ощущает себя субъективно благополучным, тогда как выраженность экстернальной мотивации и амотивации приводит к ощущению субъективного неблагополучия.

Ключевые слова: субъект труда, внутренняя профессиональная мотивация, внешняя профессиональная мотивация, амотивация, мотивационный континуум, субъективное благополучие работника.

Изучение человека как субъекта труда с необходимостью предполагает обращение к наследию А. В. Брушлинского, его представлению о субъектности человека как высшей системной целостности всех его сложнейших и противоречивых качеств, в первую очередь психических процессов, состояний и свойств, его сознания и бессознательного (Брушлинский, 2003). Человек не рождается, но становится субъектом в процессе общения, деятельности и других видов своей активности, при этом значимую роль в становлении и функционировании человека как субъекта играет система его целей, осознаваемых мотивов и эмоций (там же).

В отечественной психологии значение категории субъекта в настоящее время усиливается, что имеет свои основания не только в логике развития самой науки, но и в макросоциальных изменениях (Сергиенко, 2013). Как отмечает Е. А. Сергиенко, в центре понятийной системы отечественной психологии на протяжении нескольких десятилетий находились категории сознания и деятельности. Это было обусловлено тем, что социально-экономическая организация общества того времени выдвигала на первый план человека труда, реализующего деятельность. Радикальные общественные изменения вызвали к жизни обращение к категории субъекта, трактовке субъекта как человека на высшем уровне своей активности, автономности, когда он предельно индивидуализирован, проявляет особенности своей мотивации, способностей, психической организации в целом (там же).

Исследование человека труда в эпоху постнеклассической науки должно исходить из его характеристик как субъекта труда, т. е. с позиции его активности и автономности, особенностей его профессиональной мотивации, субъективного благополучия и других проявлений.

Проблема профессиональной мотивации остается актуальной на протяжении последних десятилетий. В сегодняшней конкурентной экономике мотивированный работник, вне всякого сомнения, обладает рядом преимуществ в сравнении с немотивированным (Осин и др., 2013, 2017). Современные работодатели, сталкиваясь с низкой мотивацией работников, формулируют запрос по выявлению причин данного явления, возможности повышения мотивированности и субъективного благополучия работников.

Одной из признанных в изучении мотивации является в настоящее время теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана (Ryan, Deci, 2017). Идеи данной теории созвучны субъектному подходу в отечественной психологии. Основные положения теории самодетерминации применительно к трудовой деятельности представлены в статье Е. Н. Осина с соавторами (Осин и др., 2017). Опираясь

на данную статью, приведем значимые характеристики мотивации деятельности человека. Особенностью является то, что внутренняя и внешняя мотивация деятельности человека рассматриваются в данной концепции как составляющие единого мотивационного континуума. Внутренняя мотивация трактуется как стремление субъекта выполнять работу ради интереса к процессу работы, а при внешней мотивации трудовая деятельность осуществляется ради достижения других, внешних по отношению к ней, целей. Внутренне мотивированная деятельность связана с большим вкладом усилий и более высоким уровнем субъективного благополучия, продолжается даже в отсутствие внешних наград и наказаний. Внешняя мотивация включает в себя четыре уровня регуляции деятельности, различающиеся по степени интернализации мотивации: экстернальная регуляция (деятельность осуществляется ради получения внешних наград или избегания негативных последствий), интроецированная регуляция (деятельность побуждается внутренними наградами и наказаниями, такими как переживание гордости, чувство вины), идентифицированная регуляция (деятельность осуществляется ради достижения целей, которые выбраны субъектом осознанно и субъективно для него важны), а также интегрированная регуляция (деятельность находится в гармонии с другими сферами жизни субъекта и переживается как часть собственной идентичности). Внутренняя мотивация в совокупности с интегрированной и идентифицированной формой внешней регуляции определяется авторами как автономная мотивация, а внешняя интроецированная и экстернальная формы регуляции – как контролируемая мотивация. Отдельно в данной теории выделяется амотивация как состояние, при котором субъект не испытывает желания и не осознает причин выполнять трудовую деятельность. Описанные шесть типов мотивации (амотивация, экстернальная внешняя регуляция, интроецированная внешняя регуляция, идентифицированная внешняя регуляция, интегрированная внешняя регуляция, внутренняя мотивация) составляют мотивационный континуум, в рамках которого они упорядочены по степени удовлетворенности потребности в автономии. Переходы между формами регуляции осуществляются благодаря интернализации, обуславливающей переход от регуляции с помощью внешних факторов к саморегуляции. Термин «интернализация» является близким идеям школы Л. С. Выготского (Осин с соавт., 2013). Автономная мотивация, как показывают данные исследований, выступает устойчивым предиктором эмоционального благополучия работников, тогда как контролируемая мотивация приводит к его снижению (Ryan, Deci, 2017). Связь автономной и контролируемой

мотивации с субъективным благополучием подтвердилась на российских выборах (Осин с соавт., 2013, 2015).

Цель исследования – выявить наличие и характер связи между типами профессиональной мотивации и субъективным благополучием работников промышленного предприятия.

Методика

Выборка. В качестве респондентов ($N=656$) выступили работники одного из крупных промышленных предприятий Кировской области. Выборка представлена рабочими различных профессий, 78% респондентов мужского пола. Возраст опрошенных – от 19 лет до 61 года ($M=39,1$, $SD=10,3$, $Me=38$); стаж работы на предприятии – от 1 месяца до 42 лет ($M=13$; $SD=11,1$; $Me=9$).

Процедура исследования. Исследование проводилось онлайн на специально оборудованных местах в учебном центре предприятия.

Методики: опросник профессиональной мотивации (ОПМ) (Осин с соавт., 2017), Шкала субъективного благополучия (ШСБ) (Соколова, 1996).

ОПМ (Осин с соавт., 2017) операционализирует мотивационный континуум, предложенный в теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана. Шесть шкал методики характеризуют внутреннюю мотивацию, интегрированную, идентифицированную, интроецированную и экстернальную формы внешней мотивации, а также амотивацию.

Шкала субъективного благополучия (ШСБ) (Соколова, 1996) оценивает качество эмоциональных переживаний субъекта в диапазоне от оптимизма, бодрости и уверенности в себе до подавленности, раздражительности и ощущения одиночества. Интегральный показатель по тесту является основанием для интерпретации.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы SPSS 20; применялись методы дескриптивной статистики и корреляционный анализ.

Результаты и обсуждение

Применение Опросника профессиональной мотивации (ОПМ) показало, что внутренняя мотивация имеет значения выше среднего у 57% респондентов ($M=3,9$, $SD=0,8$, $Me=4,0$); показатели интегрированной регуляции выражены выше среднего у 60% выборки ($M=3,6$, $SD=0,9$, $Me=3,7$); значения идентифицированной регуляции выше среднего выявлены примерно у 53% респондентов ($M=3,7$, $SD=0,9$, $Me=4,0$); интроецированная и экстернальная регуляция, а также

амотивация имеют показатели выше среднего примерно у каждого третьего из опрошенных. Результаты измерения субъективного благополучия: оценки, отклоняющиеся в сторону субъективного благополучия, показали 58,8% респондентов; средние оценки получили 27,6% человек; крайне низкие оценки у 12,7%; оценки, отклоняющиеся в сторону субъективного неблагополучия, у семи респондентов (1,1%); субъективно неблагополучных нет.

Корреляционный анализ с применением коэффициента Пирсона показал, что все шкалы опросника профессиональной мотивации, за исключением шкалы интроецированной регуляции (умеренно контролируемой мотивации), получили значимые ($p \leq 0,01$) связи с показателями субъективного благополучия. С субъективным благополучием связаны внутренняя мотивация ($r = -0,382$)*, внешняя интегрированная ($r = -0,310$), внешняя идентифицированная мотивация ($r = -0,306$), экстернальная мотивация ($r = 0,350$) и амотивация ($r = 0,415$). Установленные связи показывают, что чем более выражены внутренняя мотивация, а также внешняя интегрированная и внешняя идентифицированная мотивация, тем в большей степени человек ощущает себя субъективно благополучным. Напротив, чем более выражены внешняя экстернальная мотивация и амотивация, тем в большей степени респонденты ощущают себя субъективно неблагополучными. Полученные числовые данные подтверждают положения теории самодетерминации о мотивационном континууме, а также о том, что удовлетворенность потребности личности в автономии ведет к ощущению ее субъективного благополучия. Наиболее сильно коррелирует с субъективным благополучием внутренняя мотивация профессиональной деятельности. Также положительно, но несколько в меньшей степени с субъективным благополучием связаны интегрированная и идентифицированная формы внешней регуляции, являющиеся по характеру автономными.

Анализ полученных данных выводит нас на проблему ментальных репрезентаций мотивации в исследовании человека как субъекта труда. Ментальные репрезентации, являясь внутренними структурами, в которых представлена сложившаяся у человека картина мира, социума и самого себя, опосредуют компетентность, успешность личности, выступают психологическими механизмами изменения (Брушлинский, Сергиенко, 1998). Объективные измерения мотивационного континуума, отражающего уровни интернализации мотивации, вполне можно считать отражением субъективной

* Знак связи обусловлен тем, что по шкале субъективного благополучия баллы интерпретируются следующим образом: чем ниже балл, тем выше субъективное благополучие, и наоборот.

картины профессиональной мотивации работников, которая является значимой для субъективного благополучия и для достижения направленных изменений: чтобы управлять мотивацией ее надо от-рефлексировать, поскольку управлять можно только тем, что осознаешь (Левченко, Втюрина, 2013).

Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности разработки и внедрения на основе полученных данных рекомендаций по созданию психологически благоприятных условий труда на промышленном предприятии. Факторы среды, и прежде всего, стиль руководства, способствующие удовлетворению потребностей работников в автономии, усиливают интернализацию внешней мотивации и поддерживают внутреннюю мотивацию, тогда как контролирующая среда, напротив, может подрывать внутреннюю мотивацию и приводить к формированию исключительно внешне мотивированной деятельности. Данные эффекты показаны в ряде исследований Р. Райана и Э. Деси (Ryan, Deci, 2008, 2017; Осин с соавт., 2017). Материальные инструменты мотивации, если они воспринимаются сотрудниками как механизм контроля, могут иметь эффект, обратный ожидаемому. Для того чтобы избежать снижения внутренней мотивации, можно использовать нематериальные инструменты, такие как установление позитивных отношений, налаживание обратной связи и др. Важно и то, что переход от неоптимального к оптимальному уровню мотивации человек может осуществить с помощью механизма саморегуляции, управляя своими чувствами, мыслями, ценностями и целями (Фаулер, 2016). Решение перейти к оптимальной мотивационной перспективе, основанной на сформулированных ценностях и значимых целях, позволяет использовать в своих интересах «выгоды» внутренней мотивации. Эффект от внедрения этих и других мер можно оценивать, отслеживая динамику профессиональной мотивации в лонгитюдных исследованиях (Осин с соавт., 2017, с. 41), что входит в задачи наших последующих исследований.

Литература

Брушлинский А. В., Сергиенко Е. А. Ментальная репрезентация как системная модель в когнитивной психологии // Ментальная репрезентация: динамика и структура. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

Брушлинский А. В. Психология субъекта (страницы последней книги А. В. Брушлинского: глава вторая «психология и тоталитаризм») // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 2. С. 7–14.

- Левченко Е. В.* Анализ понятийного уровня ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Психология. 2013. Т. 5. № 2. С. 67–81.
- Осин Е. Н., Горбунова А. А., Гордеева Т. О., Иванова Т. Ю., Кошелева Н. В., Овчинникова Е. Ю.* Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи с благополучием и успешностью деятельности // Организационная психология. 2017. Т. 7. № 4.
- Осин Е. Н., Иванова Т. Ю., Гордеева Т. О.* Автономная и контролируемая профессиональная мотивация как предикторы субъективного благополучия у сотрудников российских организаций // Организационная психология. 2013. Т. 3. № 1. С. 8–29.
- Осин Е. Н., Сучков Д. Д., Гордеева Т. О., Иванова Т. Ю.* Удовлетворение базовых психологических потребностей как источник трудовой мотивации и субъективного благополучия у российских сотрудников // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. 12 (4). С. 103–121.
- Сергиенко Е. А.* Развитие идей А. В. Брушлинского на современном постнеклассическом этапе психологии // Идеи О. К. Тихомирова и А. В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения) // Материалы Всероссийской научной конференции (с иностранным участием). Москва, 30 мая–1 июня 2013 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. С. 28–30.
- Соколова М. В.* Шкала субъективного благополучия. 2-е изд. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1996.
- Фаулер С.* Почему они не работают? Новый взгляд на мотивацию сотрудников. М.: Альпина Паблишер, 2016.
- Ryan R. M., Deci E. L.* Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness. N. Y.: Guilford Publishing, 2017.

**The communication of professional motivation
and subjective well-being of the individual
(by the example of employees of the industrial enterprise)**

*I. U. Fedyaeva**, *T. A. Vtyurina***, *N. A. Nizovskikh**** (Kirov)

* The branch of JSC URALCHEM UCC

** Vyatka State University

*** Doctor of Psychology, Vyatka State University

The relevance of the study of the relationship of professional motivation with the subjective well-being of the individual is determined by the social request.

Employers are faced with the fact that the financial cost of creating a supportive working environment often falls short of expectations to increase employees' motivation and improve their subjective well-being. The article presents the results of studying the relationship between external and internal professional motivation with the subjective well-being of employees of industrial enterprises (n=656). Methods were applied: questionnaire of professional motivation (Osin et al., 2017) and the scale of subjective well-being (Sokolova, 1996). It is revealed that all types of motivation, except for introjected regulation, have highly significant connections with indicators of subjective well-being. It was confirmed that the more pronounced the internal motivation, as well as the integrated and identified external motivation, the more the employee feels subjectively prosperous, while the expression of external motivation and amotivation leads to a feeling of subjective distress.

Keywords: labor subject, internal professional motivation, external professional motivation, amotivation, motivational continuum, subjective well-being of the employee.

Инновационный потенциал педагога как субъекта труда

Е. А. Шмелева (Иваново), П. А. Кисляков** (Москва)*

** доктор психологических наук, доцент, Ивановский государственный университет; e-mail: noc_shmeleva@mail.ru*

*** доктор психологических наук, доцент, Российский государственный социальный университет; e-mail: noc_sspu@mail.ru*

В статье актуализируется проблема инновационности педагога как субъекта труда. Инновационный потенциал педагога обеспечивает его готовность создавать и внедрять инновационные образовательные продукты и включает инновационную направленность, инновационную компетентность и креативность. Представлены инновативные качества педагога и модель развития его инновационного потенциала. Обосновано, что в процессе актуализации инновационного потенциала педагог обретает опыт, который выступает мощным фактором инновационности его как субъекта труда.

Ключевые слова: педагог, субъект труда, инновационный потенциал, продукт деятельности, инновативные качества, инновационный опыт.

Инновационность как мощный потенциал педагога как субъекта труда в структуре его профессионализма предстает в виде открытости новому опыту, готовности к творческим, авторским подходам к решению педагогических задач, способности осваивать, обогащать и распространять передовой педагогический опыт. Именно образование в реализации стратегии инновационного развития общества выступает носителем идеологии инновационного обновления в виде развитой среды генерации знаний, аккумуляции интеллектуальных и творческих потенциалов общества.

Инновационный потенциал педагога задает специфическое свойство продуктивности и дуалистичности профессиональной педагогической деятельности. Эта специфичность состоит в том, что в процессе инновационной педагогической деятельности про-

исходит развитие продуктивных новообразований как в личности обучаемых, так и в личности самого педагога.

Инновационный потенциал педагога как субъекта профессиональной педагогической деятельности представляет собой интегративную характеристику в совокупности личностных свойств, качеств и способностей, обеспечивающих готовность генерировать новые формы деятельности по созданию, освоению и распространению инновационных образовательных продуктов, а также саморазвитие и личностный рост как стратегический фактор продуктивной педагогической деятельности (Кисляков, Шмелева, 2016).

Инновационный потенциал предопределяет возможности и готовность личности к инновационной деятельности, поэтому мы рассматриваем его как интегративное качество, отражающее наличие возможности к развитию инновационной активности, познавательной самостоятельности и профессиональной креативности. Инновационный потенциал личности в образовательной среде задает целевую, мотивационную, креативную, прогностическую, трансформационную функции, функцию развития и формирования инновационного профессионально ориентированного опыта.

Инновационный потенциал педагога выражается через ряд компонентов:

- инновационную направленность, интегрирующую совокупность мотивов и ценностей, определяющих инновационный характер педагогической деятельности, стремление к достижению вершин профессионального мастерства, обогащению инновационного опыта, осознание значимости инновационных процессов в образовательной практике, отражающей психологическую установку на развитие личности обучающихся и собственное саморазвитие как личностно-необходимое;
- инновационную компетентность, отражающую системный уровень сформированности инновационных знаний, умений и опыта инновационной деятельности, *способности творить, создавать новый продукт, вводить новые технологии и методы в образовательный процесс*, выступая в качестве меры готовности использовать свой инновационный потенциал для максимально эффективного достижения инновационных целей профессиональной деятельности;
- инновационную креативность как способность к педагогическому творчеству, инновациям и прогнозированию, направленной на достижение конкретной практической цели, предполагаю-

щей генерирование новых, потенциально полезных идей и получение результата, готового к использованию в образовательной практике.

Развитие инновационного потенциала педагога имеет целью личностно-профессиональное становление и развитие профессионального инновационного мышления педагога, обладающего целостным восприятием инновационной педагогической деятельности как интегрированного профессионально-личностного качества, подтвержденного личным опытом участия в разработке, распространении и внедрении инноваций; расширение возможностей самообразования, профессионального роста и реализации инновационной активности; создание условий для востребованности и практического использования перспективных инновационных образовательных продуктов.

А. В. Брушлинский характеризует субъекта как деятельного и общающегося человека, достигшего высокого уровня развития (Брушлинский, 2003). Б. Г. Ананьев рассматривает человека как «субъекта, прежде всего, социальных деятельностей – труда, общения, познания». Совокупность свойств человека как субъекта труда, познания и общения образует структуру субъекта деятельности. В качестве свойств субъекта деятельности выделяется продуктивность деятельности и ее творческий характер (Ананьев, 2001).

Исследователи психологических особенностей субъекта педагогической деятельности показали, что субъектность педагога представляет собой его отношение к себе как к деятелю. Педагог, будучи субъектом образовательной деятельности, не обязательно является одновременно и субъектом инновационной деятельности. Если он не выполняет в инновационной деятельности функции ее субъекта, то как субъект инновационной деятельности он не будет реализовываться.

Таким образом, активность как способность сознательно, целенаправленно преобразовывать педагогическую действительность, находясь в условиях свободы выбора, с осознанием ответственности за этот выбор выступает исходной характеристикой личности как субъекта инновационной деятельности.

Деятельность субъектов педагогического труда, готовых работать в инновационном режиме современной школы, должна осуществляться в соответствии с основополагающим тезисом педагогической психологии: инновационный потенциал личности можно развивать только в процессе инновационной деятельности.

Профессиональный стандарт педагога определяет в числе трудовых функций такие трудовые действия, как разработка и реализа-

ция программ учебных дисциплин, проектирование и реализация воспитательных программ, проектирование ситуаций и событий, развивающих эмоционально-ценностную сферу ребенка, разработка рабочих программ по предмету, современных психолого-педагогических технологий. Эти трудовые действия отражают инновационность педагогической деятельности, нацеленность на построение инновационной образовательной среды, повышающей инновационную активность ее субъектов.

Модель развития инновационного потенциала личности включает мотивационно-целевой, содержательный, деятельностно-практический и оценочно-диагностический компоненты, обеспечивающие представление о целях, задачах, сущности инновационной личности и инновационной деятельности в педагогической сфере. В соответствии с основной идеей мотивационно-целевой компонент модели ориентирует на стремление субъектов образования и развитие их потребности к инновационной педагогической деятельности. Содержательный компонент модели направлен на формирование совокупности знаний субъектов о специфике инновационной деятельности, на обретение опыта личного участия в инновационных проектах. Деятельностно-практический компонент модели направлен на освоение способов практической деятельности по получению, применению, внедрению и практическому использованию инновационных образовательных продуктов, на самоопределение и самовыражение в инновационной педагогической деятельности. Оценочно-диагностический компонент представляет собой комплекс методов и методик, направленных на выявление уровня развития инновационного потенциала педагога в образовательной среде.

В структуру инновативных качеств педагога входит способность к творчеству, понимаемая как нацеленность на новизну, способность создавать инновационные образовательные продукты, интерес к освоению педагогического знания, любознательность, способность к вариативности решений, креативному мышлению, активный поиск новых средств и технологий обучения; ответственность за принятие решений; ориентация на развитие, обусловленное стремлением к развитию обучающихся, критичностью мышления, готовностью к личностному и профессиональному саморазвитию, потребностью в непрерывном образовании; высокой ценностью образования в развитии личности (Шмелева, 2013).

Инновационный тип педагога, являясь уникальным и сложным, находящимся в динамическом взаимодействии со средой и постоянном саморазвитии, определяет его инновационную специфику, которая характеризуется креативной, познавательной, творческой

направленностью; компетентностью; индивидуально-психологическими свойствами; способностями; особенностями мышления (гибкость, мобильность, критичность, обобщенность, системность, развитая интуиция, богатое воображение, свобода ассоциаций, прогностичность); инновационностью как чертой характера – быстрым реагированием на изменения; готовностью к преодолению препятствий; эмоциональной насыщенностью поисковой деятельности; творческими способностями (генерирование идей, создание нестандартных решений из стандартных элементов, соединение традиционного и инновационного, видение незнакомого в знакомом, выявление скрытого замысла; способностью ориентироваться в состоянии неопределенности; способностью длительное время удерживать творческое напряжение).

В инновационной деятельности педагоги решают задачи четырех основных типов: освоения (внедрения) новшеств; собственной разработки новшеств; проведения педагогических экспериментов; передачи собственного опыта и разработок. В процессе решения этих задач инновационный потенциал актуализируется в форме обретения инновационного опыта (Замогильнов, Правдов, Шмелева, 2013).

В соответствии со спецификой выполняемых инновационных действий низкий уровень инновационного опыта личности как субъекта инновационной педагогической деятельности обозначается нами как операционально-формальный, характеризующийся освоенностью умений и навыков по адаптации в собственную педагогическую практику новшеств, созданных другими, знанием психолого-педагогических основ распространения или освоения инновационного педагогического опыта.

Средний уровень выступает содержательно-практическим, характеризующимся активно-действенным состоянием личности, личностным проявлением творческого стиля деятельности, не только освоением созданных новшеств и идей, но и их модернизацией и видоизменением, проявлением направленности на освоение и создание нового личностного свойства, знаний и практических умений реализовывать новые способы и формы осуществления инновационной педагогической деятельности.

Высокий уровень инновационного опыта обозначается проектно-внедренческим, характеризующимся проявлением инновационной активности и инициативы при трансферте или освоении новшеств; наличием собственного инновационного авторского проекта деятельности, основанного на самостоятельно созданных, апробированных и используемых в образовательной практике инновационных образовательных продуктах (программах, проектах, методиках,

технологиях и т. д.), в котором представлены не только знаниевый, но и личностный компонент образования и реализованная потребность в саморазвитии и самообразовании в процессе освоения инновационного опыта.

Таким образом, инновационный потенциал педагога как субъекта труда представляет собой интегративную характеристику личности в совокупности личностных свойств, качеств и способностей, обеспечивающих ее психологическую готовность генерировать новые формы деятельности по созданию, освоению и распространению инновационных образовательных продуктов, а также саморазвитие и личностный рост как стратегический фактор продуктивной педагогической деятельности.

Содержание опыта инновационной деятельности субъектов образования по показателям наличия созданных и реализованных образовательных программ инновационной направленности (внедренческий), представленности и использования инновационных образовательных продуктов (апробационный), освоения дополнительных программ инновационной направленности в системе повышения квалификации (самосовершенствования и саморазвития), осознанности отношений к инновационной деятельности, выступает мощным фактором в структуре инновационности педагога как субъекта труда.

Литература

- Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.: МПСИ, 2003.
- Выготский Л. С.* Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991.
- Замогильнов А. И., Правдов М. А., Шмелева Е. А.* Учитель физической культуры как субъект инновационной образовательной среды // Теория и практика физической культуры. 2013. № 3. С. 30–35.
- Кисляков П. А., Шмелева Е. А.* Психология развития инновационного потенциала личности и субъекта профессиональной деятельности // Психология развития человека как субъекта деятельности / Под ред. П. А. Кислякова. М., 2016.
- Петровский В. А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
- Шмелева Е. А.* Психологические показатели инновативных качеств педагога // Школа будущего. 2013. № 2. С. 46–54.

The innovative potential of the teacher as the subject of work

E. A. Shmeleva (Ivanovo), P. A. Kislyakov** (Moscow)*

* Doctor of Psychology, Associate Professor, Ivanovo State University

** Doctor of Psychology, Associate Professor, Russian State Social University

The article considers the problem of innovativeness of the teacher as the subject of work. The innovative potential of the teacher ensures his willingness to create and implement innovative educational products. Innovation potential includes innovation orientation, innovative competence and creativity. Innovative qualities of the teacher and model of development of his innovative potential are presented. It is proved that in the process of actualization of innovative potential the teacher gains experience, which is a powerful factor of its innovation as a subject of labor.

Keywords: teacher, subject of work, innovative potential, innovative product, innovative qualities, innovative experience.

«Колесо баланса» и профилактика профессионального выгорания

С. Ф. Юсупова (Ярославль)

*аспирант, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова;
e-mail: 79160107640@yandex.ru*

В сообщении раскрыто понятие синдрома выгорания и равновесия между работой и личной жизнью сотрудников. На примере конкретной коммерческой организации рассматриваются методы работы руководителей по профилактике профессионального выгорания менеджеров по продажам. Делается краткий обзор эксперимента и вынесены ключевые выводы из проведенной работы.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, равновесие «Дом—работа», «Колесо баланса».

Под равновесием «Дом—работа» мы понимаем гармоничное сочетание между работой и личной жизнью, трудовой деятельностью, семьей и отдыхом.

Необходимость оптимизации прибыли становится все более актуальной и заставляет предпринимателей анализировать каждое рабочее место в организации для достижения максимальной эффективности. Механизмы, которые достигают большей эффективности за ту же единицу времени, постоянно улучшаются. Организации оценивают себя с точки зрения стратегии обеспечения успеха фирмы, за счет превосходства над конкурентами. Такая политика организаций не может быть подвергнута критике, пока сотрудники находятся в состоянии положительного стресса, т. е. позитивно мотивированы к достижению результатов работы, связаны с организацией общими целями и задачами, и процветание организации является общей заботой.

Для того чтобы это состояние было обеспечено в течение длительного периода, необходимо соблюдать сбалансированность принци-

пов работы и личной жизни: восприятие состояния каждого работника с точки зрения физических и психических нагрузок, гарантии принципов открытой коммуникации, учет конкретных потребностей сотрудников с точки зрения гибкого рабочего времени, учет потребностей семьи и личных нужд работников, укрепление здоровья работников посредством спорта и здорового питания, соблюдение периодов отдыха сотрудников, консультации и помощь в случае возникновения синдромов выгорания.

Сбалансированность трудовой и личной жизни является глубоко гуманистическим явлением нашей современной жизни. Это означает гарантированную доброжелательность в бизнесе, улучшение условий труда и удовлетворенность работой. Сбалансированность трудовой и личной жизни означает для организации: переосмысление подхода к понятию «Рабочая сила» в отношении сотрудников.

Чтобы сотрудники имели сбалансированность, некоторые западные компании берут на себя предоставление мер поддержки: торговый сервис, чистка и глажка, ясли-сад для детей сотрудников и т. п. Не стоит забывать и неполный рабочий день или многофункциональные предложения для персонала, где несколько сотрудников с индивидуальными и гибкими графиками работы выполняют спектр задач. Компании имеют непрерывный растущий спрос на работников, обладающих специальными знаниями.

Каждый сотрудник должен понимать важность баланса между работой, семьей и досугом и должен осознавать, что может наступить синдром выгорания. Если баланс смещается в сторону работы, необходимо регулировать индивидуальные риски. Как правило, с этим дисбалансом более ассоциируют современное понятие синдрома выгорания. Херберт Фройденбергер описал в 1974 г. это явление, которое он назвал болезнью чрезмерной активности. Этот феномен он называет выгоранием и относит к процессу самоопределения – утомляемости своих собственных физических и умственных резервов (Чутко, 2014).

Наряду с Фройденбергером это понятие упрочила Кристина Маслач, исследования которой придали этому феномену научный статус. Для Маслач синдром выгорания состоит из трех компонентов: от эмоционального истощения, деперсонализации к снижению производительности. В целом, проблема выгорания является сложной задачей, связанной с синдромом перегрузки, который характеризуется эмоциональной, умственной и физической усталостью. В своих фазах развития выгорание сопровождается потерей смысла и ценности работы, а также возникновением соматических и психосоматических расстройств.

С психосоматической точки зрения, возникает опасность для здоровья, возникновение которой рассматривается далеко не только в клинической картине синдрома выгорания, но и во множестве заболеваний, которые влияют практически на весь медицинский спектр от дисбаланса в трудовой жизни до условий труда и личной жизни. Тем более важно, чтобы эта проблема рассматривалась в качестве превентивной меры не только в качестве общей ориентации граждан, но и как корпоративная культура любой организации.

Необходимо, чтобы сотрудники знали больше о возможностях снижения стресса. Управление стрессом, разрешение конфликтов и изучение методов релаксации, таких как йога, аутогенная тренировка, прогрессирующая мышечная релаксация, должны быть включены в программу обучения сотрудников.

Задача состоит в том, чтобы осуществить баланс между работой, семьей и отдыхом каждого сотрудника.

Эксперимент в одном из крупных московских холдингов показал, что данная задача может быть выполнима. Был проведен опрос среди менеджеров по продажам. Выборку составили 83 сотрудника. Им предлагалось заполнить простой тест «Колесо баланса», где оценивались параметры: удовлетворенность количеством получаемых денег за работу в данной организации, качеством собственного отдыха, должностным положением в компании и карьерными желаниями, возможностью развиваться в компании и вне ее, согласованностью с целями жизни (зачем живу), получением радости в жизни, удовлетворенностью от происходящего (что вокруг меня), удовлетворенностью от общения с людьми, которые меня окружают (кто вокруг), состоянием здоровья и возможностью на это влиять.

Каждый пункт сотрудники должны были оценить по 100-процентной шкале. Хочется отметить, что лишь 1,66% имели сбалансированное «колесо баланса» и были вполне удовлетворены по всем показателям.

С сотрудниками, после получения данных, проводилась психологическая работа. Была проведена индивидуальная беседа штатным психологом компании совместно с руководителем подразделения. Многие сотрудники указали на то, что на удовлетворенность многих параметров влияет финансирование и она зависит от количества денег. Таким образом, они дали понять, что многие сферы жизни можно изменить, если получать за свою работу достаточный заработок. Аргументировали это тем, что деньги играют огромную роль в настоящее время: обучение и повышение квалификации тоже не бесплатно, а оно влечет за собой карьерный рост, полноценный отдых требует финансовых вливаний, а от отдыха зависит здоровье,

которое восстановить сложнее и дороже, чем сохранить и своевременно проводить профилактику.

В связи с этим, чтобы в рамках эксперимента осуществить «баланс в колесе», предотвратить выгорание сотрудников, мотивировать на выполнение новых задач, руководством компании были приняты следующие меры:

- 1) Вычленены сотрудники, остро нуждающиеся в корректировке «колеса баланса».
- 2) По каждому сотруднику был разработан индивидуальный план развития, целью которого явилось увеличение количественных ключевых показателей в работе, таких как объем продаж, которые повлекут за собой увеличение дохода.
- 3) Был проанализирован предложенный план действий сотрудника и скорректирован с точки зрения оптимизации энергетических и других затрат.
- 4) Установлены сроки для реализации данного плана.
- 5) Был прикреплен наставник, который не только курирует и контролирует, но помогает достигать поставленных показателей.
- 6) Со стороны руководства компании были учтены пожелания к работе сервисной службы и внедрены дополнительные опции, помогающие в работе менеджеров.
- 7) Были организованы обучающие семинары и тренинги в рамках поставленных задач.

Обучающие мероприятия были выстроены следующим образом. Полный курс состоял из 6 модулей, т. е. был рассчитан на 6 месяцев. Каждый модуль проводился один раз в месяц и включал в себя два блока, один из которых состоял из продуктового обучения ассортиментной линейки продукции компании, рассчитанного на полтора часа, и второй модуль, так называемый «психологический», который включал в себя развитие тех или иных навыков, помогающих в работе менеджерам. Это могли быть коммуникативные техники, переговорные навыки, навыки установления контакта с новыми клиентами, навыки активного слушания, работа с уверенностью и самооценкой, а также обучение методам саморегуляции состояния. Трех–четырёхчасовое занятие один раз в месяц — это оптимальное время для менеджеров по продажам, позволяющее удерживать внимание сотрудников и активно привлекать их к работе на тренинге. Данное время также позволяет после занятия менеджеру провести работу с клиентами по телефону или лично навестить их. За счет того, что модуль выстроен из двух блоков и сотрудник задействован в обучающих мероприятиях лишь полдня один раз в месяц, он не испытывает

отвращения к обучению, как в некоторых компаниях, где обучение занимает более продолжительное время и рассчитано на весь день. Данное расписание позволяет мотивировать сотрудников на работу и получать обучение как вознаграждение.

Также с сотрудников, участвовавших в корректировке колеса, ежемесячно снимались показатели эффективности по выставленным индивидуальным планам и оценивалась динамика по ключевым показателям. Конечно, не обошлось и без корректировки планов в ходе эксперимента. Потенциал сотрудников – это важный показатель, который не был учтен нами, поэтому индивидуальный план выставлялся по нескольким критериям – предположения самого сотрудника о его возможностях, территория и ее возможности, представления о возможностях сотрудника его непосредственного руководителя.

В ходе данного эксперимента следует отметить, что баланс осуществим, если мы признаем как положительные стороны в деятельности компании, так и отрицательные. Открытость руководства компании и стремление к изменениям также следует отметить как немаловажный фактор в профилактике выгорания. За данный период установленных сроков эксперимента, а это 6 месяцев, не уволился ни один сотрудник из числа участвовавших в проекте, показатели отобранных сотрудников выросли до 73% из 100% запланированных, что положительно повлияло на получение прибыли компании и дохода сотрудников. По итогу 6 месяцев был организован корпоративный отдых за счет компании, что отразилось на психологической атмосфере и способствовало улучшению коммуникаций и микроклимата в коллективе.

Стремление к сбалансированности трудовой жизни сотрудников в компании является важным звеном в профилактике выгорания, улучшения своих показателей и повышения конкурентоспособности.

Самое главное, создается исключительно беспроектная ситуация. Речь идет не о том, что предприниматель лучше эксплуатирует своих работников, речь идет о том, что обе стороны находят взаимно удовлетворительное решение. Меры, принятые со стороны руководства, должны быть ощутимы и убедительны для работников организации. Они рассматриваются не только как человеческий капитал, но и как личность с учетом их индивидуальных потребностей. Все это влияет на сотрудников, ведет к повышению мотивации, укреплению дружелюбия и ориентированности на клиента, к улучшению заботы о клиенте, а также к процветанию организации.

Благодаря привлечению внимания к соблюдению баланса между работой и семьей также улучшается микроклимат, удовлетворен-

ность работой, снижаются показатели текучести кадров, а также и как следствие – заболеваемость. Для организации этим достигается снижение расходов на принятие новых работников и дополнительные затраты на содержание работников и офиса.

Литература

Бойко В. В., Ковалев А. Г., Панферов В. Н. Социально-психологический климат коллектива и личность. М.: Мысль, 1983.

Чутко Л. С., Козина Н. В. Синдром эмоционального выгорания. Клинические и психологические аспекты. М., 2014.

Manfred S. Störungen der Work–Life–Balance und ihre psychosomatischen Folgen auf die Gesundheit, 2010.

Balance wheel and prevention of professional burnout

S. F. Yusupova (Yaroslavl)

Postgraduate Student, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov

In the message the concept of the burnout syndrome and balance between work and personal life of employees is opened. On the example of the specific commercial organization, the methods of work of the management to the prevention of professional burnout of sales managers are considered. The short review of an experiment is carried out and key conclusions from the carried out work are taken out.

Keywords: professional burnout, “Home–work” balance, “Balance wheel”.

Раздел X

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА И ОДАРЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Формирование профессионально-личностной готовности будущих психологов к работе с детьми с признаками интеллектуальной одаренности

Г. Н. Абдурахмонов (Тула)

*аспирант, Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого; e-mail: abduraxmonov_1979@mail.ru*

Статья посвящена проблеме подготовки будущих психологов к взаимодействию с детьми с признаками интеллектуальной одаренности. Психологу отводится ключевая роль в процессе своевременного выявления и дальнейшего развития признаков интеллектуальной одаренности у детей. Профессионально-личностная готовность к работе с детьми с признаками интеллектуальной одаренности определяется как интегральное психологическое образование, структура которого характеризуется через взаимодействие составляющих ее компонентов (когнитивный, личностный и деятельностный) при ведущей роли личностного компонента, детерминирующего развитие других компонентов. Ее формирование становится возможным посредством специально организованного обучения, построенного с учетом соблюдения определенных психолого-педагогических условий.

Ключевые слова: дети с признаками интеллектуальной одаренности, профессионально-личностная готовность, психолого-педагогические условия, психолого-педагогический эксперимент, формирование.

В современных условиях приоритетным направлением модернизации и гуманизации образования является проблема формирования профессиональной и личностной готовности будущих специалистов, работающих в сфере образования, к взаимодействию с различными категориями учащихся. Данная проблема активно разрабатывается в современных психолого-педагогических исследованиях в направлении формирования готовности будущего педагога к работе с одаренными детьми (Д. Б. Богоявленская, Н. В. Дудырева,

Н. С. Лейтес, В. И. Панов, В. В. Рубцов, М. А. Холодная, Е. Г. Чирковская, Н. Б. Шумакова, В. Д. Щадриков, Е. И. Шебланова и др.), готовности психологов и педагогов к работе в системе инклюзивного образования (И. В. Вачков, Е. В. Самсонова, М. Л. Любимов, В. Л. Рыскина, С. А. Черкасова и др.).

В данном контексте, по нашему мнению, очень важной и недостаточно разработанной является проблема формирования профессионально-личностной готовности будущего психолога к взаимодействию с детьми с признаками интеллектуальной одаренности. Мы считаем, что проблема подготовки психологических кадров к взаимодействию с детьми с признаками интеллектуальной одаренности является не менее важной, чем проблема подготовки педагогов. Только психолог с высоким уровнем развития профессионально-личностной готовности к работе с данной категорией учащихся может выступать инициатором, организатором и регулятором доминантного жизненного проекта каждого ребенка, имеющего интеллектуальный и творческий потенциал.

Анализ литературы показывает, что различными авторами особо отмечается важность данной проблемы в своевременном выявлении и развитии детского потенциала (Панов, 2001; Чирковская, 2003). Так, по справедливому замечанию В. И. Панова, встреча с одаренным ребенком является для педагога и психолога своеобразным экзаменом в профессиональном, личностном и даже духовно-нравственном отношениях и становится «точкой роста» на пути профессионального и личностного становления (Панов, 2001). Несмотря на это, специальных психолого-педагогических исследований, направленных на выявление и формирование профессиональной и личностной готовности будущих психологов к взаимодействию с детьми с признаками интеллектуальной готовности, не проводилось.

Исходя из этого, мы считали необходимым организовать психолого-педагогическое исследование, направленное на диагностику и формирование профессионально-личностной готовности у будущих психологов к работе с детьми с признаками интеллектуальной одаренности.

По нашему замыслу, эффективное формирование профессионально-личностной готовности будущих психологов к работе с детьми с признаками интеллектуальной одаренности становится возможным при соблюдении ряда психологических (создание конструктивных отношений при взаимодействии субъектов образовательной деятельности, целенаправленное моделирование ситуаций развития соответствующих личностных и профессиональных качеств, актуализация механизмов саморефлексии и самосовершенствования

у студентов – будущих психологов) и педагогических (соблюдение поэтапности в реализации формирующей программы, субъект-субъектное взаимодействие преподавателя и студентов, практикоориентированность содержания обучения) условий.

В начале эмпирического исследования нами было проведено анкетирование психологов, работающих в общеобразовательных школах с целью выявления у них представлений об интеллектуально одаренных учащихся и способах взаимодействия с ними. В исследовании приняли участие 24 психолога.

Анализ результатов показал, что 67% опрошенных психологов считают одаренность природными предпосылками способностей. У них отсутствует понимание интегративности, системности и динамичности структуры одаренности, затрагивающей личность ребенка в целом. Вопрос о наличии опыта в разработке программ и технологий, способствующих развитию одаренности, показал, что 100% респондентов никогда не разрабатывали специальные программы для сопровождения детей с признаками интеллектуальной одаренности и не проектировали индивидуальные образовательные траектории для них.

Таким образом, результаты анкетирования выявили недостаточную готовность психологов к работе с детьми с признаками интеллектуальной одаренности. Абсолютное большинство психологов имеют интуитивные представления о феномене одаренности, методах ее выявления и способах ее развития. Данное обстоятельство свидетельствует об актуальности и своевременности выбранной нами проблеме.

Для уточнения понятия «дети с признаками интеллектуальной одаренности» нами была разработана и реализована диагностическая программа, направленная на выявление признаков интеллектуальной одаренности у детей младшего школьного возраста (Пазухина, Абдурахмонов, 2013). Ссылаясь на труды современных российских психологов по проблеме одаренности (Д. Б. Богоявленская, В. И. Павнов, В. В. Рубцов, М. А. Холодная, Н. Б. Шумакова, В. Д. Шадриков, Е. И. Щербланова и др.) и результаты наших исследований (Абдурахмонов, Иргашева, 2015; Абдурахмонов, 2015, 2013), мы пришли к выводу, что интеллектуальная одаренность имеет системную интегрированную структуру, которая охватывает личность ребенка в целом и может проявляться в различных формах. Это (наравне с традиционно выделяемыми компонентами, такими как интеллект, мотивированность и креативность) могут быть сообразительность, хорошая память, глубина и гибкость мышления, критичность мышления, оригинальность мысли, уровни развития теоретического мышле-

ния (анализ, планирование и рефлексия), воображение, умение выражать свою точку зрения, способность к пониманию других и воздействию на них и т. д.

Исходя из сказанного, в нашем исследовании мы использовали словосочетание «ребенок с признаками интеллектуальной одаренности», имея в виду, что в каждом ребенке можно находить определенные признаки интеллектуальных способностей, которые могут выступать точкой опоры для развития у них умственных возможностей.

В нашем исследовании мы исходили из результатов современных работ по проблеме готовности к деятельности. В данных работах готовность к деятельности рассматривается как интегративное образование, как диалектическая взаимосвязь психического состояния и качества личности, которая имеет сложную системную структуру, состоящую из взаимосвязанных компонентов (Д. К. Войтюк, К. М. Дурай-Новакова, Л. В. Лежанина, Г. С. Миролюбова, Л. М. Митина, Н. В. Нижегородцева и В. Д. Шадриков, С. А. Николаенко, Р. Д. Санжаева, Р. Г. Шакирова, Черкасова С. А. и др.).

Профессионально-личностную готовность будущего психолога к работе с детьми, имеющими признаки интеллектуальной одаренности, мы определяли как системное, интегральное психологическое образование, структура которого характеризуется через взаимодействие составляющих ее компонентов (когнитивный, личностный и деятельностный) при ведущей роли личностного компонента, детерминирующего развитие других компонентов (Абдурахмонов, 2015).

Сформированность профессионально-личностной готовности будущего психолога к работе с детьми с признаками интеллектуальной одаренности выражается в комплексе профессионально-личностных качеств: склонности к работе с подобными детьми, выраженной мотивации самосовершенствования, абнотивности, развитой рефлексии, ориентации на объективные критерии и нормы психического развития, признании автономности личности, ориентации на сложные социальные критерии развития человека, личностной модели взаимодействия с детьми, быстрой ориентации в трудных ситуациях, инициативности, умения в важном деле или в создавшейся сложной ситуации принимать самостоятельные решения.

Проведенный нами психолого-педагогический эксперимент, в единстве его констатирующего, формирующего и контрольного этапов, показал, что без специального формирования, лишь посредством дисциплин, предусмотренных ФГОС ВО, профессионально-личностная готовность к работе с детьми с признаками умственной одаренности у будущих психологов не формируется на достаточном уровне.

Формирование профессионально-личностной готовности к работе с детьми с признаками интеллектуальной одаренности становится возможным в условиях специально организованного обучения, предполагающего поэтапное воздействие на составляющие ее компоненты: формирование личностного компонента посредством психолого-педагогического тренинга; формирование когнитивного компонента путем реализации в процессе обучения студентов-психологов спецкурса «Психолого-педагогические основы работы с детьми с признаками интеллектуальной одаренности»; формирование деятельностного компонента посредством практикоориентированности содержания формирующей программы и прохождения студентами комплексной педагогической практики в школах.

Обобщенный анализ результатов диагностики профессионально-личностной готовности будущих психологов к работе с детьми с признаками интеллектуальной одаренности в контрольной и экспериментальной группах до и после реализации формирующей программы в целом позволяет говорить о положительной динамике, которая выражается, прежде всего, в увеличении количества студентов-психологов в экспериментальной группе с высоким уровнем готовности к работе с детьми с признаками интеллектуальной одаренности. В контрольной группе выраженной динамики в формировании готовности на контрольном этапе обнаружено не было.

Литература

- Абдурахмонов Г. Н., Иргашева М.* Динамика развития умственных способностей и компонентов креативности у детей младшего школьного возраста // Вестник Таджикского национального университета. 2015. № 3–4 (170). С. 247–250. URL: http://www.tnu.tj/vestnik/vestnik2015_3_4.pdf.
- Абдурахмонов Г. Н.* Модель формирования профессионально-личностной готовности будущих психологов к работе с детьми, имеющими признаки умственной одаренности // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/128-21643> (дата обращения: 15.09.2015).
- Абдурахмонов Г. Н.* Социокультурные особенности развития компонентов креативности у младших школьников (на примере российских и таджикских школьников) // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 7. № 2. С. 83–96. URL: <http://psyedu.ru/journal/2015/2/Abdurakhmonov.phtml>; http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2015/n2/Abdurakhmonov.shtml (дата обращения: 15.09.2015).

- Абдурахмонов Г. Н.* Проблема обоснования критериев выявления одаренных детей // Интеллект XXI века: проблемы и перспективы развития науки и образования: Сборник материалов научно-практических интернет-конференций и профессиональных педагогических конкурсов. Чехов, 2013. С. 240–247.
- Пазухина С. В., Абдурахмонов Г. Н.* Диагностическая система раннего выявления детей с признаками одаренности // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2013. Вып. 3 (7). С. 37–54. URL: http://www.tsput.ru/about_us/activities/scientific_activities/science/gumanitarnye-vedomosti-tgpu-im-l-n-tolstogo.php.
- Панов В. И.* Одаренные дети: выявление—обучение—развитие // Педагогика. 2001. № 4. С. 30–43.
- Чирковская Е. Г.* Личностные и профессиональные качества учителей, работающих с одаренными учащимися // Одаренные дети. 2003. № 2. С. 62–65.

**Formation of professional-personal readiness
of future psychologists to work with children
with symbols of intellectual property**

G. N. Abdurakhmonov (Tula)

Postgraduate Student, Tula State Pedagogical University
named after L. N. Tolstoy

The article is devoted to the problem of preparing future psychologists for interaction with children with signs of intellectual giftedness. The psychologist should be given a key role in the process of timely detection and further development of the signs of intellectual giftedness in children. Professional-personal readiness is defined as an integral psychological formation, the structure of which is characterized through the interaction of its constituent components (cognitive, personal and activity), with the leading role of the personal component determining the development of other components. Its formation becomes possible through specially organized training.

Keywords: children with signs of intellectual giftedness, professional-personal readiness, psychological and pedagogical conditions, psychological-pedagogical experiment, formation.

Роль смысловой теории мышления в решении современных проблем психологии одаренности

Ю. Д. Бабаева (Москва)

кандидат психологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: julybabaeva@gmail.com

В статье отмечается важная роль смысловой теории мышления, разрабатываемой в научной школе О. К. Тихомирова, в решении современных проблем психологии одаренности. Теоретический и методический задел, созданный представителями этой школы (к их числу принадлежит и автор публикации), большой массив полученных ими эмпирических данных позволяет по-новому подойти к решению многих сложных и дискуссионных проблем в этой области. Обосновывается положение о том, что дальнейшее развитие этого направления будет способствовать созданию инновационных диагностических и развивающих методов, а также переходу от «диагностики отбора» к «диагностике развития».

Ключевые слова: одаренность, творчество, виды одаренности, полиморфизм, динамический подход, диагностика одаренности, холистический подход.

Интерес к проблемам одаренности в нашей стране в последние годы значительно усилился. Речь идет не только о решении прикладных задач, связанных с поиском талантов, с разработкой эффективных методов их обучения и развития, с созданием условий, позволяющих им реализовать свои дарования и т. п. Многие авторы справедливо отмечают, что изучение такого сложного и многогранного феномена нельзя сводить лишь к решению практических задач, как бы они ни были важны. Необходимо, прежде всего, создать прочную теоретическую и методическую базу. По словам Э. Винер (1996), на смену «локальным» должны прийти общие теории, позволяющие анализировать типичное и атипичное в психике в общей системе знаний,

в единой категориальной схеме. Именно в этом, по ее мнению, заключается одна из центральных задач современной психологии.

С нашей точки зрения, подход, развиваемый в научной школе О. К. Тихомирова, может послужить основой для решения многих сложных проблем психологии одаренности. Обсуждая актуальные проблемы психологии мышления, Тихомиров (1984) сформулировал ряд положений, которые имеют большое значение и для изучения одаренности. Среди них положения о полиморфности, процессуальности, субъективном характере мышления человека и о необходимости целостного подхода к его анализу.

Признание полиморфизма одаренности

Научное и прикладное значение этого положения, подчеркивающего необходимость коренного изменения взглядов на психологическую природу этого феномена, отмечал еще Л. С. Выготский (1983а). Он писал о недопустимости сведения многообразных проявлений одаренности к какому-то одному виду или к единому G-фактору. Б. М. Теплов видел первоочередную задачу анализа этого феномена в «серьезном фактическом изучении отдельных видов одаренности» (Теплов, 1985, с. 15).

Отказ от однофакторного подхода, отождествившего одаренность с интеллектом, и признание качественной разнородности ее видов означает *смену парадигмы* в изучении этого сложного феномена. Необходимо не только выявлять и обосновывать критерии различения его качественно своеобразных проявлений, но и создавать адекватные диагностические и развивающие методы. Авторы «Рабочей концепции одаренности» (2003) сформулировали пять базовых критериев классификации. По «*двойному критерию*», характеризующему не только *вид деятельности, но и обеспечивающие ее сферы психики*, выделены пять основных видов: познавательная, художественно-эстетическая, коммуникативная, практическая и духовно-ценностная деятельность. Их обеспечивают интеллектуальная, мотивационно-волевая и эмоциональная сферы психики, каждую из которых характеризуют разные уровни психической организации. По критерию «*степень сформированности одаренности*» различается актуальная и потенциальная одаренность. По «*широте ее проявлений в различных видах деятельности*» дифференцируется общая и специальная одаренность. «*Форма проявления*» этого феномена служит основой для различения явной и скрытой одаренности. В зависимости от «*особенностей ее возрастного развития*» различаются ранние и поздние формы ее проявления.

Вопрос о том, является ли «творческая одаренность» самостоятельным видом, носит дискуссионный характер. Это нашло отражение и в тексте «Рабочей концепции», где под творчеством понимается *развитие деятельности* по инициативе самого субъекта. При этом развитие означает как постоянное совершенствование выполняемой им деятельности, так и рождение новых замыслов, получение новых результатов, существенно превосходящих те, которые прогнозировались ранее. Наличие *инициативы* субъекта проявляется не только в его увлеченности выполняемой работой, но и в желании ее продолжать даже после достижения первоначально поставленной цели, что ведет к порождению новых замыслов и целей. В рамках этого подхода «творческая одаренность», по сути, становится синонимом одаренности и представляет собой характеристику «не просто высшего уровня *выполнения* любой деятельности, но ее *преобразования и развития*» (Рабочая..., 2003, с. 22). Предлагаемый подход, с нашей точки зрения, порождает ряд новых и весьма сложных проблем. С этих позиций нуждаются в переосмыслении не только многие теоретические положения, но и многочисленные эмпирические данные (например, результаты, свидетельствующие о сложной взаимосвязи между показателями креативности и IQ-оценками). Вместе с тем существует и другое решение указанной проблемы. Согласно смысловой теории мышления, изучение творчества проводится на основе развернутого анализа различных новообразований. Они возникают как на «полюсе объекта», так и «на полюсе субъекта» (новые смыслы, мотивы, эмоциональные оценки и т. п.). В рамках указанного подхода вполне обосновано рассмотрение «творческой одаренности» в качестве самостоятельного вида одаренности.

Динамический (процессуальный подход) к исследованию одаренности и к разработке методов ее диагностики и развития

Л. С. Выготский резко критиковал *статический подход* к изучению этого феномена и отмечал необходимость перехода от методов, позволяющих количественно оценить уже достигнутый ребенком уровень развития его способностей, к углубленному, качественному анализу динамики, «стихии одаренности» (Выготский, 1983б). Такой подход позволяет изучать *индивидуальные пути развития каждого ребенка*, характерные психологические особенности и механизмы этого процесса. Однако и в наши дни до окончательной победы над получившим широкое распространение однофакторным подходом все еще далеко. Многие специалисты, работающие с одаренными детьми, так и не смогли преодолеть глубоко укорен-

нившиеся заблуждения, связанные с психологической природой одаренности. Они по-прежнему считают высокий коэффициент интеллекта (IQ) ее главным признаком, а тесты интеллекта надежным методом его оценки. Это мешает переходу от методов «диагностики отбора» юных дарований к методам «диагностики их развития».

О. К. Тихомиров подчеркивал необходимость изучения процессуальности мышления (его динамики, развертываемости во времени). В разрабатываемой нами динамической теории одаренности акцент также делается не на результативных, а на *процессуальных аспектах* этого феномена. Поэтому в ходе диагностического обследования следует анализировать не только конечные продукты, но и своеобразие порождающих их психических процессов, в том числе *невербализованных и неосознаваемых*.

Важно учитывать и спорный характер ряда широко распространенных мнений, превратившихся в мифы об одаренности. Так, известный постулат о том, что «хороший интеллект — это быстрый интеллект», отражает мнение о решающем значении скорости протекания мыслительных процессов. Однако наряду с этим существуют данные о высокой интеллектуальной продуктивности так называемых «тугодумов». Подобные разногласия отражены в спорах о необходимости введения временных ограничений в процедуру тестирования интеллекта и креативности. Решение такого рода проблем требует не только новых исследований, но и создания новых методических средств.

В исследованиях, выполненных в школе О. К. Тихомирова, изучалось мышление шахматистов (в том числе и незрячих). Для этих целей использовались окулографические и циклографические методики, которые позволили провести детальный анализ самого процесса мышления, развертывающегося в ходе решения шахматных задач. Оказалось, что общий объем *невербализованной (бессознательной)* активности значительно превышает то, что отражено не только в самоотчете испытуемого, но и в его «рассуждении вслух». Важным результатом этих исследований является обнаружение новых структурных единиц деятельности, а также новых форм неосознаваемого психического отражения. В исследованиях, проведенных нами с помощью современных окулографических методик, запись движения глаз испытуемых проводилась при выполнении тестовых заданий в условиях дефицита времени. В результате были выявлены процессы, которые в этих условиях в наибольшей степени редуцируются. К их числу относятся такие важные процессы, как выдвижение гипотез, их вербализация, уточнение и проверка (Бабаева, Ротова, Са-

бадош, 2012). С нашей точки зрения, развертывание исследований в этой области позволит существенно усовершенствовать традиционные процедуры тестирования интеллекта.

Целостный (холистический) подход к изучению одаренности

Длительное время в психологии одаренности господствовал *когнитивный подход*. Стремление отделить умственные процессы от аффективных во многом объяснялось широко распространенным мнением о негативной роли эмоций в мышлении. Неудивительно, что многие теории одаренности (в том числе и современные) ограничиваются в основном анализом когнитивной сферы человека. В рамках *личностного подхода* к изучению одаренности, который представлен в психоанализе и в гуманистической психологии, основное внимание уделяется не когнитивным, а эмоциональным и мотивационным процессам, а также выявлению и анализу личностных особенностей выдающихся людей.

Важное достижение научной школы О. К. Тихомирова заключается в развернутом теоретико-эмпирическом обосновании позитивной роли эмоций в мыслительных процессах. В своих исследованиях представители этой школы опирались на сформулированный Л. С. Выготским тезис о «единстве интеллекта и аффекта». Полученные эмпирические данные не только позволили убедительно обосновать положение о наличии особых «интеллектуальных эмоций» и их роли в мышлении, но и выявить психологические механизмы их влияния на мыслительные процессы (Бабаева, Березанская и др., 2009)

В наши дни все больше сторонников приобретает целостный (холистический) подход к анализу одаренности, в рамках которого отмечается недопустимость отрыва когнитивной сферы от личностной. Э. Ландау отмечает, что ни в научных целях, ни в практической работе с одаренными детьми нельзя изучать и развивать лишь отдельные «элементы» (креативность, интеллект и др.). Игнорирование связующих их факторов не позволит исследователю увидеть целое и воспринять анализируемое явление в его динамике (Ландау, 2002).

Развитие идей о целостном подходе к изучению одаренности подразумевает детальный анализ взаимосвязей между когнитивными, эмоционально-мотивационными, личностными и социокультурными факторами. Важным достижением представителей школы О. К. Тихомирова стало выявление и изучение структурирующей функции мотива (Бабаева, Березанская и др., 2009). Оказалось, что варьирование мотивационных факторов может существенно повлиять на из-

менение не только продуктивности, но и структуры мыслительных процессов. Эти результаты открывают новые перспективы для изучения онтогенеза одаренности, а также особенностей «зоны ближайшего развития» у одаренных детей.

Влияние различных эмоций и мотивов бывает как конструктивным, так и деструктивным, мешающим развитию и реализации талантов. В наших исследованиях были обнаружены и проанализированы феномены «страха перед творчеством» и «невостробованного творчества». У взрослых одаренных людей (музыкантов, актеров и т. п.) изучалась феноменология так называемых «творческих кризисов» (Бабаева, Кононенко, 2004).

В последние годы взгляды ученых на построение теорий и моделей одаренности претерпевают изменения. Многие из них отмечают, что этот феномен следует анализировать как явление, присущее личности в целом, а не как некую совокупность когнитивных способностей. В современные модели наряду с когнитивными, все чаще включают эмоционально-мотивационные и личностные характеристики одаренных людей. Примером служит Мюнхенская модель одаренности (Бабаева, Войскунский, 2003). Меняются и представления о самой природе интеллекта. Растет число исследователей, рассматривающих его не в узко понимаемом когнитивном смысле (как механизм переработки информации), но и как механизм контроля, а также регуляции поведенческой и психической активности субъекта. В результате возникает гипотеза о существовании качественно различных видов интеллекта (эмоционального, социального и др.). Г. Гарднер предположил наличие целого спектра качественно различающихся видов интеллекта (Бабаева, Войскунский, 2003).

Расширяются также представления об эмоциональных процессах, их роли в мышлении, в развитии и различных проявлениях одаренности. Представителями школы О. К. Тихомирова выявлены и описаны феномены эмоционального обнаружения проблемы и эмоционального решения задач, проанализирована роль интеллектуальных эмоций в регуляции мышления, изучены конкретные механизмы этого влияния (Бабаева, Березанская и др., 2009). Как результаты этих исследований, так и разработанный для их проведения методический арсенал, с нашей точки зрения, будет способствовать дальнейшему развитию психологии одаренности.

Развитие и обогащение смысловой теории мышления и динамической теории одаренности продолжаются. Одно из перспективных направлений связано с изучением совместного творчества и анализом специфики процесса обмена идеями. Результаты наших исследований позволили выявить и проанализировать следующие пси-

хологические механизмы влияния особенностей этого процесса на показатели креативности: когнитивное обогащение, сравнение своих возможностей и продуктов собственного творчества с аналогичными показателями партнера, особенности трансляции «творческого эмоционального фона». Прикладной аспект этих исследований связан с задачами разработки методов стимуляции и развития творческих способностей (Бабаева, Яголковский, 2006).

Анализ современных тенденций в решении актуальных теоретических, эмпирических, методических и прикладных проблем психологии одаренности позволяет утверждать, что смысловая теория мышления может стать прочной основой для решения многих из них. Целостный подход к феномену одаренности, углубленный анализ ее качественно разнородных видов, а также процессов их развития и реализации будет способствовать созданию эффективных диагностических, развивающих и обучающих методов.

Литература

- Бабаева Ю. Д., Березанская Н. Б., Васильев И. А., Войскунский А. Е., Корнилова Т. В.* О вкладе О. К. Тихомирова в методологию, теорию и экспериментальную практику психологической науки // *Методология и история психологии*. 2009. Т. 4. № 4. С. 9–27.
- Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е.* Одаренный ребенок за компьютером. М., 2003.
- Бабаева Ю. Д., Кононенко А. Ю.* Творческие кризисы: проблемы и перспективы исследования // *Воображение и творчество в образовании и профессиональной деятельности*. М.: РГГУ, 2004. С. 5–14.
- Бабаева Ю. Д., Ротова Н. А., Сабодош П. А.* Детерминанты выполнения теста интеллекта в условиях ограничения времени // *Психологические исследования*. 2012. Т. 5. № 25. С. 4. URL: <http://psychology-study.ru> (дата обращения: 10.05.2018).
- Бабаева Ю. Д., Яголковский С. Р.* Динамика проявлений креативности в условиях обмена идеями // *Ученые записки кафедры общей психологии МГУ*. Вып. 2. Смысл. М., 2006. С. 317–337.
- Выготский Л. С.* Основные проблемы дефектологии // *Собр. соч.* В 6 т. Т. 5. М., 1983а. С. 6–84.
- Выготский Л. С.* К вопросу о динамике детского характера // *Собр. соч.* В 6 т. Т. 5. М., 1983б. С. 153–165.
- Ландау Э.* Одаренность требует мужества. М., 2002.
- Рабочая концепция одаренности*. 2-е изд. расш. и перераб. / Авт. колл.: Д. Б. Богоявленская, В. Д. Шадриков, Ю. Д. Бабаева, А. В. Брушлинский, В. Н. Дружинин, И. И. Ильясов, И. В. Калиш, Н. С. Лей-

- тес, А. М. Матюшкин, А. А. Мелик-Пашаев, В. И. Панов, Д. В. Ушаков, М. А. Холодная, Н. Б. Шумакова, В. С. Юркевич. М., 2003.
- Теплов Б. М.* Избранные труды. М.: Педагогика, 1985. Т. 1.
- Тихомиров О. К.* Психология мышления: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Winner E.* Gifted children: Myths and realities. Basic Books, 1996.

The role of semantic theory of thinking in solving of actual problems of psychology of giftedness

Yu. D. Babaeva (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Lomonosov MSU

The article highlights the important role of the semantic theory of thinking, developed in O. K. Tikhomirov's scientific school, in solving actual problems of psychology of giftedness. The theoretical and methodological basis created by the representatives of this school (including the author of the publication), a large array of empirical data obtained by them, allows us to apply a new approach to solving many complex and controversial problems in this field. The author substantiates the proposition that further development of this direction will contribute to the creation of innovative diagnostic and development methods, as well as the transition from "selection diagnostics" to "developmental diagnostics".

Keywords: giftedness, creativity, types of giftedness, polymorphism, dynamic approach, giftedness diagnostics, holistic approach.

Особенности осознанных мотивов спортивно одаренных подростков, занимающихся различными видами спорта

А. К. Белоусова, Ю. А. Тушинова** (Ростов-на-Дону)*

** доктор психологических наук, Донской государственный технический университет; e-mail: belousovaak@gmail.com*

*** кандидат психологических наук, Донской государственный технический университет; e-mail: trubulya@yandex.ru*

В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования осознанной мотивации спортивно одаренных подростков, занимающихся различными видами спорта. Было выявлено содержание осознанных личностных, профессиональных и статусных мотивов занятий спортом, установлено, что личностные, профессиональные, статусные мотивы, и образуют комплексную мотивацию к занятиям спортивной деятельностью спортивно одаренных подростков. Также представлены результаты изучения соотношения трех выделенных групп осознанных мотивов в мотивационной сфере молодых спортсменов в зависимости от выбранных ими видов спорта.

Ключевые слова: спортивная одаренность, подростковый возраст, мотивация, осознанные мотивы.

Современный спорт предъявляет высокие требования не только к физическому состоянию организма, но и к психической деятельности спортсмена. Внутренняя психологическая готовность к соревновательным действиям — это результат воздействия многих факторов, в том числе и потребностно-мотивационной сферы личности. Мотивация занимает ведущее место в структуре личности и является одним из основных понятий, используемых для объяснения движущих сил поведения (А. Г. Ковалев, А. Н. Леонтьев, П. В. Симонов, М. Верной).

Работа выполнена в рамках гранта для преподавателей магистратуры Фонда В. Потанина.

Термин «мотивация» в психологии спорта употребляется в широком и узком значениях. В широком смысле он означает факторы и процессы, побуждающие людей к действию или бездействию в различных ситуациях (Акимова, 2004, с. 45). В узком смысле, исследование мотивов предполагает подробный анализ причин выбора вида деятельности, осуществления деятельности, преодоления препятствий и т. д. (Акимова, 2004, с. 45).

М. А. Кузьмин мотивацию в спортивной деятельности рассматривает как фактор адаптации (Кузьмин, 2012). При этом различают мотивацию как характеристику личности и деятельности. Как характеристика личности мотивация в спортивной деятельности рассматривается с точки зрения мотивации достижения. Как характеристика деятельности мотивация рассматривается через положение о том, что отношение спортсмена к деятельности определяется связью мотивации (величины потребности в достижении цели) и возможностей (субъективной оценкой вероятности достижения цели) (Кузьмин, 2012).

В исследованиях мотивации спортивной деятельности обозначено два направления. Первое изучает причины, почему спортсмены предпочитают один вид деятельности другому, влияние различных мотивов, ценностей и потребностей (Волков, 2002). Во втором направлении делается попытка объяснить, почему спортсмены работают с различной степенью интенсивности. Оно связано с исследованиями возбуждения и активации, которые влияют на интенсивность выполнения двигательных задач (Волков, 2002).

Е. П. Ильин выделяет 4 стадии профессиональной спортивной карьеры: начальный этап, стадия специализации, стадия спортивного мастерства, стадия завершения выступления на соревнованиях (Ильин, 2008). Проблема мотивации актуальна именно на стадии специализации, потому что здесь возникает устойчивый интерес не просто к занятиям спортом, а к его конкретному виду, познавательный интерес к технике и тактике в данном виде спорта, стремление к достижениям в данном виде (Дятлова и др., 2013).

В связи с чем особо актуальным является исследование особенностей мотивации спортивных достижений у спортивно одаренных подростков на этапе поступления в специализированные учреждения. Такие данные позволят определить целесообразные методы и формы психолого-педагогического сопровождения спортсменов на протяжении всего обучения в специализированном учреждении, более корректно составить программы индивидуального сопровождения и дальнейшую образовательную траекторию будущих студентов.

Процедура и методы исследования

Целью исследования выступало изучение осознанных мотивов спортивно одаренных подростков, занимающихся различными видами спорта, на этапе поступления в специализированные спортивные учреждения. В качестве объекта исследования выступали спортивно одаренные подростки. Предмет исследования составили особенности осознанных мотивов спортивно одаренных подростков, занимающихся различными видами спорта, на этапе поступления в специализированные спортивные учреждения.

Выборку исследования составили 133 спортивно одаренных подростка на этапе поступления в специализированные спортивные учреждения, из них 59,4% – мальчиков, 40,6% – девочек. Средний возраст по выборке составляет 14,1 года. У мальчиков этот показатель немного выше – 14,4 года, чем у девочек (13,7 года). Наибольшее количество подростков из Ростова-на-Дону (44,36%) и Ростовской области (38,35%), 17,29% респондентов из других регионов РФ.

В качестве методического инструментария было использовано мини-сочинение «Почему я пришел в спорт». В эмпирическом исследовании был использован комплекс методов: диагностический метод, метод опроса, контент-анализ, количественно-качественный и статистический анализ результатов (описательные статистики, χ^2 -критерий для двух эмпирических распределений, χ^2 -критерий для сравнения эмпирического и теоретического распределений). Были выдвинуты предположения о том, что: 1) мотивация к занятиям спортивной деятельностью спортивно одаренных подростков может включать различные категории осознанных мотивов (личностные, профессиональные, статусные); 2) осознанные мотивы (личностные, профессиональные, статусные) могут различаться у спортивно одаренных подростков, занимающихся различными видами спорта по различным видам спорта.

Обсуждение результатов

Эмпирическое изучение осознанных мотивов занятий спортом проводилось при помощи мини-сочинения на тему «Почему я пришел в спорт». Контент-анализ сочинений позволил выявить различные осознанные мотивы занятий спортом у респондентов. Были выявлены следующие группы мотивов: хочу добиться высоких спортивных достижений, люблю заниматься спортом, стать олимпийским чемпионом, хочу иметь хорошее здоровье, тренированное тело, построить спортивную карьеру, хочу стать членом сборной России,

защищать честь города/страны, хочу стать чемпионом, хочу оправдать ожидания тренера и родителей, члены моей семьи – спортсмены, хочу приносить людям удовольствие, красивый вид спорта, стать тренером, хочу быть профессиональным спортсменом, хочу играть в большом спорте, хочу играть в известной команде, хочу получить золотую медаль, хочу играть в других странах.

Ранжирование списка осознанных мотивов занятия спортом по количественному признаку показывает, что ведущими мотивами для спортивно одаренных подростков являются высокие спортивные достижения (52,15%), эмоциональное отношение к спорту (люблю заниматься спортом – 44,38%) и Олимпийское чемпионство (36,78%). То есть ведущими компонентами осознанной мотивации занятий спортом являются содержательный, направленный на результаты в спортивных достижениях, эмоциональный и цензовый, отражающий высший уровень награды за эти достижения.

Нишу средней выраженности занимают мотивы: здоровье, тренированное тело (25,09%), спортивная карьера (21,86%), членство в сборной (20,02%), стать чемпионом (15,29%), оправдать ожидания родителей и тренера (13,58%), члены семьи – спортсмены (12%), желание приносить людям удовольствие, красивый вид спорта (10,46%). Здесь наблюдается смешение личностных мотивов (здоровье, красивое тело; оправдать ожидания родителей и тренера; члены семьи – спортсмены; желание приносить людям удовольствие, красивый вид спорта), профессиональных (спортивная карьера,) и статусных (членство в сборной, стать чемпионом).

Мало выраженными являются мотивы: стать тренером (6,23%), быть профессиональным спортсменом (6,16%), большой спорт (6,07%), известная команда (5,63%), золотая медаль (4,39%), игра в других странах (3,31%). Здесь наблюдается деление мотивов на статусные (большой спорт, известная команда, золотая медаль), прямые профессиональные (стать профессиональным спортсменом) и косвенные профессиональные (стать тренером, игра в других странах).

Осознанные мотивы спортивно одаренных подростков были разделены на три группы: личностные (люблю заниматься спортом, хорошее здоровье, тренированное тело, оправдать ожидания родителей и тренера, члены семьи – спортсмены, приносить людям удовольствие, красивый вид спорта), профессиональные (добиться высоких спортивных достижений, спортивная карьера, стать тренером, быть профессиональным спортсменом, играть в других странах), статусные (стать олимпийским чемпионом, членство в сборной, стать чемпионом, играть в большом спорте, играть в известной команде, получить золотую медаль).

Для проверки гипотезы о том, что осознанные мотивы спортивно одаренных подростков равномерно распределены по категориям: личностные, профессиональные, статусные, и образуют комплексную мотивацию к занятиям спортивной деятельностью, проводился статистический анализ при помощи χ^2 -критерия для эмпирического и теоретического распределений, результаты которого показали, что выдвинутое предположение подтвердилось ($\chi^2=60,557$; $df=2$; $p=0,741$). Таким образом, для спортивно одаренных подростков важна и личностная значимость спорта и обучения в специализированном учреждении, и профессиональные, и статусные мотивы.

Нам представляется важным рассмотрение соотношения трех выделенных групп мотивов в мотивационной сфере молодых спортсменов в зависимости от выбранных ими видов спорта. Для подтверждения предположения о том, что осознанные мотивы (личностные, профессиональные, статусные) могут различаться у спортивно одаренных подростков по различным видам спорта, проводился статистический анализ при помощи χ^2 -критерия для сравнения эмпирических распределений, результаты которого показали, что выдвинутое предположение подтвердилось ($\chi^2=25,787$; $df=15$; $p=0,013$).

Личностные мотивы преобладают у спортивно одаренных подростков в группах пулевая стрельба, синхронное плавание, парусный спорт, плавание, греко-римская борьба, футбол. Для данных групп наиболее важна ориентация на значимого взрослого (оправдать ожидания тренера и родителей, члены семьи – спортсмены), эмоциональная компонента занятий спортом (люблю спорт, приносить людям удовольствие, красивый вид спорта), физическая компонента (здоровье, тренированное тело). Следует отметить, что у подростков группы «триатлон» не выявлены личностные мотивы

Профессиональные мотивы преобладают у спортивно одаренных подростков в группах триатлон, художественная гимнастика, гребля. В данных группах мотивация к занятиям спортом наиболее сопряжена с профессиональной сферой: прямыми профессиональными мотивами (профессиональные спортивные достижения, спортивная карьера, стать профессиональным спортсменом) и косвенными (стать тренером, играть в других странах). Мотивация для обучения в специализированном учреждении по этим специальностям наиболее продуктивна и будет способствовать активному освоению выбранного вида спорта.

Особо необходимо выделить группы спортивно одаренных подростков, в которых личностные и профессиональные мотивы выражены в равной мере. Это группы дзюдо, пятиборье, гандбол, легкая атлетика, велоспорт, бокс. В данных группах выражена продуктив-

ная профессиональная мотивация, подкрепленная личностными мотивами, что выражает наличие внешней и внутренней мотивации будущих спортсменов, удваивая ее побудительную силу.

Статусные мотивы преобладают у спортивно одаренных подростков в группе фехтование, что показывает наибольшую фиксацию на цензовой оценке достижений, что можно обозначить как преобладание внешней мотивации. В группе «пулевая стрельба» статусные мотивы полностью отсутствуют.

Таким образом, анализ осознанных мотивов спортивно одаренных подростков показал, что ведущими являются профессиональные мотивы спортивных достижений, эмоциональное отношение к спорту и общественное признание спортивных достижений (Олимпийское чемпионство). Также в мотивационной иерархии представлены статусные мотивы, которые пока не сформированы у подростков и имеют множественный, диффузный характер. Личностные мотивы можно разделить на две группы: собственно личностные, которые достаточно выражены в мотивационной иерархии, и мотивы, связанные с ожиданиями других (семья, тренер, люди). Помимо этого, представлены косвенные профессиональные мотивы. Это в целом указывает на продуктивную мотивационную направленность спортивно одаренных обучающихся на обучение в специализированном спортивном учреждении, характеризующуюся ориентацией на спортивные достижения и официальное признание этих достижений, подкрепленную личностными и статусными мотивами.

Авторы (материала) – победители конкурса Стипендиальной программы Владимира Потанина 2017/2018 (договор о гранте № ГСГК-60/18).

Литература

- Акимова Л. Н.* Психология спорта: Курс лекций. Одесса: Негоциант, 2004.
- Волков И. П.* Спортивная психология в трудах отечественных специалистов. СПб.: Питер, 2002.
- Дятлова А. А., Ротэрянэ Ю. М., Чернявская В. С.* Характеристики мотивации спортивной деятельности // МНКО. 2013. № 6 (43). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/harakteristiki-motivatsii-sportivnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 29.01.2017).
- Ильин Е. П.* Психология спорта. СПб.: Питер, 2008.
- Кузьмин М. А.* Мотивация спортивной деятельности в различных видах спорта // Ученые записки университета Лесгафта. 2012. № 2 (84). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-sportivnoy-deyatelnosti-v-razlichnyh-vidah-sporta> (дата обращения: 29.01.2017).

Features of the conscious motives of sportingly gifted adolescents engaged by various sports

*A. K. Belousova**, *Yu. A. Tushnova*** (Rostov-on-Don)

* Doctor of Psychology, Don State Technical University

** Candidate of Psychological Sciences, Don State Technical University

The article examines the results of an empirical study of the conscious motivation of sportingly gifted adolescents involved in various sports. The content of conscious personal, professional and status motives of sports was revealed, it was established that personal, professional, status motives, and form a complex motivation for sports activities of sports gifted adolescents. The results of the study of the correlation of three isolated groups of conscious motives in the motivational sphere of young athletes are also presented, depending on the sports they have chosen.

Keywords: sportingly gifted adolescents, motivation, conscious motives.

Повседневное творчество: мотивы, процессы, продукты

С. А. Гильманов (Ханты-Мансийск)

*доктор педагогических наук, Югорский государственный университет;
e-mail: gilmanovsa1109@gmail.com*

В статье рассматривается повседневное творчество как процесс создания продуктов, имеющих прикладное значение. Ориентируясь на подходы к творчеству в отечественной психологии (Д. Б. Богоявленская, А. В. Брушлинский, Я. А. Пономарев, О. К. Тихомиров и др.), автор выделяет для исследования три стороны повседневного творчества: 1) причины, поводы и мотивы включения человека в творческие действия; 2) особенности выполнения творческих действий и протекания творческого процесса; 3) характеристики продуктов обыденного творчества. На основе интерпретации данных, полученных в эмпирическом исследовании продуктов творчества, суждений, оценок студентов педагогов-психологов ($n=51$) делаются выводы о том, что в повседневном творчестве проявляются все свойства и признаки, которым обладает «большое» творчество, что повседневное творчество связано со свободным самоопределением человека и открыто актуальной культуре, являясь способом ее сохранения в живом виде. Опора на свойства повседневного творчества в профессиональном образовании может повысить эффективность освоения профессии.

Ключевые слова: повседневное творчество, процесс творчества, продукт творчества.

Введение

Несмотря на обилие теоретических и эмпирических исследований творчества, на множество предложенных способов выявления и повышения творческого потенциала человека, слабо изученным остается то, как творчество проявляется в повседневной жизнедеятельности людей, в решении будничных проблем. Большинство зарубежных

психологов (Р. Бегетто, М. Боден, Дж. Кауфман, Р. Ричардс, М. Рунко, Т. Эмейлбил и др.) считает, что «творчество входит практически в каждый аспект жизни», что это не специальная способность, а «аспект человеческого интеллекта в целом» (Boden, 2004, p. 1). Дж. Кауфман и Р. Бегетто, обосновывая единство всех уровней творчества, предложили модель «Четыре Т», в которой выделены два крайних уровня: «Большое Т» (творчество великих людей) и «Малое-Т» — повседневное творчество («everyday creativity», включающее творческие действия, в которых средний человек может участвовать каждый день), между которыми располагаются уровни «Мини-Т» («новая и лично значимая интерпретация опыта, действий и событий») и «Про-Т», означающий достижение профессионального уровня в любой творческой области, (Kaufman, Beghetto, 2009, p. 5). С другой стороны, высказываются и мнения о том, что «творческая деятельность специфична для конкретной области» (Ваг, 1998, p. 173).

В отечественной психологии творчества выявленные в исследованиях О. К. Тихомирова, А. В. Брушлинского и их учеников и последователей (Ю. Д. Бабаева, И. А. Васильев, А. Е. Войскунский, Т. В. Корнилова и др.) характеристики творческих процессов в рамках теории творческой деятельности, смысловой теории мышления, теории мышления как деятельности и непрерывного процесса прогнозирования и соотношения в нем личностных и процессуальных аспектов и др. — во многом определяют нынешнее состояние психологии творчества как отрасли психологической науки, но проблемам повседневного творчества, включенного в жизнедеятельность «обычных», а не выдающихся людей в современных исследованиях, уделяется гораздо меньшее внимание. Поэтому исследование проблем возникновения, процессов, продуктов повседневного творчества является актуальным и в теоретическом, и в практическом отношениях. Цель данной статьи — формулировка на основе обобщения теоретических подходов и систематизации эмпирических данных суждений о мотивационных, процессуальных свойствах творческой деятельности и ее продуктов в повседневном творчестве, о его характеристиках.

Ориентируясь на подходы к творчеству в отечественной психологии (Д. Б. Богоявленская, А. В. Брушлинский, Я. А. Пономарев, О. К. Тихомиров и др.), мы считаем, что важными ориентирами здесь могут служить три стороны повседневного творчества: 1) причины, поводы и мотивы включения человека в творческие действия; 2) особенности выполнения творческих действий и протекания творческого процесса; 3) характеристики продуктов обыденного творчества. Важными сторонами деятельности и процессов в повседневном творчестве являются их структурированность и осознанность, ха-

рактар пратекання (сочетание ситуационных и устойчивых мотивов, наличие и характер инсайта, специфика трудностей и препятствий, свойства творческих находок и др.). М. Боден предложила выделять в продуктах творчества идеи («понятия, стихи, музыкальные композиции, научные теории, кулинарные рецепты, хореографию, шутки и т. п.») и артефакты («картины, скульптуры, паровые двигатели, пылесосы, керамику, оригами, свистульки и многое другое») (Boden, 2004, p. 1). Мы склонны согласиться с таким подходом, уточнив, однако, что анализировать такие продукты следует с учетом характера их новизны: новым и оригинальным может быть сам продукт, либо его свойства. Важными представляются и такие характеристики продукта, как его структурированность, целостность, завершенность (оформленность), значимость для самого создателя и для других людей.

Материалы и методы

Основываясь на изложенных ориентирах, мы провели эмпирическое исследование повседневного творчества, участниками которого были студенты – будущие педагоги-психологи. Исследовались студенты очного (4 курс бакалавриата, n=22) и заочного (4 курс бакалавриата, n=29) отделений.

В группе очного отделения, в которой изучалась дисциплина «Психология и педагогика творчества», студентам, в рамках выработки умений выделять и анализировать признаки мотивации, процессов и продуктов творчества, предлагалось создать любой продукт, который они считают творческим, описать его в эссе «Мое лучшее творческое достижение» и выступить с докладом, в котором продукт демонстрировался и анализировался. В эссе студент описывал творческий продукт.

Для выявления общих представлений о творчестве студенты обеих групп заполняли опросник «Процессы и продукты творчества как компоненты творческого поведения». Студентов просили описать момент из собственной жизни, когда они переживали понимание, открытие, осознание чего-либо (инсайт), который ими часто вспоминается как значительное событие, в каких обстоятельствах и в каком возрасте это произошло, что респондент чувствовал в этот момент. Предлагалось оценить и обосновать мнение о том, является ли сам опрашиваемый творческим человеком. Наконец, студенты отвечали на вопрос «Есть ли творческий продукт (произведение, предмет, технология и т. п.), который я хочу создать как автор?» с просьбой назвать этот продукт и описать его.

Результаты

Представленные студентами творческие продукты были весьма разнообразными по виду и содержанию. Группа разнообразных изделий, созданных из необходимости сделать подарок близкому человеку или другу (фигура котика, связанная из разноцветных нитей; кекс-торт, имеющий признаки новизны в рецептуре; подвеска из бисера в виде осьминога; украшения из металла и эмали; вышивка и др.) имели признаки новизны в способах преодоления технических трудностей, в отдельных сторонах формы и содержания. Описания создания таких изделий в эссе студентов и в презентациях были довольно краткими, в них не было четкой формулировки идеи, лежащей в основе создания продукта, не было описаний того, какими были желания и переживания в ходе создания, авторы затруднялись выделить признаки оформленности и структурированности продукта, суть и уровень его новизны.

Два стихотворения были хорошо структурированы, выполнены с «техническим» отношением достаточно грамотно, но не содержали ярких и неожиданных метафор, глубоких по смыслу суждений. Однако несколько продуктов имели достаточно отчетливые признаки творчества, к ним можно отнести рисунки, постановку танца, дидактическое изделие для дошкольников.

Значительный интерес представили ответы на вопросы о хранящихся в памяти моментах инсайта. Большинство респондентов не могут вспомнить таких моментов. Среди содержательных ответов (их насчиталось 7 у студентов дневного отделения) можно отметить те, которые связаны с нынешними интересами и занятиями респондентов: «В 12 лет, рисуя на скучном уроке осознал, что рисунки выглядят более живыми с тенями, пережил восторг и удивление»; «Недавно поняла, что психологические знания можно выразить в картинках, плакатах, чувствовала облегчение, восторженное приподнятое настроение»; «Понял, что могу составить игру-квест на день рождения близкому человеку, чувствовал радость, все внутри кипит от предвкушения, от того, как эта игра ему понравится, было 20 лет».

19 человек из опрошенных имеют задумки о творческом продукте, который они хотят создать. В 9 случаях это бытовые предметы (браслет, платье, костюм косплей, игрушки и пр.), в 8 – произведения искусства (книга, картина, песня и др.), в 2 – проекты, связанные с профессиональной деятельностью («Комната психологической разгрузки с использованием шлема виртуальной реальности»; конспект занятия по определенной теме). Один из респондентов вынашивает режиссерский замысел: «Пластическая инсценировка картины Питера Брейгеля „Притча о слепых“».

Обсуждение

В описанных трех творческих продуктах студентов можно отметить то, что в западной психологии называю «междоменностью» творчества: в них технические стороны изделия совмещены с художественными задачами и приемами, с некоторым педагогическим, воспитывающим и развивающим посылом к тем, кто будет взаимодействовать с продуктом. Несмотря на «внешний» повод создания продукта, процесс его создания зависел от «внутренне» поставленных задач, его логика и последовательность были подчинены задуманным свойствам, которыми должен обладать продукт, а оформленность и завершенность определялись по субъективным критериям. Значимость продукта объективно была невелика, однако для самого человека и процесс, и продукт несли важный смыслообразующий опыт.

Можно особо отметить то обстоятельство, что запомнились те впечатления, вызванные инсайтом, мысль о которых может служить стимулом к началу творческого процесса.

Творческие задумки, если они имеются, в большинстве случаев связаны с прошлым опытом создания продуктов, независимо от того, получен ли этот опыт в профессиональной деятельности или выбранной в качестве хобби и реализующейся в свободное, «свое» время.

Выводы

Конечно, делать обобщающие выводы о повседневном творчестве на основании результатов, полученных при исследовании небольшой выборочной совокупности участников нельзя, однако явно проявившиеся характеристики повседневного творчества позволяют, по нашему мнению, сформулировать некоторые суждения.

Во-первых, можно, по нашему мнению, утверждать, что повседневное творчество — полноценное творчество, в котором проявляются все его свойства и признаки — творческая мотивация, фазы протекания процесса, новизна (пусть в большинстве случаев субъективная) продукта. Более того, здесь можно увидеть начало творческого поиска не с решения предложенной в условиях лабораторного эксперимента задачи, а в естественном ходе жизнедеятельности, когда мотивы, постановка задач, идеи существуют без искусственного отрыва от всех жизненных обстоятельств. Можно убедиться, что «реальная творческая деятельность включает в себя массу технических компонентов, «отработка» которых — одно из обязательных условий творческой деятельности» (Тихомиров, 1975, с. 11), и что «в реальном, живом мыслительном процессе для субъекта то же свойство объекта в разных системах связей выступает всякий раз по-разному

<...> в каждом из исчисляемых случаев меняется основание единицы счета» (Брушлинский, 2006, с. 370). В повседневном творчестве ярко проявляется его полимотивированность: начинаясь как действия, обусловленные внешними требованиями, оно «включает» внутренние, в том числе и познавательные, мотивы, которые, как подчеркнул О. К. Тихомиров, актуализируются по ходу решения задачи.

Во-вторых, следует подчеркнуть специфические черты повседневного творчества. Одна из них — его комплексный характер. В мотивы, в процесс, в оформление продукта здесь вовлекаются знания и действия из самых разных областей науки, искусства, техники, технологий. «Междоменность», вызванная задачей создания творческого продукта, актуализирует действия, в которых могут пересматриваться ранее принятые установки и представления, вырабатываться убеждения, формироваться собственная субъектная позиция человека. Следует отметить и такие черты повседневного творчества, как его связь со свободным самоопределением и открытость актуальной культуре. Конечно, если при «большом» творчестве форма и содержание продукта подчинены способам решения проблемы и служат скорее средством, то в творчестве ежедневном автор чаще всего пользуется предоставленными в культуре средствами и формами, «сдвигая» новизну и оригинальность в отдельные стороны продукта. Однако в обыденном творчестве можно увидеть естественный процесс зарождения и протекания процесса и деятельности творчества, и возникает зона свободы, которую человек выделяет для своего творчества. Отнесение творчества к времени досуга, а не выполнения основной деятельности, преобладает в суждениях большинства респондентов. Продукты обыденного творчества создаются в основном по готовым «метаформам», заложенным в продукты различных областей культуры — искусство (художественное произведение, включая и его декоративные, прикладные изделия), технику (изделие, изобретение) и т. д. В определенном смысле можно сказать, что повседневное творчество — способ сохранения культуры в живом виде, в нем она реализуется во всех своих компонентах, формах, структурах, механизмах.

Наконец, в-третьих, нужно отметить тесную связь повседневного творчества и развития самого человека. Опыт творческой деятельности, связанной с созданием конкретных продуктов, позволяет более адекватно оценивать свои творческие способности: «люди, более опытные в творческой деятельности, кажется, лучше выверены при оценке их творческой самоэффективности, и их рейтинги более сильно привязаны к их реальному опыту» (Czerwonka, 2018, с. 183). В определенном отношении именно по тому, насколько вовлечен че-

ловек в повседневное творчество можно судить о его креативности как качестве личности. Повседневное творчество – арсенал, которым располагает человек для самоорганизации своего совершенствования и развития своей деятельности.

Мы считаем, что одним из важных аспектов использования свойств повседневного творчества является включение его в процесс профессионального образования, что опора на свойства повседневного творчества может повысить эффективность освоения профессии. Постановка проблемных задач, требующих привлечения знаний и действий из разных областей при создании продуктов; формулировка задач, в которых требуется доведение действий до оформленного продукта; предоставление студентам при постановке учебных задач определенной зоны свободы как зоны ближайшего развития не только интеллекта, но и мотивационной, эмоционально-волевой сфер и т. д. – все это может стимулировать переход от внешней к внутренней мотивации освоения профессии.

Таким образом, повседневное творчество – процесс создания продуктов, имеющих прикладное значение, обеспечиваемый психическими процессами и свойствами, присущими творческой деятельности. Повседневное творчество – важнейшая сторона жизнедеятельности человека и общества, один из механизмов поддержания культуры в живом состоянии. Мотивационные, процессуальные свойства повседневного творчества служат развитию человека, увеличивают зону его свободы, а его продукты несут важный смыслообразующий опыт, служат поддержанию отношений между людьми.

Литература

- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Тихомиров О. К.* Актуальные проблемы развития психологической теории мышления // Психологические исследования творческой деятельности. М.: Наука, 1975. С. 5–22.
- Baer J.* The Case for Specificity of Creativity // *Creativity Research Journal* 1998. V. 11. № 2. P. 173–177.
- Boden M. A.* *The Creative Mind: Myths and Mechanisms*. 2nd ed. N. Y.: Routledge, 2004.
- Czerwonka M., Karwowski M.* The Order Matters: Asking About Creative Activity Calibrates Creative Self-Concept // *Creativity Research Journal*. 2018. № 30 (2). P. 179–186.
- Kaufman J. C., Beghetto R. A.* Beyond Big and Little: The Four C Model of Creativity // *Review of General Psychology*. 2009. V. 13. № 1. P. 1–12.

Everyday creativity: motives, processes, products

S. A. Gilmanov (Khanty-Mansiysk)

Doctor of Pedagogics, Yugra State University

In the article everyday creativity as process of creation of the products having applied value is considered. Focusing on approaches to creativity in the national psychology (D. B. Bogoyavlenskaya, A. V. Brushlinsky, Ya. A. Ponomarev, O. K. Tikhomirov etc.), the author distinguishes three sides of everyday creativity for research: 1) the reasons, occasions and motives for including a person in creative actions; 2) the peculiarities of creative actions and the flow of the creative process; 3) the characteristics of the products of everyday creativity. Based on the interpretation of the data obtained in the empirical research of the products of creativity, judgments, assessments of students pedagogue-psychologists (n=51), the conclusions are made that in everyday creativity all the properties and features that “large” creativity has are manifested, that everyday creativity is associated with free self-determination of a person and openly relevant culture, being a way of preserving it in its living form. Reliance on the properties of everyday creativity in vocational education can improve the effectiveness of the development of the profession.

Keywords: everyday creativity, creative process, creative product.

Переживание стресса и ресурсы стрессоустойчивости в структуре интегральной индивидуальности

В. Г. Грязева-Добшинская, Ю. А. Дмитриева**, С. Ю. Коробова***
(Челябинск)*

** доктор психологических наук, Южно-Уральский государственный университет; e-mail: vdobshinya@mail.ru*

*** Южно-Уральский государственный университет;
e-mail: dmitrieva.julia.86@mail.ru*

**** Южно-Уральский государственный университет;
e-mail: k.svetlana-1991@mail.ru*

Рассматривается актуальность исследования разноуровневых факторов переживания стресса и ресурсов стрессоустойчивости субъектов в структуре интегральной индивидуальности и решается проблема определения показателей, имеющих максимальный вклад в формирование уровня переживания стресса. Представлены результаты эмпирического исследования факторов подверженности стрессу, включающих психофизиологические, темперологические и личностные свойства субъектов. Выборку исследования составили 101 студент в возрасте от 18 до 22 лет. Анализируются результаты множественного регрессионного анализа данных психологической диагностики, которые позволяют построить модель подверженности стрессу субъектов. Выявлены свойства на психодинамическом и личностном уровне, максимально определяющие уровень подверженности стрессу. Определены ресурсы стрессоустойчивости субъектов, включающие показатели психофизиологического и личностного уровня.

Ключевые слова: стресс, переживание стресса, стрессоустойчивость, ресурсы, интегральная индивидуальность, ресурсы стрессоустойчивости.

Введение

На сегодняшний день повседневная жизнь характеризуется большим количеством стрессоров, таких как возрастающий объем информации, скорость изменений стандартов деятельности, высокий темп технологического прогресса. В связи с этим актуально изучение ресурсов стрессоустойчивости субъектов в повседневной жизни как ресурсов преодоления повседневных стрессовых ситуаций, адаптации к динамичной реальности.

Наиболее распространены исследования, в которых решается задача адаптации человека к изменяющимся условиям окружающей среды, повышения адаптационных возможностей человека в целом, и изучается система ресурсов стрессоустойчивости в контексте эффективного совладания и саморегуляции (Леонова, 2016; Журавлев, Сергиенко, Тарабрина, Харламенкова, 2016; Головей, Стрижицкая, 2016; Зеленова, 2013). Менее распространены исследования, в которых изучают ресурсы стрессоустойчивости субъектов в повседневных стрессовых ситуациях в соответствии с уровнями функционирования интегральной индивидуальности, что предполагает рассмотрение нескольких уровней – нейродинамического, психодинамического, личностного, социально-ролевого (Мерлин, 1986).

Выбор для изучения конкретных психологических и психофизиологических переменных как ресурсов стрессоустойчивости был обусловлен результатами предшествующих исследований в нескольких направлениях: влияние различных критических ситуаций на человека зависит от их субъективной значимости, индивидуальных, возрастных, гендерных особенностей субъектов (Водопьянова, 2009; Журавлев, Сергиенко, Тарабрина, Харламенкова, 2016).

В исследованиях выявлены нейродинамические и психодинамические типологические свойства субъектов, снижающие стрессоустойчивость, в частности, как предикторы подверженности стрессу, исследованы такие свойства нервных процессов, как сила – слабость, подвижность – инертность, уравновешенность, а также свойства темперамента, прежде всего, эмоциональная стабильность, эргичность, пластичность (Церковский, 2011).

Цель исследования: выявить факторы переживания стресса субъектов и определить разноуровневые ресурсы стрессоустойчивости субъектов (нейродинамических, психодинамических, личностных) в структуре интегральной индивидуальности.

Гипотеза исследования

Подверженность стрессу субъектов определяется комплексом психологических и психофизиологических свойств, относящихся к разным уровням интегральной индивидуальности.

Выборку исследования составили 101 студент вуза в возрасте от 18 до 22 лет (64 девушки, 37 юношей).

Процедура, дизайн и методики исследования

Особенности переживания стресса субъектами исследовались с помощью «Шкалы психологического стресса» Л. Лемура, Р. Тесье, Л. Филлиона в адаптации Н. Е. Водопьяновой (Водопьянова, 2009).

Ресурсы стрессоустойчивости субъектов исследовались на следующих уровнях интегральной индивидуальности:

- *психофизиологическом*, который включает в себя индивидуально-типологические характеристики активации полушарий головного мозга и функциональной межполушарной асимметрии, лабильность нервной системы и устойчивость лабильности;
- *психодинамическом*, включающем в себя показатели свойств темперамента (опросник «Структура темперамента» В. М. Русалова, содержащий 8 независимых шкал для диагностики свойств «предметно-деятельностного» и «коммуникативного» аспектов);
- *личностном*, который включает в себя жизнестойкость личности (опросник «Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. В. Рассказовой) и стратегические установки выбора жизненного пути, определяющие тип личностного выбора (авторская методика «Типология личностного выбора жизненно-го пути» В. Г. Грязевой-Добшинской, А. С. Мальцевой, 2016).

Для исследования психофизиологического уровня стрессоустойчивости использовался аппаратно-программный комплекс «Активациометр 9К» Ю. А. Цагарелли (Цагарелли, 2009). Диагностировались следующие индивидуально-типологические характеристики активации: активация левого полушария (АПЛ), активация правого полушария (АПП), суммарная активация полушарий (АП) и функциональная межполушарная асимметрия (ФМА). Для диагностики индивидуально-типологических характеристик активации субъектов использовалась методика регистрации кожно-гальванической реакции в процессе 13 замеров в привычной для респондентов обстановке. Для диагностики лабильности нервной системы субъек-

тов и устойчивости лабильности использовалась методика критической частоты световых мельканий.

В общей сложности каждый субъект описывался 28 характеристиками – свойствами на разных уровнях интегральной индивидуальности.

Полученный массив данных психологической диагностики подвергался множественному регрессионному анализу. Расчеты математической модели осуществлялись с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics.

В качестве зависимой переменной выступал показатель переживания стресса, диагностируемый по методике Л. Лемура, Р. Тесье, Л. Филлиона в адаптации Н. Е. Водопьяновой. Показатель переживания стресса включает широкий диапазон значений, в частности для исследуемой выборки данный диапазон – от 34 до 156, что делает возможным проведение регрессионного анализа.

В качестве независимых переменных выступали все остальные показатели психологической диагностики субъектов.

Результаты исследования

В результате проведенного регрессионного анализа была получена математическая модель переживания стресса субъектами, включающая психологические характеристики на разных уровнях интегральной индивидуальности.

Значение доли дисперсии зависимой переменной – переживания стресса субъектами (R^2) составляет 0,537 и показывает, что 53,7% дисперсии переменной «переживание стресса» обусловлено влиянием независимых переменных как предикторов данной модели.

Уравнение, описывающее математическую модель переживания стресса субъектами, а также вклады всех предикторов, представлено ниже.

Переживание стресса = $140,029 + 2,382 \cdot \text{Эмоциональность} + 2,199 \cdot \text{Рефлексия и поддержка внутренней сложности} + 1,719 \cdot \text{Социальная пластичность} - 1,636 \cdot \text{Осознание и принятие внешней трудности} - 1,489 \cdot \text{Лабильность} - 1,194 \cdot \text{Вовлеченность} - 1,095 \cdot \text{Устойчивость лабильности}$.

Вклад 4 показателей в модели переживания стресса (эмоциональность, рефлексия и поддержка внутренней сложности, лабильность, вовлеченность) имеют наивысший уровень значимости – 0,001, и 3 показателя (социальная пластичность, осознание и принятие внешней трудности, устойчивость лабильности) имеют уровень значимости $p \leq 0,05$.

Полученное уравнение показывает, что ведущую роль при формировании высокого уровня переживания стресса играют один из психодинамических показателей — эмоциональность по опроснику В. М. Русалова, и одна из личностных характеристик — рефлексия и поддержка внутренней сложности по методике «Типологии личностного выбора» В. Г. Грязевой-Добшинской, А. С. Мальцевой. Также определенный вклад дает еще один психодинамический показатель — социальная пластичность. Таким образом, субъектов с высоким уровнем переживания стресса характеризуют высокие показатели по шкалам «эмоциональность» и «социальная пластичность», а также по шкале — «рефлексия и поддержка внутренней сложности».

Еще четыре показателя, а именно — осознание и принятие внешней трудности, вовлеченность, лабильность и устойчивость лабильности — вошли в модель с отрицательным знаком. Тем самым выявлена обратная зависимость уровня переживания стресса от данных показателей, которые могут интерпретироваться в этом случае как ресурсы стрессоустойчивости субъектов. Субъекты, обладающие высоким уровнем лабильности нервной системы, максимально вовлеченные в деятельность, которой они занимаются, и осознающие наличие внешней трудности, будут наиболее устойчивы к повседневным стрессовым нагрузкам.

Стоит отметить, что показатели активации полушарий головного мозга, входящие в ресурсы стрессоустойчивости на психофизиологическом уровне, вообще не вошли в модель подверженности стрессу.

Регрессионный анализ данных психологической диагностики и уравнение как его результат представляют не только теоретическую значимость в определении разноуровневых ресурсов стрессоустойчивости в структуре интегральной индивидуальности, но и практическую значимость. Эмпирически полученное уравнение позволяет прогнозировать уровень подверженности стрессу у студентов и, следовательно, дает возможность более дифференцированно подходить к процессу их обучения.

Заключение

Таким образом, по результатам проведенного эмпирического исследования получена модель подверженности стрессу субъектов и выявлены разноуровневые ресурсы стрессоустойчивости в структуре интегральной индивидуальности.

Подверженность стрессу у субъектов определяется 3 свойствами в структуре интегральной индивидуальности: *на психодинамическом*

уровне – показателями эмоциональности и социальной пластичности; на личностном уровне – показателем рефлексии и поддержки внутренней сложности.

Ресурсами стрессоустойчивости субъектов являются 4 свойства в структуре интегральной индивидуальности: на психофизиологическом уровне – показатели лабильности нервной системы и устойчивости лабильности; на личностном уровне – показатели вовлеченности и осознания и принятия внешней трудности.

Литература

Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009.

Головей Л. А. Особенности структуры повседневных стрессоров и ресурсов личности в разные периоды взрослости / Л. А. Головей, О. Ю. Стрижицкая // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 27–49.

Грязева-Добшинская В. Г. «Типология личностного выбора жизненного пути»: описание методики и результаты психометрической проверки / В. Г. Грязева-Добшинская, А. С. Мальцева // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Психология». Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2016. Т. 9. № 2. С. 14–21.

Грязева-Добшинская В. Г. Ресурсы инновационного лидерства менеджеров: психологический инновационный аудит: Учеб. пособие / В. Г. Грязева-Добшинская, Ю. А. Дмитриева, В. А. Глухова и др. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2016.

Журавлев А. Л. Современные аспекты исследования повседневного и травматического стресса / А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 5–26.

Зеленова М. Е. Индивидуальный стиль саморегуляции как внутренний ресурс стрессоустойчивости субъектов трудовой деятельности // Социальная психология и общество. 2013. № 1. С. 69–82.

Леонова А. Б. Комплексные психологические технологии управления стрессом и оценка индивидуальной стресс-резистентности: опыт интеграции различных исследовательских парадигм // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2016. № 3. С. 63–72.

Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.

Цагарелли Ю. А. Системная диагностика человека и развитие психических функций: учебное пособие. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2009.

Церковский А. Л. Современные взгляды на проблему стрессоустойчивости // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2011. Т. 10. № 1. С. 6–19.

Experience of stress and resources of stress-resistance in the structure of integrated individuality

*V. G. Gryazeva-Dobshinskaya**, *Yu. A. Dmitrieva***, *S. Yu. Korobova****
(Chelyabinsk)

* Doctor of Psychology, South Ural State University

** South Ural State University

*** South Ural State University

The urgency of researching the different levels of stress and stress resources of subjects in the structure of integral individuality is considered and the problem of determining indicators that have the maximum contribution to the level of stress experience is solved. The results of an empirical study of stress factors, including psychophysiological, temporal and personality properties of subjects, are presented. The sample of the study was 101 students aged 18 to 22 years. The results of multiple regression analysis of psychological diagnosis data are analyzed, which allow to build a model of susceptibility to stress of subjects. Identified properties on the psychodynamic and personal level, the maximum determine the level of exposure to stress. The resources of stress-resistance of subjects, including indicators of psychophysiological and personal level, are determined.

Keywords: stress, experience of stress, stress resistance, resources, integral individuality, resources of stress-resistance.

Восприятие неопределенных стимулов одаренными детьми в контексте информационного стресса

*В. Г. Грязева-Добшинская**, *Ю. А. Дмитриева***, *С. Ю. Коробова****,
*В. А. Глухова***** (Челябинск)

** доктор психологических наук, Южно-Уральский государственный
университет; e-mail: vdobshinya@mail.ru*

*** Южно-Уральский государственный университет;
e-mail: dmitrieva.julia.86@mail.ru*

**** Южно-Уральский государственный университет;
e-mail: k.svetlana-1991@mail.ru*

***** кандидат психологических наук,
Южно-Уральский государственный университет;
e-mail: gluhova-vera@mail.ru*

Рассматриваются особенности восприятия неопределенных стимулов дошкольниками с разным уровнем интеллектуальных способностей от нормы до одаренности в контексте информационного стресса. Дифференциация по IQ осуществлялась при помощи детской формы интеллектуального теста Векслера WISC. Тест Г. Роршаха использовался в качестве стимулов с различной степенью неопределенности и сложности. Выборку исследования составил 171 ребенок в возрасте 6–7 лет. Диапазон IQ дошкольников от 100 до 156 баллов, $M=130,5$, $\sigma=10,35$. Выборка была разделена на 4 группы: № 1 – 22 чел. (IQ 100–120), № 2 – 62 чел. (IQ 121–130) – группы нормы; № 3 – 51 чел. (IQ 131–140); № 4 – 36 чел. (IQ 141–156) – группы одаренных. Между группами дошкольников с IQ различных диапазонов существуют значимые различия в особенностях восприятия неопределенных стимулов: точности восприятия, комбинирования объектов, обогащения восприятия интерпретациями цвета и движения. Максимально отличаются по особенностям восприятия неопределенных стимулов дошкольники 4-ой группы с IQ в диапазоне 141–156, что предполагает их большую адаптивность к информационным стресс-факторам.

Ключевые слова: интеллектуальный диапазон, интеллектуальные способности, информационный стресс, digital stress, тест Векслера, тест Роршаха.

Развитие технологий информационного общества, прежде всего Интернета, дает детям новые возможности познания, игры, общения, но и предъявляет новые специфические требования к их способностям. Способ существования информации в Интернете является сложным: это лабиринт гипертекстов с «бесконечными» объемами неструктурированной информации, с противоречивым неопределенным, недостоверным содержанием, кроме того, креативным, шокирующим форматом предъявления. Проблематику развития и обеспечения безопасности детей во взаимодействии с технологиями информационного общества интенсивно обсуждают исследователи и практики (Войскунский, 2016; Матвеев, Кузнецова, 2016; Пуэнте, 2016).

Введение понятия информационного стресса – неспецифической реакции на информационные стрессоры – было связано с особой формой профессионального психологического стресса, обусловлено техническим прогрессом и деятельностью в системах человека-техника (Бодров, 2000). Информационный взрыв, доступность информации, постоянный информационный шум в социальных сетях значительно снизили возраст возникновения информационного стресса у другого контингента – у обучающихся. Развитие цифровых технологий привело к выявлению феномена digital stress – стресса, обусловленного взаимодействием взрослых и детей с цифровыми технологиями. Основными стрессовыми факторами для digital stress являются интернет-многозадачность, страх упустить информацию, не вступить в социальный контакт, социальное давление, доступность чужой и открытость своей личной информации (Reinecke, 2017).

Цель исследования – исследовать особенности восприятия детьми неопределенных и сложных стимулов как моделей информационных воздействий в зависимости от их интеллектуальных способностей.

В данном исследовании исходным является понимание способностей к интеллектуальной деятельности как динамических структур (Ушаков, 2011). Согласно структурно-динамической теории Д. В. Ушакова, интеллект представляет сформированные в течение жизни «функциональные системы», организующие интеллектуальное поведение. Отдельные способности по-разному могут быть взаимосвязаны у субъектов, интеллектуальные способности которых

относятся к разным диапазонам и могут представлять различные ресурсы для реальной и виртуальной исследовательской деятельности (McGill, 2011; Rindermann, Coyle, 2013).

Интеллект и личностные свойства (такие как контроль, эмоциональность, адаптивная и неадаптивная активность) также по-разному могут быть взаимосвязаны, представляя некоторые метакогнитивные ресурсы для реальной и виртуальной деятельности (Холодная, 2012).

На основании анализа исследований выявлены интеллектуальные и личностные свойства, которые представляют ресурсы развития детей в информационном обществе: способность воспринимать неструктурированную информацию, комбинировать ее, гибкость и интеграция интеллектуальных свойств как основа гибридных форм поведения (Войскунский, 2016) и интеллекта, саморегуляция как основа деятельности и общения в реальном и виртуальном мире.

Гипотеза исследования: дети старшего дошкольного возраста, дифференцированные по уровню интеллектуальных способностей, отличаются особенностями восприятия неопределенных и сложных стимулов.

Выборку составил 171 дошкольник в возрасте от 6 до 7 лет (75 девочек, 96 мальчиков), поступающий в 1 класс в лицей г. Челябинска ($M=130,5$; $\sigma=10,35$). В соответствии с уровнем интеллекта, выборка была разделена на 4 группы: 1 группа – 22 чел. (диапазон IQ – 100–120 баллов, $M=116,4$, $\sigma=4,33$); 2 группа – 62 чел. (диапазон IQ – 121–130 баллов, $M=125,4$, $\sigma=2,52$) – группы нормы; 3 группа – 51 чел. (диапазон IQ – 131–140 баллов, $M=134,8$, $\sigma=3,02$); 4 группа – 36 чел. (диапазон IQ – 141–156 баллов, $M=146,5$, $\sigma=5,3$) – группы одаренных.

Использованные методы

Диагностика уровня развития интеллектуальных способностей осуществлялась на основе теста Векслера (WISC), с использованием общего показателя интеллекта в шкале IQ.

Для исследования восприятия неопределенных стимулов использовался тест Г. Роршаха, представляющий собой 10 стандартных рисунков со слабоструктурированными изображениями. Стимулы Роршаха различаются по психометрическим свойствам – уровням неопределенности, сложности, популярности (Грязева-Добшинская, 2016).

Для категоризации особенностей восприятия неопределенных и сложных стимулов использовалась система показателей теста Г. Роршаха по Б. Клопферу, с использованием некоторых показателей по С. Беку и Д. Экснеру (Грязева-Добшинская, 2016), в скобках

даны принятые интерпретации и обозначения: точность восприятия или качество формы интерпретируемых образов (ΣF и $F\%$ – уровень интеллектуального контроля – суммарный показатель количества ответов и процентный показатель хорошей формы); комбинирование, группировка объектов в целостный образ (Z – композиционное мышление); смысловая интерпретация цвета объектов (ΣC – эмоциональная реактивность, возбудимость от внешних характеристик стимулов); проекция человеческого движения на статичный объект (ΣM – интеллектуальная активность, интеллектуальная инициатива, чувствительность к внутренним побуждениям); проекция движения животных на статичный объект ($\Sigma F M m$ – психофизическая активность); стандартность интерпретаций (Por – индекс реалистичности), оригинальность интерпретаций (Og – индекс оригинальности).

Сравнение особенностей восприятия неопределенных стимулов в группах с разными интеллектуальными диапазонами осуществлялось при помощи H -критерия Краскела–Уоллиса. Статистическая обработка данных проводилась при помощи статистического пакета IBM SPSS Statistics.

Результаты

Основываясь на данных психологической диагностики, анализировались различия в восприятии неопределенных и сложных стимулов (стимулов теста Роршаха) в группах дошкольников с интеллектуальными способностями в разных диапазонах нормы и одаренности по шкале IQ.

Выявлены статистически значимые различия между 4-й группой дошкольников с IQ в диапазоне 141–156 и группами дошкольников с 1-й по 3-ю с IQ в диапазонах 100–120, 121–130, 131–140 по следующим показателям восприятия неопределенных стимулов: точности восприятия, комбинированию объектов, проекции движения животных на статичный объект, смысловой интерпретации цвета, стандартности интерпретаций.

По показателю «точность восприятия» 4-я группа дошкольников (средний ранг – 110,29) значимо отличается от 1-й, 2-й и 3-й групп дошкольников (средний ранг – 84,73; 78,11; 78,99, соответственно). Значение H -критерия Краскела–Уоллиса – 11,31. Уровень значимости – 0,01.

По показателю «комбинирование объектов» 4-я группа дошкольников (средний ранг 108,69) значимо отличается от 1-й, 2-й и 3-й групп дошкольников (средний ранг – 83,23; 71,89; 88,33, соответст-

венно). Значение Н-критерия Краскела–Уоллиса – 12,91. Уровень значимости – 0,01.

По показателю «проекция движения животных на статичный объект» 4-я группа дошкольников (средний ранг – 104,47) также значимо отличается от 1-й, 2-й и 3-й групп дошкольников (средний ранг – 80,14; 73,5; 90,69, соответственно). Значение Н-критерия Краскела–Уоллиса – 9,83. Уровень значимости – 0,05.

По показателю «смысловая интерпретации цвета» 4-я группа дошкольников (средний ранг – 107,58) значимо отличается от 1-й, 2-й и 3-й групп дошкольников (средний ранг – 82; 76,1; 84,53, соответственно). Значение Н-критерия Краскела–Уоллиса – 9,54. Уровень значимости – 0,05.

По показателю «стандартность интерпретаций» 4-я группа дошкольников (средний ранг – 107,58) значимо отличается от 1-й, 2-й и 3-й групп дошкольников (средний ранг – 75,48; 74,17; 92,91, соответственно). Значение Н-критерия Краскела–Уоллиса – 9,99. Уровень значимости – 0,05.

Максимальные отличия показателей восприятия неопределенных стимулов у дошкольников 4-й группы с IQ в диапазоне 141–156. Различия между 1-й, 2-й, и 3-й группами статистически незначимы.

Между всеми группами дошкольников с интеллектуальными способностями в разных диапазонах нормы и одаренности не выявлено статистически значимых различий по следующим показателям восприятия неопределенных стимулов: «проекция человеческого движения на статичный объект», «оригинальность интерпретаций».

Таким образом, между группами дошкольников, значимо отличающихся по интеллектуальным способностям, существуют значимые различия в особенностях восприятия неопределенных стимулов: точности восприятия, сложности, комбинирования, обогащения восприятия интерпретациями цвета и движения.

Заключение

Выявлены особенности восприятия неопределенных стимулов детьми, имеющими разные интеллектуальные ресурсы. Максимально отличаются одаренные дети 6–7 лет с IQ в диапазоне 140–156 (по точности восприятия, по способности комбинировать объекты, воспринимать, интерпретировать множество характеристик стимулов: цвет, движение). Отсутствие различий в проекции человеческого движения и оригинальности восприятия показывает, что деятельность в виртуальном пространстве у одаренных дошкольников не связа-

на с оригинальностью восприятия, инициативностью. У одаренных дошкольников с IQ в диапазоне 140–156 сформированы «функциональные системы», представляющие ресурсы для деятельности в виртуальном пространстве – они обладают способностью точного восприятия, структурирования информации, способностью эмоционального и смыслового отношения к воспринимаемому, ориентацией на стандарты, и как следствие – адаптивностью к информационным стресс-факторам.

Литература

- Бодров В. А.* Информационный стресс: Учеб. пособие для вузов. М.: Пер Сэ, 2000.
- Войскунский А. Е.* Поведение в киберпространстве: психологические принципы // *Человек*. 2016. № 1. С. 36–49.
- Грязева-Добшинская В. Г.* Ресурсы инновационного лидерства менеджеров: психологический инновационный аудит: Учеб. пособие / В. Г. Грязева-Добшинская, Ю. А. Дмитриева, В. А. Глухова и др.; под ред. В. Г. Грязевой-Добшинской, Ю. А. Дмитриевой. Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2016.
- Матвеев С.* Мы увидим целое поколение креативных людей / С. Матвеев, И. Кузнецова // *Дети в информационном обществе*. 2016. № 25. С. 4–9.
- Пуэнте А. Э.* «Пусть теория руководит нашим развитием» // *Национальный психологический журнал*. 2016. № 1 (21). С. 29–30.
- Ушаков Д. В.* Психология интеллекта и одаренности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Холодная М. А.* Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- McGill R. J.* Spearman's Law of Diminishing Returns (SLODR) and the WJ-III COG: Effects at the Level of Prediction // *Structural Equation Modeling*. 2011. V. 18. P. 578–594.
- Reinecke L.* Digital Stress over the Life Span: The Effects of Communication Load and Internet Multitasking on Perceived Stress and Psychological Health Impairments in a German Probability Sample / L. Reinecke, S. Aufenanger, M. E. Beutel, M. Dreier, O. Quiring, B. Stark, K. Wölfling, Kai W. Müller // *Media Psychology*. 2017. V. 20. Iss. 1.
- Rindermann H.* Spearman's Law of Diminishing Returns and national ability / H. Rindermann, Th. R. Coyle // *Personality and Individual Differences*. 2013. V. 55. P. 406–410.

Perception of uncertainty incentives by gifted children in the context of information stress

*V. G. Gryazeva-Dobshinskaya**, *Yu. A. Dmitrieva***, *S. Yu. Korobova***,
*V. A. Glukhova**** (*Chelyabinsk*)

* Doctor of Psychology, South Ural State University

** South Ural State University

*** Candidate of Psychological Sciences, South Ural State University

The features of perception of indeterminate stimuli by preschool children with different levels of intellectual abilities from norm to giftedness in the context of information stress are considered. Differentiation according to IQ was carried out with the help of the WISC children's intellectual test form. Rorschach's test was used as incentives with varying degrees of uncertainty and complexity. The sample of the study was 171 children aged 6–7 years. The range of IQ preschool children is from 100 to 156 points, $M=130,5$, $\sigma=10,35$. The sample was divided into 4 groups: number 1—22 people (IQ 100–120), number 2—62 people (IQ 121–130) – group norm; № 3—51 people (IQ 131–140); № 4—36 people (IQ 141–156) – groups of gifted. Between groups of preschoolers with IQ of different ranges, there are significant differences in the characteristics of perception of indeterminate stimuli: the accuracy of perception, the combination of objects, the enrichment of perception by the interpretations of color and motion. The preschoolers of the 4th group with IQ in the range of 141–156 differ by the peculiarities of perception of indeterminate stimuli, which implies their greater adaptability to information stress factors.

Keywords: intellectual range, intellectual abilities, information stress, digital stress, Wechsler test, Rorschach test.

Показатели интеллектуальной и творческой активности в индивидуальной мыслительной деятельности

Д. Ф. Даутов (Ростов-на-Дону)

кандидат психологических наук, Донской государственный технический университет; e-mail: dautov-80@mail.ru

В статье содержится описание феноменов интеллектуальной и творческой активности, проводится анализ психологического содержания этих понятий, рассматриваются и выделяются основные показатели интеллектуальной и творческой активности. Высказывается идея о необходимости четкого разделения показателей рассматриваемых видов активности. Представленные результаты позволяют определить три основных показателя для творческой активности и два показателя для активности интеллектуальной, а также особенности их взаимодействия друг на друга, выявить типичные сочетания показателей интеллектуальной и творческой активности. Полученные данные могут быть использованы при детальном анализе рассмотренных феноменов в рамках индивидуальной мыслительной деятельности, для подготовки задач стимулирующих те или иные формы активности.

Ключевые слова: активность, творчество, интеллектуальная активность, творческая активность, показатели интеллектуальной и творческой активности.

Постановка проблемы

В психологической теории человеческая активность является одним из важнейших понятий, описывающих деятельность. В. А. Петровский, приравнивал активность к движению, которое обеспечивает развитие всей человеческой деятельности (Петровский, 1992). По мнению К. А. Абульхановой-Славской, активность – это высшее личностное образование, непосредственно связанное с концепцией

жизни, жизненной позицией. В этом случае активность выступает как функционально-динамическое качество личности, объединяющее всю ее психологическую структуру (Абульханова-Славская, 1991).

При этом проблеме активности в целом, и интеллектуальной и творческой активности в частности, посвящено сравнительно немного работ. Причина заключается в многоаспектности понимания данных феноменов и сложностью их изучения. Термины «интеллектуальная активность» и «творческая активность» не представляют собой какое-то цельное явление. Это множество явлений, находящихся друг с другом в сложной взаимосвязи.

Наиболее разработанными в отечественной психологии являются подходы, представленные в исследованиях Д. Б. Богоявленской и В. А. Петровского (Богоявленская, 2001, 2007; Петровский, 1992).

Д. Б. Богоявленская выделяет и рассматривает интеллектуальную активность в качестве единицы анализа творчества. По ее мнению, подлинной единицей изучения творчества будет та, которая отражает объединенные познавательные и мотивационные характеристики личности. Д. Б. Богоявленская полагает, что интеллектуальная активность является интегральным образованием, проявляющимся в познавательной деятельности, выходящей за пределы требований проблемной ситуации (Богоявленская, 2001, 2007). Л. М. Попов уточняет данное определение, обращая внимание на способность человека самостоятельно ставить проблемы, устанавливая новые закономерности (Попов, 1990). В исследованиях Д. Б. Богоявленская обнаружила две основные группы противоположно действующих мотивационных факторов, один из которых активизирует умственные способности, другой препятствует, творческим проявлениям. Первая группа факторов, активизирующая умственные способности, представляет собой внутренние мотивы творческой деятельности. Вторая группа факторов, препятствующая творческому процессу, представляет собой ориентацию на успех вне области творческой деятельности. Таким образом, интеллектуальная активность проявляется в продолжение мыслительной деятельности личности за пределами поставленной задачи и не обусловлена практическими интересами личности. Уточняя понятие «интеллектуальная активность», Д. Б. Богоявленская использует понятие «интеллектуальная инициатива», указывая на то, что ее следует отличать от стремления к перевыполнению задания как такового (Богоявленская, 2001).

В. А. Петровский, также большое внимание при изучении данного феномена уделяет его мотивационному компоненту. Согласно его исследованиям, существует надситуативная или неадаптивная

активность, представляющая собой результат постановки человеком такой цели, которая будет избыточна по отношению к требованиям проблемной ситуации. Такая активность позволяет человеку преодолевать как внутренние, так и внешние ограничения деятельности. Эта теория предполагает существование мотивации, при которой само выполнение деятельности с неопределенным исходом уже является привлекательным. По мнению автора, «активная неадаптивность» является главным двигателем интеллектуальной активности и творчества (Петровский, 1992).

В представленных теориях интеллектуальная и творческая активность — это два понятия, которые взаимодействуют друг с другом и оказывают друг на друга взаимное влияние, в значительной степени, сливаясь в своих проявлениях. Однако в практическом смысле, при проведении исследований важно отделять проявления творческой активности от собственно интеллектуальной активности. Оценивая ту или иную активность человека, нужно знать, какие показатели при этом учитывать.

Для того чтобы прояснить содержательные характеристики понятий «интеллектуальная активность» и «творческая активность», необходимо определиться с раскрытием понятия «творчество».

Когда исследователи говорят о творчестве, его обычно определяют как решение задачи с помощью нового, нетривиального подхода к ней, выходя за границы привычного. Следовательно, творческую активность можно определить как устойчивое стремление в порождении оригинальных идей и использовании нестандартных способов интеллектуальной деятельности.

Таким образом, различие между творческой и интеллектуальной активностью будет заключаться в том, что первое определяется через внешне выраженные параметры деятельности (стиль деятельности), а второе через динамическую сторону внутренних (мотивационных) характеристик.

С учетом сказанного, можно сделать предположение о том, какими наблюдаемыми показателями будет отличаться интеллектуальная и творческая активность. Так, интеллектуальная активность будет проявляться в превышении количества или качества выполняемой работы, когда выполняется больший, чем необходимо ее объем, либо когда работа выполняется с большим качеством, чем это требуется по ее условию. А творческая активность проявит себя в непохожести полученного результата, его необычности в сравнении с нормативным продуктом. При этом необходимо учитывать не столько способности, проявленные личностью в выполнении самой работы, сколько стремление эти способности проявить.

Методика и процедура исследования

В исследовании приняло участие 40 студентов третьих и четвертых курсов, как мужского, так и женского пола, гуманитарных и технических специальностей.

В качестве методики исследования был применен тест «Круги Торренса» в адаптированном варианте М. Валлаха и Н. Когана. В этой версии теста изменена система проведения тестирования, устранены мотивация достижения и жесткий лимит времени на выполнение заданий. При проведении теста испытуемому предлагается 5 бланков, на каждом из которых ровными рядами расположены двадцать кругов диаметром порядка двух сантиметров. В процессе тестирования человеку необходимо на основе уже имеющегося круга или нескольких кругов, создать свой рисунок. Большое количество бланков было обусловлено необходимостью выявления сверхнормативной деятельности испытуемых. По желанию испытуемого ему могли выдаваться дополнительные бланки. Для того чтобы испытуемые могли проявить интеллектуальную и творческую активность, в инструкции не оговаривалось ни количество кругов и бланков, которые должны были заполнить испытуемые, ни временные ограничения, ни необходимость создания красивых или оригинальных рисунков.

Оценка получившихся изображений производится по трем параметрам для оценки творческой активности: абстрактность, то, насколько данный рисунок сохранил свое сходство с исходным кругом; оригинальность, то, какое количество категорий изображенных объектов было использовано в процессе выполнения задания; сложность, то количество кругов, которое было включено в один рисунок. И по двум параметрам для оценки интеллектуальной активности: детальность, то количество отдельных элементов, которые использовались при создании каждого из получившихся рисунков; исчерпанность, то количество кругов, которые остались неиспользованными, чем их меньше, тем выше этот показатель.

Результаты исследования

Данные, полученные с помощью методики, сделали возможным определение значимости взаимосвязей между показателями интеллектуальной и творческой активности. В качестве метода статистического анализа использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Между показателями интеллектуальной и творческой активности в целом была обнаружена значимая положительная взаимосвязь ($r=0,371$, $p<0,05$). Подобные результаты хорошо согласуются с экспериментами, проведенными рядом исследователей ранее, которые так-

же указывают на связь интеллектуальной и творческой активности (Богоявленская, 2001; Матюшкин, 1984; Петровский, 1992). В процессе творческой мыслительной деятельности интеллектуальная активность ее участников позволяет преодолевать трудности, возникающие при решении задач, достигать ранее поставленных целей, демонстрировать сверхнормативную деятельность. Однако сравнительно невысокие значения этой взаимосвязи свидетельствуют о том, что далеко не все показатели интеллектуальной и творческой активности связаны между собой. Действительно, в ходе исследования обнаружено всего три значимых взаимосвязи между отдельными показателями интеллектуальной и творческой активности. Такая взаимосвязь обнаружена между показателями оригинальности и детальности ($r=0,420$, $p<0,01$), между показателями сложности и истощенности ($r=0,487$, $p<0,01$) и показателями сложности и детальности ($r=-0,429$, $p<0,01$).

Положительная взаимосвязь между оригинальностью и детальностью свидетельствует о большой важности для испытуемых с высокими значениями этих показателей, одновременно и качества отдельных рисунков, и разнообразия их категорий. Как правило, те участники эксперимента, которые уделяли большое внимание деталям и оригинальности изображения, заканчивали только один из пяти бланков, но при этом практически все их рисунки за редким исключением относились к разным категориям. Интересно, что испытуемые, чьи изображения при высокой детализации, обладали низкими значениями оригинальности, имели сравнительно высокие показатели истощенности — большинство из них смогли заполнить не менее трех бланков. Это резко отличает их от участников эксперимента, чьи рисунки обладали одновременно высокой детализацией и оригинальностью и которые обычно останавливали свою работу на первом же бланке. Полученные результаты могут говорить о том, что сдерживающий эффект на показатель истощенности имеет только сочетание высоких показателей оригинальности и детальности друг с другом, но не каждый из них по отдельности.

Положительная взаимосвязь между показателями сложности и истощенности проявилось в стремлении испытуемых, создающих изображения, включающие как можно большее количество кругов, использовать более одного бланка. Это достигается путем либо выстраивания причинно-следственных связей между изображенными объектами, из-за чего рисунок получает сюжетность, либо включением большей части кругов в единый рисунок или композицию. При этом сами рисунки достаточно разнообразны. В некоторых случаях, и это самый распространенный вариант, все круги включаются в одно изображение — лицо человека. Реже — это фигура какого-ли-

бо животного. В некоторых вариантах все круги могут быть включены в абстрактный узор или композицию объектов, объединенных одной темой. При этом испытуемые, выбирающие такой стиль создания изображений, обычно использовали все пять бланков, а почти половина из них просила дополнительные бланки. Как правило, те из участников эксперимента, кто начинал использовать все двадцать кругов для создания общего изображения, другие способы изображений уже не применяли. Это может объясняться выбором стимульно-продуктивного уровня интеллектуальной активности, при котором человек воспроизводит первоначально найденный способ действий, если считает его удачным.

Отрицательная взаимосвязь между показателями сложности и детальности нашла свое проявление в том, что испытуемые при создании сложных изображений, включающих большое количество кругов, уделяют значительно меньшее внимание деталям, и наоборот, чем детальней изображение рисунка, тем меньше кругов для него они использовали. Таким образом, эти компоненты интеллектуальной и творческой активности способны проявляться в полной мере при условии явного преобладания одного над другим. Это может быть связано с принятием решений при распределении ресурсов, по-видимому, на одновременное усиление обоих показателей у человека этих ресурсов не хватает.

Полученные в исследовании результаты позволили сделать следующие выводы.

Показатели интеллектуальной и творческой активности связаны друг с другом, что свидетельствует о взаимосвязи интеллектуальной и творческой активности в целом.

При выполнении индивидуальной мыслительной деятельности у человека реализуется один из вариантов сочетаний показателей интеллектуальной и творческой активности: оригинальность и детальность, сложность и исчерпанность, сложность и детальность.

Продукты индивидуальной мыслительной деятельности могут значительно различаться при разных сочетаниях показателей интеллектуальной и творческой активности.

Отдельные показатели интеллектуальной и творческой активности могут сдерживать реализацию друг друга. В частности, высокие показатели сложности и детальности, а также высокие показатели оригинальности и исчерпанности реализуются в ущерб друг другу, высокий результат одного показателя снижает показатели другого.

Полученные результаты не могут считаться достаточными для характеристики интеллектуальной и творческой активности в индивидуальной деятельности во всем ее многообразии. Слишком слож-

на и многомерна эта проблема. Тем не менее, полученные данные позволят реализовать более дифференцированный подход к исследованию рассмотренных феноменов и точнее оценить вклад каждого из видов активности в мыслительную деятельность человека.

Автор (материала) – победитель конкурса Стипендиальной программы Владимира Потанина 2017/2018 (договор о гранте № ГСГК-60/18).

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Богоявленская Д. Б.* Интеллектуальная активность как проблема творчества / Авт.-сост. Д. Б. Богоявленская. Ростов-на-Дону: Дон, 2001.
- Богоявленская Д. Б.* Проблемы диагностики креативности // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 133–148.
- Матюшкин А. М.* Основные направления исследования мышления и творчества // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 1 С. 9–17.
- Петровский В. А.* Психология неадаптивной активности. М.: Горбунк, 1992.
- Пономарев Я. А.* Психология творения. М.: Полюс, 1999.
- Попов Л. М.* Психология самодеятельного творчества студентов М.: Просвещение, 1990.

Indicators of intellectual and creative activity in individual miscellaneous activities

D. F. Dautov (Rostov-on-Don)

Candidate of Psychological Sciences, Don State Technical University

The article describes the phenomena of intellectual and creative activity, analyzes the psychological content of these concepts, examines and highlights the main indicators of intellectual and creative activity. An idea is voiced about the need for a clear separation of indicators of the types of activity under consideration. The presented results allow to define three basic indicators for creative activity and two indicators for intellectual activity, as well as the features of their interaction on each other, to reveal typical combinations of indicators of intellectual and creative activity. The obtained data can be used for a detailed analysis of the phenomena considered in the framework of individual thought activity, for the preparation of tasks stimulating certain forms of activity.

Keywords: activity, creativity, intellectual activity, creative activity, indicators of intellectual and creative activity.

Субъективное пространство и его метафоры

Л. Я. Дорфман (Пермь)

доктор психологических наук, Пермский государственный институт культуры; e-mail: dorfman07@yandex.ru

Предпринята попытка показать перспективу и наметить шаги в исследовании субъективного пространства. Его прототипом рассматривается математическое пространство. Субъективное пространство (СП) не имеет корней в физическом пространстве; если же связь СП с физическим пространством и устанавливается, то скорее, не прямо, а косвенно, через родовое математическое пространство. Неважно, какие явления описывает математическое пространство – числа, физические объекты, температуру, цвет, события, психические явления или что-нибудь еще. Только определенного рода отношения и возможность определенных операций касаются математического пространства. Предлагаются 5 базовых постулатов, развивающих математический подход к СП.

Ключевые слова: субъективное пространство, физическое пространство, математическое пространство, математическая теория множеств, физические (декартовы) метафоры субъективного пространства.

Введение

В научных исследованиях понятие психологического пространства употребляется довольно широко. Теории пространства развивали Фрейд, Левин и Келли, признанные авторитеты психологической науки. В теории психических процессов Веккера показано, что пространственная организация относится к родовым свойствам психических явлений, включая когнитивные, эмоциональные и регуляционно-волевые процессы. Личность как психический субъект своих свойств и состояний также имеет собственное пространство. И все же понятие психологического пространства остается дискус-

сионным в психологической науке. Отчасти это обусловлено тем, что оно идеально, прямо не воспринимается внешним наблюдателем, не регистрируется объективными средствами и прямо не измеряется. Существование психологического пространства не очевидно. Но, скажем, физическое, межличностное, социальное пространства доступны наблюдениям и поэтому их изучение эмпирически является возможным.

Вопреки дискуссионным представлениям о психологическом пространстве, будем исходить из того, что оно реально существует, и предпримем попытку наметить его дальнейшее развитие и изучение. Для упрощения ограничим психологическое пространство понятием субъективного пространства (СП). В общем виде СП определим как аспект психологического пространства, который относится к субъекту, имеет имплицитные корни, а его атрибуты проявляются в поле сознания.

Можно обозначить, по меньшей мере, два направления в исследованиях СП. Первое направление наиболее прозрачно представлено в исследованиях субъективного семантического пространства Петренко (2013) и его последователей. Субъективное семантическое пространство определяется как модель категориальных структур сознания. Математически она выражается с помощью координатных осей и точек, а также вычисления расстояний между ними. Координатные оси соответствуют имплицитно присущим человеку основаниям категоризации, а ее значения имеют вид координатных точек или векторов этого пространства. Свойства пространства выводятся из особенностей категорий сознания.

Второе направление связывается с попытками определить собственные геометрические свойства СП. СП выступает как цель и предмет исследования, а не средство описания. Опять-таки СП привязывается к каким-то психическим процессам, но центром исследовательского внимания являются параметры СП, например: его объем, дистанция, форма и т. п. (Березина, 2012; Дорфман, 2017, 2018; Нартова-Бочавер, 2005; Sturz, Vodily, 2012). Второе направление методологически, теоретически и эмпирически осмыслено в наименьшей степени. Далее сосредоточимся на этом направлении.

Выделим две разновидности СП. Его первая разновидность заключается в том, что пространственные параметры внешних (физических и социальных) объектов попадают в поле сознания в результате их восприятия, представлений, образов, отражения, репрезентации и т. п. Здесь СП происходит и оказывается производным от пространства внешнего мира. Обозначим эту разновидность термином «отраженное пространство». Вторая разновидность СП открывается,

если допустить, дополнительно, что субъективная реальность имеет собственную психическую «ткань» и пространственно организована. СП не выводится и не сводится к психическому отображению пространства внешнего мира. Напротив, постулируется существование СП с онтологией, принадлежащей субъекту, а не объекту. Оно не сводится к физическому, социальному, культурному, публичному и т. п. пространствам (Дорфман, 2017, 2018; Нартова-Бочавер, 2005; Сорокин, 1992; Asaórn, 2016; Ingold, 2009; Lefebvre, 1991), хотя их пересечения не исключаются. Человек как субъект способен творить свое СП внутри себя и вокруг себя, как, например, описывает его теория личностных конструкторов Келли (Kelly, 1991/1955). Можно подразумевать пространственный профиль «ткани» субъективной реальности как таковой. Обозначим эту разновидность термином «внутреннее (эгоцентрическое) пространство». Вряд ли отраженное и внутреннее пространства совмещаются или сводятся друг к другу. Скорее, их отношения являются дополнительными.

В настоящей работе предпринята попытка показать перспективу и наметить шаги в исследовании внутреннего СП, опираясь на его прототип в области математического пространства.

Математическое пространство как прототип СП

Понятие пространства в математике

Нередко в исследованиях СП имеет место явная или неявная ориентация на физическое пространство. Вместе с тем последнее не является первичным, оно восходит к математическому пространству. Так, пространство с декартовой системой координат может быть предметом чистой математики, вне связи с физикой, т. е. понятие математического пространства можно абстрагировать от физического содержания (Головко, 2006; Родин, 2010). СП не имеет корней в физическом пространстве, но прототипом СП может служить математическое пространство.

Математическое пространство является абстрактным. Оно представляет в мышлении человека не только приближенный абстрактный образ реального пространства, но и абстрактные образы других видов пространств, в том числе субъективных.

В математике понятие пространства строится, в частности, на основе теории множеств. Согласно Г. Кантору (1985), известному русскому математику, множество (или многообразие) есть совокупность элементов, которые посредством одного закона соединяются в целое. Математическое пространство возникает из взаимоотноше-

ний точек (объектов), организованных в дополнительную структуру (Родин, 2010). Эти отношения определяют геометрию математического пространства (Кочетков, Федотов, 2012), а его основой является дифференцируемое многообразие объектов в составе множеств и их отношений. Геометрические пространства представляют собой непрерывную последовательность положений и мест, которые занимают фигуры (точки) в одной или нескольких плоскостях. В настоящее время пространства понимаются именно как геометрические многообразия. Правда, обычная геометрия имеет дело с конкретными (наглядными) пространствами. Однако о геометрии может идти речь, не обращаясь прямо к наглядным пространствам, и не только наглядно выражая их (Головко, 2006).

В психологической науке предпринимались успешные попытки описывать психические явления, опираясь на математическое понятие пространства. Разрабатывая проблему жизненного пространства, Левин (Lewin, 1936, 1938) отмечал, что человек, далекий от математики, обычно представляет пространство как физическое пространство. В течение своей долгой истории, однако, математика достигла понимания пространства, которое не ограничивается представлениями о физическом пространстве или о пространстве, которое можно только визуализировать. Прогресс в открытии математических пространств шел, по меньшей мере, в трех направлениях. Во-первых, на смену представлений о трехмерном пространстве появились представления о n -мерных пространствах. Во-вторых, наряду с евклидовым линейным пространством возникли представления о кривизне пространства. В-третьих, метрический взгляд на пространство был дополнен его неметрическими описаниями. Независимо, какие явления описывает математическое пространство – числа, физические объекты, температуру, цвет, события, психические явления или что-нибудь еще. Только определенного рода отношения и возможность определенных операций касаются математического пространства.

Применив математический подход, Келли (Kelly, 1969) предложил геометрию психологического пространства. Личностные конструкты в нем имеют разные позиции, генерируя паракартезианское гиперпространство со скалярными осями.

Не только физическое пространство покоится на представлениях о математическом пространстве. Прототипом СП также может быть математическое пространство. Как отмечал Левин (Lewin, 1936), нет фундаментальных возражений против применения понятия математического пространства к психологическим фактам. Критическим являются вопросы адекватности отношений, которые ха-

рактируют пространство в математике, психологическим фактам и возможности их координации. Что же касается СП, то мы полагаем, что его связь с физическим пространством, если и устанавливается, то, скорее, не прямо, а косвенно, через родовое математическое пространство.

Математическая концепция пространства не является единой, ее разные направления позволяют по-разному определять отношения. Так, пространства могут быть метрическими («количественными»); они связаны с исчислением протяженности. Пространства могут быть также топологическими; они связаны с размерностью («качественными») (Головки, 2006). Левин (Lewin, 1936) опирался на математическое понятие топологического пространства – отрасль математики, которая занимается свойствами поверхностей, остающихся неизменными и без разрывов при их деформации.

От математического пространства к СП

Важные следствия понимания СП, исходя из математического прототипа (теории множеств), можно развить в виде 5 постулатов.

1. Математические представления о множестве и многообразии дедуцируются к СП при условии *многоаспектного* рассмотрения психических явлений. Так, решая проблемы, дивергентное мышление генерирует многообразные мысли, как бы фальцуя их из череды разных вариантов (Guilford, 1968). Их разнообразие можно положить в основу исследования СП. Когда же психическое явление берется как *моноаспектное*, вряд ли к нему приложимы математические представления об отношениях.
2. С позиций математической теории множеств встает вопрос о роли отдельных элементов и их позиций в пространстве. Согласно Malpas (2012), понятие пространства опирается на идею расширения и протяженности, а понятие места – на идею ограничения пространства. Общее СП определяется, абстрагируясь от ограничений мест, из которых оно складывается. В свою очередь, места (положения, позиции), как фрагменты локальных СП, имеют границы и вопрос их протяженности в общем СП сменяется вопросом их локализации.
3. Три сопряженных направления выделяются в исследованиях СП. Во-первых, СП развертывается в простейшем случае как проекция на него трехмерного пространства в декартовой системе координат с тремя осями – абсцисс, ординат, аппликат. Это общая реконструкция СП. СП толкуется как гомогенное, связанное и не-

прерывное. Математически и психологически (а не физически) предполагается протяженность субъективной реальности. Во-вторых, СП есть множество положений разных психических явлений и любое из них может служить точкой отсчета для положений других психических явлений. Это релятивная (локальная) реконструкция СП. Оно предстает как гетерогенное, многоставное и прерывное, с многообразием пространственного профиля. Основной является идея локализации и картирования психических явлений. Есть ли психические явления с собственным положением в СП, а какие рассредоточены и не имеют своего положения, — предмет специальных эмпирических исследований. В-третьих, собственно психическое содержимое может обуславливать его пространственную организацию. Если СП многообразно, то его пространственный профиль, предположительно, характеризуется изменчивостью, вариативностью, подвижностью. В конечном счете, организация СП оказывается разнопорядковой, а диалектика СП выражается в сочетаниях его гомогенности и гетерогенности, континуальности и дискретности, единообразия и многообразия.

4. Метрическое пространство — это отношения, которые измеряются расстояниями между элементами множества. Расстояние — это не только протяженность, а также удаленность элементов друг от друга. Понимание расстояния как удаленности позволяет в значительной степени снять бесплодные дискуссии о протяженности психической реальности. Не существует никаких концептуальных запретов на экстраполяцию понятия математического расстояния на понятие психологической протяженности СП. Психологическая удаленность уподобляется опять-таки математической, а не физической удаленности.
5. Теоретически и эмпирически проблемным является язык описания СП. Некий парадокс состоит в том, что СП не сводится к физическому пространству, а человеческий язык пестрит коннотациями физического пространства. В выражениях «дальняя цель», «ближние планы», «широкое поле внимания», как и «объем сознания», «настроение подъема», «отдаленные ассоциации», «расширение Я», психические явления описываются с помощью характеристик физического пространства. Этот ряд можно дополнить экспрессиями «глубина чувств», «высокое положение», «близкий друг», «дальний родственник» и т. п. Хотя СП не сводится к физическому пространству, язык описания СП на основе физических метафор представляется разумным разрешением этого парадокса в первом приближении.

Наиболее экономной и простой может быть модель пространства с декартовой системой координат. Она включает высоту, длину и ширину в качестве ортогональных векторов. Как можно толковать векторы СП? Вряд ли их можно отнести к годологическому пространству, о котором писал Левин (Lewin, 1938). Но общую идею направления можно удерживать. Модель СП в общем виде можно разворачивать как пространство, организованное в декартовой системе координат, а язык описания СП уместно перевести на уровень физических (декартовых) метафор.

Заключение

Предпринята попытка показать перспективу и наметить первые шаги в исследовании внутреннего СП. СП имеет корни не в физическом, а в математическом пространстве.

В математике понятие пространства строится, в частности, на основе теории множеств. Согласно Г. Кантору (1985), множество (или многообразие) есть совокупность элементов, которые посредством одного закона соединяются в целое. Математическое пространство возникает из взаимоотношений точек (объектов), организованных в дополнительную структуру. Не только физическое пространство покоится на представлениях о математическом пространстве. Прототипом СП также может быть математическое пространство. Если же связь физического пространства с СП и устанавливается, то, скорее, не прямо, а косвенно, через математическое пространство.

Важные следствия понимания СП, исходя из математического прототипа (теории множеств), развиваются в виде 5 базовых постулатов: 1. Математические представления о множестве и многообразии дедуцируются к СП при условии *многоаспектного* рассмотрения психических явлений. 2. Понятие пространства опирается на идею протяженности, а понятие положения – на идею ограничения пространства. 3. Три сопряженных направления выделяются в исследованиях СП. Во-первых, СП понимается как объем с декартовой системой координат. Это общая реконструкция СП. Во-вторых, СП есть множество положений разных психических явлений, и любое из них может служить точкой отсчета для положений других психических явлений. Это релятивная (локальная) реконструкция СП. В-третьих, собственно психическое содержимое может обуславливать его пространственную организацию. Организация СП оказывается разнопорядковой. 4. Метрическое пространство – это отношения, которые измеряются расстояниями между элементами множества. Расстояние – это не только протяженность, а также удаленность элементов друг от друга. 5. Теоретически и эмпирически,

проблемным является язык описания СП. Предлагается язык описания СП перевести на уровень физических (декартовых) метафор как наиболее экономных и простых.

Литература

- Березина Т. Н.* Многомерная психика. Внутренний мир личности. М.: Пер Сэ, 2012.
- Дорфман Л. Я.* Психологическое пространство и пространство Я-концепции. Сообщение 1. Общие представления о психологическом пространстве и пространстве Я-концепции // Мир психологии. 2017. № 2 (90). С. 124–134.
- Дорфман Л. Я.* Психологическое пространство и пространство Я-концепции. Сообщение 2. Математический подход к исследованию субъективного пространства и пространства Я-концепции // Мир психологии. 2018. № 1 (93). С. 218–229.
- Кантор Г.* Труды по теории множеств. М.: Наука, 1985.
- Нартова-Бочавер С. К.* Психологическое пространство личности. М.: Прометей, 2005.
- Петренко В. Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. 2-е изд., доп. М.: Эксмо, 2013.
- Malpas J.* Putting space in place: philosophical topography and relational geography // Environment and Planning D: Society and Space. 2012. № 30. P. 226–242.
- Sturz B. R., Bodily K. D.* On discriminating between geometric strategies of surfacebased orientation // Frontiers in Psychology. 2012. № 3. P. 112.

Mental space and its metaphors

L. Dorfman (Perm)

Doctor of Psychology, Perm State Institute of Culture

An attempt has been undertaken to designate the perspective and launch the initial steps in the study of mental space. Its prototype is proposed a mathematical space. Mental space (MS) has no roots in physical space; if their links are yet specified, they are rather not direct, but indirect, through the generic mathematical space. It does not matter what phenomena describes mathematical space – numbers, physical objects, temperature, color, events, mental phenomena or anything else. Only a certain kind of relationship and their operations are relevant to the mathematical space. Five core corollaries are suggested to further expand a mathematical approach to the study of MS.

Keywords: mental space, physical space, mathematical space, mathematical theory of sets, the physical (Euclidean) metaphors of mental space.

Эмпирические характеристики субъективного пространства

*Л. Я. Дорфман**, *В. А. Гасимова***, *Г. В. Ковалева**** (Пермь)

** доктор психологических наук, Пермский государственный институт культуры; e-mail: dorfman07@yandex.ru*

*** кандидат психологических наук, Пермский государственный институт культуры; e-mail: vera358@bk.ru*

**** кандидат психологических наук, Пермский государственный институт культуры; e-mail: gal2401@yandex.ru*

С позиций математического подхода к субъективному пространству (СП) исследовались физические метафоры в терминах декартовых координат и объема. В качестве базовых использовались понятия пространства, «места» и его границ. Применительно к пространственной организации Я-концепции (полимодального Я) предполагалось, что измерения общего СП характеризуются латентной общностью, коррелируют и имеют факторную структуру. Также выдвигалось положение о локальных СП. Тестировалась гипотеза о том, что одни субмодальности Я имеют пространственно организованные положения, а другие субмодальности Я не имеют. В исследовании приняли участие 218 студентов пермских вузов. Были разработаны оригинальные короткие вопросники «Пространство моего Я» и «Где Я». Субмодальности полимодального Я оценивались с помощью полифакторного вопросника Я. Было установлено, что модель латентной общности измерений общего СП является статистически пригодной. Измерения общего СП коррелировали и складывались в 2-факторную структуру. Субмодальности Авторского Я и Воплощенного Я имели локальные СП. Субмодальности Превращенного Я и Вторящего Я не имели локальные СП.

Ключевые слова: общее субъективное пространство, локальное субъективное пространство, место, полимодальное Я, физические метафоры, декартовы координаты и объем.

Введение

В настоящей работе развивается математический подход к субъективному пространству (СП), намеченный в работах Дорфмана (2017, 2018а, 2018б). СП относится к субъекту, имеет имплицитные корни, а его отдельные атрибуты проявляются в поле сознания. Человек как субъект способен творить СП внутри себя и вокруг себя, как их описывает, например, теория личностных конструкторов Келли (Kelly, 1969).

В качестве базовых мы используем понятия пространства, «места» и его границ. Согласно Malpas (2012), понятие пространства опирается на идею расширения и протяженности, а понятие места — на идею ограничения пространства. С этих позиций мы выделяем общее СП и локальные СП. Общее СП — это сквозная характеристика субъективной реальности. Общее СП пространственно описывает некоторое множество психических явлений в последовательном режиме, например, Я-концепцию, черты личности, свойства темперамента. Локальные СП пространственно описывают положения, которые занимают отдельные психические явления, например, креативное мышление или психометрический интеллект. Общее СП, взятое в отношении к локальным СП, выступает как общность и имеет больший масштаб, а локальные СП встроены в общее СП, — как его часть и имеют меньший масштаб.

Математически и психологически (а не физически) предполагается протяженность и расширение как общего СП, так и локальных СП. Общее СП является бесконечно протяженным (в мышлении, представлении, воображении), а локальные СП являются конечными, поскольку одни локальные СП сменяют другие. Пространственные отношения могут возникать между положениями разных психических явлений, внутри них, а также до некоторой степени перекрывать друг друга. В последнем случае, возможно, локальные СП функционируют в параллельном режиме. Положение отдельного психического явления — это не точка в математической матрице пространства, а локальный и отдельный участок общего СП.

Пространственное положение психического явления является синтетическим понятием. Оно описывает одновременно фрагмент общего СП (локальное СП) и его содержимое. Поэтому речь может идти о локализации психических явлений и их картировании. Отдельное психическое явление можно толковать как занимающее отдельное пространственное положение. В этом контексте общее СП есть некоторое множество пространственных положений (локальных СП), которые занимают отдельные психические явления. А ес-

ли обнаруживаются психические явления «без мест», то они либо выпадают из общего СП, либо не вписываются в свойство локальности.

Если общее СП определяется, абстрагируясь от пространственных положений отдельных психических явлений, то локальные СП имеют границы и определяются, абстрагируясь от общего СП. Граница — это воображаемый предел пространственного положения отдельного психического явления. Границы разделяют локальные СП разных психических явлений. Скажем, можно предположить, что креативное мышление и психометрический интеллект обладают собственными локальными СП.

Понятия общего СП, локальных СП и их границ можно проиллюстрировать примером Эйнштейна (цит. по: Malpas, 2012) с некоторыми нашими добавлениями. Представим большую емкость. Она образует пространство, в котором находятся вишни. Если в большую емкость поместить несколько малых емкостей с теми же вишнями, у них будет несколько пространств. В обоих случаях пространство — это емкости, а не вишни, которые находятся в них. Собственно вишни образуют еще один сорт пространства, если выложить их из емкостей. Тогда пространство общей емкости, пространства нескольких емкостей и пространства их содержимого предстают как различающиеся разновидности пространства. Они как бы встроены друг в друга наподобие матрешки.

Специальным является вопрос о психологических характеристиках СП. В наиболее простом и экономном виде их можно рассматривать как проекции на субъективную реальность трехмерного пространства в декартовой системе координат с тремя осями — абсцисс, ординат, аппликат. Житейские коннотации свидетельствуют в их пользу. Скажем, длина прилагается к выражениям «дальний родственник—близкий друг», высота прилагается к выражениям «высокий статус—низкий статус», ширина прилагается к выражениям «широкое понимание—узкое понимание». Кроме того, мы используем характеристику объема СП. Психический объем — это своеобразная вместимость, внутреннее наполнение СП теми или иными психическими явлениями, имеющими, предположительно, декартовы координаты пространства. Психический объем представляет собой переменную величину, которая характеризует психическое явление в определенный момент времени. Она противоположна показателю потока сознания, который описывает изменения психического явления в течение того или иного периода времени. Психический объем иллюстрируют такие житейские коннотации, как «большой человек—маленький человек».

Впрочем, есть ли психические явления с собственными пространственными положениями и границами, а какие рассредоточены и не имеют своих пространственных положений и границ, — предмет специальных эмпирических исследований. Открытыми остаются также вопросы о проекциях декартовой системы координат на СП, как оно организовано и какое имеет строение. Важно установить, являются ли пространственные отношения субъективной реальности закономерными, а не случайными. В нашей работе предпринята попытка поставить в первом приближении эту проблему и разработать ее на материале Я-концепции (полимодального Я).

Метафоры СП

Как известно, метафора представляет собой осмысление и переживание явлений одного рода в терминах явлений другого рода, обеспечивает частичное понимание одного вида опыта на основе другого вида опыта. Метафора порождается сознанием, а не языком, связь с которым вторична (Лакофф, Джонсон, 2004). Применение научных метафор — обычное дело в психологии и ведет к эвристическим аналогиям. Джентнер и Грудин (Gentner, Grudin, 1985) насчитали 265 метафор ментальных феноменов и распределили их по четырем категориям: живые организмы, нейрональные, пространственные и системные. Кроме того, были выделены метафоры, укорененные в механике и других разделах физики. Титченер (Titchener, 2005) обращался к химической метафоре. Особенно популярны метафоры в когнитивной психологии, например компьютерная метафора (Boden, 2008; Fodor, 1987). На смену ей позже пришла нейронно-сетевая метафора (Martindale, 1991).

«Черный» и «белый» противопоставлены друг другу в терминах физических свойств света и психофизических свойств зрения. В европейской культуре белый цвет (светлый) связан с положительными ассоциациями, а черный цвет (темный) многие связывают с негативными ассоциациями. Это монохром, в котором черный и белый оттенки раздваиваются, образуя светлотные полюса цвета, их контраст и дополнительность. В то же время это монохром с градиентными изменениями светлоты на бело-серо-черном континууме.

Ряд данных косвенно поддерживает гипотезу метафор применительно и к иным явлениям. Шерман и Клор (Sherman, Clore, 2014) указывают на то, что метафора светлоты применима к интеллекту: скажем, «у него светлая голова». Белую и темную сторону относят к креативности. Оригинальных людей называют «белыми воронами», т. е. необычными (Мажуль, Петров, 2010; Petrov, Locher,

2011). У креативности есть и темная сторона (Stropley et al., 2010). В частности, она проявляется в нередких нарушениях креативными людьми норм этики; оригинальные мыслители могут быть непорядочными (Gino, Ariely, 2012). Психопатия, макиавеллизм и нарциссизм подводятся под общий знаменатель термином «темная» триада (Maples et al., 2014), а макиавеллизм, нарциссизм, психопатия и повседневный садизм – термином «темная» тетрада (Paulhus, 2014). Подобно черным дырам в космосе, травма трактуется как «черная дыра», которая притягивает к себе мысли, память, ассоциации человека, пережившего посттравматический стресс (Pitman, Orr, 1990).

Дорфман и Злоказов (2017б) ввели монохромную метафору «белый (светлый)–черный (темный)» как маркер метаиндивидуального мира («светлый») и негативного деструктивного мира («темный»), а также полярных отношений и континуальных переходов между ними. Монохромная метафора относится к сенсорно-перцептивному уровню и отвечает операциональным требованиям маркера: обладать континуальностью, быть простым, иметь доступность для наблюдения и возможность производить измерения.

Физические метафоры СП можно отнести к области сенсорно-перцептивных метафор. Они обещают быть простыми, доступными самонаблюдению и измерениям. Отсюда ожидания закономерных ассоциаций физических метафор с СП. Хотя есть некий парадокс в том, что СП не сводится к физическому пространству, а человеческий язык пестрит коннотациями физического пространства, уместно использовать этот парадокс для описания СП в терминах физических (декартовых) метафор.

Физические метафоры в психологии играют важную роль в оформлении психологических теорий и определении путей эмпирических исследований СП.

Исследовательские гипотезы и задачи исследования

Тестировались 3 исследовательские гипотезы применительно к пространственной организации Я-концепции (полимодального Я). Во-первых, предполагалось, что измерения общего СП характеризуются латентной общностью. Во-вторых, выдвигалась гипотеза о том, что измерения общего СП коррелируют и имеют факторную структуру. В-третьих, на основе теоретического различения в субъективной реальности эго-центрического и отраженного СП (Дорфман, 2018) тестировалась гипотеза о том, что субмодальности Авторского Я и Воплощенного Я (эго-центрические СП) имеют локальные

СП. Субмодальности Превращенного Я и Вторящего Я (отраженные СП), наоборот, не имеют локальные СП.

Для проверки выдвинутых гипотез решались следующие задачи. Первая задача: разработать короткие вопросники СП с декартовскими шкалами и шкалой объема. Вторая задача: установить, имеют ли параметры общего СП латентную общность. Третья задача: выявить, как коррелируют параметры общего СП и какова их факторная структура. Четвертая задача: оценить наличие локальных СП у субмодальностей полимодального Я.

Метод

Участники

В исследовании приняли участие 218 студентов пермских вузов, девушек – 146, и юношей – 72, возраст – в диапазоне от 18 до 31 лет ($M=20,6$, $SD=2,18$).

Вопросники СП

На материале Я-концепции были разработаны оригинальные короткие вопросники «Пространство моего Я» (ПЯ) и «Где Я» (ГЯ). Инструкция к вопроснику ПЯ: «Представьте, что ваше Я имеет пространство. Установите пространственные характеристики вашего Я с помощью одного из слов в каждой паре по четырехступенной шкале». Инструкция для вопросника ГЯ: «Представьте, что в вашем сознании имеется некий центр и много мест вокруг него. Найдите место, где находится ваше Я. Установите местонахождение вашего Я в сравнении с центром вашего сознания с помощью одного из слов в каждой паре по четырехступенной шкале». Оба вопросника имеют 4 шкалы: объем (V), длину (L), ширину (W), высоту (H). В исходных вариантах каждый вопросник включал 24 прямых и обратных пунктов, по 6 пунктов на каждую шкалу. Пункты в каждом вопроснике расположены в случайном порядке. Надежность шкал (по α Кронбаха) была низкой. После исключения ненадежных пунктов надежность оставшихся пунктов несколько повысилась. В вопроснике ПЯ в шкале V остались 3 пункта, например «маленькое–большое». В шкале L остались 4 пункта, например, «близкое–далекое». В шкале W остались 5 пунктов, например, «узкое–широкое». В шкале H остались 4 пункта, например, «низкое–высокое». α Кронбаха шкал находилось в диапазоне 0,65–0,69.

Соответственно в вопроснике ГЯ в шкале V остались 3 пункта, например: «там, где меньше – там, где больше». В шкале L оста-

лись 4 пункта, например: «там, где ближе – там, где дальше». В шкале W остались 5 пунктов, например, «там, где уже – там, где шире». В шкале H остались 4 пункта, например, «там, где ниже – там, где выше». α Кронбаха шкал находилось в диапазоне 0,50–0,66. Одноименные шкалы вопросников положительно коррелировали в диапазоне $r=0,34$ – $0,53$, $p<0,001$. При эксплораторном факторном анализе шкалы вопросников ПЯ и ГЯ входили в одни и те же факторы. Эти данные стали основанием для агрегирования пунктов и шкал ПЯ и ГЯ в общий вопросник СП (ОП). По α Кронбаха надежность шкалы V возросла до 0,78, шкалы L – до 0,80, шкалы W – до 0,69, шкалы H – до 0,76.

Полифакторный вопросник Я (ПВЯ)

ПВЯ состоит из 4 шкал субмодальностей Я – авторской, воплощенной, превращенной, вторящей. В каждую шкалу входят 8 пунктов. В ПВЯ вошли также 4 пункта как маскировочные (по одному на шкалу) и 2 пункта как индикаторы лжи. Всего ПВЯ включает 38 пунктов. Ответы участников выражают степень их согласия с суждениями по пунктам и градуируются по 6 ступеням в диапазоне от –3 до +3, затем переводятся в значения от 1 до 6 (Дорфман, 2008). α Кронбаха на данной выборке имел следующие значения: шкала Авторского Я – 0,85, шкала Воплощенного Я – 0,91, шкала Превращенного Я – 0,87, шкала Вторящего Я – 0,75.

Анализ данных

Латентная общность параметров общего СП вычислялась с помощью конфирматорного факторного анализа, связи параметров общего СП – с помощью корреляционного анализа (по Пирсону), структура общего СП – с помощью эксплораторного факторного анализа, наличие собственного пространства у субмодальностей Я – с помощью MANOVA.

Результаты

1. Было установлено, что модель латентной общности измерений общего СП является статистически пригодной.
2. Измерения общего СП значимо коррелировали. Показатели V, W, H коррелировали положительно. Показатель L коррелировал отрицательно с другими показателями общего СП. Факторная структура общего СП складывалась из 2 факторов.

3. Субмодальности Авторского Я и Воплощенного Я показывали наличие у них локальных СП. Показатели V, W, H были выше, а показатель L ниже у высокого, чем у низкого уровня фактора «Авторское Я». Межгрупповой фактор «Воплощенное Я» тоже производил значимые эффекты на совокупность показателей локального СП. Показатели W, H были выше, а показатели V, L ниже у высокого, чем у низкого уровня фактора «Воплощенное Я». Пространственные профили Авторского Я и Воплощенного Я несколько различались. Субмодальности Превращенного Я и Вторящего Я не показывали наличие у них локальных СП.

Обсуждение

Выдвинутые гипотезы получили эмпирическую поддержку. Корреляции и факторную структуру параметров общего СП можно объяснить их латентной общностью. Локальные СП у субмодальностей Авторского Я и Воплощенного Я можно объяснить тем, что они относятся к субъективной реальности как таковой. Локальные СП у субмодальностей Превращенного Я и Вторящего Я, наоборот, не возникали. Возможно, эти субмодальности являются отраженными и потому не имеют собственное пространство в субъективной реальности.

Полученные результаты следует рассматривать как предварительные, поскольку вопросники, измерявшие СП, нуждаются в существенной доработке в части увеличения в них количества пунктов и надежности шкал.

Литература

- Дорфман Л. Я.* Психологическое пространство и пространство Я-концепции. Сообщение 1. Общие представления о психологическом пространстве и пространстве Я-концепции // Мир психологии. 2017. № 2 (90). С. 124–134.
- Дорфман Л. Я.* Психологическое пространство и пространство Я-концепции. Сообщение 2. Математический подход к исследованию субъективного пространства и пространства Я-концепции // Мир психологии. 2018а. № 1 (93). С. 218–229.
- Дорфман Л. Я.* Субъективное пространство и его метафоры // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018б. С. 1438–1445.

- Kelly G. A.* A mathematical approach to psychology / B. Maher (Ed.) // *Clinical psychology and personality: The selected papers of George Kelly*. N. Y.: Wiley, 1969. P. 94–113.
- Malpas J.* Putting space in place: philosophical topography and relational geography // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2012. № 30. P. 226–242.

Parameters of mental space

*L. Dorfman**, *V. Gassimova***, *G. Kovaleva**** (*Perm*)

* Doctor of Psychology, Perm State Institute of Culture

** Candidate of Psychological Sciences, Perm State Institute of Culture

*** Candidate of Psychological Sciences, Perm State Institute of Culture

Based on a mathematical approach to mental space (MS) physical metaphors (Cartesian coordinates and volume) were examined. Space, place, and its borders were employed as core concepts. In relation to the spatial organization of self-conception (the plural self), it was assumed that the measures of the common MS have latent commonality. The hypothesis was also put forward that the measures of the common MS correlate and factor structured. Also, the hypothesis was tested that in the field of local MS, some subselves have spatially organized places, and other ones do not have. 218 students of Perm universities took part in the study. Original brief questionnaires “My space I am” and “Where I am” were developed. Subselves of the plural self were estimated by the multi-factor questionnaire developed by Dorfman. It was found that the model of the latent commonality of measures of the common MS fitted the data. The measures of the common MS significantly correlated and led to a 2-factor structure. Authored and Embodied subselves had their local MS with increased volume, width, height and reduced length. Mutated and Pertaining subselves had no their local MS.

Keywords: common mental space, local mental space, place, plural self, physical metaphors, cartesian coordinates and volume.

Социально-психологические условия развития групповой креативности

Л. И. Еремина (Ульяновск)

кандидат педагогических наук, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова; e-mail: lariv73@mail.ru

В статье представлен анализ исследований социально-психологических условий, влияющих на развития креативности малых групп. Данные условия связаны с характеристиками, структурой малой группы, с феноменами влияния в малой группе, со спецификой организации группового творчества, с личностными особенностями участников группового взаимодействия, с влиянием окружающей средой, с использованием активных методов социально-психологической работы. Описан опыт эмпирического исследования развития групповой креативности студентов с помощью развивающей тренинговой работы, в основе которой положены: упражнения творческой направленности (на диссоциацию, ассоциацию, комбинацию и кристаллизацию); кооперация как вид взаимодействия в совместной деятельности; рефлексивный анализ совместных действий субъектов деятельности.

Ключевые слова: групповая креативность, условия развития групповой креативности.

Анализ отечественных и зарубежных публикаций по проблеме развития групповой креативности (А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, Т. А. Нестик, В. Г. Грязева-Добшинская, Я. А. Пономарев, Ч. М. Гаджиев, Л. И. Уманский, М. Г. Ярошевский, Г. С. Гавреева, М. Csikszentmihalyi, D. Harrington B. Nijstad, E. Rietzschel, W. Stroebe, B. Hennessey, T. Amabile и др.) показывает, что существует многообразие подходов к определению данного феномена. Групповая креативность характеризуется как способность группы создавать продукт, обладающий новизной (Ушаков, 2011); способность группы к генерированию новых идей (Журавлев, Нестик, 2011); устойчивая групповая харак-

теристика, комплексное свойство группы, позволяющее ей в совместной деятельности генерировать оригинальные идеи, находить способы нестандартного решения проблем (Гавреева, 2008); способность к творчеству, формируемая внутригрупповым взаимодействием в процессе совместной деятельности и пр.

Групповая креативность как управляемая характеристика развивается и проявляется в совместной деятельности. Социально-психологические условия (совокупность внешних и внутренних воздействий) оказывают влияние на развитие групповой креативности. Данные условия связаны с характеристиками, структурой малой группы, с феноменами влияния в малой группе, со спецификой организации группового творчества, с личностными особенностями участников группового взаимодействия, а также с влиянием окружающей средой.

Культурно-социальный контекст по-разному влияет на развитие групповой креативности: стремление к творчеству обратно пропорционально простоте среды (Выготский, 1991), сущность креативности определяется взаимодействием человеческих мыслей и культур, где важно социальное одобрение людей, оценивающих степень креативности творческого продукта (Csikszentmihalyi, 2013), проявление креативности невозможно, если отсутствует творческая среда, которая способствует порождению новых идей и является источником социальных оценок креативности (Sternberg, Lubart, 1996), соответствие продукта творчества окружающему контексту и ограничениям, накладываемым ситуацией (Ушаков, 2011), воздействия на определенные культурные ценности и нормы (культура коллективизма, присутствие референтного лица, уровень властной дистанции) малой социальной группы оказывают влияния на проявление креативного потенциала (Nouri et al., 2015) и проч.

К основным социально-психологическим факторам совместного творчества А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик относят состав группы и ее ролевую структуру; инновационные групповые ценности, способность группы к рефлексии, внутригрупповое доверие и психологическую безопасность, позволяющие избежать эффектов группового мышления; коммуникативную сторону группы, внешние социальные сети команды; характер лидерства (Журавлев, Нестик, 2011).

Согласно В. Г. Грязевой-Добшинской, формы взаимодействия субъектов (творческих лидеров) совместного творчества оказывают стимулирующее влияние на групповую творческую активность (Грязева-Добшинская, 2010). Г. С. Гавреева в качестве детерминант, влияющих на развитие групповой креативности, выделяет ценностно-идейную сплоченность группы и уровень ее развития, социаль-

но-психологический климат и креативный стиль руководства (Гавреева, 2008).

Одним из условий развития групповой креативности выступает механизм рефлексии, который помогает не только осознанию и пониманию, но и позволяет увидеть, каким образом происходит творческое изменение и улучшение деятельности. Применение рефлексии способствует расширению и увеличению зоны внутреннего плана и внешней активности участников групповой творческой работы. Рефлексия превращает совместное творчество в такую форму межличностного взаимодействия, в ходе которой происходит развитие личности и группы (Растяйников и др., 2002).

Рефлексия обеспечивает взаимопонимание и согласованность действий партнеров в условиях совместной деятельности, кооперации. Рефлексивное отношение как вид кооперации между разными индивидами и деятельностями, природа и механизм рефлексии определяются, в первую очередь, связью кооперации нескольких актов деятельности; и лишь затем эта связь особым образом «отображается» в сознании (Щедровицкий, 2001).

Групповая рефлексия в совместном творчестве может рассматриваться как действие, как способность и как групповая ценность, облегчающая взаимодействие и осмысление совместного опыта (Найденев, 2006).

Процесс группового решения творческих проблем оказывает воздействие на развитие креативности малых групп: возможность распределения ролей между участниками группы («активатор», «генератор», «информатор») и механизм решения творческих задач, где складывается особая коллективная форма преобразования побочных продуктов, которые, возникая в действии одного, могут быть использованы в качестве подсказки любым членом группы и регулировать действия других участников совместного решения (Пономарев, Гаджиев, 1983), дифференциация творческого потенциала участников группы («эрудита», «генератора», «критика») в ходе разработки задач и их решения (Ярошевский, 1978); учет методических принципов при решении задач: соотношение процессов и результатов индивидуального и группового решения (когнитивное групповое взаимодействие) и специальная организация групповых форм решения (собственно групповые феномены) (Рубцов, 1986); уровень сложности задач предопределяет уровень креативности, необходимый для их решения; сложность задачи приравнивается к ее творческой составляющей: чем сложнее, тем, значит, креативнее (Гавреева, 2008) и проч.

Групповую креативность можно развивать не только средствами стимулирования различных внутригрупповых процессов, но и при по-

мощи специальных методов, форм работы, целенаправленной организации совместной деятельности.

Исследователи предлагают использовать игрорефлексики, рефлепрактики, различного рода психо-, акме- и социотренинги направлены на активизацию творчества (Семенов, 2005), рефлексивные игры (Растянников и др., 2002), рефлексивные тренинги-практикумы при решении практических проблем (Найденев, 2006), арт-тренинги креативности для лидеров и команд, построенных на основе символических игровых структур, и модели организации сотворческого проектирования (Грязева-Добшинская, 2010), методы стимулирования креативности (мозговой штурм и его виды, метод синектики, метод морфологического анализа, метод фокальных объектов и др.) и проч.

Конкретизация социально-психологических условий развития креативности малых групп позволила разработать программу тренинга развития групповой креативности для студентов, где основным положением выступила идея Л. С. Выготского о четырех этапах процесса воображения: диссоциация (расщепление на преимущественно отдельные части, выделение черт сложного целого), ассоциация (объединение диссоциированных и измененных элементов), комбинация (приведение отдельных образов в систему и построение сложной картины) и кристаллизация (переход в действительность, воплощение во внешних обликах, образах).

В ходе эмпирического исследования предположили, что развивающая тренинговая работа, в основе которой положены: упражнения творческой направленности (на диссоциацию, ассоциацию, комбинацию и кристаллизацию); кооперация как вид взаимодействия в совместной деятельности; рефлексивный анализ совместных действий субъектов деятельности, позволит повысить уровень развития групповой креативности студентов.

В системе тренинговых упражнений на развитие креативности использовались игры, задания, представленные в публикациях С. В. Гиппиуса, А. Г. Грецова, В. Г. Грязевой-Добшинской, О. В. Евтихова, О. А. Казанского, Н. Ю. Хрящевой, Н. В. Цзена, Ю. В. Пахомова, А. П. Панфиловой, М. Микалко и др., а также авторские разработки.

Разрабатывая систему тренинговых упражнений на развитие креативности, целенаправленно подбирали задания творческой направленности на диссоциацию, ассоциацию, комбинацию и кристаллизацию («Ладонь», «Личный герб», «Композиция из предметов», «Фантастическое дерево», «Спрячь рисунки», «Инопланетянин», «Коллаж группы», «Логотип», «Открытки» и пр.).

Например, творческое задание для микрогрупп от 3 до 4 человек «Рассказ из заголовков» (Э. Де Боно), включало в себя все четыре

этапа диссоциацию, ассоциацию, комбинацию и кристаллизацию. Студенты вначале работы, используя газету, должны были вырезать из нее различные заголовки, т. е. разбить, расцечь на определенные, выделенные, отдельные части (диссоциация). Затем в микрогруппах участники объединяли (переставляли) вырванные из контекста заголовки, пытаясь изменить (видоизменить) их смысл и содержание (ассоциация). На третьем этапе приводили выделенные элементы в определенную систему, применяя различные комбинации (комбинирование). На завершающем этапе (кристаллизации) студенты представляли рассказ из заголовков. Рассказ должен был иметь смысл.

В ходе поиска упражнений творческой направленности, было разработано упражнение «Геометрические фигуры». Следуя логике применения упражнений на диссоциацию, ассоциацию, комбинацию и кристаллизацию и взяв за основу геометрическую фигуру – квадрат, сформулировали основные вопросы данного задания. Диссоциация: Из каких отдельных частей (элементов) состоит квадрат? На какие части можно разбить (разделить) квадрат? Ассоциация: Что можно добавить, отнять, уменьшить, увеличить, исключить, заменить у данных частей (элементов) квадрата? Каким образом можно модифицировать, объединить данные измененные части квадрата? С чем ассоциируются данные элементы квадрата? Комбинирование: Каким образом можно скомбинировать, перекомпоновать, перенаправить полученные элементы квадрата? Как это можно преобразовать, привести в определенную систему? Кристаллизация: Что из этого может получиться? Где это можно использовать? Как это можно использовать иначе?

В решении проблемных вопросов, например: «Как встретиться с директором предприятия, если тебя к нему не пускают?», «Что произойдет на земле, если люди перестанут доверять друг другу?» – и в упражнениях «Логотип», «Придумай образ героя», «Рекламная компания» использовали развивающуюся кооперацию. В первой части каждый участник тренинга работал индивидуально, самостоятельно, решая проблемную задачу, далее объединялись в пары и в микрогруппы по четыре человека.

Рефлексивный анализ совместных действий участников тренинга осуществлялся в различных формах и использовался на каждом занятии.

Зафиксированная положительная динамика роста высокого уровня развития групповой креативности студентов, участников тренинга, на фоне уменьшения уровней низкого и ниже среднего (низкий уровень развития групповой креативности $\varphi_{\text{эмп.}}^* = 1,74$, уровень ниже среднего $\varphi_{\text{эмп.}}^* = 1,72$, высокий уровень $\varphi_{\text{эмп.}}^* = 1,81$ при $\varphi_{\text{кр.}}^* = 1,64$, $p \leq 0,05$) дает основание для вывода о результативности разработан-

ного тренинга развития креативности малых групп. Целенаправленное включение упражнений творческой направленности, кооперации и рефлексивного анализа в процесс тренинговой развивающей работы значительно повышает показатели развития групповой креативности в тренинговых группах ($U_{\text{эмп.}}=79, p=0,01$; $U_{\text{эмп.}}=97,5, p=0,01$).

В качестве методических рекомендаций по проведению тренинга развития групповой креативности могут послужить следующие положения: 1) психологическое сопровождение групповой творческой деятельности студентов, предоставляя им максимум самостоятельности и поддержки творческих инициатив; 2) соблюдение особенностей организации творческого группового взаимодействия; 3) соотношение содержания упражнений реализуемой программе развивающего тренинга; 4) насыщенность и разнообразие тренинговых упражнений, обеспечивающих совместное групповое творчество; 5) ориентация на уровень развития индивидуальной креативности каждого участника совместной деятельности; 6) поддержание устойчивой мотивации на групповое творчество, стимулирование состояния творческого вдохновения и создание атмосферы доверия участников группы.

Таким образом, социально-психологический климат, групповая сплоченность, определенная стадия развития коллектива, процесс группового решения творческих проблем, уровень сложности решаемой задачи, стиль руководства и взаимодействия, лидерство, рефлексивные отношения в организации совместной деятельности, учет возрастных и индивидуальных особенностей участников группового взаимодействия, в том числе и активные методы социально-психологического обучения влияют на развитие групповой креативности. Активные групповые формы деятельности психолога позволяют развивать не только индивидуальную креативность, но и креативность малых групп.

Литература

- Гавреева Г. С.* Влияние внутригрупповых процессов на развитие креативности малой группы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ГУУ, 2008.
- Грязева-Добшинская В. Г.* Синергия взаимодействия субъектов в совместной творческой деятельности как механизм творческого лидера // Психология интеллекта и творчества. Традиции и инновации. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 298–308.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Совместное творчество как ресурс деятельности организации: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 3–21.

- Найденов М. И.* От первичной модели группового субъекта творчества – к «побочному продукту» групп рефлексивной услуги // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 455–481.
- Пономарев Я. А., Гаджиев Ч. М.* Психологический механизм группового (коллективного) решения творческих задач // Исследование проблем психологии творчества / Под ред. Я. А. Пономарева. М.: Наука, 1983. С. 279–295.
- Растянников А. В., Степанов С. Ю., Ушаков Д. В.* Рефлексивное развитие компетентности в совместном творчестве. М.: ПЕР СЭ, 2002.
- Рубцов В. В.* Психологические основы организации совместной учебной деятельности: Дис. ... докт. психол. наук. М., 1986.
- Семенов И. Н.* Рефлексивная психология творчества: концепции, экспериментатика, практика // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 65–73.
- Ушаков Д. В.* Психологические проблемы совместного творчества // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 442–467.
- Щедровицкий Г. П.* Рефлексия и ее проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2001. Т. 1. № 1. С. 47–54.

Social-psychological conditions of development of group creativity

L. I. Eremina (Ulyanovsk)

Candidate of Pedagogics, Ulyanovsk State Pedagogical University
named after I. N. Ulyanov

In the article the analysis of researches of the socially-psychological conditions influencing development of creativity of small groups is presented. These conditions are associated with the characteristics, structure of a small group, with the phenomena of influence in a small group, with the specifics of the organization of group creativity, with the personal characteristics of participants in group interaction, with the influence of the environment, using active methods of socio-psychological work. Experience of empirical research of the development of group creativity of students is described with the help of developing training work, based on: exercises of creative orientation (on dissociation, association, combination and crystallization); cooperation as a form of interaction in joint activities; reflexive analysis of joint actions of stakeholders.

Keywords: group creativity, the conditions for the development of group creativity.

Экспресс-диагностика музыкального развития личности с помощью опросника Gold-MSI

Т. С. Князева, Т. В. Шохман** (Москва)*

** кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: tknyazeva@inbox.ru*

*** Институт психологии РАН; e-mail: tshohman@ya.ru*

Методика Gold-MSI широко используется в западных психологических исследованиях для диагностики музыкального развития личности и в настоящее время проходит апробацию в России. В рамках представленного в статье исследования обосновывается возможность использования укороченной версии опросника для экспресс-диагностики музыкальности, что продиктовано как актуальными научно-исследовательскими задачами музыкальной психологии, так и потребностями музыкального образования. В результате исследования, в котором приняли участие профессиональные музыканты и испытуемые, не имеющие музыкального образования (общая численность – 107 чел.), были выявлены шкалы, вносящие наибольший вклад в межгрупповую дискриминацию. Экспресс-опросник показал хорошие дискриминативные свойства, что позволяет существенно сократить время диагностики, сохранив при этом высокую точность прогноза.

Ключевые слова: музыкальность, методика Gold-MSI, экспресс-диагностика, дискриминантный анализ, прогноз.

Вступление

Проблема диагностики музыкальных способностей остается наиболее актуальной для современной психолого-педагогической науки, несмотря на то, что одна из первых попыток ее решения относится к 1883 г. и принадлежит основоположнику музыкальной психологии К. Штумпфону. В последние годы в западных музыкально-психологических исследованиях для комплексного изучения музыкальнос-

ти активно используется британская стандартизованная методика «Голдсмитский индекс музыкального развития» (The the Goldsmiths Musical Sophistication Index – Gold-MSI) (Müllensiefen et al., 2014).

Опросник Gold-MSI был разработан группой ученых из Голдсмитского университета (D. Müllensiefen, B. Gingras, J. Musil, L. Stewart) для многоаспектной оценки музыкального развития. В соответствии с современными тенденциями изучения музыкальности (Chin et al., 2018), авторы методики рассматривают музыкальность как целостное свойство психики, как сложное интегративное образование, в котором тесно переплетены общие когнитивные и специальные способности человека, его личностные качества, мотивация и эмоциональные переживания, а также музыкальный опыт субъекта. Все это определяет особенности индивидуального музыкального поведения, для оценки которого авторы разработали психометрический конструкт – методику Gold-MSI. Онлайн-исследование проходило на сайте BBC LabUK, что позволило привлечь большое число участников, выборка составила 147636 чел. Используя для обработки данных факторный анализ, а также методы структурного моделирования, авторы остановились на трансформированном варианте иерархической модели Schmid-Leiman, которая включает пять отдельных факторов и генеральный фактор (не заложенный изначально авторами, но набравший наибольший вес), прямо влияющий на 38 переменных – пунктов опросника в дополнение к влиянию пяти частных факторов. Полученные факторы легли в основу шести шкал последней версии опросника Gold-MSI v. 1.0: *музыкальная вовлеченность* (степень вовлеченности человека в музыкальные занятия, его мотивация, интерес к музыке), *музыкально-воспринимающие способности* (способности, связанные с музыкальным восприятием: слух, чувство ритма), *музыкальная практика* (интенсивность и продолжительность музыкальных занятий), *музыкально-воспроизводящие способности* («активный» слух человека, способность не только услышать правильное или фальшивое исполнение, но и самому правильно воспроизвести мелодию с помощью голоса или инструмента), *эмоции* (эмоциональная отзывчивость на музыку, способность обсуждать свои переживания), *общее музыкальное развитие* (генеральный фактор, включает 18 пунктов, которые входят в другие шкалы опросника).

Была показана высокая внутренняя согласованность и ретестовая надежность шкал опросника. Валидность методики проверялась в сопоставлении результатов с другими опросными методиками и музыкальными тестами, измеряющими «объективные» музыкальные способности (Müllensiefen et al., 2014).

Несмотря на свои хорошие психометрические свойства, данная методика абсолютно неизвестна в России. При этом отметим, что научно-методическая база музыкальной психологии нуждается в инструментарии, позволяющем оценивать музыкальность при решении разнообразных исследовательских задач. Но особенно эта проблема значима для музыкального образования, которое, несмотря на большое количество различных методик, применяемых в дифференциальной диагностике музыкальности, остро ощущает нехватку методов научно обоснованного анализа и оценки, позволяющих диагностировать как текущий уровень музыкального развития, так и его динамику в различных образовательных условиях (Абдуллин, 2011; Анисимов, 2004; Торопова, 2016).

Кроме методик, предполагающих углубленное обследование и позволяющих получать развернутый профиль музыкальности, всегда актуальной является потребность в экспресс-методах, обеспечивающих четкую и оперативную постановку научно-исследовательского или педагогического диагноза. Такое быстрое ориентировочное скрининг-обследование при минимальных затратах времени и усилий должно позволить получить достоверную информацию о состоянии и результатах процессов музыкального воспитания и обучения, о качестве педагогического процесса.

В настоящее время методика Gold-MSI проходит апробацию в России. Первичная апробация методики на российской выборке показала хорошие психометрические свойства ее русскоязычной версии (Князева, 2018; Князева, Шохман, 2018). В рамках апробации методики было проведено исследование, которое является предметом обсуждения в данной статье. *Целью* исследования являлась проверка возможности использования сокращенной версии опросника для экспресс-диагностики музыкального развития. В качестве *гипотезы* исследования проверялось предположение, что шкала «Общее музыкальное развитие», которая была выделена авторами методики в качестве генерального фактора, позволяет с высокой точностью проводить дискриминацию тестируемых участников по уровню музыкальности и может быть отдельно использована в процедуре диагностики в качестве экспресс-опросника. Основными *задачами* исследования были следующие: 1) оценка вклада каждой шкалы опросника в прогноз профессиональной принадлежности испытуемого «музыкант-немузыкант» с помощью дискриминантного анализа; 2) прогноз музыкальности немусыкантов на основе выработанного дискриминантного уравнения и анализ соотношения прогнозируемой музыкальности с реальным музыкальным опытом.

Методика и процедура проведения

В исследовании приняло участие 107 чел. (94 женщины, 13 мужчин), из них 27 чел. указали, что имеют высшее музыкальное образование и являются профессиональными музыкантами. Остальные 80 испытуемых не имели музыкального образования и не занимались профессиональной музыкальной деятельностью. Средний возраст испытуемых составил 33,64 ($SD=9,19$). Участники заполняли компьютерный вариант русскоязычной версии опросника Gold-MSI v. 1.0, а также анкету, в которой указывали возраст, образование, профессию, круг интересов. Обработка данных происходила с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics 23.

Результаты и их обсуждение

Для проверки возможности использования опросника в целях экспресс-диагностики и выявления наиболее информативных шкал для разделения «музыкант–немузыкант» был применен пошаговый дискриминантный анализ, в котором зависимой переменной выступила профессиональная принадлежность участников, а независимыми – показатели шкал Gold-MSI. В модели дискриминации остались две переменные, вносящие наибольший вклад в различие групп: шкала «Общее музыкальное развитие» и «Музыкальная практика». С помощью коэффициента лямбда Уилкса (λ), показывающего значимость различий средних значений дискриминативной функции в двух группах, было обнаружено, что переменная «общее музыкальное развитие» вносит наибольший вклад в дискриминацию групп, по сравнению с другими переменными ($\lambda=0,593$, $p<0,001$). Точность прогноза с помощью этой шкалы в разделении групп музыкант–немузыкант составила 80,4%. В ранее проведенном исследовании (Князева, Шохман, 2018) была показана хорошая внутренняя надежность шкалы (α Кронбаха – 0,883, λ Гуттмана – 0,917), что согласуется и с данными авторов методики Gold-MSI.

Достаточно высокая точность прогноза позволяет использовать выбранную шкалу для экспресс-диагностики, что уменьшает общее количество пунктов опросника больше чем в два раза и, соответственно, существенно сокращает время проведения диагностики. Таким образом, шкала «Общее музыкальное развитие», включающая комплексную оценку всех аспектов музыкальности и выделенная авторами методики Gold-MSI в качестве генерального фактора, оказалась наиболее информативной для разделения испытуемых по признаку их профессиональной принадлежности. Полученный результат подтвердил исходную гипотезу нашего исследования.

С целью дополнительной проверки дискриминантных свойств экспресс-опросника, был осуществлен прогноз музыкальности испытуемых, не имеющих профессионального музыкального образования. Полученное дискриминантное уравнение позволило проанжировать испытуемых из «немузыкальной» группы по уровню их музыкальности. При детальном изучении ответов и анкетных данных «музыкальных» немусыкантов, оказавшихся в верхней части списка, выяснилось, что многие из них музицировали «для себя» как любители, могли играть на музыкальных инструментах, занимались вокалом или имели хобби, связанные с музыкой. Например, один из испытуемых указал в качестве хобби «сочинение музыки и звукорежиссура», а другой отметил, что владеет тремя музыкальными инструментами.

Понятно, что музыкальность присуща в той или иной степени каждому человеку, и ее развитие может происходить имплицитно в различных музыкальных средах (а не только целенаправленно в профессионально-образовательных) под влиянием средовых и генетических факторов. Как и авторы опросника, мы придерживаемся взгляда на музыкальность как на атрибутивную характеристику человеческой психики, обладающую свойством континуальности. Сходные результаты были получены при изучении музыкальности музыкантов и немусыкантов с помощью ЭЭГ (Князева с соавт., 2001). Как и в электроэнцефалографическом исследовании (где предикторами музыкальности выступили ЭЭГ-параметры), корреляционный анализ в данном исследовании выявил положительные и значимые связи между индивидуальным прогнозом музыкальности (на основе экспресс-опросника Gold-MSI) и показателями музыкального опыта.

В заключение отметим, что сокращение опросника «Голдсмитский индекс музыкального развития» и использование для экспресс-диагностики только одной шкалы «Общее музыкальное развитие», которая включает комплексную оценку разных сторон музыкального поведения (музыкальные способности, компетентность, мотивация, эмоции, опыт), позволяет значительно сократить время диагностики в различении музыкантов и немусыкантов, сохраняя при этом высокую точность прогноза (более 80%). Модифицированный вариант методики (экспресс-опросник) позволяет также выявить уровень музыкального развития испытуемых, не имеющих профессионального музыкального образования. Таким образом, проведенное исследование, так же как и результаты апробации методики, позволяет сделать вывод о валидности экспресс-опросника Gold-MSI и возможности его потенциального использования для решения актуальных

как исследовательских, так и прикладных задач современного музыкального образования.

Литература

- Анисимов В. П.* Диагностика музыкальных способностей детей. М.: Владос, 2004.
- Абдуллин Э. Б.* Научные исследования в области педагогики музыкального образования: проблемы и пути совершенствования // Педагогическое образование и наука. 2011. № 5. С. 4–10.
- Князева Т. С.* Диагностика музыкальности с помощью Gold-MSI-опросника в контексте потребностей музыкального образования // Музыкальное искусство и образование: Вестник кафедры ЮНЕСКО. 2018. № 1.
- Князева Т. С., Лебедев А. Н., Торопова А. В.* Диагностика музыкальности по электроэнцефалограмме // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 87–91.
- Князева Т. С., Шохман Т. В.* Музыкально развитая личность: к апробации методики Gold-MSI // Современная зарубежная психология. 2018. № 2.
- Торопова А. В.* Музыкальная психология и психология музыкального образования. М.: Юрайт, 2016.
- MUSEBAQ: A Modular Tool for Music Research to Assess Musicianship, Musical Capacity, Music Preferences, and Motivations for Music Use. Music Perception / Т. С. Chin et al. // An Interdisciplinary Journal. 2018. V. 35. № 3. P. 376–399.
- The Musicality of Non-Musicians: An Index for Assessing Musical Sophistication in the General Population / D. Müllensiefen et al. // PLoS One. 2014. V. 9. № 2.

Express diagnostics of musical sophistication using the Gold–MSI questionnaire

*T. S. Knyazeva**, *T. V. Shokhman*** (Moscow)

* Candidate Psychological Sciences, Institute of Psychology RAS

** Institute of Psychology RAS

The Goldsmiths Musical Sophistication Index (Gold-MSI) is widely used in Western psychological studies to assess musical skills and behavior and Russian version of the Gold-MSI is currently tested. In this paper we examine the possibility of using a shortened version of the questionnaire for express diagnostics of musicality. This is conditioned by both the actual research goals

of music psychology and needs of music education. The study involved professional musicians and test subjects with no musical education (total number of 107 participants). As a result the scales that make the greatest contribution to inter-group discrimination were identified. The Express-questionnaire showed good discriminative properties, which allow to significantly reduce the time of diagnosis, while maintaining high accuracy of the prediction.

Keywords: musical sophistication, Gold-MSI questionnaire, express diagnostics, discriminant analysis, prediction.

Аттрактивность педагога как фактор развития одаренности ребенка

А. В. Короченцева (Ростов-на-Дону)

*кандидат психологических наук, доцент, Донской государственный
технический университет; e-mail: anna-kor@bk.ru*

Многолетние исследования одаренности показывают, что потенциально одаренным может быть каждый ребенок, так как при благоприятных условиях скрытые резервы развиваются и превращаются в реальные способности. Одаренность как творческая направленность врожденно свойственна всем, но может как развиваться, так и утрачиваться под воздействием среды. Поскольку отправной точкой развития одаренности является обучение, особое значение приобретает педагог, который является неотъемлемой частью окружающей среды, способствующей нахождению индивидуального, свойственного только этому ребенку пути развития его дарований. Особое значение, аттракция приобретает в контексте перцептивной стороны общения педагога с обучающимися. В статье представлено исследование представлений учеников общеобразовательной школы об аттрактивном и неаттрактивном педагоге. Определен личностный профиль и характеристики невербального поведения аттрактивного и неаттрактивного педагога.

Ключевые слова: аттракция, одаренность, перцептивная сторона общения, педагогическая деятельность, положительная установка, невербальное поведение.

На сегодняшний день, в условиях технологического прогресса и бурного развития науки и техники, общество испытывает большую потребность творческих кадрах, умеющих нестандартно мыслить и способных успешно справляться с поставленными задачами, а также ставить перед собой перспективные цели.

Выявление и создание условий для развития одаренности и помощи талантливым детям представляет одну из приоритетных задач современной системы образования.

Многолетние исследования в этой области показывают, что потенциально одаренным может быть каждый ребенок, так как при благоприятных условиях скрытые резервы развиваются и превращаются в реальные способности. Таким образом, получается, что неспособных детей вообще нет, надо только найти ту самую сферу интереса, самореализации, в которой будут актуализированы задатки, находящиеся в «спящем» состоянии (Выготский, 1997). В то же время неблагоприятные условия среды, даже при ярко выраженных задатках могут свести на нет все их возможные проявления.

Известный американский психолог А. Маслоу писал, что одаренность — это творческая направленность, врожденно свойственная всем, но теряемая большинством под воздействием среды (Маслоу, 2006). Отечественный ученый Г. В. Плеханов (1956) говорил, что таланты являются всюду и всегда, где и когда существуют общественные условия, благоприятные для их развития.

Л. С. Выготский (1997) рассматривает детскую одаренность как «способность к творчеству», которая является генетически обусловленной, развивающейся в соответствующей деятельности или деградирующей при ее отсутствии.

В современных исследованиях также подчеркивается роль учителя в образовательном процессе. Отмечается, что важной задачей учителя является организация активной самостоятельной познавательной деятельности, создание условий, способствующих раскрытию потенциальных возможностей учащихся, развитие их творческих способностей. Говорится о том, что это возможно только при изменении позиции учителя, которая выражается в организации их взаимодействия. Сотрудничество, совместное творчество, управление познавательной деятельностью, демократический стиль общения можно отнести к одним из самых важных качеств, необходимых современному учителю (Елагина, Немудрая, 2005).

Поскольку отправной точкой развития одаренности является обучение, особое значение приобретает педагог, который как раз и является той неотъемлемой частью окружающей среды, способствующей нахождению индивидуального, свойственного только этому ребенку пути развития его дарований (Андреева, 1988). Огромную роль здесь играют не только профессиональные и личностные особенности педагога, но и его умение привить интерес к своему предмету, быть непререкаемым авторитетом для обучающихся, уметь задавать положительную установку на себя и процесс обучения.

Аттракция, вслед за Г. М. Андреевой, понимается нами как процесс формирования привлекательности учителя для учеников и продукт этого процесса, т. е. некоторое качество отношения (Андреева, 1988). Особое значение аттракция приобретает в контексте перцептивной, стороны общения с обучающимися (Бодалев, 1982).

Изучение аттракции в социальной психологии – сравнительно новая область, так как долгое время изучение таких феноменов, как дружба, симпатия, любовь, не считалось областью научного анализа. В то же время на сегодняшний день имеется довольно большое количество экспериментальных работ и теоретических обобщений в этой области.

Например, Л. Я. Гозман рассматривает аттракцию как особый вид социальной установки на другого человека, в которой преобладает эмоциональный компонент, когда этот «другой» оценивается преимущественно в категориях, свойственных аффективным оценкам. В основном эмпирические исследования и посвящены выяснению тех факторов, которые приводят к появлению положительных эмоциональных отношений между взаимодействующими субъектами (Андреева, 1988).

Г. М. Андреева (1988) отмечает, что процесс аттракции – это возникновение положительного эмоционального отношения при восприятии другого человека.

Изучение аттракции в контексте педагогической деятельности открывает большую перспективу для понимания функций аттракции, в частности функции эмоциональной регуляции межличностных отношений в диаде «педагог–учащийся», а также в системе «педагог–группа».

В нашем исследовании мы изучали особенности представлений учеников общеобразовательной школы об аттрактивном педагоге.

Нами были использованы следующие методики: модифицированный опросник Е. Ф. Бажина, А. М. Эткинды, направленный на изучение субъективного представления учащихся о личности педагога, и модифицированный опросник В. А. Лабунской «Невербальные характеристики общения», направленный на выявление субъективных представлений о внешнем облике педагога (к характеристикам невербального поведения были добавлены характеристики лица и оформления внешнего облика).

Эмпирическим объектом исследования выступили 48 учащиеся 9 классов МБОУСОШ, в возрасте от 14 до 15 лет, из них 22 мальчика и 26 девочек.

Процедура исследования

При помощи опросника Е. Ф. Бажина, А. М. Эткинды, с помощью определения коэффициента ранговой корреляции Пирсона, нами были определены личностные профили привлекательного (аттрактивного) и непривлекательного (неаттрактивного) педагога по представлениям учащихся.

В личностный профиль аттрактивного педагога вошли характеристики, между которыми была обнаружена значимая взаимосвязь при $p < 0,001$: «Искренний» и «сострадательный» ($r = 0,674^{**}$), лидер ($r = 0,636^{**}$); «ответственный» ($r = 0,1000^{**}$) и «творческий» ($r = 0,1000^{**}$), «сдержанный» ($r = 0,1000^{**}$), «искренний» ($r = 0,699^{**}$); «спокойный» и «социально неопытный» ($r = 0,699^{**}$); «сообразительный» и «ответственный» ($r = 0,699^{**}$), «творческий» ($r = 0,699^{**}$), «приятный» ($r = 0,607^{**}$), «молодой» ($r = 0,609^{**}$), «искренний» ($r = 0,1000^{**}$); «сдержанный» и «сообразительный» ($r = 0,699^{**}$), «ответственный» ($r = 0,1000^{**}$), «искренний» ($r = 0,699^{**}$); «добродушный» и «сердечный» ($r = 0,710^{**}$); «лидер» и «искренний» ($r = 0,636^{**}$); «приятный» и «сердечный» ($r = 0,729^{**}$), «опрятный» ($r = 0,699^{**}$)

В личностный профиль не аттрактивного педагога вошли характеристики: «молчаливый» и «циничный» ($r = 0,672^{**}$), «жестокий» ($r = 0,690^{**}$), «неустойчивый» ($r = 0,672^{**}$), «пренебрегающий правилами» ($r = 0,635^{**}$), «неуверенный» ($r = 0,796^{**}$), «социально неопытный» ($r = 0,671^{**}$), «принимаящий условия» ($r = 0,728^{**}$); «нереалистичный» и «нерадивый» ($r = 0,699^{**}$), «замкнутый» ($r = 0,807^{**}$), «недоверчивый» ($r = 0,690^{**}$), «неискренний» ($r = 0,610^{**}$), «робкий» ($r = 0,699^{**}$); «покорный» и «безразличный» ($r = 0,622^{**}$); «пренебрегающий правилами» и «озабоченный» ($r = 0,620^{**}$), «вольнодумно-либеральный» ($r = 0,661^{**}$), «циничный» ($r = 0,883^{**}$), «жестокий» ($r = 0,610^{**}$), «неконтролируемый» ($r = 0,635^{**}$), «беззаботный» ($r = 0,619^{**}$), «полный энтузиазма» ($r = 0,693^{**}$), «принимаящий условия» ($r = 0,629^{**}$); «непостоянный» и «замкнутый» ($r = 0,807^{**}$); «неуверенный» и «неустойчивый» ($r = 0,844^{**}$), «неконтролируемый» ($r = 0,796^{**}$), «застенчивый» ($r = 0,681^{**}$), «цепляющийся за других» ($r = 0,690^{**}$), «приземленный» ($r = 0,784^{**}$), «социально неопытный» ($r = 0,843^{**}$), «принимаящий условия» ($r = 0,734^{**}$); «необязательный» и «неконтролируемый» ($r = 0,690^{**}$), «нерадивый» ($r = 0,699^{**}$), «недоверчивый» ($r = 0,690^{**}$), «робкий» ($r = 0,699^{**}$); «нерадивый» и «жестокий» ($r = 0,699^{**}$), «нереалистичный» ($r = 0,699^{**}$), «необязательный» ($r = 0,699^{**}$), «робкий» ($r = 0,1000^{**}$); «неустойчивый» и «приземленный» ($r = 0,785^{**}$), «социально неопытный» ($r = 0,1000^{**}$), «неискренний» ($r = 0,760^{**}$), «принимаящий условия» ($r = 0,763^{**}$).

Процедура ранжирования позволила нам определить наиболее значимые характеристики в представлениях учеников. Для аттрактивного педагога – это ответственный, творческий, сдержанный, спокойный, искренний, сообразительный, лидирующий, приятный. Для неаттрактивного – молчаливый, нереалистичный, покорный, пренебрегающий правилами, непостоянный, неуверенный, необязательный, нерадивый, неустойчивый.

Далее мы исследовали представления учеников о невербальном поведении аттрактивного и неаттрактивного педагога с помощью опросника В. А. Лабунской «Невербальные характеристики общения».

Ранжирование характеристик показало, что большинство учеников считают, что аттрактивный педагог должен обладать следующими характеристиками: взгляд, мимика, жесты и голос, – указывающими на интерес к собеседнику, демонстрирующими умение понимать других. Педагог грамотно ведет диалог, а глаза теплые и ласковые. Позы, по мнению учеников, должны быть гармоничные, синхронные, идентичные позам партнера, с помощью интонации он должен уметь сделать акцент на важных вещах и доброжелательно улыбаться. С помощью коэффициента ранговой корреляции Пирсона была обнаружена значимая взаимосвязь при $p < 0,001$, между характеристиками «жесты адекватны ситуации общения» и «дистанция общения регулируется в соответствии с ситуацией» ($r = 0,509^{**}$); «Дистанция общения регулируется в соответствии с ситуацией» и «проявлять умение слушать и вести разговор» ($r = 0,810^{**}$).

Невербальный профиль неаттрактивного педагога, по представлениям учеников, включает следующие характеристики: нарушает комфортную дистанцию, приподнимает брови, взгляд сверху вниз, смотрит снизу вверх, в процессе общения говорит быстро, непонятно, нечастый, отсутствующий контакт глаз, лицо напряжено, мимика дисгармонична, блеск глаз не выражен, глаза прищурены, повышает голос в процессе общения, монотонно говорит.

Обнаружена значимая взаимосвязь между характеристиками «Нарушение комфортной дистанции» и «приподнимает брови» ($r = 0,632^{**}$), «взгляд сверху вниз» и «нарушает комфортную дистанцию» ($r = 0,632^{**}$).

Таким образом, в результате эмпирического исследования представлений учащихся об аттрактивном и неаттрактивном педагоге нами были сделаны следующие выводы.

1. В представлениях учеников аттрактивный педагог обладает следующими личностными характеристиками: он должен ответст-

венно и творчески подходить к своей работе, вести себя сдержанно, спокойно и сообразительно. Искренне относиться к своим ученикам. Он должен обладать лидирующими качествами и быть приятным в общении. Неаттрактивный педагог молчалив и не уверен в себе, пренебрегает правилами устава школы либо совсем покорный, он непостоянен в своих утверждениях, необязательно, недобросовестно относится к выполнению своих обязанностей и без усердия и внимания выполняет их, эмоционально неустойчив.

2. Невербальное поведение аттрактивного педагога включает: взгляд, мимику, жесты, голос, демонстрирующие интерес к собеседнику; указывает на умение понимать других, глаза теплые и ласковые, позы гармоничные, синхронные, идентичные позам партнера. С помощью интонации он должен уметь сделать акцент на важных вещах и доброжелательно улыбается. К характеристикам неаттрактивного педагога были отнесены: нарушение комфортной дистанции, приподнимание бровей, взгляд, при общении направлен сверху вниз. Было отмечено, что неаттрактивный педагог говорит очень быстро, монотонно, непонятно, сопровождает речь нечастый отсутствующий контакт глаз, лицо во время разговора напряжено.

Автор (материала) – победитель конкурса Стипендиальной программы Владимира Потанина 2017/2018 (договор о гранте № ГСГК-60/18).

Литература

- Андреева Г. М.* Социальная психология: Учебник. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
- Бодалев А. А.* Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.
- Выготский Л. С.* Воображение и творчество в детском возрасте. СПб.: СОЮЗ, 1997.
- Елагина В. С., Немудрая Е. Ю.* Коммуникативная деятельность как важная составляющая педагогической компетентности учителя // Международный журнал экспериментального образования. 2009. № 5. С. 41–42.
- Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 2. М., 1956.
- Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Питер., 2006.

Attraction of the teacher as a factor in the development of the giftedness of the child

A. V. Korochentseva (Rostov-on-Don)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Don State Technical University

Long-term research of giftedness shows that every child can potentially be gifted, since under favorable conditions, hidden reserves develop and turn into real abilities. Giftedness as a creative direction, inherently inherent in all, but can both develop and be lost under the influence of the environment. Since the starting point of the development of giftedness is learning, special importance, the teacher which acquires, is an integral part of the environment, which conducive to individual development of talents. Of particular importance, the attraction acquires in the context of the perceptual aspect of the teacher's communication with the pupils. The article presents an investigation of the representations of pupils of the general education school about an attractive and not attractive teacher. A personal profile and characteristics of non-verbal behavior of an attractive and not attractive teacher have been determined.

Keywords: attraction, giftedness, perceptual side of communication, pedagogical activity, positive attitude, nonverbal behavior.

Диалектическое соотношение трудного и интересного в процессе решения проблемных задач

Е. И. Кузьмина, З. В. Кузьмина** (Москва)*

** доктор психологических наук, Военный университет МО РФ;*

e-mail: kuzminael1@yandex.ru

*** кандидат психологических наук;*

e-mail: kuzminael1@yandex.ru

Раскрывается диалектический характер соотношения трудного и интересного в процессе решения проблемных задач. Приводятся примеры и результаты исследования этого соотношения у школьников (г. Куса), студентов (Ульяновский эксперимент) и курсантов Военного университета (г. Москва). Показано, что трудное трансформируется в интересное в процессе творчества, а также что диалектическое единство трудного и интересного особенно ярко проявляет себя при решении задач проблемного типа и в содержательном плане представляет собой экзистенциальный феномен.

Ключевые слова: трудное и интересное, свобода творчества, рефлексивно-деятельностный подход.

Предметом нашего исследования является диалектическое единство трудного и интересного в решении субъектом задач проблемного типа. Этот феномен личностного уровня познания раскрывает одну из существенных особенностей познавательной активности (а также свободного ума как когнитивно-стилевой характеристики мышления (Кузьмина, 2016)) – ее усиления в ходе экзистирования – восхождения к всеобщему (Г. Гегель), всеобъемлющему (К. Ясперс), самостоятельного поиска верного ответа, движения к истине. «Экзистенциальная полнота разумного мышления», которая достигается в ходе «прорыва в пространство объемлющего» (а таковое, по всей вероятности, происходит в ходе разрешения предметной или жизненной проблемы), по мнению К. Ясперса, становится возможной

лишь в индивиде, «силою свободного решения осознающего себя как самость»; «в дарованности себе самому я смутно чувствую полноту всеобъемлющего» (Ясперс, 2013, с. 196).

Изучаемый нами феномен проявляется в динамике переживания и трансформации оценки решаемой задачи на первых этапах как трудной и на последующих – как интересной. Другими словами, в ходе решения задачи человек воспринимает ее как трудную, требующую от него волевых усилий, но в то же время испытывает к ней интерес, вдохновляющий на продолжение решения этой задачи, преобразующий препятствия познания в ступени самореализации. В результате успешного решения сложной задачи в итоговой оценке интересное превышает трудное. Это удалось доказать в результате эксперимента. Каждому из 24 курсантов, обучающихся в одной из групп в Военном университете МО РФ, было предложено решить точечную задачу из исследования Я. А. Пономарева (четыре точки, которые надо соединить тремя линиями, не отрывая карандаша от бумаги), после чего было дано задание отметить жирной точкой на шкалах «трудное» и «интересное» свое ощущение при решении задачи, сравнить эти два показателя. Общегрупповой результат показал, что соотношение интересного и трудного приближается по своему количественному показателю к золотому сечению, причем интересного в самооценке больше, чем трудного.

За счет чего происходит усиление познавательной активности при решении проблемной задачи? Почему происходит трансформация трудного в интересное? Каков ее механизм?

Прежде всего, при ответе на эти вопросы для нас методологически важным выступает положение С. Л. Рубинштейна, раскрывающее содержание введенного им в психологию принципа детерминизма: «При объяснении любых психических явлений личность выступает как совокупность внутренних условий... Внешнее воздействие дает тот или иной психический эффект, лишь преломляясь через психическое состояние субъекта, через сложившийся у него строй мыслей и чувств... В этом суть активности личности» (Рубинштейн, 2017, с. 318). В свою очередь, без значимости невозможно построить вектор активности. Это положение развивал Н. Ф. Добрынин при изучении внимания, которое определялось им как направленность и сосредоточенность сознания на цели и средства деятельности при одновременном отвлечении от всего остального; внимание – инструмент, с помощью которого человек осознает мир. Переживание значимости того, что возникает и актуализируется в сознании человека в процессе движения мысли, порождает интерес.

Интерес усиливается по мере того, как субъект открывает систему отношений между объектами и явлениями, в которой видит новую грань исследуемого объекта. При этом «нерв мыслительного процесса» – своего рода механизм творческого мышления в теории С.Л. Рубинштейна, интенсивно функционирует, и мысль движется в расширяющемся пространстве понятий и «смысловых волн» (О.К. Тихомиров), опредмечивая его и создавая более или менее твердую основу – семантическое поле, «почву» для рассуждений и открытий, служит доказательством «соучастия в творении» (Ф. Шеллинг), «как если бы мы в своей основе присутствовали при истоке всех вещей» (К. Ясперс).

По С.Л. Рубинштейну, интерес – это проявление культурных и познавательных потребностей личности, «мотив, который действует в силу своей осознанной значимости и эмоциональной привлекательности... Чем выше уровень осознанности, тем большую роль в интересе играет осознание объективной значимости тех или иных задач, в которые включается человек... Когда человек работает с интересом, он, как известно, легче и продуктивнее работает» (Рубинштейн, 2017, с. 525–526). Безусловно, интерес играет исключительно важную мотивационную роль в формировании и развитии навыков, умений и интеллекта. Его возникновение в ходе решения трудной задачи меняет весь ее ход. На «крыльях интереса» человек «влетает» в зону неопределенности, которая открывается в ходе решения проблемной задачи, с уверенностью «забегает вперед» – делает самостоятельные шаги в целеполагании, осуществляет анализ через синтез в предельно большом диапазоне связей с миром, превосходит самого себя. Возникающее в рефлексии на собственное движение в успешном решении задачи переживание малых и больших «прорывов» как личных достижений (нахождение конструктивного пути решения, верного алгоритма, отказ от штампа, ощущение правильности выбранного пути и т. п.) приводит, в свою очередь, к ощущению движения к истине, переживанию чувств отваги, свободы творчества, радости, возникает понимание «Я могу решать сложные задачи!», вследствие чего усиливается чувство самоэффективности, выступающее дополнительной мотивацией свободы творчества, подтверждается и укрепляется адекватно высокая самооценка.

Начало изучения проблемы соотношения интересного и трудного при решении задач учащимися было положено в первых научных работах З.В. Кузьминой. В 1959 г. после завершения учебы в пединституте она по направлению прибыла в школу № 8 г. Кусы Челябинской области и приступила к работе учителя и классного ру-

ководителя 6 «б» класса, где 12 чел. (половина учащихся) были второгодниками, а один — третьегодник. Их надо было заинтересовать! Для того чтобы повысить внутреннюю мотивацию учения, был спланирован и проведен эксперимент «Соотношение трудного и интересного». В то время еще не было работ Л. В. Занкова, А. В. Брушлинского, А. М. Матюшкина, Т. В. Кудрявцева, посвященных развивающему и проблемному обучению. Методолого-теоретические труды С. Л. Рубинштейна были недоступными. Готовиться к занятиям по биологии помогала научно-популярная литература об учителях-новаторах и журнал «Наука и жизнь». Так, в одном из его номеров была найдена и использована на уроке статья о филодендроне — цветке, реагирующем на обидчика — человека, который, проходя мимо этого растения, случайно сломал лист. Биологи решили проверить, есть ли чувствительность у филодендрона? Они установили на нем датчик, и когда этот же человек проходил мимо, то прибор срабатывал, а когда проходили другие сотрудники — нет. Почему? Учащиеся шестого класса не могли найти ответ на этот непростой вопрос и не стали двигаться в его решении. На поставленный перед ними в качестве подсказки вопрос «Чувствуют ли растения боль?» они лишь засмеялись. Иначе отреагировали на этот эксперимент восьмиклассники. Он у них вызвал интерес, потребовал знания эволюции психики, основных условий возникновения жизни на Земле — появления белковых тел. Они сравнили чувствительность человека как особую форму отражения организма, обладающего сознанием, а филодендрон расценили как *живое* растение, с присущей всем растениям формой отражения реальной действительности — раздражимостью. После этого урока с филодендромом для шестого класса стали подбираться такие задачи проблемного типа, которые вызывали интерес и были посильны для решения в этом возрасте. К концу учебного года в этом классе повысилась успеваемость, не осталось ни одного второгодника, а третьегодник (как оказалось, он был лидером среди учащихся) стал выполнять функцию старосты класса. Через десять лет с готовой диссертацией и статьей по проблеме соотношения интересного и трудного в решении задач учащимися (Кузьмина, 1968) (в которых впервые в психологии был проведен анализ деятельности учителей-новаторов, известных к тому времени в нашей стране; полученные за многолетнее экспериментальное исследование данные оформлены в виде графика, отражающего соотношение интересного и трудного в решении задач) З. В. Кузьмина приехала в Москву и показала ее назначенному руководителю — заведующему кафедрой психологии МГПИ А. В. Петровскому, но он настоятельно порекомендовал поменять тему, сказал, что он ею не занимается. Пришлось

выбрать другую. Однако вскоре появились его работы, посвященные познавательной активности, фантазии и интересу.

Эксперимент в 1959 г. в Кусинской школе по развитию мышления в ходе трансформации трудного в интересное при решении задач был успешен и получил свое продолжение в УлГПИ. Ульяновский эксперимент (Кузьмина, 2014) проводился на протяжении десяти лет (с 1984 по 1994 г.) со студентами физико-математического факультета (более 800 чел.) Е. И. Кузьминой в сотрудничестве с З. В. Кузьминой и учителем физики школы № 1 В. С. Тейтельманом (вскоре получившим звание заслуженного учителя). С учетом содержания работ психологов о проблемном обучении, вышедших в начале восьмидесятых годы XX в., мы читали лекции о мышлении, способностях и их развитии по дисциплинам «Общая психология» и «Возрастная и педагогическая психология». Студентам также давалось задание: во время педпрактики реализовать метод постановки проблемных ситуаций на уроках, посещать занятия учителей, использующих инновационные методы обучения, а на экзамене по психологии – привести пример проблемной ситуации из школьной практики (это был второй вопрос в билете).

Было выявлено, что условиями восприятия задачи как нетрудной являются следующие:

1. Задача представляется интересной для решающего, она инициирует послепроизвольное внимание.
2. У учащегося сформированы необходимые навыки и имеется опыт решения подобных задач. Решающий легко осуществляет перенос алгоритмов с решения одних задач на другие; у него сформировано теоретическое мышление.
3. Нежелание брать подсказку, предлагаемую другим человеком, и в то же время открытость подсказкам, возникающим в ходе самостоятельного решения задачи, переживания инсайта.
4. Трансформация трудного в интересное при решении проблемных задач происходит преимущественно при решении задач неочевидного типа, по классификации А. В. Брушлинского (например, его задача «Будет ли гореть свеча в кабине космического корабля?» или задачи С. Л. Рубинштейна (о фигуре, в которой при одном условии прямая линия является биссектриса, при другом – касательной и секущей).

Кусинский и Ульяновский эксперименты были проведены задолго до возникновения работ об образе учебных затруднений в их связи с мотивационными компонентами и индивидуальными особенностями личности учащихся (Гребенкин, 2006), о «сложных» и «труд-

ных» задачах в связи со специальностью, по которой обучаются студенты (Матюшкина, 2016), конструктивной функции создаваемых трудностей в обучении (Поддъяков, 2006, 2014).

Методолого-теоретическими основаниями исследования соотношения интересного и трудного при решении проблемных задач выступили: философские представления К. Ясперса о процессе экзистирования, субъектно-деятельностная теория С.Л. Рубинштейна и построенный на ее основе рефлексивно-деятельностный подход (Кузьмина, 1994), концепция мышления и прогнозирования А.В. Брушлинского, смысловая теория мышления О.К. Тихомирова, теория проблемного обучения А.М. Матюшкина, структурно-динамическая теория мышления Д.В. Ушакова.

Феномен диалектического единства трудного и интересного при решении проблемной задачи – экзистенциальный, по своей природе. Когда человек, преодолевает границы познания, поначалу ему трудно, так как путь к решению нелегкий: порой надо преодолеть что-то в себе (установку, клише, страх, тревогу, фрустрацию, лень, ощущение бессмысленности, невозможности решения и т. п.). Тем не менее, бывает так, что в ходе решения задачи, по мере того, как человек проделал ряд шагов, возникает следующий этап, на котором он почувствовал, что что-то сдвинулось в решении задачи и он начал понимать ход решения, что истина где-то рядом; с каждым шагом крепнет мысль и чувство верности выбранного пути уже не покидает человека. Произошло разрешение противоречия, которое впервые обозначил и описал в своих работах И. Г Фихте: «Я-ограниченное в ситуации» и «Я-безграничное в принципе». Границы познания, а вместе с ними и границы личности, в ходе трансцендирования (человек поднимается над своим единичным и особенным Я) и экзистирования (движется к истине) расширились – произошло их преодоление, «размыкание», «снятие». Решающему задачу стало понятно, что он движется в верном направлении и с каждым шагом приближается к решению. На этом пути движения, вместе с ускоряющейся мыслью к новому – «всеохватывающему» (в значении термина К. Ясперса) или «всеобщему» (Г. Гегель), человек в ходе анализа через синтез (С.Л. Рубинштейн) проявляет в полной мере свою активность, полноценно функционирует, живет богатой жизнью («causa ergo sum», Декарт), ощущает полноту и богатство бытия, воспринимает себя творческим и по этому существенному качеству – приближенным к Богу, созидателем.

Мы полагаем, что диалектическое соотношение трудного и интересного раскрывает творческий характер решения проблемных задач. Такое соотношение не всегда поддается осознанию и тем бо-

лее сознательному контролю со стороны решающего задачу, однако при определенных условиях (высокий уровень интеллекта, одаренность и т. д.) оно может выступить предметом рефлексии и поэтому стать в какой-то степени регулируемым, что важно для совершенствования учебной и научной деятельности.

Одаренным, талантливым и гениальным людям, как думает большинство, все, что связано с творчеством, дается легко, тем более что в рефлексии на процесс открытия (в философии, науке, технике, искусстве) многие из них констатируют, что служат «инструментами», «проводниками идей, которые приходят к ним свыше»: слышат голос, мелодию, видят образы (зачастую это происходит во сне или во время отдыха); им надо только успеть зафиксировать результат инсайта. Очевидно, что на этапе творчества, когда к изрядно потрудившемуся над проблемой художнику приходит вдохновение, он уже не чувствует сложности решаемой задачи, хотя нервы у него бывают напряжены до предела и пот льет градом: это чувство он воспринимает как благо, чудо и буквально «летит на крыльях вдохновения». В психологии такое состояние называют измененным: в нем в особом режиме работают все познавательные процессы; единство аффекта и интеллекта достигает кульминации; активизируется рефлексия на деятельность; внимание становится слеппроизвольным; сознание расширяется. Когда открытие сделано, то опять требуются волевые усилия для проведения работы на проверку и редактирование полученных результатов.

О том, что легкость творческой деятельности иллюзорна, есть множество свидетельств. Д. И. Менделеев на вопрос о том, сколько времени ему понадобилось на открытие периодической таблицы химических элементов, заданный журналистом, находящимся под впечатлением от версии этого открытия во сне, ответил, что шел к нему много лет. Леонардо да Винчи длительное время искал подходящее для персонажа картины лицо, фигуру, позу конкретного человека. А Ньютон придумал историю об упавшем ему на голову яблоке как причине открытия закона всемирного тяготения, однако на самом деле, прежде чем сформулировать этот закон, он затратил много сил и времени.

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель...

А. С. Пушкин, 1829

В коротком (всего пять строк!) стихотворении о просвещении опыт представляется поэту как «сын ошибок трудных». Рукопись этого стихотворения – потрясающий документ, свидетельствующий о сложности процесса сочинения: сколько там зачеркнутых вариантов! Видно, каким множеством путей шла и оформлялась мысль гениального Пушкина.

«Невыносимая легкость» творческой деятельности, любовь народа к творцу вызвали не только положительные чувства – удивление, восхищение, но и зависть, злость со всеми их деструктивными последствиями. «Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина – тому подтверждение. Дуэль и смерть гениального Пушкина в 37 лет – трагедия для России.

Кто, как не гениальный человек, острее чувствует жизненные противоречия, глубоко переживает несоответствие идеалу, знает радость творчества и другие чувства и эмоции, возникающие в ходе творческого процесса, может с достаточной уверенностью судить о соотношении труда и радости в нем? Изобретатель Т. Эдисон вывел формулу: «Гений – это один процент вдохновения и девяносто девять процентов пота». Однако насколько эта формула универсальна? Л. Н. Толстой в ответном письме к графу, который восхищался талантом писателя, написал: «Ну что вы заладили – талант да талант! Посадите себя на пять лет в яму и перепишите одно и то же пять раз, и вы будете талантливы!». Как известно, Л. Н. Толстой при написании романа «Война и мир» не выезжал из Ясной Поляны пять лет.

Специалисты по мышлению и креативным способностям, желающие постичь содержание и механизмы творчества гениальных людей, стоят на пороге этой тайны природы. Конечно, через монитор современных технических устройств о биопотенциалах мозга, нейронах и их связях что-то приоткрывается, но физиология все же имеет ограниченные рамки в понимании творчества как психического процесса и личностного способа бытия. Без феноменологии это сделать вряд ли получится.

Талантливый русский архитектор Франц Осипович Шехтель писал о творчестве: «Я не могу существовать, не увлекаясь кем-либо или чем-либо, тем более если я усиленно работаю. Творчество дает бесконечное счастье, оно очищает от всякой скверны. Творчество ведет нас к возрождению, и мы начинаем осознавать смысл жизни и то, для чего мы болтаемся на земле, – конечно, для любви и искусства».

Джорджо Вазари – искусствовед, современник Леонардо да Винчи отмечал, что «таланта же было в нем столько и талант этот был таков, что к каким бы трудностям его дух ни обращался, он разрешал их с легкостью <...> куда бы он ни обращал свои помыслы, свой ум

и свое дерзание, он в творениях своих проявлял столько божественности, что никогда никто не смог с ним сравняться в умении доводить до совершенства свойственные ему непосредственность, живость, доброту, привлекательность и обаяние» (Вазари, 2008). Интерес также представляет следующая особенность творчества гениального художника: «Правда, мы видим, что Леонардо многое начинал, но ничего никогда не заканчивал, так как ему казалось, что в тех вещах, которые были им задуманы, рука не способна достигнуть художественного совершенства, поскольку он в своем замысле создавал себе разные трудности, настолько тонкие и удивительные, что их даже самыми искусными руками ни при каких обстоятельствах нельзя было бы выразить» (Вазари, 2008).

Незаконченные творения Леонардо, как и «недоназванный мир», в котором художник может «при каждом шаге безымянное именовать» (В. Набоков), как раз отражают (и подтверждают) диалектический характер трудного и интересного, потому что «доназвать», как пишет В. Набоков, посылно каждому, а «недоназвать — это прерогатива искусства и само по себе искусство. Часто весьма неблагоприятная работа. Это недоназванное потом выглядит совершенно иначе, чем названное или безымянное». По всей вероятности, «недоназванное» означает и для художника, и для читателя (зрителя) свободу мысли с открытой возможностью самостоятельного движения в познании этого явления, его содержания и смысла, отражает общую богатую, с бесконечным разнообразием связей и отношений картину мира, кроме того, оно являет собой специфический эффект незавершенного действия, который добавляет сложности к решению проблемной задачи и в то же время мотивирует на поиск верного решения, сколько бы по времени оно ни длилось. Таким образом, в некоторых случаях художник (мыслитель) оставляет загадочным для себя или для других полностью не разгаданным (как этот происходит с истиной) интересующий его предмет, и от этого он становится еще интереснее, обладающим большей эго-объектной силой, как бы сказали гештальт-психологи, большей энергией.

В познании, как и в обучении, если его целью является поддержка и развитие свободного ума, желателен зазор между понятным и тем, что еще предстоит понять: зона неопределенности, возникшая у учащихся при столкновении с трудностью при решении задачи проблемного типа, создает условия предвосхищения знания, забегания вперед — трансцендирования как выхода за свои актуальные возможности в область виртуальных (об этом мы читаем в работах К. Ясперса о философском мышлении, С.Л. Рубинштейна — о мышлении при решении проблемной задачи, а также эта идея просматривает-

ся в представлении о зоне ближайшего развития Л. С. Выготского, анализе парадокса Платона в мышлении, проведенном Д. В. Ушаковым (Ушаков, 2006).

Отрывок из романа Томаса Манна «Доктор Фаустус» подтверждает вышесказанное. Одаренный подросток Адриан Ливеркюн со своим другом посещал сложные для восприятия неспециалистом лекции о Бахе. Спустя годы, вспоминая этот эпизод, герой произведения приходит в рефлексии к важному, с точки зрения психологии творчества, суждению: «...„фуга“, „контрапункт“, „героическая“, „сумбур из-за чересчур подчеркнутых модуляций“, „строгий стиль“ – для нас все это, говоря по правде, было еще сказочной непонятицей, но мы так охотно ее слушали, так широко раскрывали глаза, совсем как дети, внимающие непонятному, неподобающему с куда большим удовольствием, нежели им знакомому, соответствующему и подходящему. Не знаю, поверит ли мне читатель, но только этот самый активный, самый горделивый и, пожалуй, наиболее действенный способ познания – предвосхищение знаний, рвущееся вперед через зияющие пустоты незнания. Как педагогу, мне, конечно, не следовало бы это говорить, но я успел убедиться, что юношество, бесспорно, предпочитает такой способ усвоения; пустоты же с течением времени сами собой заполняются».

В предисловии ко второму изданию классического труда «Основы общей психологии С. Л. Рубинштейн написал: «От человека – сейчас это очевиднее, чем когда-либо, – требуется, чтобы он не только умел находить всяческие изобретательные средства для любых задач и целей, но и мог, прежде всего, определить надлежащим образом цели и задачи подлинно человеческой жизни и деятельности» (Рубинштейн, 2017, с. 7). Рассмотрим это положение на реальном примере. Ученица десятого класса при выполнении домашнего задания по тригонометрии столкнулась с трудностью решения задачи и обратилась к своему однокласснику с просьбой показать ей, как он решил эту задачу. Но он предложил ей самой подумать, сказал: «Если я тебе сейчас покажу ход решения задачи, то ты никогда не научишься решать такие задачи». Учитывая ее первое чувство влюбленности, глубоко скрытое от него, нетрудно понять состояние обиды, в котором она находилась. Этот вечер был наполнен рефлексией и поиском алгоритма задачи. Она не заметила, как наступил рассвет. И чем дольше она размышляла, тем больше ей хотелось найти не только принцип решения задачи, а доказать, что она не хуже его разбирается в математике. А когда нашла принцип решения задачи, посмотрела в открытое окно, почувствовала свежий воздух и радость открытия. Все трудности остались позади. Свобода

творчества, интеллектуальная деятельность, единство интеллекта с аффектом помогли ей найти не только способ решения задачи, но и испытать высшие чувства радости, самоутверждения себя как личности.

Что произошло при решении этой задачи? Она действительно была сложной (в классе никто ее не решил, кроме этой девушки). Сначала задача воспринималась ею как сложная. Требовалось волевое усилие. Поскольку основу воли, согласно представлению В.А. Иванникова, составляет ВИП (внутренний интеллектуальный план действия), обеспечивающий прогнозирование ситуации, выбор верного варианта решения, то произошло следующее: «...в результате предвидения будущих последствий возникнут положительные эмоции, связанные с достижением сознательно поставленной цели, и они окажутся сильнее имеющихся у человека переживаний, порождаемых непосредственным побуждением, то эти переживания и выступят в качестве дополнительной мотивации... обеспечивающей перевес побуждения со стороны сознательно поставленной цели. Таким образом, активность в ВИП выступает как условие, порождающие новые мотивационные тенденции» (Иванников, 2009, с. 97).

Эмоционально-волевое напряжение мыслительной активности ускоряет движение мысли в ходе целеполагания: человек испытывает интерес, который является дополнительной мотивацией при решении трудных задач. Вот почему учащиеся всех возрастных периодов радуются при решении трудных задач и скучают, когда учитель преподносит учебный материал в готовом виде и не дает возможности свободно мыслить.

Основная задача учителя и преподавателя вуза – не только сформировать знания, умения навыки, найти средства познания, но и развить мышление учащихся, свободу творчества и свободный ум в процессе проблемного обучения.

Литература

- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Гребенкин Д. В.* Учебные затруднения как феномен структуры мотивационных компонентов структуры личности учащихся: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ижевск, 2006.
- Джорджо Вазари.* Жизнеописание Леонардо да Винчи, флорентийского живописца и скульптора (1452–1519) // Джорджо Вазари. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М.: Альфа-Книга, 2008.

- Иванников В. А.* Воля // Большой психологический словарь. 4-е изд., расш. // Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. С. 96–97.
- Кузьмина Е. И.* Психология свободы. М. Изд-во Моск. ун-та, 1994.
- Кузьмина Е. И.* Опыт и перспективы применения метода проблемных ситуаций на занятиях психологии в высшей школе // Психология образования: Модернизация системы образования в условиях введения в действие новых профессиональных стандартов. (Москва, 8–10 апреля 2014 г.): Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. М.: Общероссийская общественная организация «Федерация психологов образования России», 2014. С. 192–196.
- Кузьмина Е. И.* Свобода творчества в процессе проблемного обучения // Вестник Института мировых цивилизаций. 2016. № 12. С. 124–130.
- Кузьмина Е. И.* Свободный ум – когнитивно-стилевая характеристика мышления // Мир образования – Образование в мире. 2014. № 4. С. 94–105.
- Кузьмина Е. И., Кузьмина З. В.* Психологический анализ урока: Метод. рекомендации студентам-практикантам по педагогической и производственной практике по психологии. Ульяновск: Изд-во Моск. ун-та, 1993.
- Кузьмина З. В.* Соотношение трудного и интересного в решении задач // Стимулы нравственного и интеллектуального развития подростков в процессе учебно-воспитательной работы: Сборник статей / Под ред. З. И. Равкина. Йошкар-Ола, 1968.
- Матюшкин А. М.* Мышление, обучение, творчество. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «Модэк», 2003.
- Матюшкина А. А.* Сложность задачи и трудность ее решения // Вестник МГПУ. Сер. «Педагогика и психология». 2016. № 1 (35). С. 43–59.
- Поддьяков А. Н.* Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. Преднамеренное создание трудностей и совладание с ними // Психологические исследования: Электронный научный журнал. М.: ИД Высшей школы экономики, 2014.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2017.
- Ушаков Д. В.* Языки психологии творчества: Яков Александрович Пономарев и его научная школа // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 19–145.
- Ясперс К.* Разум и экзистенция. М.: Канон+—РООИ «Реабилитация», 2013.

Dialectical correlation of hard and interesting in the process of problem solving

*E. I. Kuzmina**, *Z. V. Kuzmina*** (*Moscow*)

* Doctor of Psychology, Military University of the Russian Federation

** Candidate of Psychological Sciences

The dialectical nature of the relation between difficult and interesting in the process of solving the problem problems is revealed. Examples and results of research of this ratio at school students (Kusa), students (Ulyanovsk experiment) and cadets of Military University (Moscow) are given. It is shown that the difficult is transformed into interesting in the process of creativity, and that the dialectical unity of the difficult and interesting manifests itself especially vividly in solving problems of the problem type and in the content plan is an existential phenomenon.

Keywords: difficult and interesting, freedom of creativity, reflexive-activity approach.

Об апробации опросника «Поведенческие проявления антисоциальной креативности» (M. Runco et al.) на выборке студентов

Н. В. Мешкова, И. А. Мешков** (Москва)*

** кандидат психологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет; e-mail: nmeshkova@yandex.ru*

*** магистр психологии; e-mail: ivan_meshkov1985@mail.ru*

Приводятся результаты конвергентной валидности русскоязычной версии опросника «The malevolent creativity behavior scale» (MCBS) (М. Ранко и др.) на российской выборке. При апробации были использованы опросники агрессивности А. Басса и М. Перри (БП), ТСИ-125 К. Клонингера, портретный ценностный опросник Шварца – пересмотренный PVQ-R и блок социальных ситуаций. Анализируются результаты, полученные в пилотажном исследовании выборки студентов психологического вуза (N=33). Регрессионный анализ показал, что 39% дисперсии значений MCBS объясняются ценностью «Власть—Доминирование» и враждебностью (БП). Было показано, что продуцирование решений лжи в предложенной социальной ситуации опосредуется низким значением ценности конформизма. Полученные результаты сопоставляются с результатами других исследований. Указываются ограничения данного пилотажного исследования и предлагаются направления дальнейшего исследования.

Ключевые слова: антисоциальная креативность, опросник антисоциальной креативности, ценности, враждебность.

Тема антисоциально направленной (malevolent) креативности начинает исследоваться в России, в то время как за рубежом она активно изучается в рамках проблематики терроризма и криминального по-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-06-00608-ОГН-А «Личностные и ситуативные особенности асоциальной и негативной креативности».

ведения. Наблюдения в обыденной жизни показывают, что реализация оригинальных идей, направленных на нанесение вреда другим людям, осуществляется в виде сплетен и в буллинге, когда зачинщик остается анонимным для травли жертвы, а исполнителями являются члены целого коллектива/группы. Идеи мести реализуются в различных формах агрессии и наносят вред жертве. Особенность антисоциально направленной креативности состоит в умышленности и намеренности нанесения вреда. Результаты исследований показывают, что активная роль в явлении принадлежит таким психологическим характеристикам и чертам, как агрессивность, низкий уровень эмоционального интеллекта и враждебность (Мешкова, Ениколопов, 2016). На примере школьников-подростков было показано, что агрессивные идеи мести опосредуются угрозой ценностям достижения при условии значимости данных ценностей для субъектов (Антропова, Мешкова, 2017). На выборке осужденных за агрессивно-насильственные, корыстно-насильственные преступления и мошенничество также были получены результаты, подтверждающие важное значение, которое оказывают ценности и враждебность субъекта в продуцировании и реализации в поведении антисоциальной креативности (Мешкова и др., 2018). Однако изучение данного феномена осложняется отсутствием инструментария для диагностики.

Зарубежными авторами под руководством М. Ранко был разработан опросник «The malevolent creativity behavior scale» (MCBS) (Нао et al., 2016). Авторы опросника пришли к выводу о том, что креативное мышление реализуется в нанесении вреда окружающим, лжи и злых шутках, что и послужило созданием трех шкал, названных по перечисленным видам поведения. В опроснике предлагается выбрать один ответ в соответствии с частотой каждого действия в обыденной жизни, которому присваивается от 0 до 4 баллов: «никогда», «редко», «иногда», «часто» или «всегда/обычно». Баллы суммируются, и чем больше баллов, тем выше показатель антисоциально направленной креативности. Оригинальная версия опросника показала высокие репрезентативность, надежность и конвергентную валидность. Кроме того, было показано, что индивиды, имеющие высокие значения показателя антисоциально направленной креативности, предпочитают решать возникающие проблемы креативными способами и с нанесением вреда, а сам показатель коррелирует с агрессией, экстраверсией и открытостью опыту, т. е. теми характеристиками, которые ассоциируются с креативностью (Нао et al., 2016). Опросник, с разрешения авторов, был переведен нами на русский язык, подвергнут обратному переводу и проходит адаптацию на российской выборке. В процессе апробации данного опросника на выборке сту-

дентов-психологов (N=33 чел., средний возраст – 18 лет) при проверке на конвергентную валидность были получены неожиданные результаты в сравнении с оригинальной версией.

Кроме русскоязычной версии опросника «Поведенческие особенности проявления антисоциальной креативности» (MCBS) использовались опросник агрессивности А. Басса и М. Перри (БП) (Ениколопов, Цыбульский, 2007), опросник TCI-125 К. Клонингера (К) (Ениколопов, Ефремов, 2001), портретный ценностный опросник Шварца пересмотренный PVQ-R (Ш) (Шварц и др., 2012) и блок социальных ситуаций, для выявления показателя беглости в просоциальной ситуации и в ситуации лжи.

Были получены следующие корреляции показателя антисоциально направленной креативности (MCBS): положительные – с Агрессией, Враждебностью (БП) и ценностью «Власть–Доминирование» (по Спирмену, значимость корреляции $p < 0,05$; $0,05$ и $0,01$ соответственно); отрицательные со шкалой «Сотрудничество» (К) (по Спирмену, значимость корреляции $p < 0,05$). Неожиданным для нас оказался результат отсутствия каких-либо корреляций MCBS и показателей «Поиск новизны» (К) и агрессией (БП), в то время как авторы оригинальной версии опросника выявили положительные корреляции значений со шкалой «Открытость опыту» NEO-5-факторного опросника и агрессией (Hao et al., 2016). Данный факт можно объяснить двумя обстоятельствами: во-первых, культурными различиями выборок, что необходимо изучить в дальнейших исследованиях.

Полученные данные по корреляциям MCBS были подвергнуты регрессионному анализу, в результате которого были выявлены предикторы антисоциально направленной креативности. Оказалось, что 39% дисперсии переменной MCBS обусловлены влиянием Враждебности (БП) и ценности «Власть–Доминирование». Стандартные коэффициенты регрессии статистически достоверны (значимость – $0,01$ и $0,03$, соответственно).

Полученные данные по опосредствованию антисоциально направленной креативности враждебностью и ценностями согласуются с полученными данными на выборках осужденных за мошенничество и корыстно-насильственные преступления (Мешкова и др., 2018). Но разница состоит в том, что у преступников и представителей нашей выборки MCBS опосредуется разными ценностями: низким значением ценности «Универсализм–Толерантность» (УТ) – у перечисленных категорий осужденных и высоким значением ценности «Власть–Доминирование» (ВД) – в выборке студентов. Если обратиться к концептуальному определению ценностей с точки зрения мотивационной цели, то мотивационная цель ВД состоит во влия-

нии посредством осуществления контроля над людьми, в то время как УТ – в непринятии тех, кто отличается (Шварц и др., 2012). Иными словами, в основе реализации антисоциально направленной креативности в поведении (ложь, злые шутки, сознательное нанесение вреда) у представителей перечисленных выборок находятся разные мотивационные цели, в одном случае – это интолерантность, во втором – власть и контроль над окружением. Что касается враждебности, то враждебность включает в себя компонент цинизма, что может находить отражение и выход во лжи и злых шутках над окружающими и в том числе в физическом насилии, подтверждением чему являются отрицательные корреляции MCBS и шкалы «Сотрудничество». Для людей со сниженными значениями социально обусловленного фактора «Сотрудничество» характерны отсутствие терпимости и интереса к делам других людей, мстительность и стремление к собственной выгоде (Ениколопов, Ефремов, 2001).

Все, о чем говорилось выше, касается реализации антисоциальной креативности в девиантном поведении. Нами были получены также данные о продуцировании непосредственно оригинальных решений в конкретной ситуации, предполагающей ложь. Испытуемым было дано задание «придумать как можно больше оригинальных идей, оправдывающих опоздание на лекцию». Показатель беглости в социальной ситуации лжи отрицательно коррелировал с ценностью «Конформизм–Межличностный» (по Спирмену, значимость корреляции – $p < 0,05$). Концептуальное определение данной ценности с точки зрения мотивационной цели состоит в избегании причинения вреда или огорчения другим людям (Шварц и др., 2012). Иными словами, ложь может опосредоваться желанием субъекта причинить вред другим в большей степени, нежели собственной выгодой или самозащитой. И здесь нам представляется важным выявление взаимосвязи враждебности и ценностей.

Разумеется, для подтверждения полученных зависимостей следует, во-первых, увеличить количество респондентов, а во-вторых, учесть гендерные особенности антисоциально направленной креативности. В нашем пилотажном исследовании среди студентов, принимавших участие, были девушки, причем их количество составило 80% в выборке.

На данном этапе можно сформулировать гипотезы для дальнейшего исследования.

1. Продуцирование оригинальных решений, приносящих вред другим людям, опосредуется враждебностью и ценностями личности.

2. Продуцирование оригинальных решений, приносящих вред другим людям, ситуативно. Значимость ситуации опосредуется ценностями личности.
3. Враждебность сочетается со сниженным значением ценностей социального фокуса и повышенным значением ценностей личного фокуса.

Литература

- Антропова М. Ю., Мешкова Н. В.* О ситуационных характеристиках креативности в социальном взаимодействии старших школьников // Психолого-педагогические исследования. 2017. Т. 9. № 3. С. 175–185.
- Мешкова Н. В., Дебольский М. Г., Ениколопов С. Н., Масленков А. А.* Особенности креативности в социальном взаимодействии у осужденных, совершивших корыстные и агрессивно-насильственные преступления // Психология и право. 2018. Т. 8. № 1. С. 147–163.
- Ениколопов С. Н., Ефремов А. Г.* Апробация биосоциальной методики Клонинжера «Структура характера и темперамента» // Материалы 1-й Международной конференции, посвященной памяти Б. В. Зейгарник. М., 2001. С. 104–105.
- Ениколопов С. Н., Цибульский Н. П.* Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 115–124.
- Мешкова Н. В., Ениколопов С. Н.* О психологических исследованиях асоциальной креативности // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 50. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 11.04.2018).
- Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
- Hao N., Tang M., Yang J., Wang Q., Runco M. A.* A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale // Front. Psychol. 2016. V. 7. P. 682.

On the approbation of the questionnaire “The malevolent creativity behavior scale” (m. Runco et al.) in student’s sample

*N. V. Meshkova**, *I. A. Meshkov*** (Moscow)

* Candidate of Psychological Sciences, Moscow State
Psychological-Pedagogical University

** Master of Psychology

The results of convergent validity of the Russian version of the questionnaire “the malevolent creativity behavior scale” (MCBS) (M. Runco etc.) on the Russian sample are presented. Questionnaires of aggressiveness of A. Bass and M. Perry (BP), TCI-125 K. Kloninger, the portrait valuable questionnaire of Schwartz – the revised PVQ-R and the block of social situations were used at approbation. The results obtained in a pilot study of a sample of students of psychological higher education institution (N=33) are analyzed. Regression analysis showed that 39% of the variance in MCBS values is due to Power-Dominance and hostility (BP). It was shown that the production of solutions of lies in the proposed social situation is mediated by the values of conformism. The obtained results are compared with the results obtained in the samples of high school students. Limitations of this pilot study are specified and directions of further research are offered.

Keywords: antisocial creativity, questionnaire of antisocial creativity, values, hostility.

Феномен творческой одаренности в психологической науке

А. В. Морозов (Москва)

*доктор педагогических наук, Институт управления образованием РАО;
e-mail: doc_morozov@mail.ru*

Для современной психологической науки совершенно очевидным является тот факт, что феномен творческой одаренности невозможно описать лишь с помощью отдельных признаков, как и пытаться отрицать само его существование; острота дискуссий и научных споров, обилие терминов и определений, предлагаемых различными исследователями обозначенной нами проблемы, лишь подчеркивают ее глубину и значимость и открывают широкие просторы для новых научных изысканий с опорой на работы многих известных как зарубежных, так и отечественных ученых, и, в первую очередь, следует отдать дань уважения научному потенциалу и глубине мыслей, содержащихся в исследованиях А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова относительно рассматриваемой нами научной проблемы, в данной статье предпринята попытка анализа существующих в современной психологической науке подходов к изучению феномена творческой одаренности.

Ключевые слова: творческая одаренность, личность, деятельность, креативность, творческий потенциал, субъект.

Введение

Концептуальные подходы непосредственно к феномену одаренности и ее природе, в частности, подверглись поэтапной трансформации: если поначалу вполне достаточным основанием для признания человека одаренным считался высокий уровень развития *отдельной* психической функции, то несколько позднее рассматриваемый нами феномен уже не воспринимался вне его тесной интегративной связи с целой *группой* психических функций.

Принципиальное значение имеет положение о разнообразии видов одаренности, подчеркивающее невозможность сведения всех проявлений феномена к какому-либо одному виду или единому фактору. Вместе с тем следует признать, что дискуссии по этому вопросу все еще продолжаются и в целом однофакторный подход пока не утратил своих позиций, невзирая на достаточно резкую критику в свой адрес.

Чаще всего классификация видов одаренности обусловлена теми или иными конкретными видами деятельности, в которых проявляются незаурядные способности (по этому критерию различают, например, лингвистическую, математическую, музыкальную, техническую одаренность и т.д.). Некоторыми исследователями предлагается в качестве оснований для классификации рассматривать способности более общего плана, не связанные непосредственно с конкретными областями деятельности, например: интеллектуальные, творческие и т.д.

Феномен творчества и одаренности в работах А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова

Ссылаясь на известную статью С.Л. Рубинштейна «Принцип творческой самодеятельности», впервые опубликованную в Одессе в 1922 г., А. В. Брушлинский пишет о том, что деятельность характеризуется, прежде всего, следующими особенностями:

- она всегда *субъектна*;
- *предметна* (содержательна);
- *творческая* по своей сути;
- *самостоятельная* (отмечая при этом, что самостоятельность во все не противостоит совместности) (Брушлинский, 1994).

А. В. Брушлинский совершенно справедливо акцентирует внимание на том, что концепция С.Л. Рубинштейна и его школы не сводится к теории деятельности (он всегда был против «деятельностного редукционизма», т.е. против сведения всей активности человека лишь к деятельности). Б.Ф. Ломов также категорически возражал против такой редукции. И далее... «на мой взгляд, следовало бы все же максимально подчеркнуть, что *творчество* есть форма (саморазвития именно субъекта)... уникальность субъекта состоит здесь в том, что во многих случаях психологический механизм его мышления как процесса (принятия решения) осуществляется не путем такого выбора из альтернатив, а другим, более сложным *творческим* образом» (Брушлинский, 1994).

Определяя предмет психологии мышления, О. К. Тихомиров сформулировал ряд положений, имеющих несомненную значимость для изучения *одаренности*. Это положения о полиморфности, процессуальности, а также о субъективном характере человеческого мышления и необходимости целостного подхода к его изучению. Согласно концепции, разрабатываемой в школе О. К. Тихомирова, *изучение творчества* проводится на основе анализа различных новообразований, которые порождаются в деятельности не только на «полюсе объекта», но и на «полюсе субъекта» (новые мотивы, эмоциональные оценки, смысловые образования и т. п.). В рамках этого подхода «творческую одаренность» вполне целесообразно выделять как самостоятельный вид (Тихомиров, 2002).

Проблема творческой одаренности в отечественных и зарубежных исследованиях

На сегодняшний день в мире существует более ста различных определений одаренности, причем некоторые из них даже утверждены на государственном уровне: примером может служить определение этого понятия, разработанное американскими учеными и принятое Конгрессом США, но не избежавшее при этом резкой критики, в том числе и в своей стране (Бабабева, 2008).

Острота дискуссий и научных споров, обилие терминов и определений, предлагаемых различными исследователями обозначенной нами в названии статьи проблемы, лишь подчеркивают ее глубину и значимость. Ценность личности определяется не только тем, что она представляет собой в данный момент, но и заложенными в ней возможностями дальнейшего развития и совершенствования. Всякая деятельность требует от человека обладания специфическими качествами, определяющими его пригодность к ней и обеспечивающими определенный уровень успешности ее выполнения. В психологии эти индивидуально-психологические особенности называют способностями личности, выделяя только такие способности, которые, во-первых, имеют психологическую природу, во-вторых, индивидуально варьируют.

Общие способности, обеспечивающие относительную легкость и продуктивность в овладении знаниями в различных видах деятельности, нередко называют одаренностью. Одаренных людей, по мнению разных специалистов, отличает:

- 1) внимательность к деталям;
- 2) собранность;

- 3) нацеленность на результат;
- 4) постоянная готовность к деятельности;
- 5) настойчивость в достижении цели;
- 6) неумная потребность трудиться и др. индивидуальные особенности (Морозов, 2001).

При описании феномена одаренности используют такие дефиниции, как «интеллект», «креативность», «раннее развитие», «творчество» и др. Основатель гуманистического направления в психологии А. Маслоу и его последователи при описании выдающихся людей используют термин «самоактуализирующаяся личность». Нельзя не отметить и зависимость научно-практических подходов к определению одаренности от социокультурных факторов (Winner, 1996).

Одним из первых проблему одаренности на уровне глубокого психологического осмысления исследовал испанский ученый Эпохи Возрождения Хуан Уарте, связывавший перспективу возрождения могущества страны с максимальным использованием на государственной службе особо одаренных людей. Это была одна из первых в истории психологии работ, в которой рассматривались индивидуальные различия в способностях с целью дальнейшего профессионального отбора (Морозов, 2003).

Благодаря развитию в начале XX века науки «тестологии», связанной с именем французского психолога А. Бине, считалось, что вся одаренность сводится к интеллекту. Вплоть до середины XX века одаренность определяли исключительно по специальным тестам интеллекта (IQ). Однако эта практика вызвала много споров, и в конце концов теория А. Бине была дискредитирована. Одним из первых практиков, обнаруживших это несоответствие, был американский психолог Элис Пол Торренс. Для процедуры выявления одаренности очень удобной явилась модель одаренности Дж. Рензулли, суть которой сводится к тому, что общую экспозицию одаренного индивида образуют следующие пересекающиеся компоненты:

- 1) интеллектуальные способности;
- 2) мотивация;
- 3) креативность (Морозов, 2001).

Наряду с интеллектуальной одаренностью, особое место в модели Дж. Рензулли отведено креативной (или творческой) одаренности как отдельному феномену.

Психологические исследования творческой одаренности особенно интенсивно стали развиваться в США с середины 50-х годов прошлого столетия. Президент Всемирного совета по таланту и ода-

ренности детей Х. Пассов в своем выступлении на VII-й Международной конференции подчеркнул, что, хотя общество всегда нуждалось в творчески одаренных людях, только в середине XX века исследования по психологии талантов и способностей развернулись широким фронтом. Этому способствовали два фактора:

- 1) накопленные в психологии данные о природе таланта, условиях, обеспечивающих его развитие;
- 2) стремительный рост научных технологий (Матюшкин, 1997).

Исследования таланта и одаренности в США возглавил Макконнен – директор организованного в 1949 г. при университете Южной Калифорнии Института изучения личности – с группой тогда еще совсем молодых ученых, в которую вошли Дж. Гилфорд, П. Торренс, Ф. Баррон, К. Тейлор и др. Эта группа ученых осуществила ряд крупных исследовательских проектов, очертивших новые границы в психологии творческой одаренности, и способствовала объединению теоретических исследований по психологии индивидуальных различий и практических работ по построению новых учебных программ в области дифференцированного обучения. Исследования этих лет преодолевали научные стереотипы, ломали предрассудки в отношении проявлений незаурядности и талантливости.

Ставилась задача разработать модель одаренности, которая смогла бы объяснить факторы, не коррелирующие с оценками по шкалам Стенфорда–Бине, такие как оригинальность, новаторство, целеустремленность и преданность задаче, творческость (продуктивность) мышления, сензитивность и т. д. Другой задачей исследователей было либо опровергнуть существование генерального психометрического фактора (особое качество, выводимое из психометрических интеркорреляций, которое впервые ввел Ч. Спирмен и объяснил как особый вид энергии, порождаемой кортикальной активностью и реализуемой в интеллектуальных операциях), либо прояснить его психологическую природу (задача, которую пытались решить Г. Айзенк, Э. Торндайк, Л. Терстоун и продолжили Дж. Гилфорд и Хоупфнер).

Работы Дж. Гилфорда показали, что к концу школы многие одаренные и талантливые дети испытывают тяжелые состояния депрессии, вынуждены маскировать от сверстников и взрослых свою одаренность. Исследования С. Майлз, С. Ладжоула и Шора показали, что суициды среди одаренных детей встречаются в 2,5 раза чаще, чем у их сверстников. Одаренные дети испытывают в школе дискриминацию из-за отсутствия дифференцированного обучения, из-за ориентации школы на среднего ученика, из-за излишней унификации

программ, в которых плохо предусмотрены или совсем не учитываются индивидуальные возможности усвоения знаний – говорится в докладе С. Марлэнд от госдепартамента США (Матюшкин, 1997).

Современные исследователи, следуя традиции Ф. Гальтона и Р. Кеттелла, на базе новых методик констатируют более высокую чувствительность одаренных детей к новым ситуациям, более тонкую дифференциацию (реагирования на новизну), что также превращается в особые трудности, испытываемые одаренным ребенком в процессе общения с учителями, родителями и сверстниками. Недостаточный психологический уровень подготовки учителя для работы с детьми, проявляющими нестандартность в поведении и мышлении, приводит к тому, что, оценивая своих подопечных, учителя отмечают в них истеричность, демонстративность, нежелание и неумение следовать положительным образцам, упрямство (желание все делать по-своему) и т. д. Психологи считают, что такие оценки часто являются следствием неадекватного восприятия и понимания учителем как личности, так и особенностей развития одаренного ребенка. Так, например, не иначе как отклонение от «нормы» очень часто оценивается окружающими взрослыми такое качество интеллекта, как дивергентность творческого мышления. Маскируя «интеллектуальный саботаж», одаренным детям нередко приходится большую часть времени в школе проводить впустую.

Многие теории одаренности носят «локальный» и ярко выраженный прикладной характер. Изучение же феномена одаренности вне общепсихологического подхода чревато не только ограниченностью анализируемых явлений узкими рамками прикладных задач, но и отрывом психологии одаренности от других психологических направлений в целом. Все это отнюдь не способствует выявлению основных закономерностей и механизмов возникновения и развития феномена одаренности. Сегодняшним обществом в качестве наиболее актуальных востребованы не «локальные», а общие теории, позволяющие анализировать как типичное, так и атипичное в психике в единой категориальной схеме, общей системе знаний. Вне всякого сомнения, создание таких теорий – одна из главных задач современной психологии (Winner, 1996).

Традиционно в определениях одаренности представлена лишь результативная сторона этого феномена. Одаренность понимается как индивидуальная способность к высоким достижениям, качественные и количественные характеристики которых оцениваются

в сравнении с аналогичными показателями референтной группы. При этом процессуальные аспекты анализируемого явления остаются в тени или вообще игнорируются, что нередко приводит к грубейшим ошибкам в идентификации одаренности.

Для психологии одаренности в большей степени характерно так называемое «сегментарное видение», когда каждый «сегмент» изучаемого феномена (интеллект, креативность, личностные особенности) анализируется отдельно друг от друга, а связующий их фактор, по сути, не принимается во внимание (Ландау, 2002).

Так, например, с помощью психодиагностической методики «Экспертная оценка общей детской одаренности» (Д. Хаан и М. Кафф) в модификации А. И. Савенкова предлагается выявлять у ребенка следующие виды одаренности: интеллектуальную; творческую; академическую (научную); художественно-изобразительную; музыкальную; литературную; артистическую; техническую; лидерскую; спортивную (Ильин, 2012).

В «Рабочей концепции одаренности», разработанной и представленной в 2003 г. российскими учеными под руководством Д. Б. Богоявленской и В. Д. Шадрикова по заказу Министерства образования Российской Федерации в рамках и на средства Федеральной целевой программы «Одаренные дети», был предложен новый подход к классификации видов одаренности, базирующийся на пяти основных критериях:

- вид деятельности и обеспечивающие ее сферы психики;
- широта проявления одаренности в разных видах деятельности;
- особенности возрастного развития;
- степень сформированности одаренности;
- форма проявления (явная и скрытая одаренность).

По мнению Д. Б. Богоявленской, единицей анализа творчества является феномен «ситуативно не стимулированной продуктивной деятельности», отражающий природу одаренности. Для исследования этого феномена был разработан соответствующий метод, получивший название «креативного поля» (Богоявленская, 2005).

В исследовании творческой одаренности в российской психологии большой вклад внес А. М. Матюшкин, связывавший одаренность с особенностями собственно творческой деятельности. По его инициативе возник специальный Центр по изучению одаренных детей (Центр творческой одаренности). Согласно концепции А. М. Матюшкина, психологическая структура одаренности совпадает с основными элементами, характеризующими творчество и творческое развитие человека.

Заключение

Для психологии одаренности большое значение имеет изучение закономерностей влияния процесса обмена идеями на показатели креативности субъекта. Эта актуальная проблематика тесно связана с задачами разработки методов стимуляции творчества, развития творческих способностей, а также с обучением одаренных детей. Она весьма интенсивно исследуется за рубежом, тогда как в нашей стране изучена недостаточно. Научные дискуссии и полемика, в основном, обусловлены обсуждением преимуществ совместной творческой деятельности, по сравнению с индивидуальной.

Получившее широкое распространение во второй половине прошлого столетия рассмотрение «творческой одаренности» как самостоятельного вида одаренности базируется на ряде исходных противоречий в самой природе способностей и одаренности, которые находят отражение в парадоксальной феноменологии: человек с высокими способностями может не быть творческим, и, наоборот, нередко случаи, когда менее обученный и даже менее способный человек является весьма и весьма творческим. В чем же разгадка «творческой одаренности», творческого потенциала личности? Ответить на этот вопрос проще, апеллируя к особой *творческой одаренности*, являющейся характеристикой не просто высшего уровня выполнения любой деятельности, но ее преобразования и развития.

Литература

- Бабаева Ю. Д.* Современные тенденции в исследовании одаренности // Вестник Московского университета. 2008. № 2. С. 154–168.
- Богоявленская Д. Б., Богоявленская М. Е.* Психология одаренности: понятие, виды, проблемы. М.: МИОО, 2005.
- Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994.
- Ильин Е. П.* Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2012.
- Ландау Э.* Одаренность требует мужества. М.: Академия, 2002.
- Матюшкин А. М.* История исследований детской одаренности. URL: http://studbooks.net/697503/psihologiya/matyushkin_istoriya_issledovaniy_detskoj_odarennosti (дата обращения: 29.05.2018).
- Морозов А. В.* Диагностика креативности в педагогической деятельности: Монография. М.: ИГУМО, 2001.
- Морозов А. В.* История психологии. М.: Академический проект, 2003.
- Тихомиров О. К.* Психология мышления. М.: Академия, 2002.
- Winner E.* Gifted children: myths and realities. N. Y.: Basic Books, 1996.

The phenomenon of creative gifts in psychological science

A. V. Morozov (Moscow)

Doctor of Pedagogics, Institute of Management Education RAE

Modern psychology is quite evident is the fact that the phenomenon of creative talent cannot be described using only individual characteristics, and try to deny his very existence; the severity of the debate and scientific debate, the abundance of terms and definitions proposed by various researchers mentioned problems, only emphasize its depth and significance and wide open spaces for new scientific research; relying on the works of many famous foreign and domestic scholars, and, in the first place, paying tribute to the scientific potential and the depth of thoughts, contained in the works of A. V. Brushlinsky and O. K. Tikhomirov concerning the considered scientific problems, in this article attempt of the analysis of existing in modern psychological science approaches to the study of the phenomenon of creative gifts

Keywords: creative talent, personality, activity, creativity, creative potential, subject.

Особенности картины мира и образа «Я» у старших школьников с разным уровнем креативности

Ю. А. Мочалова (Ростов-на-Дону)

*кандидат психологических наук, доцент, Донской государственный
технический университет; e-mail: guliya@mail.ru*

Проведенный анализ литературы показал, такие понятия, как образ мира и образ «Я», охватывают настолько обширную область психической жизни человека, что со времени его появления многие вопросы, касающиеся различных аспектов природы и функционирования этого, в определенном смысле, всеобъемлющего феномена, пока еще не решены, а некоторые даже не поставлены. Большой интерес представляет изучение образа мира и образа «Я» у старшеклассников с разным уровнем креативности. Именно у детей с высоким уровнем креативности наблюдается высокий уровень развития самосознания, повышенная потребность в осмыслении мира. В статье представлены результаты исследования, направленного на изучение особенностей картины мира (образа мира) и образа «Я» старшеклассников с разным уровнем креативности. Показано, что статистически достоверных различий в проявлении разных типов картины мира и образа «Я» у девятиклассников с уровнем креативности выше нормы, норма и ниже нормы не обнаружено. Однако в каждой группе имеются свои особенности. Описан сравнительный анализ, а также особенности связи картины мира (образом мира) и образом «Я» у старшеклассников с разным уровнем креативности.

Ключевые слова: картина мира, образ «Я», креативность, старший школьный возраст, сопряженность.

Такие понятия, как образ мира и образ «Я», охватывают настолько обширную область психической жизни человека, что со времени его появления многие вопросы, касающиеся различных аспектов природы и функционирования этого, в определенном смысле, всеобъ-

емлющего феномена, пока еще не решены, а другие даже не поставлены. Понятие «образ мира» и «образа Я» встречается во многих работах зарубежных психологов, среди которых, в первую очередь, надо назвать основателя аналитической психологии К. Г. Юнга. Образ мира в его концепции предстает динамическим образованием: он может меняться все время, так же как и мнение человека о себе. Каждое открытие, каждая новая мысль придают образу мира новые очертания (Юнг, 2002).

Впервые понятие «образ мира» в психологии дано А. Н. Леонтьевым. Он определил эту категорию как психическое отражение, взятое в системе связей и отношений субъекта с окружающим его миром. В его трудах образ мира описан как целостная, многоуровневая система представлений человека об окружающем мире, людях, о себе и своей деятельности (Леонтьев, 2003).

А. Н. Леонтьев изучал процесс возникновения образа мира, объясняя его деятельностной природой, задающей образ как момент своего движения. Образ возникает лишь в деятельности и поэтому неотделим от нее, проблема порождения предметного образа мира есть проблема восприятия, «мир в его отдаленности от субъекта амодален» (Леонтьев, 2003, с. 315). По мнению А. Г. Асмолова, А. Н. Леонтьева, В. П. Зинченко, В. В. Петухова, С. Д. Смирнова, образ мира выступает в качестве интегрального конструкта познавательной сферы личности и как личностная (пространственно-временная) структура и предполагает, по крайней мере, пять измерений: предмет, значение, знак (слово), личностный смысл и чувственную ткань (Леонтьев, 2003, с. 172).

Под образом «Я» в отечественной психологии подразумевают установочную систему личности, включающую отношение к самому себе, осознание и самооценку своих отдельных свойств и качеств, а также целостный образ себя; описание своих социально-психологических качеств; физические характеристики — восприятие и описание своего тела и внешности.

Большой интерес представляет изучение образа мира и образа «Я» у старшеклассников. Во-первых, это связано с тем, что именно на этих школьников общество возлагает надежды на решение самых острых проблем современности, именно они в скором будущем будут определять продвижение общества в науке, культуре, технике и т. д. Кроме того, имеются и психологические основания для такого изучения. По мнению А. М. Матюшкина и Н. Б. Шумаковой (Шумакова, 2004, с. 314), старшеклассники с разным уровнем креативности позволяют нам изучать идеальную модель развития всех детей. Именно у детей с высоким уровнем креативности, наблюдается вы-

сокий уровень развития самосознания, повышенная потребность в осмыслении мира, что позволяет нам в наиболее отчетливой форме выявить те особенности и тенденции развития образа мира и образа «Я», понимание которых обеспечит возможность совершенствования воспитания, обучения и развития всех детей.

Подростковый возраст важен для развития креативных способностей человека, так как это период самовоспитания, саморазвития, самовыражения, т. е. как период становления личности. Этот вопрос изучали такие ученые, как Е. Д. Божович, Д. Б. Эльконин, Д. И. Фельдштейн, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, В. И. Слободчиков, Б. Г. Цукерман. Подросток в этот период позиционирует себя как целостную личность, способную к саморазвитию и творчеству.

Все это определило цель исследования — изучить особенности связи картины мира и образа «Я» у старшеклассников с разным уровнем креативности.

Исследование проводилось на базе гимназии № 14 г. Ростова-на-Дону. В исследовании приняли участие ученики девятого класса в количестве 60 чел. Исследование проводилось в несколько этапов.

Первый этап был связан с формированием эмпирической выборки с последующей дифференциацией по уровню креативности. Для дифференциации испытуемых по уровню креативности был использован тест дивергентного (творческого) мышления Вильямса. Второй этап был связан с изучением картины мира и образа «Я» у старшеклассников. Для определения картины мира был использован проективный рисуночный тест «Картина мира» (Романова, 2011, с. 141) — построение в виде некоего абстрактного образа, знака, символа. Для изучения образа «Я» у старшеклассников мы использовали проективный рисуночный тест «Автопортрет» в интерпретации Е. С. Романовой, О. Ф. Потемкиной (Романова, 2011, с. 151). На третьем этапе для выделения видов рисунков методики «Картина мира» и «Автопортрет» мы использовали метод экспертных оценок. В качестве экспертов были выбраны 1 психолог, работающий в гимназии, и два преподавателя психологии ДГТУ. После этого экспертам было предложено независимо друг от друга оценить результаты тестов «Картина мира» и «Автопортрет». По окончании этой процедуры для большей достоверности была проверена степень согласованности мнений экспертов, которые практически совпали. На четвертом этапе был осуществлен статистический анализ полученных на предыдущих этапах эмпирических результатов, который осуществлялся с помощью расчета непараметрического χ^2 Пирсона, а также коэффициента сопряженности А. Чупрова (К Чупрова).

По результатам теста «Дивергентного (творческого) мышления» Вильямса, в соответствии с нормативами для данной возрастной

группы, было выделено 3 группы старшеклассников: уровень креативности ниже нормы – 24 чел. (40%), уровень креативности в норме – 15 чел. (25%), уровень креативности ниже нормы – 21 чел. (35%).

Далее был проведен анализ частоты встречаемости типов картины мира и типов образа «Я» у испытуемых в зависимости от уровня креативности (выше нормы, ниже нормы, норма). Для определения статистической достоверности различия частотных распределений типов картины мира у старших школьников в зависимости от уровня креативности (выше нормы, ниже нормы, норма) мы использовали непараметрический χ^2 Пирсона.

Результаты исследования позволили сделать следующие выводы.

1. Статистически достоверных различий в проявлении разных типов картины мира и образа «Я» у девятиклассников с уровнем креативности выше нормы, норма и ниже нормы не были обнаружены, тем не менее, рисунки учащихся с уровнем креативности выше нормы отличаются образностью, необычными сравнениями себя, своей жизни с предметами, явлениями своей жизни. Многие старшеклассники с высоким уровнем креативности отмечают, что за место в мире, где существуют разные страны и религии, надо бороться. Также в рисунках отображено пессимистическое эмоциональное состояние, учащиеся указывают на то, что мир прекрасен, но в то же время сильно загрязнен и испорчен людьми и его надо защищать и беречь. У учащихся ярко выражена ориентация на будущее, представление о том, какой должен быть мир. Рисунки, на которых изображена планетарная и пейзажная картина мира, отличаются своей необычностью и выходом за пределы общепринятых правил.

У старшеклассников с уровнем креативности в пределах нормы и ниже нормы преобладает планетарная картина мира, основанная на общих знаниях о мире, приобретенных в школе. На рисунках они выделяют себя как отдельную часть мира, существующую в определенном социуме. Старшеклассники обычно представляют себе мир как совокупность живой и неживой природы или как совокупность всех существ, живущих на одной планете. Некоторые представляют пейзажную картину мира в виде спокойного и беззаботного существования.

У старшеклассников с уровнем креативности ниже нормы в картине мира преобладают такие типы, как «Непосредственный» и «Пейзажный», они изображают только то, что их окружает.

2. Результаты исследования по методике «Автопортрет» показали, что у старшеклассников с уровнем креативности выше нормы преобладают «Схематический» и «Эмоциональный» призна-

ки изображений, это связано с тем, что у них интеллектуальный склад ума и они обладают более высокой эмоциональностью, постоянно рефлексируют собственное состояние. Также имеется «Метафорический» признак изображений, по которому можно сказать, что человек имеет творческие способности.

У старшекласников с уровнем креативности в пределах нормы преобладают «Схематический» и «Эстетический» признаки изображений, это говорит о том, что у них также хорошо развит интеллект и вместе с тем имеются художественные способности.

У старшекласников с уровнем креативности ниже нормы преобладают «Эстетический» и «Эмоциональный» признаки изображений, это говорит о том, что дети эмоциональны и у них имеются художественные способности.

3. Изучение связи между типами «Картины мира» и признаками «Автопортрета» у старшекласников с разным уровнем креативности показало, что коэффициент сопряженности «Картины мира» и «Образа Я» у девятикласников с уровнем креативности выше нормы имеет достаточно высокое значение (0,648), что можно рассматривать как свидетельство того, что старшекласники с уровнем креативности выше нормы представляют себя частью целостного мира, его составляющими.

Коэффициент сопряженности «Картины мира» и «Образа Я» у девятикласников с уровнем креативности в пределах нормы имеет среднее значение (0,509), что можно рассматривать как свидетельство того, что старшекласники с уровнем креативности в пределах нормы уже меньше, по сравнению со старшекласниками с уровнем креативности выше нормы, представляют себя частью целостного мира, его составляющими.

Коэффициент сопряженности «Картины мира» и «Образа Я» у девятикласников с уровнем креативности в пределах ниже нормы имеет низкое значение (0,244), что можно рассматривать как свидетельство того, что старшекласники с таким уровнем креативности меньше всех из трех выборок представляют себя частью целостного мира, его составляющими.

По мере понижения уровня креативности, у девятикласников снижается и мера связи между образом мира и образом «Я». Этот факт может рассматриваться как факт того, что уровень креативности проявляется в особенностях интегрированности структуры целостного образа мира у девятикласников. Старшекласники с уровнем креативности ниже нормы представляют себя как отдельную часть мира, существующую в определенном социуме, картину мира они рассматривают как набор объектов, одним из которых являются они сами.

Автор (материала) – победитель конкурса Стипендиальной программы Владимира Потанина 2017/2018 (договор о гранте № ГСГК-60/18).

Литература

Аксенова Ю. А. Символы мироустройства в сознании детей. Екатеринбург, 2000.

Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. М.: Смысл, 2003.

Романова Е. С. Потемкина О. Ф. Графические методы в психологической диагностике. М.: Аспект-Пресс, 2011.

Шумакова Н. Б. Обучение и развитие одаренных детей. М.: Просвещение, 2004.

Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. СПб.: Питер, 2002.

Peculiarities of the picture of the world and the image of the I in senior schoolchildren with different levels of creativity

Yu. A. Mochalova (Rostov-on-Don)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Don State Technical University

The analysis of the literature has shown that concepts such as the image of the world and the image of I embrace such a vast area of the person's mental life that, since its inception, many questions concerning various aspects of nature and the functioning of this, in a certain sense, all-encompassing phenomenon, have not yet been resolved, while others are not even delivered. Of great interest is the study of the image of the world and the image of the I in high school students with different levels of creativity. It is in children with a high level of creativity, there is a high level of development of self-awareness, an increased need for understanding the world. The article presents the results of a study aimed at studying the features of a picture of the world (image of the world) and the image of I high school students with different levels of creativity. It is shown that statistically significant differences in the manifestation of different types of picture of the world and the image of self in ninth-graders with a creativity level above the norm, the norm and below the norm was not found. However, each group has its own characteristics. A comparative analysis is described, as well as features of the connection between the level of creativity, the picture of the world (the image of the world) and the image of the self.

Keywords: picture of the world, image of self, creativity, senior school age, conjugacy.

Субъект через призму креативного механизма юмора

М. В. Мусийчук (Магнитогорск)

доктор философских наук, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова; e-mail: mv-mus@mail.ru

Показано различие понятий «юмор», «комическое», «остроумие». Описаны когнитивные и аффективные основания в процессе познания. Креативный механизм юмора порождает в процессе восприятия изменение смысла (порождение нового смысла), основанного на компоновке текста, с высокой степенью контраста (диалектической двойственности) и имплицитности, опосредованного обращением к собственным творческим способностям субъекта познания посредством: выявления имплицитного содержания, через динамизацию устойчивых семантических связей (разрушение смысловых стереотипов) и выход на различные уровни обобщения (осмысления) ситуаций, с целью выявления существенных характеристик; создания альтернативных значений имеющимися через возникновение нового смысла, порождаемого значимыми отклонениями от нормативных структурных ожиданий, опосредованных игровой сущностью юмора.

Ключевые слова: субъект, креативность, юмор, комическое, остроумие.

Анализ феномена юмора особенно важен для понимания когнитивной детерминации юмористического в процессе познания. В процессе познания проявляется способность сознания различным образом реагировать на комическое информационное воздействие, конструируя возможные ответы на это воздействие, в том числе и в юмористической форме. Содержание сознания в форме юмора, репрезентирует цели и интересы субъекта познания, его творческий потенциал в наиболее выразительной языковой форме.

Юмор, как одно из составляющих когнитивной коммуникации осуществляется между различными субъектами познания (индивидуальными или коллективными). В юморе наиболее ярко про-

является способность сознания к самодерминации в практических и адаптивных целях, например, через экспликацию всех неявных следствий, с целью повышения гибкости и восприимчивости к переменам, происходящим в современном мире. Далее, считаем важным указать на убедительно описанные различия в понятиях «комическое» и «юмор». «Комическим, смешным кажется то, что выступает сперва с видимостью превосходства и затем обнаруживает свою несостоятельность. Несоответствие или несуразность, обычно заключенные в комическом, сами по себе, еще не создают этого впечатления» (Рубинштейн, 1999, с. 576–577). Юмор понимается С. Л. Рубинштейном как значительно более сложное понятие, чем комическое. Основным в дефиниции «юмор» является то, что «юмор предполагает, что за смешным, за вызывающим смех недостатками чувствуется что-то положительное, привлекательное». С юмором, подчеркивает автор, смеются над недостатками любимого. В юморе смех сочетается с симпатией к тому, на что он направляется (Рубинштейн, 1999, с. 577). Более того, С. Л. Рубинштейн вводит понятие «чистый юмор», «относящийся к миру как к любимому существу, над смешными сторонами и милыми слабостями которого приятно посмеяться, чтобы почувствовать особенно его бесспорные достоинства» (Рубинштейн, 1999, с. 577).

В процессе разрешения проблемы определения юмора предлагаются различные варианты содержательного наполнения понятия «юмор». Обратим внимание на определение юмора, предложенное R. Martin (Martin, 1998). Итак, юмор рассматривается как поведенческий паттерн (склонность часто смеяться, рассказывать шутки и смешить других); способность (запоминать шутки, рассказывать их, создавать, понимать); черта характера (веселость); эстетическая реакция (смех над определенно рода вещами); отношение (позитивное отношение к миру или смешным людям), взгляд на мир; стратегия преодоления трудностей (склонность преломлять невзгоды через призму юмора).

Для дальнейшего анализа необходимо рассмотреть соотношение понятий «юмор» и «остроумие». «Остроумность ответа (в словах или поступках) достигается тем, что окружающие не ожидают именно такого хода мысли. В остроумии присутствует смысловая неожиданность, быстрая реакция мысли на слова собеседника или на обстановку. Есть все основания предполагать, что «остроумный» образовано из «острый» во втором значении и в древнерусском языке означало «быстроумный» (Чурмаева, 1969). Детальное рассмотрение исследования Н. В. Чурмаевой показывает, что в понятии «остроумный» содержится, прежде всего, когнитивный аспект. Убедительные данные

представлены в теории А. Макаряна (Макарян, 1967), подчеркивающего, что отождествление понятий «юмор» и «остроумие» неправомерно. Юмор — явление, обусловленное душевными особенностями человека, а остроумие — особенностями интеллекта.

Обратимся к разнообразным видам активности, реализуемым, прежде всего, в совокупности отношений человека к себе и другим людям, в связи с чем рассмотрим понятие «субъект». Субъектом А. В. Брушлинский называл человека, рассматриваемого на высшем для него уровне активности, целостности, автономности: «Важнейшее из всех качеств человека — быть субъектом, т. е. творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути. Это значит инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, поведение, познание, созерцание и другие виды специфически человеческой активности (творческой, нравственной, свободной) и добиваться необходимых результатов» (Брушлинский, 1999, с. 30).

Функцию отбора потенциально продуктивных вариантов осуществляет креативный конструкт. Развитие мысли происходит на основе разрешения противоречий, имеющих в юмористических выражениях, когда понятия обладают в своем крайнем проявлении признаками противоречащими один другому. Креативность направлена на конечный практический результат. Креативный конструкт в юмористической форме изначально продуцирует концептуальное изменение, направленное на практическую реализацию. Многообразие форм реализации потенциалов креативности через приемы остроумия свидетельствует об универсальной значимости креативного механизма юмора как одного из основополагающих элементов синергетической модели реализации имплицитного смысла. В этой связи отметим, что важнейшей составляющей процесса мышления в теории А. В. Брушлинского выступает прогнозирование: «Мышление как прогнозирование есть частный случай психического как процесса» (Брушлинский, 1996, с. 161).

Креативный механизм юмора порождает в процессе восприятия изменение смысла (порождение нового смысла), основанного на компоновке текста с высокой степенью контраста (диалектической двойственности) и имплицитности, опосредованного обращением к собственным творческим способностям субъекта познания посредством:

- выявления имплицитного содержания через динамизацию устойчивых семантических связей (разрушение смысловых стереотипов) и выход на различные уровни обобщения (осмысления) ситуаций, с целью выявления существенных характеристик;

- создания альтернативных значений имеющимися через возникновения нового смысла, порождаемого значимыми отклонениями от нормативных структурных ожиданий, опосредованных игровой сущностью комического;
- пробуждение дополнительного интереса к проблеме через внелогические формы доказательства.

Обоснуем выделенные составляющие креативного механизма юмора подробнее. Итак, первое положение о выявлении имплицитного содержания, через динамизацию устойчивых семантических связей и выходом на различные уровни обобщения ситуаций, с целью выявления сущностных характеристик, отражает тот факт, что креативный механизм юмора способен зафиксировать отсутствие соответствия между мыслительными представлениями и вещью, культурными представлениями, миром. Следует подчеркнуть, что чувство юмора возникает, когда субъект обнаруживает противоречие в окружающей действительности. И, что особенно важно, чувство юмора связано с работой сознания и составляет единое целое с процессом мышления. Все смыслы должны быть поняты, только в этом случае возможен процесс коммуникации.

Креативное мышление выражается в использовании разноуровневых средств актуализации комического смысла. Так, в набор ожиданий при восприятии юмора входит нарушение ожиданий бытовой (реальной, истинной) стереотипной ситуации, с одной стороны, и с другой, ожидание необычного нарушения хода течения событий. Если же последовательность событий кажется адресату логичной, то ситуация не будет воспринята как юмористическая. В качестве примера подобного рода коммуникации рассмотрим «логичный» ответ о том, что «дома все в порядке», который нарушает стереотипную ситуацию, ассоциируемую с просьбой о деньгах, которые могут находиться дома.

- *Одолжи мне тысячу.*
- *К сожалению, у меня при себе нет денег.*
- *А дома?*
- *Дома все в порядке, спасибо, все здоровы.*

Понимание имплицитного смысла в комической форме происходит на основе трансформации содержания. Данное положение доказывается тем, что юмористическая форма самостоятельна по отношению к смысловому содержанию, поскольку структурные изменения в форме мысли приводят к иному смыслу. Рассмотрим это положение на примерах. *Объявление: «Продается автоответчик Калашни-*

кова» (А. Кнышев). В данном случае юмористическая форма основана на метонимии (*gr. metonymia* – переименование). Перенос имени с одного класса объектов или объекта на другой класс или предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию. Вследствие подобного перехода возникает подтекст, порождающий новый смысл. Если придать данной мысли другую форму, то юмористический эффект исчезает. Например, в такой формулировке. «Продается автомат системы Калашникова».

По мнению О. Розеншток-Хюсси: «Юмор исключает все ложные методы, потому что именно он делает их смешными» (Розеншток-Хюсси, 2002). Полностью разделяем это мнение, отражающее один из важнейших когнитивных модусов юмора. Примером реализации ложного метода является следующее юмористическое выражение. *Дураки учатся на своих ошибках, а умные на чужих... выходит, умные учатся у дураков.* И именно в юмористической форме высвечивается ложность исходных положений. А из лжи, как в свое время говорил В. Оккам, следует все что угодно.

Обоснуем второе положения в определении креативного механизма юмора. Наиболее рельефно процесс порождения нового смысла раскрывается при сопоставлении приемов остроумия и задач-головоломок (Мусийчук, 2003). Метафоры как прием остроумия, порождающий новый смысл, в процессе восприятия необычайно эффективны. Наиболее иллюстративным в плане прагматики является такой способ создания метафоры, как разложение фразеологизма, что предполагает оперирование метафорическим выражением без учета его фигурального характера, т. е. так, как если бы метафора имела прямое значение. Например, *сейчас ты бессмертен, ибо еще не умер* (Э. Цветков «Предание мастера»).

Существуют различные способы создания юмористической формы посредством использования различного вида сравнений. Сравнение, как оценка по неявному, случайному или несущественному признаку, одинаково привлекает особенностями создания эмоционально-когнитивного воздействия на читателя и слушателя как политиков, так и писателей, и поэтов, а также ученых. В свое время У. Черчилль реализовал этот прием в такой фразе, как: *«Репутация державы точнее всего определяется той суммой, которую она способна взять в долг».* Г. Гейне написал с достаточной долей сарказма: *«Эта женщина во многих отношениях – настоящая Венера Милосская: она так же чрезвычайно стара, у нее так же нет зубов, и на желтой поверхности ее тела имеется несколько белых пятен».* Весьма категоричное сравнение провел Э. Резерфорд: *«Науки делятся на две группы – на физику и собирание марок».*

Обоснуем третье положение креативного механизма юмора. Пробуждение дополнительного интереса к проблеме через внелогические формы доказательства, на основе эмоций. При этом, наряду с классическим пониманием эмоций, считаем целесообразным в процессе обоснования данного механизма комического указать на понимание эмоций Н. Гартманом как процесса ведомого стремлениями.

Для большей ясности и обстоятельного освещения когнитивных оснований юмора в его креативном механизме необходимо знать и обсудить проблему эмоций, как часть познавательной системы человека. В монографии, вышедшей под редакцией О. К. Тихомирова, «Психологические исследования творческой деятельности», убедительно показано, что «к числу важнейших проблем мы относим изучение функций эмоциональных процессов в творческой деятельности (Тихомиров, 1975, с. 16). «Тогда при изучении познавательной деятельности возникает важный вопрос об общих и специфических особенностях включения эмоциональных механизмов в управление деятельностью и о взаимодействии качественно различных эмоциональных явлений» (Тихомиров, 1975, с. 18). В этом плане значительный интерес представляет процесс выявления имплицитного смысла как основание креативного механизма юмора.

Процессы представления эмоций в языке высвечивают основные аспекты функционирования процесса мышления при восприятии и порождении юмора. В процессе языкового опосредования эмоциональность как психическое явление трансформируется в эмотивность (языковое явление). Эмотивность понимается как функционально-семантическая категория, служащая для внешней трансляции носителями языка (языковыми личностями) своего эмоционального состояния и отношения к миру. Общее реализуется через особенное в уникальности эмоционально-интеллектуальной и мировоззренческой позиции человека, выраженной в комической форме.

При рассмотрении третьего положения, о создании значений, альтернативных имеющимся, через возникновение нового смысла, порождаемого значимыми отклонениями от нормативных структурных ожиданий в процессе понимания комического, необходимо обратиться к языку как средству передачи мысли. В основе выявления имплицитного смысла лежит способность как умение видеть сходство далеких друг от друга понятий (явлений), так и диссонанс явлений одного класса. Аналогичная мысль высказывается и З. Фрейдом, рассматривающим механизм восприятия юмора, через призму сознания одновременно в двух планах. При этом подчеркивается, что мы одновременно или с быстрой последовательностью применяем для одной и той же работы представления два различных спо-

соба представления, между которыми потом происходит «сравнение», в результате чего возникает комический эффект.

На процесс выявления имплицитной сущности решающее значение может оказывать не только «одно-единственное слово», но и более того — молчание, например, в ситуации реализации приема остроумия «намек». Например, намек на известные всем события, реальный политический, исторический или литературный факт, в форме аллюзии (*лат.* *allusio* — шутка, намек). Так, современников А. С. Пушкина сместила первая строфа «Евгения Онегина»: *«Мой дядя самых честных правил»*. Она напоминала четвертую строку басни И. А. Крылова: *«Осел был самых честных правил»*. Не менее привлекательна реализация приема остроумия «намек» через призму исторической перспективы. *«Объявление. Ищу работу. Подпись Герострат»*. Знание исторического контекста события вызывает возникновение юмористического эффекта на основе умолчания.

Таким образом, делая промежуточный вывод, подчеркнем, что именно противоположность сравниваемых понятий, «их столкновение» обладает свойством взаимодополнительности, их синтез приближает к выявлению имплицитного смысла.

По мнению В. Налимова, шутка может заключаться «в неожиданном переводе маловероятностных ассоциаций в доминирующие» (Налимов, 1979). Разговорные остроты, как справедливо подметила Е. Земская, могут быть семантически не нагружены, в такой ситуации они лишь отражают «желание говорящего поиграть с формой слова». Таким образом, субъект проявляется в креативном механизме юмора. Новый смысл порождается созданием значений, альтернативных имеющимся, через возникновение нового смысла, порождаемого значимыми отклонениями от нормативных структурных ожиданий, опосредованных игровой сущностью юмора, что в значительной степени зависит от формы, придаваемой содержанию.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта: некоторые итоги и перспективы // Известия Российской академии образования. М.: Магистр, 1999.
- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.—Воронеж, 1996. С. 161.
- Макарян А. М.* О сатире. М., 1967.
- Мусийчук М. В.* О сходстве приемов остроумия и механизмов построения парадоксальных задач // Вопросы психологии. 2003. № 6. С. 99—105.

Налимов В. В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественного и искусственного языка. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Наука, 1979.

Психологические исследования творческой деятельности / Под ред. О. К. Тихомирова. М.: Наука, 1975. С. 16.

Розенток-Хюсси О. Великие революции. Автобиография западного человека. М.: Библейско-Богословский институт св. ап. Андрея, 2002. С. 617.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: 1999.

Чурмаева Н. В. Почему остроумный? // Русская речь. 1969. № 1.

Martin R. Approaches to the sense of humor: A historical review / W. Ruch (Ed.) // The sense of humor: Explorations of a personality of personality characteristics. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.

The subject through the prism of the creative mechanism of humor

M. V. Musiichuk (Magnitogorsk)

Doctor of Philosophy, Nosov Magnitogorsk State Technical University

The difference in the concept of “humor”, “comic”, “wit” is shown. Cognitive and affective bases in the process of cognition are described. The creative mechanism of humor, generates in the process of perception, changing the meaning (the product of the new sense) is based on the layout of the text with a high degree of contrast (dialectic of duality) and the implied, indirect reference to his own creative abilities of a subject of cognition, by: identifying implicit content, through dynamic modification of the stable semantic relations (destruction of semantic stereotypes) and exit at different levels of generalization (thinking) situations, with the aim of identifying the essential characteristics; the creation of alternative values available through the occurrence of a new meaning, posed significant structural deviations from normative expectations, the mediated game the essence of humor.

Keywords: subject, creativity, humor, comic, wit.

Одаренность как системообразующий фактор спортивных достижений

В. А. Сальников, Е. М. Ревенко** (Омск)*

** доктор педагогических наук, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет; e-mail: viktor.salnikov1@yandex.ru*

*** кандидат педагогических наук, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет; e-mail: revenko.76@mail.ru*

В статье рассматривается фактор детской одаренности в системе спортивной деятельности. Отмечается, что выявление одаренных детей и подростков только на основании отбора и последующего технологического подхода в ее развитии, направленного на достижение максимально возможного результата, без выявления и учета общих индивидуально-психологических особенностей и морфологических признаков едва ли приведет к желаемому результату. Это говорит о специфике детской одаренности, по сравнению со спецификой одаренности взрослого человека: в основе одаренности подростка лежат разные психические ресурсы. В результате, детство — это период становления психических ресурсов, когда «все влияет на все», это дает основание предположить, что спортивная одаренность, как системное качество, в период возрастного развития, может проявляться в самых многообразных вариантах.

Ключевые слова: одаренность, спортивная одаренность, индивидуальные различия, отбор, способности.

В настоящее время отмечается повышенный интерес к изучению и выявлению особенностей детской одаренности применительно к спортивной деятельности. Связано это с всевозрастающим уровнем спортивных достижений в различных видах спорта. Рядом ученых второй половины XX в. отмечалось, что функциональные возможности спортсменов во многих видах спорта достигли границ биологических возможностей, однако подобное заключение ока-

залось преждевременным. Характерной особенностью предшествующего этапа в достижении выдающегося результата являлась высокая интенсивность внешних воздействий и их оптимизация с функциональными возможностями организма спортсмена. Однако недостаточно внимания уделялось выявлению одаренности детей. Действительно, чем тщательнее изучаются факторы, способствующие достижению спортсменами выдающихся результатов, тем в большей мере ученые убеждаются, что каждый незаурядный спортсмен – это яркая индивидуальность. Анализируя успехи выдающихся атлетов, А. Н. Воробьев (1986) отмечал, что они исключительно одарены от природы. Хотя ретроспективный анализ выявил, что многие выдающиеся спортсмены в детстве ничем не выделялись и, наоборот, многие бывшие вундеркинды так и остались бывшими. Это говорит о том, что уровень и характер проявления детской одаренности очень индивидуален. Характерной особенностью применительно к спортивной деятельности является то, что одни, приходя заниматься тем или иным видом спорта, уже проявляют ярко выраженные способности, других же не принимали в группы начальной подготовки в силу их слабого физического развития. Сложность поиска спортивных талантов, по выражению Н. Ж. Булгаковой (1986), отметившей, что возможность найти одаренного подростка применительно конкретной двигательной способности среди его сверстников будет равна лишь одному из миллиона. И, в данном случае, вероятно, предположение связано с ярким проявлением одаренности и отвечает большому числу обязательных условий. Действительно, в ранних работах называлась цифра в 4–5%, в настоящее время в рамках психометрической концепции одаренности называется цифра до 30% возрастной популяции (Шебланова, 2004). В целом одаренность трактуется как качественно своеобразное сочетание способностей, обеспечивающее успешность выполнения деятельности. Нередко делается акцент на том, что одаренность определяется как «способность к выдающимся достижениям в любой сфере человеческой деятельности» (Лейтес, 1996).

В отношении спортивной одаренности говорят как о комплексе природных качеств, дающих возможность достичь спортивных вершин в процессе многолетней тренировки. Но саму по себе успешность нельзя превращать в критерий одаренности. Как показывает практика, имеет место противоречие, связанное с тем, что не всякий двигательно одаренный ребенок становится одаренным взрослым и достигает высоких результатов и, в свою очередь, не всякий выдающийся спортсмен был в детстве одаренным ребенком. Как отмечает М. А. Холодная (2011), наблюдается эффект инверсии развития ода-

ренности: изменение одного состояния, на прямо противоположное (был одаренным – перестал быть одаренным, не был одаренным – стал одаренным). При этом, как замечает Е. И. Шебланова (2004), такой критерий одаренности, как выдающийся результат, не является определяющим даже применительно к взрослым, еще менее он информативен в отношении детей.

Действительно, реально оценить признаки детской одаренности довольно сложно. Так как признаки одаренности у ребенка не сводятся к проявлениям возрастных факторов развития. Наряду с ними существуют и индивидуальные предпосылки развития, менее зависящие от возрастных изменений. Едва ли не основная трудность диагностирования признаков одаренности в годы детства, как уже упоминалось, состоит в том, что индивидуальное и возрастное проявляются совместно и их симптомы могут быть одинаковы. Но одним из важных факторов, который как бы характеризует «общие способности» одаренности в детском возрасте, является наличие в этом возрасте многообразия индивидуальных различий, от которых ни в коем случае нельзя абстрагироваться, так как индивидуальные различия одаренных детей значительно шире возрастных особенностей.

В соответствии с этим представляется более перспективным заниматься не отбором детей в тот или иной вид спорта, в котором предположительно они могут достигнуть выдающихся результатов. А направить усилия на поиск детей, чьи высокие результаты требуют на каждом этапе возрастного развития, соответствующих условий обучения, без которых их предполагаемая одаренность может остаться нераскрытой. Как показывает практика, диссинхрония в развитии одаренных детей связана не столько с их одаренностью, сколько с неадекватностью условий воспитания и обучения, соответствующих их высокому потенциалу (Rieben, 1992). Отмечается и другая сторона проблемы, связанная с тем, что вопрос о выявлении одаренности детей не может быть решен с применением пусть даже самых современных диагностических методик, если, как замечает Е. И. Шебланова (2004), нет ясного понимания, что именно отличает одаренных детей от всех остальных и как можно обнаружить это отличие. То есть на этом фоне можно говорить о том, что успешное выполнение определенной деятельности, в частности спортивной, будет происходить по-разному, в соответствии с внутренними свойствами, отражающими индивидуальность личности.

Это особенно подчеркивал Б. М. Теплов (2009), отмечая, что «различия по одаренности – это различия индивидуальности». Значение, которое он придавал индивидуальности, обнаруживалось в том, что у людей, способных к высшим достижениям, он, в соответствии

со своей общей концепцией, стремился каждый раз выявлять качественные особенности одаренности. Если количественный анализ одаренности должен выполняться с учетом диагностики всех свойств организма, включая и морфофункциональные, биологические, а также биохимические, то для качественного анализа достаточно изучения психофизиологических свойств индивида, ибо в их задачу входит установление индивидуального пути достижения прогнозируемого результата деятельности, определение индивидуальных способов успешного обучения, воспитания, совершенствования спортивного мастерства. В результате нет оснований заикливаться на количественной мере одаренности, на высоте или уровне. Очень важно уловить ее своеобразие у растущего человека. Поэтому так труден переход от констатации повышенных возможностей подростка к предвидению хода его дальнейшего развития. Реально оценить признаки детской одаренности довольно сложно, так как они не сводятся к проявлениям возрастных факторов развития. Наряду с ними существуют и индивидуальные предпосылки развития, менее зависящие от возрастных изменений. Едва ли не основная трудность диагностирования признаков одаренности в годы детства состоит в том, что индивидуальное и возрастное проявляются совместно и их симптомы могут быть одинаковыми.

При этом многообразии индивидуальных различий обнаруживается как в общих, так и в специальных способностях детей. В то время как имеющиеся исследования показывают высокую связь двигательных способностей с психофизиологическими и морфологическими особенностями, которые уже явно начинают проявляться в детском и подростковом возрасте. То есть на этом фоне можно говорить о том, что успешное выполнение определенной спортивной деятельности происходит по-разному, в соответствии с внутренними свойствами, отражающими индивидуальность личности (Сальников, 2014). Одни и те же успехи разных подростков в одной и той же деятельности могут быть показателями различных способностей, и при одних и тех же или равных способностях их успехи могут быть различными. В этой ситуации существенным фактором в изучении детей с необыкновенными для их возраста способностями и возможностями играет качественный анализ их индивидуального развития. Имеющиеся исследования показывают, что темп прироста результатов существенно различается как на начальном этапе тренировок, так и на этапе спортивного совершенствования. Но это чаще связывается с эффективностью технологических воздействий, нежели с соотношением с индивидуально-психологическими особенностями занимающихся. Именно наличие такого рода индивидуальных различий

является принципиально важным моментом, дающим основание полагать, что одна и та же деятельность может осуществляться психически разными путями и что возможна в широких пределах компенсация одних способностей другими (Ильин, 2001).

В соответствии с этим можно предположить, что довольно высокий уровень индивидуальности в проявлении двигательных способностей связан с различиями в динамике их проявления. Это связывается с тем, что одним из условий развития одаренности считается ее раннее выявление, но, как показывает практика, возраст идентификации зависит от вида одаренности «актуальной», «потенциальной», «явной», «скрытой» или поздней, что сильно снижает возможность прогнозирования ее развития. В результате, имеет место противоречие, связанное с тем, что не всякий двигательно одаренный ребенок становится одаренным взрослым и достигает высоких результатов и, в свою очередь, не всякий выдающийся спортсмен был в детстве одаренным ребенком. Вместе с тем обучаемость (тренируемость) у одаренных детей может быть различной: либо крайне быстрой, либо крайне медленной. Имеющиеся в литературе данные дают основание отметить, что «медленный тип развития» чаще характерен для тех детей, которые в последующем достигали выдающегося спортивного результата. Хотя имеются данные, показывающие, что воздействие тренировок в раннем возрасте более эффективно для одаренных детей и, напротив, для детей с невысоким уровнем развития двигательных способностей максимальный эффект тренировок проявляется в более позднем возрасте. Это лишний раз доказывает одну из важных закономерностей возрастного развития, выражающуюся в том, что «Талант должен созреть». В этой ситуации можно предположить, что чрезмерно специализированная тренировка в одном из видов спорта может разрушить естественные, индивидуально-уникальные механизмы становления конкретного ребенка. К этому следует отнести и то, что часто игнорирующим фактором одаренности являются интересы и склонности детей и подростков, их увлечения, постоянство которых может характеризовать отношения ребенка к той или иной деятельности.

Все это требует установления подлинных различий по одаренности, но эта проблема пока еще не нашла должного решения. Исходя из этого, в процессе спортивного отбора ориентируются на модели сильнейших спортсменов, в частности, как отмечает И. Ю. Соколик (1999), «мы исходим из того, что спортивную одаренность более рельефно отражает индивидуальность взрослых спортсменов высокой квалификации. Это связано с тем, что у них уже практически полностью реализован спортивный потенциал, и отбор маркерных показа-

телей наиболее адекватен задачам моделирования спортивной одаренности». Но принципиальные отличия проявлений одаренности во взрослом и детском возрасте делают невозможным прямой перенос закономерностей, описанных при изучении высших проявлений таланта и гениальности на более ранние этапы развития личности.

Как нам представляется, проблема заключается в специфике детской одаренности, по сравнению со спецификой одаренности взрослого человека: в основе одаренности подростка лежат разные психические ресурсы. Другая сторона проблемы состоит в том, что в имеющихся многочисленных исследованиях по выявлению индивидуальных различий в системе тренировочного процесса не уделяется достаточного внимания. Говоря об индивидуальных различиях, чаще изучаются физическое развитие или специфика тренировочного процесса, присущие не индивидуальности, а группе людей со сходными типологическими особенностями. В имеющихся исследованиях динамика того или иного признака анализируется применительно к одному типологическому свойству, истинная же характеристика возможна только при сопоставлении типологических особенностей различных свойств нервной системы. Именно по сочетанию типологических особенностей более четко дифференцируются представители различных видов спортивной деятельности. Вероятно, необходимо менять парадигму научных исследований, где дается только сопоставление результатов экспериментальных и контрольных групп и делается это на уровне среднестатистических данных. Как нам представляется, наиболее актуально анализировать индивидуальную составляющую каждого участника эксперимента и выявлять индивидуально-психологические и морфологические показатели, оказывающие на это влияние.

Литература

- Булгакова Н. Ж.* Отбор и подготовка юных пловцов. М.: Физкультура и спорт, 1986.
- Воробьев А. Н.* Принцип индивидуализации — фикция или закономерность в современном тренировочном процессе // Теория и практика физической культуры. 1986. № 6. С. 29–31.
- Психология одаренности детей и подростков / Под ред. Н. С. Лейтеса. М., 1996.
- Ильин Е. П.* Дифференциальная психофизиология. СПб.: Питер, 2001.
- Сальников В. А.* Возрастной фактор в структуре индивидуального развития // Теория и практика физической культуры. 2014. № 4. С. 98–102.

- Соколик И. Ю.* Организационно-методические основы диагностики спортивной одаренности: Дис. ... докт. пед. наук. Минск, 1998.
- Теплов Б. М.* Психология и психофизиология индивидуальных различий. Избранные психологические труды / Под ред. М. Г. Ярошевского. 2-е изд., стер. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж, 2009.
- Холодная М. А.* Эволюция интеллектуальной одаренности от детства к взрослости: эффект инверсии развития // Психологический журнал. 2011. № 5 (32). С. 69–78.
- Щебланова Е. И.* Психологическая диагностика одаренности школьник: проблемы, методы, результаты исследований и практики. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «Модэк», 2004.
- Rieben L.* Intellectually and educationally advanced children: a few theoretical and practical indicators of the situation in Switzerland and France / F. J. Monks, H. W. Van Boxtel // Education of the gifted in Europe: theoretical and research issues. Amsterdam: Swets & Zeitlinger, 1992. P. 86–103.

Talent as a backbone factor of sports achievements

V. A. Salnikov, E. M. Revenko** (Omsk)*

* Doctor of Psychology, Siberian State Automobile and Road University

** Candidate of Psychological Sciences,
Siberian State Automobile and Road University

The article deals with the factor of children's talent system of sports activities. It is noted that the identification of gifted children and adolescents only on the basis of selection and subsequent technological approach in its development, aimed at achieving the maximum possible result, without identifying and taking into account the General individual psychological characteristics and morphological features, is unlikely to lead to the desired result. This suggests the specificity of children's talent compared to the specificity of the gift of an adult: at the heart of the gift of a teenager are different mental resources. As a result, childhood is a period of formation of mental resources, when "everything affects everything", it gives reason to assume that sports talent, as a systemic quality, during the period of age development, can manifest itself in the most diverse options.

Keywords: talent, sports talent, individual differences, selection, abilities.

Раздел XI

**СПОСОБНОСТИ
И МЕНТАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ**

Проблемы исследования метакогниций

М. Р. Арпентьева (Калуга)

*доктор психологических наук, Калужский государственный университет
им. К. Э. Циолковского; e-mail: mariam_rav@mail.ru*

Метакогнитивные феномены в жизни человека формируются, применяются и трансформируются в течение всей его жизни, в том числе как суммарный (субъективный, внутренний) опыт, включая процессы постижения себя и мира. Это предполагает огромное разнообразие метакогнитивных структур и процессов: начиная с уровня духовных ценностей и образа жизни и заканчивая отдельными компонентами — актами и операциями когнитивной, эмоциональной, поведенческой сфер. Феноменология метакогнитивных процессов и структур затрагивает самые разные сферы жизнедеятельности, наиболее отчетливо проявляясь в межличностном общении и обучении: и там, и там как наиболее важные стоят задачи понимания и соотнесения подчас принципиально разных способов осмысления реальности и ее фрагментов. Именно в этом соотнесении («сверке») и состоит сущность метакогнитивных процессов и метакогнитивных структур.

Ключевые слова: метакогнитивные структуры, метакогнитивные процессы, метапознание, рефлексия, ценности.

Метакогнитивные феномены в жизни человека формируются, применяются и трансформируются в течение всей его жизни. Названия метакогниций при этом могут быть весьма различны: они называются рефлексией или саморефлексией, умением учиться или умением учить, обучением второго (третьего или даже четвертого) типа, саморегулируемым или развивающим обучением. Исследователи отмечают, что метакогниции возникают как феномены многостороннего и глубинного интимно-личностного контакта или задаются образовательной или иной задачей, связанной с такими феноменами, как концентрация внимания, воля и самоуправление.

Метакогниции естественным образом возникают как результат столкновения с новым, необычным, противоречивым опытом и практически никогда не иницируются, если субъект удовлетворен наличной ситуацией, собой и другими людьми. Метакогнитивное развитие, таким образом, свидетельствует о богатстве жизненных перипетий, с которыми человек сталкивается во всех планах своего бытия: «у каждого святого есть прошлое, у каждого грешника — будущее». Нарращивание метакогнитивных компонентов позволяет человеку значительно сокращать усилия по переработке смысловой информации о себе и мире, упрощать эту переработку, связывать воедино порой абсолютно разные явления, понятия, контексты, теории и т. д.

Конечно, когда мы говорим об упрощении, мы прежде всего связываем его с обеднением опыта, однако «интегрирующее упрощение», сведение многообразия мира в набор более или менее целостных и непротиворечивых метаконцептов, отработка эффективных метастратегий постижения себя и мира, позволяет человеку продуктивно жить и действовать в мире, наполненном неопределенностями и непонятностями, болью и страданиями, «чуждостью» и невозможностями. Последнее особенно важно: то, что было невозможно на одном уровне, становится возможным и желательным на другом. Зная это, человек, подспудно вылавливая эти аспекты из опыта «третьего» и «четвертого типов» обучения (Бейтсон, 2000), стремится ко все большему усложнению своего понимания. Усложнение понимания дает возможность постижения сущностных взаимосвязей и текущих процессов мира — в целостности, «фрактальном» единстве, изменчивости и тотальной взаимосвязи.

Во всех этих случаях стоящая перед субъектом задача на понимание активизирует, помимо процедур исследования собственно содержания понятий и образов, процедуры сопоставления 1) их структурных взаимосвязей внутри фреймов и связанных с понятием или образом поведенческих паттернов, 2) процедур формирования и трансформации содержательного и структурного знания, заключенного в данном образе или понятии. Таким образом, метакогнитивные структуры и процессы, условно говоря, могут быть двух типов: отражающие задачи понимания в отношении структурных взаимосвязей (вне и внутри) понятий, и отражающие процедурные аспекты существования и изменения содержания и структуры понятий. Условность раскрывается на этапе сопоставления: субъект осознает, что содержание, структурные связи и процессы получения знания об объекте тесно связаны между собой. Примером является межличностное общение, в котором понимание себя, друго-

го человека и ситуации взаимодействия с ним представляют собой единый комплекс, трансформация одного из компонентов которого автоматически приводит к трансформации остальных (Арпентьева, Горбачева, Фомин и др., 2016, 2017).

Метакогнитивные процессы дают человеку представление о существенных и существенных взаимосвязях различных феноменов мира, тех понятий и образов, которые он сформировал в конкретной ситуации. Контекстность, эмерджентность, релятивность понимания демонстрируют субъекту множественность миров его жизни, ее текучесть. Жизненный мир представляет собой, по сути, не гарантированное и фиксированное объективно данное, непроизвольно декларируемое субъективное, не соотносящееся ни с другими людьми, ни с ситуацией, а возникающее в результате согласования с конкретными субъектами и в конкретной ситуации *межсубъектное представление*. В этом представлении образы и понятия соотносятся так, чтобы обеспечить возможность понимания — задач собственной деятельности, в том числе обучения и общения.

Качественные изменения деятельности, связанные с изменением отношений человека к себе и окружающим людям, изменением ситуации взаимодействия, предполагают активизацию метакогнитивных процессов и трансформацию метакогнитивных структур. Незрелость метакогнитивных процессов и структур приводит к дезориентации и непониманию, отказу от деятельности или взаимодействию с людьми или миром, в некоторых случаях — нарушению отношений человека с самим собой. В частности, неумение соотнести различия структур и процедур формирования и трансформация содержания и структур понятий и образов ставит человека в ситуацию более или менее выраженной дезориентации. В этом случае возникает кризис, связанный с 1) необходимостью освоить новый способ обучения, т. е. осознать и освоить метакогнитивные процедуры, 2) необходимостью исправить обнаруженные в этот момент метакогнитивные иллюзии и ошибки познавательной деятельности (от познавательной ригидности до переоценки своих когнитивных способностей).

Неуверенность как обратная сторона когнитивного оптимизма и сверхуверенности сопровождает осознание множественности и изменчивости жизненных миров: миров жизнедеятельности самого себя и других людей. Осознание множественности и изменчивости жизненных миров ставит человека в позицию исследователя, актуализирует творческое осмысление и преобразование миров, приводит к формированию нового, более свободного и более ответственного, уважительного отношения к себе, людям, своей жиз-

ни в целом. Напротив, представление о стабильно существующем мире с закрепленными значениями понятий, когнитивная простота, вера в существование единственно правильного способа осмысления мира связаны с закрытостью, несвободой и неуважением к себе и окружающему миру. Ригидное сознание ограничивает и свой, и чужой мир, пытаясь навязать миру усвоенные смыслы, лишит мир, ради сохранения иллюзии контроля над ним, подвижности и текучести.

В эмпирической части нашего исследования, посвященного проблемам понимания человека человеком, выделено несколько вариантов понимания как решение «задачи на смысл», как процесса и результата применения метакогнитивных структур и процедур (метакогниций). При выделении разных стратегий понимания мы исходили из того, что формирование и трансформация понимания связаны, в первую очередь, с метакогнитивными структурами и процессами (Арпентьева, 2015):

- 1) понимание-объективизация: субъект принимает мир, его факты как «объективную», не требующую осмысления данность, фактически отказывается от понимания, мистифицируя «объективное знание» как вещь в себе. Метакогнитивные структуры не развиты, рефлексия и стремление к ее развитию не сформированы и не осознаны;
- 2) понимание-объяснение пытается свести мир к уже понятым и понятным образам и понятиям, не вдаваясь в структурные и процедурные аспекты формирования знания о мире. Субъект демонстрирует стремление к рефлексии и активному обращению к метакогнитивному опыту, однако сам опять не отрефлексирован: метакогниции отражают более или менее профессионализированную модель осмысления внутренней и внешней реальности;
- 3) понимание-интерпретация нацелено на осмысление структурных аспектов знания, перецентрацию ситуации, изучение и исправление ошибок в своих и чужих репрезентациях. Метакогнитивные структуры и процессы сформированы и активно функционируют — используются в планировании, проектировании, контроле, оценке планов и результатов деятельности, однако не включены в процесс диалога;
- 4) понимание-диалогизация связано с открытым диалогом с собой и миром по поводу используемых процедур осмысления реальности, их качества, сопоставлению процесса и результата, осмыслением множественности возможных способов и связан-

ных с ними результатов (репрезентаций). Метакогниции активно применяются и трансформируются в процессе диалогического взаимодействия с реальностью.

Таким образом, собственно понимание возникает не сразу: для субъекта с неразвитыми метакогнитивными структурами и процедурами характерна скорее имитация понимания. Обучение и общение строятся на основе воспроизведения имеющихся образов и понятий, характерный «псевдообмен» проявляется в феноменах «зазубривания» учебного материала и присвоения подчас разрозненных представлений о тех феноменах реальности, с которыми субъект встречается впервые. В обоих случаях речь идет о принудительном характере присвоения новых знаний.

Для субъекта, обращенного к анализу структурных взаимосвязей своих и чужих репрезентаций, ведущим модусом познания и общения является интерес: поиск нового и ценностное отношение к нему. Творческое восприятие реальности как поля своей и чужой жизнедеятельности проявляется в стремлении осмыслить учебный материал в его взаимосвязях, в контексте, сформировать собственное, оригинальное представление о себе и окружающем мире. Идея саморазвития в этом случае является ведущей, в ситуации общения проявляется как идея взаимообмена и взаимного развития.

Для субъекта, живущего в мире изменяющихся процессов и стратегий осмысления мира, мир предстает как игра, правила которой могут изменяться по ходу. Это игра с другим человеком, другим сознанием и его носителем – будь то группа, общество, страна, Земля, мироздание. Метакогниции естественным образом включены в «высшее психологическое знание», как его называла Л. А. Петровская: тот опыт заключений о мире, который психолог извлекает, суммируя опыты других людей. В этом смысле его метакогниции являются профессиональными и принадлежат уже не только ему как личности, но науке и человечеству в целом.

Таким образом, метакогниции все больше становятся достоянием человечества в целом. Это особенно важно в век «постпостмодерна»: разбитое на «лоскуты» сознание человека эпохи «модерна» стремится найти опору, без которой дальнейшее развитие и бытие теряют смысл. На этом пути человечество вновь выделило «духовные ценности», вновь дискутирует по поводу «культуры» и вновь ищет способы обучения, позволяющие человеку и человечеству жить не только в гармонии с миром и с собой, но жить, понимая и принимая мироздание во всей его непостижимости, негарантированности, непривычности.

Тем самым человек раздвигает границы собственного бытия: ему перестают казаться «странными», перестают отвергаться и прятаться от глаз «науки» и повседневной практики многие вещи, которые разрушают мир повседневных и научных иллюзий. Человек «возвращается» к «титанам понимания», мыслителям и практикам прошлого, предвосхитившим кажущиеся современным людям странными и выдуманнами перемены, технологии, концепции и т. д. Кроме того, человек понимает, что обучение не является только и преимущественно творческим: рутинное, неопределенное и невозможное входит в жизнь человека как существующие данности, структуры представлений содержат, помимо фиксированных содержаний и связей, возможности новых, обеспечивающих более или менее оперативную трансформацию представления (содержания) или его смысла (структуры связей) в целом. Иными словами, человек ведет с миром диалог, в диалоге, как игре, возможны и успехи, и неуспехи, при этом ошибки и тупиковые пути рассматриваются как феномены опыта, равноценные правильным решениям и успешным путям.

Литература

- Арпентьева М. Р.* Взаимопонимание как феномен межличностных отношений (на материале психологического консультирования): Дис. ... докт. психол. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015.
- Арпентьева М. Р., Горбачева Е. И., Фомин А. Е. и др.* Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики (Personality, Intelligence, Metacognition-2017) // Материалы II Международной научно-практической конференции с международным участием. 20–22 апреля 2017 г., Калуга. Калуга: Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского; АКФ «Политоп», 2017.
- Арпентьева М. Р., Горбачева Е. И., Фомин А. Е. и др.* Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики (Personality, Intelligence, Metacognition – 2016) // Материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 20–21 мая 2016 г., Калуга. Калуга: ИП И. А. Стельцов–Эйдос–Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 2016.
- Бейтсон Г.* Экология разума. М.: Смысл, 2000.

The problems of study of metacognitions

M. R. Arpentieva (Kaluga)

Doctor of Psychology, Kaluga State University

Meta-cognitive phenomena in human life are formed, applied and transformed throughout his life, including as a summary experience (subjective, internal experience) of work and the flow of other structures and processes of comprehension of self and the world. This implies a huge variety of meta-cognitive structures and processes: beginning with the level of spiritual values and lifestyle and ending with individual components – acts and operations of cognitive, emotional, behavioral spheres. Phenomenology of meta-cognitive processes and structures affects the most diverse spheres of life, most clearly manifested in interpersonal communication and learning: both here and there as the most important is the task of understanding, and also – reconciliation of understanding, the task of correlating sometimes fundamentally different ways of comprehending reality and its fragments. It is in this – correlation, reconciliation, and consists, in our opinion, the essence of meta-cognitive processes, the essence of the work of meta-cognitive structures.

Keywords: metacognitive structures, metacognitive processes, meta-knowledge, reflection, values.

Личностные особенности как ресурсы профессиональной самореализации в спорте высших достижений

Е. И. Берилова (Краснодар)

*кандидат психологических наук, доцент, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма;
e-mail: berilovanew@mail.ru*

Спорт — это профессиональная деятельность человека, направленная на достижение максимально высоких достижений и демонстрацию их в стрессовых условиях. Постоянные физические и психические перегрузки, характерные для спорта высших достижений, способствуют развитию у атлетов симптомов психического выгорания. Личностные особенности спортсменов являются ресурсами их профессиональной самореализации, а также факторами преодоления психического выгорания. Цель исследования — установление взаимосвязи между копинг-стратегиями, самооценкой, эмоциональным интеллектом и психическим выгоранием у девушек-футболисток. Данные личностные особенности мы рассматриваем как ресурсы преодоления психического выгорания и факторы профессионального долголетия спортсменов. Результаты исследования показали, что развитию психического выгорания у девушек-футболисток препятствуют реалистичная самооценка, высокий уровень притязаний и отсутствие сильного расхождения между ними, а также высокий уровень эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: профессиональная самореализация, психическое выгорание, личностные ресурсы, эмоциональный интеллект, самооценка, уровень притязаний.

Актуальной проблемой современных психологических исследований является роль личностных особенностей человека, способствующих или препятствующих успешному выполнению им профессио-

нальной деятельности. Для большинства людей профессиональная деятельность является основной сферой самореализации, и спорт в этом смысле не является исключением. Основными характеристиками современного спорта высших достижений являются высокий уровень конкуренции, высокие физические и психические перегрузки, отсутствие времени для восстановления, что формирует предпосылки к появлению эмоциональных перегрузок (Барабанщикова, Климова, 2015; Горская, 2012). Хронический характер воздействия вышеперечисленных факторов может способствовать развитию у спортсменов синдрома психического выгорания (Raedeker, Smith, 2001). Психическое выгорание у спортсменов может проявляться в снижении чувства достижения, развитии эмоционального и физического истощения, а также в снижении значимости достигнутых результатов (Kaufman, 2014).

Своевременное выявление личностных особенностей спортсменов, являющихся ресурсами преодоления психического выгорания, позволит учитывать их в практике подготовки спортсменов. Это, в свою очередь, будет способствовать максимальной реализации спортсменами своих возможностей и их спортивному долголетию (Берилова, Мищенко, Дорошина, 2013; Штефаненко, 2012).

В нашем исследовании в качестве ресурсов психического выгорания у спортсменов рассматриваются самооценка, копинг-стратегии и эмоциональный интеллект. Эти личностные особенности спортсменов имеют важное значение не только в предотвращении и преодолении психического выгорания, но и способствуют профессиональной самореализации спортсменов и их профессиональному долголетию.

Цель исследования — установление взаимосвязей между психическим выгоранием и копинг-стратегиями, эмоциональным интеллектом и самооценкой у девушек-футболисток.

В исследовании участвовали 28 девушек-футболисток, имеющих разряды мастера спорта и кандидата в мастера спорта. Изучение психического выгорания проводилось с помощью опросника эмоционального выгорания К. Маслач и С. Джексона, адаптированного нами. Он включает в себя следующие показатели: обесценивание достижений, уменьшение чувства достижения, эмоциональное/физическое истощение, интегральный показатель психического выгорания (Берилова, 2016). Для измерения самооценки применялась методика Дембо-Рубинштейн в адаптации Прихожан. Исследование эмоционального интеллекта проводилось с помощью методики Холла. Для выявления предпочитаемых копинг-стратегий применялся опросник Р. Лазаруса.

Копинг-стратегии, эмоциональный интеллект и самооценка девушек-футболисток рассматривались нами в качестве психологических регуляторов выгорания. На первом этапе исследования мы изучали уровень психического выгорания, самооценку, эмоциональный интеллект и копинг-стратегии у спортсменок.

У девушек-футболисток были установлены средние значения всех показателей психического выгорания, что говорит о наличии у большей части спортсменок признаков психического выгорания.

Анализ средних значений показателей копинг-стратегий у девушек-футболисток установил, что значения всех показателей находятся в зоне средних значений. Таким образом, можно сделать заключение о том, что у спортсменок нет предпочитаемых копинг-стратегий. В стрессовых условиях они обращаются как к конструктивным (принятие ответственности, самоконтроль, положительная переоценка, поиск социальной поддержки, поиск решения проблемы, дистанцирование), так и к деструктивным копинг-стратегиям (конфронтативный копинг, уход от решения проблемы).

По результатам анализа средних значений показателей самооценки у девушек-футболисток можно сделать вывод о том, что показатель «самооценка» находится в зоне очень высоких значений, а «уровень притязаний» – в зоне средних значений. Также нужно обратить внимание на то, что у девушек-футболисток выявлено сильное расхождение между показателями «самооценка» и «уровень притязаний». Очень высокая самооценка, средний уровень притязаний и большое расхождение между ними могут способствовать развитию заниженной или завышенной оценки спортсменками собственных качеств и способностей, а также к появлению у них препятствий в постановке жизненно важных целей.

По результатам анализа средних значений показателей эмоционального интеллекта у спортсменок можно сделать следующее заключение. В интервале низких значений находятся следующие показатели эмоционального интеллекта: «управление своими эмоциями», «интегральный показатель эмоционального интеллекта». Значения остальных показателей эмоционального интеллекта находятся в интервале средних значений. Это может говорить о присутствии у большинства спортсменок трудностей в управлении своими эмоциями, выражении испытываемых ими чувств, понимании и распознавании эмоций окружающих их людей.

Задачей второго этапа исследования было установление достоверных корреляционных взаимосвязей между показателями психического выгорания, самооценкой, эмоциональным интеллектом и копинг-стратегиями у девушек-футболисток.

По результатам корреляционного исследования были установлены прямые и обратные достоверные взаимосвязи между показателями психического выгорания, эмоционального интеллекта и самооценки. Высокая эмоциональная осведомленность, эмпатия и способность управлять своими эмоциями, а также высокий уровень эмоционального интеллекта снижают риск развития психического выгорания у девушек-футболисток.

Обратные достоверные взаимосвязи были выявлены между показателями психического выгорания: «интегральный показатель психического выгорания», «уменьшение чувства достижения» и показателем самооценки «уровень притязаний». Также были выявлены прямые достоверные взаимосвязи между показателем самооценки «расхождение между самооценкой и уровнем притязаний» и следующими показателями психического выгорания: «обесценивание достижений», «интегральным показателем психического выгорания».

Достоверные корреляционные взаимосвязи между показателями психического выгорания и копинг-стратегиями у спортсменок не были обнаружены, что требует дополнительного изучения.

В исследовании были выявлены прямые достоверные взаимосвязи между копинг-стратегией «планирование решения проблемы» и показателями эмоционального интеллекта: «самотивация», «управление своими эмоциями», «интегральный показатель эмоционального интеллекта». Обратная достоверная взаимосвязь была обнаружена между показателем эмоционального интеллекта «эмоциональная осведомленность» и копинг-стратегией «дистанцирование».

Полученные нами результаты говорят о том, что чем выше уровень эмоционального интеллекта у девушек-футболисток, тем выше вероятность предпочтения ими копинг-стратегии, направленной на планирование решения трудной ситуации и ниже вероятность «эмоционального отделения» от проблем.

Мы видим, что чем больше спортсменки осведомлены о своих чувствах, готовы к сопереживанию и могут оказывать воздействие на эмоции окружающих их людей, тем меньше риск развития у них синдрома психического выгорания. Завышенный уровень притязаний и сильное расхождение между самооценкой и уровнем притязаний повышают риск развития психического выгорания у девушек-футболисток.

По результатам нашего исследования можно сделать заключение о присутствии у большинства девушек-футболисток признаков психического выгорания. У большинства спортсменок был установлен низкий уровень эмоционального интеллекта. Это может проявляться в появлении сложностей при понимании своих эмоций и чувств

других людей, в управлении своими чувствами, низком уровне эмпатии. Полученные нами данные говорят об отсутствии у спортсменок предпочитаемых стратегий преодоления стресса. Это может проявляться в несформированности у них стиля разрешения сложных ситуаций или отсутствии опыта по их преодолению. У всех девушек-футболисток установлена очень высокая самооценка, средний уровень притязаний и большое расхождение между самооценкой и уровнем притязаний. Это может проявляться в нереалистичной оценке девушками-футболистками своих возможностей, а также развитию сложностей в выборе и осуществлении значимых целей.

По результатам корреляционного исследования можно сделать вывод о высокой роли эмоционального интеллекта и самооценки как регуляторов психического выгорания у спортсменок. Таким образом, реалистичная самооценка, высокий уровень притязаний и отсутствие сильного расхождения между ними, а также высокий уровень эмоционального интеллекта не только препятствуют развитию психического выгорания, но и являются факторами профессионального развития для спортсменок.

Литература

- Барабанщикова В. В., Климова О. А.* Профессиональные деформации в спорте всших достижений // Национальный психологический журнал. 2015. № 2 (18). С. 3–12.
- Берилова Е. И.* Адаптация опросника Т. Raedeke, А. Smith для оценки психического выгорания у российских спортсменов // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2016. № 4. С. 79–85.
- Берилова Е. И., Мищенко А. В., Дорошина О. В.* Личностные регуляторы профессионального выгорания у спортивных тренеров и судей // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2013. № 2. С. 24–29.
- Горская Г. Б.* Организационный стресс в спорте: источники, специфика проявлений, направления исследований // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2012. № 4. С. 74–76.
- Штефаненко И. И.* Взаимосвязь эмоционального выгорания, индивидуально-психологических свойств личности и уровня развития группы у спортсменов-гандболистов // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2012. С. 77–82.
- Keith A., Kaufman Ph. D.* Understanding Student-Athlete Burnout // National Collegiate Athletic Association. December 10, 2014.
- Raedeke T. D., Smith A. L.* Development and Preliminary Validation of an Athlete Burnout Measure // Journal of Sport & Exercise Psychology. 2001. V. 23. P. 281–306.

Personal features as resources of professional self-realization in elite sport

E. I. Berilova (Krasnodar)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Kuban State University Physical Education, Sports and Tourism

Sport is a type of professional activity of a person. The main goal of athletes is to achieve maximum results and demonstrate them in stressful conditions. Constant physical and mental overloads, typical for elite sports, promote development at athletes of symptoms of burnout. The personal characteristics of athletes are the resources of their professional self-realization, as well as the factors of overcoming burnout. The purpose of research is to establish the relationship between coping-strategies, self-esteem, emotional intelligence and burnout in female soccer players. These personal features we consider as resources of overcoming of burnout and factors of professional longevity of athletes. The results of the study showed that the development of burnout in female soccer players prevent realistic self-esteem, a high level of aspiration, and low discrepancy between them, as well as a high level of emotional intelligence.

Keywords: professional self-realization, burnout, emotional intelligence, self-esteem, level of aspiration, personal resource, coping strategies, personal regulators.

Связь сенсорно-эмоциональных признаков в составе концептов с показателями интеллектуальной продуктивности

Н. Э. Волкова, М. А. Холодная** (Москва)*

** аспирант, Институт психологии РАН; e-mail: nats29@mail.ru*

*** доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН;
e-mail: kholod1949@yandex.ru*

В статье представлены результаты эмпирического исследования, посвященного анализу соотношений сенсорно-эмоциональных признаков в составе концептов с уровнем аналитического интеллекта и невербальной креативности. Полученные результаты свидетельствуют о тесной взаимосвязи аналитического интеллекта и невербальной креативности с сенсорно-эмоциональными признаками концептов, однако характер этой связи является разнонаправленным: наличие сенсорно-эмоциональных признаков в составе концептов приводит к снижению аналитических способностей, но к повышению креативных способностей. Обращает на себя внимание тот факт, что степень включенности сенсорно-эмоциональных признаков достоверно связана только с двумя показателями невербальной креативности: «беглостью» как референтом вербальных способностей и «разработанностью» как референтом невербальных способностей.

Ключевые слова: концепт, концептуальная структура, сенсорно-эмоциональные признаки, аналитический интеллект, невербальная креативность.

Психологической единицей понятийного мышления является концепт (концептуальная структура). Одна из важнейших черт концепта — это сложность его когнитивного состава, поскольку, как отмечает Л. М. Веккер, «все инварианты когнитивных структур, относящихся к нижележащим уровням познавательных процессов, включаются в организацию понятийной мысли» (Веккер, 1976, с. 269). В част-

ности, в составе концепта представлены все основные психические модальности (экстероцептивная, интероцептивная, проприоцептивная, сенсорно-эмоциональная).

В свое время М. М. Кольцова, изучая особенности усвоения слова в раннем детском возрасте, отметила, что слово является полимодальным сигналом, так как к слуховым ощущениям, возникающим при речевом воздействии, присоединяются кинестетические ощущения (речевые и неречевые кинестезии) и связанный с ними комплекс сенсорно-эмоциональных впечатлений (Кольцова, 1967). Нет никаких оснований считать, что сенсорные составляющие мышления в ходе психического развития ребенка постепенно изживаются. Напротив, более правомерным будет предположение о том, что и на уровне понятийного мышления как интегральной формы работы интеллекта сенсорно-эмоциональные элементы ментального опыта будут представлены в составе концептов, референтных как житейским, так и научным понятиям.

В последние годы широкое распространение получили теория «воплощенного познания» (*embodied cognition*) (Лакофф, 2011), теория «воплощенного разума» (Varela, Thompson, Rosch, 1991), теория «перцептивных символов» (Barsalou, 1999), концепция телесного опыта как основы индивидуального знания (Ребеко, 2016). В частности, Лакофф считает, что мышление является *воплощенным* в том смысле, что понятийные категории, образующие нашу концептуальную систему, «имеют своим источником наш чувственный опыт и осмысливаются в его терминах; более того, ядро нашей концептуальной системы непосредственно основывается на восприятии, движениях тела и опыте физического и социального характера» (Лакофф, 2011, с. 13).

Особый интерес представляет вопрос об особенностях сенсорно-эмоционального компонента в составе концептов, которые, с одной стороны, являются достаточно обобщенными по своему содержанию и, с другой — укоренены в индивидуальный опыт человека, поскольку имеют прямое отношение к регуляции его жизнедеятельности. К числу таких концептов относятся концепты «Ресурсы» и «Потенциал».

Термины «Ресурсы» и «Потенциал» принадлежат к интернациональной лексике, они являются одними из наиболее употребляемых в том числе и в русском языке. С. А. Хазова выделяет два направления в исследовании термина «Ресурсы»: «полидисциплинарное», предпочтительно используемое в философии, географии, геологии, экономике, и «внутридисциплинарное» — в психологии, в частности, изучение особенностей понимания и интерпретации содержа-

ния этого понятия людьми разных возрастов при совладании с трудными жизненными ситуациями (Хазова, 2014).

В исследованиях М. А. Холодной и Е. В. Волковой была обнаружена следующая закономерность: чем выше уровень организации концептуальных структур (концептов), тем выше различные показатели интеллектуальной деятельности (полнезависимости, уровня психометрического интеллекта и психометрической креативности, компетентности и успешности профессиональной деятельности (Холодная, 2012; Волкова, 2011). Соответственно нас интересовало, как мера и характер представленности сенсорно-эмоциональных признаков в составе концептов «ресурс» и «потенциал» связаны с уровнем интеллекта и невербальной креативностью.

Задача исследования: выявить соотношение меры представленности сенсорно-эмоциональных признаков в составе концептов «Ресурсы» и «Потенциал» с показателями продуктивности интеллектуальной деятельности (уровнем аналитического интеллекта и невербальной креативностью).

Гипотеза исследования: мера представленности сенсорно-эмоциональных признаков в составе концептов «Ресурс» и «Потенциал» отрицательно связана с уровнем аналитического интеллекта и положительно — с показателями невербальной креативности.

Организация исследования

Исследование проводилось на базе университетов городов Костромы, Москвы, Пензы, Перми и Таганрога с 2015 по 2018 г. В исследовании приняли участие 408 русскоязычных добровольцев 9 гуманитарных специальностей («начальное образование», «психология», «учитель иностранных языков», «логопедия», «дефектология», «социальная работа», «учитель истории и обществознания» и т. д.) в возрасте от 18 до 24 лет ($19,32 \pm 1,48$), среди них — 79,2% девушек.

Для реализации поставленной задачи использовались следующие методики:

1. Модифицированный вариант методики «Семантический дифференциал» (Холодная, 2012). «Семантический дифференциал» представляет собой метод оценки меры участия (меры интенсивности) сенсорно-эмоциональных впечатлений в функционировании концептов. Он включает 34 биполярные пары прилагательных, позволяющих выделить следующие типы признаков:

- 1) *сенсорные признаки* (гладкий—шершавый, тихий—громкий, упругий—вязкий, мягкий—твердый, острый—округлый, круп-

- кий—прочный, круглый—угловатый, холодный—теплый, легкий—тяжелый, беззвучный—звучащий, яркий—блеклый, сухой—влажный, красочный—бесцветный);
- 2) *эмоционально-оценочные признаки* (приятный—отвратительный, веселый—грустный, безобидный—страшный, гармоничный—хаотичный, активный—пассивный, нежный—грубый, спокойный—тревожный, сильный—слабый);
 - 3) *пространственно-временные признаки* (изменяющийся—постоянный, высокий—низкий, просторный—тесный, короткий—длинный, маленький—большой, близкий—далекий, прямой—кривой, плоский—объемный, волнообразный—зубчатый, тонкий—толстый, стремительный—медленный, вращающийся—неподвижный, непрерывный—прерывистый, плавный—резкий).

Показатели: сумма взвешенных весов трех типов признаков (сенсорных, эмоционально-оценочных, пространственно-временных), которые определялись по следующим критериям: выбор в графе «нет» — 0 баллов; выбор в графах «слабо» — по 1 баллу; выбор в графах «средне» — по 2 балла; выбор в графе «сильно» — по 3 балла.

2. Методика диагностики интеллекта «Прогрессивные матрицы» Дж. Равена. Показатель — уровень аналитического интеллекта, сумма баллов.
3. Методика диагностики креативности (субтест методики Торренса «Незаконченные фигуры»); показатели: оригинальность, беглость, сопротивление замыканию, абстрактность названия рисунков, разработанность («Torrance Test of Creative Thinking», в адаптации Е. Е. Туник).

Статистическая обработка данных осуществлялась на базе стандартных программ IBM SPSS 22, в частности, проводился регрессионный анализ.

Результаты исследования

В результате регрессионного анализа были получены следующие данные, позволяющие судить о соотношении разных видов сенсорно-эмоциональных признаков (меры их интенсивности) в составе концептов «ресурсы» и «потенциал» с уровнем аналитического интеллекта.

1. Для концепта «Потенциал» было выведено следующее регрессионное уравнение.

- Уровень аналитического интеллекта= $52,150 - 0,135 * \text{Эмоционально-оценочные признаки}$.
2. Для концепта «Ресурсы» были выведены следующие регрессионные уравнения.
- Уровень аналитического интеллекта= $51,257 - 0,095 * \text{Эмоционально-оценочные признаки}$.
 - Уровень аналитического интеллекта= $52,385 - 0,142 * \text{Сенсорные признаки}$.

Для всех полученных регрессионных уравнений уровень значимости варьируется от 0,004 до 0,05.

Таким образом, результаты регрессионного анализа выявили значимую отрицательную связь уровня аналитического интеллекта с эмоционально-оценочными признаками в составе концептов «ресурсы» ($B = -0,123$; $p = 0,05$) и «потенциал» ($B = -0,169$; $p = 0,006$): чем выше степень включенности эмоционально-оценочных признаков, тем ниже уровень аналитического (психометрического) интеллекта. Аналогичный эффект отрицательного воздействия сенсорных признаков на уровень интеллекта наблюдается в отношении концепта «ресурсы» ($B = -0,126$; $p = 0,004$).

С целью выявления соотношения разных видов сенсорно-эмоциональных признаков в составе концептов «ресурсы» и «потенциал» с показателями невербальной креативности также был проведен регрессионный анализ.

3. Для концепта «Потенциал» (уровень значимости варьируется от 0,006 до 0,05) были получены следующие регрессионные уравнения:
- Беглость= $9,550 + 0,123 * \text{Сенсорные признаки}$;
 - Беглость= $9,462 + 0,137 * \text{Эмоционально-оценочные признаки}$;
 - Беглость= $9,554 + 0,103 * \text{Пространственно-временные признаки}$;
 - Разработанность= $4,469 + 0,115 * \text{Сенсорные признаки}$;
 - Разработанность= $4,464 + 0,096 * \text{Пространственно-временные признаки}$.
4. Для концепта «Ресурсы» (уровень значимости варьируется от 0,000 до 0,008) были получены следующие регрессионные уравнения:
- Беглость= $9,403 + 0,158 * \text{Сенсорные признаки}$;
 - Беглость= $9,387 + 0,178 * \text{Эмоционально-оценочные признаки}$;
 - Беглость= $9,446 + 0,131 * \text{Пространственно-временные признаки}$.

Таким образом, результаты регрессионного анализа выявили значимые положительные связи двух показателей невербальной креативности – беглости и разработанности – со всеми тремя видами сенсорно-эмоциональных признаков, хотя этот эффект меньше у концепта «Потенциал», в сравнении с концептом «Ресурсы».

Так, показатель «беглости» как способности продуцировать некоторое количество идей в ограниченном интервале времени (в нашем случае в течение 10 мин) достоверно связан с сенсорными, эмоционально-оценочными и пространственно-временными признаками по каждому из концептов, при этом размер эффекта (B) для концепта «Ресурсы» варьируется от 0,016 до 0,033, а для концепта «Потенциал» – от 0,011 до 0,024. То есть мера эффекта концепта «Ресурсы», в сравнении с концептом «Потенциал», значимо больше.

В свою очередь, показатель «разработанность» как способности к детальной проработке изначально «пустой» визуальной графической основы обнаружил значимые положительные связи только с сенсорными и пространственно-временными признаками концепта «потенциал». Можно предположить, что именно сенсорные и пространственно-временные признаки в составе концепта связаны с способностью порождать некоторые элементы ментального содержания и структурировать их при создании новой визуальной идеи.

Заключение

Согласно работам М. А. Холодной и Е. В. Волковой, концепт представляет собой стержневой фактор в структуре индивидуальных ментальных ресурсов, особенности организации которого определяют продуктивность интеллектуальной деятельности человека (Волкова, 2015; Холодная, 2012).

В нашем исследовании удалось показать, что в составе достаточного абстрактных концептов («Ресурсы» и «Потенциал») представлены разные элементы сенсорно-эмоционального опыта человека. Более того, мера их участия (мера интенсивности) разнонаправленно связана с уровнем аналитического интеллекта и невербальной креативностью: наличие сенсорно-эмоциональных признаков в составе концептов приводит к снижению аналитических способностей и повышению креативных способностей.

Обращает на себя внимание одна характерная деталь: со степенью включенности сенсорно-эмоциональных признаков среди показателей невербальной креативности связаны только те показатели креативности, которые обычно принято рассматривать как пока-

затели интеллектуальных способностей. В частности, согласно результатам разных исследований, показатель «беглости» соотносится с уровнем вербальных способностей, тогда как показатель «разработанность» – уровнем невербальных способностей.

По-видимому, связь сенсорно-эмоциональных признаков в составе концепта с продуктивностью интеллектуальной деятельности (в терминах показателей аналитического интеллекта и невербальной креативности) осуществляется опосредованно – через регулирующее влияние особенностей организации индивидуального концептуального опыта.

Литература

- Веккер Л. М.* Психические процессы. Мышление и интеллект. Т. 2. М.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1976.
- Волкова Е. В.* Интеллект, креативность и продуктивность освоения профессиональной деятельности // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 4. С. 95–105.
- Волкова Е. В.* Особенности организации концептуальных структур у подростков и юношей с разным уровнем общих и специальных способностей // Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 143–157.
- Кольцова М. М.* Обобщение как функция мозга. М.: Наука, 1967.
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Кн. 1. Разум вне машины. М.: Гнозис, 2011.
- Ребеко Т. А.* Телесный опыт в структуре индивидуального знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Хазова С. А.* Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды: Дис.... докт. психол. наук. М., 2014.
- Холодная М. А.* Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Barsalou L. W.* Perceptual symbol systems // Behavioral and Brain Sciences. 1999. V. 22 (4). P. 577–660.
- Varela F. J., Thompson E., Rosch E.* The embodied mind: Cognitive science and human experience. Cambridge, MA: The MIT Press, 1991.

Interrelation of sensory-emotional features in concepts with intellectual productivity

*N. E. Volkova**, *M. A. Kholodnaya*** (Moscow)

* Postgraduate Student, Institute of Psychology of RAS

** Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology of RAS

The article presents the results of an empirical study devoted to the analysis of correlation of sensory-emotional features in concepts with the level of analytical intelligence and non-verbal creativity. The obtained results testify the close interrelation of analytical intelligence and non-verbal creativity with sensory-emotional features in concepts, but the nature of their relation is multidirectional: the presence of sensory-emotional features in the concepts leads to a decrease in analytical abilities, but to an increase in creative abilities. What attracts attention is the fact that the degree of involvement of sensory-emotional features is reliably associated with only two indicators of non – verbal creativity: “fluency” as a referent of verbal abilities and “elaboration” as a referent of non-verbal abilities.

Keywords: concept, conceptual structure, sensory-emotional features, analytical intelligence, non-verbal creativity.

Разноуровневые свойства индивидуальности как предикторы ценностной сферы личности

А. Ю. Калугин (Пермь)

кандидат психологических наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; e-mail: kaluginau@yandex.ru

В статье изучается влияние разноуровневых свойств индивидуальности на характеристики ценностно-смысловой сферы. Разноуровневые свойства рассматриваются как проявления ментальных ресурсов индивидуальности. На примере исследования 176 студентов высших учебных заведений выявлены эффекты влияния темперамента, интеллекта, характера и мотивации на личностные ценности. Обнаружено, что наибольший вклад вносят свойства темперамента и интеллектуальной сферы, в меньшей степени влияют черты характера и мотивация.

Ключевые слова: ценности, индивидуальность, темперамент, интеллект, мотивация, ментальные ресурсы.

Введение

На сегодняшний день существует несколько концепций индивидуальности. Наиболее проработанными из них в отечественной психологии являются теории, предложенные Б. Г. Ананьевым, В. С. Мерлиным и В. М. Русаловым. В основу данного исследования легла теория В. М. Русалова (Русалов, 2012), позволяющая рассмотреть разноуровневые свойства индивидуальности как ментальные ресурсы. Ментальные ресурсы – это «психические образования, обеспечивающие позитивное развитие личности» (Волкова, 2016, с. 15).

Как отмечает С. А. Хазова, «наличие и формирование ментальных ресурсов связано с процессом концептуализации, в ходе ко-

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 18-18-00386.

того субъект наделяет объекты внешней (объектной, природной и социальной) среды и внутренней (интрапсихологической) среды ресурсным значением, приписывая им смысл (личностную значимость) и ценность (полезность) для достижения определенных (позитивных) результатов» (Хазова, 2014, с. 116). На уровне индивидуальности благодаря концептуализации «происходит „открытие“ ресурсной роли тех или иных свойств индивидуальности и управление ими» (Волкова, 2016, с. 17), за счет чего происходит повышение продуктивности жизнедеятельности.

Ментальные ресурсы индивидуальности имеют многоуровневую структуру, охватывая как генетические, так и средовые факторы, опосредованные активностью человека: I – формально-динамические, II – личностные, III – интеллектуальные, IV – мотивационно-ценностные, V – концептуализация (Волкова, 2016, с. 91).

Как было сказано выше, с понятием концептуализации тесно связано понятие смысла. Изучая смыслообразующую активность субъекта, мы обнаружили ее влияние на разные уровни индивидуальности (Калугин, 2015). Вместе с тем, был выявлен обратный эффект – влияние разноуровневых характеристик на ценностно-смысловую сферу (Калугин, 2016). В данном исследовании мы продолжаем изучать влияние разноуровневых свойств индивидуальности на ценностно-смысловую сферу, однако подходим к анализу результатов с позиции концепции ментальных ресурсов. Полагаем, что формирование смысла сопровождается структурированием разноуровневых свойств индивидуальности, в то же время само обретение смысла связано с особенностями индивидуальности человека. Иными словами, индивидуальность задает векторы разворачивания смыслообразующей активности. Таким образом, это двунаправленный процесс.

В нашем исследовании рассматриваются личностные ценности как показатели ценностно-смысловой сферы. В одной из наших работ (Калугин, 2015) было показано, что личностные ценности, в отличие от социальных, могут рассматриваться как смыслы, так как характеризуют значимость для субъекта явлений внешнего и внутреннего мира.

Метод

Выборку исследования составили 176 студентов высших учебных заведений г. Перми, преимущественно женского пола (144 девушки, 32 юноши), в возрасте от 17 до 34 лет ($M=20,05$, $SD=1,75$).

Был использован следующий диагностический инструментарий: формально-динамический уровень индивидуальности изучался мо-

дифицированными версиями «Опросника формально-динамических свойств индивидуальности» (ОФДСИ-26) В. М. Русалова и опросника PEN Г. Айзенка (модификация В. М. Русалова). Личностный уровень диагностировался «Опросником черт характера» (ОЧХ-В). Уровень интеллекта – кратким опросником когнитивных стилей индивидуальности человека. Мотивационный уровень – опросником мотивации достижений, опросником мотивации выбора профессии (см. Волкова, 2016) и тестом «Аксиологической направленности личности» (АНЛ) А. В. Капцова (Капцов, 2011).

Проблема пропущенных значений решалась путем удаления наблюдений, имеющих пропуски. Данные были стандартизованы, переведены в T-баллы ($M=50$, $SD=10$). В отношении каждого регрессионного уравнения проводилась проверка допущений (нормальности распределения остатков, гомоскедастичности и т. д.). В целом, существенных ограничений для проведения множественной линейной регрессии обнаружено не было. В случае выявления выбросов, соответствующие наблюдения удалялись, и анализ повторялся вновь (информация о такого рода манипуляциях приводится при описании результатов).

В связи с тем что количество независимых переменных достаточно большое, использовался метод перебора, а не классические пошаговые подходы к отбору моделей, которые оставляют значительное количество переменных, объясняющих малую долю дисперсии зависимой переменной. Используемый метод заключался в следующем: на каждом шаге в модель включалась одна дополнительная независимая переменная; из множества возможных вариантов сочетания предикторов подбиралась наилучшая модель. Так, на первом шаге в модель включался один предиктор, из всех возможных предикторов подбирался тот, который вносил наибольший вклад в зависимую переменную. На втором шаге в модель включалось уже два предиктора, отбор вновь шел на основе определения максимального вклада, отбиралась наилучшая модель и т. д.

В качестве критерия отбора наилучшей модели использовался Байесовский информационный критерий (Bayes information criterion, BIC), который более чувствителен к моделям высокой размерности, чем информационный критерий Акаике (AIC) (Эверитт, 2010, с. 127). Помимо этого, учитывался совокупный вклад каждого предиктора в отобранные модели (предикторам, которые появлялись чаще в «наилучших моделях», отдавалось предпочтение). Сочетание этих двух подходов позволило получить модели, включающие оптимальное количество предикторов с наибольшей объяснительной мощностью.

Статистическая обработка осуществлялась в среде языка R.

Результаты исследования и их обсуждение

Полученные модели представлены в виде регрессионных уравнений.

Коллективность=45,82–0,33 * Психотизм+0,32 * Экстраверсия+0,3 * Полезазисимость+0,25*Рефлексивность–0,24 * Ригидность познавательного контроля–0,22 * Демонстративность.

Характеристики модели: $R^2=0,353$; $\text{adj}R^2=0,33$; $F(6,166)=15,07$, $p<0,001$.

Было удалено 3 наблюдения, которые являлись выбросами, поэтому в дальнейшем анализе использовалось 172 наблюдения.

Духовная удовлетворенность=30,78–0,26 * Импульсивность+0,25 * Мотивация достижения+0,24 * Мотивация доступности освоения профессии+0,2 * Скорость коммуникативная–0,18 * Широкий диапазон эквивалентности+0,15 * Эмоциональность коммуникативная.

Характеристики модели: $R^2=0,362$; $\text{adj}R^2=0,339$; $F(6,165)=15,61$, $p<0,001$.

Было удалено 4 наблюдения, поэтому в анализе использовалось 171 наблюдение.

Креативность=24,66–0,32 * Гибкость познавательного контроля+0,28 * Мотивация доступности освоения профессии+0,24 * Нейротизм–0,2 * Импульсивность+0,19 * Скорость коммуникативная–0,17 * Мотивация субъективной значимости профессии–0,16 * Широкий диапазон эквивалентности.

Характеристики модели: $R^2=0,342$; $\text{adj}R^2=0,315$; $F(7,167)=12,42$, $p<0,001$.

Было удалено 1 наблюдение, поэтому в анализе использовалось 175 наблюдений.

Жизнедеятельность=18,72+0,33 * Скорость коммуникативная+0,24 * Эргичность психомоторная–0,21 * Психотизм+0,14 * Мотивация доступности освоения профессии+0,13 * Рефлексивность.

Характеристики модели: $R^2=0,365$; $\text{adj}R^2=0,346$; $F(5,169)=19,4$, $p<0,001$.

Было удалено 1 наблюдение, поэтому в анализе использовалось 175 наблюдений.

Достижения=25,68+0,34 * Скорость коммуникативная+0,23 * Мотивация достижения–0,19 * Импульсивность–0,18 * Психотизм+0,16 * Педантичность+0,13 * Конкретная концептуализация.

Характеристики модели: $R^2=0,47$; $\text{adj}R^2=0,451$; $F(6,166)=24,54$, $p<0,001$.

Было удалено 3 наблюдения, поэтому в анализе использовалось 172 наблюдения.

Традиции=34,57–0,26* Психотизм+0,25* Эргичность психомоторная+0,18* Полезависимость+0,15* Скорость коммуникативная.

Характеристики модели: $R^2=0,268$; $\text{adj}R^2=0,25$; $F(4,167)=15,26$, $p<0,001$.

Было удалено 4 наблюдения, поэтому в анализе использовалось 171 наблюдение.

Материальное благополучие=25,08+0,27* Конкретная концептуализация+0,22* Скорость коммуникативная+0,18* Застреваемость–0,15* Пластичность психомоторная.

Характеристики модели: $R^2=0,291$; $\text{adj}R^2=0,274$; $F(4,167)=17,15$, $p<0,001$.

Было удалено 4 наблюдения, поэтому в анализе использовалось 171 наблюдение.

Ценность индивидуальности=27,97+0,25* Абстрактная концептуализация+0,23* Скорость коммуникативная–0,21* Эмотивность–0,2* Импульсивность+0,19* Эмоциональность коммуникативная+0,18* Мотивация доступности освоения профессии.

Характеристики модели: $R^2=0,28$; $\text{adj}R^2=0,254$; $F(6,166)=10,73$, $p<0,001$.

Было удалено 3 наблюдения, поэтому в анализе использовалось 172 наблюдения.

Таким образом, от 26,8 до 47% дисперсии личностных ценностей объясняется разноуровневыми свойствами индивидуальности, причем вклад разных уровней индивидуальности в ту или иную ценность не одинаков: наибольший совокупный вклад вносит темперамент и интеллект, а свойства характера – наименьший, промежуточное положение занимает мотивация. Здесь важно отметить, что о влиянии может говорить только эксперимент, поэтому в данном контексте мы используем понятия: «влияние», «эффект», «воздействие», «вклад» в их математико-статистическом смысле.

Из разноуровневых свойств индивидуальности чаще всего встречается «скорость коммуникативная» (ее влияние на ценности обнаружено 7 раз), «психотизм» (4 раза), «импульсивность» (4 раза), «мотивация доступности» (4 раза). 2 раза встречаются: «эргичность психомоторная», «эмоциональность коммуникативная», «полезависимость», «рефлексивность», «широкий диапазон эквивалентности», «конкретная концептуализация», «мотивация достижения». Следующие свойства встречаются 1 раз: «экстраверсия», «нейротизм», «плас-

тичность моторная», «ригидность познавательного контроля», «гибкость познавательного контроля», «абстрактная концептуализация», «демонстративность», «педантичность», «застреваемость», «эмотивность», «мотивация значимости».

Итак, доля объясняемой свойствами дисперсии и частота встречаемости свойств дают схожую картину – в большей степени на выраженность ценностей влияют темперамент и интеллект, в меньшей – характер и мотивация. В ряде наших предыдущих исследований было обнаружено влияние темперамента на ценностно-смысловую сферу личности (Калугин, 2016, 2017). При этом высказано предположение, что темперамент задает некоторые векторы отбора ценностей личностью, например, импульсивному и неусидчивому человеку будет сложно принять инструментальные ценности аккуратности и самоконтроля, и даже если он будет называть эти ценности как значимые для него, он вряд ли будет руководствоваться ими в своей повседневной жизнедеятельности, иначе это может привести к внутриличностному конфликту. Следует также учесть, что темпераментом объясняется лишь часть дисперсии ценностей, значительная часть вариации объясняется иными причинами, в том числе нерассматриваемыми в данном исследовании.

Интеллектуальная сфера представлена когнитивными стилями. «Когнитивные стили – это индивидуально-своеобразные способы переработки информации, которые характеризуют специфику склада ума конкретного человека и отличительные особенности его интеллектуального поведения» (Холодная, 2004, с. 16). Из результатов исследования видно, что одни и те же когнитивные стили могут воздействовать на разные ценности, что согласуется с их формально-динамической трактовкой рядом авторов (Когнитивная психология, 2002, с. 283). Вместе с тем они отражают содержание интеллектуальной деятельности человека, что, несомненно, должно проявляться в отборе тех или иных ценностей личностью, так как это прежде всего когнитивный процесс. Вероятно, поэтому когнитивные стили оказывают значительное влияние на ценностную сферу.

Мотивацию часто связывают с ценностно-смысловой сферой, иногда даже объединяя под общим названием «мотивационно-ценностная сфера». В целом соглашаясь с этим, все-таки отметим, что ценности и мотивы детерминированы разными причинами и служат разным задачам: личностные ценности выполняют целевую функцию, являясь производными от препятствия, лежащего на пути их достижения, и указывая на степень значимости чего-либо для человека, а мотивация – энергетическую функцию, позволяя преодолевать возникшее препятствие (Калугин, 2015). Ценности и мотивация свя-

заны, но это не одно и то же. Связь этих двух феноменов прослеживается и в нашем исследовании, например, ценность «достижения» находится под влиянием «мотивации достижения», однако степень такого влияния невелика ($\beta = 0,23$). Не для всех ценностей есть подходящие мотивационные аналоги, потому как мотивация дает общий энергетический импульс к преодолению препятствий и достижению цели, соответственно одна и та же мотивация может присутствовать в разных ценностях, что также можно наблюдать в результатах регрессионного анализа данного исследования.

Обсуждение роли характера в ценностно-смысловой сфере требует обратиться к пониманию характера в концепции В. М. Русалова (Русалов, 2012), в соответствии с которой разработан использованный нами опросник. С его точки зрения, «характер не является чисто содержательной характеристикой психики индивида, он испытывает на себе сильное влияние со стороны биологической организации человека, которая обеспечивает его динамическую (темпераментальную) основу» (там же, с. 399). Такой подход, с одной стороны, разводит ценностную направленность личности и характер, с другой – сближает понятия темперамента и характера. Оба этих аспекта могут сказаться на результатах нашего анализа: первый уменьшит выраженность связи между характером и ценностями, второй приведет к удалению из регрессионных моделей черт характера из-за их высокой корреляции со свойствами темперамента (множественная регрессия учитывает присутствующую в данных мультиколлинеарность).

Заключение

Результаты исследования позволяют говорить о статистическом влиянии разноуровневых свойств индивидуальности на свойства ценностно-смысловой сферы. Это влияние существенно и объясняет от 26,8 до 47% дисперсии личностных свойств. Наибольший вклад вносят свойства темперамента и когнитивные стили, мотивация и характер влияют в меньшей степени. Вероятно, мы наблюдаем двунаправленный процесс: с одной стороны, смысловые структуры личности организуют индивидуальность, и тогда разноуровневые свойства индивидуальности предстают в виде ментальных ресурсов, с другой стороны, разноуровневые свойства индивидуальности задают некоторые векторы развития и формирования ценностно-смысловой сферы личности. Таким образом, динамическое равновесие этих двух течений способствует развитию нашей индивидуальности.

Литература

- Волкова Е. В.* Технологии развития ментальных ресурсов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Калугин А. Ю.* Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности: структура, динамика и функции в структуре интегральной индивидуальности (на материале студенчества): Дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2015.
- Калугин А. Ю.* Взаимосвязь свойств темперамента с характеристиками ценностно-смысловой сферы личности в контексте пола // Вестник СаГА. Сер. «Психология». 2017. № 1. С. 3–21.
- Калугин А. Ю.* Вклад свойств темперамента в ценностно-смысловую сферу личности // Интегративная перспектива в гуманитарных науках. 2016. № 2. С. 22–31.
- Капцов А. В.* Психологическая аксиометрия личности и группы. Самара: Самлюкспринт, 2011.
- Когнитивная психология / Под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. М.: Пер Сэ, 2002.
- Русалов В. М.* Темперамент в структуре индивидуальности человека: Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Хазова С. А.* Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды: Дис. ... докт. психол. наук. Кострома, 2014.
- Холодная М. А.* Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.
- Эверитт Б. С.* Большой словарь по статистике. 3-е изд. М.: Проспект, 2010.

Different level properties of individuality as predictors of value sphere of personality

A. Yu. Kalugin (Perm)

Candidate of Psychological Sciences,
Perm State Humanitarian Pedagogical University

In the article the influence of different level properties of individuality to the characteristics of value-semantic sphere is studied. Different level properties as manifestations of mental resources of individuality were considered. On the example of the study of 176 students of higher educational institutions, the effects of temperament, intelligence, character and motivation to

personal values were revealed. It was found that the properties of temperament and intellectual sphere influenced more than character traits and motivation influenced.

Keywords: values, individuality, temperament, intellect, motivation, mental resources.

Семья как фактор многоуровневой организации индивидуальных ментальных ресурсов обучающихся

И. А. Кибальченко (Таганрог)

*доктор психологических наук, Институт компьютерных технологий и информационной безопасности Южного федерального университета;
e-mail: kibal-irina@mail.ru*

В многоуровневой организации индивидуальных ментальных ресурсов выделяют мотивацию как фактор, обуславливающий эффективность деятельности, взаимосвязанный с такими факторами, как условия воспитания в семье и возраст. Гипотетически социальные сироты подросткового возраста имеют особенности в мотивационной сфере, в сравнении с подростками, постоянно проживающими в семьях с обоими родителями. Выборку исследования составили подростки, проживающие в семьях с обоими родителями (60 чел.), и подростки, имеющие одного или двоих родителей, но проживающие в детских домах (30 чел.). Эмпирически выявлено, что социальные сироты подросткового возраста значительно отличаются более выраженными показателям агрессии и страха, а также более низкими показателями «аффектации». Такие результаты свидетельствует о нарушениях мотивационной сферы как предпосылках, вызывающих затруднения в развитии ментального ресурса в подростковом возрасте.

Ключевые слова: семья, мотивация, подростки, обучающиеся, многоуровневая организация, индивидуальные ментальные ресурсы.

Введение

Типология многоуровневой организации индивидуальных ментальных ресурсов включает мотивацию, которая обуславливает достижение результатов деятельности, ее ценность и доступность (Volkova,

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 18-18-00386.

Rusalov, Nilopets, 2016). В развитии мотивационной сферы человека, его личностных смыслов ответственным этапом является подростковый возраст (Реан, 2002), когда формируется осознанное отношение к своим индивидуальным ресурсам (потребностям, способностям, влечениям, мотивам поведения, переживаниям и мыслям) и их эмоционально-смысловая оценка (Маслоу, 2003). В этом возрасте развивается рефлексия, в круг предметов мысленного рассмотрения включаются собственные мысли, чувства, поступки, возрастают претензии к миру взрослых. Одним из факторов, который вносит коррективы в отношениях со взрослыми и в процесс формирования мотивов, является семья или ее отсутствие (Репринцева, 2004).

Теоретический анализ показал, что одновременное сочетание двух факторов из трех возможных (факторы, связанные с родителями и семьей; факторы, связанные с ребенком; ситуационные факторы) является достаточным условием постановки такого диагноза, как социальный сирота. Необходимо отметить, что социальное сиротство влечет за собой нарушения в развитии личности ребенка, в формировании его индивидуального ментального ресурса.

Таким образом, мотивация занимает ведущее место в структуре личности и является одним из основных понятий для объяснения движущих сил поведения и деятельности (Брушлинский, Тихомиров, 2013). Мотивы описываются как определяющие направленность поведения (Леонтьев, 2002). Физиологические изменения, которые происходят в подростковом возрасте, влияют на потребностно-мотивационную сферу, возникновение ошибок рефлексии, удовлетворение познавательной деятельности, интеллектуальное развитие. Эти факты определяют необходимость изучения широты, гибкости, иерархичности и целенаправленности мотивационной сферы социальных сирот и подростков, проживающих в семье.

Выборка и методы исследования

Нами были сформированы две выборки респондентов:

- 1) дети подросткового возраста, проживающие в семьях с обоими родителями (60 чел.: 28 девочек, 32 мальчиков; возраст респондентов составляет 13–14 лет);
- 2) дети подросткового возраста, имеющие одного или двоих родителей, но проживающие в детских домах (30 чел.: 14 девочек и 16 мальчиков; возраст респондентов – 13–14 лет).

Респонденты отбирались из 4 школ и 3 детских домов (городских) Ростовской области.

Мы предположили, что социальные сироты подросткового возраста имеют особенности в мотивационной сфере, в сравнении с подростками, постоянно проживающими в семьях с обоими родителями.

Для исследования мотивационной сферы респондентов применялись следующие методики.

1. Проективная методика «Выявление осознанности различных компонентов мотива» (Ермолин, 1999). Она состоит из семи незаконченных предложений, которые дополняют испытуемые. Цели методики: выявление мотивационной стратегии, т. е. отслеживание наиболее частых мотиваторов; определение типических свойств личности и установление взаимосвязи с наиболее предпочитаемыми при объяснении поступка мотиваторами; определение «выпавших» из мотивационной стратегии мотиваторов.
2. «Hand-тест» – проективная методика исследования личности. Идея создания теста принадлежит Э. Вагнеру. В нашей стране тест адаптирован Т. Н. Курбатовой (Ратанова, Шляхта, 1998). С помощью данной методики мы сможем выявить ведущие мотивы, потребности подростка; оценить соотношение установок на социальную кооперацию и агрессию; определить, что побуждает подростка к сотрудничеству. Внешне сходное поведение в этих случаях имеет принципиально различные внутренние детерминанты.
3. Опросник АСВ (анализ семейного воспитания), разработанный Э. Г. Эйдемиллером, В. Ю. Юстицкисом, позволяет диагностировать стиль семейного воспитания и характер его нарушений.

Для оценки достоверности различий использовался статистический критерий «угловое преобразование Фишера».

Исследование проходило в два этапа. На первом этапе проводилась беседа с психологами детских домов с целью выявления социальных сирот подросткового возраста. На основе опросника АСВ выявлялся стиль воспитания в семье (гармоничный).

На втором этапе по данным, полученным в детских домах, отбирались подростки в возрасте 13–14 лет, которые имели одного или двух родителей.

По данным опросника АСВ, происходил отбор подростков из гармоничных семей, а вернее, эмпирически были выявлены тенденции к гармоничному стилю воспитания. Далее в обеих выборках изучалась мотивационная сфера подростков. С этой целью использовались методики: проективная методика «Выявление осознанности различных компонентов мотива» и методика «Hand-тест».

Полученные результаты и их интерпретация

В полученных в ходе эмпирического исследования данных просматривается тенденция различий в особенностях мотивационной сферы у социальных сирот подросткового возраста и подростков, постоянно проживающих в семьях с родителями.

Рассмотрим результаты по методике А. В. Ермолина. Содержание данного блока отвечает на вопрос: «Почему у подростка возникло побуждение что-то сделать?».

Результаты свидетельствуют о том, что, несмотря на практически равное процентное соотношение в общих результатах испытуемых по данному блоку, важно отметить различия в качестве ответов. В первой группе (подростки, проживающие в семье с гармоничным стилем воспитания) большинство ответов направлено на удовлетворение собственных интересов, влечений, потребностей. Ответы второй группы (социальные сироты) имеют направленность долженствования и мотивационной установки.

Анализ результатов по внутреннему фильтру (в данный блок входит нравственный контроль, оценка внешней ситуации и своих возможностей, предпочтения, интересы, склонности) показывает, что большее количество наиболее благоприятных результатов отмечается у социальных сирот подросткового возраста. В отличие от первой группы мы отмечаем средний уровень выраженности внутреннего фильтра у 90% социальных сирот, а низкий уровень – у 10%. В группе подростков, проживающих в семьях, у 60% отмечается средний уровень выраженности внутреннего фильтра, а у 40% респондентов – низкий уровень ($\varphi_{эм}^* = 3,247$ при $p \leq 0,01$). Высокого уровня результатов по внутреннему фильтру в обеих группах не выявлено.

У подростков, проживающих в семьях с тенденцией к гармоничному стилю воспитания, ответы направлены, прежде всего, на предпочтение внешних и внутренних признаков (т. е. нравится – не нравится, люблю – не люблю и т. д.). У социальных сирот подросткового возраста ответы имеют направленность нравственного контроля («нельзя отрываться от группы», «должен же это кто-то сделать» и т. д.).

Таким образом, можно наблюдать, что подростки, проживающие в семьях (с тенденцией к гармоничному стилю воспитания), отличаются по реализации мотивов, в сравнении с социальными сиротами подросткового возраста. Так, социальные сироты уделяют меньше внимания собственному предпочтению, а больше – нравственному контролю. Это может, с одной стороны, благоприятно отразиться на их дальнейшей жизни, так как может проявляться в исполни-

тельности и строгости выполнения заданий, с другой стороны, может ограничить развитие ментальных ресурсов личности в направлении удовлетворения внутренних личных потребностей. У подростков, проживающих в семьях, наоборот, на первый план выходит удовлетворение личных потребностей при малом внимании к нравственному контролю, который выполняет важную социальную функцию (Юревич, Ушаков, 2009). Такой результат может в значительной мере отразиться на организации ментального ресурса подростков, прежде всего, его регулятивной составляющей, самоконтроле.

Анализ результатов, полученных с помощью «Hand-теста», свидетельствует о значимых различиях по некоторым категориям методики. Так, рассматривая категорию «агрессия», важно отметить, что наименьшее количество ответов характеризует первую группу – подростков, проживающих в семьях с тенденцией к гармоничному стилю воспитания (3,2%). В связи с этим отмечается значимое отличие ($\varphi^*_{эмп} = 5,786$ при $p \leq 0,01$) по категории «агрессия» у социальных сирот подросткового возраста – 13,3%, что может затруднять развитие интеллекта и ментального ресурса как совокупности умственных способностей и социального опыта.

Кроме этого, отмечаются различия ($\varphi^*_{эмп} = 3,86$ при $p \leq 0,01$) по категории «аффектация». Социальные сироты подросткового возраста дали наименьшее количество ответов (3,3%), по сравнению с подростками, проживающими в семьях (33,3%), что отражает недостаток любви, эмоционально положительного, благожелательного отношения к другим людям у социальных сирот. Такой фактор может затруднить способность к активной социальной жизни, а значит и к развитию своего ментального ресурса. Такое предположение дополняется значимыми отличиями ($\varphi^*_{эмп} = 2,513$ при $p \leq 0,01$) по категории «страх», что свидетельствуют о том, что социальные сироты подросткового возраста более подвержены страхам и боязни агрессии со стороны других людей (20%). В связи с этим в содержании ответов отражается защитная реакция социальных сирот. Количество аналогичных ответов в группе подростков, проживающих в семьях, составляет лишь 3,3%.

Важно отметить такой факт: у подростков, постоянно проживающих в семьях, отсутствовали отказы от ответов (0%), тогда как у социальных сирот подросткового возраста отказы от ответов составляли 10,7%.

Результаты по категории «коммуникация» не дали значимых отличий. Данный факт свидетельствуют о том, что сильной стороной в поведении подростков обеих групп является общение, что обусловлено возрастными особенностями.

Заключение

Одной из основных составляющих типологии многоуровневой организации индивидуальных ментальных ресурсов является мотивация, которая обуславливает возможность достижения высокой результативности деятельности.

Среди факторов, способствующих развитию мотивационной сферы как предиктора организации ментальных ресурсов, можно выделить семью, при этом особую актуальность имеет изучение мотивационной сферы у социальных сирот подросткового возраста, в сравнении с подростками, проживающими в гармоничных семьях.

В процессе эмпирического исследования выявлено, что мотивационная сфера подростков, постоянно проживающих в семьях (с тенденцией к гармоничному стилю воспитания), имеет ряд отличий в сравнении с социальными сиротами подросткового возраста.

Для подростков, постоянно проживающих в семьях, характеристики мотивационной сферы отличаются содержанием по следующим критериям:

- широта – наличие собственных интересов, желаний, склонностей, потребностей;
- гибкость – удовлетворение одной и той же потребности различными средствами;
- иерархичность – на первом месте находятся потребности личного характера.

У социальных сирот подросткового возраста характеристики мотивационной сферы отличаются другим содержанием тех же критериев:

- широта – наличие мотивационных установок, долженствования;
- гибкость – низкая степень удовлетворения потребностей;
- иерархичность – на первом месте находится нравственный контроль.

В сравнении с подростками, постоянно проживающими в семьях, социальные сироты подросткового возраста имеют повышенные показатели по таким категориям, как «агрессия», «страх», а также сниженные показатели по категории «аффектация».

Полученные результаты свидетельствуют о специфических особенностях мотивационной сферы социальных сирот-подростков, которые могут быть предпосылками затруднений в развитии их способностей и их ментального ресурса в целом.

Литература

- Брушлинский А. В., Тихомиров О. К.* О тенденциях развития современной психологии мышления // Национальный психологический журнал. 2013. № 2 (10). С. 10–16.
- Маслоу А.* Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер, 2003.
- Ермолин А. В.* Мотивы конкретного поступка у подростков // Наш проблемный подросток. / Науч. ред. Л. А. Регуш. СПб.: Союз, 1999. С. 60–78.
- Ратанова Т. А., Шляхта Н. Ф.* Психологические методы изучения личности: Учеб. пособие. Перераб. и доп. издание пособия: *Т. А. Ратанова, Л. И. Золотарева, Н. Ф. Шляхта.* Методы изучения и психодиагностика личности. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998.
- Реан А. А.* Психология человека от рождения до смерти. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
- Современная психология мотивации / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002.
- Социально-психологическая и социально-педагогическая помощь ребенку и семье в кризисной ситуации / Под ред. Г. И. Репринцевой. М.: ИСПС РАО, 2004.
- Юревич А. В., Ушаков Д. В.* Нравственность в современной России // Психологические исследования: Электронный научный журнал. 2009. № 1 (3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 30.04.2018)
- Volkova E. V., Rusalov V. M., Nilopets M. N.* Ideo-Dynamic Diagnostic Expert Systems: The Self-Evaluation of Own Mental Resources // Proceedings of the 2016. SAI Intelligent Systems Conference (Intellisys). P. 62–67.

Family as a factor of multi-level organization of students' individual mental resources

I. A. Kibalchenko (Taganrog)

Doctor of Psychology, Federal State-Owned Educational Autonomy Establishment of Higher Education “Southern Federal University”,
Institute of computer technology and information security

In multi-level organization of individual mental resources, motivation is identified as a factor that determines activity effectiveness and that is interrelated with such factors as family upbringing conditions and age. Hypothetically, adolescent social orphans show some distinguishable features of motivational sphere in comparison to adolescents permanently living in families with both parents. The subjects were the adolescents living in families with both

parents (60 subjects) and the adolescents with one or two parents, but living in orphanages (30 subjects). It is empirically revealed that adolescent social orphans significantly differ by higher scores of aggression and fear. And they also significantly differ in lower scores of “affectation”. Such results testify to the shortcomings of motivational sphere as the prerequisites, which cause difficulties in the mental resource development.

Keywords: family, motivation, adolescents, students, multi-level organization of individual mental resources.

Столкновение личности с самой собой как условие обретения ментальных ресурсов

Е. Э. Кригер (Москва)

*доктор психологических наук, доцент, Российский государственный
гуманитарный университет; e-mail: ekrig@ya.ru*

В статье представлено теоретическое описание одного из условий обретения ментальных ресурсов, которым является столкновение человека с самим собой. Столкновение с самим собой рассматривается как встреча с неизвестной частью себя, приводящая к внутреннему или внешнему противоречию личности. Оно возникает в процессе семантического напряжения, в ходе которого требуется повернуть личность к той ее части, которая не попадает в поле внимания субъекта. Осуществление этого процесса происходит через расширение самосознания и через поиск смысла жизненного пути. В статье дается анализ гуманистических и психоаналитических концепций, которые могут выступить основанием для раскрытия параметров личности, которые могут быть пересмотрены и выступят основой для столкновения ее с самой собой. Предложенный материал может выступить предпосылкой для создания психологических технологий работы с личностью.

Ключевые слова: ментальные ресурсы, столкновение личности с самой собой.

Решение жизненно важных задач во многом определяется наличием ментальных ресурсов личности. Именно они позволяют ощущать преимущества в решении жизненно важных проблем. В данной статье речь пойдет об источниках интрасубъектных ресурсов, связанных с особенностями внутреннего мира личности. Мы полагаем, что личность в процессе своего развития может открывать интрасубъективные ресурсы либо сама, либо с помощью других. Одним из условий обретения ментальных ресурсов может выступить столкновение личности с самой собой.

Обращаясь к рассмотрению данной проблемы, всего необходимо раскрыть само понятие «столкновение личности с самой собой».

В толковом словаре Д. Н. Ушакова понятие «столкнуться» рассматривается в трех ключевых смыслах: 1) двигаться на встречу и удариться друг о друга; 2) вступить в соприкосновение, стать в какие-нибудь отношения, встретившись, оказавшись вместе; прийти в соприкосновение, познакомиться; 3) вступить в столкновение в противоречие в конфликт (Толковый словарь русского языка, 1935–1940).

Для нас особый смысл будет представлять рассмотрение понятия столкновения как соприкосновение, знакомство. В таком случае человеку необходимо соприкоснуться с самим собой так, как будто он себя видит впервые. Есть грани, которые от него ранее были скрыты, и вот теперь представилась возможность их обнаружить, сделать проявленными для себя. Соприкосновение и знакомство сопровождаются отношениями с самим собой, изменением отношения к себе. И если это новое «Я» должно быть открыто/познано, то для начала необходимо понять, что оно из себя представляет.

Но встретиться предстоит именно в том месте, где человек испытывает внутриличностный или межличностный конфликт. В частности, в условиях, когда своими сложившимися личностными параметрами он либо не устраивает самого себя, либо его или окружающих не устраивают те отношения, которые складываются друг с другом. Поэтому в отличие от просто встречи или знакомства столкновение должно обладать такими характеристиками, как сопряженность с самим собой; наличие оптимального напряжения при взаимодействии; возможность для продвижения самого себя дальше в собственном развитии; выход на метапозицию (такое качество самого себя, где происходит примирение конфликтного состояния и обретение нового самого себя).

Важным условием осуществления этой встречи является необходимое напряжение, выступающее вызовом для дальнейшего изменения и саморазвития личности. Такая грань стресса, в которой он выражен как эустресс (в переводе с греческого – «хороший» или настоящий стресс). Такой стресс имеет благоприятное воздействие, поскольку повышает функциональные резервы организма, адаптирует к стрессовому фактору и ликвидирует само стрессовое состояние. Именно оно может приводить к перестройке саморегуляции и способствовать адаптации человека в окружающем мире.

Особый смысл это имеет тогда, когда это способствует обретению целостности и большей интеграции личности. Личность, сталкивающаяся сама с собой, создает возможности для психики не только отражать действительность, но и оставаться открытой, а также

удерживать целостность человека за счет процесса саморазвития, пока это саморазвитие является возможным. Открытым ему позволяет оставаться самосознание и возможность встречаться с самим собой в обычной бытийной жизни. Человек, проявляя отношение к миру, другим людям и самому себе становится связанным с тем, кто и что его окружают. Через эту связь происходит его саморазвитие и внутренняя интеграция, если человек остается открытым происходящему. Таким образом, удерживается связь человека с миром, и через эту связь он стремится сохранить собственную целостность, при одновременном изменении самого себя.

Итак, в ходе столкновения личности с самой собой возникает напряжение. В работах философов В. Франкла, В. В. Налимова говорится о том, что напряжение создается поиском смысла. В. В. Налимов пишет о том, что напряженность создают семантические поля, которые возникают вокруг человека в ходе постановки вопроса, на который нет ответа. Ответы на эти вопросы приводят к переосмыслению жизни в целом. С одной стороны, человек нуждается в Бытии и Истине, но не знает, где их искать. Осуществляя поиск, человек опирается не на сомнительную самоуверенность, а на ожидание, уходящее своими корнями не в своевольное мышление, а в настоятельную потребность (Налимов, 1989).

Напряжение необходимо для открытия нового себя, распаковывания смыслов тех сторон личности, которые не позволяют продвигаться в бескрайних просторах внешней реальности, которую личность интегрирует в собственный уникальный мир для продвижения и проявления собственной реальности. Таким образом, в поле напряжения оказывается «Я» конкретного человека, с которым ему предстоит не только встретиться, но и пройти сквозь семантическое напряжение для обнаружения того себя, которое еще да этой поры оставалось неизвестным.

Совершенно очевидно, что «Я» представляет собой некую внутреннюю сущность, нечто важное и существенное. В науке его рассматривают через два основных направления: 1) исследование самосознания, т. е. изучение природы «Я», идентичности человека; 2) исследование смыслов, выборов жизненного пути.

Говоря о столкновении человека с самим собой, для нас имеют значение три позиции:

1. Что человек собой являет, его идентичность/самотождественность/осознанность самого себя (его осознанные и неосознанные личностные характеристики).
2. Проявляет ли он субъектное активно-деятельное начало, позволяющее ему менять самого себя. Действует ли он из собственной

внутренней активности, преобразует ли он самого себя и окружающую действительность.

3. Что проявляется в его свойствах и поступках, но не сводится к ним и поэтому не может быть познано извне, а составляет его глубокое интимно-приватное начало. Мы не можем извне наблюдать, что происходит во внутреннем мире человека, мы можем только вступать в диалог с тем, что он проявляет для нас в своих действиях и поступках.

Обращаясь к личности другого, Налимов предлагает нам оперировать не только знанием о ней, но и прежде всего незнанием. Чем глубже мы выстраиваем образ личности, тем больше перед нами предстают паттерны нашего незнания о ней. Это заставляет нас удивляться Миру и искать в нем смысл. Расширение горизонтов незнания личности о самой себе одновременно является расширением и углублением научного поиска (Налимов, 1989).

Психология рассматривает столкновение личности с самой собой внутри вопросов самосознания. Самосознание и есть психологический процесс, который обеспечивает столкновение личности с самой собой, и за счет этого обнаружение новых граней и сторон самой себя. Если сознание человека позволяет ориентироваться субъекту в окружающем мире, то самосознание позволяет ему рассмотреть самого себя. Самосознание сталкивает человека с собственным сознанием, и тогда сознание выступает в качестве предмета самосознания. При этом у человека возникает знание о самом себе как своего рода «духовный свет».

Изучением самосознания занимались представители психоанализа (К. Юнг и др.), гуманистической психологии, культурно-исторической психологии (В. С. Мерлин, Г. С. Спиркин и др.). Исследования этих авторов позволяют найти ответ на вопросы о предмете столкновения личности с самой собой, о последовательности этого процесса, о функциях, которые выполняет самосознание.

Особое место среди психоаналитических теорий самосознания человека занимают теории Юнга. В своих работах автор утверждал, что психика человека обладает двумя уровнями самоотображения – сознательным и бессознательным. Если вести речь об области столкновения личности с самой собой, то бессознательное имеет в этом аспекте важную роль, поскольку осознание требуется там, где этой осознанности нет. Столкновение происходит с тем, что не попадает в область видения, что остается неясным, необнаруженным. По мнению Юнга, уровень бессознательного представлен самостью, которая является архетипом целостности, символом челове-

ческого потенциала и единства личности. Именно она проникает в различные аспекты сознательного и бессознательного и позволяет управлять психической жизнью человека. «С интеллектуальной точки зрения самость — не что иное, как психологическое понятие, конструкция, которая должна выражать неразличимую нами сущность, саму по себе для нас непостижимую... С таким же успехом ее можно назвать «Богом в нас». Начала всей нашей душевной жизни, кажется, уму непостижимым способом зарождаются в этой точке, и все высшее и последние цели, кажется, сходятся на ней» (Юнг, 1995). Самость, проникающая в сознание через анализ, может обогащать, совершенствовать и видоизменять сознание, и мы никогда не можем оценить весь спектр ее возможностей. Именно она является основой самореализации человека. Феномены самости — это «ангелы», пытающиеся донести до сознания весточку бессознательного. Самость занимает центральное место в управлении жизнью человека и является высшей властью в его судьбе. Осознавая собственную самость, у человека появляется возможность сделать проявленным собственную индивидуацию.

Таким образом, опираясь на идеи Юнга, мы можем говорить о том, что встреча с самим собой у человека происходит через движение от неосознанного к осознанному, и это обеспечивает сохранение целостности самой психики. Введение самости как бессознательного начала расширяет область осознания и дифференцирует психическую организацию.

Ученые гуманистического направления А. Маслоу, К. Роджерс, Р. Мей пишут о личностном способе существования человека. Личность имеет активное и потенциальное начало, между которыми существует разрыв. Именно эти начала личности могут быть рассмотрены как противоположные аспекты, выступающие основанием для столкновения человека с самим собой. И тогда появляется возможность для столкновения того, чем человек является, и того, чем он хочет и мог бы быть.

С точки зрения гуманистической психологии, человеку важно раскрыть три основных потенциала в себе, без которых нельзя говорить о подлинно творческом существовании. Во-первых, найти свой собственный способ самовыражения личности, т. е. позволить раскрыться собственной самости. Во-вторых, встретиться со своей собственной природой, достичь ее идентичности. Это делает существование человека аутентичным, подлинным и позволяет нести ответственность за свой выбор, делая его осознанным и ведущим к личностному росту. В-третьих, в процессе личностного роста человек актуализирует свой потенциал.

Тем самым были определены смыслы столкновения личности с самой собой, основное предназначение которых заключается в поиске аутентичного способа самовыражения, способствующего личностному росту.

Значительную сторону существования человека как личности занимает его мотивация. Мотивация представляет собой структурное и иерархическое образование, в котором реализация доминирующих потребностей более низкого уровня должна происходить раньше, чем реализация потребностей выше стоящего уровня. Осознанность выступает основанием для реализации потребностей. Маслоу выстраивает иерархию потребностей человека следующим образом: 1) основные физиологические потребности; 2) потребность в безопасности; 3) потребность в любви и принадлежности; 4) потребность в самоуважении; 5) потребность в самоактуализации личности (Маслоу, 2003).

Найти свой собственный способ самовыражения может каждая личность, несмотря на серьезные трудности и проблемы ее биографии. Однако чем ниже стоит потребность в иерархии, тем большей силой влияния она обладает. Это делает необходимым осознание ее воздействия.

Таким образом, достичь самоактуализации становится возможным через соотнесение потребностей. Переход с одного уровня удовлетворения потребностей на другой уровень может выступить предметом встречи человека с самим собой и позволит реализоваться его собственной индивидуальности.

В гуманистической психологии ядро образа человека в понимании личностного потенциала создает представление о целях и ценностях. Основной целью и ценностью личности является самоактуализация. Самоактуализация – это процесс и результат реализации собственного предназначения.

К. Роджерс пишет о том, что в ходе самоактуализации появляется полноценно функционирующая личность. Характеристиками самоактуализирующейся личности являются: способность жить полной жизнью; открытость своим переживаниям; свобода в выборе; гибкость/зрелость (Роджерс, 1994). Развитие самосознания, с его точки зрения, является условием формирования самоактуализации. Это развитие движется по двум направлениям: осознание собственного выбора и открытие себя как новой реальности.

Роджерс рассматривал «Я» как систему представлений человека о самом себе. Представления человека о самом себе составляют его «Я-концепцию», она формируется в ходе межличностных отношений. Кроме того, в систему представлений человека о самом се-

бе входит его «Я идеальное», т. е. то, кем ему бы хотелось быть, это представление также формируется в системе социальных отношений. Именно «идеальное Я» приводит личность к внутреннему согласованию или рассогласованию его «Я-концепции» или личностного опыта, определяя его отношение к самому себе (там же).

Личностный рост происходит как процесс согласования «Я-концепции» личности и приобретаемого ей опыта, ее представлений о мире, о своем месте в нем и своих действиях. Чем сильнее наблюдается рассогласование «Я реального» и «Я идеального», тем менее выраженной является способность личности к подлинному согласованию своей «Я-концепции» и опыта. Открытость новому опыту появляется в ходе интеграции «Я-реального» и «Я-идеального». В ходе этой интеграции достигается полноценное формирование личности и личностный рост как способность и желание быть самим собой.

В структуру самосознания, как полагает В. С. Мерлин, входят четыре компонента: 1) собственная тождественность — человек осознает свои отличия и выделяет себя из окружающего мира; 2) субъектность — осознание себя как активного субъекта, способного изменять окружающий мир; 3) личностный — осознание психических свойств, процессов, эмоциональных состояний; 4) социально-нравственный — наличие нравственных качеств, действий, вызывающих уважение к самому себе (Мерлин, 1986). Каждый из этих параметров может выступить предметом столкновения личности с самой собой.

Самосознание, по мнению А. Г. Спиркина, предназначено для осознания нашего наличного бытия, а также осознания собственного существования, сознание самого себя, или своего «я». Это значит, что столкновение личности с самой собой расширяет ее смыслы в области собственного существования, понимания самой себя и своего места в мире (Спиркин, 1972).

Таким образом, в процессе столкновения личности с самой собой появляется возможность обретения ментальных ресурсов посредством расширения самосознания, осознания потребностей личности и жизненных выборов. В ходе семантического напряжения появляется возможность для перестроения образа себя и открытия новых аспектов собственной личности, которые не выступали пока еще инструментами ее активной реализации как субъекта, актуализирующего собственный жизненный путь.

Литература

Маслоу А. На подступах к психологии бытия / Под ред. В. Данченко. К.: Psylib, 2003.

- Мерлин В. С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
- Налимов В. В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989.
- Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.
- Спиркин А. Г.* Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Госинт «Советская энциклопедия»–ОГИЗ–Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940. В 4 т..
- Юнг К. Г.* Аналитическая психология: Прошлое и настоящее. М.: Мартис, 1995.

Collision of the person with yourself as a condition of obtaining mental resources

E. E. Krieger (Moscow)

Doctor of Psychology, Associate Professor,
Russian State University for the Humanities

The article presents a theoretical description of one of the conditions for acquiring mental resources, which is the collision of a person with himself. Collision with oneself is seen as a meeting with an unknown part of itself, leading to an internal or external contradiction of the personality, it arises in the process of semantic tension, during which it is required to turn the person to that part of it that does not fall into the subject's field of attention. The realization of this process occurs through the expansion of self-awareness and through the search for the meaning of the life path. The article provides an analysis of humanistic and psychoanalytic concepts that can serve as a basis for disclosing personality parameters that may be re-introduced.

Keywords: mental resources; collision with oneself, mechanisms, functions, psychological grounds.

Ментальные ресурсы субъектов экзаменационной аттестации: возрастной аспект

А. Ю. Маленова, А. А. Маленов** (Омск)*

** кандидат психологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; e-mail: malyonova@mail.ru*

*** Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; e-mail: malyonov@univer.omsk.su*

Основная идея работы — анализ ситуации экзамена с позиции ресурсного подхода. Результаты исследования подтвердили гипотезу о более оптимистичной когнитивной оценке экзамена у лиц, получающих образование в зрелом возрасте, чем в период юности. Несмотря на то, что юноши и девушки отмечают и дифференцируют ресурсные составляющие экзамена, они преимущественно локализируются в настоящем и ограничены конкретной ситуацией. Напротив, студенты более старшего возраста склонны выносить суждение об экзамене через призму прошлого опыта, с одной стороны, и его значения для развития в будущем — с другой. В период зрелости создаются благоприятные условия для актуализации собственных ментальных ресурсов, а также их проекции на внешние обстоятельства, позволяя использовать новые возможности для дальнейшего личностного роста.

Ключевые слова: ситуация экзамена, ресурсы, субъектность, когнитивная оценка, юность, зрелость.

Несмотря на то, что экзамен относится к числу явлений довольно определенных как в обыденном сознании, так и научном, мы все же рискнем предположить о многомерности его феноменологии. Последняя раскрывается через множество трактовок экзамена, начиная с традиционной, как формы проверки и контроля в рамках учебной деятельности, но не ограничиваясь только ей. Экзамен — это и взаимодействие (Нартова-Бочавер, 2005), и процесс (Дубровина, 2004), и ситуация (Дементий, 2001), и критерий оценки знаний, усердия

и работоспособности студента (Немировский, Никитенко, Зверев, 2000). Мы же придерживаемся его трактовки как ресурса. Совершенно очевидно, что такой ракурс невозможен вне субъектного подхода, поскольку «ресурсность» конкретной ситуации может задавать исключительно сам ее непосредственный участник. Вслед за С. А. Хазовой и Е. А. Дорьевой мы разделяем ресурсы на внутренние переменные и объекты внешней среды, которым *«приписывается ресурсная роль»* в определенных ситуациях, которые наделяются *«ресурсным значением»*. Допустимость подобной проекции на ситуацию экзамена подтверждается и тем, что такая «ресурсность», по мнению авторов, наиболее ярко проявляется в ситуациях «вызовов» субъектности, прежде всего в трудных жизненных ситуациях и ситуациях достижений (Хазова, Дорьева, 2012). Экзамен в полной мере отвечает этим требованиям, являясь нормативным стрессором, с одной стороны, включающим оценку уровня развития целого ряда компетенций учащихся – с другой.

Основными эффектами такой ресурсной оценки выступают следующие: лучшее понимание ситуации и своих возможностей; улучшение эмоционального состояния; усиление самоэффективности (уверенность в себе, ощущение собственной компетентности, самоконтроль, управление жизненными событиями); поддержание позитивной Я-концепции; развитие продуктивных контактов с другими людьми; появление (расширение, создание) новых ресурсов (Петрова, Хазова, 2010).

Вопрос, который мы хотели бы поднять в этой работе, касается специфики когнитивной оценки экзамена его субъектами, а именно: включает ли она представления студентов о нем как ресурсе, в том числе с учетом их возрастных особенностей. Можно предположить, что более взрослые учащиеся в большей степени способны к позитивной переинтерпретации ситуации экзаменационной аттестации, чем это свойственно в юности.

Для проверки этой гипотезы мы провели обследование студентов Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского: общее количество опрошенных составило 78 чел. Немногочисленность выборки в данном случае объясняется поисковым характером исследования, а также спецификой используемого методического инструментария. В качестве последнего были использованы фокус-групповой опрос (для студентов зрелого возраста, N=40) и анализ продуктов деятельности, в данном случае сочинений на тему «Ресурсы экзамена для меня» (для студентов юношеского возраста, N=38).

Студенты в возрасте от 18 до 21 года в своих работах отразили множество аспектов экзаменационной аттестации, которые в пол-

ной мере можно отнести к ресурсным. Качественный анализ ответов позволил выделить несколько групп потенциальных возможностей, которые студенты связывают с экзаменационными испытаниями. Первую позицию занимает группа факторов, которую мы обозначили как «когнитивный» блок (21,2% от всех ответов). Описывая его, студенты довольно часто использовали схожие по смыслу формулировки, рассматривая экзамен как способ проверки, закрепления, получения, систематизации, демонстрации знаний, а также выявления проблемных областей в своих знаниях. Вторую позицию занимает группа «личностные ресурсы» (15,71%). Юноши и девушки выделили целый пласт качеств, преимущественно субъектной направленности, требования к которым в период экзаменационной сессии не только возрастают, но и создаются условия для их развития. К их числу, прежде всего, относятся организованность, ответственность, дисциплинированность, пунктуальность, стрессоустойчивость. «Организационные навыки», связанные с целеполаганием, планированием, тайм-менеджментом, мы выделили в отдельную группу (10,21%). Четвертую позицию занимают «коммуникативные ресурсы» (9,35%). Студенты отмечают, что в процессе аттестации раскрываются их ораторские способности, развиваются коммуникативные навыки, повышается уровень коммуникативной компетентности в целом. «Оптимизация работы психических процессов» (8,65%) проявляется в необходимости искать и использовать приемы, улучшающие запоминание материала, а также контролировать и развивать свое внимание, стимулировать гибкость мышления при решении поставленных задач. Изменения происходят и в сфере самосознания (6,3%) — повышается самооценка и уверенность в себе, стимулируя дальнейшее саморазвитие (7,1%). Часть студентов обратила внимание на изменение поведения в ситуации подготовки и сдачи экзаменов — появляются новые мотивы, виды активности, в частности поисковая и совладающая, происходит общая мобилизация организма (5,5%). Около 4% приходится на «эмоциональный ресурс»: студенты писали о возможности получении нового эмоционального опыта, интеллектуального удовлетворения от процесса подготовки к экзамену и его результата. Также упоминаются социальные ресурсы, актуализируемые экзаменационной ситуацией (2,3% от общего количества ответов). Молодые люди сообщали о присутствии в группе активной взаимопомощи, ее своеобразном «обострении» в период сессии, повышении сплоченности студенческого коллектива, создании условий для проявления и роста личного авторитета.

Следует заметить, что большая вариативность указанных признаков, возможно, была в определенной степени спровоцирована,

вызвана формулировкой самого вопроса, направляющей рассуждения студентов на поиск необходимых ответов. Вместе с тем даже этот факт можно использовать в качестве подтверждения гипотезы о том, что главное в любой ситуации — это ее внутренняя репрезентация в сознании человека, от которой собственно и зависит отношение к ней и, как следствие, его поведение. В этом случае есть вероятность, что поставленная задача и необходимость ее решения раскроют новые грани знакомого феномена, но с новой, неожиданной и, что очень важно, позитивной стороны, обеспечивая в дальнейшем выбор конструктивных способов совладания с нормативными, объективно заданными стрессорами.

Что касается студентов зрелого возраста, то им была предложена фокус-группа как групповое интервью или сфокусированная дискуссия, «мишенью» для которой выступала ситуация экзамена. Гомогенность группы, способная обеспечить высококачественное обсуждение изучаемой проблемы, в нашем случае достигалась путем отбора участников по определенным критериям: 1) возраст от 25 до 40 лет; 2) наличие опыта участия в различных ситуациях оценивания, в том числе экзаменационных; 3) прохождение учебно-профессиональной подготовки (обучение в вузе) на момент проведения исследования.

Список обсуждаемых вопросов был довольно обширен, охватывая разные аспекты экзаменационного поведения, а также, выходя за его пределы, и более широкий контекст жизнедеятельности. Примеры вопросов: «Что такое оценка и отметка, их роль и необходимость в жизни человека?», «Какие чувства вы обычно испытываете до начала экзамена, во время и после его окончания?», «Всегда ли вы испытываете тревогу, беспокойство, опасения в ситуации экзамена и в каких случаях не испытываете подобные чувства?», «Какие задачи для себя вы ставите в ситуации экзамена?», «В случае неудачи долго ли вы переживаете?», «В какой степени вам удастся реализовать ваши знания, умения, способности, в процессе подготовки и сдачи экзамена?», «Довольны ли вы в целом своими экзаменационными оценками (отметками)? В каких случаях?», «Анализируете ли вы собственное поведение после экзамена?», «Какой опыт вы приобретаете в ситуациях аттестации?», «Если вспомнить и сравнить ваше отношение к ситуации экзамена во время периода юности и в настоящий момент, то существуют ли различия в восприятии, отношении к ситуации экзамена?», «Как вам кажется, происходит ли оценка личности экзаменуемого? Какие качества, прежде всего, подвергаются оценке со стороны экзаменатора?», «Есть ли у вас определенные стратегии поведения в ситуации экзамена? Насколько, по вашему мнению, они эффективны?» и др.

Пропустив ответы студентов зрелого возраста через критерий «ре-сурсности», можно заключить, что экзамен выступает для них своеобразным условием личностного роста: он актуализирует критерии, обуславливающие коррекцию самооотношения, самооценки и уровня притязаний. При этом соотношение ретроспективной и настоящей оценки своего отношения к ситуации экзамена указывает на то, что с возрастом усиливается субъектная позиция студентов: повышается осознанность не только результата, но и процесса деятельности, внешний контроль сменяется внутренним, на фоне повышения в целом толерантности к экзаменационному стрессу. При этом возникающая тревога чаще носит конструктивный характер и имеет другие источники, прежде всего вызванные диссонансом между стремлением к качественной подготовке, временным дефицитом и возросшей ответственностью перед ближайшим социальным окружением и самим собой за результаты обучения.

Изменяется роль преподавателя (экзаменатора) в ситуации учебного взаимодействия: если в юности он, скорее, воспринимается в качестве оппонента, то в зрелом возрасте — как единомышленник, собеседник, способный «обогатить» новыми знаниями. Экзамен выступает лишь средством для обратной связи, самопроверки, а не самоцелью этого общения. Взрослыми студентами значительно чаще отмечается присутствие и даже доминирование положительных эмоций в ситуации обучения, в том числе аттестации, таких как удовольствие, удовлетворение от процесса и результатов обучения, а также от себя в качестве его субъекта.

Еще один момент, выделенный в ответах студентов зрелого возраста, — это тренинговый эффект экзаменационной аттестации. При обсуждении признаков экзамена подчеркивалась его периодичность, многократность, объективная заданность, формальность процедуры, наличие подготовительного периода и, как следствие, прогнозируемость развития ситуации, ее подконтрольность. Эти и другие признаки свидетельствуют о нормативности экзаменационного стресса, его «запланированности», что способствует запуску проактивного (опережающего) копинга. Частота этой ситуации в учебном процессе позволяет не только вырабатывать продуктивные стратегии совладания, но и закреплять их, совершенствовать. При этом взрослые студенты легко устанавливали связь экзаменационных испытаний с другими ситуациями оценивания — собеседованием при трудоустройстве, прохождением аттестации, курсами и пр., что позволяло им рассматривать экзамен как модель для отработки эффективных способов копинг-поведения личности в целом.

Таким образом, обобщая полученные результаты и сопоставляя данные, полученные на студентах разного возраста, можно заключить, что наша гипотеза о более оптимистичной когнитивной оценке экзамена у лиц, получающих образование в зрелом возрасте, чем в период юности, подтвердилась. Несмотря на то, что юноши и девушки отмечают ресурсные составляющие экзамена, они преимущественно локализируются в настоящем и ограничены конкретной ситуацией «здесь» и «сейчас». Тогда как студенты старшего возраста склонны выносить суждение об экзамене через призму прошлого опыта, с одной стороны, и его значения для развития в будущем – с другой. Иными словами, в период зрелости создаются благоприятные условия для актуализации собственных ментальных ресурсов, а также их проекции на внешние обстоятельства, позволяя использовать последние для дальнейшего личностного роста.

Литература

- Дементий Л. И.* Ответственность как копинг-ресурс в ситуации экзамена // Теоретические и эмпирические исследования активности личности / Под ред. Л. И. Дементий. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. С. 4–12.
- Нартова-Бочавер С. К.* Специфика педагогического взаимодействия на экзамене по психологии // Психология в вузе. № 1. 2005. С. 51–62.
- Петрова Е. А., Хазова С. А.* Ресурсы личности: проблемы и перспективы исследования // Журнал практического психолога. 2010. № 2. С. 86–103.
- Практическая психология образования: Учеб. пособие. 4-е изд. / Под ред. И. В. Дубровиной. СПб.: Питер, 2004.
- Справочник студента / Авторы-сост. А. А. Немировский, Н. В. Никитенко, Я. И. Зверев. М.: Астрель–Олимп–АСТ, 2000.
- Хазова С. А.* Когнитивные ресурсы совладающего поведения: Эмпирические исследования: Монография. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010.
- Хазова С. А., Дорьева Е. А.* Ресурсы субъекта: теория и практика исследования. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012.

Mental resources of subjects of examination certification: age aspect

A. Yu. Malenova, A. A. Malenov** (Omsk)*

* Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Dostoevsky Omsk State University

** Dostoevsky Omsk State University

The main idea of work – the analysis of a situation of examination from a position of resource approach. Results of a research have confirmed a hypothesis of more optimistical cognitive assessment of examination at the persons getting an education at mature age than in the period of youth. In spite of the fact that young men and girls note and differentiate resource components of examination, they, mainly, are localized in the present and are limited to a concrete situation. Whereas students of advanced age are inclined to take out judgment of examination through a prism of last experience, on the one hand, and its values for development in the future, with another. In the period of a maturity favorable conditions for updating of own mental resources and also their projections to external circumstances are created, allowing to use new opportunities for further personal growth.

Keywords: examination situation, resources, subjectivity, cognitive assessment, youth, maturity.

О связи мудрости и некоторых личностных характеристик

Н. Н. Мехтиханова (Ярославль)

кандидат психологических наук, доцент, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; e-mail: natnik1@list.ru

Предлагается авторское понимание и определение мудрости. Излагаются результаты эмпирического исследования феномена мудрости во взаимосвязи с нравственной направленностью личности и эмоциональным интеллектом. Установлено, что испытуемые с высоким уровнем мудрости обладают значимо более высоким уровнем нравственной направленности личности на «Добро», общего эмоционального интеллекта, способности к осознанию своих чувств и чувств других людей, способности к управлению чувствами других людей, чем испытуемые с низким уровнем мудрости. Не выявлено значимых различий в способности управлять своими чувствами и эмоциями в зависимости от уровня мудрости.

Ключевые слова: мудрость, личность, нравственная направленность, эмоциональный интеллект.

Интерес к проблеме мудрости в последние годы возрастает все больше и больше. В наших исследованиях мудрость рассматривается как интегральная характеристика личности и интеллекта, несводимая к ним и появляющаяся в результате их взаимодействия (Мехтиханова, Смутьсон, 2015). В этом смысле мудрость может считаться метасистемной характеристикой субъекта жизнедеятельности. Под термином мудрость мы понимаем особое когнитивное образование субъекта, формирующееся в ходе его жизненного пути, отражающее результаты функционирования практического интеллекта во взаимосвязи с личностными чертами, направляющее и оптимизирующее индивидуальное развитие и обеспечивающее успешность в практической стороне жизни.

На данный момент не существует общепринятого определения мудрости ввиду сложности и «размытости» конструкта, хотя попытки его создания предпринимаются в зарубежной психологии. В одних определениях понятие мудрости связывается с когнитивными характеристиками, в других на первое место выходят волевые компоненты, особенности коммуникации, личностные черты. Разнообразие определений продемонстрировано в обзоре К. Банген с соавторами (Bangen, Meeks, Jeste, 2013). Ими проанализирован ряд статей, опубликованных до мая 2012 г. В анализ включены более тридцати статей, где авторы предлагали определение мудрости. Устанавливалась степень согласованности определений мудрости, а именно: какие субкомпоненты включены в общее определение.

Как пишут авторы, среди 24 предлагаемых определений мудрости наблюдалось значительное совпадение субкомпонентов. Наиболее часто упоминаемые субкомпоненты связаны с принятием решений/знаниями о жизни, просоциальными ценностями, отражением и признанием неопределенности. Дополнительные субкомпоненты относятся к эмоциональному гомеостазу, ценностному релятивизму/терпимости, открытости опыту, духовности и чувству юмора.

Большинство исследователей отмечают, что мудрость — это интегральная характеристика и отдельные субкомпоненты необходимы, но недостаточны для развития мудрости. Например, обладание знаниями и хорошими способностями к принятию решений без просоциальных ценностей может сделать человека умным, но не мудрым. Авторы обзора считают, что некоторые субкомпоненты (такие как открытость опыту, чувство юмора) могут служить предикторами или следствиями мудрости, нежели ее существенными элементами. Относительный вес различных субкомпонентов также неясен и может варьироваться в зависимости от контекста или культуры (там же). Открытым остается вопрос: какие же компоненты разных определений конструкта являются достаточными и необходимыми?

Мало изучены в настоящее время и связи мудрости с различными характеристиками личности, что необходимо для определения конструкта и выявления предпосылок развития мудрости. Так, установлено, что с мудростью значимо коррелирует фактор «открытости опыту» из «Большой пятерки» личностных черт, особенно в подростковом возрасте, а во взрослом возрасте он выступает как предиктор мудрости (Анцыферова, 2004).

Наиболее сильными предикторами мудрости оказываются не столько чисто личностные или интеллектуальные характеристики, сколько стилевые характеристики, которые связывают лич-

ность с интеллектом. В частности, умудренные действия и решения значимо связаны со стилем мышления по опроснику Р. Стернберга «Стили мышления», который отражает аналитическую позицию: склонность задавать уточняющие вопросы, выяснять подробности, безоценочность суждений и т. п. Это лишний раз подтверждает то, что мудрость – это, прежде всего, системная характеристика баланса, взаимосвязи свойств, а не отдельно взятых способностей (Sternberg, Jordan, 2005).

Обобщение данных, касающихся корреляций разных групп переменных с мудростью, дало следующую картину: показатели интеллектуального развития объясняли порядка 15% дисперсии умудренных реакций, характеристики личности – 23%, тогда как социально-когнитивные стили – 35% дисперсии. Умудренные решения и реакции обнаруживаются, прежде всего, там, где сбалансированы системные взаимосвязи (Holliday, Chandler, 1986).

Безусловно, дальнейшие эмпирические исследования основных свойств, субкомпонентов и предикторов мудрости будут способствовать возможности сравнения и обобщения их результатов.

Целью нашего исследования явилось эмпирическое изучение соотношения мудрости и некоторых характеристик эмоциональной и нравственной сфер личности (в проведении исследования принимала участие М. В. Филиппова).

Исходя из поставленной цели исследования, мы выдвинули следующую гипотезу: испытуемые, различающиеся по уровню мудрости, обладают разным уровнем развития нравственной направленности и эмоционального интеллекта.

Для проведения исследования была сформирована выборка, объемом которой составил 46 чел., из них 23 испытуемых мужского пола в возрасте от 17 до 42 лет и 23 испытуемых женского пола в возрасте от 14 до 48 лет.

В ходе исследования были использованы психодиагностические методики.

1. Опросник на измерение уровня мудрости (Мехтиханова, Зайцева, 2010).
2. Методика «Добро–Зло» на определение нравственной направленности личности Л. М. Попова, А. П. Кашина (Попов, 2008).
3. МЭИ – методика диагностики эмоционального интеллекта М. А. Манойловой (Манойлова, 2004).

Для обработки данных были использованы следующие математические методы: U-критерий Манна–Уитни; коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования и обсуждение

На основании данных методики на определение уровня мудрости, вся выборка была разделена на две полярные группы. В группу с *более высоким* уровнем мудрости вошли 12 мужчин в возрасте от 17 до 42 лет и 11 женщин в возрасте от 18 до 47 лет, в группу с *менее высоким* уровнем мудрости — 11 мужчин от 18 до 29 лет и 12 женщин от 14 до 48 лет. Общий объем каждой группы составил 23 чел.

Результаты обработки данных с помощью критерия Манна — Уитни показали, что различия двух групп испытуемых по результатам методики «Добро—Зло» являются достоверными при уровне значимости $p \leq 0,01$. «Мудрые» испытуемые обладают более развитой ценностно-нравственной сферой личности, большей способностью к альтруистичному поведению и доброжелательному отношению к людям. Этот факт совпадает с житейскими представлениями о мудром человеке, а также подтверждается научным описанием мудрости, согласно которому одним из признаков мудрости является направленность на добро и благополучие самого человека и окружающих.

По шкалам методики на уровень эмоционального интеллекта были получены не такие очевидные результаты. Так, достоверные различия при уровне значимости $p \leq 0,01$ были выявлены по шкале эмоционального интеллекта «Осознание своих чувств и эмоций». Более мудрые испытуемые обладают в большей степени развитым эмоциональным самосознанием и способностью к рефлексии, более адекватной самооценкой и стремлением в познании самого себя. Они более внимательны к своим чувствам, своему духовному миру.

По шкале «Управление своими чувствами и эмоциями» значимых различий обнаружено не было. Иными словами, мудрость не всегда связана со способностью к саморегуляции и контролю своих эмоций, т. е. испытуемые с высоким уровнем мудрости и высоким уровнем эмоциональности могут в меньшей степени контролировать свои чувства, чем испытуемые с низким уровнем мудрости и низкой эмоциональностью. По всей видимости, контроль эмоциональности является полидетерминированным и сложно реализуемым процессом.

Следующие шкалы эмоционального интеллекта относятся к его межличностному аспекту. Различия по шкале «Осознание чувств и эмоций других людей» оказались достоверными при уровне значимости $p \leq 0,05$. Более мудрым испытуемым легче распознавать эмоции других людей, понимать чувства партнеров по общению. Они лучше способны понять иную позицию, представить мир глазами другого человека и обладают более сильной эмоциональной связью с окружающими.

Различия по шкале «Управление чувствами и эмоциями других людей» являются достоверными при уровне значимости $p \leq 0,01$. Более мудрые испытуемые в большей степени способны к управлению чувствами партнеров по общению, препятствуя возникновению у них неблагоприятных эмоциональных состояний. Они более тактичны, беспристрастны и умеют принимать решения, не ущемляя собственных интересов и не унижая другого.

Группы «более мудрых» и «менее мудрых» испытуемых значительно различаются и по интегральному показателю эмоционального интеллекта при уровне значимости $p \leq 0,01$. У «мудрых» испытуемых более развиты интуиция, рефлексия, эмпатия, толерантность, способность к пониманию других людей. Они более общительны, гибки в выстраивании отношений с окружающими и внимательны к собственному внутреннему миру. Все это соотносится с характеристиками мудрого человека, описанными в имплицитных и эксплицитных теориях мудрости (Мехтиханова, Зайцева, 2010).

Далее нами были выявлены связи между исследуемыми параметрами для того, чтобы определить специфику структуры связей исследуемых параметров для испытуемых с более высоким и менее высоким уровнем мудрости. С помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена были вычислены матрицы интеркорреляций исследуемых параметров для каждой из групп в отдельности.

Сравнение матриц интеркорреляций обеих групп показало, что в группе «более мудрых» испытуемых имеют место значимые связи между исследуемыми параметрами. Уровень мудрости в этой группе положительно связан с нравственной направленностью личности ($p \leq 0,01$), с управлением своими чувствами ($p \leq 0,001$), с осознанием чувств других ($p \leq 0,01$), с управлением чувствами других ($p \leq 0,05$) и общим показателем эмоционального интеллекта ($p \leq 0,001$). В группе «менее мудрых» испытуемых значимых корреляций между мудростью и остальными параметрами выявлено не было. Это может свидетельствовать о том, что человек с высоким уровнем мудрости, скорее всего, будет высоконравственным, добрым. В то же время добрый, высоконравственный человек необязательно будет мудрым, поскольку мудрость, помимо этих компонентов, включает также и другие характеристики, например интеллектуальные.

В группе «менее мудрых» испытуемых была отмечена сильная связь нравственной направленности личности со способностью к осознанию чувств и эмоций других людей ($p < 0,001$), которая была выявлена также по всей выборке. Интегральный показатель эмоционального интеллекта в данной группе связан только со шкалой «Осознание своих чувств и эмоций». Это может свидетельствовать о том, что у ме-

нее мудрых людей различные аспекты эмоционального интеллекта не сбалансированы и выражены в разной степени. Человек с низким уровнем мудрости может хорошо осознавать, какие эмоции испытывает сам, но при этом совершенно не понимать, что чувствуют другие люди. У более мудрых испытуемых шкалы эмоционального интеллекта коррелируют друг с другом и с интегральным показателем, что говорит о балансе различных аспектов эмоционального интеллекта.

В общей выборке мудрость положительно коррелирует со всеми исследуемыми параметрами на уровне значимости $p \leq 0,01$, кроме шкалы эмоционального интеллекта «Управление своими чувствами и эмоциями». С данным параметром выявлена корреляция при уровне значимости $p \leq 0,05$. Все это полностью подтверждает данные, полученные при анализе различий между группами более мудрых и менее мудрых испытуемых. Мудрость сильно и положительно связана с нравственной направленностью личности на «Добро», с эмоциональным интеллектом и его отдельными шкалами, за исключением шкалы «Управление своими чувствами и эмоциями», положительная связь с которой есть, но значительно более слабая.

Также стоит отметить, что показатели методики «Добро – Зло» значимо не связаны с такими шкалами эмоционального интеллекта, как «Осознание своих чувств и эмоций» и «Управление своими чувствами и эмоциями», которые относятся к его внутрличностному аспекту. Что касается связи данного параметра с межличностным аспектом эмоционального интеллекта, то здесь обнаруживаются положительные корреляции с показателями обеих шкал («Осознание чувств и эмоций других людей», «Управление чувствами и эмоциями других людей») при уровне значимости $p \leq 0,001$.

Таким образом, гипотеза, выдвинутая в начале исследования, подтвердилась частично. Установлено, что:

- существуют различия в уровне нравственной направленности личности на «Добро» в зависимости от уровня мудрости;
- существуют различия в общем уровне эмоционального интеллекта в зависимости от уровня мудрости;
- существуют различия в показателях по отдельным шкалам эмоционального интеллекта в зависимости от уровня мудрости;
- существуют достоверные прямые связи между уровнем мудрости и нравственной направленностью личности на Добро, эмоциональным интеллектом.

Следовательно, мудрость является сложным феноменом, который связан с нравственными, эмоциональными, когнитивными аспектами личности.

Литература

- Анцыферова Л. И.* Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 17–24.
- Манойлова М. А.* Акмеологическое развитие эмоционального интеллекта учителей и учащихся. Псков: ПГПИ, 2004.
- Мехтиханова Н. Н., Зайцева М. Ю.* Мудрость как психологический феномен // Ярославский психологический вестник. 2010. № 26. С. 38–42
- Мехтиханова Н. Н., Смутьсон М. Л.* О взаимосвязи мудрости и успешности // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 1. С. 132–136.
- Попов Л. М., Голубева О. Ю., Устин П. Н.* Добро и зло в этической психологии и личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Bangen K. J., Meeks T. W., Jeste D. V.* Defining and assessing wisdom: A review of the literature // The American Journal of Geriatric Psychiatry. 2013. Т. 21. № 12. С. 1254–1266.
- Holliday S. G., Chandler M. J.* Wisdom: Explorations in adult competence // Contributions to human development. 1986.
- Sternberg R., Jordan J.* (Eds). A handbook of wisdom: Psychological perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

About the relationship of wisdom and some personal characteristics

N. N. Mekhtikhanova (Yaroslavl)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Yaroslavl State University named after P. G. Demidov

The author's understanding and definition of wisdom is proposed. The results of the empirical study of the phenomenon of wisdom in relation to the moral orientation of the individual and emotional intelligence are presented. It is established that the subjects with a high level of wisdom have a significantly higher level of moral orientation to the "Good", general emotional intelligence, the ability to realize their feelings and feelings of other people, the ability to control the feelings of other people than the subjects with a low level of wisdom. There are no significant differences in the ability to manage your feelings and emotions depending on the level of wisdom.

Keywords: wisdom, personality, moral orientation, emotional intelligence.

Понятия ресурса, потенциала и духовных способностей

Г. В. Ожиганова (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: symposium2016@rambler.ru*

В статье рассматривается психологическая трактовка понятий ресурса, потенциала и духовных способностей. Анализ содержания этих понятий позволил выявить, что психологическая интерпретация ресурса и потенциала во многом соотносится с понятием духовных способностей человека. Духовные способности раскрываются как моральные, рефлексивные, саморегулятивные, интеллектуальные, творческие, трансцендентные, способность к саморазвитию, относящиеся к категории высших способностей. Ресурс и потенциал в психологии трактуются с точки зрения проявления высших качеств человека (терпимость, способность контролировать эмоции и сохранять позитивное настроение даже в неблагоприятных условиях, мудрость, жизненная энергия и упорство; целеустремленность, социальный интеллект, способность к самоконтролю, чувство прекрасного, религиозность) и ассоциируются с духовным ресурсом и духовным потенциалом, которые могут быть реализованы благодаря духовным способностям. Таким образом, установлена тесная связь понятий ресурса, потенциала и духовных способностей.

Ключевые слова: ресурсы личности, духовный потенциал, высшие моральные способности, высшие рефлексивные способности, высшие саморегулятивные способности, способность к саморазвитию, высшие творческие способности.

В современной психологии все более актуальным становится изучение вопросов, связанных с духовностью и духовными способностями, которые до сих пор остаются мало исследованными.

Духовные способности позволяют человеку реализовать духовный потенциал, актуализировать, активизировать и мобилизовать ресурсные возможности.

В психологии понятие «ресурс» чаще всего изучается в связи с активизацией личностного ресурса развития (способности к личностной рефлексии и способности к саморегуляции), что имеет также отношение к духовным способностям, в которых выделяются высшие рефлексивные и саморегулятивные способности, а также способность к саморазвитию.

В отечественных и зарубежных исследованиях ресурсы рассматриваются в связи с противостоянием стрессу и совладанием с трудной ситуацией (В. А. Бодров, Т. Л. Крюкова, С. Хобфолл, Р. Лазарус, С. Фолкман); психологическим благополучием (Е. Диенер, Ф. Фуджита); регуляцией деятельности и поведения (Л. Г. Дикая, Т. В. Корнилова, В. И. Моросанова, Е. А. Сергиенко); личностным и человеческим потенциалом (А. А. Деркач, Г. М. Заракровский, М. С. Каган, П. Г. Щедровицкий, М. Чиксентмихайи, М. Селигман).

Б. Г. Ананьев пишет о потенциальных свойствах личности, имея в виду скрытые возможности, резервы и ресурсы человеческого развития. Он относит к ним жизнеспособность, работоспособность, одаренность, специальные способности (Ананьев, 2001, с. 119). Таким образом, можно установить связь потенциала, ресурсов и духовных способностей.

Согласно В. А. Бодрову, «ресурсы являются теми физическими и духовными возможностями человека, мобилизация которых обеспечивает выполнение его программы и способов (стратегий) поведения для предотвращения или купирования стресса» (Бодров, 2006, с. 115–116).

В исследовании совладающего поведения, проведенного С. А. Хазовой, в качестве ресурсов выступают оптимизм, уравновешенность, целеустремленность, терпимость, настойчивость, способность контролировать эмоции и сохранять позитивное настроение даже в неблагоприятных условиях (Хазова, 2014а). Можно сказать, что характеристики ресурсов, представленные Бодровым и Хазовой, сопряжены с саморегулятивными и другими способностями, относящимися к духовным.

М. Селигман, К. Петерсон и др. говорят о таких ресурсах личности, как креативность, любопытство, гибкость мышления, интерес к учению, мудрость (понимание широкого контекста и общих закономерностей); жизненная энергия и упорство; социальный интеллект; способность к самоконтролю; чувство прекрасного; чувство юмора; религиозность (Селигман, 2006; *Character strengths...*, 2004),

что соотносится с такими духовными способностями, как высшие творческие, рефлексивные, саморегулятивные и др.

Исследования, ориентированные на профилактические аспекты психического здоровья, обнаружили, что существуют человеческие силы, которые позволяют противостоять психическим заболеваниям, действуя в качестве буфера, — например, мужество, широта взглядов на будущее, оптимизм, навыки и умения межличностного взаимодействия, вера, трудовая этика, надежда, честность, настойчивость, способность к погружению в состояние «потока» и способность к инсайту (Seligman, Csikszentmihalyi, 2000). Эти силы в человеке, с нашей точки зрения, выступают как его ресурсные возможности и связаны с духовными способностями.

Для нашего исследования важным является установленный в исследовании С. Холахана и Р. Мооса факт, что одни ресурсы способны порождать другие ресурсы (Holahan, Moos, 1991; Holahan et al., 1999), что свидетельствует об их взаимосвязи. То же самое можно сказать о проявлении духовных способностей: например, бескорыстная любовь к человеку (морально-ценностный аспект духовных способностей) связана с мудростью (высшие интеллектуальные и рефлексивные способности) и с выходом за пределы Я в контексте служения человечеству (способность к трансценденции, относящаяся к категории высших).

Таким образом, перечисленные интерпретации ресурсов позволяют говорить об их тесной связи с духовными способностями: моральными, рефлексивными, саморегулятивными, творческими и другими высшими способностями, а также о том, что сами духовные способности могут выступать мощным ресурсом совладания, саморазвития и психологического благополучия.

Мы считаем, что важнейшим фактором активизации ресурсов является глубокая осознанность, способность к высокой концентрации внимания, широта мышления, ведущая в результате к расширению сознания, целеустремленность, связанная с возвышенными, благородными целями — все, что ассоциируется с высшими рефлексивными способностями, относящимися к категории духовных.

Особый источник ресурсных возможностей представляет духовно-нравственная сфера личности, например способность человека проявлять добродетельное поведение, исходя из высших ценностей и смыслов бытия: бескорыстное служение людям, человечность, милосердие (относится к ценностно-нравственному аспекту духовных способностей), а также способность контролировать свои эмоции и управлять волей благодаря ориентации на высшие ценности (саморегулятивные способности, относящиеся к категории духовных).

Таким образом, духовные способности имеют отношение к высшим человеческими качествами, которые реализуются с помощью высших моральных, рефлексивных, саморегулятивных, интеллектуальных, творческих, трансцендентных способностей, способности к саморазвитию, характеризующих категорию духовных способностей.

Мы рассматриваем ресурсы в связи с духовными способностями, исходя из потенциально-актуального подхода: у любого человека имеется духовный потенциал, актуализируемый с помощью моральных, рефлексивных, саморегулятивных, творческих и других высших способностей. Его можно актуализировать сознательно, например благодаря специальным духовным психопрактикам, но эта актуализация может происходить и спонтанно, в частности в ходе творческой работы и как ее результат (творчество само по себе – важный жизненный ресурс), в процессе духовно-ориентированной деятельности (ценностно-нравственный аспект, проявляющийся в добродетельном поведении), а также в духовно-религиозных проявлениях человека.

Согласно О.Л. Краевой, потенциал человека может трактоваться как система возможностей, возникающих в диалектике возможностей мира и свобод человека и оформляемых в систему сущностных сил человека – потребностей и способностей (Краева, 2002).

Важным при этом являются: понимание потенциала человека с точки зрения противоречия его сущностной потенциальной универсальности и ограниченности в ее осуществлении; понимание способности как возможности к композиции любых функциональных систем деятельности; понимание духовности как творческой силы самого человека, делающей его соразмерным человеческому роду, социуму, универсуму.

Исходя из этого, делается вывод, что сущность человека состоит в универсальности и неограниченности и разворачивается в истории как универсальная мера его бытия. Интересными и плодотворными являются идеи Краевой о связи потенциала с бессознательным, которое на основе постнеклассической парадигмы рассматривается в качестве аморфной, хаотичной потенции, упорядочивающейся в ходе индивидуализации человека в форме знаний, символов, образов. В результате активизируется потенциал человека, а деятельные силы человека и его индивидуальность обретают форму в виде потребностей и способностей. Это отражает диалектику потенции и формы.

Важнейшим является учение о духовном потенциале личности. Именно развитый духовный потенциал является источником формо-

образующих начал, упорядочивающих хаотические аспекты потенциала человека. «Здесь (в духовном потенциале личности) находятся основания ее эвристических возможностей. Духовный потенциал является неотъемлемой частью общего потенциала человека, поскольку определяет его сущностную сторону, жизненные ориентиры, правила включения потенциала личности во всеобщие взаимосвязи мира, возможности его реализации. Представляется, что рассмотрение потенциала человека с точки зрения его духовности тоже созвучно новой научной парадигме, поскольку усиливает интегральное представление о потенциале и его тончайших составляющих и выявляет новые отношения тождества, соответствие субъектной и объектной сфер» (Краева, 2002, с. 303–304).

Основываясь на постнеклассической парадигме исследования, позволяющей, по мнению Краевой, расширить и углубить концепцию потенциала человека, она предлагает следующие методологические принципы исследования:

- 1) принцип интеграции всего духовного опыта человечества в решении проблемы человека;
- 2) принцип соединения сущности и существования человека, позволяющий интегрировать различные подходы к пониманию потенциала, охватить все проявления потенциала, обозначить перспективы его изменения и развития с учетом современных особенностей, проблемы человека;
- 3) принцип дополнительности, использование которого позволяет взглянуть на потенциал человека как на органичную часть творящей сути природы и тем самым найти гармонизирующие основы творящей силы человека;
- 4) принцип мерности, принцип деятельности, принцип социальности, принцип системности, принцип единства всеобщей тенденции мира и потенциала человека, принцип духовности мироосвоения, принцип интенциональности (Краева, 1999).

Таким образом, концепция интегрального потенциала человека Краевой, где представлена и духовная составляющая, позволяет говорить о необходимости целостного, интегративного подхода к исследованию духовного потенциала, так как только в этом случае возможно адекватно отразить связь всех его аспектов с высшими способностями человека.

Важно также рассмотреть близкие к понятию «потенциал» понятия «ресурс» и «резерв». С точки зрения С. А. Хазовой, они не тождественны. Проводя различие между понятиями «ресурс» и «потенциал», она определяет потенциал как возможное, а ресурс — как действитель-

ное: при этом понимании потенциал предшествует ресурсу. Для того чтобы потенциал стал ресурсом (переход потенциального в актуальное и действительное), необходимо совершение определенной работы, а именно нужна активность самого субъекта. «Причиной перехода потенциального в актуальное становятся взаимоотношения человека с действительностью, которая предъявляет субъекту определенные вызовы, выходящие за рамки обычных возможностей и требующие вложения дополнительных сил, тем самым потенциальные возможности становятся актуально действующими ресурсами» (Хазова, 2014б, с. 111).

Потенциал, понимаемый как «мощь», как слагаемое сил и средств, необходимых для чего-либо, «интегрирует ресурсы и резервы и в реальной жизнедеятельности проявляется через их многообразие, при этом чем шире репертуар ресурсов и чем выше функциональные резервы, тем выше адаптационные и регулятивные возможности субъекта» (там же).

Итак, согласно С. А. Хазовой, применяющей субъектно-деятельностный подход, резервы, ресурсы, потенциал обеспечивают регуляцию субъектной активности и повышение эффективности деятельности. Разведение понятий «ресурс», «потенциал» и «резерв» производится «на основании отнесенности к разным уровням регуляции активности субъекта:

- резервы обеспечивают энергетическую составляющую, относятся к физиологическому и психофизиологическому уровням регуляции;
- ресурсы как психические характеристики являются теми внутренними условиями (качествами и свойствами личности и субъекта, особенностями процессов и состояний), которые при воздействии внешних условий, выходящих за обычные рамки и предъявляющих более высокие требования к субъектности, дают дополнительные возможности, преимущества их обладателю с точки зрения успешности поведения и деятельности. Уровень ресурсов – это уровень актуального, реально действующего в конкретной ситуации;
- потенциал является «копилкой» латентных возможностей человека, актуализируемых при определенных условиях. Он может рассматриваться как система возобновляемых/невозобновляемых ресурсов и резервов, которые могут проявляться в деятельности» (Хазова, 2014б, с. 111–112).

Используя эту концепцию, можно сказать, что высшие способности, относимые к категории духовных, могут иметь отношение и к резерву,

и к ресурсу, и к потенциалу, например, способность к саморегуляции и другие высшие способности могут содействовать обеспечению энергетического уровня, проявлению ресурсных возможностей и накоплению потенциала.

Таким образом, анализ содержания понятий ресурса, потенциала и духовных способностей, которые раскрываются как моральные, рефлексивные, саморегулятивные, интеллектуальные, творческие, трансцендентные, способность к саморазвитию, позволили установить связь этих понятий на основе присущего им духовного аспекта и интерпретации ресурса как духовного ресурса, потенциала как духовного потенциала.

Литература

- Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001.
- Бодров В. А.* Проблема преодоления стресса. Ч. 2. Процессы и ресурсы преодоления стресса // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 2. С. 113–122.
- Краева О. Л.* Диалектика потенциала человека. М.–Н. Новгород: НГСА, 1999.
- Краева О. Л.* Проблема потенциала человека в аспекте постнеклассической научной парадигмы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2002. Вып. 1 (2). С. 301–305.
- Селигман М.* Новая позитивная психология. М.: София, 2006.
- Хазова С. А.* Эмоциональные ресурсы совладающего поведения // Ярославский педагогический вестник. 2014а. № 1. Т. II. С. 293–297.
- Хазова С. А.* Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды: Дис. ... докт. психол. наук. Кострома, 2014б.
- Holahan C. J., Moos R. H.* Life stressors, personal and social resources and depression: A four-year structural model // Journal of Abnormal Psychology. 1991. V. 100. P. 31–38.
- Holahan C. J., Moos R. H., Holahan C. K., Cronkite R. C.* Resource loss, resource gain and depressive symptoms: A 10-year model // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. V. 77. P. 620–629.

Notion of resource, potential and spiritual capacities

G. V. Ozhiganova (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences,
Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences

The article deals with the psychological interpretation of the notions of resource, potential and spiritual capacities. An analysis of the content of these notions allowed to reveal that the psychological explanation of “the resource” and “the potential” in many ways connects with the notion of a person’s spiritual capacities. Spiritual capacities are represented as moral, reflexive, self-regulating, intellectual, creative, transcendent, as capacity for self-development, belonging to the category of higher capacities. “Resource” and “potential” in psychology are considered from the point of view of the highest qualities manifestation (tolerance, the ability to control emotions and maintain a positive mood even under unfavorable conditions, wisdom (understanding of the broad context and general principles), vitality and perseverance, purposefulness, social intelligence, ability to self-control, a sense of beauty, religiosity) and are associated with a spiritual resource and spiritual potential that can be realized with the help of spiritual capacities. Thus, between the notions of resource, potential and spiritual capacities a close connection is established.

Keywords: personal resources, spiritual potential, higher moral capacities, higher reflexive capacities, higher self-regulatory capacities, capacity for self-development, higher creative capacities.

Понимание учебного материала как фактор его успешной актуализации

Т. Н. Осинина (Орехово-Зуево)

*кандидат психологических наук,
Государственный гуманитарно-технологический университет;
e-mail: tatyanaosinina@mail.ru*

В статье рассматривается проблема запоминания и эффективного воспроизведения учебного текста. Подчеркивается влияние понимания материала, связанного с психологическими закономерностями функционирования памяти и мнемических способностей субъекта деятельности, на объем и качественную специфику воспроизведения учебного текста. Описываются уровни понимания учебного материала, обусловленные особенностями операционных механизмов мнемических способностей. Результаты лонгитюдного эксперимента, реализованного автором, свидетельствуют о том, что отсутствие в ментальном опыте субъекта стратегий осмысления и запоминания текста препятствуют его глубокому пониманию, умению объединить новые знания и свои представления в целостную систему репрезентаций.

Ключевые слова: учебный текст, память, мнемические способности, запоминание, воспроизведение, понимание.

Современные подходы к проблеме мнемических способностей субъекта деятельности позволяют охарактеризовать различия в способах усвоения знаний. В психолого-педагогической литературе встречается мнение, что знания могут быть приобретены двумя путями: когда ученик анализирует материал, сравнивает, обобщает, делает выводы, т.е. усвоение знаний происходит за счет активной мыслительной деятельности, либо при заучивании материала благодаря преимущественной работе памяти.

При рассмотрении путей усвоения знаний со всей очевидностью возникает проблема качества приобретенных знаний. При заучива-

нии учебного материала, с опорой только на функциональные механизмы мнемических способностей, ученик не может приобрести полноценные знания, так как не обрабатывает материал и не умеет применить заученное на практике. Процесс запоминания принципиально меняется с появлением в структуре мнемических способностей операционных механизмов, поскольку без опоры на мыслительную деятельность и понимание учебного материала полноценное усвоение знаний невозможно.

П. И. Зинченко доказал, что не существует никаких оснований для разделения механических и смысловых связей, так как в конечном счете все ассоциации, возникающие у человека, являются осмысленными (Зинченко, 1961). Даже при механическом заучивании учебного материала ученик всегда в определенной мере понимает то, что заучивает. Акцент следует сделать на том, что если это понимание поверхностно, отрывочно, не складывается в систему репрезентаций, то запоминание неэффективно. Если же в процессе усвоения ученик анализирует, сопоставляет, структурирует, схематизирует материал и др., то в результате такой мыслительной обработки у него образуются прочные следы памяти. Роль смысловой обработки материала для его успешного запоминания была доказана в работах как отечественных психологов (С. Л. Рубинштейна, П. И. Зинченко, А. А. Смирнова и его учеников), так и в трудах зарубежных исследователей (М. Anderson, F. I. M. Craik, A. Baddeley и др.).

Непрочность знаний, усвоенных путем многократных повторений при слабой мыслительной обработке запоминаемого, при работе поверхностных уровней человеческой памяти хорошо известна. В. А. Сухомлинский писал: «...вспоминал эту грустную шутку, наблюдая умственный труд школьника, вынужденного заучивать то, что он не осмыслил, что не вызывает в его сознании ярких представлений, образов, ассоциаций» (Сухомлинский, 1982, с. 87).

Понимание является одним из важнейших аспектов познания человеком окружающего мира и самого себя. По словам К. А. Абульхановой-Славской, подлинный субъект жизни постоянно стремится к пониманию места и роли того или иного объекта или явления в собственной жизни (Абульханова-Славская, 1991). Причем характер процесса понимания определяется не только спецификой объекта понимания, но и индивидуальными особенностями понимающего субъекта. Понимающий субъект находится внутри изучаемого мира, погружен в природную и социальную действительность. Мир оказывается таким, каким его видит субъект, какие методы познания он применяет, поскольку «не психическое и не бытие сами по се-

бе, а субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит историю» (Брушлинский, 1998, с. 17).

В. В. Знаков отмечает, что понимание не является самостоятельным психическим процессом, таким как внимание, память и т. п. «Оно представляет собой результат мышления, но одновременно и один из его процессов, участвующих в обеспечении успешности решения задачи. Мышление направлено на поиск и переработку новых знаний, а понимание – на порождение смысла знаний, полученных субъектом в ходе мыслительной деятельности...» (Знаков, 2016, с. 231). Анализируя вопрос о соотношении понимания и знания, следует отметить, что понимание всегда основывается на знании, полученном в мыслительной деятельности. Знание и понимание различаются по природе и происхождению. Первое ограничивается простым сознанием, что объект его существует. Появление вопросов, идущих дальше осознания простого существования объекта, и стремление их разрешить и есть переход к пониманию.

Любое знание содержит возможности его понимания. Связующим звеном между знанием и пониманием в процессе мышления является смысл отраженного в знании предметного мира (Тихомиров, Знаков, 1989). Адекватное отражение человеком предметного мира в знании происходит в процессе оперирования объектами, из которых состоит мир. Понимание – это осмысление знания, действия с ним. При этом ключевую роль играют мыслительные действия, направленные на постановку и решение вопросов о содержании знания, его внутренней структуре, а также связях с другими, не отраженными непосредственно в нем сторонами действительности. «Знание – это не цель понимания, а средство...» (Знаков, 2016, с. 232).

В. В. Знаков, анализируя основные формы понимания – понимание-узнавание, понимание-гипотеза, понимание-объединение, – отмечает, что возникающая у человека форма понимания определяется, прежде всего, целью и решаемой им задачей: при решении задачи на распознавание возникает понимание-узнавание, при решении задачи на доказательство – понимание-гипотеза, решая задачу на конструирование, субъект достигает понимания-объединения (там же, с. 396).

Целью нашего исследования является изучение объективных и психологических закономерностей воспроизведения учебного материала у школьников с различным уровнем развития мнемических способностей, уровнем интеллекта и мотивации учебной деятельности. *Гипотеза* исследования: процесс воспроизведения функционирует как в соответствии с объективными, так и собственно психологическими закономерностями. Объективные закономерности

обусловлены качественной и количественной спецификой материала, структурой, формой его предъявления, условиями запоминания. Психологические закономерности связаны с продуктивностью функциональных, операционных и регулирующих механизмов мнемических способностей.

Лонгитюдный эксперимент, который проводится на базе школ г. Орехово-Зуево, Московской области, был запущен в 2009 г. и включал две серии опытов. Экспериментальным материалом для изучения закономерностей воспроизведения выступали тексты из школьных учебников. В первой серии экспериментов для запоминания испытуемым предлагался текст из учебника по биологии «Семейство пасленовых», а во второй – текст из учебника по истории «Куликовская битва». Для изучения психологических закономерностей функционирования памяти во второй серии экспериментов исследовался уровень понимания испытуемыми (n=66) запоминаемого учебного текста. Проверка эффективности воспроизведения учебного текста проходила непосредственно после его запоминания, спустя сутки, неделю, год, 1,5 года и 3 года после запоминания. Процедура эксперимента предполагала письменное воспроизведение учебного материала и устный опрос на понимание на каждом его этапе.

Опрос проводился по следующим вопросам:

- 1) Почему стало неизбежным открытое военное столкновение Москвы и Орды?
- 2) Почему Куликовскую битву называют «Мамаевым побоищем»?
- 3) Почему русские войска одержали победу в Куликовской битве?
- 4) Почему князя Дмитрия Ивановича прозвали Донским?
- 5) Почему Куликовская битва имела большое историческое значение? Почему она повлияла на самосознание русского народа?
- 6) Почему именно эту битву считают началом освобождения от Ордынского владычества?
- 7) Почему хану восточной части Золотой Орды Тохтамышу удалось захватить Москву? Почему Дмитрий Донской выступил с союзниками против Мамаю, но «не посмел руки поднять» на Тохтамышя?
- 8) Почему Русь не перестала платить дань орде после набега Тохтамышя?
- 9) Почему позиции Московского княжества укрепились при великом князе Дмитрие Ивановиче?

Представленные вопросы способствуют изучению уровня понимания запоминаемого учебного текста «Куликовская битва». Следует отметить, что уровень понимания материала обусловлен уровнем

его обработки при запоминании или уровне реализации операционных механизмов мнемических способностей. На первом, поверхностном уровне понимания-различения субъект осознает только то, обозначением какой предметной ситуации или абстрактного понятия является объект понимания. Понимание в таких случаях ограничивается ответом на вопросы: «Что это такое?», «Кто это?». На втором уровне понимания-описания субъекту доступна описательная характеристика понимаемого материала и он уже может ответить на вопрос «Какое это?». На третьем же уровне понимания-выделения существенных и несущественных признаков испытуемый может разобраться в сущности запоминаемого материала, связать новое знание с уже имеющимся, обеспечивая тем самым целостную картину исторического события.

Таким образом, в нашем исследовании установлено, что испытуемым, обработавшим учебный материал на перцептивном уровне, доступно лишь различение объекта понимания. Испытуемые, имеющие образный уровень реализации операционных механизмов мнемических способностей, могут описать, охарактеризовать объект понимания. В свою очередь, при реализации операционных механизмов на мыслительном уровне участники эксперимента выделяли существенное и несущественное, устанавливали структуру, проводили аналогии. Например, на вопрос: «Почему Куликовскую битву называют “Мамаевым побоищем”?» испытуемые, имеющие перцептивный уровень реализации операционных механизмов мнемических способностей, отвечают: «Главным в войске Орды был Мамай». Испытуемые, для которых характерна мыслительная обработка запоминаемого материала, отвечают: «Потому что в Куликовской битве наши войска, которыми командовал Дмитрий Донской, разгромили полчища Мамаю – предводителя Орды на поле Куликовом».

Кроме того, уровень понимания учебного текста послужил фактором его успешной актуализации. В нашем исследовании установлено, что испытуемые, обрабатывающие материал при доминирующей роли мышления, характеризуются более высокими показателями объема и качественной специфики воспроизведенного учебного текста. Они реже искажают материал, привнося новое содержание, могут составить цепь умозаключений и сделать выводы.

При запоминании информации мы опираемся на знания о мире и представления о том, о чем идет речь в тексте. Конечная цель интеграции знаний, представлений и мнений – построить целостную ментальную репрезентацию описываемой ситуации. Отсутствие в ментальном опыте субъекта стратегий осмысления и запоминания

текста препятствует его глубокому пониманию даже в тех случаях, когда определение значений слов и смысла предложений не вызывает трудностей. Понимание текста требует построения мыслительных структур, гораздо более сложных, чем это нужно для простого понимания слов в предложениях. Главное для понимающего субъекта — умение объединить новые знания и свои представления об описываемой ситуации в целостной картине репрезентации текста. Этот факт заставляет еще раз обратить внимание на необходимость высокого качества текстов школьных учебников.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Брушлинский А. В.* Психологическая наука — основа гуманизации высшего образования // Развивающаяся психология — основа гуманизации образования. М.: Российское психологическое общество, 1998. В 2 т. Т. 2. С. 17.
- Зинченко П. И.* Непроизвольное запоминание. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
- Знаков В. В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Сухомлинский В. А.* О воспитании. М.: Политиздат, 1982.
- Тихомиров О. К., Знаков В. В.* Мышление, знание и понимание // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 1989. № 2. С. 6–16.
- Черемошкина Л. В., Осинина Т. Н.* Закономерности воспроизведения учебного текста на материале лонгитюдного исследования // Психология обучения. 2016. № 12. С. 12–25.

Understanding educational material as the factor of its successful actualization

T. N. Osinina (Orekhovo-Zuevo)

Candidate of Psychological Sciences,
State Humanitarian-Technological University

The article deals with the problem of memorizing and efficient reproduction of the text. The influence of an understanding of the material associated with the proper psychological patterns of the functioning of memory and the mnemonic abilities of the subject of activity is emphasized, the volume and qualitative specificity of the reproduced text. The levels of understanding of the material, due to the level of realization of the operational mechanisms of mnemonic abilities, are described. The results of the longitudinal

experiment, realized by the author, indicate that the absence in the mental experience of the subject of strategy of comprehending and memorizing the text hinders his deep understanding, the ability to combine new knowledge and his ideas into an integral picture of representations.

Keywords: educational text, memory, mnemonic abilities, memorization, reproduction, understanding.

Полезависимость/полenezависимость у больных атопическим дерматитом и псориазом*

Т. А. Ребеко (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: rebekota@yandex.ru*

В работе проверяется гипотеза о неразрешенном сепарационном конфликте у больных атопическим дерматитом и псориазом. Приводятся литературные данные о роли кожи в формировании границы Я в онтогенезе. В связи с дифференцированной репрезентацией собственного тела происходит дифференциация способов социального взаимодействия, концептуальных структур и когнитивных характеристик человека. Предполагается, что телесная недифференцированность сопряжена с утратой человеком чувства субъектности и агентности. Проведено исследование на выборке 60 чел. (экспериментальная и контрастная группы) с использованием методики Уиткина на полезависимость/полenezависимость и методики Лыбко на оценку репрезентации себя с опорой на собственный опыт или на мнения Других. Кожное заболевание рассматривается как проявление субъектности.

Ключевые слова: атопический дерматит, псориаз, полезависимость, полenezависимость, ориентация на себя/на другого, сепарационный конфликт, субъектность.

В исследовании мы исходим из понимания телесного Я как основы ментальных ресурсов и формирования личности в целом. Согласно общеметодологическому дифференциально-интегральному подходу, ментальная репрезентация телесного Я исходно является недифференцированной, а затем в ходе онтогенеза и социогенеза происходит дифференциация и интеграция телесного опыта. «Эта уникальная целостность природного и социального, составляющая сущность че-

Исследование выполнено по государственному заданию ФАНО № 0159-2010-0006.

ловека и его психики, возникла в ходе антропогенеза и социогенеза и развивается дальше в процессе истории человечества и жизненно-го пути каждой личности» (Брушлинский, 2006, с. 594).

Процесс выделения собственного телесного Я происходит в тесной сопряженности с процессом выделения и ментализации «Другого» как живого существа. Если ребенок сталкивается с ранним травмирующим опытом материнского «непонимания», то он не развивает способность к интеграции «того, что внутри и того, что происходит вовне», и, как следствие, у него не возникает «чувства когерентности внутреннего и внешнего опыта» (Waddel, 1997, p. 46).

Кожа является поверхностью тела, его «границей», частью, обращенной на внешний мир, частично принадлежащей человеку. Именно поверхность кожи и ее ментальная репрезентация определяют контакт человека с внешним миром.

Многие авторы указывают, что тактильные ощущения имеют огромное значение как средство общения между матерью и младенцем, так как кожа является основным и древнейшим каналом довербального общения.

В формировании надежно защищающей оболочки, позволяющей ассимилировать инородный опыт, большую роль играет кожа. Э. Бик ввела в 1968 г. понятие «первичная кожа». По словам автора, части личности в наиболее примитивной форме переживаются как не обладающие силой, связывающей их, и «поэтому они должны в известном смысле удерживаться вместе тем, что переживает-ся ими пассивно, — кожей, функционирующей в качестве границы». Кожа выполняет функцию связывания («слипания») частей личности, которые еще не отдифференцированы от частей тела.

Мать обеспечивает холдинг, который позволяет младенцу адаптироваться к внешнему миру и ментально выделить себя в качестве индивида. Как указывает М. Род, важнейшую роль в переживании кожи как границы психического играет мать. Ее способность «к детоксикации» <...> и ментализации соматических переживаний позволяет младенцу интегрировать тот «психический материал, который ранее в качестве „своего“ им не воспринимался» (Rhode, 2002, p. 240). По мере развития первичной кожи происходит дифференциация внутренней и внешней реальности (Feldman, 2004).

На материале обширного терапевтического опыта Ф. Тастин делает вывод о том, что мать ограждает младенца от «не-Я опыта», что позволяет ему безопасно «ассимилировать» опыт «иного». В противном случае (например, при аутизме) репрезентация мира представлена «двумерными объектами», которые защищают человека от травмирующего переживания «снаружи» и «не-Я опыта» (Tustin, 1972). В этом

случае происходит развитие так называемой «второй кожи», которая выполняет функцию защиты самости, что проявляется в психологической инкапсуляции и ментальной неподвижности.

Одним из проявлений такой недифференцированности между внешним и внутренним опытом является растерянность при различении «своего» и «чужого». Параллельно с этим происходит утрата человеком чувства субъектности, способности выступать автором собственной активности и затруднения в овладении ментальными ресурсами. В сопряженной связи с дифференцированной репрезентацией «своего» опыта (и его границы — кожи) происходит дифференциация способов социального взаимодействия, концептуальных структур и когнитивных характеристик человека. Этот процесс знаменует этап сепарации.

В том случае, если процесс сепарации младенца от матери имел дефицитарный характер, возникает феномен ложной независимости, которая называется «адгезивной идентификацией», при которой человек мимикрирует и «слипается» с опытом значимого Другого.

Дифференциация «Себя» и «Другого» проявляется не только в опыте тела, но и в поведенческих программах, и в структуре концептуальных моделей. По словам Ф. Тастин, телесные ощущения «трансформируются в психологический опыт» и тем самым создается пространство для формирования понятий (Tustin, 1972).

Помимо функции контейнирования психического содержания, кожа выступает в качестве презентации себя внешнему, служит маркером индивидуальности и личностной идентичности, является средством коммуникации и социального взаимодействия. Иными словами, кожа становится субъектом познания и общения.

Исходя из высказанного, мы полагаем, что кожные заболевания, фиксирующие болезненный контакт человека с миром, сопряжены с проявлением разнообразных аспектов субъекта. «Природное и социальное — это не два компонента психики человека, а единый субъект с его живым процессом саморегуляции всех форм активности людей» (Брушлинский, 2006, с. 511).

В данном исследовании мы рассматриваем кожные заболевания как проявления неразрешенного сепарационного конфликта, как компенсацию затруднений в организации контактов с внешним миром, как своеобразную попытку человека репрезентировать факт взаимодействия.

Одним из индикаторов слияния/отделенности человека и мира может служить такая когнитивно-стилевая характеристика, как полезависимость/полenezависимость. Когнитивный стиль «полезависимость/полenezависимость» (ПЗ/ПНЗ), разработанный Г. Уиткиным

и примененный при изучении ментального опыта М. А. Холодной, характеризует способ, каким человек использует внутренние ориентиры при работе с информацией и насколько он в состоянии противостоять давлению внешней ситуации. Данный конструкт – ПЗ/ПНЗ – позволяет рассматривать слитность/дифференцированность самости в проекции на когнитивные механизмы человека.

Выбор кожных заболеваний в качестве объекта исследований обусловлен тем обстоятельством, что кожа является не только «природным», но и социальным феноменом: татуировки, шрамы, признаки органических заболеваний и психических состояний имеют в каждой культуре отчетливые коннотативные и символические референции.

Многие кожные заболевания относятся к классу психосоматических. По словам К. Бронштейн, «высыпка психосоматического заболевания является следствием состояния неинтегрированности из-за отсутствия внутренней/внешней оболочки» (Bronstein, 2011, p. 188). Помимо этого, кожа является органом трансформации, так как, в отличие от рептилий, в человеческой коже постоянно происходит рождение, размножение и отмирание клеток. По словам Энн Магуайр, «кожная болезнь вроде той, что была у Иова, – это своего рода символический акт снятия старой кожи, освобождающий место для новой. Иов же испытывал двойные страдания. С одной стороны, он изнывал от физической боли, с другой – был раздираем психологическим конфликтом, спровоцированным несправедливостью Бога. Этот конфликт выплеснулся на кожу Иова в виде тяжелого дерматоза, ставшего для него последним испытанием. Дерматоз был призван подвигнуть Иова изменить свою жизненную позицию и по-настоящему принять в свою душу Бога» (Магуайр, 2012, с. 192).

В настоящем исследовании проверялась эмпирическая гипотеза, согласно которой существуют различия в выраженности ПЗ/ПНЗ у женщин, страдающих хроническими кожными заболеваниями (псориазом и atopическим дерматитом), по сравнению с контрольной группой здоровых женщин.

В исследовании участвовало две группы респондентов (30 чел., страдающих псориазом и atopическим дерматитом, и 30 здоровых женщин в возрасте 20–40 лет).

Использовались следующие методики:

1. Методика «Диагностика телесного Я» (Лыбко, 2008). Данная методика позволяет выделить два модуля репрезентации телесности, которые можно охарактеризовать как «Самопринятие своего телесного Я» («Я-Сам») и «Влияние Другого на отношение к своему телу» («Я-Другой»).

2. Методика «Включенные фигуры» Г. Уиткина. Для оценки полезности/полезности (ПЗ/ПНЗ) с учетом дополнительного показателя фиксированности/мобильности этого когнитивного стиля использовалась методика расчетов в соответствии с квадриполярной моделью когнитивных стилей М. А. Холодной (Холодная, 2004).

Математическая обработка данных проводилась с использованием пакета Statistica 10.0.

Получены следующие результаты.

Две группы участников исследования статистически различаются как по когнитивно-стилевым характеристикам, так и по презентации своего Я. Ниже приводятся результаты вычислений (по критерию Краскела–Уоллиса).

Экспериментальная группа достоверно чаще относится к полюсу полезности, по сравнению с контрольной группой $H(1, N=60)=23,90460, p=0,000$.

Экспериментальная группа достоверно чаще относится к полюсу фиксированности, по сравнению с контрольной группой $H(1, N=60)=7,941046, p=0,0048$.

Экспериментальная группа достоверно реже опирается при презентации себя на конструкт «Я-Сам», по сравнению с контрольной группой $H(1, N=60)=28,52198, p=0,000$.

Экспериментальная группа достоверно чаще опирается при презентации себя на конструкт «Я-Другой», по сравнению с контрольной группой $(1, N=60)=44,61522, p=0,000$.

Обобщенный портрет женщин, страдающих атопическим дерматитом и псориазом, можно охарактеризовать как полезависимых, испытывающих затруднения при выделении себя из фона. Близкое и метафорически емкое описание данной выборки дает К. Ульник. Автор предлагает интерпретировать смысл псориаза как бессознательное, но невыполнимое желание обратить на себя внимание, выделиться из фона. «Когда ребенок не признается, когда взор его родителей проходит сквозь него <...>, тогда ребенок становится завесой – если бы сцена, которую Другой хотел увидеть, находится позади него. Тогда он как художник предлагает себя в качестве пятна» (Ульник, 2017, с. 260).

Стилевое свойство «фиксированность» (в противоположность «мобильности») содержательно можно описать как личностную ригидность, которая также является следствием неотсепарированности. Введенное Дидье Анзье понятие «Я-кожа» сравнивается с «панцирем», мышечным зажимом: «младенец формирует его как защиту

в целях выживания и как средство, препятствующее дезинтеграции» (цит. по: Bronstein, 2011, p. 186). «Ребенок будет искать психический эквивалент для психической кожи, такой эквивалент, который покрывает его тело, стараясь создать для себя ощущение того, что рудиментарные части его личности можно хоть как-то соединить» (Waddel, 1997, p. 49).

И наконец, последний результат, свидетельствующий о доминировании мнений и оценок Другого («Я-Другой») и отсутствие опоры на собственный опыт («Я-Сам»), также говорит о стойкости переживания первичного слияния, превалировании опыта Другого и размытости суждений о себе.

Таким образом, полученные результаты позволяют утверждать, что больные атопическим дерматитом и псориазом достоверно характеризуются дефицитом личностной сепарации и когнитивной полезависимостью. Кожное заболевание можно рассматривать как компенсацию неразрешенного сепарационного конфликта, как форму проявления субъектной пассивности, а не истинной субъектности. «В этом смысле the subject — это не обязательно участник психологического исследования, не испытуемый, а the Self (самость) как целостность (the totality), как the Actor (деятель)» (Брушлинский, 2006, с. 548).

Литература

- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Лыбко И. В.* Методика «Диагностика телесного Я» // Психологическая диагностика: Научно-методический и практический журнал / Ред. М. К. Акимова, В. Г. Колесников. 2008. № 3. С. 5–21.
- Магуайр Э.* Кожные заболевания — Послания души. М.: София, 2012.
- Ульник Х.* Кожа в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2017.
- Холодная М. А.* Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. М. — СПб.: Питер, 2004.
- Bronstein C.* On psychosomatics: The search for meaning // The International Journal of Psychoanalysis. 2011. № 92. P. 173–195.
- Feldman B.* A skin for imaginal // Journal of Analytical Psychology. 2004. V. 49. № 3. P. 285–313.
- Rhode M. A.* Qui appartient la peau? Traumatisme, communication et sentiment identitaire // Un espace pour Survivre / Ed. A. Briggs. Editions du Hublot, 2002.
- Tustin F.* Autism and Childhood Psychosis. London: Karnac book, 1972.
- Waddel M.* Infancy: defences against pain // Psychotic states in children / Ed. M. Rustin, M. Rhode, H. Dubinsky, A. Dubinsky. London—N. Y.: Karnac, 1997. P. 45–59.

Field dependence/field independence in patients with atopic dermatitis and psoriasis

T. A. Rebeko (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology RAS

The paper tests the hypothesis of unresolved separation conflict in patients with atopic dermatitis and psoriasis. Literature data on the role of skin in the formation of the border of Me in ontogenesis are presented. In the coupled connection with the differentiated representation of the own body there is a differentiation of ways of social interaction, conceptual structures and cognitive characteristics of the person. It is assumed that the physical undifferentiation is associated with the loss of a person's sense of subjectivity and agency. A study was conducted on a sample of 60 people (experimental and contrast groups) using the Vitkin method for field dependence/field independence and the Lybko method for assessing the representation of oneself based on one's own experience or on the opinions of others. Skin disease is considered as a manifestation of subjectivity.

Keywords: atopic dermatitis, psoriasis, field dependence, orientation on self/ on another, separation conflict, subjectivity.

О взаимосвязи темперамента и общих способностей

В. М. Русалов, С. И. Дудин** (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН;
e-mail: metaprocessor@gmail.com*

*** кандидат психологических наук, доцент, ООО «Метапроцессор»;
e-mail: metaprocessor@gmail.com*

Специальная теории индивидуальности человека (В. М. Русалов) позволяет предположить, что темперамент и интеллект как отдельные характеристики индивидуальности обладают сходной стабильностью энергоинформационных процессов (формально-динамических свойств), а также сходными структурами и механизмами формирования и функционирования. Для доказательства высказанного предположения были проведены исследования, в которых сопоставлялись различные характеристик темперамента и интеллекта у испытуемых разного возраста и разного уровня интеллектуального развития. Возраст варьировал от 6 до 60 лет. Суммарная выборка в общей сложности составляла 373 чел. Полученные экспериментальные данные подтверждает высказанное предположение.

Ключевые слова: темперамент, структура темперамента, общие способности, задатки, ментальные ресурсы, активность, саморегуляция, индивидуальность, индивидуальные различия.

Изучение взаимосвязей темперамента и общих способностей имеет длительную и весьма противоречивую историю. Например, известные зарубежные исследователи Г. Айзенк, Д. Саклофске и Д. Костура, сопоставив оценки темперамента, полученные при помощи опросника Айзенка (EPQ), с оценками общего интеллекта по тесту Д. Векслера, обнаружили отсутствие статистически достоверных связей между исследуемыми характеристиками индивидуальности (Eysenck, 1971; Saklofske, Kostura, 1990). Из трех шкал EPQ только психотизм обнаружил некоторую связь с интеллектом. Причем Ай-

зенк показал, что психотизм обнаружил тенденцию к негативной связи с интеллектом, тогда как Саклофске и Костура установили, что у канадских школьников корреляции между психотизмом и интеллектом имеют положительный характер: у школьников с выраженными психотическими чертами наблюдаются более выраженные интеллектуальные характеристики.

Исследования, проведенные Д. Робинсоном, противоречат выводам Айзенка, Саклофске и Костура. В его исследованиях показано, что между темпераментом и интеллектом существуют тесные связи, имеющие глубокую биологическую основу (Robinson, 1983, 1985). Автор установил, что показатели EPQ обнаруживают высокую корреляционную связь с интеллектуальными показателями шкалы Векслера. В частности, интроверты имеют преимущество при решении вербальных задач, а экстраверты успешнее справляются с невербальными субтестами. По общему уровню интеллекта не было получено статистически значимых различий.

Объясняя биологическую природу связи между интеллектом и интроверсией—экстраверсией, Робинсон предложил оригинальное решение, согласно которому различия в уровне активированности таламокортикальной системы лежат не только в основе интроверсии—экстраверсии, но также обуславливают различия в интеллекте. Экстраверты быстрее вырабатывают инструментальные рефлексy, усваивают моторные навыки, у них сильнее выражена оперантная обучаемость, и они имеют более высокий уровень невербального интеллекта. Интроверты же лучше проявляют себя в скорости выработки классического условного рефлексy и ассоциативном научении, связанном с вербальным интеллектом.

Полученные противоречивые результаты обусловлены, по-видимому, двумя основными причинами. Во-первых, в тестах Айзенков (EPI, EPQ) заложена модель, в которой неполно отражен темпераментальный аспект. Об этом свидетельствуют результаты корреляционного анализа связей шкал EPI (модификация В. М. Русалова) и ОСТ, который показал, что интроверсия—экстраверсия связана только с коммуникативными шкалами опросника структуры темперамента (Дудин, 1994). Во-вторых, тест Д. Векслера в значительной степени игнорирует базовые динамические характеристики общих способностей (активность и саморегуляцию), которые в исследованиях Н. С. Лейтеса обозначены как первооснова общих способностей (Лейтес, 1971).

Существенный прогресс в решении проблемы взаимосвязей характеристик темперамента и интеллекта наметился благодаря специальной теории индивидуальности, предложенной В. М. Русаловым

(Русалов, 1986, 2012). В специальной теории индивидуальности общие способности и темперамент рассматриваются не как две строго изолированные психологические структуры, имеющие независимые механизмы формирования, а как образования, которые обнаруживают тесное взаимодействие в процессе своего развития. Темперамент формируется в результате обобщения врожденных программ поведения под влиянием биологических задатков, а базовые свойства общих способностей (активность и саморегуляция) – это результат обобщения динамических и содержательных характеристик когнитивных процессов, обусловленный темпераментальными задатками.

Такое понимание механизмов формирования темперамента и первоосновы (сущностных характеристик) общих способностей позволяет принципиально по-новому представить структуру задатков интеллекта, которая имеет два уровня. Первый уровень (задатки темперамента) вмещает в себя генетически фиксированное сочетание всех природных свойств человека или врожденные программы поведения с включенными в них (в качестве компонентов) биохимическими особенностями, типом телосложения, свойствами нервной системы и т. д. Свойства темперамента выступают в качестве задатков второго уровня, детерминирующих развитие первоосновы общих способностей человека в когнитивной деятельности.

Темперамент и первооснова общих способностей имеют не только сходные механизмы формирования, но и сходные структуры и в темпераменте, и в общих способностях выделяются активационные и регуляторные компоненты. Однако, в силу специфики механизмов обобщения, сущностные характеристики темперамента и интеллекта выступают схожими, но не тождественными психологическими образованиями. Активность может рассматриваться и как показатель темперамента, если иметь в виду обобщенную, независимую от содержания деятельности сторону ее генезиса, и как показатель общих способностей, если понимать активность как динамическую характеристику развертывания и перестройки обобщенных когнитивных структур при выполнении определенной психической деятельности.

Специфика регуляторных компонентов темперамента и интеллекта еще более очевидна. Темпераментальная эмоциональная чувствительность к несовпадению плана и реального результата действия явно отличается от умственной саморегуляции. В саморегуляцию входят сложные процессы построения прогноза наступления тех или иных событий, а также программы действий, на основании которых осуществляется управление действиями и состояниями.

До появления специальной теории индивидуальности как в отечественной, так и в зарубежной психологии проблема соотношения темперамента и общих способностей (интеллекта) на концептуальном уровне практически не изучалась. Например, В. С. Мерлин рассматривал темперамент и общие способности как разноуровневые психологические образования, детерминированные разными закономерностями, и характеризующие динамические и содержательные качества человека (Мерлин, 1986). Исходя из указанных различий, он считал, что темперамент не следует сопоставлять с общими способностями и тем более включать темперамент в структуру способностей, во избежание редукционизма «снизу».

С. Л. Рубинштейн различал динамические характеристики психики, обусловленные свойствами организма, которые он относил к свойствам темперамента, и динамические свойства способностей, которые формируются, по его мнению, в ходе обучения и развития и характеризуют возможности объединения разных деятельности с учетом легкости и скорости их осуществления (Рубинштейн, 1989). Более того, он допускал, что динамические характеристики темперамента и способностей могут быть в разной степени обусловлены анатомо-физиологическими особенностями мозга (задатками), однако, к сожалению, взаимосвязь этих свойств на психологическом уровне индивидуальности им не анализировалась.

Н. С. Лейтес, наблюдая за вундеркиндами, подчеркивал, что индивидуальные особенности одаренных детей наиболее точно и ярко можно описать, если наряду с характеристиками первоосновы общих способностей (активности и саморегуляции) использовать свойства темперамента (Лейтес, 1971). При этом Лейтес подчеркивал, что при изучении индивидуальных особенностей одаренных детей «недопустимо чрезмерное сближение таких понятий, как „темперамент“ и „умственные способности“, но ошибочно было бы и чрезмерное их противопоставление, отрыв одного от другого» (там же, с. 256).

Я. Стреляу, анализируя работы известных исследователей способностей, замечал, что эти психологи довольно часто оказывались и исследователями темперамента. Такое совпадение научных интересов представлялось ему неслучайным и определялось тем, «что темперамент и способности имеют много общего. Они относятся к тем особенностям, индивидуальные различия в которых в значительной степени обусловлены наследственностью; для них характерна относительно высокая стабильность, хотя, по-видимому, воспитание оказывает больше влияния на формирование способностей, чем на темперамент» (Стреляу, 1982, с. 109).

Мы рассматриваем темперамент и интеллект не просто как характеристики индивидуальности, обладающие сходной стабильностью энергоинформационных процессов (динамических свойств), а как образования психики, имеющие связанные, хотя и существенно различающиеся структуры и механизмы формирования.

Для обоснования данного предположения было проведено специальное многолетнее исследование, состоящее из трех этапов. Богатство и своеобразие связей характеристик темперамента и интеллекта раскрывалось в процессе совершенствования методов измерения темперамента. Возрастной диапазон испытуемых варьировал от 6 до 60 лет. Суммарная выборка в общей сложности включала 373 чел. Количество испытуемых мужского и женского рода было примерно одинаковым.

На первом этапе были изучены взаимосвязи темперамента и общих способностей у подростков и взрослых (Русалов, Дудин, 1995). Использовались опросник структуры темперамента (ОСТ) и тест Д. Векслера для взрослых и детей. Установлено, что теснота выявленных взаимосвязей темперамента и интеллекта зависит от возраста, типа темперамента и уровня умственного развития испытуемых. У подростков (13–14 лет) теснота связей между темпераментом и интеллектом была выше, чем у взрослых от 18 до 57 лет. У сангвиников выше, чем у меланхоликов. У подростков и взрослых с более низким IQ между характеристиками темперамента и интеллекта количество значимых коэффициентов линейной корреляции было не только несколько больше, но выше уровня их статистической значимости.

На втором этапе для изучения полной картины динамики развития взаимосвязей темперамента и интеллекта были обследованы 7–11-летние школьники, включенные в состав двух экспериментальных выборок. В выборку школьников младшей группы вошли дети 7–8 лет, в выборку школьников старшей группы – дети 10–11 лет.

Как известно, самооценка собственного поведения, в том числе и формально-динамических свойств, у 7–11-летних детей еще не сформирована. Поэтому для второго этапа исследований была создана новая версия опросника структуры темперамента для родителей (Р-ОСТ), сохранившая восьмимерную модель. Родители (131 чел.), выполняя роль экспертов, при помощи Р-ОСТ оценивали темперамент своих детей. Интеллект 7–11-летних школьников оценивался по показателям шкалы Д. Векслера для детей.

Данные, полученные на втором этапе, подтверждают результаты первого этапа исследований и указывают на то, что возраст и уровень

умственного развития оказывают важное влияние на взаимосвязь темпераментального и интеллектуального уровней регуляции поведения. Наибольшее количество значимых коэффициентов корреляции обнаружено у школьников 7–8 лет с низким уровнем умственного развития, а наименьшее – у 10–11-летних школьников, успешно решивших задачи теста Д. Векслера (т. е. с высоким IQ).

Таким образом, исследования первого и второго этапов, проведенные на четырех выборках (дети 7–8 лет, школьники 10–11 лет, подростки 13–14 лет и взрослые 18–57 лет), позволили выявить тенденцию ослабления взаимосвязей между характеристиками темперамента и интеллекта. Было показано, что возраст и высокий уровень умственного развития усиливают дифференциацию темпераментального и интеллектуального уровней регуляции поведения. По ходу взросления общие способности «обрастают» предметно-содержательными (когнитивными) характеристиками. Темперамент и интеллект начинают выполнять разные функции и характеризоваться собственными структурами свойств.

Первые два этапа исследований позволили нам не только обосновать взаимосвязь темперамента и общих способностей, но и поставили вопрос о разработке нового варианта опросника структуры темперамента (ОСТ). Стало понятно, что в ОСТ слабо отражен такой аспект поведения человека, как активность и эмоциональная чувствительность в интеллектуальной сфере. Этот важнейший аспект темперамента, наряду с психомоторными характеристиками, входил в «предметные» шкалы ОСТ.

В связи с этим было решено создать принципиально новый метод измерения свойств темперамента – опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ). В новом опроснике предметно ориентированные шкалы были разделены на две самостоятельные категории: собственно психомоторные и интеллектуальные (Русалов, 2012). В результате ОФДСИ уже позволял измерять три аспекта (психомоторный, интеллектуальный и коммуникативный) каждого свойства темперамента: три аспекта эргичности, три аспекта пластичности, три аспекта скорости и три аспекта эмоциональной чувствительности.

Новый опросник (ОФДСИ) был использован в исследовании третьего этапа (Русалов, Наумова, 1999). Предполагалось, что выделение в структуре темперамента отдельных интеллектуальных шкал позволит глубже понять связи между темпераментальными свойствами и интеллектом и таким образом продвинуться в понимании природы общих умственных способностей и механизмов их развития.

Общие способности оценивались при помощи теста Д. Векслера для взрослых. Усовершенствованная модель темперамента, отраженная в ОФДСИ, позволила на третьем этапе использовать не только корреляционный анализ, но и более мощные математические методы. Дополнительно был применен факторный (метод главных компонент) и дисперсионный (ANOVA) анализ.

Проведенные исследования позволили установить, что темперамент и первооснова общих способностей имеют сходные структуры. Однако из-за специфики механизмов формирования темперамента и интеллекта содержание активационных и регуляторных (эмоциональных) компонентов темперамента, по-видимому, отличается от содержания активностных и саморегуляторных компонентов первоосновы интеллекта.

В этой связи мы предлагаем ввести в терминологию сущностных характеристик интеллекта следующие понятия.

Общеинтеллектуальная выносливость в наших исследованиях рассматривается как проявление темпераментальной интеллектуальной эргичности. Согласно Н. С. Лейтесу, данное свойство первоосновы общих способностей можно охарактеризовать через выраженность потребности в умственных впечатлениях и умственных усилиях.

Общеинтеллектуальная гибкость выступает как проявление темпераментальной интеллектуальной пластичности. Это свойство интеллекта мы определяем через склонность решать познавательные задачи разными, в том числе оригинальными способами.

Общеинтеллектуальная скорость является проявлением темпераментальной интеллектуальной скорости и квалифицирует темп решения познавательных задач.

Общеинтеллектуальная саморегуляция рассматривается нами как проявление темпераментальной интеллектуальной эмоциональной чувствительности. Это свойство характеризует ту часть психики, которую Н. С. Лейтес и В. С. Юркевич рассматривали как аспект общих способностей. Общеинтеллектуальная саморегуляция проявляется в возможностях построения чувствительных к ошибкам исполнения программ деятельности, которые позволяют человеку эффективно решать когнитивные задачи.

Мы полагаем, что в дальнейшем для изучения целостной картины ментальных ресурсов человека необходимо совершенствовать методы оценки темперамента, интеллекта и других характеристик, которые образуют единую систему ментальных ресурсов человека, обратив особое внимание на изучение когнитивных стилей, выполняющих роль обобщающего звена между различными структурами индивидуальности человека.

Литература

- Дудин С. И. О связи темперамента с общими способностями // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 2. С. 165–170.
- Лейтес Н. С. Умственные способности и возраст. М.: Педагогика, 1971.
- Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Т. 2. М.: Педагогика, 1989.
- Русалов В. М. Теоретические проблемы построения специальной теории индивидуальности человека // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 4. С. 23–35.
- Русалов В. М., Дудин С. И. Темперамент и интеллект: общие и специальные факторы развития // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 5. С. 12–23.
- Русалов В. М., Наумова Е. П. О связях общих способностей с «интеллектуальными» шкалами темперамента // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 1. С. 70–77.
- Русалов В. М. Темперамент в структуре индивидуальности человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Стреляу Я. Роль темперамента в психическом развитии. М.: Прогресс, 1982.
- Eysenck H. J. Relationship between intelligence and personality. Perceptual and Motor Skills. 1971. № 32. P. 637–638.
- Robinson D. L. The diffuse thalamocortical system and Pavlovian-Eysenckian theory: A response to criticism // Personality and Individual Differences. 1983. V. 4. P. 535–541.
- Robinson D. L. How personality relates to intelligence test performance: implications for a theory of intelligence, aging research and personality assessment // Personality and Individual Differences. 1985. V. 6. P. 203–216.
- Saklofske D. H., Kostura D. D. Extraversion-introversion and intelligence // Personality and Individual Differences. 1990. V. 11. P. 547–551.

On the relationship between human temperament and general abilities

V. M. Rusalov, S. I. Dudin** (Moscow)*

* Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS

** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, LLC “Metaprocessor”

A special theory of individuality (V. M. Rusalov) suggests that temperament and general abilities (intelligence) as separate characteristics of individuality possess similar energy-information processes (formal – dynamic prop-

erties) as well as similar structures and mechanisms of formation and functioning. In order to prove this assumption, many years of research have been carried out, in which different characteristics of temperament and intelligence were compared in subjects of different age and of different level of intellectual development. Age varied from 6 to 60. The total sample was 373 Ss. Data obtained confirm the assumption made above.

Keywords: temperament, temperament structure, general abilities, makings, mental resources, activity, self-regulation, individuality, individual differences.

Влияние образовательной среды на сенсорные компоненты семантических способностей в старшем подростковом возрасте

Я. И. Сиповская (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: syai@mail.ru*

В статье исследуется влияние фактора обогащенности образовательной (школьной) среды на проявления сенсорных компонентов разной модальности (тактильной, слуховой и зрительной) в составе семантических способностей у старших подростков, обучающихся в школах с разной педагогической направленностью. Результаты свидетельствуют том, что у учащихся школы с углубленным изучением иностранных языков в составе семантических способностей выражен сенсорный компонент тактильного типа в дифференцированной степени проявления. В свою очередь, у учащихся из образовательного учреждения со спортивным и патриотическим уклоном в составе семантических способностей в большей степени представлен сенсорный компонент слухового типа в чрезмерно высокой степени проявления. Полученные факты проинтерпретированы в терминах разных способов адаптации к новой ситуации, но не в терминах влияния образовательной среды.

Ключевые слова: сенсорный компонент, семантическая способность, модальность, тактильные, слуховые, зрительные ощущения, обогащенная образовательная среда.

Введение

Выделяя сенсорные компоненты семантических способностей как базовой основы понятийного опыта, регулирующий процессы первичной кодировки информации посредством разных органов чувств (Сиповская, 2014, 2017), можно поставить вопрос о значимости влияния

фактора образовательной среды на этот вид понятийных способностей. Однако разная степень выраженности сенсорного компонента может оказывать разное влияние на продуктивность деятельности, если исходить из единой концепции сознания и эмоций Ю. И. Александрова (Alexandrov, Sams, 2005). К сожалению, среди исследований разных видов способностей семантические способности фактически не представлены (Психология способностей, 2005; Психологические исследования интеллекта и творчества, 2010; и др.).

Задача исследования: выявление соотношения между мерой выраженности сенсорных компонентов семантических способностей и спецификой образовательной среды.

Теоретическая гипотеза исследования: показатели интенсивности сенсорных компонентов семантических способностей зависят от образовательной среды.

Исследовательская гипотеза: существует значимые различия между старшими подростками из разных школ (разные образовательные среды) в мере выраженности сенсорных компонентов разной модальности в структуре семантических способностей.

Методика

Участники исследования: 81 школьник (53 девочки и 29 мальчиков) в возрасте 15 лет.

Методика для выявления семантических способностей – модифицированный вариант методики «Семантический дифференциал» (СД) (Холодная, 2012).

Данная методика использовалась для оценки меры участия сенсорно-эмоционального опыта в процессе семантизации неопределенных визуальных форм. Бланк включал 20 биполярных шкал в виде прилагательных, обозначающих сенсорные и эмоционально-оценочные признаки (спокойный–тревожный, маленький–большой, красочный–бесцветный и т.д.), с помощью которых участники исследования должны были оценить каждое из пяти неопределенных визуальных форм. Из всех заданных шкал 13 были связаны с сенсорными ощущениями тактильного, зрительного и слухового типа.

По каждому из пяти изображений заполнялся протокол: испытуемый должен был поставить галочку в одной из 7 граф – «сильно», «средне», «слабо», «нет», «слабо», «средне», «сильно» – по каждой из 20 шкал, оценивая, в какой степени, по его ощущениям, выражен один из двух полюсов шкалы применительно к определенному изображению (выборы в графах «слабо», «средне», «сильно») либо зафиксировать отсутствие каких-либо ощущений (выбор в графе

«нет»). Время выполнения задания не ограничивается, однако участников исследования просили стараться работать быстрее, ориентируясь на свои первые впечатления.

Оценка производилась по каждому из 5 графических изображений путем подсчета количества выборов в графах «нет», «слабо», «средне» и «сильно» для каждого вида ощущений (тактильных, слуховых или зрительных). Количество выборов по графам «нет», «средне», «слабо», «сильно» суммировалось по 5 изображениям.

Показатели:

- 1) количество выборов в графе «нет» СД – показатель меры недостаточного участия сенсорных впечатлений в процессе семантизации неопределенных визуальных форм (ТНет, СНет и ЗНет для каждого вида ощущений – тактильного, слухового и зрительного, соответственно);
- 2) количество выборов в четырех графах «средне и слабо» СД – показатель меры дифференцированного участия сенсорных впечатлений в процессе семантизации неопределенных визуальных форм (ТСредне, ССредне, ЗСредне и ТСлабо, ССлабо, ЗСлабо, соответственно);
- 3) количество выборов в двух графах «сильно» СД – показатель меры чрезмерной выраженности сенсорных впечатлений в процессе семантизации неопределенных визуальных форм (ТСильно, ССильно, ЗСильно, соответственно).

Исследование проводилось в 2 общеобразовательных школах Москвы:

- 1) школа с углубленным изучением английского языка [Ан] (число участников исследования – 41 чел.);
- 2) «школа здоровья», специализирующаяся на физическом и патриотическом воспитании учащихся [Зд] (число участников исследования – 41 чел.).

Статистическая обработка: метод Краскела–Уоллиса и Манна–Уитни с использованием современных пакетов статистической обработки данных (SPSS 20.01).

Результаты и их обсуждение

На первом этапе работы была проведена проверка гипотезы о различии двух групп старших подростков, обучающиеся в школах разного типа, по уровню выраженности показателя интенсивности сенсорных компонентов семантических способностей методом Краскела–Уоллиса. Так, гипотеза правдоподобна относительно чрезмерной меры

выраженности сенсорных компонентов семантических способностей тактильного и зрительного типа, а также слабой и недостаточной степени выраженности зрительного и тактильного компонентов, наряду со средней степенью выраженности слухового компонента семантической способности.

Обращает на себя внимание также тот факт, что средняя степень выраженности семантизации зрительного типа и слабая семантизация слухового типа – дистальные виды сенсорных способностей, – представляя дифференцированную степень участия сенсорно-эмоциональных впечатлений, различает старших подростков из разных школ на уровне тенденции. Тем не менее, нулевая гипотеза отклоняется в пользу альтернативной гипотезы о статистически достоверных различиях выборок по признаку средней степени интенсивности сенсорных признаков тактильного типа и сильной степени интенсивности сенсорных признаков слухового типа. Соответственно старшие подростки из разных образовательных сред – лингвистическая и спортивная специфика – различаются по проксимальным тактильным и дистальным слуховым составляющим процесса семантизации неопределенных визуальных форм. Следует также отметить, что тактильные способности представлены в средней, дифференцированной степени, тогда как слуховые – в сильной, чрезмерно эмоциональной.

Тем не менее, полученные предварительные результаты не позволяют сделать вывод о направленности выявленных различий. Для ответа на этот вопрос был проведен анализ данных методом Манна–Уитни. В соответствии с полученными результатами, вывод о различии старших подростков, обучающихся в школах с разной педагогической направленностью, неоднозначен. Так, у учащихся школы с углубленным изучением иностранных языков более развиты сенсорные компоненты семантических способностей тактильного типа в виде средней, дифференцированной степени проявления. Тогда как у школьников из образовательного учреждения со спортивным и патриотическим уклоном в большей степени представлены сенсорные компоненты семантические способности слухового типа в виде сильной, чрезмерно эмоциональной степени проявления.

Анализируя эти результаты, следует в первую очередь отметить, что сенсорные компоненты семантических способностей разных типов связаны с соответствующими органами чувств, которые формировались на различных этапах филогенетического и онтогенетического развития. Например, следуя представлениям ряда авторов (Gottlieb, 1971; Lickliter, Bahrick, 2000), в онтогенезе млекопитающих тактильная чувствительность начинает формироваться раньше, по сравне-

нию со слухом и зрением. Следовательно, на раннем этапе развития организма функционируют и более простые, менее дифференцированные способы взаимодействия со средой.

В приложении к конкретным данным, полученным в проведенном исследовании, речь идет о проксимальных тактильных ощущениях, которые в большей степени проявляются у учащихся английской школы, нежели у учеников школы здоровья. Тем не менее, у этой группы старшеклассников сенсорные компоненты семантических способностей представлены в средней, дифференцированной степени, что, как было ранее показано, характеризует высокую продуктивность интеллектуальной деятельности. Напротив, чрезмерная включенность сенсорно-эмоциональных впечатлений в интеллектуальную деятельность снижает ее продуктивность (Сиповская, 2014; Холодная, 2012).

Соответственно можно сделать вывод о разных способах интеллектуальной адаптации старших подростков из школ с различной педагогической направленностью. Так, учащиеся лингвистической школы предпочитают использовать более ранние способы кодирования информации (тактильный тип сенсорных компонентов семантических способностей) в дифференцированной степени, что обеспечивает продуктивность их деятельности в силу умеренной эмоциональной и личностной включенности в деятельность. Напротив, старшие подростки из школы здоровья используют более поздние способы кодирования информации (слуховой тип сенсорных компонентов семантических способностей), причем выраженный в чрезмерной степени.

Полученные результаты соответствуют концепции понятийных способностей М. А. Холодной и единой теории сознания и эмоций Ю. И. Александрова. Так, семантические способности представляют собой первый уровень в иерархии понятийного опыта, который продуктивно функционирует при широком алфавите способов кодирования информации и при дифференцированной степени участия сенсорно-эмоциональных впечатлений в интеллектуальной деятельности. В соответствии с представлениями Ю. И. Александрова, эмоциональность пропорциональна сознательной деятельности и адаптивности поведения. Однако включение более дифференцированного сенсорного слухового компонента семантической способности обуславливает продуктивность интеллектуальной деятельности старших подростков.

Итак, совмещение раннего и позднего (онтологически) способов кодирования информации с умеренной, дифференцированной либо чрезмерной степенью выраженности сенсорных компонентов се-

мантических способностей может нивелировать влияние специфики образовательной среды на продуктивность деятельности.

Выводы

Полученные результаты указывают на значимость учета сочетания разных факторов в определении продуктивности деятельности, причем степень обогащенности образовательной среды в таком сочетании не играет первостепенного значения. Так, учащиеся лингвистической школы чаще применяют тактильные сенсорные способы кодирования информации, выраженные в дифференцированной степени, по сравнению с их сверстниками из спортивной школы. В свою очередь, последние в большей степени используют для достижения тех же целей слуховые сенсорные способы кодирования информации, выраженные в чрезмерно эмоциональной степени.

Таким образом, можно сделать заключение о частичном правдоподобии исследовательской гипотезы: существуют значимые различия между старшими подростками из английской (лингвистической) школы и школы здоровья (спортивной школой) в уровне выраженности показателя интенсивности сенсорных компонентов семантических способностей.

Литература

- Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований // Материалы научной конференции, посвященной памяти В. Н. Дружинина / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Психологические исследования интеллекта и творчества // Материалы научной конференции, посвященной памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, Д. В. Ушаков, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Сиповская Я. И.* Дескрипторы интеллектуальной компетентности в старшем подростковом возрасте // Психология и педагогика: теоретические и практические аспекты современных наук // Материалы XXVII Международной научно-практической конференции. М.: Моск. научный центр психологии и педагогики, 2014. С. 34–36.
- Сиповская Я. И.* Проявления регрессии в структуре понятийного опыта старших подростков // *American scientific journal*. № 14. 2017. P. 28–35.

- Холодная М. А.* Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Alexandrov Yu. I., Sams M. E.* Emotion and consciousness: Ends of a continuum // *Cognitive brain research*. 2005. V. 25. P. 387–405.
- Gottlieb G.* Ontogenesis of sensory function in birds and mammals // *The biopsychology of development* / Eds E. Tobach, L. A. Aronson, E. Shaw. N. Y.–L.: Academic Press, 1971. P. 67–128.
- Lickliter R., Bahrick L. E.* The development of infant intersensory perception: advantages of a comparative convergent-operations approach // *Psychological bulletin*. 2000. V. 126. № 2. P. 260–280.

Influence of the educational environment of senior adolescents on manifestations of sensor semantic abilities

Y. I. Sipovskaya (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology, RAS

In the article, the degree of influence of the enrichment factor of the educational environment (school) on the manifestations of the intensity of sensory semantic abilities of different modalities, namely, tactile, auditory and visual, is investigated. The results of the study reflect the differences of older adolescents studying in schools with different pedagogical orientation: students of the school with in-depth study of foreign languages have more developed sensory semantic abilities of the tactile type of the average, differentiated degree of manifestation. While schoolchildren from an educational institution with a sporting and patriotic bias are more exposed to overly emotional sensory semantic abilities of the auditory type. The obtained facts are interpreted in terms of different ways of adapting to the new situation, but not in terms of the influence of the educational environment. These results are pioneering, both in view of the method of measuring sensory semantic abilities, and conclusions about different types of productive use of the lowest of the conceptual abilities – the semantic one.

Keywords: semantic sensory capacity, modality, tactile, auditory, visual sensations, degree of enrichment of the educational environment.

Исследование структуры интеллекта студентов с помощью теста Р. Амтхауэра

Н. А. Хохлов (Москва)

*Центр тестирования и развития «Гуманитарные технологии»;
e-mail: nkhoikhlov@psychmsu.ru*

Работа посвящена исследованию структурно-уровневых характеристик интеллекта студентов факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. В исследовании приняли участие 73 студента в возрасте от 16 до 24 лет (средний возраст – $18,3 \pm 1,4$), из них 8 юношей и 65 девушек. Для диагностики интеллекта использовался тест Р. Амтхауэра в адаптации Л. А. Ясюковой. Получены описательные статистики по 9 умственным способностям, комплексам вербальных, математических, конструктивных субтестов, теоретическим, практическим способностям и общему уровню интеллекта. Общий уровень интеллекта студентов более чем на одно стандартное отклонение выше среднего; он значительно не отличается от нормативных показателей студентов-психологов, однако существенно превосходит показатели старшеклассников. Наиболее развитыми интеллектуальными способностями студентов являются формально-логическое мышление и интуитивное понятийное мышление, при этом среди комплексов содержательно связанных компонентов структуры интеллекта на первый план выходят математические способности. Структура интеллекта студентов характеризуется высокой связностью, что указывает на взаимную интеграцию интеллектуальных способностей.

Ключевые слова: вербальный интеллект, невербальный интеллект, математический интеллект, конструктивный (пространственный) интеллект, теоретические способности, практические способности.

Р. Амтхауэр (Amthauer, 1953) рассматривал интеллект как особую подструктуру в целостной структуре личности, связанную с ее эмоционально-волевой сферой, потребностями и ценностями. Л. А. Ясюкова

отмечает, что «из позиции Р. Амтхауэра однозначно следует, что достоверность выводов об интеллектуальных способностях индивида возможна при условии выделения их типа, т. е. на основе комплексного анализа результатов по всем субтестам и выделения доминирующего „центра тяжести“ (вербального, практического, математического, пространственного, мнемического и пр.)» (Ясюкова, 2007, с. 5). Важно оценивать не только уровень интеллекта, но и его структуру, которая может различаться у представителей разных профессий.

Цель данной работы состояла в выявлении структурно-уровневых характеристик интеллекта студентов факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. В исследовании приняли участие 73 студента 1–5 курсов специалитета и магистратуры в возрасте от 16 до 24 лет (средний возраст – $18,3 \pm 1,4$), из них 8 юношей и 65 девушек. Исследование проводилось в 2011–2018 гг.

Диагностика интеллекта проводилась с помощью бланковой версии теста Р. Амтхауэра (Amthauer, 1953) в русскоязычной адаптации Л. А. Ясюковой (2007). Автор выделяет следующие компоненты структуры интеллекта, для измерения которых имеются соответствующие субтесты.

1. Практический интеллект. Здравый смысл, рассудительность, умение выделять в информации практически значимую сторону, практически важные детали.
2. Интуитивное понятийное мышление. Умение видеть, выделять основное, главное в описательном, неструктурированном материале, понимать внутренний смысл высказываний, сообщений, отделять существенные, константные свойства, характеристики объектов и явлений от «внешних», второстепенных.
3. Понятийное логическое мышление. Умение выделять объективные закономерности, связи между явлениями окружающего мира, видеть внутреннюю логику в последовательности событий, происходящих изменениях, вычленять алгоритмы деятельности.
4. Понятийная категоризация. Способность к образованию понятий, определению конкретных явлений в рамках более общих категорий, систематизации знаний, обобщению, структурированию описательного, эмпирического материала посредством создания объективных классификаций.
5. Математическая интуиция. Способность к усвоению и «автоматическому» использованию стандартных математических алгоритмов.
6. Формально-логическое мышление. Умение оперировать отношениями, зависимостями, безотносительно к качественному со-

- держанию информации, совершать различные логические преобразования самих операций.
7. Образный синтез. Способность к формированию целостных представлений на основе последовательно поступающей, несистематизированной, разрозненной, отрывочной, неполной информации.
 8. Пространственное мышление. Способность к вычленению пространственной структуры объектов и оперированию уже не целостными образами или «внешними», видимыми свойствам, а внутренними структурными зависимостями и отношениями.
 9. Оперативная логическая память. Формируется в результате преобразования памяти на основе понятийного мышления.

Каждый из субтестов содержит 20 заданий. Время выполнения ограничено – от 6 до 10 минут для разных субтестов.

Рекомендуется (Елисеев, 2010) соотносить между собой результаты комплексов содержательно связанных субтестов.

1. Комплекс вербальных субтестов (субтесты 1–4), предполагающий общую способность оперировать словами как сигналами и символами.
2. Комплекс математических субтестов (5, 6), предполагающий способности в области практической математики и программирования.
3. Комплекс конструктивных субтестов (7, 8), предполагающий развитые конструктивные (пространственные) способности теоретического и практического плана.
4. Комплексы теоретического (2, 4) и практического планов способностей (1, 3).

Обработка результатов теста осуществлялась с помощью Менеджера программ Иматон 2.1.0.69. Математико-статистический анализ данных проводился с использованием программы IBM SPSS Statistics 22.0.0.0.

Получены средние значения и стандартные отклонения результатов выполнения теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра: практический интеллект – $11,4 \pm 1,9$; интуитивное понятийное мышление – $13 \pm 1,9$; понятийное логическое мышление – $12,8 \pm 1,9$; способность к понятийной категоризации – $12,1 \pm 3,2$; математическая интуиция – $12,7 \pm 3,6$; формально-логическое мышление – $13,5 \pm 4,3$; образный синтез – $10,9 \pm 3,2$; пространственное мышление – $12,2 \pm 4$; оперативная логическая память – $18,3 \pm 2,1$; общий балл – $117 \pm 15,4$. Средний балл по комплексу вербальных субтестов составил $12,3 \pm 2,4$; по комплек-

су математических субтестов – $13,1 \pm 4$; по комплексу конструктивных субтестов – $11,6 \pm 3,7$; по комплексу теоретических субтестов – $12,6 \pm 2,6$; по комплексу практических субтестов – $12,1 \pm 2,0$.

Сравнение с нормативами (Ясюкова, 2007, с. 70), полученными при исследовании студентов 4 курса дневного отделения (практические психологи), выявляет значимые различия (здесь и далее по t-критерию Стьюдента) по четырем компонентам структуры интеллекта. Средний уровень развития способности к понятийной категоризации в исследованной выборке ниже нормативных значений на 1 балл ($p=0,009$), математической интуиции – выше на 1,4 балла ($p=0,002$), пространственного мышления – выше на 1,1 балла ($p=0,019$), оперативной логической памяти – выше на 0,6 балла ($p=0,012$). Средний балл по комплексу вербальных субтестов ниже нормативных значений на 0,3 балла ($p=0,042$), по комплексу математических субтестов – выше на 1,1 балла ($p=0,001$); по другим комплексам субтестов и общему баллу значимых различий нет.

Сравнение с нормативами (Ясюкова, 2007, с. 69), полученными при исследовании интеллекта учеников 11-х общеобразовательных классов, выявляет значимые различия по всем субтестам. Средний уровень развития практического интеллекта у студентов-психологов выше нормативных значений школьников на 2,2 балла ($p<0,001$), интуитивного понятийного мышления – на 3,2 балла ($p<0,001$), понятийного логического мышления – на 5,6 балла ($p<0,001$), способности к понятийной категоризации – на 3,8 балла ($p<0,001$), математической интуиции – на 5,2 балла ($p<0,001$), формально-логического мышления – на 5,4 балла ($p<0,001$), образного синтеза – на 1,1 балла ($p=0,006$), пространственного мышления – на 1,4 балла ($p=0,005$), оперативной логической памяти – на 1,2 балла ($p<0,001$). Средний балл по комплексу вербальных субтестов у студентов выше, чем у школьников, на 3,7 балла ($p<0,001$), по комплексу математических субтестов – на 5,3 балла ($p<0,001$), по комплексу конструктивных субтестов – на 1,2 балла ($p<0,001$), по комплексу теоретических субтестов – на 3,5 балла ($p<0,001$), по комплексу практических субтестов – на 3,9 балла ($p<0,001$); средний общий уровень интеллекта у студентов выше на 29 баллов ($p<0,001$).

Сравнение с результатами проведенного нами (Хохлов, 2014) тестирования интеллекта учащихся 10-х классов ГБОУ ЦО № 1811 «Измайлово» (г. Москва), выявляет значимые различия по 8 субтестам (всем, кроме математической интуиции). Средний уровень развития практического интеллекта выше результатов школьников на 1,1 балла ($p<0,001$), интуитивного понятийного мышления – на 1,1 балла ($p<0,001$), понятийного логического мышления – на 2,1

балла ($p < 0,001$), способности к понятийной категоризации – на 3,2 балла ($p < 0,001$), формально-логического мышления – на 1,4 балла ($p < 0,005$), образного синтеза – на 1,4 балла ($p < 0,001$), пространственного мышления – на 1,9 балла ($p < 0,001$), оперативной логической памяти – на 1,1 балла ($p < 0,001$). Средний балл по комплексу вербальных субтестов у студентов выше, чем у школьников, на 1,9 балла ($p < 0,001$), по комплексу математических субтестов – выше на 0,9 балла ($p = 0,006$), по комплексу конструктивных субтестов – выше на 1,7 балла ($p < 0,001$), по комплексу теоретических субтестов – выше на 2,2 балла ($p < 0,001$), по комплексу практических субтестов – выше на 1,6 балла ($p < 0,001$); средний общий уровень интеллекта у студентов выше на 13,7 баллов ($p < 0,001$).

Интеллект студентов и школьников различается не только уровнем, но и структурой. Проведение эксплораторного факторного анализа методом главных компонент с ортогональным вращением варимакс позволило выделить два фактора по критерию собственного значения больше 1. 1-й фактор объясняет 33,5% дисперсии, 2-й фактор – 13,9%.

В 1-й фактор входят практический интеллект (0,63 – здесь и далее указаны факторные нагрузки), математическая интуиция (0,73), формально-логическое мышление (0,77), пространственное мышление (0,57). Во 2-й фактор включены интуитивное понятийное мышление (0,62), понятийное логическое мышление (0,72), оперативная логическая память (0,69). Образный синтез примерно одинаково нагружен обоими факторами (0,45). Способность к понятийной категоризации слабо связана как с 1-м, так и со 2-м фактором (0,29 и 0,32 соответственно). Более половины вариативности интеллекта остается необъясненной.

При исследовании структуры интеллекта учащихся 10-х классов (Хохлов, 2014) применение аналогичного метода факторизации позволяет выделить четыре фактора, объясняющих 70,8% дисперсии: 1-й фактор – 29,8%, 2-й фактор – 17,6%, 3-й фактор – 12,2%, 4-й фактор – 11,2%. При этом в 1-й фактор входят математическая интуиция (0,63), формально-логическое мышление (0,69), образный синтез (0,77), пространственное мышление (0,82). Во 2-й фактор – понятийное логическое мышление (0,75), математическая интуиция (0,47), оперативная логическая память (0,79). В 3-й фактор – интуитивное понятийное мышление (0,61), способность к понятийной категоризации (0,81). В 4-й фактор – практический интеллект (0,89), интуитивное понятийное мышление (0,45).

Трудности факторизации структуры интеллекта студентов объясняются многочисленностью связей между интеллектуальными

способностями. В выборке студентов имеют место 19 значимых корреляций (из 36 возможных между 9 компонентами структуры интеллекта), среднее значение значимых корреляций – 0,34. В выборке школьников – 9 значимых корреляций, среднее значение – 0,37.

Кластерный анализ (метод иерархической кластеризации, межгрупповое связывание, квадрат евклидова расстояния) показывает, что у школьников наиболее близкими друг к другу являются практический интеллект, интуитивное понятийное мышление и понятийное логическое мышление; 2-й кластер составляют математическая интуиция и формально-логическое мышление; 3-й кластер включает в себя образный синтез и пространственное мышление; способность к понятийной категоризации присоединяется к объединенным кластерам только на предпоследнем этапе группировки, а оперативная логическая память – на последнем.

У студентов наблюдаются иные результаты кластеризации: на 1-м этапе группировки объединяются интуитивное понятийное мышление и понятийное логическое мышление, на 2-м – к ним присоединяется практический интеллект, на 3-м – добавляется способность к понятийной категоризации, на 4-м – формируется кластер из математической интуиции и формально-логического мышления, на 5-м – к полученному на 3-м этапе кластеру присоединяется образный синтез, на 6-м – добавляется пространственное мышление, на 7-м – объединяются кластеры, сформированные на 4-м и 6-м этапах, на 8-м этапе к ним присоединяется оперативная логическая память.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы об особенностях интеллекта студентов факультета психологии МГУ. Во-первых, общий уровень интеллекта студентов более чем на одно стандартное отклонение выше среднего. Общий уровень интеллекта значимо не отличается от нормативных показателей, полученных при исследовании студентов-психологов, но существенно превосходит показатели старшеклассников. Во-вторых, наиболее развитыми интеллектуальными способностями студентов являются формально-логическое мышление и интуитивное понятийное мышление, при этом среди комплексов содержательно связанных компонентов структуры интеллекта на первый план выходят математические способности. Средний балл по комплексу математических субтестов значимо выше нормативных показателей студентов-психологов, а уровень развития математической интуиции не отличается от аналогичного показателя у учащихся 10-х классов, углубленно изучающих математику. Между тем средний балл по комплексу вербальных субтестов ниже нормативных значений студентов-психологов,

прежде всего за счет снижения способности к понятийной категоризации. В-третьих, структура интеллекта студентов характеризуется высокой связностью, что указывает на взаимную интеграцию разных интеллектуальных способностей.

На наш взгляд, структурно-уровневые характеристики интеллекта студентов во многом обусловлены экзаменационным отбором при поступлении на факультет психологии. Абитуриентам требовалось сдавать единый государственный экзамен по математике, русскому языку, биологии или обществознанию, а также пройти дополнительное вступительное испытание (кроме поступающих в 2009 г.) по биологии или обществознанию. При этом исследования, проведенные в Центре тестирования и развития «Гуманитарные технологии», показывают, что наиболее востребованными для психологов-практиков являются вербальные способности (словарный запас, словесно-логическая память, словесно-логическое мышление). Имеющаяся же структура интеллекта студентов психологического факультета скорее предрасполагает к научно-теоретической деятельности.

Литература

- Елисеев О. П.* Практикум по психологии личности. СПб.: Питер, 2010.
- Хохлов Н. А.* Исследование структуры интеллекта учащихся 10 классов с помощью теста Р. Амтхауэра // Интеграция науки и образования: сборник статей Международной научно-практической конференции (13–14 июня 2014 г., г. Уфа). Уфа: РИО «Омега сайнс», 2014. С. 112–120.
- Ясюкова Л. А.* Тест структуры интеллекта Амтхауэра. СПб.: Импэтон, 2007.
- Amthauer R.* Intelligenz-Struktur-Test (I-S-T): Handanweisung für die Durchführung und Auswertung. Göttingen: Hogrefe, 1953.

The intelligence structure study of the Lomonosov Moscow state university faculty of psychology students using the R. Amthauer test

N. A. Khokhlov (Moscow)

Centre for Testing and Development “Humanitarian Technologies”

This paper is devoted to the study of structural-level intelligence characteristics of the Lomonosov Moscow State University Faculty of Psychology students. The study involved 73 students aged 16 to 24 (mean age – $18,3 \pm 1,4$), including 8 males and 65 females. The R. Amthauer test in the Russian ad-

aptation of L. A. Iasiukova was used for the diagnostics. Descriptive statistics on 9 mental abilities were obtained, as well as on complexes of verbal, mathematical, constructive subtests, theoretical, practical abilities and the general level of intelligence. The general level of intelligence of the studied subjects is more than one standard deviation above the average. While not significantly different from the normative results of psychological students, it significantly exceeds the results of high school students. The most developed mental abilities of students are formal logical thinking and intuitive conceptual thinking, in addition to this, among intelligence structure complexes of components related by content, mathematical abilities become most prominent. The intelligence structure of students is characterized by high coherence, indicates the mutual integration of cognitive abilities.

Keywords: verbal intelligence, nonverbal intelligence, mathematical intelligence, constructive (spatial) intelligence, theoretical abilities, practical abilities.

Новое представление о способности к летной деятельности и новый метод ее диагностики

Н. В. Якимович (Москва)

*кандидат психологических наук, Акционерное общество
«Научно-исследовательская часть „Московского авиационного
технологического института“»; e-mail: yakimovich59@gmail.com*

Современные исследования вопросов саморегуляции когнитивной деятельности выявили так называемые интегральные процессы, которые регулируют работу когнитивных функций. Поскольку регуляторная функция не является рядоположной тем функциям, которыми она управляет, то интегральные процессы можно рассматривать как процессы более высокого порядка, т. е. процессы второго уровня психики. Способность к освоению летной деятельности во многом зависит от степени развития именно интегральных процессов, так как пилотирование воздушного судна требует одновременного выполнения нескольких когнитивных задач. Это позволяет по-новому рассматривать структуру данной способности, представляя ее как совокупность психических процессов не одного, а двух уровней. Для диагностики процессов второго уровня, т. е. интегральных процессов, необходим тест, который моделирует выполнение совмещенной деятельности, где требуется одновременное выполнение нескольких когнитивных задач. В качестве такого теста предлагается использовать компьютерную методику «Адаптивная модель операторской деятельности» («АМОД»).

Ключевые слова: способность к летной деятельности, когнитивные процессы, интегральные процессы, саморегуляция, совмещенная деятельность, методика «АМОД».

Новый взгляд на структуру способности к летной деятельности

Под способностью к летной деятельности понимается способность человека освоить процесс пилотирования воздушного судна. В за-

висимости от того, как психологи представляют себе структурную организацию данной способности, создается система профессионально-психологического отбора кандидатов на летное обучение.

Автор статьи предлагает придерживаться нового представления о структурной организации способности к летной деятельности, которое основано на последних исследованиях в области общей психологии и отличается от прежнего неполного представления об этом виде способностей.

В конце 70-х годов прошлого века, когда еще только создавалась система профессионально-психологического отбора в гражданской авиации, представление о способности к летной деятельности заключалось в следующем: эта способность рассматривалась как простая совокупность (суммарный набор) когнитивных способностей, необходимых для выполнения профессиональных задач. Под когнитивными способностями понимались развитые познавательные психические функции, в частности: восприятие, внимание, память, мышление, моторика и речь. По этой причине созданная более 40 лет назад система профотбора представляла собой набор тестов для оценки уровня развития этих психических функций, которые можно отнести к функциям первого порядка, поскольку они являются своего рода первичными «кирпичиками» познавательной деятельности.

Однако по мере развития психологии в конце XX века ученые стали приходить к выводу о том, что психика имеет многоуровневое строение. На такую сложную организацию указывали не только факты работы психики на разных уровнях (на уровне сознания, подсознания и бессознательном уровне), но и способность психики одновременно обрабатывать информацию, приходящую по разным каналам, которые функционируют параллельно друг с другом (зрительному, слуховому, осязательному и др. каналам).

Координирование потоков информации, поступающих из разных каналов и с разных уровней, с неизбежностью требует участия регуляторного процесса, который, подобно дирижеру, управляет всем оркестром психических функций в плане их участия в текущей психической деятельности. В 80-х годах прошлого века процессы саморегуляции психики активно изучались специалистами Института психологии РАН и Института медико-биологических проблем в связи с исследованиями психофизиологических состояний космонавтов и возможности их саморегуляции в условиях космического полета (Дикая, 1985). Но эти исследования относились преимущественно к саморегуляции физиологических процессов и эмоциональных состояний и мало касались непосредственно механизмов управления когнитивными функциями в сложной операторской деятельности.

Впервые на участие в сложной операторской деятельности особых — «интегральных процессов», которые синтезируют эту деятельность из отдельных когнитивных процессов, указал А. В. Карпов (Карпов, 1991). По его мнению, интегральные процессы осуществляют управление первичными когнитивными функциями, т. е. регулируют их включение в процесс психической деятельности, задают их уровень активности и производят отключение в случае их неактуальности.

Среди интегральных процессов должен быть и такой регуляторный процесс, который решает, на каком уровне осознанности должен протекать тот или иной когнитивный процесс в данный момент времени, поскольку объем сознания довольно ограничен. Можно сказать, что именно этот процесс саморегуляции переводит локус сознательного контроля на тот или иной психический процесс, который становится ведущим в структуре деятельности. Остальные когнитивные процессы остаются в это время в «тени» сознания, т. е. выполняются на полусознываемом (частично контролируемом) уровне или бессознательном уровне (автоматизированном уровне).

В сложной операторской деятельности, какой является и деятельность по пилотированию воздушного судна, участвуют практически все когнитивные функции, причем одновременно. По этой причине должен обязательно осуществляться: процесс упорядочивания их участия в деятельности; процесс определения уровня сознательного контроля над каждой из функций. Возможно, что эти два процесса являются самостоятельными, но в контексте данной статьи они будут рассматриваться как единый интегральный процесс, или процесс саморегуляции психики.

Здесь важно подчеркнуть, что рассматриваемый интегральный процесс не рядоположен первичным когнитивным процессам: он как бы стоит над ними, и в этом смысле его можно назвать процессом второго порядка — более высокого по своей сложности.

Таким образом, новый взгляд на способность к летной деятельности заключается в том, что она представляется как совокупность частных когнитивных способностей, над которыми стоит способность к их интегрированию. В этом принципиальное отличие старого — одноуровневого подхода — и нового — двухуровневого подхода — к пониманию структурной организации способности к летной деятельности. На практике это означает, что только тот кандидат на летное обучение сможет стать успешным пилотом, который обладает помимо способности к успешному выполнению отдельных когнитивных функций еще и способностью к их совместному и одновременному исполнению.

Необходимо подчеркнуть, что в существующей системе профотбора пилотов гражданской авиации оценивается лишь степень развития первичных психических функций посредством известных тестов на внимание, память, мышление и т. п. Но эти тесты не позволяют установить уровень развития интегрального процесса, поскольку эти тесты не воспроизводят данный процесс в своей процедуре выполнения.

В итоге на сегодняшний день к обучению на летные специальности допускаются кандидаты, которые способны успешно решать когнитивные задачи только по отдельности, но когда они приступают к освоению процесса пилотирования воздушного судна, то им приходится выполнять некоторые задачи практически одновременно. При неразвитой способности к интеграции психических функций одновременное исполнение действий получается плохо, в результате чего такие кандидаты признаются непригодными к летному обучению. По данной причине из летного училища обычно отчисляется примерно 10% лиц, которые не смогли освоить летную деятельность, хотя они сумели вполне успешно пройти теоретическую подготовку по профессии пилота. Отчисление таких людей всегда оборачивается для них большой личной трагедией и приносит убытки летным училищам.

В этой связи проблема совершенствования профессионально-психологического отбора на летные профессии не теряет своей актуальности. Выход из этой ситуации видится в том, чтобы дополнить систему профотбора пилотов гражданской авиации специальным тестом, где моделируется так называемая «совмещенную деятельность», т. е. процедура одновременного выполнения различных когнитивных задач.

Новые методы оценки способности к летной деятельности

Исследования психических механизмов совмещенной деятельности в военной авиации проводили такие психологи, как В. А. Бодров, В. В. Козлов, А. С. Алешин и др. В 90-х годах прошлого века в Институте авиационной и космической медицины появилась методика для оценки способности к совмещенной деятельности — это тест «Метеориты» в компьютерной программе «Экспедиция». Однако этот тест по своему уровню сложности больше подходил для отбора военных летчиков и меньше подходил для отбора гражданских пилотов. Как известно, требования, предъявляемые к психическим функциям военных летчиков, гораздо выше, чем требования к гражданским пилотам, так как изменение полетной информации на борту воен-

ных самолетов происходит гораздо быстрее, чем на гражданских самолетах, где к тому же используется автопилотирование.

Эксперименты, проведенные с тестом «Метеориты» на базе Медицинского центра авиакомпании «Аэрофлот», показали, что большинство профессионально успешных гражданских пилотов, имевших средний уровень психических функций или уровень выше среднего, получали по тесту «Метеориты» заключение о низком уровне этих функций, что означало необходимость их списания с летной работы (Якимович, Городецкий, 2012). Для адаптации теста к возможностям гражданских пилотов авторы данного теста должны были упростить скоростной режим его работы и собрать новые нормы оценки результатов для гражданских пилотов. Но они не проявили в этом заинтересованность, поэтому тест «Метеориты» не вошел в систему профотбора гражданских пилотов.

В начале XXI века коллективом специалистов Московского авиационного технологического института под руководством И. Г. Городецкого был разработан новый тест на совмещенную деятельность, который более подходит для отбора гражданских пилотов, поскольку в нем заложен механизм изменения уровня сложности заданий. Созданная методика получила название «Адаптивная модель операторской деятельности» («АМОД»). Методика отличается от других аналогичных тестов на совмещенную деятельность именно тем, что она адаптируется к возможностям обследуемого лица, предъявляя ему все более сложные задания, если он справляется с предшествующим уровнем их трудности. Если же предъявленный уровень сложности заданий оказывается слишком трудным для испытуемого, т. е. он не может с ним справиться, тогда уровень сложности автоматически понижается. В итоге методика определяет максимально доступный для испытуемого уровень сложности заданий (Городецкий, Якимович, 2011). Данная методика способна показать, до какого уровня сложности операторской деятельности может подняться испытуемый, а далее его возможности могут соотноситься с нормами профессии. В этом смысле методика «АМОД» является более гибким и более универсальным инструментом, чем тест «Метеориты» для использования в любой системе профотбора.

В методике «АМОД» требуется одновременно решать две задачи:

- осуществлять на экране компьютера преследующее слежение за движущимся объектом с помощью курсора «мыши», т. е. удерживать курсор в центре объекта (оцениваются сенсомоторные процессы);

- решать арифметические задачи и по заданному алгоритму выбирать вариант ответа: либо правую, либо левую клавишу мыши (оцениваются ментально-мнемические процессы).

Обе задачи меняются на экране компьютера в быстром динамическом режиме, поэтому их одновременное выполнение оказывается сложной совмещенной деятельностью.

Процедура методики «АМОД» воспроизводит процесс, который является аналогом процесса пилотирования воздушного судна, где необходимо одновременно вести контроль за параметрами полета и перемещать органы управления воздушным судном. По результатам тестирования по методике «АМОД» получаются три основных показателя: 1) качество арифметических расчетов (в усл. ед.), 2) качество преследующего движения (в усл. ед.), 3) качество выполнения совмещенной деятельности (в усл. ед.).

Для валидации первого показателя методики определялся коэффициент корреляции с результатом теста «Черно-красная таблица» Горбова, который оценивает оперативную память и внимание. Коэффициент корреляции составил $r = -0,675$, корреляция достоверна при $p \leq 0,05$.

В целях валидации второго показателя методики был рассчитан коэффициент корреляции с результатом тестирования тех же испытуемых по «Теппинг-тесту» Ильина, который оценивает быстроту моторных действий. Коэффициент корреляции составил $r = 0,470$, но корреляция оказалась не достоверной, вероятно, по причине малочисленности выборки ($n=10$).

Валидация показателя совмещенной деятельности была проведена посредством корреляции с методикой «Виртуальный полет», которая моделирует процесс пилотирования дельтоплана на компьютерном тренажере, где приходится выполнять совмещенную деятельность одновременно двумя руками (Якимович, Городецкий, 2011). Корреляция результатов методики «АМОД» с результатами методики виртуального пилотирования составила $r = -0,299$, но корреляция оказалась недостоверной, вероятно, в силу малочисленности выборки ($n=10$).

Проверка валидности методики «АМОД» может быть продолжена на большем контингенте лиц, если исследователям будет предоставлена возможность обследовать кандидатов в летные училища гражданской авиации со стороны Росавиации.

Из выше изложенного можно сделать следующие *выводы*.

Структура способности к летной деятельности включает в себя два уровня: когнитивные способности (первый уровень психи-

ческих процессов) и способность к интегральному управлению когнитивными функциями (второй уровень психических процессов).

Для оценки способности кандидата на летное обучение необходимо проводить диагностику уровня развития интегральных процессов, что предполагает использование методики, где моделируется совмещенная деятельность.

В качестве нового теста на совмещенную деятельность в гражданской авиации может применяться методика «АМОД» после завершения ее валидации и нормирования.

Литература

Бодров В. А. Экспериментально-психологическое исследование совмещенной операторской деятельности // Методология инженерной психологии, психологии труда и управления. М.: Изд-во ИП АН СССР, 1981.

Городецкий И. Г., Якимович Н. В. К проблеме использования инструментальных методов диагностики работоспособности операторов // Труды Института психологии РАН «Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики». Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. Вып. 3. М., 2011.

Дикая Л. Г. Особенности регуляции функционального состояния оператора в процессе адаптации к особым условиям // Психологические проблемы деятельности в особых условиях. М.: Наука, 1985.

Карпов А. В. Интегральные закономерности в организации познавательных психических процессов и задачи психологического анализа деятельности // Психологические проблемы профессиональной деятельности. М.: Наука, 1991.

Якимович Н. В., Городецкий И. Г. Новый тест для профессионально-психологического отбора в авиации и космонавтике // Информационный сборник ВИНТИ «Проблемы безопасности полетов». № 11. М., 2011.

Якимович Н. В., Городецкий И. Г. Разработка новых методов и программ для решения прикладных проблем авиации в области «человеческого фактора» // Материалы 5-го съезда психологов. М., 2012.

The new view about the ability of the flight operations and new methods of its diagnostics

N. V. Yakimovich (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Chief Researcher, Joint stock company “‘Research part’ of the Moscow aviation technological Institute”

Modern researches of questions of self-regulation of cognitive activity revealed so-called integrated processes which regulate work of cognitive functions. Since the regulatory function is not a series of functions that it controls, the integral processes can be considered as processes of higher order, i. e. processes of the second level of the psyche. The ability to master flight activity largely depends on the degree of development is integral process, because piloting an aircraft requires simultaneous performance of multiple cognitive tasks. This allows a new look at the structure of this ability, presenting it as a set of mental processes not one, but two levels. In order to diagnose the processes of the second level, i. e. integral processes, a test is required that simulates the performance of a combined activity, where simultaneous performance of several cognitive tasks is required. As such test it is offered to use the computer technique “Adaptive model of operator activity” (“AMOD”).

Keywords: the ability of the flight operations, cognitive processes, integral processes, self-regulation of the psyche, combined operation, the technique of “AMOD”.

Раздел XII

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Кросс-культурные инварианты в архитектуре стыда

*К. И. Ананьева**, *А. Н. Харитонов*** (Москва), *Д. Шнитцер****
(Санта-Барбара, Калифорния)

** кандидат психологических наук, доцент, Институт психологии РАН;
e-mail: hristinka.84@gmail.com*

*** кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: ankhome47@list.ru*

**** Ph. D., Калифорнийский университет;
e-mail: ankhome47@list.ru*

Охотники и собиратели являются облигатными коллективистами: они живут группами. Каждый член такой группы зависит от взаимопомощи, что характеризует социальную эволюцию нашего вида. Поэтому одной из главных проблем адаптации для наших предков было избегание негативного влияния на желание других членов группы оказывать им помощь. С когнитивной точки зрения, это требует, чтобы каждый человек мог предсказать степень ожидаемого порицания своего потенциального действия, например кражи, относительно прямого выигрыша-приобретения. «Система стыд» проявляет все функциональные свойства, необходимые для решения этой адаптивной задачи. Полученные нами данные подтверждают, что стыд является одной из базовых составляющих человеческой психики. Исследование проводилось в 15 небольших сообществах, разбросанных по Южной Америке, Африке и Евразии. Несмотря на различия в языке, культуре и образе жизни, стыд устойчиво коррелирует с возможным порицанием как локально в каждом сообществе, так и между сообществами. Это предполагает, что «система стыд» не только повсеместно развивает одинаковую функциональную архитектуру, но и существенно обладает высокой степенью универсальности.

Ключевые слова: стыд, порицание, кросс-культурные исследования, малые сообщества, эволюция.

Работа выполнена в рамках госзадания ФАНО № 0159-2018-0010.

Данные исследований по археологии и экологии поведения охотников-собирателей позволяют предположить, что наши предки-гоминины эволюционировали в условиях, характеризующихся высокими показателями смертности, дефицитом пищи, высокой распространенностью болезней и травм, а также частыми нападениями других людей и хищников (Sugiyama, 2004). Люди во всех таких сообществах полагаются на помощь членов своих групп, необходимую им для выживания и размножения (Clutton-Brock, 2009). Взаимопомощь была такой универсальной и базовой чертой существования охотника-собирателя, что, вероятно, имеет центральное значение для эволюционной биологии нашего биологического вида. Среди сильнейших факторов отбора, определяющих человеческую социальность, была необходимость поддерживать мотивацию к сотрудничеству: члены группы были склонны оказывать помощь во время голода, недееспособности и межличностных конфликтов (Sugiyama, 2004). В этих условиях степень, в которой другие члены социальной группы помогали или воздерживались от эксплуатации человека, оказывала влияние на то, успешен этот человек либо нет.

Решения о том, помогать ли другим, основаны на множестве специализированных архитектур выбора, реализующих решения о вознаграждении за социально правильное поведение, учитывая информацию, доступную для партнеров по взаимодействию. Когда обнаруживается новая информация, которая показывает, что человек менее способен обеспечить соблюдение интересов группы — он обесценивается. В результате такой индивид будет меньше помогать и причинять больше вреда, тем самым вызывая недовольство группы. Предотвращение социального порицания или минимизация его последствий является основной адаптационной проблемой в такой социальной экологии.

В данной работе мы проверяли предположения эволюционной теории о том, что эмоция стыда является действием когнитивной системы, которая развивалась для защиты от социального порицания (Sznycer et al., 2016). Система, предназначенная для этой функции, должна активироваться в ответ на сигналы, указывающие на перспективу или реальность порицания, и обеспечиваться набором когнитивных механизмов, которые: 1) удерживают человека от действий, которые с учетом социального порицания будут стоить дороже, чем личные выгоды; 2) ограничивают степень, в которой другие узнают и распространяют потенциально опасную информацию; 3) ограничивают степень и стоимость любого последующего социального порицания; и, если таковое все же имеет место; 4) мобилизует человека для адаптивного реагирования на новую социальную ситуацию.

Эти предположения были эмпирически изучены в трех странах: США, Индии и Израиле (Sznycer et al., 2016). Исследование проводилось с использованием удаленного доступа через Интернет. Респондентам был предложен ряд сценариев, которые различались тем, насколько порицание может повлиять на действия или суждения, которые описывают эти сценарии. Как и предполагалось, интенсивность ожидаемого стыда за предложенные акты поведения или черты характера отражает соответствующую величину порицания. Данный результат воспроизводится в каждой из трех указанных стран. Более того, интенсивность порицания в каждой из стран соответствовала масштабам порицания в двух других странах и, следовательно, позволяет предполагать, что общечеловеческие критерии социальной оценки порождают стыд и порицание в tandem, другими словами, порицание и стыд — это два противоположных феномена, имеющих один источник. Печаль и беспокойство — две другие негативно-окрашенные эмоции, которые активируются вместе со стыдом, — не соотносятся с порицанием.

Хотя это исследование позволило сделать предварительные выводы, выборки представляли относительно малочисленные группы пользователей Интернета, имевших достаточно высокий уровень образования, из относительно богатых страны с культурой западного или вестернализованного типа. Возникает вопрос: мы столкнулись с общечеловеческим явлением или с феноменом, который характеризует только индустриально и технологически развитые общества?

В настоящем исследовании пытались понять, является ли «система стыда» фундаментальной частью сообщества людей как биологического вида — и тогда ее проявления должны обнаруживаться во всех человеческих популяциях, независимо от их размера, образовательного уровня и технологий деятельности и общения, а также проверить предположение о том, что «система стыда» возникала и развивалась в небольших локальных социальных группах, где люди знали друг друга, — и поэтому нам было важно найти и оценить свидетельства ее функционирования в небольших, компактно проживающих социумах.

Эмпирическое исследование проводилось с участием 899 респондентов из 15 небольших сообществ, живущих в самых разных условиях (экосистемах) Южной Америки, Африки и Евразии и существенно отличающихся по языку, культуре и способу существования. Были созданы краткие описания 12 ситуаций, в которых чьи-либо действия, качества или обстоятельства могут приводить к негативной оценке человека. Эти сцены были спроектированы так, чтобы вызывать реакции в различных, эволюционно значимых областях —

таких как продолжение рода, доминирование, щедрость, социальный обмен, социальные навыки и здоровье. Они были сформулированы на уровне абстракций, которые не были культурно специфичными (например: «Он ленив», а не «Он ловит рыбу только раз в неделю»).

План исследования был аналогичен использованному ранее Д. Шнитцером с соавторами (Харитонов с соавт., 2016; Sznycer et al., 2016). Испытуемые случайным образом распределялись для работы с понятием «порицание» либо с понятием «стыд». Респондентам, работавшим с понятием «порицание», было предложено представить свои реакции на 12 сцен, как если бы они относились к другому человеку того же возраста и пола (например, «он/она крадет у членов своей общины», «он/она уродлив (-а), некрасив (-а)»). Испытуемым предлагалось по каждой сцене «указать, как Вы будете рассматривать человека, если он находится в предложенной ситуации»; участники исследования должны были оценить свои реакции, используя шкалу от 1 («Я вообще не вижу ничего отрицательного») до 4 («Я бы посмотрел на него крайне негативно»). Эти рейтинги давали конкретную меру того, как члены определенного общества оценивают индивида, описанного в сценариях.

Участникам, работавшим с понятием «стыд», было предложено «указать, насколько сильно вы испытаете стыд, если окажетесь в такой ситуации» (т. е. в каждой из 12 сцен, например: «Вы крадете у членов вашей общины», «Вы уродливы»), по шкале от 1 («Не испытываю стыда») до 4 («Очень стыжусь»). Исключение было сделано для Драа-Тафилале (Draa-Tafilalet), Марокко, где порицание и стыд оценивалось по шкале от 1 до 7.

Стимулы-сцены были одинаковыми для работы с понятиями «порицание» и «стыд», единственной разницей была перспектива, с которой описываются события.

Таким образом, нами были получены результаты шкальных оценок для порицания и стыда в каждом исследуемом сообществе. По всем исследуемым группам была обнаружена связь порицания и стыда: средняя внутриклассовая корреляция по 15 выборкам, участвующим в исследовании, составила 0,83. Другими словами, участники каждого сообщества выражают единое мнение о том, насколько они будут отрицательно рассматривать индивида, описанного в предложенных сценах. Участники также дали согласованные ответы относительно того, насколько они будут стыдиться в каждой из предложенных ситуаций: средняя внутриклассовая корреляция — 0,83. Чтобы проверить основное предположение о том, что стыд отражает степень порицания в обществе, для каждого сценария были вычислены средние оценки степени стыда у участников исследова-

ния, работавших с понятием «стыд», и средние оценки степени порицания по испытуемым, работавшими с понятием «порицание». В подтверждение гипотезы о том, что стыд контролируется представлением о возможном порицании в разных сообществах, было обнаружено, что средние оценки стыда высоко связаны со средними значениями порицания в каждой из 15 групп (средние значения корреляции $r=0,84$, $SD=0,08$). Все 15 корреляций остаются значимыми после применения коррекции False Discovery Rate (FDR) на уровне $p<0,05$. Важно отметить, что исследование проводилось на независимых группах (для условий «стыд» и «порицание»), поэтому высокие корреляции не могут быть следствием представлений отдельных участников о стыде и порицании.

Система стыда развивалась для принятия решений и определения затрат внутри локальной группы, поэтому разные культуры потенциально могут весьма сильно отличаться друг от друга в представлениях о том, что именно стыдно и порицаемо. Действительно, некоторые действия, черты личности и ситуации вызывают порицание в одних культурах, но не вызывают в других (Sznyser et al., 2016). Однако если существует общечеловеческая система социальной оценки, то сценарии, в которых задействуется эта система, могут демонстрировать согласованность оценок представителей разных культур в том, что является постыдным и порицаемым, а стыд в одной конкретной культуре может быть предиктором порицания в другой культуре, несмотря на отсутствие контактов между культурами. Существуют ли ситуации, которые провоцируют порицание и вызывают стыд в разных культурах? Чтобы проверить согласованность между сообществами по феноменам порицания, стыда и связи стыда с порицанием, мы вычислили степень, в которой средние оценки порицания и средний рейтинг стыда сопоставимы между сообществами. Была получена высокая степень согласованности между исследуемыми сообществами в том, в какой степени предложенные ситуации вызывают порицание: среднее значение $r=0,72$ ($SD=0,16$); после процедуры коррекции FDR 76 из 105 корреляций (72%) остаются значимыми на уровне $p<0,05$. Также была обнаружена высокая согласованность между группами по ситуациям, которые вызывают стыд: среднее значение $r=0,69$ ($SD=0,17$); 83 из 105 корреляций (79%) остаются значимыми после коррекции FDR на уровне $p<0,05$. Кроме того, уровень стыда, выявленный для каждой из 15 популяций, положительно коррелирует с порицанием в других 14 сообществах: среднее значение $r=0,69$ ($SD=0,15$); 166 из 210 корреляций (79%) остаются значимыми после коррекции FDR на уровне $p<0,05$. Другими словами, стыд, вызванный предложенными сценами в одном

сообществе (например, шуарские садоводы Эквадорской Амазонки), показывает, насколько негативно люди могут оценивать эти же сценарии в каждом из 14 других регионов (например, скотоводы из Тувы, фермеры-амазиги из Марокко, фермеры из Непала). Кроме того, три важных и широко признанных источника культурных различий между сообществами – географическая близость, лингвистическое и религиозное сходство – никак не объясняют сильные межпопуляционные корреляции в отношении стыда и связи порицания со стыдом, скорее, противоречат им. Таким образом, 15 популяций нашей выборки представляют собой в значительной степени независимые культурные контексты относительно и стыда, и порицания. Поэтому обнаруженные сильные корреляции вряд ли могут быть результатом одинаковых социальных норм, связанных наследованием или заимствованием этих элементов культуры.

Кросс-культурно воспроизводимое, количественно близкое соответствие между предполагаемым стыдом и порицанием для локальных популяций – это то, что мог бы ожидать программист-разработчик от вычислительной системы для противодействия угрозе порицания. Функции тонкой калибровки такой системы помогают индивидууму сбалансировать конкурирующие требования эффективности и экономии, позволяя сделать выбор между сверхчувствительностью к порицанию (что, например, предотвратило бы принятие решения, приводящего к выгоде, превышающей возможные издержки от порицания) и слабым сигналом о стыде, не достаточным для того, чтобы удерживать от действия, приводящего к сокрушительному порицанию – вероятному результату безрассудного игнорирования возможности порицания. Выявленная связь не ограничивается западными или англоязычными сообществами – напротив, делает их сходными с другими культурами с разными условиями существования, типами организации общества и используемыми языками. Такая связь, скорее всего, является следствием общечеловеческой адаптации и возникла путем естественного отбора – по-видимому, в филогенезе культуры или конвергентной культурной эволюции (Boyd, Richerson, 1988). Интересно, что согласованность в представлениях о стыде и порицании и их взаимосвязь выявлены не только внутри отдельных популяций, но и между ними. По некоторым данным, разные культуры радикально отличаются друг от друга. Если бы это было так, то представления о порицаемом и о том, что заставляет представителей разных культур стыдиться, должны быть существенно разными. Культурные различия в проявлениях стыда, конечно, существуют (Voiger et al., 2013; Sznycer et al., 2016). Однако в том, что касается стыда, они могут быть следствием одного и то-

го же паттерна адаптации (Sznycer et al., 2016). Более того, устойчивые закономерности в сильно удаленных друг от друга культурах возникают, когда стыд анализируется с точки зрения его вероятной функции и предметной области. Полученные нами данные вносят вклад в растущую совокупность результатов, указывающих на то, что теории функциональной адаптивности являются мощным инструментом для выявления закономерностей в структуре и содержании человеческих эмоций.

Литература

- Харитонов А. Н., Ананьева К. И., Шнитцер Д., Монгуш А. М., Товуу Н. О.* Гордость и стыд: кросс-культурный и эволюционный аспекты // Процедуры и методы экспериментально психологических исследований / Отв. ред. В. А. Барабанщиков М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 454–461.
- Clutton-Brock T.* Cooperation between non-kin in animal societies. *Nature*. 2009. V. 4. № 62. P. 51–57.
- Boiger M., Mesquita B., Uchida Y., Feldman Barrett L.* Condoned or condemned: The situational affordance of anger and shame in the United States and Japan // *Pers Soc Psychol*. 2013. V. 39. № 4. P. 540–553.
- Boyd R., Richerson P.* Culture and the evolutionary process. University of Chicago Press, 1988.
- Sznycer D. et al.* Shame closely tracks the threat of devaluation by others, even across cultures // *Proc. Natl Acad. Sci*. 2016. V. 113. № 10. P. 2625–2630.
- Sugiyama L.* Illness, injury, and disability among Shiwiari forager-horticulturists: Implications of health-risk buffering for the evolution of human life history // *Am. J. Phys. Anthropol*. 2004. V. 123. P. 371–389.

Shame and devaluation: cross-cultural invariants

*K. I. Ananyeva**, *A. N. Kharitonov*** (Moscow),
*D. Sznycer**** (Santa Barbara, California)

* Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Institute of Psychology of RAS

** Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology of RAS

*** Ph. D., University of California

Hunters and gatherers are obligate collectivists. Each member of such a group depends on mutual assistance, which characterizes the social evolution of our species. Thus, from the cognitive point of view, this requires that every person can predict the degree of expected devaluation of the potential action,

for example, theft. The «system of shame» manifests all functional properties necessary to solve this adaptive task. The data obtained by us confirm that shame is one basic component of the human psyche. The study was conducted in 15 small communities scattered throughout South America, Africa and Eurasia. Despite differences in language, culture and way of life, shame is consistently tracks possible devaluation both locally in each community and across communities. This suggests that the “shame system” not only develops the same functional architecture everywhere, but also has a high degree of universality.

Keywords: shame, devaluation, cross-cultural studies, small communities, evolution.

Суждение о времени как фактор организации образа жизни

Ж. В. Горькая (Самара)

*кандидат психологических наук, Самарский национальный
исследовательский университет; e-mail: zhannagorkaya@gmail.com*

Суждение о времени, как основная форма протекания мыслительного процесса, отражает знания человека о темпоральных свойствах, связях и отношениях объективной реальности. В структуре суждения о времени можно выделить социокультурный, субъективно-личностный и экзистенциальный компоненты. Суждение о времени отражает степень осознания и овладения временем как личным ресурсом человека. Суждение о времени лежит в основе организации жизнедеятельности человека. Отношение к времени проявляется в особенностях планирования, постановки ближних и дальних целей, распределении временных ресурсов. «Ностальгическому» образу жизни соответствует суждение «время – это жизнь». Для представителей «рефлексивного» образа жизни характерны суждения «времени не существует». «Производственному» образу жизни соответствует суждение «время – это возможность». В основе организации «свободно-продуктивного» образа жизни лежит понимание «времени как движения».

Ключевые слова: суждение о времени, социокультурный, экзистенциальный компонент, ностальгический, производственный, рефлексивный, свободно-продуктивный образ жизни.

Актуальность. Современное развитие производства достигло уровня, сделавшего время доступным ресурсом. За пределами восьмичасового рабочего дня время практически полностью принадлежит человеку, а организация жизнедеятельности определяется умением ставить цели и извлекать смыслы из свободы распоряжения временем.

Особенности восприятия, переживания и понимания времени, лежат в основе базовых принципов организации повседневной жизни (Абульханова-Славская, 1991; Березина, 2003; Болотова, 2006;

Гайденко, 2006; Нестик, 2014; Цуканов, 2000). Человек, осознающий и воспринимающий время как ценность, максимально ориентирован на синхронизацию личных целей с общественно необходимой деятельностью. Восприятие времени как фона собственной жизни приводит к статичности и пассивности в планировании и распределении ресурсов собственной жизни. В таком случае, даже если ценность и значимость времени осознается человеком, она не присваивается, не становится личным, управляемым ресурсом (Гайденко, 2006; Горькая, 2014). Время человека, как «психотемпоральная организация взрослой личностью своего сознания и самосознания, поведения и деятельности в процессе... индивидуальной и групповой жизнедеятельности и общения, лежит в основе... образа жизни» (Абульханова-Славская, 1995).

Исследуя образ жизни, мы учитывали, что организация повседневной жизнедеятельности зависит не только и не столько от места жительства, сколько от ценностных и индивидуальных установок человека (Головаха, Кроник, 1988; Зимбардо, Бойд, 2010). В зависимости от степени синхронизации индивидуальной и общественной деятельности, уровня автономности личности в планировании и координации деятельности, рассматривались: производственный, ностальгический, рефлексивный (созерцательный) и преобразующий типы организации жизнедеятельности.

«Ностальгический» образ жизни характеризуется ориентацией на ценности прошлого, проявляющиеся в узком и жестком спектре социальных ролей. Поведение людей, предпочитающих такой образ жизни, отличается зависимостью от обстоятельств, импульсивностью и непосредственностью осуществления действий, доминированием социальных, общественных целей над личными интересами. «Производственный» образ жизни отличаются высоким уровнем синхронизации и насыщенности деятельности, рациональностью постановки целей, ориентацией на интересы утилитарного характера. Для «рефлексивного» образа жизни характерно преобладание внутренней активности над внешней. В планах деятельности доминируют цели, ориентированные на дальнюю перспективу. Как правило, в анализе и оценке ситуации для представителей данного типа характерно восприятие и осознание сложности и противоречивости жизненных процессов, поэтому активным действиям они предпочитают углубленное размышление и анализ. «Свободно-преобразующий» образ жизни характерен для людей, обладающих высокой степенью автономии в планировании деятельности и принятии решений, которая позволяет синхронизировать и координировать взаимодействие с учетом личных интересов и приоритетов. Продук-

тивный характер деятельности и проактивная жизненная позиция проявляется в балансе целей настоящего и будущего во временной перспективе.

Цель исследования: определение взаимосвязи суждения о времени и предпочитаемых особенностей организации образа жизни.

Предмет исследования: суждение о времени.

Объект: суждение о времени как фактор организации образа жизни.

Основная гипотеза: суждение о времени, как представление об объективном времени и особенностях субъективного отношения к времени человеком, проявляется в особенностях организации образа жизни:

- чем выше степень осознания и присвоения ценности времени человеком как личного ресурса, тем выше уровень свободы в постановке целей и организации образа жизни;
- восприятие и понимание времени как фонового, неуправляемого и ускользающего, способствует построению образа жизни, при котором общественные интересы доминируют над личными.

Методы исследования: модифицированный опросник МІМ Нюттона, ассоциативный тест, ассоциативный тест К. Юнга, проективный рассказ «Время», методы математической статистики (пакет Statistica).

Исследование проводилось на базе Самарского университета в 2017–2018 г. В исследовании приняли участие 180 чел. (98 мужчин и 82 женщины) в возрасте от 20 до 44 лет (средний возраст – 26 лет). Диагностика особенностей восприятия и переживания времени, проявляющаяся в суждении о времени, проводилась индивидуально.

Результаты исследования

Спонтанные ассоциации описывают семантическое поле понятия «время» в сознании жителей современного мегаполиса. Из полученного материала были отобраны 222 повторяющиеся ассоциации, которые использовали два и более человек. Полученные категории были разделены на несколько смысловых групп на основании наличия семантических связей между ними. Основные семантические группы ассоциаций на понятие «время»: «механизмы для измерения времени»; «дихотомия жизнь—смерть»; «промежутки времени»; «деятельность человека»; «периодизация жизни человека»; «временная перспектива»; «движение, его характеристики и механизмы».

Наиболее частотная ассоциация – часы (62,6%). На этом основании можно сделать вывод о доминировании универсального город-

ского времени в жизни человека. Помимо часов, в семантическую группу «механизмы измерения времени» вошли понятия: «стрелки» (24,5%), «будильник» (21,7%), «секундомер» (7,8%), «циферблат» (6,09%), «куранты» (5,2%), «таймер» (4,35%).

Вторая по численности группа ассоциаций – «Дихотомия жизнь–смерть». Центральное понятие – «жизнь» (43,5%). Корреляционный анализ показывает, что понятие «жизнь» связано с деятельным началом: «семьей», «любовью», «счастьем». При этом понятие «счастье» достоверно чаще используется женщинами (2,391). Из единиц времени с жизнью связана «секунда». В корреляционную плеяду с понятием «смерть» вошли понятия «могила», «память», «уход», «неизвестность».

Группа ассоциаций «возрастные периоды человеческой жизни» образована центральной категорией «судьба», объединившей «старость» (17,4%), «молодость» (4,35%), «детство» (3,47%), «зрелость» (1,8%).

В ассоциативную группу «деятельность человека» вошли категории: «работа» (32,1%), «отдых» (23,4%), «сон» (19,1%), «опоздание» (12,2%), «учеба» (11,3%), «встреча» (8,6%), «общение» (3,5%), «деятельность» (2,6%). Понятия «работа» и «карьера» оказались не связанными линейной корреляцией, а опосредованы через понятие «семья».

Суждение о времени как «движении, его атрибутах, синонимах и характеристиках» описывается с помощью ассоциаций: «течение» (15,2%), «скорость» (14,8%), «река» (11,3%), «поток» (5,2%). Качественные характеристики движения времени описываются с помощью понятий «бег» (10,4%), «полет» (6,9%), «быстрое» (6,9%), «быстротечное» (5,2%), «незаметное» (2,6%), «медленное» (1,7%). Для описания движения времени как «прогресса» используются понятия «рост» (3,4%) и «эволюция» (1,7%). Направление движения времени характеризуется с помощью понятий: «порядок» (1,7%), «цикличность» (1,7%), «круговорот» (2,6%), «период» (4,3%). Особенностью данной группы ассоциаций является большое число связей между понятиями.

В смысловую группу «Промежутки времени» вошло максимальное количество ассоциативных понятий. Прежде всего, это календарные единицы измерения времени: «год» (36,5%), «день» (26,4%), «ночь» (22,6%), «лето» (12,2%), «весна» (11,3%), «осень» (7,8%), «зима» (7,8%). Относительно часто употребляются исторические периоды времени: «век» (13,4%), «столетие» (1,7%), «тысячелетие» (1,6%). В группу ассоциаций «временная перспектива» вошли понятия: «будущее» (14,8%), «прошлое» (8,6%), «настоящее» (9,6%).

Менее распространенные ассоциации вошли в группы «объекты природы и космоса», «эмоциональные состояния человека» и т. д.

Проективные рассказы, описывали, чаще всего, жизненные ситуации, наполненные деятельностью, сопровождающейся изменением течения субъективного времени по отношению к реальному. Наиболее часто употребляемыми категориями в рассказе являются: «быстрота течения времени» (50,4%), «движение времени» (45,9%), «активность человека во времени» (40,9%), «медленно текущее время» (29,5%). Довольно часто описываются принципы «правильной организации времени» (29,6%), семантически связанной с категорией «своевременность» (20,86%). Кластерный анализ позволил выделить три основных варианта взаимодействия человека со временем: «быстротекущее время, наполненное деятельностью», «отношение субъекта к времени по параметру овладения им», «экзистенциальное значение деятельности в исторической (дальней) перспективе».

Экзистенциальное понимание времени, определенное с помощью ассоциативного теста К. Юнга, отличается максимальным разнообразием индивидуальных суждений о времени. Наиболее частыми повторяющимися глубинными ассоциациями являются: «жизнь», «вечность», «Бог», «стрела», «будущее», «спираль», «зигзаг», «движение», «полет», «выбор», «истина». Наиболее редкие: «страшный суд», «авария», «битва», «абсурд».

Статистическая достоверность различий по частоте употребляемых категорий в группах с разным образом жизни определялась с помощью t-критерия Стьюдента ($t=0,95$). Для представителей «свободно-продуктивного» образа жизни статистически значимые различия выявлены по категориям: «быстрое течение времени» (7,827), «медленное течение времени» (8,397), «движение времени» (5,665), «субъективность восприятия времени» (2,999). Представителей «производственного» образа жизни отличает более частое, по сравнению с другими группами, использование понятий «прошлое», «настоящее», «будущее». Представителей «рефлексивного» образа жизни отличает более частое употребление категорий «активность человека во времени» и «промежутки времени». Характерным отличием представителей «ностальгического» образа жизни является более частое использование суждения «время — это жизнь». При этом, говоря о жизненных приоритетах, они реже локализируют цели в конкретном периоде жизни, не привязывая результат к конкретной дате, определяя желание как «вообще» или «обязательно в жизни».

Факторный анализ полученных категорий позволил выявить особенности суждения о времени у представителей разного типа организации жизнедеятельности.

Для представителей «свободно-продуктивного» образа жизни характерны суждения о времени, обозначенные нами как «время – это движение». Типичные суждения о времени описывают изменения, скорость течения времени, наполненность деятельностью, процессуальность, материальную ценность.

«Производственный» образ жизни отличается доминированием общественных целей и задач над индивидуальными, что проявляется в суждениях, обозначенных нами как «время – это возможность». Вошедшие в фактор категории обозначают движение от прошлого к будущему с пространственным и историческим акцентом. Можно предположить, что время для людей данного типа является экзистенциальной ценностью.

Представители «рефлексивного» образа жизни используют описания времени, обозначенные нами как суждение «времени не существует». Для них время имеет абстрактную природу или не существует вообще. Они чаще демонстрирует негативное отношение ко времени, его отрицание, утилитарную ценность, страх перед его течением. В выделенный фактор вошли понятия, описывающие власть времени над человеком, конечность жизни, безысходность в понимании времени.

«Ностальгический» образ жизни основан на отношении к времени как «быстро пролетающей жизни», которую нужно наполнить деятельностью. Типичное суждение о времени: «время – это жизнь». Вошедшие в фактор понятия описывают ритм, пульсацию жизни, пользу и нужность выполняемой деятельности. Важно отметить, что суждения о времени представителей данной группы отличаются стереотипностью. Их описания схожи до ощущения повторяемости.

Основные выводы

1. Структура суждения о времени включает социокультурный, субъективно-личностный и экзистенциальный компоненты, позволяющие описать особенности темпоральных отношений человека с природой и обществом.
2. Разные типы суждений о времени имеют содержательные особенности, отражающие степень особенности и ценности времени как индивидуального ресурса. Суждения «время – возможность», «время – движение» отражают отношение к времени как личной ценности и индивидуальному ресурсу.
3. Суждение о времени влияет на организацию образа жизни, что проявляется в особенностях планирования, постановки целей, распределения ресурсов:

- суждение «времени не существует» характерно для построения «рефлексивного» образа жизни, ориентированного на будущее;
- суждение «время – жизнь» лежит в основе организации «ностальгического» образа жизни, с доминированием ритуалов и ритмов общественной жизни;
- суждение «время – возможность» характерно для представителей «производственного» образа жизни;
- суждение «время – движение» лежит в основе организации «свободно-продуктивного» образа жизни, позволяющего максимально сочетать личные интересы с возможностями, предоставляемыми обществом.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. С. 126–149.
- Березина Т. Н.* Пространственно-временные особенности внутреннего мира личности: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2003.
- Болотова А. А.* Психология организации времени: М.: Аспект-Пресс, 2006.
- Гайденко П. П.* Время, длительность, вечность. М.: Прогресс-Традиция, 2006.
- Головаха Е. И., Кроник А. А.* Понятие психологического времени // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988. С. 199–215.
- Горькая Ж. В.* Социокультурный анализ психологии восприятия времени // Вестник СамГУ. 2014. № 9. С. 245–250.
- Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010.
- Кубицкене Л. Ю.* Организация времени личностью как показатель ее активности // Гуманистические проблемы психологической теории. М.: Наука, 1995. С. 185–192.
- Нестик Т. А.* Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Цуканов Б. И.* Время в психике человека. Одесса: Астро-Принт, 2000.

Thinking about time as a factor of organization of the lifestyle

Z. V. Gorkaya (Samara)

Candidate of Psychological Sciences, Samara National Research University

The thinking about time, as the basic form of the thought process, reflects a person's knowledge of the temporal properties, connections and relations of objective reality. In the structure of thinking about time, it is possible to single out the sociocultural, subjective-personal and existential components. Thinking about time reflects the degree of awareness and mastery of time as a person's personal resource. Thinking about time is the basis of the organization of human activity. Position by time manifests itself in the features of planning, setting near and far goals, the allocation of temporary resources. "Nostalgic" of the lifestyle corresponds to the proposition "time is a life". For representatives of the "reflexive" of the lifestyle, judgments of "time does not exist". The "production" of the lifestyle corresponds to the proposition "time is an opportunity". The organization of the "free-productive" of the lifestyle is based on the understanding of "time as a movement".

Keywords: thinking about time, sociocultural, existential component, nostalgic, productive, reflexive, free-productive of the lifestyle.

Онтологические проблемы: концепты описания

Н. В. Гришина (Санкт-Петербург)

доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: grinat07@gmail.com

Онтологические проблемы существования человека в мире в отечественной психологии являются предметом изучения нескольких исследовательских направлений: психологии повседневности, психологии человеческого бытия и экзистенциальной психологии. Психология повседневности изучает жизненный контекст, описываемый понятиями жизненного пространства и жизненного пути человека. В психологии человеческого бытия и экзистенциальной психологии изучается бытийный контекст существования человека, что предполагает изучение контекста реальных отношений человека с миром и переживания человеком проблем своего бытия. В качестве единицы описания бытийного контекста может рассматриваться концепт «жизненный мир». Различия между этими двумя направлениями связаны с тем, что для психологии человеческого бытия основной является категория субъекта, а для экзистенциальной психологии — категория личности.

Ключевые слова: жизненный контекст, психология повседневности, жизненное пространство, бытийный контекст, психология человеческого бытия, экзистенциальная психология, жизненный мир.

Онтологические проблемы существования человека в мире в отечественной психологии являются предметным полем, в котором пересекаются интересы нескольких исследовательских направлений: психологии повседневности, психологии человеческого бытия и экзистенциальной психологии.

Растущий интерес к онтологии существования человека в мире является одной из примечательных черт развития отечественной психологии нового века. В основе нарастающего внимания к онто-

логической проблематике — стремление преодолеть ее фактическое игнорирование в отечественной психологии прошлого. С другой стороны, изменения современной реальности, приведшие к принципиально новым реалиям в жизни людей, становятся вызовом не только к отдельному человеку, но и к психологической науке, ищущей способы описания этой новой реальности.

Эту задачу пытаются решить упомянутые подходы, работающие с онтологическими проблемами существования человека: психология повседневности, психология человеческого бытия, экзистенциальная психология, соотношение проблемных полей которых недостаточно прояснено, в связи с чем происходит как их смешение, так и неточная интерпретация отдельных направлений.

Современная психология исходит из многомерности мира существования человека и соответствующей этой многомерности вариативности возможных форм взаимодействия человека с окружающим миром.

Необходимость поиска способов описания данной многомерности ставит задачу ее концептуализации. В частности, В. В. Знаков, в связи с разработкой проблем психологии понимания, отмечает, что разным уровням реальностей существования человека соответствуют разные исследовательские подходы — каждая из типов реальностей описывается через свои способы, формы и типы понимания (Знаков, 2016).

На основе анализа разных областей психологии можно выделить несколько контекстов существования человека — ситуационный, жизненный и бытийный. *Ситуационный контекст* — это базовый уровень, уровень непосредственной среды существования человека; уровень жизненного контекста описывает мир повседневной жизни человека; бытийный уровень отражает существование человека в мире в его экзистенциальных данностях.

Для ситуационного контекста основным концептом описания взаимодействия человека с окружающим миром является понятие ситуации, и именно взаимодействие человека с ситуацией становится первым предметом концептуализации взаимодействия человека с контекстом в психологической науке, в частности в систематизации его объяснительных моделей, предпринятой Хеккаузенем.

Жизненный контекст — это социокультурный мир и повседневная реальность существования человека. Проблематика жизненного контекста, традиционно представленная в отечественной психологии в изучении жизненного пути человека, в настоящее время становится основным предметом внимания в относительно новой оформляющейся области *психологии повседневности*.

Особая актуальность разработки тематики повседневности связана с тем, что именно повседневная реальность образует проблемное поле, отвечающее запросу изучения «изменяющегося человека в изменяющемся мире». Кроме того, современными исследователями отмечается, что повседневность — пространство стратегий жизнедеятельности человека, позволяющих поддерживать идентичность, связность жизненного пути, уменьшать неопределенность и тем самым справляться с ситуацией транзитивности (Марцинковская, 2017).

Жизненный контекст — это пространство повседневного существования человека, реализации его жизненных целей и задач, в изучении которого могут быть использованы понятия, описывающие жизненный путь человека, а также концепт жизненного пространства К. Левина. Преимущество концепта жизненного пространства связано с соединением личности и ее ситуации в общей единице описания. Левином сформулированы принципы описания жизненного пространства, его структуры, характеристик, изменений во времени.

Динамический аспект существования личности в повседневности может быть описан с помощью понятия жизненного стиля, который, по выражению Адлера, одним из первых обратившегося к разработке понятия стиля жизни, является основным объяснительным понятием «всего, что случается с человеком на протяжении индивидуального жизненного пути».

Бытийный контекст, интерес к которому характерен прежде всего для отечественной психологии, впервые был обозначен как мир жизни человека в работах С.Л. Рубинштейна. Принципиальным в его понимании является обозначение бытийного уровня как несводимого к жизненному пути человека, он, по Рубинштейну, представляет собой выход человека «из полной поглощенности непосредственным процессом жизни» (Рубинштейн, 2003).

Принципиальное значение в этой связи имеет глава «Онтология человеческой жизни» в последней книге С.Л. Рубинштейна «Человек и мир», в которой намечены принципиальные линии изучения психологии человеческого бытия. Основополагающий тезис его подхода состоит в утверждении неразрывной соотнесенности человека с миром и преобразующей роли его деятельности по отношению к бытию: «Человек включен в бытие своими действиями, преобразующими наличное бытие».

Развитие человека, его становление Рубинштейн описывает как «возникновение все более высоко организованных и качественно новых уровней бытия». В этом смысле жизнь — это не просто путь в плоскости движения к новым горизонтам, но и развитие «по вертикали», движение жизни «по восходящей».

Категория бытия является фундаментальной для психологии человеческого бытия и экзистенциальной психологии.

Психология человеческого бытия получает свое развитие в идеях психологии субъекта А. В. Брушлинского, в работах В. В. Знакова, других его учеников и последователей. Эвристический потенциал базовых принципов психологии субъекта позволил развить ряд перспективных направлений в исследовании психологии субъекта и субъектности.

Психология человеческого бытия складывается на основе идей онтологии человеческой жизни С. Л. Рубинштейна. При этом, замечает С. Л. Рубинштейн, «анализ отношения человека к миру должен идти сначала не в плане психологическом и субъективно-этическом, а в онтологическом, что и предполагает раскрытие способа существования человека в мире» (Рубинштейн, 2003, с. 357). Это «возвышение жизни», ее возвышенный план предполагает свободу человека, его способность отстаивать высшие смыслы жизни вопреки всему.

Экзистенциальная психология — это область психологии, изучающая взаимоотношения человека с жизненным миром, его отношение к фундаментальным проблемам человеческого существования, психологическое бытие человека, осуществляемое через бытие-в-мире, через диалог с миром. Предметное поле экзистенциальной психологии складывается под влиянием экзистенциальной философии и традиционно включает в себя сущностные дилеммы и глобальные вопросы жизни человека, жизнь человека в неразрывной связи с миром, с его вечными вопросами о смысле жизни, свободе и ответственности, о смерти и одиночестве, надежде и отчаянии. «Классическая» экзистенциальная психология обращается к тому, как человек *переживает* проблемы своего бытия. Онтологический аспект экзистенциально-психологического подхода связан с превращением всеобщего и универсального бытия в индивидуальный жизненный мир человека, с тем, как человек *строит* свое бытие.

В психологии человеческого бытия и экзистенциальной психологии человек рассматривается в контексте бытия, что предполагает изучение и контекста реальных отношений человека с миром, и переживание человеком проблем своего бытия. В качестве единицы описания бытийного контекста может рассматриваться *концепт «жизненный мир»*.

В научный дискурс отечественной психологии понятие «мир» было введено С. Л. Рубинштейном. Еще в своих ранних работах («Бытие и сознание») он не просто анализирует соотношение бытия и сознания, но бытия и человека, его действительное отношение к бытию. Жизненный мир — это обобщенная психологическая характерис-

тика, интегрирующая смыслы, ценности, направленность человеческой жизни в их неразрывной связи с реальным бытием. Это понятие описывает именно ту реальность, которая в настоящее время начинает активно исследоваться психологами. Данный конструкт обладает высоким эвристическим потенциалом и именно благодаря работам психологов экзистенциального направления имеет перспективы интеграции в понятийный аппарат психологии (Меньшикова, Левченко, 2015).

Категории бытия и жизненного мира являются центральными и для психологии человеческого бытия, и для экзистенциальной психологии.

Вместе с тем психология человеческого бытия и экзистенциальная психология имеют и свои особенности. В. В. Знаков считает, что их различия имеют принципиальный характер и связаны с подходами к описанию и эмпирическому обоснованию изучаемых явлений, с интерпретацией связности человека с окружающим миром, его диалога с ним, а также с этической позицией разных подходов (Знаков, Рябкина, 2017). Оценки такого рода зачастую связаны с допуском в литературе смешением экзистенциальной психологии и экзистенциальной психотерапии как практике оказания помощи и консультирования в области экзистенциальной проблематики.

Принципиальные различия, на наш взгляд, связаны прежде всего с тем, что для психологии человеческого бытия основной является категория субъекта, а для экзистенциальной психологии — категория личности. Сошлемся, в частности, на предложенное Е. А. Сергиенко понимание дифференциации понятий субъекта и личности, в соответствие с которым «личность задает направление движения, а субъект — его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Тогда носителем содержания внутреннего мира будет выступать личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах — субъект». Функции личности — это порождение личностных смыслов, ценностей, смысложизненных ориентаций; переживание как отношение к событиям или ситуации; направленность на определенные значимые стороны реальности (Сергиенко, 2016, с. 106–107). Данная феноменология фактически совпадает с описаниями предметного поля экзистенциальной психологии.

Таким образом, в предметном поле отечественной психологии, обращаясь к онтологической проблематике существования человека, могут быть выделены психология повседневности, описывающая жизненный контекст, жизненное пространство и жизненный путь человека; психология человеческого бытия и экзистенциальная

психология, оперирующие понятиями бытия и жизненного мира и обращающиеся соответственно к категориям субъекта и личности.

Литература

- Знаков В. В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Знаков В. В., Рябикина З. И.* Психология человеческого бытия. М.: Смысл, 2017.
- Марцинковская Т. Д.* Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2017. № 10 (56). С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 05.05.2018)
- Меньшикова Л. В., Левченко Е. В.* Об истории становления понятия «жизненный мир» в психологии // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2015. № 2. С. 4–9.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Сергиенко Е. А.* Современные идеи развития в психологии // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 84–115.

Ontological problems: description concepts

N. V. Grishina (St Petersburg)

Doctor of Psychology, St Petersburg State University

In Russian psychology ontological problems of human existence in the world are a subject of study of several research directions – psychology of everyday life, psychology of human being and existential psychology. Psychology of everyday life studies a life context, described by concepts of life space and life course of a person. An existential context of human existence is studied in psychology of human being and in existential psychology, it involves studying a context of person's real relationship with the world and experiencing a person's problems of being. A concept of "life world" can be considered as a unit of description of an existential context. The differences between these two directions are due to the fact that for psychology of human being the main category is a category of subject, and for existential psychology the main one is a category of personality.

Keywords: life context, everyday life psychology, life space, existential context, psychology of human being, existential psychology, life world.

Эскапизм в аспекте проблемы диффузии идентичности

*А. Ш. Гусейнов**, *В. В. Шиповская*** (Краснодар)

** доктор психологических наук, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма; e-mail: aguseinov@yandex.ru*

*** кандидат психологических наук, Кубанский государственный университет; e-mail: victship@mail.ru*

В статье представлена общая характеристика эскапизма, который рассматривается с позиции субъектно-бытийного подхода как форма протеста, соответствующая модусу бытия личности. Анализируя работы ученых по исследованию эскапизма и опираясь на собственные многолетние исследования, авторы приходят к выводу, что эскапизм возникает как примитивная психологическая защита, направленная на избегание невыносимого стресса и дискомфорта невротической тревоги, которые вызываются неопределенностью. Описана связь между нарушениями структуры идентичности, регуляторными умениями, системой смысложизненных установок и спецификой межличностного познания, побуждающая к уходу от субъективной неопределенности. Комплекс выявленных связей свидетельствует об отказе от экзистенциального самоопределения и влечении личности к объектному полюсу. Показано, что главным компонентом субъектной активности при эскапизме становится замещающе-компенсаторная активность, позволяющая прогнозировать формирование широкого круга зависимостей и личностную беспомощность.

Ключевые слова: избегание неопределенности, тревога, эскапизм, диффузия идентичности, беспомощность.

Актуальная социокультурная ситуация, для которой характерно усложнение структуры общественной жизни, разнообразие культурных контекстов и неопределенность, расширяя индивидуальные возможности самоопределения, творческой самореализации

субъекта, в то же время создает специфическую экзистенциальную тревогу и осложняет процесс самоидентификации. Неспособность справиться с вызовами неопределенности и увидеть для себя новые многочисленные возможности самоосуществления в мире приводит к формированию противоречивых и неконструктивных моделей поведения, вплоть до эскапизма. Стремление личности уйти от пугающей неопределенности в мир иллюзий, беспомощность, отчуждение, девиантное поведение нередко сопутствуют эскапизму. В психологическом плане эскапизм, проявляемый в разных формах, представляет угрозу целостности личности и актуализирует проблему личностной идентичности, прежде всего, со стороны дефицитарности ценностно-смысловой регуляции отношений и невротического искажения реальности.

Применительно к проблеме эскапизма Р. Мертон выделяет ряд внешних и внутренних факторов, при которых следует ожидать развитие психических отклонений: 1) острая аномия; 2) наличие противоречия – сочетание полной интериоризации культурных целей с недоступностью законных средств их достижения, результатом которого становится фрустрация и ретритизм; 3) духовная слабость (Мертон, 2006.)

По мнению Г. Олпорта, все люди предрасположены к эскапизму, и уход от действительности может на некоторое время может обеспечить не только восстановление жизненной энергии и быть полезным. Этот ответ на некоторые жизненные ситуации может быть безвредным для личностной идентичности только в том случае, если доминирующим процессом является противостояние. Соответственно, существенным при этом является способность личности к самостоятельности и автономности. Когда эскапизм становится преобладающей личной диспозицией или морфогенной чертой, этот процесс может нарушать психическое равновесие и распространяться на все сферы жизни человека, обуславливая эмоциональные и поведенческие расстройства (Олпорт, 2002).

Ряд исследователей склонны рассматривать эскапизм как пассивный процесс в контексте избегания или пассивного расстройства личности. Вместе с тем клинический фокус достаточно узок, объясняя лишь некоторые предикторы и формы эскапизма (Millon, Davis, 1996).

В экзистенциальной традиции, направленной на понимание человеческого бытия, всевозможные способы ухода от реальности рассматриваются в нескольких аспектах – в контексте утраты смысла существования, которая воспринимается как угроза Я, дефицита личностной автономности и в аспекте взаимодействия человека с тревогой.

С. Мадди установил, что различные формы эскапизма, находящиеся в диапазоне между авантюризмом и бессодержательным риском, связаны с экзистенциальным неврозом, ложным центрированием жизни (Maddi, 1998). Подобная избыточная и бесплодная активность, направленная на распыление жизненной энергии выполняет защитную функцию, позволяя временно забыть и избавляя человека от переживания кризиса бессмысленности.

В концепции Р. Мэя появление эскапизма связывается с невротической тревогой и утратой ощущения ценности и неповторимости собственного Я. Предпочтение неконструктивных способов обращения с тревогой (вытеснение, отрицание), порождая кратковременное состояние конформистской адаптации, приводит к искаженному восприятию реальности, психотической депрессии и выбору разных форм ухода от реальности (Мэй, 2011).

Д. А. Леонтьев отмечает конструктивность тревоги, поскольку только в столкновении с ней можно научиться внутренней вере, обрести подлинную уверенность и самоуважение, преобразовывать реальность в соответствии со своими ценностями и ожиданиями. Стремление полностью избежать тревоги, уход от осознания и попытка законсервироваться ведет к появлению невротического варианта тревоги и избеганию жизни в целом (Леонтьев, 2003).

По мнению В. В. Шиповской, невротическая тревога, обусловленная страхом и непродуктивным ответом на сложные жизненные ситуации, является составной частью аффективного компонента беспомощности, который связан с переживанием обиды и разочарованием. Автор интерпретирует факт беспомощности и отказ от активности как результат негативного прогнозирования собственной деятельности в сложной ситуации, устойчивой тенденции к переоценке расхождения личностных ресурсов и требований ситуации, субъективно оцениваемой как непреодолимая и неподконтрольная (Шиповская, 2009).

Е. Т. Соколова считает, что бегство от неопределенности свидетельствует о «хрупкости» Я, высоком уровне тревожности и субъективного неблагополучия, а предпочтение устойчивых традиций, авторитарного стиля власти и сопротивление изменениям интерпретируется как проявление бессознательных и примитивных психологических защит против избыточного и субъективно невыносимого стресса и дискомфорта перед лицом неизбежности персонального выбора (Соколова, 2015).

Р. Д. Лэйнг предложил термин «онтологически уверенная личность», который отражает не только переживание личностной автономии и наличие временной непрерывности, но и готовность субъек-

екта встречать жизненные трудности с адекватным восприятием реальности, с твердым ощущением самого себя и пониманием индивидуальности других людей, что дает опору в жизни, несмотря на обстоятельства. Термин «расколотое Я» отражает процесс утраты самоидентичности, невозможность осознавать себя как согласованного и автономного субъекта, а также контролировать жизненные события. Более того, именно дефицит чувства автономии приводит к межличностному диссонансу и космической отчужденности, поскольку внешняя реальность и другой человек представляются как угрожающие, убийственные для «Я», в результате чего личность не может переживать ни отделенность от других, ни связанность с ними. При поражении личностной автономии наблюдаются устойчивые колебания между двумя крайностями – между полюсом полной изоляции и полюсом полного слияния индивидуальностей, каждый из которых недостижим и исключает глубокое самопонимание и понимание внутреннего психологического мира значимых других (Лэнг, 1995).

В контексте авторской концепции протестной активности личности эскапизм рассматривается в онтологическом контексте как одна из форм протеста. В наших исследованиях показано, что эскапизм приводит к определенной деконструкции бытия, к «перезагрузке» как среды, так и самого субъекта, т. е. эскапизм реконструирует бытийное пространство (Гусейнов, 2013).

Переосмысливая рассмотренные теоретические положения и исследовательскую фактологию в рамках методологии субъекта, мы пришли к выводу, что устойчивость и сложность преодоления эскапизма заключена в феномене способа существования и концентрируется вокруг проблемы субъективной и объективной неопределенности, а также темы самоопределения, отказ от которого вызывает разные проявления эскапизма.

Цель – анализ особенностей эскапизма со стороны личностных противоречий и связанной с ними диффузии идентичности. Исследование изучения специфики эскапизма проводилось нами в Краснодарском крае. Респондентами (N=1200) выступили подростки, юноши и девушки, молодежь (M=21,3 года), т. е. лица, находящиеся на этапе самоопределения.

Анализировались смысложизненные ориентации и преобладающие ценности личности, способы совладания с жизненными трудностями, личностные особенности. Были рассмотрены значимые связи шкалы эскапизма методики протестной активности личности (ПАЛ) со шкалами, определяющими различные признаки и особенности эскапизма.

Было выяснено, что эскапизм проявляется в тесных связях со шкалами методики психологических защит Г. Келлермана—Р. Плутчика: раскрыты значимые корреляции шести шкал и двух индексов ($p < 0,05 - 0,01$). Максимальная напряженность защитных механизмов обнаружена в сопряжении со шкалами замещение, вытеснение, регрессия ($p < 0,01$), заметная связь наблюдается и со шкалой компенсация.

У лиц с эскапистскими установками преобладают примитивные защиты, в совокупности усиливающие друг друга. Раскрытый паттерн связей свидетельствует о преобладании в структуре личности защитного поведения по типу замещения — регрессии, порождающего избегание любых ситуаций, усиливающих тревогу. Актуализация указанных защит повреждает целостность, связность и стабильность личности, нарушает ее идентичность, способствует фиксации непродуктивных способов поведения.

Обнаружены также значимые связи шкалы эскапизма со всеми основными шкалами методики Мини-мульти: сверхконтроль, пессимистичность, эмоциональная лабильность импульсивность, ригидность, тревожность, индивидуализм, гиперактивность ($p < 0,01$). Эти показатели говорят о высокой степени дезинтеграции в мотивационно-потребностной сфере личности. Кроме того, определено, что у лиц с эскапистскими установками преобладают неконструктивные копинг-стратегии (по методике С. Хобфолла), о чем свидетельствуют полученные отрицательные корреляции эскапизма со шкалой «поиск поддержки» и шкалой «осторожность» ($p < 0,05$).

Глубокие внутриличностные противоречия эскаписта, искажающие картину мира, создают серьезные трудности в общении. Выявлена значимая отрицательная связь эскапизма со шкалой справедливость Шкалы базисных убеждений личности Р. Янов-Бульман ($p < 0,05$). Мир представляется эскаписту враждебным и несправедливым, в связи с чем усилия, направленные на выстраивание близких, надежных отношений с окружением кажутся невозможными.

Значимые связи шкалы эскапизма со шкалами методики ОТеЦ указывают на то, что личность, склонная к эскапизму, не стремится к саморазвитию, овладению духовными ценностями, к достижениям и материальному благополучию ($p < 0,05 - 0,01$). На фоне отсутствия стремления к личной власти отмечено пренебрежение безопасностью и склонность к стимуляции, которая может приводить к выбору экстремальных форм активности. У представителей этого типа выявлена примитивная система смысложизненных установок. Выявлены значимые негативные связи эскапизма со всеми шкалами методики СЖО Д.А. Леонтьева: цели, процесс, результат, Локус Я, Локус жизнь и общим индексом СЖО ($p < 0,01$). Эти показатели от-

ражают присущую эскапистской личности неудовлетворенность результатами, невозможность осмысливать и контролировать свою жизнь и реальные жизненные ситуации; быть ответственными за результаты своей деятельности. Кроме того, для представителей этого типа характерна низкая самооценка и низкий референтометрический статус ($p < 0,05$).

Очевидно, что развитию диффузной идентичности способствует непринятие себя, выбор самых неконструктивных стратегий совладания с трудностями, а также неуспешность в реальной референтной группе. Все описанные выше корреляции свидетельствуют о выраженных личностных деструкциях, побуждающих к уходу от субъективной и объективной неопределенности. При этом главным компонентом субъектной активности становится замещающе-компенсаторная активность, склонность к регрессии, стремление к стимуляции, что делает возможным формирование зависимостей. Тревога, вызванная внутриличностным конфликтом, вытесняется, но лишь частично, конфликт прорывается в сознание в виде непринятия себя. Полагаем, что эскапизм обладает многоплановостью и проявляется как двойной динамический конфликт – внешний, порождаемый конфронтацией личности с окружением, и внутриличностный, связанный с отказом от экзистенциального самоопределения.

Эскапизм обнаруживает определенные черты сходства с нарциссизмом: нарциссическая личность не способна заботиться о других, в то время как человек с эскапистскими установками, склонный к изоляции, отказывается в заботе самому себе. Е. Т. Соколова, полагает, что нарциссизм сопровождается беспомощностью и непереносимостью даже незначительных неудач, которая обескураживает настолько сильно, вплоть до ощущения абсолютной недееспособности. Отчуждение и истязавший мазохизм настолько сильно пронизывают личность, что человек не может не только просить о помощи, но и принять ее, испытывая при этом искреннюю благодарность (Соколова, 2015).

Таким образом, эскапизм выглядит как один из самых непродуктивных способов разрешения противоречий и преодоления объективной и субъективной неопределенности. Выявлены базовые противоречия: между реальностью и образом бытия; между убежденностью в правильности своего способа существования и его негативной общественной оценкой. Неспособность адекватно осмысливать и выдерживать противоречия приводят к тому, что реальность кажется шокирующей, враждебной и несправедливой, в отличие от идеализированного и иллюзорного образа другой, лучшей жизни, в связи с чем избираются разные способы отвлечения от реальности. Иссле-

дование демонстрирует, что симптомы отнюдь не независимые явления, а служат выражением диффузии идентичности и модуса бытия личности в целом.

Литература

- Гусейнов А. Ш.* Специфика эскапизма в контексте протестной активности личности // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 3. С. 20–33.
- Леонтьев Д. А.* Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 2. С. 107–119.
- Лэнг Р. Д.* Расколотое «Я». СПб.: Академия—Белый Кролик, 1995.
- Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ—Хранитель, 2006.
- Мэй Р.* Смысл тревоги. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011.
- Олпорт Г.* Становление личности: избранные труды. М.: Смысл, 2002.
- Соколова Е. Т.* Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015.
- Шиповская В. В.* Психологический феномен беспомощности // Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 4. С. 38–53.
- Maddi S. R.* Creating Meaning Through Making Decisions // The Human Search for Meaning / Eds P. T. P. Wong, P. S. Fry. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 1998. P. 1–25.
- Millon T., Davis R. D.* Disorders of personality: DSM-IV and beyond. N. Y.: Wiley, 1996.

Escapism in the aspect of the problem of identity diffusion

A. Sh. Guseinov, V. V. Shipovskaya** (Krasnodar)*

* Doctor of Psychology, Kuban State University of Physical Culture, Sport and Tourism

** Candidate of Psychological Sciences, Doctoral Student, Kuban State University

A general characteristic of escapism, which is viewed from the perspective of the subjective-existential approach as a form of protest, corresponding to the mode of being of the personality is given in the article. Analyzing the scientists' publications on the study of escapism and describing his own long-standing studies, the author comes to the conclusion that escapism arises as a primitive psychological defense aimed at avoidant behavior unbearable stress and discomfort of neurotic anxiety, which are caused by ambiguity. A relationship between violations of the identity structure, regulatory skills,

a system of life-purpose affirmations and specificity of intersocial gnosis, that impels to escape from subjective uncertainty, is described in the article. The complex of lensed connections testifies to the rejection of existential personal identity and personality's attraction to the object pole. It is shown, that a key factor of subjectival activity in case of escapism becomes substitute-compensatory activity, which allows to predict the formation of a wide range of dependencies and personal helplessness.

Keywords: avoidance of uncertainty, anxiety, escapism, identity diffusion, helplessness.

Исследования идентичности: где темы для дискуссии?

А. Н. Кимберг (Краснодар)

кандидат психологических наук, доцент, Кубанский государственный университет; e-mail: akimberg@gmail.com

Большое число концепций идентичности требует создания единого пространства обсуждения с согласованным перечнем проблем и сходным пониманием основных терминов. Заслуживает обсуждения проблема уровней «образа себя» и, прежде всего, осознаваемой и неосознаваемой идентичности. Следует также различать описания идентичности «от первого лица» и «от третьего лица»: относительно редко представление о себе презентуется личности в терминах внешнего наблюдателя. Особую важность приобретает изучение «субъективной онтологии» и идентичности как нарратива. Подчеркивается также, что идентичность не сводится к идентификации с человеком или группой, а представляет собой процесс определения человеком своих отношений со значимыми сущностями социального, культурного и духовного мира. Обсуждается также необходимость понимания развития идентичности как совместного договора общества и индивида и последствия его невыполнения.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, отношение, нарратив, позиция «от первого лица».

Конструкт идентичности все шире используется отечественными исследователями. Поскольку он изначально замышлялся как междисциплинарный, то им с успехом пользуются представители многих наук об обществе и человеке (Идентичность..., 2017). Стоящий за понятием идентичности феномен имеет сложную природу, что порождает множество подходов к его изучению и, соответственно, множество его описаний. Хотелось бы не утратить целостное понимание идентичности, даже если она оказывается предметом внимания нескольких наук или научных отраслей. Поэтому было бы полезно сопоста-

вить проблемы и решения, возникающие при различных аспектах рассмотрения идентичности. Далее я пробую представить несколько из них, исходя прежде всего из моего интереса к ним.

В рамках системного подхода идентичность принимает вид *образа системы*, который возвращается ей как продукт рекурсивного потока информации при каждом акте ее активности в окружающей среде. Этот образ системы всегда оказывается результатом предыдущей активности и исходным состоянием для порождения ее в перспективной активности, поэтому он запрашивается в любом взаимодействии с миром и является основой построения субъективного будущего. Нашему внутреннему наблюдателю – интенциональному аспекту нашего Я – этот образ оказывается доступен на уровне осознания и в тех формах, которые соответствуют этому уровню. Его функционирование на остальных уровнях происходит без участия нашего Я, но может быть установлено по косвенным индикаторам, о чем свидетельствуют исследования таких явлений, как имплицитная (неосознаваемая) самооценка (Falk, Heine, 2014), сопротивление собственным намерениям (прокрастинация), диалогическое Я (Hermans, 2001) и множественные идентичности. Несмотря на то, что основная часть исследований идентичности имеет дело с более или менее осознаваемыми представлениями человека о себе, стоит помнить о том, что основная часть айсберга остается под водой. Поэтому неосознаваемые или слабо осознаваемые формы идентичности существенным образом определяют наше поведение.

Вместе с тем есть точка, в которой скрытые от наблюдения процессы объективируются и результируются в отчетливом и фиксируемом акте. Это моменты самоопределения – выбора субъектом одной из альтернатив в ситуации, предъявляющей значимые для его жизни развилки возможных линий жизненного пути. Идентичность проявляет себя через выборы субъекта: и содержание сделанных выборов, и способ, которым эти выборы совершались, открывают ее для наблюдения и понимания.

Уникальность феномена идентичности в том, что он обращен в две стороны: для акторов внешнего мира – это определенность субъекта, исходя из которой он действует; для самого субъекта – это осознанное переживание его отношения и связей с миром: реальных, желаемых и вероятных, удовлетворяющих его и беспокоящих его. Обобщающее определение идентичности как субъектного феномена было недавно предложено В. А. Емелиным, Е. И. Рассказовой и А. Ш. Тхостовым (Емелин и др., 2018). Идентичность была определена на феноменологическом уровне как тождественность самому себе, репрезентированная индивиду через чувства принадлеж-

ности, контроля, включенности и, как результат, осмысленности существования. «Идентичность – это феноменологически переживаемая субъектом тождественность самому себе в культурно-историческом хронотопе <...> воспринимаемая им как чувство принадлежности/непринадлежности к общностям и субъектам...» (там же, с. 35). Это определение позволяет связать конструкт идентичности с конструктами субъектности и жизнестойкости и их основными составляющими, что углубляет наше понимание общих процессов становления отношении человека к миру. Оно также является эвристичной базой для продолжения обсуждения феномена идентичности.

Механизм саморегуляции, включающий осознание себя и мира, работает по иным законам, чем те, что открываются наблюдателю, действующему из позиции «от третьего лица», принятой в естественных науках и отождествляемой с наукой вообще. Встретившись с этой проблемой, В. Б. Швырков еще в 90-е годы писал: чтобы понять поведение кролика, надо смотреть на мир глазами кролика (Швырков, 1995). Не имея знания о том, что видит и как с этим «видением» поступает «кролик», исследователь часто создает классификации типов идентичностей, которые полезны для обсуждения, но не очень похожи на те формы, в которых проблемы возникают и решаются в головах героев наблюдения.

Методы исследования идентичности главным образом основываются на концепции статусов идентичности Эриксона–Марсиа (структурированное интервью или опросники о совершенных или несовершенных жизненных выборах). В результате обстоятельного общения с человеком исследователь получает довольно бедный по содержанию результат: возможность отнести респондента к одному из четырех статусов идентичности. Остальное многообразие отношении человека с миром и способов его переживания себя остаются за рамками рассмотрения.

Это положение дел обосновывает важность исследования идентичности как нарратива, поскольку в проявленном виде она существует для субъекта (и может быть объективирована для других) именно как повествование о себе и своих отношениях с миром. Изучение нарратива, дополняемое наблюдением за социальной активностью человека, может приблизить нас к пониманию его *субъективной онтологии*. Такое понимание возможно только при достаточном отождествлении наблюдателем себя со способом жизни индивида в том мире и той культуре, в которой он живет. Нарративный подход возвращает нас к опыту этнометодологии, но примененному к отдельно взятому индивиду.

Идентичность в отечественных текстах часто рассматривается в связи с идентификацией, причем иногда эти понятия употребляются как взаимозаменяемые. Эта практика частично спровоцирована самим же Эриксоном, который иногда так поступал. Но он же описал и свое видение последовательности процессов, ведущих Я индивида к зрелому состоянию. «Формирование идентичности, наконец, начинается там, где идентификация становится непригодной. Она вырастает из избирательного отказа от одних и взаимной ассимиляции других детских идентификаций и их объединения в новую конфигурацию, которая, в свою очередь, определяется процессом, посредством которого общество (часто через субкультуры) идентифицирует юного индивида с тем, кем он, само собой разумеется, должен стать» (Эриксон, 1966, с. 170).

Когда мы находимся в позиции третьего лица по отношению к индивиду, то мы его идентифицируем (относим к группе с определенными характеристиками). Но этот процесс не имеет прямого отношения к субъекту, выстраивающему свою идентичность. Последний принимает к сведению внешние оценки себя, когда он их получает. Он также знает свой статус в обществе. Но и внешние оценки, и формальные статусы (внешние идентификации) настолько опосредовано включаются в Я индивида, что говорить об идентификации (отождествлении или слиянии) не приходится. Идентификация такого рода возможна в детстве, у взрослых же людей она имеет место гораздо реже и очень избирательна в отношении своих предметов.

Поэтому процесс идентичности лучше описывается не термином «идентификация», а понятием «самоопределение». Что есть идентификация ребенка или подростка со значимым взрослым? Это освоение тех способов взаимодействия с миром, практикуемых значимым Другим, в которых нуждается, но еще не имеет подросток. Идентификация содержательно состоит в попытке обучиться некоему отношению к миру и освоить его. Но субъект сам отбирает нужные для него аспекты Другого, а это уже следует понимать как самоопределение и саморазвитие. Даже когда мы говорим о социальной идентичности, которая, казалось бы, предстает перед нами как идентификация в чистом виде — переживание принадлежности человека к группе и принятие ее целей и ценностей — то и за ней чаще всего мы находим осознанное решение субъекта принять группу как свою или дистанцироваться от нее.

Мы видим, что становление идентичности происходит через самоопределение человека в окружающем его мире. Что представляет собой самоопределение? Это установление отношения к значимым для человека сущностям. Слово «сущность» используется нами

для того, чтобы позволить понимать под ним все, что может помыслить человек и к чему он может отнести. Если процесс становления идентичности мы будем понимать как установление отношений, то любое описание актуального состояния индивида будет представлять действующую систему его отношения с миром, в центре которой находится он сам. Из позиции «от первого лица» это переживание субъектом тех отношений, которые активны для него в данный промежуток времени. Феноменологически они даны для него как желания, опасения, обязанности, проекты, обязательства, ресурсы, но также — на определенном уровне развития — экзистенциальные ценности. Субъект переживает себя как «тот, кто делает это», ибо так называемые личностные качества имеют смысл только в деятельном отношении к миру (Houser-Marko, Sheldon, 2006).

Для самоопределения в пространствах мира — эмпирической, социокультурной, экзистенциальной реальностях (Знаков, 2016) — человеку нужно выделить в них значимые сущности и установить способы отношения с ними. Если для социокультурной реальности эти задачи относительно хорошо описаны, то о самоопределении в экзистенциальной реальности известно гораздо меньше. «Основаниями понимания событий и ситуаций в экзистенциальной реальности являются *переживание и опыт*» (Знаков, 2014, с. 313). Они дают в случае успеха *понимание — постижение* (там же, с. 314) сущности, с которой встретился молодой человек. Сама работа переживания состоит в размещении экзистенциальной сущности в субъективной онтологии индивида таким образом, чтобы ее присутствие было осмысленным и принятым личностью. Это требует формирования у молодого человека не только представления о «фундаментальной прагматике жизни» (там же), но и присутствия Учителя, способного предъявить ему позитивную практику отношения.

Хотя молодые люди переживают настойчивую потребность создать понятную картину мира и своего места в нем, они не могут сделать этого без встречного движения общества — от повседневного примера родителей до предложения им той или иной организованной картины мира (идеологии, в широком смысле слова). В основе идеальной модели становления идентичности, разработанной в 90-е годы У. Куртинесом в продолжение идеи Эриксона, лежит принцип *взаимной ответственности индивида и общества*. Развитие идентичности представлено как процесс, совместно-разделенный между индивидом и его социальным окружением: общество обеспечивает индивида возможностями развивать когнитивные и психосоциальные компетенции (например, предоставляет ему возможности получить образование, тренирует его социальные навыки, сертифици-

рует полученную квалификацию и т. д.); в свою очередь, индивиды берут на себя ответственность за рост и развитие общества, участвуя в деятельности социальных институтов.

Однако мы наблюдаем сегодня мощную тенденцию развитых обществ к сокращению обязательств по поддержке становления идентичности молодых людей. Эта ситуация, естественно, имеет последствия. Если общество как один из партнеров по договору не выполняет свои обязательства по поддержке становящейся идентичности молодых людей, то и они перестают выполнять свои обязательства перед обществом, что реализуется в форме многочисленных форм девиантной социализации, совмещающих в себе отказ от участия в делах общества, призыв о помощи и агрессию по отношению к недружественному миру. Эскапизм, отказ от взросления, самоповреждающее или рискованное поведение, суициды, демонстративное нарушение норм, вандализм, агрессия к окружающим и чрезмерная жестокость — эти крайние формы поведения имели место всегда, но есть ощущение того, что они распространяются все больше.

Понятно, что вопросы жизни и смерти, предназначения и смысла, спасения и долга, любви и ответственности для человека труднее и важнее остальных, поскольку они создают основу для его внутренней мотивации и способны наделить смыслом его жизнь. Вытеснение их из осознания в пользу текущих социальных стимулов, обычно и происходящее, не является хорошим вариантом, поскольку они склонны возвращаться тогда, когда человека настигают трудности в социальном мире. Тогда нерешенные экзистенциальные вопросы усугубляют его кризис, а наличие опор в экзистенциальной реальности позволяет пройти его с минимальными личностными потерями.

Большая часть наших реальностей создана нами и разделена с окружающими. Мы приглашаем Других в свои реальности и сами входим в реальности Других, в том числе и людей, которых давно уже нет. Это пространства собственно человеческого бытия, в которых существуют чрезвычайно важные для нас вещи. Отношения с сущностями этих пространств могут быть определяющей частью нашей идентичности.

Определение себя в отношении значимых вещей мира, в котором выпало жить — наша идентичность — не сводится к идентификациям (чувству принадлежности к общностям и субъектам или иллюзии обладания ими). Отношения субъекта к миру потенциально гораздо многообразнее, по крайней мере, пока не прозвучит классический вопрос «С кем вы, мастера культуры?» с не менее известным уточнением «Кто не с нами, тот против нас». Тогда идентичность, действительно, может быстро свести себя до принадлежности од-

ной из сторон диалектического противоречия. Но это кратковременный и преходящий, хотя и повторяющийся эксцесс развития человечества.

Литература

- Емелин В. А., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш.* Единство и разнообразие процессов формирования идентичности личности // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 27–38.
- Знаков В. В.* Понимание субъектом трех реальностей человеческого бытия // Известия Саратовского университета. Акмеология развития. Психология развития. 2014. Т. 3. Вып. 4 (12). С. 311–315.
- Знаков В. В.* Понимание субъектом социокультурной реальности мира человека // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 1. С. 6–25.
- Идентичность: личность, общество, политика. М.: Весь мир, 2017.
- Швырков В. Б.* Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1966.
- Falk C. F., Heine S. J.* What Is Implicit Self-Esteem, and Does it Vary Across Cultures? *Personality and Social Psychology Review*. 2015. V. 19. № 2. P. 177–198.
- Hermans H.* The Dialogical Self: Toward a Theory of Personal and Cultural Positioning // *Culture & Psychology*. 2001. V. 7. P. 243–281.
- Houser-Marko L., Sheldon K.* Motivating Behavioral Persistence: The Self-As-Doer Construct // *Personality and social psychology bulletin*. 2006. V. 32. P. 1037–1049.

Identity studs: where are themes for discussion?

A. N. Kimberg (Krasnodar)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Kuban State University

A large number of the concept of identity requires the creation of a discussion space with an agreed list of problems and a similar understanding of the basic terms. The problem of the levels of the “image of oneself” and, above all, of a conscious and unconscious identity deserves discussion. It is also necessary to distinguish descriptions of identity “from the first person” and “from the third person”: it is relatively rare for a person to present himself in terms of an external observer. Of particular importance is the study of “subjective ontology” and identity as a narrative. It is also emphasized that identity is not confined

to identification with a person or a group, but is a process of determining a person's relationship with the significant entities of the social, cultural and spiritual world. It also discusses the need to understand the development of identity as a joint contract between the society and the individual and the consequences of its non-fulfillment.

Keywords: identity, identification, relation, narrative, position “from the first person”.

Субъектные ресурсы личности в инновационном образовательном пространстве

Н. В. Ковалева (Майкоп)

кандидат психологических наук, доцент, Адыгейский государственный университет; e-mail: natkov2007@rambler.ru

В статье раскрываются особенности инновационного образовательного пространства, приводятся факторы возникновения, развития психологического стресса личности как субъекта инновационно-образовательного процесса — неопределенность и недостаточность информации, частые информационные изменения, проблемы организации рабочего места, специализация и нарушения разделения труда, жесткие временные ограничения. Определено содержание субъектных ресурсов личности, влияющих на успешность инновационной деятельности: жизнеспособность, субъектная идентичность, интернальность, субъектная позиция, принятие риска. Приводятся результаты практического исследования, в котором доказано, что выраженность субъектной идентичности снижает уровень инновационного стресса, увеличивает созидательные возможности личности оценивать ресурсы и управлять своей деятельностью.

Ключевые слова: инновационное пространство, стрессогенные факторы, субъектные ресурсы, жизнеспособность, субъектная идентичность.

Для современного этапа развития общества характерными особенностями являются динамично усложняющаяся реальность, ускорение смены контекста, расширяющиеся информационные потоки в сочетании с большей свободой и неопределенностью. Инновационные процессы, которые активно реализуются практически во всех сферах жизнедеятельности, изменяют психологическое жизненное пространство каждого человека и во многом определяют его поведение, требуют большей мобильности, необходимости соответст-

вовать, а значит, изменений и самосовершенствования (Гришина, Костромина, Мироненко, 2018). Важно понять причины психологических трудностей участников, включенных в инновационные процессы и обозначить их субъектные личностные ресурсы, способствующие жизнеспособности и эффективности их деятельности. Цель данной статьи — описать факторы возникновения, развития профессионального стресса личности в условиях неопределенности и нестабильности инновационного пространства и определить содержание субъектных ресурсов личности, снижающих стресс и влияющих на успешность инновационной деятельности.

С позиций субъектно-бытийного подхода считается, что личность не замкнута, не ограничена внутренним, психическим миром, а включает в себя внешние по отношению к психике объективные пространства явлений, реорганизуемых ею в соответствии со структурой ее смыслов (Рябикина, 2013). А. Н. Кимберг и Е. В. Улько рассматривают жизненное пространство личности как проекцию текущих или длящихся ситуаций социального бытия индивида в пространство его субъективности, выделяют четыре пространства человеческого мира: субъективное, поведенческое (физическое), социальное и культурное, причем та или иная конкретная ситуация отображается в каждом из пространств по-своему. Подчеркивается, что в социальном пространстве социальная деятельность реализуется на разных ступенях, в различных ситуациях, под воздействием тех или иных норм, уровней ответственности, власти, отношений, целей и т. д. (Кимберг, Улько, 2011).

Именно это пространство социального взаимодействия подвержено постоянным социальным изменениям и реформам — реформа ЖКХ, полиции, медицины, армии, промышленности и т. д. Сегодня активно реализуется реформа образования, невольно пронизывающая все системы социальных отношений, так как прямо или опосредованно затрагивает интересы каждого, выступающего в роли родителя, учителя, администратора, работника учреждений дополнительного образования и т. д. У всех участников инновационного образовательного процесса происходит адаптация к новым технологиям и формируются новые личностные психологические компетенции. И. Б. Мылова выделяет следующие инновационные характеристики образовательного пространства:

- расширение технологий активного получения знаний (генерация творческих идей, осознанное планирование и осуществление образовательной деятельности, рефлексии своей деятельности и мышления);

- применение технологий оценки и самооценки личностных достижений (портфолио, рефлексивный дневник и т. д.);
- использование образовательных технологий, осуществляющих индивидуальную коррекцию знаний учащихся с учетом их индивидуальных особенностей в условиях массового обучения;
- применение информационных и коммуникационных технологий обучения (самостоятельная работа обучаемых с электронными материалами, использование ПК, платформ дистанционного обучения, виртуальной учебной деятельности) (Мылова, 2013).

Конкурентно-рейтинговые условия профессиональной деятельности в такой инновационной образовательной среде требуют от педагога владения соответствующими компетенциями, обеспечивающими эффективность и высокие результаты, постоянного саморазвития, что сопряжено с психоэмоциональным напряжением, связанным с переживаниями неудач или разочарований. Анализ теоретических подходов к пониманию природы производственного стресса В. А. Бодрова, Е. П. Ермолаевой, Л. В. Куликова, Ю. В. Щербатых позволяет выделить ряд стрессогенных факторов инновационно-образовательного пространства: организация рабочего места, содержание, род и вид деятельности, негативное влияние особенностей организации деятельности, информационный стресс и личностные особенности.

Участники инновационной деятельности сталкиваются с проблемой поддержания своей работоспособности, и психологического комфорта, т. е. умения находить, создавать и эффективно использовать психологические субъектные ресурсы. А. А. Бехтер к субъектным ресурсам относит те ресурсы, которые имеют тесную связь с процессом принятия решения, с жизненной позицией и субъектностью личности, с осуществлением деятельности (Бехтер, 2014). С учетом этого мы определяем субъектные ресурсы как имеющиеся или отсроченные возможности для аккумуляции и проявления активности по реализации целей и задач субъектной позиции личности в актуальном для нее жизненном пространстве.

Исследователи выделяют различные формы субъектных ресурсов, среди которых особое место занимает жизнеспособность. А. И. Лактионова отмечает, что уровневая структура жизнеспособности совпадает с уровневой организацией человека: индивидуальный уровень саморегуляции, смысловые образования как личностные детерминанты процессов регуляции и саморегуляции и способность к рефлексии. Каждый из указанных уровней обладает своими ресурсами, которые «тесно связаны между собой и входят во взаимодействие

со средовыми ресурсами. Оптимальный способ их индивидуальной интеграции и определяет высокий предел личностной адаптации и жизнеспособности» (Лактионова, 2017, с. 28). Подчеркивается, что между ситуацией и способом поведения, который выберет для себя человек, лежит осознание ситуации, своих возможностей и способностей изменить ее или приспособиться к ней. Поэтому выделяются такие ресурсы жизнеспособности личности, как интернальность (базовое убеждение «ценности собственного Я», отношение к миру как к осмысленному и контролируемому) и непосредственно жизнеспособность (убеждение в собственной ценности, способности управления событиями, везения и готовность, уверенность в преодолении трудностей).

Одним из проявлений успешности субъекта выступает психическое благополучие. Факторы психического благополучия также рассматриваются как субъектные ресурсы личности. Р. М. Шамионов и М. В. Григорьева относят к ним эргичность и социальный темп, а эмоциональность считают отрицательным фактором субъективного благополучия (Шамионов, Григорьева, 2017).

Д. А. Леонтьев говорит еще об одном субъектном ресурсе – жизнестойкости как системе представлений личности о себе, о мире и об отношениях с миром. Он считает жизнестойкость главной личностной переменной, которая интегрирует в себе три относительно автономных компонента: вовлеченность, контроль и принятие риска. Вовлеченность он рассматривает как убежденность в том, что включенность в происходящее дает уверенность, что происходящее дает шанс найти нечто стоящее для личности (личная цель). Контроль выступает как убежденность личности в возможности повлиять на результат происходящего, ощущение самостоятельности в выборе деятельности, своего пути. Принятие риска – убежденность личности в том, что происходящее способствует ее развитию и обогащению, будет активно усвоено и использовано с пользой для себя и окружающих (Леонтьев, 2006).

Важным субъектным ресурсом для преодоления трудностей реализации инновационных процессов может выступать субъектная идентичность личности, проявляемая в умении мобилизовать и распределять свои умственные, физические и психические резервы, достигать тождественность самому себе в инновационной деятельности, оптимально управлять ситуацией, стремиться к удовлетворенности результатом, переживанию успеха (Ковалева, 2011). Субъектная идентичность личности позволяет формировать смыслы и значения своей деятельности, выбирать способы и степень их реализации в соответствии с ситуацией, а именно:

- определять объем необходимых усилий для выполнения той или иной деятельности (энергетический уровень деятельности);
- формировать установки на свой потенциал, составлять схемы поведения, активизируясь в условиях конкуренции (операционный уровень);
- самостоятельно определять личные цели в инновационно-творческой деятельности, согласованные с общественными (тактический уровень);
- формировать установку на поиск и создание собственного смысла в инновационной деятельности, приобретать мобильность, открытость позиции (стратегический уровень).

Наши исследования показывают, что чем больше субъект лично заинтересован в выполнении инновационных функций, тем более активной, творческой и эффективной становится его индивидуальная деятельность в этом направлении. В характере активности отражается степень его субъектности и уровень субъектной идентичности:

- творческое отношение к факторам инновационной среды, способности к организации инновационного процесса в ситуации неопределенности, недостатка необходимой информации и возможность проявления творческих способностей;
- эмоциональная установка личности – оптимизм или склонность к повышенной тревоге и депрессивным реакциям.

Предполагается, что выраженность субъектной идентичности препятствует возникновению чрезмерного внутреннего напряжения в ситуации инновационного стресса, увеличивает созидательные возможности личности в адаптации к динамичной инновационной образовательной среде как способности адекватно оценивать свои психические ресурсы, оптимально их распределять и управлять своей деятельностью.

Было проведено исследование психических состояний и переживаний 108 учителей средних общеобразовательных учреждений Республики Адыгея, реализующих свою профессиональную деятельность в новой образовательной парадигме. Возраст участников исследования – 20–61 год, стаж работы в школе составляет диапазон 1–46 лет, все являются учителями, осуществляющими учебную деятельность, 5 человек совмещают ее с административными функциями. Среди респондентов 50% работают в школах, выпускники которых показывают стабильно низкие показатели на ЕГЭ.

Для диагностики использовалась анкета «Самооценка влияния факторов профессионального стресса. Наряду с классическими инди-

каторами факторов стресса в нее были включены индикаторы субъектной идентичности. Среди них: понимание целей инновационной деятельности, понимание личных целей, ролевой статус (или конфликт ролей), возможность проявления творческих способностей, уровень эмоциональной лабильности и самоконтроля, рационализация мотивов своего поведения, склонность к повышенной тревоге и депрессивным реакциям, открытость инновациям, стремление к обучению и др. Респондентам предлагалось оценить степень переживания напряженности по каждому из указанных индикаторов.

Корреляционный, сравнительно-сопоставительный анализы, ранжирование полученных данных позволили составить корреляционные плеяды, отражающие взаимосвязи стресс-факторов и индикаторов субъектной идентичности, влияющие на поведение педагогов в инновационном образовательном пространстве:

1. Фактор «Неопределенность и недостаток необходимой информации» положительно коррелирует с факторами «специализация и разделение труда» ($r > 0,50$), «неотлаженные информационные потоки» ($r > 0,52$), «информационные перегрузки» ($r > 0,57$), «жесткие временные ограничения» ($r > 0,50$), «принятие решения при высоком уровне ответственности» ($r > 0,62$), «частые или неожиданные изменения информационных потоков» ($r > 0,71$).
2. Фактор «Понимание целей деятельности» имеет положительную связь с факторами «понимание личных целей» ($r > 0,5$), «разделение труда» ($r > 0,50$), и «негативное влияние особенностей организации деятельности» ($r > 0,51$).
3. Очень сильные корреляционные связи имеет фактор «Уровень эмоциональной лабильности и самоконтроля» с фактором «рационализация мотивов своего поведения» ($r > 0,70$), и с фактором «личностные особенности» ($r > 0,68$).

Исследование подтвердило, что субъекты инновационного образовательного пространства — переживают информационный стресс высокого уровня. Его источниками являются неопределенность и недостаточность необходимой информации, частые информационные изменения, проблемы организации труда, жесткие временные ограничения. Сильные положительные корреляционные связи индикаторов субъектной идентичности личности с другими факторами свидетельствуют о том, что повышение уровня субъектной идентичности наряду с жизнеспособностью, жизнестойкостью, эргичностью, повышает стрессоустойчивость личности, увеличивает созидательные возможности деятельности в динамичном инновационном пространстве.

Литература

- Бехтер А. А.* Рефлексивность как субъектный ресурс совладающего поведения специалиста: Автореф. ... канд. психол. наук. М.: РАГСИНХ, 2014.
- Гришина Н. В., Костромина С. Н., Мироненко И. А.* Структура проблемного поля современной психологии личности // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 26–35
- Кимберг А. Н., Улько Е. В.* Феномен ситуации в пространствах человеческого бытия: проблемы теории и методологии исследования // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 2 С. 34–47.
- Макарова Л. С., Ковалева Н. В.* Опыт участия вуза в реализации проектов программы Темпус // Высшее образование в России. 2011. № 2. С. 65–71.
- Лактионова А. И.* Взаимосвязь смысловых образований и рефлексивности с жизнеспособностью человека // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 27–40.
- Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
- Мылова И. Б.* Образовательные технологии: от традиций к инновациям // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2013. № 1. С. 192–198.
- Рябикина З. И.* Перспективы исследований личности с теоретико-методологических позиций психологии субъекта. // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 3. С. 6–19.
- Шамионов Р. М., Григорьева М. В.* Психодинамические свойства как предикторы субъективного благополучия личности // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 41–51.

Subject resources of the individual in innovative educational environment

N. V. Kovaleva (Maykop)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Adyge State University

The article reveals the features of the innovative educational space and the factors of the emergence and development of psychological stress of the individual as a subject of the innovation educational process, namely: uncertainty and lack of information, frequent information changes, problems of workplace organization, specialization and violations of the division of labor and severe time constraints. The author identifies the content of subject resources of the individual that influence the success of innovation activity:

viability, subject identity, internality, subject position and risk acceptance. The results of practical research show that the expression of subject identity reduces the level of innovation stress and increases the creative ability of the individual to evaluate resources and control his activities.

Keywords: innovation environment, stressors, subject resources, vitality, subject identity.

Опыт как детерминанта решения сложных жизненных проблем

А. Б. Кутузова, Н. Н. Мехтиханова** (Ярославль)*

** Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова;
e-mail: natnik1@list.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова; e-mail: natnik1@list.ru*

Предлагается авторское понимание и определение сложных жизненных проблем. Излагаются результаты эмпирического исследования процесса решения сложных жизненных проблем. Установлено, что профессиональный опыт влияет на успешность решения сложных жизненных проблем. Выявлено, что житейский личный опыт переживания стрессовых ситуаций не связан с успешностью решения сложных жизненных проблем.

Ключевые слова: комплексные проблемы, сложные жизненные проблемы, профессиональный опыт, житейский опыт, решение проблем.

Сложные жизненные проблемы могут быть отнесены к классу комплексных проблем (complex problem), активное изучение которых введется в психологии с конца XX века. Дж. Функе выделяет три различных понимания термина complex problem solving. Это 1) парадигма для изучения познания в условиях реальной жизни (обучение, приобретение знаний, принятие решений и т. д.), 2) описание поведения при работе с определенным классом задач, как правило, представленных на компьютере, и 3) некий конструкт, связанный с интеллектом (Frensch, Funke, 2014). В зарубежных исследованиях отмечается, что наличие проблемы определяется, когда человек имеет цель, но не знает, как ее достигнуть; что сложность проблемы определяется количеством элементов и связей системы, в которую она включена; что решить проблему — значит найти операции

перевода данного фактического состояния системы до состояния цели (Frensch, Funke, 2014).

В исследовании комплексных задач можно выделить два подхода: североамериканский и европейский. В первом изучается решение проблем отдельно в разных областях знания (например, физике, шахматах и др.). При этом ученые отказались от попыток составить единую схему решения комплексных задач. В Европе исследование комплексных задач было начато Д. Бродбентом и Д. Дернером (Дернер, 1997).

Они делают акцент на изучении относительно сложных, семантически богатых, компьютеризированных лабораторных задач, похожих на реальные жизненные проблемы (Frensch, Funke, 2014).

Отличительными признаками комплексных проблем являются динамичность, неопределенность, непредсказуемость (Поддьяков, 2002). В ходе взаимодействия со сложной системой может быть много результатов, они не могут быть однозначными и предсказанными полностью. По нашему мнению, частным примером комплексных проблем являются сложные жизненные проблемы, с которыми человеку постоянно приходится сталкиваться в течение своей жизни и которые обладают вышеперечисленными признаками комплексных проблем. Под сложными жизненными проблемами мы понимаем такие комплексные проблемы, которые возникают в жизни человека, при этом для их решения не требуется каких-либо глубоких специализированных профессиональных знаний.

Мы полагаем, что существует некое особенное сочетание действий и особенностей испытуемых, которое может помочь эффективнее справляться с комплексными проблемами.

При изучении процесса решения сложных жизненных проблем существует проблема методов исследования. Известные методы зачастую крайне далеки от реальности. В целом, задачи, предлагаемые испытуемым, можно охарактеризовать как задачи с открытым началом и открытым концом, поскольку испытуемые имеют возможность постоянно добирать и доопределять информацию об условиях и могут предлагать существенно различающиеся решения (Поддьяков, 2002). Тем самым задачи в данном подходе сильно отличаются, например, от традиционных задач в тестах интеллекта. Последние можно охарактеризовать как задачи с закрытым началом и закрытым концом, поскольку их начальные условия однозначно оговорены в инструкции, и от испытуемого требуется найти единственно правильный ответ. Тесты интеллекта и тесты решения комплексных проблем часто либо не имеют между собой корреляции, либо имеют отрицательные, что также говорит о том, что данные задания

предполагают различные механизмы их решения (Frensch, Funke, 2014).

Изучение сложных жизненных проблем как комплексных может проводиться с помощью вербализации по ходу решения (метод «мышления вслух»). Одной из наиболее разработанных и информативных является процедура П. Балтеса (Staudinger, Smith, Baltes, 1994). В то же время, как показывает наш опыт, ее использование ограничивается требованиями оперативности (она громоздка, ее проведение требует много времени), универсальности (с испытуемыми, не склонными к вербализации, ее проведение невозможно), доступности (процедура обработки данных предусматривает привлечение специалистов высокого уровня).

Целью данного исследования является определение детерминант решения сложных жизненных проблем.

Гипотеза состоит в том, что существуют различия в особенностях решения сложных жизненных проблем в зависимости от профессионального и жизненного опыта личности.

Методы исследования

1. Методика изучения решения сложных жизненных проблем. Порядок проведения: испытуемому предлагается 8 текстовых заданий, в них описывается сложная жизненная проблема вымышленного персонажа. Испытуемому необходимо предложить лучшее, на его взгляд, решение проблемы и указать, какой информации ему не хватает для решения. Также испытуемому задаются вопросы, стимулирующие его на дальнейшие рассуждения. Обращается внимание на то, что испытуемый может говорить все, что думает по поводу данной проблемы, рассуждения не ограничиваются ни содержательными, ни временными рамками.

Данные протоколы, в соответствии с процедурой П. Балтеса, оцениваются с помощью экспертной оценки, что позволяет вывести общий уровень качества решения сложной жизненной проблемы у каждого конкретного испытуемого. В Берлинской парадигме изучения мудрости, данная общая оценка является показателем уровня мудрости. Согласно процедуре П. Балтеса, оптимальное решение сложной жизненной проблемы отражают пять характеристик: фактические знания о жизни, процедурное знание о том, как решать проблемы Контекстуализация: понимание широких жизненных контекстов Понимание и учет индивидуальных, социальных и культурных различий в ценностях и приоритетах, понимание относительности точек зрения

Знание об относительной неопределенности жизни и управление ею (Staudinger, Smith, Baltes, 1994).

2. В качестве показателя жизненного опыта мы рассматриваем количество стрессовых ситуаций, которые приходилось переживать испытуемому. Для оценки жизненного опыта нами была разработана анкета на основе методики на определение уровня стрессоустойчивости Т. Холмса и Р. Рэя. Из данной методики мы взяли стрессогенные факторы, имеющие место в жизни людей, и составили анкету по выявлению опыта переживания стрессовых ситуаций. Испытуемому было необходимо отметить те события, которые ему хоть раз приходилось переживать в жизни.
3. В качестве показателя профессионального опыта мы рассматриваем опыт работы психологов с разным стажем работы и не психологов. Психологи в ходе своей работы часто сталкиваются с решением сложных жизненных проблем и, вероятно, должны показать более успешное их решение, чем непсихологи. Группа психологов-выпускников была выбрана для того, чтобы выявить роль высшего психологического образования, и роль опыта работы по специальности в решении сложных жизненных проблем.
4. Методы статистической обработки данных – пакеты Statistica 10, IBM SPSS Statistics 22. Определена значимость различий с помощью Н-критерия Краскела–Уоллиса и с помощью U-критерия Манна–Уитни; с помощью метода дисперсионного анализа изучено влияние фактора профессионального опыта на успешность решения сложной жизненной проблемы.

Выборка составила 45 чел. в возрасте от 19 до 60 лет, из которых 15 чел. не имеют высшего психологического образования, 15 чел. имеют высшее психологическое образование без опыта работы по специальности, 15 чел. имеют высшее психологическое образование и опыт работы по специальности от трех лет. Также в исследовании в качестве экспертов для оценки протоколов мышления вслух приняли участие 5 чел., имеющих высшее психологическое образование.

Результаты исследования

1. Жизненный опыт.

Значимых различий между группами с малым и большим количеством пережитых стрессовых ситуаций по показателям решения сложных жизненных проблем не выявлено.

2. Профессиональный опыт.

- 1) Испытуемые без психологического образования (непсихологи), испытуемые, имеющие высшее психологическое образование без опыта работы по специальности (психологи-выпускники), и испытуемые, имеющие высшее психологическое образование с опытом работы по специальности от трех лет (психологи с опытом), по H-критерию Краскела–Уоллиса имеют следующие значимые различия:
 - процедурное знание в решении сложной жизненной проблемы (Kruskal–Wallis test: $H(2, N=45)=8,196825, p=0,0166$);
 - ценностный релятивизм и учет относительности в решении сложной жизненной проблемы (Kruskal–Wallis test: $H(2, N=45)=7,828951, p=0,0200$);
 - общий уровень мудрости по методике П. Балтеса (Kruskal–Wallis test: $H(2, N=45)=6,342410, p=0,0420$).
Все показатели ниже всего у непсихологов, выше – у психологов с опытом работы.
- 2) Непсихологи и психологи-выпускники по U-критерию Манна–Уитни различаются по следующим параметрам:
 - процедурное знание в решении сложной жизненной проблемы по методике П. Балтеса (Mann–Whitney U Test, $U=58, Z=-2,24381, p=0,025104$);
 - общий уровень мудрости по методике П. Балтеса (Mann–Whitney U Test, $U=62,5, Z=-2,05339, p=0,040035$).
- 3) Непсихологи и психологи с опытом по U-критерию Манна–Уитни различаются по следующим параметрам:
 - процедурное знание при решении сложной жизненной проблемы (Mann–Whitney U Test, $U=51, Z=-2,53524, p=0,011237$);
 - ценностный релятивизм и учет относительности при решении сложной жизненной проблемы (Mann–Whitney U Test, $U=48, Z=-2,66052, p=0,007802$);
 - учет неопределенности при решении сложной жизненной проблемы (Mann–Whitney U Test, $U=57, Z=-2,28434, p=0,022352$);
 - общий уровень мудрости по методике П. Балтеса (Mann–Whitney U Test, $U=58,5, Z=-2,21957, p=0,026449$);
 - количество слов в протоколе (Mann–Whitney U Test, $U=57,0, Z=-2,28129, p=0,022531$).
- 4) Дисперсионный анализ (многофакторный ANOVA) показал влияние профессионального опыта на параметр процедур-

ного знания, ценностного релятивизма и на общую успешность решения сложных жизненных проблем.

Обсуждение результатов

1. Жизненный опыт.

Отсутствие достоверных различий по показателю жизненного опыта говорит о том, что опыт переживания стрессовых ситуаций и особенности решения сложных жизненных проблем не связаны. Группы непсихологов, психологов-выпускников и психологов с опытом в данном исследовании не различаются по опыту переживания стрессовых ситуаций.

Значимое различие по U-критерию Манна–Уитни между группами, выделенными по опыту переживания стрессовых ситуаций, существует только по параметру возраста. Это общеизвестный жизненный факт, что с возрастом у испытуемых возрастает количество пережитых стрессовых ситуаций.

2. Профессиональный опыт.

По параметру процедурного знания группа непсихологов значимо отличается от двух других групп; значимых различий между группой психологов-выпускников и психологов с опытом не выявлено. Это означает, знание того, как решать сложные жизненные проблемы, значимо выше у психологов, чем у непсихологов – независимо от того, есть ли у психолога опыт работы по специальности.

По параметру ценностного релятивизма и относительности выявлены значимые различия между группами непсихологов и психологов с опытом. Различий между группами непсихологов и психологов-выпускников, а также психологов-выпускников и психологов с опытом не выявлено. Это может означать, что параметр ценностного релятивизма приобретает «накопительный» эффект от группы непсихологов к группе психологов с опытом, т. е. значимо отличается от группы непсихологов только в случае наличия опыта работы по специальности. Параметр ценностного релятивизма и относительности предполагает возможность дистанцироваться от личных ценностей, учитывать альтернативные взгляды; понимание того, что существует множество возможных решений в зависимости от личностных, социальных и культурных обстоятельств. Таким образом, суть этого аспекта – четкое разделение своей точки зрения от чужой при решении сложной жизненной проблемы, а также учет личностных, социальных и культурных особенностей челове-

ка – главного героя решаемой ситуации. Возможно, этот параметр решения жизненной проблемы у психологов-выпускников развивается именно благодаря наличию опыта работы.

Различия по показателю учета неопределенности выявлены между группами непсихологов и психологов с опытом. Различий между группами непсихологов и психологов-выпускников, а также психологов-выпускников и психологов с опытом не выявлено. Как и в случае с параметром ценностного релятивизма, здесь наблюдается «накопительный» эффект. Различия приобретают значимость только у психологов с опытом работы, что говорит о том, что это параметр также развивается благодаря практическому опыту. Данный параметр выявляет понимание того, что жизнь является относительно непредсказуемой, что решения и планы всегда могут быть подвергнуты влиянию неопределенности, понимание того, что не все можно учесть и проконтролировать при решении проблемы. Возможно, этот аспект решения сложной жизненной проблемы также развивается у психологов-выпускников после получения практического опыта, столкновения с различными жизненными проблемами других людей.

По общему уровню мудрости, измеряемому с помощью процедуры П. Балтеса, группа непсихологов значительно отличается от остальных групп; значимых различий между группой психологов-выпускников и психологов с опытом не выявлено. Общий уровень мудрости отражается в суммарном показателе выраженности пяти аспектов решения сложной жизненной проблемы. Мудрость в Берлинской парадигме П. Балтеса понимается, как способность решать сложные жизненные проблемы. Этот показатель отражает то, насколько хорошо испытуемые справляются с декларативным решением сложной жизненной проблемы.

Значимых различий по фактическому знанию и контекстуализации не выявлено. Отсутствие различий по параметру фактического знания в решении сложной жизненной проблемы может объясняться самой природой данного параметра. Фактические знания включают в себя знания, общие для всех людей в пределах данного общества, о природе человека и условиях его жизни; кроме того, к фактическим знаниям относятся специфические знания о конкретных жизненных событиях, запланированных и неожиданных, а также о функционировании различных институтов общества. Возможно, данные знания являются общими для всех трех групп, и факт наличия высшего психологического образования, а также опыта работы по специальности у психологов не делает значимого вклада в данный параметр. Аналогичная ситуация с параметром контекстуализации.

Он предполагает учет возрастного, культурного и биографического контекстов субъекта проблемы при решении сложной жизненной проблемы. Возможно, что наличие высшего психологического образования и опыта работы у психологов не влияет на значимое повышение учета жизненных контекстов человека, все три группы учитывают их в равной мере.

Выводы

1. Не существуют различия в особенностях решения сложных жизненных проблем у испытуемых с различным опытом переживания стрессовых ситуаций.
2. Существуют различия в особенностях решения сложных жизненных проблем в зависимости от личного и профессионального опыта.
3. Группа непсихологов справляется с решением сложных жизненных проблем хуже, чем группы психологов-выпускников и психологов с опытом.

Литература

- Дернер Д.* Логика неудачи. М.: Смысл, 1997.
- Поддьяков А. Н.* Решение комплексных задач // Когнитивная психология: Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. М.: Пер Сэ, 2002. С. 225–233.
- Frensch P. A., Funke J.* (Eds) Complex problem solving: The European perspective. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2014.
- Staudinger U. M., Smith J., Baltes P. B.* Manual for the assessment of wisdom-related knowledge. Max-Planck-Institut für Bildungsforschung, 1994.

Experience as a determinant solutions to complex life problems

*A. B. Kutuzova**, *N. N. Mekhtikhanova*** (Yaroslavl)

* Postgraduate Student, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov

** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov

The author's understanding and definition of complex life problems is proposed. The results of the empirical study of the process of solving complex life

problems are presented. It is established that professional experience affects the success of solving complex life problems. It is revealed that the life's personal experience of experiencing stressful situations is not associated with the success of solving complex life problems.

Keywords: complex problems, complex life problems, professional experience, life experience, problem solving.

Личностные детерминанты синдрома отложенной жизни

Ю. Э. Макаревская (Сочи), З. И. Рябикина** (Краснодар),
В. Г. Горошко*** (Сочи)*

** кандидат психологических наук, доцент, Сочинский государственный университет; e-mail: yuliya-sochi@mail.ru*

*** доктор психологических наук, профессор, Кубанский государственный университет; e-mail: z. ryabikina@yandex.ru*

**** магистр психологии, Центр психологической помощи «Форма жизни»; e-mail: vladimir_uspeh@mail.ru*

Представлен анализ философских основ рассмотрения синдрома отложенной жизни (СОЖ), выделены рядоположенные понятия, дано определение «синдрома отложенной жизни» с выделением симптомокомплекса данного феномена с точки зрения психологии: «хочу—могу—не делаю». В качестве личностных детерминант, сопутствующих синдрому отложенной жизни рассмотрены темперамент, способности (интеллект), характер (черты), направленность (смысложизненные ориентации). Показаны результаты эмпирического исследования личностных детерминант СОЖ, а именно доказано влияние смысловожизненных ориентаций, интроверсии, тревожности, лабильности личности на уровень выраженности синдрома отложенной жизни.

Ключевые слова: синдром отложенной жизни, жизненный сценарий, неудачная жизненная биография личности, невроз отложенной жизни, субъект жизни, жизненный путь личности.

Повышение качества жизни людей и понимание закономерностей развития их жизненного пути является приоритетным направлением не только современной психологии, но и науки в целом. В рамках культурологии, педагогики, политологии, философии, социологии рассматриваются вопросы некой заданности, упорядоченности хода действий и событий жизни человека (субъективно значимых ситуаций) относительно прошлого, настоящего и будущего. Все это

напрямую затрагивает вопросы планирования, конструирования и структурирования человеком собственной жизни. Вопросы организации и наполнения собственной жизни хоть и не новые, но в современных условиях жизни и темпах развития общества, смены технологий приобретающие особую актуальность.

Вся жизнь человека от рождения до смерти, его жизненный путь с точки зрения психологической науки может быть рассмотрен как жизненный план, включающий в себя конкретизацию основных этапов самоопределения посредством постановки жизненных целей как образов или представлений о конечных результатах собственной жизни. Направленность жизненных целей обусловлена специфическим содержанием жизненных смыслов личности. Реализуя свои смыслы человек проявляет некий жизненный стиль, «обобщая» способы ведения своей жизни (Шапарь, 2007). И, как известно, способы эти могут быть различны, обусловлены рядом причин и условий.

Некоторые жизни являются примером достижений для других людей и общества в целом, а другие, наоборот, вызывают вопросы и привлекают интерес исследователей как примеры неудачных жизненных биографий.

Современный человек все чаще сталкивается с такими проблемами как откладывание решения жизненно важных задач на потом: вот заработаю денег и обзаведусь семьей, куплю квартиру, машину, дачу – тогда и начнется нормальная жизнь. Подрастут дети, тогда и займусь собой. Закончу институт, тогда начнется жизнь. Поменяю работу и тогда заживу. Примеров может быть множество, но говорят они об одном: человек не живет настоящим, а только готовится к будущему. Данное явление современности получило название «синдром отложенной жизни».

Само понятие «синдром отложенной жизни» появилось в научной литературе не сразу. Его разработка была своеобразным наблюдением психологов за тем, как люди не решают свои самые важные жизненные задачи.

В философии не встречается понятие синдрома отложенной жизни, но среди последних диссертаций по философии мы можем встретить смежное с интересующим нас понятие «синдрома существования» (Красиков, 2002). Философский подход в экзистенциальном ключе рассматривает проблему смысла жизни человека, его присутствия в мире, а также сущностные причины душевных разладов кризисов, переживаемых людьми в разных возрастах. Синдром существования с философской точки зрения предстает как возможность сознания в отчетливой форме «самоопределиться, вырваться из заданной предначертанности своего удела» (Красиков, 2002).

То есть экзистенциально у человека появляется смысл, который находится за его настоящими возможностями и он (этот смысл) становится важнее самой жизни. Жизнь тогда становится формально определенная, лишенная самооценности «внутреннего мира» и человек «забывает» то, чего он на самом деле хотел, он продолжает не жить, а существовать.

Самым главным понятием философского рассмотрения синдрома существования является смысл. Указано, что это не новая постановка вопроса о жизни человека. Смыслы существования, которые имеет современный человек, появились в ходе исторического развития, и сегодня они представлены в «интеллектуальном ассортименте» изнурительного индивидуального духовного роста (Красиков, 2002, с. 109).

Мы полагаем, что синдром существования – это наиболее близкое философское понятие к термину «синдром отложенной жизни», объясняющее появление у человека склонности к откладыванию собственных истинных намерений в пользу общественных ожиданий.

На основе вышесказанного, мы будем считать и смысловую, и интеллектуальную сферы личности эмпирическими составляющими в исследовании синдрома отложенной жизни. Возвращаясь непосредственно к этому понятию, можно упомянуть совершенно новое, достаточно четкое определение: «синдром отложенной жизни – это заболевание, страдающие которым не умеют радоваться сегодняшнему дню и постоянно находят для этого причины. Складывается впечатление, что люди не живут, а репетируют. Встречаются с кем-то в ожидании „настоящих чувств“, как-то работают, пока не предложат достойное место, и т. д.» (Картоев, Калагурская, 2016).

Если предполагать, что это заболевание, синдром, то для рассмотрения понятия обратимся к медицине. С медицинской точки зрения, синдром (от *гр.* наравне, в согласии) – это совокупность симптомов с общим патогенезом. Симптом (от *греч.* случай, совпадение, признак) свою очередь, – это один отдельный признак, частное проявление какого-либо заболевания, патологического состояния или нарушения какого-либо процесса жизнедеятельности, одна отдельная конкретная жалоба больного. Следовательно, при эмпирическом изучении синдрома отложенной жизни было необходимо определить его по симптомам, имеющимся в комплексе у наших испытуемых.

Чтобы определиться с симптоматикой данного синдрома, сконцентрируемся на проблеме разработки этого понятия. Пока из того, что представлено выше в данной статье, только практические психологические наблюдения, философские экзистенциальные подхо-

ды и медицинская терминология могут быть положены в основу определения данного понятия.

Что такое синдром отложенной жизни с точки зрения психологии?

Понятие синдром отложенной жизни было введено В. П. Серкином, при анализе психологии «временной не жизни» у северян – людей, годами живущими идеей переезда и считающих, что их настоящая жизнь начнется когда-то потом (Серкин, 1999). Первоначально данное явление В. П. Серкин назвал «неврозом отложенной жизни» (НОЖ) и описал как раз на примере северного невроза в начале 90-х годов XX в. Если описывать обобщенную схему механизма классического невроза – «хочу–не могу», то обобщенной схемой механизма невроза отложенной жизни является «хочу–могу–не позволяю себе» (Серкин, 2005). То есть здоровые люди ведут себя как невротики. Названная выше триада положена в основу разработки понятия синдрома отложенной жизни.

По мнению В. П. Серкина, НОЖ формируется в ходе сценариев «отложенной жизни» до их реализации.

В отношении жизненного пути, жизненного сценария в научной психологической литературе очень ограниченное количество информации, касающейся именно отложенной жизни. Однако можно встретить такие разработки, как эффект «нереализованного графика жизни», реальный и идеальный график жизни (Воробьев, Воронов, Островская, 2010), сценарный процесс, позитивные и негативные установки (Кикабаев, 2016), катастрофическое сознание и жизненный сценарий (Епифанова, 2013), коррекция жизненного сценария (Мизинова, 2013), неудачный жизненный сценарий (Макаревская, Нещеретняя, 2016) и др.

То есть различные аспекты отложенного жизненного сценария, отложенной жизни все-таки появляются в психологических исследованиях.

Сценарии отложенной жизни (по Серкину – «северные сценарии») в своей основе имеют представления человека о том, что он еще не живет настоящей жизнью, настоящая жизнь начнется потом, когда он накопит достаточное количество средств и переедет в места с более благоприятными климатическими условиями, развитой инфраструктурой.

Вариантами северных сценариев может выступать не только жизнь мигрантов, но и тех, кто имеет ипотечную задолженность, так называемый «ипотечный сценарий» (Быкова, 1999). Э. Берн в своих работах рассматривает закладную в психологическом контексте: «Закладная – обязательство, которое человек по собственному выбору берет на себя с тем, чтобы иметь возможность структуриро-

вать длительные периоды времени» (Берн, 2006, с. 150). Возможно, что ипотечный сценарий легче вписывается в «безрадостный» сценарий по К. Штайнеру (Штайнер, 2002). В период реализации ипотечного сценария многие значимые аспекты жизни и даже мелочи, которые иногда улучшают настроение, становятся менее доступными. Поскольку выплаты предусматривают жесткие временные рамки, увеличивается и психическое напряжение: нарастает тревога за завтрашний день и свои возможности справиться с положением дел.

Иначе говоря, сценарий отложенной жизни включает в себя целый класс различных жизненных сценариев (Серкин, 2009), характеризующихся длительным подготовительным периодом к реализации жизни, которая наступит после достижения определенных целей. Речь идет о так называемых «сценариях достижения», в рамках которых человек, добивающийся какой-либо цели, во время подготовительного периода ведет ограниченный различными требованиями образ жизни, нередко отказывая себе и окружающим в реализации иных не менее значимых целей. К таким сценариям можно отнести не только северян, но и спортсменов, студентов, которые готовятся к защите работы, покупке автомобиля, карьерный рост, переезд и т. п. (Серкин, 2009).

То есть человек, упорнодвигающийся к достижению, может длительное время вести напряженный и ограниченный образ жизни. Если это напряжение длится не более 5 лет, то говорят о достижении, если дольше 5 лет – речь может идти о проявлении синдрома отложенной жизни (Серкин, 1992).

Кроме временной протяженности, у синдрома отложенной жизни имеется еще диагностическая триада, названная выше: «хочу–могу–не делаю».

Итак, под синдромом отложенной жизни мы в данной работе понимали совокупность невротических проявлений сценариев отложенной жизни. Триада синдрома «хочу–могу–не делаю (откладываю)» была положена в основу проведения эмпирического пилотажного исследования для составления семантического дифференциала – инструмента диагностики уровня СОЖ.

Продолжительность синдрома, необходимая для его диагностики – более 5 лет, поэтому выборка была формироваться из контингента людей старше 23 лет, когда появится возможность зафиксировать наличие триады СОЖ.

Сценарий отложенной жизни мы рассматриваем как составляющую синдрома отложенной жизни. Основываясь на том, что жизненный сценарий – это бессознательный жизненный план, который имеет четкую структуру: начало, середину и финал, диагностичес-

кими критериями СОЖ в этой связи выступали длительные подготовительные периоды испытуемых к реализации жизни (более 5 лет), при отказах себе и близким в реализации значимых жизненных целей.

Основываясь на базовом для отечественной психологии принципе детерминизма, положениях экзистенциальной психологии, теории личности С.Л. Рубинштейна, мы рассматривали смыслы как мотивационную составляющую триады СОЖ («хочу»), интеллект и темперамент как потенциальные составляющие («могу»), наличие объективных/субъективных (личностных качеств) признаков пассивного откладывания реализации смысла («не делаю»). Поэтому психологическими детерминантами синдрома отложенной жизни в данном исследовании выступали темперамент, характер, способности, направленность (в соответствии со структурой личности С.Л. Рубинштейна).

Непосредственно в эмпирическом исследовании преследовалась цель определить влияние названных личностных составляющих на уровень выраженности синдрома отложенной жизни.

Методологически исследование опиралось на деятельностный подход и теорию личности С.Л. Рубинштейна; феноменологический подход в философии (М. Хайдегер, Э. Гуссерль); экзистенциальный подход в психологии (Р. Мэй, Л. Бисвангер, А. Лэнгле, Д. А. Леонтьев); теорию жизненных сценариев (Э. Берн, К. Штайнер, Н. В. Гришина и др.), теория жизненного пути личности (С.Л. Рубинштейн), субъектно-бытийный подход (З. И. Рябикина).

Пилотажное исследование, направленное на выявление симптоматики и создания семантического дифференциала для диагностики СОЖ приняли участие 142 чел. различного социального статуса, в возрасте от 22 до 61 года, из них 83 женщины и 61 мужчина, средний возраст респондентов – 32,7 года.

Респонденты пилотажного исследования отвечали на 3 вопроса.

1. Что, по вашему мнению, означает понятие синдрома отложенной жизни?
2. Какие причины, по вашему мнению, способствуют возникновению синдрома отложенной жизни?
3. По каким признакам, по вашему мнению, можно определить у человека синдром отложенной жизни?

С определением синдрома отложенной жизни наблюдался разброс мнений от лаконичного «Человек откладывает свою жизнь на потом», до более развернутых: «Когда жизнь начнется после того, как что-то закончим, что-то сделаем» или «Психологическая неспо-

способность человека жить здесь и сейчас», «Когда человек живет жизнью, которая ему не по душе, и он думает что через какое-то время все будет так, как он хочет», «Когда человек выполняет социальные вопросы, но не уделяет достаточно времени своей личной жизни в целом» и т. п.

Описательные характеристики синдрома отложенной жизни далее обрабатывались посредством частотного и контент анализа. Проанализировав ответы, объединив их в смысловые группы, мы выделили категории и посчитали частоту встречаемости разных признаков сходного значения, из чего получился рейтинг признаков синдрома отложенной жизни:

1. Ленивый – 50%.
2. Апатичный/унылый – 43%.
3. Неуверенный – 42%.
4. Нежелание перемен – 40%.
5. Живет будущим – 34%.
6. Нет денег/долги – 30%.
7. Суета/спешка/нет времени – 28%.
8. Нет целей/ложные цели – 26%.
9. Откладывает, одинокий, слабохарактерный, неудовлетворен собой – все по 24%.
10. Грустный – 22%.
11. Замкнутый – 20%
12. Усталый/не отдыхает, жалуется на жизнь, не винит себя, вредные привычки – по 18%.
13. Не планирует, много проблем, перепады настроения/поведения, безынициативный, бездейственный, безответственный, мечтательный – по 16%.
14. Малообразованный/глупый – 14%.
15. Плохая внешность, раздражительный, скучный, агрессивный, вялый/медлительный – по 12%.
16. Нет веры в себя/свои силы, необщительный, ожидание переломного момента (чуда) – по 10%.

Таким образом, мы определили маркеры – признаки синдрома отложенной жизни в личностных смыслах разных людей в наиболее значимых категориях, отражающих различные личные состояния при наличии синдрома отложенной жизни.

На основе полученных результатов был составлен семантический дифференциал (34 строки антонимов эмоционально-оценочных прилагательных и глаголов), направленный на исследование субъективно-оценочного отношения респондента к самому себе.

Для формирования необходимой выборки с целью исследования наличия или отсутствия синдрома отложенной жизни, подобранной нами в соответствии со спецификой задачи был предоставлен 86 респондентам.

Выборка основного исследования составила 42 чел. в возрасте от 25 до 82 лет. Среди них 13 мужчин и 29 женщин. Принципиальным критерием для формирования выборки послужило достижение возраста 23 лет.

В соответствии с полученными результатами все испытуемые были разделены на 3 группы (по закону нормального распределения из расчета $\pm\sigma$). В третью группу вошли 8 респондентов с низким уровнем выраженности признаков синдрома отложенной жизни, во вторую группу – респонденты со средним уровнем выраженности признаков синдрома отложенной жизни, в первую – 10 респондентов с наличием высокого уровня выраженности признаков синдрома отложенной жизни.

После распределения испытуемых в группы по уровню выраженности синдрома отложенной жизни была проведена диагностика их личностных особенностей (интеллект, направленность, характер, темперамент).

По эмпирическим данным методики КОТ можно сделать вывод, что уровень интеллекта не влияет на наличие или отсутствие синдрома отложенной жизни ($P>0,1$).

По результатам методики СЖО, статистика вывода показала, что все составляющие смысловых ориентаций личности влияют на показатель уровня выраженности синдрома отложенной жизни (по однофакторному дисперсионному анализу ANOVA):

- Цели – $F=14,42$, $P\leq 0,000$.
- Процесс – $F=7,24$, $P\leq 0,02$.
- Результат – $F=13,73$, $P\leq 0,000$.
- Локус контроля Я – $F=11,60$, $P\leq 0,000$.
- Локус контроля Жизнь – $F=12,808$, $P\leq 0,000$.
- Общий балл – $F=14,14$, $P\leq 0,000$.

Диагностика личностных особенностей испытуемых проведена была при помощи теста ИТО (Собчик). В результате обработки и статистического анализа данных можно утверждать, что низкий уровень экстраверсии и высокий уровень аггравации существенно влияют на наличие высокого уровня синдрома отложенной жизни ($P\leq 0,1$), низкий уровень лабильности и высокий уровень интроверсии оказывает влияние на наличие синдрома отложенной жизни ($P\leq 0,05$).

Статистически значимых различий в распределении испытуемых с различными типами темперамента в группах с синдромом отложенной жизни и без СОЖ не выявлено (по критерию Хи-квадрат).

Итак, на основании полученных данных можно говорить о том, что люди с выраженными признаками синдрома отложенной жизни, не считают свою жизнь осмысленной, воспринимают процесс своей жизни как неинтересный, эмоционально не насыщенный и непродуктивный. Они не чувствуют себя субъектом собственной жизни и не обладают достаточной свободой выбора, не способны контролировать ход событий и выстраивать линию жизни в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле. Также у них более высокий показатель интроверсии, что свидетельствует о том, что они направлены больше в себя, чем в окружающий мир, а уровень лабильности показывает, что они склонны к консерватизму, также им свойственно преувеличивать и подчеркивать имеющиеся проблемы и сложности.

Принимая во внимание специфику и многосложность синдрома отложенной жизни, представляются огромные исследовательские горизонты в перспективах его изучения.

Присутствует факт рассогласованности объективного и субъективного компонентов определения синдрома отложенной жизни, который может являться причиной низкого уровня понимания индивидом, что может свидетельствовать о нежелании признаться себе в его наличии. На наш взгляд — это одна из значимых перспектив исследования в данном направлении.

Литература

- Берн Э.* Трансактный анализ в психотерапии: системная индивидуальная и социальная психотерапия. М.: Академический проект, 2006.
- Быкова И. А., Серкин В. П.* Ипотечный сценарий и ипотечный невроз // Взаимодействие науки и практики в гуманитарных и социальных науках // Всероссийская заочная научно-практическая конференция. Магадан: Изд-во СВГУ, 2013. С. 138–146.
- Картоев И. А., Калагурская Э. Т.* Есть ли у вас синдром отложенной жизни // Избранные доклады 62-й Университетской научно-технической конференции студентов и молодых ученых. Секция 18: Гуманитарное знание: вызовы современности. 2016. http://portal.tsuab.ru/sciencework/2016/Konf_62NTK_2016/1143_62NTK-izb_2016.pdf.
- Красиков В. И.* Синдром существования. Томск: Водолей (Воронеж), 2002.

- Макаревская Ю. Э., Нещеретняя М. С.* Неудачный жизненный сценарий в личностных смыслах // *Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова.* Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. С. 60–62.
- Серкин В. П.* Взаимосвязь образа мира и образа жизни // *Мир психологии.* № 4. 2009. С. 109–119.
- Серкин В. П.* Жизненные сценарии северян и их влияние на принятие решений // *Alma mater.* № 8. 1999. С. 54–56.
- Серкин В. П.* Невроз отложенной жизни (НОЖ) // *Структуры и функции образа мира в практической деятельности.* М: Ф-т психологии МГУ, 2005.
- Серкин В. П.* Ходите на море без цели // *Восток России.* 1992. № 22. С. 8–9.
- Штайнер К.* Сценарии жизни людей. СПб.: Питер, 2002.

Personal determinants of the postponed life syndrome

*Yu. E. Makarevskaya** (Sochi), *Z. I. Ryabikina*** (Krasnodar),
*V. G. Goroshko**** (Sochi)

* Sochi State University

** Doctor of Psychology, Professor, Kuban State University

*** Master of Psychology, Center for psychological help “The Form of Life”

The analysis of philosophical bases of consideration of a syndrome of the postponed life (SOZh) is presented, the consistently described concepts are highlighted, the definition of “postponed life syndrome” is given with the allocation of the symptom complex of this phenomenon from the point of view of psychology: “I want, I can, I do not do”. As personal determinants, accompanying the postponed life syndrome, are considered: temperament, abilities (intellect), character (traits), direction (meaningful orientations). The results of an empirical study of the personal determinants of SOZh, the influence of meaningful orientations, introversion, anxiety, lability of personality on the level of the expression of the postponed life syndrome is proved.

Keywords: postponed life syndrome, life script, unsuccessful biography of personality, neurosis of postponed life, life subject, life path of personality.

Развитие идей С. Л. Рубинштейна и А. В. Брушлинского в исследовании мировоззренческих установок человека

*Н. Л. Нагибина**, *А. В. Титов***, *Ж. Г. Титова*** (Москва)

** доктор психологических наук, Центр развития человека;
e-mail: nagibina-nata@rambler.ru*

*** Центр развития человека; e-mail: as-tro@ya.ru*

В статье рассмотрены идеи С. Л. Рубинштейна и А. В. Брушлинского о методологии исследования целостного субъекта познания и деятельности. На основе этих идей предложено эмпирическое исследование мировоззренческих установок в субъективном пространстве «Я–Мир–Тело–Душа». В результате исследования создана и апробирована методика содержательного анализа взаимосвязей Я–Мир–Тело–Душа; исследована факторная структура взаимосвязей Я–Мир–Тело–Душа. Описаны варианты структуры взаимосвязей Я–Мир–Тело–Душа; выделено 12 типов связей. Показано, что два фактора определяют мировоззренческую установку субъекта познания и деятельности: первый фактор связан с активностью, независимостью и доминантностью, второй фактор (биполярный) – напряженность–открытость. Наши эмпирические исследования подтвердили теоретические гипотезы С. Л. Рубинштейна и А. В. Брушлинского.

Ключевые слова: гносеология, субъект, мировоззренческая установка, общее, типологическое, индивидуальное.

Психология и психофизиология познавательных процессов фокусирует свое внимание на главных вопросах: «Каковы структура и функционирование аппарата познания у человека? Каковы особенности переработки информации о мире и себе у разных людей?». Эти фокусы внимания взаимосвязаны и пересекаются. Без понимания, что есть истина и какова должна быть структура и функционирование знания, чтобы достичь истины, мы не сможем выйти из платоновской пещеры (см. образ пещеры Платона). Без понимания и уче-

та особенностей строения и функционирования аппарата познания разных людей (см. образ «Слепцы и слон») мы не сможем познать многоплановость истины.

Какая наука должна заниматься гносеологией? Первоначально этим теоретически занималась философия, а практически — педагогика. Во второй половине XIX в. психология как наука о функционировании сознания и бессознательного заявила свои права на гносеологическую проблему. Одним из ярчайших философов и психологов, разрабатывающих проблемы бытия и сознания, стал Сергей Леонидович Рубинштейн.

В своей работе «Бытие и сознание» С. Л. Рубинштейн ставит вопрос: существует ли чистый (без разнообразных и изменчивых взаимосвязей с миром) субъект познания? Его ответ: «Чистое сознание, идеи, чистый субъект познания — это очень производная конструкция софистицированной обработки исходных данных, а никак не исходная непосредственная данность. *Исходно существуют не объекты созерцания, познания, а объекты потребностей и действий человека, взаимодействие сил, противодействие природы, напряжение*» (Рубинштейн, 1957). То есть познание человека — это установка на активное взаимодействие с миром, и в этом взаимодействии можно выделить потребностную составляющую, а также степень активности и напряжения всего процесса.

Я и Мир встречаются в сознании человека как две разных сущности, и тут встает следующая задача: «Как основная задача философии (онтологии) выступает задача раскрытия у субъектов различных форм, способов существования, различных форм движения. Это есть задача раскрытия многоплановости бытия в зависимости от конкретной системы внутренних связей и отношений, в которых оно выступает в каждом конкретном случае» (Рубинштейн, 1973). То есть С. Л. Рубинштейн как основную задачу ставит рассмотрение каждого конкретного случая в системе многоплановости бытия и в системе внутренних связей. Человек во взаимодействии с природой и обществом раскрывает самого себя и свои формы и способы существования.

Следующая проблема — описание многообразия восприятия Мира. С. Л. Рубинштейн предлагает свою классификацию стратегий восприятия Мира, выделяя его разные «ипостаси».

1. *Человек и Вселенная — ее бесконечность, вечность.* Величие и малость человека и исходящая из этого соотношения — масштабность жизни.
2. *Человек и Природа. Прекрасное в природе — красота для человека.* Эстетическое отношение к осознанному и осмысленному миру

природы. Природа как стихия и красота, а не только мастерская и сырье для производства.

3. *Человек и Мир. Круг природы и людей как замкнутое конечное целое.* (Мир, мирской, мирянин, «свет» – мир – общество и его «высший» привилегированный круг. В нем – готовые шаблоны, общепринятые представления – «так принято», «все так думают»).
4. *Человек и Действительность – то, как оно на самом деле есть.* Это сфера фактичности и океан, бездна неведомого, неизведанного, таинственного, проблематичного отношения человека к действительности – к тому, как оно в действительности – на самом деле – есть. Отсюда – дух искания, исследования, стремление к истине, объективность (беспристрастность, нелицеприятность).
5. *Жизнь человека – в мире, в природе, в обществе, в человечестве, в других людях»* (Рубинштейн, 1973).

Какой метод для исследования познания в системе Я и Мир может стать наиболее адекватным и продуктивным? «Мир, каков он для человека, – это его объективная характеристика. Это есть продолжение и завершение мысли о том, что с появлением нового уровня сущего в процессе его развития в отношении к нему выявляются новые свойства в бытии всех прежних уровней. Так перед нами предстает мир как бытие, преобразованное человеком и вбирающее в себя человека и всю совокупность отношений, с ним связанных. Утверждение бытия против превращения всего в кажимость и «мое представление» одновременно есть утверждение полноценного человека с полноценным отношением ко всему в мире» (Рубинштейн, 1973). То есть метод исследования познания в системе Я–Мир должен захватывать все уровни бытия и сознательное и бессознательное и Душу и Тело.

Кроме того, в исследовании индивидуального необходимо сопоставлять его с особенным (типологическим) и общим, именно так достигается подлинная системность в получении истинного знания. «Однако преимущество индивидуального существует только при утверждении индивида как единства единичного, особенного и всеобщего, а не только как чистой голы индивидуальности в смысле единичного или особенного. И здесь необходима дальнейшая разработка принципа детерминизма как методологического принципа науки. Единичное и всеобщее, низшие и высшие уровни, общие и специфические законы и категории, взаимосвязь и взаимозависимость явлений в горизонтальном и вертикальном планах дают возможность раскрыть сложную структуру сущего» (Рубинштейн, 1973).

Продолжили традиции школы С. Л. Рубинштейна его ученики — К. А. Абульханова-Славская и А. В. Брушлинский. Проблема построения новой психологии, в которой активность целостного субъекта ставилась бы во главу угла, стала основной в научном поиске А. В. Брушлинского и возглавляемого им Института психологии АН СССР и позже Института психологии РАН (1989–2002). «Целостность субъекта есть основание для системности всех его психических качеств. Данный онтологический план определяет гносеологическую основу рассматриваемой проблемы, т. е. разработка психологии субъекта (индивидуального, группового и т. д.) — это путь к установлению единства психологической науки» (Брушлинский, 1997).

Именно А. В. Брушлинский активно поддержал новое направление исследований, которое позже получило название «Психософология» и дал ему путевку в жизнь, написав введение к книге «Мастера российского джаза. Психологические портреты» (Нагибина, 1999). Во введении к книге он писал: «Исследуемые Н. Л. Нагибиной субъекты — это выдающиеся личности, т. е. они максимально развивают свой талант и индивидуальность, добиваясь высоких, общественно значимых результатов. Такое исследование не может быть чисто лабораторным; оно осуществимо только с помощью очень сложных и специфических методов и методик, психологически раскрывающих целостность творца и его творения. Н. Л. Нагибина (вместе с профессором В. А. Барабанщиковым) разработала системно-биографический подход к созданию психологического портрета мастера. Такие психобиографические (и психоисторические) методы исследования людей закономерно выходят теперь на первый план. Именно эти и подобные им методы — по мере их совершенствования (в частности, преодоления описательности) — становятся все более адекватными для изучения жизненного пути человека, целостной уникальной личности, системности творчества во всей его противоречивости» (Брушлинский, 1999).

Психософология в системе наук о духе относится к разделу философии, той ее части, которая объясняет мультипарадигмальность знания о мире и себе через особенности познания конкретных групп людей (типов). Это определяет место психософологии в качестве посредника между гносеологией и психологией. Целостность субъекта выступает в системном подходе к исследованию личности: учитываются несколько планов — единичное, частное и всеобщее.

Системно-биографический метод (Нагибина, Барабанщиков, 1999) позволил представить взаимодействие творческого человека с Миром на разных уровнях — осознаваемом и неосознаваемом: по-

знавательном, мотивационном, поведенческом. Однако требовались новые методы для исследования целостной уникальной личности – более формализованные и краткие. При этом необходимо было, как зерно, сохранять системность взаимодействия человека и Мира. Нами был предложен и отработан метод системного исследования целостных мировоззренческих установок субъекта деятельности (Титов с соавт., 2015).

Цель исследования: описать содержательный компонент структуры связей «Я–Мир–Тело–Душа» в норме, выделить типичные варианты.

Задачи исследования

1. Создать методику содержательного анализа взаимосвязей Я–Мир–Тело–Душа.
2. Исследовать факторную структуру взаимосвязей Я–Мир–Тело–Душа в состоянии нормы.
3. Описать варианты структуры взаимосвязей Я–Мир–Тело–Душа в состоянии нормы.

Метод

Рисунок метафорических представлений о Я, мире, душе и теле в обычной (повседневной) ситуации был использован для диагностики особенностей образа Я, образа души, образа тела и образа мира.

Испытуемому предлагалось на листах бумаги создать образы Я, Мира, Тела и Души, дать характеристики этим образам. Испытуемый должен был подумать о том, как связаны эти составляющие общей структуры и пояснить письменно идею своих рисунков.

Испытуемые

110 человек – студенты МГУДТ, факультета дизайна в возрасте от 20 до 27 лет (69 испытуемых женского пола и 41 мужского). Выбор испытуемых продиктован особенностями задания. Участники эксперимента должны были обладать относительно высокой рефлексией и не испытывать затруднений в создании образа на бумаге.

Условия проведения

Рисунок давался как творческое домашнее задание по предмету «Психология». Предварительно на лекциях рассказывалось о сложностях познания мира и сложностях в познании своего Я, своей души и те-

ла. давались разнообразные примеры самоанализа из философской и психологической литературы.

Результаты исследования и их обработка

Все рисунки, полученные в ходе исследования, стали материалом для анализа структуры Я–Мир–Душа–Тело. Все метафорические рисунки были сканированы, и расшифровка рисунков переведена в электронный текстовый материал.

Метод субъективного шкалирования, хорошо зарекомендовавший себя при анализе реальности, совмещающей в себе сознательный и бессознательный компонент познания, был использован нами как основной. Многомерность, вариативность и многозначность образов потребовала большой работы над созданием окончательной исследовательской сетки шкал. Процедура определения характеристик анализа каждого протокола прошла несколько этапов. Окончательный вариант исследовательской сетки шкал должен быть максимально адекватным целям исследования и продуктивным для решения поставленных задач.

На начальном этапе обработки мы ставили для себя цель – выделить основные характеристики Я, мира, тела и души, на которые обращали внимание наши испытуемые.

При описании образа Я испытуемые концентрировали внимание на: содержании, структуре, функциях и свойствах Я.

Взаимодействие Я и Мир (внешний и внутренний)

1. Внутренний–Внешний.
2. Свой–Чужой.
3. Простой–Сложный.
4. Управляемый–Неуправляемый.
5. Спокойный–Бущующий.
6. Конструктивный–Деструктивный.
7. Интересный–Неинтересный.
8. Опасный–Неопасный.
9. Быстрый–Медленный.

Целью следующего этапа исследования стало выделение факторов (системообразующих качеств) как целостной структуры «Я–Тело–Душа–Мир», так и каждой подструктуры отдельно. Для этого были взяты характеристики, общие для всех четырех компонентов (Я, Мир, Душа, Тело), и представлены в виде шкал для субъективного шкалирования. Таким характеристиками оказались следующие: независимость, активность, открытость, напряженность, раз-

ноцветность, доминантность. Каждый протокол испытуемого был оценен экспертами, в качестве которых выступили авторы исследования, по 10-балльной шкале. Вся матрица сырых баллов была факторизована.

Результаты факторного анализа показали явно выраженное наличие двух факторов как в каждом компоненте общей структуры, так и во всем пространстве Я–Тело–Душа–Мир в целом. Первый фактор связан с активностью, независимостью и доминантностью каждой подструктуры, второй фактор (биполярный) – напряженность–открытость.

Последним этапом обработки стало выделение типов субъективных пространств «Я–Тело–Душа–Мир». На основании кластерного анализа результатов субъективного шкалирования данных было выделено 12 вариантов (типов) структуры «Я–Тело–Душа–Мир», которые отличаются соотношением активности и напряженности каждого из четырех компонентов исследуемого пространства.

Таким образом, в результате исследования создана и апробирована методика содержательного анализа взаимосвязей Я–Мир–Тело–Душа; исследована факторная структура взаимосвязей Я–Мир–Тело–Душа в состоянии нормы. Содержательный аспект структуры определяется двумя факторами как в каждом компоненте общей структуры, так и во всем пространстве Я–Тело–Душа–Мир в целом. Первый фактор связан с активностью, независимостью и доминантностью, второй фактор (биполярный) – напряженность–открытость; описаны варианты структуры взаимосвязей Я–Мир–Тело–Душа в состоянии нормы; выделено 12 типов связей.

Идеи С.Л. Рубинштейна и А. В. Брушлинского о том, что познание человека – это целостная система субъекта деятельности были реализованы и подтверждены на эмпирическом уровне, а тезис – *«исходно существуют не объекты созерцания, познания, а объекты потребностей и действий человека, взаимодействие сил, противодействие природы, напряжение»* (Рубинштейн, 1957) – продемонстрировал перспективность исследований активного целостного субъекта деятельности как для психологии, так и для других наук, связанных с человеком.

Литература

- Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна. М.: Наука, 1989.
- Артемова Н. Г., Ильясов И. И., Миронычева А. В., Нагибина Н. Л., Фивейский В. Ю. Познание и личность: типологический подход. М.: Книга и бизнес, 2004.

- Артемецва Н. Г., Нагибина Н. Л.* Познание, детерминированное психологическим типом личности // Общение и познание. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Брушлинский А. В.* Психологический портрет в рамках теории субъекта / Н. Л. Нагибина. Мастера российского джаза. Психологические портреты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 18–25.
- Нагибина Н. Л.* Введение в психосонологию. М.: Центр развития человека, 2014.
- Нагибина Н. Л., Титов А. В., Титова Ж. Г.* Представления человека о структуре «Я–Мир–Тело–Душа» в разных эмоциональных состояниях // Человек, Искусство, Вселенная. М.: Центр развития человека, 2015. С. 91–96.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.

Development of the ideas of S. L. Rubinstein and A. V. Brushlinsky in the research of world outlook sets of people

*N. L. Nagibina**, *AV. Titov***, *Zh. G. Titova** (Moscow)*

* Doctor of Psychology, Center of Human Development

** Center of Human Development

In the article, S. L. Rubinstein and A. V. Brushlinsky's ideas about methodology of research of the subject of knowledge and activity are considered. On the basis of these ideas the empirical research of world outlook sets in subjective space of "Self–Body–Soul–World" is offered. As a result of the research a technique for substantial analysis of interrelations of "Self–Body–Soul–World" has been developed and tested; the factorial structure of interrelations of "Self–Body–Soul–World" has been studied. Options of structure of interrelations of "Self–Body–Soul–World" in are described; 12 types of communications are singled out. It is shown that two factors define the world outlook sets of the subject of knowledge and activity: the first factor is connected with activity, independence and dominance, the second factor (bipolar) – tension–openness. Our empirical study supports S. L. Rubenstein and A. V. Brushlinsky's theoretical hypotheses.

Keywords: gnoseology, subject, world outlook sets, the general, typological, individual.

Характерология личности с учетом типов онтогенетических со-бытийных дихотомий: субъектно-бытийный подход

С. Н. Петросьян (Сочи), З. И. Рябикина** (Краснодар)*

** кандидат психологических наук, доцент, Сочинский государственный университет; e-mail: svpet@mail.ru*

*** ** доктор психологических наук, профессор, Кубанский государственный университет; e-mail: z.ryabikina@yandex.ru*

В статье рассматриваются этапы онтогенетически формирующейся со-бытийности, где личностью осваиваются позиции в отношениях со-бытийной диады, что является основой формирования устойчивой позиции реагирования, в дальнейшем трансформирующейся в характерологический признак личности. Ситуация переживания угрозы подразумевает структурное выделение в со-бытийной диаде двух позиционных полюсов, обладающих качеством полярной эмоциональной окрашенности, что интериоризируется субъектом и становится представленным в психике в качестве диспозиционно-внутриличностного образования, где с одним полюсом личность идентифицируется, занимая соответствующую позицию в отношениях, другой полюс проецирует вовне. Субъектно-бытийный подход к проблеме развития и становления личности с точки зрения ее характерологии позволяет не только получить представление о путях формирования характера, но и в перспективе диагностировать те позиции в отношениях, своевременная коррекция которых будет способствовать формированию более гармоничной личности, способной эффективно создавать собственную бытийность.

Ключевые слова: субъектно-бытийный подход, тип со-бытийности, со-бытийная позиционная дихотомия, внутриличностное диспозиционное образование.

Постнеклассический этап развития психологии характеризуется переходом от объектной исследовательской парадигмы к субъект-

ной, а следовательно, смещению акцента познавательного интереса от проблем обусловленности, к вопросам существования, особенностям проживания жизненных периодов и ситуаций, где все большее значение придается даже не осознанности, но фактору человеческой эмоциональности и, как следствие, причинам и особенностям личностного смыслообразования.

В ответ на запрос о возникновении принципиально новой методологической основы исследований, в продолжение идей А. В. Брушлинского (Брушлинский, 2003), был разработан *субъектно-бытийный подход* к личности (З. И. Рябикина) (Знаков, Рябикина, 2017), что изначально задает исследовательский ракурс рассмотрения Человека и Мира, в котором он существует как единой функциональной целостности.

Субъектно-бытийный подход позволяет, во-первых, трактовать развитие ребенка как расширение личностной бытийности в отношениях Я–Мир, Я–Ты, Я–Они, и во-вторых, рассматривать динамику становления личности как этапы онтогенетически формирующейся *со-бытийности*, или некоего партнерства, где личностью осваиваются *позиции в отношениях Я–Мир, Я–Ты (Другой), Я–Они (Другие)*.

Такой подход дает возможность проследить этапы становления характера личности, который, будучи сформирован, во многом определяет весь дальнейший ход жизни человека.

Существующие периодизации, в той или иной степени затрагивающие развитие характера, преимущественно связаны с исследованиями личностных образований, способных повлиять на установки и поведение человека. В этом качестве, в первую очередь, выступают периодизация развития идентичности личности Э. Эриксона и возрастная типология структур характера Л. Марчер и ее коллег.

Оба автора в построении своих концепций использовали идею адаптации и в качестве описательного принципа — принцип дихотомии.

По отношению к возрастной периодизации, принцип развития, как всеобщий диалектический принцип, был введен Л. С. Выготским. Выдвинув ряд основоположных идей для изучения и периодизации детского развития, Выготский стал искать, словами Л. И. Божович (Божович, 2008), «единицу» при изучении самой «социальной ситуации развития». В качестве таковой он выделил переживание (или «аффективное отношение» ребенка к среде), так как именно в переживании «мы всегда имеем дело с неразложимым единством особенностей личности и особенностей ситуации» (Выготский, 1996, с. 79–80).

Многочисленные наблюдения особенностей характера и поведения личности, прежде всего, в области практической психологии (Ф. Перлз, И. Ялом, Л. Марчер, Ж. М. Робин и др.) дают основания заключить, что основной «единицей переживания» в отношениях со средой, о которой говорили Л. С. Выготский и Л. И. Божович, являются переживания, обеспечивающие выживание индивида, а именно переживание опасности/безопасности среды.

На этой точке анализа – рассмотрение переживания опасности/безопасности среды как фактора развития ребенка – предыдущие методологические основания не дают достаточной методологической опоры для продолжения научной рефлексии над вопросами становления личности, в частности ее характера как устойчивой эмоционально-поведенческой модели реагирования.

Субъектно-бытийный подход позволяет применить заявленную им идею о взаимной имплицированности личности и ее бытия в качестве основания для рассмотрения отношений личности и среды, в которой она развивается и взаимодействует как единицы отношений со-бытийности, или со-бытийной дихотомии, диады.

Понятие диады подразумевает тот непреложный факт, что, говоря словами М. К. Мамардашвили, находясь в «онтологическом лоне», человек никогда не оказывается наедине ни с миром, ни с самим собой (Мамардашвили, 1996).

Ситуация *переживания* угрозы подразумевает структурное выделение в диаде Я–Мир, Я–Ты, Я–Они двух позиционных полюсов, обладающих качеством полярной эмоциональной окрашенности: активного, воздействующего, связанного с угрозой и пассивного, первоначально связанного с жертвенной позицией.

В силу взаимообусловленности, оба позиционных полюса будут представлять единое дихотомическое целое, постоянно и непрерывно взаимодействующее и развивающееся. Причем изменения на одном из полюсов дихотомии будут неизбежно приводить к изменениям на другом полюсе.

Согласно общепринятым положениям возрастной психологии (Л. С. Выготский, Ж. Пиаже, Д. Б. Эльконин, Э. Эриксон и др.), можно говорить об онтогенетически осваиваемом типе отношений, а следовательно, связанном с ним типе со-бытийности личности.

Первичный тип со-бытийности – организмический. Соответственно, со-бытийная позиционная дихотомия, условно обозначенная как Уничтожение–Жертва появляется в первичной системе реагирования организма на угрозу и обслуживает базовую способность к выживанию. Отечественные и зарубежные исследователи в данном случае говорят о пренатальном периоде развития и значимости

так называемой клеточной памяти (реакции ассимиляции—диссимиляции) для появления немотивированных негативных эмоциональных состояний у взрослого человека (А. Г. Гурвич, П. П. Гаряев, Е. А. Сергиенко, С. Гроф и др.).

Следующий тип отношений — отношения слияния/изоляции. Соответственно, со-бытийная позиционная дихотомия Равнодушие—Ненужность отражает пренатальную и постнатальную (до одного года) ситуацию развития, где равнодушие является сигналом отсутствия эмоциональной связи как заинтересованности в судьбе и благополучии ребенка. И поэтому равнодушие является вторым по эмоциональной значимости типом угрозы, которая может стать причиной гибели формирующегося организма ребенка, а также гибели ребенка младенческого возраста. Л. Марчер в подобном случае говорит о нарушении взаимосвязи как способности переживать самих себя в отношениях с другими, Дж. Боулби — о нарушении формирования привязанности как качества отношений ребенка и взрослого.

Третий тип отношений со средой — отношения первичной сепарации от матери. Данный тип отношений является переходным от Мы-отношений к отношениям в диаде Я—Ты. В период, когда ребенок учится ходить, он становится способным отделиться от матери как территориально, так и эмоционально — выйти из состояния слияния. Традиционно в психологии начало сепарации от матери связано с кризисом 1-го года (Дж. Болдуин, Ж. М. Робин, Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, Л. И. Анциферова, Т. Д. Марцинковская и др.).

Таким образом, в возрасте около года ребенок впервые выходит на уровень самостоятельности, в том числе учится защищать себя сам — как от внешних воздействий, так и от собственных ошибок. Поэтому любые резкие ограничивающие действия со стороны взрослого, а также агрессивные воздействия среды воспринимаются как жесткие (переживаются как жестокие).

Данный возрастной период может быть описан в категории со-бытийной дихотомии Жестокость—Инфантилизм, где позиция Инфантилизма представляет жертвенную позицию как невозможность выйти из состояния слияния.

Развитие в системе Я—Ты отношений продолжают как осваивание позиций в отношениях власти/сотрудничества. Таким образом, четвертая и пятая со-бытийные дихотомии — Власть—Подчинение, Контроль—Подконтрольность — связаны с возрастным этапом *эмоционально-волевого развития* личности ребенка (А. Валлон, У. Джемс, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, К. Э. Изард, П. В. Симонов и др.), начинающимся с кризиса 3-летнего возраста, по Л. С. Выготскому, Д. Б. Эльконину — «кризису волеизъявления».

Активная позиция связана с проявлением власти и контроля, пассивная позиция, соответственно, отражает склонность к подчинению власти и контролю другого человека, что является признаком так называемых зависимых отношений.

Развитие отношений в со-бытийной дихотомии Контроль—Подконтрольность продолжает развитие способности личности к волевым актам, которые могут быть направлены как на окружающих людей, так и на собственные действия. Именно на этом возрастном уровне формирования воли (3—7 лет), в отношениях появляется феномен саботирования власти и контроля, как скрытого сопротивления воле другого человека.

В дошкольном возрасте (3—7 лет) также активно формируется и развивается нравственное сознание как основная ценностная форма общественного сознания, в которой находят отражения общепринятые нормативы и оценки человеческой деятельности (Л. Кольберг, Ж. Пиаже, Л. С. Выготский, Л. И. Божович, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская и др.)

Личность в этом возрасте осваивает позиции в отношениях, которые будут в дальнейшем служить морально-нравственными регуляторами межличностного и социального поведения. Со-бытийные позиционные дихотомии Обвинение—Вина, Судья—Подсудимость являются образованиями, характерными для подготовки личности к вхождению в социум.

Взаимоднйствие в со-бытийной дихотомии Обвинение—Вина, в первую очередь, относится к уровню Я—Ты-отношений. Дихотомия Судья—Подсудимость связана с морально-нравственными суждениями и оценками и в большей степени относится к первым социальным контактам и отношениям в группе. Токсичная вина выступает в качестве жесткого ограничителя свободного жизнетворчества, как бы говоря человеку: «Ты не имеешь права».

Младший школьный возраст, согласно общепринятым научным представлениям, является переходным от дошкольного детства к школьному. Кризис 7 лет отражает потребность включиться в значимые социальные отношения, соответственно, со-бытийная дихотомия Могущество—Немощность характеризует последний уровень формирования базовых позиций в отношениях и связана с переживанием ребенком собственной социальной состоятельности, либо несостоятельности (Г. Олпорт, Дж. Гилфорд, О. Конт, Ю. Б. Гиппенрейтер, Р. В. Овчарова и др.).

Сильный полюс диады часто транслируется и воспринимается как высокомерие, презрение и т. п., слабый полюс, в свою очередь, нередко сопровождается отказом от действия, так как оно зара-

нее «обречено на неуспех». Таким образом, в данный период возрастного развития формируются установки на включенность, либо невключенность в социум, что предполагает возможность, либо невозможность реализации в социуме. Здоровая самореализация подразумевает сбалансированную позицию, когда человек, с одной стороны, открыт для самореализации, с другой стороны, понимает, что не всемогущ. Признавая за собой возможность и право на самореализацию, сбалансированная личность априорно признает такое же право за другими людьми как полноправными представителями социума.

Со-бытийная дихотомия, как внешняя ситуация развития, интериоризируется субъектом и становится представленной в психике в качестве диспозиционного внутриличностного образования, где с одним полюсом личность идентифицируется, занимая соответствующую позицию в отношениях, другой полюс проецирует вовне.

С точки зрения диспозиции, можно предсказать эмоционально-поведенческие реакции личности в ситуации угрозы, которая идентифицируется как тематически близкая к содержанию определенной возрастной дихотомии; или в ситуации, воспринимаемой как угрожающая. А именно: как человек идентифицирует себя (сильный или слабый полюс диспозиции), как воспринимает партнера (проекция противоположного полюса диспозиции), какой будет динамика отношений (реализуется линия, связанная с диалектическим противоборством полюсов диспозиции) (Петросьян, 2016).

Диспозиционный конфликт разрешается при интеграции полюсов диспозиции в новое личностное качество. Агрессивный полюс, интегрируясь в слабый полюс диспозиции, модифицируется в возможность самозащиты и самореализации на новом уровне развития.

Словами Л. И. Божович (Божович, 2008), поднимаясь на новый уровень развития, личность выходит на новый уровень свободы. В том числе свободы от негативного диспозиционного реагирования, которое интегрируется в возможность и право личности на новый, адекватный теме возраста, тип самореализации.

Предложенная схема становления характера отражает логику постепенного вхождения в социум и онтогенетическую последовательность в освоении таких тем возрастного развития, как: базовая направленности личности к Миру либо от Мира; установка на сопричастность Миру или изолированности от Мира; появление границ личности; формирование воли и произвольного поведения; формирование нравственного сознания; формирование общественного сознания и социальной состоятельности.

Субъектно-бытийный подход к проблеме развития и становления личности с точки зрения ее характерологии позволяет не только получить представление о путях формирования характера, но и в перспективе диагностировать те позиции в отношениях, своевременная коррекция которых будет способствовать формированию более гармоничной личности, способной эффективно создавать собственную бытийность.

Литература

- Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. М.—СПб.: Изд-во «Институт психологии РАН»—Алетейя, 2003.
- Выготский Л. С.* Лекции по педологии. Ижевск: Удмуртский ун-т, 1996.
- Знаков В. В., Рябикина З. И.* Психология человеческого бытия. М.: Смысл, 2017.
- Мамардашвили М. К.* Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996.
- Петросьян С. Н.* Перспективы исследования жизненного сценария личности в русле субъектно-бытийного подхода // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 2. С. 6—25.

Analyzing the person's character with reference or ontogenetic co-existentialistic dichotomies

S. N. Petrosyan (Sochi), Z. I. Ryabikina** (Krasnodar)*

* Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Sochi State University

** Doctor of Psychology, Professor, Kuban State University

The article considers the ontogenetic stages of co-existence, when the person studies up and absorb the positions in the relationships of co-existential dyad, forming the foundation for building up the resistant position in reactions, which later on transforms into characterologic feature of the personality. The situation when one lives through threat experience causes structural division of the co-existential dyad, distinguishing two positional poles within it. These poles bear polar emotional colors, which are internalized by the person and become represented within the psychic structure as an intrapersonal dispositional formation, where the person identifies him- or herself with one pole, holding the relevant position/attitude in relationships, and projects the other pole into the outside. The subjective-existentialistic

approach to the problems of personal development and establishment from the view point of its character studies, does not only allow to acquire an idea of the ways the character is formed, but also, over the longer term, to diagnose these positions in relationships. Timely correction of these positions will contribute to formation of a more balanced personality capable of creating its own existence with high efficiency.

Keywords: subjective-existentialistic approach, type of co-existence, co-existential positional dichotomy, intrapersonal dispositional formation.

Национальная идентичность и исторический опыт личности с позиций субъектного подхода (на материале исследования армянской молодежи России и Армении)

О. Р. Тучина (Краснодар)

доктор психологических наук, доцент, Кубанский государственный технологический университет; e-mail: tuchena@yandex.ru

Автор обосновывает возможность изучения национальной идентичности как собственно психологического феномена с позиций субъектного подхода. Новизна исследования заключается в выявлении особенностей взаимовлияния национальной идентичности и исторического опыта личности в титульном армянском этносе и сопряженной армянской диаспоре в России. Результаты исследования не выявили значимых различий выраженности этнической и гражданской идентичности в исследуемых группах, однако показали разную взаимосвязь исследуемых компонентов национальной идентичности. Как показали результаты исследования особенностей исторического опыта представителей титульного армянского этноса и армянской диаспоры в России, при определенном совпадении «точек кристаллизации» исторического опыта данных групп есть существенные различия. У представителей титульного этноса более дифференцированное и многогранное представление об исторических событиях и знаковых исторических личностях Армении.

Ключевые слова: исторический опыт, национальная идентичность, субъектный подход, титульный этнос, сопряженная диаспора.

Национальная идентичность в современном научном дискурсе рассматривается как многомерный концепт, в котором в разной степе-

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 14-26-20001 а(м) «Психологический аспект самопонимания национальной идентичности в контексте исторического опыта на постсоветском пространстве (на материале исследования молодежи России и Армении)».

ни соотносятся гражданская, государственная, этническая, социокультурная составляющие, конфигурация элементов идентичности тесно связана с особенностями исторического развития общности (Семененко, 2015). Изучение национальной идентичности как собственно психологического феномена возможно, с нашей точки зрения, в контексте субъектного подхода. Категория «национальная идентичность» в рамках субъектно-бытийного подхода может быть рассмотрена как нахождение себя в нормативно-ценностном пространстве гражданской общности. В субъектно-бытийном подходе значимым регулятором поведения человека является направленность личности на поддержку своего чувства идентичности, «которое обеспечивается достижением и сохранением адекватности ее внутреннего, смыслового плана внешне активно выстраиваемым личностью пространством бытия» (Знаков, Рябикина, 2017, с. 341). Позитивной национальной идентичностью предполагается самоотождествление человека со страной, положительное восприятие ее исторического опыта и перспектив развития. Исторический опыт является одним из основных способов поддержки национальной идентичности личности, вслед за Ф. Р. Анкерсмитом мы определяем его в качестве непосредственного переживания как исторического события, так и временной дистанции между прошлым и настоящим (Анкерсмит, 2007).

Исторический опыт включает в себя не только знания об исторических событиях, но и проживание субъекта в них в рамках собственного представления о данном историческом событии, что определяет его собственно психологическое содержание. Осмысливая прошлое, человек сталкивается с экзистенциальной проблемой, в решении которой он пытается найти смысл определенного исторического события для общности, к которой он себя относит, и для себя лично как для представителя данной общности. Таким образом, исторический опыт является неотъемлемым компонентом экзистенциального опыта личности, и, обращаясь к прошлому, человек получает возможность выйти за пределы своей биографической конечности, осмыслить свою жизнь как звено в цепи, соединяющей прошлое и будущее, что порождает такие чувства и переживания, как ностальгия, гордость, боль, стыд.

Определенные исторические события, значимые для всей общности, вызывающие наиболее сильный эмоциональный отклик, можно определить как «точки кристаллизации» исторического опыта. Выбор именно этих исторических вех из всех событий прошлого и отношение к этим событиям, по нашему мнению, значимо влияет на особенности национальной идентичности. Исторический опыт и национальная идентичность предстают как находящиеся в дву-

направленных взаимоотношениях: с одной стороны, содержание исторического опыта задает возможности и ограничения для работы с коллективной идентичностью, с другой, именно идентичность является определяющим фактором при переосмыслении прошлого и включении его в оценку настоящего в структуре национальной идентичности.

В настоящее время как научный, так и прикладной интерес вызывает сравнительное исследование особенностей национальной идентичности в титульном этносе и сопряженной диаспоре (Оркени, Секельи, 2016). Как полагают современные исследователи, при наличии общей культурной традиции, диаспора представляет собой специфический социально-психологический феномен, который формируется на основе взаимодействия традиций и современности, опыта и воспоминаний; а также взаимодействий историй, культур, языков и ориентаций трех акторов: диаспоры, принимающей страны и страны исхода (Тощенко, Чаптыкова, 1996).

Целью исследования стало выявление особенностей взаимовлияния национальной идентичности и исторического опыта личности в титульном армянском этносе и сопряженной армянской диаспоре в России. *В исследовании приняло участие 199 армянских респондентов из Армении, из которых 81 мужчина и 118 женщин в возрасте от 18 лет до 25 лет, 105 армянских респондентов из Краснодарского края России, из которых 46 мужчин и 59 женщин в возрасте от 18 лет до 25 лет.*

Исследование гражданской идентичности проводилось при помощи программы Международного социального опроса (адаптация Л. К. Григорьян). Исследование этнической идентичности респондентов проводилось при помощи методик: «Шкала экспресс-оценки выраженности этнической идентичности» (автор Н. М. Лебедева), «Шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью» (автор Н. М. Лебедева), методика «Типы этнической идентичности» (авторы Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова). Для изучения особенностей исторического опыта применялась авторская анкета, изучающей ряд параметров данного явления, основные из которых следующие:

- какие события в истории своего народа вызывают у респондентов чувство гордости, насколько сильно это чувство (по 5-балльной шкале);
- какие события в истории своего народа вызывают у респондентов чувство горечи и боли, насколько сильно это чувство (по 5-балльной шкале);

- какие события в истории своего народа вызывают у респондентов чувство вины и стыда, насколько сильно это чувство (по 5-балльной шкале);
- персонификация образа представителя народа.

Результаты исследования показали достаточно высокую выраженность этнической идентичности респондентов исследуемых групп, т. е. респонденты в полной мере ощущают себя представителями своего народа. Чувства, связанные с этнической принадлежностью респондентов, можно охарактеризовать как гордость за свой народ. Ведущим типом этнической идентичности в каждой исследуемой группе является позитивная этническая идентичность, т. е. сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам. Ниже среднего в данных группах выраженность этнической индифферентности, характеризующейся размыванием этнической идентичности, соответственно можно говорить об актуальности этничности в исследуемых группах. Уровень гражданской идентичности в данных группах также выше среднего по обоим параметрам (национализм и патриотизм).

Результаты исследования не выявили значимых различий выраженности этнической и гражданской идентичности в исследуемых группах, однако показали разную взаимосвязь исследуемых компонентов национальной идентичности. *В группе представителей титульного армянского этноса выявлена отрицательная связь национализма с выраженностью этнической идентичности, оценкой чувств, связанных с этнической принадлежностью, позитивной этноидентичностью, этноизоляционизмом и положительная — с этнонигилизмом, этноиндифферентностью и этноэгоизмом. Патриотизм отрицательно связан с позитивной этноидентичностью и положительно — с этнонигилизмом.*

В группе представителей диаспоры, напротив, уровень национализма и патриотизма положительно связан с уровнем позитивной этноидентичности и отрицательно — с этнонигилизмом, а уровень патриотизма — с гордостью за свою этническую группу.

Таким образом, структура национальной идентичности в исследуемых группах совершенно разная: в титульном армянском этносе выявлено противопоставление народа как этнической общности и государства как системы. Принадлежность к исторически сложившейся этнокультурной общности вызывает у респондентов чувство гордости, что отрицательно связано с оценкой социально-политической системы страны и стремлением найти положительные аспекты в настоящем и будущем государства.

На следующем этапе в каждой исследуемой группе были выявлены «точки кристаллизации» исторического опыта, т. е. исторические события, вызывающие наиболее сильный эмоциональный отклик. При определенном совпадении «точек кристаллизации» исторического опыта данных групп были выявлены существенные различия. Анализ ответов представителей титульного этноса показал, что у них более дифференцированное представление об исторических событиях: они указали более 30 событий, вызывающих чувство гордости, тогда как представители диаспоры указали всего 9.

Коренные жители Армении среди главных событий указали следующие: Карабахское движение (13,2% респондентов), принятие христианства Арменией (8,7%), Аварайрская битва (8,5%), провозглашение 3-й Армянской республики (8,3%), создание армянской письменности (6,7%), Апрельская война 2016 года (6,4%), период царствования Тиграна II Великого (5,8%), Майские героические сражения (5,4%), Великая Отечественная война (3,3%).

У представителей армянской диаспоры исторические события, вызывающие чувство гордости, представлены как событиями истории армянского народа, так и России и Советского Союза: Великая Отечественная война (89,7%), принятие христианства Арменией (32%), первый полет в космос (26%), возвращение Крыма в состав РФ (18,2%), сопротивление народа во время армянского геноцида (12,7%).

Исследование представления респондентов об исторических событиях, вызывающих чувство горечи и боли, показало, что «боле-вой точкой» для армянских респондентов являются события 1915 г. (38,36% респондентов из Армении и из России), при этом коренные жители Армении назвали более 50 событий, главные из которых Апрельская война 2016 г. (8,49%), землетрясение в Армении в 1988 г. (6,85%), Сумгайтские и Бакинские погромы 1988 г. (6,03%), Карабахская война (4,11%), а представители диаспоры – всего 6.

Анализ ответов на вопрос: «Какие события в истории своего народа вызывает у респондентов чувство вины и стыда?» показал, что геноцид 1915 г. для коренных жителей Армении очень неоднозначное событие, вызывающее не только скорбь, но и стыд (9,13%). Такие же чувства вызывают у респондентов предательство Васака Сюни (7,22%), нынешнее состояние страны (6,08%), потеря территории в результате апрельской войны 2016 г. (4,94%). Представители диаспоры гораздо реже склонны оценивать исторические события через призму данных эмоций, 13,4% респондентов вообще не отметили таких событий.

«Точками кристаллизации» исторического опыта личности и группы являются не только исторические события, но и исторические

личности, олицетворяющие народ. Наличие в массовом сознании стереотипных представлений о символах и широко распространенных образах национальных реальных и вымышленных героях, а также четко сформированный лаконичный образ представления своего народа как единой целостной характеристики, единение на почве общего героизма и завоеваний определяет значимость исторического опыта в формировании этнического самосознания личности.

Анализ результатов опроса респондентов о том, каких исторических личностей они считают олицетворением своего народа, показал как сущностное сходство представлений о «настоящем армянине», так и различия в группах представителей диаспоры и титульного этноса. Коренные жители Армении в качестве «олицетворения армянского народа» рассматривают разные исторические персоны: политиков, полководцев, деятелей науки и искусства (более 50 имен). В качестве лучших представителей народа, его олицетворения, в сознании респондентов выступают, прежде всего, правители, полководцы и лидеры национально-освободительного движения: Тигран Великий, создатель Великой Армении, «собиратель армянских земель» (его назвали 59,2% респондентов); Вардан Мамиконян, предводитель восстания армян против иранских Сасанидов, пытавшихся навязать зороастрийскую религию (21,1%), Андраник Озаян, один из лидеров армянского национально-освободительного движения конца XIX—начала XX в. (13,5%), Гарегин Нжде, армянский военный и государственный деятель, основоположник цехакронизма — концепции армянской националистической идеологии (25%). Значительное место в представлениях респондентов об армянском народе занимают просветители и деятели церкви: создатель армянского алфавита, основоположник литературы и письменности, святой Армянской апостольской церкви и Армянской католической церкви Месроп Маштоц (30%), первый Католикос всех армян Святой Григорий Просветитель (18%), поэт и писатель Ованес Туманян (24%).

Армянские респонденты из диаспоры представителями своего народа считают, прежде всего, российских и советских исторических деятелей, затем представителей армянского народа и, наконец, этнических армян — представителей диаспор (менее 20 имен): В. В. Путин (74%), Петр I (71,2%), И. В. Сталин (54%), В. И. Ленин (48%), Тигран II Великий (46,6%), Месроп Маштоц (39,4%), М. И. Кутузов (31%), А. В. Суворов (29,7%), Г. К. Жуков (29,7%), А. С. Пушкин (22%), Арам Хачатурян (18%), Шарль Азнавур (16%), Гарегин Нжде (12%), Ованес Баграмян (10%).

Анализ особенностей ценностно-смысловых доминант исторического опыта представителей исследуемых групп показал, что «ядром»

исторического опыта армян является коллективная память о «Великой Армении», воплощенная в фигуре Тиграна II Великого. Таким образом, при определенном совпадении «точек кристаллизации» исторического опыта представителей титульного армянского этноса и армянской диаспоры в России есть существенные различия. У представителей титульного этноса более дифференцированное и многогранное представление об исторических событиях и знаковых исторических личностях Армении. Для коренных жителей Армении наиболее значимыми являются исторические события, связанные с военными победами, борьбой за территориальную целостность, а также события, связанные с формированием и сохранением этнокультурной идентичности, в частности принятие христианства, создание письменности. Для российских армян наиболее значимыми историческими вехами являются как события истории армянского народа, так и России и Советского Союза, а «точкой сбора нации», как и у их русских сверстников, является Великая Отечественная война (Тучина, 2017).

Соответственно, гордость за свой народ является эмоциональным фактором, который цементирует все составляющие национальной идентичности и создает основу формирования общности. У респондентов из Армении национальная идентичность определяется, прежде всего, идентичностью с этническими армянами и их достижениями, а не гражданской общностью. У представителей армянской диаспоры России национальная идентичность включает связанные между собой этническую и гражданскую идентичности, при этом позитивная этноидентичность положительно коррелирует с гордостью не только за свой этнос, но и за страну проживания в целом.

Литература

- Анкерсмит Ф. Р.* Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
- Знаков В. В., Рябикина З. И.* Психология человеческого бытия. М.: Смысл, 2017.
- Оркени А., Секельи М.* Идентичность диаспор в пограничных областях Восточной Европы // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 1. С. 73–95.
- Семенов И. С.* Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 91–102.
- Тощенко Ж., Чаптыкова Т.* Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 33–42.

Тучина О. Р. Национальная идентичность и исторический опыт личности: психологический аспект (на материале исследования русской молодежи Кубани) // Человек. Сообщество. Управление. 2017. № 1. С. 30–45.

**National identity and the historical experience of the person
from positions of the subjective approach
(based on the study of the Armenian youth in Russia and Armenia)**

O. R. Tuchina (Krasnodar)

Doctor of Psychology, Associate Professor,
Kuban State Technological University

The author substantiates the possibility and necessity of studying the national identity as a psychological phenomenon from the perspective of the subjective approach. The novelty of the research lies in revealing the peculiarities of mutual influence of national identity and historical experience of the person in the title Armenian ethnic group and associated Armenian diaspora in Russia. The results of the study did not reveal significant differences in the expression of ethnic and civil identity in the study groups, but showed a different relationship of the components of national identity. According to the results of the study of the features of the historical experience of the representatives of the Armenian ethnic group and the Armenian diaspora in Russia, with a certain coincidence of the “crystallization points” of the historical experience of these groups, there are significant differences. The representatives of the title ethnic group have a more differentiated and multifaceted view of the historical events and iconic historical figures of Armenia.

Keywords: historical experience, national identity, subjective approach, title ethnic group, conjugate diaspora.

Переживание социальных впечатлений и человеческое бытие

Л. Р. Фахрутдинова (Казань)

*доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет;
e-mail: liliarf@mail.ru*

Статья посвящена исследованию человеческого существования в человеческом бытии через психологический анализ структурной организации переживания социальных впечатлений. Целью исследования является кросс культурные исследования структурной организации переживания субъектом социальных впечатлений и проведение эмпирического обобщения данных для выявления общих закономерностей изменения человеческого существования в современном мире. Для исследования применялись авторские опросники переживания, позволившие исследовать внутренний мир представителей различных этносов. Исследования показали, что структурная организация переживания социальных впечатлений одной природы у различных этносов достоверно различаются. Совместно живущие при условиях мирного сосуществования этносы показали различия по небольшому количеству параметров переживания социального впечатления. Этносы, далеко проживающие и находящиеся в конфликте, показали существенные различия в структурной организации переживания общественных явлений.

Ключевые слова: человеческое бытие, переживание субъекта, социальное впечатление, образовательная среда, межэтнические отношения.

Современный мир наполнен драматическими событиями, имеющими тенденциями к дегуманизации представителей одних народов другими, обострением межэтнических, отношений, глобальными изменениями в институтах семьи, образования. Данные обстоятельства приводят к глобальным изменениям в человеческом существовании. Актуальность исследования определяется как интересом

ученого к тому, как внешние события в мире, социальное, культурно-историческое бытие данного исторического момента отражается на субъективном мире отдельного человека, так и в плане дальнейшего практического применения полученных знаний для психологического анализа социальной ситуации и поиска конструктивных путей разрешения назревших проблем.

Переживание человека представляет собой саму субстанциональность человеческого существования, его воплощенность и данность (Рубинштейн, 1989; Фахрутдинова, 2010, 2012). Человеческое существование проявляет индивидуальную особенность человеческого бытия, реализованного в межсубъектных отношениях (Брушлинский, 2003; Знаков, 2010). То есть человеческое существование, субстанциональность которого реализуется через переживание субъекта, является частью человеческого бытия, включающего других людей, человеческие сообщества разных измерений коллективного бытия (Знаков, 2010). Наши исследования позволили выделить структурные составляющие переживания субъекта, легшие в основание его операционализации: пространственные, временные, информационные, энергетические, телесные, эмоциональные, когнитивные, психосемантические и другие характеристики переживания субъекта (Фахрутдинова, 2012). Что позволило постигать человеческое существование через исследование структурной организации переживания субъекта во всем разнообразии впечатлений этого мира. Изучая структурную организацию переживания субъектов, представляющих различные общественные группы, мы исследуем внутренний план социальной ситуации развития субъекта человеческого бытия (Выготский, 2000).

Ранее нами был рассмотрен психологический механизм развития сознания, личности человека через переживание впечатлений (Фахрутдинова, 2012). Впечатление включается в структуру переживания в момент своего возникновения, осуществляя «отпечаток» на субстанциональности субъективного мира. Далее оно «перерабатывается» в динамическом системном комплексе «переживание — рефлексия», где на начальных этапах доминирующую роль имеет переживание, которое далее по мере «переработки» впечатления «иссушается» и переходит в структуры образов внутреннего и внешнего мира, в новые значения и смыслы, в развитие всех структур сознания, личности, человеческого существования, субъекта в целом. Для нас представляет интерес исследование социальных впечатлений, на примере впечатлений образовательной среды, в которой пребывает человек в период своего интенсивного развития, впечатлений семейной среды, которая задает начальные координаты все-

го жизненного пути человека. Эти два вида измерения человеческого бытия оказывают глобальное влияние на развитие человеческого существования, имеют довольно видимые результаты и проявления, с их последствиями сталкиваются все социальные институты, а также практические психологи. Но для нас особенный интерес представляет социальные впечатления, порожденные этническим уровнем бытия человека, этнической и межэтнической среды, которые являются проявлением этнического измерения человеческого бытия. И данный уровень человеческого бытия часто остается за пределами очевидной видимости, но в то же время оказывает колоссальное влияние как на жизнь отдельных людей, на человеческое существование, так и на человеческое бытие на остальных уровнях и измерениях человеческого бытия.

Социальные впечатления имеют свои особенности, в отличие от впечатлений «вещного мира», поскольку сущность, существование человека, прежде всего, связана с социальной, культурно-исторической средой, имеют особое место в развитии сознания человека. Наш интерес к исследованиям переживания социальных впечатлений осуществляется по трем направлениям: переживание образовательной среды, переживание семейных отношений, переживания интраэтнических и межэтнических отношений, человеческого бытия в этническом измерении.

Переживание впечатлений образовательной среды. Исследуется кросс-культурный аспект переживания образовательной среды школьников и студентов, ее влияние на развитие их личности, сознания (Фахрутдинова, 2008; Фахрутдинова, Сабиров, 2017). Например, изучалась структурная организация переживания учебной деятельности студентов российского и китайского педагогических вузов, и было выявлено, что переживание учебной деятельности имеет культурно-исторические особенности. При сохранении предмета переживания – учебного процесса, имеющего в условиях глобализации образования общие, унифицированные структурно-функциональные характеристики и критерии эффективности, структурная организация переживания образовательной среды отличается для представителей различных этнических групп (русские, татары, китайцы). Русские и татары находятся в одном биогеополитическом пространстве в условиях Республики Татарстан и проявили небольшие различия в организации переживания учебной деятельности. При объединении русских и татарских студентов в единую группу (российские студенты) и при сравнении их субъективного плана учебной деятельности с китайскими студентами были выявлены достоверные различия в организации переживания учебной деятель-

ности. При отдельном сравнении китайских студентов с русской и татарской выборкой было выявлено, что русская и общая российская выборки выявляют схожий характер различий при сравнении с китайской выборкой, а татарская группа проявляет свои различия отличным способом от российской и русской (Фахрутдинова, 2008, 2012).

Так, между русскими и татарскими студентами наблюдались различия только по одной шкале психосемантического дифференциала переживания: «Комфортность», а между общей российской и китайской выборками студентов, а также выборками русских и китайских студентов наблюдались различия по одним и тем же 6 шкалам из 14: «Оценка», «Активность», «Обычность», «Уникальность», «Дружелюбие», «Моральность», между татарскими и китайскими студентами проявляется различие в шкале «Абстрактность», которое при сравнении выборки китайских студентов с общей выборкой и русской выборкой не выявлялось. Таким образом, скрытые, латентные различия в структурной организации переживания близких народов (например, русских и татар, проживающих в Республике Татарстан) выявляются в отношении с далекими в культурно-историческом плане этническими группами (например, китайским народом).

Данные исследования позволили нам продолжить кросскультурные исследования структурной организации переживания уже в плане переживания такого социального впечатления как межэтнические отношения на примере переживания межэтнических отношений русских и татар, палестинцев и израильтян. Данные исследования позволяют аналогично вышеприведенным исследованиям выявить скрытые тенденции в межэтнических отношениях русских и татар, которые в данный культурно-исторический момент носят характер мирного гармоничного сосуществования. Но события 90-х годов, когда наблюдался всплеск националистических движений в Республике Татарстан и Россия была на грани межэтнического конфликта, аналогичного событиям, происходившим во время «Чеченского конфликта», предупреждают нас о хрупкости мира в условиях современного мира. Наши исследования могут помочь выявить скрытые, латентные тенденции в структуре переживания межэтнических отношений русского и татарского народов в сравнении со структурой переживания межэтнических отношений палестинцев и израильтян, которые находятся в состоянии хронического межэтнического конфликта.

Наши исследования показали, что существуют достоверные различия в структуре переживания межэтнического конфликта палестинцев и израильтян по пространственно-временным и информа-

ционно-энергетическим измерениям, телесным, эмоциональным, когнитивным составляющим переживания представителями палестинского и израильского народов. Было выявлено, что уровневые характеристики переживания межэтнического конфликта палестинцев достоверно выше, чем у израильтян, что свидетельствует о более высоком аккомодационном потенциале данного впечатления для палестинцев, что означает, что развивающий потенциал межэтнического конфликта для палестинцев выше и изменения во внутреннем мире палестинцев носят более генерализованный и глобальный характер.

Анализ телесной составляющей переживания, которая имеет характер доминирующей характеристики переживания на начальной стадии переживания впечатления, показал, что для палестинцев характерны достоверно и значительно более высокие показатели по экстерорецепторной составляющей телесного измерения переживания межэтнического конфликта. Переживание данного социального впечатления значительно изменяет их зрительные самоощущения (мир становится виден более отчетливо, детально, остро, и эти ощущения они оценивают как неприятные), изменяются слуховые самоощущения (звуки становятся более отчетливыми, обостряются слуховые способности, и эти ощущения также оцениваются как неприятные), претерпевают изменения вкусовые и тактильные самоощущения (данные самоощущения интерпретируются респондентами как неприятные).

Проприорецепторная составляющая телесного измерения переживания межэтнического конфликта показал, что и у палестинцев и у израильтян высокие показатели самоощущений напряжения в мышцах, связанные с агрессивным ответом, но данный ответ отличается степенью агрессии: у палестинцев они распознаются как «сжимаются кулаки», а у израильтян как «хочется ударить» и «напряжение в мышцах», что проявляет агрессивный ответ более высокой степени. Обе выборки показали, что данный конфликт вызывает самоощущение изменений в вестибулярной системе («трудно ходить», «трудно тело держать в равновесии», «головокружение»), но у палестинцев все показатели достоверно и существенно выше, чем у израильтян и держатся отметки выше среднего, в то время как у израильтян все феномены имеет также место, но их оценка ниже среднего, имеет невысокую выраженность.

Эмоциональная составляющая переживания межэтнического конфликта для палестинцев имеет также различия как по качеству, так и по интенсивности и объему. Наблюдаются различия в когнитивном измерении переживания межэтнического конфликта. Так

у палестинцев данное переживание сопровождается образами, ассоциациями: «нужен мир, компромисс» (83%), чаще, чем у израильтян (56%). У представителей израильского народа когнитивная составляющая актуализируется в виде образа «война» с высокой частотой встречаемости (73%), по сравнению с палестинцами (23%), что подтверждается и телесной составляющей переживания на уровне проприорецепторов, показывающих агрессивный ответ высокой степени израильских этносов.

Таким образом, мы видим значительные различия в структуре переживания межэтнического конфликта представителями палестинского и израильского народов. Социальное впечатление межэтнического конфликта для разных сторон конфликта имеет разное воздействие на субъективный мир, внутреннее бытие палестинцев и израильтян. Переживание межэтнического конфликта имеет различную структурную организацию, приводит к рождению различных значений и смыслов, к различной степени, глубине, широте и качеству изменения самого человеческого существования и бытия представителей различных этносов, к различному характеру изменений в индивидуальном и коллективном сознании и личности этносов. Можно сказать, что палестинцы в результате конфликта меняются более радикально, и данные изменения приводят к осознанию необходимости мирного решения конфликта, наблюдаемого нами в когнитивной составляющей переживания. Для израильтян данный конфликт имеет меньший аккомодационный потенциал, изменения в их индивидуальном и коллективном бытии не столь радикальны, ослаблены по сравнению с палестинцами, и когнитивная составляющая переживания показывает результаты переживания данного социального впечатления — склонность к насильственному решению конфликта.

Наши исследования показали, что психологический анализ структуры переживания социальных впечатлений представителями этнических групп может показать внутренние тенденции к принятию тех или иных геополитических решений, на основании данных может быть осуществлен прогноз общественных событий. Исследования показали, что структурная организация переживания социальных впечатлений одной природы у различных этносов достоверно различаются. Совместно живущие, при условиях мирного сосуществования этносы показали различия по небольшому количеству параметров переживания социального впечатления. Далеко проживающие этносы и этносы, находящиеся в конфликте — показали существенные различия в структурной организации переживания общественных явлений. Психологический анализ индивиду-

ального человеческого существования может выявить особенности, тенденции в развитии различных коллективных планов и измерений человеческого бытия.

Литература

- Выготский Л. С.* Психология. М.: Апрель-Пресс—Эксмо, 2000.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Знаков В. В.* Психология человеческого бытия: проблемы и перспективы // Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. С. 252–273.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1989.
- Фахрутдинова Л. Р.* Структурно-динамическая организация переживания субъекта: Дис. ... докт. психол. наук. Казань, 2012.
- Фахрутдинова Л. Р.* Психология переживания человека. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008.
- Fachrutdinova L. R.* On the Phenomenon of “Perezhivanie” // Journal of Russian and East European Psychology. 2010. V. 48. № 2. P. 31–47.
- Fachrutdinova L. R., Sabirov T. N.* Cross-Cultural Studies of Structural and Dynamic Features Of Learning Experiences among Russian and Chinese Teenagers // Helix. 2017. V. 8 (1). P. 2527–2530. URL: <http://www.helix.dnares.in/wp-content/uploads/2017/12/2527-2530.936.pdf>.
- Fachrutdinova L. R., Sabirov T. N.* Cross-Cultural Studies Of Learning Activities Experience Russian And Chinese Teenagers // Quid-investigacion. № 25. P. 141–147. URL: <http://revistas.proeditio.com/iush/quid/article/view/1727>.

Experience of social impressions and human being

L. R. Fachrutdinova (Kazan)

Associate Professor, Kazan Federal University

The article is devoted to the study of human being through the structural organization of “perezhivanie” (experiencings) social impressions. The study of the “perezhivanie” (experiencings) of impressions of social phenomena is relevant for understanding the influence of social processes on human existence in terms of its individual and collective being. The aim of the study is to cross-cultural studies of the structural organization of “perezhivanie” (experiencings) social impressions and to carry out an empirical generaliza-

tion of data in terms of revealing the general patterns of change in human existence in the modern world. For the study, author's questionnaires of "perezhivanie" (experiencings) were used, which allowed to explore the inner world of representatives of various ethnic groups. Studies have shown that the structural organization of the "perezhivanie" (experiencings) of social impressions of the same nature varies among different ethnic groups. Living together, under the conditions of peaceful coexistence, ethnic groups showed differences in a small number of parameters of "perezhivanie" (experiencings) the social impression. Ethnos living far away and in conflict – showed significant differences in the structural organization of the "perezhivanie" (experiencings) of social phenomena.

Keywords: human being, "perezhivanie" (experiencings), social impression, educational environment, interethnic relations.

Онтогенез психики в трансцендентном опыте как метод познания бытия

Е. А. Фетисова (Москва)

*Институт современных психологических технологий;
e-mail: alenafer@gmail.com*

В статье представлен анализ адаптации индивидуальной психики в процессе возрастного созревания индивида к бытию и экзистенциальным страхам. Понятие «бытия» в анализе разделено на два типа: бытие как социальное пространство, бытие как трансцендентное пространство. В результате анализа установлено, что психика индивида является ограниченной социальным пространством, что приводит к порождению внутренних конфликтов внутри личности, а именно к столкновению внутреннего «Я» личности с социальной реальностью. Таким образом, данный конфликт является отражением психики человека и провоцирует его столкнуться с экзистенциальными вопросами бытия независимо от того, насколько он удален от этого вопроса. Одновременно установлено, что существует трансцендентное пространство, погружаясь в которое психика индивида может отражать более широкую структуру мира, понимать смыслы и видеть свои более обширные возможности, не навязанные социальным обществом. Как доказательство приведены исследования в части околосмертного опыта и религиозных учений других народов. Учитывая, что все теории, заявленные ученым сообществом, касались онтогенеза психики в ракурсе влияния на нее с точки зрения обучения и воспитания, становится очевидным, что обойти вопросы экзистенциализма для субъекта невозможно. А текущие методы работы имеют свои минусы. Результатом настоящего исследования стало выделение в феномене психики отдельных свойств при помощи которых индивид может потенциально более эффективно приспосабливаться к реальности. Основным способом для углубленного изучения свойств психики является трансцендентный опыт.

Ключевые слова: психика, онтогенез психики, бытие и экзистенциализм, возрастная психология, трансцендентный опыт.

Индивид в процессе своей жизнедеятельности проходит определенные стадии развития. Основные теории возрастной психологии отражают этапы становления человека и кризисы его жизни в период с младенчества до старости. Основным понятием возрастной психологии является развитие психики, в результате ее онтогенеза происходит переход индивида с одного этапа развития на другой.

Необходимо отметить, что изучение данного вопроса в основном происходило в рамках детской психологии, что подтверждают теории ряда таких авторов, как З. Фрейд, Э. Эриксон, Ж. Пиаже, Л. Выготский и т. д. Представленные теории в большей степени содержат информацию о том, каким образом происходит развитие психики в возрасте, начиная с рождения и заканчивая пубертатным периодом, что влияет на воспитание психики и каким искусственным образом человек может привести ребенка к социально адаптированному типу. Основными элементами различных подходов к изучению стали – влияние физиологических факторов, социальных факторов, культурно-исторических факторов и интеллектуальных операций. Влияние данных факторов обуславливает развитие ребенка и предопределяет его склад, формирует некий дальнейший путь развития ребенка (Шаповаленко, 2005).

Дополнительно, в течение жизни, индивид переживает возрастные кризисы, в результате которых личность перерабатывает вновь приобретенный опыт и начинает осуществлять переосмысление системы своих ценностей. Онтогенез психики зрелого человека происходит в результате данных кризисов, его трудовой деятельности. Согласно теории А. Маслоу, ведущим фактором становится самореализация человека (Шаповаленко, 2005). Дополнительно можно выделить теорию Г. А. Цукерман о завершающей ступени развития психики – духовном развитии личности (Шаповаленко, 2005). Индивидуальный путь развития индивида в зрелости определяется в размытых границах зрелости, от ранней до кульминационной. Большое внимание в этом периоде развития индивида в известных исследованиях уделено труду и самореализации, умению определить цели для жизни, взять ответственность за решение своих трудностей и преодоления их, т. е. социально-адаптивным действиям индивида. Но что индивид ощущает в процессе этого самого кризиса? Все теории утверждают о том, что у человека происходит изменение личностных характеристик и звучат те последствия, которые проявляются в человеке (Шаповаленко, 2005). Действительно, изменения

очевидны, но более широкого понимания о происходящем в психике в момент самого кризиса не отмечается.

В настоящей статье будет проанализирован феномен психики, возможные состояния индивида в различных возрастных категориях и способы, при которых психика позволяет изменить свое отношение к бытию. Предполагаемая гипотеза: психика позволяет индивиду более эффективно адаптироваться к бытию на трансцендентном уровне.

Основываясь на предложенных теориях влияния культурной и социальной среды на онтогенез психики, сделаем оценку текущего состояния общества. Предположим, что в ходе деятельности индивид приобрел некие навыки в зависимости от культуры общества, в котором он проживает, а также от семьи и окружения, формирующего сознание человека. Отметим, что вопросы бытия в детском возрасте не обусловлены для ребенка напрямую, а приобретают характер передачи информации о культуре через ближайшее окружение в невербальном порядке, а также процессы обучения. Например, в случае если родители, являются обладателями определенной культуры и значимыми личностями для ребенка, то ребенок может вникать в обсуждения, происходящие при общении родителей о мире и порядке существования. Второй вариант примера может происходить в процессе жизни ребенка, когда он сталкивается с вопросами бытия самостоятельно и задает вопросы своему близкому окружению. При подготовке были выделены случаи на примере троих детей, которые самостоятельно задали вопросы по экзистенциальной теме. Так, одна девочка семи лет задала вопрос о том, в чем состоит смысл жизни, трехлетняя девочка о смерти и месте, куда попадают люди после смерти, трехлетний мальчик о том, кто такой Бог и где он живет. Таким образом, можно сделать вывод о том, что уже в детском возрасте у ребенка формируется психика с учетом восприятия тех параметров, которые соответствуют ответам значимым для них лиц на их вопросы. Отдельно, в качестве нормы, заложенной в основы общества, выделим воспитание ребенка как нравственной личности, с качествами порядочности и чести. Приобретая все вышеуказанные навыки, ребенок апробирует их в обществе и получает ответную реакцию общества на то или иное его действие, в том числе и логическую операцию, выраженную в различных знаковых системах. При этом если методика обучения нравственным понятиям зашита в образовательной системе общества, то вопросы бытия не нашли своего отражения ни в одной методике. Таким образом, индивид становится личностью индивидуального плана, прошедшего этапы онтогенеза и филогенеза психики. Интеграция личности в социум

происходит с учетом тех параметров, которые были заложены в человеке при прохождении всех этапов.

Теперь представим себе портрет личности в рамках условной нормы, который интегрируется в общество: нравственная личность, живущая на принципах добра и порядочности с неким пониманием того, что из себя представляет бытие и жизнь.

Первое, с чем сталкивается в социуме такая личность в ранней зрелости, — это борьба. Борьба за существование, за пропитание, за место под солнцем и т. д. Характеристиками борьбы часто являются неуважение к жизни и здоровью другого человека, отсутствие навыков взаимодействия, насилие, агрессия, силовые способы решения, доминирование над людьми. В противном случае, это является уже психологией мира (Кимберг, 2009).

Второе, с чем сталкивается личность, — это страхи, социальные и экзистенциальные, где страх выполняет функцию безопасности жизни и деятельности человека. Таким образом, индивид встает перед необходимостью оценки рисков, которые может нести для него его борьба. Здесь стоит отметить, что для государства важен показатель уровня смертности населения. Поэтому в социальном обществе можно выделить два вида страха: внутренний и искусственный. Внутренний предусматривает наличие у индивида осознания того, к чему могут привести те или иные его действия, искусственный — это созданный государством в целях профилактики смертности населения. В случае если внутренний страх усиливает свое действие и приводит, например, к паническим атакам, человека лечит психология. Искусственный страх формируется путем манипуляций и запугиваний человека. Так, например, возьмем кинематограф. Если проанализировать вид популярного в фильмах-ужасах клоуна, то можно составить его портрет: бледное лицо, часто лысина, красные белки глаз, острые зубы-оскал, могут быть шрамы или раны, красочный костюм. Теперь примем каждый из пунктов за вид страха, получаем:

- 1) бледное лицо — ассоциация со смертью;
- 2) лысина — ассоциация со старостью;
- 3) красные белки глаз — ассоциация с болезнью;
- 4) острые зубы-оскал — ассоциация с укусом собаки, бешенством, остротой, возможно, ножом;
- 5) шрамы или раны — ассоциация с кровью, гнойниками, порезами и т. д.
- 6) красочный костюм — яркие краски жизни.

Получаем следующий портрет: старый болеющий человек, подвергшийся нападению собаки или человека с острым предметом и умер-

ший в самом расцвете жизненных сил. Практически все пункты касаются экзистенциализма. Напомним, что вид такого клоуна вызывает ужас у большого количества людей. «Меня охватило чувство одиночества, тоски и ужаса, точно меня против воли бросили в эту большую, полную сумерек яму, где я один на один стоял с колокольней, глядевшей на меня своим красным глазом», — пишет о реакции страха А. П. Чехов (Чехов, 1976). Однозначно можно сделать выводы о реакции общества на экзистенциальные страхи. Таким образом, страхи не только регулируют человеческую жизнь, но и представляют собой переживание нечто плохого и ужасного, что может произойти с человеком.

В результате можно сделать следующие логические выводы.

1. Человек, вступая в раннюю зрелость, сталкивается с борьбой и страхами (внутренними и искусственными).
2. Современные навыки и воспитание, полученные в ходе формирования индивидуальной психики, не способствуют приобретению навыков, необходимых в борьбе.
3. Индивид вынужден столкнуться с экзистенциальными страхами для того, чтобы приобрести новые адаптивные качества, необходимые для борьбы.

Представим себе, что индивид для участия в борьбе столкнулся с самим собой и своими страхами. С учетом того, что его сформированная система ценностей не пригодна для реальной жизни, он должен пересмотреть ее и принять решения о том, что ему необходимо изменить в себе. Вопросы, которые себе задает человек: я добрый или злой, кто я, зачем я здесь, какой смысл моей жизни? Таким образом, человек вынужден в определенный момент столкнуться с экзистенциальными вопросами для выработки траектории своего движения. Готов ли человек быть агрессивным, или мир для него важнее, что повлечет его агрессивное поведение, а если он умрет, то правильна ли была его агрессия и т. д.

При исследовании были установлены случаи, когда индивиды переживали данный аспект при переходе из стадии ранней зрелости в стадию средней зрелости. Комментарии, данными людьми, позволили предварительно установить:

- 1) отсутствие готовности к переходу во взрослую жизнь;
- 2) отсутствие желания заглядывать в экзистенциальные вопросы — смерти, одиночества, бытия;
- 3) возврат в детское состояние и события детских лет для анализа собственной личности;

- 4) склонность к анализу прошлых событий, своих навыков и умений, субличностей;
- 5) непонимание грани между добром и злом;
- 6) невротическое расстройство личности.

Таким образом, можно сделать предварительные выводы о том, что в кризисе среднего возраста человек вынужденно сталкивается с проблемой экзистенциализма и бытия и вынужден в своем сознании переработать весь скопившийся материал для определения своего места в бытии, смысле жизни, столкнуться со всеми страхами и сформировать такую личность, которая была бы готова к борьбе. С точки зрения психологии, это можно квалифицировать как внутренний конфликт человека на стыке двух систем ценностей.

Остается открытым вопрос того, каким образом преодолеть человеку этот промежуток времени, ведь подобного рода внутренний конфликт может привести человека к невротизации личности.

Теперь перейдем к разделу о психике, так как именно этот феномен обеспечивает более эффективное приспособление к среде (Гиппенрейтер, 2016). Отражением психики является сознание, в котором имеется структура бессознательного, так хорошо изученная З. Фрейдом. Текущие технологии работы с экзистенциальными вопросами в основной своей части являются методами хорошо изученных феноменов сознания и бессознательного. А фактически используется психоанализ, когда из бессознательного человека мы извлекаем отвергаемые индивидуумом фрагменты (культурных, социальных, воспитательных, наследственных) и работаем с ними (Франкл, 2016). Минус состоит в том, что для подобного метода необходимо развитое мышление и логика у человека, а данные факторы свойственны и развиты не у всех людей. Другой метод построен на гипнотическом или лингвистическом программировании бессознательного человека (методика гипноза и НЛП). Минус этого метода таков, что данные методики человек применяет неосознанно, что может привести к другому внутреннему конфликту, когда человек после подобных манипуляций, при наличии высокого уровня критичности, не понимает, что именно противоречит его системе ценностей.

Если проанализировать психику, то можно выделить следующие аспекты: психика отдельного индивида обладает неким индивидуальным знанием того, каким образом выглядит мир (бытие), а внутреннее «Я» того же индивида создает свой индивидуальный образ и соотносит его с внешним миром, тем миром, которое собственное «Я» и создало. Если принять, что мир – это социум или социально видимое пространство, то происходит интеграция собственного «Я»

с социальным миром. В таком случае теория А. Маслоу о самореализации, а также А. Н. Леонтьева о сознании и деятельности, где вся жизнь определяется мотивами и целями в самореализации, становится актуальной (Леонтьев, 2012). Особенно учитывая, что основные блага текущий социальный мир определяет как рынок потребления. Таким образом, утверждение Ф. Достоевского о том, что самыми первичными мотивами становятся деньги и власть, приводит к тому, что общество стремится самореализоваться при помощи таких мотивов, как материальные блага (Достоевский, 1973). И конфликт, который возникает у индивида, — это конфликт для достижения целей получения этих благ. Соответственно влияние на психику зрелого человека оказывают его социальные ожидания. Но при таком варианте происходит отклонение, так как, принимая новые условия существования и ценности, человек лишается предыдущей системы, например нравственного воспитания. Если принять, что мир — это вселенная и все то, что нас окружает, но что не каждый может воспринять в силу ограничения, то свойства психики состоят не только в том, чтобы самореализоваться, а приобретают и совершенно новые смыслы. Психика приобретает, в первую очередь, свойство познания мира и своего места в нем, своих возможностей и смыслов. Важен тот факт, что это создается не искусственным образом, а приобретает характер познания бытия через собственное новое восприятие. Осознание и признание человеком своего истинного «Я» и привнесение в мир при помощи мышления и речи того, что соответствует его истинной сущности. В таком случае самореализация становится частью процесса онтогенеза психики отдельного человека, после принятия человеком своей истинной роли, а не навязанных обществом стереотипов. Материальные блага в таком случае становятся только средством достижения самореализации, но не самой целью.

Исследования на простейших организмах позволили выдвинуть гипотезу о том, что для развития этим организмам было достаточно простой раздражимости для приобретения новых функций и чувствительности к предыдущим стадиям до развития. А. Леонтьев предлагает вариант усложнения деятельности человека, в результате которой психика вынуждена будет развиваться (Гиппенрейтер, 2016). Но в ходе этой теории непонятным остается, как усложнить или раздражить психику человека, чтобы она приспособилась к экзистенциальным вопросам бытия? Может ли быть кризис среднего возраста как раз тем самым раздражителем? И можно ли обойтись без раздражителя вовсе?

Представляется однозначным, что состояние смерти, с учетом тех установок, которые дало общество, — это ужас, боль, одиночество,

пустота. Религии определяют данное состояние не так однозначно, и каждой культуре свойственно свое понимание смерти. То же самое касается и смыслов жизни, человек логически не может догадаться о своей миссии или предназначении. Ключевым является тот факт, что распознать неизвестность на текущий момент наука не смогла. При этом мышление и логика не дают исчерпывающих ответов на все вопросы людей. Это приводит к тому, что человек просто вынужден обратиться к новым источникам познания. Этот источник можно найти как раз при помощи новых свойств психики.

Новые свойства психики можно выделить на текущий момент на примере людей, испытавших околосмертный опыт. Предварительные исследования этого вопроса указывают на то, что в переживании околосмертного опыта может происходить отделение психики от тела человека. В результате подобного отделения, человек имеет возможность увидеть ряд совершенно новых вещей, несвойственных текущему пониманию социума, устремить свой взгляд на мир в виде вселенной и открыть новые возможности в самом человеке (Гордеева, Прибытков, 2014). Если обратиться к Тибетской книге мертвых, описывающей способы подготовки к смерти, то можно увидеть факты наличия некоего трансцендентного опыта, который помогает человеку ощутить реальность бытия и изменить отношение к экзистенциальным страхам (Турман, 2018). Можно ли признать психику как некое ментальное тело человека, которое ему дано для восприятия реальной вселенной и возможности преодоления экзистенциальных страхов, а также открытия смыслов бытия, своего места в нем, остается открытым. Понятно только, что трансцендентный опыт дает потенциальную возможность проявить новые свойства психики человека. При этом можно сделать выводы о том, что религия является первым институтом, способствующим развитию трансцендентного опыта путем погружения при помощи различных знаковых систем (слово, искусство, медитации, церковные службы и т.д.) в некое иное состояние, позволяющее по-иному взглянуть на феномен психики. Стоит отметить, что, возможно, именно по этой причине в России основной пласт прихожан является людьми кульминационной степени зрелости, которые более приближены к вопросам экзистенциализма вследствие приближения смерти.

По итогам исследования можно сделать неоднозначные выводы о том, что трансцендентный опыт является следующим шагом для познания феномена психики. Изучение данного вопроса требует исследований со стороны различных конфессий. Более того, можно отметить, что более обширное изучение феномена психики актуально и возможно только в свете объединения науки и религии.

Литература

- Гиппенрейтер Ю. Б.* Введение в общую психологию: Курс лекций. М.: АСТ, 2016. С. 181–238.
- Гордеева О. В., Прибытков Е. В.* Представления об околосмертных переживаниях в древнеиндийской эпической литературе (на материале «Махабхараты»): сопоставление с современным западным опытом // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 1–11.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. Т. V. М.: Наука, 1973. С. 99–180.
- Кимберг А. Н.* Психология мира и психология борьбы: факторы формирования ментальности субъекта // Научно-практическая конференция «Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках реализации государственной молодежной политики». М.: Кредо, 2009. С. 3–5.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М.: Книга по требованию, 2012. С. 53–63.
- Турман Р.* Тибетская книга мертвых. М.: ИД «Постум», 2018. С. 17–166.
- Франкл В.* Логотерапия и экзистенциальный анализ: Статьи и лекции. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 65–204.
- Чехов А. П.* Сочинения. Т. 5. М.: Наука, 1976. С. 187–188.
- Шаповаленко И. В.* Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). М.: Гардарики, 2005. С. 57–301.

The ontogenesis of the psyche in transcendental experience as a method of knowledge of life

E. A. Fetisova (Moscow)

Institute of Modern Psychological Technologies

The article presents an analysis of the adaptation of the individual psyche in the process of maturation of the individual to life and existential fears. The concept of «being» in the analysis is divided into two types: being as a social space, being the article presents an analysis of the adaptation of the individual psyche in the process of age maturation of the individual to being and existential fears. The concept of “being” in the analysis is divided into two types: being as a social space, being as a transcendental space. As a result of the analysis it is established that the psyche of the individual is a limited social space, which leads to internal conflicts within the personality, namely the collision of the inner Self with social reality. Thus, this conflict is a reflection of the human psyche and provokes him to face existential

questions of life, no matter how far away he was from this issue. At the same time, it is established that there is a transcendent space, plunging into which the psyche of the individual can reflect the broader structure of the world, understand the meanings and see its broader opportunities not imposed by social society. As proof of the research in terms of near-death experience and religious teachings of other peoples. Given that all theories asserted by the academic community, touched the ontogenesis of the psyche from the perspective of the impact on it from the point of view of training and education, it becomes apparent that to avoid the issues of existentialism to the subject impossible. Current working methods have their disadvantages. The result of this study was the isolation in the phenomenon of the psyche of individual properties by which the individual can potentially more effectively adapt to reality. The basic method for in-depth study of the properties of the psyche is transcendental experience.

Keywords: psyche, ontogenesis of the psyche, existence and existentialism, developmental psychology, transcendently experience.

Ценностные основания осмысленности жизни в зрелом возрасте

*А. А. Чуганская**, *С. Н. Миронова***, *Е. Н. Махмутова**** (Москва)

** кандидат психологических наук, Московский экономический институт;
e-mail: anfisa.makh@gmail.com*

*** Московский экономический институт;*

e-mail: anfisa.chuganskaya@yandex.ru

**** кандидат психологических наук, Московский государственный институт международных отношений; e-mail: makhur@mail.ru*

Ценностные ориентации личности, объединяющие ее внутренний мир с окружающей реальностью, образуют сложную, многоуровневую иерархическую систему, занимая смежное положение между мотивационно-потребностей сферой и системой личностных смыслов. Осмысленность жизни и ее составляющие тесно связаны с личностными ценностями и образуют сложную структуру, которая изменяется в зависимости от принадлежности к полу, от возраста и культурно-этнической среды, в который находится человек. Нами было проведено исследование 30 респондентов в возрасте 40–64 лет. По результатам корреляционного анализа показано, что ценностными основаниями осмысленности жизни в зрелом возрасте являются ценности жизнерадостности, уверенности в себе и чуткости. Наиболее выраженная в зрелом возрасте смысложизненная ориентация на цель положительно связана с ценностями счастья других и рационализма.

Ключевые слова: ценности, зрелый возраст, смысл жизни, личность.

Ценностные ориентации человека постоянно являлись одним из наиболее важных объектов исследования философии, этики, социологии и психологии на всех этапах их становления и развития как отдельных отраслей знания (Махмутова, Биктимирова, 2004). Как правильно отмечал Б. Г. Ананьев, «без познания ценностных представ-

лении человека невозможно понять его поведения» (Ананьев, 2001, с. 143). Сейчас существует множество определений понятия «ценность», как имеющих общий, очень широкий смысл, так и сводящих это понятие до явлений мотивации. В более общих определениях понятию «ценность» может предаваться несколько значений, в зависимости от рассматриваемого аспекта.

1. Ценность – общественный идеал; выработанное общественным сознанием, содержащиеся в нем абстрактные представления об атрибутах должного различных сферах общественной жизни (это общечеловеческие и конкретно-исторические ценности).
2. Ценности, предстающие в объективированной форме в виде произведений материальной и духовной культуре, либо человеческих поступков.
3. Социальные ценности, преломляясь через призму индивидуальной жизнедеятельности, входят в психологическую структуру личности в форме личностных ценностей (Знаков, 2008, с. 89).

Согласно Д. А. Леонтьеву (Леонтьев, 1999), можно выделить 3 основных варианта понимания психологической природы индивидуальных ценностей. Первый из них – понимание ценности в одном ряду с таким понятием, как мнение, представление или убеждение. Таким образом, ценности не имеют самостоятельной побудительной силы, а берут ее из других источников. С другой стороны, индивидуальные ценности видятся как разновидности или подобию социальных установок и отношений. В таком понимании им приписывается структурирующая функция, которая сводится к эффекту ценностной регуляции (Чуганская, 2006). Наконец, третий этап сближает ценности с понятиями потребности и мотивов, подчеркивая их реальную побудительную силу.

Система ценностных ориентаций является психологическим органом саморазвития и личностного роста, устанавливая одновременно его направление и способы его осуществления. По словам Н. Ф. Наумовой, ценностные ориентации дают основание для выбора из имеющихся альтернатив целей и средств, определяя «границы действия», т. е. не только регулируют, но и направляют эти действия (Наумова, 2006, с. 196). Таким образом, система ценностных ориентаций устанавливает жизненную перспективу, «вектор» развития личности, являясь важнейшим его источником и механизмом, и является психологическим органом, связывающим в единое целое личность и социальную среду, выполняющим одновременно функции регуляции поведения и определения его цели.

М. Рокич разделяет индивидуальные ценности по их функциональному значению на две группы: терминальные и инструментальные, выступающие, соответственно, в качестве личностных целей и средств их достижения. М. Рокич определял понятие «терминальные ценности» как убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования с личной и общественной точки зрения заслуживает того, чтобы к ней стремиться; а «инструментальные ценности» — как убеждения в том, что определенный образ действий (например, честность, рационализм) с личной и общественной точки зрения является предпочтительным в любых ситуациях.

Осмысленность жизни и ее составляющие тесно связаны с личностными ценностями и образуют сложную структуру, которая изменяется в зависимости от принадлежности к полу, от возраста и культурно-этнической среды, в который находится человек. Ощущение жизненного смысла дает начало ценностям, которые, в свою очередь, усиливают ощущение смысла. Для описания смысла используются обычно два термина — «личностный смысл» и «смысл жизни» (Леонтьев, 1999). Под личностным смыслом можно понимать ценности, придающие привлекательность каким-то действиям, жизненным актам, деятельности и т. д., а смысл жизни — это целостное отношение человека к ней как к привлекательной ценности. Д. А. Леонтьев рассматривал понятие «смысл» как суть, главное основное содержание в явлении, сообщении или поведенческих проявлениях, а также как личностную значимость тех или иных явлений, сообщений или действий, их отношение к интересам, потребностям и жизненному контексту в целом конкретного субъекта (Леонтьев, 1999). Таким образом, описывая смысл жизни, исследователи выделяют его позитивное влияние на становление личности и развития ценностных оснований человека.

В ходе анализа литературы мы обратились к исследованиям ценностных ориентаций в зрелом возрасте. Нами была выдвинута следующая гипотеза: существуют особенности в общем уровне осмысленности жизни и ценностных основаниях у респондентов зрелого.

Объект исследования — люди зрелого возраста (от 40 до 64 лет).

Предмет исследования — ценностно-смысловые основания осмысления жизни в зрелом возрасте. Исследование проводилось в 2017 г. на базе АО «ИЖМЕТМАШ». В опросе приняли участие 30 человек зрелого возраста (от 40 до 64), из них 18 женщин и 12 мужчин, все участники исследования привлекались на добровольной основе. Изучение ценностных оснований осмысленности жизни осуществлялось с помощью комплекса диагностических методик: методика «Ценностные ориентации» М. Рокича и методика «Смысложизненные ориентации» (СЖО) Д. А. Леонтьева.

Результаты исследования

С помощью методики «Ценностные ориентации» М. Рокича были проранжированы индивидуальные выборы терминальных и инструментальных ценностей испытуемых зрелого возраста. Для удобства анализа результатов ранги были разбиты на 3 группы: ценности получившие 1–5 ранги – это приоритетные ценности; 6–13 ранги – средние по значимости для испытуемых; ценности получившие 14–18 ранги – это отвергаемые ценности.

Наиболее приоритетными среди терминальных ценностей – целей, актуальных для испытуемых зрелого возраста, оказались (ранг 1–5):

- здоровье (физическое и психическое) – приоритетно для 80% респондентов;
- материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений) – для 63,3%;
- жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом) – 60%;
- любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком) – для 60%;
- наличие хороших и верных друзей – для 60%.

Таким образом, приоритетными для лиц зрелого возраста являются конкретные ценности личной жизни (здоровье, материальная обеспеченность, любовь, друзья) и более абстрактная ценность жизненной мудрости. Данный выбор может быть связан с возрастом, так как зрелость – это период определенного подведения итогов, достигнутых в социуме, и возможность взглянуть на результаты своей жизни с точки зрения здравого смысла, достигаемого жизненным опытом.

Наименее значимые терминальные ценности (14–18 ранг):

- развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей) – незначимо для 90% опрошенных;
- счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом) – также для 90%;
- красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве) – для 73,3%;
- творчество (возможность творческой деятельности) – для 66,7%;
- общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе) – для 50%.

Итак, для испытуемых зрелого возраста неактуальны общественные ценности и ценности трансперсонального свойства (творческой самореализации, переживания прекрасного). Также зрелые люди пренебрегают развлечениями, принимая на себя целый круг обязанностей.

Следует также обратить внимание на ряд ценностей, относительно важных для большинства опрошенных, но не занимающих крайне позиции. Это интересная работа; счастливая семейная жизнь; развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование); уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений); познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие); продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей); свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках).

Аналогично предыдущему рассмотрению терминальных ценностей, при анализе инструментальных ценностей выделяются пять приоритетных и пять пренебрегаемых ценностей — средств в иерархии ценностей испытуемых зрелого возраста, являются:

- образованность (широта знаний, высокая общая культура) — актуальна для 80% опрошенных;
- жизнерадостность (чувства юмора) — для 53,3%;
- воспитанность (хорошие манеры) — для 50%;
- аккуратность (чистоплотность), умение содержать в порядке вещи, порядок в делах — для 46,7%;
- независимость (способность действовать самостоятельно, решительно) — также для 46,7%.

Итак, испытуемые зрелого возраста выбирают образованность как свойство личности, предпочтительное в любой ситуации. Думается, этот выбор вполне соответствует приоритетам современного рационального общества, опирающего на интеллект и общую культуру граждан. Также, возможно, в данном контексте образованность — синоним компетентности, одному из самых достижений в этом возрасте. Ценности воспитанности и аккуратности отражают внешние требования социума, а их приоритет у испытуемых — желание им соответствовать. Данные ценности можно отнести к конформистским. В то же время такая ценность, как независимость, свидетельствует о способности или стремлении самостоятельного выбора личностью своих действий. Жизнерадостность — важная ценность, связанная с принятием жизни, других и себя.

Можно сказать, что терминальные и инструментальные ценности в данной возрастной группе в основном связаны с темой социальной адаптированности личности в ближнем (личном) окружении.

С помощью методики «Смысложизненные ориентации» Д. А. Лентьева были выявлены смысложизненные ориентации у лиц зрелого возраста. Индивидуальные показатели уровня осмысленности жизни испытуемых зрелого возраста отражают уникальный опыт и потому образуют неповторимый личностный профиль. При этом размах значений по всем шкалам опросника невелик. Так как шкалы содержат разное количество пунктов, для удобства сравнения результатов представляется целесообразным найти среднее значение по каждой шкале. Показатели по всем критериям опросника колеблются от 4 до 4,2 балла. Согласно ключам к тесту, диапазон оценок — от 1 до 7 баллов, причем максимальный балл (7) всегда соответствует полюсу наличия цели в жизни, а минимальный балл (1) — полюсу ее отсутствия. Таким образом, испытуемым данной группы свойственно понимание осмысленности жизни среднего и чуть выше среднего уровня.

При достаточной однородности результатов все-таки более низкие значения получены по субшкале «Результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией». Шкала отражает оценку пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая ее часть. Итак, по субъективным оценкам респондентов, их прошлое не так важно, как настоящее и будущее.

Результаты по субшкале «Цели в жизни» говорят о наличии или отсутствии в жизни респондента целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Средний показатель по этой шкале у респондентов зрелого возраста равен 4,2 балла. Можно сделать вывод о том, что планы на будущее являются ресурсными в их жизни.

Субшкала «Процесс жизни, или интерес и эмоциональная насыщенность жизни». Средний балл по этой шкале также равен 4,2 балла. Можно сказать о том, что респонденты в общем воспринимают сам процесс своей жизни как относительно интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом, но в той же мере ориентированы и на будущее.

Субшкала «Локус контроля — Я (Я — хозяин жизни)» и «Локус контроля — жизнь, или управляемость жизни» получили одинаковые результаты в 4,1 балла. Респондентам также свойственно думать о том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

Общий показатель осмысленности жизни равен 4,2 балла, что свидетельствует о большом потенциальном пути опрошенных в направлении обретения смысла жизни.

Для выявления связи между смысложизненными ориентациями и ценностям в группе людей зрелого возраста был применен корреляционный анализ методом ранговой корреляции Спирмена. По результатам корреляционного анализа показано, что ценностными основаниями осмысленности жизни в зрелом возрасте являются ценности жизнерадостности ($r=0,61$ при $p=0,05$), уверенности в себе ($r=0,58$ при $p=0,05$) и чуткости ($r=0,56$ при $p=0,05$). Наиболее выраженная в зрелом возрасте смысложизненная ориентация на цель положительно связана с ценностями счастья других ($r=0,65$ при $p=0,05$) и рационализма ($r=0,59$ при $p=0,05$).

Разнообразные проблемы ценностных и смысложизненных ориентаций стали сквозными коренными для философии, культурологии, психологии и педагогики (Воевода, 2016). Вместе с тем глубокие социально-экономические, политические преобразования и культурные сдвиги, происходящие в России, смысл, цели, временные рамки и последствия которых неопределенны, инициировали массовые процессы утраты людьми смысла и целей жизни. У значительной части людей обозначился дефицит субъектных качеств, веры в наличие смысла жизни, способностей к самопознанию, способностей к целенаправленным и эффективным волевым усилиям, необходимым для осуществления своих стремлений, к полноценной жизненной самореализации и профессионального самоопределения.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
- Воевода Е. В.* Межкультурная коммуникация в полиэтничном образовательном пространстве // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2016. Т. 5. № 3. С. 24–28.
- Знаков В. В.* Ценности как проблема психологии человеческого бытия // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Отв. ред. В. В. Знаков, Г. В. Залевский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 83–93.
- Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
- Махмутова Е. Н., Биктимирова Н. А.* Проблемы анализа ценностно-смысловой сферы личности на примере исследования ценностных ориентаций госслужащих // Экономика и управление: научно-практический журнал, 2004. № 5. С. 23–26.

Наумова Н. Ф. Человек и модернизация России. М.: Канон+, 2006.

Чуганская А. А. Проблема изучения ценностей: современные подходы в психологической науке // Наследие М. Акмуллы: взгляд через века: Материалы Международной научно-практической конференции. Министерство образования и науки РФ, Министерство образования Республики Башкортостан, БГПУ им. М. Акмуллы, 2006. С. 65–67. URL: <http://www.psytab.info> (дата обращения: 21.09.2017).

The valuable bases of intelligence of life at mature age

*A. A. Chuganskaya**, *S. N. Mironova***, *E. N. Makhmutova**** (Moscow)

* Candidate of Psychological Sciences, Moscow Economic Institute

**

*** Candidate of Psychological Sciences, Moscow State Institute of International Relations (University)

The valuable orientations of the personality uniting the inner world with surrounding reality form difficult multilevel hierarchical system, holding adjacent position between motivational requirements the sphere and the system of personal meanings. The intelligence of life and its components are closely connected with personal values and form complex structure which changes depending on gender, from age and the cultural and ethnic environment in which there is a person. We conducted the investigation of 30 respondents at the age of 40–64 years. By results of the correlation analysis it is shown that the valuable bases of intelligence of life at mature age are values of cheerfulness, self-confidence and keenness. The meaningful orientation to the purpose which is most expressed at mature age is positively connected with values of happiness of others and rationalism.

Keywords: values, mature age, meaning of life, personality.

Субъективное благополучие в контексте развития субъекта

Р. М. Шамионов (Саратов)

*доктор психологических наук, Саратовский национальный
исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского;
e-mail: shamionov@mail.ru*

Анализируется проблема изменчивости субъективного благополучия личности на разных этапах жизненного пути. Отмечена значимость опоры на субъектно-бытийный подход для изучения субъективного благополучия в контексте развития субъекта. Анализируются базовые основания субъективного благополучия в соответствии с развитием субъекта и реализуемой социальной активности. Отмечено наличие базовых отличий содержательных характеристик субъективного благополучия и его доминирующих компонентов в зависимости от этапа жизненного пути: ситуативные впечатления и удовлетворенность витальных потребностей, включенность в систему межличностных отношений и занятие социального статуса, экзистенциальный опыт, реализация жизненных планов и инволюционные процессы развития.

Ключевые слова: личность, субъект, субъективное благополучие, бытие, социальная активность, жизненный путь, развитие.

Исследования субъективного благополучия, развернувшиеся в большом количестве в последние десятилетия, направлены, прежде всего, на оценку отдельных сегментов бытия в конкретных условиях жизни человека. Осмысление этого явления предполагает рассмотрение его не как ситуативного или стабильного образования, а прежде всего как динамичного и меняющегося как с точки зрения индивидуальной жизни субъекта, так и с точки зрения сопутствующей ей эпохи и привязки к тому поколению, современником которой он

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 18-18-00298.

является. Более того, и определения субъективного благополучия предполагают его отнесенность к человеку взрослому, способному оценить ряд весьма сложных переживаний – от удовлетворенности до счастья. Как правило, исследования – и эмпирические, и теоретические – направлены на раскрытие, «съем» характеристик субъективного благополучия в конкретный момент жизни. Исключением, пожалуй, является работа М. Чиксентмихайи (Чиксентмихайи, 2011), в которой предложен иной взгляд на сам феномен благополучия как оценочный применительно к бытию человека и его соответствию своему предназначению, включению в свой «поток». Между тем, в соответствии с субъектно-бытийным подходом (Рябкина, 2010), субъективное благополучие рассматривается как явление, динамика которого предопределена процессом развития субъектности личности и процессуальным характером самого бытия человека в различных пространствах. Здесь особо необходимо отметить и то, что сама смена пространств бытия является для субъективного благополучия личности важнейшим регулирующим фактором, поскольку невозможность удовлетворительной самореализации в одних сферах социальной активности может быть компенсировано реализацией в других, не менее важных, значимых с точки зрения личностного самоосуществления. Кроме того, в различных бытийных пространствах личности возможны свои особенности переживания субъективного благополучия, обусловленные соотношениями желаемого, возможного, делаемого, достигнутого и необходимого, т. е. адекватностью самореализации внутренним и внешним инстанциям личности. Однако результаты множества исследований субъективного благополучия ограничены наиболее общими показателями комфортности бытия «вообще», без привязки к нему, без учета уровня развития субъекта и сферы его активности.

Поэтому цель данного исследования заключается в изучении субъективного благополучия в контексте развития субъекта на разных этапах жизненного пути.

Субъективное благополучие – это, прежде всего, переживание комфортного бытия. Поэтому на разных этапах жизненного пути оно может проявляться по-разному в зависимости от уровней развития личности как субъекта социальной активности и бытия вообще. А. В. Брушлинский отмечал, что человек, будучи субъектом, на каждом этапе развития находится на определенном уровне преобразовательной активности (Брушлинский, 2003). Это говорит о том, что изменчивость субъективного благополучия порождена не только изменениями социального порядка, но, прежде всего, характером развития субъекта. Из этого также следует и то, что на разных эта-

пах жизненного пути могут быть принципиальные различия в проявлениях его содержательных характеристик – простых или сложных комбинаций разноуровневых потребностей, ценностей, норм, смысловой наполненности бытия, рефлексивных навыков, опыта, отношений и проч., обусловленных разным уровнем «преобразовательной активности» и обуславливающих ее. Их усложнение, усложнение их констелляций связано с развитием, характеризующимся диахронией, и его объективными обстоятельствами.

В раннем детстве переживание субъективного благополучия непосредственно связано с удовлетворением насущных потребностей и наиболее важным выступает эмоциональная составляющая жизни. Тем не менее, как отмечает Л. И. Божович, «за переживаниями лежит мир потребностей ребенка, его стремлений, желаний, намерений... в их соотношении с возможностями их удовлетворения» (Божович, 2008, с. 137).

Переживания носят ситуативный характер и обусловлены, по преимуществу, эмоциональной реакцией на реализацию насущных потребностей по принципу «здесь и сейчас». Однако уже в дошкольном возрасте переживания, характеризуются все более весомой содержательностью и отражают не только развитие потребностной сферы, но расширение деятельностей, контактов с другими для их реализации и т. д. Как установлено Л. И. Божович, они отражают и осведомляют ребенка о том, в каких отношениях со средой он находится. Иначе говоря, субъективное благополучие дошкольника во многом отражает не просто удовлетворение потребностей, но «удовлетворенности субъекта в его взаимоотношениях с окружающей общественной средой» (Божович, 2008, с. 141).

Между тем детство – достаточно длительный период времени, и, в зависимости от того, какие области бытия наиболее важны для ребенка в тот или иной период развития, зависит и его благополучие. В отрочестве важнейшим условием субъективного благополучия является соотнесенность его эмоционального и когнитивного компонентов. К этому времени формально его структура приобретает все очертания структуры благополучия взрослого. Однако подросток может переживать удовлетворенность учебной, отношениями с родителями и другими областями своей жизни, но если он не удовлетворен своим статусом в школьном классе, отношениями со сверстниками и общением с ними, то вполне очевидно, что он скорее будет переживать неблагополучие, так как наиболее значимо в его жизни последнее, и компенсировать неудовлетворенность в этой сфере ему будет весьма затруднительно. Кроме того, именно эта сфера является для него наиболее важной и с точки зрения социализации лич-

ности, и с точки зрения овладения социальными навыками, с которыми он далее будет реализовывать свое бытие.

Развитие личности как субъекта социальных отношений и различных видов деятельности приводит и к усложнению структуры субъективного благополучия. Поэтому для достижения переживания «оптимального» субъективного благополучия личности необходимо выполнение значительного количества условий. Тем не менее, регулятивная функция здесь может реализоваться таким образом, что субъективное благополучие может быть достигнуто за счет односторонней активности и возведения ее до уровня важнейшей жизненной цели. Иными словами, определенная активность может компенсировать недостатки достижений в иных сферах с выводом фокуса съема с проблемных объектов жизни в область благополучных. Однако такая компенсация не может быть достаточной слишком длительное время. Напряженность (неудовлетворенность) иных сфер способна разрушить динамическое равновесие, достигаемое за счет других. С одной стороны, это является предпосылкой изменения активности, поиска новых возможностей для самореализации личности, с другой – проблемной ситуацией, переживаемой как неблагополучие. Поэтому в субъективном благополучии личности взрослого на протяжении длительного времени происходят внутренние изменения, касающиеся его когнитивной, по преимуществу, основы. Это связано с тем, что мир взрослого стабилен в своей изменчивости, но всякий раз он обнаруживает то, что уже произошло, порой даже не ожидая его. Изменения в его бытии, обусловленные и порожденные его же субъектностью и личностными устремлениями, меняющимися ценностями и представлениями, обнаруживаются как данность, как результат определенного сегмента бытия в конкретной или различных сферах. Это приводит к изменению и критериев благополучия, так как прежние не подходят для оценки бытия, поскольку оно изменилось и представляет собой новый опыт. Иначе говоря, не только социокультурные критерии субъективного благополучия, соответствующие определенной эпохе, поколению и т. д., предопределяют оценку жизни субъектом, но и собственные бытийные критерии, меняющиеся сообразно объективному изменению этого бытия обуславливают когнитивно-оценочную часть благополучия. Очевидно, не просто «попадание» субъекта в процесс бытия в соответствии с внешними и внутренними детерминантами обуславливает субъективное благополучие, но, прежде всего, «попадание», встраивание в собственную систему бытия в соответствии с ясно понятыми смыслами, ценностями и представлениями о мире и своем месте в нем (выстроенных в единую линию прошлых, насто-

ящих и будущих), отраженными (интегрированными) в критериях субъективного благополучия, способствует достижению «процессуального» благополучия взрослого. Необходимо отметить и то, что опыт субъекта тоже обладает изменчивостью не только благодаря накоплению, но, прежде всего, благодаря его изменению, изменению оценок прежнего опыта и достижению нового уровня его осознания. Это происходит за счет накопления экзистенциального опыта. По утверждению В. В. Знакова, в нем сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе, фундаментальной прагматике жизни (Знаков, 2014). Важнейшим здесь является опыт переживаний и опыт постижений под влиянием таких событий, которые в процессе осмысления и понимания способны изменить его внутренний мир (Знаков, 2013). Очевидно, экзистенциальный опыт субъекта является регулятором изменений субъективного благополучия личности во взрослости.

В пожилом возрасте происходит сдвиг на когнитивные компоненты субъективного благополучия и оценку бытия в прошлом сквозь призму общей тенденции восприятия жизни сквозь позитивный взгляд на мир, либо негативный и накопленных событий и реализации своего предназначения (сквозь призму культурных императивов). Поэтому здесь выражены когнитивные оценки бытия, а влияние эмоциональных переживаний на общее субъективное благополучие несколько ниже. Отметим также, что в исследованиях Е. А. Сергиенко показано, что у пожилых и особенно старых людей наблюдается снижение как эмоциональной, так и когнитивной составляющих модели психического (Сергиенко, 2017). Это говорит о том, что базовые характеристики субъективного благополучия размываются и возможны разные варианты нарушений понимания собственных состояний, переживаний и, очевидно, нарушение конгруэнтности поведения и переживания. Поэтому возможны несогласованности внешне (например, вербально) выражаемых оценок реальности и переживаний.

Таким образом, субъективное благополучие является важнейшей характеристикой субъекта. Его изменения связаны с развитием человека как личности и субъекта социальной активности, субъекта бытия. На разных этапах жизненного пути внутренние изменения субъективного благополучия связаны с доминирующей ролью его отдельных компонентов и содержательными характеристиками, основу которых составляют различные отношения личности. Наиболее важной характеристикой, регулирующей изменения субъективного благополучия в детстве, являются ситуативные впечатления и удовлетворенность витальных потребностей, в отрочестве — пози-

ция в системе межличностных отношений, статус, во взрослости — экзистенциальный опыт, а в пожилом возрасте и старости — интегральная оценка самреализованности и реализованности жизненных планов, а также инволюционные процессы в понимании собственных переживаний.

Литература

- Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН»; СПб.: Алетей, 2003.
- Знаков В. В.* Теоретические основания психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 29—38.
- Знаков В. В.* Понимание субъектом трех реальностей человеческого бытия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. № 4. С. 311—316.
- Рябикина З. И.* Субъектно-бытийный подход к личности и ее со-бытию со значимыми другими // Психология субъекта и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. Рябикиной, Е. Сергиенко. Краснодар, 2010. С. 130—157.
- Сергиенко Е. А.* Реализация принципа развития в исследованиях психологии субъекта // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 5—18.
- Чиксентмихайи М.* Поток: Психология оптимального переживания. М.: Смысл—Альпина нон-фикшн, 2011.
- Шамионов Р. М.* Стабильность и изменчивость структуры субъективного благополучия // Социальный мир человека. Вып. 6. Ижевск: Ergo, 2016. С. 289—291.

Subjective well-being in the context of the development of the subject

R. M. Shamionov (Saratov)

Doctor of Psychology, Saratov State University

The problem of variability of subjective well-being at different stages of life path is analyzed. The importance of reliance on the subjective approach to the study of subjective well-being in the context of the development of the subject is noted. The basic grounds of subjective well-being in accordance with the development of the subject are analyzed. The presence of the basic differences

of the content characteristics of subjective well-being and its dominant components depending on the stage of life path: situational impressions and satisfaction of vital needs, inclusion in the system of interpersonal relations and occupation of social status, existential experience, implementation of life plans and involutive development processes.

Keywords: personality, subject, subjective well-being, being, life path, development.

Флуктуации субъектности в контексте преодолевающей активности личности

В. В. Шиповская, Г. Ю. Фоменко** (Краснодар)*

** кандидат психологических наук, Кубанский государственный университет;
e-mail: victship@mail.ru*

*** доктор психологических наук, профессор, Кубанский государственный
университет; e-mail: fomgal27@mail.ru*

В статье рассматриваются флуктуации субъектности в контексте преодолевающей активности личности, проанализированы феномены беспомощности и преодоления с позиций субъектно-бытийного подхода. Эти феномены рассматриваются не только в пограничных жизненных ситуациях, но и в ситуациях повседневности. Отмечается, что проблема преодолевающей активности личности тесно связана с философской темой духовного усилия. Уточнено и дополнено новым эмпирическим содержанием понятие «флуктуации субъектной активности», под которым понимается процесс взаимоперехода от одного модуса бытийности к другому, в сочетании с изменчивостью субъектной позиции. Эмпирически выявлены основные детерминанты беспомощности в спортивной деятельности. Описана связь между беспомощностью, спецификой рефлексивных умений спортсмена, особенностями анализа выступлений на соревнованиях и высокой спортивной мотивацией. Показано, что мера, направленность и результат преодоления не только проявляют, но и формируют способ организации субъектной активности личности, оказывают влияние на ее флуктуации.

Ключевые слова: флуктуации субъектности, преодолевающая активность, беспомощность, модус бытия.

В настоящее время в связи с формированием усложненной реальности, доминированием фактора случайности и неопределенности жизни актуальным становится вопрос о характере и содержании ак-

тивности, позволяющей эффективно действовать в динамично изменяющихся условиях. Специфику активности личности мы рассматриваем в контексте предпочитаемого ею модуса бытия (предельный/экстремальный). Последний конституируется особенностями субъектной позиции личности и характером экзистенциального самоопределения (Фоменко, 2006). При этом основаниями для дифференциации личности как субъекта предельного или экстремального модусов бытия выступают: ценностно-смысловое позиционирование личности, особенности аффективно-потребностной сферы, «образа мира», особенности организации субъектной активности (Фоменко, 2010). Изначально подчеркивалась принципиальная возможность флуктуации указанных модусов бытия личности, однако глубинные механизмы возможных их «колебаний» и онтологическое содержание взаимопереходов от одного модуса бытийности к другому не изучались. В настоящем исследовании рассматривается вклад в данный феномен содержания и способов организации субъектной активности личности.

Мы исходили из качественного определения специфики личностной активности:

- в случае предельного модуса бытия: изначальная постановка личностью надситуативных целей и работа на опережение предстоящих трудностей и испытаний; преобладание «активной неадаптивности»; убежденность в своей самоэффективности;
- в случае экстремального модуса бытия: преобладание адаптивной или защитной активности; отсутствие убежденности в своей эффективности; тенденция к экстремальности; утрата разной степени выраженности способности к саморегуляции и когнитивному контролю над ситуацией (Фоменко, 2006).

На наш взгляд, содержание и флуктуации указанных вариантов субъектной активности личности могут быть проявлены более отчетливо через феномены беспомощности и преодоления. Причем оба феномена рассматриваются нами не только в трудных жизненных ситуациях (Шиповская, 2010), но и повседневных, привычных, рутинных.

Необходимо отметить, что проблема преодолевающей активности личности тесно связана с философской темой растянутого во времени, постоянного и интенсивного усилия. Под усилием понимается глубокая внутренняя личностная работа, выбор самобытия, путь наибольшего сопротивления, результирующие в принятие подлинно экзистенциальных решений. Тема преодоления четко выделяется и высвечивается в работах М. Мамардашвили (Мамардашвили, 2012). Ситуация человека, говорит М. Мамардашвили, заключает-

ся в том, что у него нет никаких гарантий, природных механизмов, способных помочь ему автоматически стать человеком, т. е. положение человека в мире не имеет природных оснований. Есть только те основания, которые создаются, и в этом смысле человек и человеческая история суть история самосозидания. Эти основания, которые мы под себя как бы подкладываем, чтобы стать людьми, ищутся через выход человека за свои собственные природные рамки или границы. Это выскакивание человека за естественный, природой регулируемый ход событий описывается философом как трансцендирование, которое по смыслу означает выход, преодоление себя. Без преодоления сцепления причин и следствий нет бытия человека как человека (Мамардашвили, 1996).

По сути, это то же, что писал о преодолении К. Ясперс. В работе «Смысл и назначение истории», подчеркивая интеллектуальную силу преодоления, он писал о том, что человек должен постоянно прорываться через пассивность вновь возникающих тождественных кругов, именно от его активности зависит продолжение движения к незнакомой цели. По Ясперсу, способ преодоления демонстрирует способ проникновения в себя и уровень понимания своей сущности. Он подчеркивает, что есть ситуации бессознательные, оказывающие скрытое воздействие на человека. В то же время ситуации могут стать осознанными, и тогда само постижение ситуации уже изменяет ее, поскольку апеллирует к возможному действию и поведению. Увидеть ситуацию, говорит К. Ясперс, означает господство над ней, обратить на нее пристальный взгляд означает борьбу воли за бытие (Ясперс, 1991). Следовательно, проблема преодолевающей активности выдвигает на первый план способность к духовному усилию, содержание ценностно-смысловой структуры личности и специфику ее субъектного позиционирования. Причем устойчивость, ценностно-смысловая насыщенность преодоления, ответственность, удержание экзистенциального тонуса (Леонтьев, 2010) могут выступать как критерии эффективности преодолевающей активности, личностной зрелости и подлинной субъектности. Процесс преодолевающей активности личности необходим именно потому, что характер такого бытия наполняет жизнь смыслом и позволяет максимально реализовывать бытийные возможности. Без преодоления личностное бытие фрагментируется, и человек, не желающий внутренней независимости, отказывающийся от ответственности и проблематизации ситуаций, оказывается в их власти и становится беспомощным, поэтому к нему не может быть применен термин «аутентичное бытие».

Принципиальным является положение, согласно которому преодоление личностью граничных жизненных ситуаций (смертель-

ная болезнь, страдание, борьба), показывающих хрупкость и конечность существования человека, во многом зависит от того, как он выражает себя в повседневных делах и поступках, требующих терпения, зрелости, стойкости, проявления субъектной позиции. Соответственно мера и ценностная направленность преодоления забот и страстей мира повседневности, привычных и рутинных заданных обстоятельств не только проявляет зрелые/незрелые формы поведения, гармоничность/дисгармоничность внутреннего мира человека, содержание и способ организации субъектной активности личности, но и формирует последнюю. При этом в работах, выполненных в рамках субъектно-бытийного подхода, доказано и теоретически обосновано, что субъектность личности в различные периоды жизни и в разных жизненных обстоятельствах подвержена постоянным флуктуациям и деформациям (Знаков, Рябкина, 2017). В исследовании А. Ш. Гусейнова раскрыты флуктуации субъектной активности и продемонстрировано, что в результате смены субъектного позиционирования на объектное, личность, способная к конструктивной протестной активности, быстро оказывается в тех же условиях, способствующих образованию деструктивных форм протеста (Гусейнов, 2017).

Квалифицируя субъектную активность личности, предпочитающую предельный модус бытия как преодолевающую, а активность в случае экстремального модуса бытия как защитно-адаптивную, мы рассматриваем их флуктуацию в контексте феноменов преодоления и беспомощности.

В данной статье мы концентрируемся на исследовании беспомощности, нередко проявляемой в спортивной деятельности. Личностная беспомощность проявляется в негативном прогнозировании собственной деятельности, субъективном ощущении утраты влияния на события, в переоценке личностных ресурсов и требований сложной ситуации, оцениваемой как безвариантная и неподконтрольная (Шиповская, 2009). Фаталистическая позиция и предчувствие неудачи — это самоподчинение тревоге, страху, растерянности, обиде и депрессивным переживаниям. Появление беспомощности свидетельствует о том, что человек не видит себя субъектом бытия.

Цель исследования — выявление факторов, определяющих личностную беспомощность спортсменов. Предполагалось, что показатель беспомощности спортсменов связан с недостатком рефлексивных способностей, неумением применять и использовать положительный спортивный опыт, а также с подверженностью влиянию со стороны различных соревновательных стрессоров.

Испытуемые и методики

Настоящее исследование проводилось на протяжении 2017–2018 гг. В нем приняли участие спортсмены (из них 20 мастеров спорта и 20 кандидатов в мастера спорта) в возрасте от 19 до 23 лет ($M=20,4$). Объем выборки $N=40$. В исследовании применялась «Анкета спортсмена» В. Э. Мильмана, методика оценки временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI). В работе использован авторский опросник «Беспомощность» (В. В. Шиповская). Опросник состоит из 60 утверждений, характеризующих определенные трудные жизненные ситуации, и респонденты выбирали ответ, соответствующий их реакции на эти ситуации.

Статистическая обработка данных производилась с помощью математических пакетов SPSS и Statgraphics. Использован линейный регрессионный анализ методики Беспомощность с показателями шкал, определяющих психологическую устойчивость, эмоциональную надежность, спортивную мотивацию, а также со шкалами оценки временной перспективы.

Результаты исследования

Для анализа влияния переменных на показатели беспомощности использован множественный линейный регрессионный анализ (ЛРА), метод принудительного включения переменных. Проанализирована значимая модель ЛРА. В качестве зависимой переменной в ЛРА выступила шкала Беспомощность авторской методики «Личностная беспомощность» (В. В. Шиповская). Независимыми переменными в регрессионных моделях выступили шкалы методик: «Анкета спортсмена» В. Э. Мильмана, определяющая соревновательную устойчивость спортсмена к стрессу; шкалы оценки временной перспективы Ф. Зимбардо.

Рассмотрим модель множественного регрессионного анализа, определяющую влияние 4 предикторов на зависимую переменную Беспомощность. Индекс данной регрессионной модели: $\text{Беспомощность} = 228,415 - 4,064 \text{ Эмоциональная устойчивость} + 2,735 \text{ Соревновательная мотивация} - 6,531 \text{ Внешняя неопределенность} - 2,443 \text{ Позитивное прошлое}$.

Основные статистики регрессионной модели: $R=0,505$; $R^2=0,2545$; $F(4,35)=2,990$; $p=0,0318$. Все бета коэффициенты модели ЛРА значимы на уровне $p=0,05$. Предикторы данной модели определяют 25% вариации беспомощности. Модель ЛРА значима. Индекс средней абсолютной ошибки ($MA=17,5303$ при $M=131,133$) указывает на сред-

нее значение ошибок и позволяет оценить качество регрессионной модели, как приемлемое.

Предиктором беспомощности спортсменов является показатель Соревновательной эмоциональной устойчивости методики В. Э. Мильмана. Низкие значения эмоциональной устойчивости определяют вероятность психологической беспомощности. Определен значимый положительный бета коэффициент регрессии показателя Соревновательной мотивации по методике В. Э. Мильмана на шкалу Беспомощность. Высокие показатели Соревновательной мотивации по анкете спортсмена, судя по данным, являются предикторами беспомощности. Повышенная чувствительность спортсмена к стрессорам, порождаемым ситуацией Внешней неопределенности по методике В. Э. Мильмана, определяет склонность к беспомощности. Критерий Позитивной оценки прошлого методики оценки временной перспективы Ф. Зимбардо негативно регрессирует на показатель психологической беспомощности спортсменов.

Обсуждение результатов

Эмоциональная неустойчивость на соревнованиях, проявляющаяся в неспособности к оценке своего эмоционального состояния, в неготовности контролировать эмоции и неумении управлять своим поведением приводит к беспомощности. Данный эффект выглядит как вполне предсказуемое явление. В состав опросника беспомощности входит когнитивный, эмоциональный и конативный компоненты.

Прямая связь спортивной мотивации с беспомощностью выглядит на первый взгляд весьма парадоксальной, но это отношение вполне закономерно и объяснимо. Высокий уровень соревновательной мотивации, проявляемый в желании бороться изо всех сил, в готовности к полной самоотдаче и стремлении к победе, может приводить к эскалации беспомощности. Мы определили этот феномен как парадокс субъектности, суть которого в том, что стремление бороться и побеждать любой ценой, постоянное напряжение, вызванное ожиданием успеха и стремлением к победе, соответствующее высокой спортивной мотивации, может формировать астеническую установку и, как следствие, беспомощность.

Ситуация внешней неопределенности, выражаемая в неумении отслеживать действия соперника и его манипуляции, неготовность к резким изменениям в ходе поединка, нестабильность результатов во время соревнования способны вводить спортсмена в состояние беспомощности.

Выявлено, что личностная беспомощность связана со слабостью рефлексивных умений спортсмена, с неспособностью к адекватному анализу собственных успешных выступлений. Спортсмен, не умеющий отслеживать, аккумулировать и использовать положительный опыт успешного выступления на соревновании, часто попадает в трудные ситуации, из которых не может найти выход, в связи с чем будет склонен испытывать состояние беспомощности. Кроме того, личностная беспомощность, истощая энергетические ресурсы, не позволяет работать на уровне полной самоотдачи, максимального преодоления, без которого успех в спорте недостижим.

Таким образом, способы, мера преодолевающей активности и ее результат напрямую зависят от модуса бытия и связанной с ним внутренней работы. Перспективным представляется исследование психологической культуры, темпоральных характеристик, оказывающих влияние на флуктуации субъектной активности личности.

Литература

- Гусейнов А. Ш.* Протестная активность личности: Дис. ... докт. психол. наук. Краснодар, 2017.
- Знаков В. В., Рябикина З. И.* Психология человеческого бытия. М.: Смысл, 2017.
- Леонтьев Д. А.* Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. Т. 5. Вып. 3. 2010. С. 120–140.
- Мамардашвили М.* Необходимость себя. Введение в философию. Доклады, статьи, философские заметки. М.: Лабиринт, 1996.
- Мамардашвили М. К.* Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука–Азбука-Атикус, 2012.
- Фоменко Г. Ю.* Личность как субъект бытия в экстремальных условиях: Дис. ... докт. психол. наук. Краснодар, 2006.
- Фоменко Г. Ю.* Модусы бытия личности в контексте субъектно-бытийного подхода // Психология субъекта и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: КубГУ, 2010. С. 158–174.
- Шиповская В. В.* Особенности проявления личностной беспомощности в сложных жизненных ситуациях // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 2. С. 100–113.
- Шиповская В. В.* Психологический феномен беспомощности // Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 4. С. 38–53.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.

Fluctuations of personal agency in the context of overcoming activity of the personality

*V. V. Shipovskaya**, *G. Yu. Fomenko*** (Krasnodar)

* Candidate of Psychological Sciences, Kuban State University

** Doctor of Psychology, Professor, Kuban State University

The article deals with fluctuations of personal agency in the context of overcoming activity of the personality, the phenomena of helplessness and overcoming from the standpoint of the subjective-existential approach are analyzed. These phenomena are considered not only in frontier life situations, but also in everyday situations. It is noted that the problem of overcoming activity of the personality is closely related to the philosophical theme of mental strain. The concept of “fluctuations of subjective activity”, by which the process of mutual transition from one mode of beingness to another is meant, coupled with the variability of the subjective position, is clarified and supplemented by a new empirical content. The main determinants of helplessness in sporting activities are empirically identified. The relationship between helplessness, specificity of the reflexive skills of the athlete, features of analysis of competition performances and high sports motivation is described. It is shown that the measure, direction and result of overcoming not only evince, but also form a way of organizing the subjective activity of the personality, affect its fluctuations.

Keywords: fluctuations of personal agency, overcoming activity, helplessness, mode of being.

Раздел XIII

ДИСКУРС И ЕГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЧЕЛОВЕКА

Дискурсивное конструирование психической реальности

К. И. Алексеев (Москва)

кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет; e-mail: const_al@mail.ru

С позиций эпистемологического конструктивизма и неклассической науки рассматриваются способы конструирования в научном психологическом дискурсе таких традиционных конструктов психологической науки, как «восприятие» и «бессознательное». Отмечается, что такое конструирование происходит в ситуации коммуникации исследователя и исследуемого, т. е. в дискурсе. На первый план при этом выступают семиотические конструкторы – и в первую очередь естественный язык. В этой связи, наряду с психофизической и психофизиологической проблемой, сформулирована психолингвистическая проблема: как соотносятся психологический и лингвистический конструкторы при изучении человека.

Ключевые слова: эпистемологический конструктивизм, неклассическая наука, дискурс, конструирование, восприятие, бессознательное.

Традиционно считается, что психология как наука изучает особую реальность – психическую, которую не изучает никакая другая наука. При этом психика исследуемого недоступна внешнему наблюдению, но проявляется в поведении и тем самым может быть доступна для исследования. Однако возможен и другой ракурс рассмотрения – с позиции исследователя, т. е. с внешней позиции. Исследователю доступно только поведение исследуемого (включая речь) – при этом ненаблюдаемые с внешней позиции психические явления выступают как возможная причина поведения. Таким образом, с внешней позиции психическая реальность представляет собой гипотетический конструкт неизвестной природы, а на первый план выступает деятельность психолога-исследователя, в которой и конструируются разного рода психические явления. В настоящей работе для ана-

лиза деятельности психолога-исследователя используется методология эпистемологического конструктивизма и неклассической науки.

В отличие от эпистемологического реализма, в рамках которого изучаемая реальность является объективной и независимой от процесса познания, а процесс познания представляет собой отражение объективной реальности, эпистемологический конструктивизм утверждает, что изучаемая реальность представляет собой нечто неопределенное, определенность появляется в процессе познания, а процесс познания представляет собой конструирование реальности. (В дальнейшем изложении используются материалы статьи А. В. Константинова «Конструктивизм» из «Большой российской энциклопедии».) Течение эпистемологического конструктивизма начало свое оформление в начале 1980-х годов; одной из отправных точек здесь является 1981 г., когда вышла книга «Изобретенная действительность» (под ред. П. Вацлавика; основные авторы – Э. фон Глазерсфельд, П. Вацлавик и Х. фон Фёрстер). В качестве современного истока этого течения авторы книги называют работы Ж. Пиаже и его тезис «разум организует мир, организуя самого себя». Впоследствии это направление получило название «радикальный конструктивизм». В дальнейшем в направлении радикального конструктивизма влились работы по аутопоэзису и аутопоэтическим системам (У. Матурана, Ф. Варела). Другими направлениями, причисляемые ныне к течению эпистемологического конструктивизма, являются: «конструктивистский альтернативизм» Дж. Келли (основателя психологии личностных конструктов); «социальный конструкционизм», оформившийся в 1966 г. после выхода в свет книги П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности». Видными авторами в направлении социального конструкционизма являются К. Герген (работы «Социальная психология как история», «Социальный конструкционизм: знание и практика» и др.) и один из основателей дискурс-анализа Р. Харре (его работы, в частности, по методам конструирования Я в ходе коммуникации и повествования о себе).

После оформления эпистемологического конструктивизма как самостоятельного течения встал вопрос о его предпосылках в истории философии. Как указывает В. А. Лекторский, исторические истоки эпистемологического конструктивизма можно найти в споре реалистов и антиреалистов, ведущимся в западной философии с XVII в.; предмет этого спора – «имеет ли познание дело с существующей независимо от него реальностью или же с фактами собственного сознания» (Лекторский, 2009, с. 6). Становясь на презентистскую позицию, можно сказать, что первым в истории философии эписте-

мологическим конструктивистом был – Иммануил Кант. На Канта как на идейный источник современного конструктивизма указывает, в частности, В. С. Швырев (Швырев, 2008, с. 44). (Здесь имеется в виду кантовское различие «вещи в себе» и «вещи для нас», непознаваемость «вещи в себе» – но познаваемость «вещи для нас», с помощью априорных форм чувственного и рационального познания.)

Различение методологий классической, неклассической и постнеклассической наук ввел В. С. Степин (см., например: Степин, 1995, с. 287–290). В рамках классической науки картина мира включает только изучаемые объекты «сами по себе»; в рамках неклассической – не только объекты, но и используемые для их изучения приборы и сам акт измерения. (Самый яркий пример неклассического исследования являет собой физика микромира при изучении света: при использовании одних приборов свет показывает свойства волны, при использовании других – свойства частицы; при этом две экспериментальные установки несовместимы, т. е. нельзя использовать приборы из разных установок одновременно. В рамках постнеклассической науки картина мира включает не только изучаемые объекты и средства их исследования, но и – ценности исследователя. В качестве постнеклассического исследования можно привести пример из социологии семьи: один исследователь при социологическом изучении разводов может считать, что развод является естественным и допустимым явлением, а другой – что нежелательным. Соответственно, эти два исследователя могут получить на выходе разные результаты.)

Методология эпистемологического конструктивизма и неклассической науки позволяет в другом свете увидеть роль психолога-исследователя: поскольку его действия должны быть включены в картину изучаемого объекта (т. е. поведения исследуемого), то единицей анализа должна стать коммуникация исследователя и исследуемого. Именно в такой коммуникации и происходит конструирование как поведения исследуемого, так и его причин. Рассмотрим в этой связи, как возникают некоторые традиционные конструкты психологической науки.

Начнем с конструкта «восприятие» – из всех модальностей восприятия наиболее исследуемой в психологии является зрительное восприятие, поэтому в дальнейшем изложении мы будем рассматривать только его. Задачи, которые экспериментатор предлагает испытуемым в эмпирическом исследовании восприятия, можно назвать перцептивными задачами, т. е. задачами на восприятие (см.: Печенкова, 2008, с. 10). (Отметим в скобках, что по такому образцу можно сконструировать такие термины, как «задача на внимание», «задача

на память», «задача на мышление» и т. п.). Все перцептивные задачи можно разделить на две большие группы: в задачах одной группы экспериментатор дает испытуемому инструкцию что-то сказать относительно тех материалов, которые будут предъявлены; в задачах другой группы экспериментатор дает испытуемому инструкцию совершить какое-либо движение, опираясь на поставляемые зрительным восприятием данные. Важно подчеркнуть, что задачи с инструкцией наподобие «нажмите такую-то клавишу для такого-то ответа» попадают в ту же группу, что и задачи с инструкцией дать вербальный ответ — поскольку нажатие клавиши, формально являясь движением, фактически играет роль знаковой формы для соответствующего вербального ответа. Т. е. это движение осуществляется не само по себе, а в рамках некоторой семиотической системы.

Рассмотрим, какого рода вопросы относительно предъявляемых материалов экспериментатор задает испытуемому в задачах на восприятие (тем самым мы отделим задачи на восприятие от задач, которые таковыми не являются). Круг этих вопросов, как и характер предъявляемых материалов, очерчены достаточно четко. Предъявляемые материалы представляют собой физические объекты, существующие в пространстве и во времени, и обладающие такими признаками, как цвет, величина, геометрическая форма и т. п. Экспериментатор задает испытуемому такие вопросы относительно предъявляемых объектов, как вопрос об удаленности от него, об особенностях их движения, об их цвете, величине, геометрической форме и т. п. Также экспериментатор может предъявить испытуемому несколько объектов, одновременно или последовательно через какой-либо промежуток времени, и дать ему инструкцию сравнить два или более объекта по одному или более признаку из перечисленных выше.

Отметим следующую важную особенность эмпирических исследований зрительного восприятия: ответ испытуемого обязательно предполагает соответствующий вопрос экспериментатора. Иными словами, процесс восприятия изучается в ситуации коммуникации — при этом экспериментатор с его вопросами является важным и неотъемлемым участником такой коммуникации с испытуемым. Тем самым протекание процесса восприятия «самого по себе», без участия экспериментатора и без специально поставленных вопросов о мире возможно только в ситуации автокоммуникации (когда сам человек задает себе вопросы относительно воспринимаемых в настоящий момент объектов и сам же на них отвечает — в этом случае происходит интериоризация ролевой позиции экспериментатора).

Рассмотрим теперь группу методик, в которых экспериментатор дает испытуемому инструкцию совершить какое-либо движе-

ние, опираясь на поставляемые зрительным восприятием данные. В психологии исследования такого рода называют исследованиями перцептивно-моторной координации; самую первую работу по перцептивно-моторной координации проделал Дж. Стрэттон. Он носил специальные очки, переворачивающие зрительный образ на 180°, и пытался вести привычный образ жизни. Адаптация к таким искаженным условиям произошла к концу недели — испытуемый успешно осуществлял движения, а значит, восприятие успешно функционировало для обеспечения этих движений. Показателен при этом самоотчет одного из испытуемых, принимавших участие в дальнейших экспериментах (Снайдер, Пронко, 1952; см: Логвиненко, 1976), — когда по достижении адаптации его спросили, как он видит окружающие его предметы, он ответил: «Я не желаю, чтобы вы спрашивали меня. Вещи были правильными до тех пор, пока вы не задали этот вопрос. Теперь, когда я вспомнил, как они выглядели до того, как я надел линзы, я вынужден отвечать, что теперь они выглядят перевернутыми. Но до того момента, как вы задали этот вопрос, я абсолютно не осознавал этого и не думал об этом» (цит. по: Логвиненко, 1976, с. 225). Таким образом, формальная адекватность образов восприятия не имеет значения для успешного осуществления движения — человек может достичь адаптации к искаженным условиям восприятия и выработать новые навыки перцептивно-моторной координации.

Трактовка восприятия как средства обеспечения движений в неявном виде представлена в экологическом подходе к зрительному восприятию Дж. Гибсона. Гибсон определяет экологический мир как состоящий из среды и вещества — при этом среда дает возможность для движений, а вещество такой возможности не представляет. Вещество отделяется от среды поверхностями — результат восприятия и представляет собой определенную компоновку поверхностей. Тем самым зрительное восприятие наделяется функцией обеспечения движений. Важным элементом концепции Гибсона является также теория возможностей — которые окружающий мир предоставляет воспринимающему и которые воспринимаются непосредственно. Возможности определяются как возможности для тех или иных действий, которые предоставляют соответствующие компоновки поверхностей. Здесь мы тоже видим, что восприятие трактуется в функции обеспечения движений.

Рассмотрим теперь такой конструкт, как «бессознательное». В самых общих чертах возникновение этого конструкта можно представить следующим образом. В процессе психоанализа анализант рассказывает аналитику о различных событиях из своей жизни, на основе

этих рассказов аналитик конструирует их интерпретацию и озвучивает ее анализанту. Как правило, анализант даже не подозревает, что такая интерпретация возможна — на этом основании аналитик приписывает свою интерпретацию анализанту, помещая ее в «бессознательное», которое составляет часть «внутреннего мира». Отметим здесь, что выражение «внутренний мир» является очевидной метафорой — основания которой очевидны: ненаблюдаемость тех явлений, которые прячутся «внутри» человека (подробнее см.: Алексеев, 2016а, с. 167–169; Алексеев, 2016б). При этом «бессознательное» прячется еще «глубже» — ведь направление в психологии, заимствовавшее представления о неосознаваемых процессах и явлениях, носит название «глубинная психология».

Приписывание результатов, полученных аналитиком, самому анализанту характерно для подходов эпистемологического реализма (результаты, полученные аналитиком, существуют объективно и независимо от него) и классической науки (описание анализанта должно быть максимально очищено от проекций аналитика; для такого очищения аналитик должен сам проходить личный анализ, чтобы избежать собственных проекций на анализанта). Критика такого подхода с позиций неклассической науки состоит в том, что «проекций» нельзя избежать в принципе — а единицей анализа должна служить диада «аналитик—анализант», с акцентом на ведущую роль аналитика в создании конструктов для описания анализанта. То есть конструкции, создаваемые аналитиком в отношении анализанта, принадлежат самому аналитику — но не анализанту. Доступ к ним имеется у аналитика и не имеется — у анализанта. (Это положение высвечивается более рельефно, если представить, что аналитик не сообщает о своих результатах анализанту.) Таким образом, бессознательное анализанта — это сознание аналитика.

Отметим также, что на первый план в анализе психических явлений (в том числе и бессознательного) выступают семиотические конструкторы — и в первую очередь естественный язык. Подчеркивание роли языка и речи в конструировании психических явлений может пройти красной нитью через все направление исследований с позиций эпистемологического конструктивизма и неклассической науки. В этой связи, наряду с психофизической и психофизиологической проблемой, можно сформулировать психолингвистическую проблему: как соотносятся психологический и лингвистический конструкторы при изучении человека? (В психологии уже есть традиции изучения этой проблематики: в связи с соотношением мышления и речи и с гипотезой лингвистической относительности.)

Литература

- Алексеев К. И.* Воздействие метафоры в научном психологическом дискурсе // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016а. С. 162–171.
- Алексеев К. И.* Метафора внутренней сущности: введение в проблематику // Прологомены. Труды научного семинара «Теоретические проблемы клинической психологии» / Под ред. Я. М. Бухарова, Д. Г. Литинской. М.: Левь, 2016б. № 1 (5). С. 92–100.
- Константинов А. В.* Конструктивизм // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/psychology/text/2092671> (дата обращения: 08.10.2017).
- Лекторский В. А.* Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Канон+, 2009. С. 5–40.
- Логвиненко А. Д.* Перцептивная деятельность при инверсии сетчаточного образа // Восприятие и деятельность / Под ред. А. Н. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 209–267.
- Печенкова Е. В.* Виды и механизмы временных смещений в восприятии порядка событий: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
- Степин В. С.* Структура и динамика научного познания // В. С. Степин, В. Г. Горохов, В. Г. Розов. Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа, 1995. С. 180–290.
- Швырев В. С.* Идея предпосылочности научного знания и современный конструктивизм // Конструктивизм в теории познания / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2008. С. 43–62.

Discursive construction of psychological reality

K. I. Alekseev (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences,
Russian State University for the Humanities

From positions of epistemological constructivism and nonclassical science ways of construction in a scientific psychological discourse of such traditional constructs of psychological science as “perception” and “unconsciousness” are considered. It is noted that such construction happens in a situation of communication of the researcher and investigated, i. e. in a discourse.

Into the forefront at the same time semiotics constructors – and first of all a natural language act. In this regard, along with a psychophysical and psychophysiological problem, the psycholinguistic problem is formulated: as psychological and linguistic constructors when studying the person correspond.

Keywords: epistemological constructivism, nonclassical science, discourse, designing, perception, unconsciousness.

Проблема автоматизации контент-анализа

Н. А. Алмаев (Москва)

*доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН;
e-mail: almaev@mail.ru*

В статье на ряде примеров рассматривается современная практика автоматизации контент-анализа, а также высказываются соображения об организации системы искусственного интеллекта для экстракции, хранения и последующего автоматического применения знаний экспертов-кодировщиков. Будущая система контент-анализа должна оценивать вероятность отнесения какого-либо текста к контент-категории на основе совместной встречаемости в данном тексте слов и выражений, запоминать решения кодировщика и осуществлять подсказки.

Ключевые слова: контент-анализ, автоматизация, искусственный интеллект, система поддержки принятия решений, кодировка, шкалы, валидизация.

Контент-аналитические исследования имеют значительный потенциал в психологии личности и социальной психологии. К их несомненным достоинствам следует отнести гибкость, непосредственную связь с интересами субъектов, индивидуальных и коллективных, возможности идентификации индивидуальных паттернов поведения данных субъектов. При этом контент-аналитические исследования в достаточной степени формализованы и позволяют соотносить между собой результаты различных групп. Отношения их результатов с результатами опросниковых тестов характеризуются своеобразной дополнительностью («кто говорит, что говорит»), позволяющей раскрыть объект исследования с различных сторон. Главным недостатком контент-аналитических исследований является их значительная трудоемкость. Особенно заметной она становится после появления интернета — столь, казалось бы, многообещающего про-

странства экстерииоризации дум, надежд, мотивов и соображений миллионов людей. Возможности индивидуального анализа текстов вступают в противоречие с колоссальными объемами текстовой информации, что обуславливает особую актуальность поиска решения проблемы автоматизации контент-анализа. Данные поиски начались еще на заре применения контент-анализа в психологии, о первых попытках автоматизации сообщали уже Макклелланд и Готтшалк. В те же времена сложилась и практика автоматизации контент-анализа с использованием словарей, применяющаяся в основном до сих пор. Ознакомиться с ней лучше всего, наверное, по работам Хогенраада (Hogenraad et al., 2003), содержащим как материалы по многолетнему применению автоматического контент-анализа для изучения политических текстов, так и глубокую рефлексию над основополагающими принципами данной практики. В общем подход состоит в том, что для каждой контент-аналитической шкалы, априорно из общих соображений, выбираются лексемы, обозначающие искомое содержание. Например, для мотива достижения — «стараться», «тщательно», «труд», для мотива власти — «король», «могущество», «судья», «агент», для мотива аффилиации — «друг», «помощь», «поддержка» и т. п. Для каждой шкалы таким образом формируется словарь лексем, и в анализируемых текстах ищутся слова в различных словоформах, соответствующие данным лексемам. Оценка выраженности искомой шкалы в тексте производится на основе частоты встречаемости искомой категории в единице текста. Основой для данной практики, как отмечает и сам Хогенраад, является предположение о том, что значение слова неизменно и фиксированно. Разумеется, это далеко не так. Во-первых, в зависимости от контекста само слово может обозначать совершенно различные объекты. Например, «заяц» — животное, безбилетник, кто-то милый, трус. «Тритон» — мифологический персонаж, земноводное, шесть полутонов и т. д. и т. п. Во-вторых, даже при адекватном контент-аналитическом словарию значении лексемы в зависимости от дальнейших высказываний слово будет приобретать совершенно иной смысл. Например, «стараться не встретиться», «труд не привлекает», «король Лир», «друг оказался вдруг...» и т. д. Наконец контент-категория может быть выражена через описание какого-то события и выводиться в качестве следствия из такого описания. Например, «его диски разошлись миллионными тиражами» — несомненная реализация мотива достижения, тем не менее, ни одно из составляющих данное описание слов не может быть включено в словарь «достиженческих» по отдельности. Сказанное вовсе не означает, что значения слов — это какие-то насквозь фиктивные, условные образования, это динамические кон-

струкции, находящиеся в постоянно меняющихся вероятностных отношениях к тем или иным контент-категориям. Для более предметного рассмотрения таких отношений целесообразно обратиться к примеру исследования, проведенного недавно группой отечественных психологов и программистов (Девятикин и др., 2014). Целью исследования было изучение агрессивности текстов различных интернет сообществ. Были составлены словари для регистрации различных видов агрессии, в том числе имплицитных.

Агрессия в весьма расширительной трактовке понималась авторами как «слова, выражающие негативную оценку». Поскольку негативная оценка может быть выражена различными способами, авторы постарались охватить их все, в результате чего получился следующий набор.

1. «Лексика недифференцируемой по смыслу экспрессии. 1.1. Лексика мотивации, деятельности и напряжения (ок. 800 ед.), например: *решительный, добиваться, кураж*. 1.2. Жаргонная лексика (ок. 8500 ед.), в том числе: «Молодежный» жаргон», «Компьютерный» жаргон», «Криминальный жаргон»: *оборзеть, бабло, передоз, зиповать*. 1.3. Обценная лексика (ок. 800 ед.). 1.4. Безысклительная и усилительная лексика (ок. 2000 ед.): *все, никто, дофига, невозможно*».
2. Лексика отрицательной эмоциональной оценки. 2.1. Инвективы (ок. 7000 ед.): общая и специальная отрицательная оценка субъектов и групп; аномальное речевое поведение; выражение социального порицания; телесные отправления и секс; метафоры негативного характера: *безобразие, криворукий, харя, врать, чавкать*. 2.2. «Мягкие инвективы» (ок. 3000 ед.): порицаемые неразрушительные действия; отсутствие у предмета ценности / крайне низкая ценность предмета; процесс и результат утраты предметом признака или интенсивности признака; проявление неловкости в действиях субъекта: *развалюха, тыкаться, протухлый, истрепаться*. 2.3. Лексика разрушения и насилия (ок. 4000 ед.): разрушительные действия и их результаты; лексика катаклизмов и катастроф; «военная» лексика: *взрыв, раздирать, потонуть*. 2.4. Лексика страдания (ок. 3000 ед.): лексика смерти и болезни; лексика отрицательных телесных состояний; лексика отрицательных эмоциональных состояний астенического круга, в том числе невербальных их проявлений: *вымирать, больной, тоска*. 2.5. Лексика стенических негативных эмоций (200 ед.): *злой, брезгливость, ревновать*. 2.6. Лексика социальной разобщенности (ок. 8000 ед.): лексика социальной изолированности и аномального

социального положения; лексика преступлений и преступного мира (не жаргонная); лексика власти; лексика суда; лексика сокрытия, обмана и манипулирования; лексика зрелищ и публичности; лексика игры: *владыка, принуждать, беззащитный, репетировать, провокатор*. Рассматриваются и другие подобные категории (Девяткин и др., 2014).

Если сравнить эти, по мысли авторов, проявления вербальной агрессии с психологическими системами контент-анализа, в частности Л. Готтшалка (Алмаев, 2012), то нетрудно заметить, что за относимым авторами к агрессивным проявлениям словами могут стоять и внешняя агрессия, и внутренняя агрессия, и тревога, и надежда, и шкала человеческих отношений (аффилиации), а если расширить систему психологических шкал контент-анализа, то и мотив власти, и негативные переживания, и негативные события. Однако самым поучительным оказался результат данного исследования: наиболее агрессивными оказались тексты... активистов по защите природы! Поскольку, как отмечают сами авторы, в них чаще всего употребляются слова и выражения, относящиеся к разрушению и осквернению (природы), а также инвективы в адрес чиновников и корпораций, ответственных за эти действия. Повествования, в которых природа выступает страдательной стороной и авторы защищают ее, оказались смешанными с высказываниями, в которых авторы идентифицируются с субъектом агрессии, т. е. собственно агрессивных. Естественно, психологически адекватной интерпретацией страданий природы было бы отнесение таких описаний к травмам, потерям и соответственно к «Тревоге» по Готтшалку, или «Негативным событиям» по Алмаеву с соавторами (Алмаев и др., 2016). Кроме того, в психологии со времен Л. Готтшалка принято при кодировке агрессивности высказываний различать тип объекта агрессии и приписывать этим объектам различные баллы: против человека — три балла, против одушевленного существа — два балла, против неодушевленной природы — один балл (Алмаев, 2012, см. с. 64–67). Вместе с тем следует отдавать себе отчет в том, что различия между экспертным психологическим контент-анализом и современным уровнем автоматического контент-анализа далеко не сводятся к различиям в дифференцировке категорий. Главное и наиболее фундаментальное различие между ними в том, что единицей экспертного анализа является суждение, пропозиция с субъектом и предикатом, далеко не сводящаяся к только грамматическим отношениям между словами, но реконструирующая саму предметную суть отношений, существующих в жизненном мире. А единицей автоматического контент-анализа

за на современном уровне его развития является отдельная лексема и отдельное слово, обнаруживаемое по данной лексеме. Преодолению противоречия между этими подходами, т. е. «обучению» компьютерной системы «пониманию» текстов, приближающемуся насколько возможно к человеческому, служит задача разработки компьютерной системы поддержки принятия решений кодировщика, которая будет очерчена ниже. Данное понимание вполне согласуется с ситуационно-реляционным подходом (Осипов и др., 2008) и направлено на экстракцию знаний экспертов кодировщиков.

Существующий на сегодня, основанный на словарях (dictionary-based) подход в целом характеризуется:

- 1) внеконтекстностью – предполагается однозначность значений слов и идентичность их смыслу высказываний с такими словами;
- 2) непрозрачностью – код, в обоих смыслах кодировочной инструкции и программного кода, реализующего ее, неизвестен;
- 3) закрытостью – один раз сделанная программа далее не обучается;
- 4) недостатком валидизации – разработка программы для автоматического контент-анализа происходит до психометрической проверки. То есть валидность методики не оценена. Какой смысл заниматься автоматизацией непонятно чего?;
- 5) изолированностью – берется не система шкал, а одна какая-то шкала;
- 6) безответственностью – программа делает оценку, которая затем может непосредственно влиять на управленческое решение: взять соискателя, продвинуть или понизить служащего и т. п. Кто отвечает за данное решение, оператор программы, ее разработчик или вообще никто?

Следует учитывать, что при автоматизации замеров любая неадекватность мультиплицируется всякий раз, когда есть повод для срабатывания соответствующего программного кода, что в итоге может приводить к тысячам, десяткам тысяч и более случаев. Отслеживание и корректировка таких результатов становятся крайне сложными, это не несколько десятков случаев, как при ручной разметке.

Требования к будущей системе автоматизации контент-анализа.

Поскольку, значения слов в их отношении к контент-категориям суть динамические конструкции, находящиеся в постоянно меняющихся вероятностных отношениях, главная задача системы поддержки принятия решений кодировщика фиксация данных вероятностей на основе машинного обучения. Ориентироваться при ее разработ-

ке следует не на отдельные слова, а на высказывания, устойчивые выражения. Например, упоминавшиеся выше использование слов «миллионы» и «тиражи» по отдельности не могут входить в состав словаря для определения мотива достижения, а вместе, особенно с «миллионами копий», «миллионами последователей», «миллионами денежных единиц», вполне могут обозначать высокую вероятность мотива достижения, если, опять-таки она не будут дезавуирована какими-нибудь иными высказываниям и суждениями.

Контент-анализ, реализуемый данной системой, должен характеризоваться:

- 1) Контекстностью. Программа фиксирует и обобщает решения человека эксперта-кодировщика. Частоты и совместные вероятности слов привязаны к контексту порождения текстов, учитывают специфику сообществ и их лексику.
- 2) Прозрачностью. Прежние выборы тех или иных групп слов кодировщиком для отнесения к категориям отображаются в виде вероятностей того, что данное слово или группа может быть отнесена к данной категории. В силу сказанного едва ли допустимы варианты нейронных сетей, характеризующиеся затруднительностью экстракции из них внутренней информации. В идеале, система должна хранить все выборы кодировщиков и предоставлять их по запросу в виде конкордансов.
- 3) Открытостью, обучаемостью программы. Программа должна запоминать правила для данной предметной области анализа. Значения слов находятся в неразрывной связи со словоупотреблением и определяются дискурсом того или иного сообщества.
- 4) Достаточностью валидизации. Автоматизировать имеет смысл, прежде всего, те шкалы, которые прошли валидизацию на уровне ручной разметки, например (Алмаев и др., 2016).
- 5) Системностью – рассматривать следует систему контент-аналитических шкал, четко отслеживая, к какой именно категории контента относятся суждения.
- 6) Ответственностью. Программа не заменяет человека, но облегчает его труд. Итоговое решение принимает человек.

Адекватное автоматическое применение данной системы возможно после достижения ею некоторого условленного числа совпадений с решениями экспертов-кодировщиков (например, 90%).

Конечно, техническая реализация такой системы не является простой задачей, но на сегодняшний день уже давно реализованы системы грамматического разбора, позволяющие анализировать

структуры предложений и выявлять суждения, искомые словосочетания могут храниться, например, в виде индексируемых связанных списков и т. п.

Литература

- Алмаев Н. А.* Применение контент-анализа в исследованиях личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Алмаев Н. А., Мурашева О. В., Бессонова Ю. В., Киселева Н. И.* Обобщенные шкалы контент-анализа проективных рассказов теста социальной мотивации (ТСМ). Описание и критериальная валидность. Ч. 1 // Экспериментальная психология. 2016. № 4. С. 90–104.
- Девяткин Д. А., Кузнецова Ю. М., Швец А. В., Чудова Н. В.* Интеллектуальный анализ проявлений вербальной агрессивности в текстах сетевых сообществ // Искусственный интеллект и принятие решений 2014. № 2. С. 27–41.
- Осинов Г. С., Смирнов И. В., Тихомиров И. А.* Реляционно-ситуационный метод поиска и анализа текстов и его приложения // Искусственный интеллект и принятие решений. 2008. № 2. С. 3–10.
- Hogeraad R., McKenzie D. P., Peladeau N.* Force and influence in content analysis // Quality and Quantaty. 2003. V. 37. № 1. P. 221–238.

The problem of content-analysis automation

N. A. Almaev (Moscow)

Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS

In the article, on a number of examples, the modern practice of automation of the content analysis is considered, as well as considerations on the organization of an artificial intelligence system for the extraction, storage and subsequent automatic application of knowledge of encoder experts. The future content analysis system should evaluate the probability of assigning a text to the content category based on the joint occurrence of words and expressions in the text, remember the decisions of encoder and carry out prompts.

Keywords: content analysis, automation, artificial intelligence, decision support system, encoding, scales, validation.

Актуальность развития теории невербальной коммуникации и создания психопаралингвистики как отдельной отрасли психологической науки

М. С. Андрианов (Москва)

*кандидат психологических наук, НИИ Университета прокуратуры
Российской Федерации; e-mail: andrianov@nextmail.ru*

В статье, на основе анализа коммуникативных аспектов социального взаимодействия и современной дискурсивной практики с использованием информационных технологий и мобильной связи, констатируется возрастание интереса к неречевым средствам общения и научным знаниям о них, при этом предполагается, что ресурс традиционных исследовательских возможностей изучения процесса невербальной коммуникации практически исчерпан. Предлагается в развитие теории невербальной коммуникации использовать методологию дискурсивной психологии, в частности, понятие паралингвистического дискурса как ситуативного способа пользования искусственными языками, направленного на конструирование и изменение мира, а также оказание психологического воздействия на партнеров и вовлечения в коммуникативную практику. Ставится задача обобщения знаний о невербальной коммуникации и обосновывается необходимость создания новой психологической дисциплины – психопаралингвистики – как ответа на запрос практики.

Ключевые слова: дискурсивная практика, невербальная коммуникация, искусственные языки, паралингвистический дискурс, психопаралингвистика.

Происходящие глобальные процессы – политические, экономические, социальные и особенно технологические – существенно трансформируют мир и сознание человека, в том числе способы и средства социального взаимодействия, а также весь ландшафт информационного пространства. Развитие и распространение информационных

технологий и средств мобильной связи заметно изменили все формы коммуникации, в первую очередь устную речь — дискурсивную практику в современных терминах. Новые возможности породили новые способы и специфические «языки», а многие прежние привычные средства и «языки» общения устарели. При этом в условиях резкого возрастания информационных потоков и объемов вербальной коммуникации актуализировалась потребность в «сжимании» информации и сокращении времени на ее обработку, а также необходимость ее «индивидуализации» и авторизации. «Избыточность» информации, ее лингвистическая перегруженность привели к увеличению роли неречевых способов коммуникации. Это подтверждают многочисленные примеры не только межличностного общения, когда люди в разговоре уделяют особое внимание невербальным «знакам» и экспрессии: внешнему виду, одежде и причёске, мимике и пантомимике, способам самопрезентации и стилистике самовыражения, но и дистантного (виртуального) общения с использованием Интернета, когда довольно активно используются различные добавки к тексту — «смайлики», эмодзи, «аватарки», а также селфи, разнообразные картинки и видеоролики, «вирусные» и популярные «мемы» и т. п.

С появлением качественных фотокамер, встроенных в мобильное переговорное устройство, и развитием интернет-коммуникаций с помощью мобильной связи многие люди оценили коммуникативное значение различных невербальных средств, их уместность и эффективность в сетевом общении как способ передачи эмоционального состояния, чувств, настроения и т. п., т. е. того, что бывает очень трудно выразить словами, рассказывая о событии. Сегодня становится особенно популярным визуализированное с их помощью «сообщение», емкое и информативно насыщенное. Оно воспринимается моментально и комплексно, буквально целиком в качестве определенного «образа», не требующего расшифровки, «декодирования», вербализации и интерпретации, и поэтому обладает большой силой психологического воздействия на адресата.

Таким образом, с одной стороны, налицо популяризация и развитие пользования неречевыми средствами социального взаимодействия и, соответственно, возрастание запроса на научные знания в сфере невербального общения, а с другой — явное снижение числа прикладных и особенно фундаментальных исследований в этом направлении. Очевидно, что научное изучение невербальной коммуникации, в том числе включая и языки культуры, переживает определенный кризис. Кроме несомненных достижений по переводу многих нелингвистических коммуникативных средств в сис-

тему абстрактных знаков, в большинстве случаев выявилась невозможность воплотить их в дискретные и окончательные значения: в каждой ситуации общения невербальные проявления приобретают собственное значение и зависят от индивидуально-личностного стиля их демонстранта.

В конечном итоге, устоялась точка зрения, что невербальные средства, включенные в речевое сообщение, не являются автономной и замкнутой системой, они по своей функции лишь примыкают к языку, используются и декодируются с его помощью. Ситуации, в которых по той или иной причине невербальная коммуникация начинает превалировать над вербальной, как правило, выносятся за рамки традиционного научного рассмотрения этого процесса, особенно с позиций лингвистики. Кроме того, невербальный «язык» отличается от вербального тем, что он – континуальный, произвольный, вероятностный и конкретный, имеет не линейный характер, а представляет собой пространственно-временную целостность (Harrison, 1984; Андрианов, 2007). Значительная часть невербальных сообщений не может быть переведена в код какого-либо языка без существенной потери смысла для партнеров по общению, а сам термин «невербальное общение» объединяет явления различной природы, интегрированности и сложности (Лабунская, 2011). Считается, что психологические механизмы, порождающие употребление паралингвистических средств, не являются непосредственным объектом исследования паралингвистики (Горелов, 2009). Это понятие обозначает раздел современного языкознания, изучающий неречевые компоненты коммуникации (Колшанский, 1974).

При этом про невербальную коммуникации исследователям известно настолько много, что обилие зафиксированных фактов, эффектов и закономерностей, универсальных и ситуативных интерпретаций маскирует «спрятанные» за этим базовые принципы, причем в такой степени, что сформировалось устойчивое представление о невероятной сложности (неподдающейся попыткам более-менее логичной и стройной систематизации) не только самой основы, конструкции процесса неречевого общения, но и всех принципов, лежащих в его основе. Таким образом, приходится констатировать: ресурс возможностей традиционного исследования феномена невербальной коммуникации практически исчерпан.

На наш взгляд, парадоксальную ситуацию снижения исследовательского интереса к невербальным средствам на фоне их востребованности в быту отчасти можно преодолеть с развитием методологии современной дискурсивной психологии (Павлова, 2003).

В частности, введение понятия «паралингвистический дискурс» обозначает новый перспективный подход к анализу процесса «общения без слов».

Семиотическая теория паралингвистики выделяет и изучает искусственный (невербальный) «язык», точнее целый ряд таких языков: «язык тела», «язык символов», «язык иконических изображений» и др., а также так называемых «языков культуры» – «язык живописи», «язык музыки», «язык танца», «язык архитектуры» и т. п. Далее, опираясь на эти знаковые системы, раскрывают их смысловое содержание, описывают выполняемые ими коммуникативные функции и сам процесс коммуникации (в основном, его результат) на их основе. Но вот аналога понятия речи как способа пользования языком (хотя бы даже в условном, самом общем виде) в соответствии с классической триадой «язык–речь–вербальная коммуникация» до настоящего времени не выделяется. И, таким образом, в описании коммуникации невербальной выпадает ключевое звено. А поскольку нет понятия, то практически нет и исследований собственно «процесса пользования невербальными языками». В данном случае имеется в виду, прежде всего, методологический, концептуальный аспект. В свою очередь, проработка понятия «дискурс» специалистами разных отраслей научного знания позволяет, на наш взгляд, вполне уместно и эффективно применить его для исследования и описания невербальной коммуникации в качестве «недостающего» прежде звена в отношениях «системы искусственных знаков – коммуникация», т. е. как процесса, реализующегося посредством особых паралингвистических дискурсивных практик.

Под «паралингвистическим дискурсом» в узком смысле понимается сложное коммуникативное явление, включающее, кроме паралингвистического «текста» (определенным образом воспринимаемых невербальных знаков и сигналов), и другие факторы: в первую очередь, общую коммуникативную ситуацию в целом, личностную и социальную идентичность ее участников, а также их актуальное эмоциональное состояние и психологические особенности – установки, воображение, наблюдательность, опытность в невербальном общении, владение знаниями-интерпретациями тех или иных экспрессий и вокализаций, умения пользоваться ими и т. д.

Таким образом, паралингвистический дискурс – это процесс (и в определенном смысле, результат) ситуативного использования системы неречевых знаков в контексте социального взаимодействия: значения невербальных коммуникативных проявлений всегда про-

изводятся в результате конкретных паралингвистических дискурсивных практик, их можно определить лишь частично и временно, на основании ситуативного комбинирования. Паралингвистический дискурс — это своеобразная форма объективации содержания сознания, реализуемая невербально, включая неречевые системы знаков, язык тела, языки культуры, содержащая элементы изменения, обновления и совершенствования мира. Понятие универсально и применимо не только к межличностному общению, но и к широкому спектру использования невербальных средств на всех коммуникативных уровнях — публичном, виртуальном, межгрупповом, массовом (Андрианов, 2007).

Дискурсивный подход к анализу процесса невербальной коммуникации позволяет, во-первых, рассматривать ее в качестве единой целостной системы, независимо от используемых способов организации паралингвистического дискурса, от задействованных при этом разных неречевых знаковых систем и от уровня, на котором она осуществляется; а во-вторых, показать ее отличительную особенность — ориентацию на достижение эффекта психологического воздействия и «включение», вовлечение партнеров по взаимодействию в дискурсивную практику. Это релевантный и доступный метод интерпретации неречевых коммуникативных ситуаций «живого», непосредственного общения (Андрианов, 2017).

Между тем важно понимать, что дискурсивный подход не отменяет все существующие научные традиции изучения невербальной коммуникации, а по возможности и использует наработки, открытия и успехи, достигнутые в описании этого процесса с позиций других психологических теорий и междисциплинарных исследований. Так, значительный вклад в изучение невербальной коммуникации внесли ученые Института психологии РАН (В. П. Морозов, В. А. Барбанщиков и др.), длительное время активно и продуктивно исследовавшие различные аспекты этой стороны социального взаимодействия и важного способа познания человека.

При этом очевидно, что дискурсивный подход не решит всех проблем и сложностей феномена невербальной коммуникации и, вероятно, не раскроет всех его особенностей с научно-теоретических позиций. Здесь нужно отметить следующее: указанный выше кризис в изучении невербальной коммуникации может быть преодолен только в результате глубокого фундаментального исследования, обобщающего и систематизирующего многообразие известных фактов и закономерностей неречевого общения. Представляется, что пришло время для обособления всех доступных знаний в этой сфере и выделения новой научной дисциплины — *психопаралинг-*

*вистики**. Определенные шаги в этом направлении делались в прошлом. В частности, предпринимались попытки создать историю научного изучения неречевого общения и рассмотреть вклад в развитие подходов к его пониманию с разных теоретических позиций: психоанализа, символического интеракционизма и ролевых теорий, когнитивной психологии, теории деятельности, дискурсивной психологии и других локальных теоретических направлений – теории «выразительных движений» («психологии проявления»), теории социального познания и каузальной атрибуции, теории социальных представлений, теории социальной идентичности, так называемой «экологической» психологии и др. (Андрианов, 1996; Петрова, 2001); описана полисенсорная система невербальных коммуникативных средств; выделены и раскрыты ее основные единицы – коммуникативные средства (жест, знак, символ, паралингвистический дискурс), а также рассмотрены особенности невербальной коммуникации на разных коммуникативных уровнях (Андрианов, 2007); изучены некоторые социальные ситуации – контексты невербального коммуникативного процесса (Коццолино, 2009) и т.д. Таким образом, есть все предпосылки для становления *психопаралингвистики* как самостоятельного направления научного психологического знания (фактически, это уже происходит, предлагается лишь обозначить процесс и ввести в оборот новый термин). И, главное, на наш взгляд, для этого есть запрос со стороны практики социального взаимодействия.

Литература

- Андрианов М. С. Влияние принадлежности к большой группе на невербальную коммуникацию личности. Факторы групповой идентификации и межгруппового восприятия: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ИРЛ РАО, 1996.
- Андрианов М. С. Невербальная коммуникация: психология и право. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2007.
- Андрианов М. С. Организация и психологическое воздействие паралингвистического дискурса // Психология. Историко-кри-

* Существовавшего в лингвистике направления – паралингвистики – для решения этой задачи на современном этапе недостаточно, тем более что многие собственно психологические феномены и закономерности процесса невербальной коммуникации в нем не рассматриваются. Явно недостаточен и подход к анализу невербальных средств коммуникации исключительно как перцептивной стороны общения в русле отечественной социальной психологии.

тические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6. № 2А. С. 157–170.

Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: Книжный Дом «Либроком», 2009.

Колишанский Г. В. Паралингвистика. М.: Наука, 1974.

Коццолино М. Невербальная коммуникация. Теории, функции, язык и знак. Харьков: Гуманитарный центр, 2009.

Лабунская В. А. Невербальное общение: направление исследований // Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А. А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011, С. 166–167.

Павлова Н. Д. Психология дискурса // Психология XXI века / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Пер Сэ, 2003. С. 396–415.

Петрова Е. А. Знаки общения. Визуальная психосемиотика. М.: ГНОМ и Д, 2001.

Harrison R. Past problems and future directions in nonverbal behavior research: the case of the face // Nonverbal behavior perspectives application intercultural insights. Toronto, 1984. P. 317–331.

The topicality of development a theory of nonverbal communication and the creation of the psychoparalinguistic as a separate branch of psychological science

M. S. Andrianov (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, The University of Prosecutor's Office of the Russian Federation

The article, based on the analysis of communicative aspects of social interaction and modern discursive practice with the use of information technology and mobile communication, states the increasing interest in non-verbal means of communication and scientific knowledge about them, it is assumed that the resource of traditional research opportunities to study the process of non-verbal communication is almost exhausted. It is proposed to develop the theory of non-verbal communication to use the methodology of discursive psychology, in particular, the concept of paralinguistic discourse as a situational way of using artificial languages, aimed at designing and changing the world, as well as providing psychological impact on partners and involvement in communicative practice. The task of generalization of the knowledge about non-verbal communication is set and the necessity of creating a new psychological discipline – psychoparalinguistic – is substantiated as response to the request practice.

Keywords: discursive practice, nonverbal communication, artificial languages, paralinguistic discourse, psychoparalinguistic.

Интенциональное пространство дискурса интернет-форума

Т. А. Гребенщикова (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: gretya@mail.ru*

Целью настоящей статьи является описание интенциональных характеристик дискурса форума: референциальные объекты, категории интенций, их модальность и частота встречаемости. В обзоре представлены результаты исследований сетевых сообществ, а также особенностей норм коммуникации в сетевом общении. Основной метод исследования – интен-анализ, направленный на выявление речевых интенций на основе экспертной оценки. Были отобраны образцы обсуждений в сообществе по типу «задай вопрос – получи ответ», источником которых послужил электронный ресурс (uznai.d3.ru). Получены данные о преобладании интенций аналитической направленности, поддержания дискуссии, поддержки собеседника и желания ему помочь по сравнению с негативными интенциями критики, обесценивания и выражения сарказма. Наибольшее качественное разнообразие характерно также для категорий позитивных и нейтральных (аналитических) интенций. Отмечается специфика контекста изучаемого интернет-дискурса и его сходство с другими видами.

Ключевые слова: интернет-дискурс, дискурс интернет-форума, сетевые сообщества, постсобытийный дискурс, речевые интенции, интен-анализ.

Влияние интернет-дискурса сегодня распространяется далеко за его собственные пределы, что определяет актуальность изучения данной тематики. Рожденный в процессе коммуникации в виртуальной среде интернет-дискурс в ходе глобализации приобрел значение второй

реальности. Коммуникативная активность пользователей формирует определенную дискурсивную реальность, отражая картину мира и задавая способ говорения о нем. В психологических и психолингвистических исследованиях очерчиваются границы интернет-дискурса и разных его жанров, особенности речевого поведения пользователя сети и подходы к его изучению. Накапливаются разнообразные факты, касающиеся условий проявления норм общения в интернете (Sukumaran et al., 2011; Yun et al., 2013; Stroud et al., 2015). Разрабатываются дискурсивные модели коммуникации в интернете, в которые входят такие параметры, как образ аудитории, ее предполагаемый размер, уровень персонализированности сообщений, ожидание определенной реакции говорящим и др. (M. French, N. N. Vazarova, P. В O'Sullivan и др.). Целью данного исследования является описание интенционального состава дискурса такого сетевого сообщества как группа по обмену знаниями. Отмечается, что дискурс определенного сетевого сообщества напрямую связан с задачами группы и мотивацией ее отдельных участников.

Сетевые сообщества являются предметом психологических исследований относительно давно. При изучении сетевых сообществ (группы поддержки, обмена знаниями, обучения и др.) были выделены их универсальные характеристики: 1) атрибуты – общие цели, интересы, доступ к общим ресурсам, взаимопомощь, эмоциональная вовлеченность, 2) наличие связи с сообществами в реальной жизни (город, хобби, профессия, и др.) или ее отсутствие, 3) количество внутригрупповых связей участников (Lazar, Preece, 1998). Особое внимание исследователей привлекают профессиональные виртуальные сообщества. Выделяются психологические условия их успешного функционирования, такие как индивидуальная мотивация, добровольность участия, степень удовлетворенности, социальный капитал участников, их доверие друг другу и ощущения равноценности обмена (Lin et al., 2009).

Группа по обмену знаниями в сети принадлежит категории ОС (open community) – открытого сообщества и находится, на наш взгляд, между профессиональным сообществом и свободной группой сетевого общения. С одной стороны, такой форум имеет целью решение заявленных проблем участников, с другой – характеризуется большей свободой коммуникантов в постановке запросов и предлагаемых ответов. Характерно, что в целом в ОС знания воспроизводятся и передаются без изначально установленных отношений. Отношения, что присуще новой цифровой эпохе, могут зарождаться и формироваться в ходе общения в интернете и не выходить за его пределы. Данные исследований позволяют говорить о таком интегрирующем

групповом признаке, как разделенный дискурс, связанный с ценностями, общими представлениями группы, и задающий правила взаимодействия (Сергеева и др., 2016).

В качестве эмпирической базы настоящего исследования был выбран дискурс вопрос-ответного форума. Основным методом исследования – интент-анализ, экспертный метод выявления речевых интенций, служащих выражению намерений говорящего (Слово в действии..., 2000). На предварительном этапе был составлен словарь интенций с примерами их употребления в речи. Для оценки дискурса было проанализировано 332 комментария к 11 запросам (2016 г.). Выделялись референциальные объекты дискурса, категории реализованных интенций, их оценочная направленность и выраженность. Референциальным считался объект, на который приходится не менее 30 обращений. Источником послужили сайт *uznai. d3.ru*.

Было выделено 4 референциальных объекта: «собеседник», «автор сообщения», «проблемная ситуация» и «я» (комментатор). Отмечается высокий уровень персонализированности дискурса при обсуждении конкретной проблемы на форуме: говорящий выступает от первого лица, когда как в постсобытийном дискурсе – от имени группы людей (мы – «русские», «москвичи», «Россия») (Гребенщикова и др., 2016).

Было выделено 40 категорий интенций, которые суммарно были проявлены 417 раз. К группе «дистанцирование» («негативные» интенции) относится 21,5% проявленных интенций, что соответствует 90 реализациям в 10 категориях. Выделяются такие категории, как «выразить сарказм/высмеять» («*Вы про Ома и Кирхгофа слышали? У вас коммутируемые токи ампер на 10 минимум*»), «обесценить» («*Ну здесь и советчики*»), «подвергнуть сомнению» («*И что это даст?*»), «критиковать» («*Креацианизм – это не научный подход, ибо непроверяжим*»), «возразить» («*А механическому не без разницы? Я же выбираю выключатель света исходя из мощности ламп...*») и др. (здесь и далее орфография и пунктуация сообщений сохранена. – Т. Г.). Негативное отношение к собеседнику может выражаться также в снисходительном или ироническом тоне («*Учиться – совсем не вариант?*», «*От теперь всем все понятно стало, прям перед глазами стоит*», «*Нам очень важно ваше мнение*»).

Сближение с собеседником и его поддержка, желание помочь соответствует 15 категориям, что составляет 29,9% (125 реализаций) от всех проявленных интенций. Это «предложить решение» («*Кластерный анализ. Методик и алгоритмов много, велосипед изобретать не надо...*»), «дать совет» («*Можно загнать данные xml, например, на Яндекс-карту*»), «поделиться опытом» («*Менял ТЭН на своей стиралке,*

заодно и почистил трубы слива, прессостата, дно бака. Запах пропал», «дать объяснение», «признать свою неправоту», «благодарить», «согласиться» и др. При этом рекомендации могут сопровождаться как особой формой вежливости, например направленной на сохранение лица собеседника («Если б не случай с напором, то и я бы, наверно [как и вы], этого не знал»), так и быть краткими, инструктивными без этикетных «подпорок» («Борная кислота с медом, развести водой не очень жидко, разлить во что-то, типа крышек от ПЭТ бутылок»). Советы могут высказываться в форме предположения, что свидетельствует об уважении к говорящему («Возможно, это не ваш случай, но вдруг...»). К позитивным интенциям, направленным на себя, относятся самоохранительные интенции — оправдаться/объяснить позицию («Ну, это не я писал про такой вариант. Я только высказал предположение») и варианты положительной самопрезентации, связанной с представлением более высокого, чем у собеседника, уровня понимания проблемы («Если технарю “нравится история”, то обучение на истфаке его разочарует») или демонстрацией своего мнения («Это любо и прельстиво»).

Развитию обсуждения («нейтральные» интенции) принадлежит 48,6% реализованных интенций, который распределились по 15 категориям в 202 реализациях. К ним относятся категории «информировать» («Если вы выставите программу — отключится через 23 часа»), «уточнить» («Как у вас слив организован?»), «выразить мнение» («Не вижу причины, по которой игрок, объявивший мизер, не может перебить 9 пик»), «аргументировать» («Переходные формы есть у всего, но они остались в прошлом как общий предок»), «дать обратную связь» («Терморегуляторы [по вашему совету] не погорели») и др. Встречаются направленные на улучшение взаимопонимание корректировки собственных ошибок («Я пока ехал домой, то подумал, что исключать те точки, которые подошли под сравнение, не стоит»), в том числе орфографических, что подчеркивает заинтересованность участников в обсуждении («Хладни, конечно; орфографический вывих»). Ориентация на дискуссию выражается не только в уточнениях, но и возвратом к теме («Я все-таки жду от вас модель, мне самому интересно»), демонстрацией ожидания ответа от автора исходного запроса — инициатора дискуссии («И автор что-то пока молчит»). Иногда даже незначительный на первый взгляд запрос вызывает желание его поддержать, защитить перед другими комментаторами («Это очень серьезный, глубокий вопрос»).

Особый случай, служащий поддержанию дискуссии — это выражение добрых пожеланий, иронии, ссылок на известные тексты. «Целый роман есть про то, чем все кончится, если не вывести вовремя му-

равьев» — намек на роман Г. Г. Маркеса в теме о домашних муравьях; или, например, «*Домашний муравьед*» — шуточный ответ о средстве борьбы в той же дискуссии. Следует также отметить особенный стиль интернет-дискурса, полного «мемов». Так, пожелание «*Удачи, тракторист!*», адресованное уезжающему на ПМЖ в другую страну, связано с образом Поросятки Петра на тракторе — героем из книги писательницы Людмилы Петрушевской, который стал в рунете символом эмиграции. Высказывание «*А в голове у вас каша или тролль*», помимо прямого негативного отношения, означает также сомнение в искренности говорящего («тролль» — интернет-провокация). «*Пилить проект*» (организовать проект), «*курить тему*» (изучать тему), «*балалайка*» (большая тема, длинная история), «*фейспалл*» (позорная, неловкая ситуация) и другие выражения дополняют специфический контекст изучаемого вида интернет-дискурса.

Интеннт-анализ дискурса форума, таким образом, показал неравномерное распределение частот проявленных интенций. Интенций, направленных на помощь и сближение с собеседником и «нейтральных» суммарно в 3,6 раза больше, чем «негативных». При этом позитивное отношение к собеседнику выражается не только его прямой поддержкой («похвалить», «выразить интерес»), но и стремлением уточнить проблему и объяснить свое решение. Однако типична ситуация рассогласования между исходной интенцией спрашивающего и ответными интенциями участников дискуссии: так, помимо интенций «дать совет» или «предложить решение», в обсуждениях встречаются категории «высмеять», «пошутить» «поболтать», а также стремление собеседников уйти от темы в сторону критики чужих решений. Следует отметить, что уход в политическую тематику (4 случая) осуждался и корректировался комментаторами, и тем самым поддерживались задаваемые дискурсом правила, что подтверждает его свойства как аутопоэтической системы (Сергеева и др., 2016). Отсутствуют такие интенции, как «выразить недовольство», «обвинить», «осудить». Интенции позитивной направленности ориентированы не только на объект «собеседник» и «автор сообщения», но и на самого говорящего (объект «я»).

В дискурсе форума, по сравнению, например, с изученным ранее постсобытийным дискурсом (Гребенщикова и др., 2016), более выражены позитивная и нейтральная оценочность, выше уровень дискуссии, участники которой поддерживают его (интенции «признать свою неправоту», «выразить позитивное пожелание», «благодарить»). В целом, преобладание интенций анализа и развития темы собеседника в дискурсе соответствует контексту, задаваемому темой обсуждения. Полученные результаты согласуются с исследо-

ванием (Stroud et al., 2015) о влиянии конкретного речевого контекста на коммуникативное поведение в интернете. В частности, субъект склонен оставлять более обоснованные или вежливые комментарии, если таковыми были предыдущие. Свободный ход обсуждения, поддержка темы собеседника, фатические интенции («поболтать», «пошутить») сближают дискурс вопрос-ответного форума с семейным дискурсом (Гребенщикова, Зачесова, 2012) представленность некоторых негативных интенций (выразить сарказм, обесценить) с постсобытийным дискурсом (Гребенщикова и др., 2016), а направленность на получение помощи в решении конкретного вопроса – с дискурсом общения незнакомых людей (Гребенщикова, Зачесова, 2014).

Литература

- Гребенщикова Т. А., Павлова Н. Д., Афиногенова В. А.* Модификация интенционального пространства в постсобытийном интернет-дискурсе // Психология безопасности дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 201–219.
- Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А.* Дискурсивное воздействие в семейном межличностном взаимодействии // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 323–353.
- Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А.* Интенциональные основания дискурсивного воздействия в диалогах в разных коммуникативных ситуациях // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 141–168.
- Сергеева А. С., Кириллов Б. А., Воронина Е. Ю.* Комментарий как форма дискурса профессионального виртуального сообщества (на примере IT) // Психология безопасности дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 84–102.
- Слово в действии: Интент-анализ политического дискурса / Под. ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб.: Алетейя, 2000.
- Lazar J., Preece J.* Classification Schema for Online Communities // Proceedings of The Fourth Americas Conference on Information Systems. Baltimore, 1998. P. 84–86.

- Lin M., Hung S., Chen C.* Fostering the determinants of knowledge sharing in professional virtual communities // *Journal Computers in Human Behavior*. 2009. V. 25. № 4. P. 929–939.
- Stroud N. J., M. Scacco J., Muddyman A., Curry A. L.* Changing Deliberative Norms on News Organizations' Facebook // *Sites Journal of Computer-Mediated Communication*. 2015. March. P. 188–203.
- Sukumaran A., Vezich S., McHugh M., Nass C.* Normative influences on thoughtful online participation // *Proceedings of the 2011 Annual Conference on Human Factors in Computing Systems*. CH'11. N. Y.: ACM Press, 2011. P. 3401–3410.
- Yun G. W., Park S.-Y., Holody K., Yoon K. S., Xie S.* Selective moderation, selective responding and balkanization of the blogosphere: A field experiment // *Media Psychology*. 2013. V. 16. № 3. P. 295–317.

Speech intentions of the internet forum discourse

T. A. Grebenshikova (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology, RAS

The goal of the paper is definition of speech intention realized in the discourse of the internet forum, including referential objects, categories of intentions, their modality and frequency. Results of various studies on open community and communication norms in the Internet are discussed in the review. The main method of the current study is intent-analysis based on experts' estimation. The sample includes discussions on the Russian website *uznai.d3.ru*, a “question–answer” forum. It is shown that positive and neutral intentions such as “support communicant”, “support conversation” and “help” have the prevalence and categorical variety in comparison with negative ones (“criticize”, “sarcasm”, “negate the opinion” etc.). In conclusion, we discuss the features of analyzed internet-discourse and its similarity to the related discourses.

Keywords: internet-discourse, internet forum discourse, post-eventual discourse, open community, speech intentions, intent-analysis.

Повседневные дискурсивные практики городской среды мегаполиса

И. А. Зачесова (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: zachiosova-2004@mail.ru*

Представлены результаты изучения организации повседневных дискурсивных практик, реализующихся в городской среде мегаполиса. Описаны типовые компоненты интенциональной структуры дискурса внешней городской среды мегаполиса, реализованного в «обращениях города» к жителям, воплощенного в объявлениях, городских вывесках, плакатах и проч., и дискурса между незнакомыми людьми в ситуации вынужденного совместного времяпрепровождения. Показано, что важным фактором, определяющим особенности организации интенционального пространства городской среды в разных локусах мегаполиса, выступают ситуативно-территориальные потребности горожан. Текстовые формы в городской среде имеют информационную и фатическую направленность и ориентированы на информирование и регуляцию поведения горожан. Выявлены и описаны интенциональные характеристики выраженных в разных жанрах и представленных в разных локусах мегаполиса городских текстовых обращений. Охарактеризован интенциональный состав диалоговых форм дискурса незнакомых людей в открытом городском пространстве, выделены ведущие интенциональные направленности собеседников и частные интенции в их составе.

Ключевые слова: повседневный дискурс, дискурсивные практики, интенции, интенциональное пространство, городская среда, неформальное общение.

В настоящее время трудно переоценить влияние, оказываемое большими городами на жизнь человека. Город это не только место оби-

Работа выполнена по госзаданию ФАНО № 0159-2018-0008.

тания огромного количества людей, но и центр зарождения и управления экономической, политической, социальной и культурной жизнью современного общества. Все эти функциональные реальности современного города существуют в тесной взаимосвязи и взаимозависимости и образуют неразделимое единство.

Многофункциональная природа города делает его предметом изучения целого ряда наук. Широкий круг проблем мегаполиса активно разрабатывается в экономике, политологии, архитектуре, истории, социологии, культурологии, лингвистике и др. В психологических исследованиях городская среда обычно рассматривается в социально-психологическом контексте (Дробышева, Журавлев, 2016). Основные направления связаны с изучением особенностей восприятия города, его предметно-пространственной, пространственно-временной и социальной среды, механизмов ментальных репрезентаций городского пространства в обыденном сознании горожан (Габидулина, 2012; Социально-психологические..., 2016). Продолжая цикл исследований психологических механизмов формирования дискурса и его функционирования в разных условиях коммуникации и социальных контекстах (Гребенщикова, Зачесова, 2014; Гребенщикова, Павлова, 2017; Павлова и др., 2017; Психология дискурса..., 2016; и др.), мы обратились к анализу дискурсивного пространства повседневной жизни горожан.

В современной жизни, выйдя из дома, житель мегаполиса, хочет он того или нет, погружается в море разнообразной городской информации, вступает в мимолетные контакты с незнакомыми людьми. Настоящее исследование обращено к изучению организации повседневных дискурсивных практик, реализующихся в городской среде. Объекты исследования: дискурс внешней городской среды мегаполиса, реализованный в «обращениях города» к жителям, воплощенных в объявлениях, городских вывесках, плакатах и проч., и дискурс незнакомых людей в ситуации ожидания в очереди, на остановке, во время поездки в транспорте и проч. Ставилась задача охарактеризовать интенциональный состав реализуемых в названных ситуациях видов дискурса и выделить психосоциальные факторы, определяющие их организацию. В работе использовался метод оценки психологического содержания речи – интент-анализ (Павлова, Гребенщикова, 2017).

Повседневное существование горожанина протекает в двух типах городского пространства – в открытом пространстве внешней городской среды (улицы, площади, двory жилых домов, парки, стадионы, транспорт и т. п.) и в городских объектах разного функционального назначения, имеющих свое внутреннее пространство

(магазины, вокзалы, театры, банки, поликлиники и т. п.) (Китайгородская, Розанова, 2010).

В настоящем исследовании в фокусе внимания находилось дискурсивное пространство внешней городской среды мегаполиса.

Материалом для анализа интенциональной организации дискурса внешней городской среды послужили формирующие внешний облик города типовые текстовые «обращения» к жителям (объявления, городские вывески, рекламные щиты, плакаты, кино- и театральные афиши и мн. др.).

Результаты анализа показали, что важным фактором, определяющим особенности интенциональной организации дискурса внешней городской среды, выступают ситуативно-территориальные потребности горожан. Письменные текстовые формы ориентированы на информирование жителей, регуляцию их поведения. В совокупности они формируют ту среду, в которой, хочет он того или нет, существует горожанин. Выявлены и описаны интенциональные характеристики городских текстовых обращений, представленных в разных локусах мегаполиса и выраженных в разных жанрах.

Жизнь в мегаполисе постоянно требует от жителей умения ориентироваться в пространстве. Ориентирами в системе городских координат служат названия улиц, госучреждений, городских объектов разного функционального назначения (поликлиники, больницы, банки, почта, аптека, магазины и проч.), дорожные и городские указатели. Информационную, прагматическую направленность в данном случае реализуют частные интенции «поименовать объект», «указать», «обозначить местоположение». Особую нишу занимают типовые дорожные указатели, регламентирующие правила дорожного движения, регулирующие действия его участников.

Городские вывески, рекламирующие разного рода продукцию и услуги, как правило, не содержат прямого побуждения к действию. Они нацелены на привлечение внимания горожан к объекту именованию с целью подтолкнуть их к совершению тех или иных действий. Выраженные в них интенции самопрезентации («убедить», «обещать», «посоветовать») интегрируют косвенные компоненты воздействия, формируя у потенциальных покупателей и клиентов упреждающие представления, мнения, оценки. Некоторые рекламные вывески одновременно являются территориальными указателями (*Мужик, гвоздь забил? Рынок строительных материалов в Никулино. До поворота налево 900 м*). Элементы рекламы часто включены в названия торговых объектов (пиццерия *Пицца из дровяной печи*, палатка *Пирог от очага*).

Информационно-просветительскую направленность имеют социальные плакаты, направленные на освещение актуальных собы-

тий, на привлечение внимания к проблемам мегаполиса и его жителей, изменение моделей общественного поведения. Они нацелены на прямое побуждение к действию и реализуют интенции «привлечь к участию», «напомнить», «предупредить», «запретить». Афиши информируют жителей о культурной жизни города (*Театр Современник – Сезон на Яузе – 2016–2017; Кремлевский балет – Кремлевские сезоны – с 1 по 24 июня*), городские плакаты, посвященные важным событиям, приглашают людей посетить те или иные мероприятия (приуроченная ко Дню Победы акция «Бессмертный полк»: *Мы пронесем портреты дедов по Красной площади. Ты с нами?*). Просветительский, дидактический характер носят социальные плакаты, связанные с реализацией городских программ разных направлений, служащие формированию ценностей и новых стереотипов социального поведения. Наиболее распространенными примерами такой социальной рекламы являются кампании, пропагандирующие здоровый образ жизни (*Трезвая Россия – В здоровом теле здоровый дух – Я выбираю трезвость – ГТО*) и охрану окружающей среды (изображение несчастного кота сопровождает текст: *Не оставляй меня на даче; на стенде подъезда: Покорми птиц зимой. Меню: сало несоленое, семечки нежареные, ячмень, пшеница; на улице: Город – наш дом. Чистота и порядок в нашем доме зависит от нас*).

Фатическую направленность имеют городские социальные плакаты-поздравления, приуроченные к знаменательным датам, создающие праздничное настроение, способствующие консолидации гражданского общества (*С Новым годом, дорогие москвичи!; Поздравляем с Пасхой Господней!; С Днем Победы! Мы наследники победителей!*).

Локализованные в разных зонах городской среды уличные объявления обращены к проблемам города и регуляции повседневной жизни горожан. В роли их авторов могут выступать как городские службы (префектура, управа, транспортная компания, метрополитен, администрация магазинов, парков и пр.), так и частные лица. Официальные объявления городских служб во дворах и на подъездах домов направлены на передачу жителям социально-полезной информации и служат «информированию» (при входе в магазин: *Магазин закрыт на учет. Приносим свои извинения*; информационный стенд на подъезде жилого дома: *Важные телефоны и адреса: управа района Раменки 8 (495) 93..., диспетчерская служба района...*), «напоминанию» (в транспорте: *Уважаемые пассажиры, при выходе не забывайте свои вещи*), «предупреждению» (на трамвайных путях: *Осторожно, листопад; на улице: Внимание! Сквозной проезд по Сахалинской улице временно закрыт. Выбирайте маршруты объезда*), «инструктированию» (в транспорте: *При обнаружении бесхозных вещей не тро-*

гайте их и сообщите водителю; в вагоне метро: Для экстренной связи с машинистом поезда нажмите кнопку и говорите), «запрещению» тех или иных действий (в парке: *Выгул собак запрещен*; у входа в метро: *Курение у вестибюля метрополитена запрещено*; стенд на подъезде жилого дома: *Запрещен несанкционированный доступ и самовольное размещение любой информации на стенде*).

Объявления частных лиц касаются повседневных бытовых нужд отдельных горожан. Это покупка/продажа, аренда, ремонт жилья, потеря/находка чего-либо, поиск работы, обращение за помощью и предложение услуг. Обычно речевые интенции, реализуемые в частных объявлениях, — это «информировать» (*8 января в парке найдена собака. Небольшая, черная, лапки белые. Обращаться по тел. 8...*), «предложить услугу» (*Ремонт одежды любой сложности. Тел. 8...; Сдам комнату. Недорого*), «обратиться с просьбой/просить помощи» (*В районе ул. Лобачевского 3 января пропала йорк-девочка. Зовут Луна, стрижена, в розовом ошейнике. Вознаграждение за информацию о собаке гарантируем. Тел. 8...*).

На улицах города разговоры между незнакомыми людьми, находящимися в неофициальном статусе (прохожие, попутчики), обычно связаны с потребностью получить информацию или какую-либо помощь. Вместе с тем нередки и разговоры «ради общения», возникающие при ожидании в очереди, во время поездки в транспорте и проч.

В ситуации неофициального городского общения были выделены две формы взаимодействия: проблемное и отношенческое.

Область проблемной коммуникации в диалогах между собеседниками в неофициальном статусе очерчивается выяснением информации и побуждением партнера к действиям. Характерны следующие ведущие интенциональные направленности коммуникантов (ВИН): «получить информацию/побудить к диалогу» (39%), «поддержать диалог/предоставить информацию» (36%), «побудить к действию» (25%). Частные интенции в составе ведущих интенциональных направленностей носят очевидный проблемный характер: «поинтересоваться» (*Здравствуйте. Где здесь ближе всего дежурная аптека?*); «уточнить» (*Четырехсотого давно не было?*); «посоветовать» (*Голову назад не нужно запрокидывать, это очень вредно для шеи*). Диалоги информационного типа оказались наиболее короткими (2–4 реплики): *«Девушка, скажите, а к „Заре“ в какую сторону? — Вам нужно вниз и налево. — Спасибо»*. Иницирующие реплики часто выполняют двойную функцию: побудить к диалогу и получить информацию. В составе ВИН «поддержать диалог/предоставить информацию» наиболее выражены интенции «информировать» (*«слева двухэтажное здание, на первом этаже, справа от входа сидит де-*

вушка, там есть ксерокс»), «предложить» («*Давайте я заполню свой бланк, потом вам помогу. Подождите пару минут!*»), «дать совет» («*Сумки в двух руках нужно носить, для равновесия, грыжа не будет вылезать*»), «сообщить» («*Я отходила к соседнему прилавку, мужчину предупредила*»). В ситуации неофициального общения горожан не было выделено попыток прямого побуждения к действию в виде инструктивных диалогов, столь распространенных в повседневном общении близких людей. ВИН «побудить к действию» содержит интенции «попросить» (в автобусе: «*Подвиньтесь, я сяду!*»; в маршрутном такси: «*Девушка, возьмите. Передайте!*»), «выразить заботу» («*Проходите, там место есть*»), «предложить» («*Давайте местами поменяемся*»). Часто просьбы не предполагают вариантов отказа и по сути приближаются к указаниям.

Основная канва диалогов с выраженной отношенческой линией взаимодействия — обмен мнениями, представление себя в определенном свете. Здесь на первый план выходят фатические интенции «сообщить», «поделиться мнением».

Побуждение к диалогу, обусловленное желанием субъекта сообщить случайному незнакомому собеседнику свое мнение, проявить эмоции — неотъемлемая часть повседневного общения в российской коммуникативной культуре. Искренность, эмоциональность, общительность, открытость, прямота являются «этнокультурными концепциями» общения россиян (Дементьев, 2013). В состав ВИН «побудить к диалогу/обсуждению» входят интенции «привлечь внимание» («*А вопрос можно?*», «*Какие ребята молодцы!*»), «поинтересоваться» («*Я смотрю, это у вас парик такой хороший?*»), «поделиться мнением» («*Заблудился, что ли... Непонятно, что он здесь делает*»). Выражены также направленности на поддержание общения и партнера по коммуникации: интенции «продемонстрировать понимание собеседника» («*Да, точно! Я так и подумал*»), «выразить сочувствие» («*Ничего, бывает*»), «предложить помощь» («*Ставьте сумку мне на колени*»), «побудить к действиям» («*Вставайте! Вы же простудитесь*») и др. Частные интенции ВИН «проявить вежливость» — это — «принести извинения — принять извинения» («*Извините, как я не ловко*». — «*Нестрашно*»), «приветствовать» («*Добрый день*», «*Здравствуйте*»).

Столкновение интересов коммуникантов проявляется в ВИН «защитить себя, свою позицию» и ВИН «изменить мнение партнера». Самоохранительные интенции в составе ВИН «защитить себя, свою позицию» — «уклониться» («*Меня это вообще не касается*»), «оправдаться» («*Откуда я знаю, что вы будете делать*»), «осуществить самопрезентацию» («*Вы так похожи на мою дочь!*»). В составе ВИН «изменить мнение партнера» наибольший вес имеют интенции «выразить

мнение» («*Совсем народ озверел! Куда катимся!*»), «возразить» («*Нет, так нельзя!*»), «критиковать» («*Если у вас проблемы, не надо на других срывать свое зло!*»). ВИН «выступить против партнера» часто имеет резко выраженный негативный характер. Здесь обнаруживаются интенции «осудить» («*Совсем девки обнаглели! Становятся на мужиков похожи!*»), «обвинить» («*Понаехали тут всякие!*»), «упрекнуть/выразить недовольство» («*Ну, что такое? Рук что ль нет? Трудно передать?*»).

Кроме того, обращает на себя внимание разное ролевое поведение незнакомых адресата и адресанта, возможность проявления коммуникативного неравенства. Адресант общения в русской коммуникативной культуре нередко более активен, чем адресат. Ему приписывается регулятивность и допустимость вмешательства в личную сферу адресата. В традиции русского общения предупреждать незнакомых о неприятностях, о беспорядке в одежде, о возможных материальных потерях; принято указывать, где лучше встать, куда лучше сесть в транспорте, куда поставить сумки и т. д. А со стороны адресата, как показывает материал нашего исследования, порою наблюдается коммуникативная пассивность, нежелание продолжать коммуникацию. Даже предложение помощи может вызывать недовольство и протест.

Итак, по результатам интент-анализа повседневных дискурсивных практик, сложившихся в городской среде мегаполиса, охарактеризованы типовые компоненты интенциональной структуры присущие дискурсу внешней городской среды, реализованному в «обращениях города» к жителям, и дискурсу между незнакомыми людьми в ситуации вынужденного совместного времяпрепровождения. Показано, что важным фактором, определяющим особенности организации интенционального пространства городской среды в разных локусах мегаполиса, выступают ситуативно-территориальные потребности горожан. Текстовые формы в городской среде имеют информационную и фатическую направленность и ориентированы на информирование и регуляцию поведения горожан. Выявлены и описаны интенциональные характеристики выраженных в разных жанрах и представленных в разных локусах мегаполиса городских текстовых обращений. Охарактеризован интенциональный состав диалоговых форм дискурса незнакомых людей в открытом городском пространстве, выделены ведущие интенциональные направленности собеседников и частные интенции в их составе.

Литература

Габидулина С. Э. Психология городской среды. М.: Смысл, 2012.

- Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А.* Психология повседневного дискурса: Интенциональный аспект. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Гребенщикова Т. А., Павлова Н. Д.* Дискурс и его психологическое воздействие: подходы к исследованию // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 18–31.
- Дементьев В. В.* Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л.* Город как объект исследования в социальной психологии: к истории вопроса // Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 196–213.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Павлова Н. Д., Афиногенова В. А., Гребенщикова Т. А.* Речевое взаимодействие в неформальном повседневном дискурсе: интенциональный аспект // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 41–54.
- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А.* Интент-анализ: основания, процедура, опыт исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Социально-психологические исследования города / Отв. ред. Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Discursive urban practices of everyday life in megapolis

I. Zachiosova (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology of RAS

The paper shows the results of the study on the organization of discursive practice realized in the environment of megapolis. The typical components of intentional structure of urban discourse that related to the outer environment of megapolis. It includes various kinds of messages addressed to citizens in requests, advertisement, signboards, posters, etc. We claim that citizens' needs related to a situation and location determine the specifics of intentional organization of urban discourse. Information presented in text forms in addition to the informative orientation has the fatic (modal) and regulative one. The features of speech intentions performed in the various

genres of megapolis's messages were defined and explored. Intention content including main intentional orientations and particular intentions of the dialogical discourses functioning in communication between strangers in outdoor urban space is discussed.

Keywords: everyday discourse, discursive practice, speech intentions, intentional space, urban environment, informal communication.

Ценностные направленности российского кинодискурса и особенности их понимания зрителями

Т. А. Кубрак (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: kubrak.tina@gmail.com*

Определяется значимость кинодискурса, как массмедийного дискурса, возможностями его воздействия на психику и поведение современного человека. Как и любой другой дискурс, кинодискурс не только отражает существующие ценности, представления, оценки, он их в то же время формирует. Представлены результаты исследования ценностей и образов в кинодискурсе. Определено, что наиболее посещаемые российские фильмы транслируют ценности «Доминирования», «Духовности», «Стабильности жизни» и в значительно меньшей степени ценности «Равенства» и «Самореализации». Проанализированы отзывы зрителей и выявлены особенности восприятия и понимания ими ценностной направленности фильмов.

Ключевые слова: кинодискурс, психологическое воздействие кино, психология кино, психологическое воздействие массмедиа, ценности, ценностные направленности.

Кинодискурс, как один из видов массмедийного дискурса, все больше определяющего видение людьми окружающей действительности, может оказывать значительное влияние на психику и поведение современного человека (Кубрак, 2016; Латынов, 2013).

Сегодня фильмы задают правила и модели поведения, меняют нормы и стереотипы, транслируют образы и ценности. Это могут быть образы профессий, гендерные стереотипы, семейные нормы, групповые ценности и др. (Медведева, 2014; Behm-Morawitz, Mastro, 2008; и мн. др.). Современный кинодискурс, учитывая очень высо-

кую скорость производства кино, может рассматриваться «как актуальный... срез восприятия реальности, длящийся социальный диалог, в котором интерпретируются и переинтерпретируются такие категории восприятия, как время, пространство, прошлое, будущее, свобода, право, допустимое, поощряемое, мужское, женское, власть, любовь, долг, благодарность и т. д.» (Сорока, 2002, с. 48). По мнению известного философа С. Жижека, кино является как инструментом для исследования навязываемой государством идеологии, так и средством транслирования этой идеологии массам (Жижек, 2014). В то же время кино может способствовать смещению моральных норм в условиях нестабильности, как это наблюдалось, например, в «порезформенной» России, когда большое количество фильмов про «хороших бандитов», а не, наоборот, борцов с криминалом, вносили свой вклад в криминализацию общества (Юревич, Журавлев, 2012).

Фильмы вносят свой вклад в решение актуальных проблем общества: от поддержания духовных ценностей до охраны окружающей среды и борьбы с коррупцией. Например, в свое время возникает новый жанр в кино – климатическая фантастика, которая наглядно показывает и объясняет, что нас ждет в ближайшем будущем, и предлагает задуматься, что мы можем сделать для предотвращения глобальных катастроф. Проведенные исследования выявили связь между демонстрацией художественных фильмов о проблемах климата и ростом соответствующих запросов в интернете и обсуждений в СМИ (McGreavey, Liendfield, 2014). Фильмы могут менять ранее сформировавшиеся нормы и установки. Так, просмотр сериалов, повествующих о важности донорства, помогал принимать решение о собственном донорстве, а сериалы с участием трансгендеров способствовали формированию более позитивного отношения к ним (Morgan, Movius et al., 2009; и др.).

Итак, кинодискурс, как любой массмедийный дискурс, отражает существующие представления, установки, мнения и в то же время их формирует, влияя на нормы, оценки, ценности. В связи с важностью той роли, которую играет кино в современном обществе, и значительностью того места, которое оно занимает в повседневной жизни человека, актуальной становится задача выявления ценностных направленностей современного российского кинодискурса.

Было отобрано 10 российских кинофильмов, которые в 2016–2017 гг. вышли в широкий прокат и собрали среди российских кинозрителей наибольшую зрительскую аудиторию в этот период времени. Это фильмы: «Викинг», «Время первых», «Экипаж», «28 панфиловцев», «Жених», «Притяжение», «Елки-5» и др.

Для исследования материала были использованы варианты контент- и дискурс-анализа. Базовой единицей анализа стал кинообраз, понимаемый как «единица, специфическая для кино, не имеющая аналога в вербальной коммуникации», «передающая в общеобразной форме смысловую и оценочную информацию о персонажах и их отношениях, о времени и идеях, об обществе и социальных ценностях» и др. (В. Конечкая). Единицей контекста был взят отдельный кинофильм. Для выявления ценностных направленностей кинодискурса использовались шкалы опросника Шварца для изучения ценностей (Лебедева, Татарко, 2007).

В результате проведенного анализа определены доминирующие ценности кинодискурса (в порядке большей представленности): *влияние* (воздействие на события, других людей), *власть* (контроль над другими, доминирование, господство), *отвага*, *обязательность*, *верность* (преданность друзьям, своим близким), *настоящая дружба*, *национальная безопасность* (защищенность моей страны от врагов), *авторитетность* (руководить, давать распоряжения), *чувство принадлежности*, *смысл жизни*, *защита семьи*, *любовь*, *ответственность*, *умение прощать*.

Такие «социальные» ценности, как *равенство* (равные возможности для всех), *свобода*, *социальная справедливость*, *широта взглядов* (терпимость к иным взглядам и убеждениям), *защита окружающей среды*, практически не транслируются в кинодискурсе и обнаруживаются только в отдельных фильмах. Не представлены широко и «личностные» ценности: *самоуважение*, *мудрость*, *честолобие*, *скромность*, *честность*, *полезность* (приносить пользу другим). Не обнаруживаются или выявляются только в нескольких фильмах и такие ценности, как *творчество*, *единство с природой*, *интересная жизнь*, *разнообразие жизни*, *интеллект*, *любопытность*, *умелость* (компетентность, эффективность, продуктивность).

Отдельно при анализе определялась патриотическая направленность кинодискурса. В большинстве фильмов транслируются такие ценности, как *защита интересов Родины и народа*, *привязанность к родной земле и традициям*, при этом значительно меньше представлена *гордость за достижения Родины*.

Были выявлены различия в ценностных ориентациях фильмов разных жанров. Три из анализируемых фильмов — это комедии, и только в них транслируются такие ценности, как, например, *удовольствие* (удовлетворение желаний), *наслаждение жизнью*, *потакание себе*, *благополучие*; при этом чаще в таких фильмах присутствует и такая ценность, как *защита семьи*. В остальных, некомедийных фильмах, в основном повествующих об определенных исторических

событиях, в отличие от комедий, транслируются в большей степени ценности *национальной безопасности, мира на земле, отваги, авторитетности и влияния, верности и честности, обязательности и ответственности*, а также проявляется патриотическая направленность.

Выявленные отдельные ценности входят в ценностные блоки, которые могут демонстрировать обобщенные ценностные направленности фильмов. В результате определено, что наиболее посещаемые российские фильмы транслируют, в первую очередь, ценности «Доминирования» (*власть, влияние, авторитетность*), отражающие иерархические отношения как в общественной, так и в личной сфере, в то же время «Духовности» (*отвага, верность, смысл жизни*), а также «Стабильности жизни» (*национальная безопасность, защита семьи*). В значительно меньшей степени представлены ценности «Равенства» и «Самореализации». Кроме того, выявляются ценности патриотической направленности (*защита интересов Родины и народа, привязанность к родной земле и традициям*).

Были также обнаружены жанровые особенности ценностной направленности фильмов. Так, комедии отличаются ценностями «Поиска удовольствий» (*удовольствие, наслаждение жизнью, потакание себе*), но в то же время и «Гармонии» (*любовь, защита семьи*).

При этом следует отметить, что ряд фильмов имеет нечеткую выраженность ценностных направленностей, когда отражаемые в фильме «негативные» ценности так и остаются доминирующими и не перекрываются другими «позитивными».

Помимо ценностной направленности, были исследованы образы мужчин, женщин, власти, народа, различных групп, представленные в кинодискурсе. Наиболее четко вырисовывается образ власти — достаточно авторитарной, беспринципной и коррумпированной. Мужские образы, по сравнению с женскими, представлены в кинофильмах значительно чаще: это мужчины-воины, характеризующиеся жесткостью и агрессивностью, и мужчины-герои, смелые и отважные. В фильмах комедийного жанра — это, скорее, мужчины глуповатые, хамоватые, хитрые, ненадежные, сексуально озабоченные. Женские персонажи в основном занимают второстепенную позицию, по сравнению с мужскими, что проявляется не только в сюжетных линиях, но и в транслируемых представлениях. Так, лишь в одном фильме поднимается тема равенства мужчин и женщин, проявляющаяся в отстаивании права женщин на равное положение в профессии («Экипаж»). Наиболее выраженный образ народа, представленный в половине фильмов, — это образ народа нецивилизованного, злого, агрессивного и несправного, но «со своей душой». Значитель-

ное количество представленных исторических фильмов демонстрирует попытку «восстановить связь времен», воссоздав как индивидуальную, так и социальную идентичность, утерянную в последние годы (Марцинковская, 2014). Однако обнаруживаемые в актуальном отечественном кинодискурсе образы и представления, по-видимому, не всегда пока способствуют достижению этой цели.

Определению того, насколько транслируемые в фильмах ценности воспринимаются и понимаются зрителем, был посвящен следующий этап исследования.

Было проанализировано 300 текстов, представляющих собой отзывы на четыре фильма – «Притяжение», «Экипаж», «Елки-5» и «Время первых» (по 75 на каждый из фильмов), ценностные направленности которых выявлялись на предыдущем этапе.

Для обработки эмпирического материала использовались варианты контент- и дискурс-анализа. Единицей контекста был взят отдельный отзыв. Для выявления ценностных направленностей использовались шкалы опросника Шварца (Лебедева, Татарко, 2007). Анализ проводился отдельно по каждому фильму.

Фильм «Притяжение». Выявлены следующие транслируемые фильмом ценности, которые чаще всего отмечают зрители: *широта взглядов, власть, национальная безопасность, зрелая любовь, влияние, социальный порядок, мир на земле*, но не обнаруживаются такие, как *смысл жизни, настоящая дружба, верность, отвага, выбор собственных целей, обязательность, любознательность*. Определяется значимость для зрителей и других ценностей, не выявленных при анализе самого фильма, – это *умелость и интеллект*. Однако оценка ими отражаемых в фильме объектов и событий в соответствии с этими ценностями, так же как и с такими ценностями, как *широта взглядов и мир на земле*, имеет преимущественно отрицательный характер, создавая обратный, «негативный» эффект. Так, в отзывах зрителей обнаруживается преобладание высказываний, относящихся, например, к некомпетентности и неумелости изображаемых персонажей или их невысокому уровню интеллекта, а попытка транслировать толерантность к «другим» оборачивается видением в фильме нетерпимости, конфликтности и агрессивности. Отдельно выявленная при анализе фильма патриотическая направленность также не находит понимания у зрителей. Изображаемый народ воспринимается исключительно с отрицательными характеристиками. В целом, оказалось, что зрителями в основном воспринимаются те ценности, которые входят в блоки «Доминирование» и «Стабильность жизни», в отличие от тех, которые включены в «Самореализацию» и «Духовность».

Фильм «Экипаж». Анализ высказываний показал, что наиболее часто зрители обнаруживают такие ценности, как *отвага, умелость, честность, ответственность, полезность, выбор собственных целей, независимость и свобода*. Они же выявляются и при анализе самого фильма. В то же время зрителями не отмечаются такие транслируемые ценности, как *власть, влияние, авторитетность*. То есть «улавливаются» ценности «Самореализации» (*умелость, ответственность, независимость* и др.), но не замечаются ценности «Доминирования». Таким образом, представляется, что зрители в целом воспринимают фильм в соответствии с основным «посылом» создателей, при этом не привнося в понимание фильма дополнительных смыслов.

Фильм «Елки-5». Вероятно, в силу специфики жанра фильма, зрители практически не обнаруживают в нем определенных ценностных направленностей. В своих отзывах они сами обозначают важность таких ценностей, как *духовная жизнь, мудрость, интеллект*, но в фильме видят только их противоположное выражение. Присутствующие в фильме ценности *удовольствия, наслаждения жизнью, потакания себе, а также любви, защиты семьи, настоящей дружбы, верности, умения прощать* зрителями практически не выявляются. Видимо, особенности жанрового представления не способствуют их попаданию в фокус внимания, хотя вопрос их неосознаваемого усвоения требует еще дальнейшего изучения. Основная транслируемая в фильме ценностная направленность — «Поиск удовольствия» — зрителями не отмечается.

Фильм «Время первых». В высказываниях зрителей по поводу данного фильма наиболее часто обнаруживаются такие ценности, как *отвага, обязательность, интеллект, умелость, честолюбие, верность, ответственность, достижение успеха, настоящая дружба, разнообразие жизни, мир прекрасного*. Эти ценности также выявляются при анализе самого фильма. Не отмечаются зрителями такие транслируемые им ценности, как *влияние, национальная безопасность, авторитетность*. Таким образом, обнаруживается, что зрители, прежде всего, видят в фильме ценности, которые относятся к такому ценностному блоку, как «Самореализация», «Духовность», но не рефлексируют по поводу ценностей, включенных в «Доминирование». При этом выявленная ранее патриотическая направленность фильма в полной мере воспринимается зрителями, что также находит отражение в их высказываниях.

Итак, российские блокбастеры транслируют ценности «Доминирования», «Духовности», «Стабильности жизни», «Самореализации», однако, в зависимости от сложности их сюжета и особенностей киноязыка, они по-разному воспринимаются и понимаются зри-

телями, что, видимо, в дальнейшем оказывает различное влияние и на формируемые у зрителей ценности. Так, в фильмах «Экипаж» и «Время первых», имеющих достаточно простой сюжет, повествующий о смелости и отваге персонажей фильма, их героических поступках, зрители, прежде всего, видят ценности «Самореализации», но не отмечают ценности «Доминирования», однако в целом восприятие зрителей, по-видимому, соответствует основному авторскому замыслу. В то же время при обращении к более сложному по сюжету и жанровому воплощению фильму «Притяжение» обнаруживается другая зрительская реакция, а транслируемые в нем ценности не всегда считаются зрителем или их влияние вызывает противоположный эффект.

Литература

- Кубрак Т. А.* Проблема информационно-психологической безопасности в кинодискурсе // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 47. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.04.2018).
- Латынов В. В.* Психология коммуникативного воздействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Лебедева Н. М., Татарко А. Н.* Ценности культуры и развитие общества. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2007.
- Марцинковская Т. Д.* Социальная и эстетическая парадигмы в методологии современной психологии // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 37. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.04.2018).
- Медведева С. М.* Российская наука и государство: образ ученого в современном российском кино // Вестник МГИМО (Университета). 2014. № 2 (35). С. 184–192.
- Сорока Ю. Г.* Кинодискурс повседневности постмодерна // Постмодерн: новая магическая эпоха / Под ред. Л. Г. Ионина. Харьков, 2002. С. 47–49.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.
- Behm-Morawitz E., Mastro D.* Mean girls? The influence of gender portrayals in teen movies on emerging adults' gender-based attitudes and beliefs // Journalism and Mass Communication Quarterly. 2008. V. 85. P. 131–146.
- McGreavey B., Liendfield L.* Entertaining our way to engagement? Climate change films and sustainable development values // Int. J. Sustainable Development. 2014. V. 17. № 2. P. 123–136.

Morgan S. E., Movius L., Cody M. J. The power of narratives: The effects of entertainment television organ donation storylines on the attitudes, knowledge and behaviors of donors and nondonors // *Journal of Communication*. 2009. V. 59. № 1. P. 135–151.

Values of the russian cinema discourse and the features of its understanding by the viewers

T. Kubrak (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology, RAS

The importance of the cinema discourse as a mass media discourse, the possibilities of its impact on the psyche and behavior of modern man is determined. Like any other discourse, the cinema discourse not only reflects the existing values, views, assessments, it also forms them at the same time. The results of the study of values and images in the cinema discourse are presented. It is determined that the most visited Russian films broadcast the values of “Dominance”, “Spirituality”, “Stability of Life” and to a much lesser extent the values of “Equality” and “Self-Realization”. The reviews of viewers are analyzed and the peculiarities of their perception and understanding of the value orientation of films are revealed.

Keywords: cinema discourse, the psychological impact of films, the psychological impact of mass media, values.

Развитие речемыслительной деятельности младших школьников-билингвов средствами культурного дискурса

Д. С. Медведева, В. Ю. Хотинец** (Ижевск)*

** Удмуртский государственный университет;
e-mail: medvedevadarya23@yandex.ru*

*** доктор психологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет; e-mail: khotinets@mail.ru*

Построена процессуальная модель развития речемыслительной деятельности младших школьников с естественным билингвизмом как самоорганизующейся системы: с одной стороны, под воздействием внешних причин (культурный дискурс на родном языке как психолого-педагогическое средство) и внутренних условий (речь есть средство развития мышления), с другой – внешних условий (культурный дискурс на русском языке как педагогическое условие) и внутренних причин (мышление есть предиктор речи), взаимосвязей между ними. В формирующем эксперименте участвовали младшие школьники с естественным билингвизмом (освоение двух языков с раннего детства происходило естественным путем в результате языкового общения в двуязычной среде: удмуртско-русской, татарско-русской) (всего 50 чел.) из национальных классов, и монолингвы, владеющие только родным русским языком (всего 25 чел.), обучающиеся в образовательных учреждениях г. Ижевска. По результатам проведенного эксперимента выявлен компенсаторный механизм развития речемыслительной деятельности младших школьников-билингвов по типу инверсионного замещения речевых и мыслительных процессов.

Ключевые слова: билингвизм, речемыслительная деятельность, модель, самоорганизующаяся система, механизм развития, младший школьный возраст.

В настоящее время в образовательных учреждениях регионов с поликультурным составом населения (с учетом миграционного прирос-

та) процесс обучения детей-билингвов претерпевает определенного рода сложности, когда обучение младших школьников в национальных классах ведется на установленном субъектом Российской Федерации втором официальном языке или же, наоборот, учащиеся нередко лишаются возможности в достаточной мере получать образование в лингвокультурной среде их первичной социализации (Хотинец, 2009).

На сегодняшний день в науке ни одна из теорий не обладает достаточностью в объяснении и полнотой в экспериментальной доказательности особенностей развития речи и мышления детей-билингвов. В психологической науке отмечают преимущества билингвов, в частности, в исполнительных функциях (высокоуровневых когнитивных процессах) (Adesope et al., 2010; Bialystok et al., 2005; и др.), металингвистических способностях (F. Grosjean, P. Li, K. Nakuta, E. Bialystok и др.), лингвистических способностях (E. Bialystok, T. Shenfield, J. Codd, N. Durgunoglu, B. Hancin, A. D. Ianco-Worrall и др.).

Вместе с тем фиксируются речевые нарушения детей-билингвов на фонологическом, морфологическом, просодическом, семантическом, синтаксическом уровнях, как на родном, так и на втором языках (А. А. Залевская, А. А. Константинова, А. В. Харенкова, М. Г. Хаскельберг, А. В. Цветков, М. А. Трубачева, С. Н. Цейтлин, J. Aitchison, E. Bialystok, K. F. Cantone, J. M. Dewaele, A. Housen, L. Wei, J. Field, R. A. Javier, I. Kecskes, L. Albertazzi, J. Kormos, T. Odlin, P. Robinson, C. Sanz и др.), наблюдаются неплавность речи и клаттеринг (Е. Ю. Протасова, Н. М. Родина, Ю. О. Филатова и др.).

Современная проблема детского двуязычия в своем решении ждет принципиального ответа на основополагающие вопросы о возможностях оптимизации умственной и речевой деятельности детей-билингвов, об особенностях овладения ими мыслительными операциями, действиями, о резервах и условиях развития, целенаправленного формирования познавательных процессов (Медведева, Хотинец, Вяткин, 2017).

На современном этапе общенаучные тенденции в трактовке развития строятся от линейной модели развития к многофакторной, от доминирования внешних факторов к внутренней логике, от жестких готовых объяснительных схем к анализу фактов и вопросов (Гусельцева, 2016). В свете эволюционных изменений в сфере познания трансдисциплинарный подход с размытостью дисциплинарных границ и полипарадигмальный подход со свободным конструированием методологических стратегий создают познавательную ситуацию в изучении речемышлительной деятельности детей-билингвов

и позволяют осуществить разработку модели ее развития, отвечающей современным идеалам постнеклассической рациональности (Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов, И. Н. Погожина, И. Пригожин, Ю. В. Сачков, А. Г. Спиркин, В. С. Степин и др.).

Проблема исследования заключается в необходимости дальнейшего анализа и разработки объяснительных моделей на теоретическом уровне и проведения эмпирических исследований специфики развития речемыслительной деятельности детей-билингвов для возможности влияния на этот процесс в ходе организованного обучения.

Цель исследования – выявление психологических механизмов развития речемыслительной деятельности детей-билингвов в организованных условиях обучения для раскрытия возможностей ее оптимизации.

Эмпирическую базу исследования составили результаты опроса детей младшего школьного возраста (всего 75 чел., 32 (43%) мальчика, 43 (57%) девочки) от 6 до 8 лет ($M=7,4$, $Med=7$, $SD=0,63$) из общеобразовательных учреждений г. Ижевска, среди них: 1) с естественным билингвизмом (бессистемным и неосознанным владением обоими языками с раннего детства в результате языкового общения в двуязычной среде: удмуртско-русской, татарско-русской) из национальных классов (всего 50 чел.); 2) монолингвы, владеющие только родным русским языком (всего 25 чел.) соответственно из тех же школ.

Методы исследования: наблюдение, эксперимент (формирующий), психодиагностический метод с применением батареи методик диагностики речемыслительной деятельности (Л. А. Ясюкова). Методы математико-статистической обработки эмпирических данных: описательная статистика, метод анализа достоверности различий по Т-критерию Вилкоксона, U-критерию Манна–Уитни, корреляционный анализ (r -Pearson). Согласно разработанной процессуальной модели развития речемыслительной деятельности младших школьников-билингвов, использовались многомерный однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), множественный регрессионный анализ (*Linear regression*, *Backward* (обратный пошаговый метод)). Обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS 11.5 for Windows.

Логика и структура формирующего эксперимента строились на основе разработанной авторской модели развития речемыслительной деятельности детей-билингвов с опорой на постнеклассическую модель формирования и развития познавательных структур И. Н. Погожиной (2016). Построена процессуальная модель развития речемыслительной деятельности (во взаимосвязи и взаимообуслов-

ленности речи и мышления младших школьников с естественным билингвизмом в условиях организованного культурного дискурса как самоорганизующейся системы. В обучении организованная культурная среда может являться внешней причиной развития содержания речемыслительной деятельности (ее состава и структуры) и инициировать процессы самоорганизации ее элементов (речи и мышления) в соответствии с потенциальными возможностями саморазвития системы как целого. В процессе развития содержания речемыслительной деятельности совершается смена причинно-следственных зависимостей, содержание организованной культурной среды из внешней причины переходит во внешнее условие действия внутренних причин, обеспечивающих дальнейший процесс развития речемыслительной деятельности как целостной системы. Таким образом, развитие речемыслительной деятельности как самоорганизующейся системы осуществляется, с одной стороны, под воздействием внешних причин (культурный дискурс на родном языке как психолого-педагогическое средство) и внутренних условий (речь есть средство развития мышления), с другой – внешних условий (культурный дискурс на русском языке как педагогическое условие) и внутренних причин (мышление есть предиктор речи), взаимосвязей между ними.

Структурно-функциональная модель развития речемыслительной деятельности младших школьников с естественным билингвизмом в условиях организованного культурного дискурса представлена взаимосвязанными, целостно функционирующими блоками: целевым, методологическим, содержательным, технологическим, оценочно-результативным, ориентирующими в конкретной работе с младшими школьниками-билингвами. В методологическом блоке прописаны принципы культурной целостности, полилингвальности, вариативности, развития (Сергиенко, 2017): субъектности, дифференциации-интеграции, непрерывности, неопределенности, контекстуальности. Содержательный блок представлен культурным дискурсом (Алмаев, 2008; Гребенщикова, Павлова, 2017) как вербализованной речемыслительной деятельностью в последовательности актов: объяснение (означивание) → осмысление (субъективное отношение) → применение в активном действии в условиях культуросообразного обучения. Оценочно-результативный включил сформированность понятийного речевого мышления (инструментальная функция речи в мыслительной деятельности: оперирование речевыми высказываниями), сформированность интеллектуальной речи (речь как способ осуществления мыслительной деятельности: операциональные действия, зафиксированные в речи).

На основе процессуальной и структурно-содержательной моделей был разработан алгоритм – программа развития речемыслительной деятельности младших школьников с естественным билингвизмом в условиях организованного дискурса. По показателю речевого развития из всей выборочной совокупности младших школьников (удмуртов, татар, русских) были сформированы экспериментальная (всего 35 чел.) с уровнем речевого развития ниже среднего (ограниченность словарного запаса, произвольность владения речью, грамматически неправильная речь) и контрольная (всего 39 чел.) с уровнем речевого развития выше среднего (достаточный словарный запас, произвольность владения речью, грамматически правильное построение речи) группы. С использованием U-критерия Манна–Уитни установлены значимые различия по показателям мышления: визуальное структурное ($U=473$, $p=0,022$), понятийное интуитивное ($U=495$, $p=0,037$), понятийное речевое ($U=165$, $p<0,001$), понятийное образное ($U=465$, $p=0,017$) в сторону понижения у школьников в экспериментальной группе до уровня развития ниже среднего. Школьники из экспериментальной группы, разделенные на подгруппы по этнокультурной принадлежности, приняли участие в первом этапе формирующего эксперимента по разработанной программе.

По результатам проведения первого этапа эксперимента обнаружено, что с момента целенаправленного обучения родной речи, когда культурный дискурс на родном языке является психолого-педагогическим средством, развитие речемыслительной деятельности происходит через интенсивную интеграцию различных видов мышления: понятийного речевого, понятийного логического, понятийного интуитивного, понятийного образного, визуального (линейного), визуального (структурного) мышления, подтверждаемую установленными тесными корреляционными связями ($p\leq 0,001$) между показателями и их сдвигами (Т-критерий Вилкоксона) в сторону повышения значений ($p\leq 0,001$). По данным многомерного однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), установлено, что речевое развитие (родной язык) наибольший вклад привносит в понятийное речевое мышление ($p<0,05$, $R^2=0,135$ (объясняет 13,5% общей дисперсии)) и понятийное интуитивное мышление ($p<0,05$, $R^2=0,166$ (объясняет 16,6% общей дисперсии)).

В ходе тестовой методики диагностики устной речи обнаружено, что школьники-билингвы с хорошим уровнем речевого развития на родном языке (удмуртском, татарском) (всего 21 чел.) продолжают испытывать затруднения в русской речи, касающиеся лексической стороны речи (ограниченность глагольного словаря в активном (употребление) и пассивном (понимание) плане (48% от всей выбо-

рочной совокупности), нарушения в употреблении притяжательных прилагательных (46%), нарушения в согласовании существительных, числительных и прилагательных (30%), грамматической стороны речи (нарушения в употреблении предлогов (32%), синтаксической стороны речи (нарушения порядка слов в предложении (38%)). К тому же у них фиксируются признаки неплавности речи с дополнительными звуками (47%), остановками и паузами внутри слов и между словами (53%), а также клаттеринга со звуковыми вставками (58%), что является причиной затруднений в освоении образовательной программы и возникновения коммуникативных барьеров во взаимодействии с другими.

В связи с этим младшие школьники-билингвы (удмурты (всего 10 чел.), татары (всего 11 чел.) продолжили участие во втором этапе формирующего эксперимента по специально разработанной программе. В завершение второго этапа эксперимента у школьников-билингвов были зафиксированы изменения в русской речи в сторону повышения диагностируемых показателей, по значению соотносимых с показателями школьников-монолингвов. По результатам применения множественного регрессионного анализа выявлено, что с момента включения младших школьников-билингвов в русскоязычную лингвистическую среду, когда культурный дискурс на русском языке становится педагогическим условием, развитие речемыслительной деятельности происходит через эффекты понятийного речевого мышления на показатели развития русской речи ($F=34,92$; $p<0,0001$, $R^2=0,660$).

По данным диагностики устной речи, зафиксированы: интенсивная дифференциация речевых процессов (аудирование, говорение, чтение на русском языке), дифференциация функций речи (семантическая, рефлексивная), новая форма речи (письменная речь на родном и русском языках), подтверждаемая авторскими сказками школьников, усиление интеллектуализации русской речи, выявленной с помощью нарративного анализа.

Таким образом, по результатам проведенного эксперимента выявлен компенсаторный механизм развития речемыслительной деятельности младших школьников-билингвов по типу инверсионного замещения речевых и мыслительных процессов. В детерминации развития речемыслительной деятельности младших школьников-билингвов в организованных условиях обучения: 1) культурный дискурс (речь и текст на родном языке) как психолого-педагогическое средство – речь становится средством развития мышления, тем самым появляются новые свойства мышления, происходит интеграция и дифференциация различных видов мышления; 2) культурный

дискурс (речь и текст на втором языке) как педагогическое условие — мышление становится предиктором речи (второй язык), тем самым появляются новые свойства речи, происходит дифференциация речевых процессов и функций. Речемыслительная деятельность выходит на другой уровень своего развития, появляются новые формы мышления, новые формы речи (письменная речь, как на родном, так и на втором языке).

Литература

- Алмаев Н. А.* Понимание и выражение значений в речи человека: Автореф. ... докт. психол. наук. М., 2008.
- Гребенищикова Т. А., Павлова Н. Д.* Дискурс и его психологическое воздействие: подходы к исследованию // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 18–31.
- Гусельцева М. С.* Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 31–37.
- Медведева Д. С., Хотинец В. Ю., Вяткин Б. А.* Неравновесность интеграции и дифференциации речемыслительных функций у детей-билингвов в период после дошкольного возраста // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1354–136.
- Погожина И. Н.* Детерминация формирования и развития познавательных структур в системе постнеклассической рациональности: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2016.
- Сергиенко Е. А.* Реализация принципа развития в исследованиях психологии субъекта // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 5–18.
- Хотинец В. Ю.* Становление поликультурной компетентности старшеклассников в ходе проектно-исследовательской деятельности // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2009. № 10 (67). С. 59–69.
- Adesope O. O., Lavin T., Thompson T., Ungerleider C. A.* Systematic Review and Meta-Analysis of the Cognitive Correlates of Bilingualism // Review of Educational Research. 2010. V. 80 (2). P. 207–245.
- Bialystok E., Luk G., Kwan E.* Bilingualism, biliteracy, and learning to read: Interactions among languages and writing system // Scientific Studies of Reading. 2005. V. 9 (1). P. 43–61.

The developing model of verbal and cogitative activity of junior school children-bilinguals with means of cultural discourse

D. S. Medvedeva, V. Yu. Khotinets** (Izhevsk)*

* Udmurt State University

** Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University

The processual developing model of verbal and cogitative activity of junior school children-bilinguals has been built as a self-developing system: on the one hand, the development depends on external reasons (cultural discourse in the mother-tongue as a psychological-pedagogical remedy) and internal conditions (speech is a mean of mental development). On the other hand, it depends on external conditions (cultural discourse in Russian as a pedagogical condition) and internal reasons (cogitation is a speech predicator). Relationships among processes are also vital. Two groups of children took part in the forming experiment. They were junior school children with natural bilingualism (the development of two languages since early childhood occurred naturally as a result of language communication in a bilingual environment: Udmurt-Russian and Tatar-Russian (50 children); They were from national forms. The second group were monolinguals-they knew only Russian (25 children). They were taught in educational institutions in Izhevsk. According to the results, the compensatory mechanism of developing process of verbal and cogitative activity of junior school children-bilinguals by the type of inversion replacement of speech and mental processes was revealed.

Keywords: bilingualism, verbal and cogitative activity, model, self-developing system, mechanism of developing, junior school age.

Взаимосвязь уровня коммуникативных способностей со стратегией выхода из конфликтных ситуаций (на примере сотрудников колонии)

С. С. Миrowsкая, Л. М. Лучшева** (Новокузнецк)*

** Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета; e-mail: svetik09.07.97@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета; e-mail: lucseva@mail.ru*

Зрелость — один из самых длительных периодов жизни человека. В этот период происходит усиление социального развития личности, максимальное включение ее в разные сферы общественных отношений и деятельности. Процесс развития личности зависит от степени социальной активности и продуктивности самой личности. В связи с этим в период зрелости преобладают различные внутригрупповые конфликты. В любом конфликте основным «оружием» противоборствующих сторон является слово и эффективное его применение, поэтому развитость коммуникативных способностей дает возможность наиболее эффективно выходить из конфликтных ситуаций. Специфика деятельности сотрудников колонии обусловлена столкновением с различного рода конфликтами, вследствие чего происходит увеличение эмоционального напряжения. В статье показана взаимосвязь коммуникативных способностей со стратегиями выхода из конфликтных ситуаций на примере сотрудников колонии. Было доказано, что существует прямая связь между уровнем коммуникативных способностей и стратегией выхода из конфликтных ситуаций «Сотрудничество» и обратная связь между уровнем коммуникативных способностей и стратегией выхода из конфликтных ситуаций «Приспособление».

Ключевые слова: коммуникация, конфликтная ситуация, сотрудничество, приспособление, избегание, компромисс, соперничество, период зрелого возраста.

Общение является важнейшей социальной потребностью, без реализации которой замедляется, а в дальнейшем и прекращается формирование и развитие личности. Поскольку человек – существо социальное, он постоянно испытывает потребность в общении с другими людьми, что определяет потенциальную непрерывность общения как необходимого условия жизнедеятельности. Потребность в общении относится к числу важнейших условий формирования личности и рассматривается как следствие взаимодействия личности и социокультурной среды.

Коммуникация – это процесс обмена информацией между двумя и более людьми посредством языковой системы, цель которого состоит в передаче и понимании информации, являющейся предметом обмена активных сторон коммуникации (Бузунова, 2009). Коммуникация, является сложным социально-психологическим процессом взаимопонимания между людьми.

В период зрелости человек включается во все многообразие общественных отношений, становится их подлинным субъектом, сознательно формируя свое сугубо индивидуальное отношение к окружающему миру. В этом и состоит особая значимость периода зрелости (Эриксон, 2002). Работа (карьера), семья – это то, что в большей степени занимает человека в этот период. Важным в этом возрасте является понимание человеком того, что он не только обладает определенными возможностями и правами, но и должен нести ответственность за свои поступки, решения. А рассматривая деятельность сотрудников колонии, эта ответственность за поступки и решения возрастает в разы, так как они постоянно находятся в условиях большой напряженности и стрессогенности, обусловленной постоянным столкновением и работой с нарушителями правопорядка и закона.

В процессе общения каждый индивид определяет свою стратегию и тактику коммуникативного поведения, накапливая определенный опыт в процессе коммуникации. Естественно, что каждый из них делает это по-разному, формируя свою коммуникативную личность. Под коммуникативной личностью понимается совокупность индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессах коммуникации (Батарашев, 2006). Коммуникативная личность неоднородна, может включать различные роли (или голоса), при этом сохраняя свою идентичность. Например, один и тот же человек может быть продавцом, покупателем, водителем, сыном, родителем, но при этом его приемы коммуникативной тактики будут близкими в разных ролевых контекстах. Различаться они будут только индивидуальной окрашенностью. Характерис-

тики коммуникативной личности актуализируются одновременно при помощи специфических механизмов речемыслительной деятельности, обеспечивающих установление и поддержание контакта, выявление намерений партнера, установление прямых и обратных связей, самокоррекцию, взаимодействие вербальных и невербальных средств.

В связи с этим в период зрелости у человека приобретается и формируется определенная компетентность в общении, сложившаяся в результате различных взаимоотношений и накопленного опыта зрелого человека. Компетентность в общении связана не с овладением какой-либо одной позиции в качестве наилучшей, а с приобретением к их комплексу. Умение вовлекать, использовать всю палитру личностных возможностей, как бы играя на всех психологических инструментах — один из показателей психологической зрелости и компетентности. Можно сказать, что развитие компетентности в общении предполагает адекватный выбор и использование всего набора средств, ориентированных на развитие личностных субъект-субъектных сторон общения и субъект-объектных составляющих этого процесса.

На протяжении всей жизни человека происходит социальное развитие личности, включение ее в разные сферы общественных отношений и деятельности, что требует мобилизации всех ресурсов человека, в том числе природных задатков его как индивида. В то же время процесс развития зависит от уровня и степени социальной активности и продуктивности самой личности (Кулагина, 2001). Наличие у человека потребности в общении делает общение и связанное с ним отношение к людям одной из ведущих ценностей человека.

В самом широком смысле компетентность в общении можно определить как его личностную сформированность в межличностном восприятии, коммуникации и взаимодействии (Эриксон, 2002). Одним из главных показателей компетентности общения в период зрелости выступает умение говорить и слушать. Без сформированности этих умений процесс коммуникации может быть малоэффективен, а в большинстве случаев может перерасти в конфликт.

Конфликты неизбежны, они появляются при любых жизненных обстоятельствах и сопровождают нас на протяжении всей жизни. Нам близко определение А. Я. Анцупова и А. И. Шипилова, которые писали следующее: «Под конфликтом понимается наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями» (Анцупов, 2006).

Перед конфликтом часто возникает конфликтная ситуация. Итак, конфликтная ситуация – это объективная основа конфликта, фиксирующая возникновение реальных противоречий в интересах и потребностях сторон (Емельянов, 2000). Объективные противоречия чаще всего лежат в основе конфликтной ситуации, но иногда хватает небольшого инцидента, в результате которого может начаться конфликт. Инцидент или повод – активизация деятельности одной из сторон, которая ущемляет (пусть даже неумышленно) интересы другой стороны.

В конфликте каждый участник оценивает и сравнивает свои собственные интересы и интересы оппонента. Широкое распространение в конфликтологии получила разработанная К. Томасом и Р. Киллменом двухмерная модель стратегий поведения личности в конфликтном взаимодействии (Ворожейкин, 2000). В основе этой модели лежат ориентации участников конфликта на свои интересы и интересы противоположной стороны. Они выделили 5 стратегий поведения в конфликтной ситуации, такие как: соперничество, избегание, приспособление, компромисс и сотрудничество.

Стратегия соперничества подразумевает, что тот, кто выбирает данную стратегию поведения, свои интересы ставит гораздо выше интересов своего соперника, даже можно сказать, что они его вообще не интересуют. Данная стратегия, в конечном счете, сводится к выбору – собственный интерес (борьба) или сохранение взаимоотношений. Если человек выбирал борьбу, то стиль его поведения характерен для деструктивной модели. В данном случае активно используются власть, сила закона, связи, авторитет и другие способы воздействия и давления.

Избегание как стратегия отличается желанием не вмешиваться в процесс конфликта. Эта стратегия характеризуется низким уровнем заинтересованности как в личных интересах, так и в интересах своего соперника и является взаимной, т. е. ее можно назвать взаимной уступкой. Данная стратегия может проявляться в двух вариантах, которые очень важно учитывать. В первом случае предмет конфликта не особенно важен ни для кого из участников конфликта и адекватно отражен в образах конфликтной ситуации. Во втором – предмет спора, наоборот, имеет большое значение для одной или обеих сторон, но занижен в образах конфликтной ситуации, т. е. соперники воспринимают предмет конфликта как незначимый.

Человек, выбирающий стратегию приспособления, стремится уйти от конфликта. Свои интересы он оценивает низко, а чужие, наоборот, достаточно высоко, т. е. человек, выбирающий стратегию уступки, приносит свои интересы в жертву интересам своего сопер-

ника. В стратегии приспособления прослеживается направленность на сохранение межличностных отношений.

Компромиссную стратегию поведения можно охарактеризовать как установление баланса интересов конфликтующих сторон или как стратегию взаимной уступки. Стратегия компромисса способствует положительному развитию межличностных отношений.

Человек, выбирающий сотрудничество, на одинаково высоком уровне оценивает как интересы собеседника, так и свои собственные. Основа данной стратегии заключается в балансе интересов и признании важности сохранения межличностных отношений.

Особое место в выборе данной стратегии занимает сам предмет конфликта. Если предмет конфликта имеет достаточно большое значение для одного или обоих субъектов конфликтного взаимодействия, то о сотрудничестве даже и речи быть не может. В этом случае возможна лишь борьба или соперничество. Сотрудничество же возможно лишь в том случае, когда предмет конфликта допускает маневр интересов противоборствующих сторон, обеспечивая их существование в рамках возникшей проблемы и развитие событий в благоприятном направлении.

Стратегия сотрудничества включает в себе все ранее упомянутые стратегии (уход, уступка, компромисс, противоборство), которые играют лишь подчиненную роль. Они психологические факторы развития взаимоотношений между субъектами конфликта. Стратегия сотрудничества, будучи одной из самых сложных стратегий, показывает желание оппонентов вместе решить существующую проблему (Ворожейкин, 2000).

Из всего изложенного можно сделать вывод, что конфликты сопровождают нас на протяжении всей жизни и являются необходимым условием социального прогресса. Также важно отметить, что ни одна из приведенных стратегий поведения в конфликте не является универсальной — каждая из них в отдельности может привести к положительному результату, когда используется в зависимости от конкретных обстоятельств. Человек, владеющий всеми стратегиями и умеющий их применять по назначению, будет более успешным в общении и в жизни. Особенно это актуально для сотрудников колонии, так как они имеют дело с различным контингентом людей, что предполагает подстройку под определенную ситуацию общения. Если же человек преимущественно использует только одну или две из этих стратегий, то у него могут возникать серьезные трудности в межличностном общении.

Исследование на выявление взаимосвязи уровня коммуникативных способностей со стратегией выхода из конфликтных ситуаций

в период зрелости проводилось на базе ФКУ ЛИУ № 16 ГУФСИН России по Кемеровской области. В исследовании приняли участие 100 сотрудников отдела охраны и режима в возрасте от 30 до 58 лет.

В исследовании были применены следующие методики: оценка уровня общительности В. Ф. Ряховского; опросник описания поведения в конфликтной ситуации К. Томаса (адаптированный Н. В. Гришиной).

В результате применения методики оценки уровня общительности было определено, что у большинства респондентов отмечаются ниже среднего (32%) и низкий уровни (32%) коммуникативных способностей. Респонденты с низким уровнем коммуникативных способностей характеризуются некоммуникабельностью, с трудом выполняют работу, которая требует межличностного общения. Такие люди неразговорчивы, предпочитают оставаться наедине с собой. Респонденты с уровнем ниже среднего также характеризуются низкой общительностью и разговорчивостью, с новыми людьми сходятся достаточно трудно, однако в знакомой компании и в кругу близких чувствуют себя вполне раскованно. Инициативу в общении проявляют достаточно редко, в спорах и дискуссиях участвуют неохотно. Меньше всего респондентов со средним (6%) и очень высоким (12%) уровнями коммуникативных способностей. Респонденты со средним уровнем развития коммуникабельности охотно слушают собеседника, проявляют терпимость в общении с другими и могут отстоять свою точку зрения, приводя аргументы и доводы. Однако, несмотря на это, они не очень любят находиться в шумных компаниях. Респонденты с очень высоким уровнем довольно часто могут выступать причиной различного рода конфликтов в силу того, что такие люди бывают навязчивы в общении, легко «раскидываются» словами, иногда не задумываясь над смыслом сказанного. В связи с этим окружающие относятся к ним с осторожностью и опаской. Однако такие люди в любой обстановке чувствуют себя «в своей тарелке». Для 18% респондентов характерен высокий уровень общительности, разговорчивости. Такие люди характеризуются любопытством, различного рода высказываниями по поводу и без него, бывают довольно вспыльчивыми, но в то же время отходчивыми.

Для выявления преобладающих стратегий поведения в конфликтной ситуации был использован опросник описания поведения в конфликтной ситуации К. Томаса, адаптированный Н. В. Гришиной.

Данная методика позволила выявить, что преобладающими стратегиями поведения в конфликтной ситуации у сотрудников колонии являются: компромисс (25%), избегание (25%) и приспособление (25%). Респонденты, использующие стратегию компромисса,

стараются найти и сохранить баланс интересов обеих сторон в возникшей конфликтной ситуации. Такие люди рады получить хоть что-то, нежели потерять все и испортить отношения. Те испытуемые, которые используют стратегию избегания, испытывают желание не ввязываться в конфликт и не участвовать в различного рода спорах. При применении данной стратегии отношения между оппонентами серьезным изменениям не подвергаются, но и конфликтная ситуация остается нерешенной. Сотрудник колонии, выбирающий стратегию приспособления, стремится уйти от конфликта, иначе говоря, уступить. Ориентация на личные интересы низкая, на чужие, напротив, достаточно высокая. Можно предположить, что сотрудник, использующий данную стратегию, будет приносить свои интересы в жертву интересам оппонента, возможно даже осужденных.

Стратегии соперничества (12%) и сотрудничества (13%) свойственны меньшему числу сотрудников колонии. Стратегия соперничества характеризуется конкурентной борьбой и желанием во что бы то ни стало отстоять свою позицию и интересы, невзирая на итог. При данной стратегии используются такие методы, как власть, сила, давление, авторитет и проч. Сохранение взаимоотношений при соперничестве не является приоритетным. Те, кто использует стратегию сотрудничества, напротив, одинаково невысоко оценивают как свои интересы, так и интересы соперника. При данной стратегии на первый план выходит ценность межличностных отношений, оппоненты готовы не только слышать, но и слушать друг друга, рассматривать различные решения проблем и приходить к согласию друг с другом.

Для выявления взаимосвязи между уровнем коммуникативных способностей и стратегией выхода из конфликтных ситуаций был применен коэффициент корреляции г-Пирсона.

Анализ полученных результатов выявил прямую сильную ($r=0,544$, $p=0,05$) корреляционную взаимосвязь между коммуникативными способностями и стратегией выхода из конфликтных ситуаций «Сотрудничество». Также выявлена обратная сильная ($r=-0,526$, $p=0,05$) корреляционная взаимосвязь между коммуникативными способностями и стратегией выхода из конфликтных ситуаций «Приспособление».

Таким образом, можно сказать, что низкая компетентность в общении ведет к различного рода конфликтам с окружающими, особенно в условиях учреждения закрытого типа. Конфликты охватывают различные сферы человеческой жизни и деятельности. И только от сформированности личности, накопленного жизненного опыта и компетентности в общении сотрудников колонии зависит то,

насколько эффективно будет протекать процесс преодоления конфликтных ситуаций и сохранения отношений с окружающими людьми в условиях колонии. В исследовании было выявлено, что у преобладающего большинства сотрудников уровень коммуникативных способностей находится на низком уровне, а преобладающими стратегиями поведения в конфликтных ситуациях являются стратегии компромисса, избегания и приспособления.

По результатам корреляционного анализа установлено, что чем выше уровень коммуникативных способностей у сотрудников колонии, тем более выражена у них стратегия сотрудничества, чем ниже уровень коммуникативных способностей, тем более выражено проявление стратегии приспособления. Полученные результаты позволяют говорить о необходимости продолжения психологической работы с сотрудниками колонии для развития или формирования у них коммуникативных способностей и выбора наиболее эффективной стратегии выхода из конфликтной ситуации.

Литература

- Анциупов А. Я.* Конфликтология. СПб.: Питер, 2006.
- Батарашев А. В.* Диагностика способности к общению. СПб.: Питер, 2006.
- Бузунова Л. Г.* Психология общения и деловых отношений. Магнитогорск: МГТУ, 2009.
- Ворожейкин И. Е.* Конфликтология. М.: Инфра-М, 2000.
- Емельянов С. М.* Практикум по конфликтологии. СПб.: Питер, 2000.
- Кулагина И. Ю.* Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. М.: ТЦ «Сфера», 2001.
- Эриксон Э.* Детство и общество. СПб.: Речь, 2002.

Relationship of the level of communicative abilities with the strategy of exit from conflict situations (on the example of the employees of the colony)

*S. S. Mirovskaya**, *L. M. Luchsheva*** (Novokuznetsk)

* Novokuznetsk Branch – Institute of Kemerovo State University

** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Novokuznetsk Branch – Institute of Kemerovo State University

Maturity is one of the longest periods of a person's life. During this period, there is an increase in the social development of the individual, the maximum inclusion of it in various spheres of social relations and activities. The

process of personal development depends on the degree of social activity and the productivity of the individual. In this regard, during the period of maturity, various intra-group conflicts predominate. In any conflict, the main “weapon” of the opposing sides is the word and its effective application, therefore the development of communicative abilities makes it possible to most effectively exit conflict situations. Specific activity of the colony’s employees is caused by collision with various kinds of conflicts, as a result, an increase in emotional tension occurs. The article showed the relationship between communicative abilities and exit strategies from conflict situations on the example of colony employees. It has been proved that there is a direct connection between the level of communicative abilities and the strategy of emerging from conflict situations “Collaborating”, and the feedback between the level of communicative abilities and the strategy of emerging from conflict situations “Accommodation”.

Keywords: communication, conflict situation, collaborating, accommodating, avoiding, compromising, competing, the period of adulthood.

Психоакустические исследования разборчивости вокальной речи

В. П. Морозов (Москва)

*доктор биологических наук, профессор;
Институт психологии РАН; mail@vmorozov.ru*

Статья содержит краткий обзор основных работ автора по исследованию разборчивости вокальной речи. Автором впервые был разработан и применен метод количественного измерения разборчивости вокальной речи с использованием слоговых артикуляционных таблиц (ГОСТ-7153). Произведена оценка разборчивости вокальной речи мужских, женских и детских певческих голосов как функции высоты основного тона голоса. Проведены психоакустические исследования разборчивости вокальных гласных ряда известных академических певцов и обучающихся пению вокалистов. Показаны существенные различия в разборчивости гласных между данными группами вокалистов – 88,00% и 64,76% в пользу мастеров. Произведена также оценка фонетической ровности вокальных гласных по результатам аудиторских оценок и путем вычисления *St. dev.* в ряду гласных А, Э (Е), И, О, У. Показано, что вокальные гласные профессиональных певцов фонетически более ровные (*St. dev.*=0,4488) по сравнению с гласными учеников (0,8865). Рассмотрены причины нарушения разборчивости вокальной речи, даны рекомендации известных мастеров вокального и актерского искусства по достижению хорошей разборчивости в пении и речи.

Ключевые слова: вокальная речь, пение, разборчивость гласных, дикция, фонетический анализ, методы коррекции.

Информацию, которую несет слушателю вокальная или обычная разговорная речь, можно условно разделить на семантическую (вербальную) и эмоционально-эстетическую (невербальную). Если эмо-

ционально-эстетическая информация определяется особенностями тембра голоса, динамикой громкости, высоты и ритма (Морозов, 2008), то семантическая информация зависит от разборчивости речи.

Поэтому разборчивость речи, обеспечивающая правильное понимание слов говорящего, является *первоосновой понимания смысла речи*, например, в условиях дискурса (Павлова, Зачесова, Гребенщикова, 2016) и в других экспериментальных условиях, например, при разработке проблемы понимания (Знаков, 2005).

Известно, что вокальная речь многих певцов отличается весьма неудовлетворительной разборчивостью. Характерны в этом отношении высказывания известного оперного певца Э. Карузо: «Многие певцы, к сожалению, пренебрегают хорошей дикцией; слушатели часто не понимают языка, на котором поют певцы на сцене, и довольствуются лишь тем, что знают в общих чертах содержание представления» (цит. по: Назаренко, 1968, с. 144). Именно низкая разборчивость вокальной речи породила, по-видимому, обычай печатать в программе спектакля краткое содержание оперы.

Для улучшения разборчивости обычно даются советы в различных руководствах по пению, однако советы эти касаются лишь отдельных частных сторон произношения и не вскрывают общих закономерностей этого явления. Недостаток этот вызван, главным образом, отсутствием точных количественных методов оценки разборчивости вокальной речи: последняя обычно оценивается лишь приблизительно, в качественных терминах (хорошая, плохая).

В этой связи еще в 60–90-х годах автором был проведен ряд исследований (Морозов, 1964, 1977, 1998) с целью изучения причин плохой разборчивости речи в пении. В этих исследованиях нами *впервые* был разработан и применен *метод количественного измерения разборчивости вокальной речи* с использованием слоговых артикуляционных таблиц ГОСТ 7153 (Морозов, 1964; Morozov, 1965), обычно применяемых связистами для оценки качества телефонной связи. Метод этот и был впервые применен мною для оценки разборчивости вокальной речи, в частности, была получена зависимость разборчивости гласных и согласных в пении от высоты ноты мужских, женских и детских певческих голосов и др. Эта наша работа получила положительную оценку американских специалистов (Nelson, Tiffany, 1980).

Психоакустические исследования разборчивости вокальных гласных известных академических певцов и обучающихся пению

Традиционно в вокально-педагогической и исполнительской практике важнейшим эстетическим требованием является фонетичес-

кая ровность вокальных гласных. Под этим понимается определенная фонетическая нивелированность («выравненность») вокальных гласных А, Э, И, О, У. Они должны звучать тембрально ровно, естественно, без искажения, но в то же время не должны быть «пестрыми», т. е. сильно различаться по фонетическим качествам, как, например, в обыденной, разговорной речи или как в жанре эстрадного или народного пения.

В сценической речи также существует аналогичное требование. «Как неприятны эти пестрые голоса, — писал К. С. Станиславский, — в которых звук *А* вылетает из живота, звук *Е* из голосовой щели, *И* протискивается из сдавленного горла, звук *О* гудит, точно в бочке, а *У, Ы, Ю* попадают в такие места, из которых их никак и не вытащишь» (Станиславский, 1955, с. 67).

Мастера вокального искусства достигают оптимального баланса в фонетическом выравнивании вокальных гласных, не допуская их искажения. Что же касается рядовых певцов, даже среди профессионалов, и тем более — обучающихся вокальному искусству, то они нередко значительно искажают фонетические качества вокальных гласных, вплоть до их полной неузнаваемости (Нестеренко, 1984; Пазовский, 1966; и др.).

Научно-экспериментальные исследования по проблеме разборчивости вокальных гласных в доступной нам литературе не встречались. В этой связи нами были проведены психоакустические исследования вокальных гласных известных академических певцов и обучающихся вокалистов. Группу академических певцов составили одиннадцать известных мастеров вокального искусства: Ирина Архипова, Елена Образцова, Борис Гмыря, Борис Христов, Вероника Борисенко, Муслим Магомаев, Сергей Лейферкус, Евгений Нестеренко, Юрий Гуляев, Анегина Ильина, Геннадий Пищаев.

Разборчивость речи сильно зависит от исполняемого певцом произведения, его тесситуры, характера музыкального сопровождения и т. п. С целью избежать указанной зависимости нами было взято для оценок одно и то же вокальное произведение в исполнении каждого из перечисленных академических певцов: начальная фраза из романса С. Рахманинова на слова А. С. Пушкина «*Не нОй, красАвица, при мне ты нЕсен ГрУзИИ печально...*».

Преимущество данного вокального фрагмента состоит в том, что он звучит практически без музыкального сопровождения и содержит все пять достаточно продолжительно звучащих вокальных гласных: О, А, Е, У, И (выделены жирным крупным шрифтом).

Эксперты-аудиторы — 8 чел. с нормальным слухом — должны были прослушать звучание каждой из отмеченных гласных и оценить

ее разборчивость, т. е. фонетическое качество по методу психологического шкалирования, точнее, определить в баллах по 5-балльной шкале степень ясности звучания каждой гласной.

Исследования показали, что фонетическое качество вокальных гласных известных академических певцов аудиторы оценивают от 3,73 до 4,91 баллов, что соответствует значению от 74,6% до 98,2% разборчивости. В среднем разборчивость вокальных гласных мастеров данной группы в данной фразе составляет 4,40 балла, т. е. 88,0%

Показателем степени фонетической ровности гласных может служить величина стандартного отклонения (St. dev.) оценок аудиторами в ряду средних значений для гласных А, Е, и, О, У (чем меньше St. dev., тем больше ровность). Данный показатель для обследованной нами группы академических певцов оказался равным 0,4288 (у обучающихся вокалистов в два раза больше — 0,8866).

Группа обучающихся вокалистов состояла из 14 чел. разного возраста, от 18 до 36 лет, 6 мужчин и 8 женщин из числа обучающихся пению в Академии музыки им. Гнесиных, Академии хорового искусства им. В. Н. Попова, учеников частной вокальной школы заслуженного артиста России Ю. Б. Эдельмана и других вокалистов, записанных мною на мастер-классах по диагностике вокальной одаренности. Пропевание романса Рахманинова тогда не предусматривалось, так как исследования обучающихся певцов были проведены на несколько лет раньше.

Певцам данной группы давалось задание *пропеть* гласные А, О, У, Э, И на разных по высоте нотах диапазона голоса в пределах полтора октав, не на самых низких и не на самых высоких для певца нотах, которые ученикам часто бывают недоступны. Высота ноты задавалась певцу на пианино.

Записывались также *речевые гласные*, произнесенные на привычной для каждого высоте голоса. Запись производилась на цифровой рекордер EDIROL R09 (фирмы ROLAND) с частотной характеристикой от 40 до 16000 Гц.

Оценка разборчивости речевых и вокальных гласных обследованных певцов производилась той же группой экспертов-аудиторов, что и оценка известных академических певцов по той же методике психологического шкалирования по 5-балльной шкале.

Результаты оценки разборчивости показали, что *речевые* гласные обследуемой группы обучающихся певцов имеют достаточно высокую разборчивость (4,8 балла), что соответствует 96% их фонетической идентификации (узнаваемости). Однако разборчивость *вокальных* гласных составляет в среднем всего 3,24 балла (64,8%). При этом имеется значительная зависимость разборчивости вокальных глас-

ных от высоты ноты, на которой они пропеваются: на низких нотах 3,97 балла, на средних 3,22 балла, а на высоких всего 2,4 балла (79,4, 64,4 и 48,0% соответственно).

Достаточно высокие значения статистических показателей St. dev от 0,60 до 1,19 – в среднем 0,8866 – свидетельствуют о значительных искажениях фонетических качеств вокальных гласных данной обучающейся группой вокалистов (у мастеров 0,4288).

Более высокие в целом оценки разборчивости вокальных гласных мастеров вокального искусства по сравнению с обучающимися (в среднем 88,0 и 64,8% соответственно) объясняются совершенством вокальной техники мастеров, владеющих *резонансной техникой пения* (Морозов, 2008), которая способствует освобождению артикуляционных органов певца от напряжения и как следствие – обеспечивает четкость дикции и разборчивость вокальной речи.

Научно-практическое значение работы состоит в возможности использования индивидуального показателя разборчивости вокальной речи для оценки природных вокальных способностей молодых певцов.

Анализ факторов, влияющих на разборчивость вокальной речи

Одной из причин плохой разборчивости при пении на верхнем участке диапазона у женщин является сама *высота вокализируемого звука*. На верхнем do3 основной тон колебания голосовых связок певицы составляет свыше 1000 Гц. Между тем известно, что многие характеристические форманты гласных (например, для У), по которым эти гласные опознаются, лежат в области до 1000 Гц. Вполне естественно, что эти низкочастотные форманты отсутствуют в высоких звуках, основной тон которых превышает частоту речевых формант. Предельно высокие звуки мужских голосов значительно уступают высоким женским по частоте основного тона (верхнее теноровое do2 соответствует 524 Гц), в связи с чем мужские голоса не обнаруживают, как женские, столь стремительного падения разборчивости при приближении к верхним тонам.

Другая причина ухудшения разборчивости вокальной речи при пении высоких звуков – это увеличенная по сравнению с нормой *напряженность артикуляторного аппарата* певца при фонации высоких нот. В этом случае все усилия певца (и особенно ученика) направлены на то, чтобы обеспечить прежде всего звук необходимой высоты и к тому же приемлемый в вокальном отношении (критерий тембра). Вследствие этого артикуляторные органы оказываются как бы отвлеченными от своей основной задачи – четкой артикуля-

ции звуков, что и ухудшает четкость произношения. Эта причина характерна в основном для дилетантов. Мастера вокального искусства поют на более освобожденной от напряжения гортани и артикуляционных органов, что и способствует более четкой дикции.

Одна из наиболее общих причин низкой разборчивости вокальной речи, несомненно, кроется в более или менее сильном маскирующем действии музыкального сопровождения, которое, как правило, сопутствует восприятию вокальной речи в концертных условиях.

Определенное влияние на разборчивость вокальной речи оказывает, соотношение громкости гласных и согласных в пении. Как было показано (Морозов, 1977, гл. 2), уровень звукового давления вокальных гласных достигает 110–120 дБ, в то время как УЗД согласных не превышает в среднем 40–70 дБ. Такой большой разрыв в УЗД гласных и согласных в пении (около 60 дБ) вызывает явление *самомаскировки речи* (или остаточной маскировки) и ухудшение ее разборчивости.

Искажения гласных — далеко не главная причина плохой разборчивости вокальной речи. Фонетический анализ вокальной речи певцов показал, что *основной причиной* нарушения разборчивости является *нечеткая артикуляция согласных*. Как уже указывалось, причиной плохого восприятия согласных может быть маскировка гласными, значительно превосходящими их не только по мощности, но и по длительности звучания. Поэтому одним из основных средств повышения разборчивости вокальной речи следует считать *четкую артикуляцию согласных*. Этот вывод хорошо согласуется с опытом известных мастеров вокального и драматического искусства. К. С. Станиславский писал: «В речи то же самое, что и в пении. Некоторые певцы поют, и вы не понимаете слов. Они поют только одни гласные, а согласные исчезают. Согласные надо петь, смаковать. Шаляпин ясно поет: „меня“. А некоторые певцы — „еня“. Шаляпин допевал каждую согласную. Баттистини также» (Станиславский, 1955, с. 145–146).

Следует добавить, что мастера вокального и драматического искусства прибегают к четкой артикуляции согласных не только для повышения разборчивости речи, но и в целях чисто *художественной выразительности*. Так, например, выдающийся певец и вокальный педагог К. Эверарди нередко требовал как бы *удвоения согласных* М, Н, С и др., т. е. удлинения пропевания их (например, н-н... в слове «измученной» во фразе из арии Князя Игоря «*ни сна ни отдыха измученной душе*», что усиливает эмоциональную экспрессивность фразы). Подобными приемами часто пользовался и Ф. И. Шаляпин, о чем свидетельствуют его многочисленные грамзаписи.

Таким образом, звуки речи (как гласные, так и согласные) в вокальном искусстве служат средством передачи не только *семантической* (собственно речевой, вербальной) информации, но и *эмоционально-эстетической*.

Литература

- Знаков В. В.* Психология понимания. Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Морозов В. П.* Разборчивость вокальной речи как функция высоты основного тона голоса // *Акустический журнал*. 1964. Т. 10. Вып. 3. С. 376–380.
- Морозов В. П.* Биофизические основы вокальной речи. М.–Л., 1977.
- Морозов В. П.* Искусство и наука общения: невербальная коммуникация. М., 1998.
- Морозов В. П.* Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники. М., 2008.
- Назаренко И. К.* Искусство пения. М., 1968.
- Нестеренко Е. Е.* Некоторые вопросы произношения в пении // *Вопросы вокальной педагогики*. 1984. Вып. 7. С. 87–99.
- Павлова Н. Д., Зачесова И. А., Гребенищикова Т. А.* Понимание собеседника в процессе диалога // *Психология дискурса проблемы детерминации, воздействия, безопасности* / Под ред. АЛ. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 13–26.
- Пазовский А. М.* Дирижер и певец. М., 1969.
- Станиславский К. С.* Работа актера над собой. Соч. Т. 3. Ч. 2. М., 1955.
- Morozov V. P.* Intelligibility in singing as a function of fundamental voice pitch // *Soviet Physics. Acoustics*. 1965. № 10. С. 279–283.
- Nelson H., Tiffany W.* The Intelligibility of Song // *Contributions of voice research to singing*. Houston, TX, 1980. P. 410–426.

Psychoacoustic studies of vocal speech intelligibility

V. P. Morozov (Moscow)

Doctor of Biological Sciences, Professor, Institute of Psychology of RAS

The article contains a brief overview of the author's main works on the study of vocal speech intelligibility. The author was first developed and applied a method for quantitative measurement of the clarity of the vocal speech with the use of syllable articulation tables (GOST-7153). The estimation of the vocal speech intelligibility of male, female and children singing voices

as a function of the pitch of the voice is made. Psychoacoustic studies of the intelligibility of vocal vowels of a number of well-known academic singers and learning vocalists were conducted. Significant differences in vowel intelligibility between these groups of vocalists – 88,00% and 64,76% in favor of the masters are shown. The evaluation of phonetic evenness of vocal vowels was also made based on the results of auditors' estimates and by calculating St. dev. in the series of vowels А, Э (Е), И, О, У. It is shown that the vocal vowels of professional singers are phonetically more even St. dev.=0,4488 compared with the vowels of the learning vocalists (0,8865). The causes of violations of intelligibility of vocal speech are considered, recommendations of famous masters of vocal and actor's art on achievement of good intelligibility in singing and speech are given.

Keywords: vocal speech, singing, vowel intelligibility, diction, phonetic analysis, correction methods.

Постсобытийный дискурс в Интернете

*Н.Д. Павлова**, *Т.А. Гребенщикова***, *А.Н. Воронин****,
*И.А. Зачесова*****, *Т.А. Кубрак****** (Москва)

** доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: pavlova_natalya@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: gretiya@mail.ru*

**** доктор психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: voroninan@bk.ru*

***** кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: zachiosova-2004@mail.ru*

****** кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: kubrak.tina@gmail.com*

Рассматриваются перспективные направления исследований дискурса и новых дискурсивных практик, появление которых связано с развитием информационных технологий, образованием социальных сетей и интернет-сообществ. Особое внимание уделяется постсобытийному интернет-дискурсу, отражающему отклик пользователей на значимые события и содержащему важные индикаторы психоэмоционального состояния, отношений и ценностей личности и группы. Представлены результаты сравнительного изучения характеристик события и соответствующего постсобытийного обсуждения, касающиеся способов подачи информации, референциальных объектов, интенциональных категорий и пр., полученные с использованием метода интен-анализа. Обсуждаются развивающиеся исследования разновидностей постсобытийного дискурса и его параметров, сопряженных с ведущей функцией, условиями распространения, а также различными этапами формирования.

Ключевые слова: дискурс, интернет-дискурс, постсобытийный дискурс, интернет-комментарии, трансформация представлений о значимых событиях, интен-анализ.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 18-013-00163.

Современный человек сталкивается с множеством дискурсов, каждый из которых имеет свою специфику. Активно исследуются при этом главным образом четко очерченные виды дискурса, которые соотносятся с определенными социальными контекстами и институтами: педагогический, научный, повседневно-бытовой и др. (Гребенщикова, Зачесова, 2014; Дискурс в современном..., 2011; Иссерс, 2015; и мн. др.). Изучаются, хотя и значительно реже их контекстные разновидности: дискурс в семье, студенческий повседневный дискурс (Афиногенова, Павлова, 2015; Гребенщикова, Зачесова, 2014). Существуют, однако, дискурсивные практики, смешивающие черты типовых дискурсов и распространяющиеся на неспецифические контексты (разговор о политике в повседневном общении, обыденный разговор на научных заседаниях и пр.). Такого рода «нетиповые» практики, возникающие в современных условиях и приспособляющиеся к решению актуальных задач, особенно важны для понимания закономерностей формирования и детерминации дискурса, социальных процессов, происходящих в обществе. Их изучение рассматривается как одна из перспективных задач дискурсивных исследований (Гребенщикова, Павлова, 2017; Иссерс, 2015).

В этой связи особый интерес представляют новые виды дискурса, появление которых связано с развитием информационных технологий, образованием социальных сетей и интернет-сообществ. В общем плане имеющиеся данные позволяют характеризовать пространство электронной коммуникации как полидискурсивное, тяготеющее к таким базовым видам дискурса как повседневно-бытовой, медийный, рекламный. Вместе с тем накапливаются факты, свидетельствующие о том, что электронный дискурс хотя и сближается с типовыми видами дискурса, но аккумулирует громадное количество новых практик, обладающих выраженной спецификой. Так, с повсеместным распространением SMS-сообщений и превращением их в гибкий инструмент коммуникации появляются основания говорить об особом SMS-дискурсе, бытовая и институциональная разновидности которого служат поддержанию социальных связей, решению бытовых и организационных вопросов (Кушакова, 2016). Привлекает внимание персональный интернет-дискурс, представленный личными блогами, сайтами, социальными сетями и интернет-комментариями. Исследования касаются проявлений вербальной агрессии и конфликтогенных тактик, влияния контекстных норм, языкового поля комментариев (Coe, Kenski, Rains, 2014; Muddiman, Stroud, 2017; Sukumaran et al., 2011; и др.). Коммуникация в Интернете может принимать форму коллективного действия, которое возникает в результате распространения идей и различных моделей поведения (Kolins

et al., 2010; и др.). При этом обнаруживается прямая связь между онлайн и оффлайн-активностью (Bastosetal, 2015; и др.), так что дискурс социальных сетей и интернет-сообществ, отражающий текущую ситуацию в стране, может выступать инструментом ее оценки.

Особую актуальность в этом контексте приобретает изучение постсобытийного дискурса, содержание которого является откликом на резонансное событие или сообщение о нем. Такого рода дискурс составляет неотъемлемую часть жизни каждого человека. В повседневном общении каждый из нас постоянно включается в обсуждение происходящего, комментирует события, освещенные в радио- и телепрограммах, в печатных изданиях, просмотренных фильмах. Все возрастающую роль в функционировании постсобытийного дискурса приобретает интернет-среда, соответствующая принципу получения информации «где угодно и когда угодно» и открытая для интерактивных комментариев читателей. Наиболее активная часть общества оценивает социально значимые события под влиянием интернета, и эта оценка возникает не только в результате воздействия мнений блогеров, медиа-персон, других субъектов с высоким социальным капиталом, но и в ходе обсуждений в социальных сетях, на интернет-форумах, информационных порталах и проч. Именно постсобытийному дискурсу в социальных сетях и интернет-сообществах, охватывающих миллионы пользователей, принадлежит сегодня кардинальная роль в осмыслении острых вопросов и формировании образа реальности в социальном сознании.

При многообразии конкретных форм в постсобытийном дискурсе принципиальна соотнесенность двух составляющих: события и/или его описания (информационный повод) и соответствующего постсобытийного обсуждения. Чередование этих составляющих, имеющее текучий характер, создает дискурсивную практику, выходящую за рамки тех типовых видов дискурса, которые выделяются на основе принадлежности к определенным социальным контекстам и институтам. Хотя авторы обращаются к материалам постсобытийного дискурса (Coe et al., 2014; Muddiman, Stroud, 2017; и др.), в том числе и к постсобытийному дискурсу в Интернете, но систематические исследования его организации и функционирования не проводятся. Между тем дискурс, отражающий отклик пользователей на значимые события жизни, содержит важные индикаторы психоэмоционального состояния, отношений и ценностей личности и группы, выявление которых наряду с закономерностями развития обсуждений и конструирования дискурсивной реальности с повышением уровня социальной напряженности становится особенно важным в современной действительности.

Можно полагать, что недостаточная разработанность проблематики постсобытийного дискурса связана со сложностью его изучения. Как и другие дискурсивные практики, смешивающие черты типовых дискурсов и распространяющиеся на неспецифические контексты, этот вид дискурса предполагает комплексный подход к изучению, использование методов, раскрывающих различные стороны явления. Кроме того, специфика постсобытийного дискурса требует сравнительного анализа исходных характеристик события и/или его описания и последующего процесса обсуждения: соотношение образов реальности, способов подачи информации, схематичности/развернутости сюжета и пр.

Продвижению в исследовании может способствовать развиваемый в коллективе интенциональный подход, позволяющий характеризовать психологическую основу дискурса и получать новые данные, касающиеся его организации и функционирования (Павлова, Гребенщикова, 2017; Гребенщикова, Зачесова, 2014; Афиногорова, Павлова, 2015; и др.). Первые результаты с использованием данного подхода получены на материале диалогов пользователей интернета, возникающих в порядке комментирования сообщений информационных и информационно-развлекательных сайтов. Ставилась задача провести сопоставление новостного и последующего постсобытийного дискурсов, оценив качественный сдвиг интенционального состава дискурса с учетом возникающих в обсуждении дополнительных интенций, а также количественные и качественные изменения в процессе обсуждения основных референциальных объектов.

Согласно результатам исследования, в постсобытийном дискурсе многократно увеличивается число категорий интенций, основную долю которых составляют интенции негативного характера, тогда как в исходных сообщениях основной интенцией выступает информирование. В числе добавляющихся в ходе обсуждения негативных интенций выделяются интенции с высокой выраженностью эмоционально-оценочного компонента: выразить возмущение, злорадство, обеспокоенность, обесценить действия, обвинить, осудить и пр. Проявляются также интенции дистанцирования и демонстрации превосходства, а также такие направленные на конкретного собеседника негативные интенции, как обидеть, выразить сарказм, оскорбить. Резкий сдвиг в сторону интенций негативной оценочности не исключает интенций нейтрального характера: выразить позицию, объяснить, предположить и др., а также позитивных интенций принятия и консолидации, которые проявляются, однако, в незначительной степени.

Наряду с изменением интенционального состава в постсобытийном дискурсе наблюдается изменение основных референциальных объектов. Исходные объекты новостного дискурса обобщаются, размываются или, напротив, конкретизируются, заменяются на другие объекты по типу трансдуктивного переноса. Число референциальных объектов увеличивается. При этом отмечается выраженная асимметрия постсобытийного интернет-дискурса в сторону дистанцирования и дискредитации относительно всех обнаруживаемых референциальных объектов. Подобную картину нельзя напрямую связать с подачей информации в исходном дискурсе, основное содержание которого составляют информирующие интенции и оценки нейтрального характера.

Применение интенционального подхода к изучению постсобытийного интернет-дискурса перспективно не только в плане определения вектора его оценочности, но и приемов воздействия и конверсативных тактик, реализуемых коммуникантами в ходе обсуждения. По результатам сравнительного изучения характеристик события и соответствующего постсобытийного обсуждения осуществляется описание закономерностей модификации способов подачи информации, референциальных объектов, интенциональных категорий и пр. в социальных сетях и интернет-сообществах и разрабатывается вопрос об изменении дискурсивной реальности в процессе обсуждения и длящихся дискурсивных процессах. Большой интерес представляют также накапливающиеся данные о разновидностях постсобытийного дискурса и его параметрах, сопряженных с ведущей функцией, спецификой взаимодействия и условиями распространения.

Можно указать несколько направлений дальнейших исследований, связанных с проблематикой постсобытийного дискурса и трансформацией представлений о социально значимых событиях в результате активности интернет-пользователей. Развитие исследований в этой области поднимает вопрос специфики постсобытийного дискурса на разных этапах его формирования и прогнозирования вырабатываемых при развертывании обсуждений в интернет-пространстве способов концептуализации действительности. Выявление динамики представлений о значимых событиях, факторов их устойчивости, связи с оффлайн-активностью — с этими направлениями и возможностями применения получаемых результатов в разработке проблем информационно-психологической безопасности человека и общества во многом будет связан рост интереса к постсобытийному дискурсу и востребованность результатов его изучения.

Литература

- Афиногенова В. А., Павлова Н. Д.* Интенциональные паттерны в репликах собеседников // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 2. С. 36–44.
- Гребенщикова Т. А., Павлова Н. Д.* Дискурс и его психологическое воздействие: подходы к исследованию // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 18–31.
- Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А.* Психология повседневного дискурса. Интенциональный аспект. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Иссерс О. С.* Дискурсивные практики нашего времени. М.: Ленанд, 2015.
- Кушакова Н. О.* Специфические жанры sms-дискурса // Коммуникативные исследования. 2016. № 1 (7). С. 60–72.
- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А.* Интент-анализ. Основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Bastos M. T., Mercea D., Charpentier A.* Tents, tweets, and events: The interplay between ongoing protests and social media // Journal of Communication. 2015. V. 65 (2). P. 320–350.
- Coe K., Kenski K., Rains S.* Online and Uncivil? Patterns and Determinants of Incivility in Newspaper Website Comments // Journal of Communication. 2014. V. 64 (4). P. 658–679.
- Kolins G. R., Soule S. A., Roberts K. M.* The Diffusion of Social Movements: Actors, Mechanisms and Political Effects. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Muddiman A., Stroud N. J.* News values, cognitive biases, and partisan incivility in comment sections // Journal of Communication. 2017. V. 67. P. 586–609.
- Sukumaran A., Vezich S., McHugh M., Nass C.* Normative influences on thoughtful online participation // Proceedings of the 2011 Annual Conference on Human Factors in Computing Systems, ACM 2011. N. Y.: ACM Press, 2011. P. 3401–3410.

Post-eventual discourse on the internet

*N. D. Pavlova**, *T. A. Grebenshchikova***, *A. N. Voronin****,
*I. A. Zachiosova*****, *T. A. Kubrak****** (Moscow)

* Doctor of Psychology, Institute of Psychology, RAS

** Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology, RAS

*** Doctor of Psychology, Institute of Psychology, RAS

**** Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology, RAS

***** Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology, RAS

The perspective directions of the studies of discourse and new discursive practices, the emergence of which is connected with the development of information technologies, the formation of social networks and Internet communities, are considered in this paper. Particular attention is paid to the post-eventual internet discourse that reflects the response of users to significant events and contains important indicators of psycho-emotional state, attitudes, and values of individuals and groups. The article presents the results of comparative study of the event characteristics and the post-eventual discussion, concerning methods of presenting information, referential objects, intentional categories, etc., obtained using the method of intent analysis. The developing studies of different post-eventual discourse and its parameters related to the leading function and conditions of distribution, as well as various stages of formation, are discussed.

Keywords: discourse, internet discourse, post-eventual discourse, online comments, transformation of representations of significant events, intent-analysis.

Коммуникативные трудности социальных сирот и способы их преодоления

А. Г. Самохвалова (Кострома)

*доктор психологических наук, доцент, Костромской государственной
университет; e-mail: a_samohvalova@ksu.edu.ru*

В статье представлены результаты исследования коммуникативных трудностей детей-социальных сирот. Проверялась гипотеза о существовании различий коммуникативных трудностей, возникающих у социальных сирот (n=40), и у детей, воспитывающихся в кровных семьях (n=40); а также о существовании различий в способах преодоления этих трудностей. Показано, что социальные сироты имеют неадекватную самооценку, им свойственны тревожность, недоверчивость, закрытость, враждебность, манипулятивность, что приводит к возникновению трудностей эмпатии, взаимопонимания, сотрудничества, страху установления близких отношений, агрессивности, неспособности признавать и исправлять ошибки общения. Преодолевают возникшие в общении трудности социальные сироты с помощью таких стратегий, как «ложь», «манипуляция», «агрессия», «поиск заступника», «шантаж».

Ключевые слова: социальное сиротство, депривация, затрудненное общение, коммуникативные трудности, преодоление.

Одной из болезненных проблем современного общества является увеличение числа «социальных сирот» — «детей улицы», «лишних детей», «отказников», «детей с трудной судьбой», биологические родители которых живы, но по каким-либо причинам не занимаются

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00607-ОГН/18 «Коммуникативные трудности ребенка в поликультурной социальной среде: факторы возникновения и способы преодоления».

воспитанием ребенка (лишены родительских прав, отбывают наказание в пенитенциарных учреждениях, проходят длительное лечение и др.). Дети – социальные сироты, имеющие опыт проживания в кровной семье и попавшие в детский дом уже в сознательном возрасте, составляют особую группу риска, поскольку испытывают *двойную депривационную нагрузку*, с рождения воспитываясь в родной семье в условиях материнской и сенсорной депривации, а попадая в учреждение интернатного типа, страдают от семейной и эмоциональной депривации. Это значительно тормозит интеллектуальное, социальное, эмоциональное и коммуникативное развитие ребенка. В депривационных условиях нарушается главный принцип субъектогенеза – принцип *активности субъекта*. По мнению А. В. Брушлинского, субъект формируется, развивается и проявляется только *в различных формах и видах своей активности* (Брушлинский, 2002).

Исследования, проведенные во многих странах мира, свидетельствуют, что вне семьи развитие ребенка идет по особому пути, депривационные условия онтогенеза являются причиной психологических и даже соматических отклонений в развитии детей, формируют специфические черты личности, характера, поведения, модели межличностного взаимодействия (Прихожан, Толстых, 2009). Особо остро для детей-сирот встает *проблема затрудненного общения*, препятствующего эффективной социализации и индивидуализации ребенка (Обухова, Корепанова, 2010; Самохвалова, 2016).

Мы рассматриваем *затрудненное общение ребенка* как интегративный, психосоциальный процесс, в ходе которого актуальный уровень коммуникативного развития субъекта не может обеспечить эффективное решение задачи общения без привлечения дополнительных ресурсов, что обуславливает возникновение различных коммуникативных трудностей и определяет характер коммуникативной активности ребенка.

Коммуникативные трудности, возникающие у детей в процессе общения со сверстниками или взрослыми, рассматриваются как различной силы и степени выраженности объективные или субъективно переживаемые препятствия коммуникации, нарушающие внутреннее равновесие субъекта (ов) общения; усложняющие межличностные отношения; требующие от партнеров внутренних усилий, направленных на их преодоление (Самохвалова, 2014).

В психологическом дискурсе в общих чертах обсуждались *особенности и трудности общения детей, воспитывающихся вне семьи*: однообразие эмоционально-экспрессивных средств общения, стереотипность, поверхностность коммуникативных действий, тревожность, аффективная взрывчатость, повышенная ситуативность,

давление чувства «Мы», неприятие себя, пошаговый контроль своих действий (Обухова, Корепанова, 2010); недоверие к людям, зависимость, деструктивная агрессия в решении конфликтов (Прихожан, Толстых, 2005); эмоциональная нестабильность, нарушения речевого развития (Ослон, Холмогорова, 2001); низкий уровень инициативности в общении, чувствительности к действиям сверстников (Виноградова, Рычкова, 2012); модель психического характеризуется дефицитностью, проявляющейся в более низком уровне понимания когнитивных феноменов обмана, понимания эмоций (Найденова, 2012).

Однако выявленные характеристики коммуникативного развития весьма обобщены и относятся ко всем лицам, оставшимся без попечения родителей по различным причинам. За рамками научных интересов фактически остается проблема затрудненного общения такой специфической категории детей, как «социальные сироты».

Организация исследования

В нашем исследовании предпринята попытка изучения *специфики коммуникативных трудностей и способов их преодоления у детей-социальных сирот*.

Экспериментальной базой выступили Государственное казенное учреждение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, Костромской области «Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей», и средняя общеобразовательная школа № 6 городского округа г. Шарья Костромской области. Выборка включала 80 чел. Представителями экспериментальной группы являлись социальные сироты, воспитанники «Центра помощи детям, оставшимся без попечения родителей» в количестве 40 чел. (24 мальчика и 16 девочек), учащиеся 6–8 классов, возраст – 13–15 лет, стаж пребывания в интернате – от 2 до 3 лет. В контрольную группу вошли 40 подростков (24 мальчика и 16 девочек) того же возраста, учащихся МОУ СОШ № 6 городского округа г. Шарья Костромской области, воспитывающихся в полных кровных семьях.

В исследовании проверялась *гипотеза* о существовании различий коммуникативных трудностей детей-социальных сирот и детей, воспитывающихся в семьях; а также о существовании различий в способах преодоления этих трудностей.

Методический дизайн исследования включал методику А. Г. Самохваловой на оценку коммуникативного развития ребенка и выявление актуальных коммуникативных трудностей; методику Дембо-Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан на определение

уровня самооценки; проективную методику исследования поведенческих тенденций личности «Руки» в модификации Н. Семаго, М. Семаго; метод экспертных оценок на выявление способов преодоления коммуникативных трудностей ребенка. Статистическая обработка эмпирических данных проводилась в программе SPSS 13.3 с использованием критерия Манна–Уитни и корреляционного анализа Спирмена.

Результаты исследования

Экспертная оценка уровня коммуникативного развития подростков (в качестве экспертов выступали два психолога и социальный педагог) показала, что большинство детей экспериментальной группы имеют средний и низкий уровень развития основных коммуникативных показателей, в контрольной группе отмечается средний и высокий уровень развития коммуникативных показателей.

У подростков-социальных сирот, в отличие от респондентов контрольной группы, наименее выражены показатели по таким шкалам, как *«откликается на просьбы и реагирует на замечания»* ($U=106$, $p=0,012$), *«действует сообща»* ($U=113$, $p=0,019$) *«может оказать помощь и принимает ее от других»* ($U=98$, $p=0,006$), *«проявляет эмпатию»* ($U=94$, $p=0,004$), *«использует разнообразные вербальные и невербальные средства общения»* ($U=111$, $p=0,02$), *«умеет убеждать»* ($U=66$, $p=0,00$), *«избегает агрессивных проявлений»* ($U=62$, $p=0,00$), *«контролирует свое поведение»* ($U=102$, $p=0,009$), *«действует адекватно ситуации»* ($U=101$, $p=0,008$), *«стремится уладить конфликт»* ($U=110$, $p=0,016$), *«исправляет ошибки в следующих коммуникациях»* ($U=117$, $p=0,02$), *«видит и признает свои ошибки»* ($U=98$, $p=0,006$), *«анализирует итоги общения»* ($U=112$, $p=0,03$). Таким образом, в целом уровень коммуникативного развития в экспериментальной группе значительно ниже, чем в контрольной. Полученные нами данные, несомненно, отражают общевозрастные особенности общения подростков – недостаточно развитое умение планировать и рефлексировать свои коммуникативные действия. Вместе с тем отчетливо показывают наличие специфических *базовых коммуникативных трудностей* у социальных сирот, связанных с нежеланием вступать в контакт, трудностями эмпатии, неумением сотрудничать, отсутствием сочувствия к другому, проявлением агрессии; *инструментальных коммуникативных трудностей*, связанных с бедностью вербальных и невербальных способов самовыражения, трудностью выбора адекватных средств общения, неумением убеждать и оказывать воздействие на партнера, контролировать свое поведение в процессе общения. Защитные

механизмы социальных сирот, актуализирующиеся в ситуациях затрудненного общения, препятствуют *самоанализу* коммуникативных действий и возникновению мотивации саморазвития в сфере общения, признанию и исправлению своих ошибок.

Поведенческие тенденции подростков в ситуациях затрудненного общения также весьма различны. Категории «*активность*» и «*коммуникативность*» доминируют в обеих группах, однако есть специфика в их проявлении. В контрольной группе активность и коммуникативность обусловлена инициативностью, стремлением «быть в курсе всех дел», нередко любопытством и желанием «интересно провести время», «развлечься», «поболтать ни о чем». Повышенную активность и коммуникативность детей-социальных сирот можно объяснить гипертрофированной потребностью во внимании, стремлении заявить о себе, *демонстративностью* ($U=100$, $p=0,006$), что проявляется в неадекватном, часто навязчивом, гиперкоммуникативном поведении. Особенно данные тенденции проявляются в общении со взрослыми, что связано с недостатком родительского внимания, тепла, любви, стремлением подростков это внимание и поддержку получить от других значимых взрослых.

У социальных сирот более выражены *агрессивные тенденции поведения* ($U=111$, $p=0,01$), причем у мальчиков доминирует физическая агрессия (драки, порча вещей), а у девочек – вербальная в виде издевок, оскорблений, клеветы (преимущественно не личная, а через интернет-переписку, троллинг, фотомонтаж и др.).

Вместе с тем социальные сироты чаще испытывают *зависимость* в ситуациях общения с учителями, стараясь им понравиться, полагаясь на их опыт; а также лидерами групп, более сильными физически и психологически сверстниками ($U=110$, $p=0,007$).

Полученные данные по методике выявления уровня самооценки показали, что у детей экспериментальной группы значимо выше самооценка по таким категориям, как «*характер*», «*умение много делать своими руками*», «*внешность*», «*уверенность в себе*», «*авторитет у сверстников*» ($p \leq 0,01$), что не соответствует реальности и свидетельствует о *завышенном уровне самооценки*. Это обуславливает личностную незрелость, неумение правильно оценить результаты своей деятельности, адекватно сравнивать себя с другими. Такая самооценка может указывать на существенные искажения в развитии субъекта – «закрытости для опыта», нечувствительности к своим ошибкам, неудачам, замечаниям и оценкам окружающих.

Уровень притязаний у социальных сирот также значимо выше. Более выражены показатели по таким шкалам, как «*характер*» ($U=96$, $p=0,005$), «*ум, способности*» ($U=94$, $p=0,004$), «*внешность*» ($U=123$,

$p=0,04$), «уверенность в себе» ($U=111$, $p=0,01$), что говорит о нереалистичном отношении к своим возможностям, отсутствии самокритики. Возможно, это связано с тем, что дети-сироты, по сравнению с детьми из полных семей, резко реагируют на критику в свой адрес, нередко проявляют эгоцентризм, отстаивают свою правоту даже в ситуациях, где очевидны их ошибки. Им кажется, что только так они могут защитить себя и казаться «сильными», «взрослыми», «независимыми».

В контрольной группе отмечен адекватный уровень притязаний.

Результаты, полученные с помощью экспертных оценок, позволили выявить различия в способах преодоления коммуникативных трудностей подростков.

Социальные сироты в ситуациях затрудненного общения преимущественно используют деструктивные способы преодоления коммуникативных трудностей. «Ложь» ($U=126$, $p=0,04$) ($U=112$, $p=0,01$) проявляется у подростков как способ самоутверждения или как защитная реакция в трудных ситуациях. Нередко сироты прибегают ко лжи как к способу прагматической манипуляции, стараясь получить какую-либо выгоду для себя; а также как к инструменту демонстративного поведения, стремясь привлечь к себе внимание, вызвать сильные чувства по отношению к себе у партнеров по общению (страх, жалость и др.).

С помощью «манипулятивности» ($U=121$, $p=0,02$) социальные сироты уходят от ответственности, обвиняют других за возникшие трудности, провоцируют партнеров на конфликт с целью демонстрации обиды и «вынужденного» выхода из ситуации общения.

«Агрессия» ($U=96$, $p=0,005$) является способом психологической разрядки, отреагирования деструктивных чувств в ситуациях затрудненного общения, она проявляется чаще всего в случае неспособности подростка убедить партнера, оказать на него воздействие, добиться своих целей.

Установлена связь между директивностью подростка и агрессией как способом преодоления коммуникативных трудностей ($R=0,54$, $p<0,05$). Неудачные попытки социальных сирот доминировать, лидировать в общении, директивно устанавливать свои порядки и требования вызывают у них раздражение, внутренний протест и, как следствие, ответную агрессию по отношению к тем, кто его «не понял», «проигнорировал».

Стратегии «поиск заступника» ($U=113$, $p=0,01$) и «шантаж» ($U=119$, $p=0,03$) чаще проявляются в общении со взрослыми. Причем нередко это происходит последовательно: если подростку не удастся в лице взрослого получить поддержку и помощь в трудной коммуникатив-

ной ситуации, он может «давить на жалость», запугивать взрослых, что совершит суицид, убежит из детского дома, обвинять взрослого в предвзятости, в «нелюбви к нему» и др.

Стратегия «поиск заступника» положительно коррелирует с проявлением *пассивности* в общении ($R=0,53$, $p<0,05$), т. е. социальные сироты пассивно ждут, что взрослые решат за них те или иные проблемы, отстают его интересы. В трудных ситуациях общении со сверстниками такие дети чаще выбирают стратегию невмешательства, становятся ведомыми, проявляют зависимость от более сильных личностей.

Подростки контрольной группы в ситуациях затрудненного общения используют более конструктивные способы преодоления коммуникативных трудностей, такие как «*желание договориться*», «*способность рассказать о своих чувствах и желаниях*», «*готовность уступить*», «*поиск причин возникшего непонимания*» ($p\leq 0,03$). Социальные сироты же крайне редко говорят о своих чувствах, открываются собеседнику, откровенно готовы обсуждать возникшие ситуации, расценивая это как проявление слабости, зависимости. Это усиливает их напряжение в ситуациях затрудненного общения, возникает эффект «накопления коммуникативных трудностей», самостоятельно и конструктивно преодолеть которые подросток не способен.

Установлена обратная связь между *тревожностью* подростков экспериментальной группы и *способностью рассказывать о своих чувствах и желаниях* ($R=-0,46$, $p<0,05$) и *готовностью уступить при возникновении коммуникативных трудностей* ($R=-0,53$, $p<0,05$), т. е. повышенная тревожность социальных сирот, связанная с материнской, семейной, эмоциональной депривацией, препятствует доверию к людям, вызывает страх быть непонятым, обманутым, осмеянным, поэтому подростки замыкаются, не готовы к сотрудничеству, взаимодействию и взаимным уступкам.

Выводы

1. Социальное сиротство является социокультурным фактором возникновения индивидуально-специфических коммуникативных трудностей у детей, оставшихся без попечения родителей, в отличие от нормативных общевозрастных трудностей, свойственных подросткам, живущим в кровных семьях. Затрудненное общение социальных сирот актуализируется в единстве деструктивных коммуникативных установок, негативных субъективных переживаний подростков в процессе решения задач общения и неконструктивных моделей коммуникативного поведения.

2. Депривация эмоционально-личностного общения с родителями на ранних этапах онтогенеза, отсутствие надежной привязанности к ним, синдром «брошенного ребенка» вызывают впоследствии у социальных сирот неадекватную самооценку, тревожность, недоверчивость, закрытость, враждебность, манипулятивность, коммуникативную инфантильность, что приводит к возникновению трудностей эмпатии, взаимопонимания, сотрудничества, страху установления близких отношений, агрессивности, неспособности признавать и исправлять ошибки общения.
3. Социальные сироты в ситуациях затрудненного общения преимущественно используют деструктивные способы преодоления коммуникативных трудностей: «ложь», «манипуляция», «агрессия», «поиск заступника», «шантаж», связанные с чувством беспомощности, неумением конструктивно преодолевать трудности в общении, неспособностью адекватно выражать свои чувства и эмоции, реалистично оценивать собственные действия.
4. Необходима организация адресной психолого-педагогической помощи подросткам-социальным сиротам, направленной на осознание и преодоление коммуникативных трудностей, стимулирование мотивации самосовершенствования, мобилизацию ментальных ресурсов, обучение эффективным способам саморегуляции и самовыражения в общении.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта: индивида и группы // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 1. С. 71–80.
- Виноградова Н. В., Рычкова Л. С.* Общение со сверстниками детей-сирот с различным уровнем депривации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 31. С. 35–39.
- Найденова А. В.* Модель психического детей-сирот: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.
- Обухова Л. Ф., Корепанова И. А.* Современный ребенок: шаги к пониманию // Психологическая наука и образование. 2010. № 2. С. 5–18.
- Ослон В. Н., Холмогорова А. Б.* Замещающая семья как одна из моделей решения проблемы сиротства в России // Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 79–90.
- Прихожан А. М., Толстых Н. Н.* Психология сиротства. СПб.: Питер, 2005.
- Самохвалова А. Г.* Коммуникативные трудности ребенка: феноменология, факторы возникновения, динамика. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014.

Самохвалова А. Г. Социальное сиротство как фактор затрудненного общения подростка // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 29–40.

Communicative difficulties of social orphans and methods of their overcoming

A. G. Samokhvalova (Kostroma)

Doctor of Psychology, Associate Professor, Kostroma State University

The article presents the results of the study of communicative difficulties of children-social orphans. The hypothesis was tested on the existence of differences in communicative difficulties that occur in social orphans (n=40), and in children brought up in blood families (n=40); and also about the existence of differences in ways to overcome these difficulties. It is shown that social orphans have inadequate self-esteem, they are characterized by anxiety, distrustfulness, closeness, hostility, manipulativeness, which leads to difficulties of empathy, mutual understanding, cooperation, fear of establishing close relations, aggressiveness, inability to acknowledge and correct communication errors. Overcome the social orphans that have arisen in communication through strategies such as “lie”, “manipulation”, “aggression”, “seeking an intercessor”, “blackmail”.

Keywords: social orphanhood, deprivation, difficult communication, communicative difficulties, overcoming.

Раздел XIV

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ, ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ СТРЕСС И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ

Посттравматический стресс и психопатологическая симптоматика как психологические последствия эмоционального оскорбления

А. А. Бузина (Москва)

Институт психологии РАН; e-mail: super-alex@mail.ru

Представляя собой негативное антропогенное воздействие, не связанное непосредственно с причинением физического вреда, эмоциональное оскорбление встречается в разных сферах жизни – в частности, в профессиональных, семейных, детско-родительских отношениях. Эмоциональное оскорбление не только наносит урон чувству собственного достоинства человека, но и влечет такие серьезные психологические последствия, как посттравматический стресс и сопутствующие ему психопатологические симптомы. Участниками данного исследования стали 50 чел. в возрасте 28–55 лет, прошедшие анонимный опрос по поводу их опыта переживания травматических событий, включая эмоциональное оскорбление. Была подтверждена гипотеза о том, что эмоциональное оскорбление является стрессором высокой интенсивности. Кроме того, было установлено, что эмоциональное оскорбление способно вызывать психопатологические симптомы депрессии, межличностной сензитивности и паранойальности, которые сопутствуют посттравматическому стрессу.

Ключевые слова: эмоциональное оскорбление, посттравматический стресс, психопатологические симптомы, депрессия, межличностная сензитивность, паранойальность.

Основные психологические последствия эмоционального оскорбления

Среди негативных антропогенных воздействий особое место занимает эмоциональное оскорбление. С насмешками, унижением достоинства, пренебрежением, нарочитым игнорированием, угроза-

ми и прочими вербальными и невербальными действиями, которые можно описать понятием «эмоциональное оскорбление», сталкиваются многие люди. Однако такое воздействие зачастую носит латентный характер, ведь эмоциональное оскорбление далеко не всегда сопровождается физическим насилием, да и обидчик в ряде случаев даже не понимает, что служит источником как минимум неприятных переживаний.

Лишь с недавнего времени эмоциональное насилие стали отделять от других форм насилия, в частности, физического или сексуального (Dutton et al., 1999). Несмотря на распространенность ситуаций эмоционального оскорбления, в настоящее время отсутствует единое определение данного воздействия. Целесообразно рассматривать эмоциональное оскорбление как форму психологического насилия (Сидорова, 2017), которое Н. В. Тарабрина определяет как «любой способ поведения, используемый для того, чтобы управлять мыслями, чувствами и поступками другого против его желания, воли и убеждений, но с психологической (а часто и материальной) выгодой для насильника» (Тарабрина и др., 2007, с. 77). В англоязычной научной литературе для определения данного воздействия обычно используются термины «emotional abuse» и «psychological abuse». Эмоциональное насилие может привести к развитию тревожности, навязчивых страхов и депрессии, а также к проблемам со сном, пищевым расстройствам и самоповреждениям. Одними из серьезных последствий являются посттравматический стресс и самоубийства (Doherty, Berglund, 2008).

Эмоциональное оскорбление угрожает личностной и социальной идентичности человека, его целостности. Оскорбления и унижения негативно сказываются на самооценке, а принимая хронический характер, способны привести к ослаблению и даже разрушению Эго-идентичности (Харламенкова, 2016б).

Посттравматический стресс и психопатологическая симптоматика при переживании эмоционального оскорбления

Исследование, результаты которого представлены ниже, посвящено выявлению психологических последствий эмоционального оскорбления. *Гипотеза* заключается в предположении о том, что эмоциональное оскорбление способно вызвать посттравматический стресс и сопутствующие ему психопатологические симптомы депрессии, межличностной сензитивности и паранойальности.

Участниками исследования стали 50 чел.: 36 женщин (средний возраст – 46 лет) и 14 мужчин (средний возраст – 45,5 года). С каждым

респондентом на анонимной основе проводилась индивидуальная беседа, в ходе которой предлагалось заполнить следующие методики:

1. *Опросник травматических ситуаций (LEQ)*, разработанный Дж. Норбеком (Norbeck, 1984), И. Сарасоном, Дж. Джонсоном, Дж. Сигель (Sarason, Johnson, Siegel, 1978) и адаптированный на русский язык Н. В. Тарабриной (Тарабрина с соавт., 2007). Методика позволяет оценить уровень посттравматического стресса. В ней даются 36 описаний тяжелых стрессовых ситуаций, разделенных на разделы: криминальные события (грабежи, кражи); природные катастрофы и общие травмы; другие события (развод родителей, серьезная экономическая нужда, эмоциональное оскорбление, болезни детей); ситуации физического и сексуального насилия. Кроме того, опросник содержит два свободно сформулированных пункта, которые касаются не охваченных предыдущими пунктами экстраординарной стрессовой ситуации (пункт 37) и других стрессовых ситуаций (пункт 38). Респондент отмечает происшедшее с ним событие, указав приблизительную дату события и свой возраст в период, когда оно случилось, после чего по 5-балльной шкале определяет степень влияния события на его жизнь за последний год. По результатам LEQ подсчитывается индекс травматичности (суммарное число баллов по травматическим событиям делится на количество событий).
2. *Шкала оценки влияния травматического события (ШОВТС; Impact of Event Scale-R, IES-R)*, разработанная в 1979 г. М. Горовицем, Н. Вилнером и В. Алваресом (M. J. Horowitz, N Wilner, W. Alvarez) и дополненная в 1989 г. Ч. Мармаром, Д. С. Вейсс и их коллегами (C. R. Marmar, D. S. Weiss et al.). Методика адаптирована на русский язык Н. В. Тарабриной (Тарабрина с соавт., 2007). ШОВТС позволяет сделать вывод о наличии признаков посттравматического стресса. Респонденту предлагаются описания переживаний людей, перенесших тяжелые стрессовые ситуации. После этого респондент по 4-балльной шкале оценивает, в какой степени он испытывал похожие чувства по поводу когда-то пережитой им стрессовой ситуации в течение последних семи дней, включая день исследования. Результаты подсчитываются по 3 субшкалам: «Вторжение», «Избегание», «Физиологическая возбудимость». Кроме этого, определяется общий балл.
3. *Опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Check List-90-Revised, SCL-90-R)*, разработанный в 1973 г. Л. Дерогатис с коллегами (L. R. Derogatis et al.) и дополненный

в 1975 г. Методика адаптирована на русский язык Н. В. Тарабриной (Тарабрина с соавт., 2007). Опросник, позволяющий оценить интенсивность психопатологических симптомов, содержит 90 утверждений – перечень проблем и жалоб, иногда возникающих у людей. Респондентам предлагается по 5-балльной шкале оценить степень своего дискомфорта или встревоженности в связи с той или иной проблемой в течение последней недели, включая день исследования. Пункты методики распределяются по 9 шкалам, представляющим основные симптоматические расстройства: «Соматизация», «Обсессивно-компульсивные расстройства», «Межличностная сензитивность», «Депрессия», «Тревожность», «Враждебность», «Фобическая тревожность», «Паранойальные симптомы», «Психотизм». Отдельно выделяется категория дополнительных вопросов, описывающих симптомы, не подпадающие ни под одно определение симптоматических расстройств (например, плохой аппетит, мысли о смерти, проблемы со сном), но дополняющие клиническую картину.

Статистическая обработка результатов осуществлялась с использованием программных пакетов Excel, Statistica 10.

Результаты и их обсуждение

Для проверки гипотезы были проанализированы количество и характер травматических событий, указанных респондентами в Опроснике травматических ситуаций (LEQ). Пункт 26 LEQ, посвященный переживанию эмоционального оскорбления, оказался третьим по частоте встречаемости (после пунктов «Другие стрессовые ситуации или события, не описанные в пунктах опросника» и «Известия о серьезной травме, опасной для жизни болезни или неожиданной смерти близкого человека») – его указали 32 чел. из 50 (64% опрошенных).

Среди наиболее распространенных ситуаций эмоционального оскорбления оказались:

- травля, насмешки, издевательства, подсиживание на рабочем месте;
- оскорбления, угрозы, обиды, пренебрежение со стороны родственников или супругов (бывших супругов).

Основываясь на данных LEQ, респонденты были разделены на две группы: в первую вошли 32 респондента, которые сталкивались с эмоциональным оскорблением (отметившие пункт 26 LEQ), вто-

рую составили 18 респондентов, не указавшие данное травматическое событие в опроснике. Далее всем респондентам было предложено заполнить методику ШОВТС: составившие первую группу оценили свои переживания по поводу испытанного ими когда-то эмоционального оскорбления, вошедшие во вторую группу – по поводу переживания травматической ситуации, вызванной смертью близкого человека.

Для выявления различий в переживании эмоционального оскорбления и смерти близкого человека было проведено сравнение данных ШОВТС первой и второй групп респондентов (с применением непараметрического критерия U Манна–Уитни). По субшкалам «Вторжение» и «Избегание» статистически значимых различий выявлено не было.

Группы статистически различаются по субшкале «Физиологическая возбудимость» ($U=173,0$, $p=0,020$) и общему баллу ШОВТС ($U=125,0$, $p=0,001$). Анализ средних показателей групп по ШОВТС показал, что результаты первой группы выше по общему баллу ШОВТС (для первой группы $Me=42,50$, для второй группы $Me=36,00$) и критерию «Физиологическая возбудимость» (для первой группы $Me=16,50$, для второй группы $Me=13,00$).

На основании данных результатов можно сделать вывод о том, что при переживании эмоционального оскорбления симптомы вторжения и избегания проявляются в той же мере, что и в случае смерти близкого человека, а уровень физиологической возбудимости оказывается даже выше. Эти данные подчеркивают интенсивность переживания эмоционального оскорбления, его высокотравматичное воздействие на людей разных возрастов, в том числе периода средней зрелости. Другими исследованиями подтверждается, что эмоциональное оскорбление нередко становится источником психологического неблагополучия и уязвимости, а также посттравматического стресса (Харламенкова, 2016а).

Полученные с помощью методики ШОВТС результаты позволяют подтвердить предположение о том, что эмоциональное оскорбление способно вызвать посттравматический стресс.

Для проверки предположения о том, что эмоциональное оскорбление может повлечь за собой психопатологические симптомы депрессии, межличностной сентизитивности и паранойяльности, работа велась с первой группой респондентов (тех, кто сталкивался с эмоциональным оскорблением). Было проведено сравнение показателей указанной группы по методикам ШОВТС и SCL-90-R с помощью коэффициента корреляции Спирмена (r_s). В результате была выявлена статистически значимая связь ($p<0,05$):

- показатели субшкалы «Вторжение» связаны с депрессией ($r_s=0,424$), межличностной сензитивностью ($r_s=0,649$) и паранойяльностью ($r_s=0,637$);
- показатели субшкалы «Физиологическая возбудимость» – с депрессией ($r_s=0,403$), межличностной сензитивностью ($r_s=0,692$) и паранойяльностью ($r_s=0,624$);
- показатели общего балла ШОВТС – с депрессией ($r_s=0,452$), межличностной сензитивностью ($r_s=0,671$) и паранойяльностью ($r_s=0,593$).

Для оценки различий в интенсивности психопатологической симптоматики первая группа респондентов была разделена на три подгруппы в зависимости от выраженности признаков посттравматического стресса. Критериями выделения подгрупп послужили баллы по методике ШОВТС, при этом использовался расчет нижнего ($LQ=24$) и верхнего ($UQ=73$) квартилей. В подгруппу «1» вошли 8 (24–36,5 баллов), в подгруппу «2» – 16 (36,5–53,5 балла), в подгруппу «3» – 8 (53,5–73 балла) респондентов.

Затем было проведено сравнение показателей SCL-90-R трех указанных подгрупп с помощью непараметрического критерия Краскела – Уоллиса (H). Статистически значимые различия ($p<0,01$) были выявлены, в частности, по психопатологическим симптомам депрессии ($H=8,517$), межличностной сензитивности ($H=15,579$) и паранойяльности ($H=10,338$).

Для оценки выраженности психопатологической симптоматики в разных подгруппах было проведено попарное сравнение показателей по методике SCL-90-R. Для сравнения использовался непараметрический критерий Манна–Уитни (U). Между показателями первой и второй подгрупп статистически значимых различий выявлено не было. Данные второй и третьей подгрупп статистически различаются ($p<0,05$) по шкалам SCL-90-R: «Депрессия» ($U=22,50$), «Межличностная сензитивность» ($U=10,0$) и «Паранойяльность» ($U=24,0$). Данные первой и третьей подгрупп также статистически различаются ($p<0,05$) по шкалам SCL-90-R «Депрессия» ($U=7,0$), «Межличностная сензитивность» ($U=2,0$) и «Паранойяльность» ($U=2,50$).

Полученные с помощью методик ШОВТС и SCL-90-R результаты позволяют выявить связь эмоционального оскорбления с психопатологическими симптомами депрессии, межличностной сензитивности и паранойяльности, которые сопутствуют посттравматическому стрессу.

Очевидно, что унижения, угрозы, игнорирование и другие проявления эмоционального оскорбления могут вызвать потерю ин-

тереса к жизни, чувство безнадежности, мысли о самоубийстве – симптомы, характеризующие проявление депрессии (Тарабрина с соавт., 2007). Для данного воздействия характерны и проявления межличностной сензитивности: потеря чувства собственного достоинства, ощущение своей неполноценности, развитие виктимности (Харламенкова, 2016б). Другие публикации подтверждают и сопровождающие эмоциональное насилие паранойяльные симптомы: кардинальные характеристики враждебности (угрозы, физическое насилие, разоблачение чужих тайн), а также ревность, подозрительность (Doherty, Berglund, 2008).

Выводы

Результаты исследования позволили подтвердить гипотезу о том, что эмоциональное оскорбление способно вызвать посттравматический стресс и сопутствующие ему психопатологические симптомы депрессии, межличностной сензитивности и паранойяльности.

Литература

- Сидорова И. В.* Оскорбление как разновидность психического насилия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1 (68). С. 28–32.
- Тарабрина Н. В., Агарков В. А., Быховец Ю. В., Калмыкова Е. С., Макачук А. В., Падун М. А., Удачина Е. Г., Химчян З. Г., Шаталова Н. Е., Щепина А. И.* Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. М.: Когито-Центр, 2007.
- Харламенкова Н. Е.* Интенсивность посттравматического стресса как отсроченной реакции на травматические события в разные периоды взрослости // Человек. Сообщество. Управление. 2016а. Т. 17 (1). С. 42–56.
- Харламенкова Н. Е.* Эмоциональное оскорбление и пренебрежение и его психологические последствия для личности в разные периоды взрослости // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко, Н.В. Тарабриной, Н.Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016б. С. 193–214.
- Doherty D., Berglund D.* Psychological abuse: A discussion paper, 2008. URL: <https://www.canada.ca/content/dam/phac-aspc/migration/phac-aspc/sfv-avf/sources/fv/fv-psych-abus/assets/pdf/fv-psych-abus-eng.pdf> (дата обращения: 21.05.2018).

Dutton M. A., Goodman L. A., Cattaneo L. B. Court-involved battered women's responses to violence: The role of psychological, physical and sexual abuse // *Violence and Victims*. 1999. V. 14. № 1. P. 89–104.

Post-traumatic stress and psychopathological symptomatology as psychological consequences of emotional abuse

A. A. Buzina (Moscow)

Institute of Psychology, RAS

Emotional abuse as a negative anthropogenic impact, not directly relating to physical harm, occurs in various spheres of life – particularly, in professional, family, child-parent relations. Emotional abuse not only damages a person's dignity, but also entails such serious psychological consequences as post-traumatic stress and accompanying its psychopathological symptoms. The current study involved 50 people aged 28–55 who were anonymously interviewed about their experience of traumatic events, including emotional abuse. The hypothesis, whereby emotional abuse is a stressor of high intensity, was confirmed. It was concluded that emotional abuse may cause psychopathological symptoms of depression, interpersonal sensitivity and paranoid ideation. These symptoms accompany post-traumatic stress.

Keywords: emotional abuse, post-traumatic stress, psychopathological symptoms, depression, interpersonal sensitivity, paranoid ideation.

Террористическая угроза как травматический стрессор

*Ю. В. Быховец**, *Н. Н. Казымова*** (Москва)

** кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: bykhovets@yandex.ru*

*** Институт психологии РАН; e-mail: bakusevan@mail.ru*

В статье представлено описание трех типов травматических стрессоров (событийные стрессоры, «невидимая» угроза и информационно-психологические стрессоры). Обосновывается тезис о рассмотрении террористической угрозы как травматического стрессора, носящего информационно-психологический характер. Представлены результаты сравнительного анализа данных по выраженности признаков посттравматического стресса в результате переживания травматических событий разного типа. Приводятся данные о негативных последствиях переживания угрозы терактов и их динамике. Террористическая угроза является стрессором высокой интенсивности для уязвимой группы лиц. Указаны личностные факторы устойчивости и уязвимости к переживанию этой угрозы.

Ключевые слова: угроза, травматический стрессор, критерии травматической ситуации, посттравматический стресс, динамика переживания террористической угрозы.

Осознание объективных характеристик травматических ситуаций является важным вопросом для понимания последствий их переживания. Травматические ситуации представляют собой стрессоры высокой интенсивности, среди которых выделяют несколько типов. Первый тип стрессоров – это событийные стрессоры, т. е. реальные экстремальные ситуации, связанные с непосредственной угрозой жизни (пожар, ДТП, военные действия, стихийные бедствия и т. д.). Такие события разворачиваются в реальном времени и требуют от че-

* Работа выполнена по Госзаданию ФАНО № 0159-2018-0007.

ловека мобилизации как физических, так и психических ресурсов, превышающих нормальный уровень функционирования. На данный момент в литературе представлено описание широкого спектра клинико-психологических последствий воздействия угрожающих факторов данного типа (Тарабрина, 2009).

В ходе исследования психологических последствий восприятия и переживания радиационной угрозы коллективом авторов под руководством Н. В. Тарабриной был описан иной тип интенсивного стрессового воздействия на психику человека. Данный тип стрессоров был определен как «невидимая» угроза, психотравмирующее воздействие которой обусловлено субъективным эмоциональным реагированием на имеющиеся у человека знания об угрозе, которой он подвергается, и ее последствиях. Специфика радиационного воздействия заключается в том, что проявления физических последствий отсрочено во времени, но неизбежно, при этом на первый план выходит субъективная оценка степени угрозы и выраженность ее аффективного переживания. В этом случае источником стресса являются представления о будущих проблемах со здоровьем и, как следствие, социальных, профессиональных, материальных и др. ограничениях. К примеру, при обследовании лиц, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, показано, что ликвидаторы с ПТСР (около 20% из изученной выборки) оценивали себя как серьезно пострадавших от полученного ими во время дезактивационных работ радиационного облучения, хотя у них не были выявлены признаки лучевой болезни или центрального органического поражения (Тарабрина, 2009).

Рост значимости информации в жизни людей обусловил выделение особого типа стрессора – информационного. Психотравмирующее воздействие информационного стрессора связано с интериоризацией картин, освещающих угрожающие события, что ложится в основу антиципирующих представлений о вероятности личного включения человека в подобную стрессовую ситуацию. Предметом наших многолетних исследований является переживание террористической угрозы, под которым мы подразумеваем субъективную оценку риска стать жертвой теракта (Тарабрина, Быховец, 2014). Данный вид угрозы рассматривается нами как модель для изучения психологического воздействия информационных стрессоров. Сравнительный анализ данных исследований, выполненных в Лаборатории психологии посттравматического стресса ИП РАН, позволил сопоставить показатели посттравматического стресса, измеренных с помощью Миссисипской шкалы, у лиц, столкнувшихся с травматическими ситуациями разного типа. Сравнение данных трех групп

молодых мужчин в возрасте от 20 до 35 лет, переживших автомобильные аварии (n=36), ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС (n=33) и гражданских лиц с высоким уровнем переживания угрозы терактов (n=36) показало отсутствие значимых различий по интенсивности переживаемых ими симптомов посттравматического стресса.

Эти данные позволяют нам рассматривать террористическую угрозу как травматический стрессор для людей, воспринимающих ее через СМИ. Однако тезис о психотравмирующем характере террористической угрозы является дискуссионным, поскольку в последнюю версию DSM-V были внесены изменения критериев диагностики ПТСР, согласно которым из регистра травматических ситуаций было исключено воздействие через электронные СМИ, телевидение, кинофильмы или картины, если только это воздействие не было сопряжено с профессиональной деятельностью. Тем не менее показано, что психологические последствия переживания виртуально воспринимаемых картин угрожающих обстоятельств жизни сходны с воздействием реально пережитого травматического события (Ениколопов и др., 2004; Лаврова, Матвеева, 2016; и др.).

Специфика террористической угрозы как травматического стрессора состоит в том, что она существует перманентно, место и время терактов невозможно прогнозировать, однако в случае их реального совершения количество жертв и масштаб разрушений поражают своими размерами. Столкновение с отдельными признаками террористической угрозы (информационные сообщения о терактах в СМИ, напоминания о необходимости проявлять бдительность в метро, задержки общественного транспорта, громкие неожиданные звуки и т.д.) актуализируют страх смерти. В многочисленных исследованиях было показано, что интенсивное переживание террористической угрозы гражданским населением способно вызвать комплекс клинико-психологических симптомов, к числу которых относятся острый стресс, признаки депрессии, симптоматику посттравматического стресса, нарушения сна, увеличение потребления психоактивных веществ, повышенную возбудимость и др. (Тарабрина, Быховец, 2014).

Как и большинство психических состояний, возникающих вследствие столкновения с травматическими событиями, интенсивность переживания террористической угрозы изменяется со временем. Так, динамика переживания террористической угрозы была проанализирована по данным исследований, проводимых авторами в 2005, 2009/2010, 2016/2017 гг. на респондентах Москвы и Московской области. Было показано, что женщины характеризуются снижением антиципирующего восприятия новых терактов и интенсивнос-

ти признаков посттравматического стресса, при этом их уязвимость к информации о терактах не изменяется со временем. Иными словами, интенсивные переживания угрозы не присутствуют в их мыслях и поведении ежедневно, но информационные сообщения о терактах вызывают у женщин сильный негативный эмоциональный отклик. Показатели переживания террористической угрозы у мужчин снизились в период с 2005 по 2009/2010 г., и вплоть до 2016/2017 гг. остались на том же уровне. Полученные данные позволяют заключить, что мужчины адаптировались к этой угрозе и в меньшей степени, по сравнению с женщинами, испытывают негативные стрессовые симптомы при восприятии информационных сообщений о терактах (Быховец, Казымова, 2017).

Поскольку признаки посттравматического стресса являются составляющей конструкта переживания террористической угрозы, интересным представляются результаты исследований динамики посттравматической симптоматики у лиц, столкнувшихся с такой информационно-психологической угрозой как террористический акт.

Так, на большой выборке работников по ликвидации последствий теракта 11 сентября (не участвовавших в спасательных операциях) было показано, что спустя 4 года полный диагноз ПТСР наблюдался у 8,4% обследованных, частичное ПТСР – 8,9%. По прошествии 6 лет полное ПТСР было зафиксировано у 5,8% ликвидаторов, частичное ПТСР – 7,7%. Авторы выделяют в качестве наиболее сильных предикторов длительного ПТСР (на протяжении 6 лет) такие факторы, как клиническая депрессия в течение 1–2 лет после теракта, предшествующий травматический опыт, степень вовлеченности в стрессовую ситуацию теракта (Cukor et al., 2011).

В лонгитюдном исследовании были смоделированы 6 траекторий изменения симптомов ПТСР с течением времени. В период с 2003 по 2012 г. было проведено три обследования выборки (более 17000 чел.), включающей взрослых жителей и людей, работающих в районе Манхэттена (Нью-Йорк, США). В основу моделирования были положены два показателя: первоначальный уровень симптомов ПТСР (низкий, умеренный, высокий) и направление его изменения (стабильный, повышающийся, понижающийся). Было выделено 6 траекторий: 1) низкий–стабильный ПТСР (48,9% обследованных), 2) умеренный–стабильный (28,3%), 3) умеренный–повышающийся (8,2%), 4) высокий–стабильный (6,0%), 5) высокий – понижающийся (6,6%), 6) очень высокий–стабильный (2,0%). Для 8% опрошенных респондентов был отмечен высокий уровень симптомов ПТСР, который не снизился с течением времени. Также для 8,2% респондентов был отмечен сдвиг первоначально умеренных значений показателей

ПТСР в сторону их повышения со временем. Факторами, обуславливающими хроническое течение ПТСР, по мнению авторов, являются социальная изоляция, потеря работы в связи с терактом, отсутствие профессиональной психологической помощи (Welch et al., 2016).

В целом отмечается снижение интенсивности симптомов ПТСР для большинства респондентов, но для особой уязвимой группы респондентов они не теряют своей остроты с течением времени. Таким образом, террористическая угроза для отдельных лиц выступает травматическим стрессором. Результаты исследований позволили выделить ряд личностных факторов, способствующих более интенсивному переживанию этой угрозы. Среди этих факторов исследователи выделяют личностную тревожность, интроверсию, нейротизм и др. (Тарабрина, Быховец, 2014). В настоящее время в исследованиях террористической угрозы можно отметить тенденцию обращения исследователей к ресурсным факторам, обеспечивающим психологическую устойчивость к воздействию данного типа стрессора: высокий уровень способности контролировать ситуацию и макиавеллизма личности (Знаков, Турок, 2010), позитивные социальные отношения, независимость в мыслях и поведении, стремление к саморазвитию и наличие жизненных целей (Казымова, 2017), жизнестойкость (Середина с соавт., 2011). Таким образом, наряду с негативными факторами уязвимости, выделяются и позитивные факторы устойчивости к переживанию террористической угрозы, дальнейшее изучение которых представляет собой задачу высокой социальной значимости.

Литература

- Быховец Ю. В., Казымова Н. Н.* Временная динамика переживания террористической угрозы // Исследования и разработки в перспективных научных областях. Сборник материалов I Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С. С. Чернова. 2017. С. 19–25.
- Ениколопов С. Н., Лебедев С. В., Бобосов Е. А.* Влияние экстремальных событий на косвенных жертв // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 73–81.
- Знаков В. В., Турок Е. М.* Понимание и переживание террористической угрозы // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2010. № 1. С. 58–69.
- Казымова Н. Н.* Факторы риска и ресурсы устойчивости к переживанию террористической угрозы // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 12. С. 102–109.

- Лаврова Е. В., Матвеева Л. В.* Содержание новостного дискурса и представления человека об опасности // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 5–20.
- Середина Н. В., Даниленко Е. В., Черныш Е. В.* Психологическая оценка переживания террористической угрозы // Северо-Кавказский психологический вестник. 2011. Т. 9. № 2. С. 63–66.
- Тарабрина Н. В.* Психология посттравматического стресса. Теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В.* Террористическая угроза: теоретико-эмпирическое исследование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Cukor J., Wyka K., Mello B., Olden M., Jayasinghe N., Roberts J., Giosan C., Crane M., Difede J.* The longitudinal course of PTSD among disaster workers deployed to the World Trade Center following the attacks of September 11th // Journal of traumatic stress. 2011. V. 24. P. 506–514.
- Welch A. E., Caramanica K., Maslow C. B., Brackbill R. M., Stellman S. D., Farfel M. R.* Trajectories of PTSD among Lower Manhattan residents and area workers following the 2001 World Trade Center disaster, 2003–2012 // Journal of traumatic stress. 2016. V. 29. P. 158–166.

Terrorist threat is a traumatic stressor

*J. V. Bykhovets**, *N. N. Kazymova*** (Moscow)

* Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology, RAS

** Institute of Psychology, RAS

The article describes three types of traumatic stressors (event stressors, “invisible” threat and information-psychological stressors). The thesis of considering of the terrorist threat as a traumatic stressor is substantiated. It has information and psychological nature. The results of comparative analysis of post-traumatic stress as a consequence of experiencing traumatic events of different types are presented. The data will show the negative consequences of experiencing a terrorist threat and its subsequent dynamics. The terrorist threat is a stressor of high intensity for vulnerable groups. Personal factors of resilience and vulnerability due to an experience of such a threat are indicated.

Keywords: threat, traumatic stressor, criteria of traumatic situation, post-traumatic stress, dynamics of terrorist threat experience.

**Личностные ресурсы преодоления
долговременных психических нагрузок
на разных этапах профессиональной карьеры
(на примере спортивных команд)**

Г. Б. Горская, З. Р. Совмиз** (Краснодар)*

** доктор психологических наук, Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма;
e-mail: gorskayagalina@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма; e-mail: zareta83888@yandex.ru*

В статье рассматривается проблема преодоления хронического стресса в рамках профессиональной деятельности на примере многолетней карьеры спортсменов командных видов спорта. Выявлено, что успешность преодоления стресса на разных этапах спортивной карьеры отличается детерминантами и степенью их включения в процесс поддержания психологической устойчивости. На начальном этапе карьеры спортсмены хаотично вовлекают ресурсы в борьбу со стрессом, применяя преимущественно индивидуальные способы борьбы с ним. На пике спортивной карьеры снижается актуальность применения индивидуальных копингов и растет значимость командных, копинг-ресурсы применяются сбалансировано и экономно.

Ключевые слова: копинг-поведение, личностные ресурсы, копинг-ресурсы, долговременные психические нагрузки, динамический анализ, командные виды спорта.

Насыщенность стрессами современной жизни делает проблему исследования их преодоления неизменно актуальной, хотя по мере накопления научной информации в фокусе внимания исследователей оказываются различные ее аспекты. В настоящее время прослеживается тенденция к повышению интереса к хроническому стрессу и его последствиям.

Большинство источников хронического стресса связано с профессиональной деятельностью человека. В связи с этим особый аспект проблемы хронического стресса составляет выявление условий, при которых профессионал сохраняет профессиональную форму и профессиональное здоровье несмотря на то, что профессиональная деятельность проходит в условиях повышенной психической напряженности. Не менее важно установление психологических факторов, обуславливающих готовность профессионала добровольно включаться в стрессовые ситуации для достижения успеха в избранном виде деятельности и справляться с поставленными задачами в течение длительного времени.

Исследования хронического стресса немногочисленны. Для представляемого исследования важны данные Л. А. Китаева-Смыка о различиях в глубине перестроек регуляции деятельности при остром и хроническом стрессе (Китаев-Смык, 1983). На психологическом уровне регуляции им отмечено, что при хроническом стрессе возрастает «экстернализация» поведения, снижается способность к самостоятельно иницилируемым действиям при сохранении устойчивости исполнения действий, регулируемых извне. Как важный ресурс сохранения результативности действий в условиях хронического стресса рассматривается ценностно-смысловая сфера профессионала (Обознов, Полунина, 2011). В то же время необходимый уровень результативности действий может сохраняться за счет сокращения активности с желательного уровня до минимально необходимого (Essex, Scott, 2008).

Большие возможности для исследования хронического стресса и механизмов его преодоления дает спортивная командная деятельность. Спортсмены в течение длительного периода времени (на протяжении соревнований, соревновательного сезона и спортивной карьеры в целом) испытывают на себе влияние стрессогенных факторов в связи с постоянным нахождением в конкурентной среде, интенсивными физическими и психологическими нагрузками, риском травматизации, напряженностью межличностных отношений внутри команды и т. д. (Барабанщикова, Климова, 2015; Горская, Дыдарь, 2017; Совмиз, 2017; Nicholls, Polman, 2007). Это делает долговременные физические и психологические нагрузки естественным долговременным атрибутом спортивной деятельности. Регуляторы копинг-поведения спортсменов также могут меняться в процессе многолетней карьеры, что позволяет им достигать спортивного мастерства, высокой квалификации и становиться членами элитных команд. Исследование действия долговременных психических нагрузок на эффективность деятельности в командных видах спор-

та позволяет получить данные, раскрывающие особенности преодоления стресса во многих видах профессиональной деятельности.

Рассматривая влияние на деятельность спортсменов долговременных психических нагрузок, необходимо определить, о каких временных отрезках идет речь. Исследования высококвалифицированных яхтсменов показывают, что уже на протяжении длительных, продолжающихся не менее недели, соревнований значимость личностных регуляторов успешности деятельности меняется. В начале соревнования высокие результаты сопряжены с высокими показателями таких личностных свойств спортсменов, как эмоциональная стабильность, смелость, самодостаточность, низкая тревожность и напряженность. На заключительных этапах соревнований достижению высоких результатов способствуют высокие показатели мотивации достижения, силы процесса возбуждения, отсутствие у спортсменов сомнений в своих силах (Потапов, Горская, 1985).

Исследование личностных ресурсов поддержания психической устойчивости спортсменов в команде по пляжному гандболу в течение соревновательного сезона продолжительностью около полугода показало, что от начала к концу сезона, когда стресс нарастает, увеличивается количество связей между психологической устойчивостью и показателями личностных ресурсов ее поддержания. Наблюдается их перегруппировка, которая может выражаться в мобилизации дополнительных ресурсов, либо перемещении акцента на поддержание индивидуальной психологической устойчивости путем снижения индивидуального вклада спортсменов в поддержание психической устойчивости команды в целом (Горская, Дыдарь, 2017).

Перечисленные исследования дают информацию о том, как меняется механизм вовлечения личностных копинг-ресурсов спортсменов командных видов спорта на протяжении соревнований и соревновательного сезона. В психологии практически отсутствуют данные о том, какова динамика данного процесса на протяжении всей спортивной карьеры. Проведение подобных исследований представляет особый интерес, так как позволит ответить на вопросы о том, как изменяются механизмы психологической устойчивости спортсменов к стрессу на протяжении многолетней спортивной карьеры, при каких условиях она способствует максимальной ее продолжительности и успешности. Немаловажно и то, что спортивная профессиональная карьера начинается рано, в период становления механизмов преодоления сложных ситуаций (Бохан, 2002).

Целью представляемого исследования было установление личностных ресурсов преодоления стресса у спортсменов, выступающих в спортивных командах, различающихся по возрасту и квали-

фикации. Основанием для проведения исследования были данные о том, что возраст спортсменов предопределяет активность применения копинг-стратегий, вероятность неприятия себя, дезадаптации и эмоционального дискомфорта, проявления организаторских способностей (Совмиз, 2017).

Методы и выборка исследования Стратегии преодоления стресса устанавливались по методике диагностики копинг-стратегий во время кризиса Н. Агазаде. Личностные параметры спортсменов исследовались по следующим методикам: тест эмоционального интеллекта Д. В. Люсина; методика измерения социального интеллекта Дж. Гилфорда и М. Салливена; опросник психосоциальной зрелости Б. К. Пашнева; методика диагностики уровня эмпатии В. В. Бойко; методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда; методика диагностики коммуникативных и организаторских склонностей (КОС-2); опросник «Стиль поведения в конфликте» К. Томаса; методики диагностики личности на мотивацию успеха и избегания неудач Т. Элерса; методика диагностики степени готовности к риску А. М. Шуберта; методика диагностики поддержки автономии спортсмена тренером. Социально-психологические характеристики команд изучались с помощью методики диагностики уровня развития малой группы, методики диагностики психологической атмосферы А. Ф. Фидлера, методики диагностики групповой мотивации И. Д. Ладанова и методики изучения индекса групповой сплоченности К. Э. Сишора (Совмиз, 2017).

Методы математической статистики: оценка статистической достоверности по U-критерию Манна–Уитни, корреляционный анализ по Спирмену; кластерный анализ по Уорду.

Выборку исследования составили 76 спортсменов, являющихся представителями различных спортивных команд: по футболу, баскетболу, гандболу и регби.

Результаты и их обсуждение

По итогам эмпирического исследования, направленного на изучение уровня развития копинг-стратегий спортсменов командных видов спорта, а также личностных и социально-психологических параметров, от которых зависит готовность спортсменов преодолевать стресс, был проведен кластерный анализ, которому подверглась вся выборка исследования с учетом всех исследуемых параметров. Процедура кластерного анализа привела к подразделению выборки исследования на четыре группы: кластер А «высоко адаптивный, экономичный» (7 чел., средний возраст – 20 лет), кластер В «умеренно

адаптивный, ресурсно дифференцированный» (17 чел., средний возраст – 23 года), кластер С «неустойчиво адаптивный, ресурсно затратный» (24 чел., средний возраст – 19 лет), кластер D «умеренно адаптивный, ресурсно недифференцированный» (28 спортсменов, средний возраст – 18 лет).

Сравнительный анализ данных, полученных по кластерам, позволил выявить, что представители кластеров различаются по степени проявления копинг-стратегий, соотношению адаптивных и дезадаптивных копингов, уровню развития личностных и групповых ресурсов, рациональностью их вовлечения в процесс совладания со стрессом и степенью дифференцированности применяемых ресурсов. Исходя из данных параметров, кластерам были даны вышеперечисленные названия.

Внимания заслуживает тот факт, что при проведении кластерного анализа респонденты распределились на группы таким образом, что кластер «умеренно адаптивный, ресурсно дифференцированный» (B) составили наиболее зрелые (средний возраст спортсменов – 23 года) и высококвалифицированные спортсмены, находящиеся на пике своей спортивной карьеры (преимущественная квалификация – мастер спорта).

Кластер «умеренно адаптивный, ресурсно недифференцированный» (D) составили наиболее юные (средний возраст спортсменов – 18 лет) и менее квалифицированные респонденты (преимущественная квалификация – 1 спортивный разряд), начинающие свой профессиональный спортивный путь.

Представители и того, и другого кластера достаточно успешно справляются со стрессовыми ситуациями, адаптивные копинг-стратегии выше по степени выраженности чем дезадаптивные. В связи с этим возникает вопрос: за счет каких личностных и социально-психологических ресурсов достигается данная успешность у спортсменов разного возраста и квалификации, находящихся на различных этапах многолетней спортивной карьеры?

Интенсивность применения ресурсов, отличающая кластеры между собой, определялась по количеству взаимосвязей копинг-стратегий с личностными и групповыми параметрами. В кластере «умеренно адаптивный, ресурсно дифференцированный» (B) отмечено 15 взаимосвязей. В них прослеживается дифференциация корреляционных связей показателей личностных особенностей спортсменов с показателями индивидуальных и командных копинг-стратегий. Например, индивидуальные адаптивные копинги положительно коррелируют с адаптивностью ($r=0,54$; $p\leq 0,01$) и принятием себя ($r=0,55$; $p\leq 0,01$), в то время как показатель командных адаптивных копинг-страте-

гий положительно коррелирует с управлением эмоциями ($r=-0,66$; $p\leq 0,01$); установками, способствующими эмпатии ($r=0,61$; $p\leq 0,01$); проникающей способностью эмпатии ($r=0,57$; $p\leq 0,05$); приспособлением в конфликте ($r=0,50$; $p\leq 0,05$); эскапизмом ($r=0,57$; $p\leq 0,01$) и отрицательно с соперничеством в конфликте ($r=-0,56$; $p\leq 0,05$) и самодетерминацией ($r=-0,67$; $p\leq 0,05$).

В кластере «умеренно адаптивный, ресурсно недифференцированный» (D) установлено 18 взаимосвязей показателей личностных свойств спортсменов и показателей копинг-стратегий. В этом кластере в меньшей степени дифференцированы корреляционные связи показателей личностных параметров с показателями индивидуальных и командных копинг-стратегий. Индивидуальные адаптивные копинг-стратегии отрицательно взаимосвязаны с показателем рационального канала эмпатии ($r=-0,37$; $p\leq 0,05$) и положительно с организаторскими способностями ($r=0,38$; $p\leq 0,05$), восприятием спортсменами поддержки автономии со стороны тренера ($r=0,39$; $p\leq 0,05$), познавательной мотивацией ($r=0,43$; $p\leq 0,05$), ведомостью ($r=0,43$; $p\leq 0,05$).

Командные адаптивные копинг-стратегии положительно взаимосвязаны с восприятием спортсменами поддержки автономии со стороны тренера ($r=0,43$; $p\leq 0,05$) и познавательной мотивацией ($r=0,40$; $p\leq 0,05$).

Кластер «умеренно адаптивный, ресурсно дифференцированный» (B) характеризуется высоким уровнем развития следующих личностных ресурсов: организаторские способности, эмпатия, самодетерминация, интегральные и конструктивные компоненты социально-психологической адаптации, общий уровень психосоциальной зрелости, эмоциональный интеллект; и низким уровнем развития групповых ресурсов в виде психологической атмосферы, групповой мотивации, сплоченности и уровня развития группы. Возможно, это связано с тем, что, по мере профессионального роста и личностного взросления спортсмена, может прослеживаться также желание реализовать свои амбиции, что заставляет ставить в приоритет личные интересы над групповыми.

В данном кластере прослеживается абсолютное разделение личностных ресурсов, реализующих успешность применения индивидуальных и командных копинг-стратегий. Процесс преодоления стресса сопровождается вовлечением оптимального количества копинг-ресурсов без лишних затрат психологических ресурсов.

Личностными ресурсами индивидуальных стратегий преодоления стресса являются адаптивность и принятие себя, повышающие адаптивные копинги, и умение правильно понимать речевую экс-

прессию в контексте определенной ситуации, снижающее дезадаптивные.

Личностными ресурсами командных копингов выступают: управление эмоциями и проникающая способность эмпатии — повышают адаптивные копинги и снижают дезадаптивные; установки, способствующие эмпатии, эскапизм и приспособление в конфликте — повышают адаптивные копинги; коммуникативные способности — снижают дезадаптивные копинг-стратегии.

Групповые ресурсы данного кластера (психологическая атмосфера, групповая мотивация, сплоченность, уровень развития группы) являются резервным потенциалом для усиления адаптивных командных копинг-стратегий и ослабления дезадаптивных.

Важно отметить, что в данном кластере высокий уровень таких личностных параметров, как самодетерминация и внутренний контроль повышает вероятность выбора неконструктивных командных копингов, выступая в качестве ограничителей успешного преодоления стресса всей группой. Помимо этого, самодетерминация снижает командные адаптивные копинги. Объясняется это тем, что в данном кластере присутствуют наиболее взрослые и квалифицированные спортсмены, самодостаточные, проявляющие способность противопоставить себя группе. С одной стороны, это признак зрелости, а с другой — «камень преткновения» в командном взаимодействии.

Кластер «умеренно адаптивный, ресурсно недифференцированный» (D) характеризуется тем, что большая часть личностных ресурсов развита слабо. Высокоразвит лишь ресурс в виде композитной оценки социального интеллекта. Указанный кластер отличается низким уровнем эмпатии и конструктивных компонентов социально-психологической адаптации в сочетании с самыми высокими ее неконструктивными показателями.

Групповые ресурсы в виде психологической атмосферы и групповой мотивации наиболее высокоразвиты именно в данном кластере.

В качестве личностных ресурсов выступают компоненты психосоциальной зрелости и социально-психологической адаптации: умение контролировать свои действия, стремление к обучению, эмоциональное благополучие, внутренний локус контроля, умение следовать за кем-то (быть ведомым), принятие других (а не себя, как в кластере «В»), восприятие спортсменом поддержки автономии со стороны тренера.

При этом социально-психологические ресурсы в виде уровня групповой мотивации и группового развития применяются только по отношению к конструктивным копинг-стратегиям (индивидуальным и командным), повышая вероятность их применения.

Выводы

Исследование позволило выявить, что в начале спортивной карьеры мощными ресурсами психологической устойчивости и успешности преодоления стресса выступают: поддержка автономии со стороны тренера, его вера в силы спортсменов, умение организовать свою деятельность и пространство вокруг себя, толерантное отношение к окружающим, стремление к успеху. На данном этапе ресурсы вовлекаются хаотично, причем преимуществом пользуются индивидуальные способы борьбы со стрессом. Групповыми ресурсами выступают групповая мотивация, уровень развития группы и атмосфера.

На пике спортивной карьеры наблюдается спад актуальности в применении индивидуальных копингов в пользу командных. Спортсмены вырабатывают способность применять ресурсы четко и дифференцированно, вовлекая ровно столько усилий, сколько требуется для преодоления стресса. Акцент смещается на принятие себя, управление эмоциями и умение сопереживать окружающим; наиболее ресурсными становятся коммуникативные навыки вместо организаторских. К групповым ресурсам помимо вышеперечисленных прибавляется сплоченность.

Обе выборки спортсменов успешно справляются со стрессом. Но в динамике многолетней спортивной карьеры можно проследить переход от разбалансированного и ресурсно затратного механизма поддержания психологической устойчивости к более-менее затратному и более целесообразному. Актуализация ресурсов незрелых и связанных с ориентацией на мнение окружающих сменяется обращением к ресурсам, имеющим более зрелый фундамент, с ориентацией на собственные силы.

Литература

- Барабанщикова В. В., Климова О. А.* Профессиональные деформации в спорте высших достижений // Национальный психологический журнал. 2015. № 2 (18). С. 3–12.
- Бохан Т. Г.* Возрастные и социально-психологические характеристики копинг-стратегий в периодах юношеского возраста и ранней взрослости // Сибирский психологический журнал. 2002. № 16–17. С. 66–72.
- Горская Г. Б., Дыдарь В. Г.* Динамика регуляции психической устойчивости команды на протяжении соревновательного сезона // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 8. URL: <http://doi.org.10.24158/spp.2017.8.7> (дата обращения: 05.05.2018).

- Китаев-Смык Л. А.* Психология стресса. М.: Наука, 1983.
- Обознов А. А., Полунина О. В.* Увлеченность работой и профессиональное выгорание: эмпирические типы взаимосвязей // Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 442–453.
- Потапов В. Я., Горская Г. Б.* Влияние индивидуально-психологических особенностей на динамику выступлений в парусных регатах // Теория и практика физической культуры. 1985. № 1. С. 16–17.
- Совмиз З. Р.* Психологические ресурсы личности как субъекта преодоления стресса в условиях командной деятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2017.
- Essex B., Scott L. B.* Chronic stress and association coping strategies among volunteer EMS personnel // Prehospital emergency care. 2008. V. 12. P. 69–75.
- Nicholls A. R., Polman R. C. J.* Coping in sport: a systematic review // Journal of sport sciences. 2007. V. 25. № 1. P. 11–31.

**Personal resources to overcome long-term mental workloads
at different stages of professional career
(on example of sports teams)**

*G. B. Gorskaya**, *Z. R. Sovmiz*** (Krasnodar)

* Doctor of Psychology, Kuban State University
of Physical Education, Sport and Tourism

** Candidate of Psychological Sciences, Kuban State University
of Physical Education, Sport and Tourism

The article deals with the problem of overcoming chronic stress in the framework of professional activity and the example of a long-term career of athletes in team sports. It is revealed that the success of overcoming stress at different stages of sports career is different determinants and the degree of their inclusion in the process of maintaining psychological stability. At the initial stage of the career, athletes randomly involve resources in the fight against stress, using mainly individual ways to deal with it. At the peak of a sports career reduces the relevance of individual coping and the importance of team, coping resources are used in a balanced and economical way.

Keywords: coping behavior, personal resources, coping resources, long-term mental stress, dynamic analysis, team sports.

Картина психотравматических событий и уровень посттравматического стресса у мужчин и женщин

Е. Н. Дымова (Москва)

Институт психологии РАН; e-mail: grebennikovakaty@mail.ru

Представлены результаты исследования интенсивности влияния психотравмирующих событий и уровня посттравматического стресса на мужчин и женщин в возрасте 17–25 лет. Дифференцированы и рассмотрены различия психически травмирующих событий в группах мужчин и женщин с высоким и низким уровнем психической травматизации. Эмпирически подтверждены гипотезы о том, что интенсивность психической травматизации и уровень посттравматического стресса выше у женщин в сравнении с мужчинами. Показано, что наиболее психотравмирующими являются события, произошедшие с респондентами в прошлом, связанные с потерей близких людей и/или угрозой их жизни и здоровью, а также с физическими травмами, заболеваниями, угрозами жизни самого респондента вне зависимости от пола. Также рассмотрен наиболее уязвимый возрастной диапазон влияния психотравмирующих событий.

Ключевые слова: индекс психической травматизации, уровень посттравматического стресса, события психотравмирующего характера.

Рассматривать посттравматический стресс возможно только при наличии в жизненном опыте человека событий, подразумевающих угрозу его физическому и/или психологическому здоровью. В науке такие события принято обозначать «стрессорами». Выделяются *стрессоры высокой интенсивности*, чаще всего связанные с событиями чрезвычайного и глобального характера (войны, природные катастрофы, техногенные и т. д.), а также *стрессоры повседневного типа*, проявляющиеся в семье, на работе, учебной деятельности и др. В психологии проведено множество исследований влияния на человека стрессоров, как высокой интенсивности, так и повседневного характера

(Харламенкова с соавт., 2017). Темп и насыщенность современной жизни постоянно увеличиваются, и нередко катастрофы социального и глобального масштаба приобретают уже повседневный характер (терроризм, миграция и др.). Но до сих пор в психологии остается актуальным вопрос различий в переживании травматических ситуаций. А именно: почему при единых психотравмирующих событиях одни люди испытывают посттравматический стресс, а другие – нет. Или же одни адаптируются к повседневной жизни через неделю, месяц, а у других посттравматический стресс перерастает в посттравматическое стрессовое расстройство. На данный момент психологи пришли к единому мнению, что степень переживания психотравмирующих событий зависит и от особенностей травмы, и от личностных особенностей человека. Настоящее исследование направлено на изучение интенсивности переживания событий психотравмирующего характера молодыми людьми разного пола в возрасте 17–25 лет. Все респонденты являются учащимися вузов и проживают в г. Москве.

Цель исследования заключается в анализе картины травматического опыта и уровня посттравматического стресса в группах мужчин и женщин с высоким и низким уровнем психической травматизации.

Исследовательские гипотезы

1. Индекс психической травматизации и уровень посттравматического стресса выше у женщин, по сравнению с этими же показателями у мужчин.
2. Вне зависимости от пола высокий уровень психической травматизации вызывают давние травматические события, связанные с потерей близких людей и/или угрозой их жизни и здоровью.

На основе поставленной выше цели и выдвинутых гипотез были сформулированы следующие *задачи исследования*:

- 1) Определить различия в уровне психической травматизации и посттравматического стресса в группах мужчин и женщин.
- 2) Провести анализ психотравмирующих событий в группах мужчин и женщин.

Методики исследования

- Для оценки количества и влияния психических травм на респондента использовался *Опросник травматических ситуаций – Life Experience Questionnaire (LEQ)* в адаптации Н. В. Тарабриной

с соавторами (Тарабрина и др., 2007). LEQ состоит из 38 пунктов и основан на самоотчете. Пункты посвящены различным психотравмирующим ситуациям, таким как: криминальные события, природные катастрофы и общие травмы (аварии, несчастные случаи и т. д.), физическое и сексуальное насилие и другие события. Испытуемому предлагается вспомнить, происходили ли с ним перечисленные ситуации, и если да, то назвать возраст, дату и место, а также обозначить, в какой степени это событие оказало влияние на его жизнь в последний год. Кроме того, респондента просят отметить характер взаимоотношений с людьми, участвовавшими в этих ситуациях и специфический характер событий, используя 5-балльную шкалу Ликерта. Показателями для анализа являются: общее количество пережитых травматических событий, суммарный показатель влияния пережитых на протяжении жизни травматических событий, а также «индекс травматичности», представляющий собой усредненный показатель влияния на индивида психической травмы. Данный показатель рассматривается как определенный индекс травматизации, отражающий уязвимость человека к стрессогенному воздействию травмирующих жизненных событий, интенсивность переживания происходивших травматических событий.

- Степень выраженности посттравматического стресса определялась по *Миссисипской шкале для оценки посттравматических реакций (МШ, гражданский вариант) – Mississippi Scale (Keane, Caddell, Taylor, 1995) в адаптации Н. В. Тарабриной с соавторами* (Тарабрина и др., 2007). Данная методика была разработана для оценки степени выраженности посттравматических стрессовых реакций у ветеранов боевых действий. На данный момент эта методика широко используется для измерения признаков ПТСР не только среди военных. Шкала представляет собой 35 утверждений, каждое из которых оценивается по 5-балльной системе Ликкерта. Итоговый результат выводится путем суммирования баллов и позволяет выявить степень воздействия перенесенного индивидом травматического опыта. Пункты, из которых состоит методика, входят в четыре категории: 11 пунктов направлены на определение симптомов вторжения, 11 – избегания и 8 вопросов относятся к критерию физиологической возбудимости. Оставшиеся пять вопросов направлены на выявление чувства вины и суицидальности. Гражданский вариант Миссисипской шкалы состоял уже из 39 пунктов. Разработанный гражданский вариант МШ обладает высокой внутренней согласованностью, хотя и более низкой, чем в военном варианте.

В исследовании принимали участие студенты разных специальностей вузов г. Москва, проживающие в Москве и Московской обл., всего – 151 чел. в возрасте от 17 до 25 лет, из них: женщин – 52 (средний возраст – 17 лет), мужчин – 99 (средний возраст – 18 лет).

В ходе исследования выборка респондентов (n=151) была разделена на подгруппы по индексу травматизации. В подгруппу мужчин с высоким индексом травматизации «В» (n=45) вошли респонденты со значениями выше 2 баллов по ИТ методики LEQ (медианный критерий), во вторую группу «С» (n=54) – респонденты со значениями ниже 2 баллов по ИТ. Аналогичным образом была разделена группа женщин на подгруппы «В1» (n=26) со значениями по ИТ выше 2,8 балла и «С1» (n=26) – респонденты со значениями по ИТ ниже 2,8 балла.

Результаты исследования

Для проверки первой гипотезы о том, что индекс психической травматизации и уровень посттравматического стресса выше у женщин по сравнению с этими же показателями у мужчин, был проведен анализ различий выраженности уровня посттравматического стресса по Миссисипской шкале и индекса травматизации по LEQ в группах мужчин и женщин. Анализ выявил более высокий уровень посттравматического стресса ($U=2088$, $p=0,047$) и уровень психотравматизации ($U=1454,5$, $p=0,00001$) в группе женщин, что подтверждает первую гипотезу.

Для более детального изучения был проведен сравнительный анализ между подгруппами с высоким индексом травматизации «В» и «В1» и низким индексом «С» и «С1». Результаты показали, что между женщинами и мужчинами с низким индексом травматизации по уровню посттравматического стресса различий не обнаружено ($U=620,5$, $p=0,402$), а по уровню психической травматизации женщины сильнее переживают травматический опыт, чем мужчины ($U=287$, $p=0,0002$). Результаты же по подгруппам с высоким индексом травматизации «В» и «В1» показали, что имеются различия между женщинами и мужчинами и по уровню посттравматического стресса ($U=441$, $p=0,05$) и по выраженности психической травматизации ($U=181,5$, $p=0,0001$).

Анализируя полученные данные, можно говорить, что первая гипотеза подтвердилась.

Анализ психотравматических событий, произошедших с респондентами в прошлом. На основе данных, полученных с помощью опросника LEQ, и в соответствии с выдвинутой гипотезой был проана-

лизирован опыт психической травматизации в группах мужчин и женщин.

Ситуации, описанные в методике LEQ, были сгруппированы по категориям:

1. Криминальные события (кражи) – пункты: 1, 2, 3, 4.
2. Природные и техногенные катастрофы, аварии – 5, 6, 7, 8.
3. Физические травмы, заболевания, угроза жизни самого субъекта – 9, 10, 16, 17.
4. Стать очевидцем или участником смерти, травмирования кого-либо – 11, 12, 18, 19.
5. Травмы, смерть или заболевание близкого человека, известие об этом – 13, 14, 15, 25.
6. Экономические лишения – 24, 26, 27.
7. Семейные обстоятельства воспитания самого субъекта – 20, 21, 22, 23.
8. Ситуации сексуального насилия – 31, 32, 33.
9. Ситуации с детьми субъекта – 28, 29, 30.
10. Ситуации физического насилия – 34, 35, 36.

Результаты проведенного анализа показали, что для молодых людей наиболее психотравмирующими являются события прошлого, связанные с потерей или болезнью близких людей. Всего подобных ситуаций в жизненном опыте мужчин было отмечено 106, часть которых (61 событие) вызвала высокий уровень ПТС. На втором месте по психотравмирующим ситуациям оказались физические травмы, заболевания и угроза жизни самого респондента, отмечено было 83 события, из них 13 носят психотравмирующий характер. В тройке наиболее травмирующих психику событий также присутствует опыт экономических лишений, всего мужчинами было отмечено 63 подобных события в жизни, 13 из них – как психотравмирующие.

Также результаты методики LEQ показали, что самый ранний возраст мужчин в ситуации потери или болезни близких людей – 0,5 года, самый поздний возраст, отмеченный мужчинами в данных ситуациях, – 22 года. Однако максимально высокая интенсивность психотравматизации зафиксирована в случае, если потери близких произошли в возрасте от 10 до 17 лет.

Женщины отметили, что для них наиболее психотравмирующими также являются события прошлого, связанные с потерей или болезнью близких людей. Всего подобных ситуаций в картине жизни респондентов женского пола было отмечено 59, более половины из которых (28 событий) вызвала высокий уровень психической травматизации. В отличие от группы мужчин, у женщин причиной

высокого уровня психотравматизации являются события сексуального насилия, из 27 подобных ситуаций 19 оцениваются женщинами как события, имеющие высокий психотравмирующий характер. Так же как и группа мужчин, женщины воспринимают физические травмы, заболевания и угрозу жизни себе как высоко психотравмирующие события, 18 из 35 ситуаций отмечаются как события с психотравмирующим характером.

Было показано, что самый ранний возраст женской части выборки на момент потери или болезни близких людей – 5 лет, самый поздний возраст – 19 лет. Максимально высокий уровень психотравматического влияния был зафиксирован в случае, если потери произошли в возрасте от 14 до 17 лет. События сексуального насилия и домогательства происходили с участницами исследования в возрасте от 8 до 17 лет, наиболее высокая психотравматизация по результатам данного исследования связана с возрастным диапазоном от 12 до 15 лет. Причем большинство девушек отмечали, что события происходили в учебном заведении, но интенсивнее психически травмировали события, связанные с женщинами, именно в кругу семьи или близких к семье людей.

Проанализировав травматические события в подгруппах, оказалось, что практически по всем ситуациям имеются значимые различия как в группе мужчин, так и в группе женщин с разным уровнем психической травматизации, и более высокие различия каждой группы респондентов именно по первой тройке категорий ситуаций: «Серьезное заболевание, травмирование или смерть близкого родственника, известия об этом», «Физические травмы, заболевания, угроза жизни самого субъекта», «Ситуации сексуального насилия» и «Экономические лишения».

Заключение

Полученные в ходе изучения психотравматизации данные подтвердили выдвинутое предположение, что женщины интенсивнее переживают опыт психической травматизации, чем мужчины, уровень посттравматического стресса также выше у женщин в сравнении с молодыми людьми. Несмотря на то, что возраст поздней юности, 17–25 лет, характеризуется еще становлением взрослой жизни, и все участники исследования являются неработающими студентами вузов очного обучения, как мужчины, так и женщины в большинстве своем уже имеют большой опыт событий травматического характера. Кроме того, результаты исследования показали, что участники исследования переживали события всех категорий, предложенных

в методике LEQ, за исключением ситуаций с детьми субъекта. Помимо анализа событий психотравматического характера, были исследованы последствия влияния данных событий, показано, что, несмотря на разнообразие событий, наиболее травматическими для психики респондентов являются события потери, серьезного заболевания, травматизации близкого человека. В результате исследования можно говорить, что, независимо от пола, наиболее травматическими для психики личности являются события смерти, заболевания, травмирования близких людей.

Литература

Тарабрина Н. В., Агарков В. А., Быховец Ю. В., Калмыкова Е. С., Марчук А. В., Падун М. А., Удачина Е. Г., Химчян З. Г., Шаталова Н. Е., Щепина А. И. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. М.: Когито-Центр, 2007.

Харламенкова Н. Е., Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В., Ворона О. А., Казымова Н. Н., Дымова Е. Н., Шаталова Н. Е. Психологическая безопасность личности: имплицитная и эксплицитная концепции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

The picture of psychotraumatic events and the level of posttraumatic stress in men and women

E. N. Dymova (Moscow)

Institute of Psychology, RAS

The results of a study of the intensity of the influence of psychotraumatic events and the level of post-traumatic stress of men and women aged 17–25 years are presented. Differentiated and considered differences in psychologically traumatic events in groups of men and women with high and low levels of mental trauma. Empirically confirmed hypotheses that the intensity of mental trauma and the level of post-traumatic stress is higher in women than in men. It is shown that the events that occurred with respondents in the past, related to the loss of close people and/or the threat to their life and health, as well as physical injuries, illnesses, and threats to the life of the respondent, regardless of gender, are the most psychotraumatic. Also it is considered the most vulnerable age range of the influence of psycho-traumatic events.

Keywords: index of mental traumatization, level of post-traumatic stress, traumatic events.

Анализ травматических событий у матерей, чьи дети имеют диагноз эпилепсия

Е. А. Кольцова (Москва)

Институт психологии РАН; e-mail: evgeniya.koltsova@gmail.com

В статье описываются результаты исследования, направленного на изучение картины травматических событий матерей, имеющих ребенка с диагнозом эпилепсия. При высоком уровне посттравматического стресса количество травматических событий, по времени следующих за событием «болезнь ребенка», больше, чем при низком уровне посттравматического стресса. Наиболее часто встречаются события, связанные с трудными ситуациями с детьми респондентов (15,3%), травмы, смерть, или заболевание близкого человека, известие об этом (11,7%).

Ключевые слова: посттравматический стресс, эпилепсия, картина травматических событий, психологическое состояние матери.

Постановка диагноза ребенку, течение заболевания, протокол лечения – все это, безусловно, оказывает стрессовое воздействие на родителей, в особенности на матерей. Это способствует формированию эмоциональных и поведенческих проблем у родителей, что, в свою очередь, зачастую является серьезным препятствием на пути реабилитационного лечения их ребенка. Часто в семье, воспитывающей ребенка с особенностями в развитии, в силу различных причин формируются сложные межличностные отношения. К факторам, влияющим на развитие неконструктивных детско-родительских моделей можно отнести следующее:

- 1) характер и степень выраженности нарушений у ребенка, внешние проявления, их необратимость (например, при детском церебральном параличе, умственной отсталости, раннем детском аутизме и др.);

- 2) личностные особенности, черты родителей, которые обостряются в травмирующей психику ситуации;
- 3) персональные установки, зависимость от традиций, которые также могут оказывать влияние на процесс воспитания;
- 4) социальная среда и условия, способствующие или препятствующие реализации родителями своих воспитательных задач (Левченко, Ткачева, 2008).

В рамках настоящего исследования стрессором является заболевание ребенка эпилепсией. Данный стрессор характеризует такая особенность как длительность влияния на человека, поэтому в отличие от краткосрочных стрессоров (биогенные, техногенные катастрофы и другие), эпилепсия у ребенка может относиться к группе хронических, повторяющихся или продолжительно влияющих стрессоров (Тарабрина и др., 2015). Эпилепсия – это расстройство мозга, которое характеризуется стойкой предрасположенностью к генерации эпилептических припадков, а также нейробиологическими, познавательными, психологическими и социальными проявлениями этого состояния (Зенков, 2012). Заболевание имеет сложный патогенез и выраженную симптоматику. Важно отметить, что в момент, когда родители узнают о заболевании ребенка (что может произойти как при рождении, так и в процессе его жизни), они испытывают сильный стресс, степень которого позволяет говорить о посттравматическом стрессовом расстройстве. Зачастую главная нагрузка ложится именно на матерей. По исследованиям Р. Ф. Майрамяна, у 48% обследованных матерей после того как они узнавали о диагнозе ребенка возникала депрессия, менее чем у 20% матерей – тревога; у 16,7% матерей наблюдалось суицидальное поведение (Исаев, 2007). Анализ травматических событий позволит сформировать более полную картину психологического состояния матерей; увидеть какие сопутствующие события происходили в жизни матерей, чьи дети имеют диагноз эпилепсия; позволит выявить различия по количеству и интенсивности стрессовых событий, происходивших в жизни респондентов до и после постановки диагноза ребенку.

Результаты эмпирического исследования посттравматического стресса матерей

Объем выборочной совокупности настоящего исследования составил 70 чел. Это матери, имеющие ребенка с диагнозом эпилепсия. Сбор эмпирических данных происходил на базе медицинского центра «ЦЭН им. А. А. Казаряна». Возраст матерей, участвующих в ис-

следовании, варьировался от 28 до 50 лет, по уровню образования – от среднего специального и выше, проживающих в разных городах России.

Предмет исследования – уровень посттравматического стресса, количество и интенсивность стрессовых жизненных событий у матерей. Объект исследования – психологические особенности матери, имеющей ребенка с заболеванием эпилепсия. Цель исследования – изучение картины травматических событий у матерей.

В рамках данной статьи выделены следующие *задачи*:

1. Рассмотреть общую картину травматических событий, которые встречались в жизни матерей, имеющих ребенка с диагнозом эпилепсия
2. Выявить межгрупповые различия по количеству и интенсивности травматических событий до и после постановки диагноза ребенку.

Гипотезы

- У матерей, чьи дети имеют диагноз эпилепсия, чаще будут встречаться стрессовые события, связанные с трудными ситуациями с детьми, а также травмы, заболевания близкого человека.
- При высоком уровне посттравматического стресса количество травматических событий по времени следующих за событием «болезнь ребенка» больше, чем при низком уровне посттравматического стресса.

Для проверки гипотезы в настоящем исследовании использовались следующие *методики*:

- Опросник исследования уровня посттравматического стресса «Миссисипская шкала» (Н. М. Кеан, Дж. М. Кэддел, К. Л. Тэйлор), гражданский вариант в адаптации Н. В. Тарабриной.
- Опросник травматических ситуаций (Life Experience Questionnaire, LEQ; Дж. Норбек, И. Сарасон и др.) в адаптации Н. В. Тарабриной (Практическое..., 2007).

Рассматривая общие результаты по выборке матерей, имеющих ребенка с диагнозом эпилепсия, можно выделить прямо пропорциональную связь между уровнем влияния перенесенного стресса «Миссисипская шкала» и признаками посттравматического стресса (Индекс травматизации, LEQ) ($r=0,859$ $p<0,01$). Чем больше травматических событий и интенсивней респондент их проживает, тем более выражено на текущий момент влияние перенесенной травмы. В карти-

не травматических событий присутствуют различные типы стрессовых событий. Однако стрессовая ситуация, вызванная болезнью ребенка, вносит большой вклад в картину и индекс травматизации матерей. Само заболевание ребенка и сопутствующее лечение несет большую нагрузку на семейную систему, а также вносит значительный вклад в картину травматических событий матери.

Всего респонденты отметили 580 травматических жизненных ситуаций. Наиболее часто встречаются события, связанные с трудными ситуациями с детьми респондентов (15,3%), травмы, смерть, или заболевание близкого человека, известие об этом (11,7%), а также другие стрессовые ситуации (10,1%), реже всего упоминались ситуации, связанные с физическим и эмоциональным насилием (7,4%) и экономические лишения (6,7%). Остальные типы событий встречаются примерно с одинаковой частотой (7,9–8,8%). Важно отметить, что не все события, которые указывают респонденты, являются психотравмирующими. Ситуации, вызывающие травму ($IT > 2,8$), составляют 62,7%. В разделе «другие стрессовые ситуации» психотравматические события встречаются в 100% случаев. Это связано с тем, что в данном разделе присутствуют вопросы «Переживали ли Вы какую-либо другую экстраординарную стрессовую ситуацию или событие, которое не было перечислено выше?» и «Кроме перечисленных выше событий и ситуаций, какие еще другие возможные стрессовые ситуации или события происходили с Вами?», на который респонденты (56 чел.) ответили утвердительно, указывая на события, связанные с заболеванием своего ребенка. Постановка диагноза могла происходить год назад или десять лет назад. Однако травматическая ситуация оказывает сильное влияние по настоящее время в силу особенностей протекания данного заболевания. Большую вероятность оказать травмирующее влияние имеют события, связанные с трудными ситуациями с детьми (70,7%), ситуации физического и эмоционального насилия (74,4%), травмы, смерть, или заболевание близкого человека, известие об этом (76%), физические травмы, заболевания, угроза жизни самого субъекта (72%). В меньшей степени вероятность оказать травмирующее влияние имеют события, связанные с природными и техногенными катастрофами, авариями (34%), ситуации, в которых человек стал очевидцем или участником смерти или травмирования кого-либо (41,3%).

Следующим логическим этапом анализа является изучение различий картины травматических событий до и после постановки диагноза ребенку, что позволит подтвердить или опровергнуть следующую гипотезу: при высоком уровне посттравматического стресса количество травматических событий по времени, следующих за со-

бытием «болезнь ребенка» больше, чем при низком уровне посттравматического стресса.

Анализируя данные по Миссисипской шкале можно выделить три основные группы:

1. 21 респондент (30%), имеет сильное влияние перенесенной травмы, высокие баллы по МШ (>94);
2. 31 респондент (44,29%) имеет средний уровень наличия влияния перенесенной травмы, средние баллы по МШ (75–94);
3. 18 респондентов (25,71%) имеют низкое влияние перенесенной травмы, низкие баллы по МШ (<75).

Было проведено сравнение зависимых переменных (травматические ситуации с высоким индексом травматизации (ИТ>3) до постановки диагноза ребенку и после) при помощи критерия Вилкоксона в трех вышеописанных группах. В рамках данных групп выявлены травматические события, которые произошли до момента постановки диагноза ребенку и после. Наблюдаются значимые различия между количеством травматических ситуаций, которые переживаются человеком остро и интенсивно (ИТ>3), до момента постановки диагноза ребенку и после у матерей всех трех групп: с низким, средним и высоким уровнем влияния перенесенного стресса ($z=1,53$; $T=17$; $p<0,01$), ($z=3,4$; $T=25$ $p<0,01$), ($z=3,64$; $T=4,5$; $p<0,01$). Это свидетельствует о том, что для всех респондентов события, произошедшие после постановки диагноза ребенку, ощущались как более острые, трудные. В то время как многие события, произошедшие до этой ситуации, на момент исследования не переживались остро.

Можно предположить, что травматичные события, которые остро воспринимались матерями, после постановки диагноза эпилепсия были связаны с жизненными событиями, ситуациями, которые были спровоцированы фактором болезни ребенка. Например, трудности в семейных отношениях, алкогольные зависимости родственников, экономическая нужда, многократные угрозы жизни ребенка и др.

Выводы

Полученные результаты позволяют сформировать представление о жизненных происшествиях, ситуациях, которые присутствуют в жизни матерей, чьи дети болеют эпилепсией. Проведенный межгрупповой анализ свидетельствует о том, что у женщин данной выборки существуют различия по количеству и интенсивности событий, произошедших до и после дебюта заболевания ребенка.

Литература

- Зенков Л. Р.* Эпилепсия. Диагноз и лечение. М.: Медицинское информационное агентство, 2012.
- Исаев Д. Н.* Участие семьи в воспитании, лечении и реабилитации детей с умственной отсталостью // Психология семьи и больной ребенок: Учеб. пособие: Хрестоматия / Сост. И. В. Добряков, О. В. Защирина. СПб.: Речь, 2007.
- Левченко И. Ю., Ткачева В. В.* Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии: Метод. пособие. М.: Просвещение, 2008.
- Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы / Ред. Н. В. Тарабрина. М.: Когито-Центр, 2007.
- Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е., Никитина Д. А.* Уровень посттравматического стресса и психопатологическая симптоматика у пациентов, оперированных по поводу менингиомы // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 3. С. 32–49.

Analysis of traumatic events that mothers of children with diagnosis epilepsy have

E. A. Koltsova (Moscow)

Institute of Psychology, RAS

This article describes the results of the research. Its aim is to investigate mental condition of mothers. The amount of traumatic events after the event “child’s decease” is more with the high level of posttraumatic stress compare to the low level of posttraumatic stress whose children have epilepsy disease.

Keywords: post-traumatic stress, epilepsy, psychological adaptation, picture of traumatic events.

Представление о трудной жизненной ситуации, адаптивные стратегии и копинг подростков с различным суицидальным риском

В. Е. Купченко, М. К. Базарбаева** (Омск)*

** кандидат психологических наук, Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского; e-mail: kupchenko07@mail.ru*

*** Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского;
e-mail: maugul15.05.97@mail.ru*

В статье проверялась гипотеза о том, что представления о трудной жизненной ситуации, адаптивные стратегии и копинг у подростков с разным уровнем суицидального риска обладают своей спецификой. По результатам исследования 23% подростков характеризуются высоким уровнем суицидального риска, 67% – средним уровнем и у 10% подростков – низкий уровень суицидального риска. Подростки с высоким суицидальным риском значительно выше, чем подростки со средним и низким суицидальным риском, оценивают такой показатель трудной жизненной ситуации, как «длительная». У подростков с высоким уровнем суицидального риска значительно выше выражена стратегия «пассивной репрезентации себя», они значительно чаще используют в трудных ситуациях копинг-стратегии «конфронтации», «дистанцирования» и «бегства–избегания», значительно реже, чем подростки с низким риском, используют стратегию «активного изменения себя».

Ключевые слова: суицидальный риск, подростковый возраст, предикторы, трудная ситуация, копинг, адаптивные стратегии.

Подростковый возраст в силу своих особенностей традиционно рассматривается в качестве уязвимого периода жизни. Одним из главных психологических новообразований подросткового возраста является становление самосознания, формирование собственно-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00500.

го «Я». Становление самосознания открывает перед подростком ряд новых вопросов и проблем, самой существенной из которых является осмысление своего места в социуме и самоопределение. Зарубежный ученый Э. Эриксон (Эриксон, 1996) называет это кризисом идентичности. В случае его благополучного разрешения подросток переходит на более сложный многомерный уровень социальных отношений, у него появляется способность воспринимать свою жизнь во всей ее целостности, строить жизненные планы, ставить и достигать цели, адекватно оценивать собственные ресурсы, свои сильные и слабые стороны. Если благополучно разрешить кризис идентичности не удастся, у подростка могут наблюдаться проблемы в способности строить межличностные отношения, инфантильность, страх перед будущим и зависимость от других.

В подростковом возрасте возрастает вероятность проявления различных форм отклоняющегося поведения, в том числе проявляется риск самоповреждающего, суицидального поведения. Подобное поведение может объясняться различными причинами: эмоционально-волевой незрелостью подростков, их максимализмом, складывающейся социальной ситуацией развития, склонностью подростков к демонстративным поступкам. Как отмечает М. А. Алимова, подростки не осознают до конца, что смерть – это конец жизни; «для них это в какой-то мере виртуальная игра» (Алимова, 2014, с. 28). Демонстративные суицидальные попытки выступают для них формой протеста, обиды, недовольства собой. Несмотря на то, что у подростка чаще всего отсутствует истинное стремление лишиться себя жизни, относиться к этому следует очень серьезно, поскольку даже демонстративно-шантажная попытка в силу разных причин может завершиться законченным суицидом, либо привести к непоправимым последствиям для здоровья.

Все это остро ставит перед исследователями проблему выявления суицидального риска и уровня его выраженности у подростков по различным поведенческим характеристикам и эмоциональным проявлениям, на которые в своих выводах могли бы опираться также родители и педагоги. Поскольку суицидальные попытки нередко являются следствием стремления справиться с проблемами, которые подростки оценивают как неразрешимые, важно понимать, какие именно трудности толкают подростка на суицид и какие стратегии он использует для их преодоления. Значимым ресурсным копинг-фактором в данном случае, на наш взгляд, является обращение за поддержкой к другим людям: как отмечает А. Г. Амбромова с соавторами, ощущение одиночества, непонимания со стороны окружающих увеличивает субъективный масштаб проблемы

для подростка и может приводить к суицидальным попыткам (Амбрумова, Шаповалова, 1991). Использование социально ориентированных стратегий, как мы считаем, препятствует развитию суицидального риска до высокого уровня.

Итак, в качестве цели данного исследования мы сформулировали определение представления о трудной жизненной ситуации, адаптивных стратегий, копинга подростков с различным уровнем суицидального риска. В качестве гипотезы мы выдвинули предположение о том, что представления о трудной жизненной ситуации, адаптивные стратегии и копинг у подростков с разным уровнем суицидального риска обладают своей спецификой. Для проверки поставленной гипотезы мы применяли комплекс методов. С целью определения суицидального риска мы основывались на самооценочных суждениях подростков, выявленных на основе методики определения суицидальной направленности (личностный опросник ИСН), и на оценке поведенческих параметров суицидального риска, полученных с помощью авторской анкеты (В. Е. Купченко, О. Ю. Гроголева) и «Карты риска суицида», модифицированной для подростков Л. Б. Шнейдер. Адаптивные стратегии подростка выявлялись при помощи методики исследования стратегий адаптивного поведения подростков (АСП-1) Н. Н. Мельниковой (Мельникова, 2001). Представление о трудной жизненной ситуации нами изучены с помощью авторской анкеты, копинг подростка изучался при помощи методики Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой (Лазарус, 1970).

Выборку исследования составили 143 чел. Среди них 70 подростков (26 мальчиков и 44 девочки), их родители (матери) также в количестве 70 чел. и 3 педагога (классных руководителей). Все опрошенные подростки – учащиеся 6–7 классов общеобразовательной школы г. Омска в возрасте от 13 до 14 лет. Родители и педагоги заполняли авторскую анкету оценки поведенческих параметров суицидального риска подростка (В. Е. Купченко, О. Ю. Гроголева) и Карту риска суицида (Л. Б. Шнейдер). При разделении подростков на группы по уровню суицидального риска учитывались результаты опроса самих подростков, родителей и педагогов. В случае если оценки не совпадали, разделение основывалось на оценке той из групп, которая оценила суицидальный риск выше.

Результаты исследования

В целом, по результатам трех методик, подростки разделились по уровню суицидального риска на три подгруппы следующим образом: 23% –

подростки с высоким уровнем суицидального риска, 67% – подростки со средним уровнем суицидального риска и 10% – подростки с низким уровнем. В группе подростков с высоким суицидальным риском показатели «депрессивности» (13,9 балла), «невротизации» (11,6 балла) и «общительности» (12,6 балла) соответствуют средним. В группе подростков со средним суицидальным риском показатели «депрессивности» (9 баллов), «невротизации» (8,3 балла) и «общительности» (12,4 балла) также соответствуют средним. Для выявления значимых различий между компонентами суицидального риска по методике «ИСН» у подростков с разным его уровнем мы сравнили эти компоненты попарно между подгруппами с помощью U-критерия Манна–Уитни. В группе подростков с низким суицидальным риском показатели «депрессивности» (3,9 балла) и «невротизации» (4,4 балла) соответствуют низким, а показатели «общительности» (14 баллов) – средним. У подростков с высоким суицидальным риском показатели «депрессивности» и «невротизации» выше, чем у подростков со средним ($U=172,5, p\leq 0,001$; $U=223, p\leq 0,05$) и низким ($U=11,5, p\leq 0,001$; $U=16, p\leq 0,01$) суицидальным риском. В свою очередь, у подростков со средним суицидальным риском показатели «депрессивности» ($U=59,5, p\leq 0,01$) и «невротизации» ($U=71,5, p\leq 0,05$) выше, чем у подростков с низким суицидальным риском. По показателям «общительности» значимых различий между подгруппами не выявлено. По результатам измерения компонентов суицидального риска в трех подгруппах подростков по анкете оценки поведенческих критериев суицидального риска В. Е. Купченко, О. Ю. Гроголевой ведущими параметрами суицидального риска у подростков с высоким его уровнем, согласно оценке родителей, выступают «отношения дома» (3,8 балла), «поведение в школе» (3,4 балла) и «отношения со сверстниками» (2,6 балла). Родители подростков со средним суицидальным риском в качестве ведущих параметров выделяют «отношения дома» (2,1 балла) и «поведение в школе» (1 балл), а родители подростков с низким суицидальным риском – «отношения дома» (1 балл). Согласно оценке родителей, у подростков с высоким суицидальным риском такие показатели суицидального риска, как «отношения дома» ($U=239,5, p\leq 0,05$; $U=21, p\leq 0,05$), «отношения со сверстниками» ($U=201,5, p\leq 0,01$; $U=14, p\leq 0,01$), «поведение в школе» ($U=189, p\leq 0,01$; $U=10,5, p\leq 0,001$) и «общий суицидальный риск» ($U=152,5, p\leq 0,001$; $U=9, p\leq 0,001$) выше, чем у подростков со средним и низким суицидальным риском. В свою очередь, у подростков со средним суицидальным риском показатели «отношения дома» ($U=87,5, p\leq 0,05$), «отношения со сверстниками» ($U=77, p\leq 0,05$), «поведение в школе» ($U=80,5, p\leq 0,05$), «эмоциональные состояния» ($U=87,5, p\leq 0,05$) и «общий суицидальный

риск» ($U=39$, $p \leq 0,001$) выше, чем у подростков с низким суицидальным риском. По показателям «мысли о вреде другим» и «социальная адаптация» значимых различий между подгруппами не выявлено. По Карте риска суицида (Л. Б. Шнейдер) ведущими параметрами суицидального риска у подростков с высоким его уровнем, согласно оценке педагогов, выступают «волевые» и «эмоциональные» характеристики (по 2,4 балла). У подростков со средним и с низким суицидальным риском в качестве ведущего параметра педагоги выделяют «волевые характеристики» (2,9 и 3 балла). Значимых различий между компонентами суицидального риска по методике «Карта риска суицида», модифицированной для подростков Л. Б. Шнейдер, у подростков с разным уровнем суицидального риска с помощью U-критерия Манна–Уитни не выявлено.

Вторая задача нашего исследования состояла в выявлении особенностей представлений о трудной жизненной ситуации у подростков с разным уровнем суицидального риска. Для этой цели использовалась авторская анкета. Чаще всего в качестве трудных жизненных ситуаций подростки называют «плохое настроение, чувство вины из-за ссоры с родителями» (29%), «санкции со стороны родителей» (27%) и «ссору с друзьями» (13%). Подростки с высоким суицидальным риском выше всего оценили такие характеристики трудной жизненной ситуации, как «тяжелая» (1,2 балла), «сложная» (0,9 балла) и «пассивная» (0,9 балла). Подростки со средним уровнем суицидального риска описывают трудную жизненную ситуацию, как «тревожную» (0,7 балла) и «напряженную» (0,7 балла), а подростки с низким уровнем суицидального риска – как «требующую поддержки» (0,4 балла). Установлено, что подростки с высоким суицидальным риском значительно выше, чем подростки со средним и низким суицидальным риском, оценивают такой показатель трудной жизненной ситуации, как «длительная» ($U=26,5$, $p \leq 0,05$; $U=229$, $p \leq 0,05$). Подростки со средним суицидальным риском значительно выше, чем подростки с низким суицидальным риском, оценивают «тревожность» в трудной жизненной ситуации ($U=68,5$, $p \leq 0,05$).

Третья задача нашего исследования предполагала выявление со-владающих стратегий поведения у подростков с разным уровнем суицидального риска. Для этой цели применялись две методики: методика исследования стратегий адаптивного поведения подростков (АСП-1) Н. Н. Мельниковой и методика на исследование копинга Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык, М. С. Замышляевой. Ведущими адаптивными стратегиями поведения подростков с высоким суицидальным риском являются стратегии «пассивного подчинения среде» (5,9 балла) и «пассивного ожида-

ния изменений» (5,6 балла). У подростков со средним суицидальным риском первые места в иерархии адаптивных стратегий поведения занимают «пассивное подчинение среде» (6,5 балла) и «активное изменение себя» (5,8 балла), а у подростков с низким риском – «активное изменение себя» (7,9 балла) и «пассивное подчинение среде» (6,4 балла). Согласно полученным результатам, подростки с низким суицидальным риском значительно чаще, чем подростки с высоким и средним риском, используют стратегию «активного изменения себя» ($U=16, p\leq 0,01$; $U=62, p\leq 0,01$). В свою очередь, подростки со средним уровнем суицидального риска чаще, чем подростки с низким риском, используют стратегию «ухода от контакта и погружения в себя» ($U=84, p\leq 0,05$). У подростков с высоким и средним уровнем суицидального риска также значительно выше выражена стратегия «пассивной репрезентации себя», чем у подростков с низким суицидальным риском ($U=23,5, p\leq 0,05$; $U=80, p\leq 0,05$).

Установлено, что подростки с высоким суицидальным риском значительно чаще, чем подростки с низким риском, используют в трудных ситуациях копинг-стратегии «конфронтации» ($U=25,5, p\leq 0,05$), «дистанцирования» ($U=26, p\leq 0,05$) и «бегства–избегания» ($U=10, p\leq 0,001$). Подростки со средним суицидальным риском в трудных жизненных ситуациях чаще, чем подростки с низким риском, используют копинг-стратегии «дистанцирования» ($U=58,5, p\leq 0,01$) и «бегства–избегания» ($U=61,5, p\leq 0,01$).

Выводы

1. У 23% подростков выявлен высокий уровень суицидального риска, у 67% – средний уровень и у 10% подростков – низкий уровень суицидального риска. У подростков с высоким суицидальным риском показатели «депрессивности» и «невротизации» выше, чем у подростков со средним и низким суицидальным риском, а у подростков со средним суицидальным риском эти показатели выше, чем у подростков с низким суицидальным риском. Согласно оценке родителей, у подростков с высоким суицидальным риском такие показатели суицидального риска, как «отношения дома», «отношения со сверстниками», «поведение в школе» и «общий суицидальный риск», выше, чем у подростков со средним и низким суицидальным риском. В свою очередь, у подростков со средним суицидальным риском перечисленные выше характеристики, а также «эмоциональные состояния» выше, чем у подростков с низким суицидальным риском. Ведущими параметрами суицидального риска у подростков с высоким его уровнем,

- согласно оценке педагогов, выступают «волевые» и «эмоциональные» характеристики. У подростков со средним и с низким суицидальным риском в качестве ведущего параметра педагоги выделяют «волевые характеристики».
2. «Общительность» подростков, согласно их собственной оценке, напрямую взаимосвязана с такой оцениваемой родителями характеристикой суицидального риска, как «отношения дома».
 3. Чаще всего в качестве трудных жизненных ситуаций подростки называют «плохое настроение, чувство вины из-за ссоры с родителями», «санкции со стороны родителей» и «ссору с друзьями». Подростки с высоким суицидальным риском значительно выше, чем подростки со средним и низким суицидальным риском, оценивают такой показатель трудной жизненной ситуации, как «длительная». Подростки со средним суицидальным риском значительно выше, чем подростки с низким суицидальным риском, оценивают «тревожность» трудной жизненной ситуации.
 4. Подростки с высоким и средним суицидальным риском значительно реже, чем подростки с низким риском, используют стратегию «активного изменения себя». Подростки со средним уровнем суицидального риска чаще, чем подростки с низким риском, используют стратегию «ухода от контакта и погружения в себя». У подростков с высоким и средним уровнем суицидального риска также значительно выше выражена стратегия «пассивной репрезентации себя», чем у подростков с низким суицидальным риском. Подростки с высоким суицидальным риском значительно чаще, чем подростки с низким риском, используют в трудных ситуациях копинг-стратегии «конфронтации», «дистанцирования» и «бегства—избегания». Подростки со средним суицидальным риском в трудных жизненных ситуациях чаще, чем подростки с низким риском, используют копинг-стратегии «дистанцирования» и «бегства—избегания».

Литература

- Алимова М. А.* Суицидальное поведение подростков: диагностика, профилактика, коррекция. Барнаул, 2014.
- Амбрумова А. Г., Шаповалова Л. И.* Социально-психологические факторы в формировании суицидального поведения: Методические рекомендации. М., 1991.
- Лазарус Р.* Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / Под ред. Л. Леви. Л.: Медицина, 1970. С. 178–208.

Мельникова Н. Н. Классификация стратегий адаптивного поведения // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология: Сборник научных трудов / Под ред. Н. А. Батурина. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. Т. 3. С. 13–23.

Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

Presentation of a difficult life situation, adaptive strategies and coping adolescents with a different suicidal risk

*V. E. Kupchenko**, *M. K. Bazarbayeva*** (Omsk)

* Candidate of Psychological Sciences, Dostoevsky Omsk State University

** Dostoevsky Omsk State University

The article tested the hypothesis that the representation of a difficult life situation, adaptive strategies and coping in adolescents with different levels of suicidal risk have their own specifics. According to the results of the study, 23% of adolescents are characterized by a high level of suicidal risk, 67% – an average level and 10% of adolescents – a low level of suicidal risk. Adolescents with high suicide risk are significantly higher than adolescents with average and low suicide risk, assess such an indicator of a difficult life situation as “long-term”. In adolescents with a high level of suicidal risk, the strategy of “passive representation of themselves” is much more pronounced, they are much more often used in difficult situations, coping strategies of “confrontation”, “distancing” and “escape—avoidance”, much less often than adolescents with low risk, use the strategy of “active change of self”.

Keywords: suicidal risk, adolescence, predictors, difficult situation, coping, adaptive strategies.

Регуляция эмоций у лиц с различным уровнем нейротизма

*М. А. Падун** (Москва), *А. Н. Зелянина*** (Архангельск)

** кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: maria_padun@inbox.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент,
Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова;
e-mail: zelyanina-anna@yandex.ru*

В статье представлены результаты исследования механизмов регуляции эмоций в их связях с позитивными и негативными эмоциональными состояниями у лиц с различным уровнем нейротизма. Показано, что уровень нейротизма является предиктором различий в способности индивида изменять отношение к эмоциогенной ситуации с целью регуляции эмоций: лица с высоким нейротизмом в меньшей степени способны к переоценке негативного опыта. Вместе с тем склонность к подавлению эмоций не зависит от уровня нейротизма. Независимо от уровня нейротизма, лица, способные к когнитивной переоценке, переживают больше положительных эмоций. При низком и среднем уровне нейротизма существует положительная связь между подавлением эмоций и выраженностью негативных эмоциональных состояний; при высоких значениях нейротизма эта связь пропадает.

Ключевые слова: регуляция эмоций, позитивный аффект, негативный аффект, нейротизм, подавление эмоций, когнитивная переоценка.

Г. Айзенк определял термин «нейротизм» как черту личности, которая характеризуется тенденцией к переживанию частых и интенсивных негативных эмоций. Людям с высоким нейротизмом свойственны негативные представления о мире как враждебном и опасном, а также о себе как о человеке, неспособном совладать с трудностями.

Работа выполнена по госзаданию ФАНО № 0159-2018-0007.

ми. Что касается соотношения черты «нейротизм» и клинических категорий, то известно, что индивиды, страдающие эмоциональными расстройствами, имеют высокие показатели нейротизма. Таким образом, высокий уровень нейротизма в сочетании с подверженностью стрессору (даже невысокой интенсивности) с достаточно высокой вероятностью приводит к развитию тревожных и депрессивных расстройств.

Несмотря на то, что родственный нейротизму термин «невроз», объединяющий различные эмоциональные нарушения, был исключен из современных классификаций психических расстройств, результаты исследований указывают на высокую коморбидность между эмоциональными расстройствами. Так, есть данные о том, что порядка 55% пациентов с паническим расстройством страдали параллельно от другого тревожного или депрессивного расстройства, причем если анализировались эпизоды расстройств на протяжении всей жизни (а не только на момент исследования), то процент коморбидности увеличивался до 76% (Brown et al., 2001). Фактом, косвенно подтверждающим наличие общей основы тревожных и депрессивных расстройств, является то, что лечение антидепрессантами одинаково эффективно в отношении большинства эмоциональных расстройств (и депрессивных, и тревожных) (Hudson, Pope, 1990). Кроме того, данные нейронаук подтверждают, что гиперреактивность амигдалы в сочетании со сниженной контролирующей активностью префронтальных отделов мозга характерна как для депрессивных, так и для тревожных расстройств (Barlow et al., 2014). Такая же закономерность была обнаружена у лиц без клинических диагнозов, но обладающих высокими показателями по шкале «Нейротизм» (Keightley et al., 2003).

В целом, современные представления о генезе тревожных и депрессивных нарушений сходятся в том, что нейротизм является основным диатез-фактором для всех тревожно-депрессивных расстройств (биполярное расстройство не входило в перечень исследуемых категорий), тогда как интроверсия является дополнительным диатез-фактором униполярной депрессии и социального тревожного расстройства (Brown, McNiff, 2009).

Нейротизм, как личностная черта, с одной стороны, оказывает влияние на процессы регуляции эмоций, с другой стороны, — лица с одинаково высоким нейротизмом, вероятно, могут различаться в своих способностях к регуляции эмоций, что, в свою очередь, влияет на процессы переживания трудных ситуаций и адаптацию к ним. Регуляция эмоций представляет собой комплекс психических процессов, которые усиливают, ослабляют либо удерживают

на одном уровне интенсивность эмоциональных реакций человека. Регуляцию эмоций следует рассматривать как континуум от сознательного, требующего усилий процесса, которым управляют, к неосознающему, автоматическому регулированию. Отрицаются априорные предположения об эффективности или неэффективности той или иной стратегии регуляции эмоций. Каждая стратегия регуляции в гипертрофированных вариантах становится дисфункциональной, т. е. может быть причиной тех или иных нарушений. Стратегии из продуктивных трансформируются в непродуктивные, если однообразно используются в разных жизненных ситуациях, т. е. являются тотальными, ригидными и устойчивыми способами регуляции эмоций (Падун, 2010).

Таким образом, понимание механизмов развития различных эмоциональных состояний у лиц с различным уровнем нейротизма является важной задачей как в теоретическом, так и в прикладном аспекте.

Характеристики эмоциональных состояний изучаются в данной работе через показатели позитивного-негативного аффекта. Измерения позитивного и негативного аффекта в модели эмоций Д. Уотсона и А. Теллегена представлены как две униполярные шкалы, которые слабо отрицательно коррелируют (Watson, Tellegen, 1985 – цит. по: Осин, 2012). Высокий уровень позитивного аффекта (ПА) представляет собой состояние приятной вовлеченности, высокой энергичности и полной концентрации в противовес унынию и вялости (низкий ПА). Высокий уровень негативного аффекта (НА) отражает состояние субъективно переживаемого страдания, неприятной вовлеченности (различной по содержанию – это может быть гнев, отвращение, презрение, вина, страх, раздражительность) в противовес спокойствию и безмятежности (низкий НА) (Watson, Tellegen, 1985 – цит. по: Осин, 2012).

Предполагалось, что структура связей между стратегиями регуляции эмоций, личностными свойствами и выраженностью позитивных-негативных эмоциональных состояний различается у индивидов с высоким и низким нейротизмом.

Выборка

В исследовании приняли участие студенты вузов г. Архангельска в возрасте от 17 до 29 лет ($N=263$; возраст: $M=19,01$; $SD=1,41$); 139 юношей и 124 девушки. В соответствии с гипотезами исследования из выборки были выделены две контрастные группы: «высокий нейротизм» ($N=54$) и «низкий нейротизм» ($N=93$).

Методики

В исследовании были использованы следующие методики:

1. «Опросник регуляции эмоций» (ОРЭ) в апробации И. Н. Дорофеевой, М. А. Падун (Дорофеева, Падун, 2010) оценивает уровень выраженности двух тенденций в регуляции эмоций: когнитивной переоценки и подавления эмоций.
2. Опросник «Шкала позитивного аффекта и негативного аффекта» (ШПАНА) в апробации Е. Н. Осина (Осин, 2012) предназначен для определения уровня и направленности аффекта (позитивный/негативный).
3. Личностный опросник *Big Five (форма S)* в адаптации М. В. Бодунова, С. Д. Бирюкова. Опросник включает следующие шкалы: «Нейротизм», «Экстраверсия», «Склонность к согласию», «Добросовестность», «Открытость опыту». Показатели валидности были опубликованы Митиной и др. (Митина и др., 2017). Шкалы опросника имеют показатель α Кронбаха не ниже 0,8 для всех шкал кроме «Открытость». По шкале «Открытость» получен коэффициент 0,6, что говорит об удовлетворительной согласованности.

Результаты и их обсуждение

Проверка нормальности распределения по критерию Колмогорова—Смирнова показала, что распределение всех переменных в обеих выборках соответствует нормальному ($p > 0,20$), за исключением переменной «негативный аффект».

Для проверки гипотезы о том, что нейротизм является предиктором неэффективной регуляции эмоций, был проведен однофакторный дисперсионный анализ ANOVA в отношении двух зависимых переменных — выраженности стратегий регуляции эмоций «когнитивная переоценка» и «подавление». Проведение теста Ливена для показателей «когнитивная переоценка» и «подавление» подтвердило возможность применения ANOVA ($p > 0,05$). В качестве независимой переменной рассматривалась принадлежность к группам «высокий нейротизм»—«низкий нейротизм». Результаты свидетельствуют о том, что уровень нейротизма является предиктором различий в способности индивида изменять отношение к эмоциогенной ситуации с целью регуляции эмоций ($F=2691,36$, $p < 0,01$): лица с высоким нейротизмом в меньшей степени способны к переоценке негативного опыта. Склонность людей подавлять экспрессию эмоций не зависит от уровня нейротизма.

Далее проверялась гипотеза о различиях в закономерностях в связях между эмоциональными состояниями и стратегиями регуляции эмоций у лиц с различным уровнем нейротизма. Полученные данные указывают на то, что независимо от уровня нейротизма, лица, способные к когнитивной переоценке, переживают больше положительных эмоций (группа «высокий нейротизм»: $r=0,35$, $p<0,01$; группа «низкий нейротизм»: $r=0,31$, $p<0,01$). Следует учесть, что при высоком нейротизме уровень позитивного аффекта ниже, чем при низком нейротизме ($t=-4,48$, $p<0,001$). Таким образом, негативная эмоциональность (нейротизм), как черта личности, предполагает, что человек испытывает меньше положительных эмоций, но при этом даже при высокой негативной эмоциональности способность к переоценке эмоциогенной информации повышает уровень позитивного аффекта, т. е. энергичности, концентрации внимания, приятной вовлеченности.

Связь между уровнем негативного аффекта и выраженностью стратегий регуляции эмоций в двух группах — «высокий нейротизм» и «низкий нейротизм» определялась при помощи непараметрического коэффициента корреляции Спирмена. Показано, что в группе лиц с высоким нейротизмом выраженность негативного аффекта вообще не связана с исследуемыми стратегиями регуляции эмоций. Таким образом, если положительные эмоции могут быть подвергнуты регуляции при помощи когнитивной переоценки у лиц с высокой негативной эмоциональностью (нейротизмом), то регуляция негативных эмоций в этой группе оказывается неэффективной. Это говорит о том, что уровень переживаемого психологического страдания остается неизменным независимо от способности к регуляции эмоций.

В группе лиц с низкой негативной эмоциональностью ситуация иная: предпочтение когнитивной переоценки также значимо не связано с выраженностью негативных эмоциональных состояний, тогда как склонность к подавлению эмоций положительно связана с выраженностью негативного аффекта ($R=0,35$, $p<0,001$). Данные факты проливают свет на обсуждаемые нами ранее результаты сравнения данных исследования стратегий регуляции эмоций на российской выборке с фактами, полученными на американских выборках. Получается, что для американцев характерно, что люди, которые склонны к подавлению эмоций, переживают в большей степени негативные эмоции и депрессию, по сравнению с теми, кто способен выражать эмоции. Эти закономерности на российской выборке не подтвердились: нами не было получено связей между эмоциональными состояниями и подавлением эмоций (Зелянина, Падун, 2017). Анализ, проведенный в данной работе, позволяет говорить о том, что до опре-

деленного уровня выраженности нейротизма положительная связь между подавлением эмоциональной экспрессии и выраженностью негативных эмоций все же существует (т. е. совпадает с закономерностями, полученными в западных исследованиях), а при высоких значениях нейротизма она пропадает. Для дополнительного анализа мы объединили группу лиц с низким нейротизмом с группой лиц со средней выраженностью нейротизма, которая не анализировалась в данном исследовании. Связи, полученные на объединенной группе ($N=209$), подтвердили наше предположение: склонность к подавлению эмоций положительно коррелирует с выраженностью негативного аффекта на объединенной выборке ($R=0,19$, $p<0,01$) и связь пропадает только в группе с высоким нейротизмом.

Полученные данные говорят о специфике группы лиц с высоким нейротизмом, для которой не выявлено корреляций между эмоциональными состояниями и стратегиями регуляции эмоций. Можно говорить о различных механизмах этого явления. Во-первых, вероятно, что негативная эмоциональность, как темпераментально-личностная черта, имеющая значимый генетико-биологический компонент, в высоких ее значениях перекрывает влияние других особенностей. Во-вторых, возможно, что лицам с высоким нейротизмом необходимы дополнительные ресурсы в управлении своими эмоциями и настроением, которые изначально у них имеются в недостаточном количестве (например, навыки конструктивного выражения эмоций). Это является основанием для рассмотрения их в качестве группы риска, которая нуждается в психопрофилактических и психокоррекционных мероприятиях для профилактики развития эмоциональных расстройств.

Выводы

1. Уровень нейротизма является предиктором различий в способности индивида изменять отношение к эмоциогенной ситуации с целью регуляции эмоций: лица с высоким нейротизмом в меньшей степени способны к переоценке негативного опыта.
2. Склонность к подавлению эмоций не зависит от уровня нейротизма.
3. Независимо от уровня нейротизма, лица, способные к когнитивной переоценке, переживают больше положительных эмоций.
4. При низком и среднем уровне нейротизма существует положительная связь между подавлением эмоций и выраженностью негативных эмоциональных состояний; при высоких значениях нейротизма эта связь пропадает.

Литература

- Дорофеева И. Н., Падун М. А.* Особенности саморегуляции и профиль латеральной организации мозга // Психологический журнал. 2012. № 1. С. 101–111.
- Митина О. В., Падун М. А., Зелянина А. Н.* Разработка русскоязычной версии методики «Тест имплицитного позитивного и негативного аффекта» // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 104–121.
- Осин Е. Н.* Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 91–110.
- Падун М. А.* Регуляция эмоций: процесс, формы, механизмы // Психологический журнал. 2010. № 6. С. 57–69.
- Падун М. А., Зелянина А. Н.* Стратегии регуляции эмоций и эмоциональные состояния: кросскультурные аспекты // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1458–1467.
- Barlow D. H., Sauer-Zavala S., Carl J. R., Bullis J. R., Ellard K. K.* The nature, diagnosis, and treatment of neuroticism: Back to the future // *Clinical Psychological Science*. 2014. V. 2. P. 344–365.
- Brown T. A., Campbell L. A., Lehman C. L., Grisham J. R., Mancill R. B.* Current and lifetime comorbidity of the DSM–IV anxiety and mood disorders in a large clinical sample // *Journal of abnormal Psychology*. 2001. V. 110. P. 49–58.
- Brown T. A., McNiff J.* Specificity of autonomic arousal to DSM–IV panic disorder and posttraumatic stress disorder // *Behaviour Research and Therapy*. 2009. V. 47. P. 487–493.
- Hudson J. I., Pope H. G.* Affective spectrum disorder: does antidepressant response identify a family of disorders with a common pathophysiology? // *American Journal of Psychiatry*. 1990. V. 147. P. 552–564.
- Watson D., Tellegen A.* Toward a consensual structure of mood // *Psychological Bulletin*. 1985. V. 98. P. 219–235.

Emotion regulation among persons with various level of neuroticism

M. A. Padun (Moscow), A. N. Zelyanina** (Arkhangelsk)*

* Candidate of Psychological Sciences, Institute of Psychology RAS

** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Northern (Arctic) federal university named after M. V. Lomonosov

The article presents the results of the study of the mechanisms of the regulation of emotions in their relationships with positive and negative emotional states in persons with different levels of neuroticism. It is shown that the level of neuroticism is a predictor of differences in the ability of an individual to change attitudes toward an emotion-like situation in order to regulate emotions: persons with high neuroticism are less able to reassess negative experiences. At the same time, the propensity to suppress emotions does not depend on the level of neuroticism. Regardless of the level of neuroticism, persons capable of cognitive reassessment experience more positive emotions. There is a positive relationship between the suppression of emotions and the severity of negative emotional states in groups with low and average level of neuroticism; in the group with high level of neuroticism this connection disappears.

Keywords: emotion regulation, positive affect, negative affect, neuroticism, emotional suppression, cognitive reappraisal.

Отсроченные психологические последствия террористического акта для косвенных свидетелей: обзор эмпирических исследований

Т. В. Парфёнова (Минск)

Национальный институт образования; e-mail: pa.tanya@mail.ru

На основе анализа эмпирических исследований показано, что террористический акт оказывает сильное по своим последствиям воздействие на человека и влечет за собой непосредственные и отсроченные реакции не только у участников событий, но и тех, кого коснулось это косвенно. Косвенные свидетели — это люди, которые не присутствовали на месте происшествия, но узнали о теракте через СМИ и другие источники коммуникации. Статья посвящена обзору эмпирических исследований отечественных и зарубежных психологов, в которых анализируются отсроченные психологические последствия террористического акта для косвенных свидетелей. Выявлено, что накопленный опыт изучения данной проблемы недостаточен для понимания целостной картины личностных изменений косвенных свидетелей под воздействием террористических актов.

Ключевые слова: отсроченные психологические последствия, террористический акт, косвенные свидетели.

На современном этапе развития человечества все большую актуальность приобретает проблема личной и общественной безопасности. Мирное население живет в условиях «давления» различного рода угроз: от природных катастроф до специально организованных террористических атак. При этом террористические акты (далее ТА) переживаются людьми наиболее остро, оказывают сильное

Исследование выполнено при поддержке гранта Министерства образования Республики Беларусь № государственной регистрации 20180362 от 09.04.2018.

по своим последствиям воздействие на человека, влекут за собой непосредственные и отсроченные реакции, которые имеют тенденцию со временем закрепляться, переходя в личностные свойства и приводя к различным изменениям личности. Цель современного терроризма не ограничивается физическими жертвами, а состоит в устрашении мирного населения, формировании атмосферы страха в обществе, что способствует возникновению отсроченных и долговременных психологических последствий не только у участников событий, но и тех, кого коснулось это косвенно.

Необходимо отметить, что до сравнительно недавнего времени в качестве объекта исследования большее внимание психологов привлекали как сами террористы, так и непосредственные жертвы терактов. Однако такие факторы, как рост «горячих точек» в различных регионах, доступность информации о происшествиях, наличие трагического опыта в истории народа, создают для жизни мирного населения условия «давления» угрозы террористической атаки и приводят к осознанию людьми реальности этой угрозы. Новые общественно-исторические условия жизни и высокая социальная значимость проблемы активизировали интерес ученых к изучению психологических последствий ТА для косвенных свидетелей, т. е. тех людей, которые не присутствовали на месте происшествия, но узнали о теракте через СМИ и другие источники коммуникации. В этой связи настоящая статья посвящена обзору эмпирических исследований, в которых анализируются отсроченные психологические последствия ТА для косвенных свидетелей.

Результаты исследований многих ученых подтверждают то, что ТА является стрессором высокой интенсивности для косвенных свидетелей, поскольку субъективные реакции человека на полученную информацию о теракте способствуют формированию оценки вероятности повторения теракта и возможности оказаться его жертвой.

Накопленный опыт изучения психологических последствий ТА для косвенных свидетелей условно можно разделить по нескольким основаниям:

1. По уровню их проявления — на индивидуально-психологические и социально-психологические.
2. По характеру их проявления — на краткосрочные (непосредственные) — реакции, которые происходят в момент события и отсроченные (долговременные) — возникают на фоне общего благополучия спустя продолжительное время после события.
3. По модальности — на позитивные и негативные последствия.

В отечественной психологии существующие работы по проблеме индивидуально-психологических последствий ТА для косвенных свидетелей преимущественно сосредоточены на описании клинико-психологических реакций человека на теракт в виде признаков посттравматического стресса (ПТС) и их сопряженности с субъективной оценкой риска стать жертвой теракта, значительный вклад в изучение которых внесла группа ученых лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях ИП РАН, под руководством Н. В. Тарабриной. Основываясь на достижениях отечественной клинической психологии и используя синдромально-психологический подход к исследованию ПТСР, Н. В. Тарабрина предложила рассматривать посттравматический стресс «в качестве симптомокомплекса, характеристики которого отражают, прежде всего, нарушение целостности личности в результате психотравмирующего воздействия стрессоров высокой интенсивности, вызывающих такой уровень эмоциональных, когнитивных и личностных изменений, при которых осложняется интегративно-регулирующая функция человека как субъекта» (Тарабрина, 2012, с. 21). В результате комплексного теоретико-эмпирического исследования представлений и психологических особенностей переживания людьми ТА, Н. В. Тарабриной и Ю. В. Быховец установлено, что под воздействием внешних (картины терактов в СМИ) и внутренних факторов (субъективные оценки увиденного) у косвенных свидетелей формируется переживание террористической угрозы – субъективная оценка риска стать жертвой теракта (Тарабрина, Быховец, 2014, с. 53). Результаты исследований подтверждают, что переживание угрозы теракта сопряжено с высоким уровнем признаков ПТС, т. е. оно вносит вклад в развитие ПТС, а также сопряжено с негативными эмоциями, высоким уровнем тревоги, повышенной бдительностью, снижением адаптационных возможностей и благополучия личности, соматическим дискомфортом с вегетативными проявлениями (Тарабрина, Быховец, 2014). Кроме этого, сотрудниками лаборатории было обращено внимание на изучение жизненной перспективы косвенных свидетелей. В исследовании Н. Н. Казымовой на выборке студентов вузов Москвы разных специальностей в возрасте от 17 до 21 года было обнаружено изменение и искажение мотивационных и темпоральных аспектов жизненной перспективы у косвенных свидетелей с различным уровнем переживания террористической угрозы (ТУ). Результаты сравнения подгрупп по темпоральным параметрам перспективы будущего показали, что в подгруппе респондентов с низким уровнем переживания ТУ гораздо чаще встречаются мотивы, относящиеся к ближайшему будущему. Различия обнаружались и в со-

держании мотивации. При высоком уровне переживания ТУ мотивы в отношении третьих лиц (пожелания, обеспокоенность жизнью других) встречаются значимо чаще, чем в ответах группы с низким уровнем переживания ТУ. Выявлены различия по категории мотивов в отношении третьих лиц. Показано, что для группы с высоким уровнем переживания ТУ в большей степени характерны мотивы в отношении третьих лиц, продуктивная активность, самореализация, социальные контакты в актуальном жизненном периоде (Тарабрина и др., 2009; Тарабрина, 2012).

В исследовании Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой, В. Н. Шляпкиной изучалось влияние ТА, пережитого жителями Беслана, на их психическое состояние спустя один год после события. Результаты показали, что большинство жителей Беслана на сознательном уровне оценивали свое состояние как психологически комфортное, демонстрируя позитивные эмоции – бодрость, силу, мужество. Однако на более глубинном уровне у них была обнаружена высокая тревожность, а также страх, обусловленный не только тем, что уже произошло, но и возможностью повторения трагедии. Масштаб и характер террористических событий обусловил трансформации базовых убеждений и картины мира у всего населения. Из трех базовых убеждений, лежащих в основе представлений о себе, мире и окружающих людях, трансформировались два, связанные с отношением к миру и окружающим людям, в результате чего было разрушено базовое доверие к другим (Солдатова и др., 2008).

Изучению социально-психологических последствий террористического акта для косвенных свидетелей посвящены работы С. Н. Ениколопова, А. А. Мкртычяна. Уделяя отдельное внимание «Теории управления страхом» (*англ.* «*Terror Management Theory*», далее – ТМТ), свои исследования ученые строили с учетом идеи о формировании психологических последствий терроризма как реакций человека на столкновение или упоминания о смерти и собственной уязвимости. Согласно теории ТМТ, прямые либо косвенные напоминания людям о неизбежности смерти порождают в человеке страх смерти, противостояние которому актуализируют потребность в поддержании своей самооценки и сохранении персональной картины мира. Чтобы подавить в себе негативные эмоции, связанные с осознанием неизбежности смерти, человек обращается к своему мировоззрению, своим ценностям и нормам, в связи с чем в любом инакомыслии, мировоззрении, отличающемся от собственного, он начинает видеть угрозу для себя, что порождает негативные психологические последствия, в основе которых лежат нетерпимость и негативное отношение к иному. Таким образом, в исследованиях С. Н. Ениколо-

пова, А.А. Мкртычяна речь идет о формировании устойчивых стереотипов и системы оценивания, определенной как «Свои–Чужие», которая представляет собой основу для формирования социально опасных явлений, таких как национализм, ксенофобия и экстремизм. Доказано, что, с одной стороны, упоминание или восприятие террористического акта косвенными свидетелями приводит к формированию негативных эмоциональных состояний, враждебности по отношению к террористам, а с другой – подобные состояния способствуют принятию готовности понять мотивацию, цели преступника, так как это поможет редуцировать негативные состояния. Таким образом, наблюдение сцен насилия в СМИ, в том числе и ТА, способно приводить к легитимизации агрессии среди населения (Ениколопов, Мкртычан, 2010; Мкртычан, 2012).

Анализ зарубежной научной литературы позволил выделить ряд подходов, составляющих теоретико-методологическую основу зарубежных исследований психологических последствий ТА. К числу таких теорий относится модель совладания К. Парк, а также популярные и в отечественной психологии теория посттравматического роста Р. Тадеша, Л. Калхауна, концепция базисных убеждений Р. Янофф-Бульман, теория управления страхом Дж. Гринберга, Т. Пищинского, Ш. Соломона.

В смысловой модели совладания К. Парк, основанной на транзактной модели стресса С. Фолкман и Р. Лазаруса, отчетливо представлена идея смысловой динамики. Данная модель объясняет механизм когнитивной обработки стрессовой ситуации через смыслообразующий процесс, ведущий к уменьшению стрессового напряжения посредством устранения диссонанса между ситуационным смыслом события и глобальным смыслом, т. е. смыслом жизни. В исследовании К. Парк, проводимом через 6 недель после ТА 9/11 на репрезентативной выборке объемом 1004 взрослых, обнаружено, что, наряду с симптомами ПТСР, респонденты сообщали о положительных изменениях в своей жизни после террористического акта: почувствовали себя ближе к другим американцам (86%), стали более эффективно общаться и тесно выстраивать отношения со своими близкими (73%), предприняли попытки что-то изменить в своей жизни, чтобы достичь чего-то действительно важного (53%). Установлено, что переживание негативных эмоциональных реакций, среди которых наиболее часто встречаются гнев и печаль, а также предпочтение продуктивных копинг-стратегий (планирование решения проблемы, положительная переоценка, поиск социальной поддержки, религиозный копинг) в процессе совладания с трагедией приводят к посттравматическому росту, а использование непродуктивных ко-

пинг-стратегий (избегание, употребление психоактивных веществ) и выраженное чувство депрессии связано с ПТСР (Park et al., 2008).

В лонгитюдном исследовании, организованном группой американских ученых, изучались психологические последствия ТА 9/11 для 955 малообеспеченных жителей Нью-Йорка. Основные результаты исследования свидетельствуют об обострении чувства гнева, безнадежности и отчаяния (депрессии) у респондентов после ТА и о сохранении от 1 (у мужчин) до 4 (у женщин) симптомов ПТСР к моменту окончания исследования. В ходе исследования также было установлено возрастание общего показателя глобального неблагополучия среди малообеспеченных жителей Нью-Йорка (Agronick et al., 2007).

В общенациональном лонгитюдном исследовании психологических реакций американцев на террористический акт 9/11, проводимом в течение 3 лет после события, учеными обнаружено, что снижение страха будущего терроризма и изменения во временной перспективе жизни, в частности ориентация на будущее (планирование и достижение будущих целей), связаны с более успешной адаптацией к событию и низким уровнем психологического дистресса, в то время как страх перед будущим терроризмом и низкий уровень ориентации на будущее связан с более длительной адаптацией и психологическим дистрессом. Установлено, что у респондентов ориентация на будущее снизилась в течение 3-х лет после нападения, в связи с чем ТА 9/11 вполне правомерно причислять к коллективной психотравме (Holman et al., 2005). Среди позитивных последствий воздействия ТА 9/11 на косвенных свидетелей учеными отмечено увеличение просоциального поведения, религиозности, политических обязательств (Poulin et al., 2009).

Таким образом, обобщая предшествующий опыт эмпирических исследований отсроченных психологических последствий террористического акта для косвенных свидетелей необходимо подчеркнуть, что уровень разработанности данной проблематики не соответствует ее важности и социальному значению, в связи с чем в современной психологии существует необходимость продолжения изучения отсроченных психологических последствий, в частности, индивидуальных, личностных изменений косвенных свидетелей террористического акта для понимания целостной картины воздействия террористического акта на личность.

Литература

Ениколопов С. Н., Мкртычян А. А. Психологические последствия терроризма и роль СМИ в процессе их формирования // Национальный психологический журнал. 2010. № 2 (4). С. 41–46.

- Мкртычян А. А.* Влияние средств массовой информации на психологические последствия терроризма: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.
- Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Шляпников В. Н.* Психологические последствия террористического акта: опыт Беслана // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 6. С. 15–25.
- Тарабрина Н. В.* Психологические последствия воздействия стрессоров высокой интенсивности: посттравматический стресс // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 20–33.
- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В., Ворона О. А.* Проблема психологического благополучия населения перед лицом террористической угрозы // Ученые записки ЗабГГПУ. 2009. № 4 (27). С. 70–79.
- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В.* Террористическая угроза: теоретико-эмпирическое исследование. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Agronick G., Stueve A., Vargo S., O'Donnell L.* New York City young adults' psychological reactions to 9/11: findings from the Reach for Health longitudinal study // American Journal of Community Psychology. 2007. V. 39. P. 79–90.
- Holman E. A., Silver R. C.* Future-Oriented Thinking and Adjustment in a Nationwide Longitudinal Study Following the September 11th Terrorist Attacks // Motivation and Emotion. 2005. V. 29. № 4. P. 389–410.
- Park C. L., Aldwin C. M., Fenster J. R., Snyder L. B.* Pathways to Posttraumatic Growth Versus Posttraumatic Stress: Coping and Emotional Reactions Following the September 11, 2001, Terrorist Attacks // American Journal of Orthopsychiatry. 2008. V. 78. № 3. P. 300–312.
- Poulin M. J., Silver R. C., Gil-Rivas V., Holman E. A., McIntosh D. N.* Finding Social Benefits After a Collective Trauma: Perceiving Societal Changes and Well-Being Following 9/11 // Journal of Traumatic Stress. 2009. V. 22. № 2. P. 81–90.

The delayed psychological consequences of the terrorist act for indirect witnesses: the review of empirical studies

T. V. Parfenova (Minsk)

National Institute of Education

Based on the analysis of empirical studies, it is shown that a terrorist act has a strong impact on a person and entails direct and delayed reactions not only among the participants of the events, but also those who were affected by it indirectly. Indirect witnesses are people who were not present at the scene, but learned about the attack through the media and other sources of com-

munication. The article is devoted to the review of empirical studies of domestic and foreign psychologists, which analyze the delayed psychological consequences of a terrorist act for indirect witnesses. It is revealed that the accumulated experience of studying this problem is sufficient to understand the complete picture of the personal changes of indirect witnesses under the influence of terrorist acts.

Keywords: delayed psychological consequences, a terrorist attack, indirect witnesses.

Особенности социально-психологической адаптации спортсменов подросткового и юношеского возраста в условиях стресса

А. С. Распопова (Краснодар)

*кандидат психологических наук, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма;
e-mail: annar25@mail.ru*

Спорт является видом деятельности, способствующим формированию и закреплению состояния стресса, так как часто осуществляется в условиях высоких физических и психических нагрузок. Юными спортсменами условия спортивной деятельности могут переживаться тяжелее, формируя избыточное психическое напряжение, что может отразиться на их адаптации и благополучии в целом. В статье представлены результаты исследования социально-психологической адаптации спортсменов подросткового и юношеского возраста во взаимосвязи с эмоциональным выгоранием и копинг-стратегиями. Получены данные о том, что юные спортсмены имеют средний уровень социально-психологической адаптации, эмоционального выгорания, копинг-стратегии являются средневывраженными. Юноши более адаптированы по сравнению с подростками, более устойчивы к стрессу, не склонны к избеганию проблемных ситуаций, а стремятся к конструктивному разрешению проблем. При этом юноши более предрасположены к эмоциональному выгоранию.

Ключевые слова: адаптация, подростковый возраст, стресс, копинг-стратегии, эмоциональное выгорание.

В настоящее время актуально исследование личностных особенностей, которые способствуют становлению устойчивости к стрессам в спорте и влияют на результативность и успешность спортсмена (Горская и др., 2010). Ряд неблагоприятных факторов окружающей действительности способствуют возникновению стрессов у юных

спортсменов, что проявляется в снижении мотивации, веры в себя, а также в развитии эмоционального выгорания.

Актуальность изучения развития адаптации к стрессу рассматривается в контексте обеспечения высокого уровня стрессоустойчивости в экстремальных видах деятельности, к которым относят и спортивную деятельность (Уляева и др., 2014).

Проблема устойчивости спортсменов к стрессовым ситуациям должно широко представлена в психологии спорта. Однако подростковый и юношеский возраст – это этапы формирования личности спортсмена (Распопова, Шостак, 2017). От сформированности устойчивости к стрессу зависят многие значимые составляющие спортивной деятельности, такие как возможность закрепиться в спорте, сохранить устойчивое желание тренироваться и выступать на соревнованиях, наращивать спортивное мастерство (Босенко, Распопова, 2017).

Анализ научной и методической литературы по проблеме исследования показал, что поставленные в исследовании задачи изучения особенностей социально-психологической адаптации в условиях спортивной деятельности находят отражения в исследованиях феноменов стрессоустойчивости и эмоционального выгорания. Эти исследования не теряют востребованности в современных публикациях. Интерес к проблеме адаптации в условиях стресса в спорте не снижается (Босенко, 2007).

Исследования стрессоустойчивости юных спортсменов чрезвычайно актуальны. Несмотря на достаточную изученность, проблема психологической устойчивости спортсмена к экстремальным для психики условиям спортивной деятельности остается значимой как в теоретическом, так и прикладном аспектах (Кадырова, 2015).

Важным условием развития стрессоустойчивости в спорте является адекватная устойчивая самооценка, конструктивная мотивация, эмоциональное благополучие, успешность социально-психологической адаптированности, развитие навыков конструктивного преодоления трудных, сложных ситуаций.

Цель исследования – установить особенности взаимосвязи социально-психологической адаптации с особенностями реагирования на стресс у спортсменов подросткового и юношеского возраста.

Методы и база исследования

Для достижения поставленной цели использовались методы психологической диагностики: методика социально-психологической адаптации (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонда, методика «Индикатор

копинг-стратегий» Дж. Амирхана, Опросник психического выгорания АВQ; методы математической статистики (t-критерий Стьюдента и корреляционный анализ по Пирсону).

Исследование стрессоустойчивости и эмоционального выгорания спортсменов проводилось в Спортклубе акробатики и прыжков на батуте имени Василия Мачуги, а также на базе Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. В исследовании приняли участие спортсмены подросткового возраста (11–14 лет) и юношеского возраста (15–19 лет), занимающиеся акробатикой, прыжками на батуте, спортивной гимнастикой, художественной гимнастикой. Общая выборка спортсменов составила 100 чел., из них 50 подростков и 60 юношей.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате исследования социально-психологической адаптации спортсменов выявлено, что все показатели находятся на среднем уровне выраженности. В выборке испытуемых юношеского возраста наблюдаются более высокие показатели адаптированности. Доминирующим является показатель самопрятия. Это обусловлено характеристикой возраста: сформировано самосознание, самоотношение, жизненный опыт спортсменов позволяет им объективно оценивать свои положительные и отрицательные стороны личности, достоинства и недостатки.

Анализ достоверности различий по t-критерию Стьюдента показал, что имеются значимые различия между подростками и юношами по параметрам самопрятие, прятие других, эмоциональная комфортность, которые выше у юношей. Это является признаком того, что в юношеском возрасте выше степень адаптированности, эмоционального благополучия, позитивного самоотношения. В юношеском возрасте наступает период стабильности и более благоприятных отношений с собой и окружающими.

В группе подростков обоего пола все показатели социально-психологической адаптированности находятся в пределах средних значений, однако расположены ближе к нижней границе нормы. В группе юношей обоего пола показатели находятся в пределах средних значений, однако расположены ближе к высокому уровню. Доминирующим показателем является самопрятие у юношей-спортсменов.

Анализ достоверности различий по t-критерию Стьюдента позволил выявить следующие закономерности. Гендерных различий по адаптированности внутри возрастных групп не выявлено как в подростковом, так и в юношеском возрасте. Можно заключить, что адап-

тация спортсменов проходит в сходных условиях и от пола в данном случае не зависит. Однако значимые различия обнаружены в возрастном аспекте.

Исследование уровня социально-психологической адаптированности спортсменов подросткового и юношеского возраста позволило выявить, что нет различий по признаку пола, но различия обнаружены в возрастном аспекте. Юноши превосходят подростков по показателям адаптации, самопрития, прития других, эмоциональная комфортность. Девушки превосходят девочек-подростков по выраженности показателей самопрития, прития других, эмоциональная комфортность, интернальность. Для девочек-подростков более характерен эскапизм, по сравнению с девушками.

В юношеском возрасте адаптированность выше, чем в подростковом, выше эмоциональное благополучие. Для девушек-спортсменок характерно появление признаков личностной зрелости, связанное не только с общей гармонизацией отношений с собой и окружающими, но и готовность активно участвовать в разрешении проблем и принимать на себя ответственность, оценивать свой вклад в происходящее, что может интерпретироваться как благоприятный показатель.

При исследовании копинг-стратегий выявлено, что у спортсменов как подросткового, так и юношеского возраста, преобладающей является копинг-стратегия «Разрешение проблем», ее значения входят в средний диапазон. Полученные данные объясняются интенсивными занятиями спортом: спортсменам чаще, чем другим людям приходится сталкиваться со стрессом, различными затруднениями на пути к достижению поставленных целей. В большинстве случаев спортсмены осознают, что получить какой-либо желаемый результат, возможно лишь разрешая проблемы, но не избегая их.

Проведенный анализ достоверности различий по t-критерию Стьюдента показал, что как между мальчиками-подростками и юношами, так и между девочками-подростками и девушками выявлены достоверно значимые различия по стратегии «Избегание проблем». По мере взросления и приобретения опыта стратегия избегания проблем менее востребована и менее активно применяется юношами. Возрастные различия в данном случае объясняются приобретением опыта и зрелости при поведенческих и когнитивных усилиях по овладению с трудностями в спортивной деятельности.

В результате исследования эмоционального выгорания спортсменов подросткового и юношеского возраста выявлено, что оно выражено на среднем уровне. Юноши превосходят подростков по выраженности таких показателей как общий уровень выгорания, уменьшение чувств-

ва достижения, эмоциональное/физическое истощение. Для юношей по сравнению с мальчиками-подростками характерен более высокий уровень уменьшения чувства достижения и общий уровень выгорания. Для девушек по сравнению с девочками-подростками более характерны уменьшение чувства достижения, обесценивание достижений и общий уровень выгорания.

При анализе корреляционных взаимосвязей выявлены следующие тенденции. В группе подростков-спортсменов обнаружены данные, показывающие конструктивный характер корреляционных связей и вероятный ресурс развития стрессоустойчивости подростков. Выявлены достоверно значимые прямые корреляционные взаимосвязи копинга «Разрешение проблем» с такими компонентами социально-психологической адаптации, как самоприятие, принятие других, эмоциональная комфортность, интернальность, что можно оценить как позитивный характер связей с адаптацией. Достоверно значимых связей с эмоциональным выгоранием у спортсменов подросткового возраста не установлено.

В подростковом возрасте отсутствуют корреляционные связи с выгоранием. Они появляются только в юношеском возрасте, что связано с появлением опыта в спортивной деятельности. В юношеском возрасте социально-психологическая адаптация и эмоциональное выгорание имеют обратный характер связей. Чем выше показатели адаптированности, эмоционального благополучия, интернальность, принятие себя и других, тем ниже сформировано эмоциональное выгорание. Выявлена прямая достоверно значимая связь между копинг-стратегией активного разрешения проблем и показателями адаптированности, самоприятия.

В группе юношей по сравнению с подростками проявляются корреляционные связи, отражающие наличие опыта преодоления трудностей. Увеличивается число связей с копинг-стратегиями. Выявлены прямые корреляционные связи адаптированности и стрессоустойчивости. Кроме того, видны различия в степени конструктивности связей компонентов адаптации и копинг-стратегий: стратегиям поиска социальной поддержки и стратегия избегания проблем имеют прямую связь с компонентами эмоционального выгорания спортсменов «уменьшение чувства достижения», «эмоциональное/физическое истощение».

В группе подростков в целом характер связей в группе мальчиков и в группе девочек сходный. Выявлены прямые корреляционные связи таких показателей адаптации, как самоприятие, принятие других, эмоциональная комфортность с показателем стрессоустойчивости. Копинг «Разрешение проблем» имеет прямые связи с адап-

тацией и самопрятием. Чем более спортсменки склонны прибегать к копингу «Избегание проблем», тем выше их эмоциональная комфортность. Таким образом, в группе подростков-спортсменов выявлены данные, отражающие конструктивный характер связей и возможный ресурс развития стрессоустойчивости подростков.

В группе спортсменов юношеского возраста также характер связей не имеет ярко выраженных различий по признаку пола. При этом необходимо отметить, что больше связей выявлено в группе девушек, что говорит о большей вовлеченности личности. Выявлены прямые взаимосвязи стрессоустойчивости и показателей социально-психологической адаптации, копинга «Разрешение проблем» и показателей социально-психологической адаптации, прямые связи копинга «Поиск социальной поддержки» с показателями эмоционального выгорания, «Эмоциональное и физическое истощение», «Обесценивание достижений» и общий уровень эмоционального выгорания, а также обратные связи с показателями социально-психологической адаптации. Копинг «Избегание проблем» имеет обратные связи с показателями «Самопрятие» и «Прятие других». Взаимосвязи стрессоустойчивости и копинг-стратегии «Разрешение проблем» имеет характер связей, аналогичный характеру связей выборки подростков. Чем выше стрессоустойчивость, тем выше адаптация, прятие себя и других, внутренний локус контроля, эмоциональный комфорт.

Таким образом, в результате корреляционного анализа нами были получены данные о том, что стрессоустойчивость и социально-психологическая адаптация имеют прямые взаимосвязи как у подростков, так и у юношей. В юношеском возрасте появляются взаимосвязи копинг-стратегий с выгоранием, тогда как в подростковом возрасте таких связей не обнаружено, что может быть связано с приобретением опыта спортивной деятельности, опыта успехов и неудач.

Полученные нами результаты показывают, что адаптация спортсменов зависит от устойчивости к стрессу. Данные, полученные в исследовании, могут быть актуальны для проектирования программ развития стрессоустойчивости и профилактики эмоционального выгорания, повышения адаптационных возможностей юных спортсменов.

Литература

Босенко Ю. М. Влияние осознанной саморегуляции и локуса контроля на формирование копинг-стратегий // Психология совладающего поведения: Материалы международной научно-практической конференции. 2007. С. 80–81.

- Босенко Ю. М., Распопова А. С.* Личностные регуляторы эмоциональной сферы спортсменов юношеского возраста // *Физическая культура, спорт – наука и практика*. Научно-методический журнал. Краснодар. 2017. № 2. С. 94–98.
- Горская Г. Б., Босенко Ю. М., Распопова А. С.* Конструктивность реагирования высококвалифицированных тхэквондистов на стрессовые ситуации: психологические предпосылки // *Физическая культура, спорт – наука и практика*. 2010. № 4. С. 41–48.
- Кадырова Е. Р.* Психологическая устойчивость как фактор конкурентоспособности спортсменов // *Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации*. 2015. № 3. С. 104–107.
- Распопова А. С., Шостак И. С.* Развитие личностных ресурсов юных спортсменов // *Тезисы докладов XLIV научной конференции студентов и молодых ученых вузов Южного федерального округа* (февраль–март 2017 г., г. Краснодар): *Материалы конференции* / Под ред. Г. Д. Алексанянц, А. И. Погребной, Л. И. Просонова. Краснодар: КГУФКСТ, 2017.
- Уляева Л. Г., Уляева Г. Г., Раднагуруев Б. Б.* Стрессоустойчивость как компонент адаптивности личности в экстремальных условиях спортивной деятельности // *Экстремальная деятельность человека*. 2014. № 1 (30). С. 70–73.

Peculiarities of social-psychological adaptation of sportsmen of adolescent and younger age in the conditions of stress

A. S. Raspopova (Krasnodar)

Candidate of Psychological Sciences, Kuban State University
of Physical Culture and Sports and Tourism

Sport is a kind of activity that contributes to the formation and consolidation of stress, since it is often carried out in conditions of high physical and mental loads. Young sportsmen can experience conditions of sports activity harder, forming excessive mental tension, which can affect their adaptation and well-being in general. The article presents the results of the study of socio-psychological adaptation of teenagers and adolescents in relation to emotional burnout and coping strategies. Data are received that young athletes have an average level of socio-psychological adaptation, emotional burnout, coping strategies are medium-sized. Boys are more adaptable than adolescents, are more resistant to stress, are not prone to avoid problem situations, but strive for constructive resolution of problems. At the same time, young men are more predisposed to emotional burnout.

Keywords: adaptation, adolescence, stress, coping strategies, emotional burnout.

Личностные особенности и базисные убеждения при разном уровне посттравматического стресса у пациентов с диагнозом «менингиома»

Н. Е. Харламенкова, Д. А. Никитина** (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН;
e-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com*

*** Институт психологии РАН; e-mail: d.a.nikitina@yandex.ru*

Статья посвящена теоретико-эмпирическому изучению личностных особенностей и базисных убеждений при разном уровне посттравматического стресса у пациентов с диагнозом «менингиома». Участники исследования: 24 пациента, оперированные по поводу менингиомы головного мозга в возрасте от 30 до 70 лет. Обследование проводилось не ранее, чем через месяц после постановки диагноза. Методики: Шкала оценки влияния травматического события (ШОВТС) (Impact of Event Scale, IES-R); Шкала базисных убеждений (World assumptions scale, WAS); Фрайбургский многофакторный личностный опросник (Freiburg Personality Inventory, FPI). Результаты: постановка человеку диагноза «менингиома» является стрессором высокой интенсивности, следствием которого может стать появление у части людей с данным заболеванием признаков посттравматического стресса, уровень которого сопряжен с такими личностными особенностями, как депрессивность, а также с некоторыми базисными убеждениями, в частности с оценкой ценности и значимости собственного «Я».

Ключевые слова: менингиома, посттравматический стресс, личность, базисные убеждения, психологические последствия стресса.

В психологии посттравматического стресса переживания человека часто рассматриваются как зависимые от внешних обстоятельств, от воздействия интенсивных стрессоров, способных кардинально

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00324.

изменить устойчивые представления о себе и мире. Однако, несмотря на видимую пассивность человека, находящегося в таких обстоятельствах, и, казалось бы, большую вероятность получить психическую травму, последствия влияния экстремальных стрессоров существенно различаются. Это положение может быть в определенной мере сопоставлено с критической оценкой А. В. Брушлинским интерпретации механизма обратной связи и принципа сигнальности (П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн, Н. Винаер) как «всеобщего „механизма“ управления, регуляции, вообще детерминации» (Брушлинский, 2003, с. 120). А. В. Брушлинский пишет, что механизм обратной связи может быть использован для объяснения таких событий и связей, в которых изначально со всей определенностью заложено желаемое. Проблема регуляции, однако, оказывается «бесконечно более сложной» в случаях, когда, например, изучаются особенности мыслительного процесса. Согласно А. В. Брушлинскому, детерминация жизни человека, его психики, сознания не может быть непосредственно сопоставлена с объяснением поведения с помощью принципов сигнальности и обратной связи. «На высших уровнях бытия... нет сигналов, сигнальных раздражителей... которые прямо и однозначно „удостоверяли“ бы адекватность или неадекватность человеческой деятельности... Решающая роль принадлежит здесь его [человека] мировоззрению, его морально-политическому облику» (там же, с. 129–130).

Это положение применимо к обсуждаемому нами вопросу о различиях между людьми в реакциях на одно и то же травматическое событие, о роли внутренних условий — личностных особенностей, базисных убеждений о себе и мире в переживании человеком высоко стрессовых событий.

Одним из таких событий является угрожающее жизни заболевание, которое принято относить к группе «невидимых» стрессоров. По некоторым данным у людей, имеющих опасное заболевание, может быть выявлен высокий уровень невротизации (Athanasoulia et al., 2012), депрессии (Örnek et al., 2014; Saha et al., 2013) и тревожности (Assefa et al., 2012; Goebel, Mehdorn, 2013); часто наблюдаются выраженные изменения базисных убеждений по сравнению со здоровыми людьми (Падун, 2003; Тарабрина и др., 2010; Рагозинская, 2015).

Важно, однако, понимать, что некоторые личностные особенности могут выступать своеобразным буфером, ослабляющим травмирующее влияние стрессора. Другие же, наоборот, усиливать воздействие негативных факторов. Определить эти различия можно, сопоставив группы людей, отличающихся уровнем посттравматического стресса как отсроченного интенсивного переживания, связанного с конкретным травматическим событием.

Целью настоящего исследования стал анализ уровня посттравматического стресса при переживании опасного для жизни заболевания, а также связанных с ним особенностей личности и базисных убеждений. *Гипотеза* исследования: одним из психологических последствий влияния на человека стрессора высокой интенсивности — постановки диагноза «менингиома», является посттравматический стресс, высокий уровень которого сопряжен с такими личностными характеристиками как невротичность, депрессивность, тревожность и с изменениями базисных убеждений, связанных с оценкой ценности и значимости собственного «Я».

Выборка и методики исследования

Участники исследования: пациенты, оперированные по поводу менингиомы головного мозга. Объем выборки $n=24$ (21 женщина, 3 мужчины) в возрасте от 30 до 70 лет, средний возраст — 55 лет. Пациенты подбирались с учетом наличия минимального когнитивного дефицита. Все респонденты подписывали информированное согласие. Исследование проводилось не ранее, чем через месяц после постановки диагноза.

Для проверки гипотезы применялись следующие *методики*: Шкала оценки влияния травматического события (ШОВТС) (Impact of Event Scale, IES-R) в адаптации Н. В. Тарабриной (Тарабрина, 2001); Шкала базисных убеждений (World assumptions scale, WAS) в адаптации М. А. Падун, А. В. Котельниковой (Падун, Котельникова, 2008); Фрайбургский многофакторный личностный опросник (Freiburg Personality Inventory, FPI) модифицированная форма опросника, в разработке А. А. Крылова и Т. И. Ронгинской (Тарабрина, 2001). При работе с методикой «Шкала базисных убеждений» был использован ретроспективный анализ личностных особенностей выборки: участники исследования отвечали на вопросы теста дважды, первый раз описывая свое актуальное состояние, второй раз — состояние до постановки диагноза, оценивая его ретроспективно.

При статистическом анализе данных применялся программный пакет STATISTICA 10: описательная статистика (LQ и UQ — нижний и верхний квартили, Med — медиана), критерий Краскела—Уоллиса (H), критерий Вилкоксона (T), ранговые корреляции Спирмена (r_s) на уровне значимости $p<0,05$.

Результаты исследования

Респонденты были разделены по уровню выраженности посттравматического стресса (ПТС) на три подгруппы: «Низкий ПТС», «Сред-

ний ПТС» и «Высокий ПТС». Основанием для деления стали различия между респондентами по переменной Интегральный показатель (ИТ) методики «ШОВТС», которые оценивались по нижнему ($LQ=15$) и верхнему ($UQ=37$) квартилям. В подгруппу «Низкий ПТС» вошли респонденты со значениями ИТ от 0 до 15 баллов ($Med=10$, $n=6$), в подгруппу «Средний ПТС» – респонденты со значениями ИТ от 16 до 36 ($Med=24,5$, $n=12$), в подгруппу «Высокий ПТС» – респонденты со значениями ИТ от 37 до 76 ($Med=57$, $n=6$). По сравнению с данными, приведенными Н. В. Тарабриной, которые были получены на выборке респондентов с диагнозом рак молочной железы (РМЖ), исследуемые подгруппы «Низкий ПТС» и «Средний ПТС» идентичны по своим показателям низкому уровню посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) при РМЖ, а данные подгруппы «Высокий ПТС» указывают на развитие состояния, близкого к ПТСР (Тарабрина и др., 2010, с. 82–83).

Анализ, проведенный с помощью критерия Краскела–Уоллиса на уровне значимости $p < 0,05$, показал, что исследуемые подгруппы достоверно различаются не только по уровню выраженности посттравматического стресса (по ИТ методики «ШОВТС» $H=16,65$, $p=0,0002$), но и по отдельным группам симптомов ПТС (субшкала «Вторжение» $H=16,66$, $p=0,0002$; субшкала «Избегание» $H=14,78$, $p=0,0006$; субшкала «Физиологическая возбудимость» $H=12,2$, $p=0,0023$). Следовательно, исследуемые подгруппы «Низкий ПТС» и «Средний ПТС» все-таки различаются, а близость этих значений к маловыраженному ПТСР у пациентов с раком молочной железы, не свидетельствует об отсутствии признаков посттравматического стресса, но говорит о специфике выраженности интенсивности посттравматического стресса при «менингиоме».

Полученные данные позволяют верифицировать первую часть исследовательской гипотезы: постановка человеку диагноза «менингиома» является стрессором высокой интенсивности, который способствует развитию посттравматического стресса у наиболее уязвимой части выборки. Сделанный нами вывод позволяет перейти к проверке второй части исследовательской гипотезы и показать специфику личностных особенностей и базисных убеждений у пациентов с диагнозом «менингиома» при разном уровне психотравматизации.

Согласно данным исследования подгруппы «Низкий ПТС», «Средний ПТС» и «Высокий ПТС» различаются по показателям депрессивности ($H=7,35$; $p=0,0254$), застенчивости ($H=7,03$; $p=0,0298$) и реактивной агрессивности ($H=6,54$; $p=0,0379$) (Фрайбургский личностный опросник).

В подгруппе «Высокий ПТС» обнаружены самые высокие значения медианы (Med=7) по шкале «Депрессивность». В подгруппе «Средний ПТС» медианный показатель по данной шкале ниже и, в соответствии с нормами, диагностируется как умеренная выраженность депрессивности (Med=5). В подгруппе «Низкий ПТС» медиана равна единице (Med=1). Проведенный нами корреляционный анализ сопряженности показателей шкалы «Депрессивность» и шкалы ИТ (методика «ШОВТС»), выявил тесную положительную связь между ними ($r_s=0,6$; $p=0,002$). Можно предположить, что у пациентов с диагнозом «менингиома» уровень выраженности депрессивности влияет на их чувствительность к экстремальным жизненным событиям и ведет к развитию посттравматического стресса, либо, наоборот, развитие посттравматического стресса способствует акцентированию данной личностной особенности – депрессивности, которая проявляется в виде выраженных негативных мыслей и чувств по отношению к себе и окружающему миру, отражается на особенностях поведения.

Показатели шкалы «Застенчивость» также коррелируют с данными, полученными по шкале ИТ ($r_s=0,43$; $p=0,03$). Оказалось, что при наличии признаков посттравматического стресса, показатели по шкале «Застенчивость» можно оценить как средние («Средний ПТС», Med=5; «Высокий ПТС», Med=4,5), тогда как при низком уровне посттравматического стресса показатели шкалы и соответствующие этой особенности реакции пассивно-оборонительного типа оказываются мало выраженными (подгруппа «Низкий ПТС», Med=1,5). Средние значения по шкале «Застенчивость» в группах со средними и высокими показателями ПТС могут указывать на то, что наличие посттравматического стресса, скорее всего, способствует появлению ощущения внутренней скованности и тревожности, а также неуверенности в себе. Однако, так же как и депрессия, данные характеристики могут выступать предикторами ПТС, способствуя его развитию вследствие влияния интенсивного стрессора – угрожающего жизни заболевания.

Несмотря на различия между подгруппами по показателям шкалы «Реактивная агрессивность», корреляция агрессивности и уровня ПТС по ШОВТС оказалась незначимой, по-видимому, вследствие того, что в подгруппах с низкими и высокими показателями признаков посттравматического стресса значения агрессивности были оценены как умеренные (подгруппа «Низкий ПТС», Med=5; «Высокий ПТС», Med=3), а в подгруппе со средними показателями ПТС – низкие («Средний ПТС», Med=1,5).

Низкие показатели по агрессивности и средние показатели по застенчивости в подгруппе со средними значениями ПТС иллюстри-

руют специфику частичного ПТСР. С одной стороны, пациенты с наличием ПТС могут ощущать его симптомы (присутствует скрытая эмоциональная составляющая – застенчивость как пассивно оборонительная реакция), с другой стороны, отсутствие у респондентов этой группы крайне высоких показателей по уровню выраженности ПТС не способствует открытому проявлению эмоциональной реакции экстравертированного типа (реактивной агрессивности).

По сравнению с личностными особенностями, базисные убеждения отличаются еще большей устойчивостью, но вследствие психической травматизации, как показывают современные исследования, также могут изменяться. Тем не менее, различия между актуальными и ретроспективными оценками базисных убеждений обнаружены не были (критерий Вилкоксона $p > 0,05$). Наряду с этим были выявлены различия по методике «Базисные убеждения» (шкала «Образ Я») между респондентами с разным уровнем ПТС (оценка актуального состояния, критерий Краскела – Уоллиса $H = 6,9$; $p = 0,03$). Также уровень выраженности посттравматического стресса оказался сопряженным с оценкой уровня ценности и значимости собственного «Я» ($r_s = -0,4$; $p = 0,039$) таким образом, что при нарастании признаков посттравматического стресса оценка ценности и значимости собственного «Я» становится более негативной («Низкий ПТС», $Med = 32$; «Средний ПТС», $Med = 27$; «Высокий ПТС», $Med = 25$).

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод о том, что вторая часть гипотезы подтвердилась частично. Было обнаружено, что депрессивность и показатели шкалы «Образ Я» сопряжены с уровнем посттравматического стресса. Показатель невротичности в исследуемых подгруппах не зависит от уровня посттравматического стресса. Тем не менее, высокие значения по данной характеристике во всех подгруппах («Низкий ПТС», $Med = 7$; «Средний ПТС», $Med = 6,5$; «Высокий ПТС» $Med = 9,5$) могут косвенно указывать на то, что высокая тревожность и возбудимость в сочетании с быстрой истощаемостью связаны не с уровнем психотравматизации, а с природой стрессора.

Обсуждение результатов

В исследовании показано, что опасное заболевание является стрессором высокой интенсивности и может вызывать ряд симптомов посттравматического стресса.

Выявленные различия между респондентами с разным уровнем ПТС по показателям депрессивности, застенчивости и отдельным базисным убеждениям, дают повод для дискуссии по вопросу о том, способствует ли нарастающая симптоматика ПТС заострению дан-

ных личностных черт или же личностные особенности, являясь деструктивными, выступают в качестве предикторов развития ПТС как реакции на травматический стрессор. Деструктивные личностные особенности, в сочетании с высоким уровнем ПТС, в свою очередь, приводят к более тяжелым последствиям, разрушающим жизнедеятельность человека и затрагивая все новые компоненты личности, включая такие глубинные структуры как базисные убеждения.

Важно, с нашей точки зрения, учесть и тот факт, что различия в личностных характеристиках не всегда линейно связаны с уровнем посттравматического стресса, т. е. между группами с низким, средним и высоким уровнем ПТС наблюдаются не только количественные, но и качественные различия, наличие которых определяет направление дальнейшего, более детального анализа каждой из этих подгрупп.

Литература

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Падун М. А., Котельникова А. В.* Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29. №4. С. 98–106.
- Рагозинская В. Г.* Нарушение базисных убеждений как фактор негативной аффективности у пациентов с болезнью Грейвса // Медицинская психология в России: Электронный научный журнал. 2015. №2 (31).
- Тарабрина Н. В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.
- Тарабрина Н. В., Ворона О. А., Курчакова М. С., Падун М. А., Шаталова Н. Е.* Онкопсихология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Assefa D., Haque F. N., Wong A. H.* Case report: anxiety and fear in a patient with meningioma compressing the left amygdala // Neurocase. 2012. P. 91–94.
- Athanasoulia A. P., Ising M., Pfister H., Mantzoros C. S., Stalla G. K., Sievers C.* Distinct dopaminergic personality patterns in patients with prolactinomas: a comparison with nonfunctioning pituitary adenoma patients and age- and gender-matched controls // Neuroendocrinology. 2012. P. 204–211.
- Goebel S., Mehdorn H. M.* Development of anxiety and depression in patients with benign intracranial meningiomas: a prospective long-term study // Supportive Care in Cancer. 2013. V. 21. № 5. P. 1365–1372.

Ornek N., Buyuktortop-Gokcinar N., Dag E., Ornek K. Compressive optic neuropathy presenting with psychiatric symptoms // *Journal of Craniofacial Surgery*. 2014. P. 163–164.

Saha R., Jakhar K., Beniwal R. P. Parafalcine meningioma presenting as depression // *Delhi Psychiatry Journal*. 2013. V. 16. № 2. P. 462–465.

Personality peculiarities and basic beliefs at the different levels of posttraumatic stress in patients with a diagnosis of “meningioma”

*N. E. Kharlamenkova**, *D. A. Nikitina*** (*Moscow*)

* Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS

** Institute of Psychology RAS

The article is devoted to the theoretical and empirical study of the features of personality peculiarities and basic beliefs at different levels of post-traumatic stress in patients with a diagnosis “meningioma”. Ss: 24 patients with meningioma, aged 30–70 years. The psychological diagnostics was carried out not earlier than a month from the moment of establishing diagnosis. Methods: Impact of Event Scale (IES-R); World Assumptions Scale (WAS); Freiburg Personality Inventory (FPI). Results: the diagnosis of “meningioma” is a high intensity stressor, the result of which may be the symptoms of post-traumatic stress in some people with this disease; the level of posttraumatic stress is related to such personality peculiarities as depression, and some basic beliefs of patients, such as the value and significance of their own Self.

Keywords: meningioma, posttraumatic stress, personality, basic beliefs, psychological consequences of stress.

Восприятие индивидуально-психологических характеристик личности по фотоизображению лица военнослужащих участников боевых действий

Е. Г. Хозе, А. А. Вульф** (Москва)*

** кандидат психологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет; e-mail: house.yu@gmail.com*

*** Московский институт психоанализа; e-mail: hozazavr@mail.ru*

В исследовании изучались особенности восприятия индивидуально-психологических характеристик личности на материале фотоизображений лиц военнослужащих в зависимости от условий прохождения воинской службы (до участия в боевых действиях, во время, после). В качестве основного инструмента оценивания использована Методика личностного дифференциала. Показана динамика воспринимаемых индивидуально-психологических характеристик личности полученных в оценках восприятия мимически спокойного лица военнослужащих в зависимости от условий прохождения воинской службы.

Ключевые слова: восприятие мимически спокойного лица, характеристики личности, участие в боевых действиях, посттравматическое стрессовое расстройство.

Известно, что участие в боевых действиях сопровождается комплексным воздействием на личность военнослужащего множества факторов – острое чувство угрозы для жизни или инвалидизации, ни с чем не сравнимый психоэмоциональный стресс, связанный с гибелью товарищей по оружию или с необходимостью убивать, с воздействием специфических факторов боевой обстановки (дефицит времени, необходимость быстро действовать, внезапность, неопре-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00350 «Восприятие в структуре невербальной коммуникации».

деленность, новизна), депривация сна и удовлетворение потребностей в воде и пище, условия окружающей среды (гипоксия, жара, повышенная инсоляция и др.) (Пушкарев и др., 2000).

Столь экстремальные условия особым образом раскрывают черты личности человека. Так, например, в работе Б. Момышулы отмечается: «Если в мирное время отдельные черты человека не проявляются, то в бою они раскрываются. Психология боя многогранна: нет ничего не задеваемого войной в человеческих качествах, в личной и общественной жизни. В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Бой срывает маску, напускную храбрость. Фальшь не держится под огнем. Мужество или совсем покидает человека, или проявляется во всей полноте только в бою... В бою находят свое предельное выражение все присущие человеку качества» (Момышулы, 1990, с. 39–40). В то же время экстремальные условия не проходят бесследно и в дальнейшем и условия опасной ситуации, будучи сверхсильными психологическими раздражителями, могут вызвать резкие патологические изменения в психике и поведении военнослужащих (Коробейников, 1972). Указанные факторы оказывают серьезное влияние на психику и поведение человека, а их непрерывное воздействие, так или иначе, отражается в личностных изменениях, зачастую с отдаленными последствиями, проявляющимися в ПТСР (Малкина-Пых, 2005).

Основная цель работы в том, чтобы получить представление об изменениях во внешнем облике военнослужащих – участников боевых действий, отражающихся в оценках по фотоизображению их лица индивидуально-психологических характеристик наивными наблюдателями.

Стимульный материал. В качестве стимульного материала использовались цветные фотоизображения мужских лиц 6 чел. (натурщиков), которые являлись военнослужащими Армии США, принимавшие участие в боевых действиях в Афганистане. Возраст натурщиков в диапазоне от 18 до 29 лет, каждый представлен 3 изображениями, сделанными в разных условиях прохождения воинской службы военным корреспондентом (Snow, 2010). Интервал между первой и последней съемкой 8 месяцев. Первая съемка выполнялась до участия в боевых действиях в марте месяце, вторая – во время участия в боевых действиях в июне месяце и третья – после окончания участия в боевых действиях в октябре месяце, в общей сложности 18 фотоизображений. На всех фотоизображениях лица запечатлены на темном фоне в анфас с мимически нейтральным выражением лица, взгляд направлен в объектив камеры, без очков и украшений. Фотоизображения находились в свободном доступе в сети интернет на личном сайте автора.

Отобранные фотоизображения, предварительно подготавливались в программе Adobe Photoshop CS6 – выравнивались цветность, контрастность, яркость, а также удалялись фрагменты военной униформы. Индивидуальные особенности лица – внутренняя структура (форма носа, расстояние между глазами, форма губ форма подбородка) и форма лица оставались без изменений. Подготовленные фотоизображения были распределены на три комплекта – по шесть изображений разных натурщиков в разные периоды прохождения воинской службы (до участия в боевых действиях, во время, после).

Методика исследования. Подготовленные фотоизображения, в качестве стимульного материала представлялись для оценки респондентам. Каждый из участников оценивал один комплект фотоизображений. Время на выполнение задания не регламентировалось. В качестве основного инструмента оценивания использовалась Методика личностного дифференциала (ЛД), позволяющая получать субъективные представления о структуре личности, как при оценке испытуемым собственных аспектов, так и при соответствующей модификации, аспектов, связанных с представлениями о других людях (Фетискин, 2002). С помощью предложенного набора личностных характеристик ЛД требовалось выполнить самооценку, а затем оценить индивидуально-психологические особенности человека, изображенного на фотоизображении. Ответы по интервальной шкале заносились в бланк ЛД распечатанный на листе бумаги формата А4. В совокупности получены оценки 384 ситуаций восприятия индивидуально-психологических характеристик по фотоизображениям лиц военнослужащих, находящихся в различных условиях прохождения воинской службы. В исследовании приняли участие 64 чел. в возрасте от 18 до 39 лет, средний возраст – 26 лет – студенты московских вузов, имеющие нормальное или скорректированное до нормального зрение.

Полученные данные проходили статистическую обработку в среде IBM SPSS Statistics 23.0. При обработке результатов исследования был использован метод «Сравнительных оценок личностных профилей» (Барабанщиков и др., 2004). Для каждого натурщика были построены профили индивидуально-психологических черт, которые впоследствии сравнивались между собой. Статистическая значимость эффектов фиксировалась на уровне $p < 0,05$. Распределение данных значимо отличалось от нормального (Колмогоров–Смирнов, $p < 0,05$) для анализа использовались непараметрические критерии: H Краскела–Уоллиса и U Манна–Уитни. Для более удобной обработки «сырых» данных исходные баллы были перекодированы от 1 до 7.

Результаты исследования

На первом этапе сравнивался оценочный выбор респондентов по каждой из 21 шкал ЛД (критерий Н Краскела—Уоллиса). Проведенный анализ выявил статистически значимые различия в оценках восприятия индивидуально-психологических характеристик личности натурщика, в зависимости от условий прохождения воинской службы, по 8 шкалам: 1 — «Непривлекательный—Обаятельный» ($p=0,012$); 6 — «Замкнутый—Открытый» ($p=0,047$); 8 — «Зависимый—Независимый» ($p=0,039$); 9 — «Пассивный—Деятельный» ($p=0,024$); 12 — «Вялый—Энергичный» ($p=0,036$); 17 — «Неуверенный—Уверенный» ($p=0,023$); 18 — «Нелюдимый—Общительный» ($p=0,039$); 21 — «Невозмутимый—Раздражительный» ($p=0,048$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что по Шкале 1 — «Непривлекательный—Обаятельный» во время боевых действий натурщики воспринимаются как наиболее обаятельные (средние значения оценок — 3,82), немногим менее обаятельные — после участия в боевых действиях (3,71) и наиболее непривлекательные до участия в боевых действиях (3,21). По Шкале 6 — «Замкнутый—Открытый» — во время боевых действий наиболее открытые (3,92), менее открытые до участия в боевых действиях (3,56) и более закрытые после участия в боевых действиях (3,38). По Шкале 8 — «Зависимый—Независимый» — во время боевых действий наиболее независимые (4,29), менее независимые после участия в боевых действиях (3,78) и более зависимые до участия в боевых действиях (3,74). По Шкале 9 — «Пассивный—Деятельный» — во время боевых действий наиболее деятельные (4,72), менее деятельные до участия в боевых действиях (4,36), и более пассивные после участия в боевых действиях (4,12). По Шкале 12 — «Вялый—Энергичный» — во время боевых действий наиболее энергичные (4,58), менее энергичные до участия в боевых действиях (4,13) и более вялые после участия в боевых действиях (4,07). По Шкале 17 — «Неуверенный—Уверенный» — во время боевых действий наиболее уверенные (4,71), менее уверенные до участия в боевых действиях (4,27), и более неуверенные после участия в боевых действиях (4,09). По Шкале 18 — «Нелюдимый—Общительный» — во время боевых действий наиболее общительные (4,16), менее общительные после участия в боевых действиях (3,74), и более нелюдимые до участия в боевых действиях (3,66). По Шкале 21 — «Невозмутимый—Раздражительный» — во время боевых действий наиболее невозмутимые (3,24), менее невозмутимые после участия в боевых действиях (3,74), и более раздражительные до участия в боевых действиях (3,80).

На втором этапе выполнялось попарное сравнение оценок (критерий U Манна–Уитни): оценки до участия в боевых действиях сравнивались с оценками во время; оценки во время боевых действий сравнивались с оценками после; и наконец, оценки до участия в боевых действиях сравнивались с оценками после (за исключением Шкалы 21).

В результате выполненного сравнения установлено, что средние значения оценок по Шкале 1 – «Обаятельный–Непривлекательный» достоверно различаются при восприятии натурщиков до и во время боевых действий ($p=0,005$); оценки во время и после боевых действий не имеют достоверных различий; оценки до и после боевых действий достоверно различаются ($p<0,05$). По Шкале 6 – «Замкнутый–Открытый» не выявлено достоверных различий в оценках до и во время боевых действий ($p=0,119$); оценки во время и после боевых действий имеют достоверные различия ($p=0,017$); оценки до и после боевых действий достоверно не различаются ($p=0,329$). По Шкале 8 – «Зависимый–Независимый» достоверно различаются оценки до и во время боевых действий ($p=0,023$); во время и после боевых действий оценки также имеют достоверные различия ($p=0,034$); оценки до и после боевых действий достоверно не различаются. По Шкале 9 – «Пассивный–Деятельный» не выявлено достоверных различий до и во время боевых действий; оценки во время и после достоверно различаются ($p=0,007$); оценки до и после боевых действий не имеют достоверных различий. По Шкале 12 – «Вялый–Энергичный» на уровне тенденции оценки различаются до и во время боевых действий ($p=0,052$); в оценках во время и после боевых действий выявлены достоверные различия ($p=0,015$); оценки до и после боевых действий достоверно не различаются. По Шкале 17 – «Неуверенный–Уверенный» оценки достоверно не различаются до и во время боевых действий; во время и после боевых действий оценки достоверно различаются ($p=0,007$); до и после боевых действий не имеют достоверных различий. По Шкале 18 – «Нелюдимый–Общительный» оценки достоверно различаются до и во время боевых действий ($p=0,018$); во время и после боевых действий также имеются достоверные различия ($p=0,048$); до и после боевых действий достоверно не различаются ($p=0,670$). По Шкале 21 – «Невозмутимый–Раздражительный» оценки достоверно различаются до и во время боевых действий ($p=0,018$); в то время как во время и после боевых действий, так и до и после боевых действий оценки достоверно не различаются.

В целом, выраженность средних значений оценок фотоизображений лиц натурщиков свидетельствует в пользу того, что из числа достоверно различающихся шкал (за исключением Шкалы 21 – «Не-

возмутимый—Раздражительный»), индивидуально-психологические особенности в большей степени выражены во время участия в боевых действиях. Интересно, но оказалось, что люди находящиеся в смертельно опасных условиях, воспринимаются наивными наблюдателями как в большей степени обаятельные, открытые, независимые, деятельные, энергичные, уверенные, общительные и невозмутимые. Можно предположить, что характер оценок отвечает целям нахождения военнослужащих Армии США в Афганистане. Все же это миротворческая операция контртеррористического плана, и не преследуется завоевательная цель. По всей вероятности, военнослужащие имеют внутреннее убеждение в своей миротворческой миссии и с честью выполняют свой долг. В то же время, по окончании участия в боевых действиях, натурщики оцениваются, как более замкнутые, пассивные, вялые, неуверенные и нелюбимые. К сожалению, характер подобного рода оценок отражает признаки ПТСР. И соответственно до участия в боевых действиях натурщики воспринимаются, как наиболее непривлекательные, зависимые, и раздражительные — на наш взгляд, депрессивные признаки, характерные для людей, находящихся в условиях крайней неопределенности в ожидании столкновения с травмирующими факторами, как физического, так и психологического плана.

Результаты исследований особенностей восприятия индивидуально-психологических черт личности военнослужащих участвующих в боевых действиях оказались неожиданными и представляют интерес для дальнейшего изучения.

Литература

- Барабанщиков В. А., Носуленко В. Н., Самойленко Е. С.* Системность. Восприятие. Общение. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Коробейников М. П.* Современный бой и проблемы психологии. М.: Воениздат, 1972. С. 161.
- Малкина-Пых И. Г.* Психологическая помощь в кризисных ситуациях. М.: Эксмо. 2005.
- Малкина-Пых И. Г.* Экстремальные ситуации. М.: Эксмо, 2005.
- Момышулы Б.* Психология войны. Алма-Ата, 1990.
- Пушкарев А. Л., Доморацкий В. А., Гордеева Е. Г.* Посттравматическое стрессовое расстройство: диагностика, психофармакотерапия, психотерапия. М.: Институт психотерапии, 2000.
- Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. Методы

дика личностного дифференциала (вариант, адаптированный в НИИ им. В. М. Бехтерева). М., 2002. С. 20–21.

Show L. Emotional and Psychological Changes of War. URL: <https://www.disclose.tv/14-soldiers-were-photographed-before-during-and-after-war-315794> (дата обращения: 09.07.2018).

Perception of the individual psychological characteristics of a person by the image of a person of serviceman of combatants

*E. G. Khoze**, *A. A. Vulf*** (*Moscow*)

* Candidate of Psychological Sciences, Moscow State University of Psychology and Education

** Moscow Institute of Psychoanalysis

In the work the peculiarities of perception of individual psychological characteristics of a person on the material of photo images of soldiers' faces depending on the conditions of military service (prior to participation in hostilities, during and after) were studied. As the main evaluation tool used the Personal Differential Technique. The dynamics of perception of the individual psychological characteristics of the personality obtained in the assessments of the perception of the mimic-calm person of soldiers, depending on the conditions of military service, is shown.

Keywords: perception of a mimic-calm person, personality characteristics, participation in combat operations, post-traumatic stress disorder.

Раздел XV

РЕГУЛЯЦИЯ И САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

Осознанная саморегуляция в системе психологических предикторов социокультурной адаптации иностранных обучающихся

Т. Н. Банщикова (Ставрополь)

кандидат психологических наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет; e-mail: sevkv@mail.ru

Обсуждается актуальность исследования кросс-культурных особенностей осознанной саморегуляции (СР) в условиях адаптации обучающихся к новой социокультурной среде. Представлены эмпирические данные, подтверждающие значимые различия в уровнях адаптированности студентов к учебной группе и учебной деятельности, в стилевых характеристиках и регуляторно-личностных свойствах иностранных и российских студентов. Установлена взаимосвязь между уровнем адаптивных способностей обучающихся и уровнем их осознанной СР. Студенты из Ближнего зарубежья в большей степени задействуют регуляцию при решении проблемы переживания аккультурационного стресса, ситуаций дискриминации. Отдельные компоненты и общий уровень СР выступают для студентов Дальнего зарубежья ресурсами в бесконфликтном сохранении традиций своей страны и принятия нормы общежития в новых социокультурных условиях. Для российских студентов значимыми предикторами адаптации к учебной деятельности выступает способность детализировано планировать свою деятельности и готовность вносить коррективы при изменении внешних и внутренних условий.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, аккультурационные установки, социокультурная адаптация, кросс-культурный подход, студенты, психологические предикторы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00804 «Осознанная саморегуляция и совладающее поведение в условиях адаптации студентов к новой социокультурной среде: общие закономерности и кросс-культурные различия».

Введение

Проблемы социокультурной адаптации человека существуют в любом обществе и обостряются в условиях социальных трансформаций и резких изменений, свойственных для современности. В то время, когда привычные ориентиры деятельности утрачивают прежнюю значимость, общепринятые ценности и нормы становятся уже неприемлемыми, неактуальными и требуется выбор новых идей и позиций, основанных на несколько иных мировоззренческих принципах. Исходя из этого, трудности, которые возникают в процессе активной социализации и аккультурации, оказываются связанными не только со сложностью структуры окружения и неоднозначностью его семантики, но и с малой степенью осознания людьми адекватности собственного поведения и возможности контроля над ним.

В связи с этим актуальной становится проблема изучения роли осознанной саморегуляции как целенаправленного процесса управления всеми видами внешней и внутренними активности, ресурсами, направленными на построение модели окружающего мира и оптимальной адаптации к ней. Данная проблема активно рассматривается в работах многих современных отечественных (Дикая, 2002; Леонова, 2011; Моросанова, Баншикова, 2014; и др.) и зарубежных психологов (Brown, Westbrook, Challagalla, 2005; Carver, Scheier, 1998; и др.).

Научная значимость этой проблемы обусловлена наличием разрозненных данных относительно специфики саморегуляции активности субъекта в условиях адаптации к новым социокультурным условиям, что определяет необходимость создания целостной картины кросс-культурной специфики осознанной саморегуляции в условиях адаптации. Изучение регуляторных аспектов адаптации к новым социокультурным условиям представляет и актуальную практическую задачу – улучшение процессов адаптации иностранных студентов позволит повысить их академическую успеваемость и минимизировать последствия культурного шока.

В представленном исследовании осознанная саморегуляция рассматривается в контексте интегративного когнитивно-личностного конструкта, реализующего основные компоненты системы психической саморегуляции: регуляторные процессы, регуляторно-личностные свойства, общий уровень саморегуляции. Такое строение осознанной саморегуляции подчеркивает ее мета-природу как психологического средства мобилизации и интеграции когнитивных и личностных ресурсов (Моросанова, 2017).

С целью изучения этих вопросов нами было проведено эмпирическое исследование.

Основные задачи исследования: 1) сравнить особенности адаптации к новым социокультурным условиям студентов дальнего и ближнего зарубежья; 2) сравнить стилевые характеристики (планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов), особенности регуляторно-личностных свойств (гибкость, самостоятельность) у иностранных и российских студентов; 3) выявить значимые регуляторные и личностные предикторы успешности адаптации студентов к учебной деятельности и учебной группе.

Организация и методики экспериментального исследования

В качестве *гипотезы* выступило предположение, что компоненты осознанной саморегуляции выступают значимыми предикторами в оптимальной адаптации иностранных обучающихся к новым социокультурным условиям. Результаты предыдущих исследований дают основание предполагать существование сложной взаимосвязи саморегуляции и адаптации к учебной деятельности и учебной группе. Эта взаимосвязь имеет кросс-культурные особенности.

Выборку исследования составили 316 студентов. Из них: 89 иностранных студентов из Дальнего зарубежья (ДЗ) (Ангола, Ирак, Сирия, Йемен, Замбия, Тунис, Мозамбик, Конго, Гана, Ангола и др.) и 111 студентов из Ближнего зарубежья (БЗ) (Таджикистан, Азербайджан, Узбекистан, Туркмения, Кыргызская Республика и др.), а также 116 российских студентов из республик Северо-Кавказского федерального округа (Р).

Методики исследования. Для оценки характеристик саморегуляции респондентов был использован многошкальный тест-опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой (Моросанова, 2004). Для исследования стратегий и моделей копинг-поведения (стресс-преодолевающего поведения), как типов реакций личности человека по преодолению стрессовых ситуаций был использован личностный опросник «SACS» (Хобфолл, 1994). Методика «Адаптированность студентов в вузе» Т. Д. Дубовицкой (Дубовицкая, 2010) применялась для выявления студентов, испытывающих трудности в адаптации к группе и к учебной деятельности. Также был использован опросник для измерения аккультурационной установки, разработанный (адаптированный) по методике Дж. Берри (Berry, 1994). Опросник предназначен для определения доминирующей аккультурационной стратегии (сепарации, интеграции, маргинализации и ассимиляции).

Обработка полученных данных проводилась с использованием однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), корреляционного анализа (по Ч. Спирмену).

Результаты исследования

Проведенное исследование позволило получить ряд новых данных, раскрывающих кросс-культурные особенности саморегуляции в условиях адаптации к новым социокультурным условиям. На начальном этапе исследования установлены значимые различия в адаптированности российских студентов и студентов дальнего и ближнего зарубежья к учебной группе ($p=0,0001$) и учебной деятельности ($p=0,0003$). По уровням адаптированности российских и зарубежных студентов (уровень определялся применением функции квартиль) получены вполне вероятностные результаты. Высокие показатели по шкале адаптированности к учебной деятельности отмечены у российских студентов ($M=11$), адаптированность к условиям обучения в вузе на среднем уровне показали студенты из БЗ ($M=9,5$), низкие значения отмечены у студентов из ДЗ ($M=8,9$). Аналогичны результаты и по адаптированности к учебной группе: российские студенты – $M=12,4$; студенты БЗ – $M=11,2$; студенты ДЗ – $M=9,5$.

Для оценки значимости различий в показателях осознанной саморегуляции между выборками российских и иностранных студентов применялся t -критерий Стьюдента. Выявлены значимые различия по шкалам «Моделирование» ($p=0,0325$), «Гибкость» ($p=0,0013$), «Общий уровень саморегуляции» ($p=0,0013$). Средние значения показателей саморегуляции у российских студентов выше, чем у иностранных. Однако и у одной, и у другой групп наблюдается сглаженный профиль саморегуляции, соответствующий среднему уровню развития.

На следующем этапе исследования особое внимание уделено изучению психологических предикторов, влияющих на показатели адаптированности студентов к учебной деятельности и учебной группе. Задача стояла в рассмотрении особенностей взаимосвязи регуляторных и личностных особенностей с показателями адаптации. Независимыми переменными выступили показатели осознанной саморегуляции, совладающего поведения, аккультурационные установки личности.

В процессе интерпретации полученных результатов исследования был определен коэффициент детерминации для каждой шкалы адаптации (адаптация к учебной группе – $R^2=0,3227$; адаптация

к учебной деятельности – $R^2= 0,2702$). В соответствии с этим полученная регрессионная модель зависимой переменной «адаптация к учебной группе» Значимыми предикторами регрессионной модели зависимой переменной «адаптация к учебной группе» выступили: общий уровень аккультурационного стресса ($b=-1,888$, $p=0,000$), просоциальная модель преодолевающего поведения «вступление в социальный контакт» ($b=0,142$, $p=0,004$).

Значимыми предикторами регрессионной модели зависимой переменной «адаптация к учебной деятельности» выступили: показатель осознанной саморегуляции «оценивание результатов» ($b=0,505$, $p=0,002$), аккультурационная установка «интеграция» ($b=0,514$, $p=0,028$), а также наличие неспецифических проблем переживания аккультурационного стресса ($b=-1,715$, $p=0,000$).

Как было отмечено, предикторы адаптации имеют свои этнокультурные особенности. Применение рангового коэффициента корреляции Спирмена позволило более широко представить предикторы адаптированности российских и иностранных студентов к учебной деятельности:

1. Значимыми предикторами адаптации студентов из ДЗ выступают: шкала аккультурационного стресса «чувство вины» ($r=0,538$); аккультурационная установка «интеграция» ($r=0,327$); регуляторные показатели «моделирование» ($r=0,254$), «оценивание результатов» ($r=0,284$), «общий уровень саморегуляции» ($r=0,318$), копинг-стратегия «вступление в социальный контакт» ($r=0,242$). Сформированность индивидуальной системы осознанной саморегуляции – способность выделять значимые условия достижения целей, как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем (М), адекватность самооценки, сформированность и устойчивость субъективных критериев оценки результатов своей учебной деятельности (Ор) – позволяют студентам из ДЗ справляться с переживаниями вины, как показателя аккультурационного стресса, бесконфликтно сохранять традиции своей страны, принимая нормы общежития в новых социокультурных условиях (интеграция).
2. Значимыми предикторами адаптации студентов БЗ выступают: общий уровень аккультурационного стресса ($r=-0,428$), воспринимаемая дискриминация ($r=-0,361$), аккультурационная установка «интеграция» ($r=0,266$) и показатели осознанной саморегуляции «моделирование» ($r=0,370$), «программирование» ($r=0,214$), «оценивание результатов» ($r=0,014$), «гибкость» ($r=0,211$) «общий уровень саморегуляции» ($r=0,312$), копинг-стратегия «вступление

ние в социальный контакт» ($r=0,282$), «поиск социальной поддержки» ($r=0,237$). Стремление студентов из БЗ к определению значимых условий достижения целей (М), продумыванию способов своих действий и поведения для достижения этих целей (Пр), попытки адекватной оценки полученных результатов, перестройки планов и поведения в условиях изменившихся ситуаций (Ор), стремление найти поддержку в окружении позволяют данной группе студентов справиться с переживаниями аккультурационного стресса и интегрироваться в новые культурные условия жизнедеятельности.

3. Значимыми предикторами адаптации российских студентов (в основном уроженцев республик СКФО) выступают: переживание культурного шока ($r=-0,397$), аккультурационная установка «сепарация» ($r=-0,826$) и показатели осознанной саморегуляции «планирование» ($r=0,408$), «гибкость» ($r=0,425$). Сформированность у студентов осознанного планирования своей деятельности, пластичность всех регуляторных процессов (Пл), готовность перестраивать планы и программы исполнительских действий и поведения, быстро оценивать изменения значимых условий и перестраивать программу действий (Г) снижают уровень переживания культурного шока, отрицание «чужой» культуры при сохранении идентификации со своей.

Заключение

Эмпирические данные подтвердили значимые различия в уровнях адаптированности российских и зарубежных студентов к учебной группе и учебной деятельности; сравнительный анализ стилевых характеристик (планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов) и особенностей регуляторно-личностных свойств (гибкость, самостоятельность) у иностранных и российских студентов позволил установить значимые различия по шкалам «моделирование», «гибкость», «общий уровень саморегуляции». Выявлены значимые регуляторные и личностные предикторы успешности адаптации студентов к учебной деятельности и учебной группе. Установлено, что компоненты осознанной саморегуляции выступают значимыми предикторами в оптимальной адаптации студентов к новым условиям обучения и жизнедеятельности. Интерпретация полученных результатов требует дальнейшего сопоставления установленных кросс-культурных различий в адаптации студентов с их личностными и мотивационными особенностями, с динамикой успешности в обучении.

Литература

- Банщикова Т. Н., Моросанова В. И.* Роль осознанной саморегуляции в контроле агрессивности у педагогов // Мир в образовании – образование в мире. 2014. № 4. С. 112–123.
- Дикая Л. Г.* Психология функциональных состояний (в экстремальных условиях профессиональной деятельности). М.: Наука, 2002.
- Дубовицкая Т. Д., Крылова А. В.* Методика исследования адаптированности студентов в вузе // Психологическая наука и образование: электронный журнал. 2010. № 2. URL: www.psyedu.ru.
- Леонова А. Б.* Стресс-резистентность и структурная организация процессов саморегуляции деятельности // Психология саморегуляции в XXI веке / Отв. ред. В. И. Моросанова. СПб.–М.: Нестор-История, 2011. С. 354–373.
- Моросанова В. И.* Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство. М.: Когито-Центр, 2004.
- Моросанова В. И.* Осознанная саморегуляция как метасистема психологических ресурсов достижения целей и саморазвития человека // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности // Отв. ред. Г. С. Никифоров, М. А. Дмитриева, В. М. Снеткова. СПб.: Речь, 2003. С. 311–321.
- Brown S. P., Westbrook R. A., Challagalla G.* Good cope, bad cope: Adaptive and maladaptive coping strategies following a critical negative work event // Journal of Applied Psychology. 2005. V. 90. P. 982–798.
- Berry J. W.* Acculturation and psychological adaptation: review // Journeys into cross-cultural psychology: Selected papers from the 11th International conference of the International association for cross-cultural psychology held in Liege, Belgium / Ed. by A. M. Bouvy et al. Lisse: Swets & Zeitlinger, 1994. P. 139–140.
- Carver C. S., Scheier M. F.* On the self-regulation of behavior. Cambridge, U. K.: Cambridge University Press, 1998.

Conscious self-government in the system of psychological forecasting of social–cultural adaptation of foreign students

T. N. Banshchikova (Stavropol)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, North-Caucasian Federal University

The relevance of studying the intercultural features of conscious self-regulation in the context of students' adaptation to a new socio-cultural environment is discussed. Empirical evidence is presented that confirms significant differences in the levels of adaptation of students to the training group and educational activities, the characteristics of the style and the regulatory and personal characteristics of foreign and Russian students. The relationship between the level of students' adaptive abilities and the level of their conscious self-regulation is established. Students from the near abroad are more actively involved in regulating the problem of experiencing accultural stress, situations of discrimination. Individual components and the overall level of self-regulation are intended for students from non-CIS countries in the conflict-free preservation of their country's traditions and the adoption of the norm of a hostel in new socio-cultural conditions. For Russian students, the ability to plan in detail their activities and readiness to make adjustments when changing external and internal conditions is an important predictor of adaptation to learning activity.

Keywords: conscious self-regulation, acculturation relations, sociocultural adaptation, intercultural approach, students, psychological predictor.

Механизмы гедонической адаптации: саморегуляция и самостабилизация

О. В. Гордеева (Москва)

*кандидат психологических наук, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова; e-mail: olagordeeva@mail.ru*

Эмоциональная система после реакции нуждается в восстановлении готовности к реагированию и в возвращении ее к исходному состоянию. Эти процессы нашли отражение в модели «Динамика аффекта» П. Куппенса, возможности применения которой для описания и объяснения феномена гедонической адаптации рассматриваются. Анализ эмпирических данных показывает, что феномен гедонической адаптации представляет собой сохранение и поддержание устойчивого фонового эмоционального состояния через снижение эмоциональной чувствительности под влиянием эмоциогенных стимулов. Объяснение данного феномена как результата действия регулятивных процессов приводит к необходимости введения нового понятия «самостабилизация» для обозначения непроизвольной регуляции собственных эмоций как присущего «натуральной» психике механизма. Самостабилизация отличается от саморегуляции по происхождению, форме контроля и строению, но сходна по выполняемой регулятивной функции.

Ключевые слова: регуляция эмоций, произвольная и непроизвольная саморегуляция, гедоническая адаптация, динамика эмоций.

Проблема регуляции эмоций становится одной из наиболее изучаемых в современной психологии эмоций (Дж. Гросс, Н. Гарнефски, Р. Томпсон и др.). Причина этого — как необходимость построения теоретической модели эмоциональной реакции, включающей наряду с другими (физиологическим, экспрессивным, поведенческим и т. д.) компонент регуляции этой эмоции, так и запросы практики, обусловленные быстрым ростом в современном обществе частоты

встречаемости расстройств, характеризующихся наличием выраженных нарушений регуляции эмоций (депрессивные, тревожные, психосоматические и др.) (см. Первичко, 2014). Термином «регуляция эмоций» мы будем называть процессы саморегуляции, направленные на изменение, индукцию, прекращение или поддержание определенной эмоции.

Одной из характеристик эмоций является их ограниченность во времени, что имеет огромное адаптивное значение. Так, эмоции оценивают внешние и внутренние события в соотношении с потребностями и мотивами субъекта, т. е. с позиции последних. Поэтому система эмоционального реагирования должна постоянно находиться в состоянии готовности, чтобы субъект мог дать эмоциональную оценку следующего события и сформировать на ее основе адаптивное поведение. Отсюда эволюционная необходимость в наличии системы, призванной «очищать» эмоциональную сферу, возвращая ее к изначальному состоянию (в психологии часто ставится вопрос о появлении феноменов психического отражения, но очень редко об их исчезновении, «стирании»).

Эти процессы реагирования и восстановления готовности эмоциональной системы нашли отражение в модели Петера Куппенса, названной «Динамика аффекта» (западные психологи по традиции используют термин «аффект» в широком смысле, соответствующем отечественному понятию «эмоция»).

Продолжая решение задачи выявления и графического представления структуры эмоции, впервые поставленной В. Вундтом*, Куппенс, опираясь на модель ядерного аффекта Расселла и Фельдман Барретт**, создает модель аффективного пространства, в котором ядерный аффект (реальная эмоция в конкретный момент времени) локализован как точка. Временная динамика аффекта графически может быть выражена движением точки в этом пространстве (так на-

* В. Вундт начал построение топологических моделей эмоций, имеющих параметральное строение: каждая эмоция могла быть описана как точка в аффективном пространстве, заданном определенными параметрами.

** Продолжая заданную Вундтом традицию построения пространственных моделей, описывающих качества эмоций, в XX в. был предложен ряд моделей, одной из которых была круговая модель аффекта Джеймса Расселла и Лизы Фельдман Барретт (Russell, Feldman Barrett, 1999). Согласно этой модели, 1) эмоции отличаются друг от друга по двум независимым параметрам — валентность и активация (оси ортогональны и биполярны); 2) эмоции разного качества равномерно распределены по окружности в пространстве, а не сгруппированы в кластеры.

зываемой «траекторией аффекта»), причем паттерны траекторий специфичны для каждого человека (Kuppens et al., 2010). Вводится понятие «аффективная исходная база» (affective home base) (АИБ), которое у Куппенса обозначает и некое устойчивое эмоциональное состояние, преобладающее в отсутствие эмоциогенных стимулов, и «точку отсчета» системы эмоциональной оценки (насколько оправдана такая многозначность термина, мы выясним далее). Графически АИБ выражается точкой в аффективном пространстве, которая является исходной — из нее начинается эмоциональный сдвиг под влиянием события и сюда (предположительно) возвращается человек после эмоциональной реакции. АИБ представляет собой оптимальное и желательное для субъекта эмоциональное состояние, «зону эмоционального комфорта» (при этом показатели АИБ весьма индивидуальны) (Kuppens et al., 2010).

Проблема координат АИБ — это вопрос о том, каково эмоциональное состояние человека в отсутствие эмоциогенных событий. Качиоппо и Гарднер (Cacioppo, Gardner, 1999), а также Куппенс и коллеги (Kuppens et al., 2010) экспериментально установили, что АИБ у большинства здоровых людей характеризуется незначительной положительной валентностью и несколько повышенным уровнем возбуждения, что согласуется с полученными в позитивной психологии данными (Diener et al., 2006).

Эмоциональная система, по Куппенсу, имеет гомеостатический характер, т. е. при каких-либо отклонениях эмоций от АИБ возникает сила, возвращающая эмоциональное состояние к исходной точке, т. е. в оптимальное для формирования следующей эмоциональной реакции состояние («принцип аттрактора» (притяжения)). Сила аттрактора (также индивидуальная характеристика) определяет, как быстро и насколько успешно произойдет восстановление исходного состояния. Для оценки ее величины используют показатель скорости, с которой эмоция покидает точку текущего состояния, стремясь к точке АИБ. Модель Куппенса не только выявляет индивидуальные особенности динамики повседневных эмоций, но и предсказывает эту динамику на основе данных о текущих эмоциях (например, определяет, как скоро произойдет у человека восстановление от переживаемой в данный момент эмоции) (Kuppens et al., 2010).

Возникает вопрос, могут ли координаты АИБ меняться под влиянием происходящих в жизни эмоциогенных событий. Здесь нам необходимо обратиться к феномену т. н. гедонической адаптации.

Гедонической адаптацией называют феномен возвращения к исходному (базовому) эмоциональному состоянию в условиях, когда

эмоциогенный стимул продолжает действовать: происходит своего рода «привыкание», или «адаптация», к его воздействию, причем вне зависимости от знака вызываемой этим стимулом эмоции (см., напр.: Frederick, Loewenstein, 1999) – вероятно, это защищает эмоциональную систему от перегрузок и возвращает ее в состояние готовности. Это приводит к неожиданным и удивительным, с точки зрения здравого смысла, явлениям – «привыканию» человека даже к крайне позитивным и негативным вещам и его возвращению к прежнему уровню счастья (оцениваемому по данным самоотчетов). Так, Соня Любомирски приводит много жизненных историй, как люди адаптировались, получив различные блага жизни (переезд в более просторный дом, повышение зарплаты, получение более высокой должности, возвращенные пластической операцией красоты и молодости, вступление в брак, нормальное зрение, внезапное богатство), о которых до этого мечтали: первое время они счастливы, потом уровень счастья возвращается к исходному (Любомирски, 2014).

Житейские наблюдения подтверждаются данными научных исследований. Так, Ричардом Лукасом и коллегами было обнаружено, что брак оказывает лишь временное влияние на уровень счастья: сразу после свадьбы уровень счастья мужа и жены растет и остается повышенным около двух лет, а затем супруги вновь возвращаются к базовому уровню счастья (Lukas et al., 2003). В классическом исследовании Филиппа Брикмана, Дэна Коутса и Ронни Янофф-Булман (Brickman et al., 1978) обнаружено, что люди, выигравшие от 50 тысяч до миллиона долларов в лотерею, через год после выигрыша не только не чувствовали себя счастливее, но и получали меньше удовольствия от обыденных приятных событий (общение с друзьями, просмотр телепередач, вкусная еда, шутка и т. д.), чем контрольная группа (Brickman et al., 1978).

Раз человек быстро привыкает к действию позитивного события, то, чтобы сохранить временно повысившийся переживаемый уровень счастья, ему надо стимулировать себя все более сильными положительными стимулами. Это явление получило название гедонической беговой дорожки (*hedonic treadmill*) (см. обзор Frederick, Loewenstein, 1999).

Хотя гедоническая адаптация в конечном счете «съедает» счастье после любого позитивного события, в ней есть и преимущества – она позволяет быстро приспособливаться к крайне негативным обстоятельствам (Аргайл, 2003, с.62–63; Любомирски, 2014). Так, в исследовании Джейсона Рииса и коллег, проводимом с помощью метода выборки переживаний, обнаружилось (анализировались средние оценки настроения за неделю), что пациенты с хроничес-

кими заболеваниями почек, вынужденные еженедельно проходить гемодиализ, не менее счастливы, чем здоровые люди (сами пациенты не осознавали наличия гедонической адаптации и утверждали, что были бы более счастливыми, будучи здоровыми) (Riis et al., 2005). В ряде работ (Schneider, 1998, p. 71) показано наличие некоторой степени гедонической адаптации в случае таких серьезных болезней, как повреждение спинного мозга, паралич, слепота, рассеянный склероз, а также других заболеваний, связанных с потерей важных возможностей или функций, причем общая удовлетворенность жизнью со временем повышалась (см. обзоры: Аргайл, 2003, с. 62–63; Любомирски, 2014).

В связи с этим исследовался вопрос о зависимости быстроты и степени привыкания от особенностей стимула. Изучая вопрос о связи уровня дохода и счастья, Даниэл Канеман и Ангус Дитон (Kahneman, Deaton, 2010) предложили различать два аспекта субъективного благополучия – эмоциональный и когнитивный. Показателем первого выступают частота, интенсивность и длительность положительных и отрицательных эмоций, переживаемых в течение дня. Оценка жизни выражает когнитивный аспект благополучия, ее показателем выступают мысли человека о своей жизни, когда он задумывается о ней. Обнаружено, что с возрастанием доходов оценка жизни неуклонно растет, а эмоциональное благополучие сначала тоже повышается, но его рост прекращается после достижения уровня доходов определенной точки (в размере \$ 75000) (Kahneman, Deaton, 2010). Задав вопрос о том, что, возможно, уровень счастья у выигравших в лотерею не возрос потому, что эти деньги были ими неправильно потрачены, Элизабет Данн и др. (Dunn et al., 2011) показали, что людей более счастливыми делают деньги, потраченные на впечатления (например, отпуск, уроки танцев или вечеринки с друзьями), а не на материальные блага, и эмоциональная адаптация к приобретенным вещам наступает быстрее, чем к хорошим впечатлениям, становящимся основой приятных воспоминаний.

Можно сделать вывод, что феномен гедонической адаптации выражает не изменение устойчивого (фоновое) эмоционального состояния, а, наоборот, его сохранение и поддержание через снижение чувствительности к эмоциогенным стимулам определенной валентности, т. е. через изменение точки отсчета. Используя терминологию Куппенса, можно сказать, что при гедонической адаптации координаты АИБ как фонового состояния меняются незначительно, но меняется АИБ как точка отсчета. Следовательно, в данной модели необходимо разводить эти два конструкта, в том числе и терминологически. Это уже сделано в отечественной психологии эмоций,

где АИБ как устойчивое состояние называется термином «преобладающий фон настроения», а АИБ как точка отсчета нашла отражение в термине «эмоциональная чувствительность».

Предложен ряд объяснений феномена гедонической адаптации: основанные на теории уровня адаптации (*adaptation level theory*) Х. Хелсона (Helson, 1964) объяснения смещением точки отсчета (Brickman et al., 1978; модель Куппенса), через изменение ожиданий и социальное сравнение (Аргайл, 2003; Любомирски, 2014), через участие механизмов саморегуляции (Аргайл, 2003; Freund, Keil, 2013). Но если объяснять адаптацию к негативным событиям включением стратегий регуляции эмоций (Freund, Keil, 2013), то что же включает их при событиях позитивных? Трудно представить себе, что обычный человек говорит себе, что пора перестать радоваться, ибо это неадаптивно. Вероятно, здесь включаются такие регулятивные механизмы, которые не требуют произвольности для своего запуска.

На наш взгляд, в понятии «саморегуляция» в отечественной психологии зафиксированы два значения: «регуляция мною самим» и «регуляция моей собственной психики», последняя может быть произвольной и непроизвольной. Их слияние в данном понятии часто приводит к пониманию саморегуляции лишь как произвольной и опосредованной.

В российской психологии принимается идея о том, что животные не могут сами произвольно регулировать свою психику (Соколова, Федорович, 2016), а лишь свое поведение, и то в ограниченной степени (Иванников, 2006). Но подчас упускается из виду то, что психика может регулироваться ненамеренно и без привлечения культурных средств, что некоторые механизмы регуляции «встроены» в систему психики. Способность к восстановлению исходного эмоционального состояния после эмоциональной реакции была «заложена» в эмоциональную систему еще до появления сознания. Например, кот переживает неудовольствие или гнев в ответ на наказание его хозяином, но через какое-то время его эмоциональная система приходит в равновесие — и он снова спокоен. Мы предлагаем обозначать этот процесс непроизвольной саморегуляции термином «самостабилизация», а произвольную — термином «саморегуляция».

Механизмы самостабилизации и саморегуляции эмоций имеют разные происхождение (первые — «натуральное», вторые — социальное), структуру (непосредственные — опосредованные), способ их регуляции со стороны субъекта (непроизвольные — произвольные), но общую функцию стабилизации эмоциональной системы, т. е. «очищение» ее от следов прошлых реакций и приведение ее в состояние готовности к новой реакции. Понятно, что подсистема са-

мостабилизации формируется задолго до возникновения сознания. Появление сознания преобразует регуляцию психики, но не отменяет существования «натуральной», и механизмы самостабилизации продолжают действовать.

Идея о существовании «натуральных» механизмов регуляции вполне согласуется как с существующими в отечественной психологии представлениями о роли обратной связи (не представленной на сознательном уровне) в психической регуляции движения (Н. А. Бернштейн), так и с теориями эмоций, в которых подчеркивалась роль обратной связи в формировании и динамике эмоций (У. Джеймс, П. К. Анохин, С. Шехтер, К. Изард и др.). Идея о том, что, наряду с социально обусловленными механизмами регуляции эмоций, действуют «натуральные», начинает постепенно развиваться и в отечественной психологии (Волов, Волов, 2016).

Проблема исследований механизмов самостабилизации заключается в трудности их операционализации, отделения результатов их действия от действия механизмов саморегуляции. В самом деле, в одном и том же эффекте регуляции эмоций, например, в феномене гедонической адаптации, отражается работа обоих механизмов. Об этом хорошо известно специалистам по эмоциональным расстройствам, сталкивающимся с необходимостью сочетания психотерапевтической и фармакологической их коррекции. Поэтому встает задача создания методов, позволяющих увидеть работу механизмов самостабилизации в «чистом» виде. Перспективным представляется использование математического моделирования в соединении с формирующим экспериментом.

Литература

- Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2003.
- Любомирски С. Психология счастья. СПб.: Питер, 2014.
- Brickman P., Coates D., Janoff-Bulman R. Lottery winners and accident victims: is happiness relative? // Journal of Personality and Social Psychology. 1978. V. 36. № 8. P. 17–27.
- Diener E., Lucas R. E., Scollon C. N. Beyond the hedonic treadmill: Revising the adaption theory of well-being // American Psychologist. 2006. V. 61. P. 305–314.
- Frederick S., Loewenstein G. Hedonic adaptation // Well-being: The foundation of hedonic psychology / Ed. by D. Kahnemann, E. Diener, N. Schwarz. N. Y.: Russell Sage Foundation, 1999. P. 302–329.
- Kahneman D., Deaton A. High income improves evaluation of life but not emotional well-being. PNAS. August 4. 2010. URL: <https://www>

princeton.edu/~deaton/downloads/deaton_kahneman_high_income_improves_evaluation_August2010.pdf.

Kuppens P., Oravecz Z., Tuerlinckx F. Feelings Change: Accounting for Individual Differences in the Temporal Dynamics of Affect // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010, September 20. Advance online publication.

Russell J. A., Feldman Barrett L. Core affect, prototypical episodes, and other things called emotion; Dissecting the elephant // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. V. 76. P. 805–819.

Mechanisms of hedonic adaptation: self-regulation and self-stabilization

O. V. Gordeeva (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Lomonosov Moscow State University

The emotional system needs to restore readiness for reaction, to return to its basic state after the reaction. These processes are reflected in the model of “Dynamics of affect” by P. Kuppens. The possibilities of application of this model for the description and explanation of the phenomenon of hedonic adaptation are considered. The analysis of empirical data shows that the phenomenon of hedonic adaptation is the store and maintenance of a stable basic emotional state through the reduction of emotional sensitivity under the influence of emotional stimuli. The explanation of this phenomenon like a result of regulatory processes leads to the need to introduce a new concept of “self-stabilization” to refer to the involuntary regulation of their own emotions as inherent in the “natural” psyche of the mechanism. Self-stabilization differs from self-regulation in origin, form of control and structure, but is similar in regulatory function.

Keywords: emotion regulation, hedonic adaptation, voluntary and involuntary self-regulation, dynamics of affect.

Психологические особенности лиц периода зрелости, находящихся в местах лишения свободы

А. Н. Исакова, Л. М. Лучшева** (Новокузнецк)*

** Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета; e-mail: aisakova96@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета; e-mail: lucseva@mail.ru*

В статье рассматриваются такие понятия, как воля, самоконтроль акцентуации характера и темперамента личности, с позиции взглядов различных авторов. Проведено исследование психологических особенностей: уровня волевого самоконтроля, акцентуации характера и темперамента личности. Изучены психологические особенности личности в период зрелости. Описана выборка исследования, состоящая из осужденных отряда хозяйственного обслуживания. Исходя из поставленных задач, были подобраны диагностические методики для выявления акцентуированных свойств характера и темперамента, особенностей личностной саморегуляции. Показано, что лица зрелого возраста, находящиеся в местах лишения свободы, имеют средний уровень волевого самоконтроля и выраженные черты следующих типов акцентуаций характера и темперамента личности: демонстративный, застревающий, возбудимый, тревожный и аффективно-экзальтированный.

Ключевые слова: воля, самоконтроль, акцентуации характера и темперамента личности, лица зрелого возраста находящиеся в местах лишения свободы.

На протяжении последних десятилетий в России происходили значительные перемены в социально-экономической, политической и правовой сферах. Эти перемены привели к возникновению множества противоречий в обществе, снижению психического здоровья

и духовно-нравственного потенциала нации, искажению культурных приоритетов, что, в свою очередь, способствовало повышению криминализации сознания. Эффективность борьбы с преступностью напрямую зависит от достижения целей уголовного наказания. Такая мера наказания, как лишение свободы, должна приводить к исправлению осужденных лиц, предотвращению совершения ими новых преступлений, появлению новых социально-одобряемых планов и целей на будущее.

Необходимо отметить тот факт, что исследований трансформации психики лиц, находящихся в следственном изоляторе, крайне мало. Факторы, оказывающие влияние на личность заключенного, имеют очень широкий и разнообразный спектр. Неоднозначно определяются психологические особенности подследственного и уровень воздействия на них среды в местах лишения свободы. Не дано объяснение того, в силу каких субъективных и объективных оснований происходит преобразование подструктур личности (Поздняков, 2000).

Под психологическими особенностями понимают своеобразные свойства психической активности личности, которые выражаются в способностях, темпераменте, характере, чувствах и эмоциях, а также в проявлениях воли. Они образуются в результате системного общения индивидуальных биологических и социально приобретенных свойств, вовлеченных в функционирование системы поведения человека, а также его деятельности и общения (Столяренко, 2008).

В нашей работе под психологическими особенностями личности мы понимаем такие свойства психической активности, как волевой самоконтроль, акцентуации характера и темперамента.

Когда говорится о воле и самоконтроле, подразумевается их взаимное проникновение друг в друга, поскольку четкого определения волевого самоконтроля не существует, а есть только понятие «волевой контроль».

Волевая сфера представляет собой определенный класс процессов, объединенных функциональной задачей преднамеренным и управлением и человека.

Исследователь Д. Гартли считал, что воля — это очень сильное отвращение или желание, вызывающее действие, которое не является автоматическим. С.Л. Рубинштейн считал, что зачатки воли заключены уже в особенностях как в исходных побуждениях человека к действию. В волевом действии сами побуждения не действуют непосредственно в виде слепого импульса, а опосредованно через осознанную цель (Ильин, 2009).

Основным признаком волевого действия, по мнению Э. Мейман, является предшествующий ему психический акт, выработка пред-

ставления о цели, получение согласия на эту цель, которая начинается с подбора и рассмотрения целей, с анализа последствий действия, а истинной причиной всех волевых поступков считает размышление, с помощью него достигается понимание ценности значения цели.

В зарубежной психологии примерно с 70-х годов XX в. понятие «воля» заменяется понятием «самоконтроль».

Под самоконтролем следует понимать сознательный контроль, осуществляемый человеком над своим поведением, мыслями, чувствами, регулирование и планирование своей деятельности. Самоконтроль позволяет человеку сознательно изменять направление своих мыслей, удерживать себя от нежелательных действий. В приведенном определении акцентируются сознательный характер самоконтроля, его регулирующая и планирующая функции (Ярошевский, 1998).

Существуют следующие виды классификаций самоконтроля: временной, пространственный, структурный, а также принцип произвольности самоконтроля (Высотина, 1977).

Говоря о характере, обычно подразумевают те свойства личности, которые накладывают определенный отпечаток на все ее проявления и выражают специфическое для нее отношение к миру и прежде всего к другим людям. Характер проявляется в деятельности и общении (как и темперамент) и включает в себя то, что придает поведению человека специфический, характерный для него оттенок.

Достаточно проблематичен в решении вопрос о разделении естественных черт индивидуальности человека и акцентуаций характера, носящих более негативный отпечаток. По К. Леонгарду, акцентуированные черты далеко не так многочисленны, как варьирующие индивидуальные. Акцентуация — это, в сущности, те же индивидуальные черты, но обладающие тенденцией к переходу в патологическое состояние». Можно говорить об акцентуациях как о среднем звене между индивидуальными чертами характера, являющимися нормой в развитии каждого человека, и патологическими чертами, развивающимися вследствие врожденных или приобретенных изменений психики человека.

К. Леонгард выделял следующие типы акцентуации характера, темперамента, личности: демонстративный, педантичный, застревающий, возбудимый, гипертимический, дистимический, аффективно-лабильный, экзальтированный, тревожный, эмотивный, экстравертированный и интровертированный (Магомед-Эминов, 1998).

Опираясь на классификацию Дж. Беррена, мы рассматривали в исследовании следующие периоды зрелого возраста: ранняя зрелость (17–25 лет), зрелость (25–50 лет) и поздняя зрелость (50–75 лет).

Зрелость (взрослость) – состояние, к которому приходит организм в конце периода развития. Это самый продолжительный период онтогенеза, характеризующийся тенденцией к достижению наивысшего развития духовных, интеллектуальных, творческих и физических способностей личности.

Исходя из выше сказанного, целью исследования являлось изучение психологических особенностей лиц периода зрелости, находящихся в местах лишения свободы.

В исследовании участвовали 30 осужденных отряда хозяйственного обслуживания СИЗО-2 г. Новокузнецка. Возраст осужденных составил от 27 до 42 лет, они находились в следственном изоляторе около 6 месяцев.

Исходя из поставленных задач, были применены следующие диагностические методики: методика акцентуации характера и темперамента личности (Тест-опросник Шмишека и Леонгарда) и тест-опросник волевого самоконтроля А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана (Бодалев, 2003).

По общей шкале волевого самоконтроля был выявлен высокий уровень у 15% респондентов. Полученные результаты позволяют предположить, что данные респонденты независимые, эмоционально зрелые, самостоятельные, активные. Их отличает развитое чувство долга, уверенность в себе, устойчивость намерений, спокойствие, реалистичность взглядов. Возможно, они хорошо рефлексуют личные мотивы, умеют распределять усилия и способны контролировать свои поступки, планомерно реализуют возникшие намерения, обладают выраженной социально-позитивной направленностью. В предельных случаях у них возможно нарастание внутренней напряженности, связанной со стремлением проконтролировать каждый нюанс собственного поведения и тревогой по поводу малейшей его спонтанности.

Также было выявлено, что 31% выборки имеет низкий уровень волевого самоконтроля. Такие лица чаще всего ранимые, чувствительные, эмоционально неустойчивые, неуверенные в себе. Им свойственна импульсивность и неустойчивость намерений. Это может быть связано как с незрелостью, так и с выраженной утонченностью натуры, не подкрепленной способностью к рефлексии и самоконтролю.

Средний уровень был выявлен у 54% испытуемых. Для них характерно умение контролировать свои поступки, чувства и эмоции, однако не во всех ситуациях.

По субшкале «Настойчивость» нами было выявлено, что 22% испытуемых имеют высокий уровень волевого самоконтроля. Таким лицам свойственно уважение к социальным нормам, стремление

полностью подчинить им свое поведение. Возможна утрата гибкости поведения, появление маниакальных тенденций.

Низкий уровень по данной шкале был выявлен у 36% респондентов, этот показатель свидетельствует о повышенной лабильности, импульсивности, неуверенности, которые могут приводить к непоследовательности поведения. Сниженный фон работоспособности и активности, как правило, компенсируется у таких лиц повышенной чувствительностью, изобретательностью, гибкостью, а также тенденцией к свободной трактовке социальных норм.

Средний уровень был выявлен у 42% респондентов. Чаще всего такие лица работоспособные, в меру активные, начатое ими дело они способны довести до конца, порой могут быть импульсивными.

По субшкале «Самообладание» высокий уровень был выявлен у 36% выборки, эти респонденты эмоционально устойчивые, хорошо владеющие собой в различных ситуациях. Свойственная им уверенность в себе, внутреннее спокойствие повышает готовность к восприятию нового, неожиданного, освобождает от страха перед неизвестностью, и, как правило, все это сочетается со свободой взглядов, тенденцией к радикализму и новаторству. Вместе с тем стремление к постоянному самоконтролю, чрезмерное сознательное ограничение спонтанности может приводить к повышению внутренней напряженности, преобладанию постоянной утомляемости и озабоченности.

Также нами было выявлено, что 42% нашей выборки имеют низкий уровень, у таких респондентов наблюдается импульсивность и спонтанность в сочетании с обидчивостью и предпочтением традиционных взглядов ограждают человека от интенсивных переживаний и внутренних конфликтов, способствуют невозмутимому фону настроения.

У 54% респондентов выявлены признаки демонстративного типа акцентуации. Это испытуемые с повышенной способностью к вытеснению, подвижностью, демонстративностью поведения, живостью, легкостью в установлении контактов. Они склонны к лживости и притворству, фантазерству, направленным на приукрашивание своей персоны, к авантюризму, позерству и артистизму.

Черты застревающего типа акцентуации свойственны 54% респондентов. Их характеризует умеренная общительность, занудство, склонность к нравоучениям, неразговорчивость. Часто страдают от мнимой несправедливости по отношению к нему.

Характеристики свойственные возбуждому типу выявлены у 72% выборки. Им присуща недостаточная управляемость, ослабление контроля над побуждениями и влечениями сочетаются у людей такого типа с властью физиологических влечений. Также харак-

терна повышенная импульсивность, грубость, инстинктивность, скудность, угрюмость, склонность к хамству и брани, гневливость, предрасположенность к конфликтам, в которых сами зачастую являются активной, провоцирующей стороной.

Признаки тревожного типа наблюдаются у 66% выборки. Данным испытуемым свойственна низкая контактность, робость, мирное настроение, пугливость и неуверенность в себе.

Черты аффективно-экзальтированного типа акцентуации характера выявлены у 60% респондентов. Им свойственна высокая контактность, словоохотливость, влюбчивость. Также они часто спорят, но не доводят дела до открытых конфликтов. В конфликтных ситуациях они бывают как активной, так и пассивной стороной.

Таким образом, можно сделать вывод, что лица зрелого возраста, находящиеся в местах лишения свободы, имеют средний уровень волевого самоконтроля и выраженные черты следующих типов акцентуаций характера и темперамента личности: демонстративный, застревающий, возбудимый, тревожный и аффективно-экзальтированный.

Литература

- Высотина Л. А.* Педагогические основы процесса исправления и перевоспитания осужденных в ИТУ. М.: Юрид. лит., 1977.
- Бодаев А. А.* Общая психодиагностика. СПб.: Речь, 2003.
- Ильин Е. П.* Психология воли. СПб.: Питер, 2009.
- Магомед-Эминов М. Ш.* Трансформация личности. М.: Психоаналитическая ассоциация, 1998.
- Поздняков В. М.* Психология в пенитенциарной практике зарубежных стран в XX столетии. М., 2000.
- Столяренко Л. Д.* Психология. СПб.: Питер, 2008.
- Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998.

Psychological peculiarities of persons of the period of maturity located in the field of deprivation of freedom

A. N. Isakova, L. M. Luchsheva** (Novokuznetsk)*

* Novokuznetsk Institute (Branch) of the Kemerovo State University

** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Novokuznetsk Institute (Branch) of the Kemerovo State University

The article deals with such concepts as will, self-control of the accentuation of character and personality temperament from the standpoint of the views

of various authors. The study of psychological features: the level of volitional self-control, accentuation of character and personality temperament. The psychological features of the personality during maturity have been studied. A sample of the study, consisting of convicted detainees of economic services, is described. Proceeding from the set tasks, diagnostic techniques were chosen to identify the accentuated properties of character and temperament, the peculiarities of personal self-regulation. It is shown that the persons of adult age who are in places of deprivation of liberty have an average level of volitional self-control and the expressed traits of the following types of accentuations of character and personality temperament: demonstrative, stuck, excitable, anxious and affective-exalted.

Keywords: will, self-control, accentuation of character and personality temperament, mature persons in prison.

Взаимосвязь когнитивной оценки трудной жизненной ситуации со стратегиями совладания и механизмами психологической защиты у молодежи

М. А. Крылова (Кострома)

*Костромской государственной университет;
e-mail: marinakrilova82@gmail.com*

Статья посвящена изучению когнитивного оценивания трудной жизненной ситуации молодыми людьми. Целью эмпирического исследования стало изучение связей между когнитивной оценкой, копинг-стратегиями и защитными механизмами личности. Показаны ситуации, которые определяются как наиболее проблемные, стрессовые. Проведен анализ когнитивного состава понятия «трудная жизненная ситуация». На основе корреляционного анализа делается вывод о том, что при положительной когнитивной оценке трудной ситуации молодые люди чаще используют продуктивные способы совладающего поведения – самоконтроль, планирование решения проблемы и положительную переоценку событий. При отрицательных оценках респонденты склонны использовать бегство-избегание и поиск социальной поддержки. Из психологических защитных механизмов в проблемной ситуации в основном включаются вытеснение, замещение, регрессия.

Ключевые слова: совладающее поведение, стратегии совладания, защитные механизмы, трудная жизненная ситуация, когнитивная оценка.

Психология современного человека по-своему интересна и сложна. Как субъект, он ежедневно вовлечен во множество процессов жизнедеятельности, которые сказываются на качестве его жизни. Это и общение с разными людьми, и работа, зачастую не ограниченная одним предприятием, и постоянное получение новой информации. Все перечисленное не может не сказываться на здоровье и психическом благополучии личности. Отсюда подверженность тревожным,

стрессовым, депрессивным состояниям, особенно в трудной жизненной ситуации (далее ТЖС).

Анализу поведения личности в стрессовых ситуациях с каждым годом посвящается все больше исследований, однако экспериментальных данных, посвященных когнитивным механизмам совладания и психологических защит, существует не так много (S. Folkman, R. Lazarus, Л. И. Анцыферова, Е. В. Битюцкая, В. А. Бодров, Т. Л. Крюкова, С. А. Хазова и др.). Поэтому изучение когнитивной оценки ТЖС человеком не перестает быть актуальным и по сей день.

У зарубежных и отечественных авторов изучение когнитивного оценивания в основном базируется на концепции Р. Лазаруса. В ней оценка ТЖС (стрессовой) дается с точки зрения «угрозы», «вызова», «потери» и отделяется от эмоций (Lazarus, Folkman, 1984).

Наиболее глубоко изучена проблема когнитивной оценки человеком ТЖС, на наш взгляд, в работах Е. В. Битюцкой. По мнению автора, когнитивное оценивание ситуации – это «процесс, участвующий в формировании и функционировании субъективного образа ситуации в индивидуальном сознании» (Битюцкая, 2013а, с. 53). Данное определение сформулировано на основе концепции образа мира А. Н. Леонтьева, идеи «динамической смысловой системы» Л. С. Выготского, впоследствии тщательно проработанной в школе О. К. Тихомирова, которая включает в себя когнитивные и эмоциональные процессы, работах Дж. Брунера и В. Ф. Петренко о процессах восприятия и оценивания. Исходя из этих концепций, Е. В. Битюцкая пишет о том, что в «отечественной психологии заложена основа для более широкого понимания когнитивного оценивания трудной жизненной ситуации» (Битюцкая, 2013б, с. 63). Исследовательница разработала методику, направленную на изучение субъективных оценок ситуации, систематизировала критерии когнитивного оценивания. Она выделила 8 факторов оценки: общие признаки ТЖС; неподконтрольность ситуации; непонятность ситуации; необходимость быстрого, активного реагирования; затруднения в принятии решения; трудности прогнозирования ситуации; сильные эмоции; перспектива будущего (Битюцкая, 2013б).

В нашем исследовании будет рассмотрено когнитивное оценивание стрессовых ситуаций, их сочетание со стратегиями совладания и защитными механизмами личности.

Целью данного исследования было изучение влияния когнитивной оценки ТЖС на стратегии совладания и механизмы психологической защиты у молодых людей.

Выборку составили молодые люди г. Костромы (n=30) в возрасте от 21 года до 35 лет (M=27,3). Использовались следующие методики:

1) Опросник способов совладания (ОСС) Р. Лазаруса и С. Фолкман (1988) в адаптации Крюковой Т. Л. и др. (2003); 2) Опросник Плутчика–Келлермана–Конте «Индекс жизненного стиля» (ИЖС) в адаптации Л. И. Вассермана и Е. А. Трифоновой (Вассерман и др., 2005); 3) авторский опросник «Семантический дифференциал трудных жизненных ситуаций»; 4) когнитивный состав понятия (в данном задании дается инструкция: написать прилагательные, которые описывают понятие «Трудная жизненная ситуация»).

Для начала отметим, что ТЖС у молодых людей были связаны с работой (невыполнение распоряжений руководства, отказ от дополнительной нагрузки, не связанной с должностной инструкцией, перевод на другое место, конфликты с клиентами и др.), учебой (не сданная вовремя курсовая, неудовлетворительное окончание сессии, конфликты с преподавателями и др.), непредвиденными ситуациями на дорогах (поломка машины на трассе, сбой в работе навигатора в незнакомом месте, авария и др.), финансовыми трудностями, болезнями близких людей, долговременной разлукой с родными.

Анализ прилагательных, описывающих ТЖС, позволил выделить следующие значимые субъективные оценки ситуации (общее количество ответов – 188): *эмоциональность* (29,2%) – отрешенная, тревожная, угрюмая, серьезная, отрицательная, расстраивающая, негативная, раздражающая, черствая, безответственная и т. д.; *разрешимость* (23,9%) – безнадежная, беспомощная, непоправимая, переживаемая, преодолимая, временная, вариативная, решаемая и т. д.; *сила* (15,4%) – мучительная, болезненная, убивающая, переломная, конфликтная, жесткая, бессонная и т. д.; *прогнозируемость* (13,8%) – непростая, неясная, запутанная, непонятная, вынужденная, критическая и т. д.; *безопасность* (8,5%) – опасная, угрожающая, неблагоприятная, вызывающая, черная, мглистая, холодная, острая, разрушающая; *стрессогенность* (5,3%) – стрессовая, паническая, депрессивная, некомфортная, нервная; *время* (3,7%) – чрезвычайная, неожиданная, нынешняя, реальная, обыденная.

Проведена статистическая обработка данных.

На основе дескриптивного анализа было установлено, что все показатели по психологическим защитным механизмам находятся ниже нормативных данных, полученных авторами апробации методики. Показатели способов совладания соответствуют нормам.

По результатам корреляционного анализа (уровень статистической значимости $p \leq 0,05$) когнитивной оценки ТЖС и способов совладания получилось следующее. Если респонденты оценивают ситуацию как «легкую» ($r=0,454$), «простую» ($r=0,390$), «оптимистическую» ($r=0,585$) и «безопасную» ($r=0,373$), то возрастает вероятность ис-

пользования стратегии совладания «самоконтроль», т. е. регуляции своих чувств и действий. При характеристиках ТЖС как «легкой» ($r=0,575$), «обнадеживающей» ($r=0,470$), «простой» ($r=0,370$), «оптимистической» ($r=0,540$), «меняющейся» ($r=0,539$), «гибкой» ($r=0,497$) молодые люди склонны выбирать стратегию совладания «планирование решения проблемы», что очень показательно, так как данная стратегия включает аналитический подход к решению проблем, усилия со стороны личности по изменению ситуации. Также оценка ситуации как «хорошей» и «меняющейся» положительно коррелирует с «положительной переоценкой» в копинге ($r=0,418$ и $r=0,429$ соответственно).

Интересны здесь и следующие взаимосвязи. Оценивая ситуацию как «тяжелую» ($r=0,486$), «неразрешимую» ($r=0,478$), «безнадежную» ($r=0,387$), «неопределенную» ($r=0,462$), «сложную» ($r=0,490$), «устойчивую» ($r=0,382$), «большую» ($r=0,389$), «обидную» ($r=0,406$), «бесцветную» ($r=0,372$) и «жесткую» ($r=0,480$), респонденты с большей вероятностью используют «бегство-избегание» как стратегию совладающего поведения, что характеризуется мысленными и поведенческими усилиями по избеганию или уходу от проблем. При оценке ТЖС как «трудной» и «неопределенной» возрастает потребность в копинге «поиск социальной поддержки» ($r=0,439$ и $r=0,399$ соответственно), здесь молодые люди стараются в проблемной ситуации получать информационную, эмоциональную и действенную поддержку у других людей. Характеризуя ситуацию как «обидную», респонденты выбирают конфронтативный копинг ($r=0,402$), т. е. агрессивные усилия по изменению ситуации, враждебность, готовность пойти на риск, изменяя ее.

Далее представим результаты корреляционного анализа (уровень статистической значимости $p \leq 0,05$) когнитивной оценки ТЖС и механизмов психологической защиты. Давая оценку ТЖС как «опасной» ($r=0,423$), «неуравновешенной» ($r=0,465$), «жесткой» ($r=0,427$), респонденты более склонны использовать психологическую защиту «вытеснение». При данных оценках неприемлемые для молодых людей желания, мысли, чувства, которые вызывают тревожные состояния, переходят на бессознательный уровень. При этом негативная оценка ТЖС остается субъективно осознанной. Оценивая ситуацию с точки зрения «неразрешимости» ($r=0,451$), «сложности» ($r=0,456$), «опасности» ($r=0,580$) и «тишины» ($r=0,370$), молодые люди выбирают механизм регрессии. Такие респонденты могут быть склонны в случае тревоги переходить на более ранние стадии развития личности. Также при оценке ТЖС как «неразрешимой» и «опасной» выбирается защитный механизм «замещение» ($r=0,403$ и $r=0,434$ соот-

ветственно). В этом случае молодые люди могут быть подвержены гневу, враждебности, которые направляют на тех людей или объекты, которые не были причиной или не задействованы в произошедшей ТЖС. Зачастую это снимает эмоциональное напряжение, но к продуктивному решению так и не приводит. Возрастает использование психологической защиты «интеллектуализация» в случае оценки проблемной ситуации с точки зрения «легкости» ($r=0,546$). Здесь «умственные» усилия в большей степени направлены на преодоление конфликтной ситуации без лишних переживаний, человек их пресекает посредством логических установок.

Наибольший интерес с точки зрения интерпретации вызывает взаимосвязь с защитными механизмами оценки ТЖС как «значимой» — это отмечают 86,6% респондентов. Здесь усиливаются следующие механизмы психологической защиты: «вытеснение» ($r=0,382$), «регрессия» ($r=0,481$), «компенсация» ($r=0,444$), «проекция» ($r=0,442$) и «замещение» ($r=0,473$). Возможно, чем большее значение молодые люди придают проблемной, стрессовой ситуации, тем сильнее проявляются такие характеристики, как тревожность, нервозность, раздражительность, перемены в настроении, повышается эмоциональное напряжение. Все это на бессознательном уровне проявляется в использовании вышеперечисленных психологических защит.

Таким образом, при положительной когнитивной оценке ТЖС молодые люди чаще используют продуктивные способы совладающего поведения — самоконтроль, планирование решения проблемы и положительную переоценку событий, способствующую росту человека как личности. При отрицательных оценках, респонденты склонны к избеганию, уходу от проблем, ища поддержки у других людей. Среди механизмов психологических защит, при негативном отношении к проблеме, испытуемые чаще выбирали вытеснение, регрессию и замещение, старались упрощать ситуацию, либо переадресовывать свою агрессивную реакцию на другой объект.

Когнитивное оценивание как построение образа трудной жизненной ситуации нуждается в дальнейшем, более тщательном изучении с применением адекватной методической базы и учетом специфики разных типов ситуаций.

Литература

Битюцкая Е. В. Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации с позиций деятельностного подхода А. Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». № 2. 2013а. С. 40–56.

- Битюцкая Е. В.* Методика «Когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций»: результаты апробации // Вестник интегративной психологии. Ярославль, 2013б. С. 62–64.
- Вассерман Л. И., Ерышев О. Ф., Клубова Е. Б.* Психологическая диагностика индекса жизненного стиля (Пособие для психологов и врачей). СПб.: Изд-во СПбНИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2005.
- Lazarus R. S., Folkman S.* Stress, Appraisal and Coping. N. Y., 1984.

The interrelation of cognitive assessment of difficult life situation with coping strategies and mechanisms of psychological protection of young people

М. А. Krylova (Kostroma)

Kostroma State University

The article is devoted to research of cognitive assessment of difficult life situation by young people. The purpose of the empirical study was to study the connections between cognitive assessment, coping strategies and protective mechanisms of personality. There were shown the situations which are defined as the most problematic, stressful. It has been done the analysis of cognitive composition of the concept of “difficult life situation”. Based on the correlation analysis, it is concluded that in a positive cognitive assessment of the difficult situation, young people often use productive ways of coping behavior – self-control, planning for solving the problem and positive reassessment of events. In case of negative evaluations, respondents are more inclined to use escape-avoidance and seeking social support. From psychological defense mechanisms in a problem situation are mainly included “displacement”, “substitution”, “regression”.

Keywords: coping behavior, coping strategies, protective mechanisms, difficult life situation, cognitive assessment.

Повышение навыков саморегуляции спортсменов методом игрового биоуправления

Т. Е. Левицкая, Е. А. Цехмейструк** (Томск)*

** кандидат психологических наук, доцент, Томский государственный университет; e-mail: levic69@mail.ru*

*** Томский государственный университет; e-mail: mea2887@mail.ru*

В статье представлено исследование развития навыков саморегуляции методом игрового биоуправления у спортсменов. Саморегуляция рассматривается как системное явление, сочетающее личностный и психофизиологический уровень, что представляется особо значимым для развития навыков овладения со стрессом при занятиях и тренировках у спортсменов. Механизм биологической обратной связи используется для обеспечения участников исследования информацией об их функциональном состоянии и развития у них навыков саморегуляции посредством контроля их физиологических параметров во время компьютерной игры. Изменение психофизиологических показателей, наблюдаемые в ходе занятий, отражает повышение эффективности процессов саморегуляции у спортсменов. Определен характер взаимосвязи между саморегуляцией и личностными особенностями.

Ключевые слова: саморегуляции, игровое биоуправление, личностные особенности, спортсмены, психологические особенности личности спортсмена.

Введение

Уровень нагрузок в современном спорте является критичным. В ходе активной спортивной деятельности возникают изменения функционального состояния организма и напряжения регуляторных механизмов, при этом особое значение для достижения высоких спортивных результатов имеет уровень развития навыков саморегуляции.

Формирование и эффективность использования внутренних средств деятельности по регуляции собственным состоянием выступает в качестве значимой проблемы в спортивной психологии (Ситяева, 2010).

Термин «саморегуляция» в современной науке представляется достаточно неоднозначным. Мы рассматриваем произвольную саморегуляцию как системное образование, причем такое, которое объединяет не только характеристики какого-либо одного уровня, например личностного, а системы, которая включает в себя и психофизиологическую компоненту, которую ранее рассматривали в отрыве от рациональных составляющих саморегуляции (Чумаков, 2012).

Известно, что одним из рациональных методов саморегуляции считается переключение сознания. Существует мнение, что переключение внимания с мучительных раздумий на деловую сторону даже предстоящей деятельности, осмысление трудностей через их анализ, уточнение инструкций и заданий, мысленное повторение предстоящих действий, сосредоточение внимания на технических деталях задания, тактических приемах, а не на значимости результата, дает гораздо лучший эффект, чем просто отвлечение от предстоящей деятельности (Пуни, 1977). Основной целью представленного исследования являлось показать, что связь между уровнями существует, что они являются частью одного общего механизма саморегуляции.

К числу популярных методов, направленных на формирование навыков саморегуляции, относятся методы с использованием биологической обратной связи (БОС) (Богомаз и др., 2010). Некоторым синтезом системы БОС и компьютерной игры является технология игрового биоуправления, представляющая собой комплекс процедур, при проведении которых человеку, посредством специальных технических устройств, передается информация о состоянии той или иной функции его собственного организма. На основе полученной информации, с помощью определенных приемов человек развивает навыки саморегуляции физиологических и психофизиологических показателей, которые помогают ему достигать успеха в определенном задании, выиграть игру.

Основной целью данного исследования являлось развитие навыков саморегуляции у спортсменов и изучение закономерностей динамики физиологических показателей в режиме биоуправления, а также определение возможной взаимосвязи с личностными характеристиками.

Материалы и методы исследования

В исследовании принимали участие 150 спортсменов, профессионально занимающиеся спортом (баскетбол, гиревой спорт, пауэрлифтинг). Для определения динамики нами использовались индекс напряжения (ИН), указывающий на степень преобладания активности центральных механизмов регуляции над автономными, индекс вегетативного равновесия (ИВР), отражающий соотношение между активностью симпатического и парасимпатического отделов ВНС, индекс симпато-адреналового тонуса (индекс Каплана САТ), показывающий чувствительность испытуемого к стрессорным воздействиям. Игровое биоуправление реализовывалось с помощью программы «Ралли» комплекса «БОС-Пульс» (г. Новосибирск). Показатели фиксировались в первой и третьей играх. Данные представлены $M \pm \sigma$. Уровень значимости – $p \leq 0,05$.

Исследование личностных особенностей производилось с использованием психодиагностического инструментария. Оценка индивидуальности участников исследования на темпераментном уровне производилась опросником формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ, автор – В. М. Русалов). Также учитывалась степень выраженности интровертированности и экстравертированности в структуре психических ориентаций. Они в соответствии с типологией К. Юнга количественно определялись с помощью типологической методики ТОП-ЮНИТ (Агентство «Гуманитарных технологий», Москва). Нами также использовались «Шкала базисных убеждений» (БУ, Р. Янофф-Бульман) и «Опросник социально-психологической адаптивности» (СПА, К. Роджерс и Р. Даймонд). Кроме того, использовался стандартный для наших исследований пакет психологических методик, который позволяет оценить важные параметры личностного и коммуникативного потенциала человека. Этот комплекс включал в себя следующие методики: опросник «Якоря карьеры» (ЯК, Э. Шейн); тест «Жизнестойкость» (ЖС, С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой); опросник «Самоорганизация деятельности» (СД, Е. Ю. Мандрикова); шкалу «Толерантность к неопределенности» (MSTAT-I, Д. Маклейн, в адаптации Е. Г. Луковицкой); шкалу «Удовлетворенность жизнью» (УЖ, Э. Динер) и методику «Диагностика особенностей общения» (ДОО, В. Н. Недашковский). Корреляционный анализ осуществлялся по критерию Пирсона. Результаты, полученные в процессе исследования, были обработаны с помощью программы Statistica 6.0.

Результаты и обсуждение

В первой игре были получены следующие значения: ИН (89,3±98,3), ИВР (138,7±135,8), САТ (130,5±126,0). Результаты третьей игры отражают значимую положительную динамику: ИН (83,0±72,0), ИВР (128,1±106,3), САТ (128,3±124,4), при $p \leq 0,05$. Следует отметить, что средние показатели по всем оцениваемым параметрам у тренируемых находятся в пределах нормативных значений. Также для отражения динамики приобретения навыков саморегуляции нами была подсчитана разница показателей исследуемых индексов путем вычитания значения индекса, вычисленного в третьей игре, из значений индекса, вычисленного в первой игре. Были получены следующие показатели: ИН (6,73±70,0), ИВР (11,0±98,8), САТ (2,74±77,0).

Как видно из результатов, все показатели исследуемых индексов к ее завершению третьей игры значимо снизились.

В частности, были получены результаты, отражающие динамику приобретения навыков управления собственным психоэмоциональным состоянием. При этом в качестве прогностического показателя чувствительности испытуемых к стрессорным воздействиям определена активность симпатического звена вегетативной нервной системы.

Полученные в процессе исследования результаты, свидетельствуют о том, что к окончанию курса игрового биоуправления варианты способов саморегуляции у испытуемых становятся более эффективными. Это дает основание полагать, что эффективность овладения способностями к саморегуляции человека можно повысить с помощью компьютерного игрового биоуправления.

Для того чтобы понять характер взаимосвязей между приобретением навыка саморегуляции и личностными особенностями испытуемых, мы посчитали необходимым использовать метод корреляционного анализа. Результаты этого анализа продемонстрировали наличие ряда значимых связей между индексами ИН, ИВР, САТ и некоторыми психологическими показателями. В частности, были получены положительные корреляции между индексом САТ и шкалами «Интровертированность», методика ТОП-ЮНИТ ($r=0,417$, $p=0,001$), «Авторитарность», опросник СПА ($r=0,337$, $p=0,039$), «внутренний контроль», опросник СПА ($r=0,456$, $p=0,006$), Индекс «осмысленность мира», шкала БУ ($r=0,479$, $p=0,001$). Отрицательный характер взаимосвязей был выявлен со шкалами «коммуникативный потенциал», методика ДОО ($r=-0,368$, $p=0,020$), Индекс «отношение к миру и себя в нем», шкала БУ ($r=-0,341$, $p=0,027$). Данные зависимости

свидетельствуют о наличии важной закономерности, проявляющейся в том, что выраженное преобладание активности симпатического звена нервно-гуморальной регуляции и обусловленные ею высокая чувствительность, сензитивность и возбудимость, могут сочетаться с интровертированной ориентацией психической активности. С точки зрения концепции интроверсии может быть объяснена и отрицательная корреляция индекса САТ с индексом «отношение к миру и себя в нем» шкалы БУ. Действительно, представляется вполне логичным, что преобладание у человека активности симпатического звена регуляции и обусловленные этим повышенная чувствительность и высокая возбудимость могут сопровождаться накоплением у него негативного жизненного опыта. На основе этого опыта, как следствие, с детства могут формироваться базисные убеждения в негативном отношении мира к нему и в «слабости» собственной личности.

Выявленные закономерности, с нашей точки зрения, демонстрируют еще один интересный факт. Из представленных корреляций следует, что у интровертированных типов спортсменов с высокой активностью симпатического звена регуляции может наблюдаться личностная дезинтеграция (Карпов, 2003). Она проявляется в нашем случае в наличии корреляций между индексом САТ и авторитарностью, означающей, что высокая активность симпатического звена, которая коррелирует с интровертированностью, сопровождается также повышенной склонностью к авторитаризму. Кроме того, индекс САТ положительно связан с индексом «Осмысленность мира» шкалы БУ, что указывает на возможность формирования позитивных убеждений о мире у интровертированных типов людей, которые вместе с тем убеждены в негативном отношении этого мира к ним. К тому же участники тренинга с высокой активностью симпатического звена, будучи вследствие этого высоко сензитивными, склонны почему-то демонстрировать высокую степень эмоционального комфорта.

Все эти выявленные закономерности, по нашему мнению, свидетельствуют о возможности личностной дисгармонии у лиц с преобладанием активности симпатического звена регуляции. В этой связи можно предположить, что их участие в БОС-тренингах, направленных на приобретение навыков саморегуляции, может в какой-то степени способствовать устранению этой дисгармонии.

Также были выявлены корреляционные взаимосвязи между ИВР и шкалами «стремление создать о себе впечатление», методика ДОО ($r=0,442$, $p=0,006$), «интровертированность», методика ТОП-ЮНИТ ($r=0,372$, $p=0,004$), «убеждение в позитивности отношения окружа-

ющих», шкала БУ ($r=-0,328$, $p=0,018$), «эмоциональный комфорт», опросник СПА ($r=0,481$, $p=0,001$), Индекс психологической безопасности, шкала БУ ($r=-0,361$, $p=0,019$), «внутренний контроль», опросник СПА ($r=0,415$, $p=0,013$).

Так, чем выше показатели индексов Баевского, т. е. чем в большей степени выражено напряжение регуляторных систем (ИН) и в большей степени активирован симпатический отдел вегетативной нервной системы (ИВР), тем сильнее у участников исследования проявляется интровертированная ориентация психической активности. Они отличаются высоким внутренним контролем, убеждены в осмысленности мира, поэтому, в первую очередь, руководствуются своими мыслями и ощущениями, соответственно у них сложно выстраиваются отношения с окружающими людьми, они испытывают недостаток в позитивных отношениях, вероятно, в связи с этим возникает желание приукрашивать себя и создавать о себе хорошее впечатление среди окружающих. Но, тем не менее, они не склонны уходить от проблем и в эмоциональном плане чувствуют себя достаточно комфортно.

Вместе с тем следует отметить интересный факт. Индекс психологической безопасности имеет отрицательную взаимосвязь с индексом вегетативного равновесия. Вероятнее всего, это объясняется тем, что люди, склонные к симпатотонии и легко возбуждающиеся под влиянием самых различных факторов, с трудом способны контролировать собственные эмоции и регулировать свое состояние. Даже если они интроверты, то внутри них «бушует море эмоций», незаметное для неискушенного внешнего наблюдателя. С такой высокой сензитивностью их легко «вывести из себя», поэтому они не склонны испытывать чувство психологической безопасности.

Выводы

Тренинг игрового биоуправления, позволяющий в сжатые временные сроки приобрести спортсменам навыки саморегуляции, целесообразно использовать для повышения их устойчивости к стрессорным факторам, а также для развития способности регулировать собственное состояние в ходе соревновательной деятельности. Выявленная взаимосвязь между индивидуально-психологическими особенностями и физиологическими показателями, регистрируемыми в режиме игрового биоуправления, позволяет определить более вероятную оценку потенциальных возможностей спортсменов в плане формирования у них навыка саморегуляции.

Литература

- Богомаз С. А., Левицкая Т. Е.* Развитие у спортсменов навыков саморегуляции с использованием БОС-технологий // Олимпийский Сочи: Социум. Культура. Личность: Материалы 3-й Всероссийской научно-практической конференции. Сочи, 7–9 октября 2010 г. Сочи, 2010. С. 4–11.
- Карпов А. В.* Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 45–57.
- Пуни А. Ц.* Психологические основы волевой подготовки в спорте. Л.: Изд-во ГДОИФК, 1977.
- Сетеяева Н. Н., Фурсов А. В.* Психическая саморегуляция в подготовке спортсменов высокой квалификации циклических видов спорта: Монография. Сургут: РИО СурГПУ, 2010. С. 4–7.
- Чумаков М. В.* Развитие эмоционально-волевой сферы личности: Учеб. пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. С. 4–9.

Development the skills of self-regulation of athletes by the method of game biofeedback

T. E. Levitskaya, E. A. Sexmejstruk** (Tomsk)*

* Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University

** Tomsk State University

The article presents the study of the development of self-regulation skills using the method of game biofeedback in athletes. Self-regulation, considered as a systems phenomenon combining personality-level features and a psychophysiological component, seems to be beneficial to developing one's skills to cope with stress while training as well as competing. The biofeedback mechanism was applied to provide the study participants with some information on their functional state and to develop their self-regulation skills through controlling their physiological parameters while playing computer games. Change of psycho-physiological parameters observed during the sessions reflects the efficiency of processes of self-regulation in athletes. The nature of the relationship between self-regulation and personal characteristics is defined.

Keywords: self-regulation, game biocontrol, personal characteristics, athletes, psychological features of athletes' personality.

Выбор профессии и осознанная саморегуляция человека

В. И. Моросанова, Н. Г. Кондратюк** (Москва)*

** член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор,
Психологический институт РАО; e-mail: morosanova@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, Психологический институт РАО;
e-mail: n.kondratyuk@gmail.com*

В данной статье рассматривается перспективность применения регуляторного подхода к исследованию проблемы выбора профессии и профессионального самоопределения человека. Анализируется включенность конструкта саморегуляции в современные мировые теории и концепции профессионального выбора и развития. Обосновывается возможность применения ресурсного подхода к осознанной саморегуляции произвольной активности человека в исследованиях проблемы выбора профессии. Делается вывод о том, что требования различных профессий к регуляторным особенностям человека неоднозначны и, следовательно, существуют профессии с различными «регуляторными профилями», что определяет специальные регуляторные ресурсы овладения ими. Соответственно, особенности первичного профессионального выбора зависят от развития осознанной саморегуляции как универсального ресурса принятия решений, а успешность овладения определенной профессией во многом определяется наличием у обучающегося специальных регуляторных ресурсов и формированием профессиональных компетенций, соответствующих профессии.

Ключевые слова: выбор профессии, ресурсный подход, осознанная саморегуляция.

На основе анализа основных современных мировых тенденций в профессиональной психологии представляется закономерным и перспективным поворот к исследованию саморегуляции в вопросах выбора профессии и профессиональном самоопределении. Так, можно

выделить несколько основных определяющих моментов, позволяющих сделать подобное заключение.

Во-первых, за последние несколько десятилетий основная тенденция в теориях и исследованиях в области профессиональной психологии все больше сосредотачивается на когнитивных переменных. Отследив эти тенденции еще в конце XX в., Fred H. Borgren (2008) отметил, что профессиональную психологию тихо и незаметно настигла когнитивная революция. В XXI в. большое количество исследований выполнено именно в контексте социально-когнитивной теории карьеры. В 1994 г. Р. Лент, С. Браун и Г. Хакетт интегрировали социально-когнитивную теорию А. Бандуры для исследований в области выбора профессии и профессионального развития. В частности, из общей социально-когнитивной теории А. Бандуры были заимствованы три переменные – самоэффективность (self-efficacy), ожидаемые результаты (outcome expectations) и личные цели (personal goals). Из них самоэффективность получила наибольшее внимание исследователей (Lent et al., 2003).

Р. Лент и Г. Хакетт также отмечают, что уверенность в самоэффективности позволяет заранее определять важные показатели поведения, связанного с выбором будущей профессии, такие, как выбор основных предметов в колледже и выбор областей академической деятельности (Lent et al., 2003). Так, например, выявлена отрицательная взаимосвязь между самоэффективностью и нерешительностью в выборе профессии (L. Nota et al.), также исследована медиаторная роль самоэффективности между контекстуальными переменными (в частности, поддержка социальной среды и возникающие помехи, препятствия) и выбором профессии (Lent et al., 2003).

А. Бандура определяет самоэффективность как убеждения людей об их возможностях организации и выполнения действий, необходимых для достижения определенных результатов (Bandura, 1991). Кроме того, он отмечает, что убеждения человека относительно его личной эффективности влияют на то, какой способ действия будет выбран и как много усилий будет прилагаться для преодоления трудностей. А. Бандура, указывал, что саморегуляция включает в себя механизм самоэффективности, который играет центральную роль в осуществлении личностного развития благодаря сильному влиянию на мысли, эмоциональные реакции, мотивацию и действия. Несложно заметить, что понимание самоэффективности в работах А. Бандуры созвучно определению осознанной саморегуляции произвольной активности человека как системно организованного психического процесса по инициации, построению, поддержанию и управлению всеми видами и формами внешней и внутренней ак-

тивности, направленных на достижение принимаемых человеком целей (О. А. Конопкин, В. И. Моросанова). При этом произвольная активность (в широком смысле этого слова) направлена на достижение результата, а процессы саморегуляции — на обеспечение психическими средствами самого процесса его получения.

Что касается еще двух центральных переменных, используемых в социально-когнитивной теории карьеры, то следует отметить, что ожидаемые результаты, так же как и цели, представлены во многих психологических теориях. А конструкция цели играет важную, иногда имплицитную, роль практически во всех теориях принятия решений о профессии и профессионального развития (Lent et al., 2003). В психологии саморегуляции именно цель деятельности выполняет общую системообразующую функцию и, более того, весь процесс саморегуляции выстроен для достижения цели в том виде, как она осознана человеком (О. А. Конопкин, В. И. Моросанова).

Еще одна тенденция связана со смещением фокуса внимания ученых с так называемых теорий соответствия личность-среда (PE-fit theory) в сторону динамичного подхода к развитию карьеры. В рамках этого подхода в последние годы все большую значимость приобретает понятие адаптации к карьере и ее роль по отношению к целому ряду переменных, связанных с профессиональным развитием человека. В первую очередь, речь идет о теории построения карьеры Марка Савикаса (M. Savickas), предложенной им в начале XXI в. Одним из важных достижений в работах M. Savickas является представление об адаптации к карьере, определяемой через адаптивную готовность (*adaptive readiness*) и ресурсы для адаптации (*career adaptability resources*). Ресурсы для адаптации предлагается рассматривать как саморегуляторные компетенции, которые человек может использовать для решения незнакомых, сложных и неопределенных проблем, связанных с профессиональными задачами развития, профессиональными переходами и профессиональными травмами. Саморегуляторные компетенции формируют стратегии и действия, направленные на достижение целей адаптации (Savickas, Porfeli, 2012). В ряде исследований было показано, что в контексте профессионального развития ресурсы для адаптации (т. е. саморегуляторные компетенции) особенно важны для перехода от школы к работе. Их роль определяется положительным влиянием на различные связанные с карьерой результаты, такие как самоэффективность поиска работы, статус занятости и успешность совпадения личностных особенностей и требований рабочей среды (Guan et al., Johnston et al., Rossier et al.).

Перспективность обращения в вопросах профессионального выбора к конструкту саморегуляции и развитию регуляторного подхода

может быть обоснована следующими положениями. Во-первых, в настоящее время обосновано как в теоретическом, так и эмпирическом плане, что осознанная саморегуляция является метасистемой, интегрирующей когнитивные, личностные и эмоциональные подсистемы индивидуальности для достижения поставленных целей в самых различных сферах жизнедеятельности человека (В. И. Моросанова; R. F. Baumeister, J. I. Alquist). Так, в многочисленных исследованиях было показано, что саморегуляция является значимым предиктором успешности в учебной (Моросанова, 2010–2017; Zimmerman, 2008) и профессиональной деятельности (Моросанова, Кондратюк, 2011; Porath, Bateman, 2006). Кроме того, развитая система осознанной саморегуляции является ядром системообразующего механизма, связывающим воедино внутренние (психологические) и внешние (контекстуальные) факторы достижения целей. Так, общая способность к саморегуляции проявляется в успешном овладении новыми видами и формами деятельности, включая успешное решение нестандартных задач и действенное преодоление нетипичных ситуаций на всех стадиях овладения различными видами деятельности и сферами жизни (О. А. Конопкин, В. И. Моросанова, И. Н. Бондаренко). В настоящее время растущий интерес ученых связан с медиаторной ролью саморегуляции. Саморегуляция как медиатор активно исследуется в контексте проблем саморегуляции учебной (P. R. Pintrich, V. J. Zimmerman, В. И. Моросанова, Т. Г. Фомина) и профессиональной деятельности (S. Hu, M. Hood, P. A. Creed, A. Praskova, В. И. Моросанова). Как отмечает Paul Pintrich, «процессы саморегуляции являются медиаторами между личностными и контекстуальными характеристиками, с одной стороны, и реальными достижениями или качеством работы – с другой» (Pintrich, 2000, p. 453).

Применительно к проблеме профессионального самоопределения представляется, что осознанная саморегуляция связывает воедино психологические и контекстуальные факторы, обеспечивая профессиональный выбор и дальнейшую его реализацию. В частности, было показано, что высокий уровень развития осознанной саморегуляции во взаимосвязи с ориентацией школьника на будущее способствует решительности в первичном профессиональном выборе школьниками, что снижает в дальнейшем неопределенность при выборе профессии (Моросанова, Ванин, 2011). При исследовании влияния саморегуляции на удовлетворенность выбором учебной специализации и профессии оказалось, что люди с высокой саморегуляцией испытывают большее удовлетворение от своих профессиональных решений и выбирают профессии, согласующиеся с их специальностями при обучении (H. Y. Eun et al.). Отмечает-

ся необходимость разработки и внедрения для учащихся консультационных и образовательных программ, базирующихся на анализе профессий и процессов саморегуляции (M. Kiener), а также необходимость внедрения в профессиональном образовании в дополнение к обучению специальным профессиональным навыкам программ по развитию саморегуляции (P. Nokelainen et al.).

Подчеркнем, что в отечественной психологии саморегуляции вопросы выбора профессии и профессионального самоопределения уже не первое десятилетие стоят на повестке дня. Хронологически первыми были исследования, связанные с изучением функциональной структуры регуляторных процессов в различных видах профессиональной, учебно-профессиональной деятельности и профориентации.

При разработке концепции индивидуального стиля саморегуляции были сформулированы теоретические представления о профессионально важных регуляторных качествах человека и обоснованы возможность и необходимость построения на этой основе регуляторной типологии профессий (Моросанова, 2000–2012). Отмечалось также, что требования различных профессий к регуляторным особенностям человека неодинаковы и, следовательно, существуют профессии с различными «регуляторными профилями». Соответственно, выбираемая профессия, ее «регуляторные требования» должны находиться в достаточном соответствии с теми стилевыми особенностями регуляции деятельности, которые свойственны человеку, выбравшему эту профессию.

В XXI в. эта линия исследований получила свое развитие в контексте развития ресурсного подхода к осознанной саморегуляции (Моросанова, 2017; и др.). При этом подходе осознанная саморегуляция понимается как метасистема универсальных и специальных регуляторных ресурсов, выдвижения целей и управления их достижением (Моросанова, 2017). Применительно к проблеме профессионального самоопределения универсальный ресурс – развитость общей способности саморегуляции, очевидно играющая ведущую роль в первичном выборе специализации обучения, в частности, решительности такого выбора. В то же время успешность овладения профессией и удовлетворенность от работы в большей степени зависят от специальных регуляторных ресурсов, от соответствия регуляторной компетентности человека регулярным требованиям профессии, наличия у него профессионально-значимых качеств или их когнитивных и личностных предпосылок в виде стилевых особенностей саморегуляции. Например, в одном из наших исследований было показано, что специальными регуляторными ресурсами спасателей ЧС

являются такие компетенции, как моделирование значимых условий, программирование действий, а также надежность саморегуляции в ситуациях ЧС (Моросанова, Кондратюк, 2011). Эти регуляторные компетенции, можно предположить, могут быть рассмотрены как показатели прогностической успешности человека при овладении этой профессией. В настоящее время нами ведутся исследования регуляторно-стилевых особенностей саморегуляции у школьников различных профилей обучения и студентов, обучающихся разным профессиям, для дальнейшего развития представлений о регуляторных подклассификаторах современного мира профессий.

На наш взгляд, развитие ресурсного подхода к осознанной саморегуляции для исследования вопросов выбора профессии и профессионального самоопределения открывает широкие возможности. Так, на его основе возможно создание программ психологического сопровождения обучающихся по вопросам профориентации, формулирование функционально-регуляторных требований разнообразных профессий и разработка технологий развития необходимых профессионально-значимых регуляторных компетенций для людей с различными темпераментально-характерологическими особенностями, совершенствующихся в различном профессиональном труде.

Литература

- Моросанова В. И.* Осознанная саморегуляция как метасистема психологических ресурсов достижения целей и саморазвития человека // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 501–509.
- Моросанова В. И., Ванин А. В.* Субъектные и личностные предпосылки принятия решения о выборе профессии старшеклассниками // *Теоретическая и экспериментальная психология: Ежеквартальный научный журнал.* 2011. Т. 4. № 4. С. 60–71.
- Моросанова В. И., Кондратюк Н. Г.* Надежность действий в чрезвычайных ситуациях: регуляторные и личностные предпосылки // *Психология саморегуляции в XXI веке* / Отв. ред. В. И. Моросанова. СПб.—М.: Нестор-история, 2011. Гл. 16. С. 272–290.
- Bandura A.* Social-cognitive theory of self-regulation // *Organizational Behavior and Human Decision Processes.* 1991. V. 50. № 2. P. 248–287.
- Borgen E. H.* Megatrends and milestones in vocational behavior: A 20-year counseling psychology retrospective // *Journal of Vocational Behavior.* 1991. V. 39. P. 263–290.

- Lent R. W., Brown S. D., Schmidt J., Brenner B., Lyons H., Treistman D.* Relation of contextual supports and barriers to choice behavior in engineering majors: Test of alternative social cognitive models // *Journal of Counseling Psychology*. 2003. V. 50. P. 458–465.
- Pintrich P. R.* The role of goal orientation in self-regulated learning / M. Boekaerts, P. R. Pintrich, M. Zeidner (Eds) // *Handbook of self-regulation*. San-Diego: Academic Press, 2000. P. 451–502.
- Porath C. L., Bateman T. S.* Self-regulation: From goal orientation to job performance // *Journal of Applied Psychology*. 2006. V. 91. P. 185–192.
- Savickas M. L., Porfeli E. J.* Career Adapt-Abilities Scale: Construction, reliability, and measurement equivalence across 13 countries // *Journal of Vocational Behavior*. 2012. V. 80. P. 661–673.
- Zimmerman B. J.* Investigating self-regulation and motivation: Historical background, methodological developments and future prospects // *American Educational Research Journal*. 2008. V. 45. № 1. P. 166–183.

Choosing a profession and the conscious self-regulation

*V. I. Morosanova**, *N. G. Kondratyuk*** (Moscow)

* Corresponding Member of RAO, Doctor of Psychology,
Psychological Institute of the Russian Academy of the Education

** Candidate of Psychological Sciences, Psychological Institute of the RAE

The article considers the prospects for applying the regulatory approach to the problem of choosing a profession and professional self-determination. The authors analyze including the construct of self-regulation into the modern world theories and concepts of vocational guidance and career development. They find it possible to apply the resource approach to the conscious self-regulation of the human activity also to the problem of choosing a profession. It is concluded that different occupations require specific regulatory features and, consequently, there are professions with different “regulatory profiles” that determine specific regulatory resources for mastering them. Accordingly, the initial professional self-determination depends on the development of a person’s conscious self-regulation as a universal resource of decision-making, and the person’s success in mastering a certain profession is largely determined by his special regulatory resources necessary for developing professional competencies corresponding to the chosen occupation.

Keywords: choice of profession, professional self-determination, resource approach, conscious self-regulation.

Актуальные вопросы изучения осознанной саморегуляции как предиктора и медиатора взаимосвязи субъективного благополучия и академической успеваемости учащихся

В. И. Моросанова, Т. Г. Фомина** (Москва)*

** член-корреспондент РАО, доктор психологических наук,
Психологический институт РАО; e-mail: morosanova@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, Психологический институт РАО;
e-mail: tanafomina@mail.ru*

Обсуждается проблема субъективного благополучия учащихся (СБ) в образовательной среде. Представлен анализ современных исследований взаимосвязи СБ и академической успеваемости учащихся. На его основе выдвинуто предположение о том, что данная связь опосредствуется другими переменными, к числу которых относится осознанная саморегуляция учебной деятельности. В эмпирическом исследовании выявлен медиаторный эффект влияния ряда регуляторных характеристик (планирование, программирование, общий уровень саморегуляции) на взаимосвязь академической успеваемости и СБ учащихся пятых классов (N=188 чел.). Обоснована актуальность дальнейших исследований прогностических связей саморегуляции с академической успеваемостью и СБ школьников разного возраста.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, субъективное благополучие, учебная деятельность, академическая успеваемость.

Исследования субъективного благополучия учащихся в настоящее время чрезвычайно востребованы психологической наукой и практикой. Одной из причин повышенного интереса к данной проблематике является, с одной стороны, стремление прояснить суть данного феномена, определить факторы его детерминирующие, изучить динамику и механизмы позитивного функционирования, а с другой —

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 17-36-00037-ОГН.

создать те условия на практике, которые будут способствовать максимальному содействию успешной, благополучной и счастливой жизнедеятельности современных школьников.

Образовательная среда рассматривается исследователями как условно значимый фактор СБ. В школьный период жизни закладывается прочный фундамент для благополучия и позитивного функционирования во взрослой жизни (Eryilmaz, 2012; McCabe K. et al., 2011). При этом ранний подростковый возраст считается важным этапом развития позитивных и негативных траекторий СБ в последующих возрастах.

Важным индикатором благополучия ребенка в школе является его академическая успеваемость. В большинстве исследований получены устойчивые линейные положительные связи: высокая академическая успеваемость связана с более высоким уровнем СБ (Crede et al., 2015; Gilman, Huebner, 2006; Proctor et al., 2010; Steinmayr et al., 2015; и др.). Показано, что у учащихся с высоким уровнем удовлетворенности жизнью значительно выше средние баллы обучения (GPA) и стандартизованных тестов, чем у сверстников с низким уровнем удовлетворенности (Suldo et al., 2006).

В целом корреляции между удовлетворенностью жизнью и успеваемостью достигают разных значений в разных исследованиях: от $r=0,12$ (Verkuyten, Thijs, 2002) до $r=0,32$ (Gilman, Huebner, 2006). Поскольку СБ рассматривается как конструкт, состоящий из когнитивного (удовлетворенность жизнью) и эмоционального (позитивный и негативный аффекты) компонентов, то в исследованиях показана различная степень связи между ними и академической успеваемостью. Так, аффективный компонент демонстрирует менее значимую связь с успеваемостью, в отличие от когнитивного (Bücker et al., 2018). В работах Lyons и Huebner (2016) более высокий уровень удовлетворенности жизнью связывается с более высоким уровнем вовлеченности студентов и академической успеваемостью среди младших подростков. Ряд других авторов также представляют данные о положительной значимой связи психологического благополучия с успеваемостью и академической эффективностью (Proctor et al., 2014; Suldo et al., 2006).

В последнее время все больше появляется исследований, в которых оцениваются прогностические связи СБ и академической успешности. В исследовании динамики изменений академической успешности в группах подростков с разным уровнем удовлетворенности жизнью было показано, что учащиеся с высокими академическими достижениями с наибольшей частотой входили в стабильную группу (66%), по параметрам удовлетворенности жизнью (Salmela-Aro,

Тунккунен, 2010). Еще одно исследование было связано с изучением прогностических связей удовлетворенности жизнью подростков и степенью вовлеченности в учебную деятельность (school engagement). Причем вовлеченность рассматривается как метаконструкт, включающий поведенческие, когнитивные и эмоциональные составляющие. Когнитивная сторона вовлеченности при этом связана с саморегуляцией учебной активности. В исследованиях было показано, что в период перехода из начальной в основную школу именно когнитивный аспект вовлеченности, измеренный у учащихся начальной школы, значительно предсказывает положительный прогноз в отношении удовлетворенности жизнью подростков в последующих классах (Lewis et al., 2011). Однако подобные исследования не отвечают на вопрос: дети учатся лучше, когда они субъективно благополучны, или, наоборот, они более счастливы, потому что успешны в учебе? Последние данные демонстрируют двунаправленные связи между удовлетворенностью жизнью и академической успешностью: высокие достижения детей в определенной степени зависят от того, насколько благополучно они себя ощущают, но и успешная учеба способствует тому, что дети чувствуют себя счастливее. Эти результаты были получены при контроле интеллекта (Quinn, Duckworth, 2007).

Результаты данных исследований обозначили один важный факт: очевидно, что связь между СБ и успеваемостью опосредствуется другими переменными. Выполненный актуальный метанализ исследований о связи СБ и академической успеваемости обозначает эту проблему (Bücker et al., 2018). Многочисленные факты свидетельствуют, что эта связь нелинейна и опосредствуется различными медиаторами и модераторами. Мы полагаем, что в качестве медиатора этой связи может выступать осознанная саморегуляция, тем более что факты положительного влияния осознанной СР на академические достижения школьников неоднократно были продемонстрированы в наших исследованиях (Моросанова и др., 2013–2018). Мы предлагаем подход, при котором осознанная саморегуляция является интегративным когнитивно-личностным конструктом. Уже по своему строению она представляет собой, с одной стороны, систему когнитивных процессов переработки информации, включающих планирование целей, моделирование значимых для их достижения условий, программирования действий, оценивания и корректирования их результатов, а с другой – представлена своеобразием инструментальных личностно-регуляторных свойств: гибкости, самостоятельности, надежности, ответственности и др. (Моросанова, 2014).

Действительно, учащиеся, которые более удовлетворены своей жизнью и более открыты для восприятия новой информации, используют эффективные стратегии саморегуляции, связывают цели и задачи учебной деятельности с будущим, учатся более осознанно (Lewis et al., 2011). Измеренная в 5 классе саморегуляция оказывается значимым предиктором позитивного функционирования подростков в 7 классах и отрицательно связана с проявлениями депрессии и делинквентного поведения.

В наших последних исследованиях была продемонстрирована факты того, что осознанная саморегуляция значимо связана с СБ учащихся 4-х классов: то, насколько осознанно дети организуют учебную деятельность, насколько ответственно относятся к своим обязанностям, влияет на их субъективное ощущение удовлетворенности (Fomina, Eftimova, Morosanova, 2017). Кроме этого, мы показали, что осознанная саморегуляция является значимым предиктором СБ младших школьников, даже при контроле личностных факторов (модель Большая пятерка). Эти данные, а также анализ эмпирических результатов других исследований дал основание выдвинуть гипотезу не только о прямом, но и опосредствованном влиянии осознанной саморегуляции на систему взаимосвязи СБ и академической успеваемости.

Медиаторную роль осознанной саморегуляции учебной деятельности во взаимосвязи академической успешности и СБ учащихся мы изучали на выборке учащихся 5-х классов. Общее количество участников исследования составило 188 чел., из них 96 мальчиков (51 %) и 92 (49%) девочки. Для диагностики развития осознанной саморегуляции был использован опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности, ССУД-М», адаптированный для младших подростков. Методика позволяет оценить следующие показатели развития регуляторных процессов и регуляторно-личностных свойств: планирование, моделирование, программирование, оценивание результата, гибкость, самостоятельность, ответственность и интегративный общий уровень саморегуляции. Для оценки параметров субъективного благополучия школьников была использована «Многомерная детская шкала удовлетворенности жизнью MSLSS» (русскоязычная версия – Гордеева, Осин, 2007).

В результате построения и анализа медиаторных моделей медиаторный эффект был подтвержден в трех случаях: для регуляторных процессов планирования и программирования, а также для показателя общего уровня саморегуляции. Полученные результаты озна-

чают, что данные регуляторные процессы опосредствуют влияние академической успеваемости на СБ учащихся и в связи с этим могут считаться важными ресурсами, его обеспечивающими. Следует учитывать, что в нашем исследовании принимали участие учащиеся 5 классов, адаптирующиеся к новым условиям обучения в средней школе. На этом этапе хорошее развитие планирования целей и программирование своих действий может выступать необходимым фактором, обеспечивающим академическую успеваемость, и, как следствие, позволяет школьникам ощущать себя более психологически благополучными.

Таким образом, анализ эмпирических исследований проблемы взаимосвязи субъективного благополучия и академической успеваемости позволил обосновать задачу изучения факторов, опосредствующих данную взаимосвязь. Одним из таких факторов может выступать осознанная саморегуляция учебной деятельности, поскольку доказаны факты влияния регуляторных особенностей как на эффективность учебной деятельности, так и на СБ учащихся разного возраста. В нашем исследовании на выборке учащихся 5 класса выявлены медиаторные эффекты влияния осознанной саморегуляции на взаимосвязь академической успеваемости и СБ учащихся. Считаем, что актуальной задачей становится исследование роли саморегуляции в обеспечении динамики СБ и академической успеваемости учащихся.

Литература

- Crede J., Wirthwein L., McElvany N., Steinmayr R.* Adolescents' academic achievement and life satisfaction: the role of parents' education // *Frontiers in psychology*. 2015. № 6. P. 52.
- Eryilmaz A.* A model for subjective well-being in adolescence: Need satisfaction and reasons for living // *Social indicators research*. 2012. V. 107. № 3. P. 561–574.
- Fomina T. G., Eftimova O. V., Morosanova V. I.* Self-Regulation and Personality characteristics of elementary school children with School Life Satisfaction // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*. 2017. P. 104–112.
- Gilman R., Huebner E. S.* Characteristics of adolescents who report very high life satisfaction // *Journal of youth and adolescence*. 2006. V. 35. № 3. P. 293–301.
- Lewis A. D., Huebner E. S., Malone P. S., Valois R. F.* Life satisfaction and student engagement in adolescents // *Journal of youth and adolescence*. 2011. V. 40. № 3. P. 249–262.

- McCabe K., Bray M. A., Kehle T. J., Theodore L. A., Gelbar N. W.* Promoting happiness and life satisfaction in school children // Canadian journal of school psychology. 2011. V. 26. № 3. P. 177–192.
- Proctor C., Linley P. A., Maltby J.* Very happy youths: Benefits of very high life satisfaction among adolescents // Social indicators research. 2010. V. 98. № 3. P. 519–532.
- Quinn P. D., Duckworth A. L.* Happiness and academic achievement: Evidence for reciprocal causality // The annual meeting of the American psychological society. 2007. V. 24. № 27.5. P. 2007.
- Salmela-Aro K., Tynkynen L.* Trajectories of life satisfaction across the transition to post-compulsory education: Do adolescents follow different pathways? // Journal of youth and adolescence. 2010. V. 39. № 8. P. 870–881.
- Steinmayr R., Crede J., McElvany N., Wirthwein L.* Subjective well-being, test anxiety, academic achievement: Testing for reciprocal effects // Frontiers in psychology. 2016. V. 6. P. 1994.
- Suldo S. M., Riley K. N., Shaffer E. J.* Academic correlates of children and adolescents' life satisfaction // School psychology international. 2006. V. 27. № 5. P. 567–582.
- Verkuyten M., Thijs J.* School satisfaction of elementary school children: The role of performance, peer relations, ethnicity and gender // Social indicators research. 2002. V. 59. № 2. P. 203–228.

**Actual issues of research on the conscious self-regulation
as a predictor and mediator of interrelations
of subjective well-being and students' academic achievement**

*V. I. Morosanova**, *T. G. Fomina*** (Moscow)

* Corresponding Member of RAE, Doctor of Psychology,
Psychological Institute of the Russian Academy of the Education

** Candidate of Psychological Sciences, Russian Psychological Institute
of the Russian Academy of Education

The problem of students' subjective well-being in educational environment is discussed. Authors present their analysis of recent research on interrelation of subjective well-being and academic success of schoolchildren. It gives ground for the assumption that this relationship is mediated by the variables other than cognitive abilities and the like, supposedly by the conscious self-regulation of educational activity. It is viewed as a multi-level and dynamic metasystem of processes, states and intrapersonal properties serving a tool for initiating and maintaining activity aimed at conscious setting and achieving the subject's goals (V. Morosanova). Empirical study presented in the article, revealed the mediator effect of a number of regulatory character-

istics (planning, programming, general level of self-regulation) on the relationship between academic achievement and subjective well-being of the fifth grade students (N=188). The article substantiated the urgency of further investigating prognostic value of self-regulation links with academic achievement and subjective well-being of different age schoolchildren.

Keywords: conscious self-regulation; subjective well-being, learning activity, academic achievement.

Деятельность, сознание, саморегуляция

А. К. Осницкий (Москва)

*доктор психологических наук, профессор, Психологический институт РАО;
e-mail: osnizak@mail.ru*

Раскрывается специфичность деятельности по отношению к другим формам активности (реактивной, импульсивной); отмечаются преобладание целевого регулирования в деятельности, ее тесная взаимосвязь с сознанием, познанием и развитием человека. Сопоставляются механизмы саморегуляции и преднастройки в функциональных системах и механизмы саморегуляции осознанно выстраиваемой деятельности. Также сопоставляются варианты изучения индивидуальных стилей саморегуляции и изучения регуляторного опыта, обеспечивающего возможность субъектной активности человека. Рассматривается связь осознанной саморегуляции с самостоятельностью человека в контексте анализа регуляторного опыта субъекта.

Ключевые слова: специфика деятельности, освоение деятельности, рождение сознания, виды активности, саморегуляция.

Специфика деятельности в отличие от других видов активности человека, наблюдаемых в его поведении, состоит в том, что она всегда начинается с замысла, с проекта и что она всегда связана с сознанием человека (в их единстве – С. Л. Рубинштейн) (Рубинштейн, 1946). Деятельностью определяется и специфика активности человека, выделяющая его из мира животных, она же является основой социализированного поведения человека, в соответствии с деятельностью формируется и его сознание. Не случайно проектная деятельность стала рассматриваться как продуктивное педагогическое средство в современной школе постольку, поскольку замыслы и проекты порождаются сознанием человека и соответствующей активностью, и вследствие этого становятся важнейшим фактором, определяющим развитие человека. Сознание выступает и фактором развития

разумного человека и само формируется во взаимодействии высших (культуральных) по Л. С. Выготскому функций, обогащаясь процессами интериоризации и экстериоризации, по ходу взаимодействия с предметным миром и миром людей (Выготский, 1984).

Современный ребенок не проходит всех стадий эволюции, в процессе которой сформировалась деятельность как особый вид активности, и виды осваиваемых им деятельностей «получает», а точнее, «осваивает» в готовом виде, через взаимодействие с окружающими людьми. Осваивая новые виды деятельности и многократно повторяя их в контакте с взрослыми, ребенок осваивает технологию ее осуществления, осваивает культуру подготовки отдельных действий, объединения их в ансамбль и связь с целеполаганием. Это приводит к своеобразному «отрыву от потребности» многих видов деятельности человека и замыканию деятельностей на их зависимости от целей. У каждого из нас в сознании (осмысленных памяти и восприятии) существует список целей на завтра и на более продолжительные отрезки времени. И каждый день мы следуем в своих делах согласно этому списку. Этим деятельность существенно отличается и от реактивного поведения, вызванного внешними воздействиями (стимуляцией), и от импульсивного поведения, вызванного внутренними изменениями в организме и возникновением потребностей. Непосредственное реагирование на множественные воздействия извне, необходимое для выживания или сохранения постоянства жизнедеятельности, большей частью проходит незаметно для нас (но фиксируется в организме) и вызывает отклик сознания лишь при значительной интенсивности или необычности воздействия. Но сознание при этом откликается «после того, как» (Осницкий, 2007).

Внутренние изменения в организме человека связаны с изменениями в состоянии функциональных систем, поддерживающих его жизнеспособность, и изменениями в соотношении и актуализации потребностей человека. В случаях, если предмет удовлетворения потребности находится в пределах досягаемости и не требует от человека больших или дополнительных усилий, в сознании человека лишь фиксируется факт этого удовлетворения (нередко даже и не фиксируется). Но, если для удовлетворения потребности нужно что-то преобразовать в окружении, или преодолеть какие-то затруднения, тогда активность, пробужденная импульсом потребности, преобразуется в деятельность. Феноменология этого преобразования подробно описана А. Н. Леонтьевым в контексте анализа филогенеза деятельности (Леонтьев, 1959). Импульсивная активность, таким образом, либо протекает подобно реактивной, либо преобразуется в деятельность, реализуемую в актуальном целеполагании.

В итоге, изучая активность человека, его поведение, мы сталкиваемся и с реактивными и импульсивными проявлениями, и с активностью деятельностно организованной (преднамеренной и сознательно регулируемой). И в нашем повседневном поведении и поведении окружающих их нетрудно обнаружить. Следствием этого обсуждения является заключение о том, что нельзя все поведение человека и все формы его активности сводить к деятельности, хотя это и важнейшая форма его активности, определяющая во многом его развитие, поведение и эффективность жизнедеятельности. Также не существует достаточных оснований для заключения о том, что все виды психической активности можно квалифицировать как психическую деятельность; точнее, все же рассматривать ее именно как психическую активность постольку, поскольку мы мало знаем обо всех ее механизмах.

Итак, разные виды деятельности презентированы детям и взрослым в готовом виде. Благодаря освоению знаково-символических средств и оречевленному взаимодействию детей с взрослыми (расширяющими ближайшую зону их развития — Л. С. Выготский), ребенок в повторяющихся действиях и попытках их воспроизвести осваивает технологию выполнения действий, и перечень целей доступных ему действий. Развитие сферы его сознания (средствами интериоризации и экстериоризации) приводит к тому, что сначала ребенок овладевает средствами управления внешними объектами и окружающими людьми, а затем постепенно переходит и к освоению средств управления собственными возможностями (Выготский, 1984). Экстериоризация знаний и умений, приобретенных человеком в процессах управления другими, и управления собственными возможностями, оценка эффективности их использования расширяет возможности сознания как средства управления деятельностью человека средства оценки окружающей обстановки и внутренних состояний, средства определения потребного будущего.

Если мы попытаемся заглянуть в содержимое нашего сознания, то без труда обнаружим, что в нем представлены наши знания и умения и связанные с ними переживания, и что в нем есть списки целей (дел) на сегодня, завтра и более длительный срок, а кроме того, содержатся репрезентанты всего того, что привносят наши психические функции. Мы, благодаря У. Джемсу, знаем, что сознание обнаруживается *во внимании* к чему-либо (лучик внимания) или *в потоке сознания*, который, как выяснилось из романа Джеймса Джойса «Улисс», можно попытаться воспроизвести, но при воспроизведении всегда получается что-то новое. Да, еще одно! Благодаря У. Джемсу мы ранее З. Фрейда узнали о существовании «бахромь» сознания —

неотчетливо осознаваемого его содержания, а также о нескольких ипостасях самосознания человека: эмпирическое Я (материальное, социальное духовное) и «чистое» Я (познающее себя) (Джемс, 1991; Психология, 2005).

Если мы попытаемся застать врасплох содержание нашего сознания, то наиболее подходящим описанием того, что мы там застанем, будет формулировка: «Мои мысли – мои скакуны». Множество исследований свидетельствуют о том, что человек в своем сознании оперирует знаками, сходными для представителей одной культуры: именно это дает нам возможность понимания термина «сознание» как «со-знание», т. е. знания, сходного и для самого человека, и для тех людей, которые его окружают. Можно утверждать, что, как только мы приступим к какой-либо деятельности (осознанной, преднамеренной), наше сознание начинает обслуживать организацию и выполнение этой деятельности, становится «экспериментальной площадкой сознания, на которой разыгрываются различные моменты организации и осуществления этой деятельности» (Осницкий, 2009). По Л. С. Выготскому, «орудием сознания является знак», но в рефлексии нам мало что известно о работе с этими знаками, несмотря на все достижения когнитивной психологии и многочисленные монографии о сознании (Выготский, 1984). Можно лишь предположить, что именно знаки могут быть заменителями объектов и явлений (к сожалению, феноменология этих преобразований нам неизвестна). Также предположительно мы можем себе представить, что именно эти «заменители» позволяют нам в воображении (на воображаемой площадке сознания) осуществлять множество мыслимых и немыслимых варьируемых преобразований материала, соотносимо со знаками, проигрывать различные аспекты их взаимодействия. Вспомним результаты экспериментальных исследований второй половины XX века, свидетельствующие о множественных преобразованиях отображаемого объекта в иконической памяти, о многофазности преобразований объекта в процессе восприятия.

Высшие психические функции, позволяющие человеку осознанно и целенаправленно изменять свои действия, свои отношения к происходящему в процессе деятельности: преднамеренные и осознаваемые восприятие, память, мышление, воображение формируются на базе натуральных функций (активизируемых, в основном, в реактивном и импульсивном поведении), формируются, по Л. С. Выготскому, сначала для управления поведением других людей, и только затем человек обнаруживает, что с их помощью можно регулировать собственное поведение, разворачивающееся в плане деятельностно организованной активности. Высшие психические функции (куль-

туральные в противовес натуральным) формируются в деятельности, для деятельности и через деятельность. Человек развивает свои возможности, свой психический потенциал в трудовой и других видах деятельности (общественно распределенных и связанных с накопленной культурой возможных преобразований окружающей действительности). И наблюдаемая в современной действительности тенденция к обесцениванию деятельности, обесцениванию труда вызывает естественное опасение у специалистов психологии развития.

Экстериоризация накопленного опыта, закрепленного в образах, идеях, знаниях, умениях и переживаниях, связанных с ними, осуществляется средствами дискурса (осмысленной и рассчитанной на понимание речи). С окружающими преимущественно опираются на языковые средства, с самим собой — используются и языковые средства, и средства эмоционального согласования вкладов функциональных систем, включенных в организацию и осуществление деятельности (механизмов саморегуляции). Основной принцип самоорганизации функциональных систем — ориентированность на конечный результат. Все функциональные системы в организме и психике человека формируются в процессе совместной жизнедеятельности: в процессе общения и в многообразных ситуациях взаимодействия. В процессе повседневной активности всякая функциональная система в организации своего активности ориентирована на частоту событий, их значимость и силу воздействия на человека. В соответствии с такими ориентировками конструируются установки (ожидания) в отношении предстоящего будущего, формируются соответствующие преднастройки, предуготовленность, складываются индивидуальные характеристики активности. С ними связаны и формирующие варианты речевого поведения, формирующие варианты готовности сенсорных, перцептивных и двигательных систем.

Вначале (в ранний дошкольный период) функционирование речевой системы и ее формирование связаны преимущественно с потребностной сферой ребенка. Но в дальнейшем, овладевая с помощью взрослых готовыми формами поведения (в первую очередь, деятельно организованными), дети все больше подчиняют им свое поведение и постепенно импульсивные и реактивные формы поведения отходят на второй план (они не исчезают постольку, поскольку поддерживают жизнеспособность и благополучие; просто они отходят на второй план по отношению к целенаправленному, осознаваемому, социализированному, иными словами, деятельностно организованному поведению). Постепенно речь ребенка начинает ориентироваться не только на комментарий происходящего,

но и «забегать вперед», участвовать в предвидении и планировании предстоящего, оценивании происходящего с точки зрения замысла. Формируется внутренняя речь, участвующая в самоорганизации мышления ребенка и работе его сознания. Формируются не только неосознаваемые механизмы саморегуляции (свойственные функциональным системам, входящим в состав живых систем), но и механизмы осознанной саморегуляции, в которых помимо неосознаваемой саморегуляции, действующей на основе механизма обратной связи, работает и механизм выбора действий на основе принятия осмысленных решений (нередко вопреки актуальным, витальным потребностям).

Механизмы формирования осознанной саморегуляции складываются на базе освоения основных позиций, необходимых для осуществления целенаправленной деятельности. Они хорошо обозначены в главе о трудовой деятельности С.Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 1946), а позднее в концепции осознанной саморегуляции деятельности квалифицированы как структурно-функциональные звенья системы саморегуляции О.А. Конопкиным (Конопкин, 1980). Для того чтобы выполнить какое-либо действие (сложное или простое), нужно осознать и принять цель действия; проанализировать и смоделировать значимые для реализации условия деятельности; сформировать программу последовательных действий, ведущих к цели; выявить информацию о результате и оценить ее; а также, если необходимо, вносить коррективы в процесс реализации действий.

Дальнейшая проработка идей осознанной саморегуляции идет по пути анализа индивидуальных стилей саморегуляции (В.И. Моросанова и сотрудники ее лаборатории); по пути изучения осознанной саморегуляции как предпосылки самостоятельности (П.В. Лебедчук, Курск; А.К. Осницкий, Москва; Г.С. Прыгин, Набережные Челны). Несмотря на привлекательность первого направления, в котором изучают индивидуальные стили саморегуляции, соотносимые с «профилями», по которым выстраивается субординация звеньев саморегуляции, работы, ведущиеся в этом направлении, вызывают ряд возражений: 1) нет информации об устойчивости «стилей саморегуляции» (кстати сказать, исследование самых разнообразных стилей и ранее в работах других исследователей не содержало сведений об их устойчивости); 2) само понятие стиля, в случае его устойчивости, противоречит задачам саморегуляции в условиях множественной вариативности и неопределенности, противоречит принципам в организации движений в живых системах, сформулированным Н.А. Бернштейном («ни одно даже самое простое движение не осуществляется без сенсорных коррекций», «упражнение без повто-

рения»); 3) принцип самоорганизации функциональных систем (неосознаваемой и сознательно регулируемой) в множественной и неопределенной среде, при обслуживании целенаправленного поведения скорее может быть описан такими метафорами, как «скорая помощь» или «работа пожарной команды», т. е. работа теми средствами, что оказались «под рукой в данный момент», что не снимает и возможности в частных случаях проявления личностно-стилевых качеств субъекта.

Мы в своих исследованиях исходим из того, что далеко не все информационные и регуляторные моменты репрезентированы человеку в сознании (представлены ему в виде образов, представлений, понятий и переживаний). Исходим из понимания осознанной саморегуляции активности человека, как сложной, во многом не поддающейся сознательному контролю, опирающейся на средства привычной активизации (результаты самоорганизации функциональных систем, участвующих в организации действий человека).

При анализе средств саморегуляции и их репрезентации в сознании человека, а также средств их диагностики, мы неоднократно сталкивались с тем, что «лобовые» вопросы испытуемым оказываются малопродуктивными. Потратив немалые усилия на разработку вопросов для опросников по саморегуляции (часть из них циркулирует в настоящее время в известных вопросниках по саморегуляции), мы пришли к выводу, что, во-первых, при формулировании вопросов лучше использовать «метод размытых множеств» при описании оцениваемых испытуемыми ситуаций, соотносимых с отдельными процедурами саморегуляции: целеполаганием, моделированием, программированием, оцениванием результатов, коррекцией. Иными словами, лучше предлагать для оценивания набор определенных ситуаций и спрашивать, в какой степени эти ситуации свойственны испытуемому. Во-вторых, следует сопоставлять оценку утвердительных и отрицательных исходов оцениваемых ситуаций постольку, поскольку, по сути, они должны быть взаимоисключающими, а в реальности бывают сосуществующими. Известно, что асимметричные операции (вычитания, деления, отрицания) требуют большего времени и различна их результативность (Нагдян, 2005). Поэтому мы начинаем с процедуры оценивания испытуемыми отрицательных с точки зрения саморегуляции исходов деятельности и поведения. Затем, сопоставляя оценивание позитивных и негативных ситуаций саморегуляции, мы получали три варианта оценок различных ситуаций регулирования: утвердительные, косвенно свидетельствующие о наличии у испытуемого умений саморегуляции или других характеристик саморегуляции; отрицательные (об отсутствии умений

или характеристик саморегуляции); и неопределенные (сосуществующие, но, по сути, взаимоисключающие). Последние мы условно обозначили как «ошибки рефлексии». Необычное проведение методики и работа с бланками ответов незначительно осложняют работу испытуемого. Возможен и компьютерный вариант проведения диагностики с результатами, которые подсчитает компьютер. Но, как показала практика, для человека, в каком бы он возрасте ни был (с момента сознательного отношения к себе), полезнее самостоятельный подсчет и анализ результатов. Таким образом, мы получили методику диагностики саморегуляции, превосходящую существующие методики по ретестовой надежности и выявляющую характеристики структурно-компонентных умений саморегуляции (целеполагания, моделирования условий, программирования действий, оценивания и коррекции результатов); характеристики динамических особенностей саморегуляции; функциональные особенности саморегуляции и личностно-стилевые особенности саморегулирования.

Оценивание структурно-компонентных умений саморегуляции и других ее характеристик (динамических, функциональных и личностно-стилевых) выступает лишь как одна из характеристик способности человека к субъектной (авторской, режиссерской) активности. Общая же способность к субъектной активности и, следовательно, к осознанной саморегуляции, которые мы связываем с самостоятельностью человека, обеспечивается взаимодействием пяти компонентов регуляторного опыта: ценностного, рефлексивного, операционального, опыта привычной активизации и опыта сотрудничества. Лишь в их взаимодействии и начинает по-настоящему работать система осознанной саморегуляции.

Всем вышесказанным, развитием идей о субъектности, о саморегуляции, я во многом обязан и А. В. Брушлинскому, последовательно развивавшему идеи С. Л. Рубинштейна о субъекте деятельности, позитивно принимавшего развитие идей осознанной саморегуляции деятельности, и развивавшего мысль о психическом как действии «внешнего через внутреннее». Он активно поддержал направление моего исследования о регуляторном опыте субъекта. Во многом я обязан и О. К. Тихомирову, в годы учебы в МГУ раскрывшему нам взгляды А. Н. Леонтьева, пожалуй, лучше, чем это делал сам А. Н. Леонтьев. Он же пригласил выступить О. А. Конопкина с лекцией о произвольной саморегуляции сенсомоторной деятельности. Меня это интересовало постольку, поскольку было связано с материалами курсовой и дипломной работы. Помню, меня удивило присутствие Б. В. Зейгарник, внимательно слушающей и непрерывно что-то записывающей во время этой лекции. Много позднее я прочел ее ста-

тью о саморегуляции, и мне стала понятнее ее заинтересованность в тот момент. Но до сих пор меня мучает мысль о том, что именно О. К. Тихомиров высказывал нам на лекциях по мышлению, что, когда заходит речь о мотивации, как бы подразумевается наличие некоего «гомункулюса» внутри нас, но при этом значительную часть своих работ и работ своих учеников посвятил исследованию мотивации. Естественно, как ученик и последователь А. Н. Леонтьева, он развивал мысль о психическом как действии «внутреннего через внешнее».

Время показывает, что в научном знании акценты исследователей на противопоставлении («или») внешнего и внутреннего, скорее всего, приведут к их сближению и совмещению («и»). Ну, а мы, продвигаясь вперед в своих исследованиях, как всегда, опираемся на плечи своих предшественников.

Литература

- Выготский Л. С.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / Под ред. А. М. Матюшкина. М., 1983.
- Джеймс У.* Психология / Под ред. Л. А. Петровской. М.: Педагогика, 1991.
- Конопкин О. А.* Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980.
- Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1959.
- Нагдян Р. М.* Принцип симметрии в психологии. Ереван: Зангак-97, 2005.
- Осницкий А. К.* На экспериментальной площадке сознания // Материалы конференции «Психология человека в современном мире (К 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна)». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», ПИ РАО, 2009.
- Осницкий А. К.* Особенности психических процессов в разных видах активности // Психологические чтения. Человек в условиях социальных изменений: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вып. 4. Ч. 1 / Отв. за выпуск Р. М. Фатыхова, М. В. Нухова. Уфа: Изд-во БГПУ, 2007. С. 10–13.
- Психология: Учебник для педагогических вузов / Под ред. Б. А. Соновского. М.: Юрайт-Издат, 2005.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М.: Гос. учебно-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1946.

Activity, consciousness and self-regulation

A. K. Osnitsky (Moscow)

Doctor of Psychology, Professor, Psychological Institute of RAO

The specificity of activity in relation to other forms of activity (reactive, impulsive) is revealed; there is a predominance of targeted regulation in activities, its close relationship with the consciousness, cognition and development of man. Mechanisms of self-regulation and pre-adjustment in functional systems and mechanisms of self-regulation of consciously built activity are compared. It also compares the options for studying individual styles of self-regulation and studying regulatory experience that provides the possibility of subjective human activity. The connection of conscious self-regulation with the individual's independence in the context of the analysis of the subject's regulatory experience is considered.

Keywords: specificity of activity, development of activity, generation of consciousness, types of activity, self-regulation.

Регуляторные и личностные предикторы аккультурационного стресса

О. В. Польшенко (Ставрополь)

*Северо-Кавказский федеральный университет;
e-mail: polchenko-olga@yandex.ru*

В статье раскрывается проблема происхождения определения понятия «аккультурационный стресс», проведен краткий теоретический обзор отечественных и зарубежных мнений авторов в понимании данного феномена. В статье также представлены результаты исследования особенностей переживания аккультурационного стресса на выборке 200 респондентов – иностранных студентов, обучающихся в российском университете. Анализируются выявленные компоненты модели общего уровня аккультурационного стресса. Представлены данные о вкладе регуляторных и личностных предикторов, оказывающих влияние на протекание аккультурационного стресса у иностранных обучающихся. Определены и описаны отдельные компоненты осознанной саморегуляции, являющиеся значимыми предикторами в процессе протекания аккультурационного стресса.

Ключевые слова: аккультурационный стресс, установки, саморегуляция, предикторы, личность, иностранные студенты.

Постановка проблемы

Аккультурация представляет собой одну из форм культурных изменений, происходящих в результате контакта индивида с другими культурами. Процесс, который претерпевает человек в ответ на изменение культурного контекста, может быть обусловлен как позитив-

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00804 «Осознанная саморегуляция и совладающее поведение в условиях адаптации студентов к новой социокультурной среде: общие закономерности и кросс-культурные различия».

ными, так и негативными влияниями извне и переживаться по-разному. Аккультурация в этом случае способна выступать не только с положительной стороны, но и как антецедент стрессовых поведенческих вариаций в ответ на действующий феномен культурного изменения (Piontkowski, 2002).

Человек, приехавший жить в новую для него страну на длительный срок, оказывается один, в окружении новых и неясных ему ни по смыслу, ни по содержанию знаковых систем, культурных парадигм, принадлежащих иной, еще незнакомой общности.

Ориентируясь на подход к определению аккультурационного стресса Dj. Berry и С. Poynazli, отметим, что негативные последствия контакта двух самобытных культурных групп приводят к снижению физиологического, психологического, социального благополучия и непроизвольной борьбе в адаптации к новой культуре (Berry, 1987; Poynazli, 2004).

Аккультурационный стресс, другими словами, может быть объяснен как ответ индивидов на события жизни (коренящиеся в межкультурном контакте), когда те превышают возможности индивидов справляться с ними. Часто эти реакции включают повышение уровня депрессии (что связано с опытом культурной утраты) и беспокойства (что связано с неуверенностью в том, как нужно жить в новом обществе) (Furnham, 2004). Таким образом, аккультурационный стресс приводит к многочисленным проблемам, с которыми сталкиваются люди, живя в новой культуре (Mahmood, Hajara, 2014).

Определить структурно-организованную систему, прогностической функцией которой могли бы выступать некоторые параметры, представляется необходимым обстоятельством, когда речь идет о выявлении переменных аккультурационного стресса, предопределяющих его появление и развитие.

Реакция человека на те или иные культурные изменения непредсказуема, однако выявить групповые закономерности поведения в ситуации дискомфорта или угрозы возможно, опираясь на базовые теории личности, конструкт саморегуляции и известные в психологической науке варианты совладающего поведения.

Организация и методики эмпирического исследования

Ввиду того что главной особенностью саморегуляции является ее направленность на осуществление деятельности по изменению своего психологического состояния и поведения, целью настоящего исследования стало выявление предикторов аккультурационного стресса, где независимыми переменными выступили показатели осознан-

ной саморегуляции, совладающего поведения и аккультурационные установки личности.

Объектом исследования стал аккультурационный стресс, а в качестве предмета исследования выступили предполагаемые регуляторные и личностные компоненты, связанные с ним.

В исследовании были использованы следующие методики:

1. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой (Моросанова, 2018).
2. Шкала аккультурационного стресса иностранных студентов, Дайа С. Сандху, Бадиола С. Асрабади (Sandhu, Asrabadi, 1994).
3. Опросник для измерения аккультурационной установки Дж. Берри (Berry, 1989).
4. Опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла в адаптации Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой (Водопьянова, Старченкова, 2003).

В процессе обработки результатов применялся множественный регрессионный анализ. В качестве предикторов рассматривались регуляторные переменные и личностные характеристики:

- регуляторные переменные (планирование, моделирование, программирование, оценка результатов, гибкость, самостоятельность, сепарация и маргинализация как модели поведения в сложной стрессогенной ситуации, ассимиляция, интеграция; непрямые, осторожные, импульсивные, асоциальные, агрессивные и ассертивные действия как стратегии преодолевающего поведения, поиск социальной поддержки, избегание);
- личностные характеристики (воспринимаемая дискриминация и враждебность, тоска, страх, культурный шок, вина, индивидуальные особенности преодолевающего поведения).

В качестве базы исследования выступил Северо-Кавказский федеральный университет. В исследовании приняло участие 200 чел. в возрасте от 18 до 25 лет, являющихся иностранными студентами 1, 2, 3 и 4-го курсов.

Результаты исследования

В процессе интерпретации полученных результатов исследования был определен коэффициент детерминации (R^2) для каждой субшкалы аккультурационного стресса. В соответствии с этим получена регрессионная модель зависимой переменной «Общего уровня аккультурационного стресса», которая объясняет 46% дисперсии. Значимыми предикторами модели ($p < 0,05$) выступили «сепарация»

($b=0,425$), «гибкость» ($b=-0,26$), «интеграция» ($b=-0,194$), «непрямые действия» ($b=0,181$), «маргинализация» ($b=0,164$), «ассертивные действия» ($b=0,144$), и «осторожные действия» ($b=-0,159$).

Подобным образом была проанализирована каждая зависимая переменная, однако коэффициенты детерминации (R^2) внесли меньший вклад: «воспринимаемая дискриминация» ($R^2=36\%$), «страх» ($R^2=35\%$), «вина» ($R^2=29\%$) и др.

В процессе дальнейшей интерпретации данных был оценен вклад изучаемых переменных в каждую из субшкал аккультурационного стресса. Отмечено, что отдельные компоненты осознанной саморегуляции являются значимыми предикторами в процессе протекания аккультурационного стресса.

Гибкость как регуляторный предиктор позволяет иностранным студентам в ситуации интенсивного взаимодействия культур, народов, достаточно быстро вносить коррективы в систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий, успешно решать задачи в ситуации риска или угрозы безопасности. Чем больше развита гибкость и пластичность регуляторных процессов, тем благоприятнее прогноз протекания аккультурационного стресса у иностранцев в новой для них стране ($b^*=-0,26$).

Подтверждают это и коэффициенты, полученные в результате регрессионного уравнения по всем составляющим компонентам аккультурационного стресса (воспринимаемая дискриминация ($b^*=-0,23$), воспринимаемая враждебность ($b^*=-0,33$), страх ($b^*=-0,20$), вина ($b^*=-0,37$), неспецифические проблемы ($b^*=-0,23$)). Чем больше иностранные студенты, оказавшись в новой стране, стараются научиться перестраивать собственные планы и программы поведения, обоснованные также их культурными нормами, тем легче они воспринимают и переживают процесс аккультурации.

Особое внимание уделяется гибкости регуляторных процессов, так как для ее проявления не нужно знать культурные особенности, а можно действовать в соответствии со своими внутренними побуждениями или внешними мотивами. Для других параметров саморегуляции, а именно для их проявления (планирования, программирования, моделирования), необходимо познать культуру, быть включенным в нее и знать ее особенности, тем самым снижая стрессовое воздействие.

Развитость и адекватность оценки иностранцами самих себя и результатов своей деятельности способствуют тому, что студенты тяжелее переживают аккультурационный стресс. Являясь одним из компонентов саморегуляции, осознанное принятие того, что иностранные студенты в чем-то несовершенны, отличаются от других,

порождают у них же сильные негативные чувства (чувство вины по отношению к самому себе), что вдвойне усиливает их стрессовое переживание ($b^*=0,12$).

Явной отрицательной аккультурационной установкой выступают «сепарация» и «маргинализация». Иностранные студенты, приехавшие в Россию, первое время стараются не отделяться от своей «общины», а больше общаться именно в своей группе, в группе ребят, таких же, как они, из другой страны. Подобная установка на сепарацию ($b^*=0,42$) становится результатом повышения общего уровня аккультурационного стресса. Студенты, которые предпочитают постоянно пребывать в кругу друзей и знакомых своей культуры, определенно испытывают негативные переживания, отражающиеся на их личности, затрудняющие в том числе и адаптацию в целом.

Свидетельством этого выступают и значения коэффициентов по субшкалам «воспринимаемая дискриминация» ($b^*=0,47$), «воспринимаемая враждебность» ($b^*=0,32$), «страх» ($b^*=0,26$), «культурный шок» ($b^*=0,23$) «вина» ($b^*=0,31$), «неспецифические проблемы» ($b^*=0,39$).

Так, чем чаще иностранные студенты прибегают к использованию такой модели преодолевающего поведения, как сепарация, тем больше они испытывают культурный шок, страх и чувство вины.

Если студенты имеют негативистскую позицию по отношению ко всему происходящему вокруг, то это находит отражение и в их взаимодействии как с местными русскими людьми, так и с представителями своей культуры. Иностранные обучающиеся могут считать, что проявление любых этических черт непрестижно, стараются меньше общаться с одноклассниками, независимо от их национальности. Такая маргинализация ($b^*=0,16$) способствует для них же возрастанию чувства напряженности, и студенты ощущают себя незащищенными, испытывают страх перед окружающими местными жителями ($b^*=0,17$), а все происходящее вокруг зачастую воспринимается ими как стрессогенная ситуация, в которой они вынуждены пребывать.

Маргинализация оказывается статистически взаимосвязанной с такими показателями аккультурационного стресса, как «тоска по дому», «страх», «культурный шок» ($b^*=0,17$).

Отметим, что высокие коэффициенты по показателю «сепарация» могут трактоваться как более мягкая форма асоциальных установок к новой культуре, так как получать высшее образование не часто приезжают люди с истинно маргинальной установкой.

В противоположность отрицательным аккультурационным установкам, заметим, что, иностранные студенты, настроенные на интеграцию ($b^*=-0,19$), умеющие сочетать во взаимодействии с людьми свои национальные черты и элементы другой культуры, легче пере-

живают аккультурационный стресс. Ввиду складывающихся хороших межличностных отношений в группе иностранных студентов с русскими, риск возникновения негативных переживаний и последующих стрессовых реакций минимален.

Следовательно, чем больше иностранные студенты оказываются интегрированными в российское общество, тем меньше они испытывают страх ($b^*=-0,19$) и чувство вины ($b^*=-0,16$). Они вовсе не воспринимают окружение как опасное или относящееся к ним плохо, предвзято, несправедливо ввиду культурных и расовых различий. Так, интеграция выступает положительной аккультурационной установкой.

Относительно повышения общего уровня аккультурационного стресса свидетельствуют данные, полученные по шкалам «непрямые» ($b^*=0,18$) и «ассертивные действия» ($b^*=0,14$). В ситуации, когда студенты могут демонстрировать «непрямые действия», их стресс усиливается из-за того, что, не зная особенности русской культуры общения и менталитета, им это не удастся, и, как следствие, из-за недопонимания всего этого, они начинают больше переживать.

Похожая картина разворачивается, если мы говорим о наличии в поведении асоциальных тенденций ($b^*=0,14$). Иностранный студент, не знающий культуру, совершает поступки, противоречащие общественной морали, в ответ на те действия других людей, которые были восприняты им как враждебные по отношению к нему.

Если иностранные студенты осторожны в своих действиях ($b^*=-0,15$) ввиду того, что им еще малознакома новая обстановка, они не усугубляют происходящее вокруг, то они тем самым снижают риски развития у них негативных стрессовых реакций и состояний: «культурный шок» ($b^*=-0,22$), «вина» ($b^*=-0,26$).

Относительно ориентации на поиск социальной поддержки можно сказать, что чем больше иностранный студент тоскует по дому, тем больше он ищет поддержку и опору со стороны. Страх ($b^*=-0,17$), в свою очередь, — неотъемлемый компонент аккультурационного стресса, снижается вероятность его возникновения, если иностранные обучающиеся ощущают социальную поддержку со стороны и уверены в ней, в тех людях, которые ее оказывают. То же самое можно сказать и по показателю «воспринимаемая враждебность» ($b^*=-0,20$): она ниже, если присутствует социальная поддержка.

Заключение

Иностранные студенты вступают в процесс аккультурации с множеством личных характеристик демографической, психологической и социальной природы. Как будет происходить аккультурация, бу-

дет ли развиваться аккультурационный стресс в последующем, зависит от определенных личностных и регуляторных компонентов, которые могут быть обозначены как предикторы, предшествующие и опосредующие его возникновение и развитие. Так, большой вклад в развитие аккультурационного стресса вносит установка иностранных обучающихся на сепарацию. Сепарация, или явное «отторжение» (Berry, 1987) иностранных студентов от русских, их желание общаться только «среди своих» становится показательным результатом повышения общего уровня аккультурационного стресса.

Вклад других регуляторных и личностных предикторов, оказывающих влияние на протекание аккультурационного стресса у иностранных обучающихся, очевиден.

Таким образом, осознанная саморегуляция как регуляторный компонент вносит весомый вклад в развитие и протекание аккультурационного стресса, так как гибкость регуляторных процессов иностранных студентов позволяет им лучше приспосабливаться к другой культуре и при возникновении непредвиденных обстоятельств легче перестраивать планы действий и поведения. Вероятность переживания стресса сводится к минимуму за счет такой способности адекватно реагировать на быстрое изменение событий и успешно решать поставленную задачу в ситуации риска.

Литература

- Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С.* Стратегии и модели преодолевающего поведения // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности. СПб., 2003. С. 311–321.
- Моросанова В. И.* Опросник «Стиль саморегуляции поведения». URL: <http://www.studfiles.ru/preview/5570943/page:32/#40> (дата обращения: 13.02.2018).
- Berry J. W. et al.* Acculturation Attitudes in Plural Societies // *Applied Psychology*. 1989. № 2 (38). С. 185–206.
- Mahmood H.* An Analysis of Acculturative Stress, Sociocultural Adaptation, and Satisfaction among International Students at a Non-Metropolitan University: Dissertations. 2014. Paper 63. URL: <http://digitalcommons.wku.edu/diss/63>.
- Piontkowski U., Rohmann A., Florack A.* Concordance of Acculturation Attitudes and Perceived Threat // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2002. № 5 (3). P. 221–232.
- Sandhu D., Asrabadi B.* Development of an Acculturative Stress Scale for International Students: Preliminary Findings // *Psychological reports*. 1994. № 75. P. 435–448.

Regulatory and personal predictors of accumulation stress

O. V. Polchenko (Stavropol)

Psychologist, North-Caucasian Federal University

The article reveals the problem of the origin of the definition of the concept of “acculturation stress”, a brief theoretical review of the domestic and foreign opinions of the authors in understanding this phenomenon. The article also presents the results of a study of the features of acculturation stress experience on a sample of 200 respondents-foreign students studying at the Russian University. The revealed components of the General level of acculturation stress model are analyzed. The data on the analysis of the contribution of regulatory and personal predictors that influence the course of acculturation stress in foreign students are presented. The individual components of conscious self-regulation, which are significant predictors in the process of acculturation stress, are defined and described.

Keywords: acculturation stress, attitudes, self-regulation, predictors, personality, foreign students.

Народные песни как инструменты эмоциональной саморегуляции субъекта

*К. М. Романов**, *М. В. Пиняскина*** (Саранск)

** Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева;
e-mail: famlypost@mail.ru*

*** Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва;
e-mail: mary1234567890_2011@mail.ru*

В статье рассматривается проблема управления эмоциональными состояниями человека с помощью народных песен. В качестве объекта анализа рассматриваются песни финно-угорских народов. С помощью контент-анализа были выявлены этнические особенности эмоциональной культуры данных народов. Выделены основные функции народных песен.

Ключевые слова: эмоциональная культура, психологическая культура, эмоциональный интеллект, структура эмоциональной культуры, функции эмоциональной культуры, финно-угорские народные песни, этнические особенности эмоциональной насыщенности народных песен.

Эмоции играют важнейшую роль в регуляции душевной жизни и поведения человека. Поэтому проблема управления эмоциями (своими или чужими) является актуальной для каждого человека. Для решения этой задачи человек должен иметь высокий уровень развития эмоциональной культуры. Она выражается в способности субъекта разумно, эффективно и гуманно обращаться со своими или чужими эмоциями и чувствами (Романов, 2015). К числу ее основных функций относится понимание эмоциональных состояний и чувств, эмоциональная саморегуляция, выражение эмоционального состояния, управление эмоциями других людей, гуманное обращение с эмоциями и чувствами и др.

Эмоциональная культура имеет системное строение. Она включает в себя три структурных компонента: когнитивный, регулятив-

но-практический и духовно-нравственный (ценностно-смысловой). Когнитивный компонент обеспечивает понимание субъектом эмоций и чувств, которые испытывает он сам или другие люди. Он представлен соответствующими знаниями об эмоциональной жизни людей и мышлением. Регулятивно-практический компонент представлен системой механизмов, приемов и действий, с помощью которых происходит управление собственными эмоциями и эмоциями других людей. Репертуар их очень широк. Эффективное управление эмоциональными процессами и состояниями возможно только на их основе (Романов, 2014). Основой духовно-нравственного компонента эмоциональной культуры является отношение субъекта к людям и самому себе. Именно от него зависит то, как именно человек использует свои знания об эмоциях и приемы управления ими: во благо другим и себе или во вред. Выделенные структурные компоненты эмоциональной культуры тесно связаны между собой.

Понятие «эмоциональная культура» является сравнительно новым. Оно частично совпадает с такими более известными понятиями, как «эмоциональная компетентность» и «эмоциональный интеллект». Понятие «эмоциональная компетентность» охватывает только когнитивный компонент эмоциональной культуры. Компетентным мы называем человека, который разбирается в собственном эмоциональном мире и в эмоциональном мире других людей. Эмоциональный интеллект включает в себя не только знания об эмоциях и способность ориентироваться в них, но и систему приемов управления ими. В него входит когнитивный и регулятивно-практический компоненты эмоциональной культуры, что также не исчерпывает ее содержания. Кроме того, сам этот термин не вполне корректен, поскольку интеллект традиционно является когнитивным образованием (Гоулман, 2009; Романов, 2014, 2015). Эмоциональная культура является одним из видов психологической культуры.

Эмоциональная культура имеет социальное происхождение. Ребенок не изобретает ее, а усваивает как составную часть совокупного общественного опыта взаимодействия людей с эмоциональной реальностью. Эмоциональная культура характеризуется национально-этническими особенностями. Изучение их имеет большую теоретическую значимость, поскольку расширяет и углубляет научные представления об эмоциях и способах управления ими.

Как социальный феномен, эмоциональная культура представлена в языке, художественной литературе, народных сказках, обрядах, традициях, ритуалах и др. Важнейшим носителем эмоциональной культуры являются народные песни. Известно, что они оказывают очень сильное воздействие на эмоциональное состояние людей:

как исполнителей, так и слушателей, т. е. выступают как инструменты воздействия на эмоциональное состояние. Именно этим можно объяснить факт их возникновения и существования у каждого народа. Задача данного исследования – выявить эмоциональный потенциал народных песен. Объектом психологического анализа были финно-угорские народные песни (обрядовые и лирические): эрзянские (60 песен), мокшанские (60 песен), удмуртские (60 песен), марийские (60 песен) и коми (60 песен). Песни были подразделены на 4 группы в зависимости от их жанра (по 15 песен в каждом): свадебные, колыбельные, плачи (причитания) и лирические.

На первом этапе исследования мы провели психологический анализ песен. В качестве единицы контент-анализа использовались суждения, несущие психологическое содержание. Сюда отнесены суждения, содержащие оценки – «Мазы дугам а Охим!» (Красивая сестрица, Ефимия!), описание действий – «Минь туинек гостинець» (Принесли тебе мы гостинец), эмоциональные переживания людей – «Коли мон а мелявтан» (Как мне не печалиться), обращения – «Иях, иях, ия – ях, ие, ваех, ва – я-ёх! Идика, сват, идика» (Иях, иях, ия – ях, иё, ваёх, ва – я-ёх! Выручай-ка, сват, выручай) и отношения – «Ох, урвинем-эеднем!» (О, сношенька – дитятко!). На следующем этапе анализа были выделены суждения, несущие эмоциональную нагрузку. Сюда отнесены суждения, выражающие чувства – «Кудов тошна саимим» (Соскучилась я по родительскому дому), оценки – «Виде килей татаравань сэрезэ» (Словно стройная береза, у татарки стан), отношения людей друг к другу – «Васень урванть а вечксы» (Старшую сноху она не любит). На третьем этапе исследования мы провели сравнительный анализ эмоциональной нагрузки песен разного жанра. Четвертый этап исследования посвящен изучению этнических особенностей эмоционального потенциала песен финно-угорских народов.

Рассмотрим результаты исследования народных песен каждой этнической группы.

Из результатов анализа эрзянских песен следует, что в текстах песен всех жанров подавляющее большинство суждений относятся к психологической культуре, т. е. являются психологическими по содержанию. Из общего количества смысловых суждений – 2253, подавляющее большинство – 2096 (93,4%) относятся к психологической культуре. Это говорит о том, что в народных песнях воплощен психологический опыт людей.

Результаты исследования показывают, что подавляющее большинство суждений – 1768 (84,3%) содержит эмоциональные характеристики. Это позволяет утверждать, что народные песни являются

носителями эмоциональной культуры. Усваивая их, люди овладевают довольно эффективным инструментом эмоциональной саморегуляции. С помощью песни человек выражает свое душевное состояние, что имеет огромный психотерапевтический эффект (Романов, 2014). В народных песнях представлен довольно широкий репертуар способов выражения эмоционального состояния.

Существует определенный разброс показателей эмоциональной культуры по жанрам народных эрзянских песен. Максимальную эмоциональную нагрузку несут плачи (причитания) – 100% суждений. Второе место занимают колыбельные песни – 88,4%, что вполне соответствует ведущей форме отношений матери и ребенка – непосредственному эмоциональному общению. На третьем месте с небольшой разницей стоят семейно-бытовые и свадебные песни – 74 и 74,7% соответственно. Это говорит о том, что эмоциональная нагрузка народных песен тесно связана с их жанром. Выше всего она у плачей. Это не случайно. Плачи привязаны к предельно значимым жизненным ситуациям, связанным с утратой близких людей. Они являются наиболее эффективными инструментами воздействия на душевное состояние человека, переживающего горе. Фактически они оберегают людей от эмоциональных перегрузок и, как следствие, психосоматических заболеваний. Поэтому плачи имеют предельно высокую эмоциональную нагрузку.

Перейдем к обсуждению результатов психологического анализа мокшанских народных песен. Прежде всего, отметим, что подавляющее большинство суждений относятся к психологической культуре – 1649 (94,9%). Более половины из них представляют эмоциональную культуру мокшанского народа – 318 (59,4%). Рассмотрим соотношение суждений по жанрам песен. Максимальную эмоциональную нагрузку несут свадебные обрядовые песни – 65,3% суждений. Второе место занимают плачи (причитания) – 59,4% суждений. Третью и четвертую позиции занимают колыбельные и семейно-бытовые песни: 48,2% и 43,3% соответственно. Вместе с тем следует заметить, что расхождение показателей эмоциональной культуры по жанрам мокшанских народных песен незначительно.

Песенный жанр занимает одно из ведущих мест и в удмуртском фольклоре. Песня сопровождала удмурта всю жизнь, от рождения до смерти. Фольклористами зафиксированы свадебные, рекрутские, солдатские, лирические, озорные, игровые, плясовые, сиротские календарно-обрядовые, охотничьи песни, песни о несчастной доле, о гражданской и Великой Отечественной войнах, о колхозной жизни и т. д. Во многих удмуртских колыбельных песнях задается структура социального пространства, в котором ребенок найдет себе место,

перечисляются члены семьи, нравственные категории взаимоотношений с младшими, старшими, святыми покровителями. Закладывается система отношений в пространстве мира людей, определяются цели жизни ребенка: «Изь, изь, *Яшае*, Зарни бугоре» (Спи, спи, *Яшенька*, Золотой мой клубочек), *Сашимы* зок будоз, Губияны мыноз. (Наш *Сашенька* вырастет, пойдет за грибами) (Перевозчикова, 1982). В свадебных песнях образы тяжелого земледельческого труда встречаются также как символ тяжелой жизни в чужой семье: «Когда выходила жать, попробовала ли острие серпа? Когда выходила замуж, поняла ли горькую жизнь?» (Владыкина, 1998). Для образной системы семейно-бытовых удмуртских песен характерны выразительные сравнения. Часто в текстах встречается психологический параллелизм, который строится на сопоставлении мира человека и природы.

Рассмотрим результаты анализа удмуртских народных песен.

Большинство суждений представляют психологическую культуру: из 1472 суждений 1316 (89,4%). Более половины из них – 742 (56,45%) представляют эмоциональную культуру народа. На первом месте находятся плачи (причитания) – 71,7%, на втором месте с небольшим отрывом – колыбельные песни – 67,6%. Свадебные и семейно-бытовые песни имеют меньшую эмоциональную выраженность – 46 и 41% соответственно.

Перейдем к психологическому анализу марийских народных песен. Марийским народом создано множество мелодичных, наполненных глубоким смыслом лирических песен, в которых выразились его лучшие качества: простота и открытость, скромность, деликатность, терпимость, трудолюбие, почитание родителей, любовь к родному краю. Песни сопровождали трудовые процессы, праздники, игры, танцы, семейные обряды. Древние образы ритуальных песен не полностью дошли до настоящего времени. Сохранились лишь фрагменты в виде речитативов-приговоров, заклинаний, сопровождавшие отдельные магические приемы (Ключева, 2011).

Исследователи отмечают, что в народных песнях марийцев преобладающим настроением служит мягкий, спокойный лиризм, далекий от приподнятости и напряженности: чувствуется эмоциональная уравновешенность, невозмутимость, сдержанность, склонность к разумью в семейно-бытовых песнях, к простодушному веселью и радости в свадебных песнях. По многочисленным историческим данным, свадьбы всегда устраивались с шумом, на них песням и музыке здесь отводилось самое широкое место (Гольмберг, 1928).

Анализ марийских народных песен подтверждает тот факт, что большая часть суждений отражает психологическую культуру – 961 (82,5%). Эмоциональную культуру представляют 550 (57%) суж-

дений. На первом месте по выраженности эмоциональной культуры находятся колыбельные песни – 76%. На втором месте – плачи (причитания) – 58,6%. Далее идут семейно-бытовые и свадебные песни – 55 и 45%.

Народные песни занимали важное место в традиционной культуре и жизни народа коми (Филиппова, 2007). Довольно часто в них говорится о нелегкой судьбе простого человека. Из краткого обзора песен коми можно сделать вывод, что они обладают большой степенью обобщения, события и факты в них художественно осмысливаются и поэтизируются, высказывания облекаются в довольно стройную музыкально-поэтическую форму. Плачи и колыбельные песни насыщены глубокими душевными переживаниями, наполнены тонкими наблюдениями над жизнью родной природы. Для образной системы удмуртских песен характерны выразительные сравнения. Часто в текстах встречается психологический параллелизм, который строится на сопоставлении мира человека и природы (Мальцева, 2007).

Анализ народных песен коми показал следующие результаты. Так же как и у других финно-угорских народов, народные песни коми являются носителями психологической культуры – 1364 (93%) суждений. Эмоциональная культура наиболее выражена в плачах (причитаниях) – 93%. На втором месте стоят колыбельные песни – 72,5%. Практически одинаковое процентное соотношение имеют семейно-бытовые и свадебные песни – 47 и 46,7%, соответственно.

На следующем этапе исследования был проведен сравнительный анализ эмоциональной насыщенности финно-угорских народных песен. Общим является тот факт, народные песни всех этнических групп являются носителями эмоциональной культуры. Соответствующие показатели варьируют в интервале от 53,2 до 79,1%. Они имеют высокую эмоциональную нагрузку. Это говорит о том, что народные песни выполняют очень важные функции: выражение эмоционального состояния, регуляция эмоционального состояния, эмоциональное воспитание. Поэтому традиции их исполнения являются очень устойчивыми (Романов, 2014). Включаясь в песенную культуру своего народа, ребенок овладевает очень эффективным инструментом регуляции своих эмоциональных состояний. Поэтому народные песни необходимо использовать для эмоционального воспитания и психотерапии и психокоррекции.

Обнаружены различия в показателях эмоциональной культуры. Максимальны они у эрзянских песен – 79,1% – и песен народа коми – 70,7%. У песен марийского, удмуртского и мокшанского народов показатели эмоциональной культуры примерно одинаковые: 57, 56,4, 53,2%. Возможно, что эти показатели могут свидетельствовать

о разном уровне эмоциональности данных финно-угорских народов. Максимальна она у эрзян, минимальна у мокшан.

Имеются довольно значительные различия в эмоциональной нагрузке песен разного жанра между данными народами. У эрзянского, удмуртского народа и народа коми максимальную эмоциональную нагрузку несут плачи — 100, 71,7, 93%, в то время как в песнях мокшанского и марийского народов эти показатели равны 59,4 и 58,6% соответственно.

Вторую позицию у эрзян, удмуртов и коми занимают колыбельные песни 90,6, 67,6 и 72,5% соответственно, а у мокшан и марийцев эту позицию занимают плачи (причитания) — 59,4 и 58,6%.

Стоит отметить, что семейно-бытовые и свадебные песни практически во всех исследованных финно-угорских народах несут относительно других жанров невысокую эмоциональную нагрузку (исключения составляют лишь мокшане). Так, в мокшанских народных песнях свадебного жанра мы обнаружили 65,3% суждений, относящихся к эмоциональной культуре. Данная категория занимает у них лидирующие позиции. В то же время песни этого жанра занимает последнюю позицию по данному показателю. Как видим, финно-угорские народы отличаются между собой по соотношению показателей эмоциональной культуры в песнях разных жанров.

На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы.

1. Народные песни финно-угорских народов являются важным носителем их эмоциональной культуры. Они являются важнейшими инструментами регуляции эмоциональных состояний. В одних случаях они помогают людям выразить свои переживания, облегчая душевные страдания, в других — поделиться радостью и счастьем, приумножая положительные эмоции. Усваивая песенную культуру, люди овладевают доступным и эффективным инструментом эмоциональной саморегуляции.
2. Эмоциональная нагрузка финно-угорских народных песен характеризуется этническими особенностями. Сравнительный анализ народных песен показывает, что наибольшую эмоциональную нагрузку имеют эрзянские народные песни, а наименьшую — мокшанские. Второе место по данному показателю занимают песни коми, третье место разделяют песни удмуртов и марийцев.
3. Эмоциональная насыщенность народных песен тесно связана с их жанром. Наибольшей эмоциональной нагрузкой обладают

колыбельные песни и плачи (причитания). Объяснить это можно тем, что в колыбельных песнях имеется неисчерпаемый источник эмоционального и художественного воздействия на ребенка. Плачи (причитания) охватывают самые важнейшие события жизни человека – проводы на службу, тяжелые болезни, несчастные случаи, смерть близких людей и т. д.

Литература

- Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск: Удмуртия, 1998.
- Гольмберг У.* Мировоззрение марийцев / Пер. с нем. Марий Эл: Краснококшайск, 1928. № 5, 6. С. 104–110.
- Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. М.: АСТ, 2009.
- Мальцева Н. А.* Колыбельная как жанр коми-пермяцкого детского фольклора // Духовная культура финно-угорских народов России: Материалы Всероссийской научной конференции к 80-летию А. К. Микушева (1–3 ноября 2006 г., г. Сыктывкар). Сыктывкар: Кола, 2007. С. 83–86.
- Марийская музыкальная культура: библиографический указатель (1756–1930) / Сост. М. А. Ключева. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 2011.
- Перевозчикова Т. Г.* Своеобразие жанра причитаний в удмуртском фольклоре // Финно-угорский музыкальный фольклор: проблемы синкретизма: Тезисы докладов / Ред. И. Рюйтел. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 1982. С. 18–50.
- Романов К. М.* Психологическая культура личности. М.: Когито-Центр, 2015.
- Романов К. М., Журавлева Н. В., Романов Д. К.* Психологическое содержание традиционного обряда прощания у народа эрзя // Вестник Мордовского ун-та. 2014. № 3. С. 98–1011.
- Романов К. М.* Этнические особенности эмоциональной культуры человека // Актуальные проблемы развития личности / Науч. ред. Л. М. Даукша, К. В. Карпинский. Гродно: ГРГУ, 2014. С. 293–305.
- Филитова В. В.* Фольклор народа коми. Сыктывкар, 2007.

Folk songs as tools of emotional self-regulation of the subject

*K. M. Romanov**, *M. V. Pinyaskina*** (Saransk)

* Mordovian State University named N. P. Ogaryov

** Mordovian State University named N. P. Ogaryov

The article deals with the problem of managing emotional states of a person with the help of folk songs. As an object of analysis, the songs of Finno-Ugric peoples are considered. With the help of content analysis, ethnic features of the emotional culture of these peoples were revealed. The main functions of folk songs are singled out.

Keywords: emotional culture, psychological culture, emotional intelligence, emotional culture structure, emotional culture functions, Finno-Ugric folk songs, ethnic features of emotional saturation of folk songs.

Эмоциональный интеллект, агрессивность спортсменов и успешность спортивной деятельности

Е. С. Синельникова, В. В. Егоров** (Санкт-Петербург)*

** кандидат психологических наук, Петербургский государственный университет путей сообщения; e-mail: elena.sinelni@yandex.ru*

*** Петербургский государственный университет путей сообщения; e-mail: vladik050296@yandex.ru*

В настоящей статье приводятся результаты эмпирического исследования взаимосвязи агрессивности и эмоционального интеллекта у студентов, занимающихся командными и индивидуальными видами спорта. В исследовании приняли участие 60 студентов вузов Санкт-Петербурга, занимающиеся различными видами спорта. Результаты исследования показали, что студенты, занимающиеся командными видами спорта, в целом в меньшей степени склонны к проявлению агрессии, по сравнению со студентами, занимающимися единоборствами. Результаты исследования показали, что эмоциональный интеллект, способности к регуляции своих и чужих эмоций, способность контролировать внешнее выражение эмоций, позитивно взаимосвязаны с успешностью спортивной деятельности. Агрессивность, напротив, негативно взаимосвязана с успешностью спортивной деятельности.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмоциональная регуляция, агрессивность.

Способность к саморегуляции является одним из важнейших факторов успешности спортивной деятельности. Одной из наиболее современных концепций, изучающих проблему саморегуляции, является концепция эмоционального интеллекта. В настоящее время существуют различные концепции эмоционального интеллекта, которые рассматривают его как личностную черту (Bar On, 2006), способность (Mayer, Salovey, Caruso, 2008). В нашем исследовании мы

рассматриваем эмоциональный интеллект как систему способностей к пониманию и регуляции своих эмоций.

Эмпирической основой исследования является методика Д. В. Люсина, по мнению которого эмоциональный интеллект представляет собой способность понимать, осознавать свои и чужие эмоции, а также управлять ими (Люсин, 2006). Под способностью понимать эмоции имеют в виду, что личность может узнать, что конкретно это за эмоция. По сути — понять, что данная личность испытывает какую-либо эмоцию или ее испытывает кто-то другой. Также это способность к идентификации эмоции — определение, что именно это за эмоция, и найти для нее обозначение словом. Под способностью управлять эмоциями понимают способность человека «регулировать» силу эмоций, подавлять их; способность сделать внешнее проявление эмоций максимально незаметным для окружающих, а также в случае такой необходимости вызвать какую-то конкретную эмоцию.

Д. В. Люсин считает, что предложенная им модель эмоционального интеллекта кардинально отличается от существующих смешанных моделей (Люсин, 2006). В конструкторе его модели не находится места для личностных характеристик, которые в некоторой мере демонстрируют возможность понимания, осознания и управления эмоциями. Автором выделен внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект.

Агрессия является важнейшей проблемой в современном обществе и, в частности, в спортивной деятельности. Существует множество подходов к определению агрессии. С точки зрения А. Басса и А. Дарки (Хван и др., 2008), агрессивные действия можно классифицировать по трем шкалам: прямая—непрямая, физическая—вербальная, активная—пассивная, а различные комбинации этих шкал определяют следующие возможные категории, по которым можно оценивать агрессивные действия:

- 1) физическая агрессия (физические действия против кого-либо);
- 2) раздражение (вспыльчивость, грубость);
- 3) вербальная агрессия (угрозы, крики, ругань и т. д.);
- 4) косвенная агрессия, направленная (сплетни, злобные шутки) и ненаправленная (крики в толпе, топанье и т. д.);
- 5) негативизм (оппозиционное поведение) (Хван и др., 2008).

В эмпирическом исследовании приняли участие студенты вузов Санкт-Петербурга, юноши и девушка от 17 до 21 года, занимающиеся командными и индивидуальными видами спорта. Выборка была разделена на 2 группы:

- а) 1 группа – студенты, занимающиеся командными видами спорта (футбол и волейбол) – 30 чел.;
- б) 2 группа – студенты, занимающиеся различными видами боевых искусств (каратэ и дзюдо) – 30 чел.

В исследовании применялись методики: опросник агрессивности Басса–Дарки (в адаптации А. А. Хвана, Ю. А. Зайцева и Ю. А. Кузнецовой), шкала враждебности Кука–Мендлей, опросник ЭМИн Д. В. Люсина, внутренняя субъективная оценка. Обработка данных осуществлялась с применением программы SPSS.

Сравнительный анализ данных с применением критерия U Манна–Уитни позволил выявить статистически достоверные различия по следующим шкалам: физическая агрессия ($U=233$, $p<0,01$), косвенная агрессия ($U=166,5$, $p<0,01$), негативизм ($U=270$, $p<0,01$), обида ($U=226,5$, $p<0,01$), подозрительность ($U=161,5$, $p<0,01$), индекс агрессивности ($U=281$, $p<0,05$). Также были выявлены статистически достоверные различия по шкале «управление чужими эмоциями» ($U=233$, $p<0,05$). Результаты исследования свидетельствуют, что спортсмены, занимающиеся единоборствами, статистически достоверно чаще, чем занимающиеся командными видами спорта, используют физическую силу против другого лица, а также агрессию, окольным путем направленную на другое лицо или ни на кого не направленную. Кроме того, им в большей степени характерна оппозиционная манера в поведении от пассивного сопротивления до активной борьбы против установившихся обычаев и законов. Общий индекс агрессивности также статистически достоверно выше у студентов, занимающихся единоборствами по сравнению со студентами, занимающимися командными видами спорта.

Спортсменам, которые занимаются командными видами спорта, в большей степени присуща подозрительность, проявляющаяся в диапазоне от недоверия и осторожности по отношению к людям до убеждения в том, что другие люди планируют и приносят вред, а также в негибкости эмоций и низком текущем самоконтроле в деятельности и социальном самоконтроле. Статистически значимо выше у студентов, занимающихся единоборствами, и общий индекс агрессивности.

Что касается уровня развития эмоционального интеллекта, у спортсменов, занимающихся командными видами спорта, более развита способность вызывать у других людей те или иные эмоции, снижать интенсивность нежелательных эмоций, а также склонность к манипулированию людьми. Умение регулировать эмоции других людей является важным условием успешного взаимодействия в ко-

манде. Возможно, занятия командными видами спорта развивают у студентов способность регулировать эмоциональное состояние других, но также, возможно, верна и гипотеза о том, что командные виды спорта изначально выбирают люди, которые обладают лучшими навыками взаимодействия и регуляции эмоций других людей. Ответ на этот вопрос может дать только лонгитюдное исследование.

Различная выраженность агрессивности у представителей разных видов спорта может быть обусловлена двумя причинами: либо специфика вида спорта такова, что способствует развитию агрессивности спортсменов, либо лица, имеющие высокую природную агрессивность, выбирают для занятий те виды спорта, в которых можно реализовать свою агрессивность.

Следует отметить, что наши выводы о различном влиянии разных видов спорта на уровень агрессивности в целом подтверждаются исследованиями разных лет.

Так, например, В. К. Сафонов доказал, что у женщин, занимающихся «мужскими» видами спорта (борьбой, боксом, футболом, хоккеем и др.), среди которых много маскулинных, агрессивность выше, чем у женщин, занимающихся «женскими» видами спорта (художественная гимнастика, синхронное плавание). Зато у последних, по сравнению со спортсменками из «мужских» видов спорта, выше конфликтность (Сафонов, 2003).

К. Н. Фирсовым также получены данные о том, что агрессивность выражена по-разному у спортсменов, занимающихся разными видами спорта: у тех, кто занимается единоборствами (самбо, дзюдо, айкидо), агрессивность значительно выше, чем у легкоатлетов и лыжников (Фирсов, 2011).

В. А. Буряк и Б. Н. Шуваловым, изучавшим агрессивность подростков, занимающихся различными видами физкультурной и спортивной деятельности, в 2010–2012 гг. было проведено исследование в поселке городского типа Липки Тульской области на базе местного стадиона. В исследовании принимали участие подростки в возрасте 14–16 лет в количестве 40 чел., из них 10 чел., занимающихся легкой атлетикой, 10 – единоборствами, 10 – спортивными играми (баскетбол) и 10 – физической культурой в школе. По результатам анализа полученных данных был сделан вывод о том, что различные виды спорта оказывают неоднозначное влияние на уровень агрессивности подростков. Наибольший уровень агрессивности отмечается у подростков, занимающихся спортивными играми, далее идут спортсмены, которые занимаются единоборствами, третье место занимают легкоатлеты. Более всего влияют на уровень агрессивности

циклические виды спорта, в частности беговые виды легкой атлетики, на втором месте стоят единоборства, и на третьем месте спортивные игры (Буряк, Шувалов, 2013).

Также был проведен корреляционный анализ взаимосвязей эмоционального интеллекта и агрессивности у студентов-спортсменов. Он выявил отрицательные корреляционные связи между успешностью спортивной деятельности и раздражительностью ($r=-0,258$ при $p<0,05$), а также индексом агрессивности ($r=-0,276$ при $p<0,01$) и общим показателем агрессивности ($r=-0,450$ при $p<0,01$). Это свидетельствует о том, что чем более развита у спортсмена готовность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (вспыльчивость, грубость), а также чем он агрессивнее, тем менее успешна его спортивная деятельность.

Положительные связи зафиксированы между успешностью спортивной деятельности и управлением чужими эмоциями ($r=0,461$ при $p<0,01$), а также управлением своими эмоциями ($r=0,294$ при $p<0,05$), контролем экспрессии ($r=0,306$ при $p<0,05$) и общим показателем эмоционального интеллекта ($r=0,487$ при $p<0,01$). То есть можно говорить о том, что чем более развиты у спортсмена способность и потребность вызывать у себя и других людей те или иные эмоции, снижать интенсивность нежелательных эмоций, способность вызывать и поддерживать желательные эмоции и держать под контролем нежелательные, способность контролировать внешние проявления своих эмоций, тем успешнее он в спорте. Люди с высоким уровнем эмоционального интеллекта психически уравновешены, дружелюбны, пребывают в отличном настроении, не подвержены страху, не склонны к тревожным размышлениям. Мы можем предположить, что эти личностные характеристики оказывают положительное влияние во всех видах деятельности, в том числе и в соревновательной деятельности спортсменов.

Литература

- Буряк В. А., Шувалов Б. Н. Агрессивность подростков, занимающихся различными видами спорта, и способы ее регуляции // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2013. № 1.
- Люсин Д. В. Новая методика измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭИИ // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
- Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследова-

- ния / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 29–36.
- Сафонов В. К.* Агрессия в спорте. СПб.: Питер, 2003.
- Силич Е. В., Мельник Е. В.* Экспертная оценка успешности спортивной деятельности (на примере сложнокоординационных видов спорта) // Спортивный психолог. 2010. № 6.
- Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Фирсов К. Н.* Психологический анализ агрессивности в спортивной деятельности // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 5–6. С. 14–19.
- Хван А. А., Зайцев Ю. А., Кузнецова Ю. А.* Стандартизация опросника А. Басса и А. Дарки // Психологическая диагностика. 2008. № 1. С. 35–58.
- Bar On R.* The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI) // *Psicotethema*. 2006. V. 18. P. 13–25
- Mayer J. D., Salovey P., Caruso D.* Emotional Intelligence: a new ability or eclectic traits? // *American Psychologist*. 2008. V. 63. № 6. P. 503–517.

Emotional intelligence, aggressiveness and success in sport activities

*E. S. Sinelnikova**, *V. V. Egorov*** (*St Petersburg*)

* Candidate of Psychological Sciences, Emperor Alexander I
Saint Petersburg State Transport University

** Emperor Alexander I Saint Petersburg State Transport University

The article describes results of empirical correlation study of emotional intelligence, aggressiveness and success in sport. 60 students doing involved in various sports. Research has shown that emotional intelligence (especially emotion regulation) positively correlates with success in sport activities, and aggressiveness negatively correlates with success in sport activities.

Keywords: emotional intelligence, emotion regulation, aggressiveness.

Вклад осознанной саморегуляции в формирование аккультурационной установки иностраннных студентов

М. Л. Соколовский (Ставрополь)

*кандидат психологических наук, Северо-Кавказский федеральный
университет; e-mail: bilb2000@yandex.ru*

На выборке иностраннных студентов в количестве 183 чел. из африканских, арабских и среднеазиатских стран с использованием методик «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой, «Опросник для измерения аккультурационной установки», а также методик, направленных на оценку адаптации и аккультурации иностраннных студентов к условиям обучения в вузе, показано, что для каждой из субшкал аккультурационных установок имеется своя специфика, в зависимости от половой и культурно-этнической принадлежности испытуемых. В частности, на фоне явного преобладания установки испытуемых на интеграцию выявлено, что в наибольшей степени возможности саморегуляции юношей проявляются по мере роста их установки на интеграцию, в то время как шкалы саморегуляции в большей степени связаны с ростом установки девушек на ассимиляцию. Наблюдается тенденция арабских студентов занижать оценки по всем субшкалам методики Дж. Берри, оценивающим их взаимодействие с представителями своей и российской (доминантной) культуры.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, аккультурационная установка, адаптация иностраннных студентов.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00804 «Осознанная саморегуляция и совладающее поведение в условиях адаптации студентов к новой социокультурной среде: общие закономерности и кросс-культурные различия».

Введение

Структура и концепт осознанной саморегуляции разработаны в Психологическом институте РАО в трудах О. А. Конопкина и его учеников еще в 70–80-х годах прошлого века, и в настоящее время во многих городах России изучаются многочисленными исследовательскими группами, преимущественно при поддержке или под общим руководством В. И. Моросановой (Моросанова, Фомина, Цыганов, 2017).

Согласно О. А. Конопкину, осознанная саморегуляция всегда конкретна и осуществляется в контексте деятельности, цель которой принята испытуемым (Конопкин, 1995). Мы исходили из того, что основной целью пребывания иностранных студентов в России является обучение в вузе. При этом существенным условием учебной деятельности иностранных студентов является их нахождение в новой для них социокультурной среде.

Аккультурационная установка в долгосрочной перспективе учебной деятельности является условием, влияющим на взаимодействие иностранного студента как с преподавателями, так и с другими студентами, структурными подразделениями вуза и местными жителями, а значит, влияющим на обмен учебной и иной информацией, обеспечивающей успех и комфорт обучения и проживания в России.

Таким образом, изучение специфики взаимосвязи аккультурационной установки и компонентов осознанной саморегуляции иностранных студентов обладает серьезным потенциалом для оптимизации образовательной деятельности в условиях этнокультурного разнообразия образовательной среды.

Методы и выборка

Исследование проводилось на базе Северо-Кавказского федерального университета, в исследовании приняли участие 183 иностранных студента, в том числе 101 испытуемый из среднеазиатских стран постсоветского пространства, 20 арабских студентов и 62 африканца. При этом в исследованных учебных группах наблюдалось явное преобладание числа юношей, иностранных студентов (151 испытуемый), над числом девушек (32 чел.).

В исследовании использовались следующие методики:

- Опросник для измерения аккультурационной установки, разработанный по методике Дж. Берри (Berry, Kim, Power, Young, Vijaki, 1989);

- Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ), разработанный в лаборатории психологии саморегуляции Психологического института РАО под руководством В. И. Моросановой;
- Опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла в адаптации Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой;
- Шкала аккультурационного стресса иностранных студентов (Sandhu, Asrabadi, 1994);
- Методика диагностики мотивации учебной деятельности личности в юношеском возрасте (Ромусик, 2007);
- для математико-статистической обработки данных использовались: коэффициент ранговой корреляции Спирмена и U-критерий Манна–Уитни.

Результаты

Наиболее частым типом аккультурационной установки является установка на интеграцию с новой культурой (65%), реже встречаются установка на сепарацию (17%) и ассимиляцию (14%) и совсем редко встречается маргинализационная установка (4%), что свидетельствует об общем адекватном и оптимальном отношении иностранных студентов и к представителям собственной культуры, и к представителям новой для них доминантной культуры, создает предпосылки для их оптимальной адаптации.

Рассмотрим связи шкал осознанной саморегуляции с каждой количественной шкалой аккультурационной установки.

Интеграция. В целом для выборки юношей обнаружены значимые положительные связи для большинства компонентов саморегуляции с установкой на интеграцию (планирование, моделирование, оценивание результатов, гибкость и общий уровень саморегуляции), в то время как для выборки девушек значимые корреляции отсутствуют.

Для установки на *ассимиляцию* связь компонентов осознанной саморегуляции для выборок юношей и девушек меняется местами. То есть для юношей не выявлено значимых связей, за исключением связи ассимиляции с планированием для выборки среднеазиатских юношей, в то время как для девушек выявлены значимые положительные связи ассимиляции с планированием, моделированием, оцениванием результатов, гибкостью и, как следствие, с общим уровнем саморегуляции.

Таким образом, на фоне преобладающей установки иностранных студентов на интеграцию, с ростом регуляторных способностей юноши все больше укрепляются в своем намерении интегрировать-

ся в новую для них доминантную культуру, в то время как девушки склонны ассимилироваться. Такая тенденция не может быть вполне объяснена возможными гендерными стереотипами о более подчиненном положении женщины в обществе или семье, поскольку представления о подчиненном положении женщины испытываемые могут распространяться и на новую культуру, и на свою исходную культуру. Чем более организована девушка с точки зрения ее субъектности и саморегуляции, тем более привлекательны для нее местные, российские студенты, что может свидетельствовать о восприятии девушками – иностранными студентками неравенства местных и иностранных студентов, которое может проявляться в виде худшей академической успеваемости иностранных студентов, например, в силу проблем с обучением на русском языке и худшими перспективами трудоустройства в России после окончания учебы.

Связь установки на *сепарацию* (отторжение новой культуры) и *маргинализацию* (декультурацию) со шкалами саморегуляции в целом соответствуют ожидаемым. Эти две формы отторжения новой культуры, в которой необходимо учиться, коррелируют со снижением регуляторных свойств, наиболее ярко проявляющимся у юношей по шкале маргинализации. Для смешанной выборки выявлены значимые отрицательные корреляции между установкой на маргинализацию и моделированием, программированием, оцениванием результатов, гибкостью и, как следствие, общим уровнем саморегуляции. Для девушек такая закономерность наблюдается только у представительниц среднеазиатских республик. Сходные закономерности проявляются и в случае установки на сепарацию (отторжение).

На фоне единого общего паттерна наблюдаются особенности его проявления по отдельным шкалам саморегуляции и этнокультурам. Для африканцев установка на сепарацию не является настолько деструктивной, как для представителей Средней Азии, поскольку изначально африканцы не настолько близки к российской культуре, как жители стран постсоветского пространства, африканцы достаточно компактно проживают в общежитии, кроме того, многие африканцы обучаются в отдельных группах для иностранных студентов и часть таких групп учится по системе 2+2 (два первых года на английском языке и два последующих на русском) на английском языке, так что давление языкового барьера для них пока что не сильно актуально. Отдельные группы африканцев фактически имеют некое подобие ячеек религиозных или общественных этнических организаций. Поэтому в условиях развитого этнического сообщества в рамках вуза умеренная сепарация может не оказывать негативно-го влияния на обучение иностранных студентов и, в ограниченных

пределах, являться формой адаптации к имеющемуся этническому сообществу студентов. Поэтому для африканских юношей рост сепарационной установки, не являясь оптимальной реакцией на новую социокультурную среду, все же не становится таким деструктивным, как для юношей из Средней Азии, поскольку подразумевает некоторую социальную активность в своей этнической группе. Поэтому для африканцев сепарация как социальная реакция требует большей гибкости и больших навыков планирования, однако же наблюдающиеся тенденции к образованию отрицательных связей с моделированием (учет условий деятельности) и программированием (разработкой и осуществлением конкретных действий) делают рост установки на сепарацию недостаточно эффективным даже в рамках этнического сообщества студентов. В то же время для африканских девушек рост установки на сепарацию с точки зрения саморегуляции является самой неудачной реакцией. Она связана со снижением большинства показателей саморегуляции (кроме самостоятельности), возможно, в силу того, что маргинализация (декультурация) как демонстративное отторжение представителей как собственной, так и новой доминантной культуры может дать девушкам больше возможности для самовыражения, чем сепарация, для которой требуется и принятие активности девушек со стороны их местного этнического сообщества, что обеспечить сложнее, чем демонстративную декультурацию.

Примечательно, что при сравнении корреляций в парах Интеграция—Ассимиляция (принятие новой культуры) и Сепарация—Маргинализация (отторжение новой культуры) девушки демонстрируют паттерны, противоположные паттернам юношей. То есть в данных парах юноши показывают более благоприятную динамику саморегуляции с ростом Интеграции и Сепарации (принятие собственной культуры), в то время как у девушек более позитивная динамика саморегуляции в случае роста показателей Ассимиляции и Маргинализации (отторжение собственной культуры).

С целью объяснения данных закономерностей был проведен анализ различий иностранных студентов в зависимости от их половой принадлежности по всем доступным для данной выборки данным.

Было установлено, что девушки — иностранные студентки находятся в несколько более выгодном положении по всем изученным характеристикам: у них значимо ниже как общий уровень аккультурационного стресса ($p=0,046$), так и показатели по отдельным субшкалам аккультурационного стресса: воспринимаемой враждебности ($p=0,007$), страха ($p=0,01$), культурного шока ($p=0,02$). Девушки более склонны придерживаться оптимальных просоциаль-

ных копинг-стратегий: асертивные действия ($p=0,005$), вступление в социальный контакт ($p=0,007$), поиск социальной поддержки ($p=0,002$), осторожные действия ($p=0,03$). У них значимо выше показатели саморегуляции: планирование ($p=0,03$), программирование ($p<0,0001$), оценивание результатов ($p=0,03$), самостоятельность ($p=0,02$) и, как следствие, выше общий уровень саморегуляции ($p=0,0001$). У девушек – иностранных студенток также выше основные компоненты мотивации учебной деятельности: мотивация достижения цели ($p=0,009$) и процессуальные мотивы учебной деятельности ($p=0,01$).

Особого внимания заслуживает такой показатель саморегуляции, как самостоятельность. Исходя из понимания саморегуляции как потенциала реализации субъектности личности, самостоятельность должна играть системообразующую роль. Тем не менее, в сложных ситуациях, как и в ситуациях межличностного взаимодействия, личность добровольно, осознанно и свободно может делегировать какие-либо свободы другим людям, жертвуя некоторой своей самостоятельностью.

Например, рост установки на интеграцию не связан положительно с ростом самостоятельности, наоборот, наблюдается тенденция отрицательной связи, особенно сильная для девушек из африканских стран ($r=-0,41$). Это объясняется тем, что интеграция возможна только в диалоге культур, и, экспортируя собственную культуру в новые социокультурные условия, субъект осуществляет довольно сложное социальное взаимодействие и координирует свои действия и со своей исходной и новой, доминантной культурой.

Примечательна корреляция самостоятельности африканских девушек со шкалами аккультурационных установок. Отрицательная корреляция со шкалой интеграции сочетается с положительными корреляциями для шкал ассимиляции (0,32), сепарации (0,50), и самая высокая корреляция наблюдается со шкалой маргинализации (0,59). Возможно, в данном случае наблюдается не маргинализация, как общее снижение жизнестойкости испытуемых, а именно декультурация. То есть проявление самоутверждения девушек за счет дистанцирования и от представителей своей культуры, которую они не могут по тем или иным причинам принять, и от местной культуры, приверженность которой на бытовом уровне им просто не нужна.

Было установлено, что девушки – иностранные студентки находятся в несколько более выгодном положении по всем изученным характеристикам: у них значимо ниже как общий уровень аккультурационного стресса ($p=0,046$), так и показатели по отдельным

субшкалам аккультурационного стресса: воспринимаемой враждебности ($p=0,007$), страха ($p=0,01$), культурного шока ($p=0,02$). Девушки более склонны придерживаться оптимальных просоциальных копинг-стратегий: ассертивные действия ($p=0,005$), вступление в социальный контакт ($p=0,007$), поиск социальной поддержки ($p=0,002$), осторожные действия ($p=0,03$). У них значимо выше показатели саморегуляции: планирование ($p=0,03$), программирование ($p<0,0001$), оценивание результатов ($p=0,03$), самостоятельность ($p=0,02$) и, как следствие, выше общий уровень саморегуляции ($p=0,0001$). У девушек-иностранных студенток также выше основные компоненты мотивации учебной деятельности: мотивация достижения цели ($p=0,009$) и процессуальные мотивы учебной деятельности ($p=0,01$).

Совершенно особенной была реакция арабских студентов при ответах на вопросы по методике измерения аккультурационной установки. На фоне отсутствия значимых корреляционных связей наблюдается явная тенденция к образованию отрицательных связей между всеми субшкалами аккультурационной установки и показателями саморегуляции. То есть, по мере роста саморегуляции, арабские студенты занижали ответы на все вопросы методики. Частично такую реакцию можно объяснить тем, что значительная часть студентов обучалась в группах, состоящих исключительно из иностранных студентов и поэтому практически не общалась с российскими студентами и не могла оценить свои взаимоотношения с местными студентами. Нам представляется вполне вероятным, что арабские студенты, по мере роста саморегуляции, старались избегать вопросов, связанных с этническими взаимоотношениями.

Выводы

1. На общем фоне преобладания установки иностранных студентов на интеграцию с российской культуры, более развитая саморегуляция в целом способствует выбору просоциальных аккультурационных установок: интеграции для юношей и ассимиляции для девушек.
2. Вопреки общепринятому мнению, в качестве внешней переменной, влияющей на связь саморегуляции и аккультурационной установки в России, может выступать реальное или воспринимаемое неравенство (дискриминация) иностранных студентов.
3. Эмансипация (самостоятельность) иностранных студенток может принимать форму декультурации, склонности к отторжению как представителей своей, так и доминантной культуры.

4. Арабские студенты, по мере развития саморегуляции, могут избегать вопросов, связанных с этническими взаимоотношениями.

Литература

- Конопкин О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
- Моросанова В. И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (сспм). URL: <http://www.studfiles.ru/preview/5570943/page:32/#40> (дата обращения: 13.06.2017).
- Моросанова В. И., Фомина Т. Г., Цыганов И. Ю. Осознанная саморегуляция и отношение к учению в достижении учебных целей. М.—СПб.: Нестор-История, 2017.
- Ромусик Н. А. Методика диагностики мотивации учебной деятельности личности в юношеском возрасте // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 43–51.
- Berry J. W. Acculturation Attitudes in Plural Societies // Applied Psychology. 1989. № 2 (38). С. 185–206.
- Sandhu D., Asrabadi B. Development of an Acculturative Stress Scale for International Students: Preliminary Findings // Psychological reports. 1994. № 75. С. 435–448.

The impact of conscious self-regulation to the international students acculturative attitudes development

M. L. Sokolovskii (Stavropol)

Candidate of Psychological Sciences,
North-Caucasus Federal University

On a sample of foreign students in the number of 183 people from African, Arab and Central Asian countries using the methods “Style of self-regulation of behavior” V. I. Morosanova, an “acculturation attitudes survey”, as well as methods aimed at assessing the adaptation and acculturation of foreign students to the conditions of study at the university, it is shown that for each of the subcultures of acculturation facilities there is a specificity, depending on the sexual and cultural-ethnic belonging of the subjects. In particular, against the backdrop of a clear predominance of the subjects placement for integration, it was revealed that the most opportunities for self-regulation of young men appear as their installation for integration increases, while self-regulation scales are more associated with the growth of

girls' assimilation. There is a tendency for Arab students to underestimate the estimates for all the sub-methods of J. Berry's methodology, which assess their interaction with representatives of their own and Russian (dominant) culture.

Keywords: conscious self-regulation, acculturation attitudes, international students adaptation.

Типы студентов по регуляторно-личностным показателям адаптации к условиям обучения

В. А. Соломонов, Е. А. Фомина** (Ставрополь)*

** кандидат психологических наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет; e-mail: vlads67@mail.ru*

*** кандидат психологических наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет; e-mail: fea30@mail.ru*

В статье рассмотрены результаты исследования процесса адаптации иностранных студентов к условиям учебного процесса через призму лично-регуляторных показателей. На выборке из 233 студентов Северо-Кавказского федерального университета выявлены типы иностранных студентов по регуляторно-личностным показателям с использованием программы статистической обработки данных «АРТ-2 саморегуляция» (искусственная нейронная сеть). Получены сходные характеристики адаптационных процессов в инокультурной среде; установлена роль системы осознанной саморегуляции в процессе адаптации; определено значение социокультурных факторов, связанных с аккультурационными установками и переживаемым аккультурационным стрессом. Полученные данные не только соответствуют результатам ранее проведенных исследований, но и позволят более целенаправленно строить программы адаптации иностранных студентов с учетом их этнокультурных особенностей и регуляторно-личностных показателей.

Ключевые слова: саморегуляция, регуляторно-личностные типы студентов, адаптация студентов, социокультурная среда, искусственная нейронная сеть.

Активное вхождение России в международное образовательное пространство расширило круг образовательных организаций, которые

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 17-06-00804.

столкнулись с необходимостью решения проблемы адаптации иностранных студентов к образовательному процессу вуза. Между тем оптимизация жизни и учебы иностранных студентов является одной из важных задач принимающей стороны, и на сегодняшний день есть все основания, чтобы выработать общие подходы к ее решению.

Под адаптацией субъекта к социокультурной среде, опираясь на данные А. Н. Ременцова и А. А. Казанцевой, будем понимать активный процесс взаимодействия представителя иной культуры и среды его настоящего обитания, процесс активного приобретения необходимых для жизни трудовых навыков и знаний, усвоение субъектом основных норм, образцов, ценностей новой окружающей действительности (Ременцов, Казанцева, 2011). В этом случае организацию образовательного процесса, условия и организационную культуру конкретного вуза можно считать составляющими социокультурной среды.

На сегодняшний день благодаря усилиям зарубежных и отечественных ученых изучены многие аспекты процесса адаптации субъекта к инокультурной среде. Однако, относясь к иностранному студенту как к субъекту, исследователи пока уделяют недостаточно внимания именно его личностным, субъектным проявлениям в контексте установления продуктивных контактов с иной культурой.

Целью предпринятого нами исследования стало определение типов студентов, различных по регуляторно-личностным показателям, для поиска наиболее продуктивных форм психологического сопровождения в ситуации адаптации в новых социокультурных условиях.

Гипотеза исследования основана на предположении о том, что приоритетными показателями в адаптации субъекта к инокультурной среде выступают регуляторно-личностные составляющие, которые имеют свою этнокультурную специфику.

В эмпирическую *выборку исследования* вошли 233 студента Северо-Кавказского федерального университета (СКФУ) в возрасте от 18 до 25 лет: это студенты из Узбекистана (65 чел.), Таджикистана (22 чел.), Южной Африки (26 чел.), Ирака (15 чел.), Анголы (24 чел.), иногородние студенты из России (81 чел., контрольная группа).

Методики. Для исследования использовались методики: «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ); «Пятифакторный опросник личности» в адаптации А. Б. Хромова; Методика диагностики мотивации учебной деятельности личности в юношеском возрасте Н. А. Ромусик; Шкала аккультурационного стресса для иностранных студентов Д. Сандху, Р. Асрабади (ШАС); Опросник для измерения аккультурационной установки, разработанный А. Н. Татарко, Н. М. Лебедевой по методике Дж. Берри (АУ); Опросник «Страте-

гии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла в адаптации Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой (SACS).

Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) используется для выявления характеристик индивидуальной саморегуляции произвольной активности человека. Методика включает единую шкалу «общий уровень саморегуляции», четыре шкалы регуляторных процессов – «планирование», «моделирование», «программирование», «оценка результатов» – и две регуляторно-личностные шкалы – «гибкость» и «самостоятельность» (Моросанова, 2004).

Пятифакторный опросник личности позволяет описать структуру личности в рамках современной факторной модели через обобщенные черты-факторы и их первичные компоненты: «экстраверсия–интроверсия», «привязанность–отделенность», «контролирование–естественность», «эмоциональность–эмоциональная сдержанность», «игривость–практичность» (Хромов, 2000).

Методика диагностики мотивации учебной деятельности личности в юношеском возрасте диагностирует учебную мотивацию в единстве мотивов достижения цели, процессуальных мотивов, мотивов избегания (Ромусик, 2007).

Шкала аккультурационного стресса для иностранных студентов включает в себя субшкалы: «воспринимаемая дискриминация»; «тоска по дому»; «воспринимаемые предметы ненависти»; «страх»; «стресс»; «вина»; «неспецифические проблемы» (Sandhu, Asrabadi, 1994).

Опросник для изучения аккультурационной установки, разработанный по методике Дж. Берри (АУ) позволяет рассмотреть четыре аккультурационные стратегии, которых может придерживаться студент: ассимиляция, сепарация, интеграция, маргинализация (Татарко, Лебедева, 2011).

Опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла в адаптации Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой (SACS) рассматривает преодолевающее поведение как совокупность когнитивно-поведенческих действий, зависящих от ситуационного контекста. SACS включает 9 моделей преодолевающего поведения: 1) асертивные действия; 2) вступление в социальный контакт; 3) поиск социальной поддержки; 4) осторожные действия; 5) импульсивные действия; 6) избегание; 7) манипулятивные действия; 8) асоциальные действия; 9) агрессивные действия (Водопьянова, Старченкова, 2003).

Для статистической обработки данных психодиагностики использовалась искусственная нейронная сеть «АРТ-2 саморегуляция» (Соломонов, Соломонов, Фомина, Банщикова, 2016) и редактор электронных таблиц Microsoft Excel 2016.

Результаты

В ходе обработки полученных данных с помощью программы для ЭВМ «АРТ-2 саморегуляция» было выявлено шесть моделей, позволяющих определить типы студентов по регуляторно-личностным показателям адаптационных процессов. Две из шести полученных моделей были характерны всего для 3 студентов каждая, поэтому указанные модели рассматривались как неактуальные для данной выборки.

Первая из моделей получила название «Проактивная». Пиковые значения в рассматриваемой модели получили шкалы: «вступление в социальный контакт» (0,253) (SACS), «гибкость» (0,224) (ССПМ), «поиск социальной поддержки» (0,213) (SACS), «агрессивные действия» (0,157) (SACS), «моделирование» (0,106) (ССПМ). Выше представленные переменные указывает на те регуляторно-личностные особенности, которые значимо влияют на процесс адаптации студента к инокультурной среде.

Студенты, представляющие «Проактивный» тип, демонстрируют пластичность регуляторных процессов, стремятся с помощью совместных усилий с окружающими эффективно разрешать критические ситуации. При возникновении непредвиденных обстоятельств они легко перестраивают планы и программы исполнительских действий и поведения, способны быстро оценить изменение значимых условий и скорректировать программу действий. Студенты могут преодолевать стрессовые ситуации, обсуждая с окружающими возникшие препятствия. Преодоление стресса с помощью агрессивных действий помогает им адаптироваться к социальной среде за счет тенденции естественно переживать негативные чувства при неудачах и конфликтах с другими людьми, перекладывая на них часть ответственности. Респонденты данного типа направлены на достижения целей как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем.

К «Проактивному» типу относятся 100% студентов из России, а также 6,2% студентов из Узбекистана, 13,3% – из Таджикистана, 13,3% – из Ирака и 8,3% студентов из Анголы.

Следующую из рассматриваемых моделей можно назвать «Умеренно активная». Пиковые значения получили шкалы: «ассертивные действия» (0,264) (SACS), «осторожные действия» (0,190) (SACS), «программирование» (0,184) (ССПМ), «избегание» (0,183) (SACS), «непрямые действия» (0,158) (SACS).

У студентов, образующих данный тип, стратегия адаптации обусловлена выраженностью регуляторного процесса программирова-

ния. Сформированы потребности продумывать способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей, разрабатывать детализированные и развернутые программы поведения. Они активно и последовательно отстаивают свои интересы, открыто заявляют о своих целях и намерениях, уважая при этом интересы окружающих. Студенты стремятся избегать риска, ничего не принимать на веру, долго готовиться к предстоящим действиям. Для них характерно избегание конфликтных ситуаций и решительных действий, требующих большого напряжения и ответственности. Такие обучающиеся пытаются передать ответственность за свои действия другому человеку и помочь ему в достижении целей.

Данный тип характерен для 96,2% студентов из Южной Африки, 83,3% – из Анголы, 66,3% студентов из Узбекистана, 63,6% – из Таджикистана, 60% – из Ирака. Таким образом, почти все студенты из Анголы и ЮАР оказались представителями «Умеренно активного» типа.

В модели, которая получила название «Реактивная», пиковые значения получили шкалы: «импульсивные действия» (0,260) (SACS), «вина» (0,168) (ШАС), «асоциальные действия» (0,166) (SACS), «воспринимаемая враждебность» (0,152) (ШАС), «оценивание результатов» (0,130) (ССПМ).

Студенты данного типа характеризуются сформированностью и устойчивостью критериев оценки результатов, что осложняет процесс адаптации, если родная и принимающая культуры значительно отличаются. Молодым людям приходится преодолевать противоречие между прежними ценностями и новыми, ценностями культуры принимающей стороны. Их действия характеризуются тенденцией к нарушению социально допустимых рамок, эгоцентризмом, стремлением к удовлетворению собственных желаний, не считаясь с обстоятельствами и интересами других людей. Им свойственны импульсивные действия под влиянием внешних обстоятельств или эмоций, без предварительного обдумывания своих поступков и принятия наиболее целесообразных и обоснованных решений.

«Реактивный» тип представлен студентами из Таджикистана (22,7%), Ирака (20%) и Анголы (8%).

Последний из рассматриваемых типов – «Неуправляемые» – объединила респондентов с пиковыми показателями шкал: «общий уровень аккультурационного стресса» (0,169) (ШАС), «воспринимаемая дискриминация» (0,127) (ШАС), «культурный шок» (0,161) (ШАС), «неспецифические проблемы» (0,145) (ШАС), «сепарация» (0,172) (АУ). Общей для студентов, составивших данный тип, является невыраженность регуляторных показателей и наличие выра-

женности показателей аккультурационного стресса, осложняющих адаптацию.

Респонденты данного типа ищут поддержку среди представителей своей культуры и не предпринимают усилий, чтобы обратиться к местным студентам. Большинство обучающихся испытывают интенсивный аккультурационный стресс. Они нервничают при общении, представляют себя людьми второго сорта, болезненно реагируют на незнание их культурных ценностей, избегают контактов с представителями других национальностей, что затрудняет вхождение в учебный процесс.

К типу «Неуправляемые» оказались отнесены 27,7% студентов из Узбекистана, 3,9% – из Южной Африки и 6,7% – из Ирака.

Выводы. Выдвинутая гипотеза нашла свое подтверждение. Значимыми показателями в адаптации субъекта к инокультурной среде выступают регуляторно-личностные составляющие, которые имеют свою этнокультурную специфику. Ожидают дальнейшей проработки вопросы установления взаимосвязи адаптации и мотивации к учебной деятельности.

Выявленные типы студентов по показателям продуктивного вхождения в учебный процесс вуза в иной социокультурной среде, отличаются развитой системой осознанной саморегуляции и сформированностью стратегий преодолевающего стресс поведения.

Реактивный тип отличается выраженностью регуляторного процесса оценки результатов и выбором непродуктивных стратегий преодоления аккультурационного стресса.

В профиле «Неуправляемого» типа показатели осознанной саморегуляции не выражены на фоне аккультурационного стресса и установки на сепарацию, явное предпочтение собственной культуры и избегание контактов с представителями других национальностей.

Большинство иностранных студентов, не менее 2/3, являются представителями «Умеренно активного» типа, что не отменяет необходимости разработки и реализации программ взаимной адаптации студентов к учебному процессу в иной социокультурной среде и вуза, принимающего иностранцев, к их образовательным запросам и этнокультурным особенностям.

Поведение студентов-представителей христианской культурной традиции в России с меньшей степенью вероятности будет соответствовать неуправляемому типу, что показали данные студентов из Анголы и ЮАР. В особом внимании принимающей стороны нуждаются студенты из Узбекистана, так как среди них неуправляемый тип самый многочисленный. Причины такой ситуации требуют дополнительного изучения.

Литература

- Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С.* Стратегии и модели преодолевающего поведения // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности. СПб.: 2003. С. 311–321.
- Моросанова В. И.* Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство. М.: Когито-Центр, 2004.
- Ременцов А. Н., Казанцева А. А.* Социокультурные аспекты адаптации иностранных студентов в российских вузах // *Alma mater: Вестник высшей школы.* 2011. № 7. С. 10–14.
- Ромусик Н. А.* Методика диагностики мотивации учебной деятельности личности в юношеском возрасте // *Психологический журнал.* 2007. № 1. С. 43–51.
- Соломонов В. А., Соломонов Д. В., Фомина Е. А., Банщикова Т. Н.* Использование модели нейронной сети АРТ-2 в построении регуляторно-личностной типологии педагогов // *Успехи современной науки.* 2016. Т. 10. № 12. С. 148–155.
- Татарко А. Н., Лебедева Н. М.* Методы этнической и кросс-культурной психологии. М.: Издат. дом «Высшей школы экономики», 2011.
- Хромов А. Б.* Пятифакторный опросник личности: Учебно-метод. пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2000.
- Sandhu D., Asrabadi B.* Development of an Acculturative Stress Scale for International Students: Preliminary Findings // *Psychological reports.* 1994. № 75. С. 435–448.

Types of students on regulatory and personal indicators of adaptation to training conditions in higher school

V. A. Solomonov, E. A. Fomina** (Stavropol)*

* Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, North-Caucasian Federal University

** Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, North-Caucasian Federal University

The article examines the results of studying the process of adaptation of foreign students to the conditions of the educational process through the prism of personality-regulatory indicators. On a sample of 233 students of the North Caucasus Federal University, the types of foreign students on regulatory and personal indicators were identified using the program of statistical data processing “ART-2 self-regulation” (artificial neural network). Similar characteristics of adaptation processes in an inocultural environment are obtained; the role of the system of conscious self-regulation in the process of adaptation has been established; the importance of sociocultural factors associat-

ed with acculturation attitudes and experiencing acculturation stress is defined. The obtained data not only correspond to the results of earlier studies, but also will allow more purposeful construction of programs for the adaptation of foreign students, taking into account their ethno-cultural characteristics and regulatory and personal indicators.

Keywords: self-regulation, regulatory-personal types of students, student adaptation, socio-cultural environment, artificial neural network.

Взаимосвязь стратегий преодоления стрессовых ситуаций со стилевыми особенностями саморегуляции у пациентов с депрессией

Е. А. Трухан, Н. Н. Морозова** (Минск)*

** кандидат психологических наук, доцент, Белорусский государственный университет; e-mail: elena.an.t@tut.by*

*** Белорусский государственный университет; e-mail: marzikii@mail.ru*

Представлены результаты корреляционного анализа стратегий преодоления стрессовых ситуаций и стилевых особенностей саморегуляции у пациентов с депрессией и здоровых людей. У больных с депрессией выявлено вдвое больше значимых корреляций между стратегиями преодоления стрессовых ситуаций и компонентами саморегуляции, чем у здоровых людей. У здоровых испытуемых больше всего взаимосвязей обнаружено между стратегией вступления в социальный контакт при стрессе и такими компонентами саморегуляции, как планирование цели, моделирование условий, оценивание результата и самостоятельность, а у депрессивных – между стратегией асоциальных действий в критической ситуации и общим уровнем саморегуляции, а также моделированием, оцениванием и гибкостью. У здоровых людей наибольшее количество значимых корреляций со стратегиями преодоления стрессовых ситуаций выявлено для регуляторной самостоятельности, а у депрессивных – для оценивания результатов.

Ключевые слова: депрессия, стресс, стратегии преодоления стрессовых ситуаций, саморегуляция, стилевые особенности.

Проблема сохранения психического здоровья людей в условиях нестабильной социально-экономической среды является приоритетной задачей для психологической науки. Распространение заболевания депрессией в настоящее время позволяет Всемирной организации здравоохранения называть данный процесс эпидемией, требующей

срочных и эффективных мер. Одной из причин депрессивных нарушений часто называют стресс – профессиональный, информационный, эмоциональный и др. – как обязательный элемент жизни и деятельности современного человека. Преодоление же жизненных трудностей и разрешение проблемных ситуаций связано с различными психическими процессами и индивидуальными свойствами, в том числе регуляторными. Способность к саморегуляции называют ресурсом, обеспечивающим преодоление острой стрессовой симптоматики (Моросанова, 2012), которая может приводить к депрессии.

Целью нашего исследования было выявление взаимосвязей стратегий преодоления стрессовых ситуаций со стилевыми особенностями саморегуляции у пациентов с депрессией, а также у здоровых людей. Для достижения поставленной цели были использованы опросник ССМП «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой и шкала SACS «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» Б. Хобфолла. В исследовании принимали участие 26 чел., которые проходят лечение от депрессии в РНПЦ психического здоровья г. Минска, из них 20 женщин и 6 мужчин в возрасте от 23 до 71 года. Также опрашивалась контрольная группа здоровых людей в количестве 26 чел., из них 20 женщин и 6 мужчин в возрасте от 23 до 73 лет. Статистическая обработка (непараметрический корреляционный анализ по Спирмену) первичных данных осуществлялась с помощью SPSS Statistics.

В результате проведенного корреляционного анализа были выявлены значимые взаимосвязи (положительные и отрицательные) между стилевыми особенностями саморегуляции и стратегиями преодоления стрессовых ситуаций как в группе испытуемых, которые лечатся от депрессии, так и в группе здоровых людей. Однако у больных депрессией данных корреляций выявлено вдвое больше (21), чем у здоровых людей (10). Меньшее количество взаимосвязей у здоровых людей создает больше степеней свободы для активности в различных жизненных ситуациях, в том числе, и стрессовых. И стратегии преодоления стрессовых ситуаций, и компоненты саморегуляции более автономны в своем функционировании, что и позволяет сохранять психическое здоровье и благополучие. У больных депрессией стратегии преодоления стрессовых ситуаций и процессы саморегуляции при столкновении с различными проблемными ситуациями требуют, вследствие большей взаимосвязи, значительных затрат психической энергии, истощая внутренние ресурсы, что и приводит к депрессивным расстройствам.

У здоровых людей больше всего взаимосвязей обнаружено между стратегией вступления в социальный контакт при стрессе и та-

кими компонентами саморегуляции, как планирование ($r=0,411$ при $p=0,037$), моделирование ($r=0,402$ при $p=0,042$), оценивание ($r=0,406$ при $p=0,04$) и самостоятельность ($r=-0,412$ при $p=0,037$). Следовательно, увеличение показателей планирования, моделирования, оценивания и снижение показателей самостоятельности связано с усилением стратегии вступления в социальный контакт в трудных ситуациях. Это означает, что здоровые испытуемые для более эффективного разрешения критической ситуации путем совместных с другими людьми усилий стремятся повысить степень осознанности, детализированности и устойчивости планирования, моделирования и оценивания, утрачивая при этом свою автономность. У пациентов с депрессией значимые корреляции между стратегией вступления в социальный контакт и стилевыми особенностями саморегуляции не выявлены.

У депрессивных людей больше всего взаимосвязей (все отрицательные) образовано между стратегией асоциальных действий в стрессовых ситуациях и общим уровнем саморегуляции ($r=-0,559$ при $p=0,003$), а также ее компонентами: моделированием ($r=-0,526$ при $p=0,006$), оцениванием ($r=-0,463$ при $p=0,017$), гибкостью ($r=-0,390$ при $p=0,049$). Это значит, что тенденция выходить за социально допустимые рамки и ограничения у депрессивных людей связана со снижением общих возможностей осознанно управлять произвольной активностью и таких регуляторных компонентов, как моделирование, оценивание и гибкость. Асоциальные действия при стрессе у здоровых людей положительно коррелируют с самостоятельностью ($r=0,505$ при $p=0,008$), следовательно, эгоцентризм и стремление к удовлетворению собственных желаний, не считаясь с обстоятельствами и интересами других людей, сопряжены с повышением регуляторной автономности.

Стратегия поиск социальной поддержки в критической ситуации у здоровых испытуемых отрицательно коррелирует с самостоятельностью ($r=-0,413$ при $p=0,036$), а у депрессивных больных положительно коррелирует с программированием действий ($r=0,402$ при $p=0,042$). Следовательно, стремление найти у окружающих сочувствие и понимание снижает самостоятельность здоровых людей, делает их зависимыми от чужих мнений, оценок и советов. А депрессивные люди через стремление обсудить ситуацию с другими людьми, поделиться своими переживаниями увеличивают способность к продумыванию последовательности своих действий для достижения целей.

Для стратегии осторожных действий в стрессовых ситуациях в группе здоровых людей значимых корреляций с компонентами

саморегуляции не выявлено, а у больных депрессией осторожные действия при стрессе положительно коррелируют с планированием цели ($r=0,431$ при $p=0,028$). Это означает, что детализированность и развернутость разрабатываемых программ действий у людей с депрессией связаны со стремлением избегать риска, долго готовиться в трудных ситуациях, прежде чем действовать.

Стратегия импульсивных действий в критических ситуациях у больных депрессией положительно коррелирует с гибкостью ($r=0,415$ при $p=0,035$). Следовательно, изменение плана и программы действий при возникновении непредвиденных обстоятельств у депрессивных людей связано со склонностью действовать по первому побуждению, под влиянием внешних обстоятельств или эмоций. В группе здоровых людей значимых корреляций данной стратегии со стилевыми особенностями саморегуляции не выявлено.

Стратегия избегания в стрессовых ситуациях и у здоровых людей ($r=-0,480$, при $p=0,013$), и у пациентов с депрессией ($r=-0,475$, при $p=0,014$) отрицательно коррелирует с программированием действий. Это значит, что и у здоровых, и у депрессивных испытуемых стремление отдалиться от трудной ситуации, думать о чем-то другом, отвлечься на другие занятия и виды деятельности связано с нежеланием или неспособностью самостоятельно сформировать программу действий для получения необходимого результата. У больных депрессией избегание также отрицательно коррелирует с оцениванием результата ($r=-0,491$, при $p=0,011$), т. е. избегание требующих ответственности действий, стремление откладывать решение возникшей проблемы у депрессивных людей указывает на их не критичность к своему поведению, неадекватность оценки себя и своей деятельности.

Стратегия манипулятивных действий при стрессе у больных депрессией отрицательно коррелирует с моделированием ($r=-0,400$, при $p=0,043$) и оцениванием ($r=-0,626$, при $p=0,001$) и положительно коррелирует с самостоятельностью ($r=0,399$, при $p=0,043$). Это означает, что скрытые побуждения к переживанию определенных состояний, принятию решений и выполнению действий другими людьми для достижения своих собственных целей у депрессивных людей связаны с неосознанностью и неадекватностью оценки ими себя и текущей ситуации, а также со стремлением самостоятельно организовывать работу по достижению цели и контролировать происходящее. В группе здоровых людей значимых корреляций стратегии манипулятивных действий с компонентами саморегуляции не выявлено.

Стратегия агрессивных действий в проблемной ситуации у пациентов с депрессией отрицательно коррелирует с оцениванием

результатов ($r=-0,444$ при $p=0,023$) и положительно коррелирует с самостоятельностью ($r=0,414$ при $p=0,036$). Следовательно, стремление обвинять окружающих при неудачах и конфликтах, испытывать чувства гнева и раздражения у больных депрессией сопряжено с некритичностью к себе и своим ошибкам, а также с независимостью от мнений и оценок других людей. В группе здоровых людей значимых корреляций данной стратегии со стилевыми особенностями саморегуляции не выявлено.

Пассивная стратегия преодоления стрессовых ситуаций у здоровых людей отрицательно коррелирует с программированием действий ($r=-0,399$ при $p=0,043$). Это значит, что детализированность и развернутость разрабатываемых программ действий у здоровых людей связаны с длительным и тщательным обдумыванием всех возможных вариантов решений и избеганием действий, требующих большой напряженности. В группе больных депрессией значимых корреляций пассивной стратегии с компонентами саморегуляции не выявлено.

Просоциальная стратегия преодоления проблемных ситуаций у здоровых людей отрицательно коррелирует с самостоятельностью ($r=-0,439$ при $p=0,025$). Следовательно, поиск посторонней помощи у здоровых людей связан с частым и некритичным следованием чужим советам, неспособностью самостоятельно планировать деятельность, контролировать ход ее выполнения, анализировать и оценивать как промежуточные, так и конечные результаты работы. В группе больных депрессией значимых корреляций просоциальной стратегии со стилевыми особенностями саморегуляции не выявлено.

Асоциальная стратегия преодоления критических ситуаций в группе здоровых людей ($r=0,539$ при $p=0,004$) и в группе больных депрессией ($r=0,441$ при $p=0,024$) положительно коррелирует с самостоятельностью. Это значит, что независимость от мнений и оценок окружающих и у здоровых, и у депрессивных людей усиливает тенденцию игнорировать социальные требования, нормы и ограничения. У пациентов с депрессией асоциальная стратегия, помимо того, отрицательно коррелирует с общим уровнем саморегуляции ($r=-0,454$ при $p=0,02$) и оцениванием ($r=-0,503$ при $p=0,009$). Следовательно, использование депрессивными людьми асоциальной стратегии преодоления стрессовых ситуаций указывает на их сниженную способность к осознанной саморегуляции произвольной активности, на регресс регуляторного функционирования в целом, и субъективных критериев оценки результатов в частности.

Прямая стратегия преодоления стрессовых ситуаций у больных депрессией положительно коррелирует с гибкостью ($r=0,415$ при $p=0,035$), т. е. быстрое реагирование на изменение событий у де-

прессивных людей связано со склонностью действовать без предварительного обдумывания своих поступков и принятия наиболее целесообразных и обоснованных решений. В группе здоровых людей значимых корреляций прямой стратегии со стилевыми особенностями саморегуляции не выявлено.

Непрямая стратегия преодоления проблемных ситуаций у пациентов с депрессией отрицательно коррелирует с моделированием ($r=-0,400$ при $p=0,043$) и оцениванием ($r=-0,626$ при $p=0,001$) и положительно коррелирует с самостоятельностью ($r=0,399$ при $p=0,043$). Это означает, что непрямые действия при стрессе у депрессивных людей связаны с неосознанностью и неадекватностью оценки ими внешних и внутренних значимых условий, а также со стремлением к автономии. В группе здоровых людей значимых корреляций не прямой стратегии с компонентами саморегуляции не выявлено.

Для двух шкал – ассертивные действия и активная стратегия преодоления стрессовых ситуаций – и в группе здоровых и в группе депрессивных испытуемых значимых корреляций со стилевыми особенностями саморегуляции не выявлено.

Обобщая результаты корреляционного анализа, можно констатировать, что в группе здоровых испытуемых больше всего взаимосвязей стратегий преодоления стрессовых ситуаций (вступление в социальный контакт, поиск социальной поддержки, асоциальные действия, просоциальная и асоциальная стратегии) образуются с таким компонентом саморегуляции, как самостоятельность. Корреляции самостоятельности с просоциальной стратегией, а также стратегиями вступления в социальный контакт и поиска социальной поддержки отрицательные. Следовательно, при повышении регуляторной автономности у здоровых людей снижается стремление к совместному переживанию и разрешению проблемных ситуаций, поиску сочувствия и помощи. Корреляции же самостоятельности и асоциальной стратегии (в том числе асоциальных действий) при стрессе – положительные. Это значит, что независимость от мнений и оценок окружающих усиливает у здоровых людей тенденцию выходить за социально допустимые рамки и ограничения, удовлетворять собственные желания, не считаясь с интересами других.

В группе больных депрессией больше всего взаимосвязей (все отрицательные) выявлено между стратегиями преодоления стрессовых ситуаций (избегание, манипулятивные, асоциальные и агрессивные действия, асоциальная и не прямая стратегии) и таким компонентом саморегуляции, как оценивание результатов. Это означает, что неадекватность оценки себя и своей деятельности депрессивными людьми будет способствовать более частому использованию ими

неконструктивных стратегий преодоления стрессовых ситуаций.

Таким образом, взаимосвязи стратегий преодоления стрессовых ситуаций со стилевыми особенностями саморегуляции обнаружены как у здоровых, так и у больных депрессией людей. Однако в группе пациентов с депрессией значимых корреляций выявлено вдвое больше, чем в группе здоровых людей.

В группе здоровых людей больше всего взаимосвязей наблюдается между стратегией вступления в социальный контакт и такими компонентами саморегуляции, как планирование цели, моделирование условий, оценивание результата и самостоятельность. У депрессивных людей больше всего взаимосвязей (все отрицательные) выявлено между стратегией асоциальных действий и общим уровнем саморегуляции, а также моделированием, оцениванием и гибкостью.

У здоровых испытуемых больше всего значимых корреляций обнаружено между самостоятельностью и такими стратегиями преодоления стрессовых ситуаций, как вступление в социальный контакт, поиск социальной поддержки, асоциальные действия, просоциальная и асоциальная стратегии. У депрессивных людей больше всего взаимосвязей (все отрицательные) наблюдается между оцениванием результатов и такими стратегиями преодоления стрессовых ситуаций, как избегание, манипулятивные, асоциальные и агрессивные действия, асоциальная и непрямая стратегии.

Общих взаимосвязей стратегий преодоления стрессовых ситуаций со стилевыми особенностями саморегуляции у групп здоровых и депрессивных людей выявлено только две: положительная взаимосвязь между самостоятельностью и асоциальной стратегией, а также отрицательная взаимосвязь между программированием действий и стратегией избегания.

Литература

Моросанова В. И. Дифференциальный подход к психической саморегуляции профессиональной деятельности // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 4 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 210–237.

Correlation between coping strategies and style peculiarities of self-regulation in patients with diagnosed depression

E. A. Truhan, N. N. Morozova** (Minsk)*

* Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Belorussian State University
** Belorussian State University

The article discusses the results of the correlation analysis between coping strategies and style peculiarities of self-regulation in patients with diagnosed depression and in healthy people. In patients with depression, there are twice as many significant correlations between coping strategies and components of self-regulation as in healthy people. In healthy people, most of the correlations are found between the strategy of social joining and such components of self-regulation as intent planning, condition modeling, evaluation of the results and independence, in patients with depression – between the asocial action strategy and the general level of self-regulation, modeling, evaluation and flexibility. In healthy people, the greatest numbers of significant correlations are found between coping strategies and regulatory independence, in patients with depression – between coping strategies and evaluation of the results.

Keywords: depression, stress, coping strategies, self-regulation, style peculiarities.

Влияние рефлексии на динамику познавательных состояний студентов

А. В. Чернов (Казань)

кандидат психологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет; e-mail: albertprofit@mail.ru

В статье представлены результаты исследования познавательных состояний в динамике учебного процесса. Теоретически обоснована практическая значимость исследования роли рефлексии в детерминации познавательных состояний студентов. В работе использованы как наиболее известные, так и оригинальные методики диагностики рефлексии и познавательных психических состояний. Показаны наиболее типичные состояния, переживаемые студентами в начале, середине и конце учебного занятия. Выявлены наиболее типичные познавательные состояния у студентов с разным уровнем рефлексивности, причем состояние заинтересованности может выступать сквозным состоянием, переживаемым студентами, независимо от уровня рефлексивности. Установлена специфика переживаемых познавательных состояний в зависимости от уровня рефлексивности студентов в динамике учебного процесса: для высокорефлексивных студентов типичным состоянием в начале занятия выступает предвосхищение, в середине – сосредоточенность, а в конце – состояние размышления.

Ключевые слова: познавательные состояния, рефлексия, динамика, учебный процесс, студент.

Познавательные состояния выступают общим фоном когнитивной деятельности, психологической переменной, интегрирующей все уровни познавательного отражения и регулирования. Возникновение состояний связано с субъективно значимыми ситуациями, которые могут быть охарактеризованы как необычные, новые, неопределен-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00057а.

ные, гипотетические, с деятельностью высших уровней познавательного отражения и регулирования – ментальными структурами (смысловыми, рефлексивными, категориальными и др.), а также составляющими системы «Я» (Прохоров, Юсупов, 2014).

Познавательные состояния выступают целостной функциональной структурой, организующей соматические, психические и мета-психические. Состояния взаимодействуют со структурами сознания, связаны с интеллектуальными способностями и другими субъектно-личностными свойствами, необходимыми для эффективного выполнения познавательных задач, возникающих в процессе жизнедеятельности. Познавательные состояния актуализируются в ходе взаимодействия субъекта и объекта познания в проблемной ситуации, стимулируя интрапсихическую (когнитивную) активность, активируя под действием ментальных структур интегрированный в функциональной структуре состояний широкий спектр интеллектуальных проявлений. Тем самым достигается адекватная цели деятельности включенность субъекта в решение проблемы или проблемной ситуации (Прохоров, Чернов, Юсупов, 2011).

По отношению к другим психическим состояниям познавательные состояния обладают собственной спецификой, связанной с более высоким уровнем интеграции, поскольку, включают в свою структуру высшие уровни иерархии познавательной сферы – метакогнитивный, интенциональный и интеллектуальные способности.

Рефлексия оказывает непосредственное влияние на функционирование когнитивно-мотивационной сферы субъекта, представляя собой метакогнитивный механизм, выполняющий функцию регуляции его учебно-познавательной деятельности (Юсупов, 2009). Важнейшим условием саморегуляции психического состояния в процессе учебной деятельности является перенос внимания с основной деятельности на самого себя с помощью рефлексивных процессов, что делает возможным осознанное воздействие на учебную деятельность. Таким образом, одной из ведущих функций рефлексии является саморегуляция и контроль деятельности, что определяет рефлексию как важнейшую составляющую сознания в регуляторном процессе состояний (Чернов, 2013).

Изучение психологии состояний привело Н. Д. Левитова (Левитов, 1964) к заключению о необходимости выделения состояний, связанных с процессом познания и познавательной сферы субъекта, в целом – познавательных состояний. Однако вопрос о содержании познавательных состояний, их структуре, функциях, динамике, связях с другими психическими явлениями (процессами и свойствами), в том числе, и состояниями других классов, является открытым. Од-

нако на сегодняшний день в Казанской школе психологии активно разрабатывается проблема изучения познавательных психических состояний человека. В исследованиях, проводимых под руководством А. О. Прохорова, были обнаружены весомые закономерности проявления познавательных состояний, связанные как с внешними, так и внутренними факторами (Прохоров, Чернов, Юсупов, 2011).

Познавательные состояния выступают в качестве основного механизма эффективности учебной деятельности студентов. В зависимости от испытываемых психических состояний продуктивность учебной деятельности будет различна (Valiullina, Chernov, 2017). Существуют состояния, которые связаны с активным вовлечением студента в познавательную деятельность: заинтересованность, вдохновение, одухотворенность, либо обратные им состояния: рассеянность, скука и др. Также выделены положительные состояния, которые позитивно влияют на познавательную деятельность, например, размышление, вдумчивость, сосредоточенность или отрицательные: невосприимчивость, тупость. Психические состояния, которые переживаются студентами, различны по интенсивности, по степени актуализации, а также различаются состояниями, типичные для начала, середины и конца учебного занятия.

Выборку исследования влияния рефлексии на динамику познавательных состояний у студентов в ходе учебной деятельности составили 134 студента 2–4 курса очного отделения Института психологии и образования Казанского университета. Интенсивность и частота проявления познавательных состояний изучались в ходе семинаров в динамике, т. е. в начале, в середине и в конце занятия. На время исследования занятие прерывалось.

Для выявления особенностей влияния рефлексии на познавательные психические состояния был использован метод «полярных групп», где из всей совокупности испытуемых были сформированы 3 группы, различающиеся по выраженности уровня рефлексии. Студенты, получившие высокие результаты по методикам диагностики рефлексии, были определены в группу «высокорефлексивных»; лица, получившие низкие результаты по тесту, попали в группу «низкорефлексивных».

В ходе исследования использовались следующие методики:

1. Перечень познавательных психических состояний, в который вошли следующие познавательные состояния: заинтересованность, сосредоточенность, задумчивость, размышление, рассеянность, вдохновение, вдумчивость, озадаченность, рефлексия,

- скука, тупость, мечтательность, предвосхищение, умственное напряжение, невосприимчивость, одурелость, сомнение, предчувствие, одухотворение, озарение, когнитивный диссонанс, любознательность, удивление, недоумение, удовлетворение.
2. Методика диагностики рефлексивности А. В. Карпова и В. В. Пономаревой (Карпов, Скитяева, 2005).
 3. Опросник А. М. Гранта, позволяющий оценить уровень выраженности и направленность рефлексии субъекта (Карпов, Скитяева, 2005). Опросник состоит из двух шкал — ауторефлексии и социорефлексии.
 4. Опросник «Дифференциальный тип рефлексии» Д. А. Леонтьева, разработанный с целью диагностики типа рефлексии как устойчивой личностной черты (Леонтьев и др., 2009).
 5. Методика диагностики рефлексивных процессов: распознавания, осознания и идентификации А. О. Прохорова, А. В. Чернова (Чернов, Юсупов, 2015). Данная методика позволяет диагностировать ментальную сторону рефлексивных процессов.

Рассмотрим далее типичные познавательные состояния студентов, встречающиеся наиболее часто, в начале, в середине и в конце занятия.

В начале занятия в большей степени студенты находятся в состоянии заинтересованности (31%), вдохновения (10%) и рассеянности (9%). Преобладание состояния заинтересованности над другими в начале занятия объясняется внутренней готовностью студентов, пришедших на урок, к восприятию новой информации, которая будет им полезной в дальнейшем. Переживание состояния вдохновения является предпосылкой к протеканию творческих процессов, рождению новых идей и замыслов. Состояние рассеянности в начале занятия свидетельствует о том, что для многих студентов нелегко сразу переключить свое внимание с прошлой деятельности и сконцентрироваться на текущих задачах. Для студентов всех уровней рефлексии в начале занятия характерно одно общее состояние — состояние заинтересованности, однако можно увидеть, что данное состояние в 1,5 раза чаще переживают низко- и среднерефлексивные студенты, нежели высокорефлексивные.

Несмотря на доминирование среди испытуемых состояния заинтересованности, отметим некоторые закономерности переживания познавательных состояний у студентов с разным уровнем рефлексии.

Для низкорефлексивных характерна большая рассеянность (14%), а для среднерефлексивных и высокорефлексивных — сосредоточенность (10 и 15% соответственно). Данное явление обусловлено тем,

что средне- и высокорефлексивные студенты чаще переживают состояния, связанные с концентрацией внимания на каких-либо объектах. Состояние предвосхищения – состояние, которое часто встречается в начале занятия, но оно более свойственно студентам с низким (10%) и высоким показателем рефлексии (16%).

В середине занятия лидирующее положение занимает заинтересованность (21%), а также появляются сосредоточенность (15%) и вдумчивость (8%). Состояние заинтересованности продолжает быть наиболее часто переживаемым, интерес сохраняется. Состояние сосредоточенности учащается за счет снижения рассеянности, так как к середине занятия студенты становятся более собранными, сконцентрированными и включенными в работу. В середине занятия состояние заинтересованности так же, как и в начале занятия, характерно для всех студентов, независимо от уровня выраженности рефлексии. Постоянное преобладание данного состояния говорит нам о его выраженной устойчивости, что положительно влияет на учебный процесс. Однако есть некоторые различия в проявлении данного состояния среди студентов с разным уровнем рефлексии, например, самый высокий процент проявлений состояния заинтересованности приходится на низкорефлексивных студентов, тогда как у средне- и высокорефлексивных он ниже.

Также особое место среди часто встречающихся познавательных состояний в середине занятия занимает состояние сосредоточенности. Наибольшее число проявлений обнаружено у высокорефлексивных, что в 1,7 раза больше, чем у низкорефлексивных, и в 1,9 раза больше, чем у среднерефлексивных.

В конце занятия одинаково часто встречаются рефлексия (9%), задумчивость (9%) и заинтересованность (8%). Закономерно на последнем этапе занятия появляется состояние рефлексии, так как полученные данные систематизируются, выстраиваются в логическую цепочку, происходит осознание пройденного материала. Аналогично и состояние задумчивости говорит о погружении студентов в свои мысли. В конце занятия состояние заинтересованности остается актуальным, однако оно связано с получением результата, выводов по пройденному материалу. Для окончания занятия состояние рефлексии является наиболее типичным, однако низкорефлексивные студенты (42%) испытывают данное состояние чаще, чем среднерефлексивные (30%) и высокорефлексивные (17%).

Если для низкорефлексивных студентов преобладающим состоянием в конце занятия является рефлексия, то для среднерефлексивных – это состояния задумчивости (65%) и скуки (51%) (для сравнения состояние задумчивости у низкорефлексивных 35%, у высокоре-

флексивных оно полностью отсутствует; в свою очередь, состояние скуки у низкореклексивных – 28%, у высокореклексивных – 21%). Для высокореклексивных студентов наиболее часто проявляющимся состоянием стало размышление (50%), тогда как у низкореклексивных оно составило 23%, у среднереклексивных – 27%. Состояние невосприимчивости представлено только в конце занятия и только в группе высокореклексивных студентов (10%).

Таким образом, независимо от вида рефлексии и уровневой ее выраженности преобладающим познавательным состоянием у студентов в начале и середине учебного занятия является состояние заинтересованности. В конце занятия наблюдается более широкая палитра переживаемых состояний: от скуки до заинтересованности. Для высокореклексивных типичным состоянием в начале занятия выступает предвосхищение, в середине – сосредоточенность, а в конце – состояние размышления.

Литература

- Карпов А. В., Скитяева И. М.* Психология метакогнитивных процессов личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 105–112.
- Левитов Н. Д.* О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964.
- Леонтьев Д. А., Лантева Е. М., Осин Е. Н., Салихова А. Ж.* Разработка методики дифференциальной диагностики рефлексивности // Рефлексивные процессы и управление: Сборник материалов VII Международного Симпозиума. Москва, 15–16 октября 2009 г. / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2009. С. 145–150.
- Прохоров А. О., Чернов А. В., Юсупов М. Г.* Структурно-функциональная организация интеллектуальных состояний // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153. Кн. 5. С. 51–61.
- Прохоров А. О., Юсупов М. Г.* Познавательные состояния в контексте интеллектуальной активности студентов // Ученые записки Казанского университета. 2014. Т. 156. Кн. 6. С. 236–244.
- Чернов А. В.* Влияние рефлексии на психические состояния (на примере учебной деятельности студентов): Дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2013.
- Чернов А. В., Юсупов М. Г.* Психология метапознания: теоретические и прикладные аспекты: Учеб. пособие. Казань: Отечество, 2015.
- Юсупов М. Г.* Взаимодействие психических состояний и когнитивных процессов в ходе учебной деятельности студентов. Дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2009.

Valiullina M. E., Chernov A. V. Study motivation, reflection, emotional and cognitive states in the perception of training situation // National academy of managerial staff of culture and arts herald. 2017. № 4 (2). P. 260–264.

Influence of reflection on the dynamics of students' cognitive states

A. V. Chernov (Kazan)

Candidate of Psychological Sciences, Kazan Federal University

The article presents the results of cognitive states study in the dynamics of the learning process. Theoretically substantiated the practical significance of the study the role of reflection in the determination of cognitive states. In this work used both the most famous and original techniques for diagnosing reflection and cognitive mental states. Typical states experienced by students in the beginning, middle and the end of the training session are shown. The most typical regularities of experienced states of students with different levels of reflectivity are revealed: the state of interest can be a pass-through state experienced by students, regardless of the level of reflectivity. Specificity of experienced cognitive states depending on the level of students' reflectivity in the dynamics of the learning process is established: for highly reflective students a typical state at the beginning of an activity is anticipation, in the middle – concentration and in the end – the state of thinking.

Keywords: cognitive states, reflection, dynamics, educational process, student.

Кросс-культурное исследование волевой самооценки личности

В. Н. Шляпников (Москва)

*кандидат психологических наук, Московский институт психоанализа;
e-mail: shlyapnikov.vladimir@gmail.com*

В статье представлены результаты кросс-культурного сравнения особенностей волевой самооценки в десяти этнических группах (русские, евреи, армяне, татары, башкиры, марийцы, осетины, украинцы, белорусы, таджики). Для диагностики волевой самооценки использовалась формализованная модификация методики Дембо-Рубинштейн. Показано наличие значимых различий между группами по следующим волевым качествам: ответственный, дисциплинированный, целеустремленный, принципиальный, обязательный, настойчивый, решительный, волевой, инициативный, выдержанный, самостоятельный, энергичный, терпеливый, упорный, смелый, спокойный, деловитый, уверенный, организованный, внимательный (уровень значимости $p < 0,001$). Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о наличии различий волевой самооценки у представителей разных этнических групп.

Ключевые слова: воля, волевая регуляция, волевые качества, самооценка, кросс-культурный подход, этнос.

Несмотря на свою долгую историю, проблема воли остается одной из наименее изученных областей в современной психологии (Иванников и др., 2014; Шляпников, 2009). Одной из главных причин такого положения дел можно считать отсутствие единого методологического и методического подхода к исследованию волевой регуляции (Шляпников, 2011). Решить эту проблему позволяет культурно-ис-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-013-01108.

торический и деятельностный подходы в психологии, рассматривающие волю как одну из «форм (способов) произвольной регуляции, которая состоит в овладении человеком собственным поведением и психическими процессами для решения задач, которые личность принимает как свои собственные в соответствии со своими ценностно-смысловыми установками» (Иванников, Шляпников, 2012, с. 113). В рамках данного подхода воля рассматривается как высшая психическая функция, которая имеет социальную природу и является продуктом общественно-исторического развития человечества. В связи с этим одним из перспективных направлений исследования волевой регуляции становится кросс-культурный подход.

Исходя из представлений о волевой регуляции как высшей психической функции, можно выдвинуть *гипотезу* о наличии различий показателей волевой регуляции, в частности, волевой самооценки, у представителей разных этнических групп.

Таким образом, *целью* исследования было сравнение особенностей волевой самооценки у представителей различных этнических групп.

Процедура и методы исследования

Для диагностики волевой самооценки респондентов использовалась формализованная модификация методики самооценки (СО) Дембо-Рубинштейн в адаптации В. А. Иванникова, Е. В. Эйдмана (1990).

Для проверки выдвинутой гипотезы был проведен сравнительный анализ самооценок волевой регуляции у представителей 10 этнических групп, проживающих на территории РФ и бывшего СССР (русские – 100 чел., евреи – 99 чел., армяне – 150 чел., татары – 101 чел., башкиры – 100 чел., марийцы – 100 чел., осетины – 102 чел., украинцы – 103 чел., белорусы – 100 чел., таджики – 96 чел.). Все группы, за исключением (белорусов и таджиков) были уравнены по полу и возрасту (от 20 до 24 лет) и состояли из студентов, проживающих в крупных городах в местах исконного поселения этноса (за исключением армян и евреев).

Основным критерием отбора для участия в исследовании было наличие у респондентов выраженной позитивной этнической идентичности, что выявлялось в ходе предварительной беседы. Также обязательным условием участия в исследовании для украинцев, белорусов и таджиков было свободное владение русским языком.

Результаты и их обсуждение

Результаты теста Краскела–Уоллиса показали наличие значимых различий между группами по следующим волевым качествам: ответст-

венный ($\chi^2(10)=216,22$, $p<0,001$), дисциплинированный ($\chi^2(10)=41,56$, $p<0,001$), целеустремленный ($\chi^2(10)=79,72$, $p<0,001$), принципиальный ($\chi^2(10)=90,6$, $p<0,001$), обязательный ($\chi^2(10)=61,88$, $p<0,001$), настойчивый ($\chi^2(10)=78,44$, $p<0,001$), решительный ($\chi^2(10)=101,01$, $p<0,001$), волевой ($\chi^2(10)=57,37$, $p<0,001$), инициативный ($\chi^2(10)=78,68$, $p<0,001$), выдержанный ($\chi^2(10)=56,09$, $p<0,001$), самостоятельный ($\chi^2(10)=171,98$, $p<0,001$), энергичный ($\chi^2(10)=51,04$, $p<0,001$), терпеливый ($\chi^2(10)=57,24$, $p<0,001$), упорный ($\chi^2(10)=73,63$, $p<0,001$), смелый ($\chi^2(10)=96,15$, $p<0,001$), спокойный ($\chi^2(10)=77,46$, $p<0,001$), деловитый ($\chi^2(10)=33,22$, $p<0,001$), уверенный ($\chi^2(10)=106,28$, $p<0,001$), организованный ($\chi^2(10)=37,61$, $p<0,001$), внимательный ($\chi^2(10)=87,23$, $p<0,001$).

Русские. В среднем в этой группе наблюдается один из самых низких уровней волевой самооценки. По сравнению с другими группами, у русских наблюдаются самые низкие оценки по качествам: *дисциплинированный, настойчивый, волевой, инициативный, выдержанный, терпеливый, упорный, спокойный, деловитый, уверенный, организованный, внимательный*, что хорошо согласуется с низкими показателями по методикам «Шкала контроля действием» (Ю. Куль) и «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» в данной группе (Шляпников, 2016). Если говорить о профиле волевой самооценки, то в группе русских по форме он похож на усредненный групповой профиль. На нем наблюдаются пики по таким качествам, как: *ответственный, целеустремленный, самостоятельный*, и провалы по таким качествам, как: *спокойный, деловитый*, а также *настойчивый, волевой и инициативный*.

Евреи. В среднем в этой группе, так же как и в группе русских, наблюдается один из самых низких уровней показателей волевой самооценки. По сравнению с другими группами, у евреев наблюдаются самые низкие оценки по качествам: *ответственный, дисциплинированный, целеустремленный, принципиальный, упорный, организованный, самостоятельный, энергичный, смелый*. С одной стороны, эти данные хорошо согласуются с низкими показателями по методике «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» в данной группе. С другой стороны, они плохо согласуются с данными по методике «Шкала контроля за действием» (Ю. Куля), по которой в группе евреев наблюдаются самые высокие показатели (Шляпников, 2016). Профиль волевой самооценки в группе евреев сильно отличается от усредненного группового профиля. В целом он имеет более сглаженную форму. По сравнению с другими группами, пики и провалы здесь выражены меньше. Пики наблюдаются по таким качествам, как: *дисциплини-*

рованный, обязательный, решительный, волевой, выдержанный, а провалы – ответственный и принципиальный.

Армяне. В группе армян наблюдается средний уровень волевой самооценки. Это более-менее согласуется с относительно невысокими показателями по методикам «Шкала контроля действием» (Ю. Куль) и «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» в данной группе (Шляпников, 2016). Профиль волевой самооценки в группе армян по форме во многом похож на профиль в группе русских. Пики наблюдаются по таким качествам, как: *ответственный, целеустремленный, самостоятельный*, а провалы – *спокойный, деловитый, настойчивый*, а также *смелый, выдержанный, терпеливый, решительный*.

Татары. В группе татар в среднем мы наблюдаем высокий уровень волевой самооценки. По сравнению с другими группами, у татар наблюдаются самые высокие самооценки по качествам: *целеустремленный, настойчивый, решительный, инициативный, самостоятельный, энергичный, деловитый, уверенный, организованный*. Эти данные хорошо согласуется с высокими показателями по методикам «Шкала контроля действием» (Ю. Куль) и «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» в данной группе (Шляпников, 2016). Профиль волевой самооценки в группе татар по своей форме лишь немного отличается от усредненного группового профиля. Пики наблюдаются по таким качествам, как: *ответственный, целеустремленный, самостоятельный, уверенный*, а провалы – *спокойный, деловитый, смелый*.

Башкиры. В группе башкир мы наблюдаем средний уровень волевой самооценки. По сравнению с другими группами у башкир наблюдаются самые высокие самооценки по качествам: *принципиальный, настойчивый, внимательный, уверенный, организованный*. Эти данные хорошо согласуется с высокими показателями по методикам «Шкала контроля действием» (Ю. Куль) и невысокими значениями показателей по методике «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» в данной группе (Шляпников, 2016). Профиль волевой самооценки в группе башкир и по форме, и по уровню очень напоминает профиль в группе татар. Как и у татар, пики наблюдаются по таким качествам, как: *ответственный, целеустремленный, самостоятельный, уверенный*, а также по качеству *принципиальный*. Провалы, как и у татар, наблюдаются по качествам *спокойный, деловитый, смелый*, а также по качеству *выдержанный*.

Марийцы. В группе марийцев наблюдается относительно низкий уровень показателей волевой самооценки. По сравнению с други-

ми группами, у марийцев наблюдаются самые низкие оценки по качествам: *дисциплинированный, смелый, спокойный, внимательный*. Эти данные хорошо согласуются с низкими показателями по методикам «Шкала контроля действием» (Ю. Куль) и «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» в данной группе (Шляпников, 2016). Профиль волевой самооценки в группе марийцев и по форме, и по уровню напоминает профиль в группе русских. Как и русских, пики наблюдаются по качествам *ответственный, целеустремленный, самостоятельный*, а также по качеству *энергичный*. Провалы наблюдаются по качествам *спокойный, смелый, а также внимательный*.

Осетины. В группе осетин наблюдается относительно высокий уровень волевой самооценки. По сравнению с другими группами, у осетин наблюдаются самые высокие самооценки по качествам: *волевой, организованный, внимательный*. Эти данные не очень хорошо согласуются со средними показателями по методикам «Шкала контроля действием» (Ю. Куль) и «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» в данной группе (Шляпников, 2016). Примечательно, что профиль волевой самооценки в группе осетин больше всего и по форме, и по уровню похож на профиль в группе башкир. Как и у башкир, в данной группе пики наблюдаются по качествам *ответственный, целеустремленный, самостоятельный, уверенный, принципиальный*, а также по качеству *энергичный*. Провалы наблюдаются по качествам *спокойный, деловитый, инициативный, выдержанный*.

Таджики. В группе таджиков в среднем мы наблюдаем высокий уровень волевой самооценки. По сравнению с другими группами, у таджиков наблюдаются самые высокие самооценки по качествам: *выдержанный, терпеливый, упорный, спокойный, смелый, организованный*. Эти данные хорошо согласуются с высокими показателями по методикам «Шкала контроля действием» (Ю. Куль) и «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» в данной группе (Шляпников, 2016). Профиль волевой самооценки в группе таджиков сильно отличается от усредненного группового профиля. Основные пики наблюдаются по таким качествам, как: *терпеливый, самостоятельный, упорный, спокойный, смелый*. Основные провалы в данной группе наблюдаются по качествам *инициативный и деловитый*.

Украинцы. В группе украинцев мы наблюдаем средний уровень волевой самооценки. По сравнению с другими группами у украинцев наблюдаются самые высокие самооценки по трем качествам: *энергичный, организованный, внимательный*, а еще по трем – самые

низкие — *обязательный, решительный, упорный*. В целом эти данные более-менее согласуются со средними значениями показателей методики «Шкала контроля действием» (Ю. Куль) и высокими значениями показателей методики «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» в данной группе (Шляпников, 2016). Профиль волевой самооценки в группе украинцев по форме похож на усредненный групповой профиль. Пики наблюдаются по таким качествам, как *самостоятельный и дисциплинированный*, а также *энергичный*. Провалы наблюдаются по таким качествам, как *деловитый, инициативный, решительный*.

Белорусы. В группе белорусов мы наблюдаем средний уровень волевой самооценки. По сравнению с другими группами у белорусов наблюдаются самые высокие самооценки по качествам: *ответственный, дисциплинированный, обязательный, самостоятельный, внимательный*, а еще по двум — самые низкие — *решительный, смелый*. В целом эти данные хорошо согласуются со средними значениями показателей методики «Шкала контроля действием» (Ю. Куль) и высокими значениями показателей методики «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» в данной группе (Шляпников, 2016). Профиль волевой самооценки в группе белорусов и по форме, и по уровню напоминает профиль в группе украинцев. Как и в группе украинцев, пики наблюдаются по таким качествам, как *самостоятельный, дисциплинированный*, а также по качествам *ответственный и обязательный*. Провалы, как и в группе украинцев, наблюдаются по таким качествам, как: *деловитый, решительный*, а также по качествам *смелый и уверенный*.

Общее обсуждение

Основываясь на полученных результатах, можно заключить, что выдвинутая гипотеза подтвердилась. Самооценка волевых качеств в сравниваемых этнических группах различается как количественно — по уровню значений, так и качественно — по структуре профилей волевой самооценки. Чем же можно объяснить обнаруженные различия?

Во-первых, они могут быть связаны с различными требованиями к тем или иным волевым качествам, предъявляемыми к подрастающему поколению в процессе социализации в рамках национальной культуры. Эти требования могут быть обусловлены традиционным образом жизни и видами деятельности и зафиксированы в культурно-историческом опыте народа в форме традиционных ценностей,

мотивов, идеалов, культурных образцов и эталонов поведения, социотипических способов действия и т. д.

Во-вторых, представители разных национальных культур могут использовать разные культурные образцы, эталоны и критерии для сравнения и оценки своих волевых качеств. Поведение, которое в рамках одной культурной общности может рассматриваться как волевое, в другой культуре может оцениваться как безвольное.

В-третьих, различия в самооценках волевых качеств могут быть обусловлены этнокультурными особенностями содержания этих качеств. Не секрет, что большинство волевых качеств — это понятия, заимствованные научной психологией из обыденного сознания, значение которых могут в той или иной мере варьироваться в зависимости от социокультурного контекста.

В целом национальная культура как комплексный феномен может оказывать многогранное влияние на формирование волевой самооценки личности, поэтому все предложенные нами объяснения в равной степени вероятны и могут дополнять друг друга. Традиционный образ жизни через набор традиционных ценностей, идеалов, образцов, эталонов, способов воспитания подрастающего поколения может стать одним из ключевых источников развития волевой регуляции личности, что подтверждается обнаруженными нами кросс-культурными различиями в самооценках волевых качеств.

Выводы

Таким образом, полученные нами результаты подтверждают выдвинутую нами гипотезу о наличии различий волевой самооценки у представителей разных этнокультурных групп. В целом эти различия хорошо согласуются с данными других методик и отражают величину культурной дистанции между группами. Эти данные позволяют говорить о социокультурной обусловленности волевой самооценки и волевой регуляции, а также намечают пути дальнейших исследований социокультурных механизмов формирования воли.

Литература

- Иванников В. А., Барабанов Д. Д., Монроз А. В., Шляпников В. Н., Эйдман Е. В.* Место понятия «воля» в современной психологии // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 15–23.
- Иванников В. А., Шляпников В. Н.* Воля как продукт общественно-исторического развития человечества // Психологический журнал. Т. 33. № 3. 2012. С. 111–121.

- Иванников В. А., Эйдман Е. В.* Структура волевых качеств по данным самооценки // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 3. С. 39–49.
- Шляпников В. Н.* Исследования волевой регуляции в современной зарубежной психологии // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 54–63.
- Шляпников В. Н.* Экспериментальная психология воли // Современная экспериментальная психология. В 2 т. / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. Т. 2. С. 313–325.
- Шляпников В. Н.* Кросс-культурное сравнение особенностей волевой регуляции // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 868–874.

Cross-cultural study of volitional self-appraisals of personality

V. N. Shlyapnikov (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Moscow Institute of Psychoanalysis

The article presents the results of a cross-cultural study of volitional self-appraisals in ten ethnic groups (Russians, Jews, Armenians, Tatars, Bashkirs, Mari, Ossetians, Ukrainians, Byelorussians, Tajiks). For the diagnosis of volitional self-appraisals, a formalized modification of the Dembo-Rubinstein method was used. There are significant differences between the groups according to the following volitional qualities: responsible, disciplined, purposeful, principled, obligatory, persevering, determined, strong-willed, initiative, self-sustained, independent, energetic, patient, persistent, bold, calm, efficient, confident, organized, attentive (significance level $p < 0,001$). The obtained results confirm the hypothesis about the existence of differences in volitional self-appraisals in representatives of different ethnic groups.

Keywords: volition, will, volitional regulation, volitional qualities, self-appraisals, cross-cultural approach, ethnos.

Раздел XVI

ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОМ МИРЕ: КИБЕРПСИХОЛОГИЯ И ОТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ К НОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

Интернет как пространство киберсоциализации поколения X

Р. М. Айсина (Москва)

кандидат психологических наук, доцент, Московский государственный психолого-педагогический университет; e-mail: reiner@bk.ru

В статье обсуждается проблема цифровой компетентности и включенности в электронную коммуникацию одного из трех поколений современных интернет-пользователей – поколения X. Приводятся отличительные характеристики данной поколенческой группы, обусловленные уникальным опытом личностного развития ее представителей, которое происходило в период перехода от эпохи до-Интернета к современной инфокоммуникационной реальности. Представлены результаты онлайн-опроса, проведенного с помощью авторской анкеты «Траектории киберсоциализации личности» на выборке из 139 респондентов поколения X (людей в возрасте 39–52 года). Выявлено, что представители этого поколения активно используют различные ресурсы киберпространства как площадку для профессионального позиционирования, деловых контактов, а также как средство для общения по интересам, саморазвития и творческой самореализации. Намечены перспективы дальнейших исследований в данной проблемной области, к которым, прежде всего, относится сравнительный анализ траекторий киберсоциализации поколений X, Y и Z.

Ключевые слова: теория поколений, поколение X, киберсоциализация, социальная сеть, интернет-коммуникация, электронная дружба.

Постановка проблемы

Современная социокультурная реальность характеризуется уникальной ситуацией, которая не была возможна в предшествующие исторические эпохи: в ней одновременно сосуществуют несколько поколений людей, отличающихся друг от друга не только возрас-

том и определенным набором интересов и ценностных приоритетов, но и степени вовлеченности в цифровое пространство – киберпространство, а также вариантами адаптации к чрезвычайно высоким скоростям развития информационно-коммуникационных технологий.

В соответствии с теорией поколений У. Штраусса и Н. Хоува, которая получает все большее распространение в междисциплинарном научном дискурсе, на сегодняшний день активными «игроками» в пространстве цифрового мира являются три поколения (Strauss, Howe, 1991):

- 1) поколение X – люди, родившиеся в период с 1965 по 1982 г.;
- 2) поколение Y, включающее молодых людей, даты рождения которых варьируют в диапазоне от 1983 до 2000–2003 гг.;
- 3) поколение Z – это поколение современных детей и подростков, родившихся уже в XXI в. (начиная с 2004 г. и позже).

Каждое из представленных поколений по-разному воспринимает цифровую реальность и имеет специфику взаимодействия с ней (Шамис, Никонов, 2016; Шестакова, 2017). Другими словами, пользователи поколений X, Y и Z характеризуются различиями в вариантах киберсоциализации личности. Мы понимаем киберсоциализацию как *совокупность феноменов, связанных с приобщением человека к культуре электронной коммуникации, а также к ценностям, нормам и правилам, определяющим специфику общения в киберпространстве.*

Киберсоциализация – процесс, в который современный человек включен на протяжении всей своей жизни, так как правила и стратегии поведения в интернет-среде не являются незывлемыми, устоявшимися. Напротив, они динамичны, опосредованы появлением новых технологий и связанных с ними возможностей, новых ресурсов и новых киберугроз. Реалии цифровой эпохи требуют постоянного повышения цифровой компетентности от людей любого возраста, так как именно ее высокий уровень во многом определяет сегодня успешность жизнедеятельности (Айсина, 2017; Delaney, Madigan, 2017).

Представители поколения X обладают опытом, недоступным для двух других поколенческих групп: в их бэкграунде есть жизнь, в которой кибертехнологии являлись, большей частью, элементом научно-фантастических сюжетов, а не повседневной действительности, тогда как их настоящее неразрывно связано с цифровой эпохой и процессами виртуализации жизненного пространства. Определяя ключевые характеристики поколения X, социальный философ И. Г. Шестакова подчеркивает, что «по их жизни рикошетом ударили все потрясения новой реальности, заставившей не просто про-

гибаться, а коренным образом перестраиваться весь фундамент бытия человека». Тем не менее, отмечает автор, многие представители поколения X достойно приняли этот вызов и стали активно применять информационные технологии и ресурсы киберпространства в своей профессиональной и частной жизни (Шестакова, 2017, с. 50).

Долгое время достаточно распространенным было мнение о том, что такая форма интернет-общения, как аватар-опосредованная коммуникация в виртуальных мирах, наиболее популярна среди молодых пользователей, а пользователи старше 40 лет менее склонны к такого рода времяпрепровождению. В последние годы появляются данные, опровергающие это предположение. Так, например, Т. Дилани и Т. Мадиган приводят следующие интересные факты: среди резидентов виртуального мира SecondLife много взрослых пользователей, перешагнувших 40-летний и даже 50-летний рубеж (Delaney, Madigan, 2017). Похожие данные приводит С. А. Белозеров, анализируя исследования зарубежных авторов относительно половозрастного состава участников многопользовательской сетевой игры WoW (World of Warcraft): возраст около 27% женщин и 14% мужчин превышает 35 лет; при этом каждый второй пользователь состоит в зарегистрированном или гражданском браке, а каждый четвертый — является родителем (Белозеров, 2015). Но несмотря на наличие отдельных работ, в которых отмечается активность пользователей среднего возраста в освоении цифровых технологий, на сегодняшний день интерес исследователей преимущественно сосредоточен на поколениях Y и Z. Именно применительно к ним изучается проблематика виртуальных социальных коммуникаций, позитивные и негативные эффекты взаимодействия пользователей в интернет-среде, тогда как феноменология процессов киберсоциализации поколения X в основном остается за рамками научного анализа.

Организация и методика исследования

Цель настоящего исследования состояла в определении специфики процессов киберсоциализации поколения X. Для ее реализации мы провели анкетирование российских представителей данной поколенческой группы с помощью разработанной нами анкеты «Траектории киберсоциализации личности». Анкетирование осуществлялось анонимно и на добровольной основе с помощью онлайн-сервиса Google Forms.

Выборку составили 139 респондентов в возрасте от 39 до 52 лет ($M=44,35$, $\sigma=3,20$), из них 53% (73 чел.) мужчин и 47% (66 чел.) женщин. Все респонденты имели высшее образование, актуальный статус

работающего профессионала и на момент исследования проходили обучение на программах повышения квалификации или профессиональной переподготовки по различным специальностям в вузах и образовательных центрах г. Москвы.

Результаты исследования

Результаты анкетирования показали, что значительная часть респондентов является активными интернет-пользователями: 81% опрошенных ежедневно проводят в Интернете от 1 до 3 часов, 15% – 4–6 часов, 4% – от получаса до одного часа. При этом варианты ответов, свидетельствующие как о фрагментарном использовании сетевых ресурсов (10–20 минут в день), так и об избыточном присутствии в киберпространстве (7 и более часов в день) не выбрал никто из респондентов. Ответы участников анкетирования на вопрос о том, в каком количестве соцсетей, независимо от их типа, они зарегистрированы, распределились следующим образом. Около трети респондентов – 35% – ответили, что они зарегистрированы в 2 соцсетях; почти такое же количество опрошенных – 31% – сообщили, что являются зарегистрированными пользователями 3 соцсетей; 26% респондентов выбрали вариант ответа, согласно которому они зарегистрированы только в одной соцсети; 8% респондентов указали, что зарегистрированы в 4 и более соцсетях. Вариант ответа «не зарегистрирован ни в одной из соцсетей» не выбрал ни один из опрошенных.

Отвечая на вопрос о том, сколько раз они обычно заглядывают на свою страницу/страницы в соцсетях, более половины респондентов – 52% – выбрали вариант «2–3 раза в неделю». Следующими по популярности оказались ответы «один раз в день» и «несколько раз в день»: их указали 27 и 14% участников анкетирования соответственно. Остальные 7% респондентов выбрали ответ «один раз в неделю или реже». Вариант ответа «один раз в месяц или реже» оказался невостребованным среди опрошенных. Включенность пользователей поколения X в интернет-коммуникацию подтвердилась и распределением ответов анкетлируемых на вопрос о том, насколько часто они вступают в процесс активного общения в социальных сетях (публикуют сообщения, комментируют посты других участников, ставят лайки, делают репосты и т. п.). Большинство участников опроса – 62% – выбрали вариант ответа «раз в неделю или реже», 17% респондентов ответили, что делают это «2–3 раза в неделю», 14% опрошенных выбрали вариант ответа «раз в месяц или реже». Наименее распространенными оказались ответы «ежедневно» и «никогда» – их выбрали 5% и 2% респондентов соответственно.

Кроме того, результаты анкетирования показали, что многие респонденты зарегистрированы на различных интернет-форумах — 56% опрошенных. При этом 29% респондентов отметили, что активно участвуют в обсуждениях, открывая собственные темы или включаясь в темы, открытые ранее другими участниками. Некоторые из опрошенных — 10% — указали, что ведут в настоящее время или вели ранее блог на каком-либо интернет-ресурсе. Трое участников ответили, что имеют опыт ведения видеоблога или интернет-канала. Часть респондентов — 6%, пока не имеющих практики блогера, отметили, что планируют попробовать себя в этом качестве в ближайшее время.

Об активности онлайн-общения представителей поколения X свидетельствуют их ответы о количестве друзей в соцсетях (*если пользователь сообщил о регистрации в нескольких соцсетях, ему было предложено выбрать вариант, подходящий для той соцсети, в которой численность его друзей является максимальной*). Около трети опрошенных — 34% — указали, что у них от 26 до 50 «электронных» друзей, 27% респондентов выбрали вариант ответа «11–25 друзей», 23% — «51–100 друзей», 12% участников анкетирования ответили, что у них более 100 сетевых друзей, и только 4% респондентов выбрали ответ, согласно которому у них менее 10 друзей в соцсетях.

Интересными оказались ответы участников анкетирования на открытый вопрос «Для чего вам нужны друзья в соцсетях (*можно было указать несколько причин в свободной форме*)»? Обобщая и содержательно анализируя ответы респондентов, мы смогли выделить следующие наиболее распространенные варианты. Основной смысл большей части ответов — 67% респондентов — состоит в том, что их друзьями в соцсетях становятся люди, с которыми они знакомы или дружат в реальной жизни, а общение с в онлайн-формате помогает им обмениваться интересной информацией, делиться мнениями, поддерживать друг друга в случаях, когда на оффлайн-общение нет времени и/или возможности. В частности, многие респонденты подчеркнули ценность «дружбы-онлайн» для общения с друзьями и близкими, которые живут в другом городе/стране, уезжают в длительные командировки и т. п.

Следующими по частоте стали ответы, связанные с потребностью в поиске людей, с которыми можно разделить свои интересы, увлечения и/или создать новые отношения. В той или иной форме ответы такого содержания дали 32% респондентов, причем многие из них подчеркнули, что новые контакты и отношения можно будет впоследствии перенести в «живое» общение за пределами интернет-среды. Еще одну группу ответов участников анкетирования

объединяет тема профессиональной коммуникации и/или рекламы своих услуг, привлечения потенциальных клиентов: так или иначе она звучит в высказываниях 17% респондентов, рассматривающих друзей в соцсетях в качестве полезных контактов для решения задач построения карьеры и/или расширения клиентской базы.

Наконец, наиболее важными в психологическом плане являются, на наш взгляд, ответы респондентов на вопрос об их мотивах использования ресурсов киберпространства (*из предложенных вариантов можно было выбрать 2–3 ответа*). Наиболее востребованным оказался вариант «планирование досуга/отпуска, поиск путевок, отелей, билетов и т.д.» — его выбрали 67% респондентов. Следующими по популярности оказались ответы «профессиональное общение и деловые контакты», «обучение и саморазвитие» и «общение с людьми, разделяющими мои интересы», — 53, 50 и 41% респондентов соответственно. У меньшего, но при этом довольно значительного количества опрошенных пользуются спросом такие возможности интернет-пространства, как «развлечение, проведение досуга (участие в компьютерных играх разного типа и содержания, просмотр фильмов, клипов, прослушивание музыки онлайн и т.п.)», — такой вариант указали 32% респондентов; «возможность получить информацию медицинского характера (симптомы возможных заболеваний, возможные методы лечения, поиск лекарств и соответствующих специалистов в области здоровья)» — данный вариант выбрали 27% респондентов; «возможность найти партнера для романтических и/или сексуальных отношений» — его отметили 13% опрошенных; «возможность представлять и продвигать свои творческие проекты» — такой вариант указали 9% респондентов.

Заключение

Таким образом, результаты анкетирования показывают, что респонденты интересующей нас возрастной группы — поколения X — весьма компетентны в использовании ресурсов киберпространства, активно общаются в социальных сетях, используя их и как площадку для профессионального позиционирования, деловых контактов, и как средство для планирования и проведения досуга, дружеского общения, творческой самореализации. Вместе с тем отметим, что проведенное исследование является пилотажным, а объем выборки — небольшим. Кроме того, все его участники имеют высшее образование, статус работающего профессионала и наряду с этим продолжают профессиональное обучение. Другими словами, выборка включает только социально адаптированных индивидов, ко-

торые ориентированы на дальнейшее саморазвитие и активную самореализацию, а представители поколения X с более низким образовательным уровнем и/или находящиеся в данный период своей жизни в неблагоприятной социальной ситуации (например, безработица), в ней отсутствуют.

Для получения более полных и точных характеристик процесса киберсоциализации поколения X необходимо проведение исследования на расширенной выборке респондентов соответствующего возраста, а также сравнительного анализа траекторий и вариантов социализации в киберпространстве пользователей различных поколений: X, Y и Z. Отдельного внимания требует, на наш взгляд, проблематика межпоколенных различий в понимании возможностей и ограничений электронной дружбы, использования дейтинг-сервисов и других специализированных киберресурсов, объединяющих пользователей по тем или иным интересам. В качестве первого шага к решению этих задач мы планируем доработку нашей анкеты и ее трансформацию в тест-опросник с проведением соответствующих данному формату диагностического инструмента процедур валидации и получения тестовых норм.

Литература

- Айсина Р. М.* Основные направления позитивной киберсоциализации молодежи в условия социокультурного пространства современности // Психологическая поддержка подростков и молодежи в трудных жизненных и кризисных обстоятельствах: XXI век. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 85-летию юбилею ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» / Под ред. З. С. Акбиевой, З. М. Гаджимурадовой. Махачкала: Цифра, 2017. С. 15–20.
- Белозеров С. А.* Виртуальные миры MMORPG. Ч. 1. Определение, описание, классификация // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 1. С. 54–70.
- Шамис Е., Никонов Е.* Теория поколений: необыкновенный Икс. М.: Университет «Синергия», 2016.
- Шестакова И. Г.* Живые свидетели эры до-интернета // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 1. С. 47–51.
- Delaney T., Madigan T.* Friendship and Happiness: And the Connection Between the Two. Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, Inc., Publishers, 2017.
- Strauss W., Howe N.* Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. N. Y.: William Morrow & Company, 1991.

Internet as a space of gen xers' cyber socialization

R. M. Aysina (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Moscow State University of Psychology & Education

In the paper digital competence and online activities of generation X Internet users are discussed. It is shown that Gen Xers had the unique experience of personal development. They were children and adolescents at the pre-Internet era, but they interact with information and the online environment in their midlife years. An online survey of 139 people aged 39 to 52 years was conducted using the author's questionnaire "Cyber socialization trajectories". The results suggest that Gen Xers use various digital tools for professional positioning and supporting business contacts. Our findings also indicate that Gen Xers use networking services as means to connect with like-minded individuals in the cyberspace, realize their true potential and capacities. Further perspectives of research in this sphere are defined. First of all, it is a comparative study of generations X, Y and Z cyber socialization trajectories.

Keywords: generational theory, generation X, cyber socialization, networking services, social network, internet-based communication, electronic friendships.

Особенности восприятия сложного визуального паттерна в маркетинговых веб-коммуникациях

И. Ю. Александрова (Москва)

*кандидат психологических наук, доцент, Государственный университет
управления; e-mail: alexandrova27@yandex.ru*

Проводится анализ психологической специфики маркетинговых веб-коммуникаций. Рассматривается роль психолога в человеко-ориентированном проектировании интерактивных систем. Анализируется понятие «коммуникативная эффективность веб-коммуникационного процесса» и предлагается эмпирический индикатор ее диагностики. Описываются результаты проведенного автором исследования особенностей восприятия сложного визуального паттерна в маркетинговых веб-коммуникациях, в рамках которого были решены следующие исследовательские задачи: выявление базовых психологических эффектов визуального восприятия сложного визуального паттерна; анализ их влияния на психологическую эффективность веб-коммуникаций; анализ способов достижения выявленных психологических эффектов посредством инструментов графического дизайна; эмпирическое исследование особенностей восприятия потребителями графических визуализаций пользовательских интерфейсов в маркетинговых веб-коммуникациях.

Ключевые слова: восприятие, сложный визуальный паттерн, графическая визуализация пользовательского интерфейса, маркетинговые веб-коммуникации, коммуникативная эффективность.

Веб-коммуникации – это процесс взаимодействия социальных объектов посредством интернет-технологий. В контексте маркетинговых коммуникаций веб-коммуникации представляют собой процесс взаимодействия компании с потребителями посредством компьютерных интерактивных систем с целью формирования спроса на определенную продукцию, стимулирования ее сбыта, а также совершения не-

посредственной торговой сделки. В отличие от классических форм маркетинговых коммуникаций веб-коммуникация дает возможность реализовать так называемый «онлайн» эффект, позволяя потенциальному потребителю в актуальном коммуникативном интернет-пространстве не только получать вербальную и визуальную информацию о товаре, но и вести самостоятельный информационный поиск, изучать товар, сравнивать его с существующими аналогами, получать уточняющую информацию, обсуждать достоинства и недостатки товара в контактных группах, формировать заказ, совершать покупку. Таким образом, интерактивный формат веб-коммуникаций вносит существенный вклад в трансформацию традиционной модели односторонней маркетинговой коммуникации в двухстороннюю, в которой потребитель из пассивного реципиента (информационного приемника) превращается в активного субъекта маркетингового взаимодействия.

Маркетинговые веб-коммуникации представляют собой сложную динамическую систему, в разработке которой принимают участие специалисты различной профессиональной направленности. Одним из таких специалистов является психолог, в обязанности которого входит обеспечение высокого уровня коммуникативной, т. е. психологической, эффективности процесса взаимодействия компании с потребителем в интернет-пространстве. Осознание значимости психологической составляющей интерактивной коммуникации нашло свое отражение во введении в практику разработки веб-коммуникаций принципов человеко-ориентированного проектирования, представленных в национальном стандарте Российской Федерации «Эргономика взаимодействия человек-система. Часть 210. Человекоориентированное проектирование интерактивных систем» (ГОСТ Р ИСО 9241-210-2012.2013). Данный стандарт разработан с целью оптимизации коммуникативной эффективности взаимодействия «человек—система» с акцентом на человеческом факторе.

На эмпирическом уровне обобщенным индикатором коммуникативной эффективности выступает показатель психологической удовлетворенности потребителя от веб-коммуникативного процесса. Однако удовлетворенность является сложным психологическим состоянием человека, которое формируется в результате актуализации и синергетического действия ряда локальных психологических эффектов. Эти эффекты, детерминирующие высокий уровень психологической эффективности коммуникаций, представлены в соответствующих психологических моделях (Александрова, 2017).

Исследуя психологическую проблематику эффективности веб-коммуникаций, мы пришли к выводу о необходимости особого ана-

лиза такого феномена, как восприятие потребителем графической визуализации маркетингового веб-послания. Психологические модели веб-коммуникаций объективируют механизм психологической обработки потребителем преимущественно содержательных аспектов маркетингового послания. Однако вопрос особенностей восприятия визуальной формы этого послания, т. е. перцепции сложного визуального паттерна, является не менее важным в контексте рассмотрения коммуникативной эффективности веб-взаимодействия компании с потребителем.

Понятие паттерн в данном контексте интерпретируется как совокупность сенсорных стимулов, относящихся к определенному классу объектов. Визуальный паттерн представляет собой совокупность зрительных стимулов. В случае веб-коммуникаций в качестве таких паттернов выступают различные визуализации цифровых маркетинговых посланий — их графические «лица». Насыщенность визуального паттерна различными элементами определяет его графическую сложность, которая, в свою очередь, усложняет перцептивный процесс.

В типичной ситуации маркетинговое веб-сообщение (страница сайта, интернет-реклама и т. п.) представляет собой сложный визуальный паттерн, следовательно, для достижения его коммуникативной эффективности разработчику необходимо знание психологических закономерностей восприятия визуальных паттернов. Эти закономерности находят свое отражение в соответствующих принципах графического дизайна (Лауэр, Пентак, 2014). Таким образом, разработка визуализации цифрового маркетингового послания профессиональным веб-дизайнером обеспечивает высокий уровень его коммуникативной эффективности и вносит существенный вклад в эффективность интерфейса.

Проведенное нами исследование особенностей восприятия сложного визуального паттерна в маркетинговых веб-коммуникациях включало в себя следующие этапы: 1) анализ психологической феноменологии принципов графического дизайна с целью выявления базовых психологических эффектов визуального восприятия сложного визуального паттерна; 2) анализ способов достижения выявленных психологических эффектов посредством инструментов графического дизайна; 3) проведение психологической экспертизы различных графических визуализаций интерфейсов (преимущественно графического дизайна страниц сайтов интернет-магазинов) с целью выявления психологических детерминант эффективности веб-коммуникаций; 4) эмпирическое исследование особенностей восприятия потребителями графических визуализаций пользовательских интерфейсов в маркетинговых веб-коммуникациях.

Полученные результаты исследования позволили нам выявить психологические закономерности восприятия сложного визуального паттерна (графических визуализаций маркетинговых веб-посланий) в форме актуализируемых психологических эффектов, выступающих в качестве детерминант психологической эффективности веб-коммуникаций, а также способов их достижения посредством базового инструментария графического дизайна. Рассмотрим результаты исследования подробнее.

Первым и наиболее значимым психологическим эффектом визуального восприятия сложного паттерна в маркетинговых веб-коммуникациях является *системное восприятие элементов паттерна*, т. е. восприятие их как взаимосвязанных, взаимозависимых, согласованных, гармонично сочетающихся друг с другом, что способствует высокой концентрации внимания на объекте, устойчивому вниманию к нему. Данному психологическому эффекту соответствует такой принцип графического дизайна, как целостность, т. е. визуальное единство элементов композиции, их гармоничная сочетаемость по форме, размеру, текстуре, цвету, направлению. Графическими способами достижения композиционной целостности являются сближение, повторение, продолжение. Нарушение реализации принципа приводит к восприятию паттерна как разнородного, дробного, «разваливающегося», как следствие, психологическому напряжению, быстрому снижению концентрации внимания, многофокальности, когнитивной перегрузке, стремлению сгруппировать отдельные элементы в гештальт и, в случае неудачи, прерыванию коммуникации.

Второй выделенный нами психологический эффект визуального восприятия сложного паттерна в маркетинговых веб-коммуникациях — *сенсорная удовлетворенность от визуального баланса паттерна* и, как следствие, ощущение психологического комфорта, устойчивое внимание к объекту. Соответствующий данному эффекту принцип графического дизайна — уравнированность, т. е. сбалансированность элементов композиции, ведущая к состоянию внутреннего покоя. Реализация данного принципа дизайна с необходимостью предполагает соблюдение алгоритма разработки формально уравнированной или неформально уравнированной композиции. Нарушение разработчиком принципа уравнированности приводит к нарушению у зрителя врожденного чувства равновесия, и, как следствие, психологическому напряжению, беспокойству, неудовлетворенности, желанию прервать коммуникацию.

Третьим эффектом визуального восприятия сложного паттерна в маркетинговых веб-коммуникациях является *восприятие количественных характеристик элементов паттерна как соразмерных*,

гармоничных и, как следствие, ощущение психологического комфорта, устойчивое внимание к объекту. Данному эффекту соответствует графический принцип пропорциональности, предполагающий требование соразмерности количественных характеристик элементов композиции. Способами реализации принципа пропорциональности являются: 1) соблюдение оптимальных соотношений размеров композиции (в том числе модульной сетки), соотношений размеров ее отдельных элементов, соотношений размеров пробельных элементов; 2) разработка модульных сеток посредством алгоритмов построения правильных прямоугольников; 3) соблюдение оптимальных пропорций цветовых тонов. В результате нарушения принципа пропорциональности у зрителя возникает психологический дискомфорт, напряжение, чувство беспокойства, неудовлетворенность, желание прервать коммуникацию.

Четвертый психологический эффект визуального восприятия сложного паттерна в маркетинговых веб-коммуникациях — *ощущение упорядоченности элементов паттерна*, как следствие, движение взгляда по визуальному паттерну в соответствии с заданной последовательностью. Этому эффекту соответствует такой принцип графического дизайна, как соподчиненность, т. е. иерархия значимости элементов композиции, определяющая последовательность их восприятия. Для графической реализации принципа соподчиненности необходимо соблюдение психологических закономерностей восприятия иерархий размера, тона, цвета, насыщенности цвета, новизны, повторных элементов; использование скрытых и открытых направляющих в целях создания «пути» для взгляда. В результате нарушения принципа соподчиненности происходит снижение концентрации внимания на объекте; возникает многофокальность, когнитивная перегрузка, нарушается оптимальная траектория движения взгляда, происходит разрыв когнитивного шаблона.

Пятым эффектом визуального восприятия сложного паттерна в маркетинговых веб-коммуникациях является *фокусировка внимания на наиболее значимом визуальном элементе паттерна*. Соответствующий принцип графического дизайна — акцент, т. е. безусловное доминирование одного элемента композиции (в сложных композициях допускается наличие нескольких акцентов). Графическими инструментами создания акцента являются контраст, изоляция, центральное расположение объекта. При этом необходимо соблюдение требования взаимосвязи акцента и другими элементами паттерна, а также, в случае создания нескольких акцентов, необходимо соблюдение их визуальной субординации. Психологическим

результатом нарушения реализации принципа является восприятие паттерна как не имеющего смыслового центра, многофокального.

Результаты проведенного нами эмпирического исследования (опрос в форме структурированного интервью студенческой молодежи в возрасте 17–25 лет (117 чел.)) полностью подтвердили влияние выделенных эффектов восприятия на психологическую эффективность веб-коммуникации, а также дали возможность выявить следующие особенности восприятия данной возрастной группой потребителей маркетинговых веб-посланий. Во-первых, более половины опрошенных (51%), отвечая на вопрос о причинах нарушения психологической удовлетворенности маркетинговым веб-коммуникационным процессом (раздражение, прерывание процесса выбора товара, отказ от покупки), указывали неудовлетворительные графические характеристики пользовательского интерфейса (отметим, что гендерных различий в степени значимости для интернет-пользователей этого параметра мы не обнаружили). Во-вторых, респондентами были названы следующие актуальные для них проблемы графического «лица» интерфейса: 1) избыточность визуальных элементов, их несовместимость, хаотичность, визуальная навязчивость, бесконтрольность появления, вызывающая раздражение (54 упоминания (51% от общего числа замечаний по дизайну интерфейса)); 2) неудобное, непонятное графическое оформление интерфейса (в том числе низкая контрастность, нечитабельность текста, слишком маленький размер визуальных элементов), ведущее к сбоям в навигации, трудностям визуального поиска элемента (52 упоминания (49% от общего числа замечаний по дизайну интерфейса)).

Указанные респондентами коммуникационные шумы представляют собой результат нарушения базовых принципов графического дизайна, что, в свою очередь, приводит к блокированию соответствующих им психологических эффектов восприятия. Важно отметить, что многие из опрошенных указывали на то, что проблемы графических визуализаций сайтов интернет-магазинов не только вызывали у них негативные эмоции, но приводили к прерыванию коммуникации, отказу от покупки. Это доказывает, что подобные ситуации крайне негативно могут сказываться на показателях конверсии.

Из анализа полученных данных становится понятным, почему в некоторых случаях потребитель покидает сайт через доли секунд. Описанные выше негативные психологические процессы, связанные с нарушением закономерностей восприятия сложного визуального паттерна, максимально свернуты во времени и в типичной ситуации неосознаваемы. Поэтому субъективно интернет-пользователь, открыв сайт, может только ощутить негативную эмоцию различно-

го уровня интенсивности и тут же заблокировать коммуникацию. При этом рационализации данного поведенческого акта, вероятнее всего, не произойдет, т. е. потребитель не будет тратить интеллектуальный ресурс на объяснение самому себе, по какой причине он покинул сайт. Именно поэтому традиционные анкетные опросы потребителей, направленные на выявление детерминант психологической эффективности веб-коммуникаций, часто малоинформативны.

Литература

ГОСТ Р ИСО 9241–210–2012 «Эргономика взаимодействия человек–система. Часть 210. Человеко-ориентированное проектирование интерактивных систем» (ISO 9241-210:2010 «Ergonomics of human–system interaction – Part 210: Human-centred design for interactive systems»). М.: Стандартинформ, 2013.

Александрова И. Ю. Анализ социально-психологических моделей рекламной коммуникации // Актуальные проблемы управления – 2017: Материалы 22-й Международной научно-практической конференции. Вып. 1. М.: ИД ГУУ, 2017. С. 142–146.

Лауэр Д., Пентак С. Основы дизайна. СПб.: Питер, 2014.

Peculiarities of perception of complex visual pattern in marketing web-communications

I. Yu. Aleksandrova (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
State University of management

The analysis of psychological specificity of marketing web-communications is carried out. The role of psychologist in human-oriented design of interactive systems is considered. The concept of “communicative efficiency of web-communication process” is analyzed and the empirical indicator of its diagnostics is offered. The article describes the results of the author’s study of the perception of complex visual pattern in marketing web-communications in which the following research tasks were solved: to identify the basic psychological effects of visual perception of complex visual pattern; analysis of their impact on the psychological effectiveness of web-communications; analysis of ways to achieve the identified psychological effects through graphic design tools; empirical study of consumer perception of graphic visualizations of user interfaces in marketing web-communications.

Keywords: perception, visual pattern, a graphic visualization of a user interface, marketing web-communication, communication efficiency.

Гаджет-аддикции в психологическом понимании

В. Л. Бозаджиев (Челябинск)

кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский государственный университет; e-mail: bvl_psy@inbox.ru

Статья посвящена психологическому осмыслению гаджет-аддикции как пристрастия, склонности, пагубной привычки, эмоциональной привязанности к гаджетам – как нормальному состоянию, находящемуся на границе с зависимостью как заболеванием. Рассмотрены различные подходы к пониманию терминов «аддикция» и «зависимость». Подчеркивается отсутствие серьезных психологических исследований гаджет-аддикций. Обосновывается необходимость исследовательской и практической работы психологов по предупреждению гаджет-аддикций в детском возрасте и работе с аддиктами, не допускающей развития у них патологической зависимости от гаджетов.

Ключевые слова: аддикция, аддиктивное поведение, аддикт, зависимость, гаджет, гаджет-аддикция, гаджет-зависимость.

Современный век, насыщенный информационными технологиями, заставляет каждого из нас идти в ногу со временем, приобщаясь к тем достижениям науки и техники, которые так или иначе облегчают нам жизнь – как в условиях профессиональной деятельности, так и в быту. В этом смысле все большую роль в нашей жизни играют компактные, мобильные, многофункциональные электронные устройства – гаджеты. Они экономят наши силы и время, помогая в работе, в межличностных коммуникациях, в организации досуга и пр. Бесспорно, при существующем темпе и ритме жизни без гаджетов обойтись становится все труднее. Вместе с тем мы зачастую забываем, а порой делаем вид, что не замечаем или просто игнорируем то обстоятельство, что при той пользе, которую приносит пользование гаджетами, существуют угрозы и риски, связанные с психическим и физическим здоровьем человека, особенно на ранних

этапах его развития, становления личности. Не случайно поэтому в последние годы психологи, врачи обратились к всевозрастающей тенденции формирования гаджет-аддикций или гаджет-зависимости человека, становящейся все более распространенным явлением, особенно в детские и юношеские годы жизни.

В данной статье мы попытаемся представить анализ этого явления, рассмотреть проблему гаджет-аддикции с психологической точки зрения, полагая этот феномен, скорее, нормой, находящейся на границе с зависимостью как патологией.

Проблема аддикций, аддиктивного поведения стала привлекать пристальное внимание исследователей в 1980-х годах в связи с возрастающей компьютеризацией. Появились первые исследования проблемы патологического использования Интернета. Предполагается, что родоначальниками здесь выступили американские ученые К. Янг и И. Гольдберг. В отечественной науке термины «аддикция» и «зависимость» появились в начале 1990-х годов.

Анализ литературы показывает, что в понимании аддикции возникла терминологическая путаница как в зарубежной, так и отечественной психологии. Как правило, понятие «аддикция» часто соотносится с понятием «зависимость» — то отождествляется с ним, то противопоставляется ему, причем и в первом, и во втором случае такие соотношения относят то к норме, то к патологии.

Начнем с того, что сегодня целый ряд авторов рассматривают аддикцию и зависимость как синонимы и трактуют их как пристрастие, склонность к чему-либо, пагубную привычку, эмоциональную привязанность, как состояние, присущее любому человеку.

А. Е. Войскунский отмечает, что зависимость, как и аддикция, принадлежат к числу относительно новых для отечественной науки терминов. В условиях терминологической разногласности одни авторы понимают аддикцию как заболевание, а зависимость как сопутствующие формы поведения, другие придерживаются противоположного мнения, третьи не различают данные термины. Сегодня и в бытовой речи, и в научных сочинениях постоянно упоминаются «телемания», интернет-зависимость, трудовоголизм, увлеченное коллекционирование, страсть к азартным играм, беспрестанные разговоры по телефону и проч. Наверное, почти любое человеческое увлечение, предполагает автор, в своих крайних формах дает основание говорить о развитии психологической (но, как правило, не физической) зависимости. Психологические формы зависимости, не сопровождающие зависимость физическую, по мнению А. Е. Войскунского, дают основание ставить вопрос о пересмотре основополагающих взглядов и парадигм: для квалификации аддикции может быть до-

статочной эмоциональной привязанности человека к тем чувствам и ощущениям, которые дарит следование аддиктивным формам поведения (Войскунский, 2004, с. 89).

Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриева пишут, что элементы аддиктивного поведения свойственны любому человеку, уходящему от реальности путем изменения своего психического состояния. Проблема аддикции начинается тогда, когда стремление ухода от реальности, связанное с изменением психического состояния, начинает доминировать в сознании, становясь центральной идеей, вторгающейся в жизнь индивида. Авторы отмечают, что существуют химические и нехимические формы аддикций. К нехимическим они относят аддикции: к азартным играм (гемблинг), работогольную аддикцию, аддикцию к трате денег, ургентную аддикцию (привычка к постоянной нехватке времени) (Короленко, Дмитриева, 2012, с. 291–297).

Г. Марлатт и Е. П. Ильин аддиктивное поведение относят к вредным привычкам.

В. Д. Менделевич в «Руководстве по аддиктологии» пытается ответить на вопрос: зависимость — это норма или патология, и не дает прямого и однозначного ответа. Парадокс заключается в том, что зависимость — многоликое явление. Аддикция — это не всегда признак патологической слабости. Это и проявление фонтанирующей жизненной силы, нередко — креативности, оригинальности. Но чаще аддикция, по мере углубления, предстает своей негативной стороной. Специфика зависимого поведения, подчеркивает В. Д. Менделевич, заключается в том, что аддикции (зависимости) могут быть не только психологическими и психопатологическими, но и нормативными, и даже гармоничными (например, трудоголизм) (Менделевич, 2002). В другой работе (Руководство..., 2007) В. Д. Менделевич относит аддиктивное поведение к пагубным привычкам. В структуре аддикции он выделяет два компонента: привычку и эмоциональную зависимость. Привычка рассматривается как стереотипная деятельность по реализации зависимого поведения, обеспечивает техническую сторону зависимости. Это ритуал, определенная последовательность действий для осуществления взаимодействия с объектом зависимости. Объектами привычки могут быть различные вещества, игры, источники информации и эстетического наслаждения, люди, работа, пища. Переход привычки в зависимость начинается с того момента, когда она начинает подавлять, а затем полностью уничтожать естественные наши привычки. Что касается эмоциональной привязанности, то она проявляется в одушевлении объекта зависимости. Эмоциональный компонент обеспечивает субъект-субъектные отношения, придает им личностный характер.

Н. С. Курек, Д. В. Роджер, Г. Соколовский и др. рассматривают аддикцию и зависимость как синонимы. По их мнению, психологическая зависимость — эмоциональное состояние, характеризующееся ощущением настоятельной потребности в наркотике или в совершении определенных действий с целью получения эффекта, связанного с его употреблением либо с целью снятия негативных ощущений, вызванным злоупотреблением им (см. Галяутдинова, Ахмадеева, 2013, с. 234).

Вторая точка зрения: аддикция и зависимость — разные явления. Аддикция — это нормальное состояние, предшествующее зависимости, а зависимость — патологическое. Например, С. И. Галяутдинова и Е. В. Ахмадеева рассматривают аддикцию как вредную привычку, страсть к чему-либо, порочную склонность, изменяющие психическое состояние и проявляющиеся в девиантном поведении. С этой точки зрения, аддикция — промежуточный шаг от вредной привычки к формированию симптомов зависимости. Зависимость понимается авторами как состояние, в основе которого лежит непреодолимое влечение, устойчивая эмоциональная, а затем и физиологическая потребность человека к определенной деятельности, которая требует полного повиновения, доставляет быстрое удовольствие, снимает напряжение и выражается в деструктивном поведении (Галяутдинова, Ахмадеева, 2013). Близким к предыдущему можно считать взгляд Дж. Алтмана и его коллег, которые дифференцируют понятия «аддикция» (addiction) и «зависимость» (dependence), ограничивая аддикцию экстремальным и психопатологическим состоянием, когда потерян контроль над употреблением психоактивных веществ (см. Галяутдинова, Ахмадеева, 2013, с. 233).

Третья точка зрения: аддикция и зависимость — синонимы, характеризующие болезнь (Р. Корсини, А. Ауэрбах, М. Кордуэлл и др.). И. Гольдберг на материале исследования интернет-аддикций (интернет-зависимости, виртуальных аддикций) приходит к выводу, что это патологическое пристрастие, так же как и пристрастие к азартным играм (гемблинг). Такой же точки зрения придерживается и Н. В. Чудова, характеризуя черты интернет-аддикта (Чудова, 2002). По Д. С. Меерсу, аддикция — следствие извращения нормальности. Для Л. Весмера аддикция и зависимость — синонимы, аддиктивная личность, по его мнению, — зависимая, патологическая личность. В. Г. Старшенбаум различает привычку и зависимость, хотя и не утверждает, что привычка — это аддикция. По его мнению, привычка переходит в зависимость, она настолько укореняется в жизни человека, что становится уже незаметной, человек теряет контроль над собой, теряет самоуважение, душевные силы, возникает угроза

физическому и душевному здоровью, некоторых это в конце концов убивает. Таким образом, для В. Г. Старшенбаума аддикция и зависимость – болезнь (Старшенбаум, 2006, с. 5).

Анализ литературы показал, таким образом, наличие нескольких точек зрения в трактовке аддикции, в ее соотношении с зависимостью.

Во-первых, аддикция и зависимость рассматриваются как синонимы и понимаются как пристрастие, склонность к чему-либо, пагубная привычка, эмоциональная привязанность, как состояние, присущее любому человеку, т. е. как норма (А. Е. Войскунский, Н. В. Дмитриева, Е. П. Ильин, Ц. П. Короленко, Н. С. Курек, Г. Марлат, В. Д. Менделевич, Д. В. Роджер, Г. Соколовский, Дж. Соломзес, В. Чебурсо и др.).

Во-вторых, аддикция и зависимость – разные явления. Сторонники этой точки зрения полагают, что аддикция – это нормальное состояние, а зависимость – патологическое. При этом аддикция понимается как промежуточный шаг от вредной привычки к формированию симптомов зависимости (Дж. Алтман, Е. В. Ахмадеева, С. И. Галяутдинова и др.).

В-третьих, аддикция и зависимость рассматриваются как синонимы, характеризующие болезнь (А. Ауэрбах, В. В. Барцалкина, В. С. Битенский, Л. Вёсмер, И. Гольдберг, Л. М. Доддс, С. А. Кулаков, А. Е. Личко, Д. С. Меерс, В. Г. Старшенбаум, Н. В. Чудова и др.).

Для психологического анализа проблемы гаджет-аддикции наиболее предпочтительной нам представляется первая точка зрения. Таким образом, аддикция и зависимость предстают перед нами как синонимы и понимаются как пристрастие, порочная склонность к чему-либо, пагубная привычка, эмоциональная привязанность, как состояние, присущее любому человеку. С этой точки зрения, аддикция – это нормальное состояние и одновременно промежуточный шаг к формированию симптомов зависимости как заболевания.

Как видим, анализ фундаментальных и прикладных исследований показывает, что практически все ученые, вовлеченные в данную проблематику, исследовали аддикцию (зависимость) химическую, социальную, техническую, интернет-зависимость, игровую, зависимость от телевидения и т. п. Однако мы не встретили каких-либо работ, посвященных более узкой и весьма специфической проблеме – гаджет-аддикции.

Естественно, это потребовало внимания и к довольно новому, хотя уже и достаточно распространенному в нашей жизни явлению и понятию «гаджет», которое весьма размыто и неоднозначно трактуется как в быту, так и в литературе. Сегодня гаджет чаще все-

го понимается как портативное техническое устройство (в том числе с цифровыми технологиями), обладающее повышенной функциональностью, но ограниченными возможностями. К гаджетам относят любые цифровые аппараты, размеры которых позволяют подсоединить их к персональному компьютеру, смартфону или надеть на руку и проч.

Какого-то более или менее точного каталога или перечня устройств, которые являются гаджетами, или какой-либо четкой их классификации на сегодня не существует. Это вызвано также частым смешением понятий «девайс» и «гаджет» и другими нюансами. К гаджетам, как правило, относят: мобильный телефон; смартфон; айфон (iPhone) – мультимедийный смартфон, разработанный компанией Apple, который совмещает в себе несколько функций (телефон, плеер, коммуникатор, интернет-планшет и др.); айпад (iPod) – планшетный компьютер с сенсорным экраном; компактный планшет; карманный персональный компьютер; смарт-часы; электронную книгу; портативный плеер; гаджеты-игрушки для детей и др. Есть также особые, специфические разновидности гаджетов – офисные, автомобильные, спортивные, медицинские и мн. др. В операционной системе гаджеты – это элементы, выполняющие определенные функции. Их можно увидеть в операционных системах, установленных не только на персональных компьютерах и ноутбуках, но и на телефонах, смартфонах, коммуникаторах и проч.

Отношение к гаджетам у пользователей, и не только у них, разное. По данным исследования, проведенного британской компанией Penn Schoen Berland, 69% опрошенных заявили, что гаджеты и им подобные технологии помогают наладить личные отношения, 57% надеются на то, что гаджеты помогут развитию сфер образования (52%) и здравоохранения (49%). Молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет надеются, что будущие технологии сделают их жизнь лучше, проще и интереснее. 86% респондентов считают, что инновации в области технологий уже делают их жизнь гораздо проще. Тем не менее, ситуация такова, что чрезмерно увлеченное пользование гаджетами зачастую приводит к формированию у пользователей гаджет-аддикции, и, как следствие, аддиктивного поведения.

Зарубежные исследования (в России серьезных исследований такого рода, к сожалению, пока нет) обнаружили, что, по мнению большинства представителей современного поколения, гаджеты делают людей менее человечными (Мир..., 2017). Исследование, проведенное фирмой Ford, показало, что, по мнению 47% опрошенных респондентов, гаджеты и прочие электронные помощники хотя и делают жизнь удобнее, но нас глупее (Компания Форд..., 2017). В раз-

витых странах уже давно возникла и быстрыми темпами развивается зависимость людей от гаджетов. Например, в США около 10% населения страдают зависимостью от смартфонов и уже тысячи людей обратились в связи с этой проблемой за медицинской помощью. Думается, что аналогичные исследования в России выявили бы такую же картину.

На первый взгляд, зависимость от гаджетов кажется несопоставимой с наркоманией или курением, однако исследования показывают, что в основе всех этих зависимостей лежит один и тот же механизм, связанный с синтезом «гормона удовольствия» — дофамина. Он выделяется, как только человек получает очередную порцию новой информации.

Особенно пагубной роль гаджетов оказывается для детей, подростков и юношей, для их психического и личностного развития. И хотя в пользовании ребенка, подростка не так уж много гаджетов (как правило, от 1 до 3), тем не менее они оказывают отрицательное влияние на развитие зрения, моторики, памяти, внимания. Меняются восприятие и мышление ребенка. Яркие зрительные образы вызывают сильные эмоции, но оставляют равнодушным мышление, в результате, главными каналами восприятия становятся зрение и слух. Мозг ребенка насыщается зрительными и слуховыми впечатлениями, но испытывает дефицит в обонятельных и осязательных ощущениях. Нельзя утверждать однозначно, однако в основном такое многообразие влияет отрицательно. Многие родители, беспокоясь о том, что сильное влияние компьютерных игр может пагубно отразиться на их ребенке, забывают, что зачастую сами провоцируют появление аддикций. Поэтому важно понимать, почему дети начинают активно интересоваться компьютером, планшетом или смартфоном и забывают о других играх. Нередко причиной возникновения повышенного интереса к гаджетам является прибегание мам к помощи планшета, когда нужно накормить неусидчивого ребенка либо облегчить время, проводимое в транспорте, в очереди и т.д. Такое злоупотребление гаджетами формирует стойкую привычку, а в дальнейшем аддикцию. Нередко можно наблюдать, как маленьким детям дают гаджеты просто поиграть вместо игрушек, чтобы их успокоить (тем, что есть под рукой), чем-то временно занять ребенка. По сути, родители таким образом заменяют себя гаджетами. Постоянное, бесконтрольное приобщение таким образом ребенка к гаджетам приводит к тому, что у него нарушаются (или развиваются слабо) социальные контакты, ребенок не стремится к прямому, непосредственному общению со сверстниками, с взрослыми референтными лицами.

Исследование, проведенное лондонским Институтом психиатрии, показало, что чрезмерное использование технологий приводит к снижению уровня интеллекта. Люди, которые постоянно отвлекались на входящие сообщения и звонки, показали снижение уровня на 10 баллов, что в два раза превышает последствия от употребления марихуаны (Гаджеты снижают..., 2016).

Эти и им подобные явления заставляют говорить о довольно динамичной тенденции распространения гаджет-аддикций у различных возрастных групп индивидов, но, прежде всего, у детей.

Таким образом, опираясь на указанное выше определение аддикции, гаджет-аддикции, с психологической точки зрения, мы рассматриваем как пристрастие, порочную склонность к гаджетам, пагубную привычку, эмоциональную привязанность к ним, как состояние, присущее любому человеку. С этой точки зрения, гаджет-аддикция — это нормальное состояние и одновременно промежуточный шаг к формированию симптомов гаджет-зависимости как заболевания.

Сложившаяся ситуация, как представляется, требует значительных усилий со стороны психологического сообщества, направленных на решение целого ряда актуальных задач, связанных, прежде всего, с предупреждением возникновения гаджет-аддикций, а также их преодолением в детском возрасте. Особое значение приобретает работа педагогов, школьных психологов с учащимися и их родителями. И сами педагогические работники должны подавать пример — исключить пользование гаджетами на уроках и вообще минимизировать обращение к ним, находясь в образовательном учреждении. Необходима активизация психокоррекционной работы с такими индивидуально-психологическими явлениями, как замкнутость, робость, агрессивность детей, их раздражительность, депрессия, чувство неполноценности, эмоциональная неустойчивость и др. Сами психологи должны подавать пример, работая со своими клиентами — взрослыми и детьми, — например, перед встречей с клиентом выключать, а лучше вообще убирать телефон и другие гаджеты из поля зрения.

Несомненно, гаджеты сегодня — это тот атрибут, без которого обойтись в современной динамичной жизни становится все труднее. Однако, как видим, при той пользе, которую приносят портативные электронные устройства, неумеренное, бесконтрольное пользование ими, особенно в детском возрасте, приводит к негативным последствиям в психическом и физическом здоровье развивающейся личности. Гаджет-аддикция сегодня — это проблема, прежде всего, психологическая, и решать ее нужно своевременно, профессионально, не доводя гаджет-аддикта до патологической зависимости и далее до медикаментозного лечения.

Литература

- Войскунский А. Е. Психология и интернет // Психологический журнал. 2004. № 1. С. 89–100.
- Гаджеты снижают интеллект в два раза сильнее, чем марихуана. URL: <http://www.mk.ru/social/2016/02/02/gadzhet-y-snizhayut-intellekt-v-dva-raza-silnee-chem-marikhuana.html>.
- Галяутдинова С. И., Ахмадеева Е. В. К проблеме понимания аддикции и зависимости отечественными и зарубежными исследователями // Вестник Башкирского университета. 2013. № 1. С. 232–235.
- Компания Ford рассказала об отношении людей к гаджетам. URL: <http://www.yaplakal.com/forum3/topic1531310.html>.
- Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Аддиктология. М.: Ин-т консультирования и системных решений, 2012.
- Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения. М.: МЕДпресс, 2002.
- Мир: Отношение молодежи к гаджетам меняется. URL: <https://novostit.com/mir-otnoshenie-molodezhi-k-gadzheta-m-menyaetsya.html>.
- Руководство по аддиктологии / Под ред. В. Д. Менделевича. СПб.: Речь, 2007.
- Старшенбаум В. Г. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. М.: Когито-Центр, 2006.
- Чудова Н. В. Особенности образа «Я» жителя интернета // Психологический журнал. 2002. № 1. С. 113–117.

Gadget addiction in the psychological sense

V. L. Bozadzhiev (Chelyabinsk)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Chelyabinsk State University

This article is devoted to the psychological comprehension of the gadget addiction as predilection, inclination, addiction, emotional attachment to gadgets – as a normal state, located on the border with addiction as a disease. Various approaches to understanding the terms “addiction” and “predilection” are considered. The absence of serious psychological studies of the gadget addictions is underlined. The necessity of research and practical work of psychologists on prevention of the gadget addictions in childhood and work with addictives is substantiated, preventing development of pathological predilection to gadgets.

Keywords: addiction; addictive behavior; predilection; gadget; gadget addiction; gadget dependence.

Психология и искусственный интеллект: новый этап старого взаимодействия

А. Е. Войскунский (Москва)

*кандидат психологических наук, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова; e-mail: vae-msu@mail.ru*

В работе ставится цель продемонстрировать на нескольких примерах определенное сходство между двумя эпохами — серединой (и второй половиной) XX в. и современностью (вторым и, вероятно, третьим десятилетием XXI в.) — во взаимодействии между психологией (прежде всего, психологией мышления) и цифровыми технологиями (прежде всего, теоретико-практическими разработками в области искусственного интеллекта и виртуальной реальности). Рассматривается сходство (отчасти инвертированное) в выявлении и применении эвристик в течение более чем полувека, начиная от эвристического программирования и вплоть до обучения современных нейронных сетей; обсуждаются роль психологов в отстаивании собственно психологических знаний о человеческом мышлении и прогнозы о близящейся точке сингулярности. Отмечается на конкретных примерах перспектива разработки виртуальных моделей классических и современных исследований, в том числе в области психологии мышления.

Ключевые слова: мышление, искусственный интеллект, цифровые технологии, целеобразование, эвристика, сингулярность, нейронные сети, виртуальная реальность.

Проекты и перспективы, связанные с теоретическим обоснованием и практическими разработками систем искусственного интеллекта, начиная с середины прошлого века представляют собой безусловную проблемную область для психологов, прежде всего для специ-

Работа выполнена по гранту Российского научного фонда, проект № 18-18-00365 «Цифровая социализация в культурно-исторической перспективе: внутрипоколенческий и межпоколенческий анализ».

алистов по психологии мышления. А. В. Брушлинский и О. К. Тихомиров получили профессиональное психологическое образование в 1950-е годы и сразу же по собственной инициативе взяли на себя задачу отстоять специфичность психологического знания в условиях небывало активной экспансии в область психологии искусственного интеллекта – крайне амбициозного направления научных исследований и практической работы. Данное научное направление, институционально оформившееся также в середине 1950-х годов, поставило целью разработать теоретико-практическую базу, которая бы позволила «умным» машинам решать интеллектуальные задачи, которые традиционно считались, да и до сих пор считаются прерогативой человека. Среди таких задач – принятие решений, распознавание образов, понимание устной и письменной речи и перевод на другие языки, победа в интеллектуальных играх, обучение и использование трудноформализуемых знаний, разработка производственных и антропоморфных роботов, создание консультативных и экспертных систем, многообразные проявления творчества в области науки и культуры, создание и совершенствование нейроинтерфейса «человек–компьютер» и др.

Круг идей, связанных с разработкой систем искусственного интеллекта, как и сами разработки, за короткое время во многом преобразили панораму психологических исследований. В середине прошлого века возникла новая тематика совместной работы психологов и специалистов в области компьютерных наук – к примеру, программированное обучение, началась разработка так называемых алгоритмических моделей творчества, набрало ход новое исследовательское направление – инженерно-психологическое проектирование. Заметное место среди наиболее актуальных работ оказалось отдано информационным концепциям психических процессов. Хотя исследования, пограничные между психологией и искусственным интеллектом, велись отчасти с применением психологического инструментария, они исходили из редуцированных представлений о психике в целом и о мыслительной деятельности человека в частности, развивали во многом упрощенные представления, для которых удавалось построить или подобрать аналоговые либо цифровые модели. Противостоять длившейся всю вторую половину XX в. экспансии со стороны методологии и практики искусственного интеллекта вместе с математической теорией информации предстояло прежде всего специалистам по психологии мышления.

Экспериментальные исследования в области психологии мышления, проведенные в то время А. В. Брушлинским (1970) и О. К. Тихомировым (1969), с одной стороны, вытекали из насущных задач

психологической науки, с другой стороны, были явным образом противопоставлены информационному подходу в психологии, однако, с третьей стороны, отчасти представляли собой ответ на вызовы данного подхода. Приведем лишь один пример для иллюстрации последнего тезиса. Он относится к выявлению роли эмоциональной активации в решении задач — именно этот цикл работ дал начало развитию О. К. Тихомировым смысловой теории мышления (Бабаева и др., 2008; Тихомиров, 1969). На самом-то деле в экспериментальной психологии отсутствовали детальные знания о роли эмоций в решении мыслительных задач; между тем специалисты в области искусственного интеллекта признавали ценность таких знаний и в то же время не видели в выявлении их больших затруднений: «В случае необходимости не представляет особого труда наделить соответствующие системы программ формами проявления эмоций...» (Глушков, 1978, с. 168). Другой автор выдвинул перспективную, по его представлению, идею, а именно: искомой моделью эмоционального сопровождения мыслительной деятельности способен служить датчик случайных чисел: в соответствии с показаниями датчика решающий задачу случайным образом человек либо топчется на одном месте, либо находит себя в ситуации «за один шаг до решения», либо возвращается в окрестность начальной точки собственных попыток найти решение. Данная модель становится особенно наглядной, если представить процесс поиска решения в виде графа состояний с ребрами переходов из одного состояния в другое. Поскольку психолога не могла устроить столь примитивная модель, не привязанная содержательно к реализуемым человеком попыткам решения, О. К. Тихомиров (1969) развернул цикл экспериментальных исследований эмоциональной активации мыслительной деятельности. А. В. Брушлинский (1976) обосновал очевидный для психологов, однако неясный для специалистов по искусственному интеллекту тезис: понимаемое как процесс, мышление недизъюнктивно (континуально) объединяет интеллектуальные, волевые, аффективные и иные составляющие. Таково истинное соотношение между психологическим и формально-логическим, дискретно-цифровым, дизъюнктивным знанием.

Итак, уже во второй половине XX в. психологи отзывались на вызовы со стороны специалистов по искусственному интеллекту, противостояли таким вызовам. Остановимся на двух моментах: отношении психологов к так называемому эвристическому программированию (это самая ранняя из теорий, выдвинутых в исследованиях по искусственному интеллекту в середине прошлого века) и их комментариям к заверениям, что будто бы искусственный интеллект будет создан очень скоро.

В первом поколении специалистов в области искусственного интеллекта собралось изрядное количество малокритичных людей. Они были склонны весьма гипертрофированно экстраполировать перспективы расширения и углубления тех порой скромных результатов, которых удалось добиться сконструированным ими компьютерным программам, одновременно недооценивая объем предстоящей работы. Так или иначе, подобные специалисты публично прогнозировали, что не пройдет трех/пяти/десяти лет, и системы искусственного интеллекта докажут доселе неизвестную теорему, сочинят поэтический либо музыкальный шедевр, станут систематически обыгрывать в шахматы мастера/гроссмейстера/чемпиона, будут переводить письменный текст и устный разговор с любого языка на любой язык, им доверят управление транспортными средствами и промышленными предприятиями без контроля со стороны человека, они смогут распознавать любые объекты и классифицировать их как новые либо встречавшиеся ранее, потенциально опасные либо нет, требующие внимания к себе либо не требующие и т. п. Подобные прогнозы транслировала пресса, они приобрели широкую известность. Психологам выпала доля комментировать и оценивать такие прогнозы (Брушлинский, 1970; Тихомиров, 1976), а далее сама жизнь скорректировала их.

«Сегодня мы знаем: далеко не все из того, что предсказывали энтузиасты компьютерной революции, стало реальностью. Однако реальностью стала сама компьютерная революция, изменившая мир и человека» (Алексеева и др., 2013, с. 12). С легкой руки футуролога Р. Курцвайля* и ряда других специалистов в настоящее время, как и в середине прошлого века, широко и громко обсуждается проблематика быстрой эволюции искусственного интеллекта до уровня, значительно превосходящего человеческий интеллект. Этот момент именуют «точкой сингулярности»** и относят к 2040–2045 гг. Таким образом, вновь определяются конкретные сроки разработки искусственного интеллекта (только уже превосходящего человеческий, а несравнимого ним). История повторяется, и предстоит вновь обосновывать высказанную ранее точку зрения, согласно которой искусственный интеллект разрабатывается не для соревнования с естественным: вместо этого он будет способствовать качественному преобразованию психики человека как результат опосредствованного сотрудничества с цифровыми технологиями, включающими современные и будущие системы искусственного интеллекта (Тихомиров, 1976; Файола и др., 2016).

* https://en.wikipedia.org/wiki/Ray_Kurzweil.

** https://ru.wikipedia.org/wiki/Технологическая_сингулярность.

Любопытным образом повторяется ситуация полувековой давности с теорией и практикой эвристического программирования — ранней концепцией разработки систем искусственного интеллекта (Вычислительные..., 1967). Выявлением эвристик — эмпирически обоснованных обобщений, способствующих достижению решения задач (однако не гарантирующих решение) довольно согласованно занимались во второй половине XX в. и специалисты по информатике и психологи. «Центральным вопросом психологического анализа мышления в рассматриваемом контексте является анализ правил и приемов, позволяющих решать человеку задачи, которые не могут быть решены путем перебора всех возможных вариантов решения, так называемых эвристик» (Тихомиров, Познянская, 1966, с. 39). Несмотря на выявление целого ряда подобных правил для различных видов деятельности, специалистам так и не удалось в итоге сконструировать так называемые мета-эвристики и разработать универсальные системы искусственного интеллекта на основе эвристического программирования.

Следует отметить: усилия исследователей были в течение ряда лет направлены на то, чтобы выявить человеческие эвристики и попытаться передать их компьютерным программам искусственного интеллекта. А вот получивший известность в 2017–2018 гг. комплекс программ AlphaZero* хотя предназначен для обучения нейронных сетей, но не предполагает адаптации присущих людям эвристик. Наоборот, нейронная сеть самостоятельно вырабатывает обобщенные способы решения задач (их можно приравнять к «компьютерным эвристикам», хотя программы не делятся ими с людьми), которые позволили ей побеждать противников в интеллектуальных играх, таких как шахматы, го или сёги. Игровые модели весьма удобны для обучения — оно состоит в том, что вводятся игровые правила, а потом нейронная сеть играет «сама с собой» несколько миллионов партий, после чего благодаря накопленному опыту (в виде «эвристик») оказывается готова обыгрывать игроков самой высокой квалификации. Таким образом, наблюдается инвертированная картина: если десятилетия назад разработки в области искусственного интеллекта были во многом беспомощны без внедрения присущих людям и только людям эвристик, то в настоящее время подобные системы самостоятельно вырабатывают такие правила и обобщения, которые могут быть сопоставлены с эвристиками и с которыми было бы любопытно, да и полезно познакомиться игрокам в интеллектуальные игры. Следует ожидать, что подобные программы обучения нейронных се-

* <https://ru.wikipedia.org/wiki/AlphaZero>.

тей найдут применение в решении сложных и полезных с практической точки зрения задач, пока не поддающихся математическому и компьютерному моделированию.

Упомянем работу, которая во многом дополняет ранее выполненное в области психологии творчества исследование; данная работа связана с применением не искусственного интеллекта, а виртуальной реальности. Виртуальные системы уже применяются для моделирования ряда классических исследований — таких как, например, эксперимент С. Милгрэма (Slater et al., 2006). Свообразным продолжением данной линии работ стало недавно опубликованный аналог исследования, в котором испытуемым внушался под гипнозом образ известной им творческой и успешной личности: в результате качественно повышался уровень выполняемой загипнотизированными испытуемыми деятельности за счет повышения самооценки, видоизменения процессов мотивации и целеобразования, блокировки механизмов психологической защиты (Тихомиров и др., 1975). Как оказывается, способствовать когнитивному функционированию можно с применением не только гипнотической, но и виртуальной технологии. А именно, в шлеме виртуальной реальности одной группе испытуемых демонстрировался Альберт Эйнштейн, другой группе — другой человек примерно их возраста (Vapakou et al., 2018). Увидевшие себя (как будто в зеркале) в образе Эйнштейна испытуемые выполнили несколько когнитивных тестов лучше, чем участники другой группы, принимая также во внимание предэкспериментальные показатели их интеллекта. Данное обстоятельство дает основания полагать, что виртуальная ситуация в значительной степени соответствует той психологической методологии, которая была разработана и применена около полувека тому назад (Тихомиров и др., 1975).

Задача данной работы — обосновать точку зрения, согласно которой разработки в области цифровых технологий ставят перед психологией и перед психологами задачи, во многом аналогичные задачам, являвшимся актуальными в 1950–1970-х годах. Опыт психологов ушедшего поколения, таких как А. В. Брушлинский и О. К. Тихомиров, может помочь современным психологам ориентироваться в новых условиях, обусловленных прогрессом цифровых технологий. В качестве полезного элемента исследовательской программы можно, к примеру, принять следующие слова: «Всякая психологическая теория мышления, которая фиксирует лишь те стороны мышления, которые являются общими и для мышления, и для работы существующих вычислительных машин, является существенно неполной» (Тихомиров, 1969, с. 297).

Литература

- Алексеева И. Ю., Аршинов В. И., Чеклецов В. В.* «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС – революция и будущее человека // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 12–20.
- Бабаева Ю. Д., Березанская Н. Б., Васильев И. А., Войскунский А. Е., Корнилова Т. В.* Смысловая теория мышления // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2008. № 2. С. 26–58.
- Брушлинский А. В.* Психология мышления и кибернетика. М.: Мысль, 1970.
- Брушлинский А. В.* Психология мышления и понятие множества // Психология и математика / Отв. ред. В. Ф. Рубахин. М.: Наука, 1976. С. 58–69.
- Вычислительные машины и мышление / Под ред. Э. Фейгенбаума, Дж. Фельдмана. М.: Мир, 1967.
- Глушков В. М.* Кибернетика и искусственный интеллект // Кибернетика и диалектика / Под ред. А. Д. Урсула. М.: Наука, 1978. С. 162–182.
- Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
- Тихомиров О. К.* Философские и психологические проблемы «искусственного интеллекта» // Искусственный интеллект и психология / Отв. ред. О. К. Тихомиров. М.: Наука, 1976. С. 8–40.
- Тихомиров О. К., Познянская Э. Д.* Исследование зрительного поиска как путь к анализу эвристик // Вопросы психологии. 1966. № 4. С. 39–52.
- Тихомиров О. К., Райков В. Л., Березанская Н. Б.* Об одном подходе к исследованию мышления как деятельности личности // Психологические исследования творческой деятельности / Под ред. О. К. Тихомирова. М.: Наука, 1975. С. 143–204.
- Файола Э., Войскунский А. Е., Богачева Н. В.* Человек дополненный: становление киберсознания // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 147–162.
- Banakou D., Kishore S., Slater M.* Virtually Being Einstein Results in an Improvement in Cognitive Task Performance and a Decrease in Age Bias // *Frontiers in Psychology*. 2018. V. 9. Article 917.
- Slater M., Antley A., Davison A., Swapp D., Guger C., Barker C., Pistrang N., Sanchez-Vives M. V.* A virtual reprise of the Stanley Milgram obedience experiments // *PLoS ONE*. 2006. V. 1 (1): e39. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0000039>.

Psychology and artificial intelligence: a new stage of long-time interaction

A. E. Voiskounsky (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Moscow Lomonosov State University

The paper is aimed at giving several examples of analogy between two time periods, namely mid-20th century and current time, in collaborations between psychology (presumably, psychology of thinking) and digital technologies (presumably, theory and practice of artificial intelligence). First, we discuss similarities and analogies, possibly inverted ones, between finding out and use of heuristics, during the full time scale, starting with heuristic programming and up to teaching of contemporary neural networks. Second, we discuss prognostic foreseeing dealing with the idea of singularity and with the role of professional psychologists in saving and increase of purely psychological knowledge about human thinking processes. Finally, a perspective of construction of virtual-reality models of classic and current studies in psychology of thinking.

Keywords: thinking, artificial intelligence, digital technologies, heuristics, singularity, neural networks, virtual reality.

Дополненное познание: гиперссылки и гипертексты

А. Е. Войскунский, М. Ю. Солодов** (Москва)*

** кандидат психологических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
e-mail: vae-msu@mail.ru*

*** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
e-mail: setsovsemne@gmail.com*

Развивается положение о том, что базовое направления развития технологий состоит не в замещении, а в дополнение человека. При этом основной задачей науки становится поиск оптимальных путей для взаимодействия между человеком и компьютером. Проанализирован потенциал гипертекста с точки зрения основных когнитивных процессов: ощущения, восприятия, мышления, воображения, внимания и памяти. Обосновывается, что одной из основных задач дополненного познания является реализация позитивного потенциала гипертекстовых технологий.

Ключевые слова: познание, когнитивные процессы, Интернет, информационные технологии, гипертекст.

Введение

Стремительное развитие информационных технологий (ИТ) в середине XX в. стимулировало развитие одной из фундаментальных дискуссий в области наук о человеке — а именно дискуссии о противопоставлении человеку компьютерных технологий либо о сближении познавательных операций, осуществляемых человеком или «мыслящими» машинами. Эта проблема нашла отражение как в научном дискурсе, так и в популярной культуре. За прошедшие десятилетия периодически выдвигались на передний план и требовали внимания психологов такие фундаментальные вопросы, как горизонты кибер-

Выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00515.

нетического моделирования и природа сознания человека, перспективы разработки систем с искусственным интеллектом и применения таких систем, взаимодействие виртуальной либо дополненной реальности и реальности реальной (Брушлинский, 1970; Виртуальная..., 1998; Тихомиров, 1976).

На фоне малопродуктивного спора о том, как скоро (например, в 2040-м или 2045-м году) компьютер сможет достичь так называемой «точки сингулярности» и интеллектуально превзойти человека, психологическая задача состоит в том, чтобы технологии развивались не в направлении тотального *замещения* человека в процессах принятия решений или симбиотического *дополнения* его с компенсацией возможных (к примеру, вычислительных или информационно-поисковых) слабостей в решении научных и практических задач, а в направлении усиления и *преобразования* человеческих мыслительных процессов, опосредствованных современными смарт-технологиями (Тихомиров, 1976; Тихомиров, 1993). При этом в современной терминологии под «дополненным» (познанием, мышлением, восприятием и др.) подразумеваются, скорее, процессы преобразования соответствующих процессов (Файола, Войскунский, Богачева, 2016), а не дополнения в том понимании, которое было предложено почти полвека тому назад О. К. Тихомировым (1976). А вот дополнение может быть, скорее, соотнесено с так называемым «расширением» (extension) познания (и сознания); и действительно, иллюстрирующий данный термин пример с двумя посетителями музея, одна из которых запомнила адрес и дорогу, в то время как другой ориентировался с помощью электронного гаджета (Clark, Chalmers, 1998), свидетельствует не о замещении когнитивных функций (поскольку посетитель самостоятельно воспринимал подсказку и ориентировался на местности) и тем более не о преобразовании их, а именно о дополнении собственных когнитивных процессов (в данном случае — мнемических и пространственно-мыслительных) цифровыми инструкциями.

В настоящей работе остановимся на том, каким образом развивающиеся *гипертекстовые* структуры способствуют дополненности познания. Видоизменение процессов познания — таких как чтение, понимание и составление текстов, в особенности мультимедийных — в условиях применения гиперссылок и гипертекстов представляется несомненным (Войскунский, 2017), а, кроме того, одной из ключевых особенностей гиперссылок и гипертекстов следует считать их своеобразное воздействие на воспринимающего информацию человека, отличное от воздействия традиционных типов текстов (Солодов, 2017). Хотя распространение гипертекстовых структур вызывает опреде-

ленные опасения, поскольку они требуют дополнительных когнитивных ресурсов и определенных способностей (DeStefano, LeFevre, 2007), можно тем не менее утверждать, что гипертексты обладают потенциалом обогащения познавательных процессов (таких как ощущение и восприятие, мышление, память, внимание, воображение).

Гипертекст в когнитивных процессах

Человеческие *ощущение и восприятие* отличаются от одноименных компьютерных процессов своей предметной природой и полимодальностью. Действительно, мы без труда отделяем нужную информацию от «шумов» (например, узнаем знакомого в толпе) и воспринимаем объекты в условиях неполной сенсорной информации (к примеру, с завязанными глазами по запаху и на ощупь определяем вид фруктов). В этой связи можно отметить две особенности гипертекстов, которые способствуют дополненности этих когнитивных процессов.

В отличие от традиционного (часто именуемого линейным) текста, гипертекст (в его электронной ипостаси) позволяет разместить текст одновременно в нескольких сенсорных плоскостях: можно выделять текстовые фрагменты цветом и размером, привлекать внимание к отдельным положениям своеобразным расположением их в пространстве, дополнять символичный текст аудио- и видеорядом, не говоря уже о графической составляющей. С использованием подобных средств появляется возможность разметить один и тот же материал таким образом, чтобы предназначить его для разных групп читателей одновременно. Например, в описании кулинарного рецепта могут быть выделены различным цветом те ингредиенты, которых достаточно для домашнего приготовления, и наряду с ними ингредиенты, которые обязательны для «высокой кухни». А в гипертекстовый материал, посвященный описанию музыкального инструмента, в качестве обязательных элементов должны входить вербальные описания, визуальные изображения и звуковые образцы звучания этого инструмента, причем в исполнении разных музыкантов-виртуозов. Таким образом, при гипертекстовом подходе можно, с одной стороны, индивидуализировать контент, а с другой стороны – предоставить читателям (они же – отчасти зрители и отчасти слушатели) инструменты для быстрой и эффективной работы с большим количеством информации (например, инфографику).

Предметность восприятия в силу своей нелинейной природы во многом выигрывает при таком подходе: поскольку одни и те же объекты материального мира включены в разные виды деятельнос-

ти, они могут представляться одновременно (как и последовательно) несколькими разными предметами. В отличие от линейного текста, который предполагает однозначное отнесение объекта к конкретной группе или признаку, гипертекст поддерживает одновременное существование нескольких классификаций и соответственно навигацию по ним. Например, мы можем прочитать сначала фактическую информацию, а потом – описательную, или напротив – сгруппировать тексты и их фрагменты по темам.

Процессы *мышления и воображения* зачастую изучаются на материале относительно простых задач, которые большинство людей способны решать без применения подручных средств. Не забудем, что такие решения чаще всего выполняются вместе с поддерживающими процессами, чаще всего – чтением и письмом. Ученый размышляет над текстом статьи в процессе ее написания, экономист при помощи табличного процессора (например, MS Excel) создает финансовую модель, поэт зачеркивает и меняет местами слова в будущем стихотворении. Письмо позволяет «разгрузить» такие процессы, как память и внимание, и тем самым высвободить определенный когнитивный ресурс. Кроме того, процессы письма позволяют переключаться между наглядно-образным, формально-логическим и моторно-двигательным мышлением.

В свою очередь, гипертекстовое письмо не только предлагает большие возможности для визуализации и выражения мыслей, но и позволяет сделать этот процесс более быстрым и гибким. Работая с электронным текстом, можно быстро перемещать отрывки текста, редактировать их и писать параллельно несколько блоков. К тому же электронный текст позволяет подключать к работе сразу нескольких человек, что при работе с традиционным текстом затруднительно.

Гипертекстовые технологии безусловным образом влияют на *память* человека. С повышением доступности информации вместо декларативной памяти начинает действовать процедурная – относительно недавних пор задача состоит в запоминании не непосредственно информации, а способа или месторасположения, позволяющего ее найти вновь, если таковая потребуется. В отличие от традиционного текста, при работе с которым нужно запоминать место, в котором располагалась информация, электронный гипертекст предоставляет другие инструменты. В первую очередь, это возможность электронного поиска. Поиск хотя и требует от человека определенных навыков (Войскунский, 2017), однако значительно ускоряет работу при необходимости оперирования с большими массивами информации. А во вторую очередь заметим, что гипертекст «оборудован» системой

ссылок, которые позволяют всем самостоятельно выбирать «маршруты» чтения, а при повторной работе с текстом — оптимизировать такие маршруты для поиска необходимой информации.

В процессах *внимания* применительно к применению гипертекстов привлекательна произвольность таких процессов. Многие рассмотренные свойства гипертекстов могут быть использованы для того, чтобы предоставить читателям больше возможностей для управления своим вниманием (например, оставляя и фиксируя пометки в тексте). Но, помимо того, гипертекст расширяет возможности и для автора, заинтересованного в управлении вниманием читателя. Отдельно стоит отметить, что такое управление можно настраивать почти индивидуально под каждого читателя — соответствующие технологии уже давно используются на рынке Интернет-рекламы; они обладает определенным потенциалом и применительно к образованию.

Если ограничить рассмотрение гипертекстовыми структурами, которые предназначены для применения в системе среднего и высшего образования или повышения квалификации, то следует отметить, что такие структуры характеризуются доступностью, интерактивностью, динамичностью, мультимедийностью, децентрацией, наглядностью и визуализацией, перспективой разнообразия видов взаимодействия с другими учащимися, вариативностью учебных заданий, открытостью для внеаудиторной работы, для совместной деятельности, для самостоятельного планирования работы.

Заключение

Гиперссылки и гипертексты обладают положительным потенциалом реализации дополненной познавательной деятельности. Большинство исследований, посвященных психологическим аспектам применения гипертекстовых структур, ограничиваются проблематикой запоминания информации, причем чаще всего в сравнительном плане: какой тип текста в большей степени способствует запоминанию — традиционный линейный или электронный, т. е. снабженный гиперссылками (DeStefano, LeFevre, 2007). Ряд зарубежных исследований основываются на методологии измерения «усвоения текста» (text comprehension), т. е. на процессах запоминания и внимания, поскольку после прочтения учащимися как привычного текста, так и гипертекста им дается задание найти в прочитанном конкретные ответы на тестовые вопросы. Подобные задания довольно далеки от реального повседневного поведения большинства людей. Процессы же мышления и воображения при этом если и затрагиваются, то лишь косвенно: так, оценка успешности деятельности читателей

линейных текстов либо гипертекстов включает иной раз подготовку учащимися творческих эссе.

С учетом сравнительно небольшого числа проведенных к настоящему времени исследований правомерно допустить, что исследования когнитивных процессов, дополненных гипертекстовыми структурами, могут стать весьма перспективным направлением психологических исследований.

Литература

Брушлинский А. В. Психология мышления и кибернетика. М.: Мысль, 1970.

Виртуальная реальность в психологии и искусственном интеллекте / Сост. Н. В. Чудова. М.: Российская Ассоциация искусственного интеллекта, 1998.

Войскунский А. Е. Интернет как пространство познания: психологические аспекты применения гипертекстовых структур // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 4. С. 7–20.

Солодов М. Ю. Проблематика гипертекста в философии // Культура и технологии. 2017. Т. 2. № 1. С. 13–19.

Тихомиров О. К. Философские и психологические проблемы «искусственного интеллекта» // Искусственный интеллект и психология / Отв. ред. О. К. Тихомиров. М.: Наука, 1976. С. 8–40.

Тихомиров О. К. Информационный век и теория Л. С. Выготского // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 1. С. 114–119.

Файола Э., Войскунский А. Е., Богачева Н. В. Человек дополненный: становление киберсознания // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 147–162.

Clark A., Chalmers D. The extended mind // Analysis. 1998. V. 58. № 1. P. 7–19. URL: <http://cogprints.org/320/1/extended.html>.

DeStefano D., LeFevre J. A. Cognitive load in hypertext reading: A review // Computers in Human Behavior. 2007. V. 23. P. 1616–1641

Augmented cognition: hyperlinks and hypertext

A. E. Voiskounsky, M. Yu. Solodov** (Moscow)*

* Candidate of Psychological Sciences, Moscow Lomonosov State University

** Moscow Lomonosov State University

We continue to build thesis that technology is developing towards augmenting human, either than replacing us. If so scientists should focus on the most efficient ways of this augmentation, rather than search for the differences be-

tween people and computers. We have analyzed hypertext potential in terms of basic cognitive processes: sensation, comprehension, thought, imagination, attention and memory. We assume that one of the fundamental issues for augmented cognition is to realize the potential that was built around technology, especially hypertext.

Keywords: cognition, cognitive processes, Internet, information technology, hypertext.

Психологические особенности лиц с различными инвестиционными предпочтениями*

М. А. Гагарина (Москва)

*кандидат психологических наук, доцент, Финансовый университет,
Институт психологии РАН; e-mail: mgagarina224@gmail.com*

В данной статье рассматриваются результаты эмпирического исследования личностных черт, толерантности и интолерантности к неопределенности респондентов, инвестирующих в традиционные финансовые инструменты, вкладывающих деньги в финансовые пирамиды и занимающихся майнингом криптовалют. Показано, что инвесторы в акции, облигации отличаются от тех, кто не инвестирует, более низкой сознательностью и доброжелательностью, а также более положительным отношением к биткоину. Вкладывающие деньги в финансовые пирамиды отличаются от тех, кто не вкладывает, только по толерантности и интолерантности к неопределенности. Респонденты, занимающиеся майнингом криптовалют, отличаются от остальных респондентов по личностным чертам, толерантности и интолерантности к неопределенности и личностным чертам.

Ключевые слова: криптовалюты, майнинг, личностные черты, инвестиционное поведение, финансовые пирамиды, толерантность к неопределенности.

В последнее время все больше внимания уделяется информационным технологиям и их применению, в том числе для развития финансовых рынков, что нашло отражение в программе Правительства «Цифровая экономика»**. Наряду с инвестированием в традицион-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-013-01232А «Психологические факторы и механизмы инвестиционного поведения россиян с различным уровнем финансовой грамотности».

** Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р «Об утверждении программы „Цифровая экономика Российской Федерации“». URL:

ные финансовые инструменты, появилась возможность вкладывать деньги в цифровые активы*. Многие зарубежные специалисты по финансовым рынкам, например глава Европейского центрального банка Ив Мерш и глава Всемирного банка Джим Ен Ким, уже сейчас видят в биткоине черты финансовой пирамиды. В научном сообществе придерживаются того же мнения; так, опытным путем подтверждено, что фундаментальная стоимость биткоина равна нулю, а его рост во многом основан на обещаниях, надеждах и оптимизме (Fry, Cheah, 2015; Weber, 2016). Того же мнения придерживается лауреат Нобелевской премии по экономике 2013 г. Роберт Шиллер (Shiller, 2014). В связи с этим есть риск повторения ситуации финансовых пирамид 1994–1995 гг., когда инвестиционные решения принимались неквалифицированными инвесторами на основании слухов, рекламы и мнений других людей.

Если задаться вопросом, чем обусловлена психологическая готовность инвестировать в криптовалюты, то, по нашему предположению, это связано с наличием взаимосвязи с личностными чертами большой пятерки, как это было выявлено для долгового и сберегательного поведения (Brown, Taylor, 2014; Nyhus, Webley, 2001), а также с готовностью к риску и толерантностью к неопределенности. Экономическое поведение очень тесно связано с отношением к деньгам, которое может быть определено с помощью семантического дифференциала (Дейнека, 2002). Возможно, инвесторы в криптовалюты и в оборудование для майнинга — в обоих случаях имеет значение курс криптовалюты (Латыш, Кропин, 2017) — по своим личностным характеристикам будут схожи с инвесторами в финансовые пирамиды.

Выборка

В эмпирическом исследовании приняли участие 360 респондентов от 18 до 68 лет, из них 219 женщин, средний возраст опрашиваемых — 26 лет. Среди респондентов были студенты старших курсов бакалавриата и магистратуры Финансового университета (факультет финансовых рынков и факультет прикладной математики и информационных технологий), а также взрослые респонденты, работающие в различных государственных учреждениях и работающие на себя.

<http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB7915v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 19.03.2018).

* Проект Федерального закона N 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (редакция, внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018). URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/52970.html>.

Методы исследования

Наряду с вопросами, направленными на определение социально-демографических характеристик, задавались вопросы об отношении к инвестиционной деятельности, опыте инвестирования в различные финансовые инструменты и вложениях денег в финансовые пирамиды. Нас также интересовал опыт спекуляций на криптовалютном рынке и вовлеченность в занятие майнингом. Были использованы следующие психодиагностические методики: семантический дифференциал (СД), короткий портретный опросник «большая пятерка» (Егорова, Паршикова, 2016), опросник личностных факторов принятия решений (ЛФР-25) (Корнилова, 1994) и методика толерантности и интолерантности к неопределенности Баднера (Корнилова, Чумакова, 2014). Для обработки результатов использовался пакет программ Statistica 10.0.

Результаты исследования

На основании ответов на вопросы об опыте инвестирования были выделены три основных группы «инвесторов». Это инвестирующие в традиционные финансовые инструменты, имеющие опыт инвестирования в финансовые пирамиды и инвестирующие в криптовалюты. Мы сравнили их с теми, кто не имеет опыта инвестирования.

Инвестирующие в традиционные финансовые инструменты (участвующие в торгах на бирже) — это респонденты, которые рассматривают свою инвестиционную деятельность как существенный источник дохода. В нашей выборке они составили 37 чел. (10%). При этом в подобном инвестировании участвовали 3% от общего числа женщин, 23% мужчин. Самыми популярными являются инвестиции в акции и облигации, а также в иностранную валюту (37 и 28%, соответственно), затем идут инвестиции в драгоценные металлы (12%) и инструменты рынка денежно-кредитных отношений (10%); реже всего упоминаются криптовалюты (8%) и фьючерсы и опционы (5%).

Из общего числа опрошенных 45 чел. (13%) имели опыт инвестирования в финансовые пирамиды. Мы попросили респондентов объяснить, почему, на их взгляд, люди вкладывают деньги в финансовые пирамиды: самыми распространенными объяснениями оказались «возможность получения легких денег», «жадность», недостаточная финансовая грамотность и «все так делали». Между ответами респондентов, участвовавших и не участвовавших в финансовых пирамидах, значимых различий нет (по критерию χ^2 ; $p < 0,05$).

Количество респондентов, зарабатывающих на майнинге и инвестировании в криптовалюты, составило 25 чел. (7% опрошенных). Среди тех, кто не занимается майнингом, соотношение между осведомленными о сути данного процесса и не знающими, что такое майнинг, было 47 и 49% соответственно.

Далее рассмотрим, как отличаются инвесторы в различные продукты финансового рынка от тех, кто не инвестирует. Было проведено сравнение средних значений по шкалам указанных выше психодиагностических методик по t-критерию Стьюдента.

Респонденты, которые инвестируют в традиционные инструменты финансового рынка, отличаются от тех, кто не инвестирует, меньшей сознательностью (среднее значение – 3,8 vs 4,6; $t=4,0$, $p=0,000$) и меньшей доброжелательностью (среднее значение 3,9 vs 4,5; $t=3,4$, $p=0,000$). Такие результаты означают, что инвесторам в большей степени свойственна готовность нарушать установленные правила, меньшая отзывчивость и большая критичность по отношению к окружающим. Полученные результаты согласуются с данными зарубежных исследователей (Brown, 2014; Nyhus, 2001), согласно которым доброжелательность отрицательно связана с инвестированием в акции и со сбережением и накоплением богатства. Кроме этого, данная категория инвесторов оценивает биткоин достоверно выше по всем шкалам СД (оценка, сила, активность), чем другие респонденты. Достоверных различий по методике Баднера, т. е. по показателям рациональности и готовности к риску, (ЛФР-25) обнаружено не было.

Далее было проведено сравнение респондентов, инвестирующих и не инвестирующих в финансовые пирамиды. Респонденты, участвовавшие в финансовых пирамидах, обладают достоверно меньшей толерантностью (среднее значение – 24,2 vs 27,7; $t=2,34$, $p=0,020$) и интолерантностью (среднее значение – 24,9 vs 28,6; $t=2,82$, $p=0,005$) к неопределенности. По личностным чертам, рациональности и готовности к риску и отношению к биткоину достоверных различий не обнаружено.

Далее мы обратились к сравнению респондентов, инвестирующих и не инвестирующих в криптовалюты и оборудование для майнинга. Респонденты, инвестирующие в криптовалюты и оборудование для майнинга, отличаются от остальных респондентов более низкой толерантностью (среднее значение – 20,7 vs 27,9; $t=4,47$, $p=0,000$) и интолерантностью (среднее значение – 22,3 vs 28,8; $t=4,53$, $p=0,000$) к неопределенности. По методикам измерения личностных черт были получены следующие различия. Респонденты, инвестирующие в криптовалюты и оборудование для майнинга, характеризуются более низкой экстраверсией (среднее значение – 3,5 vs 4,3; $t=2,77$,

$p=0,006$), открытостью новому опыту (среднее значение – 3,9 vs 4,5; $t=3,49$, $p=0,001$), сознательностью (среднее значение – 3,7 vs 4,5; $t=3,79$, $p=0,000$) и доброжелательностью (среднее значение – 3,5 vs 4,5; $t=5,05$, $p=0,000$). Полученные результаты могут быть интерпретированы следующим образом. Инвестиционное поведение в традиционные финансовые инструменты, как было показано выше, связано с такими личностными чертами, как низкая экстраверсия и низкая доброжелательность. Видимо, инвестирование в криптовалюты также предполагает меньшую общительность и активность по отношению к другим людям, меньшую способность к сопереживанию и сочувствию, поскольку данные качества ведут, скорее, к тратам денег и к долгам, чем к накоплениям (Nyhus, 2001). Более низкая сознательность, на наш взгляд, означает более низкую нормативность поведения, готовность к нарушению правил и, в некотором смысле, готовность рисковать, хотя достоверных различий по готовности к риску и рациональности методики ЛФР-25 обнаружено не было. Результаты по открытости новому опыту требуют дальнейшего изучения; можно предположить, что инвесторами в криптовалюты из числа участников нашей выборки движет отнюдь не любопытство и стремление познать новое, а желание заработать любым путем.

Для лучшего понимания того, как связаны личностные черты с отношением к криптовалютам, нами был проведен корреляционный анализ отношения к биткоину (шкалы СД) и результатов психодиагностических тестов. В результате для биткоина получены достоверные положительные корреляции с открытостью новому опыту ($r=0,2$, $p<0,05$) и шкалами оценки и силы, а также отрицательные корреляции между нейротизмом ($r=-0,2$, $p<0,05$) и оценкой. То есть чем выше у респондента открытость новому опыту, тем более положительным и сильным воспринимает он биткоин; чем ниже у респондента уровень нейротизма (и соответственно выше эмоциональная устойчивость), тем позитивнее он воспринимает биткоин. Данные взаимосвязи представляются нам вполне логичными.

Выводы

Респонденты, выбравшие для инвестиций традиционные финансовые инструменты, отличаются от тех, кто не принимает участия в торгах на бирже, личностными чертами – более низким уровнем сознательности и доброжелательности, а по отношению к биткоину – более высокими значениями по оценке, силе и активности. Различий по толерантности и интолерантности к неопределенности, рациональности и готовности к риску не обнаружено.

Респонденты, инвестировавшие в финансовые пирамиды, имеют меньше всего отличий от тех, кто не инвестирует. Они отличаются только более низким уровнем толерантности и интолерантности к неопределенности и не отличаются по личностным чертам, рациональности, готовности к риску и отношению к биткоину.

Респонденты, инвестирующие в криптовалюты и оборудование для майнинга, отличаются от тех, кто не инвестирует, как по уровню толерантности и интолерантности к неопределенности, так и по ряду личностных черт. Для данных инвесторов характерны низкий уровень толерантности и интолерантности к неопределенности, низкий уровень экстраверсии, открытости новому опыту, сознательности и доброжелательности.

Имеется взаимосвязь между личностными чертами и отношением к биткоину: чем выше у респондента открытость новому опыту, тем более положительным и сильным воспринимает он биткоин; чем ниже у респондента уровень нейротизма (и соответственно выше эмоциональная устойчивость), тем позитивнее он воспринимает биткоин.

Литература

- Дейнека О. С.* Динамика макроэкономических компонентов образа денег в обыденном сознании // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 2. С. 36–46.
- Егорова М. С., Паршикова О. В.* Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (B5-10) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 45. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.02.2018).
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А.* Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. № 1. С. 92–110.
- Корнилова Т. В.* Диагностика «личностных факторов» принятия решений // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 99–109.
- Латыш А. Р., Кропин Ю. А.* Феномен биткоина, влияние криптовалюты на международный валютно-финансовый рынок // Наука, техника и образование. 2017. № 9 (39). С. 46–50.
- Brown S., Taylor K.* Household finances and the “Big five” personality traits // Journal of Economic Psychology. 2014. V. 45. P. 197–212.
- Fry J., Cheah E-T.* Speculative bubbles in Bitcoin markets? An empirical investigation into the fundamental value of Bitcoin // Economics Letters. 2015. V. 130. P. 32–36.

- Nyhus E. K., Webley P.* The Role of Personality in Household Saving and Borrowing Behaviour // *European Journal of Personality*. 2001. V. 15. P. 85–103.
- Shiller R. J.* Speculative asset prices // *American Economic Review*. 2014. V. 104. P. 1486–1517.
- Weber B.* Bitcoin and the legitimacy crisis of money // *Cambridge Journal of Economics*. 2016. V. 40. № 1. P. 17–41.

Psychological features of individuals with different investment preferences

M. A. Gagarina (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Financial University, Institute of Psychology RAS

This article examines the results of an empirical study of personality traits, tolerance and intolerance to uncertainty of respondents investing in traditional financial instruments, investing money in financial pyramids and dealing with crypto-currency mining. It is shown that investors in stocks, bonds differ from those who do not invest in lower consciousness and agreeableness, and in a more positive attitude towards bitcoin. Those who invest money in financial pyramids differ from those who do not invest only in tolerance and intolerance to uncertainty. Respondents engaged in mining crypto currency differ from other respondents in terms of personality traits, tolerance and intolerance to uncertainty and personality traits.

Keywords: crypto-currencies, mining, personal traits, investment behavior, financial pyramids, tolerance to uncertainty.

Субъект-средовые взаимодействия с тв и интернетом

Э. В. Лидская, М. О. Мдивани** (Москва)*

** Психологический институт РАО; e-mail: elidskaya@gmail.com*

*** кандидат психологических наук, Психологический институт РАО;
e-mail: mdivanim@gmail.com*

В статье представлены результаты эмпирического исследования субъект-средовых взаимодействий с ТВ и Интернетом. На основании данных об индивидуальных предпочтениях получен рейтинг семи ТВ-программ и семи интернет-сайтов. Выявлено, что во взаимодействиях с ТВ мужчины и женщины используют все три типа субъект-средовых взаимодействий: субъект-объектные, объект-субъектные, квазисубъектные. Значимые различия между мужчинами и женщинами в использовании этих типов взаимодействий обнаружены не были. Субъект-средовые взаимодействия с Интернетом у мужчин и женщин оказались достоверно различными. Мужчины чаще используют субъект-объектный, женщины чаще демонстрируют квазисубъектный тип взаимодействия с Интернетом.

Ключевые слова: субъект-средовые взаимодействия, субъект-объектные, объект-субъектные, квазисубъектные, ТВ-программы, Интернет-сайты, предпочтения.

Понятие субъекта в психологии неразрывно связано с такими именами, как С. Л. Рубинштейн (1997), К. А. Абульханова-Славская (1973), А. В. Брушлинский (2003), В. В. Знаков (2003), Е. А. Сергиенко (2013) и др. Это понятие обычно используется для обозначения разных форм психической активности от «простых» психических процессов до высших форм сознания и духовности, направленных как на внешний, так и на внутренний мир человека (Проблема субъекта в психологической науке, 2000).

Наше исследование посвящено изучению способности человека занимать активную (субъектную) или соответственно пассив-

ную (объектную) позиции в информационных взаимодействиях с ТВ и Интернетом.

Согласно экпсихологическому подходу к развитию психики (Панов, 2016), информационные взаимодействия человека с ТВ и Интернетом носят субъект-средовой характер, так как и ТВ, и Интернет представляют собой разные виды информационной среды, в которых представлены разные варианты телевизионных программ и соответственно сайтов. Личный выбор программы ТВ или сайта в Интернете обусловлен теми потребностями, которые индивид хочет удовлетворить с помощью ТВ или Интернета. В свою очередь, это определяет субъектную или же объектную ролевую позицию индивида в его взаимодействиях с ТВ и Интернетом. И в то же время ТВ и Интернет в этих взаимодействиях тоже могут выполнять не только объектную, но и субъектную ролевые функции. Например, если индивид обращается к ТВ и Интернету, чтобы узнать новости, то в этом случае он по отношению к ним занимает активную, субъектную позицию, а ТВ и Интернет — пассивную, объектную позицию. Поэтому такое взаимодействие будем называть «субъект-объектным типом взаимодействия».

Возьмем следующую ситуацию, когда ТВ и Интернет (точнее, поступающая от них информация) психологически воздействуют на сознание индивида, оказывая на него информационное, эмоциональное и даже личностное воздействие. В качестве примера приведем новостную программу, когда ее ведущий пытается навязать зрителю свою точку зрения на обсуждаемую проблему. Если индивид принимает это воздействие и подчиняется ему, то мы говорим, что он занимает объектную позицию, а ТВ и Интернет — субъектную. Такое взаимодействие мы называем «объект-субъектным типом взаимодействия».

Возможна и третья ситуация, когда взаимодействие с ТВ или Интернетом имеет взаимный, двусторонний характер в виде диалога или сопереживания. Поскольку такое взаимодействие происходит с помощью технических устройств (экран телевизора, компьютера, гаджета), то ТВ и Интернет в этом случае выполняют роль квазисубъекта информационного взаимодействия. Поэтому такой тип субъект-средового взаимодействия мы обозначаем, как «квазисубъектный тип взаимодействия». Наглядным примером являются телевизионные сериалы, просмотр которых формирует потребность увидеть и эмоционально пережить сюжетную линию, представленную в следующей серии. Применительно к Интернету имеются в виду ситуации, когда индивид принимает участие в совместных игровых или профессиональных действиях с другими пользователями

в виртуальном пространстве Интернета в режиме онлайн. В подобных ситуациях потребность взаимодействовать с ТВ или Интернетом может приобретать характер созависимости, выражающейся в эмоциональной привязанности вплоть до личностной зависимости.

Исходя из вышеизложенного, целью нашего исследования стало эмпирическое изучение субъект-объектных, объект-субъектных и квазисубъектных взаимодействий в ТВ и в Интернете.

Методика и процедура исследования

Для того чтобы определить тип информационного взаимодействия с ТВ и Интернетом, был использован валидизированный опросник (Мдивани, 2017). В основу этого опросника были положены высказывания, определяющие отношение к ТВ и Интернету как объекту, субъекту и квазисубъекту информационного взаимодействия. Усреднение оценок позволило вычислить для взаимодействий с ТВ и Интернетом три показателя: субъектная позиция, объектная позиция и созависимость.

Каждое из утверждений опросника оценивалось респондентами по 7-балльной шкале: от «полностью согласен» до «полностью не согласен». Поскольку ТВ и Интернет представлены разными сервисами и программами, то в опросник были включены вопросы о предпочтениях респондентов в выборе телевизионных программ и сайтов Интернета, а также об общей частоте взаимодействия с ТВ и Интернетом. Респондентам предлагалось выбрать три наиболее предпочитаемые ТВ-программы из следующих семи: новости, аналитические программы, ток-шоу, сериалы, фильмы, развлекательные программы, познавательные передачи. И аналогично предлагалось выбрать столько же (три) наиболее часто используемых сайтов из следующих семи сервисов Интернета: социальные сети, электронная почта, новостные сайты, онлайн-игры, онлайн-видео, Wikipedia, интернет-магазины.

Опросник был распространен в Интернете, и было получено 613 полных ответов. Из них 261 (42,6%) был заполнен мужчинами и 362 (57,4%) – женщинами. В исследовании принимали участие респонденты разных возрастных категорий (от 18 до 25 лет – 18,1%; от 26 до 35 лет – 45,8%; от 36 до 45 лет – 28,1%; от 46 до 60 лет – 10,9% и 2,1% старше 60 лет) и разного уровня образования (среднее – 5,9%; техникум/колледж – 12,7%; незаконченное высшее – 11,4% и высшее – 70%).

Результаты эмпирического исследования индивидуальных предпочтений ТВ

На вопрос, как часто они смотрят телевизор, 11,8% респондентов ответили, что у них телевизор включен постоянно; 42,8% респондентов включают телевизор каждый день; 13,3% смотрят телевизионные передачи 2–3 раза в неделю; 4,5% смотрят телевизор только по выходным; а 27,8% – очень редко.

Согласно данным об индивидуальных предпочтениях, был получен следующий рейтинг предпочитаемых ТВ-программ: новости выбрали 338 респондента (55,1%), фильмы – 249 респондентов (40,6%), познавательные передачи – 230 респондентов (37,5%), развлекательные программы – 335 респондентов (36,7%), сериалы – 147 респондентов (24,0%), аналитические программы – 68 респондентов (11,1%).

По критерию $\chi^2(p=0,001)$ полученные данные показали наличие значимых различий между телевизионными предпочтениями у мужчин и у женщин:

- 1) аналитические программы примерно в два раза чаще выбираются мужчинами (15,5%), чем женщинами (7,5%);
- 2) ток-шоу, напротив, примерно в два раза чаще предпочитают женщины (27,6%), чем мужчины (13%);
- 3) сериалы женщины смотрят чаще (34,7%), чем мужчины (16,8%);
- 4) развлекательные программы женщины предпочитают в большей степени, чем мужчины (45 и 33,5% соответственно).

Результаты эмпирического исследования индивидуальных предпочтений во взаимодействии с Интернетом

Согласно полученным данным, подавляющее большинство наших респондентов используют Интернет каждый день (99,5%).

Индивидуальные предпочтения интернет-сайтов представлены следующим рейтингом: социальные сети выбрали 473 респондента (77,2%), электронную почту – 404 респондента (65,9%), новостные сайты – 310 респондентов (50,6%), интернет-магазины – 175 респондентов (28,5%), онлайн-видео – 151 респондент (24,9%), Wikipedia – 100 респондентов (16,3%), онлайн-игры – 79 респондентов (12,9%).

При этом, как и в случае с ТВ, индивидуальные предпочтения интернет-сервисов у мужчин и женщин значимо различаются:

- 1) женщины чаще мужчин предпочитают социальные сети (89,1 и 78,3% соответственно), электронную почту (68,6 и 52,8%, соответственно) и интернет-магазины (36 и 18%, соответственно);

- 2) мужчины чаще женщин используют новостные сайты (57,8 и 39,7%, соответственно) и онлайн-игры (19,9 и 7,5%, соответственно).

Анализ субъект-средовых взаимодействий с ТВ

На основании данных о телевизионных предпочтениях были получены следующие средние значения по типам субъект-средовых взаимодействий с ТВ:

- 1) субъект-объектные взаимодействия с ТВ: новости – 5,3; аналитические программы – 5,7; фильмы – 4,7; познавательные передачи – 4,5; ток-шоу – 4,5; сериалы – 4,2; развлекательные программы – 4,1;
- 2) объект-средовые взаимодействия с ТВ: новости – 4,5; аналитические программы – 4,5; фильмы – 4,3; познавательные передачи – 4,1; ток-шоу – 4,3; сериалы – 4,1; развлекательные программы – 4,0;
- 3) квазисубъектные взаимодействия с ТВ (созависимость): новости – 4,0; аналитические программы – 3,8; фильмы – 4,3; познавательные передачи – 3,6; ток-шоу – 3,9; сериалы – 3,8; развлекательные программы – 3,2.

Из приведенных значений видно, что субъектная позиция по отношению к телевизионной среде наиболее выражена у тех, кто предпочитает смотреть аналитические программы. Эти передачи обращены к рациональности зрителей и тем самым предполагают активное размышление над своим содержанием. Однако то, что происходит на так называемых аналитических ток-шоу, наряду с ежедневными новостями, сильно воздействует на эмоции телезрителей. Очевидно, поэтому уровень объектной позиции у тех, кто их предпочитает, выше, чем у остальных. Вторыми по эмоциональному воздействию являются фильмы и развлекательные ток-шоу: уровень объектной позиции у тех, кто их предпочитает, достаточно высок. Наконец, в отношении созависимости с ТВ-средой вступают прежде всего те респонденты, которые предпочитают смотреть фильмы.

При этом не обнаружено значимых различий между мужчинами и женщинами в их отношениях к ТВ как объекту информационного взаимодействия и как субъекту такого взаимодействия. Однако были получены значимые различия для респондентов разного уровня образования. Так, восприятие телевидения как субъекта падает с уровнем образования ($F=4,84$, $p=0,002$); отношения созависимости также уменьшаются с возрастанием уровня образования ($F=3,93$, $p=0,009$).

Анализ субъект-средовых взаимодействий с Интернетом

На основании данных о предпочтениях сайтов в Интернете были получены следующие средние значения по типам субъект-средовых взаимодействий с интернет-средой:

- 1) субъект-объектные взаимодействия с Интернетом: социальные сети (4,9), электронная почта (4,9), новостные сайты (5,2), онлайн-игры (5,1), онлайн-видео (5,1), интернет-магазины (4,8), Wikipedia (4,9);
- 2) объект-средовые взаимодействия с Интернетом: социальные сети (5,2), электронная почта (5,2), новостные сайты (5,3), онлайн-игры (4,8), онлайн-видео (5,3), интернет-магазины (5,4), Wikipedia (4,9);
- 3) квазисубъектные взаимодействия с Интернетом (созависимость): социальные сети (5,6), электронная почта (5,5), новостные сайты (5,4), онлайн-игры (5,5), онлайн-видео (5,7), интернет-магазины (5,7), Wikipedia (5,0).

По результатам однофакторного дисперсионного анализа различия в субъект-средовых взаимодействиях с Интернетом у мужчин и женщин оказались статистически достоверными. Мужчины чаще используют субъект-объектный ($F=6,51$, $p=0,011$), а женщины чаще демонстрируют квазисубъектный тип взаимодействия с ним ($F=5,65$, $p=0,018$).

Как видно из приведенных средних значений предпочтения сайтов в Интернет-среде, наши предположения в целом подтвердились. Наиболее объектную позицию по отношению к Интернет-среде занимают те, кто предпочитает онлайн-видео и интернет-магазины. Возможно, это связано с тем, что большое распространение в последнее время получили социальные сети, предполагающие размещение видеоблогов, такие как Instagram и YouTube, что еще раз подтверждает мысль, что эмоциональное воздействие вызывает зависимость от среды (Войскунский, 2014). Именно поэтому наибольший уровень созависимости демонстрируют те респонденты, которые предпочитают интернет-магазины, так как вместе с торговлей в Интернет перемещаются и шопоголики.

Наибольший уровень объектности во взаимодействиях с Интернетом показывают те респонденты, которые предпочитают новостные сайты. Интересно, что при выборе интерактивных интернет-сервисов эмоциональная зависимость (квазисубъектные взаимодействия) превышает субъектную позицию. Это подтверждается значимыми различиями по критерию χ^2 ($p=0,001$) между типами экопсихологи-

ческих взаимодействий. И лишь в случае предпочтения новостных сайтов и Wikipedia таких различий не наблюдается.

Заключение

Согласно экопсихологическому подходу к развитию психики, ТВ и Интернет, как компоненты информационной среды, могут выступать для индивида в роли объекта, субъекта и квазисубъекта информационного взаимодействия с ними. Но в то же время сам индивид может занимать в подобных взаимодействиях позицию не только субъекта, но и объекта, что может находить свое проявление в индивидуальных предпочтениях.

По данным предпочтений ТВ-программ, большинство респондентов смотрят телевизор каждый день (около 43%) и чуть больше четверти смотрят его очень редко. Из ТВ-программ респонденты более всего предпочитают новости (55,1%) и реже всего аналитические программы (11,1%). В то время как к Интернету обращаются каждый день 95,5% респондентов нашей выборки и лишь 0,5% обращаются к нему по необходимости. Среди сайтов Интернета наиболее популярными оказались социальные сети (77,2%), наименее популярными – онлайн-игры (12,9%).

В информационных взаимодействиях с ТВ и респонденты-мужчины, и респонденты-женщины используют все три типа субъект-средовых взаимодействий: объектный, субъектный и квазисубъектный. Значимые половые различия в использовании этих типов взаимодействий обнаружены не были. При этом установлено, что объектный тип взаимодействия используется и мужчинами, и женщинами чаще, чем субъектный и квазисубъектный; а квазисубъектный тип – реже, чем объектный и субъектный.

Субъект-средовые взаимодействия с Интернетом у мужчин и женщин оказались достоверно различными: мужчины чаще реализуют субъект-объектный ($F=6,51, p=0,011$), а женщины чаще демонстрируют квазисубъектный тип взаимодействия с Интернетом ($F=5,65, p=0,018$).

Литература

- Абульханова К. А.* О субъекте психологической деятельности. М.: Наука, 1973.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
- Войсункинский А. Е.* Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2014. № 2. С. 90–104.

- Знаков В. В., Рябикова З. И.* Психология человеческого бытия. М.: Смысл, 2017.
- Мдивани М. О.* Метод исследования экопсихологических взаимодействий человека с информационной средой // Акмеология. 2017. № 1 (61). С. 59–65.
- Панов В. И.* Информационная среда в контексте экопсихологического подхода к развитию психики: концептуальные предпосылки // XII Международная научно-практическая конференция «Психология личностно-профессионального развития: современные вызовы и риски» / Под ред. Л. М. Митиной. М.: Перо, 2016. С. 23–27.
- Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Сергиенко Е. А.* Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 5–17.

Subject-environmental interactions with TV and Internet

E. V. Lidskaya, M. O. Mdivani** (Moscow)*

* Psychological Institute of Russian Academy of Education

** Candidate of Psychological Sciences, Psychological Institute of Russian Academy of Education

The article presents the results of an empirical study of subject–environment interactions with TV and the Internet. Based on the data on individual preferences, a rating of seven TV programs and seven Internet sites was obtained. It was revealed that in interactions with TV men and women use all three types of subject–environment interactions: subject–object, object–subject, quasisubject. Significant differences between men and women in the use of these types of interactions were not found. The subject–environment interactions with the Internet in men and women were significantly different. Men often use subject–object type, women more often demonstrate a quasisubject type of interaction with the Internet.

Keywords: subject–environment interactions, subject–object, object–subject, quasisubject, TV-programs, Internet sites, preferences.

Формирование способности к рефлексии в ролевых играх

Г. В. Лосик, А. А. Дерюгин** (Минск)*

** доктор психологических наук, Объединенный институт проблем информатики НАН Беларуси, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Институт психологии;
e-mail: georgelosik@yahoo.com*

*** Объединенный институт проблем информатики НАН Беларуси;
e-mail: a.dieriughin@mail.ru*

С кибернетических позиций рассмотрен механизм формирования у ребенка способности к рефлексии на основе реализации у него в раннем онтогенезе уникального завуалированного контура обратной связи как канала самообучения. Через этот контур ребенок сам формирует у себя способность к рефлексии, блокируя на это время использование опыта социальной перцепции. Предлагаемая схема формирования рефлексии по-новому расставляет приоритеты важности участия взрослого и собственного «эксперимента» в деле формирования образа персоны рефлексии на разных этапах становления у ребенка навыка рефлексировать.

Ключевые слова: рефлексия, ребенок, социум, онтогенез, ролевая игра, контур обратной связи.

Введение

Под рефлексией в психологии понимается способность одного субъекта стать мысленно на место другого субъекта (Выготский, 1960). Это способность человека оценивать, судить, рассуждать, воображать некую окружающую ситуацию не со своей собственной, повседневной позиции, а на короткое время – с чужой позиции. Такое свойство психики есть рефлексия первого порядка. Данное свойство рефлексии у субъекта может получить далее развитие до второго порядка. Ее суть в способности субъекта воображать, как его са-

мого представляет в своем воображении другой субъект. Рефлексия относится, по Л. С. Выготскому, к высшим психическим функциям человека, ее нет у животных. Считается, что способность к рефлексии – не врожденная, она формируется у ребенка в онтогенезе.

Однако в рамках данной статьи представляется целесообразным связать с феноменом рефлексии механизм сенсомоторного самообучения ребенка, механизм перцептивных воздействий своей моторной системой на собственную сенсорную систему (Запорожец, 1967). Этот механизм ранее был рассмотрен нами с позиции кибернетики на примере сюжетно-ролевых игр детей. Суть рассмотренного ранее механизма – в феномене обогащения сенсорного образа внешнего явления, построенного в психике сигналами извне, моторными степенями свободы вариации этого образа, взятыми не извне, а из «экспериментов над самим собой». Рассматриваемое явление рефлексии имеет гораздо более сложную природу, чем сюжетно-ролевая игра. Однако в нем реализуется тот же кибернетический алгоритм декодирования приемником сведений о передатчике сообщений.

В сюжетно-ролевой игре ребенок, во-первых, «экспериментирует» на самом себе вариацию как душевных, так и физических степеней свободы. Эксперименты с воображением в виде рефлексии, в отличие от ролевых игр, подросток продолжает совершать, даже повзрослев, а то и в течение всей жизни.

Как отмечалось (Сыроватская 2010), в сюжетно-ролевой игре, например в «дочки – матери», ребенок еще до игры совершает *интериоризацию* увиденного вовне ухаживания взрослых за младенцами, т.е. сначала переводит зрительные сцены в знаки. Однако потом в игре совершает обратную *экстериоризацию* этих знаковых сцен в физический мир ролевой игры. В рассматриваемом же нами новом случае, в «игре в рефлексия», ребенок не выполняет обратную экстериоризацию ранее интериоризированного. Тем не менее мы считаем, что явление рефлексии, как и явление сюжетно-ролевой игры, представляет собой, с точки зрения кибернетики, уникальный информационный феномен (Ильинова, 2014). Рассмотрим его подробнее.

Рефлексия и понятие перцептивных действий

С точки зрения классической психологии, социальная перцепция формирует у ребенка некоторые эталоны социальных явлений. Вместе с тем у этих эталонов возможны степени свободы их реализации, так что тот или иной субъект может отступить от сформированного в психике эталона. Социальный опыт, практика телесного и вербального общения субъекта с социумом формируют у него эталоны

общепринятых понятий и общепринятых операций с ними, формируют высшие психические функции человека в виде норм этикета, воли, совести, нравственности. В мыслях отступления от эталонов могут совершаться как логически, так и по оценочным шкалам, которые у субъекта образуются в его психологическом пространстве. Эти вариации эталонов субъект способен мысленно реализовывать не в произвольных направлениях, а «в меру своей испорченности», т. е. сообразно шкалам, сформировавшимся именно у него. В частности, он способен воображать у *рефлексируемого* им человека те мотивы, которые присущи ему самому. Эти варианты проигрывания разных своих мотивов в воображаемом поведении реципиента мы называем, в терминологии В. А. Запорожца, перцептивными действиями (Запорожец, 1967).

В данном новом случае эти действия, в отличие от ролевой игры, выполняются в *интеризированном*, а не в реальном плане, в сформированном на «социальные эталоны» психологическом пространстве. В этом пространстве в виде прочих абстрактных объектов могут быть в виде обобщенных образов сформированы образы близких людей, рефлексию которых этот субъект хотел бы совершить. Этими людьми могут быть отец, мать, сестра, друг, недруг, оппонент, дискуссионный партнер, коллега по работе. Для этого, согласно рассмотренной в работе (Кравцова, 2012) схеме, субъект совершает наедине с самим собой специальный «эксперимент»: в своем воображении проигрывает варианты присвоения своих мотивов в поведение рефлексируемого субъекта. С одной стороны, оба субъекта могут быть в чем-то антропологически схожи, а в чем-то антропологически отличны. Именно антропологический критерий в итоге такого проведенного в воображении эксперимента позволяет совершать естественный отбор: одни варианты динамики поведения рефлексируемого субъекта оставлять, а другие отвергать. Прежний, сформированный извне образ близкого и знакомого человека «обрастает» после эксперимента «нравственно разнонаправленными векторами». Они-то и добавляют в эталонный образ информацию о том, в каком направлении антропологически возможно изменять поведение рефлексируемого человека, а в каком направлении невозможно. Благодаря такому экспериментированию субъект может обнаруживать в собственной поведенческой моторике нереальность, практическую невозможность ряда тех вариаций, иллюзию реальности которых привносит сенсорно сформированный эталон.

А. В. Запорожец в последних своих работах отмечал, что социальная перцепция и мышление могут порождать у субъекта фантазии, которые отсекаются именно благодаря перцептивным воздействи-

ям на реальные объекты. Таким образом, новым в этой схеме является утверждение, что обогащение информации об образе отца у сына, как мы считаем, может осуществляться без информации от отца. Антропологическое сходство строения их тел, физическое сходство квартиры их обитания, биологическое сходство пищи оказывается достаточным, чтобы образ отца информационно расширился в памяти сына. Мы тем самым доказываем теоретически, что сыну достаточно провести мудрый эксперимент с участием самого себя, а не отца, не видеть его поведение, не анализировать статистику такого поведения.

Критичность рефлексии к условиям ее формирования

Тем не менее, для формирования свойств рефлексии, согласно рассматриваемой кибернетической схеме, необходимо соблюдение строгих условий. Естественный ход перцептогенеза не рассчитан на автоматическое возникновение у ребенка рассматриваемого нами дополнительного контура обратной связи. Автоматическое формирование навыков рефлексии без обеспечения специальных педагогических условий, согласно кибернетической схеме, стало в настоящее время невозможным. До широкого проникновения в жизнь ребенка и подростка информационных технологий он формировал по рассматриваемой нами схеме навыки рефлексии за счет сюжетно-ролевых уличных игр, живого общения со сверстниками и родителями. В естественных условиях выполнялось требование оставаться наедине с собой для «экспериментов» над своей внутренней нравственной сферой (Пиаже, 1965). Но с развитием информационных технологий массовое времяпрепровождение молодежи в Интернете, особенно в социальных сетях, а также просмотр телепередач ведет к тому, что большую часть своего времени субъект проводит в сеансе общения с этими информационными источниками. У него не остается времени для формирования способности к рефлексии, эмпатии, альтруизму. В сеансе работы в социальной сети, в Интернете не выполняются условия кибернетической схемы для глубокого развития волевых навыков. В настоящее время создается педагогическая ситуация, когда молодой человек может воспользоваться рассматриваемым каналом формирования рефлексии, но может и не воспользоваться. Мы приходим к выводу, что рефлексии нужно обучаться, причем в специальных условиях. Так, неблагоприятные внешние обстоятельства, вмешательство взрослых, отсутствие уединения для «эксперимента», пущенные на самотек условия социализации через Интернет – все это может помешать ему рефлексировать.

Если субъект идет на то, чтобы воспользоваться этим механизмом, то, как отмечалось в работе (Выготский, 1960), он обязан соблюдать, согласно кибернетическому принципу, четыре условия. Во-первых, если в воображении субъект становится на место другого субъекта и мысленно проигрывает свои мотивы на нем, то должно соблюдаться условие «тишины». Субъект должен оставаться наедине с самим собой, в этот момент он не должен ничего воспринимать извне. Во-вторых, перцептивные воздействия с целью вариации мотивов мысленно должны наноситься (проигрываться) в воображении последовательно по отдельным мотивам. В-третьих, вариации мотивов мысленно должны в воображении совершаться быстро. В-четвертых, воображение субъекта должно быть сильно развито, чтобы мысленно видеть ясно то, что именно поменяется в душевном и телесном состоянии другого человека, если он вообразит вариацию конкретного мотива. Поэтому сюжетно-ролевые игры, посещение театра, чтение художественной литературы способствуют развитию рефлексии. И наоборот, аргументы игровые действия подростка на компьютере не могут обогатить у игрока образ компьютерного героя о степенях его нравственной свободы.

Рефлексия второго порядка как перцептивные воздействия других на самого субъекта

В рамках предложенной схемы получения информации о социуме — косвенно, из антропологического сходства субъекта с социумом — можно рассмотреть рефлексии второго порядка. Напомним, ее суть в способности субъекта вообразить, как видится его персона глазами окружающих его людей. Это означает, что после формирования первого уровня рефлексии к *n* близким субъектам главный субъект может, обращаясь с ними как с источниками перцептивного воздействия на себя, проиграть в мысленном эксперименте те степени свободы их души (им же достроенные самостоятельно), которые они потенциально могут захотеть проявить в адрес его самого — в какой-либо конкретной ситуации, на некоем отрезке совместимого с ними жизненного пути.

Очевидно, что число всех степеней свободы, которыми наделяет в своем воображении главный субъект своего конкретного партнера, будет больше, чем тех степеней свободы, которые воображаемый партнер позволит применить в адрес главного субъекта. Поэтому для формирования у главного субъекта образа самого себя (с добавленной информацией о точках зрения на него его партнеров) нужен еще один непростой мысленный эксперимент. И этот

эксперимент взрослый человек на самом деле периодически совершенствует. Новым, неочевидным моментом в нашем описании этого психологического феномена является утверждение, что главный субъект получает информацию о вариациях чужой души, строит образы других людей – не обращаясь к окружающим людям, а сначала *выдвигая встречные собственные гипотезы* о душевных возможностях других людей. Поэтому, согласно такой схеме, главный субъект несет большую ответственность за проведение экспериментов со своей душой, совестью, мотивами. Если главный субъект не проявит волевых и нравственных усилий, не проведет такой эксперимент, то «железа совести» окажется у него не сформированной в виде высших психических функций. Та уникальная мысль, что только у человека, с его высшими психическими функциями, сознание и воля умеют, если захотят, обогатиться знанием о себе, почерпнув это знание не из социума – это новая идея, которая ранее не обсуждалась.

Литература

- Выготский Л. С.* История развития высших психических функций. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.
- Запорожец А. В.* Восприятие и действие. М.: Просвещение, 1967.
- Ильинова К. В., Логвинова О.Ю., Мещерякова С. В., Кулько И. Ю.* Влияние сюжетно-ролевой игры на формирование личности ребенка // Молодой ученый. 2014. № 17. С. 487–489.
- Кравцова Е. Е.* Неклассическая психология Л. С. Выготского // Национальный психологический журнал. 2012. № 7. С. 61–68.
- Пиаже Ж.* Роль действия в формировании мышления // Вопросы психологии. 1965. № 6. С. 8–12.
- Сыроватская Н. И.* Влияние современных условий на развитие сюжетно-ролевой игры дошкольников // Современные наукоемкие технологии. 2010. № 2. С. 62–63.
- Чернявская В. С., Ахмадулина О. В.* Опыт исследования сюжетно-ролевой игры у дошкольников // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 1. С. 11–15.

Formation of ability to reflection and role game

G. Losik, A. Deryugin** (Minsk, Republic of Belarus)*

* Doctor of Psychology, United Institute of Informatics Problem of National Academy of Sciences of Belorussia, Belorussian State Pedagogical University

** United Institute of Informatics Problem of National Academy of Sciences of Belorussia

From the cybernetic point of view, the mechanism of the child's ability to reflect is analyzed on the basis of the realization, in the early ontogenesis, of a unique veiled feedback loop as a channel for self-learning. Through this endeavor, the child himself develops the capacity for reflection, blocking for this time the use of the experience of social perception. The proposed scheme for the formation of a re-inflexion re-prioritizes the importance of the participation of an adult and own "experiment" in shaping the image of a person of reflection at various stages of becoming a child's ability to reflect.

Keywords: object, society, Internet user, anthropological information, perceptual actions.

Проблема толерантности к неопределенности в условиях технического прогресса

С. И. Малахова (Москва)

*кандидат психологических наук, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова; e-mail: smalakchova@mail.ru*

В статье обсуждается проблема социализации и становления идентичности в принципиально новой социокультурной среде. В информационной среде возникают новые формы коммуникации. Сетевая коммуникация способствует формированию смешанной идентичности, свободной от социокультурных различий. Необходимость принимать решения в условиях неопределенности как неполной информированности, анализ последствий выборов, совладание с ситуацией выступают на первый план в современном усложняющемся мире. Конструкты толерантности и интолерантности к неопределенности рассматриваются в рамках личностной регуляции принятия решений. Обсуждаются продуктивные формы адаптации человека к неопределенному изменяющемуся окружающему миру.

Ключевые слова: идентичность, социализация, принятие решений, толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности.

В современном мире на первый план выходят процессы трансформации повседневной жизни, которые характеризуются неопределенностью и стремительными изменениями, ростом сложности и разнообразия. Жизнь в информационном обществе связана с необходимостью принятия решений в условиях неопределенности как неполной информированности из-за невозможности полноценной ориентировки или дефицита времени. Неспособность многих людей проанализировать последствия выборов, учитывать сложные динамические изменения в ситуации также являются примерами проявления осо-

бенностей социализации и становления идентичности в принципиально новой социокультурной среде.

Информационные технологии, с одной стороны, способствуют расширению горизонтов свободы, с другой стороны, размывают границы между реальным и виртуальным пространством. Это приводит к тому, что во многих областях деятельности человека, в том числе в области межличностных отношений, реальность начинает замещаться виртуальными образами. Оставаясь в мире физическом, субъект ментально переходит в мир виртуальный, в мир симулякров. В информационной среде исчезают традиционные формы коммуникации, которые основаны на межличностных контактах, и формируется заочное общение, в котором отсутствуют непосредственные эмоции и ощущения. Такая самоизоляция человека от общества, являющаяся следствием привязанности к информационным сетям, еще более способствует процессу превращения личности в виртуального человека. В настоящее время проблема самоидентификации человека в условиях информационных коммуникаций приобретает характер пандемии, так как в коммуникативном пространстве формируется свой тип коммуникативных связей, называемый сетевой коммуникацией. Именно сетевая коммуникация становится тем фактором, который приводит к появлению виртуального человека и способствует формированию виртуальной идентичности (флюидной идентичности, электронной идентичности, сетевой идентичности, смешанной идентичности). Новая интерпретация идентичности, которая возникает в информационном пространстве, свободна от социокультурных различий, так как предлагает правила социальных отношений, принимаемые каждым участником сетевой коммуникации. Сформированная таким образом смешанная идентичность является упрощенным вариантом самоидентификации, более того, в условиях сетевой коммуникации каждый может создать свою собственную идентичность, отличную от той, которая существует в реальности. Раньше формирование идентичности происходило в социальной группе, сформированной на основе единых нравственных принципов и культурных ценностей, т. е. упорядоченной структуры, объединенной в одно целое. Современный период характеризуется кризисом идентичности, так как ее формирование происходит на основе хаотичных представлений, в условиях конфликта ценностей и стирания культурных различий. Идентичность, характерная для виртуальной реальности, отличается гибкостью, подвижностью, контекстуальностью, множественностью и незаконченностью.

Чем более разнообразными становятся формы виртуальной реальности, тем в меньшей степени они поддаются контролю со сто-

роны человека. Информационные потоки приводят к негативным последствиям, так как человек оказывается неспособным усвоить весь объем получаемой информации. Фрагментарное усвоение информации приводит к приблизительному представлению о предмете, итогом которого будут множественные ошибки при анализе разных событий и явлений. Информационная зависимость и самоизоляция от общества, в результате привязанности к информационным сетям, способствуют отчуждению человека от общества, созданию иллюзии свободы, освобождению от ответственности. Погруженный в свой собственный мир, такой человек не способен измениться под воздействием внешних факторов, так как он может полагаться только на внутренние изменения. В создавшихся условиях тотальных изменений центральной проблемой становится проблема личностного самоопределения, напрямую связанная с возрождением принципов гуманизма во всех областях жизни общества.

Один из наиболее развитых вариантов социализации личности реализован в гуманистической психологии. Гуманистический подход предъявляет новые требования к решению проблем отношения человека к природе, к обществу, к самому себе. Среди главных принципов современного гуманизма, рассматриваемых Г. А. Баллом в психологическом аспекте, выступил конструктивистский подход, предполагающий преимущественную ориентацию сознания и деятельности на положительную перспективу будущего, но при этом исключая равнодушие к сегодняшним радостям и бедам (Балл, 2009). Другим, не менее важным принципом гуманизации является принцип толерантности, признающий наличие разногласий между людьми и человеческими общностями и по возможности удерживающий эти разногласия в рамках взаимного уважения, стремления к преодолению этих разногласий, прежде всего, за счет лучшего взаимопонимания (Асмолов, 2000; Балл, 2009).

Конструкты толерантности (и интолерантности) к неопределенности имели в психологии как общие связи с разработкой проблемы личностной толерантности (Асмолов, 2000), так и специфические линии их содержательного развития в психологии познания, включая проблематику личностной регуляции принятия решений (Корнилова, 2003). Начальные исследования толерантности к неопределенности проводились через противопоставление понятию интолерантность к неопределенности, рассматривая эти понятия как два полюса одного континуума (Гусев, 2005). Современные представления о толерантности к неопределенности и интолерантности к неопределенности предполагают их рассмотрение в качестве сложных и многомерных конструктов (Корнилова, 2010).

В зарубежной психологии в 40-х годов XX в. Френкель-Брунsvик предложила выделить в качестве самостоятельного предмета исследования субъективность восприятия человеком неопределенности, с которой он сталкивается при принятии решений. Первоначально неопределенность понималась исследовательницей как эмоциональная и перцептивная переменная, играющая существенную роль при оценке вероятностных исходов принятия решения и опосредующая эмоциональный фон принятия решения (Frenkel-Brunswick, 1948). В дальнейшем интерес автора сместился на характеристики личности человека, находящегося в ситуации неопределенности.

В отечественной психологии толерантность к неопределенности понимается как интегральная личностная характеристика, изучаемая в следующих основных ракурсах: психологической устойчивости, системы личностных и групповых ценностей, личностных установок и совокупностей разноуровневых индивидуальных свойств (Солдатова, 2008). Толерантная личность — это человек, хорошо знающий себя и признающий других (Солдатова и др., 2000).

Интолерантность к неопределенности в зарубежной психологии понимается как «тенденция человека приходить к решениям по типу «черное-белое», принимать поспешные решения, зачастую не учитывая реального положения дел, и стремиться к очевидному и безусловному принятию или отторжению в отношениях с другими людьми» (Frenkel-Brunswick, 1948). В отечественной психологии интолерантная личность характеризуется «представлением о собственной исключительности, стремлением переносить ответственность на окружение, высокой тревожностью, потребностью в порядке, желанием сильной власти (Солдатова и др., 2000).

В целом толерантная личность стала описываться как человек, приемлющий новизну и неопределенность ситуаций и способный продуктивно действовать в них, а интолерантная личность — как не приемлющий новизну ситуаций и многообразие мира, испытывающий стресс при возможности множественной интерпретации стимулов.

Опора на собственный интеллектуально-личностный потенциал помогает человеку справляться с ситуациями неопределенности. В исследованиях интеллектуальных стратегий на основе деятельностного понимания мышления в отечественной психологии в школе О. К. Тихомирова была реализована гипотеза о роли процессов преодоления субъективной неопределенности как составляющей субъектного опосредствования структур мышления. «Процесс решения мыслительной задачи состоит в уменьшении исходной неопределенности условий (снятия этой неопределенности), в активном выборе информации, которая поступает как результат собственных дейст-

вий субъекта» (Тихомиров, 1969, с. 82). Таким образом, вводится динамический аспект снятия неопределенности в ходе мыслительных действий субъекта, и появляется понятие субъективной неопределенности: «это та субъективная система гипотез о возможных исходах решения задачи, которой реально пользуется человек, решающий данную задачу» (там же, с. 261).

Результатом возникновения термина «толерантность к неопределенности» явились многочисленные исследования, целью которых было установить связь толерантности к неопределенности с другими личностными свойствами. Субъект реагирует определенным образом не в силу объективных факторов, вызывающих страх, а в силу их субъективной значимости для него, поэтому ситуации обычной или минимальной опасности могут давать такие бурные реакции, как если бы произошло столкновение с угрозой для жизни. В зарубежной психологии для обозначения специфики этих способов поведения используется термин «coping» («справляться» с чем-либо, например с проблемной ситуацией). В отечественной психологии используется термин «совладающее поведение» или копинг (coping behavior).

Так, Н. W. Krohne принадлежит персональная модель копинга, описывающая и объясняющая индивидуальные реакции на стрессовые условия и неопределенные ситуации (Krohne, 1993). Krohne доказал, что неопределенность (ambiguity) относится к свойствам стимулов, которые могут быть непрогнозируемыми и осознаются как источник угрозы. А субъективная неопределенность (uncertainty) относится к эмоциональному состоянию, вызванному этим неопределенным стимулом. Автор вводит две переменные: интолерантность к субъективной неопределенности и интолерантность к эмоциональному возбуждению, которые вызывают специфические копинг-стратегии. Krohne доказал, что люди с высоким уровнем интолерантности к субъективной неопределенности склонны к использованию бдительных копинг-стратегий, которые характеризуются усиленным поглощением и обработыванием угрожающей информации. Интолерантность к эмоциональному возбуждению была связана с когнитивно-избегающими стратегиями.

Толерантность к неопределенности может пониматься как проявление латентной переменной «принятие неопределенности», которая проявляется и на уровнях других личностных свойств, в первую очередь связанных с личностной регуляцией решений и действий в условиях неопределенности — готовности к риску и предпочтения интуитивного стиля в регуляции выбора (Корнилова, 2010). В психологии принятия решений готовность к риску понималась по-разному: и как умение поймать шанс, и как смелость выбора низко ве-

роятной альтернативы, и как специфическое личностное свойство саморегуляции, позволяющее человеку продуктивно действовать и принимать решения в условиях неопределенности (Корнилова, 2003).

Таким образом, появление виртуальной реальности в компьютерном, масс-медийном и сетевом вариантах, привело к возможности существования глобальных и локальных сетей, интерактивных медиатехнологий. Как и все изобретения человечества, современные технологии являются неоднозначными как в социальном, так и в психологическом плане. Предполагается, что наибольшее влияние на развитие цивилизации окажут радикальные изменения, которые произойдут в гуманитарной сфере общества, так как они связаны с мировоззрением, моральными и нравственными установками, уровнем интеллекта и образованием. Высокий уровень информационной культуры необходим для плодотворной деятельности человека в информационном обществе. Это означает, что информация должна отвечать таким требованиям, как открытость, доступность, надежность, непротиворечивость и т. д. Возможно это позволит преодолеть кризис культурной идентичности, обусловленный конфликтом ценностей и обобщенностью, универсализацией культуры. В настоящее время в психологии на первый план стали выступать свойства, связанные с положительными качествами личности. Это направление исследований было заявлено в позитивной психологии. Ранее исследовались такие качества, как тревожность, напряженность, беспокойство; сейчас — оптимизм, жизнестойкость и толерантность к неопределенности. Позитивная психология реализует позитивный взгляд на человека, его природу, развитие, деятельность, отношение к миру, себе и другим. Если подойти к силам человека как к индивидуальным характеристикам, то нужно говорить об интеллектуальности, оптимизме, личностном потенциале и устойчивости, обо всем том, что ассоциируется с высокими жизненными достижениями. Такой подход будет продуктивной формой адаптации современного человека к неопределенному и трансформирующемуся окружающему миру.

Литература

Асмолов А. Г. (отв. ред.). На пути к толерантному сознанию. М.: Смысл, 2000.

Балл Г. А. Психологические принципы современного гуманизма // Вопросы психологии. 2009. № 6. С. 3–12.

Гусев А. И. Проблематика научной классификации толерантности к неопределенности // Наука и образование. 2005. № 5–6. С. 42–45.

- Корнилова Т. В.* Психология риска и принятия решений: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2003.
- Корнилова Т. В.* Новый опросник толерантности—интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. № 1. С. 74–86.
- Солдатова Г. У.* Введение. Толерантность: психологическая устойчивость и нравственный императив // Психодиагностика толерантности личности / Под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. М.: Смысл, 2008. С. 5–18.
- Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Шарова О. Д.* Тренинг «Учимся толерантности» // На пути к толерантному сознанию / Под ред. А. Г. Асмолова. М.: Смысл, 2000.
- Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
- Frenkel-Brunswick E.* Intolerance of Ambiguity as an Emotional and Perceptual Personality Variable // Journal of Personality. 1948. V. 18. P. 108–123.
- Krohne H. W.* Vigilance and cognitive avoidance as concepts in coping research / H. W. Krohne (Ed.) // Attention and avoidance. Strategies in coping with aversiveness. Seattle/Toronto: Hogrefe & Huber, 1993. P. 19–50.

The problem tolerance to uncertainty in the conditions of technical progress

S. I. Malakhova (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, Lomonosov Moscow State University

The article discusses the problem of socialization and the emergence of identity in a fundamentally new socio-cultural environment. In the information environment, new forms of communication arise. Network communication contributes to the formation of a mixed identity, free from sociocultural differences. The need to make decisions in conditions of uncertainty as incomplete information, analysis of the consequences of elections, coping with the situation, come to the fore in the modern world that is becoming more complicated. Constructs of tolerance and intolerance to uncertainty are considered within the framework of personal regulation of decision-making. The productive forms of human adaptation to an indefinite changing world are discussed.

Keywords: identity, socialization, decision-making, tolerance to uncertainty, intolerance to uncertainty.

Субъектный подход к негативным феноменам сетевого взаимодействия

О. И. Маховская (Москва)

*кандидат психологических наук, Институт психологии РАН;
e-mail: olyam@inbox.ru*

Статья посвящена анализу приемов, психологических механизмов воздействия, социальным и психологическим последствиям и методам совладания с кибербуллинг. Новый и распространенный феномен оценивается с точки зрения субъект-ориентированного подхода, континуально-генетической концепции А. В. Брушлинского. Несмотря на то, что жертва сетевой агрессии оказывает в положении объекта, пути купирования травмы и последующего поведения требуют активного, а не реактивного преодоления, формирования и сохранения субъектности в контексте жизнедеятельности. Указаны некоторые наиболее очевидные способы психологической защиты от публичных оскорблений.

Ключевые слова: кибербуллинг, субъект, совладание, нарциссизм, агрессия, травма, защитные механизмы, архетип.

Проблема совладания с социальными эпидемиями

Развитие технологий ставит новые социальные, этические и психологические вопросы, в частности сохранение просоциального поведения и положительной идентичности. В условиях сетевой неопределенности и публичности некоторые формы поведения, которые описывались в терминах клинической психологии, быстро распространяются, нормализуются, и даже идеализируются (Маховская, 2014). Один из выходов мы видим в развитии и распространении культуры субъектности, активного противодействия

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №. 18-013-00754.

и совладания с негативными феноменами сетевой коммуникации. Как писал А. В. Брушлинский, воспитание духовности невозможно без самовоспитания, саморазвития и сотрудничества. Его же идея недизъюнктивности развития отсылает нас к рассмотрению идентичности как процесса, который конституируется в значимых событиях, в том числе и в негативном сетевом опыте (Брушлинский, 2003).

Многие отрицательные феномены личного общения проявляются в сети: с одной стороны, стремление выглядеть в лучшем свете (выстраивание флюидной или идеальной идентичности), нарциссизм, «поддакивание» и систематическое «лайкание» постов в референтной группе с подтверждением групповой идентичности, с другой стороны, агрессивность, попытки разрушать коммуникацию или манипулировать ее участниками, преследование и оскорбления в адрес «чужаков», прямые угрозы, демонстрация деструктивных или манипулятивных наклонностей, приемов, которые по праву относят к «кибербуллингу» (Маховская, 2014; Solove, 2007).

Нарциссизм принял характер социальной эпидемии и стал важным образом жизни. Выросла и актуальность психологической защиты, предупреждения и совладания с последствиями сетевой агрессии (Dunn, 2013). В отечественной психологии наиболее изучена проблема стресса, совладания, выгорания в критических условиях (Стресс..., 2012), однако сетевая агрессия остается малоизученной.

Сценарии как инструмент формирования, изменения и защиты идентичности

Нарциссизм с самого начала рассматривался как способ индивидуального формирования патологической личности даже Юнгом, автором теории коллективного бессознательного. Инструмент формирования нарциссизма – архетипы, точнее скрытые коллективные сценарии, как уточнил Э. Берн, последователь Юнга, автор транзакционного анализа. Сценарии в отечественном литературоведении (Ю. Лотман) и психологии (Маховская, 2014) рассматриваются как культурные инструменты, которые могут не только осознаваться, но и моделироваться как индивидуально, так и извне, массово. Формирование нарциссического расстройства личности может определяться сценариями разного уровня: снизу, со стороны коллективного бессознательного, и сверху, со стороны социальных представлений, стереотипов, идеологий и совсем конкретно – через сценарии видеоигр, чатов, форумов, социальных сетей. Агрессия, направленная на других, пропорциональна глубине нарцисси-

ческой травмы агрессора, за которой скрывается низкая самооценка. Если развитие субъекта идет по пути гиперкомпенсации, то и сетевая проекция скрывает, компенсирует его низкую самооценку. Произошло радикальное изменение представлений об интимности, интимность стала публичной, а вместе с нею процессы, которые протекали скрыто, за кадром, стоили большого напряжения, сдерживались стыдом и чувством вины, стали объектом групповой манипуляции и контроля (Маховская, 2014). Мы полагаем, что объектом анализа должны стать сценарии сетевого и внесетевого поведения, направленные на совладание с травмой в результате кибербуллинга.

Оптимистические взгляды на роль сетевого общения среди молодых, уверенность, что оно помогает справиться с одиночеством и является источником формирования новых положительных идентичностей, сопровождается тревожными данными о росте сетевой агрессии (Bushman, Baumeister, 1998).

Формы сетевой агрессии

Унижения, преследования, агрессия в сети получили уже устойчивые названия – *cyber bullying* (в отношении детей и подростков) и *cyber harassment* (в отношении взрослых). Понятие кибербуллинга ввел норвежский психолог Ольвеус в 1993 г., определив как систематическое преследование, создающее неравенство власти и силы (Olweus, 1993). Кибербуллинг, под которым понимают совокупность способов разрушения коммуникации и оспаривание идентичностей других людей, а по форме – систематическую травлю, провоцирование и терроризирование, насчитывает более десятка форм: флейминг (оскорбления с переходом на личности), кибермоббинг (преследование, осуществляемое группой людей), троллинг (подстрекательство к агрессивному поведению), гриферство (помехи в видеоиграх), секстинг (публикация материалов интимного содержания) и т.д. (Willard, 2007). Среди них *video-recording of assaults/happy slapping and hopping* – нападение группы подростков на сверстника, которого они выбрали в качестве жертвы, с последующим размещением записи в сети, чтобы усилить у жертвы чувство стыда и страх отвержения. Разновидностью кибербуллинга является *outing and trickery*, под которым прежде понимали разоблачение гомосексуалистов, а потом – публикацию любой конфиденциальной информации. Еще один метод оскорбления в сети носит название *impersonalization*, когда от имени участника распространяется информация, которая его компрометирует (Бочавер, Хломов, 2014).

Психологические последствия кибербуллинга

В отличие от простого, в лицо, оскорбления, и даже в отличие от скандальных публикаций в традиционных СМИ, сетевая агрессия остается анонимной, неопределенной по намерениям, непредсказуемой по последствиям. При этом преследователь (агрессор) остается неуязвимым. Анонимность агрессора повышает тревожность жертвы кибербуллинга, но приводит к растормаживанию (*disinhibition*), когда он уже не может остановиться (Kowalski et al., 2011).

Цель кибербуллинга — провокация гипертрофированной реакции со стороны жертвы и ее референтной группы. Кибербуллинг эксплуатирует социальные страхи и потребность в привязанности. Исключение из значимой группы (*exclusion/ostracism*) может переживаться как социальная смерть и вызывать длительную депрессию у жертвы и даже суициды. Связи в сети делят на «сильные» (любовь, дружба, ненависть, зависть, ревность) и «слабые» (френды, фолловеры, подписчики). Именно «слабые» связи интенсифицируются в сети. Нарочитое игнорирование и обрывание контактов переживается людьми так же, как изоляция в реальной жизни, и может снизить самооценку. Эксперименты показали, что исключение из сообщества (бан) не только снижает самооценку участника, делает более конформным в суждениях, но и толкает вступать в тематически связанные группы, чтобы реабилитироваться (Filipkowski, Smith, 2012).

Умение совладать со стыдом и унижением приходит к нам в детстве по мере сепарации от матери. Совладав со стыдом, человек обретает чувство реальности и ограниченности своих возможностей (Kernberg, 1995). И напротив, отказавшись от стыда, человек подчиняется иллюзии грандиозности, которую испытывают дети в результате гиперпроекции на родителя. Сеть с ее безграничными возможностями символически заменяет потокащую мать. Общение в сети может приводить к снижению критичности. Участники с нарциссическим расстройством или акцентуацией не просто агрессивно реагируют на критические оценки, а начинают преследовать своих обидчиков. Однако их месть носит упорядоченный целевой характер, чтобы не потерять поклонников (Bushman, Baumeister, 1998).

Сетевая агрессия провоцирует коллективные процессы, бурные обсуждения, похожие по своему накалу и иррациональности на всплески коллективного бессознательного, и все это вокруг одного сообщения или единственного персонажа, которого преследует рок, как в древнегреческой трагедии. Хор, сетевое многоголосье, усиливает героя, столкнувшегося с непреодолимым злом, и подталкивает к роковым поступкам.

Исторические аналогии, которые объясняют сценарии и последствия публичного истязания, можно обнаружить в истории публичных казней. Побивание камнями (*лат. lapidatio* – «забрасывание камнями, лапидация», от *лат. lapis, lapidis* – «камень») – вид смертной казни, применявшийся еще древними иудеями и мусульманами. Психологический смысл публичной казни – в социальной смерти, приговору жить во враждебном окружении, где ежедневно наносится *травма отвержения*. Общение на ФБ включает сходные наказания: появление оскорбительного поста, под которым поставят сотни «лайков», подтверждающих справедливость наказания; «бан» – отказ даже видеть у себя в ленте; троллинг, откровенная дезинформация, за которую придется оправдываться.

Агрессивное действие в сети вызывает сильную отрицательную, многократно, как эхо, повторенную реакцию. Сравнение «как эхо» заставляет вспомнить Нарцисса и его спутницу Эхо, которая не нашла другого способа быть рядом с возлюбленным, кроме как вторить ему. Сетевой агрессор, тролль (сленг), ненавидит и хотел бы устранить своего соперника, как Сальери Моцарта. Преследователь (агрессор) и жертва связаны завистью. Агрессор и жертва по-разному прошли развилку амбивалентной индивидуации, один идентифицировался с родительской агрессией, другой с родительской грандиозностью (Hotchkiss, 2003).

Способы психологической защиты

С психологической точки зрения, жизнеспособность человека может определяться соотношением давления факторов риска и устойчивостью защитных механизмов (Masten, Narayan, 2012). По сути, кибербуллинг, дискредитация – это нарушение, насильственная, против воли человека ломка психологических и социальных защит, к которым относится хорошая репутация и идеальное Я. Звезды шоу-бизнеса, а популярные молодые блоггеры сегодня к ним относятся, часто переживают *нарциссическое расщепление* – такое противопоставление идеального и реального Я, при котором все ресурсы телесного, земного Я подчинены грандиозному медиапроекту, демонстрации публике своих необычных способностей, красоты, сексуальности, креативности. При этом закулисная жизнь «звезды» может быть монотонной и скучной и проходить в полном уединении и аскезе. Когда пытаются нанести урон репутации такого человека, он может испытать *нарциссический гнев* и выбрать изоляцию в качестве образа жизни. При таком перераспределении физических и психологических ресурсов и возникает расщепление Я, или с по-

следующими пресыщением удовольствиями и/или отказом от потребностей физического Я, снижением чувствительности, десензибилизацией.

В предельном выражении образ, маска отделяется от человека, превращается в отдельный, не совпадающий по характеристикам и даже биографии персонаж-симулякр Маска, сетевой образ, симулякр могут моделироваться СМИ вплоть до демонстрации противоположных свойств и даже предъявлении публике двойников. Таким образом, ложное нарциссическое Я становится объектом специального производства (Baudrillard, 1994). Пользователи сами пытаются моделировать свое техно-Я (Technoself), занимаясь самопрезентацией, сохраняя, по возможности, анонимность и используя несколько идентичностей (Dunn, 2013), наращивая свою субъектность.

Выводы

Для описания психологических последствий сетевой агрессии и нарциссизма применимы старые психоаналитические концепции и культурологические интерпретации. Однако проблема совладания с последствиями сетевой агрессии требует субъект-ориентированного подхода, формирования культуры взаимодействия с учетом личной инициативы и ответственности участников.

Литература

- Бочавер А. А., Хломов К. Д.*, Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 3. С. 178–191.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
- Маховская О. И.* Изменение опыта личности: сценарии и идентичность. М.: Спутник+, 2009.
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Barlett C. P., Gentile D. A., Nanyang Ch.* Predicting Cyberbullying From Anonymity // Psychology of Popular Media Culture. 2014. V. 5. № 2. P. 171–180.
- Baudrillard J.* Simulacra and Simulation (The Body, In Theory: Histories of Cultural Materialism). 14th Print. ed. University of Michigan Press, 1994.
- Bushman B. J., Baumeister R. F.* Threatened egotism, narcissism, self-esteem and direct and displaced aggression: Does self-love or self-hate lead to

- violence? // *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 75. 1998. P. 219–229.
- Dunn R. A.* Identity theories and technology // *Handbook of research on Technoself: Identity in a technological society* / Ed. by R. Luppici. Hershey, PA: IGI Global, 2013. V. 1. P. 26–44.
- Filipkowski K. B., Smyth J. M.* Plugged in but not connected: Individuals' views of and responses to online and in-person exclusion // *Computers in Human Behavior*. 2012. V. 28. P. 1241–1253.
- Hotchkiss S.* Why Is It Always About You? The Seven Deadly Sins of Narcissism. 2003.
- Kernberg O.* Borderline Conditions and Pathological Narcissism (The Master Work Series). 1995.
- Kowalski R. M., Limber S. P., Agatston P. W.* Cyberbullying: Bullying in the Digital Age. Chichester: Wiley-Blackwell, 2011. Ed. 2.
- Masten A. S., Narayan A. J.* Child development in the context of disaster, war and terrorism: Pathways of risk and resilience // *Annual Review of Psychology*. 2012. V. 63. P. 227–257.
- Olweus D.* Victimization by peers: Antecedents and long-term outcomes. Social Withdrawal, Inhibition and Shyness in Childhood. N. Y.: Psychology Press, 1993. P. 315–341.
- Solove D. J.* The Future of reputation: Gossip, rumor and privacy on the Internet. New Haven, CT & London: Yale Univ. Press, 2007.
- Twenge J. M., Campbell W. K.* The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement, *Personality Psychology: Understanding Yourself and Others* // *The Handbook of Narcissism and Narcissistic Personality Disorder: Theoretical Approaches, Empirical Findings, and Treatments*, 2010.
- Willard N.* Cyber bullying and cyberthreats: Responding to a challenge of online social cruelty, threats, and distress. Champaign: Research Press, 2007.

Subject-oriented approach to negative phenomena of network interaction

O. I. Makhovskaya (Moscow)

Candidate of Psychological Sciences, The Institute of Psychology RAS

This article includes analysis of social and psychological effects of cyberbullying and other online insults. The new and widespread phenomenon is estimated from the point of view of the subject-oriented approach, the Continual-Genetic Concept of A. V. Brushllinsky. In spite of the fact that the victim of network aggression renders in the provision of an object, methods of cop-

ing a trauma and the subsequent behavior demand active, but not reactive activity, formation and maintaining subjectivity in the context of whole life of the subject. Some of the most obvious ways of psychological protection against public insults will be described.

Keywords: cyber bullying, subject, narcissism, aggression, trauma, defense mechanisms, archetypes.

Особенности самораскрытия женской аудитории в Интернете

И. С. Осипова (Саранск)

*кандидат психологических наук, Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева; e-mail: isosipova@yandex.ru*

Самораскрытие как сообщение субъектом личной информации различной степени интимности другому субъекту или группе людей в интернет-общении, в отличие от реального общения, обладает такими особенностями, как больший объем, меньшая точность и реализация в атмосфере безопасности. Оно характеризуется гендерными различиями и особенностями реализации. В статье рассматривается самораскрытие женщин, адресованное другим женщинам на женском сайте*, а также профессиональным психологам на специализированном ресурсе**. Результаты исследования на материале 28500 сообщений свидетельствуют о том, что женщины охотно обсуждают проблемы в любовных отношениях, проблемы в сексуальном плане и семейные проблемы с другими женщинами, посещая женский сайт, а проблемы, связанные с детьми, друзьями, и внутриличностные проблемы – с онлайн-психологами, посещая специализированный ресурс.

Ключевые слова: самораскрытие, самораскрытие женщин, виртуальное общение, Интернет, общение, партнер по общению.

Введение

Общение посредством Интернета, или виртуальное общение, занимает все больше времени у современного человека, поскольку является удобным, простым и доступным. В сети становится комфортно

* <http://www.galya.ru>.

** <http://www.all-psy.com>.

говорить об интимных проблемах, самораскрываться, человек получает возможность быть откровенным из-за уверенности в своей безопасности, в анонимности своих сообщений. Среди сетевых ресурсов большую роль играют виртуальные сообщества, специализированные сайты и форумы, созданные специально для общения. Все больше людей с каждым годом посещают их и проводят время, взаимодействуя с другими.

Исследований на тему самораскрытия женщин в Интернете крайне мало, несмотря на то что женщины более склонны к самораскрытию, чем мужчины, и чаще выступают в качестве объекта для самораскрытия. Кроме того, женщины чаще пользуются Интернетом как средством общения, нежели мужчины. Изучение особенностей самораскрытия женской аудитории в Интернете представляет большой интерес. Во-первых, подобные исследования позволяют выявить основные темы, по которым самораскрываются женщины в виртуальном пространстве; во-вторых, изучить степень их раскрытия разным партнерам по определенным темам; в-третьих, определить пути использования полученных данных в практической деятельности психологов и т. д.

Обзор литературы

Понятие «самораскрытие» вводит в науку С. Джуард, давая ему чисто описательное определение – «сообщение другим личной информации о себе» (Jourard, Lasakow, 1958, p. 91). Отечественные исследователи по проблеме самораскрытия (М. В. Бородина, Е. В. Зинченко, Н. В. Перепелица, И. П. Шкуратова и др.) более детально прописывают особенности данного явления. Например, Е. В. Зинченко дает следующее определение: «Самораскрытие как сложный социально-психологический феномен представляет собой преимущественно добровольное непосредственное или опосредованное сообщение субъектом личной информации различной степени интимности одному или нескольким реципиентам» (Зинченко, 2000, с. 21).

Безусловно, самораскрытие в интернет-общении отличается от самораскрытия в реальном общении. Так, Л. В. Оконечникова и Р. Арди отмечают такие аспекты различий, как валентность, количество самораскрытия и честность/точность. В интернет-общении люди чувствуют себя более безопасно для самораскрытия, демонстрируют высокие показатели самораскрытия, а также менее честны/точны в самораскрытии, чем в реальном общении (Оконечникова, Арди, 2011). О. И. Самосват отмечает, что уровень социальной фрустрированности подростков в социальных сетях на 36% ни-

же, чем уровень социальной фрустрированности вне опосредованной реальности (Самосват, 2016).

Исследователи, и в частности А. Р. Агадуллина, отмечают, что женщины чаще пользуются социальными сетями, чем мужчины, используя их для поддержания отношений (Агадуллина, 2015). Кроме того, женщины, вследствие существующих представлений о традиционном мужском и женском поведении, больше склонны к самораскрытию, в том числе и эмоциональному, а также способны вызвать более глубокое самораскрытие у партнера (Тепина, 2008).

Бесспорно, особенности адресата также влияют на процесс самораскрытия. Т. П. Скрипкина выявила различия в предпочитаемых старшеклассниками темах самораскрытия разным лицам из ближайшего окружения. Так, к отцу обращаются для обсуждения жизненных планов и способов их реализации, к матери — еще и для решения житейских вопросов; к друзьям — для того, чтобы поделиться своими переживаниями и для обсуждения досуга, к учителю — чтобы рассказать о средствах достижения жизненных целей и планах в учебе и будущей работе (Скрипкина, 1984). Тем самым тема влияет на выбор «мишени» самораскрытия.

Таким образом, самораскрытие в интернет-общении имеет свои характерные черты, которые зависят как от особенностей виртуального общения, так и особенностей субъекта и адресата самораскрытия.

Материалы и методы

Исследование было проведено совместно со студенткой Ю. А. Лысовой. Выборку составили текстовые послания женщин в Интернете, адресованные либо представительницам женского пола на женском форуме, либо профессиональным психологам на специальном ресурсе. Были рассмотрены сообщения от женщин на таких сайтах, как www.galya.ru и www.all-psy.com. Всего было рассмотрено 28500 сообщений, из которых 13500 представлены на сайте www.galya.ru, а 15000 — на сайте www.all-psy.com. Сбор информации осуществлялся в период с 01.06.2014 по 01.01.2015. Данные сайты были выбраны в связи с их популярностью в Интернете и большой посещаемостью, а также из-за обширности тем, представленных в анализируемых сообщениях. Сайты не являются специализированными под конкретные тематики, что позволяет достаточно полно проанализировать материал.

В качестве метода исследования был использован контент-анализ, единицей которого было смысловое сообщение.

Сайт www.galya.ru, позиционируемый создателями как женский форум, является часто посещаемым и популярным среди женщин. На момент начала сбора информации на данном сайте было зарегистрировано более 770000 чел., а количество комментариев на сообщения за сутки составляло более 13000, что говорит о высокой активности посетителей на данном сайте. Сайт www.all-psy.com является популярным ресурсом, на котором психологи оказывают профессиональную помощь в Интернете. Руководство сайта подтверждает факт профессионального обучения каждого зарегистрированного на нем психолога. На момент начала сбора информации (апрель 2015 г.) количество ответов психологов на заданные посетителями сайта вопросы составляло около 265000, а количество проведенных консультаций по скайпу – около 4000. Именно по этим причинам были выбраны указанные выше интернет-ресурсы.

Сбор информации производился по сообщениям тех разделов сайтов, которые могли бы содержать личную информацию и выявлять проблематику обращения (рассматривались те темы, в которых описывались проблемы, связанные с внутриличностными переживаниями или межличностными отношениями). На сайте www.galya.ru в рамках указанного периода были проанализированы следующие основные рубрики: «мужчины», «беременность», «дети», «семья», «подруги», «секс» и «психология». На сайте www.all-psy.com были проанализированы следующие рубрики: «семья», «родители и дети», «депрессия, апатия», «страхи и фобии», «самопознание», «подростки», «любовь», «зависимости», «здоровье», «секс», «дружба», «будущим мамам», «кризисы», «смерть близкого», «выбор профессии», «красота и внешность», «религия». В соответствии с данными разделами и контекстом сообщений был составлен список основных тем для самораскрытия женщин: а) семейные проблемы; б) проблемы в сексуальном плане; в) проблемы в любовных отношениях; г) проблемы, связанные с детьми; д) проблемы в дружеских отношениях; е) социальные проблемы; ж) внутриличностные проблемы.

Количество сообщений, учтенных нами и подходящих под вышеуказанные критерии по сайту www.galya.ru, составляет 65% от общего количества исследованных на нем сообщений; по сайту www.all-psy.com – 81%, поскольку остальные сообщения не содержали самораскрытия, а представляли собой обсуждение внешних данных различных людей, их личной жизни, политического устройства в стране и т. д.

Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью критерия φ^* – углового преобразования Фишера.

Результаты исследования

Основные темы для самораскрытия женщин на женском сайте – это проблемы в любовных отношениях (58,7%) и семейные проблемы (18,8%). Другие темы затронуты незначительно (каждая менее 10%). Основные темы для самораскрытия женщин онлайн-психологам – это проблемы в любовных отношениях (34,3%) и внутриличностные (25%) проблемы. Менее распространены сообщения по темам «семейные проблемы» (17,1%) и «проблемы, связанные с детьми» (13,1%). Темы «проблемы в дружеских отношениях», «проблемы в сексуальном плане» и «социальные проблемы» занимают менее 10%.

После применения критерия φ^* – углового преобразования Фишера – были получены следующие результаты.

1. Доля сообщений по темам самораскрытия «семейные проблемы» ($\varphi^*=3,024$; $\varphi_{кр}^*=2,31$; $p<0,01$), «проблемы в сексуальном плане» ($\varphi^*=12,371$; $\varphi_{кр}^*=2,31$; $p<0,01$), «проблемы в любовных отношениях» ($\varphi^*=35,126$; $\varphi_{кр}^*=2,31$; $p<0,01$) значимо больше на сайте www.galya.ru, чем на сайте www.all-psy.com.
2. Доля сообщений по темам самораскрытия «проблемы, связанные с детьми» ($\varphi^*=26,427$; $\varphi_{кр}^*=2,31$; $p<0,01$), «проблемы в дружеских отношениях» ($\varphi^*=11,142$; $\varphi_{кр}^*=2,31$; $p<0,01$), «внутриличностные проблемы» ($\varphi^*=34,477$; $\varphi_{кр}^*=2,31$; $p<0,01$) значимо больше на сайте www.all-psy.com, чем на сайте www.galya.ru;
3. Доля сообщений по теме самораскрытия «социальные проблемы» по сайту www.galya.ru и по сайту www.all-psy.com не имеют достоверных различий ($\varphi^*=1,327$; $\varphi_{кр}^*=2,31$; $p>0,01$).

Обсуждение и заключение

Одной из самых значимых тем для самораскрытия женщин в виртуальном пространстве выступает тема, связанная с любовными отношениями. Этой теме посвящено большое количество сообщений, как на женском форуме, так и на специализированном ресурсе. Это тема волнует женщин больше всего, поэтому они о ней много пишут.

Обращает на себя внимание тот факт, что широта самораскрытий, адресованных профессиональным психологам, превышает широту раскрытий на женском сайте, а сообщения по разным темам представлены относительно равномерно. Между тем с другими женщинами в виртуальном пространстве представительницы прекрасного пола склонны обсуждать, прежде всего, любовные отношения.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что существуют особенности самораскрытия женщин в виртуальном про-

странстве. Женщинам более привычно обсуждать проблемы в любовных отношениях, проблемы в сексуальном плане и семейные проблемы, находясь в женском виртуальном обществе, нежели с онлайн-психологами. С последними они охотно делятся информацией по проблемам, связанным с детьми, друзьями и внутриличностными проблемами. Такое положение дел во многом объясняется привычками, выработанными в процессе жизни; менталитетом и устоявшимися в обществе нормами обращения за помощью; установками субъекта самораскрытия; а также, возможно, низким уровнем психологической культуры и недоверием профессиональным психологам.

Все сказанное подчеркивает важность психологического просвещения и необходимость повышения уровня развития психологической культуры людей.

Литература

- Агадуллина Е. Р.* Пользователи социальных сетей: современные исследования // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 3. С. 36–46.
- Зинченко Е. В.* Самораскрытие и его обусловленность социально-психологическими и личностными факторами: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2000.
- Оконечникова А. В., Арди Р.* Исследование особенностей анонимности и самораскрытия в интернет-общении (на примере индонезийской и русской культур) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. «Проблемы образования, науки и культуры». 2011. № 4. С. 203–214.
- Самосват О. И.* Социальное одобрение как фактор коммуникативного поведения подростков в социальных сетях: Дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2015.
- Скрипкина Т. П.* Психологические особенности проявления доверия на основе интеграции внутренних ценностей на этапе ранней юности // Проблемы формирования ценностных ориентаций и социальной активности личности / Под ред. В. С. Мухиной. М.: МГПИ, 1984. С. 115–126.
- Тепина М. Н.* Эмоциональное самораскрытие личности в адрес разных партнеров по общению: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2008.
- Шкуратова И. П.* Мотивация самораскрытия в межличностном общении // Психологический вестник РГУ. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 1998. С. 315–322.
- Jourard S. M., Lasakow P.* Some Factors in Self-Disclosure // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1958. V. 56. № 1. P. 91–98.

Characteristics of women self-disclosure on the Internet

I. S. Osipova (Saransk)

Candidate of Psychological Sciences,
National Research Mordovia State University

Self-disclosure is the process of communication by a subject reveals information of varying degrees of intimacy about himself or herself. In contrast to real communication, self-disclosure on the Internet has such features as greater volume, less accuracy and implementation in an atmosphere of security. Self-disclosure is characterized by gender differences and characteristics of implementation. The article examines the women's self-disclosure towards other women on the women's website*, and to professional psychologists on a specialized resource**. The results of the research on the material in 28 500 messages demonstrate that women willingly discuss problems in love relationships, sexual and family problems with other women, visiting the women's website, and problems related to children, friends and intrapersonal problems with online psychologists, visiting a specialized resource.

Keywords: self-disclosure, self-disclosure of women, virtual communication, Internet, communication, company.

* <http://www.galya.ru>.

** <http://www.all-psy.com>.

Особенности самопрезентации внешнего облика в интернете молодыми людьми с разным уровнем физического перфекционизма

Д. В. Погонцева, Д. А. Никитина**
(Ростов-на-Дону)*

** кандидат психологических наук, Южный федеральный университет;
e-mail: dpogontseva@gmail.com*

*** Южный федеральный университет; e-mail: hitromudrayasova@gmail.com*

В работе рассматриваются особенности самопрезентации в интернет-пространстве молодых людей с различным уровнем физического перфекционизма. Приводятся эмпирические данные. Делаются выводы о том, что существуют значимые различия между тремя группами уровня физического перфекционизма, которые показывают, что на статистически значимом уровне показатели испытуемых по шкале интернет-зависимости в группе лиц с низкой выраженностью физического перфекционизма более выражены, в то время как группе лиц с высоким уровнем физического перфекционизма принадлежит наименьшая сумма рангов – следовательно, данный признак выражен менее всего.

Ключевые слова: Интернет, физический перфекционизм, самопрезентация, внешний облик.

Решение большинства психологических проблем современного человека невозможно без осмысления социально-психологических феноменов. Интернет является важнейшим фактором, влияющим на развитие социальной, экономической и политической сфер

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01260 «Социальная психология внешнего облика: функции, значимость, удовлетворенность, обеспокоенность, интерпретации в межличностном и внутригрупповом взаимодействии в молодежной среде».

общества. Являясь ключевым организатором в современной массовой коммуникации, он выступает агентом социализации личности.

Исследователи отмечают, что наиболее подверженными влиянию сети Интернет оказываются лица юношеского и молодого возраста. По их мнению, это становится причиной изменений их личностных установок и паттернов поведения. Отмечается также, что информационные технологии способствуют возникновению полей автономных субкультур у различных групп, которые могут транслировать образцы как социально одобряемого, так и социально негативного поведения, и тем самым влиять на стиль личностной самопрезентации.

Сегодня интернет-среда – это пространство самопрезентации индивида, поскольку любое социальное взаимодействие подразумевает презентацию внешнего облика, раскрытие личностных качеств. Исследование Н. С. Козловой (2015) показало, что лица, определяющие для себя сильные, конкретные последствия обращения в виртуальную среду, обладают глубокой вовлеченностью в Интернет. При этом проявляется не продуктивное использование технических средств как инструментов, а стремление к коммуникации, за счет которой реализуются виртуальная самопрезентация и стремление к публичности.

Для нас особый интерес представляет самопрезентация личности в контексте взаимодействия и управления впечатлением, создания и поддержания определенного образа с помощью внешнего облика. Обращение современной молодежи к самопрезентации посредством интернет-коммуникации предполагает сформированный процесс управления впечатлением о себе в целом, о своем внешнем облике, посредством интернет-технологий.

Изучение самопрезентации в интернет-пространстве (киберпространстве) является одним из актуальных направлений в работах современных исследователей социального познания. Отечественными исследователями изучались мотивы обращения к интернет-среде; вариативность самопрезентации личности в интернет-общении; средства самопрезентации личности в интернет-коммуникации. Однако необходимо отметить, что работ, в которых изучаются аспекты самопрезентации внешнего облика в интернет-среде, крайне мало.

В актуальном научном дискурсе внешний облик – предмет исследования различных социогуманитарных наук: философии, культурологии, этнографии, антропологии и др.

Для социальной психологии представляется необходимым изучение внешнего облика, прежде всего, как предиктора межличностных отношений, в качестве триггера, запускающего механизмы,

концептуализация и категоризации всего, что окружает человека. Еще А. А. Бодалев в своем классическом труде «Восприятие человека человеком» писал, что отражение и интерпретация людьми их облика и поведения во многом оказывает влияние на характер взаимодействия и результаты совместной деятельности (Бодалев, 2015).

Определяя проблему внешнего облика в социальной психологии, В. А. Лабунская постулирует, что «внешний облик становится одним из важнейших средств построения типологий, выделения и распознавания определенных социальных групп, страт, описания стилей жизни. Внешний облик человека становится способом визуальной коммуникации и стратификации» (Лабунская, 2010, 2014, 2016). Поэтому большой пласт исследований посвящен влиянию социально-демографических аспектов (возраста, пола), экономического фактора, оценок «значимых Других», этнокультурной обусловленности, на самооценку и оценку внешнего облика, а также обусловленности восприятия внешности «незнакомым Другим».

Современное общество характеризуется поощрением перфекционистских тенденций личности, которые пронизывают всю ее жизнь. Данный феномен связывают с культом успешности, благополучия, с тенденциями общества потребления и его ценностями, а также с акцентом на индивидуализации в современной культуре и усилением нарциссизма. В соответствие с ними внешний облик современного человека призван выступать зеркалом/мерилом успешного образа жизни. Озабоченность и «нормативная неудовлетворенность» своим внешним обликом послужила причиной появления нового направления исследований – перфекционизма по отношению к своему телу (внешности, «физическому Я»). Данный аспект рассматривается с разных сторон как отечественными, так и зарубежными исследователями. Мы в данной работе обращаемся к термину, разработанному А. Б. Холмогоровой и ее учениками – «физическому перфекционизму». Данный концепт не только описан, но и эмпирически исследован; разработана и валидизирована шкала, измеряющая уровень физического перфекционизма («Шкала физического перфекционизма» А. Б. Холмогоровой и А. А. Дадеко). Под термином «физический перфекционизм» исследователями понимается такая система личностных представлений и установок, которая выражается в повышенной озабоченности своей внешностью, стремлении к соответствию высоким стандартам тела и к достижению наилучших результатов в борьбе за идеальную фигуру, болезненное отношение к любым критическим замечаниям по поводу внешнего вида.

В целом можно отметить, что на сегодняшний день самопрезентация в интернет-пространстве является важной частью жизни

молодого человека. Но проблема влияния физического перфекционизма на особенности самопрезентации внешнего облика в интернет-среде требует дополнительного изучения.

По результатам теоретического анализа психологической литературы, посвященной проблеме внешнего облика в контексте социальной перцепции, физического перфекционизма и самопрезентации в интернет-пространстве, мы предположили, что молодые люди с разным уровнем физического перфекционизма могут с разной интенсивностью прибегать к интернет-коммуникации и как следствие — по-разному самопрезентуют свой внешний облик в Интернете. Мы также предположили, что в зависимости от уровня физического перфекционизма молодые люди могут по-разному ограничивать (или не ограничивать) доступ к своей странице. Более того, линейка возможностей по трансформации внешнего облика, презентуемого в Интернете (как за счет технических возможностей, так и за счет усилий по оформлению внешнего облика и тщательного отбора презентуемых фото), может быть различным образом использована лицами с разным уровнем физического перфекционизма, что влияет на вариативность самопрезентации в Сети.

В связи с этим целью исследования является изучение особенностей самопрезентации внешнего облика молодыми людьми с разным уровнем физического перфекционизма. В исследовании приняли участие молодые интернет-пользователи в возрасте 18—35 лет в количестве 61 чел. Выборка формировалась согласно возрастной периодизации Э. Эриксона, в соответствии с которой молодость (18—35 лет) — это период построения любовных отношений и ранние годы семейной жизни, до наступления среднего возраста. Данный возраст также характеризуется вступлением в профессиональную деятельность и развитием карьеры, что определяет особую потребность в самопрезентации. В выборку включались молодые люди, использующие интернет-пространство для общения и самопрезентации.

В качестве методик исследования были использованы: анкета-фильтр «Самопрезентация в социальном пространстве»; анкета модификации внешнего облика, презентуемого в Интернете; шкала физического перфекционизма А. Б. Холмогоровой, А. А. Дадеко; шкала интернет-зависимости А. Е. Жичкиной; модифицированная анкета вариативности самопрезентации в Сети Е. Б. Чарыковой.

Для определения уровня физического перфекционизма мы использовали шкалу «Физического перфекционизма» А. Б. Холмогоровой и А. А. Дадеко. По результатам исследования были выделены 3 группы испытуемых внутри выборки: лица с низким уровнем физического перфекционизма — 27 чел.; лица со средним уровнем фи-

зического перфекционизма – 22 чел.; лица с высоким уровнем физического перфекционизма – 12 чел.

Следующей поставленной нами задачей было исследовать вовлеченность в интернет-коммуникацию у каждой из групп испытуемых. Результаты анализа данных с помощью критерия Краскела–Уоллиса для оценки значимости различий между тремя группами выраженности физического перфекционизма, представленными в нашем исследовании, показывают, что на статистически значимом уровне ($p=0,0002$ при $N=61$), показатели по шкале интернет-зависимости в группе лиц с низкой выраженностью физического перфекционизма более выражены, в то время как группе лиц с высоким уровнем физического перфекционизма принадлежит наименьшая сумма рангов: следовательно, данный признак выражен меньше всего. Иными словами, респонденты, попавшие в группу с низким физическим перфекционизмом, чаще вовлечены в интернет-коммуникацию.

Эти данные подтверждают результаты нашего пилотажного исследования, где в качестве инструмента диагностики перфекционистских убеждений в отношении внешнего облика выступала шкала *appearance-perfectionism*.

С помощью корреляционного анализа Спирмена мы проверили наличие корреляционной связи и ее направление между показателями шкалы физического перфекционизма и показателями шкалы интернет-зависимости во всей выборке ($N=61$). Была обнаружена статистически значимая корреляционная связь ($r=-0,557$) между показателями уровня физического перфекционизма и шкалы интернет-зависимости А. Е. Жичкиной. Показатели физического перфекционизма связаны с показателями интернет-зависимости. Связь обратно пропорциональная: при повышении уровня физического перфекционизма понижается показатель интернет-зависимости.

Далее мы проверили значимость различий модификации внешнего облика, презентуемого в Интернете, между группами с разным уровнем физического перфекционизма с помощью критерия Краскела–Уоллиса. Было обнаружено, что признак модификации внешнего облика наиболее выражен в группе с высоким уровнем физического перфекционизма, а наименее – в группе с низким уровнем физического перфекционизма, поскольку в ней мы наблюдаем наименьшую сумму рангов в этой группе.

С помощью корреляционного анализа Спирмена мы проверили наличие корреляционной связи и ее направление между показателями шкалы физического перфекционизма и показателями анкеты модификации внешнего облика в интернет-пространстве на всей выборке и была обнаружена статистически значимая корреляцион-

ная связь $r=0,859$ между показателями уровня физического перфекционизма и уровнем модификации внешнего облика, презентуемого в Интернете.

Выраженность физического перфекционизма связана с показателями анкеты по модификации внешнего облика. Уровень физического перфекционизма и модификация внешнего облика, презентуемого в Сети, прямо пропорциональны.

Кроме того, в группах с высоким и средним уровнем физического перфекционизма наблюдается на статистически значимом уровне корреляционная связь (по критерию Спирмена) между выраженностью физического перфекционизма и показателями модификации внешнего облика (средний уровень ФП $r=0,724$; высокий уровень ФП $r=0,873$ при $p<0,005$), а в группе респондентов с низким уровнем физического перфекционизма статистически значимой корреляции не обнаружено ($r=0,308$ при $p<0,005$).

Согласно выдвинутой нами гипотезе, молодые люди с разным уровнем физического перфекционизма по-разному ограничивают доступ других пользователей к своему профилю в социальных сетях. Однако сравнение трех групп с разным уровнем физического перфекционизма с помощью Н-критерия Краскела—Уоллиса статистически значимых различий не выявило. Таким образом, респонденты ограничивают или не ограничивают доступ к своей странице независимо от уровня физического перфекционизма.

В результате проведенного нами теоретического и эмпирического анализа была доказана основная гипотеза о том, что молодые люди с разным уровнем физического перфекционизма по-разному презентуют свой внешний облик в Интернете.

В дальнейшем мы планируем расширить выборку исследования, включить в анализ элементы фото- и видеовизуализации внешнего облика, презентуемого в интернет-пространстве. А также исследовать представления о самопрезентации привлекательного молодого человека и отношению к нему в молодежной среде.

Литература

- Бодалев А. А.* Восприятие человека человеком. СПб.: Мирь, 2015.
- Козлова Н. С.* Блоггерство как социально-психологическое явление // Материалы IV Международная научно-практическая конференция «Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки» («Fundamental science and technology – promising developments III»). 29–30 сентября 2014 г. North Charleston, USA. Т. 1. С. 111–115.

Лабунская В. А. От психологии внешнего облика А. А. Бодалева к построению эмпирических моделей изучения отношения к этнолукизму в обыденном общении // Лицо человека в пространстве общения: Коллективная монография. Межрегиональная ассоциация экспериментальной психологии, Московский институт психоанализа. М., 2016. С. 73–97.

Лабунская В. А. Проблема удовлетворенности внешним обликом: субъектный подход // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 3851–3855.

Лабунская В. А. «Видимый человек» как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. № 1. 2010. С. 26–39.

Peculiarities of self-representation of external interior in the internet with young people with a different level of physical perfectionism

*D. V. Pogontseva**, *D. A. Nikitina*** (Rostov-on-Don)

* Candidate of Psychological Sciences, Southern Federal University

** Southern Federal University

The paper considers the features of self-presentation in the Internet space by young people with different levels of physical perfectionism. Empirical data are given. It is concluded that there are significant differences between the three groups of the level of physical perfectionism, which show that at a statistically significant level, the test scores on the scale of Internet addiction in the group of persons with low physical perfectionism are more pronounced, while the group with the highest level of physical perfectionism belongs to the smallest amount of ranks, hence, this attribute is less pronounced.

Keywords: Internet, physical perfectionism, self-presentation, appearance.

Возможности и ресурсы дистанционного консультирования для профилактики деструктивного поведения на примере онлайн-консультирования подростков в формате чата

С. Н. Ратникова, Е. Н. Сырейщикова** (Москва)*

** Городский психолого-педагогический центр ДОгМ; e-mail: risini@yandex.ru*

*** Городский психолого-педагогический центр ДОгМ; e-mail: syrkat@mail.ru*

В данной статье кратко раскрыты особенности онлайн-консультирования и, в частности, консультирования в анонимном чате, преимущества и трудности данного направления работы, требования, предъявляемые к специалистам. Дан анализ статистики обращений в анонимный чат, с которыми работали специалисты Городского психолого-педагогического центра Департамента образования города Москвы. Раскрыта роль консультирования в анонимном чате в профилактике деструктивного поведения подростков.

Ключевые слова: онлайн-консультирование, дистанционное консультирование, дети в кризисной ситуации, профилактика деструктивного поведения подростков.

За несколько десятков лет Интернет стремительно прошел путь от технического новшества до обыденного явления жизни. Информационные технологии проникли в большинство сфер человеческой деятельности. Взаимодействие человека с компьютером стало частью жизни человека, его повседневных занятий. Информационная среда играет все более значимую роль в профессиональной деятельности и в личной жизни современного человека.

В настоящее время общение все больше переходит в виртуальную среду. А. Е. Войскунский (Войскунский, 2002) называет три основных вида потребностей, которые человек удовлетворяет с помощью Интернета: коммуникативная, познавательная и игровая.

Используя возможности и ресурсы Интернета, люди общаются в режиме онлайн, преодолевая ограничения расстояния и времени.

Одной из причин расширения общения через Интернет многие авторы считают недостаточную удовлетворенность общением в реальном социуме. Кроме того, сетевое общение позволяет реализовать не востребуемые или не приветствуемые обществом качества личности, испытать эмоции и переживания, которые недоступны в социуме по тем или иным причинам.

Настороженное отношение к общению с использованием современных технологий меняется на все большее их включение в бытовую сферу. В связи с этим одной из актуальных задач современной психологии становится включение онлайн-консультирования в арсенал методов практической психологии.

Общение охватывает все сферы жизни человека, виртуальное общение во многом повторяет реальное – здесь действуют те же принципы и закономерности. Интернет, как средство передачи информации, не меняет сущности, содержательной части общения, но меняет форму передачи информации.

Меняется язык общения, он очень быстро обновляется, в нем появляются редуцированные формы, «смысловые и эмоциональные иероглифы». Мгновенность передачи информации накладывает отпечаток на смысловую и эмоциональную структуру сообщения. Требования к объему сообщения зависят от платформы и типа интернет-коммуникации.

Другие авторы (Лестер, Шабшин, 2011) выделяют следующие особенности, которые имеет общение, опосредованное Интернетом:

- 1) анонимность – отсутствие достоверной информации о собеседнике или неполной информации о нем;
- 2) доступность – независимость возможности общения от местоположения собеседников, необходим только доступ к Интернету и техническое устройство;
- 3) физическая непредставленность собеседников;
- 4) ограниченность способов коммуникации (отсутствие невербальной информации);
- 5) нерегламентированность поведения;
- 6) ощущение безопасности у участников общения;
- 7) возможность создания альтернативной самопрезентации;
- 8) нивелирование влияния социального статуса, внешнего вида, пола и возраста;
- 9) возможность формирования доверительных отношений даже между малознакомыми людьми;
- 10) выражение чувств и эмоций при помощи графических символов, а также увеличение числа эмоционально-насыщенных слов.

При общении, опосредованном техническими средствами, человек так или иначе создает свое «виртуальное Я», свою сетевую самопрезентацию. Виртуальный образ может как совпадать с реальным, представленным в социуме, так и отличаться от него («альтернативное Я»):

- «Идеальное Я» создается на основе представлений человека о некоем своем идеале, которого на данный момент невозможно достичь.
- «Теневое Я» основано на подавленных сторонах личности.
- «Составное Я» основывается на реальном Я, но с выражением тех черт, которые не имеют возможности проявиться в социальной реальности.

Создание нескольких «виртуальных Я» дает возможность «высказаться» тем субличностям, которые контролируются в реальной жизни.

Основные причины формирования альтернативного виртуального Я:

- неудовлетворенность реальной социальной идентичностью;
- неудовлетворенность отдельными сторонами реальной социальной идентичности;
- уход от «нормативной» социальной идентичности, потребность в реализации отдельных сторон своей личности;
- получение нового опыта;
- самоверификация (самоопределение) Создание виртуальных личностей, как часть возрастного самоопределения, возможность изучить собственное Я и примерить на себя разные модели поведения.

Развитие альтернативного поля общения в интернет-среде, требует переноса профессионального поля психологического консультирования в виртуальную среду. Но в связи с тем, что виртуальное общение опосредовано техническими средствами, здесь возникают новые правила и закономерности, свойственные только онлайн-общению.

Психологическое онлайн-консультирование представляет собой особый вид сетевой коммуникации. Существуют различные технические способы реализации онлайн-консультирования: электронная почта, скайп, чат и др.

Как только возникла возможность общения с использованием технических средств коммуникации, практически сразу же Интернет стал использоваться для психологической помощи. Постепенно все больше профессионалов стали пользоваться возможностями интернета не только для рекламы, но и непосредственно для консультирования. Сейчас формируется запрос на дистанционную психо-

логическую помощь, которая является крайне важной в условиях затрудненности (по тем или иным причинам) очной психологической помощи. До настоящего времени данный вид помощи формировался спонтанно. Сейчас мы наблюдаем этап формализации, узаконивания и разработки научно-методической базы дистанционного консультирования.

В рамках онлайн-консультирования могут быть эффективно решены следующие задачи:

- психологическое просвещение, включающее в себя как информирование людей о возможностях профессиональной психологической помощи, так и расширение знаний людей о самих себе;
- помощь любому обратившемуся к онлайн-консультанту в преодолении страха перед обращением к психологу лично, в развенчивании распространенных мифов о психологах;
- получение эмоциональной поддержки в кризисной ситуации;
- эмоциональное отреагирование и рациональное осмысление клиентом тех проблем, которые послужили причиной обращения за помощью;
- расширение картины мира и возможность изменения взгляда на свою проблему, обсуждение тех тем, которые являются в данный момент актуальными для человека;
- получение абонентом опыта коммуникации, в том числе опыта сетевой коммуникации, безопасного опыта обсуждения «тревожных» тем, опыта общения с психологом;
- получение «непсихологической», организационной информации, полезной для решения конкретной проблемы;
- получение обратной связи от другого человека;
- помощь в расширении круга общения, круга интересов;
- собственно психологическое консультирование и психотерапия.

История онлайн-консультирования началась в рамках помощи людям, находящимся в трудной жизненной ситуации, переживающим острый кризис, в том числе намеревающимся совершить суицид.

Первая кризисная интервенция посредством электронной почты была предпринята в 1994 г. в рамках работы международной организации «Befrienders» («Самаритяне»). Впоследствии в этой службе был создан специальный отдел, работа которого сфокусирована на длительном консультировании по электронной почте. Статистика «Самаритян» говорит о том, что более половины обращений на электронный адрес связан с суицидальными мыслями (что превосходит процент таких обратившихся по телефону и очно). К 2001 г. работа-

ло 61 интернет-отделение, в которых волонтеры отвечали на письма, поступающие на единый почтовый адрес.

С 2001 г. работает израильская программа «SAHAR» (аббревиатура на иврите расшифровывается как «Поддержка и слушание в сети»). Это онлайн-служба, созданная для помощи людям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Все консультанты этой службы – волонтеры. Задача организации – привлечь людей, находящихся в кризисной ситуации и предоставить им «виртуального слушателя».

В нашей стране практика онлайн-консультирования находится в стадии становления. Это огромное пространство для практической работы.

Сейчас в России есть несколько площадок (интернет-ресурсов), где дети и подростки могут получить дистанционную психологическую помощь. В отличие от упомянутых «SAHAR» и «Befrienders» в большинстве служб кризисного онлайн-консультирования России работают профессиональные психологи.

В Городском психолого-педагогическом центре Департамента образования города Москвы (далее – ГППЦ ДОГМ) активно развивается данное направление деятельности в рамках оказания неотложной психологической помощи и профилактики деструктивного поведения. Консультанты Центра каждый день принимают обращения детей и подростков в режиме анонимного чата.

В работе в чате принимают участие только опытные психологи, имеющие базовое психологическое образование, непосредственный опыт консультирования и прошедшие специальное дополнительное подготовку. Работа в чате предъявляет высокие требования как к профессиональным, так и к личным особенностям специалиста. Особое внимание уделяется психологической устойчивости, навыкам эмоционального саморегулирования и стрессоустойчивости. Работа консультанта обязательно сопровождается супервизором.

Консультанты, работающие в чате, должны учитывать специфические особенности присущие только онлайн-консультированию:

- возможные технические сбои, ведущие к потере сообщений и разрыву канала коммуникации;
- возможность в любой момент прервать общение в одностороннем порядке для абонента;
- непредсказуемость влияния внешних условий на абонента во время консультации;
- неравномерность нагрузки на консультанта;
- невозможность заранее подготовиться к теме, которую заявит абонент;

- отсутствие невербальных сигналов коммуникации;
- невозможность проверить информацию, которую предоставляет о себе абонент.

Не всегда заявленная в начале обращения тема является самой актуальной. По мере формирования доверительного контакта подросток переходит к по-настоящему волнующим его темам. Анализ статистики обращений за год показывает, что темы, волнующие подростков разнообразны.

Первое место занимают обращения по поводу межличностных отношений (37,1% от всех обращений). Это еще раз свидетельствует о том, что ведущей деятельностью в этом возрасте является общение. Все внимание подростка фокусируется на сверстниках и на взаимоотношениях с ними.

Обращения, объединенные в группу детско-родительских отношений, чаще всего связаны с внутрисемейными конфликтами, нарушением личностных границ ребенка и с насилием внутри семьи. Особенно уязвимыми подростки становятся, когда меняется состав семьи: рождение братьев и сестер, развод и новые браки родителей (12,5% от всех обращений).

Подростковый возраст – это возраст, в том числе экзистенциальных кризисов (15,2% от всех обращений). Подросток задумывается и о смысле жизни и о своем в ней месте, его волнуют вопросы самоопределения, самоидентичности, гендерной идентичности, традиционной или не традиционной сексуальной ориентацией. В группу обращений, связанных с личностными вопросами, включены также темы, связанные с самооценкой и управлением своими эмоциями.

С темой суицида связано 8,1% от общего количества обращений. У подростков еще нет большого опыта в самостоятельном преодолении жизненных кризисов, и иногда суицид кажется им единственным возможным выходом. Консультация психолога в этот момент особенно необходима, так как ребенок чувствует себя одиноким и беспомощным перед лицом своей проблемы. Общаясь с психологом и получая от него поддержку, подросток начинает верить в свои собственные силы и понимает, что он не одинок.

С темой утраты за помощью подростки обращаются не так часто (4,5%). Можно предположить, что они в этих ситуациях или находят поддержку среди людей, которые их окружают, или не знают, как и с кем поговорить о своих переживаниях.

Обращения, связанные с психическим и физическим здоровьем (10,8% от общего количества), свидетельствуют о повышенном интересе подростков к своему телу, к изменениям, происходящим

с ним, и о недостаточности компетенций. Высокая тревожность только увеличивается после попыток найти ответы на волнующие вопросы в Интернете.

Не очень большое количество обращений (6%), связанных с насилием (физическим, психологическим и сексуальным), предположительно обусловлено тем, что многие дети считают такие отношения нормой. Часто тема насилия появляется в середине или конце консультации, когда сформирован устойчивый доверительный контакт. Эта тема требует от консультанта бережного отношения к ребенку и к его семье.

Как было уже сказано, ведущей деятельностью для подростков является общение, поэтому вопросы, связанные с обучением, представлены лишь 3% от общего количества обращений.

Спокойная реакция консультантов на розыгрыши дает ребенку новый опыт общения со взрослыми, когда его принимают в любых его проявлениях как личность. Иногда за попыткой «пошутить» консультант может увидеть действительно серьезную проблему и помочь в ее решении. Обращения-розыгрыши составляют 2,8% от всего количества.

Консультант, работающий с подростком, должен помнить, что за любой заявленной темой может стоять кризис или сложная жизненная ситуация, которая может разрешиться через деструктивное поведение. Дети в подростковом возрасте особо уязвимы. Они переходят из мира детей в мир взрослых. Это сопровождается пересмотром взглядов на жизнь, формированием новой иерархии мотивов, становлением жизненной позиции, изменением социальной роли, изменением круга значимых лиц. Подросток все еще чувствителен к мнению взрослого, он хочет его услышать, но при этом не может принять мнение «знакомого» взрослого, показав свою зависимость от него. Обратившись в анонимный чат, убедившись в безопасности и получив поддержку, подросток может проецировать на психолога образ того взрослого, к которому он готов прислушаться.

Помощь психолога, работающего в анонимном чате, дает возможность подростку начать конструктивно решать проблемы, что является хорошей профилактикой деструктивного поведения.

Особенностью развития психологического кризисного онлайн-консультирования в России, в отличие от других стран, где работают в основном волонтеры, является работа профессиональных психологов. Это позволяет не только дать эмоциональную поддержку обратившемуся, но и оказать эффективную психологическую помощь.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть важность и перспективность развития онлайн-консультирования в работе с подростка-

ми. В связи с тем что онлайн-общение для современного подростка является формой привычного, доступного и безопасного общения, эффективно и профессионально проведенная консультация создаст базовую платформу доверия, которая в будущем позволит подростку, а потом и взрослому человеку в случае кризисной ситуации искать конструктивные способы решения проблемы и способствовать формированию психологически зрелой личности.

Литература

- Войскунский А. Е.* Интернет – новая область исследований психологической науке // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Вып. 1. М.: Смысл, 2002.
- Жичкина А. Е., Белинская Е. П.* Стратегии самопрезентации в интернет и их связь с реальной идентичностью. Опубликовано 14.02.2004. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy>.
- Лестер Д.* Использование интернета в консультировании суицидентов: возможности и недостатки // Психологическое консультирование онлайн. 2011. №4.
- Носова Е. Г.* Психологические особенности общения в процессе использования интернет // Психологическое консультирование онлайн. 2011. №4.
- Шабшин И. И.* О психологических феноменах и особенностях коммуникации посредством интернета // Психологическое консультирование онлайн. 2011 г. №4.
- Шевченко И.* Некоторые психологические особенности общения посредством Интернета. Опубликовано 27.05.2007. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/shevchenko>.

The possibilities and resources of distance counseling for destructive behavior's prevention in online-counseling of adolescents in chat format

S. N. Ratnikova, E. N. Syreyshechikova** (Moscow)*

* State Budget Institution of Moscow City Center of Psychological and Educational Assistance

** State Budget Institution of Moscow City Center of Psychological and Educational Assistance

The features of online counseling are briefly described in this article. In particular, this article includes description of counseling in anonymous chat, the advantages and disadvantages of this area of work. The analysis of the sta-

tistics of appeals to an anonymous chat, with which experts from State Budget Institution of Moscow city center of psychological and educational assistance worked, is also presented in the article. The role of counseling in an anonymous chat in the prevention of destructive behavior of adolescents is disclosed.

Keywords: online counseling, remote counseling, children in a crisis situation, prevention of destructive behavior of adolescents.

Отношение подростков к человекоподобным роботам

О. О. Савина, О. М. Смирнова** (Москва)*

** МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: savindm2006@gmail.com*

*** школа № 1505; e-mail: smirsoul@mail.ru*

В работе изучались особенности восприятия подростками человекоподобных роботов в аспекте робоэтики: приближение роботов по внешним и внутренним характеристикам к человеку делает актуальными морально-этические вопросы взаимодействия человека и робота. Метод: разработанное авторами письменное интервью, включающее открытые вопросы об отношениях человека и робота и кейсы по типу моральных дилемм. Испытуемые: 124 подростка 14–16 лет, учащиеся 6–11 классов школы г. Москвы. Результаты. Обнаружено, что часть подростков наделяют робота человеческими качествами, причем в ситуации эмоционального реагирования (например, при конфликте) робот воспринимается как равноправный участник коммуникативной ситуации; на подростков эффект негативного отношения к роботу, который имеет высокое сходство с человеком, действует слабее, нежели на взрослых. Большинство подростков не готовы длительно участвовать в деловом взаимодействии с роботами, однако всерьез рассматривают возможности использования роботов как вспомогательное средство в профессиональной деятельности или для себя лично. Ряд подростков осознают возрастание в будущем актуальности вопросов робоэтики и отмечают возможность стать на сторону робота в будущем.

Ключевые слова: робоэтика, киберпсихология, подросток, коммуникация, идентификация, человекоподобные роботы.

Проблема исследования

В XXI в. влияние роботов на нашу жизнь постоянно возрастает, поэтому важно понимать, как воспринимаются современным челове-

ком окружающие его роботы. В связи с этой проблемой А. В. Брушлинский предполагал, что при анализе человеком функционирования кибернетических машин более отчетливо «начинает обнаруживаться подлинная специфика мыслительной деятельности, в ходе которой человек открывает для себя и для других нечто существенно новое» (Брушлинский, 1996, с. 43). Подчеркнем, что важнейшее качество человека в понимании Брушлинского – «быть субъектом, т. е. творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути: инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, поведение, познание, созерцание и другие виды специфически человеческой активности – творческой, нравственной, свободной» (Брушлинский, 1996, с. 5). Современная ситуация в науке и практике продвижения цифрового общества ставит эти вопросы чрезвычайно остро. В частности, в Послании Президента РФ Федеральному собранию было заявлено о необходимости «снять все барьеры для разработки и широкого применения робототехники, искусственного интеллекта...» (Путин, 2018). Это значит, что уже сейчас важно развивать культуру взаимодействия человека и человекоподобных роботов. Современные подростки будут реализовывать себя в обществе, активно использующем человекоподобных роботов, в связи с чем актуальность приобретают вопросы: стремятся ли подростки к их использованию или опасаются, воспринимают ли их как помощников, соперников или даже врагов, одушевляя их, а также о морально-этических проблемах, возникающих по мере развития человекоподобных роботов. Это вопросы из области робоэтики.

Люди в принципе склонны реагировать социально и применять социальные правила к технологиям. Но отношение людей к разным типам роботов отличается: многие пользователи андроидов, воспринимая конвейеры лишь как механизм, привыкли одушевлять свои гаджеты, так как те зачастую являются неотъемлемой частью их жизни. Основное отличие социального робота от индустриального – его интерактивное взаимодействие с человеком по сложившимся социальным нормам и правилам. В свете этого восприятие социального робота человеком сегодня является одним из ключевых вопросов социальной робототехники (Зильберман и др., 2014). При всей пользе социальных роботов большинство людей чувствуют угрозу, испытывают неосознаваемую тревогу и страх (архаический – от соприкосновения с неживой материей; социальный – от угрозы полной замены роботами человека; психологический – обусловленный стереотипом робота как непредсказуемой и враждебной силы) (Бостром, 2002). Визуальный образ является одним из факторов, влияющих на особенности восприятия робота людьми, определяя личностное

отношение, характер дальнейшего взаимодействия (Хаминова, Си-монова, 2014). Так как социальные роботы способны интерактивно взаимодействовать с людьми на социальном уровне, им должны быть присущи такие характеристики, как восприятие и выражение эмоций, распознавание подобных себе роботов и людей, обладание характером, способность обучаться, в том числе новым моделям поведения. Эти требования ставят следующие задачи перед социальной робототехникой: точное изучение моделей человеческого социального поведения, в том числе его когнитивных и аффективных компонентов; социальные взаимодействия человека и робота (прогнозы, разработка этических норм и т.д.); социальные взаимодействия между роботами (Шандаров и др., 2014, с. 53).

Среди роботов с наличием культурного интерфейса, что обязательно для социальных роботов, выделяют андроидные, гуманоидные и зооморфные интерфейсы. Андроидные интерфейсы максимально приближены по внешнему виду к человеку, а гуманоидные сохраняют лишь общее сходство со строением человека. Было обнаружено, что наиболее приемлемым считается гуманоидный тип интерфейсов, и в восприятии культурного интерфейса значимую роль играют возрастно-гендерные факторы (Зильберман и др., 2014). Интерфейс современных андроидов очень похож на человека, но абсолютное внешнее сходство при механистичности движений и реакций, наоборот, отталкивает. Резкий спад симпатии после последовательного нарастания называется «эффект зловещей долины» (Масахи-ро Мори). Интересен еще один феномен – идентификации человека с роботом, когда человек перестает чувствовать разницу между своим телом и телом андроида, ощущая наличие общего жизненного опыта (Константинов, 2015; Троянская, 2015). Крайний вариант этого – киборг-человек с вживленными в отдельные части своего тела и в кору головного мозга металлическими фрагментами, биочипами, чипами и т.п., когда мозг фактически подключен к Сети. Риск видят в том, чтобы машина в киборге не захватила власть над человеком, чтобы человек оставлял за собой право принятия решений. Подобные опасения имеют под собой серьезную почву, поскольку в 2014 г. компьютерная программа впервые прошла тест на соответствие критерию Тьюринга, когда разумным следует считать робота, которого в разговоре нельзя отличить от человека (Константинов, 2015).

Подросток ищет, проектирует себя, пробуя новое, оригинальное, зачастую в табуированных или прежде невозможных сторонах взрослой жизни (Поливанова, 2000; Солодилова, 2004), поэтому отношение к роботам у подростков может быть более заинтересо-

ванным, чем у старших. В этом смысле эффект «зловещей долины» может срабатывать на подростках меньше, так как они будут видеть в роботе не просто копию человека, а перспективную, передовую технологию, «прикольный» опыт, возможно даже персонажа виртуальной реальности. В сфере робототехники очень важно, что подростки могут плодотворно рассуждать в теории: придумывать, воображать, предугадывать, прогнозировать, у них актуализирована сфера воображения, конструирование виртуальных пространств.

Исследование

В фокусе данного исследования находилось отношение подростков к роботам при решении вопросов робоэтики. Была выдвинута гипотеза о том, что подросткам свойственен высокий интерес к роботам и стремление наделять робота человеческими качествами. Была создана опросная методика, состоящая из двух частей: а) открытые вопросы из области робоэтики, касающиеся личного восприятия, этических, правовых, общесоциальных проблем взаимодействия человека и робота; б) ситуации-дилеммы морально-этического плана. В исследовании приняли участие 124 подростка (44% юношей, 56% девушек), учащиеся 6–11 классов. Возраст участников – 12–16 лет, средний возраст – 14,5 года.

Результаты

Половина опрошенных подростков (52%) не поддерживают стремление ученых сделать робота максимально похожим на человека. В оценке этичности копирования внешности и личности конкретного человека подростки проявили категоричность: большинство опрошенных считает это неэтичным (66%). Однако четверть подростков признают это вполне этичным (при 9% не определившихся по этому вопросу). Подростки (65%) не считают, что в будущем человекоподобных роботов станут наделять правами людей, аргументируя это тем, что робот не является человеком, поэтому не нуждается в этом (47% всех опрошенных). 23% опрошенных подростков, напротив, верят в перспективу наделяния роботов правами людей, считают, что роботы – будущие полноценные члены общества. 7% подростков допускает возможность того, что роботы, стремясь к комфорту, почувствуют себя нуждающимися в правах или сами станут бороться за свои права (4%). Из этого следует, что некоторым подросткам свойственно очеловечивать роботов. В противовес этому

мнению 4% респондентов утверждают, что роботам нужны отдельные права, а не человеческие, которые будут учитывать их особенности и потребности.

25% опрошенных подростков считают, что люди пытаются добиться схожести робота с человеком, так как роботы в скором будущем будут выполнять за человека всю его работу. Почти такой же процент (24%) предполагает, что роботы будущего будут как люди, только наиболее усовершенствованные. Также есть мнение, что роботы в будущем станут равноправными членами общества (13%) или ими станут заменять людей (17%). Для 32% подростков при общении с роботом важно, чтобы он обладал таким качеством, как доброта. Еще 36% упоминают другие человеческие качества (из них 18% испытуемых называют «преданность»). Опрошенные подростки хотят видеть робота наиболее похожим на человека, особенно психологически, и, возможно, это может свидетельствовать о том, что на подростков эффект «зловещей долины» действует слабее, нежели на взрослых, подростки стремятся очеловечить робота. 18% хочет видеть робота для коммуникаций человекоподобным. 11% считают, что робот не должен быть похож на человека. Такое же число опрошенных подростков (11%) в принципе не хочет общаться с роботами. Однако большинство опрошенных подростков (57%) предпочли бы использовать человекоподобных роботов в хозяйстве, 27% — в профессиональной сфере и на заводах, 19% — в качестве чернорабочих. Лишь 5% хотели бы получить помощь от робота в учебе.

По сравнению с ответами на прямые вопросы при решении этических дилемм, подростки продемонстрировали несколько иное отношение к роботам. Половина подростков считает, что за действия человекоподобного робота несет ответственность автор программного обеспечения. Однако в ситуации с хамством робота-продавца чаще всего подростки жалуются администрации магазина, и лишь 7% поняли, что проблема заключается в программе робота, а значит, виноват программист. Выше указывалось, что половина подростков не считает, что в будущем человекоподобных роботов станут наделять правами людей. Однако в вопросе о праве наследования роботом треть подростков отдает ему это право как заслуженное. Половина подростков не соглашалась делать робота максимально похожим на человека. Когда же надо было описать функции, которым должен обладать робот, чтобы человеку было приятно с ним взаимодействовать, 84% подростков привели человеческие качества (такие как юмор, доброта и т. д.). Интересно также, что процент согласных с этичностью наделяния робота внешностью и личностью какого-либо человека растет в зависимости от возраста (чем старше под-

росток, тем процент выше). А значит, старшие подростки относятся к очеловечиванию роботов более либерально, нежели подростки помладше.

Выводы

На восприятие роботов человеком влияют не только предрассудки, установки, опыт взаимодействия с ними, но и ситуации конкретного взаимодействия с роботами. Кроме того, разные роботы воспринимаются человеком по-разному, в зависимости от их интерфейса и функциональности для человека. Степень человекоподобности особенно важна для социальных роботов, в частности антропидов. Установлено, что, когда робот становится слишком похож на человека, возникает его отторжение. Суть этой проблемы не только во внешнем сходстве, но и в поведенческих и психологических различиях даже самых совершенных современных человекоподобных роботов и человека.

Разные поколения по-разному относятся к роботам. Подростки смотрят на робототехнику как на перспективный элемент своего будущего. Они нацелены на реализацию чувства взрослости через социальную пробу, поиск новых продуктивных идей. Стремление к созиданию, развитие воображения проявляются и в сфере осваиваемых знаний и идей, поэтому их отношение к роботам более заинтересованное, чем у многих взрослых. Подростки воспринимают роботов не так настороженно, как взрослые, они видят в роботах элемент игры, некий образ из виртуальной реальности. Немаловажно для подростков и то, что они могут использовать роботов для повышения своего статуса среди сверстников.

Гипотеза о том, что подросткам свойственно наделять робота человеческими качествами, подтверждена частично: они не готовы постоянно видеть рядом робота и относиться к нему как к человеку, но в непосредственном общении склонны чаще очеловечивать робота, чем предполагают. Большинство подростков не готовы длительно участвовать в деловом взаимодействии с роботами, однако предполагают использовать роботов как вспомогательное средство в профессиональной деятельности или для себя лично. Подросткам свойственно очеловечивать робота, пусть даже неосознанно: в ситуации эмоционального реагирования, в конфликте робот воспринимается как равноправный участник коммуникативной ситуации, а внешнего сходства с человеком подростки ждут от социального робота реже, чем психологического, поведенческого. Для части подростков свойственно рассматривать вопросы робоэтики в исто-

рической перспективе, они отмечают возможность наделения в будущем робота правами людей.

Литература

- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Зильберман Н. Н., Куликов И. А., Слободская А. В., Шатыло Р. В., Калиневич Н. А.* Методология проведения исследования восприятия культурного интерфейса социального робота // Гуманитарная информатика. 2014. Вып. 8. С. 93–98.
- Константинов А.* Жизнь с роботами // Кот Шрёдингера. 2015. Вып. 5. С. 35–40.
- Путин В. В.* Послание Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/56957>.
- Солодилова О. П.* Возрастная психология в вопросах и ответах. М.: Проспект, 2004.
- Троянская Е.* От Homo sapiens к Robo sapiens // Кот Шрёдингера. 2015. Вып. 9. С. 41–47.
- Поливанова К. Н.* Психология возрастных кризисов. М.: Академия, 2000.
- Хаминова А. А., Симонова Э. Р.* Эстетика в дизайне социальных роботов // Гуманитарная информатика. 2014. Вып. 8. С. 84–92.
- Шандаров Е. С., Зимина А. Н., Ермакова П. С.* Анализ поведения робота-ассистента в рамках разработки сценариев взаимодействия робот–ребенок // Гуманитарная информатика. 2014. Вып. 8. С. 53–62.
- Бостром Н.* Угрозы существованию: Анализ сценариев человеческого вымирания и других подобных опасностей // Published in the Journal of Evolution and Technology. March 2002. V. 9 / Пер. А. В. Турчин. URL: <http://www.scribd.com/doc/6250354>.

Attitude of adolescents to humanoid robots

*O. O. Savina**, *O. M. Smirnova*** (Moscow)

* Lomonosov Moscow State University

** School № 1505

In the paper the study of the perception of adolescents humanoid robots in the aspect of robotics: the approach of robots by external and internal characteristics to the person makes ethical issues of human–robot interaction urgent. Method: the authors developed a written interview that includes open-end-

ed questions about the relationship of man and robot and cases according to the type of moral dilemmas. Subjects: 124 adolescents aged 14–16, students of grades 6–11 of the Moscow school. Results: It has been revealed that the effect of negative attitudes toward a robot, which has a high resemblance to a man, is less effective for adolescents than for adults. It was found that some of the teenagers give the robot human qualities, and in a situation of emotional reaction (for example, in a conflict), the robot is perceived as an equal participant in the communicative situation. Also, adolescents are aware of the growing relevance of the issues of robotics in the future. The vast majority of teens solve these issues not in favor of the robot, at the same time there are teenagers who mark the possibility of becoming a robot in the future. Most adolescents are not ready to engage in long-term business interaction with robots, but seriously consider the possibility of using robots as an auxiliary tool in their professional activities or for themselves.

Keywords: roboethics, cyberpsychology, adolescent, communication, identification, humanoid robots.

К проблеме цифровой техномодификации личности

С. Ф. Сергеев (Санкт-Петербург)

доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: ssfpost@mail.ru

Рассматриваются проблемы изменения психики и личности человека в процессе модификации посредством технологий социальных и психобиологических механизмов человеческой психики. Показано появление новых форм технобиоорганизации, связанных с изменением и расширением посредством технологий социальной, чувственной, интеллектуальной и сознательной сфер человека сопровождаемых появлением новых форм субъективной реальности и личности.

Ключевые слова: личность, техномодификация, инактивация, искусственное сознание, искусственные органы чувств, интеллектуальные симбионты, синтетическая психология, субъективная реальность, технобиод, техноинтеграция, техномодификация человека, трансгуманизм.

Введение

Человек уходит в прошлое как биовид и становится технобиовидом. Эволюция техногенной среды человеческой цивилизации планеты Земля, ее проникновение во все уровни организации общества, человеческого тела и психики приобретает тотальный характер, сопровождаемый организованным повышением уровня межсистемной интеграции, воплощенности в среду, интеллектуальности и дружелюбности человеку, возникающего нового технобиотического единства. Симбиоз человека и созданного им посредством технологии мира, может рассматриваться как следующий этап развития ноосферы, ведущий к появлению планетарного самоорганизующегося единства – *технобиода* (Сергеев, 2013). Технобиод является эволюционирующей системой, строящей свою индивидуальную историю, но это история не общества и человека, а техно-биологического симбион-

та. При этом перестают работать модели, оперирующие идеальными представлениями о социальной эволюции человеческой цивилизации, в которых ведущую роль играют индивидуальные научные и коллективные творческие способности человека.

Технобиод становится самостоятельным самоорганизующимся системным объектом, порождающим формы симбиотического и искусственного интеллекта и их гибриды (Сергеев, 2013), в котором некогда основная роль индивидуального человеческого разума постепенно уходит на второй план. Отделяясь от биосферы, человек превращается в разумный элемент эволюционирующего техногенного мира, в котором индивидуальное поведение и активность человека теряют определяющее значение для процессов развития технобиода. Человек становится регулируемым и организуемым механизмами самоорганизации элементом нового планетарного системного единства, включающего в своем развитии активно-рефлексивные процессы сборки и эволюции систем различной природы. Образуются ранее неизвестные техно-социальные каталитические формы, резко ускоряющие появление новых и утилизацию старых системных объектов организованной сложности.

Процессы биосоциотехноинтеграции, реализуемые конвергентными NBICS (N-nano, B-bio, I-info, C-cogito, S-social) технологиями в глобальном масштабе, меняют все в жизни человека, модифицируя его организм, личность, психическую и социальную сферы (Глобальное будущее, 2013). Наблюдаются парадоксальные изменения в формах и свойствах основных психических процессов, механизмов сознания и порождающего их физиологического субстрата. Механизмы естественной адаптации человека к среде не работают при столкновении со сложной искусственной средой, которая развивается по своим законам. Все это ведет к появлению нового направления в психологии человека, связанного с модифицированным организмом (включая мозг), который существует в искусственной среде и тотально управляется социальной и средовой коммуникацией. Комплекс возникающих при этом проблем связан с решением вопросов гармоничного сочетания искусственного и естественного в человеке.

Психология – это наука о субъективной реальности и живущем в ней субъекте (личности). Субъективная реальность, по нашему мнению, – не конечный продукт мозга, а всего лишь рефлексированная субъектом в сознательной форме часть процесса его циклической самоорганизации, в котором участвуют индивидуальная внутренняя (обусловлена структурно-функциональными особенностями системной организации и биомолекулярными процессами, протек-

кающими в мозге) и внешняя (осуществляющая воздействия на перцептивные системы организма) среды. Субъект, будучи носителем сознания, также является и частью процесса его самоорганизации.

Техноэволюционирующий мир становится все более сложным и организованным. Возникают эффекты направленной модификации базовых психических функций человека, его поведения, личности. Появляющийся в процессе рождения человека техногенной цивилизации (*Homo fecit*) комплекс проблем психологического плана не может быть решен в рамках классической психологии, которая изучает только психологию человека в процессе его естественной биологической эволюции в социокультурной среде. Можно говорить о зарождении нового направления в изучении модифицированных под воздействием сложного мира искусственных вариантов психики, которое можно назвать *психологией организованной сложности или психологией техноинтеграции*.

Технологии и направления интеграции и техномодификации личности человека

Основные технологии техно-интеграции и техно-модификации личности человека могут быть представлены в виде экзо- и интравекторов.

Экзовектор — сумма технологий, направленных на модификацию физики тела и создание интерфейсов между телом человека и управляемыми элементами техносреды. Используются NBICS-технологии, виртуальное мультимодальное моделирование рабочей среды, микроэлектроника, технологии дополненной реальности и индуцированные среды. Основные методологические категории: взаимодействие, алгоритмизация, адаптация, регулирование.

Интравектор — технологии, связанные прежде всего с модификацией мозга, сенсорных и сенсомоторных систем, механизмов психического и сознательного регулирования и интеграции психической деятельности. Основные технологии: геномная инженерия, синтетическая биология и их варианты, связанные с изменениями мозга на генетическом, молекулярном и структурно-функциональном уровнях, а также конвергентные технологии. Основные методологические категории: взаимоориентация, интеграция, механизмы жизни, операциональная замкнутость, организованная сложность, саморазвитие, самоорганизация.

Основные направления исследований:

- взаимодействие человека с естественным миром и его объектами (проблема интерфейса);

- взаимодействие человека с искусственными объектами, системами и средами (проблема присутствия в среде, иммерсивность, интерактивность);
- взаимодействие человека с искусственными системами и средами, наделенными искусственным интеллектом (проблема интеллектуального симбиоза, энактивация);
- техномодификация субъективной реальности (проблемы создания новых и дополнительных сенсорных модальностей и их интеграция в новые формы субъективных реальностей);
- техномодификация эмоционально-чувственной сферы (новые формы чувственности и эмоций);
- техномодификация человеческого «Я» (проблема искусственного субъекта);
- проблема интеллектуальных форм симбиоза (связь и усиление интеллекта человека в интеллектуальной среде);
- искусственный разум, искусственный распределенный в среде разум (проблема конструирования);
- социальные процессы в сетевой коммуникации;
- техногенная личность (проблема отбора и воспитания, полезных обществу, не отвергаемых механизмами технобиотической иммунной системы, личностей).
- техномодифицированное общество.

Психология техноинтеграции включает в сферу своих интересов психологические дисциплины, отражающие результаты целенаправленного изменения человеческой психики под воздействием техносреды и механизмов интеграции человека с искусственным миром технобиода. Рассматриваются проектирование и реализация новых психических форм с заданными посредством технологии свойствами, в том числе и искусственную личность.

Философско-этические проблемы техномодификации личности человека

Вмешательство в процессы и механизмы формирования личности человека нарушает привычный комплекс свойств, которые принято называть «человеческие качества». Они возникли и совершенствовались в процессе эволюционного исторического процесса общественного и биологического развития человека. Вмешательство человека в эти процессы с помощью технологий меняет сложившееся в гуманитарных и биосоциальных науках отношения и формирует новый пласт социогуманитарного знания.

Философско-психологическая рефлексия данного направления представлена в рамках трансгуманизма (Глобальное будущее, 2013). Несмотря на достигнутые успехи в развитии технико-технологического базиса современного мира, косвенно поддерживающие идеи трансгуманизма, существует и обширная критика данной технократической формы мировоззрения. Она в основном сводится к анализу возникающих этических проблем и сомнениям в практической возможности реализации некоторых идей. Так, по мнению Е. В. Введенской, «у трансгуманистов явно доминирует вера в невероятные перспективы технического усовершенствования человечества и полностью отсутствует критический анализ негативных последствий этого, учет экзистенциальных рисков, подрывающих основы существования как отдельного человека, так и человеческого общества» (Введенская, 2014, с. 39). С точки зрения биоэтики, «главное противоречие в трансгуманизме заключено в отрицании морально-нравственного совершенствования человека и сведении его сущности только к улучшению соматических и когнитивных характеристик» (там же). Близкие рассуждения о нарушении границ человеческого Я и исчезновении субъекта (личности) в процессе техномодификации тела и мозга присутствуют у Е. В. Маревой: «Если нанотехнологии и имитация живой ткани сделают возможным замену человеческого мозга, сохранит ли человек при этом свою индивидуальность, личность? Ведь, в конце концов, зачем мне бессмертие тела, если это буду уже не Я? Если личность – производная телесной организации, то, меняя тело, мы ее утрачиваем. Если личность – производное общения с себе подобными, не только современниками, но и предками через мир культуры, то можно предположить, что иное существование скажется на духовном самочувствии, но это будет мое самосознание и самочувствие при помощи „отремонтированного“ мозга как средства, но не сути моего Я» (Марева, 2014, с. 173).

Особая озабоченность в отставании знания человечества о самом себе от его практической деятельности проявляется в трудах Д. И. Дубровского, который сформулировал проблему фундаментальной асимметрии в познавательной и преобразующей деятельности человека. В ней проявляется рост дефицита самопознания, характерный для нынешнего состояния так называемого «общества знания», в котором человек «знает все, но только не себя». «Однако уже элементарный анализ, – пишет Дубровский, – может показать, что цели и способы внешней деятельности в существенной мере зависят от уровня самопознания, от знания человеком своих подлинных свойств, потребностей, творческих возможностей и перспектив.

Поддержание иллюзорных, „удобных“ представлений о себе и других, уход от себя есть средство оправдания того, что мы творим вокруг» (Дубровский, 2014, с. 53). В результате неразумной деятельности человечества возникает антропологический кризис, ведущий к экологическому коллапсу. Выход из кризиса, по мнению Дубровского, лежит в двух направлениях: изменении биологической природы человека и в сфере воплощения разума и социальной индивидуальности в небиологической самоорганизующейся системе, то есть на пути трансгуманистических преобразований. Давид Израилевич выбирает второй вариант, который, по его мнению:

- «оставляет в стороне радикальное вмешательство в геном человека и необходимость погружения в бездну генетических сложностей и немыслимых последствий, позволяет оставаться на уровне сравнительно контролируемых результатов цифрового моделирования;
- опирается на сравнительно развитую теоретическую базу информатики, кибернетики, робототехники, может использовать достижения психологии, генетики и нейронауки в области исследований познавательных процессов, феноменов сознания и личностной самоорганизации;
- находится в главном русле конвергентного развития НБИКС (нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий); это особенно важно подчеркнуть, так как именно НБИКС определяет сейчас создание принципиально новых интегральных, конструктивных объектов, объединяющих в себе биологические и физические начала, разработку самоорганизующихся систем на небиологических субстратах;
- создает перспективу радикального продления жизни вплоть до кибернетического бессмертия и тем самым новую антропологическую перспективу, формирует такую систему смыслов и ценностей, которая расширяет горизонт нашей биологически ограниченной ментальности и духовности, что служит условием преодоления антропологического кризиса;
- открывает реальные возможности замены вещественно энергетического потребления информационным, это может не только устранить энергетическую проблему, но кардинально изменить отношения со средой, прекратить ее разрушение;
- не препятствует параллельным процессам исследования биологических систем и поддержания условий сохранения жизни на Земле; ведь если представить, что человечество вдруг перестало существовать (или прекратило, наконец, свою разрушитель-

- ную деятельность), то даже при нынешних серьезных экологических нарушениях жизнь на Земле способна все же укрепиться и существовать многие тысячелетия;
- имеет то стратегическое преимущество, что гарантирует сохранение и развитие человеческого разума – ведь биологическая жизнь подвергается постоянным угрозам и может быть уничтожена в результате катаклизма, вызванного воздействием из космоса или физическими изменениями на самой Земле; а вместе с жизнью будет уничтожен и человеческий разум» (Дубровский, 2014, с. 53–54).

Последователей современной версии трансгуманизма не смущает вмешательство человека в генетические и социальные механизмы природы. Они считают, что «конкретная биологическая форма человека не есть нечто сакральное. Она не является неизменной и не имеет монополии на уважение и достоинство, ущемление интересов или прав на основании видовой принадлежности. Трансгуманисты предпочитают понятие „личность“, определяя его на основании таких свойств, как осознание, чувствительность, способность рассуждать и выбирать, и т. д. Отличие человека от других живых существ – не абсолютно, оно, скорее, вопрос степени присутствия определенных качеств: животные в той или иной мере могут иметь признаки личности. Эти же соображения применимы и к таким фантастическим для настоящего времени существам, как транс- или пост-человек, которые также могли бы обладать некоторыми свойствами личности. Трансгуманизм утверждает, что все наделенные чувствительностью существа, возможно, обладающие сознанием, будь то пре-люди, не-люди (животные) или пост-люди, обладают и моральным статусом, требующим уважать их благополучие и преуспевание» (Оттуа, 2014, с. 48–49).

Личность Homo fecit в рамках синтетической психология

Развитие процессов и технологий техноинтеграции и техномодификации создает новые направления психологии, которые можно объединить понятием *синтетическая психология* – новое научное направление в психологии, трансграничное с синтетической биологией, которое изучает методы создания и последствия социального и иного существования психических структур и образований с заданными, неизвестными ранее функциями и свойствами.

Одним из важных вопросов данной дисциплины будет вопрос о минимально возможной структуре, порождающей психику и ста-

бильные формы личности и сознания. Кроме того, рассматриваются психологические особенности человека, наделенного:

- искусственными органами и системами чувств (в том числе и с новыми функциями и свойствами);
- искусственными эмоциями;
- искусственным сознанием;
- искусственной памятью (искусственной, гибридной, распределенной в глобальной и локальной информационных средах).

Заметим, что сейчас мы многого не знаем о сущности возникающих искусственных психических явлений, диапазонов и границ, в которых они существуют, что позволило бы перейти к решению технологических задач техномодификации. По настоящее время создание интерфейсных объединений «человек–машина» не затрагивало сущностных особенностей субъективной реальности, а именно:

- мультимодального характера, проявляющегося в целостности восприятий и наличии качественной организации, редуцирующей спектры физических воздействий на перцептивные системы в субъективные образы;
- наличия пространственно-временной структуры и событийного характера изменений, отражающих причинно-следственные связи объективного мира;
- наличия субъекта, играющего роль активного наблюдателя и деятеля (Дубровский, 1971).

Техномодификация субъективной реальности представляет собой форму целенаправленного изменения свойств субъективной реальности человека посредством технологий и здесь основную роль играют технологии генной инженерии. Психология возникающих искусственных чувственных форм в дополнение к психологии человека в естественном мире делает первые шаги, и очень важно, чтобы она не стала жертвой технократических представлений о жизни.

Искусственные органы чувств (сенсорная инженерия) — приводит к появлению искусственных дополнительных модальностей в субъективной реальности. Возможны дополнительные или модифицированные органы чувств.

«Радикальная генная модификация биологической природы человека, по чаяниям трансгуманистов, является лишь этапом в дальнейшем развитии человеческой автоэволюции, когда должен будет осуществиться синтез человека и машины, путем внедрения в те-

ло и мозг искусственных имплантантов и чипов. Человек, согласно трансгуманистам, уходит в прошлое как биовид и переходит в будущее как техновид. Мир патологической искусственности убивает в человеке все живое, он сам конструирует себя, определяет свою физическую качественность. В сознании постчеловека оказывается демонтированной граница между реальным и искусственным, исчезает не только его телесность, но и подлинное индивидуальное «Я» (Введенская, 2014, с. 39).

Заключение

Личность в современном понимании – это субъект в социотехно-отношениях с его миром и миром эволюционирующей техногенной среды, подвергаемый технологической модификации в процессе активной эволюции технобиода.

Первой проблемой цифровой техномодификации личности является оценка влияния на человека механизмов эволюции самоорганизующейся технобиотической среды.

Второй проблемой является самоорганизующийся характер живого, что препятствует управлению этими процессами извне. Действия, связанные с конструированием живого, являются технологической интервенцией в процессы, имеющие внутреннюю логику и механизмы существования. В результате могут быть повреждены базисные личностные структуры, определяющие механизмы психической жизни человека.

В синтетической психологии должен быть поставлен вопрос о пределах влияния технологий на человека, так как генетические эксперименты могут вести к безграничному процессу модификации тела и неясно, какие формы психического будут в них порождаться, и насколько они жизнеспособны. Возникает также нравственная проблема в том, что делать с «неудачными образцами» человеческого материала, полученными в результате глубокой техномодификации? Радикальные решения неприемлемы и напоминают попытки создания нового человека в советской идеологии и сверхчеловека в гитлеровской Германии.

Литература

Введенская Е. В. Биоэтический анализ противоречий трансгуманизма // Вестник МИТХТ. Сер. «Социально-гуманитарные науки и экология». 2014. № 3. С. 35–40.

Войсунский А. Е. Психология и интернет. М.: Акрополь, 2010.

- Глобальное будущее 2045*. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / Под ред. проф. Д. И. Дубровского. М.: ООО «Издательство МБА», 2013.
- Дубровский Д. И.* Психические явления и мозг. М.: Наука, 1971.
- Дубровский Д. И.* Биологические корни антропологического кризиса. Что дальше? // *Человек*. 2012. № 2. С. 51–54.
- Марева Е. В.* От искусственного интеллекта к искусственной душе // *Вопросы философии*. 2014. № 1. С. 171–178.
- Матурана У.* Биология познания // *Язык и интеллект: Сборник / Пер с англ. и нем. / Сост. и вступ. ст. В. В. Петрова*. М.: Прогресс, 1996. С. 95–142.
- Оттуа Ж.* Трансгуманизм – это гуманизм? // *Человек*. 2014. № 6. С. 46–53.
- Сергеев С. Ф.* Интеллектуальные симбионты в эргатических системах // *Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики*. 2013. № 2 (84). С. 149–154.
- Сергеев С. Ф.* Психологические аспекты проблемы интерфейса в техногенном мире // *Психологический журнал*. 2014. Т. 35. № 5. С. 88–98.

To the problem digital technomodification personality

S. F. Sergeev (St Petersburg)

Doctor of Psychology, St Petersburg State University

The article deals with the problems of changing the human psyche and personality in the process of modification by means of technologies of social and psychobiological mechanisms of the human psyche. We have shown the emergence of new forms of technobioorganization associated with the change and expansion through technology social, sensitive, intelligent and conscious spheres of the human followed by the emergence of new forms of subjective reality and identity.

Keywords: personality, technomodification, inactivation, artificial consciousness, artificial senses, intelligent symbiotes, synthetic psychology, subjective reality, technobiod, technomodification person, transhumanism.

Стратегии обеспечения безопасности в социальных сетях

*Г. У. Солдатова**, *Е. Н. Львова***, *С. В. Чигарькова**** (Москва)

** доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: soldatova.galina@gmail.com*

*** кандидат психологических наук, Московский государственный университет*

им. М. В. Ломоносова; e-mail: enlvova@hotmail.com

**** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: chigars@gmail.com*

Особое место в цифровом пространстве занимают социальные сети, с каждым днем предоставляя все больше возможностей для своих пользователей и становясь востребованными площадками для общения, что влечет за собой и возможность столкновения с онлайн-рисками. В связи с этим перед пользователями встает необходимость использования стратегий обеспечения безопасности в социальной сети. Результаты популяционного межпоколенческого исследования показали, что подростки, молодежь и взрослые для обеспечения собственной безопасности в социальных сетях используют одновременно несколько действий, среди которых самыми востребованными становятся те, которые позволяют не только предвосхитить столкновения с онлайн-рисками, но и выступают как специфические стратегии совладания с ними: отказ от размещения персональных данных в открытом доступе, добавление в список «друзей» реальных знакомых, использование настроек приватности для обеспечения доступа к странице «только для друзей», использование опции «черный список» при столкновении с агрессией, враждебностью и проявлениями насилия. При этом подростки и молодежь используют более широкий репертуар способов обеспечения безопасности по сравнению с взрослыми.

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00365 «Цифровая социализация в культурно-исторической перспективе: внутритроколенческий и межпоколенческий анализ»).

Ключевые слова: социальные сети, безопасность, совладание, онлайн-риски, подростки, молодежь, взрослые.

Интернет является пространством, которое не только предоставляет широкие возможности для получения новой и полезной информации, позволяет поддерживать связи с близкими, знакомыми и интересными людьми, но также создает условия для столкновения с онлайн-рисками разного характера (коммуникационными, контентными, потребительскими, техническими). Особое место в онлайне заняли социальные сети, которые стали естественной средой обитания и местом общения для детей, подростков и молодежи и в пространстве которых вовлекается все больше представителей старшего поколения. Сегодня столкновения с вышеназванными онлайн-рисками внутри социальных сетей можно с уверенностью называть, используя предложенный Р. Лазарусом термин, «повседневными неприятностями» (daily hassels), которые могут негативно влиять на адаптацию личности (Анцыферова, 1994). Такие ситуации требуют от человека овладения необходимыми знаниями и умениями как для активного решения проблемы, так и для ее предупреждения. В связи с этим, изучение стратегий совладания с онлайн-рисками можно выделить в качестве перспективного современного направления исследований совладающего поведения (Солдатова, Рассказова, 2014; Soldatova, Zotova, 2012; Vandoninck, Haenens, 2015).

Изучение совладания как совершения действий, направленных на обеспечение безопасности пользователей социальных сетей, было реализовано в популяционном исследовании Фонда Развития Интернета совместно с факультетом психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, выполненном в 2018 г. в 8 федеральных округах РФ при поддержке компаний РАЭК и Google. В исследовании внимание было направлено на изучение особенностей пользовательской активности, онлайн-коммуникации и отдельных компонентов цифровой компетентности на базе специально разработанных социально-психологических опросников для подростков, молодежи и родителей подростков, которые включали в себя тематические блоки вопросов, специальные психологические методы и методические приемы.

Участниками исследования стали 1261 подросток (525 подростков в возрасте от 12 до 13 лет, 1029 подростков в возрасте от 14 до 17 лет), 736 молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет и 1105 родителей подростков 12–17 лет. Сбор данных осуществляли интервьюеры-психологи университетской сети, объединившей сотрудников 13 университетов из 8 федеральных округов РФ.

Обработка данных выполнялась в программе SPSS 23.0 с применением методов описательной статистики, процедур корреляционного анализа и сравнения групп.

Одной из исследовательских задач стало изучение репертуара стратегий совладания с онлайн-рисками в пространстве социальных сетей. Для этого всем респондентам было предложено ответить, во-первых, на вопросы о том, пользователями каких социальных сетей они являются, во-вторых, на вопрос, какие действия они предпринимают для обеспечения собственной безопасности в социальной сети. Основу для выделения предложенных респондентам способов совладания с потенциальными онлайн-рисками и для обеспечения персональной безопасности составила обобщенная модель индекса цифровой компетентности, в частности, были использованы такие ее компоненты как знания и умения (Солдатова, Нестик, Рассказова, Зотова, 2013).

Наличие профиля в одной или нескольких социальных сетях стало одной из современных форм идентификации личности, и это характерно для представителей всех трех поколений, выступивших в роли участников исследования — абсолютное большинство всех респондентов использует социальные сети и лишь 11% респондентов не имеют аккаунтов в социальных сетях (3% подростков и молодежи и 8% родителей).

Самые активные пользователи социальных сетей — подростки. Как правило, они имеют аккаунты сразу в нескольких сетях, получая возможность общения и самопрезентации на разных цифровых площадках, а также быстрее осваивают новые платформы. Родители не только меньше присутствуют в социальных сетях по сравнению с детьми, но нередко оказываются с ними в разных онлайн-пространствах. Например, только половина родителей пользуется «ВКонтакте» (55%), где «сидит» практически каждый подросток (90%) и молодой человек (94%). В «Одноклассниках» имеет аккаунт каждый второй родитель, при этом среди более молодых участников исследования эта сеть не пользуется популярностью — только 13% подростков и 15% молодежи присутствуют в «Одноклассниках». В мир социальных сетей активно вошел Instagram, получивший признание среди подростков (67%) и молодежи (67%) и постепенно догоняющий позиции лидера социальных сетей «ВКонтакте». Только каждый пятый подросток (22%) и каждый третий среди молодежи и взрослых (28%) становятся пользователями Facebook, тем не менее, по сравнению с данными 2013 г. (Солдатова, Нестик, Рассказова, Зотова, 2013), заметен небольшой рост, особенно со стороны взрослых. За последние 5 лет практически в два раза возросла среди подрост-

ков популярность Twitter – теперь каждый пятый подросток «щебет» онлайн, опережая по частоте использования этой социальной сети молодежь (15%) и взрослых (5%).

Особенностью подрастающего поколения становится общение с помощью визуального контента. Этим объясняется и такая популярность Instagram и менее видного соперника Snapchat, отличие которого от остальных сетей заключается в том, что изображения, видео и сообщения доступны только на короткое время, а затем исчезают. Четверть подростков пользуется Snapchat для общения и обмена новостями. Это отражает современные характеристики развития общества, связанные с ценностью скорости и потребностью в постоянных изменениях. Площадкой для общения становятся не только социальные сети в их классической форме, но и другие ресурсы. Восстребованными пространствами для общения становятся также мессенджеры (WhatsApp, Telegram), интернет-телефония (Skype, Viber) (15% подростков, 12% молодежи, 8% родителей), порталы онлайн-игр, например, Steam. По сравнению с данными 2013 г. (Солдатов, Нес-тик, Рассказова, Зотова, 2103), отмечается значительный рост интереса к Youtube: среди подростков более чем в 4 раза (с 18 до 80%), а среди родителей – в 5 раз (с 7 до 35%). Таким образом, подростки и особенно младшие подростки пользуются Youtube в 2,5 раза чаще, чем родители. При этом можно утверждать, что Youtube за последние пять лет стал не только популярным сайтом с разнообразным видеоконтентом, но и полем для формирования установок в цифровой коммуникации, в том числе и за счет развития новой культуры видеоблоггинга. Это во многом связано с тем, что основную аудиторию блоггеров составляют подростки, склонные подражать своим кумирам в онлайн и офлайн жизни.

Важно отметить, что цифровые территории, осваиваемые разными поколениями, в определенной степени различаются. Родители значительно меньше присутствуют в тех коммуникативных пространствах, которыми больше всего пользуются подростки, и далеко не всегда осведомлены об онлайн-пространствах, используемых своими детьми для общения. Сетевые онлайн-контексты остаются разделенными на детско-молодежную и взрослые зоны – дети, молодежь и взрослые бродят по разным онлайн-пространствам и плохо представляют зоны дислокации и онлайн-активности друг друга. В связи с этим можно говорить о том, что в определенной степени представители каждого поколения оказываются в своеобразной изоляции от представителей других поколений и должны самостоятельно и нередко путем проб и ошибок обеспечивать свою безопасность и защиту персональных данных, в особенности, в пространстве со-

циальных сетей при непосредственном взаимодействии с другими пользователями.

Результаты исследования способов обеспечения безопасности в социальных сетях показали, что наиболее популярными стратегиями для всех участников исследования стали: добавление в друзья только знакомых (12–13 лет – 67%; 14–17 лет – 61%; молодежь – 65%; родители – 67%); стратегия ограничения размещения важных персональных данных в открытом доступе (12–13 лет – 67%; 14–17 лет – 77%; молодежь – 78%; родители – 68%).

Довольно востребованным среди подростков является применение стратегии «черного списка», которой пользуются практически 2/3 опрошенных в ходе исследования подростков в возрасте от 12 до 17 лет, тогда как молодежь и взрослые (родители) данную стратегию применяют менее активно – 49 и 39%, соответственно. К числу востребованных стратегий также относится использование настроек приватности, предоставляющих доступ к странице только друзьям («френдям»). Среди более молодых участников исследования отмечается увеличение интенсивности освоения этой стратегии по мере взросления: наиболее активно настройками приватности пользуется молодежь – 62% респондентов, среди подростков 14–17 лет – 55% респондентов, среди подростков 12–13 лет – 45%. Такая тенденция может свидетельствовать о возрастающей осознанности своих личных границ и ценности приватности, в том числе и в цифровом пространстве. Среди родителей данную стратегию используют 39% респондентов.

Почти каждый третий подросток в возрасте 12–17 лет для обеспечения безопасности при использовании социальной сети применяет метод двойной аутентификации (12–13 лет – 30%, 14–17 лет – 31%), предполагающий помимо указания логина и пароля для доступа к своему аккаунту также ввод одноразового пароля, получаемого в sms-общении. Отметим, что среди молодежи данную опцию используют лишь каждый четвертый (25% респондентов), а среди родителей лишь каждый седьмой (14% респондентов). Такие результаты не вызывают удивления, поскольку практически половина опрошенных в исследовании подростков и молодежи сталкивалась с кражей пароля и взломом аккаунта.

Описанные выше стратегии обеспечения безопасности при нахождении в пространстве социальной сети, за исключением стратегии использования «черного списка», можно обозначить как предвосхищающие стратегии, ориентированные на совершение действий, предупреждающих неприятные последствия использования социальной сети. Тогда как занесение других пользователей в «черный

список» в ситуации недопустимого общения можно рассматривать в качестве активной стратегии, используемой «здесь и сейчас» в условиях непосредственного столкновения с враждебностью, неприязнью или агрессией.

Наименее востребованными всеми респондентами стратегиями являются запрет на отметку на фото без их подтверждения и использование настройки проверки публикаций, в которых респондента отмечают другие пользователи социальной сети. Лишь каждый пятый участник исследования, как среди подростков, так и среди молодежи и взрослых запрещает отметки с ссылкой на свой профиль, которые делают другие пользователи, на фотографиях или в публикациях в социальных сетях (12–13 лет – 21%; 14–17 лет – 22%; молодежь – 22%; родители – 18%). Еще меньшее количество участников исследования проверяют (одобряют или отклоняют) публикации, где их отмечают (12–13 лет – 15%; 14–17 лет – 16%; молодежь – 14%; родители – 11%). Менее активное использование данных стратегий может быть связано с тем, что участники наиболее часто применяют предвосхищающие стратегии, которые способствуют повышению уверенности в том, что содержание публикации и фотографии, на которых их могут отметить, не будут для них неприятными или оскорбительными.

Совсем незначительное количество участников исследования отметили, что не используют ни одну из перечисленных стратегий обеспечения безопасности при использовании социальной сети (подростки 12–17 лет – 4%; молодежь – 4%; родители – 5%).

Социальные сети, представляя собой удобные платформы для конструирования, организации и обеспечения межличностных и межгрупповых взаимоотношений в интернете, с каждым днем создавая все больше возможностей и завоеывая доверие своих пользователей, не всегда могут уберечь от столкновения с эмоционально неприятными, негативными или угрожающими личной безопасности ситуациями. Они могут быть не только неожиданными, но и в отдельных случаях становятся трудными жизненными ситуациями, обнажающими уязвимость особенно юных пользователей в пространстве новой социальной ситуации развития. В связи с этим пользователи применяют сразу несколько стратегий для сохранения чувства безопасности в социальной сети и при взаимодействии с другими пользователями. Прежде всего, представители всех поколений тщательно «фильтруют» других пользователей, начиная все чаще добавлять в друзей только знакомых и используя опцию «Черный список» для блокировки пользователей, позволяющих недопустимое обращение. Также они контролируют публи-

куемый контент – не размещают в открытом доступе персональную информацию и активно используют настройки приватности, регулирующие доступ разных категорий пользователей к уже опубликованным данным. Таким образом, наиболее популярными стратегиями обеспечения безопасности в социальных сетях становятся предвосхищающие стратегии вне зависимости от возраста респондентов. При этом подростки и молодежь используют более широкий репертуар таких стратегий, демонстрируя более высокий уровень адаптации в онлайн-пространстве.

Литература

- Анциферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование жизненных ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю.* Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М.: Фонд развития Интернета, 2013.
- Солдатова Г. У., Рассказова Е. И.* Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация // Национальный психологический журнал. 2014. № 3 (15). С. 39–51.
- Soldatova G., Zotova E.* Coping with online risks: The experience of Russian schoolchildren // Journal of Children and Media. 2013. V. 7. № 1. P. 44–59.
- Vandoninck S., d'Haenens L.* Children's online coping strategies: Rethinking coping typologies in a risk-specific approach // Journal of Adolescence. 2015. V. 45. P. 225–236.

Security assurance strategies in social networks

*G. U. Soldatova**, *E. N. Lvova***, *S. V. Chigarkova**** (Moscow)

* Doctor of Psychology, Professor, Corresponding Member of RAO,
Lomonosov Moscow State University

** Candidate of Psychological Sciences,
Lomonosov Moscow State University

*** Lomonosov Moscow State University

Social networks occupy a special place in the digital space, every day providing more and more opportunities for its users and becoming popular communication platforms, which entails the possibility of a collision with online risks. In this regard, users need to use security strategies in the social net-

work. The results of population intergenerational research showed that adolescents, young people and adults use several actions to ensure their own safety in social networks, among which the most popular are those that allow not only to anticipate collisions with online risks, but also act as specific coping strategies with them: the refusal to place personal data in the public access, adding to the friend list real friends, the use of privacy settings to provide access to the page “for friends only” option, use the “black list” option when confronted with aggression, hostility and violence. With that, adolescents and young people use a wider repertoire of ways to ensure security compared with adults.

Keywords: social networks, security, coping, online risks, adolescents, youth, adults.

Особенности использования цифровых технологий дошкольниками и младшими школьниками*

Г. У. Солдатова, М. А. Ртищева**, О. И. Теславская*** (Москва)*

** доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
e-mail: soldatova.galina@gmail.com*

*** Фонд Развития Интернет; e-mail: zhurina.maria@gmail.com*

**** Фонд Развития Интернет; e-mail: olkina.o@gmail.com*

Представлены количественные результаты исследования особенностей использования интернета в московских семьях с детьми дошкольного и младшего школьного возраста (N=200 чел., 50 детей 5–7 лет, 50 детей 7–11 лет, 100 родителей). Уровень пользовательской активности двух групп в будние дни практически одинаков: почти две трети (62–64% детей) проводит в Интернете не более 1 часа, и треть (34–36%) – не более 3 часов. В выходные дни время присутствия в сети детей обеих возрастных групп увеличивается. Показано, что в младшем школьном возрасте возрастает значимость коммуникативной и образовательной функции Интернета. Среди наиболее распространенных онлайн-рисков в данных возрастных группах – контентные и технические проблемы. При этом родители существенно недооценивают вероятность столкновения детей с угрозами в Интернете, хотя значительная часть детей (более 40%) ожидает их поддержки в данной сфере.

Ключевые слова: дошкольники, младшие школьники, цифровые технологии, Интернет, онлайн-риски, пользовательская активность.

С каждым годом дети все раньше начинают пользоваться Интернетом и другими цифровыми технологиями. Этому способствует широкое распространение и доступность ИКТ в современном мире. Родители играют значительную роль в приобщении детей всех воз-

растов к цифровой культуре, в том числе и потому, что приобретают им новые цифровые устройства (Солдатова с соавт., 2012; Солдатова, Шляпников, 2015). На сегодняшний день ощущается серьезный недостаток исследований, посвященных особенностям использования цифровых технологий у самых юных интернет-пользователей – дошкольников и младших школьников.

Эффективное использование ИКТ в системе воспитания ребенка предоставляет ему новые возможности для развития, обучения, творчества, общения с близкими, познания окружающего мира. Наряду с этим оно несет в себе ряд существенных малоизученных рисков, связанных с чрезмерной увлеченностью цифровыми устройствами, столкновением с не соответствующей возрасту ребенка информацией, формированием нездоровых отношений в семье, актуальной проблемой влияния ИКТ на развитие высших психических функций детей (Солдатова с соавт., 2013; Солдатова, Шляпников, Журина, 2015; Цифровая компетентность российских подростков и родителей: результаты всероссийского исследования, 2013). Поэтому для понимания особенностей развития подрастающего поколения необходимо выявление и изучение факторов, влияющих на эффективное, развивающее использование ИКТ.

Представленные результаты отражают итоги первого этапа эмпирического исследования, проводимого Фондом развития Интернета в 2017 г. Одна из целей данного исследования – изучение особенностей использования ИКТ в семьях с детьми разного возраста и их влияния на развитие высших психических функций детей и подростков. На первом этапе ключевой задачей стало изучение пользовательской активности у дошкольников и младших школьников, анализ негативного опыта в использовании ими электронных устройств (в первую очередь – столкновения с онлайн-рисками) и особенностей стратегий родительской медиации в ситуациях, связанных с использованием цифровых технологий.

Выборку исследования составили две уравновешенные по половозрастным характеристикам группы – дошкольники (5–7 лет, N=50 чел.) и младшие школьники (7–11 лет, N=50 чел.); и также их родители (N=100 чел.), проживающие в Москве и имеющие опыт использования цифровых устройств. Сбор данных проводился Фондом Развития Интернет летом и осенью 2017 г. по многоступенчатому стратифицированным выборкам детей 5–11 лет. Дети в возрасте 7 лет, только приступившие к обучению в школе, рассматривались как дошкольники. Ребенок 7 лет попадал в группу младших школьников, если закончил обучение в первом классе в 2017 г. Использован метод личного интервью в условиях, привычных для опрашиваемо-

го ребенка (на дому). Проведение исследования каждой пары ребенок-родитель занимало 2–4 часа.

Для решения задач исследования был разработан социально-психологический опросник для каждой возрастной группы, включивший в себя несколько блоков.

1. Блок, направленный на изучение особенностей пользовательской активности (использование и деятельность). Блок включал вопросы о частоте и интенсивности использования Интернета, используемых устройствах и сервисах, содержательных аспектах онлайн-деятельности.
2. Блок исследования негативного опыта использования интернета детьми; включал вопросы об опыте столкновения с наиболее распространенными онлайн-рисками и угрозами (на основе сравнения с исследованиями прошлых лет).
3. Блок исследования стратегий родительской медиации и возможностей родителей помочь ребенку в случае столкновения с интернет-угрозами (и соответствующих представлений о родительской цифровой компетентности у детей).
4. Блок, направленный на изучение образа Интернета у детей и родителей (вопросы, направленные на выявление эмоционального восприятия Интернета, отношения к технологиям; открытые пункты для выявления уровня субъективной значимости онлайн-технологий у детей).
5. Блок, направленный на определение ряда показателей психологического благополучия ребенка. В данный блок вошли вопросы, связанные с оценкой удовлетворенности разными сторонами жизни, ощущением безопасности и самооценкой.

Результаты исследования

В будние дни показатели цифровой активности в обеих обследованных группах оказались практически идентичными. Почти две трети дошкольников 5–7 лет (64%) и столько же младших школьников 7–11 лет (62%) в будние дни проводит в Интернете не более часа, остальная треть – не более трех часов. При этом хотя младшие школьники проводят гораздо меньше времени в интернете, чем подростки, они уже отмечают у себя наличие некоторых симптомов чрезмерной увлеченности интернетом.

В выходные дни пользовательская активность обеих групп возрастает. В дошкольной группе увеличивается число детей, которые проводят онлайн 1–3 часа (с 36% по будням до 48% по выходным),

есть дошкольники, которые находятся в сети 4–5 часов (8%). Скорее всего, это обусловлено тем, что в выходные дни дошкольники остаются дома с родителями, которые готовы предоставить в распоряжение ребенку планшет в качестве «цифровой няни», чтобы заниматься своими делами и отдыхать после рабочей недели.

Среди младших школьников увеличивается доля тех, кто проводит онлайн 1–3 часа (с 34% по будням до 48% по выходным), при этом 18% детей уделяют цифровым видам деятельности 4–5 часов и даже больше – несколько младших школьников признались, что проводят онлайн 6–8 часов и больше. Несмотря на то, что младшие школьники проводят гораздо меньше времени в Интернете, чем подростки, они уже отмечают у себя наличие некоторых симптомов чрезмерной увлеченности интернетом. Примерно каждый седьмой ребенок 7–11 лет (14%) признался, что часто или довольно часто чувствует себя дискомфортно, когда не может зайти в интернет.

Лидеры видов цифровой активности среди дошкольников – видеоигры (72%) и просмотр видео, мультфильмов и сериалов (54%). Родители среди любимых сайтов, интернет-порталов и сервисов дошкольников выделяют видеохостинг Youtube (и другие – например, кинотеатр Ivi) и браузеры – Яндекс и Гугл. У дошкольников Интернет в принципе ассоциируется с Youtube и поисковыми системами. У младших школьников лидируют те же виды цифровой активности, что и у дошкольников, но с другим приоритетом – большинство увлечены просмотром видео и мультфильмов в интернете (68%), а в онлайн-игры играет чуть меньше половины из них (44%). У младших школьников становятся популярными и другие виды онлайн-занятий – это просмотр видеоблогов (38%), общение в Интернете (36%), поиск интересной и полезной информации, в том числе и для учебы.

Отметим, что дошкольники, как и младшие школьники, отдают значительно большее предпочтение портативным устройствам – смартфонам и планшетами, нежели стационарным. Тем не менее, дети 5–7 лет чаще пользуются мамиными смартфонами и реже – собственными планшетами. При этом практически у каждого младшего школьника (92%) есть свое собственное электронное устройство, и чаще всего они выходят в Интернет со смартфонов (70%). Неудивительно, что они начинают интенсивнее использовать Интернет для общения. Каждый третий младший школьник уже использует социальные сети, несмотря на то что большинство социальных сетей устанавливает возрастное ограничение для регистрации в 13 лет. Каждый пятый ребенок 7–11 лет использует социальную сеть ВКонтакте.

Согласно классификации Фонда развития Интернета, все риски, существующие в Интернете, подразделяются на четыре типа со-

гласно сферам деятельности: контентные, коммуникационные, технические и потребительские онлайн-риски. Интернет-зависимость как комплексная проблема не входит в данную классификацию и рассматривается отдельно. По данным качественного и количественного анализа обращений на горячую Линию помощи «Дети онлайн», которая занимается мониторингом онлайн-рисков и консультирует население по проблемам безопасного использования Интернета, два самых распространенных типа онлайн-рисков среди детей и подростков – коммуникационные онлайн-риски и технические онлайн-риски (Солдатова с соавт., 2015). Коммуникационные риски включают в себя комплекс проблем, связанных со столкновением с агрессией и насилием в процессе онлайн-коммуникации. Самые опасные из таких рисков – кибербуллинг и секстинг. В группу технических онлайн-рисков входят проблемы заражения устройств вредоносным программным обеспечением, кража и потеря паролей от аккаунтов и множество других различных технических вопросов.

Большая часть опрошенных нами детей не сталкивалась с онлайн-рисками. Среди детей, имевших подобный опыт, наиболее распространены контентные и технические риски. Группа контентных онлайн-рисков включает в себя комплекс проблем, связанных с столкновением с негативной, вредной и даже запрещенной информацией, представленной в различном формате (фото, аудио, видео). Дошкольники чаще всего встречаются с этими двумя типами рисков при просмотре мультфильмов или в процессе игры. В качестве наиболее значимых проблем они выделяют неудачи во время прохождения игры или выключение устройства и невозможность пройти игру до конца, технические проблемы с устройствами, а также всплывающие рекламные окна. Интересно, что к онлайн-рискам дошкольники относят так называемые «страшилки» в играх и мультфильмах (т.е. сюжеты и эпизоды с пугающими ребенка сценами), которые дети воспринимают как опасность, исходящую из самого цифрового устройства.

Неприятные ситуации в онлайн-пространстве для детей младшего школьного возраста больше напоминают «взрослые» проблемы – каждый пятый имеет опыт заражения устройств вредоносными программами и столкновения с порнографическими изображениями и видео (22%). Доля тех, кто столкнулся с коммуникационными онлайн-рисками, а именно с разнообразными сообщениями агрессивного характера, пока еще достаточно мала (12%), если сравнивать со статистикой подростковой аудитории (Цифровая компетентность российских подростков и родителей: результаты всероссийского исследования, 2013). В целом разница в картине столкновения с рис-

ками между двумя возрастными группами незначительна — для всех детей 5–12 лет в целом отмечается преобладание контентных и технических рисков при использовании цифровых устройств, при этом каждый десятый младший школьник начинает испытывать проблемы с коммуникацией в интернете.

Наконец, отметим, что родители младших школьников серьезно недооценивают опыт столкновения своих детей с онлайн-рисками. Практически половина родителей (44%) не знают о том, что их дети сталкивались с опасными и неприятными ситуациями при использовании цифровых устройств за последний год. Почти половина родителей (46%) считает, что все проблемы, возникающие в интернет-пространстве, не требуют их вмешательства и контроля. Примерно каждый пятый родитель младших школьников в ситуации столкновения его ребенка с онлайн-риском (22%) никак не вмешивался в текущую ситуацию, позволяя ребенку самому с ней справиться. Больше половины младших школьников (56%) отвечает, что родители никак не помогают им становиться более продвинутым пользователем. При этом 40% хотели бы, чтобы их родители больше помогали им в преодолении трудностей в онлайн-пространстве, а 30% ждут, когда родители научат их эффективному использованию технологий. Полученные эмпирические данные говорят о чрезвычайно высокой необходимости ведения просветительской работы среди родительской аудитории с целью повышения уровня информированности взрослых об онлайн-угрозах, способах их преодоления, а также стратегиях обучения детей цифровой культуре для безопасного и полезного освоения Интернета.

Литература

- Солдатова Г. У., Зотова Е., Лебешева М., Шляпников В.* Интернет: возможности, компетенции, безопасность: Метод. пособие для работников системы общего образования. Лекции. Ч. 1. М.: Центр книжной культуры «Гутенберг», 2013.
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю. М.* Цифровая компетентность российских подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. Фонд Развития Интернет, 2013.
- Солдатова Г. У., Рассказова Е., Зотова Е., Лебешева М., Роггендорф П.* Дети России Онлайн: риски и безопасность // Результаты международного проекта EU Kids Online II в России. М., 2012. URL: <http://psypublic.com/assets/files/EU-Kids-Online-II-inRussia.pdf> (дата обращения: 20.06.2018).

Солдатова Г. У., Шляпников В. Использование цифровых устройств детьми дошкольного возраста // Нижегородское образование. 2015. № 3. С. 78–84.

Солдатова Г. У., Шляпников В., Журина М. Онлайн-угрозы глазами детей и взрослых // Дети в информационном обществе. 2015. № 21. С. 44–55.

Peculiarities of using digital technologies with preschools and junior schoolchildren

*G. Soldatova**, *M. Rtishcheva***, *O. Teslavskaya**** (Moscow)

* Doctor of Psychology, Professor, Corresponding Member of RAO, Lomonosov Moscow State University

** Foundation for Internet Development

*** Foundation for Internet Development

Quantitative data of the exploratory research of features of using the Internet in Moscow families with preschool-aged kids and primary school attendants are presented (N=200 in total; Group 1: 50 kids of 5–7 years old, Group 2: 50 kids of 7–11 years old; and 100 parents of theirs). No significant differences in the levels of user's activity between two groups during weekdays have been found. Both preschoolers and primary school attendants are online for max. 3 hours (62–64% spend online for less than 1 hour, and 34–36% – for 1–3 hours). During the weekend there is an increase in time spent online in both age groups. It also has been shown that communicative and educative function of digital technologies become more in-demand in primary school. Content and technical online risk are the most popular in both interviewed groups. Parents underestimate the probability of their kids to face up online threats of any kind, even though 40% of children expects parental support in solving problems online.

Keywords: preschoolers, primary school attendants, digital technologies, internet, online risks, user activity.

Овладение студентами-психологами качественными методами исследования представлений об Интернете и психологической безопасности в информационной среде

Н. Л. Сунгурова, С. Е. Паньшина** (Москва)*

** кандидат психологических наук, Российский университет дружбы народов; e-mail: sungurovanl@mail.ru*

*** Российский университет дружбы народов;
e-mail: svetlana120891@yandex.ru*

На современном этапе в условиях растущей информатизации общества с особой остротой ставится задача обеспечения информационно-психологической безопасности личности. Информационная среда, с одной стороны, предоставляет возможности для развития субъекта информационного пространства, с другой стороны, может представлять собой потенциальную угрозу для личности в аспекте информационно-психологической безопасности. Степень благоприятствования информационной среды определяется внутренними характеристиками субъекта, в том числе уровнем информационной культуры личности. Высокий уровень информационной культуры составляет одно из необходимых требований, предъявляемых к профессии психолога. В работе со студентами были использованы методики качественного исследования, которые позволили, с одной стороны, выявить особенности социальных представлений психологов об Интернете, а с другой стороны, способствовали расширению знаний и умений будущих специалистов в области диагностики психологического явления.

Ключевые слова: социальные представления, Интернет, информационно-психологическая безопасность.

Безопасность как психологический феномен подразумевает крайне сложную структуру, в которой представлены различные сферы деятельности человека и различные области социальных взаимоотно-

шений (Харламенкова, Тарабрина, Быховец, Ворона, Казымова, Дымова, Шаталова, 2017). Концепция психологической безопасности подразумевает разные предметные зоны: безопасность конкретной личности, безопасность групп, безопасность социума (Зинченко, 2011).

Безопасность необходимо рассматривать как многоаспектное явление, которое подразумевает базовую защищенность. Человек, ощущая состояние безопасности, способен планировать и строить свою жизнь в гармонии с окружающим миром, максимально использовать свой потенциал и поддерживать здоровье за счет преобразования разного рода угроз.

При формулировании проблем психологической безопасности людей возникают различные задачи: сохранение психического и физического здоровья, увеличение психологической устойчивости людей, формирование ресурсной репрезентации отношения к миру/среде, защищенность психики и сознания от различного рода манипуляций и т. д. (Баева, Волкова, Лактионова, 2011).

Субъективное достижение ощущения безопасности проистекает из внутренних ресурсов и возможностей человека, который преодолевает различные негативные для себя ситуации. Именно под внутренней ресурсностью как «ядром личности» подразумевается базовый фактор формирования субъективной безопасности личности. Субъективное состояние безопасности подразумевают различные модели поведения, которые зависят от способности самого человека к самообеспечению и саморегуляции.

В сознании человека субъективные представления о безопасности расплывчаты. Поэтому часто в качестве безопасности воспринимают свое чувство понятия «безопасность» посредством какого-то образа, который не полностью отражает искомое состояние безопасности.

Информационные технологии стали частью нашей повседневной жизни. Как отмечалось нами ранее, они амбивалентны относительно векторов психологического развития человека. С одной стороны, технологии упрощают определенные аспекты деятельности, но, с другой, создают потенциальные угрозы в аспекте информационно-психологической безопасности.

Информационно-психологическая безопасность личности рассматривается как состояние защищенности психики от воздействия различных информационных факторов, препятствующих становлению адекватной информационно-ориентировочной основы деятельности, развитию личности (Грачев, 2003).

Важнейшей составляющей в обеспечении информационно-психологической безопасности личности, на наш взгляд, является фор-

мирование информационной компетентности, и в целом информационной культуры личности.

Информационная культура личности включает:

- систему убеждений, знаний и умений, обеспечивающих эффективный целенаправленный самостоятельный информационный поиск;
- высокий уровень инфопотребности;
- умение осуществлять селективный поиск и отбор информации;
- развитые навыки работы с достоверными информационными источниками (образовательными, научными и научно-популярными изданиями), а также умение ориентироваться в современных электронных ресурсах (в разнообразных сайтах-справочниках, онлайн-энциклопедиях, онлайн-словарях);
- умение оценивать степень истинности/ложности информации, согласно проводимому анализу информационных ресурсов;
- критически относиться к информационным источникам, сопоставлять, систематизировать информацию.

Сегодня в условиях постоянного роста масштабов влияния информационной среды на субъектов информационного пространства психологу необходимо выходить за рамки использования информационных технологий только в своей профессии. Знание основных информационных процессов и овладение практическими навыками работы в специальных программах, направленных на решение профессиональных задач, – необходимое, но не достаточное требование к личности психолога. Важно развивать качества, обеспечивающие возможности критического оценивания и анализа воспринимаемой информации, степени ее достоверности, вырабатывать умения противостоять негативному характеру воздействий информационной среды, избегать ситуаций манипулятивного воздействия, владеть методами качественного и количественного исследования взаимодействия с информационными технологиями (Сунгурова, 2018).

Овладение студентами качественными методами исследования представлений о Сети осуществлялось в рамках практикума дисциплины «Психологическая безопасность в информационной среде» и опиралось на работу «Качественные методы в исследовании сети Интернет» (авторский коллектив О. Т. Мельникова, Н. В. Антонова, И. А. Беляев, Е. А. Смолов) (Мельникова и др., 2010). Дисциплина «Психология безопасности в информационной среде» в соответствии с ООП РУДН – дисциплина по выбору учебного плана подготовки по направлению «Психология».

Знакомство с инструментарием происходило в процессе само-диагностики и обобщения результатов исследования всей группы. Общий объем учебной группы – 22 чел.

По методике «Свободные ассоциации» мы предложили студентам дать ответ в виде первой возникшей ассоциации со словами «Интернет» и «Психологическая безопасность в Интернете».

Спектр ассоциаций со словом «Интернет» представлен следующим образом: *поиск, реклама, общение, общение с семьей, досуг, информация, фото, связь, лайки, переписки, девушки, социальные сети, доверие, что-то невероятное, глобальная сеть, сайты, скорость, тариф, телевидение, учеба, спам, всемирная паутина, база данных, слежка, программа, почта, помощь, новости, игры, зависание, знания, опасность, инструмент, интернет-магазины, пароль.*

По частоте встречаемости одинаковых ассоциаций лидируют слова «информация» (77%), «реклама» (77%), «общение» (44%), «поиск» (22%), «связь» (33%), «социальные сети» (33%). Некоторые слова семантически достаточно близки к вышеперечисленным.

Полученные ассоциации можно условно разделить на категории:

1. «Общение» – ассоциации: почта, лайки, переписки, социальные сети, общение, общение с семьей, девушки, Skype и т. д.
2. «Информация/поиск информации» – ассоциации: поиск, информация, учеба, новости, знания и т. д.
3. «Технический аспект» – ассоциации: сайты, скорость, база данных, программа, инструмент, login, пароль и т. д.
4. «Развлечения» – ассоциации: досуг, реклама, телевидение, игры, фото и т. д.
6. «Финансовый аспект» – ассоциации: тариф, деньги, интернет-магазины и т. д.
7. «Структурный аспект» – ассоциации: глобальная сеть, всемирная паутина, социальные сети, связь, спам, общество, мир, спутник.
8. «Функциональный аспект» – ассоциации: доверие, что-то невероятное, зависание, опасность, помощь.

Представления студентов-психологов выглядят следующим образом: Интернет – это глобальная сеть, всемирная паутина, посредством которой можно связаться с семьей, общаться с друзьями в социальных сетях, оперативно получать информацию, новости, проводить досуг, играть, смотреть фильмы. Но есть и негативные аспекты, связанные с ненужной информацией, раздражающей рекламой.

Спектр ассоциаций со словом «Психологическая безопасность в Интернете» представлен словами: *помощь, консультация, профилактика*

тика, психолог, спокойствие, осведомленность, контроль, отсутствие стресса, саморегуляция, информационная среда, гармония, защита, конфиденциальность, отсутствие воздействия, свобода, сопротивляемость, устойчивость воздействиям, безопасное общество, полная семья, хорошее знание, когда все получается, обдуманность, уверенность, ум, приватность, пространство.

В этом ряду чаще других встречаются слова: «защита» (66%), «спокойствие» (44%), «контроль» (44%), «отсутствие стресса» (44%), «уверенность» (44%), «саморегуляция» (33%), «хорошее знание» (22%). Психологическая безопасность в виртуальном пространстве связывается с чувством защищенности, спокойствия, наличием возможности контроля за происходящим. При этом студенты отмечают ряд основных психологических характеристик, на их взгляд, обеспечивающих безопасность: стрессоустойчивость, сопротивляемость, уверенность, саморегуляция. Прослеживается и профессиональный взгляд на проблему безопасности в Интернете в указании видов работы психолога (помощь, консультация, профилактика).

Методика неоконченных предложений предполагала, что студенты должны были завершить ряд предложений:

1. Я обычно пользуюсь Интернетом для того, чтобы...
2. Мне не нравится, когда я сталкиваюсь в Интернете с...
3. Хуже всего в Интернете...
4. Больше всего времени в Интернете я теряю на...
5. Я бы запретил в Интернете...
6. Идеальный Интернет – это когда...

В результате анализа ответов были выявлены аспекты, привлекающие и раздражающие студентов в процессе пользования интернет-ресурсами.

Респондентов в сетевом взаимодействии привлекает:

- возможность свободного доступа к информации;
- хорошая скорость получения информации;
- удобство поиска информации;
- получение информации из дома;
- свобода и легкость общения;
- возможность общаться на расстоянии;
- возможность найти новых знакомых;
- возможность совершать покупки, не выходя из дома;
- возможность скачать бесплатно.

Респондентов раздражают в пользовании Интернетом следующие моменты:

- всплывающие рекламные окна;
- спам;
- вирусы;
- большое количество лишней информации;
- порнография (взрослый контент);
- плохие видеозаписи;
- неуважение к чужому мнению;
- обман, ложность, противоречивость информации.

По результатам методики неоконченных предложений можно сделать вывод о том, что на представления студентов об Интернете сильное влияние оказывают функции:

1. Социальная функция – распространение информации (доступность, поиск, большое количество информации, возможность быть в курсе событий).
2. Социально-психологическая функция – контакт с другим человеком (общение, новые знакомые и т. д.).
3. Общепсихологическая функция – утилитарная функция (решение конкретных задач посредством поиска информации).

Использование методики позволило выявить позитивные представления об Интернете, связанные с удобством, различными возможностями поиска информации, оперативного решения вопросов, общением, и негативные представления, включающие ненужную информацию, спам, вирусы, всплывающие окна.

По методике *«Персонафикация»* студентов просили описать Интернет в виде человека, указав при этом демографические характеристики (пол, возраст, образование, род занятий и т. п.), черты характера, ценностные предпочтения.

Приведем наиболее интересные описания:

- Интернет как дед-эрудит. «Пол: мужской. Возраст: 67 лет. Образование: незаконченное высшее. Род занятий: блоггер-просветитель. Ценностные предпочтения: популярность, внимание. Черты характера: экстраверт, непредсказуемый, меркантильный, общительный, «душа компании», имеет широкий кругозор, жаждет внимания, требует особого подхода».
- «Девушка 25 лет с неоконченным высшим образованием по разным профессиональным направлениям. Много занимается самообразованием. Работает в call-центре. Неустойчива, ненадежна, изменчива, меркантильна, доброжелательна, беспринципна. Сангвиник».

- «Пол: мужской. Возраст: 25–30 лет. Образование: среднее специальное. Род занятий: call-центр, продавец-консультант в Интернет-магазине. Отзывчивый, умный, но ленивый, находчивый, ненадежный, критикует общество, недоволен окружающим миром, но неспособный увидеть собственные недостатки. Живет без какой-то определенной цели. Ценности: материальные. Потребитель».
- «Мужчина. 58 лет. Образование: наивысшее. Похож на Стивена Хоккинга. Сначала он был маленьким с гуманистическими целями, потом он стал меняться в худшую сторону из-за окружающих его людей».

По материалам описания студентов, Интернет представлен как некий человек, не обремененный заботами, проблемами, который может помочь в поиске информации, поддержать интересный разговор. Он непостоянный, меркантильный, ненадежный.

Методика персонификации позволяет сказать скорее о настроенном, недоверчивом отношении к Интернету, хотя отмечают и позитивные моменты («доброжелательный», «общительный»).

По методике «*Психологический рисунок*» участникам исследования необходимо было нарисовать свое представление об Интернете.

Согласно описанию методики, полученные рисунки мы условно отнесли к следующим группам:

1. Структурные изображения. На рисунках часто изображалась паутина, сеть. Изображения занимали практически все пространство листа.
2. Изображение земного шара (связь со всем миром). На рисунках изображался земной шар, окутанный сетью. Сеть связывала все части земного шара между собой. Подписаны названия разных стран и городов.
3. Изображения с указанием информации, которую можно найти в Интернете. Рисунки носили абстрактный или символический характер. На рисунках встречались слова: «игра», «любовь», «общение», знаки-сердечки, смайлики, рукопожатие.
4. Изображение поиска потока информации. Рисунки абстрактны, в изображениях преобладают стрелочки, волнистые линии, «несущиеся» буквы, картинки, символизирующие информацию.

Использованные в нашей работе со студентами методики качественного исследования позволили, с одной стороны, выявить особенности социальных представлений психологов об Интернете, включающие в себя знания об Интернете как социальном объекте, общее

отношение к Интернету, выполняющие функции интерпретации и осмысления всего окружающего в понятиях и образах обыденной жизни; составляющие мир мнений группы студентов (социальной общности) и выражающие отношение группы к значимому объекту (Интернету). С другой стороны, способствовали расширению знаний и умений в области диагностики будущих специалистов.

Литература

- Баева И. А., Волкова Е. Н., Лактионова Е. Б.* Психологическая безопасность образовательной среды: развитие личности. СПб.: Нес-тор-История, 2011.
- Зинченко Ю. П.* Методологические основы психологии безопасности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 11–14.
- Грачев Г. В.* Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. М.: Пер Сэ, 2003.
- Мельникова О. Т., Антонова Н. В., Беляев И. А., Смолов Е. А.* Качественные методы в исследовании сети Интернет // Журнал практического психолога. № 4. 2010. С. 59–93
- Сунгурова Н. Л.* Личностные особенности студентов с разными стратегиями виртуального взаимодействия: Монография. М.: РУДН, 2018.
- Харламенкова Н. Е., Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В., Ворона О. А., Казымова Н. Н., Дымова Е. Н., Шаталова Н. Е.* Психологическая безопасность личности: имплицитная и эксплицитная концепции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

The mastery of the methods of qualitative research of the representations about the internet and psychological security in the information medium by psychology students

*N. L. Sungurova**, *S. E. Panshina*** (Moscow)

* Candidate of Psychological Sciences, RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia)

** RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia)

At the moment in conditions of rising informatization of the society the task of providing individual information and psychological security is extremely acute. The information environment, on the one hand, provides an opportunity for the development of the subject of the infomedia, on the other hand, it can represent a potential threat to the personal information and psychological security. The degree of positive influence of the information

environment is determined by the internal characteristics of the person, including his/her level of information culture. A high level of information culture is one of the necessary requirements for the profession of a psychologist. In the work with students the methods of qualitative research were used that allowed to reveal the features of social representations of psychologists about the Internet as well as to increase the knowledge and skills of future specialists in the field of diagnostics of this psychological phenomenon.

Keywords: social representations, the Internet, information-psychological safety.

Авторы

- Абдурахмонов Г. Н. 1388
Авдони́на Н. Н. 408
Айсина Р. М. 2070
Акопов Г. В. 94
Алдашева А. А. 1192
Александров Ю. И. 924
Александрова И. Ю. 2078
Алексеев К. И. 1774
Алишев Б. С. 402
Алмаев Н. А. 1782
Ананьева К. И. 1642
Андреева Л. В. 408
Андрианов М. С. 1789
Аникеева Н. В. 1149
Аникеева Т. Я. 758
Апанович В. В. 924, 1112
Арпентьева М. Р. 1526
Артемцева Н. Г. 457
Артемьева Т. И. 200, 214
Арутюнова К. Р. 924
Архипова М. К. 1149
Атагунов Р. И. 402
Атаманова И. В. 431
Бабаева Ю. Д. 1394
Базалева Л. А. 415
Базарбаева М. К. 1898
Баканов А. С. 1200
Банщикова Т. Н. 1946
Барабанщиков В. А. 940
Басимов М. М. 1207
Безгодова С. А. 161
Безденежных Б. Н. 1136
Белоусова А. К. 1402
Белых С. Л. 103
Беляева П. И. 423
Беляева Т. Б. 423
Белякова А. А. 933
Белякова Е. Г. 260
Бердникова Е. Н. 415
Берилова Е. И. 1533
Беспалов Б. И. 69
Беспрозванная И. И. 940
Богачева Н. В. 1214
Богомаз С. А. 431
Бозаджиев В. Л. 2085
Бондаренко М. Б. 1332
Борзова Т. В. 946
Борисова А. М. 624
Борисова Н. В. 439
Босенко Ю. М. 446
Бочавер А. А. 254, 452
Брагина Т. С. 633
Бронфман Л. Б. 592
Бузина А. А. 1862
Быховец Ю. В. 1870
Вавакина Т. С. 640
Васильев И. А. 61
Васильева С. В. 161
Васильченко Н. А. 1222
Васюкова Е. Е. 954
Вербицкий А. А. 111
Визгина А. В. 267
Виленская Г. А. 274
Владимиров И. Ю. 1027, 1043, 1050

- Войскунский А. Е. 2094, 2102
Волкова Н. Э. 1539
Волочков А. А. 1230
Вопилова И. Е. 687
Воронин А. Н. 1845
Втюрина Т. А. 1365
Вульф А. А. 1937
Гагарина М. А. 2109
Галкина Т. В. 457
Гарбер И. Е. 648
Гасимова В. А. 1446
Гижицкий В. В. 467
Гильманов С. А. 1409
Глухова В. А. 1424
Головина Г. М. 962
Головина Е. В. 282
Горбачева А. С. 1239
Гордеева О. В. 1954
Горностаев С. В. 655
Горошко В. Г. 1697
Горская Г. Б. 1876
Горькая Ж. В. 1650
Гостев А. А. 663
Гребенщикова Т. А. 1796, 1845
Греченко Т. Н. 1142
Гришина Н. В. 506, 1658
Грязева-Добшинская В. Г. 1417,
1424
Гулина Е. М. 1136
Гусейнов А. Ш. 1664
Гусельцева М. С. 119
Гуцькова С. В. 1200, 1246
Даутов Д. Ф. 1431
Деева Н. А. 473
Дементий Л. И. 481
Дерюгин А. А. 2124
Дерягина Л. Е. 1149
Дивеев Д. А. 969
Дмитриева Ю. А. 1417, 1424
Дорфман Л. Я. 1438, 1446
Дробышева Т. В. 671, 783
Дроздова И. И. 680
Дрынкина Т. И. 1254
Дудин С. И. 1608
Дымова Е. Н. 1885
Егоров В. В. 2023
Ежкова Н. С. 288
Емельянова Т. П. 687, 696, 783
Еремина Л. И. 1455
Есманская Н. Е. 706
Жегалло А. В. 976, 1142
Желанкин Р. В. 1154, 1169
Журавлев А. Л. 30, 711
Журавлева Ю. А. 489
Зачесова И. А. 1803, 1845
Зелянина А. Н. 1906
Знаков В. В. 42, 924
Зотова Н. Г. 1262
Иванова Г. А. 380
Игнатова Е. С. 534, 577
Исакова А. Н. 1962
Казымова Н. Н. 1870
Калашников В. В. 77
Калугин А. Ю. 1547
Каменева А. Г. 1056
Капцов А. В. 301
Карпинский К. В. 292
Карпов А. А. 994, 1269
Карпов А. В. 984, 994
Карпова Е. А. 1254
Кашапов М. М. 1004, 1078, 1093
Кибальченко И. А. 1556
Кимберг А. Н. 1672
Кирпиков А. Р. 633
Кисляков П. А. 1373
Клочков А. С. 1162
Клычникова К. А. 1276
Князева Т. С. 1462
Ковалёв А. И. 1162
Ковалева Г. В. 1446
Ковалева Н. В. 1680
Ковалева Ю. В. 877
Ковтун Ю. Ю. 1284
Колесникова Е. И. 301

Кольцова В. А. 214, 225
Кольцова Е. А. 1892
Кондратюк Н. Г. 1982
Конева Е. В. 499
Корбут А. В. 719
Корниенко Д. С. 577
Корнилова Т. В. 53, 127
Коробова С. Ю. 1417, 1424
Коровкин С. Ю. 1012
Короченцева А. В. 1469
Коршиков Б. Н. 617
Костромина С. Н. 506
Котлярова Л. Н. 1358
Красильщикова Н. О. 1162
Краснов Е. В. 1019
Кригер Е. Э. 1564
Крылов А. К. 85
Крылова М. А. 1969
Кубрак Т. А. 1812, 1845
Кузнецова А. А. 1043
Кузнецова О. Е. 725
Кузьмина Е. И. 1476
Кузьмина З. В. 1476
Куликов Л. В. 734
Купченко В. Е. 1898
Кутузова А. Б. 1688
Куфтяк Е. В. 308
Лабунская В. А. 742
Ладзина Н. А. 749
Лазарева Н. Ю. 1027
Латушкина Ю. А. 1072
Лебедев А. Н. 513
Лебедева А. В. 1276
Лебедева Е. И. 316
Левицкая Т. Е. 1975
Лидская Э. В. 2116
Лобанова Т. Н. 1290
Лобанова Ю. И. 1300
Лосик Г. В. 2124
Луныкова Е. Г. 767
Лупенко Е. А. 1036
Лучшева Л. М. 1828, 1962
Львова Е. Н. 2187
Магомед-Эминов М. Ш. 135
Мазилев В. А. 144
Макалатия А. Г. 758
Макаревская И. Г. 520
Макаревская Ю. Э. 1697
Макаров И. Н. 1043
Малахова С. И. 2131
Маленов А. А. 1572
Маленова А. Ю. 1572
Мальцева А. А. 527
Маркина П. Н. 1050
Мартышова Н. А. 1050
Матвеева Л. В. 758
Матюшкина А. А. 1056
Махмутова Е. Н. 1749
Маховская О. И. 2138
Мдивани М. О. 2116
Медведева Д. С. 1820
Мединцев В. А. 153
Мелёхин А. И. 324
Меньшикова Г. Я. 767, 1162
Мерзляков Д. Е. 534
Мехтиханова Н. Н. 1579, 1688
Мешков И. А. 1489
Мешкова Н. В. 1489
Микляева А. В. 161
Мировская С. С. 1828
Мироненко И. А. 1309
Миронова С. Н. 1749
Мишкевич А. М. 539
Морозов А. В. 1495
Морозов В. П. 1837
Морозова Н. Н. 2046
Моросанова В. И. 1982, 1989
Мочалова Ю. А. 1504
Мочалова Ю. В. 758
Мусийчук М. В. 1510
Мустафина Л. Ш. 547
Мясникова О. В. 333
Нагибина Н. Л. 1707
Назырова Л. С. 749

- Нартова-Бочавер С. К. 555
Негрый В. А. 467
Нестик Т. А. 696, 711, 725, 776, 783, 846, 868, 2146
Низовских Н. А. 1365
Никитина Д. А. 2153
Никитина Д. А. 1929
Никитина Е. А. 791
Новиков А. С. 561
Няголова М. Д. 238
Овчинникова Т. Н. 341
Ожиганова Г. В. 1586
Осинина Т. Н. 1594
Осипова И. С. 2146
Осницкий А. К. 1996
Осокина К. А. 1066
Павлова Е. М. 568
Павлова Н. Д. 1845
Падун М. А. 1906
Пальцев А. Б. 1136
Панов В. И. 349
Панфёров В. Н. 161
Панфилова Ю. М. 815
Паньшина С. Е. 2202
Парфёнова Т. В. 1914
Передельская С. А. 1262
Петрова Е. О. 725
Петросьян С. Н. 1715
Пиняскина М. В. 2014
Писаренко П. Ю. 783
Плескачева Н. М. 1317
Побокин П. А. 1072
Поварёнков Ю. П. 1324
Погожина И. Н. 169
Погонцева Д. В. 797, 2153
Позняков В. П. 803, 823
Поливанова К. Н. 254
Полозова Т. Ю. 1149
Польченко О. В. 2006
Почебут Л. Г. 830
Прохоров А. О. 177
Распопова А. С. 1922
Ратникова С. Н. 2160
Ребеко Т. А. 1601
Ревенко Е. М. 1518
Резниченко С. И. 452
Решетко С. А. 823
Родионова А. П. 838
Рожок А. В. 1276
Ролдугина В. Н. 846
Романов Д. К. 357
Романов К. М. 357, 2014
Романовская М. А. 671
Роон М. В. 1309
Ртищева М. А. 2195
Руднова Н. А. 577
Русалов В. М. 1608
Рябикина З. И. 1697, 1715
Савельева Л. А. 1078
Савина О. О. 2169
Савинова А. Д. 1012
Савченко Т. Н. 962
Сальников В. А. 1518
Самохвалова А. Г. 1852
Севастьянова У. Ю. 853
Селиванов В. В. 1086
Сергеев С. Ф. 2177
Сергеева М. В. 585
Сергеева О. М. 592, 1119
Сергиенко Е. А. 365
Серииков Г. В. 680
Сибирякова И. А. 1119
Силина О. В. 601
Синельникова Е. С. 2023
Синягин Ю. В. 1276
Синякина Е. Г. 225
Сиповская Я. И. 1617
Скакунова О. А. 1093
Скворцова Л. Л. 608
Скотникова И. Г. 1169
Скрипкина Т. П. 861
Смирнов С. Д. 127
Смирнова О. М. 2169
Смирнова Я. К. 1101

Совмиз З. Р. 1876
Соколов А. Ю. 1181
Соколовский М. Л. 2029
Солдатова Г. У. 868, 2187, 2195
Солодов М. Ю. 2102
Соломонов В. А. 2038
Сорокина С. Е. 374
Соснин В. А. 877
Стеклянный В. Ю. 725
Субботина Л. Ю. 1332
Сунгурова Н. Л. 2202
Сырейщикова Е. Н. 2160
Терещенко Н. Г. 1339
Теславская О. И. 2195
Тимохин В. В. 885
Титов А. В. 1707
Титова Ж. Г. 1707
Тихомиров М. Ю. 1262
Тихонцова Н. А. 380
Тищенко А. Г. 924, 1112
Токтонозарова Ч. М. 1346
Толочек В. А. 1352
Трухан Е. А. 2046
Турарова Г. У. 749
Тучина О. Р. 1723
Тушнова Ю. А. 1402
Уланова А. Ю. 386
Усачев А. А. 1358
Ушаков Д. В. 30
Фахрутдинова Л. Р. 1731
Федосенко Е. В. 1192
Федяева И. Ю. 1365
Фетисова Е. А. 1739
Флоровский С. Ю. 892
Фоменко Г. Ю. 1764
Фомина Е. А. 2038
Фомина Т. Г. 1989
Хазова С. А. 617
Харитонов А. Н. 1642
Харламенкова Н. Е. 1929
Хачатурова М. Р. 900
Хашченко Н. Н. 907
Хватов И. А. 1154, 1181
Хозе Е. Г. 1937
Холодная М. А. 1539
Холондович Е. Н. 245
Хотинец В. Ю. 1820
Хохлов Н. А. 1624
Хрисанфова Л. А. 592, 1119
Цехмейструк Е. А. 1975
Чернов А. В. 2054
Чигарькова С. В. 2187
Чирковская Е. Г. 1276
Чуганская А. А. 1749
Чуева Е. И. 706
Шамионов Р. М. 1757
Шапорева А. А. 885
Шипова Н. С. 853
Шиповская В. В. 1664, 1764
Шкурко Т. А. 680, 915
Шляпников В. Н. 2061
Шмелева Е. А. 1373
Шнитцер Д. 1642
Шохман Т. В. 1462
Шпагонова Н. Г. 1127
Щебетенко С. А. 539
Юров И. А. 393
Юсупова С. Ф. 1380
Якимович Н. В. 1632
Якунин А. П. 185
Яньшин П. В. 192
Ярыгина Н. Ю. 1119

Научное издание

**ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА
КАК СУБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ, ОБЩЕНИЯ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Редактор – *Л. В. Бармина*

Оригинал-макет, верстка и обложка – *С. С. Фёдоров*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13

Тел.: +7 (495) 540-57-27

E-mail: vbelop@ipras.ru; www.ipras.ru

Сдано в набор 15.09.18. Подписано в печать 15.10.18
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 144. Уч.-изд. л. 117
Тираж 300 экз.

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6